

История СГАО «Висмут» УРАН и ЛЮДИ

1945 – 1990

УДК
ББК

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

*Георгий Георгиевич Андреев — ответственный составитель;
Бородина С. Л. и Андреев А. А. — ответственные редакторы;
Булатов В. А., Василенко В. И., Левчик С. П., Андреев А. Г.,
Левчик А. С., Андреева Л. П., Левчик М. В., Смирнов В. В.*

Уран и люди. История СГАО «Висмут». 1945–1990 – М.: 2022.– 1012 с. с илл.
Изд. 4-е, дополненное.

Основанное на уникальном фактическом материале — архивных данных и личных воспоминаниях очевидцев, издание «Уран для мира. История СГАО «Висмут»» представляет читателю полномасштабное описание деятельности советского уранового предприятия на территории Германии, которая протекала под грифом «совершенно секретно» и в силу этого практически не была известна в нашей стране.

Первая часть посвящена начальному периоду деятельности «Висмута». Всесторонне рассмотрены предпосылки возникновения предприятия и изложена история его развития с 1945-го по 1953 г. Вторая часть посвящена завершающему этапу деятельности «Висмута». Описана история развития предприятия с 1954-го по 1990 г., изложены основные достижения проектных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

В третьей части представлены воспоминания советских и немецких специалистов, трудившихся на этом предприятии в разные годы.

В четвертой части представлены списки более чем о десяти тысячах работников АО и СГАО «Висмут», собранные в архиве корпорации «Росатом».

Издание богато иллюстрировано и представляет интерес как для специалистов, так и для широкого круга читателей, не равнодушных к истории нашей Родины.

ISBN

*Живым и ушедшим
висмутянам посвящается*

УРАН И ЛЮДИ

История СГАО «Висмут»

1945–1990

В четырех частях

Москва, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительное слово В. Н. Верховцева	6
Вступительное слово Б. Крамера	7
Предисловие или история написания этой книги	8
Редакционная коллегия	9

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Начальный период деятельности «Висмута». 1945–1953.	
Введение	13
Глава 1. Конец Второй мировой войны в Германии и начало урановой лихорадки	14
Глава 2. Начало деятельности Советского Союза по разведке и добыче урановой руды в Восточной Германии (1945–1946)	33
Глава 3. Организация отделения Советского акционерного общества цветной металлургии (САО) «Висмут» (1947)	48
Глава 4. Интенсификация работ по разведке и добыче урановой руды в Рудных горах Саксонии и Тюрингии (1947–1953)	61
Глава 5. Политическая обстановка вокруг «Висмута». Организация охраны объектов (1946–1953)	73
Глава 6. Итоги деятельности общества «Висмут» (1945–1953)	82
Глава 7. Основные даты и события в истории общества «Висмут» (1945–1953)	85
Приложения	89

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Деятельность СГАО «Висмут». 1954–1990.	
Глава 1. Создание Советско-Германского акционерного общества «Висмут» для ведения работ по разведке, добыче и переработке урановых руд в ГДР (1954). Структура управления. Объекты, вошедшие в СГАО «Висмут»	149
Глава 2. Развитие СГАО «Висмут» после 1954 г. Увеличение добычи урана. Строительство новых рудников и перерабатывающих предприятий	154
Глава 3. Участие СГАО «Висмут» в создании технологии переработки оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн в Западных Рудных горах (по материалам книги Н. И. Чеснокова)	181
Глава 4. Проблемы дальнейшего развития СГАО «Висмут». Окончание его деятельности (1985–1990)	184
Глава 5. Работы по рекультивации и санированию земель в связи с ликвидацией горнодобывающих и обогатительных предприятий СГАО «Висмут»	187
Глава 6. Основные достижения проектных, научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ СГАО «Висмут»	189
Глава 7. Заключение о деятельности СГАО «Висмут»	201
Глава 8. Основные даты развития и деятельности СГАО «Висмут»	209
Глава 9. Руководители СГАО «Висмут»	217
Глава 10. Лауреаты Ленинской и Государственной премий.	218
Приложения	219

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Воспоминания советских и немецких специалистов СГАО «Висмут». 1945–1990.	
Глава 1. Воспоминания советских висмутян (1945–1953)	236
Котельников Георгий Николаевич	237
Кедровский Олег Леонидович	240

Чесноков Николай Иванович (воспом. 1)	246
Толмачев Игорь Иннокентьевич (воспом. 1)	250
Калякин Николай Иванович	255
Готовцев Борис Евгеньевич	264
Данилова Евгения Ефимовна	273
Крашкин Иван Семенович	276
Жукова Валентина Ивановна	282
Бирюков Николай Иванович	291
Жалин Николай Иванович	299
Костин Николай Александрович	303
Лукачичков Иван Лаврентьевич	305
Сенин Владимир Дмитриевич	307
Мальченко Юрий Иванович	308
Симаков Владимир Алексеевич	310
Курносов Владимир Ильич	313
Крайненко Василий Петрович	320
Прибытков Петр Васильевич	323
Посик Лев Нотович, Тененбаум Ирина Матвеевна	327
Назаркина Анна Матвеевна	330
Митрофанов Петр Ильич	336
Марюнин Василий Дмитриевич	338
Ивлев Александр Иванович	344
Иванова Нина Зиновьевна	360
Важнецова (Левашева) Валентина Петровна	362
Губайдуллин Азот Захиевич	366
Кучевский Виталий Николаевич	368
Еремеев Александр Николаевич	369

Глава 2. Воспоминания советских висмутян (1954–1990)	371
Чесноков Николай Иванович (воспом.2)	371
Утехин Георгий Михайлович	376
Солодов Александр Михайлович	387
Толмачев Игорь Иннокентьевич (воспом. 2)	395
Марченко Вячеслав Васильевич	398
Россохин Борис Гаврилович	428
Семенова Ольга Георгиевна	429
Костин Валентин Александрович	456
Усольцев Юрий Сергеевич	459
Голиков Станислав Иванович	464
Смирнов Виталий Николаевич	468
Василенко Вячеслав Иосифович	470
Костин Николай Ефимович	502
О Крашкине Иване Семеновиче	504
Петросов Аркадий Арамович	504
Макаров Вячеслав Николаевич	515
О Волощук Семене Николаевиче (воспоминания И. Дегунина)	516
Шишкин Альберт Александрович	517
Сидоренко Владимир Петрович	524
Андреев Г. Г., Иванов В. Г., Лопатин В. В., Скрипка Л. И., Жевлаков А. В. (воспоминания охотников и рыбаков)	524
Марцев Владимир Владимирович (воспоминания о немецких друзьях, охотниках-любителях)	533
Горбачев Юрий Михайлович	536
Демина Елена Владимировна	545
Лашков Борис Петрович	549
Левчик Станислав Петрович	552

ОГЛАВЛЕНИЕ

Иванов Виктор Георгиевич	565
Юлдашев Ирик Лютфиевич	568
Чумаченко Владимир Викторович	571
Чумаченко Маргарита Эдуардовна	585
Бродов Герман Сергеевич	589
Камнев Евгений Николаевич	602
Жевлаков Александр Валентинович	604
Демин Николай Владимирович	609
Новик-Качан Василий Петрович	611
Симхис Владимир	616
Агамиров Сергей Шагенович	618
Власов Борис Петрович	628
Исаков Юрий Григорьевич	642
Воскобойникова Раиса Алексеевна	656
Андреев Георгий Георгиевич	657
Горожанкин Сергей Дмитриевич (воспоминания об отце — Горожанкине Д. С.)	672
Конев Петр Николаевич	688
Зворыгин Леонид Васильевич	694
Марцев Владимир Владимирович (о ГДР 1966–1970 гг.)	705
Платонов Вячеслав Николаевич	719
Чапкович Олег Сергеевич	723
Мазуров Владимир Иванович	728
Натаров Алексей Гаврилович	759
Кастуев Олег Мухарбекович	773
Дороненко Федор Григорьевич	779
Рудычев Анатолий Андреевич	781
Быканов Николай Емельянович	785
Андреев Александр Александрович	787

Глава 3. Воспоминания немецких специалистов СГАО «Висмут» (1945–1990)

Вернер Рихтер	806
Карл Файерер	813
Д-р Рольф Гребнер	816
Рудольф Васковиак	820
Бернхард Конецки	847
Арнольд Райниш	847
Рудольф Дейнеке	849
Гюнтер Пальме	849
Ханс Рудольф	851
Хельмут Бергнер	854
Фриц Фишер	855
Хейнрих Ридель	855
Гюнтер Шлотт	856
Альфред Фильмут	857
Ханна Штёрмер	863
Клаус Бинненхай	864
Оттомар Буссе	867
Хельмут Вайнль	874
Гюнтер Дук	879
Леонхард Гюнтер	889
Д-р Рольф Шголь	892
Хорст Йобс	894
Воспоминания о советских специалистах (по материалам сайта «Аннаберг — Буххольц» подготовил Франк Лангер)	428

Воспоминания немецких ветеранов «Висмута» на встрече с представителями некоммерческого партнерства «Висмутяне» в клубе «Активист» г. Ауэ 3 июня 2009 г.	
Конрад Барт, Адольф Батер, Гюнтер Депре	898
Манфред Хамман	899
Рудольф Дитель	904
Готтхард Бретшнайдер	909
Эрхард Вильд	914
Карл-Хайнц Гроссер	914
Вернер Нойберт	915
Рудольф Киршат	915
Готтхард Гетц	916
Херманн Майнел	917
Кристоф Хайнц	923

Воспоминания немецких ветеранов-висмутян, членов объединения «Традиции "Висмута"», работавших на предприятии Кенигштайн.

Франк Штробель	927
Йоханнес Зюс	927
Ханс Майзель	929
Эрхард Мархула	930
Ханс Фидлер	931
Урсула Унгер	932
Армин Унгер	933
Эрих Майснер	934
Эберхард Мюллер	935
Герхард Альтманн	937
Карл-Хайнц Боммхарт	939

Воспоминания. Интервью. Публикации.

Харри Деннерт и Арнольд Райниш	941
Лашков Борис Петрович (о книге Р. Ланге «Висмут в Мариенберге»)	944
Из газеты «Freie Presse» (06.07.2009 г.)	950
Стефан Кунце, Франк Лангер	951
Манфред Хоффман	963
Оттомар Буссе	506
Клаус Бинненхай	514

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Советские специалисты, работавшие в СГАО «Висмут» в 1945–1990 гг.

Данные более чем о десяти тысячах работников АО и СГАО «Висмут». Источником послужили архивы корпорации «Ростатом»	971
--	-----

Послесловие	1010
-------------------	------

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

РОСАТОМ

ВЕРХОВЦЕВ Владимир Николаевич, генеральный директор ОАО «Атомредметзолото», генерал-полковник запаса (с 2005 по 2010 г. — начальник 12-го Главного управления Министерства обороны Российской Федерации).

Дорогие читатели!

В основу данной книги легли архивные документы, фотографии и воспоминания ветеранов Советско-Германского акционерного общества «Висмут». До недавнего времени любая информация о деятельности предприятия находилась под грифом «Секретно». Это первая книга об истории создания и о работе СГАО «Висмут».

В послевоенные годы разведанных запасов урана на территории Советского Союза было недостаточно для развития и поддержания Атомного проекта, поэтому для получения дополнительного объема были приняты меры по поиску обогащенных урановой рудой земель, в том числе и в странах Восточной Европы. Гигантский добывающий и горнообогатительный комбинат был создан сразу после войны в Рудных горах Саксонии в восточной части Германии. Здесь, в обстановке строжайшей секретности, вплоть до конца 1980-х годов добывали урановую руду, которую вместе с ураном, добытым в СССР, использовали для создания советского ядерного оружия. В 1947 г. на территории ГДР было организовано Советское Акционерное Общество «Висмут», а спустя семь лет САО «Висмут» было преобразовано в Советско-Германское Акционерное Общество. На предприятии работали десятки тысяч человек — их самоотверженный труд обеспечил добычу и поставку в СССР урановой продукции.

Благодаря совместной титанической работе советских предприятий и таких предприятий, как СГАО «Висмут», была создана первая советская атомная бомба. 29 августа 1949 года на полигоне под Семипалатинском прошли ее испытания, что разрушило монополию США на обладание ядерным оружием и способствовало предотвращению мировой ядерной войны.

Книга «Уран для мира. История СГАО "Висмут"» достойна внимания как редкая, интересная страница нашей общей истории.

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

КРАМЕР Бернхард, доктор, профессор, председатель Общества сохранения традиций горных предприятий «Висмут». Руководитель Саксонского горного надзора горнодобывающей промышленности в Саксонии (Германия, г. Фрайберг).

«Уран для мира» — этот девиз определял смысл и философию жизни целого поколения советских и немецких горняков СГАО «Висмут» с 1945 года и вплоть до сегодняшнего дня. Он влиял и все ещё влияет в целом на ландшафт, экономику, культуру и общество восточной Германии. История «Висмута» до 1990 года — это немецко-советская история. В Германии и в России бывшие сотрудники «Висмута» объединяются сегодня в соответствующие традиционные союзы, чтобы поддерживать память об урановой горнодобывающей промышленности со всеми ее гранями. Данная книга также отдаёт должное этой цели. Подробное описание истоков САО «Висмут» и развития СГАО «Висмут» до 1990 года дополнено официальными документами и производственными деталями, а также личными воспоминаниями бывших специалистов «Висмута» из Советского Союза и Германии. Благодаря этому возникает очень насыщенная картина о времени процветания уранодобывающего предприятия и жизни специалистов «Висмута».

Я возглавляю Традиционный союз бывших работников горнодобывающей промышленности «Висмута» в Саксонии и Тюрингии, который поставил себе целью содействовать сохранению и исследованию традиций урановорудной промышленности. В 1999 году наш союз вместе с наследником СГАО «Висмут», предприятием «Висмут» ГмбХ, также выпустил книгу — обширную «Хронику "Висмута"». Оба произведения — данная книга и «Хроника "Висмута"» — очень хорошо дополняют друг друга и дают глубокое понимание мира «Висмута» с различных точек зрения.

История «Висмута» не закончилась в 1990 году, когда было закрыто предприятие. Объединенная Германия с прекращением добычи урана столкнулась с тем, что необходимо было обезопасить и сделать пригодными для дальнейшего использования 37 км² частично загрязненных сельхозугодий, примерно 1500 км горных выра-

боток, 311 млн м³ отвальных материалов и 160 млн м³ жидких радиоактивных отходов перерабатывающей промышленности. На базе горнодобывающего предприятия СГАО «Висмут» было создано предприятие Федеративной Республики Германии «Висмут» ГмбХ для обеспечения консервации, санации и рекультивации на бывших предприятиях добычи и переработки урановой руды. С 1991 года на это было израсходовано 6 млрд евро из федерального бюджета. Сегодня на многих местах деятельности СГАО «Висмут» можно увидеть восстановленные, оздоровленные ландшафты. Как профессионально и эффективно «Висмут» добывал уран, точно так же и его наследник занимается санацией последствий его деятельности.

Хочу упомянуть еще один важный аспект деятельности «Висмута». Я руковожу главным управлением горного надзора горнодобывающей промышленности в Саксонии. Моя задача — содействовать активизации горнодобывающей промышленности. Уже примерно 10 лет Саксония испытывает оживление интереса к рудным месторождениям. Они интенсивно разведываются. При этом огромную ценность имеют геологические данные «Висмута». СГАО «Висмут» настолько высокопрофессионально произвел геологоразведку и последующий глубокий анализ месторождений, что Рудные горы считаются одним из наиболее геологически изученных регионов во всем мире. Теперь эти геологические знания — стартовый научный капитал для нашей возрождающейся горнодобывающей промышленности.

Именно поэтому я убежден в том, что сохранение информации о добыче урановой руды предприятиями «Висмута» является для будущих горняков ценным и важным. Мы, бывшие специалисты «Висмута», несем ответственность за то, чтобы факты и воспоминания об этом, как эстафетная палочка, были переданы следующим поколениям. Данная книга — именно такая эстафета.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЛИ ИСТОРИЯ НАПИСАНИЯ ЭТОЙ КНИГИ

Прошло более тридцати лет после прекращения с 1 января 1991 г. деятельности одного из крупнейших урановых предприятий мира Советско-Германского акционерного общества (СГАО) «Висмут», которое почти 45 лет было широко известно в ГДР и за ее пределами, но совершенно не было известно широкой публике в Советском Союзе. Это предприятие внесло свой основной вклад в поставку урана для создания первой советской атомной бомбы и становления атомной промышленности СССР.

В период холодной войны против СГАО «Висмут» была развязана информационная война в средствах массовой информации. После объединения Германии появилось много публикаций разных авторов, описывающих историю и деятельность СГАО «Висмут», в основном сохранявших дух и стиль времён холодной войны. На этом фоне объективностью и спокойным тоном выделяется вышедший в 1999 г. в Германии фундаментальный труд на 2738 страницах «Хроника “Висмута”», написанный 116-ю немецкими авторами-висмутянами и изданный «Висмут ГмБХ» на CD-ROM. Это подробнейшее описание создания и развития общества «Висмут» начиная с 1945 г., в котором затронуты все стороны его деятельности, от геологоразведки, добычи и переработки урана до социально-экономических, культурных и спортивных сторон жизни коллектива.

* * *

Советские геологи, начавшие в 1945 году свои поисковые работы в Рудных горах и распространившие впоследствии их на Саксонию и Тюрингию, создали надёжную сырьевую базу для многолетней деятельности организованного в 1947 году АО «Висмут». На рудниках и перерабатывающих предприятиях, в геологоразведочных и проектных организациях, научно-техническом центре и Генеральной дирекции работали многие сотни советских специалистов. До 1953 года все руководящие должности на предприятиях занимали советские кадры. Общая численность работавших в «Висмуте» с 1946 по 1990 г. советских специалистов и членов их семей составила около 50 тыс. человек. Наряду с гражданскими специалистами в первые послевоенные годы в создании предприятия принимали участие прикомандирован-

ные к «Висмуту» военнослужащие Советской армии, численность которых в отдельные годы доходила до нескольких тысяч.

Однако основная масса всего комплекса работ по добыче урана легла на плечи десятков тысяч немецких трудящихся. В 1950 году их численность достигала 198 тысяч. Рядом с советскими специалистами работали, учились и профессионально росли немецкие коллеги, которые после организации в 1953 г. совместного Советско-Германского акционерного общества (СГАО) «Висмут» стали занимать руководящие должности на предприятиях и в центральном аппарате общества.

Создание деловой и товарищеской атмосферы в коллективе советских и немецких специалистов являлось необходимым условием для успешной работы общества на всем протяжении его существования.

Богатый опыт «Висмута» в решении сложных инженерно-технических и производственных задач, в создании атмосферы коллективизма и взаимопомощи, организации творческого труда и совместного досуга советско-германского коллектива представляет собой огромную ценность. Он не может быть забыт или переписан в угоду сиюминутным политическим конъюнктурам.

С одной стороны, история СГАО «Висмут» — это история уникального уранового предприятия, внесшего свой весомый вклад в дело сохранения мира и баланса сил на планете.

С другой стороны, это история сближения и примирения двух народов, которые только что закончили самую страшную войну за всю историю человечества. Процесс проходил постепенно, и не все было гладко. Но разум и стремление к спокойному миру восторжествовали. Люди поняли, что лучше совместно трудиться, чем смотреть друг на друга через прицелы орудий. Лучше сохранять и укреплять то, что способствует содружеству, чем раздувать противоречия и старые обиды.

* * *

В России в последнее время также появились отдельные статьи и упоминания о «Висмуте». Но цельная история этого общества у нас до сих пор не издавалась.

Вот почему мы решили собрать материалы о создании и деятельности общества

«Висмут» и личные воспоминания висмутян, восстановить хронику событий, дать представление потомкам о той важной работе, которую выполняли их отцы и деды.

В 2007 г. группа ветеранов-висмутян и их дети, родившиеся и выросшие в ГДР, создали сайт «СГАО “Висмут”»: Отцы и дети»¹ и разместили на его страницах воспоминания очевидцев об их работе в «Висмуте», коллегах и друзьях, впечатлениях о пребывании в Германии.

Висмутяне активно откликнулись, стали присылать свои воспоминания, фотографии, кинодокументы. У сайта появились многочисленные читатели как в России, так и за рубежом. По мере накопления на сайте материалов из жизни висмутян крепла мысль об издании книги, в которой была бы отражена история создания и деятельности предприятия «Висмут» в период 1945–1990 гг., собраны многочисленные воспоминания и напечатаны списки всех советских специалистов, работавших на предприятии.

Книгу мы решили посвятить всем живым и ушедшим висмутянам.

На первом съезде висмутян в ноябре 2008 г. было поддержано предложение о создании некоммерческого партнерства «Висмутяне».

Для нас было очевидно, что для объективности в написании книги о советско-германском предприятии должны принять участие и немецкие висмутяне, для которых годы работы в «Висмуте» стали неотъемлемой частью их жизненного пути.

Поэтому мы организовали в 2008 и 2009 годах поездки в Германию, чтобы встретиться с немецкими товарищами и совместно обсудить вопросы взаимодействия. Наше предложение о книге им понравилось, и они согласились написать свои воспоминания.

* * *

В организации наших встреч с немецкими ветеранами неоценимую помощь оказывал Вернер Рихтер, работавший первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» и пользующийся огромным авторитетом у всех висмутян. Он организовывал встречи с висмутянами и сопровождал нас во всех поездках на предприятия. При его поддержке мы получили воспоминания более 40 ветеранов «Висмута». Во многом помогли нам заместитель председателя Общества ветеранов

«Висмута» Рольф Гребнер и руководитель архива «Висмут ГмБХ» Томас Хеннике.

Большую творческую работу по редактированию текстов книги, ее дизайну и верстке провела София Львовна Бородина.

Огромный вклад в работу по переводам интервью и текстов внесли висмутяне: Валерий Иванович Вышняк, Вадим Семенович Каракоз, Олег Мухарбекович Кастуев, Борис Петрович Лашков, Юрий Максимович Найдено, Евгений Иванович Синев, Александр Михайлович Солодов, Валерий Павлович Степаненко, Евгений Гаврилович Субботин, Лариса Альбертовна Дилк (Васильева), Михаэль Фивег.

В тексте книги использованы фото и биографии работавших в АО «Висмут» геологов и горных инженеров, собранные висмутянином И. А. Лучиным и опубликованные в энциклопедии А. И. Мелуа «Геологи и горные инженеры России» в 3-х тт. М., СПб.; Издательство «Гуманистика», 2003.

В процессе написания книги мы использовали материалы, опубликованные в многотомном фундаментальном труде «Атомный проект СССР: документы и материалы» под общей редакцией Л. Д. Рябева.

Издание этой книги осуществлено при помощи и поддержке сотрудников департамента коммуникаций ГК «Росатом» Новикова Сергея Геннадьевича и Яничкиной Татьяны Владимировны.

Благодарим Владимира Владимировича Пичугина за помощь в работе с архивными документами бывшего Минсредмаша.

Мы благодарны всем членам некоммерческого партнерства «Висмутяне», принимавшим участие в написании этой книги. Ограничения по объёму данной книги не позволили нам опубликовать все воспоминания и списки висмутян, работавших в «Висмуте» в 1945–1990 годах. Но они опубликованы в изданной в 2012 году книге — двухтомнике «Уран и люди. История СГАО “Висмут”», а также размещены на сайте «СГАО “Висмут”: отцы и дети».

Авторский коллектив:

Г. Г. Андреев,

А. А. Андреев, С. Л. Бородина.

¹ www.wismut.su

О СОСТАВИТЕЛЕ КНИГИ

А. А. Андреев

**Андреев
Георгий Георгиевич**

Автор-составитель, вдохновитель и организатор написания книг об истории СГАО «Висмут», о работе и жизни его сотрудников и их детей. Благодаря его инициативе и авторитету удалось объединить усилия висмутян по сбору материалов для всех изданий книг. Главный инициатор и организатор всех поездок и встреч висмутян, создатель общества «Висмутяне» и его бессменный председатель.

Андреев Александр Александрович. Спонсор и организатор издания книг по истории СГАО «Висмут». Один из инициаторов создания Общества «Висмутяне», объединившее ветеранов-висмутян и их детей в их совместной работе по сохранению памяти об истории предприятия «Висмут» и жизни его людей, продолжению товарищеских контактов с немецкими ветеранами «Висмута». Организатор всех съездов, встреч и поездок висмутян.

С. Л. Бородина

Бородина София Львовна. Дизайнер и редактор наших книг. Её усилиями созданы макеты прекрасных книг, которые приятно взять в руки и читать, листая с хорошим вкусом оформленные страницы со множеством фотографий и иллюстраций. Последняя книга содержит более тысячи страниц, внимательно ею отредактированных и сверстанных.

С. П. Левчик

Булатов Владимир Анатольевич. Спонсор издания наших книг. Активный участник и организатор проведения съездов висмутян и поездок в Германию. Обеспечил материальную и техническую базу издания книг.

Василенко Вячеслав Иосифович. Один из основных спонсоров издания книг и памятных знаков Общества «Висмутяне», активный участник по организации встреч висмутян.

Левчик Станислав Петрович. Принимал активное участие во всех обсуждаемых вопросах по структуре и содержанию книг. Поддерживал контакты с немецкими ветеранами «Висмута».

Андреев Андрей Георгиевич. Обеспечивал надёжное транспортное сопровождение делегации Общества «Висмутяне» при поездках в Германию и по России. Осуществлял качественную аудио- и видеозапись наших встреч с ветеранами-висмутянами. Активный поисковик информации о СГАО «Висмут» в интернет-ресурсах.

Левчик Андрей Станиславович. Вместе со своей супругой Мариной провели большую работу в архиве Минсредмаша по поиску необходимой информации по «Висмуту». Во время всех съездов висмутян обеспечивал фото- и видеосъемку. Разработчик и редактор сайта «СГАО Висмут: Отцы и дети».

Андреева Людмила Павловна. Готовила базы данных собираемых документов и их копий, печатала тексты статей для размещения их в книге.

Левчик Марина Викторовна. Провела огромную работу в архиве Минсредмаша по сбору, копированию и систематизации нескольких тысяч данных о работавших в «Висмуте» с 1945 по 1990 год советских специалистах, создав их списки для двух периодов: 1945–53 гг. и 1954–90 гг. Сделала большое количество копий документов о работе СГАО «Висмут».

Смирнов Виталий Витальевич. Разработал сайт «СГАО Висмут: Отцы и дети» и обеспечил его надежную работу, создал информационное пространство о деятельности Общества «Висмутяне» и его партнёров. Активный член редколлегии.

В. И. Василенко

В. А. Булатов

А. С. Левчик

Л. П. Андреева

М. В. Левчик

В. В. Смирнов

ЧАСТЬ I

НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ВИСМУТА»

1945–1953

¹ Члены редколлегии — ветераны СГАО «Висмут» и дети сотрудников Общества.

ВВЕДЕНИЕ

Появление атомной бомбы у США и ее применение для уничтожения мирных городов Хиросимы и Нагасаки заставили руководство СССР принять неотложные меры к ликвидации атомной монополии США. Советский Союз, еще не оправившийся от страшных разрушений, полученных в только что окончившейся войне, вынужден был снова концентрировать все свои материальные и интеллектуальные силы на создании собственного ядерного щита. При этом одной из основных была проблема обеспечения создаваемого ядерного оружия урановым сырьем. К этому времени Советский Союз еще не имел достаточного количества собственного урана. Поэтому его начали искать в ранее обнаруженных месторождениях стран Восточной Европы, а также в Китае (Синьцзян), Монголии и Северной Корее. Но наибольшую роль в обеспечении СССР ураном сыграли начатые советскими геологами с 1945 г. интенсивные геологоразведочные работы в Рудных горах (Erzgebirge) Саксонии. Им удалось за короткий срок, вопреки имеющемуся мнению, найти новые урановые месторождения. На базе этих новых перспективных месторождений в 1947 г. было организовано Советское акционерное общество (САО) «Висмут», реорганизованное в 1953 г. в Советско-Германское акционерное общество (СГАО) «Висмут». Только за период 1946–1950 гг. предприятиями «Висмута» на условиях репарационных платежей было поставлено в Советский Союз 2478,8 тонны урана в товарных рудах, в то время как собственная сырьевая база СССР обеспечила поставку только 1072 тонн¹. К моменту начала деятельности общества «Висмут» в Восточной Германии не хватало специалистов, обладающих необходимыми технологическими знаниями, не имелось практического опыта ведения интенсивных работ подобного рода. Тем не менее развитие геологоразведочных и горных работ проходило такими высокими темпами, которых не знала ни одна страна мира. Уже к 1953 г. с помощью советских геологов и ученых было открыто более 25 месторождений и достигнуты высокие показатели по выпуску урана.

Поставка обществом «Висмут» урана послужила получению необходимого количества плутония для снаряжения первой ядерной бомбы Советского Союза и тем самым внесла свой вклад в ликвидацию монополии США на владение атомным оружием, обеспечила паритет сил в мире.

За успешное выполнение ответственного правительственного задания по созданию первой ядерной бомбы группа работников «Висмута» была отмечена высокими наградами.

 С 1946 по 1990 г. обществом «Висмут» было добыто и поставлено в Советский Союз 231 тыс. тонн урана в виде штуфной руды, гравитационных и химических концентратов². В 1960–1970-е гг. СГАО «Висмут» стало крупнейшим предприятием в Европе и третьим в мире производителем урана после США и Канады³.

¹ Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 192, 197.

² Wismut GmbH. Chronik der Wismut. 1999.

³ Н. Чесноков. Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы. М.: Информационно-издательский центр «Информ-Знание», 1998.

ГЛАВА 1 КОНЕЦ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ГЕРМАНИИ И НАЧАЛО УРАНОВОЙ ЛИХОРАДКИ

Состояние работ по атомной проблеме в СССР до войны и возобновление их в 1942 г.

Нарастающий поток чрезвычайно тревожной информации советской разведки о стремительном развитии секретных работ США и Великобритании по разработке атомного оружия огромной разрушительной силы, тщательно скрываемых от своих союзников, побудило советское руководство, несмотря на огромные трудности военного времени, возобновить собственные работы по атомному проекту. Информация о создании в Великобритании Уранового комитета для работы над атомной бомбой поступила в Советский Союз в конце сентября 1941 г. от Джона Кернкросса¹.

В начале 1942 г. физик² Г. Н. Флеров написал из действующей армии несколько писем И. В. Сталину о том, что создание атомной бомбы возможно. В это время много разведывательной информации о работе по созданию атомной бомбы поступило из Англии от Клауса Фука³ и Джона Кернкросса, а из США — от Бруно Понтекорво⁴ (все они были убежденными коммунистами и сотрудничали с советской разведкой совершенно бескорыстно).

В мае — июне 1942 г. Л. П. Берия представил Сталину доклад о данных разведки по атомной бомбе, а научный консультант Государственного комитета обороны СССР (далее ГКО) профессор С. В. Кафтанов доложил о письме Флерова. По воспоминаниям Кафтанова, Сталин, подумав, сказал: «Нужно делать»⁵.

В связи с этим Государственный комитет обороны СССР издал распоряжение от 28 сентября 1942 г. № 2352сс «Об организации работ по урану» (проект распоряжения составил В. М. Молотов по итогам консультаций с С. В. Кафтановым и А. Ф. Иоффе). Согласно ему, Академия наук СССР должна возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра и к 1 апреля 1943 г. представить Государственному комитету обороны доклад о возможности создания урановой бомбы или уранового топлива.

Здесь необходимо дать информацию о состоянии работ советской науки по разработке проблем использования атомной энергии.

У истоков советского атомного проекта стоял В. И. Вернадский, рано осознавший

огромные перспективы использования атомной энергии.

Исследования советских физиков по использованию атомной энергии велись еще с двадцатых годов двадцатого века. В 1918 г. в Петрограде академик А. Ф. Иоффе возглавил созданный Физико-технический институт, через четыре года В. И. Вернадский основал Радиевый институт Академии наук (РИАН). В 1928–1929 гг. был создан Харьковский физико-технический институт, а в 1931-м — Ленинградский институт химической физики.

В 1937 г. для физических исследований в РИАН был построен и пущен первый в стране и Европе циклотрон. Год спустя, в целях координации работ в области ядерной физики, при Президиуме АН СССР была организована комиссия по атомному ядру под председательством академика С. И. Вавилова. В 1939 г. Я. Б. Зельдович и Ю. Б. Харитон обосновали возможность осуществления цепной реакции деления атомного ядра урана. В 1940 г. Г. Н. Флеров и К. А. Петржак, работавшие в лаборатории И. В. Курчатова в Ленинграде, открыли самопроизвольное деление ядер урана-238.

В своей записке В. И. Вернадский, А. Е. Ферсман и В. Г. Хлопин 12 июля 1940 г. писали: «Эти работы ставят на очередь вопрос о возможности технического использования внутриатомной энергии. Конечно, на этом пути еще ряд очень больших трудностей и потребуется проведение большой научно-исследовательской работы. Однако, как нам кажется, трудности эти не носят принципиального характера».

В августе 1940 г. И. В. Курчатова, Л. И. Рузинов, Г. Н. Флеров и Ю. Б. Харитон представили в Президиум АН СССР свои предложения «Об использовании энергии урана в цепной реакции». Была организована Урановая комиссия при АН СССР. На заседании этой комиссии 16 сентября 1940 г. Ю. Б. Харитон доложил свои теоретические соображения об условиях, при которых возможно было осуществлять цепную реакцию урана.

3 Фукс Клаус — немецкий физик, один из участников американского «Манхэттенского проекта». Исходя из своих политических убеждений и понимания величайшей опасности ядерной монополии, к которой стремились США, бескорыстно предупредил Советский Союз о ведущихся работах по созданию ядерной бомбы. Впоследствии он передал в СССР некоторые сведения по ее устройству.

4 Понтекорво Бруно — итальянский и советский физик. Лауреат Сталинской премии.

5 Советский атомный проект (<http://tradition.ru/wiki/>).

Перечень достижений советских физиков, полученных ими в предвоенные годы, иллюстрирует их мировой уровень и тот факт, что отечественная ядерная физика находилась на переднем крае мировой науки. Но проводимые в СССР исследования физики атомного ядра и работы по всему комплексу урановой проблемы были прерваны в связи

с началом войны с гитлеровской Германией. Все людские, интеллектуальные и материальные ресурсы были направлены на нужды фронта.

Таким образом, приступая в сентябре 1942 г. к возобновлению реализации своего атомного проекта, СССР начинал работы не на пустом месте.

Начало работ по созданию сырьевой базы урана

Одновременно с распоряжением от 28 сентября 1942 г. «Об организации работ по урану» академик А. Ф. Иоффе (Академия наук СССР) и профессор С. В. Кафтанов (Комитет по делам высшей школы при СНК СССР) подготовили проект распоряжения ГКО о добыче урана. Дело в том, что СССР еще не имел необходимого количества урана для создания ядерного оружия. Поэтому ученые обратили внимание советского руководства на одну из важнейших задач того времени — создание сырьевой базы для добычи урана.

27 ноября 1942 г. вышло постановление Государственного комитета обороны СССР № 2542сс «О добыче урана», положившее начало проведению в нашей стране с 1943 г. систематических геологоразведочных работ по поиску надежных источников урановой руды и организации добычи и переработки урана на разведанных запасах месторождений Средней Азии⁶. Обращаем внимание наших читателей, что эти судьбоносные решения принимались советским руководством в тяжелейших условиях военного времени, когда еще не наступил решающий перелом в ходе Великой Отечественной войны.

Своим распоряжением от 16 августа 1943 г. ГКО постановляет: «Обязать Наркомцветмет (т.т. Ломако⁷ и Флорова) и Комитет по делам геологии при Совнаркоме СССР (т. Малышева) представить Государственному комитету обороны к 15 сентября с. г. план мероприятий, обеспечивающих получение в 1944 г. в СССР не менее 100 тонн урана»⁸. Однако в конце 1943 г. выяснилось, что ряд основных вопросов проблемы урана не получил удовлетворительного решения и вследствие этого выполнение всей работы в целом задерживается. В связи с этим научный руководитель советского атомного проекта И. В. Курчатова 22 декабря 1943 г. пишет записку куратору атомного проекта со стороны СНК

СССР М. Г. Первухину, в которой, в частности, сообщает: «Узким местом в решении проблемы по-прежнему остается вопрос о запасах уранового сырья».

По наметкам на 1944 г. предположено получить лишь 10 тонн солей урана, что является совершенно недостаточным для урано-графитового котла, срок пуска которого в ход, таким образом, откладывается на неопределенный срок.

Мне представляется, что работы по сырью, в частности геологоразведочные работы, все еще не получили у нас должного развития и материально-технической базы.

Доводя вышеизложенное до Вашего сведения, прошу Вас дать указания наркоматам авиационной промышленности и цветной металлургии, директору НИИ-42 и Комитету по делам геологии принять срочные меры к обеспечению нормального хода работ»⁹.

Рассматривая ход выполнения работ по атомному проекту, Государственный комитет обороны своим постановлением № 7069сс «О неотложных мерах по обеспечению развертывания работ, проводимых лабораторией № 2 Академии наук СССР» от 3 декабря 1944 г. принимает ряд конкретных мероприятий по обеспечению первоочередных работ. Этим же постановлением ГКО «возложил на т. Берия Л. П. наблюдение за развитием работ по урану». Этот пункт юридически закрепляет ответственность Л. П. Берии за дальнейшую судьбу советского атомного проекта и был переломным моментом в его реализации. Берия быстро придал всем работам по атомному проекту необходимые размах и динамику, о чем свидетельствуют дальнейшие события¹⁰.

Считая всемерное развитие добычи урановых руд и производства урана важнейшей государственной задачей, Государственный комитет обороны своим постановлением № 7102сс/ов от 8 декабря 1944 г. возложил на НКВД СССР всю огромную работу по организации разведки урановых месторождений, добыче и переработке урановых руд¹¹.

6 Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л. Д. Рябева. Том 1, 1938–1945. Часть 1. М.: Издательство МФТИ, 2002. С. 275.

7 Ломако Петр Фадеевич — в 1940–1948 гг. нарком цветной металлургии СССР.

8 Там же. С. 368.

9 Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л. Д. Рябева. Том 1, 1938–1945. Часть 1. М.: Издательство МФТИ, 2002. С. 408–409.

10 Там же. Часть 2. С. 169–174.

В. И. Вернадский.

Г. Н. Флеров.

С. В. Кафтанов.

М. Г. Первухин.

В порядке реализации этого постановления ГКО Л. П. Берия подписал приказ НКВД СССР от 6 января 1945 г. об организации в составе Главного управления лагерей горно-металлургических предприятий (ГУЛГМП) НКВД СССР Управления по урану — Спецметуправление НКВД СССР (разведка, добыча и переработка урана) со штатом 40 человек. Заместителем начальника и главным инженером Спецметуправления НКВД был назначен инженер-полковник, видный специалист по разведке радиоактивных руд, профессор Семен Петрович Александров. В 1945 г. он сыграл решающую роль в открытии урановых месторождений в Рудных горах Восточной Германии. Главным геологом Спецметуправления был назначен петрограф-минералог Даниил Яковлевич Суражский — один из организаторов геологических служб на урановых рудниках.

Этим же приказом в системе Спецметуправления НКВД был организован научно-исследовательский «Институт специальных металлов НКВД СССР» (Инспецмет), который позднее стал называться НИИ-9. Начальником института был назначен инженер-полковник, инженер-металлург Виктор Борисович Шевченко, организатор создания первой опытной установки, на которой отрабатывалась технология выделения плутония из облученного в реакторе Ф-1 урана. Сотрудники института НИИ-9 внесли свой весомый вклад в разведку урановых месторождений в Рудных горах Восточной Германии.

Поиск урана за пределами Советского Союза

В аннотированном каталоге документов секретариата НКВД (МВД) СССР за 1944–1953 гг. («Особая папка» Сталина) есть сведения о рассмотрении в январе 1945 г. вопроса о перспективном месторождении урановых руд в Болгарии, которое Советский Союз предполагал разрабатывать в рамках организуемого совместного болгарско-советского акционерного общества по разведке и добыче урана¹².

В своей записке на имя Л. П. Берии от 8 апреля 1945 г. «О необходимости командирования специалистов в Германию и Австрию» генерал-майор инженерно-технической службы В. А. Махнев сообщает: «В Верхней Силезии, в 45 километрах к югу от г. Лигница, где сейчас идут военные действия, находится урановое месторождение Шмидеберг. В “Курсе рудных месторождений” доктора Шнейдерхона, вышедшем в 1941 г. в Йене (Германия), сказано: “Месторождение Шмидеберг, как преимуще-

К 1945 г. геологоразведочные работы в Советском Союзе привели к открытию месторождений урана в Средней Азии, расположенных в основном в труднодоступных и малообжитых горных районах, что значительно осложняло их промышленное освоение. И тем не менее на разведанных урановых месторождениях заработало первое предприятие по добыче и переработке урановых руд — комбинат №6 (впоследствии — Ленинабадский горно-химический комбинат). Директором комбината был назначен Борис Николаевич Чирков, главным геологом — Александр Абрамович Данильянц, который в 1935–1941 гг. руководил разведочными работами на Майлисуйском руднике, а с 1965 г. работал главным геологом СГАО «Висмут». В состав комбината входили семь рудников и пять обогатительных заводов. Промышленная добыча урана, начатая в Советском Союзе, составила в 1945 г. только 14,6 тонны. Количество рабочих, занятых на рудниках и строительстве урановых предприятий, в 1945 г. было увеличено с 300 до 10 000 человек. Крайне бедное содержание металла в наших урановых рудах (от 0,01 до 0,12 %) создавало большие трудности в их переработке и требовало крупных капиталовложений в горные и перерабатывающие предприятия. Поэтому наряду с развитием отечественной сырьевой базы урана изыскивались любые возможности использования уранового сырья других стран.

Месторождение урановых руд, имеет очень большое значение в снабжении Германии ураном и радием. Добыча смоляной руды в Шмидеберге достигла крупных размеров...” Желательно командировать на 2-й Украинский фронт несколько геологов и специалистов по переработке для выяснения на месте характеристики названного месторождения, а также уранового предприятия, и внесения предложений об их использовании»¹³.

Месторождение Шмидеберг было детально обследовано горным инженером Ф. Малиновским, который в своем заключении написал: «На основании осмотра месторождения и ознакомления с материалами можно сделать вывод, что месторождение Шмидеберг вряд ли может быть источником получения уранового концентрата. Однако не исключена возможность в дальнейшем, при проходке геологоразведочных выработок, обнаружения новых урановых линз...»

В письме от 11 апреля 1945 г. № 2159/м министра госбезопасности СССР В. Н. Меркулова на имя заместителя председателя СМ СССР Л. П. Берии «О необходимости розыска запасов урана на территории Германии», говорится о сообщении резидента МГБ в Лондоне о том, что по агентурным данным, не вызывающим сомнений в искренности источника, имевшиеся в Бельгии и во Франции запасы урана и его соединений немцы вывезли в 1942 г. в Силезию и другие восточные области Германии. Предлагается, учитывая особую важность этого элемента, ориентировать соответствующие советские организации, которые будут заниматься вопросами военно-промышленного контроля над Германией, на возможное наличие в Силезии и других восточных районах Германии запасов урана и необходимости их розысков¹⁴.

Для решения этих задач в конце апреля и начале мая в поверженную нацистскую Германию были направлены несколько групп советских специалистов.

Интересная история, связанная с поиском трофейного урана советскими специалистами, рассказана в книге М. Я. Важнова «А. П. Завенягин: страницы жизни». Приводим отрывки из главы «На исходе войны»: «В день, когда пал Берлин, с подмосковного аэродрома в поверженную столицу фашистской Германии вылетел самолет с необычными пассажирами. На борту находились зам. наркома внутренних дел А. П. Завенягин, В. А. Махнев, ученые, специалисты Лаборатории № 2 АН СССР... Фамилии некоторых известны: Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, Г. Н. Флеров, Л. А. Арцимович, Л. М. Неменов... По некоторым сведениям, был еще один «борт», и общая группа «экскурсантов» достигла порядка 30 человек. 3 мая они уже на месте, а с 4-го началась работа, длившаяся полтора месяца.

К выполнению задания были подключены два спецотдела НКВД под руководством генерала В. А. Кравченко. Конкретно речь шла о спецгруппе П. М. Сиденко (до перехода в Первое Главное управление — начальника 5-го Спецотдела НКВД), которую курировал лично А. П. Завенягин.

Для конспирации почти всех обрядили полковниками, хотя многим военная форма явно не шла. Но это частности...»

Что предстояло сделать?

Как пишут И. С. Дровеников и С. В. Романов, какого-либо точного плана действий

у группы, похоже, не было. О предстоящей поездке участники узнали в самом конце апреля. Посвящен в предстоящую задачу был лишь Ю. Б. Харитон, да и то в самом общем виде, а именно: «посмотреть, каково же состояние [дел], что удастся найти [и] в какой мере немцы продвинулись в разработке ядерного оружия».

«Когда объявленные задачи командировки были в целом выполнены, — вспоминал Ю. Б. Харитон, — мы с Кикоиным решили, что надо заняться другим делом. Поскольку немцы заняли практически всю Европу, они находились также и в Бельгии. Как всем хорошо известно, в бельгийской колонии в Африке, Конго — крупные залежи урана, и поэтому очень вероятно, что какое-то количество урана немцы захватили в Бельгии, и надо поискать, где же этот уран находится. Ну вот, мы и начали работать»¹⁵.

О необходимости поисков урана мы сообщили А. П. Завенягину, он горячо поддержал это. Выделил в наше распоряжение машину с водителем, чтобы мы могли свободно ездить по Германии.

Завенягин «горячо поддержал» предложение физиков, потому что некоторые сведения, которыми он располагал, свидетельствовали о возможности успешных поисков.

Еще в апреле 1945 г. подполковник Сиденко сообщал, что в г. Штассфурт на складе WIFO¹⁶ в 1941–1942 гг. находилось на хранении около 1200 тонн ураната натрия, доставленного из Бельгии. В середине 1944 г. 150–200 тонн этого сырья было отправлено обратно в Бельгию, а остальное количество по-прежнему оставалось на складе.

Однако это было также известно американцам, и они решили его захватить. Так как Штассфурт по Ялтинским соглашениям входил в советскую оккупационную зону, то американское армейское командование вначале не решалось нарушать их, однако генерал Брэдли сказал: «К черту этих русских!» — и Штассфурт был взят¹⁷.

15 апреля 1945 г. американская техническая комиссия¹⁸ организовала вывоз уранового сырья из Штассфурта, и в тече-

Ю. Б. Харитон и И. К. Кикоин (справа).

18 Разведывательная группа «Алсо». Миссия «Алсо» преследовала далеко идущие цели, и не только связанные с урановой проблемой, поскольку для американцев к моменту ее организации (середина 1944 г.) производство атомной бомбы уже не составляло секрета. На миссию, кроме сбора материалов по атомной программе, захвата ученых-атомщиков и запасов делящихся веществ, был возложен сбор информации о работах в области ракетных двигателей, средств управления ракетами, биологического оружия. Одной из задач группы было помешать Советскому Союзу получить какие-либо сведения о перспективных видах оружия, разрабатываемых Германией.

11 Там же. С. 180–184.

12 В. Л. Мальков. Манхэттенский проект. Разведка и дипломатия. М.: Наука, 1995. С. 132.

13 Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л. Д. Рябева. Том 1, 1938–1945. Часть 2. М.: Издательство МФТИ, 2002. С. 266–267.

14 Там же. С. 267–268.

15 Дровеников И. С., Романов С. В. Трофейный уран, или история одной командировки. История советского атомного проекта: документы, воспоминания исследования. М., 1998. Вып. 1. С. 215–227.

16 WIFO (Wirtschaftsforschungs Gesellschaft) — компания, которой принадлежали соляные копи вблизи Штассфурта.

17 Гросс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.

ние 5–6 дней почти весь уран был вывезен в английскую зону вместе с относящейся к нему документацией. Тем не менее часть груза, который был найден на складе небольшого кожевенного завода в г. Нойштадт, застряла на границе советской и английской зон¹⁹.

«Наутро, — вспоминает Ю. Б. Харитон, — мы связались по телефону с заместителем Л. П. Берии — тов. А. П. Завенягиным. Вначале он решил, что мы его разыгрываем. Тогда Кикоин ему вполне официально доложил: «Докладывает полковник Кикоин! Прошу направить в мое распоряжение колонну машин для перевозки ценного груза». Машины были на месте оперативно. С помощью коменданта мы мобилизовали население, и погрузка была закончена в течение одного дня».

«Сюрприз» отбыл в Берлин, а затем — в качестве военного трофея (!) — в СССР.

Как впоследствии сказал И. В. Курчатова: «Эти 100 тонн помогли на год раньше запустить наш первый реактор для получения плутония».

В общем, поездка, как выразился Ю. Б. Харитон, оказалась незряшной, а И. К. Кикоин, спустя многие годы, признался, что *те* полтора месяца стали самыми интересными в его жизни²⁰.

В августе 1945 г. заместитель начальника СМЕРШ П. Я. Мешик и заместитель начальника, главный инженер Спецметуправления НКВД СССР инженер-полковник С. П. Александров возглавили группу, которая обследовала Иоахимстальское (Яхимовское) месторождение в Чехословакии. Они обнаружили, что на складах местных предприятий накопилось около

16 тонн богатых штуфов и концентратов с общим содержанием около 6 тонн урана (считая на элемент) и около 1,8 грамма радия. «Ревизоры» просили дать указание послу СССР в Чехословакии В. А. Зорину санкционировать переговоры о покупке обнаруженной готовой продукции Иоахимстальского (Яхимовского) рудника.

А 16 октября А. П. Завенягин информировал Л. П. Берию: «37 тонн урановых продуктов, содержащих 24,7 тонны металлического урана, приняты нами от Чехословакии и отгружены на автомашинах через Дрезден в Москву».

 В официальном докладе И. В. Сталину «О состоянии работ по получению и использованию атомной энергии» (подготовлен И. В. Курчатовым, И. К. Кикоиным, Б. Л. Ванниковым, М. Г. Первухиным и А. П. Завенягиным в середине января 1946 г.) обобщается: «В 1945 г. выявлено и вывезено из Германии и Чехословакии различных химических соединений урана... общим весом в пересчете на металл 220 тонн»²¹.

Но уран в Германии находили и позднее. 9 августа 1949 г. бригадой немецких рабочих при очистке одной из законсервированных соляных шахт на глубине 345 метров в штольне были обнаружены 15 деревянных бочек с порошком желтого цвета общей массой 3525 кг. Лабораторным анализом было установлено наличие в нем до 65 % урана.

Обнаруженные бочки с порошком были переданы советскому акционерному обществу «Висмут», которым руководил генерал-майор М. М. Мальцев²².

Деятельность американских спецслужб по поиску и вывозу ведущих научных кадров, ценной информации, оборудования и материалов из Германии

Реализуя свой атомный проект, США стремились монополизировать мировые источники уранового сырья. В первую очередь они направили свои усилия на месторождения богатых (до 2,5 %) урановых руд Бельгийского Конго.

Еще в сентябре — октябре 1940 г. в связи с началом работ над атомным оружием вся урановая руда (1250 тонн с содержанием до 65 % U_3O_8), находившаяся на складе горно-

промышленной компании Верхней Катанги (Бельгийское Конго) в Шинколобве, была перевезена в Нью-Йорк²³.

27 марта 1944 г. состоялось совместное совещание послов США и Великобритании с представителями бельгийского правительства. Бельгийцы подтвердили свое желание сотрудничать и предложили привлечь к переговорам представителей уранодобывающей промышленности.

Вскоре англо-американской стороной был подготовлен проект соглашения о создании межправительственной организа-

ции, которое в середине июня 1944 г. было подписано президентом США и премьер-министром Великобритании.

В соответствии с этим соглашением в Вашингтоне была образована организация «Трест объединенных разработок», которая должна была руководить всеми закупками сырья за пределами США и Великобритании, содействовать расширению геологоразведки и работ в области обогащения бедных руд и обеспечивать монополию этих стран на сырьевые запасы урана по всему миру.

Месторождения в Канаде, США и Бельгийском Конго, в отличие от наших, имели высокое содержание урана в руде. Так, на одном только месторождении Большое Медвежье озеро (Канада) было около 6000 тонн урана при среднем содержании 3–5 % металла в руде, в США насчитывалось около 3000 тонн, с содержанием 3 % металла, а в Бельгийском Конго — около 3000 тонн, с содержанием до 2,5 %. Все эти месторождения стали полностью подконтрольны США.

Кроме того, по данным нашей разведки, англичане были намерены заключить соглашение с чехословацким правительством в Лондоне по эксплуатации Иоахимстальских (Яхимовских) урановых месторождений в судетской части Рудных гор.

США стремились не только монополизировать сырьевые запасы урана, но обладать научно-техническими знаниями в стратегически важных отраслях науки и техники, таких как разработка ядерного оружия, авиа- и ракетостроение, химические технологии, электроника.

Видя приближающийся конец нацистской Германии под стремительным натиском Красной армии, разведка США организовала миссию «Алсос» по сбору важной научно-технической информации и материалов в странах Европы, освобождающихся от фашистской оккупации.

Группа «Алсос» начала свою деятельность в Германии 24 февраля 1945 г. под Аахеном. Она была снабжена подробным и точным списком объектов деятельности, досье на всех крупных немецких ученых, данными об их местах работы и жительства, размещении лабораторий, мастерских и складов, представлявших интерес для американцев.

Большая часть объектов в Германии, интересовавших «Алсос», находилась на территории будущей французской зоны оккупации, однако самый важный для

них — завод концерна «Ауэргезель-шафт» в Ораниенбурге был расположен в пределах района, который должен был войти, согласно Ялтинским соглашениям, в советскую оккупационную зону. Этот завод занимался производством урана и тория. Поскольку у группы «Алсос» не было никаких возможностей проникнуть на этот завод, генерал Гровс²⁴ предложил генералу Маршаллу разбомбить его, чтобы он не достался русским. Днем 15 марта 612 летающих крепостей сбросили на завод 1506 тонн фугасных и 178 тонн зажигательных бомб. Все наземные сооружения завода были разрушены до основания.

Данные о действиях группы «Алсос» показали, что вопреки союзническому соглашению, американские части захватывали интересующие их районы и удерживали до тех пор, пока нужные люди не были схвачены и допрошены, письменные материалы разысканы, а оборудование либо вывезено, либо уничтожено, чтобы все это не досталось русским союзникам²⁵.

На Потсдамской конференции руководителей трех союзных держав (СССР, США и Великобритании) И. В. Сталин отметил эти нечестные действия своих союзников в беседе с президентом США Г. Трумэн и премьер-министром Великобритании К. Эттли, сменившим на этом посту У. Черчилля: «Несколько отклоняясь от главной темы, я хочу сказать о тех изъятиях, которые англичане и американцы произвели в русской зоне оккупации до занятия ее советскими войсками. Речь идет о вывозе товаров и оборудования. Кроме того, имеется записка от советского военного командования о том, что английские и американские власти угнали 11 тыс. вагонов с той же территории. Как быть с этим имуществом, я не знаю. Вернут ли это имущество русским или компенсируют его каким-либо другим образом? Во всяком случае, американцы и англичане не только из своих зон вывозят оборудование, но вывезли его и из русской зоны, а мы из ваших зон не угнали ни одного вагона и не взяли никакого оборудования с заводов. Американцы обещали не вывозить, но вывезли»²⁶.

И хотя Трумэн обещал разобраться,

Генерал Л. Гровс и американский физик Роберт Оппенгеймер (справа).

И. В. Сталин и Г. Трумэн на Потсдамской конференции. Во втором ряду крайний справа — А. А. Громыко.

¹⁹ Были обнаружены бочки с оксидом урана.

²⁰ Харитон Ю. Б. Как мы подошли к первой атомной бомбе // Хочешь мира — будь сильным!: Сб. материалов конференции по истории разработок первых образцов атомного оружия. РФЯЦ-ВНИИЭФ. Арзамас-16. 1995. С. 22–41.

²¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л. Д. Рябева. Том 1, 1938–1945. Часть 2. М.: Издательство МФТИ, 2002. С. 413–424.

²² Некрасов В. Ф. НКВД-МВД и атом. М.: Кучково поле; Гиперборей, 2007.

²³ С. Н. Погodin, Э. П. Либман. Как добывали советский радий. М.: Атомиздат, 1977. С. 22.

²⁴ Гровс Лесли Р. — генерал-лейтенант армии США. В 1942–1945 годах — руководитель «Манхэттенского проекта», всегда считал Советский Союз врагом номер один, несмотря на то, что США были с ним в одной антигитлеровской коалиции. После войны он подтвердил это словами: «Я уже тогда (в 1942 г.) не питал никаких иллюзий относительно того, что Россия является врагом и что проект строится на этой основе».

²⁵ Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.

²⁶ Потсдамская (Берлинская) конференция 17 июля — 2 августа 1945 г. Запись одиннадцатого заседания глав правительств. 31 июля 1945 г. в 16 час. 05 мин.

Потсдамская конференция.

Сидят (справа налево): И. В. Сталин, Г. Трумэн, К. Эттли.

Обратите внимание на выражение лиц и позы сидящих. И. В. Сталин — спокойное лицо и поза, Г. Трумэн — самоуверенность плещет через край, все в нем говорит — «я здесь хозяин», К. Эттли — полное внимание к «великому» соседу по креслу.

но так ничего и не было сделано и ничего не возвращено. Едва умер президент США Ф. Рузвельт, как уже 12 апреля посольство США, государственные и военные учреждения получили инструкцию нового президента Г. Трумэна: все документы, подписанные его предшественником Рузвельтом, исполнению не подлежат. Затем последовала команда ужесточить позицию по отношению к Советскому Союзу. Отношения

Появление в руках США «атомной дубинки» — прямая угроза Советскому Союзу

Показательна реакция Трумэна на сообщение об успешном испытании первой атомной бомбы в Аламогордо (16 июля 1945 г.). Он воскликнул: «Теперь у меня есть дубина против этих русских парней!»²⁷

Трумэн, прочитав доклад генерала Гровса об испытаниях атомной бомбы, ознакомил с ним Черчилля. Секретарь Трумэна об этом вспоминал: «Черчилль рассказал мне о вчерашней встрече большой тройки. По тому, как Трумэн энергично и решительно противился нажиму русских

между двумя странами стали приобретать все более напряженный характер, постепенно превращаясь в холодную войну.

23 апреля Трумэн проводит в Белом доме заседание, где заявляет: «Хватит, мы не заинтересованы больше в союзе с русскими, а стало быть, можем и не выполнять договоренностей с ними. Проблему Японии решим и без помощи русских».

и категорически отвергал их требования, он понял, что тот вдохновлен каким-то событием. «Теперь я знаю, что с ним произошло, — сказал он. — Вчера я не мог понять, в чем дело. Когда он пришел на конференцию после прочтения доклада, это был другой человек. Он твердо заявил русским, на что он согласен и на что нет, и вообще господствовал на этом заседании».

Черчилль добавил, что ему понятны причины такого оживления Трумэна, и он сам теперь испытывает то же»²⁸.

Трумэну и Черчиллю не терпелось сообщить Сталину об успешном испытании

нового страшного оружия и посмотреть на его реакцию. Было решено сказать Сталину о результатах испытаний как бы между прочим. В конце одного из заседаний глав правительств Трумэн обошел вокруг стола и в самой непринужденной манере сказал Сталину, что хочет сообщить ему о создании в США нового мощного оружия, которое они решили применить против Японии. Весь разговор Трумэна со Сталиным длился не более минуты. Однако ожидаемой реакции на это сообщение Трумэна со стороны Сталина не последовало. Обменявшись мнениями по поводу этой реакции, Трумэн и Черчилль решили, что Сталин ничего не понял²⁹.

На самом деле Сталин уже был проинформирован об атомном проекте американцев, а перед отъездом на Потсдамскую конференцию Л. П. Берия изложил ему сведения, полученные из агентурных источников, о времени и основных параметрах первого экспериментального взрыва атомной бомбы США³⁰.

Присутствовавший на совещании маршал Советского Союза Г. К. Жуков вспоминает: «...Вернувшись с заседания, И. В. Сталин в моем присутствии рассказал В. М. Молотову о состоявшемся разговоре с Г. Трумэном. В. М. Молотов сказал: «Цену себе набивают». И. В. Сталин рассмеялся: «Пусть набивают. Надо будет переговорить с Курчатовым об ускорении нашей работы». Я понял, что речь шла об атомной бомбе»³¹.

Сбросив 6 и 9 августа 1945 г. атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки, американцы осуществили циничное убийство мирных граждан. Только в Хиросиме в одну секунду сгорело более 86 000 человек, 72 000 тяжело пострадали, 6820 домов превратились в пепел, почва на многие километры получила радиоактивное заражение.

Как показало развитие событий на дальневосточном театре военных действий, сброс американских ядерных бомб на японские города был, по существу, демонстрацией военного превосходства не перед Японией, а перед СССР. Сталин и советское руководство понимали это. И, как свидетельствуют материалы заседаний Императорского совета Японии в августе 1945 г., именно объявление войны Советским Союзом и последовавший за этим разгром мощной Квантунской армии японцев в Манчжурии, а вовсе не атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, стали решающим фактором,

побудившим японское руководство принять решение о капитуляции.

✚ *Первый план ядерной войны против Советского Союза Пентагон принял уже 3 ноября 1945 г. (Директива JCS 329). Этот план предусматривал нанесение ядерных ударов по Москве и основным промышленным центрам СССР. Предполагалось применение 20–30 атомных бомб.*

По мере наращивания США ядерного арсенала менялись планы и масштабы уничтожения Советского Союза.

В канун капитуляции нацистской Германии патологический ненавистник Советского Союза У. Черчилль действительно готовил нападение на СССР под кодовым названием «Немыслимое», о чем свидетельствуют ставшие недавно известными архивные материалы Великобритании. Цель — «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи». Дата начала агрессии — 1 июля 1945 г. объединенными силами США, Великобритании и ее доминионов, Польского экспедиционного корпуса и 10 дивизиями вермахта с последующим наращиванием немецкого контингента, возможно, до 40 боевых единиц. По Черчиллю, созрело время для реализации многовекового британского умысла — перекрыть русским варварам кислород. Советскому Союзу, изможденному запредельным напряжением в противоборстве с нацистским нашествием, полагал премьер, не удалось бы отразить новую напасть, по масштабам и ресурсному обеспечению затмевавшую все прежде изведенное.

В то же время СССР, обеспечивая выполнение союзнических обязательств, развернул с начала 1945 г. материальную подготовку к боевым действиям против Японии. В апреле с советско-германского фронта на Дальний Восток отправились первые командно-штабные управления войсковых соединений. Именно в эти апрельские дни Черчилль распорядился о подготовке плана войны против СССР. Знал ли советское руководство о британских планах? На этот вопрос можно ответить утвердительно. Советская разведка в Англии была одной из самых эффективных. Косвенно подтверждает это и видный знаток истории советских вооруженных сил профессор Эдинбургского университета Д. Эриксон. По его мнению, план Черчилля стал заблаговременно известен Москве, и сталинский Генштаб принял соответствующие меры противодействия. Теперь стало понятно, почему маршал Жуков неожиданно решил в июне 1945 г. перегруппировать свои силы³².

27 Ярослав Бутаков. России по силам все. К 60-летию первого испытания советской атомной бомбы. 28.08.2009. Информационно-аналитическое издание фонда исторической перспективы «Столетие».

28 Гровс Л. Теперь об этом можно рассказать. М.: Атомиздат, 1964.

29 В. Л. Мальков. Манхэттенский проект. 1995. С. 132.

30 Атомный проект СССР. Документы и материалы. Под общей редакцией Л. Д. Рябева. Том 1, 1938–1945. Часть 2. М.: Издательство МФТИ, 2002. С. 335–336.

31 Г. К. Жуков. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1969.

32 The Guardian. 2.10.1998; «Правда» 15.10.1998.

Форсирование работ по советскому атомному проекту. Создание Спецкомитета и Первого Главного управления

Таким образом, возрастающее недружественное отношение к Советскому Союзу со стороны Великобритании и нового политического руководства США (после смерти Ф. Рузвельта), создание американской атомной бомбы и показательная варварская бомбардировка японских городов в августе 1945 г. заставили советское руководство принять срочные меры по форсированию собственных работ по атомному проекту и ликвидации американской монополии на владение атомным оружием. Сталин не мог допустить повторения трагических ошибок 22 июня 1941 г.

И уже 20 августа 1945 г. при Государственном комитете обороны создается Специальный межведомственный комитет (Спецкомитет) под председательством Л. П. Берии, наделенный чрезвычайными полномочиями, по вопросам решения атомной проблемы в военных целях.

Члены комитета: М. Г. Первухин — заместитель председателя Совнаркома СССР, Н. А. Вознесенский — председатель Госплана СССР, Г. М. Маленков — секретарь ЦК КПСС, Б. Л. Ванников — нарком боеприпасов, В. А. Махнев — секретарь Специального комитета, академик П. Л. Капица, И. В. Курчатов — начальник Лаборатории № 2 АН СССР, А. П. Завенягин — замнаркома внутренних дел. Фактически Спецкомитет объединял все руководящие партийные и государственные органы, вовлеченные в создание новой научно-промышленной отрасли. Тем самым удалось решить проблему предотвращения негативных последствий межведомственных аппаратных согласований и значительно сократить сроки создания ядерного оружия. В своей строго засекреченной деятельности Спецкомитет был подконтролен исключительно И. В. Сталину.

Решение о создании Специального комитета принял лично И. В. Сталин. Как впоследствии вспоминал Б. Л. Ванников, 17 или 18 августа Сталин вызвал его к себе. Вслед за Ванниковым приехали Л. П. Берия

и А. П. Завенягин. Разговор зашел о создании атомной бомбы и о сугубо практических вопросах организации руководства работами.

Берия предложил создать под началом Завенягина специальное главное управление в структуре НКВД. Сталин высказался в том смысле, что предложение заслуживает внимания, поскольку НКВД имеет в своем распоряжении большое количество рабочих и квалифицированных специалистов, а также сеть организаций на железной дороге и водном транспорте. При недостатке оборудования и материалов их своевременная доставка будет иметь важное значение. В свою очередь Ванников предложил создать надведомственную организацию, так как работы по созданию атомной бомбы трудные, сложные, разносторонние по содержанию и большие по масштабам; их значение выходит за рамки какого-либо ведомства, даже такого, как НКВД. Сталин сразу же принял предложение Ванникова, сказав, что должен быть создан специальный комитет (который в дальнейшем так и стал называться) во главе с Берией, а его первым и единственным заместителем должен стать Ванников.

Одновременно при Спецкомитете были образованы:

1. Научно-технический совет в составе: И. В. Курчатов, А. Ф. Иоффе, А. И. Алиханов, В. Г. Хлопин, И. К. Кикоин, Н. А. Вознесенский, Ю. Б. Харитон для предварительного рассмотрения научных вопросов и руководства научно-исследовательскими работами.
2. Бюро № 2 из работников НКГБ и НКВД, объединившее разведывательную работу за рубежом по получению нужной для исследований и практических работ информацию по проблеме урана.

Берия обеспечивал получение всей необходимой разведывательной информации, а с другой стороны — осуществлял общее руководство всем проектом. Все действия разведки по атомной проблеме с 1944 г. координировались группой «С» при НКВД СССР,

СУДОПЛАТОВ Павел Анатольевич (1907–1996) — советский разведчик, генерал-лейтенант. С 1921 по 1953 г. — в органах государственной безопасности СССР. В 1940-м руководил операцией по ликвидации Л. Д. Троцкого. В 1943–1946 гг. осуществлял координацию работы советской разведывательной сети, занимавшейся сбором и анализом информации по созданию атомной бомбы. В 1953 году обвинен в пособничестве Л. П. Берии и приговорен к 15 годам заключения. В 1992 г. реабилитирован.

преобразованной 28 сентября 1945 г. в отдел «С» НКВД СССР. Численность этой структуры составляла 34 человека. Отдел «С» стал рабочим аппаратом Бюро № 2 Спецкомитета под руководством выдающегося советского разведчика — генерал-лейтенанта Павла Судоплатова. Его заместителями были генерал-лейтенант Н. С. Сазыкин, генерал-майор Н. И. Этингон и полковник Л. П. Василевский. Бюро № 2 подчинялось непосредственно председателю Спецкомитета.

В штате отдела было три офицера — Я. П. Терлецкий, Н. И. Есафов и А. Н. Рылов — научные сотрудники, физики по образованию, посещавшие семинары П. Л. Капицы и Л. Д. Ландау. Они организовывали работу по переводу и редактированию поступивших материалов по атомной проблеме, проводили их оценку и докладывали на заседаниях научно-технического совета Спецкомитета. Терлецкому в последующем будет поручено встретиться с Нильсом Бором.

Научное руководство атомным проектом было поручено Игорю Васильевичу Курчатову.

Тем же постановлением ГКО от 20 августа 1945 г. было создано Первое Главное управление (ПГУ) при СНК СССР по текущим вопросам, связанным с решением задач по разработке ядерного оружия. В этот же день к исполнению своих обязанностей приступили: начальник ПГУ Б. Л. Ванников (одновременно — нарком боеприпасов СССР), первый заместитель А. П. Завенягин (одновременно — замнаркома НКВД СССР), заместители — П. Я. Мешик (бывший начальник Главного управления контрразведки СМЕРШ), Н. А. Борисов (одновременно — зампред Госплана СССР), А. Г. Касаткин (одновременно — замнар-

кома химической промышленности СССР), П. Я. Антропов, А. Н. Комаровский (одновременно — начальник Главпромстроя НКВД СССР). В подчинение ПГУ было передано множество научно-исследовательских, проектных, конструкторских организаций и промышленных предприятий, в том числе Курчатовский центр и научно-технический отдел разведки. ПГУ имело неограниченное финансирование (открытый счет) в Госбанке.

25 августа 1945 г. на заседании Спецкомитета при ГКО СССР были рассмотрены и утверждены структура и общая численность сотрудников Первого Главного управления при СНК СССР. ПГУ подчинялось непосредственно Специальному комитету.

4 сентября 1945 г. был упразднен Государственный комитет обороны СССР — чрезвычайный высший государственный орган, осуществлявший в период Великой Отечественной войны всю полноту власти. В связи с этим Спецкомитет при ГКО СССР переименовали в Спецкомитет при Совете народных комиссаров СССР.

В декабре 1945 г. при Специальном комитете был образован инженерно-технический совет в составе: М. Г. Первухин, В. А. Малышев, А. П. Завенягин, Г. В. Алексеев, В. С. Емельянов и А. Г. Касаткин — для обеспечения инженерно-технического руководства проектированием и сооружением атомных установок.

Во втором пункте постановления ГКО от 20 августа 1945 г., следующем за утверждением состава Спецкомитета, говорится о его задачах: «широкое развертывание геологических разведок и создание сырьевой базы СССР по добыче урана, а также использование урановых месторождений за преде-

П. А. Судоплатов.

Л. П. Берия.

БЕРИЯ Лаврентий Павлович (1899–1953), политический и государственный деятель, Маршал Советского Союза (1945), Герой Социалистического Труда (1943). С 1921 г. — в органах ЧК–ГПУ Закавказья. В 1938–1945 гг. — нарком, в 1953 г. — министр внутренних дел СССР. В феврале 1941-го — марте 1953 г. — заместитель председателя Совнаркома (Совета Министров) СССР. С 1941 г. — член, с 1944-го — заместитель председателя Государственного комитета обороны, курировал ряд важнейших отраслей оборонной промышленности, в том числе все разработки атомного проекта. В 1946–1953 гг. — член Президиума (Политбюро) ЦК партии. Входил в ближайшее политическое окружение И. В. Сталина; один из организаторов массовых репрессий 1930-х — начала 1950-х гг. В июне 1953 г. выведен из ЦК КПСС, исключен из партии, снят со всех государственных постов, арестован по обвинению в шпионаже и заговоре с целью захвата власти, объявлен агентом иностранных спецслужб. По приговору Специального судебного присутствия Верховного суда СССР расстрелян в декабре 1953 г.

КУРЧАТОВ Игорь Васильевич (12.01.1903 — 07.02.1960), родился в г. Сим, ныне Ашинского района Челябинской обл., советский физик, академик АН СССР (1943), трижды Герой Социалистического Труда (1949, 1951, 1954). Член КПСС с 1948 г. Родился в семье земледельца. В 1923 окончил физико-математический факультет Крымского университета. В 1924–1925 — ассистент при кафедре физики Азербайджанского политехнического института (Баку). С 1925 г. работал в Ленинградском физико-техническом институте под руководством академика А. Ф. Иоффе. В 1943 основал и возглавил институт, впоследствии получивший название Института атомной энергии АН СССР.

С 1960 г. институт носит имя Курчатова. В 1946–1960 гг. — член Президиума АН СССР. С 1943 года Курчатов возглавлял научные работы, связанные с атомной проблемой. Под его руководством был сооружен первый в Москве циклотрон (1944) и первый в Европе атомный реактор (1946), созданы первая советская атомная бомба (1949) и первая в мире термоядерная бомба (1953), сооружены первая в мире промышленная атомная электростанция (1954) и крупнейшая установка для проведения исследований по осуществлению регулируемых термоядерных реакций (1958). В 1957 г. Курчатов стал лауреатом Ленинской премии. Государственная премия СССР (1942, 1949, 1951, 1954). Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

И. В. Курчатов.

Слева направо: академики А. Ф. Иоффе, А. И. Алиханов, И. В. Курчатов — члены Научно-технического совета при Спецкомитете.

лами СССР (в Болгарии, Чехословакии и других странах)³³. И. В. Сталин, подписавший постановление, дал десять дней на создание всех необходимых служб и организаций, в том числе и тех, которые должны были заняться добычей урана в странах Восточной Европы.

Еще в феврале 1945 г. благодаря советским разведчикам были получены важные документы о том, что в Родопах, в районе Бухово, немцы добывали уран очень высокого качества.

В августе 1945 г. был подготовлен проект соглашения на разработку этого месторождения с болгарским правительством, которое возглавлял Георгий Димитров. Соглашение об организации Советско-Болгарского горного общества по разведке и добыче урана было подписано 17 октября 1945 г. Для организации работ в Болгарию было направлено более трехсот специалистов. Разведчики П. Судоплатова обеспечили специалистов, работавших на урановых рудниках, американскими инструкциями, методикой по технике добычи урана и его учету. Американцы сразу проявили интерес к этому предприятию, и их разведка начала действовать. Была предпринята попытка организовать похищение Щорса — советского резидента в Болгарии, который по образованию был горным инженером и был прекрасно осведомлен о разведке и добыче урана на этом предприятии. Однако американские агенты (в основном это были местные турки) были раскрыты и перевербованы³⁴.

В августе 1945 г. по распоряжению А. П. Завенягина в Чехословакию была направлена группа специалистов под руководством П. Я. Мешика и С. П. Александрова для обследования Иохимстальского (Яхимовского) месторождения урановых руд. В конце месяца Мешик и Александров докладывали Л. П. Берии: «Нами лично и группе наших сотрудников-специалистов удалось ознакомиться с геологическими картами, маркшейдерскими планами, статистическими и экономическими данными, посетить главнейшие горные выработки, осмотреть сооружение на поверхности, наблюдать работу

обогащательной фабрики, связаться с рядом специалистов как рудника, так и курорта».

За время оккупации Чехословакии Иохимстальское (Яхимовское) предприятие было модернизировано Германией. С 1939 по 1945 г. в это предприятие было вложено не менее 2 млн рейхсмарок, главным образом в шахтное и обогащательное машинное оборудование. В результате модернизации все предприятия находятся в блестящем техническом состоянии. Действительная мощность предприятия в 2–3 раза превосходит фактическую, ежегодная мощность легко может быть доведена до 6–9 граммов радия в год и, соответственно, до 20–30 тонн А-9 (урана).

Выполнив первую часть задания, Мешик и Александров приступили к переговорам в Праге через посла СССР В. А. Зорина о формах сотрудничества с Чехословакией по добыче урана.

Договор о добыче и поставках урановой руды из Иохимстальских (Яхимовских) рудников был заключен 23 ноября 1945 г., и в Чехословакию сразу выехала группа советских специалистов.

Английские и американские спецслужбы с середины 1945 г. стали проявлять повышенный интерес к работам по урану, ведущимся Советским Союзом. 11 сентября 1945 г. В. Н. Меркулов сообщил Л. П. Берии, что по полученным агентурным данным:

«1) Органами ОБЗ (контрразведка) Чехословакии арестован вернувшийся из Швейцарии как репатриант чешский немец Вл. Глаушек. По достоверным данным Глаушек является английским агентом и прибыл в Чехословакию со специальным заданием «Интеллидженс Сервис» узнать, что известно русским об атомной бомбе.

Американцы также интересуются этим вопросом. Так, например, американский агент Градецкий в беседе с источником ОБЗ заявил, что американцы сулят своим агентам большие суммы денег за данные о том, что русским известно об атомной бомбе.

2) Из разговора американского майора Наймана, находящегося в Чехословакии, с агентом ОБЗ известно, что американцы проявляют большой интерес к залежам урановой руды, находящимся на территории Чехословакии в советской зоне оккупации, в районе Яхимова, вблизи демаркационной линии³⁵.

О масштабности работ по поиску надежных источников урана для советского атомного проекта свидетельствует докладная записка Б. Л. Ванникова и М. Г. Первухина на имя Л. П. Берии об исследованиях месторождений урана в Маньчжурии, Японии и Корее³⁶.

35 ЦОА ФСБ. Ф.4 ос, оп. 3, д. 15, л. 439.

И уже вскоре, на одном из первых своих заседаний 14 сентября 1945 г., Специальный комитет принимает решение: «Признать необходимым организовать в провинции Саксония (районы Аннаберга, Фрайберга, Шнееберга, Иоганнгеоргенштадта и др.) силами НКВД СССР предварительные геолого-поисковые работы по А-9.

Поручить т. Завенягину А. П. в пятидневный срок сформировать для этой цели геолого-поисковую партию в составе 5 специалистов, командировать ее сроком на 2 месяца и снабдить всем необходимым оборудованием.

О результатах поисков доложить Специальному комитету...»³⁷.

Советское руководство оказывало всемерную поддержку исполнителям атомного проекта. После одной из бесед с И. В. Сталиным И. В. Курчатов писал: «Во взглядах на будущее развитие работ Сталин сказал, что не стоит заниматься мелкими работами или искать дешевых путей, а необходимо вести их «широко, с русским размахом», что в этом отношении будет оказана самая широкая всемерная помощь... Сталин сказал, что нужно вести работы быстро и в грубых основных формах... с вложением решительно всех средств, но по основным направлениям»³⁸.

Государство понимало огромную важность поиска и разведки сырьевой базы урановой промышленности, и 16 марта

1946 г. Совет Министров СССР издает постановление № 628–259сс «О премиях за открытие новых месторождений урана и тория», в котором установлены Сталинские премии для поощрения геологов за открытие новых месторождений урана и тория. Приводим некоторые выдержки из этого постановления:

«1. ...премия присуждается за открытие новых месторождений урана с запасами металла не менее 1000 т при среднем содержании урана в руде 1,0 % и выше.

2. Установить, что руководитель геологоразведочной партии:

... г) получает за счет государства в собственность в любом районе Советского Союза дом-особняк с обстановкой и легковую машину;

д) получает право обучения своих детей в любом учебном заведении СССР за счет государства;

е) право (пожизненно для себя, жены (мужа) и для детей до их совершеннолетия) бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом;

ж) получает двойной оклад жалования на все время работы в области специальных разведок»³⁹.

Как показало время, Родина щедро отплатила самоотверженный, творческий труд не только геологов, но и всех участников реализации грандиозного атомного проекта*.

Как далеко зашла Германия в создании атомного оружия

Состояние дел в германском атомном проекте беспокоило советское руководство, но объективных свидетельств о реальном положении дел по разработке немецкими специалистами атомного оружия у Советского Союза не было. И этот факт вызывал еще большую обеспокоенность. О степени информированности советского руководства в определенной мере свидетельствует аналитическая записка по этому вопросу, направленная для ознакомления А. П. Завенягину сразу после разгрома Германии⁴⁰.

В последние годы появилась информация о проведенных ядерных испытаниях ядерных зарядов Третьим рейхом⁴¹.

Нацисты в стремлении овладеть атомным оружием стартовали раньше всех. Начиная с 1939 года немецкие физики — лауреат Нобелевской премии Вернер Гей-

зенберг, Отто Ган, Фриц Штрассман, Курт Дибнер, Карл фон Вайцеккер и другие крупные немецкие физики — начали работу в рамках «Уранового союза», целью которого нацисты поставили создание атомной бомбы. Однако до 1945 года реализовать проект «Урановый союз» им не удалось.

Но, кроме этой группы известных физиков, над созданием «оружия возмездия», что установлено на основании послед-

Немецкий физик Вернер Гейзенберг (второй слева) раньше других коллег принял за разработку атомной бомбы.

33 Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995.

34 В. С. Губарев. Белый архипелаг Сталина. Документальное повествование о создании атомной бомбы, основанное на раскритических материалах «Атомного проекта». М.: Молодая гвардия, 2004.

36 См. ниже, Приложение 1.

37 В. С. Губарев. Секретный атом. М.: Алгоритм. Эксмо, 2006.

38 Герои атомного проекта. Саров. ФГУП «РФЯЦ-ВНИИЭФ», 2005.

39 Полностью текст постановления можно прочесть ниже, в Приложении 2.

* См. Приложение 17.

40 Копию записки можно прочесть ниже, в Приложении 3.

41 См., например, Karlsch Rainer. Hitlers Bombe. Die geheime Geschichte der deutschen Kernwaffenversuche. Dva. 2005; Rainer Karlsch, Heiko Petermann. Für und Wieder «Hitlers Bombe» (Waxmann, 2007), а также Германский атомный проект. Материал из свободной русской энциклопедии «Традиция» <http://traditio.ru/wiki/Уран-проект>.

Книга Джозефа Фаррелла «Чёрное солнце Третьего рейха. Битва за «оружие возмездия». ЭКСМО. Москва. 2008.

Статья «Нацистский генерал Каммлер слишком много знал» в газете «Труд» от 22 июня 2014 года.

них исследований, анализа исторических документов, выполненных Карлшем Райнером и другими авторами, работала, другая, совершенно секретная команда. Она координировала и вела все глубоко засекреченные программы по разработке новых видов оружия, в том числе атомного, реализацию масштабных работ по обогащению урана, строительство подземных заводов по производству самолётов, двигателей к ним и ракет «Фау», по созданию межконтинентальных и баллистических ракет. Полновластным руководителем всех этих и других сверхсекретных программ был доктор — инженер генерал СС Ханс Каммлер, один из самых приближенных к фюреру людей. При этом в рейхе он подчинялся только рейхсканцлеру Гитлеру и имел такие же полномочия, как рейхсфюрер СС Гиммлер и как министр вооружений Шпеер, и никогда не делился своими работами и секретами ни с вермахтом, ни с люфтваффе, ни с кригсмарине. Закономерным результатом этой работы стало создание к 1942 году некоего оружия, которое было названо «зажигательные нефтяные бомбы». В советской литературе об этом оружии не было написано ни строчки, иностранные источники тоже молчали.

Берлинский историк Райнер Карлш отыскал документы, указывающие, что Каммлер сдался в плен американцам, имея с собой папки с документами о важнейших секретных разработках. Американцы фальсифицировали самоубийство и тем самым позволили избежать Каммлеру суда в Нюрнберге.

В 1978 году американцы рассекретили доклад Агентства национальной безопасности (АНБ), в котором содержалась дешифровка перехваченного донесения японского посольства в Стокгольме⁴². Приводим часть этой дешифровки: «Эта бомба, революционная по своему воздействию, полностью перевернёт все устоявшиеся концепции ведения обычной войны. Я направляю вам все собранные отчёты о том, что называется бомбой на основе расщепления атома. Достоверно известно, что в июне 1943 года германская армия в точке на расстоянии 150 км к юго-востоку от Курска испытала совершенно новый тип оружия. Хотя удару подвергся стрелковый полк русских, всего несколько бомб (каждая с боевым зарядом меньше 5 килограммов) оказалось достаточно для того, чтобы полностью его уничтожить до последнего человека. Я (советник японского атташе) случайно увидел последствия произошедшего непосредственно после того, что случилось: все люди и лошади в районе взрыва были обуглены до черноты, сдетонировали все боеприпасы. Также до-

стоверно известно, что этот же тип оружия был испытан в Крыму, в Севастополе, в июле 1942 года против 4-орудийной башенной батареи № 35 и командного пункта командующего Севастопольским оборонительным районом». (До артобстрела, в полночь с 1 на 2 июля 1942 года, полностью расстреляв боеприпасы, артиллеристы взорвали свою героическую батарею).

Приводятся сведения о докладах советской контрразведки и немногочисленные свидетельства местных жителей о двух сверхмощных взрывах на полигоне Ордруф (Тюрингия) и о вспышках ярче солнца и грибовидных столбах пламени высотой около 1 километра. Также приводится официально неподтвержденный факт первого успешного испытания 12 октября 1944 г. атомного заряда на острове Рюген в Балтийском море, проведенного военно-морским ведомством Третьего рейха.

Немецкий историк Райнер Карлш приводит два донесения из Германии советской военной разведки (ГРУ). В первом документе, датированном 15 ноября 1944 г., речь шла о подготовке к испытаниям нового оружия, осуществляемых под контролем СС. В нем, в частности, говорилось: «Немцы намереваются провести испытания нового секретного оружия большой разрушительной силы. В условиях соблюдения строжайшей секретности в Тюрингии готовятся испытательные взрывы бомб необычной конструкции».

Ни подробности конструкции этих бомб, ни предполагаемые сроки испытаний информатору не были известны.

Второе донесение, полученное из Германии 23 марта 1944 г., было еще тревожнее: «В последнее время немцы провели в Тюрингии два крупных взрыва. Они прошли в лесном массиве, в условиях строжайшей секретности. Испытания в Тюрингии привели к тотальным разрушениям в радиусе 500–600 метров. В частности, были полностью разрушены специальные экспериментальные бетонные сооружения вокруг эпицентра взрыва, в радиусе 600 метров зафиксированы сплошной вывал леса и сильный радиоактивный эффект. В том числе были убиты несколько сотен советских военнопленных (~700 человек), на которых испытывали эту мини-бомбу, причем некоторые из них сгорели без следа... Бомба предположительно содержит уран-235, и вес ее равен двум тоннам. Бомба представляет собой шар диаметром 130 сантиметров»⁴³.

Скорее всего, использование «нефтяных зажигательных снарядов» под Курском, в Крыму, в Тюрингии и на острове Рюген было испытанием именно ядерного оружия. Правда, таким же бесчеловечным и беспо-

лезным, как и использование американцами атомного оружия в Японии в 1945 году. Таким образом, выходит, что гитлеровские ученые-атомщики успешно опередили своих американских коллег.

Глава военной разведки генерал-лейтенант Иван Ильичев передал полученные из Германии разведданные научному руководителю атомного проекта И. В. Курчатову, который, проанализировав информацию, доложил о ней И. В. Сталину. Реакция Сталина на доклад неизвестна. Но было очевидно, что стремительному наступлению на Берлин, чтобы заставить германское руководство капитулировать, придавалось первостепенное значение.

Тем не менее сразу после окончания войны в Тюрингию по инициативе Курчатова направили небольшую экспедицию во главе с Георгием Флеровым, которому на месте предстояло разобраться, что стояло за сообщениями разведки. Однако выполнить задание не удалось, так как эту территорию удерживали американцы. Позже интерес к этому делу пропал.

Спустя почти 50 лет, Р. Карлш привлек для сотрудничества Уве Кайзера из Федерального института физики и технологии Брауншвейга, который протестировал образцы почв из предполагаемого района взрыва и пришел к выводу, что уровень радиоактивного загрязнения аномально высок⁴⁴.

В декабре 1944 года генерал Гровс, руководитель «Манхэттенского проекта», был вынужден доложить президенту США Ф. Д. Рузвельту о недостаточном количестве урана-235 для создания урановой бомбы. Часть урана-235 была потрачена на плутониевые бомбы.

Другой нерешенной проблемой было одновременное срабатывание электронных детонаторов, что превращало бомбу в кусок бесполезного металла.

И вот 9 мая 1945 год приносит долгожданное известие — безоговорочная капитуляция Германии. Для всего человечества — долгожданная радость, а для руководства «Манхэттенского проекта» — неожиданная радость. И тоже связанная с немцами. В конце апреля 1945 года подводная лодка U234 проходила погрузку со сверхсекретным грузом для отправки его в Японию. Выйдя в море, капитан получает радиogramму от адмирала Деница о том, что Германией подписан акт о капитуляции, и всем судам — прекратить сопротивление и сдать в ближайшем порту. Капитан решил сдаться американцам. Узнав, что груз содержит уран и взрыватели — мгновенно прибыл Р. Опенгеймер, и груз урана и взрыватели были взяты под охрану. А на следующие сутки

уран был на атомном заводе и восполнил недостающее количество урана-235. Так что урановая бомба для японского города была немецкая.

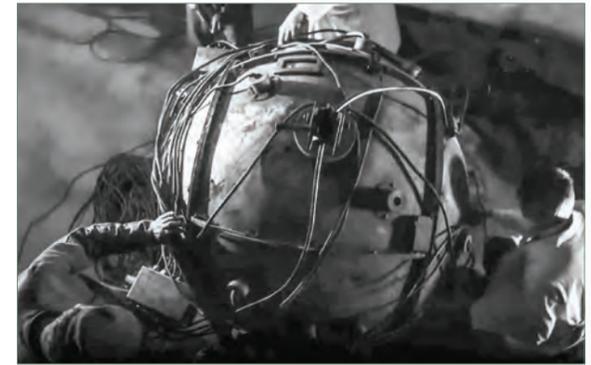
Таким образом, можно сказать, что немцы в своих работах по созданию атомной бомбы стояли ближе к цели, чем считалось раньше. Во время Нюрнбергского процесса нацистский министр вооружения А. Шпеер рассказал о своих усилиях форсировать подготовку атомного оружия. Его спросили, как далеко зашли в Германии работы по созданию атомного оружия. «Нам потребовалось бы еще год-два, чтобы расщепить атом», — был ответ. Страшно предположить, что могло бы произойти, если бы война затянулась. И только стремительное наступление Красной армии разрушило эти чудовищные планы и спасло мир от коричневой чумы фашизма и атомной катастрофы.

Нацистская Германия разгромлена, но милитаристская Япония с самурайским духом осталась.

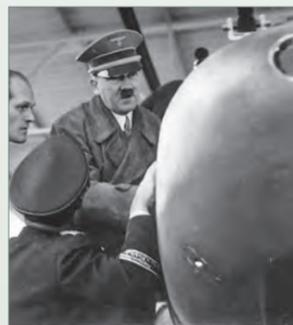
Милитаристская Япония, как и нацистская Германия, начала исследования по атомной программе в годы Второй мировой войны. Ведущей фигурой в японской программе был близкий друг Нильса Бора, доктор Ёсио Нисина, создавший ядерную научно-исследовательскую лабораторию в институте RIKEN... Японский ядерный проект «Ни-Го» стартовал в мае 1943 года, однако сырья не хватало, и нацисты организовали постоянное снабжение Японии ураном-235 и другими секретными материалами подводными транспортными лодками, используя в том числе Северный морской путь. Этим объясняется захват в 1943 году советских метеостанций на северных островах. В ночь с 12 на 13 августа 1945 года в районе корейского города Хыннам на побережье Японского моря было произведено испытание прототипа ядерной бомбы... Однако было поздно — Берлин взят русскими, Германия капитулировала, Квантунская армия разгромлена.

Но воинственный самурайский дух не исчез. Достаточно посмотреть, с каким упорством Токио добивается от Москвы возврата Курильских островов («северных территорий»). И вероятность расширения круга ядерных держав за счёт Японии не может не беспокоить Россию самым серьёзным образом**.

** Книга Джозефа Фаррелла «Чёрное солнце Третьего рейха. Битва за «оружие возмездия». ЭКСМО. Москва. 2008.

«Бомба Третьего рейха».

Гитлер осматривает немецкую атомную бомбу.

Японский император Хирохито в 1945 г.

42 Райнер Карлш. «Бомба для Гитлера» и взгляд из Москвы. «Россия в глобальной политике», № 3. Май — июнь 2005.

43 Там же.

44 Там же.

Руководство Первого Главного управления

А. П. Завенягин.

ЗАВЕНЯГИН Авраамий Павлович (1901–1956), советский государственный деятель, руководитель советской металлургии и атомного проекта, генерал-лейтенант. Дважды Герой Социалистического Труда (1949, 1954), лауреат Сталинской премии (1951). Член ВКП(б) с ноября 1917 г.

В 1919–1920 гг. — комиссар политотдела дивизии РККА. В 1921–1923 гг. — секретарь Юзовского окружного комитета ВКП(б). Окончил Московскую горную академию (1930). Ректор Московского института стали (1930); в 1930–1931 гг. возглавлял проектный институт в Ленинграде, затем работал в аппарате НКТП. В январе — августе 1933 г. руководил металлургическим заводом в Днепропетровске. В 1933–1937 гг. — директор Магнитогорского металлургического комбината.

В 1938 г. А. П. Завенягин возглавил Норильлаг — начатое в 1935 г. строительство Норильского горно-металлургического комбината. Вначале на Норильлаге работали 8 тыс. заключенных, к концу 1939 г. — свыше 19 тыс. Первая промышленная плавка будущего НГМК состоялась 6 марта 1939 г., а через три года (29 апреля 1942) комбинат дал первый металлический никель. С марта 1941-го по август 1951 г. А. П. Завенягин — первый заместитель наркома внутренних дел, осуществляющий общее руководство строительными подразделениями НКВД — Главным управлением лагерей горно-металлургических предприятий. В 1945–1953 гг. — заместитель Л. П. Берии в советском атомном проекте, член Специального комитета при СНК СССР, первый зам. начальника Первого Главного управления СНК СССР, начальник Управления специальных институтов (реорганизованное 9-е Управление МВД СССР). В зону его ответственности входил весь цикл производства ядерного топлива и зарядов, от руды до производимого в промышленных реакторах плутония, в том числе Гиредмет, где в декабре 1944 г. была проведена первая в СССР промышленная плавка урана.

8 декабря 1944 г. постановлением ГКО № 7102, форсировавшим геологоразведочные работы по урану, А. П. Завенягин был назначен ответственным за поиск урана в СССР и на оккупированных территориях. В 1945-м штаб Завенягина провел операцию по поиску и вывозу в СССР германских специалистов — металлургов, химиков и физиков: Николауса Рилля, Манфреда фон Арденне и др. — всего 70 человек в 1945-м и свыше 300 — в 1948 г. Впоследствии именно Завенягин отвечал за работу «немецких» лабораторий. Одновременно по всей зоне советского контроля был организован поиск технологического оборудования, рудных запасов и уже добытых полуфабрикатов урана под управлением П. Я. Мешика и И. К. Кикоина. Всего к середине 1946 г. было найдено 220 тонн соединений урана в пересчете на чистый металл (собственные запасы урана в СССР все еще исчислялись единицами тонн). Под руководством А. П. Завенягина и В. А. Малышева выбирались площадки и строились заводы атомной промышленности — ПО «Маяк», Арзамас-16, Красноярск-26, Челябинск-70 и др., а также Семипалатинский ядерный полигон.

В середине 1946 г. только в СССР разведку вели 320 геологических партий. В результате, кроме уже известного Табошарского месторождения, была начата разработка соединений урана в Криворожском бассейне, Эстонии и Забайкалье. В Чехии была возобновлена добыча на Иохимсталских (Яхимовских) рудниках, а в Саксонии начата разработка на рудниках будущего СГАО «Висмут».

Летом 1949 г. на КБ-11 под его руководством были изготовлены плутониевые полусферы первой в СССР ядерной бомбы, а 19 августа того же года он был назначен ответственным за доставку на полигон и сборку изделия «РДС», первые испытания которого были успешно проведены 29 августа 1949 г. А. П. Завенягин санкционировал проектирование и постройку первой в мире АЭС (1950), участвовал в начальных этапах строительства атомного флота, в выборе подходов к проектированию ядерных реакторов. Летом 1953 г. при реорганизации отрасли он стал вначале первым заместителем министра В. А. Малышева, а в феврале 1955-го — министром среднего машиностроения СССР.

ВАННИКОВ Борис Львович (1897–1962), советский партийный и государственный деятель, генерал-полковник инженерно-артиллерийской службы. Трижды Герой Социалистического Труда (1942, 1949, 1954), лауреат Сталинской премии (1951, 1953). Родился в семье рабочего-нефтяника. После окончания начальной школы был рабочим на нефтепромысле, затем — слесарем на заводе. Окончил Бакинское политехническое училище (1918). Член КПСС с 1919 г. Участник Гражданской войны на Кавказе.

С 1920 г. — на ответственной работе в Наркомате РКК СССР, одновременно учился в МВТУ им. Баумана. С 1926 г. — директор Тульского, затем Пермского машиностроительного завода. С 1937 г. — заместитель наркома, с 1939 г. — нарком оборонной промышленности СССР, а с июня 1941 г. — заместитель наркома вооружения СССР. В 1942–1946 гг. — нарком боеприпасов СССР. В 1945–1953 гг. — начальник Первого Главного управления при СНК (с 1946 г. — при Совете Министров) СССР, которое осуществляло организацию всех исследований и работ по созданию в СССР атомной бомбы, а затем и производства ядерного оружия. В 1953–1958 гг. — первый заместитель министра среднего машиностроения СССР.

Б. Л. Ванников.

АНТРОПОВ Петр Яковлевич (1905–1979). По окончании Московского геологоразведочного института им. Серго Орджоникидзе по специальности «инженер-геолог» (1932) учился в аспирантуре, затем был назначен деканом геологического факультета, а позднее — заместителем директора института. С апреля 1933 г. — заместитель директора и главный инженер Среднеазиатского геологоразведочного треста в Ташкенте, с августа того же года — главный инженер, а в 1935–1937 гг. — управляющий Восточно-Сибирским геологоразведочным трестом в Иркутске. С октября 1937 по январь 1939 г. — начальник Главного управления свинцово-цинковой промышленности Народного комиссариата тяжелой промышленности СССР. С 1939 по 1940-й и с 1941 по 1942 г. — первый заместитель народного комиссара цветной металлургии СССР. В сентябре 1942 г. назначен заместителем члена Государственного комитета обороны Анастаса Микояна. С августа 1945 г. стал участником атомного проекта; был назначен заместителем начальника Первого Главного управления Совета Министров СССР, главной задачей которого было создание атомной бомбы. Отвечал за разведку и добычу запасов урановых и ториевых руд на территории Советского Союза и стран Восточной Европы. Обеспечил добычу сырья для создания атомных бомб и первой советской термоядерной бомбы, испытанной в 1953 г. С созданием министерства среднего машиностроения СССР в июне 1953 г. был назначен заместителем министра.

П. Я. Антропов.

МЕШИК Павел Яковлевич (1910–1953), сотрудник органов государственной безопасности СССР, генерал-лейтенант. В 1931–1932 гг. учился в Самарском энергетическом институте, но не окончил его. В марте 1932 г. принят на работу в ОГПУ, работал уполномоченным в экономическом управлении, окончил Высшую школу ОГПУ (1933). В 1937 г. переведен в 3-й (контрразведывательный) отдел Главного управления государственной безопасности (ГУГБ). С 1939 г. — помощник начальника, затем — начальник следственной части Главного экономического управления (ГЭУ) НКВД. С марта 1940 г. — начальник 1-го (промышленные и пищевые наркоматы) отдела ГЭУ НКВД. В июле 1941 г. возглавил экономическое управление НКВД СССР, одновременно (в сентябре — ноябре 1941 г.) возглавлял 7-й спецотдел (обеспечение производства минометного вооружения). С апреля 1943 г. по декабрь 1945 г. — заместитель начальника Главного управления контрразведки (СМЕРШ), одновременно в 1944–1945 гг. заместитель командующего 1-м Украинским фронтом. С августа 1945 г. по март 1953 г. — заместитель начальника Первого Главного управления при Совете Министров СССР по режиму секретности (управление занималось разработкой и созданием ядерного оружия). С марта 1953 г. — министр внутренних дел Украинской ССР. Летом того же года арестован по делу Л. П. Берии и расстрелян.

П. Я. Мешик.

Образование Министерства среднего машиностроения СССР

Указом Верховного Совета СССР 26 июня 1953 года и последующими постановлениями Совета Министров СССР образовано Министерство среднего машиностроения СССР на основе Специального комитета при Совете Министров СССР, аппарат которого, включая 1-е и 3-е Главные управления, передан в Министерство среднего машиностроения СССР.

Для обеспечения передового положения советской науки и техники в области атомной энергии, управляемых ракет, самолетов-снарядов и ракет дальнего действия возложить на Министерство среднего машиностроения выполнение следующих основных задач:

— выполнение утвержденных Правительством планов добычи урановых и ториевых руд, выплавки металла и производства атомных бомб, а также планов и заданий научно-исследовательских, опытно-конструкторских работ и капитального строительства;

— дальнейшее развертывание геологоразведочных работ и расширение сырьевой базы по добыче урановых и ториевых руд в СССР до полного обеспечения потребности в них, а также ускорение темпов использования урановых месторождений за пределами СССР (в Румынии, ГДР, Болгарии, Чехословакии и других странах).

Мальшев Вячеслав Александрович (1902–1957)

Родился в Усть-Сысольске Вологодской области. Окончил в 1924 году Великолукское железнодорожное училище. Работал машинистом паровоза. В 1934 году окончил МВТУ и работал на Коломенском паровозостроительном заводе. Прошел путь от конструктора до директора завода. В 1939 г. стал наркомом тяжелого машиностроения СССР. В годы войны — нарком танковой промышленности СССР. После начала работ по атомному проекту В. А. Мальшев был подключен к руководству созданием новой отрасли промышленности. С декабря 1945 г. он входит в состав инженерно-технического совета Спецкомитета при ГКО СССР, а с апреля 1946 г. — в НТС ПГУ при СНК СССР.

Будучи в 1950–53 гг. министром судостроительной промышленности, В. А. Мальшев стал одним из организаторов создания атомного подводного флота. В 1953 г. назначается первым руководителем вновь созданного министерства среднего машиностроения. В. А. Мальшев возглавлял государственную комиссию по проведению первого в СССР испытания термоядерного оружия.

Умер от лучевой болезни через четыре года после посещения в 1953 году полигона, на котором производились испытания первой советской атомной бомбы. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Славский Ефим Павлович (1898–1991)

Родился в с. Макеевка Донецкой обл. Инженер-металлург. Участник Гражданской войны. После окончания Московского института цветных металлов и золота работал в алюминиевой промышленности. В 1946 г. переведен из Наркомата цветной металлургии СССР, где работал заместителем наркома — начальником Главалюминия, в Первое главное управление (ПГУ) при СМ СССР. Работал заместителем, первым заместителем начальника Первого главного управления при СНК СССР — СМ СССР (1946–1947, 1949–1953), главным инженером — заместителем директора Комбината № 817 (1947–1949), заместителем, первым заместителем министра среднего машиностроения СССР (1953–1957), начальником Главного управления по использованию атомной энергии при СМ СССР (1956–1957), министром среднего машиностроения СССР (1957–1963, 1965–1986), председателем Государственного производственного комитета по среднему машиностроению СССР (1963–1965), внес большой вклад в развитие отрасли. В 1980 году удостоен Ленинской премии.

В ноябре 1986 года вышел на пенсию. Скончался 28 ноября 1991 года в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

В дальнейшем, при содействии и мощной поддержке Министерства среднего машиностроения, развивались атомная наука и техника в СССР и странах Восточной Европы и Азии, укреплялся ядерный щит страны, вводились в строй атомные электростанции, атомные подводные лодки и ледоколы, разрабатывались и внедрялись уникальные технологии по добыче урана, золота, производству минеральных удобрений, применению изотопов в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства. «Средмаш» включал в себя десятки и сотни городов и посёлков, горнодобывающих рудников и обогачительных фабрик, различных заводов, научных центров, исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро, учебных заведений и полигонов на которых работали сотни тысяч рабочих инженеров, учёных, создавая надёжный ядерный щит Родины и современные достижения науки и техники.

В. А. Мальшев — первый министр МСМ (с 1953 по 1955 г.).

Е. П. Славский — министр МСМ с 1957 по 1986 г.

На фото слева и справа: патриархи атомной промышленности Е. П. Славский и А. П. Александров.

Слева направо: Е. П. Славский, Б. Л. Ванников и И. В. Курчатов. На фото справа: И. В. Курчатов и Е. П. Славский.

Е. П. Славский со штабом Минсредмаша СССР. 1976 год.

На фото слева: И. В. Курчатов и Е. П. Славский.

Немецкие ученые, внесшие свой вклад в советский Атомный проект

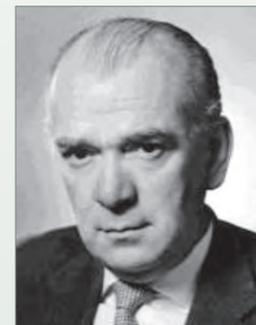
Наряду с тысячами немецких горняков, решавших в СГАО «Висмут» поставленную перед ними задачу по обеспечению поставок необходимого уранового сырья, в работе по реализации Атомного проекта принимали участие и выдающиеся немецкие учёные. Один из них стал сотрудничать с Советским Союзом ещё во время войны в 1941 году. Это был физик Фукс Клаус. Остальные были привлечены к работам по атомной тематике после мая 1945 года на добровольной или добровольно-принудительной основе. Завенягин А. П. в своей записке от 18 июня 1945 г. на имя Л. П. Берии сообщал, что «в СССР

вместе с оборудованием направлено 39 германских учёных, инженеров, мастеров и, кроме них, 61 человек членов их семей». Всем им были предоставлены достойные условия жизни и работы. Их успехи отмечены высокими правительственными наградами и премиями. Среди этих 300 ведущих учёных были Лауреат Нобелевской премии Густав Герц, Макс Фольмер, Петер Тиссен, Макс Штеенбек, Гернот Циппе. После 1955 года почти все они вернулись в Германию. Биографии некоторых ученых, внесших свой значительный вклад в Атомный проект, приводим на этой странице.

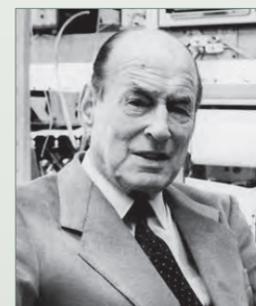
Клаус Фукс.

ФУКС КЛАУС (1911–1988). Выдающийся немецкий физик, антифашист. В 25 лет защитил докторскую диссертацию. Работал в лаборатории Макса Борна. С 1940 работает в Англии в Бирмингемском университете по созданию атомной бомбы. Решил ключевые математические задачи по уточнению параметров оружия. Его работы высоко ценил Р. Оппенгеймер, руководивший «Манхэттенским проектом». С 1941 года по своей инициативе и совершенно бескорыстно начал сотрудничать с советской разведкой на основе дружеского отношения к СССР. В 1943 году прибыл в Лос-Аламос. Передавал советской разведке важнейшую информацию о работах по атомной бомбе. Был арестован в 1950 году и приговорен к длительному тюремному сроку. В 1958 году выпущен и вернулся в ГДР. По оценке зарубежных ученых-атомщиков, его разведывательная деятельность заставила отказаться США от планов применения ядерного оружия против СССР и тем самым помог сберечь мир на долгие годы. Умер в 1988 г. Похоронен в Берлине.

Николаас Риль.

РИЛЬ НИКОЛАС (1901–1990). Выдающийся немецкий и советский физик и радиохимик. Родился в Санкт-Петербурге. Учился в Ленинградском политехническом институте, затем в Берлинском университете. Работал на «Ауэргезельшафт». Получил семь тонн металлического урана. После мая 1945 года Риль начал по контракту работать в СССР научным руководителем на заводе «Электросталь». По его технологии был получен металлический уран, необходимый для создания бомбы. Полученный уран по его технологии был чище американского, образцы которого достала разведка. Николаас Риль — Герой социалистического труда (1949) и Лауреат Сталинской премии (1949). По распоряжению Сталина ему была построена подмосковная дача в Жуковке. Вернулся Риль в Германию в 1955 году. Работал в Мюнхенском техническом университете. Написал книгу о работе в СССР «10 лет в золотой клетке».

Манфред фон Арденне.

МАНФРЕД фон АРДЕННЕ (1907–1997). Выдающийся физик, исследователь и изобретатель. Родился в 1897 г. Во время Второй мировой войны возглавлял частный НИИ. В мае 1945 года по своей инициативе написал заявление Советскому правительству, что он «хочет работать только с русскими физиками и предоставляет институт и самого себя в распоряжение советского правительства». Под Сухуми ему организуют институт для исследований проблем обогащения и разделения изотопов урана для советского атомного проекта. Им получено более 600 патентов в различных областях науки и техники. Пионер телевидения. В 1955 году вернулся в Германию и организовал свой НИИ в Дрездене. Лауреат Сталинской премии (1947, 1953). Неоднократно получал Национальные премии ГДР.

НАЧАЛО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА ПО РАЗВЕДКЕ И ДОБЫЧЕ УРАНОВОЙ РУДЫ В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ (1945–1946)

ГЛАВА 2

Первые обнадеживающие результаты геологической поисковой группы С. П. Александрова

Работы по поискам и разведке урановых месторождений в Восточной Германии (советской оккупационной зоны) были начаты сразу после капитуляции Германии и отвода американских войск за разграничительную линию, установленную Ялтинской и Потсдамской конференциями союзников по антигитлеровской коалиции. В соответствии с их решениями Германия была разделена на советскую, американскую, английскую и французскую зоны, подконтрольные союзным военным администрациям и создававшимся немецким муниципальным органам.

Первым обследовал Шнееберг и Иоганн-георгенштадт известный геолог, профессор Крейтер Владимир Михайлович в начале августа 1945 года. В этом же месяце 1945 г. в Чехословакию и Рудные горы Саксонии по распоряжению А. П. Завенягина была направлена группа советских специалистов, состоявшая из одного из ведущих специалистов в области радиоактивных руд, заместителя начальника и главного инженера 9-го Управления (Специальное металлургическое управление) НКВД СССР инженера-полковника С. П. Александрова (руководитель работ), главного геолога ПТО ГУЛГМП НКВД СССР подполковника А. Н. Ярошенко (начальник партии), горного инженера Е. И. Орлова, инженера-металлурга В. В. Назаренко и инженера-механика И. В. Костычева. Общее руководство осуществлял генерал-лейтенант П. Я. Мешик.

По прибытии в Германию группа приступила к ревизии имеющейся горно-геологической документации, находившейся в архивах Фрайбергской горной академии и на старых рудниках, к радиометрическому опробова-

нию старых отвалов и горных выработок.

К работе были привлечены профессор Фрайбергской горной академии — доктор Эккерлайн и доктор Шумахер. Однако в своем заключении, переданном 8 октября 1945 г. советской комиссии, немецкие специалисты дали невысокую прогнозную оценку возможных запасов месторождений Рудных гор. Основные положения этих заключений и отношение к ним советских геологов приведены в докладной записке «К вопросу расширения работ на Шнеебергском месторождении в Саксонии»¹.

Вот что писал в своем исследовании

АЛЕКСАНДРОВ Семен Петрович (1891–1962), горный инженер, ведущий специалист по разведке радиоактивных руд. Окончил горный институт в Петрограде (1922). В 1923–1928 гг. работал в Государственном исследовательском институте цветных металлов. Участник восстановления и один из руководителей Тюя-Муюнского радиевого рудника (1922–1925). Главный инженер треста «Редкие металлы» (1925–1930).

Со специальными заданиями, связанными с атомной промышленностью, посетил США (1928–1929), Болгарию, Румынию, Чехословакию, Германию (1945–1946). В 1947–1948 гг. — главный геолог САО «Висмут». Научный советник А. А. Громыко в Атомной комиссии ООН и на испытаниях атомной бомбы на атолле Бикини (США, 1945–1946). В 1949 г. по итогам успешного испытания первой отечественной атомной бомбы, сырье для изготовления которой добывалось САО «Висмут», С. П. Александрову было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Сталинская премия I степени.

У. Черчилль, Ф. Рузвельт, И. В. Сталин. Ялтинская конференция, 1945 г.

С. П. Александров

¹ См. ниже, Приложение 4.

профессор Шумахер: «Надежды на открытие в Шнееберге значительных количеств урановой руды очень невелики. Ввиду спорадического и бедного проявления урановой смолки в отдельных жилах нет возможности начать работы по разведке специально на уран. Также нет надежды, что более значительное количество урановой руды будет добыто в процессе производящихся в данное время разработок висмутовых руд. Возможно, правда, что иногда при горных разработках можно встретить урановую руду. Однако эти разработки будут представлять интерес только с точки зрения минералогии и ни в коем случае не могут служить базой для горного производства. По этой причине надо отказаться от проведения в Шнееберге радиометрических измерений»².

Профессор Эльснер в своем отчете «Никель-кобальт-висмутовое месторождение Шнееберг», переданном в 1945 г. в Саксонскую поисковую партию профессора С. П. Александрова, дает еще более

Организация Саксонской ураново-поисковой партии

На основании этих результатов заместитель министра МВД СССР А. П. Завенягин 13 августа 1945 г. издает распоряжение об организации Саксонской ураново-поисковой партии (СУПП) на основе группы С. П. Александрова. СУУП являлось воинской частью № 27304.

Свой первый отчет СУПП представила в Специальный комитет Совета Министров СССР уже через месяц, 14 сентября 1945 г. В нем было сделано важное предложение: «Организовать предварительные поиски урановых руд и минералов в южной части Германии, непосредственно примыкающих к Иоахимстальскому (Яхимовскому) месторождению в районах Обервизентала, Аннаберга, Фрейберга, Иоганнгеоргенштадта и других, где уже констатированы урановые руды и где они частично добывались в качестве побочных продуктов при добыче руд цветных и редких металлов.

В IV квартале 1945 года советские солдаты в/ч № 27304 начали в Иоганнгеоргенштадте интенсивные горные работы на шахтах «Фриш Глюк», «Гюнтершахт», «Шаршахт» и «Хофнунгшахт».

Целевым заданием этих поисковых работ должно быть выявление перспектив ураноносности Рудных гор Саксонии для использования возможных природных скоплений урана в этой части Германии для нужд обороны Советского Союза».

² Prof. Dr. Schumacher. Bericht über die Erzvorkommen im Bereich des Eibenstock-Karlsbader Granitmassivs. 1945. Wismut GmbH Geol. Archiv (GA).

определенное заключение: «В противоположность Яхимову и Иоганнгеоргенштадту, в Шнееберге не встречается жил, содержащих только урановую руду. До сего времени в отдельных жилах найдены незначительные количества урановой смолки, поэтому нецелесообразно производить специальные разведочные работы с целью поисков урановой руды. Урановое оруденение рудников Шнееберга никогда не сможет служить базой для горных разработок, оно представляет интерес только с точки зрения минералогии и генезиса месторождений».

Несмотря на такие категоричные отрицательные заключения, группа специалистов под руководством С. П. Александрова, проведя летом 1945 г. ревизию немецких архивных материалов и выполнив первые геологоразведочные работы в выработках старых рудников, оценила запасы урана в Рудных горах в 150 тонн и определила их перспективность на выявление урановых месторождений.

Спецкомитет поддержал это предложение и в своем решении от 14 сентября 1945 г. (Протокол № 4) записал: «Приступить к поискам урановых руд в южной части Германии, прилегающей к Иоахимстальскому (Яхимовскому) урановому месторождению». Это решение дало мощный импульс началу широкомасштабных работ по разведке и добыче урана в Саксонии. Обращает на себя внимание оперативность (14 сентября заслушали и в тот же день приняли решение) и конкретность решений, принимаемых СНК и его Специальным комитетом.

В сентябре 1945 г. СУПП под руководством С. П. Александрова начинает интенсивные работы по поиску и разведке урановых месторождений в районах Шнееберга и Иоганнгеоргенштадта. Состав группы, вошедшей в СУПП, расширяется. В нее вошли: Александр Николаевич Ярошенко (начальник партии), Порфирий Эммануилович Григорьев (заместитель), Григорий Сергеевич Лабазин (геолог), Борис Петрович Колмаков (геофизик), Елизавета Генриховна Грачева (радиолог), Павел Тимофеевич Писанко (горный инженер), Валерия Васильевна Назаренко (инженер-технолог, погибла 24 ноября 1945 г. в автомобильной катастрофе), Зинаида Степановна Червина (инспектор), Мстислав Семенович Александров (переводчик, студент МЭИ). На месте

³ Серов И. А. — с июня 1945 г. заместитель главного начальника Советской военной администрации Германии по делам гражданской администрации и уполномоченный НКВД СССР по Группе советских оккупационных войск в Германии.

к поисковой партии была прикомандирована переводчица оперативного сектора Советской военной администрации федеральной земли Саксония В. В. Чижова. Основной базой для развертывания работ СУПП был избран Дрезден. По личному указанию Л. П. Берии всю необходимую помощь в организации и выполнении работ в Саксонии оказывал начальник оперативного сектора СВА федеральной земли Саксония генерал-майор С. А. Клепов. Каждые 10 дней СУПП направляла отчеты А. П. Завенягину и генерал-полковнику И. А. Серову³.

По заданию, утвержденному Завенягиным, СУПП должна была провести геологическое обследование и поиски урановых руд в районах Яхимова (Чехословакия), Иоганнгеоргенштадта, Аннаберга, Шнееберга, Альтенберга. Поисковые работы пред-

Начало интенсивных горных работ в Иоганнгеоргенштадте и Шнееберге

На основании работ поисковой партии, изучения литературных и документальных материалов и бесед с немецкими специалистами был сделан вывод о том, что наиболее интересными и перспективными в отношении уранового оруденения на территории Саксонии являются Иоганнгеоргенштадтское и Шнеебергское месторождения. Поэтому сначала на Шнеебергском, а затем на Иоганнгеоргенштадтском месторождениях были сосредоточены работы поисковой партии. По степени концентрации урана руды месторождений были разделены на три группы:

А. Штуфные руды с содержанием урана от нескольких процентов до 40 %.

Б. Штуфные комплексные руды, содержащие от 0,2 до 0,5 % урана.

В. Рядовые комплексные руды с весьма незначительным содержанием урана (менее 0,2 %).

По оценке геологов поисковой партии Ярошенко, Григорьева и Лабазина запасы месторождений, готовых к выемке, оцениваются в следующих количествах: по Шнеебергу — порядка 5 тонн, по Иоганнгеоргенштадту — 15 тонн.

 До конца 1945 г. в Иоганнгеоргенштадте срочно реконструируются Фришглюк-шахт и Шаар-шахт (ремонт стволов и откаточных штоков, настилка путей, прокладка трубопроводов и т. д.) для проведения ревизионных геологоразведочных работ. С 1 декабря 1945 г. была начата разведка Иоганнгеоргенштадтского и Шнеебергского месторождений с попутной добычей урановой руды из разведочных выработок.

⁴ Сводный отчет Саксонской ураново-поисковой партии НКВД за 1945–1946 гг. Архив МСМ. № 7. См. также Приложение 5.

полагалось проводить путем маршрутных радиометрических съемок на поверхности, главным образом с помощью полевого гамма-счетчика (ПСГ-4).

Поисково-исследовательские работы на Шнеебергском и Иоганнгеоргенштадтском месторождениях были начаты 26 сентября и продолжались до 27 ноября 1945 г. Работы проводились в старых горных выработках, зачастую в опасных условиях из-за возможных обрушений кровли и недостатка вентиляции. Но, несмотря на все трудности, был выполнен огромный объем работ. Сводный отчет СУПП о выполненных работах в Чехословакии и Южной Германии за период с 23 сентября по 15 марта 1946 г. был представлен в Спецкомитет⁴.

Планом работ Саксонской ураново-поисковой партии на 1946 г. предусматривалось:

1. Форсированная разведка основных жил Фришглюк-шахт горными работами, проверка выявленных аномалий и их промышленная оценка.

2. Откачка и восстановление шахты Химмельфарт; разведка, опробование и документирование выработок на горизонтах 23, 50, и 100 метров.

3. Опробование всех ранее пройденных выработок на Иоганнгеоргенштадтском руднике, а также откачка и геологическое обследование нижних горизонтов Шнеебергского рудника по жилам Катарина, Вальпургис, Санкт-Георг и Фюрстенфертраг.

4. Подсчет запасов месторождений.

5. Систематизация и обобщение всех сохранившихся материалов по добыче прошлых лет и их анализ в сопоставлении с современными данными подземного геологического картирования и текущей документацией; выявление основных закономерностей оруденения.

6. Прирост запасов урана по месторождениям в количестве не менее 10 тонн по категориям В + С₁.

Для выполнения этих задач было необходимо:

а) пройти 2000 пог. метров горных выработок;

б) восстановить 1000 пог. метров старых выработок;

в) провести очистные работы в объеме 1000 кубометров;

г) провести бороздовые пробы в количестве 2500 пог. метров;

д) провести 3000 радиометрических определений и 800 химических анализов.

Чтобы провести эти работы, требовалось дополнительно 164 профессиональных

горняка, увеличение мощности компрессорного хозяйства, радиометрические приборы и оборудование.

Урановое оруденение на этих месторождениях находили в подземных горных выработках, существующих сотни лет. Этот характер оруденения заставил выбрать основным методом поисков радиометрическое обследование подземных выработок, значительно более трудоемкое, чем проведение работ на поверхности. Отсутствие на этих рудниках геологической службы и документации подземных выработок еще более усложняло работу по их обследованию. Прибор ПСГ-4

Факторы, влиявшие на добычу урана в Германии

Таким образом, выполненные в 1945-м и в первой половине 1946 г. работы подтвердили мнение советских геологов о наличии ряда урановых месторождений промышленного значения в Рудных горах Саксонии. Эти месторождения обладали несколькими специфическими экономическими факторами.

К благоприятным факторам можно отнести:

1. Проявление урановых оруденений в старинных серебряно-никель-кобальтовых рудниках, заброшенных, но еще сохранившихся в подземной части, что позволяло восстановить их и использовать для расширения производственной деятельности и добычи урана.

2. Доступность каждого рудника к шоссейным и железным дорогам.

3. Наличие широко разветвленной электросети высокого напряжения.

4. Наличие большого количества профессионалов горного дела.

К сожалению, существовали и неблагоприятные факторы:

1. Старинные рудники имели мало мощные компрессорные установки для сжатия воздуха.

2. Отсутствовала надежная вентиляция в старых горных выработках, имеющих малые сечения и проветриваемых только за счет естественной тяги.

3. Отсутствовал механический подъем на стволах: спуск и подъем людей и материалов осуществлялся по лестничным отделениям.

4. Откатка горной массы производилась вручную, что крайне осложняло их реконструкцию.

5. Рудники располагались либо в городской черте, либо в непосредственной близости от населенных пунктов, что вызывало

до этого при геологоразведке нигде не применялся. Поэтому пришлось разрабатывать методику работы с этим прибором в процессе проведения самих радиометрических работ и уточнять ее по мере накопления производственного опыта. С помощью ПСГ-4 было обследовано 8620 пог. метров подземных горных выработок, 3450 пог. метров маршрутных профилей на поверхности и 20 отвалов, взято более 300 проб. Эти работы позволили СУПП в марте 1946 г. увеличить объемы прогнозируемых запасов урана в районе Иоганн-георгенштадта на 22,2 тонны и оценить месторождения как высокоперспективные.

недовольство местного населения при начале интенсивной эксплуатации рудников.

6. Для восстановления старых и строительства новых рудников было необходимо большое количество нового горного оборудования.

7. Потребность в большом числе советских специалистов высшей и средней квалификации — геологов, горняков, маркшейдеров, геофизиков, электромехаников, так как немецких специалистов нужного профиля было недостаточно и требовалось время для их подготовки.

Кроме того, существовал очень серьезный морально-политический фактор.

Деятельность по поиску и добыче урана разворачивалась на территории поверженной нацистской Германии, население которой еще не освободилось от пут фашистской пропаганды, было морально раздавлено крахом своей страны, потерей семейных очагов и близких. И при всей законопослушности немецкого населения, в первые послевоенные годы были акты диверсий и враждебной деятельности по отношению к советским организациям, особенно таким, как «Висмут». Подробнее об этом — в последующих главах.

Нельзя было забывать и о внешнеполитическом факторе.

Руководству Советского Союза еще не было ясно, сколь долго продлится режим оккупации Германии и каково будет дальнейшее становление ее государственности. Это наложило свой отпечаток на характер деятельности воинской организации «Полевая почта № 27304», которая затем была преобразована в «САО «Висмут»». С одной стороны, нужно было как можно быстрее осуществить добычу разведанных запасов урана, с другой — вести работы без больших капитальных затрат.

Развитие добычи урана в Рудных горах советскими организациями

При острой нехватке собственного урана для реализации советского атомного проекта полученные Саксонской ураново-поисковой партией обнадеживающие результаты по приросту запасов урана были как нельзя кстати и стимулировали стремительный рост горных работ в Рудных горах Саксонии.

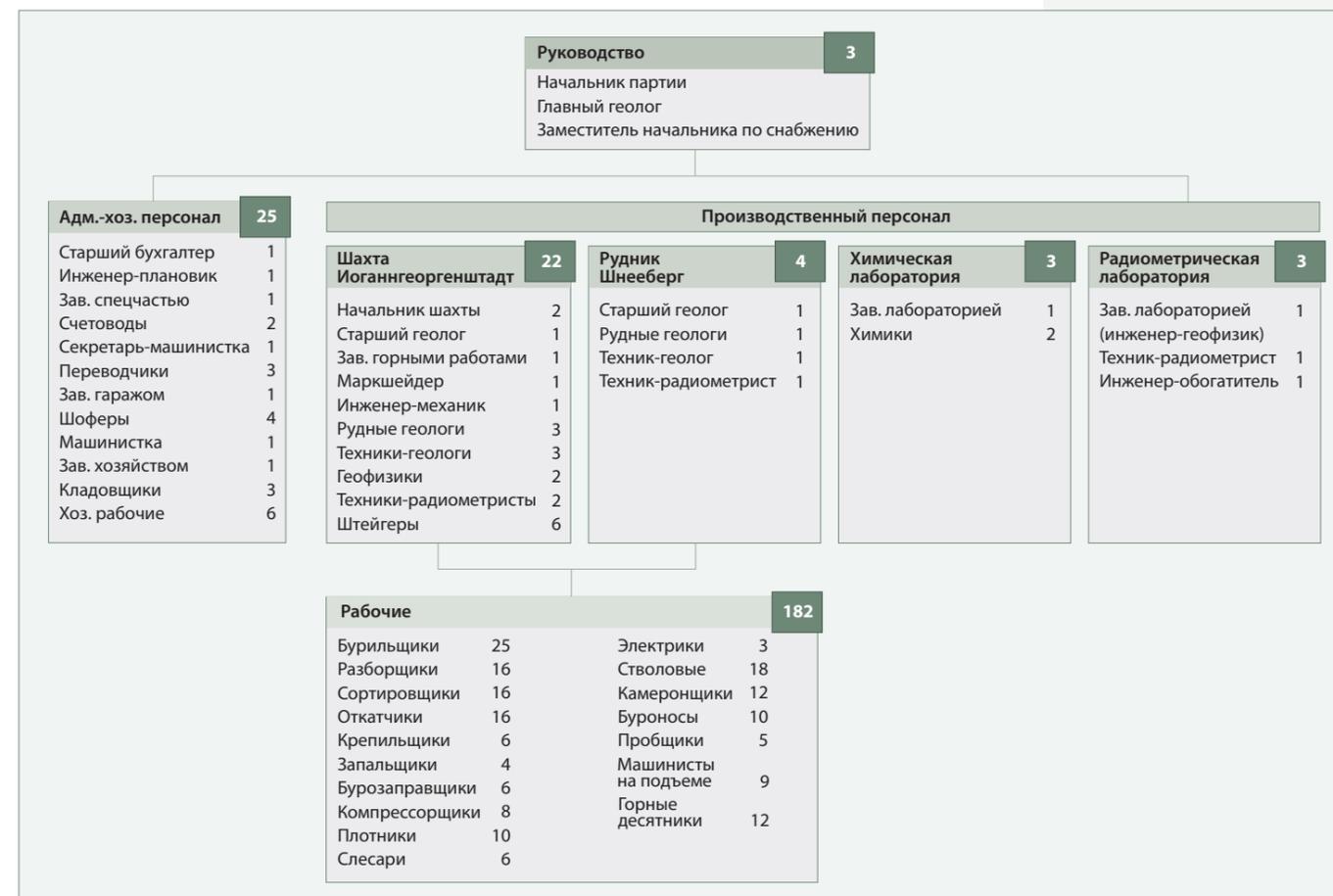
Постановлением Совета Министров СССР от 4 апреля 1946 г. № 740-294сс на основании положительных результатов ревизии геологических материалов и для более глубокого изучения ураноносности Рудных гор была организована стационарная Саксонская производственно-поисковая партия (СППП) Первого Главного управления при Совете Министров СССР, которой в 1946 г. было поручено: провести геологическую разведку Иоганнгеоргенштадтского месторождения; проверить на уран другие месторождения цветных и редких металлов в Саксонии (Шнееберг, Фрайберг, Химмельсфурст, Аннаберг, Обервизенталь, Цинвальд); попутно с разведкой произвести

опытную добычу в количестве не менее одной тонны урана в штуфных концентратах из Иоганнгеоргенштадтского месторождения; разработать технологические схемы переработки руд Иоганнгеоргенштадтского и других месторождений урана в Южной Саксонии.

Саксонская ураново-поисковая партия передавалась из ведения МВД в ведение Первого Главного управления (ПГУ) при Совете Министров СССР со всеми кадрами, оборудованием, транспортом, инвентарем и геологическими материалами по балансу на 1 марта 1946 г.

Начальником СППП был назначен Н. М. Хаустов, уполномоченный заключать договоры через Министерство внешней торговли с Саксонским горнопромышленным обществом и другими германскими организациями на выполнение горно-разведочных и горно-эксплуатационных работ. Для финансирования работ СППП Министерство финансов СССР выделило на 1946 г. 5 млн оккупационных марок.

Рис. 1. Структура Саксонской промышленно-разведочной партии (СППП) в 1946 г.

Р. В. Нифонтов.

Для выполнения заданий, возложенных на СППП, Первое Главное управление направило в Германию 20 инженерно-технических работников.

Советская военная администрация в Германии была обязана обеспечить:

а) необходимой рабочей силой из местного населения для выполнения работ Саксонского горнопромышленного общества согласно договорам и заданиям СППП;

б) продовольствием и промтоварами для работников СППП, а также рабочих и служащих Саксонского горнопромышленного общества, занятых на специальных

работах, с учетом вредности производства и высокогорности районов;

в) материалами и оборудованием по заявкам СППП для осуществления непосредственно на месте всех необходимых работ;

г) охрану всех предприятий и рудников СППП.

Кроме того, СВА разрешила въезд в Германию семьям сотрудников СППП, время работы которых превышало 6 месяцев, и получать зарплату сотрудников по прежнему месту работы в совзнаках в размере 75 % оклада. Этот пункт постановления Совета Министров СССР положил начало появле-

НИФОНТОВ Роман Владимирович (1901–1960). Окончил Московскую горную академию (1926). Горный инженер-геолог, кандидат геолого-минералогических наук (1945), специалист в области поиска и разведки урана. Начальник разведочных работ, старший геолог Главцветметзолото, старший инженер Комитета по делам геологии. Главный геолог геологического управления САО «Висмут» (1947–1950). В 1949 г. за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания (создание первой отечественной атомной бомбы) удостоен звания Героя Социалистического Труда и лауреата Сталинской премии I степени.

КОТЕЛЬНИКОВ Георгий Николаевич (1920–2002). В 1941 г. окончил Томский университет. В 1941–1945 гг. — главный геолог, начальник геологической партии Западносибирского геологического управления. В 1946–1951 гг. — старший геолог Фришглюк-шахт, главный геолог рудоуправления (Объект 8) в «Висмуте». В 1949 г. за заслуги перед государством при выполнении специального задания (создание первой отечественной атомной бомбы) ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии.

ПРИБЫТКОВ Петр Васильевич (род. 1916). В 1941 г. окончил Ростовский университет. Участник Великой Отечественной войны, партизан. В 1946–1952 гг. — старший инженер НИИ-9. В 1946 и 1947 гг. проводил ревизионно-поисковые исследования на наличие урана в старых рудниках Рудных гор Восточной Германии. Главный геолог и начальник шахты Гюнтер Глюк Объекта 1. По возвращении в СССР стал заниматься технологическим опробованием урановых месторождений. С 1952 г. — во ВНИИХТе.

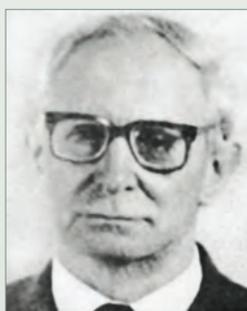
НЕКРАСОВА Зинаида Александровна (род. 1913). Окончила Московский геологоразведочный институт (1940). Ведущий ученый в области рудничной геологии и минералогии и исследования вещественного состава руд различных генетических типов месторождений. Работала в Хабаровском геологическом управлении (1940–1945). От НИИ Главстроя работала в САО «Висмут» в должности главного геолога рудника (1947–1949), занималась исследованием ураноносных углей Фрайтальского месторождения с целью оценки перспектив уранового оруденения, развитием геологоразведочных и эксплуатационных работ. Открыла два новых месторождения урана Беренхютте и Нидерпелль. На месторождении Кенигштайн дала рекомендации по направлению ведения разведочных работ, которые способствовали увеличению запасов урана.

ЧИРКОВ Илья Васильевич (1910–1987). Окончил Свердловский государственный университет по специальности «геолог» (1937). Участник Великой Отечественной войны. В 1946–1950 гг. работал в САО «Висмут» (главный геолог рудника, главный геолог геологоразведочного Объекта 30). Проводил ревизионно-поисковые работы в районе Обершлеме и участвовал в подсчете запасов. В Тюрингии осуществил первые поисково-оценочные работы, в результате которых был открыт ряд урановорудных аномалий, а позднее — Роннебургское рудное поле. В последующие годы работал во ВНИИХТе.

НИЗОВСКИЙ Виктор Николаевич (род. 1919). Окончил Московский геологоразведочный институт (1941). Горный инженер-геолог, специалист в области поиска и разведки месторождений урана. В 1941 г. пошел добровольцем в Красную армию и участвовал в боях под Москвой. Работал в НИИ-9. Осени 1946 г. работал в «Висмуте» главным геологом Объекта 10, участвовал в открытии, оценке и эксплуатации урановых месторождений в Обершлеме, Шнееберге, Иоганнгеоргенштадте. Лауреат Государственной премии в области науки и техники (1974).

Г. Н. Котельников.

П. В. Прибытков.

ЗИМИН Даниил Федорович (1918–1970). Окончил Московский геологоразведочный институт. Инженер-геофизик. Специалист по разведке урановых месторождений. В «Висмуте» работал с 1946 г., принимал активное участие в разведке первых урановых месторождений Рудных гор. За эти работы в 1949 г. ему было присвоено звание лауреата Сталинской премии.

нию в СППП, а в последующие годы и в «Висмуте», семей советских специалистов.

Организация под названием СППП просуществовала недолго, и уже 15 апреля 1946 г. постановлением Совета Министров СССР Саксонская производственно-поисковая партия преобразуется в Саксонскую промышленно-разведочную партию (СПРП) (начальник партии — Н. М. Хаустов, главный геолог — Р. В. Нифонтов), которой поручается наряду с геологоразведкой ведение работ по добыче урана на месторождениях Иоганнгеоргенштадт и Шнееберг.

Структура СПРП по состоянию на август 1946 г. представлена выше на схеме (Рис. 1). Всего здесь работало 242 человека, 60 из них были советские специалисты, а остальные 182 — рабочие из местного населения.

В первое время работу выполняли 27 советских геологов, геофизиков и радиохимиков.

К работе в СПРП были привлечены специалисты НИИ-9: геологи П. В. Прибытков (назначенный руководителем и геологом Гюнтер-шахт), Г. Н. Котельников (назначенный геологом Фришглюк-шахт в Иоганнгеоргенштадте), З. А. Некрасова (направленная на Фрайтальское месторождение углей), М. В. Бесова, И. В. Чирков, В. Н. Низовский, Н. Ф. Новиков; геофизики Д. Ф. Зимин, В. Н. Шишов, Н. Д. Гутин.

Уже в первые месяцы на этих месторождениях геологами и геофизиками Р. В. Нифонтовым, Г. Н. Котельниковым, Д. Ф. Зиминим, И. В. Чирковым, М. В. Бесовой, П. В. Прибытковым, А. И. Ярошенко, В. Н. Низовским и другими советскими специалистами были открыты новые рудоносные участки с высоким содержанием урана и начаты горнодобывающие работы.

Для оценки полученных результатов в Саксонию была направлена правительственная комиссия во главе с академиком С. С. Смирновым. Заместитель руководителя ПГУ П. Я. Антропов поручил ей решить следующие вопросы:

1. Дать промышленную оценку и ориентировочный подсчет запасов урана на разведанных и эксплуатируемых месторождениях.

2. Определить направления и объемы поисковых, горно-разведочных, буровых, горно-подготовительных и очистных работ на 1947 г.

3. Определить возможную добычу урана в 1947 г.

4. Определить выход штуфной руды

с содержанием не ниже 3 % урана и бедной руды с содержанием 0,1–0,5 % для переработки на обогатительной фабрике.

5. Дать заключение по месторождению «Гюнтер», геологическим возможностям обнаружения новых рудных тел и направлению разведочных работ на глубину и по флангам.

6. На основании имеющихся на месте материалов по старым заброшенным рудникам дать перспективную оценку их промышленного значения и определить направление поисковых и разведочных работ на 1947 г.

7. Определить систему очистных работ.

8. Разработать методику поисковых и разведочных работ.

Полученные комиссией материалы должны были стать основанием для представления в Совет Министров СССР плана добычи урана на 1947 г. Это поручение комиссии подчеркивает то огромное внимание, которое уделялось советским руководством развитию добычи урана в Рудных горах Саксонии для обеспечения атомного проекта необходимым количеством уранового сырья.

В воспоминаниях геолога Г. Н. Котельникова о том времени, приведенных в нашей книге, описаны эпизоды работы с Сергеем Сергеевичем Смирновым на руднике Фришглюк. Правительственная экспертная комиссия, возглавляемая геологом — академиком С. С. Смирновым, подтвердила сделанную ранее советскими специалистами Саксонской ураново-поисковой партии оценку огромной промышленной ценности района и определила, только частично, запасы двух месторождений (Иоганнгеоргенштадт и Шнееберг) в 300 тонн урана, одновременно указывая на значительные потенциальные возможности как этих двух месторождений, так и всего района.

СПРП являлось воинским соединением, имело адрес полевой почты № 27304, который в дальнейшем сохранялся как почтовый адрес для советских специалистов общества «Висмут» до 1990 г. Одновременно с интенсивными поисками и геологоразведкой СПРП начало вести работы по добыче урановой руды в Иоганнгеоргенштадте, Шнееберге, Обершлеме, Аннаберге и Мариенберге. Условия работы были тяжелые. Для проходки выработок, шурфов и разведочных канавок не хватало средств механизации, широко

З. А. Некрасова.

И. В. Чирков.

В. Н. Низовский.

Д. Ф. Зимин.

применялись кирка, лом и лопата. Не хватало рабочей одежды и осветительных приборов. Кругом была послевоенная разруха, население голодало, действовала карточная продовольственная система.

Для ведения работ по разведке и добыче руды были привлечены опытные кадры немецких горняков предприятия «Саксенэрц АГ» в рабочую группу Н. М. Хаустова. В августе 1946 г. в этой группе, ведущей работы в районе Шнееберга, числилось 79 рабочих. Числилось, потому что в действительности, из-за большой текучки кадров, горняков, отработывающих все смены в течение месяца, было гораздо меньше. Но объемы геологоразведочных и горнодобывающих работ продолжали расти и требовали привлечения новой рабочей силы, в том числе из соседних округов, и соблюдения жесткой организации труда и дисциплины.

Указом № 3 Союзнического контрольного совета от 17 января 1946 г. была объявлена трудовая повинность для работы на горных предприятиях Рудных гор с набором рабочей силы как в Саксонии, так и в прилегающих к ней землях советской оккупационной зоны Германии.

В апреле 1946 г. биржа труда в г. Ауэ получила задание выделить 800 мужчин на горнодобывающие работы. Привлечению немецких рабочих в разрушенной и голодной Германии способствовала возможность значительного улучшения их финансового положения и относительно хорошее продовольственное и материальное снабжение, организованное для горнорабочих. Даже это не было гарантией того, что пришедший рабочий останется на постоянную работу и станет горняком. На рудники приходили тысячи рабочих разного возраста и профессий, оформлялись на работу, часть из них получали продовольственные карточки и уходили с нагруженными рюкзаками за спиной через несколько дней работы. Но оставшаяся часть рабочих становилась профессиональными горняками,

постепенно создавая ядро коллектива трудящихся «Висмута».

Большую роль в первые годы интенсивного развития добычи урана в Рудных горах играли прикомандированные к производителям советские воинские соединения 8-го Управления Главного управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР. Охрану рудников осуществляли советские пограничные войска. Инженерные войска обеспечивали сбор и вывоз штучной руды из рудников, снабжение подземных складов рудников взрывчатыми веществами и выдачу их взрывникам. Военнослужащие работали операторами геофизиками, вывозили руду автомашинами в цеха опробования, отгружали и сопровождали железнодорожные составы с рудой до перевалочной станции в Бресте. Именно благодаря их усилиям в течение летних месяцев 1946 г. для энергоснабжения месторождения Иоганнгеоргенштадт была срочно протянута 10-километровая линия электропередач длиной 20 километров. Для грамотного ведения геофизических работ в декабре 1946 г. на ускоренных курсах были подготовлены 30 радиометристов из числа солдат. В следующем году — еще 110. В общей сложности к работе на урановых предприятиях в первые годы было привлечено около 30 тыс. советских военнослужащих.

Поздним летом 1946 года солдаты в/ч № 27304, горняки АО «Саксенэрц» и немецкие рабочие, посланные биржей труда, начали реконструкцию 13-ти старых рудников и строительство 11-ти новых. Только в районе Обершлема на площади 9 кв. км в течение 3 лет было пройдено более 20 шахтных стволов.

Для технического оснащения разведочно-добычных шахт Шнееберга и Иоганнгеоргенштадта использовалось демонтированное горное оборудование немецких рудников, переданных Советскому Союзу по репарациям в собственность.

Преобразование СПРП в Саксонское горное управление

Проведенные СПРП летом 1946 г. геологоразведочные работы на месторождениях Иоганнгеоргенштадт, Шнееберг, Готтесберг и Брайтенбрунн позволили дать высокую оценку их ураноносности и увеличить их оценочные запасы до 1500 тонн.

На основании этих результатов было принято постановление Совета Министров СССР от 29 июля 1946 г. № 9372 о переименовании СПРП в Саксонское горное управление, подчиненное Первому Главному управлению при Совете Министров СССР. Руководителю

Саксонского горного управления — инженеру-геологу Н. М. Хаустову и главному геологу — кандидату геолого-минералогических наук Р. В. Нифонтову поручалось расширение поисковых и разведочных работ в Рудных горах Саксонии и ведение добычи урана на разведанных месторождениях.

Этим же распоряжением Совет Министров СССР обязал Министерство геологии организовать к 10 августа 1946 г. в составе научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС) комплексную

Саксонскую геологоразведочную экспедицию с общим количеством работников 30–40 человек. Экспедиции поручалось:

а) на основе ревизии имеющихся немецких геологических материалов провести геологические и радиометрические исследования рудников и пунктов нахождения урана в районе Иоганнгеоргенштадта и выявить наиболее перспективные объекты для организации геологоразведочных работ и добычи штучной урановой руды;

б) организовать гидрогеологическое изучение радиоактивных вод в районе месторождений урана.

Во исполнение этого распоряжения Совета Министров СССР начальник Первого Главного управления Б. Л. Ванников издал приказ № 0281сс/оп от 3 августа 1946 г.⁵ С этого момента работы по поиску, разведке и добыче урановых руд в Рудных горах Саксонии начинают усиленно развиваться, опровергая данные ранее оценки немецких специалистов о бесперспективности этого района.

15 сентября 1946 г. Н. М. Хаустов и Р. В. Нифонтов пишут докладную записку «К вопросу о расширении работ на Шнеебергском месторождении в Саксонии»⁶.

Деятельность Саксонского горного управления по геологоразведочным, горнокапитальным и подготовительным работам в 1946 г. осуществлялась по следующим основным направлениям:

1. В области геологоразведки:

а) производилось широкое геологическое изучение старых рудников с целью вовлечения в эксплуатацию как можно большего числа объектов. Выявленные крупные рудные поля с богатыми промышленными жилами немедленно вовлекались в разведку и эксплуатацию;

б) на рудном поле Обершлема в августе 1946 г. был обнаружен совершенно новый тип жил с богатым оруденением и огромными перспективами для развития добычи по большому числу жил на значительную глубину. Это было началом разведки уникального месторождения Нидершлема-Альберода⁷;

в) обнаружено несколько новых бога-

тых жил в рудном поле Иоганнгеоргенштадта. Наличие готовых горных выработок на нескольких горизонтах позволило развернуть широкий фронт добычных работ;

г) установлено наличие промышленных жил на ряде новых объектов (Аннаберг (штольня Доротея, рудник Цепелин), район Нидершлема);

д) выявлены новые перспективные районы для производства разведочных работ (Мариенберг, Брайтенбрунн);

е) производилась разведка старых отвалов и их последующая радиометрическая сортировка, что позволяло получать дополнительное количество урана и способствовало выявлению новых промышленных районов и шахт для разведки и эксплуатации.

2. По горным работам:

а) разведка, вскрытие и подготовка рудного поля Обершлема проводилась сетью близко расположенных мелких шахт;

б) вскрытие рудного поля Иоганнгеоргенштадта шахтами Нойяр, Фришглюк, Бауэр и Шаар с использованием реконструируемых штолен позволило быстро развернуть разведочные и подготовительные работы на большом числе горизонтов и тем самым развить широкий фронт очистной выемки.

Кроме того, для производства добычных работ на наиболее богатых жилах были развернуты широкомасштабные работы по вскрытию и подготовке новых рудных полей.

К сожалению, в работе Саксонского горного управления были разного рода трудности и недостатки: в первую очередь крайне медленная проходка выработок, так как старые рудники, на которых начали вести работы, были совершенно не приспособлены для ведения работ такой интенсивности. Они имели стесненные (небольшого сечения) выработки, которые плохо проветривались, не было снабжения сжатым воздухом для работы бурильных и отбойных молотков. Помимо этого отсутствовали средства механизации горных работ, была низкая пропускная способность подъема стволов, спуск и подъем людей и грузов осуществлялся по лестничным отделениям.

МАЛЬЦЕВ Михаил Митрофанович (1904–1982). Окончил Новочеркасский индустриальный институт по специальности «инженер-электрик». Работал в организациях, подчиненных НКВД. В 1941–1943 гг. командовал саперными бригадами (Брянский, Южный и Сталинградский фронты). В 1943 г. ему было присвоено звание генерал-майора, и в том же году он возглавил комбинат «Воркутауголь». В 1947 г. был назначен начальником Саксонского горного управления. После организации Советского государственного акционерного общества «Висмут» стал его первым генеральным директором. В 1951 г. был откомандирован в распоряжение ПГУ при Совете Министров СССР. В 1949 г. за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания (создание первой отечественной атомной бомбы, сырье для изготовления которой добывалось САО «Висмут») ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Сталинская премия I степени.

⁵ См. ниже, Приложение 6.

⁶ См. ниже, Приложение 4.

⁷ См. воспоминания Н. И. Калякина (том I, часть II, глава 8) и интервью главного геолога «Висмута» К. Файерера (том II, часть II, глава 5).

М. М. Мальцев.

Н. М. Эсакия

ЭСАКИЯ Николай Михайлович (1906–1987). Окончил Тбилисский горно-металлургический институт (1931). С 1933 г. работал на строительстве Московского метрополитена. В 1941–1942 гг. выполнял особое поручение правительства в Куйбышеве по строительству подземного бункера И. В. Сталина. В 1946–1950 гг. работал в САО «Висмут», руководил горно-капитальными и горно-проходческими работами. Позднее принимал участие в строительстве уникального подземного атомного завода под Красноярском. В 1949 г. за исключительные заслуги перед государством при выполнении специального задания (создание первой отечественной атомной бомбы, сырье для изготовления которой добывалось САО «Висмут») ему было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Сталинская премия I степени.

Наряду с техническими причинами на работе отрицательно сказывался недостаток квалифицированного горного надзора и мастеров-проходчиков. Рудники и руководство управления были слабо обеспечены инженерно-техническими работниками: на некоторых шахтах и участках не было ни одного советского инженера или опытного горного мастера. Начальниками шахт и техническими руководителями в большинстве случаев были офицеры, совершенно не знакомые с горным делом.

Учитывая обнадеживающий прирост запасов урана и большую вероятность выявления новых перспективных урановых месторождений в Рудных горах и стремясь максимально форсировать работы Саксонского горного управления, Совет Министров СССР издал постановление № 925сс от 5 октября 1946 г.⁸, в котором обязал Первое Главное управление увеличить объемы работ Саксонского горного управления с таким расчетом, чтобы в короткий срок разведать новые рудные поля урана на территории советской зоны оккупации Саксонии и организовать промышленную добычу и вывоз урана в Советский Союз. Для этого Саксонскому горному управлению была придана 10-я трофейная бригада с численностью офицерского, сержантского и рядового состава 2596 человек⁹.

Для укрепления Саксонского горного управления (далее СГУ) инженерно-техническими работниками начальником СГУ был назначен М. М. Мальцев, его заместителем — Н. М. Хаустов, заместителем начальника по горно-капитальным работам и строительству — Н. М. Эсакия (на время производства работ Метростроем), начальником геологоразведочного отдела — Иван Кузьмич Кузнецов, главным геологом — Н. А. Хрущев (на время, требующееся для разведки и подсчета запасов урана).

 План добычи урана до конца 1946 г. был установлен в количестве 11 тонн, задание по приросту разведанных и подготовленных запасов урана — не менее 50 тонн.

Этим же постановлением предусмат-

ривался целый перечень конкретных мероприятий, обеспечивающих выполнение поставленных задач. Вот некоторые из них:

1. Заместителю начальника ПГУ Антропову П. Я. и начальнику СГУ Мальцеву М. М.:

а) обеспечить выполнение в IV квартале 1946 г. на Шнеебергском и Иоганн-георгенштадтском месторождениях горно-капитальных, горно-подготовительных и геологоразведочных работ;

б) закончить в октябре 1946 г. реконструкцию рудников Фришглюк и Гюнтер в Иоганн-георгенштадте и Галлес-штольни на восточном участке Шнеебергского рудного поля;

в) заложить в октябре и ноябре на Шнеебергском руднике 4 новые шахты, в том числе 3 мелких и одну капитальную;

г) поставить в IV квартале 1946 г. на Шнеебергском руднике компрессорные станции на общую мощность 400 куб. м/мин.;

д) представить до 1 декабря 1946 г. в Совет Министров СССР предложения о плане добычи урана и основных направлениях горно-эксплуатационных, геологоразведочных и геологопоисковых работ в Саксонии на 1947 г.

2. По кадрам:

а) обязать все ведущие министерства СССР откомандировать в распоряжение ПГУ при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления инженерно-технических работников по специальностям и количествам в соответствии с его заявками (всего 56 специалистов);

б) обязать МПС и начальника Метростроя организовать при СГУ на подрядных началах отделение Метростроя для проходки стволов и горно-капитальных выработок. Направить для этой цели необходимое количество инженерно-технического персонала и 130 квалифицированных рабочих с инструментом;

в) обязать Минуглепром откомандировать в октябре 1946 г. в распоряжение Саксонского горного управления на время производства разведочных работ 5 старших и 15 сменных буровых мастеров;

г) разрешить начальнику ПГУ Ванникову и начальнику СГУ Мальцеву привлекать немецких специалистов-геологов и горняков для работы на рудниках;

д) обязать Министерство геологии в декадный срок укомплектовать Саксонскую экспедицию квалифицированными геологами, имеющими опыт работы в разведке урановых месторождений;

е) директору НИИ-9 направить в Саксонское горное управление бригаду проектировщиков в составе 15 человек для составления проектов строительства предприятий Саксонского горного управления.

3. Главнокомандующему Группой советских войск в Германии маршалу Соколовскому:

а) прикомандировать к СГУ сроком на 6 месяцев 2 инженерно-технических и 4 трофейных батальона, полностью укомплектованных личным составом и техникой;

б) направить на необходимое время в распоряжение СГУ 150 грузовых и 20 легковых автомобилей с комплектом запасных частей и водительским составом, обеспечивая их горючим;

в) оказывать СГУ помощь продуктами

питания для привлечения к работе на рудниках немецких специалистов;

г) организовать в районе рудников СГУ комендатуры в городах Ауэ, Иоганн-георгенштадте, Шнееберге, а в населенных пунктах Фришглюке и Радиумбаде — участковые комендатуры, назначив на должности военных комендантов наиболее грамотных офицеров, имеющих опыт комендантской работы в Германии.

4. Министерству внешней торговли поставить необходимые материалы и оборудование по заявкам Саксонского горного управления, в том числе трансформаторы, кабели, электромоторы, компрессоры, насосы, вентиляторы, бурильные молотки «Флотман», штанги буровые, станки заточные и бурозаправочные, шланги резиновые, электровозы, лебедки подъемные и скреперные, транспортеры, вагонетки, машины погрузочные и др.

Реализация этого постановления позволила улучшить состояние дел в СГУ и привести в соответствие быстрый рост разведанных запасов урана и возможности горных работ (вскрытие, подготовка и очистная выемка).

Развитие структуры управления объектами до 1947 г.

В первые годы создания и начала производственной деятельности общество «Висмут» называлось воинской частью № 27304, затем — Саксонской ураново-поисковой партией, а позднее — Саксонским горным управлением. Структура этих организаций определялась в первую очередь задачами быстрого устранения монополии США на обладание атомной бомбой. С целью обеспечения добычи урана в самые сжатые сроки и, по возможности, в максимальных объемах куда были направлены большие людские, материальные и финансовые ресурсы. Из-за особой стратегической важности выполняемых работ территории деятельности предприятия «Висмут» имели характер особых зон, охраняемых советскими военнослужащими.

Ниже представлены схема структуры центрального аппарата Саксонского горного управления и штатное расписание советских специалистов по состоянию на август 1946 г. В это время в СГУ насчитывалось 66 человек, из них 34 — немецкие граждане, которые работали на складе и в гараже.

С развитием горных работ и их масштабов менялась и структура СГУ. Теперь центральный аппарат управления руководил крупными рудоуправлениями (объектами), куда в свою очередь входили 22 шахтоуправления, объединяющие рудники (шахты) и обогатительные фабрики (см. представленные ниже схемы). Кроме этого, существовали самостоятельные подразделения: геологоразведочная служба, химическая лаборатория и электро-механо-монтажная контора. Общая численность советских специалистов СГУ согласно штатному расписанию, утвержденному 15 марта 1947 г. А. П. Завенягиным, составляла 973 человека.

Первые разведочно-эксплуатационные рудники были созданы в 1946 г. на старинных и заброшенных, но еще сохранившихся в подземной части серебряных рудниках в Рудных горах, и организационно объединялись в рудоуправления (Объекты), привязанные к наиболее крупным рудным полям — Иоганн-георгенштадт (Объект 1), Обершлема (Объект 2), Шнееберг (Объект 3) и Аннаберг (Объект 4).

⁹ О 10-й трофейной бригаде можно прочесть в статье о Крайненко В. П. («Тайна Рудных гор»). См. часть II, глава 1.

⁸ См. ниже, Приложение 7.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ ДО 1947 г.

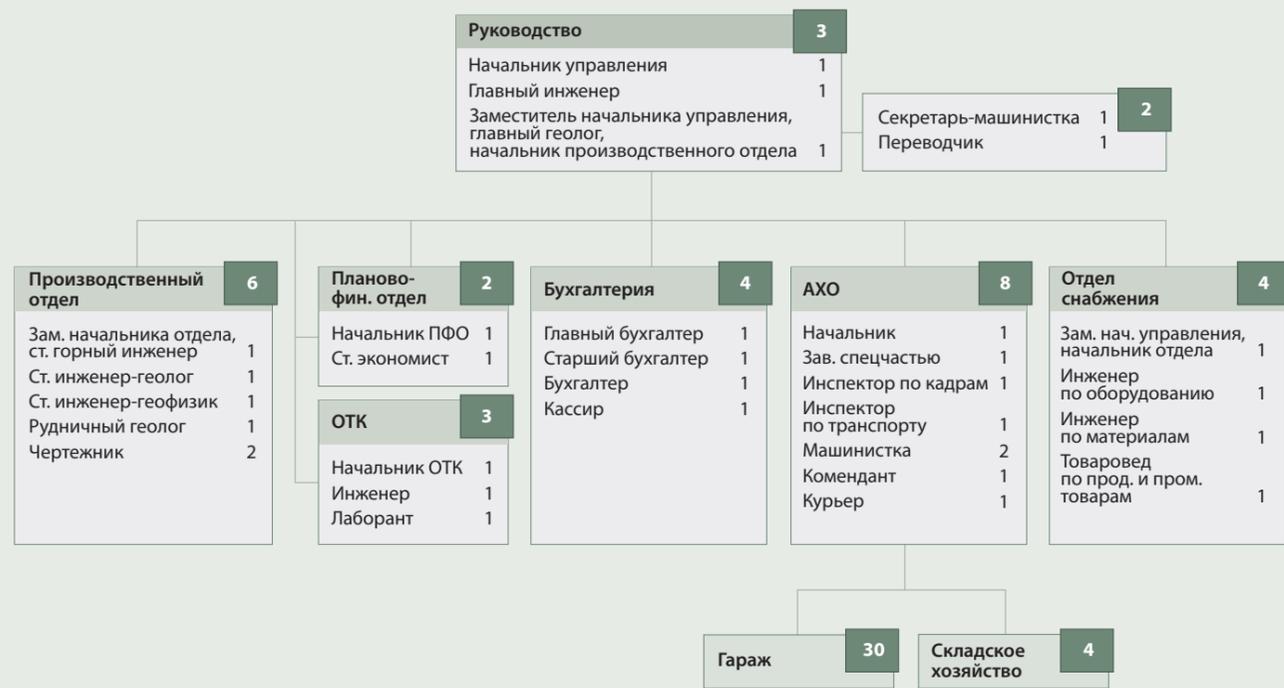

Рис. 2. Структура центрального аппарата Саксонского горного управления (август 1946 г.).

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ОБЪЕКТАМИ ДО 1947 г.

Рис. 4. Структура центрального аппарата управления СГУ.

Рис. 3. Структура СГУ (март 1947 г.).

Рис. 5. Структура рудоуправлений СГУ.

Рис. 6. Структура шахтоуправлений СГУ.

Управление Объекта 1
в здании отеля
«Немецкий дом»¹¹.

Управление Объекта 2
в здании «Куротеля».

Здание городской ратуши
в Нойштадтеле,
в которой размещалось
управление Объекта 3.

Объект 1 В 1945 г. на базе Иоганнгеоргенштадтского месторождения были начаты масштабные работы по реконструкции более 20 старых рудников и 40 штолен. Уже к концу того же года были полностью реконструированы Фришглюк-шахт на глубину 160 метров и Шаар-шахт на глубину 260 метров. Объект 1 был организован в 1946 г. и считался наиболее важным в первые годы деятельности СГУ (в дальнейшем САО (СГАО) «Висмут»). Его управление располагалось в Иоганнгеоргенштадте в отеле «Немецкий дом» напротив железнодорожного вокзала. Первым начальником объекта был опытный горный инженер Бахвалов Андрей Петрович в чине полковника. Советским специалистам были предоставлены 7 зданий на Антон-Гюнтерштрассе, 8 зданий на Роберт-Кохштрассе, 5 — на Карл-Марксштрассе и еще 28 — в двух других районах города. Военнослужащие были размещены в восьми казармах. В первые два года в состав Объекта 1 входили 8 реконструированных старых рудников: Фришглюк-шахт (висмутовский № 1), Шаар-шахт (№ 18), Хоффнунг-шахт (№ 121), Гюнтер-шахт (№ 60), Брудер Лоренц-шахт (№ 32), Вайсе Таубе-шахт (№ 51), штольня Св. Георг (№ 22), штольня Нойяр (№ 30). В 1946 г. Объект 1 добыл 7,6 тонны урановой руды (в том числе 6,4 тонны на Фришглюк-шахт). Уже в следующем году Объект 1 увеличил добычу до 57,17 тонны. В последующие годы добыча ускоренно развивалась и достигла своего максимума (540,87 тонны) в 1953 г. Численность работающих на Объекте по состоянию на 17 апреля 1947 г. составляла 5400 человек, но уже в июне 1948 г. достигла 12 000¹⁰.

Объект 2 Объект 2 был создан в октябре 1946 г. на базе старинного серебряно-кобальто-никелевого месторождения в Шнееберге и разведываемого месторождения в Обершлеме, где в августе-сентябре 1946 г. было открыто семь новых мощных рудных жил с высоким содержанием урана. Первые добычные работы начались в конце лета на штольнях Маркус Земмлер и Галлус. Параллельно с этим начались проходки новых стволов и шурфов в районе выхода богатых урановых жил, которые осуществлялись силами строительного Объекта 11. В реконструкции и строительстве шахт также принимали активное участие бригады Метростроя, которые вели проходку стволов и капитальных горных выработок на шахтах № 5, 6 и 8. В Обершлеме были построены центральная компрессорная станция и две подсобные установки. В апреле 1947 г. первая новая построенная шахта № 6 была сдана в эксплуатацию. Количество рудных жил увеличилось к концу 1947 г. до 57. Управление Объекта 2 размещалось в «Куротеле» г. Обершлема. Оно отвечало за разведку и добычу урана на месторождениях Обершлема и Шнееберга. Количество рабочих на предприятиях Объекта быстро росло. Если в ноябре 1946 г. оно составляло 2300 человек, то в феврале 1947 г. — около 7000.

Объект 3 В апреле 1947 г. месторождение Шнееберг было передано из Объекта 2 в административное управление Объекта 3. В него входили 13 старых рудников, из них 4 действующих рудника (Вайсер Хирш, Шрот-шахт, Нойяр-шахт, Бейст-шахт), остальные — в нерабочем состоянии.

На рудном поле Шнееберга, в верхней его части, находились старинные серебряные рудники (1462–1890 гг.). Здесь насчитывалось 150 жил, значительное число которых содержало уран в верхних горизонтах (порядка 50 тонн). Общие же запасы урана по подсчетам М. В. Бесовой (НИИ-9) в невыработанной части этого рудного поля составляли около 150 тонн.

В кратчайшие сроки была проведена реконструкция рудников (Зибеншлен, Даниель, Нойяр-шахт, Риттер, Вольфангмассен и Зоот-шахт). Кроме того, были заложены 6 новых шахт — № 5, 7, 8, 12 и 16 и «Капитальная». Параллельно с геологоразведкой шла добыча урановой руды.

Объект 4 Объект 4 был организован в марте 1947 г. на базе реконструированных старых рудников и штолен в районе Аннаберга. Плановые очистные работы начались в апреле 1947 г. Руководство Объекта вначале размещалось в здании Горного надзора в Аннаберге, а затем, вплоть до 1950 г., в школе Песталоцци.

¹⁰ Chronic der Wismut. Wismut GmbH, 1999.

Первые работы по ревизии и реконструкции были начаты в ноябре 1946 г. на штольне Доротея. В состав Объекта входили старые рудники — Хемлишхер, Михаэльс, Уранус, Цепелин, Андреас, Маркус Релинг, Биришнабель, шахта «1000 рыцарей» и др. Наиболее перспективные из них по рудоносности подлежали восстановлению. Успешные результаты работ потребовали создания 18 декабря 1946 г. геологического отдела для организации расширяющихся масштабов геологоразведки.

Объект 5 (22, 124, 111) С первых месяцев своей деятельности и до октября 1947 г. Объект имел номер 22 и выполнял обслуживающие функции для основной деятельности других Объектов. Однако после успешных результатов поисковых и ревизионных работ в районе между Мариенбергом и Волькенштайном он начал самостоятельно вести добычные работы и получил функции горнодобывающего Объекта 5 (Мариенберг). В него входили старые рудники, подлежащие восстановлению и реконструкции, — Рудольф-шахт (№ 45), Пальмцвайгер (№ 46), Пальмбауэр (№ 46-бис), Готтес Фертрауэн (№ 48), Артур-шахт (№ 68), Драй Брудер-шахт (№ 106), а также построенные в 1947–1948 гг. шахты № 44, 137–139, 238, 283 и 303. Всего за период 1947–1954 гг. в отработку находилось 27 шахт и была добыта 121 тонна урана.

Объект 5 назывался так до второго полугодия 1951 г., когда получил обозначение № 124, но затем, в марте 1952 г., снова был переименован в Объект 5, а его центральное управление переехало в Аннаберг.

Объект 6 Помимо действующего рудника Лаутер, здесь восстанавливались для эксплуатации рудник Геркулес и две шахты (Готтес-Ишиг и Катарина) неподалеку от Шварценберга.

Сырьевая база для промышленной добычи металла в Саксонии в то время уже приобрела значительную величину, которая обеспечила широкий фронт работ в сравнительно короткие сроки. Объем ориентировочно подсчитанных запасов урана по оценке главного геолога СГУ Р. В. Нифонтова в феврале 1947 г. оценивался для нового рудника Обершлема в 500 тонн, для рудника Фришглюк — 300 тонн, для рудника Шнееберг — 150 тонн, рудников Аннабергского узла — 200 тонн, рудных отвалов старых шахт — 50 тонн. Итого — 1200 тонн.

В течение 1946 г. в СССР было поставлено 15,7 тонны урана в виде богатых штучных руд урановых месторождений Рудных гор Саксонии. Об итогах работы СГУ за 1946 г. и трудностях при выполнении намеченных планов свидетельствует докладная записка М. М. Мальцева¹².

Созданная в первые годы структура управления Объектами и входящими в них рудниками, обогатительными фабриками и вспомогательными службами легла в основу создания предприятия уранового производства — Советского государственного акционерного общества «Висмут».

¹¹ Все фотографии на стр. 42–43 — из архива Wismut GmbH.

¹² См. ниже, Приложение 8.

Шаар-шахт. Подъемный копер.

Внутренний двор рудника
Вайсер Хирш.

Рудник Фортуна.
Общий вид.

Справа — здание рудника
Вайсер Хирш.

Реконструированная шахта
№ 25 (Риттер) в городской
черте Шнееберга.

Шахта № 238
(район Химмельрайх).
1949 г.

ГЛАВА 3 ОРГАНИЗАЦИЯ ОТДЕЛЕНИЯ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА ЦВЕТНОЙ МЕТАЛЛУРГИИ (САО) «ВИСМУТ» (1947 г.)

Первый исследовательский уран-графитовый реактор Ф-1. Пущен 25 декабря 1946 г. Предназначался для экспериментальной проверки осуществления цепной реакции деления и получения плутония в малых количествах.

В декабре 1946 г. коллектив ученых-ядерщиков под руководством И. В. Курчатова запускает исследовательский уран-графитовый реактор Ф-1, предназначенный для проверки осуществления цепной реакции и получения плутония в малых количествах. На его запуск потребовалось 45 тонн урана. Для получения плутония в промышленном реакторе было нужно еще 150 тонн урана, ко-

торые могли быть накоплены только к началу 1948 г. Советское правительство было вынуждено форсировать работы по добыче урана на всех возможных направлениях, а получив первые обнадеживающие результаты геологоразведки о перспективности его добычи в Рудных горах Восточной Германии, принимает срочные меры по развитию работ, ведущихся в этом районе.

Саксонское горное управление просуществовало менее года и для форсирования работ на основании постановления Совета Министров СССР от 10 мая 1947 г. № 1467-393с было реорганизовано в отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии (САО) «Висмут» с передачей ему всех прав по разведке и добыче урановых руд в Саксонии и смежных с ней районов. Финансирование отделения производилось Советским Союзом из прибылей, получаемых от деятельности других предприятий, принятых в собственность СССР в счет репараций. Вся урановая продукция поставлялась в Советский Союз. Административное и техническое руководство деятельностью САО «Висмут» в начальный период фактически осуществлялось советскими специалистами, при этом решение кадровых вопросов возлагалось на первого заместителя начальника ПГУ А. П. Завенягина. Германская сторона в начальный период практически не принимала участия в руководстве деятельностью общества. Данные о наличии запасов и количестве добываемого урана, в соответствии с решением Совета Министров СССР от 24 марта 1955 г., были впервые сообщены Правительству ГДР в апреле 1955 г.

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 10 мая 1947 г. № 1467-393с главноначальствующий СВА и главнокомандующий Группой советских оккупационных войск в Германии маршал В. Д. Соколовский подписывает в Бер-

лине приказ № 0155 от 26 мая 1947 г. «Об организации Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут»¹. В тот же день В. Д. Соколовский издает приказ № 128² об изъятии ряда немецких горных предприятий в собственность Союза ССР в счет частичного удовлетворения репарационных претензий СССР (на основании § 1, раздела IV решения Берлинской (Потсдамской) конференции трех держав и распоряжения Правительства Союза ССР)³.

Указанные предприятия подлежали изъятию вместе со всем относящимся к ним имуществом — земельными участками, рудниками, шахтами, жилыми и производственными зданиями и сооружениями, а также с патентами и ценностями, принадлежащими немецким собственникам. Выполнение этого приказа было поручено начальнику управления Советской военной администрации (СВА) федеральной земли Саксония генерал-майору Дубровскому.

Обращает на себя внимание тот факт, что сразу же после этого приказа выходит еще один приказ маршала В. Соколовского, также датированный 26 мая 1947 г., № 0024 «О материально-бытовом обеспечении рабочих на объектах генерал-майора Мальцева», в котором указаны конкретные мероприятия по созданию нормальных условий работы на Объектах «Висмута» и устранению всех недочетов в деле бытового обслуживания рабочих и их производственного использования⁴.

Появлению такого приказа предшествовало письмо председателя Саксонского отделения Свободных немецких профсоюзов (СНП) в адрес «русского профсоюза». 17 апреля 1947 г. письмо было передано В. В. Кузнецову — руководителю делегации советского профсоюза на II съезде СНП.

1 См. ниже, Приложение 9.

2 См. ниже, Приложение 10.

3 Формы репараций с побежденной Германией и ее союзников в возмещение ущерба, нанесенного ими другим странам в ходе Второй мировой войны 1939–1945 гг. были определены на Ялтинской конференции 1945 г. На Потсдамской конференции было достигнуто следующее соглашение: репарационные претензии СССР будут удовлетворены путем изъятия из восточной зоны Германии и за счет германских активов, находящихся в странах — бывших союзниках фашистской Германии — Болгарии, Финляндии, Венгрии, Румынии и Восточной Австрии; репарационные претензии Польши СССР удовлетворит из своей доли; претензии США, Великобритании и других стран, имеющих право на репарации, будут удовлетворены из западных зон; некоторую долю репарационных платежей СССР дополнительно должен был получить из западных зон Германии. Решения Ялтинской и Потсдамской конференций о репарациях СССР из западных зон Германии не были выполнены западными державами.

4 См. ниже, Приложение 11.

В письме описывались претензии немецкого профсоюза к условиям работы и жизни горняков и содержались 6 предложений по их улучшению. Они касались:

- а) применения тарифов на горных работах;
- б) предоставления отпусков для поездок к семьям;
- в) наложения только денежных штрафов и только за проступки на горных работах;
- г) обеспечения рабочей одеждой и обувью;
- д) взаимодействия руководства рудников с рабочими комиссиями по технике безопасности, предоставления полных прав рабочим советам предприятий на сотрудничество с руководством при решении вопросов плановых заданий, зарплаты, продолжительности работы, распределения продовольствия и создания социальных организаций.

Письмо попало к В. М. Молотову, который дал соответствующие указания А. П. Завенягину, В. Д. Соколовскому и В. Н. Меркулову, о чем и свидетельствует вышеупомянутый приказ.

Приказом от 30 мая 1947 г. № 131 СВА земли Саксония в счет частичного погашения репараций ряд немецких горных предприятий передается из германской собственности в собственность СССР:

1. Иоганнзеоргенштадтское рудоуправление (г. Иоганнзеоргенштадт).
2. Шнеебергское рудоуправление (г. Шнееберг).
3. Обершлемское рудоуправление (г. Обершлема).
4. Аннабергское рудоуправление (г. Аннаберг).
5. Лаутерское рудоуправление (г. Лаутер).
6. Мариенбергское рудоуправление (г. Мариенберг).
7. Пехтельсгрюнская обогатительная фабрика (г. Пехтельсгрюн).

Учрежденное Советским Союзом предприятие под названием «Государственное акционерное общество цветной металлургии (ГАОЦМ) «Висмут»» как отделение одноименного общества в Москве было юридически зарегистрировано 2 июня 1947 г. в г. Ауэ (Саксония) в разделе В33 городского торгового реестра. Предметом деятельности предприятия была добыча, разведка и сбыт цветных металлов как на территории СССР, так и за границей. На этой юридической основе велись горные работы и хозяйственная деятельность общества на территории Германии. Первым генеральным директором «Висмута» был назначен генерал-майор МВД М. М. Мальцев, который до этого работал начальником Саксонского горного управления.

Интересные сведения о преобразовании в/ч 27304 в Советское акционерное общество «Висмут» приводит ветеран «Висмута» — инженер-геолог доктор Рудольф Васковиак: «Предприятие развивалось и увеличивалось. В принципе это была еще воинская часть с полевой почтой № 27304. Этот номер полевой почты сохранялся несколько десятилетий, фактически до тех пор, пока последние советские специалисты не покинули ГДР после объединения Германии, но он уже давно не служил обозначением предприятия. В ранние висмутовские годы он часто использовался как имя предприятия для внесения в трудовые книжки, в документах соцстрахования, для обозначения продуктовых талонов и т. д.»

Настало время, когда это военное предприятие, действовавшее по законам оккупационного права, было преобразовано в акционерное общество и зарегистрировано в соответствии с немецким торговым правом. Это произошло 4 июня 1947 г. и зарегистрировано в нотариальном акте № 1000/47 от 30.06.1947 года в г. Ауэ⁵ в присутствии адвоката Курта Гребе, генерального директора общества «Висмут» Михаила Митрофановича Мальцева, заместителя генерального директора общества «Висмут» Николая Михайловича Эсакии и переводчика Давида Кугеля.

Советские представители сообщили нотариусу, что на основании представленных административному суду г. Ауэ документов, в соответствии с протоколом № 2 от 4 июня 1947 г. и в связи с заявлением на регистрацию в торговом регистре административного суда г. Ауэ они назначены управляющими дочерним предприятием — Советским государственным акционерным обществом цветной металлургии «Висмут» и заявили просьбу о записи предприятия под этим названием в торговый регистр с юридическим адресом: г. Ауэ, Нидершлемаер Вег, 49.

5 По данным архива Wismut GmbH.

Здание управления САО «Висмут» в г. Ауэ (фото 2009 года).

Здание старой ратуши в Зигмар-Шенау на ул. Ратхаустрассе (ныне — Гаусситрассе) (фото 2009 года).

Здание Генеральной дирекции «Висмута» на ул. Ягдшенкентштрассе в Хемнице. Слева на заднем плане — здание Проектного предприятия (фото 2009 года).

2 июля 1947 г. административный суд Ауэ подтвердил получение платы от АО «Висмут» в сумме 8440 марок за регистрацию в торговом регистре.

Здание управления общества первоначально (до 1950 г.) находилось в г. Ауэ по указанному выше адресу.

Затем, в ноябре 1950 г., управление АО «Висмут» (Генеральная дирекция) переезжает в г. Хемниц, точнее в его пригород Зигмар-Шенау, и размещается в здании городской ратуши на Ратхауштрассе, 5. Рядом, на углу улиц Ратхауштрассе и Цвиккауэрштрассе, размещалось консульство СССР. Квартал вокруг Генеральной дирекции охранялся солдатами пограничных войск.

Зигмар-Шенау — «город перед городом», как шутили в то время, был уже 1 июля 1950 г. включен в состав г. Хемниц (10 мая 1953 г. этот город был переименован в Карл-Маркс-Штадт, но 1 июня 1990 г. после опроса населения вновь получил свое прежнее название).

В 1961 г. Генеральная дирекция «Висмута» переехала в здание, построенное в 1951–1953 гг. на улице Ягдшенкенштрассе (Зигмар).

17 ноября 1952 г. местонахождение отделения общества, переведенного в г. Хемниц, было зарегистрировано в разделе «С» Торгового реестра (том № 1) за номером 77580.

10 февраля 1948 г. в г. Ауэ был подписан акт сдачи-приемки немецких горнорудных предприятий и месторождений в собственность СССР в счет репараций с Германии. С советской стороны акт подписал М. М. Мальцев, уполномоченный доверенностью Главного управления

советского имущества за границей при Совмине СССР, с немецкой стороны — Оскар Эльснер и Карл Ханер, уполномоченные доверенностью Правительства Земли Саксония.

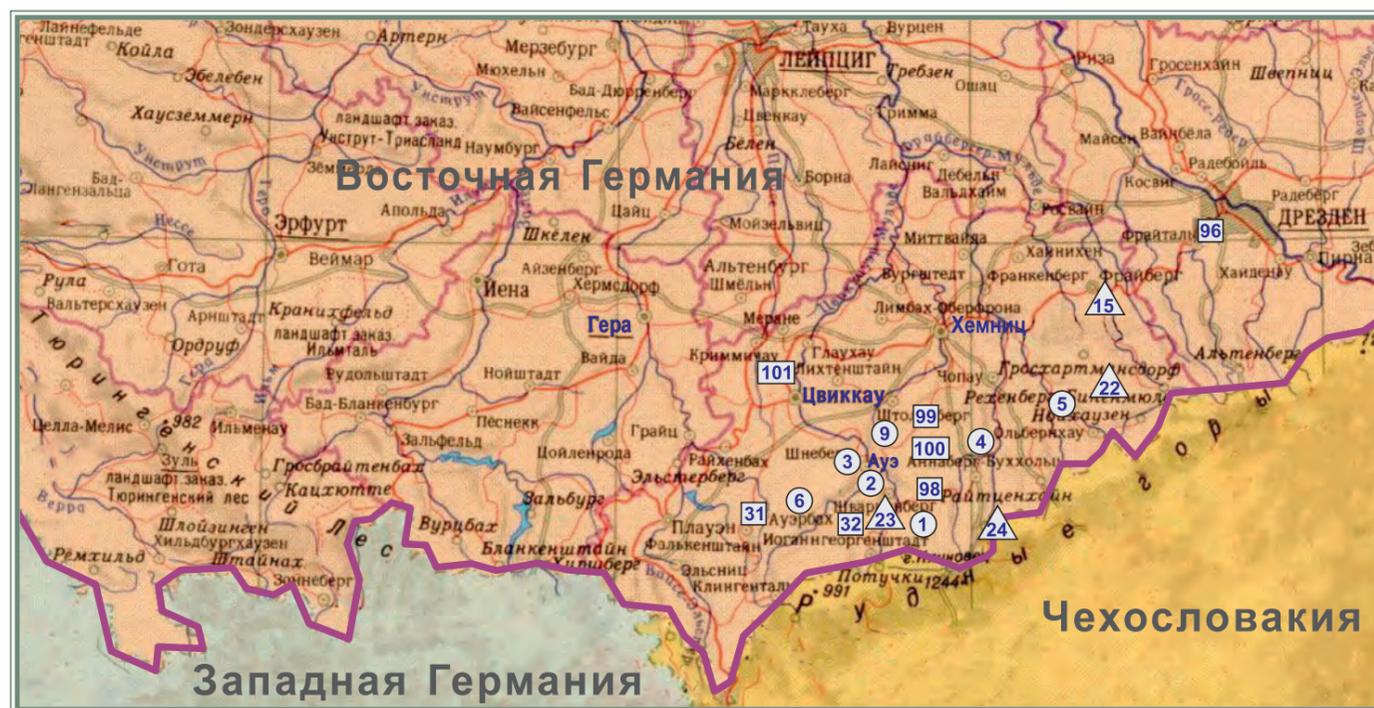
Структура и организация управления общества «Висмут» как самостоятельного предприятия была по-прежнему подчинена основной цели — обеспечению выпуска урановой продукции в специфических условиях послевоенного времени для быстрого устранения монополии США на атомное оружие.

Основную роль в обществе играли крупные горнодобывающие Объекты, в состав которых входили 4–8 рудников и обогатительные фабрики. Численность трудящихся на рудниках составляла от 1000 до 6000 человек.

В связи с тем, что уран являлся важнейшим стратегическим продуктом военного значения, в районах деятельности предприятий общества, которые охранялись советскими воинскими подразделениями, сохранялся порядок особых зон.

На работу в общество были приняты десятки тысяч человек, которые при помощи материальных и финансовых льгот имели заинтересованность в длительной деятельности и в достижении высоких показателей работы, что способствовало его экстенсивному развитию.

В Генеральной дирекции, на Объектах и предприятиях в первые годы руководящие должности занимали советские специалисты. В 1953 г. их количество достигло 3358 человек. Исключение составляли должности оберштейгеров на рудниках, которые занимали опытные немецкие горняки.

Поисковые и разведочные работы и одновременно развернутая добыча в 1945–1947 гг. на гидротермальных урановых месторождениях Иоганнгеоргенштадт, Обершлема, Шнееберг, Аннаберг и Лаутер были расширены в 1948 г. Тогда же были открыты небольшие месторождения Вайсер Хирш, Беренштайн, Мариенберг, Сайоренбах, Нидерпелель и начаты интенсивные геологоразведочные работы на жильном месторождении урана Нидершлема-Альберода.

На всех Объектах и шахтах, ведущих разведку и добычу урановой руды, начальниками Объектов (шахт), главными инженерами Объектов (шахт), а также главными геологами и главными геофизиками были командированные в Германию советские специалисты, определявшие направления ведения геологоразведочных и горных работ, а также места нарезки очистных блоков. Их помощниками были участковые геологи и геофизики, которые вели посменный контроль добычи и транспортировки урановой руды в шахтах. Для работы на урановых рудниках в «Висмуте» отбирались как наиболее опытные инженерно-технические работники угольной и горнорудной промышленности СССР, так и молодые инженеры, окончившие горные вузы, в основном из Москвы, Ленинграда, Свердловска, Алма-Аты, Днепропетровска, Томска.

Для оказания технической помощи и консультаций по проблемным вопросам развития предприятия «Висмут» из Советского Союза направлялись высококвалифицированные кадры в области горного дела. Так, например, доктор технических наук Михаил Иванович

Агошков, который в 1946–1949 гг. был заместителем главного инженера Первого Главного управления при Совете Министров СССР, с первых лет деятельности в/ч 27304 Саксонского горного управления неоднократно оказывал ей (а затем и СГАО «Висмут») квалифицированную помощь по выбору систем разработки, производительности рудников, вопросам геомеханики и многим другим важным производственным проблемам. Впоследствии он был избран академиком и руководил Институтом горного дела АН СССР⁶.

Кроме инженерно-технических работников для быстрого развития добычи урана командировались бригады проходчиков из Метростроя, угольных шахт Донбасса и Мосбасса⁷.

Максимальное количество советских работников достигло в 1951 г. 10 952 человек.

В 1953 г. их количество сократилось и составило 3358 человек за счет прекращения работ и закрытия малоперспективных рудников и обогатительных фабрик, а также за счет привлечения на инженерные должности немецких инженерных кадров. Это стало возможным благодаря целенаправленной политике руководства «Висмута» по подготовке немецких кадров.

Основная масса людей, поступающих на работу в «Висмут» в первые годы его деятельности, не имела горняцких профессий.

⁶ Материал «Основные выводы по работе рудников воинской части 27304», составленный М. И. Агошковым по результатам командировки в апреле 1947 г., см. ниже в Приложении 12.
⁷ См. ниже, Приложение 13.

Рис. 8. Объекты, вошедшие в состав общества «Висмут» в 1947 г.

- Добыча** ①
- 1 - Иоганнгеоргенштадт, 1946 г.
 - 2 - Обершлема, 1946 г.
 - 3 - Шнееберг, 1947 г.
 - 4 - Аннаберг, 1947 г.
 - 5 - Мариенберг, 1947 г.
 - 6 - Деленер Бэкен/Фогтланд, 1947 г.
 - 9 - Нидершлема-Альберода, 1947 г.

- Разведка** ②④
- 22 - Мариенберг, 1946 г.
 - 23 - Айбеншток, 1947 г.
 - 24 - Обервизенталь, 1947 г.
 - 15 - Фрайберг, Остгебирге, 1947 г.

- Обогащение** ⑨⑥
- 31 - Лангфельд
 - 32 - Шнекенштайн
 - 96 - Фрайталь-Гиттерзее
 - 98 - Иоганнгеоргенштадт
 - 99 - Шлема
 - 100 - Ауэ
 - 101 - Кроссен

Рис. 7. Структура управления САО «Висмут» в 1948 г.

С. С. Панчев.

М. И. Агошков.

ПАНЧЕВ Сергей Сергеевич (1900–1965). Окончил Московскую горную академию (1925). В 1926–1931 гг. работал на шахтах Донбасса и Мосбасса. С 1931 г. был назначен главным инженером шахты на станции метро «Красные ворота» в Москве, а в 1939-м — заместителем главного инженера Метростроя. В годы Великой Отечественной войны возглавлял управление нового шахтного строительства Метростроя. С декабря 1946 г. работал главным инженером войсковой части п/п №27304, затем, с марта 1947 года, — техническим директором Советского государственного АО «Висмут». В 1949 г. по итогам успешного испытания первого отечественного атомного заряда, сырье для изготовления которого добывалось CAO «Висмут», С. С. Панчеву было присвоено звание Героя Социалистического Труда и присуждена Сталинская премия I степени.

Среди них было много беженцев и переселенцев. Отсутствие профессиональных навыков и знаний у поступающих на работу обусловило большое число несчастных случаев, что не могло не беспокоить советское руководство «Висмута». Поэтому для подготовки молодых немецких кадров рабочих и повышения квалификации работающих специалистов уже с 1946 г. были организованы специальные курсы для ускоренной подготовки горняков основных профессий. В начале 1947 г. главный инженер в/ч № 27304 С. С. Панчев утверждает «Мероприятия по обеспечению техники безопасности на предприятиях». Они предусматривали в частности организацию 12-часовых курсов по технике безопасности на всех объектах. В октябре 1947 г. выходит приказ № 239 генерала М. М. Мальцева об организации до 1 декабря 1947 г. профессиональных школ для подготовки рабочих массовых профессий (бурильщики, крепильщики, взрывники, электромеханики и слесари) с отрывом от производства со сроком обучения от 2 до 3 месяцев.

Обучение рабочих стимулировалось повышением заработной платы, решение о котором выносилось на квалификационной комиссии, состоящей из представителей руководства предприятия, учебных курсов и немецкого профсоюза.

На рудниках были введены должности оберштейгеров, на которые отбирались опытные немецкие специалисты предприятия «Саксенэрц» и угольных шахт. Это содействовало формированию ядра коллектива квалифицированных немецких специалистов развивающегося общества «Висмут». Однако

постоянно растущая численность горняков требовала квалифицированных и грамотных руководителей среднего звена — штейгеров. Их недостаток приводил к тому, что на одного штейгера приходилось 200 и более горняков. Для ликвидации этой проблемы в начале 1949 г. был организован Фрайбергский горный техникум (Объект 105), который должен был готовить руководителей среднего звена различных специализаций (штейгеров, геологов, геофизиков, маркшейдеров, механиков, буровиков, нормировщиков). Срок обучения составлял 4–6 месяцев. За учащимися, направляемыми предприятиями «Висмута», сохранялась средняя зарплата с учетом «рудной премии». Зачастую стипендии достигали 380 марок. Был организован интернат для проживания учащихся. Руководителями техникума были советские специалисты, а преподавателями — немецкие специалисты Фрайбергской горной академии, в том числе профессор Эльснер (геология), профессор Май (петрография), профессор Янихен (минералогия). Привлекались опытные специалисты других немецких предприятий — доктор Хайде (Цвиккау), дипломированные инженеры Пинкросс (Заксенэрц), Хельд и Вайзер (Мансфельд). В 1950 г. здесь учились уже 1800 висмутян. За время работы техникума (до 1953 г.) здесь было подготовлено 10 000 специалистов среднего звена. Для некоторых выпускников это была первая ступень в их дальнейшей успешной карьере в «Висмуте»⁸. Более подробно об истории создания и работе Фрайбергского горного техникума можно прочитать в содержательных воспоминаниях ветерана «Висмута» Рудольфа Васковиака «Горный техникум

Квалификационное удостоверение о прохождении обучения (фото из архива Wismut GmbH).

8 Chronic der Wismut. Wismut GmbH. 1999.

г. Фрайберг в 1948–1952 гг. — кузница кадров в Рудных горах», опубликованных в книге «История СГАО «Висмут». Уран и люди»⁹.

Повышению престижности горняцкого труда способствовало введение Правительством ГДР в сентябре 1949 г. Дня немецкого горняка. С 1953 г. ежегодное празднование Дня немецкого горняка происходило в первое воскресенье июля с вручением отличившимся горнякам почетного звания «Заслуженный горняк ГДР».

Готовила горных инженеров Фрайбергская горная академия, где с ее выпускниками беседовал представитель «Висмута», предлагая выгодную работу на предприятиях общества. Из выпускников академии, а также Фрайбергского горного техникума, выросли немецкие специалисты: В. Рихтер, Р. Ланге, Х. Бельманн, Г. Пальме, Р. Дейнеке, Э. Майер, Ф. Вайраух, Г. Братфиш, В. Брауэр, Х. Нойманн, В. Гепель, Э. Харлас, Р. Прокоп, Х. Кристоф, В. Эберт, Х. Левандовски, М. Гофман, Б. Конецки, Х. Ханске, Э. Вильд, К. Майер, Х. Бергнер, Х. Йобс, Л. Розенхан, Г. Хюбнер, Д. Райманн и многие другие, которые работали рядом с советскими специалистами, а после 1953 г. заняли важное место в руководстве общества и на его предприятиях.

Существенную роль в притоке рабочей силы на предприятия «Висмута» играла повышенная заработная плата рабочих уранодобывающей промышленности, введенная Советской военной администрацией приказом № 250 от 1 ноября 1947 г. в целях стимулирования максимальной добычи и поставки урановой продукции в Советский Союз.

Заработная плата в обществе «Висмут» для подземных рабочих была на 40 %, а для рабочих, занятых на поверхностных работах, — на 10–30 % выше, чем в других отраслях горнорудной промышленности ГДР.

Удельный вес заработной платы рабочих в себестоимости урановой продукции общества составлял примерно 60 %.

Для обеспечения потребности «Висмута» в квалифицированных немецких кадрах использовался еще один путь. Среди военнопленных, находящихся в советском плену, отбирались те, которые имели нужные специальности, и в случае согласия работать в «Висмуте» им предлагалось немедленное возвращение в Германию. Свидетельствует ветеран «Висмута» Рудольф

Васковиак: «Объект № 21 начал свою работу 1 марта 1947 г. в Обершлеме как первый геологоразведочный объект «Висмута». В нем работал после возвращения из советского военного плена геолог А. Вацнауер. Он был единственным немецким специалистом среди советских геологов и старших коллекторов. Вацнауер был освобожден 2 апреля 1947 г. из лагеря военнопленных № 27 в Красногорске и уже 11 апреля приступил к работе на Объекте 21. Предполагалось, что он специально для этой работы был переведен из Красногорска в Рудные горы».

Для обеспечения основной деятельности «Висмута» по добыче и поставке урана в Советский Союз быстрыми темпами создавались собственные машиностроительные, приборостроительные и ремонтные мощности. Изготовление и монтаж металлоконструкций и оборудования выполнялись силами Объекта 34, в состав которого входили: завод 512 «Гормаш Ауэ» (изготовление горного и обогатительного оборудования и электротехники), завод 536 «Гормаш Кайнсдорф» (изготовление горно-шахтного оборудования и металлоконструкций) и монтажная контора.

Кроме того, были открыты: авторемонтный завод (Объект 37, Зигмар), завод по производству установок высокого напряжения (Объект 177, Ауэ) и завод по производству радиотехнической аппаратуры (Объект 80, Цвиккау).

Значительная часть транспортных средств была получена от воинских соединений, дислоцированных в советской зоне оккупации Германии. Однако основная часть специального оборудования, машин и приборов для поисковых и разведочных работ, материалов, стального проката и крепежного леса поступала из Советского Союза.

Традиционный Bergparade в День горняка в Аннаберге. 1967 г. (фото из архива Wismut GmbH).

Здание Фрайбергского горного техникума, оформленное к Первомайским праздникам. 1950-е гг. (фото из архива Wismut GmbH).

⁹ См. часть II, глава 5. Уран и люди. История СГАО «Висмут» в двух томах. Том I. 1945–1953 – М.: ООО «Издательство Спец-Адрес», 2012. — 438 с. с илл.

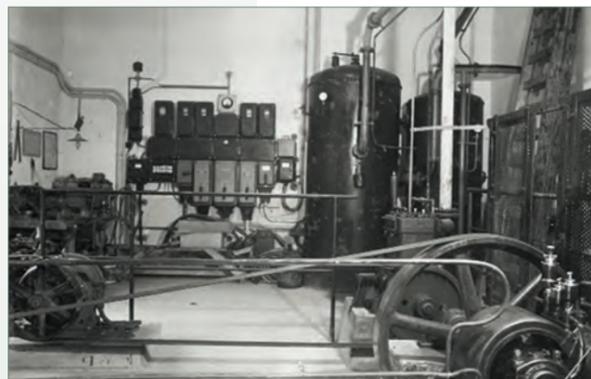
С ЭТИХ ДРЕВНИХ РУДНИКОВ НАЧИНАЛСЯ «ВИСМУТ» (фото из архива Wismut GmbH)

Гюнтер-шахт. Шахтное здание.

Гюнтер-шахт. Подъемная машина.

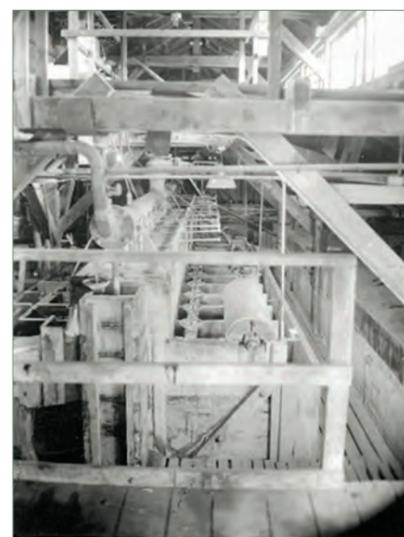
Гюнтер-шахт. Компрессорная станция.

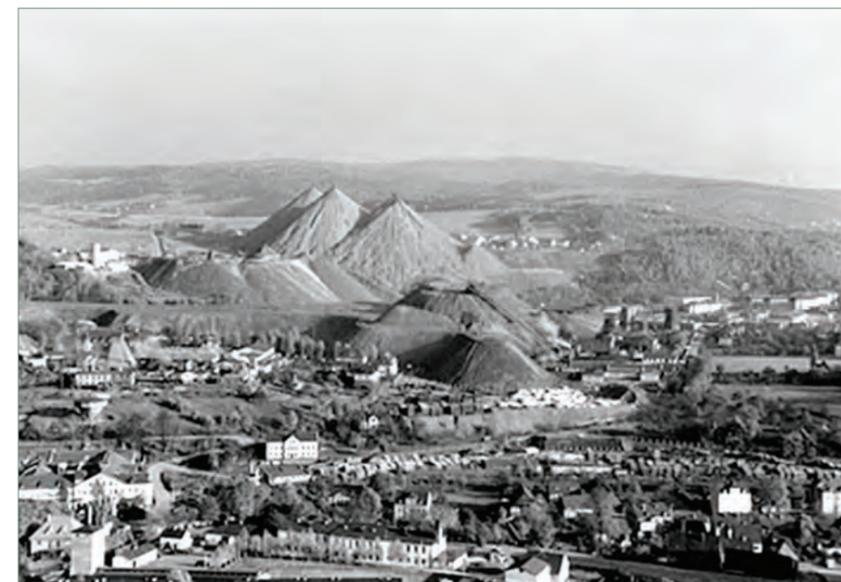
Рудник Вайсер Хири. Подъемная машина.

Общий вид поверхности рудника Вайсер Хири.

Обогатительная часть рудника Вайсер Хири. Флотационная машина.

Рост породных отвалов показывал увеличение объёмов горных работ в Рудных горах Саксонии (район городка Шлемь, шахты №№ 66, 207, 186/383).

Город Нидершлема, на заднем плане шахта № 250 и её отвалы.

Отбойка богатой руды и ручная сортировка в забое (начало 50-х гг.).

Руководитель шахты Назаркин В. П. беседует с немецким штайгером (Аннаберг, 1952 г.).

Цех опробования № 50 (Ауэ).

Карьер Лихтенберг, глубина достигала 230 метров.

Шахта № 371 «Югендшахт 1 мая», крупнейшая в САО «Висмут» и самая глубокая в Европе (~1820 м).

Рудник Шмирхау, крупнейший на Роннебургском рудном поле.

Отвальный мост на карьере Лихтенберг.

Бурение шпуров в очистном блоке (начало 50-х гг.).

Пресса сообщает о мировом рекорде висмутян на проходке выработки (1035 метров в месяц).

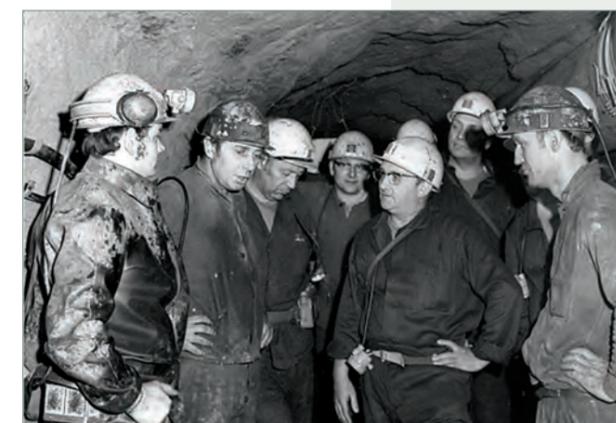
Буровая каретка РБГ-16, производства висмутовского завода Гормаш Ауэ. В очистном забое блока.

В карьере. Погрузка в КРАЗ.

Буровые каретки СБКНС на проходке двухпутевой выработки.

Разговор 1-го секретаря обкома СЕПГ Альфреда Родэ с бригадиром проходчиков Героем Труда Хансом Рудольфом (в центре), гл. инженер САО «Висмут» Л. М. Тормышев (второй справа) (1974 г.).

Строящийся рудник Дрозен (1978 г.). На переднем плане — башенный копер ствола 415.

Общий вид перерабатывающего предприятия 102.

На руднике Дрозен. Слева направо: В. П. Назаркин, Р. Штельциг, Н. И. Чесников, Хофманн, зам. министра МСМ П. М. Верховых, Х. Бельманн, В. В. Кротков, О. М. Кастуев, переводчик.

Слева направо: Клаус Хинке, В. В. Кротков, зам. министра МСМ П. М. Верховых, О. М. Кастуев, Роланд Штельциг на Вычислительном центре рудника Дрозен.

Установка автоклавного выщелачивания.

Мельницы «Каскад».

Гл. инженер «Висмута» В. П. Назаркин, гл. инженер В. Н. Кузнецов, министр угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко и С. Н. Волощук на руднике Дрозен.

Главный инженер рудника Дрозен В. Н. Кузнецов, министр угольной промышленности СССР Б. Ф. Братченко, В. П. Назаркин, гл. инженер Беервальде П. М. Кузема.

Шаровые мельницы.

Гл. инженер ПП 102 Ю. А. Корейшо и гендиректор САО «Висмут» С. Н. Волощук.

Торжественный приём в честь 25-летия ГДР. Сидят слева направо: В. В. Кротков, В. А. Симаков, Г. Шифер, В. П. Назаркин, Д. П. Лобанов, Ю. А. Корейшо, В. Рихтер. (1974 г.).

Заместитель начальника 1 ГУ МСМ Ю. А. Корейшо приветствует немецких товарищей В. Рихтера, Х. Штринца, А. Родэ, Фрайтага (1974 г.).

Композитор А. Пахмутова и поэт Н. Добронравов в гостях у висмутян (Зигмар).

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ РАБОТ ПО РАЗВЕДКЕ И ДОБЫЧЕ УРАНОВОЙ РУДЫ В РУДНЫХ ГОРАХ САКСОНИИ И ТЮРИНГИИ (1947–1953)

Организованное постановлением Совмина СССР от 10 мая 1947 г. на базе Саксонского горного управления отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут» развернуло интенсивные поисковые и разведочные работы по добыче урана в Рудных горах Саксонии и прилегающих землях Восточной Германии.

Структура управления подразделением и Объектами САО «Висмут» и численность советских специалистов по состоянию на 1 января 1950 г. представлены ниже на схеме.

В то время численность советских специалистов «Висмута» составляла 3303 человека, а его управление состояло из следующих звеньев:

1. Руководство (генеральный директор, главный инженер и их заместители).
2. Центральный аппарат (Генеральная дирекция).
3. Управления.
4. Объекты — рудники (шахты), обогатительные фабрики, машиностроительные, электротехнические и приборостроительные заводы.

Центральный аппарат (Генеральная дирекция) включал в себя три основных функциональных блока, обеспечивающих деятельность предприятия.

Первый блок — это производственно-технический отдел (наиболее многочисленный — 53 сотрудника), горный и обогатительный отделы, а также отделы главного механика, маркшейдерский, буровзрывных работ, технического контроля (приемки), сбыта готовой продукции, охраны труда.

Второй блок — обеспечение финансово-экономической деятельности. Это бухгалтерия, отделы нормирования труда

и зарплаты, учета и статистики, планово-экономический и финансовый, карточное бюро, вещевое и продовольственное обеспечение.

Третий блок — работа с местным населением (наем и увольнение), охрана и режим, спецотдел, связь, здравоохранение.

Всего в центральном аппарате работало 258 советских специалистов.

Следующее звено — управления:

1. Геологическое управление (78 сотрудников). Начальник управления — Роман Владимирович Нифонтов, заместитель начальника и главный геолог — Сергей Анатольевич Шафранов.

2. Управление капитального строительства (55 сотрудников). Начальник управления — Самуил Рувимович Таубкин, главный инженер — Олег Леонидович Кедровский.

3. Политотдел (72 сотрудника, в основном офицеры). Начальник отдела — полковник Василий Петрович Владимиров. Работа политотдела в те годы имела важное значение. Основные задачи — отслеживание политической обстановки вокруг «Висмута», связь с местными органами власти, а также политико-воспитательная работа среди советских специалистов (университет марксизма-ленинизма, клубы и т. д.). На каждом Объекте был заместитель начальника Объекта по политической части, как правило, в чине подполковника.

4. Отдел по работе среди немецких рабочих (начальник отдела — подполковник Арон Матвеевич Айбиндер) имел в своем составе 42 офицера-инструктора.

5. Управление материально-технического снабжения (105 сотрудников).

6. Управление пищевого и вещевого снабжения (46 сотрудников).

Как уже сообщалось ранее, Объект 1 был важнейшим добывающим предприятием «Висмута» и разрабатывал месторождения в районе Иоганнгеоргенштадта. Наибольший вклад в добычу урана вносила шахта № 1 (Фришглюк). Были реконструированы шахты № 18 и 39 (Хоффнунг-шахт). В 1947 г. в эксплуатации находились уже 11 шахт и 9 штолен. Геологоразведочные работы, успешно проведенные собственной геологоразведочной службой и геологоразведочным Объектом 23, значительно расширили сырьевую базу Объекта. В 1948 г. в районе Иоганнгеоргенштадта в эксплуатации находились уже 26 шахт. Проходку стволов и горно-капитальные работы осуществлял Объект 12. (Объектам 1 и 12 принадлежали одни и те же шахты, но очистные и подготовительные работы вел Объект 1, а горно-капитальные — Объект 12.) Прирост запасов позволил в ноябре 1948 г. выделить урановые рудные залежи между Брайтенбрунном и Антонсталем в самостоятельный Объект 8. В августе 1949 г. часть шахт Объекта 1 была передана на новый Объект 10, но затем, в 1950 г., их снова вернули на Объект 1.

¹ Расстановка советских кадров в соответствии со штатным расписанием по состоянию на март 1949-го и 1950 г. — см. ниже, в части III тома I.

ГЛАВА 4

Б. Д. Чижов.

Объект 1

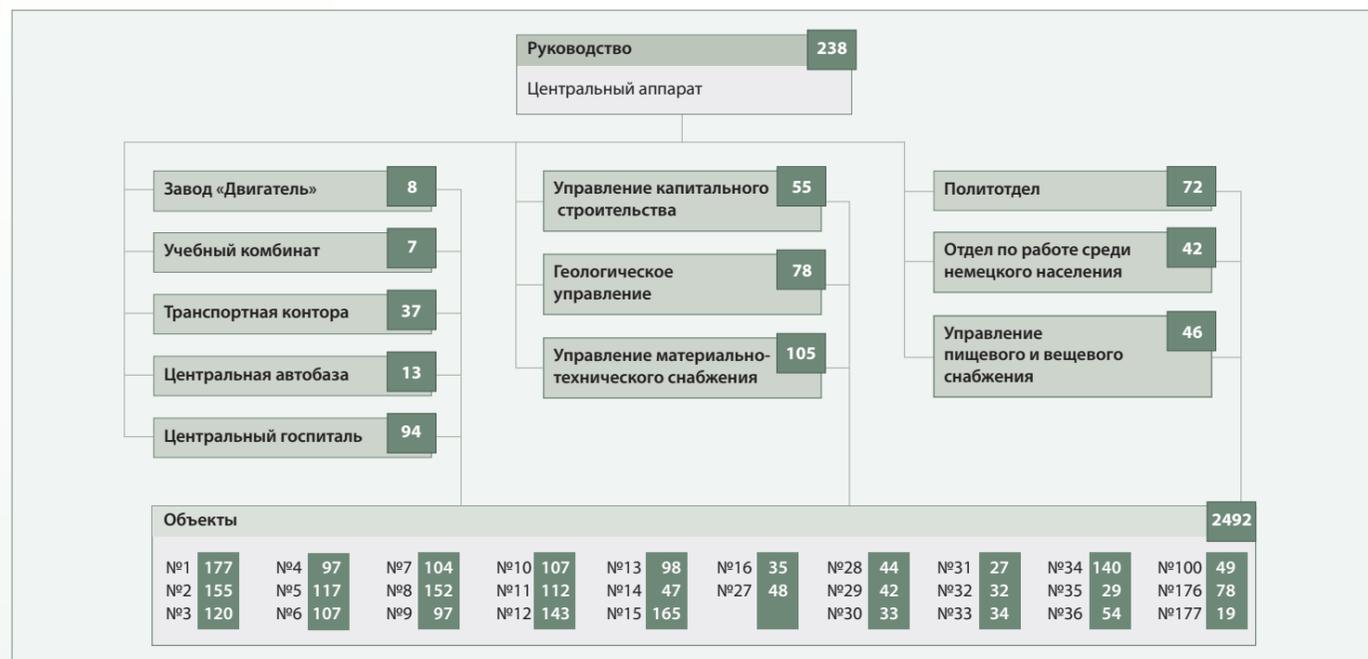

Рис. 9. Структура САО «Висмут» (1950 г.).

Начальником Объекта 1 в 1950 г. был Николай Иванович Галкин; главным инженером — Константин Иванович Милютин, сменивший Андрея Прокофьевича Марченко; зам. главного инженера — Михаил Матвеевич Жарков. В состав Объекта входили 9 шахт (№№ 1, 22, 30, 122, 51, 147, 158, 31, 31-бис), обогатительная фабрика № 98, а также цех опробования. Главным инженером ведущей шахты № 1 (Фришглюк) работал Владимир Яковлевич Опланчук, отмеченный за свой труд высоким званием «Заслуженный горняк ГДР». В 1947 г. главным геологом шахты работал Георгий Николаевич Котельников.

В 1950 г. начальником шахты № 158 работал Борис Дмитриевич Чижов. Впоследствии он стал доктором технических наук и работал в ПромНИИ технологии.

Начальником шахты № 60 в это же время работал Иван Алексеевич Бычков, ставший позже сотрудником 8-го Управления ПГУ Минсредмаша. Всего на Объекте работали 177 советских специалистов.

Начальником Объекта 12, ведущего горно-капитальные работы на месторождении Йоганнгергенштадт в 1950–1951 гг., был Андрей Прокофьевич Марченко. Впоследствии он работал заместителем начальника 8-го Управления ПГУ Минсредмаша.

Объект 2

Деятельность Объекта началась в октябре 1946 г. на основе работ Саксонской ураново-поисковой партии. Вначале Объект обрабатывал месторождения Обершлема и Шнееберг. В апреле 1947 г. разведанное месторождение Шнееберг было передано из Объекта 2 в новый Объект 3. В это же время была пущена в эксплуатацию новая шахта № 6. В 1950 г. в состав Объекта входили семь шахт (№№ 4, 6, 6-бис, 12, 15, 65, 67), обогатительная фабрика № 99 и цех опробования № 52. В 1950 г. начальником Объекта был Шалва Самсонович Дanelия, главным инженером — Я. С. Мальченко, главным геологом — Александр Дмитриевич Ковалев.

Всего на Объекте работало 155 советских специалистов. Численность немецких трудящихся на 1 января 1950 г. составляла около 25 тыс. человек.

Объект 3

Объект 3 был организован в апреле 1947 г. как геологоразведочное и добывающее предприятие в районе Шнееберг-Нойштадтель. Его управление размещалось в здании городской ратуши Нойштадтеля. Разведку проводил геологоразведочный Объект 21. Район его поиска и ревизионных работ находился в окрестностях Шнееберга, Обер- и Нидершлемы. В конце 1947-го — начале 1948 г. Объект 21 был реорганизован в Объект 9. Дальнейшая разведка верхних горизонтов не подтвердила наличие запасов, и постепенно, по мере отработки, шахты выводили из эксплуатации. Полностью запасы Шнеебергского месторождения были выработаны в 1958 г.

В 1950 г. в состав Объекта входили 7 рудников (№№ 3-50, 9-25, 10-72, 11-24, 26-77, 83-74, 130-131) и цех опробования № 50. Начальником Объекта был Александр Васильевич Васильев, главным инженером — Гавриил Францевич Негребецкий, главным геологом — Клавдий Иванович Коновалов. Главным инженером шахты № 10-72 (Зибеншлеен) в то время был Николай Иванович Чесноков, впоследствии ставший заместителем генерального директора СГАО «Висмут», а по возвращении в 1958 г. в СССР — начальником 8-го Управления Минсредмаша. Начальником шахты № 26-77 работал Владимир Леонидович Шмонин, который в 1960-х гг. был командирован в «Висмут» на должность главного инженера Проектного предприятия. Всего в 1950 г. на Объекте работало 120 советских специалистов².

² Подробнее о работе рудников в районе Шнеебергского рудного поля можно прочесть в воспоминаниях Н. И. Чеснокова (см. часть II, глава 1).

Объект 4

Объект 4 был организован в марте 1947 г. на основании положительных результатов геологоразведки, начатой в районе штольни Доротея и распространенной на штольни Маркус Роллинг, «1000 рыцарей», Биршнабель, Тифер Баух и др. В 1949 г. в работе были 19 шахт и штолен. Но уже в 1950 г. начинается постепенное сокращение объемов добычи урана. В сентябре 1950 г. Объект 4 и Объект 7 (Беренштайн-Нидершлаг) объединяют под новым названием — Объект 111.

В начале 1950 г. в работе на Объекте находились 5 шахт (№№ 19, 21, 29-бис, 49, 78). Начальником Объекта был А. А. Голяницкий, главным инженером — Л. С. Волковой, главным геологом — Михаил Федорович Кузин. Всего на Объекте работало 117 советских специалистов.

Объект 5

На Объекте 5 работало 13 шахт, обрабатывавших мелкие урановые месторождения между Мариенбергом и Волькенштайном. Основную добычу урана давали шахты №№ 45/139 и 44/238. Дополнительный вклад в добычу урана давала радиометрическая сортировка старых отвалов старинных рудников (их было около 180). Общая добыча урана на шахтах Объекта 5 за период с 1946 по 1956 г. составила 121 тонну.

В 1950 г. начальником Объекта был Христофор Степанович Папикян, главным инженером — Александр Егорович Дмитриев, а главным геологом — Сергей Аполлонович Ковалев. В это время в подчинении Объекта 4 находились шахты, геологоразведочная экспедиция и 3 геологоразведочные партии. Всего на Объекте работало 117 советских специалистов.

Объект 6

На основании положительных результатов эманационных и радиогидрологических исследований и поисковых геологических работ, проведенных в первой половине 1949 г. Объектом 26 в районе Цобес, с середины 1949 г. начались интенсивные геологоразведочные работы (проходка шурфов и канавок) по уточнению выявленных аномалий и подготовка поверхности для вскрытия месторождения.

Первый шурф № 15, давший обнадеживающие результаты, начали проходить в июле 1949 г. До конца года было пройдено еще девять шурфов, причем из-за отсутствия электроэнергии работы до осени проходили вручную.

Для сокращения ручного труда и форсирования работ по разведке и вскрытию месторождения Цобес были протянуты высоковольтные линии электропередач. В непосредственной близости от места заложения шахты № 277 (Хаарбахталь) Объектами 14 и 17 были смонтированы трансформаторные подстанции и компрессорная станция с шестью поршневыми компрессорами фирмы «Юнкерс», переделанными из авиационных двигателей. Воду для охлаждения оборудования брали из ручья, перегороженного плотиной.

Проходка первого ствола (277) на месторождении Цобес началась 1 ноября 1949 г. В 750 метрах к востоку от него в марте 1950 г. началась проходка ствола 294, в июне того же года — ствола 320, а в августе 1951-го — ствола 354. Стволы имели сечение 11,7 кв. метра. Общая площадь рудного поля составляла около 6 кв. километров.

Сам Объект 6 был организован в 1950 г. на основе шахтоуправлений №№ 181 (Готтесберг), 241 (Шнекенштайн), 277 (Цобес) и 254 (Берген). В него также входили геологическая, поисково-разведочная, геофизическая и топографическая партии и камеральный отдел. Общее количество рудных жил достигало 200. Горные работы вскрыли месторождение Цобес на глубину 750–850 метров. Самый нижний рудодвор был вскрыт слепым стволом № 294-2-бис на горизонте 870 метров. Геотермическая ступень на месторождении составляла 30 метров на 1 градус. Этот фактор стал оказывать влияние на формирование теплового режима горных выработок нижних горизонтов. Чтобы решить эту проблему, в 1961 г. были закуплены передвижные холодильные установки типа WK-20, мощные вентиляторы частичного проветривания «Проходка» и новые металлические вентиляционные трубы увеличенного диаметра. Когда все эти мероприятия не давали нужных результатов, и температура воздуха в забое достигала 31 градуса и 100 % влажности, продолжительность рабочего времени сокращали с 8 до 6 часов.

Разработка месторождения проходила ускоренными темпами, что осложняло подбор рабочих кадров нужных специальностей. Выручали образованные «Висмутом» курсы и школы подготовки горняков. В 1949 г. на предприятие пришли первые выпускники Фрайбергского горного техникума. В 1952 г. Объект 6 организовал собственную техническую производственную школу Цобес. Она готовила для «Висмута» горняков разных специальностей и штейгеров.

В 1950 г. начальником Объекта был капитан Александр Степанович Румянцев, главным инженером — М. И. Трискиба, а главным геологом — Лев Сергеевич Шутов.

Всего на Объекте работало 107 советских специалистов. На этом Объекте в 1949 г. начинал свою деятельность в производственно-техническом отделе Иван Иванович Белов, который в 1962 г. станет главным инженером Объекта 9, а спустя четыре года — лауреатом Ленинской премии.

В 1959–1960 гг. добыча урана на месторождении Цобес достигла максимума — 600 тонн в год, но потом резко сократилась, и в 1964 г. Объект 6 закрыли, а рабочую силу распределили между Объектом 9 и тюрингскими рудниками.

Объект 7

Первые поисковые геологоразведочные работы в районе Беренштайн-Нидершлаг начала в ноябре-декабре 1946 г. группа специалистов Объекта 1 под руководством геолога Н. Ф. Новикова. Обследование старых выработок на рудниках и отвалах на поверхности дало положитель-

ные результаты. Однако морозная и снежная зима позволила начать горные работы на шахте № 34 (Нойе Унферхоффт Глюк) только в апреле – мае 1947 г. На старых рудниках отсутствовало компрессорное хозяйство, и все буровые работы приходилось выполнять дедовским способом — вручную. Погрузка отбитой горной массы также производилась вручную. В августе 1947 г. был организован Объект 24, который проводил разведку в районе Беренштайн-Обервинзенталь. После получения положительных результатов геологоразведки и вовлечения разведанных запасов в отработку на Объекте стали в основном заниматься горными работами, и тогда геологоразведочный Объект 24 был реорганизован в горнодобывающий Объект 7, управление которого размещалось в Беренштайне. В состав Объекта входило 12 шахт. Все они завершили свою работу в 1951–1954 гг.

В 1950 г. на Объекте работало 117 советских специалистов.

Объект 8

Объект 8 был организован в ноябре 1948 г. на основании положительных результатов, полученных Объектом 1 при проведении геологоразведочных работ в районе Шварценберг-Антонсталь-Риттерсгрюн-Брайтенбрунн, вплоть до границы с ЧССР. Площадь территории обследования составила порядка 72 кв. километра. Управление Объектом размещалось в Брайтенбрунне. Всего на Объекте работали 14 шахт. Наиболее крупными из них были №№ 235 Вайсер Хирш (Антонсталь), 87, 164, 204 (Зайфенбах), 98 (Сентябрьское-Танненбаум), 126 (Нойе Оберхаус), 248 (Майское), 336 (Унруэ) и 253 (Июньское). За период 1948–1958 гг. было добыто 1400 тонн урана.

В 1950 г. на Объекте работали 152 советских специалиста. Начальником Объекта был Илья Михайлович Савин, главным инженером — Ефим Иванович Маврин, главным геологом — Георгий Николаевич Котельников, который начинал свою работу главным геологом на шахте Фришглюк в 1946 г. Помимо шахт в состав Объекта входили цех опробования и геологоразведочная экспедиция (начальник — Л. Ч. Пухальский).

Но наиболее важным успехом геологов было открытие жильного месторождения урана Нидершлема-Альберода, как впоследствии оказалось — крупнейшего в мире среди месторождений данного типа.

Объект 9

Объект 9 был организован на базе геологоразведочного Объекта 21 в конце 1947-го — начале 1948 г. после открытия месторождения Нидершлема-Альберода. Объекту 9 были переданы запасы этого месторождения, отрабатываемые Объектом 2. В состав нового Объекта вошли шахты №№ 13, 38, 66, 186, 207 и 208 (в том числе штольни № 128 и № 129). Его управление размещалась в Ауэ, в здании, где до этого располагалась Генеральная дирекция САО «Висмут», переехавшая в Зигмар-Шенау. По состоянию на 1 января 1950 г. здесь работал 8591 человек, в том числе горняков — 5461. В 1951 г. началась проходка стволов №№ 13-бис, 186, 207 и 208 до горизонта 210 метров. В шахтном поле шахты № 38 с горизонта 240 на горизонт 300 метров проходит слепой ствол № 38а, с горизонта 240 метров на горизонт 380 метров — слепой ствол № 38б. С 1953 г. горные работы на Объекте велись на шахтах №№ 13, 207 и 250 (Нидершлема) и 186 (Альберода). 1 января 1954 г. на Объекте работало уже 12 917 трудящихся, а сам Объект стал ведущим предприятием «Висмута».

В 1950 г. начальником Объекта был Кирилл Васильевич Данилин, главным инженером — Николай Фролович Дьяконов, ранее работавший начальником шахты № 49 комбината «Мосбассуголь»; главным геологом — Юрий Дмитриевич Колошин (о нем тепло отзывался в своих воспоминаниях геолог Эрих Майснер (часть II, глава 4), начинавший свою работу геологом на этом Объекте).

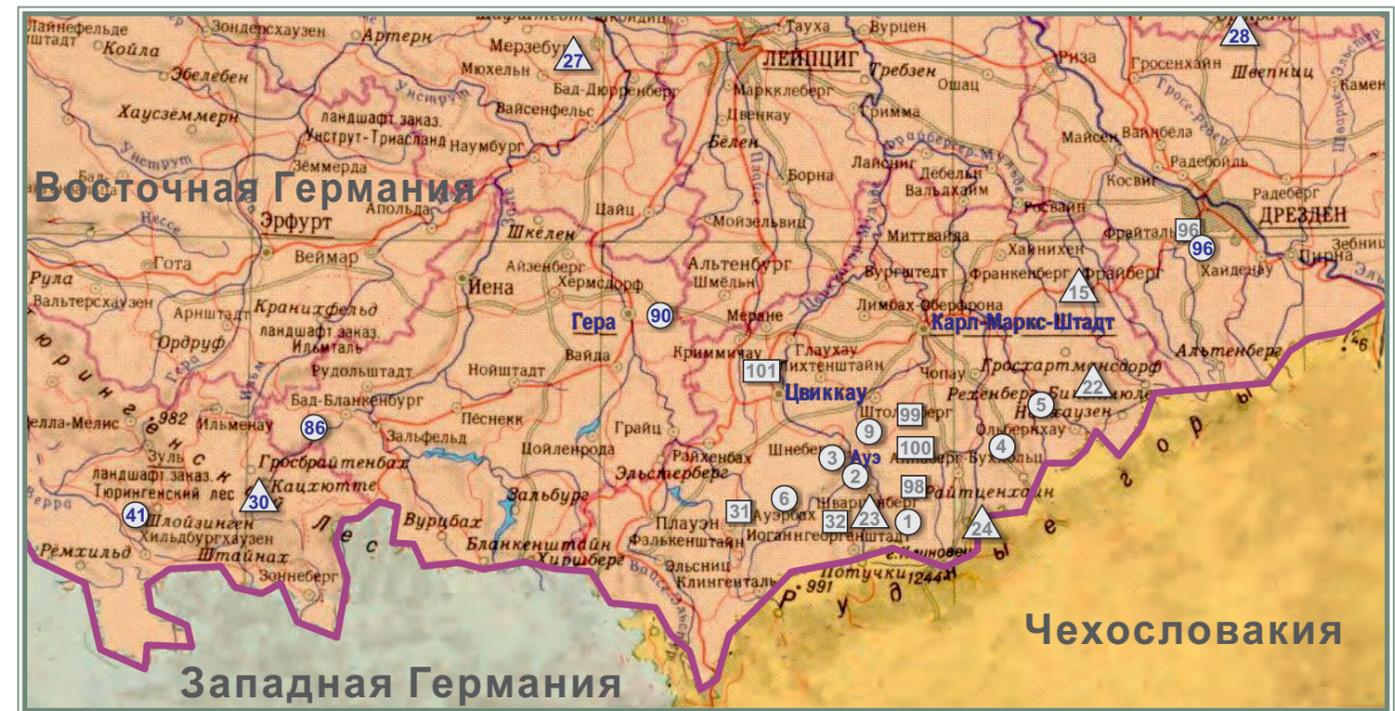
Жильное месторождение Нидершлема-Альберода долгое время (до конца 1970-х гг.) являлось наиболее важным для общества «Висмут» источником урана, который до 80 % добывался в виде богатых штуфных руд, и сыграло выдающуюся роль в поставках урана для создания ядерного щита и развития атомной промышленности Советского Союза.

После успешной доразведки месторождения Нидершлема (конец 1950-го и особенно 1951–1952 гг.) к Объекту 9, где неуклонно росла добыча урана, были присоединены урановые шахты Шнеебергского рудного поля (Объект 3).

Вскрытие нижних горизонтов, разведка месторождения и добыча урана шли одновременно. Такая организация работ на урановых рудниках «Висмута» позволила в короткий срок резко увеличить его добычу, особенно на жильных гидротермальных месторождениях Рудных гор Саксонии.

Добытые штуфные урановые руды (смолка) упаковывались в металлические ящики, за каждый из которых забойщику шла дополнительная оплата. Далее ящики вывозились на рудный склад шахты, откуда на автомашинах свозились в цеха опробования, находившиеся практически на всех горнодобывающих объектах. В этих цехах не производилось обогащение добытой руды. Крупный цех опробования № 50 начал работать в 1950 г. в районе Ауэ. До 1956 г. в нем работали в основном советские военнослужащие (см. фото на вкладке на стр. 49).

Задачей цеха № 50 было разделить полученную урановую руду с помощью радиометрической сортировки на товарную (1–3 %) и штуфную (более 3 %) руду, измельчить до требуемого

размера, провести химическое опробование для расчетов с рудниками и подготовить сопроводительную документацию для отправки в Советский Союз. После опробования подготовленную руду передавали в цех № 20, где она упаковывалась в специальные контейнеры, а затем отгружалась в железнодорожные вагоны и отправлялась для дальнейшей переработки в Советский Союз. Железнодорожные составы для транспортировки урановой продукции состояли из 30–35 вагонов. В середине поезда находился вагон с охраной, состоящей из семи солдат и одного офицера, которые сопровождали поезд от Ауэ до Бреста. Офицер имел постоянную телефонную связь с первым и последним вагонами поезда. Охранное сопровождение транспорта с ураном осуществлял гарнизон Советской армии, расквартированный в Шнееберге.

Рядовые урановые руды грузились в шахтные вагонетки, выдавались на поверхность, разгружались в рудные бункеры и в дальнейшем вывозились автотранспортом на обогатительные фабрики «Висмута».

В 1951 г. была организована скоростная проходка стволов, горизонтальных и восстающих горных выработок. Бригады проходчиков-скоростников были в почете. Так, например, немецкий бригадир Зепп Вениг стал Героем труда, другие бригады тоже были представлены к наградам.

Объект 11

Объект 11 был организован в 1946 г. на базе «Стройконторы», известной как «контора Афонина» по фамилии ее руководителя.

В 1950 г. в «Висмуте» было 29 Объектов, но их число менялось в связи с развитием работ и реорганизациями.

В 1946–1953 гг. строительными-монтажными подразделениями САО «Висмут» были сооружены горнодобывающие комплексы на девяти Объектах, введены в эксплуатацию 56 подъемных установок и 8 обогатительных фабрик.

Проекты строительства этих предприятий разрабатывали советские специалисты. Одновременно с этим силами Объекта 176 в г. Ауэ в 1947–1949 гг. выполнялись необходимые работы по подготовке стройплощадок, застройке, строительству инженерных сетей и разработке рабочих проектов. Созданное в 1950 г. для выполнения проектных

работ 3-е управление в несколько этапов преобразовывалось в универсальное Проектное предприятие.

В условиях необходимости безусловного выполнения заданий по выпуску урановой продукции деятельность по капитальному строительству определялись следующими требованиями:

а) обеспечение кратчайших сроков для ввода объектов в эксплуатацию;

б) использование простых и удобных в строительстве материалов, главным образом дерева.

Обогатительные фабрики для переработки рядовых руд имелись во многих районах Рудных гор Саксонии.

Рис. 10. Новые объекты, вошедшие в состав общества «Висмут» в 1949 г.

Разведка \triangle
27 — Северная Тюрингия, Саксония-Анхальт, 1949 г.
28 — Лаузиц, 1949 г.
30 — Южная Тюрингия, 1950 г.

Добыча \odot
41 — Дитрихсхютте (Dittrichshütte), Шлойзинген, 1952 г.
86 — Тюрингия (до 1952 г.), 1948 г.
90 — Роннебург, Сорге-Кульмич, 1949–1950 гг.
96 — Фрайталь, 1950 г.

Б. В. Воробьев.

И. И. Белов.

Е. А. Леонов.

В. Я. Опланчук.

На обогатительных фабриках и в цехах опробования в 1949–50 гг. работали сотни советских специалистов. На Объекте 1 директором обогатительной фабрики № 98 был Плотников Александр Васильевич, главным инженером — Вихирев Алексей Иванович. На Объекте 2 директором обогатительной фабрики № 99 был Б. Г. Иванов, главным инженером — В. И. Князев, главным технологом — Т. И. Дмитриева. На обогатительной фабрике № 96 Объекта 15 директором был Прун Николай Григорьевич, главными инженерами — Бородачев Василий Михайлович, Махнутин Сергей Аркадьевич, главным технологом — Богданченко Алексей Григорьевич. На обогатительной фабрике № 99 директором был Богатиков Анатолий Семёнович, главным инженером — Сидоров Григорий Игнатьевич. На Объекте 3 начальником цеха опробования № 50 были Шмидт Борис Николаевич, Жуков Иван Ильич. Начальником цеха № 51 — Полоумов Иван Васильевич, цеха № 52 — Горбунов Михаил Васильевич, цеха опробования на Объекте 9 — Козлова Евгения Ивановна, цеха № 54 — Сусликов Георгий Ананьевич.

Значительную роль в повышении качества добываемой урановой руды имели службы ОТК (отделы технического контроля), имевшиеся на каждом руднике, обогатительной фабрике и в центральном аппарате САО «Висмут». Работники отдела должны были обеспечивать контроль за правильностью технологии добычи и переработки урановой руды, определение количества и содержания урана с последующей отгрузкой его в Советский Союз. На эти должности назначались как опытные специалисты, так и молодые, получавшие специальную подготовку в вузах. Их были сотни. Приводим некоторые фамилии специалистов, работавших в этой системе.

Кошколда Николай Константинович, работал в 1949–53 гг. на рудниках и в центральном аппарате (ЦА) Общества руководителем ОТК. Начальником ОТК в ЦА в 1950 году был Шишов Виктор Михайлович, в 1953 — Любченко Иван Васильевич. На объектах работали также Аксёнов Михаил Иванович, Скотников Юрий Леонидович, Демин Николай

ВОРОБЬЕВ Борис Васильевич (1924–1975). Окончил Московский геологоразведочный институт по специальности «инженер-геолог» (1948). В 1948–1955 гг. работал в «Висмуте» главным геологом, в том числе в Тюрингской экспедиции, где стал одним из первооткрывателей месторождений Роннебургского рудного поля. За большие заслуги в изучении геологии, оценке перспектив и прироста запасов урана на этих месторождениях и их эффективное освоение награжден орденом Ленина.

АЛЕКСЕЕВ Евгений Алексеевич (1924–2000). Окончил Северо-Кавказский горно-металлургический институт им. С. Орджоникидзе по специальности «инженер-геолог» (1950). Работал на горнодобывающих предприятиях акционерного общества «Висмут» главным геологом шахты, заместителем начальника геологического отдела (1951–1956), начальником геологическо-

Матвеевич, Готовцев Борис Евгеньевич, Киричек Иван Семёнович, Полянская Татьяна Максимовна, Сергеев Иван Владимирович, Соколов П. И., Петросов Аркадий Арамович, Мельник В. Г. и многие-многие другие.

В 1949 г. начались интенсивные поисковые и геологоразведочные работы в южной части Восточной Тюрингии. Были организованы новые Объекты.

В январе 1950 г. в районе Зорге-Кульмих вблизи поверхности были разведаны 90 тонн урановой руды. На других разведочных объектах также были получены положительные результаты разведки на уран. Были увеличены объемы геологоразведочных буровых работ и проходка шурфов на Объектах 27, 29 (47), 30 и 90. Это позволило начать добычу на месторождениях Роннебургского рудного поля и открыть карьеры Зорге и Роннебург, шахты Шмирхау и Рацхайн.

Шахта Шмирхау, впоследствии ставшая крупнейшей на месторождении Роннебургского рудного поля, была заложена в 1951 г. на месте одноименной деревни, жители которой были переселены в другие места.

В 1946–1953 гг. геологоразведочными и горными работами были охвачены районы Западных и Восточных Рудных гор, Фогтланда и Восточно-Тюрингских Сланцевых гор общей площадью около 20 тыс. кв. километров.

Эти работы выполняли сотни советских специалистов — геологов, геофизиков и горняков, в том числе Чирков И. В., Воробьев Б. В., Чесноков Н. И., Белов И. И., Бычков И. А., Марченко А. П., Карлюков Ф. Н., Дьяконов Н. Ф., Опланчук В. Я., Назаркин В. П., Алексеенко Н. Н., Лифшиц Ю. Н., Генералов Г. С., Васильев А. В., Волковой Л. С., Данилин К. В., Кротков В. В., Лукьянов Н. Л., Данелия Ш. С., Бородачев В. М., Леонов Е. А., Кедровский О. Л., Симаков В. А., Мальченко М. И., Пащенко Э. Н., Колошин Ю. Д., Щепетильников А. Г., Алексеев Е. А., Пухальский Л. Ч., Кошколда Н. К., Шмонин В. Л., Слободяник Т. П., Шафранов С. А., Темкин Н. М., Александров А. А., Тормышев Л. М., Подпорин А. В., Калякин Н. И., Кольцов В. М., Панов И. А., Жуков Г. К., Бородин Л. П., Мельниченко В. М.

го отдела (1969–1976), главным геологом рудоуправления (1982–1989). В 1956–1969 и в 1977–1982 гг. работал в горно-химическом рудоуправлении (Лермонтов).

БЕЛОВ Иван Иванович (род. 1919). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Московский институт цветных металлов и золота им. М. И. Калинина по специальности «горный инженер» (1949). В 1949–1955 и в 1962–1966 гг. работал в урановой промышленности: начальник шахты, старший инженер, начальник производственно-технического отдела Объекта 6 и главный инженер Объекта 9 СГАО «Висмут». С 1966 г. — в организациях Министерства среднего машиностроения СССР: начальник горного отдела Первого Главного управления (1966–1973); главный инженер Навоийского горно-металлургического комбината (1973–1978). В 1978–1990 гг. — начальник отдела, ведущий инженер ПромНИИпроекта (с 1989 г. — ВНИИПромтехнологии) в Москве. Под его руководством на горнорудных предприятиях внедрялась передовая техника и технология. Награжден боевым орденом и медалями СССР, орденом ГДР. Лауреат Ленинской премии.

ЛЕОНОВ Евгений Александрович (1929–1995). После окончания Московского горного института в 1951 г. работал в САО «Висмут»: руководил работой по проходке стволов на урановых рудниках. В 1959 г. перешел на работу во ВНИИПромтехнологии Минатома СССР, где проработал до последних дней своей жизни. Проводил укрепление специальных уникальных подземных сооружений Красноярского горно-химического комбината, эксперименты на Семипалатинском ядерном полигоне; создавал промышленные емкости для хранения газового конденсата.

ОПЛАНЧУК Владимир Яковлевич (1919–1991). Окончил Томский индустриальный институт по специальности «горный инженер» (1941). Участник Великой Отечественной войны. С 1949 г. работал в «Висмуте» главным инженером шахты № 1 Объекта 1, затем начальником шахты, главным инженером, начальником предприятия САО «Висмут». В 1956–1960 гг. — начальник рудоуправления № 2, в 1960–1991 гг. — директор Ленинабадского ГХК (Таджикская ССР).

ПУХАЛЬСКИЙ Леонид Чеславич (1919–1991). Геофизик, известный специалист в области разработки и использования радиометрии и геофизических методов при поисках, разведке и эксплуатации урановых месторождений и радиометрического обогащения. Участник Великой Отечественной войны. Доброволец, прошел боевой путь от Москвы до Берлина. В 1941 г. окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе (геофизический факультет). Специалист в области поиска и разведки месторождений урана. В 1947–1951 гг. — начальник партии, начальник экспедиции, главный геофизик САО «Висмут». В 1951–1978 гг. — главный геофизик Первого Главного управления, затем — главный геофизик 8-го Управления Министерства среднего машиностроения СССР. Разработал и внедрил метод скоростной эманиционной съемки, что позволило существенно повысить эффективность поисковых работ на уран, открыть новые месторождения на территории СССР и в странах Восточной Европы, в том числе уникальное Роннебургское рудное поле.

БОРОДАЧЕВ Василий Михайлович (род. 1908). Специалист в области гидрометаллургического обогащения урановых и комплексных руд. Участник Великой Отечественной войны. В 1948 г. окончил Ивановский химико-технологический институт по специальности «химик-технолог» (поступив в 1938 г. в институт, в 1941 г. прервал занятия и ушел на фронт; возобновил обучение в 1946 г.). В 1948–1956 гг. — начальник Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ), главный инженер обогатительной фабрики № 96 Объекта 15, начальник отдела управления СГАО «Висмут». В 1956–1980 гг. — директор гидрометаллургического завода Киргизского горнорудного комбината в Кара-Балте.

КАЛЯКИН Николай Иванович (род. 1926). Специалист в области поисков, разведки и эксплуатации, а также методов контроля технологических (гидрометаллургических) процессов переработки урановых и комплексных ураносодержащих руд геофизическими методами. По окончании Московского геологоразведочного института по специальности «горный инженер-геофизик» (1949) направлен в САО «Висмут»: работал старшим инженером, затем — главным геофизиком горнорудных предприятий. В 1955–1957 гг. — главный геофизик экспедиции по поискам и разведке месторождений урана в КНР. В 1958–1971 гг. — научный сотрудник ВНИИХТа. В 1972–1985 гг. — заведующий лабораторией ядерно-физических методов на Приаргунском горно-химическом комбинате (ПГХК). В 1986–1993 гг. — заведующий ядерно-физическим аналитическим центром ВНИИЯГТ. Принимал участие в испытании и внедрении забойных, универсальных, контрольных и автоматических радиометрических приборов и установок. Ввел нулевые эталоны для РКС и эквивалентные меры концентрации для калибровки радиометрической аппаратуры.

Л. Ч. Пухальский.

В. М. Бородачев.

Н. И. Калякин.

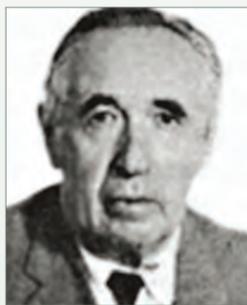
О. Л. Кедровский.

В. М. Кольцов.

А. В. Подпорин.

В. А. Симаков.

А. Г. Щепетильников.

Н. И. Чесноков.

КЕДРОВСКИЙ Олег Леонидович (1918–2010). По окончании Московского института инженеров железнодорожного транспорта по специальности «горный инженер-строитель» (1943) работал в московском Метрострое. В 1947–1953 гг. — начальник рудника, главный инженер, начальник управления капитального строительства СГАО «Висмут». В 1953–1958 гг. — генеральный директор Горного общества «Кварцит» (Румыния). В 1958–1964 гг. — заместитель начальника, а затем — начальник управления Министерства среднего машиностроения СССР. С 1965 г. — директор, с 1992 г. — главный научный сотрудник института ВНИИПромтехнологии (бывший ПромНИИпроект).

КОЛЬЦОВ Вилен Михайлович (1928–1999). По окончании Днепропетровского горного института по специальности «горный инженер» (1951) работал в СГАО «Висмут» старшим инженером по вентиляции, главным инженером шахты, затем — начальником шахты. В 1956–1999 гг. работал в ПромНИИпроекте (ныне — ВНИИПромтехнологии).

АЛЕКСЕЕНКО Николай Никифорович (1924–1988). По окончании Казахского горно-металлургического института (1950) был направлен в СГАО «Висмут»: работал начальником ОТК, начальником шахты Объекта 131, начальником ПТО Объекта 103, главным инженером Объекта 90. В 1957–1975 гг. — директор Степногорского горнорудного предприятия.

ПАНОВ Иван Алексеевич (1912–1980). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Липецкий горно-металлургический техникум и курсы руководящих работников при Криворожском горно-металлургическом институте. В 1933–1941 и 1945–1951 гг. работал на Липецком руднике управления Главруда. В 1951–1957 гг. — главный инженер шахты, начальник шахты, начальник производственно-технического отдела, заместитель главного инженера, главный инженер рудоуправления СГАО «Висмут». В 1957–1966 гг. — главный инженер, директор предприятия, в 1966–1974 гг. — заместитель начальника производственно-технического отдела Киргизского горнорудного комбината.

ПОДПОРИН Александр Васильевич (род. 1923). Участник Великой Отечественной войны. По окончании Московского института цветных металлов и золота по специальности «горный инженер-геолог» (1949) работал рудничным геологом по подсчету запасов, начальником геологоразведочной партии № 2 Объекта 5, а в 1956–1959 гг. — главным геологом горнодобывающего предприятия СГАО «Висмут». С 1960 г. — главный инженер Березовской геологоразведочной экспедиции Министерства геологии СССР (Новосибирск), производившей поиски и разведку месторождений урана; позднее был назначен заместителем главного геолога Фрунзенского горнорудного комбината (Киргизия) Министерства среднего машиностроения СССР.

СИМАКОВ Владимир Алексеевич (род. 1927). Доктор технических наук, профессор, действительный член РАЕН. По окончании Московского горного института по специальности «Подземная разработка рудных месторождений» (1950) работал районным инженером управления, затем — начальником геологоразведочной партии и старшим горным инженером экспедиции в СГАО «Висмут». С 1955 г. — младший научный сотрудник ИГД АН СССР, с 1965 г. — заведующий кафедрой МГРИ.

ЩЕПЕТИЛЬНИКОВ Алексей Гаврилович (род. 1925). Участник Великой Отечественной войны. Окончил Московский институт цветных металлов и золота по специальности «инженер-геолог» (1950). В 1950–1957 и 1972–1979 гг. — главный геолог шахты, главный геолог предприятия, начальник отдела Центрального геологического предприятия СГАО «Висмут». В 1979–1988 гг. — начальник отдела ПГУ Министерства геологии СССР.

ЧЕСНОКОВ Николай Иванович (1924–2002). После окончания Московского горного института по специальности «горный инженер» (1946) работал в Мосбассе начальником участка на шахте комбината «Москвоуголь». С февраля 1950 г. начал работать в «Висмуте» на Объекте 3 (Шнеберг) начальником шахты № 10-72 (Зибенишен), затем (по декабрь 1957 г.) — начальником Объекта и первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут». Вся его последующая трудовая деятельность связана с 8-м Управлением ПГУ Министерства среднего машиностроения СССР: он был его руководителем до 1991 г. С 1986 г. одновременно выполнял функции председателя правления СГАО «Висмут».

НАЗАРКИН Валентин Павлович (1929–2008). Во время войны 15-летним мальчиком работал в совхозе комбайнером, за что в 1945 г. был награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». По окончании Алма-Атинского горно-металлургического инсти-

тута (1951) получил специальность горного инженера по разработке рудных месторождений и был направлен на работу в САО «Висмут». Работал в Аннаберге на шахте № 78 инженером по механизации, затем — главным инженером шахты. С 1952 г. — начальник шахты № 52 в Иоганнзеоргенштадте, с 1956 — старший районный инженер производственно-технического управления Генеральной дирекции. После возвращения в СССР в 1957 г. работал в Академии наук Казахской ССР. С 1963 г. — снова в «Висмуте» на должности начальника производственно-технического управления Генеральной дирекции. В 1967–1982 гг. — заместитель начальника 8-го Управления Первого Главного управления Минсредмаша. В 1982 г. был назначен главным инженером, а через четыре года — первым заместителем генерального директора и членом правления СГАО «Висмут».

ДАНИЛОВ Юрий Сергеевич (1928–1984). В 1951 г. окончил Казахский горно-металлургический институт по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых» и был направлен на работу в САО «Висмут». Работал на предприятиях геологоразведочного Объекта 29 в Айслебене, Нойштадте и Роннебурге, пройдя путь от старшего инженера до начальника геологоразведочной партии. Жена — Евгения Ефимовна, работала вычислителем геофизической партии. В 1957–1958 гг. работал в Институте геологии АН Казахской ССР, в 1958–1965 гг. — в Казахском институте минералогического сырья. В 1965–1972 гг. — главный геолог Центрального геологоразведочного предприятия в Грюне (СГАО «Висмут»). В 1972–1976 гг. работал в Минсредмаше (геологическое управление ПГУ). В 1976 г. был назначен главным геологом СГАО «Висмут». Скоропостижно скончался на работе 19 апреля 1984 г.

ТОРМЫШЕВ Леонид Михайлович (1926–1990). По окончании Липецкого металлургического техникума (1947) вместе со своей супругой Зоей Яковлевной был направлен на работу в Германию, в САО «Висмут». В 1947–1953 гг. — начальник шахты № 51 Объекта 12 (Зоя Яковлевна в это время работала старшим экономистом на шахте № 30 того же Объекта). В 1954 г. работал в Румынии. В 1954–1957 гг. учился в Московском горном институте, после чего был распределен в Ростовскую область для работы на угледобывающих предприятиях, прошел трудовой путь от мастера до главного инженера шахтостроительного треста г. Шахты. В 1971 г. был вновь направлен в ГДР для работы в должности главного инженера СГАО «Висмут» и проработал в этой должности до 1982 г. В 1983–1990 гг. работал заместителем начальника 8-го Управления ПГУ Минсредмаша. Л. М. Тормышев — кавалер ордена «Шахтерская слава» трех степеней, лауреат Государственной премии СССР.

БОРОДИН Лев Павлович (1930–1998). В 1953 г. после окончания Ленинградского горного института был направлен в САО «Висмут», где начал работу командиром взвода ВГСЧ, а затем был назначен начальником ОТК рудника им. Вилли Агатца (Фрайталь). Возвратившись на родину в 1956 г., работал на комбинате «Донецуголь»: прошел путь от горного мастера до директора шахты им. Челюскинцев. В 1973 г. был вновь командирован в СГАО «Висмут»: работал в производственном отделе сначала куратором одного из рудников, а в 1974–1979 гг. — начальником производственного отдела общества. С 1981 г. работал в г. Желтые Воды Днепропетровской области главным инженером проекта Украинского научно-исследовательского и проектного института промышленной технологии. В 1986 г. в третий раз был откомандирован в распоряжение Первого Главного управления Минсредмаша и назначен главным инженером СГАО «Висмут», где проработал вплоть до ликвидации предприятия в 1991 г. В дальнейшем, до своей кончины в 1998 г., работал в Желтых Водах главным инженером проекта НТЦ по дезактивации радиоактивных отходов и источников ионизирующих излучений, а также комплексному обращению с радиоактивными веществами.

МЕЛЬНИЧЕНКО Вадим Михайлович (1930–2005). В 1953 г. окончил Ленинградский горный институт по специальности «горный инженер» и был направлен в СГАО «Висмут»: работал заведующим БВР на шахте № 10 Объекта 13, а затем был назначен заведующим вентиляцией шахтоуправления Объекта 49, и трудился на этом посту до 1958 г. Его жена Зинаида Николаевна в 1953 г. работала на Объекте 19 начальником смены цеха № 5, затем технологом химического цеха и старшим инженером ОТК Объекта 49. Вернувшись в СССР, В. М. Мельниченко работал начальником лаборатории вентиляции во ВНИИОМШСе (Харьков). В 1963 г. снова был направлен в командировку в СГАО «Висмут»: работал старшим инженером, а затем — начальником лаборатории вентиляции и кондиционирования рудничного воздуха НТЦ до июня 1971 г. За работы по созданию уникальной системы кондиционирования рудничного воздуха для месторождения Нидершлема-Альберода в 1969 г. ему была присуждена Государственная премия СССР. По возвращении в СССР работал директором филиала ПромНИИпроекта в г. Желтые Воды Днепропетровской области.

В. П. Назаркин.

Ю. С. Данилов.

Л. М. Тормышев.

Л. П. Бородин.

В. М. Мельниченко.

Торговый магазин «Глюк Ауф» для горняков (из архива Wismut GmbH).

⚒ В 1950 г. в «Висмуте» работало 195 900 человек. Проведенная большая кампания по оптимизации объемов горных работ и закрытию малоперспективных участков и рудников позволила в 1951 г. сократить численность работающих до 153 100 и снизить себестоимость единицы товарной продукции на 23 %.

В конце 1953 г. число трудящихся, занятых на разведке, добыче и переработке урановых руд, составляло 117 200 человек, в том числе 3358 советских специалистов. Общее число трудящихся СГАО «Висмут», включая рабочее снабжение (торговлю), здравоохранение и общественные организации, достигло 132 800 человек.

Особо следует отметить тот факт, что

на предприятиях «Висмута» никогда не работали заключенные, в отличие от урановых рудников предприятия «Пршибрам» в Чехословакии. Проект заместителя министра МВД С. Н. Круглова об использовании принудительного труда военнопленных и заключенных для работ на предприятиях «Висмута» не был принят, но в лагерях для военнопленных существовала практика: если военнопленный соглашался работать по своей специальности на предприятиях «Висмута», он немедленно освобождался и отправлялся домой в Германию. Некоторые немецкие ветераны «Висмута» рассказывают об этом в своих воспоминаниях.

Несмотря на трудности послевоенного времени, которые были как у Германии, так и у Советского Союза, руководство «Висмута» с самого начала уделяло большое внимание улучшению социально-экономических, бытовых и культурных условий жизни горняков.

Особое значение для успешной деятельности общества имело обеспечение трудящихся продовольствием и товарами первой необходимости. Начиная с 1945 г. немецкие горнорабочие, работавшие по найму в войсковой части полевая почта № 27304, получали, как и все жители, талоны ежедневного питания в соответствии с приказом маршала Г. К. Жукова — главнокомандующего Советской военной администрации в советской оккупационной зоне Германии. Подземные рабочие получали талоны 1-й группы (на самые калорийные продукты), поверхностные рабочие — талоны 2-й группы. Кроме того, подземные рабочие «Висмута» ежемесячно получали бесплатно 2 литра алкоголя (38 %), а поверхностные рабочие — 1 литр. Горняки с присущим им юмором называли этот шнапс «смерть шахтеру» (Kumpeltod).

За перевыполнение плановых заданий горнякам полагались дополнительные продукты (в народе их называли «сталинпакет»). Размер поощрений зависел от степени перевыполнения плана. Если этот показатель составлял 110–120 %, горняк получал 1 пакет, при 121–135 % — 2, 136–150 % — 3, свыше 150 % — 4 пакета. В 1946 г. «сталинпакет» содержал 10 банок овощных консервов, 2 кг мяса, 2 кг творога или сыра, по 1 кг муки, масла и сахара. Кроме того, предприятия могли премировать трудящихся промтоварами, например, радио, велосипедом, парой обуви или тканью.

Быстро увеличивающееся количество трудящихся, работающих на рудниках, требовало наряду с продовольственным пайковым обеспечением организации горячего посменного питания. Поэтому войсковая часть 27304 начала организовывать кухни, столовые и продовольственные магазины, отпускающие продукты по висмутовским

талонам. Слева представлено фото одного из таких магазинов.

После создания САО «Висмут» в 1947 г. при каждом Объекте появились отделы рабочего снабжения (ОРС), получающие продовольственные и промышленные товары через систему воинского снабжения. Ответственным за деятельность системы ОРС был заместитель генерального директора по снабжению. С развитием работ и ростом числа работающих изменялась система их обеспечения продовольствием и необходимыми товарами. Шла постепенная передача системы снабжения рабочих в руки немецких торговых организаций. В октябре 1950 г. был организован «Консум-Висмут», затем, на основании решения Совета Министров ГДР от 12 июля 1951 г., — государственная торговая организация «Висмут» (НО Wismut). На первом заседании правления СГАО «Висмут» его генеральный директор В. Н. Богатов сказал, что НО Wismut обеспечивает бесперебойное снабжение немецких горняков продовольственными и промышленными товарами через систему, имеющую 13 торговых предприятий, 1330 магазинов, 105 столовых на предприятиях, 112 ресторанов, 104 кантины и 1330 торговых точек, а обслуживают систему 14 349 торговых работников.

Огромной проблемой стала необходимость расселения тысяч новых горняков, среди которых было много переселенцев из Польши и Чехословакии, не имевших ни кола ни двора.

С 1947 г. САО «Висмут» приступило к реализации программы строительства жилья для трудящихся. В ноябре 1948 г. она была согласована с руководством земли Саксония. В Тюрингии САО «Висмут» начало аналогичную программу с 1951 г. в районах Грайц, Берг-Эльстер и Роннебург. Строили дома разных типов: для одной семьи (Berliner Hauser) и многоквартирные из металла и дерева (Wiener Hauser). Интересные свидетельства о быте горняков и строительстве жилья даны в очерке Майнеля Харманна (том I, часть II, глава 5).

С 1947 г. началось активное строительство профилакториев, домов отдыха и санаториев для обслуживания горнорабочих.

В течение 1946–1952 гг. для обеспечения трудящихся «Висмута» квалифицированным медицинским обслуживанием и лечением, в соответствии с приказами М. М. Мальцева, было построено 16 амбулаторий, 17 поликлиник, 17 больниц и 11 санаториев.

В это же время на всех Объектах начинается строительство домов культуры, в которых трудящиеся «Висмута» и их семьи могли проводить свободное время:

смотреть кинофильмы, спектакли, выступления известных артистов, заниматься художественной самодеятельностью или любимым хобби в кружках. В 1951 г. методом народной стройки был построен центральный Дворец культуры трудящихся «Висмут» в Зигмаре (архитекторы Курт Риттер, Адам Бюргер и Йоахим Раквиц). Зрительный зал дворца вмещал 900 человек, имел несколько банкетных и игровых залов.

На машиностроительном заводе № 505 в г. Ауэ (позже — «Гормаш Ауэ») по инициативе его директора Константина Георгие-

Многоквартирный дом (Wiener Hauser) (из архива Wismut GmbH).

Больница на 1000 мест для горняков «Висмута» в Эрлабрунне (из архива Wismut GmbH).

вича Моисеева в 1950 г. были организованы духовой оркестр и хор, которые неоднократно становились победителями конкурсов народной музыки в ГДР.

В 1950 г. по приказу М. М. Мальцева за четыре месяца на месте старого футбольного поля в Ауэ был построен стадион с новой футбольной и легкоатлетической ареной на 22 тысячи болельщиков. Помимо профессиональных строителей его строили горняки в свободное от работы время и прикомандированные советские солдаты. Стадион получил имя Отто Гротевольфа — премьер-министра ГДР, приезжавшего на его открытие, и лишь после объединения Германии сменил свое название на Эрцгебиргештадион.

В 1952 г. в Зигмар-Шенау был построен

Духовой оркестр «Гормаш Ауэ» (BBA) (из архива Wismut GmbH).

Стадион
«Отто Гротеволь» в Ауэ
(Stadtarchiv Aue).

Дворец культуры
трудящихся «Висмут»
в Пельцмюлле
(фото В. Д. Марюнина).

новый спортивный комплекс с плавательным бассейном и спортивным залом. На всех Объектах велось строительство спортивных домов для массового занятия спортом.

Все эти мероприятия по улучшению социально-экономических и культурных условий труда и жизни трудящихся «Висмута» наглядно показывают циничную ложь тех, кто и сегодня, как и в прошлом, разглагольствует о «Висмуте», как о ГУЛАГе для горняков.

✚ В состав Советского государственного акционерного общества цветной металлургии (СГАОЦМ) «Висмут» по состоянию на 31 декабря 1953 г. входили 23 Объекта различного назначения, включающие рудники и перерабатывающие предприятия, геологическое, проектное с научно-технической частью и транспортные предприятия, три механических завода в Ауэ, Кайнсдорфе и Зигмаре, два профессионально-технических училища, горный институт, предприятия рабочего снабжения и организации бесплатного медицинского и промышленно-санитарного обслуживания трудящихся.

Важнейшие Объекты общества находились в Иоганн-георгенштадте (Объект 1), Ауэ и Обершлеме (2), Шнееберге (3), Цобесе и Ауэрбахе (6), Аннаберге и Мариенберге (7), Ауэ и Нидершлеме (9), Гере, Рудольштадте и Нойхаузене (90), Дрездене, Фрайтале и Дипольдисвальде (96), Цвиккау и Кроссене (101). Данные о добыче урановой руды обществом «Висмут» представлены ниже на диаграмме, а данные о численности трудящихся — на графике.

Как видно из диаграммы, начиная с 1946 г. наблюдался резкий рост добычи урана и его поставок. А с 1949 г. САО (позднее СГАО) «Висмут» стал главным поставщиком стратегического сырья для атомной промышленности Советского Союза.

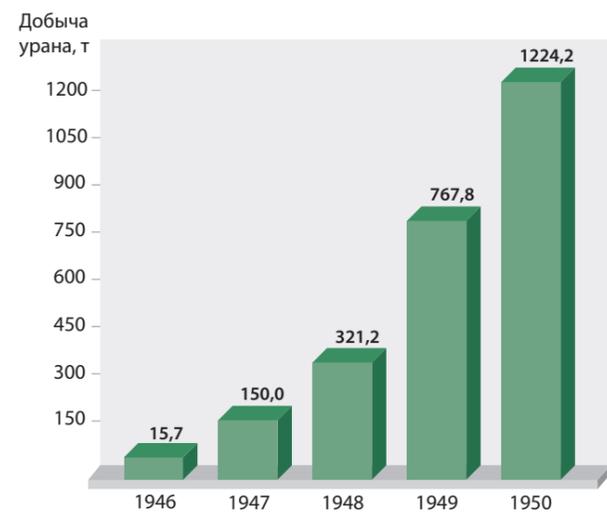

Рис. 11. Добыча урановой руды САО «Висмут» в пересчете на металл (1946–1950).

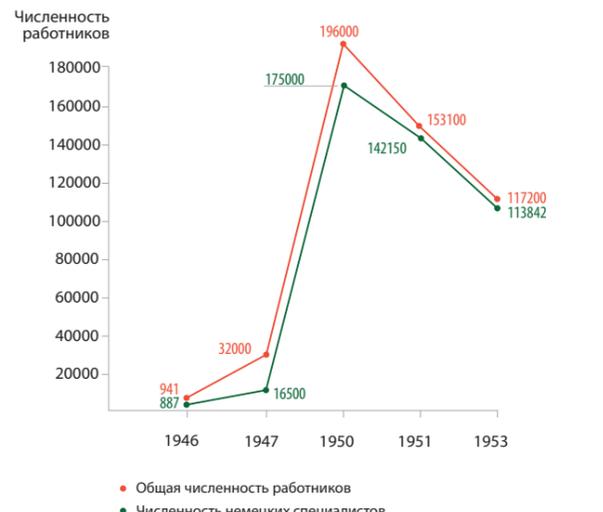

Рис. 12. Численность работников общества «Висмут» (1946–1953).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОБСТАНОВКА ВОКРУГ «ВИСМУТА». ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ (1946–1953)

ГЛАВА 5

Состояние немецкого населения после окончания войны

Для того чтобы понимать, в каких условиях начинались работы по добыче урановых руд в Восточной Германии, надо вспомнить состояние и положение населения Германии после окончания войны в 1945 г.

Подавляющее большинство населения воспринимало все происходящее как катастрофу. Страна не просто потерпела поражение в войне. Рухнул государственный строй, который регламентировал ее жизнь. Рухнули все мифы нацистской пропаганды о превосходстве арийской расы, о непобедимости немецкой армии, о «чудо-оружии» и т. д.

В Германии насчитывалось около 2 млн вдов войны, около 2,5 млн инвалидов и до 6 млн пострадавших от бомбардировок. Англо-американские бомбардировки разрушали в основном не военные объекты, а крупные города, даже имеющие памятники истории и архитектуры, — Дрезден, Гамбург, Кельн. Причем промышленный потенциал Германии, сосредоточенный в основном на западе страны, сократился в результате бомбардировок союзников лишь на 10–15 % и был формально выше довоенного. Но предприятия стояли, так как не было сырья и электроэнергии¹.

Холод, голод и нужда ограничивали для немцев жизненную перспективу и сводили ее к индивидуальной борьбе за выживание. В первые послевоенные годы было еще много людей, которые не чувствовали себя виновными в преступлениях Третьего рейха. Находились даже такие, кто продолжал верить и в величие фюрера, подло преданного своими

соратниками, и в то, что национал-социализм был истинным путем германского народа.

Страх населения перед Советской армией был чрезвычайно велик. Это был результат геббельсовской пропаганды, которая активно создавала из советского человека образ дикого варвара. Многие старались бежать на Запад, а немецкие солдаты стремились попасть в плен к американцам и англичанам. И здесь будет уместно привести слова И. В. Сталина из его приказа № 55 от 23 февраля 1942 г. по случаю 24-й годовщины образования Красной армии: «Со всей ответственностью можно сказать, что эта война приведет либо к раздроблению, или к уничтожению гитлеровской клики. Смешны попытки идентифицировать весь немецкий народ и немецкое государство с этой кликой. Опыт истории говорит, что гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство немецкое — остается (выделено нами. — Авт.-сост.). Сила Красной армии состоит в том, что она не знает расовой ненависти, что представляет собой источник слабости Германии... Мы воюем с немецким солдатом не потому, что он немец, а потому, что он выполняет приказ поработить наш народ».

За спинами советских солдат, с боями освобождавших поработенную фашистами Европу, осталась Родина, разрушенная врагом, руины тысяч городов и деревень, уничтоженные заводы и колхозы, погубленные жизни родных и сгоревшие семейные очаги. И тем не менее русский солдат сумел обуздать в себе чувство мести и не допустил измывательства над немецким народом.

Начало информационной войны против «Висмута»

После окончания «горячей» войны, когда Советский Союз вышел из нее не только победителем, но и стал великой державой, пользующейся огромным авторитетом у народов мира, правящие политические круги Запада, в первую очередь англо-американские, начали информационную войну с социализмом и прежде всего с Советским Союзом.

На этом политическом фоне в Рудных горах начались геологоразведочные и добычные работы на уран, ставший важней-

шим стратегическим материалом в мире. Советский Союз имел право на получение урана по репарациям от Германии на основании решений Ялтинской и Берлинской (Потсдамской) конференций.

С самого начала США снисходительно следили за деятельностью Советского Союза в Рудных горах. По их расчетам, объем советской добычи урана в Саксонии в связи с небольшими, по первоначальным предположениям, запасами мог составить не больше 50 тонн в год. Названное количество не представляло серьезной угрозы американской урановой монополии, и эта точка зрения преобладала до начала 1949 г. Руко-

¹ История Германии. Том 2. От создания Германской империи до начала XXI века / Западносibirский центр германских исследований, Германский исторический институт в Москве. М.: Университет, 2008.

водитель американского уранового проекта генерал Л. Гровс в 1946 г. заявил о том, что США имеют под своим контролем 95 % всех мировых запасов урана и что «чешские и русские запасы урана не превышают 5 %». Поэтому американцы довольно спокойно отнеслись к началу работ советских специалистов в Рудных горах Саксонии, оценивая это как желание Советов получить с паршивой овцы хоть шерсти клок.

Однако по мере развития работ в «Висмуте» становилось понятно, что такая оценка является глубоко ошибочной. В западной печати стали появляться истеричные статьи о пренебрежении интересов Запада на переговорах со Сталиным о границах оккупационных зон, когда район Рудных гор с урановыми месторождениями отдали Советам.

Некоторые сведения американцам поставляли «беглецы» — сбежавшие в западные зоны горнорабочие «Висмута».

К концу 1940-х гг. наблюдение за «Висмутом» коренным образом изменилось: за каждую принесенную «беглецами» пробу из саксонских шахт американцы платили по несколько тысяч немецких марок.

В начале 1949 г. в отделение американской секретной службы OMGUS были доставлены выкраденные с объекта Иоганнсгеоргенштадт пробы руды: один кусок весом 2,4 кг и содержанием оксида урана 22 %, другой — весом 1,8 кг и содержанием 11 %. Первоначальная недооценка американцами деятельности СССР в Восточной Германии сменилась на пристальное внимание к «Висмуту» — началась агрессивная информационная война, сопровождавшаяся диверсионными актами с целью нарушения его деятельности.

Неподалеку находилась американская зона оккупации. Там выходили газеты с сообщениями о «Висмуте», оттуда засылались агенты с целью вызвать недовольство рабочих и определенной части местного населения, спекулируя на трудностях. Распространялись различные провокационные слухи и анонимные письма о тяжелом труде горняков, массовом бегстве тысяч немцев в американскую зону в связи с нежеланием работать на урановых рудниках или избежать отправки в Советский Союз. Вывешивались листовки, призывающие рабочих не выходить на работу, переселенцев — требовать возвращения в родные места, население — поддерживать партию правых социал-демократов. В городах Чорлау, Иоганнсгеоргенштадт и Ауэ 19, 20 и 21 марта 1947 г. прошли «голодные демонстрации» женщин, требовавших дополнительного картофеля.

В распространении провокационных слухов особенно усердствовала западногерманская пресса. Так, издающаяся в Мюнхене

«Зюддойче Цайтунг» в номере 50 от 7 июня 1947 г. сообщала: «Сотни подростков путем побега или укрывательства избегают принудительной мобилизации на работу в Саксонских урановых шахтах. Около 30 000 немецких рабочих ... живут в бараках лагеря, который огорожен колючей проволокой, абсолютно изолированы от своих семей, писать письма им также запрещено».

Агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщило из Франкфурта-на-Майне 27 июня 1947 г., что по сведениям правительства Баварии, с 1 июня из восточной зоны в американскую оккупационную зону бежали 2 тыс. немцев и что в настоящее время количество беглецов увеличилось до 4500 человек, что составляет лишь половину общего числа немцев, прибывших нелегально в американскую оккупационную зону. Эти немцы утверждали, что они спасаются бегством от мобилизации на рудники по добыче урановой руды или от несения военной службы.

Между тем американские полицейские власти сомневались в правильности этих слухов и считали, что речь идет о сотнях, а не о тысячах людей.

А вот сообщение агентства «Рейтер» от 8 июля 1947 г. из Штутгарта «Об урановых разработках в Саксонии»: «По словам немецкого инженера, недавно бежавшего из советской зоны, на шахтах в Аннаберге занято 4 тыс. рабочих. ...В результате насильственной мобилизации на шахты постоянно прибывают новые рабочие. Недавно было издано распоряжение о регистрации всех женщин и девушек в возрасте от 15 до 50 лет. Отдел труда обменивает их на фабричных рабочих, которые мобилизованы на работы в урановых шахтах. Женщины используют на поверхностных работах: они сортируют руду. Такие же условия существуют на урановых рудниках в Буххольце и в Бад-Обершлеме... Вся территория в Бад-Обершлеме объявлена запретной зоной; издано распоряжение, согласно которому жители этой зоны не имеют права принимать друзей или родственников без разрешения советской комендатуры. Горняки обязаны не разглашать сведений, которыми они располагают... Мобилизованные рабочие получают от 90 до 150 германских марок в месяц. Однако рабочие не знают, сколько они должны получать в действительности... Общественное мнение сильно обеспокоено условиями труда. Взаимоотношения между населением, с одной стороны, и немецкими коммунистами и Советами, с другой стороны, сильно ухудшились. Даже немецкие коммунисты начинают делать критические замечания. В настоящее время невозможно покинуть зону без официального разрешения. Оно выдается лишь с позволения отде-

ла труда. Разрешение не выдается даже в том случае, если его хотят получить лица, не мобилизованные на работу в рудники».

Основное внимание средств массовой информации западных зон и ФРГ было сосредоточено на условиях работы и жизни в «Висмуте» и прежде всего на происшедших там авариях и несчастных случаях². Это использовалось для изображения бесчеловечности системы. Представлялась такие точки зрения: «Горняки живут за колючей проволокой и постоянно находятся под угрозой советских штыков» или «Горняки используются русскими как рабы и мрут как мухи».

К примеру, в понедельник 28 ноября 1949 г. западноберлинская газета «Телеграф ам монтаг» сообщала: «Плотные желтые клубы дыма поднимаются с раннего утра в четверг из вентиляционных стволов шахты № 35 Объекта 1 Иоганнсгеоргенштадта. В этой, одной из самых больших катастроф на шахтах, погибло приблизительно 400 шахтеров».

В тот же день в газете «Телеграф ам абенд» появилось следующее сообщение: «Катастрофа в урановом руднике Иоганнсгеоргенштадта оказывается одной из самых страшных аварий, когда-либо ранее зарегистрированных. Из-за загорания кабеля в шахте № 35 пострадали и две соседние шахты. Находившийся поблизости склад взрывчатого вещества взорвался и разрушил временно сооруженный башенный копер. По имеющимся данным, погибли от 2300 до 2500 шахтеров. 300 шахтеров смогли спастись. Нужно признать, что авария вызвана совершенно недостаточным техническим оснащением и хищнической эксплуатацией немецких рабочих, которую осуществляет «Висмут» по поручению советской военной промышленности».

Организация противодействия информационной войне, или Что же было на самом деле

В то время в «Висмуте» еще не было партийных организаций СЕПГ, политический отдел Саксонского горного управления был организован в феврале 1947 г. и вел политиковоспитательную работу лишь среди советских сотрудников. Систематическая политическая работа с немецкими горнорабочими не проводилась ни администрацией, ни политотделом. Органы пропаганды СВА и местные организации СЕПГ ввиду специфики «Висмута» свое влияние там не оказывали. Членов профсоюза было менее 20 %. Свободные немецкие профсоюзы начали свою деятельность в апреле 1947 г. и сразу же предложили трудящимся

² Подробнее об этом можно прочесть в интервью Р. Дителя и воспоминаниях Р. Киршата, см. часть II, глава 3 настоящего издания.

Газета «Тагесшпигель» от 28 ноября сообщила уже о 3700 погибших.

Все это оказалось ложью. Тщательное расследование показало, что этот рудничный пожар произошел в действительности из-за короткого замыкания в подъемной машине в слепом шахтном стволе № 31 Объекта 1, и никакой склад взрывчатых веществ не взрывался. К сожалению, один рабочий, обслуживавший насосы водоотлива, погиб в результате отравления угарным газом, потому что не ушел с этого места, ожидая своего сменщика.

В выпуске все того же «Тагесшпигеля» от 15 января 1950 г. появляется еще одна подобная информация. Ссылаясь на якобы внутренний отчет «Висмута», он сообщает о статистике смертей в «Висмуте» за последние 6 месяцев (вероятно, за 2-е полугодие 1949 г.): «1281 горнорабочий погиб в катастрофах, у 3467 рабочих ампутированы конечности, 16 560 рабочим причинен тяжелейший вред здоровью, 11 376 рабочих совершили побег из области бедствия Ауэ, 534 рабочих осуждены русскими судами на большие сроки лишения свободы». И наконец гвоздь программы: «938 женщин-горнорабочих из-за беременности увольняют!»

Но и это было еще не все. Оказывается, в Вернигероде должны быть освобождены жилые помещения для 18 000 горнорабочих, а именно за счет всех старых и нетрудоспособных жителей.

Поскольку западные газеты в советской оккупационной зоне, а позднее в ГДР, не распространялись, то их репортажи доводились до населения и трудящихся «Висмута» преимущественно по радио. Для этого в американском секторе вещала радиостанция RIAS с передачей «Из зоны для зоны».

«Висмута» вступить в их ряды. Профсоюз горнорабочих «Висмута» был организован в мае 1950 г., но на тот момент в его рядах было менее 20 % работающих.

Быстрый рост добычи урана в «Висмуте» потребовал привлечения в короткие сроки большого количества рабочих и ИТР из немецкого населения, и 17 января 1946 г. вышел приказ № 3 Союзнического контрольного совета Германии о трудовой повинности лиц, не имеющих работу шесть и более месяцев. Вербовка рабочих на урановые рудники Саксонии осуществлялась через биржи труда земель советской оккупационной зоны. Поезда, приходившие в Иоганнсгеоргенштадт, Ауэ, Шнееберг, были забиты до отказа.

Наименование продукта	Дневное потребление продовольствия на душу населения в Германии в 1938 году, г	Дневная норма питания горнорабочих «Висмута» в 1947 году, г	
		Подземные рабочие	Рабочие на поверхности
Хлеб	460	800	450
Крупа	13	116	90
Картофель	503	900	800
Мясо	133	130	60
Жиры	66	40	30
Сахар	81	35	35
Мармелад		30	30
Овощи		400	400
Молоко		250	200
Сыр		100	100
Кофе		9	9
Соль		23	23

Рис. 13. Сравнительные данные по нормам обеспечения продуктами населения Германии в 1938 г. и горнорабочих в 1947 г.

Деятельность «Висмута» в первые годы в связи с бурным его развитием создавала для населения района Рудных гор большие трудности как в части обеспечения рабочих жилыми помещениями, так и в части ограничений, касающихся всего населения этих районов ввиду строгой военной охраны.

Общежитий было мало, в подавляющем большинстве немецкие рабочие жили на частных квартирах по 1–3 человека, постельными принадлежностями они не обеспечивались. Часть зданий была отбрана для размещения администрации и советских специалистов, а также военнослужащих. Так, в Иоганнсберге управление Объекта 1 располагалось в бывшем отеле «Народный дом», советским специалистам были предоставлены 48 зданий в различных районах города, военнослужащие заняли восемь казарм. Нередки были случаи несвоевременной выдачи продуктов семьям рабочих, а также населению района. Это вызывало недовольство местных жителей и рабочих и создавало благоприятную почву для распространения нездоровых политических настроений и действий реакционных элементов.

Предприятия СГУ, а затем САО «Висмут» размещались в горно-лесистом районе округа Цвиккау с населением 170 тыс. человек. Пахотной земли насчитывалось всего лишь 3800 гектаров, что не позволяло району полностью обеспечивать себя продуктами. Поэтому здесь больше, чем в других районах округа, сказывались продовольственные трудности

населения и рабочих. Для распределения продовольствия применялась, как и в Советском Союзе, карточная система, которая, кстати, действовала и в западных зонах оккупации.

Вместе с тем нормы обеспечения продуктами горнорабочих были вполне достаточными, а по некоторым показателям даже выше, чем в Германии 1938 г.³, когда был отмечен самый высокий уровень среднедушевого потребления продовольствия. Сравнительные данные представлены в приведенной выше таблице.

С 1 февраля 1947 г. на всех основных работах была введена прогрессивно-премиальная система оплаты рабочих, а на вспомогательных работах — премиальная. При этом предусматривалась семиразрядная тарифная сетка (приказ по войсковой части полевая почта 27304 № 68 от 17 января 1947 г.). Тарифные ставки были на 25–27 % выше, чем в новых немецких тарифных положениях для горнорудной промышленности.

Рабочие были распределены по бригадам, каждой из них руководил бригадир, назначаемый приказом по шахте из числа наиболее квалифицированных рабочих. За руководство бригадой ему дополнительно выплачивалось 10–20 % основного заработка, а за сокращение установленных в нарядах-заданиях (приказах-нарядах) сроков

³ Р. Болдырев. Ситуация в послевоенной Германии в оценках СВАГ // Материалы конференции российских и немецких историков «Послевоенная история Германии: российский-немецкий опыт и перспективы» (Москва, 28–30 октября 2005 г.). Сборник статей. Под ред. Б. Бонвеча и А. Ветлина. М.: ДиректМедиа Паблишинг, 2007.

работ — 1–2 % от суммы заработка бригады. В апреле 1947 г. среднемесячная зарплата рабочих на подземных работах составляла 258–343 марки, а зарплата рабочих на поверхности — 204–298 марок. Выполнение норм выработки в среднем достигало 130 %.

Весной 1946 г. с учетом характера работы Объектов СГУ и производимой ими стратегической военной продукции особой важности было принято решение о введении режимных ограничений в районах добычи урановой руды. Практически до 1954 г. эти районы были изолированы от остальной территории Восточной Германии. Немецкое население, не проживавшее в них постоянно, могло посещать эти районы лишь при наличии специальных пропусков, выдаваемых военными комендантами. Жители запретной зоны, не занятые на работе в «Висмуте», хотя и контролировались, но могли въезжать и уезжать беспрепятственно. Для выезда из запретной зоны требовалось отпускное удостоверение или другой разрешающий документ «Висмута».

В городах Ауэ, Иоганнсберге, Шнееберге и в ряде других населенных пунктов были организованы военные комендатуры. Существовала также специфическая паспортная система с пунктами паспортной полиции при объектах, где рабочие должны были прописываться в обязательном порядке, независимо от места жительства, что вызывало недовольство горняков. В августе 1956 г. эта система была отменена.

Контингент немцев, работавших в то время на рудниках, состоял на 70 % из переселенцев, прибывших из различных мест Восточной Германии. Среди них были лица, враждебно настроенные к советским порядкам. Большинство этих людей не работали в горной промышленности и не были знакомы со специфическими условиями труда в подземных горных выработках.

В силу изложенных обстоятельств, среди немецкого населения, в том числе и у части горнорабочих «Висмута», существовали антисоветские настроения. Нередко высказывались мнения: «Сначала русские демонтировали наши предприятия, теперь они крадут ценную руду» или «Нашей работой мы помогаем русским подготавливать атомную войну». Сам факт добычи и вывоза урановой руды в счет репараций Советскому Союзу вызывал злобу у местной реакции и в западных информационных источниках.

Условия работы на старых немецких рудниках, с которых начинался «Висмут», действительно были тяжелыми. Выработки были небольшого сечения, местами обрушенные, плохо вентилируемые, в основном за счет естественной тяги, стволы были без механических подъемов. Люди спускались в шахту и подни-

мались наверх по тесным лестничным отделениям. Механизация трудоемких процессов была слабая, навалка и откатка руды производились вручную, из-за отсутствия электромоторов применялись ручные лебедки. Для проходки выработок, шурфов и разведочных канавок не хватало средств механизации. Там, где не успевали организовать механическую откатку, руду переносили в рюкзаках. На реконструкцию старых рудников и строительство новых требовалось время. Но уран был нужен немедленно и как можно в больших количествах. Поэтому, не дожидаясь окончания реконструкции старых и строительства новых рудников, приступили к добыче урана на всех доступных местах.

Тем не менее, согласно приказам Советской военной администрации (№ 0024 от 26 мая 1947 г.)⁴ и руководителя войсковой части полевая почта 27304 (№ 115 от 3 июня 1947 г.), с июня 1947 г. на всех объектах начали проводить мероприятия по улучшению производственных, социально-экономических и материально-бытовых условий, организации труда и заработной платы для рабочих, специалистов и служащих из немецкого населения:

1. На всех объектах были организованы столовые (всего 33) и значительно расширена сеть магазинов (до 85). Были устранены перебои с выплатой зарплаты. С июня 1947 г. ее стали выдавать три раза в месяц.

2. Было улучшено снабжение спецодеждой и обувью, выданы постельные принадлежности для общежитий, организовано 10 прачечных, увеличено количество портняжных (до 13) и сапожных (до 11) мастерских, построены душевые на рудниках в Обершлеме, Иоганнсберге и Аннаберге⁵.

3. Был установлен порядок предоставления очередных платных отпусков для немецких специалистов — рабочих и служащих — с учетом стажа работы, а также краткосрочных (от 4 до 6 дней) разовых отпусков иногородним рабочим, специалистам и служащим для поездки к семьям с оплатой предприятием стоимости проезда в оба конца.

4. Одновременно на всех объектах были улучшены условия труда и проведены мероприятия по охране труда и технике безопасности:

а) на всех шахтах было введено мокрое бурение и увеличено количество пневматического и другого горного инструмента, внедрена практика проходки горизонтальных горных выработок с применением пневматических автоподдержек;

б) на всех вновь сооружаемых шахтах были приведены в порядок лестничные отделения, сданы в эксплуатацию три клетевых

Продовольственная карточка для поверхностных рабочих «Висмута» (из архива Wismut GmbH).

⁴ См. ниже, Приложение 11.

⁵ См. ниже, Приложение 15.

шахтных подъемника, обеспечен механизированный спуск и подъем людей на шахтах Объектов 1 и 2, на всех подъемах применена светозвуковая сигнализация; организованы специальные службы по вентиляции, установлены вентиляторы для проветривания глухих забоев, обеспечено стационарное освещение шахтных стволов, лестничных площадок, рудничных дворов и главных откаточных выработок, мест погрузки и выгрузки из подъемных и спускных устройств;

в) для немецких рабочих были организованы 12-часовые курсы по технике безопасности, всем работающим выданы головные каски и рукавицы, в необходимых местах сделаны ограждения, перила, площадки отдыха; введена в практику систематическая проверка и оборка породы в выработках без крепления.

Приказом СВА было принято важное политическое решение — разрешить на Объектах «Висмута» создание профсоюзной организации (без производственных советов) и партийной организации СЕПГ. При этом стало в большей степени учитываться мнение немецких бригадиров в вопросах организации труда.

Кроме того, в 1948 г. началось массовое строительство рабочих общежитий и многоквартирных домов для горняков.

Тем не менее потоки лжи и клеветы в адрес «Висмута» не только не уменьшались, но становились более циничными и лживыми.

Такая ситуация, естественно, не оставалась незамеченной советскими органами: они требовали от СЕПГ и других немецких политических организаций энергично противостоять этой травле, и не только репрессивными мерами (не могли же арестовывать всех людей, которые высказывали нелицеприятное мнение), но и проведением разъяснительной работы в массах.

Перед всеми общественными организациями, а также перед государственными и экономическими чиновниками ставилась задача делать трудящихся невосприимчивыми к пропаганде классового противника. Это касалось и «Висмута», особенно после образования ГДР. В то время «Висмут» был визитной карточкой социалистического крупного производства, для чего популяризовались в первую очередь достижения горнорабочих-активистов: благодаря влиянию советских руководителей в «Висмуте» активно создавались рабочие бригады, успешно применялись прогрессивные нормы труда, социалистическое соревнование и товарищеская взаимопомощь. Это ценилось горняками, которые удостаивались высоких государственных наград и служили примером для всей страны.

В октябре 1947 г. руководитель Правительства ГДР Отто Гротеволь утвердил

«Положение о премировании и награждении трудящихся “Висмута”». Спустя год он выступил в Ауэ на митинге, на котором присутствовало 4500 горняков. 17 сентября 1949 г. Правительством ГДР был утвержден ежегодный праздник «День немецкого горняка», а 30 июня 1951 г. 30 горнякам «Висмута» было присвоено почетное звание «Заслуженный горняк ГДР».

Западная сторона прилагала огромные усилия против «советской системы» Ульбрихта и в первую очередь — против «Висмута», считая его синонимом произвола русских и порабощения ими немецкого населения.

Между тем подобные сообщения западной прессы воспринимались горняками как ложь или, в лучшем случае, как преувеличение, что, естественно, использовалось в пропагандистской работе функционерами СЕПГ и общественных организаций.

В пятидесятые годы на урановых рудниках проводились «дни разъяснения» — один раз в месяц для каждой смены, в околостольном дворе, после спуска рабочих под землю. На этих «днях» функционеры заводской парт-организации зачитывали подготовленную аргументацию по различным политическим вопросам. Иногда это была передовая статья газеты «Нойес Дойчланд». Обсуждение в большинстве случаев не проводилось, чтобы не тратить рабочее время. Однако вскоре эти мероприятия были упразднены из-за неэффективности и потери времени для выполнения плана.

Проводились и другие мероприятия, способствовавшие изменению психологического состояния коллектива, особенно делегирование партийных бригад. В середине 1949 г. Центральный секретариат СЕПГ, как сообщалось, по просьбам советских товарищей, поручил земельным правлениям и районным правлениям СЕПГ привлечь к работе в «Висмуте» опытных партийных работников в целях усиления недостаточно развитой партийной работы.

Первые 40 партийных активистов прибыли 7 июля 1949 г. из Максхютте и Унтервелленборна. 28 июля спецпоездом в Цвиккау приехали 350 членов партии из Тюрингии. На вагонах были написаны лозунги: «Конец лживой травле Ауэ» и «Мы работаем в Ауэ на мирном фронте». Направление делегатов продолжалось и в последующие годы, хотя и не всегда к их радости, ведь от делегатов требовалась не только агитация, но и фактическая работа под землей, поэтому их энтузиазм в части борьбы за мир довольно быстро исчезал.

Применялись и другие меры, в частности увольняли прогульщиков (Fehlschichtler), зачастую без права вновь работать в «Висмуте».

Постепенно отказывались от принудительных мер и обязательств. Принудительное

направление на работу в урановые рудники стало заменяться рекламой добровольной работы, для чего предусматривались значительные затраты денежных средств. В итоге лишь 1 % из 72 342 горнорабочих, работавших в «Висмуте» в 1949 г. и попавших туда с биржи труда, были принудительно направлены на работу.

Тем временем постепенно улучшались обеспечение горнорабочих продуктами и жильем, медицинское обслуживание, увеличивалась заработная плата — все эти

Тем не менее в районах расположения Объектов «Висмута» иногда возникали стихийные волнения, спровоцированные пьяными дебошами работников, их арестами и последующими действиями их товарищей (наших бьют!) для их немедленного освобождения, приводящими к нападениям на полицейские участки и погромам. Такой случай произошел в Заальфельде 16–17 августа 1951 г. Подробное описание произошедших событий дано в докладной записке заместителя генерального директора М. Никольского на имя заместителя начальника Главного управления советским имуществом за границей при Совете Министров СССР Б. З. Кобулова. Эти события не могли не беспокоить Москву. Вскоре после событий в Заальфельде, в сентябре-октябре 1951 г., Политбюро ЦК ВКП(б) принимает ряд решений, связанных с обеспечением безопасности деятельности САО «Висмут»:

1. «Об инцидентах в августе 1951 г. в районе АО “Висмут” от 11 сентября 1951 г.» (83/478-оп). В этом решении было поручение В. И. Чуйкову, В. С. Семенову, В. Е. Семичастному и Б. З. Кобулову не допускать впредь подобных провокаций, проверить состав немецкой полиции и «считать нецелесообразным проведение открытого судебного процесса по делу о беспорядках в г. Заальфельде».

2. В решении от 18 октября 1951 г. (П84/73-оп) «Вопросы АО “Висмут”» содержалось требование «добиться улучшения обстановки в районе и усилить борьбу со шпионской агентурой в районе АО “Висмут”».

Принятые совместно с немецкими общественными организациями и правоохранительными органами ГДР меры позволили коллективу «Висмута» пережить события 17 июня 1953 г. более спокойно по сравнению с другими районами, где было весьма тревожно. Как сообщал в Москву спецпредставитель МВД СССР в ГДР И. А. Фадейкин: «Волнения рабочих в демократическом секторе Берлина начались еще 11–12 июня. Рабочие строительных объектов собирались группами, обсуждая создавшееся положение в связи

меры способствовали формированию передового рабочего коллектива, проявляющего готовность к производительному труду.

Когда же в августе 1949 г. Советский Союз удачно испытал свою атомную бомбу, то это, естественно, было воспринято в «Висмуте» как успех борьбы за мир во всем мире. Теперь уран для мира, который добывали в «Висмуте», служил оправданием всей огромной работы, которая была проведена в горнорудной промышленности, и воспринимался, как стимул для последующих рабочих достижений.

События 1951 и 1953 гг.

с изменением политического курса Правительства ГДР».

В то время как весь партийный аппарат СЕПГ был в растерянности и бездействовал, в западных секторах Берлина активизировались различные неправительственные организации, в частности НТС, «Группа борьбы против бесчеловечности», «Восточное бюро», «Союз немецкой молодежи» и другие, за спинами которых стояли спецслужбы США и Великобритании. Их агентура и специально организованные из числа безработных Западного Берлина группы провокаторов распространяли среди населения ГДР листовки и слухи антиправительственного содержания. 16 и 17 июня они сеяли панику и во главе штурмовых отрядов брали приступом центры власти⁶.

Очевидно, что директор ЦРУ Аллен Даллес и его сестра Элеонора, курировавшая в Госдепартаменте США германские дела, неспроста находились в Берлине в течение недели, предшествовавшей 17 июня⁷.

В эти дни в средствах массовой информации ФРГ сообщалось о волнениях в Рудных горах. Можно было прочитать о 80 000 бастующих горнорабочих «Висмута» и демонстрациях в городах Ауэ, Шварценберге и Йоганн-георгенштадте. Сообщалось о как минимум 25 убитых и 300 раненых, а также о 12 расстрелах и более чем о 100 000 забастовщиков 19 июня 1953 г.

Все это, мягко говоря, не соответствовало действительности. В «Висмуте» подобные события помимо Заальфельда произошли лишь в Тюрингии. Около 2000 работников «Висмута» прибыли на самосвалах в Йену, где приняли участие в нападении на тюрьму. В Гере рота советских войск, окруженная шестью тысячами забастовщиков с предприятий «Висмута», находилась в осаде и с трудом сдерживала натиск. По распоряжению генерала А. А. Гречко ей на помощь были переброшены моторизованные части из центральной части ГДР.

⁶ Хлобустов О. На переднем крае «холодной войны». 18 сентября 2006 (www://gsvg.ru/razvedka.htm).

⁷ Вольф М. Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки. М.: Международные отношения, 1998.

Минимум 51 рабочий был арестован за участие в беспорядках и погромах⁸. Активность части населения Тюрингии в произошедших событиях можно объяснить тем, что местные фашисты пришли к власти на год раньше, чем в соседних землях, и фашистская идеология не так быстро выветривалась из голов населения и еще сохранила своих сторонников.

С другой стороны, некоторые шахты района Рудных гор как раз в дни событий 17 июня добились наивысших результатов в выполнении плана.

Арнульф Баринг в своей работе «17 июня 1953»⁹ говорит о поведении работников «Висмута» во время событий тех дней, как о феномене. Однако этот феномен объясним: его определяет стечение различных обстоятельств, описанных ранее.

Действительно, «Висмут» по-прежнему представлял собой военную запретную зону с присутствием оккупационной власти. Горнорабочие все еще были относительно изолированы и слабо интегрированы в остальные структуры территории. «Висмут» был как государство в государстве. Однако с достаточной долей уверенности можно признать, что в результате целенаправленной организаторской, политической и социально-экономической работы, проводимой советской администрацией и немецкими государственными, общественными и политическими организациями, в «Висмуте» за 3–4 года сформировался коллектив трудящихся, маловосприимчивый к лживой пропаганде.

Не следует также недооценивать политическую мотивацию коллектива — произ-

водить руду для мира. Причем сам факт того, что о «Висмуте» так тенденциозно сообщалось в западных средствах массовой информации, наверняка внес свою лепту в скептическое настроение его коллектива к выкрутасам западной пропаганды.

Здесь следует отметить, что в Германии первые рабочие волнения произошли в 1947 г. в английской оккупационной зоне. Английские оккупационные войска выжимали из своей зоны все что можно. После войны Великобритания как империя находилась в сложном положении: попросту разваливалась. Надо было чем-то восполнять материальные и финансовые ресурсы. У англичан было большое желание выжать из Германии как можно больше под лозунгом: «Немцы за все заплатят». Немецкие рабочие, доведенные до отчаяния беспределом английской администрации, подняли восстание в марте 1947 г., которое продолжалось, по данным советской разведки, целых три месяца. Демонстранты нападали на английских военнослужащих, кидали в них камни, захватывали солдатские и офицерские столовые, забирали продовольствие и уносили домой. Немецкая и английская полиция оказались бессильны что-либо сделать. И только ввод в Брауншвейг английской пехоты и танков, установка пулеметов у зданий военной администрации и угрозы расстрелов успокоили ситуацию. Об этих событиях ничего не писалось, они просто замалчивались. Уже тогда действовал двойной стандарт западной прессы. И только в 1990-х гг. о них стало известно из рассекреченных донесений разведки 1950-х гг.¹⁰

Организация охраны объектов

С началом создания атомной промышленности СССР руководство страны учитывало, что разведки иностранных государств будут стремиться всеми силами и средствами получить информацию о работах, связанных с созданием ядерного оружия в СССР. В связи с этим 15 ноября 1945 г. в системе Наркомата государственной безопасности СССР был организован отдел «К», на который возлагалась задача контрразведывательного обеспечения объектов атомной промышленности. В первые дни после принятия решения о создании ПГУ в его составе был организован отдел охраны объектов и секретности. Комплектование отдела проводилось офицерами, прибывавшими из НКВД и ГУКР СМЕРШ Управления контрразведки НКВМФ. Первым начальником отдела охраны объектов стал П. М. Сиденко. Однако он практически не руководил отделом, так как с мая 1945 по март 1946 г. находился

в командировке в Германии, где возглавлял специальную группу¹¹, а в ноябре уехал в США в должности председателя закупочной комиссии ПГУ. С апреля 1946 г. режимную службу ПГУ возглавил Т. Е. Смирнов.

Охрана урановых рудников в районе Рудных гор Саксонии во второй половине 1945-го — начале 1946 г. выполнялась частями Советской армии, однако довольно плохо. Это объяснялось неясностью планов Москвы в отношении этих рудников и, как следствие, нечеткой организацией охраны этих объектов. Не были определены периметры охраны и перечень охраняемых объектов по степени их важности.

Видя такой беспорядок, местное население начало уносить с рудников аппаратуру, строительные изделия и материалы, кабель, сантехнику — в общем, все, что могло быть реализовано на черном рынке.

С весны 1946 г. вопросы охраны объектов СГУ стали приоритетными в высоких московских инстанциях¹².

В этом районе Рудных гор Саксонии были введены режимные ограничения, организованы военные комендатуры, дислоцирована дивизия из состава Группы советских оккупационных войск в Германии. Непосредственная охрана предприятий СГУ постановлением Совета Министров СССР от 5 мая 1946 г. № 224-3925 была возложена на внутренние войска МВД-МГБ в Германии. Первоначально охране подлежали 30 объектов СГУ в городах Ауэ, Иоганнсбургенштадт, Нидершлема, Шнееберг и Плауэн. Для охранной службы был выделен 2-й батальон 92-го стрелкового полка МГБ. Один взвод должен был обеспечивать охрану транспорта продукции до границы СССР. Организацию охраны пришлось начинать со строительства заборов, контрольно-пропускных пунктов, прокладки сетей освещения и связи. Между тем уже в 1947 г. сил одного батальона для охраны всех действующих объектов стало явно недостаточно. Территория шахты как в дневное, так и в ночное время охранялась одним часовым. В начале января 1948 г. были приняты в эксплуатацию еще 27 шахт, а в I квартале приступили к строительству шахт на Фрайтальском месторождении. В то же время увеличились масштабы хищений на рудниках (особенно руды и взрывчатки) и проникновения западной агентуры на рудники для получения образцов руды. Это вызывало беспокойство у руководства САО «Висмут».

В декабре 1948 г. специальная межведомственная комиссия выявила на «Висмуте» 139 объектов, подлежащих обязательной охране, и предложила увеличить количество охраняемых частей. Качественный перелом наступил в 1949 г., когда для усиления охраны объектов «Висмута» в марте прибыл 14-й, а в июне — 9-й и 11-й стрелковые полки внутренних войск МГБ. Под охрану были взяты также основные источники электроэнергии для «Висмута» — две электростанции на брикетном комбинате Эспенхайн и еще одна — в Белене. В том же году были разработаны и введены в действие основные документы, регламентирующие порядок охраны предприятий «Висмута» и режим на них. К ним относились «Временная инструкция по охране объектов Отделения САО «Висмут» в Германии», «Инструкция о пропускном режиме и работе бюро пропусков на объектах САО «Висмут»», «Инструкция по службе гарнизона, несущего охрану объекта» и «Временная инструкция по службе на объектах акционерного общества «Висмут»».

В итоге в 1949 г. охрана «Висмута» стала

осуществляться силами четырех стрелковых полков — 9-го, 11-го, 14-го и 141-го. Кроме того, к охранной службе привлекались подразделения немецкой горной полиции.

В связи с продолжающимися хищениями урановой руды, взрывчатки и стройматериалов приказом начальника «Висмута» генерал-майора М. М. Мальцева от 10 июля 1949 г. № 374 были введены дополнительные режимные меры:

а) на всех шахтах в проходных были установлены круглосуточные полицейские посты для досмотра рабочих при выходе и геофизическая аппаратура «РКС» для обнаружения спрятанной под одеждой руды;

б) у рабочих отбирались пропуска при выходе с предприятия;

в) запрещалось проходить на территорию шахт с рюкзаками, сумками и портфелями;

г) были назначены специальные офицеры для контроля работы немецкой полиции и контролеров на КПП¹³.

В 1950 г. на обслуживании АО «Висмут» было задействовано уже семь полков Управления войск МВД-МГБ в Германии.

18 августа 1951 г. заместителем начальника Главного управления советского имущества за границей при Совете Министров СССР Б. З. Кобуловым и заместителем министра государственной безопасности СССР С. И. Огольцовым было подписано «Положение об охране и режиме на предприятиях Советского Государственного Акционерного общества «Висмут» в Германии».

Таким образом, к концу 1940-х гг. система охраны «Висмута» достигла своего высшего уровня. «Висмут» как важнейший производственный объект советской атомной программы охранялся весьма тщательно, как никакой другой объект в советской оккупационной зоне в Германии.

После организации совместного советско-германского общества в 1954 г. происходит постепенная передача функций его управления и охраны государственным структурам ГДР. В июне 1956 г. с «Висмута» вывели четыре наших полка. Потом остался лишь 11-й полк и батальон сопровождения грузов.

В 1957 г. своим распоряжением от 17 августа Совет Министров СССР передал с 1 сентября 1957 г. объекты и участки САО «Висмут» под охрану полиции ГДР, сохранив за Министерством внутренних дел СССР охрану управления АО «Висмут» и спецотделов, а также охрану готовой продукции АО при транспортировке ее до границы СССР. Позднее за МВД СССР осталась лишь последняя из закрепленных за нею функций.

⁸ Хлобустов О. Указ. соч.

⁹ А. Баринг. «17 июня 1953» Кельн / Берлин. 1965. Стр. 73 и далее.

¹⁰ По материалам сайта www.russkaya-germaniya.stranichka-4.html

¹¹ См. выше (стр. 31) воспоминания Ю. Б. Харитона о поиске «трофейного урана».

¹² М. А. Чубукова. К вопросу об охране объекта по добыче урана силами внутренних войск МГБ-МВД СССР. // «Закон и право», № 6. 2007.

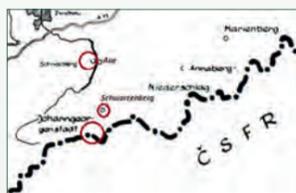
¹³ М. А. Чубукова. Указ. соч.

ГЛАВА 6 ИТОГИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВА «ВИСМУТ» (1945–1953)

Подведем итоги о том, какую роль сыграл «Висмут» в обеспечении урановым сырьем советского атомного проекта.

На решение этой проблемы Советским Союзом были мобилизованы все внутренние и внешние резервы. Во всех потенциально возможных ураноносных районах СССР — от Таймыра до Средней Азии и от Эстонии до Чукотки — велись обширные геологоразведочные работы. Особенно интенсивные работы проводились в районе Средней Азии, где в 1945 г. в сложнейших условиях малодоступной горной местности был пущен в эксплуатацию Ленинадский горно-химический комбинат № 6, давший первые тонны урана.

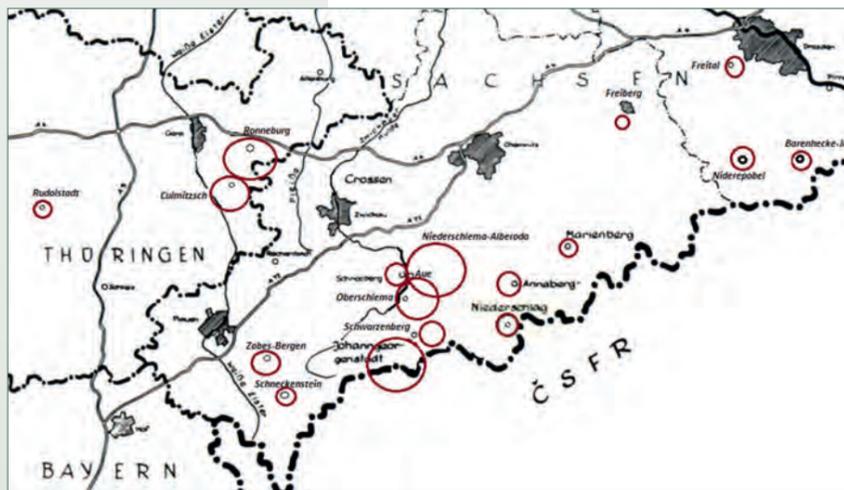
Одновременно велась работа по организации поставок из-за рубежа. Соглашение о геологоразведке и добыче урана было подписано 17 октября 1945 г. с правительством Болгарии, вышедшей в конце войны из союза с фашистской Германией. Договор с Чехословакией о добыче и поставках урановой руды из Иоахимсталльских (Яхимовских) рудников был заключен 23 ноября 1945 г. Польское государственное предприятие «Кузнецкие рудники» (месторождение Шмидеберг, отошедшее в 1945 г. Польше) с 1948 г. стало поставлять уран в Советский Союз. И если в этих странах были известные и хорошо разведанные месторождения урана (Яхимов, Готен, Шмидеберг), то в Рудных горах Германии были известны лишь проявления урана в старинных рудниках, разрабатывающих серебряно-кобальто-никелевые руды еще во времена Георгия Агриколы. Оценки ураноносности Рудных гор немецкими геологами были пессимистичны. Такой же оценки придерживались и американские эксперты, успевшие побывать в Рудных горах до прихода туда частей Советской

1946 г.

1947 г.

1953 г.

Рис. 14. География распространения горнодобывающих объектов САО «Висмут» в 1946, 1947 и 1953 гг.

армии. Поэтому следует отдать должное квалификации советских геологов, приступивших сразу после окончания войны, летом 1945 г., к тотальной проверке имеющейся старинной и современной немецкой горно-геологической документации. Кроме того, они обследовали радиометрами все горные выработки старых рудников и рассортировали все старые отвалы. Работу начинала небольшая геологическая группа под руководством опытного ученого С. П. Александрова, определившая перспективность Рудных гор на ураноносность. В дальнейшем их работу продолжили сотни советских геологов.

По результатам работ за 1945–1953 гг. удалось опровергнуть имевшиеся в то время ошибочные прогнозы об ураноносности этих районов и уже в течение первых лет выявить большую часть промышленных по масштабам того периода месторождений, в том числе крупных и уникальных.

Крупные месторождения (запасы — более 20 тыс. тонн урана)

1. Роннебург (Тюрингия).
2. Шлема, Нидершлема-Альберода (Саксония).
3. Кульмич-Зорге-Кауэрн (Тюрингия).
4. Цобес (Саксония).

Средние месторождения (запасы — до 5 тыс. тонн урана)

1. Теллерхойзер (Саксония).
2. Иоганнгеоргенштадт (Саксония).
3. Фрайталь (Саксония).
4. Аннаберг (Саксония).
5. Вайсер Хирш (Саксония).
6. Шнекенштайн (Саксония).

Рудопроявления (запасы — меньше 500 тонн урана)

1. Хауптманнсгрун-Ноймарк (Саксония).
2. Риттерсгрун (Саксония).
3. Беренштайн (Саксония).
4. Мариенберг (Саксония).
5. Цайц-Больденхайн (Тюрингия).
6. Сербитц-Вербен (Саксония).
7. Кина-Шенкенберг (Саксония).
8. Прена (Тюрингия).
9. Унтиц (Тюрингия).
10. Гера (Тюрингия).
11. Рудольштадт (Тюрингия).
12. Дитрихсхютте (Тюрингия).
13. Шлейзинген (Тюрингия).

Результативность работ по поиску урановых месторождений в Восточной Германии подтвердила высокий уровень советской геологической науки.

Созданная сырьевая база определила высокие темпы развития отрасли и объемы производства не только на начальный, но и на весь последующий период деятельности общества «Висмут».

Возможность поставки в Советский Союз урана, так необходимого для создания атомного оружия, определила интенсивность и срочность геологоразведочных и добычных работ в Рудных горах. Кроме того, не было ясно, как долго продлится оккупация Германии и поступление репарационных платежей, что и определило тактику ведения горных работ под девизом «Уран любой ценой».

Эти грандиозные объемы работ выполнял стремительно разрастающийся советский коллектив специалистов и военнослужащих, достигавший в отдельные годы нескольких тысяч человек (например, в 1951 г. — 10 925). Читатель имеет возможность ознакомиться со списками всех советских сотрудников, работавших в 1945–1953 гг. на Объектах и предприятиях «Висмута»¹. К сожалению, у нас нет таких сведений о тысячах военнослужащих Советской армии, прикомандированных для работы на этих предприятиях.

Анализируя списки советских специалистов, работавших в то время в «Висмуте», мы обратили внимание на то, что около половины его кадрового состава составляли женщины. Причем они работали не только на традиционно женских должностях (врачи, бухгалтеры, плановики, экономисты, машинистки), но и на шахтах (рудничные геологи и геофизики), обогатительных фабриках и лабораториях (химики и технологи). И только после 1951 г., когда в массовом порядке стали прибывать молодые специалисты — мужчины, поступившие в вузы сразу после окончания войны, количество женщин, работавших под землей и на обогатительных предприятиях, стало сокращаться.

Основная масса горных и добычных работ легла на плечи десятков тысяч немецких трудящихся. Без их самоотверженной работы невозможно было бы достичь таких гигантских успехов.

Следует отметить, что советское руководство в лице Специального комитета и его Первого Главного управления с самого начала деятельности советских организаций по разведке и добыче урановых руд в Рудных горах, несмотря на тяжелое послевоенное время, бесперебойно снабжало предприятия материалами и оборудованием, а работников — продовольствием и товарами первой необходимости.

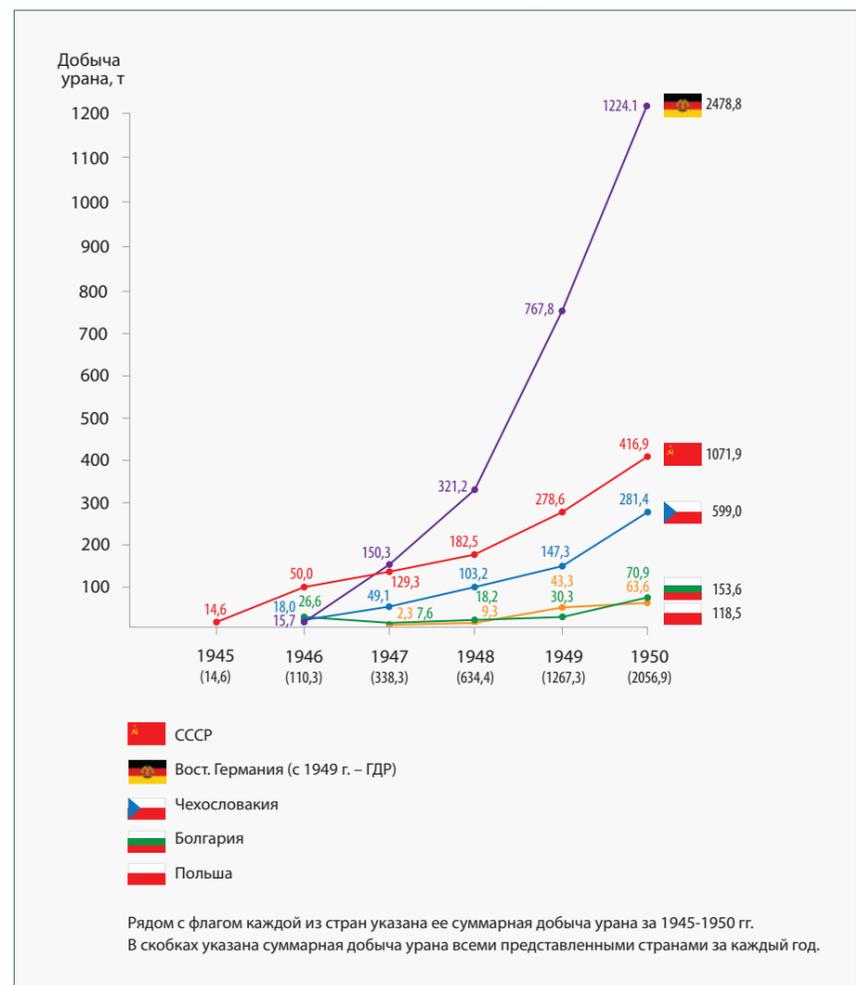

Рис. 15. Поставка в СССР урана в 1946–1949 гг.

Это позволило немецким трудящимся стабильно обеспечивать себя и свои семьи продуктами питания и гарантировало им материальное благосостояние. Одновременно всемерно стимулировалась престижность труда горняков в «Висмуте», создавались необходимые социально-бытовые и культурные условия жизни трудящихся и их семей.

В 1953 г. численность немецких трудящихся достигла 117 800 человек. В кратчайшие сроки была организована система подготовки немецких специалистов для обеспечения создаваемого уранового производства квалифицированными кадрами. Пройдя тяжелый и самоотверженный трудовой путь, сформировался дружный советско-германский коллектив «Висмута», который с честью решал поставленные перед ним задачи.

На представленном выше графике приведены данные² о поставках урана в Советский Союз в то время, когда решался вопрос

1 Уран и люди. История СГАО «Висмут» в двух томах. 1945–1953 — М.: ООО «Издательство Спец-Адрес», 2012. — 438 с. с илл.

2 Данные получены из кн.: Создание первой советской ядерной бомбы. М.: Энергоатомиздат, 1995. С. 192, 197.

о ликвидации монополии США на атомное оружие. Это позволило СССР обеспечить работу первого промышленного атомного реактора и приступить к строительству других реакторов для наработки оружейного плутония, а впоследствии — получить высокообогащенный уран.

Основной (более 50 %) вклад в поставку урана в Советский Союз внес «Висмут» и его многотысячный коллектив трудящихся.

✚ Всего в 1945–1950 гг. для советского атомного проекта было добыто 4421,8 тонны урана.

Выше (на стр. 45 и 59) представлены карты распространения горнодобывающих объектов САО «Висмут» за 1946, 1947 и 1953 гг.

За успешное выполнение ответственного правительственного задания по созданию первой в Советском Союзе ядерной бомбы группа советских работников «Висмута» в 1949 г. была отмечена высокими наградами. Семен Петрович Александров, Михаил Митрофанович Мальцев, Роман

Владимирович Нифонтов, Сергей Сергеевич Панчев и Николай Михайлович Эсакия были удостоены высокого звания «Герой Социалистического Труда» и стали лауреатами Сталинской премии I степени, которой были также награждены начальник Объекта 2 Ш. С. Данелия, инженер-геофизик Д. Ф. Зимин, главный геолог Объекта 1 Г. Н. Котельников, начальник производственного отдела Н. М. Хаустов, заместитель начальника геологического управления С. А. Шафранов, начальник ОТК В. Н. Шишов и начальник УКС Б. И. Якушенков.

* * *

История Советского акционерного общества «Висмут» — это всего лишь страница в многотомной истории создания советской атомной бомбы, разрушившей атомную монополию США. Труд первопроходцев «Висмута», их вклад в поставку основополагающего сырья — урана — не может быть забыт, ибо они своим самоотверженным, упорным и нелегким трудом обеспечили мирную жизнь народам своих стран.

Мозаичное панно на административном здании рудника Пайцдорф (автор Вернер Петцольд).

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ И СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ОБЩЕСТВА «ВИСМУТ» (1945–1953)

ГЛАВА 7

1945

- 11 февраля.** И. В. Сталин, У. Черчилль и Ф. Рузвельт подписывают в Ялте соглашение о зонах оккупации Германии и условиях репараций.
- 16 апреля.** Американские войска переходят границу советской оккупационной зоны в Рудных горах, оговоренной ялтинскими соглашениями, и вступают в города Ауэ, Хартенштайн и Лесниц.
- 8 июня.** Советские войска занимают саксонские города Аннаберг, Хемниц и Мариенберг.
- 10 июня.** Президент Г. Трумэн отдает приказ о выводе американских войск из Саксонии и Тюрингии.
- 11 июня.** Советские войска входят в Ауэ и Шнееберг.
- 17 июля.** Начинается Потсдамская конференция глав союзных государств СССР, США и Великобритании. На ней принимаются решения об управлении послевоенной Германией, установлении новых границ, определении размеров репараций и по другим важным проблемам послевоенного мира. Трумэн сообщает Сталину об успешном испытании США атомной бомбы.
- 12 августа.** По распоряжению А. П. Завенягина организуется Саксонская ураново-поисковая партия под руководством С. П. Александрова и А. Н. Ярошенко для поиска урановых месторождений в районах Шнееберга и Иоганнгеоргенштадта.
- Сентябрь.** Группа приступает к ревизии имеющейся горно-геологической документации старых рудников, находившейся в архивах Фрайбергской горной академии. К работе были привлечены профессора академии Эккерляйн, Шумахер и Эльснер. Начинаются геологоразведочные работы в Рудных горах, обследование старых серебряных рудников и отвалов с помощью советских геологов при поддержке военной администрации и войсковой части (полевая почта № 27304).
- 14 сентября.** Первый отчет о результатах работы поисковой партии был передан в Специальный комитет Совета Министров СССР.
- 26 сентября.** Руководитель геологической партии С. П. Александров встречается с командованием СМЕРШ в Саксонии по вопросам привлечения к работе местного населения.
- Октябрь.** Первые немецкие горняки, в том числе оберштейгер АО «Саксенэрц» Йоханнес Шмидт, Вернер Эберт, оберштейгер Шнееберга Эрнст Фогт и другие опытные горняки, привлекаются для ведения геологоразведочных работ и анализа старых выработок. Начинается интенсивное развитие работ по реконструкции старых рудников. До конца года шахта Фришглюк, ставшая основным поставщиком урана на Объекте 1, была полностью реконструирована до 78 горизонта, также было произведено углубление ствола Шаар-шахт с горизонта 160 до горизонта 280 метров.
- Декабрь.** В связи с увеличением объемов геофизических работ организуются ускоренные курсы для подготовки 30 радиометристов из числа советских солдат.

1946

- 17 января.** Выходит приказ союзного Контрольного совета Германии № 3 о трудовой повинности лиц, не имеющих работу 6 и более месяцев.
- Март — апрель.** Начало бурного развития работ на старых серебряных рудниках и новых разведанных участках, первые горнодобычные работы на уран в Иоганнгеоргенштадте, Шнееберге, Обершлеме и Аннаберге. Остро ощущается недостаток рабочей силы.
- 4 апреля.** Саксонская ураново-поисковая партия передается из МВД в ПГУ при Совете Министров СССР.
- 15 апреля.** Постановлением Совета Министров СССР Саксонская ураново-поисковая партия реорганизуется в Саксонскую промышленно-разведочную партию (руководитель — Р. В. Нифонтов).
- Апрель.** В Иоганнгеоргенштадте и Обершлеме добыты первые тонны урана. Биржа труда в Ауэ получает задание направить 800 мужчин на горные работы.
- 14 июня.** В Галле (Заале) организуется профсоюз горняков.

1946

- 29 июня.** Постановлением Совета Министров СССР №9372 Саксонская промышленно-разведочная партия реорганизуется в Саксонское горное управление (руководитель — Н. М. Хаустов, главный геолог — Р. В. Нифонтов).
- Август.** Начало интенсивных горных работ по добыче урана в Рудных горах. До конца года были созданы Объекты: Иоганнгеоргенштадт (номер 1), Обершлема (номер 2), Шнееберг (номер 3), Аннаберг (номер 4) и Мариенберг (номер 5).
- Сентябрь.** На шахте № 1 Объекта 1 (Фришглюк-шахт) добыли 6,4 тонны урана. Реконструировано более 20 старых шахт и 40 штолен. Длина реконструированных горизонтальных горных выработок составила 3,2 километра.
- 5 октября.** Выходит постановление Совета Министров СССР № 925сс об увеличении объемов разведки и добычи урана СГУ. Начальником СГУ назначается М. М. Мальцев, заместителями начальника — Н. М. Хаустов и Н. М. Эсакия.
- Декабрь.** Организована служба здравоохранения для обслуживания горняков СГУ под руководством военного врача — старшего лейтенанта Леонова и при участии немецких врачей. Общий годовой объем добычи урана «Висмутом» составил 15,7 тонны (в том числе Объект 1 — 7,6 тонны). В СССР добыто 50 тонн урана.

1947

- Продолжается ускоренное развитие геологических, горных и добычных работ на объектах Иоганнгеоргенштадта, Шнееберга, Обершлемы и Шварценберга. Начаты ревизионные работы в районах старых рудников Шварценберг и Антонсталь. В отработки включаются новые месторождения — Зайфенбах, Необэрхаус, Аннаберг-Буххольц, Мариенберг, Фрайталь. На проходке стволов и горных выработок новых шахт №№ 5, 6 и 8 в Шнееберге работают бригады проходчиков московского Метростроя. Ускоренные курсы подготовки радиометристов проходят еще 110 советских солдат и 195 немецких граждан.
- Январь.** На Объекте 1 запускается стационарная компрессорная установка для обеспечения горных работ сжатым воздухом. В связи с увеличением строительных работ советскими специалистами создается проектная служба (позднее — Проектное предприятие) с размещением в г. Ауэ, рядом со зданием главного управления «Висмута».
- Март.** Геологоразведочный Объект 21 начинает разведку на флангах месторождений Шнееберг и Обершлема. Ревизуются старые рудники и штольни.
- 15 апреля.** На II Съезде свободных немецких профсоюзов руководитель Саксонского отделения СНП передал руководителю советской профсоюзной делегации В. В. Кузнецову письмо в адрес «русского профсоюза» об условиях работы горняков в Ауэ, содержащее ряд предложений по их улучшению.
- 26 апреля.** Генерал-майор Михаил Митрофанович Мальцев принял делегацию немецкого профсоюза горняков и гарантировал принятие мер по выполнению их требований.
- 8 мая.** Правительство Земли Саксония издает закон об экспроприации всех частных рудников.
- 10 мая.** Постановлением Совета Министров СССР № 1467-393с на базе Саксонского горного управления образовано Советское государственное акционерное общество цветной металлургии «Висмут» (САО «Висмут»). Первым генеральным директором назначен генерал-майор НКВД М. М. Мальцев.
- 26 мая.** Советская военная администрация в Германии издает приказы «О материально-бытовом обеспечении рабочих на объектах генерал-майора Мальцева» (№ 024); «Об изъятии в собственность СССР в счет репараций с Германии ряда немецких горных предприятий» (№ 128) и «Об организации Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут»» (№ 0155).
- 3 июня.** М. М. Мальцев издает приказ № 115 «О мерах по выполнению основных требований немецкого профсоюза горняков».
- 10 октября.** Отто Гротеволь утверждает «Положение о премировании и награждении трудящихся «Висмута»». Объект 1 (Иоганнгеоргенштадт) становится основным добывающим предприятием «Висмута». Объем добычи урана составляет 51,17 тонны.
- 20 октября.** Выходит приказ № 239 генерального директора САО «Висмут» об открытии профессиональных школ для подготовки рабочих горных профессий и об организации квалифицированного медицинского обслуживания горняков.
- Декабрь.** Количество работников САО «Висмут» достигает 43 590 человек. Общий годовой объем добычи урана «Висмутом» составил 150 тонн. В СССР добыто 129,3 тонны.

1948

- На Объекте 1 (Иоганнгеоргенштадт) работают 26 шахт и 12 тыс. горняков. Для горняков начинается массовое строительство рабочих общежитий и многоквартирных домов.
- Начаты добычные работы на Объекте 3 (Шнееберг), а также на месторождениях Танненбаум, Риттерсгрюн, Эрла-Крансдорф, Фрайберг (восток Рудных гор).
- Проведенная Объектом 21 геологоразведка открывает первые участки жильного месторождения урана Нидершлема-Альберода, которое по мере доразведки по своим масштабам станет крупнейшим в мире среди месторождений данного типа и до 1991 г. будет одним из основных объектов добычи урана СГАО «Висмут».
- 10 февраля.** Подписан акт сдачи-приемки немецких предприятий в собственность САО «Висмут».
- 10 октября.** Отто Гротеволь выступает на митинге в Ауэ, на котором присутствуют 4500 горняков.
- Ноябрь.** Организован горнодобывающий Объект 8 на базе геологоразведочного Объекта 23. Общий годовой объем добычи урана «Висмутом» составил 321,2 тонны (из них 136,3 добыл Объект 1). В СССР добыто 182,5 тонны.

1949

- Вовлекаются в отработку недавно открытое месторождение Нидершлема-Альберода, а также Антонсталь, Рабенберг, Берген, Геттесберг, Беренхекке, Цобес. Для облегчения труда горняков при бурении шпуров началось широкое внедрение телескопических буровых поддержек. На проходческих работах стали применять технологические паспорта и унифицированные сечения выработок, что значительно улучшило безопасность труда.
- Январь.** Организуется Фрайбергский горный техникум (Объект 105), который будет готовить руководителей среднего звена различных специализаций (штейгеров, геологов, геофизиков, маркшейдеров, механиков, буровиков, нормировщиков).
- 17 апреля.** В клубе «Фортшритт» в Шнееберге проходит конференция, основавшая Общество изучения культуры Советского Союза.
- Июль.** Начало ширококомасштабных геологоразведочных работ в Тюрингии. После проходки первого шурфа в районе Цобеса были получены обнадеживающие результаты. В течение года было пройдено еще девять шурфов.
- 17 сентября.** Утвержден ежегодный праздник «День немецкого горняка». В связи с увеличением геологоразведочных работ и для обеспечения их качества создается геологическое управление (руководитель — Р. В. Нифонтов), подчиняющееся непосредственно генеральному директору САО «Висмут».
- 7 октября.** Образована Германская Демократическая Республика.
- 1 ноября.** Начало проходки первого ствола 277 на месторождении Цобес. Общий годовой объем добычи урана «Висмутом» составил 767,8 тонны (из них 240,9 добыл Объект 1). В СССР добыто 278,6 тонны.

1950

- Продолжается активное развитие горных и добычных работ на объектах в Рудных горах. Число трудящихся на Объекте 9 достигает 8591, в том числе подземных рабочих — 5461. Начаты интенсивные геологоразведочные и горные работы в районе Роннебургского рудного поля на юге Тюрингии и на месторождениях Диттрихсхютте (западнее Заафельда) и Шлезинген. Работы ведутся Объектами 27, 30 и 41.
- Начаты работы по строительству карьера Роннебург, шахт Лихтенберг (Ройст) и Шмирхау. Для ведения комплекса работ на Роннебургском рудном поле образован Объект 90 САО «Висмут».
- На предприятиях «Висмута» начинают широко применять для механизации проходки горных выработок советские ковшовые погрузочные машины ПМЛ-5.
- На взрывных работах начинают применяться электродетонаторы. Скорость проходки горизонтальных выработок достигает 100 метров в месяц, а в передовых бригадах — значительно больше. Лучшие проходчики получают высшие награды ГДР.
- Проведена большая работа по закрытию малоперспективных участков месторождений и шахт. Это позволило снизить на 23 % себестоимость урана и сократить численность дефицитной рабочей силы со 195 900 человек до 153 100.
- Февраль.** На руднике «Драй Брудер» происходит катастрофический прорыв воды из незадокументированных выработок старого рудника. Погибает 9 горняков, в т. ч. — двое советских.

1950

- Март. Начало проходки второго ствола 294 на месторождении Цобес.
 Июнь. Начало проходки третьего ствола 320 на месторождении Цобес.
 4 июня. Свободные немецкие профсоюзы организуют профсоюз горнорабочих «Висмута».
 17 июня. М. М. Мальцев принимает участие в работе конференции СЕПГ.
 29 июля. Постановлением Совета Министров СССР в Главсовзагранимуществе (ГУСИМЗ) создается 8-е Управление для контроля над деятельностью общества «Висмут» и других зарубежных уранодобывающих предприятий.
 20 августа. Торжественное открытие О. Гротеволем и М. М. Мальцевым построенного «Висмут» стадиона в Ауэ на 22 000 зрителей. Стадиону присвоено имя Отто Гротеволья.
 1 октября. В Гере организован Объект 90, который занимается разведкой и обработкой месторождений Роннебургского рудного поля. Общий годовой объем добычи урана составил 1224,1 тонны (из них 337,6 добыты на Объекте 1). В СССР добыто 416,9 тонны.

1951

- В соответствии с приказом по САО «Висмут» начинается массовый переход на мокрое бурение шпуров и применение пневмоподдержек.
 На Объекте 9 началась проходка стволов 13-бис, 186, 207 и 208 до горизонта 210 метров. С горизонта 240 на горизонт 300 метров проходят слепой ствол 38а, с горизонта 240 на горизонт 380 метров — слепой ствол 38б.
 8 мая. В Эрлабрунне открывается новая больница для горняков на 1000 коек.
 Июль. В Заальфельде в течение трех дней происходят стычки горняков «Висмута» с полицией, спровоцированные пьяными дебоширами и фашиствующими элементами. Зачинщики арестованы, приняты меры по улучшению социально-бытовых и культурных условий жизни трудящихся «Висмута».
 28 июня. Совет Министров ГДР принимает постановление об улучшении социальных условий горнорабочих.
 30 июня. Отто Гротеволь награждает 30 горняков «Висмута» почетным знаком «Заслуженный горняк ГДР».
 Август. Начало проходки ствола 354 на месторождении Цобес.
 Октябрь. Организация шахтоуправлений Шмирхау и Лихтенберг, входящих в Объект 90. Объект 1 добыл 426,29 тонны урана.

1952

- Организован геологоразведочный участок Пайцдорф (буровой участок № 2) Объекта 29 (47).
 На месте бумажной фабрики в Кроссене ведется строительство перерабатывающего предприятия 101.
 Объект 6 организует на своей базе техническую производственную школу «Цобес» для подготовки штейгеров и горняков различных рабочих специальностей.
 Сентябрь. Началась акция «Силикоз» по рентгеновскому обследованию легких у всех горняков. Объект 1 добыл 487,53 тонны урана.

1953

- Горные работы на Объекте 9 сосредотачиваются на месторождениях Нидершлема (шахты №№ 13, 250 и 207) и Альберода (шахта № 186). Объект 9 становится ведущим предприятием «Висмута», на нем работают 12 917 человек.
 Июль. Поддавшись на провокации, около 2000 рабочих тюрингских предприятий «Висмута» прибыли на самосвалах и других транспортных средствах в Йену, где приняли участие в нападении на тюрьму. Еще несколько тысяч горняков в Гере осаждали роту советских солдат. На помощь им генерал А. А. Гречко выслал мотомеханизированные части. За участие в беспорядках и погромах был арестован 51 работник «Висмута».
 22 августа. Правительства СССР и ГДР подписывают соглашение о преобразовании САО «Висмут» в Советско-Германское акционерное общество (СГАО) «Висмут».
 5 ноября. Делегация немецкого профсоюза горнорабочих «Висмута» по приглашению советского профсоюза выезжает в Советский Союз для обмена опытом.
 Ноябрь. Отто Гротеволь посещает предприятия «Висмута» в Обершлеме.
 21 декабря. На первом заседании правления СГАО «Висмут» утверждены устав и руководство общества. Генеральным директором назначен Валентин Никанорович Богатов, председателем правления — Фриц Зельбман, министр тяжелой промышленности ГДР.
 Объект 1 добыл 540,87 тонны урана.
 Всего за период с 1946 по 1953 г. САО (СГАО ЦМ) «Висмут» поставил в Советский Союз 9446 тонн урана в виде руды и концентрата в счет репараций Германии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

70 329
88
Сов. секретно.

Докладная записка В.Л. Ванникова и М.Г. Первухина
 на имя Л.П. Берии об исследованиях месторождений
 урана в Маньчжурии и Корее

В докладной записке генерал-полковника Кузнецова *и др.* приведены сведения о пегматитах и россыпях Маньчжурии, Кореи и Японии, где были найдены минералы с содержанием А-9 и Б-9 (по данным японского геолога Сакамото).

В Маньчжурии - месторождения А-9 и Б-9 приурочены а) к пегматитам преф. Хайчэн, пров. Муқден (Сантайкоу и Тафаншэн). В результате поисковых работ 1944-45 г. в провинции Муқден открыто около 10 мощных, с протяжением до 60 м каждая, пегматитовых тел. Добыто с августа 1944 года по 1.1-45 г. - 5 тонн руды с содержанием 8% окиси А-9 (что составляет 400 кг. окиси А-9).

б) Провинция Цзиньчжоу, уезд Суйчжун, где также известны пегматитовые жилы с А-9 оруденением.

В Корее - приведены 3 точки, где были обнаружены А-9, содержащие минералы в россыпях. В одной из этих точек - рудник Кикун (район Каидэйю, Кохайдо) производилась добыча, примерно в таких же размерах, как и в районе Хайчэн.

Приводимые выше сведения нам известны. При осмотре месторождений А-9 в Маньчжурии и Корее в 1945 году, эти сведения были использованы Специальной геологической группой от 1 Главного Геологического Управления Комитета по делам Геологии при Совете Министров СССР, которая дала

- 2 -

по всем вышеописанным месторождениям, в основном, отрицательное заключение.^{х)}

Произведенное группой исследование сырьевой базы урана на территории Маньчжурии и Сев. Кореи показало, что до настоящего времени крупных урановых месторождений, имеющих практическое значение нет. Имеются незначительные по запасам объекты с убогими рудами.

Разработка японцами таких убогих объектов косвенно указывает на отсутствие в их распоряжении более богатых руд.

В Японии — указаны 6 точек, где были обнаружены А-9 содержащие минералы. При этом отмечено, что содержание незначительное /по сообщению японского геолога Сакамото/. Более обстоятельными сведениями мы не располагаем.

Зам. начальника Первого Управления

инженер-геолог

3/2/46г. Солопов /Солопов/

х) Отчет специальной геологической группы о командировке в Маньчжурию для сбора и проверки сведений по месторождениям А-9.

Фонды Спецчасти 1 Гл. Управления по делам Геологии.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2¹

Постановление СМ СССР № 628-259сс «О премиях за открытие новых месторождений урана и тория»

Москва, Кремль 21 марта 1946 г.
Сов. секретно

Установить для поощрения геологов за открытие новых месторождений урана и тория следующие премии:

І. Первая премия

1. Первая премия присуждается за открытие новых месторождений урана с запасами металла не менее 1000 т при среднем содержании урана в руде 1,0 и выше.
2. Установить, что руководитель геологоразведочной партии, удостоенный первой премии:

- а) получает денежную премию в размере 600 тыс. руб.;
- б) представляется Советом Министров СССР к высшей степени отличия в области хозяйственного и культурного строительства — званию Героя Социалистического Труда;
- в) получает звание «Лауреат Сталинской премии» первой степени;
- г) получает за счет государства в собственность в любом районе Советского Союза дом-особняк с обстановкой и легковую машину;
- д) получает право обучения своих детей в любом учебном заведении СССР за счет государства;
- е) получает право (пожизненно для себя, жены (мужа) и для детей до их совершеннолетия) бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом;
- ж) получает двойной оклад жалования на все время работы в области специальных разведок.

3. Группа основных работников геологической партии (2-3 чел.), в том числе лицо, первым обнаружившее рудную залежь, получает денежную премию в сумме 300 тыс. руб.

Кроме того, каждый из этих работников:

- а) представляется к награждению орденом Союза ССР;
- б) получает по представлению руководителя геологической партии звание «Лауреата Сталинской премии» сообразно значению выполненной им работы;
- в) получает за счет государства в собственность легковую автомашину;
- г) получает право обучения своих детей в любых учебных заведениях СССР за счет государства;
- д) получает право (пожизненно для себя, жены (мужа) и для своих детей до их совершеннолетия) бесплатного проезда в пределах СССР железнодорожным, водным и воздушным транспортом.

4. Для премирования остальных геологов, инженерно-технических работников, рабочих и служащих, принимавших участие в открытии, удостоенном первой премии, выделяется 300 тыс. руб.

Особо отличившиеся инженерно-технические работники, рабочие и служащие представляются к награждению орденами и медалями Союза ССР.

Совет Министров Союза ССР

И. Сталин

47
3.-Причины отставания Германии в разработке атомной бомбы

По словам опрошенных немецких ученых, запоздание Германии в разработке атомной бомбы объясняется следующими причинами:

Непониманием германским правительством возможности использования атомной энергии для нужд войны и недостаточным вниманием к этому делу.

Руководство разработкой этой проблемы германское правительство поручило первоначально Шуману и ЭЗАУ, не являвшимся специалистами в этой области. Впоследствии это руководство было возложено на ГЕРНИГА и двух серьезных физиков ГЕРЛАХА и ДИБНЕРА. Однако и в этот период средств для этой проблемы было выделено недостаточно.

Германское правительство больше надежд возлагало на реактивную технику - самолеты и реактивные снаряды. Сама проблема атомной энергии некоторое время была даже подчинена вопросам реактивной техники и подводного флота, в качестве двигателя для которых предполагалось использовать атомную энергию.

Лишь значительно позже, повидимому, с начала 1944 года (о чем говорят найденные нами документы за подписью ДИБНЕРА) в планах работ по использованию атомной энергии появляются задачи разработки атомной бомбы и урановых боевых отравляющих веществ (такowymi могут быть радиоактивные продукты распада урана).

Второй причиной отставания Германии является, по мнению опрошенных немецких ученых, - бомбардировка германских городов и неоднократное перемещение исследовательских учреждений из одного пункта в другой.

48
4.Состояние научной разработки вопроса

Немцы имели вполне достаточные научные представления о процессах получения атомной энергии. Они знали о распаде ядра урана, знали о происходящем при этом выделении нейтронов и возможности получить цепную реакцию распада урана с сопутным выделением огромного количества энергии. Они работали над конструкцией урановых машин с применением окиси урана и металлического урана, а в качестве замедлителей нейтронов тяжелой воды и парафина. Изучалось влияние на размножение нейтронов в урановой машине различной формы кусков металлического урана или окиси урана (пластины, кубы, цилиндры, порошок) и был сделан правильный вывод о неудовлетворительности окиси урана, металлического порошка и пластин и предпочтительности кубов и цилиндров.

В показаниях немецких ученых имеются сведения, что ГЕЙЗЕНБЕРГОМ, наиболее близко стоявшим к вопросу разработки конструкции урановой машины, в малой модели, состоящей из металлического урана и тяжелой воды, было достигнуто размножение нейтронов - 150-200%.

Приглашенный в Советский Союз немецкий физик ДОПШЕЛЬ, одно время являвшийся помощником ГЕЙЗЕНБЕРГА, во время работ последнего в Лейпциге сообщил нам, что в Лейпциге была разработана конструкция урановой машины с применением металлического урана и тяжелой воды, давшая положительный результат.

49
5.

У ДОННЕЛЯ сохранились фотографии этой машины. Сама же машина была разбита при одном из воздушных налетов.

Немецкие физики знали, что уран-238 за счет захвата нейтронов превращается в уран-239 (плутоний), являющийся взрывчатым веществом. Они также знали, что уран-239 (плутоний), являющийся самостоятельным химическим элементом, можно легко отделить обычными химическими методами от обычного урана-238 в отличие от более трудного процесса выделения урана-235 из массы обычного урана-238 (физическими методами разделения изотопов).

Вопросу разделения изотопов урана (уран-235 и уран-238) немецкие физики уделяли значительное внимание и добились успешного разрешения этой проблемы. Имми было разработано две конструкции машин для разделения изотопов - ультрацентрифуга и атомный шлюз, давшие обогащение урана-235 до 7%.

Таким образом, немцы практически подошли к вопросу, как о разделии изотопов урана, так и к постройке урановых машин (котлов по нашей терминологии). Дело оставалось лишь за производством достаточного количества машин для разделения изотопов а также за получением достаточного количества металлического урана и тяжелой воды для строительства котлов.

Известная недооценка ими была допущена в отношении графита как замедлителя нейтронов.

Они поняли значение графита в качестве отражателя для урановых машин, располагающегося с периферии машины и препятствующего вылету из машины нейтронов.

В качестве же замедлителя - они отдавали предпочтение тяжелой воде и парафину.

50
6.

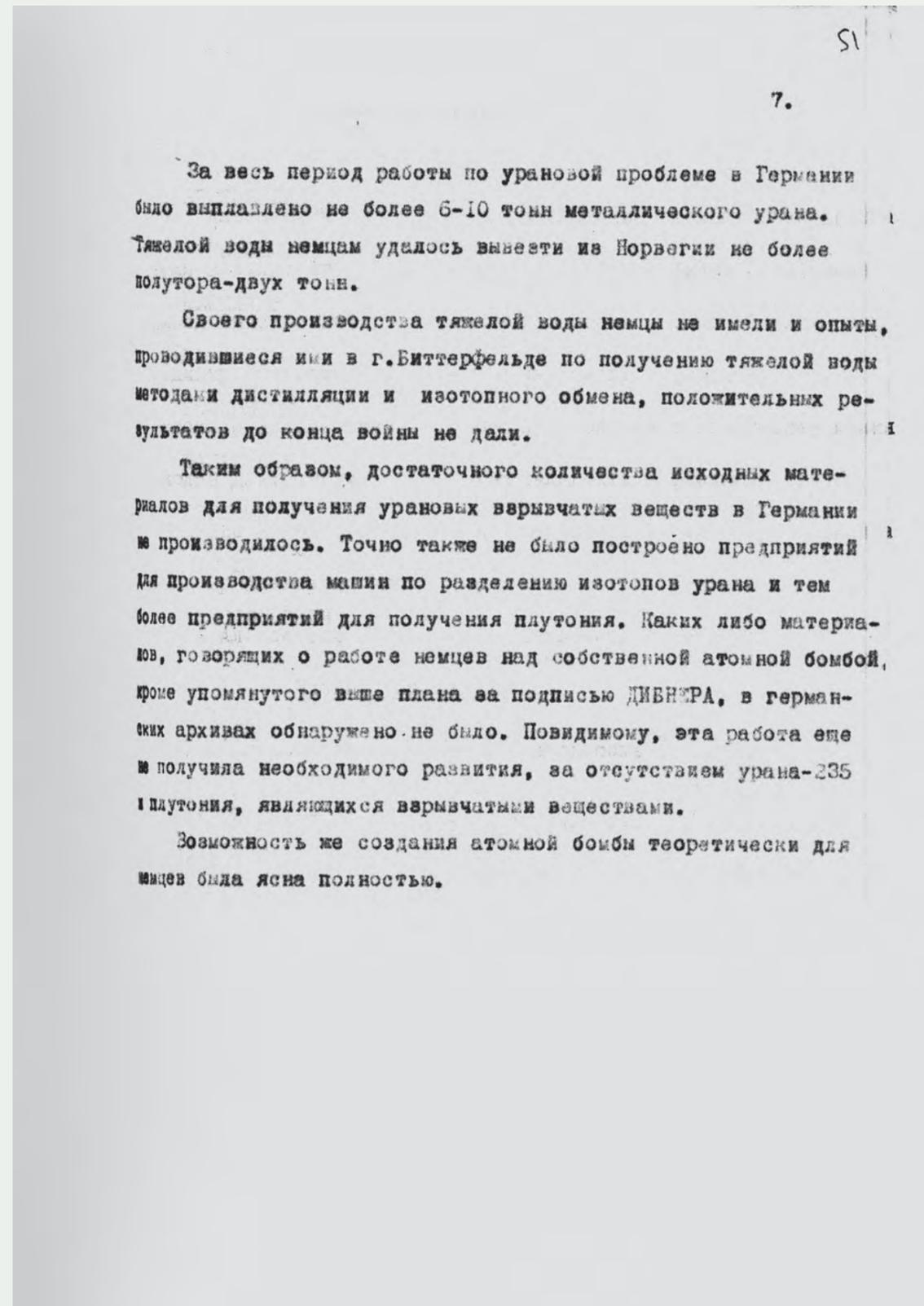
Обеспеченность Германии сырьем.

Своих сырьевых месторождений урана Германия не имела. Она эксплуатировала Чехословацкое месторождение - Иохимсталь и добывала здесь в год 3-4 тонны металла. Известные (небогатые) Саксонские месторождения урана лишь разведывались Германией, однако, добыча здесь организована не была.

Основным источником урана для Германии явился бельгийский уран, в количестве до 1 тыс. тонн или более образовавшийся здесь в качестве отходов от производства радия из урановых руд, завозившихся из Бельгийского Конго. Часть этого бельгийского урана, вывезенного из Бельгии в Германию, была захвачена нами в Советской зоне оккупации и вывезена в СССР (около 200 тонн). Большая часть урана в количестве от 500 до 1000 тонн была вывезена из г. Штадтильма (Советская зона оккупации) американцами на третий день после прихода американских войск в этот район. Захваченные немцами запасы бельгийского урана были вполне достаточными для широкого развития работ по урановой проблеме.

Разработка технологического процесса получения чистого металлического урана была возложена в Германии на акционерное общество "Ауэр" и его исследовательский институт во главе с доктором РИШЕМ. Последний вместе с группой его сотрудников приглашен в Советский Союз.

Производство металлического урана велось во Франкфурте на Майне, в Берлине (на химическом заводе Гринау) и химическом заводе фирмы "Ауэр" около Берлина.

ПРИЛОЖЕНИЕ 4¹

Сов. секретно

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

К ВОПРОСУ РАСШИРЕНИЯ РАБОТ
НА ШНЕЕБЕРГСКОМ МЕСТОРОЖДЕНИИ В САКСОНИИ.

Шнеебергское месторождение, в настоящее время, после небольшого по времени периода работ советской группы специалистов, может считаться по своему масштабу одним из интересных и промышленных ценных объектов Урановой провинции Рудных гор.

Это месторождение в качестве комплексного серебряного-никель-кобальт-висмутового имеет многовековую известность и, как висмутовое, разрабатывалось до последних дней. Урановое оруденение встречалось в некоторых жилах Центрального поля – Катерина Фляхе, Вальцбургис Фляхе, Фюрстен-Фертрах, Даниель и других.

Но по своему гнездовому характеру, крайней сложности оруденения, оно никогда не являлось объектом самостоятельной эксплуатации. Глубина разработки комплексных никель-кобальт-висмутовых руд уже в начале настоящего столетия² достигла горизонта 425-500 метров, причем прекращение эксплуатации на глубину объясняется не столько техническими трудностями, сколько превращением руд на этих глубинах в мышьяковые.

Усиление уранового оруденения на глубину никем не предполагалось и поэтому Шнеебергское месторождение, в оценке наиболее крупных специалистов-геологов Германии: профессора – доктора ШУМАХЕРА и геолога-доктора ЭЛЬСНЕРА, не считалось сколько-нибудь заслуживающим внимания. Ниже мы приводим дословно заключение названных лиц, данные в 1945 г. Саксонской урановой группой профессора Александра.

Профессор доктор ШУМАХЕР говорит: «Надежды на открытие в Шнееберге значительных количеств урановой руды очень невелики.

Ввиду спорадического и бедного проявления урановой смолки в отдельных жилах, нет возможности начать разведочные работы специально на уран. Также нет надежды, что более значительное количество урановой руды будет добыто в процессе производящихся в данное время разработок висмутовых руд. Возможно, правда, что иногда, при горных разработках, можно встретить урановую руду. Однако она будет представлять интерес только с точки зрения минералогии и ни в коем случае не сможет явиться базой горного производства. По этой причине надо отказаться от предприятия в Шнееберге радиометрических измерений./ Стр.18 и 19/».

Доктор Эльснер дает еще более определенное заключение:

«В противоположность ЯХИМОВУ и Иоганнгеоргенштадту в Шнееберге не встречается жил, содержащих только урановую руду. До сего времени в отдельных жилах найдены незначительные количества урановой смоляной руды, поэтому невозможно производить специальные разведочные работы с целью поисков урановой руды.

Урановое оруденение рудников Шнееберга никогда не сможет служить базой для горных разработок; оно представляет интерес только с точки зрения минералогии и генезиса месторождений».

Добросовестность такого категоричного, отрицательного заключения, весьма сомнительна; мы уверены, что оба автора, как геологи, несомненно отдавали себе отчет в промышленных, рудных возможностях месторождения и только из политиче-

1 Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

2 XX века (прим. ред.).

ских побуждений предпочли дать ему порочащую оценку.

Советская группа специалистов, при наличии такого тяжелого отрицательного заключения, приступила в августе месяце текущего 1946 г. к планомерному ревизионному изучению месторождения.

Откинув в тезисы немецкие заключения о бесперспективности уранового оруденения в Шнееберге, считаясь только с фактом большой степени выработанности рудных жил Центрального рудного поля, советские специалисты сосредоточили внимание на Восточном рудном поле месторождения – Обершлеме, отделенном от Центрального поля гранитной грядой. Здесь мощным тектоническим нарушением Северо-Западного направления была отделена Восточная часть месторождения и, по линии сброса, опущена на глубину нескольких сот метров. Благодаря этому, в Восточной части рудного поля сохранились верхние горизонты рудных тел, смытые в Центральном рудном поле месторождения эрозией.

Как и предполагалось, оруденение в этих сохранившихся верхних горизонтах оказалось преимущественно урановым, представленным смоляной рудой и различными гипергенными образованиями – урановыми слюдками и охрами в зоне окисления. Содержание металла в руде варьирует в широких пределах: в штуфной руде, отсортированной вручную, оно отходит в 20-30 %, тогда как в рядовых рудах снижается до десятых долей процента.

Доктор ЭЛЬСНЕР: никель-кобальт-висмутное месторождение Шнееберг». Отчет Саксонской урановой партии.

В течение августа месяца на Восточном поле месторождения было обнаружено 7 жил с видимым смоляным урановым оруденением.

Находки концентрируются в районе Обершлемовской церкви (кирхи) и встречены как в выходах на поверхности, так и на 45 метровой глубине, в старинной штольне Макс Семплер (1468 год).

Все обнаруженные жилы принадлежат той же системе трещин Северо-Западного простирания 310–320° и Северо-Восточным падением под углом от 60 до 90°.

Можно считать, что полоса рудных трещин этого направления вскрыта, по существу, в одном пересечении, имеет значительную протяженность, сопровождая основную линию разлома с Севера на Юг по направлению Врхннлафсберга и на Ауэр-Хаммер, в Северном направлении рудная полоса проходит вдоль долины небольшого ключа «Зильбербах» Северо-Западного направления, сопряженного с общей системой рудных нарушений.

Не предвещая вопроса об общей протяженности оруденения Восточного поля, скажем, что благоприятные геологические и структурные условия существуют на протяжении 5–6 км; это подтверждается, между прочим, значительным числом древних разведочных выработок, преследовавших, в свое время, цель выявления серебряных, но отнюдь не урановых руд.

Выявленные рудные жилы по простиранию не прослежены; частично прослеженными старыми выработками могут считаться только три жилы: № 1, 6 и 7. Остальные жилы подсечены штольной Маркус Землер вкрест простирания и об их протяженности можно судить только по аналогии с другими жилами месторождения.

Можно уверенно говорить о том, что в Обершлеме значительное число рудных объектов остается не выявленным по причине малого периода времени работ, отсутствия метрических наблюдений и весьма трудной, визуальной диагностики уранового оруденения в зоне выветривания. Таким образом, структурные геоморфологические и гидрогеологические условия дают основания считать это новое Восточное поле Шнеебергского месторождения весьма перспективным, имеющим крупные масштабы, контуры которого будут определены дальнейшими поверхностными и глубокими подземными горно-разведочными работами; форсирование последних нам представляется

делом срочным и совершенно необходимым. Ниже мы приводим краткую характеристику Урановых жил Восточного поля³.

Общий объем руды в 7 жилах равен: $3900 \times 7 = 27300 \text{ м}^3$ или, при удельном весе руды в 2,6 = 71000 тонн.

Содержание металла в руде, судя по 11 указанным ниже пробам, достаточно высокое; мы не можем на основании только этих проб, отбор которых не носит систематического характера, выводить среднее содержание, поэтому, полагая, что проводимое ныне тщательное опробование снизит содержание в руде до 1 – принимаем это последнее; тогда общие запасы металла для обнаруженных 7 жил будут равны 710 тонн ($71000 \times 1 : 100$). По степени достоверности этот запас можно отнести к категории С2.

Но вся сумма геологических наблюдений и предпосылок дает нам основание считать, что в той же площади Обершлемовского участка оруденение не ограничивается указанными выше 7 жилами. Судя по поверхностным радиометрическим аномалиям можно предположить наличие еще 2-х рудных жил с провизорным запасом 150 тонн металла.

Нельзя исключить также возможности, что некоторая величина запаса руд размещена ниже принятой нами глубины оруденения (т.е. ниже 150 м) и на большей протяженности по простиранию, чем это принято нами (250 метров), но эти запасы относятся к предполагаемым и в конкретную цифру нами не облечены.

Таким образом, запасы металла в Обершлемовском рудном участке нового восточного поля Шнееберга определяются в 710 тонн. Эта цифра отнюдь не исчерпывает общих запасов не только всего Восточного рудного поля месторождения, но даже его отдельного участка – Обершлема. Наличие оруденения к северу и югу от Обершлема, преимущественно уранового, подтверждается значительным количеством древних выработок на серебряные руды, даже самим наименованием ключа «Зильбербах» (серебряный ручей), и наличием радиоактивных вод вдоль намеченной полосы оруденения к югу.

Все перечисленное нами выше делает новое рудное поле Шнеебергского месторождения исключительно интересным, потенциальные рудные перспективы которого вероятно могут быть исчислены в порядке 2–3 тыс. тонн металла.

Приведенные нами соображения, а также исключительные условия нашей работы в Саксонии, требуют немедленного составления проекта поисковых и горно-разведочных работ для всей полосы оруденения Восточного поля, проекта строительства горно-рудного предприятия и гидрометаллургических устройств для переработки на месте бедных окисленных руд.

НАЧАЛЬНИК САКСОНСКОГО РУДНИКА
ИНЖЕНЕР-ГЕОЛОГ И ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР

/ ХАУСТОВ/

НАЧАЛЬНИК ШНЕЕБЕРГСКОГО РУДНИКА
КАНДИДАТ ГЕОЛОГО-МИНЕРАЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ГЕОЛОГ

/ Р.В. НИФОНТОВ/.

13 сентября 1946 г.

³ Подробная характеристика урановых жил опущена (прим. ред.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

7

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОВЕТА ССР

Саксонская ураново-поисковая партия
НКВД СССРСВОДНЫЙ ОТЧЕТ.

В августе-сентябре 1945 года Народным Комиссариатом Внутренних Дел Советов ССР была командирована в Чехословакию группа специалистов в составе инженер-полковника Александра С.П., инженера-геолога Яромешко А.П., горного инженера Орлова В.П., инженера-металлурга Назаренко В.В. и инженера-механика Костичева И.В. Работами группы руководил генерал-лейтенант Мещик П.Я.

Группе было поручено собрать материалы по Иоакимсталскому / Яхимовскому / ураново-радиевому предприятию.

Ознакомившись с этим предприятием на месте и собрав в Чехословакии и Германии разнообразные материалы, относящиеся к производству урана и радия в Иоакимстале / Яхимове /, группа 14 сентября 1945 года представила свой отчет. В этом отчете запасы радия в месторождении были определены в количестве не менее 90-100 граммов и запасы урана не менее 300 тонн.

Комиссия сделала три основных предложения / см. "Материалы группы генерал-лейтенанта Мещик П.Я. - Иоакимсталское / Яхимовское / ураново-радиевое предприятие в Чехословакии". Стр. 17-20 /:

8

" В целях исключения в будущем возможности использования Иоакимсталского / Яхимовского / урана и радия против Советов ССР и в целях обеспечения использования этого урана и радия для непосредственных нужд обороны Советского Союза должны быть проведены следующие главные мероприятия:

1. Немедленно начать переговоры с Чехословацким Правительством о передаче Иоакимсталского / Яхимовского / ураново-радиевого предприятия в концессию Советскому Союзу или о создании совместного советско-чехословацкого акционерного общества по эксплуатации Иоакимсталского / Яхимовского / ураново-радиевого предприятия с обязательной поставкой всех урановых руд и концентратов Советскому Союзу и с предоставлением этой концессии или этому обществу преимущественного права на производство поисковых, геолого-разведочных и эксплуатационных работ на уран, как в районах, непосредственно принадлежащих к Иоакимсталу / Яхимову /, так и в других районах Чехословакии.

2. Получить безвозмездно от Чехословакии, как военные трофеи, все урановые руды и концентраты, добытые в Иоакимстале / Яхимове / немцами в период оккупации и имеющиеся в наличии, и закупить ту часть урановых руд и концентратов, которые были добыты в Иоакимстале / Яхимове / после освобождения этого района Красной Армией.

3. Организовать предварительные поиски урановых руд и минералов в восточной части Германии, непосредственно прилегающей к Иоакимсталскому / Яхимовскому / месторождению в районах Обер Визентала, Аннаберга, Фрейберга, Коганнбургштадта и других, где уже констатированы урановые руды и минералы и где они частично добывались в качестве побочных продуктов при добыче руд цветных и редких металлов.

Целевыми заданиями этих поисковых работ должно быть выявление перспектив ураноносности Рудных Гор Саксонии для использования возможных природных скоплений урана в этой части Германии для нужд обороны Советского Союза".

По докладу группы Советом Народных Комиссаров Советов ССР было принято два решения:

1. Вступить в переговоры с Правительством Чехословакии о получении Советским Союзом в свое распоряжение всего

урана и 50% радия, добываемых Коакимсталским / Яхимовским / ураново-радиевым предприятием / Постановление СПК СССР от 14 сентября 1945 года № 2856-609сс/.

2. Приступить к поискам урановых руд в восточной части Германии, прилегающей к Коакимсталскому / Яхимовскому / урановому месторождению / Протокол № 4 Заседания Специального Комитета при СПК СССР от 14 сентября 1945 года /.

В соответствии с решением, принятым Специальным Комитетом при СПК СССР, Народным Комиссариатом Внутренних Дел Союза ССР была организована Саксонская ураново-поисковая партия НКВД СССР. Руководителем работ поисковой партии был назначен зам. начальника и главный инженер 9 Управления НКВД СССР инженер-полковник АЛЕКСАНДРОВ С.П. В состав Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР были направлены:

1. Начальник партии	- подполковник ЯРОВНИКО А.И. - главный геолог ЦТО ГУМГАН НКВД СССР.
2. Зам. начальника партии	- майор ГРИГОРЬЕВ П.Э. - старший геолог 9 Управления НКВД СССР.
3. Геолог	- майор ЛАВАЗИН Г.С. - старший инженер Отдела Госгеоконтроля Комитета по делам геологии при СПК СССР.
4. Геофизик	- инженер-капитан КОЛМАКОВ В.П. - Зав. Центральной Радиометрической Лабораторией Комбината № 6 9 Управления НКВД СССР.
5. Старший радиолог	- ст. техник-лейтенант ГРАЧЕВА В.Г. - научный сотрудник ЦЕН-9 НКВД СССР.
6. Горный инженер	- майор ПИСАЧКО П.Т. - старший инженер Группы Дальстроя НКВД СССР
7. Инженер-технолог	- майор ПАЗАРЕНКО В.В. - начальник ЦО ГУМГАН НКВД СССР.
8. Инспектор	- ст. лейтенант ЧЕРВИЦА З.С. - ст. инспектор ГУМГАН НКВД СССР.
9. Переводчик	- ст. лейтенант АЛЕКСАНДРОВ М.С. - студент МЭИ.

На месте в состав поисковой партии была прикомандирована переводчица Оперативного Сектора Советской Военной Администрации Федеральной земли Саксония - т. ЧЕКОВА В.В. Основной базой для развертывания работ Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР был избран г. Дрезден.

Ведение переговоров с Правительством Чехословакии по вопросам Коакимстала / Яхимова / было возложено на Комиссию Народного Комиссариата Внешней Торговли Союза ССР. В Комиссию Советом Народных Комиссаров Союза ССР были назначены Торговый Представитель СССР в Чехословакии т. ВАКУЛИН И.В. / председатель /, триконсульте Торгового Представительства СССР в Чехословакии т. ПОВАЛИШИН В.И. и сотрудник Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР инженер-полковник АЛЕКСАНДРОВ С.П., подполковник ЯРОВНИКО А.И. и майор ПАЗАРЕНКО В.В.

Согласно личным указаниям Маршала Советского Союза товарища ВЕРИИ Л.П. вся необходимая помощь в организации и выполнении работ в Саксонии оказывал генерал-майор товарищ КЛЕПОВ С.А. - Начальник Оперативного Сектора Советской Военной Администрации Федеральной земли Саксония. Благодаря этой помощи, задания, возложенные на Саксонскую ураново-поисковую партию НКВД СССР, были выполнены во всех частях, несмотря на трудные условия работ в весьма сложной обстановке.

По работам Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР еженедельно представлялась отчетность заместителю Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР генерал-лейтенанту товарищу ЗАВЕШВИНУ А.И. и заместителю Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР генерал-полковнику товарищу СЕРОВУ И.А.

Настоящий отчет является сводкой всех основных результатов работ, выполненных Саксонской ураново-поисковой партией НКВД СССР в Чехословакии и в Германии за период с 23 сентября 1945 года по 15 марта 1946 года. Работы по поискам урановых руд в Восточной Германии освещаются в отчете более подробно. Работы по заключению договора с Чехословакией и по нивозу в Советский Союз из Чехословакии обнаруженных там уран-содержащих материалов и рудных концентратов освещаются лишь весьма кратко.

Также кратко освещаются и специальные работы, выполненные в Германии совместно с оперативными работниками по особым заданиям Заместителя Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР генерал-полковника товарища СЕРОВА И.А.

Кроме сводного отчета, по всем работам, выполненным в Германии, составлены отдельные подробные отчеты, являющиеся приложениями к сводному отчету.

Геолого-поисковые работы на уран
в Саксонии.

Заданием Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР, утвержденным Заместителем Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР товарищем Завенягиным А.П., предусматривалось проведение геологического обследования и предварительных поисков урановых руд в районах Яхимова, Йоганнзеоргенштадта, Аннаберга, Шнееберга, Альтенберга и Цинвальда. Поисковые работы предполагалось провести путем маршрутных радиометрических съемок на поверхности, главным образом, с помощью полевого гамма-счетчика.

Ориентировочный срок работ поисковой партии, без камеральной обработки материалов, был установлен с 18 сентября по 15 ноября 1945 года, в том числе организационный период в Москве и на месте работ с 18 по 25 сентября и полевой период, включая время на возвращение в Москву, с 25 сентября по 15 ноября 1945 года / см. "Задание на работы 1945 года по Саксонской ураново-поисковой партии". "Материалы" Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР/.

Фактически личный состав поисковой партии вылетел самолетом из Москвы 23 сентября и с 26 сентября 1945 года приступил к полевым работам на месте.

На основании ознакомления с литературными и другими материалами, бесед с немецкими специалистами и из опроса местных работников было выяснено, что наиболее перспективными в отношении уранового оруденения на территории Саксонии являются Йоганнзеоргенштадтское и Шнеебергское комплексные кобальтово-никелево-висмутоние месторождения.

Поэтому сначала на Шнеебергском, а затем на Йоганнзеоргенштадтском месторождениях и были сосредоточены работы поисковой партии. Кроме того, было вновь осмотрено Яхимовское урановое месторождение в Чехословакии. На этом месторождении были также проведены работы по радиометри-

-13-

ческому профилированию и опробованию некоторых отвалов шахт и отвалов хвостов обогатительной фабрики.

Провести какие либо работы на остальных месторождениях поисковая партия не имела возможности из за выявившейся недостаточности производственного персонала.

Поисково-обследовательские работы на Шнеебергском и Йоганнгеоргенштадтском месторождениях продолжались до 27 ноября 1945 года. К этому времени на Йоганнгеоргенштадтском руднике были выполнены необходимые ремонтно-восстановительные работы / ремонт ствола шахты и откаточных штофов, настилка путей, прокладка трубопроводов и т.п. /. С 1 декабря 1945 года была начата разведка Йоганнгеоргенштадтского месторождения горными работами с попутной добычей урановой руды из разведочных выработок.

Урановое оруденение в Шнееберге и Йоганнгеоргенштадте проявляется в подземных выработках рудников, существующих сотни лет. Этот характер проявлений уранового оруденения заставил выбрать основным методом поисков радиометрическое и геологическое обследование подземных выработок, значительно более трудоемкое, чем проведение работ на поверхности. Отсутствие на этих рудниках, даже для последнего времени, геологической службы в советском понимании и какой либо геологической документации подземных выработок еще более усложнило и затруднило работу по их обследованию. Кроме того, полевой гамма-счетчик / прибор ПСГ-4 /, до работ Саксонской ураново-поисковой партии нигде не применялся при геолого-поисковых работах в подземных выработках. Методу работы с этим прибором в подземных условиях пришлось устанавливать в процессе проведения самих радиометрических работ и уточнять по мере накопления производственного опыта.

24
-14-

Поисковые радиометрические работы на поверхности дали вполне положительные результаты при обследовании старых отвалов шахт и обогатительных фабрик. Собственно маршрутная съемка прибором ПСГ-4 на поверхности была проведена только в опытный порядок на участках рудных объектов в Йоганнгеоргенштадте и Яхимове. Эти опытные работы не получили развития из за выпадения снега и в связи с занятостью производственного персонала поисковой партии на других работах. Методика этого вида работ осталась поэтому неразработанной.

Объем выполненных Саксонской ураново-поисковой партией НКВД СССР основных видов работ показан в таблице:

Виды работ	Единицы измерения	Места работ			
		Шнееберг	Йоганн-георгенштадт	Яхимов	Всего
Обследование подземных выработок прибором ПСГ-4..	п.м	5120	3500	-	8620
Маршрутные профили с прибором ПСГ-4 на поверхности	п.м	1400	800	1250	3450
Обследование отвалов шахт и обогатительной фабрики прибором ПСГ-4	объектов	14	3	3	20
Измерения прибором Кольгарстера	пунктов	40	-	-	40
Опробование всего.....	проб.	148	136	21	305
в том числе:					
бороздное	"	-	81	-	81
шуровое	"	50	-	-	50
отвалов и хвостокранилища.....	"	28	9	21	58
плателей и вагонеток с рудой.....	"	10	14	-	24
продуктов обогащения руд на обогатительной фабрике"	"	59	32	-	91
валовое / весом одной пробы 40 г/..	"	1	-	-	1
Количественные определения содержания урана по альфа-излучениям	определений	172	154	21	347
Качественные опробования активности штучек по альфа-излучениям	опробований	84	124	9	217

25
-15-

В настоящий сводный отчет включены только основные и представляющие практический интерес результаты геолого-поисковых работ. Подробное описание всех выполненных поисково-обследовательских работ приводится в индивидуальных отчетах по отдельным объектам. Все индивидуальные отчеты включены в "Материалы" Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР, прилагаемые к сводному отчету:

Грачева Е.Г. и Колчанов В.П. Радиометрические работы Саксонской ураново-поисковой партии НКВД СССР.

Лабазин Г.С. Результаты поисково-обследовательских работ на уран в Шнеебергском районе.

Григорьев П.Э. Ураносодержание Шнеебергского рудного поля.

Лабазин Г.С. Результаты поисково-обследовательских работ на уран в Йоганнсгеоргенштадтском районе.

Колчанов В.П. и Яромченко А.И. Обследование отвалов Яхимовского рудника на содержание в них урана.

В связи с гибелью 24 ноября 1945 года в результате автомобильной катастрофы инженера-металлурга г. Назаренко Р.В. собранные им на заводах и в исследовательских учреждениях материалы по переработке урановых руд остались к моменту составления сводного отчета необработанными и в отчет не включены.

71
80

ПРИЛОЖЕНИЕ № I
к Сводному Отчету Саксонской
ураново-поисковой партии
НКВД СССР

" УТВЕРЖДАЮ "

Заместитель Народного
Комиссара Внутренних Дел
Союза ССР

/ЗАБЕЛЯГИН /

19 сентября 1945 года

ЗАДАНИЕ НА РАБОТЫ 1945 ГОДА
ПО САКСОНСКОЙ УРАНОВО-ПОИСКОВОЙ ПАРТИИ.

Партии поручается провести геологическое обследование и предварительные поиски урановых руд в Восточной Германии и Чехословакии в районах месторождений: Поакхиметаль /Яхимов/, Йоганнсгеоргенштадт, Ашаберг, Шнееберг, Альтенберг и Цинвальд.

При проведении работ партии руководствоваться следующими указаниями:

1. На основании изучения литературных данных, осмотра доступных выработок существующих рудников, ознакомления с имеющимися на местах документами и на основании опроса местных осведомленных лиц установить пункты проявления радиоактивности и определить площади возможного ее распространения;

2. На выделенных перспективных участках с проявлениями радиоактивности провести геологические и маршрутные радиометрические съемки на топооснове наиболее крупного масштаба, из числа карт, которые могут быть получены на месте. Расстояние между маршрутами радиоактивного профилирования должно составлять около 200 метров, а между точками наблюдений около 25 метров на расчете примерно 200 точек на I кв. километр. Наблюдения должны проводиться с помощью полевого гамма-счетчика типа Гейгера-Миллера.

90
- 72 -

3. Выявленные маршрутной радиометрической съемкой площади с повышенной радиоактивностью должны оконтуриваться путем соответствующего сгущения сети наблюдений при помощи, как полевого гамма-счетчика, так и прибора типа Кольгерстера.

Для проверки обнаруженных аномалий радиоактивности и отбора образцов, в случае необходимости, должны производиться расчистки наносов.

Количественные измерения радиоактивности образцов должны проводиться с помощью дециметрового электрометра.

В результате работ партией должны быть выделены участки, заслуживающие проведения разведочных работ.

В первую очередь поисковые работы должны быть проведены в районе месторождений Кохинсталь-Йоганнсбергштадт и в конце полевого периода - в районе Цинвальд - Альтенберг.

Календарный план работ.

Ориентировочный срок работы партии устанавливается с 18 сентября по 15 ноября 1945 года.

Организационный период.

В Москве с 18 по 21 сентября

На месте с 22 по 25 сентября

Полевой период - с 25 сентября по 10 ноября 1945г.

Возвращение партии в Москву - к 15 ноября

Камеральная обработка материалов

с 16 ноября по 31 декабря 1945 года в НИИ-9

По окончании полевых работ должен быть представлен предварительный отчет о работах партии.

90
- 73 -

Окончательный отчет представляется после камеральной обработки материалов.

Периодически, еженедельно, с места работ должны даваться краткие информации о ходе и результатах работ.

Руководитель работ Саксонской
ураново-поисковой партии
инженер-полковник

/АЛЕКСАНДРОВ /

Начальник Саксонской ураново-
поисковой партии
горный инженер-геолог

/ ЯРОШЕНКО /

18 сентября 1945 года
г. Москва

ПРИЛОЖЕНИЕ 7¹

Сов. секретно
(особая папка)

П Р И К А З

**НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПРИ
СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР**

№ 0281/сс/оп

Москва «3» VIII 1946 г.

Во исполнение распоряжения Совета Министров Союза ССР
9372 сс от 29/VII-1946 г. – ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Переименовать Саксонскую геолого-производственную партию в Саксонское горное управление, подчиненное Первому Главному Управлению при Совете Министров Союза ССР.
2. Моему заместителю тов. Антропову и Начальнику 7-го Управления тов. Моторину представить мне на утверждение штатное расписание и смету расходов по Саксонскому горному управлению.
3. Установить план производства по Саксонскому горному управлению на 1946 год А-9 в штуфной руде в количестве 2-х тонн.
4. Моему заместителю тов. Антропову П. Я. к 1/XI- 46 г. составить план реконструкции рудников № 1 (Фришглюк) и (Гюнтер) в Иоганнгеоргенштадте и к 15/XI-46 г. закончить реконструкцию их:
 - а) На руднике № 1 довести мощность компрессорного хозяйства до 80 кубических метров в минуту и увеличить пропускную способность шахтового подъема до 500 тонн в сутки (вместо существующих 100 тонн).
 - б) На руднике № 2 увеличить мощность компрессорного хозяйства до 30 кубических метров в минуту и установить вентиляторы и насосы.
 - в) Подготовить к 1 января 1947 г. по обоим рудникам сто действующих забоев.
 - г) К 25 августа 1946 г. закончить строительство высоковольтной линии электропередачи от г. Шварценберга до рудников № 1 и № 2 общей протяженностью 23 километра и понижающую подстанцию к ней.
 - д) Закончить на Шнеебергском руднике откачку воды к 15 ноября 1946 г., провести геологическое радиометрическое обследование этого рудника на А-9 и в случае положительных результатов немедленно приступить к добычным работам.
 - е) К 1 сентября 1946 г. организовать на рудниках химическую лабораторию для производства химанализов на А-9.
 - ж) Закончить к 15 сентября 1946 г. исследовательские работы и составить технологическую схему по обогащению саксонских руд.
 - з) Довести к 15 сентября 1946 г. количество работающих на руднике до 650 человек.
 - и) Обеспечить через Саксонское горное управление Саксонскую комплексную экспедицию Министерства геологии СССР рабочей силой, транспортом, спецодеждой и продовольствием.

¹ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

к) Разработать и ввести в действие положение о премировании.

5. Моим заместителям т.т. Антропову П. Я. и Мешик П. Я. подобрать и направить дополнительно Саксонскому горному управлению 30 человек инженерно-технического и административного персонала.

6. Моему заместителю тов. Костыгову В. Г. и начальнику ОРСа тов. Корнееву П. Ф. выделять ежемесячно необходимое количество продуктов питания, промтоваров Саксонскому горному управлению для отоваривания премий, выдаваемых рабочим и инженерно-техническим работникам за выполнение и перевыполнение плана по А-9.

7. Моему Заместителю тов. Антропову П. Я. учесть, что Совет Министров СССР настоящим Постановлением обязал:

1) Министерство Геологии СССР (тов. Малышева) организовать к 10 августа 1946 г. в составе Научно-исследовательского института минерального сырья (ВИМС) комплексную Саксонскую геолого-разведочную экспедицию с общим количеством работников 30-40 человек.

Поручить Саксонской комплексной геолого-разведочной экспедиции:

а) На основе ревизии имеющихся немецких геологических материалов провести геологические и радиометрические исследования рудников и пунктов нахождения А-9 в районе Иоганнгеоргенштадта и выявить наиболее перспективные объекты для организации геолого-разведочных работ и добычи штуфной руды А-9.

б) Организовать гидрогеологическое изучение радиоактивных вод в районе месторождений А-9.

2) Министерство Внешней торговли (тов. Микояна) Первое Главное Управление при Совете Министров СССР рассмотреть потребность Саксонского горного управления 1946 г. в оборудовании, материалах и аппаратуре и решить вопрос о его поставке за счет германских репараций.

3) Советскую Военную Администрацию в Германии (т.т. Соколовского и Серова) оказать помощь Саксонскому горному управлению:

а) До 25 августа 1946 г. направить 400 человек рабочих для работы на рудниках.

б) Отпускать в первоочередном порядке для Саксонского горного управления необходимое оборудование и технические материалы, промышленные товары, продовольствие и горючее.

в) Организовать к 15 августа 1946 г. на объектах Саксонского горного управления войсковую охрану.

8. Моему Заместителю тов. Антропову П. Я., Начальнику 1-го Управления тов. Моторину Н.И. и начальнику Финансового Отдела тов. Цареву А. Ф. учесть, что настоящим Постановлением Совет Министров СССР обязал Министерство Финансов СССР (тов. Зверева) выделить дополнительно в III и IV кварталах 1946 г.:

а) Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР для Саксонского Горного Управления 3,5 миллиона немецких оккупационных марок.

б) Министерству Геологии СССР по плану научных учреждений 1500 тыс. рублей, в том числе 900 тыс. рублей в немецких оккупационных марках для организации и проведения работ Саксонской геолого-разведочной экспедиции ВИМС'а.

Начальник Первого Главного
Управления при Совете
Министров СССР

Б. Ванников

ПРИЛОЖЕНИЕ 8¹

Сов. секретно
(Особая папка)

П Р И К А З

**ПЕРВОМУ ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ ПРИ СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР**

№ 0322 сс
г. Москва 10 октября 1946 г.

Во исполнение Постановления Совета Министров Союза ССР № 925 сс от 5/X-46 г. — П Р И К А З Ы В А Ю:

I. Заместителю Начальника Первого Главного Управления Антропову П. Я. — принять к исполнению, что Совет Министров Союза ССР данным Постановлением:

а) Обязал Первое Главное Управление увеличить объем Саксонского горного управления с таким расчетом, чтобы в короткий срок разведать рудные поля висмута и кобальта на территории Советской зоны оккупации Саксонии и организовать промышленную выработку и вывоз их. Для этого укрепить Саксонское горное управление инженерно-техническими работниками, рабочей силой, оборудованием и материальными средствами.

б) Назначил:

Начальником Саксонского Горного Управления т. Мальцева М. М.

Заместителем Начальника Саксонского горного управления Хаустова Н. М.

Заместителем Начальника Саксонского горного управления по горнокапитальным работам и строительству т. Эсакия Н. М. (на время проведения работ Метростроем).

Начальником геолого-разведочного отдела Саксонского горного управления т. Кузнецова И. К.

Главным геологом Саксонского горного управления Хрущева Н. А. (на время текущего для разведки и подсчета запасов висмута-кобальтовых руд).

в) Установил для Саксонского горного управления на квартал текущего года:

1) План добычи руд висмута и кобальта в количестве 11 тонн (в пересчете на металл), в том числе 2 тонны в октябре, 4 тонны в ноябре и 5 тонн — в декабре 1946 г.

2) Задание по приросту разведанных и подготовленных запасов металла в висмута-кобальтовой руде в количестве не менее 50 тонн.

II. Заместителю Начальника Первого Главного Управления Антропову П. Я. и Начальнику Саксонского Горного Управления тов. Мальцеву:

а) Обеспечить выполнение в IV квартале 1946 г. на Шнеебергском и Иоганнгергенштадском месторождениях горнокапитальных, горно-подготовительных и геолого-разведочных работ в следующих объемах:

Проходка шахт	150 п. м.
Восстановление и проходка подготовительных выработок	2000 —«—
Колонковое бурение	1000 —«—
Проходка шурфов	600 —«—
Разведочные канавы	5000 куб.м

б) Закончить в октябре 1946 г. реконструкцию шахты № 15 и Галлес-штольни на восточном участке Шнеебергского рудного поля.

в) Заложить в октябре и ноябре с. г. на Шнеебергском руднике 4 новых шахты, в том числе 3 мелких и одну капитальную.

г) Поставить в IV квартале 1946 г. на Шнеебергском руднике компрессорные станции на общую мощность 400 м3/м.

д) Представить до 1 декабря 1946 г. в Совет Министров СССР предложения о плане добычи висмута-кобальтовой руды, объемах и направлении горно-эксплуатационных, геолого-разведочных и геолого-поисковых работ в Саксонии в 1947 году.

III. Директору НИИ-9 тов. Шевченко направить в Саксонское горное управление бригаду проектировщиков в составе 15 человек для составления проекта строительства предприятий Саксонского Горного Управления.

IV. Начальнику 1-го Управления тов. Егорову командировать в Саксонское горное управление бригаду в составе геолога, горного инженера и механи-

¹ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

ка для определения направления и объема работ на Шнеебергском рудном поле на 1947 год.

V. Заместителю Начальника Первого Главного Управления тов. Костыгову В. Г. и Начальнику 6-го управления тов. Дорофееву Н. В. выделить Саксонскому горному управлению 5 станков камерного алмазного бурения из числа получаемых по импорту в IV квартале 1946 г. и I кв. 1947 г.

VI. Заместителю Начальника Первого Главного Управления тов. Антропову П. Я. и Начальнику Саксонского горного управления тов. Мальцеву учесть, что настоящим Постановлением Совет Министров Союза ССР:

а) Обязал Главнокомандующего группой советских оккупационных войск в Германии т. Соколовского прикомандировать к Саксонскому горному управлению сроком на 6 месяцев 2 инженерно-технических и 4 трофейных батальона, полностью укомплектованных личным составом и техникой, положенной по табелю.

Инженерно-технические батальоны содержат за счет численности советских оккупационных войск в Германии и трофейные батальоны за счет численности трофейных бригад.

Батальоны должны быть одеты во вполне годное обмундирование и иметь один новый комплект на руках.

Довольствие батальонов производить по норме № 1.

б) Обязал Министерство вооруженных сил СССР (тов. Хрулева):

1) Направить на необходимое время в распоряжение Саксонского горного управления 150 грузовых и 20 легковых автомобилей с комплектами запасных частей и водителем составом, обеспечивая их горючим.

2) Оказывать Саксонскому горному управлению помощь продуктами питания для обеспечения привлеченных для работы на рудниках немецких специалистов.

VII. Заместителям Начальника Первого Главного Управления т.т. Мешик П.Я., Антропову П. Я., Начальнику Отдела Кадров т. Богатову А. С. и Начальнику Саксонского горного управления тов. Мальцеву — учесть, что настоящим Постановлением Совет Министров СССР:

а) Обязал Министерство внутренних дел СССР (т. Круглова), Министерство угольной промышленности западных районов (т. Оника), Министерство угольной промышленности восточных районов (т. Вахрушева), Министерство строительства топливных предприятий (т. Задемидко), Министерство цветной металлургии (т. Ломако), Министерство химической промышленности (т. Первухина), Министерство нефтяной промышленности западных и южных районов (т. Байбакова), Министерство нефтяной промышленности восточных районов (т. Евсеенко) и Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР (т. Баранова) откомандировать в распоряжение Первого Главного Управления при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления инженерно-технических работников по специальностям и в количествах, согласно приложению № 1.

б) Обязал Министерство геологии (т. Малышева) в декадный срок укомплектовать Саксонскую экспедицию квалифицированными геологами, имеющими опыт работы в разведке месторождений редких металлов. Экспедицию на время работы оперативно подчинить Начальнику Саксонского горного управления.

в) Обязал Министерство путей сообщения (т. Ковалева) и начальника Метростроя (т. Самодурова) организовать при Саксонском горном управлении на подрядных началах отделение Метростроя для проходки стволов и горнокапитальных выработок.

Направить для этой цели в Саксонское горное управление на временную работу необходимое количество инженерно-технического персонала и 130 квалифицированных рабочих с инструментом, в том числе:

Бурильщики	60 человек
Крепильщики	20 - " -
Запальщики	10 - " -
Монтеров-механиков	10 - " -
Горных мастеров	20 - " -
Монтеров-электриков	10 - " -

г) Обязал Министерство угольной промышленности западных районов (т. Оника) откомандировать в октябре 1946 г. в распоряжение Первого Главного Управления при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления на время производства разведочных работ 5 старших и 15 сменных буровых мастеров.

д) Разрешил Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР:

1) Сохранить за инженерно-техническими и административно-хозяйственными работниками, направляемыми в Германию, получаемые оклады и надбавки за выслугу лет.

2) Выдавать работникам, направляемым в Германию, безвозвратные ссуды на расходы по экипировке в размере 1500 рублей на работающего.

3) Разрешил Начальнику Первого Главного Управления Ванникову и начальнику Саксонского горного управления Мальцеву привлекать немецких специалистов-геологов к работе на рудниках, а также немецких горняков на работы по добыче руды.

е) Обязал Главнокомандующего Советскими оккупационными войсками в Германии (т. Соколовского) организовать в районе расположения рудников Саксонского горного управления (г. Ауэ) военную комендатуру и в гг. Иоганнгеоргенштадт, Шнееберг, а также в населенных пунктах Фришглюк и Радиобад участковые комендатуры, назначив на должности военных комендантов наиболее грамотных офицеров, имеющих опыт комендантской работы в землях Германии.

ж) Тов. Соколовскому совместно с т. Серовым разработать и утвердить особую инструкцию для военных комендантов перечисленных населенных пунктов, в которой предусмотреть организацию специального режима в зоне работ Саксонского горного управления.

з) Охрану предприятий Саксонского горного управления возложил на войска Министерства внутренних дел СССР, выделив для этого отдельный стрелковый батальон из числа внутренних войск Министерства внутренних дел СССР, дислоцирующихся в Германии.

VIII. Заместителю Начальника Первого Главного Управления тов. Антропову П. Я., Начальнику Финансового Отдела т. Цареву и Начальнику Саксонского горного управления т. Мальцеву – учесть, что Совет Министров СССР настоящим постановлением обязал Министерство Финансов СССР (т. Зверева) выделить в IV квартале 1946 г. Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления 1500 тыс. рублей и 10 млн. германских оккупационных марок на покрытие расходов по зарплате и приобретению оборудования.

IX. Заместителям Начальника Первого Главного Управления т. Костыгову В. Г., Антропову П. Я. и Начальнику Саксонского горного управления учесть, что Совет Министров данным Постановлением:

а) Обязал Министерство внешней торговли (т. Микояна) Советскую Военную Администрацию в Германии (т. Ковалю) за счет ресурсов германской промышленности в советской оккупационной зоне, в том числе и из продукции Советских акционерных обществ в Германии:

Удовлетворять всю потребность Саксонского горного управления в необходимом ему оборудовании и материалах.

Выделить Саксонскому горному управлению по его заявке в IV квартале с. г. оборудование и материалы, применительно к приложению № 3.

Поставить Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления в октябре 1946 г. 500 карат технических алмазов и 500 карат алмазной крошки.

б) Обязал Министерство вооружения (т. Рябикова) поставить Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР в IV квартале с. г. пять станков камерного алмазного оборудования типа «Крелиус X-2».

в) Обязал Министерство геологии (т. Малышева):

1) Поставить Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР для Саксонского горного управления в октябре с. г. равными частями 10 буровых станков КА-300, новых станков КА-500 комплектно с двигателями, напорными трубами, штангами и буровым инструментом.

2) К 15 октября с. г. поставить Первому Главному Управлению при Совете Министров СССР радиометрическую аппаратуру в номенклатуре и в количествах согласно приложению №2.

г) Обязал Министра Торговли отпускать направляемым на работу в Саксонское горное управление по одному комплекту рабочей одежды и обуви.

Х. Заместителю Начальника Первого Главного Управления тов. Антропову ежемесячно докладывать Начальнику Первого Главного Управления о ходе выполнения настоящего приказа.

Заместитель Начальника
Первого Главного Управления при Совете
Министров СССР

А. Завенягин

ПРИЛОЖЕНИЕ 9¹

Совершенно секретно

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР
Тов. А Н Т Р О П О В У П. Я.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Настоящим докладываю о выполнении производственного плана IV квартала 1946 г., установленного Правительством от 5/X-46 г.

В соответствии с Правительственным заданием производились все виды работ за исключением колонкового бурения.

Колонковое бурение не производилось вследствие того, что буровое оборудование своевременно не поступало. Взамен этих работ нами производились другие виды работ как-то: проходка горно-разведочных выработок и восстановление старых шахт, штолен и других выработок в целях производства разведок на полезное ископаемое.

Вследствие прибытия работников метростроя лишь в конце декабря и в начале января м-ца, проходка пяти шахт осуществлялась немецкими специалистами, которые нами были привлечены.

Выполнение производственного плана 4-го квартала года в натуральных показателях составляет:

№ пп	Наименование работ	Ед. изм.	План,устан. правительством	Фактически		Примечание
1.	Восстановление и проходка подготовительных выработок	п/м	2000	9075	454	х) из коих ГПР - 3040 пм и восстановл. старых выработок 6035 пм. Вне плана. (х)
2.	Проходка штуфов	«	600	1707	284	
3.	Проходка горно-разведочных выработок	«	-	1191	-	
4.	Разведочных канав	м3	5000	8298	166	
5.	Проходка шахт	п.м.	150	108,0	72,0	
6.	Добыча висмута-кобальтовых руд в пересчете на металл	Тонн	11,0	15,6	141,8	
7.	Колонковое бурение	п/м	1000	Не производилось.		

Содержание металла в руде в октябре месяце в основном производилось радиометрическим способом, в ноябре и декабре месяцах содержание металла в руде определялось химическими анализами.

¹ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

Добыча металла в руде за IV квартал 1946 г. составляет

	По штучной руде в тоннах		По кондицион. руде в тоннах		Итого металла в тоннах	
	руды	метал.	руды	металла	руды	металла
Всего	147,6	14,3	288,4	1,4	157	

Из всей добытой руды, по состоянию на 1/1-1947 г. движение по складу составляет:

	Штучной		Кондиционной		Всего	
	руды в тн.	металла в тн.	руды в тн.	металла в тн.	руды в тн.	металла в тн.
1. Добыто	147,6	14,3	288,4	1,4	436,0	15,7
2. Отгружено в СССР	55,3	5,4	215,7	1,2	271,0	6,6
3. Подлежат отгрузке в СССР	92,3	8,9	72,7	0,2	165,0	9,1

Кроме того, с начала организации работ Саксонской Разведочно-производственной партии добыто по состоянию на 1/X-1946 г. штучной руды – 9,2 тонны с металлом в ней – 1250 кг. Кондиционной рядовой руды (по шахте Гюнтер) – 74,4 с металлом в ней 275 кг, а всего металла составляет 1525 кг.

Таким образом, всего за 1946 г. добыто руды 519,6 тонны и металла 17,2 тонны.

НАЧАЛЬНИК ВОИНСКОЙ ЧАСТИ ПП 27304
ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

М. М А Л Ь Ц Е В

13 января 1947 г.

№ 1/0019-СС

ПРИЛОЖЕНИЕ 10¹

П Р И К А З
ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИЕЙ
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГРУППОЙ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ

№ 0155
26 мая 1947 г.

г. Берлин

СОДЕРЖАНИЕ: Об организации Советского Государственного Акционерного Общества цветной металлургии «ВИСМУТ»

Совет Министров Союза ССР Постановлением № 1467-393с от 10 мая 1947 г.:

предложил принять в собственность Союза ССР в счет репараций эксплуатируемые в настоящее время Саксонским горным управлением германские горные предприятия, согласно приложению № 1;

утвердил для управления указанными предприятиями Советское государственное акционерное общество цветной металлургии «ВИСМУТ» с уставным капиталом 50 млн. рублей;

обязал Советскую Военную Администрацию в Германии и Главное Управление Советским Имуществом за границей при Совете Министров СССР обеспечить в месячный срок регистрацию германскими органами фед. Земли Саксония отделения Советского Государственного Акционерного Общества цветной металлургии «ВИСМУТ» в Германии;

установил, что общехозяйственной и коммерческой деятельностью Советского Государственного Акционерного Общества цветной металлургии «ВИСМУТ» и его предприятиями руководит Главное управление советским имуществом за границей при Совете Министров СССР, а производственно-технической деятельностью – первое Главное Управление при Совете Министров СССР.

Во исполнение указанного Постановления:

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Начальнику управления СВА фед. земли Саксония генерал-майору ДУБРОВСКОМУ в точном соответствии с моим приказом № 128 от 26 мая 1947 г. издать приказ по федеральной земле, согласованный с моим заместителем тов. КОВАЛЬ, и в месячный срок произвести изъятие в собственность СССР в счет репараций с Германии германских горных предприятий (см. приложение № 1) и передать их лицу, уполномоченному Главным управлением советским имуществом за границей при Совете Министров СССР, обеспечив оценку этих предприятий и приемку их от правительства фед. земли Саксония по приемо-сдаточным актам, в соответствии с указаниями советской военной администрации.

2. Начальнику Управления по делам советских акционерных обществ Германии тов. МИТЮКОВУ:

а) к 25 июня представить в финансовое управление СВАГ вступительные балансы, составленные на основе приемо-сдаточных актов, указанных в п. 1 настоящего приказа;

б) оформить регистрацию отделения советского государственного акционерного общества цветной металлургии «ВИСМУТ» в соответствующих немецких органах в 10-дневный срок со дня получения от Главного управления советским имуществом за границей необходимой для этого документации.

п.п.
ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩИЙ СОВЕТСКОЙ
ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ГЛАВНО-
КОМАНДУЮЩИЙ ГРУППОЙ СОВЕТСКИХ
ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК В ГЕРМАНИИ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

В. СОКОЛОВСКИЙ

И. О. НАЧАЛЬНИКА ШТАБА СОВЕТСКОЙ
ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В ГЕРМАНИИ

ГЕНЕРАЛ-МАЙОР

Н. ПАНОВ

В е р н о: НАЧАЛЬНИК СПЕЦОТДЕЛА В/Ч
ПП №

Подполковник /Суханов/

¹ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 11¹

Приложение № 1
к приказу Главного начальствующего
СВАГ от 26 мая 1947 г. № 0155

С П И С О К

Советских предприятий в Германии, входящих в состав советского государственного акционерного общества «ВИСМУТ».

№	Наименование предприятий	Местонахождение предприятий	Виды продукции
1	Иоганнгеоргенштадское рудоуправление	г. Иоганнгеоргенштадт	Висмута-кобальтовая руда
2	Шнеебергское рудоуправление	г. Шнееберг	
3	Обершлемское рудоуправление	г. Обершлем	
4	Аннабергское рудоуправление	г. Аннаберг	
5	Лаутерское рудоуправление	г. Лаутер	
6	Мариенбергское рудоуправление	г. Мариенберг	
7	Обогатительная фабрика	г. Пехтельсгрюн	Висмута-кобальтовый концентрат

Отп. 14 экз.

р.р. на пдл
27.5.47 г.
№ 633

1 Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 12¹

Копия

СОВ. СЕКРЕТНО
Экз. № 4

П Р И К А З

**ГЛАВНОНАЧАЛЬСТВУЮЩЕГО СОВЕТСКОЙ ВОЕННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ —
ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО ГРУППОЙ СОВЕТСКИХ ОККУПАЦИОННЫХ ВОЙСК
В ГЕРМАНИИ**

№ 0024

26 мая 1947 г.
г. Берлин

СОДЕРЖАНИЕ: О материально-бытовом обеспечении рабочих на объектах генерал-майора МАЛЬЦЕВА.

В целях создания нормальных условий работы на объектах, руководимых генерал-майором МАЛЬЦЕВЫМ, и устранения всех недочетов в деле бытового обслуживания рабочих и их производственного использования,

ПРИКАЗЫВАЮ:

Генерал-майору МАЛЬЦЕВУ:

- а) улучшить жилищно-бытовые условия рабочих, в особенности лиц, проживающих в общежитиях, снабдив общежития необходимым инвентарем и постельными принадлежностями;
- б) организовать для рабочих бани, прачечные и починочные мастерские в достаточном количестве, используя городские предприятия по договоренности;
- в) улучшить условия труда на всех объектах, организовать для рабочих душевые и раздевалки, устранить обвесы рабочих в магазинах при выдаче продуктов; лиц, виновных в обвесах, привлекать к ответственности через суды; открыть дополнительное количество магазинов в местах проживания рабочих;
- г) улучшить организацию труда, приняв меры к устранению простоев по вине предприятия, и ввести строгий учет простоев; обеспечить денежный учет фактической выработки рабочих, не допуская задержек в выплате заработной платы;
- д) установить порядок в поездках иногородних рабочих к семьям, для чего на всех объектах разработать и вывесить графики краткосрочных отпусков для этой категории рабочих;
- е) на всех объектах ввести строгий учет явок на работу и повести решительную борьбу с опозданиями и преждевременным уходом с работы; прогульщиков лишать карточек на горячее питание и засчитывать время прогулов в счет очередных отпусков;
- ж) допустить на объектах создание профсоюзной организации (без производственных советов) и партийной организации СЕПГ.

Начальнику планово-экономического отдела СВАГ тов. ПЕРЕЛИВЧЕНКО:

- а) обеспечить объекты, руководимые генерал-майором МАЛЬЦЕВЫМ, необходимым оборудованием и материалами, в соответствии с представленными заявками, главным образом — центробежными насосами для откачки воды, компрессорами, подъемными механизмами и мощными электромоторами, в которых особенно остро нуждаются объекты;
- б) выделить объектам тов. МАЛЬЦЕВА ткань для изготовления 6000 постельных комплектов для общежитий рабочих.

Начальнику управления торговли и снабжения СВАГ тов. ДРОФА:

1 Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

- а) увеличить норму мяса на месяц на одного рабочего, занятого на подземных работах, на 600 грамм;
- б) выделить ежеквартально в распоряжение генерал-майора МАЛЬЦЕВА специально для продажи по ордерам немецким рабочим и специалистам промтовары, по согласованию с генерал-майором МАЛЬЦЕВЫМ;
- в) выделять ежемесячно на каждого рабочего ведущих профессий и инженерно-технический персонал по 150 шт. сигарет и для рабочих остальных профессий по 100 штук сигарет на каждого;
- г) выделять ежеквартально в распоряжение генерал-майора МАЛЬЦЕВА премиально-продовольственный фонд для премирования лучших рабочих и специалистов в размере:

муки	3 тыс. кг.
сахара	3 -"-
сливочного масла	3 -"-
мяса	5 -"-
сыра	3 -"-
консервов фруктовых	50 тыс. банок;

- д) выделить двух ответственных работников для проверки в организации помощи по материально-бытовому обслуживанию рабочих войсковой части полевая почта № 27304.

Начальнику Управления по экономическому разоружению Германии тов. ЗАМАРАЕВУ выявить все возможности на демонтируемых объектах и оказать помощь в обеспечении потребности объектов, руководимых генерал-майором МАЛЬЦЕВЫМ, в узкоколейных рельсах до 200 км и цельнотянутых трубах, для организации путевого и подъемного хозяйства.

Начальнику Управления Ремонтных Поставок СВАГ генерал-майору инженерно-технической службы ЗОРИНУ:

- а) в декадный срок закончить полное размещение заказов фирмам на получение для войсковой части полевая почта № 27304 необходимого оборудования, материалов, спецодежды и спецобуви; установить контроль за получением заказов и оказать помощь в получении в кратчайший срок спецодежды и спецобуви для рабочих;

- б) пересмотреть и сократить сроки выполнения заказов фирмами на насосы для откачки воды, вентиляторы, компрессоры, воздушные шланги и важнейшие предметы оборудования объектов войсковой части полевая почта № 27304;

- в) обеспечить выдачу в счет репараций в течение июня месяца войсковой части полевая почта № 27304 20 штук водяных котлов с арматурой.

Предусмотренные в п.п. «а», «б», и «в» поставки произвести в соответствии с постановлением Совета Министров Союза ССР № 16-18 сс от 8. 1. 1947 г.

П. п.

Главноначальствующий советской
Военной администрации – главнокомандующий
группой советских оккупационных войск в Германии
Маршал Советского Союза
В. СОКОЛОВСКИЙ
И. о. начальника штаба советской
Военной администрации в Германии
Генерал-майор
Н. ПАНОВ

В е р н о: НАЧАЛЬНИК СПЕЦЧАСТИ В/Ч
ПП 27304

Подполковник /Суханов/
Отп. 10 экз.
Р/р при подл.
27.5.47 г.
№ 637
ЛЗ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 13

Сов. секретно

ЗАМЕСТИТЕЛЮ НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО ГЛАВНОГО
УПРАВЛЕНИЯ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

товарищу АНТРОПОВУ П.Я.

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ
ПО РАБОТЕ РУДНИКОВ ВОИНСКОЙ ЧАСТИ П.П.27304

1.

Общее направление геологоразведочных, горно-
капитальных и подготовительных работ

Деятельность Войсковой части п.п. № 27304 за период времени с октября 1946 г. по март 1947 г. по геологоразведочным, горнокапитальным и подготовительным работам протекала в следующих основных направлениях.

1. Производилось широкое геологическое изучение старых рудников в районе Саксонских рудных гор с целью вовлечения в эксплуатацию возможно большего числа объектов.

В этом направлении огромная и успешная работа проведена и продолжает проводиться геологоразведочной службой войсковой части.

Результаты этих работ выражаются в выявлении ряда крупных рудных полей с богатыми промышленными жилами, которые немедленно же вовлекались в разведку и эксплуатацию.

В частности: а) Выявлена рудоносность на ряде жил, ранее разрабатываемых на другие металлы по рудному полю Обершлема, и обнаружен совершенно новый тип жил в этом рудном поле с богатым оруденением и огромными перспективами для развития добычи руды по большому числу жил и на значительную глубину.

-2. - 33-

б) Выявлено наличие промышленного оруденения по ряду ранее работавшихся жил и обнаружено несколько новых богатых жил в рудном поле Иогангеоргенштадт. Наличие готовых горных выработок на нескольких горизонтах и на большой площади позволило развернуть в этом рудном поле разведочные, горноподготовительные работы и добычу руды широким фронтом.

в) Установлено наличие промышленных жил на ряде новых объектов (Аннаберг-шт. Доротея, шахта Цеппелин, район Зильбербах, район Нидершлема), на которых в настоящее время производятся работы по вскрытию и подготовке горизонтов, для развертывания добычи руды.

г) Выявлены новые перспективные районы для производства разведочных работ (Мариенбергское рудное поле, Брайтенбургское месторождение и др.)

д) Производится в настоящее время и намечается в большом масштабе с наступлением тепла разведка старых отвалов. Предварительные результаты этих разведок позволяют рассчитывать, что в летнее время уже в 1947 году из отвалов может быть получено большое количество металла. Не менее важно то, что разведка и разработка отвалов будет способствовать выявлению новых промышленных районов и шахт для разведки и эксплуатации.

Для оценки результатов деятельности геологической службы воинской части показательно то, что к настоящему времени ею выявлено такое большое количество подлежащих вовлечению в эксплуатацию новых рудных районов и жил, что даже при исключительно широком размахе работ воинской части по строительству новых и реконструкции старых шахт, эти работы не успевают осваивать вновь открываемые рудные поля и жилы.

Следует обратить внимание на приведение в порядок документации геологоразведочных работ по новым объектам. Вследствие напряженных темпов геолого-разведочных работ и чрезвычайно широкого фронта их развития геологическая документация оформляется с большим отставанием и недостаточно полно.

2. Наряду с развертыванием добычи руды в местах доступных для производства горных работ и на наиболее богатых жилах воинской частью были развернуты в широком масштабе работы по вскрытию и подготовке новых рудных полей.

Общее направление этих работ Воинской части, рассчитанное на скорейшее развитие добычи по наиболее богатым жилам и

-3-

-34-

на создание необходимых запасов подготовленных руд для нарастания добычи в будущем году в целом правильно.

В частности:

а) Следует одобрить правильно выбранный способ разведки вскрытия и подготовки Обершлемовского рудного поля большим числом близко расположенных мелких шахт.

б) Окончательно принятая в феврале месяце с/г и интенсивно осуществляемая сейчас генеральная схема вскрытия Иогангеоргенштадтского рудного поля шахтами Нойяр, Фришглюк, Бауэр, Шар с использованием реконструируемых штолен обеспечивает возможность быстро развернуть разведочные и подготовительные работы на большом числе горизонтов, развить широкий фронт очистной выемки в 1947 г. и резко увеличить добычу металла в 1948 году.

в) В целом правильно с учетом этих же соображений разрешена схема вскрытия и подготовки новых объектов - Зильбербах, Аннаберга (шт. Доротея и шах. Цеппелин и Нидершлема).

г) Предложенный Главком и принятый к исполнению воинской частью объемный план горнокапитальных и подготовительных работ на 1947-ой год находится в полном соответствии с рассмотренным общим направлением.

3. Установленная планом на 1947 г. проходка и реконструкция 10 тыс. п.м. горнокапитальных и 27 тыс. п.м. разведочных и подготовительных выработок обеспечит доведение вскрытых, полуподготовленных и готовых к выемке запасов на 1.1-1948 г. до следующего уровня (включая наличие запасов на 1.11-47 г. и учитывая отработку в 1947 году 80 тонн металла).

Категории запасов	Жильная площадь кв. м.	Выход металла в кг с 1 кв. м.	Запас металла кг.
Вскрытые запасы	120.000	0,5	60.000
Полуподготовленные запасы	70.000	0,6	42.000
Готовые к выемке запасы	40.000	0,8	32.000
Всего	230.000	0,6	134.000

-4-

-35-

Длина фронта очистной выемки при условии выполнения намеченного плана подготовительных работ составит:

к концу 1-го полугодия 1947 г. 1000-1200 п.м.
(вместо 700 п.м. на 1/III-47 г.)

на 1-ое января 1948 г. до 2400 п.м.

При среднем ежемесячном продвижении фронта очистной выемки 5 м и выходе металла с 1 кв.м - 0,8 кг, с начала 1947 г. и в подземных работ по основным объектам может быть достигнута месячная добыча металла (в руде) по меньшей мере 10 т, что без учета роста добычи в течение года дает годовой уровень добычи из подземных работ основных объектов порядка не менее 120 тонн.

Указанный объем горнокапитальных, разведочных и подготовительных работ является с учетом состояния материально-технической базы рудников весьма напряженным и может быть выполнен при условии обеспечения рудников необходимым оборудованием, материалами и рабочей силой.

4. В выполнении плана горнокапитальных и подготовительных работ следует обратить особое внимание на:

а) Необходимость установления строгой календарной последовательности осуществления этих работ по Йогансбергенштадтскому руднику.

В первую очередь здесь должны производиться работы по разведке и подготовке жил на верхних горизонтах (гор. 78-го лахтерштрека и выше), а также работы по реконструкции, оборудованию и пуску в эксплуатацию стволов шахт Нойяр, Бауэр, Фришглюк до гор. 78 и 98 -го лахтерштрека с прилегающими к ним горнокапитальными выработками. Работы по разведке и подготовке нижеследующих горизонтов должны выполняться только в том случае, если это не будет идти в ущерб выполнению плана работ по верхним горизонтам.

б) Для ускорения ввода в эксплуатацию ^с верхнего под-этажа ^{Обершлема} ниже горизонта штольни Маркс-Земмлер (рудное поле) необходимо по наиболее богатым жилам проходить гезенки на глубину 30 м, оборудованные механическим одноклетьевым подъемом. Общее количество таких гезенков по основному рудному полю Обершлема будет составлять не менее 10-12.

-5-

-36-

Проходка гезенков и штреков из них должна всемерно форсироваться. Нужно категорически запретить расщепку штреков и производство очистной выемки из этих гезенков на глубину менее 30 м.

в) Одним из решающих условий для увеличения фронта очистной выемки, обеспечения роста добычи металла является форсирование проходки штреков, особенно по наиболее богатым жилам.

Средняя месячная скорость проходки штреков по промышленным жилам (на один забой) должна быть не менее 20 м и по наиболее перспективным и богатым жилам - не менее 30 м.

Для контроля за ходом подготовки необходимо, помимо ежемесячных сведений о выполненном общем объеме разведочно-подготовительных работ по объектам и средней скорости проходки штреков, обязать руководство воинской части отдельно давать ежемесячные отчетные сведения о скорости проходки штреков по каждому из "ведущих" штреков (5-10 штреков по каждому из объектов).

II. СИСТЕМЫ РАЗРАБОТКИ

1. Изучение на месте характера рудных жил и опыт работы рудников воинской части (а также Яхимовских рудников) дает основание окончательно остановиться на применении двух основных систем разработки.

1. Потолкоуступной системы с селективной отбойкой и сплошной выемкой по площади блока.

2. Системы разработки под "этажными" штреками с выборочной селективной выемкой рудных гнезд.

На ближайшее время, до освоения системы под "этажных" штреков, на рудниках будет применяться только одна первая система. В дальнейшем удельный вес ее также будет доминирующим - не менее 75-80% от общей добычи.

Кроме того в 1947-м году рекомендую провести опытные работы по внедрению в подходящих условиях двух систем:

1. С полным магазинированием руды и 2) С частичным магазинированием на полках.

Детальное описание систем разработки и обоснование их конструктивных элементов приведено в моем специальном заключении, переданном командованию воинской части.

2. До настоящего времени очистная выемка на рудниках производилась по временно утвержденному проекту системы раз-

-6-

-37-

работки, от проекта фактически имели место заметные отступления. Ввиду слабой изученности месторождений и отсутствия необходимого фронта очистной выемки такие отступления от проекта, а также частые нарушения правильной отработки были в свое время неизбежны.

Необходимо отметить заметное улучшение на рудниках общей постановки очистных работ в последнее время и неуклонно осуществляемый переход на правильные системы.

Проектным отделом воинской части на основе рекомендованных мною систем, одобренных техническим совещанием в/ч, выполняются типовые рабочие проекты, по мере ввода в эксплуатацию новых блоков разработка их будет производиться в соответствии с этими проектами.

В упомянутом заключении по системам разработки особое внимание обращено на технические детали способов проходки и крепления подготовительных выработок, типизацию их оборудования на средства ускорения очистной выемки и снижения потерь руды.

Командование воинской части и горный надзор рудников, как я убедился, хорошо осознает особую важность освоения принятых эффективных систем разработки и предпринимает все необходимые меры к скорейшему переходу на эти системы.

3. Наиболее слабым местом в горных работах рудника до сих пор являлась крайне медленная проходка подготовительных выработок. Скорость проходки штреков, в том числе по наиболее перспективным направлениям (жилы № 2, 5, 8 в Иоганнсбургском к. № 1, 6, 7, Глейсберг и др. по Обершлему), составляла в конце 1946 г. и январь-февраль 1947 г. не более 10-12 м/мес, вследствие чего резерв подготовленных запасов и фронт очистной выемки оставался почти на одном уровне, ограничивая добычу и способствовал нарушению правильной отработки жил.

Объективными причинами крайне медленной проходки являлись: а) недостаток бурильных и отбойных молотков, б) недостаточная пропускная способность подема шахт, в) недостаток квалифицированного горного надзора и мастеров проходчиков. В настоящее время (или в ближайшем будущем) две первые причины устранены, что позволяет рассчитывать на доведение средних скоростей проходки штреков до намеченных 20-30 м в месяц.

-7-

-38-

Установленный на 1947 год объем разведочных и подготовительных работ может быть выполнен и даст ожидаемый эффект по приросту запасов и фронта очистной выемки только при условии резкого увеличения скорости проходки штреков.

Одним из организационных средств для освоения высоких скоростей проходки подготовительных выработок является создание самостоятельных участков разведочно-подготовительных работ (что уже осуществляется воинской частью) и специальных бригад по скоростным проходкам.

4. При освоении принятой системы обеспечивается интенсивная отработка блоков и снижение потерь руды.

Для планирования и контроля очистной выемки рекомендуется принимать следующие скорости продвижения очистной линии блока в зависимости от горногеологических условий:

а) При неблагоприятных условиях и в бедных жилах 3-5 м в месяц.

б) При благоприятных условиях и в богатых жилах 5-6 м, до 8 м при особо благоприятных условиях.

Для контроля и снижения потерь руды необходимо организовать специальную систему учета, подробно изложенную в моем замечании.

Необходимо отметить, что до настоящего времени учет потерь не производился, и можно предполагать, что размер их довольно значителен.

III. РУДНИЧНАЯ ГЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДОКУМЕНТАЦИЯ

На рудниках в/ч нет единой системы геологической документации подготовительных и очистных работ, учета подготовленных запасов руды, потерь руды и опробования забоев.

Отсутствие таких элементарных геологических материалов для производства подготовительных и очистных работ создает серьезные затруднения для правильного планирования и развития рудников и контроля за их деятельностью.

В связи с этим мною на рудниках, при содействии геологической службы в/ч, разработана инструкция по основным элементам рудничной геологической документации, принятая на техническом совещании в/ч.

-8-

-39-

Осуществление этой инструкции позволит:

а) Наглядно отразить обеспеченность объекта (рудника, шахты) запасами различных категорий по подготовленности к добыче и обеспеченность наличным фондом очистной выемки, а также выявить динамику изменения запасов и фронта очистной выемки во времени,

б) Дать возможность обоснованно планировать по каждому объекту (руднику, шахте, участку) задания по добыче (на месяц, квартал, год), а также направление и объем разведочных и подготовительных работ.

в) Обеспечить простой и объективный контроль за выполнением плана очистных, подготовительных и разведочных работ.

г) Учитывать величину потерь руды и металла, выявлять и устранять их причины.

д) Правильно выбирать систему разработки для новых блоков.

Необходимо обязать в/ч осуществить введение этой инструкции в действие в полном объеме с 1/У1 с/г (основные положения инструкции приняты геологической службой к осуществлению уже в марте с/г.)

1У. ПОТРЕБНОЕ ГОРНОЕ ОБОРУДОВАНИЕ

Основные виды горного оборудования в котором рудники воинской части испытывают нужду сейчас и которое необходимо в ближайшее время для развития работ следующее:

1. Компрессорное хозяйство. В настоящее время рудники в/ч имеют общую производительность компрессоров (работающих и монтируемых) 420 м³/мин.

Потребность рудников в сжатом воздухе исходя из принятого плана разведочных, капитальных, подготовительных и очистных работ к началу 2-го полугодия составит не менее 700 м³/мин.

Недостающая мощность компрессоров 280 м³/мин должна быть обеспечена в ближайшее время, с тем чтобы к началу второго полугодия эти компрессора были смонтированы и сданы в эксплуатацию.

-9-

-40-

2. Бурильные и отбойные молотки.

Имеющееся на рудниках количество бурильных (241 шт) и отбойных (137) молотков (разнокалиберных и сильно изношенных, без запасных частей) обеспечивает потребность рудников в настоящее время менее, чем на 50%.

Главным образом из-за недостатка молотков задерживается проходка подготовительных выработок, снижается производительность труда на очистных работах и т.д.

С учетом резкого увеличения объема разведочных и подготовительных работ и сильной изношенности имеющихся молотков, общее количество их к концу 1-го полугодия 1947 г. должно быть доведено: бурильных молотков (преимущественно ручных легкого типа, телескопных и колонковых) до 1200 шт, отбойных молотков - до 800 шт.

3. Буровой и отбойный инструмент. Бурозаправочные станки. Для изготовления буров на рудниках пользуются преимущественно старой, плохого качества и разнообразной по составу, размерам и форме сталью. Разнородный состав стали и плохое ее качество, при отсутствии современных бурозаправочных станков (имеется один устаревший конструкции и сильно изношенный станок на шх. Вассер Мирш) приводит к крайне низкому качеству головок буров, очень быстро их затуплению и снижению производительности труда бурильщиков.

Коэффициент крепости горных пород на рудниках в/ч редко превышает 10-12 по Протодюконову. Поэтому бурение целесообразно производить в основном обычными калеными бурами; буры со сменными коронками и армированными твердыми сплавами потребуются в ограниченном количестве. Если же изыскать качественную сталь на месте не удастся, то необходимо обеспечить рудники сменными коронками или твердыми сплавами.

Для заправки буров к концу первого полугодия 1947 г. необходимо иметь не менее 6-ти бурозаправочных станков.

4. Насосы. В связи с большим количеством вновь проходимых стволов шахт и гезенков с откачкой старых затопленных шахт и организацией стационарного водоотлива на ряде новых объектов рудника испытывают острую нужду в насосных установках, особенно углубочных. Количество и типы требуемых насосов ^{приведены} в заявках в.ч.

-10-

-41-

5. ГЕОФИЗИЧЕСКАЯ АППАРАТУРА

Острый недостаток приборов, особенно на эксплуатационных работах, является причиной больших потерь металла при очистной выемке, повышенного разубоживания руды и трудности контроля за правильным производством работ.

Каждому работнику горного надзора необходимо иметь портативный недорогой геофизический прибор (типа ПР-7) для грубого определения радиоактивности. В таком приборе не нужны шкалы; достаточно, если прибором можно на слух устанавливать три градации: 1) отсутствие активности, 2) Слабую активность и 3) сильную активность.

Обеспечение горного надзора такими приборами и каждого очистного блока более совершенными приборами (типа ПР-12 или ПР-5) даст огромный эффект.

Существующее положение с геофизическим обслуживанием очистных работ нельзя оправдать дефицитностью и дороговизной приборов; каждый прибор за короткое время во много раз себя оправдывает.

Ввиду несовершенства существующих приборов, необходимо поручить в/ч разработать технические условия для конструирования специальных приборов для очистных работ:

1. Портативного для горного надзора (примерно по типу прибора ПР-7) и
2. Со шкалой для более точных измерений (улучшить прибор типа ПР-5).

ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ КАДРЫ

Рудники и аппарат в/ч слабо обеспечены инженерно-техническими работниками.

На некоторых шахтах и участках (например, Галлюс-Штольня с количеством рабочих свыше 300 чел, шах. Понтер и др). нет ни одного советского инженера, техника или опытного горного мастера. Начальниками шахт и техруками в большинстве являются офицеры, ранее совершенно не знакомые в горным делом.

-11-

-42-

На крупных шахтах (Фришглюк, шахта № 15) имеется по одному горному инженеру. На всех рудниках нет ни одного горного техника.

Непосредственное руководство участками и сменами на подготовительных и очистных работах возлагается на немецких специалистов - штейгеров или советских офицеров.

Проектный отдел в/ч, выполняющий огромный объем ответственных проектов, имеет в своем составе 4-х горных инженеров. Технические отделы рудников не укомплектованы; технормирование поручается мало компетентным работникам.

По самым скромным подсчетам рудники в/ч нуждаются сейчас в следующем пополнении инженерно-технического состава горняков и высшего горного надзора:

1. Горных инженеров и техников для работы в аппарате в/ч и рудников 12-15 чел.
2. Горных инженеров непосредственно для горных работ 18-20 чел.
3. Горных техников и опытных горных мастеров для горных работ 50-60 чел.

С учетом перспективы роста предприятия эти цифры должны быть значительно увеличены.

ОБОГАЩЕНИЯ БЕДНЫХ РУД

Имеются основания рассчитывать на то, что наряду с типичными жилами с богатым гнездовым оруденением в результате разведочных работ резко увеличится число вскрытых жил с равномерным бедным оруденением и отвалов, требующих массового обогащения.

Уже в настоящее время из наибольшего числа таких жил и отвалов может добываться ежедневно до 100 т. бедной руды.

Намеченный план переработки на обогатительной фабрике 100 т. бедной руды (со средним содержанием порядка 0,05%) привязан к производственной мощности существующей обогатительной фабрики Пехтес-Грюне и является заведомо минимальным.

Необходимо зарнее изыскать дополнительные производственные мощности за счет расширения существующей обогатительной фабрики и использования других фабрик в Саксонии, а может быть и в других районах.

-12-

- 73 -

Ввиду очень низкого извлечения из руд вторичных минералов гравитационными методами необходима постановка флотации таких руд.

7. ПЛАН ПО ДОБЫЧЕ МЕТАЛЛА НА 1947 г.

В первом квартале 1947 года рудники в/ч дали свыше т. металла.

Эта цифра не является показательной и не может быть принята за основу исчисления плана по металлу на последующие кварталы 1947 года так как:

1. В начале 1-го квартала (январь и часть февраля) по 1-му и 2-му объектам интенсивно дорабатывались исключительные по своему богатству блоки по жилам "Глейсберг" и 8-я аномалия. Из этих блоков в январе-феврале получено более 50% общей добычи.

К концу февраля и в марте эти блоки пошли на отработку, выход металла с 1 кв. метра жильной площади снизился в несколько раз. При значительном увеличении отработки жильной площади в последние месяцы добыча металла не возрасла.

2. Вследствие медленной и малой проходки штреков по основным и вновь разведанным жилам в 1-ом квартале 1947 г., фронт очистной выемки по всем жилам на 2-ой квартал увеличится незначительно, а по богатым жилам даже сократится.

3. Во втором и последующих кварталах потребуется резкое (в 3-4 раза) увеличение объема капитальных, разведочных и подготовительных работ по сравнению с 1-ым кварталом.

Фронт очистной выемки будет нарастать медленно и ощутительно скажется только к началу второго полугодия 1947 г.

4. Для уверенного и надежного расчета плана добычи металла нет оснований принимать средний выход металла с 1 кв. метра жильной площади эксплуатируемых жил свыше 0,8-0,9 кг. При такой величине выхода и планируемом фронте очистной выемки добыча металла во II и III кварталах по расчету не превосходит 20 т.

-13-

- 44 -

5. Завышенный, чрезмерно напряженный план по металлу приведет к нарушению правильной отработки жил, увеличению потерь, невыполнению плана подготовки, замедленному росту фронта очистной выемки и в итоге - к снижению производительных возможностей рудников на 1948 год.

На основании этого я считаю, что принятый Главком и в/ч годовой план добычи металла в 80 т. увеличивать нет оснований.

Поквартально он должен представляться в следующих цифрах:

II квартал	- 18 тонн
III "	- 20 "
IY "	- 24 "

Нарастание добычи по кварталам отражает действительный рост резерва подготовленных запасов и фронта очистной выемки.

Не исключена счастливая возможность нахождения новых богатых жил и блоков и за счет этого значительное перевыполнение намеченного плана.

Нужно отметить, что командование воинской частью безусловно использует, как и раньше, все возможности для того, чтобы перевыполнить государственный план. Ориентация на обоснованный расчетом и не учитывающий ^{возможностей} счастливых план, не будет снижать ее стремления к доведению добычи металла до максимума.

В заключение считаю своим долгом отметить здесь исключительное умелое руководство деятельностью предприятий воинской части генералом М.М. Мальцевым, энергии которого в значительной степени обязан успех дела, а также самоотверженную и напряженную работу основной части коллектива инженерно-технических работников и воинского состава.

ДОКТОР ТЕХНИЧЕСКИХ НАУК

М. Агошков М.И. АГОШКОВ.

"15" апреля 1947 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 14¹

«УТВЕРЖДАЮ» «УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМЕСТИТЕЛЬ НАЧАЛЬНИКА ПЕРВОГО
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ при СОВЕТЕ
МИНИСТРОВ СОЮЗА ССР

НАЧАЛЬНИК МЕТРОСТРОЯ

(ЗАВЕНЯГИН)

(САМОДУРОВ)

22 марта 1947 г.

18 марта 1947 г.

ПРОТОКОЛ

О временном откомандировании работников метростроя в распоряжение Первого Главного Управления при Совете Министров Союза ССР для работы на объекте МАЛЬЦЕВА.

В совещании участвовали:

1. Представители Метростроя:
Генерал-Директор ЭСАКИЯ Н.М.
2. Представители Первого Главного Управления
КВАСКОВ Н.Ф. и ЕРОФЕЕВ Н.Д.

Совещание констатирует:

Условия работы на объекте тов. МАЛЬЦЕВА таковы, что капитальное строительство тесно связано с ведением эксплуатационных работ и разделить их затруднительно.

Финансирование производственной деятельности объекта тов. МАЛЬЦЕВА производится через Советскую Военную Администрацию в Германии, поэтому вся денежная отчетность проходит только через объект МАЛЬЦЕВА.

Работа на подрядных условиях Метростроя вызовет создание самостоятельного административно-хозяйственного аппарата, что в условиях заграничной работы нецелесообразно.

Учитывая вышеизложенное и в целях сокращения управленческого аппарата, и устранения организационных неувязок между капитальным строительством и эксплуатацией, совещание считает необходимым:

Временно – на 1947/48 г.г. откомандировать личный состав работников Метростроя, находящихся на объекте тов. МАЛЬЦЕВА, в его распоряжение.

Возложить на Первое Главное Управление при Совете Министров Союза ССР обязанность:

- а) использования кадров Метростроя только на горнокапитальных работах.
- б) финансирование и обеспечение личного состава Метростроя и членов их семей, находящихся в СССР в соответствии с существующим положением.

По окончании горнокапитальных работ весь личный состав Метростроя вернуть в систему Метростроя.

Срок откомандирования может быть продлен по согласованию между Первым Главным Управлением при Совете Министров Союза ССР и Управлением Метростроя.

ПОДПИСАЛИ:

ЭСАКИЯ
КВАСКОВ
ЕРОФЕЕВ

18/26 марта 1947 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 15¹

Сов. секретно

товарищу ЗАВЕНЯГИНУ А. П.

В настоящее время из приданной нашему Управлению 10 Отдельной Трофейной бригады демобилизуется 700 чел. рядового состава. Все они обучались на организованных нами курсах и получили квалификации: забойщиков, бурильщиков, радиометристов и буровых мастеров.

Отчисление такого количества работников с наших объектов принесет большой ущерб в нашей работе.

В связи с этим прошу Вашего ходатайства перед Комиссией ЦК ВКП(б) о разрешении оформить на работу по вольному найму.

М. МАЛЬЦЕВ

18 февраля 1947 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ 16¹

Сов. секретно

Заместителю Начальника Первого Главного
Управления при Совете Министров Союза ССР

тов. ЗАВЕНЯГИНУ А. П.

С П Р А В К А

Об условиях труда и жилищно-бытовых условиях немцев, работающих на объекте ген. Мальцева.

По состоянию на июль с. г. на объекте ген. Мальцева работало 16500 немцев, значительная часть из них раньше в горной промышленности не работала. Вербовка рабочих производилась через местные органы самоуправления. Среди такой массы работающих имеются враждебно настроенные к нам, и, какие бы ни были благоприятные условия труда и быта, они будут выдергивать отдельные отрицательные факты и всячески их рекламировать, тем более на отрицательные факты падки наши «соседи» и немцы это прекрасно знают.

Что сделано за последнее время (июнь-июль) по улучшению труда и быта?

1. Улучшено продовольственное снабжение – на всех объектах организованы столовые. Контроль за приготовлением и раздачей пищи осуществляют работники профсоюзов. Во всех столовых вывешиваются меню-раскладки, ведутся книги снятия проб. Отзывы о качестве пищи хорошие. При столовых организована продажа пива. Значительно расширена торговая сеть, обслуживающая немцев.

2. Суточная норма питания вместе с дополнительным пайком и горячим блюдом вполне достаточная (дополнительный паек выдается за перевыполнение нормы выработки).

	Хлеб	Крупа	Карт.	Овощ.	Мясо	Жиры	Сыр	Молоко	Сах.	Мармел.	Кофе
Подз.раб.	800	116	900	400	130	40	100	250	35	30	9
Поверх. рабоч.	450	90	800	400	65	30	100	200	35	30	9

Кроме того, рабочим ведущих профессий при выполнении норм выработки на 130 и выше выдаются один раз в месяц продовольственные посылки:

муки – 1,5 кг; сахара – 1 кг; мяса – 1 кг; масла слив. – 1 кг; сыра – 1 кг; консерв. Фруктов – 6 банок. Для этого СВА выдает ген. Мальцеву в квартал:

муки – 3 тонны; мяса – 5 тонн; сахара – 3 тонны; масла слив. – 3 тонны; сыра – 3 тонны; консерв. фрукт. – 50 тыс. банок.

За перевыполнение норм выработки выдаются также сигареты.

3. Устранены перебои с выдачей заработной платы. Заработная плата с июня месяца выдается три раза в месяц – за I декаду – аванс 20 числа, за II декаду – аванс 30 числа и окончательный расчет – 10 числа.

1 Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

4. Улучшено снабжение спецодеждой и обувью. Ввиду низкого качества спецовки сокращены сроки носки. Построены душевые в Обершлеме, Шнееберге и Аннаберге, на остальных объектах имеются умывальные комнаты. Имеется горячая и холодная вода. Для общежитий выданы постельные принадлежности. Установлен порядок с отпусками для подземных и поверхностных рабочих с учетом стажа работы.

5. На объекте разрешена деятельность Социалистической Единой Партии Германии и профсоюзов.

6. Условия труда также несколько улучшены:

- а) на всех шахтах введено мокрое бурение;
- б) приведены в порядок лестничные отделения, поделены полки, исправлены лестницы, лестничные отделения отшиты от грузоподъемных отделений;
- в) установлены вентиляторы для проветривания глухих забоев (100 шт. вентиляторов, для частичного проветривания, должны получить через проф. Тата-ринова, работающего во Фрейберге);
- г) увеличилось количество пневматического и другого горного инструмента и простои из-за этого снизились до минимума;
- д) подняли роль штейгеров и бригадиров-немцев в деле организации труда (в июне месяце впервые штейгерам и бригадирам выданы денежные премии за хорошую работу).

Но что еще не сделано?

Слабо внедряется механизация трудоемких процессов – навалка, откатка производится вручную. При разработке отвалов также никакой механизации нет. На многих восстанавливаемых шахтах установлены ручные лебедки из-за отсутствия электромоторов.

Все старые немецкие шахты, эксплуатируемые нами, очень небольшого сечения – 1,8-2,0 м², имеется в них, как правило, лестничное отделение и грузоподъемное отделение со скипом емкостью 0,25-0,5 м³.

Без расширения стволов шахт переоборудовать их для людского подъема нельзя. В Иоганнгеоргенштадте для спуска и подъема людей реконструируется Нойяр-шахта. На всех новых шахтах, построенных нами, людские подъемы имеются. На всех остальных объектах людские подъемы будут организованы по мере восстановления и расширения стволов шахт.

Решением Коллегии Первого Главного Управления предложено направить ген. Мальцеву погрузочные машины, ленточные транспортеры, электромоторы, компрессора. Дополнительно ген. Мальцев просит направить ему трубы различные, трансформаторы, буровую сталь, бурильные молотки и другое оборудование, которое нельзя достать на месте.

(Письмо по этому вопросу готовится на имя т. Берии Л. П.). Направление перечисленных материалов и оборудования ускорит внедрение механизации и улучшит условия труда.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА:

ЕРОФЕЕВ

22./VIII-47 г.

Б-3132/1 сс

ПРИЛОЖЕНИЕ 17¹

Из постановления СМ СССР № 5070-1944 от 29 октября 1949 г.
«О награждении и премировании за выдающиеся научные открытия
и технические достижения по использованию атомной энергии»:

88. МАЛЬЦЕВА Михаила Митрофановича, директора Советского акционерного общества "Висмут",
АЛЕКСАНДРОВА Семена Петровича, профессора,
ЭСАКИЯ Николая Михайловича, заместителя директора и руководителя шахтостроительных работ А/О "Висмут",
ПАНЧЕВА Сергея Сергеевича, главного инженера А/О "Висмут",
НИФОНТОВА Романа Владимировича, главного геолога А/О "Висмут",
КУЗНЕЦОВА Ивана Кузьмича, заместителя директора А/О "Висмут",
руководивших развитием и освоением новой рудной базы урана –
представить к присвоению звания **Героя Социалистического Труда.**

89. ЗИМИНА Даниила Федоровича, руководителя геофизической службы А/О "Висмут",
ЯКУШЕНКО Бориса Ивановича, горного инженера,
ШАДРИНА Виктора Ивановича, горного инженера,
КРАСНОПОЛЬСКОГО Зелика Моисеевича, горного инженера,
ДЕМЕНТЬЕВА Александра Яковлевича, инженера-механика,
ПОЛИНОВСКОГО Александра Соломоновича, инженера-геолога,
ХАУСТОВА Николая Михайловича, инженера,
ДАНЕЛИЯ Шалву Самсоновича, инженера,
ШАФРАНОВА Сергея Анатольевича, инженера-геолога,
КОТЕЛЬНИКОВА Георгия Николаевича, инженера-геолога,
ШИШОВА Виктора Михайловича, инженера-геофизика,
НЕЛЮБИНА Адриана³ Ефимовича, главного технолога горнорудного предприятия –
представить к награждению **орденом Ленина.**

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы. Том II. Книга 1. Стр. 530. М.: Наука. Физматлит, 1999.

90. Присудить **Сталинскую премию первой степени** в размере 150 000 руб.:

Эсакия Николаю Михайловичу, заместителю директора и руководителю шахтостроительных работ А/О "Висмут",
Панчеву Сергею Сергеевичу, главному инженеру А/О "Висмут",
Нифонтову Роману Владимировичу, главному геологу А/О "Висмут",
Кузнецову Ивану Кузьмичу, бывшему зам. директора А/О "Висмут",
Нелюбину Адриану Ефимовичу, главному геологу предприятия А/О "Висмут",
Александрову Семену Петровичу, инженеру,
Дементьеву Александру Яковлевичу, инженеру-механику,
Зимину Даниилу Федоровичу, руководителю геофизической службы, Краснопольскому Зелику Моисеевичу, горному инженеру,
Якушенко Борису Ивановичу, горному инженеру,
Шадрину Виктору Ивановичу, горному инженеру,
Полиновскому Александру Соломоновичу, инженеру-геологу,
Хаустову Николаю Михайловичу, инженеру,
Данелия Шалве Самсоновичу, инженеру,
Шафранову Сергею Анатольевичу, инженеру-геологу,
Котельникову Георгию Николаевичу, инженеру-геологу,
Шишову Виктору Михайловичу, инженеру-геофизику –

за разработку и осуществление новой системы горного вскрытия месторождений урана и за внедрение скоростных методов проходки горно-капитальных выработок, обеспечивающих быстрое освоение рудной базы урана.

Иоганнгеоргентадт. 1954 г. Слева направо: Фомичёв Геннадий Петрович — начальник шахты № 1, Отто Гротеволь — председатель Совета министров ГДР, Богатов В. Н. — генеральный директор СГАО «Висмут», Молотов В. М. — министр иностранных дел СССР, Дьяконов Николай Фролович — начальник Объекта № 1. (Из архива А. Р. Булатова).

Генеральная дирекция. Зигмар. 1967 г.

Ведущие технологи технологического отдела ГД и перерабатывающих предприятий СГАО «Висмут». В нижнем ряду: слева — В. А. Рудь, А. Н. Золотин, А. Д. Богатов, В. Г. Пахомов, А. И. Антосиков — начальник технологического отдела ГД, 3-й справа — Ротер Хайнц, зам. начальника технол. отдела. 1964–1971 гг. (Из архива А. Н. Золотина).

Первомайская демонстрация в г. Карл-Маркс-Штадт. 1966 г.

Сотрудники НТЦ. Слева направо: Л. Г. Подоляко (гл. инженер НТЦ), Фишер Гюнтер, Бэк Дитер, ?, Экельманн Вольфганг (директор НТЦ), Хэдвиг Берндт, ?, Остерер Эгон, Тир Эльза, ?, Шмидт Вольфганг, ?, Нестлер, Бартель Кристина. Зигмар. 1969 г. (Из архива Л. Г. Подоляко).

Слева направо: специалисты предприятия «Ройст» Е. И. Гусаков, А. Р. Булатов, О. И. Алексеев. 1970-е гг. (Из архива А. Р. Булатова).

З. Вениг, Б. К. Серда, Ю. Е. Сиромолот. 1966 г. (Из архива И. Б. Середы).

Работники завода Объекта 101 (Кроссен) перед первой демонстрацией. Шустер, Хорст Йобс, В. А. Рудь, В. И. Дорофеев. Конец 1960-х гг. (Из архива В. И. Дорофеева).

Слева направо: главный инженер рудника Беервальде П. М. Кузема, генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук, начальник 1-го ГУ Минсредмаша Н. Б. Карпов, Н. О. Грановский, П. И. Балковой. 1970-е гг. (Из архива П. И. Балкового).

Награждение советских и немецких висмутян в советском посольстве в Берлине. Слева направо: Х. Раабе, П. И. Мариничев, Ф. Вайраух, Э. Лоозе, Г. Пальме, Г. Д. Лисовский, В. Слезачек, Ф. Фишер, ?, Г. Шмидт, Э. Кринке. 1980 г. (Из архива Г. Пальме).

Рудник Ройст. Слева направо: О. И. Алексеев, А. Р. Булатов, Э. Мостовой, Ю. Г. Мягкохлебов, Н. Д. Поландов. 1973 г. (Из архива В. А. Булатова).

Слева направо: Фриц Фишер, Г. Д. Лисовский, Герберт Хенке, Хорст Камински, Хорст Бельманн. 1970-е гг. (Из архива Г. Д. Лисовского).

Вячеслав Молотов посещает рудник.

Бригадир Ханс Рудольф (в центре в первом ряду) с бригадой после установления мирового рекорда скорости проходки (1035 м/мес) на горизонте 720 м шахты № 371 Объекта 9. 1961 г.

V Международный горный конгресс. Слева — представители делегации ГДР (Вернер Рихтер, Хайнц Кристоф, Хорст Левандовски), крайний справа — Леонид Подоляко, рядом с ним — С. Н. Волощук.

Отдел геофизики НТЦ. 1975–1979 гг. (Из архива Л. В. Зернова).

Коллектив камеральной партии, 1972 г. В. А. Тихонов (начальник камеральной партии, 3-й слева), Б. И. Мальшев (6-й слева, ГЕОХИ), А. А. Глаголев (8-й слева), Б. П. Худяков (9-й слева), Б. П. Власов (10-й слева), А. Шинкарева (12-я слева), А. А. Абросимов (6-й справа), М. С. Цыбульская (2-я справа, ВНИИХТ).

Генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук и его первый заместитель В. Рихтер вручают сувенир писателю М. А. Шолохову.

В. Ульбрихт вручает Х. Рудольфу орден «Герой труда» (1961 г.).

Посол СССР в ГДР П. А. Абрахимов и секретарь ЦК СЕПГ А. Нойманн (на фото справа) приветствуют горняков с 20-летием СГАО «Висмут»

На фото в середине справа: посол П. А. Абрахимов поздравил генерального директора СГАО «Висмут» С. Н. Волощука.

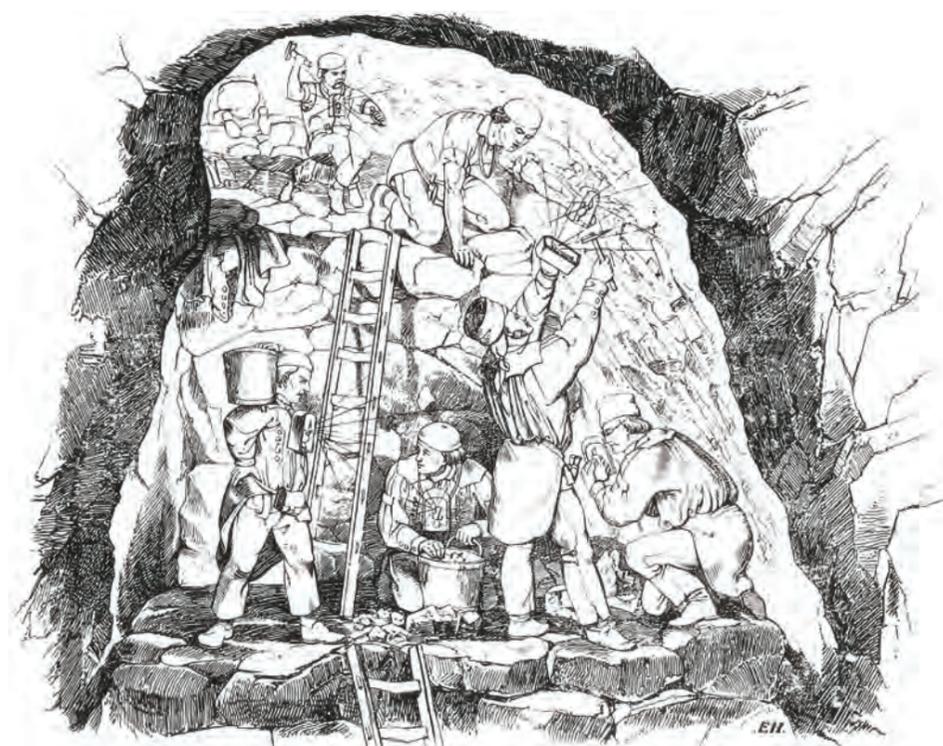

Выступление министра МСМ Е. П. Славского на 30-летию СГАО «Висмут». Слева направо: А. Роде, Х. Камински, переводчик, Е. П. Славский, С. Н. Волощук.

ЧАСТЬ II

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СГАО «ВИСМУТ»

1954–1990

ГЛАВА 1 СОЗДАНИЕ СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ВИСМУТ» ДЛЯ ВЕДЕНИЯ РАБОТ ПО РАЗВЕДКЕ, ДОБЫЧЕ И ПЕРЕРАБОТКЕ УРАНОВЫХ РУД В ГДР (1954). СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ. ОБЪЕКТЫ, ВОШЕДШИЕ В СГАО «ВИСМУТ»

В результате развития послевоенных отношений и создания Германской Демократической Республики, в соответствии с соглашением между правительствами СССР и ГДР от 22 августа 1953 г.¹ было принято решение о продолжении работ по урану на территории Германии совместным предприятием — Советско-Германским акционерным обществом «Висмут» с паритетным участием сторон. Правительство СССР передает в собственность Общества все предприятия с их основными и оборотными средствами отделения Советского государственного акционерного общества «Висмут». Правительство Союза ССР соглашается, в целях обеспечения успешной деятельности Общества, оказывать ему необходимую научно-техническую помощь по разведке месторождений, проектированию и эксплуатации его предприятий, командировать советских специалистов, поставлять специальную аппаратуру и другое оборудование, которое не изготавливается в ГДР. Вся продукция, добываемая Обществом «Висмут», должна поставляться в Советский Союз по цене, согласованной сторонами.

Почти одновременно с межправительственными переговорами по этому вопросу в ГАО ЦМ в Москве проводилась подготовка к ликвидации немецкого отделения, которая проведена по решению акционеров от 28 ноября 1953 г. Данное решение представлено членами правления ГАО ЦМ «Висмут» 14 декабря 1953 г. в ответственную за регистрацию фирм инстанцию в г. Хемниц, которой произведено погашение записи о регистрации Общества в Торговом реестре по состоянию на 31 декабря 1953 г. без установления правопреемника. Таким образом,

СГАО «Висмут» не являлся юридическим правопреемником ГАО ЦМ «Висмут».

21 декабря 1953 г. И. Ф. Семичастнов за советскую сторону и Ф. Зельбман — за германскую сторону подписали протокол об учреждении с 1 января 1954 г. смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут» и устав СГАО «Висмут», в которых установлено, что СГАО «Висмут» с местонахождением в г. Карл-Маркс-Штадт учреждено 21 декабря 1953 г. в соответствии с соглашением между правительствами СССР и ГДР от 22 августа 1953 г. Протокол о создании СГАО «Висмут» был подписан по инициативе Правительства СССР².

В соответствии с межправительственным соглашением на первые пять лет председателем правления Общества избирается представитель германской стороны, а заместителем председателя правления Общества — представитель советской стороны. Генеральным директором назначается представитель советской стороны, а первым заместителем генерального директора — представитель германской стороны.

Первым председателем правления Советско-Германского акционерного общества «Висмут» был избран министр тяжелой промышленности ГДР **Фриц Зельбман**.

В пригороде Хемница, в Зигмар-Шенау, в здании на Ратгаусштрассе, 5, отведенном для аппарата правления, 21 декабря 1953 г. прошло первое заседание: был утвержден устав СГАО «Висмут» и руководство Общества. Устав общества «Висмут» был подписан И. Ф. Семичастным и Ф. Зельбманом³. Генеральным директором Общества был утверж-

ден представитель советской стороны — **Валентин Никанорович Богатов**, главным инженером — заместителем генерального директора — **Алексей Александрович Александров**. Первым заместителем генерального директора утвержден представитель германской стороны **Фриц Кролл**.

На заседании правления были кратко подведены итоги прошлых лет деятельности Советского государственного акционерного общества (САО) «Висмут», одобрены направления развития горных предприятий Общества и поставлены задачи дальнейшего технического прогресса на всех участках работы этого важного для СССР предприятия.

При образовании с 1 января 1954 г. смешанного Советско-Германского АО «Висмут» в его состав входили: 8 горнодобывающих объектов, геологоразведочная экспедиция, 8 обогатительных объектов и фабрик, 8 вспомогательных объектов (3 машиностроительных завода, строительные и ремонтные предприятия, лаборатории), главное управление (Генеральная дирекция) и входящие в него 5 центральных управлений (первое — геоло-

гии, второе — капитального строительства, третье — проектирования, четвертое — материального снабжения, пятое — торговли) и транспортная контора.

В результате проведенной концентрации производства в период после 1956 г. ликвидирован ряд малорентабельных горнодобывающих и обогатительных объектов, что позволило сократить общую численность трудящихся со 117,2 тыс. человек в 1954 г. до 51,5 тыс. человек в 1960 г.

С организацией совместного Общества и в соответствии с решением ЦК КПСС от 5 ноября 1955 г. по согласованию с германской стороной были приняты меры к замене 1200 советских специалистов немецкими. Дирекцией СГАО «Висмут» были подготовлены предложения о необходимом количестве руководящих работников, ИТР и служащих из немецкого персонала для замены советского состава, которые были утверждены ЦК СЕПГ в октябре 1955 г. В январе 1956 г. ЦК СЕПГ были подобраны и утверждены заместитель генерального директора Обще-

Основные объекты, вошедшие в СГАО «Висмут»

Горные	Месторасположение	Деятельность
Объект 1	Иоганнгеоргенштадт (Шварценберг)	Добыча
Объект 2	Ауэ/Обершлема	Добыча
Объект 6	Цобес, Берген, Шнеккенштайн	Добыча
Объект 7	Аннаберг, Мариенберг, Нидершлаг	Добыча
Объект 8	Брайтенбрунн	Добыча
Объект 9	Ауэ/Нидершлема, Шнееберг	Добыча
Объект 90	Тюрингия/Роннебург	Добыча
Объект 96	Фрайталь, Диспольдисвальде	Добыча
Экспедиция 02	Тюрингия/Саксен-Анхальт	Разведка/Добыча

Обогащение

Фабрика 20	Гиттерзее	для Объекта 90
Объект 101 (Фабрика 38)	Цвиккау, Кайнсдорф	для Объектов 1, 2, 9, 90, 111
Объект 31 (Фабрика 75)	Ленгенфельд	для Объекта 118 (6)
Объект 32 (Фабрика 60)	Танненсбергталь	для Объектов 90, 118 (6)
Объект 96 (Фабрики 93, 95)	Фрайталь, Гиттерзее	для Объекта 90
Объект 98 (Фабрика 79)	Иоганнгеоргенштадт	для Объекта 1
Объект 99 (Фабрика 25)	Обершлема	для Объектов 9, 90
Объект 100 (Фабрика 19)	Ауэ	для Объектов 1, 9, 90

Вспомогательные объекты

Объект 11	Ауэ	Строительство, проходка стволов
Объект 34	Ауэ, Кайнсдорф	Металлоконструкции
Объект 36 (21)	Грюна	Хим., геофизич., минер. лаборатории
Объект 37	Хемниц	Ремонт автомобилей
Объект 80	Цвиккау	Геофизическое приборостроение
Объект 177	Цвиккау/Ауэ	Энергооборудование
Объекты 39, 63		Ремонт автомобилей

В. Н. Богатов.

Валентин Никанорович БОГАТОВ родился в 1909 г. на Урале, в с. Ельдяк Уфимской обл. Из крестьян. Отец погиб на фронте в 1914 г., мать умерла в 1922 г. Работать начал с 10 лет (батраком, слесарем, трактористом). В 1928 г. поступил и в 1931 г. окончил горный техникум (г. Красноуральск). Получил специальность «горный техник». С 1931 г. работает в горной промышленности Урала: зав. горным участком, зам. гл. инженера рудника, начальник шахты. В 1938 г. назначен директором Северо-Карабышского рудоуправления (Челябинская обл.). В 1942 г. — директором Северо-Уральских бокситовых рудников Главалюминия. В 1947 г. — директором Лениногорского полиметаллического комбината (г. Лениногорск). С октября 1950 г. — заместитель генерального директора, а с июня 1951 г. — генеральный директор САО/СГАО «Висмут» (по 21 мая 1957 г.). С 1957-го по 1976 г. работал заместителем начальника Первого управления Минсредмаша. В 1976 г. ушел на пенсию по состоянию здоровья. Скончался в 1980 г.

1 Приложение 1.

2 Приложение 2.

3 Приложение 3.

ства по общим вопросам и кадрам, а также начальник отдела кадров Общества. Полностью были заменены начальники Объектов (за исключением Объектов 9, 90, 80 и 17), начальники шахт, начальники обогатительных фабрик, главные механики, главные маркшейдеры, начальники и сотрудники отделов буровзрывных работ, техники безопасности, материально-технического снабжения, горноспасательной службы и другие инженерно-технические и руководящие работники.

Первыми начальниками Объектов были: Объект 1 — тов. Гюртлер, Объект 2 — тов. Грунд, Объект 6 — тов. Зеeman. Начальниками обогатительных предприятий: фабри-

ка № 101 — тов. Бахман, фабрика № 31 — тов. Шервенк, фабрика № 93 — тов. Мюллер, фабрика № 95 — тов. Бройтигам.

В результате проведения упомянутой замены численность советских специалистов постоянно сокращалась. На 1 января 1956 г. в Обществе работало 1995 советских специалистов, на 1 января 1957 г. — 1351 человек. В январе 1958 г. количество советских специалистов сократилось до 684 человек. Активному выдвижению немецких специалистов на руководящие должности СГАО «Висмут» способствовала продуманная система подготовки немецких кадров всех уровней, развиваемая САО «Висмут» с первых лет своей деятельности. Были органи-

зованы курсы, школы, училища и техникумы для обучения рабочим специальностям и подготовки специалистов среднего звена, горных инженеров. Велось тесное сотрудничество с Фрайбергской горной академией по подготовке дипломированных горных инженеров. Стремление работников «Висмута» к повышению квалификации и учебе всемерно поддерживалось и стимулировалось морально и материально, что давало свои ощутимые результаты в осуществлении ими практической деятельности. Через систему обучения, созданную в САО «Висмут», прошли тысячи работников. Лучшие из них становились руководителями предприятий и их подразделений.

* * *

В целях дальнейшего укрепления квалифицированными кадрами СГАО «Висмут» решением Правительства ГДР в мае 1956 г. при СГАО «Висмут» был создан горный институт в г. Брайтенбрунн по подготовке ин-

Предваряя описание структуры управления Обществом, надо сказать, что в конце 1956 г. Министерство среднего машиностроения внесло предложения в Президиум ЦК КПСС о пересмотре существующих отношений с Чехословакией, Румынией, Болгарией, Польшей, Венгрией и ГДР в части добычи и поставки уранового сырья: о ликвидации смешанных комиссий и АО «Висмут», об отзыве советских специалистов и о ценах на урановую продукцию. Но учитывая то, что большая часть руды поставляется в Советский Союз из ГДР, посчитали необходимым воздержаться от ликвидации акционерного общества «Висмут» и при необходимости внести в существующие соглашения и документы по этой организации некоторые коррективы. Таким образом, деятельность «Висмута» была продолжена еще более чем на 30-летний период. Руководство и контроль за деятельностью СГАО «Висмут» осуществлялись его правлением. По его поручению генеральный директор Общества вел его текущие дела.

Генеральному директору Общества непосредственно подчинялись начальники Объектов, а начальникам Объектов — начальники всех рудников, заводов и фабрик.

Генеральным директором СГАО «Висмут» после В. Н. Богатова, с мая 1957-го по октябрь 1961 г., на основании решения правления Общества работал **Василий Алексеевич Собко**, который до назначения генеральным директором с 1956 г. работал руководителем Объекта 90.

женеров горной промышленности из числа практиков ИТР, проработавших долгое время на рудниках, но не имеющих достаточных теоретических знаний. В зависимости от теоретической подготовки ИТР срок обучения был установлен в 7, 14 месяцев и в 3 года. При этом институте была создана Центральная производственно-техническая школа по повышению квалификации ИТР с отрывом от производства со сроком обучения от 1 до 6 месяцев.

Весь комплекс принятых мер по подготовке кадров позволил своевременно и качественно произвести замену советских специалистов на немецких.

Структура и организация управления Общества как самостоятельного предприятия с собственной инфраструктурой с самого начала ориентировались на выпуск урановой продукции в специфических условиях послевоенного времени и развития ГДР.

Структура управления (1954–1960)

Обязанности первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут» с 1954-го по март 1961 г. выполнял Фриц Кролл.

На заседании правления 9 декабря 1957 г. принимаются следующие кадровые решения.

На должность заместителя генерального директора СГАО «Висмут» по охране и режиму назначается **Рудольф Каннлер**. Он был родом из Судетской области нынешней Чехии, в молодые годы вступил в члены Коммунистической партии Германии. В 1938 г. был схвачен фашистами и заключен в концентрационный лагерь Дахау, освобожден в 1945 г.

От обязанностей главного инженера — заместителя генерального директора Общества освобождается Н. И. Чесноков в связи с переходом на другую работу (в 8-е Управление Министерства среднего машиностроения).

Главным инженером — заместителем генерального директора СГАО «Висмут» назначается **Константин Петрович Новиков**, освобожденный от обязанностей заместителя главного инженера Общества.

Первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» назначается Ф. Кролл.

В апреле 1961 г. на должность первого заместителя генерального директора Общества назначается **Вернер Рихтер**.

Первым руководителем службы народной полиции «Висмута» в течение многих лет был **Эрих Зельцер**. С юных лет Зельцер был членом Коммунистической партии

Немецкие специалисты на руководящих должностях

В. Эберт.

Вернер ЭБЕРТ начал трудовую деятельность в 1945 г. 18-летним паренком на АО «Саксенэриц» в Шнееберге, с 1946 г. переходит на работу в «Висмут». Непродолжительное время работает проходчиком, затем штейгером, штейгером участка и оберштейгером на шахте № 18 Объекта 1 в Иосаннгеоргенштадте. С 1955-го по 1957 г. учится в горной школе инженеров в Брайтенбрунне. После ее окончания работает заместителем главного инженера Объекта 9 (Ауэ). С 1968 г. — директор Объекта 9, которым руководил в течение многих лет, горный инженер.

Эрвин КРИНКЕ начал работать в 1949 г. на Тюрк-шахт в Шнееберге, учился в Горном техникуме (Фрайберг), работал главным инженером и руководителем первого закладочного завода, окончил Фрайбергскую горную академию, технический директор Шмирхау, руководитель отдела горной технологии Генеральной дирекции.

Хорст ЛЕВАНДОВСКИ — с 1946 г. в «Висмуте». Директор рудника Пайцдорф и руководитель Объекта 90, горный инженер.

Гюнтер ХЮБНЕР начал работать в 1948 г. забойщиком на Объекте 11. В 1950–1955 гг. — штейгер на Объекте 6 (Цобес); учился в инженерной школе Айслебена и Фрайбергской горной академии; с 1961 г. — работал на предприятиях Ройст, Пайцдорф и Шмирхау; с 1976 г. — директор рудника Шмирхау; горный инженер.

Герхард БРАТФИШ начинал забойщиком на угольных шахтах Фрайталя, затем перешел на работу в «Висмут». С 1969-го по 1991 г. — директор рудника Кенигштайн, горный инженер.

Эберхард ХАРЛАС начал трудовую деятельность в 1952 г. маркшейдером на шахте № 278 Объекта 8, окончил Фрайбергскую горную академию, дипломированный геолог, два года обучался в Московском геологоразведочном институте, работал в геологической службе — вначале заместителем главного геолога ЦГП, затем директором ЦГП.

Бернхард КОНЕЦКИЙ — после окончания Фрайбергской горной академии в 1959 г. начал работать штейгером, затем оберштейгером на Шмирхау. С 1971 г. — директор НТЦ (до 1990 г.), доктор-инженер.

Манфред ГОФФМАН прошел трудовой путь от забойщика до директора рудника Пайцдорф, горный инженер.

Готтхард БРЕТШНАЙДЕР начинал в «Висмуте» в 1948 г., работал забойщиком до 1963 г., затем был избран одним из руководителей профсоюза горняков «Висмута».

Рудольф ДЕЙНЕКЕ окончил Фрайбергскую горную академию в 1957 г. и стал работать на Объекте 6 (Цобес), затем перешел на Ройст, технический директор рудника Ройст, затем Шмирхау, доктор-инженер.

Гюнтер ПАЛЬМЕ — переселенец из Польши, с 1947 г. — проходчик на шахте «Цеппелин» Объекта 13, окончил Фрайбергский горный техникум, Высшую школу экономики в Берлине, руководитель управления в Генеральной дирекции, заместитель генерального директора СГАО «Висмут».

Манфред ХАМАНН — с 1946 г. начинает работу на руднике Шнееберг, после обучения — начальник шахт № 366, 371 Объекта 9, горный инженер.

Вернер ГЕПЕЛЬ начинал забойщиком, учился, работал директором рудника Ройст. С 1981 г. — технический директор СГАО «Висмут», горный инженер.

В. А. Собко.

К. П. Новиков.

В. Рихтер

Вернер РИХТЕР родился 21.07.1930 г. в Роллингсхайне, около Миттвайде. Отец был каменщиком, мать — крестьянкой. В 1949 г. поступил во Фрайбергскую горную академию. В 1955 г., окончив академию, получил диплом горного инженера и попросил направить на работу в «Висмут». Свою трудовую деятельность в «Висмуте» начал на шахте № 250 Объекта 9 в Ауэ. Успешно прошел путь от рядового инженера до заместителя главного инженера Объекта 9. В апреле 1961 г. решением правления Общества назначается первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут», работает в этой должности по 1982 г. За успешную деятельность награжден высокими государственными наградами СССР и ГДР.

Германии. В тридцатые годы, после прихода фашистов, был вынужден эмигрировать из Германии. Воевал в Испании в рядах интернациональной бригады против фашистов Франко.

Херберт Хеншке со своими родителями был вынужден эмигрировать в тридцатые годы в Советский Союз от преследований

фашистов. Во время Великой Отечественной войны принимал активное участие в рядах белорусских партизан в борьбе против фашистских оккупантов, награжден боевыми орденами Советского Союза. В течение многих лет был руководителем организации Министерства государственной безопасности ГДР, курирующей «Висмут».

Структура управления в 1960-е и последующие годы

В октябре 1961 г. на пост генерального директора СГАО «Висмут» правлением

Общества избирается **Семен Николаевич Волощук**.

С. Н. Волощук (фото 1980 г.).

Семен Николаевич ВОЛОЩУК родился 16 апреля 1911 г. на Украине в г. Александрия. Трудовую деятельность начал в г. Кривой Рог, где в течение трех лет работал проходчиком на руднике им. В.И. Ленина. В 1930 г. поступил в Днепрпетровский горный институт, который окончил в 1935 г., получив специальность горного инженера. Работая в течение 15 лет в угольной промышленности, прошел путь от сменного инженера до главного инженера крупнейшего треста. За разработку и внедрение скоростных методов проходки горных выработок в Донецком и Подмосковном угольных бассейнах в 1950 г. был удостоен звания лауреата Сталинской премии III степени.

В 1949 г. постановлением правительства С. Н. Волощук был мобилизован на работу в атомную уранодобывающую промышленность, где проработал 36 лет. Пять лет был руководителем Иоахимстальских (Яхимовских) рудников в Чехословакии, шесть лет — начальником 8-го Управления Минсредмаша и 25 лет — генеральным директором Советско-Германского акционерного общества «Висмут».

При назначении С. Н. Волощука руководителем Иоахимстальских (Яхимовских) рудников перед ним руководством Первого Главного управления (Б. Л. Ванниковым и А. П. Завенягиным) была поставлена задача проведения в Чехословакии форсированными темпами горно-разведочных работ и строительства новых рудников, которая была успешно выполнена. За три года годовой добычу урана удалось увеличить с 50 до 1000 тонн. Эффективными средствами оказались скоростные методы проходки горных выработок. Так, в апреле 1952 г. была осуществлена проходка квершлага на руднике «Каменный» со скоростью 700 метров в месяц. В то время это было мировым рекордом! За эти работы премьер-министр Чехословакии А. Запотоцкий наградил С. Н. Волощука орденом Труда. В дальнейшем скорость проходки превысила 1 километр в месяц.

В 1954 г. после подписания торговых соглашений о поставке урана с предприятий Восточной Германии, Румынии, Болгарии, Венгрии, Польши и Китая в Минсредмаше было организовано специальное 8-е Управление. Его начальником был назначен С. Н. Волощук.

Работая руководителем СГАО «Висмут» с 1961 г., С. Н. Волощук проявил большой талант организатора. За годы его руководства было добыто 175 тыс. тонн урана, при этом годовой объем достиг 7 тыс. тонн. Для получения таких результатов были решены многие сложные технические проблемы, наиболее серьезными из них были следующие.

Под руководством С. Н. Волощука была разработана и внедрена не имеющая мировых аналогов система кондиционирования рудничного воздуха для отработки уникального глубокого месторождения Нидершлема-Альберода, что обеспечило нормальные климатические условия труда горняков.

Вторая проблема — борьба с эндогенными пожарами руды и вмещающих пород на месторождении урана в Тюрингии. Для их тушения были разработаны и внедрены специальные способы и совершенно новая технология ведения очистных работ. Внедрение этой технологии помогло потушить все пожары, предотвратить возникновение новых и создать условия для применения высокопроизводительного самоходного оборудования.

За научное руководство этими двумя работами С. Н. Волощуку были присуждены Государственные премии СССР.

Вопреки международному соглашению о замене генерального директора СГАО «Висмут» через каждые пять лет представителем ГДР или СССР, правительство ГДР внесло предложение о продлении срока работы действующего директора. Таким образом, Семен Николаевич оставался генеральным директором СГАО «Висмут» в течение 25 лет, до 1986 г.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 апреля 1981 г. С. Н. Волощуку было присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот». Он награжден четырьмя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», многими медалями. Правительство ГДР наградило его орденом Карла Маркса, орденом «За заслуги перед Отечеством» и золотой звездой Дружбы народов. С. Н. Волощук удостоен звания «Герой труда ГДР».

Борис Константинович СЕРЕДА (1912–1968). Горный инженер-шахтостроитель. Кандидат технических наук, доцент. Заведующий кафедрой разработки рудных месторождений Свердловского горного института. В 1962 г. был командирован в СГАО «Висмут» для оказания помощи по ликвидации эндогенных пожаров на рудниках Тюрингии. Работал главным инженером СГАО «Висмут» по 1966 г. Горный директор I ранга. Лауреат Ленинской премии. Участник войны с Японией 1945 г. Награжден орденами Отечественной войны I степени, «Знамя труда».

Первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» правление Общества снова утверждает **Вернера Рихтера**.

Главным инженером — заместителем генерального директора СГАО «Висмут» после К. П. Новикова один год работает Владимир Васильевич Михайлов, а затем — **Борис Константинович Серед**.

В результате дальнейшей концентрации производства и повышения его эффективности в 1960-е гг. формировалась новая структура и новая организация управления в СГАО «Висмут». Характерной особенностью этого процесса было преобразование Объектов в самостоятельные предприятия, которые подчинялись непосредственно Генеральной дирекции. Одновременно с этим из состава Объектов и упраздненных центральных управлений выделялись службы, которые получили статус самостоятельных предприятий и специализированных учреждений. В это время были организованы:

- Горное управление Цобес на базе Объекта 6 Цобес/Ауэрбах (ликвидировано в 1964 г. в связи с доработкой запасов);
- Центральное геологическое предприятие (1966 г., Грюна);
- Транспортное предприятие (1966 г.);
- Научно-технический центр (1968 г., Грюна);
- Проектное предприятие (1968 г., Карл-Маркс-Штадт);
- Организационно-вычислительный центр (1969 г., Карл-Маркс-Штадт).

Этим предприятиям была предоставлена самостоятельность в различных областях хозяйственной деятельности.

В 1962 г. рудник Лихтенберг объединяют с рудником Ройст.

В то же время в 1960-х гг. были ликвидированы малорентабельные Объекты: Объект 31 (Ленгельфельд), Объект 95 (Гиттерзее), Объект 36 (Грюна).

Созданная в результате этой реорганизации новая структура СГАО «Висмут» в период 1970–1980-х гг. изменилась незначительно. В начале 1970 г. Объект 90 ликвидируется, а входящие в него горнодобывающие предприятия становятся самостоятельными с подчинением непосредственно Генеральной дирекции. В 1976 г. ликвидировано горное предприятие карьер Лихтенберг, в 1989 г. — перерабатывающее предприятие № 101 (Кроссен).

Целью проведения в этот период изменений структуры была рационализация работы отдельных предприятий и служб с учетом экономических соображений.

Подсобно-вспомогательные предприятия, наряду с обеспечением основного производства Общества, выполняли заказы и работы для нужд других отраслей народного хозяйства ГДР. Особый статус СГАО «Висмут» постепенно ограничивался.

В 1980-е гг. в Генеральной дирекции образованы новые службы: по науке и технике, по микроэлектронике и вычислительной технике.

Начиная с 1986 г. по экономическим и стратегическим соображениям проводились первые мероприятия, направленные на создание и развитие неурановых производств в Обществе, для изготовления изделий и выполнения работ по заказам народного хозяйства ГДР и на экспорт.

В конце 1980-х гг. проводились первые мероприятия для изменения профиля производства, структуры и организации управления СГАО «Висмут» с учетом изменившихся условий деятельности Общества.

Б. К. Серед

Шахта № 371 в период строительства (1957–1958) (фото из архива Wismut GmbH).

Шахта № 371 в 1962 г. (фото из архива Wismut GmbH).

1958 г. — 130,9 м/мес., а в апреле 1958 г. — 155,8 м/мес.

На стволе № 372 с кирпичной крепью в марте 1958 г. было пройдено 102,0 м/мес.

При армировке ствола № 371 глубиной 1090 м по предложению З. Ш. Мустафина была применена восходящая схема производства работ по направлению снизу вверх с одновременным демонтажом проходческого оборудования, установкой расстрелов (лунки оставались в процессе возведения бетонной крепи), проводников и эксплуатационных ставов труб на всю глубину ствола. Ствол был армирован за 55 дней, причем за полный месяц была достигнута скорость армировки 605 пог. метров ствола, что являлось мировым достижением. В мае 1959 г. состоялся официальный пуск в эксплуатацию комплекса шахты № 371, получившей название «Югендшахт 1 мая».

Одновременно на шахте была запущена установка автоматической сортировки руд (РАС). В 1963–64 гг. — автоматическая радиометрическая фабрика (РАФ).

Для строительства стволов шахт №№ 366, 371, 372, 373, 382 и 383 на месторождении Нидершлема-Альберода в составе общества «Висмут» в Лаутере функционировал до 1960 г. шахтостроительный Объект 11, в 1960 г. эти работы были переданы Объекту 9.

Увеличение температуры пород на величину свыше 60 градусов на глубинах, достигнутых к началу 1960-х гг., вызвало необходимость охлаждения рудничного воздуха. В этих целях с 1960-го по 1964 г. СГАО «Висмут» совместно с сотрудниками Института теплофизики

АН УССР (г. Киев), академиком А. Н. Щербань, докторами наук О. А. Кремневым и В. П. Черняк разработал и реализовал систему охлаждения рудничного воздуха для отработки месторождения Нидершлема-Альберода. В 1964 г. на шахтах № 382 и 383 были введены в эксплуатацию холодильные комплексы на поверхности с подземными теплообменниками и воздухоохладителями, которые позволили снизить температуру рудничного воздуха до 25 градусов. В 1977 г. была введена в эксплуатацию система централизованного охлаждения воздуха при помощи турбоохладительных агрегатов на горизонте –1485 м и в 1987 г. — система с винтовыми охладительными агрегатами на горизонте –1620 м.

Стабильное развитие рудников Объекта 9 позволило ему в 1968 г. достичь добычи урана в 5000 тонн и стать основным поставщиком продукции среди остальных предприятий СГАО «Висмут».

В эти годы на Объекте работали: Н. Н. Боровиков, И. И. Белов, П. И. Балковой, А. А. Бирюк, Ю. М. Гаврилов, М. А. Джангирьянц, В. А. Дзасохов, И. В. Дорофеичев, В. Д. Жильцов, В. В. Кротков, Г. В. Кудряшов, Э. А. Мурзин, В. П. Непочатых, Н. Ф. Обухов, А. В. Потетюрин, Ю. К. Речкин, И. В. Токарев, И. А. Ястребов, В. Н. Кучевский, А. М. Чумаченко и другие специалисты. В 1968 году директором Объекта 9 назначен Вернер Эберт.

На Объекте 6 (Фогтланд), обрабатывающем месторождение Цобес, в 1953 г. продолжилось вскрытие нижних горизонтов стволом № 364 и слепыми стволами № 294/1, 294/2, 320, 362/2.

Начальником Объекта 6 в 1955 г. был Николай Васильевич Стадниченко, главным инженером Иван Иванович Белов. Начальниками шахт и главными инженерами — Александр Иванович Котин, Иван

Владимирович Сергеев, Алексей Михайлович Тимофеев, Николай Александрович Вольхин, Александр Иванович Антоненко, Валентин Данилович Кузин. Главным геофизиком на шахте № 181 — Игорь Александрович Лучин.

Схема вскрытия месторождения Цобес показана на рис. 2. Для механизации погрузочных работ при проходке в стволе с 1952–1953 гг. начали использовать советские грейферные погрузчики БЧ. Это позволило увеличить скорости проходки стволов, которые обычно составляли 20–30 м/мес. В 1955 г. на стволе № 364 бригада шахтопроходчиков достигла скорости проходки 76,2 м/мес., что явилось рекордом ГДР на то время. Интенсивно велись горно-капитальные, геологоразведочные и подготовительные работы. Если в 1949–1951 гг. средняя скорость проходки горизонтальных выработок составляла 15–20 м/мес., то в 1953 г. она превысила 30 м/мес. На главных направлениях вскрытия и подготовки новых запасов организовывали скоростные проходки. В 1957 г. проходку вскрывающей выработки вели со скоростью 350 м/мес.

Добыча урана на месторождении Цобес

стала стремительно расти. Так, если в 1952 г. она равнялась 65 тоннам, то в 1953 г. — 305 тоннам и достигла своего максимума в 1959 г. — 644 тонны. После этого пошло снижение добычи, и в 1963 г. она составила 141 тонну.

На Цобесе горняки одни из первых в «Висмуте» почувствовали повышение температуры горных пород с ростом глубины (1 град./30 метров) ведения горных работ, которые достигли 870 метров. Температура рудничного воздуха в забоях на нижних горизонтах повышалась до 31 градуса при практически 100 % влажности. Время работы в отдельных забоях сокращали с 7 до 6 часов. В 1961 г. на руднике появились передвижные рудничные кондиционеры WK-20, которые охлаждали воздух в рабочих забоях. Первый опыт работы на глубоких горизонтах Цобеса в условиях высоких температур горных пород был использован для отработки уникального глубокого месторождения Нидершлема-Альберода.

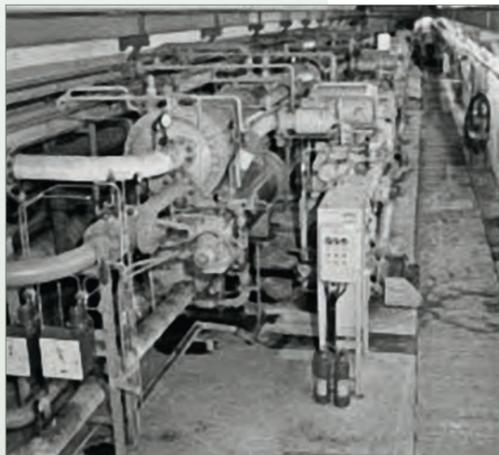

Шахта № 294 (фото из архива Wismut GmbH).

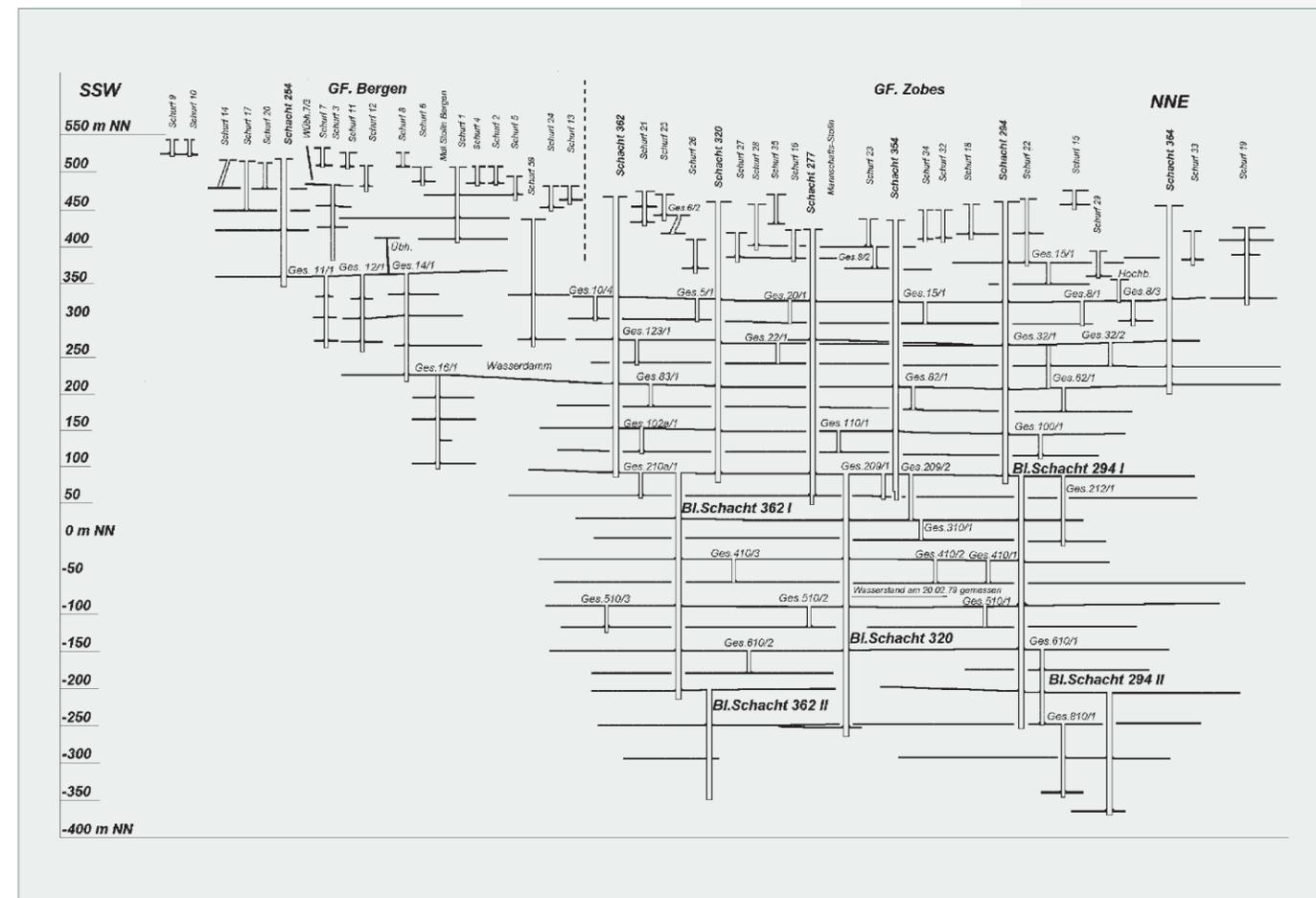
Рис. 2. Вскрытие месторождения Цобес.

Турбоохладительные агрегаты на горизонте 1485 м (фото из архива Wismut GmbH).

Винтоохладительные агрегаты на горизонте 1620 м (фото из архива Wismut GmbH).

Строительство рудников и карьеров на Роннебургском рудном поле

Геологические и горные работы в районе Роннебургского рудного поля начались Объектом 30 в сентябре 1950 г. Но первые результаты геологоразведки были настолько впечатляющие, что позволили сразу начать эксплуатацию найденных запасов организованным 1 октября 1950 г. Объектом 90, который располагался в Гере. Особенностью месторождения Роннебургского рудного поля было содержание пирита (до 15 %) и органических веществ (местами до 20–25 %) в урановых рудах и вмещающих породах. При разрыхлении и увлажнении такой горной массы происходит окисление пирита и органических веществ и выделение большого количества тепла, которое приводит к самовозгоранию и возникновению эндогенных пожаров. Это наложило свой отпечаток на выбор системы разработки

для месторождений Роннебургского рудного поля (см. об этом дальше в разделе «Совершенствование техники и технологии ведения очистных работ на Роннебургском рудном поле»). Первыми уранодобывающими предприятиями были:

- карьеры Зорге-Сетендорф-Трюнциг (до 1957 г.), Штольценберг (до 1957 г.), Кульмиш (до 1967 г.) и Лихтенберг (до 1976 г.);
- рудник Лихтенберг: с 1950 г. — разведка, с 1951-го — шахтоуправление, с 1962 г. — предприятие Ройст, с 1988 г. входит в горнодобывающее предприятие Шмирхау;
- рудник Шмирхау: с 1950 г. — разведка, с 1951 г. — шахтоуправление в структуре Объекта 90, с 1956 г. — центральный рудник Шмирхау, с 1970 г. — самостоятельное горнодобывающее предприятие Шмирхау — одно из крупнейших предприятий в «Висмуте»;
- рудник Пайцдорф: с 1952 г. — разведка, 1955 г. — подземные горные и геологоразведочные работы, 1961 г. — организация шахтоуправления Пайцдорф, с 1970 г. — самостоятельное горнодобывающее предприятие.

Начальником Объекта 90 в 1954 г. был Николай Леонтьевич Лукьянов, главным инженером — Вячеслав Иванович Шестаков, которого сменил Антон Антонович Канюк, начальником ПТО — Николай Никифорович Алексеенко, главным геологом — Георгий Михайлович Данилов. С 1956 года начальником объекта был Василий Алексеевич Собко, будущий генеральный директор СГАО «Висмут». В 1959 г. начальником Объекта был Иван Акимович Матюшенко, главным инженером — Георгий Иванович Пепелев, главным геологом —

Александр Васильевич Подпорин. С 1960 г. начальником Объекта 90 назначается Хорст Левандовски, главным инженером — Георгий Иванович Пепелев, главным геологом — Павел Васильевич Сергеев. После 1954 г. на рудниках руководили горняки: В. Д. Бородин, А. Р. Булатов, А. П. Величко, В. Д. Воробьев, Н. И. Горбачев, В. Я. Горяистов, А. Н. Егоров, М. П. Комаров, П. Ф. Смирнов, П. И. Скрипка, Я. П. Тугаев, В. К. Черный, П. Ф. Шарапов, Л. Д. Шемякин; геологи и геофизики: Г. М. Данилов, Ю. С. Алексеев, Е. И. Гусаков, В. А. Дергачев, Вл. А. и Вит. А. Ильченко, В. Н. Иванов, А. И. Ильиных, В. В. Марченко, Н. И. Никитин, И. Г. Соловьев, К. М. Плакида, Н. Н. Раннев, Ю. М. Гаврилов, Ю. И. Алексеев, Н. И. Никитин, О. С. Чапкович, К. М. Плакида.

Рудник Шмирхау — самый крупный из рудников Роннебургского рудного поля.

В марте 1952 г. была начата проходка первого ствола № 356, заложенного севернее деревни (отселенной) Шмирхау в центре разведанных на тот период запасов рудного поля. Ствол был пройден в январе 1953 г. до отметки –120 м. Но еще до его пуска в эксплуатацию через разведочные шурфы на горизонтах –30 м и 60 м были пройдены 7600 м выработок. Полученные результаты геологоразведки свидетельствовали о распространении богатого оруденения на глубину.

В 1954 г. было принято решение о вскрытии месторождения на глубину до отметки –240 м. Проектирование проводила бригада специалистов из ПромНИИтехнологии под руководством Г. А. Никифорова. О работе группы рассказывает в своих воспоминаниях М. А. Солодов, работавший в этой бригаде.

Были заложены два ствола — клеветой № 367 и скиповой № 368, оба диаметром 6 м. Была реализована советская технология проходки этих стволов по параллельной схеме производства работ, которая в ГДР не была известна. Комплексы проходческого ствольного оборудования, чертежи которого были получены от комбината «Кузбассшахтострой» и откорректированы А. М. Солодовым, были изготовлены на заводе № 536 (Кайнсдорф). Средняя скорость проходки этих стволов составила 58 м/мес. при средней скорости по ГДР — 30 м/мес. Передача комплексов шахт № 367 и 368 в эксплуатацию от шахтостроителей Объекту 90 состоялась 1 мая 1956 г.

Однако прирост запасов на нижележащих горизонтах потребовал проведения углубки ствола шахты № 67 с горизонта –240 м до горизонта –300 м. Углубку ствола произвели в 1960 г.

В марте 1963 г. начата проходка грузовой вентиляционной ствола № 381 для вскры-

тия горизонтов рудного поля Роннебург Норд-Вест. Глубина ствола — 598,7 м, диаметр — 5 м. Проходку ствола закончили в декабре 1965 г. Максимальная скорость проходки за 30 рабочих дней достигала 156,2 метра.

Во второй половине 1971 г. начата проходка ствола № 407, предназначенного для централизованного материального снабжения рудников Шмирхау, Пайцдорф и Ройст.

В 1973 г. рудник Шмирхау достигает максимума (~1800 тонн) своей годовой добычи урана, которая в последующие годы начинает снижаться.

С получением новых результатов о распространении урановых рудных тел в нижние части рудного поля Роннебург Норд-Вест разрабатывается проект вскрытия нижних горизонтов этого участка с помощью рампы (наклонного съезда). Руководителем работ был технический директор Шмирхау Рудольф Дейнеке. Рампу сечением 8,3 м² и длиной 2150 м начали проходить в 1983 г. с помощью самоходной дизельной техники (погрузочно-доставочных машин и подземных самосвалов) с горизонта –300 м на горизонт –570 м. С помощью рампы были обеспечены сбойки со стволом № 381 на горизонтах –390 м и –570 м. Все эти работы завершили в 1987 г.

Для организации проветривания с 1983 г. начали широко применять буровые установки типа БГ для разбуривания пилотных скважин до диаметра 2,4 метра. Такими установками пробурено 4 вентиляционных ствола: № 352, 514, 515 и 595 и обеспечена подача свежего воздуха для участков «Целик-Норд» (под г. Роннебург) и «Роннебург Норд-Ост».

В 1984 г. начато вскрытие оставшихся запасов богатой руды в 40 метрах от дневной поверхности и в непосредственной близости от важных объектов рудника. Вскрытие было произведено штольной со стороны карьера Лихтенберг. Успешный опыт отработки запасов под г. Роннебург позволил и в этом случае отработать запасы под объектами предприятия без осложнений.

В 1989 г. рудник Шмирхау поставил 1004 тонны урана, в том числе 937 тонн в руде, 8 тонн — подземное выщелачивание, 59 тонн — кучное выщелачивание. Шмирхау в этот год поставил 24,1 % от общего объема поставок урана «Висмут» и занял первое место среди предприятий-поставщиков в «Висмуте».

Директорами рудника работали: Лотар Роннеберг, Гюнтер Хюбнер, Роланд Прокоп. Советскими руководителями — В. Т. Карчинский, Н. С. Арсенов, Н. И. Горбачев, Б. Ф. Шевченко, П. И. Скрипка, А. В. Авраменко.

Рудник **Ройст**. Геологоразведка началась в 1950 г. на участке Лихтенберг. В октябре 1951 г. сформирована шахта Лихтенберг в составе Объекта 90. В 1957 г. началось оснащение рудника Ройст силами Объекта 17. В 1958 г. сформировано шахтоуправление Ройст в составе Комбината 5. В 1962 г. рудник Лихтенберг вошел в рудник Ройст, которому в 1964 г. присвоили имя DSF (Германо-Советской Дружбы). Коллектив рудника охотно воспринимал новшества горной техники и технологии. В 1969 г. рудник становится самостоятельным предприятием. Ему поручаются функции центрального склада снабжения материалами, цеха пожаротушения и закладки, участка бурения скважин. С 1977 г. занимается вопросами кучного выщелачивания.

В 1988 г. рудник Ройст вливается в рудник Шмирхау. За время своей деятельности рудник Ройст добыл 20 495 тонн урана.

Директорами рудника Ройст были Гюнтер Хюбнер, Вернер Гепель. Главными инженерами и геологами — В. И. Половинкин, Н. Д. Поландов, В. Я. Горяистов, П. А. Рязанцев, О. И. Алексеев, Е. И. Гусаков, Г. Ф. Мастакович др.

Рудник **Пайцдорф**

был наиболее современным среди первых рудников Роннебургского рудного поля. Был учтен опыт, полученный при ведении разведки и строительстве Ройста и Шмирхау. В сферу горной деятельности рудника были включены следующие участки Роннебургского рудного поля:

- Пайцдорф;
- Роннебург Норд-Ост;
- Роннебург Норд;
- Роннебург Штадт;
- Райцхайн;
- Меннсдорф;
- Хазельбах/Рюкерсдорф.

Разведочный ствол № 363 прямоугольного сечения начали проходить в апреле 1954 г. На стволе, пройденном на глубину 240 метров, были сделаны две рассечки рудодворов на отметках –150 м и –240 м. Проходку ствола закончили в ноябре 1954 г.

В августе 1956 г. начата проходка ствола № 377 с целью обеспечения сбойки с разведочным стволом № 363 для ведения горных работ на горизонте –150 м и организации безопасного выхода. Проходку ствола закончили в марте 1957 г. Проходка этих стволов и сбойка на горизонте –150 м позволили в 1956/1957 гг.

Комплексы шахт № 367 и 368 на руднике Шмирхау (фото из архива Wismut GmbH).

Общий вид рудника Пайцдорф (фото из архива Wismut GmbH).

Общий вид рудника Беервальде (фото из архива Wismut GmbH).

Рудник Дрозен (1990 г.) (фото из архива Wismut GmbH).

Надвижка копра с помощью кессонов на воздушной подушке (фото из архива Wismut GmbH).

Укладка рольгангов при надвижке копра на ствол № 415 (фото из архива Wismut GmbH).

начать детальную геологоразведку и подготовку запасов к выемке на участке Пайцдорф. Расстояние между горизонтами до глубины –300 м приняли величиной 30 метров, ниже этой отметки — 45 м.

После проходки центрально-сдвоенных стволов № 384 и 384бис началась интенсивная подготовка запасов к очистным работам. В период 1964–1980 гг. подготовительные работы концентрировались в основном между горизонтами –120 м и –240 м. После 1978–1979 гг. центр работ начал смещаться в районы между горизонтами –345 м и –570 м.

На Пайцдорфе в процессе его развития применялись системы разработки: камерные с магазинированием отбитой руды, слоевого обрушения и слабонаклонными слоями в нисходящем порядке под твердеющей закладкой (ТмV). Система ТмV начала применяться с 1965 г. и к 1971 г. стала основной на руднике. Это позволило не только ликвидировать возможность возникновения эндогенных пожаров при отработке месторождения, повысить безопасность ведения очистной выемки и улучшить санитарно-гигиенические условия труда горняков, но и дало возможность применять высокопроизводительное самоходное оборудование. На руднике успешно применялись все виды новой горной техники: самоходное погрузочно-доставочное оборудование с пневматическим, дизельным и электрическим приводом, буровые станки для бурения скважин, механизированные полки для проходки восстающих, буровые каретки для очистных и проходческих работ.

Начав добычу урана в 1957 г. и постепенно ее наращивая, рудник Пайцдорф с 1965 г. увеличил ее с 200 тонн до своего максимума 1300 тонн, достигнутого в 1977 г. Директорами рудника были Хорст Левандовски, Вернер Гепель, Манфред Хоффман.

В последний, 1989-й, год работы рудника Пайцдорф было добыто 880 тонн урана, содержащегося в 1,055 млн тонн руды со средним содержанием 0,0777 %. Главными инженерами рудника в разные годы были: Николай Антонович Сорока, Ким Георгиевич Лазаревич, Анатолий Алексеевич Степин, Борис Федорович Шевченко, Александр Васильевич Авраменко.

Следующим рудником, построенным на месторождении Роннебургского рудного поля, был **Беервальде**. В 1967 г. был заложен шахтный комплекс шахты № 397. В 1971 г. начаты геологоразведочные работы на участке Райцхайн со стороны рудника Пайцдорф. В 1974 г. — организовано самостоятельное горнодобывающее предприятие Беервальде. В октябре 1975 г. Беервальде присвоено звание «Молодежное горнодобывающее предприятие им. Э. Тельмана».

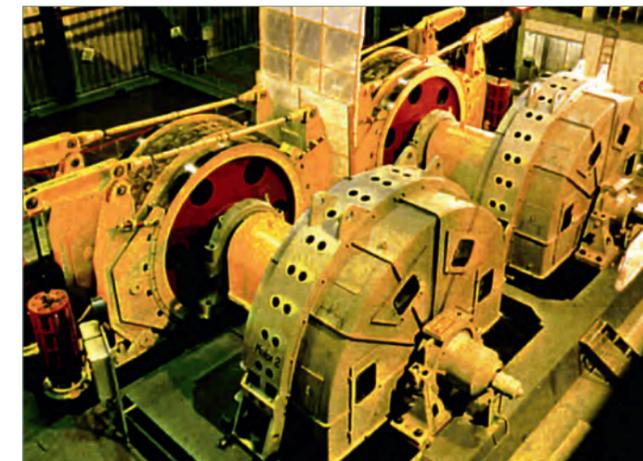
Директором рудника был Вильфрид Брауэр. Главными инженерами с ним работали Борис Никонович Лобанов, Петр Михайлович Кузема, Геннадий Никанорович Васильцов; главными геологами — Олег Иванович Алексеев, Владимир Николаевич Кузин.

Последний рудник, построенный на Роннебургском рудном поле и в «Висмуте», — **Дрозен**.

Разведка этой части месторождения началась в 1964 г. Пробурено более 600 скважин. Первоначально запроектированную мощность рудника из-за участившихся неподтверждений запасов урана на флангах месторождения Роннебургского рудного поля пришлось скорректировать в сторону уменьшения. Окончательно для дальнейшего проек-

Надвижка башенного копра на ствол № 415 (из архива Wismut GmbH).

Подъемные машины МК4+4 на копре № 415 (из архива Wismut GmbH).

тирования была принята годовая производительность рудника 890 тонн урана. Основная часть запасов находилась между горизонтами –420 м и –720 м. Выявленные при гидрогеологических исследованиях структурных скважин несколько водоносных горизонтов, которые могли встретить при проходке стволов, вынудили провести предварительную (до проходки стволов) цементацию водоносных горизонтов. Цементацию проводила специализированная фирма «Борлохцементирунг» из Гомерна. Проходку скипового и клетьевого стволов глубиной ~880 м, диаметром в свету — 7,1 м, в проходке — 8,3 м, начали в 1976 г. и закончили в 1980 г. Тем не менее, несмотря на проведенную цементацию, при проходках технологических отходов случался аварийный приток воды: в феврале 1976 г. — на стволе № 415 (240 м³/час), в октябре 1976 г. — на стволе № 403 (400 м³/час). Приток воды происходил из пласта верро-доломитов толщиной всего 0,5 метра. В описании структурной скважины на этой отметке было записано — «потеря керна». Чтобы обезопасить стволы при их эксплуатации от протечек воды в районе пересечения трех водоносных горизонтов (~100 м) применили оригинальную технологию крепления. В процессе проходки этой части ствола его крепили монолитным бетоном толщиной стенки 0,3 м. Затем снизу вверх на внутреннюю поверхность первого слоя бетонной крепи укладывали гладкую полимерную пленку толщиной 2 мм, сваривая ее концы, и на нее заливали второй слой монолитного бетона толщиной 0,3 м.

Учтя неудачный опыт цементации на предыдущих стволах, перед проходкой вентиляционного ствола № 416 заморозили его верхнюю часть на глубину 123 метра. Эту часть ствола тоже закрепили бетонной крепью с полимерной пленкой.

В целях сокращения сроков строительства рудника принято решение о монтаже

постоянных копров рядом со стволами, находящимися в проходке. После окончания проходки стволов предварительно смонтированные копры надвигаются на постоянное место над устьем ствола. Надвижку предварительно смонтированного копра шахты № 403 на ствол осуществили 26 августа 1982 г.

Башенный копер шахты № 415 со смонтированным оборудованием и подъемными машинами высотой 90 метров и общим весом 4700 тонн надвинут на ствол 14 октября 1983 г. Это ускорило пуск на 2 года. Первые тонны урановой руды добыты в 1982 г. и в последующие годы наращивали объемы добычи согласно проектному заданию. В 1989 г. объем добычи достиг запланированных 600 тонн. После этого добыча урана была снижена и, выдав в 1991 г. последние 300 тонн, рудник Дрозен прекратил свою горную деятельность, и были начаты работы по демонтажу оборудования и санированию поверхности.

Директором рудника был Роланд Штельциг, главными инженерами с ним работали Лев Павлович Бородин, Валерий Николаевич Кузнецов, Вячеслав Дмитриевич Жильцов, Олег Мухарбекович Кастуев, Анатолий Александрович Комчугов. Главными геологами были Владимир Николаевич Кузин, Александр Федорович Шаранов, Владимир Аркадьевич Беляков.

По мнению фирмы «Интеруран» (Саарбрюкен) и ведущей французской уранодобывающей фирмы Cogema, проводивших в августе — сентябре 1990 г. экономическую оценку месторождения Дрозен, «рудник Дрозен — современное, хорошо оснащенное современной техникой предприятие. Техническое оснащение и механическое оборудование, особенно подъемные установки, даже по западным меркам основательно спроектированы и реализованы»¹.

¹ Bewertung des Bergwerk Drosen Cogema und Interuran, Oktober 1990, Geologisches Archiv GmbH Wismut.

Выщелачивание руд на Роннебургском рудном поле

Комплекс кучного выщелачивания в Гессене.

После того как в 1966 г. в результате лабораторных исследований была экспериментально доказана выщелачиваемость

Совершенствование техники и технологии ведения очистных работ на Роннебургском рудном поле

В начальный период эксплуатации Роннебургского рудного поля (с 1951 г.) применялись системы разработки со слоевым обрушением с выемкой заходками и с выемкой лавами, а также системы разработки горизонтальными слоями со станковой крепью и закладкой. Но они не давали нужного эффекта по производительности и имели высокую стоимость добываемой руды.

Кроме того, отработка Роннебургского рудного поля была осложнена тем, что урановые руды представлены углисто-кремниевыми и углисто-глинистыми сланцами, которые содержат от 2 до 15 % пирита и до 20–25 % органических веществ. Это приводило к тому, что в раздробленном состоянии руды сульфиды и органика легко окислялись с большим выделением тепла и самовозгорались.

В результате проведенных в широких масштабах опытных работ была выбрана система разработки с открытым выработанным пространством — система подэтажных штреков с отбойкой руды комплектами верных скважин из подэтажных выработок и этажно-камерная система разработки с послонной отбойкой руды глубокими горизонтальными (параллельными и веерными) комплектами скважин. Одновременно в ходе работ объем отбиваемой руды был

урановых руд Роннебургского рудного поля, началось систематическое проведение испытаний по поверхностному и подземному выщелачиванию бедных руд. Промышленное освоение этого метода было начато в начале 1970-х гг. и закончено в 1989 г.

На рудниках Шмирхау в 1966–1972 гг. и на Ройсте в 1974–1989 гг. проводились экспериментальные работы и полупромышленные испытания по подземному выщелачиванию в массиве и в отбитой горнорудной массе, в ходе которых была доказана пригодность этого метода для внедрения в производство. Однако в связи с высокой стоимостью добываемого этим методом урана в дальнейшем работы были остановлены. С 1971-го по 1989 г. на Шмирхау, в районе бывшего песчаного карьера Гессен, и на Ройсте с 1974-го по 1989 г. находились в эксплуатации установки по отвальному и кучному выщелачиванию. На обеих установках было выщелочено 21,5 млн тонн бедных и забалансовых руд из месторождений Роннебургского рудного поля и получено 2670 тонн урана.

увязан с периодом ее самовозгорания и техническими возможностями блока по выпуску, чтобы исключить самовозгорание руды.

Для тушения возникающих эндогенных пожаров широко применяли заиливание обрушенных горных пород как через скважины с поверхности, так и из подземных выработок через перемычки. В 1957 г. было построено два глиноземных завода и в 1958 г. — еще один мощностью 750 м³/сутки. Кроме того, было изготовлено большое количество передвижных заилочных установок.

Однако на рудниках Шмирхау, Лихтенберг и Ройст количество эндогенных пожаров не уменьшалось. В связи с изоляцией пожаренных участков были законсервированы большие запасы руды. Это привело к резкому сокращению добычных работ на рудниках и увеличению нагрузки на открытые горные работы — карьер Лихтенберг.

Была пересмотрена и коренным образом улучшена вся организация и практика тушения эндогенных пожаров на рудниках. В феврале 1962 г. был организован единый для всех рудников пожарный цех для выполнения всего комплекса работ по борьбе с пожарами и профилактическим заиливанием. Ему были подчинены карьеры по добыче глины, заводы по приготовлению пульпы, пульпопроводы,

транспортное и буровое оборудование. Построен новый глиноземный завод.

Все эти меры позволили к маю 1965 г. полностью ликвидировать подземные пожары, вовлечь в отработку законсервированные запасы руды и нормализовать горные работы на рудниках.

Большую помощь в проведении работ по совершенствованию систем разработки Роннебургского рудного поля и в вопросах профилактического заиливания и борьбы с эндогенными пожарами оказали сотрудники уральского института «Унипромедь» Поляков, Копьев, Дружинин и др., работавшие в горной лаборатории Научно-технического центра. Особенно следует отметить работу, проведенную доктором технических наук Борисом Константиновичем Середой, который в то время был главным инженером СГАО «Висмут».

Поиску дальнейших путей совершенствования технологии очистной выемки был посвящен технический совет СГАО «Висмут» 4 мая 1964 г., который решил провести опробование «Слоевой выемки сверху вниз под твердеющей закладкой с высотой отработываемого слоя 2,5 м». Разработкой этой системы занимался коллектив горной лаборатории НТЦ, руководителем которой в то время был кандидат технических наук Михаил Николаевич Цыгалов.

Успешно проведенные испытания новой системы позволили приступить к следующему коренному этапу совершенствования технологии ведения очистных работ на Роннебургском рудном поле. Это было внедрение системы разработки со слоевой выемкой в нисходящем порядке и твердеющей закладкой выработанного пространства.

Она отвечала следующим требованиям:

- полностью исключала возникновение эндогенных пожаров;
- повышала безопасность ведения горных работ под твердеющей закладкой и создавала нормальные санитарно-гигиенические условия труда горняков;
- обеспечивала полноту извлечения полезного ископаемого в условиях сложной морфологии рудных тел, в том числе в охранных целиках под зданиями и сооружениями;
- обеспечивала сохранение боковых пород, кровли и вышележащих горизонтов от обрушения;
- позволяла создавать широкий фронт работ на нескольких уровнях (горизонтах) при отработке одного рудного тела;
- давала возможность применения высокопроизводительного самоходного оборудования.

Первые опыты были начаты в 1964 г. Объем применения этой системы разработки

в течение 6 лет был доведен до 90 %. Количество пожаров вначале резко сократилось, а затем они полностью исчезли. Производительность труда забойщиков увеличилась по сравнению с системой слоевого обрушения в два раза (до 7–8 м³/чел. в смену в 1972 г.). К 1973 г. рудники Роннебургского рудного поля полностью перешли на систему разработки слоями под твердеющей закладкой.

С 1964-го по 1966 г. для приготовления твердеющих закладочных смесей использовались временные установки, которые располагались у скважин, пробуренных с поверхности для одного или нескольких блоков. В 1966 г. был сдан в эксплуатацию первый в отрасли стационарный закладочный завод на руднике Шмирхау. Впоследствии были построены закладочные заводы на рудниках Ройст, Пайцдорф и Дрозен.

Если в начальной стадии внедрения новой системы отработки в качестве вяжущего вещества для приготовления закладочных смесей использовался цемент, то в последующие годы в результате проведения большого объема лабораторных исследований и опытных работ удалось в значительной степени снизить долю цемента в закладочных смесях, заменив его на электрофильтровальную золу. В 1990 г. доля цемента в закладочных смесях была снижена до 5 %.

К середине 1970-х гг. в результате проведения научно-исследовательских работ были разработаны варианты системы выемки слоями с закладкой, позволявшие отработывать запасы в охранных целиках под застроенными участками поверхности без какой-либо опасности для сооружений на поверхности и для общественной безопасности.

Было произведено техническое перевооружение на очистных работах. Вместо скреперного оборудования стали применять погрузочно-доставочные машины типа «Каво-310» фирмы «Атлас-Копко». Расчет необходимого количества горного оборудования показал целесообразность развития собственной машиностроительной базы, которая бы полностью обеспечила рудники комплексами горного оборудования и организовала их ремонт и обслуживание.

Проведенная модернизация машиностроительных заводов позволила в короткий срок (менее одного года) разработать и изготовить опытную партию нового горного оборудования для ведения очистной выемки.

Были разработаны и серийно освоены:

1. Пневматическая погрузочно-доставочная машина ЛБ-125/1000.

Машина предназначалась для погрузки и доставки отбитой горной массы от забоя до рудоспуска. Она позволяла производить погрузочные работы в криволинейных

М. Н. Цыгалов.

Погрузочно-доставочная машина ЛБ-125/1000 в забое (фото из архива Wismut GmbH).

Самоходная буровая каретка БВК в блоке (фото из архива Wismut GmbH).

Буровая каретка БВА в забое (фото из архива Wismut GmbH).

выработках, зачищать почву выработок от горной массы, чем выгодно отличалась от скреперных установок.

Заводом «Гормаш Ауэ» с 1970 г. освоено серийное производство этих машин. Только в 1985 г. было произведено 1000 штук. Они поставлялись также в СССР, Чехословакию, Болгарию, Венгрию.

2. Несколько типоразмеров самоходных буровых кареток для бурения шпуров в очистных забоях (ЛБГ, БВА, БВК).

Буровая каретка БВА для работы в очистных забоях имеет два манипулятора с ходом автоподатчика 2170 мм. На каретке устанавливаются перфораторы массой 33 кг. С одного положения каретка может обуривать забой площадью до 11,6 кв. м. Каретка преодолевает уклоны до 12 градусов.

Буровая каретка БВК предназначена для работы в очистных забоях при разработке маломощных рудных тел и проходке выработок сечением 3,5–6,5 м² и состоит из пневмоколёсного шасси, имеющего пневматический привод, гидропривода цилиндров манипулятора, пульта управления. Ход автоподатчика перфоратора весом 33 кг составляет 1630 мм. Для удобства транспортировки по выработкам может разбираться на три легко транспортируемые части.

Как показал опыт эксплуатации в различных горно-геологических и горнотехнических условиях, наиболее эффективно сочетание погрузочно-доставочных машин ЛБ-125/1000 и буровой каретки типа БВА.

Применение твердеющей закладки позволило увеличить устойчивую ширину обнажения с 4–6 м под естественной кровлей до 8–12 м под искусственной кровлей без ограничения их длины и, соответственно, увеличить размеры выемочных участков с 250 до 700 кв. м под искусственной кровлей.

Ответственным элементом при ведении закладочных работ является возведение закладочных перемычек. В процессе отработки технологии был накоплен большой опыт

применения различных конструкций закладочных перемычек, от наиболее трудоемких в монтаже деревянных и бетонных до наиболее легких — канатных.

Канатные перемычки воспринимают нагрузку незатвердевшей закладочной смеси системой тросов, зигзагообразно натянутых параллельно почве и закрепленных в стенках выработок с помощью химических анкеров и металлической сетки, укрепленной на тросах. Для дренирования жидкости из закладочной смеси в процессе затвердевания и равномерной передаче давления на систему тросов на внутреннюю сторону перемычки навешивается стекловолокно.

Многолетний опыт применения канатных перемычек показал их высокую надежность и эффективность.

Другим важнейшим процессом, обеспечивающим безопасность при работе под твердеющей закладкой, является экспресс-метод качества и прочности закладки. Был разработан метод ультразвукового контроля ее свойств и структуры, а также изготовлены в нужном количестве приборы для проведения экспресс-измерений.

Полученные результаты опытных работ показали, что применяемые новые системы разработки на шахте Шмирхау имеют лучшие технико-экономические показатели. **Производительность труда рабочего по блоку при новых системах возросла в 2–3 раза, что позволило снизить себестоимость добываемой руды.**

В реализации комплекса работ по разработке и внедрению системы очистной выемки наклонными слоями под твердеющей закладкой с применением погрузочно-доставочной и буровой самоходной техники принимали деятельное участие советские и немецкие специалисты В. Н. Смирнов, А. В. Балдин, Л. Г. Подоляко, М. П. Нестеров, М. Н. Цыгалов, Л. М. Титов, О. К. Авдеев, Ю. М. Найденко, В. В. Марцев, Б. П. Забелин, В. Г. Иванов, Б. Ф. Шевченко, А. В. Авраменко, Э. Кринке, Б. Конецкий, Х. Бэр, Х. Лорман, Хаусик, Л. Штарк, Г. Кунэрт,

Р. Дейнеке, Х. Левандовски, В. Гепель, М. Хофманн, Г. Хюбнер, Э. Вильд и др. Общее руководство проблемой осуществляли генеральный директор С. Н. Волощук и его первый заместитель Вернер Рихтер.

Созданием и широким внедрением самоходной погрузочно-доставочной и буровой техники, применением твердеющей закладки завершился *первый* этап совершенствования техники и технологии ведения очистных работ при отработке месторождений Роннебургского рудного поля.

По мере отработки работы постепенно перемещались на более глубокие горизонты и фланги. Если в 1971 г. на горизонте –300 м очистные работы не велись, а в 1975 г. добывали лишь 7,4 % горной массы, то в 1980 г. с горизонтов 300–500 м было добыто около 38 % горной массы.

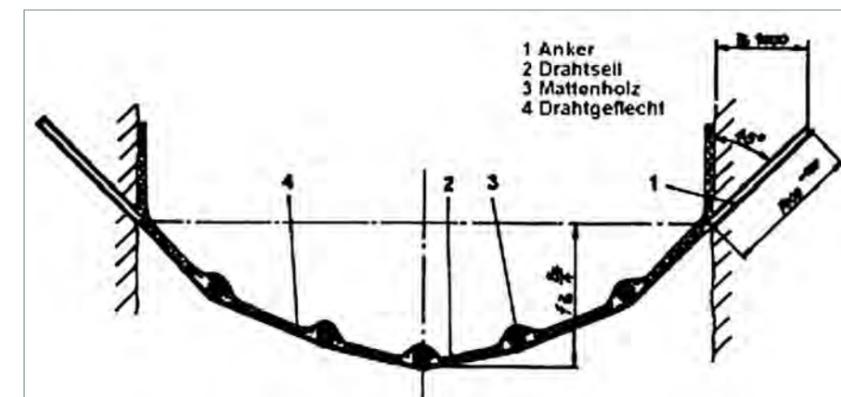
Усилилась тенденция к снижению площади обрабатываемых рудных тел. Средний размер площадей обрабатываемых блоков уменьшился с 676 кв. м в 1971 г. до 433 кв. м в 1980 г. Это обстоятельство негативно отразилось на применении самоходного оборудования с пневматическим приводом — становилось все труднее организовывать его многозабойное использование. В связи с уменьшением площадей рудных тел стали возрастать объемы работ под естественной кровлей и в приконтактных зонах, требующих усиленного крепления и уменьшения глубины шпуров. Это привело к повышению трудоемкости и удорожанию горных работ.

Для устранения негативного воздействия ухудшающихся горно-геологических и горнотехнических условий с начала 1970-х гг. был осуществлен *второй* этап совершенствования созданных систем разработки, особенно схем подготовки блоков и технологии ведения очистных работ на Роннебургском рудном поле.

Основными требованиями к новым схемам подготовки блоков и технологии очистной выемки были:

- возможность отработки малых рудных тел, рассредоточенных по площади, высокопроизводительным оборудованием;
- снижение коэффициента подготовки блоков;
- сокращение тяжелого и ручного труда горняков, повышение безопасности и производительности их работы;
- обеспечение многозабойности работы горного оборудования;
- сохранение достоинств системы разработки нисходящими слоями под твердеющей закладкой при отработке пожароопасного, сложноструктурного месторождения.

С учетом этих требований и на основе анализа мирового опыта был сделан вывод

о необходимости дальнейшего технического перевооружения рудников высокопроизводительным самоходным оборудованием с дизельным приводом в сочетании с новой схемой подготовки блоков с использованием наклонных съездов, позволяющим объединять общей схемой подготовки несколько разобнесенных рудных тел в единый крупный эксплуатационный блок и заменой на бурение рудоспусков трудоемкого буровзрывного способа подготовки блоков восстающими. Большой объем исследований по обоснованию применения наклонных съездов («рампентехнологии») был выполнен сотрудниками горной лаборатории НТЦ и группой Лотара Штарка.

Над решением всего комплекса проблем работали коллективы НТЦ, Проектного предприятия и рудников Шмирхау, Пайцдорф, Беервальде.

Были сформулированы основные требования к создаваемым комплексам самоходного дизельного оборудования:

- маневренность, возможность быстрой переброски из одного забоя в другой, находящийся на значительном расстоянии;
- обеспечение высокой производительности, высокого коэффициента использования оборудования;
- минимальные габаритные размеры оборудования для снижения сечений выработок, проходимых по пустым породам;
- стоимость оборудования, не обременяющая себестоимость выполняемых работ;
- высокая надежность и ремонтпригодность в подземных условиях;
- более высокая безопасность эксплуатации нового оборудования по сравнению с пневматическим.

Проведенный анализ серийно выпускаемых и перспективных моделей самоходного оборудования показал, что они не отвечают этим требованиям. Требовались принципиально новые решения как для технологии подготовки рудных тел к очистной выемке, так и для применяемого оборудования. Для обсуждения всех возникших проблем был

Рис. 3. Горизонтальный разрез канатной перемычки (вид сверху) (фото из архива Wismut GmbH).

Вид очистного пространства под твердеющей закладкой (фото из архива Wismut GmbH).

Л. Штарк.

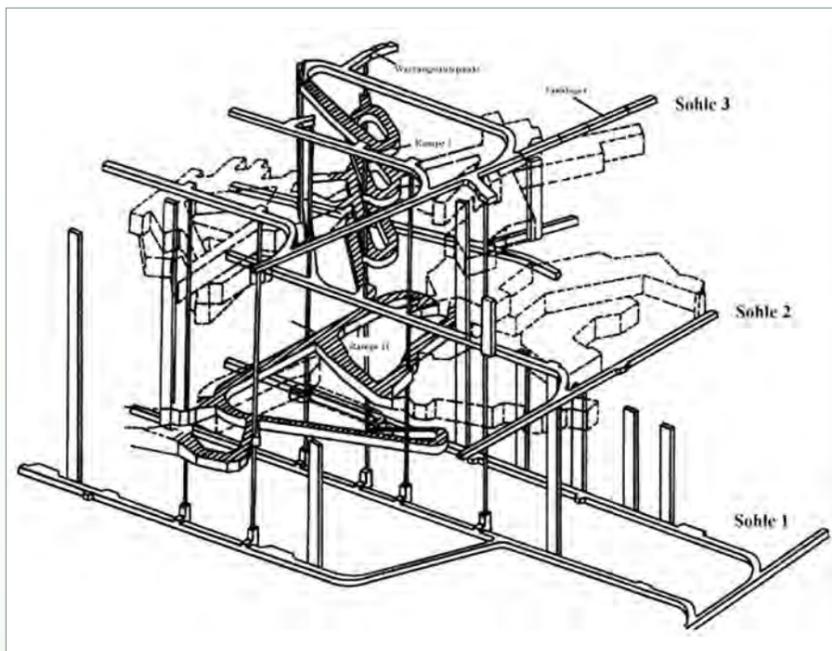

Рис. 4. Схема подготовки к очистной выемке нескольких рудных тел при помощи наклонных съездов, скважин и восстающих (фото из архива Wismut GmbH).

проведен научно-технический совет Общества, на котором, по поручению генерального директора С. Н. Волощука, выступил с докладом технический директор Общества Г. Г. Андреев. После активного обсуждения было принято решение НТС, утвержденное генеральным директором С. Н. Волощуком, о переходе к новой схеме подготовки блоков с использованием наклонных съездов и бурением скважин, а также об изготовлении необходимого (самоходного и бурового) оборудования на собственной машиностроительной базе СГАО «Висмут».

Новый комплекс, принятый к разработке, состоял из следующих типов самоходных машин:

- погрузочно-доставочных машин с емкостью ковша 1 и 2,5 куб. м для проходческих и очистных работ;
- подземных самосвалов с опрокидным кузовом вместимостью 3,5 и 7 куб. м для транспортировки горной массы на большие расстояния;

- вспомогательное оборудование на унифицированной основе для транспортировки людей, материалов и оборудования.

С учетом требования минимизации сечений горных выработок была принята высота всех видов самоходного оборудования в транспортном положении не более 1700 мм. Ширину для погрузочно-доставочных машин (ПДМ) с емкостью ковша 1 куб. м и подземных самосвалов с кузовом 3,5 куб. м приняли равной 1600 мм. Для ПДМ с ковшом 2,5 куб. м и самосвала с кузовом 7 куб. м — 1900 мм. Это позволило унифицировать сечения выработок для этих видов самоходного оборудования.

Разработка самоходных ПДМ была начата в 1976 г. Была создана специальная рабочая группа из представителей конструкторов этого оборудования, заводских технологов изготовителей, горняков — будущих пользователей этого оборудования и ремонтников. Эта рабочая группа должна была на стадиях разработки и опробования оперативно рассматривать предложения от каждого участника и учитывать их после обсуждения. Такая методика позволила в течение года разработать и изготовить на «Гормаш Ауэ» первые опытные образцы и направить их на испытание.

Завод «Гормаш Ауэ» изготавливал дизельные ПДМ с емкостью ковша 1,3 куб. м. Мощность дизеля с воздушным охлаждением — 45 квт. Получила обозначение UL-2. Предназначалась в основном для очистной выемки и проходки выработок небольшого сечения (6,7 кв. м).

Авторемонтный завод (KRB) в Зигмаре разработал и стал выпускать принципиально новую для него продукцию — самоходное дизельное оборудование.

ПДМ с емкостью ковша 2,5 куб. м получила обозначение UL-1/2. Машина предназначалась для очистной выемки, проходки горизонтальных и наклонных (до 12 градусов) выработок.

Подземный самосвал UK-1, разработанный и изготовленный за 16 месяцев,

предназначен для транспортировки горной массы по выработкам сечением не менее 2,85×2,3 кв. м. Вместимость кузова составляет 7 куб. м. Первый образец был изготовлен в июле 1979 г.

В 1984 г. на заводе стали выпускать малогабаритный самосвал UK-2 с вместимостью кузова 4 куб. м.

Началу серийного производства самоходного дизельного оборудования предшествовали испытания, проводившиеся в различных горнотехнических и горно-геологических условиях. При испытаниях проверялась надежность конструкции, ремонтпригодность узлов, соблюдение санитарно-гигиенических нормативов, производительность машин.

Испытания показали высокую надежность разработанного самоходного оборудования. Так, за трехлетний период эксплуатации подземных самосвалов аварийного выхода из строя не наблюдалось. Срок службы шин достигал 700 часов. Ежегодные затраты на ремонт (зарплата и материалы) не превышали 25 % стоимости UK-2.

Вторым важным направлением совершенствования горной техники было бурение скважин большого диаметра специальными буровыми станками. Станки изготавливались на заводе в Кайнсдорфе (№ 536). Доля объема бурения вертикальных горных выработок (в основном для спуска горной массы) по этому методу, с диаметром 1,0 и 1,2 м к середине 1980-х гг. был доведен до 50 % от общего его объема.

Многолетняя работа по новой технологии подготовки и обработки блоков наклон-

ными съездами с применением самоходного дизельного оборудования показала высокую эффективность новой технологии и оборудования в усложняющихся горнотехнических условиях отработки месторождений Роннебургского рудного поля.

На руднике Пайцдорф доля очистных работ, выполняемая самоходными дизельными ПДМ, в 1985 г. составляла 55 %, выполняемая ПДМ и буровыми каретками на пневматическом приводе — 45 %, остальная доля — скреперами.

Инициативу и творчество проявили при реализации второго этапа совершенствования технологии отработки блоков с применением самоходного горного оборудования сотрудники Генеральной дирекции: Л. М. Тормышев, Г. Г. Андреев, Ф. Вайраух, Э. Кринке, Э. Майер, П. Гольбик; НТЦ: Б. Конечкий, Ю. Я. Евлюхин, Ю. М. Найденко, Х. Бэр, Л. Штарк, Х. Лорман, Дитцель, Г. Кунэрт, Хаусик, Х. Ридель; Проектного предприятия: Х. Ханске, В. В. Лопатин, Б. П. Забелин, Р. Гребнер, В. Г. Иванов, Г. Поль; горнодобывающих предприятий: А. В. Авраменко, Б. Ф. Шевченко, М. Хофман, Г. Хюбнер, В. Гепель, Р. Дейнеке, П. Кузема, О. М. Кастуев, Р. Штельциг, В. Брауэр, Г. Питч; машиностроительных заводов: Х. Бергнер, Э. Вильд, К. Динкельман, а также бригады и рабочие коллективов, работавших на рудниках, ремонтных базах и машиностроительных заводах. Общее руководство проблемой осуществляли: генеральный директор С. Н. Волощук и его первый заместитель Вернер Рихтер.

Слева: Первый образец подземного самосвала на площадке завода KRB (фото из архива Wismut GmbH).

Справа: Дизельная ПДМ UL-1/2 в забое (фото из архива Wismut GmbH).

Слева: Первый образец дизельной ПДМ, изготовленный заводом «Гормаш Ауэ» (фото из архива Wismut GmbH).

Справа: Дизельная погрузочно-доставочная машина UL-2 в работе на очистном блоке (фото из архива Wismut GmbH).

Строительство и эксплуатация рудника Кенигштайн

Рудник Кенигштайн был построен в Саксонии, округ Дрезден, район Пирна, в местности, называемой Саксонской Швейцарией. Геологоразведочное бурение начали в 1961 г. Предысторию этих работ читатель может прочитать в воспоминаниях висмутян. Пер-

вая продуктивная скважина была обнаружена 26 января 1963 г. Последующая разведка дала хорошие результаты, что позволило приступить к проектированию рудника.

Первым директором рудника был Хорст Хоппенец, первым главным инженером —

Проходка ствола № 390 в районе руддвора –94 м (фото из архива Wismut GmbH).

Бурение вентиляционной скважины диаметром 2,4 м (фото из архива Wismut GmbH).

Николай Дмитриевич Иванов, главным геологом — Эдуард Леонович Саруханян. В последующие годы главными инженерами были Валерий Дмитриевич Придорогин, Михаил Аркадьевич Джангирьянц, Юрий Михайлович Гаврилов, Василий Иванович Дорожкин.

Проходку стволов № 387 и 388 начали в феврале — марте 1964 г. При пересечении этими стволами в процессе проходки трех водоносных горизонтов с высокой агрессивностью вод и водопритоков в объеме 200 м³ в час применялась оригинальная технология проходки с тремя передвижными полками, передвижной опалубкой и подачей бетона с поверхности по трубопроводу.

В 1965 г. на горизонте –94 м скоростная проходческая бригада Эрхарда Мархулы произвела между стволами сбойку (длиной 1,8 км) с высокой точностью. Это позволило приступить к подготовительным работам.

В 1966 г. начаты очистные работы и добыча урана на руднике. В 1967–1968 гг. приступили к проходке стволов № 390 и 392.

Проектный срок службы рудника был определен в 20 лет, подсчитанные запасы составили 18 500 тонн урана. В 1972 г. рудник вышел на проектную мощность.

Для улучшения проветривания на руднике в 1979–1986 гг. были пробурены 7 скважин диаметром 2,4 м и глубиной до 250 метров. Бурение производили буровыми установками БГ-141.

В 1968–1969 гг. на руднике были про-

ведены исследовательские и опытно-промышленные работы по подземному выщелачиванию (ПВ) руд в блоках, по кучному выщелачиванию (КВ) отбитой рудной массы, а также по выщелачиванию урана из шламов, получаемых из шахтных вод. Одним из инициаторов подземного выщелачивания на Кенигштайне был главный гидрогеолог Общества Леонид Иванович Лунев.

Активным сторонником подземного выщелачивания становится молодой директор Кенигштайна Герхард Братфиш.

За 20 месяцев в опытных блоках, оборудованных в различных отложениях продуктивной толщи, было извлечено методом ПВ около 70 % металла, который находился в хорошо проницаемых кварцевых песчаниках.

Близкие к этим показатели были получены при выщелачивании 120 тыс. тонн беднобалансовых руд в кучах. Извлечение достигло 65 %.

Извлечение металла из шламов превысило 90 %.

Себестоимость урана, полученного при проведении опытно-промышленных работ, оказалась значительно ниже средней по предприятию.

Положительные результаты опытно-промышленных работ послужили основанием для принятия решения о расширении области применения ПВ и КВ при отработке месторождения.

Значительная помощь в постановке научно-исследовательских работ была оказана кафедрой геотехнологии Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе и заведующим кафедрой профессором Дмитрием Петровичем Лобановым и его сотрудниками Н. Пучковым, С. Маркеловым.

Активную помощь в разработке технологии подземного выщелачивания оказывал сотрудник ВИОГЕМ Лев Крупкин.

Всего за десять лет (1971–1980 гг.) способом ПВ отработывалось 62 блока, в которых около 30 % приходилось на забалансовые руды. Общее извлечение урана в них достигло 60 %. Данная технология добычи урана на месторождении позволяет получать металл в концентрате с затратами в 2,5–2,7 раза более низкими, чем при отработке аналогичных балансовых запасов традиционным горным способом. И что особенно важно,

Василий Иванович ДОРОЖКИН родился 18.06.1930 г. в дер. Крыжи Рязанской обл. Окончил Скопинский горный техникум (1951), Московский горный институт им. И. В. Сталина, горный инженер (1960). Кандидат технических наук (1973). Специалист в области разработки месторождений урана, подземного выщелачивания урана. С 1974 г. — главный инженер рудника Кенигштайн, начальник технического отдела Советско-Германского АО «Висмут». Под его руководством и при непосредственном участии проведены работы по разработке и совершенствованию горных и технологических процессов подземного выщелачивания урановых руд.

Д. П. Лобанов.

В. И. Дорожкин.

в отработку вовлекаются забалансовые руды. В результате общее извлечение металла из недр возрастает.

На основании полученных результатов было принято решение о переходе с 1984 г. рудника на полную химическую добычу урана. Большую помощь в этом переходе оказывал главный инженер Кенигштайна Василий Иванович Дорожкин.

Причиной для перевода месторождения

на отработку химическим способом послужило главным образом существенное ухудшение сырьевой базы для традиционного способа добычи.

Практика отработки месторождения показала, что полный переход на химическую добычу позволил предприятию увеличить извлечение урана, снизить его себестоимость и поднять производительность труда.

Совершенствование проходческих и шахтостроительных работ

Рост объемов добычи руды требовал вскрытия новых горизонтов, строительства новых рудников и реконструкции действующих. В связи с этим возрастали объемы проходки горизонтальных и вертикальных выработок. Для выполнения таких объемов работ требовалось произвести коренную механизацию всего комплекса горнопроходческих, транспортных и вспомогательных работ. Значительная часть горной техники и оборудования производилась на собственных машиностроительных заводах, которые были переданы в 1949 г. САО «Висмут» и реконструированы.

Значительная работа была проведена и по оснащению шахт механизмами.

Для решения проблемы обеспечения горных работ буровыми штангами на заводе № 519 в Шлеме было организовано производство буровых штанг из трубных заготовок, поставляемых из СССР. Необходимое кузнечно-прессовое оборудование было смонтировано на заводе собственными специалистами. В 1956 г. завод полностью обеспечивал потребность в буровых штангах всех предприятий «Висмута». Произведя модернизацию оборудования, завод стал единственным производителем буровых штанг для всех предприятий в ГДР.

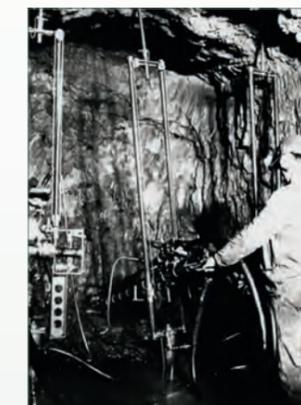
В 1955 г. была модернизирована породопогрузочная машина ПМЛ-63, которая изготавливалась с 1950 г. на машиностро-

ительном заводе «Гормаш Ауэ» (ВВА) по доработанной конструкторской документации советской машины ПМЛ-3. Вскоре этими модернизированными машинами был заменен весь парк работавших машин на рудниках. В дальнейшем машина модернизировалась и выпускалась под маркой LWS-110 и LWS-160. В общей сложности заводом было произведено до 1990 г. более 2500 породопогрузочных машин.

Большое внимание было уделено модернизации бурильных молотков, проведено промышленное испытание новых буровых молотков ВН-55, которые показали производительность на 25–30 % выше применяемых молотков ВН-16. За короткий период была произведена замена парка буровых молотков на новые. Ежегодно производилось до 5000 буровых молотков. Когда на рудниках Объекта 9 был успешно опробован буровой молоток ПРЛ-24, то между заводами «Пневматика» (Ленинград) и «Гормаш Ауэ» в середине 1970-х гг. было заключено соглашение о том, что «Гормаш Ауэ» выпускает ПРЛ-24 под маркой ВНС-27Z для «Висмута» и всей промышленности ГДР.

С начала 1956 г. начали применяться новые советские телескопные перфораторы ТП-45, буровые машины БМК-2Б, буровые станки БЭС-2М и другое оборудование.

В 1969 г. в целях снижения вибранагру-

Буровая колонка К1Р в забое (фото из архива Wismut GmbH).

Слева: Погрузочные машины ПМЛ-63 на погрузке в двухпутевой выработке (фото из архива Wismut GmbH).

Буровые каретки СБКНС-2. Справа: в забое (фото из архива Wismut GmbH).

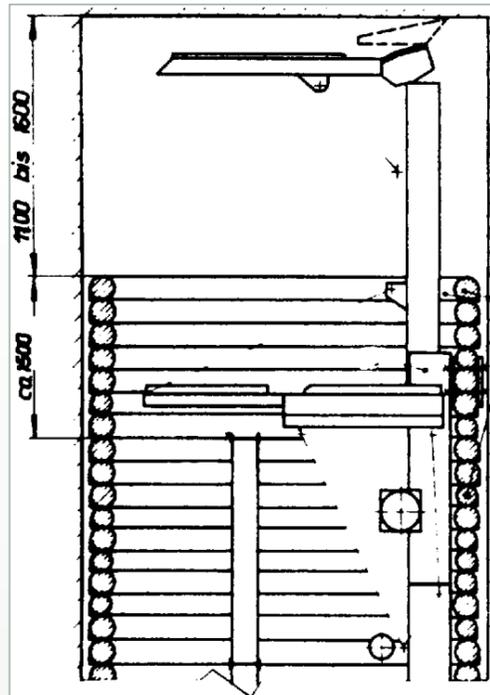

Рис. 5. Проходческий полук МСБ в положении для бурения (из архива Wismut GmbH).

зок на организм бурильщика была утверждена программа отделения бурильщика от перфоратора на всех горнодобывающих предприятиях «Висмута». Были закуплены советские буровые каретки СБКНС-2 и простейшее средство отделения бурильщика от перфоратора — переносная распорная колонка К1Р — рационализаторское предложение, разработанное на советском урановом руднике.

Советскую версию буровой распорной колонки доработали применительно к условиям и требованиям проходки в «Висмуте» и стали выпускать как К1Р на заводе «Гормаш Ауэ» большими сериями.

Потребность в буровых каретках СБКНС-2 была настолько велика, что импорт не мог обеспечить их нужное количество. В 1974 г. в мастерских Объекта 9 под свои условия модернизировали СБКНС-2 и установили третью буровую лафету. Буровую каретку СБКНС-3 выпустили в количестве 34 штук, с лафетами, оснащенными перфораторами ВНС-27.

В дальнейшем завод «Гормаш Ауэ» стал выпускать унифицированные буровые каретки типа ВВ для очистных и проходческих работ.

Для проходки восстающих, наряду с проходческими полками типа «Алимак» или КПВ, которые позволяли проходить восстающие в устойчивых породах, в НТЦ был разработан (автор — Вольфганг Капуста) и на заводе «Гормаш Кайнсдорф» (завод № 536) изготовлены механизированные полки типа МСБ для проходки восстающих в неустойчивых породах с деревянным креплением. Изготавливались три типоразмера таких полков: для проходки восстающих с тремя, двумя и одним отделением. При проходке восстающих высотой более 60 метров для транспортировки людей и ма-

териалов применялся фаркорб (подъемник), который также изготавливался на заводе в Кайнсдорфе.

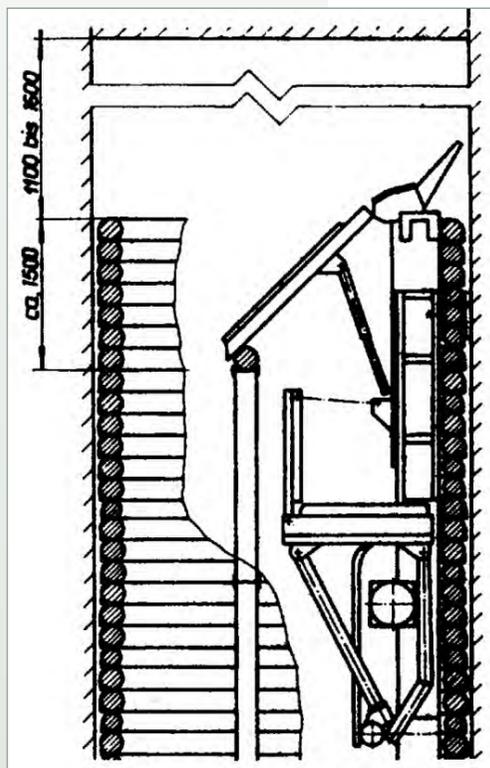

Рис. 6. Проходческий полук МСБ подготовлен к отпалке (из архива Wismut GmbH).

Для бурения скважин (рудоспусков) диаметром от 193 до 1422 мм и стволов диаметром до 2400 мм применялись буровые установки серии БГ, изготавливаемые на заводе «Кайнсдорф». Они работали по принципу бурения установкой фирмы «Турмаг»: бурение пилот-скважины и последующее расширение до нужного диаметра скважины или ствола при помощи расширяющей головки.

Для расширения скважин диаметром до 1,4 м применяют буровые головки, вращающиеся вместе с буровыми штангами, по которым передается крутящий момент и осевая нагрузка.

Заводом в Кайнсдорфе было изготовлено: БГ 141 — 7 штук; БГ 142 — 4 штуки (улучшенный 141); БГ 143 — 6 штук (улучшенный 142); БГ 144 — 3 штуки (улучшенный 143); БГ 301 — 1 штука.

Установки БГ141-144 могли бурить вертикальные скважины длиной 250 метров и расширять их до диаметра 1422 мм.

Установки БГ 301 бурили вертикальные скважины до 360 метров и разбуривали их до диаметра 2032 мм.

Объем применения метода бурения скважин диаметром 1 и 1,2 м доведен в середине 1980-х гг. на предприятиях Роннебургского рудного поля в среднем до 50 % от общего объема проходки вертикальных горных выработок. На предприятии Пайцдорф доля бурения скважинами составила более 70 %. Их использовали для рудоспусков в блоках, прокладки закладочных трубопроводов, вентиляции, подъема и спуска материалов и механизмов.

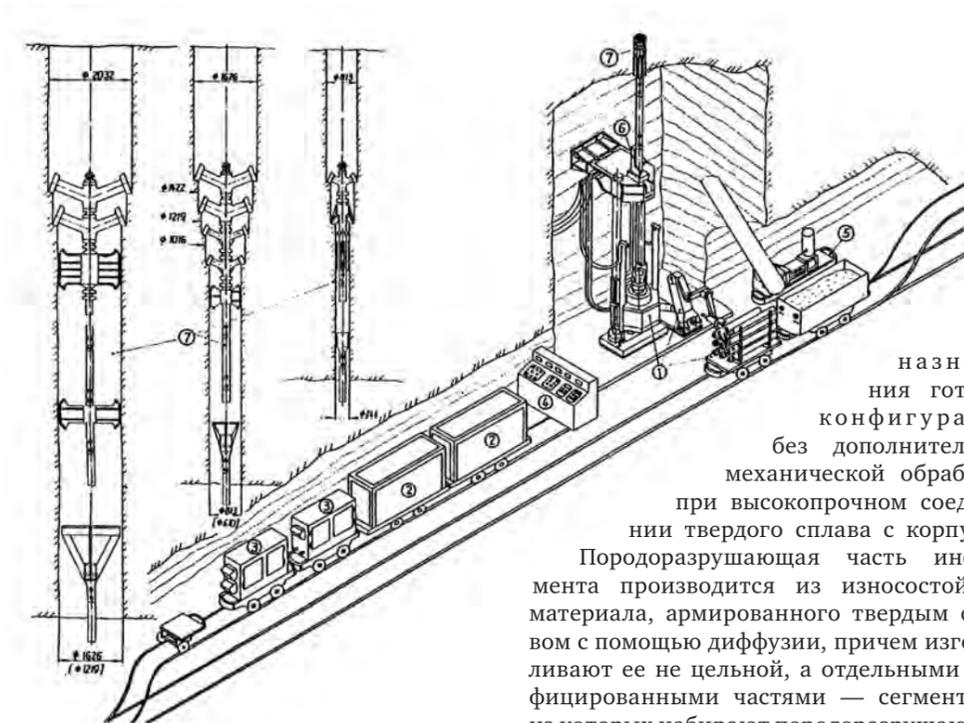
Для расширения скважин до 2,4 м применяют буровые головки, которые вращаются при перекачивании по забое дисковых шарошек, получающих вращение через механические редукторы от става буровых штанг.

Опробование закупленной у фирмы «Турмаг» расширительной головки ТЕ-2400 проводилось в 1985 г. на руднике Пайцдорф при бурении вентиляционной скважины длиной 120 м и диаметром 2,4 м. Успешные результаты определили решение об изготовлении таких расширительных головок на заводе Кайнсдорф. До 1989 г. было изготовлено 12 штук. Они использовались в Тюрингии и Кенигштайне.

Скорость бурения скважин расширительной головкой диаметром до 2,4 м на предприятиях Роннебургского рудного поля в зависимости от литологий находилась в пределах 0,5–3,5 м/смену.

Скорость бурения на Кенигштайне в пещаниках составляла до 5 м/смену.

Для изготовления дисковых шарошек, армированных твердым сплавом, был при-

менен оригинальный механизм образования диффузионного слоя в системе «металл — твердый сплав», разработанный советским специалистом В. А. Хоменко из Алтайского политехнического института. Разработан и внедрен в производство технологический процесс изготовления твердосплавного инструмента для бурения скважин большого диаметра, который позволяет получать инструмент различного

Опробование проходческого комбайна ГПКС

Обоснование применимости комбайнов в условиях урановых месторождений «Висмута» было проведено научным сотрудником ИГД им. Скопинского Евгением Микляевым и сотрудником Московского горного института Борисом Федунцом. Были определены возможные участки месторождений — Кенигштайн, Вилли Агатц и Роннебургское рудное поле.

На заводе «Гормаш Ауэ» была разработана конструкция электровоза с увеличенным сцепным весом, что позволило расширить применение на шахтах электровозной откатки. Однако увеличение сцепного веса, которое связано с увеличением габаритных размеров электровозов, требует увеличения радиусов закруглений рельсовых путей, площади поперечного сечения выработок, особенно на закруглениях. Поэтому в целях унификации парка электровозов и сохранения поперечных

сечений выработок, начали применять сочлененные электровозы В660, состоящие из нескольких тяговых секций и кабины электровоза.

На этой же ходовой части выпускались контактные электровозы сочлененного типа.

Аккумуляторные электровозы применялись для транспортировки горной массы от забоя до сборочного пункта, контактные — на основных горных выработках, которые составляли 20 % от общего количества.

На некоторых рудниках получили распространение контактно-аккумуляторные электровозы, разработанные специалистами предприятий. Их применение позволило отказаться от двухзвенной откатки и на 30 % сократить расходы на транспорт, повысить КПД электровоза и снизить расходы электроэнергии.

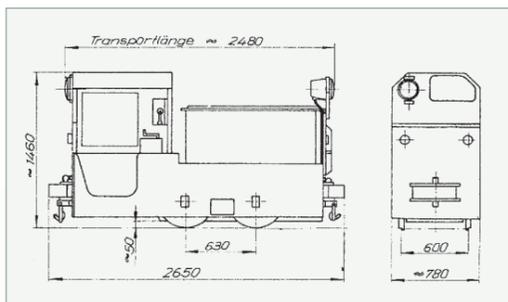
Рис. 7. Схема расширения скважины (слева) и буровая установка БГ-301 в камере (справа) (фото из архива Wismut GmbH): 1 — буровая установка БГ-301 с манипулятором для установки штанг и контейнером для штанг емкостью 12 штук; 2 — два передвижных гидравлических агрегата НА-1 и НА-2; 3 — две передвижных электроподстанции с трансформаторами; 4 — система управления с интегрированным компьютером; 5 — насос для откачки бурового шлама; 6 — устройство для забуривания и корректировки бурения; 7 — буровой и направляющий инструмент для бурения пилотной скважины диаметром 244 мм, 2-го расширения — 813, 1016, 1219, 1422, 1626 мм, 3-го расширения — до 1829, 2032 мм.

Советский проходческий комбайн ГПКС в забое (фото из архива Wismut GmbH).

Сочлененный электровоз В660 (фото из архива Wismut GmbH).

С целью более оперативного руководства всеми участками работ, лучшего использования механизмов, обеспечения материалами, порожняком и т.д. на шахтах, объектах и при управлении создана диспетчерская служба, возглавля-

емая опытными немецкими работниками. Значительный вклад в совершенствование диспетчерской службы внесли советские специалисты В.И. Василенко, И. Черкашин и В. Степаненко, использовавшие опыт работы новейших диспетчерских служб на советских горных предприятиях и перспективные разработки советских институтов.

Рис. 8. Аккумуляторный электровоз В360 (фото из архива Wismut GmbH).

Соревнование рабочих бригад

Значительный вклад в выполнение показателей плана внесли передовые бригады на проходке горных выработок и очистных работах.

Бригада Вальтера Кольма из шахты № 206 прошла 465 м квершлага за месяц; бригада Мюллера из шахты № 6 многозабойным методом достигла прохождения за месяц 164 м восстающих. В очистном блоке бригада Каспера на шахте № 13 отработала 2433 кв. м жилой площади за месяц, бригада Дебеля-Наузитата отработала 12 343 кв. м очистных и прошла 63,8 м восстающих. Такие результаты достигнуты бригадами благодаря циклической организации труда и полной загрузке рабочего времени.

Значительное количество проходческих бригад на шахтах Объектов достигли средних скоростей проходки выработок 120–170 м в месяц.

На всех рудниках начинается организация скоростных проходок горных вырабо-

ток для вскрытия новых горизонтов. В июле 1956 года на шахте № 21 Объекта 1 бригадой «Форверст» проходится 500,8 метра квершлага. Но уже в августе бригада Эрхарда Мархулы на шахте № 64 Объекта 9 достигает 516 метров в месяц проходки полевого штрека. В 1959 году его бригада на вскрытии нижних горизонтов на шахте № 371 достигает скорости проходки более 1000 метров в месяц. В апреле 1961 года комплексная бригада Эрхарда Мархулы и Рудольфа Ханса на той же шахте устанавливает мировой рекорд проходки двухпутевой выработки. За 31 рабочий день пройдено 1035 метров. Бригадиры и проходчики отмечены высокими правительственными наградами. Их труд почтен и хорошо оплачивается. Развернулось движение передовиков труда, внедрение новаторских методов, постоянное повышение квалификации трудящихся, улучшение организации труда, внедрение рационализаторских предложений.

Внимание к деятельности «Висмута» со стороны правительств ГДР и Советского Союза

Частыми гостями «Висмута» были и руководители ГДР: в г. Ауэ и Шварценберг приезжали Вильгельм Пик, Отто Гротеволь. Вальтер Ульбрихт, секретарь СЕПГ, бывая в Карл-Маркс-Штадте, живо интересовался положением дел в СГАО «Висмут», особенно передовиками, их ролью в трудовых коллективах. В Зигмаре во Дворце культуры горняков «Висмут» выступал на одной из конференций Отто Гротеволь, министр тяжелой промышленности и первый председатель правления СГАО «Висмут» Фриц Зельбман и многие другие.

Альфред Нойманн – первый заместитель

председателя правительства ГДР, в прошлом — известный спортсмен-олимпиец двухметрового роста, сражался в интернациональных бригадах в Испании, принимал активное участие в борьбе с фашизмом. Ему было поручено со стороны ГДР заниматься делами СГАО «Висмут», поэтому он довольно часто бывал в Обществе.

Большое внимание уделял «Висмуту» и один из выдающихся организаторов атомной промышленности, легендарный министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский. Он регулярно приезжал в «Висмут», знакомился с положением дел на месте и оказывал всемерную поддержку развитию предприятий Общества. Не забывал Ефим Павлович поздравлять коллектив горняков «Висмута» с юбилеями и трудовыми достижениями. По делам «Висмута» министр был в ГДР шесть раз: в 1966, 1968, 1971, 1973, 1976 и 1985 гг. В своих воспоми-

Министр Е. П. Славский (справа), председатель правления Х. Камински, генеральный директор С. Н. Волощук (слева) и главный инженер проекта рудника Дрозен П. Вайскер с переводчиком на строительстве рудника Дрозен (фото из архива Г. Пальме).

Е. П. Славский (второй слева), А. Нойманн, С. Н. Волощук и А. Родэ идут поздравлять горняков (фото из архива Г. Пальме).

Посол СССР П. А. Абрахимов награждает орденом Дружбы народов С. П. Левчика.

Посол СССР П. А. Абрахимов вручает награду Л. Г. Подольяко.

В. Ульбрихт вручает награду Гюнтеру Хюбнеру.

А. И. Микоян перед спуском в рудник и на выступлении во Дворце культуры Зигмара (фото из архива Wismut GmbH).

ниях «Из рассказов старого атомщика» Славский характеризует СГАО «Висмут» как «образцовое предприятие»².

Здесь следует сказать, что Ефим Павлович в 1967 г. поддерживал предложение генерального директора С. Н. Волощука о том, чтобы присуждать Государственные и Ленинские премии наряду с советскими и немецким специалистам. Министр за своей подписью написал письмо в ЦК КПСС о том, что «создание крупнейших в мире уранодобывающих предприятий в ГДР является заслугой значительно большого коллектива как советских, так и немецких специалистов.

В итоге 20-летнего сотрудничества большого коллектива советских и немецких специалистов в Германской Демократической Республике создана крупнейшая в мире сырьевая база атомной промышленности.

Учитывая исключительно крупное значение предприятий СГАО «Висмут» для обороноспособности Советского Союза и соци-

алистического лагеря как в прошлые годы, так и в ближайшее будущее Министерство среднего машиностроения СССР просит рассмотреть вопрос о присуждении Ленинской премии группе советских и немецких специалистов, наиболее отличившихся в развитии урановой промышленности в ГДР и внесших большой вклад в укрепление дружбы между советским и немецким народами».

Письменного ответа из ЦК в архиве Министерства среднего машиностроения не нашли, а устный ответ неизвестен. Но понятно, что предложение не было принято. А жаль! В 1949 г. за участие в разработке и создании советской атомной бомбы Сталинские премии получили несколько немецких физиков, участвовавших в работах.

Правительства СССР и ГДР высоко ценили самоотверженный труд работников СГАО «Висмут» — в общей сложности высоких наград были удостоены несколько тысяч человек, преимущественно представители основных рабочих профессий: проходчики, бурильщики, штейгеры, тех-

2 Е. П. Славский. Страницы жизни. М.: ИздАТ, 1998.

Посещение Отто Гротеволем строительства гидрометаллургического завода № 102 в Зеллингштедте (фото из архива Wismut GmbH).

А. И. Микоян.

Президент Народной Палаты ГДР Хорст Зиндерманн вручает орден «Знамя труда» Виктору Иванову.

Посол СССР П.А. Абрахимов вручает Х. Рудольфу орден Октябрьской Революции (13 июля 1981 г.).

нологи заводов и т. д. Получал награды инженерно-технический персонал, а также руководящий состав предприятий и Общества, — за обеспечение реализации производственных и научно-технических планов. Вручение советских орденов и медалей производил Чрезвычайный и Полномочный Посол СССР в ГДР П. А. Абрахимов в здании Госсовета ГДР в Берлине на самом высоком уровне.

Посещал урановые рудники и выступал во Дворце культуры Зигмара заместитель председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян.

Будучи по делам в Германской Демократической Республике, одну из шахт СГАО «Висмут» в г. Иоганнсгеоргенштадт посетил Вячеслав Молотов.

На гидрометаллургическом заводе в г. Цвиккау-Кроссен был в эти годы командующий Группой советских войск в Германии Андрей Антонович Гречко.

Наряду с высокими государственными деятелями в ГДР в этот период часто приез-

жали замечательные театральные коллективы из Советского Союза.

Во Дворце культуры в Зигмаре (Пельцмюлле) перед советскими и немецкими трудящимися выступали оперная и танцевальная труппы Государственного Академического Большого театра СССР, Краснознаменный ансамбль песни и танца Советской Армии имени Александра Александровича Малинина, артисты театра Советской Армии, хор имени Пятницкого, театр имени Вахтангова и другие коллективы. В гостях побывали замечательные советские артисты балета Галина Уланова, Майя Плисецкая, Ольга Лепешинская, Михаил Барышников, артист кино Николай Черкасов, певцы Дормидонт Михайлов, сестры Лисициан, Клавдия Шульженко, Людмила Зыкина, Иосиф Кобзон, Эдита Пьеха, Александра Пахмутова и Николай Добронравов и мн. др.

Эти визиты укрепляли дружбу наших народов, поддерживали нас в стремлении работать лучше и давать больше урана для обороны и развивающейся ядерной энергетики.

Вопросы проветривания и борьбы с радоном и продуктами его распада

К началу 1960-х гг. СГАО «Висмут» стало крупнейшим предприятием в Европе по добыче и переработке урановых руд.

Особенно интенсивно шло развитие горных работ на глубину крупнейших месторождений гидротермального типа Нидершлема-Альберода. Наряду с решением вопроса вскрытия запасов этих месторождений ниже горизонта 540 м каскадом глубоких стволов с поверхности и слепых с горизонта 540 м, следовало в комплексе решать вопросы проветривания горных работ с учетом выноса радона (Rn) до предельно допустимых концентраций.

Московский проектный институт (ГСПИ-14) Минсредмаша, который оказывал СГАО «Висмут» в этот период научно-техническую помощь, разработал методику расчета вентиляции урановых рудников исходя из условий выноса радона до предельно допустимых концентраций, установленных МАГАТЭ.

В СГАО «Висмут» в 1953 г. была создана и начала функционировать дозиметрическая лаборатория, а в начале 1955 г. — дозиметрическая служба.

Проектная организация СГАО «Висмут» сделала расчет вентиляции для рудников ура-

новых месторождений Нидершлема-Альберода, и с начала 1960-х гг. сечения горных выработок на этих месторождениях принимались с учетом обеспечения достаточного количества воздуха для проветривания горных работ и выноса радона и продуктов его распада.

По новому проекту вентиляции пришлось решать проблему нормального проветривания горных работ Нидершлема-Альберода путем создания вентиляционных горизонтов под транспортными, которые были запроектированы и пройдены без учета радиоактивных вредностей.

С тех пор в «Висмуте» строго подходи-

ли к вопросу создания для трудящихся нормальных условий труда при разработке урановых месторождений как в Рудных горах, так и Роннебургского рудного поля в Тюрингии. Дозиметрическая служба СГАО «Висмут» начиная с 1957 г. в ежегодных отчетах информировала предприятия и Генеральную дирекцию СГАО «Висмут» о состоянии рудничной атмосферы и ее загрязненности пылью, радоном и продуктами его распада (RnA, RnB, RnC, RnD).

Одновременно предлагались меры по нормализации обстановки на рудниках и гидрометаллургических заводах.

Развитие геологоразведочных работ

В период с 1954 по 1990 г. поисково-разведочные работы проводились силами отдельных геологоразведочных экспедиций на территории ГДР общей площадью 55 тыс. кв. км. В 1966 г. в СГАО «Висмут» было создано специализированное геологоразведочное предприятие, в которое вошли все экспедиции.

Первым директором ЦГП был Георг Йордан, потом — Эберхард Харлас.

Начиная с 1954 г. основные работы по поисковой разведке велись на территории Роннебургского рудного поля в Тюрингии. После открытия в 1961 г. месторождения Кенигштайн разведочные работы проводились и в районе Эльбтальского грабена, а с 1974 г. — в районе Делич в северо-западной части Саксонии на урановых месторождениях Кина-Шенкенберг и Сербитц-Вербен.

В последние годы деятельности СГАО «Висмут» геологоразведочные работы концентрировались на северном и северо-вос-

точном флангах Роннебургского рудного поля и на глубинах месторождения Кенигштайн.

Часть разведанных участков ввиду больших глубин и низкого среднего содержания урана в рудах отнесена к непромышленным. Геологоразведочные работы велись «Висмутом» с применением современных методов разведки, активное участие в поисках и разведке принимали научно-исследовательские и проектные организации СССР: ВНИИХТ, ИГЕМ АН СССР, МГРИ, ГЕОХИ АН СССР, ВИМС Мингео СССР, ЦНИГРИ Мингео СССР и др.

Следует отметить активное участие в геологоразведочных работах в эти годы советских руководителей: П. Я. Антропова, В. И. Бурова, Е. М. Янишевского, Г. Г. Солопова, С. А. Шафранова, Н. С. Барихина, Н. Ф. Шония, А. А. Данильянца, Г. А. Кремчукова, Э. Л. Саруханяна, В. И. Ветрова, А. В. Дьяконова, Ю. С. Данилова.

ГЛАВНЫЕ ГЕОЛОГИ СГАО «ВИСМУТ»

1954 г. — НИКОЛАЙ ФЕОФАНОВИЧ ШОНИЯ (фото и данных нет)

1955 г. — ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ родился 11.11.1921 г. в дер. Абакумцево Ярославской обл. В 1939 г. поступил во Московский геологоразведочный институт. В августе 1941 г. с 3-го курса ушел добровольцем на фронт. Награжден боевыми орденами. В 1946 продолжил обучение во МГРИ и окончил его в 1949 г. по специальности инженер-геолог. Был направлен в СГАО «Висмут», где работал с мая 1949 г. по январь 1956 г.: 1949–1952 гг. — гл. геолог шахты, главный геолог Объекта №4 (Аннаберг); 1952–1954 гг. — старший районный инженер, начальник геологического отдела; 1954–1955 гг. — гл. геолог геологического управления, главный геолог СГАО «Висмут». По окончании заграничной командировки направлен в порядке перевода в Минсредмаш, где с 1956 г. работал в Геологическом управлении, в 8-ом управлении Первого главного управления Минсредмаша. Награжден орденами и медалями. В 1986 г. присвоено почётное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Скончался 24.11.1999 г.

1956–1961 гг. — ГЕОРГИЙ АЛЕКСЕЕВИЧ КРЕМЧУКОВ родился 30.03.1908 г. в дер. Плетниковка Смоленской обл. Окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе, инженер-геолог (1934). Известный специалист в области поисков, разведки, геологического обеспечения отработки месторождений урана и других полезных ископаемых, организации геологоразведочных работ. С 1946 г. — в урановой промышленности Минсредмаша СССР: главный геолог Советско-Болгарского горного общества (1946–1950); главный геолог Рудоуправления, г. Пятигорск (1950–1955); главный геолог СГАО «Висмут» — (1956–1961); заместитель начальника, главный геолог Геологического управления Первого Главного управления Министерства среднего машиностроения СССР (1961–1986). Скончался 15.12.1994 г.

Г. К. Жуков.

Г. А. Кремчуков.

А. А. Данильянц.

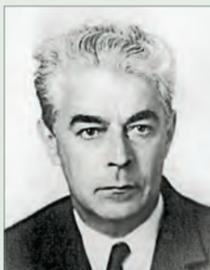
Ф. К. Портнов.

Ю. С. Данилов.

Е. И. Гусаков.

А. Н. Еремеев.

1961–1966 гг. — Кирилл Петрович ЯЩЕНКО (фото и данных нет).

1966–1974 гг. — Александр Абрамович ДАНИЛЬЯНЦ (1910–1985). Род. в г. Самарканде (Узбекистан). Окончил горно-геологический факультет Среднеазиатского государственного университета (г. Ташкент), инженер-геолог. Известный специалист в области поисков, разведки и оценки урановых месторождений, организации геологической службы. В 1966–1974 гг. — главный геолог СГАО «Висмут». Принимал непосредственное участие в открытии и освоении многих месторождений урана в различных регионах СССР. Дважды лауреат Государственной премии СССР. Награжден многими орденами и медалями СССР, в том числе двумя орденами Ленина, орденом и медалями ГДР.

1974–1976 гг. — Фауст Каллистратович ПОРТНОВ (1927–1984) Род. в г. Исакли Куйбышевской обл. Окончил Московский институт цветных металлов и золота по специальности «Рудничная геология» (1950). Кандидат геолого-минералогических наук (с 1966 г.). Специалист в области поисков, разведки и оценки урановых месторождений. Работал в Чехословакии (1950–1957), в ВИМСе (1957–1968), в СГАО «Висмут» (1968–1976): главный геолог рудоуправления, начальник камеральной партии, главный геолог партии, начальник отдела, с 1974 г. — главный геолог Общества.

1976–1984 гг. — Юрий Сергеевич ДАНИЛОВ, (1928–1984). В 1951 г. окончил Казахский горно-металлургический институт по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых» и был направлен на работу в САО «Висмут». Работал на предприятиях Объекта 29 в Айслебене, Нойштадте и Роннебурге, пройдя путь от старшего инженера до начальника геологоразведочной партии. В 1965–1972 гг. — главный геолог ЦПП в Грюне (СГАО «Висмут»). В 1976 г. был назначен главным геологом СГАО «Висмут».

1984–1990 гг. — Евгений Иванович ГУСАКОВ. Родился 14 апреля 1933 года, умер 11 марта 2009 года. Окончил Днепрпетровский горный институт. Работал на предприятиях СГАО «Висмут»: 1956–1960 гг. — инженер-геолог шахты; 1969–1974 гг. — главный геолог шахты (рудник Ройст); 1984–1991 гг. — главный геолог СГАО «Висмут».

ГЛАВНЫЕ ГЕОФИЗИКИ СГАО «ВИСМУТ»

1953–1959 гг. — Александр Николаевич ЕРЕМЕЕВ родился 20 февраля 1920 г. в Москве. Окончил МГРИ, горный инженер-геофизик (1949). Доктор геолого-минералогических наук (1970). Начальник партии треста Наркомнефти СССР (1941–1946). Начальник отдела Главгеофизики Мингеологии СССР (1946–1953). Главный геофизик СГАО «Висмут» (1953–1959). С 1960 г. — в ВИМСе. Заслуженный деятель науки и техники (1970). Почетный разведчик недр.

1959–1963 гг. — Георгий (Юрий) Павлович ТАФЕЕВ. (1918–2003). Окончил Ленинградский горный институт (1941). Доктор геолого-минералогических наук (1975). Крупный ученый-геофизик.

1963–1967 гг. — Алексей Ильич ГОРШКОВ.

1967–1973, 1988–1991 гг. — Владимир Федорович ПАНИН родился 23 ноября 1932 г. в Московской обл. Окончил МГРИ им. С. Орджоникидзе, горный инженер-геофизик (1955). В урановой промышленности работал с 1955 по 1997 г.: инженер-геофизик заграничного предприятия в КНР (1955–1958), главный геофизик Северного рудоуправл. Киргизского горнорудного комбината (1959–1967), главный геофизик рудоуправления (1967–1973), главный геофизик СГАО «Висмут» (1967–1973; 1988–1991 гг.).

1972–1980 гг. — Игорь Александрович ЛУЧИН родился 12 августа 1931 г. в г. Славянске Донецкой обл. Окончил Свердловский горный институт им. В. В. Вахрушева, горный инженер-геофизик (1954). Кандидат ГМН (1972). Работал в СГАО «Висмут» (1954–1959): инженер-геофизик шахты, гл. геофизик шахты, ст. инженер-геофизик, нач. геофизического отдела СГАО «Висмут». Гл. геофизик — нач. геофизического отдела Киргизского горнорудного комбината МСМ СССР (1959–1972), г. Фрунзе Киргизской ССР; главный геофизик СГАО «Висмут» (1972–1980).

1984–1989 гг. — Олег Сергеевич ЧАПКОВИЧ родился 14 октября 1940 г. в г. Якутске. Окончил Ленинградский горный институт им. Г.В. Плеханова, горный инженер-геофизик (1963). Кандидат технических наук (1999). Геофизик, старший геофизик партии Приленской экспедиции (1963–1967). Работа в СГАО «Висмут»: 1967–1972 гг. — главным геофизиком рудника, рудоуправления; 1982–1984 гг. — главным геофизиком рудоуправления Пайцдорф; с 1984 по 1989 гг. — главным геофизиком СГАО «Висмут».

В ходе поисково-разведочных работ на уран пробурено с поверхности 38600 скважин общей протяженностью 8 тыс. км, по сети от 1200 x 600 м до 100 x 50 м.

Общие затраты СГАО «Висмут» на геологоразведочные работы с 1954-го по 1990 г.

составили 5595,5 млн марок ГДР.

Удельные затраты на разведку 1 кг общих ресурсов урана составили 14,6 марок ГДР, на разведку запасов категорий $C_1 + C_2$ — 18,1 марки ГДР.

В течение более 40 лет геологоразведоч-

ной деятельности поисково-разведочными работами СГАО «Висмут» в южной части ГДР выявлено и в значительной степени разведано более 70 урановых месторождений и перспективных районов, среди которых месторождения Нидершлема-Альберода и Роннебургского рудного поля — уникальные по их геологическим особенностям и масштабам разведанных запасов.

По своему промышленному значению и масштабам месторождения, разведанные СГАО «Висмутом», подразделяются на три группы.

1-я группа: месторождения с сырьевыми ресурсами более 5000 т урана.

К этой группе относятся 6 крупных месторождений: Роннебургского рудного поля, Шлема-Альберода (с месторождениями Шнее-берг, Обершлема и Нидершлема-Альберода), Теллерхойзер, Цобес, Кенигштайн и Кульмич-Зорге-Кауэрн. Наиболее значительными являются месторождения Роннебургского рудного поля и Шлема-Альберода, добыча из которых составляла 80 % общей добычи СГАО «Висмут».

2-я группа: месторождения с сырьевыми ресурсами от 100 до 5000 т урана.

К ним относятся 9 самостоятельных средних и мелких месторождений, отработанных в 1940–1950-х гг. В их числе средние по запасам, от 500 до 5000 т урана: Иоганн-георгенштадт, «Вайсер Хирш» (Антонсталь), Аннаберг, Шнекенштайн и Фрайталь.

3-я группа: месторождения с сырьевыми ресурсами менее 100 т урана.

Организация управления капитальным строительством

Наряду с активизацией геологоразведочных работ, в СГАО «Висмут» предъявлялись требования к вопросам проектирования и строительства в сжатые сроки уранодобывающих рудников и перерабатывающих руды предприятий.

Капитальное строительство проводилось в больших объемах и ускоренными темпами с 1954-го по 1987 г. в рамках смешанного СГАО «Висмут». В 1950-е гг. было создано 2-е управление, которое контролировало ход капитального строительства, и в 1956 г. — 3-е управление для проектирования его объектов. 4-е управление обеспечивало материально-техническое снабжение строящихся и действующих предприятий, оно координировало свою деятельность с промышленностью ГДР и Советского Союза через «Техснабэкспорт» Минвнешторга СССР.

Долгие годы работой управления успешно руководил заместитель генерального директора Гюнтер Пальме.

Изготовление и монтаж металлоконструкций и оборудования выполнялись си-

Эта группа охватывает 12 мелких месторождений, отработанных в 1940–1950-х гг. и расположенных в Западных и Восточных Рудных горах.

Параллельно с поисками урана разведывались и другие полезные ископаемые. В соответствии с межправительственным соглашением от 22 августа 1953 г. геологические исследования и поисково-разведочные работы носили комплексный характер.

Южная часть территории ГДР в результате проведенных геологоразведочных работ была хорошо изучена в части геологического строения и металлогении.

В ходе комплексных ГРП и поисковых работ на уран были выявлены и в той или иной степени разведаны месторождения и рудопроявления олова, вольфрама, цинка, свинца, меди, серебра, кадмия, индия, висмута, бериллия, бора, плавикового шпата, барита, сурьмы и редкоземельных элементов, а также неметаллических видов сырья.

По просьбе и заданию Министерства геологии ГДР силами СГАО «Висмут» в западной части Рудных гор были проведены геологоразведочные работы с целью детальной разведки и подсчета запасов на олово-вольфрамовом месторождении Пела-Глобенштайн, оловянных месторождениях Теллерхойзер, Хаммерляйн и Южный Гайер, а также месторождения плавикового шпата Нидершлаг.

В процессе геологоразведочных работ были подсчитаны и учтены балансовые запасы нерадиоактивных полезных ископаемых.

лами Объекта 34, в состав которого входили: завод № 536 в Кайнсдорфе (изготавливал горно-шахтное оборудование и металлоконструкции), завод № 512 в г. Ауэ (изготавливал горное и обогатительное оборудование и электротехнику) и монтажная контора Объекта 34.

В 1962 г. 2-е управление было ликвидировано и его функции переданы отделу капитального строительства Генеральной дирекции.

В 1961 г. монтажная контора Объекта 34 была передана вновь созданному в 1956 г. строительному Объекту 17 для строительства рудников на Роннебургском рудном поле и нового гидрометаллургического завода № 102. Заводы № 536 и 512 получили статус самостоятельных предприятий. Строительный Объект 34 был ликвидирован.

Проектирование шламохранилищ и дамб для обогатительных фабрик и ГМЗ СГАО «Висмут» осуществляла по договорам немецкая организация «Индустрипроектунг», расположенная в г. Дрезден.

Ю. П. Тафеев.

А. И. Горшков.

В. Ф. Панин.

И. А. Лучин.

О. С. Чапкович.

Перерабатывающие (обогащительные) предприятия

В. П. Шулика.

А. И. Антосиков.

Обогащительные фабрики для переработки урановых руд имелись во многих районах Рудных гор Саксонии. В основном это были мелкие предприятия со старыми технологическими схемами, которые не способствовали улучшению экономики и снижению стоимости полученного из руд урана.

Поэтому в конце 40-х – начале 50-х годов начался период совершенствования действующих фабрик и строительства мощных гидрометаллургических заводов по обогащению и переработке урановых руд. Проведение новой технической политики на предприятиях осуществляли специалисты-технологи предприятий и отдела обогащения Генеральной дирекции СГАО «Висмут»: Плотников Александр Васильевич, Бородачев Василий Михайлович, Кожевников Леонид Дмитриевич, Складенко Александр Епифанович, Светлаков Владимир Иванович, Владимиров Александр Николаевич, Трофимов Михаил Андреевич, Никольская Анна Осиповна, Прун Николай Григорьевич, Хальнов Виктор Васильевич, Зубынин Юрий Леонидович, Балан Владимир Иванович, Марков Анатолий Михайлович, Шалдов Иван Григорьевич, Акимов Петр Петрович, Беспалов Виктор Фёдорович, Муравьев Александр Михайлович, Антосиков Аркадий Исидорович, Богатов Анатолий Данилович, Шараров Геннадий Александрович, Шаталов Виталий Васильевич, Максимов Юрий Григорьевич.

Предприятие	Название	Срок работы	Технология переработки			
			химическая		физическая	
			кислотн.	содовая	радиометр.	гравитац.
Объект 31	Lengenfeld	1947 – 1961	x	x	x	x
Объект 32	Tannenbergesthal	1946 – 1957		x	x	x
Об. 96 (Фабрика 93)	Freital	1949 – 1960		x		
Об. 96 (Фабрика 95)	Gittersee	1952 – 1962	x	x		
Объект 98	Johanngeorgenstadt	1949 – 1956			x	x
Объект 99	Oberschlerna	1948 – 1957		x	x	x
Объект 100	Aue	1947 – 1957	x	x		
Объект 101	Crossen	1950 – 1989		x	x	x
Объект 102	Seelingstadt	1960 – 1990	x	x		

Технологии, применяемые на перерабатывающих предприятиях.

В 1947 году СГАО «Висмут» начал применять на перерабатывающих предприятиях химические способы обогащения урановых руд. Постоянно совершенствуя технологии обогащения и проводя сокращение нерентабельных мелких фабрик общество «Висмут» сконцентрировало переработку урановых руд на двух, ставших самыми крупными, перерабатывающих предприятиях — № 101 и № 102.

Перерабатывающее предприятие № 101 образовалось в 1968 году на базе обогащительной фабрики № 38 (бывшей бумажной фабрики "Леонхард", Кроссен). Её месторасположение и железнодорожные коммуникации позволяли перерабатывать урановые руды, добываемые на месторождениях в Рудных го-

рах и в Тюрингии. Поставляемые на предприятие руды имели следующие характеристики:

- руды из тюрингского месторождения Роннебург (содержание урана 0,05–0,1 %, содержание серы 2,1 %);
- руды из жильных месторождений Рудных гор (содержание урана после предварительной сортировки 0,1–0,4 %, мышьяка 0,3–0,5 %, серы 0,2–0,3 %);
- фрайталские угли (содержание урана 0,08–0,1 %);
- руды Кёнигштайна (содержание урана 0,09–0,11 %).

Извлечение урана из поставляемых руд составляло 93,3 %. Последним годом работы предприятия был 1989-й. В этот год им было получено 1493,431 кг уранового концентрата с содержанием урана 75 %.

В разные годы на предприятии были заняты: **1951/52 гг.** — около 2 500–3 000 трудящихся; **1957 г.** — около 2 000 трудящихся; **1975 г.** — 1 470 трудящихся; **1989 г.** — 1 140 трудящихся.

Основные технологические должности, особенно в первые годы работы предприятия, занимали советские специалисты. Затем, по мере обучения немецких специалистов, эти должности переходили к ним.

На перерабатывающем предприятии 101 работали руководителями, главными инженерами и технологами советские специалисты: Князев Виктор Ильич, Постоялкин Борис Павлович, Семичев Павел Степанович, Петров Василий Владимирович, Филипенко Владислав Васильевич, Шведов Григорий Иванович, Лантушенко Николай Григорьевич, Владимиров Борис Николаевич, Дорофеев Виктор Иванович, Пахомов Сергей Иванович, Семёнов Владислав Сергеевич, Рудь Василий Ануфриевич, Исаков Юрий Григорьевич, Сухогозов Виктор Матвеевич, Янюк Иван Фёдорович.

Перерабатывающее предприятие № 102.

Этот гидрометаллургический завод, крупнейший в Европе, был построен в течение 1958–1960 гг. Основные технологии, технические характеристики и параметры, положенные в основу проекта, были взяты из лучшего опыта работы советских заводов. По предложению начальника технологического отдела Общества Аркадия Исидоровича Антосикова (фото) для разработки технологической схемы и составления проекта завода были привлечены специалисты московских институтов ВНИИХТ и ПромНИИПроект, в число которых входили Г. М. Алхазашвили, Н. Н. Токарев, В. П. Шулика, И. С. Иевлев. Рабочий проект был выполнен специалистами (Гётце Дитер, Киришнер Гунтер, Кунц Хайнц и др.) Проектного предприятия СГАО «Висмут» при техни-

ческом руководстве советских специалистов. Главным инженером проекта был сотрудник московского института ПромНИИПроект Шулика Валерий Петрович.

Строительство и монтаж оборудования осуществляли фирмы ГДР. В постоянную эксплуатацию завод запустили в 1961 г. и уже в 1963 г. достигли запланированной проектной мощности. Первым директором завода был немецкий инженер **Зигфрид Бройдигам**. Потом в этой должности работали **Хорст Йобс** и **Хорст Бельманн**.

В 1960 году главным инженером завода был Беспалов Виктор Федорович, главным технологом — Корейшо Юрий Александрович, старшим инженером ОТК — Храпов Василий Алексеевич, технологом цеха — Щелупинин Георгий Терентьевич.

Необходимость строительства перерабатывающего предприятия и выбор места его расположения были обусловлены успешными результатами геологоразведки в Тюрингии Роннебургского рудного поля, быстрое развитие на нем добычных работ, короткое расстояние для транспортировки руды и наличие свободных объемов для организации хранения жидких отходов переработки руд (карьеры Зорге, Тюнциг-Катцендорф, Кульмич). Кроме того, относительно большую потребность технологической воды можно было получить из реки Вайсе Эльстер.

В первые годы перерабатывались руды с карьеров Кульмич и Лихтенберг, а также с рудника Шмирхау. Позже руду стали поставлять с рудников Пайцдорф, Дрозен, Беервальде, Фрайталь. После 1984 года, когда Кенигштайн полностью перешёл на химическую добычу, на ПП 102 стали поставлять на переработку промежуточный продукт обогащения.

На перерабатывающем предприятии применяли два основных технологических процесса:

1) содовый — для обработки руд с высоким содержанием карбонатов и низким содержанием урана, в основном из месторождений Роннебургского рудного поля;

2) кислотный — для руд с низким содержанием карбонатов и повышенным содержанием урана из месторождений Рудных гор Саксонии.

По предложению главного технолога Общества А. И. Антосикова в технологическую схему завода было заложено выщелачивание упорных высококарбонатных бедных урановых руд в вертикальных автоклавах емкостью 125 м³ с механическим и пневматическим перемешиванием.

Конечный продукт завода — химический концентрат («желтый кэк») с содержанием 60 % U. Извлечение урана составляло порядка 92 %. Численность трудящихся снижалась от 2000 до 1600 человек.

Главными инженерами завода 102 и главными технологами работали Беспалов Виктор Фёдорович, Корейшо Юрий Александрович, Сивков Виктор Иванович, Шараров Геннадий Александрович, Семёнов Владислав Сергеевич, Безродный Станислав Александрович, Золотин Аркадий Николаевич.

Корейшо Юрий Александрович. В 1955 г. окончил Уральский политехнический институт по специальности инженер-металлург. В 1958 г. был командирован в СГАО «Висмут». Работал технологом цеха, гл. технологом фабрики 96, гл. технологом, зам. директора завода 102. После СГАО «Висмут», с февраля 1965 года, работал директором завода, главным инженером, директором Прикаспийского ГМК (г. Шевченко). Затем — в Минсредмаше СССР зам. начальника Первого Главного Управления. В 1966 г. ему была присуждена Ленинская премия за работы по внедрению новых технологий переработки урановых руд на заводе 102. Награждён орденами Ленина, Октябрьской революции, «За заслуги перед Отечеством» (ГДР).

Ю. А. Корейшо.

На перерабатывающих заводах 101 и 102 впервые в мировой практике был осуществлён процесс сорбции урана из плотных карбонатных пульп на анионитах АМ, АМП и ВП-1А. В результате совершенствования технологии переработки урановых руд и ввода в строй двух новых гидрометаллургических заводов № 101 в Цвиккау и № 102 в Зелингштедте были закрыты мелкие обогащительные фабрики.

Годовые объемы переработки урановой руды на ПП 101.

Год	Годовые объемы (млн т)						
1951	1.025	1961	2.213	1971	1.726	1981	1.642
1952	1.553	1962	2.448	1972	1.968	1982	1.621
1953	2.187	1963	2.410	1973	2.008	1983	1.563
1954	2.504	1964	2.367	1974	2.058	1984	1.539
1955	3.107	1965	2.179	1975	2.157	1985	1.063
1956	3.117	1966	2.119	1976	2.144	1986	959
1957	3.044	1967	1.812	1977	2.114	1987	1.002
1958	2.160	1968	1.792	1978	2.121	1988	1.049
1959	2.104	1969	1.750	1979	1.709	1989	1.077
1960	1.975	1970	1.700	1980	1.647		

Радиометрическая автоматическая сортировка (РАС) и радиометрическая фабрика (РАФ)

С первых дней работы «Висмута» на предприятиях широко применялись и совершенствовались радиометрическая сортировка и обогащение добываемой руды.

В 1958–59 гг. на шахте 371 Объекта 9 была построена и введена в строй установка радиометрической автоматизированной сортировки (РАС) урановых руд. Затем, в 1963–1964 гг., эта установка была усовершенствована и расширена, и получила обозначение **радиометрическая автоматизированная фабрика (РАФ)**. Она находилась на территории шахты и являлась её структурным подразделением. РАФ работала до окончания добычи руды на Объекте 9, т. е. до 1991 года. Производительность РАФ достигала 3000 тонн в сутки и 600 тыс. тонн в год. Она перерабатывала руду с месторождений Нидершлема-Альберода и Пёла-Теллерхойзер.

В. В. Шаталов.

Межправительственные встречи и переговоры по СГАО «Висмут»

Положения о деятельности СГАО «Висмут» нашли свое дальнейшее развитие в соглашении между СССР и ГДР от 7 декабря 1962 г., необходимость заключения которого связана с тем, что статьей 14 соглашения от 22 августа 1953 г. срок его действия был определен в 10 лет. Новым соглашением от 7 декабря 1962 г. деятельность СГАО «Висмут» продлена на 20 лет. Согласно этому соглашению деятельность СГАО «Висмут» заключается в проведении поисков, разведки, добычи и обогащения урановых руд на территории ГДР. Деятельность Общества осуществляется по годовым и перспективным планам, однако данные о его деятельности в народно-хозяйственных планах и в статистической отчетности договаривающихся сторон отражаться не будут.

11 июля 1968 г. в Берлине состоялась встреча двух делегаций, которые возглавляли: со стороны ГДР — Альфред Нойманн, первый заместитель председателя правительства, и с советской стороны — Владимир Новиков, заместитель председателя Совета Министров СССР.

На этой встрече были обсуждены вопросы дальнейшей деятельности СГАО «Висмут», в том числе объемы производства и поставок урана на пятилетку 1971–1975 гг., применение на предприятиях новой экономической системы с сохранением принципа взаимной равной выгоды сторон и обеспечение более эффективной работы. Генеральной дирекции также было поручено подготовить до 1 марта 1969 г. прогноз производства геологоразведочных работ на уран на период 1971–1985 гг.

Одновременно протоколом от 11 июля 1968 г. к соглашению от 7 декабря 1962 г. между Правительством ГДР и Правительством СССР о продлении деятельности Советско-Германского акционерного общества «Висмут», учрежденного в соответствии с соглашением от 22 августа 1953 г., продлено действие соглашения о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 1985 г. Протокол по уполномочию Правительства ГДР подписал А. Нойманн и по уполномочию Правительства СССР — В. Новиков.

 Объем поставок урана в Советский Союз ежегодно повышался и достиг в 1967 г. своего максимума — 7109,8 тонны. При этом численность трудящихся составила 43 тыс. 684 человека и оставалась в этих пределах до конца своей деятельности. В 1954 г. работало 117 тыс. 200 человек, а объем поставок урана составлял 3967,2 тонны.

Последующие 10 лет (с 1971 по 1980 г.) деятельности СГАО «Висмут» характеризовались

ритмичной и стабильной работой по выполнению установленных показателей по разведке, добыче и обогащению урановых руд. Объем поставок урана начал постепенно снижаться и находился до 1978 г. в пределах до 6100 тонн. В этот сравнительно длительный период в ГДР, в «Висмуте», неоднократно бывали руководящие работники Минсредмаша СССР и заместители председателя Совета Министров СССР. В один из приездов в ноябре 1975 г. заместителя председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова и министра среднего машиностроения СССР Е. П. Славского состоялась их встреча и беседа по делам СГАО «Висмут» и перспективам дальнейшего сотрудничества с первым секретарем ЦК СЕПГ Эрихом Хонеккером. На встрече присутствовал посол СССР в ГДР Петр Абрахимов. Встреча состоялась 14 ноября 1975 г. в здании ЦК СЕПГ в Берлине.

К выдающимся достижениям СГАО «Висмут» в области науки и техники этого периода деятельности можно отнести:

- внедрение рациональных технологий очистной выемки, обеспечивающих отработку запасов урана с минимальными потерями, а также использование соответствующих высокопроизводительных горных механизмов и средств микроэлектроники;
- внедрение автоклавного выщелачивания и автоматизации управления процессами обогащения руд на гидрометаллургических заводах №№ 101 и 102;
- полный перевод рудника Кенигштайн на добычу урана химическим способом, что является достижением мирового уровня;
- отработку запасов урановых руд в целике г. Роннебург при полном обеспечении безопасности горных работ;
- рационализацию транспортных перевозок, что позволило сократить парк автотранспорта на 300 единиц и получить большую экономию жидкого топлива.

В результате осуществленных мероприятий по науке и технике удалось получить следующий экономический эффект: в 1971–1975 гг. — 0,3 млрд марок, в 1976–1980 гг. — 0,6 млрд марок ГДР. В следующей пятилетке 1981–1985 гг. эта цифра достигла величины 1,2 млрд марок ГДР.

В результате этого было обеспечено повышение производительности труда по чистой продукции на 30 %, сокращение численности трудящихся в СГАО «Висмут» на 1200 человек, в том числе численности управленческого персонала на 680 человек.

УЧАСТИЕ СГАО «ВИСМУТ» В СОЗДАНИИ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРЕРАБОТКИ ОЛОВСОДЕРЖАЩИХ РУД МЕСТОРОЖДЕНИЯ ХАММЕРЛЯЙН В ЗАПАДНЫХ РУДНЫХ ГОРАХ (по материалам книги Н. И. Чеснокова)

В связи с открытием СГАО «Висмут» крупного месторождения оловосодержащих руд в районе Теллерхойзер-Хаммерляйн и учитывая, что в мировой практике подобные руды (скарновые) не используются из-за крайне низкого извлечения из них олова, Председатель Совета Министров ГДР В. Штоф в период пребывания в ГДР в начале июля 1971 г. министра СССР Е. П. Славского высказал просьбу об оказании технического содействия республике в разведке и разработке технологии получения олова из руд месторождения Хаммерляйн.

В августе 1971 г. В. Штоф обратился с этой просьбой официально к А. Н. Косыгину. Правительство СССР поручило решить данную проблему Министерству среднего машиностроения.

Минсредмашу для решения этой сложной задачи пришлось привлечь целый ряд специализированных институтов Советского Союза: ВНИИХТ, НИИ № 2 АН СССР, Ленинградский Механобр, Новосибирский ЦНИИолово, Московский институт стали и сплавов, Московский Гинцветмет, Донецкий НИИчермет, Криворожский Механобрчермет.

Наряду с этим проводились поисковые научно-исследовательские работы в лабораториях СГАО «Висмут» и НИИобогащения в г. Фрайберг (ГДР).

Ведущую роль в разработке технологии получения олова из бедных упорных оловосодержащих руд Хаммерляйна занимал ВНИИХТ. Был отработан и предложен процесс на основе хлоридовозгонки олова. Руководство этой работой осуществлял академик Б. Н. Ласкорин, активное участие принимали сотрудники ВНИИХТа В. М. Бочкарев, В. А. Синегрибов, А. М. Смирнова и др.

Координация и направление исследований, а также решение оперативных вопросов, возникающих при разработке проблемы указанными выше институтами, осуществлялись 8-м Управлением Минсредмаша СССР.

В результате большого объема выполненных экспериментальных исследований в лабораторных, укрупненных и полупромышленных масштабах была разработана принципиально новая технология комплексной переработки руд месторождения Хаммерляйн с применением сорбционных или экстракционных процессов, не имеющая аналогов в мировой и отечественной практике и позволяющая достичь высокого (до 75 %) извлечения олова в товарный продукт из бедного и сложного по вещественному составу сырья с извлечением других сопутствующих

компонентов — цинка, железа, кадмия и натрия.

Технология олова могла быть реализована в промышленном масштабе по двум схемам:

1. Обогащение скарновой и сланцевой разновидностей руд с получением железного, цинкового и бедного (1,5–2,0 %) касситеритового концентратов, переработка последнего методом хлоридовозгонки, перевод хлоридов олова в солянокислые растворы, извлечение олова из них экстракцией или сорбцией с последующей деэкстракцией или десорбцией олова едким натрием, электролизом продукционных растворов с растворимыми анодами и оплавлением катодов для получения чушкового олова. Железный и цинковый концентраты должны перерабатываться отдельно с получением железа, цинка, кадмия и индия.

2. Обогащение скарновой и сланцевой разновидностей руд с получением железного, цинкового и касситеритового концентратов, переработка последнего методом металлизации олова конвертируемым газом, перевод олова в хлоридные растворы, сорбционное извлечение сорбентами олова из жидкой фазы, десорбция комплексов олова едким натрием, электролиз десорбционных растворов с нерастворимыми анодами и оплавление с катодов чушкового олова. Железо из водной фазы регенерируется с последующим получением его в виде чистого порошка, а соляная кислота утилизируется в качестве оборотного реагента. Железный и цинковый концентраты должны перерабатываться отдельно, с получением железа, цинка, кадмия и индия.

Первая схема в рассматриваемый период была более отработанной и надежной, и ее рекомендовали к внедрению. Технико-экономическая оценка этой схемы из расчета годовой производительности перерабатывающего завода в 1,5 млн тонн сырой руды показывала, что себестоимость получения 1 тонны металлического олова в чушках (без учета стоимости руды) будет порядка 3,0 тыс. рублей, что примерно соответствовало 25 тыс. марок ГДР. Можно было ежегодно производить около 5,0 тыс. тонн олова, а также цинковый (12 тыс. т) и железный (40 тыс. т) концентраты.

На основании полученных результатов исследований в 1973 г. были выданы исходные данные для составления ТЭД на строительство в ГДР предприятия по получению олова по технологии, включающей обогащение руд и переработку бедных (1,5–2,0 %)

ГЛАВА 3

оловосодержащих концентратов методом хлоридовозгонки с последующим извлечением олова сорбцией и электролизом. Учитывая перспективы значительного увеличения балансовых запасов оловосодержащих руд месторождения, можно было рассчитывать на возможность создания на этой базе мощного комплекса по добыче и переработке данного сырья с минимальными затратами и получать олово по себестоимости не выше, чем при использовании более богатых и технологичных руд. Для ускорения получения олова предполагалось использовать для переработки оловосодержащих руд Хаммерляйна сооружения и технологическое оборудование гидрометаллургического завода № 101 СГАО «Висмут» в Цвиккау. Переработка урановых руд на этом заводе снижалась в связи с отработкой ряда месторождений гидротермального типа в Рудных горах Саксонии. Одновременно намечалось форсировать геологоразведочные работы на месторождении Хаммерляйн с целью увеличения запасов оловосодержащих руд.

Статс-секретарь Министерства финансов ГДР Х. Камински, в то время председатель правления СГАО «Висмут», в июле 1973 г. заявил, что Правительство ГДР после получения результатов исследований и технико-экономической оценки месторождения оловосодержащих руд выйдет с предложением об осуществлении его эксплуатации совместно с Советским Союзом на паритетных началах силами СГАО «Висмут».

В 1973 г. при встрече Е. П. Славского с Председателем Совета Министров ГДР Х. Зиндерманном, в которой участвовали секретарь ЦК СЕПГ В. Кроликовски и заместитель председателя Совета Министров ГДР А. Нойманн, подробно обсуждались перспективы освоения оловосодержащего месторождения Хаммерляйн в Западных Рудных горах.

Х. Зиндерманн заявил, что немецкая сторона после завершения геологоразведочных работ намерена обратиться к правительству Советского Союза с просьбой принять паритетное участие в эксплуатации месторождения на аналогичных с разработкой урановых месторождений условиях. Половина олова или другое согласованное количество может поставляться Советскому Союзу по договорным ценам.

По возвращении в Москву министр Е. П. Славский проинформировал докладной запиской Председателя Совмина СССР А. Н. Косыгина о результатах беседы с руководителями Правительства ГДР по вопросу переработки оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн. Одновременно был подготовлен проект письма от имени А. Н. Косыгина на имя Х. Зиндерманна по этому вопросу.

В письме сообщалось о разработанной эффективной технологии обогащения труд-

новскрывааемых оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн и о возможности создания на этой базе крупного рентабельного предприятия по производству олова. Давалось согласие немецкой стороне в части паритетного освоения месторождения.

А. Н. Косыгин дал указание Л. В. Смирнову (заместитель председателя Совета Министров СССР) обсудить эти предложения с участием Госплана СССР, Минцветмета и других заинтересованных ведомств, после чего рассмотреть на заседании Президиума Совмина СССР.

Через полгода, 18 июня 1974 г., вышло поручение Н. А. Тихонова относительно перспектив совместной разработки оловосодержащих месторождений ГДР. Министр Е. П. Славский доложил эту проблему письмом от 14.08.1974 г. Н. А. Тихонову, в котором сообщал о разрешении этого вопроса в обменных письмах между А. Н. Косыгиным и Х. Зиндерманном, где был определен дальнейший порядок проведения работ по разведке и переработке оловосодержащих руд в ГДР, а также об условиях поставки олова в СССР.

В эти годы на гидрометаллургическом заводе № 101 в Кроссене (Цвиккау) был создан опытный цех и продолжалась работа по совершенствованию технологии получения олова из руд месторождения Хаммерляйн.

В дальнейшем, в 1977 г., председатель правления СГАО «Висмут» — президент Государственного банка ГДР Х. Камински направил письмо министру СССР Е. П. Славскому об итогах опытно-промышленных работ в рамках СГАО «Висмут» по обогащению сланцево-скарновых руд месторождения Хаммерляйн и по металлургическому переделу получаемых бедных оловянных концентратов рекомендованным методом хлоридовозгонки.

Одновременно Х. Камински сообщил, что в оловянной промышленности ГДР завершены с положительными технико-экономическими результатами научно-исследовательские работы и опробование процесса переработки бедных оловянных концентратов способом фьюмингования. И в этой связи внес предложение «провести совместный симпозиум ученых ГДР и СССР для научной оценки способа хлоридовозгонки» в г. Карл-Маркс-Штадт (Хемниц) в апреле 1978 г.

Министр Е. П. Славский в январе 1978 г. ответным письмом Х. Камински согласился с предложением о проведении симпозиума ученых и специалистов СССР и ГДР по обсуждению двух процессов металлургической переработки бедных оловянных концентратов, полученных из руд месторождения Хаммерляйн, — хлоридовозгонки и фьюминга. Е. П. Славский считал целесообразным рассмотреть и «обсудить одновременно на предлагаемом форуме результаты той и другой

технологии металлургического передела и оценить их как с научно-технической, так и с экономической точек зрения, включая весь цикл переработки сырья».

Обсуждение данного вопроса состоялось на симпозиуме в период с 17 по 22 мая 1978 г. в г. Карл-Маркс-Штадт. На симпозиуме подверглись обсуждению оба способа переработки бедных оловянных концентратов: хлоридовозгонка и фьюминг. Фрайбергская сторона предлагала фьюминг-процесс на основании опыта работы оловянного завода на комбинате им. Альберта Функа в г. Фрайберг. Однако на этом заводе перерабатываются фьюминг-процессом 6 %-ные оловянные концентраты. СГАО «Висмут» предлагал метод хлоридовозгонки, испытанный на полупромышленной установке завода № 101 Кроссен в г. Цвиккау для переработки бедных оловянных концентратов (1,5–2,0 %), полученных из оловосодержащих руд месторождений Западных Рудных гор (Хаммерляйн, Теллерхойзер, Пела-Глобенштайн). Фрайберговцы настаивали на получении обогащением более высоких по содержанию олова концентратов из руд этих месторождений. Однако многочисленными опытными работами, проводимыми по обогащению оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн, установлено, что получать концентрат более чем с 2 % содержания олова при хорошем извлечении из руд (до 75–80 %) невозможно. Получаемый при этом 2 %-ный концентрат содержит, кроме олова, цинк, железо, вольфрам, кадмий и индий, то есть является полиметаллическим.

Президиум Совета Министров ГДР издал 28 сентября 1978 г. постановление о мерах по увеличению объема производства олова в ГДР.

Председатель правления СГАО «Висмут» Х. Камински и министр горнорудной, металлургической и калийной промышленности ГДР К. Зингхубер провели 1 ноября 1978 г. совещание по реализации этого постановления.

К этому времени на месторождении Хаммерляйн уже были разведаны запасы в размере 62 тыс. т олова с соотношением скарновой и сланцевой разновидностей руд 1:1.

Советская сторона правления СГАО «Висмут» и Генеральной дирекции предлагала в целях обеспечения потребностей в олове ГДР и частично СССР в самое ближайшее время организовать переработку этих руд на действующем в составе СГАО «Висмут» Объекте 101, сосредоточив при этом переработку урановых руд на Объекте 102 в Тюрингии. При надлежащей организации работ по добыче руд на месторождении Хаммерляйн и определенном переоборудовании завода № 101 в Кроссене можно было начать производство олова в размере не менее 5 тыс. тонн в год в ближайшие два года (в 1980–1981 гг.). К сожалению, предложения советской стороны СГАО «Висмут» по варианту

освоения месторождений оловосодержащих руд ГДР не были приняты.

Первый заместитель председателя Совета Министров ГДР Альфред Нойманн 10 октября 1978 г. в письме министру среднего машиностроения СССР Е. П. Славскому изложил позицию Совета Министров ГДР по данному вопросу: «Как Вам известно, Ефим Павлович, наши специалисты и руководители всех отраслей народного хозяйства уже долгое время имеют задание изыскивать пути по наиболее эффективному использованию отечественного минерального сырья, что одновременно должно послужить сокращению импорта сырья из капиталистических стран.

По олову у нас, например, положение таково, что количество олова, которое добывается в Восточных Рудных горах — в Альтенберге и Эренфридерсдорфе — и производится на Фрайбергском горно-металлургическом комбинате им. Альберта Функа, не покрывает всей нашей потребности. Поэтому мы вынуждены ежегодно закупать дополнительное количество олова в капиталистических странах.

В связи с изложенным, с целью увеличения производства олова в ГДР Совет Министров принял решение, обязывающее министра горнорудной, металлургической и калийной промышленности доктора Курта Зингхубера до конца года разработать единую концепцию по увеличению производства олова в стране. Эта концепция должна учитывать динамику развития имеющихся производственных мощностей, обеспечить использование всех ресурсов, включая месторождение Хаммерляйн, и расширение мощностей по металлургической переработке на Фрайбергском горно-металлургическом комбинате им. Альберта Функа, а также решение необходимых задач по обеспечению научно-технического задела. На министра доктора Зингхубера возложена ответственность за проведение единой линии в производстве олова в ГДР, включая хозяйственную увязку работ по разведке и обогащению оловянных руд, проводимых в СГАО «Висмут» на договорной основе по поручению Правительства ГДР».

По существу, начиная с 1979 г. министр Зингхубер стал интересоваться проблемой использования оловосодержащих руд месторождений Западных Рудных гор все меньше и меньше. Видимо, руководство ГДР решило сохранить запасы этих руд на будущее.

Работа по изысканию технологии переработки упорных оловосодержащих руд и получению металлического олова была проведена большая, в ней участвовали коллективы многих институтов СССР и ГДР, результаты проведенной работы свидетельствуют о возможности получения олова и сопутствующих металлов — цинка, железа, кадмия и индия — по приемлемой себестоимости.

ГЛАВА 4 ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ СГАО «ВИСМУТ». ОКОНЧАНИЕ ЕГО ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (1981–1990)

В период 1971–1985 гг., наряду с производственной, развивалась и экономическая деятельность. Одновременно совершенствовались и взаимоотношения партнеров по СГАО «Висмут». Это являлось следствием происшедших в СССР и ГДР изменений в области планирования, управления и хозяйствования. СГАО «Висмут» должно было в дальнейшем обеспечить на основе расширения воспроизводства полное покрытие затрат полученной выручкой.

В июле 1979 г. в Берлине были проведены переговоры по финансовым вопросам, связанным с деятельностью СГАО «Висмут». В результате переговоров 11 июля 1979 г. министром финансов СССР В. Ф. Гарбузовым и министром финансов ГДР З. Бемом был подписан протокол, которым с 1 октября 1979 г. устанавливались цены на урановую продукцию, поступающую из ГДР в СССР, в соответствии с методикой ценообразования, принятой в СЭВ в отношении других товаров. В дальнейшем на подобных встречах шло обсуждение и принимались решения по урегулированию и другим вопросам, связанным с деятельностью смешанного Общества «Висмут».

Генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер в июне 1984 г. на экономическом совещании в Москве выразил готовность продолжать деятельность по производству урана на совместном Советско-Германском предприятии «Висмут».

Председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф в ноябре 1984 г. обратился к Председателю Совета Министров СССР с предложением провести межправительственные переговоры о научно-технических и производственных задачах СГАО «Висмут» и совершенствовании экономических отношений на период пятилетки 1986–1990 гг.

В ответном письме Председатель Совета Министров СССР 19 августа 1985 г. заявил о своем согласии с проведением межправительственных переговоров в IV квартале 1985 г. в Берлине.

Такие переговоры состоялись в ноябре 1985 г. С советской стороны делегацию возглавлял первый заместитель председателя Совета Министров И. В. Архипов, со стороны ГДР — первый заместитель председателя Совмина ГДР А. Нойманн. В составе советской делегации активно работал министр Е. П. Славский. Альфред Нойманн в почти часовом докладе сделал глубокий анализ производственной деятельности СГАО «Висмут» в период пятилетки 1981–1985 гг.

и изложил важные вопросы дальнейшей работы Общества до 1990 г.

На поисковые и геологоразведочные работы предусматривалось финансирование в размере 1020 млн марок ГДР, или 198 млн рублей. Было сохранено паритетное финансирование перспективных поисковых и разведочных работ за счет средств из госбюджетов обеих сторон — по 37 млн переводных рублей в период 1986–1990 гг.

Необходимые капитальные вложения для строительства производственных мощностей и для модернизации и реконструкции имеющихся основных фондов были установлены в объеме 2,5 млрд марок ГДР, или 490 млн рублей, что примерно соответствовало объему прошлой пятилетки 1981–1985 гг.

К 1981 г. в деятельности СГАО «Висмут» возникли и значительные проблемы. Ряд рудников Роннебургского рудного поля, таких как Шмирхау и Ройст, перешли в стадию доработки запасов. Такая же ситуация возникла и на руднике Кенигштайн. Ставилась под вопрос экономическая целесообразность вскрытия и обработки запасов глубоких горизонтов VI каскада на месторождении Нидершлема-Альберода в Рудных горах Саксонии.

На глубине ниже 1700 м залегают запасы урана, но стоимость отработки этих запасов подлежала точному расчету и оценке.

Новые рудники Роннебургского рудного поля — Дрозен и Беервальде — еще не вышли на производственные мощности, предусмотренные проектом.

Указанные проблемы вели к увеличению себестоимости добываемой продукции в 1986–1990 гг.

Рост себестоимости также будет иметь место в 1990 г. по сравнению с 1985 г. в связи с увеличением протяженности вертикальных и горизонтальных вскрывающих месторождения горных выработок. Возрастающая глубина разработки урановых месторождений вела к увеличению расходов на проходческие работы, рудничный транспорт, рудничное проветривание и охлаждение воздуха и на содержание горных выработок в условиях возрастающего с глубиной давления горных пород.

Для компенсации удорожания себестоимости в 1985–1990 гг. были определены мероприятия по внедрению передовой технологии и других научно-технических разработок в следующих направлениях:

1. Широкое использование средств

микроэлектроники и ЭВМ для автоматизации производственных процессов и создания информационных систем с целью высвобождения до 300 человек рабочей силы. Для этого предусматривалось:

- создание и внедрение автоматизированных систем для проектирования горных работ;
- поэтапный переход на централизованное управление процессами обогащения на гидрометаллургических заводах;
- внедрение автоматизированных систем конструирования и изготовления изделий на механических заводах СГАО «Висмут».

2. Более широкое применение подземного выщелачивания бедных урановых руд.

3. Дальнейшее совершенствование применяемых систем очистной выемки, а также создание и внедрение новых геофизических методов и аппаратуры.

4. Дальнейшая рационализация работы закладочного хозяйства.

5. Электрификация подземных работ и повышение энергетического коэффициента полезного действия при сокращении расхода электроэнергии. Были сконструированы погрузочно-доставочные машины с электрическим приводом и подводом энергии по кабелю и организован их серийный выпуск.

6. Дальнейшее совершенствование буровой техники и технологии бурения для геологоразведки.

Все эти мероприятия четко выполнялись замечательным коллективом трудящихся СГАО «Висмут» в 1986–1990 гг. Финансовые расчеты между сторонами в это время производились согласно подписанному министрами финансов Протоколу по курсу: 1 переводной рубль равен 5,15 марки ГДР.

Немецкой стороной на переговорах было предложено произвести уточнение статьи 10 соглашения по СГАО «Висмут», в которой определены экономические условия для поставки урана, в том числе цены. Стороной ГДР было предложено сохранить действующую внешнеторговую цену 65,97 руб./кг до 1990 г., так как она основывается на действующем по СЭВ принципе ценообразования.

Предлагалось, в соответствии с действующим в ГДР законодательством, начиная с января 1986 г. внести в состав себестоимости продукции взнос в общественные фонды в размере 80 % от фонда заработной платы. Взнос в общественные фонды подлежал отчислению в госбюджет

для накопления средств в целях улучшения условий труда и жизни граждан ГДР.

На переговорах было принято предложение стороны ГДР об увеличении численности правления СГАО «Висмут» с каждой стороны до трех человек, для чего требовалось уточнить текст статьи 3 соглашения.

В итоге переговоров в Берлине 14 ноября 1985 г. по обсужденным вопросам был подписан протокол к действующему соглашению от 7 декабря 1962 г. Одновременно этим протоколом был продлен срок действия соглашения от 7 декабря 1962 г. между правительствами СССР и ГДР о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 2000 г.

Протокол был подписан по уполномочию Правительства СССР И. Архиповым и по уполномочию Правительства ГДР — А. Нойманном.

Общая сумма капложений за 1954–1990 гг. составила 12 284 млн марок ГДР. С 1960 г. до 30 июня 1990 г. на строительство новых рудников, обогатительных и других предприятий или на их реконструкцию было израсходовано 10 857,1 млн марок ГДР.

Добыча урана в последние 20 лет велась в трех районах ГДР: Западных Рудных горах, в районе Ауэ, на месторождении Нидершлема-Альберода; Роннебургском рудном поле, в Восточной Тюрингии, на руднике Кенигштайн в районе Эльбских песчаных гор.

Численность трудящихся СГАО «Висмут» составляла по состоянию на 31 декабря 1990 г. 27 920 человек, большинство из которых имели высокую квалификацию и большой стаж работы в Обществе.

Акционерный капитал Общества, который принадлежал равными долями обеим сторонам, составлял по состоянию на 30 июня 1990 г. 4417,435 млн марок ГДР, и после перехода на новую валюту по состоянию цен на 1 августа 1990 г., согласно вступительному балансу, — 2757,119 млн марок ФРГ, из них 2200 млн ДМ¹ — основные средства урановых предприятий, 400 млн ДМ — основные средства неурановых производств и 176,5 млн ДМ — оборотные средства.

Деятельность СГАО «Висмут» с 1954–1990 гг. возглавляло правление под руководством председателей Фрица Зельбмана, Эриха Марковича, Хорста Камински и Николая Чеснокова.

Генеральными директорами были В. Н. Богатов, В. А. Собко, С. Н. Волощук, Хорст Бельманн и Хорст Рихтер.

В конце 1980-х гг. в условиях позитивного развития мировых процессов, на-

¹ Немецкая марка (нем. Deutsche Mark, сокр. DM, в разговорной речи также D-Mark) — денежная единица Федеративной Республики Германия, вышедшая из обращения после перехода на евро в 2002 году.

правленных на разоружение, сокращение и последующую ликвидацию ядерного оружия, а также в связи с ограничением национальных программ строительства новых и расширения действующих атомных электростанций, потребность в природном уране резко сократилась.

✚ После объединения Германии вопросы о дальнейшей работе СГАО «Висмут» перешли от ГДР к ФРГ. В последовавшем после переговоров соглашении между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах от 9 октября 1990 г. (статья 8) установлено: хозяйственная

деятельность Советско-Германского акционерного общества «Висмут» прекращается с 1 января 1991 г.

Ликвидация Общества проводится в соответствии с соглашением между правительствами СССР и ГДР о продлении деятельности СГАО «Висмут» от 7 декабря 1962 г.

Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о прекращении деятельности Советско-Германского акционерного общества «Висмут» было подписано в Хемнице 16 мая 1991 г.²

Урановая смолка.
(Pechblende - нем.)
Увеличенное изображение
образца размером ~ 3 см.
Фото Райнера Боде.

РАБОТЫ ПО РЕКУЛЬТИВАЦИИ И САНИРОВАНИЮ ЗЕМЕЛЬ В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ГОРНОДОБЫВАЮЩИХ И ОБОГАТИТЕЛЬНЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ СГАО «ВИСМУТ»¹

После подписания соглашения о прекращении деятельности СГАО «Висмут» по решению Правительства ФРГ разработан и осуществляется проект «Висмут» ликвидации предприятий и рекультивации земель для обеспечения радиационной безопасности и возврата этих земель сельскому хозяйству.

Этот грандиозный экологический проект, подготовленный на основе «Концепции Генеральной дирекции СГАО «Висмут» о завершении добычи урана в Германии», оценивался в сумму более 13 млрд немецких марок и включал в себя:

1. Очистку горных выработок 8 рудников общей протяженностью 1600 км на глубину от 90 до 2000 м. Вся отбитая руда была выдана на поверхность и обогащена. Получено 620 тонн закиси-оксида урана, что несколько снизило затраты на проводимые работы.

2. Длительную промывку горных пород рудника Кенигштайн, где добыча урана велась методом подземного выщелачивания и в блоках использовалась в больших объемах серная кислота с последующей нейтрализацией растворов.

3. Заполнение породой в соответствии с требованиями горного закона 56 шахтных стволов, 6 штолен и 85 восстающих и скважин большого диаметра. В устойчивых породах Рудных гор применяется метод установки в стволах перемычек, во всех других — метод полного заполнения.

4. Демонтаж и снос на рудниках всех комплексов и зданий, имеющих радиоактивную загрязненность.

5. Рекультивацию отвалов пустых пород и забалансовых руд на рудниках с уровнем радиоактивности от 0,2 до 3 Бк на грамм радия-226. Их общая площадь составляла 1470 га. Предусматривались снос отвалов и их перекрытие грунтом. В районе Шмирхау — снос отвалов и отсыпка этих масс в чашу бывшего карьера Лихтенберг. Для перекрытия отвалов и промплощадок требуется более 15 млн кубометров грунта.

6. Демонтаж и снос на обогатительных фабриках и гидрометаллургических заводах загрязненных зданий и сооружений общей кубатурой 1,6 млн куб. м.

7. Санацию хвостохранилищ ГМЗ Крос-

сен и Зеллингштедт, в которых накоплено 160 млн куб. м хвостов обогащения и занимающих площадь около 700 га.

Все работы по санации и рекультивации выполняет новая организация ГмбХ «Висмут», рабочий коллектив которой состоит из трудящихся ликвидированного СГАО «Висмут».

После прекращения хозяйственной деятельности СГАО «Висмут» была создана система сбора и анализа проб, характеризующих фактическую радиационную нагрузку на окружающую среду, что позволило создать кадастр нагрузок. Были оборудованы замерные пункты для регулярного получения данных о состоянии загрязненности окружающей среды. Основной контроль за вредными выбросами в атмосферу является радоновая измерительная сеть, охватывающая площадь около 390 кв. км всего района расположения предприятий СГАО «Висмут».

Комиссия по защите от излучения жилых районов считает в качестве расчетной долговременной концентрации радона в атмосфере 80 Бк/м³.

Летом 1994 г. в результате проведенных работ по рекультивации и санации объектов «Висмута» концентрация радона по отдельным объектам составила: по Роннебургу — 47 Бк/м³ (113 пунктов замера), Дрездену-Гиттерзее — 36 Бк/м³ (52 пункта замера), Кенигштайну — 42 Бк/м³ (51 пункт замера), Нидершлема-Альберода — 74 Бк/м³ (112 пунктов замера), Пела — 34 Бк/м³ (49 пунктов замера), Кроссену — 48 Бк/м³ (95 пунктов замера)

¹ По материалам книги Н. И. Чеснокова «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: Информационно-издательский центр «Информ-Знание», 1998.

ГЛАВА 5

Затопление выработки на горизонте -1620 м (фото из архива Wismut GmbH).

Рудник Шмирхау и карьер Лихтенберг, 1991 г. (фото из архива Wismut GmbH).

Засыпка карьера Лихтенберг, 1997 г. (фото из архива Wismut GmbH).

Хвостохранилище Кульмич, промежуточная изоляция (фото из архива Wismut GmbH).

Управление отделом санирования и архив персональных данных в здании бывшего управления шахты № 371 (фото из архива Wismut GmbH).

Автоматический измерительный контейнер для замеров Ra-226 и запыленности (фото из архива Wismut GmbH)

и Зелингштедту — 34 Бк/м³ (67 пунктов замера).

Исследованиями ряда немецких медиков установлено, что в уранодобывающих районах бывшей ГДР не существует повышенного риска заболевания раком легких у населения. Исключение составляет производственный персонал «Висмута», непосредственно занятый на урановых рудниках и ГМЗ. Наибольшее количество профессиональных заболеваний приходится на тех горняков, которые работали в конце 1940-х — начале 1950-х гг. Это связано с тем, что в те годы производилось сухое бурение, а также были трудности в обеспечении достаточного количества свежего воздуха, который подавался в очистные забои по небольшого сечения выработкам старых рудников.

В проекте по реабилитации окружающей среды, осуществляемом ГмБХ «Висмут», сконцентрирован весь положительный опыт выполнения работ по санации, накопленный мировым сообществом, используются

собственные ноу-хау по санации. Проект имеет международное значение как пример системного комплексного решения радиационно-экологической реабилитации целого региона.

Бетонная пробка на стволе залита²

В утренние часы 24 марта 2011 г. сотрудники отделения Ауэ начали заливку бетонной пробки на стволе № 371. Для пробки используют 980 кубометров бетона. До 10 бетоновозов друг за другом заливают бетон в когда-то главную шахту, непрерывная заливка обеспечивает качество бетона. Бетон направляют при помощи бетононасоса и трубопровода в специальный полук-опалубку. В нем оставляют три цилиндрических прохода для проведения в последующем замеров в шахте. После затвердевания бетонной пробки рабочие монтируют контрольные трубы и заливают ствол самотвердеющей закладкой.

Шахта № 371 была главной шахтой бывшего горнодобывающего предприятия (Объект 9) Ауэ и самой глубокой (~1000 метров) в Европе. Ее проходка начиналась ровно 55 лет назад — 1 апреля 1956 г.

2 Перевод статьи из журнала Wismut News.

ОСНОВНЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ ПРОЕКТНОЙ, НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ И ОПЫТНО-КОНСТРУКТОРСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СГАО «ВИСМУТ»

ГЛАВА 6

В первые годы работы САО «Висмут» научно-исследовательская и опытно-конструкторская деятельность осуществлялась соответствующими организациями Советского Союза. При ведении геологоразведочных и эксплуатационных работ использовались в основном советские технологии и техника. Собственного научно-технического потенциала в это время еще практически не было.

Ко времени учреждения СГАО «Висмут» в 1954 г. значительная часть урановых месторождений была разведана, и объем выпуска урановых концентратов уже достиг высокого уровня. По мере повышения степени разведанности и изученности месторождений, увеличения объема горных работ, переработки руд необходимо было решить задачи в области проектирования, капитального строительства, изготовления различного горно-шахтного оборудования и новой техники, для чего потребовался определенный задел в проведении соответствующих НИОКР. В связи с этим в Обществе в период 1954–1958 гг. были созданы специальные подразделения для выполнения таких работ:

- проектно-конструкторская группа в 3-м управлении (для выполнения определенных проектных работ централизованного характера);
- специальное конструкторское бюро на заводе № 512 в г. Ауэ;
- экспериментальный цех на заводе № 536 в Кайнсдорфе;
- экспериментальная бригада на горнодобывающем Объекте 9 в Ауэ;
- экспериментальный цех на Объекте 36 в Грюне.

В 1958 и 1959 гг. для выполнения работ, имевших значение для всего Общества, были созданы: отдел по новой технике в 3-м управлении и научно-исследовательские отделы и лаборатории в экспериментальном цехе Объекта 36.

В начале 1960-х гг. эти научно-исследовательские и опытно-конструкторские подразделения были объединены в 3-м управлении в новое подразделение под наименованием «Научно-технический центр» (НТЦ).

В дальнейшем происходило повышение степени сложности и специфики решаемых в СГАО «Висмут» задач, в связи с чем в 1968 г. произошло разделение 3-го управления на два самостоятельных предприятия — Проектное предприятие и Научно-технический центр. Это позволило обеспечить концентрацию научно-исследо-

вательских и опытно-конструкторских сил на выполнении важнейших задач в области горных работ и обогащения руд с целью повышения экономической эффективности производства и снижения себестоимости.

Специфика решаемых в СГАО «Висмут» задач потребовала, с одной стороны, выполнения определенных НИОКР в централизованном порядке, а с другой стороны — разработки некоторых тем в лабораториях и подразделениях предприятий. Так, на горнометаллургических заводах были созданы центральные заводские лаборатории для осуществления контроля за ходом процессов обогащения руд, для разработки новых и совершенствования применяемых технологий. Кроме того, силами этих лабораторий выполнялись работы по обеспечению охраны окружающей среды в районах деятельности обогатительных фабрик и, особенно в последние годы, по интенсификации процессов переработки руд на базе управления процессами при помощи ЭВМ.

Научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы выполнялись также в области геологии и геофизики. Важнейшими направлениями были:

- тематические работы, например, по вопросам строения и структуры месторождений и по генезису месторождений;
- совершенствование методики поисков и разведки, техники и технологии для этих работ (совершенствование буровой техники и способов бурения, создание и изготовление алмазного бурового инструмента, техники для каротажа скважин и интерпретации результатов (каротажных работ);
- лабораторные работы (совершенствование методов анализов и техники для этой цели с учетом специфики геологоразведочных и горных работ на уран).

На механических заводах в это время начала проводиться работа по созданию новых горных машин и оборудования. Для реализации этих сложных задач были организованы технические и конструкторские отделы, проведена в сжатые сроки необходимая оснастка производства, сделаны испытательные стенды и началось изготовление опытных образцов в специально оборудованных цехах.

В СГАО «Висмут» проводились научные исследования только прикладного характера, результаты которых немедленно внедрялись в производство. Ввиду этого, а также в связи с комплексным характером решаемых задач, в СГАО «Висмут» проводились научные исследования только прикладного характера, результаты которых немедленно внедрялись в производство. Ввиду этого, а также в связи с комплексным характером решаемых

О роли и значении НИОКР в СГАО «Висмут» свидетельствуют следующие избранные показатели за период 1956–1990 гг.:

Показатель	1956–1960	1961–1965	1966–1970	1971–1975	1976–1980	1981–1985	1986–1990
Затраты, млн марок	21	43	107	187	198	211	183
Эконом. эффект, млн марок	29	72	164	282	402	561	744
Численность работников (средняя)	50	90	200	350	400	400	380
Кол-во выданных патентов	40	94	108	133	61	102	86

емых задач, необходимо было выделить эти службы из состава производственных подразделений и пересмотреть их структуры. Так, в начале 1970-х гг. на предприятиях были организованы отделы по технике и технологии, а несколько позже — службы по науке и технике, которые участвовали в разработке тематики НИОКР, выполняемых силами предприятий и центральных Научно-исследовательских подразделений, организации испытаний новой и усовершенствования техники и технологии и их эффективного внедрения в производство.

Отдел по технике в Генеральной дирекции, который подчинялся первому заместителю генерального директора, осуществлял через руководителей тем управление и координирование НИОКР НТЦ и предприятий.

В 1960-е и 1970-е гг. работы по науке и технике проводились и финансировались на базе специальных планов организационно-технических мероприятий.

В 1981 г. в Генеральной дирекции была организована служба заместителя генерального директора по науке и технике, к задачам которой относились, наряду с другими,

Направления НИОКР в области горных работ и обогащения руд

Тесное сотрудничество со всеми предприятиями СГАО «Висмут» позволило Научно-техническому центру выполнить огромный объем научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, испытать и внедрить в производство новые поколения горных машин, механизмов, приборов и устройств различного назначения. Были также разработаны и внедрены новые методы и технологии ведения геологоразведочных, добычных и обогатительных работ. Запущенные в производство серии новых машин и оборудования отвечали современному уровню развития науки и техники и давали высокую эффективность.

планирование и управление НИОКР на базе отраслевого плана по науке и технике. Впервые на период 1986–1990 гг. была разработана комплексная программа научно-технического развития СГАО «Висмут», в которой определилась тематика важнейших работ по интенсификации производственных процессов с целью достижения экономической эффективности в размере 870 млн марок.

В состав этой службы наряду с отделом по технике входил также отдел технической информации, стандартизации, рационализации и изобретательства, решение возложенных на него задач способствовало выполнению НИОКР в Обществе и эффективному использованию их результатов в производстве.

Проведение работ по науке и технике в СГАО «Висмут» в период 1954–1990 гг. характеризовалось тем, что значительная часть тематики разрабатывалась с участием на договорной основе институтов и организаций СССР и ГДР.

В вопросах промсанитарии осуществлялось тесное сотрудничество с управлением здравоохранения «Висмут» и его учреждениями.

 Так, экономический эффект от проводимых научно-исследовательских работ, позволивший снизить себестоимость выпускаемой «Висмутом» продукции, только за 10 лет, с 1981-го по 1990 г., вырос на 35% и достиг 390 млн марок.

Главные задачи, на которых концентрировался основной научно-технический потенциал СГАО «Висмут», включали: повышение эффективности добычи урана, снижение объемов отбойки горной массы и закладочных работ, совершенствование буровой техники и инструмента, электрификация и автоматизация основных и вспомогательных процессов, совершенствование технологий переработки руд, широкое внедрение

микроэлектроники и вычислительной техники, улучшение условий труда, техники безопасности и охраны окружающей среды.

Тематика проведенных в СГАО «Висмут» НИР и ОКР включала следующие комплексные направления:

- совершенствование и создание новых систем разработок месторождений, техники и технологии очистной выемки;
- повышение эффективности работы закладочного хозяйства, совершенствование техники и технологии приготовления, подачи и укладки твердеющих смесей;
- усовершенствование, создание и внедрение новой техники для проведения горизонтальных и вертикальных горных выработок;
- разработка и внедрение систем и технологий химической добычи металла (подземное и кучное выщелачивание);
- рационализация процессов реконструкции горных выработок, обработки крепящего леса, ремонта горно-шахтного оборудования и других вспомогательных процессов;
- повышение эффективности работы подземного транспорта на основе внедрения новой техники, средств механизации и контрольно-измерительной аппаратуры;
- разработка и совершенствование геофизических методов и приборов поис-

Система слоевой выемки с закладкой на ГДП Тюрингии

По мере развития горных работ под застроенными участками и в связи с необходимостью предотвращения эндогенных пожаров и обеспечения полной отработки запасов при минимальном разубоживании необходимо было разработать систему разработки, соответствующую всем этим требованиям.

В 1964 г. начато внедрение слоевой системы разработки с твердеющей закладкой. Объем применения этой системы разработки в течение 6 лет доведен до 80–90 %. Производительность труда увеличилась по сравнению с системой слоевого обрушения почти в два раза (с 3 до 6,43 м³/чел. в смену в 1972 г.).

Важнейшими задачами исследований были следующие:

- выбор параметров очистной выемки под искусственной и естественной кровлей, выбор видов крепления, вопросы прочности твердеющей закладки, выбор новых вяжущих;
- разработка, изготовление и внедрение погрузочно-доставочной техники на

ково-разведочной и рудничной радиометрии, радиометрической сортировки и обогащения, контроля технологических процессов на рудниках и перерабатывающих предприятиях;

- повышение технической гигиены труда, улучшение проветривания;
- разработка и внедрение организационно-технических мероприятий на рудниках на основе НОТ;
- автоматизация процессов переработки посредством создания АСУТП и приборов КИПиА;
- технико-экономическая оценка сырьевой базы СГАО «Висмут»;
- обеспечение безопасности очистных и проходческих работ на базе применения современных геомеханических методов и аппаратуры;
- разработка концепции СГАО «Висмут» по охране окружающей среды, создание экологически чистых технологий;
- разработка, испытание и внедрение систем автоматизированного контроля и управления машинами и процессами горного производства;
- разработка, совершенствование и внедрение единой карбонатной технологии переработки руд, автоматизация перерабатывающих предприятий № 101 и 102.

Ниже приводятся результаты наиболее значительных работ по направлениям.

пневмошинном ходу (ПДМ ЛБ-125/1000 и ЛБ-500/2200);

- внедрение буровых кареток типа КИР на высоту 4,0 м;
- создание самоходной буровой техники (РБГ-16, ЛБГ-16, ЛБГ-18);
- внедрение ВВ типа игданитов и создание зарядных устройств;
- разработка и внедрение правил определения параметров обнажения кровли из твердеющей закладки;
- создание технологии крепления горных выработок под искусственной и естественной кровлей, проходка без крепления;
- разработка ультразвуковых приборов для определения прочности закладки. А также в связи с внедрением этой системы разработки решение вопросов по возведению перемычек (алюминиевых, канатных, деревянных). Внедрение автобетоновозов емкостью до 8,0 куб. м для транспортировки закладочных смесей;
- разработка и внедрение новых технологических решений для условий применения самоходной техники: технология

с проходкой наклонных съездов, изготовление на собственных заводах погрузочно-доставочных машин с дизельным и электрическим приводом УЛ и УЛЭ емкостью ковша 0,6, 1,3 и 3 куб. м, буровых кареток с пневматическим приводом и одной или двумя стрелами — БВКА и БВА, автосамосвалов для использования на подземных горных работах — УК-2 и УКЭ-2 емкостью 2,5 куб. м,

Совершенствование технологии потолкоуступной выемки на месторождении Нидершлема-Альберода

Исследования на месторождении Нидершлема-Альберода проводились в два этапа:

- в 1961–1968 гг. — совершенствование технологии очистной выемки на больших глубинах;
- в 1979–1989 гг. — совершенствование потолкоуступной системы выемки.

В результате работ первого этапа обеспечено значительное упрощение технологии очистной выемки за счет перехода от многоступенчатой к одноступенчатой добыче и организации сортировки руд на поверхности. Все это позволило достигнуть существенного улучшения экономических показателей.

В результате исследований обеспечено значительное уменьшение ширины очистного пространства (примерно 15 см).

Важнейшим результатом работ второго

Совершенствование систем разработки на МГДП Кенигштайн

С учетом горно-геологических и гидрогеологических условий месторождения испытывались следующие варианты системы разработки, в зависимости от мощности оруденения:

- камерно-столбовая система с твердеющей закладкой;
- почвоуступная выемка открытыми камерами;
- выемка лавами с твердеющей закладкой;
- сплошная выемка с обрушением;
- выемка слоями с закладкой.

Исследования подтвердили преимущества камерно-столбовой выемки с твердеющей закладкой или частичной закладкой с учетом мощности рудных тел, тектоники, углов падения, устойчивости кровли, механизации погрузочно-доставочных работ и других факторов.

Для совершенствования технологии очистной выемки выполнен большой объем экспериментальных работ.

В области механики горных пород: определены параметры и способы выемки (камеры и целики);

технология с проходкой наклонных съездов с троллейной системой трехфазного тока, техники для подачи закладки на глубину более 500 м (ограничители давления на 10 МПа и разветвления труб);

- разработка системы автоматизированного проектирования очистных работ в увязке с исследованиями по снижению разубоживания руды.

этапа было внедрение технологии с набрызг-бетонными настилами на закладке для минимизации потерь и разубоживания руды.

В 1987 г. завершены работы по разработке устройства для подачи закладочных смесей и по внедрению расширительных устройств типа РС-220/330 для расширения закладочных скважин на полный диаметр, а также соответствующих передаточных станций.

Разработано устройство для расширения сечения горных выработок, оборудованного бурильным молотком ударно-поворотного действия. В 1989 г. изготовлен пневматический молоток типа ПХС-135, его внедрение способствовало значительному повышению экономической эффективности работ по реконструкции горных выработок при одновременном снижении тяжести работ.

- определены свойства пород висячем боку, с учетом наличия там третьего водоносного горизонта;
- определена устойчивость целиков на участках без нарушений и с нарушениями.

В области буро-взрывных работ:

- выбор и испытание оптимальных буровых механизмов и схем бурения, при обеспечении необходимой крупности руды и устойчивости кровли и стенок горных выработок.

В области крепления горных выработок:

- проведены выбор и испытание различных вариантов крепления: польские дверные оклады (деревянные и стальные), верхняки на подвесках, стойки, анкеры;
- осуществлена оптимизация шага крепи, сечения элементов крепи, различных типов анкеров и плотности установки анкеров.

В области погрузочно-доставочных работ проведены выбор и испытание различных типов скреперов советского производ-

ства серии ЛС, ПДМ из Швеции типа Т2ГХ и «Каво», ПДМ производства завода «Гормаш Ауэ» типа ЛБ-125/1000, проходческих советских комбайнов типа ГПК (в сочетании с УЛ-2 и ТФЛ) и различных ПДМ с дизельным и электрическим приводом производства завода «Гормаш Ауэ».

В области закладочных работ проведено испытание технологии с твердеющей закладкой с выбором мест строительства закладочного завода и бурения закладочных скважин и выбором и определением рецептур для приготовления закладочных смесей закладки в различных условиях.

Научно-исследовательские работы в области геомеханики и крепления горных выработок

В этой области горных наук выполнялись работы по следующим направлениям:

- научные исследования для предотвращения горных ударов при проведении горно-подготовительных и очистных работ на месторождении Нидершлема-Альберода на глубинах до 1800 м. Обеспечению полной безопасности горных работ на этих глубинах способствовали анализ сейсмического снятия напряжений и активного воздействия на этот процесс (выбор вариантов системы разработки, подача закладки, взрывание зарядов для снятия напряжения), а также систематический сейсмический контроль;
- проведение замеров для контроля вызываемых взрывными работами сотрясений на определенных поверхностных объектах и оптимизация взрывных работ путем определения максимально допустимого объема зарядов и времени взрывания;
- определение условий для выполнения работ в целике под г. Роннебург с определением технологических параметров, обеспечением непрерывного приборного контроля, определением значений деформаций в сравнении с предельно допустимыми и определение на этой основе решений по ведению очистных работ и по подаче закладки;
- изучение процессов деформации и обрушения закладки при ее подработке с учетом геологических, геомеханических и технологических факторов;
- изучение процессов текучести закладки при ее подаче самотеком, осуществление приборного контроля за напором (трубки для определения напора, на 1,6, 4,0 и 6,4 МПа) при подаче закладки на большую глубину;
- разработка и внедрение горизонтальных закладочных трубопроводов

Другие названные системы разработки практически не применялись в связи с трудностями, связанными с изменением мощности оруденения, устойчивости пород кровли и отбываемых руд, необходимостью механизации погрузочно-доставочных работ и эффективной подачи закладки и сохранения водоупора под 3-м водоносным горизонтом. В связи с испытанием подземного выщелачивания руд в немногих очистных блоках использовалась комбинированная система очистной выемки — камерами с шлицевой выемкой целиков.

Научно-исследовательские работы в области геомеханики и крепления горных выработок

с быстродействующими соединителями на 6,4 и 10 МПа;

- разработка конструкций разветвлений труб на различный напор (4,0 и 6,4 МПа) для сокращения затрат на перевязку труб и для обеспечения отвода промышленной воды;
- исследования по повышению срока службы глубоких закладочных скважин путем установки в них сменных закладочных трубопроводов;
- изучение долговременного воздействия агрессивных вод и веществ на закладку и бетонные сооружения;
- изучение прочности ненарушенных и рыхлых пород и твердеющей закладки с целью определения параметров их устойчивости и параметров крепления горных выработок по заказам всех рудников СГАО «Висмут» и предприятий со стороны;
- разработка и испытание вариантов крепления для участков месторождений с пониженной устойчивостью пород или с повышенными геомеханическими нагрузками (зона Кримминчауского разлома, месторождения Ауэ, Глобенштайн, Фрайталь), осуществление приборного контроля и введение соответствующих технологических стандартов;
- создание геомеханических и технологических предпосылок для широкого применения набрызг-бетонного крепления при проходке горизонтальных и вертикальных горных выработок и в отдельных очистных забоях, с целью систематической замены дорогостоящего стоечного и монолитного крепления (в камерах и околоствольных дворах) анкерным креплением;
- разработка, испытание и внедрение различных вариантов крепления (анкеры с химическими составами,

трубчатые анкеры), а также техники и технологии для проверки прочности анкеров;

Технико-экономическая оценка сырьевой базы СГАО «Висмут»

Важнейшими направлениями научных исследований по этой тематике были:

- разработка проектов электронной обработки данных при определении себестоимости отработки запасов на тюрингских рудниках, ГДП Ауэ, ГДП Кенигштайн.

Результаты этих работ: расчет ожидаемой себестоимости отработки запасов категорий C_1 и C_2 и разброса значений себестоимости. Определение исходных данных для определения максимально допустимых затрат на пятилетку 1986–1990 гг.:

- разработка проектов электронной обработки данных при определении ожидаемых затрат на отработку запасов тюрингских рудников с использованием банка данных.

Результаты этих работ: разработка и создание банка данных «Оценка запасов». Технико-экономическая оценка всех запасов тюрингских рудников по состоянию на 1 января 1987 г. и на 1 января 1990 г. Технико-экономическая оценка запасов категории C_1 по ГДП Дрозен по состоянию на 1 января 1990 г. с определением технико-экономических нормативов в немецких марках;

Совершенствование производственных процессов и внедрение НОТ

Важнейшими направлениями НИОКР в области совершенствования производственных процессов и внедрения НОТ были следующие:

- совершенствование процессов материально-технического обеспечения тюрингских рудников с оптимизацией процессов погрузочно-разгрузочных и складских работ, введением единой структуры и использованием высвобождающихся сил для выполнения работ для народного хозяйства ГДР;
- совершенствование ремонтных работ на рудниках СГАО «Висмут» с сокращением количества типов используемых горных механизмов, сокращением основных фондов, изменением технологии и организации работ по улучшению использования рабочей силы, высвобождению рабочих, улучшением сотрудничества с механическими заводами;
- повышение экономической эффективности работы ЭМС, рудничного транспорта, отделов и служб управления ГДП

- выполнение цементационных работ для гидроизоляции, упрочнения грунта или ликвидации пустот.

- разработка проектов электронной обработки данных при определении вариантов производственного плана СГАО «Висмут» на базе технико-экономической оценки запасов с учетом развития геологоразведочных работ, капитального строительства, сырьевой базы, выпуска металла и затрат.

Результаты этих работ: варианты развития производства до 2000 г. для всех тюрингских рудников на базе запасов на 01.01.1987 г. по различным экономическим критериям и с различными объемами производства. Варианты перспективного производственного плана СГАО «Висмут» на базе ожидаемых запасов на 01.01.1990 г. (базовый вариант и два основных варианта);

- разработка проекта учета движения запасов на рудниках при помощи ЭВМ;
- разработка и экспериментальное опробование методики материального и морального стимулирования рабочих на добычных работах при помощи технико-экономических показателей.

Результат этих работ: доказательство возможности повышения выхода урана более чем на 2 % и снижения затрат на добычу металла.

Шмирхау: изменение подчинения, создание новых окончательных структур, слияние подразделений, изменение организации работы рудничного транспорта и перевозки трудящихся, систематическая отработка запасов участков и горизонтов, улучшение демонтажа и герметизации горных выработок, улучшение использования материалов и энергии, унификация системы оплаты труда, сокращение штатного персонала;

- оптимизация производственного процесса на ГДП Ауэ, в том числе на участке Пела: разработка решений по прекращению эксплуатации отдельных шахтных подъемов, изменение работы транспорта, слияние горных районов, отделов и групп, улучшение использования рабочей силы, перепрофилирование подразделений и переквалификация рабочих отдельных профессий, разработка программ для ЗОИ с целью упрощения учета и отчетности, высвобождение рабочей силы;

- рационализация грузовых перевозок и перевозки трудящихся в СГАО «Висмут». Разработка решений по увеличению объема перевозок по железной дороге, сокращение количества эксплуатируемых автобусов, грузовых и легковых автомашин, экономия горючего, высвобождение рабочих;
- проведение в сотрудничестве с центральной лабораторией промсанитарии измерений по физиологии труда на предприятиях СГАО «Висмут», в учреждениях здравоохранения «Висмута» и на предприятии рабочего снабжения. В результате этих работ разработаны медицинские и технические мероприятия для снижения тяжести работ.

Кроме того, выполнены комплексные анализы на подземных работах и поверхностных комплексах предприятий СГАО

«Висмут» по следующим направлениям: ремонт горных выработок, рудничный транспорт, использование бурового инструмента (совместно с заводом «Гормаш Ауэ»), закладочное хозяйство, подземные работы по детальной разведке, перемещение крупных горных механизмов (совместно с заводом «Гормаш Ауэ»), работа штейгеров, подача закладки при помощи многотактных насосов под застроенными участками, разработка нормативов численности рабочей силы, разработка требований к типовым рабочим местам, в том числе по их освещению, рациональная организация структуры хозяйства и управления (например, по оптимизации структуры ГДП им. Вилли Агатца), разработка организационных решений по использованию ЭВМ на рабочих местах на ГДП Ауэ (разработка прикладных программ).

Создание геофизических приборов и оборудования

Важнейшими направлениями НИОКР в области геофизического приборостроения были следующие:

- разработка каротажной аппаратуры и зондов для проведения замеров на разведочных скважинах с поверхности (в 1980–1989 гг.):
 - *каротажная аппаратура с различными зондами* (для гамма-каротажа, замера значений сопротивления, температуры и др.);
 - *устройство ДЕГ-2* для учета цифровых геофизических данных по скважинам;
- разработка портативных и стационарных радиометров для использования в процессе эксплуатационных работ:
 - *портативные приборы* Бора-250 (в 1970 г.), Унирад-300 (в 1975 г.) и Унирад-403 (в 1988 г.) для использования на детальной и эксплуатационной разведке;
 - *портативные приборы* УР-60, ГР-64 и Унирад-3 (в 1975 г.) до Унирад-МГ и МБ (в 1987 г.) в различных вариантах для радиометрического опробования забоев и шпуров;

- *радиометры* БЛР-2 и 3 (в 1979 г.) для установки на погрузочно-доставочных машинах, для сортировки отбитой горнорудной массы в очистных забоях;
 - *радиометрические контрольные станции* Р-62, Р-800, Гамма-4 и 4С, У-82 и система для сбора и передачи данных с прибором Унирад-СТ для сортировки отбитой горнорудной массы в вагонетках и на ленте транспортера;
 - *сортировочные радиометры* РАС-Р-57, -32, -70 и -76 и машины для сортировки руд в свободном падении и на транспортной ленте, для сортировки и предварительного обогащения руд на поверхности;
 - *приборы ПАЦ* (в 1985 г.) для определения и сортировки руд других элементов (олова);
 - создание аппаратуры для обеспечения безопасности горных работ: ультразвуковой прибор УМГ-2 (в 1975 г.) и сейсмическая аппаратура ОСА-2 (в 1985 г.).
- Все вышеперечисленные приборы и соответствующие методики разработаны, опробованы и выпускались для нужд урановой промышленности.

Радиационная защита

Важнейшими направлениями НИОКР в области радиационной защиты в 1954–1989 гг. были следующие:

- проведение мероприятий для предотвращения выделения радона в горизонтальных горных выработках;
- определение источников и интенсивности радоновыделения и разработка

мероприятий для уменьшения радоновыделения;

- борьба с радоном на ГДП № 90;
- разработка единых методик и инструкций для осуществления радиационного контроля;
- изучение возможности использования эманионного метода для своевремен-

- ного выявления эндогенных рудничных пожаров;
- разработка основ для расчета необходимых объемов свежего воздуха по радону и продуктам его распада;
- создание измерительного прибора для определения концентраций продуктов распада радона в воздухе для целей радиационного контроля;
- определение объемов подачи воздуха

Рудничное проветривание и кондиционирование воздуха

В период 1954–1990 гг. выполнялись НИОКР по следующим основным направлениям:

- исследования по оптимальному применению передвижных холодильных машин на Объекте 9 и по определению оптимальных значений скорости воздуха и объемов воздуха для очистных блоков на горизонтах IV каскада в зависимости от размеров расходов на охлаждение воздуха, в том числе изучение влияния эксплуатации стационарных и передвижных холодильных устройств на рудничную атмосферу IV каскада;
- исследования по теплоизоляции стенок горных выработок при помощи полиуретановой пены;
- определение оптимальных вариантов проветривания и кондиционирования воздуха в очистных блоках на горизонтах IV и V каскадов на ГДП № 9;
- изучение теплового баланса при вскрытии V каскада;
- исследования по применению теплообменников на стационарных холодильных установках;
- улучшение климатических условий при отработке запасов глубоких горизонтов ГДП № 9 (изоляция стенок при помощи полиуретана);
- автоматизация контроля и управления рудничным проветриванием;
- изучение возможностей для улучшения санитарных условий на карьере Лихтенберг при помощи искусственного проветривания;
- улучшение климатических условий при отработке запасов глубоких горизонтов ГДП № 9 (определение параметров стационарных холодильных установок);
- расчет рудничной атмосферы при исполь-

Борьба с шумом и вибрацией

Выполнялись НИОКР по следующим направлениям:

- медицинские и технические исследования для определения воздействия вибрации на тело забойщиков;

- в проектах по критериям радиационной защиты;
- разработка способов изоляции от радона в горных выработках шахт Объекта 90;
- создание техники для замера кратковременных концентраций продуктов распада радона;
- разработка банка данных в области радиационной защиты.

зовании стационарных холодильных установок при помощи ЭВМ;

- кондиционирование воздуха на ГДП № 9 (охлаждение воздуха в забоях при помощи турбоохладительных агрегатов);
- изучение влияния высоких температур стенок горных выработок на тепловой баланс тела рабочих на очистных работах;
- исследования на градириях на холодильных комплексах на шахтах № 382 и 383;
- автоматический контроль содержания кислорода и окиси углерода в рудничном воздухе;
- экспериментальное определение геометрической ступени для одного из месторождений в Тюрингии;
- переход на опасных по пожарам участках к нагнетательному проветриванию;
- анализ компонентов в выхлопных газах при использовании горных механизмов с дизельным приводом и определение соответствующих схем проветривания;
- водоподготовка перед использованием вод для целей охлаждения;
- разработка оптимальных вариантов обособленного проветривания;
- использование тепла недр;
- кондиционирование воздуха на глубоких горизонтах и разработка новых принципиальных решений;
- использование для кондиционирования воздуха турбин «Пельтон»;
- создание системы централизованного контроля состояния рудничного воздуха на тюрингских рудниках;
- проведение модельных исследований по участкам с высоким уровнем расходов на проветривание;
- выполнение расчетов по вентиляционному хозяйству на ЭВМ.

- борьба с шумом на передвижных буровых агрегатах СБУБ 150 ЗИВ с дизельным приводом;
- исследования по снижению уровня шума и вибрации на бурильных молотках БХС-25Ц и БХСЛ-34Ц;

- снижение уровня шума и вибрации на породопогрузочных машинах типа ППН-1С;
- разработка виброгасящих подножек для погрузочных машин и изучение уровня вибрации при применении различных вариантов шин;
- разработка мероприятий для шумоподав-

Проводились НИОКР по следующим направлениям:

- исследования по определению концентрации пыли в рудничном воздухе;
- изучение и разработка эффективных средств и путей для комплексного пылеподавления в условиях глубоких горизонтов IV каскада Объекта 9;
- борьба с пылью и пожарами на карьере;
- изучение отсасывающих устройств к устройствам для сухого бурения;
- внедрение длинного ионизационного пылеотделителя для осаждения высокодисперсной пыли;
- изучение возможностей для повышения степени пылеподавления на закладочных заводах;

В первые годы деятельности САО/СГАО «Висмут» перерабатывались преимущественно руды из жильных месторождений в Рудных горах и Фогтланде. Технология переработки этих руд включала в основном процессы измельчения и классификации руд и их обогащения физическими методами. Гидрометаллургический передел руд находился еще в начальной стадии своего развития. В связи с увеличением объема переработки руд из осадочных месторождений в Роннебургском рудном поле в 1950-е гг. в сотрудничестве с СССР обеспечивалось усовершенствование технологии гидрометаллургического передела. Особое значение имело при этом внедрение разработанного в СССР способа сорбции урана из рудных пульп и использование для этой цели ионообменной смолы СБТ, которая на базе разработок института СССР и работ СГАО «Висмут» выпускалась химическим заводом в г. Биттерфельд.

В 1950-е и 1960-е гг. старые обогатительные фабрики постепенно заменялись мощностями новых крупных гидрометаллургических заводов в Кроссене и Зелингштедте. Стандартная технология этих заводов предусматривала в то время в основном следующие процессы:

- дробление руд в конусных дробилках;

- ления в обособленном проветривании;
- разработка виброгасящего устройства для бурильных молотков, устанавливаемых на буровых колонках;
- внедрение усовершенствованных качающихся сидений для самоходной техники и испытание системы активной защиты от вибрации.

Пылеподавление

- применение метода электроионизации для выделения радиоактивных аэрозолей и пыли на заводе № 102;
- изучение влияния масляных туманов на санитарно-гигиенические условия в забоях;
- определение концентраций пыли при выполнении горных работ на горизонтах у каскада ГДП № 9;
- создание и изготовление прибора для двухступенчатого отбора проб пыли;
- разработка методики для определения содержания двуокиси кремния в витающей пыли на рудниках;
- исследования по двухступенчатой гравиметрии пыли и долгоживущих альфа-излучателей.

Обогащение руд

- измельчение руд в камерных мельницах;
- выщелачивание руд по содовой или кислотной схеме;
- регенерация ионообменной смолы;
- осаждение и деканация;
- фильтрация и сушка.

НИОКР на новых заводах направлялись в первую очередь на повышение извлечения урана из руд и на снижение расхода материалов и энергии.

На гидрометаллургических заводах в Кроссене и Зелингштедте внедрялись следующие новые научно-технические разработки:

- в середине 1960-х гг. на заводе №102 путем строительства нового цеха силикатного выщелачивания и одновременного повышения плотности пульпы создана база для долговременной стабильной переработки руд по кислотной схеме при значительном сокращении расхода серной кислоты;
- научные исследования по дроблению руд показали корреляционную связь между распределением урана в рудах и размером кусков.

С учетом этого на двух заводах в 1971 г. была проведена реконструкция комплексов рудоподготовки с внедрением технологии бесшарового селективного

измельчения руд в мельницах «Каскад». Это позволило производить более селективное выщелачивание различных классов крупности.

В 1971 г. на заводе № 102 началось строительство сернокислотной фабрики для покрытия потребности завода в серной кислоте и снижения расходов на кислоту. По мере сокращения потребности в серной кислоте и в связи с изменением объемов переработки руд по содовой и кислотной схеме увеличивался объем поставки серной кислоты для нужд народного хозяйства ГДР, что дало Обществу значительную прибыль. После освоения производства олеума в 1984 г. размер прибыли составлял от 12 до 15 млн марок в год.

В начале 1980-х гг. стоимость переработки карбонатных руд определялась в значительной степени расходом соды, повышение которого было связано с повышением содержания пирита в перерабатываемых рудах. Проведенные исследования показали экономическую целесообразность строительства комплекса флотации. Первая очередь строительства этого комплекса введена в эксплуатацию в 1982 г. в объеме двух линий. В дальнейшем построена еще одна линия для флотации первичного материала.

В результате перехода эксплуатационных работ на фланги Роннебургского рудного поля наблюдалось систематическое увеличение доли четырехвалентного урана в рудах. Это повлекло снижение извлечения урана из руд на карбонатной схеме. Для компенсации этого фактора был осуществлен переход на автоклавное выщелачивание руд. Более высокое парциальное давление кислорода на этом комплексе обеспечило компенсацию негативного влияния данного фактора.

В связи с дефицитом нефти в начале 1980-х гг. проводилась интенсивная работа по замене мазута на сушке концентрата другим видом топлива. При проектировании соответствующей новой технологии необходимо было также учесть требования охраны окружающей среды.

В результате этих работ в 1985 г. внедрен способ сушки концентрата при помощи ротационных испарителей.

Важнейшие результаты НИОКР в области разработки оборудования и технологий для проходческих и очистных работ и подсобно-вспомогательных процессов

1958–1964 гг.

Создание механизмов для ускорения и облегчения работ:

- поворотные платформы для однопутевых штреков;

По причине закрытия завода № 101 в Кроссене перед заводом № 102 в Зелингштедте была поставлена задача по переработке саксонских руд. Специфические свойства этих руд (относительно высокие содержания урана, особый химизм руд) потребовали выполнения большого объема научных исследований, в результате которых в 1989 г. внедрена комбинированная технология автоклавного и атмосферного выщелачивания в сочетании с осаждением.

С 1980 г. проводились работы по разработке и внедрению автоматизированной системы управления процессами обогащения руд на базе УВМ типа «Урзат-5000». Завершающий этап этих работ начался в 1982 г. с активным участием других предприятий СГАО «Висмут» и института СССР.

На гидрометаллургических заводах выполнен целый комплекс мероприятий для уменьшения негативного влияния этого производства на окружающую среду. Важнейшим направлением работ было совершенствование технологии за счет сокращения объема образования в процессе «вредных» веществ путем оптимизации параметров процессов, снижения расхода химикатов и сокращения объема потребления свежей воды при одновременном увеличении объема использования оборотной воды из шламохранилищ. С 1986 г. обеспечивалось систематическое снижение концентраций урана, радия-226, солей жесткости, мышьяка и других компонентов в водах, сбрасываемых в гидрографическую сеть.

В 1986 г. на заводе №101 разработана и внедрена технология комплексного использования урано- и серебросодержащих руд из месторождения Нидершлема-Альберода. *Извлечение серебра* из руд составило примерно 70 %. В 1988 г. добыча серебра была прекращена в связи с резким снижением цен на серебро на мировом рынке.

В период 1974–1988 гг. за счет средств госбюджета ГДР проводились НИОКР по извлечению олова и вольфрама из руд месторождения Пела-Глобенштайн. Разработанные технологии, которые соответствовали современному уровню науки и техники, утверждены заказчиками работ.

- автоматические вентиляционные двери;
- закладочные машины;
- скреперы СВ-1000, скреперные ковши;
- механические люковые затворы;
- буровые подставки и колонки;

- пневматические молотки БХ-59 и БХ-62;
- буровая установка для открытых работ;
- оптимизация буровых головок для ударно-поворотного бурения и устройства для заточки буровых коронок;
- буровые головки для забуривания скважин большого диаметра;
- более производительная породопогрузочная машина;
- бетонные верхняки;
- мойка вагонеток;
- устройство для проходки водоотливных канавок;
- инструмент для бурения каротажных шпуров.

1965–1967 гг.

Опытно-конструкторские и экспериментальные работы для подготовки внедрения новых технологий:

- усовершенствование РКС;
- сортировочные клапаны и полупромышленные установки для радиометрической сортировки руд в свободном падении;
- торкрет-машины и вагонетки-цистерны для бетонирования подошвы и крепления горных выработок;
- анкеры с распорными гильзами, бетонные анкеры и другие типы анкеров;
- плечные перекрытия отстойников в выведенных из эксплуатации карьерах;
- нейтрализация выхлопных газов автосамосвалов в карьерах;
- оборудование закладочных заводов для приготовления твердеющей закладки;
- оптимизация крупности добываемых руд с целью повышения эффективности радиометрической сортировки;
- зарядные устройства для зарядки отбойных шпуров ВВ типа игданитов на проходческих и очистных работах и в карьерах;
- эксперименты по применению метода контурного взрывания.

1968–1972 гг.

Оборудование для скоростной проходки горных выработок:

- промежуточные перегружатели, поворотные плиты, конвейерные погрузочные пункты;
- погрузочные составы;
- разработка самоходных челноковых вагонеток;
- внедрение новых типов породопогрузочных машин и буровых устройств.

После 1970 г.

Полная механизация и повышение производительности труда на проходке горных выработок с рельсовыми путями:

- создание и внедрение более производительных породопогрузочных машин типа ППН-1С и ЛВС-160;
- буровые каретки с пневмоприводом и двумя стрелами типа СБКНС-2, ГБВ-4, ГРБ-2;
- накладные разминовки;
- доведение объема применения анкерного и набрызг-бетонного крепления свыше 90 %;
- контурное взрывание;
- оптимизация сечений горных выработок, внедрение стандартных технологий.

Механизация работ по проходке восстающих путем внедрения механизированных проходческих полков и грузо-людских подъемников:

- внедрение механизированных проходческих полков типа МСБ-3, ФК-7Б и МАС-1 для проходки одноотделенных и двухотделенных восстающих с деревянным и набрызг-бетонным креплением;
- внедрение грузо-людских подъемников типов ФК-2, ФК-5 и ФК-5ФС без дистанционного управления и с дистанционным управлением;
- грузо-людские подъемники с электроприводом типа ФК-8Э;
- спасательный лифт с автономным энергоснабжением.
- внедрение и оптимизация метода бурения скважин большого диаметра (до 3,2 м):
- создание и освоение серийного изготовления буро-сблочных станков типа БГ-141, БГ-142 и БГ-143 для бурения скважин диаметром до 1200 мм;
- внедрение микроэлектронных устройств управления для буро-сблочных станков типа БГ-144;
- внедрение расширительных устройств для расширения диаметра переводных скважин глубиной до 240 м на диаметр до 2400 мм;
- внедрение шарошек и режущих дисков с твердосплавными и другими упрочненными режущими кромками;
- внедрение буро-сблочного станка с компьютерным управлением типа БГ-301 для бурения скважин глубиной до 400 м диаметром 2000 мм;
- внедрение расширительного устройства с автономным приводом для бурения скважин диаметром до 3200 мм.

Внедрение самоходной буровой и погрузочной техники для использования на очистных работах и при проходке горных выработок без рельсовых путей:

- буровая каретка на гусеничном ходу типа ЛБГ-18;
- малогобаритные буровые каретки с пневмоприводом типа БВА-3 и БВКА;

- пневматические погрузочно-доставочные машины типа ЛБ-500 и ЛБ-125/1000;
- ПДМ с дизельным приводом типа УЛ-1 и УЛ-2;
- автосамосвалы для использования в подземных горных выработках с дизельным приводом типа УК-1 и УК-2;
- ПДМ с электроприводом типа У/1Э-2 и УЛЭ-3;
- автосамосвал с электроприводом типа УКЗ;
- троллейная система трехфазного тока;
- вспомогательные устройства для горных выработок без рельсовых путей;
- разработка шин к горным механизмам.

Внедрение электроскреперов советского производства:

- испытание и внедрение скреперов типоразмерного ряда ЛС;
- создание и оптимизация типоразмерного ряда скреперных ковшей.

Механизация подсобно-вспомогательных горных работ:

- полная механизация процессов склади-

- рования, транспортировки и обработки крепежного леса на центральных лесоскладах;
- механизация работ по прокладке рельсовых путей в подземных горных выработках;
- внедрение устройства для уборки штреков;
- внедрение устройства для очистки водоотливных канавок;
- очистка сбросных вод.

Внедрение советского проходческого комбайна ГПКС:

- применение одного комбайна ГПКС на камерно-столбовой системе разработки на руднике Кенигштайн;
- применение проходческого комбайна на проходческих работах и на очистной выемке по системе выемки лавами с обрушением на ГДП им. В. Агатца;
- проведение экспериментальных работ по проходке штреков на тюрингских рудниках;
- проходка водосборных штолен в городах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СГАО «ВИСМУТ»¹

ГЛАВА 7

Добыча урана в Саксонии и Тюрингии началась в 1946 г. силами Советского Государственного акционерного общества (САОЦМ) «Висмут» и продолжалась с 1954 г. до ее завершения 31 декабря 1990 г. смешанным Советско-Германским акционерным обществом «Висмут».

До 1970-х гг. выпускаемая Обществом урановая продукция использовалась преимущественно для военных целей. В 1980-е гг. преобладали задачи гражданского характера, в частности необходимость производства ядерного топлива для атомных электростанций, в том числе и на территории ГДР.

В последние годы в условиях развития мирных инициатив, направленных на разоружение, сокращение и ликвидацию ядерного оружия, а также существенного замедления темпов развития ядерной энергетики в связи с катастрофой на АЭС в Чернобыле и аварий в других странах потребности в природном уране значительно сократились.

Кроме того, проведенные в СГАО «Висмут» исследования по вопросу о перспективах добычи урана показали, что при имеющейся сырьевой базе и применяемых технологиях добычи и обогащения урановых руд добиться снижения затрат до уровня действующих мировых цен на уран не представляется возможным.

По этим причинам правительства СССР и ФРГ в соглашении от 9 октября 1990 г. договорились о завершении добычи урана к 31 декабря 1990 г. и о начале работ по ликвидации предприятий и рекультивации земельных площадей.

Генеральной дирекцией СГАО «Висмут» разработана соответствующая концепция для выполнения этих работ.

Оценивая результаты 37-летней деятельности СГАО «Висмут» и почти 45-летней деятельности урановой промышленности на территории ГДР, необходимо отметить, что развитие уранового производства, с одной стороны, характеризуется большими научно-техническими достижениями в области добычи и переработки урановых руд, а с другой — нарушением поверхности на отведенных территориях от производства этих работ и негативным влиянием уранового производства на здоровье трудящихся.

Ко времени начала работ на уран в Саксонии и Тюрингии после Второй мировой войны в этих районах не имелось практического опыта ведения таких работ и необходимых технологических знаний. Не было разведанных месторождений и необходимых специалистов.

Развитие геологоразведочных и горных работ и обогащения руд проходило высокими темпами, которых не знала ни одна из других отраслей промышленности ГДР. Уже в период до 1953 г. с помощью ученых из институтов СССР было открыто более 25 месторождений и достигнут высокий уровень выпуска урана.

В долинах Рудных гор и Фогтланда были построены шахты и обогатительные фабрики без учета возможных последствий для природы, ландшафта и людей, которые к этому времени в мировой практике не были известны, в связи с чем и не были изданы соответствующие законодательные положения по этим вопросам.

Обеспечение охраны труда и техники безопасности и медицинское обслуживание рабочих осуществлялись в первые годы с учетом практического опыта советских предприятий и по советским нормам.

Важнейшей задачей считалось выполнение заданий по выпуску урановой продукции.

В течение периода своей деятельности СГАО «Висмут» стало одним из крупнейших производителей урана.

✚ *В период 1954–1990 гг. добыто и поставлено в СССР в виде штуфной руды и гравитационных и химических концентратов примерно 207 тыс. тонн урана, а за весь период деятельности урановой промышленности в ГДР, то есть с 1946-го по 1990 г., примерно 217 тыс. тонн урана.*

По объему выпуска урановой продукции за этот период ГДР занимала третье место среди производящих уран государств после Канады и США.

Поставленная перед СГАО «Висмут» задача по обеспечению на длительное время стабильного высокого уровня выпуска урановой продукции была выполнена.

СГАО «Висмут» начало и осуществило новый этап крупномасштабных геологораз-

¹ В подготовке исходных материалов и в составлении заключительной документации с советской стороны принимали участие: Л. П. Бородин, О. М. Кастуев, Е. И. Гусаков, Ю. Н. Власов, Ю. Л. Молибог, В. С. Семенов, А. П. Пастухов, М. В. Якушенко, С. В. Маркелов, В. М. Угрюмов, И. М. Верхогляд, Ю. Г. Мягкохлебов, С. Ф. Кочешков, Л. Н. Смылова, З. И. Марченкова.

С германской стороны: Х. Бельманн, Х. Рудольф, А. Райниш, д-р Г. Деннерт, Г. Ланге, В. Бетчер, Э. Кринке, В. Гепель, Р. Танц, Х. Роттер, д-р Г. Беренс, Г. Маттеес, М. Шилк, В. Шенгер, Е. М. Мей. Редакционная комиссия: Х. Бельманн, Л. П. Бородин, д-р Г. Деннерт, Х. Рудольф, О. М. Кастуев.

ведочных работ в Рудных горах, Фогтланде и Тюрингии.

В период 1954–1990 гг. в южной части ГДР выполнены поисково-оценочные и геологоразведочные работы на территории площадью около 55 тыс. кв. км с бурением 38 600 скважин с поверхности общей глубиной около 7000 км. В период 1946–1953 гг. геологоразведочными работами изучены участки общей площадью свыше 20 тыс. кв. км.

Важнейшими районами геологоразведочных работ были участки в Западных Рудных горах и Фогтланде, Восточной Тюрингии, Эльбгальском грабене и Северо-Западной Саксонии.

В СГАО «Висмут» была создана необходимая научно-техническая база для выполнения геологоразведочных работ: при их проведении применялась современная технология и оказывалась постоянная поддержка со стороны ведущих научно-исследовательских институтов СССР.

В результате выполненных геологоразведочных работ обеспечено значительное повышение степени изученности геологического строения месторождений, структуры и ураноносности участков, повышение степени комплексной изученности и разведанности месторождений урановых руд в этих районах и сопутствующих компонентов, а также расширение в несколько раз сырьевой базы по сравнению с состоянием на конец 1953 г.

Результаты выполненных геологоразведочных работ на уран могут иметь практи-

ческое значение для проведения более широких исследований.

В результате деятельности СГАО «Висмут» и предприятий урановой промышленности в 1946–1953 гг. выявлено свыше 70 месторождений урановых руд и перспективных участков, среди них такие уникальные по своим геологическим особенностям и объему разведанных урановых ресурсов, как Роннебургское рудное поле и месторождение Нидершлема-Альберода.

В период деятельности СГАО «Висмут» разведаны запасы урана в объеме 341 тыс. тонн, а с учетом результатов работ за период 1946–1953 гг. — 383,1 тыс. тонн.

Общий размер затрат на геологоразведочные работы составляет за период 1954–1990 гг. 4322 млн марок в актуальных ценах.

С точки зрения СГАО «Висмут» качество проведенных геологоразведочных работ соответствовало требованиям развития производства.

Выявленные в результате предварительной разведки запасы месторождений и их частей уточнялись на стадиях детальной разведки и отработки запасов, причем их подтверждаемость соответствовала установленным допускам для подсчета предварительно разведанных запасов. В центральных частях Роннебургского рудного поля и месторождения Нидершлема-Альберода при эксплуатации, как правило, имело место переподтверждение предварительно разведанных запасов, а на северном и северо-восточном флангах Роннебургского рудного поля (в месторождениях Корбуссен, Беервальде, Дрозен и Пайцдорф) — их некоторое недоподтверждение, в связи с чем потребовалось определенное уточнение сырьевой базы этих рудников. Неподтверждение запасов составило примерно 10 000 тонн.

Геологоразведочными работами на уран выявлены также месторождения олова, вольфрама, серебра, цинка, свинца, меди, кадмия, индия, висмута, бериллия, бора, флюорита, барита, сурьмы, редкоземельных элементов и неметаллического сырья.

Наиболее существенные результаты в области разведки запасов нерадиоактивных металлов получены в районе Западных Рудных гор, где выявлены и частично вскрыты следующие месторождения:

1. Месторождение олова и вольфрама Пела-Глобенштайн.
2. Месторождение олова Теллерхойзер.
3. Месторождение олова Южный Гейер.
4. Месторождение флюорита Нидершлаг.

В Западных Рудных горах для ряда объектов разведки подсчитаны прогнозные запасы вольфрама и олова.

На участке Делич выявлено редкозе-

мельное оруденение и проведена его предварительная разведка.

В Восточных Рудных горах на небольшом расстоянии от оловянного месторождения Альтенберг выявлены рудопроявления Беренштайн и ряд рудопоявлений полиметаллов в пределах Теплицкой зоны.

Результаты проведенных геологоразведочных работ говорят о том, что возможности для расширения сырьевой базы в южной части бывшей ГДР еще не исчерпаны.

Наряду с работами по разведке запасов сопутствующих компонентов, проведенными по заданиям бывшего министерства геологии, в последние годы выполнялись большие объемы поисково-оценочных и геологоразведочных работ на бурый уголь, флюорит, мрамор, питьевую воду, по заданиям различных предприятий.

Освоение добычи урана в Саксонии и Тюрингии, доведение объема выпуска урановой продукции примерно до 6000 тонн в год и продолжение добычи урана на стабильном высоком уровне в течение многих лет — все это предъявляло большие требования к подготовке и проведению капитального строительства. Для выполнения этой задачи подготовка и проведение капитального строительства осуществлялись в централизованном порядке специализированными предприятиями и организациями Общества. Профиль этих предприятий и их инфраструктура систематически совершенствовались с учетом новых требований, что позволило провести строительство крупных объектов под ключ в основном силами «Висмута». Четкая организация этих работ обеспечила сокращение срока строительства и высокую экономическую эффективность работы Проектного предприятия и Строительно-монтажного предприятия.

Финансирование капитальных вложений осуществлялось до 1979 г. независимо от выручки от реализации урановой продукции за счет паритетных взносов сторон с одновременным полным использованием имеющихся средств из внутренних источников Общества, таких как амортизационные отчисления и прибыль предприятий, выполнявших работы по капитальному строительству. Метод финансирования капитальных затрат за счет кредитов не практиковался.

В 1980 г. произведено изменение порядка финансирования капитальных вложений. С этого времени они финансировались только за счет выручки от продажи урана с полным использованием имеющихся средств из внутренних источников.

В части финансирования капитальных вложений, общий объем которых составляет за период деятельности СГАО «Висмут» 12 284 млн марок, по состоянию

на 31.12.1990 г. не возникло никакой задолженности Общества.

 В ходе деятельности СГАО «Висмут» в результате научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, проведенных силами Общества или институтов СССР и в сотрудничестве с научно-исследовательскими организациями ГДР, создан ряд научно-технических разработок, имевших значение не только для решения задач в Обществе, но и с точки зрения истории горной промышленности и обогащения руд в целом.

Ниже приводится перечень таких разработок, имевших особенно важное значение для развития СГАО «Висмут»:

- в начале 1960-х гг. на месторождении Нидершлема-Альберода температура пород на глубоких горизонтах достигла +65 °С, в связи с чем необходимо было решить вопрос кондиционирования рудничного воздуха. В 1964 г. на шахтах № 382 и 383 построены подземные холодильные комплексы с теплообменниками, эксплуатация которых позволила довести температуру воздуха в забоях до +25 °С.

В 1977 г. был введен в эксплуатацию холодильный комплекс с турбо-охладительными агрегатами на горизонте –1485 м и в 1987 г. — такой же комплекс с винтовыми холодильными агрегатами на горизонте –1620 м;

- в Роннебургском рудном поле добычные работы велись в первое время камерными системами, а в дальнейшем — системами слоевого обрушения. Применение этих систем разработки повлекло в условиях присутствия в рудах и рудовмещающих породах пирита частое возникновение эндогенных рудничных пожаров, что создавало угрозу безопасности горных работ. В результате проведенных научно-технических исследований принято решение о внедрении системы разработки горизонтальными или слабонаклонными слоями с твердеющей закладкой в различных модификациях. Применение этой технологии способствовало уменьшению, а в дальнейшем — полному исключению опасности возникновения пожаров, а также снижению разубоживания руд и потерь сырья при очистной выемке.

В середине 1970-х гг. в результате усовершенствования этой технологии была создана возможность ведения добычных работ в предохранительных целиках под застроенными участками, например, под г. Роннебург без опасности нарушения земной поверхности:

- в первое время для приготовления закладочных смесей в качестве вяжущего использовался только цемент, а в даль-

В результате геологоразведочных работ СГАО «Висмут» разведаны и подсчитаны следующие ресурсы сопутствующих компонентов:

Соединение	Химическая формула	Разведанные запасы (кат. С1 и С2), т	Прогнозные ресурсы, т	Общие ресурсы, т
Олово	Sn	264900	534600	799500
Оксид вольфрама	WO ₃	43400	192600	236000
Серебро	Ag	-	852	852
Цинк	Zn	99800	828300	921800
Свинец	Pb	-	316900	316900
Медь	Cu	-	70000	70000
Магнетит	FeO·Fe ₂ O ₃	1789000	4254000	6083000
Кадмий	Cd	259	2871	3130
Индий	In	-	1430	1430
Висмут	Bi	-	5180	5180
Бериллий	Be	-	430	430
Бор	B	-	54600	54600
Флюорит	CaF ₂	1708000	3769000	5477000
Барит	BaSO ₄	298000	7300000	7598000
Сурьма	Sb	-	35000	35000

нейшем в результате проведенных работ обеспечено изменение рецептуры для приготовления закладочных смесей с использованием вместо цемента *золы из электрофильтров ТЭЦ*. В 1990 г. объем использования цемента для этой цели уменьшен до 5 %;

- на работах по проходке горизонтальных горных выработок в конце 1960-х гг. началось внедрение *буровых колонок* и в середине 1970-х гг. — внедрение *буровых кареток*. Внедрение этой новой техники было важным шагом в деле повышения уровня охраны труда и техники безопасности забойщиков на буровых работах;
- на работах по проходке вертикальных горных выработок в начале 1970-х гг. началось внедрение метода проходки таких выработок путем бурения *скважин большого диаметра*. Объем применения метода бурения скважин диаметром 1 и 1,2 м доведен в середине 1980-х гг. до 50 % от общего объема проходки вертикальных горных выработок;
- на руднике им. Вилли Агатца в 1981 г. на проходке выемочных штреков начал использоваться советский *проходческий комбайн*. В 1985 г. на руднике внедрены три таких комбайна на очистных работах;
- на очистной выемке в Роннебургском рудном поле в конце 1970-х гг. наряду с *погрузочно-доставочными машинами* с пневматическим приводом использовалось самоходное оборудование с дизельным приводом, а в 1980-е гг. — с электроприводом;
- в конце 1960-х гг. установлена техническая возможность выщелачивания руд месторождений Роннебургского поля в массиве, то есть после магазинирования в камерах. На базе результатов систематических научных исследований по этому вопросу в 1971 г. на бывшем песчаном карьере Гессен введен в эксплуатацию комплекс для *кучного выщелачивания* забалансовых и беднобалансовых урановых руд, который, с точки зрения затрат в расчете на единицу полученного урана, работал рентабельно. В течение 18 лет эксплуатации этого комплекса на нем выпущено примерно 2670 тонн урана;
- на месторождении Кенигштайн с 1971 г., наряду с добычей руды традиционным способом, проводилось подземное и кучное выщелачивание руд при помощи серной кислоты. Подземное выщелачивание руд практиковалось в зависимости от фильтрационных свойств пород в месте залегания в массиве или после магазинирования в камерах. В 1984 г. традиционная добыча на руднике прекращена, и предприятие полностью переведено на выщелачива-

ние руд. Переработка ураносодержащих растворов в промпродукт проводилась на установке на руднике Кенигштайн, а дальнейшая переработка промпродукта — на гидрометаллургическом заводе в Зеллингштедте. *Перевод рудника на выщелачивание руд* был результатом проведенных научно-технических исследований с учетом экономических соображений. Переход на выщелачивание руд обеспечил расширение сырьевой базы предприятия, повышение производительности труда и снижение себестоимости 1 кг урана в промпродукте примерно на 25–30 %. Объем выпуска урановой продукции по предприятию составил ко времени его полного перевода на выщелачивание руд примерно 500 тонн урана в год, что является для данного способа добычи урана крупномасштабным производством.

В области *обогащения урановых руд* проведенные работы по науке и технике обеспечили повышение технологического уровня производства с учетом изменения состава перерабатываемых руд и доведение уровня извлечения урана из руд до уровня международных стандартов при очень низких содержаниях урана в хвостах обогащения. Имевший место в 1980-е гг. рост затрат в результате менее благоприятного литологического состава перерабатываемых руд, снижения содержания урана в рудах и повышения оптовых цен промышленности удалось в основном компенсировать, чему способствовали в значительной мере следующие научно-технические разработки:

- внедрение разработанного в СССР способа *сорбции урана из рудных пульп* на гидрометаллургических заводах в Зеллингштедте и Кроссене, с использованием для этой цели *ионообменной смолы СБТ*, разработанной совместными усилиями института СССР, СГАО «Висмут» и химкомбината г. Биттерфельд, что обеспечило повышение извлечения урана из руды до 80–90 %;
- реконструкция комплексов рудоподготовки с внедрением *мельниц «Каскад»* и *переход на автоклавное выщелачивание руд*. В результате создана система селективного измельчения руд, гидростатического и автоклавного выщелачивания, которая позволила провести селективное выщелачивание различных классов крупности по содовой схеме с различными параметрами. В результате этого обеспечено повышение извлечения урана из руд на заводе в Кроссене до 93 % и на заводе в Зеллингштедте до 90 %, чем компенсировано ухудшение литологического состава перерабатываемых руд и снижение содержания урана в них;

- внедрение *флотации сульфидов* на двух заводах в 1982 г. способствовало снижению расхода соды;
- внедрение на заводе в Зеллингштедте в 1984 г. *роторных тонкоплочных сушилок* для сушки химического концентрата, что обеспечило улучшение охраны окружающей среды и экономию энергии;
- в начале 1980-х гг. начата работа по созданию *автоматизированной системы управления* процессами обогащения руд на базе УВМ типа «Урсат-5000». Проведение этого мероприятия завершено в 1982 г. и обеспечило частичную оптимизацию управления процессами обогащения руд;
- на перерабатывающих предприятиях разработан и осуществлен целый комплекс мероприятий для уменьшения негативного влияния технологического процесса на *окружающую среду*. Важнейшие направления этой работы: усовершенствование технологии обогащения руд с целью сокращения объема образования вредных веществ путем снижения расхода химикатов, сокращения объема использования свежей воды и снижения концентраций урана, радия-226, солей жесткости, мышьяка и других компонентов в сбросных водах и растворах. Начиная с 1986 г. обеспечивалось систематическое снижение концентраций этих веществ в сбросах предприятий;
- в связи с прекращением эксплуатации гидрометаллургического завода в Кроссене необходимо было принять новое технологическое решение о переработке руд из жильных месторождений на заводе в Зеллингштедте. В результате проведенной работы разработана *единая содовая схема для переработки всех руд* в различных технологических вариантах, которая внедрена в 1990 г.;
- шламоохранилища перерабатывающих предприятий Общества относятся к крупнейшим сооружениям такого рода в Европе. С учетом большого значения этих шламоохранилищ для деятельности перерабатывающих предприятий и для состояния окружающей среды, а также с учетом требований действующих законов по обеспечению безопасной эксплуатации таких сооружений, *проектирование, строительство и эксплуатация шламоохранилищ* проводились в Обществе с учетом новейших международных и собственных разработок в данной области. К последним относятся:
- разработка методики определения *параметров дамб*, сооружаемых путем намыва хвостов обогащения руд;

- разработка *технологии намыва дамб* из расчета гидроизоляции неплотных участков тонкой фракцией намывных хвостов (хозяйственный патент ГДР на эту технологию получен в 1970 г.);
- разработка технологии *захоронения тонких шламов* на руднике Кенигштайн (хозяйственный патент выдан в 1986 г.);
- *проходка стволов круглых шахт №№ 387, 388, 390, 392 и 398* диаметром 5 или 7 м на руднике Кенигштайн в 1964–1971 гг. была в это время выдающимся инженерно-техническим достижением. При пересечении трех водоносных горизонтов с высокой агрессивностью вод и водоприемов в объеме 200 м³ в час применялась *технология проходки с тремя передвижными полками*, передвижной опалубкой и подачей бетона с поверхности по трубопроводу;
- с целью максимального сокращения сроков строительства при строительстве шахт №№ 415, 403 на руднике Дрозен впервые применялся метод сборки шахтных копров со всем оборудованием, на расстоянии 50 м от устья ствола одновременно с проходкой стволов, с последующим *перемещением готовых копров на стволы*. Проведенные в этой связи научные исследования и практический опыт перемещения больших масс позволили определить следующие области применения различных способов: для копров весом до 500 тонн — методом воздушной подушки, для копров весом до 5000 тонн — методом надвигки на роликах.

В соответствии с соглашением между Правительством СССР и Правительством ГДР об учреждении СГАО «Висмут» от 22.08.1953 г., предприятия Общества имели все права и обязанности, установленные законами ГДР для других горнодобывающих предприятий ГДР.

Безопасность горных работ обеспечивалась с самого начала в полном соответствии с действующим законодательством, в то время как по вопросам обеспечения охраны труда и здоровья и охраны окружающей среды в условиях урановой промышленности еще не было никаких специальных законов. Только по мере повышения в стране и в мире уровня знаний об опасности радиоактивного излучения для людей и для окружающей среды постепенно разрабатывались соответствующие положения и создавались соответствующие контрольные органы. В первые годы деятельности СГАО «Висмут» применялись советские нормы.

В начале 1960-х гг. были изданы законы и предписания по вопросам радиационной защиты в ГДР, а в 1971 г. — закон об охране природы в ГДР.

В течение последних 20 лет строитель-

ство новых производственных комплексов проводилось с соблюдением требований действующих законов.

 В 1987–1988 гг. правлением СГАО «Висмут» утверждена комплексная программа мероприятий по обеспечению охраны окружающей среды, в которой определены направления стратегической работы в данной области.

Теперь необходимо признать, что разработка соответствующих законодательных положений и выполнение крупномасштабных работ для обеспечения охраны окружающей среды в специфических условиях урановой промышленности отставали от потребностей охраны окружающей среды. В основном это явилось следствием, особенно в начальный период, выполнения поставленной перед Обществом задачи по освоению и форсированному развитию уранового производства.

Уровень медицинского обслуживания трудящихся, которое было организовано уже в первые годы деятельности Общества на основе использования советского опыта, повышался в 1950-е гг. путем организации управления здравоохранения, с поликлиниками, амбулаториями, больницами и санаториями и путем организации отдыха трудящихся на высоком уровне.

Для обеспечения безопасности горных работ и надлежащего уровня медицинского обслуживания трудящихся и рабочего снабжения в СГАО «Висмут» еще в 1954 г. были образованы специализированные учреждения и органы.

Вопросам обеспечения порядка и дисциплины на рабочих местах и выполнения требований законодательных и внутриведомственных положений уделялось повышенное внимание. Неотъемлемой составной частью производственной деятельности стала работа по анализу производственного травматизма и аварийности и по улучшению санитарно-гигиенических условий труда, которая обеспечивалась необходимым финансированием наравне с производством.

Проводились научные исследования по недопущению профессиональных заболеваний и снижению тяжести работ.

В 1963 г. создана комплексная система профессиональной и социально-экономической реабилитации заболевших трудящихся. На цели охраны труда и техники безопасности в 1968–1990 гг. направлены финансовые средства в размере около 1909 млн марок. Несмотря на большую, проведенную на предприятиях Общества работу имело место значительное количество тяжелых и смертельных случаев травматизма. Их анализ показал, что причиной травм были,

как правило, допущенные отдельными трудящимися нарушения правил безопасности.

В течение периода деятельности СГАО «Висмут» обеспечено значительное снижение количества случаев производственного травматизма в расчете на 1000 трудящихся.

Количество случаев профзаболеваний не уменьшилось, несмотря на принятые в этом направлении усилия, в связи с тем, что такие заболевания возникают, как правило, значительно позже, чем причинных возникновения. Так, в период 1952–1970 гг. количество признанных случаев новых профзаболеваний составило в расчете на 1000 трудящихся 13,9 случая в год, а в последние 10 лет деятельности Общества — 19,8–18,9 случая в год.

В западной части Рудных гор и в Восточной Тюрингии в результате присутствия урана и продуктов его распада уровень естественной радиации значительно выше, чем в других районах. Кроме того, в результате древних горных работ в этих районах образовалось большое количество радиоактивных хвостов и выбросов, которые вызвали значительную скрытую опасность для окружающей среды, не связанную с деятельностью СГАО «Висмут» (на отвалах, в жилых кварталах и т. п.). При дальнейшем развитии уранового производства эти нагрузки на окружающую среду продолжали расти.

Только в начале 1960-х гг. с учетом полученных к этому времени данных о необходимости обеспечения охраны окружающей среды в ГДР были изданы законы и положения по вопросам радиационной защиты, закон об охране природы и постановление о землепользовании.

Работа по обеспечению радиационной защиты проводилась начиная с 1964 г. после издания первого постановления об обеспечении радиационной безопасности по бывшей ГДР, на базе соответствующего соглашения с ответственным органом надзора, который в дальнейшем был переименован в Ведомство по атомной безопасности и радиационной защите.

По решению правления Общества в 1987–1988 гг. началась концептуальная работа в области обеспечения охраны окружающей среды в СГАО «Висмут».

На предприятиях уранового производства и в примыкающих к ним населенных пунктах по согласованию с государственными контрольными органами организовано свыше 200 точек контроля и замеров, с детальным анализом результатов замеров.

С сегодняшней точки зрения следует отметить, что вся работа по охране окружающей среды проводилась в Обществе недостаточно высокими темпами. Поэтому в конце деятельности СГАО «Висмут» требовалась своего разрешения задача по санированию це-

лых районов. Кроме того, не были накоплены финансовые средства для ее выполнения.

Ответственные государственные органы установили для СГАО «Висмут» нормы предельно допустимых концентраций различных вредных веществ в водах, сбрасываемых в гидрографическую сеть, и в воздухе.

Проведенные исследования и анализы показали, что согласно имеющимся данным и материалам эти нормы в СГАО «Висмут» в основном соблюдались. Превышение этих норм имело место главным образом на намывных пляжах шламохранилищ обогатительных фабрик, на воздухо-выдающих столах и скважинах, после массовых взрывов, на руднике Кенигштайн и в дренажных водах из отвалов выщелачиваемых руд.

В результате периодического контроля документировались все случаи отклонений от норм и принимались соответствующие комплексные меры.

Положение с радиационной безопасностью в районах деятельности предприятий уранового производства характеризуется тем, что сбрасываемые отходы производства (с водами и воздухом) и поступающие на захоронение хвосты (отвальные породы рудников и карьеров, хвосты обогащения руд) имеют концентрации радиоактивных веществ, которые превышают средний уровень этих значений в сравнении с другими горными отраслями и требуют специальных природоохранных мероприятий. Дополнительные радиационные нагрузки для населения в результате добычи урана составляли в районе Ауэ менее 1 миллизиверта/год и в других районах — менее 0,5 миллизиверта/год, что ниже предельно допустимых значений.

Отходы и хвосты производства и их влияние на окружающую среду контролировались предприятиями СГАО «Висмут» и Ведомством по атомной безопасности и радиационной защите путем проведения соответствующих контрольных замеров.

На горных работах обеспечивалось систематическое снижение радиационных нагрузок для трудящихся за счет больших затрат на улучшение проветривания горных работ.

Заболевание рабочих раком легких из-за воздействия радиоактивного излучения (примерно 5200 случаев) связано в основном с уровнем радиационных нагрузок в 1940-е и 1950-е гг.; для 98% от этих случаев причинных заболеваний имели место до 1955 г.

Необходимо отметить, что в результате деятельности СГАО «Висмут», несмотря на соблюдение установленных норм, на отведенных площадях образовалось большое количество вредных выбросов и хвостов, на устранение которых при завершении деятельности Общества потребовались значи-

тельные затраты по санированию этих территорий.

За весь период деятельности СГАО «Висмут» были образованы отвалы и загрязненные площади общей площадью 2325 га.

В период 1965–1989 гг. местным органам возвращены земельные участки площадью 169,6 га.

На выполнение работ по рекультивации на этих площадях и на сопутствующие капитальные вложения в этих районах СГАО «Висмут» выделило в истекший период финансовые средства в размере 228,8 млн марок ГДР.

Для подготовки прекращения добычи урана Генеральной дирекцией Общества разработана соответствующая концепция.

На предусмотренные в этой концепции работы по ликвидации, захоронению и рекультивации на площадях, которые по состоянию на 31 декабря 1990 г. еще находились в ведении СГАО «Висмут», предполагались затраты в размере 5,4 млрд марок ФРГ.

Наряду с учтенными в расчете этих затрат ликвидационными работами необходимо было выполнить научные исследования и другие работы для решения ряда открытых вопросов, например, в связи с рекультивацией шламохранилищ и других площадей, железнодорожных линий и др. Согласно экспертным оценкам, на эти работы могло потребоваться еще 4–5 млрд марок ФРГ.

Расчет этих расходов выполнен без учета расходов на санирование участков древних горных работ.

В соглашении между Правительством СССР и Правительством ГДР об учреждении СГАО «Висмут» от 22.08.1953 г. и соглашении о продлении деятельности СГАО «Висмут» от 7.12.1962 г. не предусматривалось накопления финансовых средств на ликвидацию предприятий урановой промышленности и на рекультивацию площадей. Поэтому в СГАО «Висмут» не было образовано никаких резервных средств на эти работы.

Планирование основных направлений развития СГАО «Висмут» проводилось на базе решений и положений соглашения между правительствами СССР и ГДР и протоколом о межправительственных переговорах, которые проводились, как правило, перед началом очередного этапа развития, то есть пятилетнего плана, и на которых определялись основные задачи этого этапа.

В соответствии с решениями межправительственных переговоров Генеральная дирекция Общества в сотрудничестве с предприятиями разрабатывала пятилетние планы.

Основные показатели годовых планов определялись на базе пятилетних планов. Планы на отдельные годы утверждались

правлением Общества. Отчеты о выполнении планов рассматривались правлением после их детальной проверки экспертами сторон.

Результаты деятельности СГАО «Висмут» показывают, что планирование развития Общества соответствовало предъявляемым требованиям. Разработанные задания выполнялись. СГАО «Висмут» обеспечило в период своей деятельности рентабельную работу в рамках установленных правительствами условий. До 30 июня 1990 г. в связи с производством урановой продукции не возникло никакой задолженности Общества.

Практический опыт свидетельствует, что долгосрочная концептуальная подготовка каждого этапа развития была наиболее целесообразным методом для обеспечения ритмичного развития предприятий и СГАО «Висмут» в целом.

В первые годы существования «Висмута» в работе по планированию и управлению в центре внимания находились задачи по освоению и развитию производства урановой продукции и по выполнению необходимых объемов геологоразведочных работ. Экономические вопросы имели в это время только второстепенное значение.

✦ В результате ведения добычи руды в пределах центральных частей месторождений, выполнения работ по науке и технике и наращивания выпуска продукции в период 1959–1965 гг. были достигнуты благоприятные показатели затрат в расчете на 1 кг урана. Максимальный объем выпуска урана — свыше 7000 тонн — достигнут в 1967 г.

В период после 1965 г. наблюдалось постепенное ухудшение горно-геологических условий эксплуатации месторождений. Удорожание себестоимости в этот период связано также с повышением оптовых цен промышленности.

В период до 1975 г. за счет проведения мероприятий по науке и технике в основном обеспечивалась компенсация роста затрат. После 1975 г. эта задача выполнялась только частично, и затраты в расчете на единицу урана систематически повышались.

На 1980-е гг. предусматривалось, с учетом результатов предварительной разведки на северном и северо-восточном флангах Роннебургского рудного поля, компенсировать сокращение объема добычи урана на старых рудниках соответствующим

увеличением объема добычи на новых рудниках Беервальде и Дрозен. Однако в результате детальной разведки и эксплуатационных работ на этих новых участках было установлено, что степень подтверждаемости предварительно разведанных запасов по количеству запасов, размерам и мощности рудных тел была там ниже, чем в центральной части Роннебургского рудного поля. В связи с этим возникла необходимость уточнения концепции вскрытия глубоких горизонтов рудника Беервальде и производственных программ для рудника Дрозен и месторождения Корбуссен, что повлекло также сокращение объема выпуска урана по Обществу.

После 1975 г. задача по снижению затрат стала центральным вопросом в деятельности СГАО «Висмут». Правительство СССР и ГДР уделяли этому повышенное внимание, СГАО «Висмут» неоднократно поручалось проверить и изыскать возможности для обеспечения затрат на уровне внешнеторговой цены на поставляемый в СССР уран (339,75 марки ГДР за 1 кг урана).

После объединения ФРГ и ГДР и заявления СССР, что он больше не заинтересован в покупке урановой продукции СГАО «Висмут», условия для деятельности Общества изменились.

Проведенные расчеты по вопросу о снижении затрат Общества совершенно однозначно показали, что продолжение производства урановой продукции в рыночных условиях исключается. Поэтому правительства СССР и ФРГ договорились в соглашении от 9 октября 1990 г. о прекращении производства урановой продукции к 31 декабря 1990 г. и начале работ по ликвидации и рекультивации. Это решение было значимым для устранения негативного влияния уранового производства на окружающую среду.

В конце своей деятельности СГАО «Висмут» имело по состоянию на 30 июня 1990 г. акционерный капитал в размере 4417,4 млн марок, в том числе основные средства в размере 4055,4 млн марок и оборотные средства в размере 362,0 млн марок.

В соответствии с соглашением об учреждении Общества, доли акционеров в этом капитале составляли по 50 %.

После пересчета на новую валюту во вступительном балансе по состоянию на 1 июля 1990 г. акционерный капитал Общества составлял 2757,0 млн марок ФРГ.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ РАЗВИТИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СГАО «ВИСМУТ»

22 августа.	В Москве подписано соглашение между Правительством СССР и Правительством ГДР об учреждении в ГДР смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут».
21 декабря.	На первом заседании правления СГАО «Висмут» утвержден устав СГАО «Висмут» и руководство Общества. Генеральным директором утвержден Валентин Никанорович Богатов , председателем правления — Фриц Зельбман , министр тяжелой промышленности ГДР.
23 марта.	Начало деятельности смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут». Окончание поставок урана в СССР в счет репараций.
Апрель — ноябрь.	В связи с доработкой запасов из эксплуатации выводят 7 шахт Объекта 1. Проходка разведочного ствола шахты №363 на предприятии Пайцдорф Роннебургского рудного поля.
Июль.	Для решения сложных технических задач развития рудников Роннебургского рудного поля ВНИПИпромтехнологии направляет в «Висмут» бригаду в составе 12 специалистов под руководством Г. А. Никифорова.
9 октября.	Министр иностранных дел СССР В. М. Молотов посещает СГАО «Висмут», шахту № 227, присутствует вместе с О. Гротеволем на концерте во Дворце культуры горняков в Карл-Маркс-Штадте (Зигмар). Общая численность трудящихся СГАО «Висмут» 103 921 человек, в том числе 76 884 горняков. Советских специалистов — около 3000 человек. Поставка урана в СССР составила 3967,2 тонны.
Март.	Бригада шахтопроходчиков Лахмана на стволе № 367 рудника Шмирхау достигла скорости проходки ствола 58,0 метров в месяц. На Объекте 1 закрываются шахты №№ 125 и 126. На Пайцдорфе из ствола № 363 начинают геологоразведочные и горные работы. Начата проходка ствола шахты № 366 на месторождении Нидершлема-Альберода. Первый в «Висмуте» круглый ствол диаметром 5,6 м с крепью толщиной 1,5 кирпича. Начинается вскрытие основных запасов месторождения Нидершлема-Альберода, обеспечивающих работу предприятия до 1990 г.
4 апреля.	Постановлением Совета Министров СССР № 629-388 8-е Управление (ГУСИМЗ) передается в ведение Министерства среднего машиностроения.
Июнь.	Начинается проходка вентиляционного ствола №363b на предприятии Пайцдорф.
16 июля.	Пожар на слепом стволе № 208b шахты № 250 в Нидершлема Объекта 9. Погибли 33 немецких горняка и один советский инженер — маркшейдер Малявка Марк Андреевич.
22 июля.	В Карл-Маркс-Штадте в здании Генеральной дирекции проходит траурный митинг. Поставка урана в СССР составила 4606,6 тонны.
Апрель.	Форсируются работы по введению в эксплуатацию новых мощностей на месторождениях Нидершлема-Альберода и Роннебургского рудного поля. На шахтах Объектов начинается организация скоростных проходок горных выработок.
Июнь.	Начинается проходка ствола диаметром 7,1 м глубиной 1090 м шахты № 371, второго ствола, вскрывающего северо-восточную часть рудного поля Нидершлема-Альберода, а также других вентиляционных стволов.
Июль.	Окончание проходки ствола шахты № 366 и вскрытия восьми горизонтов между –120 м и –540 м. На проходке ствола шахты № 374 бригадой Ределя достигнута скорость 122 метра в месяц.
Июль.	На шахте № 21 Объекта 1 бригадой «Форверст» пройдено 500,8 метра квершлага.

ГЛАВА 8

1953

1954

1955

1956

1956

- Август.** Начата проходка грузового ствола № 377 на руднике Пайцдорф. Бригада Эрхарда Мархулы на шахте № 64 Объекта 09 на проходке горизонтальных выработок достигает скорости 516 метров в месяц. Бригадой «Фройндшафт» на шахте № 241 Объекта 6 пройдено 509 метров полевого шрека.
- Октябрь.** Пуск поверхностного автоматизированного комплекса ствола шахты №366 Объекта 9 в эксплуатацию.
- Декабрь.** На крупном руднике Шмирхау введена в эксплуатацию шахта № 367. В течение года полностью заменен парк погрузочных машин ПМЛ-3 на более производительные ПМЛ-63, изготавливаемые на заводе № 512 («Гормаш Ауэ»). Налажен выпуск Проектным предприятием бюллетеней технической информации со статьями о достижениях в горном деле. На месторождении Иоганнгеоргенштадт остаются в работе только шахтоуправления №№ 1, 31 и 54. Обогажительная фабрика № 98, цех готовой продукции и химическая лаборатория закрываются. Месторождение Иоганнгеоргенштадт полностью разведано. Прирост запасов не ожидается. Последняя шахта № 83 Объекта 3 (Шнееберг) прекращает добычу урана. Оставшиеся шахтные установки передаются Министерству тяжелой промышленности ГДР. Удельный вес добычи урана Объектом 9 возрос до 36,8 % от общего объема добычи Обществом. Численность советских специалистов — 1995 человек. В СССР поставлено 5247,6 тонны урана.

1957

- В соответствии с постановлением Правительства ГДР вводится 45-часовая рабочая неделя.
- Для оказания технической помощи при организации скоростных проходок глубоких стволов на Объекте 9 были приглашены специалисты из ведущей советской шахтопроходческой организации «Донецкшахтопроходка»: начальник участка — З. Ш. Муштафин и бригадир — Г. Бондаренко.
- I квартал.** Введены типовые сечения выработок, разработанные в соответствии с правилами, существующими в ГДР. В ночь с 30 на 31 марта в околоствольном дворе слепой шахты на месторождении Обершлема возник пожар. Жертв и несчастных случаев нет. В результате принятых мер пожар локализован и ликвидирован. О происшествии Б. Л. Ванников докладывает Н. С. Хрущеву и Н. А. Булганину.
- Май.** Генеральным директором СГАО «Висмут» по согласованию сторон правлением Общества назначен советский гражданин **Василий Алексеевич Собко**.
- Июнь.** Все подземные рабочие предприятий обеспечены индивидуальными самоспасателями. С этого момента спуск в шахту без самоспасателя запрещен.
- Июнь.** По советской технологии «Донецкшахтопроходка» на проходке ствола № 371 бригада Вернера Бекерта достигла скорости 109,2 метра в месяц. Армировка этого ствола глубиной 1090 метров была выполнена за 55 рабочих дней, что было достижением мирового уровня. На проходке стволов №№ 374 и 374-бис диаметром 5,0 м и крепью толщиной в 2 кирпича бригада Ределя достигла скорости проходки 123,0 м/мес.
- 17 августа.** Распоряжение Совета Министров СССР о передаче с 1 сентября объектов и участков СГАО «Висмут» под охрану полиции ГДР. За МВД СССР осталась охрана управления Общества, спецотделов и охрана готовой продукции при транспортировке ее до границы СССР.
- Август.** Полностью остановлены эксплуатационные работы на месторождении Иоганнгеоргенштадт и на шахте № 1 (Фришглюк), одной из основных шахт, где начали добычу урана в 1946 г.
- 9 декабря.** Заседание правления СГАО «Висмут».
- Приняты кадровые решения:
 - первым заместителем генерального директора Общества назначить **Фрица Кролла**;
 - заместителем генерального директора по охране и режиму Общества — **Рудольфа Каннлера**;
 - главным инженером — заместителем генерального директора — **Константина Павловича Новикова**, освободив от этой должности **Н. И. Чеснокова** в связи с переходом на другую работу.

- Утвержден техпромфинплан «Висмута» на 1958 г. Принято решение о строительстве нового металлургического завода в районе Зеллингштедт производительностью 8 тыс. тонн в сутки. Ввод завода в эксплуатацию запланирован в 1960 г. Удельный вес добычи урана Объектом 9 возрос до 52 % от общего объема добычи Обществом. Общая численность трудящихся СГАО «Висмут» — 86 096 человек. Численность советских специалистов — 1209 человек. В СССР поставлено 5278,3 тонны урана.

- 1 апреля.** В связи с доработкой запасов прекращена деятельность Объекта 2. Остатки геологических запасов шахты № 12 переданы на доработку Объекту 9. Балансовые запасы месторождения Аннаберг погашены, эксплуатационные работы на нем остановлены. Разведка, вскрытие и начало опытных очистных работ в диабазовых месторождениях Пайцдорф. Начато строительство перерабатывающего предприятия № 102 в Зеллингштедте. Рабочее проектирование на основе советского проекта выполнило Проектное предприятие «Висмута». Численность советских специалистов — 864 человека. В СССР поставлено 5302,2 тонны урана.

- I квартал.** Объект 8 (Шварценберг — Иоганнгеоргенштадт), один из крупнейших в Рудных горах, прекращает ведение горных работ. Суммарная добыча составила 1400 т урана. На месторождении Цобес (Объект 6) достигнута годовая добыча урана 644 тонны. В последующие годы идет резкое снижение добычи из-за доработки запасов.
- Май.** Официальная передача в эксплуатацию шахты № 371 Объекта 9, получившей имя «Югендшахт 1 мая». На ней построена установка радиометрической сортировки (РАС). Бригада Эрхарда Мархулы на вскрытии глубоких горизонтов со ствола шахты № 371 Объекта 9 достигла скорости проходки горизонтальных выработок более 1000 метров в месяц. Численность советских специалистов — 562 человека. В СССР поставлено 5344,5 тонны урана.

- Начало проведения в ограниченных объемах горных и очистных работ на месторождении Пайцдорф. Закончено строительство перерабатывающего предприятия № 102 в Зеллингштедте. Общая численность трудящихся СГАО «Висмут» составила 51,5 тыс. человек. Численность советских специалистов — 472 человека. В СССР поставлено 5356,4 тонны урана.

- Начало геологоразведки месторождения Кенигштайн в районе Эльбских песчаных гор. Организовано шахтоуправление Пайцдорф с шахтами №№ 363 и 377.
- 7 апреля.** Авария на шламохранилище завода № 101. В течение трех дней аварийный выброс шлама в гидрографическую сеть ликвидирован, помощь оказывал советский инженерно-саперный батальон из Глаухау.
- 28 апреля.** Комплексная бригада Рудольфа Ханса, Эрхарда Мархулы на шахте № 371 Объекта 9 устанавливает мировой рекорд проходки двухпутевой выработки. За 31 день проходит 1035 метров выработки.
- Май.** Решением правления Общества первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» назначается **Вернер Рихтер**.
- Октябрь.** Генеральным директором СГАО «Висмут» по согласованию сторон и решением правления назначен **Семен Николаевич Волощук**. Численность советских специалистов — 415 человек. В СССР поставлено 5991,2 тонны урана.

- Объект 17 реорганизован в Строительно-монтажное предприятие № 17 для ведения строительства всех крупных объектов Общества. Перерабатывающее предприятие № 102 в Зеллингштедте выходит на проектную мощность.
- 1 октября.** Аварийный прорыв дамбы на хвостохранилище в Зеллингштедте.
- 7 декабря.** Соглашение между СССР и ГДР о продлении деятельности СГАО «Висмут» на 20 лет. В СССР отгружено 6371,2 тонны урана.

1958

1959

1960

1961

1962

1963

26 января. Получены первые, продуктивные на уран, скважины на месторождении Кенигштайн Саксонской Швейцарии.

Май. Начало проходки грузового ствола шахты № 384 и слепого ствола № 1 на предприятии Пайцдорф.
В СССР отгружено 6730,1 тонны урана.

1964

Начата проходка стволов №№ 387 и 388 на месторождении Кенигштайн. Объект 6 (Цобес) ликвидируется. Оставшиеся трудящиеся переводятся на другие Объекты.

26 марта. На собрании акционеров, руководствуясь статьей 5 межправительственного соглашения от 7 декабря 1962 г., утверждается проект нового устава СГАО «Висмут».

Октябрь. Начало проходки грузового ствола № 384b на предприятии Пайцдорф. Общая численность трудящихся СГАО «Висмут» составила 43 тыс. человек.
В СССР отгружено 6983,3 тонны урана.

1965

Начато геологоразведочное бурение на месторождении Дрозен.

5 января. Пущена в эксплуатацию радиометрическая обогатительная фабрика (РОФ) на шахте № 371.

Март. Введена в эксплуатацию первая очередь системы охлаждения воздуха на глубоких горизонтах месторождения Нидершлема-Альберода.

Июнь. Начало проходки вентиляционного ствола № 394 на предприятии Пайцдорф. Проходческая бригада Эрхарда Мархулы на предприятии Кенигштайн, пройдя квершлаг на горизонте –94 метра длиной 1,8 км, произвела сбойку между стволами №№ 387 и 388 с отклонением от оси всего на 3 см.
В СССР отгружено 7090,7 тонны урана.

1966

Создается Центральное геологическое предприятие (ЦГП), в которое вошли все геологоразведочные экспедиции.

Год начала внедрения алмазного бурения на геологоразведочных буровых работах. Главным инженером — заместителем генерального директора по производству СГАО «Висмут» решением правления назначается Николай Дмитриевич Иванов.

Экспериментально доказана выщелачиваемость урановых руд Роннебургского рудного поля, началось систематическое проведение испытаний по поверхностному и подземному выщелачиванию бедных руд.

Сдан в эксплуатацию первый в отрасли стационарный закладочный завод на руднике Шмирхау.

Начало подготовительных работ на горизонте –94 метра предприятия Кенигштайн.
В СССР отгружено 7070,0 тонны урана.

1967

Начало добычи урана и проходка ствола шахты № 390 на предприятии Кенигштайн.

Апрель. Начало проходки грузового ствола № 396 на шахтоуправлении Пайцдорф.

1 июля. Пуск в эксплуатацию шахтных комплексов №№ 384/384бис на Пайцдорфе.

Осень. Начало проходки штольни в районе Пела для разведки скарнового оловянного месторождения в шварценбергских гранитах.
В СССР отгружено 7109,8 тонны урана (максимальная производительность).

1968

Январь. Начата реорганизация структуры и организации управления СГАО «Висмут», преобразование объектов в предприятия, которым предоставляется большая самостоятельность в хозяйственной деятельности. Подсобно-вспомогательные предприятия, наряду с обеспечением основного производства Общества, получили возможность выполнять работы для нужд других отраслей народного хозяйства.

Объект 9 при численности 12 000 горнорабочих и годовой производительности 5000 тонн становится ведущим предприятием «Висмута».

Начало очистных работ и проходки ствола шахты № 392 на предприятии Кенигштайн. Успешно опробованы на проходке и очистной выемке погрузочно-доставочные машины «Каво-310» фирмы «Атлас Копко», закупленные по предложению технического директора Кенигштайна А. Унгера.

Выделены в самостоятельные предприятия Научно-технический центр (НТЦ), Проектное предприятие и Транспортное предприятие.

Обогатительная фабрика № 38 (Кроссен) после реконструкции преобразуется в перерабатывающее предприятие № 101 (ПП № 101).

Март. На предприятии Шмирхау начата проходка грузового и вентиляционного ствола № 381 для вскрытия рудного поля Роннебург.

11 июля. Соглашение между правительствами СССР и ГДР о продлении деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 1985 г. Соглашение предусматривает поставку ядерного горючего для строящихся с помощью СССР в ГДР атомных электростанций.
В СССР отгружено 6947,8 тонны урана.

Организуется ГДП Шмирхау как самостоятельное предприятие после ликвидации Объекта 90.

На ГДП Шмирхау успешно опробованы две погрузочно-доставочные машины «Каво-310» фирмы «Атлас Копко».

Создан специальный цех по рекуперации отработанного алмазного инструмента и производства на этой основе до 5000 шт. в год новых алмазных буровых коронок.

Начало опытно-промышленного опробования кучного и подземного выщелачивания урана на предприятии Кенигштайн.
В СССР отгружено 6411,5 тонны урана.

Январь. Пуск в эксплуатацию поверхностных комплексов №№ 384 и 384-бис и организация самостоятельного предприятия Пайцдорф. Шахта Ройст преобразуется в самостоятельное горное предприятие Ройст. Начало проходки ствола № 398 и экспериментального блока подземного выщелачивания на предприятии Кенигштайн.

Июль. Начало проходки грузового ствола № 410 на предприятии Пайцдорф.

Август. Начало широкомасштабных мероприятий по снижению вибрагрузок горняков при бурении шпуров (отделение горняка от перфоратора). Внедрение советских буровых кареток СБКНС и буровых распорных колонок К1Р на проходке горных выработок на объектах «Висмута». На ГДП Шмирхау начали работать 20 погрузочно-доставочных машин ЛБ-125/1000, изготовленных на заводе «Гормаш Ауэ».
В СССР отгружено 6388,7 тонны урана.

Основной технологией очистной выемки на месторождениях Роннебургского рудного поля становится система разработки со слоевой выемкой в нисходящем порядке под твердеющей закладкой.

Предприятие Пайцдорф начинает геологоразведочные работы на рудном поле Райцхайн.

На всех горнодобывающих предприятиях Роннебургского рудного поля и Кенигштайна на очистных работах начинается применение самоходного погрузочно-доставочного оборудования ЛБ-125/1000, изготовленного на собственном машиностроительном заводе в Ауэ.

Март. Комплекс шахты № 381 Шмирхау, обслуживающий рудное поле Роннебург, передается в эксплуатацию.

На перерабатывающих предприятиях Зелингштедт и Кроссен внедрены мельницы бесшарового помола (мельницы «Каскад»). На этих предприятиях за счет поэтапного ввода в эксплуатацию автоклавного выщелачивания степень извлечения урана из руды на предприятии Кроссен составила 93 %, а на предприятии Зелингштедт — 90 %.
В СССР отгружено 6486,8 тонны урана.

Предприятие Кенигштайн выходит на проектную мощность. Подземное выщелачивание переходит из экспериментальной стадии в промышленную.

14 февраля. Пуск в эксплуатацию поверхностного комплекса ствола № 397 предприятия Беервальде.

Главным инженером — заместителем генерального директора СГАО «Висмут» решением правления назначается **Леонид Михайлович Тормышев**.
В СССР отгружено 6626,9 тонны урана.

Начато вскрытие горизонта –1620 метров на месторождении Нидершлема-Альберода Объекта 9.

Предприятие Шмирхау достигает максимума своей годовой добычи урана, которая в последующие годы начинает снижаться.

Август. Начало проходки вентиляционного ствола № 413 на предприятии Пайцдорф.
В СССР отгружено 6721,0 тонны урана.

1969

1970

1971

1972

1973

1974	1 января.	Организация самостоятельного предприятия Беервальде. Начало подготовительных работ для проходки стволов №№ 403 и 412 на руднике Дрозен известной шахтопроходческой бригадой Редела с Объекта 9 Ауэ. В СССР отгружено 6777,2 тонны урана.
1975	Июль. Октябрь. 14 октября.	Начат поэтапный ввод в эксплуатацию второй очереди системы охлаждения воздуха глубоких горизонтов V каскада месторождения Нидершлема-Альберода. По оси будущего ствола № 403 пройден разведочный шурф глубиной 25 метров. Предприятие Беервальде получает звание «Молодежное горно-добывающее предприятие им. Эрнста Тельмана». Подписан протокол к соглашению от 7 декабря 1962 г. о продлении деятельности СГАО «Висмут», согласно которому срок деятельности СГАО «Висмут» продлевается до 31 декабря 2000 г. Годовая добыча урана на предприятии Кенигштайн достигла своего максимума и составила 1209 тонн. В СССР отгружено 6884,0 т урана.
1976	15 февраля. Март. Июнь. Октябрь.	Аварийный приток воды (240 м³/час) на проходке устья ствола № 415 (Дрозен). Ликвидирован в апреле. СМП № 17 закончен монтаж проходческого комплекса ствола № 403 рудника Дрозен. Начало проходки устья ствола № 403 рудника Дрозен в районе Любихау. Аварийный приток воды (400 м³/час) на проходке устья ствола № 403. В СССР отгружено 6694,7 тонны урана.
1977		Пуск в эксплуатацию 1-й ступени установки по извлечению урана из шахтных вод на предприятии Кенигштайн. На Объекте 9 пущена в эксплуатацию на горизонте –1485 метров (V каскад) 1-я очередь подземного холодильного комплекса. Предприятие Пайцдорф достигает максимального уровня (1300 тонн) годовой добычи урана, после которого происходит ее снижение в связи с падением содержания урана в руде и переходом очистных работ на фланги месторождения. В СССР отгружено 6357,7 тонны урана.
1978	Февраль. Апрель.	Начало проходки ствола № 415 на ГДП Дрозен. Глубина ствола — 801 м. Начало проходки ствола № 403 ГДП Дрозен. Глубина ствола — 872 м. В СССР отправлено 6129,7 тонны урана.
1979	Март.	Сдача в эксплуатацию здания управления рудника Дрозен. Начало проходки ствола № 416 рудника Дрозен после замораживания водоносных слоев на верхних 123 метрах ствола. В СССР отправлено 5260,8 тонны урана.
1980	Февраль. 1 июля. Декабрь.	На ГДП Шмирхау начали опробовать на очистном блоке со схемой подготовки спиральными съездами первые дизельные погрузочно-доставочные машины, изготовленные на заводе «Гормаш Ауэ». Закончена проходка ствола № 403 и околоствольных выработок рудника Дрозен. Организация рудника Дрозен как самостоятельного предприятия. Закончена проходка ствола № 415 и околоствольных выработок рудника Дрозен. В СССР отправлено 5242,2 тонны урана.
1981	Февраль. 26 августа.	ГДП Беервальде начинает геологоразведку на месторождении Корбуссен. На Объекте 9 пущена в эксплуатацию на горизонте –1485 метров (V каскад) 2-я очередь подземного холодильного комплекса. Окончена проходка вентиляционного ствола № 416 рудника Дрозен. Параллельно с армировкой ствола № 403 на устье ствола надвигается копер весом 500 т, предварительно смонтированный в стороне. Технология надвигки копра, использующей эффект «воздушной подушки», разработана СМП № 17 совместно с институтом промышленного строительства г. Дрезден народным предприятием «Тяжелый транспорт» и народным предприятием «Нордхаузен». На горнодобывающем предприятии им. Вилли Агатца внедрен советский проходческий комбайн ГПКС для проходки выемочных штреков. По мере освоения этой техники введены в эксплуатацию еще три комбайна. В СССР отправлено 4870,3 тонны урана.

26 февраля.	Состоялось заседание правления Общества, утвердившее положения нового экономического регулирования, планы СГАО «Висмут» на 1982 г., внутреннюю расчетную цену на 1982 г. и информацию о расформировании торговой организации «Висмут» и образовании предприятия рабочего снабжения СГАО «Висмут». Первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» решением правления назначается Хорст Бельманн . Главным инженером — заместителем генерального директора СГАО «Висмут» решением правления назначается Валентин Павлович Назаркин .
1 сентября.	Начата добыча урана на предприятии Дрозен (блок 729 — между горизонтами –600 м и 660 м).
19 сентября. 11 октября.	Поверхностный комплекс ствола № 403 предприятия Дрозен пущен в эксплуатацию. Пущен в эксплуатацию закладочный завод Дрозен. Произведены первые кубометры закладки. В СССР отправлено 4622,1 тонны урана.
10 октября. 14 октября.	На Объекте 9 пущена в эксплуатацию на горизонте –1485 метров (V каскад) 3-я очередь подземного холодильного комплекса. В Москве подписан межправительственный протокол о паритетном участии СССР и ГДР в финансировании поисковых и геологоразведочных работ СГАО «Висмут» на уран. Предварительно смонтированный в стороне башенный копер со всем оборудованием, высотой 90 метров и весом 4700 т, надвинут по роликовым направляющим на ствол № 415 рудника Дрозен. Проект разработан Проектным предприятием и осуществлен СМП № 17. В СССР отправлено 4486,2 тонны урана.
2 мая. 16 июня.	Предприятие Кенигштайн полностью переходит на химическое извлечение урана, прекращаются традиционные горнодобывочные работы и отгрузка руды на перерабатывающее предприятие №102. Доля подземного выщелачивания руд составила 90 %, доля кучного выщелачивания — 10%. Переход на химическое извлечение урана позволил значительно расширить сырьевую базу рудника за счет вовлечения в процесс выщелачивания забалансовых руд, а также снизить себестоимость получаемого урана. Приняты в эксплуатацию подъемные машины на стволе № 415 предприятия Дрозен. В блоке № 736 на Дрозене начала работать электрическая погрузочно-доставочная машина УЛЭ-2.
Октябрь.	Начал работать первый главный вентилятор на вентиляционном стволе № 416 Дрозен. Предприятие Дрозен достигло годовой добычи урана 200 тонн. В СССР отправлено 4444,0 тонны урана.
30 апреля. Июнь. 14 ноября.	На Дрозене принят в эксплуатацию перегрузочный железнодорожный узел и центральные бункера для рудной массы. Начало проходки слепого ствола № 2 на предприятии Пайцдорф. Подписано межправительственное соглашение СССР и ГДР о продлении срока деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 2000 г. В СССР отправлено 4469,6 тонны урана.
14 января.	На месторождении Нидершлема-Альберода на проходке слепого ствола № 383 ШВ достигли горизонта –1800 метров. Это самый глубокий горизонт в Европе. В связи с окончанием срока полномочий генерального директора СГАО «Висмут» советского гражданина Семена Николаевича Волощука, по согласованию сторон и решением правления, генеральным директором СГАО «Висмут» назначен гражданин ГДР Хорст Бельманн , который освобождается от должности первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут». Первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут» решением правления назначается Валентин Павлович Назаркин , освобожденный от должности главного инженера — заместителя генерального директора СГАО «Висмут». Главным инженером — заместителем генерального директора СГАО «Висмут» решением правления назначается Лев Павлович Бородин . Предприятие Дрозен достигло годовой добычи урана 400 тонн. В СССР отправлено 4090,1 тонны урана.

1982

1983

1984

1985

1986

1987

- 29 апреля.** Состоялось заседание правления Общества, на котором рассмотрены и утверждены: отчет о результатах производственно-хозяйственной деятельности СГАО «Висмут» за 1986 г.; рекомендации и выводы совместной геологической экспертной комиссии по результатам проверки сырьевой базы. Заслушана информация о разработке проекта основных направлений развития СГАО «Висмут» на период 1991–2000 гг.
- На руднике Кенигштайн сдана в эксплуатацию установка для обезвоживания шламов на базе советских фильтр-прессов типа ФПКАМ-25.
- На руднике Кенигштайн произведено подземное взрывное магазинирование больших объемов руды для последующего их выщелачивания. Применено более 154 тонн взрывчатки.
- Декабрь.** Начал работать второй главный вентилятор на вентиляционном стволе № 416 Дрозен.
В СССР отправлено 4058,6 тонны урана.

1988

- 2 января.** Начато вскрытие горизонтальными выработками самого глубокого горизонта –1800 метров на месторождении Нидершлема-Альберода Объекта 9.
- Предприятие Ройст объединяется с предприятием Шмирхау.
- Предприятие Дрозен достигло годовой добычи урана 500 тонн.
В СССР отправлено 3923,6 тонны урана.

1989

- Горнодобывающее предприятие Ауэ добыло 780 тонн урана.
- Предприятие Дрозен достигло годовой добычи урана 600 тонн.
- Предприятие Пайцдорф, второе в «Висмуте» по производительности, имело объем годовой добычи — 880 тонн урана.
- Предприятие Шмирхау, объединенное с предприятием Ройст, добыло 1200 тонн урана.
- Предприятие Кенигштайн добыло 420 тонн урана.
В СССР отправлено 3800,0 тонн урана.

1990

- 9 октября.** Соглашением правительств СССР и ФРГ установлено прекращение хозяйственной деятельности СГАО «Висмут» с 1 января 1991 г.
- Численность трудящихся СГАО «Висмут» составляла по состоянию на 31 декабря 1990 г. 27 920 человек.

- Всего СГАО «Висмут» за 1954–1990 гг. отправил в СССР 207 112,8 тонны урана.
Всего за 1946–1990 гг. САО/СГАО «Висмут» поставил в СССР 216 558,7 тонны урана.

РУКОВОДИТЕЛИ СГАО «ВИСМУТ»

Генеральные директора СГАО «Висмут»:

Валентин Никанорович Богатов	(1951–1957)
Василий Алексеевич Собко	(1957–1961)
Семен Николаевич Волощук	(1961–1986)
Хорст Бельманн	(1986–1990)
Хорст Рихтер	(1990–1991)

Первые заместители генерального директора СГАО «Висмут»:

Фриц Кролл	(1954–1961)
Вернер Рихтер	(1961–1982)
Хорст Бельманн	(1982–1986)
Валентин Павлович Назаркин	(1986–1990)

Председатели правления СГАО «Висмут»:

Фриц Зельбман	(1953–1958)
Р. Штайнванд	(1958–1959)
Курт Грегор	(1959–1963)
Эрих Маркович	(1963–1967)
Хорст Камински	(1967–1986)
Николай Иванович Чесноков	(1986–1990)

Главные инженеры СГАО «Висмут»:

Алексей Александрович Александров	(1954–1955)
Николай Иванович Чесноков	(1955–1957)
Константин Петрович Новиков	(1957–1961)
Владимир Васильевич Михайлов	(1961–1962)
Борис Константинович Серета	(1962–1966)
Николай Дмитриевич Иванов	(1966–1972)
Леонид Михайлович Тормышев	(1972–1982)
Валентин Павлович Назаркин	(1982–1986)
Лев Павлович Бородин	(1986–1990)

Главные геологи СГАО «Висмут»:

Роман Владимирович Нифонтов	(1947–1950)
Николай Феофанович Шония	(1954)
Георгий Константинович Жуков	(1955)
Георгий Алексеевич Кремчуков	(1956–1960)
Кирилл Петрович Лященко	(1960–1965)
Александр Абрамович Данильянц	(1966–1974)
Фауст Калистратович Портнов	(1974–1976)
Юрий Сергеевич Данилов	(1976–1984)
Евгений Иванович Гусаков	(1984–1990)

Главные технологи СГАО «Висмут»:

Александр Васильевич Плотников
Николай Дмитриевич Кожевников
Петр Петрович Акимов
Аркадий Исидорович Антосиков
Анатолий Данилович Богатов
Виталий Васильевич Шаталов

Главные геофизики СГАО «Висмут»:

Александр Николаевич Еремеев	(1953–1959)
Георгий Павлович Тафеев	(1959–1963)
Алексей Ильич Горшков	(1963–1967)
Владимир Федорович Панин	(1967–1973; 1988–1991)
Игорь Александрович Лучин	(1972–1980)
Олег Сергеевич Чапкович	(1984–1989)

ГЛАВА 9

ГЛАВА 10 ЛАУРЕАТЫ ЛЕНИНСКОЙ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРЕМИЙ

Лауреаты Ленинской премии

1966 г.: за создание мощной сырьевой базы и коренное усовершенствование технологии добычи и переработки руд

Алхазашвили Георгий Михайлович, ВНИИХТ
Белов Иван Иванович, главный инженер Объекта 9 (Ауэ)
Корейша Юрий Александрович
Токарев Николай Николаевич

Лауреаты Государственной премии

1969 г.: за разработку и внедрение системы охлаждения рудничного воздуха для отработки глубокого жильного месторождения Нидершлема-Альберода

Волощук Семен Николаевич
Дорофеичев Иван Васильевич
Кремнев Олег Александрович, Институт теплофизики АН УССР
Марченко Андрей Прокофьевич
Мельниченко Вадим Михайлович
Назаркин Валентин Павлович
Черняк Вилен Павлович, Институт теплофизики АН УССР
Щербань Александр Назарьевич, Институт теплофизики АН УССР

1982 г.: за разработку и внедрение новой техники и технологии при отработке пожароопасного уранового месторождения Роннебургского рудного поля

Авраменко Александр Васильевич
Андреев Георгий Георгиевич
Балковой Петр Ильич
Волощук Семен Николаевич
Лисовский Георгий Дмитриевич
Найденко Юрий Максимович
Назаркин Валентин Павлович
Подольяко Леонид Георгиевич
Тормышев Леонид Михайлович
Шевченко Борис Федорович
Чесноков Николай Иванович

ПРИЛОЖЕНИЕ 1¹

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германской Демократической Республики об учреждении в ГДР смешанного Советско-Германского Акционерного Общества «Висмут»

Правительство Союза ССР и Правительство Германской Демократической Республики договорились об учреждении на базе действующего в ГДР Отделения Советского Государственного Акционерного Общества «Висмут» смешанного Советско-Германского Акционерного Общества на паритетных началах по разведке и эксплуатации месторождений висмута на территории ГДР.

Статья 1

Договаривающиеся Стороны учреждают на паритетных началах смешанное Советско-Германское Акционерное Общество под сокращенным наименованием «Висмут».

Деятельностью Общества является: поиски, разведка и добыча висмута.

Общество будет действовать в соответствии с настоящим Соглашением и Уставом Общества, который будет зарегистрирован в надлежащем порядке в 4-месячный срок со дня подписания настоящего Соглашения.

Статья 2

Учредителями Общества «Висмут» являются:

а/ с Советской Стороны – Главное управление советским имуществом за границей Министерства внутренней и внешней торговли СССР;

б/ с Германской Стороны – Министерство металлургической и горнорудной промышленности.

Статья 3

Правительство Союза ССР передает в собственность Общества все предприятия с их основными и оборотными средствами Отделения Советского Государственного Акционерного Общества «Висмут» по балансовой стоимости на 1 января 1954 года в сумме 2 млрд. германских марок.

Статья 4

Указанная выше стоимость предприятий Отделения А/О «Висмут» составит акционерный капитал Советско-Германского Общества «Висмут».

Половина акционерного капитала Общества является взносом Советской Стороны и вторая половина акционерного капитала – Германской Стороны.

Акции Общества будут именные. Передача акций может иметь место только по соглашению между Договаривающимися Сторонами.

В возмещение своей половины акционерного капитала Правительство ГДР выплатит Правительству Союза ССР один млрд. германских марок в течение пяти лет равными долями, причем эта сумма будет использована на оплату продукции А/О «Висмут».

Статья 5

Учредители Общества будут договариваться о размере дополнительных вложений, которые могут быть произведены Сторонами на расширение деятельности Общества.

Указанные дополнительные вложения будут производиться учредителями в равных размерах, то есть по пятьдесят процентов.

Статья 6

В Правлении Общества Стороны будут представлены равным числом членов Правления (по два) от каждой Стороны. Председатель Правления и его Заместитель избираются из числа членов Правления.

Правление назначает Генерального директора Общества и его Заместителя.

На первые пять лет Председателем Правления Общества избирается представитель Германской Стороны, а Заместителем Председателя Правления Общества – представитель Советской Стороны; Генеральным директором назначается представитель Советской Стороны, а Заместителем Генерального директора – представитель Германской Стороны.

На последующие пять лет должности, занимавшиеся в предшествующие пять лет представителями Советской Стороны и советскими гражданами, замещаются представителями Германской Стороны и германскими гражданами. Права и обязанности Правления и дирекции будут определены Уставом Общества.

¹ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

Вопросы, по которым Правление не сможет придти к соглашению, рассматриваются акционерами Общества, а при недостижении соглашения между акционерами – передаются на рассмотрение обоих Договаривающихся Правительств.

Место нахождения Правления Общества – город Карлмаркштадт.

Статья 7

Правительство Германской Демократической Республики будет предоставлять Обществу исключительное право разведки и эксплуатации всех месторождений висмута как эксплуатируемых в настоящее время, так и могущих быть открытыми на территории ГДР, а также предоставит Обществу безвозмездно горные отводы и земельные участки и для строительства предприятий, жилых зданий и других сооружений, необходимых для деятельности Общества.

Урегулирование всех претензий, могущих возникнуть в связи с передачей Обществу земельных участков и горных отводов, Правительство ГДР принимает на себя и за свой счет.

Статья 8

Правительство Союза ССР соглашается, в целях обеспечения успешной деятельности Общества, оказывать Обществу необходимую научно-техническую помощь по разведке месторождений, проектированию и эксплуатации его предприятий, командировать советских специалистов, поставлять специальную аппаратуру и другое оборудование, которое не изготавливается в ГДР, на условиях по согласованию Обществом с соответствующими советскими органами.

Статья 9

Правительство Германской Демократической Республики соглашается, в целях обеспечения успешной деятельности Общества, бесперебойно снабжать Общество электроэнергией, химикатами, углем, жидким горючим, строительным и крепежным лесом и другими материалами и оборудованием, а также направлять в распоряжение Общества необходимое количество инженерно-технического персонала и рабочей силы на условиях по согласованию Обществом с соответствующими органами ГДР.

Статья 10

Вся продукция, добываемая Обществом «Висмут», будет поставляться Советскому Союзу по цене, равной половине фактической себестоимости продукции.

Учитывая, что предприятия Общества «Висмут» имеют важное значение как для Советского Союза, так и для ГДР, Правительство ГДР обязуется выплачивать Обществу до 750 млн. марок ГДР в год равными ежемесячными долями, в покрытие разницы между фактической себестоимостью и продажной ценой продукции Общества.

Статья 11

Общество «Висмут» будет проводить комплексные геологоразведочные работы, и материалы о выявленных попутно месторождениях других полезных ископаемых безвозмездно передавать Германской Демократической Республике.

Статья 12

Общество будет передавать безвозмездно Правительству ГДР в его полное распоряжение подземные и наземные сооружения, а также жилые и культурно-бытовые помещения, освобождающиеся на отдельных участках работ Общества.

После прекращения деятельности Общества все движимое и недвижимое имущество, принадлежащее Обществу, передается безвозмездно в собственность Правительству ГДР.

Статья 13

Общество будет пользоваться всеми правами и привилегиями, которыми пользуются германские государственные горные предприятия.

Настоящее Соглашение вступает в силу со дня его подписания и будет действовать в течение десяти лет с тем, что Стороны могут продлить действие Соглашения и на дальнейший срок при взаимной договоренности и уточнении некоторых условий Соглашения.

Совершено в Москве 22 августа 1953 года в двух подлинных экземплярах на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

По уполномочию
Правительства Союза Советских
Социалистических Республик
И. Кабанов

По уполномочию
Правительства Германской
Демократической Республики
В. Ульбрихт

ПРИЛОЖЕНИЕ 2²

ПРОТОКОЛ

об учреждении смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут»

На основании статьи 2 Соглашения между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германской Демократической Республики об учреждении в ГДР смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут» от 22 августа 1953 года, учредители указанного Общества: с Советской стороны – Главное Управление советским имуществом за границей Министерства внешней торговли СССР в лице И.Ф. СЕМИЧАСТНОВА и с Германской стороны – Министерство тяжелой промышленности ГДР в лице Министра Ф. ЗЕЛЬБМАНА, договорились о нижеследующем:

1. В Германской Демократической Республике учреждается смешанное Советско-Германское акционерное общество «Висмут»

с местонахождением Правления в г. Карлмаркштадт. Порядок учреждения этого Общества и оформления его в качестве юридического лица основывается на упомянутом межправительственном Соглашении и законодательстве ГДР, изданном для государственных предприятий и организаций ГДР.

2. Учредители принимают Устав, текст которого прилагается к настоящему Протоколу.

3. В связи с учреждением смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут» издаются две именные акции, каждая из которых представляет половину акционерного капитала Общества. Акции подписываются всеми членами первого состава Правления.

4. Учредители становятся согласно § 2 прилагаемого Устава акционерами Общества и каждый из них получает одну акцию. Учредители, являющиеся одновременно акционерами, определяют размер акционерного капитала Общества в той сумме, которая указана в межправительственном Соглашении от 22 августа 1953 года.

5. Учредитель с Германской стороны принимает на себя представление подписанного учредителями текста Устава в Совет г. Карлмаркштадт до 22 декабря 1953 года и оформление регистрации Общества в разделе «Ц» реестра указанного Совета в соответствии с порядком, действующим для государственных предприятий и организаций.

6. Учредители в качестве держателей акций Общества избирают Правление Общества в составе: Ф. ЗЕЛЬБМАНА, И.Ф. СЕМИЧАСТНОВА, Г. ЦИЛЛЕРА, В.Н. БОГАТОВА.

7. Общество начнет свою хозяйственную деятельность с 1 января 1954 года. Настоящий Протокол составлен в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

г. Карлмаркштадт «21» декабря 1953 года И. СЕМИЧАСТНОВ

Ф. ЗЕЛЬБМАН

² Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 3³**УСТАВ****СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОГО АКЦИОНЕРНОГО ОБЩЕСТВА «ВИСМУТ»**

§ 1

Советско-Германское акционерное общество под сокращенным наименованием «Висмут» является самостоятельным юридическим лицом с местонахождением Правления в г. Карл-марксштадт.

§ 2

Акционерами Общества «Висмут» являются:

а/ с Советской Стороны – Главное Управление советским имуществом за границей Министерства внешней торговли СССР;

б/ с Германской Стороны – Министерство тяжелой промышленности.

§ 3

Предметом деятельности Общества являются поиски, разведка и добыча висмута.

Для достижения этих целей Общество осуществляет:

а/ поиски и разведку месторождений и добычу висмутовых руд;

б/ строительство необходимых для деятельности Общества рудников, предприятий, всякого рода производственных и бытовых зданий, сооружений и других объектов, а также их эксплуатацию.

§ 4

Акционерный капитал Общества определяется по соглашению между акционерами. Половина акционерного капитала Общества принадлежит Советской стороне и другая половина акционерного капитала принадлежит Германской стороне.

Указанное распределение акционерного капитала сохраняется на весь период деятельности Общества. Акции Общества будут именные.

§ 5

Правление Общества состоит из четырех членов, – два члена Правления от Советской стороны и два члена Правления от Германской стороны.

Председатель Правления и его заместитель избираются из числа членов Правления.

На первые пять лет Председателем Правления Общества избирается представитель Германской Стороны, а заместителем Председателя Правления Общества – представитель Советской стороны. На последующие пять лет должность, занимавшаяся в предшествующие пять лет представителем Советской Стороны и советским гражданином, замещается представителем Германской стороны и германским гражданином. Соответственно должность, которую в течение предшествующих пяти лет занимал представитель Германской стороны и германский гражданин, замещает представитель Советской стороны и советский гражданин.

§ 6

Решения Правления должны быть согласованы между Советской и Германской сторонами Правления.

Вопросы, по которым Правление не может прийти к соглашению, передаются на рассмотрение Сторон.

§ 7

Правление назначит Генерального директора общества и его заместителя.

На первые пять лет Генеральным директором Общества назначается представитель Советской стороны, а заместителем Генерального директора – представитель Германской

стороны. На последующие пять лет должность, занимавшаяся в предшествующие пять лет представителем Советской стороны и советским гражданином, замещается представителем Германской стороны и германским гражданином. Соответственно должность, которую в течение предшествующих пяти лет занимал представитель Германской стороны и германский гражданин, замещает представитель Советской стороны и советский гражданин.

Генеральный директор действует от имени Общества и управляет всеми делами, имуществом и средствами Общества. Генеральному директору предоставляется, в частности, право:

а) заключать договоры и выдавать обязательства; б) совершать все, без исключения, банковские и кредитные операции; в) приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущество; г) выдавать доверенности от имени Общества, в том числе на управление предприятиями Общества; д) принимать и увольнять рабочих, инженерно-технический и административный персонал и служащих Общества и устанавливать им заработную плату; е) представлять Общество во всех организациях и учреждениях; ж) предъявлять иски и отвечать в суде.

Генеральный директор действует без специальной доверенности.

Заместитель Генерального директора осуществляет обязанности, возложенные на него Генеральным директором.

§ 8

Инженерно-технический персонал и служащие Общества и его предприятий не могут работать в других организациях и у частных лиц без специального на то разрешения Генерального директора Общества.

§ 9

Право подписи от имени Общества предоставляется Генеральному директору.

Денежные документы и обязательства от имени Общества подписываются Генеральным директором Общества или лицами им уполномоченными на право подписи указанных документов (первая подпись) и главным бухгалтером Общества или его заместителем (вторая подпись).

Операционный год Общества начинается с 1 января и оканчивается 31 декабря.

Первый операционный год начинается с 1 января 1954 года.

§ 11

Ликвидация Общества осуществляется в порядке, определяемом Сторонами.

§ 12

Общество имеет печать с изображением своего наименования на русском и немецком языках.

г. Карлмарксштадт, 21 декабря 1953 года.

И.Ф. СЕМИЧАСТНОВ

Ф. ЗЕЛЬБМАН

3 Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

ПРИЛОЖЕНИЕ 4⁴

СОГЛАШЕНИЕ

между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о прекращении деятельности Советско-Германского акционерного общества «Висмут»

Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Федеративной Республики Германии, учитывая переход с 3 октября 1990 г. германской доли акционерного капитала Советско-Германского акционерного общества «Висмут» от бывшей Германской Демократической Республики к Федеративной Республике Германии, ссылаясь на статью 8 Соглашения от 9 октября 1990 г. между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии о некоторых переходных мерах, ссылаясь на Соглашение от 7 декабря 1962 г. между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германской Демократической Республики о продлении деятельности смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут» и, в частности, на статью 13 этого Соглашения, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Совместная деятельность Советско-Германского акционерного общества «Висмут» прекращается с 1 января 1991 г.

Советская Сторона передает свою долю, составляющую 50 процентов акционерного капитала в виде движимого и недвижимого имущества Общества «Висмут», безвозмездно Германской Стороне по состоянию на 31 декабря 1990 г.

Правительство Федеративной Республики Германии преобразует Советско-Германского акционерное общество «Висмут» в общество германского права.

За Советской Стороной сохраняется в дальнейшем возможность участия на основе договоренностей, путем вложения нового капитала, в обществах, продолжающих определенные виды деятельности прежнего Советско-Германского акционерного общества «Висмут», выходящие за рамки добычи урана.

Статья 3

Договаривающиеся Стороны отказываются от любых взаимных претензий международно-правового, гражданско-правового или иного характера, которые могут возникнуть по вопросам сотрудничества в рамках Советско-Германского акционерного общества «Висмут» и прекращения этого сотрудничества, в частности от компенсации всех возникающих расходов на рекультивацию земельных участков и их дарование в связи с прекращением геологоразведочных работ, а также с закрытием горнодобывающих и обогатительных предприятий. Советская Сторона отказывается от претензий на возврат своих ранее внесенных вкладов.

Статья 4

Правительство Федеративной Республики Германии примет меры, не допускающие предъявление Советской Стороне любых претензий со стороны Советско-Германского акционерного общества «Висмут», а также каких-либо третьих лиц, относящихся к деятельности Советско-Германского акционерного общества «Висмут». В случае предъявления такого рода претензий Правительство Федеративной Республики Германии возьмет на себя их урегулирование.

⁴ Орфография и пунктуация подлинника (прим. ред.).

Статья 5

Советская Сторона передаст Германской Стороне находящиеся в ее архивах сведения о добыче урана в период с 1946 по 1956 гг. на территории бывшей Германской Демократической Республики, а также о геологоразведочных работах, выполненных Отделением Советского Акционерного Общества «Висмут» в это время.

Советская Сторона обеспечит за свой счет возвращение и трудоустройство советских работников Советско-Германского акционерного общества «Висмут» после их выбытия из Общества. Советская Сторона не будет предъявлять никаких претензий от имени бывших советских работников Советско-Германского акционерного общества «Висмут» в связи с их работой в Обществе, в частности, претензий Германскому социальному страхованию, Федеральному ведомству по труду и другим органам социального обеспечения в Федеративной Республике Германии. В случае предъявления таких претензий Правительство Союза Советских Социалистических Республик возьмет их урегулирование на себя.

Урегулирование всех вопросов и претензий, связанных с увольнением и трудоустройством германских граждан, работавших в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут», принимает на себя Правительство Федеративной Республики Германии.

Статья 7

Одновременно со вступлением в силу настоящего Соглашения утрачивают силу Соглашение от 7 декабря 1962 года между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Германской Демократической Республики о продлении деятельности смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут», а также все другие письменные или устные договоренности между Сторонами по Соглашению от 7 декабря 1962 года или их преемниками, связанными с ним и/или его выполнением.

Деятельность советских и германских членов Правления и Генеральной дирекции Советско-Германского акционерного общества «Висмут» настоящим одобряется, и они освобождаются от удовлетворения каких-либо претензий.

Статья 8

Договаривающиеся Стороны будут оказывать органам Общества помощь в выполнении положений настоящего Соглашения.

Настоящее Соглашение вступает в силу в день, когда Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Федеративной Республики Германии сообщат друг другу, что необходимые внутригосударственные процедуры для его вступления в силу выполнены.

Совершено в Хемнице 16 мая 1991 г. в двух подлинных экземплярах, каждый на русском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Правительство
Союза Советских Социалистических Республик

За Правительство
Федеративной Республики Германии

Группа специалистов. Слева направо: Алексей Яковлевич Медведев, Алексей Васильевич Шуклин, Александр Акимович Лыков, Аркадий Николаевич Золотин (специалисты Объекта 102, Гера), Георгий Терентьевич Щелупинин (Зигмар), Степан Иванович Вахрушев, Павел Иванович Мариничев (Гера, Объект 102). (Из архива А. Н. Золотина).

Зам. министра Министерства среднего машиностроения П. М. Верховых, секретарь парткома СЕПГ рудника Дрозен Герой труда Ленарт, В. В. Кротков, В. П. Назаркин, Хорст Бельманн на Вычислительном центре рудника Дрозен. (Из архива О. М. Кастуева).

Чествование бригады проходчиков, установивших в 1955 году рекорд ГДР на проходке ствола. На фото слева: третий справа — главный инженер шахты Мякиши Василий Нилович. (Из архива семьи Мякишиных).

Директор Объекта 9 Вернер Эберт, главный инженер В. Д. Жильцов и другие специалисты беседуют с бригадиром Хэллэрингом, работающим на советском полке КПВ для проходки восстающих. (Из архива Г. Дукее).

Посещение рудника Беервальде. Справа: Б. Н. Лобанов — гл. инженер Беервальде, в центре — В. П. Назаркин, правее — Вернер Рихтер, Хорст Камински, профессора В. А. Симмаков и Д. П. Лобанов, Винфрид Брауэр, директор рудника Беервальде. (Из архива В. П. Назаркина).

Начальник ПГУ МСМ Н. Б. Карпов, П. И. Балковой, П. М. Кузема (гл. инженер Беервальде) и С. Н. Волощук (генеральный директор СГАО "Висмут") осматривают образец подземного самосвала для проходки наклонных съездов. (Из архива П. И. Балкового).

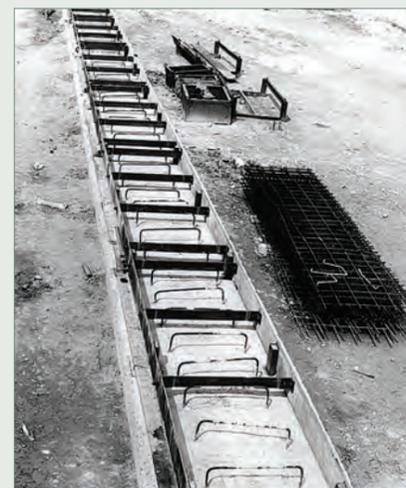

Поверхностный комплекс обмена вагонеток на стволе 403 рудника Дрозен.

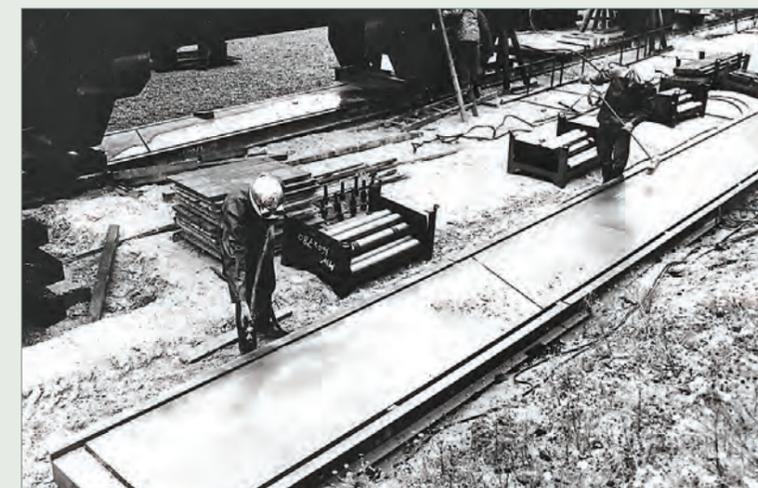

Башенный копёр весом 5000 тонн смонтирован и надвигается на устье ствола 415 рудника Дрозен. (Из архива В. Н. Кузнецова).

НАДВИЖКА БАШЕННОГО КОПРА ВЕСОМ 5000 Т НА ПРОЙДЕННЫЙ СТВОЛ № 415 (фото из архива В. Н. Кузнецова)

Подготовка направляющих лент для надвигки копра.

Укладка металлических листов на перекатные направляющие ленты.

Перекатные роликовые звенья.

Начало монтажа копра на передвижной платформе.

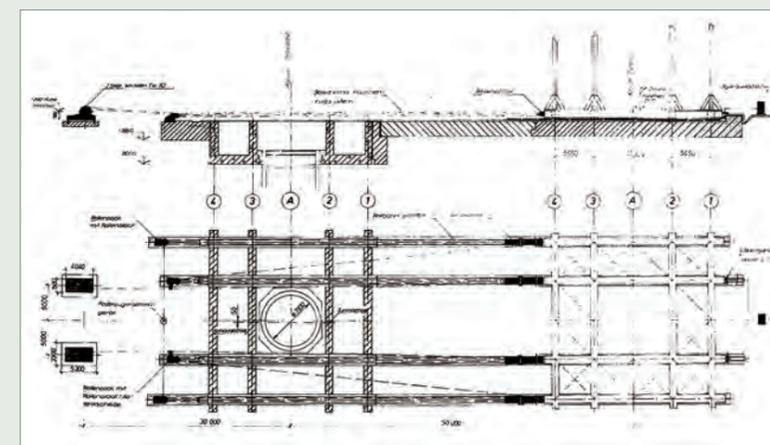
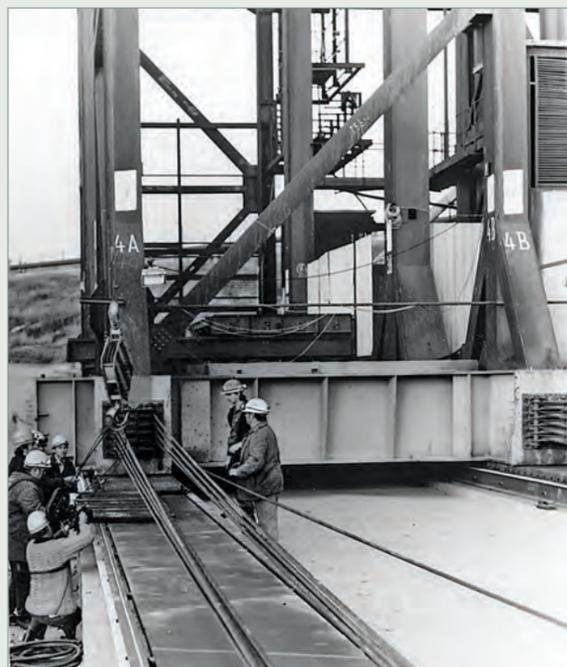

Схема надвигки башенного копра на ствол 415.

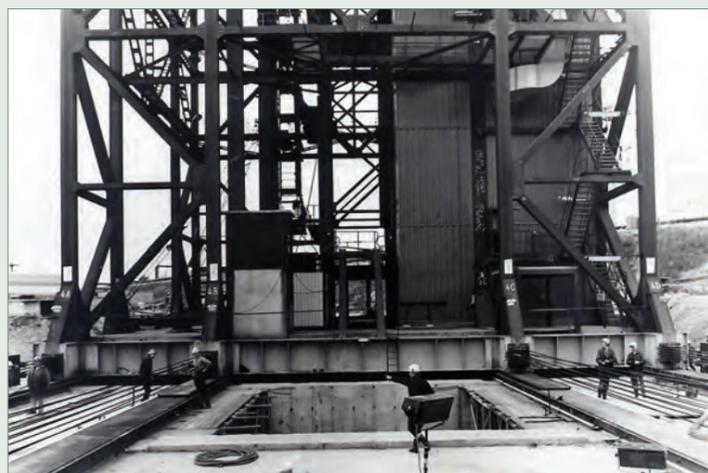

Закрепление полиспастов и канатов на передвижной платформе.

В. Б. Седов, В. Гёпель, Д. Райнер, С. Н. Волощук осматривают полиспасты накатки.

За передвижкой копра наблюдают В. Шонхер, технический директор СГАО "Висмут" В. Гёпель, гл. инженер рудника Дрозен В. Н. Кузнецов, генеральный директор С. Н. Волощук, руководитель работ по передвижке Петер, директор СМП 17 Д. Райманн.

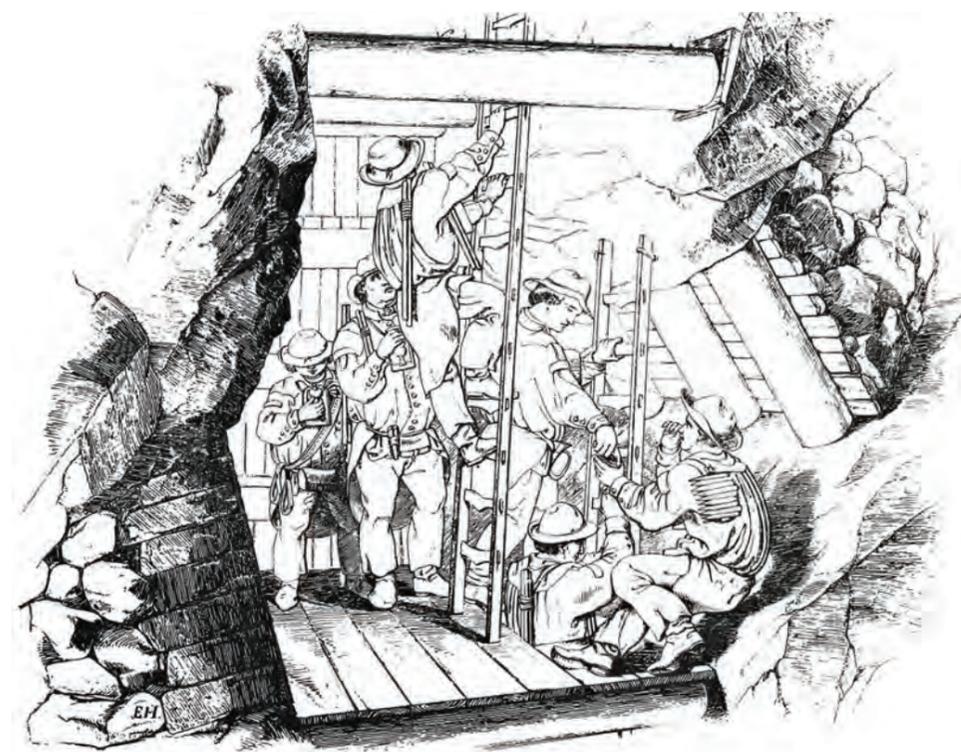

Башенный копер на завершающей стадии передвижки на устье ствола.

ЧАСТЬ III

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ И НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СГАО «ВИСМУТ»

1945–1990

ГЛАВА 1

ВОСПОМИНАНИЯ
СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ
СГАО «ВИСМУТ»

1945–1953

Третья часть книги содержит воспоминания ветеранов «Висмута» о деятельности общества (1945–1990), опубликованные в открытой печати и в Интернете, написанные или рассказанные специально для этой книги.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ (1945–1953 гг.)

ГЛАВА 1

Георгий Николаевич Котельников¹За ураном от Эльбы до Меконга²

В Европу

1946 г. В Новосибирском геологическом управлении мне сказали, что наша группа геологов-сибиряков в количестве пяти человек вылетела в Москву уже две недели назад, и я должен ее догонять. Утром я вылетел из Новосибирска и во второй половине дня прилетел в Москву. Встретил земляков-геологов, был представлен начальству, получил продуктовые карточки и пропуска в столовые и определился на жительство в общежитие на Большой Ордынке, где совместно размещались сибирская и уральская группы Северной экспедиции. Коллеги ввели меня в курс дела и сообщили, что помимо нашей Северной есть еще и Южная экспедиция, которая будет работать в Чехословакии, а мы направляемся в Германию.

Ранним прохладным утром на открытом грузовике мы проскочили по просыпающейся Москве и доехали до аэродрома Внуково, где погрузились в старый, выдавший вида грузовый самолет Ли-2. В Берлине приземлились на аэродроме Шенефельд, где нас встретили на двух легковых автомашинах и грузовом «Студебеккере». На виллу в Дрездене в районе Вайсер Хирш приехали уже в сумерках. Распорядилась на вилле высокая красивая блондинка — немка. После ужина ребята остались в гостинной смотреть и слушать рояль, игравший без музыканта по перфорированным бумажным лентам, а я ушел. Не понравились мне снисходительно-насмешливые взгляды немки, которые она бросала, меня ленты проигрывателя, на наших ребят, искренне восхищавшихся впервые увиденной приставкой к роялю.

Около полуночи неожиданно зазвонил телефон на столике у кровати. Сквозь непонятные немецкие фразы откуда-то прорвался русский голос. Звонила, как она представилась, Мария Васильевна Бесова — начальник первого Объекта. Она спросила: «Прилетел ли генерал Мальцев?» Я не знал

ни о генерале, ни об Объектах и мог только сказать, что кроме группы прилетевших геологов на вилле сейчас никого нет. Судя по голосу, сообщение о прибытии геологов ее не порадовало, и она попросила не задерживаться и завтра же выезжать из Дрездена.

Утром мы побродили по окрестностям вблизи виллы и часов в десять выехали на юг. Удручающее впечатление производили руины Дрездена, разбитого бомбами американцев.

Через несколько часов мы доехали до Шнееберга, где нас встретили другие представители и повезли в соседний городок Обершлему.

Машины остановились у темно-серого многоэтажного здания в центре города. На зеркальных стеклах дверей и окон дома была вытравлена эмблема — изящные женские руки держат в полураскрытых ладонях кусочек вещества, испускающего лучи, и надпись Kurhotel.

В Обершлеме я прожил недолго, еще несколько дней я пробыл в городке Шнееберг, где постоянно жили геолог В. Н. Низовский и геофизик Д. Ф. Зимин. В районе этих двух городов ползали по старым и восстановленным нами горным выработкам и познакомился с геологическими отчетами.

Моя легкая жизнь быстро кончилась. Трое из состава Северной экспедиции — геофизик Н. Д. Гутин, техник-геолог Павел Шульгин (оба уральцы) и я — получили назначение на первый Объект, где начальником был полковник А. Бахвалов, и выехали на постоянную работу в г. Иоганнгеоргенштадт.

Кроме нас троих и Бахвалова в городе уже были три советских специалиста из группы Бесовой — геологи П. В. Прибытков, Н. Ф. Новиков и девушка-радиометристка, прибывшие в Германию на десять дней раньше нас. Начальником шахты Фришглюк был репатриант Пряхин, а хозяйственной деятельностью заправлял второй репатриант Косица.

При первой беседе Бахвалов спросил меня о профиле моей прежней работы, и я сразу же заявил, что всю жизнь (а мне было всего-то 25 годков!) занимался поисками и съемкой и хотел бы и здесь продолжить работать в области геологического картирования хотя бы в масштабе 1:100000, так как на более мелкие масштабы в Европе я не

Г. Н. Котельников

¹ Биография Г. Н. Котельникова — см.: часть I, глава 2 настоящего издания.

² Как искали и добывали уран. Сборник статей-воспоминаний ветеранов атомной промышленности. М.: Геос, 2002.

рассчитывал. Бахвалов объяснил, что в Германии еще в начале столетия была составлена геологическая карта масштаба 1:25000, а мне придется начать с рудничной геологии и документации выработок в масштабе 1:50. После «миллионки» и «двухсоттысячки», которыми я занимался в Сибири, это было колоссальным укрупнением масштабов и, соответственно, сокращением поля деятельности с десятков тысяч квадратных километров площади в сезон до обслуживания нескольких забоев. На мои бурные возражения о несовместимости профиля и нерациональном использовании съемщика-поисковика полковник резонно заметил, что прежде чем искать, нужно знать, что искать, а это я постигну только под землей в должности рудничного геолога.

«Вы еще меня впоследствии благодарить будете, — резюмировал он наш разговор и добавил — Сейчас нужны рудничные геологи и горняки. Их нет, и поэтому каждый советский специалист будет делать то, что нужно сейчас, а не то, что кому-то хочется».

Я уже знал, что геолог П. В. Прибытков в приказном порядке был назначен начальником шахты и геологом одновременно и прекратил опасные разговоры, но вышел из кабинета с твердым намерением убраться из Германии как можно скорее. А сейчас могу сказать, что несколько лет работы рудничным геологом, а потом главным геологом разведочно-эксплуатационного Объекта оказались хорошей школой и помогли мне в дальнейшем успешно проводить поисковые работы на уран в разных странах и грамотно оценивать найденные рудопроявления. Кстати говоря, П. В. Прибытков быстро вошел в роль шахтляйтера и оставался на этой должности до своего отъезда на Родину.

Помимо основной работы на шахтах, с которой мы быстро освоились, вскоре пришлось принять самое деятельное участие в отправке первого эшелона с рудой на Родину. Каждый из нас был назначен начальником участка и получил в свое ведение несколько вагонов, рудный бункер и десятка три–четыре немецких рабочих. Руда из складов, где она была упакована в металлические канистры, пересыпалась в деревянные ящики. Каждый ящик взвешивался до и после засыпки руды и проходил сложную маркировку: писалось что-то около пяти групп цифр и индексов. Я отвечал за отправку смолковых руд с шахты Фришглюк, а П. В. Прибытков руководил погрузкой вторичных — отенитовых и торбернитовых руд с Гюнтер-шахт.

При радиометрической ревизии шахты Фришглюк было отмечено около десятка пунктов с повышенной радиоактивностью. Наиболее интересными оказались радиоак-

тивные аномалии, приуроченные к тонким жилам северо-западного простирания, по которым сразу же была организована проходка забоев. Лучшее урановое оруденение мы встретили на жиле № 8, где мощность урановой смолки на солидных отрезках составляла 5–8 см, а в раздувах достигала 30 см. В жилах № 1, 9 и Нойгеборен Кляйнкинд («Новорожденный младенец») мощность смолки (Peschblende) редко превышала 2–3 см.

Первый, весьма скромный, государственный план по добыче урана был «спущен» нашему Объекту в октябре 1946 г. Несмотря на то, что у нас уже кое-что было добыто попутно при разведочных работах и лежало в «зачатке», первый план возлагал на коллектив серьезную ответственность, и рабочая обстановка стала более напряженной. На Гюнтер-шахт в эксплуатации находились всего две ураноносные жилы — Михаэлишпат и недавно найденная жила Новая, так что месячное задание этой шахты составляло всего одну шестую общего плана Объекта.

Наладив контроль за проходкой и добычей руды по известным многочисленным жилам, мы смогли заняться новой работой — поисками ураноносных жил в древних заброшенных выработках. Помимо обще-геологических представлений о возможности нахождения новых жил, существовали документы о спорадической добыче урана в прошлом, да и старые немецкие горняки рассказывали о своих встречах с урановым оруденением в ныне отработанных серебряных жилах. Так, в одном из старых горных актов упоминалось о находках линз урановой смолки в жилах Зильберхофнунг («Серебряная надежда») и Ваксфорд.

Глубокой осенью сорок шестого года из Москвы приехала большая группа известных советских геологов. В задачу этой группы или комиссии, как ее окрестило местное начальство, входило ознакомление с состоянием дел, консультация геологов-производственников и выдача рекомендаций по направлению дальнейших работ.

По молодости и наивности мы требовали от докторов и профессоров ответы на самые сложные вопросы рудообразования, часть которых не решена и сейчас — более четверти века спустя.

Лично мое любопытство охладил академик Сергей Сергеевич Смирнов — руководитель группы.

Он с юношеским энтузиазмом лазил со мной по самым дальним выработкам, пробирался на животе по очистным забоям, карабкался по узким ходкам рудоспусков и успевал на ходу заострять мое внимание на многих актуальных проблемах. Когда количество моих вопросов превысило, видимо, разумную норму, Сергей Сергеевич

сказал мне дословно следующее: «Местный участковый геолог всегда знает свое месторождение лучше любого приезжего академика».

В первые месяцы нашей работы в саксонских Рудных горах, пока мы находились в плену авторитетных представлений, перспективы роста добычи урана казались весьма ограниченными, и усилия направлялись на разворот работ по немногим, уже известным жилам.

Первые сомнения в незыблемости доставшихся по наследству геологических представлений появились в ходе ревизионных работ, когда мы начали встречать проявления урановой минерализации вдали от известных рудных тел, а также в процессе детального изучения и прослеживания ураноносных жил.

Поэтому от практики случайных находок старых отвалов и выработок мы перешли к ревизионным работам на базе богатых архивных материалов Фрайбергской горной академии. Первую связь с академией установила освобожденная от всех других работ камеральная группа при главном геологе акционерного общества «Висмут» Р. Ф. Нифонтове. Вскоре мы напрямую стали получать архивные материалы из этой старейшей в мире горной академии.

Весь сорок шестой год и почти весь сорок седьмой мы практически не вылезали из-под земли. Все наши усилия были направлены прежде всего на развитие эксплуатационных работ на известных рудных жилах и проведение ревизионных, а также подземных работ на многочисленных древних выработках Саксонии.

Узкий фронт работ из-за малого количества известных тогда ураноносных жил и крайней неравномерности в них уранового оруденения все время держал нас в напряжении, грозя срывом планового задания по добыче урана.

Коэффициент рудоносности известных тогда жил держался в пределах 0,05–0,01, то есть на ста метрах проходки по жиле руда встречалась всего на 5–10 метрах. Мощность уранового оруденения измерялась миллиметрами, реже — сантиметрами. Раздувы до 30 см и более были исключительными событиями.

Показателен пример борьбы за выполнение плана добычи урана в декабре 1946 г. на 2-м Объекте в районе г. Обершлемы.

Наступило уже 28 декабря, а месячный план добычи был выполнен всего на 20%. Соответственно, и месячный, и годовой планы всего «Висмута» (тогда еще войсковой части № 27304) были под угрозой. А это грозило серьезными неприятностями для всех. За спиной И. В. Курчатова, настойчиво требо-

вавшего уран для экспериментов, маячили весьма внушительные фигуры Л. П. Берии, ответственного за урановый проект, и самого И. В. Сталина, державшего проблему под своим личным контролем.

Всех выручила штольня «Марк Земмлер», где 28 декабря 1946 г. неожиданно было встречено очень богатое оруденение.

В связи с Рождеством (Вайннахт) и приближающимся Новым годом большая часть немецких горнорабочих разъехалась по домам. Рождественские праздники — святое дело, и удержать немцев в забое было трудно.

И тогда под землю полезли советские сотрудники, начиная от немногочисленных солдат и кончая инженерами самого высокого ранга. Работали непрерывно и неистово, не поднимаясь на поверхность до вечера 31 декабря. Под землей и ели, и пили, и спали, бурили и взрывали, грузили и откачивали вагонетки, засыпали рудой круглые жестяные банки-канистры. Никаких смен не было. Человек работал изо всех сил, что называется до упаду, а затем его сменял другой — и так непрерывно, до безусловного выполнения плана добычи.

На встречу Нового года многие пришли еле держась на ногах, но довольные и радостные, благодаря чувству выполненного долга.

К осени сорок седьмого года положение с добычей урана стабилизировалось, налажилось геологическое обслуживание действующих рудников, поток специалистов из СССР неуклонно возрастал, и мы смогли выделить время и силы для решения других задач.

Было созвано совещание геологов и геофизиков по проблеме поисков урана в Саксонии, на котором всесторонне рассматривались возможности использования имеющейся аппаратуры и применения известных в то время поисковых методов. А вся-то наша геофизическая аппаратура была представлена лепестковыми электроскопами для лабораторных определений урана в пробах и образцах и верным другом — радиометром ПР-5. Было еще немного радиометров ВИРГ, но они были менее надежны и исчезли. А ПР-5 весил 8 килограммов и изрядно натер нам и плечи, и шеи.

Для экспериментов наметили районы Обершлемы-Ауэ и Иоганнгеоргенштадта. Вскоре мы поняли, что это самые неподходящие для опытов районы, но тогда у нас ничего лучше не было.

Большая часть известных там рудных тел располагалась непосредственно под городскими кварталами и была надежно перекрыта асфальтом и брусчаткой дорог и площадей, застроена многоэтажными домами или экранирована мощным чехлом современных рыхлых отложений. В таких условиях оба испытывавшихся метода (эманационная съемка и гамма-

метод) не дали положительных результатов, но в некоторых случаях эманометр все же отметил слабое повышение активности.

Дополнительным аргументом в пользу эманационного метода служили известные нам по литературе успешные работы, выполненные в начале 1930-х гг. советскими геологами на среднеазиатском месторождении Табошар.

В то время ни советская, ни зарубежная промышленность какой-либо полезной эманационной аппаратуры не выпускали, и нам пришлось приступить к кустарному изготовлению необходимого количества приборов. Насколько я знаю, этот метод в других странах не применялся, хотя в Германии и Чехословакии он сыграл решающую роль, особенно после исчерпания объектов для ревизии.

Основу прибора — лабораторные электроскопы типа СГ-1м — мы получали из СССР, а все остальное (насосы, камеры, осушители, фильтры, треноги) конструировали сами и размещали заказы на изготовление крупных партий в ближайших немецких мастерских и на заводах.

Работы начали прямо против г. Йоганнсгеоргенштадт, на правом берегу реки Шварцвассер. Первые 16 аномалий носили точечный характер и были отбракованы мной и Л. Ч. Пухальским.

Тогда мы с ним представляли собой весь инженерно-технический персонал поисковой партии, причем выступали в этой роли не целиком, а «половинками», так как я одновременно продолжал работать главным рудничным геологом 1-го Объекта, а Леонид Чеславич — главным геофизиком 5-го Объекта в Аннаберге.

Эманационные аномалии с 17 по 20 номер были выявлены в течение двух дней и на местности уложились в одну линию северо-западного простирания длиной около 200 метров.

У нас появилось предположение, что аномалии отмечают рудоносную жилу типа «фляхе», и для ее вскрытия немедленно были заложены канавы. В одной из канав в двух метрах от поверхности радиометры зафиксировали сильную радиоактивность,

Олег Леонидович Кедровский³

Интервью с О. Л. Кедровским записал Г. Г. Андреев в апреле 2009 г.

В 1943 г. я окончил Московский институт железнодорожного транспорта и получил специальность «Строительство тоннелей и метрополитенов». Мой первый производственный опыт начался в должности инженера участка, а затем я был начальником участка строительства Метростроя. Вначале я работал на станции «Павелецкая»,

которая неуклонно возрастала по мере углубления канавы. Наконец канава прошла рыхлые отложения и уперлась в монолитную скалу, где не было видно ни жилы, ни руды, а радиоактивность превысила несколько тысяч микрорентген в час. Решили на этом месте заложить шурф и углубиться на несколько метров в скальный грунт.

Первый же взрыв выбросил на поверхность обломки прекрасной урановой смолки. Оказалось, что сползшая вниз по склону плита пустой породы толщиной всего 60–70 см перекрыла и замаскировала рудную жилу.

Это была наша первая находка на новой площади новым методом, и рады мы были безмерно. В наших руках появилось надежное поисковое средство, и мы смогли увидеть свет божий, выбравшись из вековой тьмы древних выработок. Но это громко сказано. Фактически от рудничной работы нас никто не освобождал, и за план добычи металла мы несли полную ответственность. Просто разрешили сформировать поисково-разведочную партию, подобрать и обучить операторов и включить эти работы в план финансирования.

Тем временем один за другим были открыты новые рудные участки: Апрельский, Майский, Июньский, Августовский, Сентябрьский и Октябрьский. В июле на поверхности открытия не было, но на шахте № 204 (разведочной) подземные выработки вскрыли прекрасную руду.

Рудный район Вайсер Хирш («Белый олень») открывали одновременно двумя методами: ревизией и эманационной съемкой.

Конец 1948-го и начало 1949 г. запомнились визитами высокого начальства. Тогда мы не очень задумывались о причинах столь резко возросшего внимания к нам, но потом сообразили: эксперименты Курчатова завершены, и металл нужен для серийного производства.

Побывал у нас маршал Соколовский, и вскоре по району начали демонстративно днем перевозить артиллерийские батареи и на высотах оборудовать огневые позиции. С маршалом довелось встретиться еще раз в Брамбахе.

позже — на станции «Курская». Это была для меня большая практика и очень ответственная работа с высококвалифицированными коллективами Метростроя, которая заложила во мне соответствующие качества руководителя подземных горных работ.

³ Биография О.Л. Кедровского — см.: часть 1, глава 4.

После трех с половиной лет работы в Метрострое я с группой своих коллег — метростроевцев — инженеров и проходчиков был направлен в командировку в «Висмут» (Германия), где перед нами были поставлены ответственные задачи участия в процессе создания Советским Союзом ядерного оружия. В то время на территории СССР не было найдено необходимого количества запасов урана для производства первой ядерной бомбы. На территории же Германии существовали старые урановые рудники и месторождения, которые весной 1945 г. захватили американцы, но затем по Ялтинским соглашениям были вынуждены нам их отдать.

Это был известный еще с давних пор курорт Радиумбад, где минеральные воды протекают в местах залегания урановой руды. В отделе ЦК нам рекомендовали применять самые современные методы для быстрейшего вскрытия урановых месторождений и добычи так нужного СССР металла.

Практики работы на подобных рудниках у нас не было, но проходка горизонтальных и вертикальных выработок была метростроевцам хорошо знакома. Вначале мы должны были пройти несколько стволов, а затем вскрыть месторождение горизонтальными выработками. Должен сказать, что эта задача была по тем временам очень сложной, так как скорость проходки вертикальных выработок была довольно низкой. А без вертикальных выработок мы не могли начать вскрытие месторождений.

По приезде в Германию меня очень волновал вопрос: как я буду работать с немецкими рабочими и специалистами?

Дело в том, что многие из нас, молодых специалистов, плохо знали немецкий язык. А нам нужно было работать с немецким рабочим персоналом, причем на участках было всего по 1–2 советских специалиста. Поэтому приходилось срочно осваивать язык, были организованы курсы.

Мы очень быстро нашли общий язык с немецкими специалистами, стали общаться с ними по-немецки и успешно руководить производством. А они, в свою очередь, тоже быстро осваивали русский язык. Этот наш диалект в шутку называли «висмутшпрахе».

Я считаю, мне очень повезло, что я попал на работу в «Висмут», и что организатором этого предприятия и его первым генеральным директором был назначен Михаил Митрофанович Мальцев — генерал-майор войск НКВД, по образованию инженер-электрик, который имел большой опыт руководящей работы и был очень грамотным, требовательным и целеустремленным руководителем. Эти качества он прививал и нам, молодым специалистам. Он тратил на нас много времени, чтобы мы быстрее входили в курс дела

и могли самостоятельно принимать решения на ответственных участках работ. Вскоре я был назначен начальником шахты на Объекте 3 (Шнееберге), а в дальнейшем мне было поручено руководство управлением капитального строительства общества «Висмут».

Шахта Зибеншлеен, на которой я начал работать в Шнееберге, была старая, ранее она использовалась для получения красок на урановой основе и была довольно «слабенькая» по содержанию металла. Мы потратили большие средства на строительство Объекта и огромный труд на горные работы, а эффект был небольшой.

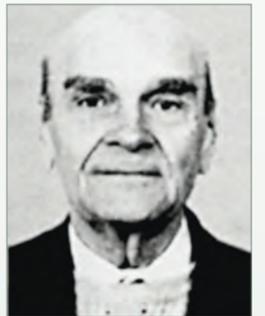
В первый раз, когда я пошел в шахту, я был поражен примитивностью, которая там царил.

В одной из выработок я увидел на креплении из кирпичной кладки дату «1520 год». Представляете, это же более 400 лет тому назад! Вагонетки, в которых производилась транспортировка горной массы, были объемом 0,25 кубометра, узкоколейка разваливалась от старости, рудничный подъем работал очень медленно. И мы занялись реконструкцией рудника. Надо было все привести в порядок, ликвидировать тупиковые рудничные дворы, где вагонетки загружались в клетки или разгружались в скипы. Такой оборот вагонеток в тупиковых руддворах был трудоемким и малопродуктивным. Пришлось одновременно делать реконструкцию старых выработок и вести проходку новых стволов, квершлагов и штреков.

В этой работе мне, тогда тридцатилетнему молодому человеку, очень помогли мои помощники, немецкие специалисты — оберштейгер Йоханнес Шмидт, опытный, уболенный сединами человек, и главный маркшейдер Фильдбингер, пользовавшийся авторитетом как у советских, так и у немецких специалистов.

Оба относились ко мне очень доброжелательно, по-товарищески, советовали, помогали, делились опытом. Я со своей стороны разговаривал с ними, уважая их достоинство, не унижая их невыполнимыми требованиями и задачами. Это сразу создало благоприятную атмосферу и очень помогало мне успешно решать многие сложные задачи, которые ставились перед моим коллективом.

Многому научили меня немецкие рабочие, которые вели себя дисциплинированно, четко выполняя работу в соответствии с принятыми нормами и правилами. Правда, была одна особенность, которая приучила меня к правильному общению с ними. Нельзя было, например, дать рабочим поручение выполнить какую-то работу к определенному сроку, сказать, что приду проверить, а затем не прийти и не проверить. Авторитет твой после этого падал, но я этого никогда не допускал.

О. Л. Кедровский

Поэтому дисциплинированность, аккуратность в ведении работ, соблюдение принятых технологических норм и правил, стремление закончить работы в указанные сроки являлись залогом успешного выполнения ответственных заданий.

Откровенно говоря, первое время у наших немецких товарищей было какое-то настороженное отношение к нам. Мне казалось, что они боялись нашего проявления жестокости, связанного с тем, что они проиграли затеянную Германией войну, и опасались, что мы будем в нашей практической деятельности мстить им за это, заставляя работать непомерно.

Но наоборот, в то тяжелое послевоенное время разрухи советское руководство стремилось создать им нормальные условия жизни. Несмотря на огромные трудности, связанные со стремительным ростом числа трудящихся, всех рабочих размещали либо в арендуемых «Висмутом» жилых домах, либо в построенных бараках. Для них строили столовые и обеспечивали медицинским обслуживанием. На каждом Объекте была организована торговля по снабжению рабочих продовольствием и товарами первой необходимости (отделы продуктово-вещевого снабжения), которые после 1950 г. реформировались в так называемую организацию «хандельорганизацон» (HO Wismut).

Для стимулирования успешной работы горняков с 1945 г. был установлен следующий порядок: за отличное выполнение работ и превышение норм проходки выработок или добычи урановой руды бригадам выдавался в дополнение к обычному поощрительный продуктовый паек, называемый в народе сталинским, что очень ценилось немцами в то голодное время. В него входили 10 банок овощных консервов, по 1 кг муки, масла и сахара, 2 кг мяса, 2 кг творога или сыра. Кроме того, практиковалось премирование радиоприемниками, велосипедами, текстильными товарами и обувью.

Постепенно мы все ближе узнавали друг друга, и должен вам сказать, что с удовольствием вспоминаю, как работал с немецкими рабочими и специалистами, как они относились ко мне в процессе выполнения заданий, которые я им давал.

Но чтобы достичь такого взаимодействия, нам надо было доказать им, что мы работаем не на авось, показать, как мы сами умеем все организовать и выполнить. Однажды, когда надо было срочно построить копер, установить шкивы, возвести армировку ствола, навесить новые клетки, где можно было разместить две вагонетки, чтобы быстрее выдавать наверх горную массу, мною была поставлена задача произвести эти работы в течение двух-трех дней.

Вначале немецкий коллектив высказал свое сомнение в реальности выполнения задания в такие короткие сроки, но затем, когда я им показал, как это возможно сделать и что для этого необходимо, они со мной согласились. Мы заранее привезли на место все оборудование и материалы, на направляющих и армировке просверлили отверстия и заготовили крепеж, подготовили все оборудование и материалы для монтажа. После проведения в течение двух дней подготовительных работ мы за один день смонтировали копер и оснастили ствол новым клетевым подъемом. И подобных примеров было достаточно много⁴.

Был такой случай. Я работал начальником шахты Зибеншлеен (Sieben Schlehlen) на Объекте 3 (Шнееберг). Однажды мне сообщают, что к нам едет с проверкой состояния работ генеральный директор М. М. Мальцев. Делал он это регулярно, на всех Объектах, был очень требовательным человеком и не терпел расхлябанности. Мне стало известно, что накануне он проверял шахты на другом Объекте, там было много замечаний, в частности он ругался, что эстакады для откатки горной массы плохо работают, вагонетки соскакивают с рельс, так как они плохо закреплены и расползаются, что в восстающих невозможно пройти по лестницам, так как они захламлены и засыпаны породой. Я все это учел и к приезду генерального директора заставил сварить все рельсовые стыки и не только на эстакаде, но и под землей, привести в порядок восстающие и рудничные дворы. Немецкие рабочие все это сделали великолепно: они понимали, что дисциплина и порядок очень важны в горном деле. А очистные работы у нас и до этого велись правильно.

Поэтому когда приехал Мальцев, он был приятно удивлен, что у нас все в порядке. Я ему рассказал, что мы сделали для устранения замечаний, которые были им обнаружены на других шахтах. Михаил Митрофанович остался удовлетворен нашей работой. Такой порядок постоянно поддерживался на нашей шахте и в дальнейшем. Ко мне приезжали с других шахт смотреть, как надо работать.

Тем не менее основной проблемой оставалась добыча урана и недостаточное количество его разведанных запасов. Это меня очень беспокоило, и я об этом говорил своим помощникам-немцам.

Как я уже упоминал, оберштейгером у меня работал Й. Шмидт. Он был не только хороший горняк, но и отличный геолог, знал это месторождение как свои пять пальцев. Вот он-то вместе с нашим главным маркшейдером Фельдбингером обратил мое внимание

на то, что основные жилы пересекаются со вторичными трещинами, и возможно там, где они пересекаются, образуются узлы с богатыми штучными рудами. Это предположение проверили, и оно подтвердилось. Мы срочно изменили всю нашу методику геологоразведочных работ и начали работать по-новому. И дело пошло. Да так хорошо, что мы смогли делать запасы штучной руды в каморках и по мере необходимости выдавать штучную руду для выполнения плана. Но так как у остальных Объектов (Иоганнгеоргенштадта и Аннаберга) было сложное положение с добычей урана, заместитель главного геолога общества Кузнецов (толковый специалист с Дальнего Востока) предложил нам доложить о нашей методике ведения геологоразведочных работ на совещании в генеральной дирекции «Висмута», что мы с моим главным геологом Виктором (фамилию не помню) и сделали. После этого совещания и на других Объектах тоже стали вести геологоразведку урана по этой методике, искать узлы богатых руд в пересечениях жил, и все стали выполнять план.

Вскоре меня назначили главным инженером рудоуправления. Когда я пришел туда, то позвал геолога и попросил сделать мне общую карту рудоуправления (в него входило шесть или семь шахт). Говорю: нарисуй, где проходят жилы, а потом я тебе кое-что покажу. Мы вместе пошли в шахты. Вначале спустились в мою прежнюю шахту. На карте я обозначил все секущие основных жил с второстепенными трещинами и показал на пересечениях, где узлы и штучная руда. Поручил геологам обозначить секущие по всему рудному полю и на картах всех других шахт. Выполненную карту принесли мне, и я красным карандашом пометил, где нужно искать уран. Они были в недоумении, не понимали, в чем дело. Я объяснил свою методику.

В этом деле главным было участие немецов. Ведь это же оберштейгер Шмидт и главный маркшейдер Филдбингер помогли мне найти секции и пересечения жил (Швебенде). С моей стороны потребовались терпение и некоторые усилия, чтобы расположить их ко мне, русскому специалисту, чтобы они не видели во мне врага. Между нами не было антагонизма. Я уважал их достоинство и мнение, не прижимал их, как говорится, к ногтю, а наоборот, поощрял, и у нас создался хороший рабочий коллектив. Вот это одно из ярких воспоминаний о моей работе в «Висмуте».

Расскажу еще про один случай. Я работал начальником шахты Риттер. Это была старая шахта, со старым оборудованием, но запасы урана там были. Приняв эту шахту, я на следующий день начал проверять, как вчера работали. Смотрю — все бригады выполнили план. Второй день — тоже выполнили. Там же все измерялось в кубометрах,

а штучная руда отгружалась в основном в ящиках. Руда блестела, как смола, а вокруг — желтые пятна. И как только это «гнездо» находили, то не надо было никаких радиометров и дозиметров. Тут же прибегали русские солдаты, грузили руду в ящики из-под патронов и отправляли на поверхность.

В общем, план по объему горной массы вроде бы выполнялся, а урана извлекалось мало. Я тогда задумался: как поднять производительность по добыче урана. Надо было резко увеличить объемы очистных работ. А у меня на шахте старые компрессоры, воздуха нет, и давление примерно три атмосферы. Сколько я на бригадиров ни давил, они мне говорят: «Шеф, мы готовы работать, но воздуха нет, давления нет, что мы можем сделать?»

Главным механиком на шахте был немец примерно моего возраста, 32–33 лет, заносчивый, в войну был членом национал-социалистической партии Германии и механиком на линкоре «Бисмарк». И хотя я со всеми немцами вел себя ровно, разговаривал с ними по-товарищески, и они отвечали тем же, этот механик относился ко мне настороженно, видимо, не соглашался со своими коллегами-немцами, что они со мной общаются по-хорошему.

И вот я ему говорю: «Ты же механик, ты же на «Бисмарке» был, что же ты не можешь поднять давление воздуха?» В общем, я его, как говорится, зацепил. Спустя некоторое время он говорит: «Шеф, давайте попробуем использовать поршневые моторы с самолетов «Мессершмитт» в качестве компрессоров». Я ему отвечаю: «Давай пробовать». Притащили двадцать моторов, смонтировали, и тут же давление воздуха поднялось, оживилась работа на очистных и проходческих работах, а план по добыче урана стали выполнять.

Еще одна проблема, которая меня очень беспокоила, — обеспеченность предприятия квалифицированными горными кадرا-

На переднем плане — отвалы шахты Риттер, на заднем плане — шахта № 76 и ее отвалы (фото из архива Wismut GmbH, 1999).

⁴ Глубина стволов, как правило, была небольшая, до 100–200 метров; копры и эстакады изготавливались из дерева (по данным сайта www.wismut.su).

ми. Как я уже говорил, людей было много, но нужных специалистов крайне мало. И тогда я решил организовать на своей шахте № 3 (Шнееберг) горняцкую школу по подготовке специалистов необходимых для нас профессий.

Совместно с оберштейгером Шмидтом и главным маркшейдером Фельбингером мы разработали программу обучения: что учащиеся должны знать и какие дисциплины сдавать. В зависимости от уровня подготовки мы определили четыре квалификационные категории.

Первое, что должны уметь горняки, — читать чертежи. Чтобы лучше их освоить, я предложил делать макеты сооружений, изготовленных в соответствующем масштабе. Ученики складывали из этих элементов по чертежам требуемые конструкции креплений выработок, эстакад, копров и других сооружений. Это значительно облегчало освоение учебных материалов. Изготовлением таких масштабных элементов и макетов у меня занималась целая бригада. Лекции читали квалифицированные немецкие штейгеры Шмидт, Коль и Конг.

Принимала экзамены комиссия, председателем которой был я. Окончившие школу составляли наш основной кадровый костяк. Мы всячески стремились дать работающим возможность учиться, давали освобождение от работы на определенные дни. Срок обучения был в пределах года. И как было потом приятно, когда бывшие ученики приветливо здоровались со мной, встречаясь на работе под землей или на поверхности⁵.

После нескольких лет работы на шахтах Объекта 3 меня назначили начальником управления капитального строительства (УКС) общества «Висмут». Его генеральным директором, как я уже говорил, был М. М. Мальцев. Меня как начальника управления капитального строительства он обязывал еженедельно по субботам приезжать к нему и подробно докладывать, что сделано за прошедшую неделю, где и как вели проходку стволов, горизонтальных выработок, какие бригады, где и как строили жильё для рабочих, столовые, больницы, стадион. И надо сказать, что он не только контролировал и поправлял меня, но и помогал мне. Строительство было хорошо обеспечено материалами.

Металл, лес и оборудование мы получали из СССР, у нас было достаточное количество рабочих. УКС руководил работой двенадцати Объектов (или строительных управлений), которые работали по всей южной территории ГДР: прокладывали электросети, водо-

проводы, строили не только промышленные объекты, но и жильё, спортивные и культурные сооружения. Руководство «Висмута» очень беспокоилось о том, чтобы люди не только работали в хороших условиях, но и имели возможность в свободное время отдыхать, заниматься спортом. Мы соорудили спортивный зал с закрытым бассейном в пригороде Хемница, сделали открытый пруд, построили Дворец культуры трудящихся «Висмут» на 900 мест. При этом мы обращали внимание немецких строителей на то, что все это останется в ГДР и перейдет в собственность ее народа. Строительство велось очень тщательно, аккуратно, с выполнением всех строительных норм и правил, которые существовали на тот период времени. Например, строительство Дворца культуры трудящихся «Висмут» мы вели методом народной стройки очень быстро. В этом процессе участвовали практически все трудящиеся «Висмута», привлекались и советские солдаты. Начали где-то в феврале, а 7 ноября, в день празднования годовщины Октябрьской революции, мы сдали его в эксплуатацию. Было торжественное заседание и выступление артистов Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской армии им. Александрова, с восторгом воспринятое публикой, которую в основном представляли немецкие рабочие и специалисты. Потом в этом Дворце культуры выступали многие известные советские артисты, певцы и музыканты.

Практически все строительство новых объектов начиналось с того, что я рассматривал и решал проблемы, кто и как будет там работать, каких специалистов туда пошлю. Трудность была в том, что задания, которые мы получали на строительство, не всегда были обеспечены рабочими нужных специальностей. Рабочих у нас было много, в том числе мобилизованных, но специалисты требовались самые разные, потому что помимо проходки горных выработок УКС занималось строительством промышленного и гражданского назначения: жилья, служебных помещений, стадионов, домов отдыха и санаториев, клубов и других объектов, необходимых для жизнедеятельности «Висмута».

Мне пришлось участвовать и руководить строительством стадиона в г. Ауэ, где в основном жили горнорабочие «Висмута». За очень короткий срок (4 месяца) по указанию М. М. Мальцева на месте старого стадиона мы построили новый, с трибунами на 22 тыс. зрителей. Там были футбольное поле, легкоатлетические дорожки, площадки для волейбола, баскетбола и т.д.

Строительно-монтажные работы на строительстве стадиона выполняло управление, руководителем которого был

Хцинский — толковый монтажник родом из Днепропетровска. Чтобы сдать объект вовремя, я предложил ему вести монтажные работы по прокладке коммуникаций параллельно со строительными работами. Это помогло нам сдать стадион в срок к 20 августа 1950 г. Открывал его Председатель Правительства ГДР Отто Гротеволь.

Еще одно строительство, которое осталось в моей памяти, — это Эрлабрунн, больница для горнорабочих. Сроки строительства, как обычно, сжатые. Здание огромное, полукругом, метров триста в длину и несколько этажей в высоту. Больница рассчитана на 1000 коек в главном корпусе и на 200 — в инфекционном отделении. Я посмотрел проект и говорю Мальцеву: «Михаил Митрофанович, наверное, у меня за такой срок не получится». А он мне отвечает: «Ну-ну, ты мне еще будешь рассказывать! Делай! Всем, чем надо, я тебе помогу, но чтобы больница была сдана в срок. Я уже Отто Гротеволь пригласил на открытие».

Единственное, на чем я настоял, что нужно заложить в смету строительства три миллиона на послеосадочный ремонт. Строили мы как раз весной. А весна была гнилая: то дождь идет, то снег. Надо было прокладывать много труб, монтировать котельную, устанавливать специальное оборудование, а у меня таких специалистов было мало, и пришлось привлечь частные фирмы. Вот с ними потом пришлось «поколбаситься» из-за неразберихи с тем, кто должен подписывать приемо-сдаточные акты выполненных работ и как они должны быть оформлены в соответствии с новым законодательством ГДР. Но это было потом.

Приезжаю я через месяц на стройку и вижу, что основная наружная стена в одном месте отстроена только на пол-этажа, в другом — на 3 этажа, в третьем — на 2. Я испугался, что здание развалится, и заставил делать ленточные решетки из арматуры на ширину кирпичной стены, укладывая их на слой уложенного кирпича, создавая тем самым армированную кирпичную стену. Вначале немцы стали недоверчиво крутить головами, но потом поняли, в чем дело, и сделали все как надо. Главное, их надо было убедить и доказать, что это можно и нужно сделать.

В срок мы уложились. Оставалось дня три до сдачи объекта. И тут ко мне в кабинет вбегает Иван Михайлович Варфоломеев — начальник строительного отдела, куратор строительства Эрлабрунна, один из тех, кто с Дзержинским занимался колониями беспризорников. Закрывает плотно дверь и говорит:

— Олег! Ты знаешь, все полы проваливаются!

— Как проваливаются?

— Идет докторша, каблучком раз — и проваливается. А там под каблучком линолеум и половая доска. А она сгнила.

— Почему?

Он показывает мне кусок сгнившей доски.

— Анофелис.

— Что это? — спрашиваю я его.

— Это грибок такой. Он разрушает дерево.

А нам через три дня больницу сдавать. Что делать? Решаем срочно ехать в Эрлабрунн. И только я выхожу за дверь, телефон мой в кабинете надывается — вызывают к начальству. Секретарю говорю: объясни, что уехал на объект.

Приехали на место, пошли на первый этаж. Идут две молоденьких докторицы, и от их каблучков действительно пол проваливается. Идем, говорю Варфоломееву: по комнатам посмотрим. А про себя думаю: почему же доска сгнила?

И тут смотрю я в угол комнаты — гладко. А там должен быть «продух» — отверстие для вентиляции подпольного пространства. Ни в одной комнате эти «продухи» не были установлены, и пол сопреп. Закрыв я дверь крепче и стал материть Варфоломеева. Первый и последний раз в жизни я так ругался и допустил со своей стороны такое хамство. Мне до сих пор стыдно, ведь Варфоломеев — хороший, честный человек. Я потом у него в Москве на даче был, попросил прощения. А тогда нужно было срочно исправлять положение. Послали на все 12 объектов телефонограммы: «Немедленно поменять все половые доски, прислать новый линолеум в Эрлабрунн, о количестве сообщить». Дальше надо было определить количество строителей для срочной укладки полов и наклейки линолеума.

Часа три я там с Варфоломеевым провозился, назначил ему трехдневный срок под его личную ответственность, чтобы успеть к сдаче больницы. Но, конечно, все уже знали о случившемся. Только возвратился из Эрлабрунна на работу, не успел пообедать, а секретарь меня вызывает к В. Н. Богатову — заместителю Мальцева. Он мне говорит:

— Я все знаю. И вот, чтобы тебя спасти, объявляю тебе выговор.

— За что выговор? — спрашиваю я.

— За срыв сроков сдачи объекта в эксплуатацию и перерасход сметы строительства.

— Никакого срыва срока не будет, — отвечаю я ему, — и перерасхода сметы тоже не будет, так как мной предусмотрены деньги на послеосадочный ремонт.

Как сказали, так и сделали. Больница была сдана в срок, 8 мая 1951 г.

И еще об одном. Строительство новых шахт и других объектов по добыче урана шло

⁵ Аналогичные школы подготовки горняков были организованы в «Висмуте» с первых лет работы по приказу М. М. Мальцева (по данным сайта www.wismut.su).

очень интенсивно. Например, за короткий срок должны были сдать готовый объект. А для этого надо было пройти ствол, поставить и оснастить копер, установить подъемную машину, пройти окопоствольные выработки, руддворы, основные квершлагги и штреки. Значительный объем при этом занимали работы по креплению выработки, монтажу копров, эстакад, бункеров и прочих сооружений. Основным материалом тогда служило дерево, поставляемое из СССР. Для того чтобы ускорить строительство-монтажные работы и крепление выработок, было решено производить заготовку элементов крепления выработок и строительных конструкций централизованно. Создали специальное производственное предприятие, руководителем которого был наш специалист Россовский — большой энтузиаст этого дела. И работа закипела.

Бывало утром едешь — еще проходят

Николай Иванович Чесноков⁶

Начало добычи урана в Рудных горах послевоенной Германии⁷

В конце 1946 г. после окончания Московского горного института я был направлен на работу в Подмосковский угольный бассейн, в комбинат «Москвоуголь», на шахту № 42 Смородинской группы шахт треста «Донской уголь» в качестве начальника участка. Хотя я окончил институт по специальности «Разработка рудных месторождений», весь наш немногочисленный выпуск 1946 г. по распоряжению министра В. В. Вахрушева был распределен в угольную промышленность, так как отрасль была сильно разрушена во время войны, особенно пострадали шахты Донбасса и Подмосковья.

Имея опыт работы в угольной шахте Караганды в военном 1942 г., мне не пришлось долго работать начальником участка. Уже в 1947 г. я стал главным инженером шахты № 42, начальником которой был Николай Фролович Дьяконов, а затем — Николай Леонтьевич Лукьянов (позднее оба работали в «Висмуте» и возглавляли крупные добычные Объекты 1 и 8). В дальнейшем, когда я работал главным инженером крупной шахты № 41 треста «Донской уголь», мне пришлось впервые встретиться с немецкими рабочими. Это были бывшие горняки Силезии и Рура, отобранные среди военнопленных немцев, которые базировались в лагере около жилого поселка шахты. Две угольные лавы, в которых они работали, были лучшим участком шахты № 41 по масштабам добычи угля и содержанию очистного пространства. Техника

ствол. Через пару дней уже ставят копер, подъемную машину монтируют. А вот уже бункера навесили, и пошла горная масса.

Вспоминая работу в «Висмуте», хотел бы сказать, почему мне нравилось там работать. Это была высокая ответственность, самостоятельность в принятии решений, когда ты должен все решать сам и немедленно, нацеленность на получение нужного результата.

Первые четыре года работы в «Висмуте» под руководством Михаила Митрофановича Мальцева — опытного, вдумчивого, требовательного и жесткого руководителя — научили меня многому. Я приобрел огромный опыт работы в интернациональном коллективе с трудолюбивыми немецкими рабочими и ответственным инженерно-техническим составом. Это была серьезная производственная школа, которой я многим обязан.

безопасности при производстве горных работ соблюдалась ими безукоризненно, дисциплина труда была высокой. Меня удивляло: когда я появлялся в лаве при обычных ежедневных обходах горных работ, первый же увидевший меня немецкий рабочий кричал: «Ахтунг, хауптинженер ист хир!» («Внимание, главный инженер здесь!»). Все рабочие по стойке смирно приветствовали меня — молодого специалиста-инженера. Я здоровался с ними и просил продолжать работу. С немецким начальником смены (десятиником) мы обсуждали ход добычных работ в лаве и другие организационные вопросы.

Хотя мы, советские люди, ненавидели фашистов, но воспитанные в советские годы в духе интернационализма, не чувствовали после Великой Отечественной войны глубокой вражды к немецкому народу, в том числе и к военнопленным.

Работая с немцами на шахте № 41, я познал немецкую пунктуальность в характере простых рабочих-горняков. Немцы-военнопленные работали на шахте хорошо. После хорошей работы у них оставались заработанные деньги — советские рубли, которые накапливались на их счетах в Сбербанке. Из этих денег с военнопленных вычитали за содержание в лагере и питание. Когда их освободили, а это произошло уже в начале 1948 г., немцев, едущих на родину в Германию, нельзя было узнать. Переодетые в но-

вые костюмы и пальто, в модных ботинках, с чемоданами, полными подарков для родных, они уезжали с нашей шахты домой.

В следующем, 1949-м, году меня пригласили работать в Германию, в «Висмут», куда я выехал вместе с семьей в начале февраля 1950 г. Судьба сложилась так, что мне снова пришлось работать с немцами, но уже у них на родине, на урановых рудниках в Рудных горах Саксонии.

Прибыв с семьей поездом в Хемниц, я прежде всего прочитал на вокзале: «Хемниц — ворота к серебряным рудам Саксонии». Все это было для нас ново и интересно. Главный инженер — технический директор «Висмута» — спросил меня, в какой район Рудных гор хотел бы я поехать работать. Мне было все равно, поэтому я сказал: «Куда пошлете, но желательно, чтобы было жилье для моей семьи и интересная для горного инженера работа на рудниках».

После беседы я был направлен в г. Шнееберг на Объект 3 главным инженером шахты № 10-72 (Зибеншлеен). Главными задачами для нашей шахты были геологоразведочные и подготовительные работы, а также добыча урановой руды и, прежде всего, урановой смолки, которая встречалась в жилах.

Расскажу немного о том, что мне удалось узнать в горном музее Шнееберга и Фрайбергском горном архиве Саксонии. Разработка Шнеебергского рудного поля началась в XII веке. Известно, что около 1185 г. в районе Чорлау на юго-востоке этого поля велась промывка касситерита. В XIII и XIV столетиях добывали медь (медный колчедан, медный блеск и другие медные руды) на рудниках Давид в районе Обершлемы и Хохен Форст около Вейсбаха. В XIV веке в центре нынешнего Шнееберга на рудниках Санкт-Георг и Альте добывали серебряные руды. С середины XIV до середины XV века шла добыча кобальтовых и висмутовых руд. С 1550 по 1600 г. возобновилась добыча серебряных руд на более глубоких горизонтах действовавших ранее рудников. В XVII–XVIII веках на Шнеебергском рудном поле развертывается более интенсивная горнопромышленная деятельность: идет закладка новых шахт, разведка и вскрытие более глубоких горизонтов, разведка флангов месторождения и другие горные работы. В это время открываются крупные шахты: Вайсер Хирш, Бейст, Нойяр, Зибеншлеен, Адам Хебер и др.

Шнеебергское рудное поле характеризуется обилием руд — кобальтовых, никелевых, висмутовых, серебряных, урановых — в жилах так называемой пятиметалльной формации. В других жилах и рудных телах содержатся медные, цинковые, свинцовые, железные, марганцевые, вольфрамо-

вые, молибденовые, мышьяковые руды.

В этом районе, уникальном в минералогическом плане, было очень интересно работать горному инженеру. Уран, висмут, никель, кобальт и серебро содержались в жилах Адам Хебер, Хильфе Готес, Даниель и Катарина. Уран содержался также в жилах Санкт-Георг, Фюрстен Ферттраг, Фрелихе Аусзихт, Ной Глюк, Готес Зеген, Анна, Зибеншлеен, Вольфганг. Урановые руды, особенно урановую смолку для получения красок, начали добывать здесь в 1825 г. Наибольшее их количество было добыто в 1850–1854 гг. Добыча велась вплоть до 1940 г., в небольших количествах, в основном для производства красок. По данным профессора Эльснера, на Шнеебергских рудниках за период с 1825 по 1831 г. было добыто штупфной урановой руды около 37 тонн со средним содержанием 5,35 %, или в пересчете на уран — 7,38 тонны. Всего за этот период в Рудных горах Саксонии было добыто 13 907 кг урана, то есть на долю Шнееберга приходилось 53 %. По данным завода синих красок в Ауэ, где перерабатывались урановые руды, в 1939 г. на завод было поставлено 263,3 кг урановой руды с рудников Шнееберга.

Шахта Зибеншлеен с висмутовским номером 10-72 объединяла три ствола: вертикальный № 72, пройденный недавно, старинные наклонные стволы № 49 и 83.

Наклонная шахта Адам Хебер расположена около озера Фильцтайх, или, как его называли в Средние века, рудничного пруда Фильц. Вода этого пруда поступала через штольню в рудники и приводила в движение подъемную установку, а также рудничные поршневые насосы для откачки воды с более глубоких горизонтов. После этого вода направлялась на штольню «Марк Земмлер» и по ней уходила через речку Шлему в реку Цвиккауэр Мульду. Вот на такой старинной шахте в районе Шнееберга и на десятках других подобных древних шахт в различных районах Рудных гор Саксонии начинали добывать уран после войны.

На шахте № 10-72 кроме жилы Адам Хебер уран добывали из жилы Фрелихе Аусзихт и ряда других более мелких рудных жил и прожилков. На расстоянии 125–300 м от каждой шахты располагались породные отвалы. После отбора проб на уран и положительных результатов опробования началась переработка этих породных отвалов рудосортировочными установками РАС и получение в результате сортировки урановых штупфных руд. Это была хорошая добавка к подземной шахтной добыче урана.

Вторая крупная шахта в Шнееберге, на которой велась интенсивная добыча урановых руд, называлась Вайсер Хирш. При этой шахте была действующая обогатитель-

Н. И. Чесноков

⁶ Биография Н. И. Чеснокова — см.: часть I, глава 4 настоящего издания.

⁷ Из книги «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: «Информ-Знание», 1998.

ная фабрика. Жила Вайсер Хирш в 1946 г. давала урановую руду с содержанием 8,2 % висмута, 3,7 % кобальта и никеля.

Третей крупной шахтой была Бейст. Здесь наряду с начальником шахты и главным инженером ведущую роль играли главный геолог и главный геофизик шахты. На жильном урановом месторождении эти специалисты определяли направления горных работ, места нарезки новых очистных блоков и контролировали отбойку урановой смолки или других урановых минералов на горно-подготовительных и очистных работах. Их помощниками были участковые геологи, операторы радиометристы, коллекторы, которые давали ежедневную информацию о ходе работ по подготовке и выемке руды и после обсуждения положения дел с главным геологом и геофизиком шахты вносили соответствующие коррективы в направления проходческих и очистных работ. Эти указания получали на еженедельных нарядах горные мастера и непосредственно горнорабочие. Все шло оперативно.

В 1950 г. была проведена большая кампания по уменьшению объемов горных работ и закрытию малоперспективных по урану участков и рудников в целом. Это позволило уменьшить численность работающих в «Висмуте» с 195 906 человек в 1950 г. до 153 112 в 1951-м и снизить себестоимость единицы продукции на 23 %.

В 1951–1953 гг. широко развернулось движение передовиков производства: появлялись специализированные бригады проходчиков горизонтальных горных выработок, восстающих выработок и бригады на очистных работах в блоках. Началась проходка стволов шахт скоростным методом, проходка квершлагов и полевых штреков — все это способствовало ускоренному вскрытию новых рудоносных участков Шнеебергского рудного поля, новых ураноносных жил и росту добычи урановых руд. Бригады проходчиков-скоростников были в почете. На шахте № 10-72 по окончании скоростной проходки мы вручали каждому рабочему новый велосипед или радиоприемник. Бригады за хорошие результаты работы представлялись к правительственным наградам, а такие, как Зепп Вениг, стали Героями труда Германской Демократической Республики.

Развернувшееся движение способствовало сплочению коллектива горняков, снижению текучести рабочих кадров и повышению производительности труда. Наряду с опытными советскими специалистами трудились и местные горняки с большим трудовым стажем, я бы сказал, почетные горняки Рудных гор Саксонии. Так, на шахте № 10-72 работал оберштейгером чех Цапущек, а оберштейгером Объекта 3, куда входила шахта, был известный в Шнееберге горный инженер Шмидт.

Для повышения квалификации местных кадров в «Висмуте» были созданы два профессиональных училища и горный институт. На шахты пришли молодые люди, кто-то стал бурильщиком, кто-то — радиометристом или коллектором-геологом. Целая группа помощников из числа немецкой молодежи выросла вокруг опытного специалиста — главного геолога нашей шахты Степана Борчанинова. Впоследствии многие из них стали профессиональными геологами, получили инженерные дипломы, окончив висмутский горный институт.

Геофизическую мастерскую на шахте № 10-72 возглавлял сравнительно молодой человек — бывший радист Руди, в годы войны летавший на самолетах вермахта. Он очень хорошо разбирался в радиометрической аппаратуре, чинил радиометры и, как настоящий ас, гонял на мотоцикле БМВ. Мы дружили.

Автомобиль, на котором я ездил на шахту в Шнееберг к Фильцтайху из Ауэ, где я жил с семьей, водил уже пожилой немец Вальтер Пельц — добрейший человек. Он с большим уважением относился к своему автомобилю ДКВ, а затем к «Опелю» П-4, который всегда был в отличном состоянии.

В начале 1950-х гг. после успешной горной разведки месторождения Нидершлема урановые шахты Шнеебергского рудного поля (Объект 3) объединились с Объектом 9 в г. Ауэ, где неуклонно росла добыча урана на строящихся рудниках месторождений Нидершлема и Альберода.

Нам нужны были кадры советских специалистов-геологов, геофизиков, горняков, и мы их получили. Генеральный директор «Висмута» генерал-майор Михаил Митрофанович Мальцев летом 1952 г. прислал в наше распоряжение 100 молодых специалистов, окончивших советские вузы. К этому времени, в мае 1951-го, я был назначен начальником Объекта 9 в Ауэ. Чтобы выполнить план добычи урана, который ежегодно увеличивался в 1,5–2 раза, нужно было научить молодых советских инженеров и техников оперативно решать задачи производства.

За лето 1952 г. мы построили для прибывших трехэтажный дом и распределили на работу по специальности. Работы было много. Особая задача состояла в проходке глубоких стволов шахт для подъема грузов и вентиляции с поверхности на нижние горизонты действующих рудников Нидершлема.

Также планировалась проходка каскада слепых подъемных и вентиляционных стволов шахт с горизонта 240, на более глубокие горизонты месторождения — 540 и глубже. Высота этажа на рудниках месторождения Нидершлема-Альберода составляла 60 метров. Вскрытие нижних горизонтов, развед-

ка месторождения и добыча урана шли одновременно. Такой режим работы на урановых рудниках «Висмута» позволял в короткий срок резко увеличить добычу урана, особенно на жильных гидротермальных месторождениях Рудных гор Саксонии.

Добытые штупные урановые руды (смолка) упаковывались в металлические ящики, за каждый из которых забойщику шла дополнительная оплата. Далее ящики вывозились на рудный склад шахты, откуда на автомашинах свозились в цеха опробования. В первые годы деятельности «Висмута» эти руды после опробования отгружались в железнодорожные вагоны и отправлялись для дальнейшей переработки в Советский Союз.

Рядовые урановые руды грузились в шахтные вагонетки, выдавались на поверхности, разгружались в рудные бункеры и в дальнейшем вывозились автотранспортом на обогатительные фабрики «Висмута».

Обогатительные фабрики для переработки рядовых руд имелись во многих районах Рудных гор Саксонии. В 1953 г. в «Висмуте» их насчитывалось десять: № 19, 20, 25, 38, 49, 60, 75, 79, 95 и 96. По производственной мощности в основном это были мелкие предприятия со старым оборудованием, принятые в 1948 г. в собственность СССР. На них, как и на старых рудниках Саксонии, были проведены большие работы по реконструкции, которые позволили использовать их для добычи и обогащения урановых руд. Здесь имелись цеха гравитации, где на вибрационных столах выделялись из рядовой руды наиболее богатые по урану смолковые руды. Оставшиеся рядовые урановые руды перерабатывались по схеме фильтрационной технологии, широко используемой в течение многих лет в цветной металлургии.

Для коллектива советских и немецких специалистов и всех горняков Объекта 9 1952-й был годом бурного развития геологоразведочных и шахтостроительных работ на двух богатейших по урану месторождениях Нидершлема и Альберода. Стволы шахт № 13-бис, 38, 66, 207, 208 и 250, на которых быстро росла добыча урана, не справлялись с выдачей горной массы, требовалась закладка новых стволов с поверхности на более глубокие горизонты. Росли объемы горнокапитальных работ, проходились квершлаг и полевые штреки, слепые стволы шахт и гезенки. С ростом глубины разработки месторождений нужно было решать вопросы водоотлива и проветривания рудников. Ствол шахты № 186 на месторождении Альберода также с трудом справлялся с объемами выдачи грузов.

В этих условиях только глубокие стволы, пройденные до горизонта 540 метров и глубже, решали задачу дальнейшего развития

горных работ и роста добычи урановых руд на этих жильных месторождениях. Были заложены грузовые глубокие стволы шахт: с поверхности до горизонта 540 (№ 366) и до глубины 1080 метров (№ 371).

Одновременно схемой вскрытия и условиями проветривания рудных полей месторождений Нидершлема и Альберода обуславливалась закладка вентиляционных стволов шахт на глубокие горизонты: № 372 и 373 — до горизонта 990, № 208W — 720 и № 208 — 810 метров. В дальнейшем, в связи с ростом глубины разработки месторождения Нидершлема-Альберода, были пройдены глубокие стволы шахт № 382 и 383 с поверхности до глубины 1305 м для подачи свежего охлажденного воздуха. Кроме того, на шахте № 382 была смонтирована современная холодильная установка.

Чтобы вовремя решить задачу своевременного вскрытия запасов урана на этих уникальных урановых месторождениях, нужно было организовать скоростные проходки намеченных стволов шахт. И эту задачу успешно решил коллектив шахтостроителей Объектов 9 и 11.

Прежде всего проектной организацией СГАО «Висмут» был составлен проект скоростной проходки ствола, в котором были учтены все известные в мире к этому времени технические решения: шахтостроителей и проходчиков СССР, США, Южной Африки и многих других стран.

Кроме проекта нужны были специальные механизмы и оборудование: проходческие копры, проходческие полки, подъемные лебедки, проходческие бабды, раздвижная опалубка, оборудование для подачи жидкого бетона за опалубку и многое другое. Большинство оборудования было изготовлено на месте заводами СГАО «Висмут» в Цвиккау и Ауэ, остальное было поставлено из Советского Союза. Одновременно нужны были хорошие проходчики, бригадиры и сменные мастера — организаторы и специалисты по проходке стволов шахт. В первое время мы не обошлись без помощи «Сталиншахтопроходки» (в дальнейшем — «Донецкшахтопроходка») — крупнейшей советской шахтостроительной организации. Из Донбасса прибыли бригадир и начальник участка проходки, остальных проходчиков мы подобрали на месте, в «Висмуте».

И скоростные проходки начались. За короткий период мы достигли на проходке ствола шахты № 366 скорости 80 м в месяц, что стало для «Висмута» хорошим началом. В дальнейшем эти достижения были значительно улучшены на проходке других глубоких стволов шахт как в Нидершлеме (Объект 9), так и на месторождении Цобес (Объект 6), Роннебургском рудном поле (Объект 90) и в долине Эльбы, на месторождении Кенигштайн.

После создания Германской Демократической Республики, в соответствии с соглашением между правительствами СССР и ГДР от 22 августа 1953 г. и уставом от 21 декабря 1953 г., с 1 января 1954 г. было учреждено

смешанное Советско-Германское акционерное общество «Висмут» для выполнения работ на уран на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях.

Игорь Иннокентьевич Толмачев

В 1951–1955 гг. работал на Объекте 111 (Аннаберг) главным геологом шахт № 21, Виктория, Нидершлаг, Теллерхойзер, затем — начальником геологического отдела того же Объекта. Кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник. Почти 10 лет отдано им «Висмуту» и 40 лет — науке. Всю жизнь проработал в Институте геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР (Алма-Ата). В настоящее время — пенсионер. Живет в Новой Зеландии с дочерью Ольгой — учителем музыки.

И. И. Толмачев

Первое воспоминание

Почти за полгода до окончания Казахского горно-металлургического института (г. Алма-Ата Казахской ССР) в 1951 г. меня, студента-дипломника 5-го курса, пригласили для беседы в особую московскую комиссию. Темой разговора было получение моего согласия на оформление заграничного командирования для работы по специальности. Я ответил, что согласен. «Тогда защищайте диплом и ждите вызова в Москву. Ваша деятельность засекречена. Все узнаете в Москве», — сказали мне.

Все это было интересно, загадочно и непонятно.

Защитившись, я получил диплом горного инженера-геолога и по вызову явился в Москву, в 8-е управление Главного управления советского имущества за границей (ГУСИМЗ). В то время Министерства среднего машиностроения еще не существовало (оно было создано в 1953 г.) В ГУСИМЗе мне выдали удостоверение МИД о направлении на работу в ГДР и деньги (5000 руб. — солидная сумма). На Белорусском вокзале я купил билет на поезд «Москва — Франкфурт-на-Одере». И вот вместе с группой геологов-однокурсников (более 12 человек) — выехал по назначению. После голодных лет учебы в техникуме (1942—1946) и институте КазГМИ (1946—1951) нас обеспечили такими деньгами, что мы могли очень сытно и вкусно поесть разной снэди — «компенсация» за все голодные годы учебы. В поезде ехали весело и дружно и на каждой остановке запасались едой.

Мы прибыли в Брест, «перешли» на другую колею, затем проехали через Польшу, и вот мы во Франкфурте-на-Одере. Здесь нас ждал сопровождающий с автобусами, на которых мы выехали в Зигмар (предместье г. Хемниц). В течение многих часов езды мы знакомились с новой необычной обстановкой. Всего 6 лет прошло после войны. На меня очень сильное впечатление произвели красивая природа, ухоженные дома, чистота в городках, обилие

цветов и великолепные автомобильные дороги — автобаны. После белорусских деревень, разоренных войной, Германия выглядела цветущим садом, хотя мы видели много и разрушенных домов. Другая страна, чужой язык, а впереди неизвестность: куда, зачем, что будем делать, — такие мелькали мысли. Но мы были молоды, здоровы, патриотичны и верили в хорошее будущее, особенно после войны, когда жизнь начала налаживаться. У меня, да и у всей нашей группы было приподнятое настроение, мы были полны энергии для свершения еще неизвестных дел.

Приехав в Зигмар, разместились в хороших гостиницах, где обслуживал немецкий персонал. Утром мы направились в Центральное управление — большой особняк, охраняемый автоматчиками, со строгой пропускной системой. В просторном зале нас принял генеральный директор АО «Висмут» В. Н. Богатов, сменивший на этом посту организатора общества — генерал-майора М. М. Мальцева, который вел первые отработки и добычу руд.

Богатов выслушал каждого специалиста: где и какой вуз окончил и по какой теме защитил диплом. Затем он вкратце рассказал, что работать мы будем на разных объектах ГДР и что наша главная задача — выполнение плана добычи урановой руды, доразведка месторождений, наращивание прироста запасов руды и полный ввод в эксплуатацию всех месторождений. На ознакомление с обстановкой и адаптацию в новых условиях работы с немецким персоналом нам давался один год; начиная со второго мы должны были работать на полную мощность.

Мы, молодые специалисты, справились с поставленными задачами. Следует особо отметить, что на первых порах эксплуатация шахт велась не специалистами, а молодыми солдатами под руководством офицеров. Поэтому эффективность работ была невысокой. Однако честь и хвала офицерам и солдатам тех лет, которые в трудных и опасных условиях выдали не одну тонну урановой руды. С приходом большого количества

специалистов — геологов, горняков, геофизиков, механиков, маркшейдеров, экономистов, плановиков, хозяйственников — резко повысился объем добычи, обеспечив крупными запасами урановой руды на десятки лет многие объекты ГДР.

Особой похвалы заслуживают главный геолог Р. Н. Нифонтов и его коллеги, которые ревизовали и открыли урановые руды в Рудных горах Германии, как в старых отвалах, так и в отработанных древних шахтах и штольнях. Их творческие геологические знания в достижении цели достойны всяческого уважения и могут служить примером для будущих поколений российских геологов.

После совещания геологов в Зигмаре я был определен в г. Аннаберг (Объект 111), в который и прибыл в августе 1951 г. Коллектив советской колонии (около 300 человек) компактно располагался в нескольких многоэтажных домах с удобствами. Рядом находилось здание управления, охраняемое автоматчиками на всех этажах и у входа. Недалеко в особняке имелась хорошая столовая для советских специалистов. Была карточная система на продукты питания и товары в очень большом количестве и по низким ценам. Моя зарплата составляла 2000 немецких марок и 2000 рублей в советской валюте, что обеспечивало высокий жизненный уровень специалиста.

Вход в управление был по особым пропускам, которые нам выдали. Меня вызвал главный геолог Объекта 111 Георгий Константинович Жуков, сообщил свое решение назначить меня главным геологом шахты № 21. Он сказал: «Будете добывать этот минерал — урановую смолку, настуран», — доставая образец из сейфа.

Теперь я окончательно понял, зачем нас послали в Германию. В обиходе слово «уран» не употреблялось, говорили «металл», или иногда «смолка». Затем мы поехали на шахту № 21, которая располагалась почти в центре Аннаберга, была огорожена высоким забором с автоматчиками у входа и на вышках (нас охраняли пограничники из ведомства Л. П. Берии).

Шахта № 21 — наклонная под углом 80 градусов, по падению жилы. Мы, в прорезанных робах, резиновых сапогах, в касках и с карбидными лампами, спустились на первый горизонт глубиной в 120 м, обошли много выработок — квершлагов, штреков, встающих, которые подсекали жилы различной мощности. Общее впечатление было шоковое. Кругом тьма, отовсюду большими струями бежит вода, ходим в ней почти по колено, трудно разглядеть, где жила, а где горная порода; в забоях, где отбивали руду перфораторами, стоял страшный шум. Од-

ним словом, я абсолютно ничего не понимал, о чем мне говорил Г. К. Жуков. Потом спустились еще глубже на 100 метров, закончили там первый осмотр шахты и поднялись на поверхность. Этот первый спуск в шахту запомнился на всю жизнь. Теперь я вспомнил слова гендиректора — «даю год на знакомство и адаптацию к условиям». В течение трех месяцев я каждый день спускался в шахту, изучал ее, и это принесло свои плоды. Я стал хорошо ориентироваться во многих горных выработках и, в сочетании с геологическими планами, уже мог задавать правильную проходку новых штреков по новым жилам и т. д. Вот здесь-то и пригодились мои знания по геологии, минералогии, начертательной геометрии и другим наукам, полученные в институте.

Вторым важным делом было освоение немецкого языка. Я крепко сел за учебу в действующих кружках нашего управления. Через полгода я уже работал с немцами без особых трудностей, постоянно общаясь с горняками и геологами. В шахте постоянно звучало приветствие «Глюк афф!», что означало «Счастливого возвращения наверх!». Мой многолетний опыт рудничного геолога показал, что работа горняков и геологов в шахте очень опасна. Нужно быть всегда собранным и внимательным даже к мелочам.

Аннаберг — это старинный средневековый город, расположенный на крутых склонах холмов, покрытых лесом и кустарниками, с многочисленными мелкими речками и ручьями и живописным рельефом, которые дают базальтовые останцы. В 1490 г. местный крестьянин, копая колодец, нашел кусок самородного серебра, и с этого времени Аннаберг стал городом горняков, добывающих серебро. Под городом располагается огромное количество старых горных выработок, которые были пройдены рудознатцами с 1600 по 1850 г. в связи с добычей никеля, кобальта, висмута, черного минерала (смоляной обманки) для получения красок и, конечно, серебра для изготовления денег и посуды.

Здесь впервые был найден никелевый минерал и назван аннабергитом. В городе существует традиция — марш горняков с оркестром, играющим аннабергский марш. Это торжественное шествие людей, работающих под землей и одетых в красивую старинную форму.

Особо следует отметить, что именно в Рудных горах Германии впервые в мире зародилось учение о рудных полезных ископаемых (трактат Агриколы XV века). Здесь была создана знаменитая Фрайбергская академия с ее великолепным минералогическим музеем, где учился М. Ломоносов и другие знаменитые ученые мира.

Нам, геологам, выпало счастье порабо-

тать в изумительной природной геологической лаборатории, именуемой Рудные горы Саксонской Швейцарии, с ее уникальной серебряно-никеле-кобальто-висмут-урановой формацией.

По количеству сотрудников Объект Аннаберг был невелик. Под руководством товарища А. В. Гришина, а затем В. И. Степанюк — этих талантливых руководителей, настоящих наставников молодых специалистов, наш Объект был на хорошем счету, постоянно выполнял план по добыче руды и отличался хорошими показателями в общественной жизни (художественная самодеятельность, спорт и т. д.). Среди сотрудников царил дух доброго товарищества, взаимопонимания и интересного постоянного общения друг с другом, как на Объекте, так и с другими коллективами в Ауэ, Гере, Зигмаре и других городах, куда мы постоянно выезжали на автобусах с песнями под аккордеон. Мы жили полнокровной, осмысленной жизнью, часто встречались с коллектива-

Второе воспоминание

Объект 111 был представлен тремя территориями:

1. Город Аннаберг с Центральным управлением, шахтами № 21, 28, 33, 78 и нашим местом проживания.

2. Город Мариенберг с рядом шахт, около 30 километров к северо-востоку от Аннаберга.

3. Район Беренштайн-Нидершлаг, примерно в 25 километрах к юго-западу от Аннаберга.

Нидершлаг располагался на границе с Чехословакией. Границей служила неглубокая речка. На стороне ГДР находился протяженный крутой склон, в котором было пройдено несколько штолен, подсекающих рудные жилы с урановой смолкой, и две глубокие шахты.

Центральное управление состояло из производственного, геологического, геофизического, хозяйственного (транспорт, столовая, детсад, советский клуб) и планово-экономического отделов, а также 1-го отдела. В нем работали советские специалисты, которые руководили немецким техническим персоналом на шахтах. Среди горняков были бывшие военные немцы, воевавшие и с нами, и в Африке с англичанами. Были также немцы, которые находились в плену в СССР, работали на шахтах Кузбасса, говорили по-русски и особенно чисто матерились, вызывая наш восторг по их знанию русского языка.

Работали в управлении и советские военные в звании от капитана до подполковника. Некоторые из них занимались подготовкой членов СЕПГ для работы среди

ми немецких предприятий. В общественной жизни нашего коллектива огромную роль играли: В. И. Степанюк, З. Соловьева, Б. Сквозобцев, Аня и Валентин Назаркины, Лена Кудрявцева, Юра Анисимов, Жора Лисовский, Флора Мальченко, Юра Мальченко, Прохоров, А. Кашеев, Женя Быстров, Лида Кривич, Лариса Толмачева, семья Сметюховых, Мария Соснова и многие другие.

Прошло 57 лет со дня моего прибытия в Аннаберг, но память о молодости, о свершенных делах, о замечательных людях того периода забываема!

Заканчиваю первое воспоминание. Хотелось еще продолжить о том, как мы встретили смерть И. В. Сталина, какие жесткие режимные условия сохранении секретности существовали в этот период, и как мы это воспринимали и пережили. Было очень нелегко, но мы прошли хорошую школу жизни. Мы родились в СССР и на всю жизнь останемся его патриотами.

немецких шахтеров. Надо отдать должное, что во время восстания в Берлине в июне 1953 г. немцы-горняки нашего Объекта не поддержали эту акцию и не участвовали в ней. Думаю, что советские специалисты своим поведением и деловой дружественной совместной деятельностью, как на шахтах, так и на отдыхе (спортивные соревнования, посещение немецких школ, фабрик и т.д.) помогли избежать конфликта на шахтах.

Прошло всего два года с тех пор, как в 1949 г. образовалось новое государство — Германская Демократическая Республика. В то время начали закладываться новые дружественные взаимоотношения с немецким населением. Мы вместе участвовали в первомайских демонстрациях, возлагали венки советским солдатам, похороненным на кладбище в Аннаберге, встречались с коллективами городской власти, полицейскими, общались, познавая друг друга. Очень многие немцы впервые видели русских, им было интересно просто посмотреть на нас. Во время этих мероприятий выступал оркестр немецких коллег, затем были танцы, а в завершение — хороший ужин с русской водкой. Подобные встречи снижали напряженность взаимоотношений с немцами, воспитанную в нас войной, а на шахтах легче работалось с горняками.

Наш Объект 111 и вся его документация были засекречены (код Алтай-телефон). Даже комсомольцы назывались «физкультурниками», а члены партии — «членами профсоюза». Связь обеспечивали солдаты и офицеры. Запрещалось посещение ресторанов, раз-

говоры о работе. Очень строгие меры принимались в случае утери пропуска, секретной документации, ключей от сейфа и т. п. В целом это была постоянная психологическая нагрузка, и мы жили в постоянном нервном напряжении. Нас спасало от депрессии активное участие в спортивных играх, поездки на экскурсии, встречи с коллективами других Объектов, а также вечеринки в честь дней рождения и молодежные свадьбы.

Режимные условия жизни играли и положительную роль: заставляли быть дисциплинированными, собранными и внимательными при обращении с секретными материалами. Это диктовалось послевоенной политической обстановкой, вызванной враждебным отношением к нашей стране со стороны Запада.

* * *

Несколько слов о том, как наш коллектив встретил сообщение о смерти И. В. Сталина. В это время я жил в одной комнате с Женей Быстровым. Он включил радиоприемник, и мы услышали эту печальную новость. Нам позвонили из управления и сказали собраться на траурный митинг в большом зале. Когда мы пришли, зал был уже полон, в нем было около 200 человек. Всюду чувствовалось большое скорбное напряжение. И когда начались выступления руководителей Объекта, то весь народ в зале плакал — это было что-то невероятное. Это была искренняя, глубокая и безутешная скорбь о руководителе государства, с именем которого связана Победа над фашизмом в Великой Отечественной войне.

Феномен народной любви и уважения к И. В. Сталину до сих пор не разгадан. Следует заметить, что немцы часто произносили слова И. Сталина: «Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ остается».

После войны молодое государство ГДР получило в наследство разрушенное хозяйство. Именно созданное в этот момент АО «Висмут» предоставило голодному немецкому населению десятки тысяч рабочих мест с хорошим продовольственным обеспечением.

* * *

В то время на шахте № 21 кроме специалистов работали и советские солдаты, которые у ствола шахты под землей сортировали руду в вагонетки, а горняки-немцы направляли их наверх. Работа была тяжелая и вредная для здоровья. Строгий закрытый режим после смерти Сталина так и не изменился, просуществовав еще долгие годы.

Часто после смены солдат собирали в зале, и я как геолог читал им лекции о строении шахты и где лежит руда. После начала моей монотонной речи вся группа моментально засыпала, но я продолжал

читать больше часа. Я прекрасно понимал трудности работы под землей. Солдаты были молодые, по 18–20 лет. Особенно тяжелый и вредный труд был на складе готовой продукции, где офицеры и солдаты сортировали и паковали концентраты (урановую смолку) в картонные бочки и зашивали дно этих бочек иглами. В зале склада стояла пыль, вентиляторы не успевали очищать зал. Офицеры активно принимали участие в погрузке и отправке урановой продукции в СССР. Рабочий день был укороченный, все работало споро и ритмично. Гораздо позже была обеспечена нормальная техника безопасности, и тогда в работе стали принимать участие и немецкие коллеги.

По долгу своей геологической службы мне приходилось сотни раз лазать по самым древним подземным выработкам. Приведу один любопытный пример в Аннаберге. Я приехал на шахту Виктория, получившую свое название по крупной жиле на северо-востоке Аннаберга. Жила — это трещина в горных породах, заполненная минералами, в том числе кварцем и урановой смолкой. Жилы бывают разной толщины (мощности), от нескольких сантиметров до нескольких метров, и протяженностью от сотен метров до нескольких километров. На шахте кругом охрана из автоматчиков. Я показал пропуск, зашел на территорию и прошел в кабинет геологов. Там я встретил геолога участка Курта Миллера и дал ему задание одеться в шахтную робу и следовать за мной с фонарем на выход с территории шахты. Затем мы сели в машину и поехали. Курт ничего не понимал. Тогда я показал ему старый план горных выработок 1830 г., где была обозначена штольня (горизонтальная выработка у подошвы горы) в 2 км около речушки, под горою. И мы нашли ее. Вход в штольню был высотой около 2 метров и шириной около метра. Она была прикрыта большими кустарниками и не привлекала к себе внимания. И вот мы влезли по колено в воду, прошли несколько десятков метров, воды стало меньше (уклон к выходу). Свод штольни — овальный, узкий, в крепких породах, и мы решили идти дальше. Примерно через 100 метров обнаружили на стене выбитую надпись «1825». Идем дальше — видим дату «1826». Затем обнаружили несколько жил. По одной из них шла выработка, и мы двинулись вглубь. Решили передохнуть. Курт закурил, и мы начали разговаривать, а струйка дыма стала уходить по нашему входу вглубь выработки. Курт и я сразу догадались, что поток воздуха идет по направлению к нашей шахте Виктория. Мы ринулись искать выработку и, побродив по многим лабиринтам, через час нашли ее

и встретили наших работающих горняков. Для нас это была сенсация, а для охраны — настоящее ЧП. Ведь можно было проникнуть в шахту, минуя охрану, а время было очень беспокойное.

Особенно меня восхитила старая немецкая документация, вычерченная очень четко, точно и красиво. А еще — знание рудознатцев тех времен о том, как нужно точно и экономно выходить на рудные жилы. Нужно бережно относиться к архивным документам и умело их использовать.

* * *

Теперь слово о наших аннабергских «колониатах»: кем они были и кем позже стали.

Георгий Константинович Жуков, главный геолог Объекта 111. Стал одним из ведущих специалистов-геологов в управлении Средмаша (Москва).

Юрий Иванович Мальченко. Посвятил себя науке. Кандидат технических наук, заведующий лабораторией, ученый секретарь института горного дела АН КазССР, автор научных трудов.

Валентин Павлович Назаркин, начальник шахты № 78 (Аннаберг). Стал руководителем СГАО «Висмут». Обладая огромным опытом в горном деле, творческим подходом к решению технических задач, создавая и внедряя новые технологии для облегчения труда горняков, Валентин Павлович внес существенный вклад в развитие общества «Висмут», став лауреатом Государственной премии СССР. Он воспитал целую плеяду крупных руководителей из немецких и советских специалистов. Валентин Павлович занимал ответственные должности в Средмаше, одним словом — государственного ума человек.

Валентин Павлович обладал высоконравственными качествами — скромностью, умением дружески поддержать в трудную минуту, был замечательным семьянином и интересным собеседником.

Георгий Дмитриевич Лисовский защитил кандидатскую диссертацию, стал заведующим лабораторией отдела ИГД в г. Усть-Каменогорске. Во время второй командировки в ГДР отдал много сил СГАО «Висмут», став секретарем парткома. Это высокая честь и ответственная, трудная работа, с которой Георгий блестяще справился.

Володя (Владимир Дмитриевич) Сенин. Начальник шахты № 21, высококвалифицированный горный инженер. Много труда вложил в добычу урановых руд. Дважды был в длительной заграничной командировке в ГДР, работая в СГАО «Висмут» с полной отдачей.

Борис Сергеевич Скозобцев. Стал кан-

дидатом технических наук, классным специалистом в горном деле.

Ваш замечательный и необходимый сайт⁸ напомнил мне о моих однокурсниках-друзьях, которые активно трудились в СГАО «Висмут» в Ауэ, Гере, Шварценберге и других Объектах.

Слава (Вячеслав Прокопьевич) Щуров. Рудничный геолог, позже — кандидат геолого-минералогических наук. НИИ-10 (Москва).

Юра (Юрий Сергеевич) Данилов. Главный геолог ЦГП СГАО «Висмут» (Грюна). Выдающийся геолог, умница, замечательный организатор и душевный человек. Во время третьей командировки в ГДР был направлен по решению ЦК на должность главного геолога СГАО «Висмут».

Юра Казанин. Фронтвик, позже — доктор геолого-минералогических наук. ИГН им. К. И. Сатпаева, г. Алма-Ата.

Супруги Иншины, Павел Викторович и Валентина Матвеевна. Оба — кандидаты геолого-минералогических наук, чудесные люди и настоящие ученые.

Братья Ильченко, Владимир и Виталий. Опытнейшие геологи по поискам и разведке урановых руд.

Слава Балухов. Стал руководителем крупных экспедиций в Казахстане.

Митя (Дмитрий Иванович) Марченко. Рудничный геолог ряда шахт в Шварценберге. Позже занимался поисками урана в Казахстане.

Все висмутяне внесли большой вклад в оборону СССР и заслуживают всемерного уважения.

* * *

Особо следует подчеркнуть, что СГАО «Висмут» сделал из нас хороших специалистов, преданных своей профессии, научил понимать великую немецкую культуру и взять от нее все лучшее, что было в течение многих веков создано немецким народом.

Жизнь внутри советской колонии в 1951–1955 гг. помогла понять и укрепить чувство глубокого товарищества и ценность добрых взаимоотношений в условиях чужой страны, другой культуры. Наши хорошие отношения сохранились на все оставшиеся годы. Этот период для нас был большим духовным взлетом, что отразилось в развитии и совершенствовании СГАО «Висмут» как своеобразной, оригинальной структуры «государство в государстве», сыгравшей ключевую роль в обороне СССР и в мирном использовании урана совместно с немецкими коллегами.

* * *

1955 г. для меня был счастливым. Во-первых, моя супруга Лариса Валентиновна родила сына Леонида, во-вторых, мы возвратились на Родину, в Алма-Ату.

В-третьих, я сдал экзамены и был принят в аспирантуру АН КазССР, которую успешно окончил в 1961 г. и получил ученую степень кандидата геолого-минералогических наук. Диплом был утвержден ВАК в Москве и подписан академиком К. И. Сатпаевым — президентом АН КазССР. В том же

1961 г. Лариса родила дочь Ольгу. Это было незабываемое событие. Сейчас дети стали взрослыми, имеют высшее образование, семьи и идут своей дорогой.

Январь 2009 г., Новая Зеландия.

Николай Иванович Калякин⁹

Мой путь к урану¹⁰

наш будущий министр Е. П. Славский, с именем которого связано решение атомной проблемы в СССР.

Состав преподавателей в школе № 2 УАЗа, где я продолжил учебу, был сильным. Многие из них прибыли сюда из крупных городов западной части страны. Еще раньше я увлекался книгами исследователей Арктики и Заполярья — Амундсена, Нансена, нашего Урванцева. Однажды преподаватель физики увидел у меня книгу «В поисках радия» Д. И. Щербакова и предложил мне сделать доклад об X-лучах, вручив мне еще и книги В. Рентгена и М. Кюри. К этому времени я уже проявлял большой интерес к еще не совсем мне понятной, но иногда мелькавшей на страницах газет теме урана и его колоссальном (если считать в энергетическом эквиваленте) преимуществе по отношению к другим источникам энергии. Интерес к этой теме прививал и наш преподаватель физики.

На выпускном вечере директор школы, поздравив нас с вступлением в новую жизнь, во время застолья, устроенного по этому случаю, сообщил, что эти «сто грамм» выделены школе по указанию директора комбината Е. П. Славского. Несмотря на то, что для меня это были первые сто граммов, я до сих пор убежден, что там не было и 25–30 градусо!

Оставив Каменск-Уральский, УАЗ и многих своих друзей и товарищей по учебе, в сентябре 1943 г. мы возвращались в Мончегорск на комбинат «Североникель». По пути, во время одной из стоянок поезда в г. Буе, я успел сбежать в нотариальную контору, снять три копии с выпускного аттестата и тут же направить одну из них в Московский геологоразведочный институт. Вскоре через директора комбината я получил вызов в Москву.

У входа в здание МГРИ шла распаковка ящиков с учебным имуществом: институт только что возвращался из эвакуации, из г. Семипалатинска. При беседе с Е. Е. Захаровым, заместителем директора по учебной части, определилась моя профессиональная судьба:

Начало пути

Определенную роль в выборе моей геологической профессии сыграло увлечение «красивыми камнями» еще в детстве, когда я оказался в начале тридцатых годов в строящемся тогда на Кольском полуострове г. Хибингорске (ныне Кировск). Здесь в то время форсировались работы по разведке и добыче «камня плодородия» — апатита. Сахаровидный апатит и кроваво-красный эвдиалит в нашем детском восприятии были окаменевшими лопарскими сахаром и штолен. Вскоре, в 1937 г., мы оказались в г. Мончегорске, где сооружался комбинат «Североникель», и меня опять удивили своей красотой сульфидно-никелевые руды с вкраплениями и витиеватыми темно-зелеными и золотистыми прожилками минералов меди и никеля.

Шел 1941 г. Уже началась война. Отец, инженер-строитель треста «Кольстрой», работал на сооружении военного аэродрома в районе станции Оленья, расположенной в 20–25 километров от города. Этот аэродром, превратившийся в наше время в крупную авиабазу, и сейчас используется авиацией, в том числе оснащенной атомными и термоядерными зарядами. Именно отсюда 30 октября 1961 г. взлетел самолет-носитель Ту-95-202 с супербомбой — «изделием 202», весом 26 тонн и заданной мощностью взрыва около 50 мегатонн в эквиваленте тринитротолуола, взявший курс на полигон острова Новая Земля.

Но все это случилось через 20 лет, а тогда мы эвакуировались на Урал и через два месяца прибыли в г. Каменск-Уральский, а точнее на расположенный в его окрестностях УАЗ — Уральский алюминиевый завод, конечную цель нашего пути. Здесь, на УАЗе, в то время сосредоточились специалисты и оборудование алюминиевых заводов страны, которые были эвакуированы из западных районов. Директором этого единственного теперь в стране завода «крылатого металла» был назначен директор Днепровского алюминиевого завода (Запорожье),

Н. И. Калякин.

В. П. Назаркин в годы работы в Аннаберге (1955 г.).

⁹ Биография Н. М. Калякина — см.: часть I, глава 4.

¹⁰ Как искали и добывали уран. Сборник статей-воспоминаний ветеранов атомной промышленности. М.: Геос, 2002.

— Зачем вам на геологический факультет, если у вас в аттестате все пятерки, да и физику с математикой вы обожаете? Я советую на геофизический, — сказал он.

А чтобы я не брыкался, добавил:

— К тому же, на геологический факультет у нас прием закончен. Геофизика — это та же геология, но на более современном уровне, с применением самых современных физических методов поисков месторождений, — окончательно сразил он меня.

На третьем курсе у нас началась специализация — электро- и сейсморазведка, магнито- и гравиметрия, радиометрия и физико-химические методы поисков месторождений. Практика проводилась на полигоне института под Загорском (ныне Сергиев Посад), на окраине села Рязанцы. Руководитель практики профессор А. И. Заборовский в беседе с нами перед выходом на профили сказал, что сначала мы сделаем модели аномалий физических полей. По его указаниям мы вырыли приличную по нашим представлениям канаву глубиной около двух и длиной до двадцати метров, заложили туда старые буровые штанги (это был прообраз аномалий над залежью железных руд), посыпали их солями ряда химических элементов и добавив серной кислоты (это были аномалии электрического и физико-химического полей). После этого Александр Игнатьевич сказал:

— А теперь заложите все это сверху вон той помойкой и засыпьте землей как было.

В ответ на наше недоумение, причем здесь помойка, он пояснил:

— Нам нужна еще аномалия для радиометрии, а в этой помойке находится один миллиграмм радия, раствор которого вылила сюда по ошибке лаборантка одного из институтов. Перерабатывать ее им было дорого, да и вряд ли можно извлечь радий обратно, поэтому они решили продать нам помойку вместе с радием за восемьсот рублей.

Вот такая у нас произошла первая встреча пусть не с самим ураном, но с продуктом его распада — радием.

Курс ядерной физики нам читал известный физик-ядерщик И. С. Шапиро. Он обратил наше внимание на только что вышедшую в «Желдориздате» книгу Г. Д. Смита «Атомная энергия в военных целях» и настоятельно просил нас с нею ознакомиться. В этой книге были изложены в том числе и последствия атомных взрывов над Хиросимой и Нагасаки. Так я впервые узнал о реальном энергетическом эквиваленте урана, ужасах атомных бомбардировок, не зная еще о том, что и мне придется принимать участие в отечественном атомном проекте.

28 апреля 1949 г. я защитился, полу-

чив диплом горного инженера-геофизика. По этому случаю мы устроили празднества, позже отметили и первомайские праздники. Деньги кончились, стипендии больше не будет, и мы, новоиспеченные инженеры, уже не первый день полуголодные лежали в общежитии на Студенческой.

В хозяйстве Мальцева

— Давай-ка, Николай, — сказал мне Володя Плахотник — такой же молодой инженер, но «чистый» геолог, — позвони своему полковнику. Он ведь давно тебя разыскивает в своей хитрой организации, может, что-нибудь подбросит?

И я позвонил.

— Давай срочно сюда, на Солянку, 12. Я тебя разыскиваю уже несколько дней, виза кончается! — не сказал, а скорее прокричал он в телефонную трубку.

«В хозяйство Мальцева» — так было записано в моем направлении на работу, которое мне вручил полковник Печенев.

— Вот тебе загранпаспорт, вот 4500 рублей на экипировку и другие расходы (годовая стипендия! — успел удивиться я), вот билеты до Берлина, — сказал он и добавил, что до 11 мая я должен пересечь границу в связи с окончанием срока визы.

Через два дня с Белорусского вокзала под звуки песни «А я остаюсь с тобою, родная навеки страна. // Не нужен мне берег турецкий и Африка мне не нужна» мы, медленно набирая скорость, расставались с Москвой, с Родиной. Вот и Брест, таможня. Таможенник, выложив из чемодана все металлические предметы, продолжает шуровать в нем, вытаскивает подушку, крутит ее в руках. Тут я вспомнил, что в ней у меня еще год назад спрятан золотой корпус часов, которые я купил по просьбе сестры, но так и не отправил, продав механизм для оплаты расходов на печатание и оформление дипломного проекта.

— А это у вас что такое, молодой человек? — показывает мне находку таможенник.

— Подушку купил в Москве, на Тишинском рынке, а что в ней — не знаю, — слукавил я, взяв грех на себя.

— Сейчас проверим, это похоже на золото, — продолжил он и исчез куда-то на несколько минут.

— Держите вашу поклажу, это не золото, — сказал он, возвращая мне документы и чемодан.

Так закончилась история с моим приобретением у входа на рынок, ловко разграничная тишинскими жуликами перед опытным покупателем. Он вручил мне мое «золото» обратно, я с досады пошел в туалет, бросил его в унитаз, дернул за ручку, и оно куда-то уплыло.

Итак, мы в Берлине на Силезском (Вос-

точном) вокзале. Осматривая и знакомясь с ним, я обратил внимание на большой застекленный проем с надписью «Ресторан». Там никого не было, и только за одним столиком сидел посетитель в сером спортивном костюме с тиролькой на голове, сзади которой, как и положено, торчал хвостик. Немец, решил я. Вдруг этот немец, не вставая с места, начинает манить меня пальцем. Что за фамильярность, — подумал я и отвернулся. Но тут же почему-то вновь повернулся в сторону этого немца, и та же картина — пальчик! Я начал внимательно присматриваться к нему и признал в этом «немце» Николая Брезгунова — прошлогоднего выпускника нашего института. По его предложению мы успели посетить Рейхстаг, из пола которого он выковырял себе на память кусочек смальты.

«Пол, по которому ходил Гитлер», — говорил он.

До отхода поезда мы со всей своей группой успели посетить только что открытый памятник нашим воинам в Трептов-парке.

На следующий день, уже поздно вечером, мы достигли конечной цели нашего пути — г. Карл-Маркс-Штадта (ныне снова переименованного в Хемниц). «Хозяйством Мальцева» называлась, как мы поняли по прибытии сюда, войсковая часть № 27304, впоследствии преобразованная в Советско-Германское акционерное общество «Висмут» (СГАО «Висмут») со штаб-квартирой в Зигмар-Шенау на одной из окраин города, рядом с железнодорожным вокзалом. В то время в его систему входили управления материально-технического снабжения, капитального строительства, административное и геологическое, ряд других вспомогательных подразделений, ну и конечно, режимные службы с политотделом. Инфраструктура, или так называемые Объекты, были представлены к нашему приезду уже довольно широкой сетью горнодобывающих, разведочно-поисковых и обогащительных предприятий, а также предприятий инженерно-технического обеспечения.

Начальником этого «хозяйства» был М. М. Мальцев, еще в недавнем прошлом боевой генерал-майор, прошедший через горнило Великой Отечественной войны. Он командовал военно-строительными частями, сооружая сначала оборонительные рубежи, начиная с Брянска, а затем участвуя в военно-инженерной подготовке наступательных операций Верховного командования. Заключение, по иронии судьбы, стала для него операция по разгрому фашистской группировки под Сталинградом, разработанная Генштабом в 1942–1943 гг. и получившая название... «Уран»! В 1943 г. после успешного завершения операции М. М. Мальцев был отозван на строительство

комбината «Воркутауголь», а в 1946 г., как он пишет в автобиографии, был «направлен в Германию со специальным заданием по разработке урановых месторождений и добыче стратегического сырья».

Новейшую историю создания и расширения сырьевой базы для нашей урановой промышленности и открытия месторождений урана в Германии можно начать с Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав в 1945 г., на которой была установлена демаркационная линия раздела Германии между секторами стран-союзников и СССР.

Фактическая линия соприкосновения войск стран западной коалиции и СССР проходила восточнее демаркационной линии, в частности в районе Саксонских Рудных гор, которые в основном оказались на территории, занятой силами США, Англии и Франции. Зная о существовании урана в Рудных горах, вслед за войсками была послана американская комиссия по оценке его запасов. Немецкие геологи оценивали их скромно, едва насчитывая пятнадцать тонн, а перспективы открытия новых месторождений урана практически отрицали. Эту цифру подтвердила и американская комиссия.

Сразу после отвода войск западной коалиции за демаркационную линию, уже в 1945 г., сюда, с той же целью оценки запасов урана в Рудных горах, направляется советская комиссия под руководством С. П. Александрова. Он был одним из первых ветеранов отечественной урановой промышленности. Еще в 1914 г. вместе с Д. И. Щербаковым, тогда еще студентом Петербургского горного института, он принимал участие в Московской радиевой экспедиции, нацеленной на обнаружение радиевых минералов в Средней Азии. В дальнейшем он был активным участником восстановления и эксплуатации рудника Тюя-Муун в 1922–1925 гг., а в 1938–1954 гг. был связан с изучением и развитием производительных сил северо-восточных районов страны. Именно в этот период он был отозван для работы в вышеупомянутой комиссии. В ее состав входил крупный минералог, впоследствии (1953) академик А. Г. Бетехтин и ряд других крупных советских ученых-геологов. Их оценка запасов урана была в десять раз больше той, которую дали американцы. Начавшийся в связи с этим разворот поисково-ревизионных работ резко увеличил и эту цифру, которая уже к концу 1946 г. выросла еще в десять раз и достигла 1500 тонн. Это большая заслуга советских геологов и геофизиков — Р. В. Нифонтова, Д. Ф. Зимина, Г. Н. Котельникова, П. В. Прибыткова, И. В. Чиркова, З. А. Некрасовой и других специалистов, прибывших в 1946 г.

в Саксонскую промышленно-разведочную партию — пионеров открытия крупнейших запасов урановых руд в Рудных горах. Обнаружение урана с помощью ревизионных работ в старых горных выработках, пройденных ранее для добычи других элементов пятиметалльной формации, открытие новых месторождений более современными методами и аппаратурой следовали одно за другим. Запасы урана росли как снежный ком, рассыпавшись широким ожерельем по северным склонам Рудных гор, увеличив ранее полученные результаты в десятки и сотни раз! За эти достижения М. М. Мальцеву, С. П. Александрову, Р. В. Нифонтову в 1949 г. были присвоены звания Героев Социалистического Труда, а Д. Ф. Зимину, Г. Н. Котельникову, А. А. Шафранову, В. М. Шишову и ряду других работников, осваивавших открытые месторождения, — звания лауреатов Сталинской премии первой степени.

В мае 1947 г. Саксонское горное управление было преобразовано в отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут», а в феврале 1948 г. М. М. Мальцев, уполномоченный доверенностью ГУСИМЗ (Главное управление советского имущества за границей) при Совмине СССР, подписал акт сдачи-приемки немецких горнорудных предприятий в собственность СССР в счет репараций с Германии.

Но вернемся к началу моей трудовой деятельности в этом огромном горнорудном производстве. В большом просторном кабинете, куда мы пришли с начальником геофизического отдела В. И. Холминым, за т-образным столом сидел М. М. Мальцев. После короткой беседы со мною он спросил у Виктора Ивановича:

— Куда мы его?

— В Беренштайн на Объект 7, там у нас пока никого нет, кроме военнослужащих, — ответил Виктор Иванович.

На следующий день я был в Беренштайне — пограничном с Чехословакией городке, часть которого была расположена на ее территории и называлась Вайперт. Директором Объекта в то время был Наум Маркович Темкин, с которым мы встречались, правда, на разных возрастных уровнях. Я признал в нем руководителя профкома на апатитовом руднике в г. Кировске, где в начале тридцатых годов я учился в школе. Так, с ходу, у нас установились добрые отношения с воспоминаниями о Хибинах, горах Кукисвумчорр и Юкспор, где добывали апатит-нефелиновые руды. Обрисовался и круг моих задач после первого знакомства с Объектом на шахтах и непосредственно в рудных забоях, по которым меня весьма бойко прогоня-

ли военнослужащие. Они практически бежали по выработкам, низко наклонившись, чтобы не удариться о какой-либо выступ пород сверху или сбоку. Я понял, что это была проверка: каков новый начальник, сможет ли он так же быстро бегать и лазать по горизонтальным и вертикальным выработкам? Несмотря на то, что горные выработки были для меня в новинку — ведь нас в институте готовили в основном на полевые поисковые работы — экзамен я выдержал. Наши солдаты и офицеры были моей первой опорой в работе. Сразу после победы в Великой Отечественной войне они были брошены в новый бой, за уран, и развернули это сражение широким фронтом, выполняя функции от начальников шахт, главных инженеров, геологов, геофизиков до рядовых радиометристов-операторов, коллекторов, взрывников и других специалистов. Работали они просто прекрасно. У меня со всеми ними установились хорошие дружеские отношения.

Круг задач, теперь уже наших, сводился к радиометрическому контролю за процессом добычи руды, к сокращению ее потерь на всех этапах производства, обеспечению исправной аппаратурой шахт и поисковых эманационных работ, организации каротажного отряда, лаборатории, камеральных работ и многому другому. Надо отметить, что вскоре у меня появились и первые гражданские специалисты — жена нашего политрука, майора Васина, которую я назначил заведующей лабораторией, и жена главного геолога шахты № 34 Сергея Игнатьевича Егорова, руководившая камеральной группой. Мастерской по ремонту геофизической аппаратуры руководил Миша Тылисов — мой большой помощник из солдат, ранее угнанных из нашей страны и призванных в армию при их освобождении в Германии. Как же они не любили немцев!

Вместе мы ввели количественную калибровку рудничных радиометров (эталонов не было!) непосредственно при их получении и спуском в шахты, используя для этой цели те же руды, но запаянные в металлические трубки. Располагая датчики на установленных от них расстояниях, радиометрист отмечал положение стрелки прибора для каждого из сортов руд. Это были прообразы будущих ЭМК — эквивалентных мер концентрации, которые в дальнейшем я широко использовал в различных областях радиометрии. Для оценки возможных потерь руды в отвалах я ввел их гамма-съемку с составлением планов на маркшейдерской основе. К концу года геологоразведочная партия Объекта, благодаря проведенным ревизионным работам и эманационной съемке, существенно при-

растила запасы урана, обеспечив перспективу развития объекта.

По-прежнему оставался острым вопрос обеспечения аппаратурой всего комплекса радиометрических работ. На Объектах радиометры насчитывались единицами, в лучшем случае — десятками, а требовались сотни и тысячи! На одном из совещаний у начальника геологического управления Р. В. Нифонтова в присутствии М. М. Мальцева геологами и геофизиками принимается решение о производстве аппаратуры непосредственно силами СГАО «Висмут». В г. Цвиккау, в тридцати километрах к западу от Зигмар-Шенау, был создан Объект 100. Быстрыми темпами на смену отечественным ПР-5, 6, 7 разрабатывается серия «висмутовских» радиометров:

1. РЗ — радиометр забойный, с индикацией гамма-излучения на слух головными телефонами.

2. РУ — радиометр универсальный, с удлиненной гильзой (датчиком), позволявший контролировать шпурь, высокие «потолки» в блоках благодаря телескопическому держателю датчика, имевший слуховую и визуальную индикацию, ставший на многие годы основным прибором.

3. РУ (к) — каротажный вариант того же прибора, оснащенный кабелем длиной 120 м и набором сочленяющихся штанг для каротажа горизонтальных и вертикальных (восходящих) скважин камерно-алмазного бурения.

4. РКС — радиометрическая контрольная станция для контроля горнорудной массы в вагонетках и автомашинах; в последующие годы было выпущено несколько модификаций таких установок.

5. РАС — радиометр автоматической сортировки руд на транспортерах, прообраз будущих радиометров для РОФ (радиометрических обогатительных фабрик) и количественных определений содержания урана в движении.

6. КАС — контрольная автоматическая станция, созданная на базе РАС, но со звуковой или световой индикацией для контроля за возможной утечкой руды на шахтных проходных.

7. АРКС — автоматическая контрольная станция, отличающаяся от РКС автоматической подачей вагонеток в зону контроля и автоматическим управлением перевода стрелок при разгоне вагонеток по бункерам с заданным содержанием урана (четыре сорта).

8. ЛБР — лабораторный бета-радиометр.

9. РКМ — радиометр командирский малогабаритный, в кожаном футляре которого были все элементы обычного радиометра; вес его не превышал 300 граммов.

Основной вклад в разработку этих

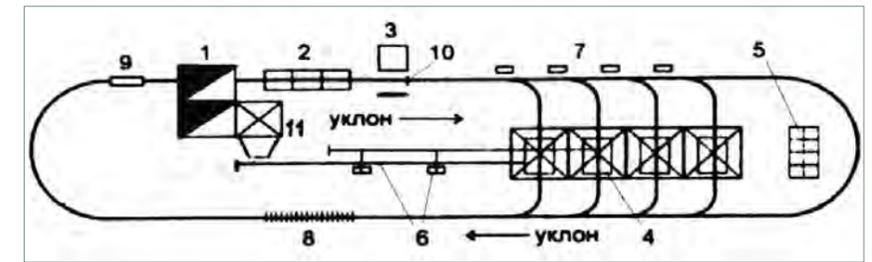

Схема радиометрического контроля горнорудной массы на поверхностном комплексе урановой шахты. Разработка УКС СГАО «Висмут», руководитель Л. Н. Миронов (начало 1950-х гг.):

- 1 — ствол шахты с вагонеточным и скиповым подъемниками;
- 2 — вагонетки;
- 3 — установка РКС или АРКС;
- 4 — круговые опрокиды и бункеры породы и руды;
- 5 — зона контроля штупфных руд в ящиках;
- 6 — транспортеры с установками РАС;
- 7 — электромагнитный перевод стрелок;
- 8 — компенсатор высоты;
- 9 — толкатель вагонеток;
- 10 — стопор;
- 11 — приемный бункер скипа с питателем.

и последующих приборов внес молодой и талантливый радиоинженер Ю. И. Иванов. Все разработки этого периода связаны с его именем. Мы на Объектах принимали участие в их испытании, освоении и при необходимости в уточнении отдельных параметров совместно с Юрием Ивановичем, который был постоянным и заинтересованным представителем завода на наших Объектах. Радиометр РАС разработан Л. Ч. Пухальским совместно с группой военнослужащих. За какие-то два-три года геофизическая служба «Висмута» была полностью укомплектована необходимой аппаратурой. Ряд приборов поставлялся в соцстраны и даже в СССР, где я их встречал много лет спустя на наших урановых предприятиях.

В 1950 г. вслед за провозглашением ГДР (7 октября 1949 г.) встал вопрос о снижении себестоимости добываемого урана. Одной из таких мер было объединение, укрупнение Объектов. Наш Объект в Беренштайне соединили с Объектом 4 в Аннаберге, и я был назначен главным геофизиком этого укрупненного Объекта 7. Одним из моих друзей был начальник ОТИЗ (отдел труда и зарплаты) Джон Викторович Быстров. Будучи сыном генерала МВД, он часто по воскресеньям посещал друга своего отца — одного из заместителей М. М. Мальцева. Каждое такое посещение он широко афишировал у нас в столовой:

— Анчоусы опять отведал у генерала — ах, какая прелесть, — смаковал он.

Но однажды я встретил Джона в сопровождении старшего лейтенанта Саши Беспалова, тоже моего друга.

— Куда ты его? — спросил я. — За что?

— За анчоусы, — ответил Саша.

Так мы расстались с Джоном Викторовичем. Больше я его не встречал. Как вскоре стало известно, тот заместитель Мальцева, у которого Джон ел анчоусы, сбежал на Запад, в американскую зону. Впоследствии его догнали оттуда наши «длинные руки» и, закрученного в ковер, вернули обратно, отправив в Москву.

Этот случай побега своего заместителя дорого обошелся М. М. Мальцеву. Как рассказывал много лет спустя его сын В. М. Мальцев, к этому времени уже член-корреспондент АН РФ, Михаила Митрофа-

новича вскоре после этого происшествия вызвали к «хозяину». Он прилетел на служебном самолете в Москву. Дома все переживали: что-то будет завтра? Мать собрала поутру кое-какую поклажу, необходимую в таких случаях, рассчитывая на худшее, и он на машине, поданной от Л. П. Берии, отправился к тому на доклад.

— Сулейменов не мною назначен, его направили ко мне по вашему указанию, — сказал Мальцев.

Они поговорили на эту тему еще немного.

— Ну ладно, пойдем к «хозяину», — сказал Берия, — он нас ждет. Как он скажет — так и будет.

Шагая с трубкой по кабинету, И. В. Сталин расспросил Мальцева, как идут дела по урану, каковы перспективы увеличения добычи? Ответами Мальцева он, по-видимому, остался доволен и сказал: «Хорошо, поезжайте обратно, продолжайте свою работу».

Но вскоре после возвращения его из Москвы в СГАО «Висмут» прибыл В. Н. Богатов. Среди нас поползли слухи, что это будущий преемник начальника нашей войсковой части № 27304. С тех пор в течение почти года мы видели их только вместе и искренне сочувствовали в душе нашему руководителю и организатору СГАО, догадываясь о его замене.

Летом 1951 г. в Аннаберге меня посетил: Л. Ч. Пухальский, к этому времени ставший начальником геофизического отдела в управлении СГАО, и П. И. Солонков — старший инженер отдела по аппаратуре. Они предложили мне должность главного геофизика на самом крупном в то время Объекте по добыче урана — Объекте 2 в Обершлеме. Не без колебаний я согласился: главным геофизиком там работал мой приятель по институту Петр Ларионов.

— Ты обрати там внимание на малый выход беднофабричных руд, — сказал мне в отсутствие Леонид Чеславич. — Нас рокировали.

Город Обершлема до войны был всемирно известным курортом радоновых вод, концентрация радона в них превышала 20 тыс. эман (2 млн кюри) на литр при фоновой концентрации всего около одного эмана. Здесь до войны был построен прекрасный ансамбль «Куротель», основу которого составлял четырехэтажный ш-образный корпус.

В нескольких километрах к западу располагался Шнееберг и примерно на таком же расстоянии к востоку — Ауэ, горнорудные предприятия Объекта 9, набиравшие к этому времени темпы роста добычи урана, и в первую очередь месторождение Нидершлема-Альберода, где главным геологом работал мой сокурсник по институту Альберт Дьяконов. Впоследствии он

говорил: «После моего прихода и анализа геологической обстановки на месторождении я развернул направление горных выработок на девяносто градусов, и пошел «большой уран»».

Наши Объекты были рядом, а впоследствии они сбились под землей горными выработками.

В Обершлеме в моем распоряжении было около тридцати инженерно-технических работников, из которых десять — главные геофизики шахтных управлений. Я достаточно быстро освоился на новом месте и стал присматриваться более внимательно к работе операторов на подземных установках РКС. При очередном посещении шахтоуправления № 4 вместе с его главным геофизиком Ю. В. Хромовым мы задержались на одной из них.

ХРОМОВ Юрий Васильевич (род. 1926). Окончил геофизическое отделение геологоразведочного факультета Московского нефтяного института имени Губкина (в 1949 г.). В 1949–1954 гг. — старший геофизик, главный геофизик рудника, начальник геолого-геофизического отдела СГАО «Висмут».

Наблюдая за показаниями прибора и последовательностью прохождения вагонеток, я заметил, что у некоторых из них стрелка отклоняется не вправо, а влево, зашкаливая за нулевую отметку. Обратив на это внимание Юрия Васильевича и оператора, я попросил последнего вывести «ноль» прибора в среднее по шкале положение, благо такая возможность была в нем заложена. И опять стрелка прибора у некоторых вагонеток солидно и медленно поползла до тридцати делений влево!

— Похоже, что «ноль» прибора находится где-то здесь, — и я показал на новое положение нулевой отметки.

Несколько подумав, Хромов согласился.

— У вас при прокатке вагонеток через РКС с них, по-видимому, сыпается руда и постепенно это приводит к повышению фона в области расположения кассет со счетчиками, а при установке между ними вагонеток с низким или близким к нулю содержанием урана в руде происходит экранирование этого «фона» и стрелка прибора идет влево, зашкаливая за ноль.

— Пожалуй, да, — снова согласился со мной Юрий Васильевич.

— Надо вводить нулевые вагонеточные эталоны, — сказал я, — а пока выберите вагонетку с наименьшим содержанием урана и примите ее показания за ноль.

Наутро мне позвонил Л. Г. Шварц — главный инженер Объекта, раньше других приходивший на работу.

— Что ты там натворил? Давай вставай

и делай то же самое на других шахтоуправлениях. И никаких экспериментов: делай везде так же и сейчас же, — сказал он после приведенных мною выше пояснений.

Эффект превзошел все ожидания. Шахта, которая не выполняла план по выдаче бедных руд, к утру следующего дня оказалась впереди других по этому показателю! На автомобильной РКС стали образовываться очереди. Еще через день Лев Григорьевич вызвал нас с Н. К. Кошколдой — начальником ОТК, в ведении которого находилась приемка руды.

— Вы видите, что творится на автомобильной РКС. Даю вам один день, и чтобы завтра же не было очередей, поставьте вторую РКС!

Так был решен вопрос выхода беднофабричных руд.

Лев Григорьевич был замечательным руководителем и специалистом. До этого он работал в «Гипроникеле» в Ленинграде и часто бывал в Мончегорске на комбинате «Североникель». Нам, еще молодым специалистам, было чему у него поучиться.

Мой предшественник П. С. Ларионов оставил мне в наследство 1200 км горных выработок, по которым не было проведено гамма-профилирование. Этот «презент» мне преподнес Е. Т. Данько, бывший в то время главным геологом Объекта, на совещании у Г. Г. Солопова — заместителя генерала по геологии. А что такое 1200 километров выработок? Это только на бумаге по маркшейдерским планам в масштабе 1:1000 один километр и двести метров! Прошу начальника отдела кадров подобрать мне 12–15 грамотных женщин для проведения камеральных работ по составлению профилей. Материалы самого профилирования поставляли шахты, хотя и эта работа была не из легких даже для коллектива операторов более 1000 человек, из которых я не мог использовать для этих целей свыше десяти процентов, не ослабляя контроль забоев. Четыре-пять моих новых работниц я разместил в своей рабочей комнате.

И тут мне позвонил из Зигмара Л. Ч. Пухальский.

— Надо послать людей на курсы главных геофизиков шахт.

— Людей у меня нет, — отвечаю я, не подумав о последствиях, — есть только женщины.

Что тут началось!

— А мы что, не люди? Мы, может быть, тоже хотим на курсы главных геофизиков шахт!

— Кто из вас, — спрашиваю я, — желает работать под землей?

— Я! — бойко отвечает А. Т. Ахметченко,

артистка из Башкирского драматического театра.

Надо сказать, что она хорошо справлялась со своими новыми обязанностями на небольшой шахте № 65, не стесняясь своей горняцкой робы, которую она артистически надевала перед спуском в шахту.

Удивил нас однажды и сам Ахметченко — главный геофизик шахтоуправления № 6. Как-то раз он отнес на ремонт в нашу радиомастерскую свой портативный по тем временам радиоприемник весом не более трех килограммов, собранный на двойных радиолампах.

— Захожу в мастерскую, — говорит он, — и вижу, как ребята, солдаты, ремонтируют какой-то радиоприемник. И вдруг мы слышим:

— ...предатель и англо-американский шпион, изменник Родины Берия арестован!

— По дороге к вам, — продолжал он, — я встретил полковника Н. С. Чугунова, с которым мы часто сталкивались по контрольной аппаратуре на шахтных проходных и по другим режимным делам, — грамотного офицера и специалиста своего дела, и рассказал ему только что услышанное.

— Цыц! Замолчи и никому об этом не говори, если не хочешь неприятностей, — отреагировал полковник.

Но уже к вечеру все об этом знали. Ахметченко был прав!

Начиналась замена кадров, отработавших свой срок за рубежом. Вместо наших Я. С. Мальченко и Л. Г. Шварца с Объекта 1 из Иоганнсгеоргенштадта, где недра по урану были уже существенно подработаны, были переведены на должности начальника Объекта и главного инженера В. Я. Опланчук и Н. Ф. Дьяконов.

Меня вскоре перевели в управление СГАО «Висмут» в Зигмаре в связи с отъездом Л. Ч. Пухальского. В управлении мне много времени приходилось уделять подготовке вновь прибывающих из Союза геофизиков — военнослужащих, которые приходили на смену демобилизованным — читать лекции вплоть до генералов, проявлявших интерес к урану не только для того, чтобы быть в курсе службы их солдат и офицеров, но и для того, чтобы осознанно воспринимать суть нарастающей атом-

Ю. В. Хромов

После возвращения с одного из Объектов. Справа, в форме горного инженера первого ранга — Н. И. Калякин (1953 г.).

ной мощи страны в целом. Значительное внимание приходилось уделять выпуску и разработке аппаратуры на заводе.

Но подходил к концу срок и моего пребывания за рубежом (я пишу «пребывания», как говорят кадровики, хотя на самом деле это были годы напряженнейшего труда и моего профессионального роста).

Работая в СГАО «Висмут», мы не только обеспечили развивающуюся атомную промышленность страны сырьем, давая львиную (до пятидесяти процентов) долю урана, когда отечественная горнодобывающая урановая отрасль еще только на-

Акционерное общество «Висмут»

Сразу после окончания Второй мировой войны в штабах американской армии рассматривался документ, в котором ставилась задача атомной бомбардировки двадцати, а затем и семидесяти городов нашей страны — Москвы, Ленинграда и многих других крупных промышленных центров. В апреле 1949 г. было объявлено о создании Организации Северо-Атлантического договора (НАТО). Американская печать сообщала, что «создан союз, целью которого является война с Советской Россией». После успешного испытания первых атомных бомб в Советском Союзе Сталин говорил, что если бы мы задержались с этим на один-полтора года, то испытали бы на себе американские атомные бомбы.

За годы войны американские ученые успели не только разработать и испытать атомную бомбу в пустыне штата Невада, но и применить ее, практически полностью уничтожив японские города Хиросиму и Нагасаки. К началу Второй мировой войны все основные теоретические исследования по предстоящему овладению новым видом энергии — атомной — в Германии, СССР, Франции, Англии и США были успешно завершены. В нашей стране этот процесс затруднялся не только из-за участия в войне, но практически полного отсутствия самого урана. Его запасы, не говоря уже о добыче, были весьма скромными, и требовалось срочное выявление новых ураноносных провинций и месторождений, как на территории Советского Союза, так и на территории поверженной Германии.

О наличии урана в Германии известно было давно. Он добывался здесь еще в XIX веке для использования в качестве красок. Именно здесь еще в 1789 г. он был открыт в Рудных горах как новый элемент немецким химиком М. Г. Клапротом. Новая эра использования урана как источника атомной энергии связана с именами французских ученых — А. Беккереля, М. и П. Кюри

бирала силы, но были готовы выполнить другие задачи в этом направлении. Мы с чувством выполненного долга, с достоинством и благодарностью к немецкому народу покидали Германскую Демократическую Республику.

В памяти остались замечательные люди. Помимо упомянутых выше это главные геофизики шахтоуправлений — Ю. И. Булгаков, И. Г. Жувагин, И. Г. Зотов, А. Г. Кузнецов, А. И. Смелов, А. М. Сорокин и многие, многие другие, с которыми мне довелось вершить эти большие дела.

и многих других их последователей, в том числе российских и советских, открывших и изучавших исключительное свойство урана — радиоактивность. Тем не менее немецкие геологи не находили его на территории своей страны в достаточных количествах и ввозили урановые руды (концентраты) из других стран.

После разгрома Германии наши союзники по антифашистской коалиции провели ревизию запасов урана в недрах (известная миссия «Алсос»), после окончания которой согласились с оценкой немецких геологов (15 тонн). Сразу после отвода войск союзников за демаркационную линию, установленную на Крымской конференции глав правительств трех союзных держав — И. Сталина, Ф. Рузвельта и У. Черчилля (4–11 февраля 1945 г., Ялта), сюда, в саксонские Рудные горы, в том же 1945 г. срочно направляется советская комиссия, в задачу которой вменяется экспертиза запасов урана в советской оккупационной зоне.

Экспедиция работала под руководством С. П. Александрова, одного из ведущих специалистов по радиоактивным рудам того времени. Еще в 1922 г. он проводил обследование Тюя-Муюнское месторождения радиоактивных руд в Средней Азии (современная Киргизия), а в последующие годы был связан с работами на Дальнем Востоке и Колыме, и уже в 1945–1946 гг. присутствовал на испытаниях атомной бомбы США на атолле Бикини, был советником А. А. Громько в Атомной комиссии ООН. Результаты работы комиссии, благодаря, в первую очередь, опыту и геологической интуиции С. П. Александрова, были весьма обнадеживающими — его оценка запасов урана в Рудных горах составила 150 тонн! И это при том, что запасы урана на всех известных к тому времени месторождениях Советского Союза (Тюя-Муюнское, Табошарское и другие) были соизмеримы с

11 Город Чкаловск был основан в 1946 г. как поселок при Лени-набадском горно-химическом комбинате (прим. ред.).

этой цифрой. На минерально-сырьевой базе наших месторождений уже в мае 1945 г. был создан первый горно-химический комбинат № 6 по добыче и переработке урановых руд (Чкаловск¹¹, Таджикистан).

Для более глубокого изучения ураноносности Рудных гор в сентябре 1945 г. создается геологоразведочная партия, которая уже в апреле 1946 г. преобразуется в промышленно-разведочную под руководством Р. В. Нифонтова. Партия в быстром темпе провела ревизионные работы на известных месторождениях цветных металлов — Иоганнгергенштадте, Обершлеме, Шнееберге, Аннаберге и Брайтенбрунне с оценкой в их недрах запасов урана и попутной добычей его. Цифра оказалась ошеломляющей (1500 тонн) и доселе неизвестной для исследователей земных недр! В июле того же года партия укрупняется, и на ее базе создается Саксонское горное управление, преобразованное позднее в отделение Советского государственного акционерного общества цветной металлургии «Висмут», в комплекс работ которого входила в том числе и плановая добыча урана. В 1948 г., благодаря успешным поисково-ревизионным работам, вводятся в эксплуатацию месторождения Беренштайн, Мариенберг, Фрайталь, Нидерпелль, Сайфенбах и крупнейшее по запасам урана месторождение Нидершлема-Альберода. В следующем, 1949-м, году интенсивные поисковые и разведочные работы привели к открытию месторождений Цобес, Шнекенштайн и Берген.

Из года в год лавинообразно росло количество открываемых месторождений, которые широким ожерельем рассыпались по северным склонам Рудных гор. Одновременно росла и добыча урана. Ежегодно наращивая его запасы, которые в десятки и сотни раз превзошли приведенные выше цифры, СГАО «Висмут» последовательно превращалось в комплекс горно-химических предприятий. Максимальное количество работающих в «Висмуте» достигло в 1950 г. 196 тыс. человек, количество советских специалистов — 11 тыс. и военнослужащих — 10 тыс. человек.

Правительство СССР и лично И. В. Сталин постоянно держали добычу и наращивание запасов урана под особым контролем. В СГАО «Висмут» приезжали В. М. Молотов и А. И. Микоян.

Частыми гостями во Дворце культуры были работники искусства — труппы ГАБТ, театров Советской армии и имени Вахтангова, Краснознаменный ансамбль песни и танца имени Александрова, хор имени Пятницкого, Воронежский и Уральский народные хоры, певцы — Д. Михайлов, Л. Зыкина, артисты кино — Н. Черкасов, М. Ульянов и многие другие.

Отто Гротеволь и Вячеслав Молотов в Иоганнгергенштадте.

Особенностью добычи урановых руд является наличие продуктов его распада — радия и радона — газа, не имеющего запаха, вкуса и цвета, с удельным весом в несколько раз выше воздуха. Он гремучей змеей опускается вслед за горнорабочими на все более глубокие горизонты по мере отработки месторождений. Опасность его и продуктов его распада заключается в высокой токсичности, связанной с ионизирующими излучениями. В отличие от других факторов горного производства — горных ударов с выбросом больших масс породы, углеводородов, в частности, метана, которые в значительной степени являются случайными и к настоящему времени не полностью предсказуемы, радоновыделение, или, говоря более строгим языком — эманирование горных пород, является постоянно действующим фактором. Концентрация радона может быть определена в любую минуту и даже заранее рассчитана по коэффициентам эманирования руд, их агрегатного состояния и концентрации урана. Для подавления радоновыделения при проходке горных выработок широко применялось покрытие стенок слоем бетона, что резко снижало его концентрацию. Для снижения степени воздействия радона и пылеподавления использовались фильтры Петрянова, бурение шпуров было мокрым, применялось орошение выработок водой.

На горизонтах, глубина которых достигала 1800 метров, например, на месторождении Нидершлема-Альберода, где температура благодаря геотермическому градиенту (29,4 м/град) поднималась до 50–60 и даже 65 °С, проветривание выработок осуществлялось охлажденным кондиционированным воздухом. В рудных забоях, где мощности дозы излучения повышались до предельно допустимых, производилась ротация забойной группы горняков с переводом их на проходческие безрудные

забои (защита временем от ионизирующих излучений). Все эти мероприятия позволили обеспечить нормальные условия работы и свести до минимума случаи профессиональных заболеваний, что контролировалось и подтверждалось ежегодными медицинскими осмотрами всего персонала.

В 1953–1955 гг. стала функционировать дозиметрическая служба, а позднее и экологическая, в задачи которой входило выяснение влияния деятельности СГАО «Висмут» на окружающую среду и население.

В СГАО «Висмут» использовались пионерские и передовые технологии, разработанные здесь в производственных процессах, к работе привлекались научно-исследовательские и проектные институты нашей страны, которые обеспечили высочайший уровень проводимых работ и успешное выполнение задачи в установленные сроки по безусловному обеспечению исследований И. В. Курчатова в области атомной энергии для военных, а затем и мирных целей.

Правительство страны высоко оценило самоотверженный труд советских специалистов, которых через школу СГАО «Висмут» за годы его деятельности прошло более 100 тысяч. Они с честью выполняли возложенные на них задачи. В 1949 г. после успешного испытания первой советской атомной бомбы были отмечены званиями Героев Социалистического Труда С. П. Александров, М. М. Мальцев — организатор и первый генеральный директор СГАО «Висмут», и Р. В. Нифонтов, ставший начальником Геологического управления СГАО. Из 37 удостоенных тогда звания лауреата Сталинской премии первой степени были и одиннадцать лауреатов из СГАО «Висмут». Рядом с именами таких прославленных творцов атомного оружия и техники, как академики И. В. Курчатова, Я. Б. Зельдович, Ю. Б. Харитон, Г. Н. Флеров, стояли имена С. П. Александрова, Ш. С. Данелия — начальника Объек-

та 2 в г. Обершлеме, Д. Ф. Зимина — инженера-геофизика, Г. Н. Котельникова — инженера-геолога, С. С. Панчева — главного инженера, Н. М. Хаустова — начальника плано-производственного отдела, С. А. Шафранова — зам. начальника геологического управления, В. М. Шишова — начальника ОТК, Н. М. Эсакия — заместителя генерального директора по горным работам, Б. И. Якушенкова — начальника УКС. Не были забыты и немецкие специалисты — А. Х. Ратнер и Н. В. Риль.

СГАО «Висмут» было школой передового опыта. Здесь вырастали и совершенствовались специалисты как из СССР, так и из ГДР. Многие из них и поныне работают на ответственных постах различных отраслей народного хозяйства страны. Так, например, В. В. Кротков до недавнего времени был генеральным директором ОАО «Атомредметзолото», В. Я. Опланчук — генеральным директором Киргизского ГХК, О. Л. Кедровский — директором отраслевого института ПромНИИпроект. Тысячи и тысячи висмутян работают в других ведомствах и производствах, используя опыт работы в СГАО «Висмут».

По соглашению между правительствами СССР и Германии хозяйственная деятельность СГАО «Висмут» с первого января 1991 г. была прекращена. С момента образования СГАО «Висмут» прошло около 50 лет. За это время были практически полностью выработаны разведанные запасы урана в Саксонских рудных горах. Из 718 тыс. тонн урана, добытых Советским Союзом к моменту объединения ФРГ и ГДР, 231 тыс. тонн, по данным немецкой стороны, была добыта в СГАО «Висмут». По решению правительства Германии начался снос шахтных комплексов, затопление горных выработок, рекультивация земель. Так закрылась последняя страница славной истории Советско-Германского акционерного общества «Висмут».

шло уже более пятидесяти лет, все равно я счастлив и рад, что они позволяют мне снова и снова окунуться в атмосферу тех лет, того золотого времечка, которое не забудется никогда! Да разве можно забыть те ощущения, те чувства, которые ты испытал, попав впервые в почти что в сказочные условия заграничной жизни, резко контрастирующей с нашей суровой действительностью. И в самом деле: интересная, ответственная работа на прямо-таки идеальных шахтах: сухих, не газовых и не обводненных; дружный сплоченный коллектив твоих сослуживцев; прекрасное материальное обеспечение

и отличные жилищно-бытовые условия — все это реалии той жизни, о которой мы даже не могли и подумать, но в которой волею судьбы мы очутились.

А начиналось все очень просто. В конце 1952 г. я учился на пятом курсе горного факультета Ленинградского горного института. Дело шло к завершению, на носу диплом, но никаких планов, даже наметок на будущее место работы у меня не было. Куда ехать — Донбасс, Кузбасс, Воркута, Караганда? Выбор богатый. И вот в это время у нас в деканате появился военный, майор с петлицами, указывающими на принадлежность его к ведомству МВД. Пока мы гадали, что бы это могло значить, выяснилось: да, это майор Макаров, приехавший из Москвы отбирать молодых специалистов, то есть нас, дипломников, для работы на заграничных предприятиях. Начались собеседования. Первыми пошли отличники. И сразу же начался отсев. Дело в том, что в те времена у многих советских людей родители (в основном отцы) были объявлены врагами народа (статья 58 Уголовного кодекса — измена Родине). По этой причине их дети для намечаемой работы не подходили. Таких у нас нашлось несколько человек. Кроме них, некоторые просто отказались, пожелав работать на отечественных предприятиях. В связи с этим на собеседование пошли хорошисты. У меня на пятом курсе троек не было, и я попал в их число. С родителями у меня было все в порядке (мать — домохозяйка, отец — военный), поэтому, когда мне было предложено поехать на работу за границу, то я согласился. Нас, выпускников, на горном факультете было около 120 человек (шесть групп, из которых пять — пластиковые, то есть будущие угольщики, и одна группа — рудники). Из этого количества было отобрано около двадцати человек, в том числе из моей группы ГИ-1 шесть (Готовцев, Дундуков, Лутков, Лисовский, Стеценко, Чуткин). Из других групп — Мельниченко, Половинкин, Горянов, Сазонов, Ладыгин и другие. Кроме горянок были отобраны будущие специалисты и с других факультетов — геологоразведочного, металлургического и маркшейдерского. Мы заполнили специальные анкеты, и нам было сказано ждать вызова из Москвы. 4 июля 1953 г. я защитил диплом на отлично, и мне была присвоена квалификация горного инженера по разработке месторождений полезных ископаемых. Каникулы я проводил в г. Горьком, у родителей. Именно туда и пришел в начале августа 1953 г. вызов в Москву. Я явился по вызову в организацию ГУСИМЗ (Главное управление советского имущества за границей), которое размещалось в здании недалеко от Курского вокзала. Принимала меня молодая симпатичная жен-

щина (фамилию не запомнил), которая объявила мне, что я направляюсь на работу в Германскую Демократическую Республику (предприятие — почтовый ящик № 1051). Она любезно пояснила, что это лучший вариант из имеющихся (были еще Венгрия и Чехословакия), и что материальное обеспечение прекрасное, а посему нужно одеться поскромнее и брать с собой вещей по минимуму, так как все можно приобрести на месте. В Москве я пробыл, по-моему, сутки-двое и примерно 12 августа в составе группы из 15–20 человек молодых специалистов, таких же, как и я, поездом Москва — Франкфурт-на-Одере с Белорусского вокзала отбыл в ГДР.

По прибытии во Франкфурт мы были доставлены автобусом в г. Карл-Маркс-Штадт (бывший Хемниц), где находилась главная контора нашего заграничного предприятия. Выяснилось, что мы будем трудиться в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут», генеральным директором которого был В. Н. Богатов. Часто наше предприятие называли «хозяйство Богатова». Всех прибывших стали распределять по местам работы — Объектам, которые находились в разных районах и городах ГДР. Я получил назначение на Объект 6, который находился

Главный геофизик В. Слепков и начальник ОТК Б. Готовцев на шахте №1 81.

На Объекте 6 (1954 г.). Слева направо: А. Хорошилов, Г. Зырянов, Б. Готовцев, Л. Зворыгин, В. Селиванов.

Б. Е. Готовцев — выпускник ЛГИ.

Борис Евгеньевич Готовцев

Незабываемые годы

Начиная свои воспоминания о моем пребывании в ГДР, могу с уверенностью сказать: нам чертовски повезло, что мы после окончания института попали именно в АО «Висмут» и именно в ГДР, а не в какую-то другую страну.

Да, это были незабываемые годы, память о которых сохраняется на всю жизнь. Просматривая многочисленные фотографии тех времен, я вспоминаю и узнаю знакомые лица своих товарищей и сослуживцев. И хотя не могу всех назвать по фамилии, ведь про-

в г. Ауэрбах, что в Саксонии. На первое время нам выдали деньги — это были марки. После окончания процедуры оформления и устройства в гостинице, поскольку на свои Объекты мы разъезжались на следующий день, мы решили погулять по городу. Впечатления незабываемые! Поразила в первую очередь пустота улиц, хотя было всего около 19–20 часов вечера. Где люди? Куда они все подевались? Нам это было в диковинку. Потом выяснилось, что такая картина характерна не только для ГДР, но и для других стран (Польши, Венгрии, Чехословакии и других). Вызывали восхищение чистота

Наш клуб.

и ухоженность улиц и домов, много зелени и цветов и, конечно, наличие всевозможных товаров в магазинах. Не откладывая дел в долгий ящик, я сразу же купил светлый летний костюм, чтобы сменить свой потрепанный пиджачишко черного цвета и такого же сорта брюки. Теперь я уже выглядел позаграничному, так что не стыдно было показаться на Объекте. Про характер будущей трудовой деятельности нам в конторе ничего не было сказано, и мы строили разные догадки по этому поводу: что это за висмут, каким образом его добывать и так далее.

На следующий день я на автомашине, которая приезжала из Ауэрбаха, выехал на место своей работы — Объект 6. Сразу бросилось в глаза прекрасное состояние дорог — мы ехали по автобану, построенному, очевидно, после прихода Гитлера к власти, который такими автобанами застроил всю

Германию. Где-то через час пути вдали показались в синеватой дымке горы.

Это же саксонские Рудные горы, подумал я и спросил у шофера (он был немец):

— Sind das Sächsisches Erzgebirge?

— Ja, ja, — был ответ.

Так вот где мне предстояло трудиться? Примерно через полтора часа мы были на месте.

Управленческий аппарат Объекта располагался в большом трехэтажном здании в центре города. Здесь, в отделе кадров, я получил назначение на должность старшего инженера-контролера шахты № 181, которая находилась в местечке Готтесберг примерно в 20 километрах от Ауэрбаха. Всего в составе шестого Объекта значилось 5 шахт, самой крупной из которых была шахта № 277 (месторождение Цобес), затем шахты № 364, 241 (Шнекенштайн), № 181 и 254 (Берген). На каждой шахте имелся отдел технического контроля в составе начальника отдела и одного или нескольких старших инженеров-контролеров (в зависимости от мощности шахты). Работники отдела должны были обеспечивать контроль за правильностью технологии добычи полезного ископаемого, а также определение его количества и качества с последующей отгрузкой потребителю. Административно отдел подчинялся руководству шахты (начальнику и главному инженеру), по всем же остальным вопросам (определение количества добытых ископаемых, качества, транспортировки) работники отдела руководствовались инструкциями и положениями, исходящими из отдела технического контроля, входящего в состав основных подразделений данного Объекта. В свою очередь ОТК Объекта непосредственно подчинялся восьмому отделу главной конторы АО «Висмут». Начальником ОТК Объекта 6 был в то время М. И. Аксенов, старшим инженером — А. Жевлаков. Начальником восьмого отдела АО «Висмут» был Н. В. Любченко.

После своего представления руководству ОТК Объекта я пошел устраиваться с жилплощадью. У меня было направление в одну из комнат общежития для прибывающих специалистов, которое оказалось совершенно незаселенным, со следами недавно выехавших из него жильцов (обрывки бумаг, газет, остатки еды и т. д.), что произвело на меня крайне нехорошее впечатление. Расстроенный, я вышел на улицу и тут же столкнулся со своими однокашниками из института — Сазоновым и Ладыгиным, которые прибыли на Объект несколькими днями раньше меня. Они тут же предложили мне перейти к ним, благо комната была большая. Я согласился. Выяснилось, что они оба тоже попали по распределению в ОТК:

Сазонов — на шахту № 277, а Ладыгин — на шахту № 244. Здание общежития находилось возле столовой, что было очень удобно, так как нам предстояло в ней завтракать, обедать и ужинать.

На следующий день на автобусе, который доставлял советских специалистов к месту работы, я прибыл на шахту № 181. Автобусы отходили от столовой (на каждую шахту свой автобус). После окончания рабочего дня эти же автобусы доставляли нас с шахт опять же к столовой. Очень удобно.

Начальником шахты № 181 был Кузин В. Д., по специальности механик — крепко скроенный молодой мужик, старше

качественная руда с высоким содержанием урана, так называемая «смолка», залежала на значительной глубине в виде жил различной мощности с большим углом падения, очень часто почти вертикально. Узнав, что я угольщик, он прочитал мне целую лекцию о способах и технологии добычи урана, его транспортировке, определении его количества и качества. После этого мы отправились в шахту. Основной горизонт был вскрыт вертикальным стволом, оборудованным клетевыми подъемниками. Глубина ствола составляла порядка 300–400 метров. От ствола отходил квершлаг, вскрывавший залегающие в недрах урановые жилы,

У Бранденбургских ворот.

меня, может быть, на год-два, главным инженером — В. В. Тризна — инженер с большим производственным стажем, возрастом где-то около 50 лет. В то время все основные подразделения шахты возглавляли советские специалисты: главный геолог — А. Коберидзе, главный маркшейдер — А. Глазунов, главный механик — В. Черкасов, начальник БВР — Т. Лайко, главный геофизик — В. Слепков. Меня направили к начальнику ОТК шахты Г. И. Киселеву — симпатичному молодому человеку чуть постарше меня. Мы расположились в его кабинете, и он начал вводить меня в курс дела: объяснил, что АО «Висмут» занимается добычей урановой руды, которая после обогащения на соответствующих обогатительных фабриках отправляется в Советский Союз. Урановые месторождения в ГДР разрабатывались как подземным, так и открытым способом. Наиболее

вдоль которых проходились штреки — откаточные и вентиляционные. Расстояние между ними по вертикали было около 50 метров. Отработка жилы велась блоками длиной по простиранию около 100 метров. На границах блока проходили восстающие, соединяющие откаточный и вентиляционный штреки, оборудованные лестничным и транспортным отделениями. По мере отработки жилы в блоке через каждые 6–8 метров устраивались рудоспуски, по которым излишки горной массы выпускались на откаточный горизонт, грузились в вагонетки и транспортировались к стволу с последующей выдачей на поверхность и далее — в отвал. Отработка блока велась буровзрывным способом с селективной выемкой руды. После обнажения рудной жилы ее отбойка велась отбойными молотками на настил из досок и брезента, уложенных на почву блока, с последующей загрузкой в металли-

Наш хор.

ческие ящики, спуском их на откаточный штрек и откаткой к стволу на специальных тележках. Поднятые на поверхность тележки с ящиками подавались к специальным рольгангам, по которым ящики с рудой направлялись к пункту радиометрического замера, где определялась в зависимости от содержания урана сортность добытого материала, в соответствии с которой ящики группировались на складских эстакадах для последующей отправки автомобильным или железнодорожным транспортом потребителю.

Все работы в шахте — проходка горных выработок с помощью буровзрывных работ, отбойка руды, ее транспортировка и выдача на поверхность, обслуживание машин и механизмов — велись немецкими рабочими-специалистами, во главе которых стоял штейгер. При этом особую группу в общем штате рабочих составляли радиометристы, которые с помощью специальной индивиду-

Б. Готовцев
в кабинете геологов.

альной переносной аппаратуры (радиометров) выявляли наличие урановой жилы по испускаемому ею гамма-излучению. Радиометристы были в подчинении у главного геофизика шахты В. Слепкова — моего ровесника и выпускника нашего института.

У них также был старший радиометрист — Вольфганг Хендель (примерно моего возраста). Так как шахта была небольшая, мы с моим начальником обошли все выработки, а поднявшись на поверхность, он ознакомил меня с работой радиометрического пункта, который обслуживался нашими солдатами. Дело было в том, что все, связанное с готовой продукцией, находилось в нашем непосредственном ведении. В связи с этим для каждой шахты, на каждом Объекте были выделены специальные воинские подразделения, которые ежедневно с понедельника по пятницу прибывали к началу рабочего дня на автобусах на соответствующую шахту и по окончании рабочей смены убывали в свои казармы. Контингент подразделения составляли молодые солдаты ежегодного призыва из различных уголков Советского Союза. Кроме обслуживания радиометрического пункта и склада готовой продукции, в обязанность указанного подразделения входил ежедневный отбор геологических проб из горной массы вычистных забоев с целью контроля чистоты отбойки урановой руды. Подразделение подчинилось непосредственно ОТК шахты. Следует также отметить, что телефонную связь шахты с внешним миром обслуживали советские солдаты-связисты. В связи с оборонным значением добываемого материала, территория промплощадки каждой шахты была обнесена по периметру высоким забором из колючей проволоки со сторожевыми вышками и с оборудованием контрольно-пропускного пункта для входа-выхода из шахты. КПП был оснащен специальной радиометрической аппаратурой, подающей сигнал в случае выявления гамма-излучения. Охрана осуществлялась специальным воинским подразделением, казарма которого находилась вблизи от КПП.

Так прошел мой первый рабочий день в ГДР. Ну а дальше начались рабочие будни. Каждый день я спускался в шахту, как правило, вместе со своим начальником. Мы обходили все подготовительные и очистные забои, благо их было не так много, проверяли с привлечением радиометристов правильность применяемой технологии отбойки руды, выявляли случаи ее нарушения, которые обычно заключались в том, что вместо раздельной отбойки урановой жилы и вмещающей ее породы, что значительно увеличивало время цикла очистной выемки и ее трудоемкость, при взрывании шпуров производился как бы расстрел продуктивной жилы, при котором

она смешивалась с пустой породой, то есть разубоживалась, что резко снижало качество готовой продукции и приводило к неоправданному ее потерям. Определить, умышленно это делалось или нет, не представлялось возможным. Выехав из шахты, мы обязательно посетили склад готовой продукции.

Вспоминаю, что в том году стояла отличная погода — золотая осень. Солнце, несмотря на ноябрь месяц, светило ласково и приветливо, воздух был чист и прозрачен, и мы, выехав из шахты, не спешили в свой кабинет, а шли к ближайшей торговой палатке, покупали по бутылке пива и булочке с сосиской, намазанной горчицей, открывали бутылки (они закрывались специальными пробками, которые висели на горлышке) и пили пиво прямо из горла, что для меня тогда было в диковинку. Вот это было здорово!

В ноябре 1953 г. руководством АО «Висмут» было проведено совещание с молодыми специалистами, прибывшими в ГДР. В своем докладе генеральный директор «Висмута» В. Н. Богатов отметил хорошую работу прибывших специалистов, поставил перед нами определенные задачи и пожелал дальнейших успехов в нашей профессиональной деятельности и освоении немецкого языка. За добросовестное выполнение служебных обязанностей мне приказом по «Висмуту» была объявлена благодарность.

Что касается немецкого языка, то в этом вопросе мне здорово повезло: я учил его в школе с пятого по десятый класс и на первом курсе института и, несмотря на убогость его преподавания (долбили-то в основном грамматику), определенная основа в нас была заложена. К тому же он мне нравился, и к его изучению я относился более серьезно, чем, например, мои сверстники. Поэтому, попав в Германию, я довольно свободно объяснялся с немецкими товарищами в магазинах, столовой, парикмахерской и т. п., постоянно пополняя свой словарный запас. Для изучения немецкого языка на Объекте в сентябре были организованы курсы, где могли заниматься все желающие и в первую очередь прибывшие молодые специалисты. Но и на этих курсах упор делался опять же на грамматику, что для меня уже было пройденным этапом. За добросовестное отношение к изучению языка (примерно через полгода занятий) и за успешную сдачу экзаменов в последующем (в середине 1955 г.) руководство «Висмута» дважды объявляло мне благодарность. Однако с разговорной речью дела шли не так блестяще. Не хватало практики, так как большую часть времени на работе мы проводили в своей среде, а не с немецкими коллегами.

В трудах и заботах незаметно пролетели осень и зима. В апреле 1954 г. мой начальник был переведен в ОТК на Объект, а меня

назначили на его место — начальником ОТК шахты № 181. Работы прибавилось, так как я остался один, но я уже полностью освоился со своими обязанностями, работа меня не пугала, и я по-прежнему ежедневно спускался в шахту. Часто ко мне присоединялся наш главный геофизик Валентин Слепков.

В шахте нас подждал старший радиометрист Вольфганг Хендель, и мы втроем обходили все актуальные точки. Приходилось затрачивать много энергии, так как, чтобы попасть в очистной забой блока, необходимо было подниматься по вертикальным лестницам, установленным в восстающих. Вспоминаю, что я обычно поднимался и спускался по восстающим всегда бегом, благо сил было в избытке. Посещение забоев, где, как правило, трудились два-три горняка, начиналось с традиционного немецкого горняцкого приветствия «Глюк ауф!», что означало «счастливо подняться наверх», а фактически — подняться наверх живым. Затем следовал осмотр забоя и радиометрический контроль горной массы под ногами на предмет ее радиоактивности. В случае ее отсутствия радиометр издавал отдельные звуковые щелчки, и стрелка на шкале прибора стояла на нуле. Если же при отбойке руды была нарушена технология ее выемки, то есть сама продуктивная жила была взорвана вместе с породой, и вся горная масса упала на почву выработки, то в этом случае в наушниках аппарата слышалось сплошное шипение, а стрелка полностью зашкаливала. Это уже было ЧП, которое влекло за собой штрафные санкции. Если же все было в порядке, то я угощал немецких горняков папиросами «Казбек» или «Герцеговина Флор», которые они очень ценили. Мы закуривали (шахта была не газовая) и начинали

Дмитриенко, Таранец,
Щепетильников и Готовцев
после удачной охоты
на зайцев (декабрь 1956 г.).

Б. Готовцев и главный геофизик Объекта 6 И. Лучин.

вести разговоры за жизнь. Частенько встречались рабочие, которые побывали у нас в плену. Обстановка всегда была спокойная и деловая.

Примерно в это время возле шахты была построена кантина — столовая, в которой обычно после выезда из шахты питались немецкие рабочие. Мы тоже не оставались в стороне. Как правило, после окончания наряда, проводимого начальником шахты, наш небольшой и дружный коллектив шел в столовую на завтрак, после которого мы расходились по своим рабочим местам. Кроме посещения шахты я занимался на поверхности вопросами учета готовой продукции, ее складирования и отправки потребителю. Также приходилось почти ежедневно подводить итоги работы военнослужащих, прикрепленных к нашей шахте. Чаще всего на первое место выходил сержант И. С. Щербина. Еще мне запомнился ефрейтор Юрий Розов.

Теперь хочу немного остановиться на нашей жизни вне работы. Как я уже писал, Объект 6 располагался в г. Ауэрбах, в провинции под названием Фогтланд, что в Саксонии, непосредственно в Рудных горах, образующих естественную границу между ГДР (северный склон) и Чехословакией (южный). Высота гор — около 1000 метров, они густо покрыты лесами, сложены древнейшими палеозойскими образованиями — серыми и красными гнейсами, слюдяными сланцами и гранитами, которые из-за своей крепости доставляли немало хлопот горнякам при проходке горных выработок. Здесь исстари, со времен Средневековья, велась добыча руд цветных металлов — серебра, свинца, никеля, цинка, олова, железа. Во время моего пребывания в этих местах месторождения свинца, цинка

и серебра были почти исчерпаны, зато велась добыча олова, никеля и урановой руды.

Ауэрбах — небольшой городок с населением около 5–6 тыс. жителей — расположен в живописном месте на склонах гор, покрытых зеленью. Главная улица проходит внизу долины. Поверху проложен железнодорожный путь, соединяющий Ауэрбах с такими же городками (Родевитц, Фалькенштайн), а также с более крупными (Цвиккау, Плауэн, Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт). Городок тихий, уютный. Промышленность представлена в основном текстильным производством (ткани, ковры, кружева и т. д.), основанным на местной продукции сельского хозяйства — шерсти и льне.

Нашего брата, то есть советских специалистов, было на Объекте человек 250. Семейные жили в отдельных квартирах, холостяки — в общежитиях: женщины занимали целый этаж в одном из зданий, мужчины — в трех отдельно стоящих строениях. Отопление зданий было печное, угольными брикетами. Уборка помещений, а зимой и топка печек, осуществлялась обслугой — это были пожилые фрау. Раз в неделю топились баня. Работали два магазина (продуктовый и промтоварный), парикмахерская, ателье по пошиву одежды. Неженатые питались в столовой (завтрак, обед и ужин). Культурный досуг мы проводили в клубе, расположенном в шикарном двухэтажном особняке, который находился в большущем парке.

По выходным дням нам показывали разнообразные кинофильмы, а иногда из СССР приезжали концертные бригады, в составе которых бывали и знаменитости, в том числе Майя Плисецкая и Владлен Давыдов. Регулярно устраивались танцы под радиолу, в которых мы принимали активное участие. Не очень часто, но все же посещали мы и местный кинотеатр, в котором я посмотрел такие фильмы, как «Девушка моей мечты», «Мулен Руж» про знаменитого французского художника Тулуз-Лотрека и другие, название которых не помню. Первые посещения кинотеатра вызывали у нас неподдельное удивление, так как заходить в него можно было и во время сеанса: фрау-капельдинер с фонариком отводила тебя на свободное место.

Был в клубе и бильярд, и, конечно, буфет, где мы с удовольствием попивали разнообразные вина, такие как венгерские «Токай» и «Промантор». Я уже не говорю о богатом выборе многочисленных сортов немецкого пива, любители которого поглощали его в невероятных количествах. Помню, что особенно ценился «Бокбир».

Нельзя не отметить и довольно частые поездки по различным достопримечательным местам ГДР. В субботу или в воскресенье нам выделялся автобус, и все желающие,

а таких набиралось человек 25–30, отправлялись на экскурсию.

Мы ездили в Берлин, Лейпциг, где ежегодно осенью устраивалась промышленная выставка-ярмарка (Leipziger Messe), Мейсен (родина немецкого фарфора), Веймар (памятник великим деятелям Германии Гете и Шиллеру), Саксонскую Швейцарию с купанием в реке Эльбе, Обервизенталь (катание на лыжах) и др. Летом в хорошую солнечную погоду мы выезжали на природу, в основном на озера для купания и загораживания.

Большое внимание в «Висмуте» уделялось и спортивной жизни. Ежегодно между Объектами проводились спартакиады здоровья, которые включали в себя соревнования по футболу, волейболу, кроссу, легкой атлетике (бег, прыжки, толкание ядра), городкам. Активное участие в этих соревнованиях принимала и сборная команда нашего Объекта. Не оставался в стороне и я, участвуя в соревнованиях по легкой атлетике (бег на средние дистанции) и кроссу.

Широко была развита художественная самодельность: в преддверии больших праздников между Объектами проводились смотры, преимущественно по хоровому пению. С этой целью на Объекте еженедельно в вечернее время устраивались репетиции, в которых активное участие принимала наша молодежь. Я тоже пел в хоре, которым руководил геофизик А. И. Саяпин. Наш коллектив неоднократно занимал призовые места.

Не могу не отметить и такой вид досуга (по крайней мере своего), как охота. Дело в том, что детские годы я провел в небольшом приволжском городке Плесе Ивановской области, где жили мои родители. Городок небольшой, очень живописный, раскинулся на крутых холмах правого берега Волги. Со всех сторон он окружен лесами, в которых было полно ягод, грибов и, конечно, дичи (заяц, лиса, тетерев, рябчик, утки). Поэтому все свое свободное время мы, мальчишки, проводили в лесу, а также на небольшой лесной речке Шохонке, протекающей рядом с городом и впадающей в Волгу. Когда я пошел в первый класс, отец подарил мне ружье 28-го калибра, переделанное из винчестера. Охотиться с ружьем я стал с 4-го класса, но в 1946 г., когда я учился в 8-м классе, отца перевели в Иваново, и на охоте был поставлен крест. Во время учебы в институте тоже было не до охоты, хотя в душе я никогда о ней не забывал. Поэтому появившись в Ауэрбахе и узнав, что на Объекте есть охотничий коллектив, я, не раздумывая, и получив разрешение начальника Объекта (таков был порядок), в ближайший выходной день выехал на автобусе в Карл-Маркс-Штадт, где находилось правление Центрального общества охотников АО «Висмут», вступил в него и приобрел

в охотничьем магазине общества двуствольное ружье 12-го калибра с необходимыми аксессуарами. Таким образом, мои мечты об охоте воплотились в жизнь с самой лучшей стороны, о которой я не мог и думать.

Обычно наш коллектив выезжал на охоту на специально выделенном автобусе ранним утром в субботу. К вечеру мы на нем же и возвращались. Охотились (и очень удачно) на серых куропаток, которые во множестве водились в сельскохозяйственных угодьях (немцам в то время запрещалось иметь охотничье оружие), зайцев и уток.

В ноябре 1954 г. мне был предоставлен отпуск, который я провел у родителей в Горьком. Вернувшись, трудился все на той же шахте, а в марте 1955 г. был переведен в ОТК Объекта 6 на должность старшего инженера.

Мой круг обязанностей значительно расширился: в подчинении у нас были ОТК всех шахт Объекта, а также склад готовой продукции. В нашем отделе было три человека: начальник отдела И. В. Сергеев, я и В. Цымбал — тоже старший инженер. За отделом была закреплена легковая машина с немецким шофером, которого звали Вилли Зэрер. Рабочий день обычно складывался из посещения какой-либо шахты и спуска в нее вместе с сотрудниками ОТК этой шахты для контроля за очистной выемкой урановой руды. Обычно на шахты выезжали В. Цымбал и я.

В августе 1955 г. я вторично ездил в отпуск в СССР. За это время начальником ОТК Объекта вместо Сергеева был назначен Иван Семенович Киричек — потомственный донецкий шахтер из Горловки. Это был умудренный опытом горный инженер (ему было в то время под 50) с большим производственным стажем, очень порядочный, добросовестный человек, на работу приходил, как правило, раньше всех. Так как наш отдел занимался готовой продукцией, мы должны были ежедневно по поступающим с шахт ведомостям подсчитывать непосредственное количество металла в урановой руде, находящейся в железных ящиках, в соответствии с ее сортностью, что требовало много времени, так как основными счетными механизмами были ручной арифмометр и канцелярские счеты. Иван Семенович владел ими в совершенстве, и мы с Васей Цымбалом восхищались его работой. На подсчет уходил целый день, поэтому Иван Семенович оставался на хозяйстве в отделе, а мы ездили по шахтам. Постепенно расчетами овладел и я, в результате чего мне было доверено заниматься этой бухгалтерией.

1 Из книги «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: «Информ-Знание», 1998.

Летом 1955 г. на наш Объект прибыла большая партия молодых специалистов — геофизиков и горных инженеров, в основном из Москвы. Среди них было много симпатичных девушек, в одну из которых я влюбился. Теперь после работы мы вдвоем часто совершали вечерние прогулки по Ауэрбаху и вообще все свободное время старались проводить вместе. В результате в конце января 1956 г. после регистрации брака в советском консульстве в Карл-Маркс-Штадте мы сыграли свадьбу у нас на Объекте.

Так как все молодые специалисты были комсомольцами, то на Объекте была комсомольская организация во главе с освобожденным секретарем. Помню, что им был Арий Николаевич Власов-Головатый. Свадьбы такого рода были у нас нередким явлением. Подбор гостей производился при непосредственном участии секретаря комсомольской организации. Обычно присутствовало человек 30–40. Наша свадьба прошла весьма успешно. Было очень весело, много смеха, музыки и танцев. Для обустройства семейной жизни нам сразу же была предоставлена двухкомнатная квартира с полным набором мебели, сначала в здании столовой, затем — в отдельном коттедже, а под конец — в четырехэтажном здании, где проживали все наши семейные. Началась и наша семейная жизнь, которая продолжается уже 54 года. В январе 2011 г. мы отметили бриллиантовую свадьбу. Моя жена, Нина Константиновна Васильева, окончила в 1955 г. Московский геологоразведочный институт по специальности «инженер-геофизик» и в том же году была направлена в АО «Висмут». На нашем Объекте она работала заведующей лабораторией радиометрии.

В январе 1957 г. я был назначен начальником ОТК нашего Объекта в связи с отъездом Ивана Семеновича Киричка в Советский Союз. Работы прибавилось. Теперь уже приходилось самому вести ежедневные подсчеты добычи готовой продукции и подводить итоги работы каждой шахты и Объекта в целом за каждый месяц. Но в этой области наступило значительное облегчение: на смену устаревшим арифмометрам и бухгалтерским счетам пришли электрические счетные машины, что значительно сократило время проведения расчетов. Да к тому же мне в штат добавили должность учетчика, так что я полностью освободился от всех расчетов. С ними успешно справлялась моя учетчица Руфина Сергеевна Тимофеева. Штаты ОТК на шахтах были полностью укомплектованы молодыми специалистами — горными инженерами из Москвы, Харькова, Днепропетровска, Кузбасса. В памяти остались такие фамилии, как Ладыгин, Кузнецов, Саенко, Петриченко, Бобин.

В связи с этим хотелось бы также отметить, как с течением времени менялась кадровая обстановка на предприятиях АО «Висмут». Если в начале моего приезда (1953) все службы на шахтах, как я уже ранее отмечал, занимали советские специалисты, то к концу моего пребывания (1957) советские специалисты сохранились лишь в ОТК и частично в геофизике. Даже начальником нашего Объекта стал немецкий коллега, по-моему, Зеemann.

В феврале 1957 г. в нашей семье произошло знаменательное событие — родился сын, а в начале мая того же года в связи с окончанием срока заграникомандировки мы выехали в СССР.

Под конец своих воспоминаний я просто не могу не упомянуть имена руководителей Объекта б, под началом которых я набирался производственного и жизненного опыта. Это, прежде всего, Николай Васильевич Стадниченко, который был назначен начальником Объекта в 1954 г. — горный инженер с богатым производственным опытом, лауреат Государственной премии за внедрение циклической организации труда на шахтах комбината «Ростовуголь». На смену ему в 1956 г. пришел Евгений Степанович Евтюхов — тоже горный инженер с большим производственным стажем, редчайшей души человек.

Главными инженерами Объекта б были: Иван Иванович Белов, Александр Иванович Антоненко, Бигчентаев; начальниками шахт — Кузин, Вольнский, Вольхин, Тимофеев.

Также хочется добрым словом помянуть и моих сослуживцев — геофизиков Корсуня, Лучина, Кечина, Осипова; геологов Щепетильникова, Алексеева, Безгубова; экономистов Кузнецову, Мальгину, Демину; бухгалтеров Антоненко и Михееву.

После возвращения на Родину я трудился сначала в проектно-институте «Центрогипрошахт» инженером, старшим инженером, руководителем группы (1957—1967), а в начале 1968 г. был переведен в Министерство угольной промышленности СССР в управление экспертизы проектов и смет, где прошел путь от старшего эксперта до заместителя начальника управления.

В январе 1992 г. в связи с ликвидацией министерства я вышел на пенсию. В ноябре 2010 г. отметил юбилей — 80-летие со дня рождения.

И вот теперь, оглядываясь назад и сравнивая различные периоды моей жизни, могу смело сказать, что самые лучшие годы — это годы моей молодости, которые выпали на период пребывания в Германской Демократической Республике, на период трудовой деятельности в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут» в 1953–1957 гг. Это были незабываемые годы. Спасибо тебе, «Висмут»!

Евгения Ефимовна Данилова

Данилова Евгения Ефимовна (девичья фамилия — Еремеева) в 1951г. закончила Харьковский горный техникум, специальность — плановик-экономист.

СГАО «Висмут» в моей жизни

Из 100 человек — выпускников Харьковского горного техникума — нас отобрали 5 человек; закрыли в аудитории, и под присмотром члена комиссии по набору кадров заставили писать автобиографии. Затем сказали: «никого не оповещать о подробностях, вы едете работать в «почтовом ящике № 27304».

У меня были совсем иные жизненные планы: я попадала в 5% выпускников, поступающих без экзаменов в Харьковский горный институт, но на мои планы мне было заявлено, что учиться уже достаточно, надо работать в интересах государства. Это слово «надо» меня сопровождало всю мою жизнь.

Нас везли железнодорожными составами, были в основном девочки и мальчишки; ехали, конечно, не «за деньгами» (да мы тогда еще и не знали цену деньгам) и не «за туманом и запахом тайги». Мы ехали в «никуда», ехали, потому что Родина позвала! Это сейчас звучит пафосно, а ведь это было на самом деле так. Мы, «висмутяне», спасли мир всему человечеству, так как были непосредственно причастны к событиям, предотвратившим третью мировую войну.

В 1951–1952 гг. в «Висмут» прибыла основная масса молодых специалистов, в основном — сразу после студенческой скамьи. В короткий срок для нас были созданы все условия для жизни и для работы (сейчас приходится удивляться, как это можно было создать за такое короткое время). Нам повезло: мы начали свою трудовую деятельность под началом опытных и профессиональных специалистов, самоотверженных, доброжелательных, человеческих людей. Они нам были не только учителями и наставниками, но, по сути, и «отцами». Такие как Богатов, Богатырев, Милютин, Г.Г. Баяджан — главный инженер, начальник 29-го объекта, Гадашевич, Л. П. Носов — начальник планового отдела, Стеискал — начальник партии, с которым я непосредственно работала. Я его всю жизнь вспоминаю с благодарностью. Это он «проложил мне дорогу» в моей планово-экономической работе, помог мне стать профессиональным специалистом. С огромной теплотой вспоминаю Данилова Георгия Михайловича, Данильянца Александра Абрамовича, работавших главными геологами I-й геологоразведочной экспедиции.

Работали непосредственно с немецкими коллегами: они были старше, но отношения складывались очень доброжелательные, в духе сотрудничества. Пригодилось

мое знание (хотя и не на высоком уровне) немецкого языка.

На 29-ом объекте царил очень доброжелательная атмосфера как в производственных отношениях, так и просто человеческого общения. Фактически мы жили коммунально, все были как родные. Здесь я встретила свою любовь, и в 1952 году вышла замуж за Данилова Юрия Сергеевича, а в 1953г. у нас родилась дочь — Данилова Наталья Юрьевна (в настоящее время ее фамилия Левина). Я была в декретном отпуске с дочуркой только лишь 2 месяца (такое в то время было законодательство), затем мне предоставили нянечку из немецкого персонала, которая очень привязалась к дочке, а мы — к ней. Позднее вступили в строй ясли и детские сады.

Наш «первый заезд» продолжался с 1951 по 1957 гг.

* * *

«Второй заезд» — с 1967 по 1972 гг. В это время жены специалистов уже не имели права работать. Но они находили свое применение в организации и непосредственном участии в общественной жизни объектов «Висмута», в проведении различных мероприятий в сфере спорта, художественной деятельности, постановки самодеятельных спектаклей и организации концертов, организации досуга детей и взрослых.

Я занималась организацией мероприятий по укреплению дружбы советских и немецких женщин.

Большая и разносторонняя работа проводилась с детьми по линии родительского комитета. Особенно мне запомнился период работы, когда председателем родительского комитета был Балковой Петр Ильич — очень интересный и творческий человек. Мы организовывали вечера для ребят-старшеклассников на тему «Выбор профессии». Приглашали специалистов из разных отраслей, которые в доверительной обстановке очень интересно рассказывали о своих профессиях и направлениях деятельности, давали ребятам свои рекомендации и тем самым открывали «окошки в будущее».

Польза от этих вечеров была огромная, ведь в условиях почти полной изоляции детей от родной страны и очень ограниченного круга общения со своими сверстниками нужно было формировать из них «личностей», четко понимающих свои цели в будущей жизни. В этом смысле большую пользу в воспитании ребят различных возрастов

Е. Е. Данилова. ГДР. 1951 г.

Ю. С. Данилов в начале трудовой деятельности в «Висмуте». ГДР. 1951 г.

имела деятельность Дома школьника, в котором в период моего пребывания работали Сиромолот Н. В., Голикова В. и др.

Огромную работу проводили в организации зимних и летних детских лагерей и работали в них в качестве руководителей Н. П. Подоляко, М. П. Евлюхина.

Я работала в течение 5-ти лет начальником зимних и летних лагерей, организованных для ребят-старшеклассников.

Со мной вместе работала М. С. Непомнящая — необыкновенная женщина, замечательный повар. Благодаря ей качество питания детей у нас всегда было на высоте. Со мной также работала опытный врач — Обухова, с которой нам пришлось пережить много волнующих событий.

Что такое в те годы организовать выездной лагерь для советских детей в чужой стране, да еще и своими силами, без опытных профессионалов-педагогов? Это были совершенно уникальные организации, и ответственность на сотрудников, воспитателей, а тем более директора, возлагалась огромная. Конечно, очень трудно было с подбором персонала: воспитателей подбирали в основном из преподавателей школ, но далеко не всякий подходил для работы в детском лагере: здесь ведь не так важно знать свой предмет, а самое главное — уметь работать с детьми, быть интересным для них, и, конечно, понимать степень ответственности за доверенных тебе детей. Подготовка к работе в лагере проводилась очень тщательно: заранее обсуждались и разрабатывались все мероприятия. Активное участие в этом принимали и руководители СГАО «Висмут»: Зверев Н. Д., Щелкалин В. М., Горожанкин Д. С., все это им тоже «крови стоило». Конечно, предпринимались все усилия, чтобы обеспечить четкую организацию жизни лагеря, предотвратить какие либо сбои, насытить жизнь детей интересными занятиями, спортом, музыкой, т. е. предоставить нашим детям полноценный оздоровительный отдых. Старались, чтобы каждая минута их времени была заполнена полезными делами.

В подростковом возрасте энергии много, «кровь бурлит», и не всегда удавалось с этим справиться. Так, в зимнем лагере Шнееберг группа ребят ночью самовольно ушла из лагеря полазить по горам. Несмотря на договоренности со своей воспитательницей (заслуженный преподаватель географии), которая обещала сопровождать ребят в походе, договоренности с нами — руководством лагеря — об организации похода в сопровождении инструктора-спортсмена, прибытия которого мы ожидали, дети решили, что справятся сами. Взяли какие-то веревки, канат,

ночью выбрались из лагеря (даже сторожа с собаками не заметили) — и пошли покорять высоты. Не буду называть фамилии этих ребят, они, конечно, себя узнают. Без опыта, без хотя бы предварительных тренировок и знания правил альпинизма, ничего хорошего из этой затеи не могло получиться.

И действительно, произошла трагедия: поднимаясь друг за другом по канату, не соблюдая дистанции, парень, находящийся наверху, задел громадный булыжник, который оторвался и упал на нижестоящего мальчика и разбил ему голову.

Мы обнаружили пропажу детей рано утром. Только вышли из спального корпуса — а нам навстречу бегут ребята из группы и зовут на помощь. Мы на машине немедленно подъехали к речке: дальше машина не шла, и к нам через речку ребята уже несли пострадавшего на самодельных носилках.

Сразу была оказана первая медицинская помощь врачом Обуховой. Только мы с ней знали, в какой опасности находился мальчик. Благодаря хорошо налаженной связи с советским и немецким руководством, срочно были предприняты все меры по его спасению. А также благодаря вмешательству г-на Штриница удалось связаться с близлежащими больницами, из трех больниц нам навстречу выехали машины скорой помощи. Первой была машина из Дрездена. Прямо в машине скорой помощи началась активная работа медиков по спасению мальчика. На наше счастье в больнице в этот день на дежурстве находился очень известный немецкий врач — хирург, благодаря ему не было потеряно ни секунды драгоценного времени. В больницу съехались все: наши врачи, советское руководство, немецкие руководители, родители, только я никого не видела, находясь в шоковом состоянии, и только одна мысль меня сверлила: только бы остался жить!

Операция длилась долго, эти часы для всех нас были трагично тяжелыми. Из операционной вышел хирург, почему-то выбрал меня из массы людей, как будто прочитал мои мысли, и произнес: «Будет жить!». Моему счастью не было предела. Надо отметить, что Л. Д. Зверев, В. М. Щелкалин, Д. С. Горожанкин очень меня поддерживали, как могли успокаивали, и строго поручили оставаться на своем месте директора лагеря и продолжать работу. Мне, конечно, после всего случившегося очень трудно было согласиться продолжить работу, были опасения, что в Зигмаре начнется паника среди родителей, у которых дети находились в лагере.

Ребят, нарушивших дисциплину, собирались отправить на объект, к родителям, и затем оформлять их выезд из Германии в 24 часа, как было регламентировано при особо тяжелых нарушениях режима пребывания

советских специалистов в «Висмуте». Но в этой ситуации я вступилась за ребят: ведь находясь в чрезвычайных обстоятельствах, они все же не растерялись, не бросили травмированного товарища, быстро соорудили носилки, перенесли пострадавшего через речку. Принятие решений проходило в очень напряженной, нервной обстановке, все было на пределе. К счастью для всех жестких наказаний удалось избежать, ребята с родителями остались в Германии. А пострадавший прошел лечение, выздоровел, впоследствии поступил в институт, закончил его и сейчас успешно работает.

Летом организовывался детский лагерь в маленьком немецком городке на Балтийском море — Цинновце, очень любимый ребятами.

Инициатива организации этого лагеря принадлежала Дмитрию Степановичу Горожанкину. Он же меня уговорил быть начальником этого лагеря. Сейчас вспоминаю и себе удивляюсь: как я могла согласиться на эту работу, ведь территориальное месторасположение — очень далеко от Зигмара, на море, окружающее немецкое население — с совсем другим менталитетом и отношением к русским (они не знали, что за предприятие «Висмут» и кто такие и зачем — русские специалисты, работающие там). Все приходилось осваивать заново, вживаться в окружение. Конечно, все могло случиться: начиная от качества еды, воды, купания в море и т. д., т. е. можно было ожидать всяких провокаций. К тому же рядом — корабли с моряками, а у нас в лагере — симпатичные девочки — девушки; неподалеку дикий пляж — в общем, были соблазны.

Нам с Дмитрием Степановичем много пришлось поработать, чтобы подготовиться к заезду ребят и началу сезона: наладили связи со всеми необходимыми нам службами и организациями в городе, заключили договоры на поставку продуктов, договорились об организации развлекательных мероприятий.

Лагерь заработал. В первый заезд были только старшие ребята, позже брали и младших школьников. Этот лагерь на море был очень популярен среди ребят, а так как мест было все же мало, то в дальнейшем путевки получали только ребята с хорошей успеваемостью в школе и примерным поведением в других детских лагерях. Очень много было интересных мероприятий, в том числе воспитательного плана. Вот одно из них: мы устраивали «Дни самоуправления», в которые воспитатели и ребята менялись местами: дети руководили своими старшими наставниками. Исключение составляла только моя должность — начальника лагеря; я, конечно, контролировала ситуацию.

Подчас ребята меня умиляли: они так старались быть ответственными и добросовестными в роли воспитателей, так подражали им. Распорядок дня не менялся. При «руководстве» ребят дни проходили как-то особенно организованно, интересно, весело. Более всего меня удивлял Павел Шиловский. Он исполнял обязанности начальника лагеря, т. е. мои обязанности, естественно, подражая мне. За день они все так уматывались в роли старших — воспитателей и руководителей, что к вечеру все «валились с ног» — было уже не до проказ.

Зато в Зигмаре у руководства в такие дни не было покоя — особенно у Дмитрия Степановича Горожанкина, связь с нами поддерживалась ежечасно. А после он меня просил, чтобы я ничего такого не придумывала и не экспериментировала. Но мы все равно что-то придумывали, так как очень хотелось сделать пребывание наших детей в лагере интересным и запоминающимся. Все ребята у нас были замечательные. Я очень благодарна Ольге Холиной, которая нам, взрослым, очень помогала в воспитательной работе. Она пользовалась большим авторитетом как у младших ребят, так и у своих сверстников. А ведь впоследствии она стала блестящим педагогом, возглавляет учебные заведения, а талант проявился еще тогда, в нашей интересной лагерной жизни.

«Моим» ребятам сейчас от 50 до 60 лет. Со слезами на глазах от радости я имела возможность встретиться со многими из них на I-м съезде «висмутян». Они с радостью подошли ко мне, напоминая о прошлых событиях, спрашивая: а вы нас помните? Я-то помню все и всех, только иногда трудно узнать в них, повзрослевших и немного постаревших, своих воспитанников. И я очень горжусь, что все они состоялись как личности, нашли свою профессию, нашли свое место в жизни, они были и остались умными, талантливыми, очень внимательными и красивыми.

К сожалению, я не всех видела, а хотелось со всеми пообщаться именно на съезде «отцов и детей».

Мое напутствие: дорогие ребята! Благодаря инициативе Георгия Георгиевича Андреева, Александру Андрееву, и другим активистам положено начало нашему движению, это настоящие «висмутяне» — это слово звучит гордо! Будь то человек из тогда Советского Союза или немецкие специалисты, и не все знакомые друг с другом — все они — «одной группы крови», я бы им все присвоила 5-ю группу — наивысшего качества.

Это люди самоотверженные, глубоко порядочные, трудолюбивые, с высочайшим чувством ответственности и порядочности, отзывчивые и человеческие.

Е. Е. Данилова. 1980-е гг.

Ю. С. Данилов. 1980-е гг.

Иван Семенович Крашкин

И. С. Крашкин.

Горный инженер, доктор технических наук, профессор, лауреат Государственной премии СССР, работал с августа 1950 по август 1954 года в САГ, СГАО «Висмут» в должностях начальника геолого-разведочной партии объектов 39 и 29, экспедиции объектов 90 и 29, в 1954 году до ликвидации объекта 29 совмещал должности главного инженера объекта и начальника геологоразведочной экспедиции. После ликвидации объекта 29 руководил самостоятельной экспедицией № 2 (Роннебургской, Тюрингской), в 1954 году переведен на работу начальника производственно-технического отдела Геологического управления СГАО «Висмут».

Были еще две краткие поездки: одна в 1968 году — по оказанию технической помощи, другая — в 1969 году по приглашению города Роннебурга на празднования 20-летия образования ГДР.

Моя деятельность в «Висмуте»

Коротко о себе. Родился в 1928 году в шахтерском селе Секирино Скопинского района Рязанской области. На окраинах села бельгийская компания вела добычу угля подземным способом. Отец — Крашкин Семен Егорович — в 14 лет начал работать на одной из шахт подземным рабочим. В Советское время был известным в Подмосковном угольном бассейне заведующим шахтой.

В 1945 году окончил среднюю школу в г. Скопине и в этом же году поступил в Московский Горный Институт имени И. В. Сталина. С шахтерским трудом познакомился рано: во время летних каникул после 8 и 9 классов работал рабочим маркшейдерского отдела шахты № 46.

* * *

После окончания института планировал работать на шахтах Подмосковного бассейна. В комиссию по распределению молодых специалистов комбинат «Москвауголь» направил запрос на меня. Во время дипломного проектирования в институт приехал подполковник и стал агитировать распределиться на работу на секретном производстве по специальности, но что это за производство, объяснено не было. На то и секретное. Всем выпускникам предлагалось заполнить довольно подробную анкету и иметь поручительство члена КПСС. Я заполнил анкету, рекомендацию мне дел доцент И. Д. Востров. После сбора анкет подполковник в институте больше не появлялся. В студенческой среде распространялись самые различные слухи о нашей будущей работе. Больше всего слухов о том, что направляют нас в Китай. После защиты дипломов представитель, собиравший анкеты, сообщил, что мы можем воспользоваться положенным нам отпуском, а по его окончании позвонить по определенному телефону. Что я и сделал в конце отпуска, находясь у родителей в Скопине. По телефону мне сообщили, что мои документы готовы и я должен прибыть в Москву и далее следовать к месту работы (еще неизвестному).

В Москву я отбыл с чемоданом, в котором была пара белья и свиной окорок, которым снабдили меня родители.

В Москве во дворе отдела кадров, располагавшегося тогда на улице Солянка, было множество молодых специалистов, среди которых ходили самые разные слухи о месте будущей работы. Я сдал свой паспорт в бюро пропусков, но мне его вернули, так как он оказался просроченным. Из отдела кадров сообщили, что вышлют новый. Вскоре я получил этот новый паспорт — синюю книжечку, из которой я, наконец, и узнал, что направляюсь на работу в ГДР. В отделе кадров со мной, конечно, еще раз провели инструктаж по правилам поведения за границей и сообщили, что на Белорусском вокзале я должен купить билет до Франкфурта-на-Одере, где меня и моих коллег встретят представители нашей будущей работы.

В Бресте, где происходила пересадка на поезд с более узкой, чем в СССР железнодорожной колеи, меня поразил таможенный зал. Большое впечатление произвела и сама таможня. В центре большого зала, образуя замкнутый прямоугольник, стояли столы. Все таможенники помещались внутри этого прямоугольника. На столах стояли досматриваемые вещи, рядом с вещами — их владельцы. В целом досмотр носил довольно поверхностный характер. По прошествии небольшого промежутка времени, таможенники возвращали нам наши паспорта, и мы переходили на другую платформу, где и находился поезд, который следовал уже непосредственно в Германию. Путешествие по Польше приятным назвать было нельзя, поскольку поезд состоял из вагонов пригородного сообщения.

В сам Франкфурт мы прибыли днем. Тут же огромное впечатление произвели разрушенные здания около вокзала. Необходимо, однако, отметить, что все было вычищено и убрано ровно настолько, насколько это вообще можно было вычистить и убрать. Новым для меня было и то, что на перроне не было носильщиков, а все грузы перемещались

электрокарами. Всех прибывших в «Висмут» встретил представитель, нас разместили в комфортабельный автобус, который повез нас в Зигмар. В Зигмаре нас всех разместили в большой комнате человек на 10–12, а утром провели еще один инструктаж по правилам поведения. Инструктаж этот вели зам. генерального директора «Висмута» А. А. Солопов и начальник отдела кадров полковник Карпенко.

Точно не помню, в этот же самый день или в следующий, я был распределен на работу на объекте № 30 в Тюрингии. Вместе со мной был отправлен мой однокашник А. Мкыртчан и другие молодые специалисты. Нас собрал начальник отдела советских кадров Володя Соловьев, и на автобусе мы поехали в г. Ильминау, где и располагался Объект № 30. По дороге в ресторане «Христофор Крейц» — на пересечении двух автобанов — были мною и Акопом Мкыртчаном выпиты две бутылки московской водки, после чего поздно вечером и под хмельком прибыли мы в Ильминау. Мест в гостинице не оказалось, и ночь мы провели на каких-то диванах. Утром нас принял начальник объекта Пелых П. С., человек с жестким характером. Меня назначили начальником геологоразведочной партии № 1, а Мкыртчана — начальником партии № 5.

Несколько слов об Ильминау. Город расположен в центре Тюрингского леса и очень красив. Улицы идут по склонам невысоких гор, заросших хвойными деревьями. Город часто посещал Гете, и на вершине одной из этих невысоких гор расположился его замок, сохранившийся и до сих пор. На вершинах гор располагались также несколько туберкулезных санаториев. Чистые и опрятные улицы, по которым ходят местные жители — многие в кожаных шортах и небольших шляпах с пером.

За мной на DKW (была в городе такая машина с мотоциклетным двигателем и максимальной скоростью 60 км/ч) на следующий день приехал и. о. начальника ГРП — он же главный инженер объекта — Д. М. Москаленко вместе со старшим инженером по горным работам.

* * *

Управление партией располагалось в городе Заальфельде. Заальфельд, расположенный вдоль реки Заале, — крупный промышленный центр, одним из основных предприятий которого был металлургический комбинат «Максгюте». Главная достопримечательность города — «Феенгротен» — грот, располагавшийся в горе на окраине города. Внутри пещеры было небольшое озеро, обросшее сталактитами, при искусственном освещении это создавало впечатление города с домами и замками. Эта достопримечательность пользовалась большой популяр-

ностью у населения. Советские рабочие и обслуживающее работы подразделение солдат размещались в двухэтажных коттеджах на окраине города, неподалеку, в таком же коттедже располагалось управление партией.

В течение первых дней моего пребывания в Заальфельде Д. М. Москаленко и Р. Д. Ищенко вводили меня в должность. Происходило это в одном из гастхофов (трактиров) города, куда были приглашены все местные руководящие работники. Им сообщили, что я назначен начальником партии, рассказали обо мне кратко-ознакомительно, в том числе упомянули, что я — горный инженер. С этого началась моя самостоятельная жизнь в «Висмуте».

Геологоразведочные и поисковые работы велись на обширной территории. Методика поиска и разведки состояла в следующем. Излучалась геологическая характеристика той или иной местности по детальным геологическим картам, на основе которых изучались участки возможного оруденения. После этого на этой площади проводились так называемые профилирование. Через определенное расстояние (обычно 20 м) устанавливались колышки. По этим профилям через 20 м проводили забор воздуха из почвы, для чего в земле делали лунку шириной до (0,1 м), в которую вставляли перфорированную трубу и с помощью водяного насоса откачивали воздух, который проходил через прибор, фиксирующий наличие или отсутствие радона. Все эти операции проводила бригада из трех человек: двух местных рабочих и солдата, который работал на измерительном приборе. Одновременно в работе находилось несколько бригад. Данные, полученные прибором, расшифровывались геофизиками и затем передавались геологам, которые принимали решение о необходимости детальной разведки мест с повышенным содержанием радона. Рылись разведочные каналы глубиной до 1,5–2 м и длиной до 40–50 м. В случае обнаружения оруденения проходили из канавы мелкие шурфы, глубиной до 4–5 м, или глубоких шурфов, оборудованных механическим подъемом или лестницей. Из шурфов, как правило, на глубине 30 м осуществлялось проведение горизонтальных выработок, а в случае необходимости, и углубление шурфов. Дальнейшая разведка охватывала значительную площадь, на которой осуществлялось бурение скважин и их коротание. Заключительным этапом разведки являлось проведение геологоразведочных стволов шахт и проводка го-

Вручение секретарем партийной организации шахты Шмирхау Шубертом Крашкину И. С. памятного подарка — бюста К. Маркса.

ризонтовых подземных выработок. Образцы пород из шахт, шурфов и горизонтальных выработок отправлялись на анализ в Грюну. Обследование канав, шурфов, подземных выработок, осуществлялось советскими участковыми геологами совместно с радиометристами, функции которых выполняли солдаты.

Состав советских сотрудников был велик. Главный геолог — Денисов, опытный специалист, влюбленный в свое дело. Главный геофизик — Суходольский и его супруга — геофизик, молодые специалисты с высшим образованием толково и без суеты руководили геофизическими работами. Еще было два участковых геолога и молодая специалистка, выпускница Тульского горного техникума. Старшим инженером по горным работам был Г. Д. Ищенко, выпускник Липецкого горного техникума, инвалид ВОВ (потерял на фронте глаз), оптимист, отличный организатор производства.

Активные геологоразведочные работы партия вела на трех участках. На окраине Заальфельда, в районе Феенгроте, деревне Дитрисхюте и Липельсдорфе. В окрестностях Заальфельда в прежние времена велась разработка серебряносодержащих руд. Горная выработка частично сохранилась и была затоплена. Разведочные работы осуществлялись с помощью трех шпуров и бурением двух скважин. С более детальной разведки участка была начата проходка ствола геологоразведочной шахты, на закладку которой приезжал главный инженер В. Александров.

Проходка глубоких шурфов и ствола шахт проводилась буровзрывным способом, для чего на участке был склад взрывчатого вещества, охраняемых полицейскими. Разработчиками вещества были немецкие ра-

бочие. С этим складом произошел однажды анекдотичный случай. Около 4-х часов утра нас разбудил громкий стук в дверь коттеджа. К нам пришел, работавший в ночную смену рабочий и рассказал, что американцы (а Заальфельд находился недалеко от границы с ФРГ) обстреляли полицейский пост склада. В дело вмешалась местная криминальная полиция. Оказалось, что у взрывника остались неиспользованными бикфордов шнур и капсулы детонаторов. Он решил поугадать своего друга полицейского, несшего в то время дежурство на охране склада.

Другой анекдотичный случай состоял в том, что у меня угнали автомашину. Для сотрудников объекта по воскресеньям в одном из кинотеатров Ильминау устраивали просмотр советских кинофильмов. Обслуживающий меня всегда шофер отпросился на этот день и за рулем был шофер партии. около шести часов утра в понедельник по мне домой зав. гаражом Линке и сообщает, что машину угнали от вокзала Заальфельде. После того, как отвезти меня домой, шофер пошел поужинать в ресторан на вокзале, а когда вышел, машины не было. Я, как положено, сообщил о происшествии на объект, где меня «обрадовали» — придется за это нести материальную ответственность. По прошествии двух или трех дней, когда я был в стволе шахты на Феенгротен, мне по трубе сообщают, что машина нашлась. Дело было в том, что шофер оставил ключ зажигания в машине. Рабочие с участка Дитрисхюте ее завели и поехали, а чтобы не попасться на глаза, избрали проселочную дорогу, где машина забуксовала, после чего они ее бросили. Там же эту машину и обнаружила дорожная полиция.

В период работы в Заальфельде запомнились мне так же контакты с одним из руководителей металлургического комбинате Липксхоте. Дело в том, что материальное обеспечение работ осуществлялось через объект и возникали затруднения с обеспечением сжатым кислородом для производства сварочных работ. Тогда механик партии Гесс и предложил мне обратиться в Липксхоте. Я был благожелательно принят одним из руководителей, и вопрос был решен.

Как я отмечал, партия вела интенсивные работы на трех участках. особенно большие работы велись на участке Феенгротен, не давшие, однако положительного результата, а так же работы на участке Липельсдорф. Значительная радиоактивность была отмечена в октябре 1950 года в районе деревни Дитрисхюте, где стали вестись обширные разведочные работы и был заложен ствол геологоразведочной шахты. Участок имел ограниченные запасы и был отработан шахтой Объекта 90. Очень хорошо при производстве работ на участке правил обер-

штайгер Гауэр. В период разведки участка его посетил М. М. Мальцев. Меня он крепко отчитал за то, что плохо были сделаны соединения воздухоподающих шлангов, что я государственные деньги пускаю на ветер, а его только недавно строго отчитал Л. П. Берия за большие расходы. После Дитрисхюте он посетил участок Феенгротен и отбыл. Я был удивлен, что по итогам моей деятельности меня премировали мотоциклом БМВ.

Я полностью освоился с работой и у меня был хороший рабочий контакт с оберштайгером Гауэром, механиком партии Гессом, сотрудниками бухгалтерии, кадров. Партия выполняла все производственные планы. В начале декабря меня пригласил начальник объекта Дмитриев А. Г. и сообщил, что для усиления руководства работами в ГРП 5 меня переводят туда начальником партии, а работавший там начальником партии мой однокурсник А. А. Мкыртчян остается моим заместителем. Необходимость моего перевода объяснялась тем, что в районе деревни Зорге-Зетндорф было обнаружено месторождение урана. Начались интенсивные работы по проведению мелких шурфов. Главным геологом партии была Надежда Николаевна Кондратьева — опытный геолог и прекрасная, доброжелательная женщина. Кроме работ в деревне Зорге партия вела геологоразведочные работы в городе Роннебурге, на его окраине, примыкавшей к автостраде.

Работа в Зорге, в основном, по проходке мелких шурфов была осложнена погодными условиями. Мокрый снег, дождь, заморозки. Была большая текучесть рабочих кадров. Руководство работами также осложнялось отсутствием квалифицированных кадров штайгеров.

На участке работы, как правило, велись около 10–12 часов ежедневно. В конце декабря 1950 года на участок прибыли представители охраны и приказали взять в периметр весь участок ведения работ, то есть установить по всему периметру столбы с колючей проволокой.

В начале января ухудшились наши бытовые условия. в близлежащей деревне Тайхмандор был арендован особняк, в одном крыле которого размещался персонал партии, а в другом — обслуживающая рота солдат. В деревне был так же магазин для советских сотрудников. Приблизительно в это время работы посетил В. Н. Богатов, в то время заместитель генерального директора. Осмотрел вместе со мной участок ведения работ, мы отобедали, и он уехал. От этого знакомства у меня остались неприятные воспоминания. Вел он себя вальяжно, с эдаким пренебрежением. Тем временем на участке уже начались работы по прокладке стволов. Работа велась вручную, особенно

трудно было организовать откатку горной массы в отвал. Работавший там мотовоз регулярно сходил с рельсов лежащих на неустойчивом насыпном грунте.

В конце января или в феврале, точно не помню, вечером, на участок приехал М. М. Мальцев с адъютантом. Обошли участок, побывали в траншее и, очевидно, увидев мой замотанный вид, спросили, чем мне помочь. Я сказал, что начались эксплуатационные работы, и планировалось прислать специалиста по открытым горным работам и я рекомендовал моего друга и однокурсника В. А. Овчинникова, работавшего в это время в ОТК на объекте 8. М. М. Мальцев сказал адъютанту: «Запомни», и недели через две Овчинников прибыл и был первым начальником карьера Зорге. Следует отметить, что период, когда работами руководил Мальцев, — это целая эпоха, характеризовавшаяся высокой требовательностью, и я бы даже сказал, жестокостью, с целью сосредоточения усилий на выполнении основных заданий. Практиковалась планирование целевых, то есть, выполнение повышенных заданий, по которым осуществлялся особый контроль, и величина которых была выше. Так, мне приходилось выполнять целевые задачи по проходке шахтных стволов на участках Феенгротен и Дитрисхюте.

В 1951 году Мальцев передал бразды правления В. Н. Богатову. Но, как говорится, пути Господни неисповедимы: моя дочь и внучка М. Мальцева — лучшие подруги со времен обучения в Первом Московском медицинском институте. Дочь была знакома с генералом и неоднократно с ним встречалась на подмосковной даче. На этой почве я был знаком с сыном генерала Мальцева, который был действительным членом РАН и заядлым альпинистом.

После сдачи в эксплуатацию участка Зорге темп работ несколько спал. Оруделение, обнаженное в районе Зорге, продолжалось и площадь его охватывала

Президиум торжественного собрания шахты Шмирхау. В первом ряду, слева направо: Р. Ланге — заместитель генерального директора СГАО «Висмут», Н. Д. Иванов — главный инженер СГАО «Висмут», И. С. Крашкин.

Во время приема в Совете города Роннебург (второй слева, сидит — бургомистр города Крелл, рядом — Крашкин И. С., среди немецких товарищей по работе.

участки деревни Кацендорф и Кельшич.

Когда я уехал в отпуск в 1951 году и меня замещал Г. Д. Ищенко, произошло ЧП: 3 геологоразведочных бригады (3 солдата с аппаратурой и 6 рабочих), двигаясь по топографическим проходам, оказались на территории ФРГ, где были арестованы местной полицией. Немецких рабочих сразу отпустили обратно, а солдат доставили в близлежащий город Хаор, передали американцам, которые предложили им не возвращаться. Продержали их там в течение 2–3 недель, а потом возвратили на территорию ГДР. За время моего пребывания в отпуске в районе наших работ возникла эпидемия менингита, и был введен карантин. К нам в деревню был прикомандирован врач, и были приняты меры по более жесткой санитарно-гигиенической обстановке. Поиск и геолого-разведочные работы охватывали кроме района Кульлата, где велась проходка двух глубоких шурфов, также и район Роннебурга. Работы переместились туда, а также к Целенроде. В 1952 году был организован Объект 90 в городе Гера, который вел работы в районе Зорге. В Роннебурге вскрытое глубоким шурфом местное оруденение было открытым способом отработано Объектом 90. В конце 1951 года у меня произошло очередное ЧП. В ФРГ сбежал кассир. В это время кассир развозил зарплату к местам, где производились работы по обширной территории по охране. В течение недели он развозил, а в субботу — сбежал. Я получил очередной выговор и денежное взыскание. После этого случая кассира всегда сопровождал полицейский.

* * *

Своеобразной была борьба за повышение производительности труда. Обычно летом проводились работы по добровольному повышению норм выработки. Работу эту выполняли местные партийные и профсоюзные организации, а спрос за реализацию этих мероприятий — с меня. Как-то летом 1952 года приехал В. Н. Богатов и попросил меня вместе с ним на машине объехать район возможного оруденения. Во время поездки я ему сказал, что мне трудно одному руководить все возрастающими объектами работ. Все дело в том, что перед его приездом, где-то около месяца до этого, по абсурдному обвинению был выслан в Союз В. Н. Никаноров, мой однокурсник, с которым у меня сложились очень хорошие деловые и товарищеские отношения. В. Н. Богатов сказал, что ошибся, направив Никанорова на работу в «Висмут».

В 1952 году меня назначили начальником экспедиции. Главным геологом был Г. М. Данилов — опытный специалист со стажем работы по специальности в Узбеки-

стане. Главным геофизиком была Т. М. Комарова, молодой специалист, влюбленная в свое дело, обаятельная девушка. В ней души не чаял главный гидрогеолог Пронин. Главным инженером я пригласил своего друга В. А. Овчинникова, который после работы начальником карьера Зорге был инженером в производственном отделе Объекта 90. Проработал в экспедиции он около 3 месяцев, а затем перешел в проектное управление. На место Овчинникова в Целенроде приехал Симаков. У нас с ним установился хороший тандем, однако вследствие развития буровых работ он был переведен на работу начальником буровых работ геолого-разведочной партии на одном из объектов в рудных горах, а затем — районным инженером в Управление «Висмута».

Возлагались надежды на участок в районе поселка Дошниц, где был проведен глубокий шурф и сеть горизонтальных выработок, но прогноз не подтвердился, и основные работы переместились в район Роннебурга. Приезжал Богатов, которому доложили состояние дел, после чего он уехал.

Время пребывания в «Висмуте» запомнилось еще похоронами Сталина. Сочувствие мне выражали руководители ответственных организаций экспедиции и руководство города. В день похорон Сталина прошла традиционная торжественная процессия работников экспедиции и жителей города.

Поскольку основной объем работ был сосредоточен в районе Роннебурга, к началу лета в городе был построен дом для советских специалистов, и в 1953 году руководство экспедиции переехало в Роннебург. Интенсивные (в основном буровые) работы велись на поле между Роннебургом и Шмирхау. На окраине Шмирхау был прорыт глубокий шурф, проходка которого осложнялась большими водопритоками. Последнее оказывало негативное воздействие на водоснабжение города и деревни. Кроме Роннебургского поля буровые работы велись на участке Пайцдорф и на участке Лихтенберг. В связи с отбытием в Союз начальника Объекта 29 я, оставаясь начальником экспедиции, работал и главным инженером объекта.

В техническом руководстве весьма добросовестно проявил себя В. И. Халатин, молодой специалист. По его идее и техническому предложению был создан специальный цех по приготовлению глинистого раствора, снабжавшего буровые. Большая заслуга в успехе экспедиции принадлежит также механику Максиму Шустеру, инженеру и интеллигентному человеку.

В конце лета Объект 29 был ликвидирован, и основной состав советских работников — планово-экономического отдела,

бухгалтерии, снабжения, отдела кадров — перешли на работу в экспедицию, которая стала самостоятельной производственной единицей СГАО «Висмут». Я в возрасте 25 лет стал руководителем предприятия, в котором работало около 3 тысяч местных работников и 250 советских сотрудников. Обнадеживающие результаты работ на поле Шмирхау давали основания на закладку ствола первой шахты. На его закладку приехал начальник третьего проектного управления, а мне предоставили честь вынуть первую лопату грунта из этой шахты.

События октября 1953 года не повлияли сколько-нибудь существенно на работу экспедиции. Под охрану был взят дом сотрудников, охранник был приставлен и ко мне. Инцидент был только в цехе в районе Пайцдорфа. Там один из местных активистов устроил что-то вроде собрания. Я туда приехал и в беседе с рабочими и с этим деятелем сказал, что в соответствии с законами ГДР работы не могут быть проведены на неисправных предприятиях, а цех относился к их числу. По заявлениям этого деятеля, однако, мне позже пришлось давать объяснения в ВЧ.

* * *

В конце сентября 1953 года я уехал в отпуск. В поезде ехал в одном купе с начальником отдела советских кадров, майором, фамилии не помню. Мне сообщили, что относительно меня планируется рокировка. В партии посчитали, что я был еще молод, чтобы руководить самостоятельным предприятием и планировали перевести меня начальником дрезденской экспедиции, входящей в другой объект, а начальника той экспедиции поставить на мое место. После возвращения из отпуска я в течение двух дней пребывал в неведении в Зигмаре, где случайно встретил Богатова. Он спросил меня, что я здесь делаю в рабочее время. Как позже оказалось, произошла путаница, и я остался на своей работе.

В конце 1953 года и в первой половине 1954 основной объем работ был сосредоточен на участках Шмирхау и Пайцдорф. На первом велись интенсивные буровые работы, а на втором осуществлялась разведка.

К этому времени я все больше задумывался о том, а что же будет дальше. Практически после возвращения в Союз пришлось бы все начинать сначала. Я решил ускорить этот процесс — записался на прием к В. Н. Богатову и обратился к нему с просьбой отпустить меня в Союз. На приеме, прошедшем в благожелательной обстановке, он в моей просьбе отказал, так как считал, что я нужнее на своем месте. После этого я с подобной просьбой обратился в ЦК КПСС; через месяц или несколько позднее мне

корректно сказали, что мне подберут замену и тогда отпустят. В это же время Барехин предложил мне перейти на работу в геологическое управление на должность начальника производственно-технического отдела, практически главного инженера управления. Я дал свое согласие и в сентябре уехал в отпуск. По окончании отпуска я приехал в Москву в отдел кадров; мне сообщили, что со мной хотят побеседовать в ЦК. Инспектор ЦК говорил о моем письме с просьбой об откомандировании. Я ему сказал, что дал согласие еще год поработать в «Висмуте», и учитывая, что к этому времени прием в аспирантуру уже завершился, то я планировал выехать в «Висмут». Однако несмотря на это моя просьба об откомандировании осталась в силе. Инспектор мне сказал, что рассмотрит мое заявление. Примерно недели через две я получил телеграмму, что моя просьба удовлетворена.

* * *

На этом закончилась моя работа в «Висмуте». В последующем мне еще дважды приходилось бывать в «Висмуте».

В 1968 году инициатором поездки был Н. И. Чесноков. Дело в том, что в 60-х годах в Подмосковном угольном бассейне осуществились грандиозные работы по коренному изменению правил добычи угля подземным способом. Создавалась и энергично внедрялась комплексно механизированная технология очистных работ, основных наиболее опасных и трудоемких процессов. Техническая и технологическая сторона этих работ осуществлялась ПНИУИ (Подмосковным научно-исследовательским и проектно-конструкторским институтом). Н. И. Чесноков посетил Узловской машиностроительный завод, где изготовили соответствующее оборудование, и ПНИУИ. В беседе с директором института В. Г. Поповым он предложил послать специалистов института в «Висмут» с целью возможной передачи опыта. В качестве сотрудников были рекомендованы я, работающий в то время руководителем горного отдела института, и М. С. Алексеев, заместитель директора по проектно-конструкторской работе. Наша командировка в «Висмут» продолжалась 10 дней, мы посетили ряд шахт. Во время посещения одной из них я встретился с бывшим штайгером Г. Рори, который в свое время руководил проходкой наклонного шурфа на окраине Роннебурга.

Так заканчивается и моя работа в «Висмуте» записями в трудовой книжке: «Принят на работу на должность инженера по технике безопасности, и в связи с окончанием срока заграничной командировки освобожден от должности начальника геологической партии».

Валентина Ивановна Жукова

Мой муж, **ГЕОРГИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ ЖУКОВ**, родился 11.11.1921 г. в дер. Абакумцево Ярославской обл. В 1939 г. поступил в Московский геологоразведочный институт. В августе 1941 г. с 3-го курса ушел добровольцем на фронт. Награжден боевыми орденами. В 1946 продолжил обучение во МГРИ и окончил его в 1949 г. по специальности инженер-геолог. Был направлен в СГАО «Висмут», где работал с мая 1949 г. по январь 1956 г.: 1949–1952 гг. — главный геолог шахты, главный геолог Объекта № 4 (Аннаберг); 1952–1954 гг. — старший районный инженер, начальник геологического отдела; 1954–1955 гг. — главный геолог геологического управления, главный геолог СГАО «Висмут». По окончании заграничной командировки направлен в порядке перевода в Минсредмаш, где с 1956 г. работал в Геологическом управлении, в 8-ом управлении Первого главного управления Минсредмаша. Награжден орденами и медалями. В 1986 г. присвоено почетное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Скончался 24.11.1999 г.

Сквозь призму времени

В. И. Жукова.

Г. К. Жуков.

Шел третий год Великой Отечественной войны...

Учебные заведения Москвы продолжали набор абитуриентов на новый, 1943-й, учебный год. Не знаю, как в других ВУЗах, но наш Московский геологоразведочный институт проводил прием без вступительных экзаменов. Среди поступающих — в основном девочки 1925 года рождения и старше. Мальчики до 1926 года рождения включительно подлежат мобилизации или уже в армии. Поступают только те, у кого бронь.

Учебный год начинается с середины октября. До этого нас направляют в Кривандино на строительство железнодорожной ветки, по которой планировалась доставка дров для Москвы.

Так произошло наше первое знакомство с земляными работами и жизнью в палатках. Мы отсыпали железнодорожное полотно, ровняли насыпи, вырубали деревья вдоль полотна. Уходили на работу и возвращались по звонку. Уставали, но пели бодрые маршевые или лирические песни.

На первом курсе института в каждой группе было всего по 2–3 мальчика. Но к третьему курсу (1946 год) стали появляться ребята-фронтовики. Среди них был и Георгий Константинович Жуков.

В августе 1941 года он в числе первых добровольцев-студентов 3-го курса МГРИ ушел в армию. В мае 1942 года, после завершения ускоренного курса обучения во Владимирском пехотном училище и присвоения воинского звания лейтенанта, был направлен в действующую армию на должность командира пулеметного взвода в 15-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В ее составе участвовал в боях под Харьковом, Сталинградом, Белгородом. Был ранен. После госпиталя исполнял обязанности командира учебного взвода, затем был слушателем специальных курсов усовершенствования офицерского состава Красной армии (СКУ-ОСКА) при Генштабе. Награжден орденами «Красная звезда» и «Отечественной войны

I степени». В 1946 году был отобилизован для продолжения учебы и вернулся на 3-й курс МГРИ.

«Новички» заметно отличались от нас. Были, во-первых, постарше, и конечно же, более собранными, возмужалыми, серьезными.

Георгий Константинович сразу же и очень органично включился в общественную работу. Был парторгом, вел активную организационную работу в период выборов в органы государственной власти (Верховный Совет и др.). И ему это хорошо удавалось.

Здесь мы и встретились — учились в параллельных группах на геологоразведочном факультете. Окончили институт в 1949 году по специальности «горный инженер-геолог» и остались вместе, как оказалось, на всю жизнь...

* * *

Еще до конца учебного курса и защиты дипломов началась подготовка к будущему трудоустройству. В те годы это обычно происходило по распределению, согласно заявкам предприятий на молодых специалистов.

На нас с Георгием Константиновичем был запрос Всесоюзного треста «Союзспецразведка», в экспедиции которого (№ 19) мы проходили преддипломную практику. Но из этого, как потом выяснилось, ничего у нас с ними не вышло, хотя до самого нашего отъезда в Германию мы числились их штатными сотрудниками.

В институте фигурировали списки на два основных направления — страны Западной Европы и Магадан («Дальстрой»). Мало кто хотел в Магадан, но и в Западную Европу поехать добровольно хотели не многие. Это были страны, которые совсем недавно воевали против СССР, и неясно было, как поведет себя по отношению к советским специалистам местное население, что за работа нас там ждет и т. д. Было любопытно — новые страны, новая жизнь, но пугала и неизвестность...

Никаких официальных данных не было,

но ходили слухи («сарафанное радио») о тяжелых условиях работы, об имевших место диверсиях и о враждебных действиях против наших граждан. Сразу вспоминалась пропавшая без вести наших студентов, проходивших практику в Молдавии в 1947 году. Последний раз их видели местные жители в руках бандеровцев. Студенты-выпускники старались найти любой способ выхода из этого списка.

«Невыездными» считались лица, родственники которых или они сами находились или находятся на временно оккупированной территории. Под эту категорию могла подойти и я. Но меня в этом списке не было, а Георгий Константинович был.

Мы в это время еще не были женаты, только раздумывали, а надо было уже как-то определяться, чтобы не оказаться «по разную сторону баррикад». И Георгий Константинович решил на этом сыграть. На собеседовании он сказал: «Я хочу жениться, а будущая жена, Жукова Валентина Ивановна, была в оккупации». Но в ответ на его «демарш» последовало: «Неважно, где была, важно, что делала!» И в результате в пресловутом списке оказались мы оба, но мне пришлось в автобиографии обстоятельно изложить все свои действия по каждому дню пребывания на оккупированной территории. Хорошо, что этих дней было всего тринадцать.

Тогда мы решили попробовать второй вариант. Мы еще не знали, в какую страну нас направят и чем придется заниматься. Георгий Константинович в период учебы по совместительству работал в трестах «Мосгеолнеруд» и «Спецразведка», занимался геологической съемкой. А я под руководством кандидата (позднее — доктора) геолого-минералогических наук МГРИ М. Д. Дорфмана два летних сезона занималась изучением минералогии вольфрамового месторождения Акчатау в Казахстане. Специализировалась по вольфрам-молибденовым и бериллиевым рудам. Вольфрам являлся стратегическим сырьем и был очень востребован. Таким образом, у нас вроде бы сложились определенные профессиональные направления: у Георгия Константиновича — съемка, у меня — минералогия вольфрама и бериллия, — которыми нам хотелось бы продолжить заниматься. Об этом я сказала на собеседовании, отметив, что в Западной Европе подобных крупных месторождений нет. На что мне ответили: «Зато есть кое-что более интересное и востребованное».

На этом наши попытки уклониться от заграничной поездки были исчерпаны. Теперь нас отправляли туда уже в приказном порядке.

Но на этом дело с оформлением не закончилось. Через некоторое время нас вызвали на Лубянку. Мы вроде даже об-

радовались новой возможности избежать заграницы. На Лубянке нас посадили в какую-то маленькую, без окон, комнатку с тускло горевшей лампочкой под высоким потолком. Вскоре пришел товарищ и молча положил нам по стопке бумаг. Это были анкеты, в которых надлежало детально ответить на многочисленные вопросы о себе и ближайших родственниках чуть ли не до третьего поколения, живых и умерших, с указанием мест захоронения последних. Задача, прямо скажем, оказалась не из легких.

Когда мы закончили, и я с облегчением заметила, что, слава богу, не надо в очередной раз писать автобиографию, дверь моментально отворилась, и так же молча на стол перед нами легли соответствующие бланки. Было неприятное ощущение, что кто-то стоял за дверью или в комнате есть «жучок». Мы переговаривались и могли сказать что-нибудь не то, особенно я. Стало немного страшновато. Время-то было непростое. В конце 1948 года появились тревожные слухи о новых карательных акциях, а за ними последовали и настоящие действия. Не стал исключением и наш институт. Мы потеряли ряд преподавателей и студентов. Одни были арестованы и осуждены, другие, в ожидании возможного ареста, покончили жизнь самоубийством.

Среди репрессированных оказался доктор геолого-минералогических наук, профессор, зав. кафедрой Владимир Михайлович Крейтер. Он был арестован в мае 1949 года и осужден на 25 лет лагерей. Его кафедра была ликвидирована. Большой ученый и славный человек, он преподавал нам геологию рудных месторождений. Во время лекций часто с улыбкой, но с горечью в голосе говорил, что его могут обвинить в космополитизме за увлечение иностранными месторождениями, и советовал нам при случае делать вид, что мы ничего не слышали, ничего не знаем, забыть все, что он нам говорил. Действительно, в этом что-то было. Взять, хотя бы, тот же уран. Упомянулись американские, канадские, африканские месторождения, а в России их как бы и не было, даже мелких. Так же и по другим элементам, особенно стратегического значения. Но обвинили его по «Красноярскому делу». В 1954 году он был реабилитирован, а в 1964 году получил почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники РСФСР».

По диплому у Георгия Константиновича оппонентом был Владимир Иванович Смирнов. Он принимал у себя на квартире. Мы ходили к нему вдвоем и всегда с тревогой: «А вдруг его уже не застанем дома, а нас задержат как соучастников, общающихся с неблагонадежным человеком?»

Так что после посещения Лубянки нам и это направление не сулило ничего хороше-

го. Мы оказались между двух огней. Выбора не было. Будь, что будет...

Оформление между тем шло своим чередом уже без нашего участия, а мы продолжали трудиться над своими дипломами. В феврале 1949 года справили свадьбу. По такому случаю в нашем доме на неделю включили свет. (В Москве в это время электричества еще не было). Оставалось ждать, чем кончится дело, какая из претендующих на наше будущее организаций «победит».

Первым закончило оформление заграничное предприятие. И значит, нам предстояло отправиться в Германию.

Мы прошли партийные комиссии разного ранга, получили всякие напутствия и директивные указания: никакого общения с местным населением помимо чисто производственных вопросов, по ресторанам не ходить, в конфликты не вступать и так далее...

В апреле 1949 года мы защитили дипломы, еще раз прослушали соответствующие напутствия уже в Министерстве (тогда это было «предприятие п/я 1040»), где нам выдали заграничные паспорта и железнодорожные билеты Москва — Берлин. Ехать надо было с Белорусского вокзала до Берлина, где нас (на Восточном вокзале) должен встретить представитель предприятия. Если нас никто не встретит, то мы должны сесть в поезд до Лейпцига. Но денег при этом никаких не дали, сказали: «Сядите без билета. Если придет контролер, то делайте вид, что ничего не понимаете».

Нам выпал второй вариант. Между прибытием в Берлин и поездом, следующим в Лейпциг, был довольно длительный перерыв, и мы здорово намаялись. Хотелось пить, еще куда-то. Но, увы. Денег не было. Нам напутствовали, чтобы мы никуда от вокзала не отлучались. А рядом были Рейхстаг, Парк Победы, вход в Метро... Но мы твердо придерживались данных нам указаний и покорно жарились на солнце под открытым небом в ожидании встречающего, который так и не появился.

На поезд до Лейпцига сели без билетов. В вагоне оказалось еще несколько человек вроде нас. Для кондуктора наше поведение было, видимо, не в новинку. Он практически никак не среагировал на нас — безбилетников, и мы спокойно добрались до места. Здесь представитель наконец-то материализовался. Нас отвезли в приличную гостиницу, накормили. Утром отправили в Зигмар-Шенау (хозяйство М. М. Мальцева).

В Зигмаре нас принял главный геолог Геологического управления предприятия Роман Владимирович Нифонтов. Кратко объяснил наши будущие задачи. Нам было предписано выехать в г. Аннаберг на Объект № 4. Определили зарплату в 1500 ма-

рок. Но поскольку мы числились молодыми специалистами, нам полагалось только 60% от этой суммы. Как потом выяснилось, зарплата определялась равной той, которую работники получали на своих предприятиях в России. Но мы таких справок из «Союзспецразведки» не взяли, просто не знали, что это надо было сделать. А там у нас зарплата была выше. Вскоре, правда, нас перевели на ставку 2000 марок (и 2000 в советских рублях). А пока выдали первую зарплату (по 1200 марок) и талоны на экипировку.

На второй день мы выехали в Аннаберг.

Аннаберг

Город расположен у подножия горы Пельберг, сложенной твердыми вулканическими породами — диабазами. Сам город стоит на холмах, дома и улицы располагаются на разных уровнях, в виде ступеней спускась к речке.

С высоты птичьего полета город кажется широко раскинувшимся, но мы видели только небольшую его часть — окраину, где расположено управление Объекта и дома, в которых жили наши сотрудники. Доминантой города и единственным высотным зданием в нем является костел. Все остальные дома в городе — малоэтажные.

С прибывшей с нами женщиной (фамилии не помню) поселились в немецкую семью. Нам отвели небольшую комнату с двумя кроватями, маленьким (кухонным) столиком, парой стульев и электроплиткой, на которой мы быстро приготовили свой первый заграничный обед — молочную лапшу и какао. С хозяевами мы как-то не перебрались, кто они — не знали.

Через несколько дней нас расселили. Нам с Георгием Константиновичем предоставили трехкомнатную квартиру на первом этаже добротного старинного дома с оборудованной в подвале прачечной. По выданным в Зигмаре талонам нас экипировали. Выдали все, что необходимо на начало нормальной семейной жизни: две узкие железные кровати с пружинной сеткой, все постельные принадлежности, шторы на окна, скатерти, кухонную посуду, чайный и обеденный сервизы, личные носильные вещи и отрезы на костюмы.

Комнаты из-за малого количества мебели казались огромными. Отапливались единственной изразцовой печкой. Душа или ванной не было. Пользовались городской баней. В ней на душ вместе с раздеванием и одеванием отводилось 20 минут. Время приема ванны было побольше. Но тут имелись другие ограничения. Вода наливалась служащей только горячая, примерно на 1/4 ванны, и кран намертво закрывался.

Холодная вода текла свободно. При таком варианте окатиться после мытья можно было только холодной водой. Это работала система экономии воды, особенно — горячей. При таком раскладе мы предпочитали душ.

Столовой для советских специалистов еще не было, и нам выделили домработницу. Она занималась уборкой квартиры, готовила обеды, покупала продукты. В стране тогда еще действовала карточная система. Нам тоже выдали карточки с очень большими месячными нормами продуктов и промышленных товаров. Мы подкармливали и домработницу, и шофера, и своих родственников — каждому сотруднику предоставлялась возможность раз в месяц отправлять посылку на родину. Требования к посылкам были строгие. Вес должен точно соответствовать нормативу (3 или 5 кг), все швы на упаковке должны быть внутренними, кроме одного — на торце. Адрес пишется только строго слева от этого торца. Так что и в этом случае была запрещена всякая самостоятельность.

Первой домработницей у нас была фрау Элизабет, очень симпатичная молодая женщина, вдова. Муж ее не вернулся с войны. Она считала, что он в плену (у нас) и ждала, хотя к этому времени уже было сообщение об амнистии и отправке на родину (в Германию, в частности) всех военнопленных, за исключением лиц, совершивших тяжкие преступления. Она не верила, что он мог быть преступником, и надеялась на его возвращение. Все время спрашивала: «Правда ли, что отпустили всех?» Хотя мы не раз убеждали ее, что в России пленных больше нет.

Придя в себя после обустройства на новом месте, представились начальству, определились с будущей работой, получили новую порцию наставлений. Особые строгости касались обращения с секретными и рабочими документами, потери пропусков, ключей от сейфа, общения с местным населением, общего поведения, морального облика и т. д. Кроме основной работы мы должны были поочередно дежурить по ночам в управлении у телефонов. В любое время дня и ночи могли последовать звонки из «ставки», и не дай бог, если у аппарата не окажется дежурного! Скандала, а то и наказания, не избежать.

На момент нашего приезда (1949 год) на объекте работали шахты № 21 «Уранус» и № 49 «Виктория» и рудник «Доротея». Шахтным геологом на «Виктории» работала Инна Чернышева, на других эти должности были вакантными. Георгия Константиновича назначили главным геологом шахты № 21, меня — геологом рудника «Доротея», включающего шахту с тем же названием и штольню «Буххольц».

Аннаберг относится к жильному типу месторождений пятиметальной (серебро-

висмут-кобальт-никель-урановой) формации. В древности его обрабатывали на серебро. Уран добывали попутно, как сырье для производства черной краски. Сохранились следы старых работ в виде поверхностных и подземных выработок. Оруднение в крутопадающих жилах месторождения распределено неравномерно, в виде гнезд и линз различного размера. По запасам урана Аннаберг относится к средним месторождениям.

В наши задачи входило обследование старых заброшенных выработок и оценка их рудоносности, обслуживание проводимых разведочных и очистных работ, оценка общих запасов.

Шахта «Доротея» — одна из старейших в Рудных горах. (Первые находки серебра в Аннаберге датируются серединой XV века). Она вскрывала один горизонт с многочисленными старыми выработками. Начальником шахты был старшина Ильин. Западная пресса писала, что он ходит с дубиной и бьет рабочих-немцев. Не знаю, так ли это. Мне подобного наблюдать не приходилось. Думаю, что это были происки антисоветской пропаганды. В помощниках у него был сержант Коля. Его приставили ко мне в качестве коллектора, телохранителя и проводника. Он хорошо знал расположение выработок, и с его помощью я довольно быстро освоила географию нашего «подземелья».

Прежде всего Коля провел меня по всем работающим горизонтальным и вертикальным выработкам и очистным блокам. В дальнейшем такой обход мы делали ежедневно.

Разрабатывалась в это время только одна-единственная жила. В ее лежачем боку был пройден штрек с люками для выпуска породы из блоков, восстающие, ограничивающие очистные блоки, гезенки и засечки. Проходился квершлаг на подсечение новых жил.

Выемку руды и пустой породы требовалось проводить отдельно. Обычные работы велись взрывным методом, а рудные гнезда и линзы вскрывались и обрабатывались вручную с помощью перфораторов. Штуфная руда сразу же грузилась в ящики и выдалась на поверхность. Были случаи, когда данная технология (случайно или умышленно) нарушалась, рудные линзы «отстреливались», что приводило к разубоживанию — переводу штуфной руды в рядовую. Чтобы этого не произошло, приходилось в такие ответственные моменты дежурить в забоях даже ночью.

Отработка блоков велась сплошной выемкой снизу-вверх методом поэтажных штреков, на пути которых встречались старые древние очистные пространства — отдельные камеры, восстающие и целые системы горных выработок. Обследование их было связано с риском. В любой момент

могло произойти обрушение кровли, сход породы из восстающих. Под один из таких камнепадов мы однажды попали. Первым шел Коля, когда сверху начали сыпаться обломки. Его завалило почти полностью. На поверхности осталась только откиннутая в сторону рука с лампой. Мы работали с «карбидками», и он, видимо, старался, чтобы лампа не погасла, и мы не остались в полной темноте, если бы меня тоже засыпало. Но я не пострадала, только с ужасом наблюдала, как он постепенно исчезал под осыпающейся породой. В дальнейшем мы были более осторожными.

Попутно мы проводили обследование старых заброшенных выработок на уровне шахтного горизонта. Часть из них была обводнена, часть захламлена всяким производственным мусором, превращена в туалеты, другие были труднодоступны или вообще недоступны. Выработки не освещались, принудительная вентиляция отсутствовала. Работали с карбидными лампами, которые в любой момент могли погаснуть. Ходили в робах, резиновых сапогах и в касках; никаких специальных средств индивидуальной защиты от радиации, даже простых респираторов, у нас не было.

Еще одно неудобство — на шахте не было нормального душа. После выхода на поверхность мы, просто умыв лицо и руки, переодевались в свою одежду и шли домой. А поскольку дома у нас тоже никакой возможности вымыться не было, жизнь изрядно осложнялась. Но важность дела, которому мы служили, компенсировала эти бытовые проблемы.

Старые выработки проходились в твердых породах без крепления. Стенки их хорошо просматривались. Продвигаясь по выработкам, мы практически вели разведку их доступности, отмечая выемки засечки, где, возможно, были ранее обнаружены и отработаны рудные скопления, а также все подозрительные на этот счет участки. Позднее эти места проверяли радиометром. Значительных находок мы не обнаружили, но мелкие гнезда очень помогали, были своего рода записками на случай, когда план добычи оказывался под угрозой.

Была в этом и своя экзотика. Пробираясь по выработкам, можно было наблюдать историю их прохождения, из XX века как бы перебраться в Средневековье. Сначала идешь в полный рост, затем пригибаешься все ниже. На стенках видны «стаканчики» — остатки от не полностью взорванных запальных шпуров. Дальше выработка сужается настолько, что приходится продвигаться на четвереньках и по-пластунски. На стенках видны уже следы кирки — основного орудия древних рудокопов. И не знаешь,

что ждет впереди. Может быть, широкая камера, встречный штрек. Но чаще всего упираться в глухой забой, и надо ползти назад, теперь уже задом.

Бывали курьезные случаи. Однажды из узкого прохода мы попали в широкую камеру, из которой наверх шла вертикальная выработка, снабженная дряхлой веревочной лестницей. Обратно возвращаться не хотелось. Рискнули подняться наверх — мы были молодыми и немного бесшабашными, особенно Коля. Он лез всюду, куда не надо. Решили попробовать и с огромным трудом выбрались на поверхность. Но оказались за пределами шахтного поля. Чтобы попасть на шахту, надо было либо вернуться назад, либо идти на проходную. Пошли на проходную. А территория шахт надежно охранялась нашими солдатами. Пропускной режим был очень строгим. Но мы думали, что мы-то свои. Но не тут-то было! Караульный наотрез отказался нас пропустить, как мы ни пытались объяснить ему случившееся, и что наши документы остались в нашей одежде, и что мы можем их принести. Для него это был не резон, и на нашу попытку все-таки пройти, полагая, что он шутит, последовало грозное: «Стой! Буду стрелять!» — и громкое клацанье затвора, вызвавшее переполох и недоумение у рабочих-немцев, хорошо нас знавших. Потом Коле караульный все-таки разрешил сходить за пропусками, но все равно вызвал наряд. Приехавшие разрешили нам переодеться и доставили в воинскую часть. В комендатуре по поводу происшедшего с нами немного пошутили, но шутки-шутками, а данный инцидент показал, что на территорию тщательно охраняемого объекта можно, оказывается, проникнуть, минуя его проходную.

Ревизия штольни «Буххольц» не дала положительных результатов. Для оценки ее перспективности необходимо было проведение дополнительных геологоразведочных работ. В настоящее время она законсервирована.

Урана мы в штольне не встретили, зато в одной из выработок обнаружили погребок с бочками пива. Коля говорил, что они по своему воспользовались этим неожиданным открытием.

К середине 1950 года ревизионные и оценочные работы были закончены. Георгия Константиновича перевели на должность старшего рудничного геолога геофизического отдела, а с 1 января 1951 года он стал главным геологом Объекта № 4. Объект к этому времени начал расширяться, произошло его слияние с объектом «Беренштайн». Прибывали новые специалисты, расширялся круг поисковых (как подземных, так и поверхностных) работ, увеличивался план добычи. Это требовало усиления организационных

мероприятий, введения в курс вновь прибывающих молодых специалистов, чем Георгий Константинович, как обычно, активно и добросовестно занимался.

С приходом новых геологов встал вопрос об освобождении женщин от работы в подземных условиях. Меня определили на должность старшего инженера по учету и отчетности, но чисто формально. Смены не было, и до перехода на работу в г. Зигмаря продолжала обслуживать шахту. Но спускалась под землю реже, в основном для сопровождения разных представителей.

Хорошая работа поощрялась денежными суммами в советских рублях и подарками. Наиболее ходовыми наградами были аккордеоны, ковры и комплекты шкурки стриженного кролика. Так что к концу пребывания на Объекте № 4 мы имели все эти вещи, и не в одном экземпляре.

В конце 1950 года мы выехали в первый свой отпуск. Каждый раз при отъезде не было уверенности в возвращении, всегда собиравшись как насовсем. Еще по приезде в Аннаберг мы купили четырехмесячного щенка немецкой овчарки. Это был красивый, ласковый, умный, шаловливый пес. Встал вопрос, как с ним теперь поступить. Мы решили отдать его в армию. Расставание было тяжелым, как будто мы теряли самого близкого друга. Барри, так звали нашего мальчика, чувствовал что-то неладное, загрузил, иногда казался даже, что он плачет. Это вызывало слезы и у нас. С армейским кинологом договорились встретиться в парке. Сидели на лавочке. Кинолог сел рядом, незаметно взял у нас поводок, что-то сказал, встал, и Барри послушно пошел за ним — невероятно! Барри ведь не переносил даже форму военных, отчего безвинно страдал офицер, живший в нашем доме над нами. Но самое главное — Барри не только не сопротивлялся, но даже не оглянулся. Это было ужасно. Как он мог? Я плакала...

По приезде из отпуска мы узнали, что Барри нет в городе. Его увезли куда-то в другую часть, потому что он пытался сбежать. Видимо, очнулся от этого непонятного наваждения и рвался домой. Нас это обрадовало. Значит, он все-таки не забыл свой дом и нас.

Мы снова приобрели маленькую собачку — Джека. Но и с ней вскоре пришлось расстаться. Мы передали ее в очень хорошие руки — одной немецкой семье.

За время нашего отсутствия вся «русская колония» Аннаберга переселилась в другую часть города, где жилые дома, управление, столовая и клуб сконцентрировались на одной небольшой улице. Здесь же расположились и русские магазины. Нас поселили на первом этаже одного из домиков, в малогабаритную двухкомнатную квартиру

с ванной и кухней, но без отопления. Помню, в квартире было очень холодно, а на дворе была зима, и мы ждали ребенка.

Вскоре нас переселили в более просторную трехкомнатную квартиру с печкой. Сюда мы и привезли своего новорожденного сына — Виталия.

Его жизнь началась под грохот праздничного салюта.

Это было в родильном доме. После вечернего кормления детей роженицы палаты (нас в ней было 5 или 6 человек) уснули, когда вдруг началась какая-то стрельба. Спросонья одна из женщин закричала: «Девочки, это война!» Что тут началось... Разбуженные ее криком мамыши, не понимая, что происходит, бросились из палаты искать своих детей. Шум, крик. Кто-то предлагает бежать во двор. В общем — страшный переполох. Прибежали нянечки, уговаривают всех оставаться в местах. Оказывается, это немцы так с помпой и пальбой отмечают свой День горняка. А нас об этом не предупредили.

Сейчас Виталий — отец семейства, имеет двух детей и двух внуков. Окончил МГУ, кандидат биологических наук, сотрудник одного из институтов РАН.

В 1949–1951 годах коллектив Объекта №4 был невелик и довольно четко делился на две возрастных категории. С одной стороны — молодые специалисты, в основном девушки, и молодые бездетные пары, все работающие. С другой стороны — более возрастные и солидные семейные пары, в которых жены, в основном, не работали. Свободного времени у работавших было немного, да и требования к правилам поведения были строгими, но это не мешало нам, молодежи, как-то разнообразить свою жизнь. Совместно с ребятами — военнослужащими организовали танцевальный ансамбль, выступавший в местном клубе перед советской публикой. Раз в неделю в клубе крутили кино. Очень любили пешеходные походы на гору Пельберг, велосипедные прогулки в сопровождении Барри. С большим интересом и любопытством посещали диковинные для нас ярмарки с балаганами, лотереями и сувени-

Георгий Константинович с сыном Виталием на лодке в Пельцмюлле.

рами, которые немцы традиционно устраивают по своим народным праздникам. Мы и сами принимали участие в лотереях, где самым любимым выигрышем были огромные плюшевые медведи, которых мы впервые увидели именно там.

Дальние экскурсионные поездки от предприятий в то время еще не проводились. Но по выходным с помощью администрации объекта мы всем нашим коллективом устраивали выезды: летом — на пикники в окрестности Аннаберга, зимой — на лыжные прогулки в Обервизенталь.

Торжественно, всем коллективом отмечали большие праздники — 1 мая, 7 ноября, День выборов.

Из друзей этого времени вспоминаются: Инна Чернышева — главный геолог шахты № 9; Аня Родионова и Ия Башмачникова — геологи-разведчики; Наташа и Андрей Лапины — гидрогеологи; Шота Гавашели, его жена Рита и дети — Шалик и Валик, как их звали родители (Шалва и Вахтанг). После заграникомандировки Шота Михайлович занимался разведкой полиметаллических месторождений; сейчас он живет в Нальчике.

Из очередного отпуска в феврале 1952 года в Аннаберг мы уже не вернулись, так как нас оставили работать в Зигмаре.

Зигмар

В феврале 1952 года Георгий Константинович перевели с должности Главного геолога Объекта № 4 на должность старшего районного инженера геологического управления СГАО «Висмут», через месяц — на должность начальника Центральной геологической камеральной партии. В 1953 году он был назначен начальником геологического отдела геологического управления Предприятия. А с 1954 года до окончания заграникомандировки (1 января 1956 года) Георгий был главным геологом геологического управления СГАО «Висмут».

Мой послужной список в эти годы: старший районный инженер, старший инженер-минералог, начальник минералогической лаборатории СГАО «Висмут». В должности старшего районного инженера курировала Тюрингию, корректировала геологические отчеты, приходящие с объектов, и готовила сопровождающие материалы для их отправки в Москву. В мои обязанности входило посещение шахтных выработок действующих предприятий и участков поисково-разведочных работ. Приходилось много ездить.

В поездках случались разные курьезные случаи. Так, однажды мне было предписано сопровождать маркшейдера в его поездке на какой-то неизвестный мне участок. Расспрашивать ни о чем не стала, рассчитывая,

что все знает маркшейдер. Утром, как положено, выехали на объект. Маркшейдером оказалась незнакомая мне женщина, за рулем машины — немец. Едем в направлении Лейпцига, и тут выясняется, что она тоже не знает точного маршрута: ей назвали только населенный пункт и участок, находящийся где-то в районе Лейпцига. Что делать? Возвращаться? А мы уже рядом с городом. Решили ехать дальше, справляясь у местных жителей о местонахождении нужного нам объекта. Ответы были либо отрицательные, либо предлагавшие ехать дальше. Продолжаем ехать. Место пустынное, дорога прекрасная... И вдруг — указатель: «Въезд запрещен», а к нам бежит человек, машет руками и что-то кричит. Это оказался немец, кричавший нам: «Туда нельзя! Тут кругом русские солдаты с пулеметами! Они стреляют!» Мы, не разворачиваясь, задом вылетаем назад. А там — второй предупреждающий щит «Запретная зона», который мы поначалу не заметили. Немец показал нам, где расположена русская воинская часть. Поехали туда: может быть, они что-нибудь знают об этом богом забытом участке. Там тоже ничего не знали, но нас, на всякий случай, задержали «до выяснения». Оказалось, что хотя на дороге не было никакого поста, это была граница английской оккупационной зоны.

В другой раз мы вдвоем с шофером-немцем возвращались в Зигмар затемно, где-то пропустили нужный поворот и вместо востока помчались на запад. На этот раз нас окликнул часовой, по-английски. Шофер страшно перепугался (английского он, конечно, не знал) и, указывая на меня, все твердил на ломаном русском: «Русский фрау... Инжинир... Русский фрау...». Кое-как на трех языках мы объяснились, и все закончилось благополучно.

Должность начальника минералогической лаборатории, расположенной в Грюне (пригород г. Хемниц), позволяла мне заниматься и минералогией. При подземных работах (в Аннаберге) было не до нее. В чисто производственных отчетах, где фигурировали прогонные метры проходки и ревизии горных выработок, кубометры очистной выемки и проценты добытого металла, этим сведениям не находилось места.

Лабораторная минералогия носила прикладной характер для технических целей. Технологам необходимы были данные о минеральном составе исходных руд, о распределении урана по технологическим фракциям, о размерности урановых минералов, характере их связи с нерудными компонентами и др. Материалом для исследований служили технологические пробы и геологические образцы. Мы продолжали пополнять минералогический музей при лаборатории новыми

экспонатами, а также создавали подобные музеи на объектах (Иоганнсгеоргенштадт, Ауэ и др.). В дальнейшем основная часть этих музейных образцов была отправлена в Москву во ВНИИХТ.

В Зигмаре мы некоторое время жили на улице Цвикауэрштрассе, в малометражной двухкомнатной квартире. Одну комнату занимали мы, во второй комнате жила немецкая семья с ребенком. У нас тоже уже был восьмимесячный сын. Было не совсем удобно, тем более, что их мальчик оказался инвалидом (глухонемым и слепым). Поэтому вскоре нас поселили на первом этаже роскошной двухэтажной виллы на улице Зонненштрассе (?). Вилла была действительно роскошная: две огромные комнаты, санузел с ванной, большой мраморной столешницей, унитазом и биде. Последнее приспособление мы видели впервые и не сразу с ним освоились. Дом обнесен забором. Входная калитка и ворота должны были всегда запираются на замок, за чем очень строго следил хозяин. Периодически он приходил, чтобы удостовериться, что дом в порядке, замки на месте, деревья в садике целы. Был он не очень приветлив — казалось, ждет не дождется, когда мы освободим его собственность. Нам разрешили иметь домработницу. Это была фрау Рут Бретшнайдер — очень приятная, добросовестная, аккуратная и заботливая женщина, о которой у нас остались самые лучшие воспоминания. Сына мы устроили в ясельную группу детского сада, где воспитателями работали жены наших сотрудников. Среди них и жена Николая Дмитриевича Иванова. Впоследствии мы поддерживали связь с ними вплоть до их кончины. Встречались и по работе в г. Желтые Воды, где они обосновались после заграникомандировки.

По сравнению с Аннабергом коллектив в Зигмаре был более разнообразным и многочисленным. На общем фоне, естественно, обособлялись по работе, по общим интересам, по совместному проживанию небольшие компании. Наша компания сложилась на почве совместного проживания. Над нами жила семья Владимира Монахова с сыном Витей. Он — юрист, его жена Серафима — экономист. Неподалеку жили его друзья, тоже юристы: Федор Федосеев и Василий Климов. Все свободное время мы проводили вместе. Мужчины увлекались охотой и рыбалкой. И даже иногда возвращались с добычей. За Монаховым и Георгием Константиновичем были закреплены личные машины, и мы могли совершать не только общие автобусные экскурсии, но и самостоятельные путешествия. Обехали практически всю восточную часть Германии. Посетили многие исторические и живописные места. Наибольшее впечатление произвели на нас

«висячие сады Семирамиды в Сан-Суси» (г. Потсдам), Дрезденская галерея, Саксонская Швейцария, мемориальные кладбища советских воинов Трептов-парк и Панков-парк.

Трептов-парк воспринимается как гимн нашей Победы, а великолепная работа Вучетича вызывает чувство гордости за нашу страну. И как-то забываешь о том, что под этими каменными плитами лежат тысячи наших солдат, отдавших жизнь за эту победу.

Панков-парк больше соответствует мемориалу. На входе тебя встречает скульптура женщины с венком в руках, очень напоминающая скульптуру на Пискаревском кладбище в Ленинграде (Санкт-Петербурге). Создается такое впечатление, что основание мемориала находится несколько ниже поверхности земли, и ты сразу оказываешься в тишине среди облицованных темным камнем стен и гробниц с поникшими к земле факелами. Здесь хочется тихо постоять, подумать о вечном и о тех, кто покоится в этих могилах, о своих близких, не пришедших с войны.

И еще один мемориал — Бухенвальд. Я посещала его до и после реставрации. Это «две большие разницы». В отреставрированном виде он представляет собой хотя и страшный, но все-таки музей. В первоначальном же виде он воспринимался как настоящий ад, где посетителей охватывал ужас от всего здесь увиденного. Казалось, что еще слышны крики и стоны истязуемых, что еще остыли печи, а в воздухе чувствуется гарь, и вот-вот из труб пойдет черный дым. Какой изверг-инквизитор мог додуматься устроить этот ад под боком у города, в котором жили и творили Гете и Шиллер, создавший здесь свои драмы «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева».

По окончании заграникомандировки, 1 января 1956 года мы были освобождены от своих должностей и направлены в порядке перевода: Георгий Константинович — на Предприятие п/я 1040 (Минсредмаш), а я — во ВНИИ химической технологии.

Георгий Константинович с 1956 по 1966 год занимал должность старшего инженера, затем зам. начальника отдела Геологического управления. А с 1966 по 1970 находился на партийно-выборной работе (зам. секретаря парткома Минсредмаша). С 1970 по 1987 год занимал должность районного инженера отдела технической помощи 8-го управления Первого главного управления Минсредмаша. За успешное выполнение служебных заданий награжден орденами «Трудового Красного Знамени», «Знак Почета», медалями «За трудовую доблесть», «Ветеран труда», почетными знаками «Шахтерская слава» I и II степени. В 1986 году ему присвоено по-

четное звание «Заслуженный геолог РСФСР». Скончался 24 ноября 1999 года.

Я с 1956 по 1990 год работала во ВНИИХТе. С 1967 года — кандидат геолого-минералогических наук. Занималась минералогией урановых месторождений Румынии (Бихор, Аврам-Янку), Чехии (Гамр), Украины (Желтые Воды), Казахстана (Семизбай) и Германии (Шмирхау) с кратковременными выездами на объекты для сбора материала (образцов) или технической помощи на местах.

Помимо генетических исследований мною проводились работы по выявлению минералогических причин трудного извлечения урана из отдельных типов руд в процессе их технологической переработки. Подобные работы были проведены в 1963 году в СГАО «Висмут» по рудам месторождения Шмирхау. Шмирхау относится к месторождениям в так называемых черных сланцах. Оруденелые породы состоят преимущественно из кварца с незначительным количеством чешуйчатых минералов и сульфидов железа. До 20 % состава приходится на тонкорассеянное органическое вещество, придающее породам черный цвет. Урановая минерализация представлена субдисперсной вкрапленностью в зернах кварца и сорбцией на органическом веществе. В процессе отработки месторождения появились так называемые «упорные руды», требующие для технологической переработки более жестких условий по сравнению с принятыми на предприятии.

Чтобы разобраться в данном вопросе, из ВНИИХТа выехала группа специалистов под руководством Георгия Михайловича Алхазашвили, в состав которой, помимо технологов, вошли два минералога: З. Д. Голандская и я. Нам, геологам, предстояло выяснить, не является ли причиной плохого извлечения урана из «упорных руд» изменение минерального состава, текстурно-структурных и других особенностей рудной массы по сравнению с нормальными рудами. Исходя из этого, нами была выбрана методика сравнительного изучения указанных

типов руд. Систематически отобранное в горных выработках большое количество образцов и проб исследовалось макро- и микроскопически в прозрачных и полированных шлифах, методом автордиографии на рентгеновских пленках и методом микрорадиографии на толстослойных пластинках, а также микрохимическими и рентгеновскими методами на содержание фтора и фосфора. Выяснилось, что единственным существенным различием руд является содержание в них фтора и фосфора. В «упорных рудах» содержание фтора на два порядка, а фосфора на порядок меньше, чем в «нормальных» рудах. Следовательно, «упорные руды» изначально обеднены, в частности, фтором, наличие которого в рудах существенно облегчает извлечение урановых минералов, «запечатанных» в зернах кварца, что согласовывалось с данными технологических испытаний. Попутно удалось выяснить геологические условия нахождения и широту распространения «упорных руд». Оказалось, что эксплуатационные блоки с трудно извлекаемыми рудами тяготеют к крупным тектоническим разломам. Циркулирующие по разломам поверхностные воды могли выщелачивать из прилегающих к ним пород фосфорные и фтористые минералы. Установленная закономерность позволяла определять и оконтуривать площади развития «упорных руд» и проводить их селективную отработку. На момент наших исследований такие руды могли составить около 40% от разведанных запасов. За эту работу и за исследование руд Гамра (Чехия) я была награждена почетным знаком «Шахтерская слава» и медалью Чехословакии.

В 1990 году по собственному желанию я вышла на пенсию, отдав все 40 лет своего трудового стажа работе с ураном. Символично, что тогда же, в 1990 году, прекратило свое существование и СГАО «Висмут», на котором когда-то начиналась наша трудовая деятельность.

Москва, 2014 г.

Николай Иванович Бирюков

Воспоминания о жизни и работе в САО/СГАО «Висмут» с 1950 по 1956 г.

По принятым в СССР правилам, те, кто окончил вуз, защитил диплом и получил звание горного инженера соответствующей специальности, распределялись по запросам горных предприятий в границах СССР, с обязательством отработать на предприятии не менее трех лет. Неожиданно для нас, дипломников, во второй половине 1949 года, когда мы усиленно корпели над дипломным проектом и о предстоящей работе не помышляли, в Горный институт пришел военный представитель. Как было сказано — для отбора достойных кандидатов на работы на урановых рудниках. По согласованию с дирекцией, парткомом и комсомольской организацией специалисты были отобраны, списки согласованы. Нас пригласили на собрание, представитель организации очень кратко ввел нас в курс дела. Он объяснил, что предлагается работа на особых рудниках, без уточнения места их расположения. Мы заполнили анкеты, написали автобиографии и сдали фотокарточки. О результатах нам обещали сообщить дополнительно, предупредили, чтобы этот вопрос не обсуждался даже в семейном кругу. Следует отметить, что в список отобранных не попали инжене-

ры еврейской национальности (пресловутый "пункт 5" анкеты).

Мы продолжили работу над дипломом, и не вспоминали о сданных документах. После защиты дипломов и получения звания горных инженеров соответствующей специальности, в июле — августе 1950 года нас начали по одному приглашать на собеседование для распределения на работу, — на Солянку, где располагался отдел кадров ГУСИМЗа (Главное управление советского имущества за рубежом).

Меня и моего сокурсника по группе РРМ-45 (разработка рудных месторождений, 1945-й год выпуска) Богданова Геннадия Ильича пригласили на Солянку в августе 1950 года. Выдали нам аванс 3300 руб. на экипировку и деньги на ж/д билет и сказали, что дату отъезда сообщат дополнительно. Через некоторое время позвонили и сообщили, что по техническим причинам дата отъезда откладывается на более поздние сроки. Примерно через месяц нас снова вызвали в отдел кадров на Солянку, где подполковник Печенов сообщил, что необходимо взять билеты на ближайшие 2–3 дня, и выехать в ГДР для работы на рудниках советского акци-

Н. И. Бирюков.

Выпуск 1950 года горных инженеров — рудников Московского горного института им. И. В. Сталина.

онерного общества «Висмут». Сказал, что все разъяснения о работе буду сделаны по прибытии на место. Мы с повинным видом сообщили, что на билеты нам денег не хватит. Подполковник Печенов безо всяких нареканий и нравоучений велел нам получить недостающую на билеты сумму и выехать в ближайшие дни в ГДР, и непременно сообщить о своем отъезде лично ему. По отзывам наших других коллег Печенов был человеком внимательным и глубоко порядочным, профессиональным кадровиком. Мы выполнили его поручение и выехали в ГДР в указанное время. Отбыли по маршруту: Москва — Брест — Варшава — Франкфурт-на-Одере, где нас встретили, привезли на автобусе в Зигмар-Шенау (в то время пригород Карл-Маркс-Штадта, которому в 90-е годы было возвращено название Хемниц).

В Зигмаре-Шенау нас разместили в уютной гостинице, расположенной в двухэтажной вилле со всеми удобствами. Нам даже выдали небольшой аванс в немецких марках ГДР. Когда мы посетили ближайшие магазины, мы почувствовали себя вполне обеспеченными людьми. На следующий день нас с Богдановым Г. И. и группой советских специалистов, прибывших в АО «Висмут», принял генеральный директор САО «Висмут» Михаил Митрофанович Мальцев.

Он провел с нами небольшую беседу. Михаил Митрофанович в ходе разговора конкретно и предельно ясно охарактеризовал наши задачи, подчеркнул стратегический характер задач по обеспечению потребностей атомной промышленности Советского Союза в радиоактивном сырье. Напомнил о необходимости строгого соблюдения режимных условий работы и правил проживания среди немецкого населения. Мальцев не преминул «сесть на свой конек» как инженер-электрик: «Помните ли вы еще закон Ома?» Мудро отметил необходимость применять в нашей работе полученные ранее теоретические знания.

Та беседа произвела на нас очень хорошее впечатление. На следующий день за нами приехал подтянутый, с хорошей военной выправкой, капитан Чунин Михаил Поликарпович, и представившись представителем администрации второго объекта, отвез нас на автомобиле в город Обершлема, расположенный в Саксонских рудных горах. Там и находились урановые рудники Объекта 2.

В Обершлеме нас разместили в шикарном, даже по теперешним меркам, 4-этажном здании курортеля «Радиумбад» Обершлема. Чунин М. П. детально ознакомил нас с хозяйством гостиницы, в которой находились просторный ресторан

с барной стойкой и небольшим оркестром, киноконцертный зал с танцплощадкой, бильярдной комнатой с тремя большими столами, прекрасными шарами из слоновой кости и клееными киями. Бильярдную обслуживал старик-немец, который с немецкой пунктуальностью следил за состоянием столов и киев и их использованием. За свою работу он получал деньги от игроков за игру. Стоимость игры составляла 50 пфеннигов за один час. Старик подходил к игрокам и с саксонским акцентом говорил: "Bitte funfzig pfennig" (пожалуйста 50 пфеннигов). Конечно платили больше, но были и скупердяи, которые выдавали монету стоимостью ровно 50 пфеннигов.

Меня и Богданова Г. И. разместили в двухместном (семейном) номере с большой комнатой и спальней, с огромной старинной ванной, с душем, раковиной-умывальником, унитазом и биде. Номер был хорошо меблирован. Всем хозяйством гостиницы заведовал немец по имени Августин, из прежних (довоенных) служащих отеля. В том числе он же обслуживал проживающих и ресторан.

Это был отменно подготовленный гостиничный работник (по теперешнему — менеджер). Он был всегда чисто выбрит, опрятно одет, с чувством собственного достоинства выполнял любое разумное требование или просьбу жильцов гостиницы. У него даже была черная книга "gehwarzbuch", в которую заносились долги игроков в бильярд. Постоянными клиентами бильярдной были капитан Чунин М. П. и Ракчеев К. Т., работник технического отдела Объекта 2, которые были лучшими игроками на объекте. При этом капитан по-военному вгонял шар в лузу, жестким и точным ударом, а Ракчеев накатом, но тоже точно в лузу.

В лечебной части отеля, там где раньше были палаты и процедурные с радоновыми ваннами и другим лечебным оборудованием, позже были размещены служебные помещения администрации Объекта 2: кабинеты начальника, главного инженера, до 1953 г. — зам. начальника объекта по политической части (а далее должность стала называться «секретарь парткома объекта»), производственные, геолого-геофизические, плано-экономические и другие отделы.

«Курхотель Радиумбад» в Обершлеме просуществовал до 1952 года, когда после выемки охранных целиков под ним с богатыми рудными урановыми жилами весь комплекс был полностью разрушен. Вспоминается неординарный случай, произошедший при отработке целиков. Под зданием курортеля на горизонте штольни «Маркземлер» (около 40–45 метров от поверхности)

геолого-геофизическая служба неожиданно обнаружила линзу чистой урановой смолки, размером примерно 4 метра в длину и 40 см в поперечнике, залегающую в сланцевых породах. Было решено эту линзу вынуть целиком, без ее разрушения. Постелили на подошву штрека прочный настил, на него брезент и черные транспортные ленты. Соорудили мощные козлы из крепежных стоек диаметром 40 см и стали осторожно подрабатывать мягкие вмещающие породы с помощью оборочных штанг и отбойных молотков. Посадили эту линзу на козлы, которые разлетелись в щепки, к счастью никто не пострадал. Из этой линзы было собрано штучной (богатой) урановой смолки несколько металлических ящиков (размером 50 x 35 x 25 см), применявшихся для транспортировки урановой руды из очистных забоев на поверхность. Вес этих ящиков при загрузке их смолковой рудой доходил до 200–250 кг.

Хотя линзу и не удалось извлечь целиком, но Объект 2 выполнил месячный план по металлу. По приезду на объект меня и Богданова Г. И. направили на работу в ОТК (отдел технического контроля), начальником которого был Кошколда Николай Константинович. Он был выпускником Московского института цветных металлов и золота имени М. Ю. Калинина 1949 г. выпуска, 1919 г. рождения, прошел войну. Кошколда Н. К. провел с нами обстоятельную и конкретную беседу, обратив особое внимание на стратегическое значение для СССР добываемого в АО «Висмут» металла, а также связанные с этим вопросы по соблюдению строгого режима как в производственной, так и в бытовой сфере.

На Объекте было 8 добычных шахт, которые по объему добычи радиоактивного сырья располагались в таком порядке: № 4 — самая крупная на объекте и в АО «Висмут», далее — шахты №№ 6, 64, 12, 67 и 15-бис и 6-бис, которые дорабатывали шахтные поля Шнеебергского месторождения на верхних горизонтах штольни «Маркземлер» — 30 метров.

Я был назначен 1 сентября 1950 года старшим инженером ОТК Объекта 2 и включился в активную работу по ознакомлению и участию во всей технологической цепочке добычи урана. Бедные фабричные руды, которые выдавались из шахты скиповым подъемником, складировались на поверхности в бункерах рудного двора и из них в самосвалах отвозились на автоматическую установку с радиометрической контрольной станцией (РКС), где советский солдат-радиометрист записывал в специальный журнал вес руды и ее радиометрические показатели. Далее само-

свал следовал на обогатительную фабрику 99, расположенную в поселке Шлема, практически в границах Объекта 2, для гидрометаллургического передела. При избытке руды над потребностями фабрики 99 самосвалы направлялись на железнодорожные бункера, где руда временно складировалась. Эти бедные руды в дальнейшем направлялись в открытых железнодорожных вагонах на гидрометаллургический завод № 101, расположенный в местечке Кроссен около Цвиккау-Мульде.

Главным инженером фабрики работал мой хороший приятель Балан Владимир Иванович, который после возвращения в 1955 году из ГДР в СССР работал в Госплане СССР, и спустя некоторое время был назначен секретарем парткома Госплана СССР (номенклатура ЦК КПСС) и проработал на этой должности до самого выхода на пенсию.

Расчеты по металлу между обогатительными фабриками и Объектом 2 производились ОТК объекта, т. е. мною, на основе веса поставленной фабричной руды и содержания металла в ней, определяемые химическими анализами проб, отобранными мною из руды.

Богатые 1 %-ной урановой смолкой штучные руды 1 и 2 сортов из очистного забоя отправлялись в цех опробования № 52. В 1950 г. и последующие годы в АО «Висмут» было направлено очень большое количество специалистов после окончания высшего или среднетехнического учебного заведения. На Объекте 2 работало от 250 до 300 таких специалистов. Служба ОТК объекта была хорошо укомплектована. Как правило, на шахтах, исходя из их мощности и значимости, был начальник ОТК и один или два сменных контролера.

Геофизической службой АО «Висмут» к этому времени был разработан ряд простых в пользовании, но надежных в работе и достаточно точных приборов по измерению радиоактивности сырья. Хотя они были основаны на всемирно известном счетчике Гейгера — они были строго засекречены, и поэтому и в очистном забое при сортировке рудной массы и на радиометрических контрольных станциях до 1953 года работали только советские солдаты из технических батальонов, приданных АО «Висмут».

Хотя советские солдаты хорошо и ответственно справлялись со своими обязанностями радиометристов, но секретность геофизической аппаратуры сдерживала участие немецких горнорабочих в добыче и первичном обогащении урановых руд. Только после реорганизации Советского АО «Висмут» в Советско-германское

АО «Висмут» в январе 1954 года немецким горнорабочим позволили более полно участвовать в технологическом процессе добычи и сортировки урановой продукции. Рабочие отбирались спецорганами ГДР и обучались на специально созданных курсах геофизиков с использованием радиометрической аппаратуры. Кстати, немецкие рабочие получали дополнительные премиальные за каждый ящик штучной руды, и в применении забойной сортировки с помощью радиометрической аппаратуры рабочие были еще больше заинтересованы.

Серьезным сдерживающим фактором добычи и сохранения от потерь рудной массы являлся существовавший тогда способ транспортировки штучных руд от очистного забоя до цеха опробования и затаривания готовой продукции цеха № 52 для отправки ее в СССР.

Ящики с рудой из забоя вручную выдавались через грузовые отделения (по лестницам) на откаточный штрек и в вагонетках выдвигались на поверхностный рудничный двор, где солдаты дополнительно проверяли их на РКС (радиометрических контрольных станциях), где, по возможности, отбиралась пустая порода.

Даже ящики вручную грузились на бортовые машины и отвозились в цех опробования № 52, где советские солдаты опять же вручную сгружали ящики и волоком тащили по выстланному толстыми железными листами полу с помощью крючьев. Складывали в складском помещении. Сам процесс опробования также был очень трудоемок и производился в постоянно запыленном пространстве, несмотря на вентиляцию. Ящики с рудой по рольгангам вручную подавались на площадку измельчения с помощью щековой дробилки, вибрационного грохота и шаровой мельницы измельчались до крупности зерна в 1,5 см. Далее измельченная руда по конвейеру направлялась в цех затаривания, где паковалась в картонные пропарафиненные цилиндрические барели диаметром 25–30 см и весом около 50 кг, которые закрывались крышками с отверстиями по диаметру и закреплялись металлическими пистонами с помощью специальных пломбиров. Далее следовала отгрузка в СССР.

При движении руды по конвейеру точечным способом совковой лопатой отбирались порции в конечном объеме, примерно 5 % от объема основной рудной массы, на практике вес пробы составлял 150–200 кг. Далее отобранная проба сокращалась и трехкратно перемешивалась по принятому в геологической практике методу конус-кольцо, доводилась

до 15–20 кг. Эта проба передавалась в расположенную на территории цеха № 52 лабораторию, где она просеивалась и измельчалась и сокращалась на 150–200 г. На лабораторном комплексе, состоящем из шаровой или стержневой мельницы, дисковом истирателе и вибратора из 4 см с конечным размером зерна 200 мм (т. е. 200 отверстий на одном квадратном дециметре).

За готовой пробой по согласованию приезжала фельдсвязь и отвозила ее в химическую лабораторию, располагавшуюся в г. Грюне под Хемницом. При САО «Висмут» советские химики-лаборанты проводили окончательный анализ по методикам, разработанным в НИИ СССР, на содержание U_3O_8 , для уточненного расчета выполнения плана по металлу в целом по САО «Висмут», объектам и отдельным шахтам и обогатительным фабрикам.

Такие данные я получал только в ОТК САО «Висмут». После преобразования САО «Висмут» в СГАО «Висмут» параллельно с советской частью химической лаборатории была организована и немецкая часть из немецких химиков-лаборантов, которые работали по тем же самым методикам определения O_3 и U_8 , что и советские химики и для расчета стоимости металла между СССР и ГДР являлась согласованное значение по содержанию O_3 и U_8 .

В дальнейшем цех опробования № 52 был полностью модернизирован: была сооружена эстакада с приемными бункерами под разгрузку самосвалов для штучной руды для каждого сорта 1 и 2 отдельно. Под бункерами проложили конвейерные линии для подачи руды на участок измельчения рудной массы и последующего отбора проб и затаривания готовой продукции также конвейерным способом. Тем самым был исключен тяжелейший труд людей и устранению неизбежных потерь при ручной разгрузке и погрузке очень тяжелых ящиков. На шахтах предусматривалось на околоствольной эстакаде сооружение специальных накопительных бункеров для руды 1 и 2 сорта с необходимой герметизацией и организацией необходимых загрузочных и выпускных люков.

Таким методом транспортировки решалась и другая надуманная и острая проблема — нехватка пустых металлических ящиков, которые якобы задерживал цех № 52, и тем самым тормозил процесс добычи руды в забоях. Теперь же обеспечение пустой тарой лежало только на администрации шахты.

По моим чертежам были переоборудованы два пятитонных самосвала с необходимой герметизацией кузова загрузочного и выпускного люков полностью исключаящих

потери руды. После промышленных испытаний, в которых самое непосредственное и активное участие принимали все работники ОТК объекта, показавшие хорошие технические и экономические результаты, о предполагаемой модернизации процесса транспортировки штучных руд со всеми техническими и экономическими расчетами я доложил начальнику Объекта 2 Владимиру Яковлевичу Опланчуку, который после тщательного ознакомления и моих дополнительных пояснений эту идею полностью поддержал, и по моей просьбе на диспетчерском совещании обязал руководство шахты оказывать необходимое содействие по ее внедрению.

Радиоанализы были подготовлены с объяснительной запиской, в которой содержались технические и экономические расчеты, а также и расчетные данные о предполагаемой выгоде по минимизации потерь штучных богатых урановых руд, и экономической целесообразности предполагаемого способа транспортировки. Рацпредложение было передано в технический отдел САО «Висмут». Было получено положительное заключение и мое предложение было рекомендовано к применению на других объектах «Висмута». Была выплачена премия мне и моему заместителю, Молодцову Михаилу Александровичу, по пятьсот немецких марок каждому.

Вспоминается также очень объемный, требующий большой тщательности и ответственности, участок работы всех отделов ОТК объекта по подсчету данных по выполнению объектом в целом и по отдельным шахтам плана по металлу. Дело усугублялось тем, что все данные по металлу были строго засекречены, и я лично, получив план по металлу от начальника объекта и его указания по распределению по шахтам, со своими сотрудниками рассчитывал план для отдельных шахт в условных единицах количества добываемой руды в ящиках 1 и 2 сортов и тоннах бедных фабричных руд, исходя из предыдущих сведений о среднем содержании металла в них. Никаких разговоров о плане по металлу среди советских специалистов на шахтах не шло, включая и работников ОТК. Такой порядок, как показала практика работы на объекте, не представлял трудностей для добычных шахт по выполнению плана по металлу, так как начальник шахты всегда мог получить в отделе ОТК объекта оперативные данные по выполнению плана. Они ежедневно докладывались начальнику объекта и уже на еженедельных диспетчерских заседаниях давались корректирующие задания.

Большим неудобством в этих расче-

тах было то, что в начале пятидесятых годов единственным вычислительным прибором был механический арифмометр, да и то в единственном экземпляре, и звали его «Феликс». Ну и конечно, знаменитые русские счеты, на которых не каждый умел считать. И только после поступления на объект быстрходных электрических счетных машин производства ГДР этот вопрос был решен положительно.

Заканчивая краткие воспоминания производственной работы на рудниках АО «Висмут», необходимо вкратце остановиться на главном в этой работе — на людях, которые исполняли ее. В пятидесятые годы на Объекте 2 сформировался коллектив примерно из 300 специалистов, 80 % из которых составляли молодые люди, только недавно окончившие горные учебные заведения. Вместе с тем в этот период из СССР на руководящие должности приглашались специалисты из горнорудной отрасли СССР — опытные, грамотные горные инженеры с богатым производственным и жизненным опытом.

Главными инженерами Объекта 2 были крупные горные инженеры и административные управленцы, такие как Дanelия Шалва Самсонович (1947–1950 г.), Мальченко Яков Сильверстович, Шварц Лев Григорьевич, опытный горняк и весьма колоритная фигура. Он лихо танцевал еврейские танцы на каблуках на молодежных свадьбах и обладал неистощимым арсеналом народной лексики, которую громко и артистично применял на планерках и пятидневных отчетах начальников шахт, и поэтому по рекомендации парткома приходил на работу в 6 часов утра, чтобы это сделать до начала работы администрации объекта в 9 часов.

Опланчук Владимир Яковлевич, опытный горняк и умелый руководитель большого коллектива, пользовался заслуженным авторитетом среди членов всей советской колонии г. Обершлема. В первые годы моего пребывания в АО «Висмут» зам. начальника Объекта 2 по политической части был прошедший войну подполковник Бондарчук Николай Васильевич, который являл собой образец истинного политработника. Умница, политически грамотный, без догматизма, с очень добрым отношением к людям, как на работе, так и быту. При В. Я. Опанчуке Объект 2, являвшийся в эти годы первым среди других добывающих радиоактивное сырье предприятий, достиг своего наивысшего уровня добычи металла и регулярно выполнял по нему плановые задания. Молодежным организатором в этот период был инженер-маркшейдер Лебедев Александр Григорьевич, который был

избран освобожденным секретарем комсомольской организации Объекта 2. Своим активным характером, конкретной инициативой, доброжелательностью и незаурядным умением организовать дело Александр Григорьевич вполне соответствовал своей должности. Был уважаемым человеком.

Заканчивая повествование о производственных делах, не могу не вспомнить с уважением и благодарностью наш дружный, требовательный и высокопрофессиональный коллектив работников ОТК Объекта 2: Абакумов Василий Филиппович, Курнов Владимир Ильич, Грибанов Иван Прохорович, Дашевский Вадим Вячеславович, Зайцев Афанасий Филиппович, Лебедева Александра Николаевна, Магланлидзе Иван Прохорович, Молодцов Михаил Александрович, Молодцева Прасковья Васильевна, Рехвишвили Евгений Сергеевич, Рябов Григорий Владимирович, Циркушинский Надар

Дворец культуры в Зигмаре.

Севатович, Хижняк Иван Иванович, Чащевой Николай Терентьевич. За давностью времени мог кого-то забыть, извините.

Деловые, товарищеские отношения, без упреков и зазнайства, по вопросам чистоты отработки рудных жил и транспортировки радиоактивного сырья на сборные пункты установились у меня и других работников ОТК Объекта 2 как с начальниками, главными инженерами, геологами и геофизиками шахт, приехавшими в АО «Висмут» уже сложившимися горными инженерами после работы на рудниках и шахтах в СССР — Коваленко Яков Яковлевич, Софьин Виктор Иосифович, Титов Кирилл Минаевич (шахта № 6), Пакулин Павел Владимирович (шахта № 4), так и с молодыми специалистами со студенческой скамьи, выросшими потом в АО «Висмут» до руководителей шахт. Меньшов Василий Семенович (шахта № 6), Копырин

Алексей Григорьевич (шахта № 12), Куниченко Виктор Валентинович (шахта № 15), Пышков Юрий Вячеславович (шахта № 15), Севастьянов Григорий Иванович (шахта № 6). Большую консультативную помощь по техническим вопросам работы ОТК объекта и шахт оказывали постоянно приезжавшие на объект руководители ОТКАО «Висмут»: Илюшин Анатолий Алексеевич, Шишов Виктор Михайлович, Любченко Иван Васильевич, Петров Борис Иосифович.

Были в нашей горной практике вопросы, связанные с безопасностью горных работ, а именно с запыленностью горных выработок и других мест. К сожалению, вопросам пылеподавления и пылеулавливания, а также к защите от радоновых выделений, которые в урановых шахтах безусловно присутствовали, не придавалось должного значения. Внедрялось мокрое бурение шпуров, которое сдерживалось отсутствием нужного количества и качества буровой стали. Никакой пылеулавливающей технологии в забоях не применялось. Помню, в 1952 г. начальник ОТК Управления администрации АО «Висмут» Шилов Виктор Михайлович лично привез несколько коробок с пылеулавливающими фильтрами «Лепесток Петросова». По сертификату этот пылезастытный респиратор должен улавливать 99 % микродисперсных частиц. На практике он оказался достаточно удобным в носке, не затруднял дыхание.

Вкратце остановлюсь на важном вопросе. За весь период моей работы в АО «Висмут» в 1950–1956 г. могу с уверенностью сказать, что очень высокие показатели добычи и отправки урановых руд в СССР были вызваны попыткой США шантажировать Советский Союз своим атомным арсеналом. И в этом АО «Висмут» были достигнуты весомые результаты, что стало значительным сдерживающим фактором для США.

Руководство АО «Висмут» сделало очень многое для обеспечения отличной, отлаженной работы предприятий. Прежде всего сотрудникам были обеспечены прекрасные жилищные условия. На Объекте 2 после разрушения в 1952 г. курортеля «Радиумбад» в Обершлеме одинокие сотрудники проживали в благоустроенных номерах мужского или женского общежитий, в одно-двухместных номерах, по желанию. Семейные пары жили в специально построенном поселке в коттеджах на две семьи, в 2–3-комнатных квартирах со всеми удобствами, а также жили в арендуемых у немцев виллах в очень комфортабельных условиях.

Все квартиры были полностью меб-

лированы, там было постельное белье, кухонная утварь и посуда. Прекрасно было налажено снабжение продуктами и промышленными товарами. В Обершлеме работали мясной, продовольственный магазины с очень широким ассортиментом качественных товаров, несмотря на послевоенную разруху в ГДР и СССР. В мужском общежитии действовала небольшая уютная столовая, где готовили высокопрофессиональные немецкие повара по принципу «вкусно и сытно». До сих пор я с удовольствием вспоминаю вкуснейший, размером во всю тарелку, телячий шницель «по-венски». Можно было купить отрезы на костюме — английский бостон, коченело и другие элитные ткани. Многие купили мотоциклы, 14-сильный, четырехтактный БМВ-Р-350. На нем мы объехали всю южную часть ГДР, правда с нарушениями порядка, без удостоверения и прав. Если останавливали немецкие полицейские — говорили: «Nicht verstehe». Тогда полицейские улыбались в ответ и говорили: «Fahren sie bitte weiter, aber sehr vorsichtig!».

В Обершлеме в советском консульстве была швейная мастерская, где закройщиком был опытный немец двухметрового роста по фамилии Шпикерманн (по имевшейся у нас информации, обшивавший ранее высокопоставленных офицеров вермахта). Специалист высочайшего класса, со своей помощницей он делал всего одну примерку, и костюм выходил безукоризненным. Единственное — он никак не мог смириться с заказами шить брюки-юбки, как было тогда модно, с шириной штанин 38–40 см по нижней кромке, а то и шире. Шпикерманн настойчиво уговаривал шить изделие не более 25–27 см в ширину. Иногда наши ребята соглашались, и получалось очень красиво.

Широкой популярностью среди советских специалистов пользовался спорт, для чего были предоставлены все условия. Площадки, оборудованные для волейбола и баскетбола, сектор для прыжков в длину и высоту. Были женская и мужская команды по волейболу, по легкой и тяжелой атлетике. Образовалась хорошего уровня команда по футболу. Кстати, в 1955 г. наша футбольная команда заняла 2 место в общевисмутовском турнире. В этой команде, где играли высококлассные футболисты-любители, я играл левым инсайдом. Богданов Петр Леонидович, имевший первый всесоюзный разряд, Маркелов Сергей Александрович, впоследствии начальник шахты № 64. Бессменным вратарем был Кривченко Александр Иванович — главный геолог шахты № 15. Стоял надежно и красиво, брал любые самые сложные мячи, но, как натура

творческая, еще и заведовал на объекте всей художественной самодеятельностью. Иногда конечно допускал «дыры», но зрители всегда аплодировали и прощали ему такие промахи.

Безусловной популярностью и заслуженным вниманием пользовалась прекрасная русская игра в городки, ныне незаслуженно забытая. Была очень профессионально выстроена городошная площадка с хорошими коробками. У мужчин городки пользовались огромным успехом. Я тоже очень любил эту игру и числился в лучших «забивалах». На объекте постоянно проводились состязания по легкой атлетике, кроссам среди сотрудников поселка Обершлема. А нередко и сотрудники, и все жители участвовали в межобъектовых соревнованиях по волейболу. Объект 2 всегда занимал призовые места.

Команда футболистов-любителей в Обершлеме.

Престижным видом отдыха являлись охота и рыбалка, тем более, что условий для этого было предостаточно: исключительно богатый мир природы, уникальные охотничьи и рыболовецкие угодья. Оборудование и приспособления можно было выбрать на любой вкус. «Зауэр» 3 кольца; «Меркель» — роскошные оружейные марки! Готовые патроны и другое снаряжение. Охотой я начал заниматься с 16 лет, прочитав Аксакова, Сабанеева, Толстого Алексея (брата Льва Николаевича) и много другой охотоведческой и рыболовной специальной литературы. Охота была всегда удачной, с постоянными трофеями. Это были зайцы, дикие утки, поначалу серые куропатки. Выезжали на охоту и рыбалку коллективно, что также способствовало хорошей организации и порядку. Считаю, что надо обязательно остановиться на очень показательном отношении к сохранению природных ресурсов. В Германии в военные годы, как и

Николай Иванович Бирюков
с супругой Ниной Ивановной.

в других европейских государствах, расплодилось много дичи, особенно серых куропаток. Куропатки поднимались тучей, и не надо было быть хорошим стрелком, достаточно было просто пальнуть, они замертво падали на землю по 2–3 штуки. Тут надо сказать, что в Европу из Южной Америки завезли колорадского жука, который массово размножился и стал страшнейшим вредителем для урожая картофеля и томатов. Серая куропатка — одна из немногих диких птиц, которые с удовольствием пожирали этого жука-вредителя. Немецкие крестьяне обратились с жалобой-просьбой в соответствующие советские органы о прекращении массового уничтожения куропаток на полях ГДР. По всем охотничьим хозяйствам был разослан приказ о строжайшем запрете на отстрел этих птиц. Так в побежденной Германии была спасена от уничтожения эта прекрасная птица.

Тогда как в СССР куропатка подверглась тотальному уничтожению.

Советскими специалистами в коллективе проводилась широкая культурно-просветительская работа. Функционировал постоянный драматический кружок, сводный хор мужчин и женщин. Широко практиковались коллективные туристические поездки по историческим и культурным местам в ГДР. Посещали Берлин с Трептовым и Панковым мемориалами, Дрезден с Цвингером и поездкой по Эльбе и красивейшей Саксонской Швейцарией. Посещали известнейший во всем мире Фрайбергский минералогический музей, который, кстати, был спасен от разграбления советскими офицерами в конце войны, Лейпциг с памятниками народам, победившим Наполеона, Веймар с памятниками Гете и Шиллеру. Знакомство с этими достопримечательностями расширяло кругозор советских людей. Но одновременно хотелось бы отметить, что в бывшем СССР и теперешней России нет такого бережного отношения и уважения к нашим национальным ценностям. Скупаются все: роскошные дворцы, фешенебельные яхты, военные крейсера, уникальный Норникель, которому нет аналогов в мире! Да и поскромнее дельцы из той же Государственной думы не стесняются хапнуть кусок жирнее. Стыдно за Россию.

Специалисты Объекта 2 по договоренности с немецкой стороной посетили известный медно-рудный рудник и медеплавильный комбинат в Мансфельде. Прежде всего поразил порядок как

на шахтном дворе, так и на металлургическом заводе, где производилась катодная и электролитическая медь. На комбинате из медной руды извлекалось около 30-ти элементов периодической системы Менделеева, в том числе и золото, и серебро, и другие редкоземельные элементы. На наш вопрос насколько эффективно такое извлечение, немецкие специалисты авторитетно ответили, что такие элементы, как золото, извлекать на комбинате неэффективно, но если учесть затраты по импорту, то вопрос требует более детального анализа. Обратило на себя внимание производство брусчатки для мощения дорог повышенной комфортности.

На шахтном дворе были установлены ячеистые деревянные опоки, в которые по направляющим желобам выливалась базальтовая шихта, где и застывала. Как известно, базальт — очень крепкая горная масса, мало изнашиваемая. И из нее получались великолепные булыжники для мощения дорог. На вопрос — выгодно ли это производство? — немцы ответили, что уже стоит большая очередь за эти продуктом.

Теперь о семье. В феврале месяце 1953 года я и Горюнова Нина Ивановна зарегистрировали брак в консульском отделе г. Дрездена. Приехавшая на работу в 1950 г. в АО «Висмут» на Объект 2 после окончания Тульского горного техникума по специальности геолог красивая и умная девушка Нина стала моей законной женой.

Мы прожили вместе, дружной счастливой семьей, 57 лет. У нас есть дочь Татьяна, рожденная в Германии в 1954 году в городе Хемниц. Она окончила Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по профессии дизайнер. Сын Юрий родился в Чехословакии в городе Пшибрам. Окончил Высшую школу экономики по курсу внешняя торговля. Выросли три внука: Андрей, Анатолий и Филипп. Старшие уже окончили институты, Филипп учится на 2 курсе (бюджетном) Московской государственной юридической академии.

Есть и подрастающее поколение, правнуки — Дмитрий и Полинья. К великому сожалению, моя жена Нина Ивановна 27 декабря 2010 года скончалась. Царствие ей Небесное и вечный покой.

За работу в АО «Висмут» я указом Верховного совета СССР в 1956 году был награжден орденом "Знак Почета".

Теперь, как сказано в старинном горняцком немецком выражении, — Glück Auf — СЧАСТЛИВО НАВЕРХ.

Николай Иванович Жалин

Николай Иванович ЖАЛИН, 1927 г. р., горный инженер, кандидат технических наук, старший научный сотрудник. Работал в САО «Висмут» с июля 1950 г. по июнь 1955 г. (1950–1953 гг. — Объект 7, 1953–1955 гг. — ПТО Главного управления).

Мои воспоминания о работе в СГАО «Висмут»

В июле 1950 г. после окончания Московского Горного Института меня направили на работу в САО «Висмут». Одновременно в эту организацию были направлены многие выпускники МГИ этого года. По каким критериям отбирались будущие сотрудники, нам не говорили. Все проходило в обстановке секретности. В ГУСИМСе выдали «подъемные» деньги, отобрали дипломы и паспорта, выдали загранпаспорта синего цвета и назначили день отъезда. Сказали, что работать будем по специальности. Из нашей учебной группы МГИ по разработке рудных месторождений одновременно со мной были направлены в САО «Висмут» Г. Н. Прохоров, В. И. Богданов, Н. И. Бирюков, В. И. Никаноров, В. А. Лыткин, В. А. Симаков, В. П. Родина.

По прибытии в Главное управление я был назначен на должность инженера по механизации горных работ производственно-технического отдела 7-го Объекта. Управление 7-го Объекта находилось в городе Беренштайне. Осенью 1950 г. к Объекту 7 присоединили предприятия 4-го Объекта, и Управление было переведено в г. Аннаберг. В марте 1951 г. меня назначили главным инженером шахты «Нидершлаг» Объекта 7. К этому времени шахта была нормально обустроена. Обеспечено электроснабжение, работала компрессорная, в выработках проведены водо- и воздушные трубопроводы, бурение шпуров производилось мокрым способом. Осуществлялась принудительная вентиляция, работал общешахтный вентилятор. Тупиковые забои проветривались с помощью вентиляторов местного проветривания. Шахтное поле было вскрыто тремя параллельными штольнями и двумя вертикальными стволами. Из крайних штолен были пройдены слепые стволы, соединенные квершлагом на нижнем горизонте. Выше действующих штолен ранее были пройдены еще штольни, но они были обрушены, поскольку месторождение выше них было отработано. Выходы из действующих штолен и шахтные стволы на поверхности охранялись советскими пограничниками. На обслуживании геофизической аппаратуры и на подземном складе взрывчатых материалов работали так же советские военнослужащие.

Штольни располагались на склоне горы. Ниже их у подножья горы протекал ручей,

по которому проходила граница с Чехословакией. Ниже штолен, но выше ручья была пройдена средневековая штольня. С поверхности она засыпалась и была вскрыта нашими выработками. Штольня проходила по рудной жиле, высота ее 1,6–1,7 м, ширина 0,7–0,8 м. Это свидетельствует о том, что в районе Нидершлага горные работы велись издревле.

На шахте советские сотрудники в марте 1951 г. работали, помимо меня, в должностях: начальник шахты, инженер по буровзрывным работам, геолог шахты и главный механик. Через месяц начальник шахты был переведен на другое место работы, и мне пришлось работать и за главного инженера, и за начальника шахты.

Наиболее трудным и памятным периодом работы в САО «Висмут» была работа на шахте. Выпускники института почти не имели производственного опыта. Мне удалось во время учебной практики поработать два месяца горным мастером — начальником смены. Многие и такого опыта не имели. Теперь приходилось самостоятельно решать производственные вопросы, быстро принимать решения, не ожидая подсказки, уметь работать с людьми. С благодарностью вспоминаю своих старших наставников: начальника шахты «Нидершлаг» И. П. Серова, начальника шахты «Хаммер» Т. П. Слободяника.

Известно, что все работы на шахте ведутся по распоряжению и под контролем главного инженера и начальника шахты. Обычно мой рабочий день длился 10 часов на шахте и часто еще 1–1,5 часа в управлении Объекта, где приходилось решать различные вопросы, относящиеся к работе шахты. Иногда приходилось выезжать на шахту в ночное время для проведения наряды работы ночной смены. Работы на шахте велись круглосуточно. Также все это время необходимо было знать о состоянии дел на шахте. Нередко приходилось ночью по телефону разрешать возникшие затруднения в работе на шахте. Часто это было необходимо договориваться с охраной о допуске в шахту рабочих и мастеров из других смен, вызванных на работу вместо не явившихся по какой-либо причине. Описанный режим работы руководителей был, вообще-то, на всех шахтах. Конечно, там, где коллектив

шахты был меньше, и забот было меньше.

В начале работы на шахте у меня уже было знание до 100 или даже более немецких слов. Но очень быстро словарный запас увеличился до 300–350 слов, в основном связанных с работой. Это позволяло вести разговор с немецким персоналом на производственные темы. Увы, не всегда грамматически правильно, но мы понимали друг друга. В управлении шахты была немецкая переводчица. Но она привлекалась для перевода только на совещаниях и при приеме посетителей. Во время сменных нарядов и при посещении горных работ обходились без переводчика. Тем более что некоторые немецкие ИТР понимали русскую речь. Были случаи, когда немецкие работники просили переговорить с ними по рабочим или житейским вопросам без посторонних лиц. Кое-как, но объяснялись, понимая друг друга. Конечно, было бы хорошее знание немецкого языка, работать было бы легче и успешнее. Вообще отношения немецкого персонала и советских сотрудников на шахте были благожелательными. Этому способствовало и уважительное отношение советских сотрудников к немецким работникам. Конечно, мы не забывали, что многие из немецких работников, в том числе и ИТР, в недавнем прошлом воевали против советского народа. Это вызывало у нас внутреннее напряжение. Но внешне мы не проявляли свое отношение к их прошлому. На шахте же мы совместно выполняли работу, столь нужную нашей Родине.

Весной 1952 года к шахте «Нидершлаг» присоединили соседнюю шахту «Хаммер». При объединении меня назначили главным инженером, а начальником шахты — Т. П. Слободяника. Но через пару месяцев он уехал, и мне снова пришлось работать и за начальника, и за главного инженера. В объединенной шахте работало более 2600 человек. Из них около 800 забойщиков. В одновременной работе находилось до 200 проходческих забоев и очистных блоков. На шахте было 8 горных участков. В разрабатываемом месторождении не было компактных богатых рудных залежей, и приходилось проходить много разведочных и подготовительных выработок для обнаружения отдельных рудных «очагов». Планы горнопроходческих и очистных работ коллектив шахты всегда выполнял успешно. Но с планом по металлу были большие затруднения. В течение месяца приходилось часто переводить проходчиков в другие забои для усиления работ в обнаруженных рудных местах. Это весьма усложняло организацию горных работ, но позволяло выполнять и план по металлу. При проходке горных выработок применялись забойные

перегрузатели и пневматические погрузочные машины. Очистные блоки отрабатывались в основном системой горизонтальных слоев с закладкой. Вначале отбивалась рудная жила. Руда спускалась через рудоспуски. Затем отбивался слой полностью. Лишняя порода также выдавалась через рудоспуски. Богатую («штуфную») руду сразу грузили в специальные ящики и по восстающему выносили на штрек.

Большую заботу приносила скоростная проходка выработок. Таковой считалась проходка более 75 м в месяц. Вообще производительность труда на такой проходке была меньше в 1,5 раза, чем на обычной. Два забойщика, работая в одну смену, проходили 20 м и более в месяц. Четыре забойщика в 2 смены — 35 м в месяц и более. Для проходки 75 м/месяц требовалось девять забойщиков, работающих в 3 смены. Кроме того, выделялся дежурный взрывник в каждую смену. Забойные работы прекращались на время зарядки шпуров и проветривания, тогда как при проходке в 1 и 2 смены эти операции осуществлялись в нерабочую смену. Скоростная проходка требовала и весьма напряженной работы по откатке породы, обеспечению буровым, крепежным материалами. Необходимости скоростной проходки для шахты вообще-то не было. Но руководство Объекта требовало ежемесячно такую проходку одной-двух выработок. Приходилось выполнять.

Во второй половине 1952 г. на шахте из советских сотрудников остались только я и геолог шахты. Помощником главного инженера по горным работам (оберштайгер) был немецкий сотрудник. С момента объединения шахт им работал Пауль Буркерт, опытный горняк и хороший организатор. На шахте сложился опытный коллектив начальников участков, служб и мастеров смен. Активно работали профсоюзная организация и СЕПГ.

Однако в связи с тем, что на Объекте в это время была нехватка советских горных специалистов, меня в 1952 году не пустили в очередной отпуск. В июне 1953 г. в некоторых районах ГДР прошли антиправительственные выступления. Но на шахте «Нидершлаг» обстановка была спокойной и все работы шли в обычном режиме. Однажды в июне (число не помню) ко мне в кабинет на шахте зашли два майора МВД из Главного управления со своей переводчицей. В это время шла дневная пересменка. В кабинет заходили начальники участков, смен для уточнения горных работ и по другим вопросам. Разговор с ними у меня велся на немецком языке. После ухода немецкого посетителя переводчица переводила для майоров разговор на русский. Но она не знала горной

терминологии, и приходилось поправлять ее перевод. После окончания пересменки майоры спросили у меня об обстановке на шахте. Ответил, что обстановка нормальная, рабочая. Мне в то время ничего не было известно о событиях в других районах ГДР. Только позднее стало понятно, что майоры приезжали для изучения положения в районе. Вероятно, они были довольны увиденным. Возможно поэтому руководство Объекта решило не пускать меня в отпуск и в 1953 году. Пришлось добиваться отпуска у заместителя генерального директора САО «Висмут» по кадрам. К этому времени на шахте работало пятеро советских специалистов: начальник шахты, инженер по буровзрывным работам, геолог шахты, инженер по механизации, экономист. Пополнение было молодыми специалистами, прибывшими на Объект.

Еще о событиях июня 1953 года. Вдруг однажды солдаты прибыли на работу вооруженными винтовками. Им было приказано все время работы винтовку иметь при себе. Пришлось срочно по телефону связаться с командиром батальона, в котором служили солдаты, и объяснить, что винтовка в подземных выработках бесполезна и скорее опасна для самого солдата. И как солдат-радиометрист с аппаратом и винтовкой будет передвигаться по восстающим и очистной ленте? Там с винтовкой не развернуться, тем более если стрелять. Появляться с огнестрельным оружием в складе ВМ запрещено правилами безопасности. Хорошо, что комбат понял, и винтовки увезли обратно. Я сообщил об этом начальнику Объекта. Оказывается, подобное происходило и на других шахтах. Начальник Объекта договорился с военным командованием и больше солдаты с винтовками на шахтах не появлялись. Как было на других Объектах САО «Висмут», я не знаю.

Бытовые условия проживания советских сотрудников на Объекте 7 нареканий не вызывали. Семейные жили в отдельных квартирах, холостые имели каждый по комнате в 2–3-комнатных квартирах. В распорядке коллектива советских сотрудников был кинотеатр, где часто шли советские фильмы, устраивались танцы. Имелись спортзал с волейбольной площадкой и открытая волейбольная площадка. В летнее время устраивались пикники с выездом сотрудников на природу, на озера в окрестностях города. Широко отмечали свадьбы, дни рождения, советские праздники. Организовывались поездки в город Зигмар на концерты советских артистов (когда они там выступали), в музеи других городов республики. Среди советских сотрудников было много молодежи, коллектив был дружным. Все это позво-

ляло нескудно проводить свободное от работы время. Для советских сотрудников имелся специальный промтоварный магазин, но не возбранялось делать покупки в немецких магазинах. Питание было организовано так же, в специальной столовой. Вместе с тем работали мы в режиме повышенной секретности. Во избежание возможных провокаций нам запрещались внеслужебные отношения с местным населением. Особенно такое положение строго соблюдалось до апреля 1953 года. Это не позволяло забывать, что мы находимся не на Родине, и что в республике могут быть враждебно настроенные люди. Конечно, совместные мероприятия с немецкими работниками проводились (например, профсоюзные собрания на шахте, Объекте и др.), но они носили организованный характер. Позднее совместные мероприятия с немцами были более разносторонними.

Одновременно со мной на 7-м Объекте работали:

- Гришин Алексей Васильевич — начальник Объекта. 1950–1952 г.
- Мигунов Петр Семенович — главный инженер Объекта. 1950–1952 г.
- Степанюк Василий Иванович — начальник Объекта после А. В. Гришина.
- Русаков Анатолий Петрович — начальник ОТК Объекта.
- Сенин Владимир Дмитриевич — начальник шахты.
- Мальченко Юрий Иванович — инженер по механизации шахты.
- Толмачев Юрий Иннокентьевич — геолог шахты.
- Короткова (Русаква) Анна Михайловна — инженер-экономист планового отдела.
- Лазарева (Лисовская) Мария Петровна — инженер-экономист планового отдела.
- Михайлова (Прохорова) Тамара Ивановна — инженер по нормированию.
- Лисовский Георгий Дмитриевич — главный инженер шахты.
- Кост Георгий Николаевич — инженер ОТК Объекта.
- Дорохов Борис Васильевич — начальник планового отдела Объекта.
- Жуков Вениамин Семенович — начальник шахты.
- Смирнова (Жукова) Анна Трифоновна — бухгалтер планового отдела Объекта.
- Шульгин Владимир Иванович — геолог шахты.
- Соснова Мария Романовна — геолог шахты.
- Савинская Антонина Александровна —

техник-механик связи.

- Сень Нина Степановна — инженер-строитель ПТО Объекта.
- Бахирев Виктор Максимович — инженер-механик, начальник компрессорной службы.
- Калиничева (Семибратова) Алевтина Аркадьевна — техник-геолог.
- Свиридова (Михайлова) Раиса Яковлевна — инженер-экономист планового отдела.
- Роганова Лия Павловна — техник-картограф.
- Серов Иван Петрович — начальник шахты.
- Слободяник Тихон Петрович — начальник шахты.
- Кудрякова Елена Антоновна — инженер-экономист планового отдела.
- Божко Лариса Михайловна — инженер-экономист планового отдела.
- Стародубровский Юрий Иванович — главный механик шахты.
- Назаркин Валентин Павлович — главный инженер шахты.
- Скозобцов Борис Сергеевич — главный инженер шахты.
- Чигогидзе Александр Сильвестрович — геолог шахты.
- Захаров Анатолий Кириллович — геолог шахты.

Выше перечислены сотрудники, с которыми мне приходилось вместе работать и часто общаться. Разумеется, которых удалось вспомнить. Должности указаны те, которые они занимали во время моего пребывания на Объекте. Вообще, многие сотрудники часто переводились на другие должности и на другие Объекты «Висмута» или уезжали на Родину. Но все они достойно выполняли возложенные на них обязанности. С теплой их вспоминаю, товарищей по совместной работе и проживанию в ГДР.

После отпуска в октябре 1953 года меня перевели в производственно-технический отдел Главного управления, где поручили заниматься вопросами вентиляции рудников САО «Висмут». Моя работа заключалась в контроле и при необходимости — в технической помощи в организации вентиляции. Начальником ПТО в то время был Чесноков Николай Иванович. Из сотрудников помню инженера-механика Гаранина Семена Александровича, районных инженеров Миккулевича Анатолия Петровича, Бегинина Николая Лукьяновича, Ионова Валентина Андреевича, Лошакова.

* * *

Бытовые условия во время работы в Главном управлении были примерно

такими же, как и на Объекте. Имелся дворец культуры, спортивная площадка, также организовывались экскурсии в музеи различных городов ГДР. В июне 1955 года срок моей заграничной командировки закончился.

Какие впечатления о ГДР остались в памяти? По приезду в ГДР обращали на себя внимание порядок и аккуратность на вокзалах, улицах, шоссе дорог. За все время пребывания в ГДР не видно было на улицах калек — инвалидов войны. Люди были одеты небогато, но опрятно. На работе отмечалась дисциплинированность немцев. Любопытно такое наблюдение. На перекрестках второстепенных дорог с закрытыми поворотами и без светофора иногда скапливалось много машин. Тогда любой бывший рядом немец (однажды это был крестьянин, работавший в поле) выходил на перекресток и разводил машины. Водители беспрекословно слушались. У нас и инспектора ГАИ не всегда слушаются, каждый стремится проскочить первым.

В начале 50-х годов в ГДР еще были продуктовые карточки, вместе с тем в магазинах республики было полно в свободной продаже различных промышленных товаров для быта. Большое впечатление произвело посещение музеев и достопримечательных мест ГДР. Так мне удалось посетить великолепный музей фарфора в г. Майзен и средневековый замок, где томился изобретатель европейского фарфора, музей «Битвы народов» под г. Лейпцигом (немцы говорят — Ляйпциг), другие примечательные места и музеи этого города, а также городов Дрезден, Потсдам, Веймар, Хемниц и ряда других. Такие экскурсии были весьма познавательными, давали возможность глубже познакомиться с историей и культурой немецкого народа.

* * *

Работа в САО «Висмут» и пребывание в ГДР дали мне практический производственный опыт, расширили кругозор. И это помогало мне в дальнейшей трудовой деятельности. После заграничной командировки я один год проработал начальником золоторудной шахты, а с 1956 года по 1988 год — научным сотрудником научно-исследовательских институтов Минцветмета СССР (ВНИИцветмет г. Усть-Каменогорск в 1956–1977 гг., ВНИПИгорцветмет г. Москва 1977–1988 гг.). Некоторые другие выпускники МГИ 1950 года, работавшие в САО «Висмут», впоследствии также работали в научно-исследовательских институтах горного дела, стали докторами (например, В. А. Симаков, И. С. Крашкин) и кандидатами (Г. Н. Прохоров, В. И. Никаноров, Г. И. Богданов) технических наук.

Николай Александрович Костин

Николай Александрович КОСТИН (1927–1991). После окончания Московского горного института имени И. В. Сталина по специальности разработка пластовых месторождений Н. А. Костин 16 августа 1950 года был направлен Главным управлением «Главсовзагранмушество» в ГДР для работы в должности начальника ОТК шахты 158 Объекта 1 в городе Иоганн-георгенштадт.

О младшем брате Валентине Костине — перечитывая письма на открытках

Детальное изучение технологических процессов и анализ производственных показателей деятельности предприятия по разработке месторождения, а также условий общения с немецким персоналом позволили ему принять активное участие в работе коллектива по ускорению развития добычи урановой руды на шахте.

В апреле 1952 года решением администрации «Висмут» он был переведен на должность главного инженера шахты № 158 Объекта 1.

Ответственная должность технического руководителя шахты потребовала серьезно практического изучения немецкого языка, что было особенно важно в первый год работы на предприятии. Наряду с этим начинается обучение в вечернем университете марксизма-ленинизма Вооруженных Сил СССР с регулярными семинарами и сдачами зачетов и экзаменов.

Время проходит незаметно в работе и учебе, но главное — это изучение немецкого языка и окружающая среда. «Погода у нас стоит сейчас плохая. Вчера выпал снег, а сегодня все тает и лужи до колен. Благо я в сапогах, и это меня спасает».

Среди товарищей по работе и учебе он пользуется заслуженным уважением и авторитетом. «На днях было у нас собрание, молодежь изъявила желание учиться русским балетным танцам. Вот решением этого собрания обязали меня руководить кружком. Где я возьму время на это руководство? Просто не знаю».

Большое внимание в молодежном коллективе шахты уделяется развитию спорта, особенно волейболу, охоте и рыбалке.

«В воскресенье наша команда играла в волейбол и проиграла, а я ведь капитан этой команды. Ребята горят желанием отыграть наше поражение. Будем тренироваться».

На протяжении трех лет Н. А. Костин проживает в одной квартире с главным геологом шахты № 158 Объекта 1 Лукьянчиковым Иваном Лаврентьевичем, с которым вместе работает и отдыхает.

«28 декабря я был на охоте. Целый день я бродил с Иваном по полям и подстрелил двух зайцев. У нас на кухне из них сделали жаркое, мы пригласили своих друзей и с viņом отметили результаты».

Н. А. Костин.

«Новый год встречали хорошо: с елкой, танцами и российским вином. Установилась снежная зима, и завтра утром, может быть, поеду кататься на лыжах».

Отличная организация обучения в Университете марксизма-ленинизма, отдыха и проведения спортивных мероприятий позволили коллективу советских и немецких специалистов шахты достичь высоких производственных успехов.

17 февраля 1952 года коллектив шахты за хорошую работу получил переходящее Красное Знамя.

«Работы сейчас прибавилось еще больше, так что время бежит совсем незаметно, но думаю купить себе велосипед и в воскресенье, если буду свободен, покататься», а в письме брату-воину Михаилу — «Горжусь твоим упорством одновременно со службой окончить рабочую вечернюю школу и получить аттестат зрелости».

В июне 1952 года мой брат окончил полный курс Университета марксизма-ленинизма и по всем дисциплинам получил оценки «хорошо».

Решением администрации «Висмута» 27 сентября 1952 года он переведен на должность исполняющего обязанности начальника шахты № 158 Объекта 1.

Этот период характеризуется значительным ростом добычи урановой руды на шахтах Объекта 1, расширением проходческих и геологоразведочных работ, повышением требований к состоянию проветривания шахты и безопасности проведения горных работ.

Для решения проблемы вентиляции шахты № 131 Объекта 1 Н. А. Костин переводится 19 февраля 1953 года на должность старшего инженера по вентиляции производственно-технического отдела Объекта 1.

В новой должности работа по совершенствованию вентиляции на шахте № 131 моего брата тесно связывает с Вадимом Анатольевичем Гладких — геологом поисковой партии, инженером-петрографом ГРП.

«С 5 по 10 марта 1953 года у нас прошли в глубоком трауре по товарищу Сталину. Не верится, что его уже нет. 9 марта весь наш маленький коллектив советских работников вместе со всей страной хоронили нашего вождя».

И опять о погоде и жизни: «У нас про-

Н. А. Костин на так называемой «Третьей» улице г. Иоганнгеоргенштадта. 1951 г.

шел сильный снегопад. Снега намело очень много. В воскресенье я катался часа четыре на лыжах.

Работы по горло — много неприятностей. У Ивана сейчас работы очень много. Так что живем вместе, а видимся только в постели».

«Думал с тремя своими товарищами встретить вечером свой день рождения (18.04.1953), поэтому даже приоделся, но меня вызвали на совещание, и весь вечер своего рождения я провел на нем. Вернулся с головной болью поздно и лег спать».

Приобретенный работой большой практический опыт по вопросам проветрива-

Н. А. Костин и В. А. Гладких на фоне шахты № 13.

ния шахт Объекта 1, активного применения немецкого языка и полученные знания по философии в Университете марксизма-ленинизма способствовали принятию Н. А. Костиным решения поступить в очную аспирантуру Института горного дела Академии наук СССР.

Главным управлением «Главсовзагранмущество» он 01.09.1953 г. был освобожден от занимаемой должности по окончании срока заграникомандировки.

В период обучения в очной аспирантуре ИГД АН СССР с 1953 по 1956 гг. в лаборатории рудничной вентиляции и борьбы с пылью Н. А. Костиным под научным руководством академика Скочинского Александра Александровича и доктора технических наук Воронина Виктора Николаевича были проведены исследования по созданию на шахтах Кузбасса комплексной защиты от угольной и породной пыли при различных технологиях производства угледобычи.

По результатам научных исследований была подготовлена и защищена на ученом совете Московского горного института диссертационная работа «Исследование и пути улучшения режимов вентиляции по пылевому фактору очистных забоев на мощных крутых пластах Кузбасса» с присуждением ученой степени кандидата технических наук.

С 1956 по 1974 гг. Н. А. Костин работал во Всесоюзном институте научной и технической информации Академии наук СССР в должности заведующего сектором реферативного журнала «Горное дело», старшим экспертом отдела информации Управления научно-технической информации и пропаганды Госкомитета СМ СССР по координации научно-исследовательских работ, начальником отдела технико-экономической информации Госкомитета СМ СССР по топливной промышленности, заведующим отделом научной технико-экономической информации «Института горючих ископаемых» и института «Гипроуглеавтоматизация» Министерства угольной промышленности СССР.

До выхода на пенсию в 1987 году мой брат работал в должности заведующего сектором научной технико-экономической информации по развитию угольной промышленности, заведующего отделом анализа по эффективности использования топливно-энергетических ресурсов страны Всесоюзного научно-исследовательского института комплексных топливно-энергетических проблем (ВНИИКТЭП) Госплана СССР.

В январе 1991 году Н. А. Костин умер и похоронен на Ваганьковском кладбище города Москвы.

Об Иване Лаврентьевиче Лукьянчикове

Иван Лаврентьевич ЛУКЪЯНЧИКОВ, род. в 1928 г. После окончания геологоразведочного факультета Московского геолого-разведочного института в 1950 году был направлен Главным управлением «Главсовзагранмущество» в ГДР для работы инженером геологом шахты № 158 Объекта 1 в городе Иоганнгеоргенштадт. В июле 1950 года распоряжением руководства «Висмута» был назначен главным геологом шахты № 158 Объекта 1.

На встрече с начальником геолого-геофизического отдела, главным геологом рудоправления Объекта 1 Поликарпочкиным Валентином Валентиновичем определены основные направления геологоразведочных работ на пяти шахтах Объекта: №№ 1, 18, 30, 31 и 5 (по старой классификации).

На протяжении трех лет работы на шахте № 158 (1) главный геолог И. Л. Лукьянчиков по всем производственным вопросам непосредственно контактировал с главным инженером шахты Костиным Николаем Александровичем, проживая с ним в одной квартире и проводя свободное от работы время за учебой в Университете марксизма-ленинизма, занимаясь спортом и экскурсионными поездками.

Среди советских специалистов, работавших на Объекте 1, вспоминаются начальник поисковой ГПП — инженер-гидрогеолог Барабанов Леонид Никитович, инженер-геолог — заведующая мастерской шахты № 131 Тихомирова Вера Васильевна.

Проработав на шахте № 158 Объекта 1 главным геологом до 1956 года, распоряжением Главного управления «Главсовза-

гранмущество» от 1 сентября 1956 года И. Л. Лукьянчиков освобожден от занимаемой должности в связи с окончанием срока заграникомандировки.

С 1957 года до выхода на пенсию И. Л. Лукьянчиков работал на поисковых работах при строительстве Дмитровского фарфорового завода, а также в ряде строительных организаций.

В настоящее время благополучно проживает в Московской области.

И. Л. Лукьянчиков.

И. Л. Лукьянчиков (в центре) и Н. А. Костин среди женщин-геологов шахты № 131 в 1952 году.

Воспоминания И. Л. Лукьянчикова (интервью берет Андреев Г. Г.)

Я окончил Московский геологоразведочный институт в 1950 году и получил специальность «инженер-геолог». По распределению в конце апреля был направлен на работу в в/ч 27304 (СГАО «Висмут»), которая находилась в Рудных горах на территории ГДР. Вместе со мной поездом Москва — Берлин ехал Барабанов Николай А. По прибытии во Франкфурт-на-Одере нас встретили и на автобусе отвезли в Зигмар-Шёнау, где разместили в гостинице.

На следующий день, 1 мая, я пришёл в Генеральную дирекцию, которая располагалась в красивом здании городской ратуши Зигмара-Шёнау. На входе стоял часовой с автоматом. Там я был принят генеральным директором «Висмута» генерал-майором Мальцевым М. М., который направил меня работать на Объект 1 (Иоганнгеоргенштадт). На следующий день на машине меня привезли в управление Объекта, где я был представлен главному геологу Власову Константину Ивановичу, а затем и начальнику Объекта

Галкину Николаю Ивановичу. Объект в то время был ведущим добывающим предприятием «Висмута».

Я был назначен старшим геологом шахты № 158. Шахта № 158 была промежуточной между горизонтами -95 м и -120 м старинной и восстановленной наклонной шахты «Фриш Глюк». Так я приступил к работе в «Висмуте». После проходки ствола и пуска в эксплуатацию новой шахты № 1 я получил назначение на неё старшим геологом. Главным геологом этой шахты был Пурик Иван Алексеевич. Вскоре после его отъезда я был назначен на его место и проработал там до осени 1956 года, до конца моей командировки в «Висмут». Нашей основной задачей как геологов было обеспечение выполнения плана по руде и металлу. Ежедневно я спускался в шахту 2–3 раза для контроля за технологией и качеством ведения очистных работ, соблюдения норм разубоживания и проведения геологоразведочных работ. Содержание руды было разное: от 300 граммов

на кв. метр до нескольких кг/кв. метр. Содержание урана в отбитой руде замерялось радиометристами непосредственно в забое. Грузили руду в металлические ящики, которые сопровождался документом с указанием номера блока, бригады, сорта (содержания), смены. Этот документ служил для дальнейшей сортировки руды и оплаты бригад горняков. Руководил радиометристами главный геофизик шахты № 1 Герцев Юрий Иванович. Разведка велась горными выработками, в которых отслеживались появления рудных зон.

Был однажды случай, когда бригада проходчиков, досрочно выполнив плановое задание, попросила, чтобы не терять время и заработать больше, дать им новое место проходки. Я решил проверить старую заброшенную выработку. И нам повезло. После отбойки первых 2–3 метров обнаружили жилу с богатой рудой (урановой смолкой). И потом мы отработывали продолжение её ещё

несколько месяцев, пока не прибежал наш маркшейдер Щербаков Витка (Кузьмич) и не зашумел, что мы уже у чешской границы. Пришлось остановившись. А было так жалко — богатая руда обеспечивала нам выполнение плана.

Геологической службе, обеспечивавшей развитие работ и выполнение плана,

придавали не только большое значение, но и уважительное отношение. В частности, если другие службы имели одну комнату, то геологи — две. И я решил для повышения профессионализма начинающих геологов организовать в одной комнате выставку различных наглядных пособий — натуральных образцов минералов, и в том числе урановых оруденений. От «смолки» до рядовых руд. Набралось несколько стеллажей. Все были довольны наглядными пособиями. Но однажды зашёл главный геофизик Герцев с радиометром. Прибор затрещал так, что начальник шахты № 1 Фомичёв Геннадий Петрович немедленно потребовал убрать все мои наглядные пособия. Собрали два рудных ящика для выполнения плана предприятия.

Я застал то время (октябрь 1954 г.), когда к нам на шахту № 1 приезжал вместе с Отто Гроттеволом Молотов Вячеслав Михайлович. Он спускался в шахту, беседовал с горняками. Его сопровождали начальник шахты Фомичёв и начальник Объекта № 1 Дьяконов Николай Фролович. Потом на шахте был большой митинг.

Отношения с немецким трудящимися, как на работе, так и в повседневной жизни, были уважительными и дружелюбными. Помню оберштайгера на шахте № 1, к сожалению, не сохранилась в памяти его фамилия. Он был уважительным человеком и прекрасным профессионалом в горном деле. Имел звание «Почётный горняк». Не помню случаев недружественного или даже враждебного отношения к нам, советским специалистам.

Мы, бывшие в то время комсомольцами, с удовольствием играли с немецкими молодыми горняками в волейбол, которых мы научили играть. Устраивали соревнования. Я любил играть в волейбол и имел второй спортивный разряд.

Рыбалки там, в горах, по нашим меркам не было, а на охоту я зарёкся ходить после одного случая. Как-то немецкие городские власти попросили нас отстрелять расплодившихся зайцев, которые обгладывали кору на деревьях в садах. Зайцев было видимо-невидимо. Стреляли много. Но после того, как я услышал крик раненого зайца — зарёкся не только стрелять, но и есть мясо зайцев.

Праздники и Новый Год, как правило, встречали всем коллективом в нашем Дворце культуры в Иоганнгеоргенштадте. Всегда было весело и дружно. Выступала наша художественная самодеятельность. Приезжали артисты из Советского Союза и давали концерты.

Что для меня «Висмут»? Начав на нём свою трудовую деятельность, я не только приобрёл профессиональные знания, умение работать в коллективе и с коллективом. Мне привились присущие горнякам чувства товарищества и взаимовыручки. Спустя многие годы, встречаясь на Родине с вистунями, мы с теплотой вспоминали те наши молодые годы, полные трудностей и энтузиазма, вспоминали товарищей и поднимали бокал за них, за «Висмут», ставший для нас, молодых специалистов, школой жизни.

Московская область, Вербилки.
Записал Г. Г. Андреев.
07.02.2015.

Владимир Дмитриевич Сенин

СЕНИН Владимир Дмитриевич (род. 1928). Работал в СГАО «Висмут» с октября 1950-го по апрель 1955 г. (Объект 4) и с июля 1963-го по сентябрь 1968 г.

Наиболее трудным и интересным периодом в моей жизни является первая командировка. После окончания в 1950 г. Казахского горно-металлургического института, по прибытии в АО «Висмут» я был назначен начальником шахты № 78 Объекта 4 (7) под Аннабергом.

На шахте из советских специалистов был только главный геолог В. В. Зобин и небольшой коллектив военнослужащих, которые занимались обслуживанием геофизической аппаратуры. Знакомство с горными работами, специфику добычи руды пришлось осваивать в самые сжатые сроки, так как спрос за выполнение плана по добыче металла с первых дней был по полной программе, причем самый жесткий.

Положение в начальный период усугублялось недостатком опыта, а вернее его

отсутствием, руководством огромным коллективом и полным незнанием немецкого языка. Огромную помощь на первых порах оказал мне главный геолог Виктор Владимирович Зобин, с которым я работал в тесном контакте, а также немецкие специалисты, особенно оберштейгер Лео Гран. Благодаря ежедневному общению с немецкими специалистами и практически ежедневному спуску в шахту, я уже через месяц мог самостоятельно ориентироваться в шахте, понимал смысл сказанного, а также мог довести до слушателя свои мысли на ужасном подобию немецкого языка.

После восстановления шахты № 21 меня перевели туда в той же должности. Шахта находилась в черте г. Аннаберг, и порода, выдаваемая из шахты на террикон, грозила завалить жилой дом. Необходимо было

В. Д. Сенин.

Интервью у Лукьянчикова И. Л. берёт Андреев Г. Г. (Фото В. Костина).

Слева направо: оберштейгер Лео Гран, В. Д. Сенин, начальник ОТК М. Дерябин.

Главный геолог шахты № 78 Виктор Владимирович Зобин.

Бригада скоростной проходки квершлага.

для выдачи породы через шахту, находящуюся поблизости, пройти сбойку — квершлаг. Для проходки была организована бригада, которая за месяц одним забоем в крепчайших породах прошла 385 метров.

Шло время, и на шахте постепенно начали появляться представители различных специальностей — горняки, маркшейдеры, механики и т.д. Присылали даже таких, которые не то что по-немецки, но и по-русски ничего не понимали.

Юрий Иванович Мальченко

МАЛЬЧЕНКО Юрий Иванович (род. 1929). С 27 июля 1951-го по 19 декабря 1956 г. работал в «Висмуте» на шахтах и рудоуправлении Объекта 7 (Аннаберг).

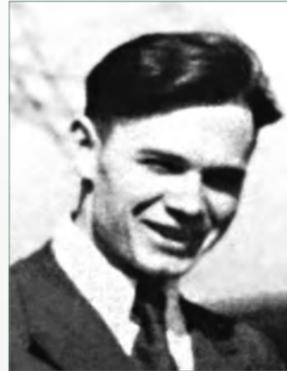
Я родился 26 марта 1929 г. в Алма-Ате. Трудовую деятельность начал в 1943 г.: будучи школьником, работал на станции по борьбе с малярией, заготавливал корма для лошадей, помогал раненым в госпиталях. В 1946 г. поступил в Казахский горно-металлургический институт на горный факультет.

После окончания института в 1951 г. я был направлен на работу в АО «Висмут». В июле того же года совместно с выпускниками института В. П. Назаркиным, В. С. Мазуриным, Г. И. Киселевым, Б. С. Радищевым, И. И. Толмачевым и другими прибыл на поезде в Москву. После оформления документов в ГУСИМЗе мы выехали во Франкфурт-на-Одере, где нас встретили представители АО «Висмут» и посадили в автобус, который привез нас в Зигмар, где мы разместились в гостинице.

После оформления документов в управлении АО «Висмут» я сел на автобус до Аннаберга. Там 27 июля я был принят руководителем Объекта 7 Степанюком и назначен на должность инженера по механизации шахты Нидершлаг-3, которая находилась около г. Беренштайн на границе с Чехословакией, была вскрыта штольнями и слепыми стволами.

В свободное время организовывались поездки на экскурсии, но нечасто, так как они редко проходили без ЧП. Регулярно устраивались танцы. Особенно много было свадеб. Для их проведения была выделена отдельная квартира. Однако свою избранницу я встретил в вагоне поезда, когда ехал в очередной отпуск, а она — в институт г. Алма-Аты. В 1954 г. в Хемнице у нас родился первенец — Леонид.

18 января 2011 г.

Ю. И. Мальченко.

Слева направо: Ю. И. Мальченко, солдат-водитель, В. В. Михайлов — старший инженер ОТК (Аннаберг).

Основными средствами для доставки руды были вагонетки, которые из горных выработок доставлялись вручную до откаточных выработок, а дальше до поверхности — электровозами. Погрузка руды в вагоны при проходке горных выработок осуществлялась вручную или при помощи погрузочных машин.

Месторождение обрабатывалось преимущественно системой разработки с магазинированием руды по простиранию и отработкой блоками с оставлением или без оставления межблоковых целиков. Отбойка руды осуществлялась буровзрывным способом. Бурение шпуров проводилось ручными перфораторами. В основном месторождение было представлено крутопадающими жилами, поэтому выгрузка руды из блоков осуществлялась самотеком в вагонетки, которые доставлялись на поверхность по стволам, либо электровозами к устью штольни.

На шахте Нидершлаг-3 я занимался работами, связанными с организацией горного предприятия: контролем за состоянием скреперных установок, погрузочных и буровых машин. Во время отпуска главного механика шахты я выполнял его обязанности до 6 декабря 1951 г., когда был переведен на должность заведующего буровзрывными работами на шахту № 78, начальником которой в 1950–1956 гг. был В. Д. Сенин — выпускник нашего института 1950 г. Затем я был переведен на шахту № 53, которая располагалась в районе г. Мариенберг.

Позднее я был назначен старшим инженером отдела буровзрывных работ рудоуправления Объекта 7, участвовал в контроле за проведением буровзрывных работ на шахтах, обеспечивал доставку взрывчатых веществ и средств взрывания на шахты рудоуправления.

В связи с большим дефицитом буровой стали на шахтах при моем участии проводилась работа по закреплению за каждым

бурильщиком буровых штанг путем их нормирования. Это способствовало бережному отношению бурильщиков к своему инструменту.

В своей работе по контролю за хранением и расходом взрывчатых веществ я работал в тесном контакте с военнослужащими Советской армии. Солдаты и сержанты работали заведующими складами взрывчатых веществ на шахтах. Совместно с военнослужащими я участвовал в уничтожении непригодных к использованию взрывчатых веществ, которое проводилось в окрестностях поселка Пельберг (недалеко от Аннаберга).

В декабре 1953 г. я был назначен старшим инженером по технике безопасности производственного отдела рудоуправления, сначала Объекта 7, а затем — объединенного управления Объектов 7 и 8, которое находилось в районе г. Иоганнзеоргенштадт. В это время я совместно с сотрудниками районного управления горных округов по технике безопасности Аннаберга и Иоганнзеоргенштадта, а также с инспекторами по технике

безопасности шахт контролировал состояние горного оборудования при очистных и горнопроходческих работах, участвовал в составлении аварийных планов на шахтах, расследовании причин возникновения аварийных происшествий на шахтах и несчастных случаев с горнорабочими, проводил учебные занятия по ликвидации возможных аварийных ситуаций на шахтах рудоуправления.

Я активно участвовал в культурной жизни Объекта: пел в хоре, участвовал в соревнованиях по городкам среди Объектов «Висмута».

Моя жена Флора Григорьевна, окончив

в 1953 г. Казахский институт физической культуры в Алма-Ате, один год работала заведующей библиотекой, принимала участие в художественной самодеятельности, выступала на спортивных соревнованиях.

Во время экскурсий, организованных предприятием, я знакомился с достопримечательностями и сокровищами культуры Берлина, Потсдама, Дрездена, Веймара, Лейпцига, Обервизенталя и других городов.

После окончания срока командировки в «Висмут» я вернулся в Алма-Ату и работал в ИГД АН КазССР до 1 января 2011 г. Моими коллегами были висмутяне Ф. Г. Дороненко, Н. И. Смирнов, В. Ф. Слепых, А. В. Кретинин, А. В. Свищев, З. Мазурина.

В 1970 г. сотрудник ИГД Л. Ф. Осиповский разработал новый буровой молоток

Слева: Ю. И. Мальченко (Аннаберг, 1952 г.).

На фото слева: Флора Мальченко с сыном Игорем (Иоганнзеоргенштадт, 1955 г.).

Офицеры и солдаты охраны места взрыва непригодных ВВ. В центре, в белой рубашке, — Ю. И. Мальченко.

Дома для горняков
в Иоганнсгеоргенштадте
(1954 г.).

кая документация на перфоратор была передана на завод «Гормаш Ауэ», который изготовил опытную партию перфораторов ПКН-5А в количестве 25 штук. После успешного испытания на шахтах «Висмута» было принято решение об изготовлении первой

промышленной серии этих перфораторов. Однако в связи с уходом из жизни Л. Ф. Осиповского дальнейшие работы были прекращены.

7 февраля 2011 г.

Владимир Алексеевич Симаков¹⁶

СГАО «Висмут» в моей жизни

В. А. Симаков.

«Висмут» — это форсированное освоение урановых месторождений в ГДР, обусловленное навязанной СССР Америкой необходимостью срочной создания атомного защитного щита Родины.

Чрезвычайность решения этой задачи ясна из беседы И. В. Сталина с полковником НКВД Б. Н. Чирковым при его назначении 7 марта 1945 г. первым директором комбината № 6 (Ленинабад). Тогда Сталин сказал: «Американцы рассчитывают, что мы будем иметь атомную бомбу лет через 10–15 и строят на этом свою стратегию¹⁷. У них этих бомб сейчас единицы, но когда они вооружат ими свои ВВС, то захотят диктовать нам свои условия. На это у них уйдет лет 5. Вот к этому времени мы должны иметь свою атомную бомбу. Товарищ Курчатов Игорь Васильевич заверил Политбюро, что при наличии урана этот срок реален. Для ученых, инженеров и для Вас, товарищ Б. Н. Чирков, эта задача по напряженности и ответственности равна усилиям военного времени.

Вам будет оказано любое содействие, будут предоставлены большие полномочия. Ваше предприятие ни в чем не будет ощущать недостатка».

Постановлением правительства от 29 ноября 1949 г. за обеспечение урановым сырьем предприятий, вырабатывавших плутоний для первой ядерной бомбы, Б. Н. Чиркову было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

В то время уран в СССР практически не добывался, не было и необходимых урановых месторождений. Поэтому найденные запасы урана в ГДР немедленно начали вовлекаться в эксплуатацию. Именно из них был получен плутоний для первой отечественной атомной бомбы.

Для форсированного освоения месторождений урана в Саксонии и Тюрингии в ГДР направлялось большое число специалистов, в том числе и только что окончивших

институт. Среди последних был и я. Окончив в 1950 г. Московский горный институт по специальности «подземная разработка рудных месторождений», я был отобран в числе многих моих однокашников для работы в «Висмуте». Отбор был строгий. Брали тех, кто удовлетворял необходимым критериям. Кроме того, требовалась положительная характеристика члена КПСС. Так как отбиралось много студентов, то те из них, кто вступил в КПСС, просто не могли написать характеристики на каждого из своих товарищей, и потому мне дал ее знакомый моего отца.

По прибытии в Зигмар прошло распределение прибывших молодых специалистов по штатным местам. В основном всех распределили по добычным Объектам, а меня оставили в Центральном управлении в 7-м (производственном) отделе в качестве районного инженера. Совместно со старшим районным инженером Иваном Васильевичем Любченко я курировал 1-й, 2-й, 3-й и 6-й районные Объекты. Меня сразу поразили и масштабы работ, и интенсивность их ведения, и оригинальность технологии добычи, и, конечно, отношение специалистов к исполнению своих служебных обязанностей.

До сих пор остаются в памяти впечатления от масштабности принимаемых решений. Например, Объект 3 с многотысячным коллективом трудящихся одним росчерком пера был ликвидирован из-за его неперспективности. В обязанности районного инженера входили: проверка выполнения планов на Объектах, составление проектов приказов по планам на следующий месяц, а также обеспечение присутствия руководителей Объектов на отчетах по выполненным планам за прошедший месяц у генерального директора «Висмута». Ранее я отличал повышенную ответственность советских специалистов за выполнение своих трудовых обязанностей. По моему мнению, в «Висмуте» это определялось тремя основными факторами:

1. Достаточно жесткие требования к исполнению служебных обязанностей сотрудниками. Такую атмосферу удалось создать генеральному директору М. М. Мальцеву, который лично контролировал выполнение необходимых поручений, и не только при отчетах специалистов, но и постоянно выезжая на предприятия, спускаясь в шахты, посещая производственные цеха.

2. Создание сильной заинтересованности советских сотрудников в работе в «Висмуте» и проживании в ГДР, где в то время бытовые условия жизни были значительно лучше в сравнении с СССР (послевоенная разруха).

3. Практически двойная оплата труда: оплата в рублях переводилась на расчетный

счет специалиста в Советский Союз, а в ГДР все советские специалисты получали денежное довольствие в немецких марках.

Созданная таким образом ответственность и заинтересованность сотрудников в выполнении служебных обязанностей привела к тому, что интенсивность их труда при социализме была выше, чем даже в капиталистическом обществе.

Приведу два примера. Первый. На отчете по выполнению плана за июнь 1951 г. у генерального директора М. М. Мальцева после разговора по правительственному телефону было принято решение не только построить Дворец культуры, но и встретить в нем Новый год. Здание Дворца было сопоставимо со зданием Большого театра в Москве, а построить его следовало всего за полгода. И ведь построили, и Новый год в нем встретили, и натертые сверкающие полы были, и даже фонтан перед Дворцом. Отвечал за строительные работы в «Висмуте» в то время О. Л. Кедровский, а непосредственный руководитель стройки (к сожалению, не помню его фамилии) ночевал на стройплощадке.

Второй пример. Во время отчета за выполнение плана в гендирекции стало известно, что прибывает значительное пополнение советских сотрудников, а арендовать жилые помещения в немецком секторе было больше нельзя: все возможности этого были исчерпаны, и возникла острая необходимость строить собственное жилье. Работы начались сразу после окончания отчета: установили освещение, приняли экскаватор и тут же начали закладывать фундаменты двух трехэтажных домов на четыре подъезда каждый с четырьмя квартирами на эта-

Посещение О. Гротеволем,
В. М. Молотовым
и В. Н. Богатовым Дворца
культуры в Пельцмюлле
(фото из архива
Wismut GmbH).

¹⁶ Биография В. А. Симакова — см.: часть I, глава 4 настоящего издания.

¹⁷ Имеется в виду план американцев разбомбить 50 атомными бомбами 20 советских городов (прим. В. А. Симакова). Подробнее об этом можно прочесть в материалах из брошюры Г. Бретшнайдера. См. часть II, глава 3 настоящего издания.

же (96 квартир). Эти дома были построены на Объекте 29 (Лаутер) всего за 4 месяца.

Вот такая интенсивность труда была в «Висмуте» при социалистическом способе ведения хозяйства.

В середине 1951 г. меня направили на геологоразведочный Объект 29 начальником геологоразведочной партии № 2. Партия была разбросана на трех участках вокруг г. Ауэ. Здесь вели геофизическую съемку, рыли канавы и производили в большом количестве подземные горные работы. На них приходилось проводить утренний наряд в 6 часов утра, а иногда и вечерний наряд в 24 часа, возвращаясь при этом домой не ранее часа ночи. При таком режиме работы мы могли отоспаться только в воскресенье и порой просыпались только в 5 вечера. На партии работало 1,5–2 тыс. немцев и рота советских солдат, обслуживающих и охранявших геофизическую аппаратуру и склады взрывчатых веществ. Кроме меня на партии была девушка-геолог, которая тоже только что окончила институт. Год спустя появились сотрудники и на двух горных участках.

На одном из участков немцы постоянно устраивали провокации: пересыпали пути, перерезали кабели и трубы и, наконец, подожгли копер. Главный инженер Объекта 29 Г. Г. Бояджан позвонил мне и предложил заменить контингент на участке за счет высвобождающихся рабочих в других местах. Я согласился и уволил прогульщиков, не выполнявших нормы, и других нарушителей. Среди них оказалось несколько членов СЕПГ, которые написали жалобу президенту ГДР В. Пику, которая затем дошла до курировавшего тогда атомные дела в ГДР Б. З. Кобулова — первого заместителя Л. П. Берии. На хозпартактиве в «Висмуте» он высказался с трибуны по моему поводу: «Молокосос в коротких штанишках, не понимает линию партии и правительства в отношениях с ГДР». На другой день после этого заявления начальнику Объекта Мирютину объявляют строгий выговор по партийной линии, начальника отдела кадров в 24 часа отправляют в СССР, а мне — ничего. Проходит день, неделя. Все это время я думал, что меня готовят посадить и ждал ареста 6 месяцев: до тех пор, пока не расстреляли Берию. Только позже я узнал, что за 3 дня до этого вышел приказ, в котором меня назначили начальником экспедиции № 1, и все мое наказание заключалось в отмене этого приказа. С переездом Объекта 29 из Саксонии в Тюрингию меня назначили старшим инженером по горным работам — фактически главным инженером экспедиции, руководил которой в то время мой однокашник И. С. Крашкин.

КРАШКИН Иван Семенович (род. 1927). Горный инженер, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии горных наук, лауреат Государственной премии СССР. По окончании Московского горного института имени И. В. Сталина (1950) был направлен в ГДР, где до 1954 г. работал в САО (позже СГАО) «Висмут» руководителем геологоразведочных партий и экспедиций, входивших в состав Объектов 29, 30 и 90. Руководил началом промышленной эксплуатации месторождения Зорге-Зетендорф, проходкой первого ствола шахты на месторождении Пайцдорф и вынул символические лопаты земли при строительстве ствола шахты Шмирхау. В 1969 г. в связи с 20-летием образования ГДР был удостоен почетного звания «Активист социалистического труда», награжден медалью Иоганна Гердера и Золотым знаком отличия Центрального совета общества германо-советской дружбы.

Экспедиция — это самостоятельное производственное подразделение со всеми видами геологоразведочных работ, своим жилым поселком для советских сотрудников, столовой, гаражом, материальным складом, мехмастерскими и батальоном советских солдат, обслуживающих экспедицию.

Сегодня Иван Семенович Крашкин — тоже академик, лауреат Государственной премии, профессор, доктор технических наук. Кто мог предположить в то время, что во главе экспедиции будут стоять такие корифеи? После того как в экспедиции стал преобладать объем буровых работ, руководить ею поставили буровиков, а меня перевели в Зигмар, в 1-е управление районным инженером. В этом качестве я проработал относительно недолго, но тем не менее этот период моей жизни запомнился мне навсегда: я познакомился со своей будущей супругой Ларисой Сергеевной Окуневой. Она работала в «Висмуте» с 1951 г. в 10-м (режимном) отделе Центрального управления в качестве переводчицы — с Л. М. Кагановичем, В. М. Молотовым и О. Гротеволем, когда те посещали «Висмут».

В 1953 г. меня снова направили начальником ГРП на Объект 6. Здесь я проработал до лета 1954 г. и уехал в отпуск в Москву.

Во время отпуска я женился на Ларисе Сергеевне. По возвращении в ГДР нас оставили на работе в Зигмаре в Центральном управлении, главным образом из-за того, что Ларису Сергеевну категорически не хотели отпускать с работы в 10-м отделе. Ну а меня определили районным инженером производственного отдела Управления, то есть на тот пост, с которого я начал свою трудовую деятельность в «Висмуте». При этом мне поручили курировать Объект 90. В то время там были трудности, связанные с самовозгоранием руды. Пришлось внедрять разработку сначала с заиливанием обрушенного пространства, а затем —

с внедрением твердеющей закладки. В это время институт ПромНИИпроект подготовил проект разработки месторождения Шмирхау лишь на основе геологических материалов, не ознакомившись с фактическим положением дел на месте. Как следствие, многие основные проектные решения оказались неприемлемыми: механизация, системы разработки, сечения выработок. Я составил отрицательное заключение на этот проект, и институт заставили его переделать. В это время я закончил работу в «Висмуте» и оказался очень нужным для ПромНИИпроекта, так как знал недостатки того проекта, фактическое состояние дел на предприятии и какие решения приемлемы для производства.

Мне предложили должность главного инженера проекта и даже квартиру в Замоскворечье, но я, наработавшись досыта в «Висмуте» на административной работе, дал себе слово никогда больше никаких подобных должностей не занимать и потому отказался от этого заманчивого предложения. Кроме того, работая в «Висмуте», я сформировал методическую основу для моей кандидатской диссертации. Ее нужно было только наполнить фактическим материалом. Поэтому я пошел на работу младшим научным сотрудником в ИГД АН СССР. Моя связь с «Висмутом» продолжалась и во время моей работы в МГРИ им. С. Орджоникидзе: меня часто приглашали на консультации. Кроме того, ректор МГРИ Д. П. Лобанов и генеральный директор «Висмута» С. Н. Волощук договорились о воз-

можности прохождения производственной практики на рудниках «Висмута» группы студентов нашей специализации, руководить которыми я тоже выезжал несколько раз.

Следует обязательно отметить созданные в «Висмуте» условия для нормального отдыха — профилакторий, организация экскурсий по городам и музеям, приглашение известных артистов, регулярная демонстрация кинофильмов, возможность занятия спортом, проведение праздничных мероприятий и многое другое.

Закончить свои воспоминания я хочу словами Президента АН СССР А. П. Александрова: «Теперь можно открыто и прямо сказать, что значительная доля трудностей, пережитых нашим народом в первые послевоенные годы, была связана с необходимостью мобилизовать огромные людские и материальные ресурсы, чтобы сделать все возможное для успешного завершения в кратчайшие сроки научных исследований и технических проектов для производства ядерного оружия. Все это делалось, чтобы покончить с монополией США на обладание ядерным оружием, не дать им возможности диктовать свои условия всем странам мира».

Велика роль трудящихся «Висмута», в том числе специалистов из ГДР, в создании ядерного щита Родины. По моему мнению, сегодня их труд не оценен должным образом, а ветеранам не оказывается практически никакого внимания. Хочется надеяться, что когда-нибудь это изменится в лучшую сторону.

Владимир Ильич Курнос

Мои горняцкие пути-дороги

по-особому, торжественно и величаво загудел гудок электростанции; старики, женщины и дети высыпали на улицы, приветствуя и поздравляя друг друга.

Я тоже схватил ружье, выскочил на улицу и несколькими выстрелами отсалютовал этому радостному и одновременно скорбному дню, вспоминая о погибших в этой войне родных и близких мне людях.

Так мы жили, учились и работали все годы войны.

В 1947 г. я поступил в Благовещенский геологоразведочный техникум СГУ МВД СССР и, окончив его, получил специальность горного техника по разработке рудных и россыпных месторождений.

После защиты дипломного проекта по представлению руководства техникума и решения прибывшей к нам специальной комиссии ГУСИМЗа (Главного управления советским имуществом за границей) троих

В. И. Курнос.

выпускников нашей группы (А. Саяпина, Н. Кирюхина и меня) направили в Москву. До Москвы мы добирались вдвоем с А. Саяпиным.

Столица ошеломила нас своим размахом, многолюдностью, красотой Красной площади и Кремля, величию храмов и церквей, великолепием станций метрополитена.

После оформления необходимых документов в ГУСИМЗе и соответствующих собеседований и напутствий в ЦК ВЛКСМ мы были включены в сформированную группу молодых специалистов для работы в Советском акционерном обществе (САО) «Висмут» и направлены в Германскую Демократическую Республику.

Проезжая через Белоруссию и Польшу, мы с радостью наблюдали, как ликвидировались страшные последствия минувшей войны и налаживалась жизнь и быт людей. В то же время (особенно в Польше) на оста-

Лучшая смена
военнослужащих,
работавших
в ОТК шахты.

новках ощущалась какая-то неустроенность, безысходность, бедность и нищета людей, собирающих различные подаяния у вагонов нашего поезда. Это сильно расстраивало нас и усиливало чувство неприязни к зачинщику войны — фашистской Германии.

С такими настроениями мы наконец пересекли границу ГДР и прибыли во Франкфурт-на-Одере. Здесь нашу группу встретил представитель САО «Висмут» и мы направились в г. Хемниц, в пригороде которого Зигмаре находилось его Центральное управление. Мы ехали по прекрасно оборудованной скоростной автостраде мимо небольших, утопающих в зелени, чистеньких немецких городов, и о войне нам напоминали лишь аккуратно сложенные штабеля битого кирпича у восстановленных зданий и заплатки из свежеложенного бетона на улицах и тротуарах.

В Зигмаре группу расформировали,

а нас распределили для работы на разных Объектах САО «Висмут». Под впечатлением всего увиденного и услышанного за долгий путь с берегов Амура я прибыл на Объект 2, расположенный в маленьком курортном городке Обершлеме в живописных отрогах Саксонских Альп — Рудных горах, на берегу небольшой речушки Шлемы.

Я был назначен на должность сменного контролера ОТК шахты № 4. Начальником этой службы на Объекте был Н. К. Кошколда. Он подробно проинструктировал и ознакомил меня с основными задачами, особенностями и распорядком работы ОТК на шахте. Затем я поселился в мужском общежитии в небольшом, обособленном, благоустроенном городке советских специалистов, и 11 августа 1951 г. приступил к работе.

На шахте в это время работал небольшой, профессиональный, сплоченный и дружный коллектив советских специалистов во главе с начальником шахты К. Титовым, опытным руководителем и организатором горного производства. Позже его сменил П. Пакулин, также высококвалифицированный горняк. Они осуществляли руководство всеми основными службами шахты и, работая в тесном контакте с немецкой администрацией, обеспечивали ее ритмичную и бесперебойную работу.

Благодаря знаниям, полученным в техникуме, опыту работы на золотодобывающих предприятиях в годы войны, большой профессиональной помощи коллег на практическом уровне, я очень быстро ознакомился с огромным хозяйством шахты, применяемой системой разработки месторождения и почувствовал себя полноправным членом этого коллектива. Быстро завязались прочные деловые связи с моими коллегами, сменными контролерами ОТК Д. Донским, С. Лемякиным, О. Маглакелидзе и военнослужащими, которые совместно с нами несли службу и четко выполняли возложенные на них обязанности, работая операторами на рудоконтрольных станциях (РКС) в шахте, на разгрузочной эстакаде и на рудном складе.

Тесное сотрудничество установилось также с главным геофизиком И. Зотовым, главным геологом А. Щепетильниковым, геологом А. Ивлевым, начальником отдела буровзрывных работ Г. Галкановым и главным механиком М. Глушко. Такое взаимодействие позволяло быстро находить и оперативно устранять возникающие в процессе работы трудности в любой из служб шахты.

Работая в шахте с немецкими горняками, мне удалось за короткое время преодолеть языковой барьер на профессиональном уровне. Мы стали лучше понимать друг друга, в наших отношениях исчезла какая-то напряженность и скованность, и нам стало

легче находить и принимать обоснованные решения на разработку рудоносных жил в забоях блоков в соответствии с требованиями ОТК и принятой на шахте технологией производства работ.

В декабре 1952 г. я был назначен начальником ОТК шахты. Прибавилось забот и ответственности за порученное дело. Я все больше стал задумываться о возможных способах уменьшения разубоживания добываемой рудной массы и повышения ее качества.

Находясь на работе, коллектив советских специалистов, военнослужащих и немецких горняков подвергался серьезному риску радиоактивного облучения. Мы не имели никакого представления об интенсивности радиационных излучений в шахте, непосредственно в забоях, зонах расположения РКС, на рудном складе и других рабочих местах. Мы ничего не знали и о допустимых дозах радиоактивного облучения и не имели никаких средств индивидуальной защиты от него. Руководству САО «Висмут», конечно, было известно об этом, но никаких мер по защите работающих от пагубного воздействия радиации не принималось.

Обстановка в ГДР в те первые трудные послевоенные годы оставалась сложной. Многие предприятия не работали, нарастала безработица, остро ощущался недостаток жилья. Материально-техническое снабжение было очень плохое, и была введена карточная система на основные продукты питания. Медицинское обслуживание горняков также оставляло желать лучшего: они часто болели. Помню, как однажды я с букетом цветов и большой сумкой с продуктами и подарками навесил в госпитале заболевшего горняка с нашей шахты. При входе в палату я заметил какое-то недоумение на лицах заболевших и как оно постепенно сменилось приветливыми улыбками. Покидая палату и попрощавшись с больными, я был очень удивлен тем, что все ходячие больные из этой палаты и некоторые медицинские работники вышли меня проводить и благодарили за подарки.

Все это было заметно и на шахте. Горняки не обеспечивались надлежащей спецодеждой, в дефиците были даже сапоги. Работали они в самой различной одежде, обуви и в примитивных касках, изготовленных кустарным способом из бычьей кожи. Скучно было с питанием. В перерывах горняки подкреплялись только парой тощих бутербродов, да кружкой жидкого эрзац-кофе, доставляемого прямо в шахту в специальных бидонах.

Несмотря на это, многочисленный коллектив немецких горняков, уже много лет работающий на шахте, не распался и продолжал трудиться. Его сохранению в значи-

тельной степени способствовало включение шахты в состав САО «Висмут» и, как следствие, существенное повышение зарплат, увеличение продолжительности отпусков и других льгот для горняков.

Возвращаясь в начале марта 1953 г. из очередного отпуска, в Москве мы узнали о болезни И. В. Сталина, а подъезжая к Обершлеме и увидев еще издали потухшую звезду и развевающееся красное знамя с траурными лентами на копре нашей шахты, поняли, что он умер. В объявленные дни траура до самых похорон у бюста Сталина, установленного в клубе нашего городка, сменяя друг друга, несли траурную вахту руководящие работники нашего Объекта. На шахте в эти дни каких-либо изменений или сбоев в режиме работы не наблюдалось. В те траурные дни до глубины души меня растрогали многие знакомые немецкие горняки, выразившие свои соболезнования по поводу кончины И. В. Сталина.

Между тем обстановка в ГДР продолжала накаляться. Волнения и забастовки рабочих с нарастающей силой происходили уже во многих крупных городах. Летом 1953 г. бастующие стали объединяться и большими организованными колоннами двинулись к Берлину. Близился мятеж и свержение существующего в республике строя. Этого не случилось только благодаря тому, что в дело вступили советские войска, расквартированные в ГДР, положившие конец мятежу.

С осени 1953 г. обстановка в ГДР стала меняться к лучшему. Были отменены репарации, и многие крупные предприятия были возвращены немцам. Изменилась структура управления экономикой республики, стала сокращаться безработица, и значительно уменьшился отток квалифицированных горняцких кадров в Рурский бассейн. Это отразилось и на статусе САО «Висмут». В январе 1954 г. оно было преобразовано в Советско-Германское акционерное общество (СГАО) «Висмут».

В период моей работы на шахте коллектив немецких горняков возглавлял оберштейгер Вилли Бек — крупный знаток горного дела. Совместно с советским руководством он направлял и умело координировал работу всех участков шахты. Начальники участков, сменные горные мастера, да и все немецкие горняки были достаточно квалифицированные специалисты и профессионально выполняли свою работу в шахте. Слаженно и ответственно работали военнослужащие. На шахту они всегда приезжали хорошо отдохнувшими, подтянутыми, нагруженными увесистыми дополнительными пайками («тормозками») и приступали к своей нелегкой работе. Работая на РКС на разных эксплуатационных горизонтах шахты, они осуществляли жесткий контроль

и регулирование всех, весьма сложных грузопотоков добытой и отсортированной рудной массы и пустой породы, поступающих с 13 разных участков шахты и направляли эти потоки к скиповому стволу. Так же предельно внимательно и строго, совместно со сменным контролером ОТК, они осуществляли контроль на РКС при приемке руды на рудном складе. В трудовом общении с немецкими горняками они вели себя достойно и не допускали грубости по отношению к ним.

Как-то довелось мне побывать в расположении их воинской части. Там я с интересом осмотрел большую светлую казарму с ровными рядами аккуратно заправленных коек, просторное бытовое помещение, чистую уютную столовую и учебные классы. Также я увидел строевой плац, хорошо оснащенную спортивную площадку и боксы с расположенной в них военной техникой. Пообщавшись с военнослужащими, я ощутил, как они уважительно и внимательно относятся друг к другу, к своим офицерам, и почувствовал крепкую спаянность этого воинского коллектива. До сих пор у меня сохранились самые теплые воспоминания об этих славных парнях.

Ниже на фотографии представлена одна из лучших смен военнослужащих, работавших в ОТК шахты. На ней два человека не в военной форме: в центре — сменный контролер ОТК О. Маглакелидзе, а слева — ваш покорный слуга. Шахта № 4 в то время была крупнейшей не только на нашем Объекте, но и в системе всего САО «Висмут». Она уже многие годы находилась в эксплуатации, и ее верхние рудоносные горизонты до глубины 180 м были уже отработаны.

Шахта включала в себя два вертикальных ствола — вентиляционный и скиповой. По вентиляционному (главному) стволу, оборудованному двухэтажными клетями, осуществлялся спуск и подъем людей, а также доставка в шахту необходимых материалов и оборудования. По скиповому (грузовому) стволу добываемая рудная масса и пустая порода из отдельных бункеров этого ствола доставлялась в скипах на поверхность и по бремсбергу (наклонной галерее) поднималась транспортером на разгрузочную эстакаду. Перемещаясь по эстакаде, рудная масса и пустая порода дополнительно контролировались на РКС и поступали в соответствующие бункера. Далее из рудного бункера рудная масса вывозилась на обогатительную фабрику, а пустая порода из породного бункера транспортировалась в отвал. Санации и рекультивации отвала не производилось, чем наносился немалый вред окружающей среде и экологической обстановке данного региона.

Добыча урана осуществлялась на тринадцати эксплуатационных участках четырех действующих горизонтов шахты (180, 210, 240 и 270 метров), в забоях блоков, ориентированных и разрабатываемых в направлениях по простиранию рудоносных жил. Разработка таких жил в блоках проводилась небольшими заходками. Затем мелкошпуровым буровзрывным способом жила встряхивалась, а образовавшиеся куски руды дорабатывались отбойными молотками, дробились, скатывались и накапливались у забоя.

Полученная таким способом рудная масса подвергалась первичной ручной сортировке. Отбирались куски руды с видимыми прожилками, пропластками и следами урана и равномерно загружались в специальные металлические ящики. Заполненные ящики укладывали в вагонетки, транспортировали к вентиляционному стволу, поднимали на поверхность и доставляли к рудному складу. Здесь на РКС по специальному эталону проводилась сортовая оценка руды в каждом ящике. В зависимости от количества ящиков и качества руды в них немецкие горняки получали солидную прибавку к зарплате.

Оставшаяся в забое рудная масса под контролем радиометриста перелопачивалась на настиле и вторично отсортировывалась от пустой породы. Затем она через рудоспуск загружалась в вагонетки и далее доставлялась в бункер скипового ствола. Пустая порода частично использовалась для закладки выработанного пространства в блоках, а основная ее масса также транспортировалась к соответствующему бункеру этого ствола. В обоих случаях составы вагонеток при следовании к скиповому стволу контролировались на РКС.

Такая технология ведения горных работ, ежесменный многоступенчатый контроль со стороны ОТК, от забоев до бункеров разгрузочной эстакады на поверхности или рудного склада, способствовали минимизации потерь и улучшению качества добываемой руды, обеспечивая в целом успешную работу шахты.

Мне запомнились несколько случаев грубого нарушения такой технологии немецкими горняками. В погоне за дополнительной оплатой при вторичной сортировке рудной массы в забое под контролем радиометриста они отбирали кондиционные куски руды, размещали их по стенкам ящиков, а середину заполняли пустой породой. Таким образом, при минимальном количестве руды резко увеличивалось количество ящиков. Эти ящики легко проходили сортовой контроль на РКС рудного склада, и за них полагалась значительная доплата. Однако большой разброс показаний на экране РКС насторожил военнослужащих — операторов

и контролера ОТК, проводивших их приемку, и они доложили мне об этом. Совместными усилиями была быстро установлена причина таких сбоев. Уловка не удалась, а виновные понесли заслуженное наказание.

Много раз в процессе работы мне приходилось сталкиваться с разработкой сложных рудоносных жил, связанных с изменениями их расположения, мощности или выклинивания в забое блока. В таких случаях полученная с очередной заходки рудная масса сильно разубоживается пустой породой, и значительно возрастают объемы трудоемкой работы по ее ручной сортировке, перелопачиванию и загрузке в рудоспуски в стесненных условиях призабойного пространства в блоке.

Я стал задумываться, каким путем можно уменьшить разубоживание добытой в таких блоках рудной массы, и у меня появилась идея о создании механизированной сортировочной установки, способной свести этот процесс к минимуму и повысить качество добытой руды. Разрабатывая эту идею, я пришел к выводу, что по конструктивной схеме и принципу работы такая установка может быть близка к промывочным устройствам, применяемым на драгах при золотодобыче.

Я рассказал о своих задумках главному механику шахты М. Глушко. Он одобрил мою идею, привлек к этой работе своих немецких коллег, и с их помощью установка была изготовлена в механических мастерских шахты. Она состояла из приемного бункера с питателем и наклонной вращающейся трубы с отверстиями по всему периметру, смонтированных на общей раме. Ниже трубы, по всей ее длине, на этой же раме размещался транспортер, снабженный направляющими заслонками и соответствующими течками для пропуска отсортированной руды. В нишах под транспортером устанавливалось несколько панелей РКС, работающих в автоматическом режиме с направляющими заслонками на транспортере. Всю геофизическую схему установки разработали и смонтировали наши специалисты-геофизики.

В течение 10 дней мы провели такой эксперимент. В шахте, из рудоспусков блоков, где разрабатываются сложные рудоносные жилы, загружали 2–3 вагонетки с отсортированной вручную рудной массой, проверяли их на РКС, выдавали на поверхность и пропускали через механизированную сортировочную установку.

В результате эксперимента мы получили несколько ящиков высокосортной руды, и нам удалось на 70–75 % снизить разубоживание рудной массы. Сразу же появились новые мысли о совершенствовании установки

и доведении ее до промышленного образца.

Однако осуществить это не удалось. По окончании срока заграничного командирования М. Глушко отбыл в СССР, и продолжать эти работы стало не с кем. Позже от друзей я узнал, что установка еще долгое время эксплуатировалась на шахте и давала хороший результат.

С первых дней пребывания на Объекте у меня постепенно становилось все больше хороших друзей — П. Богданов, С. Маркелов, Б. Филимонов, П. Дудин. В это же время я познакомился с замечательной девушкой — москвичкой Валентиной Ключвиной, инженером-экономистом с соседней шахты. У нее были удивительно красивые голубые глаза, и на ее лице всегда светилась какая-то добрая застенчивая улыбка. Мы стали встречаться, гулять в живописных окрестностях Обершлемы, восхищаясь ухоженностью окружающих лесных массивов и чистотой встречающихся озер.

После работы Вала увлеченно занималась организацией и проведением молодежных вечеров с веселыми лотереями, принимала активное участие в художественной самодеятельности, пела в хоре, любила танцы и кино, неплохо играла в волейбол, хорошо плавала.

Я не хотел отставать от нее и вспомнил свое давнее увлечение городками, организовывал команду, проводил тренировки и вскоре в регулярно проводимых спортивных соревнованиях между Объектами СГАО «Висмут» мы заняли первое место. На этих соревнованиях всегда хорошо выступали наши футболисты во главе с капитаном команды С. Маркеловым (начальник шахты № 64) и волейболисты (мужская и женская команды).

По выходным и праздничным дням мы вместе с Валей и друзьями отправлялись в автобусные экскурсии в крупнейшие города ГДР — Дрезден, Лейпциг, Эрфурт, знакомились с их достопримечательностями, посещали музеи и выставки.

Побывали мы и в Берлине. В Трептов-парке восхитились величественным памятником воину-освободителю с немецкой девочкой на руках, возложили цветы и поклонились могилам советских воинов. Были мы и у монументальной арки Бранденбургских ворот, издали увидели разрушенный купол Рейхстага, а в пригороде Берлина —

Наша свадьба с моей Валей.

Потсдаме — посетили знаменитый отель Цецилиенгоф, где проходила Потсдамская конференция трех держав — победителей фашистской Германии.

Довелось нам побывать и в Бухенвальде. В этом чудовищном лагере смерти, осматривая тесные душные бараки с зарешеченными окнами и нарами до потолка, мы заметили и прочитали еще сохранившиеся, нацарапанные на стенах чем-то твердым предсмертные записи узников, прокливающие фашизм, в том числе и на русском языке. Потрясла нас и дьявольская цепочка смерти: от газовой камеры до длинного ряда печей крематория, в которых сжигались трупы узников, и склады с огромными тюками упакованных в них женских волос и отсортированной обуви. С чувством огромной скорби о погибших мы возложили цветы к печи крематория, в которой был сожжено тело Э. Тельмана, и покинули Бухенвальд. От всего увиденного и пережитого при посещении этого лагеря весь обратный путь до Обершлемы в нашем автобусе царил тягостная тишина.

Наши встречи с Валей завершились свадьбой 2 сентября 1952 г. Подготовиться к ней нам очень помогли ее коллеги по работе — Н. Ксенофонтова, А. Богданова, Т. Маркелова и мои друзья с шахты. Торжество проводилось в читальном зале нашей библиотеки. Был накрыт и красиво сервирован праздничный стол, собрались приглашенные, появилась масса цветов и свадьба началась. Нам дарили подарки, приветствовали и поздравляли с этим знаменательным событием в жизни, играла музыка, объявились лихие плясуны и закружились танцевальные пары. Веселье продолжалось до самого рассвета. Какими мы были молодыми, радостными и счастливыми в этот знаменательный день, хорошо видно на фото.

Через некоторое время нам выделили две небольшие меблированные комнаты в одном из домов нашего городка, мы покинули свои общежития и стали обустроить нашу семейную жизнь.

В 1955 г. в госпитале в Карл-Маркс-Штадте у нас родилась дочь Лена. Она часто болела, и когда мы уехали в очередной отпуск, то, посоветовавшись с врачом, решили больше не возвращаться в ГДР.

По приезде в Москву Вало направили на работу в Центральный институт проектирования специальных сооружений (ЦИПСС МО СССР), а я стал трудиться в Центральном нормативно-исследовательском бюро Минуглестрой СССР в секторе технической помощи стройкам на горнопроходческих работах.

Во время работы в ЦНИБе мои горняцкие пути-дороги потянулись к местам строительства новых угольных разрезов и шахт-новостроек на Дальнем Востоке, в Караганде,

на Урале, в Абхазии, на Кузбассе и Донбассе. Через несколько лет Минуглестрой СССР был расформирован, и на семейном совете мы с Валей решили, что мне необходимо продолжать свое образование.

В 1958 г. я поступил в Московский горный институт (МГИ) и стал студентом, совмещая учебу с работой в лаборатории кафедры строительства подземных сооружений и шахт (СПСиШ). Через год в нашей семье появилось пополнение: родилась дочь Марина.

После защиты дипломного проекта я стал горным инженером-шахтостроителем, и заведующий кафедрой СПСиШ, заслуженный деятель науки и техники РСФСР, доктор технических наук, профессор Н. М. Покровский, вручая мне диплом, рекомендовал поступить в аспирантуру и даже подсказал примерную тематику исследований, касающихся вопросов сооружения промышленных и городских коллекторных тоннелей малых диаметров (от 2,1 до 5,2 м) горным (щитовым) способом, так как он позволяет вести проходку выработок (тоннелей) в самых разнообразных горно-геологических условиях, не нарушая поверхности и не загромождая территории строительства, и становится экономически выгодным (в сравнении с открытым способом), уже начиная с глубины в 6–8 метров.

Мне понравился это предложение. Я поступил в аспирантуру, окончил ее, защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук. В 1967 г. я поступил на работу в ЦНИИПодземмаш Минтяжмаша СССР, в лабораторию механизированных проходческих щитов, и занялся разработкой и внедрением в практику новых технических и технологических решений в строительстве коллекторных тоннелей щитовым способом и способом продавливания в городских условиях. В содружестве с конструкторами отдела проходческих щитов была разработана конструктивная схема, рабочий орган скреперно-ковшового типа и ряд других узлов продавливающей установки ПУ-2. Установка была спроектирована, изготовлена и прошла промышленные испытания. Она позволяла вести бестраншейную прокладку стальных трубопроводов-футляров диаметром 1220–1420 мм без присутствия человека в забое продавливаемой трубы и серийно изготавливалась на одном из заводов строительной техники.

Выполняемые в ЦНИИПодземмаше исследования и разработки круто развернули мои горняцкие пути-дороги в сторону крупнейших городов СССР — Москвы, Киева, Минска, Ленинграда, Волгограда, Одессы, Тулы, где проходило внедрение механизированных проходческих щитов и продавливающих установок.

В 1971 г. я перешел на работу в МГИ и был назначен заведующим отраслевой лабораторией кафедры СПСиШ. К этому времени спектр научно-исследовательских работ по искусственному упрочнению горных пород и специального способа проходки горных выработок, выполняемых в лаборатории, стал смещаться в сторону совершенствования техники и технологии строительства городских подземных сооружений. Деятельность лаборатории в этом новом направлении осуществлялась в соответствии с планом научно-исследовательских работ, разработанным совместно кафедрой СПСиШ и техническим управлением Главмосинжстроя при Мосгорисполкоме на длительную перспективу.

Организация и проведение предусмотренных этим планом работ в лаборатории осуществлялась ведущими учеными кафедры СПСиШ. Во многих исследованиях и разработках участвовали также ведущие ученые кафедры геологии, акустики и ультразвука, физики горных пород и процессов, экономики, охраны труда и техники безопасности. В этой большой группе ученых были и трое бывших висмутян — Б. А. Филимонов, А. М. Солодов и я.

На базе проведенных исследований были разработаны альбомы технологических схем по сооружению стволов для городских коллекторных тоннелей по закрытой (бестраншейной) прокладке стальных трубопроводов (футляров) диаметром 900–1700 мм способом продавливания и по сооружению коллекторных тоннелей диаметром 2,1–5,2 м проходческими щитами. Кроме того, были также разработаны рекомендации по совершенствованию конструкций крепи стволов и сборной крупноблочной железобетонной и монолитно-прессованной тоннельной обделки, а также руководство по их изготовлению.

По материалам проведенных исследований и разработок несколько сотрудников лаборатории подготовили диссертационные работы, защитили их и стали кандидатами технических наук. Некоторые работы, выполненные в лаборатории, были отмечены медалями ВДНХ СССР.

Выполненные разработки нашли широкое распространение в практике городского подземного строительства. Эффективной оказалась и осуществляемая лабораторией практика научного сопровождения строительства крупных магистральных коллекторных тоннелей, подземных

автостоянок, переходов и других объектов.

Моя многолетняя деятельность в МГИ не замыкалась рамками лаборатории. Я читал лекции студентам-вечерникам по курсу «Технология строительства городских подземных сооружений», участвовал в подготовке учебных пособий и учебника «Шахтное и подземное строительство», руководил дипломным проектированием и консультировал студентов-дипломников.

Так завершились мои горняцкие пути-дороги в Московском государственном горном университете (МГГУ). Этот статус институт получил в 1993 г.

За это время наши девочки стали взрослыми. Лена окончила Московский инженерно-строительный институт им. В. В. Куйбышева (МИСИ), а Марина — Московский педагогический институт им. В. И. Ленина (МПГИ). Вскоре обе они вышли замуж, у Лены родилась дочь Алена, у Марины — сын Сергей. И мы с Валей обзавелись чудесными внуками, которые быстро подрастали, радуя нас. Но в конце декабря 1994 г. наша семья понесла тяжелую утрату. Умерла всеми нами любимая жена, мать и бабушка Валентина Дмитриевна. Врачи обнаружили у нее рак легких, но помочь уже ничем не смогли.

Вскоре наши внуки стали студентами. Алена окончила Московский институт тонкой химической технологии им. М. В. Ломоносова (МИТХТ) и стала инженером-биохимиком. Через несколько лет она вышла замуж, и у нас образовалась еще одна молодая дружная семья.

Сергей пошел по моим стопам: окончил МГИ и стал горным инженером-строителем. К концу учебы в институте Сергей женился. Потом у них в семье родился сын Данила, моя дочь Марина стала бабушкой, а я превратился в прадеда.

Данила подрос и уже заканчивает учебу в пятом классе в одной из московских школ. Он хорошо учится, любит математику, старательно изучает два иностранных языка — английский и немецкий, начал интересоваться геологией, собрал приличную коллекцию минералов, так что порой мне кажется, что в нашей семье постепенно возникает новая горняцкая тропинка.

Вспоминая прожитые годы, я всегда испытываю чувство гордости за то, что все члены нашей разросшейся семьи стали высококлассными специалистами в своих отраслях, продолжают успешно работать и вносят достойный вклад в экономику нашей страны.

Василий Петрович Крайненко²¹

Урановые мифы не имеют срока давности.

Радиация в сознании обывателя — синоним смерти. С 1940-х гг., когда ученые вплотную подошли к созданию ядерного реактора, все, что связано с ураном, было засекречено. Закрытость информации породила мифы. Один из них про то, что приговоренным к смертной казни предлагают на выбор пулю в затылок или работу на урановых рудниках. На самом деле заключенных-смертников там нет: ни за пять, ни за десять лет умереть от облучения в шахте нельзя.

В России существует единственное разрабатываемое месторождение урана — Краснокаменский рудник²² в Забайкалье. Переработку руды осуществляет Приаргунский горно-химический комбинат. В СССР уран добывали также в Узбекистане и в Таджикистане, где месторождения уже иссякли. Сегодня в России добычей и переработкой урана занимаются несколько тысяч человек. Но были и другие месторождения — особо засекреченные, где добывался уран для советского атомного оружия.

Десятая трофейная

Победу над Германией командир отделения танкового десанта Василий Крайненко встретил в Берлине. С июля 1944 г. он вместе со своими автоматчиками наступал на Магнушевском плацдарме и форсировал Вислу. Получил контузию. В 1946 г. 74-ю гвардейскую стрелковую дивизию расформировали, и 19-летний младший лейтенант собрался было в отпуск. Но пришла разрядка: дальнейшее место службы — 10-я отдельная трофейная бригада. Служивцы завидовали: повезло, домой с богатыми подарками вернешься. Никто не знал, какой «подарок» преподнесет ему судьба.

Действительно, до 1947 г. 10-я трофейная занималась демонтажом и отправкой в СССР немецких заводов в счет репараций. Затем ее перевели в городок Йоганнсгеоргенштадт в Рудных горах. Здесь, на границе Восточной Германии и Чехословакии, находились самые богатые в Европе залежи урановой руды.

Справка Центрального архива Министерства обороны РФ

10-я отдельная трофейная бригада 8-го Управления Главного управления советского имущества за границей при Совете Министров СССР (в/ч № 58157) в числе других воинских

частей в конце сороковых — начале пятидесятих годов была временно прикомандирована к советско-германскому уранодобывающему акционерному обществу (СГАО) «Висмут». В этот период в состав акционерного общества кроме урановых рудников входила обогатительная фабрика.

Испокон веку на шахтах в Рудных горах, где, по преданиям, жили Белоснежка и семь гномов, добывались серебро и полиметаллы. Чтобы привести рудники в порядок, из Москвы прибыли метростроевцы. Саперы обнесли Объект колючей проволокой, на проходной установили американский прибор с электрическим звонком. Когда солдаты возвращались из забоя, прибор оживал. Особисты шарили по карманам, но ничего не находили. Потом стало известно, что прибор называется дозиметром, а черные камни, которые добывали в Рудных горах, — вовсе не антрацит, а уран. Особисты искали у солдат кусочки руды, а прибор реагировал на запыленные гимнастерки.

Василий Крайненко был назначен шахтляйтером — начальником Шаар-шахта. В непосредственном подчинении у него находились 125 солдат-срочников 1930 года рождения из Татарии, Самары и Москвы. Всего, включая немцев, на шахте трудилось 800 человек. Все взрывные работы, а также транспортировку руды поручили советским солдатам — немцам не доверяли. Лейтенант Крайненко получал 800 рублей, этого еле хватало на жизнь. Солдаты добывали уран бесплатно, работали по десять часов в сутки. Затем еще два часа маршировали по плацу и занимались боевой подготовкой. В соседней Чехословакии в таких же условиях на урановых шахтах работали пленные эсэсовцы.

Комментарий специалиста:

Член-корреспондент Российской академии медицинских наук, профессор Ангелина Константиновна Гуськова знает о радиации практически все: была лечащим врачом Курчатова. В 1986 г. А. К. Гуськова оказывала помощь пораженным радиацией в Чернобыле. Именно она выведена в нашумевшей пьесе В. Губарева «Саркофаг» в качестве главврача 6-й клинической больницы. Ей приходилось бывать и на шахтах АО «Висмут» в Германии.

— В уставных документах АО «Висмут» было оговорено, что первые 10 лет вся продукция будет отправляться в СССР. Только по истечении этого срока германская сторона вступала в свои права на уран. Месторождение было уникальным: по содержанию урана руда превышала отечественную чуть ли не в 100 раз. Больше содержание урана встречалось только

в американском Колорадо-Спрингс и в Южной Африке. Неудивительно, что разработку руды вели ударными темпами. За 10 лет в Рудных горах основные урановые запасы были выбраны. В первое время труд на шахтах без преувеличения можно было назвать каторжным. Но местное население буквально рвалось в забой: в голодной Германии это был единственный шанс заработать. На шахту нанимались даже инвалиды. Я сама видела безногих шахтеров. Работать приходилось в неестественных позах: шахтер напоминал мифического атланта, удерживающего на плечах небосвод.

Соцсоревнование со смертью

Советский Союз торопился собрать собственную атомную бомбу. В Рудных горах развернулось соцсоревнование. Правда, работы были настолько засекречены, что даже начальник шахты не знал, сколько руды добыто. Раз в месяц зачитывался приказ, где объявлялись победители. Шахта лейтенанта Крайненко четыре года подряд называлась первой.

Ежегодно с 1946-го по 1956 г. в Рудных горах, по подсчетам Крайненко, служили 13 батальонов — около 5000 человек. Уран добывали на шахтах в соседних городах Шнееберге и Обершлеме. Под казармы отдали половину цеха мебельной фабрики. Офицерам разрешалось снимать комнаты в городе.

Руду доставляли на небольшую обогатительную фабрику. На ней работали также и женщины: выпускницы московских технических вузов и местные жительницы — всего 300 человек. Урановую руду размельчали и заливали водой с обволакивающим реагентом. Когда руда всплывала на поверхность, ее собирали сачками и отправляли в сушильную камеру. В сушилке всегда было тепло, и немецкие девушки часто спали на деревянных ящиках с урановым концентратом. Спали крепко. О возможных последствиях не знали.

Солдаты часто болели. Заболевших отправляли в госпиталь, и никто их больше не видел.

— Думаю, что они там умирали, — говорит Василий Крайненко. — Служивцам говорили, что их демобилизовали прямо из госпиталя, хотя по уставу демобилизация тогда была возможна только из родной части.

Однажды Василий задержался на складе готовой продукции дольше обычного. К вечеру закурилась голова. Утром не мог встать с постели: отнялись ноги, по всему телу расплзлась зловещая краснота. На квартиру к лейтенанту пришли два майора-медика. Тщательно осмотрев пациента и покачав головами, они сказали:

— Темнить не будем. Положение безна-

дежное. Какое твоё последнее желание?

— Тело не слушается, только руки работают. Сделайте что-нибудь.

— Вот мы твоё желание и выполняем. Дадим тебе сержанта. Он будет за тобой ухаживать.

Больше Василий медиков не видел, о нем забыли. Отправил своей невесте открытку, что между ними все кончено. Матери писать не стал: пусть лучше получит официальную похоронку.

Спасла лейтенанта квартирная хозяйка фрау Ган старым шахтерским способом. Она каждый вечер давала Крайненко крепкий чай со шнапсом. Лейтенант сильно потел — утром можно было выжимать простыню, а через два месяца смог подняться на ноги. Он до сих пор не знает, что с ним тогда произошло: то ли была виновата контузия, то ли уран. Служивцы от него шарахались, как от привидения. Прошел слух, что Василий отправлен в госпиталь, откуда уже не возвращаются.

Комментарий специалиста:

— Болезни на урановых шахтах были характерными для горнорабочих, — говорит Ангелина Гуськова. — Силикоз, силикотуберкулез, вибрационная болезнь, болезни позвоночника. Конечно, имело место и облучение дыхательных путей, но случаи лучевой болезни в мировой практике на урановых шахтах не зарегистрированы. В некоторых шахтах выделялся радиоактивный газ радон. Продукты распада могли вызвать рак легкого. Болезнь проявлялась через 15–25 лет. У нас были на обследовании советские инженеры из «Висмута». Изменений в составе крови или признаков облучения дыхательных путей мы не зафиксировали. Впрочем, надо учитывать, что инженеры реже спускались под землю.

Статистики по болезням работавших на шахтах солдат у нас нет. Мои германские коллеги ведут тщательные наблюдения за немцами — работниками «Висмута». По их данным, за 10 лет работы шахтеры получали от 300 до 500 месячных уровней облучения. Всего на шахтах работало около 200 тыс. немецких граждан (44 тыс. в Тюрингии и 150 тыс. в Саксонии). Из них умерло от рака легкого 5450 человек (по медицинской статистике не должно было умереть более 1,5 тыс.). Пик смертей пришелся на середину 1970-х гг. Немецкие врачи признали, что 3,5 тыс. случаев смерти от рака легкого связаны с работой на рудниках. Семьям шахтеров выплачивается солидная государственная пенсия. Остальные рабочие находятся под медицинским наблюдением. Про медицинское обеспечение наших солдат мне ничего не известно.

Трудовые будни

В ночь на 7 ноября 1950 г. Крайненко возвращался домой из гостей вдоль забора

²¹ Ю. Снегирев. Тайна Рудных гор. «Известия». 13 января 1999.

²² Стрельцовское месторождение урана (г. Краснокаменск в Забайкальском крае), на котором добывается около 93 % российского урана (прим. сост.).

горно-обогатительной фабрики. Настроение было хорошее: завтра праздник. Со столба свисал черный провод и уходил в кусты. Что-то насторожило лейтенанта. Он побежал к проходной и убедился, что провод тянется к одному из цехов. Вместе с охраной прошел в подвал. Провод оканчивался детонатором. В подвале находилось несколько тонн аммонита для взрывных работ. А наверху — склад готовой продукции с ящиками уранового концентрата для отправки в СССР.

Кто готовил к празднику взрыв, так и не узнали. На следующий день убежал к американцам главный инженер фабрики. Накануне были совершены еще две диверсии — поджог цеха и разрушение флотационной установки.

Василий Крайненко как передовик и трезвенник был выбран заседателем военного трибунала. В год на шахте отлавливали по 10 шпионов. Судить приходилось в основном немцев за шпионаж в пользу Америки. Приговор — стандартные 25 лет. Только одного, 17-летнего мальчишку, трибунал пожалел. Американский резидент обещал отправить парня в кругосветное путешествие, если он принесет план шахты. Трибунал отправил шпиона валить лес «всего» на 20 лет.

Однажды и над самим Крайненко сгустились тучи. На шахту приехали оперативники. Офицеров вызывали по одному:

— Родину любишь? Тогда должен информировать нас о каждом шаге своих сослуживцев.

— Стучать не буду. Если что-то серьезное случится, приду сам.

Такой ответ дорого стоил Василию. Задержали очередное звание. Продвижение по службе остановилось.

Убежать с шахты было почти невозможно. Беглецов ловили военные патрули, трибунал давал те же 25 лет. Еще одним страшным преступлением считалась связь с немецкой женщиной. Уличенных в этом солдат без суда и следствия отправляли в Сибирь на лесозаготовки. Офицеров конвоировали до Бреста, потом следовал перевод в какую-нибудь заштатную воинскую часть — и конец карьеры.

Девушки с горно-обогатительного комбината тоже подумывали о том, чтобы поскорее уехать из Германии. Помочь мог только брак с офицером, отправлявшимся на Родину. 25-летняя Галина познакомилась с Крайненко на праздновании нового 1950 г. У лейтенанта подходил к концу срок службы, и они расписались. Настоящее чувство родилось только потом. В 1951 г. пришел долгожданный перевод. По словам Крайненко, ему перед строем зачитали секретный приказ о льготах: первый год службы на руд-

нике идет за три года, второй — за четыре, третий — за пять. Таким образом, у Крайненко набегало 13 лет. Галина была на шестом месяце беременности и часто болела. Молодая семья отправилась в СССР.

Комментарий специалиста:

— В нашем центре, — говорит заслуженный врач России, заведующий клиникой Института биофизики профессор Георгий Селидовкин, — есть уникальная база данных, куда заносятся все вовлеченные в аварии, связанные с радиационным облучением. Всего у нас в стране произошло 160 аварий и катастроф. В базу занесено 1500 человек, из них 354 — пораженные лучевой болезнью, а 297 — имеют местные лучевые поражения. 70 человек умерли от лучевого поражения. В базу не занесены только военные моряки: у подводников своя база в Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Компьютерные базы есть в Обнинске, Челябинске и Екатеринбурге. Если с конца 40-х и до середины 60-х гг. люди облучались при испытаниях ядерного оружия и при проведении научных экспериментов, то в наше время от радиации страдают в основном те, кто работает на установках дефектоскопии и, как ни странно, несуну. В 1997 г. обследовали 11 человек с военной базы в Грузии, где было украдено 113 радиоактивных источников. В этом году к нам попали три человека из Чечни — они просто подержали в руках источник радиации от медицинского прибора. Одному из них пришлось ампутировать кисть.

Пик пришелся на Чернобыльскую катастрофу. По горячим следам мы обследовали 3000 человек. До Чернобыля у пораженных не было специальных льгот. За первые три месяца после катастрофы количество инвалидов в стране возросло на 30 процентов! Инженер на АЭС сейчас получает зарплату 900 рублей. Пенсия инвалида-ликвидатора — около 15 тысяч.

Были и курьезные случаи. Около 200 солдат из Армении следовали пешим порядком в 30-километровую зону. Как только прошли шлагбаум, все свалились в обморок. Гарантирую, что они не получили ни одного бэра. Мы называем этот случай армянским синдромом. Самое интересное, что солдат срочно отправили в Ереван и всем без обследования автоматически дали II группу инвалидности. Удостоверение ликвидатора получили курьеры, которые доставляли пакеты из Москвы в Киев и не выходили с аэродрома. В нашем корпусе 6-й московской клинической больницы даже уборщицы получили «корочки». Говорить о случае с лейтенантом Крайненко без всестороннего обследования невозможно, но добыча урана по степени риска мало отличается от добычи, скажем, каменного угля.

Человек с черным зонтом

Вред здоровью работа с ураном наносит в любом случае. Потому и существуют льготы. Но Крайненко все это не касается. Он

и другие советские солдаты и офицеры, работавшие на урановых рудниках в Германии, оказались просто забытыми государством. Ни в Министерстве обороны, ни в Комитете ветеранов подразделений особого риска Василию Петровичу не могут помочь: отсутствуют официальные основания. Горняки его тоже не признают за своего. Только в 1995 г. со списков военнослужащих, прикомандированных к АО «Висмут», был снят гриф секретности. Крайненко обращался в военкоматы, чтобы найти своих сослуживцев. Нашел только одного, в Курской области. Его бывший подчиненный лежал, прикованный к постели, а вскоре после их встречи умер.

Справка Центрального архива Министерства обороны

В горнодобывающей промышленности льготы предоставляются (при расчете пенсии) лишь тем лицам, которые проработали во вредных условиях не менее 10 лет (Постановление Совета Министров РСФСР № 517 от 2 октября 1991 г.). Дирекция СГАО «Висмут» не заключала трудовых договоров с военнослужащими, проходившими службу в рядах Советской армии, и, следовательно, данных о характере работы и службы в архивных документах в/ч № 58157 не имеется.

Комментарий специалиста:

— Я сам работал в АО «Висмут», но в более позднее время, чем лейтенант Крайненко, — говорит заместитель заведующего отделом здравоохранения и социальной работы ЦК профсоюза работников атомной энергетики и промышленности Леонид Зеленков. — В 1990 г., вскоре после объединения Германии, акционерное общество перестало существовать. Немногие знают, что рабочие на урановых предприятиях никогда не имели особых

Написать интересно о прошедшей жизни оказалось очень трудным занятием. При всем моем желании, уважаемый читатель, я написал не все так гладко и хорошо, как хотелось бы, но думаю, что написанное в какой-то степени заинтересует вас.

Передо мной стояла сложная задача: умело сочетать частичку личной жизни с большой производственной проблемой. Каждый раз возникал вопрос: с чего начинать писать? И я решил: начну, пожалуй, с ряда случаев, которые определяли мою последующую жизнь.

Первый случай — как я стал геологом.

льгот. Максимальная за 20 лет работы пенсия была 176 рублей. На пенсию можно было выходить после 10 лет такой работы, но тогда она составляла только 120 рублей. В списке льготников мы стояли после горняков, но перед химиками. Последний закон «О порядке исчисления и увеличения государственных пенсий», вступивший в силу с 1 февраля 1998 г., приравнял по выплатам наших пенсионеров ко всем остальным. Теперь и повар на кухне, и проходчик на урановой шахте получают не более 3,5 минимальной зарплаты. Василий Крайненко служил в рядах Советской армии, и льготы по нашему ведомству при расчете пенсии ему действительно не полагаются.

* * *

Даже в зимний солнечный день Василий Петрович без черного зонтика на улице не выходит: от яркого света у него на коже появляются ожоги. Но самое страшное для него — неизвестность. Облучился ли он во время службы в Рудных горах? Связаны ли его болезни с ураном, или это обыкновенная старость? Ответить помогло бы полное обследование. Но этого не предлагали никому из солдат и офицеров, которые служили Родине в Рудных горах.

Да и кто знает, сколько их осталось в живых. Это уже не сказка, а наша жестокая боль.

P.S. Пока материал готовился к печати, специалисты государственного научного центра Института биофизики предложили всем офицерам и солдатам, служившим в АО «Висмут», пройти медицинское обследование. Но предупредили, что финансирование не предусмотрено и обследование может затянуться. Писать нужно по адресу: 123098, Москва, ул. Маршала Новикова, 23, заведующему клиникой Центра Института биофизики на базе 6-й клинической больницы Селидовкину Георгию Дмитриевичу.

Петр Васильевич Прибытков⁶

45 лет работы с урановыми рудами⁷

Это было в далеком 1936 г. При сдаче вступительных экзаменов на физико-математический факультет Ростовского госуниверситета экзаменатор неожиданно предложил мне поступать на геологический факультет. Он так красочно рассказал о романтике геологической работы и жизни геологов, что я, недолго думая, принял его предложение, поступил на геофак и всю жизнь был благодарен ему за то, что он сделал из меня геолога.

П. В. Прибытков.

⁶ Биография П. В. Прибыткова — см.: часть 1, глава 2 настоящего издания.

⁷ Как искали и добывали уран. Сборник статей-воспоминаний ветеранов атомной промышленности. М: Геос., 2002.

К сожалению, после окончания университета работать геологом мне не пришлось. Началась Великая Отечественная война.

Великая Отечественная война

30 июня 1941 г. после сдачи последнего госэкзамена нас, группу геологов, районный военкомат направил в Москву на курсы в академию бронетанковых войск⁸, где мы встретились с полковником, который всем нам предложил поступать на курсы Военно-инженерной академии. При этом он заявил: «Вы все геологи, и вам лучше быть ближе к земле, а нам нужны механики». Так мы оказались на курсах Военно-инженерной академии.

Курсы академии находились на полигоне недалеко от станции Нахабино, где с нами проводили теоретические и практические занятия по саперному делу. Здесь мы строили оборонительные сооружения, мосты, разные постройки, затем их минировали и разминировали, ставили минные поля и т. д. Учеба продолжалась до октября 1941 г. В это время в Москве сложилась сложная обстановка. Рано утром нас построили, и перед нами выступил руководитель курсов, который заявил, что всем нам присваивается воинское звание лейтенанта, и мы поступаем в распоряжение Главного военно-инженерного управления Красной армии. На прощание он пожелал нам победы малой кровью. Так я стал сапером-минером.

В Главном управлении нас распределили по разным районам и объектам г. Москвы. Я был направлен на завод «Манометр». В мою сферу деятельности входила также прилегающая территория. Задание было одно: все минировать и при необходимости взрывать вместе с врагом. Никаких планов отступления не было. В это же время давались и другие задания по минированию и разминированию при обороне Москвы.

После разгрома фашистских войск под Москвой в апреле 1942 г. нас перевели в распоряжение штаба партизанского движения, который направил меня в спецотряд особого назначения при ОМСБОН⁹. В отряде были в основном минеры, окончившие гражданские, преимущественно геологические вузы. Из отряда нас небольшими группами или поодиночке направляли на боевые задания в партизанские отряды или давали индивидуальные задания.

После войны

Завершилась Великая Отечественная война, надо было решать, где работать после демобилизации. Геологи требовались во многих научно-исследовательских

и производственных организациях, поэтому трудностей с устройством на работу не возникало. Однако этот основной вопрос моей жизни снова решил случай.

В октябре 1945 г. в нашу воинскую часть приехал представитель Первого Главного управления, предложивший хорошо оплачиваемую работу по специальности. Более подробно о работе он ничего сообщить не мог, но дал адрес: НИИ-9, директором которого являлся полковник Виктор Борисович Шевченко. После долгих раздумий и посещений других организаций 26 декабря 1945 г. я решил сходить на прием в НИИ-9. В этот же день Виктор Борисович принял меня в своем рабочем кабинете, расположенном в одноэтажном, барачного типа здании. Он подробно расспросил меня о моей жизни, семейном положении, сказал, что я буду работать в области урановой геологии и рекомендовал после демобилизации немного отдохнуть, а 26 января 1946 г. выходить на работу.

Вот так просто я стал работником урановой промышленности и впервые после длительного перерыва приступил к работе по своей геологической специальности. За четыре с половиной года службы в Красной армии после окончания университета многое было забыто, а во время войны, откровенно говоря, я мало думал о геологии, так как она могла и не понадобиться. Но я оказался среди тех счастливых, кто остался в живых. Теперь надо было думать о восстановлении геологических знаний, поэтому в первой половине сорок шестого года мне предоставили возможность практически заново учиться по общей геологии и минералогии, и в особенности по урановой. Большие трудности были из-за отсутствия литературы. По минералогии, кроме книг О. М. Шубниковой по урановым слюдкам, были отрывочные сведения о смоляной руде Яхимова, Обершлемы, Шнееберга, Шварценберга, а также упоминания о канадских месторождениях. Большую помощь в подготовке по урановой геологии оказали лекции, прочитанные выдающимися учеными-геологами: Д. И. Щербаковым, В. Г. Мелковым, С. С. Смирновым и другими.

В мае 1946 г. учеба завершилась, и надо было приступать к практической работе. Снова возник вопрос: в каком районе начинать поисковые геологические работы на уран?

В Советском Союзе к этому времени были открыты небольшие месторождения в Средней Азии (Табашар, Майли-Сай, Адрасман, Уйгур-Сай, Тюя-Муюн), а также на Украине, в Кривом Роге, — Первомайское и Желтореченское, которые на первых порах

могли удовлетворить потребности в уране. Поэтому советское правительство уделяло особое внимание расширению поисковых и разведочных работ на уран не только в Союзе, но и в странах Восточной Европы — Германии, Чехословакии, Болгарии, Польше. В этих странах советские специалисты развернули широкие поисково-ревизионные работы на месторождениях, где ранее отмечалось наличие урана.

К выполнению этих работ были привлечены и геологи НИИ-9 из созданной к этому времени в системе Минсредмаша первой научно-исследовательской урановой геологической лаборатории. Утверждение о том, что научно-исследовательские работы по геологии урана в системе Минсредмаша начались в 1951 г., когда был создан ВНИИХТ, не соответствует действительности. Геологическая лаборатория НИИ-9 проводила работы по урану как в СССР, так и в зарубежных странах с начала 1946 г.

В Германии

В июне 1946 г. руководство НИИ-9 командировало меня и И. В. Чиркова в Восточную Германию для проведения ревизионно-поисковых работ на старых рудниках. Шестого июня вместе с геофизиком из МГРИ Д. Ф. Зиминим мы первыми прибыли в Берлин, затем переехали в Дрезден на базу Саксонской промышленно-разведочной партии Первого Главного управления, а через сутки выехали в Иоганнсгеоргенштадт в распоряжение руководителя рудников А. П. Бахвалова.

Руководство рудников назначило меня геологом шахты Гюнтер и поручило проведение поисково-ревизионных работ в Брайтенбрунне. И. В. Чиркова и Д. Ф. Зимина направили в Обершлему и Шнееберг для проведения ревизионно-поисковых работ, в первую очередь в заброшенных горных выработках штольни «Марк Земмлер», где отмечалась повышенная радиоактивность.

В июле–августе 1946 г. в Германию прибыли З. А. Некрасова (НИИ-9), направленная на Фрайтальское месторождение углей, и Г. Н. Котельников, назначенный геологом шахты Фришглюк в Иоганнсгеоргенштадте. В сентябре приехала М. В. Бесова из НИИ-9.

Справедливости ради надо сказать, что именно эти геологи первыми в очень тяжелых и опасных условиях проводили поисково-ревизионные работы в старых горных выработках. С их участием в августе–сентябре 1946 г. был произведен подсчет запасов урана, который в десятки раз превысил все ранее известные оценки. После этого руководители Саксонского горного управления (так с 29 июля 1946 г. стала называться Саксонская промышленно-разведочная партия) Н. М. Хаустов, Р. В. Нифонтов и С. П. Алек-

сандров без участия исполнителей подсчета запасов и ревизионных работ спешно улетели в Москву для доклада И. В. Сталину и Л. П. Берии. За эту работу именно они, а не исполнители получили звание Героя Социалистического Труда.

На первом этапе поисково-ревизионных работ успешно работали И. В. Чирков и Д. Ф. Зимин. Позже Чиркова перевели на поисковые работы в Тюрингию, где под его руководством были выявлены рудопроявления урана, но московские руководители запретили ему дальнейшее проведение работ.

Однако нашелся человек — новый генеральный директор М. М. Мальцев, не побоявшийся личной ответственности и давший Чиркову возможность завершить эти работы, которые затем привели к открытию крупных урановых месторождений. Как ни странно, но и за эту работу Чирков не оказался среди первооткрывателей месторождений и награжденных работников.

Шахта Гюнтер, где я работал геологом, расположена в краевой части Айбенштокского гранитного массива и пройдена в лежачем боку мощной кварцевой жилы, которая в верхней части была вскрыта штольней. Немецкие геологи надеялись обнаружить здесь минералы элементов пентиметалльной формации (серебро, висмут, кобальт, никель, уран). На верхних горизонтах жила была представлена темными друзовидными щетками кварца, покрытыми сверху гидросидами железа, марганца и хорошо сохранившимися пластинчатыми кристаллами и розетковидными образованиями урановых минералов — отенита и торбернита (фосфатов урана). На нижних горизонтах (100–150 м) друзовидный кварц сменялся темно-серым сливным кварцем, который в результате подвижек был раздроблен на мелкие (щебенкоподобные) кусочки, сцементированные мелкокристаллическим

Участники Великой Отечественной войны геологического отдела ВНИИ химической технологии.

Сидят: В. И. Мальшев, И. П. Шумилин, П. В. Прибытков, А. Е. Солодовиков, А. М. Зайцев. Стоят: М. П. Назаров, Н. К. Дорофеев, М. Д. Михайловский. Москва, 1990 г.

⁸ До 1943 г. называлась — Военная Академия Механизации и Моторизации РККА (ВАММ РККА) им. т. Сталина.

⁹ Отдельная мотострелковая бригада особого назначения НКВД.

отенитом. Предметом нашей работы была добыча урановых минералов. Минералы других элементов пятиметалльной формации не были обнаружены на верхних горизонтах.

Начальником шахты был репатриант Пряхин, горными работами руководил штейгер Леч, переводчиком работал Кольбе. У меня был личный охранник — солдат Советской армии и автомашина с шофером Зигфридом. Пряхин в общении с немцами вел себя грубо, на провинившихся шахтеров по-хулигански ругался, грозил им ссылкой в Сибирь и занимался рукоприкладством. На мои замечания вести себя прилично реагировал раздраженно. Через некоторое время Пряхина освободили от должности и отправили в Советский Союз. После этих событий меня обязали быть начальником шахты и геологом. Отозвали и моего личного охранника. Таким образом, на шахте из советских специалистов оставался только я и несколько месяцев до отпуска работал один. Отношение немцев ко мне было нормально-уважительное. План по добыче урановой руды перевыполняли ежемесячно. Помимо Леча у меня был еще один штейгер — чех. В общем, шахта работала стабильно, но одно ЧП все же произошло: в ночной смене (около трех часов) сломалась заслонка на восстающем, заполненном горной породой, которая завалила штрек, а в нем — троих рабочих. Мы быстро, своими силами, пробрили длинную трубу через горную массу к заваленным шахтерам и установили, что они живы и горная масса к ним движется медленно. У нас уже шла полным ходом отгрузка горной породы, мы подошли к восстающему, поставили новую заслонку и тем самым прекратили поступление породы в штрек. Примерно к шести часам утра шахтеры были освобождены из завала, а авария ликвидирована.

В сентябре 1947 г. я решил взять отпуск и выехать на отдых домой, в Советский Союз, вместе с женой и младшей дочерью Наташей. Старшая дочь Светлана жила у моих родителей. Примерно за двадцать дней до отпуска

меня вызвал генеральный директор — генерал-майор М. М. Мальцев. В начале беседы он расспросил меня о состоянии дел на шахте, об отношении к работе немцев-шахтеров, о моих взаимоотношениях с рабочими. В конце деловой беседы он спросил:

— Где ты собираешься отдыхать?

— Поеду на родину к родителям.

— Предлагаю тебе поехать вместе с женой на отдых в Карловы Вары. Бесплатно.

— Не могу принять ваше предложение.

У меня в Союзе маленькая дочь, ее необходимо навестить, да и родителям надо оказать помощь.

— В Союз я тебя не пуцую: ты не возвращись.

— Но мне нужно к родителям и маленькой дочери.

— Хорошо, поедешь один, а жена с дочерью останутся здесь.

— Если поеду один, то не возвращусь.

— Посмотрим.

К сожалению, в отпуск мне пришлось ехать одному. Снова возник вопрос: где же работать после отпуска? Решил до отпуска — по возвращении из Германии идти на прием к директору НИИ-9 В. Б. Шевченко и с его помощью решить свои проблемы, так как мы все еще числились в штате института, и директор имел право решать, где нам работать.

Виктор Борисович принял меня сразу же, без проволочек. На приеме я доложил ему о результатах работы в Саксонском горном управлении, а затем в «Висмуте», о хороших перспективах расширения запасов урана в Рудных горах. В заключение я рассказал ему, на каких условиях отпустили меня в отпуск и что в Германии в заложниках оставили жену и дочь. После моего сообщения Виктор Борисович спросил:

— Хочешь ли ты возвращаться в Германию?

— Нет, не хочу, — ответил я.

— Тогда после отпуска выходи на работу в институт. Наказывать тебя не будут.

Таким образом, вопрос о работе решился после отпуска без особых трудностей.

Лев Нотович Посик, Ирина Матвеевна Тененбаум

Талант созидателя¹

ПОСИК Лев Нотович (род. 1915). Окончил Московский геологоразведочный институт в 1941 г. по специальности «инженер-геофизик». В 1941–1943 гг. — старший инженер, технический руководитель сейсморазведочной партии Союзного геофизического треста. В 1943–1946 гг. — аспирант МГРИ, сотрудник уранопроискоковой партии. В 1946–1951 гг. — член специальной комиссии, работавшей в Германии по заданию А.П. Завенягина по выявлению, оценке и ликвидации атомного потенциала фашистской Германии. Главный геофизик Советско-Чехословацкого уранового предприятия. В 1951–1955 гг. — главный геофизик, начальник ЦНИЛ уранового предприятия в г. Желтые Воды. В 1955–1990 гг. — старший научный сотрудник ВНИИ химической технологии.

ТЕНЕНБАУМ Ирина Матвеевна (1919–2009). Окончила Московский геологоразведочный институт по специальности «инженер-геофизик» (1941). Участница Великой Отечественной войны. В 1946–1951 гг. — старший инженер-геофизик Советско-Чехословацкого уранового предприятия. В 1952–1955 гг. — старший инженер-геофизик, заместитель главного геолога уранового предприятия в г. Желтые Воды. В 1955–1958 гг. работала в МГРИ. В 1958–1988 гг. — старший научный сотрудник ВНИИ химической технологии.

14 апреля — день рождения одного из выдающихся творцов ядерного века в нашей стране — А. П. Завенягина². С декабря 1944 г. он руководил всеми работами по урану, а с августа 1945 г. и до своей безвременной кончины 31 декабря 1956 г. был одним из ключевых руководителей МСМ³. В то суровое и ответственное время эти посты требовали полной самоотдачи. Внезапная смерть Авраамия Павловича в канун нового, 1957 г., в возрасте 55 лет и 8 месяцев явилась горестным подтверждением этой трагической особенности времени, которое отвела ему судьба и история.

Прошли годы после ухода Авраамия Павловича. Разрушительные ветры перестройки и вынужденный жесткий режим всех работ, связанных с созданием атомного оружия, привели к тому, что широкие массы нашего народа, особенно молодежь, почти не знают об этом подвиге и тем более не знают имен выдающихся ученых-физиков и руководителей промышленности, обеспечивших решение этой исторической задачи. В год столетия Авраамия Павловича только коллектив Норильского ГМК выпустил сборник воспоминаний ветеранов строительства и работы комбината под руководством А. П. Завенягина. К сожалению, коллектив сотрудников аппарата МСМ, работающий в одном из лучших новых административных зданий Москвы, где каждый шаг напоминает об одном из его строителей, несмотря на многочисленные предложения ветеранов, многие годы работавших вместе с Авраамием Павловичем, не смог выпустить свой сборник воспоминаний о его самоотверженной жизни.

Такие провалы исторической памяти

очень опасны для всего народа, и поэтому еще живущие участники тех событий должны сделать все возможное, чтобы восстановить забытые имена творцов этого исторического подвига, начало которого связано с сороковыми годами XX века.

Разносторонне одаренный юноша — А. П. Завенягин уже в 17 лет становится начальником политотдела дивизии, активно участвует в революционных событиях и восстановлении хозяйства страны, разрушенной войнами. В 1933 г. он был назначен директором одной из важнейших строек 1-й пятилетки — Магнитогорского металлургического комбината, а с 1938 по 1941 г. руководил строительством и эксплуатацией крупнейшего в мире заполярного Норильского горно-металлургического комбината, позже названного его именем.

Талант выдающегося организатора и специалиста особенно ярко проявился у Авраамия Павловича в послевоенные годы, когда в период с августа 1945 г. и до своей смерти в конце декабря 1956 г. он был одним из ключевых руководителей работ по созданию ядерного оружия и мирному применению энергии атома.

Судьба подарила мне возможность долгой жизни в ушедшем XX веке и сделала рядовым участником одного из величайших свершений народов нашей Родины — овладения энергией атомного ядра. В далеком 1945 г., когда шли тяжелые бои завершающего этапа Берлинской операции, предельно обострились вопросы обеспечения ураном работ по созданию атомного оружия, так как даже для опытного уран-графитового реактора требовалось, по оценке И. В. Курчатова,

Л. Н. Посик.

И. М. Тененбаум.

¹ Талант созидателя. Памяти Авраамия Павловича Завенягина (к 105-й годовщине со дня рождения). Газета российских атомщиков «Атом ПРЕССА», № 16 (699), апрель 2006. Рубрика ЖЗЛ.

² Биографию А.П. Завенягина см.: часть I, глава 1 настоящего издания.

³ Министерство среднего машиностроения СССР.

около 100 тонн чистого природного урана.

На огромной территории Советского Союза тогда еще не было выявлено ни одного месторождения богатых руд урана, но руководству страны уже было известно из агентурных сведений, что фашистская Германия интенсивно работает над созданием собственного ядерного оружия и, следовательно, располагает необходимыми месторождениями урана, очевидно, на территории, контролируемой ею в Европе.

Уже в начале апреля в МВД СССР поступило несколько предложений от участников работ по атомной проблеме о необходимости сразу же после Победы срочно направить в Германию геологов и специалистов по добыче и переработке урановых руд. В те дни, когда Победа была не за горами, даже очень трудные вопросы решались быстро. 5 мая создается правительственная комиссия в составе 15 человек для направления в Германию с целью изъятия и отправки в СССР всего добытого урана, оборудования, документов, а также специалистов научных учреждений, работавших над созданием атомного оружия. Одновременно начальникам тыла 1-го и 2-го Белорусских фронтов и 1-го Украинского было дано указание обеспечить комиссию охраной, транспортом, жильем и питанием. В комиссию входили: А. П. Завенягин, В. А. Махнев, Ю. Б. Харитон, И. К. Кикоин, Л. А. Арцимович, Г. Н. Флеров, С. Е. Егоров, Б. В. Шевченко, Г. А. Столяров, В. А. Давиденко, М. М. Сапожников и другие, в том числе автор этих строк. Ядро комиссии составляли будущие создатели первых атомных бомб и первой в мире атомной электростанции.

Война еще не закончилась, и всем штатским членам комиссии, учитывая ее высокий ранг, было присвоено воинское звание не ниже подполковника и выдано соответствующее вещевое довольствие.

Утром 7 мая комиссия, за исключением генерал-лейтенанта А. П. Завенягина, на военно-транспортном самолете Ли-2 вылетела в Берлин. Из соображений безопасности пилотам разрешили самый нижний эшелон, что сделало наш полет похожим на малокомфортную поездку на ЗИС-5 по грунтовой дороге. В результате после посадки на военном аэродроме вблизи Карлсхорста у некоторых членов комиссии, особенно у Ю. Б. Харитона, был настолько измученный вид, что их пришлось выносить из самолета. Что касается меня, то после полетов на У-2 над бескрайними степями Казахстана я чувствовал себя вполне удовлетворительно.

Нас разместили в нескольких виллах Карлсхорста, почти не пострадавшего богатого пригорода Берлина, занятого штабом и службами 1-го Белорусского фронта. Все организационные заботы о комиссии Мос-

ква поручила начальнику службы СМЕРШ генерал-полковнику И. В. Серову.

Несмотря на тяжелый перелет, было принято решение начать работу завтра утром. На первом рабочем совещании В. А. Махнев оперативно создал несколько групп, в том числе группу для поисков металлического урана во всемирно известном физическом центре имени М. Планка Академии наук Германии. Возглавил группу будущий трижды Герой Социалистического Труда Ю. Б. Харитон, а составляли ее: Л. А. Арцимович, несколько сотрудников лаборатории И. В. Курчатова, а также подполковник МВД М. М. Сапожников и автор статьи, имеющий единственный на всю комиссию ионизационный гамма-электрометр конструкции своего учителя — профессора В. М. Баранова.

Утром 8 мая два военных «виллиса» с нашей группой в сопровождении автоматчиков отправились в путь.

В безлюдном институте М. Планка нас встретил администратор-немец, очевидно, предупрежденный о нашем приезде. И тут выяснилось, что физики нашей группы практически не владеют живым немецким языком. Мне пришлось срочно мобилизовать мой немецкий, который я изучал в институте и аспирантуре. Нам открыли специальное хранилище в подвале института, за массивной дверью которого лежал заземленный слиток чистого урана массой в несколько килограммов. Все члены нашей группы впервые видели такое количество металлического урана и несколько минут молча смотрели на это еще полутайное творение рук человеческих. В нашем присутствии хранилище было закрыто и опечатано. Затем мы осмотрели оборудование основных лабораторий и кабинетов института, в которых работали великие физики и радиохимики того времени — М. Планк, А. Эйнштейн, О. Ган, Ф. Штрассман и Л. Мейтнер. На все это потребовалось немало времени, и когда мы вернулись к машинам, солнце уже клонилось к закату.

9 мая в 00 час. 43 мин. в Карлсхорсте, в торжественной обстановке, маршал Г. К. Жуков от имени союзного командования подписал акт о безоговорочной капитуляции фашистской Германии. А утром во всех районах Берлина зазвучала, набирая силу, мощная канонада из всех видов оружия в честь долгожданной Победы в величайшей и самой кровопролитной войне XX века! Огонь был настолько интенсивным, что осколки снарядов, мин и пуль, падая на землю, представляли серьезную опасность для жизни прохожих.

Прилетел А. П. Завенягин и сразу собрал всю комиссию для обсуждения организации работ по выявлению немецких специалистов и научного оборудования с целью последующего их перемещения в Советский

Союз. Ситуация, с которой комиссия предварительно ознакомилась, была достаточно сложной. Все ведущие ученые-физики Германии или эмигрировали с приходом Гитлера к власти (А. Эйнштейн, Л. Мейтнер), или в конце войны были вывезены в США. При обсуждении вопроса о немецких физиках, представлявших интерес для комиссии, я, тогда молодой аспирант, молча пытался вспомнить имя немца-вундеркинда, первую книгу которого об электронных лампах я использовал в 1939 г. при подготовке к экзаменам. И вдруг вспомнил: барон Манфред фон Арденне, и робко назвал ее. А. П. Завенягин внимательно выслушал мое не очень уверенное предложение и тут же дал указание проверить его. Служба СМЕРШ оказалась на высоте и быстро сообщила, что этот уже известный немецкий физик, принимавший участие в секретных работах под крышей Министерства почт, находится по адресу Лихтерфельде-Ост в одном из аристократических районов Берлина. Сразу же М. М. Сапожникову и мне было поручено проверить эту информацию на месте, что мы и сделали.

На красивой трехэтажной вилле фон Арденне нас встретили вежливо и со сдержанным любопытством: все-таки два русских подполковника. Мой уже более уверенный немецкий помог нам установить первые контакты с хозяином виллы. Затем он показал нам свою лабораторию в цокольном этаже и пристройке и, главное, линейный ускоритель и один из первых электронных микроскопов, созданных под его руководством. Все это уникальное оборудование было размещено в подземном бункере после начала бомбардировок Берлина. Фон Арденне показал нам и часть жилых комнат виллы, где мы, а затем и другие члены комиссии впервые увидели блистающие белизной и хромировкой холодильник, газовый нагреватель фирмы «Юнкерс» и другое бытовое оборудование. Мы также увидели богатую библиотеку ученого-физика, которая произвела на нас глубокое впечатление. Симпатичный и корректный, он держался с достоинством и охотно отвечал на все вопросы. На главный наш вопрос, желает ли он выехать в Советский Союз, он ответил, что ждал появления русских в Берлине и принципиально согласен на выезд с условием, что практические аспекты будут обсуждены и приняты с участием руководства правительственной комиссии.

После нашего отчета А. П. Завенягину и А. В. Махневу состоялась их встреча с фон Арденне в Лихтерфельде. Переговоры велись при моем участии в качестве переводчика, соглашение было достигнуто, о чем сразу же было направлено сообщение в Москву. По указанию А. П. Завенягина в этих документах было и известное письмо фон Арден-

не на имя И. В. Сталина о его согласии выехать в СССР вместе со своими сотрудниками, что вносило полную ясность в это мероприятие комиссии.

В этот же день А. П. Завенягин поставил на комиссии вопрос о возможном размещении группы специалистов и лаборатории фон Арденне в СССР. Из предыдущего общения с ним в Лихтерфельде я понял, что для него и его семьи (жена и двое детей), а также и сотрудников наиболее привлекательным являлся бы переезд на юг страны, особенно вблизи моря. И тут я очень кстати вспомнил о санатории «Синоп» в Сухуми, где в 1939 г., по стечению обстоятельств, отдыхал после альпинистского маршрута. Уже более уверенно я предложил этот вариант комиссии, и после короткого обсуждения он был признан целесообразным.

Все дни работы комиссии ее члены, включая А. П. Завенягина и В. А. Махневу, практически ежедневно общались между собой, обычно после ужина или позднего обеда. Неофициально обсуждались результаты дня или задачи на завтра. На меня, впервые увидевшего руководителя такого ранга в такой своеобразной обстановке, Авраамий Павлович произвел глубокое незабываемое впечатление. Природа щедро одарила его мужественной красотой и ясным взглядом на жизнь, спокойным характером и, главное, внимательным отношением к людям, что сразу же выделяло его среди большинства руководителей той поры. Люди, работавшие с ним длительное время, не раз говорили мне о его человеческом обаянии, простоте и доступности. Это редчайшее качество — сочетание обаятельного человека и выдающегося организатора — позволяло ему на каждом посту, куда направляло его руководство страны, создавать в своем окружении группы быстрорастущих специалистов-соратников. Эти люди обеспечивали не только эффективное решение поставленных задач, но и преемственность методов руководства коллективами в случае перевода его на другие, более важные для страны посты. Именно это его качество в полной мере проявилось и совершенствовалось в труднейших условиях пятилеток, когда он с 1930 по 1938 г. руководил Московским институтом стали, Ленинградским институтом Гипромез, металлургическими заводами в Днепропетровске, а затем в Магнитогорске. На строительстве НГМК проявились его особые человеческие качества. Именно в эти жестокие годы он, руководя многотысячным отрядом заключенных-строителей, сделал очень много для спасения ученых и специалистов, оказавшихся в этой заполярной ссылке. Всем им была уготована судьба лагерной пыли, но созданное по распоряжению Авраамия Павловича большое проектное бюро

А. П. Завенягин — директор Магнитогорского металлургического комбината.

обеспечило не только высокое качество проектирования рудников, металлургического завода, г. Норильска и порта Дудинка на Енисее, но и спасло жизни многих талантливых людей.

Москва утвердила предложение комиссии по лабораториям М. фон Арденне и других немецких ученых, давших согласие работать в СССР. Генерал-лейтенант А. П. Завенягин и несколько основных членов комиссии улетели в Москву, а оставшиеся продолжали работать в Берлине по утвержденной программе до 18 июля.

Участие в работе комиссии явилось для меня первой уникальной школой оперативной организации работ в сложнейших условиях конца великой войны и начала мира в столице Германии. Именно эта школа и личное общение с членами комиссии вселили в меня, тогда молодого специалиста, уверенность в успешном решении атомной проблемы и затем положительно влияли на мою дальнейшую научно-производственную работу.

Еще в Берлине помощники А. П. Завенягина говорили мне о его исключительной памяти на людей, когда и через несколько лет он узнавал людей, с которыми ранее работал, и просто, по-деловому разговаривал с ними, независимо от служебного положения и длительности прошлых контактов.

Так было и со мной, когда после командировки в Берлин в мае–августе 1945 г. мы вновь встретились на горно-обогатительном комбинате на Украине, в Кривом Роге, осенью 1955 г. Он знакомился с этим новым мощным предприятием после своего назначения руководителем МСМ. На личном приеме в кабинете директора комбината он сразу узнал меня и, коротко, по-деловому переговорив, разрешил мне после почти десяти лет

работы на рудниках продолжить научную работу во ВНИИХТе в Москве.

Следующая встреча с Авраамием Павловичем состоялась в Москве осенью 1956 г. в неофициальной обстановке, я был вместе с женой И. М. Тененбаум. В результате короткого благожелательного разговора был решен вопрос улучшения квартирных условий нашей семьи, за что мы благодарны ему до сих пор.

Работая в Кривом Роге, мы неоднократно бывали в Днепродзержинске, в городе, где в 1932 г. А. П. Завенягин был директором реконструируемого металлургического завода. В конце 40-х гг. ПГУ в комплексе с Криворожскими урановыми рудниками построило здесь новые мощные химические производства и новую часть города. Это были зримые памятники созидательной энергии Авраамия Павловича и его помощников в различные периоды преобразования нашей Родины.

И, наконец, последнее, личное. В январе 1957 г. в Октябрьском зале Дома Союзов мы с женой прощались с Авраамием Павловичем. Это было одно из самых тяжелых пережитых нами прощаний, слишком велика была утрата. Уходило и чувство уверенности в том, что есть на свете сильный и справедливый человек, который в самых трудных обстоятельствах не откажет в помощи и поддержке. В тот же день его прах был похоронен в Кремлевской стене, недалеко от мавзолея. Его имя присвоено Норильскому ГМК, улицам и площадям в Норильске, Магнитогорске и Донецке. В Норильске установлен и его бюст. И если в атомградах, построенных под его руководством, еще нет памятников этому выдающемуся человеку и руководителю, то есть еще время, чтобы отдать дань его светлой памяти.

Анна Матвеевна Назаркина

А. М. Назаркина.

Моя женская судьба и жизнь до 2008 г. сложились вполне благополучно. Моим мужем и спутником на всю жизнь стал одноклассник и моя школьная любовь Валя Назаркин. В старших классах это был серьезный, умный, малоразговорчивый и необычайно привлекательный молодой человек.

Тот, кто отобрал его из выпускников Казахского горно-металлургического института для работы в «Висмуте», не ошибся. Со временем Валентин Павлович проявил себя талантливым организатором и руководителем в новой отрасли горной промышленности, отрасли важной и сложной, где все вопросы производства приходилось решать заново.

Отдаваясь целиком работе, в семье он оставался любящим, чутким, заботливым

мужем и отцом. Мы с ним были счастливы.

После получения высшего образования Валентин Павлович стал горным инженером, а я, как написано в дипломе филологического факультета университета, — преподавателем вуза. Шестого апреля 1951 г. мы расписались в загсе Алма-Аты (сейчас Алматы) и стали мужем и женой. Сыграли веселую студенческую свадьбу из горняков и филологов. Вся жизнь впереди! В ГДР приехали врозь, хотя нас обоих в 1951 г. оформили для работы за границей, как и многих молодых специалистов-горняков из институтов Ленинграда, Москвы, Свердловска, Алма-Аты, Тбилиси, еще в период написания дипломов. Все было предельно засекречено. К месту работы Валентин Павлович уехал в середине лета. Меня начали оформлять как члена семьи лишь

после того, как мы зарегистрировались. Я успела месяц поработать в Алма-Ате.

В конце сентября пришла телеграмма из Москвы: «Срочно следуйте к месту работы мужа. Печенев» (надо полагать, инспектор по кадрам ОК). Мои родители были очень обеспокоены таким быстрым развитием событий, предстоящей дальней дорогой в неизвестность. Ведь я, кроме Алма-Аты, нигде не была.

Валентин Павлович уже с места работы торопил московскую администрацию, просил ускорить прибытие жены, а мне писал, что здесь все спокойно и отлично, ждет с нетерпением. К тому же он знал, что у нас будет наследник. Сын Виктор родился уже в зигмарском госпитале 16 апреля 1952 г. До сих пор в его паспорте место рождения обозначено как г. Карл-Маркс-Штадт, Германская Демократическая Республика. Он не стал этого менять. Так и живет, и никто не удивляется.

В то время прибытие в «Висмут» новых сотрудников и членов их семей было организовано так: поезд приходил во Франкфурт-на-Одере, там «своих» из этого поезда встречал сотрудник и вез в уютную гостиницу в пригороде Хемница, то есть в Зигмаре. Люди там отдыхали и ждали, когда за ними с Объектов придут машины. Мне нужно было ехать в Аннаберг. Валентин меня встретить не мог, он работал, да еще и задержался на совещании. Но машина за мной пришла, и меня привезли в семью нашего земляка, казахстанца Юрия Мальченко. Это были симпатичные люди, мои знакомые. У них я дождалась мужа. Мы радостно встретились и пошли к себе домой в соседний дом. А рано утром за Валентином Павловичем пришла машина, и он уехал на работу, на шахту, наверное, на планерку. Началась моя заграничная жизнь. Надо было осматриваться, знакомиться.

В Аннаберге советские сотрудники жили на небольшой улочке на окраине в нескольких двух–трехэтажных домах (не виллах). Дома простые, разные по конфигурации, как бы оставленные разными хозяевами. Во дворе волейбольная и городошная площадки (наши). Квартиры в домах удобные, светлые, но небольшие — от 14 до 20 кв. м. Я хорошо помню двухэтажный домик, где была наша квартира, на 2-м этаже справа. А слева жила немецкая семья, но ее почти не было видно.

Аннаберг — город с древней историей. В войну не пострадал. Стоит на крутых холмах. Улицы покрыты брусчаткой, неширокие, то спускаются далеко вниз, то поднимаются вверх. В середине — площадь, от которой идет торговая улица, узкая, сплошь застроенная магазинами целых семейных поколений (за прилавком бабушка, помога-

ет внуку и т. д.). Строения добротные, массивные, без промежутков между домами. На высоком месте стоит известный огромный каменный собор.

Висмутовское управление и клуб размещались в двух больших капитальных городских зданиях недалеко одно от другого. Через дорогу отдельно была столовая — уютный небольшой дом. В этой столовой однажды откусал Вячеслав Молотов, посетивший Аннаберг в нашу там бытность.

Говорили, что он попросил только вареную свеклу с подсолнечным маслом, а все, что наготовили высокому гостю жены руководителей Объекта, потом два дня ели молодые жизнерадостные горняки-специалисты.

На Объекте была хорошая группа девушек и молодых женщин — экономистов, плановиков, бухгалтеров, работников 1-го отдела.

По вечерам ходили в клуб танцевать, слушали музыку, мужчины играли в бильярд. Была и самодеятельность, даже ставили пьесы. Это поощрялось. Главное, что запрещалось, — это нерабочие контакты с местным населением. Об этом строго предупреждали.

Ну а мне надо было привыкать к новой жизни, к новым обстоятельствам, да еще в моем положении. Валентин Павлович много работал. Рано уезжал, поздно приезжал. Вечером иногда ходили с ним в клуб. Он хорошо играл в бильярд. Кино, кажется, не было, не показывали. Мне уже пора было шить более широкую одежду. Но готовых вещей тогда в магазинах не продавали. Рулонами лежали ткани разного качества, и было несколько пошивочных мастерских, видимо, оставшихся от довоенного времени. Шили отлично. Мастерские были, конечно, частные, как сейчас говорят, семейный подряд во главе с пожилым, внимательным и предельно вежливым мастером, который принимал заказ. Спокойная благожелательная обстановка. Прекрасно шили мужские костюмы. Делали даже с брюками галифе (ведь от войны еще далеко не ушли — на дворе было начало пятидесятых), но покрой был не военных времен, а какой-то благородный, из плотной ткани табачного цвета, хорошо смотрелось.

В мастерской женского платья можно было заказать вещь с тончайшей вышивкой, аппликацией. Наверное, такие работы отсылали куда-то, где делали вышивку, а потом уже изделие дорабатывали в мастерской. Я долго берегла два таких платья, знала, что такие мне больше нигде не сделают. И еще в Аннаберге на торговой улице была маленькая мастерская, или магазинчик, где две пожилые женщины вручную вязали платья

Вячеслав Молотов посещает рудник.

из шерстяных ниток. Просто восхитительные вещи получались.

А потом, когда мы через годы снова посетили Аннаберг, то этих мастерских уже не было. В магазинах появилась готовая продукция, но не штучная, а фабричная, и уже совсем другого качества.

Так, это было небольшое отступление...

А теперь следует рассказать об одном важном событии, которое произошло в этот период в нашей с Валентином Павловичем жизни, неожиданно, как в сказке.

В октябре того же 1951 г. меня вдруг пригласили на прием к генеральному директору. Поехала. Генеральный (в то время это был Михаил Митрофанович Мальцев), познакомился со мной, поговорил и предложил поработать в отделе кадров, учитывая мое гуманитарное образование.

В то время на каждого уезжающего в отпуск сотрудника начальник отдела писал характеристику, по которой определяли, стоит ли этого человека в дальнейшем, то есть после отпуска, использовать на работе в «Висмуте».

Такие многостраничные документы готовились постоянно на всех выезжающих, и они шли отдельным путем. То есть уезжая в отпуск, человек не знал, вернется ли. Так было. Позже это неудобство отменили.

Директор сказал, что в этих документах у нас случаются ошибки,

надо все проверять, при необходимости исправлять, следить за их продвижением. Я согласилась, сказала, что смогу выполнять такую работу, но у меня будет ребенок. На это он ответил, что когда понадобится — дадим няньку, не беспокойтесь.

И уже 6 ноября 1951 г. был подписан приказ, и мне оформили трудовую книжку. В ней написано, что с 10 ноября 1951 г. я зачислена на должность инспектора по кадрам шахты заграничного предприятия и работала по 5 марта 1957 г., когда была освобождена от должности по окончании срока заграничной командировки. В промежутке между этими датами мы несколько раз съездили в отпуск в нашу красавицу Алма-Ату. А отпуск тогда у висмутян составлял 45 рабочих дней плюс 6 дней на проезд.

Итак, я стала ходить на работу, быстро ее освоила, познакомилась с людьми, мне дали в помощь скромного солдатика по фамилии Сорокотяга. Приходилось часто ездить с бумагами в «центр», то есть в Зиг-

мар. Если Валентина Павловна переводили на другой Объект, то и мне находилась там работа: занималась составлением карточек на немецких рабочих. После Аннаберга Валентин Павлович был переведен в Иоганнсбург, где мы пробыли примерно год. Однажды меня причислили к большой шахте, где начальником был человек по фамилии Слободянин. Он ввел правило: тем, кто в данный момент не особенно загружен, обязательно посещать шахту, спускаться и подниматься по восстающим — этим узким длинным колодцам с висящей лестницей. Даже ноги немели, и было страшновато. Но, наверное, это было уже после рождения сына. Здесь следует сказать о моем «нерабочем» контакте с доброй немецкой женщиной в Аннаберге. Мой новорожденный ребенок, выписанный домой, оказался без еды. У меня не было молока. Он плакал всю ночь, а уже утром была катастрофа. Я не знала, что делать. Врача на Объекте тогда не было, она приехала позже. Я вышла с коляской на улицу и стояла около входной двери, утирая слезы. В это время из двери нашего дома вышла немецкая женщина лет 50–60, высокая, суровая, с бутылочкой молока в руке. Она молча отодвинула от коляски мои руки и дала ребенку бутылочку с делениями и соской. Малыш мгновенно выпил молоко и тут же уснул. Женщина показала на бутылочку, что и как дальше делать, какие пропорции, какая должна быть температура жидкости и сказала, где купить эти бутылочки. И без знания языка все было понятно. Я горячо поблагодарила мою спасительницу. И у меня быстро все наладилось. У нашего Виктора с той поры всю жизнь хороший аппетит. Он шутит, что все идет из глубокого детства.

Для работающих сотрудников на Объекте были созданы группы по изучению немецкого языка. Посещение было обязательным. Упор делался на знание разговорного языка. У нас было два квалифицированных немецких преподавателя. А мы, с разными национальностями и различным уровнем образования, изучали язык охотно и оживленно.

Был в группе Иван Буря, отвечающий за транспорт на Объекте, — плотный симпатичный украинец средних лет. Произнести слово «ферштеен» у него не получалось — только «хверштеен». Преподаватель никак не мог добиться от него правильного произношения. Буря взял несколько немецких, подходящих ему для работы слов, и стал произносить их по-своему. Одно из них я запомнила. Если спортсмены просили автобус, чтобы срочно доехать до места соревнований, Буря говорил: «Нет, дать не могу, мне — рыгаль (так он произносил немецкое слово *egal* — все равно), что вам нужно срочно», — причем «г» было глухое, украинское.

Небольшая группа грузин — выпускников горного института — почему-то не знали русского языка, а уж немецкого — тем более. Их ставили на менее ответственные должности, но ситуации случались разные. Так, один из них прибыл по заданию на шахту по линии ОТК и стал беседовать с начальником. Тот его послушал, ничего не понял и сказал немецкому переводчику: «Эрик, спроси, чего он хочет». Эрик спросил, послушал и сказал: «По-моему, это ваш». Это были ребята яркие, громкие, но доработали до отпуска и назад не вернулись.

А у Валентина Павловича на шахте работал крупный грузин средних лет, с усамми, звали его, кажется, Акакий. Они вместе с Валентином Павловичем утром уезжали на машине. Не знаю, в какой он должности работал, но Валентин Павлович был им очень доволен. У него была семья — жена и трое маленьких детей. Отец утром их всех закрывал в квартире и спокойно уезжал на весь день, объясняя это тем, что жена все равно никуда не пойдет, она говорит только по-грузински: «А я продукты беру вечером, и с детьми мы гуляем тоже вечером».

Со мной тоже случился небольшой конфуз в группе по изучению немецкого языка. Преподаватель как-то спросил, почему у меня при произношении немецких слов слышится французский пренонс. Я неосторожно ответила, что в студенческие годы изучала французский язык. Преподаватель сразу оживился и... бегло заговорил со мной по-французски. От неожиданности, да и вообще оттого, что без практики все забылось, я совершенно не поняла речь преподавателя. А ведь изучение иностранного языка велось три года. Немного разговаривали, был хороший, как нам казалось, словарный запас, писали сочинения. И все впустую? Остался один пренонс. Но когда поет Мирей Матье, то отдельные слова правильно понимаются.

В 1956 г. Валентин Павлович был переведен в 7-й (производственный) отдел, и мы стали жить в Зигмаре, на вилле, недалеко от улицы Оберфрунауэр. У нас появилась обещанная няня — фрау Рут Бретшнайдер, крепкая немецкая бабушка вместе с изящным деликатным мужем. Муж топил в подвале печку, обогревающую дом, а Рут занималась с нашим Витей, который узнал много немецких слов и даже целых предложений из словаря фрау Рут.

Время от времени виллу посещал хозяин — крупный пожилой бюргер, у которого, видимо, «Висмут» ее арендовал. Он проверял все ли в порядке и справлялся, когда мы освободим дом. Тогда многие висмутовские семьи жили в частных домах. Наверное, поселок вместе с клубом и библиотекой еще не был построен.

Однажды в жизни шахты № 78 произошла трагедия. В деталях она забылась, но напишу то, что сохранилось в памяти. Автобус с советскими сотрудниками утром ехал на работу и, проезжая трудный участок узкой горной дороги (с одной стороны каменная стена, а с другой, метрах в семи ниже, узкоколейная железная дорога), на повороте упал вниз. Немецкий шофер, опытный, уважаемый всеми сотрудниками, погиб, а экономист шахты Рая Свиридова, которая сидела на первом кресле сразу же за спиной шофера, осталась на всю жизнь парализованной. У нее было живое лицо с серыми лучистыми глазами и немного двигалась одна рука. Диагноз врачей надежд на улучшение не давал. Ее муж Виктор Михайлов, тоже сотрудник «Висмута», не отходил от Раи. Все понимали серьезность положения. Кроме того, Рая была беременна. Ребенка решили оставить: другого выхода не было.

Команда «Висмута» после соревнований в Берлине, третья справа — А.М. Назаркина (1967 г.)

Остальные сотрудники — молодые ребята — с травмами различной тяжести были госпитализированы, а когда поправились, то как-то быстренько на своих симпатиях переженились (сыграли несколько свадеб), видимо, поняли, что жизнь дается одна, надо все успеть, нечего тянуть. Вернулись к работе.

Ну а Раю самолетом отправили в Москву, надеялись, что наши врачебные светила помогут. Однако ничего нового там не предложили, и ее вернули в «Висмут», чтобы ребенок родился здесь, где достойный уход и любая помощь были обеспечены. Рая держалась мужественно. Все ее навещали и поддерживали. У нее родилась дочка Любочка. Всю остальную довольно долгую жизнь Рая прожила у родителей в Казахстане, в Семипалатинске. За ней ухаживала ее сестра: родители были уже

Встреча ветеранов-шахтеров (Alte Kumpel) В. П. Назаркина и Адольфа Нестлера в Гере (1972 г.).

пожилыми людьми. Любочку Рая от себя не отпускала, ребенок рос у нее на глазах, и это было стимулом в ее тяжелой однообразной жизни. Рая дожидая до замужества дочери. А потом она позвонила нам последний раз, чтобы попрощаться. Мы с Валентином Павловичем всегда помнили и вспоминали Раю. Теперь вспоминаю я одна.

Министерство (Средмаш) установило ей специальную пенсию, оплачивало санаторно-курортное лечение на Кавказских Минеральных водах и медицинское сопровождение, поскольку Раю перевозили на носилках. Во время пересадки в Москве ей всегда помогали наши мужчины, те, кто в это время там находился и знал проблему. Грязелечение и минеральные ванны на какое-то время облегчали ее состояние, но это было нечасто, так как перелет на длительное расстояние, да еще с пересадками, для такого больного человека был очень труден.

В пятидесятые годы советским специалистам «Висмута» разрешались организованные экскурсии в Берлин на большом автобусе. По дороге военные (наши) дважды проверяли документы. Автобан был отличным: его, видимо, берегли и не бомбили. В городе еще долго шли различные ремонтные работы, но улица Унтер-ден-Линден уже была готова и по архитектуре зданий очень напоминала улицу Горького в Москве. На ней находилось наше посольство. Известно, что Берлин был поделен на зоны. Бранденбургские ворота и Рейхстаг мы могли видеть издалека, с нашей стороны границы метров за 500. До них шла запретная полоса,

В. П. Назаркин со специалистами (первый слева — главный инженер «Висмута» Л. П. Бородин) на механическом заводе Кайсдорф знакомятся с образцами новой техники (1988 г.).

были видны полицейские. Рейхстаг был оббит снарядами, но здание сохранило форму и стояло мрачно и крепко. Были видны надписи наших солдат, но прочесть их было невозможно.

Мы всегда посещали мемориальный комплекс в Трептов-парке — воинам, погибшим при взятии Берлина. Там похоронено 5 тыс. человек. Поднимались на высокий холм к монументу воину-освободителю с немецкой девочкой на руках работы скульптора Вучетича. Все сделано в граните, на века. Мемориал посещали тысячи людей, в том числе множество немецких жителей, приходили семьями с детьми, осматривали тихо, переговариваясь. Экскурсии в Берлин были редким событием. Иногда ездили на концерт наших артистов. Видели там балерину Уланову с группой солистов Большого театра. Она была уже в возрасте, но прекрасно станцевала умирающего лебедя. Зал встал. Вообще немцам тогда в диковинку были наши танцевальные ансамбли, а пляски просто восхищали.

В первый наш отпуск мы поехали летом 1952 г. До нашего выезда неделю шел дождь, и речушка Хемниц, с забранными в камень берегами, переполнилась, вышла из берегов, и город (правда, не весь) по колено оказался в воде. Когда мы ехали по Цвиккауштрассе, то колеса нашей большой машины наполовину были в воде, а некоторые жители города даже плавали на резиновых лодках. Потом через Москву на самолете мы прилетели в нашу солнечную Алма-Ату, отлично провели отпуск и уговорили родителей оставить ребенка у них в натуральном хозяйстве и прекрасном климате. Тем более что в следующем году в Берлине и других городах произошли волнения рабочих и, хотя это враждебное событие мало коснулось предприятий «Висмута», около Генеральной дирекции временно были установлены танки. Охраняли.

В марте 1957 г. закончился наш первый срок пребывания в «Висмуте». Мы стали жить и работать в Алма-Ате, где 13 июня 1960 г. родился наш второй сын Женя, который пошел в первый класс опять же в «Висмуте», потому что Валентин Павлович в 1963 г. был снова направлен на работу в ГДР. В основном он работал начальником производственно-технического отдела Генеральной дирекции СГАО «Висмут». Жили мы в Зигмаре.

В декабре 1968 г. его вызвали в министерство и предложили работу главного инженера 8-го Управления Центрального аппарата. Начался московский период нашей жизни, который продолжался до 1982 г. К этому времени наши сыновья уже окончили институты: Виктор — МФТИ, Евгений — МИФИ.

В конце 1981 г. Валентину Павловичу

вновь предложили поехать работать в ГДР, теперь уже в качестве главного инженера, а позже — первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут».

Затем произошли события, которых не ждали. В нашей стране началась так называемая перестройка. КПСС утратила силу и власть.

В 1990 г. обе части Германии объединились, а год спустя «Висмут» как советско-германское общество прекратил свое существование. Валентину Павловичу пришлось заниматься сокращением аппарата и обеспечением отъезда на Родину советских специалистов.

8-е Управление в министерстве закрылось. Произошли различные реорганизации. Подошло время нашего отъезда домой.

19 мая 1993 г. я присутствовала в клубе на последнем прощальном «посошке» Валентина Павловича со своими друзьями и коллегами по работе в СГАО «Висмут».

Вот какие проникновенные слова сказал Валентин Павлович в этот грустный час прощания:

— Уважаемые господа!

Прежде всего, я хотел бы поблагодарить вас за то, что нашли время и пришли сюда «на посошок», как говорят по-русски при прощании.

Почти с каждым из вас меня связывают долгие годы совместной работы в СГАО «Висмут».

Для меня, да и для многих из вас почти вся трудовая деятельность связана с «Висмутом». А это — две трети прожитых лет!

Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производился уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться!

И я от всей души сердечно благодарю

вас, господа, или проще, дорогие коллеги, друзья, за долгие годы совместной работы, за ту помощь и поддержку, которые я всегда получал от вас.

Все мы, сидящие здесь, за небольшим исключением, являемся ветеранами «Висмута».

И мне есть, что сказать каждому, каждого поблагодарить отдельно. Но я не буду вас утомлять. Еще раз говорю: огромное вам спасибо за все.

Но все же двоих я хотел бы назвать персонально: самого старшего из присутствующих, с которым я начинал работать в «Висмуте» более 40 лет назад, и самого молодого, с которым завершил в 1991 г. работу в «Висмуте».

Это мой дорогой друг, бывший оберштейгер 78-й шахты в Аннаберге Пауль Буркерт, который уже три года как перешагнул 70-летний рубеж.

И второй — Йоханнес Варга, который на последнем этапе работы в «Висмуте» оказал мне неоценимую помощь.

Благодарю вас еще раз, друзья.

Послезавтра рано утром мы вместе с супругой покидаем Германию.

У нас на всю жизнь останется приятное воспоминание о пребывании на немецкой земле, о совместных делах, о дружеских встречах, коллективных вечерах. И о многом, многом другом.

Хочу пожелать вам всем и вашим семьям доброго здоровья.

Тем, кто трудится, — успехов в работе в жестких условиях рынка, которых мы, к сожалению, не знали.

А тем, кто на пенсии, — спокойной и благополучной жизни.

За ваше здоровье, друзья. Глюк ауф!

«Посошок» с друзьями. Справа: Лев Бородин, Валентин Назаркин, Владимир Кузин, Василий Сапрыкин, Готхард Штарк. Слева: Хорст Бельманн, Альфред Родэ, Фрайтаг, Фляйшман.

В. П. Назаркин.

Петр Ильич Митрофанов

П. И. Митрофанов
в студенческие годы.

13 января 1999 г. московская газета «Известия» статьей Юрия Снегирева «Тайна Рудных гор» раскрыла еще одну из великого множества тайн Кремля сталинской поры. А 13 марта музей истории Национального горного университета посетил наш выпускник 1951 г. П. И. Митрофанов. После нескольких обязательных в таких случаях фраз Петр Ильич спросил, есть ли в новых изданиях по истории горного института сведения, что его выпускники принимали участие в добыче урана в Германской Демократической Республике (ГДР). Говорю: «Нет, так как подобные дела имели пометку “совершенно секретно”, а теперь, когда за разглашение этой тайны за давностью лет никто не будет наказан, наверное, некому об этом рассказать».

Петр Ильич порадовал меня, сказав, что двое участников упомянутых событий еще живы: он и Анатолий Александрович Гриценко, который сейчас проходит курс лечения в больнице им. Мечникова. В ответ на мою просьбу Петр Ильич много чего поведал о тайне Рудных гор (Erzgebirge): «В начале 1951 г. в Днепропетровский горный институт прибыл из Москвы член правительства Н. И. Дунаев с задачей отобрать из числа пятикурсников представителей нескольких специальностей для работы в Болгарии или Чехословакии. Человек 30 или 40, которые были отобраны, написали автобиографии, заполнили листки по учету кадров, показали несколько фотокарточек. К этим документам прибавили характеристики. После этого органы госбезопасности несколько месяцев собирали информацию о кандидатах для заграничной командировки. Итогом их работы было то, что из нескольких десятков были признаны достойными лишь десять человек. Во время второго посещения ДГИ Н. И. Дунаев составил небольшую комиссию, которой директор П. Г. Нестеренко лично представлял каждого, кто прошел «сито» КГБ:

1. Горбенко Василий Иванович — из семьи шахтера, был комсоргом группы, во время производственной практики показал себя рационализатором.

2. Гриценко Анатолий Александрович — сын железнодорожника, имеет отличные характеристики с производственных практик, на шахте может быть начальником участка.

3. Иванова Галина Николаевна — училась успешно, была депутатом Жовтневого райсовета, будет хорошим инженером-экономистом.

4. Каменев Юлий Григорьевич — до института имел шестилетний опыт работы

в горной промышленности, был сталинским стипендиатом.

5. Кольцов Вилен Михайлович — из семьи военнослужащего, был комсоргом группы и секретарем курсового бюро ВЛКСМ, учился успешно, имеет отличные характеристики с производственных практик.

6. Кривошеин Константин Николаевич — участник и инвалид Великой Отечественной войны, дисциплинированный, состоящий в браке, имеет хорошую характеристику с производственной практики, будет хорошим горным инженером-электромехаником.

7. Митрофанов Петр Ильич — дед и прадед были горняками, участник войны, комсорг факультета, имеет отличные характеристики с производственных практик.

8. Муравьев Лев Васильевич — в институте имел трудовой стаж, учился хорошо, будет хорошим специалистом по разработке пластовых месторождений.

9. Начиненый Андрей Андреевич — поступил в институт в 1939 г., но был мобилизован на воинскую службу моряком Балтийского флота, потом летчиком-истребителем, хорошо учился, принимал участие в спортивных соревнованиях штангистов.

10. Чурин Георгий Семенович — из семьи партработника, учился хорошо, был членом курсового бюро и внештатным инструктором райкома комсомола.

То, что говорил о любом из нас Петр Григорьевич, нам было известно, а материал из справок КГБ привел в удивление глубиной изучения наших родственных корней. Таким образом, все десять человек знали еще до защиты дипломных работ о заграничной спецкомандировке. Все мы желали, чтобы это была Болгария или Чехословакия. А я даже запяса рекомендательным письмом от нашего студента из Болгарии к его родственнику, который руководил там одним из горнодобывающих предприятий.

В июле нас вызвали в Москву и сообщили, что мы должны ехать в ГДР. Следствием нашего негодования был приказ явиться в отдел кадров ЦК КПСС в Орликовом переулке. Зав. отделом Ястребов заявил, что за такое необдуманное поведение мы можем попасть на Чукотку, где никогда выше горного мастера не поднимаемся. В скором времени нам стало известно, что мы подчинены ГУСИМЗу (аббревиатура Главного управления советского имущества за границей при Совете Министров СССР). ГУСИМЗ вело дела советско-немецкого акционерного общества «Висмут», которое занималось добычей урановой руды в ГДР. Но лишь из га-

зеты «Известия» я узнал: в уставе «Висмута» было оговорено, что первые десять лет вся его продукция будет отправляться в СССР».

В «Немецкой Сибири»

Земля Саксония, которая занимает предгорья и Рудные горы и граничит с Чехией, по климатическим условиям (продолжительная зима, северные ветры, повышенная влажность) в шутку называется Немецкой Сибирью. Чешская часть этих гор имеет другое название, которое подтверждает правомерность сравнения с Сибирью — Krušné hory, что в переводе с чешского означает «Тяжелые горы». Тем не менее за внешнюю красоту эти края в туристических проспектах называют Саксонской Швейцарией. Рудные Тяжелые горы тянутся почти на 150 км. Высочайшая вершина — 1244 м — находится на территории Чехии. Северные склоны гор пологие, южные — крутые, и те и другие покрыты смешанными лесами. Весной 1952 г. П. И. Митрофанов был удивлен отсутствием птичьего шума в лесу. С течением времени он понял, что радиация убивает насекомых, поэтому птиц нет.

В недрах гор, как в Германии, так и в Чехии, открыты и разрабатываются месторождения серебра, свинца, цинка, висмута, вольфрама. Горное дело здесь возникло еще в конце XIV века. На западе Саксония граничит с землей Тюрингия, которая по щедрости недр мало уступает своей соседке.

Советский Союз, пользуясь режимом оккупации Восточной Германии, в первые послевоенные годы осуществил разведку шурфами в Саксонии и Тюрингии с целью поиска урановых руд, так как уже было известно, что Рудные горы имели богатейшие в Европе залежи этого сырья. К разведке, а потом и сооружению шахт, штолен и карьеров были привлечены выпускники Ленинградского и Московского горных институтов и инженеры-горняки московского Метростроя. Когда на смену метростроевцам прибыли наши выпускники, в Саксонии и Тюрингии было много упомянутых сооружений и советских воинских батальонов рядом с ними. По приказу Кремля с организацией добычи урановой руды так спешили, что много разведочных шурфов, в особенности вдоль границы ГДР с ФРГ, в районе городов Зонненберге, Зуль, Майнинген, Айзенах, оставили незакопанными. Когда факты о животных, которые случайно падали в шурфы, начала освещать пресса, правительство ГДР потребовало от Москвы, чтобы шурфы были закрыты, и А. А. Гриценко некоторое время руководил операцией по их закрытию. О размерах добычи урановых руд можно лишь догадываться. В рассказах П. И. Митрофанова и А. А. Гриценко упоми-

наются Объекты: первый, второй, шестой, девяностый. Объект 1 — это комбинат в районе г. Иоганнсгеоргенштадт с шахтами № 31, 31-бис, 54, 254, 277 и 362. Объект 2 находился вблизи г. Ауэрбах. Объект 6 (Цобес) — недалеко от г. Плауэн. Объект 90 был расположен в районе окружного г. Геры. Этому Объекту подчинялись шахты, штольни и большой карьер близ городков Шмирхау, Лихтенберг, Роннебург и Гауэрн.

На первый Объект попали сразу трое — А. А. Гриценко, П. И. Митрофанов и А. А. Начиненый. Потом судьба развела их по разным Объектам: А. О. Гриценко — на Объект 90, а П. И. Митрофанова — на Объект 3. Г. Н. Иванова с июля 1951 по май 1955 г. работала на Объекте 90, где и встретила свою судьбу — выпускника Ташкентского университета О. И. Муромцева.

Интенсивность работы была очень высокой. За каждым советским инженером закрепляли по 5–6 забоев, главный инженер шахты обязан был быть на нарядах всех трех смен, то есть работал с утра до ночи. Вольнонаемные немцы, празднуя Рождество или Пасху, по семь дней не выходили на работу. В такие дни советские инженеры работали с утра до ночи, чтобы не дай бог не допустить срыва выполнения плана шахтой, который достигал 25–30 тонн руды в месяц. Петр Ильич в такие дни был за взрывника, и не раз случалось, что за ящик высококачественной руды — урановой смолки — он получал от 50 до 100 марок. После обогащения руду транспортировали в Советский Союз.

Служащие госбезопасности требовали внимания и недоверия к вольнонаемным немцам, поэтому в забоях бывали значительно чаще и дольше.

«Работали на износ. Выходишь из шахты, а тебя качает. Надо хотя бы минуту постоять, подышать, прежде чем идти дальше, — говорил П. И. Митрофанов. — И вдобавок никакой защиты от облучения не было. Первые два года по условиям работы, продолжительности рабочего дня, под постоянным надзором, с возможностью обвинения в благосклонности к немцам для советских специалистов на урановых рудниках ГДР были сибирской каторгой. На еженедельных политинформациях полковник КГБ постоянно с кого-то из нас снимал стружку; за малейшую провинность грозил высылкой в Союз».

Тем не менее материальное обеспечение для советских инженеров, которые пережили голодоморы 1933 и 1947 гг., было райским. Отпуск — 45 рабочих дней, дополнительный оклад — от 1300 до 2500 марок, путевки в санатории. Через несколько месяцев после смерти И. В. Сталина условия работы и жизнь в целом для советской колонии

П. И. Митрофанов.

в ГДР начали изменяться к лучшему: можно было общаться с немцами, заходить в их магазины, совершать экскурсии по ГДР, а позже — в ФРГ и во Францию.

«В 1953 году на Объект 1 поступило несколько радиометров — счетчиков Гейгера, — рассказывал Петр Ильич. — Выяснилось, что мы уже слишком облучены. Нас немедленно обследовали врачи, отправили в госпиталь в Зигмар-Шенау, где делали нам уколы и прописывали ванны, а потом мы были на курорте Брамбах».

В 1953 г. в ГДР отправились еще трое выпускников ДГИ — Виталий Маркович Корсунь, Аркадий Иванович Котельщик и Сергей Пантелеевич Харченко. В студенческом деле В. М. Корсуня в архиве НГУ сохранился ответ директора горного института П. Г. Нестеренко на письмо начальника отдела кадров 8-го Управления ГУСИМЗа, датированный 21 мая 1953 г., с характерным для того времени адресом: «Главпочтамт, п/я 1051, тов. Дунаеву Н. И. Москва»: «Направляю необходимые материалы на молодых специалистов-геофизиков, которых мы рекомендуем».

Где-то через полгода после смерти Сталина управление «Висмутом» было передано союзному Министерству среднего машиностроения (Минсредмаш), куда обращались по различным вопросам наши спецкомандированные. Из десяти выпускников 1951 г., которые работали в ГДР, в живых осталось только двое. Ю. Г. Каменев и К. Н. Кривошеин умерли от инфаркта, А. А. Начиненый — от рака желудка, Г. Н. Иванова-Муромцева — от инсульта. В. М. Корсунь работал в должности геофизика комбината «Цобес», а позднее был представителем СССР в ЮНЕСКО (Париж). По свидетельству П. И. Митрофанова, геофизики облучались больше, чем инженеры шахт. В. М. Корсуня давно нет на этом свете. Маловероятно, чтобы А. И. Котельщик и С. П. Харченко были живы.

На смену выпускникам ДГИ в 1957 г. в ГДР прибыли выпускники Криворожского

Василий Дмитриевич Марюнин

Учась в Московском автомеханическом институте, в конце 1949 г., будучи на преддипломной практике на автозаводе ЗИЛ, я был приглашен в кабинет парторга института, где работала группа кадровиков из тогдашнего МГБ (Министерства государственной безопасности). Эти люди задали мне несколько вопросов касательно моей биографии, выдали бланки подробных анкет, попросили заполнить их, приложить 10 фотографий и справку из местной поликлиники о состоянии здоровья. Сдав требуе-

горнорудного института. П.И. Митрофанова заменил Евгений Михайлович Губский. Не было на Украине горного вуза или горно-геологического факультета университета, выпускники которых не работали бы в Рудных-Тяжелых горах на добыче урановой смолки или урановой руды другого качества. А сколько там было солдат и офицеров из Украины, которые служили в рядах Советской армии, — одному Богу известно, и выяснить это сейчас почти невозможно, так как архив Министерства обороны СССР, находящийся в г. Подольске Московской области, теперь практически недосыгаем. Современникам надо знать эту проблему, так как Украина покупает в России тепловыделяющие элементы твэлы — топливо для АЭС. На формирование советского запаса этого топлива положили жизнь сотни специалистов и тысячи военнослужащих — граждан Украины.

Минералогическая энциклопедия ленинградского издательства «Недра» с 1985 г. ни словом не упоминает об урановых рудах в Рудных горах, так как основные запасы их были исчерпаны Советским Союзом еще в 1940–1950-х гг. В справке об урановой смолке (уранинит наплывный) указываются находки в Заире и в Канаде, но не в ГДР, тогда как в справке о висмуте даже указаны несколько городов в ГДР, близ которых были или есть его месторождения.

Каждый раз, бывая в музее истории Горного университета, П.И. Митрофанов говорит: «Волнуюсь. Вспоминается молодость, теплое отношение к нам, студентам, наших преподавателей, которые так хорошо нас подготовили, что мы как специалисты были на голову выше немецких инженеров. Вместе с волнением ощущаю чувство гордости за свой горный институт».

Прослушав содержание этой статьи, Петр Ильич, тяжело вздохнув, промолвил: «Если бы знал, какой трудной будет эта работа, ни за какие деньги не поехал бы».

мые документы, я продолжил готовиться к защите диплома. Через указанную комиссию было пропущено большинство выпускников нашего института. Поползли слухи, что нас отбирают для работы за границей, якобы в Китае или где-то в другой стране. Конкретно ничего известно не было.

После защиты дипломных проектов на распределительной комиссии было сказано, что я и еще трое моих однокурсников поступаем в распоряжение специальной организации. В середине июля 1950 г. нас

пригласили на беседу в отдел ЦК КПСС в Большом Комсомольском (ныне — Большом Златоустинском) переулке, где каждому по отдельности после беседы было сказано, что нас рекомендуют для работы в ГДР. После этого нас пригласили в одно из учреждений на Солянке, где подполковник Печенов — очень милый человек — более детально объяснил, куда мы едем. Там мы получили загранпаспорта, подъемные деньги по 3 тыс. 600 рублей и деньги на железнодорожные билеты.

В один из последних дней июля родные проводили нас, и мы направились в новую, неизведанную нами жизнь, впервые с комфортом в купейном вагоне. В Бресте, пройдя тщательный таможенный досмотр, мы были погружены вечером в европейские вагоны (купе по 6 человек) и помчались через Польшу в Германию с песней «не нужен нам берег турецкий».

В это же время кроме нас троих ехала большая группа молодых специалистов из других институтов — горняки, экономисты и человека два сопровождающих, возвращающихся из отпуска. В середине следующего дня поезд прибыл на вокзал Франкфурта-на-Одере. Стояла солнечная погода. Там на платформе мы впервые увидели людей в кожаных шортах, чему была очень поражена одна девушка по имени Люба. Толкает меня в плечо и говорит: «Вась, Вась, гляди! У них мужики на улицах в трусах ходят». Это были самые первые наши впечатления от западной цивилизации.

На площади вокзала нас ждал большой дизельный автобус «бюссинг» с багажником на крыше. Погрузившись, мы отправились к конечному пункту назначения. На пути, где-то за Дрезденом, на автозаправке в кафе сопровождающие угостили нас пивом и лимонадом. Устройство автозаправки с кафе нам тоже показалось диковинкой. Часов в 8 вечера мы были в небольшой гостинице на Нейфокштрассе в г. Зигмар-Шенау.

Утром следующего дня всех нас сопроводили в центральное управление «Висмута», накормив перед этим в казино, что находилось рядом с проходной со стороны Цвиккауштрассе. В кабинете генерального директора Михаила Митрофановича Мальцева нас приветствовал его заместитель (фамилию запамятовал). Кратко рассказал о «хозяйстве», зачитал, кто, куда и на какую работу направляется, нам выдали денежный аванс по 1000 немецких марок и велели ждать в гостинице приезда за каждым с соответствующих Объектов. Первым делом на полученные деньги все купили по килограмму прекрасных груш, по одной марке за килограмм. Мы чувствовали себя богачами в преддверии рая. К вечеру следу-

Автомобиль ЗИС-110 генерала М. М. Мальцева

ющего дня всех приехавших разобрали представители Объектов. Я остался в гостинице один, уже стало темнеть, когда я услышал с трудом произносимую мою фамилию. Оказалось, за мной приехал шофер-немец без советского представителя. Мне стало как-то не по себе. Ехать в ночь, в чужой стране, неизвестно куда — ощущение было не из веселых, но делать было нечего. Вопреки принятому у нас правилу садиться рядом с водителем, я на всякий случай разместился на заднем сиденье справа (как позже выяснилось, это было самое правильное и почетное место для гостя или хозяина). Минут через сорок мы были в г. Ауэ. Водитель провел меня в здание управления Объекта 35. Рабочий день уже закончился, и на месте оказался только главный бухгалтер. Меня никто не ждал, и мой приезд оказался для него неожиданным. Куда меня девать — он не знал, комендант Объекта не отвечал, а мне надо было хоть где-то переночевать. Тогда он предложил отвезти меня в городскую гостиницу. В гостинице заявили, что без разрешения военного коменданта принять меня не могут, и я вновь вернулся в управление Объекта. Главный бухгалтер был еще на рабочем месте. После его многочисленных звонков меня отвели в общежитие соседнего Объекта 9, где мне была предоставлена маленькая однокомнатная квартирка на мансардном этаже со страшно скрипучей алюминиевой койкой.

Утром следующего дня я пришел в управление, где был принят начальником Объекта подполковником Николаем Павловичем Солодовниковым, который после ознакомительной

В. Д. Марюнин с сыном на фоне клуба в парке Пельцмюлле.

В. Д. Марюнин.

беседы сказал, что я назначаюсь начальником транспортного Объекта, и предложил кому-нибудь проводить меня к месту моей работы. В то время Объект в авральном порядке заканчивал на подъезде к Ауэ строительство открытого спортивного комплекса со стадионом, бассейном, теннисными кортами и футбольным полем. И меня повел в другую часть города, на автобазу Объекта, опять же немец, на этот раз переводчик. Привел, показал мой кабинет, познакомил

Спортзал с бассейном на берегу пруда.

с двумя прикомандированными солдатами — Сердечным и Бомбасовым — из воинского батальона, расквартированного в Ауэ. Эти солдаты ввели меня в курс дела. Мой предшественник — некий капитан, был откомандирован в Союз за связь с немкой, что категорически запрещалось и строго каралось, в первую очередь — высылкой

из ГДР на Родину в течение 24–48 часов. Таким образом, я стал руководить транспортным хозяйством Объекта, не приняв его официально. Потом я узнал, что у меня есть заместитель из местного населения — Мюллер, который собственно и вел непосредственную работу с водителями и техническим персоналом автобазы. Моя роль сводилась к подписанию путевых листов и разнарядке автотранспорта по рабочим участкам. После разнарядки я ехал на строящийся спорткомплекс, где с матом и криком носился начальник Объекта Н. П. Солодовников, пытаюсь упорядочить авральную работу и успеть со строительством к открытию, приуроченному к первой годовщине образования ГДР — 7 октября.

7 октября 1950 г. состоялось открытие стадиона, на котором присутствовали: Отто Гротеволь, генеральный директор «Висмута» М. М. Мальцев, другие советские руководители. Что было недостроено, закамуфлировали свежесрубленными в ближайших лесах ветками.

Как я уже говорил, первые две недели я жил в квартирке общежития Объекта 9. Утром при умывании у меня из носа обильно текла кровь, которую с трудом удавалось останавливать. Питался в общественной столовой, сдавая определенное количество талонов (тогда еще была карточная система). Питание было достаточно вкусное и обильное.

Недели две спустя после моего приезда на Объект прибыла группа ребят — выпуск-

ников Горьковского инженерно-строительного института, после чего нас всех поселили в одном из частных немецких домов у подножья горы на Рябиновой улице, где мы занимали третий этаж дома. Мы быстро познакомились и сдружились. Нам прикрепили фразу, которая на всех готовила вкусную еду и убирала помещение. Месяца через два нас переселили ближе к Объекту, в очень красивую виллу с садом, но уже без кухарки. В саду мы оборудовали городошную площадку для свободного времяпрепровождения. Были в городе клуб и магазин для советских сотрудников, а также ателье.

Ко мне на работу пристрастился приходивший завхоз Объекта Ефим Васин — любитель «заложить за воротник». Рядом с автобазой в переулочке было небольшое частное кафе, куда я его приглашал перекусить. Он в знак благодарности за возможность похмелиться доверительно меня спрашивал, не еврей ли я, чем очень интересовался куратор МГБ. Так как уж очень странная у меня фамилия — Марюнин.

Так проходило время. Ребята-строители выезжали на стройки, я занимался своим автогаражным делом, в лимиты, как всегда, не укладывался, приходилось постоянно ездить в транспортную контору в Зигмар-Шенау и выбивать дополнительно бензин, автозапчасти, резину.

В это время Объект вел еще одну авральную стройку в Зигмаре. К новому 1951 г. мы должны были построить спортзал с бассейном и Дворец культуры, как всегда не успевали, и днем 31 декабря еще велись отделочные работы. На автобазе было несколько автобусов, на которых возили рабочих. А я к тому времени получил новый автобус и решил, что на нем поедут сотрудники Объекта на открытие Дворца и встречу Нового года. На автобазе работал водителем достойный человек, немец, член СЕПП, которого я попросил сначала отвезти рабочих на старом автобусе, а потом на новом — сотрудников Объекта на встречу Нового года. Но он нарушил договоренность и повез рабочих на новом автобусе. В середине дня, по окончании работ, отделочников премировали несколькими бутылками спирта, и все, в том числе и водитель, выпили, после чего с песнями направились домой в Ауэ. За несколько километров до въезда в город дорога шла под уклон, был гололед, шофер был под хмельком, не справился с управлением, и автобус упал с обрыва вниз. К счастью, жертв не было, многие отделались лишь ушибами, но автобус был сильно разбит. Было следствие, суд в Хемнице: водителю припаяли 10 лет тюрьмы и 10 тысяч марок штрафа за причиненный ущерб. Я был привлечен в качестве свидетеля и отделался легким испугом.

Зимой, по выходным, с субботы на воскресенье, нас несколько раз вывозили на горнолыжный курорт Обервизенталь, где устраивались веселые застолья, катания на лыжах и санках, танцы. Время от времени мы ездили в Зигмар во Дворец культуры. В 1950 г., в День шахтера, генерал Мальцев собрал в клубе всю молодежь с Объектов в Зигмаре и устроил грандиозный праздник с торжественной частью, угощением и развлечениями. На ночь всех разместили в Хемнице, в прекрасной гостинице, а на следующий день было продолжение праздника. Клуб располагался в парке на берегу небольшого озера Пельцмюлле — месте отдыха советских специалистов, очень ухоженном, с детскими площадками.

В конце 1990 г. нам с женой удалось посетить эти места нашей молодости. Там мы увидели печальное зрелище: от клуба остались только руины, а парк превратился в зоопарк с небольшим количеством тощих представителей фауны, все было неухожено и запущенно, включая расположенные рядом спортзал и Дворец культуры (Культурпаласт).

Южнее Ауэ, за перевалом, были два небольших города — Нидершлема и Обершлема, в районе которых велись интенсивные разработки по добыче урана. В результате большие выработки оказались непосредственно под этими городами, стали рушиться дома и города стали оседать. Тогда наш Объект спешно возвел по соседству новые дома, куда были переселены жители этих городов. Но не прошло и года, как новые дома также стали рушиться, — выработки прошли и под ними. Пришлось строить второй раз и переселять эти города.

В 1951 г. наш Объект построил в Цвиккау новый обогатительный завод (Объект 101).

Меня как молодого специалиста мало удовлетворяла моя работа: она не соответствовала моей специальности, и я постоянно просил моего прямого руководителя — начальника транспортной конторы «Висмута», прекрасного человека, подполковника Николая Павловича Козырева — перевести меня на один из заводов: либо на авторемонтный в Зигмаре, либо на машиностроительный в Цвиккау. Но он под разными предлогами удерживал меня, оказывая при этом всяческую помощь в решении вопросов, связанных с обеспечением новыми автомобилями, ГСМ, запчастями, резиной. Но, поскольку я продолжал настаивать на моем переводе для работы по специальности, весной 1951 г. мне на замену прислали старшего лейтенанта по фамилии Тимофеевский, который, будучи хорошим выпивохой, недели две спустя, не успев принять у меня дела, исчез. Нашли его дня через четыре в Хемнице у знакомой

немки и тут же откомандировали в СССР. Летом мне прислали новую замену — капитана Дардыкина. Сдав ему дела, я уехал в отпуск. Перед отъездом я зашел к заместителю генерального директора «Висмута» полковнику Карпенко и попросил дать согласие на мое невозвращение, так как здесь для меня нет работы по специальности. Но полковник был

Профилакторий

мудрый человек и сказал, что этот вопрос я должен решать в Москве. А там мне сказали, что они не могут принять такое решение без согласия руководства «Висмута». Таким образом, после отпуска я вновь вернулся в ГДР.

Возвращаться на Объект 35 на должность заместителя начальника транспортного отдела я отказался, хотя полковник Карпенко сказал мне, что даже если я вообще не буду там работать, то все равно буду ценнее трех немцев. Мне выдали денежное довольствие, я жил в гостинице на Нейфонштрассе, а утром приходил в отдел кадров, где мне говорили, что работы для меня пока нет. Так празднично я жил недели две, пока в одно прекрасное утро у подъезда главного управления меня радостно не встретил Иванов — начальник отдела механического оборудования 4-го управления (УМТС). Так я и остался в Зигмаре-Шенау. 4-е управление располагалось в красивом особняке на Цвиккауштрассе, рядом с главным управлением. Позже этот особняк отдали под консульство, а наше управление перевели в здание напротив. До моего прихода в управление, примерно в 1949 г., его начальник (фамилию не помню), уезжая в отпуск, оставил жену с ребенком на вокзале в Берлине, а сам сбежал в Западный Берлин. Потом был Смирнов, а к моему приходу — Поляков, которого в 1953 г. сменил Виктор Сергеевич Батышев. При нем я проработал до самого своего отъезда из ГДР в 1955 г.

Мне было вменено в обязанность вести группу всего металлообрабатывающего оборудования, режущего инструмента, подшипников, измерительного оборудования и инструментов, подвижного состава, счетных машин и пищевого оборудования. Для обеспечения поставок всего перечисленного приходилось постоянно ездить по предприятиям-поставщикам, я неоднократно бывал в Магдебурге, Лейпциге, Дрездене, Галле, Эрфурте, Айзенахе и многих других городах, но ни разу в Берлине. Там у нас была специальная группа, которая решала вопросы по нашим заявкам. Берлин мне довелось увидеть только во время отъезда из ГДР, с разрешения начальника управления. Немецкие предприятия довольно четко выполняли наши заказы, и срывов в работе практически не было. При этом мне запомнился такой эпизод. В начале декабря 1954 г. руководство «Висмута» поручило нашему управлению приобрести 1000 новейших счетных машинок фирмы «Рейнметалл-Борзиг».

Исполнять это поручение было приказано мне. С этой целью я сразу же направился в г. Земмерда, на завод, производящий эти машинки. Завод являлся советским имуществом, и руководила им советская администрация. Приехав на завод, я узнал, что директор в отпуске, а его обязанности исполнял главный инженер, который сразу заявил мне,

что вся продукция распределяется по фондам, а нам фонды выделены не были. Я был очень расстроен, время подходило к полудню, и главный инженер предложил мне с ним пообедать. Мы спустились в директорский кабинет столовой, хорошо выпили, пообедали, поговорили за жизнь. Собеседник пожаловался на дикую скуку в быту, так как их колония составляла в городе несколько человек. Я, в свою очередь, посочулся, что не могу выполнить такое важное задание нашего руководства. Мы вошли в положение друг друга, и главный инженер дал слово, что всю сверхплановую продукцию он зарезервирует за «Висмутом». Время шло, я все больше печалился, и вдруг 30 декабря позвонили с завода, что можно забрать тысячу машинок. Срочно был оформлен заказ-наряд, на завод тут же выслали два грузовика, и 31 декабря счетные машинки были на складе в качестве новогоднего подарка. Таким образом, все Объекты и центральный аппарат общества были снабжены первоклассной по тем временам счетной техникой.

Рабочий день в центральном аппарате вплоть до самой смерти Сталина был ненормированным: начинался он с 9 часов утра, с 2-часовым обеденным перерывом, а вечером раньше 9–10 часов не расходились, так как в любое время Москва могла затребовать ту или другую справку, которую нужно было немедленно подготовить. После смерти Сталина нас даже обязали уходить вовремя домой, не задерживаясь.

Для проведения свободного времени у нас было много возможностей: на работе была хорошая бильярдная, волейбольная площадка, в парке — городошная площадка, спортзал с бассейном, Дворец культуры, профилакторий на Лимбахштрассе с хорошей сауной, массажным кабинетом и буфетом — так что мы не скучали.

Еще работая на Объекте 35 в Ауэ, я часто бывал в Зигмаре. Там, в плановом отделе транспортной конторы я познакомился с девушкой — Валентиной Павловной Суриной. В феврале 1952 г. мы поженились. В то время было очень много свадеб, так как основной контингент составляли молодые девушки и парни — выпускники вузов. Советским специалистам, прежде чем зарегистрировать брак, нужно было получить благословение генерального директора «Висмута». В то время генеральным директором после М. М. Мальцева был Валентин Никанорович Богатов, который одобрил наш брак, и мы зарегистрировали его в консульстве СССР в Дрездене. Свадьба была многолюдной и веселой: гармонист был из воинской части, а начальник транспортной конторы — подполковник Н. П. Козырев исполнил танец на животе.

28 марта 1953 г. у нас родился сын Коля. А в июне того же года в ГДР произошел путч против существующего строя. Восставшие на ряде Объектов «Висмута» захватили автотранспорт и разъезжали на грузовиках, демонстрируя свое противостояние. Кроме Берлина массовые выступления были в Карл-Маркс-Штадте (Хемнице), Галле, где были наши большие открытые разработки, и в ряде других городов. Утром, идя на работу, я увидел советский танк у нас на Паркштрассе, где мы жили. Танки стояли и на Цвиккауштрассе. Улицы Зигмара были безлюдны. Уходя на работу, я оставлял жене, сидящей с ребенком, охотничье ружье для самообороны. В то время ружья продавались советским гражданам в наших торгах свободно, и многие ими обзавелись, поскольку условия для охоты были очень благоприятные: поля и водоемы кишели дичью. У местного населения ружья были отобраны. Немцы охотились организованными группами, под руководством егерей. Осенью в поле окружали со всех сторон определенную площадь и шли навстречу друг другу. Поднимались тучи зайцев, их отстреливали,

складывали в кузов грузовика и отправляли в магазин. В магазинах было полно зайчатин. Многие из наших тоже увлекались охотой. Некоторые всегда возили в машине ружья. Однажды к нам в управление ехал из Цвиккау снабженец. Был сильный туман, и, как ему показалось, он увидел на обочине дикую козу, остановился, вышел из машины, прицелился и выстрелил. Оказалось, это был немец, нагнувшийся в это время к земле. Заряд дроби угодил ему в мягкое место, тот взвыл и начал кататься по земле. Стрелку пришлось срочно везти его в больницу, он долго извинялся, оказывал пострадавшему материальную помощь. Скандал как-то замаяли, но с тех пор Генеральный строго запретил нам всякую охоту.

Смерть Сталина многие из нас встретили с большой болью и тревогой. Мой рабочий стол был в одной комнате с начальником отдела Фроловым из Пензы. Придя на работу, я застал его не только огорченным, но и плачущим, что меня очень удивило. На мой вопрос: почему он плачет, я услышал в ответ: «Как же мы будем жить дальше?»

Во Дворце культуры был траурный митинг, мы все по очереди стояли в почетном карауле у портрета вождя. А спустя пару месяцев, будучи в здании главного управления, я увидел, как со стены снимают портрет Берии. Жить и дышать стало как-то легче. Мы все время были под неусыпным оком ребят из-за зеленого забора, за которым они квартировались. У меня до сих пор сохранился тяжелый осадок от одного случая. В 1954 г., когда строился металлургический завод «Ост» в Сталинштадте (ныне Айзенхюттенштадт), вблизи Франкфурта-на-Одере, к нам приехал оттуда специалист-немец для отбора неликвидного оборудования, пригодного для строительства. К нему из нашей группы переводчиков была прикреплена незамужняя немка Урсула Фабиш — переводчица. Она помогала ему в переводе с русского перечня оборудования. Окончив работу, он спокойно уехал от нас, а спустя несколько месяцев к нам в отдел в конце рабочего дня пришел человек. В тот момент в отделе были только я и Урсула. Человек объяснил мне, что представитель комбината «Ост» оказался американским шпионом, а Урсула с ним тесно связана, и ее надо арестовать, для чего попросил меня под благовидным предлогом предложить ей поехать с ним во 2-е управление помочь в переводах на переговорах. С тех пор мы ее не видели. Впоследствии мы узнали, что ее судили, и она получила несколько лет тюрьмы, а я, хоть и косвенно, был причастен к ее аресту.

После смерти Сталина наш рабочий

день стал более упорядоченным. Было указано Г.М. Маленкова, что тот, кто не укладывается в восьмичасовой день и задерживается на работе, тот не справляется со своими служебными обязанностями, и нас силой стали выпроваживать домой по окончании рабочего дня.

За время пребывания в ГДР нам удалось побывать и на экскурсиях: в замке под Айзенахом, где Мартин Лютер перевел Библию на немецкий язык; в музее г. Мейсен, в замке которого один из монахов открыл тайну китайского фарфора; в театре Хемница на спектакле «Летучая мышь». В клубе еженедельно по субботам шли кинофильмы. Во Дворце культуры проходили спектакли московских театров, гастролировавших по ГДР. Однажды нам уделила внимание великая Уланова²³. Была у нас и своя самодетельность. Многие дружили и общались семьями. Однажды на проходной в центральное управление меня узнал солдат-часовой, оказавшийся моим сверстником из родной деревни. Мы оба были несказанно удивлены и безмерно рады этой встрече. В течение почти семи лет главным инженером «Висмута» был Алексей Александрович Александров, и лет 15 спустя после возвращения из ГДР мы с ним встретились и вместе работали в Государственном комитете Совета Министров СССР по науке и технике, занимаясь развитием научнотехнического сотрудничества с социалистическими странами.

Основным пассажирским транспортом в «Висмуте» были автобусы, построенные на шасси автомобиля ЗИС на авторемонтном заводе в Зигмаре. Незадолго до моего отъезда на Родину я по распоряжению руководства разместил заказ на изготовление большой партии более комфортабельных автобусов на вагоностроительном заводе в Галле. Увидеть их готовыми мне уже не довелось, но, как мне рассказывали, на них потом возили шахтеров. Это был мой последний производственный «аккорд» в «Висмуте».

«Хозяйство», как называли «Висмут», часто навещал Кобулов, тогда заместитель начальника СВАГ. У нас также бывали Молотов, Микоян и другие руководители Советского Союза.

В сентябре 1955 г., несмотря на то, что меня просили еще год-два поработать в «Висмуте», мы с женой выехали из ГДР по семейным обстоятельствам. Годы молодости, проведенные там, вспоминаются наравне со студенческими — наиболее светлыми годами нашей жизни.

24 октября 2010 г.

После свадьбы
(ноябрь 1952 г.).

²³ Галина Сергеевна Уланова (1910–1998) — русская прима-балерина, одна из величайших балерин классического балета XX века.

Александр Иванович Ивлев

ИВЛЕВ Александр Иванович (род. 1930). Доктор геолого-минералогических наук, профессор. В 1951–1956 гг. работал в «Висмуте» рудничным геологом, главным геологом шахты на Объекте 2; в 1970–1975 гг. — в Дрезденской геологоразведочной экспедиции.

Свидетельства уходящего времени

Я родился, вырос и получил основы своей профессии в г. Семипалатинске, стоящем на берегах Иртыша. И, конечно же, это не берега Сены, Влтавы, Шпрее, Эльбы или хотя бы Днепра, Невы или Москвы-реки. Уж очень неуютны были эти берега: зимой очень холодно, летом очень жарко, круглый год свирепые ветры, особенно докучавшие летом, когда они поднимали буквально тучи песка, засыпавшего глаза. Было и множество других неудобств: неустроенность, примитивность быта. И в молодые годы я, вслед за многими своими земляками, называл Семипалатинск прочно закрепившимся за ним со дня основания прозвищем — Семипроклятинск.

Профессия и судьба навсегда разлучили меня с этим городом, я увидел много разных берегов и оценил фразу великого поэта: «Я видел места, где инжир с айвой росли у самого рта моего, к таким относишься иначе...»²⁶ И сейчас по поводу моей малой родины мне хочется выразиться уже иначе: «Да, конечно же, но зато...»

Вскоре после окончания войны с Германией и Японией жители Жана-Семей, и я в том числе, с интересом и удивлением наблюдали за приходящими на эту станцию железнодорожными составами, привозившими какое-то крупное и необычное, совершенно неясного назначения оборудование. Расположившаяся в районе станции военная часть перегружала это оборудование на тяжелые военные грузовики (главным образом американские «студебеккеры») и отправляла его полевой дороге вдоль левого берега Иртыша вниз по течению. Все это происходило в обстановке строжайшей секретности. Что это было за строительство, никому ничего не было ясно.

Более или менее что-то прояснилось только в августе 1949 г., когда в районе притока Иртыша — Шагана — прогремел первый советский атомный взрыв. Это был печально известный Семипалатинский ядерный полигон, принесший г. Семипалатинску поистине мировую известность. Много беды принес Казахстану этот полигон, знаю не понаслышке — я одним из первых получил свою «дозу», и это знание подтверждено соответствующим официальным удостоверением. Сейчас в адрес этого полигона раздается много про-

клятий, причем никто не хочет задуматься над вопросом: а от каких бед он нас с вами избавил?

Ни для кого не секрет, что наши союзники во Второй мировой войне хладнокровно наблюдали за единоборством истекающего кровью Советского Союза с фашистским зверем и начали активные действия только после фактического разгрома Германии, а сразу же после Победы поспешили пригрозить обескровленной стране ядерным джином, не пожалев для наглядности урока нескольких сотен тысяч жизней беззащитных японцев. Нужно было давать адекватный ответ, и он был дан. Именно благодаря этому ответу и только ему была навсегда ликвидирована угроза третьей мировой войны, люди кое-чему научились, и теперь могут обойтись без нее при решении самых сложных и острых международных проблем. Выражаясь языком ушедшего с нашей земли режима, семипалатинский полигон сыграл всемирно-историческую положительную роль, и следует по заслугам воздать ему и жителям Семипалатинска и его округи за понесенные жертвы.

По окончании Семипалатинского геологоразведочного техникума я сразу попал в заграникомандировку в Германскую Демократическую Республику на урановые рудники Саксонии. Там я оказался в кругу специалистов — геологов и горняков, большей частью таких же молодых, как и я, но главным образом с высшим образованием — выпускников известных крупных, в основном столичных, вузов. И самое любопытное, что я — выпускник мало кому известного, сугубо провинциального Семипалатинского техникума ни в чем: ни по общему развитию, ни по специальности не уступал своему формально более высокообразованному окружению. Я в удивительно короткие сроки сделал блестящую карьеру, превратившись из техника-геолога участка шахты в ее главного геолога, и под моим началом оказалась сразу целая команда людей с инженерными дипломами.

Сначала меня собирались направить в Китай. Первые группы туда уже отбыли, а я оказался в числе совсем немногих, которых все никак не вызывали. Мы, ожидающие, уже знали: в Москве нужно было прибыть в Министерство геологии, в отдел руководящих кадров, оттуда направят в отдел внешних сно-

шений и там организуют отправку к месту назначения. Наконец я тоже получил предписание прибыть в министерство, в отдел руководящих кадров. Прибыл, назвался, там заглянули в какие-то бумаги и сказали:

— Вы не наш. Завтра утром отправляйтесь по такому-то адресу в ГУСИМЗ, пропуск будет заказан.

Я попросил расшифровать аббревиатуру ГУСИМЗ. Мне сказали: «Главное управление советского имущества за границей при Совете Министров СССР, короче — Главсовзагранимущество».

— При чем здесь геология и советское загранимущество?

— Там все расскажут.

Но там ничего не рассказали, а сообщили следующее:

— Вас направляют в Германскую Демократическую Республику, на предприятие почтовый ящик (п/я) 27304. Но это название секретно, нигде его не упоминайте, там предприятие называется «хозяйство Мальцева». Все вопросы зададите на месте назначения.

Ясно, какая-то воинская часть, вероятно, с хозяйственными функциями, и чем я там буду заниматься? Ладно, еду в поезде Брест — Франкфурт, кругом — одни советские офицеры, я среди них один в гражданском, явная белая ворона. На меня сразу обращают внимание, спрашивают, куда и зачем еду.

— В хозяйство Мальцева, — говорю я.

Не слышали, не знают, но один догадывается:

— А, так это «Висмут».

Что это такое, он не уточняет, а я, чтобы не выдать своей полной неосведомленности, загадочно молчу. Вроде бы немного проясняется: что-то связанное с разведкой или разработкой месторождений висмута, ценного металла, который используется в разнообразных сплавах.

Во Франкфурте выхожу из вагона, стою на перроне, знаю, что меня должны найти и подобрать. Действительно, через минуту подходит мужчина в гражданском, черты лица явно русские, спрашивает:

— В «Висмут»?

— Да.

— Фамилия?

Отвечаю. Никуда не заглядывает, помнит, приглашает следовать за ним. Собралась группа человек 10–12, едем автобусом к месту назначения. Там выясняется, что нам предстоит работать на Объектах Советско-Германского акционерного общества (СГАО) «Висмут» — это для немцев, «хозяйство Мальцева» (по фамилии генерального ди-

ректора) — для администрации оккупационных войск, предприятие п/я 27304 — для секретных документов советской стороны. В Генеральной дирекции нас распределили по Объектам, я попал на Объект 2 рудничным геологом. Ага, шахты, добыча висмута. Ладно, это уже интересно. Дальше — приезд на Объект, разговоры (очень кратко: уж очень невелика птица) с начальником Объекта, главным геологом, инспектором отдела кадров, инспектором первого (секретного) отдела, оформление пропуска. Все быстро, четко, без лишних слов. На другое утро ведут на шахту, представляют начальнику, тот приглашает главного геолога шахты («твой кадр»), этот ведет меня в свой кабинет и только здесь становится предельно ясно: шахта занимается добычей урановой руды.

«Висмут» — это условное, кодовое название урана, для заморочки «врага». Во всех служебных разговорах и несекретных документах слово «уран» использовать нельзя, только в бумагах с грифом «совершенно секретно». Во всех остальных случаях — только «висмут». В других странах использовались другие названия. В Румынии — «кварцит», а в самом Союзе — «металл» и т. д. Интересно было слушать такую, например, фразу: «Руда содержит металл и некоторые сопутствующие металлы». В служебных кабинетах обязательно стояли радиоприемники, всегда работающие — так боролись с возможностью подслушивания служебных разговоров с помощью «жучков». Путали «врага» и названиями сортов добываемой руды: сорт с самым низким содержанием урана называли «экстра». И было множество других хитроумных уловок.

Очень скоро мне стало ясно, что все такого рода уловки — откровенная глупость. Все окружающее население, никак не связанное с предприятием, отлично знало, что мы добываем и что из себя представляют на самом деле различные сорта руды (работчие-немцы за добытую «экстру», естественно, получали самую низкую плату). Что скрывало за собой слово «висмут» — знал каждый.

Руководство предприятия, на котором были заняты десятки тысяч человек, заботилось о своих трудящихся, организовало широкую сеть магазинов собственного торгового предприятия (Handels Organisation, сокращенно НО), и вблизи Объектов то и дело попадались вывески «НО Wismut». Великолепный способ демаскировать секретные Объекты!

Предприятие имело огромный автопарк, и все автомобили (легковые, грузовые, специальные), принадлежавшие «Висмуту», независимо от административной принад-

²⁶ В. В. Маяковский. «Хорошо!» (прим. ред.).

лежности территории (Саксония, Тюрингия), где находился тот или иной Объект и где были свои буквы на автомобильных номерных знаках, имели единый буквенный знак XS. XS — это «Висмут». Если много автомобилей с номерами XS стали часто появляться в каком-то районе — ясно: «Висмут» здесь что-то затевает.

Все эти уловки не приносили ровно никакой пользы делу сохранения государственной тайны, но и не наносили в целом особого ущерба, кроме некоторых неудобств в работе. Они могли вызвать только насмешливую улыбку, свидетельствуя о количестве извилин в мозгах хитроумных изобретателей этих изысков. Но в системе режима секретности СССР, которая распространялась на все союзные страны, были такие вещи, которые влекли за собой огромные расходы, затрудняли и усложняли работу исполнителей, тормозили развитие отраслевой науки. А в итоге именно режим глухой секретности привел к полному развалу, краху уранодобывающей отрасли страны.

Но истина всегда конкретна, нужны примеры. Вот один из них.

При поисках, разведке и разработке урановых месторождений никак нельзя обойтись без специального прибора — радиометра (счетчик Гейгера), прибора очень простого по устройству и очень эффективного. Искать уран и определять его содержание без отбора специальных проб и их дорогостоящих анализов было очень легко по сравнению с другими металлами. Уран выдает себя радиоактивным излучением. Идет оператор с радиометром и специальным щупом прослушивает горные породы (на голове наушники). Идет себе и идет, в наушниках редкие щелчки. Но вдруг где-то сильно затрещало, загудело. Стоп, руда! Теперь уже нужно смотреть на стрелку прибора, по величине отклонения стрелки от нулевого значения можно определить содержание урана. Прибор предельно простой и очень неприхотливый, причем советские модификации ничем не уступали западным. Да, на первый взгляд они были хуже, грубее, но и особой нужды в их улучшении и, как следствие, удорожании не имелось. Но эти приборы были засекречены. На рудниках «Висмута» их долгое время не доверяли немцам, и радиометристами работали советские солдаты. Это доставляло много неудобств, и только значительно позже постепенно они были заменены наиболее доверенными немецкими рабочими.

Но особенно много неудобств доставляла секретность прибора в СССР, в поисковых геологоразведочных партиях. Одно только хранение секретного прибора в полевых условиях (степь, пустыня, тайга, тундра, горы)

было очень хлопотным: нужно было иметь специальный металлический ящик для хранения, этот ящик нужно было охранять и т. д. И не дай бог потерять прибор!

А между тем на Западе все обстояло совсем не так. Там любому смертному в любой аптеке можно было очень дешево (намного ниже себестоимости) купить очень компактный, легкий, удобный радиометр и от нечего делать, во время прогулок, отпускных путешествий на собственном автомобиле и т. п. искать уран. Там существовала система весьма значительных премий за обнаружение радиоактивных аномалий, многие из которых оказывались промышленными месторождениями урана. Стоит ли говорить, насколько более экономичными были поиски урана у них.

То есть у нас все происходило по известному правилу: «Заставь дурака богу молиться...»

Дурак расшиб себе голову много позже, сейчас же мне нужно закончить свой рассказ о моем первом этапе общения с партией и органами в «Висмуте» в мой первый заезд туда (1951–1956).

На крючок органов в лице первого отдела я попался в конце первого года работы. Попался исключительно благодаря собственной халатности. В работе рудничных геологов большое место занимает учет запасов полезного ископаемого, движение запасов (сколько отработано, сколько потеряно, сколько подготовлено к отработке и т. д.). Вполне рутинная, скрупулезная и скучная работа, и все составленные документы (главным образом в форме таблиц) — с грифом «совершенно секретно». Для унификации данных и облегчения работы имелись бланки этих таблиц, изготовленные типографским способом. Мы получали эти бланки в первом отделе, в том числе и про запас, и каждый хранил эти документы в персональном рабочем портфеле, который в опечатанном виде сдавался по окончании рабочего дня в тот же отдел. Подготовленные документы за каждый отчетный период, опять же через первый отдел передавались по инстанции. В моем секретном рабочем портфеле хранилось довольно много таких незаполненных бланков.

И вот — первый отпуск, в отличное время, в июне. Все было оформлено, назначен день отъезда, билет до Москвы в кармане. Осталось заполнить бегунок. В этом бегунке последним (накануне отъезда) всегда расписывался инспектор первого отдела. Это было вполне логично: в конце последнего рабочего дня сдал свой портфель — и свободен как птица.

Сдаю, инспектор тщательно просматривает все содержимое портфеля, све-

ряет. Дошла очередь до незаполненных бланков — одного не хватает. Считает еще дважды, потом считаю. Да, не хватает. Бегунок не подписан, отъезд состояться не может. На следующий день приезжает представитель первого отдела Генеральной дирекции «Висмута», разговаривает со мной: «Ладно, будем разбираться, жди, пока работай».

Работаю, жду, график отпусков нарушен, я из него безнадежно выпал. Разбирательство, как я узнал позже, очень скоро выяснилось, что я просто недополучил одного бланка, он оказался в результате пересчета остатка лишним. Инспектор при выдаче бланков ошибся, я доверился, не пересчитал. Но по этому поводу была устроена глобальная проверка всей секретной документации, с которой я был связан в течение года, и это заняло несколько месяцев. На мои тревожные вопросы ответ был один: «Жди, работай».

Дождался уже в ноябре, отделался простым выговором, еду в отпуск. Плохо не только то, что зима, плохо, что капитально нарушились все мои личные планы. Дело молодое, у меня была невеста, которая оканчивала в этом году геологический факультет университета. Мы рассчитывали, что я приеду к выпуску, мы распишемся, и она уедет со мной (членов семей оформляли быстро). Я не приехал, она получает распределение (в те годы совершенно обязательное) и уезжает в геологическую экспедицию в Горный Алтай.

Ну что же, дело поправимое. Горный Алтай по сибирским меркам — это совсем рядом с Семипалатинском. Приезжаю домой, побыл пару дней и собираюсь ехать. Путь непростой: вначале проходящим поездом Ташкент — Новосибирск до станции Чесноковка (сейчас Алтайская), это сразу за Барнаулом. От этой станции отходит ветка до Бийска, от Бийска ходят автобусы до Горноалтайска, а дальше — попутными грузовиками несколько сотен километров по очень известному Чуйскому тракту в сторону китайской границы.

И здесь я снова попадаю на крючок органам и опять же по причине собственного разгильдяйства.

Поезд был проходящий, за три часа до его прихода я приехал на вокзал в сопровождении брата и сразу же купил билет. Времени еще много, решили его скоротать в вокзальном ресторане. С собой — небольшой, но чемодан, мешает. Брат взял чемодан, мой паспорт (тогда камера хранения требовала этот документ при приеме и выдаче ручной клади), сдал его, и мы отправились в ресторан. Перед приходом поезда брат сходил за чемоданом, я сел в поезд, совершенно не вспомнив, что паспорт остался в кармане у брата.

Выхожу из поезда в Чесноковке. Ждать поезда на Бийск придется долго, почти по-

ловину суток, чемодан опять мешает. Снова иду в камеру хранения, спрашивают мой паспорт. Только здесь вспоминаю, где он.

Что делать? Был у меня в кармане один документ, и довольно престранный.

При выезде за границу в те годы мы, вистутяне, получали не обычный серпастый-молоткастый и краскокожий советский загранпаспорт, которым так гордился великий поэт, а документ в синей обложке — удостоверение Министерства иностранных дел (мидовское удостоверение), по которому ездили дипработники. За что нам оказывалась такая честь — неясно. Этот документ имел свои очень специфические особенности, и к чему они иногда приводили, расскажу позже.

Этим документом мы пользовались только во время пересечения границ. В ГДР его сразу у нас забирали в генеральной дирекции «Висмута» (взамен выдавали местное удостоверение личности), едешь в отпуск — сдаешь его в отделе кадров министерства, получая на руки свой родной советский паспорт. Этого было вполне достаточно. Но непонятно зачем, при отъезде в отпуск нам выдавали еще так называемый отпускной билет как офицерам и другим служащим Советской армии. Вероятно, военным этот билет был нужен, но нам он был совершенно ни к чему: предъявлять его было некому и незачем.

Так вот, в кармане у меня остался только вот такой билет (действительный только при предъявлении удостоверения личности). Пытаясь сдать в камеру хранения свой чемодан, я объяснил случившееся с паспортом и сказал, что у меня осталось только вот такая бумага. Приемщица в камере хранения повертела ее в руках, записала фамилию, сказала: «Ладно, при получении предъявите то же самое».

Я побывал в довольно примитивном буфете и затем от нечего делать слонялся по залу ожидания, выходил на воздух покурить, в общем, долгое и томительное ожидание. Но оно было неожиданно прервано и последовало весьма «увлекательное» развлечение. Подходит мужчина в гражданском, молча показывает красную книжечку и приглашает пройти в комнату железнодорожной милиции. Иду.

— Ваши документы.

Объясняю, что паспорт остался в Семипалатинске, на руках только вот такая бумага.

— Вы офицер?

— Нет.

— Вольнонаемный в СА?

— Нет.

— Тогда откуда у вас такая бумага?

Сказал, что работаю за границей, и что так принято, почему и зачем не знаю, объяснить не могу.

— Ну что же, мы вынуждены вас задерживать.

Что навело на меня органы, сказать трудно, возможны два варианта. Скорее всего, проявила «бдительность» приемщица из камеры хранения. Но не исключено, что обратил на себя внимание мой внешний вид и некоторые особенности поведения. Приехав из загранки, я был одет совсем не так, как все кругом (это был 1952 г., к тому же на станции Чесноковка), в буфете заказывал все самое дорогое из того, что имелось в наличии, расплачивался крупной купюрой.

Взяли мой подозрительный документ, получили в камере хранения (без моего участия) и принесли мой чемодан. Обыск. На руке — золотые часы швейцарской фирмы Doxa, в кармане — золотые часы той же фирмы, женские — мой подарок невесте. Кроме того, пачка самых крупных купюр совзнаков (с избытком хватило бы на автомобиль «Победа»). Но самое «подозрительное» оказалось в чемодане — фотоаппарат Ехакта с набором сменных объективов, среди которых особенно впечатлял длиннейший телеобъектив — идеальное приспособление для фотосъемки удаленных объектов.

Мне все вернули, в том числе и чемодан.

— Едем в Барнаул, в краевое управление госбезопасности.

Трое суток провел я в этом управлении, под стражей. Вскоре после прибытия — допрос у начальника управления, почтенного вида полковника. Те же вопросы, и особенно по поводу отпускного билета. Объясняю, что могу.

— Вы не военнослужащий и не вольнонаемный СА?

— Нет.

— Вы работаете в ГДР? Где вы работаете?

— Да. На советском предприятии.

— Чем занимается это предприятие?

— Об этом я говорить не имею права.

— Вы находитесь в советской контрразведке, здесь нужно говорить все.

— Я могу об этом говорить только в соответствующих органах в Москве и нигде больше.

— Вы едете с западной границы СССР из-за границы, в сторону китайской границы. Зачем?

Объясняю. Вижу, ответом не удовлетворен. Записал адреса: семипалатинский, где остался паспорт; московский, служебный; адрес геологической экспедиции, куда еду.

В течение трех дней, по утрам и вечерам, этот полковник вызывал меня на допросы. Вопросы были все те же и в той же строгой последовательности. Вероятно, скучно ему было в своем краевом управлении, и вот такое развлечение: а вдруг серьезная птичка попалась?

К явному разочарованию и огорчению полковника из Семипалатинска и Москвы пришли ответы на запросы о моей личности, подтвердились данные показания. Утром четвертого дня он снова меня вызывает, но иду к нему уже без охраны. Сообщает, что все в порядке, я свободен, могу следовать дальше.

На мое нахальное неудовольствие потерей трех дней отпуска и билета на поезд полковник отреагировал очень лояльно и оперативно. Он тут же обратился к присутствовавшему при разговоре мужчине в штатском, который привез меня в Барнаул:

— Капитан! Обеспечьте товарищу оправдательный документ на трое суток, сопроводите до Чесноковки, купите билет и посадите на поезд.

Капитан сработал вполне четко. Через полчаса у меня была в руках медицинская справка такого содержания: «Гр-н такой-то, такого-то числа был снят с поезда № такой-то на станции Чесноковка по причине сердечного приступа и находился на излечении с такого-то по такое-то». Это — для продления отпуска на трое суток. Интересно, глядя на меня, поверили бы этой справке в Москве, если бы я ее предъявил? Также мне была выдана справка, что мой паспорт по недоразумению находится там-то и что эта справка удостоверяет личность предъявителя.

После нелегкого двухсуточного пути при свирепом морозе я прибыл в желанное место, в поселок геологов на шумной, не замерзающей даже зимой горной реке Катунь. И мне рассказали, что два последних дня местная милиция проводит проверку паспортного режима в поселке, чего раньше никогда не было (зеки сбежали?). В день моего прибытия милиция явилась снова, вместе с другими проверили и мои документы, никаких вопросов не последовало. Больше они не появлялись.

В общем, немало хлопот доставил я госбезопасности своей жениховской поездкой в Горный Алтай.

На всю свою оставшуюся жизнь я зарубил себе на носу: с секретными документами будь предельно внимателен и никакими оплошностей в общении с органами не допускай, если не хочешь по-глупому испортить себе жизнь. И серьезных инцидентов такого рода у меня больше никогда не было.

Прошло два года работы в «Висмуте» — и вот я уже главный геолог шахты. До сих пор я практически никак не интересовал местную парторганизацию (она на меня лишь изредка поглядывала вприщур, раздумывая, не пора ли меня выгнать в Союз за «хамство», то есть нарушение режима). Сейчас же она решила меня вовлечь, то есть принять в свои ряды. Причин для этого вроде бы не было. Я был явно не из числа активистов, а с позиций режима и вообще — личность по меньшей мере подозрительная. И моя новая должность не требовала обязательного членства, в отличие, скажем, от должности начальника шахты, который руководил большим количеством людей. Я же был больше связан с камнями и бумагами. Правда, геолог — это поводырь горняков в подземном царстве, от него зависит очень многое, но особая идеологическая устойчивость явно не требуется. И немногие из моих коллег на других шахтах «состояли».

Дело было вовсе не в идеологии, а намного прозаичнее, приземленнее. В те годы выполнение плана по «металлу» (за невыполнение плана по горным работам ругали, но не очень) было крайне жестким. И основную ответственность за это на шахте несли трое: начальник, главный инженер и главный геолог. И эта троица, если шахта давала сбой, минимум достаивалась еженедельной аудиенции у начальника Объекта или главного инженера — людей чрезвычайной крутости. Они выходили из высоких кабинетов взмысленными. Но это было еще не все: тут же следовал второй круг — партком. Здесь говорилось все о том же, но имелся новый аргумент: «Смотрите, как бы не пришлось положить на стол партбилет». Меня, не имевшего упомянутого документа, на эти внушения в парткоме не приглашали, после выволочки у объектовского начальства я отправлялся ужинать в ресторан, где имелась прекрасная возможность расслабиться. Начальнику и главному инженеру (оба партийные) это было очень обидно, они охотно составили бы мне компанию, но увы...

И они натравили на меня секретаря парткома: как, мол, так, такая должность, такая ответственность, и беспартийный! И секретарь парткома Объекта вызвал меня на беседу, где рассказал мне, какой я хороший парень, как быстро я прошел по служебной лестнице, и мне давно уже пора «вступать в ряды». Рассказывал, как сильно ускорится мое движение по службе при наличии партбилета (не врал, я это знал и без него).

Но, несмотря на все эти аргументы, в партию вступать мне никак не хотелось. Это означало безнадежно потерять хоть какой-то остаток свободы, независимости. Я

начал отпираться, мотивируя тем, что я совсем недостойн такой высокой чести, партия для меня нечто очень высокое, а я и в Союзе был хулиганом и здесь нет-нет, да и прорвется. На днях, вы же знаете, своему родному главному инженеру по пьянке морду набил, и так далее, в том же духе. На эту тираду парторг с улыбкой ответил:

— Главное состоит в том, что ты уже понимаешь, что такое партия. Но ты ее еще не знаешь, мы тебя быстренько возьмем в оборот, обгешем, обстругаем, сделаем из тебя человека, будешь потом нас благодарить.

И загнал он меня в угол, нечего мне было возразить. И вдруг я придумал совершенно дурацкий, даже издевательский аргумент:

— Вы знаете, у меня, вероятно, какой-то недостаток в башке. Стоит мне попасть на какой-нибудь политический доклад даже на обычном общем собрании, и я мгновенно засыпаю (а это действительно случалось). Как же я буду выглядеть на партсобраниях?

Секретарь парткома этот мой пассаж, конечно же, справедливо воспринял как прямое издевательство и сухо сказал мне короткую фразу:

— Пошел вон!

Я ушел, несколько месяцев с тревогой ожидал каких-то санкций, но ничего не случилось, все обошлось, партия меня больше, как говорится, в упор не видела. Мое нежелание «вступить в ряды» вовсе не означало, как и раньше, какой-то оппозиции к существующему режиму, советской власти, неверия в советские идеалы. Было, опять же, какое-то сложное переплетение этой веры и в то же время некоторой собственной отстраненности, дистанцированности от власти. Хотя для появления оппозиционности уже имелись предпосылки. Например, само пребывание в ГДР очень наглядно показывало различие уровней жизни побежденных немцев (мы знали также о различии этих уровней у немцев западных и восточных, об этом ниже) и советских победителей. Не на собственной шкуре мы это испытывали. Мы, здешние советские, в то время пребывали, безусловно, если не в коммунизме, то где-то на ближайших к нему подступах, но мы бывали в отпусках на Родине. Кроме того, здесь, в ГДР, не проводилось глушение «вражеских голосов», мы беспрепятственно их слушали, и червь сомнения уже вползал. Но все же устои оставались пока незыблемыми.

Сейчас, после стольких лет и событий, я могу судить о своих тогдашних убеждениях по реакции на смерть Сталина. Как и все окружающие, я был потрясен. Помню, как на общем собрании действительно сильные люди, прошедшие суровую школу жизни,

в том числе боевые офицеры, говорили на трибуне срывающимися голосами и плакали. Плакали люди и в зале. Я точно знаю, что эти слезы и срывающиеся голоса были искренними, такое изобразить на публику было не по силам и большому актеру.

И на всю жизнь я запомнил свою реакцию на комментарий «Голоса Америки» по поводу этого события. Этот комментарий заканчивался фразой: «В опустевшее кресло диктатора опустилась грузная фигура Маленкова. Что же будет дальше? Посмотрим».

Я подумал, вот сволочи! Это надо же придумать — диктатор!

Помню наше обсуждение этого события в обычной вечерней холостяцкой компании, в обычном подпитии. Постоянным участником этой компании был один человек, намного старше по возрасту всех остальных, приехавший в «Висмут» с Колымы, из Дальстроя — главный геолог смежной с нами шахты Виктор Васильевич Казаков. Этот человек позже станет предметом отдельного разговора. Сейчас нужно только упомянуть, что на наши полупьяные рассуждения о том, какой великий человек ушел, и что совсем не ясно, что же будет дальше, найдется ли ему достойная замена, он заметил: «Знаете, ребята, я думаю, что очень скоро роль и значение Сталина будут пересматриваться».

Все мы так ошалело и косо на него посмотрели, никто ничего не сказал, но он после этой единственной фразы заткнулся и никогда больше этого разговора не возобновлял.

До сих пор я говорил о делах только наших, внутренних, советских, но находясь в любой стране, наверное, невозможно отгородиться наглухо от окружающей общественно-политической жизни. И мы вольно и невольно (часто невольно) в ней участвовали.

Самой простой и нередко приятной нашей обязанностью в этом плане (в общем-то и это было обязательным среди всех прочих обязаловок) было крепить *Freundschaft*²⁷ с немецким населением. Мы обязательно участвовали вместе с немцами — нашими коллегами по работе — в массовых мероприятиях (праздничных демонстрациях, возложении венков и т.п.) по случаю каких-то дат. По этим же случаям, а нередко и без оных, устраивались совместные банкеты.

Одно из такого рода мероприятий осталось в памяти надолго. Наша шахта с некоторого времени стала работать очень стабильно и уверенно, план систематически перевыполнялся, головомойки на разных уровнях стали подзабываться. Мы горделиво прозвали свою шахту «четвертая красноразумная, трижды

непромокаемая». Объект в целом работал уверенно, как-то незаметно занял первое место в общевисмутовском социалистическом соревновании и получил очень крупную премию. Немецкие общественные организации судили-рядили, как потратить свалившиеся денюжки, и нашли прекрасный способ — организовать в выходной день (дело было летом) туристическое плавание по реке Эльбе.

Из многих тысяч трудящихся выбрали отличившихся (несколько сотен человек, вместе с семьями), арендовали поезд до Дрездена, а в Дрездене — два специальных прогулочных парохода, чтобы поплыть на них вверх по Эльбе, до чехословацкой границы и обратно. Пароходы довольно большие, вместительные, старые, колесные, с длинными дымовыми трубами и очень живописные. Ранним утром мы прибыли в Дрезден. Там меня очень впечатлила немецкая организованность. Идти было не очень далеко, но и не совсем близко, и вся эта вывалившаяся из поезда людская масса быстро и деловито, без всяких понуканий и суеты организаторов, построилась в колонну и двинулась на пристань, где столь же организованно погрузилась на ожидавшие пароходы. На пароходах были рестораны, буфеты, просторные палубы с шезлонгами, столиками и т. д. День теплый, солнечный, пароход романтически шлепает плицами, Эльба — необыкновенной красоты голубая извилистая лента, берега — причудливые песчаниковые скалы, заросшие хвойным лесом (очень известная в мире Саксонская Швейцария). На склонах — древние крепости, например, Кенигштайн (по-русски «Королевский камень»), замки, роскошные виллы. Зрелище было совершенно незабываемое, непрерывно щелкали фотоаппараты. И хотя рестораны и буфеты работали с полной нагрузкой, не было ни одного сколько-нибудь захмелевшего даже среди наших. Уж очень интересно было просто глазеть по сторонам.

Но это все были мероприятия праздничные, приятные, особенно если славянам удавалось соблюсти меру. К сожалению, были и другие мероприятия, где беспокоиться о последнем не было никакой нужды. Считалось, что советские специалисты «Висмута» — это передовой отряд, они должны были быть (и были) «на острие» в случае возникновения каких-то сложностей. В мою бытность на Объекте случились две такие «сложности». Первая — пожар на соседней шахте, когда были задымлены, загазованы горные выработки всех шахт Объекта, включая нашу. Вторая — наводнение летом 1954 г., когда в результате непрерывных двухнедельных проливных дождей началось затопление шахт.

В обоих случаях рабочие выводились

на поверхность, но были в шахтах такие узловые, критические сооружения (насосные и т. д.), работу которых нужно было поддерживать во что бы то ни стало, да еще контролировать, все ли делается как надо. Для этой цели подбирались небольшие группы из соответствующих немецких специалистов, но всегда в составе такой «пожарной» группы и не обязательно в руководящей роли был наш, советский. Часто он, имея совершенно другую специальность, мало понимал, что к чему, был по сути бесполезен, но он «демонстрировал». Сложилась устойчивая традиция обязательного участия советских сотрудников в ликвидации всех критических, сложных ситуаций.

Но в 1953 г. на шахте возникла сложная, критическая ситуация совсем иного рода. Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), правившей в ГДР, надоела тяготица — медлительность в деле построения в стране социализма. И поскольку по Ленину социализм — это, прежде всего, наивысшая производительность труда, было решено взяться за выполнение именно этой ключевой задачи. Как? А очень просто: поднять в текущем году нормы выработки на 15 % с перспективой дальнейшего повышения в будущем.

В «Висмуте» к этому вопросу, когда он был поставлен властями, отнеслись посерьезнее, чем в ЦК СЕПГ. Была проведена, прежде всего, серьезная проработка экономических вопросов и создана специальная программа. Гвоздем программы было повышение норм выработки на требуемые 15 %, но с одновременным резким повышением оплаты за добытую богатую руду. В итоге, как показывали расчеты, рабочий должен был серьезно выиграть, не оставалось в накладе и предприятие.

Немецкие партийные и профсоюзные функционеры получили задачу: в течение нескольких месяцев провести с рабочим классом разъяснительную работу и собрать коллективные заявления бригад с «просьбой» поднять нормы выработки на 15 %. Количество таких заявлений должно было быть не менее 50 % от числа бригад на каждой шахте.

Функционеры эту работу успешно провалили: ничего у них не вышло. Уж очень трудно было убедить рабочих, что они только выиграют от повышения норм выработки. Богатая же руда — это как фарт для старателя, а немец на фарт обычно не надеется, он — человек основательный.

Ничего не оставалось делать, как пустить в ход «тяжелую артиллерию» — советских специалистов. Сроки, как и всегда у нас, им поставили предельно жесткие — две недели. И советские специалисты сделали это, и вовсе не потому, что они смогли более

доходчиво объяснить преимущества новой системы оплаты труда. Они просто не имели возможности сделать это очень доходчиво по двум причинам. Во-первых, геолог, геофизик или механик — это вовсе не экономист. Во-вторых, говорили эти люди на так называемой «висмутшпрахе», весьма причудливой смеси немецкого, русского и специфического очень русского (в пределах необходимого немцы эту речь вполне понимали). Но в немцах еще сохранился комплекс побежденного, опасно было перечить советскому (особенно геологу, который мог занизить категорию крепости разрабатываемых горных пород, надолго посадить бригаду на невыгодные забои и доставить много других неприятностей). В этой ситуации особенно доходчивыми оказались как раз обороты очень русского языка. Двух недель хватило. В который раз было доказано, что для советского человека нет ничего невозможного.

«Висмут» первым в стране перешел на новые нормы выработки. Ничего, все спокойно. Ободренные этим фактом власти, не без основания считавшие «Висмут» передовым отрядом рабочего класса ГДР, на базе которого можно было поэкспериментировать, пошли на решительные действия. Было объявлено о повышении норм выработки на всех государственных промышленных предприятиях.

Результатом стали события, начавшиеся 17 июня и больше известные как день «икс». В этот день забастовали строители Восточного Берлина, а затем это лавинообразно перекинулось на всю страну.

Мы узнали об этом утром 18 июня. Рабочий день начинался в шесть утра и к этому времени я спешил на шахту. Проходя вокзальную площадь, куда прибывали поезда и автобусы с рабочими, я не мог не обратить внимания на необычную деталь: в центре площади стоял армейский грузовик, в кузове которого находился счетверенный зенитный пулемет и около него — солдаты. Хорошенькие дела! Иду на шахту, в помещение своего геологического отдела. В отделе у меня работал солдат, в задачу которого входила трансформация не секретных материалов в секретные. Он иногда спускался в шахту, но чаще всего сидел с арифмометром в конторе. Сегодня он был с автоматом, чего раньше никогда не случалось. В чем дело? Он ответил, что их необычно рано подняли по тревоге, приказали ехать на работу с оружием, в шахту не спускаться, делать обычную работу, но быть настороже и ждать возможных распоряжений.

Позвонил начальник шахты: «Советским сегодня в шахту не спускаться. В 8:00 со своей командой явиться ко мне».

В 8 часов он ничего толком не сказал, сам был не в курсе. Велел всем находиться на сво-

²⁷ Дружба (нем.).

их рабочих местах на поверхности, работать как обычно, но быть очень внимательными ко всему, что происходит вокруг.

Только вечером всех советских специалистов собрали в управлении Объекта и рассказали: в стране всеобщая забастовка в связи с повышением норм выработки, серьезных инцидентов вроде бы нет, но жизнь парализована. Советские оккупационные власти не вмешиваются, только контролируются войсками ключевые в стратегическом отношении пункты транспортной инфраструктуры и т. п.

Эти события продолжались трое суток, и все это время советские войска в них не вмешивались, пока не стало совершенно ясно, что местная власть не в состоянии контролировать обстановку и оказалась полностью недееспособной. Тогда войска получили приказ и... Для советских людей нет ничего невозможного. Правда, нужно отдать должное местному населению. Проявлений насилия не было, власть пытались сменить цивилизованными методами, но когда убедились в решительности оккупационных властей, действовавших тоже очень осторожно (стрельбы не было), отступили.

Отступилась и власть. Вместо маячивших всюду плакатов с лозунгами «Es lebe der Sozialismus!»²⁸ появились другие, с новым содержанием: «Es lebe neuer Kurs!»²⁹ В чем состоял этот новый курс, было совершенно непонятно, ясно было только одно — отступление.

О деталях этих событий я, как и другие, узнал много позже, со слов «вражеских голосов» (которым тогда не очень верил) и военнослужащих из других городов, с которыми иногда приходилось общаться. И моя неосведомленность совершенно не случайна. Дело в том, что «висмутовские» предприятия (шахты, обогатительные фабрики и т. д.) и все, что с ними было связано, в том числе государственный железнодорожный и автомобильный транспорт, доставлявшие рабочих часто за многие десятки километров — все это работало, как всегда, бесперебойно, без всяких эксцессов и происшествий. В висмутовских поселках было совершенно спокойно, тоже все как всегда.

Власть отступила, взяв курс на «новый курс», отступилось и население — с Советской армией не поспоришь. Не отступил только «Висмут». Никто и не подумал о прекращении действия новой системы оплаты труда. Рабочие очень скоро поняли, что их реальные заработки стали явно выше. И у нас практически исчезли проблемы с выполнением плана по «металлу» — горные бригады стали жестко конкурировать между собой за право

работать в лучших, наиболее богатых рудных забоях.

В общем, «Висмут» очень достойно вышел из экстремальной ситуации. Надо отдать должное руководству всех уровней, рядовым сотрудникам, семьям. Были тревога, настороженность, большое внутреннее напряжение, не было только паники.

Правда, не у всех. В мокрых штанах оказались органы в лице своего первого отдела Генеральной дирекции «Висмута», этой святой святых, хранилища всех секретов. Я слышал (правда, не очень верил), что первый отдел все эти тревожные дни работал необычно напряженно, в массовом порядке сжигая секретную документацию.

Что это действительно было так, я убедился много позже, в начале семидесятых годов, в свой второй заезд в ГДР. В это время я занимался уже совсем другими делами — поисками новых урановых месторождений. Я работал в Дрезденской геологоразведочной экспедиции «Висмута» и моей группе предстояло провести поисковые работы в так называемых Герлицких сланцевых горах. Это восточная часть Дрезденского округа, непосредственно близ польской границы (г. Герлиц находится на берегу пограничной реки Нейсе).

В «поле» нужно было выезжать весной, зимой же мы готовились к полевым работам, тщательно изучая все уже имеющиеся по этому району геологические материалы, накопленные за всю обозримую историю. По данным геологического фонда «Висмута» считалось, что мы выходим в этот район впервые, до нас там поиски урана не проводились.

Но вот однажды заходит ко мне мой немецкий коллега, геолог Петер Вольф. Мы его звали Петей Волковым: он учился в СССР и отлично говорил по-русски. Он показал мне немецкий геологический научный журнал со статьей, в которой имелась такая фраза: «В старой канаве «Висмута» мы обнаружили...» И на схеме строения района было показано местонахождение этой канавы.

Мы оба озадачены: какие это вдруг старые канавы «Висмута», ведь мы были уверены (по документам), что «Висмут» здесь никогда не работал. Обсудили, решили, что автор статьи просто что-то перепутал. Более того, летом мы осмотрели указанное место и никаких следов канавы не нашли (даже если она была, то все давно рекультивировано, распашано, засеяно).

Но позже я однозначно убедился, что автор статьи не ошибался. Не на равнинной безлесной распаханной местности, а в расположенных неподалеку невысоких, заросших лесом горах, во время геологических маршрутов я нашел не одну обвалившуюся старую

канаву, в отвалах которой радиометр ясно показывал повышенную радиоактивность. Было ясно: эти канавы проходились для проверки радиоактивных аномалий и что это мог делать только «Висмут». Также было очевидно, что если поисковые работы здесь уже проводились и в свое время не получили продолжения (что говорило об отрицательном результате), мы занимаемся здесь совершенно бестолковым делом.

Мои и Вольфа попытки убедить начальство в необходимости прекращения работ ни к чему не привели. И хотя мне лично удалось перейти работать на другой участок, здесь все же немало закопали денежек, естественно (после трех лет работы!) получив отрицательный результат.

Можно было от всего сердца поблагодарить органы, которые своими действиями способствовали тому, чтобы последующие поколения геологов не остались вдруг безработными.

Много, много позже прояснилось, что в первые послевоенные годы (в том числе и во время моего первого «заезда») все атомные дела, включая и минерально-сырьевую базу, находились под непосредственным контролем самого Лаврентия Берии. Мы об этом не знали ровно ничего, как и не знали, что это была за личность.

Но ясно, что работающее на атомную промышленность советское предприятие за рубежом не могло остаться без пристального внимания подручных этой зловещей личности. Ощущали ли мы это? Самое удивительное — нет.

Выше я уже писал, что главной заботой партии и органов было поддержание нужного имиджа советских людей и борьба с исконно присущими славянам особенностями национального характера. И даже в борьбе с этим зловредным пороком допускался известный либерализм. Может быть, эти либералы знали известное высказывание булгаковского Воланда: «Что-то недоброе таится в мужчинах, избегающих вина, игр, общества прелестных женщин, застольной беседы». Вот два аспекта этой великой истины. Во-первых, имеющий пристрастие никак не может быть тайным врагом, пристрастие и тайна несовместимы. Во-вторых, застольные беседы, когда развязываются языки, — идеальный источник информации о настроениях.

Были ли попытки получить эту информацию и найти, выявить, обезвредить?

Если бы искали, то обязательно бы нашли, ибо каждому хорошо понятно, что всякая работа должна быть результативной. Если ищите и не находите, значит, плохо работаете, значит, и к вам самим нужно присмотреться.

треться. На Объектах «Висмута» не было ни одного случая «выявления», ни единого ареста. Во всяком случае, я за пять лет работы не слышал ничего подобного.

И в своей среде мы держали себя довольно раскованно, разговоры были очень разные, особенно после смерти «вождя и учителя». Большинство, не таясь среди своих, слушали «вражеские голоса». И за все это время ни одного случая политического доноса и ни одного пострадавшего по этой причине.

Чем объяснить эдакую благодать в «Висмуте» на фоне происходившего тогда дома, в Советском Союзе? Сказать трудно, можно только гадать. Может быть, были действительно уверены в тщательности подбора людей и беспредельно нам доверяли, о чем говорили нам цеховские партийные чиновники. В это как-то не верится, ибо тогда существовало жесткое правило: доверяй, но проверяй. А может быть, они знали истинную цену наших секретов для иностранных разведок. Все, что действительно нужно было знать, «там» безусловно знали, без всяких попыток проникновения. Тогда зачем были нужны все описанные выше ухищрения в деле сохранения государственной тайны? Какой-то таинственный ангел берег отлично отлаженный механизм, успешно решавший тогда действительно стратегическую задачу.

Так что же, стало быть, ничего такого и не было? Как же не было — было, но несколько в другом ключе. Я сам знаю два таких случая, и оба раза органы явно зевнули.

Первый случай произошел вскоре после моего приезда. Сбежал в Западную Германию не кто-нибудь, а сам начальник отдела охраны и режима Генеральной дирекции, не то полковник, не то генерал (форму эти люди не носили), фамилию не помню. В то время еще не было Берлинской стены, границы между зонами оккупации были достаточно прозрачны, к тому же военные чины такого уровня имели особые пропуска для въезда в любую зону оккупации (как и с противоположной стороны). И вот этот главный «секрет» однажды ночью, с семьей, на великолепном легковом автомобиле беспрепятственно отбыл на Запад. Что он прихватил с собой, никто не знал. Когда хватились и разобрались, что к чему, шум был выше неба. Но где-то через месяц, на очередном режимном собрании нам сообщили, что незадачливый беглец находится уже в Москве в соответствующем учреждении, его достала гэдээровская контрразведка.

Другой случай произошел уже после моего окончательного отъезда в 1956 г. (позже при встрече мне рассказали об этом оставшихся там друзья). Это произошло с Виктором Васильевичем Казаковым, о котором

28 «Да здравствует социализм!» (нем.).

29 «Да здравствует новый курс!» (нем.).

я уже упоминал. Приехал он с Колымы, видно, посмотрелся всего своими глазами и, вероятно, совсем не случайной была его фраза о возможном пересмотре отношения к Сталину.

Очень необычным было его семейное положение. В «Висмут» в те годы приезжали как семейные (жили в очень удобных коттеджах), так и холостяки (жили тоже в очень удобных общежитиях, у каждого, кто хотел — отдельная комната). Этот приехал без жены, но с дочерью, учившейся в начальных классах. Поселился не в коттедже, а в общежитии. Как его пустили в заграникомандировку, как он успевал управляться с девочкой при своей-то работе, представить трудно. Но как-то пустили, как-то управлялся. Он часто участвовал в дружеских холостяцких компаниях, увлекался пением в хоре (оказался лучшим басом во всем «Висмуте»), кроме специфики семейного положения, он, в общем-то, ничем особенно не выделялся.

И вот узнаю: Виктор Васильевич вместе с дочкой смылся в Западный Берлин. Наверное, у него были вполне идейные причины такого шага. В этом случае замечательно другое: как он остроумно использовал хитроумные ухищрения органов, наводивших тень на плетень в документах выезжающих за границу.

Как я уже упоминал, вместо обычного советского заграничного паспорта нас снабжали удостоверениями МИД — синенькой книжечкой. И вместо обычных выездной и въездной виз было нечто совершенно непонятное. Визы вообще не было, не было указания, в какую страну ты выезжаешь, а стоял только штамп со словами: «Выезд разрешен через все погранпункты СССР». Фантастический документ: езжай куда хочешь (если примут без въездной визы), когда хочешь, через любой погранпункт.

Правда, реальное воплощение этой невероятной свободы ограничивалось, как я рассказывал, строгим предписанием купить билет на строго определенный поезд, ехать через Брест до Франкфурта-на-Одере, а там вы попадали в заботливые (без кавычек) руки «Висмута». Все очень просто и ясно. Но это для рядовых. Некоторым, особенно нерядовым, было утомительно проделывать такой путь, и им разрешалось лететь самолетом Москва — Шенефельд (аэропорт под Берлином). Билеты все равно за свой счет, единственным осложнением было то, что каждого такого пассажира нужно было встречать уже на легковом автомобиле. Это было довольно накладно и позволялось очень немногим.

Так вот, Виктор Васильевич, возвращаясь из отпуска, как обычно сообщил в отдел кадров министерства, что он купил, как и должно

было быть, билеты на обусловленный поезд на назначенную дату. Но на самом деле он купил билеты на самолет (мидовское удостоверение позволяло это) и пока поезд болтался на, в общем-то, неблизком пути, он через несколько часов был в пригороде Берлина.

Он сдал чемодан в камеру хранения аэропорта и, стараясь не привлекать к себе внимания, уехал в восточную часть Берлина, а оттуда — в западную. Как я уже говорил, стены еще не было, и подземка ходила через весь город, игнорируя границы секторов. Первому же попавшемуся полицейскому Казаков сообщил, что он перебежчик. Такие люди в те времена были подарком судьбы для западных спецслужб, и их даже очень охотно принимали. И скоро его от греха подальше переправили в Западную Германию, в г. Дуйсбург.

Факт прибытия Казакова в Западный Берлин и все подробности этого путешествия стали известны отделу охраны и режима «Висмута» раньше, чем прибыл во Франкфурт предписанный ему поезд. Сотрудник, встречающий поезд, также был в курсе и шока не испытал.

Дело в том, что в полицейском участке, куда его доставили, Казаков сообщил, что он оставил в аэропорту свои чемоданы.

— Kein problem³⁰, — ответили ему. — Давайте ваши бирки, мы съездим и получим их.

И надо же было случиться, что человек, которого послали за чемоданами, оказался агентом контрразведки ГДР. Прибыв в аэропорт, он сообщил кому надо, в чем дело. Ему велели получить чемоданы, заглянуть в них и, если не увидит ничего интересного, отвезти владельцу и в дальнейшем не вмешиваться. Все это было проделано, и Виктор Васильевич благополучно добрался до Западной Германии.

Но органы не успокоились. Ничтожность сбежавшей личности не позволяла заняться очень сложной (и, вероятно, дорогой) перебазировкой его в Москву. Поступили значительно проще и экономичней.

Уже через несколько месяцев на очередном собрании, посвященном режиму, нам сообщили следующее. «Вы помните, мы рассказывали, что известный вам Казаков бежал на Запад. Вы помните также, что он и здесь очень не прочь был выпить. Так вот, «там» он распоясался окончательно, устроил скандал в каком-то кабаке и был убит в пьяной драке». И такое удовлетворение было в голосе докладчика, что всем было ясно, что к чему.

Сейчас, вспоминая эти события, я задумываюсь совсем о другом. Да, людей,

³⁰ Нет проблем (нем.).

о которых идет речь, считали врагами, и их достали. Руки у органов были достаточно длинные. Что случилось с этими руками потом, почему российская разведка не могла достать таких откровенных преступников, как небезызвестных террористов Басаева, Радуева³¹ и других, действующих пусть и на мятежной, но все же на нашей территории? Что же, страной правила совершенно безрукая власть? Или, может быть, наоборот, очень уж рукастая и загребаемая?

1970–1975 гг. — вторая заграникомандировка, снова в ГДР, в тот же самый «Висмут». Нет, конечно же, не в тот же самый: очень многое изменилось. Ушла в прошлое монополия советских специалистов, на всех должностях были перемешаны примерно в равной пропорции немцы и наши. Резко снизился и груз ответственности, бывший столь тяжелым в мой первый «заезд» сюда. Можно было спокойно оставить все дело немцам, ничего бы не ухудшилось, скорее наоборот. Но Москве было важно сохранить свое присутствие, и мы его сохраняли. Работать можно было по-всякому, в зависимости от характера каждого конкретного человека. Можно было пахать, можно было делать вид, главное, чтобы внешне все выглядело благопристойно и спокойно. Так и было, мы знали, зачем приехали (подработать, только и всего).

Вторая особенность — в это время в «Висмуте» среди советских специалистов уже не было ни одного холостяка — только семейные, ни одного только что окончившего учебного заведения — только с солидным стажем работы, ни одного техника — только с высшим специальным образованием.

Сохранившийся отдел охраны и режима продолжал свою работу по поддержанию имиджа советского человека, но теперь это было делать значительно проще в связи с отмеченными обстоятельствами. Конечно, семейное положение славянина как-то ограничивает его исконные склонности, но не абсолютно и не во всех случаях. И конфликтные ситуации случались, но уже достаточно редко и не нарушали в целом спокойного, устоявшегося существования.

Я на этот раз приехал уже в сорокалетнем возрасте, с двумя взрослыми детьми, имея кандидатскую степень и язву желудка. Работа мне нашлась достаточно интересная, дома все было в идеальном порядке, я увлекся делом, и все было прекрасно.

С партией и органами мне пришлось столкнуться только дважды.

Дома, в СССР, я не имел никакого при-

³¹ Ш. Басаев вместе с другими боевиками был убит в результате секретной спецоперации 10 июля 2010 г.; С. Радуев был арестован сотрудниками ФСБ в поселке Новогрозненский в 2000 году, а через 2 года умер в тюрьме (прим. ред.).

страстия к общественной работе, и далеко не всегда мне это сходило с рук. Приехав сюда, я ожидал, что и здесь меня заставят делать что-либо подобное, хотя бы для проформы. Самое удивительное — не заставили. Я инициативы не проявлял, и обо мне никто не вспомнил, ибо любителей такого рода деятельности было настолько много, что вакантных должностей в этой сфере просто не было: они были нарасхват. Так продолжалось два с половиной года, пока не пришел срок продления контракта, который заключался вначале на три года и затем продлевался на каждый последующий год. И здесь потребовалась характеристика, а в ней был обязательный пункт об участии в общественной жизни. При этом нельзя было ограничиться отпиской вроде «активно участвует...», а требовалось конкретное указание выполняемой работы.

Меня вызвали меня в партком.

— Слушай, мы в затруднении. Вовремя мы тебя не «охватили», надо срочно что-то придумать и пристроить тебя к какой-нибудь общественной работе.

Думали они, искали — все занято. Наконец, кого-то осенило: да ведь он без конца торчит в технической библиотеке и даже помогает составлять заказы на новую литературу. Вот и пусть официально будет общественным куратором библиотеки. Так для меня придумали новую должность, и вопрос был исчерпан.

Другой случай был посерьезнее. Я уже упоминал, что жены советских сотрудников «Висмута» работать права не имели, занимались домом, детьми. Старший сын уже через год уехал в Советский Союз на учебу в вузе, младший учился в шестом классе. И в это время с моей женой случилось несчастье: проблемы с позвоночником, она практически не могла ходить. Ее долго пытались лечить в висмутовской клинике, в госпиталях группы Советских войск, увозили в специализированную немецкую клинику — все без толку. У меня, естественно, возникли проблемы: как быть с сыном, ведь я уходил очень рано и к семи утра должен был быть на рабочем месте. Благо, женщины-соседки взяли парня под опеку. Но бесконечно долго так продолжаться не могло.

И вот меня вызывает начальник отдела охраны и режима — некто Зверев (знали, что гебист высокого чина, но в форме его никто никогда не видел). Он старался хранить старые висмутовские традиции, касающиеся режима, и редким в это время его нарушителям ожидать снисхождения не приходилось. Мы посмеивались, что фамилия этого человека очень подходит к его характеру и занимаемой должности.

Но у меня был другой случай. И Зверев разговаривал максимально благожелательно, даже с извинительной ноткой: «Ты сам знаешь, мы сделали все, что было в наших силах и возможностях. В такой ситуации дальше тебе здесь оставаться нельзя. Через два месяца у тебя очередной отпуск — соберайся насовсем. Мы устроим твою жену в 6-ю клинику Минсредмаша» (очень престижная клиника).

Я понимал это и стал собираться к отъезду.

Но тут произошло событие, в который раз показавшее, сколь велика роль личности в истории. Выяснилось, что Зверев свой срок пребывания в «Висмуте» исчерпал, и в результате естественной ротации на его место прибыл другой человек, значительно старше, очень уважаемый, сухощавый, высокий, с очень одухотворенным лицом, мягким голосом и совершенно фантастической фамилией — Молитвословов. Этот человек очень быстро, за несколько месяцев, разрушил наше традиционное и небезосновательное отношение к органам как преимущественно карающим.

Первым узнал сущность этого человека я. Буквально через неделю после его прибытия мне позвонили из отдела кадров и сообщили, что мой отъезд в СССР отменяется. Молитвословов просмотрел документы, поговорил с главврачом «Висмута» (была и такая должность) и выяснил, что жена прибыла из Советского Союза здоровой и беда случилась здесь.

— А если это так, то и ответственность на нас, мы должны ее вылечить, а не избавляться, — сказал он.

И приказал не беспокоить меня отъездом, принять дополнительные меры к лечению жены, после чего пригласил меня для беседы:

— Работайте спокойно, договоритесь с соседями, чтобы продолжали присматривать за сыном, а мы будем пытаться вашу жену все-таки вылечить.

Самое интересное, что особого дополнительного вмешательства медицины не потребовалось. Лечение в нашей клинике, до того не дававшее никаких результатов, стало помогать: медленно, мучительно, но дело пошло на поправку и буквально через пару месяцев шефство соседок стало излишним.

В первой половине семидесятых годов немцы ГДР были уже совсем не те, что двадцать лет назад. Ушел в небытие комплекс побежденного, в служебных делах они чувствовали себя в общении с нами вполне на равных. Гэдээровские немцы считали себя наиболее надежными союзниками нашей страны и недолюбливали чехов и особенно

поляков, которые в свою очередь откровенно недолюбливали нас.

Была построена стена в Берлине, укреплена граница. Отгородившись, насколько это было возможно, от западного влияния, страна строила свою жизнь на принесенной с Востока идеологической основе. Советское присутствие казалось бесконечным, иного пути просто не было.

О минувшей войне вспоминали нечасто, но вспоминали. Советские могилы содержались в идеальном порядке, в определенные даты обязательно возлагались венки и проводились соответствующие официальные мероприятия. Но это официальные. Внешне все было благопристойно, но насколько искренне это было — кто его знает, каждому в душу не заглянешь. Поэтому сошлюсь на некоторые случаи, совсем неофициальные.

По роду работы мне приходилось много ездить по южной части ГДР, особенно по району саксонских Рудных гор. И обычно это была одна и та же команда — я, помощник-рабочий и водитель микроавтобуса Barkas-1000 (B-Tausend). Рабочий (его звали Хайнц) был из шахтеров, отработал много лет на урановой шахте и был выведен на безопасную работу. В геологических маршрутах он работал с радиометром и помогал оформлять собранные образцы горных пород. Водитель иногда менялся, но чаще это был Курт — человек уже предпенсионного возраста, за шестьдесят. Тощий, очень высокий, очень разговорчивый и очень эмоциональный. Катит наш «баркас» по автобану со скоростью 120 километров в час. Курт ни на минуту не замолкает, иногда увлекается настолько, что бросает руль и начинает размахивать руками, а машина движется сама по себе.

Мы нередко уезжали очень далеко, за сотни километров, и, отработав день, на обратном пути нередко останавливались у придорожной Gaststätte³² перекусить. Обычно это был довольно большой, одиноко стоящий двухэтажный дом, на втором этаже которого желающий мог получить комнату для отдыха, а на первом — неприятно перекусить.

Традиционная «стойка», за ней хозяин. Выбор угощений крайне невелик. Поест — только горячие боквурсты (сардельки по-нашему) с булочкой и горчицей (достаточно вкусно). Выпить — всегда свежее прекрасное пиво, для водителя — лимонад. Можно было заказать и все что угодно более крепкое, но это популярностью не пользовалось (все-таки не ресторан, да и люди в пути).

Однажды мы остановились у такой «гастштетты» утолить голод. Небольшой зал,

³² Гостиница или предприятие общественного питания (нем.).

несколько столиков, из посетителей никого, мы одни. Заказали на всех боквурсты, нам с Хайнцем пиво, Курту — лимонад. Сидим, заправляемся, разговариваем. За стойкой — немолодой, толстый, краснолицый немец — хозяин, от которого так и веет добродушием. Молча поглядывает на нас на случай наших возможных дополнительных желаний.

Прошло некоторое время, мы больше ничего не заказывали. Но вижу, что хозяин наполняет большие, литровые пивные бокалы (три штуки), ставит на поднос, добавляет бутылку лимонада и направляется к нам. Ставит поднос на стол, садится на свободный стул и объясняет:

— Я понял, что среди вас находится советский человек (меня выдала уже упоминавшаяся «висмутшпрахе»), мне хочется познакомиться, немного поговорить и я вас угощаю.

И стал подробно рассказывать, как он был в советском плену, работал в каком-то городе Кузбасса на строительстве жилых домов. И как было трудно, голодно, и как о них заботился советский Politoffizier, молоденький лейтенант. И как однажды этот лейтенант вместе с небольшой группой пленных организовал набег на колхозное картофельное поле и немного подкормил голодающих. И как к ним приехал советский генерал, который на плацу объявил, что как только они закончат строительство очередного дома, их отпускают на родину, в Германию. И как они потеряли ориентировку во времени, работая днями и ночами (скорее домой!). У меня не было никаких оснований сомневаться в искренности этого человека.

Или другой случай. Лезли мы как-то с Хайнцем по заросшему лесом крутому горному склону в Носсен-Вильсдруфских сланцевых горах и выбрались на терренкур. Германия есть Германия, там очень много великолепных курортов. Неширокая асфальтовая дорожка шла вдоль склона, через небольшие промежутки стояли деревянные скамьи, где можно было посидеть, отдохнуть, полюбоваться прекрасным пейзажем. И мы присели на скамью отдохнуть и покурить.

На дорожке было совершенно безлюдно, пустынно. Но вот показался одинокий человек высокого роста, хромящийся, опирающийся на трость. Подошел, поздоровался, сел. По возрасту и колченовости можно было догадаться, что он участвовал в войне.

И снова меня выдала «висмутшпрахе». Случайный прохожий обратился ко мне с таким разговором:

— Вы, конечно, из «Висмута». Только зачем вам искать в нашей местности уран? Ведь у вас дома, in Rußland, так много всяких

полезных ископаемых, наверное, и урана вполне достаточно. Посмотрите, какая замечательная у нас местность, курорт, люди приезжают сюда отдыхать издалека. И живем мы здесь тихо, спокойно, очень уютно. А если вы найдете уран и сюда придет «Висмут», то что будет? Шахты, отвалы, грохот, пыль. Наш курорт погибнет.

Что было мне ему ответить? Я сказал следующее:

— Но что же делать, ведь мы, советские, оказались здесь не по своей воле, вы сами нас сюда привели.

Старый немец побагровел, вскочил, бросил свою палку на асфальт и в бешенстве закричал:

— O, diese Scheisse Hitler!³³

Он довольно долго изрыгал проклятия в адрес фашистов, потом потихоньку успокоился, вежливо попрощался и двинулся дальше по терренкуру.

Немцы очень расчетливы, бережливы, даже, на наш взгляд, — скупы. Например, у них даже в современных многоэтажках нет центрального водяного отопления — дорого. В моей трехкомнатной квартире была одна печь, которая обогревала только одну большую комнату. Зимой я должен был топить эту печь буроугольными брикетами, которые хранились в подвале дома. Естественно, в этой комнате было то жарко, то холодно. Две спальни не обогревались вообще, и спать там можно было только под толстенными одеялами. На кухне стоял небольшой газовый обогреватель. Горячую воду для ванны, душа, умывания, мытья посуды можно было добыть лишь с помощью газовой колонки. При этом немец совершает утренний туалет совсем не по-нашему, не под струей проточной горячей воды. Он наполняет горячей водой раковину и этой порции ему хватает, чтобы умыться, почистить зубы и побриться. То же и с мытьем посуды на кухне. Так что же, немцы скупы или мы расточительны? У них везде счетчики, у нас — почти нигде. Только сейчас мы начинаем понимать, что почему.

И это не только в квартирах. Случилось мне какое-то время жить в гостинице г. Герлиц. Двухкомнатный номер, все в лучшем виде, но душа нет, в умывальнике — только кран с холодной водой. Как же мыться-бриться? Все предусмотрено. Рано утром (а люди в Германии поднимаются никак не позже пяти утра, чаще в четыре) в комнате на столе я находил большой кувшин с горячей водой и рядом тазик. У горничной были ключи от каждого номера, и она заботилась о постояльцах.

³³ O, это дерьмо Гитлер (нем.).

Как-то в соседнем номере поселился на короткое время мой коллега по работе, немец, инженер-буровик. И отправились мы с ним вечером поужинать в ресторане. Заказали каждый для себя что-то поесть, выпить. Мой коллега сказал:

— Я сегодня угощаю, за спиртное плачу я.

После ужина кельнер получил с меня только за еду, за остальное оплатил коллега. На следующий вечер угощал я и пытался расплатиться за весь ужин полностью, но мне это позволено не было.

Иногда мы довольно большими компаниями отправлялись вечером в пивную. За столиком оказывались четверо — я с тремя коллегами-немцами. В этом случае каждый расплачивался за себя. Но немец в пивной не только пьет пиво, он обязательно курит. И накурено там бывает — хоть топор вешай. Шторы на окнах в любой такой пивной — коричневого цвета. И курит он в пивной не те сигареты, что обычно, а очень дорогие. Я никогда по этим случаям сорт сигарет не менял и мои соседи по столику наперебой угощали меня своими дорогими. Не успею я загасить окурок, как тут же «Bitte schön»³⁴ — и протягивают пачку дорогих американских сигарет. Отказаться невозможно. Сами они тоже не выпускали сигареты из зубов весь вечер. Я уходил с этих дружеских встреч одуревшим вовсе не от пива, а от курева. Немцы не скупилась.

Я вспоминал, как со всем этим было в 1951 г. Я только что приехал в «Висмут», начал работать на шахте. И, независимо от специальности, каждый из 15 советских сотрудников шахты по очереди дежурил по ночам в кабинете начальника шахты. И рано утром поднимались из шахты сменные штейгеры участков ночной смены, заходили в кабинет и сообщали о выполнении задания по отдельным видам работ за смену. Дежурный записывал эти данные в журнал. К приходу начальника шахты информация о результатах работы ночной смены была у него на столе.

Один из этих штейгеров, увидев у меня на столе пачку сигарет, просит разрешения закурить.

— Bitte schön.

Он закуривает, достает кошелек и кладет на сигаретную пачку монету в 20 пфеннигов.

— Danke schön³⁵.

На мое протестующее движение штейгер молча машет рукой, прощается и выходит. Понятно, в те годы жизнь заставляла людей считать каждую монету, и отсюда был такой обычай.

34 Пожалуйста (нем.).

35 Спасибо (нем.).

36 Порядок (нем.).

Одеваются немцы очень непритязательно. Одежда удобная, простая, дешевая. И не только на работе. Мне приходилось бывать во многих городах ГДР, и в уличной толпе даже в праздничные дни я не встречал вызывающе одетых людей, даже женщин. В это же самое время дома, в Союзе, наши женщины приходили на работу, одетые, как в театр. А на что была похожа публика на вечерних тротуарах каких-нибудь Ростова-на-Дону, Одессы и т. п.?

Немцы очень законопослушны, дисциплинированы, и во всем у них — Ordnung³⁶. Уличный перекресток, красный свет, группа немцев стоит, ждет зеленого. Ни с той, ни с другой стороны транспорта нет, но никто не сдвинется с места. И если вдруг кто-то, посмотрев по сторонам, двинется на красный — это русский, можно не сомневаться.

Ordnung — это святое, непререкаемое, иногда почти до абсурда. Жил я одно время совсем недалеко от Дрездена, в городке Пирна-Копиц. Городок был связан с Дрезденном трамвайной линией. В Дрездене было что посмотреть — замечательный город, и часто по субботам мы с женой садились в трамвай и ехали туда. Трамвайные вагоны старенькие, пассажиров немного, совершенно свободно. И трамвайные пути не совершенствовались, наверное, с прошлого столетия. На развилке путей вагоновожатый выходил и с помощью небольшого ломика переводил стрелку. И вот на одном из уличных перекрестков в открытую дверь стоящего вагона вошла женщина. Вагоновожатая, сделав свою работу, вошла в трамвай и выставила ее вон — здесь не официальная остановка и входить не положено.

Вагон отправился, немногочисленные пассажиры стали потихоньку между собой обсуждать — правильно ли поступила вагоновожатая — ведь трамваи на Дрезден ходили редко. Спор прекратил старый немец, сказавший фразу:

— Ordnung ist Ordnung und Ordnung muß sein³⁷.

Мы очень много ездили по стране и по служебным делам на легковом автомобиле, и на экскурсиях и т.п., когда группами, на автобусах. Я не помню ни единого случая, чтобы в дороге с автомобилем что-то случилось. И если вы едете по автобану и издалека видите стоящий на обочине грузовик с торчащим из-под капота двигателя задом — не сомневайтесь, это машина советской группы войск.

Как-то мне пришлось довольно длительное время отлеживаться в Дрезденском военном госпитале и пообщаться с советскими офицерами. И я задал им вопрос о заде, торчащем из-под капота.

— Как же так, мужики, ведь вы здесь — на самом острие, вы непосредственно противостоите НАТО, Западу. А этот зад ясно свидетельствует, что у вас непроходимый бардак. На что вы надеетесь, если вдруг?

Мне ответили, что я и понятия не имею об истинных масштабах этого бардака. Привели такой элементарный пример. Стоят где-то под Дрезденом два танковых полка — советский и гэдээровский, из Volksarmee³⁸, совсем рядом друг с другом. Вся техника, до последней мелочи — советская, все унифицировано (без этого нельзя). К примеру, полковая радиостанция, ламповая, техника на уровне времен прошедшей войны. Но дело даже не в этом. Лампы имеют свойство перегорать. И вот в советском полку вышла из строя радиолампа, нужно сменить. Ответственный за это человек пишет заявку, идет в штаб, визирует ее у нескольких штабистов, затем у самого старшего. Минимум полдня — то одного нет на месте, то другого. Наконец, идет на склад получать — нужной лампы в наличии нет, нужно заказывать. Уйдет на это неделя или больше.

Ждать? Не обязательно. Идет этот человек в дислоцированный напротив немецкий полк, там его знают, пропускают. На складе — один капрал. Протягивает капралу сгоревшую лампу. Тот смотрит — да, сгоревшая, бросает ее в ящик. Покопавшись на полках минут пять, находит нужную новую.

— Bitte schön.

И все! Ordnung.

На нашем производстве использовали, естественно, советскую технику, прежде всего буровые станки. Налаживать их производство в ГДР из-за небольшой потребности смысла не было. Я видел, как работают немецкие рабочие. Спокойно, размеренно, совсем не надрываясь. Ну ничуть не интенсиивнее, чем наши родные буровики в Союзе. И мастерства у наших ничуть не меньше — зубры, собаку съели. Но, глядя на отчетные документы, я видел, что производительность немецких бригад на станко-месяц была обычно в два раза выше, чем в аналогичных условиях у нас дома. Почему? Все очень просто: у нас — бардак, у них — Ordnung.

Можно было бы привести еще множество примеров, очень ярких. Но в целом было ясно, что благодаря национальному характеру немцев, их природной рачительности (скупости?), организованности, порядку везде и во всем социализм в ГДР удавался значительно лучше, чем на его родине.

И одним из наиболее ярких показателей качества жизни в ГДР было развитие

37 Порядок есть порядок, и порядок должен быть.

38 Народная армия ГДР (прим. ред.).

спорта. Я не стану рассказывать, как все там было в этом смысле великолепно организовано. Важен конечный результат. В те годы на всех крупнейших международных спортивных соревнованиях по числу медалей ГДР всегда уверенно и неизменно занимала третье место — после СССР и США, которые менялись местами. И это при численности населения в 17 млн человек. Если пересчитать на душу населения, ГДР была первой мировой спортивной державой. В то же время ФРГ была где-то в лучшем случае в первой десятке.

На наши вопросы, почему это так, ведь западные немцы живут много лучше, «наши» немцы отвечали шуткой: «Все очень просто. У них много денег, и они очень озабочены тем, как бы их потратить, все свободное время они бегают по магазинам. У нас такой заботы нет, и мы идем на спортплощадку».

Жили гэдээровские немцы очень уютно, спокойно, уверенно. Завидовали, конечно, западным, но и признавали свои преимущества, например, защищенность от безработицы. В стране постоянно ощущалась нехватка рабочей силы. В ходу было словосочетание «Keine Leute» — нет людей, не хватает людей.

Как-то раз во время очередного маршрута в обычном составе (я, Хайнц и Курт) мы отдыхали перед отъездом домой на лесной поляне, пили чай из термосов, курили, разговаривали. Не помню, по какому поводу, я сказал, что безработица нам не грозит. И удивился реакции Курта, водителя. Почему-то изменившись в лице, он спросил меня:

— Aber, Alexander, wissen Sie, was heist die Arbeitslosigkeit?³⁹

Я ответил, что откуда же мне знать, ведь у нас ее нет, знаю только понаслышке. Она ведь бывает только «там», «у них».

И Курт стал рассказывать, как после Первой мировой войны его семья жила где-то в Рурской области. Отец — потомственный шахтер, старшие братья — тоже шахтеры, он, младший, еще учился в школе. И все старшие были безработными. Семья жила на жалкие пособия по безработице и тем, что зарабатывала мать, стирая белье у состоятельных людей. И как многие годы в рациионе у них были картофель и хлеб, больше ничего. И не было надежды.

— А потом пришел Гитлер и сказал: «Немцы, я дам вам работу». И он дал нам работу. И мы поверили ему, как богу, и пошли, уже не раздумывая, за ним, куда он звал, куда приказывал. А потом все было, как было...

39 Александр, а знаете ли вы, что значит безработица? (нем.).

Нина Зиновьевна Иванова

«Висмут». Германия. Воспоминания.

Н. З. Иванова.

В сентябре 1952 года после окончания Ленинградского химико-технологического техникума им. Менделеева Д. И., группа выпускников с факультета аналитиков была направлена на работу в ГДР в АО «Висмут». В Карл-Маркс-Штадте, где было главное управление, нас распределили по объектам. Я и еще трое из нашей группы получили направление в Ленгенфельд на обогатительную фабрику. Конечно, мы были снабжены какой-то легендой о работе. Жаль, что не знала немецкого языка — в школе был французский, в техникуме — английский (кто же после 900 дней блокады в Ленинграде захочет учить немецкий?).

Самые первые впечатления, когда нас везли на автобусе, это была, конечно, дорога. Автострада — это было что-то, ничего похожего у нас не было. Да еще по краям дороги стояли плодовые деревья, увешанные плодами на всем пути. Автобан был очень широкий, удивляли только стыки между плитами.

Разместили нас в так называемых виллах (двухэтажные особняки, покинутые немцами), по 2–3 человека в комнате. Был большой сад с рододендронами, волейбольная площадка. В одной вилле был бильярд и теннисный стол.

Двоих из нас, в том числе и меня, назначили начальниками смен в химическом цехе, двух других — в заводскую лабораторию. В течение 3-х лет была сменная работа — 6 дней по 8 часов, с одним выходным в неделю. Сразу был определен оклад в 1500 немецких марок на руки и 1500 рублей — на сберкнижку в СССР, хотя в обязательном порядке 500 рублей шло на заем (попробуй, не подпишишь менее чем на 30%).

На фабрике было 3 цеха: дробильный, гравитационный и химический. В 1956 году еще был построен цех для сушки концентрата. Химический цех располагался в нескольких корпусах (1–2-этажных), где шли разные стадии переработки урановых шлаков, поступающих из цеха гравитации. Поэтому в химическом цехе были свои начальники смены (женщины), а в двух других цехах — свои начальники смены — мужчины. В цехе были русские технолог и начальник цеха. Был один в смену штайгер (мастер), немец и рабочие — немцы. Кроме того, на узлах отбора проб для лаборатории и еще на некоторых местах контроля работали наши солдаты (с которыми, кстати, у нас проблем было больше, чем с немцами).

Для обучения немецкому языку с нами 1 раз в неделю проводила занятия наша переводчица. Ну и конечно, в кармане всегда

был русско-немецкий словарь. Правда, было порядочно немцев, которые вернулись из плена и кое-что говорили по-русски. Особенно хорошо знали мат, при этом думали, что я от этого в полном восторге. Поначалу иногда кто-то из них говорил «Гитлер капут», и какой он был плохой. Меня звали «фройляйн Нина». Страху не было (мы же победили!), но и злости тоже к ним не было, хотя были 900 дней блокады в Ленинграде.

Помню, когда впервые пришла на участок фильтрации концентрата, была в полном шоке — немцы работали в одних трусах. Правда, при выгрузке, да и вообще там было очень жарко, стоял пар. Потом привыкла к такому их виду. Один, по фамилии Румпель, работал в помещении, где готовились растворы соды из щелочи. А он был в плену на Украине, там женился и привез жену. Спрашиваю: «Ви гейц?» (как дела), а он отвечает: «Помаленьку». Вообще отношение у них к русским было благожелательное, хотя, может, конечно, кто-то и скрывал вражду. Да и интерес у них был здесь работать: получали по 400–500 марок, в два раза больше, чем платили на других предприятиях ГДР. В смену работало 8–10 немцев и 2–3 солдата. Тяжело было работать с 0 часов до 8 утра, после ночной смены мне было не уснуть, кое-как к вечеру поспишь — и вперед. Фабрика была в 1 км от городка, где жили, подвозили туда на автобусе. Днем ходили чаще пешком. Между сменами были социалистические соревнования. Моя смена носила название Шоль (кажется брат и сестра — антифашисты), другая смена — имя Тельмана.

В одной из вилл была столовая, где мы питались; вычитали за это из зарплаты 200 марок. Семьи с детьми питались дома, говорили, что было дешевле. Фрау, которые нас обслуживали, проходили подготовку по русской кухне. Часто были сардельки с капустой, что любят немцы. Кстати, эта сарделька (очень сочная, вкусная) вместе с круглой булочкой и горчицей продавались у них во многих магазинах, только что не в аптеке. В городе были частные магазины, где мы покупали сладости и торты. Нам объяснили, что воду пить нежелательно, из-за ее состава будет расти зоб. Поэтому пили брахбих (приторно сладкий) — не нравился, иногда пиво — оно было мягкое, почти безалкогольное. В праздники из алкоголя покупали коньяк, нашу водку, а из вин — «Токай» венгерский и советское шампанское. Это было в магазине при городке. Немецкие вина не котировались. Также было ателье, где шили одежду.

В Ленгенфельде не было больших мага-

зинов, так что готовые вещи и многое другое покупали в других городах, куда ехали на автобусе, который предоставляло предприятие. Самый ближний был Ауэрбах, в 6 км, где находилась и поликлиника; подальше, в 30 км — Цвиккау.

Бывали экскурсии, где заодно отоваривались — Лейпциг, Дрезден, Потсдам, Берлин (советская зона). В Берлине (была там один раз) побывали у стен разрушенного Рейхстага, у Бранденбургских ворот, в Трептов-парке, в Лейпциге (на ежегодной ярмарке; больше всего запомнился там китайский павильон). Дрезден поразил своей готикой, и он больше всех был разрушен. Побывали в Цвингере (Дрезденской галерее) после передачи ее нашими властями немцам. Увидели «Сикстинскую мадонну» воочию. В небольших городах я не помню разрушений.

Многое стерлось из памяти, не могу вспомнить, было ли у нас кино. Возможно, привозили что-то типа передвижки. Не часто, но бывали на концертах в Карл-Маркс-Штадте. Там же ежегодно проводилась спартакиада — соревновались Объекты «Висмута» по разным видам спорта. Я участвовала в велосипедной гонке, прыжках в высоту и метала копье (можно было участвовать в 3-х видах спорта).

И были еще соревнования между объектами по волейболу, шахматам и настольному теннису. Везде участвовала. Все это отнимало время, и ведь мы все четверо поступили заочно в институт, надо было готовиться и отсылать задания. К отпуску на дачу экзаменов давали еще 20 дней.

Праздники отмечали и свои, и немецкие (7 октября — день ГДР, Рождество). Помню демонстрацию в честь Дня Победы в мае, на которую ходили вместе с немцами. Оркестр играл что-то очень проникновенное, а я плакала и думала, что кто-то из них стрелял по нашим. А потом — болезнь и смерть Сталина. У нас был один приемник у начальника

Объекта в кабинете, куда вечером и ночью мы ходили слушать сводки. Так рыдала, казалось — конец света для меня, неверующей, — это был бог. После всех разоблачений — все! — на солнце не может быть пятен!

Ни разу не бывала у немцев дома. Кто-то из начальства, может и был, но не один. Не помню пьяных немцев на улицах города. Хотя на вечерах германо-советской дружбы, которые оплачивались «Висмутом», некоторые из них хорошо «нагружались», вели себя раскованно, много пели и танцевали. Был очень хороший оркестр Чарли (видимо, по имени руководителя). Мы тоже веселились — давали им концерты самодельности — пели и танцевали. Когда жена главного механика Нелли Ивлиева спела на немецком «Серенаду» Шуберта — это был фурор!

С первой или второй зарплаты я купила пианино и аккордеон. Был создан музыкальный кружок, который вел немец — музыкант. Я всегда мечтала играть на музыкальных инструментах, но продержалась не более 2-х месяцев, терпения не хватило.

Ездили группой на велосипедах на прогулки за город (10–15 км), катались на лыжах, ходили за грибами. Запомнила лес, где деревья стояли рядами, как в строю.

Коллектив нашего городка менялся за те 5 лет, что мы там были. Человек пять из Москвы, 6–7 — из Ленинграда, в том числе 2-й начальник объекта Пospelов Ф. В., от которого, нам, цеховым, по-первости попадало, за дело (особенно на собраниях). Следующий начальник объекта — Богатов Анатолий Данилович — имел опыт обогатителя и стал иное внедрять на фабрике, и мы продвинулись вперед.

В общем, жизнь была многообразной, насыщенной, интересной. Но нам, молодым, все казалось, что самое главное происходит дома, в СССР, куда мы и рвались.

15 декабря 2018 г.

Важнецова (Левашева) Валентина Петровна

«Висмут». Работа в Обершлеме и во Фрайтале

В. П. Важнецова.

Я, Важнецова Валентина Петровна, в 1948 году поступила в Ленинградский нефтехнологический техникум имени Менделеева. Окончила его в 1952 году, и была направлена на работу в Германию. Подробностей оформления в Москве и как затем я ехала в Германию, не помню. Ни вокзалов, ни поездов в моей памяти не осталось. Вспоминаю себя уже в Германии. Немецкий город, гостиница. Нас четверых (Тамара Агурьянова, Нина Иванова, Вера Ганина и я) привезли туда на автобусе. Кажется, на следующий день я попала в Обершлему, где также оказались Тамара, Вера и Володя Плехоткин. Нины Ивановой с нами не было. С Володей я училась в одной группе, а Тамара и Вера — в параллельной. Тем не менее, с Тамарой я была очень дружна, так как в Ленинграде мы жили почти рядом.

Тамара жила у Нарвских ворот, а я — на проспекте Стачек, 13. Проспект Стачек начинался от Нарвских ворот. Мы часто встречались, когда ехали в техникум или возвращались из него, вот и подружились. У Нарвских ворот был стадион, зимой — каток. Тамто и проводили вечера мы с Тамарой и вся ее дворовая команда. Да, дворовая. Летом у них во дворе была волейбольная площадка. Тамара большую часть лета проводила на этой площадке. А я летом жила в Ульяновке. Там мои родители строили дом. Иногда я навещала Тамару. Тогда они брали меня в свою команду, хотя играла я плохо. Почему я пишу об этом? Да потому, что первый забавный случай в Обершлеме связан именно с волейболом. Но об этом я напишу позже. А сейчас, вот о чем.

Нас пригласили на беседу. Мужчина представительный, имени его не помню. Условно назову его шефом. Он говорил с нами о быте, о нашем устройстве здесь, интересовался, чем бы мы хотели заниматься в свободное от работы время, мы высказывали свои мнения. Конечно, шахматы. Молодежь в то время увлекалась шахматами, наверное, так же, как сейчас футболом. Со времен учебы в техникуме помню, как болели за шахматистов. Бронштейн, Ботвинник. В техникуме в нашей группе комсорг Иза Филь, которая была заядлой шахматисткой и однажды сыграла вничью с каким-то шахматным светилом, проводившим сеанс одновременной игры, создала шахматный кружок, научила нас играть. И мы после занятий, вместо того чтобы ехать домой, оставались и играли в шахматы. А вот Тамара сказала, что обязательно волейбол. Ведь не зря она лето проводила на волейбольной площадке. Шеф нас внимательно слушал и в заключение сказал, что на объекте есть все условия для культурного отдыха. Есть стадион, где можно заниматься спортом. Кстати, есть и ателье по пошиву одежды, там разные ткани, и можно заказать себя необходимую одежду.

Я думаю, что беседа с шефом и явилась результатом забавного случая, о котором я хотела рассказать. Был выходной день. Мы с Тамарой, приведя в порядок свое жилье и приняв ванную, счастливые и довольные, сидели с вымытыми головами, закрученными полотенцами. Вдруг стук, открывается дверь, и к нам в комнату вбегают шеф. Он сердит, почти кричит: «Они моются, а соперник на поле! Немедленно одевайтесь и следуйте за мной. Я жду вас в коридоре, да побыстрее!» Из-за двери он все время кричал: «Скорей, скорей!» Тамара сразу поняла, что речь идет о волейболе. А я поняла не сразу, но, когда поняла, сказала Тамаре, что я играть не буду, так как играю плохо. Тамара слушать меня не хотела. Я оделась и пошла объяснять шефу, что я плохой игрок. Но меня никто не слушал. Тамара тянула за руку, а шеф всю дорогу нас погонял и выговаривал. Когда мы проходили мимо болельщиков, собравшихся у волейбольного поля, кто-то сказал: «Вот, вот они, ленинградские волейболистки». «Боже мой, какой позор», — подумала я. Я была готова провалиться сквозь землю, мне хотелось бежать куда угодно, но Тамара держала за руку. В раздевалке шеф кому-то приказал дать нам спортивную одежду. Затем нас вывели на поле, указав место

у сетки. Тамаре — по центру, мне — сбоку. На противоположной стороне поля разминулась команда соперников. Там я увидела Нину Иванову, с которой училась в одной группе. Она была у нас старостой группы и играла в техникумовской волейбольной команде.

Игра началась с подачи соперников. Задняя линия нашей команды не может взять ни одного мяча подачи соперников. Мячи летают у нас над головой и падают на поле. Тамара говорит: «Что мы с тобой здесь стоим? Надо же бегать и пытаться отбивать мячи». И она начала бегать за мячами по всей площадке. Я последовала ее примеру. Одним словом, мы с ней бегали по всему полю и подачи соперников отправляли за сетку. Соперники разыгрывали нашу подачу и забивали нам гол. Проиграли мы позорно. Но аплодисменты нам с Тамарой были. Даже кто-то кричал: «Молодцы, ленинградки!» А шеф нас утешал: «Ничего, девочки, будем каждый день тренироваться и будем побеждать».

В Обершлеме я проработала недолго, может месяц, может два. Не помню. Только помню, приезжала к нам Ирма Валентиновна. Кажется, так ее звали. Она беседовала с каждым из нас отдельно. Подробно расспрашивала, как устроен наш быт, чем занимаемся после работы, нравится ли работа. Мне моя работа не нравилась. Я заполняла журнал какими-то цифрами. Я ей об этом и сказала. Она спросила: «А какая работа понравилась бы?» Я ответила, что мне нравится живая работа. Думаю, что перевод меня во Фрайталь на фабрику сменным контролером связан с этим разговором.

Начальником ОТК на фабрике была Екатерина Федоровна. Ее фамилию я не помню. Затем на этом посту ее сменил Леван Константинович. Его фамилия, кажется, Нинуа, и он здесь находился с женой. Однажды они пригласили меня с моим будущим мужем Сергеем провести выходные с ними вместе на природе. Жена Левана Константиновича угощала нас грузинскими деликатесами, а затем они сделали фотографии на память.

Во Фрайтале у меня действительно была живая работа. В течение рабочей смены не раз обойду всю технологическую цепочку, наблюдая процесс и проверяя регулярный отбор проб. В течение ночных смен приходилось бороться со сном. Во Фрайтале за неимением свободного жилья (так сказал завхоз) меня временно поселили к ленинградкам, которые здесь уже жили и работали. Это оказались девочки из параллельной группы нашего техникума. Они занимали две смежные комнаты. Меньшая комната была спальней. Туда, сделав неко-

торые перестановки, и поставили четвертую кровать для меня. Перечислю девочек: Яковлева, Сивкова и Шапунова. Встреча была радостной. Но совместное житье было неудобно тем, что они работали только днем, а я — в три смены. Утренняя смена у меня начиналась в 6 часов утра. Поэтому я по будильнику просыпалась в 4 часа ночи, собиралась, шла в столовую, и затем нас (всех сменных и начальников смен цехов) везли на фабрику. А для того, чтобы проснуться в 4 часа ночи, мне надо было лечь спать пораньше. У девочек такой необходимости не было. Да и среди ночи мой будильник был им не в радость. Но это продолжалось недолго. Жилье мне было найдено. Это была маленькая квартира: кухня и две смежные комнаты. Большую проходную комнату занимала Алевтина, а во вторую маленькую поселили меня. Алевтина — Аля (фамилии не помню) приятная, веселая девушка, из Боровичей. Мы с ней жили очень дружно.

Во Фрайтале была неплохая волейбольная команда. Девушки регулярно тренировались рано утром до начала рабочего дня. Приглашали на тренировки желающих. Я, к сожалению, не имела возможности посещать эти тренировки, так как в это время была либо на работе в утренней смене, либо спала после ночной смены. А вот большинство выходных дней я проводила на волейбольной площадке, где игра шла на вылет. Мне нравился волейбол, и хотелось научиться хорошо играть.

Наверное, это был все-таки 1953 год. Мы готовились к соревнованиям между объектами по разным видам спорта. Тренировались регулярно. Я тренировалась по прыжкам в высоту и по бегу. Соревнования проходили на стадионе города Ауэ. Я заняла второе место по прыжкам в высоту, а в эстафетном беге наша команда, в которой была и я, заняла первое место.

Хорошо помню необычную встречу со своим ленинградским соседом Володи Колмыченко. В Ленинграде, в Ульяновке, дома моих и Володиных родителей находятся на противоположных сторонах центральной улицы, друг против друга, т. е. мы — соседи. Кажется, в 1951 году Володя по окончании учебы в Ленинградском университете был направлен на работу в Германию. Когда я уже работала по Фрайтале, я поняла, что Володя, скорее всего, работает в нашей системе и, по-видимому, занимает достойную должность в центральном аппарате. Попробую его разыскать и, возможно, встретиться. Тем более что в ближайший выходной я собиралась поехать в Зигмар в числе болельщиков нашей футбольной команды, у которой будет там игра на стадионе. Я набрала номер Зигмара и попросила соединить меня с Колмыченко (на авось), меня соединили. Вот наш диалог:

— Володя, здравствуй.

— А кто это говорит?

— Валя Важнецова.

— Что за шутки?

— Нет, это не шутки, я работаю во Фрайтале.

Долго я рассказывала ему, как попала во Фрайталь, и предложила, если он не возражает, встретиться на стадионе. Встреча состоялась. Болеть за футбольную команду у меня была личная причина. В команде играл Сережа Левашев, а я с ним встречалась. Сережа работал экономистом в плановом отделе фабрики. Еще он был комсоргом, ставил на учет каждого комсомольца. Так мы с ним встретились, и после первой встречи стали встречаться регулярно. Наверное, мы с Сережей еще долго бы просто встречались, если бы не мои подруги (Таня Максимова, Лида Горохова), которые бесконечно уговаривали меня выходить замуж за Сережу. Они на все лады расхваливали его. Да я и сама видела, насколько он скромный и порядочный человек. Жизнь с ним это подтвердила. К тому же он оказался прекрасным семьянином. 6 ноября 1953 года мы поженились, расписались в Дрездене. А 7 ноября те же подруги организовали свадьбу. Все было: и свадебный стол что надо, и музыка, и танцы. Многолюдно, шумно и весело, как и положено быть свадьбе. Теперь я Левашева.

11 апреля 1955 года у нас родилась дочь Александра, в Дрездене. Мой муж, Сергей Иванович Левашев в июле 1954 года был назначен начальником планового отдела фабрики, а в октябре 1955 года переведен в Зигмар на должность экономиста планового отдела. Меня здесь определили на работу в лабораторию техником-технологом. Для детей был детский садик, куда каждое утро мы возили нашу дочь.

В августе 1956 года закончилось наше пребывание в Германии. Сереже предложили остаться еще поработать здесь. Но очень хотелось домой. Кроме того, у меня была мечта — поступить в институт.

В Союзе Сергея Ивановича приняли на работу в статуправление РСФСР на должность старшего экономиста, где он проработал до выхода на пенсию на разных должностях. На пенсию уходил с должности заместителя начальника управления. Я свою мечту осуществила. По окончании Московского института тонкой химической технологии я работала инженером на предприятии авиационной промышленности. На пенсию ушла с должности ведущего инженера.

24 Марта 2019 г.

Фото из архива Важнецовой (Левашевой) В. П.

Губайдуллин Азот Закиевич (Губайдуллин Асхат Азотович об отце)

Губайдуллин Азот Закиевич, Уфа. 1950 год.

Уважаемый Георгий Георгиевич!

Прочитали о наших родителях на сайте www.wismut.ru, очень приятно. Отдельное спасибо от моей мамы. Прослезилась.

Благодарю Вас за тот труд, который позволяет сохранить память о наших родителях. Так как мой отец давал подписку о неразглашении о прохождении службы, то практически ничего не рассказывал о тех временах. Читая воспоминания, которые Вы печатаете на сайте, узнаю многое о том тяжелом послевоенном времени. Надеемся, что кто-то из бывших висмутян узнает моих родителей и также поделится своими воспоминаниями.

С уважением Губайдуллин А. А.

Военная служба в «Висмуте»

Мой отец — Губайдуллин Азот Закиевич, 1928 года рождения. После окончания Уфимского геологоразведочного техникума был направлен в Октябрьскую промышленно-геофизическую контору (ОПГК) г. Октябрьский Башкирской АССР. Эта контора занималась геофизическими исследованиями на приисках, в бурящихся скважинах на территории Башкирии и Татарстана. В основном проводились электрометрические и радиоактивные исследования по стволу пробуренных скважин. Попутной задачей при радиоактивном каротаже (исследовании) является задача определения ураносодержащих пород в данной скважине. Видимо, это явилось решающим фактором при выборе места во время призыва отца в армию. По направлению военкомата он прибыл в Москву, в КГБ. При собеседовании дал согласие на прохождение службы на территории оккупированной части Германии.

Военная служба началась в полувоенном режиме — специалисты проживали в отдельных домах, имели право носить обмундирование из шерстяных тканей, вместо кирзовых сапог носили кожаные. Денежное пособие полагалось приличное, и начальство требовало вне службы одеваться в гражданскую одежду, не роняющую честь и достоинство советского специалиста. Большое значение придавалось изучению немецкого языка. Мой отец еще в школе отличался отличной памятью и усидчивостью, что позволило ему изучить язык в короткий срок. Знание геологии и физики, полученные во время учебы в техникуме, помогли в работе. Руководил бригадой шахтеров — это были местные немцы.

Молодожены Губайдуллины — Азот Закиевич и Анюза Гиматовна. Март 1952 г.

Числился дозиметристом. Выделяли пласты и пропластки с высоким содержанием урана, «рубил» штольни, собирали и отправляли на переработку руду.

Через год работы отец получил месячный отпуск, приехал на родину. Там у своей тетки, в соседней деревне, встретил мою маму. Влюбился, к концу отпуска оформили брак и вместе поехали на место службы. По приезду в Зигмар они получили двухкомнатную квартиру. С этого началась их совместная жизнь. Через месяц мама уже работала воспитателем в детском саду для работников «Висмута». В положенный срок родился Я.

Детей, рожденных в ГДР, было мало, и маме помогали все соседки, кто советом, кто делом. Висмутовцы жили дружной семьей, отдыхали, развлекались, ездили в Лейпциг, Карл-Маркс-Штадт. Когда я начал ходить и старался быть в свободное время с отцом, друзья отца называли меня «Кислород Азотович», по этому прозвищу, может, кто-то и вспомнит нас.

По возвращении в Советский Союз отец посвятил себя геофизике. Работал инженером, начальником геофизической партии, внедрял новую аппаратуру, методики исследований, участвовал в исследовании скважин глубокого бурения. Окончил заочно Уфимский нефтяной институт, приобрел специальность инженера-экономиста. Заканчивал карьеру в подразделении, занимающемся тематическими работами, новыми методиками и внедрением новых видов геофизических регистраторов в Октябрьской промышленно-геофизической конторе. Знаю, что ему предлагали место управляющего в крупной геофизической конторе, но он отказался — была не закончена интересная раз-

¹ Георгий Георгиевич Андреев — автор-составитель книги «Уран и люди». Благодаря его инициативе и авторитету удалось объединить усилия висмутян по сбору материалов для издания, предлагаемого вашему вниманию. Работал в «Висмуте» в 1964–1972 гг. и в 1974–1983 гг.

работка. Получается, интересы дела были выше карьерного роста.

Отец вышел на пенсию, но много лет продолжал консультировать выпускников Октябрьского нефтяного техникума. Основными оценками за защиту диплома у студентов были 4 и 5. Очень редко случались и «тройки», тогда отец очень сильно переживал, что, вероятно, недоработал с этим человеком.

Был отменным кулинаром — кочевая жизнь научила буквально из ничего готовить великолепные блюда. Интересовался политикой, международным положением, юридическими вопросами, да так, что моей жене при поездках в гости приходилось шту-

дировать газеты — чтобы быть на высоте. Кочевая жизнь геофизика: бессонные ночи, сырость, морозы, работа с радиоактивными веществами, взрывчаткой наложили свой отпечаток на его здоровье. Хронический бронхит, проблемы со зрением сократили срок его жизни. В 2006 году его не стало. До конца жизни отец оставался бодрым духом и в здравом уме. Память об отце осталась на этих фотографиях, вероятно, кто-то из ныне здравствующих, узнает себя на них.

Губайдуллин Асхат Азотович,
главный метролог ООО ТНГ-АлГИС,

Татарстан, г. Альметьевск.
29.03.2012.

Геофизическая партия перед выездом.

Фото слева: На фоне каротажной станции. 1958 год.

Фото справа: Аккордеон — память о Германии. 1955 год.

Кучевский Виталий Николаевич

(Воспоминания Сергеевой (Кучевской) Л. В., дочери специалиста)

Кучевский В. Н.

...по поручению моей матери — Сергеевой (Кучевской) Людмилы Виталиевны (дочери Виталия Николаевича) — направляю вам ее воспоминания о ее муже, а моем деду — Кучевском Виталии Николаевиче, который работал в СГАО «Висмут».

Суважением, Наталия Чепрасова.

Что произошло в «Висмуте. Это держалось в строжайшей тайне

Мой отец, Кучевский Виталий Николаевич, родился 10 октября 1927 года. Закончив 10 классов в г. Кисловодске экстерном с золотой медалью, он поступает в кораблестроительный институт в г. Николаеве. В 1945 году переводится в Северокавказский горный институт в г. Орджоникидзе, который оканчивает в мае 1945 года.

В сентябре 1950 года, будучи молодым специалистом, направляется в ГДР, в г. Хемниц (Карл-Маркс-Штадт). Вместе с ним в командировку выехала моя мать, Кучевская Анна Михайловна, которая работала с отцом на одной шахте геологом.

Я была маленьким ребенком, многого не знала, да в то время ведь все держалось в строжайшей тайне.

В дальнейшем мы жили в г. Пятигорске, где отец работал главным инженером в г. Лермонтов, в филиале п/я М5703.

К нам в гости часто приезжали знакомые и друзья отца. Из разговоров постепенно стало понятно, что произошло в «Висмуте».

Все открылось во время похорон отца в 1992 году. В последний путь его провожали друзья и знакомые, среди которых были люди, работавшие с ним в ГДР на объекте «Висмут». Немецкие товарищи в своих воспоминаниях пишут, что большой пожар на шахте был только в марте 1949 года, и больше аварий и пожаров на объекте «Висмут» не было. Но это не соответствует действительности.

Самый большой пожар произошел в июне 1955 года. В это время в шахте находилась производственная комиссия во главе с моим отцом. По невыясненным обстоятельствам на шахте начался пожар, сопровождаемый взрывом. В результате пожара погибло 33 немецких шахтера и один советский специалист — М. А. Малявка. Во время взрыва мой отец упал на спину, и на шлеме у него горела шахтерская лампа, поэтому именно его первым обнаружили и подняли наверх. Он оказался единственным выжившим. Все остальные были мертвы.

В результате массовой гибели шахтеров вспыхнули недовольства. Близкие, знакомые и сотрудники погибших открыто выражали свое недоброжелательство

и возмущение. На траурном митинге во время похорон шахтеров выступал Вильгельм Пик — глава правительства ГДР. Погибшим горнякам были оказаны самые высокие почести и, по воспоминаниям немцев, до сих пор в День шахтера общественность вспоминает об этой трагедии.

В 26 лет отец был награжден Орденом Ленина. Вручал награду в кремле Молотов. Была и немецкая награда — «Герой труда».

После возвращения на родину отец работал в Забайкалье, Китае, был главным инженером проекта в институте ПромНИИ-проект. Под его руководством был построен г. Степногорск в Казахстане. За все свои достижения за эти годы он был награжден орденом «Шахтерская слава» I степени.

С 1967 по 1971 год и с 1980 по 1990 он работал в Венгрии Уполномоченным представителем 8-го Главного управления Министерства среднего машиностроения. Имеет награды венгерской Народной Республики.

В «Висмуте» вместе с отцом работали Чижов Борис Дмитриевич, Перов Юрий Михайлович, Чесноков Николай Иванович, Еремеев Александр Николаевич.

О Еремееве Александре Николаевиче хотелось бы рассказать отдельно. Этот замечательный человек в последнее время работал директором Всесоюзного института минерального сырья (ВИМС). О нем нигде не упоминается, его нет в списках висмутиан.

Александр Николаевич — доктор геолого-минералогических наук. Ему принадлежит одно из значимых открытий в области геологии: там, где присутствует газ гелий, следует искать месторождения редких и редкоземельных металлов. Так, при естественном распаде урана-235 образуется цинк, а присутствующий вместе с ним радон преобразуется в гелий. Его жена, Еремеева Нина Гавриловна, была прекрасной пианисткой, давала концерты и занималась с детьми советских специалистов музыкой.

4 ноября 2013 г.

Еремеев Александр Николаевич

Александр Николаевич Еремеев (1920–1999) — советский и российский геолог, директор Всероссийского научно-исследовательского института минерального сырья имени Н. М. Федоровского (1970–1994), Заслуженный деятель науки и техники РСФСР (1980). Годы работы в «Висмуте» — 1953–1959 (главный геофизик СГАО).

Родился 20 февраля 1920 года в Москве, в семье морского офицера Н. А. Еремеева.

В 1938—1949 годах учился на геофизическом факультете Московского геологоразведочного института, который после войны окончил экстерном.

В 1941 году начал работать в сейсмической партии Северо-Волжского отделения Геофизического треста Народного комиссариата нефтяной промышленности СССР.

С 1945 года занимался нефтеразведкой в восточных районах Русской платформы.

В 1946–1950 года работал старшим инженером производственного геологического отдела Главного геофизического управления Министерства геологии СССР, руководил этим отделом с 1950 года.

В 1953–1959 годах был главным геофи-

зиком советско-немецкого уранового геолого-промышленного предприятия «Висмут».

Перешёл на работу во Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья имени Н. М. Федоровского (ВИМС):

1959 — руководитель сектора геофизических методов поисков и разведки месторождений.

1966 — заместитель директора института по научной работе, руководитель Первого геологического (уранового) отделения

1970 — директор ВИМС.

1994 — главный научный сотрудник.

В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1970 году — докторскую.

Скончался 15 мая 1999 года в Москве.

А. Н. Еремеев.

Поездка в Германию группы "отцов" и "детей".
Около здания Генеральной дирекции. Зигмар. Апрель 2008 г.

Ветераны СГАО «Висмут» на общем собрании
членов некоммерческого партнерства «Висмутяне». Февраль 2011 г. Москва.

ВОСПОМИНАНИЯ СОВЕТСКИХ ВИСМУТЯН (1954–1990)

ГЛАВА 2

Николай Иванович Чесноков¹

Продолжение работ по добыче урана СГАО «Висмут» (1953–1990)

Соглашение о создании СГАО «Висмут» было подписано в 1953 г. по инициативе правительства Советского Союза. Первым председателем правления Советско-Германского акционерного общества «Висмут» был избран министр тяжелой промышленности ГДР Фриц Зельбман, коммунист, побывавший при нацистах в тюрьме Моабит. Этот человек, с громадным жизненным опытом и волевыми качествами, прекрасным знанием основных положений марксистско-ленинской теории, — мог наизусть процитировать в беседе отдельные положения «Капитала» К. Маркса или других произведений Маркса, Энгельса, Ленина.

На Цвиккауэрштрассе в г. Зигмар, в здании, отведенном для аппарата правления, 21 декабря 1953 г. прошло первое заседание: был утвержден устав СГАО «Висмут» и руководство Общества. Устав Общества «Висмут» был подписан И. Ф. Семичастным и Ф. Зельбманом. Генеральным директором Общества был утвержден советский горный инженер Валентин Никанорович Богатов, техническим директором — Алексей Александрович Александров.

Были кратко подведены итоги прошлых лет деятельности советского отделения «Висмута», одобрены направления развития горных предприятий Общества и поставлены задачи дальнейшего технического прогресса на всех участках работы предприятия.

В последующие годы показатели работы Общества «Висмут» непрерывно улучшались, особенно на развивающихся Объектах 9, 6 и 90. Достижению хороших результатов способствовало внедрение передовой организации работ в забоях шахт, на фабриках и других предприятиях и применение новой, более совершенной техники.

В немалой степени успеху способствовали рабочие и инженерно-технические работники своими предложениями по рационализации и изобретательству. Так, только за 1955 г. было подано 4200 рационализаторских предложений, из которых принято 1500 с экономией 13,5 млн марок ГДР. Это в два раза больше, чем в 1954 г. Технический план СГАО «Висмут» ежегодно предусматривал проведение ряда мероприятий по улучшению условий труда.

Так, в области горных работ в промышленных условиях испытывался ряд новых, более производительных систем разработки. Особое место было отведено опытным работам по внедрению новых систем разработки на месторождениях Роннебургского рудного поля. Это системы, достаточно широко применяемые в шахтах Советского Союза и за границей. Их особенностью является управление кровлей обрушением без возведения крепи в выработанном пространстве. Тем самым исключался весьма трудоемкий процесс — крепление. Эти обстоятельства, а также отбойка руды глубокими скважинами позволили получать по системе более высокие технико-экономические показатели.

Полученные результаты опытных работ показали, что применяемые новые системы разработки в шахте Шмирхау имеют лучшие технико-экономические показатели. Производительность труда рабочего по блоку при новых системах возросла в 2–3 раза, что позволило снизить себестоимость добываемой руды.

Значительная работа была проведена и по оснащению шахт механизмами.

Так, уровень механизации погрузки породы при проведении горизонтальных выработок составил более 75 %, электровозной откатки — около 97 %. В 1955 г. была модернизирована породопогрузочная машина ПМЛ-63, и вскоре этими модернизированными машинами заменили весь парк.

Была разработана конструкция контактного электровоза с увеличенным сцепным весом, расширено применение на шахтах контактной электровозной откатки.

С целью более оперативного руководства всеми участками работ, лучшего использования механизмов, обеспечения материалами, порожняком и т. д. на шахтах, Объектах и при управлении создали диспетчерскую службу, возглавляемую опытными немецкими и советскими работниками.

Большое внимание было уделено модернизации бурильных молотков, проведено промышленное испытание новых буровых молотков ВН-55, которые показали производительность на 25–30 % выше применяемых молотков ВН-16, за короткий период была произведена замена парка буровых молотков на новые.

С начала 1956 г. начали применяться новые советские телескопные перфораторы

Н. И. Чесноков.

¹ Из книги «Создание и развитие уранодобывающей промышленности в странах Восточной Европы». М.: «Информ-Знание», 1998.

ТП-45, буровые машины БМК-2Б, буровые станки БЭС-2М и другое оборудование.

Были разработаны схемы автоматизации водоотливных установок и переведено на автоматическое управление значительное количество насосных установок.

Одновременно проводились работы по усовершенствованию шахтных сортировочных комплексов. На всех новых шахтах было предусмотрено в проектах и осуществлено строительство технологических комплексов по новым схемам с дистанционным управлением, опрокидами и конвейерами, механическая загрузка и разгрузка клетей, автоматическое управление подъемными лебедками террикоников и другая механизация. Этим, по существу, положили начало созданию полностью механизированных шахт

В. М. Молотов и Отто Гротеволь на руднике Иоганнгеоргенштадт.

с частичной автоматизацией производственных процессов. Проведение этого мероприятия значительно облегчило труд рабочих, занятых на поверхности, и повысило производительность труда. По такой схеме был оборудован комплекс реконструированной шахты № 38 и строящихся шахт №№ 366 и 371 Объекта 9 и шахт №№ 367 и 368 Объекта 90.

Значительный вклад в выполнение показателей плана внесли передовые бригады на проходке горных выработок и очистным работам. Бригада Вальтера Кольма шахты № 206 прошла 465 метров квершлага за месяц, бригада Мюллера шахты № 6 многозабойным методом достигла прохождения за месяц 164 метров восстающих. В очистном блоке бригада Каспера на шахте № 13 отработала 2433 кв. метра жильной площади за месяц, бригада Дебеля-Наузитата отработала 12 343 кв. метра очистных и прошла 63,8 метра восстающих. Такие ре-

зультаты достигнуты бригадами благодаря циклической организации труда и полной загрузке рабочего времени. Значительное количество проходческих бригад на шахтах Объекта достигли средних скоростей проходки выработок 120–170 метров в месяц.

Деятельность СГАО «Висмут» в 1955–1956 гг. характеризовалась дальнейшей активизацией коллектива немецких и советских трудящихся в направлении улучшения технико-экономических показателей деятельности Общества. Развернулось движение передовиков труда, внедрение новаторских методов, постоянное повышение квалификации трудящихся, улучшение организации труда, внедрение рационализаторских предложений.

Руководство СГАО «Висмут» постоянно поддерживало эти передовые начинания. В совещаниях технической интеллигенции принимали участие советские и немецкие руководящие работники. В этой работе активно участвовал обком СЕПГ «Висмута», секретари обкома Алоиз Бройтигам и Альфред Родэ внесли большой личный вклад. Выступали перед коллективом и секретари ЦК СЕПГ. Газета «Нойес Дойчланд» писала 18 апреля 1956 г.: «На совещании ИТР СГАО «Висмут», посвященном проблемам III партийной конференции, в прошлую субботу выступил секретарь ЦК СЕПГ профессор Курт Хагер. Товарищ Хагер остановился на чрезвычайно важном значении продукции СГАО «Висмут» для всей социалистической системы мира, учитывая происходящий промышленный переворот в мире и развивающееся мирное соревнование с мировой капиталистической системой. В качестве решающей задачи он назвал постоянное повышение квалификации инженеров и техников, так как проблему полной механизации и автоматизации производства можно решить только на основе глубоких знаний.

Первый заместитель генерального директора товарищ Чесноков в своем выступлении во время дискуссии подчеркнул выдающиеся достижения горняков СГАО «Висмут», которые в 1955 г. сэкономили 13,5 миллиона марок путем осуществления рационализаторских предложений, что в два раза больше, чем в 1954 г. То, что еще имеются большие резервы для повышения производительности труда, подтверждается тем, что горняки используют на свою основную работу только 50 % чистого времени. Поэтому улучшение организации труда должно сыграть решающую роль. Товарищ Бейер из молодежной бригады имени Филиппа Мюллера сообщил, что во исполнение решений III партконференции был создан актив новаторов, который

занимается вопросом применения новых механизмов».

Частыми гостями «Висмута» были и руководители ГДР. В города Ауэ и Шварценберг приезжал Вильгельм Пик, во Дворце культуры горняков «Висмут» в Зигмаре выступали на одной из конференций Отто Гротеволь, министр тяжелой промышленности и первый председатель правления СГАО «Висмут» Фриц Зельбман и многие другие.

Был гостем и выступал в том же Дворце культуры Зигмара заместитель председателя Совета Министров СССР Анастас Микоян. Будучи по делам в Германской Демократической Республике, одну из шахт СГАО «Висмут» в г. Иоганнгеоргенштадт посетил Вячеслав Молотов.

На этой встрече были обсуждены вопросы дальнейшей деятельности СГАО «Висмут», в том числе объемы производства и поставок урана на пятилетку 1971–1975 гг., применения на предприятиях новой экономической системы с сохранением принципа взаимной равной выгоды сторон и обеспечения более эффективной работы. Также Генеральной дирекции было поручено подготовить до 1 марта 1969 г. прогноз производства геологоразведочных работ на уран на период 1971–1985 гг.

Одновременно протоколом от 11 июля 1968 г. к соглашению от 7 декабря 1962 г. между Правительством ГДР и Правительством СССР о продлении деятельности смешанного Советско-Германского акционерного общества «Висмут», учрежденного в соответствии с соглашением от 22 августа 1953 г., продлено действие соглашения о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 1985 г. Протокол по уполномочию Правительства ГДР подписал А. Нойманн и по уполномочию Правительства СССР — В. Новиков.

Последующие 10 лет (с 1971 по 1980 г.) деятельности СГАО «Висмут» характеризовались ритмичной и стабильной работой по выполнению установленных показателей по разведке, добыче и обогащению урановых руд. В этот сравнительно длительный период в ГДР, в «Висмуте», неоднократно бывали руководящие работники Минсредмаша СССР и заместители председателя Совета Министров СССР. В один из приездов в ноябре 1975 г. заместителя председателя Совета Министров СССР И. В. Архипова и министра среднего машиностроения СССР Е. П. Славского состоялась их встреча и беседа по делам СГАО «Висмут» и перспективам дальнейшего сотрудничества с первым секретарем ЦК СЕПГ Эрихом Хонеккером. На встрече присутствовал посол СССР в ГДР Петр Абраимов. Встреча состоялась 14 ноября 1975 г. в здании ЦК СЕПГ в Берлине.

К выдающимся достижениям в области науки и техники этого периода деятельности можно отнести:

- внедрение рациональных технологий очистной выемки, обеспечивающих отработку запасов урана с минимальными потерями, а также использование соответствующих высокопроизводительных горных механизмов и средств микроэлектроники;
- внедрение автоклавного выщелачивания и автоматизации управления процессами обогащения руд на гидрометаллургических заводах № 101 и 102;
- полный перевод рудника Кенигштайн на добычу урана химическим способом, что является достижением мирового уровня;

Посещение строительства рудника Дрозен в 1979 г.
Слева направо:
Н. И. Чесноков,
Л. М. Тормышев, Н. Б. Карпов,
Евгений Субботин,
Г. Г. Андреев.

- отработку запасов урановых руд в целлюлозно-бумажном комбинате г. Роннебург, при полном обеспечении безопасности горных работ;
- рационализацию транспортных перевозок, что позволило сократить парк автотранспорта на 300 единиц и получить большую экономию жидкого топлива.

В результате осуществленных мероприятий по науке и технике в 1971–1975 гг. удалось получить экономический эффект 0,3 млрд марок, в 1976–1980 гг. — 0,6 млрд марок ГДР.

В следующей пятилетке 1981–1985 гг. эта цифра достигла величины 1,2 млрд марок ГДР.

Благодаря этому было обеспечено повышение производительности труда по чистой продукции на 30%, сокращение численности трудящихся в СГАО «Висмут» на 1200 чел., в том числе численности управленческого персонала — на 680 человек.

В период 1971–1985 гг. наряду с производственной развивалась и экономическая деятельность. Одновременно совершенствовались и взаимоотношения партнеров по СГАО «Висмут». Это являлось следствием происходивших в СССР и ГДР изменений в области планирования, управления и хозрасчета. СГАО «Висмут» должно было в дальнейшем обеспечить на основе расширения воспроизводства полное покрытие затрат полученной выручкой.

В июле 1979 г. в Берлине были проведены переговоры по финансовым вопросам, связанным с деятельностью СГАО «Висмут». В результате переговоров 11 июля 1979 г. министром финансов СССР В.Ф. Гарбузовым и министром финансов ГДР З. Бемом был подписан протокол, которым с 1 октября 1979 г. устанавливались цены на урановую продукцию, поступающую из ГДР в СССР, в соответствии с методикой ценообразования, принятой в СЭВ в отношении других товаров. В дальнейшем на подобных встречах проходило обсуждение, и принимались решения по урегулированию и другим вопросам, связанных с деятельностью смешанного Общества «Висмут».

Генеральный секретарь СЕПГ Эрих Хонеккер в июне 1984 г. на Экономическом совещании в Москве выразил готовность продолжать деятельность по производству урана на совместном советско-германском предприятии «Висмут».

В ноябре 1984 г. председатель Совета Министров ГДР Вилли Штоф обратился к Председателю Совета Министров СССР с предложением провести межправительственные переговоры о научно-технических и производственных задачах СГАО «Висмут» и о совершенствовании экономических отношений на период пятилетки 1986–1990 гг.

В ответном письме Председатель Совета Министров СССР 19 августа 1985 г. заявил о своей согласии с проведением межправительственных переговоров в IV квартале 1985 г. в Берлине.

Такие переговоры состоялись в ноябре 1985 г. С советской стороны делегацию возглавлял первый заместитель председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов, со стороны ГДР — первый заместитель председателя Совета Министров ГДР А. Нойманн. В составе советской делегации активно работал министр Е. П. Славский.

Альфред Нойманн в почти часовом

докладе сделал глубокий анализ производственной деятельности СГАО «Висмут» за пятилетку 1981–1985 гг. и изложил важные вопросы дальнейшей работы Общества на период до 1990 г.

На поисковые и геологоразведочные работы предусматривалось финансирование в размере 1020 млн марок ГДР, или 198 млн рублей. Было сохранено паритетное финансирование перспективных поисковых и разведочных работ за счет средств из госбюджетов обеих сторон — по 37 млн переводных рублей в период 1986–1990 гг.

Необходимые капитальные вложения для строительства производственных мощностей и для модернизации и реконструкции имеющихся основных фондов были установлены в объеме 2,5 млрд марок ГДР, или 490 млн руб., что примерно соответствовало объему прошлой пятилетки 1981–1985 гг.

К 1981 г. в деятельности СГАО «Висмут» возникли и значительные проблемы. Ряд рудников Роннебургского рудного поля, таких как Шмирхау и Ройст, перешли в стадию доработки запасов. Такая же ситуация возникла и на руднике Кенигштайн. Ставилась под вопрос экономическая целесообразность вскрытия и обработки запасов глубоких горизонтов VI каскада на месторождении Нидершлема-Альберода в Рудных горах Саксонии.

На глубине ниже 1700 м залегают запасы урана, но стоимость отработки этих запасов подлежала точному расчету и оценке. Новые рудники Роннебургского рудного поля — Дрозен и Беервальде — еще не вышли на производственные мощности, предусмотренные проектом.

Указанные проблемы вели к увеличению себестоимости добываемой продукции в 1986–1990 гг.

Рост себестоимости также будет иметь место в 1990 г. по сравнению с 1985 г. в связи с увеличением протяженности вертикальных и горизонтальных вскрывающих месторождения горных выработок.

Возрастающая глубина разработки урановых месторождений ведет к увеличению расходов на проходческие работы, рудничный транспорт, рудничное проветривание и охлаждение воздуха и на содержание горных выработок в условиях возрастающего с глубиной давления горных пород.

Для компенсации удорожания себестоимости в 1985–1990 гг. были определены мероприятия по внедрению передовой технологии и других научно-технических разработок в следующих направлениях:

1. Широкое использование средств микроэлектроники и ЭВМ для автоматизации производственных процессов и создания ин-

формационных систем с целью высвобождения до 300 человек рабочей силы. Для этого предусматривалось:

- создание и внедрение автоматизированных систем для проектирования горных работ;
- поэтапный переход на централизованное управление процессами обогащения на гидрометаллургических заводах;
- внедрение автоматизированных систем конструирования и изготовления изделий на механических заводах СГАО «Висмут».

2. Более широкое применение подземно-выщелачивания бедных урановых руд.

3. Дальнейшее совершенствование применяемых систем очистной выемки, а также создание и внедрение геофизических методов и аппаратуры.

4. Дальнейшая рационализация работы закладочного хозяйства.

5. Электрификация подземных работ и повышение энергетического коэффициента полезного действия при сокращении расхода электроэнергии.

6. Дальнейшее совершенствование буровой техники и технологии бурения для геологоразведки.

Все эти мероприятия четко выполнялись замечательным коллективом трудящихся СГАО «Висмут» в 1986–1990 гг. Финансовые расчеты между сторонами в это время производились согласно подписанному министрами финансов протоколу по курсу: 1 переводной рубль равен 5,15 марки ГДР.

Немецкой стороной на переговорах было предложено произвести уточнение статьи 10 соглашения по СГАО «Висмут», в которой определены экономические условия для поставки урана, в том числе цены. Стороной ГДР было предложено сохранить действующую внешнеторговую цену 65,97 руб./кг до 1990 г., так как она основывается на действующем по СЭВ принципе ценообразования.

В соответствии с действующим в ГДР законодательством предлагалось начиная с января 1986 г. внести в состав себестоимости продукции взнос в общественные фонды в размере 80% от фонда заработной платы. Взнос в общественные фонды подлежал отчислению в госбюджет в целях накопления средств для улучшения условий труда и жизни трудящихся ГДР.

На переговорах было принято предложение стороны ГДР об увеличении численности правления СГАО «Висмут» с каждой стороны до трех человек, для чего следовало уточнить текст статьи 3 соглашения. В итоге переговоров в Берлине 14 ноября 1985 г. по обсужденным вопросам был подписан протокол к действующему соглашению от 7 декабря 1962 г.

 Одновременно этим протоколом был продлен срок действия согла-

шения от 7 декабря 1962 г. между правительствами СССР и ГДР о деятельности СГАО «Висмут» до 31 декабря 2000 г.

Протокол был подписан по уполномочию Правительства СССР И. Архиповым и уполномочию Правительства ГДР — А. Нойманном.

Общая сумма капложений за 1954–1990 гг. составила 12 284 млн марок ГДР. С 1960 г. до 30 июня 1990 г. на строительство новых рудников, обогатительных и других предприятий или на их реконструкцию было израсходовано 10 857,1 млн марок ГДР. Добыча урана последние 20 лет велась в трех районах ГДР: Западных Рудных горах, в районе Ауэ, на месторождении Нидершлема-Альберода; Роннебургском рудном поле, в Восточной Тюрингии, на руднике Кенигштайн в районе Эльбских песчаных гор.

Численность трудящихся СГАО «Висмут» составляла по состоянию на 31 декабря 1990 г. 27 920 человек, большинство из которых имели высокую квалификацию и большой стаж работы в Обществе.

Акционерный капитал Общества, который принадлежал равными долями обеим сторонам, составлял по состоянию на 30 июня 1990 г. 4417,435 млн марок ГДР, и после перехода на новую валюту по состоянию цен на 1 августа 1990 г., согласно вступительному балансу, — 2757,119 млн марок ФРГ, из них 2200 млн ДМ — основные средства урановых предприятий, 400 млн ДМ — основные средства неурановых производств и 176,5 млн ДМ — оборотные средства.

Деятельность СГАО «Висмут» с 1954–1990 гг. возглавляло правление под руководством председателей Фрица Зельбмана, Эриха Марковича, Хорста Камински и Николая Чеснокова.

Генеральными директорами были Богатов В. Н., Собко В. А., Волощук С. Н., Хорст Бельманн и Хорст Рихтер.

В последние годы, в условиях позитивного развития мировых процессов, направленных на разоружение, сокращение и последующую ликвидацию ядерного оружия, а также в связи с ограничением национальных программ строительства новых и расширения действующих атомных электростанций, потребность в природном уране резко сократилась.

 В соглашении между правительствами СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах от 9 октября 1990 г. (статья 8) установлено: хозяйственная деятельность Советско-Германского акционерного общества «Висмут» прекращается с 1 января 1991 г.

Георгий Михайлович Утехин

Г. М. Утехин.

Георгий Михайлович УТЕХИН. Специалист в области металлогении и геологии месторождений полезных ископаемых.

После окончания в 1952 г. Ленинградского горного института работал на геологической съемке различных масштабов, занимался изучением геологии и прогнозированием месторождений полезных ископаемых — вольфрама, бора, урана, сурьмы и ртути, свинца и цинка — в различных регионах СССР и за рубежом (ГДР).

Последние годы работал ответственным исполнителем ряда тем и заместителем главного редактора прогнозно-минералогической карты региона БАМ масштаба 1:500 000. Кандидат геолого-минералогических наук. Отличник разведки недр.

Добровольный участник Великой Отечественной войны (с конца 1941-го по август 1944 г.) в составе 1-й Белорусской партизанской бригады особого назначения им. В. И. Ленина. Имеет правительственные награды, в том числе два ордена Отечественной войны, медаль «Партизану Отечественной войны» 1-й степени.

ГДР глазами геолога

История взаимоотношений России и Германии не является гладкой и однонаправленной. Периоды покоя и взаимовыгодного сотрудничества чередовались с периодами вражды и военного противостояния. Особенно кровопролитным было противостояние в ходе Второй мировой войны. После поражения гитлеровской Германии наступил период затишья. Он продолжается до настоящего времени и характеризуется сотрудничеством двух стран в разных областях. Однако наиболее тесным и плодотворным это сотрудничество было с восточной частью Германии, которая в октябре 1949 г. была провозглашена в качестве самостоятельного государства — Германской Демократической Республики (ГДР).

Одними из первых в сферу сотрудничества нашей страны (тогда СССР) и ГДР были вовлечены геологи. Особый интерес для их деятельности представляло выявление перспектив рудоносности и, в первую очередь, ураноносности территории ГДР. О том, что эти перспективы весьма благоприятны, свидетельствовали многие признаки, как прямые, так и косвенные.

Для выяснения возможных направлений сотрудничества в области поисков и разведки промышленных концентраций урана на территории ГДР из Москвы туда была направлена комиссия во главе с академиком В. И. Смирновым еще до провозглашения государства ГДР. Формально эта территория значилась как Советская зона оккупации Германии. Уже тогда в Рудных горах, в районе Обершлема-Альберода, была начата проходка экспериментальных горных выработок. Работы проводились под эгидой Советской военной администрации в условиях весьма ограниченного использования наших специалистов. Эти работы дали серьезный положительный результат, так как проводились фактически, как оказалось, на площади крупного месторождения урана.

После провозглашения ГДР с ее правительством было заключено соглашение о совместном проведении работ по поискам, разведке и добыче полезного ископаемого. Для этого было создано специализированное предприятие — Советско-Германское акционерное общество «Висмут», управляющееся совместной администрацией и использовавшее технических специалистов как ГДР, так и СССР.

Поисково-разведочные работы привели к выявлению новых ураноносных площадей и расширению фронта работ. Возникла потребность в привлечении с нашей стороны не только опытных, но и молодых специалистов, окончивших вузы горно-геологического профиля. И такие специалисты прибывали по мере необходимости. Вновь прибывшие товарищи планомерно приходили на смену тем, кто отработал установленный срок.

Автор настоящей статьи работал в ГДР в качестве специалиста геологического профиля дважды. Первый раз — по окончании Ленинградского горного института, с 1955-го по 1957 г. Затем выехал на Родину в связи с поступлением в очную аспирантуру на кафедре геологии месторождений полезных ископаемых Ленинградского горного института. После окончания аспирантуры и защиты кандидатской диссертации в 1962 г. был приглашен для работы в ГДР вторично, уже по инициативе руководства заграничного предприятия, где работал в 1963–1964 гг.

В течение первого срока пребывания в ГДР мне пришлось поработать на двух Объектах. Сначала это был район наличия урановых месторождений жильного типа в Саксонских Рудных горах. Рудная минерализация приурочена там к останцам кровли и экзоконтактам Айбенштоцкого (Карлсбадского) гранитоидного массива. Управление и административные службы

Объекта дислоцировались в г. Ауэ. Территориально в сферу деятельности Объекта входили месторождения уже упоминавшегося района Обершлема-Альберода, где рудная минерализация была вскрыта горными выработками еще во второй половине 1940-х гг.

По прошествии 10 лет с помощью эксплуатационно-разведочных работ ореол развития рудной минерализации был значительно расширен как на флангах, так и на глубину. Глубина проходки отдельных выработок достигала 1,5–1,6 км. И вообще, в 1955–1957 гг. это был самый мощный на территории ГДР Объект по добыче полезного ископаемого.

За время проведения работ здесь были основательно проработаны вопросы технологии всего процесса получения металла, включая методику подсчета запасов. Последняя была оригинальной: подсчитывалось количество руды и металла не на объем горной массы, а на один квадратный метр жильной площади. Этому благоприятствовали выдержанность рудных тел (жил) и содержание в них урана.

В связи с разработкой методики подсчета запасов нельзя не упомянуть имени главного геолога В. В. Токарева, представителя Дальневосточной геологической школы. Он привлекался к работе на Объекте неоднократно и за свой труд удостоился особого расположения руководства заграничного предприятия. Оно (предприятие) способствовало в деле трудоустройства специалиста после окончания заграникомандировки. Местом его работы стала одна из геологических организаций в г. Ленинграде.

Наряду с планомерными эксплуатационно-разведочными работами силами Объекта проводились поиски новых рудоносных участков, предварявшиеся крупномасштабной геологической съемкой. Эти задачи решала геолого-съемочная партия (ГСП), в штат которой я был зачислен по прибытии в ГДР. В то время ГСП проводила геологическую съемку с попутными поисками масштаба 1:10000 на площади в районе г. Шнееберг, несколько западнее его. Воспоминания об этой работе — самые хорошие.

Во-первых, это была живая и интересная работа, связанная с регулярным выездом «в поле». А там — документация горных выработок: канав и шурфов. Эти выработки проходились по сети, соответствующей масштабу съемки, а в случае необходимости эта сеть, где нужно, сгущалась. С проходкой канав и шурфов задержки не было: в ГСП было достаточно рабочих.

Наш персонал — геологи, геофизики и другие — добирался из Ауэ к месту работы на автомашинах типа ГАЗ-67. Рабочие

же прибывали каждый своим путем: кто-то на принадлежащих Объекту автобусах, кто-то на мотоциклах. У немцев в то время мотоцикл был самым распространенным средством передвижения. За хорошую работу рабочих периодически награждали ценными подарками, среди которых нередко значились и мотоциклы. Невольно приходится вспомнить, что у нас на Родине в советские времена самым ходовым подарком были почетные грамоты.

Во-вторых, в процессе документации горных выработок неизбежным было общение с рабочими. А это — и форсированное получение языковой практики, и знакомство с особенностями менталитета германского народа, с которым всего лишь 10 лет назад мы победоносно завершили одну из кровопролитнейших войн на земле. У меня как у участника Великой Отечественной войны — бывшего партизана, уже сложилось какое-то мнение о немцах. Это мнение не было исключительно негативным. Ведь во время войны немцы были разные: и те, которые убивали охотно, и те, которые делали это, выполняя приказ. К нам, хоть нечасто, но все-таки переходили добровольно (сдавались в плен) немцы, которым затеянная Гитлером война была ненавистна. В процессе непосредственного общения я увидел, что немцы в основной своей массе — работающий и сугубо дисциплинированный народ. Например, те же проходчики горных выработок работали, как у нас говорят, от звонка и до звонка. По заведенному распорядку было положено 50 минут работать и 10 — отдыхать. Этот распорядок соблюдался неукоснительно. Во время 10-минутного отдыха рабочие курили и ели свои belegte brote (бутерброды). А 50 минут — непрерывная работа киркой, ломом или лопатой. И дело продвигалось очень даже заметно.

На пути к месту полевых работ нам приходилось проезжать через г. Шнееберг, расположенный у подножия одноименной горы или, точнее, возвышенности. Поднявшись по склону возвышенности, вы оказываетесь гипсометрически выше города примерно на 120–150 метров. Несмотря на небольшое в общем-то превышение, значительное время года (весной и осенью) ощущается климатический контраст между «верхом» и «низом». Так, весной, когда в городе таял снег, на горе оставался устойчивый снежный покров, а на ее склонах мельтешили фигурки лыжников. Точно так же и осенью: на горе выпадал снег, предвестник зимы, а в городе люди ходили без пальто.

Работа в районе Шнееберга оставила в моей памяти след еще и благодаря грибам, которые я собирал, переходя от одной

горной выработки к другой. Значительная часть площади работ располагалась в пределах лесного массива. Я с удовольствием таскал две сумки: одну для геологических образцов, другую — для грибов.

Немцы относились к грибам почему-то безразлично. Но когда узнали, что я заядлый грибник, стали подсказывать мне, где находятся грибные места. Так что я, когда позволяло время, отходил немного в сторону от площади работ и в течение 20–30 минут наполнял грибную сумку.

Работа в ГСП не только позволяла, но даже обязывала нас знакомиться с месторождениями и рудопроявлениями за пределами сферы деятельности Объекта. В ореоле влияния Айбенштоцкого гранитоидного массива с его сателлитами располагались проявления минерализации одного типа. Но в каждом из них имелись какие-то свои особенности. Все это было необходимо знать при поисках промышленных концентраций урана.

Особый интерес представляли рудоносные зоны к югу от Ауэ, непосредственно у границы с Чехословакией (район города Иоганнгеоргенштадт), и к западу — в районе г. Ауэрбах. На первом Объекте производилась подземная добыча руды. При этом рудоносная зона переходила под землей из пределов ГДР в соседнюю республику.

В районе Ауэрбаха, который является уже частью Фогтланда, мы осмотрели глубокий разведочный шурф и набрали кучу рудоносных образцов. Рудовмещающая среда здесь несколько отличается от той, которая известна в районе Ауэ. В то время минерализацию участка относили к «скарново-жильному» типу. Проходка шурфа была закончена, и мы могли его посетить лишь при содействии немецкого горного мастера (штейгера). Фамилию его я не запомнил, но он врезался в мою память как большой энтузиаст своего дела, интересовавшийся не только горным делом, но и минералогией (имел неплохую минералогическую коллекцию).

Город Ауэ может быть отмечен не только как один из центров горнорудной промышленности. Он стоит на пути, по которому ежегодно весной проходила велогонка мира. Здесь либо начинался, либо заканчивался один из этапов велогонки на территории ГДР (в зависимости от того, где было самое начало: на территории Польши или Чехословакии). Этап заканчивался (или начинался) на городском стадионе. Мы за этим следили по телевизору. Ну а немцы наблюдали за соревнованиями вживую: стадион всегда был заполнен до отказа задолго до финиша.

При этом зрители под руководством специального дирижера репетировали акт

встречи лидеров гонки. Хором исполняли какую-нибудь бравурную мелодию и в такт мелодии покачивались то в одну, то в другую сторону. И периодически хором же скандировали: «Фор — фор — фор!» («Вперед — вперед — вперед!»). Причем делалось это настолько четко и дружно, что даже нам, сидящим у телевизора, хотелось присоединиться к совершающим это действие.

Если конец следующего этапа был в Чехословакии, то это были Карловы Вары. За финишем на этом этапе мы тоже следили по телевизору и всегда замечали одну особенность, а именно — различие в поведении зрителей в Ауэ и в Карловых Варах. В Ауэ зрители сидели на своих местах до конца, пока последний велосипедист не пересечет финишную прямую. В Карловых Варах пропускали только головную группу. Затем вся зрительская публика высыпала на стадион и почти смешивалась с продолжающими прибывать спортсменами. И тут в наших рядах зрителей телевизионщиков раздавалось громкое: «Ну! Славяне!»

Условия жизни были вполне нормальные: трехкомнатная квартира со всеми удобствами, кроме телефона. В клубе был бильярдный зал, комната для игры в настольный теннис (пинг-понг). На улице — волейбольная площадка. На Объекте было немало приличных шахматистов. Иногда мы устраивали турниры с немцами, тоже сотрудниками Объекта. Командная победа, как правило, была за нами. А вот в футбол мы обычно проигрывали немцам. Ряд футболистов-немцев, работавших на Объекте, входил в команду «Висмут», выступавшую в высшей лиге чемпионата ГДР.

В Ауэ мы жили не в одном месте, а были расселены по разным домам, в каждом из которых жили по 2–3 семьи из числа советских сотрудников. В одном доме со мной, этажом выше, жила семья ленинградского геофизика, тоже выпускника горного института — А. В. Сорокина. По вечерам мы иногда «бились» с ним в шахматы. Этим продолжали заниматься даже в Ленинграде по окончании заграничных командировок. Наши квартиры находятся недалеко одна от другой, на Васильевском острове, в микрорайоне под названием «Голодай». Кроме того, какое-то время мы и работали в одном институте — ВСЕГЕИ.

Хотелось бы упомянуть еще о том, что в Ауэ многие наши сотрудники, в том числе и я, существенно пополнили свои домашние библиотеки книгами, которые в СССР были большим дефицитом. В городе был великолепный книжный магазин, где можно было заказать желаемую книгу, и через неделю-полторы нужная книга уже была в прилавке. И, пожалуйста, к вашим услугам!

Только плати денежки. Кстати, по тем меркам, небольшие.

Однако, выполняя наш заказ, продавец магазина (по слухам, бывший ээсовец) записывал не только наши фамилии, но и адреса. А так как книги покупали практически все наши сотрудники, у продавца на руках был полный их список, с адресами.

Меня в то время несколько насторожила такая манера торговли книгами. Зачем продавцу знать не только фамилии, но и адреса покупателей? Я не стал озвучивать свои сомнения. Подумал: если что-то не так, то наверняка существуют люди, как с нашей стороны, так и со стороны ГДР, которые этим вопросом заинтересуются.

И только во второй свой приезд в ГДР, живя в Зигмаре — пригороде Карл-Маркс-Штадта (Хемница), я вспомнил книжный магазин в Ауэ и его продавца. Поинтересовался, какова судьба и того и другого. Узнал, что магазин давно закрыт, а его продавец удостоился внимания спецслужб: опять же, по слухам, он оказался агентом английской разведки.

Возвращаясь к теме своей работы в Ауэ, отмечу, что поездки в район Шнееберга не были каждодневными. Один-два дня в неделю отводились на камеральную обработку собранного каменного материала (петрографические, минералогические и другие лабораторные исследования) и составление геологической карты на основе всех данных. Это дело обычно сопровождалось дискуссиями. Если дискуссионные вопросы не разрешались «за столом переговоров», заказывали автомашину, ехали в район полевых работ и на месте разрешали споры. При этом иногда выявлялись неточности в документации горных выработок. Бывали случаи, когда одни и те же явления трактовались по-разному представителями разных школ. Тут нельзя не отметить, что у руководителей акционерного общества еще до приезда нашей партии молодых специалистов сложилось мнение о качестве и уровне подготовки представителей разных школ. Начальник геологического управления акционерного общества Вишератин свою оценку выразил кратко и точно: «Лучшие геологи — из Ленинградского горного института, лучшие горняки — из Свердловского горного института, лучшие металлурги — из Московского института цветных металлов». Не исключено, что именно поэтому меня как выпускника ЛГИ зачислили на должность старшего геолога, в то время как некоторые другие начали свой путь с должности геолога.

Тем временем дело с составлением карты планомерно продвигалось, и к моему отпуску карта была составлена на 80–85 %

площади съемки. Были утрясены также все концептуальные вопросы. Так что в отпуск я поехал с чувством выполненного долга.

По возвращении из отпуска еще в Москве я узнал, что в дальнейшем мне предстоит работать не в Ауэ, а на другом Объекте. В ГСП (Ауэ), где я работал до отпуска, дело то ли завершилось, то ли было близко к завершению. А на новом для меня Объекте геологические работы расширялись, и требовалось кадровое пополнение.

Новым место работы была Роннебургская геологоразведочная экспедиция, в задачу которой входило обеспечение запасами горнорудного предприятия с администрацией в г. Гера, расположенном в 7–8 километрах западнее г. Роннебург (немецкая земля Тюрингия). И горнорудное предприятие, и экспедиция рассматривались в качестве единого Объекта, хотя последняя пользовалась значительно большей административной и финансово-экономической автономией по сравнению с ГСП в г. Ауэ.

Территориально Объекты в городах Ауэ и Гера-Роннебург располагались относительно недалеко друг от друга (по прямой от Ауэ до Геры примерно 55 км к северо-западу). Однако геологические условия залегания вмещающих пород и оруденения существенно различны. В Саксонии оруденение жильного типа размещено в породах нижнего палеозоя (в основном ордовика-силура), метаморфизованных до уровня зеленосланцевой и амфиболитовой фаций, а отчасти и более глубоко метаморфизованных. В Тюрингии рудовмещающие породы принадлежат к более высокому стратиграфическому уровню (предположительно силуру-девону), и оруденение генетически связано с «черносланцевыми» горизонтами — граптолитовыми сланцами.

Если в Саксонии метаморфизм затушевывал следы первичной слоистости пород, а их залегание определяется направлением сланцеватости, то в Тюрингии слоистость пород не затушевана ничем (метаморфизм дошел лишь до фации филлитов), и все складчатые формы фиксируются четко.

О том, что формирование первичных концентраций урана произошло более или менее синхронно с осадконакоплением, у подавляющего большинства исследователей сомнений не вызывало. Казалось бы, в таком случае и рудные тела должны быть стратиформными. Однако в действительности картина является более сложной. А осложнили ее более поздние геологические процессы — диагенез, метаморфизм и эпигенез в широком его понимании.

Автор приносит извинения читателю за вынужденный экскурс в детали геологии, но избежать его он считал для себя

непростительным. Ведь в читательской массе геологи наверняка будут преобладать, а для них хотя бы самые общие геологические сведения, думается, необходимы.

Разновременные наложенные геологические процессы привели к существенному усложнению формы рудных тел, в силу чего оконтуривание последних в процессе подсчета запасов полезного ископаемого стало весьма непростым делом. Изначально рудные тела оконтуривались по результатам опробования керна разведочных скважин без учета элементов складчатости. На разрезах ее как бы ни существовало вовсе. Мы с начальником камеральной партии Б. М. Сардисламовым прилагали усилия к выявлению структуры рудовмещающих черносланцевых образований (ритмично переслаивающихся углисто-глинистых и углисто-кремниевых сланцев). Для этого изучали их не только по керну скважин, но и в естественных обнажениях, как на площади рудного поля, так и за его пределами. В итоге было принято решение строить геологические разрезы с учетом складчатых форм. Это привело к необходимости сгущения сети буровых скважин: на фоне общей изоклинальной складчатости относительно крупные складки осложнялись более мелкими (разных порядков). Это позволило уточнить контуры рудных тел и приблизить их к истинным. Однако избежать погрешностей полностью было невозможно даже теоретически. Дополнительные уточнения призвана была дать эксплуатационная разведка. И только с учетом различных поправочных коэффициентов процесс подсчета запасов заметно ускорился.

Говоря о подсчете запасов в конкретных условиях Роннебургского рудного поля, я не могу не назвать фамилии человека, который этим процессом руководил и возглавлял его. Это был прекрасный человек и знаток своего дела Юрий Сергеевич Данилов. Постоянное общение с ним в рамках общего важного дела сблизило нас и в общечеловеческом плане. Мы были с ним в одной компании не только на работе, но и в часы досуга. Даже доверяли друг другу некоторые семейные тайны. Кроме этого, Юрий Сергеевич был неплохим для нашего уровня шахматистом. По крайней мере, во встречах с ним я считал для себя удачным ничейный исход шахматной партии.

Юрий Сергеевич впоследствии в течение значительного времени возглавлял направление по подсчету запасов в рамках всего заграничного предприятия. К сожалению, судьба уготовила ему короткую жизнь, и он безвременно ушел из жизни в расцвете своих творческих сил.

Коллектив Роннебургской геологоразведочной экспедиции был дружным и сплоченным.

Этому в немалой степени способствовали личностные качества начальника экспедиции, которым в то время был Анатолий Алексеевич Алексеенко. Он был в меру либеральным, но без излишеств. Хорошо знал людей, так как все они были на виду: жили в одном доме. Кому можно было доверять — доверял. Могу однозначно сказать, что мы с Б. М. Сардисламовым пользовались полным доверием начальника экспедиции. По роду своей работы нам необходимо было выполнять геологические маршруты в районы, иногда весьма отдаленные от Роннебурга. А для этого требовался легковой автотранспорт. Я не помню ни одного случая, когда бы Анатолий Алексеевич отказал нам в просьбе выделить для маршрута автомашину. Обычно только спрашивал:

— Когда вернешься?

— В 18 (или, скажем, в 19) часов.

— Ну смотри, не опаздывай.

И мы старались быть пунктуальными. Ну а выехав из Роннебурга, мы были хозяевами положения. Для посещения какого-то пункта А мы могли до него доехать любым путем: через пункты, например, Б и В или Г и Д. Свобода передвижения позволяла нам побывать всюду, где нам хотелось. Так, однажды нам захотелось обследовать зону экзоконтакта одного гранитного массива у самой границы с ФРГ. Ковыряться у одного из обнажений, мы увидели примерно в 150 метрах часового на стороне Западной Германии. Увидев нас, он помахал нам рукой: поприветствовал. Мы ему ответили тем же.

Рядом с домом, где жили сотрудники экспедиции, находился клуб с актовым залом, библиотекой и бильярдным залом. В последнем были два стола и рядом — площадка для настольного тенниса. Между жилым домом и клубом была оборудована волейбольная площадка, которая в нерабочие дни никогда не пустовала. Неподдалеку был и стадион, где можно было поиграть в футбол.

Надо сказать, что условия для занятия спортом были благоприятны не только у нас, советских сотрудников. Они характерны для Германии вообще, не исключая и ГДР. Практически в каждой деревне существовал стадион, плавательный бассейн и хотя бы один теннисный корт. Спорту уделялось большое внимание, что обусловило успехи ГДР на международной арене.

Взаимоотношения наши с немцами, работавшими на совместном предприятии, были вполне нормальными. Дружили целыми коллективами, ежегодно устраивали совместно «месячники советско-германской дружбы». Каждая сторона поочередно организовывала праздничные мероприятия

с концертами и застольем. Вначале это были действительно месячники — по длительности мероприятий. Затем длительность времени их проведения сократилась до двух недель, но они по-прежнему назывались месячниками.

Наступил момент, когда пришлось решать вопрос об отпуске. Из Ленинградского горного института пришло извещение о том, что меня приглашают для сдачи вступительных экзаменов в аспирантуру. Я получил требуемый отпуск, в ходе которого успешно сдал экзамены и был зачислен в очную аспирантуру. Тем самым была поставлена точка на продолжении моей заграничной командировки.

Было лето 1957 г. Будучи очным аспирантом Горного института, по совместительству работал во ВСЕГЕИ, куда был восстановлен без особых усилий. После защиты кандидатской диссертации (в 1962 г.) продолжал работать во ВСЕГЕИ уже на полном окладе. Однажды, будучи проездом в Москве по пути на полевые работы, случайно встретился со знакомым сотрудником организации, ведавшей направлением наших специалистов на работу за границей. В разговоре он спросил меня, не хочу ли я поехать в ГДР вторично. Я сказал, что подумаю об этом и после полевых работ сообщу о своем решении.

Непростое это было решение, так как во ВСЕГЕИ у меня открывалась хорошая перспектива научного роста. Многие зависели от того, что предложат в ГДР. Пришлось для выяснения этого вопроса организовать поездку в Москву. Там мне пообещали участие в составлении металлогенической карты Саксо-Тюрингии. Это было интересно, и я дал согласие на поездку. Но вызов пришел не сразу, а лишь в I квартале 1963 г.

Однако по приезду на место мне поручили курировать камеральные работы. Правда, сказали, что по роду своей работы я буду подключаться к составлению металлогенической карты. Так оно и было, но лишь «на общественных началах».

За прошедшие 5 лет после первой командировки на заграничное предприятие произошли существенные изменения. Некоторые Объекты были отработаны или находились в стадии отработки, некоторые — открыты вновь. Геологическое управление трансформировалось в геологический отдел, начальником которого в то время был известный геолог-уранщик К. П. Ляшенко.

Жили и работали в Зигмаре — пригороде Карл-Маркс-Штадта, откуда мне надлежало регулярно выезжать на различные Объекты: и туда, где были камеральные партии, и туда, где их не было. После

нескольких поездок вошел в курс дела и почувствовал, что могу приносить пользу.

Изменения затронули не только структуру геолого-геофизических служб, но и кадровый состав структурных подразделений. В некоторых из них наряду с советскими инженерно-техническими работниками присутствовали и немцы, а в отдельных были полностью немецкие специалисты. Прежде всего, это относится к камеральной партии, обслуживавшей Объект в г. Гера. Там широко применялись методы математической статистики, ибо одной из важнейших задач оконтуривания рудных тел были расчеты по определению среднего промышленного и бортового содержания металла в руде.

В результате постоянного общения с нашими и немецкими специалистами я уловил некую закономерность. Наши больше тяготели к широким построениям геотектонического и металлогенического плана. Немцам же были ближе точные методики. Вероятно, это отражало различия геологических школ двух стран. И это вполне понятно: в нашей огромной стране проявлены почти все типы геотектонических форм, предопределяющие подходы в деле прогнозной оценки территорий. В Германии и тем более в ее части — ГДР — в связи с ограниченностью площади на первый план выступают детальные исследования. Этот общий выход, конечно же, не исключает того, что в частных случаях возможны и существуют в действительности различные варианты.

Необходимость моей причастности (хотя и косвенной) к составлению металлогенической карты обязывала меня не замыкаться на отдельных Объектах и узких вопросах. Требовался более широкий сектор обзорности. Для этого через работавших у нас немцев я стал контактировать с немецкими геологами, не имевшими отношения к нашему заграничному предприятию. Среди «наших» немцев я бы, прежде всего, назвал доктора Ватцнауэра, ставшего доктором (и профессором), работая на нашем предприятии в качестве платного консультанта. Он имел тесные связи с геологической службой Фрайберга и АН ГДР в Берлине. При встречах мы вели с ним дискуссии по разным спорным проблемам. В частности, Ватцнауэр был сторонником теории меланжа, в соответствии с которой предполагал, что кристаллические породы Рудных гор «переехали» сюда из Африки. Я старался убедить его в ошибочности такого представления. И делал это, как говорится, с фактами в руках.

Через доктора Ватцнауэра познакомился с сотрудником Берлинского геологического института, палеонтологом-грапто-

литчиком Хегерем. Я уже упоминал выше, что граптолитовые сланцы являются рудоносными в пределах Роннебургского рудного поля. Хегерь презентовал мне книгу со своей статьей, в которой по граптолитам устанавливается граница между силуром и девоном.

В одном из подразделений нашего предприятия в качестве петрографа-минералога работал некто Х. Шульц. Он был заочным аспирантом Фрайбергской академии. Через него я познакомился с геологами Фрайбергского геологического общества Гюнтером Хезелем, Людвигом Галлирезером и другими. Наиболее тесно я контактировал с Г. Хезелем, с которым мы объездили множество точек с проявлением различной минерализации (не урановой) в Рудных горах. Однажды, осматривая минералогическую коллекцию Фрайбергского геологического общества, я обратил особое внимание на образцы рудовмещающих пород скарново-железорудного месторождения Пела. Спросил у Хезеля:

— Не находил ли здесь кто-нибудь минералов бора?

— Нет, — сказал Гюнтер.

— Но здесь должен быть бор. По всем признакам вероятность этого велика.

— Мы можем с вами туда съездить, и вы проверите. Рад буду, если ваш прогноз сбудется.

— Хорошо, я согласен.

И в условленное время мы направились на разрабатывавшееся ранее на железо месторождение Пела. Я был уверен, что это месторождение борно-железорудное. Именно скарновым концентрациям бора была посвящена моя кандидатская диссертация. И лишь только мы подошли к отвалам горной выработки, я среди преобладающего в отвалах магнетита увидел лювигит. Показал его своему спутнику и сказал: «Вот он, бор!»

Г. Хезель поздравил меня и удивленно заметил: «Как же его раньше-то не обнаружили?» И сразу же предложил мне написать об этой находке статью. Я, естественно, согласился. Какое-то время ушло на отбор материала для химического, спектрального и рентгеновского анализов (материал я отбирал собственноручно). Затем отработанный материал я послал в Москву своему коллеге из ИГЕМ АН СССР Л. И. Шабынину с просьбой произвести анализы в возможно кратчайшие сроки. Дело было своевременно сделано, мне были присланы результаты анализов, и я с легким сердцем написал основу статьи, передав ее немецким товарищам. И статья была довольно оперативно опубликована в немецком журнале «Прикладная геология».

С.Г. Хезелем мы длительное время переписывались уже после моего окончательного возвращения в Ленинград. Он присылал мне отписки всех своих статей.

Мой вторичный приезд в ГДР совпал с развертыванием работ на совершенно новой площади, в юго-восточной части республики. Это был район городов Пирна и Кенигштайн, что неподалеку от Дрездена, юго-восточнее его. На новой площади рудоносными оказались осадочные (возможно, вулканогенно-осадочные) отложения верхнего мела, где представлен совершенно новый для территории ГДР тип уранового оруденения. По вопросу о его генезисе происходили дискуссии. Однако представлялось более или менее признанным, что источником металла в отложениях, аккумуляровавшихся в верхнемеловой мульде, были размывавшиеся ураноносные образования палеозоя и, возможно, более древние. Открытие новой рудоносной площади явилось результатом радиометрического изучения керна старых скважин.

Названный район интересен, кроме того, и с географической точки зрения. Он вытягивается широкой полосой вдоль левобережья реки Эльба. За свою природную красоту эта часть территории ГДР получила название Саксонской Швейцарии. Приезжавшие сюда сотрудники нашего предприятия преследовали двоякую цель: ознакомиться с новым типом оруденения и полюбоваться красотой местного ландшафта. В поездках вместе с нами принимали участие и наши немецкие товарищи.

Об условиях нашей жизни и работы в Зигмаре коротко можно рассказать следующее. Зигмар — зеленый пригород Карл-Маркс-Штадта (которому сейчас вернули старое название Хемниц). Мы и наши жены иногда ездили в город за покупками, хотя в принципе все, что нужно человеку, можно было приобрести и в Зигмаре. Эти слова можно отнести к любому месту в ГДР, где существовал какой-нибудь магазинчик. Пусть он был без броской рекламы и ютился в каком-нибудь полуподвальчике, в нем можно было приобрести все, от ниток и иголок до пианино. Об этом свидетельствует мой собственный опыт. В одном из таких полуподвальчиков я купил пианино. Продавец лишь спросил меня, какой марки инструмент я хотел бы приобрести, какими средствами располагаю для этого, мой адрес и буду ли дома по названному адресу вечером между 20 и 22 часами. И действительно, вечером, в начале девятого, к дому подъехал небольшой грузовичок, в кузове которого находилось хорошо укрепленное и обернутое какой-то грубой тканью пианино. Хозяин лавочки, он же шофер, со своим

напарником, видимо, родственником, на специальных ремнях аккуратно внесли пианино в мою квартиру и даже посоветовали, к какой стенке его лучше поставить.

В качестве дополнительного штриха к только что сказанному может служить случай, имевший место со мной же.

В свободное время я иногда совершал прогулку на велосипеде, что было и в этом случае. В пути возникла какая-то небольшая неисправность, устранить которую без инструмента я не мог. Спросил первого же встречного человека, есть ли поблизости какая-нибудь «металлическая» мастерская. Человек указал мне на находящуюся метрах в 150 жестяную мастерскую. Я подошел к мастеру и объяснил ему причину своего появления. «Один момент», — сказал мастер и принес связку ключей. Через 5 минут неисправность была устранена. Я поблагодарил мастера и спросил, сколько стоит работа. Услышав, что цена работы всего 20 пфеннигов, был поражен малостью суммы и, поблагодарив его еще раз, уплатил 50 пфеннигов. В самом деле, и 50 пфеннигов по тем временам — мизерная сумма.

Теперь, вообразите себе, что с вами что-то подобное произошло у нас, например, в Ленинграде. Во-первых, вы потратили бы уйму времени на поиски специальной мастерской. Ни жестянщик, ни какой-либо другой мастер, если это не специальная мастерская, не стал бы заниматься этим. Во-вторых, если вам посчастливилось найти мастерскую, то там заплатили бы энную сумму (конечно же, не эквивалентную 20 пфеннигам), получили бы квитанцию и предписание (устное) прийти через неделю-полторы. Каково?!

Дорога в Карл-Маркс-Штадт проходила (и, скорее всего, проходит) мимо рукотворного озера, на котором «на постоянной основе» обитали утки. И летом, и зимой. Если озеро покрывалось льдом, утки толпились на нем разновеликими кучками. Подкармливали их местные жители. Во время прогулок и мы с дочерью брали с собой кусочки хлеба для уток. Дочери было интересно смотреть, как к ее протянутой руке с хлебом со льда на берег выходит кучка уток, стремясь не упустить брошенный кусочек хлеба. А некоторые наиболее нахальные особи с вытянутой шеей приближаются к руке с хлебом, норовя выхватить его и быстро улизнуть.

В Зигмаре условия работы и отдыха были не хуже, чем на других Объектах. Рядом с жилым домом находился клуб для собраний, концертов и всякого рода спортивных развлечений: бильярдный зал, площадка для настольного тенниса, шахматы, шашки. Ближе к жилому дому была

волейбольная площадка. Там же — городки. Но в Зигмаре, сверх того, был прекрасный Дворец культуры (Kulturpalast) и великолепный плавательный бассейн.

На работу ездили на автобусе предприятия, который останавливался у скверика напротив дома. Желающие ходили на работу пешком. В хорошую погоду это была приятная прогулка. Я частенько пользовался велосипедом. Одним словом, все было хорошо. Но мне хотелось бы упомянуть о некоторых, казалось бы, незначительных деталях, касающихся нас и «наших» немцев.

В нашем жилом доме были два подъезда. В одном из них жили мы, в другом — немцы. Утром, идя к рабочему автобусу, стоявшему на дороге за сквериком, немцы обходили скверик с одной стороны, мы — с другой. Так вот, с их стороны углы скверика оставались прямыми, не затоптанными, с нашей же они были закруглены. Это — наша привычка идти к цели кратчайшим путем. Добро бы путь был длинным. Но, увы, на этих закруглениях выигрывались 2–3 секунды, хотя автобус раньше означенного времени не тронулся бы с места.

Еще один случай. Приехав к Управлению на велосипеде, я поставил его на специальную пирамиду. На ней было много велосипедов — в основном немецких, немного наших. После работы привычным движением пытался взять свой велосипед и ехать домой, но транспортное средство не захотело отделяться от пирамиды. Оказалось, что его привязали к пирамиде цепочкой, которую закрыли на замок. Заглянул в окошечко рядом с пирамидой, где помещалась полицейская охрана. Увидев меня, дежурный пригласил зайти к нему. Он объяснил причину задержки. Оказалось, что на одной из педалей отсутствовал светоотражатель. Я не придавал этому значения: остальные-то три отражателя были на месте. Полицей, не торопясь, выписал ордер, предназначавшийся нашему заведующему клубом. От него я получал велосипед на прокат. В ордере была рекомендация доукомплектовать велосипед (поставить отражатель) или поменять его на полностью укомплектованный. Порядок превыше всего! И, кроме того, полицейский продемонстрировал бдительность.

Подобных деталей можно было бы привести множество. Они отражают особенности менталитета разных наций и народностей. Вместе с тем, живя рядом и постоянно контактируя, народы что-то и заимствуют друг у друга. Например, у наших женщин, да иногда и у мужчин, появляются особенности туалета, ранее им не свойственные. На смену длинным пальто приходят короткие, вместо широкополых шляп появля-

ются шляпы иной формы, вплоть до шляп егерей (иногда и с пером). У немцев при заимствовании сигареты принято взамен отдавать 10 пфеннигов. При общении с нами они забывают этот обычай: не только бесплатно угощаются нашими сигаретами, но и сами нас угощают, не требуя денег.

Несколько слов о внутренней жизни нашей общины. Принято считать, что русские люди живут как бы разрозненно, не склонны к сплочению и взаимовыручке. Опыт показывает, что это не совсем так. За рубежом наши люди живут сплоченно и стараются держаться друг за друга. При этом внутри всей общины, конечно же, существуют разновеликие группы и группочки, члены которых связаны между собой по интересам, более тесно. Взять хотя бы существовавшую у нас секцию рыболовов и охотников. Членов секции объединяет общий интерес: любовь к охоте и рыбалке. В связи с этим я хотя бы в очень краткой форме поведаю читателю, что в ГДР у нас существовали три вида охоты: утиная, охота на зайца и охота на косулю.

На утиную охоту мы ездили в один из юго-восточных районов ГДР, в район г. Баутцен. Это примерно посередине между Дрезденом и польской границей. Там существовали специально сооруженные «Баутценские болота». Иногда к нам присоединялся местный егерь, который знал, что на привале мы устраиваем перекус с обязательными горячительными напитками. Мы старались налить егерю лишнюю стопочку, и он добрел на глазах. Не только не проверял нашу добычу и лицензию, но отдавал нам и то, что сам взял тут же, на наших глазах. Надо отдать ему должное, стрелок он был отменный: несмотря на то, что изрядно «принял на грудь», стрелял без промаха.

Охота на косуль была не менее захватывающей, чем на уток. Среди охотников, работавших в геологическом отделе, существовала договоренность о дележе добычи поровну с последующим приготовлением жаркого из дичи в семье одного из охотников, по жребию и поочередно. Каждый очередник старался не ударить в грязь лицом и сервировал стол не хуже, чем его предшественник.

Заячья охота были интересна, как вообще любая охота, но особенно — в районах старых терриконов. Зайцы в испуге забирались на терриконы и, встретив охотника, удирали от него, как правило, по горизонтали (бежать вниз с длинными задними ногами опасно). Двигаясь вокруг, заяц сталкивался с охотником с другой стороны. Охотник, развернувшись, держал на мушке место появления зайца. Самое неприятное — спускаться вниз за добычей по обледелому террикону.

Надо сказать, что у немцев существует обычай, согласно которому раз в году, на Рождество, каждая семья должна приготовить жаркое из зайца. Для этого в определенное время осени производился масловый отстрел зайцев. Нужно было взять 300–400 зайцев за короткий срок. Поэтому иногда просили нас помочь им в этом ритуальном для них деле. И мы, конечно, помогали, обычно безвозмездно.

То, о чем говорилось выше, позволяет высказать некоторые соображения общего плана.

Первое. Целесообразна ли была поездка на работу за границей, что она дала нам и что не дала.

Думается, что работа в ГДР была безусловно полезной для нас как в профессиональном, так и в общепознавательном смысле. Территория ГДР, в первую очередь ее южная часть, оказалась уникальной ураноносной провинцией. Урановая минерализация на этой территории широко представлена как с точки зрения ее возраста, так и генетических типов. Упомянутыми в тексте генетическими типами месторождений не исчерпывается их полный перечень. Признаки урановой минерализации отмечались, например, в связи с отложениями перми. Прежде всего, нижней перми, по-немецки, красного лежа (Rotligende). Не исключалось их (признаков) наличие и в верхней перми — цехштейне (Zechstein).

Знакомство с принадлежащим ГДР богатством и разнообразием недр было бы полезно даже для очень опытного геолога, не говоря уже о молодых специалистах, вчерашних выпускниках вузов нашей страны.

Для тех, кто проявлял интерес к предмету «Геология месторождений полезных ископаемых», в ГДР имелись возможности для расширения своего профессионального кругозора. Чрезвычайно интересна минерализация так называемой пятиэлементной формации, с которой тесно связана урановая минерализация жильного типа. Видное место в перечне богатств занимает стратиформная медная минерализация в отложениях красного лежа. Своеобразны и интересны железорудные тюрингит-шамозитовые руды (оолитовый или близкий ему тип). Нам посчастливилось побывать на месторождении этого типа Виттсмангеройт (Wittsmangereuth). Всего не перечислишь. Однако никак нельзя пройти мимо одного из крупнейших в мире бурого угольных месторождений в районе Лейпцига. Бурый уголь служил здесь не только источником тепла, но и составлял основу «большой химии». Из смол, полученных из бурого угля, производится масса нужных и полезных продуктов. Из бурого угля в те времена производили даже водку.

Для горняков немалый интерес представляет система отработки бурого угольного месторождения. Отвальный мост, построенный в разгар войны (в 1943 г.), отрабатывает сразу два пласта угля. А породы вскрыши и межпластового горизонта вслед за продвижением моста заполняют образовавшуюся пустоту, разравниваются и культивируются. На этом грунте, в частности, высаживается картофель.

Немалую роль играло знакомство со страной, находившейся в центре Западной Европы. Оно показывало, чего может добиться человек при бережном отношении к природе и стране в целом. Не могла не вызвать уважения ухоженность территории, чистота и порядок везде и во всем. Чего стоят прекрасные шоссейные дороги — автобаны — покрывающие страну, как говорится, вдоль и поперек! Они улучшают коммуникабельность населения, способствуют большей долговечности транспортных средств и вообще положительно влияют на развитие экономики. Правда, автобаны строились в расчете на неминуемую войну в будущем, но и с окончанием войны их значение для страны трудно переоценить.

Движимые чувством бережного отношения к природе, немцы на значительной части своей земли произвели искусственное озеленение. В лесу, где нам пришлось отдыхать и работать, деревья растут ровными рядами, которые легко просматриваются даже в местах разрастания различных кустарников. Несмотря на рукотворность леса, в нем растут и грибы, и ягоды. И, честно говоря, становится грустно, когда подумаешь о варварском отношении некоторых наших людей к зеленому легким планеты у себя на родине.

Второе. Нам была предоставлена возможность ознакомиться не только с производственными объектами ГДР, но также и с памятниками культуры немецкого народа. Мы регулярно совершали автобусные экскурсии по примечательным местам страны пребывания. В первую очередь, это города Берлин, Лейпциг, Дрезден и уже называвшаяся выше Саксонская Швейцария с входящим в ее рамки г. Мейсен — родиной саксонского фарфора.

Экскурсия в Бухенвальд — один из гитлеровских лагерей смерти — произвела крайне тягостное впечатление. Мы увидели там орудия смерти и пыток. Все это давно и хорошо известно всему миру и не требует длительных пояснений.

Говоря об экскурсиях, нельзя не отметить огромного значения знания иностранного языка, в данном случае — немецкого, для экскурсантов. Если вы пытаетесь говорить с человеком на его родном языке,

непременно почувствуете, как раскрывается его сердце и душа. Он старается выложить вам все, что знает по интересующему вас вопросу. Иногда даже больше, чем вы хотели бы знать в каждом конкретном случае. И это важно не только экскурсантам. Даже в ходе общения по работе несомненным преимуществом обладает человек, могущий, хоть иногда и не без дефекта, говорить по-немецки.

Однажды мы производили опробование водных источников на определение химического состава вод и их радиоактивность. Один источник, существование которого отражено на карте, не могли найти на местности. Обратились по-немецки к находившейся неподалеку женщине с просьбой указать местонахождение источника. Она, показав его, в дополнение поведала нам целую историю, как и почему возник этот

Ф. Кремер. Памятник борцам сопротивления фашизму в Бухенвальде.

источник, и какие метаморфозы он претерпевал за время своего существования.

Благодаря сноному знанию языка автору пришлось однажды быть экскурсоводом. Два наших геолога (Я. Н. Белевцев и Л. И. Шабынин), бывшие участники годичной сессии геологического общества ГДР, попросили в выходной день показать им что-нибудь интересное. Из возможных маршрутов, которые могли бы заинтересовать наших коллег-геологов, предпочтение было отдано Веймару. Этот город стал всемирно известным не в последнюю очередь благодаря именован Гете и Шиллера. Руководство предприятия выделило для поездки автомашину и шофера, и мы благополучно выехали в направлении на Веймар.

Осмотрев город, устремились к музею Гете. Был выходной день, и музей был закрыт. Нештатному экскурсоводу хватило знания языка, чтобы упрощать штатного экскурсо-

вода — любезную женщину лет 50–55 — открыть музей. В течение примерно часового рассказа мы узнали от нее столько, сколько не могли бы узнать из книг, возможно, за всю оставшуюся жизнь.

Третье. К тому, что говорилось об отношениях между людьми — нами, представителями страны Советов, и гражданами ГДР, — хотелось бы добавить несколько штрихов. В этом деликатном вопросе автор не склонен выступать в роли судьи с какими-то широкими обобщениями. Речь идет только о фактах, интерпретировать которые волен читатель.

Из сказанного выше явствует, что наше сотруничество с немецкими товарищами было вполне нормальным и носило цивилизованные формы. Что же касается организованности и порядка, то кое-что мы могли бы заимствовать у наших немецких коллег. Если же взглянуть несколько шире и выйти за рамки пространства, являющегося полем деятельности нашего заграничного предприятия, то можно заметить некоторые нюансы. Они, эти нюансы, не всегда могут трактоваться однозначно.

Неоднозначность в оценке немецких реалий проявилась еще при жизни немецкого поэта Г. Гейне. Его устами было произнесено примерно следующее: «Немцы любят цветы, ручных кошечек и собачек и... виселицы». По национальности Гейне был еврей, и неясно, произнес бы он эти слова, если бы был немцем. Вполне можно допустить, что произнес бы. Так или иначе, но отношение некоторой части немцев к этому талантливому поэту заметно прохладное. Например, увидев однажды на груди одной из наших сотрудниц (немки) значок с изображением какого-то известного человека, я спросил:

— Чей портрет вы носите на груди?

— Шиллера.

— А можно ли приобрести значок с изображением Г. Гейне?

— ? (Гробовое молчание.)

Во время экскурсии в Бухенвальд наша группа находилась в крематории — части гигантского конвейера по массовому уничтожению людей, узников. Все увиденное вызывало у нас головокружение и чувство тошноты. Но вот в помещение вошла очередная группа экскурсантов. Немцев. Они равнодушно слушали экскурсовода, а некоторые из них что-то жевали. Я заметил, что стоявшая недалеко от меня женщина спокойно ела боквурст (сардельку).

Однажды мы в составе группы болельщиков присутствовали на футбольном матче между западногерманской командой, кажется, из Саара, и командой «Висмут»

(ГДР). После матча, проходившего на стадионе Лейпцига, вся зрительская масса, превратившаяся в огромную толпу, ринулась к выходу. В этой лавине я зацепился за что-то ногой и не устоял. Упал. И вмиг ощутил, как на меня наступают каблуками люди. Огромным усилием я возвратил своему телу вертикальное положение и был вынесен толпой к какому-то (не своему) выходу. На поиски своего автобуса ушло не менее 20 минут.

До сих пор живы в памяти «венгерские события» 1956 г. Эхо этих событий мы почувствовали в ГДР. Так, учтивых обычно продавцов немецких магазинов будто подменили. На обращения советских покупателей они никак не реагировали, а продолжали разговаривать между собой. Как будто покупателей не существовало. И это — не в единичных случаях и не в одном месте. Подобные случаи отмечались даже в магазинах, существовавших специально для нашего обслуживания. Более того, имел место случай, когда нашу грузовую машину обогнала немецкая легковушка. В момент, когда она поравнялась с грузовиком, из нее была произведена автоматная очередь. К счастью, ни одна из пуль не задела водителя, и он благополучно добрался до базы.

Вскоре, впрочем, как только венгерский кризис был исчерпан, события в ГДР вернулись в нормальное русло.

Заканчивая свои краткие воспоминания о работе в ГДР, автор испытывает чувство легкой ностальгии. В целом это было светлое пятно в жизни каждого или почти каждого из нас, работавших в стране, во многом не похожей на Россию.

Обращаясь мысленно к тем, уже довольно далеким временам, и само существование ГДР представляется чуть ли не сказочным. Но это тоже было. Было первое на немецкой земле социалистическое государство.

Да простит меня читатель за некоторые «вольности» в суждениях. Было бы очень правильно, если бы это государство существовало подольше. И тогда было бы яснее, какая из двух систем более правильная. Конечно, по производительности труда ФРГ превосходила ГДР. Но в последней для рядового человека делали больше. И это осознано большинством населения бывшей ГДР, которым овладело чувство страха и неуверенности в своем будущем после воссоединения с ФРГ. Это не выдумка. Об этом я узнал от очевидцев. Ни минуты не сомневаюсь, что на территории бывшей ГДР до настоящего времени есть люди, верящие в идею социализма.

Александр Михайлович Солодов

Александр Михайлович СОЛОДОВ родился 18 июля 1930 г. в Таджикистане. Окончил с отличием Московский горный институт им. И. В. Сталина в 1953 г. Был направлен на работу в Министерство среднего машиностроения. Работал в «Висмуте» с 1954 по 1959 г. в специальной проектной бригаде Г. А. Никифорова.

Моя работа в «Висмуте» в составе бригады Г. А. Никифорова

Известный советский театральные режиссер А. Акимов писал, что мемуары являются весьма своеобразным жанром литературы. Военные деятели в своих воспоминаниях, как правило, утверждают, что если бы вышестоящее командование послушалось их рекомендаций, то была бы выиграна не только отдельная операция, но и вся война. Не отстают от них и штатские мемуаристы, чрезвычайно преувеличивающие свою роль в описываемых событиях. Поэтому я заранее прошу извинить меня, если читатели почувствуют, что меня, помимо моей воли, заносит по поводу значения собственной персоны в описываемых событиях, касающихся моей работы в «Висмуте» в составе бригады Г. А. Никифорова в течение 1954–1959 гг. Эти заметки не представляют собой что-то цельное, а являются отдельными эпизодами, нанизанными как бусинки на нить памяти. А память, как известно, вещь ненадежная, учитывая, что со времени описываемых событий прошло более полувека.

В начале 1953 г., будучи студентом-дипломником шахтостроительного факультета Московского горного института им. И. В. Сталина, я был приглашен в одну из пустующих аудиторий, где сидел человек в штатском, который представился майором Макаровым. Кроме меня, были поодиночке приглашены еще шесть человек из нашей группы. Он вручил анкету для заполнения и взял расписку о неразглашении. В анкете были вопросы: участвовал ли я в белом движении, был ли в эмиграции, был ли интернирован, принимал ли участие в партийной оппозиции и т. п. — по малолетству я в этих событиях принимать участие не мог. С майором было еще несколько бесед. Наступило время распределения. Всех вызывали по одному на комиссию, кроме нас семерых. Нас как будто не существовало в природе. Это очень угнетало. Через некоторое время мне сообщили, что я должен явиться в спортзал Московского механического института, расположенный на территории Павелецкого рынка, напротив Павелецкого вокзала. Сейчас и рынок, и спортзал снесены, и площадь перед вокзалом значительно увеличилась. Там мне другой «майор» объяснил, что я должен явиться в здание фабрики-кухни, расположенной на Б. Тульской улице перед мостом Павелецкой железной дороги. Там располагалась организация, которая спустя много лет, претерпев множество изменений в наиме-

новании, стала теперь называться ОАО ВНИИПромтехнологии. Нас пятерых (двое из семи были посланы в Кривой Рог) определили в отдел шахтостроения и горной механики. Главный инженер отдела — симпатичная и строгая Надежда Алексеевна Коллегова (выпускница МГИ 1936 г.) — после года работы сообщила мне, что я должен в составе специальной бригады под руководством Г. А. Никифорова выехать в ГДР ориентировочно на полгода.

Я познакомился с Георгием Андреевичем Никифоровым. Это был довольно молодой, очень энергичный зам. главного инженера проекта Первомайского рудника в Кривом Роге. В прошлом боевой офицер, окончивший войну в Вене, хорошо владел немецким языком.

Забегая вперед, надо сказать, что он наиболее полно отвечал качествам, необходимым руководителю бригады. Существенным недостатком стиля работы Георгия Андреевича было создание нередко нервной атмосферы, что, естественно, не влияло положительно на восприятие его сотрудниками.

Георгий Андреевич НИКИФОРОВ родился 22.01.1919 г. в г. Улан-Удэ (Бурят-Монгольская АССР). Окончил Иркутский горно-металлургический институт (1940). Горный инженер по геологоразведочной специальности. После окончания института работал горным мастером, начальником участка на шахте Ононо-Оловянского рудника (1940–1941, Читинская обл.). В 1941–1946 гг. служил в Красной армии, награжден боевыми орденами, медалями. После демобилизации учился в аспирантуре НИИ-9 (1946–1949). С 1951 г. работал в ПромНИИпроекте. В 1954–1959 гг. возглавлял проектную бригаду в СГАО «Висмут». За успешное проектирование и участие в реконструкции Объектов СГАО «Висмут» награжден орденом «Знак Почета» (1957).

Мы выехали в ГДР 20 июля 1954 г. В Бресте случилась нестыковка, в результате чего мы смогли посетить Брестскую крепость. На другой день выехали европейским поездом, тогда смена вагонных тележек при переходе на европейскую колею еще не практиковалась. По Польше проезжали 22 июля — в День возрождения Польши. Вокзалы были украшены портретами первого секретаря ЦК ПОРП Б. Берута и министра обороны, маршала Польши К. Рокоссовского. Странно было видеть прославленного советского маршала в польской форме.

А. М. Солодов

Отдых за шахматами.
Георгий Андреевич
Никифоров (слева),
Лев Николаевич Миронов
(1957 г.).

Прибыли в Дрезден, где нас ждал висмутовский большой скоростной автобус «Австрофиат». Развивая на автобане скорость до 100 км/час, он за час доставил нас в Зигмар, где мы разместились на вилле на Паркштрассе, 2. Официально улица почему-то называлась Менделеевштрассе.

На следующий день нас представили в 3-м управлении и разместили по отделам. Я попал в горный отдел, где большинство сотрудников, начиная с начальника отдела В. Овчинникова, были выпускниками Московского горного: Ю. Дмитриев, И. Назаров, Л. Стариков, А. Ягников. Кроме того, здесь работали: донбассовец В. Шарапов, свердловчанин Н. Шведов и еще один уралец, фамилию которого я, к сожалению, не помню. Позднее к ним присоединился выпускник Московского цветмета А. Петросов (впоследствии — доктор технических наук, профессор Московского горного института). Обстановка в отделе была очень благожелательной по отношению друг к другу, и мы плодотворно сотрудничали.

Некоторое время спустя меня и Е. Котенко отправили во Фрайталь для ознакомления с состоянием горных работ на участках Фрайталь, Гиттерзее, Банневиц.

Е. А. Котенко.

Евгений Александрович КОТЕНКО родился в 1930 г. в г. Ейске Краснодарского края. Окончил Московский горный институт в 1953 г. и был направлен на рудник Майли-Су. С 1954-го по 1948 г. работал в СГАО «Висмут» в проектной бригаде Г. А. Никифорова ПромНИИпроекта. С 1960 г. — зам. главного инженера проекта и одновременно начальник проектной бригады рудников Учкудука и Мурунтау. Лауреат Государственной премии СССР, профессор, доктор технических наук. Позднее — первый вице-президент Академии горных наук РФ, член Союза писателей РФ, автор многих стихотворных сборников и прозаических произведений.

Эти данные были необходимы для составления бригадой заключения о дальнейшей целесообразности разработки этого чрезвычайно опасного в газовом отношении угольного месторождения. Нас хорошо приняли руководитель небольшого остававшегося на Объекте коллектива О. Колоколов (впоследствии профессор, доктор технических наук Днепропетровского горного института) и выпускник Ленинградского горного института Вадим Михайлович Мельниченко. Благодаря их содействию мы в течение двух недель выполнили свое задание, что вошло частью

в заключение бригады. Предлагалось передать эксплуатацию рудника немецкой стороне, сжигать уголь на одной электростанции и передавать золу на обоганительную фабрику «Висмута». В таком режиме рудник проработал до 1959 г.

К концу 1954 г. деятельность бригады была перенесена на рудники Роннебургского рудного поля в Тюрингии (Шмирхау, Лихтенберг, Пайцдорф, Ройст). Первые три разрабатывались небольшими шахтами до горизонта 120 м. Большие запасы и низкое содержание металла в руде требовали извлечения большого количества горной массы и применения систем разработки, в корне отличных от систем, применяемых на жильных месторождениях Саксонии. Проектное задание должна была делать Москва, что заняло бы очень много времени. По инициативе Г. А. Никифорова на основании имеющихся данных бригада составила проектные соображения, которые шеф доложил на техсовете «Висмута». После оживленного обсуждения было принято решение немедленно начать строительство рудника Шмирхау с проходки вертикальных стволов, не дожидаясь окончания разработки проектного задания. Это решение заключало в себе значительную долю риска, но позволило начать строительство на полгода раньше.

В конце декабря 1954 г. состоялся разговор Г. А. Никифорова со мною и Е. Котенко. Он спросил, можем ли мы выпустить проекты проходки вертикальных стволов по параллельной схеме производства работ на руднике Шмирхау, если он получит рабочие чертежи основного проходческого оборудования из Союза, примененного им на проходке ствола «Северная Вентиляционная» в Кривбассе. Надо сказать, что, находясь в 1952 г. на практике в Кузбассе, я продолжительное время проработал горным мастером на проходке клетового и скипового стволов шахты № 12 им. Л. М. Кагановича (впоследствии — шахта им. XXV съезда КПСС), проходимых по параллельной схеме шахтоуправлением «Черкасов Камень» комбината «Кузбассшахтострой» вблизи г. Киселевска. Поэтому на вопрос последовал наш ответ: да, сможем. Чертежи были получены, изучены нами и переданы для изготовления оборудования на завод № 536, где его руководитель А. А. Пшеничный быстро и качественно организовал его изготовление в двух экземплярах для клетового и скипового стволов рудника Шмирхау (стволы № 367 и 368). В этот момент возникла непредвиденная ситуация. Узнав о наличии двух комплектов оборудования, А. Стариков без нашего ведома обратился к гендиректору В. Н. Богатову с просьбой передать один комплект для реконструкции ствола № 366 на Альбероде с целью переделки прямоугольного ствола на круглый

диаметром 5,5 метра. Гендиректор дал согласие, а шеф, узнав об этом, закатил мне разнос, как будто бы оборудование было у меня на материальном хранении. В итоге пришлось заказать третий комплект, в результате чего проходка более глубокого скипового ствола № 368 началась позднее.

Так как немецкими правилами безопасности не предусматривалась параллельная схема сооружения стволов, я и один сотрудник бригады были посланы Г. А. Никифоровым на народное предприятие «Шахтбау» в г. Нордхаузен с целью получения отзыва на проект от единственной в республике шахтостроительной организации. Однако дирекция «Шахтбау» (доктор Арнольд, позднее профессор Фрайбергской горной академии) уклонилась от оценки проекта и ограничилась лишь выражением интереса, вызываемого осуществлением этой работы.

Некоторое время проходкой этих стволов руководил криворожанин Симченко. Это было самое трудное время освоения немецкими бригадами параллельного способа проходки. Благодаря разъяснительной работе ситуация нормализовалась и была достигнута скорость 58 м/мес., в то время как на немецких шахтах этот показатель не превышал 30 м/мес. Это событие отмечалось в прессе.

Ко мне обратился с просьбой о помощи глубоко уважаемый мной В. Овчинников. У них не удаются дела на площадке шахты № 366 с изъятим у нас комплексом. Я не могу ему отказать, да и обида притупилась. Мы с ним едем на промплощадку и на месте быстро решаем вопросы приспособления оборудования для ствола диаметром 5,0 м к стволу диаметром 5,5 м.

В августе 1955 г. я и Б. Дудников выпустили проект проходки фланговых вентиляционных стволов № 369 и 370 рудника Шмирхау. Если первые стволы проходили на оборудовании, который не подвергся изменениям, то здесь на основании опыта проходки стволов № 367 и 368 были внесены коррективы. Откатка породы в вагонетках была заменена на транспорт самосвалами и впредь применялась на всех вновь проходимых стволах. Кроме того, только на этих стволах удалось сохранить проходческие подъемные машины с диаметром барабана 3,0 м в качестве постоянных, что позволило избежать сноса машинных зданий, демонтажа машин и сооружения их на новом месте, что не всегда удается при проходке круглых стволов и значительно уменьшило стоимость строительства. Все стволы за исключением № 369 были пройдены без осложнений. В этом стволе была встречена линза каолина, порой занимавшая до 80 % сечения ствола. Пришлось срочно заменять все временное крепление постоянным, и, к счастью, при дальнейшей углубке забоя

линза вышла из сечения ствола. Если бы ствол был заложен на 5–20 м южнее, никаких бы осложнений не встретилось.

К этому времени относится отделение от шахтостроительного Объекта 11 в Лаутере Объекта 17 в Гере (начальник — Ларионов), занимающегося производством горно-капитальных и строительно-монтажных работ на рудниках Роннебургского рудного поля. С сотрудниками Объекта Толмачевым и Долгополовым установились хорошие деловые контакты, помогавшие решать все текущие проблемы.

Для ускорения разведочных работ на горизонте 120 м шахты № 358, с которым должен был сбиться ствол № 367, были заложены две разведочные слепые шахты на одну одноэтажную клеть с противовесом.

В марте 1956 г. мной и Е. Котенко был выпущен проект проходки сдвоенных стволов № 374 и 374-бис на руднике Ройст. В отличие от предыдущих проходок эти стволы были оборудованы бадьями емкостью 1,5 куб. м вместо применявшихся ранее 1,0 куб. м. Это позволило достигнуть скорости проходки 123 м/мес. Но наивысший результат в «Висмуте» — 155,5 м/мес. — был достигнут на стволе № 371 с оборудованием, спроектированным 3-м управлением (М. Алексеев и А. Куракин), коллективом под руководством специалистов треста «Сталиншахтопроходка» («Донецкшахтопроходка») З. Ш. Мустафина и Бондаренко.

Подводя итоги деятельности бригады за этот период, помимо внедрения в «Висмуте» первых круглых стволов и параллельной схемы производства работ при их проходке, необходимо отметить переход на вагонетки емкостью 1,5 куб. м вместо 0,65 куб. м, применение подъемных машин с диаметрами барабанов 4,0 и 6,0 м вместо 3,0 м (Е. Котенко). Впервые в практике «Висмута» была спроектирована и построена железнодорожная ветка нормальной колеи, осуществившая связь рудника Шмирхау с государственной сетью железных дорог (Игорь Горн). Это позволило впоследствии вывозить руду железнодорожным транспортом на строящийся под руководством бригады гидрметаллургический завод в Зеллингштедте (В. П. Шулика, Л. И. Ильина). Завершились успешно работы в опытных блоках, позволившие выбрать наиболее подходящие системы разработки с учетом опасности возникновения эндогенных пожаров (Володя Марцев, Борис Забелин). Выполнен проект

А. Солодов (второй слева)
и В. Овчинников с коллегами.

А. М. Солодов, д-р Рольф Штоль, геофизик из Грюны. Деловой разговор на пикнике.

отработки карьера Кульмич (Виктор Воскобойников, Игорь Ильичев, Евгений Пальчиков). Над проведением всех этих работ бригада осуществляла авторский надзор.

В конце июля 1956 г. после двухлетнего пребывания в «Висмуте» я уехал в Москву, где получил первый отпуск за три года работы после окончания института. Затем последовали венгерские события, и я оказался в «Висмуте» в мае 1957 г. В это время резко возрос объем горно-капитальных работ на рудниках Роннебургского рудного поля — проходились стволы с № 375 до 380, рудничные дворы, скиповый комплекс ствола № 368, сбойки с вы-

работками горизонта 120 м существующих шахт. Проходкой стволов в это время руководили опытные горняки — Тонких (впоследствии начальник главка в Минтрансстрое) и метростроевец Горяистов (позднее работник института Мосинжпроект). Последней проходкой, спроектированной бригадой по просьбе 3-го управления, был проект сооружения ствола № 208w (А. Солодов и М. Шустров), выполненный для Объекта в Саксонии.

В марте 1959 г. я выехал в Союз и поступил в аспирантуру Московского горного института. В 1971 г. на кафедре физико-технического контроля производства, где я работал после защиты, приехал на 10-месячную стажировку доктор (по-нашему — кандидат технических наук) Рольф Штоль из института геофизики Фрайбергской горной академии.

Впоследствии он работал в НТЦ «Висмута» и защитил вторую диссертацию, став доктором наук в нашем понимании. Мы провели работу, которая легла в основу совместного доклада на ежегодном проводимом во Фрайберге Дне горняка и металлурга 21–24 мая 1974 г., в связи с чем я оказался во Фрайберге. Присутствующий там от «Висмута» бывший аспирант нашей кафедры Ильшат Абдульманов передал приглашение сотрудникам МГИ посетить «Висмут». Приглашение было с благодарностью принято профессорами Н. Картавым, Р. Подерни и мной, и мы оказались в Зигмаре, где нашим пребыванием руководил зам. главного инженера Александр Витальевич Балдин. Мы посетили рудник Шмирхау, находившийся в то время на реконструкции, Пайцдорф и Беервальде, произведшие на нас очень хорошее впечатление. На следующий день были на руднике Нидершлема-Альбе-

рода, где осмотрели комплекс оборудования для кондиционирования воздуха, и, спустившись по стволу № 371 и двум слепым стволам, оказались на глубине около 2 км (самые глубокие горные работы в Европе). Это было мое последнее посещение «Висмута».

В 1956 г. в 3-е управление пришли работать выпускники Фрайбергской горной академии — холодновато-официальный Хайнц Ханске и жизнерадостный, коммуникабельный Гюнтер Барт. В 1974 г., когда я находился во Фрайберге на Дне горняка и металлурга, опекающий меня Рольф Штоль свел меня с Гюнтером, который к этому времени был уже проректором Фрайбергской горной академии по учебе и воспитанию. Встреча была радостной и полной воспоминаний.

В 1975 и 1977 гг. по приглашению Р. Штоля и Г. Барта я приезжал с женой на машине во Фрайберг и, будучи независимым в транспортном отношении, посетил все памятные для меня города и веси. Включая Берлин. До сих пор храню памятный сувенир от Гюнтера — редкий, исчезающий вид искусства Рудных гор — литые оловянные фигурки средневековых саксонских горняков, работающих в забое под землей, на поверхности, на обогатительной фабрике и дефилирующих на горном параде.

В свою очередь я пригласил Гюнтера с женой Кристиной посетить Москву. По приезде предоставил в их распоряжение свою квартиру, где они проводили время со своим сыном Андреасом, оканчивавшим в то время обучение в Московском университете по специальности «геохимия». Гюнтер также приезжал в Москву в качестве руководителя делегации Фрайбергской горной академии на юбилей Московского горного института. В начале девяностых годов я спросил у членов делегации из Фрайберга, как поживает Гюнтер Барт? В ответ мне ледяным тоном ответили, что они не знают такой фамилии и ничего не могут мне сообщить. Я подумал, что не всем объединение Германии принесло лучшие времена.

Появился немецкий главный инженер проекта по Шмирхау — Брюкнер. Входя в курс дела, приступая к новым для него обязанностям, он с большим уважением и вниманием прислушивался к мнениям всех сотрудников, работающих по тематике его Объекта.

В конце 1958 г., когда нашу бригаду влили в состав 3-го управления, в моей комнате расположились проектировщики — горняки Рихтер (по прозвищу Зееле — «душа»; я заметил, что немцы любят давать шуточные, ласковые прозвища), Мюллер и Хомбург. Хотя они работали по саксонским Объектам, а я по тюрингским, ежедневное общение, сравнение советских и немецких методов веде-

ния горных работ нас взаимно обогащали. По примеру моих соседей я обзавелся коротким белым халатом — униформой проектировщиков — и внешне ничем не отличался от немецких коллег.

Руководство общества часто организовывало технические экскурсии на народные предприятия ГДР горного профиля, что значительно расширяло представление о стране пребывания. Делегация во главе с главным инженером Алексеем Александровичем Александровым посетила Мансфельдский медно-рудный комбинат в г. Эйслебен, где на значительной глубине разрабатывался пласт руды мощностью всего 0,3 м. Вагонетки с рудой емкостью 0,3 куб. м на длинных платформах широкой колеи поднимались на уровень руд двора по уклону по речной дороге мощным электровозом. На руд дворе стволу двумя гружеными вагонетками выбивал на ходу две порожних из неостанавливающейся шестиэтажной клетки. В это же самое время стволулой на поверхности делал то же, меняя две груженные вагонетки на порожние, что производило сильное впечатление в отношении синхронности действий.

Представляло интерес ознакомление с оловянным рудником Альтенберг-Циннвальд, где рыхлое рудное тело залегающее в чаше твердых пород, и будучи пронизано большим количеством выработок, проходивших ранее, в XIX веке, обрушилось и самоизмельчилось. С горизонта, расположенного ниже, в устойчивых породах, проходились восстающие рудоспуски и выпускалась руда.

Во Фрайберге мы посетили свинцовый комбинат «Бляйэрцгрубе Альберт Функ» — последнее горное предприятие района.

В Зайдлице-Люгхаге на неглубоких подземных работах лопатками, насаженными на отбойные молотки, добывался высококачественный каолин, являющийся сырьем для всемирно известной Мейсеновской фарфоровой мануфактуры.

Угольные шахты им. К. Маркса (Цвиккау) и им. К. Либкнехта (Ольсниц) работали на большой глубине (около 800 м). На шахте им. К. Маркса с одной стороны копра была установлена современная подъемная машина, работающая по системе «генератор — двигатель», а с другой — паровая машина, изготовленная в 1911 г. на заводе «Кенигин Мариенхютте», в наше время — завод № 536 «Висмута».

Интересным было посещение шахты им. Э. Тельмана в Кайзероде, где добываемые калийные соли транспортировались в громадных вагонетках емкостью 5,0 куб. м посредством бесконечной канатной откатки, рабочие перевозились на армейских полноприводных грузовиках, а ИТР — на мотоциклах со снятыми задними сиденьями.

При посещении проходки вертикального ствола «Мартин Хооп IX» (с оберштейгером Шредером) на угольной шахте под Цвиккау увидели настоящую архаику — бобинную подъемную машину с плоскими канатами. В то время как в самом Цвиккау работала канатная фабрика, выпускающая некрутящиеся круглые канаты, используемые при проходке всех вертикальных стволов.

Хорошее впечатление производила организация открытых работ по добыче бурого угля — основного энергоносителя в республике — на карьерах Мюхельн и Эспенхайн.

В целом посещаемые предприятия с подземными работами представляли собой скорее музеи горной техники с отдельными интересными техническими решениями. Горное дело в Германии шло к упадку. Закрывались полиметаллические рудники в Рудных горах, угольные шахты в Руре. Постиндустриальная эпоха ясно доказывала, что экономически выгоднее закупать полезные ископаемые в развивающихся странах, чем развивать горное дело у себя. «Висмут» на этом фоне выглядел современным предприятием, использующим самые передовые технологии производства работ.

Профком часто организовывал интересные экскурсии с посещением исторических и культурных объектов в городах Дрезден, Лейпциг, Мейсен, Веймар, Фрайберг, Потсдам и мест массового отдыха: Саксонская Швейцария, Обервизенталь, Крибштайн, Аугустсбург.

В связи с особым режимом Берлина его посещения были крайне редки. В канун 1955 г. бригаде в виде поощрения разрешили посетить Берлин. Прежде всего мы побывали на Парижской площади с Бранденбургскими воротами. Это была зональная граница с английским сектором. Через колоннаду ворот просматривалась широкая прямая улица, в конце которой высилась Колонна Победы². Эта улица позднее была провокационно переименована в улицу 17 июня 1953 г. — дата первого послевоенного мятежа в социалистическом лагере. Это название улица носит до сих пор. Как нам рассказали, во время мятежа на квадриге Бранденбургских ворот западными провокаторами был установлен агитационный громкоговоритель, который был сметен артиллерийским снарядом вместе с квадригой, и на ее месте было установлено красное знамя.

Мы осмотрели расположенное рядом советское посольство, прошли по улице Унтер-ден-Линден («под липами»), посетили

² Колонна была построена по приказу Вильгельма I в честь побед Пруссии в Датской войне 1864 г., Австро-прусской войне 1866 г. и Франко-прусской войне 1870–1871 гг.

Г. Барт.

Аугустусбург, у станции канатной дороги, август 1957 г. Пробег на велосипедах: А. М. Солодов, И. Васильева, Е. Винокуров, И. Ильичев, Н. Ильичева, Е. Тихонов, И. Котенко, Е. Пальчиков.

Дрезденскую галерею, находившуюся на Музейном острове, поскольку восстановление дворца Цвингер в Дрездене не было закончено. Он будет восстановлен к лету 1956 г., к 750-летней годовщине города. Было также посещение советского мемориального кладбища в Трептов-парке.

Хотя Рейхстаг находился совсем близко, и печально известной Берлинской стены еще не было, мы не могли подойти к нему — он находился в английском секторе. А жаль: это был великолепный памятник нашей воинской славы.

В октябре 1954 г. на торжества, посвященные пятилетию Республики в ГДР, прибыла советская партийно-правительственная делегация во главе с первым заместителем председателя Совета Министров СССР, министром иностранных дел В. М. Молотовым. В состав делегации входил член ЦК КПСС П. Н. Поспелов. Спустя несколько дней в сопровождении министра-президента (председатель Совета Министров ГДР)

Отто Гротеволья они прибыли в Зигмар, где их встречал генеральный директор «Висмута» В. Н. Богатов.

Во Дворце культуры для немцев была организована встреча с делегацией. Толпа немцев и небольшая группа русских, прорвав оцепление, ворвалась во дворец и устремилась на балкон, который, к счастью, был пуст, и моментально заполнила его. Первым выступил В. М. Молотов, речь которого переводилась на немецкий язык. Затем выступил Отто Гротеволь. Опытный оратор, он начал свое выступление с горняцкого приветствия «Глюк ауф», на что зал ответил приветственным ревом. Речь Гротеволья не переводилась. По ее окончании все присутствующие встали и, сцепившись согнутыми в локтях руками, запели немецкую народную песню Vogelbeerbaum («Рябина»), причем во время пения ряды поющих раскачивались в противофазе по отношению друг к другу. Не зная слов, мы синхронно открывали рты и подтягивали мотив.

Дворец культуры широко использовался для проведения торжественных мероприятий, молодежных вечеров и встреч с интересными людьми. В памяти сохранились впечатления о встречах с прославленным полярным и военным летчиком М. Водопьяновым и председателем судебного комитета крейсера «Аврора» во время Октябрьской революции А. В. Бельшевым.

Летом 1958 г. в составе большого коллектива мы прибыли в Берлин для участия в спортивных соревнованиях. Остановились в Карлсхорсте, в гостинице «Волга», где висмутяне жили всякий раз, прибывая в Берлин. Вечером мы, пять человек, пошли прогуляться по длинной улице, пока не остановились перед чем-то знакомым зданием, стоящим в торце улицы. Вдруг память подсказывает мне, что это здание военно-инженерного училища, где подписывалась капитуляция Германии. Обращаюсь с вопросом к часовому, тот моментально вызывает начальника караула. Появляется представительный майор. Объясняю ему, что мы хотели бы осмотреть исторический зал. Отвечает, что ничего здесь нет. Я настойчиво прошу его еще раз. В ответ меня просят предъявить документы. Вид штатских, одетых под немцев, с консульскими удостоверениями с местом работы в воинской части, видимо, произвел на него должное впечатление, и, вызвав разводящего, он приказал провести нас к внутреннему дежурному. Тот, скучая от субботней тишины, чрезвычайно обрадовался нам и показал все, что представляло интерес. В то время, как выяснилось, здесь располагалась военная комендатура Берлина. Таким образом, мы посетили историческое место задолго до открытия там общедоступного музея.

В канун первомайских праздников 1956 г. нам предложили принять участие в демонстрации горнорабочих «Висмута» в Карл-Маркс-Штадте. Все участники были в рабочей спецодежде, в касках с лампами-«надзорками» на головах.

Русских поставили в голову колонны. Когда мы были на подходе к площади, первый секретарь окружкома Карл-Маркс-Штадта Социалистической единой партии Германии Алоиз Бройтигам спустился с трибуны и прошел вместе с нами по площади. Это нас приятно удивило.

Спорт в «Висмуте» был широко представлен различными видами. Организацией спортивных мероприятий руководил начальник ПТО, затем главный инженер «Висмута» Н.И. Чесноков (выпускник МГИ 1943 г.). Его правой рукой был сотрудник 2-го управления Л. Лапушкин. Волейбол в ГДР тогда не был еще достаточно развит, и команда Гендирекции, состоящая из игроков-разрядников, уверенно обыгрывала команды институтов физкультуры, фактически превращая встречи в мастер-классы. Легкоатлетические футбольные и городошные команды были на всех Объектах и регулярно встречались между собой. Два раза в год проводились общие соревнования.

Я занимался плаванием в бассейне «Спортпаласа» (Дворца спорта), но принимать участие в соревнованиях стеснялся. Однажды на нашу виллу прибыл Лева Лапушкин на чесноковском «меркюри» и передал просьбу Николая Ивановича принять участие в соревнованиях, так как не хватало человека в команде пловцов. Игнорировать такой знак внимания шефа я не мог, и пришлось мне ехать. Как ни странно, в своем заплыве, отставая вначале, я занял второе место, а в эстафете 4 x 100 м в составе команды — первое. Там я впервые выступил в одной команде с очень разносторонним спортсменом Сашей Балдиным. В дальнейшем наша ко-

манда, состоящая из четырех человек, где я был третьим (лучше меня плавал Саша и еще один пловец, работавший в Гендирекции, фамилию которого я, к сожалению, запомнил) на восьми соревнованиях семь раз занимала первое место.

В 1957 г. сложился коллектив охотников и рыболовов во главе с Борисом Забелиным. Это был любитель на уровне профессионала, а может быть, он и был профессионалом. На его примере ярко подтверждалась поговорка — на ловца и зверь бежит. Крупный зверь всегда выходил на него, он ловил самую большую рыбу. На наших глазах весной в озере Крибштайн он поддел на крючок и выудил крупного золотистого линя — рыбу не хищную и не ловающуюся на спиннинг. В отличие от большинства удачливых охотников, которые хвалятся своими трофеями, Борис стеснялся своих успехов, стараясь держаться в тени. Несмотря на это, в окружной газете «Фольксштимме» появилась статья под названием «Как Борис убил дикого кабана», отмечающая мастерство охотника.

Немецкие охотники часто приглашали нас в свои угодья с просьбой помочь им в выполнении плана, который был для них велик. Помощь всегда происходила за счет многочисленных трофеев Бориса, который давал возможность менее удачливым и начинающим вроде меня принести один-два трофея.

В охоту меня вовлек Володя Марцев. Он и Аркадий Петросов были прекрасными стрелками. Поэтому, когда коллектив получил наряд на изготовление бокфлинта (двустволка с вертикальным расположением стволов) знаменитой фабрикой «Гебрюдер Меркель» («Братья Меркель»), этот наряд был единогласно передан Володе. Он попросил меня сопровождать его в поездке в г. Зуль. Фирма располагалась в типичном двухэтажном жилом

В. Н. Богатов (слева) и В. М. Молотов (справа).

На фото слева: О. Гротеволь и В. Молотов поют вместе с залом.

Справа: Рейхстаг. Берлин, 1957 г. Б. Забелин, И. Ильичев, В. Марцев, И. Васильева, К. Силаева, М. Сучкова, В. И. Белов, А. М. Солодов.

Колонна рабочих «Висмута» на демонстрации.

фахверковом доме. К нам вышли два старых «гебрюдера». Братишки обмерили Володю, и через некоторое время он получил прекрасное ружье. Задним числом возникает любопытный вопрос: не являлись ли «гебрюдеры» родственниками современной фрау бундесканцлерин Ангелы Меркель?

Охотились мы на уток в районе Баутцена, на зайцев — под Фрайбергом (недалеко были видны шахтные копры), на козлов — у Риттерсгрюна (в районе чешской границы) и в других местах. Надо сказать, что при очень большой плотности населения дичи было очень много, что свидетельствует о большом внимании и бережном отношении к природе в ГДР.

Новичкам везет. На первой охоте первым выстрелом я подбиваю утку. С неприятным чувством вижу, что она падает прямо на меня. Пытаясь избежать последствий, двумя руками поднимаю ружье над головой. Утка падает в воду в двух метрах от меня. На обратном пути в автобусе с волнением рассказываю о моих переживаниях. В тишине звучит заключение Бориса: настоящий охотник должен выдерживать падение медведя с высоты 25 метров. Громовой раскат хохота сотрясает автобус.

Едем куда-то вдвоем с шефом. Навстречу нам молоденькая фройляйн с трудом вращает педали мопеда. Шеф останавливает девушку и, указывая на меня, говорит, что у него есть прекрасный механик, который сможет быстро починить ее мопед. Фройляйн доверчиво его вручает мне, никогда не имевшему дела с ремонтом мототехники. Наугад выворачиваю свечу зажигания и, о радость, вижу, что металлическая стружка, приварившись, перемкнула

электроды, не давая возможности образоваться искре. С трудом отдираю стружку, вставив свечу, завожу мотор и отдаю мопед хозяйке. Подпрыгивающая от радости фройляйн целует меня и исчезает в клубах выхлопных газов. Краем глаза вижу растерянно-досадное выражение на лице шефа — розыгрыш не удался.

В перерыве вместе с моими коллегами рассматриваем журнал, который в настоящее время назвали бы гламурным. Сталкиваемся с незнакомым для меня словом *sexbombe*. Видя мое непонимание, коллеги просят меня объяснить, как я представляю себе смысл этого слова. Меня вводит в заблуждение фонетическое сходство произношения слов *sex* и *sechs* (шесть), и я говорю, что, по-моему, это женщина, обладающая шестью достоинствами. Корчащиеся от сдерживаемого смеха коллеги просят назвать эти достоинства. С трудом перечисляю: красота, изящество фигуры, ум... явно не дотягивая до заявленных шести достоинств. Под уже не сдерживаемый общий хохот Зееле-Рихтер объясняет мне значение этого нового для меня слова. От смущения готов провалиться сквозь землю, но почему-то не проваливаюсь.

Заканчивая свои отрывочные заметки, мне не хотелось бы, чтобы у читателя возникло впечатление о каком-то безоблачно-радостном существовании во время работы в «Висмуте». Бывали и трудные ситуации, и промахи. Как сказал философ: жизнь состоит из цепи неудач с редкими проблесками удач, и с ним нельзя не согласиться. Но память со временем отфильтровывает негативное, и годы работы в «Висмуте» представляются очень счастливыми.

Р. S. В связи с 80-летием Московского горного института (ныне — Московский государственный горный университет) группа сотрудников в составе Е. Котенко, В. Курносова, А. Петросова, Б. Филимонова, А. Солодова, работавших в пятидесятые годы в СГАО «Висмут», по представлению ректората и при поддержке Н. И. Чеснокова была в 1998 г. награждена Минатомом РФ почетными знаками «Шахтерская слава».

После объединения Германии Карл-Маркс-Штадт, оплот рабочего движения в Саксонии, административный центр «Висмута», как сообщалось, по просьбе рабочего класса (?) стал опять называться Хемницем. СГАО «Висмут» было преобразовано в общество с ограниченной ответственностью «Висмут», занимающееся санацией и рекультивацией площадей, изъятых в свое время из хозяйственного оборота в результате деятельности СГАО.

Игорь Иннокентьевич Толмачев

В 1951–1955 гг. работал на Объекте 111 (Аннаберг) главным геологом шахт № 21, Виктория, Нидершлаг, Теллерхойзер, затем — начальником геологического отдела того же Объекта. В 1971–1976 гг. работал в «Висмуте» в Кенигштайне и в Зигмаре. Кандидат геолого-минералогических наук, старший научный сотрудник. Почти 10 лет отдано им «Висмуту» и 40 лет — науке. Всю жизнь проработал в Институте геологических наук им. К. И. Сатпаева АН КазССР (Алма-Ата). В настоящее время — пенсионер. Живет в Новой Зеландии с дочерью Ольгой — учителем музыки.

И. И. Толмачев.

Работа на руднике Кенигштайн и в Перспективном отделе ЦГП (1971–1976)

Возвратившись в Алма-Ату в 1955 г. и поступив в очную аспирантуру Института геологических наук АН КазССР (ИГН АН КазССР), я занялся изучением урановых месторождений Северного Казахстана под руководством академика АН КазССР Ивана Ивановича Бока. Меня приняли на полставки на должность младшего научного сотрудника в лабораторию геохимии радиоактивных изотопов. Руководил лабораторией Николай Григорьевич Сыромятников, фронтовик, который стал доктором геолого-минералогических наук, профессором и известным ученым в бывшем СССР. Он очень поддержал мою научную деятельность в тот период. Таким образом, мои геологические работы продолжились в области урана в ИГН КазССР до ухода на пенсию в 1991 г. По иронии судьбы СГАО «Висмут» был закрыт тоже в 1991 г.

Хочу привести пример из моей жизни, когда моя судьба как геолога была решена руководителем геологической службы СССР Ильей Ильичом Малышевым, министром геологии СССР. После трудных военных и голодных лет учебы 1942–1946 гг. в Семипалатинском геологоразведочном техникуме (КазССР) я защитил диплом на отлично и получил звание техника-буровика. Меня должны были направить в геологическую партию для отработки трехлетнего стажа. Но я хотел иметь высшее образование. Работая на практике в геологических экспедициях, я общался с геологами и полюбил эту работу. Моя мечта была стать геологом. У меня было огромное и неистребимое желание воплотить свою мечту в действительность. Однако директор техникума не выдавал диплома. Разрешалось только одному технику ехать на учебу в институт — моему другу Михаилу Душину. Директор сказал мне, что если я буду иметь разрешение министра геологии, то он выдаст диплом. Дома моя мамаша Елизавета Даниловна сказала: «Бумага терпит, пиши министру». И я написал министру геологии. В заявлении я отметил, что диплом защитил на отлично и хочу учиться в институте на геолога. И вот через неделю мне лично домой пришла правительственная телеграмма на красном бланке: «Разрешить

учебу в счет 5 % (для отличников). Подпись — Малышев». Моей радости не было предела. Правительственную телеграмму я вручил ошеломленному директору, который тут же выдал мне диплом. В июне 1946 г. я был принят без экзаменов в Казахский горно-металлургический институт на геологоразведочный факультет. Это был 1946 г. — всего через один год после войны.

В период 1962–1969 гг. я дважды получал приглашение из Москвы о возобновлении работы в «Висмуте». И вот в 1970 г. началось оформление на повторную работу в «Висмут». Вся подготовка документов имела длительный характер, особенно получение разрешения партийных органов и многочисленных медицинских справок мне, моей супруге и детям-школьникам. После многочисленных проверок и инструктажа о поведении советского специалиста за границей я получил положительное решение на выезд от ЦК Казахстана и комиссии ЦК в Москве. В мае 1971 г. я прибыл в знакомый и родной мне СГАО «Висмут», где начиналась моя первая незабываемая производственная деятельность молодым специалистом — геологом, наполненная глубоким смыслом и ответственностью. Приехал я один, а семья прибыла чуть позже. Поселился в гостинице Советского клуба в Зигмаре. Началось мое новое знакомство с обстановкой. Генеральная дирекция уже располагалась в новом огромном здании и охранялась полицией ГДР. В бюро пропусков меня сфотографировали и выдали пропуск со значками, дающими право посещать многие Объекты. Заламинированный пропуск был на ремне и прикреплялся внутри кармана — удобно и без потерь. В здании размещались различные отделы «Висмута», была столовая и буфет, где можно было хорошо пообедать. Через некоторое время меня пригласил для беседы главный геолог СГАО «Висмут» Александр Абрамович Данильянц. Объяснив ситуацию, он назначил меня главным геологом на руднике Кенигштайн. Вот так я снова начал деятельность рудничного геолога уранового месторождения Кенигштайн. С благодарностью вспоминаю очень трудное, но живое и интересное дело на Кенигштайне, его хороший немецкий и совет-

ский коллектив и прекрасные места проживания в Саксонской Швейцарии.

Коллектив советских специалистов Кенигштайна (около 20 семей) компактно проживал в поселке Копиц, на правом берегу реки Эльба. На другом берегу находился городок Пирна. В 11 км на юго-восток от г. Пирна располагался рудник Кенигштайн с копрами шахт, административными зданиями и канатной дорогой, которая транспортировала вагонетки с урановой рудой до железнодорожной станции. От рудника на восток открывался чудесный вид на крепость Кенигштайн, построенной на высоком останце базальтовых пород. В крепости во время Второй мировой войны содержались военнопленные французские генералы. От поселка Копиц, примерно в 12 км на северо-запад, находится Дрезден. В Дрездене, при Группе советских войск в Германии (ГСВГ), находилась средняя школа, где учились наши дети, выезжая на автобусе каждый будний день на учебу. Средняя школа в военном городке была укомплектована опытными и лучшими педагогами из Москвы. Мой сын Леонид окончил 10-й класс в этой школе.

В поселке Копиц жили советские специалисты, как рудника, так и Дрезденской геологической экспедиции. В повседневной жизни мы были вместе. Постоянно общались, отдыхали и ездили на экскурсии, отмечали дружно все праздники и растили детей. Много внимания уделялось художественной самодеятельности, спорту и встречам с немецкими коллегами и немецким населением. Встречи с немецким населением всегда были дружественные, полные взаимопонимания. Большую работу проводили главный инженер рудника Михаил Аркадьевич Джангирьянц и профорг Сокуренок. Благодаря им советские специалисты побывали во многих музеях Дрездена, на предприятиях, встречались со знатными людьми ГДР.

Приступив к работе главным геологом рудника, я был представлен директору рудника Герхарду Братфишу и всему немецкому и советскому коллективу геологов. Представление проводили Братфиш и Джангирьянц, и оно прошло в торжественной и дружеской обстановке.

Перед нами стояла первая и главная задача — выполнить генеральный подсчет запасов урана месторождения Кенигштайн в очень сжатые сроки. Одновременно мы должны были обеспечивать активную плановую добычу урановой руды. Недостаток технических кадров осложнял выполнение подсчета запасов. Помог техническими кадрами с других Объектов главный геолог «Висмута» А. А. Данильянц. Существенную помощь мне оказал немецкий куратор

Арнольд Райниш, который хорошо знал геологические материалы Кенигштайна и прекрасно владел русским языком. Благодаря напряженному труду немецких и советских специалистов, генеральный подсчет запасов урана был завершён в срок и представлен комиссии для защиты и утверждения. Защита происходила на представительном научно-техническом совете СГАО «Висмут». Мною был сделан подробный доклад. После многочисленных вопросов и ответов на них прошла острая дискуссия по генеральному подсчету. Но общий итог подвел Леонид Лунев фразой: «Лучшего подсчета запасов нам не выполнить. Предлагаю принять подсчет и утвердить запасы по Кенигштайну». Научно-технический совет принял подсчет и утвердил запасы. В годовом отчете генерального директора СГАО «Висмут» С. Н. Волощука это было отмечено как положительный факт в работе рудника Кенигштайн. Это было признание хорошей работы коллектива геологов молодежного предприятия Кенигштайн и моей деятельности тоже за этот очень короткий срок моей работы. Теперь я мог полностью включиться в деятельность геологической службы предприятия, ибо на нем был ряд промахов, и их нужно было срочно ликвидировать.

1. Выяснилось, что советские специалисты много месяцев не получают премии в рублях. Сказалось невыполнение одного пункта — прирост новых запасов. Тогда мы с участковыми геологами нашли и разведали на флангах рудной залежи новые запасы и их прирастили. Таким образом, обеспечили получение премии, но главное — вскрыли резервы новых запасов, что снижало себестоимость добычи урана.

2. При геолого-экономическом анализе отработанных запасов мною были обнаружены десятки блоков, которые имели невыбранные остатки кондиционной урановой руды. Это означало, что мы не могли списать отработанный блок, его запасы, а следовательно, понизить себестоимость. Появилась задача — срочно добрать руду, что и было сделано горняками. Началось списание с балансов отработанных блоков.

3. При обходе территории рудника я обратил внимание на шламы — отходы, мелкие частицы, которые выносились рудничными водами и складировались в небольшом котловане, образуя грязеподобное озеро. Илистая грязь накапливалась в озере в течение длительного периода откачки подземных рудничных вод и могла содержать урановые минералы. Я срочно дал задание опробовать всю площадь котлована-озерка на уран. Прогноз подтвердился, и мы получили дополнительный запас руды с высоким содержанием урана и ввели его в эксплуатацию.

4. Необходимо было ускорить работы по обобщению новых геологических данных по месторождению, результатом которых явилась совершенно иная форма рудных залежей. Оказалось, что залежи руды имеют не пластовый характер, а «воронкообразный» или «каплевидный с отрогками». Форму урановых залежей надо учитывать при подсчете запасов руд, а горнякам — при выборе системы отработки.

5. При анализе проходок выработок мною был выявлен факт, что капитальные горные выработки пройдены в центральной части урановой залежи с целиками, имеющими высокое содержание урана. Это повергло меня в уныние. Как взять эту руду? Единственной альтернативой извлечения урана из целиков представлялся метод подземного выщелачивания. Этот метод предложил Леонид Лунев — главный гидрогеолог СГАО «Висмут». Метод стал успешно внедряться на Кенигштайне и показал прекрасные результаты.

Исходя из этих примеров, а их можно привести десятки, следует говорить о многообразии решаемых задач рудничного геолога. Считаю, что на урановых рудниках приоритет должен быть отдан геолого-геофизической службе.

В течение года работы на Кенигштайне мною все задания были выполнены. И я, имея опыт научных исследований по урану (16 лет), попросил руководство геологической службы СГАО «Висмут» перевести меня в Перспективный отдел Центрального геологического предприятия (ЦГП). В середине 1972 г. я с семьей переехал в Зигмар и подключился к выполнению научной тематики ЦГП. Дела по Кенигштайну я передал Стороженко, назначенному вместо меня главным геологом. По его просьбе детально ознакомил и ввел в курс дела как по геолого-геофизической службе, так и в целом по предприятию. Честно говоря, мне было очень жаль уходить из Кенигштайна. Я очень благодарен директору предприятия Герхарду Братфишу, который постоянно поддерживал меня и геологическую службу. Мы по-деловому и дружески решали все вопросы. Мой заместитель Эрих Мейснер был ветераном «Висмута», отлично знал геологию многих месторождений, великолепно владел русским языком, деловито и умно руководил немецкими коллегами. У меня с Эрихом Мейснером были очень дружеские и искренние отношения.

Важным событием в 1972 г. в нашей семье явилось окончание 10-го класса моим сыном Леонидом. Он отлично сдал все экзамены на аттестат зрелости в Дрезденской школе ГСВГ. В том же году Леонид поступил в Московский геологоразведочный инсти-

тут на горную специальность. При поступлении проявил настойчивость, терпение и волю для того, чтобы стать студентом с правом проживания в студенческом общежитии. Дочь Ольга перешла в 5-й класс. Кроме того, она успешно окончила Дрезденскую музыкальную школу ГСВГ, прекрасно исполняя на пианино произведения музыкальных классиков. Позже выступала в концертах в Советском клубе Зигмара. Моя супруга Лариса Валентиновна принимала активное участие в общественной жизни советской колонии, была председателем женсовета «Висмута» и одно время работала учителем истории в советской школе в Карл-Маркс-Штадте. Бытовые условия в Зигмаре были хорошие. Моя семья проживала в трехкомнатной квартире в доме, где жили и немецкие, и советские специалисты, с середины 1972-го до середины 1976 г., до окончания командировки.

Моя работа с середины 1972 г. проходила в Перспективном отделе ЦГП в Грюне. Отдел возглавлял опытный организатор и творческий геолог В. Бельский. Отдел был укомплектован высококвалифицированными специалистами, многие имели ученые степени кандидата наук. Некоторые позже стали докторами наук. Вообще, идея создания такого отдела была глубоко правильной. Работа не была связана с добычей урана и приростом его запасов, этим занимались другие отделы и подразделения. Перспективный отдел вел важную, нужную работу по сбору и обобщению всего геологического материала ГДР не только по урану, но и по другим элементам (олово и т. д.). Фактически это была научная организация, работающая на прогноз урана, олова, редких металлов, алмазов. Она не могла давать сиюминутную отдачу. Однако уже были получены первые отличные результаты по открытию оловоносных промышленных руд в Рудных горах.

В отделе меня определили в группу, которую возглавлял Борис Евгеньевич Кудрявцев, кандидат геолого-минералогических наук. Он был руководителем и исполнителем темы «Радиогеохимическая карта юга ГДР», владел методами составления подобных карт в СССР, был хорошим организатором. Немецкие сотрудники М. Фивег и Х. Бюхнер активно помогали нам в работе. В состав группы входил советский геофизик В. Цурка. Летом наша группа выезжала на полевые работы, производя измерения на радиоактивные элементы в коренных породах разного свойства и возраста. Мною был собран большой геологический материал по всем урановым месторождениям и рудопроявлениям ГДР, составлена геологическая основа. Был проведен анализ

и составлены приложения к карте. Все крупные урановые месторождения ГДР были изучены на месте. Была специальная поездка на «народное предприятие» для изучения всемирно известных мансфельдских сланцев перми на северо-западе ГДР, где кроме меди, платины, палладия, никеля, кобальта присутствовал и уран. Над радиогеохимической картой ГДР мы трудились несколько лет; и ее завершение совпало с окончанием моей служебной командировки в «Висмут». Летом 1976 г. я с семьей вернулся на Родину, в Алма-Ату, в свой Институт геологических наук АН КазССР. В нем я проработал старшим научным сотрудником до выхода на пенсию в 1991 г. Все эти годы занимался изучением вопросов по металлогении Казахстана, включая исследования урановых месторождений и других типов месторождений.

В заключение хотел бы отметить, что, приехав через 16 лет второй раз в ГДР, в СГАО «Висмут», я увидел разительные перемены в жизни немецкого населения.

Во-первых, были восстановлены и построены такие города, как Берлин, Дрезден, Карл-Маркс-Штадт (Хемниц), которые были сильно разрушены во время войны. В первый приезд в ГДР я видел все эти разрушения, и они производили тягостное впечатление.

Во-вторых, в ГДР был высокий жизненный уровень населения (по сравнению с бывшим СССР). В любом городке или поселке можно было купить все продукты, от мяса, молока, масла до разных овощей

высокого качества, и приобрести любые промышленные товары по доступной цене.

В-третьих, немецкие граждане имели здоровый, бодрый вид, хорошее настроение, чувство высокого достоинства, одевались в хорошую модную одежду. Чувствовался жизнерадостный ритм и в работе, и на отдыхе.

В СГАО «Висмут» также произошли существенные изменения в лучшую сторону. Прежде всего, качественно улучшился кадровый состав как немецких, так и советских специалистов на Объектах, предприятиях и в Генеральной дирекции. Появилось более высокое технологическое оснащение и передовые методы управления горнодобывающих предприятий, новые методы поиска и разведки. На смену пришли новые опытные руководители различных подразделений «Висмута». Среди геологов и геофизиков имелись кандидаты наук. Все крупные предприятия «Висмута» возглавляли уже опытные немецкие специалисты. Выросла новая немецкая техническая интеллигенция. Совершился новый скачок роста немецких специалистов, с которыми мы начинали добычу урана в 1951 г.

В моей памяти СГАО «Висмут» остался предприятием с высокой организацией труда русских и немецких специалистов, с высоким культурным уровнем жизни русских, проживающих совместно с немецкими друзьями. СГАО «Висмут» подарил нам знание об огромном культурном наследии немецкого народа, которое останется в наших сердцах на многие годы.

Вячеслав Васильевич Марченко

В. В. Марченко.

Вячеслав Васильевич МАРЧЕНКО окончил Свердловский горный институт (1953). Работал на геологических поисках, разведке и разработке рудных месторождений Казахстана, Урала и в зарубежных странах. Доктор геолого-минералогических наук, заслуженный геолог Российской Федерации, лауреат Государственной премии.

Работа в СГАО «Висмут»: 1958–1962 гг. — главный геофизик Объекта 90 (Гера); 1960–1962 гг. — главный геофизик Объекта 9 (Ауэ); 1965 г. — старший геофизик Дрезденской ГРЭ; 1965–1971 гг. — главный геофизик Центрального геологического предприятия (ЦГП). Скончался 25.10.2011 г.

Геологические и геофизические работы в «Висмуте»

СГАО «Висмут» было одним из крупнейших в мире уранодобывающих предприятий. За довольно короткий исторический срок на территории Саксонских Рудных гор, Фогтланда и Восточной Тюрингии советскими геологами были открыты и разведано около 70 месторождений, в том числе два уникальных по своим запасам.

Германские геологи провели ревизию старых месторождений Рудных гор и оценили общие возможные запасы урана в 15 тонн металла. В 1940–1944 гг. германские горные предприятия добывали в небольших коли-

чествах урановую руду в Шнееберге и Иоганнгеоргенштадте.

О радиоактивных рудах в Саксонии, разумеется, знали немецкие геологи, которые по заданию властей искали сырье для германского секретного оружия в начале войны. Радиометров тогда еще не было, поиски руд проводили визуально, а высокая концентрация радона в воде источников привела немецких поисковиков к выводу, что вся масса урана уже «разложилась», перейдя в газовую, радоновую фазу.

Поиски прекратили, а Рудные горы объявили неперспективными для атомного проекта.

Нередко в западной периодической и специальной геологической печати можно встретить суждения о том, как «повезло» советским экспертам и геологам после Второй мировой войны. Они обнаружили в Саксонских Рудных горах и Восточной Тюрингии уникальные урановые месторождения с громадными запасами, третьими по своей величине в мире.

Возникает вопрос «А почему же сами немецкие исследователи не смогли найти эти месторождения на своей территории, тем более что Германия имела в 1940–1945 гг. свой атомный проект?»

Хотя в Саксонских Рудных горах были известны многие урановые рудопоявления, не было соответствующей оценки величины их запасов. По заданию Советской военной администрации профессора Горной академии д-р Шумахер и д-р Эккерляйн представили анализ урановых ресурсов Рудных гор и дали «отрезвляющий результат» (ernüchterenden Ergebnis): 80–90 тонн урана для Иоганнгеоргенштадта как места самого высокого запаса (потенциала).

Однако через полгода геологических поисков и тщательной ревизии старых шахт и горных выработок запасы урана советскими геологами были увеличены более чем в 100 раз. Было открыто крупнейшее в мире гидротермальное жильное месторождение Нидершлема-Альберода. А еще через два года, в 1949 г., было обнаружено и разведано целое рудное поле больших урановых месторождений в черных сланцах у Роннебурга. В конечном итоге общие разведанные геологические запасы здесь достигли гигантских размеров.

Так что же это: «везение», случайность или результат теоретического прогноза и целенаправленного геологического исследования?

Поскольку это принципиальный вопрос, постараемся ответить на него более подробно.

Известно, что российская, а затем и советская геологическая школа всегда отличалась детальным предварительным научным прогнозом исследуемой территории (на основе анализа ее металлогении, структурных особенностей и пр.) и четкой прикладной направленностью последующих геологических поисковых работ. Именно на этих принципах в довоенное время были опоскованы большие территории Советского Союза и открыты многочисленные рудные месторождения. К началу Великой Отечественной войны страна была обеспечена всеми необходимыми видами минерального сырья. Таких темпов геологических поисков и разведки не имелось в одной стране мира в то время.

Возвращаясь к вопросу об уране, отметим следующее. Еще в 1912 г. академик В. И. Вернадский указывал на «необходимость исследования радиоактивных минералов в Российской империи». В 1940 г. по его предложению была создана Комиссия по проблемам урана Академии наук СССР.

Вопросы геологии урана освещались в трудах Л. Семяникова (1899 г.), К. И. Богдановича (1912 г.) и других исследователей. Особенно плодотворными были работы В. А. Обручева (1929 г.), С. С. Смирнова, А. Е. Ферсмана, А. Г. Бетехтина, А. П. Виноградова, И. Ф. Григорьева, В. И. Смирнова (1930–1940-е гг.), Н. П. Лаверова, Ю. М. Дымкова, В. Г. Мелкова, Л. Ч. Пухальского и др.

Наши специалисты — теоретики и практики — тщательно изучали труды немецких ученых, в частности работы К. Шиффнера «Урановые минералы Саксонии», «Радиоактивные источники Саксонии» и др. (1908–1913 гг.). Следует отметить, что он обнаружил в штольне у Обершлемы урановые руды. Представляли интерес публикации: К. Дальмера «Жильные формации Рудных гор» (1896 г.), А. Пургольда «Урановые руды Иоганнгеоргенштадта» (1883 г.), Р. Шрайтера «Рудные жилы Мариенберга» (1927 г.), К. Кайля «Изучение Co-Ni-Ag в рудных жилах» (1931 г.), Х. Шнайдерхена «Рудные месторождения» (1941 г.) и др.

Однако, несмотря на такие исследования, промышленных месторождений для добычи урана в то время в Саксонских Рудных горах немецкими геологами обнаружено не было. Попытки начать такую добычу в 20–30-е гг. прошлого века в районе Нидершлага были неудачны. Уран добывался лишь попутно с другими рудами в небольших количествах.

Причина, видимо, заключалась в различии теоретических и прикладных геологических школ — германской и советской — в то время.

Немецкие геологи детально исследовали отдельные проблемы минералогии, геохимии, процессы формирования рудных жил, парагенезы минералов, радиогидрогеологии и др., не увязывая все это в едином обобщении и взаимосвязи.

В основе советской геологической школы был комплексный подход, с учетом анализа геотектонических особенностей и общей металлогении региона. Такой подход позволил теоретически, с новых позиций, оценить высокую геологическую перспективность Рудных гор нахождение в них крупных урановых месторождений.

Одновременно с ревизионными работами по всей территории Рудных гор, Фогтланда и Восточно-Тюрингского поднятия широко проводились геологические поиски с примени-

Месторождение Обершлема, шахта № 366 и терриконы.

ем специальных съемок: гамма-радиометрической (измерение радиоактивности почвы) и эманионной (измерение концентраций газа радона в почвенном воздухе).

Эти работы позволили выявить большое количество аномалий, детальные исследования которых с применением горных работ (шурфов, канав и штолен) привели к открытию новых месторождений, в том числе крупнейших месторождений в сланцах нижнего палеозоя (Роннебургское рудное поле и др.). При этом нашими специалистами были разработаны новые методики геофизических измерений и способы интерпретации их результатов. Многие сделал для этого выдающийся ученый, теоретик и практик, Леонид Чеславич Пухальский — первый главный геофизик СГАО «Висмут».

За 45 лет деятельности СГАО «Висмут» советскими специалистами здесь было открыто 69 месторождений урана (из них два уникальных по запасам).

В пределах довольно небольшой территории (3 тыс. кв. км) геологами были найдены

Объект 9

Самая большая геологическая служба была на жильном месторождении Нидершлема-Альберода (Объект 9). Рудная минерализация приурочена здесь к останцам кровли и экзоконтактам Айбенштокского (Карлсбадского) гранитоидного массива. Во время эксплуатации было установлено, что ореол рудной минерализации значительно распространяется как по флангам месторождения, так и на его глубину.

Здесь обрабатывались около 2 тыс. крутопадающих рудных жил на глубину до 2 километров. Через каждые 30 или 45 метров были пройдены горные выработки (штреки, квершлагги, восстающие и др.), все они были обеспечены вентиляцией, водоотливом и электротранспортом. Общая длина

ны и разведаны месторождения самых различных типов: гидротермальные в рудных жилах Рудных гор, осадочно-метаморфогенные в черных сланцах палеозоя Северо-Восточной Тюрингии, в меловых песчаниках Эльбталского грабена, в карбонатах цехштейна, в нижнепермских каменных углях Северо-Восточных Рудных гор и в вулканах Северо-Западной Саксонии.

Большой вклад в первый период проведения поисков и разведки новых рудных Объектов, в период становления и развития геологической службы СГАО «Висмут» внесли советские и немецкие геологи и геофизики: Р. В. Нифонтов, Д. Ф. Зимин, Г. Н. Котельников, Л. Ч. Пухальский, Г. К. Жуков, С. А. Шафранов, А. В. Сорокин, И. И. Толмачев, Ю. А. Кремчуков, Г. Г. Солопов, В. И. Смирнов, Н. С. Зонтов, Ю. А. Арапов, Ю. С. Данилов, К. Мюллер и многие, многие другие специалисты и ученые.

Наряду с проведением поисков и разведки происходило становление рудничной геологической службы на шахтах и карьерах. На каждой шахте было необходимо вести геологическую документацию горных выработок и очистных работ, рассчитывать прирост запасов металла и величину его отработки, учитывать потери и непрерывно отслеживать запаса металла в недрах.

Эти работы выполнялись коллективами геолого-геофизических отделов во взаимодействии с маркшейдерами и ОТК.

Заметим, что в то время (да и теперь) в практике разработки рудных месторождений на Западе, на шахтах отсутствует постоянная геологическая служба; для консультации привлекаются раз в полгода один или несколько геологов. Если бы наши специалисты использовали опыт западных геологов, это не позволило бы получить в СГАО «Висмут» такие результаты.

горных выработок на этих горизонтах достигла 4200 километров. Это расстояние больше, чем от Берлина до Урала!

На каждую жилу велась своя точная документация по мере ее отработки. Вся геологическая документация отслеживалась в едином ключе, несмотря на то, что месторождение отрабатывалось шахтами № 38, 254, 366, 371. Геологи встретились здесь с совершенно новой в мировой практике ситуацией. Необходимо было создать новые методики геологического обслуживания эксплуатационных работ и оперативного подсчета запасов.

Мировая практика не знала еще такой сложной геологической ситуации.

Применявшиеся ранее методы документации и подсчета запасов металла здесь ока-

зывались весьма трудоемкими, либо вообще неприменимыми. Необходимо было искать новые подходы. Коллектив советских специалистов во главе с геологом И. В. Токаревым успешно справился с этой проблемой. Разработанная методика подсчета запасов была оригинальной: подсчитывалось количество руды и металла не на объем горной массы, а на один квадратный метр жильной площади. Этому способствовали выдержанность рудных тел (жил) и содержание в них урана.

Дружный коллектив советских и немецких специалистов геолого-геофизической службы Объекта 9 успешно решал все задачи по выполнению плана эксплуатационных работ.

Значительный вклад в разработку месторождения в то время внесли: Д. П. Славягин, В. И. Андрюхин, Л. И. Бай, Г. И. Ведешкин, Н. Г. Вавилов, Р. В. Гецева, Ю. М. Горбачев, В. П. Долгов, С. Ф. Козлов, П. А. Казанцев, В. И. Калинин, И. В. Мисюр-

Геологический отдел. Слева направо: К.-Х. Линкерт, Д. П. Славягин, Н. И. Расторгуев, В. М. Марченко, А. Н. Шинкарев, В. В. Марченко (1961 г.), кеев, А. П. Мочалин, Б. И. Марков, А. С. Назарюк, В. И. Непочатых, Ф. И. Пасечник, Н. И. Расторгуев, И. В. Токарев, Г. Н. Чирук, Ю. А. Шенгоф, Т. П. Юзленко, А. И. Шинкарев, А. П. Шпанов, В. П. Слукин, Ю. С. Усольцев, Ю.А. Флеров, К. Файерер, Г. Н. Чирук, К.-Х. Линкерт, К. Келер, В. Виттхун, З. Фогт, В. Мизель, В. Кесслер и др.

Советские специалисты Объекта 9 СГАО «Висмут»

Многое в деятельности горнодобывающего предприятия зависело от постоянной и точной работы геофизиков. Необходимо было каждую смену отслеживать распространение оруденения в жилах, определять содержание металла в разведочных шпурах и подземных скважинах, контролировать полноту выемки руды, предотвращать разубоживание руд и потери металла при закладке отработанного пространства. На поверхности осуществлялся замер всех вагонеток, поднимаемых из шахты, для разделения рудных и содержащих только пустую породу (измерения на рудоконтрольных станциях — РКС). Штуфные (очень богатые руды) замерялись в ящиках с помощью ионизационных камер. По всем этим данным проводился учет плана добычи металла по всему горнорудному предприятию.

Поскольку при разработке месторождения наряду с богатой рудой имелась и бедная, так называемая «некондиционная» руда, на поверхности отдельных шахт были построены радиометрические обогатительные

фабрики (РОФ). Здесь такая руда промывалась, разделялась по крупности на отдельные классы и каждый кусок автоматически (в свободном падении) сортировался с использованием высокоскоростных радиометрических сепараторов. Аналоги такого автоматического комплекса в то время в мире не были известны. Теоретической основой радиометрической сортировки была «Теория контрастности урановых руд», разработанная главным геофизиком СГАО «Висмут» Л. Ч. Пухальским. На основе этой теории в последующем были созданы методы рентгено-радиометрической сортировки бедных руд нерадиоактивных металлов: свинца, никеля, редких металлов, марганца, бериллия и др.

В 1960–1962 гг. я работал главным геофизиком предприятия, заместителем был опытный Вилли Виттхун, контролем всей радиометрической аппаратуры занимались Зигфрид Фогт и Р. Шварц. Старшими геофизиками были А. П. Шпанов, И. Гютер (шахта № 38), В. П. Слукин, Х. Фиккер (шахта № 366), А. С. Назарюк, П. Бетчер (шахта № 371).

Г. И. Ведешкин

Ю. М. Горбачев

Г. М. Утехин

В. И. Непочатых

На фото слева: Горные инженеры (слева направо): С. М. Фабричнов, Т. П. Юзленко, В. Рахвалов, В. Г. Попов, В. В. Марченко, А. И. Бакулин (Ауэ, 1962 г.).

На фото справа: Едем на рыбалку с немецкими коллегами.

Мы передавали свои знания немецким коллегам, они делились с нами опытом практической работы в шахтах; в целом это был дружный коллектив, который детально знал свою работу и хорошо ее выполнял.

Объект 90

Другим большим Объектом были месторождения Роннебургского рудного поля с шахтами Шмирхау, Ройст, Пайцдорф, Лихтенберг и карьерами Кульмич, Зорге, Гауэрн и Штольценберг.

Генезис и геоморфология рудных тел здесь принципиально отличались от рудных жил на месторождениях Рудных гор. Рудовмещающие породы относились к более молодому стратиграфическому уровню (силур-девон). Хотя здесь прослеживались осадочные отложения, но они интенсивно метаморфизованы и осложнены складчатостью и многочисленными тектоническими нарушениями. Промышленное оруденение было связано с карбонатными и силикатными рудами: слюдистыми, глинистыми, кремнистыми черными сланцами, рассланцованными известняками и межпластовыми телами диабазов.

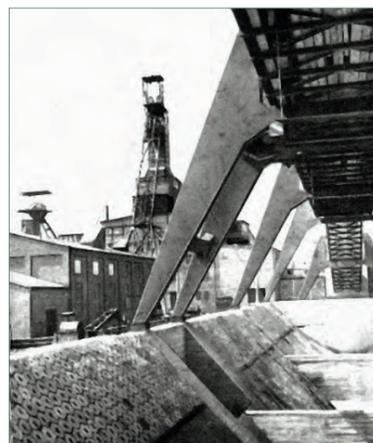
Такие руды перерабатывались на гидрометаллургических заводах (ГМЗ) по различным технологическим схемам. Поэтому необходимо было учитывать не только со-

В выходные дни часто мы проводили совместные встречи, семинары, отдыхали на природе, участвовали в совместных экскурсиях, ездили на рыбалку. Такое неформальное общение крепilo советско-германскую дружбу наших специалистов.

держание металла в рудах, но и вести раздельный учет по силикатным и карбонатным типам. Кроме того, рудные тела имели сложную морфологию и были существенно различными по содержанию урана.

Все это сильно осложняло прослеживание рудных тел и их геологическую документацию. Здесь также пришлось искать новые подходы в рудничной геологии при детальной разведке, подземной отработке и подсчете запасов. Такая методика была предложена Г. М. Утехиным и Б. М. Сардисламовым, а впоследствии усовершенствована Ю. С. Даниловым, А. Складовым и В. А. Петровым с применением математической статистики.

Комплекс рудничных геофизических методов при отработке этого месторождения включал: гамма-профилирование и точечное опробование горнопроходческих выработок, радиометрический контроль забоев, гаммакаротаж скважин и шпуров, экспресс-анализ добытых руд на вагонеточных РКС (разделение по литологиям и содержаниям), лабораторные радиометрические измерения проб.

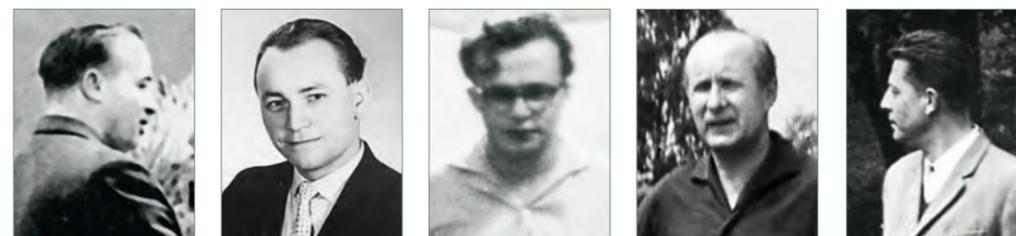

Шахта Шмирхау. Геофизический комплекс РКС на шахте.

Добыча руды на карьерах контролировалась с помощью специальных РКС, осуществлявших измерения каждого автосамосвала с рудой. Впервые разработка методики геофизического обслуживания добычных работ в таких сложных условиях была разработана и успешно применена Л. Ч. Пухальским.

С 1958-го по 1960 г. я работал главным геофизиком Объекта 90. Моим заместителем был Райнхольд Новак. Старшими геофизиками на шахте Шмирхау были К. М. Плакида и З. Рабе; на шахте Лихтенберг — А. Теликовский.

Специалисты горнорудного комбината Шмирхау

В. Дорн Р. Новак К. М. Плакида О. А. Задорин З. Рабе

Много сделали для развития рудника Ю. А. Алексеев, А. А. Алексеев, Д. П. Бабак, В. А. Гудимов, В. И. Захаров, Б. Ф. Коваленко, И. П. Сергеев, В. А. Ильченко, Г. Е. Писковец, А. Н. Мочалин, Г. Н. Назаров, Б. Г. Рассохин, А. Н. Гаврилов, К. М. Плакида, Х. Рудольф и другие.

Поскольку горнорудный комбинат Шмирхау был одним из важных в СГАО «Висмут», к нам часто приезжало руководство страны. Так, в 1959 г. на празднествах, по-

священных 10-летию ГДР, на митинге выступал Председатель Совета Министров ГДР Отто Гротеволь. Приветствовал его директор комбината Вальтер Дорн.

Объект 90 был под постоянным вниманием Генеральной дирекции и лично генерального директора СГАО «Висмут» С. Н. Волощука. Он строго контролировал выполнение плана добычи руды и строительство новых шахт и карьеров. Тем более что в это время входил в эксплуа-

Премьер-министр ГДР Отто Гротеволь на митинге шахтеров шахты Шмирхау.

На фото слева: Генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук на карьере Кульмич Объекта 90.

Справа: Демонстрация 1 мая 1958 г. в г. Гера.

Председатель Общества германо-советской дружбы И. Дикман на комбинате Ройст.

тацию крупнейший гидрометаллургический завод в Европе в районе Зеллингштедта.

Эксплуатационные работы на месторождениях Роннебургского рудного поля осложняло то обстоятельство, что углисто-кремнистые сланцы самовозгорались при вскрытии их шахтными горными выработками.

Это была очень сложная проблема. При повышении температуры из руд выделялись окись углерода и радиоактивный газ радон. На руднике была создана дозиметрическая служба, и каждую сме-

ну во всех очистных блоках, забоях и горных выработках отбирались пробы шахтного воздуха. В случае повышенных концентраций радона сразу же проводилось дополнительное проветривание свежим воздухом с поверхности. Кроме того, проводились исследования по бетонированию стенок горных выработок специальными твердеющими смесями. В конечном итоге и эта непростая проблема с помощью специалистов из советских НИИ была решена.

Коллектив советских и немецких специалистов был удостоен почетного звания «Молодежное предприятие германо-советской дружбы».

Кристаллы ожелезненного калыцита. Западные Рудные горы

В итоге геологических поисков и последующей разведки запасы металла в недрах были существенно увеличены. Были разведаны месторождения, не выходящие на земную поверхность: Беервальде и Дрозен (Шмельнский грабен); Пайцдорф, Цайц, Кауэрн, Криммичау; Кина, Вербен, Сербитц (Северо-Западная Саксония), Хауптманнсгрюн (Фогтланд); Пела (Рудные горы); Рудольфштадт (Южная Тюрингия) (Рис. 1).

Кроме поисков и разведки урановых руд, по заданию Министерства горной промышленности и геологии ГДР Центральное геологическое предприятие проводило поиски и разведку цинка, вольфрама, редких земель, плавикового шпата, бурого угля и др. Поскольку к 1966 г. почти вся территория Рудных гор, Фогтланда и Восточной Тюрингии была детально исследована радиометрическими методами (гамма- и эманионной съемками), поэтому поисковые геологические и геофизические работы в ЦГП были ориентированы на применение глубинных поисков с автоматическим каротажем скважин. Эта методика была предложена профессором А.Н. Еремеевым и успешно использовалась в 1960–1980-х гг.

Основным направлением геофизических исследований начиная с 1966 г. стало планомерное систематическое изучение глубинного геологического строения всего региона деятельности ЦГП методами высокоточной магниторазведки (протонные магнитометры), различных модификаций электроразведки и детальной гравиметрической съемки. Главной задачей при этом являлось выявление пространственных закономерностей приуроченности месторождений и рудопроявлений урана к глубинным геологическим структурам Рудных гор и Восточной Тюрингии и выделение на этой основе площадей, перспективных для обнаружения новых месторождений.

Комплексная интерпретация материалов таких геофизических измерений впервые в СГАО «Висмут» выполнялась на основе компьютерных расчетов. В. В. Марченко был разработан новый метод интерпретации — глубинное гравиметрическое зондирование (ГГЗ). Его использование позволило проследить распространение отдельных интрузий, продуктивных пород и тектонических структур на различных интервалах глубин.

Были установлены крупные глубинные тектонические разломы и определены углы их падения на глубину. Это позволило выявить некоторые новые закономерности пространственного размещения месторождений с учетом особенностей глубинного геологического строения.

Геологической основой интерпретации служили материалы геологических съемок масштабов 1:25000 и 1:50000, выполненных Б. М. Сельцовым, В. И. Величкиным, Б. Л. Рыбаловым и другими геологами. Полезные консультации оказывали Л. Ч. Пухальский и доктор геолого-минералогических наук Г. П. Пельмский. В итоге была составлена прогнозная карта по Восточной Тюрингии и Западным Рудным горам.

Основным методом при разведке месторождений являлись буровые работы, именно на основе бурения скважин и последующего гамма-каротажа.

Получались сведения, необходимые для геологического подсчета новых запасов металла. Бурение приходилось проводить в специфических условиях с развитой инфраструктурой и высокой плотностью населения; необходимо было не нарушить дороги, посева. С. И. Голиков сумел так организовать бурение, что никаких жалоб от населения практически не было.

Перед бурением место, где предстояло бурить, фиксировалось на киноплентку, а после окончания проходки скважины

Рис. 1. Геологическая карта южной части ГДР (выкопировка из геологической карты ГДР, ред. Х. Кельбель, 1961 г.).

Глубинные поиски с каротажем.

Рис. 2. Тектоническая схема Восточной Тюрингии, Фогтланда и Западных Рудных гор (составил В. И. Величкин).

Слева:
Маршрут
авто-гамма-съемки
Справа:
Парад шахтеров
в День горняка.

Тюрингская ГРЭ

После открытия первых месторождений в районе Роннебурга в Гере была образована Тюрингская геологоразведочная экспедиция. Специальные поиски были ориентированы на выявление осадочно-метаморфогенных месторождений в черносланцевых отложениях силура-девона. Здесь впервые в «Висмуте» применялась автомобильные и вертолетные радиометрические съемки на обширных территориях Восточно-Тюрингского поднятия, Тюрингского леса, Шварцбургского поднятия и Тюрингского бассейна. Выявленные аномалии проверялись бурением и горными выработками. Так были открыты, разведаны и переданы для эксплуатации несколько новых месторождений в районе Роннебурга и Шмельнского грабена: фланги месторождений Пайцдорф, Дрозен,

Цайтц-Бальденхайм, Кауэрн, Прена, Унтитц, Криммичау, Лихтенберг-Северный, Рудольфштадт.

Одновременно были найдены осадочные месторождения Кульмиш, Зорге, Гауэрн и Гера-Юг, которые сразу же разрабатывались карьерным способом.

Много сил в поиски и разведку этих месторождений вложили специалисты: Ю. С. Данилов, А. А. Скларов, В. А. Петров, Н. З. Беденков, В. И. Карев, Ф. А. Жуков, Ю. А. Асташкин, Л. И. Овчинников, К. И. Володин, В. А. Гудимов, В. И. Захаров, Б. Ф. Коваленко, Ю. А. Рошин, Б. К. Собачкин, В. Н. Скосырев, Т. К. Янбухтин, Г. Е. Писковец, В. Д. Калмыков, Р. В. Гецева, А. А. Алексеев, И. П. Гаврилов, Б. С. Ипатов, Г. А. Карвелис, С. С. Старцев, А. Н. Юдаков, В. П. Никонов, Г. Н. Крупин и др.

Дрезденская ГРЭ

После открытия уранового оруденения в долине реки Эльба вблизи крепости

Кенигштайн для его разведки и подсчета запасов была создана Дрезденская геоло-

Коллектив советских
и немецких специалистов
Дрезденской ГРЭ.
Слева направо:
Н. С. Никулин, М. Кобелев,
В. Соколов, В. Кочетков,
В. Чесноков, К. Иванов,
М. Михайловский, Ф. Деккер,
В. Воробьев, В. Уханов,
В. Р. Розе, В. Марченко,
А. Каратанов, Г. Куличкин.

И. Г. Мельник

Б. Г. Самсонов

Г. А. Печенкин

В. Г. Эртнер

Б. Н. Зябрев

горазведочная экспедиция ЦГП. Одновременно решением Генеральной дирекции по предложению главного инженера СГАО «Висмут» Б.К. Середы был организован новый горнорудный комбинат «Кенигштайн».

Главным геологом Дрезденской экспедиции был назначен А. В. Соколов, главным геофизиком — С. И. Филиппов, начальником геологического отдела — Э. Л. Саруханян, его заместителем — Ф. Деккер, гидрогеологом — Б. С. Самсонов.

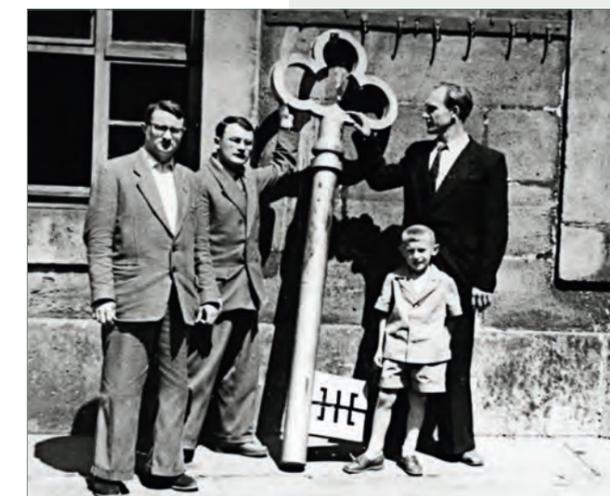
Успешно выполняли свою работу Г. А. Печенкин, С. Ш. Агамиров, М. Д. Михайловский, Е. В. Уханов, М. В. Кобелев, Г. А. Куличкин, А. И. Каратанов, В. А. Воробьев, И. П. Шумилин, З. А. Некрасова, В. Г. Эртнер, В. И. Кунаев, В. Н. Макаров, В. А. Кочетков, В. А. Поликарпова, И. Зауэр, П. Хаберлянд, Д. Эккарт, Х. Виттиг, П. Вечерек, Х. Фройнд, Б. Н. Зябрев, Ю. Лукин, Н. Г. Струков, А. В. Дьяконов и др.

На руднике Кенигштайн впервые в ГДР добыча урана осуществлялась по наиболее эффективной технологии подземного выщелачивания. Это позволило без строительства шахт и горных выработок «выкачивать» уран из глубокозалегающих горных пород не нарушая экологию окружающей среды.

Большую сложность при разведке и эксплуатации месторождения Кенигштайн представляло то обстоятельство, что оно располагалось на территории с развитой инфраструктурой и с большим количеством населенных пунктов. Возникало опасение, что окружающие деревни и города могут лишиться водоснабжения из своих колодцев и скважин. Большую и оригинальную работу по разведке месторождения проделали гидрогеологи во главе с Б. С. Самсоновым и геологи во главе с Э. Л. Саруханяном. Для обследования уникального колодца в крепости Кенигштайн Б. С. Самсонов сам спускался в него на глубину 150 метров. Два дня он документировал состояние этого колодца. Он критически оценил представленный проект строительства рудника и настоял на его изменении, что позволило сэкономить 40 млн немецких марок. Решение это поддержал генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук. Шахтные стволы на месторождении проходили перемычным способом: бурением скважин большого диаметра. Для оценки водопритоков в шахтный ствол Б. С. Самсонов сам спускался в бадью в забой проходимой шахты и убедился в безопасности последующих горных работ в этой шахте.

На фото слева:
Первая руда нового
месторождения.

Справа: Ключ крепости
Кенигштайн.

Слева: Место базирования ГРЭ Вермсдорф.

Справа: Геолог Б. П. Лашков.

Лейпцигская ГРЭ

После открытия в Советском Союзе урановых месторождений нового типа — липаритов Забайкалья и Казахстана — научным сотрудником ИГЕМ РАН Б.М. Сельцовым было высказано предположение о возможности нахождения месторождений этого типа в Северо-Западной Саксонии. Здесь, в районе северного обрамления Гранулитовых гор, геологическими съемками были установлены горные породы липаритовой формации. На первых порах поисковые работы в этом районе проводились геологами Б. М. Сельцовым, В. И. Величкиным, Б. Л. Рыбаловым, А. Н. Болотниковым и геологами Саксонской ГРЭ Б. П. Лашковым, И. С. Казаковым, Э. Франц, З. Воцняком и др. После обнаружения рудопроявления урана в районе посел-

В 1971 г. была создана Лейпцигская ГРЭ (Производственный отдел Вермсдорф), в состав которой вошла часть сотрудников Дрезденской и Саксонской экспедиций.

Главной задачей было тщательное исследование областей липаритовой формации Среднегерманской кристаллической зоны. В дальнейшем в исследования были присоединены и другие районы: Мейсенский массив, Гарц и др. Поиски здесь были довольно трудными: все продуктивные горные породы и объекты поисков перекрыты молодыми осадочными породами. Это осложняло геологические, геофизические и геохимические поиски.

С 1975 г. начали широко применять изотопно-свинцовый метод поисков и оцен-

Ю. Н. Лукин

В. И. Величкин

Н. Е. Костин

Б. М. Сельцов

ка Вермсдорф стала базироваться поисковая партия с проведением буровых работ. В 1969 г. были получены первые благоприятные результаты, и началась проходка горных выработок (глубокого шурфа с рассечками). Вначале это было небольшое оруденение (по масштабам «Висмута»), но основная идея поисков в вулканогенной формации была подтверждена.

Геологический отдел Генеральной дирекции

Большие успехи геологов СГАО «Висмут» в значительной мере обусловлены уме-

лым руководством со стороны геологического отдела Генеральной дирекции. В разные

годы во главе его были опытнейшие специалисты — уранщики, ученые и практики. Это геологи: Г. Г. Солопов, Ю. А. Кремчуков, К. П. Лященко, А. А. Данильянц, Ф. К. Портнов, Ю. С. Данилов, К. Файерер, А. Райниш, Н. А. Довгаль, М. М. Катунин, М. И. Клыков, В. Н. Лало и др.; геофизики: Л. Ч. Пухальский, Н. А. Еремеев, Ю. П. Тафеев, А. И. Горшков, И. А. Лучин, Г. Ф. Шумков, К. Келер, Е. А. Богданович, В. В. Ивлиев, А. П. Васильев; гидрогеологи: Л. И. Лунев, И. И. Шишкин, В. Е. Ширяев, С. Ш. Агамиров, И. П. Сергеев, П. В. Сергеев, Л. С. Шищенко, Б. П. Севрюков и др.

Громадный опыт советских геологов по ускоренному развитию минерально-сырьевой базы СССР в годы индустриализации страны и в военные годы был с максимальным эффектом использован в СГАО «Висмут». Здесь также за кратчайший срок были сделаны значительные геологические открытия, проведена ускоренная разведка месторождений и подсчитаны запасы полезного ископаемого.

Сотрудники отдела постоянно контролировали направления геологических исследований, движение запасов, потери и разубоживание руд при разработке место-

Запасы и прогнозные ресурсы месторождений, открытых и разведанных в СГАО «Висмут» (тыс. т на 1990 г.)

Месторождения	погашенные	балансовые	прогнозные	всего
Роннебургское рудное поле	112,914	51,820	35,423	200,157
Рудное поле Шлема	80,413	1,032	5,017	96,603
Кенигштайн	19,257	4,304	4,251	27,812
Фрайталь	3,977			3,977
Сев.-Зап. Саксония	6,660			
Прочие	34,949	6,100	22,257	48,301
Всего	251,510	57,922	74,727	383,510

Источник: [http://de.wikipedia.org/wiki/Wismut_\(Unternehmen\)](http://de.wikipedia.org/wiki/Wismut_(Unternehmen))

Л. Ч. Пухальский

А. А. Данильянц

А. Н. Еремеев

Ю. П. Тафеев

А. И. Горшков

И. А. Лучин

К. Келер

Л. И. Лунев

Рис. 5. Урановые рудники и фабрики в Тюрингии и Саксонии.

Руководители геологической и геофизической службы СГАО «Висмут».

Слева направо: Генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук, посол в ГДР П. А. Абрахимов, секретарь парткома В. М. Шелкалин.

рождений. Геофизики отдела внедряли самые современные в то время методы измерений, радиометрического контроля и обогащения, компьютерные методы обработки и интерпретации данных измерений.

Геологический отдел всегда ощущал поддержку руководства СГАО: генерального директора

С. Н. Волощука, заместителя генерального директора В. Рихтера, главного инженера Б. С. Середы, его заместителя В. Н. Смирнова. Общие затраты на геологоразведочные работы с 1959-го по 1990 г. составили 5,5 млрд немецких марок.

На предприятиях СГАО «Висмут» в период 1946–1990 гг. самоотверженно трудились

Заметки о моей жизни в Германии в 1960–1970-х гг.

Мне пришлось трудиться со многими немецкими и советскими коллегами в нескольких городах ГДР, на разных рудниках и шахтах. Конечно, обо всем я не смогу рассказать, опишу лишь некоторые свои личные впечатления. Эти записки не претендуют на полноту — в них приведены лишь наиболее интересные, на мой взгляд, факты, события и некоторые детали.

После окончания Свердловского горного института нас с Верой Михайловной направили на работу в Казахстан, где мы трудились несмотря на довольно сложные условия. Так мы отработали пять лет. Однажды меня пригласили в отдел кадров и предложили поехать на работу за границу. Мы долго не думали и согласились. Тогда много наших специалистов — геологов, геофизиков — работало за рубежом. Мы оформили документы, через месяц нас вызвали в Алма-Ату, где с нами беседовал представитель из Москвы. Он сказал, что работать непосредственно по нашей специальности мы будем либо в Чехословакии, либо в Германской Демократической Республике. Месяца через два пришло предписание откомандировать нас в распоряжение какого-то московского почтового ящика (так тогда именовались секретные предприятия).

Мы прибыли в Москву, адрес: Большая Ордынка, недалеко от метро «Новокузнецкая»; смотрим — громадное здание, вход строго по пропускам. Как мы узнали позже, это было Министерство среднего машиностроения. В него входили все предприятия атомной промышленности, от геологораз-

многие сотни геологов и геофизиков. Автор был не в состоянии упомянуть каждого из них. Приносим извинения тем коллегам, фамилии которых не нашли отражения в этой небольшой главе книги. Воспоминания о своей работе в СГАО «Висмут» они могут опубликовать на сайте www.wismut.ru

В заключение отметим:

1. Руководством Советского Союза было своевременно учтено мнение наших специалистов о возможной перспективности Саксонских Рудных гор.

2. Интенсивное проведение геологических поисков и разведок привело к быстрому открытию одного из крупнейших урановых регионов мира.

3. В процессе геологоразведочных и эксплуатационных работ были созданы и широко использовались новые способы разведки и подсчета запасов, оригинальные геофизические исследования и компьютерные методы их интерпретации, прогрессивные технологии радиометрического контроля и обогащения руд.

ведки до изготовления конечной продукции (в том числе и оборонной). Оттуда нас отправили в ГДР, на «Объект Собко». Как мы узнали позднее, этот загадочный Собко был генеральным директором Советско-Германского акционерного общества «Висмут». По железной дороге мы доехали до Франкфурта-на-Одере, далее на автомашине до г. Карл-Маркс-Штадт, где и находилась Генеральная дирекция. Побеседовал со мной главный геофизик СГАО «Висмут» Александр Николаевич Еремеев и направил меня в Тюрингию, в г. Гера, где находился Объект 90 (горнорудный комбинат в Тюрингии). В Генеральной дирекции трудились в то время мои коллеги по институту И. Лучин и Г. Шумков, окончившие институт на год позднее меня. Они приободрили меня и развеяли мои сомнения по поводу новой работы.

Приехал я с женой и четырехлетним сыном Сергеем в г. Гера, столицу Земли Тюрингия. Несколько трехэтажных зданий, где проживали советские специалисты, и небольшая спортивная площадка носили название «советская колония». Недалеко находилась воинская часть Советской армии. Все это располагалось на окраине города, на холме, с которого открывался красивый вид на город и его окрестности: невысокие горы, покрытые лесом. Рядом с нашей «колонией» было кладбище. Холм, где стояли наши дома, носил название Galgenberg, что в переводе означало «Гора повешенных»: в Средние века здесь казнили еретиков. В городе были в основном двух- и трехэтажные старые, красивые здания, обычно серого цвета.

Отопление всюду было печное: в каждом доме, а то и в каждой комнате, стояли небольшие красивые печки, в которых сжигали брикеты, изготовленные из бурого угля. По утрам весь город покрывался темной дымкой от сгорания этих брикетов. Центр города был разрушен американо-английскими бомбардировками в 1944–1945 гг.

Запомнилась одна кленовая аллея, недалеко от нашей колонии. Весной листва была нежно-зеленой, ближе к лету она становилась темно-зеленой, потом — коричневой, а к осени — красно-оранжевой и наконец желтой. Такого я больше нигде и никогда не встречал.

Немного о нашем тогдашнем быте. Вначале нас поселили неподалеку от нашей колонии в отдельной двухэтажной вилле с подземным гаражом. В первую же ночь мы были напуганы, так как кто-то сильно стучал и по-немецки просил открыть. Наш сосед узнал, что это искали советского специалиста, работавшего на шахте, там произошло какое-то ЧП.

В 1958 г. в ГДР еще была карточная система, но хлеб, сахар, молоко и крупы отпускались без ограничения. А мясо и колбасы, масло, сыр, яйца и др. — только по карточкам. Но нормы продуктов по карточкам были по нашим понятиям весьма велики. Правда, это было только для шахтеров, занятых на подземных работах, но именно такие карточки и полагались всем советским специалистам и членам их семей. Так что с питанием у нас все обстояло более чем благополучно. Все промышленные товары можно было купить свободно и в большом выборе. И цены были для нас вполне доступны. Так, например, моя зарплата была 1300 немецких марок в месяц, а хорошая женская шуба стоила не более 1000 марок, мужской костюм — 150, обувь от 30 до 50 марок. Много было всевозможной посуды, мебели и других товаров.

Перед тем как мне направиться непосредственно на производство, со мной, как и с каждым советским специалистом, в так называемом «втором отделе» провели собеседование. «Холодная война» тогда была в самом разгаре. Объяснили, что граница с Западным Берлином фактически открыта и поэтому случаются всякие провокации, диверсии и даже были случаи попыток похищения наших специалистов. Так что всегда надо быть внимательным, как на работе, так и в городе. Каждый раз просить разрешения на любую поездку, по каким-либо делам.

На другой день меня знакомили с рудником Шмирхау: большая шахта, рудные бункера, терриконы, железнодорожные пути и прочее. Когда мы проходили по рудному двору, раздался сильный взрыв: в воздух полетели камни, доски, выбило стекла

в некоторых помещениях. «Вот тебе и диверсия», — сразу же подумал я. Но оказалось, это решили маленьким взрывом разрыхлить в бункере слежавшуюся и замерзшую руду, но, видимо, не рассчитали и положили чересчур много взрывчатки. Диверсия или нет: поди, разберись.

Итак, меня назначили руководителем дозиметрической службы горнорудного комбината Роннебург (шахта Шмирхау и др.) непосредственно мне подчинился штат так называемой «Воздушной лаборатории» (Luftlabor).

Дело в том, что наиболее опасным для здоровья шахтеров был радиоактивный газ радон. Он не имеет запаха, бесцветен и ничем не выдает себя. Концентрации его в нормальных условиях колеблются от 10–20 до 30–50 эман (это единица его измерения). Но в шахтном воздухе при добыче руды его концентрации доходили до 100–500, а иногда и более эман. Поэтому нашей главной задачей было ежедневное отслеживание содержания радона в шахтном воздухе во всех горных выработках всех действующих шахт (а их было 4). Штат лаборатории состоял из 30–35 человек, которые отбирали пробы воздуха в резиновые футбольные баллоны и приносили их в лабораторию, где на специальной геофизической аппаратуре осуществлялись анализы. Результаты наносились на погоризонтные планы подземных горных выработок, и эти данные мы передавали в отдел вентиляции шахты, чтобы в местах высоких содержаний радона своевременно установить дополнительное проветривание и удалить оттуда радон. Да еще была беда в том, что урановая руда залегала в углисто-кремнистых сланцах, а они самовозгорались при соединении с воздухом, выделяя угарный газ — бич всех шахтеров. Так что работа наша была весьма ответственная.

Из немецких коллег мне особенно запомнились старший лаборант Хайнц Киршнер и бригадир Эгон Пукнат. Это они спасли мне жизнь, когда я нечаянно надыхался угарным газом и потерял сознание. Случай этот описан мною в рассказе «Окись углерода».

Хайнц — примерно 45 лет, невысокий, худощавый, исключительно точный и порядочный человек, член Социалистической единой партии Германии (после войны она объединила коммунистов и социал-демократов). Он был секретарем первичной партийной организации, пользовался авторитетом. К нему часто обращались работники по каким-либо вопросам, и он старался оказать помощь, в основном через профсоюзную организацию шахты. Он по-настоящему дружелюбно относился и к СССР, и к нам, советским специалистам. К знаменательным

датам он устраивал собрания коллектива, и мне было даже неловко слушать его выступления с выражением глубокой благодарности за освобождение Германии от фашизма, за обучение работе с приборами и за помощь в повседневной работе. Нам вручались скромные подарки: книги, небольшие сувениры и т. п.

Очень большие права имели в ГДР профсоюзы. Мы привыкли, что у нас в СССР профсоюзы, в общем-то, занимались больше бытовыми вопросами, а здесь председатель профкома имел прав, пожалуй, не меньше, чем директор предприятия. Все вопросы, касающиеся трудящихся, без ведома профсоюза не могли быть решены.

Эгон Пукнат был молод, лет 18–20-ти, у него всегда был красивый румянец, руководил он подчиненными ему рабочими хорошо, каждый день мы имели полные сведения со всех выработок и шахт. Он, несмотря на свой возраст, входил в комитет профсоюза шахты. Как-то раз я спросил его, женат ли? Он ответил, что пока не женат, но у него есть «подруга» (Freundin). Я вначале даже не понял, что это такое. На мой дополнительный вопрос он ответил: «Ну как я могу жениться? Мы с Ренатой должны вначале получить квартиру, купить мебель, кроме того, мы договорились с ней приобрести еще автомобиль или мотоцикл, или катер. Вот сейчас я, помимо работы, подрабатываю в одной мастерской, а Рената трудится на фабрике и выступает как модель на показе мод. Вот года через четыре мы сможем и пожениться. И родители нас поддерживают в этом решении». Такая расчетливость молодого человека меня вначале удивила. Мы же у себя думали не о будущем благополучии, а о любви: нравится девушка — женись, а дальше будет все хорошо (вернее, должно быть все хорошо). Для меня, только что приехавшего из Союза, где мораль и даже семейная жизнь строго контролировалась парткомом, комсомолом и даже профкомом, все это было как-то неожиданно и непривычно. Однако, поразмыслив, я понял, что такой трезвый подход не столь уж и плох.

Так я проработал примерно полгода. Потом, учитывая мое образование и квалификацию горного инженера-геофизика, меня назначили главным геофизиком всего горнорудного комбината (Объект 90), в который входили четыре подземных рудника и два карьера — Кульмич и Зорге. Как это произошло, описано в рассказе «Тюрингский арбитраж». Для меня такое назначение, вообще говоря, было неожиданным. Но главный инженер комбината И. Н. Матюшенко пояснил мне прямо, что я здесь единственный горный инженер-геофизик со специальным

образованием. Это меня как-то успокоило, и я, по предложению того же Матюшенко, сдал свои дела по воздушной лаборатории моей жене, которая училась в институте в одной группе со мной. А маленького сына Сергея пришлось увезти к моей маме на Урал, в Нижний Тагил, где он и жил почти четыре года.

Новая работа была весьма ответственной: я отвечал за контроль выполнения плана комбината по количеству и качеству добываемой на шахтах и карьерах руды, отправляемой для переработки на гидрометаллургический завод и на две фабрики.

Дело в том, что геофизики контролировали в каждом забое шахты или карьера отработку руды. Отвечали за то, чтобы в руду не попадала пустая горная порода, контролировали каждую вагонетку, каждый грузовик. И все это буквально ежеминутно; рассчитывали количество и качество руды с каждого места, и по этим данным определялось выполнение плана по каждому участку, каждой шахте и карьере и в целом по всему горнорудному комбинату. Такой контроль осуществлялся с помощью радиометрических геофизических приборов: ручных, вагонеточных и автосамосвальных. Каждый день с нашего комбината отправлялось несколько железнодорожных составов на заводы и фабрики по обогащению и переработке руд. Вся эта работа осуществлялась в тесном контакте с отделом технического контроля (ОТК). А от выполнения плана зависели и заработки шахтеров, и ежемесячная премия. Так что малейшая ошибка могла привести к крупным неприятностям.

В 1959 г. на День Республики к нам на шахту Шмирхау приехал премьер-министр ГДР Отто Гротеволь. Состоялся большой митинг; было много горняков. Отто Гротеволь выступал с трибуны, установленной на площади у самой шахты. Видно было, что это спокойный, интеллигентный человек. Шахтеры относились к нему с уважением. Многие залезли даже на крыши построек, чтобы видеть его. Полицейские вежливо просили сойти с крыши. Один рабочий сказал другому (а я стоял рядом и все слышал): «Ну что это за власть! Уговаривают. Раньше как стукнул бы дубинкой, так сразу же все бы слезли».

Моим заместителем по немецкой части был Райнхольд Новак. Молодой человек, лет 25-ти, невысокого роста, с хитринкой в глазах, энергичный, слегка лысоватый, весьма скрупулезный в профессиональных делах. Трудились мы с ним в полном взаимопонимании и дружбе. Все немецкие коллеги его уважали и точно выполняли его поручения и замечания. С Райнхольдом и его женой Эрикой мы дружили семьями. Как-то

раз, кажется, в день праздника 1-го Мая он пригласил нас с Верой Михайловной к себе в гости. В соответствии с существующими тогда режимными требованиями ко всем советским специалистам, работающим в СГАО «Висмут», я просил разрешения у начальника 2-го отдела К. В. Хренова. Получив его согласие, мы с женой заготовили подарок и цветы и пошли в гости. Жили они недалеко от советской колонии. Квартира была просторная, удобная, хорошо обставлена, всюду были чистота и порядок.

Родители Райнхольда до войны проживали в Чехии, там он и родился. Сразу после войны как немцы они были репатриированы (попросту выслены) в Германию (ГДР), где получили жилье и работу. Надо сказать, что многие немцы, как я узнал позже, проживавшие на территориях, перешедших к Польше, также были переселены в ГДР. Вот так, в соответствии с договоренностями между Англией, США и СССР, решались после войны все территориальные и национальные проблемы.

Мы впервые были в гостях у немцев, и нам все было интересно, но некоторые детали показались нам непривычными. Например, вначале нам подали бутерброды, навторое — «рулады», свернутые в рулончики тонкие ломтики вареного мяса, начиненные мелконарезанными солеными огурчиками.

В каждый рулончик была воткнута металлическая палочка, за которую было удобно его брать. Сейчас — это все привычное дело и нечему удивляться, но тогда это было для нас ново. После были поданы овощной салат и затем кофе с печеньем и пирожным. И уже после всего этого мы пили маленькими рюмочками (20 граммов) водку или ликер — по желанию. За столом мы говорили по-немецки, так как Эрика не знала русского языка. Я рассказывал об истории моего родного г. Нижнего Тагила, о музее, первые экспонаты которого были внесены заводчиками Демидовыми в середине XVIII века. Кстати, Акинфий Демидов приобрел тогда во Фрайбергской горной академии минералогическую коллекцию. Им было все это интересно, и они внимательно слушали. В общем, наша встреча была весьма дружелюбной, и мы остались довольны. Думаю, что и семья Новак тоже.

Весьма интересен был еще один немецкий коллега — геофизик рудника Шмирхау Зигфрид Рабе. Высокий блондин с орлиным носом и строгим взглядом. Он только что окончил институт, но держался очень уверенно, самостоятельно и даже с некоторым высокомерием, как бы показывая: «Вы хотя и главный геофизик, но я здесь в большей степени хозяин, нежели кто-либо». Мне он казался гордым и заносчивым, но дело он

свое знал хорошо, работа шла нормально. Позже я узнал, что его жена, дочь профессора, была арестована, осуждена и отбывала наказание в тюрьме за изготовление и распространение антисоветских листовок. Можно только представить, как он торжествовал спустя 30 лет, когда наши войска покинули ГДР и обе Германии объединились.

Еще один случай. На руднике Лихтенберг главным геофизиком шахты работал наш специалист Павел Теляковский. Как-то раз на него пожаловались немецкие коллеги: он за год ни разу не спускался в шахту и не понимал всех сложностей, с которыми приходится сталкиваться геофизикам при выполнении плана добычи руды. Меня как главного геофизика комбината попросили принять участие в собрании группы «Свободной немецкой молодежи» (FDJ), аналоге нашего комсомола. Секретарь нашей партийной группы Голубин (он же — начальник отдела кадров) сказал мне: «Там могут быть провокации, так что ты будь начеку и постороже». Как раз накануне был День советской авиации, и на параде в Тушино были показаны самые новейшие советские самолеты: стратегические бомбардировщики, сверхскоростные штурмовики и истребители, побившие все мировые рекорды дальности, высоты и скорости полета.

Нужно добавить, что за неделю до этого в районе шахты пролетел американский военный вертолет; наши истребители мигмом посадили его как раз перед шахтой. Американцы сожгли все свои карты, напились и выглядели пьяными. Так закончилась эта провокация.

В соответствии с уставом СГАО «Висмут» советские специалисты занимали должности генерального директора, главных инженеров, главных геологов и главных геофизиков на всех уровнях: горнорудных комбинатах, шахтах, карьерах. Немецкие коллеги были на должностях начальников комбинатов и заместителей советских специалистов. Такое положение объяснялось еще и тем, что среди немецких коллег практически не было специалистов. В частности, мы, геофизики, проводили их обучение, объясняли принципы устройства геофизической аппаратуры, эталонировку приборов и методику различных измерений. Поэтому, когда на собрании я услышал в выступлениях немецких коллег, что было бы лучше, если бы главным геофизиком шахты Лихтенберг был немецкий специалист, я расценил это как попытку нарушить устав акционерного общества и сложившийся статус-кво и решил не допустить этого и поставить все на свои места. Свое выступление я начал с того, что военная мощь Советского Союза является «холодным душем» для поджигате-

лей новой войны. Наши народы пострадали от войны более всех других и нужно крепить нашу дружбу и взаимопонимание. Но все-таки ощущение было таково, что люди молча слушают, но в душе думают по-своему. В целом резолюция собрания была положительной. Теляковский стал спускаться в шахту почти ежедневно (если с планом по качеству руды было тяжело), а через квартал он уехал в Союз и на его место пришел наш новый товарищ, который с большим энтузиазмом принялся за свою работу на шахте.

На нашем горнорудном комбинате была еще Геолого-поисковая тюрингская экспедиция. Главным геофизиком там был Борис Собачкин, мой однокурсник по Свердловскому горному институту. Вместе с ним трудились Юрий Рошин, Инна Коллонтай, Клим Володин. Они внедряли радиометрическую вертолетную аэро-гамма-съемку территории деятельности комбината с целью выявления новых площадей, перспективных на обнаружение урановых месторождений. В связи с американской провокацией (несанкционированный полет их военного вертолета) наши исследования были довольно сложными. Приходилось каждый полет вертолета и его маршрут детально согласовывать с нашими военными, иначе нам не гарантировали безопасность. Однажды во время полета над центром г. Гера (столица Тюрингии), в котором все мы жили, аппаратура зарегистрировала высокую радиоактивную аномалию. Надо сказать, что в это время (1959 г., 14 лет после войны) центры почти всех промышленных городов Восточной Германии все еще стояли в руинах после американских бомбардировок 1944–1945 гг. Это мы видели в Карл-Маркс-Штадте (теперь Хемниц), Лейпциге, Дрездене, Гере, Цвиккау, Плауэне и во мн. др. Особенно тяжело было смотреть на руины столицы Саксонии — Дрездена, в котором были только дворцы и музеи и не было никакой промышленности, тем более военной. Но Дрезден входил в зону советской оккупации, и в марте 1945 г. он был подвергнут жестокой бомбардировке. Последствия ее были сопоставимы с атомной бомбардировкой Хиросимы и Нагасаки.

Так вот, в центре г. Гера шли восстановительные работы и строились различные здания. Мы точно засекли во время полета место наибольшей радиоактивности. На другой день мы вместе с Борисом Собачкиным и Райнхольдом Новаком поехали с прибором на место аномалии и обнаружили там строительный бутовый камень, который использовался для закладки фундаментов строящихся зданий. В этих глыбах мы нашли очень богатую урановую руду — уранинит (урановую смолку). Мы поинтересовались, откуда этот каменный материал. Оказалось, из Гарца —

это на северо-западе ГДР. Помните, в «Фаусте» И. Гете в тех местах, на горе Брокен, ведьмы устраивали Вальпургиеву ночь — свой шабаш — и «летали на метлах». И еще: неподалеку от того места на возвышенности стоит вырубленный из скалы большой памятник Фридриху Барбароссе — тому самому, именем которого Гитлер назвал план нападения на Советский Союз. Вот тебе и чертовщина: именно там и была эта вредная руда. В Средние века там было множество рудников, где добывались медь, свинец, железо, никель. В наше время там, в г. Мансфельд, находился большой медный рудник и несколько шахт. Из шахты «Отто Брозовски» и был этот строительный материал. Мы побывали на этой шахте, организовали вывоз урановой руды и установили там геофизический контроль. Возможно, что и до сих пор в фундаментах некоторых зданий в центре г. Гера, вблизи Сальватор-кирхе, могут встретиться радиоактивные камни. Хорошо еще, что мы вовремя заметили это и не допустили дальнейшего загрязнения города.

Среди советских геофизиков наиболее заметной фигурой был Борис Гаврилович Рассохин, Герой Советского Союза. Среднего роста, сухощавый, русые волосы, голубые глаза, взгляд человека, много повидавшего в своей жизни. Был он наш земляк, из Свердловска, учился почти одновременно с нами, но в другом институте: Уральском политехническом (УПИ), и по другой специальности: химическая переработка урановых руд. На руднике он изучал радиометрическую контрастность урановых руд с целью возможности удаления механическим способом «пустой горной породы» из таких руд. В шахту он не ходил — этого не требовала его работа.

На фронте он был летчиком, и с ним произошел в городе редкий случай. Он так рассказывал его нам. «Иду я как-то по улице — смотрю, встречается знакомое лицо, а кто — никак вспомнить не могу. Прошел я мимо, потом оглянулся, гляжу, тот человек тоже остановился. Потом подходит ко мне и говорит: “Здравствуй, Борис”. И я вспомнил, почему мне его лицо знакомо. Перед битвой на Курской дуге я летал фотографировать немецкие позиции. С их стороны тоже летал самолет-разведчик. Нам категорически запрещалось вступать в воздушный бой во время выполнения разведочных фотосъемок, так как наши материалы были необходимы командованию. Так вот, в воздухе мы часто встречались с немецкими самолетами-разведчиками. Летали довольно близко, даже приветствовали друг друга при встрече покачиванием крыльев». На наш вопрос «А как он узнал твое имя?» Рассохин ответил: «Когда я поднимался в воздух,

то немецкая рация передавала предупреждение: “Achtung! In Luft russische As Boris Rassochin!” (“Внимание! В воздухе русский ас Борис Рассохин!”).

После Германии я не встречался с Рассохиним, но в журнале «Уральский следопыт» № 5 за 1985 г., в повести «Госпитальные рассказы», прочитал заметку «Борис Гаврилович Рассохин». Там был описан его подвиг: на штурмовике Ил-2 он разбомбил четыре немецких эшелона с танками, бензином, техникой, был подбит, у него было тяжелое ранение, за этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он, не долечившись, сбежал из госпиталя, и в своей части ему разрешили летать в разведку. В 1955 г. он окончил институт и через два года был направлен на работу в ГДР. После возвращения в СССР он защитил кандидатскую диссертацию и трудился в Уральском научном центре.

Среди других геофизиков запомнился Константин Плакида — москвич, всегда относившийся ко всему с большой долей скепсиса. Немецкие геофизики работали, по его мнению, кое-как; обедая в шахтной столовой, подаваемый большой шницель с гарниром он называл «салом с сухарями», хотя мне такой шницель казался хорошим и вкусным. Питание на шахте (вернее обед) было бесплатным, всегда сытным и обильным. Кормили в столовой по талонам, которые выдавали каждый месяц без всяких карточек. Всегда салат из свежих овощей, какой-нибудь суп, второе из мяса или рыбы, непременно кофе или компот. Иногда предлагали Eintopf, то есть первое и второе в одной большой миске (в прямом переводе это означает «в одном горшке»). Это мог быть густой гороховый суп с парой больших сарделек. Блюдо это было введено еще при Гитлере: когда безработные строили автострасы, их кормили таким блюдом бесплатно и давали порции для дома.

Костя был женат на Елене Гамбурцевой — дочери известного советского геофизика, академика, одного из авторов методов сейсмической разведки нефтяных месторождений. Она была скромной, ничем не выделялась и всегда была «в тени». Единственное, что увлекало Костю, так это различные катера, яхты. Он один из первых купил комбинированный катер мини-яхту «Дельфин пират», разборный (80 кг), с мачтой и килем, непотопляемый, с тентом и стеклом впереди, как у автомобиля; на него можно было ставить мотор. Этой покупкой он соблазнил еще несколько наших товарищей, в том числе и меня. Катер этот пролежал у меня в гараже лет тридцать, пока я не подарил его сыну Сергею.

Другой геофизик, Юрий Рошин, и его жена, тоже геофизик, Инна Коллонтай (то ли

внучка, то ли племянница известной советской женщины-дипломата Александры Коллонтай, соратницы Ленина). Оба они были жизнерадостные оптимисты, москвичи, трудились в Тюрингской геологической экспедиции и никогда не посещали шахты, это тоже не входило в их работу. В Москве они работали в НИИ Средмаша. Почему-то они не ладили со своим начальником — Борисом Собачкиным. После работы в Германии мне довольно часто приходилось встречаться с Юрой Рошиным. Он работал научным сотрудником в минсредмашевском институте, где я защищал кандидатскую диссертацию. Позже Юрий тоже защитился и стал известным ученым.

Еще один геофизик, Темир Янбухтин, тоже трудился в Тюрингской экспедиции. Он был сыном заместителя министра финансов СССР. Очень порядочный, вежливый и корректный человек, хороший специалист. Впоследствии, будучи доктором наук, я написал положительный отзыв на его кандидатскую диссертацию, а лет через десять и на его докторскую работу.

Наша жизнь в ГДР в силу тогдашних обстоятельств (разгар «холодной войны»), как я отмечал ранее, находилась под неусыпным вниманием и контролем нашего отдела кадров и других отделов такого рода. Свободного времени у нас, в общем-то, было мало. Нам (в том числе и членам семей) необходимо было заниматься в политкружках, готовить выступления, участвовать в дискуссиях, писать рефераты. Мы изучали философию, политэкономии, внешнюю политику.

Иногда нас просили прочитать лекции в гарнизонах Группы советских войск в Германии (ГСВГ). Однажды начальник отдела кадров нашего Объекта (Объект 90) Голубин предложил мне прочесть лекцию о минеральных ресурсах СССР. Я подготовил такую лекцию с интересными содержательными примерами, главным образом, с места моей прежней работы в Казахстане (Тургайский прогиб). Лекцию я читал в штабе армии «Юг» ГСВГ, в г. Нора, близ Веймара. Большой зал офицерского клуба был полон; лекцию я произносил в свободной манере, все слушали с большим вниманием, видимо, лекция такого рода была здесь впервые. Никакой политики; только об интересной работе геологов, об открытиях новых месторождений, о богатствах недр нашей страны. Лекция была принята очень хорошо. После лекции меня лично поблагодарил командующий, генерал-полковник Валерий Толубко (через два года он стал командующим всей Группы советских войск в Германии). Через пять лет ему присвоили звание маршала, и он возглавил в СССР новый род вооруженных сил — Ракетные войска стратегического

назначения. Его адъютант пригласил меня в офицерский ресторан, мы роскошно поужинали. Во время ужина я поинтересовался, не нападет ли на нас НАТО. Он сказал, что у нас здесь такая мощь, что за десяток дней опрокинем все НАТО в Ла-Манш, если они посмеют напасть на нас. Затем мне передали подписанную В. Толубко благодарность командующего. На другой день, когда я пришел на работу и показал Голубину эту грамоту, он очень обрадовался и передал ее куда-то «наверх», что называется, «отчитался» за свою партийную работу с кадрами.

На моей лекции присутствовал корреспондент радиостанции «Волга» (Группы советских войск в Германии). Ему так понравилась лекция, что он поехал в творческую командировку в Кустанай и встречался там с начальником Северо-Казахстанского геологического управления Г. М. Тетеревым, о чем впоследствии он сам мне рассказал.

Многие сотрудники и их жены занимались в кружках художественной самодеятельности; к каждому празднику выступали с концертами в своем клубе и на других Объектах перед коллективами советских специалистов, а также в гарнизонах Советской армии. Я принимал участие в постановке водевиля А. П. Чехова «Медведь», играл главную роль — Георгия Степановича Смирнова, помещика-дуэлянта. Валентина Алексеева талантливо сыграла роль помещицы Елены Ивановны Поповой, а роль ее слуги Луки играл горный инженер Суханов. На смотре в Центральном клубе СГАО «Висмут» в г. Карл-Маркс-Штадт мы заняли первое место. После возвращения на Родину я поставил этот спектакль в художественной самодеятельности вместе с геологами нашего управления в Кустанае.

Как я отмечал, наше начальство делало все, чтобы у нас как можно меньше было свободного времени. Почти каждую субботу организовывались экскурсии: по городам, замкам, музеям, памятным местам, местным курортам и т. п. Так мы познакомились с Лейпцигом; посещали знаменитую ярмарку, побывали в кирхе, где играл И. С. Бах; осмотрели «Памятник битвы народов», воздвигнутый в честь победы над Наполеоном, рядом — русская церковь, построенная на Смоленской земле, которую специально привозили из России.

Интересно было посетить «Ауэрбахскеллер», описанный И. Гете в его знаменитом произведении «Фауст», и мн. др. Побывали и в Дрездене, в известной картинной галерее (она была уже восстановлена после американской бомбардировки в апреле 1945 г.), восхищались Сикстинской мадонной, возвращенной Советским Союзом в ГДР. Были и в столице — Берлине, в Потсдаме, где про-

ходила конференция трех держав в 1945 г. и во многих других местах.

В летний период наши дети отдыхали в пионерских лагерях, расположенных, как правило, в курортных местностях. Практиковалось посещение театров; в Геру приезжал даже итальянский театр Ла Скала.

По крупным праздникам: 1 Мая, День Победы 9 мая (там он праздновался как День освобождения), 7 Октября — День Республики — повсюду проводились демонстрации, торжественные собрания, праздничные концерты.

А 23-го февраля каждого года происходило возложение венков к могилам советских солдат и немецких антифашистов. Самым большим праздником оставалось католическое Рождество, которое всегда было нерабочим днем и праздновалось всеми. Еще один неизвестный для нас праздник — День отцов (Faterstag). Весной, в середине мая, мужчины брали пиво, закуски (обычно вкусные сардельки — *bockwurst*) и уходили на природу, в лес. Там отдыхали, шутили и потом шли по своим домам.

Поощрялась коллективная охота, рыбалка. Я купил два хороших ружья и рыболовные принадлежности. С охоты и рыбалки всегда приходил с трофеями. Обычно перед праздниками всю добытую дичь (косули, олень, зайцы или утки) мы сдавали на общую кухню, и всему коллективу советских специалистов и членам их семей готовили праздничный ужин. Охота почти всегда была очень удачной. Так, например, когда мы охотились на уток вблизи границы с Польшей, за вечернюю и утреннюю зорьку мои трофеи составили 18 уток.

Помимо всего, мы все время изучали немецкий язык. Нашим преподавателем был Эрих Яч, он работал бухгалтером в магазине НО Wismut (забыл сказать, что в СГАО «Висмут» были и свои магазины, и своя полиция, и даже свой суд). Русский язык Эрих знал хорошо, выучил в совершенстве в нашем плену. Кстати, многие немецкие сотрудники также были нашими военнопленными. Яч — полноватый, аккуратный и добрый человек, которого мы все весьма уважали.

Наши женщины часто посещали магазины, лавочки, ателье. Особым спросом пользовались перламутровые сервизы «Мадонна», различные ковры, гобелены, хрусталь. В то время здесь было изобилие таких товаров, а в Союзе их было очень мало. Покупали хорошие пианино, но покупать их нам разрешалось только в том городе, где мы проживали. Когда один из нас (геолог Ю. Алексеев) заказал по почте очень хорошее пианино *Bechstein* в г. Фрайберг, и ему пришла оттуда открытка, что он может приехать и получить свой заказ, ему пришлось

пережить неприятный разговор в нашем «Втором отделе». На его вопрос «Почему я не могу купить себе вещь там, где я хочу?» ему кратко ответили: «Не положено».

Хорошим женским портным была хозяйка ателье мадам Аш. У нее шили себе туалеты жены многих наших сотрудников. При чем почти к каждому празднику шила там себе наряды и моя жена Вера Михайловна.

В то время я купил хороший сувенир: оригинальную настольную лампу в виде фонарного столба с прислонившимся к нему выпившим бургером.

Увлекались мы и киносьемками, только что входившими тогда в моду. Мы приобрели хороший чешский киноаппарат «Адмира» с двумя объективами и много снимали. Эти пленки целы до сих пор, и теперь мой сын Сергей переписал их на современные носители — лазерные диски. Все-таки это хорошая память...

Никакого воровства за все время пребывания в ГДР я не встречал. Криминальная полиция работала там просто безукоризненно. У многих из нас были велосипеды, и мы оставляли их на ночь у подъезда. Однажды кто-то из наших специалистов утром обнаружил свой велосипед; ему порекомендовали обратиться в полицию. Через три дня его пригласили в криминальную полицию и предложили взять свой пропавший велосипед, уже перекрашенный в другой цвет, он даже вначале его и не признал. Но велосипед был именно тот, это установили по заводскому номеру, а номер полиция выяснила в магазине, где был продан этот товар. Так работала немецкая полиция, и это в городе со 100-тысячным населением!

Работа у меня шла нормально, все шахты и карьеры регулярно выполняли планы добычи и отгрузки руды на гидрометаллургические заводы и фабрики, как по количеству, так и по качеству. Конечно, проследить за всем этим и корректировать показатели за каждую смену и сутки было непросто. Необходимо было все время отслеживать, чтобы в конце месяца все точно сошлось между геофизическими измерениями у нас и результатами химических анализов на заводах. Мы должны были поставлять на заводы руду со строго определенным содержанием в ней металла. Но как-то раз в конце месяца начались расхождения, все время возрастающие. Мы проверили все, что было у нас возможно, но никакой ошибки в наших измерениях не обнаружили. А завод утверждал, что у них вообще ошибки быть не может. Тогда была создана «межведомственная» комиссия: химики проверяли нас на шахтах и карьерах, а мы — результаты их анализов на всех стадиях передела рудной массы. После тщательной проверки нам удалось найти

скрытый резерв на конечном этапе извлечения металла в технологической цепочке на гидрометаллургическом заводе. Это было настолько доказательно, что скрывать это было невозможно. Но на другой день нас вызвали в Генеральную дирекцию и информировали, что «этот металл есть резерв всего СГАО «Висмут» и что не нам судить об этом». Предложили исправить наше «недовыполнение плана» в следующем месяце. После этого авторитет геофизиков на нашем Объекте значительно укрепился.

Так я проработал здесь два года. В конце 1959 г. в «Висмут» приехал новый главный геофизик Юрий Павлович Тафеев. До этого он был директором Всесоюзного НИИ разведочной геофизики в Ленинграде (ВИРГ). Когда я трудился в Казахстане, мне приходилось один раз встречаться с ним на конференции по геофизике в этом институте. После того как он познакомился со всеми предприятиями СГАО «Висмут», он предложил мне возглавить геофизику на самом крупном горнорудном комбинате — Объекте 9 (комбинат в Саксонии, один из крупнейших в мире в то время). Он сказал, что там необходимо провести исследования по радиометрической обогатимости урановых руд, затем выполнить проектирование такой фабрики на руднике и наконец осуществить строительство и пуск ее в эксплуатацию. Вначале я отказывался, говорил, что у меня мало опыта, но Юрий Павлович сказал, что, во-первых, у меня такое специальное образование, и, во-вторых, я уже весьма положительно показал себя по работе на Объекте 90.

Итак, я попрощался со своими коллегами и переехал на новое место работы.

Вообще говоря, впервые урановые руды были обнаружены как раз в Саксонских Рудных горах еще в Средние века. Тогда горняки считали их «смоляной обманкой» (*Pechblende*), засоряющей серебряную и никелевую руду, и выбрасывали ее в отвалы пустой породы. Интересно, что в то же время была известна так называемая «шнебергская болезнь»: в этом небольшом городке люди часто болели и не понимали отчего. Оказалось, что некоторые дома были построены непосредственно на рудных жилах со «смоляной обманкой».

Интерес к этой руде появился лишь после открытия радиоактивности Беккерелем в 1895 г. Мария Склодовская-Кюри и ее муж Пьер как раз из старых отвалов шахт в районах Яхимова и Иоганнгеоргенштадта в 1896 г. брали эту «урановую смолку» и выделяли из нее радий. Для получения 0,1 грамма радия им пришлось переработать более тонны этих руд!

После войны 1941–1945 гг. по договоренности с союзниками Саксония и Тюрин-

гия вошли в зону оккупации Советского Союза. На этом настоял И. В. Сталин еще на Ялтинской конференции в 1944 г. Знал ли он о том, что там находятся урановые месторождения, или нет — неизвестно. Можно лишь отметить, что в апреле 1945 г. американцы продвинулись на 250 километров восточнее заключенной ранее с СССР договоренности (то есть фактически захватили всю Саксонию и Тюрингию). Там у них три месяца в составе армейских подразделений работала специальная группа геологов (из организации «Алсос»). После строгого предупреждения маршала Г. К. Жукова американцы покинули эту территорию. Говорят, что их геологи дали отрицательную оценку перспектив ураноносности этого региона («Все уже добыто ранее»). Кстати, и Гитлер не знал, какие крупные урановые месторождения могли быть здесь открыты, что и было сделано впоследствии советскими геологами и геофизиками.

Сразу после ухода американцев сюда вошли советские войска и наши специалисты. И в период 1946–1969 гг. было обнаружено несколько десятков урановых месторождений, из них одно оказалось гигантским и обрабатывалось впоследствии в течение почти 50 лет (вот на нем-то мне и предстояло работать). Итак, с января 1960 г. я приступил к новой работе, которая значительно отличалась от работы на месторождениях Роннебургского рудного поля. Там разработка в шахтах месторождений осуществлялась путем бурения и массовых взрывов, руда отгружалась на заводы целыми эшелонами каждый день. Здесь — совершенно иное: уран залегал в тонких рудных жилах (которые было более двух тысяч, залегающих почти вертикально на глубины до двух километров). Руды часто были комплексные: вместе с ураном иногда встречались никель, кобальт, серебро и висмут (поэтому и акционерное общество называлось «Висмут»). На каждой шахте (а их было 5) на глубине нарезались «горизонты» горных выработок через каждые 20 метров, а уже из них отработывалась каждая рудная жила, да так тщательно, чтобы отдельно выделить самую богатую руду, ту самую Pechblende. Она грузилась в металлические ящики и в таком виде отправлялась в СССР на соответствующие предприятия. Конечно, при такой отработке получалось много и бедных руд, которые по железной дороге отгружались на гидрометаллургические заводы, где из них получали концентрат, который тоже отправляли на советские предприятия. В научных кругах Минсредмаша (особенно велика в этом начинании роль Леонида Чеславича Пухальского — главного геофизика Минсредмаша) появилась идея: все эти бедные руды обогащать непосред-

ственно на рудниках. При удачном решении этой проблемы получался значительный экономический эффект за счет резкого сокращения транспортировки пустой породы на перерабатывающие заводы и фабрики, ее последующей переработки. Так что мне пришлось не только осваивать, но и совершенствовать существующие там методики геофизического обслуживания и контроля горных работ. Используя накопленный опыт и возможности геофизической аппаратуры, а также при активном участии московских специалистов и ученых мы проводили научные исследования, а затем проектирование и строительство непосредственно на шахтах радиометрических обогатительных комплексов. Их использование позволяло сразу после выдачи из шахты бедной и даже некондиционной руды отделять пустую породу от руды, отправлять ее в отвалы, а полученную кондиционную руду — на химический завод. Замечу, что за эту работу многие из нас получили правительственные награды СССР. Вручал их нам М. Г. Первухин, посол СССР в ГДР. Ранее он был министром среднего машиностроения, но в 1956 г. был снят с этого поста «за поддержку антипартийной группы В. М. Молотова». Молотов выступал тогда против политики Н. С. Хрущева по освоению целинных земель в Казахстане, предлагая не поднимать целину там, а начать восстановление сельского хозяйства российского Нечерноземья. Вот теперь стало видно, кто был прав.

Наша советская колония располагалась на окраине г. Ауэ, на месте бывшего курорта: место — чудесное, рядом лес, река, небольшой парк, в котором весной цвела японская вишня и почти круглый год цвели прекрасные рододендроны. В городке было четыре трехэтажных здания, общежитие со столовой, спортплощадка и клуб. Со стороны леса — небольшая гора, у подножия которой проходил «Флюссграбен», узкий канал, огибающий гору, и вдоль него в лесу «терренкур» — небольшая дорожка для прогулок.

Место это ранее было довольно известным курортом Нидершлема-Альберода. Здесь в довоенное время для лечения использовались радоновые ванны (радон — радиоактивный газ).

Позднее, когда в шахтах на глубине разрабатывались урановые жилы, через водоносный пласт прошли горную выработку (квершлаг), режим подземных вод был нарушен и источник иссяк. Сколько там ни возводили различных бетонных перемычек, такая вода на поверхность больше не выходила. Так что «полечиться» этой целебной водой нам не пришлось.

На руднике было несколько крупных шахт: № 38, 254, 366, 371 и ряд мелких,

вентиляционных, для транспортировки материалов — вспомогательных. Самая глубокая достигла глубины 2 километра. Температура стенок горных выработок на глубине достигала 60 градусов Цельсия; для создания сносных условий труда там работали мощные холодильные установки.

При разработке месторождения большая роль принадлежала геофизической службе. Во-первых, геофизики прослеживали места оруденения в жилах; во-вторых, измеряли все вагонетки, чтобы не допустить попадания руды в отвалы пустой породы; в-третьих, измеряли количество руды и содержание в ней металла, что и определяло выполнение планов работы всего коллектива горнорудного комбината.

Моим заместителем был Вилли Виттхун, лет 45, бывалый шахтер, получивший опыт у советских специалистов. Он пользовался непререкаемым авторитетом среди всего коллектива геофизической службы.

Все измерения геофизики выполняли с использованием самой разнообразной аппаратуры: ручных и переносных радиометров, измерения вагонеток проводились на стационарных рудоконтрольных установках (РКС), кроме того, были лабораторные установки и пр. Всем этим сложным хозяйством руководил очень знающий, симпатичный Зигфрид Фогт. Не помню даже случая, чтобы какие-нибудь измерения срывались из-за поломки аппаратуры. Он вовремя проводил профилактический ремонт.

Главными геофизиками на шахтах были советские специалисты — инженеры-геофизики, а их заместителями — немцы, в основном, практики. На 38-й шахте трудился москвич Александр Шпанов; на 366-й — мой земляк Всеволод Слукин из Свердловска, заместителем его был Хельмут Фиккер; на 375-й — украинец Андрей Назарюк. Все мы работали дружно: всегда было взаимопонимание, без каких-либо недоразумений и тем более конфликтов.

Геологоразведочные работы в окрестностях комбината проводила Саксонская геологоразведочная экспедиция. Главным геофизиком там был Юрий Нилович Лукин, а заместителем у него Пауль Вечерек. Вспоминается казусный случай. Шофером у Лукина был весьма оригинальный немец. Как-то раз он пришел к Юре и сказал: «Шеф, я завтра на работу не приду, меня вызывают в суд. Да мне в буфете подали холодную сосиску. Я сказал, что это за власть у нас такая, что не следит за порядком в буфете! Вот меня и вызвали в суд». Через день он вышел на работу и сказал: «Меня судили за оскорбление власти и присудили полгода тюрьмы, но свободных мест в тюрьме не оказалось, и меня временно отпустили на работу». Через месяц его

все же посадили, но на воскресенье его отпустили домой. Когда срок наказания истек, он сказал: «Хорошая у нас власть, себя уважает».

Главным инженером комбината был А. В. Потетюрин. Однажды он «подставил» меня. Дело обстояло так. На одной из шахт работала бригада горняков во главе с бригадиром Хофманом. Они всегда были передовыми, перевыполняли план и неплохо зарабатывали. И главный инженер перевел их на другой участок для поддержки выполнения плана. Там они стали зарабатывать меньше и высказали недовольство своему начальству. Решили провести общее собрание бригады, пригласить советского главного инженера и, как говорится, «поговорить начистоту». Потетюрин вызвал меня и сказал: «Там бригада Хофмана хочет провести встречу в ресторане “Голубой ангел”, сходи, посиди с ними, потом мне расскажешь как и что». Я даже был польщен, но когда в этом ресторане собрались шахтеры и стали высказывать претензии руководству шахты и главному инженеру Потетюрину, мне было, как говорится, не до шуток. Кое-как отделался. А ведь пойти должен был он сам или, по крайней мере, кто-либо из горного отдела, а никак не геофизик. Кстати, «Голубой ангел», это было название одного кинофильма, в котором блестяще сыграла свою первую роль всемирно известная актриса Марлен Дитрих.

Главным геологом комбината был Д. В. Славягин, его заместителем — Карл Файерер, окончивший Ленинградский горный институт. Впоследствии он стал заместителем главного геолога всего СГАО «Висмут», был награжден орденом Ленина. Как-то у себя дома он показал мне замечательную коллекцию саксонских самоцветов. После нашей «перестройки» я пытался узнать, как сложилась его судьба, и даже послал ему книгу «Геологическая служба России. К 300-летию основания», но ответа не получил.

В геологическом отделе работал Карл-Хайнц Линкерт, там же работала и моя жена Вера. Линкерт очень интересовался Наполеоном и даже написал о нем небольшую книгу. Мне он подарил замечательный образец агата из ручья Шлоттвитц. В этом же геологическом отделе эксплуатационной геологической разведкой и подсчетом металла в недрах занимался Генрих Ведешкин, наш однокурсник — геолог. Впоследствии за открытие и разведку месторождения урана в Северном Казахстане он был удостоен Государственной премии СССР. Вместе с ним была его жена Бэла Дворянчикова, которая тоже училась в нашем институте вместе с нами.

В то же время трудились в горном отделе Борис Николаевич Зябрев, В. И. Платонов, Н. Фабричнов, В. Ильченко и другие горные инженеры.

В воскресные дни советские специалисты часто ездили на различные экскурсии, а зимой — кататься на лыжах на зимний курорт Обервизенталь, рядом с чешской границей. Это было самое высокое место в ГДР. Там были подъемники, так что кататься было удобно. Иногда проводились соревнования по прыжкам с трамплинов, и я даже снял на кинокамеру знаменитого спортсмена Хельмута Рекнагеля.

Часто мы ездили на рыбалку и охоту. Ловили форель в горных реках. А осенью охотились на зайцев: прочесывали поля с кормовой свеклой. Там была большая ботва, и в ней прятались зайцы. Мы шли цепью, человек десять, метрах в 20 друг от друга и стреляли по выбегавшим из ботвы зайцам. За одну охоту добывали до 15–20 штук. Однажды под Новый год я принес четырех больших зайцев. Мы свеживали их и отдавали на кухню, и нам готовили хороший новогодний ужин сразу для всех советских сотрудников. С клубом связано еще одно воспоминание. Многие из нас принимали участие в художественной самодеятельности. Помню, что мы ставили пьесу «Клоп» В. Маяковского. Сохранилась программа «Показ драматических коллективов на смотре художественной самодеятельности советских сотрудников СГАО «Висмут», 1961 г. Дворец культуры 5 мая, Зигмар, Карл-Маркс-Штадт».

Привожу здесь эту программку для того, чтобы не забыть тех коллег и товарищей, с которыми пришлось вместе жить и трудиться в 1960–1962 гг.

К нам в клуб с концертами часто приезжали известные артисты. Помню приезд Н. Крючкова — перед концертом он попро-

сил: «Дайте мне стаканчик водки». К. Шульженко не хотела начинать свое выступление, пока ее не накормили свежесваренной манной кашей на молоке. Приезжал И. Кобзон со своей женой Вероникой Кругловой. А Новый год мы встречали за одним столиком с тогда еще молодой Л. Зыкиной. Она была очень скромной и пела все песни, которые мы просили ее исполнить.

Летом 1961 г. я был командирован в Чехословакию на уранодобывающее предприятие «Яхимова доля» — аналог нашего «Висмута». Каким образом был командирован — описано в рассказе «Командировка в ЧССР». Там нас представили генеральному директору предприятия «Яхимова доля» Семену Николаевичу Волощуку, которого через пять лет я встретил в СГАО «Висмут» как генерального директора уже этого предприятия. Пока я находился в Пршибраме (в этом городе находилась Генеральная дирекция этого чешского предприятия), в Берлине за одну ночь 13 августа была воздвигнута Берлинская стена, и нам пришлось попереживать за наших родных, оставшихся в ГДР, так как была весьма напряженная международная обстановка — в самом разгаре «холодная война».

В конце осени в советском посольстве в Берлине состоялся партийный актив советских специалистов, на котором присутствовал и я. Посольство располагалось на улице Унтер-ден-Линден, метрах в 300 от Бранденбургских ворот. Мы ходили смотреть на Берлинскую стену, были около Рейхстага (он оказался за стеной в британской зоне оккупации). Такой остроты противостояния мне еще наблюдать не приходилось: английский офицер, стоявший наверху Рейхстага,

достал большой тесак (плоский штык) и показал, что перережет нам горло, а полицейский на нашей стороне показал ему, что его (этого офицера) повесят. Вот такая была обстановка. На партактиве выступал наш посол Первухин, он сказал, что сухопутных сил у американцев и их союзников не так уж много, и что нам не стоит беспокоиться.

Еще один эпизод из того времени. По средствам массовой информации ГДР и СССР было объявлено, что англичане прорыли тоннель в сторону ГДР, под землей соединились к правительственной связи ГДР и прослушивали все разговоры. Большое было возмущение и ноты протеста. Но многие годы спустя, уже в конце 1990-х гг., по нашему телевидению выступал ветеран КГБ (теперь ФСБ) и заявил, что в окружении бургомистра Западного Берлина (ФРГ) был наш агент, который своевременно передал информацию нашей разведке, и Правительство ГДР давало по этой связи дезинформацию.

Надо сказать, что из ФРГ тогда велась очень активная пропаганда против ГДР по многим радиоканалам и по телевидению. В СССР такие передачи «Радио Свобода», «НТС» и др. просто глушили: сплошной шум и треск, и ничего не разобрать. В ГДР глушить не удавалось, так как все передатчики были почти рядом. Так вот, телевидение ГДР транслировало программу «Черный канал», название — намек на содержание пропагандистских передач из ФРГ. Вел передачу талантливый ведущий — барон Карл Эдуард фон Шнитцлер. Таких замечательных контрпропагандистских передач больше никогда и нигде я не видел. Во-первых, сам автор — бывший барон, активный сторонник народного социализма. Он даже обратился к Вальтеру Ульбрихту (в то время секретарю Социалистической единой партии Германии — СЕПГ), чтобы ему разрешили отказаться от баронского титула. Но В. Ульбрихт сказал: «Дорогой Карл, для нас ты всегда наш товарищ, но для многих немцев, особенно в ФРГ, твой баронский титул значит очень много». Вот, например, краткое изложение одной из его передач. Показывается встреча бывших солдат и офицеров гитлеровского СС в виде собрания немцев, «изгнанных со своих земель». Они бодро размахивают флагами, призывают вернуть Богемию и Силезию (эти земли после войны отошли к Чехии и Польше соответственно). Затем выступает маленькая девочка и поет: «Моя милая родина — Силезия, я никогда не видела тебя, но ты моя родина и я когда-нибудь вернусь к тебе». Вот под эти кадры К.Э. фон Шнитцлер дает комментарий: «Немцы! Вас уже обманывали два раза в этом веке, два раза война исходила с нашей территории, не давайте обмануть себя в третий раз». Под эти его слова пока-

зывают, как гитлеровские войска пересекают границу Польши, переходят границу СССР, показывают подмосковное поражение немецких войск, показывают разгром немцев под Сталинградом, показывают, как советские войска штурмуют Берлин, а потом диктор еще раз говорит: «Вот к этому вас и призывает снова телевидение и радио ФРГ, думайте, прежде чем поддаваться их призывам». После этого влияние западной пропаганды сходит на нет. Кстати, сам В. Ульбрихт под Сталинградом был в Красной армии и вел пропаганду против немецких войск.

В 1962 г. на работу в «Висмут» приехал мой сокурсник Владимир Ивлиев, но работал он в Генеральной дирекции. Я довольно подробно объяснял ему производственную ситуацию, старался детальнее ввести его в курс дела, но так получилось, что он стал работать не на производстве, а освобожденным председателем профсоюза (профкома советских сотрудников) и довольно преуспел в этом деле.

13 декабря 1961 г. родился наш сын Игорь. С утра Вера почувствовала, что ей пора ехать в больницу. К ней пришла врач Александра Алексеевна Зябрева и срочно вызвала автомашину, чтобы отвезти Веру в больницу СГАО «Висмут» в г. Карл-Маркс-Штадт. Но по дороге начались схватки, и пришлось вынужденно остановиться тоже в вимутовской больнице для шахтеров в г. Штольберг, на полпути до Карл-Маркс-Штадта. Несколько позже, весной 1962 г., у меня сильно заболели почки, и я месяца полтора лежал на лечении в этой больнице.

После того как привезли Игоря домой, нам сразу же выделили большую трехкомнатную квартиру на втором этаже. К нам часто приходила навестить Игоря немецкая медсестра Инга, которой очень нравился наш сын. Она подарила ему небольшой сувенир — повесила на шею серебряный кулончик в виде сердечка.

Поскольку Вера уже не работала, я съездил домой в Нижний Тагил и привез старшего сына Сергея. Он еще не ходил в школу, и ему здесь все было интересно.

Летом 1962 г. закончился срок моей заграничной командировки, и мы всей семьей выехали на Родину. Самым большим достижением моей работы на Саксонском горнорудном комбинате я считаю то, что за два года нам удалось ввести в эксплуатацию такой геофизический комплекс радиометрического обогащения руд, которого еще не было в мире. Добытая в шахте бедная, «некондиционная» руда обогащалась; из нее удалялась пустая порода, а уже обогащенная «кондиционная» руда транспортировалась на завод. Причем вся руда вначале промывалась, затем разделялась

Участники
самодеятельности
Объекта 9
после представления
пьесы «Клоп».

1, 2, 3, 4 картины.
Действующие лица
и исполнители:

Присыпкин — И. Карнауков.
Парень в очках — В. Мосолков.
Баян — В. Митяев.
Изобретатель — П. Лазарев.
Зоя Березкина — Т. Шибря.
Слесарь — А. Сливин.
Эльзевира Давидовна
(невеста) — Е. Бандалетова.
Гость — И. Дыдалин.
Розалия Павловна —
В. Ковалева.
Пожарник — Ю. Горбачев.
Разносчик пуговиц —
В. Слукин.
Девушка — В. Пампура.
Разносчик кукол —
В. Пампура.
Разносчица яблок —
Н. Колесникова.
Разносчик абажуров —
А. Бирюк.
Разносчица галантереи —
В. М. Марченко.
Разносчик шаров — Ю. Лукин.
Разносчица духов —
Б. Дворянчикова.
Разносчик селедок —
Ю. Глазов.
Босой парень — А. Назарюк.
Продавец книг —
В. В. Марченко.
Режиссер — Л. Киреева.
Оформители: Г. Зайков,
В. Галемин, В. Антонов.

по крупности, а затем каждый кусок породы в свободном падении сортировался с помощью специальной радиометрической аппаратуры на три класса: «пустая порода», «бедная руда» и «богатая руда», каждый кусок при этом падал в предназначенный для него свой бункер.

Когда я уезжал на Родину, немецкие коллеги подарили мне статуэтку из дерева: саксонского шахтера в каске и с отбойным молотком. Это — ручная работа, такие делали здесь еще с прошлых веков как настоящий рудногорский сувенир. Сейчас я смотрю на этот сувенир и вспоминаю всех моих немецких друзей и коллег.

Итак, Вера и сыновья уехали в Нижний Тагил к маме Анне Федоровне. Меня же пригласили в Министерство среднего машиностроения и предложили поехать на работу в качестве главного геофизика горнорудного комбината на Мангышлак³, в г. Шевченко. Меня представили директору этого комбината Рубену Арамаисовичу Григоряну; он дал мне записку и сказал, что нужно показать ее в Кисловодске представителю комбината, и меня на самолете переправят на другую сторону Каспия на полуостров Мангышлак. Я решил поехать и посмотреть, что это там такое. Долетел до Кисловодска, показал записку, на другой день меня посадили в самолет Ил-2, и мы вылетели на восток. Однако пришлось еще приземлиться в Махачкале — с Мангышлака пришла срочная радиограмма: «Загрузите самолет минеральной водой». Я заночевал в гостинице у порта и на другой день вылетел в Шевченко. Самолет был полностью загружен ящиками с «Нарзаном». Как я выяснил позже, это вода была не для буфета, а вообще для питья, так как пресной воды там тогда не было, и ее возили «с материка», как там говорили. Спустя три года там был построен первый в мире атомный опреснитель морской воды, и проблемы водоснабжения больше не было. Специалисты жили в основном без семей, ибо ни жилья, ни подходящих условий не было — комбинат и город только еще строились. На берегу Каспия, метрах в 300 от моря, стояли несколько бараков; в одном была контора, в другом — общежитие-гостиница. Я переговорил с начальством, ознакомился с состоянием работ: все только-только начиналось. Мне предстояло организовать «на голом месте» геофизическую службу на вновь строящемся гигантском горнорудном предприятии, где разработка урановых руд осуществлялась в большом карьере.

К вечеру я решил искупаться, так как стояла невероятная жара. Пошел к морю; весь

берег был усеян гниющими водорослями, запах довольно неприятный, хотя и пахло немного йодом. Кое-как искупался, вода была очень соленой. Пришел в гостиницу, но была такая духота, что я и кушать не захотел, попил нарзана и лег спать. Вот тут и начались мои муки. Неимоверная духота и влажность: спал под одной простыней, долго не мог уснуть, простыня вся была мокрой от пота. Так я провел еще один день и ночь и решил, что тут нам не выжить. Ну куда тут с маленьким сыном? Здесь и школы не было, а Сергею надо было с осени идти учиться. Да и климат — чего и говорить, если даже я едва выносил эту жару и влажность. Так что я решил не прельщаться на очень высокий заработок (порядка 1000 рублей) и отказаться от такого лестного предложения министерства, о чем и написал заявление. Отбыл обратно в Москву, оттуда домой и потом в Кустанай, на прежнее место работы; приняли меня сразу же очень тепло, стал работать главным инженером крупной геофизической партии с окладом 200 рублей.

Так закончился мой первый этап работы за границей.

Я успешно работал, поступил в заочную аспирантуру при Свердловском горном институте на кафедру рудничной радиометрии. Сдал все вступительные экзамены (в том числе английский язык) и стал собирать материал для диссертации, опубликовал свои первые научные работы: «Применение радиометрии для поисков месторождений титана», «Возможности радиометрии при поисках нефти в Тургайском прогибе» и др.

Так миновало три года. Весной 1965 г. я получил письмо от главного геофизика Первого главка (геологического) Министерства среднего машиностроения Леонида Чеславиича Пухальского, — он предлагал мне, учитывая мои знания, опыт работы и знание немецкого языка, снова поехать на работу в ГДР. Посоветовавшись с Верой и мамой, я дал согласие. А уже через месяц пришел официальный вызов, и мы, оставив хорошую квартиру и всю мебель, выехали всей семьей в Москву. Быстро были оформлены необходимые документы, паспорта, визы, и наша семья через неделю уже была в Карл-Маркс-Штадте.

Главный геофизик СГАО «Висмут» А. И. Горшков направил меня на новый рудник Кенигштайн, недалеко от Дрездена. Советские и немецкие специалисты жили в г. Пирна, в отдельных домах на окраине города.

Сам рудник располагался примерно в двух километрах от известной крепости Кенигштайн в живописной курортной местности — Саксонской Швейцарии — неподалеку от реки Эльба. Эта средневековая

крепость располагалась на крутой скале высотой метров 150. Во время войны в ней содержались пленные французские генералы, в том числе главный соратник генерала де Голля, генерал Жеро. Он сумел сбежать из этой крепости, связав несколько простыней, однако до победы над фашизмом он не дождался.

Месторождение еще разведывалось, как скважинами, так и шахтным способом. Пласты руды залегали на глубинах 250–400 метров в пропластках песчаников. Мне поручили осуществлять геофизические поиски на флангах и в окрестности этого месторождения. Со мной вместе трудился немецкий инженер Иоахим Зауэр, очень скромный и знающий специалист. Он предложил вести поиски глубокозалегающих руд методом электроразведки. Для глубинного геологического картирования мы применяли протонный магнитометр, который в то время даже не использовался в Союзе, так как производился он только в ГДР. Заместителем главного геофизика здесь был известный мне еще по работе на горнорудном комбинате (Объект 9) добрый и исполнительный Пауль Вечерек.

Во время наших поисковых работ мы видели пещеру, в которой в конце войны хранились шедевры Дрезденской картинной галереи, переправленные в Советский Союз, отреставрированные там и переданные Германской Демократической Республике. Когда мы были на экскурсии в Дрезденской картинной галерее, мы любовались всеми этими шедеврами. Особенно сильное впечатление произвела на меня «Сикстинская мадонна» Рафаэля: какой-то добрейший, ласковый взгляд, излучающий тепло и боль за будущие страдания Спасителя — ее сына.

Главным инженером рудника был Николай Дмитриевич Иванов, ранее он трудился на Украинском горнорудном комбинате в г. Желтые Воды. Главным геологом — Эдуард Левонович Саруханян, потом мне пришлось еще поработать с ним вместе. Исключительно жизнерадостный, веселый и приятный человек, большой умница-геолог. Иногда он разыгрывал такие шутки, что, как говорится, хоть стой, хоть падай. Вот один пример. К нам приехал в командировку на полгода один специалист-геолог из Москвы, приехал без семьи. И вот Эдуард спрашивает его: «Как тебе тут, не скучно без жены?» «Да, — говорит, — конечно, невесело». «А ты, — говорит Эдуард, — разве не ходил в наш отдел кадров?» «А зачем?» — «Как зачем? Тут есть одинокие немки и в нашем отделе кадров тебе могут дать талон на встречу с такой немкой, вот и не скучайте с ней вместе». Командировоч-

ный поверил и на другой день пошел с этим вопросом к начальнику отдела кадров. Что тут было, не описать словами!

На Объекте было много сотрудников из московских институтов, работавших здесь по линии технической помощи: В. И. Шумилин, З. А. Некрасова, В. И. Воробьев, И. В. Мельник и др.

Наш сын Сергей ходил в школу в Дрездене (вернее его возили, как и всех наших учащихся, на автобусе) — это километрах в 15-ти от г. Пирна.

Так проработал я чуть более года, после чего, учитывая мой опыт работы на горнорудных комбинатах в Тюрингии и Саксонии, меня перевели в Генеральную дирекцию СГАО «Висмут» в г. Зигмар, в геологический отдел, на должность старшего геофизика — куратора Объекта 90 (Роннебург). Объект 9 курировал мой коллега Е. А. Богданович, он был старше меня, фронтовик, любимой его фразой была «заповедь чиновника»: «Знаешь — молчи, сказал — не пиши, написал — сумей отказать». Но у меня так никогда в жизни не получалось, я старался изо всех сил выполнять порученное мне дело.

В целом, судя по отзывам А. И. Горшкова, я довольно успешно справлялся и с этой работой. Главным геологом «Висмута» тогда был Александр Абрамович Данильянц — знающий, строгий и требовательный специалист. Здесь же работал в качестве заместителя Данильянца Карл Файерер, а также очень умный и порядочный геофизик Карл Келер.

Немного о наших переводчиках. Я обходился без их помощи, но некоторые наши специалисты часто не могли работать без переводчиков. Переводчики были высокочемными знатоками немецкого языка. Так, например, В. Афонькин переводил произведения Эриха Марии Ремарка, например «Три товарища» и др., и даже написал учебник.

Помимо всего прочего, они еще были и своего рода дипломатами. Вспоминаю один такой случай. На каком-то приеме в честь 20-летия ГДР я оказался невольным свидетелем разговора между генеральным директором СГАО «Висмут» С. Н. Волощуком и каким-то немецким представителем из Берлина. Разговор переводил А. Шишкин. Видимо, разговор зашел в тупик и С. Н. Волощук что-то довольно жестко ответил на вопрос немецкого чиновника. Тот сразу же сказал, что его неправильно поняли, и Альберт Шишкин мгновенно сориентировался и попросил прощения за неточный перевод. Позже он мне сказал, что перевел все точно, но нужно было сразу же погасить нарождавшийся конфликт.

³ Полуостров на восточном побережье Каспийского моря в Казахстане.

Выделили нам просторную трехкомнатную квартиру в советской колонии, Сергей стал учиться в школе для детей военных в г. Карл-Маркс-Штадт. Потом и Игорь пошел в первый класс в эту же школу. По вечерам наши сыновья (да и все дети), с интересом и удовольствием смотрели телевизионную детскую передачу Sandmenchen («Песочный человечек»). Передача была настолько познавательна и интересна не только для детей, но и для взрослых. Суть ее заключалась в том, что некий гномик приходил к детям в гости, и все смотрели детскую передачу. В ней говорилось о порядочности, о трудолюбии, об интересных событиях, о технике, об устройствах механизмов, о животных и растениях, о культуре, уважении к старшим и т. д. Таких замечательных детских программ больше не видел. Это не то, что Хрюша и Степашка в нашей вечерней детской передаче.

В 1967 г. при «Висмуте» было организовано Центральное геологоразведочное предприятие (ЦГП). Главным геологом был назначен Юрий Сергеевич Данилов, главным инженером — Станислав Иванович Голиков (мой однокурсник, по специальности — буровик), а меня назначили главным геофизиком. Задача перед ЦГП поставлена весьма важная: проводить доразведку флангов эксплуатируемых месторождений и поиски новых по всей территории ГДР. В состав ЦГП входили четыре экспедиции: Саксонская (г. Ауэ), Тюрингская (г. Гера), Восточно-Рудногорская (г. Пирна) и Северо-Саксонская (г. Вермсдорф).

В экспедиции трудились А. Д. Попов, В. Величкин, В. Бельский, В. Шиловский, Б. Рыбалов, В. Ветров, А. Скляр, В. Панкратов, С. Старцев, Ю. Лукин, которого по моей просьбе пригласили сюда на работу из Москвы. Из Кустаная я вызвал хорошего моего знакомого — геофизика В. Эртнера; он привез с собой прибор для магнитного каротажа скважин. Начальником ЦГП вначале был Н. Шредер, потом его перевели в министерство в Берлин, а на его место был назначен Э. Харлас. Начальником планового отдела был Ф. Цумпе, которого тоже через некоторое время перевели в Берлин. Заместителем Ю. Данилова был Х. Оельшлегель, а заместителем С. Голикова — К. Иордан. Моим заместителем был Райнер Троммер, энергичный, довольно самоуверенный инженер, недавно окончивший Фрайбергскую горную академию. Он занимался в заочной аспирантуре, и я помогал ему в этом. Мне не составляло большого труда оказывать ему консультации. Однажды он даже спросил меня: «Откуда у вас, Вячеслав Васильевич, такие глубокие и обширные знания?» «От учебы в Уральском горном институ-

те», — с гордостью за наш институт ответил ему я. Однажды он меня очень удивил: в начале рабочего дня пришлось срочно выехать в Гарц (это примерно в трех часах езды на автомашине). Я утром не успел позавтракать, а остановиться у какого-либо кафе было некогда. Приблизительно через час езды Райнер раскрыл свой портфель, вынул коробку с бутербродами, термос с кофе и стал завтракать. Я смотрел на это и глотал слюнки, но Райнер не обращал на меня никакого внимания. Через несколько дней у нас зашел разговор о народных обычаях, и я спросил его, чего же он не угостил меня в тот раз. И он вполне серьезно ответил мне: «Вячеслав Васильевич, вы же мой руководитель и могли обидеться, если бы я предложил вам бутерброды». И тогда я вспомнил, что некоторые немцы — рабочие, когда просили у своего соседа сигарету, давали за нее 10 пфеннигов — таков обычай. Позже, после общения, такого больше не было.

Нам удалось организовать комплексные геофизические измерения по всем исследуемым площадям: глубинную радиометрическую съемку, электро- и магнито-каротаж, гамма-каротаж всех пробуренных скважин, гравиразведку, магниторазведку, электроразведку и др. Ценные консультации давал мне Алексей Ильич Горшков — главный геофизик СГАО «Висмут».

Но наиболее важным делом было геологическое прогнозирование новых площадей и участков, перспективных на выявление новых урановых месторождений. С поверхности практически вся площадь была исследована ранее, и нам нужно было определять глубинное геологическое строение территории и на основе этого выделять участки для детальных поисков. Изучение глубинной геологии можно было осуществить только с помощью геофизики: гравиразведки, магниторазведки и электроразведки.

Это направление поддержал главный геофизик министерства Леонид Чеславич Пухальский. Мы проводили такие площадные съемки, а затем, используя трансформации потенциальных полей с помощью компьютера, строили модели распространения различных горных пород на глубину. Я предложил компьютерную программу, которую определил как «гравиметрическое зондирование», и это помогло находить решения некоторых задач по прогнозу новых перспективных площадей. После построения новой карты глубинного геологического строения мы, по совету доктора Г. А. Пельмского, «наложили» на нее местоположение известных месторождений и оказалось, что они располагаются в до-

вольно специфических условиях. Выделив новые участки с аналогичным глубинным строением, мы рекомендовали их для бурения. Так началось важное научное исследование, которое и стало основой для написания и последующей защиты моей кандидатской диссертации. На ее защите в Московском институте Средмаша (ВНИИХТ) на ученом совете присутствовали виднейшие геологи-уранщики, профессора, члены-корреспонденты Академии наук Ф. И. Вольфсон, Д. Я. Суражский, Ю. А. Арапов и др. Был также главный геолог Средмаша Н. С. Зонтов, куратор А. И. Яковенко. После защиты они подарили мне картину и подписали: «Вячеславу Васильевичу в день блестящей защиты кандидатской диссертации».

Тема моей диссертации «Особенности глубинного геологического строения Сакс-Тюрингской структурно-фациальной зоны и перспективы ее рудоносности (по данным интерпретации геофизических данных с использованием ЭВМ)». Это исследование представляло практический интерес и, учитывая и мой опыт, мне предложили работу в Москве, в системе Министерства среднего машиностроения, в Центральном НИИ информации и технико-экономических исследований по атомной науке и технике. Это определило мою судьбу на все последующие годы. Я возглавил научное направление по компьютерному прогнозированию месторождений в должности старшего научного сотрудника. Перед нашей лабораторией была поставлена задача: провести по разработанной методике прогноз площадей, перспективных на выявление новых урановых месторождений в пределах Северного Казахстана, где строился новый горноуранный комбинат. В дальнейшем там было открыто несколько месторождений. Кроме того, в Якутии, Казахстане, на Кавказе и в других регионах СССР на основе нашей компьютерной технологии были открыты месторождения олова, сурьмы, золота, меди, фосфоритов. Министерство геологии рекомендовало технологию для всех ведомственных экспедиций, а через несколько лет за разработку компьютерной технологии геопрогноза и ее широкое внедрение наш коллектив был удостоен Государственной премии СССР.

В это время в Селятино строился кооперативный дом для ветеранов атомной промышленности. И мне выделили в этом доме четырехкомнатную квартиру. Десять лет мы оплачивали свой кредит, плюс 1,5 % в год.

Перед отъездом я просил генерально-го директора С. Н. Волощука дать мне воз-

можность пожить с семьей несколько дней в Берлине, в гостевой вилле. Он разрешил, и мы с Верой и детьми несколько дней жили в Берлине, осматривали достопримечательности, музеи, парки, зоосады, телебашню, дворцы Потсдама.

Затем началась наша жизнь в Подмосковье. За время моей работы мне приходилось часто бывать в командировках и на полевых геологических поисках. Объездив почти весь Советский Союз: Казахстан, Среднюю Азию, Украину, Кавказ, Урал, Сибирь, Забайкалье, Дальний Восток. Участвовал в научных симпозиумах и семинарах в Болгарии, ГДР, Венгрии, Румынии, Польше, Финляндии, США и ФРГ. Делал доклады на двух международных геологических конгрессах: в Москве (1984 г.) и Вашингтоне (1989 г.). Впоследствии трудился в Международном научно-исследовательском институте проблем управления Академии Наук СССР и Совета экономической взаимопомощи (СЭВ).

Довольно солидный научный задел, несколько монографий и многочисленные научные публикации (более 200) стали той основой, которая позволила мне впоследствии написать и защитить в 1984 г. докторскую диссертацию по теме «Компьютерные технологии геологического прогнозирования (методологические и прикладные аспекты)».

Пожалуй, я сам не решился бы на этот непростой шаг; на меня «нажал» вице-президент Академии наук СССР академик Николай Павлович Лаверов. Он сказал, что таких полных научных данных и практических результатов мало кто имеет из докторантов. Опять мне пришлось писать работу без отрыва от производства, было довольно трудно, тем более что жил-то я в Селятино, и каждый день на поездку в Москву на работу тратил более четырех часов в день. Видимо, я перетруился, да и начальство мое, мягко говоря, не очень поддерживало мой энтузиазм. Я довольно серьезно заболел, лечился полгода, но все-таки успешно защитил свою диссертацию. В 1995 г. был избран членом-корреспондентом, а в 2001-м — академиком Российской академии естественных наук РФ. В 2002 г. Указом Президента РФ В. В. Путина за заслуги в области геологии и многолетний добросовестный труд мне было присвоено почетное звание «Заслуженный геолог Российской Федерации».

Завершая свои воспоминания, могу сказать: «Мы жили и трудились в непростое, но славное время».

Январь 2008 г.

Вячеслав Васильевич Марченко

(из воспоминаний "Заметки о моей жизни в Германии в 60–70-х гг. прошлого века")

Б. Г. Россохин

Б. Г. РОССОХИН родился 11.10.1922 г. в дер. Нижние Боты (ныне Юрьянского р-на) Кировской обл. в семье крестьянина. В Советской Армии — с 1940 г. Окончил Челябинскую военную авиационную школу механиков в 1941 г., Пермскую военную авиационную школу пилотов в 1943 г. На фронте в Великую Отечественную войну — с октября 1943 г. Командир звена 59-го гвардейского штурмового авиационного полка (2-я гвардейская штурмовая авиационная дивизия, 16-я воздушная армия, 1-й Белорусский фронт), гвардии лейтенант Россохин к ноябрю 1944 г. совершил 138 боевых вылетов на разведку и штурмовку живой силы и техники противника. Был несколько раз ранен. После первого ранения он получил травму позвоночника, и у него отказывали конечности. Но как только руки и ноги начали двигаться, сбежал из госпиталя на фронт. Чтобы позвоночник меньше болел, товарищи привязывали к его спине фанеру — так он мог летать. Звание Героя Советского Союза присвоено 23.02.1945 г.

В составе 226-го транспортно-поискового полка он обслуживал знаменитую Потсдамскую конференцию и видел руководителей стран антигитлеровской коалиции — Сталина, Черчилля, Трумэна.

С 1945 г. Россохин в отставке и живет в Свердловске. В 1955 г. окончил Уральский политехнический институт с красным дипломом и был в 1957 году направлен на работу в СГАО «Висмут». Вернувшись из заграничной командировки в 1960 году, работает заведующим лабораторией Уральского научного центра АН СССР. В 1966 г. успешно защищает кандидатскую диссертацию. Выполняет большой цикл научных исследований по получению и рафинированию титана, сплавообразованию редкоземельных элементов, технологии получения рениевой фольги и специальных изделий из молибдена, а также покрытий из рения и титана, которые были внедрены в производство на уральских заводах. Скончался 18.07.2005 г. Награжден орденом Ленина, орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом Красной Звезды, медалями.

О Россохине Борисе Гавриловиче

Среди советских геофизиков наиболее заметной фигурой был Борис Гаврилович Россохин, Герой Советского Союза. Среднего роста, сухощавый, русые волосы, голубые глаза, взгляд человека, много повидавшего в своей жизни. Был он наш земляк, из Свердловска, учился почти одновременно с нами, но в другом институте: Уральском политехническом институте (УПИ), и по другой специальности: химическая переработка урановых руд. На руднике он изучал радиометрическую контрастность урановых руд, с целью возможности удаления механическим способом «пустой горной породы» из таких руд. В шахту он не ходил — этого не требовала его работа.

На фронте он был летчиком и с ним произошел в городе редкий случай. Он так рассказывал его нам. «Иду я как-то по улице — смотрю, встречается знакомое лицо, а кто, никак вспомнить не могу. Прошел я мимо, потом оглянулся, гляжу, тот человек тоже остановился. Потом подходит ко мне и говорит: «Здравствуй, Борис». И я вспомнил, почему мне его лицо знакомо. Перед битвой на Курской дуге я летал фотографировать немецкие позиции. С их стороны тоже летал самолет разведчик. Нам категорически запрещалось вступать в воздушный бой во время выполнения разведочных

фотосъемок, т. к. наши материалы были необходимы командованию. Так вот, в воздухе мы часто встречались с немецкими самолетами-разведчиками. Летали довольно близко, даже приветствовали друг-друга при встрече покачиванием крыльев». На наш вопрос «А как он узнал твое имя?» Россохин ответил: «Когда я поднимался в воздух, то немецкая рация передавала предупреждение: «Achtung! In Luft russische As Boris Rossochin!» («Внимание! В воздухе русский ас Борис Россохин!»).

После Германии я не встречался с Россохиным, но в журнале «Уральский следопыт» № 5 за 1985 г. в повести «Госпитальные рассказы» прочитал заметку: «Борис Гаврилович Россохин». Там было описан его подвиг: на штурмовике «Ил-2» он разбомбил четыре немецких эшелона с танками, бензином, техникой, был подбит, у него было тяжелое ранение, за этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Он, не долечившись, сбежал из госпиталя, и в своей части ему разрешили летать в разведку. В 1955 году он окончил институт и через два года был направлен на работу в ГДР. После возвращения в СССР он защитил кандидатскую диссертацию и трудился в Уральском научном центре.

Ольга Георгиевна Семенова

Ольга Георгиевна СЕМЕНОВА родилась в 1931 году в Ленинграде, в 1954 году окончила геологоразведочный факультет Ленинградского горного института, получив диплом горного инженера-геофизика по специальности «геофизические методы поисков и разведки урановых месторождений». В период с 1954 по 1956 год работала в СГАО «Висмут» в качестве руководителя геофизической лаборатории в Обершлеме и инженера-геофизика на обогатительной фабрике в Цвиккау. В середине 1970-х годов дважды находилась в СГАО «Висмут» в кратковременных командировках по линии технической помощи. До 2010 года работала научным сотрудником, руководителем лаборатории и ведущим научным сотрудником научно-исследовательского института разведочной геофизики (ВИРГ).

Не только геофизика (1954–1956, 1973, 1975)

Введение

В 1945 году перед СССР встала проблема создания ядерного вооружения, а следовательно, необходимости поисков, разведки и эксплуатации месторождений урановых руд на собственной территории. Кроме этого, СССР получил возможность использовать германские провинции Саксонию и Тюрингию, включенные в советскую оккупационную зону после капитуляции гитлеровской Германии. Эти провинции охватывали районы Рудных гор, где с начала XIX века добывалась в незначительных масштабах урановая руда для производства синей светящейся краски. Уже осенью 1945 года в ГДР было создано Саксонское горное управление с Саксонской ураново-поисковой партией, а весной 1947 года управление было преобразовано в советско-германское акционерное общество «Висмут» — СГАО «Висмут», проработавшее до 1990 года.

Я родилась в 1931 году в г. Ленинграде, в 1948 году поступила на геологоразведочный факультет Ленинградского горного института и окончила обучение в 1954 году, получив диплом горного инженера-геофизика. В СГАО «Висмут» я работала с 1954 по 1956 год. В своих воспоминаниях я описываю особенности специального образования в Горном институте, получение которого привело меня в СГАО «Висмут», три года пребывания в ГДР и две служебные командировки туда в начале 1970-х годов. Для более полного понимания, с чем я входила во взрослую жизнь, я вкратце описываю мое военное детство. Люди, которым в сознательном возрасте не довелось жить в СССР, сегодня часто идеализируют советскую систему распределения на рабочие места выпускников вузов. Не имея достаточной информации, они исходят просто из того, что такая система была и что молодые специалисты гарантированно были сразу же обеспечены работой по специальности, чего нет в настоящее время. Поэтому я описываю, как реально работала эта система и почему ее часто боялись и студенты и их родители.

Я мало касаюсь профессиональных вопросов, а пишу в основном о быте, о впечатлениях и о том, как тогдашняя внутренняя политическая обстановка в СССР и ГДР влияла на жизнь русских работников «Висмута». В то время мне было от 23-х до 25-ти лет, мне были свойственны жизненная незрелость и некоторая инфантильность в восприятии событий и в реакции на них. Русскому читателю следует иметь в виду, что тогдашние порядки в «Висмуте» отличались более жестким режимом для советских граждан, чем в последующие времена, и мое описание этих порядков не должно казаться неправдоподобным. То же относится и к порядкам в СССР.

С середины 1950-х годов прошло более 55 лет и многое в моей памяти стерлось. По этой причине и чтобы никого не задевать, я не называю русских имен, а при упоминании немецких сотрудников использую только условные имена. Для краткости и простоты всех советских работников «Висмута» я называю «русскими» или «русскими висмутянами», хотя, конечно, среди них были представители разных национальностей, проживавших в СССР.

1. До «Висмута»

1.1. Военное детство

Я родилась в семье геологов. Перед Великой Отечественной войной отец работал инженером по бурению в геологической организации «Спецгео», выполнявшей работы по заданиям наркомата обороны. В 1939 г. к СССР были присоединены страны Прибалтики и восточная часть Польши. На новой границе началось строительство оборонительных укреплений, для чего потребовалось проведение инженерно-геологических изысканий, в том числе буровых работ. От организации «Спецгео» на участки новой границы была направлена большая геологическая экспедиция, в составе которой в бывшую восточную Польшу был командирован мой отец. С ним поехала вся наша семья.

О. Г. Семенова. 1955 г. В окрестностях Ауэ.

Первое дыхание приближающейся войны мы с сестрой Валей почувствовали в бывшей Польше в маленьком городке Рутки-Коссаки недалеко от г. Белостока. Многие поляки хорошо говорили по-русски. Наша семья снимала комнату у поляка-шорника в доме сельского типа. В хозяйской семье было две дочери — Кристина 12 лет и Ядвига 5 лет. Они рассказали нам с Валей, что когда в Рутки-Коссаки вошла немецкая воинская часть, солдаты стали обходить дома и расстреливать мужчин, не явившихся на регистрацию. Обнаружив хозяина-шорника, немецкий солдат вывел его на его собственный огород и приготовился расстрелять. Жена шорника и старшая дочь Криса окаменели от ужаса. Отца спасла маленькая Яся. Она с плачем бросилась на винтовку немца и отчаянно кричала. Немец не выдержал, опустил винтовку и ушел.

По обстоятельствам работы отца наша семья переехала из Рутки-Коссаков в литовский городок Кальварию, а из нее в тогдашнюю столицу Литвы Каунас. В Каунасе базировалось управление экспедицией: руководство, технические отделы, бухгалтерия, центральный гараж и т.п. Работа отца после перевода в Каунас была связана с частыми многодневными выездами из города на буровые участки. Однако в выходные дни он часто был дома в Каунасе. Так, к счастью, было и в воскресенье 22 июня 1941 г., которое выдалось исключительно ясным и солнечным. Наша семья была в полном составе и спала. Примерно в шесть часов утра я, спавшая на раскладушке напротив двери, услышала стук. Отец встал, открыл дверь и стал тихо говорить через порог с каким-то мужчиной. Я разглядела, что на пришедшем под плащом были только трусы, а ниже — ботинки без носков. Отец тихо сказал что-то Марии Михайловне (моей мачехе), оделся и ушел с гостем. От Марии Михайловны мы узнали, что, кажется, началась война, нам придется уезжать, говорить об этом никому не нужно, надо собирать вещи. Рабочее совещание руководителей экспедиции решило на двух грузовиках, не мешкая, отправить в Ленинград женщин и детей, а вслед за ними на 17 грузовиках выехать всем остальным. Уже примерно в 11 утра Мария Михайловна и мы, трое детей, с частью вещей в составе группы других женщин и детей выехали из Каунаса в Ленинград. Из мужчин в нашей «автоколонне» ехали два водителя и специально выделенный сопровождающий, снабженный тщательно подготовленными сопроводительными документами. Мое место было у правого борта. Ночью я проснулась от равномерного грохота, выглянула из-под брезента и увидела идущие навстречу (на запад) советские танки. Вдоль обочин по обе стороны дороги в том же направлении на запад «гуськом» молча шли красноармейцы.

В Ленинграде наша семья жила на Театральной площади в доме за консерваторией. Мы не эвакуировались и всю войну прожили в Ленинграде. Бомбежки города, артиллерийские обстрелы, не работавшие водопровод, канализация, отсутствие электричества, городского общественного транспорта, необходимость затемнения окон, необрунные трупы в квартирах, дворах и на улицах, а главное голод — все это много раз описано в разных статьях и книгах и все это была и наша жизнь. Об окончании войны мой 7-ой класс узнал на уроке 9 мая. Казалось, все девочки должны были радоваться, но часть из них сразу заплакала. Это были те, у кого на войне кто-нибудь погиб.

1.2. Специальное образование, приведшее в «Висмут»

Для решения урановой проблемы в СССР, начиная с 1945 года, были созданы необходимые научно-исследовательские и проектные институты, конструкторские бюро, приборостроительные заводы. В системе геологической службы были организованы специализированные управления, экспедиции и полевые партии. В скором времени стало ясно, что имеющихся геофизических кадров не хватает, а имеющиеся недостаточно подготовлены для решения новых проблем. В геологоразведочных вузах были добавлены геологические, геохимические и геофизические дисциплины и кафедры нового профиля.

В Ленинградском горном институте на моем курсе геологоразведочного факультета (поступление 1948 года) до всех этих событий было две группы ГРФ-1 и ГРФ-2, в которых готовили геофизиков для поисков и разведки различных типов рудных месторождений. В 1950 году из геологоразведочного был выделен геофизический факультет и из наших двух групп составили три: РФ-1 и РФ-2, специализированные на поиски радиоактивных элементов, и РФ-3 с сохранением прежнего профиля общей рудной геофизики. Принцип формирования новых групп был «анкетный». Здесь следует отвлечься. Большое количество работ в геологической отрасли, в частности, практически все, связанные с поисками различных рудных месторождений, были секретными. Инженерно-техническим работникам (ИТР) присваивалась одна из трех категорий допуска к рабочим документам. Присвоение категории производилось на основе проверки и изучения сотрудниками спецслужб анкет, которые заполняли ИТР. Кроме анкет, учитывались характеристики, составленные в разное время руководителями учебных, научных или производственных организаций, в которых учился и трудился ИТР. В составлении характеристик принимали обязательное

участие руководители общественных организаций: партийной (КПСС) или комсомольской и профсоюзной. Анкета считалась «чистой», во-первых, если человек имел хорошее социальное происхождение, во-вторых, не имел «подозрительных» родственников, в-третьих, сам не имел «политических грехов», то есть никогда не высказывал взглядов, отклоняющихся от официальных. Лучший вариант — рабоче-крестьянское происхождение, отсутствие родственников, проживающих (проживавших) за границей или на оккупированной врагом территории во время Отечественной войны, родственников, входивших в любые политические партии, кроме КПСС, или допускаявших отклонения от линии КПСС, или исключавшихся когда-либо из комсомола или КПСС. Учитывались как ныне живущие родственники, так и умершие. В Ленинградском горном институте студенты впервые заполняли анкеты на втором или на третьем курсе. Мой отец, сам работавший в геологии, отследил момент заполнения мною анкеты. Неожиданно для меня он принес домой чистый бланк (4 листа А4), посадил меня за стол и сказал что-то вроде: «Я продиктую тебе ответы на вопросы, ты их запомнишь и всегда будешь именно так заполнять любые анкеты». Моя анкета в основном совпала (как и должно было быть) с его анкетой. Неправда, которая была в анкете, относилась к социальному происхождению отца — невысокому, но все же из офицерской семьи царского времени. Остальное не отклонялось от действительности. Несмотря на такой «грех» перед советской властью, отец, я, мои сестра и брат всегда хорошо и добросовестно учились и работали и добились определенных успехов в том, что теперь называется карьерой. В советские времена слово «карьер» носило «буржуазный» оттенок и поэтому по отношению к советским людям не употреблялось. В моей родительской семье все мы стали беспартийными ИТР. В молодости я, сестра и брат были комсомольцами, так как это был обычный в то время путь подростков, хорошо учившихся, спокойных, нацеленных на получение профессии, требующей высшего образования.

Вернемся к принципу разбиения студентов-геофизиков на группы. Очевидно, что в анкетах студентов группы РФ-3 было что-то, не вполне устраивавшее работников спецслужб, но в то же время эти студенты «годились» для работы в рудной геофизике, не имевшей отношения к урану. Кроме специализированных РФ-1 и РФ-2, были организованы еще две специализированные группы: РФ-4 и «тотальники». РФ-4 — сборная спецгруппа, созданная из студентов-добровольцев разных не геофизических специальностей — геология, гидрогеология, техника разведки

и др. По-видимому, добровольцев не хватило. Поэтому сформировали группу «тотальников», куда перевели также студентов не геофизических специальностей, но уже «добровольно-принудительно». Некоторым из них было настолько жаль потерять выбранную при поступлении в горный институт специальность (например, «геологическая съемка и поиски»), что они впоследствии защитили по два дипломных проекта.

Учебные предметы, относящиеся к геологии, геофизике и геохимии радиоактивных элементов, нам преподавали в специальных охраняемых помещениях. Записи мы вели в прошнурованных тетрадях, которые никогда не выносились из помещения и хранились специальными сотрудниками. Учебные и производственные студенческие практики получили соответствующую ориентацию. Основными преподавателями спецдисциплин были Г. Ф. Новиков, В. И. Серпухов и Е. М. Квятковский. Особенно следует выделить Григория Федоровича Новикова, который создал не существовавший ранее курс геофизических методов поисков и разведки месторождений радиоактивных полезных ископаемых, лично читал его студентам и в 1960-е годы в соавторстве с Ю. Н. Капковым написал серию базовых учебников. В преподавание он вкладывал душу, стараясь добиться от нас полного усвоения материала. Сдача рядового экзамена Григорию Федоровичу занимала 1–1,5 часа.

В зиму 1953–1954 гг. состоялся первый выпуск спецгеофизиков Ленинградского горного института, и мы, выпускники, были распределены в те организации, для которых нас готовили. Чтобы охарактеризовать качество подготовки, возьму для примера свой случай. Первые три года после окончания института я работала в СГАО «Висмут». Два года в геофизической лаборатории на одном из эксплуатированных урановых месторождений моей обязанностью было обеспечивать правильность методики геофизических измерений и точность определений содержаний радиоактивных элементов в порошковых пробах, поступавших из шахт, отвалов и цеха готовой продукции. В последний, третий, год я была инженером-геофизиком на обогатительной фабрике, где применялись разные способы обогащения урановой руды. Здесь в мои обязанности входил надзор за процессом обогащения руды, поступающей в цех на движущихся лентах транспортеров. Рудосортировка производилась с помощью геофизических приборов. По скупой кадровой «раскладке» и в геофизической лаборатории, и на обогатительной фабрике было предусмотрено по одному специалисту-геофизику, который отвечал за настройку и своевременный ремонт приборов, применение правильной методики

Г. Ф. Новиков.

измерений и обработку их результатов. Знания, полученные в Ленинградском горном институте, охватывали весь круг геофизических проблем, с которыми я и мои сокурсники столкнулась в «Висмуте». Эти знания оказались достаточными для выполнения требуемых работ на уровне, более высоком, чем тот, который мы застали по приезду, так как наши преподаватели позаботились донести до нас «последнее слово науки и техники» в ожидавшей нас области применения геофизики.

1.3. Советская система распределения молодых специалистов на рабочие места

В СССР действовала четко прописанная система распределения выпускников вузов на рабочие места. Получение высшего образования было бесплатным, но выпускник вуза после окончания должен был отработать три года там, где ему укажет государство в лице комиссии по распределению. С одной стороны, система распределения на рабочие места имела то достоинство, что выпускнику вуза сразу была обеспечена работа по полученной специальности, чего нет в России в настоящее время. С другой стороны, существовавшая в то время система «прописки» (регистрация по месту жительства) и тотальная нехватка жилья означала для большинства выпускников вузов потерю возможности впоследствии вернуться на прежнее место жительства, где остались родители и какое-никакое жилье, например, комната или часть комнаты в родительской квартире. Следует иметь в виду, что в СССР в больших городах в многоквартирных домах не существовало частной собственности на жилье. Вся «жилплощадь» (термин тех лет) была государственной и те, кто на ней жил, платили за нее квартплату и были на ней «прописаны». Без оснований, которые содержались в законах, подзаконных актах и специальных циркулярах, «прописанные» граждане не имели права подселать к себе кого-нибудь еще, обменивать и покидать жилплощадь. На указанном при распределении рабочем месте выпускник вуза получал или место в общежитии, или арендовал у частного лица комнату или часть комнаты («угол»). Долю арендной платы ему возмещала организация, в которой он начинал работать. Перспективы улучшения квартирного вопроса были совершенно туманны. Иногда, причем редко и через весьма продолжительное время, организация могла дать ему квартиру или комнату, если он зарекомендовал себя ценным работником и если у организации были такие возможности (фонды от местных властей, самостоятельное строительство).

Ленинградцу или москвичу вернуться «домой» после трех лет отработки было проблематично, так как при отъезде по распре-

делению он терял прописку и прописывался по месту работы. Возобновить же прописку в Ленинграде или Москве формально было невозможно из-за существовавших лимитов на прописку в больших городах. Энергичные люди из числа хороших специалистов преодолевали это препятствие законными, но обходными путями, для чего надо было иметь связи. Человек находил рабочее место, на которое его соглашались взять при условии, что жилье ему не требуется, и добивался через министерство так называемого «перевода» из одной организации в другую в пределах геологической отрасли. В милиции, ведавшей делами прописки, он предъявлял документ о переводе, письменное согласие родителей принять его и справку о том, что в квартире хватает квадратных метров по санитарной норме. Поскольку описанный прием могли применить не все, то ленинградцы, москвичи и, наверное, жители других больших городов СССР не любили, а то и боялись распределения в провинцию. Дело было совсем не в том, что им не хотелось три года, а, может быть, и более, поработать по специальности в провинции. Кстати, газетная пропаганда несправедливо упрекала выпускников вузов именно в этом. Настоящая причина заключалась в максимально затрудненной смене места жительства в стране. Это мешало выбрать интересную работу путем нескольких попыток, выбрать место проживания и свободно менять его при желании или по мере необходимости. Выглядело все это подобием крепостного права с хозяином в виде государства. Жизнь затрудняла не сама система распределения, а ее сочетание с системой прописки и тотальной нехваткой жилья.

Лично меня описанные трудности не затронули, так как при отъезде на работу за границу жилплощадь бронировалась, то есть на нее сохранялись право и прописка, а соответственно, и автоматическое возвращение в родной дом после окончания заграничных командировок. У меня в 1954 году при выезде на работу в ГДР сохранилась прописка в отцовской двухкомнатной квартире, где нас проживало пять человек и на мою долю приходилась площадь около 8 кв. метров.

1.4. Мое распределение и отъезд в ГДР

В 1953 году к нам в Ленинградский горный институт на геофизический факультет заблаговременно приехали из Москвы два майора госбезопасности. Они изучили наши личные дела и анкеты и с каждым побеседовали. Я и мой муж, с которым мы вместе учились в группе РФ-2, получили направление в СГАО «Висмут». После защиты дипломных проектов в январе 1954 года мы, выпускники, получили месячный отпуск и «подъемные» — безвозвратную денежную ссуду для переезда.

Время для нас было радостное: закончилась учеба, получен отпуск, получены небывалые деньги, предстоял выезд за границу, самостоятельная жизнь и работа. Молодому, мало повидавшему человеку, ехать за границу всегда интересно, а мы при этом еще и ехали в «логово врага». Память о войне была еще свежа, в ГДР стояли наши оккупационные войска.

Так как я «вылетала из гнезда», то отец на прощанье обновил мой гардероб, то есть купил новую и относительно дорогую одежду, купил новые чемодан и сумку и заказал в специальном ателье горную форму — костюм. В то время в СССР в некоторых гражданских отраслях была введена форма (юстиция, финансовая служба, геология и др.).

И вот в марте 1954 года мы с мужем на поезде через пограничный город Брест выехали в ГДР к месту работы. В Бресте пассажиры прошли необходимые пограничные процедуры, а поезд перестроился с широкой российской колеи на узкую европейскую. Мы ехали в купейном вагоне, нашими соседями были офицеры советских оккупационных войск, возвращавшиеся из отпусков и командировок в ГДР.

1954 год для народов СССР, Германии и стран «соцлагеря», в частности, Польши, еще в полной мере «дышал войной». Вторая мировая война длилась примерно шесть лет, ее часть — наша Великая Отечественная война — четыре года. Для человеческой жизни это безумно большие сроки. Я прожила наши четыре военных года в Ленинграде в возрасте, в котором дети все уже запоминают. Я помню свое детское восприятие происшедшего: мне казалось, что война никогда не кончится и все всегда так и будет. В первые два года год, бомбежки, артиллерийские обстрелы, потом бедная, нищая, полуголодная, в обносках, с убогими трамвайными и железнодорожными вагонами, заплыванными вокзалами и в постоянных трудах жизнь, которая продолжилась и после войны, очень постепенно и микроскопически улучшаясь. Конечно, даже на этом фоне молодость брала свое. Были радости, связанные с общением, чтением, музыкой, музеями, кино, театрами, наслаждением природой, поездками по стране благодаря обучению в горном институте. Но все эти радости были духовного свойства, без удовольствий от вкусной и достаточной еды, красивой одежды, просторного и удобного жилья, хорошего транспорта, возможности путешествовать независимо от учебы и работы. То же самое вначале было и во всей Европе. В 1948 году страны разделились. По ту сторону «железного занавеса» стал действовать план Маршалла (помощь США) и объективные механизмы капитализма и демократии. Экономика и жизнь налаживались и улучшались. По нашу сторону «железного занавеса» строили социализм и готовились

к новой войне, на что уходила львиная доля государственного бюджета. У нас были бедность и полицейское тоталитарное государство. Кстати, по поводу названия «соцлагерь» в СССР ходила народная поговорка, за которую могли и посадить: «Хорошую вещь лагерем не назовут».

Когда поезд въехал на польскую территорию, по вагону прошел проводник и велел зашторить окна, так как «могут бросить камни». Из этого с очевидностью следовало, что, во-первых, поляки нас не любили, а, во-вторых, как большинство славян, они были недисциплинированными. В Польше поезд если и делал остановки, то только с техническими целями. В ГДР ни подобных предупреждений, ни каких-либо эксцессов при мне никогда не было, и от других людей ни о чем таком я не слышала. Конечно, немцы нас тоже не могли любить, но, в отличие от поляков, они — трезвомыслящий дисциплинированный народ.

Конечным пунктом путешествия на поезде был город Франкфурт-на-Одере. Там нас встретил русский сотрудник СГАО «Висмут» и объяснил, когда и откуда через несколько часов пойдет служебный автобус в Зигмар — предместье города Хемниц, который во времена ГДР назывался Карл-Маркс-Штадтом. В Зигмаре находилось управление СГАО «Висмут». С момента выхода из поезда во Франкфурте-на-Одере я напряженно вглядывалась в чужую страну, стараясь все увидеть и по возможности понять.

2. Приезд в «Висмут»

2.1. Первые впечатления

В Зигмаре нас поместили в ведомственную гостиницу, находившуюся в доме старого образца со старинной мебелью. Прислугу представлял худой высокий старик лет 70-ти, который провел нас в комнату и показал все, что могло потребоваться. Это был первый немец, с которым мы остались без свидетелей. У него были прекрасные манеры для общения с клиентами, по-русски он не говорил. Сразу скажу о своем немецком языке. Я его знала в объеме курса советской средней школы, оконченной шесть лет назад. Лучше немецкого я знала английский язык, так как три года, приходившиеся на школьный период, параллельно училась на Государственных курсах английского языка для взрослых. Эти курсы давали очень хорошие знания. Казалось бы, с языками у меня все было благополучно, если бы не одна моя личная особенность. То ли из-за какого-то дефекта моего слуха, то ли по другой причине у меня в обоих иностранных языках были проблемы с устным общением: я плоховато понимала устную речь. А вот с чтением, грамматикой, орфографией и сло-

варным запасом все было хорошо. В разговоре я достаточно бойко и грамматически правильно излагала то, что хотела сказать, конечно, с большим акцентом. Ответ же собеседника понимала плохо, переспрашивала. Читала по-немецки, естественно, при таком раскладе гораздо лучше, чем говорила. Мой немецкий язык удовлетворительно обслуживал меня в магазинах, столовых, на транспорте и в других бытовых ситуациях. Слушать радио, доклады и т. п. — это было не для меня. А вот сама, предварительно подготовившись, могла сделать небольшое сообщение перед немногочисленной немецкой аудиторией, например, перед своими подчиненными немцами в мастерской ремонта геофизических приборов. Для русских сотрудников в «Висмуте» было обязательным изучение немецкого языка в специально организуемых кружках с преподавателями из советских переводчиков. Мы учились, получали оценки, сдавали зачеты и экзамены. В этих кружках был знакомый мне «школьный» стиль преподавания учителем, не являющимся носителем языка. Все, что преподавали, я знала из средней школы, и мой немецкий от занятий не улучшался. Единственной пользой от них были прекрасные оценки, которые украшали мои характеристики. Я жалею, что не использовала три года жизни в ГДР для усовершенствования своего немецкого языка, в том числе и письменного.

Вернусь к нашему с мужем пребыванию в гостинице в Зигмаре. Я была воспитана в СССР на советской пропаганде, составной частью которой была шпиономания. Нам внушали, что в капиталистических странах, а иногда и на родине, советские граждане подвергаются атакам «агентов империализма». Агенты стремятся выведать государственные секреты и завербовать на службу какой-нибудь иностранной разведки. Агенты могут носить всевозможные маски: служащих любого ранга, обслуживающего персонала, бизнесменов и др. Чтобы не попасть на крючок к агентам, надо быть бдительным. В течение всей жизни советского человека пропаганда лилась на него через средства массовой информации, литературу, начиная с детской, лекции, плакаты, кино, театры и т. д. Если человек выезжал за границу в командировку или (позже) в турпоездку, то с ним проводилась инструктивная беседа специальными людьми, в мое время обычно в райкоме партии. Слушали такие беседы и давали разные подписки и мы с мужем. Что касается меня, то я больше боялась не поползновений «агентов», а всевидящего ока наших спецслужб разного вида и ранга и возможных доносов рядом работающих людей. Хотя, находясь в ГДР, «агентов» я тоже не исключала. Могу точно сказать, что в те времена я в этом смысле была запуганной. Наш гостиничный ста-

рик-немец как бы «лип» к нам, то есть часто заходил, спрашивал, нет ли у нас дополнительных просьб, объяснял и показывал что-нибудь, что якобы упустил сделать раньше. Теперь я понимаю, что он был безобидным человеком, ему просто было скучно, так как кроме нас никого больше в гостинице не было. Опять же мы для него были новыми, еще незнакомыми приезжими. У нас были с собой хорошие продукты для ужина, в том числе бутылка с каким-то алкоголем. Немцы в то время жили бедно, как и мы в СССР, но советских граждан, командированных в ГДР, родина деньгами и продуктами снабжала получше. Так что мы с мужем в глазах старика-немца, наверно, выглядели «богатыми», после ужина которых ему могут оставить часть еды и недопитую бутылку. Что и произошло в конце концов. Но до этого мы, особенно я, волновались и опасались этого немца. Вдруг «агент»? Или вдруг донесет, что мы что-нибудь не так делаем?

Утром мы пошли в управление и обнаружили там «русское царство». Немцев или вообще не было, или было мало и мы их не видели. В этой родной обстановке мы сдали личные документы и получили новые — висмутовские, получили денежный аванс в марках. При оформлении документов нам велели сфотографироваться, указав размер снимка. При этом вышло недоразумение. Сотруднику, говорившему с нами, видимо, не пришло в голову, что мы не знаем, что в управлении организовано казенное фотографирование. Поэтому мы, как это сделали бы в СССР, пошли на улицу и спросили встречного немца, где тут фотоателье. Он показал. В ателье, разумеется, частном, нас сфотографировал мужчина-фотограф. Когда потом мы получили снимки, он предложил увеличить их, раскрасить и поместить в рамки. Мы согласились, и у нас появились два фотопортрета прекрасного качества. При раскраске художник допустил небольшую ошибку. Я была в форменном костюме советской геологической службы, который мне заказал перед отъездом отец. Цвет наших кантов — синий, а у германской геологической службы — желтый. На черно-белом снимке кант вышел белым. Немецкий художник увидел эмблему из скрещенных геологических молотков и покрасил кант в желтый цвет. Я заметила это позже, но переделывать не стала.

В Зигмаре мы прожили 2–3 дня. В один из них после работы мы пошли по улице, разглядывая дома и прохожих. Я зашла в обувной магазинчик, находившийся в полуподвале. То, что я увидела, меня поразило: там была обувь! Конечно, и в Ленинграде были обувные магазины и в них была кое-какая обувь. Но в Ленинграде было очень мало вариантов моделей, в каждом варианте были представ-

лены не все размеры, причем всегда не хватало именно ходовых размеров. В имеющихся размерах, как правило, не было «русских» ширины стопы, высоты подъема и объема икры. Сами модели были довоенного образца, то есть не модными. В общем, советское обувное производство не развивалось и не учитывало реальный спрос. Если появлялось что-то подходящее, оно сразу становилось «дефицитом». А в немецком заштатном магазине советской покупательнице выбор оказался очень богатым. Для меня наступил момент, о котором я слышала раньше в рассказах о некоторых людях, побывавших за границей: мне «стало дурно». Внешне, я думаю, это было незаметно. Чтобы сохранить достоинство, я держалась изо всех сил. Но внутри было реальное чувство дурноты: легкое головокружение и приступ тошноты. Не подумайте, что меня одолела жадность и желание немедленно что-то купить. Дело было совсем в другом. Дело было в чувстве унижения. Охватил стыд за свою бедную изолгавшуюся страну, за порядок, при котором огулупляли и обольванивали людей. Провозглашали «преимущества социализма», описывали «жестокую эксплуатацию и нищету трудящихся в странах капитала» и т. д. и т. п. И все это нельзя было подвергать сомнению под угрозой мелких и крупных репрессий. Никакого негатива по отношению к немцам, к Германии в возникшем чувстве не было, не было даже мыслей о них, только о нас. Внутренне я как бы подразумевала, что немцы жили и живут экономически и хозяйственно нормально, как и следует жить, чтобы, в частности, были нужные размеры обуви, а вот у нас с этим непорядок, да еще и скрываемый. Я ничего не купила и вышла из магазина. Ходили легенды, что были случаи, когда в западном магазине один советский человек упал в обморок, а другой даже сошел с ума. Может быть, до таких крайностей и не доходило, но само явление существовало и я на собственном опыте в этом убедилась. Кстати, больше со мной подобное не повторялось, хотя поводов было достаточно. Видимо, первый удар по гордости, самолюбию, достоинству был настолько резким, а реакция на него настолько сильной, что для последующих эпизодов в других магазинах мой организм был уже подготовлен.

2.2. Начало работы

Нас с мужем направили на работу в поселок Обершлему, где находилось урановое месторождение. Все, что относилось к его эксплуатации, в структуре «Висмута» называлось Объектом № 2. Ехали туда на автобусе Объекта. Для начала нас поселили в служебную гостиницу-общежитие и определили на рабочие места. Муж стал работать шахтным геофизиком, а я — инженером-геофизиком

в геофизической лаборатории. Как я уже писала во введении, лаборатория определяла содержания радиоактивных элементов в порошковых пробах готовой продукции (урановая руда), горных пород из шахт и в «хвостах», то есть в пустой породе, направляемой в отвалы. Анализы производились с помощью геофизической (радиометрической) аппаратуры. Все работы выполнялись русским персоналом. На приборах работали советские солдаты из приданного к Объекту № 2 батальона. Вычисления на основе показаний приборов выполняли русские женщины — жены сотрудников, направленных на работу в «Висмут». Здесь следует пояснить юридическое значение слова «сотрудник». В «Висмуте» в то время словом «сотрудник» назывался советский специалист, лично направленный на работу из СССР. Кроме «сотрудников» туда ехали и там находились члены семей «сотрудников» — обычно жены и дети, хотя мне рассказывали о случае, когда с сыном приехала старенькая мать, которую не с кем было оставить. Некоторые не-сотрудники иногда работали, например, в детских садах, библиотеках, бухгалтериях и других подразделениях вроде геофизической и химической лабораторий. Они это ценили, но их положение было не стабильным: их в любой момент могли уволить. «Сотрудника» уволить было нельзя, его могли только перевести на другую должность или отправить на родину. Я была «сотрудником».

Заведующей геофизической лабораторией была женщина, которая не являлась «сотрудником» и не имела геофизического и вообще инженерного образования. То, что она руководила лабораторией, было иллюстрацией острой нехватки кадров в «Висмуте» в те времена. Она со своей семьей готовилась к возвращению в СССР и должна была сдать мне дела по лаборатории. Кроме помещения, оборудования и кое-какого имущества, передаче подлежала документация, в частности, журналы с рукописными результатами лабораторных измерений разных видов. Журналы были секретными, страницы в них были вручную пронумерованы и прошнурованы, где положено, стояли печати и подписи. Я должна была все это принять и расписаться за каждый документ. Тут меня подстергла неприятность, потребовавшая немедленного и тяжелого решения. В одном журнале с результатами измерений в «хвостах» не хватало двух или четырех листов, попадавших на центр тетради. В нумерации был соответствующий разрыв. С позиций того времени (да и теперешнего тоже) утрата страниц в секретном документе была чрезвычайным происшествием, за которым должно было следовать наказание. Самое малое — лишение права работать с секретными документами, самое

О. Г. Семенова в 1954 г. в Зигмаре. Портрет, раскрашенный в немецком фотоателье.

большое — тюрьма. Один мой сокурсник, добросовестный и честнейший, но рассеянный человек, работая в СССР, потерял незначительную, но засекреченную бумажку и был приговорен к реальному тюремному сроку. Ему повезло: как раз проходила всесоюзная амнистия, и он был амнистирован. В моем случае отсутствующие листы содержали тоже незначительную информацию — всего лишь о «хвостах» на небольшом участке без указания расположения. Кроме того, это могла быть ошибка при исходной нумерации страниц. Заведующая, которая за все это отвечала, была спокойная приятная женщина. По поводу недостатка страниц сказала, что это ошибка нумерации и что нет причин для беспокойства. Я не понимала, делает ли она «хорошую мину при плохой игре», проявляет наивность или на Объекте привычно не придают значения таким вещам. Я испугалась возможной катастрофы, когда виноватой окажусь я, нас с мужем отправят обратно в СССР, где меня лишат доступа к профессии. С другой стороны, мне страшно было навредить человеку в случае, если ситуация действительно ничтожна. Я была воспитана в «высоких» понятиях, у меня не было ни жизненного, ни служебного опыта, не с кем было посоветоваться. В результате я «приняла» злосчастный журнал с недостающими страницами и стала заведующей геофизической лабораторией. Когда журнал заполнился до конца, я, как и полагалось, сдала его в архив, где ничего не заметили. Я вздохнула свободно. Теперь я считаю, что не должна была принимать дефектный журнал. Из сочувствия к прежней заведующей можно было не привлекать внимания других служб, но с журналом должна была разобраться она, ответственная за свою работу, опытная, знавшая местные порядки и людей.

Начав работать и жить в «Висмуте», мы познакомились со структурой кадрового состава советских специалистов. Основную часть советских специалистов с высшим и средним техническим образованием составляли горняки, обеспечивавшие надзор за шахтостроительными работами, эксплуатацией шахт и разработкой месторождений. Они, как правило, были из южных районов СССР. Само собой были электротехники, механики, химики, экономисты и другие специалисты. Из родственных нам специалистов были геологи и в значительно меньшем количестве геофизики. Геофизиков нашего профиля не было вообще, так как наш выпуск был первым. Многие геофизические должности невысокого ранга замещали просто толковые люди со средним образованием, часто из бывших военнослужащих, осевших на подходящей работе после демобилизации из оккупационных войск. Их постепенно заменяли присылаемыми из СССР дипломированными

геофизиками вроде нас. Само собой были врачи для советских служащих и членов их семей, работники культуры и спорта, работники детских садов и школ.

Со времен Марии и Пьера Кюри было известно о вредности контакта человека с радиоактивными элементами, но уровень знания в разное время был разным. В 1950-е годы на предприятиях «Висмута» соответствующая техника безопасности была по современным меркам недостаточной. В шахтах проблема заключается во вдыхании радиоактивной пыли и газа радона и непосредственном воздействии излучений урановой руды. В геофизической лаборатории проблемы те же, но вредное воздействие связано с порошковыми пробами руды и пустой породы, которая тоже радиоактивна. Отношение нас, специалистов, к вредности собственной работы и к технике безопасности было, я бы сказала, легкомысленным соответственно «духу времени», чему способствовало и то, что рядом не было выраженных случаев профессиональных заболеваний. В частности, ни я, ни мой муж никак не пострадали. Лично я знала только двух женщин, которые утверждали, что они физически чувствуют приближение к пробам урановой руды. В обязанности одной входило приносить в геофизическую лабораторию пробы готовой продукции, то есть высококонцентрированной урановой руды. Вторая работала в самой лаборатории. Ни одна из них, насколько мне известно, не обращалась по этому поводу к врачу и не заболела, пока я работала в «Висмуте». Не исключаю, что у этих женщин и других работников «Висмута» в дальнейшем проявились отдаленные последствия вредных воздействий радиоактивности. Все это должна знать медицинская статистика, если она велась.

2.3. Быт

В марте 1954 года началась наша с мужем двухгодичная работа в Обершлеме. После недолгого времени жизни в гостинице-общезитии нам предоставили двухкомнатную отдельную квартиру с казенной мебелью. Дом был многоквартирный, построенный, вероятно, в начале XX века. Таких домов в Обершлеме было немного. Большая часть представляла собой старинные особняки самой разной архитектуры, часто имевшие собственные имена, красивым готическим шрифтом написанные на парадной части внешней стены. Отопление домов в Обершлеме большей частью производилось брикетами из бурого угля, из-за чего в воздухе стоял специфический запах, ставший тогда для меня характерным признаком ГДР. Наши окна выходили на шоссе. В 1955 году шоссе было частью трассы велосипедных гонок европейского масштаба, и мы наблюдали их прямо из квартиры.

У мужа была трехсменная работа в шахте. У меня в лаборатории был шестичасовой рабочий день в постоянную первую смену. Рабочий день начинался в семь часов утра. Такой порядок был общим для управления Объекта и всех подразделений, работавших в одну смену: лаборатории, мастерские, детский сад и др. Вставали утром не позже шести часов утра, шли на работу пешком, так как до всех мест работы было близко. Поселок Обершлема расположен на склоне горы. Наш дом находился в верхней части поселка. Зимой дороги (улицы) иногда покрывались льдом и становились скользкими. Утром их еще не успевали почистить и посыпать песком, и я с трудом спускалась вниз к лаборатории, держась за заборы отдельных участков. Раннее начало работы объяснялось стремлением пораньше закончить работу, чтобы успеть в магазины, которые закрывались рано, кажется, в семь часов вечера. Работая в ГДР, я не знала, почему был установлен такой неудобный порядок. Позднее в 1970-х годах знакомый геофизик, работавший некоторое время в Польше и хорошо знавший местную польскую семью, рассказал, что там было то же самое. Он объяснил, что поляки на всех уровнях средств массовой информации, партийных и госучреждений постоянно обсуждали, чьи права надо защищать: работников торговли или остальных людей. «Побеждали» тогда работники торговли, дескать, «они тоже люди» и им надо иметь свободные вечера. Подобные проблемы и аргументы были характерны для социалистических стран.

На Объекте № 2 для советских граждан были продовольственный, промтоварный и книжный магазины, пошивочное ателье, парикмахерская, столовая и предприятия по ремонту всего, связанного с жильем. Обслуживающий персонал был немецкий. В большом Доме культуры руководство и основные работники были русскими, технический персонал — немцы. Дом культуры был центром культурной жизни всех советских висмутян. Здесь демонстрировались фильмы, проходили концерты, отмечались государственные праздники, работали кружки, в том числе художественной самостоятельности разных видов, спортивные секции и т. д. и т. п. Когда требовался оркестр, его присылала советская воинская часть. Для занятий спортом был стадион.

Кроме висмутовских магазинов мы, русские висмутяне, могли ходить за покупками в частные и государственные немецкие магазины в Обершлеме и находившемся поблизости городе Ауе. Это не поощрялось, но на это отдел режима, о котором я пишу дальше, смотрел «сквозь пальцы». В немецких магазинах для нас были интересны одежда, обувь, предметы быта, украшения и т.п., так как на родине мы не были избалованы разнообразием товаров. В Ауе был немецкий комиссионный

магазин, торговавший предметами искусства, куда русские охотно ходили и довольно часто что-нибудь покупали. В Ленинграде ближе к концу войны комиссионные магазины наполнились огромным количеством антиквариата, они просто ломались от него, и вещи продавались довольно дешево. Обедневшие люди таким образом обменивали антиквариат на еду и одежду. Похожий процесс происходил, наверное, и в ГДР.

Продукты питания практически полностью мы покупали в висмутовских магазинах и лишь изредка ходили к мяснику-частнику и в частную кондитерскую, чтобы побаловать себя чем-нибудь особенным, что было дороже, но оригинальнее. Если я правильно помню, то в ГДР были в то время продовольственные карточки. Во всяком случае у нас, русских висмутян, они были. Эти карточки позволяли определенное количество продуктов (мясо, сливочное масло, молоко и что-то еще) покупать по сниженным ценам.

В русский книжный магазин регулярно и в достаточном количестве поступали книги, издававшиеся в СССР. В самом СССР они были дефицитом. Наша семья любила книги, и мы много их покупали. Купили мы и радиоприемник, проигрыватель пластинок и магнитофон. В СССР до 1941 года приемник был дорогим удовольствием, у моего отца он был самодельным. Кстати, когда началась война в июне 1941 года, жителям Ленинграда приказано было сдать имевшиеся у них радиоприемники (чтобы не слушали врага). После этого советские граждане слушали только радиотрансляцию — государственное радиовещание, подаваемое в квартиры по проводам. Магнитофоны и проигрыватели в СССР в широком употреблении появились не сразу после войны и были вначале дорогим дефицитом. Книги и вся перечисленная техника создали у нас с мужем дома «интеллектуальный комфорт». Мы приобрели собаку, о которой я пишу дальше, и пару волнистых попугайчиков. С остальным дома тоже все было в порядке.

Благодаря относительно высокой зарплате, карточкам и хорошему снабжению жизненным уровнем русских в «Висмуте» был выше, чем в СССР. До сих пор помню, что когда мы только что приехали в Обершлему, я покупала и ела много апельсинов, которые очень любила. Дома в Ленинграде они очень редко появлялись в продаже, в частности, моей семье удавалось купить их раза 2–3 в год, а здесь они были в магазине постоянно.

Наши родители, оставшиеся на родине, разумеется, продолжали жить скудно. Жизнь в СССР в то время была бедной и трудной, Жилье было тесным, и даже такого его было недостаточно. Один мой знакомый инженер вырос в семье из пяти человек (родители и трое детей) в 13-метровой комнате (!).

Чтобы мать могла выйти на работу, взяли няню, которая стала жить в той же комнате. Зарплаты и пенсии были низкими, денег, как правило, хватало только на питание и совершенно обязательные расходы: квартплата, электричество, мыло, транспорт до работы или учебы и т. п. Кроме этого, каждая семья ежемесячно откладывала мизерную сумму — копила деньги на какую-нибудь «большую» покупку. Обычно это было зимнее пальто для кого-то из семьи взамен совершенно изношенного и дважды лицованного, или зимние сапоги, или одежда подросткам детям и т. д. и т. п. Иногда откладывали деньги на ремонт жилья. В торговле царствовал постоянный недостаток товаров — дефицит. Чтобы найти в магазинах какую-нибудь вещь, их нужно было регулярно обходить и объезжать. Мы все питались скромно и одевались и «серенько». Исключение составляли некоторые группы населения: так называемое «начальство» (спецснабжение), работники торговли (игра на дефиците и откровенное воровство) и специалисты, работавшие в особых условиях (на Крайнем Севере, на элитных оборонных предприятиях и т. п.).

В наш первый с мужем отпуск, кроме «вещевых» подарков родителям, я повезла и продуктовые, в частности, топленое сливочное масло собственного изготовления. Помню, что я стеснялась этого, но повезла.

3. Режим

3.1. Общие требования

Кроме очевидных и необходимых требований рабочей дисциплины и правил обращения с секретными сведениями для советских специалистов и членов их семей были установлены дополнительные правила поведения, за выполнением которых следил специальный отдел охраны и режима, далее — просто отдел режима. Его сотрудники принадлежали к службе госбезопасности и носили форму. При необходимости они давали нам разъяснения и делали замечания, выносили взыскания и могли поставить вопрос об откомандировании обратно в СССР. Главный провозглашавшийся принцип: «Советский человек должен достойно вести себя за пределами нашей родины». Комплекс конкретных требований сводился к следующим правилам: никаких «нерабочих связей с немцами», активное участие в жизни коллектива, никаких отлучек без разрешения с места проживания и работы, одежда и прическа — как в СССР. Слова и понятия «коллектив», «участие в жизни коллектива» были священными коровами советского общества. Если на общем собрании в чей-то адрес выдвигалось обвинение «оторвался от коллектива», то это могло иметь серьезные неприятные последствия, незави-

симо от того, происходило это в «Висмуте» или в СССР. Кроме отдела режима, надзором за поведением советского персонала занимались и отвечали за него отдел кадров, первый отдел (работа с секретными сведениями), партийная, комсомольская и профсоюзная организации.

Слова «уран» и «радий» в рабочих документах для усиления секретности заменялись названиями других веществ, причем был не один вариант замены. Я их уже подзабыла, но одно время уран условно назывался «альбит» — минерал, к урану не имеющий отношения. Под химическим элементом «висмут» тоже «скрывался» уран. Никого в ГДР это не обманывало, даже простых людей, не имевших отношения к СГАО «Висмут». Когда я работала на обогатительной фабрике в городе Цвиккау, среди сотрудников ходил такой рассказ. Из Москвы с каким-то заданием на урановую обогатительную фабрику приехал работник министерства, раньше не бывавший в ГДР, с делами СГАО «Висмут» знакомый только по документам и обученный соблюдать секретность. Он долго ездил по Цвиккау на легковой машине и сам, и с помощью водителя-немца спрашивал прохожих, где здесь находится фабрика обогащения висмута. Все отвечали, что не знают. Наконец, один прохожий с сожалением сказал: «Урановую обогатительную фабрику я знаю, а вот висмутовой не знаю».

3.2. Роль художественной самодеятельности и спорта

Под «активным участием в жизни коллектива» понимались практически обязательные занятия художественной самодеятельностью и (или) спортом, разумеется, если позволяли возраст, здоровье и семейное положение. Кроме похвальной заботы о нашем досуге, здоровье и развитии, это диктовалось стремлением держать нас в нерабочее время в поле зрения службы режима. Без предъявления уважительных причин никакие отговорки не принимались во внимание. В Доме культуры были наставники по танцам, пению, литературному чтению и другим видам художественной самодеятельности. Были тренеры по баскетболу, волейболу, футболу, легкой атлетике и еще каким-то видам спорта. Кажется, отдельные тренеры были из сотрудников-энтузиастов. Было и необходимое оборудование. Мы с мужем были молоды, здоровы и у нас не было детей. Муж охотно занимался волейболом, который давно любил, позже еще и тяжелой атлетикой. А вот мне найти занятие было сложнее. Для художественной самодеятельности у меня не было талантов. Секции спортивной гимнастики, которой я занималась в студенчестве, здесь не было. Заняться новым видом спорта я не хотела, да

к тому же внутренне возмущалась «казенным насилием». Начальство от меня не отставало. И вдруг мне повезло: объявился тренер по велосипедному спорту — сотрудник-энтузиаст, который набирал людей в свою секцию. Я с детства любила велосипедную езду, хотя никогда не занималась ею как спортом. Велосипедисты, особенно, женщины, были на Объекте № 2 в дефиците. Поэтому мне разрешили ограничиться велоспортом и простили неучастие в самодеятельности. Я получила много удовольствия и пользы от занятий в велосипедной секции. Многокилометровые поездки на тренировках позволяли познакомиться с окрестностями Обершлемы и Ауге, которые я бы не увидела при других обстоятельствах, учитывая всякие запреты на передвижения. Конечно, доставляли радость быстрая езда и свежий воздух. Члены секции выступали на общевисмутовских соревнованиях: езда на средние и длинные дистанции и участие в эстафетах. Иногда наша команда показывала неплохие результаты. Однажды я заработала личный приз — хрустальное блюдо.

Волейбольные команды Объектов также участвовали в турнирах разного уровня и любительских встречах. Я часто сопровождала мужа в его поездках на другие Объекты для очередной игры. Мы с мужем завели собственные спортивные велосипеды, на которых вдвоем прогуливались по окрестностям и иногда ездили даже по личным делам. Это нам разрешали, так как мы были спортсменами и ездили вместе. Ездить в одиночку было нельзя.

Кроме перечисленных мной обычных видов спорта, была разрешена охота. Уже не помню: то ли в «Висмуте» было создано свое отделение охотничьего общества или его охотников-любителей подключили к соответствующему армейскому обществу. Во всяком случае выезды на охоту наших охотников-любителей были хорошо организованы. Муж моей знакомой был охотником и привозил домой охотничьи трофеи. Однажды эта знакомая подарила мне зайца. Он был в шкуре и не выпотрошен. Справиться с только что убитым «натуральным» зайцем мне помогло то, что я была дочерью охотника-любителя и в детстве часто присутствовала при обработке только что убитой дичи и зайцев. Если правильно сделать надрезы, то шкура животного снимается, как свитер. Я по всем правилам сняла шкуру с зайца, выпотрошила его и с помощью советской кулинарной «Книги о вкусной и здоровой пище» приготовила по рецепту «Заяц, тушеный, в сметане».

Как и в СССР, обязательной была сдача норм ГТО («Готов к труду и обороне!»). Она происходила торжественно, в выходной день. Молодые и здоровые сотрудники под руководством тренеров выполняли то, что требовалось для сдачи норм. Остальные сотрудники

и члены их семей с детьми были зрителями и болельщиками.

3.3. Правила взаимоотношений с немцами

Отдельной заботой отдела режима было регулирование взаимоотношений советских сотрудников «Висмута» с немецким персоналом и вообще с немцами. Кстати, когда мы с мужем после приезда в ГДР немного освоились с русскими коллегами по «Висмуту», одни давно работавшие там знакомые в доверительной беседе нам сказали, что «раньше немцы сходили с тротуара, освобождая дорогу, если им навстречу шел советский офицер». Я не знаю, когда после окончания войны это закончилось, но при нас этого уже не было. При нас действовала, как теперь принято говорить, парадигма:

- немцы ГДР строят социализм, мы с ними делаем во всех смыслах общее дело, поэтому они — наши товарищи, у нас должны быть взаимопонимание, взаимоуважение и нет причин для конфликтов;

- в СССР внешняя и внутренняя политика, экономика, идеология, устройство народной жизни являются единственно верными и одобряются всем советским народом, а для других народов служат примером для подражания.

Эти тезисы прямо или косвенно пронизывали все официальные выступления наших руководителей как перед сугубо советской аудиторией, так и перед смешанной — немецко-советской, например, на совместных празднованиях дней германо-советской дружбы. Внутри советского коллектива действовали понятия и правила жизненного распорядка, установленные отделом режима, а при соприкосновениях с немцами — описанная парадигма. Нашей негласной обязанностью было правильно ориентироваться в ситуациях и гибко переходить от одной линии высказываний и поведения к другой.

Мы никогда немцам или при немцах не говорили о бедности и порядках жизни в СССР, хотя, думаю, это не было для них большим секретом. Никогда немцам или при немцах мы не говорили ничего критического о своей стране. Да, впрочем, на эти темы и между собой (кроме, как в семье) никогда не говорили, так как это было опасно. Если согласно режиму что-то делать или говорить было нельзя, а хотелось, то делали вид, что не хочется. Например, отклоняли под благовидным предлогом приглашение немца зайти к нему домой или посидеть в кафе.

Бывало, что по линии немецкой администрации или немецкого отдела общества германо-советской дружбы русский висмутянин награждался денежной премией или ценным подарком. Русский был обязан сдать премию и подарок в русскую администрацию «Вис-

мута». Немцы об этом не знали, и у них возникали недоумения. Пример ситуации. Рядом работающие немец и русский получили «по немецкой линии» премии. Немец говорит: «Раз так повезло, пойдем в кафе и отметим». У русского проблемы. Во-первых, деньги ему не достанутся, он их сдаст. Во-вторых, идти с немцем ему запрещает режим, о чем я пишу далее. В-третьих, обо всем этом он не может сказать немцу, с которым у него, в общем-то, хорошие отношения. В результате русский придумывал отговорку, например, что его ждут жена и гости, и отказывался идти. О том, что об этом думали немцы, можно только догадываться.

Описанное не относилось к небольшим памятным подаркам, которые дарились общественными организациями, например, всем женщинам по случаю Международного Женского дня. Таким подарком могла быть чашка с блюдцем и тарелкой или вазочка с подходящим рисунком. Немецкая сторона могла подарить растение в горшке с землей, что у нас в СССР в те времена было не принято.

Режим запрещал «нерабочие связи с немцами» — служебная формулировка. К таким связям относились любые отношения, выходящие за рамки того минимума, который был необходим для работы, если вообще работа требовала контактов. Например, в геофизической лаборатории работали, как я уже упоминала, только советские женщины и советские солдаты. Соответственно, контакты с немцами вообще не требовались. Исключение составляла работа заведующей, то есть моя. Очень редко мне нужно было вызвать и принять немца-электрика для починки или расширения электропроводки, маляра-немца для мелкого ремонта, сходить за чем-нибудь на склад, который обслуживался немцами, и т. п. С позиций режима я не должна была вести с пришедшим немцем никаких разговоров, кроме как по делу. То же самое относилось к посещению магазина, ателье, столовой и других наших обслуживающих подразделений. Теоретически нельзя было ходить в другие, то есть немецкие, магазины, ателье и «предприятия общественного питания», то есть кафе и рестораны. Однако негласно посещение магазинов не возбранялось, так как всеобщий соблазн был очень велик и ему были подвластны все, включая жен всего нашего начальства. В выходные дни допускались прогулки за пределы Обершлемы. В основном ходили или ездили в соседний городок Ауе. Разрешалось при необходимости пользоваться немецким общественным транспортом и категорически запрещалось такси. В Ауе и другие ближние населенные пункты мы или ездили на маршрутном автобусе, или ходили пешком. Основными же разрешенными средствами передвижения были казенные автобусы и легковые машины Объекта, но для

личных нужд получить их было трудно и ими пользовались при оказии, например, при поездке по служебной надобности. Разумеется, строго запрещались контакты с семьями немцев. Их жен мы могли увидеть только 1–3 раза в год на официальных государственных праздниках и в дни германо-советской дружбы в Доме культуры какого-либо висмутовского Объекта. Мы с мужем ни разу не были дома ни у одного немецкого работника «Висмута», не видели, как устроен их быт, как выглядит семья. Соответственно, и у нас дома никто из немцев не бывал.

Кстати, действовавший режим налагал ограничения и на общение русских между собой в нерабочее время. Правила предписывали не собираться на частных квартирах большими группами. Во время празднования государственных и личных праздников рекомендовалось собираться по две семьи, в крайнем случае по три. Мы с мужем так и делали, устраивая праздники дома с той или иной семьей геофизиков.

К «нерабочим связям с немцами», конечно, относились и «нерабочие связи с немцами» советских мужчин, что считалось почти преступлением. По-видимому, это приравнивалось к «потере бдительности перед агентом империализма» или, по меньшей мере, к попытке нарушить закон, запрещавший браки с иностранцами. При мне был один такой случай (о других я могла не знать), вполне невинный, но закончившийся печально. Это была сильная влюбленность советского солдата из батальона, приданного к Объекту № 2, и немецкой девушки-парикмахера из нашей дамской парикмахерской. Девушку я видела часто, когда ходила причесываться. Парня мне показали на улице. Оба были очень красивые. Когда стали известны их встречи, солдата куда-то отослали и, возможно, наказали, а девушка ходила заплаканная и скоро перестала работать в нашей парикмахерской.

Мой муж, будучи шахтным геофизиком, по работе был в тесном контакте с немецким персоналом своего участка: взрывники, забойщики, крепильщики и др. Русские обычно было, по крайней мере, двое. Во время работы иногда возникало дружеское мужское общение, разговор мог переходить на посторонние темы и шутки. Помню один рассказ мужа: «Мы (русские) между собой веселились: кого ни спросишь из немцев, кем он был во время войны, все отвечают, что шофером, ремонтником, поваром, в общем, не на боевой должности. И только Руди, славный молодой парень, честно сказал, что был гранатометчиком. Все, и русские, и немцы весело и добродушно засмеялись».

Какое-то время в геофизической лаборатории работала немка-уборщица, потом отдел режима распорядился ее то ли уволить,

то ли перевести на другую работу. Уборкой стали заниматься наши солдаты. Уборка стала хуже, а «фрау» расстроилась и спросила меня, чем не устраивало качество ее работы. Я растерялась и не знала, что ответить. Инициатива отстранения от работы была не моя, а ссылаться на отдел режима я остереглась.

3.4. Одежда

В СССР в те времена был всеобщий, как теперь бы сказали, «дресс-код», который был обязателен и имел варианты: для рабочего и свободного времени, для помещения и улицы. Речь идет о негласном «дресс-коде» для жителей русских городов и отчасти русских деревень, подражавших городу. Национальные республики, разумеется, имели свои узаконенные традиции и особенности. Никто из партийных и государственных чиновников стиль одежды не разрабатывал. Он стихийно сложился в послереволюционные годы на основе тогдашней общеевропейской моды, также стихийно подстроился под изменения этой моды во время и после Отечественной войны, всегда отставал от «их» моды лет на 10–15 и носил отпечаток нашей бедности, если не сказать нищеты. Уже не стихийно этот видоизмененный общеевропейский стиль в СССР постоянно корректировался партийными и государственными чиновниками, которые подлаживались под высшее партийное руководство, а оно действовало по собственному разумению. Мнение высшего партийного руководства являлось истиной в последней инстанции.

Мужчина должен был носить двубортный однотонный костюм-двойку серого, темно-синего или черного цвета с галстуком. Наличие жилета, однобортности и коричневого цвет допускались, но носили оттенок некоторого вольнодумства. Рубашка должна была быть однотонной, в полоску или клетку, другие рисунки не допускались. Носки и галстук не должны были быть пестрыми или яркими. Заменить пиджак на тонкую куртку (не путать с верхней одеждой), например с замком-молнией было предосудительно. Свитер можно было носить под пиджак, но не вместо пиджака. О шортах не могло быть и речи. К плащу и пальто требования были такие же, как к костюму-двойке, капюшон и зонт мужчины не носили. На голове — шляпа с полями или кепка, никаких беретов или вязаных шапок. Обувь — ботинки или полуботинки темного цвета, без «изысков». Четыре варианта стрижки: бокс, полубокс, полька и ежик. Моему мужу делали замечания за замену пиджака бежевой курткой с замком-молнией и трикотажными воротником и манжетами, за пестрые носки, за рубашку со скромного цвета рисунком в виде извилистых линий. Смысл замечаний: одеваешься «не по-нашему», «нескромно», «как немец»

и т. п. В жаркую погоду муж на велосипедных прогулках надевал шорты в качестве спортивной одежды. Замечание по этому поводу звучало примерно так: «У нас в Днепропетровске любая бабушка тебе сказала бы: «У, бесстыдник!».

Еще с одеждой мужа был случай, на который начальство не обратило внимания или не заметило. Работая в шахте, он носил высокие сапоги, так как там было сыро и грязно. Обычные брюки с трудом и неудобством заправлялись в голенища сапог. Мы решили заказать галифе. Естественно, галифе шилось в немецком ателье Объекта № 2 немецким портным. Когда муж надел готовое галифе, мы сами и все наши знакомые ахнули: галифе было немецкого военного фасона, к которому мы, советские люди, привыкли по кадрам военной кинохроники и по советским фильмам об Отечественной войне. Перед «входом» в сапоги немецкое галифе образует резкую гори-

зонтальную «ступеньку», а советское — плавный переход. Это бросается в глаза. В общем, муж в этих галифе выглядел этаким «Штирлицем», но он носил их только в шахте.

Теперь о женской одежде. Женщина могла носить брюки только в редких случаях, когда это оправдывалось обстоятельствами (спортивные занятия, в шахте и др.). Длина юбки должна была быть слегка ниже колена, на торжественный вечер можно было надеть длинную юбку. К цвету одежды требования были не такие жесткие, как для мужчин, но тоже довольно строгие. Требования к крою платья и верхней одежды в этом тексте описать невозможно из-за недостатка места, так как женская одежда сложнее мужской. Однако эти требования существовали и, хоть и не формулировались, были всем понятны, мне в том числе. Мне крепко досталось за одно летнее платье. Оно было из плотной черной ткани с редкими сериями из поперечных желтых полосок - широкая, более узкая, еще более узкая и т. д., прямой покроем юбки

На автобане. Сломался экскурсионный висмутовский автобус. Водитель вызывает помощь по «автобановскому» телефону. Рядом — О. Г. Семенова и С. В. Шатилов в «слишком немецких куртках».

типа «карандаш», вырез «по шейке», короткие рукава кимоно (написано для женщин). Я купила это платье на распродаже в немецком магазине, считала и считаю его скромным и красивым, но, действительно, непривычным для глаза тогдашнего советского провинциала. На недопустимость моего платья указала своему мужу пожилая соседка по дому, жена начальника одного из общеправленческих отделов. Меня вызвали в комиссию из трех или четырех мужчин, представлявших отделы режима и кадров и общественные организации. Мне было предъявлено несколько обвинений, и дело обстояло по тем временам вполне серьезно, если

иметь в виду возможные последствия. Меня довели до слез, но я мужественно сопротивлялась. Пишу о своем «мужестве», руководствуясь пословицей: «Себя не похвалишь — ходишь, как оплеванный». Воспитательная беседа со мной касалась нескольких пунктов. О начале беседы я пишу далее, а сейчас только о платье. Член комиссии, муж соседки, «настучавшей» о платье, сказал: «А вот, говорят, у вас есть совершенно нескромное платье». Я не поняла, о каком платье может идти речь. Вид у меня, видимо, был искренне изумленный. Тот, кто поднял вопрос, начал с мужской неумелостью в вопросах дамской моды, притом со слов жены, описывать платье. Наконец, я поняла и стала защищаться. Во-первых, доказывала, что платье более, чем

скромное. Во-вторых, сказала, что меня с детства учили, что обсуждать чужую одежду неприлично. По реакции членов комиссии я поняла, что о таких правилах поведения они никогда раньше не слышали. Сейчас, почти через шестьдесят лет после этого эпизода, когда все на свете переменилось, даже СССР уже нет, мне смешно вспоминать, как взрослые люди всерьез обсуждали подобные проблемы. Наверное, мне помогли мои простодушные ответы, продиктованные молодостью. В итоге платье мне простили, но, конечно, я его больше в ГДР не надевала.

Об изменениях западной моды русские женщины «Висмута», узнавали, глядя на немецких девушек и покупая немецкие журналы мод. ГДР, конечно, полностью была подчинена СССР, в том числе и идеологически, однако во многих бытовых вопросах сохранялась несколько большая свобода, чем в СССР. Когда в моду вошли женские верхние куртки с капюшонами, без выраженных подплечни-

ков и вообще другого силуэта, чем раньше, я соблазнилась и купила такую куртку черного цвета. Доброжелательно настроенная ко мне переводчица сразу же сказала: «Ты теперь, как немка». Я стала опасаться «проработок». В общем, благодаря стараниям надзирающих отделов русские висмутяне были одеты старомоднее, чем немцы. Подразумевалось, что мы носим как бы национальную одежду. Кстати, стандартный упрек, будто мы хотели подражать немцам, был совершенно несправедлив. Мы (в основном женщины) просто хотели посылно следовать общеевропейской моде. Немцы же были для нас своего рода окешечком в железном занавесе, притом маленьким и не очень прозрачным.

В заключение своего рассказа об одежде отмечу, что мы, русские люди, всегда были одеты теплее, чем немцы в одну и ту же погоду. Может быть, более холодный климат России сформировал устойчивую привычку тепло одеваться? Кстати, я читала в опубликованных записках одного советского журналиста, аккредитованного в Англии в 1960-е или 1970-е годы, то же самое об англичанах: одеваются в более легкую одежду, чем русские. Интересно, что этот журналист добавил что-то вроде: «Ну, ладно бы они (англичане) действительно не мерзли. А то, ведь, видно, что им холодно, а терпят».

3.5. Эши

Мой отец со времен своей молодости был охотником-любителем, причем умелым и увлеченным. Охотился на дичь (птицу) и зайцев, всегда с собаками. Говорил, что когда работал в Дагестане, потратил много пороку, чтобы научиться стрелять «в лет». Его охотничьими собаками всегда были сеттеры и спаниели. Мое детство прошло рядом с собаками, я к ним привыкла и очень любила. И вот мой отец попросил меня привезти ему из ГДР спаниеля, если таковые имеются. Он говорил, что в Ленинграде в результате войны и голода не осталось породистых собак. Появляются единичные, привозимые из других мест, и не всегда хорошего качества. Муж расспросил немцев, с которыми был связан по работе, и узнал, что в Берлине есть питомник Jagdspaniel-Zwinger «Von der Berberl», и в нем выводят спаниелей. Наше служебное положение было скромным, и мы не могли просить о поездке в Берлин, да еще с целью, которой почти никто не понял бы и не одобрил, в особенности начальство. В результате какой-то знакомый муж немец съездил на мотоцикле в Берлин, купил и привез нам черненького щенка-спаниеля, «девочку» по имени Эши фон дер Бэрбери, то есть просто Эши. Спаниели — добрые веселые собаки. Эши была чудесная. Мы с ней много гуляли пешком, а во время ве-

лосипедных прогулок она сидела в корзинке на багажнике. Ее ласковая общительность была беспредельна. Дома это доставляло радость, а на улице — беспокойство. Немецкие женщины, особенно пожилые, очень любят собак. Увидев хорошенького щенка, некоторые начинали с ним ласково говорить. Эши от этого приходила в восторг, забывала про меня и дальше уже шла за заговорившим с ней человеком. Приходилось внимательно следить за ней или вести на поводке. Однажды, когда мы жили после Обершлемы в Цвиккау, Эши таким образом потерялась. Те, кто держал собак, поймут мое горе. Сначала мы искали Эши на улицах, звали, спрашивали. Потом, отчаявшись, решили дать объявление в местной газете. Зная, что без разрешения это будет серьезным проступком, мы обратились к сотруднику отдела режима и он разрешил. В объявлении было обещано какое-то денежное вознаграждение и, кажется, был указан не наш домашний адрес (из соображений режима), а то ли служебный телефон мужа, то ли адрес какого-то его немецкого сослуживца. Через три или четыре дня Эши принес средних лет немец, взял вознаграждение и поинтересовался от имени своей жены, чем мы кормим собаку. У них Эши отказывалась есть то, что они ей предлагали, но в конце концов согласилась съесть дорогое печенье. Сейчас я уже не помню, чем таким особенным мы ее кормили, скорее всего из-за занятости (оба работали) и русского разгильдяйства — тем, что ели сами. Немцы же, наверняка, кормили и кормят своих собак специальной правильной собачьей едой. Через 2–3 дня Эши опять пропала. Муж опять пошел в редакцию газеты. Ему сказали, что собаку, почти наверное, вернут по первому объявлению. Кажется, мы все-таки дали второе объявление. Эши опять вернули. Больше она не пропадала, но у нас начались большие неприятности. Оказалось, что сотрудник отдела режима дал разрешение на объявление в немецкой газете на свой страх и риск. Каким-то образом это стало известно его начальству. Получились виноватыми и он, и мы. Что было с ним, я не знаю. Так как его не выслали, думаю, что вынесли выговор.

На комиссии, о которой я писала в связи с «платьем», мне предъявили три обвинения: зачем я завела собаку, как мы посмели дать объявление в немецкую газету и почему я позволяю себе носить платье, которое нормальные советские женщины не носят. Об обсуждении платья я уже писала. По поводу покупки собаки было сказано: никто не заводит, а вы завели, что это за барские замашки? Я сказала, что собака охотничья и куплена по просьбе отца, который всю жизнь занимался любительской охотой. Про объявление я сказала, что нам разрешил такой-то сотрудник

отдела режима. Я не знала, что он скрыл свое разрешение, и, получилось, что я его выдала. Дальше разговор пошел о платье. За все мои проступки меня стыдили, говорили о необходимости достойного поведения советского человека «за пределами нашей родины» и остальное в том же духе. Я, с одной стороны, была напугана (о возможных последствиях я писала выше), с другой стороны, меня возмущала несправедливость и мелочность обвинений. Я стойко защищалась по существу вопросов, к концу плакала, мне давали выпить воды и, наконец, отпустили. При этом я не знала, чем все это закончится. На следующий день или позже мужа тоже вызвали в отдел режима и сказали что-то вроде: «У вас умная жена (!). Ведите себя оба аккуратнее».

Через несколько месяцев истекли три года — срок, на который мы были командированы в «Висмут», и мы с мужем возвращались в СССР. Перевоз Эши через границу требовал оформления ряда документов. Родословная и купчая из берлинского питомника о продаже нам собаки у нас были. Медицинскую справку о здоровье и прививках нам дали в армейском питомнике служебных собак. Справку о том, что собака не служебная, в питомнике дать почему-то затруднились и отказались сказать, где ее можно получить. Видя наше безвыходное положение, эту справку дал нам директор обогатительной фабрики, где работала. Мы облегченно вздохнули, но нас ожидало последнее «собачье» испытание. Когда мы с вещами и Эши прибыли во Франкфурт-на-Одере, где должны были пройти пограничный контроль и сесть на поезд в СССР, нам вдруг сказали, что нужна справка о том, собака не понимает немецкого языка. Без этой справки собаку через границу не пропустят. Дохода поезда оставалось мало времени. Багаж был сдан, я стояла с Эши перед вокзалом, а муж на вокзале пытался узнать, где можно получить требуемую анекдотическую справку. Наконец, кто-то ему посоветовал обратиться к переводчику, работавшему не то на вокзале, не то у пограничников (не помню). Мы думали, что переводчик выйдет к собаке или попросит ее к нему привести и «поговорит» с ней. Но все оказалось проще. Переводчик ничему не удивился, видеть собаку не захотел, взял у мужа 5 или десять марок (ничтожная сумма) и выдал справку. Получение этого последнего документа оказалось самым легким. До сих пор не знаю, действительно ли бывают нужны такие справки. Эши благополучно прибыла к моему отцу в Ленинград.

4. Развлечения

4.1. Праздники, концерты, спектакли

Организация жизни на Объектах «Висмута» обеспечивала советских сотрудников

Прогулка с Эши в Цвиккау.

и членов их семей относительно большим количеством развлечений всякого рода. Несмотря на действовавшие режимные ограничения, в том числе мелочные и довольно отягощающие, казенные развлечения существенно скрашивали нашу достаточно замкнутую жизнь и расширяли кругозор. О почти обязательном участии в художественной самодеятельности и занятиях спортом я уже писала. На сцене Дома культуры регулярно демонстрировались кинофильмы, устраивались концерты, проходили торжественные заседания по поводу государственных и ведомственных праздников. Кинофильмы были отечественные и иностранные, те же, что в СССР, отсюда и привозились. В эти годы в СССР пришло индийское кино, которым в первые годы советские зрители очень увлекались. В Доме культуры в Обершлеме я в первый раз смотрела индийский фильм «Бродяга», имевший ошеломительный успех, как «дома» (в СССР), так и у нас в «Висмуте». Зал не вместил всех желающих, и сеанс повторили. Фильмы производства ГДР в нашем Доме культуры не демонстрировались, их теоретически можно было посмотреть в немецких кинотеатрах с оглядкой на режимные ограничения, но практически никто не владел немецким языком в достаточной для этого мере. Возможно, ходили в немецкие кинотеатры переводчики и редкие продвинутые в немецком языке сотрудники. Художественная самодеятельность на

сцене Дома культуры бывала представлена творчеством нашего и других Объектов, а также советских воинских частей. Реже Дом культуры принимал гастролирующих профессиональных артистов — немецких и советских.

Праздничные торжественные заседания — это речи административных и партийных (КПСС) руководителей перед залом, затем концерт, танцы и кафе для желающих. Танцевали под оркестр, так как в те времена «консервированная» музыка не была распространена. Оркестр был из ближней советской воинской части, реже немецкий, не знаю откуда. Понимающие в музыке знакомые говорили, что немцы играли лучше, что и понятно, ведь, они были профессионалами, а наши солдаты — дилетантами.

Иногда нам организовывали поездки на другие объекты «Висмута» на праздничные заседания или на концерты, которые у нас не планировались. Кроме сугубо висмутовских развлекательных мероприятий, нас иногда возили в немецкие концертные залы и даже в оперу. Например, мы узнали, что такое варье-

те. Оказалось: эстрадный концерт, на котором зрители сидят за столиками, как в ресторане, и могут заказывать еду и напитки. Однажды мы ездили в Берлинский оперный театр и слушали китайскую оперу.

Особое место занимали совместные с немцами «Висмута» вечера в дни празднования германо-советской дружбы, Международного женского дня 8 марта и каких-то других выдающихся дат. Все совместные мероприятия по форме были развлекательными, но носили местно-политический характер. Русские работники «Висмута» ходили на них не по собственному усмотрению, а «направлялись». Схема празднования была такой же, как во время советских государственных праздников, но присутствовали немцы, многие с женами. Местные немецкие административные и партийные (СЕПГ) руководители сидели рядом с нашими в президиуме, и те, и другие произносили речи. В президиуме дополнительно сидели представители «простых трудящихся», 8 марта это были в основном женщины. Я несколько раз попадала в президиум и нашла такое сидение на виду у целого зала утомительным. Если человек не стремится сделать карьеру по общественной линии, то лучше сидеть в зале в качестве рядового участника, так как в президиуме надо все время молчать и следить за выражением своего лица и осанкой, а это скучно, особенно во время неинтересных выступлений. После торжественного заседания мы с немцами вперемешку садились за накрытые столы, угощались, разговаривали и пели. Считалось, что мы с немцами непринужденно общаемся, но это было не совсем так. Во-первых, был какой-никакой языковой барьер: немцы практически не говорили по-русски, а мы — плохо владели по-немецки. Во-вторых, мы были в рамках уже описанных мною режимных ограничений.

С совместным хоровым пением дело обстояло гораздо лучше. Не знаю, как ведут себя современные немцы, но в 1950-е годы они, как и мы, русские, любили петь при каждом удобном случае: за праздничным столом, в дороге на транспорте, вечером у костра или «на пятачке» в деревне. У нас в России люди утратили эту славную привычку, когда появилась «консервированная» музыка в виде магнитных записей, которые можно с легкостью иметь при себе и в любой момент воспроизводить «для всех» или в наушники. Итак, сидя за столом, немцы и мы увлеченно пели, в основном русские народные песни о Степане Разине, Ермаке и другие, а также некоторые советские, например, «Катюшу». Песни пелись по-русски, причем немцы, как правило, знали русские слова песен и знали их лучше нас. Когда они разучили русские песни? В первую мировую войну? Во вторую? Изредка я слышала на таких вечерах, как они пели немецкие народные песни

тоже увлеченно и дружно, но, конечно, мы, русские, их поддержать не могли, потому что немецких песен не знали. Еще вспоминаю эпизод в висмутовском автобусе. Мы, небольшое число русских висмутян, возвращались из какой-то дальней поездки. Автобус был полупустой, и водитель посадил проголосовавших на дороге молодых немцев. Они сели на задние сиденья и с энтузиазмом стали петь немецкие песни: образец универсального молодежного поведения в те годы. Я не музыкальна и, может быть, ошибаюсь, но тогдашние немецкие и советские маршевые песни очень похожи по стилю.

Два-три раза мы с мужем были в качестве представителей от «русского коллектива» на совместных, кажется, профсоюзных мероприятиях. Люди, в основном, немцы, сидели за очень длинными столами, перпендикулярными сцене с президиумом. Мы сидели среди других. На столы подавали только пиво. Все собрание шло на-немецком языке. Когда закончилась главная официальная часть, началось провозглашение лозунгов и пение немецких песен, по-видимому, политического содержания. В наиболее выразительных местах немцы сцеплялись руками в районе локтей и раскачивались вправо-влево в ритме песни. Создавалась атмосфера высокого эмоционального подъема, демонстрирующего солидарность участников.

На одном из совместных праздничных вечеров я узнала немецкий (наверное, общеевропейский) порядок оплаты заказа в ресторане, отличавшийся от принятого тогда у нас. Один наш русский сотрудник громко предложил взять что-то еще в дополнение к тому, что уже было на столе. Русские, не раздумывая, сразу согласились. Немцы, вполголоса посовещавшись, тоже согласились. Инициатор поздравил официанта, сделал заказ, тот принес, и мы всем столом дружно это съели и выпили. Когда вечер закончился и официант пришел за расчетом, выяснилось, как по-разному русские и немцы понимали происшедшее. Русские считали, что оплата должна делиться поровну, потому что все согласились и все ели. Немцы считали, что за дополнительный заказ должен платить инициатор, а их согласие на его предложение означает только любезную готовность принять угощение. Возникла неловкость, но когда русские поняли, в чем дело, они сразу между собой решили вскладчину заплатить за дополнительный заказ, то есть платили только русские, не обременяя немцев. Такое решение автоматически вытекало, во-первых, из широты и доброты «русской души» (особенно в условиях застолья), во-вторых, из правила «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», в-третьих, из предвидения, как ситуацию оценит бы отдел режима.

Во время некоторых вечеров, приуроченных к второстепенным праздникам, для

висмутян устраивались лотереи и маскарады. В те времена в СССР местные самодеятельные развлечения такого рода не были распространены, так что было любопытно и интересно. У меня долго сохранялись два выигрыша — бархатная скатерть и красивая фарфоровая сова-светильник. На одном маскараде, кажется, в Дрездене, из театральной костюмерной привезли костюмы, и каждый выбирал по вкусу. Я взяла костюм тирольской девушки.

4.2. Экскурсии

Исключительно интересным и познавательным развлечением были автобусные экскурсии в выходные дни. Были экскурсии в города Берлин, Потсдам, Дрезден, Майсен, Лейпциг, Йена, Веймар, в долину Эльбы и другие места. В Берлине нам показывали Бранденбургские и ворота, рейхстаг, улицу Сталин-аллею, построенную после войны как подарок от СССР, знаменитую улицу Унтер-ден-Линден, спуски в метро, куда нам из соображений режима нельзя было спускаться, потому что метро восточного и западного Берлина соединялись. В 1956 году нас специально свозили в район Альт-Глинике в Берлине посмотреть подземный тоннель, тайно проложенный иностранной разведкой из западного Берлина для прослушивания телефонных разговоров, которые велись в группе советских оккупационных войск. В Потсдаме мы осмотрели дворец Сан-Суси, а также дворец Цецилиенхоф, где в 1945 году проходила Международная Потсдамская конференция после капитуляции Германии. В Дрездене, кроме самого города, осматривали музеи Цвингер и «Под зелеными сводами». В Майсене нам показали музей фарфора и замок Альбрехтсбург. В Лейпциге мы были на Международной промышленной выставке и в полуподвальном «кабачке», в котором Меффистфель чудесным образом «добыл» вино, проткнув дыру в столе. Когда ездили в Йену, то, помнится, знакомились с нею только с улиц города. Несколько раз мы ездили в Веймар, где осматривали музей «Дом Гете», дом Шиллера (снаружи), театр, памятник Гете и Шиллеру. В одно из посещений Веймара мы попали на какой-то юбилей, связанный с Гете или Шиллером, и наблюдали костюмированную уличную процессию, посвященную этому юбилею. В долине реки Эльбы мы познакомились с удивительными крепостью и замком Кенигштайн на высокой горе. Осмотрели комплекс дворцов Пильниц с изумительным прилегающим садом, расположенный на берегу Эльбы. Во дворцах Пильниц находится несколько музеев. Гуляли по Саксонской Швейцарии — название живописных песчаных

У Бранденбургских ворот.

У рейхстага.

скал на берегу Эльбы. Кроме перечисленных были еще поездки по другим достопримечательным местам ГДР, названия которых я забыла, но которые зрительно помню. В Дрезден, Лейпциг, Веймар, Саксонскую Швейцарию и дворцы Пильниц мы ездили не по одному разу.

Эта часть жизни в ГДР вспоминается, как волшебная сказка.

4.3. Поездка в Бухенвальд

Отдельно хочу написать о поездке в расположенный недалеко от города Веймар гитлеровский концлагерь Бухенвальд, сохраненный для осмотра по возможности не тронутым. Случайно вышло так, что перед поездкой я прочитала напечатанную в СССР книгу о Бухенвальде. Конечно, книга о преступлениях, творившихся в «лагере смерти», изданная с фотографиями, произвела большое впечатление. Однако оказалось, что когда видишь воочию территорию, здания, инструменты и оборудование лагеря, это производит гораздо более сильное, я бы даже сказала,

Печи крематория в Бухенвальде.

мистическое впечатление. У меня для себя есть правило: запоминать продолжительность воздействия на мое внутреннее состояние какого-либо события, если воздействие получилось исключительно сильным. Это обычно события негативного свойства. Иногда я отслеживаю протекающее время с «исследовательскими» целями (от удивления), а иногда — с практическими, чтобы правильно вести себя в последующем в сходных ситуациях. Воздействие Бухенвальда относится к первому случаю. Ощущение ужаса сохранялось у меня около месяца. Я продолжала жить и работать, а в голове все время «стоял ужас». Сила, непрерывность и продолжительность воздействия меня удивили, и я сознательно стала ждать, когда оно закончится естественным образом и «засекла время».

Для моих современных немецких читателей, если они будут, отмечу, что испытанный мной в Бухенвальде ужас я не связывала с гражданами ГДР, с которыми работала в «Висмуте» и другими, которых ежедневно видела на улицах, в магазинах и т. п. Объяснялось это, по-видимому, тем, что я тогда привыкла считать: государство — это одно, а народ — другое, причем государство воспринималось абстрактно. Теперь я думаю несколько иначе. Государство реализуется частью народа — правящая партия, высший правительственный аппарат и армия чиновников. К ним следует добавить людей, которые выигрывают от государственной политики, даже

если она ущемляет интересы подавляющего большинства. Все вместе они составляют количественно меньшую, но по значимости существенную часть народа. Поэтому априорно благодушное отношение к любому представителю нации вряд ли оправданно. Если есть время и возможность, то следует пытаться понять, с человеком каких взглядов имеешь дело. По меньшей мере стоит помнить, что «процент государства» в общем народонаселении отнюдь не исчезающе мал.

5. Реальные отношения с немцами

Взаимоотношения с немцами гражданских работников Висмута в 1954–1956 годах были спокойными и в целом вежливо-приветливыми. Со стороны немцев это, конечно, было нормальной реакцией населения победенной страны в условиях оккупации. Наше поведение регламентировалось установленным режимом пребывания в ГДР. И немцам, и нам подчинение обстоятельствам облегчала давно приобретенная привычка жить в условиях тоталитарного государства. Что там отдельный немец или русский реально думал о ситуации, внешне почти не проявлялось. В силу особенностей жизни и работы я и мой муж общались преимущественно с немцами-мужчинами. Это следует помнить при чтении моего текста.

Сложилось так, что при общении русские были обязаны говорить по-немецки, а немцы по-русски. Каждый русский справлялся с этим в меру своих возможностей. О своем немецком языке и об обязательном обучении я уже писала. Немцы приспосабливались к нашей речи, освоили некоторые русские слова. Мужчины употребляли, причем обычно к месту, матерные выражения, которые они, конечно, знали и до создания «Висмута». Знали и то, что при женщинах эти выражения употреблять неприлично. Расскажу о «проколе», случившемся с одним немцем, с которым я работала на обогатительной фабрике. Назову его условно Мюллером. Он был старшим в мастерской по ремонту геофизических приборов. В ней работали человек пять немцев, с которыми я была ежедневно тесно связана по работе. Однажды, когда я к ним пришла, у них была маленькая радость: они починили долго не поддававшийся прибор. И вот сияющий Мюллер говорит мне, как обычно по-немецки, что прибор отремонтирован. И вдруг, так же сияя, добавляет по-русски: «Ху...во!» явно имея в виду, что все получилось как нельзя лучше. Я прекрасно поняла, что он хотел сказать, и тоже порадовалась победе над прибором. Однако Мюллер очевидно не понимал, что употребил в разговоре со мной нецензурное выражение, притом в неправильном смысле, да еще и гордился тем, что вставил, как он думал, подходящее

русское словцо. Чтобы исключить в будущем такие случаи, я ему наставительно и вежливо сказала, чтобы он в дальнейшем при женщинах это слово не произносил. Мюллер перестал сиять и с обиженным видом замолчал. Я удивилась его обиде, и мы перешли к текущим делам. На следующий день я застала совершенно смущенного Мюллера. Он, видимо, где-то навел справки по поводу «Ху...во!» и многословно передо мной извинялся. Вообще же я убедилась в правоте своего отца, военного моряка по дореволюционному образованию, который в юные годы бывал в заграничных плаваниях: русские ругательства давно стали международными. Случалось, что при мне незнакомые мне немцы, разговаривая между собой вставляли тирады из русского мата, которые являлись настолько естественной частью их немецкой речи, что они не реагировали на мое присутствие, считая, что раз я не понимаю по-немецки, то не понимаю и ругательства. Еще немцы усвоили любимое русское понукающее выражение «Давай-давай!», отлично его понимали и добродушно над ним смеялись и даже в шутку могли сказать его сами в подходящей ситуации. Если сейчас «Давай-давай!» устарело, то поясню: это значит «Пошевеливайся!».

Однажды мне пришлось разговаривать с немцем из другого подразделения «Висмута», занимавшего какую-то руководящую должность. Он абсолютное чисто говорил по-русски. По его словам, он не учился языку специально, а освоил его на практике на Восточном фронте во время войны: довольно редкий случай прекрасных врожденных способностей к языкам.

Висмутовские немцы с сочувственным пониманием относились к советским солдатам. В 1954–1956 годах в ГДР служили молодые советские солдаты срочной службы, знавшие о войне только из рассказов старших, из литературы и кинофильмов. На обогатительной фабрике в Цвиккау приборы радиометрической сортировки руды на ленточных транспортерах обслуживали солдаты. Остальные работы выполняли немцы. Соответственно они друг друга ежедневно наблюдали. В обязанности солдата входило время от времени проверять настройку приборов с помощью эталонов и реагировать на редкие сбои в движении транспортера или в поступлении руды. Работа была скучная, но не тяжелая, перемежалась ничем не занятыми законными перерывами. Достаточно часто солдат или засыпал, устроившись в уголке, или уходил поболтать к товарищу на соседнем транспортере. Я, ответственная за процесс сортировки, возмущалась и делала солдату внушение. Однажды присутствовавший при этом немец сказал мне: «Что вы хотите, фрау, это же солдат!». И далее высказался в том смысле, что сол-

дат — человек подневольный и незаинтересованный, и что такое его поведение естественно. По возрасту этот немец, наверняка, был участником войны и на собственном опыте изучил солдатскую психологию.

Что касается самих советских солдат, то работа в «Висмуте» была для них приятнее, чем обычная служба в огороженном месторасположении своей части. На территории висмутовского «Объекта» офицеров, как правило, не было, дисциплина была менее строгой, работа легче, они близко видели немцев и гражданских русских сотрудников и общались с ними, ближе видели немецкие деревни и городки, что разнообразило их существование. В Советской армии солдат первого года службы стригли «под ноль» (наголо), что их, конечно, не украшало и в какой-то мере угнетало. Солдаты времен войны имели нормальные стрижки, но после капитуляции Германии они в скором времени демобилизовались. В оккупационные войска стали направлять солдат срочной службы. Тогда-то в Германии появились первые бритоголовые советские солдаты. Говорили, что некоторые немцы вначале пугались, думая, что к ним присылают из СССР обитателей психиатрических больниц. Чтобы читатель сделал поправку на протекшее время, требуется пояснение. Теперь, в 2010-е годы, обритая целиком мужская голова вошла в моду и не привлекает внимания. Не то было вплоть до 1980-х годов: обритые головы были только у заключенных и некоторых больных. В СССР к ним добавлялись граждане, наказанные милицией или комсомольским патрулем за «неположенную» одежду или прическу (слишком длинные волосы). Так что обритая голова свидетельствовала, что с человеком не все в порядке. Однако, в СССР все знали, что солдаты первого года службы составляют исключение, а в Германии привыкли к этому не сразу.

В «Висмуте» я узнала две армейские поговорки. Солдатская: «Солдат спит, а служба идет». Офицерская: «Береги начальство, как зеницу ока, ибо ты не знаешь, какую сволочь пришлют на его место». Обе с юмором и своего рода «ключевые». Поясню на примере первую поговорку. Солдат во время рабочих смен на обогатительной фабрике суммарно проспал, предположим, месяц. Однако его трехгодичная служба на этот месяц продлена не будет. Прямой расчет спать. Вторая поговорка обуславливает философское отношение офицера к издержкам воинской дисциплины и сберегает его нервную энергию.

Еще на солдатскую тему. Вспоминаю рассказ моего знакомого геофизика, служившего в 1970-е годы лейтенантом два года в ГДР. Его воинская часть была расположена в сельской местности рядом с виноградником. У них в части имели место частые ноч-

ные самовольные отлучки солдат, из которых они возвращались нетрезвыми, а охрана их перемещений «не замечала». Командиры долго не могли понять, в чем дело, пока однажды к ним не пришел пожилой немец — хозяин виноградника. Оказалось, что у него в винограднике стоит цистерна с молодым вином, советские солдаты берут из нее вино, пьют и какое-то количество уносят. Последнее объясняло, почему их «не замечала» охрана. Хозяин виноградника миролюбиво сказал: «Я не против — пусть пьют, только, пожалуйста, пусть закрывают за собой кран».

С солдатами мне довелось много работать, поэтому я и пишу именно о них. Офицеров, их командиров, я видела реже. Это были взводные и ротные командиры — лейтенанты, капитаны и майоры, приходившие изредка спросить, нет ли претензий к их подопечным. Я никогда не жаловалась на солдат, с которыми работала, так как никаких крупных провинностей за ними не бывало. Офицеры были всегда очень дружелюбны.

Когда я стала жить в ГДР, мне странным образом иногда становилось неприятно тревожно. Это всегда было дома в спокойное нерабочее время. Как я уже писала, первые два года мы жили в Обершлеме, а окна нашей квартиры выходили на шоссе с оживленным автомобильным движением. В частности, по шоссе по определенному расписанию ходили большие маршрутные междугородные автобусы, мощный натужный звук двигателей которых меня раздражал. Однажды мой муж рассказал об этом в шахте. Когда появлялось свободное время, между русскими и немцами одной бригады там часто велись непринужденные разговоры на разные темы. Один немец из прежних бесед знал, что я во время войны жила в блокированном Ленинграде. И вот он предположил, что меня беспокоит звук авиадвигателей с немецких бомбардировщиков, которые после окончания войны были переставлены на крупногабаритные автобусы. Действительно, в первый блокадный год немецкая авиация регулярно бомбила Ленинград. При налете по радио объявлялась «воздушная тревога»: предупреждающий текст, перемежающийся с воем сирены. Воздушная тревога могла длиться от получаса до 1–2 часов и кончалась жизнерадостным сигналом «отбоя». Бомбежки большей частью бывали поздно вечером и ночью. Наша семья в качестве бомбоубежища использовала кладовку с капитальными кирпичными стенами, расположенную рядом с нашей квартирой на втором этаже. Обычно в этом импровизированном бомбоубежище по распоряжению матери сидели мы с сестрой. Нам было 10 и 11 лет, мы не боялись, все было уже привычно, и при свете коптилки мы обе читали книги. В кладовке на фоне полной тишины был отчетливо слышен непрерывный моно-

тонный гул самолетов, круживших над городом. Время от времени слышался отдаленный грохот — взрывы. Один раз взрыв был совсем близко, но его описание выходит за пределы настоящих воспоминаний. К 1950-м годам я успела забыть многие томительные часы, проведенные в кладовке под гул самолетов. А вот этот знакомый мужу немец все сопоставил и, по-моему, правильно объяснил причину моего тревожного состояния, которое возникало, казалось бы, на пустом месте.

Взаимоотношения русских висмутян и немцев, работавших в непромышленных подразделениях «Висмута» — столовых, ателье, парикмахерских, на транспорте и т. п. — также были спокойно-корректными, а часто и приветливыми, как и при совместной работе на основном производстве. При выходе за пределы «Висмута» примерно такие же отношения у русских возникали в государственных немецких учреждениях: больших универсальных магазинах, общественном транспорте, театрах, концертных залах, музеях и некоторых других, причем как со служащими этих учреждений, так и их немецкими клиентами и посетителями. Разумеется, не было полной безоблачности. Ясно было, что за нами наблюдают, результатами наблюдений не делятся, однако убедились в том, что мы присланы выполнять определенную техническую работу, чем и занимаемся, не принося лично никакого особенного вреда.

За пределами всего, относящегося к «Висмуту» и государственным немецким учреждениям, протекала не известная нам жизнь немецкого народа. Мы с нею сталкивались, только заходя в частные магазины и некоторые обслуживающие предприятия. Здесь нас встречали подчеркнутая вежливость без приветливости, скрытое любопытство («Как они выглядят и как ведут себя эти русские?») и, в общем-то, ожидание нашего ухода, чтобы продолжать свою нормальную жизнь. Иногда в разговоре на наш счет могли «отпустить шпильку» политического характера. Приведу один пример.

В магазине ювелира-частника я посетовала, что у него нет украшений с бирюзой. Бирюза — дешевый голубой непрозрачный самоцвет. В СССР изделий с ним почему-то не было в продаже ни до, ни после Отечественной войны, как не было и много чего другого. Вероятно, «чтобы не отвлекать мощности народного хозяйства на удовлетворение буржуазных прихотей отсталой части населения». Ювелир, пожилой мужчина, сделал вид, что удивился. Дескать, при огромной территории СССР и безграничных ресурсах полезных ископаемых странно, что советская женщина ищет изделия из бирюзы в ГДР при ее скромных геологических возможностях. Это было сказано ехидно и жестко. Он был прав только

абстрактно, так как развитие тех или иных отраслей промышленности в странах определяется не только их геологическими ресурсами. Всех этих соображений я не посмела высказать и промолчала. А если бы высказалась, и это дошло бы до отдела режима, то мне бы сказали, что я сюда прислана работать, а не ходить в частные немецкие магазины и, тем более, не вступать в политические дискуссии с немцами. Думаю, что ювелир знал или чувствовал, что времена несколько изменились и рядовые русские многого не могут себе.

6. Командировки в начале 1970-х годов

В начале 1970-х годов я два раза была в «Висмуте» в месячных командировках. Целью командировок было ознакомление инженеров «Висмута» с наработками советского научно-исследовательского института, в котором я работала, в области применения математики в рудной геофизике. Это было время начала использования цифровых вычислительных машин в геологии. В отличие от современного быстродействующего малогабаритного персонального компьютера тогдашняя машина была «тихоходной», занимала зал площадью 80–100 кв. м и не предназначалась для перемещения. Машина вместе с обслуживанием из техников и программистов образовывала Вычислительный центр. Геологическая организация обычно имела одну машину, которой сотрудники пользовались коллективно согласно круглосуточному расписанию. Не было привычных теперь экранов, связь человека с машиной осуществлялась с помощью бумажных перфолент и перфокарт, результаты расчетов машина выдавала в форме печати, подобной машинописной. Магнитная память была представлена магнитными лентами. Единственный (?) вычислительный центр «Висмута» находился тогда в Дрездене. Я привезла созданные в нашем институте программы и в форме лекций для сотрудников Объектов рассказывала об их назначении и применении. Сами программы с документацией я передала в Вычислительный центр, обучив сотрудников центра их использованию. Я переезжала с Объекта на Объект, местные геофизики рассказывали мне о геофизических работах, которые там производились, я делала сообщения о программах, и мы вместе обсуждали, какие из них могут быть им полезны.

На Объектах я жила в местных служебных гостиницах-общежитиях, рабочее время проводила в кабинетах сотрудников, с которыми работала, питалась в висмутовских столовых, и ездила на висмутовском транспорте — автобусах и легковых машинах. В нерабочее время, как и раньше в 1950-х годах, пользовалась общественными маршрутными автобусами.

Если на время моей командировки попадали праздники и экскурсии, то меня на них приглашали. Поэтому я могла сравнить ГДР и «Висмут» 1950-х и 1970-х годов, правда, на незначительном материале.

Начну с того, что в 1950-е годы мы (русские висмутяне) не видели ни одного немецкого инженера-геофизика. Мы и сами появились тогда в качестве редких экземпляров, о чем я уже писала. За время, протекшее с тех пор, в ГДР организовали подготовку своих немецких специалистов, причем обученных русскому языку. Режим, раньше жестко разделявший немцев и русских, заметно ослабел. Я увидела рабочие кабинеты, в которых совместно сидели и работали русские и немецкие инженеры-геофизики. Старшими были, как я поняла, русские. Если этому было политическое объяснение, то ситуация смягчалась разницей в возрасте и стаже: со стороны немцев были пока еще только молодые специалисты. Отношения между совместно работавшими русскими и немцами были самые дружеские, разговоры велись не только на профессиональные, но и на общие темы. Интересно, что, по крайней мере, на одном из Объектов сотрудники-геофизики хотели использовать взаимные контакты для усовершенствования в иностранном языке. Русские хотели возможно больше говорить по-немецки с «носителями языка», а немцы — по-русски. В результате было составлено что-то вроде расписания: когда в кабинете всем говорить только по-немецки, а когда только по-русски.

Я обнаружила элемент социализма советского толка в организации производственной жизни. У нас в СССР «святым делом» тогда считалось празднование в коллективе некоторых дат сотрудников: дня рождения, существенного повышения в должности, выхода на пенсию и т. п. В наиболее веселых коллективах «праздником» могло быть даже возвращение из отпуска. «Праздник» требовал определенных совместных затрат и хлопот: покупка продуктов для застолья, подарков, иногда организация выхода приказа администрации с казенным поздравлением, иногда с выплатой премии. Подготовкой «праздников» занимались активные члены коллектива. По этому образцу в 1970-е годы жили и подразделения «Висмута». В одном из подразделений, с которым я была связана в командировке, молодому немецкому инженеру-геофизику Майеру были подчинены младшие немецкие сотрудники, и в его обязанности входила забота об упомянутых праздниках, которая его тяготила. В числе его подчиненных был пожилой немец Хофманн, не имевший специального образования и слабо ориентированный в работе. Майер мне рассказал, что он долго не знал, как использовать Хофманна, который ни с чем не справлялся. И вот ему пришла

в голову, как он считал, прекрасная мысль: поручить малоспособному сотруднику отслеживать и устраивать «праздники» в коллективе. Майер говорил это с гордостью, рассчитывая на мое понимание. Конечно, я его поняла. Он не мог просить уволить бесполезного для работы Хофманна, так как его сочли бы негуманным. А вот держать отдельного человека для организации «праздников» — это находка. Такой специальный Хофманн освобождает полезных для дела работников от выполнения действий, в общем-то не связанных с работой. В советское время в организациях, где я работала, всегда устраивались подобные «праздники». На это тратилась часть рабочего времени, но до такой крайности, чтобы держать отдельного человека не доходило. ГДР нас в этом опередила.

Вспоминается пример несвободного общения с немцем. Одним из немецких специалистов, с которым я изредка общалась по вопросам моей командировки, был Фишер. Однажды он заговорил со мной на неожиданную тему. Оказалось, что он изучает теорию марксизма-ленинизма и, стараясь вникнуть в нее поглубже, нашел в тексте какого-то пособия спорное, по его мнению, место. Вместо одной приведенной там формулировки у него родилась другая, которую он считал более правильной и удачной. Наверняка, он уже обсуждал ее с немецкими коллегами, но все равно этот теоретический вопрос продолжал его волновать. Поскольку я была из СССР и в теории марксизма-ленинизма «должна» была разбираться лучше, то он поделился со мной своими сомнениями. Я не помню, что это был за вопрос, но был он не принципиальным, а чисто «формулировочным». С близко знакомым русским человеком я с легкостью обсудила бы этот вопрос, предложила свой вариант формулировки, покритиковала бы опубликованный вариант. Оба мы, мой гипотетический русский собеседник и я, сочли бы проблему неактуальной, неинтересной и скучной. Но с гражданином ГДР я не могла без вреда для себя говорить на тему, относящуюся к идеологии. Тем более я не могла сказать Фишеру, что считаю вопрос неактуальным и неинтересным. Если я бы решилась на содержательный разговор, то Фишер при случае простодушно рассказал бы своим обычным собеседникам о разговоре с «советской коллегой». Это дошло бы до сотрудников отдела режима, а они, проявляя служебное рвение, обвинили бы меня в том, что «вместо выполнения прямых служебных обязанностей я безответственно излагаю свою политическую отсебятину немецким товарищам». Здесь я описываю свои тогдашние соображения долго и нудно, а тогда ситуация стала мне ясна в одно мгновение — ведь я выросла и жила в тоталитарном государстве. В результате я уклонилась от тео-

ретического разговора с Фишером, и, скорее всего, осталась в его памяти серой дурой.

В начале 1970-х годов я обнаружила в ГДР значительные изменения в организации общественного питания, во всяком случае в висмутских столовых. В 1950-е годы мы питались в своих служебных столовых, где на столиках были белые накрахмаленные скатерти с заранее расставленной сухой посудой из одного сервиза и сухими столовыми приборами из одного набора, расположенными относительно посуды по правилам сервировки. Если на скатерти появлялись пятна, то ее сразу же заменяли. Обслуживали клиентов безукоризненно вежливые пожилые немецкие мужчины-официанты в черных костюмах с белыми рубашками. Они же меняли и убирали посуду. Выбор блюд был достаточный, и готовились они по рецептам русской кухни. В начале 1970-х годов я застала совсем другую картину. Вспоминаются две столовые, не помню, на каких Объектах. Обе столовые были на самообслуживании.

В первой небольшой столовой в главном зале стояли столики, покрытые клеенками, влажными после постоянных протираний мокрой тряпкой. Мокрые чистые ложки и вилки стояли в контейнерах на отдельном столе, единичные ножи по просьбе клиента давал кто-то из немецкого обслуживающего персонала (женского). Пользуясь подносами, клиенты получали еду «на раздаче» на разнокалиберной чистой мокрой посуде. Пока то, что я описываю, полностью совпадает с тогдашними советскими столовыми самообслуживания. А вот завершение еды было весьма необычным и неаппетитным. Клиент брал свою использованную посуду и столовые приборы и шел в специальную комнату, где на столах и табуретках было расставлено около пяти-шести больших эмалированных тазов, каждый для определенного вида обедков. Своей ложкой или вилкой клиент соскребывал со своих тарелок и чашек обедки в соответствующие тазы, освободившуюся грязную посуду и приборы тоже раскладывал в установленные места и, наконец, мог уходить. Местные сотрудники к действиям с обедками привыкли, а я, каюсь, испытывала небольшую тошноту от вида гор сортированных обедков, да еще сразу после еды.

Вторая столовая занимала большое помещение и сильно отличалась от первой. Столешницы были сделаны из твердого пластика, ничем не покрывались и тоже были влажными в результате постоянных мокрых протираний. Как и в первой столовой, клиенты получали еду «на раздаче» на разнокалиберной чистой мокрой посуде, пользуясь подносами. Но столовых приборов (ложек, вилок и ножей) вообще не полагалось! Клиенты приносили их с собой, некоторые в специальных мягких пеналах разной степени элегантности. После еды

клиент шел в моечное помещение, где было несколько огромных прямоугольных «раковин» из оцинкованного железа. Каждая «раковина» имела краны с горячей и холодной водой. Все имело сугубо технический вид: никакой белой эмали, тем более фаянса, никаких блестящих хромированных труб, кранов и т. п. Здесь клиент, как в первой столовой, избавлялся от обедков, только кажется, без сортировки, и сам мыл свою посуду, ставил в отведенные для разных типов посуды места и уходил с чувством выполненного долга. Когда я впервые шла во вторую столовую, я думала, что меня уже ничто не удивит и не затруднит. Однако отсутствие приборов, особенно столовой ложки оказалось просто ударом. Вокруг были не знакомые мне русские висмутяне со своими столовыми приборами, лишние приборы ни у кого не было. Все торопились уложиться во время обеденного перерыва. Наконец, один мужчина сжался надо мной и дал свою чайную ложку. Попробуйте съесть тарелку супа чайной ложкой!

В Ленинграде во времена моего детства на стенах в общественных местах висели (среди прочих) плакаты «Уважайте труд уборщиц!», а еще раньше, по словам моей мамы, были также тексты «Лакеев теперь нет!». По мнению идеологов, эти лозунги утверждали равенство граждан и повышали чувство самоуважения у людей обслуживающих профессий. Так как немцы в среднем усерднее русских, то в условиях строительства социализма по советскому образцу они, на мой взгляд, кое-что довели до абсурда. Допускаю, что здесь не обошлось без иронии с их стороны. Кстати, в СССР в системе общественного питания никогда таких «перегибов» я не видела.

По сравнению с началом 1950-х годов улицы и казенные здания стали менее ухоженными: больше мусора, следов небрежного ремонта и др. Заметно состарились автобусы: где-то что-то «просело», где-то появились трещины.

7. Отвлекаясь от политики и «Висмута»

Напоследок мне хочется описать общее впечатление от Германии в 1950–1970 годы, по возможности отвлекшись от внешней и внутренней политики наших стран и от проблем «Висмута». Я расскажу, какой передо мной предстала Германия внешне («зрительно») и какой внутренне, то есть через поведение и привычки людей. Как я уже писала, жизнь русских висмутян была замкнутой и во многом отгороженной от жизни большинства немцев. По этой причине мои представления об их типовом поведении и привычках, несомненно, являются поверхностными и, возможно, не всегда верными. Для ясности я всякий раз буду пояснять, на основе чего у меня

сложилось то или иное суждение: событий и фактов, которые я наблюдала, или информации из каких-то других источников.

7.1. Внешний облик Германии

Изумительная красота природы, разнообразие ландшафтов от равнинных до горных, прекрасные пейзажи, мягкий климат. Вся территория издавна освоена человеком: без перенаселенности, но и без огромных пустых пространств. Населенные пункты соединены достаточной сетью дорог, в число которых входит такое техническое чудо, как автобусы. В 1950-е годы не было мобильных телефонов и на центральных газонах немецких автобусов через определенные интервалы располагались в те времена телефоны для вызова разных видов помощи. В городах, поселках и деревнях сохранены и используются многие здания и мосты старинной постройки, историческая планировка улиц и площадей, застройка набережных. Некоторые небольшие города внешне выглядят как средневековые со своими центральными рыночными площадями. Все не разрушено ухожено. В некотором роде ухожено даже то, что было разрушено бомбардировками во время войны. В Дрездене (Берлине?) бомбардировки превратили большую часть города в сплошные развалины. В этих полях однородного кирпичного крошева расчищены улицы, указаны на табличках их названия и они используются для проезда. Парки и сады прибраны. Кстати, как нам сказали, собирать в лесу ягоды и грибы в Германии не принято, считается странным и даже неприличным. Их выращивают в специальных хозяйствах и продают. Я так и не узнала, расценивается ли сбор диких грибов и ягод как стремление к «халеве» или считается негигиеничным.

Однажды, уже в 1970-е годы, я ехала на какой-то дальний Объект на висмутском автобусе в сопровождении двух инженеров-геофизиков — русского и немецкого. Мы ехали по относительно недавно проложенному шоссе — спрямленному и широкому. Мои спутники знали, что я работала примерно в этих местах в 1950-е годы, решили порадовать меня и показать «сельскую глубинку», мало изменившуюся с тех пор. Они посвятили в свой план немца-водителя, автобус свернул с шоссе, и мы поехали по старинным дорогам, аккуратно вымощенным кубиками диабазы или другой породы. Дороги, обсаженные деревьями, петляли по холмам, соединяя, по-видимому, почти все населенные пункты и отдельные хутора. Там, где мы ехали, не было следов войны, все дышало слитыми воедино стариной и современностью. И все было очень красиво: и пейзажи, и дела человеческих рук. То, что получала удовольствие

Дома на набережной в г. Ауге.

я, было не удивительно, так как меня охватили воспоминания. Но не меньше радовались и водитель, и оба моих спутника. Похоже, им редко удавалось отвлечься от привычных висмутовских будней и побывать в таких славных спокойных местах.

Многие немцы иногда носили народные костюмы не в праздничной, а в будничной обстановке. Я не научилась разбираться в немецкой национальной одежде, так что далее пишу приблизительно. Женщины часто были в красочных баварских платьях, которые, как мне сказали, считаются в Германии самыми красивыми. Баварские платья продавались в обычных магазинах готовой одежды и были относительно дороги. Мужчин, чаще пожилых, летом можно было видеть в тирольских костюмах, в которых выделялись замшевые шорты с украшениями, кажется, из рога оленя и шляпа с полями и задорным пером. В небольших частных магазинах продавались изделия народных промыслов из дерева, глины, фаянса, металла, камня, кожи, ткани, кружев, кости, рога и других материалов. Это были украшения, посуда, игрушки, предметы быта. Один из жанров — вращающаяся на оси многоярусная деревянная «пирамида» с вертушкой из лопастей на вершине. На ярусах деревянные фигурки изображают какие-нибудь сцены, обычно из священного писания. Внизу на неподвижном основании расположены гнезда для свечей. Нагретый воздух от пламени свечей с помощью лопастей вращает «пирамиду». На мой нарочито наивный вопрос, как использовалась «пирамида», я получила от продавца трогательный ответ. Он сказал, что в былые времена в горняцких поселках, когда не было электричества, радио и телевидения, члены семьи немецкого горняка вечером после ужина беседовали и занимались домашним мужским и женским рукоделием, сидя вокруг «пирамиды» с зажженными свечами и поглядывая иногда на движущиеся фигурки. Я привезла такую «пирамиду» домой в СССР. Когда ее увидел мой старенький дядя, он сказал, что, по его мнению, «пирамида» лучше телевидения. Это была его «шпилька» в адрес тогдашних телепередач.

7.2. Немецкие привычки русскими глазами

Еще до приезда в Германию я знала: немцам присущи большая выдержанность, дисциплинированность, привычка соблюдать порядок и высокое качество работы. В Россию со времен Петра I приезжало на военную службу и другую работу много немцев. Почти все они более или менее обрусевали и становились российскими подданными. Русские и русские немцы хорошо знали друг друга. Это знание сохранила и сохраняет русская художественная литература и «народная молва». По приезде в Германию я увидела немец-

кую реальность своими глазами. Состояние улиц, дворов и зданий, конечно, после войны оставляло желать лучшего и требовался ремонт, но не было мусора и посылно все было прибрано. На работе в «Висмуте» немцы проявляли трудолюбие и аккуратность. Однажды ко мне в лабораторию после работы молодого немца-электрика пришел пожилой электрик продолжать работу с настенной электропроводкой. Он увидел, что поврежденная при смене розетки поверхность стены покрашена масляной краской другого, чем основной, оттенка и сразу недовольно сказал, что это неправильно, что молодежь портится и что немцы не должны так работать. Однажды наша лаборатория получила из СССР новые геофизические приборы, каждый из которых, как положено, находился в специальном деревянном ящике заводского изготовления. В ящике были разные фиксаторы, упоры, зажимы и прочее, обеспечивающие сохранность прибора. Все это на видных местах было покрыто лаком и оклеено для мягкости бархатом, но там, где детали внутреннего устройства ящика не сразу были видны, лак и бархат отсутствовали и даже были заметны гвозди, использованные вместо шурупов и столярного клея. Один наш солдат, которому предстояло работать с новым прибором, был спокойный рассудительный парень. Он повертел ящик, осмотрел его внутри и снаружи и веско произнес: «Сразу видно, что делал его русский человек!». Уже спустя годы после работы в «Висмуте» я где-то прочитала или услышала, что после окончания войны, когда побежденная Германия жила в разрухе и впроголодь, вынужденная работать в системе социализма советского типа, то есть без существенной заинтересованности в результатах труда, немцы стали наплевать к работе и ее качество начало снижаться. И, будто бы, среди немецкого народа тогда появились призывы вспомнить, что они — немцы, и в любых обстоятельствах должны работать как раньше. Вот еще один услышанный рассказ о немце, бывшем в плену в СССР и трудившемся на стройке. Случившийся рядом русский понаблюдая за его добросовестной работой и спросил, зачем он так старается в чужой стране и в общем-то на принудительной работе. Пленный ответил: «Я хочу остаться немцем».

Что касается дисциплинированности немцев, то расскажу один эпизод, в котором участвовала группа случайных немцев-прохожих и я сама. На окраине Обершлемы в пустынном месте был переход через шоссе, оборудованный светофором. Я подошла к переходу, когда загорелся красный свет. На тротуаре стояла группа примерно из десяти немцев, ожидавших зеленого света. Налово и направо не было видно ни одной приближающейся машины или другого транспорта,

а видно было далеко, так как вокруг не было ни строений, ни других людей. Оценив «транспортную ситуацию», я привычно и уверенно пошла через шоссе и сразу «спиной» ощутила, что происходит что-то «не то». Я оглянулась: немцы, не шелохнувшись, продолжали стоять молча и спокойно в ожидании зеленого света. Меня обожгло чувство стыда за мое стремление сэкономить крохотный отрезок времени, какую-то минутку, путем нарушения обязательного для всех разумного порядка. Я пошла дальше, немцы не произнесли ни слова. Мне они ничего не сказали, потому что я была русская, а в тех обстоятельствах это имело значение. Больше в ГДР я не нарушала правил уличного движения, но возвратившись на родину, вернулась к прежней привычке иногда переходить улицу не по сигналам светофора, а по собственному разумению, и так поступаю не я одна. Как рассказывают мне мои знакомые, бывающие в Германии, немцы, как и я, тоже не изменили своих привычек и переходят улицу только на зеленый свет. Такая вот разница в менталитетах. Наверное, она отражает разницу и в более общем наборе национальных свойств.

Понятно, что привычки взрослых воспитываются с детства. Я не видела немецких детей вблизи, когда же видела издали, это были очень воспитанные дети. Несколько лет назад я из средств массовой информации узнала о человеке с необыкновенной судьбой, ныне покойном. Случилось так, что в начале Второй мировой войны, когда ему было 3–4 года, он потерялся от своих русских родителей и попал в детский дом на территории, оккупированной немецкими войсками на северо-западе СССР. Его взяла на воспитание немецкая бездетная семья. В конце войны судьба вернула его настоящим родителям. Он получил высшее техническое образование в московском вузе и впоследствии стал крупным инженером. Интересно, что он среди своих русских сверстников — школьников, студентов, сослуживцев — всегда выделялся стремлением доводить любое начатое дело до конца и аккуратностью вплоть до некоторой педантичности. Родители связывали это с трехгодичным периодом немецкого воспитания.

Немецкие дисциплинированность и добросовестность в работе расценивались русскими как безусловно положительные свойства. Однако была у немцев черта, вызывавшая у русских двойственное отношение. Если назвать ее бережливостью, то, на мой взгляд, это будет неточно. Если мелочностью, то это тоже будет неточно, да еще привнесет оттенок оскорбительности. Многие русские все-таки называли эту черту мелочностью. Речь идет о стремлении к точным взаиморасчетам в области денег и других материальных ценностей, независимо от того, идет ли расчет

между людьми или людьми и организациями и независимо от размеров ценности вплоть до самой малой, как например, пфенниг или сигарета. При этом, как я понимаю, немцы считают точные взаиморасчеты само собой разумеющимся фоном существования («А как же иначе?»), нейтральным к другим сторонам жизни. У русских внешняя линия поведения иная. Принято вести себя по образцу «благородного богатого аристократа», «бескорыстного бессеребренника» и, вообще, человека «широкой души». В ходу такие выражения, как «Ну, что Вы! Это такие мелочи!», «Ну, что Вы! Оставьте себе!», «Не будем мелочиться!», «Не будем опускаться до таких мелочей!», и т. п. Часть русских действительно соответствует указанным образцам «аристократа» или «бессеребренника», но большинство — обыкновенные люди.

В результате русские удивлялись, когда немецкий рабочий подавал заявление в конфликтную комиссию, требуя исправить ошибку в начислении заработка, например, в 5 пфеннигов. Русский инженер-висмутянин рассказывал при мне, что он был членом конфликтной комиссии по вопросам оплаты труда и, узнав размер спорной суммы, счел ее смехотворной, вынул из кармана «эти пфенниги» и отдал немцу, чтобы не терять своего времени на заседание. Между прочим, немец взял деньги и снял претензию. Русские также удивлялись тому, что когда один немец дает другому по его просьбе сигарету (если свои вдруг кончились), то взявший автоматически платит за нее деньги. У нас дают сигарету бесплатно из «сочувствия к чужой беде». На какой-то советско-германской встрече, где присутствовали жены немецких висмутян, в какой-то момент образовалась группа из русских женщин и немок, прежде и потом не знакомых друг с другом. Начался «светский» разговор по-немецки на нарочито нейтральные женские темы, проходивший с некоторым напряжением, но обе стороны старались держаться с доброжелательным взаимным интересом. Кто-то предложил заказать по чашечке кофе. Официант стал спрашивать каждую женщину, «с молоком или без». Одна русская заказала кофе без молока. Одна из немок сразу же сказала: «Дешевый кофе». Русская насмешливо прокомментировала эту оценку в том смысле, что чайная ложечка молока, добавленная в маленькую чашечку крепкого кофе хорошего сорта, практически не удорожает его. Произнесла она этот комментарий, понизив голос и по-русски, так что услышала и поняла его только русская часть общества. Поясню, что отношения, даже поверхностные, с немецкой мужской частью «Висмута» были у русских проще, чем с их женами, не работавшими в «Висмуте». С мужчинами объединяла общая работа, а женщины были «тетра

incognita», как, видимо, и русские для них, да и языковой барьер был выше.

Разница в подходе к взаимным расчетам имеет, конечно, исторические корни, углубляться в которые я не берусь. В русской позиции есть достаточно слабых мест. У разных людей разные понятия о том, что такое мелочь. При ухудшении отношений двух лиц бессеребренничество может смениться припоминаниями, кто кому когда-то не доплатил. Кого-то могут принять за более обеспеченного, чем он есть в действительности. Кто-то, подчиняясь общей моде, будет, скрепя сердце, отказываться от сдачи. Если русский у себя на родине станет вести себя в этом узком смысле «по-немецки», то прослышет крохобором. В общем, русская позиция чревата сложностями, а немецкая позиция проста и удобна. Однако «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», и надо принимать оба варианта поведения как данность.

В СССР не было частной торговли, а какой она была в царской России мое поколение в деталях уже не представляло. В ГДР мы познакомились с небольшими частными магазинами. Порядки в них были для нас понятны, но непривычны. Открываешь с улицы дверь — автоматически звонит звонок, чтобы хозяева могли выйти в торговый зал, если они были в дальних помещениях. Обязательные взаимные приветствия. Если уже есть посетители, то следует молча ждать, пока подойдет твоя очередь. Если стоя в очереди, задашь продавцу даже короткий вопрос (например, есть ли у него вообще нужный тебе товар), то вызовешь всеобщее молчаливое осуждающее недоумение и ответа не получишь. С каждым посетителем предельно вежливый продавец занимается столько времени, сколько тому требуется. После того, как тебя обслужили, уходишь, обязательно простившись. У нас на родине магазины были государственными, а порядки в них были проще и грубее: практически ничего из перечисленного выше не соблюдалось, да, пожалуй, никто этого не ожидал и не требовал. Трехлетняя «немецкая выучка» привела к тому, что я в течение первого месяца после возвращения в СССР удивляла продавцов в Ленинграде своими «Здравствуйте!» и «До свиданья!». Через месяц я к всеобщему спокойствию вернулась в первобытное состояние.

Еще одно различие в области повседневного этикета касалось посещения туалета. У русских женщин и мужчин по отношению друг к другу принято по возможности вести себя так, как будто этой потребности не существует. Поэтому в туалет ходили, стараясь не привлекать к себе внимания. Немцы же рассматривали это как обыденность, не требующую никаких секретов. Иногда возникали неловкие ситуации. Например, я однажды была в каком-то малознакомом мне висмутовском подразделении — в стандартном казенном здании с обычной системой коридоров.

Были какие-то служебные контакты с русскими и немецкими сотрудниками. Наступил момент, когда я пошла по коридору искать туалет. Очень любезный воспитанный незнакомый мне молодой немец догадался, что я ищу, и многословно что-то объясняя, подвел меня к нужному помещению и к моему почти что ужасу распахнул передо мной дверь. По-видимому, я должна была улыбнуться, поблагодарить его и степенно войти в туалет. Вместо этого я, смущенная до крайности, не глядя на оказавшего услугу человека, просто юркнула в заветное помещение. Я успела заметить его обиженное недоумение.

У меня случались местные командировки, когда я ездила одна в дальние подразделения «Висмута» не на автобусе, а на висмутовской легковой машине. Эти час-два мы с очередным немецким водителем беседовали на разные темы и я узнавала что-нибудь интересное или полезное. Один раз водитель показал мне местную достопримечательность — стоящий на отшибе дом бывшего палача. Я не знала немецкого слова «палач», водитель достал из кармана немецко-русский словарь, и указал на нужное слово. Примечательно, что он возил при себе этот словарь. В другой раз я узнала, что фахверковые дома, которые тогда перестали строить (теперь опять строят, но на более высоком уровне), считаются старшим поколением немцев хорошими и очень теплыми, новые дома, дескать, хуже. Однажды я спросила, какая разница в значениях слов Burg и Schloß, и не поняла многословных объяснений водителя. Наконец, он нашел короткую формулировку: Burg — для войны, Schloß — для мира. Сейчас я нашла эти слова в словаре и увидела, что их значения размыты и перекрываются. Еще один, довольно молодой водитель при нашем обсуждении семейных проблем вообще и у немцев в частности, вдруг сказал мне, что немецкие мужчины — лучшие в мире по сугубо мужским качествам и что поэтому женщины от них не уходят. На вопрос, чем это объясняется, он ответил, что немцы узнают от своих отцов некий секретный прием. Раскрыть прием он отказался, то ли потому что это не годилось для разговора с женщиной, то ли потому что нельзя раскрывать национальный секрет. Мне не показалось, что он шутит.

Несколько раз мы с мужем были на концертах для немецких работников «Висмута», когда немецкие артисты выступали перед преимущественно немецкими зрителями. Музыкальные и танцевальные номера были нам, естественно, доступны полностью, а «текстовые» — частично. Когда в зале раздавался общий громкий смех, мы, кучка русских, выясняли друг у друга, кто что понял, и таким путем добивались до сути шутки, которая прозвучала со сцены. Мы обнаружили, что немцы — очень благодарные зрители и слушатели, во всяком случае провинциальные. Если есть хоть маленький намек

на что-то смешное, они дружно и весело смеются. Русский зритель проявляет или считает нужным проявлять большую разборчивость и не смеется, если находит, что шутка слишком проста, несколько грубовата, «плоская»,

Заключение

Когда мы с мужем приезжали из ГДР домой в отпуск, а после трех лет работы вернулись окончательно, родственники и близкие знакомые, принадлежавшие к старшему поколению и бывшие в основном образованными интеллигентными людьми, с острым любопытством спрашивали нас о немцах и Германии. Поколение наших родителей помнило первую мировую войну, революцию, гражданскую войну, выживало при советской власти, только что прошло через Отечественную войну 1941–1945 годов и теперь тоже выживало в бедности и напряжении под непрерывными струями лживой государственной пропаганды. Они родили, вырастили и воспитали нас, дали высшее образование и выпустили в свободное плавание. Судьбы России и Германии в обозримом прошлом всегда переплетались, немцев всегда у нас знали в разных ипостасях. Последняя недавняя война оставила самые кошмарные впечатления, немцы предстали в совершенно новом свете. Теперь, в исторической ретроспективе, мы лучше осознаем, что Германия после первой мировой войны стала качественно другой — гитлеровской, как и Россия — сталинской.

И вот нас с мужем, увидевших Германию собственными глазами, спрашивали, что же мы увидели, явно ожидая, как минимум, критических оценок. Мои ответы и мои рассказы о Германии читатель может представить по только что прочитанным воспоминаниям. Мои слушатели обычно спрашивали: почему ты хвалишь Германию? Она принесла России много горя, это зло творили немцы. Теперь, в униженном положении побежденных, они нас, конечно, особенно не любят. Как почему-то было принято у наших русских людей, при вопросах подспудно подразумевалось, что если кому-то нравится некая страна, то он хотел бы там жить. Смысл моих ответов был примерно таким. Все так, как вы говорите. Но я восхищаюсь Германией, самой по себе, отвлекаясь от ее взаимоотношений с другими странами и народами, с нами в том числе. Восхищаюсь ее землей, величайшим культурным наследием, высокой бытовой культурой, одаренностью, трудолюбием и дисциплинированностью народа. Жить там я не хочу и не могу. Я там чужая, с чуждым менталитетом, без языка, никому не нужная, принадлежу к народу, который для немцев является их победителем, а теперь оккупантом, навязывающим чуждую им систему государственного устройства. Я даже мысленно не примеряю

банальная, «не к месту» и т. д. Недаром наши русские гастролирующие артисты говорят, что на родине им труднее выступать, так как «русский зритель очень требователен».

на себя тамошнюю жизнь — настолько это бесполезное занятие. Мне немцы и Германия нравятся только сами по себе и сами для себя.

Менталитет немцев полезнее для существования народа, чем менталитет русских, что очевидно по достигаемым результатам: уровню и качеству жизни. Русский народ рождает не меньший процент разнообразно одаренных людей, чем немецкий, но если речь вести о научно-технической области, то, видимо, наши особенности часто препятствуют практической реализации теоретических разработок. Однако русский менталитет — это мой менталитет со всеми его недостатками, но и со всеми его достоинствами. Для меня родными и естественными являются стихия русского языка, мелодии и слова народных русских песен и выражаемые в них чувства, русские пейзажи, особенности русского народного характера с его «загадочной душой» и стремлением к «высотам мысли и духа», даже определенное разгильдяйство, которое в немалой степени присуще и мне самой. Все перечисленное отразило русская классическая литература, музыка, живопись, на которых я была воспитана. Так как я выросла в геологической семье и сама всю жизнь работала в геологии, то я бывала во многих отдаленных районах России. Часто неделями и месяцами я жила в домах у сельских жителей, благодаря общению с которыми еще более укрепилось мое русское самосознание. Оторвавшись от русского мира, наверное, я почувствовала бы себя незащищенной, без почвы под ногами. Все, что я только что написала с раздражающим меня самопафосом, должно передать современному читателю, с одной стороны, умонастроение законопослушных людей в послевоенные годы, с другой стороны — мое неприятие их упрощенной точки зрения. Старшее поколение считало своим патриотическим долгом высказывать ревнивое и недоверчивое отношение к иностранцам за «железным занавесом», которое было наполовину искренним, наполовину объяснялось боязнью обвинений в антисоветских настроениях. Я же, стремясь к правдивому описанию ситуации, проявляла некоторое вольнодумство.

С тех пор прошло более чем полвека, многое в мире кардинально изменилось, и сегодня русские люди без проблем живут и в Германии, и в других странах. Мне нравится, что теперь нет необходимости сравнивать качество жизни в разных странах с оглядкой на казенную идеологию.

Валентин Александрович Костин

Валентин Александрович КОСТИН (1939 г. р.) — горный инженер, кандидат технических наук, старший научный сотрудник, ученый секретарь Советского национального Комитета Всемирного горного конгресса.

Воспоминания о "Висмуте"

В. А. Костин.

После окончания Московского горного института по специальности разработка месторождений полезных ископаемых в 1964 году был направлен в очную аспирантуру института по кафедре «Рудничная и промышленная аэрология и охрана труда».

Обучение в аспирантуре под научным руководством заслуженного деятеля науки и техники РСФСР профессора Ксенофонтовой Анны Ивановны, доктора технических наук Бурчакова Анатолия Семеновича и кандидата технических наук Ножкина Николая Васильевича до 1968 года было направлено на исследование и разработку наиболее перспективных направлений борьбы с опасными явлениями в шахтах.

Изучение газогидродинамических процессов в угленосной толще при гидравлическом на нее воздействии обеспечивало вытеснение или блокировку заключенного в угле метана, связывание угольной и породной пыли, снижение прочности угля и пород, повышение гидропроводимости пласта и снижение опасности самонагрева и самовозгорания угля.

Для решения поставленных практических задач в период с 1968 по 1970 гг. выполнялись на базе Отраслевой научно-исследовательской лаборатории дегазации шахтных полей Московского горного института шахтные и экспериментальные исследования по перераспределению пластового давления, изменению газовыделения в горные выработки, определению газогидродинамических характеристик угольного массива при его влагонасыщении.

Результаты выполненных теоретических и натурных исследований нашли отражение в диссертационной работе В. А. Костина на тему «Исследование газогидродинамических процессов в угольном массиве», которая была защищена на Ученом совете Московского горного института с присуждением ученой степени кандидата технических наук.

В 1970 году В. А. Костин избран по конкурсу на должность старшего научного сотрудника лаборатории вентиляции и борьбы с пылью Института горного дела имени А. А. Скочинского.

За период 1970–1978 гг. в составе лабо-

ратории вентиляции был выполнен большой цикл исследований по совершенствованию проветривания рудников «Пирамида» и «Баренцбург» на острове Шпицберген, созданию устойчивого режима вентиляции шахт в сейсмоактивных районах острова Сахалин, по определению аэродинамических параметров вентиляции перспективных технологических систем разработки угольных пластов, обеспечению высоких нагрузок на очистные забои по фактору вентиляции для «Шахты будущего» на примере шахты «Маяк» (Донбасс).

При визите в лабораторию вентиляции, ранее работавшего у нас доктора технических наук Первого Юрия Михайловича, поступает его предложение связаться с заведующим лабораторией вентиляции СГАО «Висмут» Кретиным Анатолием Валентиновичем о работе в ГДР.

Выслав краткое резюме о своей работе по вопросам дегазации и вентиляции шахт в адрес А. В. Кретины, я вскоре получил от Министерства среднего машиностроения СССР приглашение и начал оформлять необходимые выездные документы.

В июне 1978 года решением парткома института переведен в Отдел международного сотрудничества ИГД им. А. А. Скочинского в должности старшего научного сотрудника и рекомендован в Министерство угольной промышленности СССР для утверждения в качестве Ученого секретаря Советского национального Комитета Всемирного горного конгресса.

В 1978 году в г. Ворошиловграде участвую в подготовке и проведении заседаний членов Организационного комитета Всемирного горного конгресса, обсуждающего представительство на очередном Конгрессе горнодобывающих стран и тематику докладов на секциях.

В 1979 году в г. Стамбуле (Турция) в качестве советского ученого секретаря решаю организационные и финансовые проблемы с турецким Оргкомитетом ВГК и содействую участию советских делегатов и научных туристов в работе по секциям проводимого IX Всемирного горного конгресса.

Членами советской делегации по результатам работы секций был составлен

технической отчет о новейших разработках в передовых угледобывающих странах мира и предложены для горных организаций СССР соответствующие рекомендации.

23 апреля 1980 года моя семья в составе жены Костиной Нины Михайловны и дочери Костиной Светланы Валентиновны — ученицы 4 класса — с Белорусского вокзала выезжает во Франкфурт-на-Одере (ГДР). Нас дружелюбно встречают на вокзале, но погода после московской жары в 25 градусов тепла на минус 2 градуса на немецкой земле, заставило нас по дороге в Зигмар доставать теплые вещи.

Уютно устроившись и переночевав в гостинице Советского клуба, утром наскоро позавтракав с помощью жены, двинулся в Генеральную дирекцию для оформления своей деятельности и жизни в ГДР.

Пройдя все необходимые для проживания в СГАО «Висмут» процедуры, я в кадрах впервые встретился и познакомился с главным инженером Научно-технического центра (НТЦ) — Юрием Яковлевичем Евлюхиным, который по пути в Грюну — месторасположение НТЦ, очень четко и ясно обрисовал мои задачи и обязанности, познакомил с заведующим отделом вентиляции НТЦ Кретиным Анатолием Валентиновичем.

Мне сообщили, что согласно приказу, я назначен старшим инженером горной лаборатории НТЦ СГАО «Висмут» и завтра в 7 часов утра я должен приступить к работе, а пока надо возвращаться в поселок и решать жилищный вопрос. Завтра утром автобус доставит меня из поселка в Грюну.

Найдя советского коменданта поселка, мы с ним и женой пошли к немецкому распорядителю жилым фондом. Было уже обеденное время, и я впервые услышал приветствие на немецком языке: «Гутен апетит!».

Нам выделили трехкомнатную квартиру на первом этаже дома на улице Штерцельштрассе, вблизи Дома школьника и места сбора выезжающих рыбаков и охотников.

Утром прибыл автобус на улицу Штерцельштрассе, проехав мимо наших окон, и советские специалисты поехали на нем в Грюну.

Первый день работы в лаборатории вентиляции начался со знакомства с заместителем заведующего лабораторией Гюнтером Шлоттом, с ведущими специалистами лаборатории: доктором Эрхардом Кэмпе и Людвигом Хамбек, группой сотрудников и секретарем лаборатории фрау Гиззела.

Наиболее деловые отношения по исследованиям радоновыделения в горные выработки и дренажные скважины рудников сложились с доктором технических наук Эрхардом Кэмпе, окончившим Ленинградский горный институт и отлично владевшим русским языком.

16 марта 1981 года я был переведен на должность руководителя группы лаборатории рудничной вентиляции Научно-технического центра СГАО «Висмут».

Весьма запомнилось первое коллективное празднование накануне 1 Мая на садовом участке одного из сотрудников лаборатории (из группы вибрации), который в этот день был ответственным за доставку в садовое товарищество продуктов питания на всех огородников! Это было интересно.

Основной объем исследований по радоновыделению в экспериментальные скважины при различном давлении разрежения и снижению выделения газа в выемочные блоки проводился на МГДП «Беервальде».

Результаты исследований доктора Эрхарда Кэмпе и доктора В. А. Костина по уменьшению радоновыделения в очистные пространства посредством создания зон пониженного давления в горном массиве были реферативно опубликованы в журнале № 6/83 Отдела информации «Камер дер техник».

Большой объем исследований был выполнен группой Людвиг Хамбека на руднике «Кенигштайн» по разработке и испытаниям новой конструкции измерительного прибора «Альфа-Цет» для обеспечения контроля санитарно-гигиенических условий труда горняков СГАО «Висмут».

Обобщение результатов применения измерительного прибора в условиях урановых

После защиты диссертации Л. Хамбек и Костин В. А.

месторождений и полученные технические характеристики были доложены и защищены на ученом совете Фрайбергской горной академии с присуждением ученой степени доктора-хабила технических наук.

Исследования аэродинамических параметров нагнетательно-всасывающего проветривания рудника «Пайтдорф» были проведены в выработках, контактирующих с бортами карьера.

В связи с включением в вентиляционную сеть рудников «Ройст» и «9» скважин большого диаметра было проведено экспериментальное определение удельного аэродинамического сопротивления таких скважин в зависимости от крепости горных пород.

За успешное выполнение тематического плана исследовательских работ лаборатории я был награжден почетными знаками «Мастер труда в серебре» и «Активист социалистического труда».

С большим уважением вспоминаем занятия по немецкому языку, проводимые старшим переводчиком НТЦ фрау В. Ванке, создавшей уникальное пособие по грамматике немецкого языка и методическое пособие «Горное дело».

Свободное от работы время полностью заполнялось проведением регулярных по плану парткома политзанятий, автобусных поездок на охоту и рыбалку на различные озера ГДР, ознакомительными поездками по дворцам и музеям культурного наследия немецкого народа, участием в хоровом коллективе и, для жены и дочери, ансамбле танца и пляски Зигмара.

Моя жена, Нина Михайловна, с большим творческим подъемом принимала участие в подготовке праздничных тематических вечеров в Советском клубе: рисовала огромные художественные панно для сцены к спектаклям, посвященным Дню Победы; веселые картины — юморески к празднованию Нового Года, ответственность за которое возлагалось на НТЦ; культурных мероприятий, посвященных литературному наследию Александра Сергеевича Пушкина.

В Доме школьника она обучала детей

рисованию и шила для участников детских концертов нарядные платья.

Дочь моя, Светлана, успешно закончила обучение в средней школе № 103 ГСВГ, в 1986 году поступила в институт МИИГАиК и с красным дипломом его окончила. Успеху в подготовке школьников к поступлению в вузы способствовали дополнительные занятия, проводимые высококвалифицированными советскими специалистами СГАО «Висмут». Занятиям школьников серьезно помогало также участие в тренировках и спортивных мероприятиях — соревнованиях по волейболу, стрельбе и в танцевальных группах.

Прекрасная природа, окружающая поселок с лесным массивом и озером Штаузее, позволяла семьям советских специалистов совершать оздоровительные прогулки по лесным тропинкам в выходные дни и праздники. Всегда удивляло спокойное поведение немецких взрослых людей и детей в купальный сезон на озере Штаузее.

Предоставляемая возможность для работающих специалистов и их семей, не выезжая из ГДР, провести часть отпуска в зимний период на курорте г. Обервизенталь в доме отдыха — лучший подарок для горнольжников.

Хочется отметить, что при встрече Нового 1986 года в Шварцвальде — недалеко от города Иоганнсгеоргенштадт, я с женой с удовольствием посетил его центральную часть с памятником Иоганну-Георгу, где в период с 1950 по 1953 год работал на шахте 158 Объекта 1 мой старший брат — Костин Николай Александрович.

После возвращения в 1986 году из ГДР я вернулся в свой Институт горного дела имени А. А. Скочинского на должность заведующего отделом международного сотрудничества и внешнеэкономической деятельности.

Приобретенный опыт работы в ГДР позволил заложить основы международного сотрудничества высококвалифицированных специалистов ИГД им. А. А. Скочинского с зарубежными странами. Были заключены международные контракты с Китаем, ФРГ и Индией по внедрению научных разработок института в области в горного производства.

Юрий Сергеевич Усольцев

Юрий Сергеевич УСОЛЬЦЕВ родился в 1936 году в Свердловске, окончил Свердловский Горный институт в 1960 году по специальности «Геофизические методы поисков и разведки месторождений редких и радиоактивных руд». С 1960 по 1969 — работа в специализированной экспедиции по поискам промышленных месторождений урана на Урале. 1969–1974 гг. — «Висмут», 1975–1980 гг. — та же экспедиция, 1980–1985 — «Висмут», 1985–2008 — экспедиция. С 2008 г. по настоящее время — Уральский Государственный горный университет (кафедра геофизики).

С радиометром и спектрометром в поисках урана¹

В апреле 1969г. получаю телеграмму: «Позвоните в Москву». После почти двух лет томительного ожидания, оформления необходимых документов, получения справок о здоровье и пр. и пр., наконец, командировка в ГДР, похоже, начинает приобретать реальные очертания. Звоню в кадры министерства — «Атомпрома», как оно теперь называется. «Все готово! Когда выезжаете? Дело к первому майским праздникам, до или после поедете?» Решил — до.

Собрался, пока без семьи, выехал из Свердловска(теперь Екатеринбург) и через сутки — Москва. Наставительные беседы на разных уровнях, в том числе и на самом высоком — в ЦК КПСС, и вот уже поезд Москва — Берлин.

Мне уже 33 года. За плечами 10 лет работы геологом — уранщиком, прошедшие после окончания института. За это время много пришлось поколесить по стране, однако, за границу поездка первая. Соответственно и впечатления: мягкий вагон, пограничники, таможня, Варшава с ее подземным вокзалом и, наконец, Франкфурт-на-Одере — конечный пункт по железной дороге. Опять пограничники, теперь уже немецкие, автобус и через Дрезден в Карл-Маркс-Штадт — первое путешествие почти через половину ГДР и всего-то за 4 часа. Другие расстояния! Все другое.

Ночью, в канун 1 мая приезжаем в Советский клуб Зигмара. Встречает меня мой товарищ М. Изюмов, с которым вместе работали в экспедиции в Свердловске. Он примчался из города Гера, где уже год работал главным геофизиком карьера Лихтенштайн.

Завтра праздник, тем не менее встречаются, провожают до комнаты — отлажено все давно. Телефонный звонок — звонит Марченко В. В. — главный геофизик Центрального геологического предприятия(ЦГП). Знакомимся. Приглашает утром на демонстрацию и, хотя устал, соглашаюсь тотчас же. «Я за вами зайду в 6 часов»(!?). Вроде не ослышался. Наутро проснулся, оделся. Не покидает мысль — ослышался: кто же

в 6 часов утра ходит на демонстрацию? Так началось для меня привыкание к здешнему режиму дня, раннему вставанию на работу, доставлявшему мне, да и многим другим большие трудности.

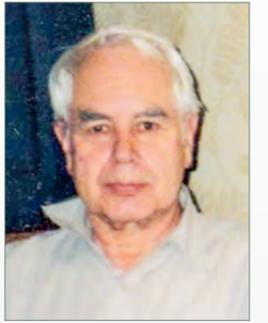
После праздников первая встреча с руководителем Общества, ЦГП, где, как выяснилось, мне предстоит работать в качестве старшего геофизика по каротажу — геофизическим исследованиям в скважинах, в Саксонской геологоразведочной экспедиции в городе Ауе.

И вот Ауе, общежитие. Завтра на работу. Начало в 5:30, автобус отходит в 5:00. Коллектив советских специалистов оказался довольно большой — человек 15–17. Все, кто без семей, живут в общежитии, остальные — в соседних с ним домах.

Впечатлений, как и трудностей, море. Главное — незнание немецкого языка. В школе и институте я учил английский, в немецком ограничивался пока Glück Auf и Guten Morgen. Сажу в комнате экспедиционного барака с коллегой Манфредом Хайдебрухом, который русского не знает, а в смежной комнате — Ульрих Вайзе самостоятельно выучивший русский довольно прилично. Он и стал моим первым учителем немецкого. Начали с того, что он написал мне бумажку с немецкими словами для кантины, которую ежедневно посещали во время кофе-паузы. В бумажке основополагающее: кофе с (без) сахара, с (без) сливок, булочка с (без) маслом. Бумажку день на третий я благополучно потерял. «Mit» помню, а «ohne» — забыл. И на вежливые вопросы хозяйки кантины фрау Юнке приходилось просить не то, что хочу, а то, что помню: булочку надо без масла, а приходится брать с маслом.

Вот два комичных случая, связанные со знанием (точнее, с незнанием) языка.

Вновь приехавшего, да без семьи, наши женщины, жены специалистов, особенно в первое время окружают вниманием: советуют, что купить, что надеть, как поступить в тех или иных ситуациях и т. д. Одна

Ю. С. Усольцев.

¹ С сокращениями будет опубликовано на немецком языке в книге «Auf Uransuche hinter der Elbe. Sowjetische Geologen bei der Wismut». («В поисках урана за Эльбой. Советские геологи в Висмуте.», 2013.

День геолога. Советские специалисты Саксонской экспедиции. 01.04.1973 г.

Слева направо: Л. Галяпин, Е. Докучаев, Б. Рыжов, В. Кушнаренко, М. Тишуков, ? Р. Андроненков, В. Тютин, Тепляков, Л. Севрюгин, Б. Серов, П. Виниченко, В. Русецкий, Ю. Усольцев, Н. Глаголев, Ю. Юртайкин.

из них, жена геолога, с которым мне пришлось потом долго сотрудничать при разведке одного месторождения, выбрала меня своим подопечным и однажды рассказывает: приехали в отпуск в Союз. Зашла в универмаг за колготками, а как спросить — не знаю: «Strumpfhose» — помню, а «колготки» — забыла. Я уши развесил: до чего люди здесь приживаются — родной язык забывают. Потом оказалось, что это единственное немецкое слово, которое она знала.

Да, этот этап вживания, адаптации к местным условиям был, несомненно, самым тяжелым периодом в новой жизни. Обычный режим дня: 4.30 — подъем, 14.30 — окончание работы, поездка домой. Потом у некоторых — сончас, полтора часа, а после него «отдых»: самодеятельность, спорт, политучеба, многочисленные мероприятия по линии DSF, культурные программы — обсуждение книг, юбилеи Пушкина и пр. и вер-

Экскурсия в Шпревалд, 21.06.1969 г.

шина всего — общевисмутовские смотры художественной самодеятельности, приуроченные ко дню рождения Ленина (22 апреля, кто забыл). Некоторые из мероприятий начинались с сентября, такие, например, как изучение немецкого языка, дважды в неделю по два часа в течение двух лет со сдачей экзаменов, другие — круглый год. Тем не менее, летом все относительно затихало. Работа, естественно, шла своим чередом. Многие из жен, как правило, с концом учебного года в школах уезжали в Союз до начала следующего учебного года: то дети в институт поступают, то надо квартиру менять, то родители болеют, то просто встряхнуться хочется. Мужики — одни. Хотя и минимум забот, но все равно надо поесть, выстирать белье и т. д. Я даже в шутку советовал дамам, уезжающим в мае до сентября, сварить суп в ванной, чтобы хватило на три месяца. Приходит муж с работы, опускает туда кипятильник, греет, похлебал прямо из ванны... и свободен, иди играть в волейбол.

Кстати о волейболе. В «Висмуте» был культ волейбола. Я в свое время в Свердловске им занимался, играя за команду мальчиков, поэтому пришлось, что называется, ко двору. Собралась команда энтузиастов, среди которых хотелось бы вспомнить Ю. Ульянова, М. Каротаева и др. Некоторое время играли в Bezirksliga, участие в которой предполагало выступления и детской команды, которую еще надо было собрать и подготовить. Тренером выбрали меня. Нагрузка невероятная: суббота — поездки по городам с командой мальчиков, воскресенье — свой волейбол также в разных городах.

Спорт лично для меня волейболом не ограничился. В то время я неплохо плавал. Ходил в бассейн в Свердловске, регулярно ездил из Ауэ в Зигмар в бассейн, так что оказался в сборной ВВ-9. Капитан — тогдашний капитан главный инженер «девятки» Тормышев Л. М., впоследствии — главный инженер «Висмута», геологи В. Нечаев (член сборной Украины по плаванию), Ю. Юртайкин и я.

И все это на фоне постоянных экскурсий по всей республике, субботне-воскресных домов отдыха, охоты и рыбалки, которых я, главным образом из-за волейбола, был лишен. Я мог отказаться от чего угодно, но лишиться экскурсий было выше моих сил. Организатором их в Ауэ был Б. Лашков — геолог экспедиции, мой большой приятель, с которым я проработал в «Висмуте» 10 лет, и надо отдать ему должное: ездили мы по местам действительно интересным, кроме того, владея немецким, он часто заменял и переводчика. За годы, прожитые в Ауэ, я узнал всю страну, объездив все достопримечательности плюс к тому, что еще и по работе тоже приходилось много ездить.

Вспоминается комичный, по сегодняшним меркам, но вместе с тем показательный для тех лет и той обстановки, случай. Дело было в рождественские каникулы. Мы поехали на экскурсию в Дрезден и решили послушать прекрасный органнй концерт в Kreuzkirche. Зашли, послушали — и через пару дней получили от своего начальства сполна: «Советские специалисты — и в церкви!» Кто-то из женщин проговорился, а администрация, понятно, не дремала.

Особо хочу остановиться на проводимой по линии парткома «Висмута» пропаганде советского образа жизни, реализуемой через лекции немецкого населения. Аудитории самые разные: от школ и домов престарелых до промышленных предприятий. В Ауэ работало 5–6 лекторских групп, в каждую входил лектор, киномеханик и переводчик. Зачастую лекция представляла собой рассказ о крае, откуда приехал с показом захваченных из дома фотографий и демонстрацией фильмов. С удовольствием вспоминаю благодарных слушателей, их искренний интерес к Советскому Союзу, в частности Уралу, в особенности к Полярному Уралу, как наименее изученному краю, где три полевых сезона мне пришлось работать.

Лекторскую работу я выполнял охотно, с интересом и, хочется верить — с отдачей.

Несколько слов о самодеятельности и, в частности, о хоре. В Ауэ это дело было поставлено более чем серьезно: от семьи минимум один человек должен был петь и не по желанию, а в обязательном порядке. С неработающими женщинами понятно — их надо было чем-то занять, а мужчины, и как правило не первой молодости, встав чуть свет и отработав рабочий день, по вечерам должны были лезть на стулья, выстраиваясь позади женщин, и 2–2.5 часа разучивать песни. Не всем это нравилось, в том числе и мне. Никогда, ни до, ни после, я пением не занимался.

Но и это еще не все. Плюс к хору был еще мужской ансамбль: человек 8–10 «певунов», в числе которых оказался и я. Ансамбль этот функционировал более интенсивно, выступая по приглашению немецких организаций на различного рода мероприятиях, торжествах, юбилеях, ими проводимых. Случалось это иногда и в рабочее время.

Запомнилась одна из таких поездок именно в рабочее время. Поехали не пообедав, поэтому по приезде отпросились у руководителя в ближайший Gaststätte. Пошли... и не только. Выступление впереди, а некоторые на стул самостоятельно не могут забраться, не то что петь. Ну, ничего, обошлось. Зрители — люди воспитанные, сделали вид, что не заметили.

Теперь о главном — работе.

Каротажный отряд в экспедиции оказался довольно большим: пять каротажных станций на автомашинах, геофизическая мастерская, оформительский отдел, гараж, кроме того, рудные модели скважин, контрольная скважина, устройство для проверки каротажного кабеля, которые были построены уже при моем участии.

Чтобы во всем этом разобраться, требовалось время. Я начал с того, что по совету М. Изюмова уехал на 3 дня в Тюрингскую экспедицию, в Роннебург к К. Иванову, который возглавлял там Karttage-Abteilung, оказавшийся еще большим, учитывая большие объемы бурения. Разница была в том, что мы работали в Рудных горах и Фогтланде,

отличающихся по геологической обстановке, а следовательно и по интерпретации, а они занимались только Роннебургским рудным слоем. Геофизический комплекс, правда, был стандартным и включал электро- и гаммакаротаж, инклинометрию и кавернометрию. Автомашин и аппаратура (кроме инклинометров) были советскими. Поэтому случилось, по запчастям к машинам приходилось обращаться за помощью к Советской Армии.

В мои обязанности входило, кроме всего прочего, количественная интерпретация гаммакаротажа, легшая в основу подсчета запасов месторождения Хауптмансгрюн-Ноймарк в Фогтланде, разведка которого тогда проводилась, интерпретация геологических колонок скважин, уточняющая геологический разрез. И если по Фогтланду все с этим обстояло гладко, то по Рудным горам с менее контрастным по электрическим свойствам разрезом — значительно сложнее. Долго не мог разобраться с участком Теллерхойзер, где, кроме урановой минерализации, было обнаружено олово, и пройдена впоследствии штольня Poela. Расчленению толщ

День геофизика. 16.09.1982 г. Слева направо: главные геофизики СГАО «Висмут»: настоящий — Лучин И. А., будущий — Яныкин А. Ф.

на Теллерхойзере по данным электрокаротажа был посвящен мой доклад на техучебе в Генеральной дирекции «Висмута».

В 1973 году СГАО «Висмут» получает правительственное задание по оценке запасов флюорита (плавикового шпата), используемого в качестве флюса в металлургической промышленности. В тот момент республике он потребовался. Источник известен — кварц-флюоритовые жилы Рудных гор и Фогтланда.

Прямое определение флюорита в скважине имеет конечной целью подсчет запасов этого полезного ископаемого по данным геофизики. Тем самым исключается более дорогое химическое опробование с предварительным отбором проб из керна, выход которого к тому же не всегда бывает высок, а представительность проб, таким образом, не высока.

Для определения флюорита используется так называемый нейтронный активационный метод, в основе которого лежит облучение горных пород потоком нейтронов.

Дело было поручено научно-техническому центру Общества (НТЦ) и Саксонской экспедиции. В НТЦ — Ю. Макарову, кандидату технических наук, руководителю работ и В. Морозову (оба — москвичи) — разработка и конструирование аппаратуры. Нам — методика применительно к конкретным условиям. Был получен из Советского Союза источник нейтронов, на базе экспедиции сооружена рудная модель — металлический бак, заполненный флюоритовой крошкой, внутри которого труба, имитирующая скважину, куда помещался скважинный снаряд.

Постепенно совершенствовалась методика. Для этого выезжали на кварц-флюоритовые жилы, уже вскрытые скважинами, среди которых были так называемые контрольные с известными параметрами жил и содержанием в них флюорита. Все как будто шло своим чередом. Главной трудностью оставалось только обеспечение радиационной безопасности, поскольку нейтронный источник, представляющий из себя крошечный металлический цилиндр размером около сантиметра, имел выход нейтронов довольно высокий, а его надо было возить в каротажной станции, закладывать и вынимать из аппаратуры, производя каротаж.

Известно, что лучшей защитой от быстрых нейтронов является водородосодержащая среда, например, парафин. Вот такими парафиновыми «кирпичами», помимо стандартного защитного контейнера, мы экранировали источник, находящийся в дальнем углу станции и оба передних сиденья, где сидели люди. Закладывали источник в скважинный снаряд и вынимали из него специальными щипцами

с длинными ручками — дистанционным держателем и немедленно опускали в скважину или помещали обратно в контейнер, тем самым сводя до минимума время непосредственного с ним контакта, от которого зависела полученная доза облучения.

В заключение флюоритовой эпопеи замечу, что в Союзе в описываемое время метод применялся уже при определении меди, бокситов, флюорита. В условиях же СГАО «Висмут» — впервые. Так что мы были пионерами.

Незаметно пролетали годы — жизнь была настолько насыщенной, что время уезжать приблизилось незаметно. Теплые проводы, устроенные коллегами по экспедиции, награды, прощальные адреса с пожеланиями вернуться в «Висмут», подарки, застолья — все слилось в прощальный месяц — полтора, и вот я снова в Свердловске, теперь уже Екатеринбурге, в экспедиции, из которой уезжал когда-то, старые друзья-сослуживцы, знакомая работа... и непреходящее желание вновь поработать в «Висмуте».

Такой случай представился в 1980 г. и я снова проделал знакомый путь из дома в Москву, из Москвы в Карл-Маркс-Штадт. И первое впечатление — как будто не уезжал.

И опять жизнь захлестывала. Работа в той же должности, но теперь уже в отделе перспективной разведки ЦГП в поселке Грюна, в 15 минутах езды от Зигмара.

Быстро вошел в курс дела, не обременив себя на этот раз ни волейболом, ни хоккеем, ни изучением немецкого, ни лекциями среди немецкого населения. Оставил только экскурсии. Однако, на смену общественной жизни пришли не менее хлопотные обязанности председателя одной из комиссий профкома СГАО «Висмут» — по работе с детьми, а по линии парткома — шефской работой в немецкой школе им. Гете Карл-Маркс-Штадта. И там, и там дети, а вместе с ними детские смотры художественной самодеятельности, спартакиады, пионерские лагеря летом — для наших, экскурсии и другие мероприятия — для немецких школьников. В то время директором школы был Гюнтер Буххайм, очень энергичный и контактный человек, с которым мы сразу же нашли общий язык. Дети есть дети, хоть немецкие, хоть русские. Как-то ездили с немецкими школьниками на экскурсию в город Глаухау, где стояла наша воинская часть. Немедленно ребята облепили танк, только что пришедший с учений, грязный до «макушки». Мыли их по очереди — сначала гостей, потом танк. Побывали в красном уголке, в казарме. Затем был обед в офицерской столовой, приготовленный женами офицеров, завершившийся рассказом о буднях части.

Запомнился другой случай. Мы в советский клуб в Зигмар неожиданно на день-два получили все (!) серии мультфильма «Ну, погоди!», одинаково любимые и нашими детьми, и немецкими. Если не изменяет память, было 10–15 серий. Срочно звоню директору школы: «Надо детям показать!» Он: «Высылай автобусы, занятия на сегодня отменяю». Радости было!

Да, да, знаю, сейчас это звучит дико. Захотел посмотреть — зашел в Интернет, скачал. При чем здесь автобусы, отмена уроков? Но так было...

И еще о детях. Был у меня друг — Александр Отто. Разница в возрасте с ним в 35–37 лет не мешала. Дело было так. Иду как-то по улице Грюны. Навстречу парнишка, громко ревуший.

— Что случилось?

— А винтик-то потерял!

И продолжает реветь.

— Какой еще винтик?

Показывает машинку-конструктор, и действительно, какого-то винтика не хватает.

— Не реви! Пойдем со мной.

Мы работали в бараке на центральной улице Грюны, а семья Отто, как потом выяснилось, жила в Einfamilienhaus'e на параллельной улице за ним. Подходим к бараку. Полицейская охрана не пускает его. «Ну ребенок ведь!» «Все равно, нельзя!» Делать нечего, оставил его ждать в проходной, быстро нашел подходящий болтик, завернул и отдал парнишке. Благодарный, он умчался. Съездив вскоре в отпуск, я купил в Москве конструктор и ему подарил. Он потом часто ждал меня после работы или в обед у полицейского поста. Уже позднее, года через 2–3, обязательно показывал дневник, табель. К праздникам дарил мне собственноручно написанные поздравления, один раз даже с фотографией и иногда — с табелем успеваемости. Это поздравление храню до сих пор. Где он сейчас? Кем стал? Как сложилась жизнь у него, ведь ему сейчас под сорок!

Потом, когда я уже уехал, он спрашивал у наших специалистов мой домашний адрес, но так его и не получил.

Живя в Ауэ, я занимался рыбалкой, на охоту времени не оставалось. В Зигмаре решил поменять увлечения. Говорить о здешней охоте можно без конца. В центре Европы, в густонаселенных районах зверя, птицы тем не менее было много. Вот что значит порядок, хорошая организация, дисциплина. Один пример. Приехали на охоту. А. Жевлаков, наш охотничий начальник, вспоминают с немецким егерем уехавшего к тому времени нашего охотника:

— Ну, высокий такой, рыжий!

— Не помню.

— Ружье у него еще бокфлинт. Из Москвы он!

— Нет, не помню.

— В сидящую утку стрелял!

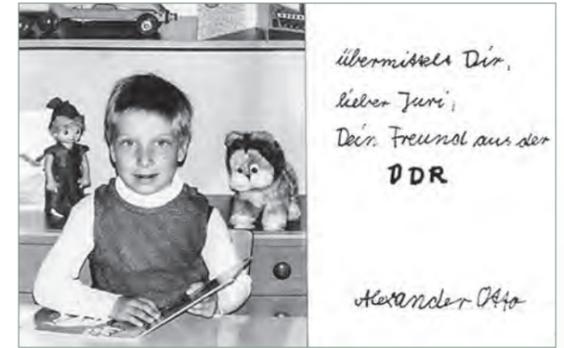
— А-а, так бы сразу и сказал! Теперь знаю о ком речь.

Выстрелить в сидящую дичь для немецкого охотника — последнее дело. Охота — спорт, не добыча.

Работа в отделе перспективной разведки, как я понимаю, элитном подразделении ЦГП, носила иной характер по сравнению с экспедициями (по крайней мере в тот период, когда я там работал), хотя полевые работы и проводились в небольшом объеме. В основном же это были солидные, обобщающие работы с ранее полученными или получаемыми на текущий момент материалами: по районам Халле-Делич, Майсен и другими.

Кадры отдела: опытные специалисты, кандидаты и доктора наук, как немецкие, так и русские, в том числе приезжающие, главным образом из Москвы в краткосрочные командировки или по техпомощи на более длительный срок. Руководили отделом москвич П. Шиловский, а с немецкой стороны — М. Фивег, закончивший наш ВУЗ в городе Баку, прекрасно владеющий русским. Зная отдел первой половины 70-х годов и сравнивая его с теперешним в 80-е годы, чувствовалось, что дело движется к завершению. Собственно, уже в Генеральной дирекции, когда я приехал в 1980 году, мне сказали: «Вы работали в первый раз, когда «Висмут» был в расцвете, сейчас же Рубикон перейден». Так и получилось. В 1985 году я покинул ГДР, а к 1990 году и «Висмут», и ГДР перестали существовать: Германия объединилась.

С тех пор прошло почти 30 лет. К сожалению, и мы, бывшие висмутяне, стали старше на столько же. Многие изменилось в мире, стираются детали, но память хранит немецкие осени, сухие и золотистые, красоту древних соборов и замков, маленькие пекарни — булочные, окутанные неповторимым духом печеного хлеба, хрустальный воздух Обервизентала, божественные бокфлюты, образ старушки без ноги на костылях, окутывающей розы в садике перед домом — врожденная немецкая аккуратность!

Мой юный друг
Александр Отто. 1982 г.

Станислав Иванович Голиков

С. И. Голиков.

Станислав Иванович ГОЛИКОВ — горный инженер, заслуженный геолог Российской Федерации, ученый секретарь Российского геологического общества. Трудовую деятельность Станислав Иванович начал в годы Великой Отечественной войны. С 1947 г. — в геологии. После окончания Свердловского горного института в 1953 г. работал в различных геологических предприятиях.

При участии С. И. Голикова широко проводилась механизация буровых работ, направленное бурение скважин, применялся алмазный породоразрушающий инструмент. С 1963-го по 1969 г. работал в ГДР в СГАО «Висмут».

Является одним из разработчиков и исполнителей научно-технической программы технического перевооружения геологоразведочных работ.

Награжден орденами и медалями СССР. Лауреат премии Совета Министров СССР, премии Мингео СССР, почетный разведчик недр.

Исчезнувшее государство

В Германской Демократической Республике я пробыл почти шесть лет. Это было славное время. Несмотря на то, что два года по разрядке Мингео СССР учил английский язык на специальных курсах в Свердловском педагогическом институте для последующей работы в одной из англоязычных стран, был командирован в ГДР. Парадокс тех времен. Произошло это не совсем обычным способом. В мае 1963 г. в Уральское геологическое управление, где я работал начальником партии новой техники, пришла телеграмма, чтобы Голиков Станислав Иванович срочно вместе с семьей и трудовой книжкой прибыл в Москву и позвонил по такому-то телефону. Что я и сделал. В столице узнал, что Министерством среднего машиностроения СССР направляюсь в длительную командировку для работы в Советско-Германском акционерном обществе (СГАО) «Висмут», которое занимается поисками, разведкой и добычей урановых руд.

Удивительно, что в Средмаше к нашему отъезду все было готово: красные заграничные паспорта, железнодорожные билеты, сопроводительные документы. Не успели оглянуться — мы уже в поезде Москва — Берлин и мчимся через Белоруссию, Польшу к незнакомой европейской стране — бывшей фашистской Германии. Во Франкфурте-на-Одере, как и было обусловлено, вышли из вагона. Нас встретил представитель «Висмута», взял паспорта и повел в небольшой дом за вокзалом. Сразу же поразили чистота на пустынном перроне, множество указателей, сверкающие окна небольшого вокзала.

— А багаж, где наши вещи?

— Не беспокойтесь, они уже в автобусе, пожалуйста, получите небольшую сумму денег в немецких марках, пригодятся в дороге, — и в путь.

Едем. Сразу чувствуется немецкий порядок — орднунг. Мелькают аккуратные деревни с неперменной кирпичной, островерхими черепичными крышами домов, кантинами, зелеными деревьями и цветниками. Захватило дух, когда выехали на автобан. Вот это

дорога! Широкая, ровная, прямая, без пересечений, с четкой информацией и специальными площадками для отдыха, оборудованными столиками и даже туалетами и урнами для мусора. Не трясет, не качает, ухабов и рытвин нет, красота! Через два часа подъехали к автозаправочной станции, называется Митропа. Это приземистое, просторное строение с большой площадкой для автотранспорта. Заходим, а там! Ресторан, бар, буфет, маленькие магазинчики, автоматы для продажи мелких товаров. И чего только нет! Для нас, советских граждан, в то время все казалось необычным и привлекательным. Тут же стали тратить немецкие марки. Особенно радовалась наша дочка, которой купили какие-то безделушки, чужеземные конфеты, красивую красочную картиночную книжку. Многочисленные немецкие посетители ведут себя спокойно, не толкаются, очередей нет. Атмосфера самая дружелюбная, вежливая, добропорядочная. Большинство пьют пиво и жуют жареные сочные сардельки — боквурсты. Мы тоже попробовали. Отдохнув немного, поехали дальше и вечером прибыли в Зигмар — предместье г. Карл-Маркс-Штадт, ныне Хемниц.

Так началась моя заграничная жизнь.

Сразу же поехал в Генеральную дирекцию, оформляться в геологический отдел на должность старшего инженера, а затем через некоторое время стал главным инженером Центрального геологического предприятия, которое мы организовали вместе с немецкими коллегами Клаусом Шнайдером и Фрицем Цумпе. В течение первых месяцев работы я детально ознакомился с состоянием буровых работ в Саксонской и Тюрингской геологических экспедициях. Обнаружилось, что бурение скважин ведется довольно устаревшим методом с применением в качестве стирающих дробин. Скорость бурения была не очень высокой, а поэтому детальная разведка (оценка выявленных месторождений) сдерживалась, и приходилось увеличивать количество буровых бригад. Эту проблему удалось решить в короткое время. По нашей рекомендации закупили

алмазные коронки советского производства, и началась эпопея по переходу с малопроизводительного дробового бурения на алмазное. Совместно с немецкими специалистами Карлом Файерером, Хорстом Кюнгрюном, Жоржем Иорданом и моими коллегами В. И. Каревым, Н. З. Беденковым и В. И. Курочкиным разработали соответствующую технологию бурения и буквально стали насаждать способ в рабочих коллективах. Встретились с сопротивлением некоторых немецких рабочих, и тогда я неоднократно вставал за рычаги бурового станка и демонстрировал, как надо бурить на форсированных режимах. Это нравилось немецким коллегам — не раз и не два они высказывали одобрение, но всегда подчеркивали опасность и возможность возникновения аварий. Постепенно, в течение двух лет, все буровые бригады перешли на новую технологию, возросла скорость бурения, особенно по кремнистым сланцам, повысилось качество работ. Иногда появлялись алмазные коронки зарубежных фирм. Как правило, стойкость их была выше советских, иногда даже в 1,5 раза. Споры и недоразумения по этому поводу возникали часто. Но конец спорам положил наш «великий эконом» — заместитель начальника предприятия Фриц Цумпе — будущий заместитель министра геологии ГДР, который предметно и убедительно доказал, что бурить советскими коронками в два-три раза дешевле, так как они стоили намного меньше, чем зарубежные. Научились мы рационально отрабатывать коронки и извлекать (рекуперировать) остатки алмазов из коронок. Вскоре образовалось довольно значительное количество отработанных алмазов. Через некоторое время в Ауэ организовали центр по рекуперации отработанного алмазного инструмента и производству собственных коронок, специально приспособленных для конкретных местных условий. Варьировали составы матриц, их размеры, количество карат и так далее. Особенно этим увлекся один из видных немецких геологов К. Файерер, много раз мы с ним просиживали в центре и на буровых, исследуя все аспекты технологических особенностей создаваемых собственных коронок и уточняя область их применения. Не забыли и об обучении рабочих кадров и специалистов — буровиков, как в процессе работы, так и на специальных краткосрочных курсах.

Вторая проблема, которую, как мне представляется, удалось решить — создание диспетчерской службы. Дело в том, что аварийность на буровых была минимальной, а вот простые, демонтно-монтажные работы, перевозки и своевременное снабжение буровых материалами занимали много времени. Прежде всего, снабдили бригады средствами связи и организовали диспетчерские пункты, которые своевременно и быстро передава-

ли в центр производственно-техническую информацию. Отдача от этого мероприятия пришла сразу же, и все затраты окупились. При этом диспетчеров подобрали из числа инженеров и техников с большим опытом работы и вменили им в обязанность собирать не только информацию, решать простейшие организационные вопросы, но и принимать меры в случае необходимости по изменению технологии процесса бурения. Получились как бы диспетчерско-технологические группы. Все это происходило не просто, иногда я сталкивался с откровенными враждебными выпадами и злорадством. К счастью, немного. У меня был заместитель Ж. Иордан, умевший сглаживать острые углы и проявлять настойчивость в реализации всех новшеств. Большую помощь оказывали советские специалисты, работавшие на штатных должностях в ЦГП и экспедициях. Замечательный человек и высококлассный специалист, главный геолог Юра Данилов, энергичный и неутомимый главный геофизик Вячеслав Марченко, полевые геологи Саша Скляр, Эдик Саруханян, Коля Костин и другие всегда помогали в решении организационных и технических вопросов. Поддержку мы, технари, получали и от высоких руководителей СГАО — С. Н. Волощука, К. П. Лященко, А. А. Данильянца, В. Рихтера, Р. Ланге.

Вот два конкретных примера совместных советско-германских действий.

Средний и капитальный ремонт буровых станков производился на севере ГДР в г. Стендале. Много времени занимали транспортировка агрегатов (несколько сот километров), ожидание ремонта и другие трудности. Пришла мысль: а почему бы не делать ремонт своими силами на каком-либо из горных предприятий Общества. Вместе с немецкими коллегами объехали ремонтные мастерские, имеющиеся на каждой шахте. Нашли пригодное нам предприятие и стали прорабатывать возможность решения этой проблемы. Тут я столкнулся с немецкой педантичностью, обстоятельностью, всесторонностью. Проект составлялся полгодом, мне это казалось очень медленным процессом и даже вызывало некоторое раздражение. Но в результате получился, как сейчас говорят, бизнес-план, в котором тщательно образом были разработаны и расписаны все необходимые действия и определен экономический эффект. Реализация проекта прошла на редкость гладко. Получили значительный эффект и солидно премировали отличившихся специалистов и рабочих. В том числе и меня, правда, эти деньги пришлось тут же сдать в советскую кассу. Кстати, с каждой зарплаты я, да и другие мои коллеги, сдавали разницу, так как советские оклады были ниже, чем по немецкому штатному расписа-

нию. Премии выпадали и по другим делам. Однажды с немецким инженером Хорстом Кюнгрюном придумали способ измерения угла наклона оси скважины не прерывая процесса бурения — нам выдали патент ГДР на изобретение. Изготовили несколько простейших устройств и стали применять их на практике. Получилась хорошая экономия средств и времени, выдали в немецкой кассе солидное вознаграждение, которое я тут же отнес в советскую бухгалтерию. Немецкие коллеги решили отметить это событие в ресторане. Собрали деньги в общий котел с участников внедрения этого новшества. Когда же я сунулся со своими марками, то директор предприятия засмеялся и категорически отказался брать мои деньги. Ничего не объяснил, но я понял, что он знает этот обидный для нас советский порядок.

Второй пример. Вызывает меня первый заместитель генерального директора СГАО «Висмут» Рихтер, что само по себе было необычно. Расспрашивает — какие буровые бригады лучшие, в каких условиях работают, какие диаметры бурения, сколько занимает времени пробурить скважину глубиной 150 м и т. д. Недоумеваю, к чему все это, и почему Рихтер не может узнать такие нюансы у своих же немецких специалистов. В конце разговора выяснилось, что немецкие руководители решили имитировать завал в шахте и для спасения людей надо бы пробурить скважину, по которой можно будет спускать питьевую воду, медикаменты, продукты, подавать воздух, одежду. Самый главный вопрос — попадет ли точно в штрэк скважина. Я заверил, что технически это возможно и что советские и немецкие буровики готовы выполнить такое задание. После разговора поехал в Тюрингскую экспедицию проверить оборудование на всякий случай. Прошло два дня. И вдруг ночью сообщают, что на шахте в Кенигштайне завал и под землей осталось несколько шахтеров. Разборка завала осложнилась и займет много времени. Нужно срочно бурить скважину. Я некоторым образом был готов к этому и понял — ситуацию смоделировали специально, чтобы убедиться: можно ли применять такой метод. Первые часы у меня и у моих коллег прошли в организационных хлопотах. К утру доставили самоходную буровую установку, определили с помощью маркшейдеров точку забуривания, подобрали конструкцию скважины и начали бурение. Руководили всеми работами Вячеслав Карев и Г. Соломо (немецкий коллега). Я тоже не оставался в стороне. Волновались ужасно. Ведь надо было бурить быстро и точно, применяя специальные режимы и ведя жесткий контроль. Особенно твердо я стоял на осуществлении контроля. «Попадем или не попадем?» — сверлила

все время мысль в голове. Порою сдерживал буровиков в их ретивости, ведь погнавшись за быстротой, можно «запороть» скважину. Донимали звонки, указания вышестоящих начальников — скорее, скорее. Но мы с Каревым не отступили ни на шаг от принятой технологии. Через сутки подобрались к штрэку и осторожно пошли дальше. Вдруг снаряд как бы стал проваливаться, то есть стремительно падать вниз, поняли, что попали в пустоту. После этого случая к советским буровикам стали относиться еще более уважительно.

Производство геологоразведочных работ в ГДР осуществлялось примерно так же, как и в советских геологических экспедициях. Бывая в немецких геологических народных предприятиях, я видел такое же, как и у нас, оборудование, похожую организацию труда с нормированием рабочего процесса, было даже социалистическое соревнование. Но заметил и отличия. Практически отсутствовала аварийность на буровых, так как везде строго соблюдалась технология бурения и своевременное выполнение мер по предупреждению аварий. Очень серьезно подходили к рекультивации площадок после завершения буровых работ. Никаких загрязнений не допускалось. Нередко перед началом монтажа буровой установки состояние территории фиксировалось на киноплёнку, а после окончания работ специальная комиссия принимала восстановленную, очищенную площадку. В «Висмуте» все это присутствовало в полном объеме. Отношение к рабочим и инженерно-техническим работникам, условиям их труда тоже отличались от наших. Находясь на полевых работах, геологи жили за счет предприятия в гостиницах или в хороших домах со всеми удобствами, питались в ресторанах, гаштгеттах или кафешках по талонам, получаемым в экспедициях. Оплачивался и проезд к месту работы. Чему мы удивлялись и завидовали — это добротной и удобной спецодежде, к которой отношение было самое бережное.

Несколько раз в году проводились научно-практические конференции, семинары по обмену опытом и просто встречи советских и немецких специалистов. Делали доклады и сообщения, дискутировали, спорили, учились друг у друга. Приезжали к нам чехословацкие геологи, работавшие по аналогичному профилю. Помню, в один из приездов чехословацких друзей немецкие коллеги и мы после весьма бурной и насыщенной конференции по методическим вопросам поиска месторождений урановых руд, решили отдохнуть (разрядиться) в одном из ресторанов Карл-Маркс-Штадта. Приехали на двух машинах в центр города, засели в отдельном кабинете, и понеслась пирушка. Чехи и немцы вели себя весьма свободно, а мы стара-

лись сдерживаться, помня разные инструкции по поведению советских граждан за границей. Изрядно подвыпив, чехи пустились танцевать в соседнем зале, а мы пели песни, рассказывали смешные истории и не чурались приложиться к немецкому шнапсу, вайнбранду и еще к каким-то горячительным жидкостям. Возвратились сильно подшофе в Зигмар ночью и обнаружили, что одного чеха нет. Подняли тревогу — куда пропал, что случилось? Поехали обратно — ресторан закрыт, никого нет. Вместе с немецкими товарищами обратились в полицию (а остальные члены чешской делегации не очень-то беспокоились). Какой-то полицейский чин спросил, в каком ресторане гуляли, и велел возвращаться в Зигмар и ложиться спать. Сказал — кайн проблем, к утру все образуется. И действительно, утром привезли чешского коллегу в целости и сохранности, но только без денег и весьма помятого. Оказалось, что он тихонько ушел ночевать к одной из дам, с которой танцевал в ресторане. Немецкие полиция оказались на высоте, сразу вычислили, где искать пропавшего, нашли и привезли. Случись такое дело с советским специалистом, тут же бы его отправили на родину с подмоченной репутацией. Немцы и чехи вдоволь посмеялись и выразили сочувствие виновнику происшествия, особенно жалели пропавшие деньги.

Работая главным инженером, я нередко участвовал в решении кадровых вопросов при приеме немецких специалистов на работу. Меня поражал подход к этому делу немецкого руководства и профсоюзных деятелей. Они всегда старались для поступающего установить максимально возможную зарплату. У нас же в советские времена и сейчас картина совершенно иная. Мы почти всегда старались назначить минимальную зарплату. Однажды я поинтересовался, почему у одного из немецких коллег, ничем особенным не отличающегося, очень высокая зарплата. Ответили, что у него четверо детей (это редкость для тех мест), и надо, чтобы дети могли достойно жить.

Как-то поступила директива развивать почин Валентины Гагановой и переходить передовикам отстающие бригады или коллективы. Этот вопрос рассматривали, обсуждали, намечали кандидатуры, но никто не хотел быть отстающим. Предложили рассказать об этом почине немецким профсоюзным деятелям. Вместе с профгоргом В. И. Ивлевым несколько раз разговаривали на эту тему с немцами. Слушали вежливо, с явным интересом, и задали вопрос: «Варум (почему), геноссе Голиков, надо подхватывать этот почин? У нас нет отстающих».

У советских геологов и горняков тоже не было отстающих, но пришлось выполнять указание сверху. Вскоре и немецкая сторона

сообщила, что у них появились «гагановцы». Видимо, и к ним пришла директива.

Весьма насыщенной была не только производственная жизнь. Как только мы приехали в Зигмар, буквально на следующий день пришел профгорг — геолог Володя Ивлиев — и спросил, чем я увлекаюсь, какими талантами обладаю и какие способности у моей жены. Узнав, что никаких особых увлечений у нас нет, тут же определил: «Будете ходить в хор два раза в неделю». А затем поведал о мероприятиях, проводимых в СГАО «Висмут» и попросил в них участвовать. Экскурсии в достопримечательные места, посещения Советского клуба, поездки в театры, художественная клубная деятельность, праздничные вечера, встречи с немецкими семьями, лекции, кружки кройки и шитья для жен, устная газета и много других дел, практически каждый вечер.

Не знаю так ли это, но существовало несколько как бы негласных правил поведения советских людей. Нельзя было работать нашим женам, хотя среди них находились хорошие высокопрофессиональные петрографы, минералоги, педагоги, врачи, химики и другие специалисты. Возможностей работать существовало сколько угодно, но... Не рекомендовалось бывать в магазинах и других общественных местах в одиночку, ходили только вдвоем или втроем. Посещать немецкие семьи можно было, поставив в известность режимную службу. В театры и кинотеатры тоже надо было отпрашиваться и ходить чуть ли не строем, на производимые покупки (в основном барахло) сохранять чеки и квитанции. Предписывалось вести себя достойно, и не попадать ни в какие нештатные ситуации. Но жизнь есть жизнь, правила эти нами нарушались. Несмотря ни на что, все равно общались немецкие и советские женщины в неформальной обстановке. Мы бегали потихоньку в ближайший немецкий кинотеатр, заходили в маленькие, уютные кантины и гаштгетты — выпить кружку-другую пива или шнапса. Конечно, те, кому это положено, все знали, но относились с пониманием и снисходительно. Каких-то ЧП в мою бытность не было.

За годы, проведенные в ГДР, я имел возможность наблюдать повседневную немецкую простую жизнь.

Первое, что бросалось в глаза, — экономия и бережливость во всем. Бывая в квартирах наших немецких друзей, видел самую простую обстановку, минимальное количество одежды (ведь всегда можно купить что-то новое), поражало отсутствие книг, журналов и газет. Экономия порой доходила до скупердяйства. Немецкий муж выдал своей жене определенную сумму денег на содержание семьи и ни пфеннига больше — что бы ни случилось.

Правда, следует сказать, что некоторые приемы экономии не худо бы было нам перенять. Например, в подъездах свет горел только столько времени, чтобы можно было подняться на свой этаж. Если необходимо большее время — нажимай кнопку. Утром немец бреется, налив горячей воды в умывальник, а не так, как у нас, с использованием текущей струи во всем цикле бритья. Отходы, мусор, пустые бутылки сортировались и собирались в отдельные контейнеры и поступали в переработку — мы, в России, уже лет 30 не можем приучить народ к этому.

Строгое соблюдение законов, уважение и почтение к полицейским, труд которых считается весьма престижным, — вторая национальная черта. На улицах правила движения соблюдали стар и млад — неукоснительно; если случалось стоять в очереди, вели себя вежливо и тактично; пьяных не было. По утрам я видел, как полицейские ходили по домам и выгоняли неработающих немецких женщин на зарядку, выполняя соответствующий закон ГДР.

Не знаю, как сейчас, а тогда в подъездах у них охраны не было, запирались они только на ночь. На лестничных площадках всегда идеальная чистота, цветочки, коврики и даже кресла, где можно было посидеть и почитать газету, которая тут же и находилась.

Немецкая еда отличалась простотой и рациональностью. Очень часто готовился айнтопф (один горшок) — блюдо, в котором сочеталось первое и второе блюдо, иногда подавались тушеная капуста со свиными ножками — айсбан, бифштекс с жареным картофе-

лем или курица. Вот, пожалуй, и все. Я любил иногда в ресторане или в каком-либо «едалном заведении» заказывать бауэрфрюштюк — крестьянский завтрак. Приносилась огромная сковорода, в которой были запечены кусочки ветчины, мяса, колбасы, картофель, яйца, помидоры, лук и так далее, то есть остатки от вчерашнего ужина как бы на крестьянском подворье. О пиве — особая речь. Легнее, зимнее, осеннее. Любое — бутылками и в розлив, только что изготовленное и старое, крепкое и слабое — что угодно. Тогда для нас это было просто необычным и весьма приятным.

Немецкие коллеги иногда приглашали нас посидеть вечером в пивной (которых было — несть числа) и мы видели обычную, типичную картину. Бюргер или Бауэр сидит в своей компании за кружкой пива, фрау где-то рядом с вязанием или просто так. Работает телевизор, лежат подшивки газет, тут же крутятся дети. Никто не спешит. Никого не гонят. Сиди себе попивай — дешево и сердито.

Необычно для нас было и отношение немцев к труду. Всякий труд, любая работа ценились высоко. Будь ты дворником, продавцом, уборщицей или инженером — неважно, уважение присутствовало всегда. Я помню, как большой немецкий профсоюзный босс гордился, что его фрау работает регистратором в поликлинике. Он говорил мне: «Она приносит пользу людям. И неизвестно, кто больше помогает народу — я или она».

Таковы мои впечатления об этой исчезнувшей стране, о немецких рабочих и инженерах, о геологах ГДР и нашей совместной работе.

Виталий Николаевич Смирнов

Виталий Николаевич СМЕРНОВ (1928–2008). Родился в дер. Погадаево Курганской обл. Окончил Свердловский горный институт по специальности «горный инженер» (1951). Специалист в области проектирования систем разработки урановых месторождений, систем управления предприятиями по добыче и переработке урановых руд. Работал в ПромНИИпроекте. В СГАО «Висмут»: начальник горного отдела Проектного предприятия (1956–1957), заместитель главного инженера (1962–1969).

Воспоминания, написанные после первого съезда висмутян

Сегодня, 22 ноября 2008 г., состоялся первый съезд висмутян. На этом большом собрании старых висмутян и их детей я хочу вспомнить о некоторых прошлых событиях, связанных с историей освоения новых месторождений СГАО «Висмут».

До 1955 г. в «Висмуте» отрабатывали очень богатые жильные месторождения и начинали применять системы разработки с креплением и закладкой на месторождениях Роннебургского рудного поля (участки Шмирхау, Лихтенберг). Эти системы были очень трудоемкими, малопроизводительными и не позволяли резко увеличить объем до-

бычи и снизить стоимость отработки.

В 1955 г. я был вызван к руководству института ПромНИИпроект (директору Б. И. Нифонтову), где на столе были разложены чертежи — геологические планы и разрезы. Присутствовали представители из министерства (8-е Управление). Было сказано, что в Тюрингии открыто месторождение «Роннебургское рудное поле». По величине запасов металла и перспективам равно ему нет не только в Европе, но даже в мире. Месторождение в районе Шмирхау разведано скважинами и горными выработками, пройденными из разведочной

шахты. Рудоносными являются углисто-кремнистые сланцы. Рудные тела мощные — до 20–30 метров, с углом падения 45–50 градусов. Покрывающие породы — углистые сланцы. Углисто-кремнистые сланцы трещиноватые, крепость по шкале Протодяконова 8–10 и 6–8. Устойчивость руд и пород незначительная. По некоторым данным руда в углисто-кремнистых сланцах может быть склонна к самовозгоранию. В Шмирхау были пройдены разведочные выработки при высоте этажа 30 метров.

Поставлена задача — найти в месторождении Кривой Рог⁴ рудник примерно с такими же горнотехническими условиями, где применяют более производительные системы отработки — подэтажное обрушение, этажно-принудительное обрушение — и с учетом особенностей висмутовских условий внедрить их на Шмирхау. Был выбран рудник Ингулец. Его слабые породы с плохой устойчивостью подходили в качестве образца для исследования и возможного применения опыта разработок в Шмирхау.

Мной были собраны и представлены директору и в 8-е Управление все материалы. И уже через 3–4 месяца я был командирован в ГДР для оказания технической помощи по организации внедрения более производительных систем разработки для рудника Шмирхау взамен дорогостоящих и малопроизводительных систем с креплением и закладкой выработанного пространства. Предстояла большая работа по подготовке опытных работ: определение устойчивости руд и пород, допустимой площади обнажения, расчет оптимальных параметров буровзрывных работ, внедрение бурения глубоких взрывных скважин (8–12 метров) и, наконец, обучение персонала работе по этой новой для них технологии подготовки, нарезке эксплуатационных блоков и ведению очистных работ.

Передо мной был поставлен вопрос изучения руд и пород этого месторождения с целью определить, какой минерал является «запальником», и при каких условиях возникает его самовозгорание. В большей части «виновником» явились породы висячего бока, при обрушении которых и естественном при этом соприкосновении с кислородом возникла экзотермическая реакция с выделением большого количества тепла вплоть до возгорания со всеми вытекающими последствиями. Обрушенные руды также проявили склонность к самовозгоранию. При дальнейших эксплуатационных работах было решено не допускать обрушения, разрушения кровли или пород висячего бока. Отработка начала вестись с полной закладкой выработанного пространства, что исключило какие-либо подвижки и разрушение самовозгорающихся

пород висячего бока, смежных участков и т. д. Эти технологии:

а) с послойной отработкой сверху вниз с твердеющей закладкой и

б) слоевым обрушением с последующим заиливанием обрушенных пород были приняты как основные в дальнейшем для отработки подобных месторождений с самовозгорающимися рудами и породами.

Это уже были 1962–1969 гг. В СГАО «Висмут» привлекались для работы специалисты с Урала: доктор технических наук (позже — профессор) Б. К. Середа и многие специалисты из Свердловска и Дегтярского медно-колчеданового рудника. В эти годы были начаты работы по освоению новых участков в Беервальде, в Пирне, в районе Дрездена и др.

Нам, ветеранам, очень приятно встретить старых друзей, работавших когда-то вместе в СГАО «Висмут» и потом на предприятиях министерства. Очень приятно и волнительно увидеть и услышать ставших уже взрослыми детей наших старых друзей и вспомнить обо всех этих годах прошлого.

Мы еще раз должны помянуть добрым словом первых руководителей СГАО «Висмут» — Валентина Никаноровича Богатова, Семена Николаевича Волощука, последнего советского руководителя в «Висмуте» Валентина Павловича Назаркина.

В последние 2–3 года ушли из жизни мои друзья: Валентин Павлович Назаркин, Вадим Михайлович Мельниченко, Владимир Леонидович Шмонин и его жена Неля Максимовна, Илья Николаевич Берегов, Юрий Евгеньевич Сиромолот, Николай Тихонович Дундуков, Анатолий Дмитриевич Зверев и его жена Жанна, Виктор Михайлович Щелкалин; ранее от нас ушли Александр Андреевич Андрианов, Василий Иванович Северин, Борис Константинович Середа... Светлая им память!

В итоге я хочу выразить искреннюю большую благодарность и признательность Георгию Георгиевичу Андрееву за память и за тот большой труд, инициативу, которую он проявил в организации работы в целом и первого съезда висмутян в частности.

Виталий Смирнов, Вернер Рихтер, Володя Марцев, Мария Волощук, Володя Шмонин (1967 г.).

В. Н. Смирнов.

⁴ Город в Днепропетровской области, на Украине.

Вячеслав Иосифович Василенко

В. И. Василенко.

Вячеслав Иосифович ВАСИЛЕНКО родился 22 декабря 1931 г. В 1955 г. окончил Харьковский горный институт по специальности «горное машиностроение». Работал главным конструктором Краснолучского машинозавода ГШО в Донбассе (1955–1964), заведующим отделом и отделением, главным инженером института «Гипроуглеавтоматизация» в Москве (1964–1978), начальником отдела автоматизации горных работ НТЦ, начальником технического отдела Генеральной дирекции в СГАО «Висмут» (1978–1985). Кандидат технических наук. Генеральный директор фирмы «ИНБИС+», производящей взрывобезопасную аппаратуру связи для угольных шахт и рудников.

Воспоминания о жизни в «Висмуте»

1. Как я попал в «Висмут»

Впервые я появился в СГАО «Висмут» солнечным майским днем 1976 г. с группой специалистов московского института «Гипроуглеавтоматизация» (ГУА). Целью поездки было ознакомление с особенностями одного из горнодобывающих предприятий (ГДП) и подготовка предложения о применении на нем системы оперативно-диспетчерского управления, аналогичной системе, созданной ГУА для угольных шахт СССР. На шахтах такие системы использовались с 1974 г.

Основу системы составляли комплекс диспетчерского оборудования КОД-1М и подсистема табельного учета подземных трудящихся «Сатурн».

Комплекс КОД-1М состоял из диспетчерского пульта для двух диспетчеров и мнемощита высотой два с небольшим метра, установленного перед ним. На пульте размещались панели для прямой телефонной связи с подземными рабочими и для громкоговорящего оповещения в горных выработках, панели контроля работы клетевых и скиповых подъемных установок, контроля и управления главными вентиляторами и шахтным водоотливом. На мнемощите были отображена схема вентиляции горных выработок с номерами позиций плана ликвидации аварий и путями выхода людей из зоны аварии. Здесь же размещалась также схема электроснабжения шахты с переключателями и сигнализацией о включении или отключении линий электропитания подземного оборудования.

Каждый спускавшийся в шахту и выезжавший из нее горняк отмечался с помощью металлического жетона в одном из индукционных считывающих устройств, стоявших перед входом в клеть. Устройство передавало эту отметку в электронную вычислительную машину, где создавалась база данных, позволяющая в любой момент получить ответ, где находится горняк, под землей он или вышел на поверхность. Это особенно волновало и требовалось, если случалась аварийная ситуация. По окончании месяца машина выдавала «график выходов», по которому в бухгалтерии рассчитывали зарплату и подземный стаж работников.

В конце 1975 г. система демонстрировалась в угольном павильоне ВДНХ, где, вероятно, ее увидели сотрудники «Висмута» и 8-го Управления Минсредмаша СССР и решили проработать возможность применения на своих рудниках.

В то время я работал главным инженером ГУА, был поглощен различными делами и не обрадовался, когда наш директор Николай Яковлевич Лазукин предложил мне поехать в «Висмут», в командировку на двенадцать дней. Раньше о «Висмуте» я не слышал и не представлял себе, что это такое.

Поездку нашей группы из пяти человек в рамках техпомощи оформили довольно быстро. При этом не один раз пришлось побывать в 8-м Управлении, где техническими и организационными вопросами с нами занимался сотрудник горного отдела Петр Ильич Балковой, а также главный инженер Управления Валентин Павлович Назаркин. Документы по техпомощи оформляла Лидия Стефановна Ветрова. С самого начала мы почувствовали заинтересованное и теплое отношение к нам сотрудников такого значимого в СССР министерства и были приятно удивлены.

Так было и позже, в декабре 1976 г., когда состоялась вторая поездка в «Висмут». Было приятно, особенно в сравнении с отношением к людям из подчиненных организаций ряда работников Министерства угольной промышленности. Например, Г. Г. Коваленко, начальника отдела автоматизации Технического управления, куда входил наш институт, и некоторых других. Высокомерие, выражения типа «Не согласен? Нам такой не нужен!» или «Выйдите из комнаты, мы без вас поговорим». Иной раз так поступали даже с директором института в присутствии его подчиненных — просто унижали. Вот такой контраст.

Мы работали в Научно-техническом центре «Висмута», размещавшемся в поселке Грюна, недалеко от Зигмара. Помогали нам главный инженер НТЦ Юрий Яковлевич Евлюхин, руководитель отделения Герхард Ляйстнер и особенно сотрудник отдела автоматизации Игорь Александро-

вич Черкашин. Несколько раз побывали на молодежном горнодобывающем предприятии «Беервальде» в Тюрингии, неподалеку от г. Гера, где намечалось применение системы. Посмотрели административно-бытовой комбинат (АБК), стационарные установки на поверхности, спустились в подземную часть рудника. Осмотрели околоствольные дворы на разных горизонтах, оборудование подземного рельсового транспорта, проходческие забои. Познакомились со схемой вскрытия месторождения, с технологией добычи и доставки на поверхность руды и породы. В результате были разработаны и переданы в Генеральную дирекцию для рассмотрения технические предложения о создании системы оперативно-диспетчерского управления для этого рудника.

Встречались с главным инженером рудника Борисом Лобановым и обратили внимание на то, что он обходится без переводчика и бегло говорит на немецком языке. В ответ на вопрос, как долго он изучал немецкий язык, засмеялся: «Когда я приехал на рудник, переводчика не было, а производство-то идет, необходимо работать, разговаривать с немецкими коллегами по разным вопросам, отдавать распоряжения. Пришлось в темпе овладеть разговорной речью, куда деваться. Словом, когда прибыл переводчик, мне он был уже не нужен».

Жили мы в Зигмаре, в Советском клубе, где на третьем этаже было несколько комнат для специалистов, приезжающих в «Висмут» по техпомощи. В клубе были кинотеатр и спортзал, бильярдная комната и даже кегельбан. Наконец, была кантина со знаменитым пивом «Вернесгрюнер», куда мы, конечно, не раз заходили. Помню, как рассказывал о кегельбане Миша Батурин, впоследствии работник «Висмута»: «Вот он, рядом, спустился в полуподвал и играй, сколько хочешь. Здорово!»

В воскресенье нас повезли на экскурсию в Лейпциг, где мы пробыли весь день. Организовал ее Саша Мизяк из отдела автоматизации НТЦ.

Запомнилось торжественное собрание, посвященное 30-летию «Висмута». Проводилось оно в Карл-Маркс-Штадте, в Штадтхалле. Помню ясный солнечный день, большой зал, заполненный работающими в «Висмуте» специалистами, яркую речь министра Ефима Павловича Славского о «Висмуте», его значении для нашей страны.

Складывалось хорошее впечатление о «Висмуте», жизни в нем, о работавших там людях. В душе появилось ощущение солнечного настроения майских дней. Это ощущение было у меня в течение семи с лишним лет последующей жизни в Зигмаре и сохранилось до сих пор.

Невольно напрашивалось сравнение с жизнью в Союзе. Мы с женой работали, жили с дочерью в трехкомнатной квартире в Малаховке, в часе езды от Москвы. Были в меру материально обеспечены, на текущую жизнь зарплаты хватало, однако сбережений не было. Жили, как заведенные часы, утром в электричке на работу и обратно, по дороге домой — бегом по магазинам за продуктами, которые не всегда найдешь. Дома обычный набор — заниматься ребенком, готовить, мыть, стирать, убирать. А также книги, телевизор, сон. И так каждый день, с небольшим разнообразием в выходные дни. Мало изменившийся, забиравший практически все время круговорот забот. Особенно доставала эта жизнь Галину. Между тем, любимый ребенок, Марина, выросла, и требовалось все больше к ней внимания.

В декабре 1976 г. мы приехали в «Висмут» с подготовленным техническим заданием на создание систем оперативно-диспетчерского управления для рудников Беервальде и Дрозен. Требовалось его рассмотреть, утвердить и подготовить предложения для контракта на поставку систем.

Как и в первую поездку, с нами работали сотрудники НТЦ, но главная роль в организации этой работы и самого проекта создания диспетчерских систем для рудников принадлежала Георгию Георгиевичу Андрееву, заместителю главного инженера «Висмута». Все технические документы и их обоснования обсуждались с ним, корректировались, получали его одобрение и двигались дальше.

Применение системы позволяло увеличить объем оперативной информации для диспетчеров и улучшить осуществляемую ими координацию горных работ, повысить уровень безопасности подземных трудящихся, упорядочить табельный учет и расчет зарплаты. Проект был достаточно дорогостоящим, поэтому требовались поддержка и утверждение первых руководителей «Висмута» и 8-го Управления.

Доказывал и убеждал Андреев. Помню, как в один из дней меня неожиданно вызвали из Грюны в Генеральную дирекцию, и там, в кабинете Андреева, состоялась встреча с секретарем обкома СЕПГ «Висмута». Мне как главному инженеру института — разработчику диспетчерских систем для шахт — он задал прямые вопросы: на каких угольных шахтах СССР внедрены эти системы, насколько они эффективны и в чем проявляется эффективность. В конце встречи секретарь обкома одобрил проект. В итоге решение о создании систем для рудников «Висмута» было принято.

Надо сказать, что и в этот раз нас не забыли по части досуга. Двое были приглаше-

ны в организованную месткомом Зигмара двухдневную поездку в курортный городок Цинновиц на Балтийском море. Были мы там с товарищами по НТЦ Евгением Коржом, Игорем Черкашиным и Олегом Кастуевым. А 22 декабря в нашей комнате в Советском клубе отметили мой день рождения — 45 лет, зашел к нам и поздравил Андреев.

Перед отъездом во время одной из встреч в Генеральной дирекции Андреев пригласил меня на работу в «Висмут» для продолжения начатого дела. Я обрадовался и согласился без раздумий. Вечером в спортзале клуба об этом заговорил со мной Евлюхин: «Слышал, что Андреев пригласил вас на работу в «Висмут». Имейте в виду, я тоже приглашаю к нам в НТЦ». Чем я мог ответить на эти приглашения, кроме как не благодарностью и согласием?

Уехали мы с семьей в ГДР в марте 1978 г. Надо сказать, что, несмотря на мои старания, отъезд затянулся. Весь 1977 г. ушел на подготовку наших бумаг и оформление документов для отъезда за рубеж на постоянную работу.

Прежде всего, жена должна была перейти на работу из режимного предприятия в обычный НИИ. Иначе ее как носителя секретов могли и не пустить за рубеж.

В составе бумаг требовалась справка о состоянии здоровья из поликлиники по месту жительства. Поликлиника примыкала ко двору дома, где мы жили, и, как я думал, получить справку можно было за один-два дня. Однако в этот, единственный раз в жизни, у меня оказался нехорошим результат анализа крови по какому-то показателю. Мне посоветовали есть сырую печенку и тертую морковь, что я и делал недели три, пока показатель не пришел в норму. Отнес справку в отдел кадров института, и бумаги пошли.

Позже ГУА дали задание подготовить материалы к коллегии Минуглепрома о состоянии внедрения и эффективности наших диспетчерских систем на угольных шахтах СССР. Пришлось ехать в Донецк и работать с группой специалистов по обследованию шахт Донбасса и подготовке технических отчетов. Коллегия состоялась в начале 1978 г. и подтвердила необходимость дальнейшего развития этих систем.

Между тем разрешительные документы для отъезда в «Висмут» были оформлены, контракт на поставку систем проработан и передан в «Техснабэкспорт». Место начальника отдела автоматизации НТЦ было свободно, мой предшественник Саша Мизяк уехал из «Висмута» в конце 1977 г. Из 8-го Управления, из НТЦ поторапливали: «Пора ехать и начинать работать у нас».

Наконец-то все. Документы на руках, включая билеты на поезд до Франкфурта-

на-Одере. Заказан прощальный ужин в ресторане, приглашены товарищи по работе. И на тебе — в этот момент управление кадров Минуглепрома отказывается отпускать главного инженера института, то есть меня, в другое ведомство. Хотя переход был согласован с Техническим управлением и ВПО «Союзуглеавтоматика», которому подчинялся ГУА, и уже состоялась беседа со мной инструктора ЦК КПСС, пожелавшего успешной работы в «Висмуте».

Поневоле занервничаетесь. Спасибо директору ГУА Н. Я. Лазукину и начальнику «Союзуглеавтоматики» В. И. Коту: поехали вдвоем к начальнику управления кадров и уговорили его не препятствовать моему отъезду.

26 марта 1978 г., Белорусский вокзал, поезд Москва — Берлин через Брест и Варшаву, отправление в 17 часов, сутки в дороге. Основной поезд для работающих в «Висмуте» многие годы исправно возил всех висмутян, и нас тоже — по линии техпомощи, впервые на постоянную работу, в последующие годы — в отпуск и из отпуска, в командировку, по другим причинам. Была в этих поездках своя особенность, я бы сказал, своя прелесть: ощущение перехода из одного места и режима жизни в другой, ожидание новых впечатлений и связанные с этим настроения и душевные волнения.

Во Франкфурте, на привокзальной площади, нас и других приехавших встретил работник «Висмута» Иван Яковлевич Тимофеев, живший рядом с вокзалом. Спросил, как доехали, выдал несколько марок на дорогу и проводил к уже ожидавшему автобусу «Икарус». Сказал нам, что сообщит в Зигмар о нашем приезде. Меня это приятно удивило.

Такой порядок был принят в «Висмуте». Можно с уверенностью сказать, что «Висмут» начинался с этой привокзальной площади во Франкфурте-на-Одере.

В Зигмар автобус шел четыре часа, и около 12 часов ночи мы подъехали к Советскому клубу, где разместились в одной из комнат на третьем этаже. Через пару дней нас поселили в один из шести трехэтажных домов на Штерцельштрассе, занимаемых семьями советских специалистов. В этом доме мы прожили все семь лет жизни в «Висмуте».

2. Адаптация

По приезду в Зигмар я был принят на работу в Научно-технический центр СГАО «Висмут» начальником отдела автоматизации горных работ. НТЦ располагался в поселке Грюна, примерно в 20 минутах езды от Зигмара, с обеих сторон пересекавшей поселок шоссейной дороги, по которой ходили рейсовые автобусы в центр Карл-Маркс-

Штадта. Иногда мы пользовались ими для поездок в город после работы.

Большая часть НТЦ, а также Центрального геологического предприятия (ЦГП) размещалась слева от шоссе в двухэтажных особняках. В одном из них на первом этаже были кабинеты директора Бернхарда Конечки и главного инженера Юрия Яковлевича Евлюхина, а также кантина для сотрудников НТЦ, на втором этаже — отдел горной технологии и бюро переводов. В другом особняке размещались отделы механизации горных работ, технологии выщелачивания руды, геофизических приборов.

Справа от дороги в двух одноэтажных зданиях легкого типа располагались отделы автоматизации горных работ, нормирования труда, вентиляции горных выработок, а также один из отделов ЦГП. Рядом в двухэтажном доме напротив здания дирекции размещалась столовая НТЦ с немецкой и русской кухней в разных залах. В русской части столовой работала поваром и одновременно на выдаче блюд Алла Кастуева. Готовила она хорошо, старалась, за что мы ее благодарили после каждого обеда. Всем сотрудникам НТЦ каждый месяц выдавались за небольшую плату обеденные талоны *ubertage*, то есть работающим на поверхности. Талоны были действительны во всех столовых на предприятиях «Висмута». Работающие под землей получали талоны *untertage*, эти обеды считались более калорийными.

Структура НТЦ была трехступенчатой: руководство — директор и главный инженер, отделения (берайхи) во главе с берайхсляйтерами и отделы. Наш отдел, как и отдел механизации горных работ, входил в состав отделения, которым руководил Герхард Ляйтнер.

По советской линии проводимые НТЦ работы контролировал заместитель главного инженера «Висмута» Георгий Георгиевич Андреев, в том числе и работу по созданию и внедрению систем оперативно-диспетчерского управления. Ее он, что называется, держал в своих руках. Большое внимание и поддержку этой теме оказывала диспетчерская служба «Висмута», находившаяся в Генеральной дирекции. С самого начала главный диспетчер интересовался данным проектом и участвовал в его развитии, помогал в организации внедрения систем на горнодобывающих предприятиях. Вначале главным диспетчером был Жорж Ендрок, рыжеволосый невысокого роста человек с быстрой реакцией, хорошо говоривший по-русски, а несколько позже — сменивший его Рудольф Дитель, спокойный обстоятельный человек, с ним мы разговаривали по-немецки. Впоследствии, работая уже в Генеральной дирекции, я не раз загляды-

вал в диспетчерскую, советовался с Руди по вопросам нашей общей работы и всегда находил понимание и заинтересованность.

В отделе автоматизации работали более десяти немецких и три советских специалиста — Игорь Александрович Черкашин, Евгений Михайлович Корж и я. По немецкой стороне отделом руководил Дитмар Клетцнер, в организации работы помогал Роланд Хайдике.

Основными направлениями отдела считались разработка и внедрение диспетчерских систем для ГДП «Беервальде» и «Дрозен», аппаратуры высокочастотной (ВЧ) связи в горных выработках, а также работы по улучшению технологии и организации подземного рельсового транспорта (откатки), основного вида транспорта на ГДП.

Диспетчерскими системами занимались мы с Черкашиным. Раньше Игорь работал в отделе технической кибернетики ИГМ и ТК им. М. М. Федорова в Донецке, ставшим впоследствии филиалом ГУА, был одним из разработчиков систем для угольных шахт.

В состав диспетчерской системы для рудников Общества были включены комплекс диспетчерского оборудования КОД-1М и подсистема табельного учета подземных трудящихся «Сатурн». КОД-1М позволял осуществлять контроль работы подъемных машин и управление главными вентиляторами и шахтным водоотливом, контроль включения или отключения линий электроснабжения подземного оборудования, прямую телефонную связь и громкоговорящее оповещение подземных рабочих. В случае аварии комплекс помогал горному диспетчеру вводить в действие план ликвидации аварий. Подсистема табельного учета давала возможность оперативно получить отчет о спуске людей в подземную часть рудника, а по окончании месяца — «табель выходов» с указанием времени работы каждого горняка. По этому табелю рассчитывались зарплата и подземный стаж работников.

Для внедрения подсистемы табельного учета на рудниках «Висмута» нужно было подобрать вычислительную машину немецкого комбината «Роботрон», подобную ЭВМ, которая применялась в советской системе. Требовалось переработать полученное в ГУА программное обеспечение, чтобы адаптировать его к немецким рудникам и программной среде немецкой ЭВМ. Разумеется, отчетные документы, например, список спустившихся в шахту, табель выходов на работу в подземную часть рудника и другие, система должна была представлять на немецком языке.

В эту работу мы вовлекли молодого инженера Хайнца Фидлера и некоторых

других немецких сотрудников нашего отдела. Фидлер окончил политехнический институт в Киеве и хорошо владел русским языком. В связи с большим объемом работы по программированию пытались привлечь кого-либо из программистов Организационно-вычислительного центра «Висмута» (ОВЦ). Главного инженера ОВЦ Борисовского два раза приглашали на технические совещания по внедрению системы в Гендирекцию к Андрееву, пытались уговорить его на участие в программировании. На возражение Борисовского, что тема не по профилю ОВЦ, Андреев заметил: «Тема, конечно, не ваша, но и не чужая для вас». Тем не менее договориться с ОВЦ не удалось.

Необходимо было выполнить значительный объем проектной документации: чертежи и электрические схемы для установки и подключения комплекса диспетчерского оборудования КОД-1М, ЭВМ и устройств табельного учета к контролируемым объектам на двух рудниках. Документацию разработали в 1978–1979 гг. специалисты Проектного предприятия (ПП). Вел проекты заместитель начальника отдела электрики и автоматизации Ростислав Лобанов. С ним мы с Черкашиным встречались в ПП довольно часто, почти каждую неделю. Надо отдать должное Лобанову, он был опытным проектировщиком, вездельным, дотошно выяснявшим особенности незнакомого ему оборудования, что позволило в итоге выполнить проекты на высоком уровне. Вместе с тем иной раз не удерживался от резкостей и категоричности в суждениях. Между нами возникали споры, были и разногласия по некоторым вопросам проектируемых систем, что коснулось и немецких сотрудников, участвовавших в проекте. Разногласия могли нанести ущерб внедрению систем. В ситуацию вмешался Андреев, переговорил с главным инженером ПП Забелиным и с его помощью положил конец спорам и разногласиям. Поддержка Андреевым нашей работы для меня много значила, придавала уверенность, тем более в начальный период жизни в Зигмаре.

Подземным рельсовым транспортом (откаткой) в отделе занимались немецкие сотрудники доктор Вольфганг Венцлафф и инженер Фолкер Андреас. На мой взгляд, усилий двух сотрудников в этой области было недостаточно, работы требовалось расширить.

В конце 1978 г. мы пригласили в рамках технической помощи специалиста отдела подземного транспорта ДонУГи А. М. Скворцова. Скворцов обследовал технологию и технику откатки на ГДП-9 и «Беервальде», подготовил технический отчет, где изложил свою точку зрения на состояние откатки и предложения по ее улучшению.

На названных горнодобывающих предприятиях перевозка руды и породы, оборудования и материалов для горных работ осуществлялась на откаточных горизонтах по рельсовым путям с колеей 600 мм. Применялись составы глухих вагонеток небольшой емкости. В качестве локомотивов использовались в основном аккумуляторные электровозы нескольких типов, всего на рудниках Общества их было около 750. Были и контактные электровозы, количество которых не превышало 40. Применялась двухступенчатая откатка, бывшая значительно дороже одноступенчатой. При этом аккумуляторные электровозы перевозили составы от погруженных пунктов под рудоспусками до пересечения горных выработок, где размещались сборочные разминовки, а контактные электровозы везли дальше по магистральным выработкам в околоствольный двор.

ГДП-9 в Ауэ было самым глубоким рудником на тот период в Европе, откатка использовалась на 18 горизонтах с высотой между ними 30 метров. С поверхности до горизонта –910 метров были пройдены вертикальные стволы, два клетевых и один скиповой. Горизонты, лежащие от –910 метров до глубины –1712 метров, сообщались между собой слепыми стволами, по которым подъем и спуск вагонеток осуществлялись в одно-, двух- и трехэтажных клетях. В тот период на откатке ГДП-9 было занято около 800 человек, что составляло треть подземных рабочих рудника.

Наблюдались высокая аварийность тяговых электродвигателей аккумуляторных электровозов, малый срок службы аккумуляторных батарей, фактические затраты на откатку превышали принятые в проектах.

Отчет Скворцова рассмотрели у Евлюхина, затем с ним ознакомился Андреев. Приняли решение увеличить объем работ по совершенствованию откатки, а для этого пригласить на работу в НТЦ специалиста по подземному рельсовому транспорту. Им стал Валерий Павлович Степаненко, научный сотрудник Института горного дела имени А. А. Скочинского. Он приехал в Зигмар в 1980 г.

В составе диспетчерской системы мы с Черкашиным также начали разработку подсистемы «Астра», предназначенной в помощь диспетчеру для организации в течение смены рационального вывоза руды от рудоспусков в околоствольный двор. При этом ставили задачу сократить затраты и время доставки руды. Алгоритмы, иными словами, математическое описание работы этой подсистемы для последующего программирования, разрабатывал Черкашин.

Работы по ВЧ связи вел в отделе Евгений Михайлович Корж. Вместе с ним работали

немецкие инженеры Холгер Крегер и Томас Манн. ВЧ связь требовалась горнякам, спускавшимся на крыше клетки в шахтный ствол для осмотра и ремонта проложенных по его стенкам кабелей и трубопроводов, а также направляющих для подъемных сосудов. Ранее Корж создавал подобную аппаратуру в институте шахтного строительства УкрНОМШС в Харькове. После его отъезда в декабре 1980 г. работами по ВЧ связи в отделе занимался москвич Олег Игоревич Благов.

Нами было предложено применить для ГДП-9 в Ауэ производимую одесским заводом «Нептун» высокочастотную аппаратуру «Астра», обеспечивавшую связь машинистов аккумуляторных электровозов с диспетчером. Эта аппаратура была получена в 1981 г. Ее установили на откаточном горизонте –1300 метров, где действовала смешанная контактно-аккумуляторная откатка. Там был смонтирован троллей, т.е. контактный провод. Связь машинистов электровозов при их поездках осуществлялась с транспортным диспетчером, размещавшимся в околоствольном дворе. Аппаратура была испытана и введена в эксплуатацию в 1982 г.

Трудоемкой была работа горняков по расширению вертикальных скважин, пробуренных из горных выработок. Горнорабочие, пользуясь небольшой клетью, спускались в забой скважины на глубину несколько десятков метров и там работали всю смену, расширяя скважину по диаметру от 0,5 до 3 метров. При этом рабочие находились в небольшом замкнутом пространстве с нависающей над головами клетью.

Лично у меня были не очень приятные ощущения от пребывания в таком забое. Как-то на руднике Шмирхау мы с Олегом Благовым туда спустились. Сообщить о ходе работы из этого забоя, переговорить с горным мастером можно было лишь с помощью аппаратуры ВЧ связи. Такая аппаратура предлагалась нами в виде штрекового аппарата с подключенной к нему и проложенной по стенке скважины проводом-антенной и двух-трех переносных радиостанций у рабочих. Штрековый аппарат устанавливали в горизонтальной выработке (штреке) у устья скважины.

Взаимодействию русских и немецких сотрудников НТЦ помогало бюро переводов. Старшей переводчицей была фрау Ванке, стройная миловидная женщина, всегда спокойная и дружелюбно настроенная к советским специалистам. При переводе четко произносила немецкие и русские фразы. Два раза в неделю фрау Ванке вела курсы немецкого языка, которые были устроены в НТЦ для новых сотрудников.

Первое время без достаточного знания языка общение с немцами было довольно

затруднительным. Был со мной такой случай в 1978 г. В немецких коллективах «Висмута» проводились торжественные собрания, посвященные, кажется, юбилею немецкого профсоюза. Требовалось участие в этих собраниях советских сотрудников. Одно из собраний должно было проводиться в доме отдыха недалеко от Зигмара, и мне предложили поехать туда с приветствием от советской стороны. В ответ на жалобу по поводу слабого знания немецкого языка и просьбу о переводчике сказали: «Все переводчики заняты, но тезисы выступления дадим. С тобой поедет представитель обкома СЕПГ «Висмута», машина для поездки на собрание будет ждать у здания ГД, справляйся сам».

Пришлось самому написать, пользуясь словарем, выступление на немецком языке, и обратиться к фрау Ванке прочитать текст. Выслушала, кое-что подправила, подбодрила — приветствие поймут, волноваться не надо. И все же чувствовал себя на собрании, как говорится, не в своей тарелке, хотя встретили дружелюбно, посадили в президиум, и зал аплодировал выступлению. Организованный после торжественной части банкет снял волнение.

У немецких сотрудников отдела были свои особенности. В работе они стремились придерживаться установленного порядка, запланированных заранее сроков. Предлагая кому-либо из них выполнить незапланированную работу, в ответ можно было услышать, что на эти дни у него предусмотрен отпуск для своего дела, например, для поездки в спортлагерь, да и прежняя работа не закончена. Уговорить немца отказаться от своего мероприятия в пользу предлагаемой работы было практически невозможно, такого просто не понимали. Вначале даже показалось, что эти сотрудники больше думают и занимаются своими делами, чем работой. Однако это было неверное впечатление. Работы выполнялись, и сроки соблюдались без лишних эмоций и драматизма.

У немецких сотрудников было принято в 9 часов утра делать перерыв для кофе и второго завтрака, чаще в кантине, иногда на рабочем месте; в 14 часов опять же кофе в кантине, хотя обед был два часа назад. Спросил Роланда Хайдике, чем это вызвано. Он ответил, что у немцев такой режим питания: кушать понемногу, несколько раз в день в одно и то же время, это давно вошло в привычку и хорошо для здоровья. Кстати, привычку ходить в кантину мы у немецких коллег быстро переняли.

С немецкой стороны нередко устраивались «бригадные вечера» отдела, то есть совместные поездки немецких и советских сотрудников с семьями в какой-либо дом отдыха с ночевкой или в кафе. Иногда немецкие

Василенко, Корж, Черкашин с женами на даче сотрудника НТЦ Рушера (1978 г.). На переднем плане вполборота стоят Черкашин и Корж, между ними — моя жена Галина, правее — жены немецких сотрудников.

коллеги приглашали советских сотрудников вместе с женами к себе на дачу. Так, в начале апреля 1978 г. мы хорошо провели время на даче экономиста отдела Вольфганга Рушера, что видно на показанных ниже фотографиях.

Такие встречи позволяли лучше узнать друг друга, в какой-то мере сблизиться, проходили в дружелюбной атмосфере, а для новичков были просто неоценимы.

В НТЦ работало более двадцати советских специалистов. Свой непосредственный руководитель, кем был главный инженер НТЦ, свои партийная и профсоюзная организации, общие характер и направленность работы объединяли советских сотрудников в единый коллектив, что, помимо всего, позволяло новичкам быстрее освоиться.

Роланд Хайдике, Дитмар Клетцнер, И. Черкашин, В. Василенко (второй слева) на даче у Рушера.

Большое влияние на работу коллектива, настроение сотрудников, на условия адаптации новичков оказывал по определению главный инженер НТЦ Юрий Яковлевич Евлюхин. Знающий горняк, в меру требовательный руководитель, он стремился всегда быть в курсе дел каждого отдела. Работалось с ним без особого напряжения, он помогал и поддерживал, но не любил и не хотел, чтобы без его ведома и согласия кто-либо из сотрудников решал деловые вопросы в ГД. Очень хорошо, я бы сказал блестяще, знал немецкий язык и не стеснялся лишний раз это подчеркнуть. При случае делал замечания некоторым сотрудникам, говоря, что они в разговоре с немцами используют язык примитивный, базарный, что надо не лениться в изучении языка наших коллег. Активно занимался спортом, хорошо играл в волейбол и особенно в теннис, нередко выступал в турнирах за команду НТЦ. Однако в отличие от большинства мужчин в Зигмаре был равнодушен к охоте и рыбалке, в сауне и в кантине не появлялся.

Самым многочисленным в НТЦ в то время был отдел горной технологии. Начальник отдела — Юрий Максимович Найденко, сотрудники — Олег Мухарбекович Кастуев, Валерий Федорович Рогизный, Станислав Петрович Левчик, Виктор Томельгас; все они приехали в «Висмут» примерно в одно время, большинство — в 1975 г.

Найденко я нередко встречал в бассейне в Пельцмюлле, который мы с Галиной поначалу часто посещали. Юрий Максимыч надевал очки пловца и практически без остановок плавал правильным стилем кроль, кругами, почти все отведенное нам время. Как я понимал, плавание для него было главным занятием, поддерживающим здоровье.

С Валерием Рогизным, а также с Рябкиным из отдела геофизики, играли вместе в волейбольных турнирах за команду НТЦ и не раз занимали первое место.

С Олегом Кастуевым в дружеских отношениях был Женя Корж. Как-то на работе Женя позвал меня:

— Зайди, тут у меня один нерусский сидит.

Думаю: что значит нерусский? Если немец, то что в этом необычного. Оказалось — Кастуев.

— Почему же нерусский?

— Да он осетин.

А он принес показать нам фронтовую газету времен Великой Отечественной войны с заметкой о своем отце и боевом эпизоде, в котором тот участвовал. С интересом прочитали, тем более что и мой отец, и отец Коржа также были фронтовиками.

В 1978 г. проффоргом НТЦ был сотрудник отдела вентиляции Анатолий Валентинович

Кретинин. К 7-му ноября НТЦ выпала очередь подготовить праздничный вечер в Советском клубе, и Анатолий как профорг стал главным организатором. Работы хватало, поэтому он раздал всем сотрудникам, включая себя, задания и, хотя и слушал, но не принимал никаких отговорок, если кто-либо пытался увильнуть. Вместе с Александром Васильевичем Артемовым мы выполняли поручение — в необходимый момент вечера должен был «вспыхнуть» размещенный на стене банкетного зала силуэт крейсера «Аврора» с лучом прожектора. Конструкцию эту сначала надо было придумать и изготовить. Сделали, установили, и к нашему и зала удовольствию силуэт с лучом «вспыхнул».

Как-то Анатолий вместе с немецким профсоюзом НТЦ организовал в конце зимы выезд на зимнюю рыбалку. В микроавтобусе «Б 1000» поместились трое немцев и трое русских: Корж, Кретинин и я. Поехали на один из водоемов в сторону Лейпцига. Ловили в основном близко к берегу, на неглубоких местах, считая, что в это предвесеннее время рыба в поисках корма подходит к берегу. Да и безопаснее так было, лед был уже некрепкий, как бы не провалиться. Рыбалка прошла на высоком уровне — с определением победителя, раздачей призов и соответствующим такому событию «обмыванием». Правда, мне приз не достался, другие были более умелыми рыбаками. Зато удовольствия хватило на всех.

В начале марта 1979 г. была одна из последних, если не последняя в эту зиму, поездка на зимнюю рыбалку. Как обычно, подъехали автобусом утром к водоему. Было уже светло, и мы стали разбредаться по разным местам, кому, где и с кем нравилось ловить рыбу. Старший предупредил: «Лед, видимо, хрупкий, будьте осторожными, не увлекайтесь. Проверьте веревку».

Каждый рыбак на зимнюю ловлю должен был брать с собой спасательную веревку с палкой на конце. С ее помощью нетрудно было вытащить рыбака, если он провалился.

Я ловил метрах в десяти от берега, недалеко был Корж, чуть в стороне метров около восьми — кто-то из ЦГП. Для ловли пробили во льду лунки пешней. Видно было, что лед хрупкий, но на это не обращали особого внимания, ловля шла нормально.

В некоторых местах были небольшие проталины. Часа через два после начала рыбалки я пошел к одной из них. Передвигаюсь осторожно поближе и в одно мгновение проваливаюсь. Хорошо, что успел упереться руками об лед, но почти по пояс нахожусь в воде. Зову Коржа: «Женя, я провалился, помоги!»

Помог, вышел я на берег, выкрутил мокрую одежду, вылил из сапог воду. Сапоги

Зимняя рыбалка в 1978 г. Слава Лобанов, за ним Корж, слева вдали — Кретинин.

были с войлочными голенищами, как у валеков. Оделся, сушить все равно негде, и запасной одежды нет. Отъезд в час дня, через три часа. Хорошо, что недалеко был гаштэтт, и мы с Коржом решили пойти туда выпить водки, чтобы не простудиться. В этот момент подошел к нам Володя Колесников и сказал, что он тоже провалился в воду, и надо провести профилактику, чтобы не заболеть. Пришли мы в гаштэтт, а там запланировано отчетное собрание немецких рыбаков, бывших так же, как и мы, членами DAV. Собрание уже начиналось. Рядом с их столами был свободный столик, за который мы сели пока втроем. Но прежде Корж поговорил с председателем собрания, объяснил ситуацию. Мокрая одежда была налицо. Немецкие рыбаки нам посочувствовали и сказали, что не будут обращать внимания на наше мероприятие. Чуть позже пришел еще один пострадавший таким же образом рыбак из ЦГП, жаль, не помню его фамилию. Мы в связи с боязнью простуды одним доппельтом водки не ограничились, выпили не один раз и не два. Напоследок извинились перед немцами за помехи с нашей стороны и пошли на автобус. С простудой мы справились, а вот поясница у меня все же заболела.

Новичком, как и я, был сотрудник отдела вентиляции Виктор Викторович Кара, неунывающий оптимист. Бывший шахтер, заслуживший все три степени почетного знака «Шахтерская слава», перед отъездом в «Висмут» работал в Донецком угольном институте (ДонУГИ). В НТЦ Виктор успешно вел работу по испытаниям и внедрению бесстержевой анкерной крепи горных выработок с твердеющей полимерной смесью, нагнетаемой в пробуренные в кровле шпурь. Позже он перешел работать в Генеральную дирекцию сотрудником горного отдела. К тому же Виктор был удачливый охотник и рыбак. Часто ездил вместе со всеми

на летнюю и зимнюю рыбалку, на соревнования по подледному лову за команду НТЦ.

Ритм жизни семей советских специалистов напрямую зависел от режима работы предприятий «Висмута». В Генеральной дирекции, НТЦ, Проектном предприятии и ЦГП рабочий день начинался в 7 часов утра и заканчивался в 15:30 с получасовым перерывом на обед. На горных предприятиях первая смена начиналась в 6 утра и завершалась в 14:30. Автобусы, развозившие сотрудников на работу, отправлялись от Штерцельштрассе примерно в 6:40. Большинство предпочитало добираться на работу в ГД и ПП пешком.

Напротив Проектного предприятия, которое находилось в многоэтажном здании недалеко от Генеральной дирекции, была оборудована большая площадка для стоянки служебных автобусов. Сюда немецких и советских сотрудников привозили на работу, увозили в Геру, Ауэ, Цвиккау, во все места, где находились предприятия «Висмута», и после смены везли обратно. Автомобильный транспорт был в ведении Транспортного предприятия. В условиях разбросанности предприятий «Висмута» по разным городам и поселкам работа транспорта имела важнейшее значение для нормальной жизни и успешной деятельности многотысячного коллектива немецких и советских сотрудников Общества.

Поражали обязательность и четкость в организации работы транспорта, как автобусного, так и легковых автомашин. Точно в назначенное время автобусы приходили в установленное место, в них размещались ожидающие на стоянке люди, и вереница автобусов, один за другим, покидала площадку. Всего лишь несколько минут, и площадка пуста, — ни людей, ни автобусов. Ту же картину много раз я наблюдал во время служебных поездок на рудники. Так было всегда, летом и зимой, и не только при поездках по служебным делам, но и по общественным: на праздничные мероприятия и вечера, рыбалку и охоту, для детей в школу и пионерские лагеря, в дома отдыха, на экскурсии и так далее. Лишь зимой во время гололеда дальняя поездка откладывалась. На мой взгляд, организация транспорта была образцовой.

Вскоре после приезда нас поселили в трехкомнатной квартире на втором этаже трехэтажного четырехподъездного дома, выходящего торцом, как и два соседних, на главную улицу Зигмара — Штерцельштрассе. Дома находились друг от друга в тридцати метрах, между ними зеленел газон. У подъездов стояли небольшие скамейки. Замыкали газон, образуя букву «П», два трехэтажных немецких дома, подъезды

которых выходили на улицу Кирхоффштрассе, где располагался центр Зигмара — Советский клуб. От нас к клубу проще было пройти по тропинке через газон между немецкими домами, что мы и делали.

Квартира была полностью подготовлена для жизни. Предусмотрено было все: мебель, ковер в гостиной и коврики в других комнатах, постельное белье, холодильник, телевизор, телефон и даже посуда. Еду готовили на газовой плите, для подогрева воды служила газовая колонка. Постельное белье носили в прачечную в доме общежития на соседней улице Клиггерштрассе. Остальное белье, кто хотел, стирали в стиральной машине, установленной в полуподвале каждого дома. Сушили белье на общем для всего дома чердаке. Чердак проветривался с помощью мансардных окошек в крыше, поэтому здесь же рыбаки нашего дома приспособились вялить пойманную ими рыбу. В полуподвале для каждой квартиры была выделена кладовая, я там держал рыболовную одежду и снасти. Для экономии электроэнергии свет в подъездах после прихода человека автоматически включался и вскоре выключался.

Ремонт и обслуживание квартир были в ведении немецкой коммунальной службы, с которой взаимодействовал комендант поселка Иван Яковлевич Тимофеев, ранее работавший во Франкфурте и переведенный в Зигмар летом 1978 г. Жили мы с ним на одной лестничной площадке, он — в двухкомнатной квартире с женой Ниной Петровной и маленькой собачкой со вздорным характером Ютой. Бывший полковник милиции, работавший ранее в МВД, Иван Яковлевич отличался ровным характером, был общителен и прост в отношении с людьми. Лет ему было за пятьдесят, иногда играл в волейбол, но чаще судил волейбольные турниры, нередко был главным судьей проводившихся в Зигмаре спартакиад. И в художественной самодеятельности участвовал, читал стихи Маяковского.

В этом же подъезде, на первом этаже, с женой и двумя детьми жил мой товарищ по отделу харьковчанин Женя Корж, страстный рыболов.

В первые дни после приезда мы прошли обязательное медицинское обследование в советской поликлинике. Размещалась она в двадцати минутах ходьбы от наших домов, занимала второй этаж в одном из зданий немецкой больницы «Висмута» в Рабенштайне. Анализ крови и другие стандартные анализы сдавали в лабораторию этой больницы, которая обслуживала и нашу поликлинику. Больница имела родильное отделение, где иногда рождались дети советских специалистов. Главврачом советской поликлиники, считавшейся центральной в «Висмуте»,

работал москвич Вадим Игоревич Савицкий. На его плечах лежал груз организации медицинской помощи для всех советских специалистов «Висмута» и их семей, живших в разных городах и поселках. В этих местах работала отделения поликлиники, в Гере и Ауэ — терапевт и детский врач, в Пирне (ГДП «Кенигштайн») терапевт, а в Ошаце работала немецкая медсестра. Лишь в Цвиккау, где проживали не больше десяти советских специалистов, медицинская помощь оказывалась немецкими врачами, о чем с ними договаривался Савицкий.

Кроме того, большая работа проводилась поликлиникой вместе с профкомом по подготовке пионерских лагерей, где летом отдыхали наши дети, и проверке там санитарных условий и медицинского обслуживания, примерно раз в 10 дней.

Врачи поликлиники, терапевт Эмма Васильевна Сметанина, стоматолог Вера Дмитриевна Сошнева, гинеколог и детский врач, старшая медсестра Елизавета Мироновна Подливаева, все они приехали из Союза по линии 4-го Управления Минздрава. Опытным врачом-терапевтом была жена Савицкого Наталья Петровна, но она не работала постоянно, как и все наши женщины. Лишь иногда она вела прием в поликлинике, замещая на время отпуска штатного терапевта. В один из таких моментов мы с Галиной и познакомились с ней, когда проходили первое обследование. В нашей поликлинике вели прием и немецкие врачи, такие специалисты, как лор и окулист.

Медсестрами работали немецкие женщины. Медсестрой и одновременно основным переводчиком была Эльза, в регистратуре работала Тереза, обе хорошо знали русский язык. Ингапомогалатерапевту, а Кристина — стоматологу и гинекологу. На втором этаже клуба в Зигмаре была оснащена медицинская комната, где старшая медсестра проводила назначенные пациентам поликлиники процедуры.

К поликлинике были прикреплены две автомашины с немецкими шоферами, «Волга» и «Вартбург», одна дежурная для обслуживания больных, другая — для главврача с его довольно частыми поездками.

Поликлиника действовала в тесном контакте с немецкими поликлиниками и больницами, в них по ее направлениям проводились специальные медицинские обследования наших людей немецкими врачами.

Так, углубленное обследование сердечно-сосудистой системы по договоренности с Савицким можно было провести в немецком центре профзаболеваний «Висмута», располагавшемся недалеко от Зигмара.

В 1979 г. у моей дочери Марины ухудшилось зрение. Во время очередной пись-

менной контрольной работы в школе она не смогла увидеть часть написанных мелом на доске вопросов, ответить на них и сказала об этом маме. В нашей поликлинике, где вел прием немецкий врач-окулист, установили, что зрение ухудшилось, появилась близорукость минус пять. Сопровождавшая Маришу на приеме медсестра Тереза сказала, что ей придется носить очки, и девочка расплакалась. Видимо, представив себя в классе впервые в очках. Чуткая Тереза стала говорить, что очки ей пойдут, это будет красиво, не надо расстраиваться. И успокоила.

Надо сказать, что люди приезжали на работу в «Висмут» в основном средних лет, здоровые, при оформлении представляли медицинские справки из своих поликлиник. И все-таки попадали работники с хронической болезнью, о чем они предпочитали умалчивать как до приезда, так и находясь уже в «Висмуте». Дело в том, что таких людей могли не оформить на работу в «Висмут» или отправить из «Висмута» обратно. Был случай в 1979 г.: геолог из ЦГП Сливинский скрывал обострение язвы желудка, не обратился в поликлинику, даже поехал в таком состоянии на бригадный вечер. Терпел, пока можно было терпеть. Закончилось это плохо, врачи уже были бессильны, и даже операция не помогла спасти жизнь. Сотрудник технического отдела ГД Батулин с обострившейся язвой желудка дважды лечился в больницу в Зигмаре, затем в 1982 г. лечился в Москве. После этого его не пустили в «Висмут» и отчислили из штата.

Первые месяцы нашей жизни в Зигмаре проходили достаточно сложно, мы привыкали к новой обстановке, к новым условиям. Все было иное, непривычное: страна, город, магазины, трамваи и автобусы, люди, языки которых еще не знаешь. Работа в новом коллективе, в основном немецком, жизнь в замкнутой колонии, где все на виду и, пока незнакомые, живущие в ней люди. Новые, необычные ощущения.

Нас предупредили: надо быть осмотрительными, не знакомиться с неизвестными людьми, не давать адресов, общаться о таких попытках, поскольку мы работаем в режимной организации и живем в чужой стране рядом с капиталистической ФРГ. О поездке за пределы города нужно было сообщать сотруднику режимной службы НТЦ Костюченко или «руководителю» колонии в Зигмаре, им был начальник 1-го отдела ГД В. Б. Зенков. Могли и не разрешить поездку.

Труднее, чем мне, первые месяцы дали жене и дочери, впервые попавшим в такую обстановку. Обе скучали по дому, оставшимся там родным и друзьям. Как и все жены советских специалистов, Галина не работала, такой был установлен порядок. Лишь иногда наших женщин приглашали на

временную работу — дежурными в общежитие и клуб или поварами советской кухни в столовые на предприятиях. Я уходил на работу около 7 часов утра, в 8 часов убежала Мариша на автобус в школу, и до 3 часов дня Галина оставалась дома одна. Наступало время и возможность активной личной жизни, чем впоследствии, когда обжились и привыкли, наши женщины пользовались в полной мере.

Поначалу выход ее из дома ограничивался походом за продуктами в «стекляшку» и клубный магазин, иногда в мясную лавочку в Рабенштайне и небольшой магазин на «четырех углах». В клубе утром делать было нечего.

В малознакомый центр города ехать ей одной было неинтересно, а достаточно близких по духу женщин пока не находилось, немного времени прошло после приезда. Вот на Ленинштрассе, хотя и на другой конец города, поездки были в охотку. Там размещалась наша воинская часть, работали магазины военторга с русскими товарами и русскими продавщицами, с ними можно было постоять и поговорить. К магазинам во двор воинской части проходили по пропускам, которые выдавал отдел кадров ГД. Ездили туда рейсовым автобусом, поездка занимала не меньше получаса времени.

Продукты были свои, привычные, женщины покупали их с большой охотой, особенно сметану и гречку, которые в немецких магазинах не продавались, так же как и некоторые колбасы. Полукопченной колбасы типа краковской в немецких магазинах не было, а сырокопченая была мягкой, и мы ее подвешивали на кухне.

Случались и казусы. Жена сотрудника НТЦ Валя Романченко рассказывала: «Вошла в автобус, села на переднее сиденье. На следующей остановке входит немка и показывает мне какое-то удостоверение. Думаю, для чего? На всякий случай показываю ей мой пропуск на Ленинштрассе. Кивнула мне, отошла и, опять показав удостоверение, села на другое место. Потом я поняла, что меня просили уступить, видимо, инвалиду, выделенное для них место».

Как и остальных вновь приехавших женщин, Галину быстро вовлекли в общественную работу, в драмкружок суфлером, хотя желания не было, раньше никогда этим не занималась. Хорошо, что было любимое занятие — вязание, благо в «Центруме» всегда предлагался хороший выбор шерстяной пряжи, был такой отдел на первом этаже у входа справа. Женсовет каждый год устраивал в клубе выставки изделий, связанных нашими женщинами. Конечно, к выставке надо было готовиться, вязать новую вещь. И вот маленькая радость, второе место на выставке 8 марта 1979 г.

Марише было 12 лет, после приезда стала учиться в пятом классе школы № 103 ГСВГ. Шла последняя, четвертая, четверть, учителя и соученики были незнакомы. К тому же вскоре девочка простудилась, простуда развилась в гайморит. Пришлось маме идти с ней в нашу поликлинику, где немецкий врач-лор сделал прокол. В итоге Марина пропустила немало занятий в апреле и в мае. Тем не менее ее аттестовали, и она перешла в шестой класс.

Детей в школе было достаточно много, поэтому существовали параллельные классы, в одном из них учились дети военнослужащих, в другом — дети сотрудников «Висмута», живших в Зигмаре. Из Зигмара в школу дети ездили тремя автобусами, два «Икаруса» возили учеников 5–10-х классов и один небольшой был для маленьких — учеников начальной школы. Учительский коллектив формировался в основном по линии ГСВГ, работали они не более трех лет. Так получилось, что в 1978–1979 гг. поменялись директор школы и большинство учителей.

С первой своей подружкой — одноклассницей Юлей Евпак Мариша познакомилась с моей помощью. Ее мама Нина Евпак работала в бухгалтерии ГД и жила в нашем доме. К сожалению, Юля уехала в 1979 г. Многие дети в классе были старожилками, вскоре должны были уезжать и к знакомству с новичками не особенно стремились. Второй подружкой — одноклассницей — была Юля Бродова, ее семья жила в Зигмаре полгода. Вот и все знакомые дети поначалу. В 1979 г. появилась Лера Дюжая, приехала с семьей из Геры, ее папу перевели на работу референтом-переводчиком в партком.

Как-то Марина и Юля Бродова катались на велосипеде по дорожке около дома, Марина за рулем, Юля на багажнике. Увидел Зенков, отругал девочек — непорядок, ехать на багажнике запрещено правилами дорожного движения, выразил мне по телефону свое недовольство и запретил прокату выдавать велосипед Марине Василенко. Так сказать, помог ребенку адаптироваться.

Помогали нам привыкнуть к новой жизни товарищи по работе Женя Корж и Игорь Черкашин, их жены Галина и Нонна, наши соседи Тимофеевы. К Нине Петровне Тимофеевой дочь частенько сама ходила в гости.

В первое время после работы и в выходные дни мы часто выходили на прогулки, сами или с Черкашными, или с Женей Коржом и его женой. Осваивали незнакомую местность, с интересом открывая новые для нас места. Приятно было прогуляться по Рабенштайну, зайти и выпить пива в кафе «Голден Лева», или зайти в кафе напротив и получить кофе с ритуальным разговором на немецком языке: «Как вам подать кофе,

в чашке или кофейнике?» По этой уютной улице в Рабенштайне мы обычно шли не далее ее пересекавшего высокого виадука и возвращались обратно.

Хороши были прогулки в выходной день в Пельцмюлле. Десять минут ходьбы от наших домов, и мы в парке, в котором ждут посетителей небольшой зоопарк, лотерея, музыка, киоски, где есть пиво и готовят боквурсты и братвурсты. Рядом с киосками — столики, где можно посидеть с этим вкусным «делом» до или после прогулки. Недалеко пруд, где плавали лебеди и утки, которых любили кормить дети и взрослые. В Пельцмюлле приезжало в выходной день немало немецких семей из Карл-Маркс-Штадта, погулять и отдохнуть с детьми.

В конце апреля 1978 г. профком «Висмута» организовал запоминающуюся поездку в курортный г. Цинновце на Балтийском море. Приглашены были семьи всех советских специалистов Общества. Из Зигмара, Геры, Ауэ, Цвиккау, Пирны, Ошаца люди отправились в путь в колонне примерно из двадцати автобусов «Икарус». 29 апреля колонна проехала с юга на север всю ГДР и вечером появилась в Цинновце. Там, в пятиэтажном современном доме отдыха — отеле «Ротер Октобер», принадлежавшем «Висмуту», нас ожидали представители профкома. В их числе, как помню, были Корж и Кастуев. Они довольно быстро разместили всех нас в номерах и пригласили на ужин.

30 апреля утром мы съездили на экскурсию в Штральзунд, где побывали в морском музее, после гуляли с детьми по берегу моря у дома отдыха и кормили медленно летящих за нами чаек, бросая им в воздух кусочки булочек. В спортзале состоялся волейбольный турнир. Вечером, как и другие висмутяне, сидели вместе с Черкашными за столиком в уютном баре дома отдыха, пили вино и радовались жизни.

Утром 1 мая все вышли на демонстрацию. Для нас первомайская демонстрация всегда была началом праздника и его неприменной частью, так мы были воспитаны. Участие в демонстрации создавало у нас ощущение общности с окружающими людьми, со своей страной, поддерживало праздничное настроение. Собрались у дома отдыха в колонну и прошли по городку мимо импровизированной трибуны, где нас приветствовали представители руководства и парткома «Висмута». Из тех, кто находился на трибуне, тогда я знал только Андреева.

После демонстрации в одном из залов дома отдыха был организован для детей праздничный обед. Детей было много, все разного возраста и из разных мест, и, конечно, хлопот и забот у женщин-организаторов было хоть отбавляй. Зато гомона,

веселья детей было с избытком к большой радости родителей. Позже состоялся праздничный ужин для взрослых. В большом зале ресторана поместились все, фуршетные столы расставили в вестибюле перед входом в зал. Весь вечер звучала музыка, площадка для танцев не пустовала. Было хорошо, весело, празднично и надолго запомнилось.

С одной из традиций жизни Зигмара — проводами советских специалистов, завершивших работу в «Висмуте», — я познакомился в мае 1978 г. Это были провода Олега Семеновича Докукина, долго работавшего секретарем парткома Общества и уезжавшего домой, в Харьков. В город моей молодости, где я пять лет прожил в студенческом общежитии, учился и окончил Харьковский горный институт. Проводы проходили в банкетном зале клуба. Полчаса постояли за тремя поставленными буквой «П» столами, накрытыми белыми скатертями, были выступления и пожелания советского и немецкого руководства, выпили раз, другой. У выхода из клуба ожидала автомашина. Успел сказать Валентине, жене Докукина: «Жалко, что вы уезжаете». «Не надо жалеть», — услышал я в ответ.

Летом провожали сотрудника НТЦ Володю Пащенко. Он и его жена жили в пятиэтажке, куда и пришли провожавшие, симпатизировавшие им люди. Было немало мужчин и женщин. В гостиной двухкомнатной квартиры — стол с вином, водкой и закусками. Немного упакованных вещей, основные вещи отправлены раньше в контейнере. В спальне на прикроватной тумбочке забыт пузырек успокоительных капель, видимо, пользовались для лучшего сна. Минут сорок тосты за прошедшую жизнь в Зигмаре и будущую — в Харькове, воспоминания о совместном прошлом, пожелания успехов. Спасибо всем от уезжающих хозяев. Все происходит хотя и оживленно, со смехом, но с оттенком грусти. Наконец берем чемоданы и провожаем Пащенко и его жену к автобусу. Просят: «Возвращайтесь в квартиру, там осталось что выпить, посидите, вспомните нас еще раз».

Связано ли это с адаптацией организма к новым условиям или нет, не знаю, но в начале июля, через три месяца жизни в Зигмаре, у меня случился приступ аппендицита. Терапевт советской поликлиники Сметанина, уложив меня на кушетку, стала осматривать и попыталась пощупать живот. Непрозвольно оттолкнул ее руку.

— Я только дотронуся, больно не будет.

— Хорошо.

Подносит руку к животу, и я опять отталкиваю.

— Все ясно, нужна операция. Эльза, — говорит медсестре, — быстро вези к хирургу

в немецкую клинику, домой за вещами и в больницу. И не спускай с него глаз.

Так и было, не прошло и пяти минут моего пребывания в квартире, слышу голос Эльзы в подъезде: «Слава, где вы? Надо ехать!»

В приемной немецкой больницы в Штольберге, увидев мое невеселое лицо, приободрили — все будет хорошо. Операцию сделали утром следующего дня, под общим наркозом. Перед этим, чтобы не боялся, дали выпить какую-то таблетку. В палате лежали, кроме меня, трое немцев, с одним из них, помнится, он был горнорабочий, общались, наши кровати стояли рядом, разговаривали друг с другом на ломаном русско-немецком языке.

Жены и дочери в это время в Зигмаре не было. В конце июня Марину после окончания пятого класса отправили в пионерлагерь «Цинновиц», а Галина уехала домой в Москву, поправить настроение. На третий день после операции приехали навестить меня Женья Корж и Олег Кастуев. Как я был рад этому визиту, уговаривал их побыть еще, не хотел отпускать.

Всех приезжающих в Зигмар специалистов и их жен довольно быстро вовлекали в общественную работу, и я не стал исключением. Стоило несколько раз поехать на рыбалку, как было предложено возглавить рыболовную секцию. Благо подсачек срок перевыборов, и предыдущий председатель, Фиалко из ЦГП, облегченно вздохнув, передал мне свои обязанности. Как я узнал позже, был спор между секциями рыболовов и охотников. Рыболовы считали, что их обделяют, мало выдают денег на поездку, а вот охотникам дают больше, и требовали в местком Зигмара пересмотреть бюджет. Охотники возражали и не без успеха. В дальнейшем эти споры прекратились. Поездок хватало всем, и вопрос больше не поднимался.

Одна из поездок на летнюю рыбалку была на озеро Морицбург, в мае месяце, вместе с Коржом. Автобус ждал рыбаков на Штерцельштрассе в субботу в половине третьего ночи. Сели. Старший группы, отвечавший за порядок в поездке, отметил в списке тех, кто едет, и сказал шоферу, что можно трогаться. К озеру подъехали через час с небольшим. Старший предупредил: «Отъезд в час дня, не опоздайте, задержавший автобус больше пятнадцати минут в следующий раз не поедет».

Хотя поездки рыбаков планировались почти каждую субботу, никто не хотел лишать себя удовольствия хотя бы один раз, опозданий практически не было.

Обогнув озеро, Женья привел меня на самый дальний мосток, влево за которым,

метрах в тридцати, озеро кончалось. Перед берегом рос невысокий камыш, за ним виднелась небольшая дача, у камыша плавали два белых лебедя. Деревянный мосток, сделанный для рыбной ловли, как и остальные на озере, входил в воду метра на четыре.

— Здесь ловят карпа. Бери цвибак (сдобный сухарь), размочи, накатай шарики для насадки и лови, — сказал Женья и ушел на соседний мосток.

Тишина, медленно поднимается солнце. Лебеди разгоняются, метров через семь отрываются от воды, звучно взмахивая крыльями, поднимаются друг за другом в воздух и улетают. И опять тишина, небольшой ветерок, скорее дуновение воздуха, отчего вода слегка рябит и тихонько накатывает на мосток и берег.

Вздрагивая от нетерпения, вытаскиваю из чехла и собираю удочку, катаю в ладонях размоченный цвибак, насаживаю шарик на крючок и забрасываю метров на восемь в воду. Удочку кладу на мосток и, не отрывая взгляд от выглядывающего из воды поплавок, жду поклевки. Поплавок потихоньку сносит, поднимаю удочку, проверяю насадку и опять забрасываю. Солнце пригревает. Наконец поплавок резко ведет в сторону, и он косо уходит в воду. Поклевка карпа! Подсекаю, и не быстро, чтобы рыба не сошла с крючка, подтягиваю к мостку плещущего в воде, сопротивляющегося карпа. Подвожу подсачек, и рыба поймана. Готовлю новую насадку, забрасываю в то же место и опять жду, поглядывая на поплавок. В промежутке между забросами выбираю несколько минут для бутерброда и чая из термоса. Солнце все выше, время идет незаметно, и вот уже 12 часов. Пора собираться и двигаться к автобусу.

Общественная жизнь в «Висмуте» была на очень высоком уровне, ей постоянно уделяли внимание руководство Общества и партком. Для проведения мероприятий профсоюзным организациям выделялись немалые денежные средства. Люди в нерабочее время постоянно были заняты подготовкой и участием в различных делах и мероприятиях — политических, организационных, культурных, спортивных. Это и было целью. Вовлечение в общую жизнь коллектива приезжающих на работу в «Висмут», особенно новичков, делало возможной более быструю их адаптацию к новым условиям работы и быта. Постоянная занятость людей полезными для себя и Общества делами уменьшала вероятность возникновения ссор, склок и тому подобного, позволяла сохранять благоприятную обстановку в коллективе.

Большую разностороннюю работу по организации общественной жизни выполнял профсоюз: профком «Висмута», месткомы Зигмара, Геры и других мест, где

жили советские специалисты, женсоветы, профбюро и профорги на предприятиях.

Профком объединял ряд комиссий — производственную, культурно-массовую, социально-бытовую, спортивно-массовую, комиссию по работе с детьми. Такая же структура была и у месткомов. Профком возглавляли освобожденный председатель и его заместители. В 1978–1979 гг. председателем профкома был Михаил Владимирович Якушенко, гидрогеолог высокой квалификации, а его заместителем — начальник одного из отделов ОВЦ Анатолий Андреевич Рудычев, возглавлявший одновременно производственную комиссию.

В ноябре 1978 г. состоялась отчетно-выборная профсоюзная конференция, на которой новички, я и Виктор Кара из НТЦ, Юрий Усольцев из ЦГП, Павел Иванович Мариничев из ГД, были избраны членами профкома. На первом заседании нового профкома меня избрали председателем социально-бытовой комиссии, Кару — спортивной, Усольцева — детской, так мы называли комиссию по работе с детьми. Культурно-массовая комиссия осталась с прежним председателем Николаем Морозовым из ПП. Мариничев стал заместителем председателя профкома.

Надо сказать, что в первый наш год в профкоме мы переняли у Якушенко, Рудычева и Морозова хороший опыт работы в профсоюзном комитете большого коллектива.

Вскоре после конференции в первые выходные дни декабря должна была состояться плановая поездка висмутян на горнолыжный курорт Обервизенталь в дом отдыха «Активист». Поездка была подготовлена прежней социально-бытовой комиссией. Якушенко сказал мне: «Поезжай, посмотри, как это делается, организация этих поездок — обязанность социально-бытовой комиссии. Размещайся в номере, подготовленном для Рудычева, он не поедет».

Списки отъезжающих из Зигмара, как всегда, передали для сведения в 1-й отдел ГД Зенкову. Он меня вычеркнул, мотив — поздно записался. Словом, очередная мелкая придирка. Якушенко возмутился, минут через пятнадцать позвонил мне в НТЦ: «Поезжай и делай, как договорились. Запрет снят».

Позже Якушенко ездил со мной в один из домов отдыха, показывал, как договариваться с администрацией о предстоящем выезде.

Социально-бытовая комиссия профкома распределяла путевки в санатории и дома отдыха в Союзе, легковые автомашины, организовывала выезды на выходные дни в немецкие дома отдыха «Висмута». В состав комиссии входили представители всех месткомов и главный врач советской поликлиники Вадим Игоревич Савицкий.

Команда рыболовов НТЦ в 1978 г. Слева направо: Зернов, Василенко, Егоров, Кара, Корж, Артемов.

Путевки выделял профсоюз Минсредмаша — в дома отдыха и санатории, бывшие в его ведении. Как правило, путевки выделялись для отдыха во втором-третьем кварталах. По сравнению с тем, что получали люди, работавшие в Союзе, например, в организациях Минуглепрома, путевок было ощутимо больше, и за счет соцстраха тоже. Наиболее привлекательными считались путевки в детский санаторий «Голубая даль» в Геленджике, дом отдыха «Судак» в Крыму, санатории «Горный» недалеко от Ялты, «Таврия» в Евпатории, а также санатории в Кисловодске, Пятигорске и Железноводске. Небольшим спросом пользовались путевки в дом отдыха «Мерерана» в Нарве (Эстония), большинство их приходилось отправлять обратно, что вызывало неудовольствие и упреки профсоюзных работников Минсредмаша. Иногда советские специалисты просили нас выделить путевку в дом отдыха «Ротер Октябрь» в Цинновце — для этого мы договаривались с немецким профсоюзом.

Распределение путевок проходило несколько стадий; вначале уточнение с местными претендентами на путевки и вариантами распределения, затем консультации с поликлиникой и наконец окончательное согласование на заседании комиссии. Переговоры, обсуждения обычно вели по телефону. Заседание комиссии проводилось в Зигмаре, в одной из комнат клуба. Приезжали все члены комиссии, конечно, были споры, но в итоге приходили к компромиссному решению. В спорных случаях по путевкам в санатории мнение Савицкого было решающим.

Дома отдыха «Висмута» находились в ведении немецкого профсоюза; с его руководством ежегодно согласовывался график выездов в них семей советских специалистов. Были и другие, большие и маленькие

вопросы, возникавшие в общей жизни советского и немецкого коллективов, требовавшие совместных решений и общей с немецким профсоюзом работы. Проводились и неофициальные встречи двух профсоюзных организаций. Перед своим отъездом домой в 1979 г. Якушенко организовал такую встречу — посещение нашей сауны в Советском клубе членов профкома и руководства немецкого профсоюза во главе с его председателем Штринницем. После сауны все поднялись на ужин в небольшой зал на третьем этаже, устроенный для приема гостей. Вначале беседа за столом носила однобокий характер, говорили на немецком языке Якушенко и немцы, остальные больше молчали, стесняясь своих небогатых возможностей в немецкой разговорной речи. Михаил это обнаружил и призвал нас быть более активными, говоря, что это прекрасная возможность для знакомства и в будущей работе в профкоме очень пригодится. После такого обращения языка у нас развязались, и беседа стала общей.

Большую заинтересованность у всех вызывали распродажи, которые проводили местком и женсовет Зигмара совместно с магазинами Висмутхандель (Управление торговли «Висмута»). Распродажи проводили в клубе, чаще всего в спортзале, два-три раза в год. На распродажи привозили товары, пользующиеся спросом у зигмарян и практически отсутствующие в обычной продаже. Это были кожаные куртки и дубленки, ковры и деки, а также сервизы «Мадонна», «Роза», «Голубой», «Золотой», хрусталь. Дефицитные товары местком и женсовет заранее распределяли и выдавали талоны. Учитывались разные факторы, покупал ли эту вещь ранее на прошлых распродажах, скоро ли отъезд домой, ведет ли общественную работу. Предпочтение отдавалось ветеранам Великой Отечественной войны. Все же некоторых товаров для всех желающих не хватало, и возникали споры, замечания и претензии к социально-бытовой комиссии месткома и женсовета. Например, некоторые ветераны настаивали выделить вещи не только для себя, но и для своих взрослых детей, живших в Союзе, им возражали. Обладатели талонов получали изделия в ближайшем магазине Висмутхандель на Оберфронауэрштрассе.

Средоточием общественной жизни Зигмара являлся Советский клуб. Комплекс зданий клуба вмещал практически все для этого необходимое. Большой кинозал со сценой, где проводились партийные и профсоюзные собрания, концерты нашей художественной самодеятельности и артистов, приезжавших на гастроли в ГДР из Москвы и Ленинграда, демонстрировались кинофильмы. Спортзал, кегельбан, бильярдная комната, тир, настольный теннис, кладовые спортивного инвентаря.

В ста метрах от клуба — теннисный корт, волейбольная и городошная площадки. Банкетный зал, где проводились праздничные вечера, банкеты, приемы гостей. Небольшой продуктовый магазин.

В полуподвальном помещении под спортзалом была оборудована большая сауна с двумя парилками, бассейнами с холодной и теплой водой, душевой, с комнатой для отдыха и местом для массажа, устроен был также небольшой зал на третьем этаже для приема гостей после сауны.

Большой популярностью пользовалась кантина, где можно было посидеть и поговорить с друзьями, выпить один-два бокала (гросс или клэйн) вкусного бочкового пива «Вернесгрюнер» с орешками, водки или вина, поесть, если жена уехала в Союз, а самому готовить еду не хочется. В субботу после рыбалки, особенно зимней, и традиционной сауны ноги сами несли в кантину. Однако не увлекались, подолгу не сидели, дома ждала жена к обеду. Распожались в кантине Герберт, помогали ему жена Соңя, иногда дочь и постоянный кельнер Франк.

На втором и третьем этажах размещались небольшая гостиница, медицинская комната, комнаты для заседаний месткома, женсовета, комиссий профкома, для детских кружков и занятий женщин шитьем и вязанием, для занятий музыкой и автошколы. Ведал всем этим хозяйством директор клуба, числившийся в штате профкома. В наше время директором клуба был Таратынов.

Первый в Зигмаре новый год, 1979-й, мы встречали в Советском клубе. В середине банкетного зала стояла новогодняя елка, переливаясь разноцветными огнями гирлянд, блеском серпантина и стеклянных шаров. Вокруг нее праздничные столы, их установили, можно сказать, по интересам, учитывая, кому с кем интереснее сидеть за одним столом. Сначала услышали поздравления и пожелания здоровья и счастья в новом году от общего стола, где находились организаторы праздника, затем звучали тосты и пожелания за каждым столом, провели с шутками и смехом новогоднюю лотерею. Фурор вызвал фейерверк на площадке перед клубом, устроенный, когда объявили перерыв и все вышли подышать свежим воздухом и посмотреть на салют. Обрадовались. И попали в мороз. Надо сказать, что в ночь на 1 января 1979 г. в Зигмаре, как и во всей округе, ударил 20-градусный мороз. Коммунальные системы немецких домов к такому холоду не были приспособлены, на время погас свет в клубе и в наших домах. Но настроение оставалось праздничным, вернулись в банкетный зал к елке и продолжали веселиться. Когда же пришли из клуба домой, пришлось искать и зажигать свечи.

Все живущие в Зигмаре могли найти себе занятие по душе, как мужчины, так и женщины. Среди мужчин особенно процветали рыбалка и охота, игра в волейбол и теннис, городки. Устраивались праздничные турниры, где от каждого предприятия — НТЦ, ПП, ЦГП и ГД — выступала своя волейбольная команда, победителям местком Зигмара вручал призы и почетные грамоты. Спортивно-массовая комиссия профкома ежегодно организовывала «Дни спорта», поочередно в Гере, Ауэ и Зигмаре. «Гвоздем» Дня спорта являлся волейбольный турнир сборных команд, в том числе и сборной Зигмара. Турнир вызывал большой интерес болельщиков — жителей поселка, в котором он проводился. День спорта, как правило, завершался вручением почетных грамот и призов коллективу, занявшему 1-е место, и победителям отдельных соревнований и банкетом для всех участников.

Имея со студенческих лет первый спортивный разряд по волейболу, рядом с домом в Зигмаре спортзал, в волейбол я стал играть и участвовать в турнирах за команду НТЦ с первых же дней. Была также волейбольная команда, представлявшая Зигмар в одной из групп первенства Карл-Маркс-Штадта. В 1978 г. в этой команде играли Слава Термосесов (организатор и капитан команды), Женя Башмаков, Володя Колесников, Слава Колиненко (все ребята из ПП, примерно одного возраста), я и кто-то еще.

Иногда в день календарной встречи не хватало игрока. Помню, как-то в июле у советского клуба Слава Термосесов по этой причине настойчиво уговаривал меня ехать на очередную, для меня первую игру в этой команде, хотя в тот момент я еще не оправился после операции аппендицита и был на больничном. В другой раз там же у клуба простуженного Женю Башмакова не пускала на игру жена:

— Нельзя тебе играть, у тебя температура.

— Да я поеду зрителем, играть не буду.

После пяти минут спора:

— Ну что с тобой делать, поезжай зрителем. Все равно твою спортивную форму я спрятала.

Поехали и, конечно, Женя играл, несмотря на температуру, играл в своих же кроссовках, взятых им дома втайне от жены.

Периодически устраивались в спортзале клуба встречи с волейбольными командами воинских частей, приезжавшими из Карл-Маркс-Штадта и Лейпцига. Теннисная команда и команда стрелков Зигмара из советских специалистов постоянно выступали в немецком первенстве одного из городских округов. Вместе с тем любой желающий мог прийти в спортзал или на теннисный корт и для своего удовольствия играть и тренироваться.

Многочисленными были секция рыболовов (они являлись членами Немецкого союза рыбаков — сокращенно DAV) и секция охотников, входившая в Клуб военных охотников (КВО) воинской части, размещенной в Карл-Маркс-Штадте. В DAV мы платили членские взносы и имели право ловить рыбу в его водоемах, охотники с помощью КВО получали у немецких егерей карты (лицензии) на охоту в их угодьях.

Надо подчеркнуть, что руководители Общества и его предприятий охотно занимались спортом. Генеральный директор Семен Николаевич Волощук катался на горных лыжах в Обервизентале и на водных лыжах за катером, прекрасно играл в теннис, всегда участвовал в теннисных турнирах в составе команды Зигмара и не раз выигрывал свою встречу с соперником. Все это Семен Николаевич делал в возрасте, близком к 70 годам, и, как рассказывал наблюдавший его В. И. Савицкий, здоровье его было в порядке, пульс и давление, измеренные сразу после спортивного занятия, были в норме.

Главный инженер «Висмута» Леонид Михайлович Тормышев любил поездки на рыбную ловлю, а сменивший его в 1982 г. Валентин Павлович Назаркин увлекался загонной охотой. Заядлым охотником, а также рыболовом был Георгий Георгиевич Андреев. Помимо этого, Андреев любил кататься на горных лыжах, периодически выезжая в Обервизенталь, приходил и на теннисный корт поиграть в теннис.

Зам. генерального директора по режиму Игорь Тимофеевич Карташов постоянно ездил на летнюю и зимнюю рыбалки, живо интересовался подробностями рыболовных соревнований, при встрече поздравлял победителей.

Председатель профкома Якушенко хорошо играл в теннис и волейбол, так же,

Построение команды Зигмара в спортзале в День спорта.

В первом ряду слева направо: Доманов, Лыхин, Кривохин, Богатов, Иванников, Василенко, Пацапаев.

В спортзале Зигмара главный судья Тимофеев объявляет порядок соревнований. За ним стоят: Василенко, председатель месткома Зигмара Лезгинцев, председатель спортивной комиссии профкома Кара, Башмаков. Справа: зрители — жены и дети.

как и главный инженер НТЦ Евлюхин, оба постоянно участвовали в теннисных и волейбольных турнирах. Главный инженер ПП Забелин, опытный охотник, возглавлял охотничью секцию. Главный врач Савицкий часто ездил на рыбалку, иногда участвовал в загонной охоте в роли загонщика. Начальники отделов Генеральной дирекции Юрий Сергеевич Данилов, Алексей Иванович Беляев, Леонид Иванович Васильев и сменивший его Валерий Воробьев, Виталий Васильевич Шаталов, а также приехавший позже Петр Ильич Балковой увлекались рыбалкой, а последние трое — еще и охотой.

Не все новички смогли адаптироваться к жизни в «Висмуте». Разные на то были причины. Одним не удалось преодолеть свое неприятие нового режима жизни, у иных жена не хотела жить вдали от дома и уезжала, появляясь затем лишь изредка и ненадолго. Некоторые специалисты не сумели успешно работать на новом месте.

В начале 1980 г. уехал, не пробыв и года, москвич Кашапов из отдела нормирования труда НТЦ, бывший также председателем детской комиссии месткома Зигмара и не однажды вручавший почетные грамоты детям — победителям спортивных состязаний. Все жаловался: «Не та работа, не та жизнь здесь. Нет автомашины, а возиться с ней — мое хобби».

Кончилось это отъездом Кашапова по собственному желанию.

В конце 1983 г. были претензии к одному из русских сотрудников 18-го отдела ГД, технологу по выщелачиванию руды. Отдел этот присоединили к 12-му отделу, где я работал руководителем, в рамках реорганизации в ГД. Вскоре ко мне обратился зам. начальника бывшего 18-го отдела Эрнст с нареканиями на этого сотрудника. Эрнст

пожаловался, что тот не имеет конкретной работы, результатов от него как от специалиста нет, предложений также нет. И попросил принять меры.

Поговорил я с этим сотрудником, спросил, чем занимается, какие ведет вопросы. Ответил, что особенной работы у него нет, изучает технические отчеты и часто ездит на ГДП «Кенигштайн».

— Что там делаешь, с кем общаешься?

— Практически ни с кем.

Я представил, как человек в семь часов утра приезжает на рудник, завтракает в кантине, а потом слоняется по территории без дела, пока не появится автобус, на котором уезжает домой в Зигмар, и мне стало не по себе. И так он делал не раз и не два. Практически сбегает с работы, ссылаясь на какие-то дела на «Кенигштайне». Пришлось о ситуации доложить главному инженеру Общества Назаркину. Через некоторое время этот товарищ был переведен на ГДП «Ройст» технологом по кучному выщелачиванию.

Были случаи, когда человек срывался и скандалил, другие не могли удержаться от пьянства. Тем более что причин и поводов для выпивки было предостаточно, хоть отбавляй. Работавшие в «Висмуте» люди это хорошо знают. Некоторые не выдерживали, и все кончалось преждевременным отъездом. В таких случаях отправляли домой, обычно в течение 48 часов.

В начале августа 1979 г. я получил первый очередной отпуск. С конца марта 1978 г., за год и четыре месяца на новом месте, столько прошло событий в моей жизни, жизни семьи! Сколько переживаний! Перед отъездом приехал в Генеральную дирекцию, в отделе кадров получил паспорта и билеты на поезд и помчался к выходу. И поймал себя на ощущении, что я, как на крыльях, свободен, мы с семьей выдержали и едем домой. Другими словами, было ощущение, что адаптация к новой жизни закончилась, и мы в этой среде свои.

В Союзе во время отпуска спросил жену, как она себя чувствует в Зигмаре, не надо ли нам уезжать?

— Нет, не надо, я привыкла, и с Мариной все хорошо, я все время с ней.

В конце отпуска встретил на Манежной площади рядом с МГРИ Николая Пучкова, работавшего начальником отдела выщелачивания НТЦ. Поговорили, узнал, что он возвращается в Зигмар раньше меня, и попросил записать нас с женой на поездку в Лейпциг. Там в начале сентября проводилась ежегодная выставка «Мессе Майстер фон Морген» (МММ) — выставка мастеров будущего. Мысли были уже о Зигмаре, теперь там наш дом и наша жизнь, туда мы и стремились.

3. В Генеральной дирекции

В начале октября 1979 г. состоялось партийное собрание НТЦ, как обычно, в одном из помещений клуба в Зигмаре. Основным вопросом повестки дня был мой отчет о работе и перспективах отдела автоматизации горных работ. В отчете я рассказал о состоянии автоматизации на рудниках, о том, что сделано отделом, и высказал предложения по дальнейшей работе. С некоторым удивлением отметил присутствие на собрании Г. Г. Андреева. Он прослушал доклад и ушел. В прениях Станислав Левчик заметил, что доклад больше похож на технический отчет о работе и для партийного собрания мало подходит, непонятно, зачем так делать. Никто не возразил.

Вскоре после собрания Андреев предложил мне перейти на работу в Генеральную дирекцию начальником технического отдела. Взамен уехавшего домой в Пятигорск Ульянова, проработавшего в этой должности около двух лет. Что-то у него не сложилось, возможно, были семейные проблемы. Как я понял, партийное собрание было проведено и для того, чтобы посмотреть, могу ли я соответствовать новой должности. 22 октября 1979 г. назначение состоялось. Перед вступлением в должность побывал на беседах у руководителей «Висмута» — технического директора Вернера Рихтера и главного инженера Леонида Михайловича Тормышева, выслушал их наставления и пожелания по новой работе. После этого пришел к своему непосредственному руководителю Андрееву, курировавшему в Генеральной дирекции технический отдел, а также отделы горной технологии и капитального строительства. Он поинтересовался, о чем говорили, и сказал: «Это все хорошо, однако забудь наставления и слушай меня».

Технический отдел в Генеральной дирекции назывался 12-м отделом и с немецкой стороны возглавлялся Фредом Вайраухом.

Размещался отдел в нескольких комнатах на третьем этаже, в правом от лестницы крыле здания ГД. В этом крыле находились также отдел капитального строительства и отдел главного механика. Помимо Фреда Вайрауха в 12-м отделе работали девять немецких сотрудников: Гюнтер Шуберт, Герхард Клауберт, Дитмар Заттлер, Петер Голбик, Жорж Брендель, Кристина Христель и др. Советских специалистов в отделе было трое — я, Михаил Яковлев, Леонид Петрович Пономаренко, а с 1984 г. — Валерий Павлович Степаненко, сменивший Яковлева после его отъезда.

До меня в той же должности работали Ульянов, еще раньше Степин, с которым я встречался в 1976 г., когда приезжал в «Висмут» по линии техпомощи, рассказывал ему

о проведенной работе и сдавал технический отчет о результатах командировки.

Обязанности между немецкими и русскими сотрудниками отдела, как и между его руководителями, были давно распределены, деловые отношения устоялись, и я продолжил работу в том же ключе, не стараясь изменить, да и нужды не было. Надо сказать, что отношения между немецкими и русскими сотрудниками технического отдела, как и в других отделах ГД, были не просто деловыми, но и товарищескими, друг к другу относились с уважением и поддерживали. У нас были общая цель и общая работа, которую надо было делать хорошо, чтобы добиться требуемого результата.

Вместе с тем в отношениях между немецкими и советскими специалистами присутствовали элементы соревнования, ревность к своему делу, стремление подчеркнуть, чья эта работа, кем предложена, больше показать свое участие в ней. В общем-то, свойство, присущее большинству людей. Об одном из таких проявлений с немецкой стороны я рассказал Андрееву, на что он образно заметил: «У нас не SAG «Висмут», а SDAG «Висмут», не обращай внимания».

Работы по новой технике и технологии велись практически по всему кругу производственных процессов добычи и первичной переработки урановой руды на предприятиях «Висмута». В их числе можно назвать следующие крупные работы:

- разработка и организация производства самоходных дизельных машин для перевозки руды из очистных забоев по подготовительным выработкам;
- совершенствование технологии подземного и кучного выщелачивания руды;
- внедрение технологий восстановления и упрочнения буровых коронок и шарошек для уменьшения их расхода и снижения затрат на бурение шпуров и скважин;
- применение горнопроходческих комбайнов на проходке подготовительных выработок;
- проверка эффективности использования на проходке выработок электрических буровых машин и гидравлических перфораторов;
- создание и внедрение диспетчерских систем на ГДП «Беервальде» и «Дрозен»;
- создание комбинированного контактно-аккумуляторного электровоза для подземного транспорта руды;
- применение полимерной твердеющей смеси для анкерной крепи горных выработок.

Приведенный перечень не исчерпывает выполнявшихся в то время в Обществе работ по новой технике и технологии. Так, например, отдел главного геолога ГД во главе

с Юрием Сергеевичем Даниловым и главным геофизиком Лучиным, ЦГП (директор — Валерий Ветров, главный инженер — Абашин) и отдел геофизики НТЦ (начальник — Зернов, один из сотрудников — Рябкин) вели довольно много работ в области геологоразведки и геофизики. Совершенствованием технологии переработки урановой руды занимался 9-й отдел ГД, возглавляемый Виталием Васильевичем Шаталовым. Отдел главного механика Майера помимо прямой работы по обеспечению рудников техникой, ее эффективной эксплуатации и технического обслуживания, организовал пуско-наладочные работы сложных систем электропривода и автоматики многоканатных подъемных машин на строящемся руднике Дрозен с привлечением одной из советских монтажно-наладочных организаций. В отделе этим занимался зам. главного энергетика Ефанов. Ранее он работал на горных предприятиях в Навои и, видимо, имел достаточный опыт в проведении работ по пуску и эксплуатации подъемных машин.

К новым разработкам СГАО «Висмут» привлекало немало научно-исследовательских и проектных институтов СССР, как по долгосрочным контрактам, так и в рамках технической помощи.

Работы проводились поэтапно и в несколько стадий: выбор новой технологии и оборудования, приобретение или создание опытных образцов, их испытания и внедрение на горнодобывающих предприятиях, обучение персонала, разработка технической документации и нормативов для эксплуатации, организация серийного производства нового оборудования на машиностроительных заводах Общества. К ним отнеслись завод горного оборудования ВВА в Ауэ (изготавливал аккумуляторные и контактные электровозы, электрические двигатели и электроаппаратуру), машиностроительный завод «Кайнсдорф» (вагонетки, скипы, различные металлоконструкции), KRB в Зигмаре (изготовление самоходных дизельных машин и другого оборудования по заказу НТЦ, ремонт горной техники).

Организация всей этой многогранной работы возлагалась на первого заместителя генерального директора Общества Вернера Рихтера, его заместителя Андреева и отделы Генеральной дирекции — технический, горной технологии, главного геолога, главного механика и др. Поскольку Рихтер был первым заместителем генерального директора Общества, и функции технического директора являлись лишь частью его обязанностей, то в деятельности по новой технике и технологии он осуществлял общее руководство. Оперативную работу вел Андреев во взаимодействии с отделами Генеральной дирекции, НТЦ и ПП.

Немаловажной стороной деятельности

советских сотрудников технического отдела были организация и контроль работ, проводимых в рамках технической помощи: вызов, встреча и сопровождение приезжавших из Союза специалистов, вплоть до организации для них культурной программы, помощь в работе, рассмотрение отчетов о проведенных работах. Практически каждую среду мной велись телефонные переговоры по вопросам техпомощи с 8-м Управлением, в основном с Александром Васильевичем Артемовым, работавшим там после отъезда из «Висмута». Подчас мы с Артемовым увлекались и получали замечание от начальника Управления Николая Ивановича Чеснокова, напоминавшего нам, что тариф международный, денег стоит, и разговаривать надо короче.

Самоходная дизельная техника. Большое внимание уделялось работам по созданию, организации производства и внедрению собственных погрузочно-доставочных машин (ПДМ) с дизельным приводом. В этих работах участвовало немало советских и немецких специалистов НТЦ, KRB и горнодобывающих предприятий. Применение дизельных машин на ГДП «Висмута» для погрузки и перевозки руды и породы из очистных и проходческих забоев по подготовительным горным выработкам вместо рельсового транспорта позволяло существенно уменьшить затраты.

В Обществе инициатором и руководителем работы по созданию дизельной техники был Георгий Георгиевич Андреев, работавший в 1970–1972 гг. руководителем отдела механизации горных работ НТЦ, а с 1973 г. — заместителем главного инженера Общества. Надеюсь, что об этом он напишет в своих воспоминаниях. К слову, на зарубежных рудниках самоходные горные машины (ПДМ, подземные самосвалы и др.) начали использовать на подземных работах в конце 1950-х гг., а в России — с 1965 г. на рудниках в Норильске.

Выщелачивание руды. Технология выщелачивания руды использовалась на двух горнодобывающих предприятиях «Висмута»: подземное выщелачивание на МГДП «Кенигштайн» и кучное на ГДП «Ройст».

В общем случае подземного выщелачивания в оконтуренном горными выработками блоке с помощью взрыва отбивается и дробится руда. В полученный штабель (магазин) отбитой руды нагнетается раствор серной кислоты, который, просачиваясь сквозь него, насыщается ураном и стекает по днищу блока в емкость, откуда насосами откачивается на поверхность.

При кучном выщелачивании руду подни-

мают на поверхность и укладывают штабелями (кучами) на подготовленную площадку. Орошают кислотным раствором, который, просачиваясь через штабель, насыщается ураном, а дальше собирается в отстойник и подается на последующую переработку.

В целом технология выщелачивания позволяла значительно повысить производительность труда на горных работах и снизить себестоимость переработки руды на гидрометаллургических заводах, поэтому совершенствованию этой технологии в Обществе придавалось большое значение. Работы в области выщелачивания для «Висмута» успешно проводили специалисты Московского геологоразведочного института (МГРИ) во главе с ректором Дмитрием Петровичем Лобановым. Отдел технологии выщелачивания НТЦ практически весь состоял из бывших сотрудников МГРИ. Начальником отдела в конце 1970-х и начале 1980-х гг. был Николай Пучков, затем его сменил Сергей Маркелов, Пучков же продолжил работать в МГРИ и не раз приезжал в «Висмут» по линии техпомощи. Неоднократно бывал в «Висмуте» Лобанов, приезжавший для обсуждения отчетов по выполненным работам, планов будущих работ, а иногда и в отпуск.

Тесные связи «Висмута» с МГРИ приводили к хорошим результатам не только в деятельности по добыче и переработке руды. В МГРИ перешли работать ряд специалистов, закончивших работу в Обществе. В частности, Демин, Арутюнов, Кастуев, вернувшийся через три года вновь на работу в «Висмут», Гойденко и др. Немало детей сотрудников «Висмута» после окончания школы хотели поступить на учебу в МГРИ, и их там охотно принимали.

АСДУ. Одной из важных являлась работа по внедрению системы оперативно-диспетчерского управления на ГДП «Беервальде» и «Дрозен».

В ноябре 1979 г. выяснилось, что изготовление основного оборудования системы в этом году может быть не выполнено и тогда пропадет запланированная на конец года немалая сумма денег. Начальник финансового отдела «Висмута» поднял тревогу, и меня срочно отправили в Москву решать этот вопрос. На Быковском заводе — изготовителе оборудования я посмотрел состояние изготовления, провел агитационную работу с директором завода Р. Н. Папяном, в институте ГУА и «Союзглектроматике», уточнил с финотделом с помощью В. П. Назаркина сроки и форму оплаты. В итоге был составлен и подписан заводом и институтом акт об изготовлении оборудования и со счетом на оплату отправлен в «Техснабэкспорт».

В начале 1980 г. оборудование системы

поступило в «Висмут» и затем согласно проекту смонтировано на ГДП «Беервальде». Пусконаладочные работы проводили специалисты из ГУА и БЭЗ, Николай Анатольевич Ушаков по диспетчерской телефонной связи, Добрянский из Донецкого филиала ГУА по табельному учету, мастер ОТК Тамара Солопий и двое рабочих-наладчиков завода БЭЗ по комплексу КОД-1М. При этом по настройке программного обеспечения активно работали Черкашин, Фидлер и другие сотрудники отдела автоматизации НТЦ. В конце лета 1980 г. система была сдана в эксплуатацию.

Такой же цикл работ и теми же людьми был выполнен по диспетчерской системе на ГДП «Дрозен». В 1981 г. в день сдачи АСДУ в эксплуатацию на ГДП «Дрозен» вместе со мной на рудник поехали главный диспетчер «Висмута» Рудольф Дитель и Клетцнер, Черкашин и Фидлер из НТЦ. Когда возвращались, Дитмар Клетцнер предложил отметить это событие в одном из придорожных кафе, что мы и сделали с большим удовольствием. Для нас это стало событием в нашей общей жизни в «Висмуте», завершением начатой в 1976 г. довольно трудной и сложной работы по созданию и внедрению передовой по тому времени автоматизированной диспетчерской системы. В этой работе участвовало немало советских и немецких специалистов из Генеральной дирекции, НТЦ, Проектного предприятия, ГДП, а также из советских организаций — ГУА, БЭЗ, «Союзглектроматика».

Заточка буровых коронок. Проходка выработок на рудниках Общества выполнялась буровзрывным способом. Преимущественно применялось ударно-вращательное бурение шпуров пневматическими перфораторами с буровых кареток. В качестве инструмента использовались буровые коронки диаметром 40 мм, оснащенные пластинками твердого сплава. Сечение горной выработки обуривалось примерно 30 шпурами глубиной до полутора метров. Затем в шпуры закладывали патроны взрывчатки, соединяли общим проводом и взрывали. Отбитую породу грузили ковшовыми погрузчиками в вагонетки и увозили в околоствольный двор для выдачи на поверхность. При бурении пластинки твердого сплава коронок тупились и изнашивались. Возрастало усилие, снижалась скорость бурения, и коронки становились непригодными для производительного бурения.

Одним из серьезных мероприятий по снижению затрат на проходку считалась заточка буровых коронок для неоднократного их использования по примеру угольных шахт СССР. Там применялась разработанная московским институтом твердых сплавов ВНИИТС технология восстановления

режущих свойств коронок за счет их заточки на специальных заточных станках. Эта технология была предложена институтом ВНИИТС для применения в «Висмуте» путем организации централизованной мастерской для восстановления буровых коронок. Работу вели сотрудники лаборатории, которой руководил кандидат технических наук Анатолий Михайлович Чувиллин. Ими были разработаны нормативы продолжительности бурения до затупления коронок, режимы заточки и необходимые приспособления, рекомендованы заточные станки Витебского завода.

На ГДП «Ройст» была организована централизованная мастерская, которую оснастили тремя специальными заточными станками. Со всех рудников сюда привозили отработанные по первому разу буровые коронки, которые после заточки возвращали обратно. На всех рудниках в соответствии с техническими рекомендациями ВНИИТС был установлен порядок использования как новых, так и восстановленных коронок, организованы их сбор и доставка на ГДП «Ройст» в мастерскую.

Мастерскую ввели в действие в 1981 г. Организацией этой работы занимался вместе со мной Леонид Петрович Пономаренко и один из немецких сотрудников 12-го отдела.

Гидроперфораторы. При проходке горных выработок для бурения шпуров повсеместно использовались пневматические перфораторы, работавшие на сжатом воздухе с давлением 5–6 атмосфер. Если попадались крепкие породы, то бурение было затруднено, падала скорость, то есть требовались более мощные устройства. Такими могли быть гидравлические перфораторы, разработку которых выполнял горно-обогащительный комбинат в Желтых Водах на Украине. Нам их предложили в 1982 г. во время посещения ГОКа делегацией «Висмута» во главе с техническим директором Вернером Гепелем.

Испытания опытных гидроперфораторов в «Висмуте» показали возможность их успешного применения на крепких породах, но опытные образцы были ненадежны, часто выходили из строя. Требовалась доработка конструкции, повторные изготовление и испытания. Между тем первые образцы гидроперфораторов были значительно дороже пневматических перфораторов. На это обратил внимание С. Н. Воложук и на одном из совещаний высказал свои сомнения. Пришлось мне написать на его имя служебную записку с обоснованием необходимости данной работы ввиду достаточно больших объемов проходки в крепких породах. Замечаний по этому вопросу больше

не было. Но, как я помню, доработка перфораторов затянулась, и повторные испытания при мне не проводились.

Электрическая буровая установка БУЭ-1М. В «Висмуте» для бурения взрывных шпуров применялись буровые каретки с пневматическими перфораторами, работающими на сжатом воздухе. В то же время на угольных шахтах Союза для этих целей широко использовались электрические буровые машины с горными электросверлами. Возникла необходимость проверки эффективности применения таких машин и возможности снижения стоимости проходки в условиях «Висмута». Для этого была приобретена буровая машина БУЭ-1м, изготовленная на Ново-Горловском машзаводе.

Работу вели начальник отдела механизации горных работ НТЦ Евгений Иванович Микляев, ранее работавший в ИГД им. А. А. Скочинского, и немецкие сотрудники отдела. С их помощью в КРВ установка была собрана и проверена, при этом устранены мелкие недостатки заводского изготовления. Первые испытания на ГДП «Шмирхау» показали хорошие результаты, и технический директор рудника Дейнеке попросил передать машину руднику для эксплуатации. НТЦ же считал, что сначала нужно провести всесторонние испытания машины, определить технико-экономические показатели проходки и лишь после этого передавать машину на баланс рудника. Возник спор.

Вернер Гепель взял эту работу на контроль и активно ею занимался. Не раз проводил у себя совещания с отчетами НТЦ. Устроил выездное совещание специалистов НТЦ и 12-го отдела ГД в проходческом забое на Шмирхау, где работала установка. Там, выслушав мнение каждого специалиста и работавших на ней горнорабочих, решил оставить пока машину за НТЦ, но испытания потребовал ускорить.

Горнопроходческие комбайны ГПК. В конце 1970-х гг. на угольных шахтах СССР получил распространение комбайновый способ проходки горных выработок, при котором разрушение породы производилось не взрывом, а резанием. Использовались комбайны с режущей вращающейся головкой, закрепленной на поворотной стреле и оснащенной резцами с твердым сплавом. За счет поворота стрелы в разных направлениях режущей головкой формировалось сечение горной выработки по заданным размерам. Падавшая на почву разрушенная порода сразу же грузилась нагрбающими лапами на поворотный конвейер комбайна, а с него в вагонетку. Комбайновый способ позволял повысить производительность

и безопасность проходческих работ и уменьшить затраты на проведение горных выработок. В основном применялись горнопроходческие комбайны ГПК, выпускавшиеся Копейским машиностроительным заводом. Надо сказать, что объем комбайновой проходки горных подготовительных выработок на советских шахтах в 1980-е гг. составил 50 % от общего объема.

В «Висмуте» не замедлили начать изучение и проверку в своих условиях этой технологии. В 1981–1982 гг. был приобретен комбайн ГПК и начаты испытания на одном из ГДП. Для Общества это была новая технология, требовался специалист, который смог бы подготовить документацию для испытаний комбайна (паспорта и циклограммы проходки выработок) и сами испытания, выбрать горные условия рационального применения этой технологии и т. д. То есть необходимо было выполнить довольно большой объем достаточно сложных исследований, а также работ по подготовке испытаний и внедрения.

Ведущим этой работы, я бы сказал, ее «душой», стал сотрудник отдела механизации НТЦ Борис Иванович Федунец, ранее работавший в Московском горном институте и имевший довольно широкие связи в угольных кругах. Федунец, благодаря твердому характеру и настойчивости, уверенно провел работу по испытаниям и первому применению комбайновой технологии на рудниках «Висмута». По его просьбе мы привлекали к работе ученых ИГД им. А. А. Скочинского, в Общество в рамках техпомощи приезжали доктор технических наук Глатман, директор Копейского завода и другие специалисты.

Упрочнение шарошек твердым сплавом. На рудниках «Висмута» широко применялось бурение вертикальных скважин с поверхности и из горных выработок. Скважины использовались в различных технологических целях: для подачи твердеющей закладочной смеси в пустоты, где была вынута руда, подачи растворов выщелачивания, для вентиляции, для задач геологоразведки, в качестве рудоспусков и для других целей. Бурение производилось буровыми установками, оснащенными шарошечными долотами. Инструментом, разрушающим горную породу, являлись шарошки, большой расход которых приводил к высокой стоимости бурения.

В 1982 г. Алтайским политехническим институтом (г. Барнаул) была предложена технология упрочнения шарошек методом плазменной наплавки их твердым сплавом в условиях рудников, в частности на ГДП «Кенигштайн». Такая технология позволяла значительно увеличить стойкость шарошек и уменьшить их расход. Разработчиком тех-

нологии и техническим руководителем работы по ее применению в «Висмуте» был доцент, впоследствии профессор Алтайского политехнического института Валерий Андреевич Хоменко. Работа шла через отдел механизации НТЦ, ответственным являлся его сотрудник Владимир Гойденко. К работе мы также привлекали одну из лабораторий Технического университета Карл-Маркс-Штадта, где были выполнены исследования структуры наплавленного металла шарошек и подтверждена правильность принятых режимов наплавки.

Для проведения работы Хоменко приезжал в Общество по линии техпомощи два раза в год, в остальное время организационную работу по наплавке опытных образцов шарошек и их испытаниям вел Володя Гойденко. С ним у Хоменко сложились хорошие товарищеские отношения. Хотя Володя был моложе, но по приезду Хоменко в Зигмар становился его «опекуном», сопровождал и помогал повсюду.

В результате был создан эффективный буровой инструмент, применявшийся на рудниках «Висмута» и получивший почетный диплом широко известной Лейпцигской ярмарки Messe der Meister von Morgen.

Комбинированный электровоз.

Основным видом подземного транспорта на рудниках Общества был рельсовый. Перевозка руды и породы осуществлялась составами вагонеток с глухим кузовом с помощью контактных и аккумуляторных электровозов. Применялась двухступенчатая откатка, при этом аккумуляторные электровозы перевозили составы от погрузочных пунктов к сборочным разминочкам, а дальше везли контактные электровозы.

Для уменьшения затрат на подземном транспорте требовалось создать комбинированный контактно-аккумуляторный электровоз, способный обеспечить бесступенчатую откатку. Работу эту предложил и выполнял сотрудник отдела автоматизации НТЦ Валерий Павлович Степаненко, в 1984 г. переведенный в 12-й отдел ГД.

Испытания на ГДП «Пайцдорф» опытного образца комбинированного электровоза показали хорошие результаты. Дальше надо было разработать чертежи для серийного производства электровоза на заводе горного оборудования в Ауэ (ВВА). Однако одновременно шла работа немецких специалистов этого завода по созданию тиристорного привода для контактных электровозов, позволявшего несколько уменьшить затраты электроэнергии на перевозку руды. И также требовались чертежи для производства этого привода. Выполнять чертежи по двум работкам одновременно конструкторский

Шуберт с женой, Брендель, Василенко и другие
на бригадном вечере 12-го отдела в кафе.

Леонид Пономаренко музицирует.

Представление в женских шапках: Василенко и Клауберт, в глубине — Яковлев.

отдела ВВА не мог, и после долгих споров решили пропустить вперед комбинированный электровоз. Этому поспособствовало мнение ГДП «Пайцдорф» — главного инженера рудника Бориса Федоровича Шевченко и немецкого специалиста — начальника участка подземного транспорта.

В 12-м отделе нередко устраивались бригадные встречи в кафе, домах отдыха, на водоеме «Пель», на даче кого-либо из немецких сотрудников, куда мы приезжали семьями. Инициатива встреч исходила от немецких сотрудников, от Вайрауха, ведь они были у себя дома, в своей стране. Дружелюбную атмосферу на таких встречах можно ощутить при взгляде на показанные ниже фотографии.

Бывали и курьезные случаи. На одной из встреч, на даче у Кристины Христель, референт Гепеля Хайнц Зигель подбил Гюнтера Шуберта посоревноваться, кто из них больше выпьет водки и при этом не опьянеет. Гюнтер, видимо, подумал, что он крупнее Зигеля, все же метр девяносто ростом, а тот пониже и худощавый, вес меньше, и согласился. Однако состязание это закончилось для Гюнтера конфузом. Он опьянел, в итоге мы привезли его к дому, довели до двери, поддерживая под руки, и сдали жене, услышав ее укоризненное: «Ай, ай, ай!»

В отделе традиционно все вместе отмечали день рождения каждого сотрудника. В 7 часов утра, когда начинался рабочий день, мы приходили к имениннику в комнату с подносом, на котором стояли рюмки с коньяком и водкой, и поздравляли. В первой половине дня к нему с поздравлениями заходили приятели из других отделов. В конце рабочего дня собирались в кабинете Вайрауха, где по такому случаю был накрыт стол, и отмечали этот день рождения. Таким же образом отметили и мои 50 лет в декабре 1981 г.

Известно, что характер взаимоотношений руководителей со своими сотрудниками влияет на настроение, да и на результаты работы последних. Прошло более 24 лет со времени отъезда из «Висмута», что-то забылось, но я с теплотой и благодарностью вспоминаю своих руководителей, русских и немецких, с кем я работал в «Висмуте».

Это, прежде всего, Георгий Георгиевич Андреев, инициатор моего приезда в «Висмут», поддерживавший меня все годы работы в Обществе. С ним я провел немало времени, встречаясь практически ежедневно для обсуждения и решения текущих дел. И не только по работе. В НТЦ — директор Бернхард Конецки и главный инженер — Юрий Яковлевич Евлюхин. В Генеральной дирекции — Семен Николаевич Волощук, Леонид Михайлович Тормышев и Валентин Павлович Назаркин, Вернер Рихтер и Вернер Гепель.

Сменил Андреева Виталий Васильевич Шаталов, который после отъезда Андреева совмещал обязанности заместителя технического директора с основной своей работой — начальника 9-го отдела ГД. С ним мы были в товарищеских отношениях.

С. Н. Волощук. Поразительно, но в возрасте 70 лет Семен Николаевич Волощук регулярно играл в теннис, в составе команды Зигмара участвовал в соревнованиях с немецкими коллективами. Причем выигрывал свои встречи с соперниками и неоднократно, чему я был свидетелем. А ведь техника игры в теннис сложна, и не всем дается. Я, например, начал заниматься теннисом в Зигмаре в возрасте 50 лет. Но так и не смог как следует овладеть техникой игры, несмотря на то, что в спорте не новичок, имел первый спортивный разряд по волейболу и баскетболу. И не выигрывал у соперника, когда меня привлекали на эти соревнования.

Тренировался Волощук с Володией Давыдовым из отдела выщелачивания НТЦ. Володя был капитаном команды Зигмара. Спокойный, мягкий в общении, он обладал отточенной техникой приема и удара по мячу, я бы сказал, пластичной. Думаю, он был для Семена Николаевича идеальным спарринг-партнером.

Как-то в летний вечер мы возвращались в клуб со спортивной площадки, где играли в волейбол команды ГД и ПП или НТЦ. Шли в сауну, разгоряченные, живописной толпой, кто в майке и трусах, кто в спортивном костюме, громко обсуждая перипетии игры. У входа в клуб стоит Семен Николаевич и с любопытством смотрит, что за шум. Говорю ему: «Идем с соревнований по волейболу, команда ГД выиграла». Улыбнулся, кивнул, видно было, что он доволен происходящим моментом жизни коллектива, тем, что люди с интересом занимаются спортом.

Как правило, совещания в Генеральной дирекции, где рассматривались актуальные для всех отделов вопросы и присутствовали все руководители отделов, проводил Волощук, иногда Рихтер. Они проходили в зале совещаний на втором этаже, оборудованном синхронным переводом. Обычно синхронный перевод обеспечивала группа переводчиков Генеральной дирекции, сменявших друг друга. Они сидели в конце зала за стенкой с большим окном. На одном совещании к переводу привлекли фрау Ванке из НТЦ, переводчицу квалифицированную, но, видимо, не имевшую достаточного опыта в синхронном переводе. Причем переводила она первой из группы и не успела почувствовать и войти в ритм совещания. Волощук начал совещание, говорил, как всегда, в нормальном темпе, но фрау Ванке за ним не успевала и несколько растерялась. Перевод

запаздывал, и Семен Николаевич прервал выступление. Спросил, почему так медленно. Выслушав оправдания, сказал: это не синхронный перевод, надо быстрее, давайте смените переводчика. Стал переводить Дмитриев из ГД, скорость перевода сразу выросла. На это Волощук отреагировал: «Вот это другое дело». А мне было жаль, что так получилось с уважаемой мною фрау Ванке.

Незадолго до моего отъезда в июне 1985 г. Семен Николаевич пригласил меня в свой кабинет и вручил почетный знак «Мастер труда» (в золоте), самую высокую награду «Висмута». Вручил и поблагодарил за работу в Обществе. Этого вызова я не ожидал, был взволнован и в ответ выразил свое отношение к «Висмуту», сложившееся за семь лет. Сказал, что благодаря «Висмуту», окружавшим меня людям, за годы, проведенные в нем, я вырос интеллектуально, получил большой жизненный опыт и стал по-иному смотреть на жизнь. Семен Николаевич, видимо, не ожидал такой взволнованной речи и был тронут.

Л. М. Тормышев. Главный инженер Общества, олицетворение производственной дисциплины, руководил основным производством и оперативно решал возникавшие ежедневно вопросы, хорошо владел немецким языком. В Генеральной дирекции непосредственно ему подчинялись диспетчерская служба и все производственные отделы. Отличался образными оценками людей и ситуаций.

О главном инженере ВПО «Союзглектроматика» А. В. Сапилове, ранее знавшем Тормышева и приезжавшем в «Висмут» по вопросам АСДУ: «Встретился как-то с Сапиловым в Минуглепроме на лестнице, при переходе с одного этажа на другой. Поздоровались. Спрашивает меня: “Ну ты где сейчас?”»

«В «Висмуте», — отвечаю. «И кем работаешь?» — «Главным инженером». — «Да? Ого!» И так переменялся, а раньше практически не замечал.

О Вернере Гепеле, директоре ГДП «Пайцдорф», когда его назначили техническим директором Общества: «Крутой человек, работать с ним непросто, кое-кому он тут (в ГД) рога обломает».

На одном из совещаний, проводимом им в ГД, присутствовали шесть-семь немецких и русских руководителей отделов ГД и сидевший недалеко от него переводчик. Совещание велось на немецком языке. Через пять минут останавливает переводчика и спрашивает: «Кому нужен переводчик?» Все молчат. «Ну и ладно, иди к себе, а то перевод мне слушать мешает».

В день своего рождения Леонид Михайлович (ему исполнилось 55 лет) пригласил в самом конце рабочего дня Андреева

и меня к себе в кабинет. Сказал, открывая бутылку водки «Доппелькорн»: «Устал, такой суматошный день, сплошные поздравления и выпивка. Давайте хоть сейчас спокойно выпьем».

Вернер Рихтер. До апреля 1982 г. Вернер Рихтер являлся первым заместителем генерального директора и одновременно техническим директором Общества. Отзывчивый, довольно мягкий, дружелюбно настроенный к окружающим человек.

На совещании в ГД, которое проводил Рихтер, разгорелся спор между отделами по одному из мероприятий, которое он поддерживал: одни настаивали на выполнении, другие не выделяли деньги, ссылаясь на их нехватку. Спор, видимо, возник раньше, до совещания, к согласию не пришли. Послушав, Вернер высказался: «Что же мне теперь ходить по Генеральной дирекции с протянутой рукой и упрашивать вас: “Дайте денег!” Решайте вопрос, и быстрее».

Однажды осенью Рихтер пригласил на одну из вилл для двухдневного отдыха семьи советских и немецких руководителей своих отделов. Приехали около двадцати человек. Отдых получился на славу. Был устроен обед в большой гостиной, за столом разместились все приехавшие. За обедом сначала выпили по бутылке пива, затем пошли в ход водка и вино. Обед был продолжительным. После небольшого перерыва спустились в бар, где с шутками и смехом провели лотерею и пили шампанское. В итоге каждый получил в подарок от Вернера по большой пивной керамической кружке с барельефами на рыцарские темы. Эти кружки были изготовлены специально для нас. Подарок до сих пор стоит у меня дома на видном месте, напоминая о прошедшем времени.

Было довольно поздно, когда мы разошлись по своим комнатам. Утром просыпаюсь от голоса Фреда Вайрауха:

— Slawa, hast du Offner? Es braucht Bier trinken! («Слава, есть у тебя открыватель? Надо пива выпить!»)

«Оффнер» нашелся, но пить пиво я боялся, а голова болела сильно, и оно бы не помешало. За завтраком все жаловался Андрееву:

— Зря я за обедом пил пиво, получился ерш, из-за этого и голова болит.

Георгий меня «успокоил»:

— При чем тут обеденное пиво, вспомни, что было потом.

После завтрака прогулялись по окрестностям, затем прибыл автобус, и мы уехали в Зигмар.

Рихтер охотно участвовал в мероприятиях, проводимых отделением Общества германо-советской дружбы в «Висмуте».

В 1981 г. председатель отделения Фриц Фишер и Рихтер организовали поездку семей немецких и советских специалистов на теплоходе по Эльбе в местах, называемых Саксонской Швейцарией. На теплоход мы сели в Дрездене, а высадились в местечке, где нас встретили конные егеря, и в одном из залов был подготовлен праздничный ужин. Главным блюдом стал дикий кабан на вертеле, приготовленный на костре. Подходили к костру, и егерь отрезал каждому порцию вкусного горячего мяса.

Вернер Гепель. Вернера Гепеля назначили на должность технического директора в апреле 1982 г., а до этого он работал директором ГДП «Пайцдорф». С его приходом организация руководства работами по новой технике и технологии горного производства несколько изменилась. Он начал практиковать регулярное (раз в одну-две недели) проведение отчетов и обмен мнениями на своих с Андреевым совещаниях с руководителями отделов ГД, которые курировал. На совещаниях рассматривались как общие, так и оперативные вопросы, ставились конкретные задачи. Надо сказать, что у нас, русских и немецких руководителей отделов ГД, стало больше информации и улучшилось взаимодействие в проводимых мероприятиях.

В октябре 1982 г. уехал домой Андреев. Заменял его Виталий Васильевич Шаталов, будучи одновременно начальником 9-го отдела, производственного отдела по гидрометаллургии и выщелачиванию. Большой частью Виталий этими вопросами и занимался, что вполне устраивало Гепеля, горняка по профессии. Но летом 1984 г. Виталий также уехал домой. Перед моим отъездом в июне 1985 г. Гепель спросил меня о преемнике. Узнав, что им будет бывший главный инженер рудника Кенигштайн Дорожкин, обрадовался: «Вот хорошо, он возьмет на себя вопросы гидрометаллургии и выщелачивания».

Вернер живо интересовался передовым опытом ведения горных работ и новой горной техникой на родственных предприятиях СССР. В 1982 и 1983 гг. он организовал поездки по обмену опытом на горнообогатительный комбинат в Желтых Водах, а в 1984 г. — в Навои.

Оба раза в Желтых Водах вместе с ним были от 12-го отдела я, Герхард Ляйтнер из НТЦ, а также переводчик Иван Маркович Кукса и два сотрудника ГД и ПП. Мы осматривали рудники, спускались в их подземную часть, встречались с руководителями комбината, с работниками научно-технического центра и рудников. На одном из них в горных выработках нас сопровождал бывший главный инженер ГДП «Пайц-

дорф» Маштаков, работавший тогда вместе с Гепелем. Маштаков рассказывал об особенностях проводимых здесь горных работ и применяемой техники и отвечал на вопросы, естественно, на немецком языке. Меня даже спросил сопровождавший нас заместитель директора комбината по режиму, о чем они разговаривают, нет ли чего-либо недозволенного. Я его успокоил. Маштаков пригласил Вернера к себе домой в гости, и Гепель был у него весь вечер. Кстати, примерно через год Маштаков приехал повторно в «Висмут» и стал работать главным инженером ГДП «Шмирхау».

Как и предсказал Тормышев, Гепель постепенно осуществил перестановки в подчиненных ему отделах. Освободил от работы начальника отдела технической информации и перевел на это место Вайрауха, чем Фред был крайне недоволен. Помню, как на его проводах в кафе, после очередной рюмки Фред с размаху запустил ее в стенку напротив, настолько он был недоволен перемещением и не скрывал этого. Также из 12-го отдела был уволен Петер Голбик. Начальником 12-го отдела Вернер сделал Герхарда Ляйтнера, не зря он два года подряд брал его с собой в поездки в Желтые Воды.

Осенью 1984 г. в Зигмар для решения ряда вопросов приехал заместитель генерального директора ВПО «Союзглектроматика» Эдуард Осипов. Зная, что институт, где я буду работать после «Висмута», подчиняется этому ВПО, Вернер на совместном ужине, обращаясь к Осипову, расхвалил меня, как мне сказал потом переводчик. Я речь Вернера не слышал, перед этим он сказал мне: «Слава, закрой уши, я буду о тебе говорить».

П. И. Мариничев. После перехода в ГД продолжалась моя общественная работа

Марго и Вернер Рихтер, Фриц Фишер, Ф. Беляев, П. И. Мариничев, Л. М. Тормышев и др.

Поездка в Желтые Воды летом 1983 г. Висмутяне (слева направо): Кукса, Танц, Гепель, Ляйтстнер, Иванов, Василенко.

в профкоме, вплоть до осени 1984 г. Занимался я, как и прежде, делами социально-бытовой комиссии. В основном это была организация двухдневных поездок в дома отдыха «Висмута», а также распределение путевок в санатории и дома отдыха, распределение легковых автомашин, выделенных для продажи советским специалистам Общества.

В 1979 г. после отъезда Якушенко председателем профкома стал Павел Иванович Мариничев. Душевный, чуткий человек, без тени амбиций, с ним легко было работать, решать возникавшие в профсоюзной жизни вопросы и проблемы. Особенность его — был заядлым курильщиком. Когда бы ни зашел в комнату профкома, картина одна — Павел Иванович за своим столом и с сигаретой в зубах.

Говоришь ему: «Павел Иванович, ну что вы так часто курите. Вредно ведь для здоровья».

Отшучивался, говорил, что он привык к курению, бросить уже не получится, да и нельзя, можно и заболеть от такой резкой перемены.

Я хорошо помнил выезд семей советских специалистов «Висмута» в Цинновиц на 1-е мая 1978 г., всю прелесть этой поездки, приподнятое, можно сказать, радостное настроение, которое было тогда у всех нас.

И мы с Мариничевым решили организовать такой же первомайский выезд в 1983 г. Подготовку начали заранее, за год до поездки. Опросили профсоюзный актив на предприятиях, выяснили, что желание у людей есть, получили согласие руководства Общества. Проработали маршрут и увидели, что наиболее удобным транспортом являются

собственные автобусы, как и было в 1978 г. Но в 1982 г. в ГДР появились проблемы с энергоресурсами, включая и горючее для автотранспорта, началась кампания по их экономии.

Чтобы избежать возможных упреков немецкой стороны, Мариничев договорился с советской воинской частью о выделении нам бензина для поездки в Цинновиц, о чем сказали нашему руководству. Тем не менее из обкома СЕПГ «Висмута» рекомендовали отложить поездку. Волощук уведомил Мариничева о реакции обкома, сказал, что проезд через всю ГДР каравана из 20 автобусов с советскими сотрудниками Общества в этот период может вызвать негативное общественное мнение, и тут не важно, чей использован бензин, со стороны это не видно, видны автобусы и люди в них. И предложил отменить этот вариант поездки, в чем был, безусловно, прав.

Затем мы попытались использовать вариант выезда на электричках из Зигмара до ближайшей к Цинновцу ж.-д. станции с последующей пересадкой на рейсовые автобусы. Однако не получилось: расписание движения электричек и время на остановках было неудобным для сбора и пересадки большого числа людей из разных городов, могли быть заминки, опоздания, а электричка ждать не может. Да и время в пути было больше по сравнению с автобусами.

К большому нашему сожалению, моему и Мариничева, от поездки в Цинновиц пришлось отказаться. Мечта не сбылась.

Немалое значение для нашей работы имели такие отделы Генеральной дирекции, как отдел кадров, 2-й и 4-й отделы. Располагались первые два отдела в правом крыле первого этажа. Там же были помещения парткома, профкома, кабинет заместителя генерального директора по режиму.

Запомнилось внимательное отношение к нам, и особенно к новичкам, начальника отдела кадров Алексея Ивановича Беляева и его заместителя Михаила Александровича Соловьева. Отдел вел кадровую работу для всех советских специалистов «Висмута», как постоянных сотрудников, так и командированных по линии техпомощи. Все приезжавшие прежде всего приходили в отдел кадров.

Здесь выдавали служебные заграничные паспорта при поездках в Союз. Возвращаясь, мы сдавали паспорта обратно. Паспорта хранились в консульстве, в отделе кадров. Забирая их, проверяли, не просрочены ли паспорт. Иногда такие случаи бывали, и тогда возникал спор с пограничниками, польскими или нашими. Правда, инцидент обычно кончался мирно, пограничники после расспросов паспорт возвращали, входили в положение, но предупреждали.

Билеты на поезд заказывали и получали, как и отпускные удостоверения, также

в отделе кадров. Это делали Михаил Александрович Соловьев и помогавшая ему молодая женщина Эльвира в комнате отдела кадров, где хранились личные дела советских сотрудников Общества. Там же нам выдавали аусвайс — немецкий вид на жительство. Соловьев заказывал и автобус для поездки во Франкфурт-на-Одере к поезду.

2-й отдел обеспечивал служебную переписку «Висмута», в частности с 8-м Управлением Минсредмаша. Начальником отдела был Леонид Иванович Васильев, в 1983 г. его сменил Валерий Воробьев, ранее работавший в режимной службе в Ауэ. Служебные письма оформляла сидевшая за барьером в отделе комнаты рыжеволосая женщина, отличавшаяся ровным голосом и спокойным характером. Кроме них в отделе были курьеры, доставлявшие секретную почту в Москву и обратно.

4-й отдел хранил всю документацию для служебного пользования, как на немецком языке, так и на русском, а также рабочие тетради и блокноты, выдавал документы по необходимости сотрудникам ГД и принимал их в конце рабочего дня. В отделе работали немецкие и трое советских сотрудников, включая начальника отдела Лавнеева. С Лавнеевым приятно было общаться. Спокойный, располагающий к себе человек, не навязчиво и вовремя напоминавший о внимании к служебным бумагам. Как помню, он всегда ходил с гладко выбритыми лицом и головой. Так гладко, что верхняя часть головы поблескивала при электрическом свете.

В состав 4-го отдела входило бюро переводов ГД. Переводчики постоянно были заняты и не очень охотно принимали мелкие оперативные заказы производственных отделов. Как-то я попросил заведующего бюро Эрвина срочно перевести небольшую служебную бумагу на немецкий язык. Он посмотрел, сказал, что потребуется больше часа времени, переводчики заняты, и бумагу не взял. Я заметил, что переводчику потребуется не более двадцати минут, и даже я сам могу это сделать за полчаса. Словом, мы с ним по этому поводу поспорили, я ушел и через полчаса с торжествующим видом принес и показал Эрвину перевод. Надо сказать, что у нас с Эрвином всегда были хорошие отношения, и от этого спора хуже не стали.

Многие наши специалисты и их жены имели устойчивую привычку, выработанную при жизни в Союзе, покупать книги и формировать домашнюю библиотеку. Это было частью нашей жизни. В Союзе в 1970-е гг., да и раньше, я бы сказал, всегда, купить хорошие книги было затруднительно, их не хватало для всех желающих. Были

ограничены их продажа в книжных магазинах, а также подписка на подписные издания. Не было ограничений в приобретении книг лишь у работников райкомов, обкомов и т. д. Постороннему туда не попасть, а если иногда и бывало, то случайно, по знакомству.

Живя в Зигмаре, художественную литературу можно было купить в магазине советской книги в Розенхофе, в центре Карл-Маркс-Штадта, а также подписаться на приложение к журналу «Огонек» и получать очередные тома на нашей почте рядом с клубом. Кроме того, библиотечным советом проводились распродажи книг в клубе, вызывавшие большой интерес зигмарян. Книги на распродажу привозил Генрих, работавший продавцом в отделе советской книги одного из книжных магазинов Дрездена. В дальнейшем, если случалось бывать в Дрездене, например, при поездке на ГДП «Кенигштайн», я заезжал к Генриху и покупал книги в его отделе. Дорогу к магазину Генриха мне показал Евлюхин во время одной из поездок на рудник, также любитель и ценитель книг.

Мой сосед по подъезду Олег Благов довольно часто посещал книжный магазин в Розенхофе, раз два в неделю, иногда ездили с ним вместе. Эти поездки вошли в привычку.

Привлекательным местом для отдыха был водоем, вернее водохранилище «Пель». Водохранилище это расположено в шести-десяти километрах юго-западнее Карл-Маркс-Штадта, простиралось оно на семь километров в длину и до восьмисот метров в ширину. Поездка на водоем автобусом из Зигмара длилась около часа.

На водоеме в его северной части располагались бунгало, принадлежащие «Висмуту». В этих бунгало мы останавливались, приезжая на отдых в выходные дни. Путевки получали в профбюро предприятия по месту работы, например, в ГД.

Бунгало представляло собой деревянный домик с гостиной-спальней, небольшой кухней, террасой и туалетом во дворе. В домике могли разместиться 3–4 человека, были необходимая мебель, газовая плита, телевизор, который принимал программы АРД и ЦДФ (ФРГ); недалеко у берега стояла на привязи лодка. Все было подготовлено для приема отдыхающих, включая посуду и газовый баллон. Постельное белье получали в кладовой, при отъезде его сдавали, убирали в домике и вокруг него, мыли полы.

Желающих отдохнуть в бунгало на большом водоеме было много: практиковался семейный отдых, некоторые сотрудники проводили там отпуск, иногда устраивались совместные с немецкими коллегами бригадные выезды, а в тот период, когда жены и дети уезжали на каникулы в Союз, в бунгало собирались небольшие компании рыболовов.

Рыболовы в большинстве случаев приезжали к массивному каменному мосту, пересекавшему южную часть водоема. Приезжали группой в субботу утром, на лентю или зимнюю рыбалку, летом ловить карпа и леща, зимой на подледный лов окуня. Два два в сезон проводили соревнования по подледному лову между коллективами Зигмара, Геры и Ауэ, а также между предприятиями, сотрудники которых жили в Зигмаре, — НТЦ, ГД, ПП и ЦГП.

Рыболовы вставали рано, с рассветом. Надевали рыбацкие брюки и куртки, резиновые сапоги и уходили к намеченному месту, лодку обычно не пользовались. Заканчивали ловить часов в двенадцать и шли к себе в бунгало вдоль берега мимо отдыхающих. А на берегу, на пляже, как обычно летом, собирались отдыхающие, купались, загорали. Все, разумеется, в купальниках, плавках. А мы среди них, как инородное тело, ходим на солнцепеке в своей рыбацкой одежде, в резиновых сапогах, и вызываем недоумение. Нет чтобы отдыхать как нормальные люди. Однако от своей привычки не отказывались.

Иногда мы ездили на Пель вместе с Виталием Шаталовым. Один раз летом 1983 г. приехали с женами, как обычно, в пятницу после работы. Разместились, каждая семья в своем бунгало. Утром до восхода солнца взяли удочки, сели в лодку и поплыли подальше от знакомых мест рыбалки к противоположному берегу, где, как нам казалось, ловить лучше и рыбы можно поймать больше. Приплыли, остановились недалеко от берега и обрадовались. Как здорово: тихое утро, ни ветерка, спокойная гладь воды вокруг, никто не мешает. Ну, говорим, хорошая будет рыбалка.

Забросили удочки и ждем поклевки. Но поклевок нет, забрасываем еще и еще раз, меняем наживку, клева нет, а время идет. Перемещаемся на другое место, результат тот же. И так три часа. Надежды

не оправдались, настроение упало. Возвращаемся ближе к бунгало на знакомое место, где не раз ловили. Оставили лодку и начинаем ловить, как обычно, с берега, Виталий левее, я правее. Невезение продолжается, клева нет. Думаю, ну вот, наговорили Галине и Зине: «Ждите, привезем рыбы, сделаем уху, а рыбы-то нет». В очередной раз Виталий забрасывает удочку, подальше, метров на двадцать. И наконец-то клюнуло! Виталий подсекает рыбу, начинает подводить ее к берегу, а удочка изгибается дугой и катушка проскальзывает. Видимо, на крючке сидит большой карп. Я перестал ловить и смотрю, что же будет. Виталий продолжает потихоньку подтягивать рыбу к берегу. Весь напрягся, все внимание на воду. Карп упирается, перемещается в сторону, влево, вправо, вода бурлит, когда он подходит к поверхности. Виталий тихонько говорит мне: «Слава, бери подсак, подведу карпа, вытаскивай».

Захожу с подсакком в воду, медленно, чтобы рыба не испугалась, опускаю его и жду, когда Виталий подведет карпа поближе. На первый раз карп проскакивает мимо. Думаю, хоть бы не сорвался, не дай бог, вдруг и подсак может его испугать. Ну, есть, очередная подводка, подхватываю карпа в подсак и поскорее на берег. О-го-го! Громадина! Когда взвесили, оказалось — вес около девяти килограммов. Никогда такого карпа не видел.

Любимым местом рыбалки для зигмарян был Морицбург, расположенный в 14 км от Дрездена и в полутора часах езды от Зигмара. Живописное место с охотничьим замком Schloss Moritzburg в стиле барокко, ставшим музеем, несколько прудов вокруг него, окруженных лесом и небольшими полями. В числе прудов был Grossteich (Большой пруд), где мы и ловили карпа, обычно по субботам, начиная с середины мая и до осени. В большинстве случаев рыбалка была успешной, все приезжали домой довольные. Но находились и такие люди, которые, съездив несколько раз на Морицбург, начинали ворчать: вот, часто ездим сюда, надо бы ездить в другое место, здесь и вода какая-то темная. На эти ворчания Петр Ильич Балковой им говорил: «Вернетесь в Союз, будете потом не один раз вспоминать Морицбург и поездки на рыбалку. Автобус вам подают прямо к дому, привозят обратно, такого удовольствия нигде больше нет».

Я потом нередко вспоминал эти слова, насколько точно они отражали порядок вещей с рыбалкой дома, в Союзе.

В один из рабочих дней в начале 1982 г. позвонил Андреев: «Зайди на минутку». Прихожу в его кабинет — там Виктор Кара обсуждает с ним охотничьи дела. Надо сказать, что Андреев был активным охотником,

а Кара стал председателем охотничьей секции Зигмара после отъезда Забелина.

Предлагают мне: «В субботу выезд на загонную охоту, охотников не хватает, присоединяйся к нам в охотничью секцию». Я им говорю: «В какую секцию, я никогда этим не занимался, правил охоты не знаю, из охотничьего ружья не стрелял». «Научим, не проблема, ты не первый такой». — «У меня и ружья нет». — «Ружье дадим».

Одним словом, уговорили, и с этого момента началась моя охотничья жизнь. Ружье дали, это была одностволка 16-го калибра, бывшая в употреблении. Первый опыт я получил в загоне, в зимнем лесу. После выхода из загона меня поправлял Анатолий Романченко, подсказывая, как надо идти, как и что надо кричать во время загона. Загон, ладно, научиться не долго, с этим справился, а вот стрелять и попадать в зверя быстро не научишься. Не один выезд на охоту прошел, пока появился опыт, и с ним первый трофей.

В целом охота меня увлекла. Да так, что решил купить новое ружье взамен одностволки. Обычно уезжавшие домой охотники передавали «свои» ружья следующим членам секции, но у меня это не получилось. Виктор Кара в 1983 г. по моей просьбе купил в Вюрмсдорфе, где был центральный Клуб военных охотников, ружье известной фирмы «Зимсон» 12-го калибра с двумя вертикально спаренными стволами.

Сезон утиной охоты начинался в выходные 20–23 августа. Приезжали к водоемам на место охоты обычно в конце дня после посещения егеря. Первый выход к водоему был под вечер, когда утки начинают садиться на воду. Затем ночевка в автобусе или под открытым небом. Вставать надо было перед рассветом, чтобы занять удобное место для стрельбы. С рассветом утки поднимаются в воздух, и начинается стрельба. Часам к 10 стрельба заканчивается, и все возвращаются к месту стоянки автобуса. Там с утра двое поваров готовят на костре шурпу из «вечерних» уток, и к нашему возвращению она готова. В качестве поваров приглашали желающих, один раз, как я помню, это был Володя Колесников. Обед, обмен впечатлениями, и после этого отъезд домой.

Наиболее волнующие моменты и переживания были во время загонной охоты. Один из первых моментов. Охота на кабанов. Виктор Кара поставил стрелков на опушке молодого ельника, выходящего к полю; я со своей одностволкой, метрах в тридцати справа от меня и чуть сзади стал Николай Дундуков из Проектного предприятия, слева и чуть впереди в сорока метрах устроился, сев на стульчик, немецкий егерь. Егеря мне видно, Дундукова нет. Стою и опасаясь, а вдруг кабан выскочит прямо на меня?

Пошли загонщики, зашумели, и вскоре в пяти метрах от меня справа выскакивает небольшой кабан и мчится в поле. Вскидываю ружье, нажимаю на курок, бах, кабан мчится дальше, а второго ствола у моего ружья нет, досадно. Звучат два выстрела, слева и практически одновременно справа, и кабан падает, скользя на траве по инерции вперед. Возник спор, чей же трофей, кто попал. После внимательного осмотра оказалось, что попал в кабана Дундуков.

Второй момент. Также охота на кабанов в осеннем лесу, полная листва на деревьях и довольно высокая трава. Трофей — кабан, убитый Виктором Карой. Я пошел посмотреть место, где стоял Виктор, и где это произошло. На удивление, там оказалась узкая просека, и даже просекой не назовешь, тропинка, перемахнуть которую кабан мог в одно мгновение, но не успел. Другого момента для взятия кабана не могло быть. Однако Виктор успел его увидеть и точно выстрелить. Такая быстрая реакция у него.

Еще один момент охотничьей жизни. Поехали охотиться на коз. Место — поле, где была посажена какая-то культура, выраставшая выше пояса. Козы это место охотно посещали. По краю поля Виктор Кара расставил стрелков, недалеко от меня стал Николай Дундуков, дальше он сам. Оцепили все поле. Стрелки друг друга видели, я видел и Дундукова, и Кару. Охота была удачной. В какой-то момент смотрю, недалеко от меня пробирается к открытому месту коза и Дундуков в нее целится. Вижу, его ружье направлено в мою сторону. Ощущение неприятное, стало страшно, говорю ему: «Убери ружье». Не убирает. Думаю, сейчас коза выскочит, он будет стрелять и может попасть в меня. Надо падать на землю. Ситуацию увидел Виктор Кара и тут же закричал на Дундукова: «Ты что, мать твою так, с ума сошел? Опустит ружье!» Мгновенно Николай опускает ружье, потом оправдывается и, само собой, получает от Виктора нагоняй.

Организатором выездов одной из групп охотников был Валентин Павлович Назаркин. Ездили мы по воскресеньям на двух машинах «Волга», где помещались восемь охотников, включая Назаркина. Для полноценной загонной охоты этого было недостаточно, поэтому иногда, особенно при охоте на кабанов, к нам присоединялись два-три егеря. Назаркин был давним охотником, ружье у него сохранилось с прежних времен работы в «Висмуте», как говорится, опыта охоты ему было не занимать. Выезды в сезон загонной охоты происходили регулярно. Обычно Валентин Павлович стоял стрелком, в загон в роли загонщика его не пускали. Несколько выездов подряд ему не везло, зверь на него не выходил, трофея не было. Естест-

Рыбалка на Пеле недалеко от каменного моста.

венно, мы за него переживали, однако он сам виду не подавал, как всегда, был спокоен. Наконец получилось: козла, единственный трофей в один из наших выездов, добыл Назаркин. Он обрадовался, и мы с ним тоже.

Немало было моментов на охоте, удачных, в радость, и неудачных, после которых переживаешь и упрекаешь себя за то, что подвел остальных охотников, особенно загонщиков, выгнавших на тебя оленя или другого зверя, а ты упустил его. Я хорошо помню все эти моменты. Ощущения во время загонной охоты в роли стрелка, да и в роли загонщика довольно острые. Сравнивая с ощущениями на рыбалке, можно сказать, что у меня они были совершенно разные. На рыбалке это в большинстве своем ощущение покоя, умиротворение, на охоте — напряжение, волнение и бурная радость.

Бывали и курьезные случаи. Одним из постоянных и удачливых охотников был Женя Башмаков, имевший пятизарядное ружье. Как-то на одной из загонных охот Женя стрелял в убегающего оленя и попал ему в заднее место. По правилам одного из добытых зверей надо отдавать егерям, хотя бы он был и единственным. Однако Жене удалось уговорить егеря, сказав ему: «Так получилось, что попал в оленя сзади, мясо, вероятно, будет с неприятным запахом, зачем вам такое». Олень остался у нас.

Как помню, опытными и удачливыми охотниками были Виктор Кара, Жевлаков, Анатолий Толмачев, Леонид Пономаренко. Не раз участвовал в охоте Петр Ильич Балковой. Свообразным охотником был Виталий Васильевич Шаталов. Имел ружье, но ни разу не брал его на охоту. А ведь был хорошим стрелком, постоянно выступал в соревнованиях за команду Зигмара. Виталий всегда участвовал в охоте только в роли загонщика. Причину этого я так и не узнал, не стал допытываться.

Надо сказать, что в результате моих охотничьих поездок мясо дичи осенью и зимой дома не переводилось. Правда, поначалу Галина его не ела, втайне от меня покупала для себя в магазине говядину. Пока не попробовала дичь, особенно оленину.

Сергей Гриб. Сергей Гриб работал переводчиком в Генеральной дирекции, был референтом-секретарем Л. М. Тормышева. Дружил с Лезгинцевым, в какой-то мере со мной. Хорошо играл в преферанс, иногда мы проводили свободное время за этим занятием, спортом, рыбалкой и охотой не занимался. Жил Сергей в пятиэтажке с женой Аллой и двумя детьми дошкольного возраста.

Бывали мы с Галиной у них в гостях. На стенке в гостиной рядом с дверью висело написание детям: «1. Мама всегда права.

2. Если мама не права, то смотри пункт 1».

Однажды отмечали в квартире Лезгинцева один из праздников. Все собрались, пришла и Алла Гриб, а Сергея еще не было. Мы с Лезгинцевым решили устроить ему розыгрыш. Размещаемся за столом, также и Алла, небольшая сумятица, кому куда садиться, и в этот момент приходит Сергей. Говорим ему:

— Опаздываешь, а где Алла, она дома осталась?

— Нет, ушла сюда раньше.

— Так где же она?

Алла помалкивает, Сергей идет к телефону и звонит домой детям: «Дай маме трубку». «Ее нет дома, она ушла». — «Ладно, не шути, дай маме трубку». — «Ее нет дома».

Смотрим, Сергей заволновался, помялся, не понимает происходящего. Видно, принял этот момент близко к сердцу. Мы за него испугались.

Тут Алла:

— Сережа, я здесь, не волнуйся, пожалуйста.

Пришлось нам с Лезгинцевым просить прощения за этот розыгрыш.

Подготовка к отпуску. В каком-то году готовились с Галиной к отъезду в отпуск. Надо было привезти домой что-либо из немецких продуктов, в том числе большую, на полтора литра, бутылку водки «Доппелькорн». Съездила Галина в магазин «Деликат», купила. Прихожу с работы и вижу в кухне на полу разбитую бутылку, разлитую водку и расстроенную жену. Вот, говорит, приехала, поставила сумку на стул и то ли задела, то ли сама она свалилась, бутылка разбилась. Досадно, конечно, но меня разобрал смех — помыли полы водкой, как у Булгакова в повести «Дни Турбиных». Пришлось ехать за второй бутылкой.

Списанные автомобили «Волга» Транспортное предприятие Общества ежегодно снимало с эксплуатации в связи с выработкой ресурса и списывало порядка шести автомобилей «Волга». Эти автомобили через профком получали советские специалисты, заканчивавшие работу в «Висмуте», и договаривались о ремонте за свой счет с KRB или ремонтной мастерской немецкого профсоюза. После ремонта каждый владелец перегонял автомашину к себе домой, обычно через Польшу. Желающих приобрести списанную автомашину было немало, так как стоимость их вместе с ремонтом была небольшой, а наши люди в основной массе были небогатыми и автомашины имели лишь некоторые. Но на всех не хватало. При мне списанные автомашины получили и отремонтировали Кастуев, Рудычев, Шаталов, шофер парткома Александр Шишкин, Степаненко и др.

Многие специалисты покупали новые автомашины, как правило, «Жигули». Фонды на приобретение легковых автомашин выделял Минсредмаш в достаточном количестве, их распределением занималась социально-бытовая комиссия профкома. Желание приобрести автомашину было у многих, но не все умели водить и соответственно не имели прав, в том числе и я. Поэтому каждый год местком Зигмара организовывал шоферские курсы на базе автошколы советской воинской части либо немецкой автошколы Транспортного предприятия «Висмута», располагавшейся в Зигмаре. Практику вождения получали на учебной автомашине «Волга», выделенной специально для обучения советских специалистов. Окончившим курсы сотрудникам выдавались права водителей категории «В», советские от воинской части или немецкие.

Немецкие права были международными, но в Союзе не приветствовались. Я с немецкими правами ездил по Москве и Московской области примерно год, а когда инспекторы ГАИ останавливали и удивлялись немецкому документу, пытался доказать, что это правильно, так как права международные. Пока они настойчиво не посоветовали заменить их обычными советскими правами во избежание возможных неприятностей.

В 1984 г., думая о будущем отъезде домой, я тоже соблазнился и решил взять списанную «Волгу», но как раз в этот момент в Транспортном предприятии срок списания автомашин увеличили на год. Не получилось, махнул на это рукой и купил новую автомашину, «Жигули» 21013 («копейку»), и не пожалел потом. Даже подумал позже, хорошо, что получилось такое стечение обстоятельств.

Постепенно вырос наш ребенок, как и в других семьях. Приехала Марина в Зигмар в 1978 г. Пошла учиться в пятый класс школы № 103 ГСВГ в центре Карл-Маркс-Штадта, а в 1983 г. окончила десять классов. Превращение ребенка во взрослого человека можно видеть на представленных фотографиях.

На мой взгляд, в 103-й школе ГСВГ дети из «Висмута» получали хорошее развитие и знания, позволившие большинству ребят и девушек поступить в институты и получить высшее образование. В частности, почти все ученики выпускного класса, в котором училась Марина, получили в аттестате отличные оценки, о чем нам, родителям, с гордостью рассказал директор школы на итоговом собрании. Я думаю, что здесь соединились по крайней мере три фактора: в классе собрались довольно «сильные» дети, имевшие высокообразованных родителей; высокая квалификация школьных учителей и их отношение к детям; и внимание своих мам,

которые не были заняты постоянной работой и имели достаточно времени для занятий и общения с детьми. То же, на мой взгляд, можно отнести и к другим классам 103-й школы, в которых учились и которые оканчивали дети из Зигмара.

Приехавший в «Висмут» специалист сталкивался с новыми, своеобразными условиями жизни и работы. Практически замкнутая колония, все на виду и на работе, и в быту — как говорится, не спрячешься, каждый себя проявляет сразу или позже.

Немецкие коллеги оценивают тебя и твою работу, работаешь ведь в их среде, причем они на одном месте долгое время и могут сравнить твою работу с работой предшественников. Советские специалисты, тем более руководители, тоже оценивают, чего ты стоишь, а в «Висмут» в большинстве своем приезжали работать люди высокой квалификации, творческие. Слабых сотрудников практически не было, хотя такие люди иногда попадали, скорее всего, случайно. Но они не имели требуемых качеств, что видели и немцы, и русские. Достижений у таких работников не было, и они долго не задерживались.

В Обществе была постоянная ротация кадров по советской стороне, периодически приходилось работать и выстраивать отношения с новыми людьми. Иногда проявлялся эффект «хромой утки», некоторые из уезжающих сотрудников в период перед отъездом попадали в положение, когда с ними по ряду вопросов переставали считаться, учитывать их мнение.

В «Висмуте» было немало людей, которые надолго связали свою жизнь с Обществом. Они работали в Обществе подолгу и не один раз, а в промежутке шли работать в 8-е Управление и другие организации Минсредмаша, в МГРИ, на иные предприятия. Через три года — такой срок был установлен «сверху» — возвращались обратно в «Висмут». Эти люди, как правило, были специалистами высокой квалификации, хорошо знали немецкий язык и хорошо ориентировались в жизни в Обществе. В отличие от сотрудников, приезжавших на постоянную работу впервые, им не нужно было тратить время на адаптацию.

Таковыми наши дети были в 1978 г. Марина Василенко и Маша Рогизная.

Таковыми, уже взрослыми, они уезжали в 1983 г. Слева направо: Лена Полетаева, Марина Василенко, Люся Михеева, Марина Турова.

В заключение хочу еще раз высказать сложившееся у меня убеждение.

Советско-Германское акционерное общество «Висмут» — это школа жизни, даже для человека в зрелом возрасте. Это школа передового опыта, и не только в области производства, новой техники и технологии. А в значительно большем — в области отношений двух народов, прошедших в недавнем времени суровые испытания Великой Отечественной войны.

Сложнейшие задачи горного производства, добычи и переработки тысяч тонн урановой руды на протяжении многих лет успешно решались из года в год общими усилиями многотысячного коллектива

немецких и советских людей — рабочих, инженеров, научных сотрудников, руководителей, профсоюзных и партийных работников.

Этого не могло быть без взаимной поддержки и помощи, товарищеских и во многих случаях дружеских отношений между немецкими и советскими людьми, специалистами и их семьями. Я с большой теплотой вспоминаю своих немецких друзей, которые были рядом со мной и моей семьей все годы жизни в «Висмуте». Ощущение солнечного настроения, появившееся у меня в майские дни 1976 г., когда я впервые побывал в «Висмуте», сохранилось в душе до сих пор.

Николай Ефимович Костин

С умом, молотком и радиометром в Германской Демократической Республике

Н. Е. Костин.

Николай Ефимович КОСТИН родился 4 апреля 1925 г. в дер. Новоселки Михневского (ныне Ступинского) района Московской обл. В 1945 г. поступил, а в 1951 г. окончил Московский геолого-разведочный институт по специальности «геология и разведка полезных ископаемых». В 1965 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию на тему «Геологическое строение и генетические особенности Арысканского месторождения».

Дважды находился в многолетних командировках в ГДР, изучая месторождения Рудных гор и Тюрингии, делая своим опытом с местными геологами.

В конце августа 1966 г. я был откомандирован в Центральное геологоразведочное предприятие (ЦГП) Советско-Германского акционерного общества «Висмут» в ГДР. Со мной прибыли жена Надежда и дочь Марина. Жили мы в Зигмаре, западном пригороде Карл-Маркс-Штадта, ныне — Хемниц. С 1-го сентября я был назначен на должность старшего инженера-геолога ЦГП. В первые два месяца занимался составлением проектов Саксонской экспедиции на 1967 г. по Гранулитовым горам и месторождению Фрайталь, в углях которого было повышенное содержание урана.

Затем до конца 1966 г. исследовал радиоактивность пород Гранулитовых гор, занимающих пространство к северу и югу от автобана Дрезден — Лейпциг. В моем распоряжении был восьмиместный пикап «Баркас». Помогал в работе коллектор — немец. Условия работ были комфортными, так как к любому скальному обнажению можно было подъехать на машине. Поиски не привели к открытию каких-либо значительных проявлений урана.

Как правило, в праздники в Советском клубе Зигмара прекрасно сервировали столы для каждой организации, и после определенного времени генеральный директор СГАО «Висмут» Семен Николаевич

Волощук со своей свитой поздравлял каждую организацию. Здесь он был бог и царь, и все «трепетали» перед ним. Был вечер, посвященный празднику Великого Октября. Подойдя к нашему коллективу ЦГП, С.Н. Волощук поинтересовался состоянием производственных дел предприятия. Я как-то непроизвольно встал и сказал, что у нас еще не все в порядке с производством химических и спектральных анализов, а также изготовлением шлифов. Он немного помолчал и сердито добавил: «Разве я могу за всем уследить?!» Вместе с ним вышла и его свита, а многие на меня недоуменно уставились. Настроение мое сильно подпортилось, да и непосредственное начальство осталось мною недоволено.

После встречи нового, 1967-го года, 2 января приказом генерального директора я был назначен руководителем минералого-петрографической лаборатории ЦГП. Итак, я получил ответ на свой вопрос и теперь должен был нести полную ответственность за исправление недостатков, высказанных мной 7 ноября 1966 г. Затем меня вызвал главный геолог ЦГП Юрий Сергеевич Данилов. Он возложил на нашу лабораторию выполнение минералого-петрографических исследований для Саксонской, Дрезденской и Тюрингской экспе-

диций. В течение недели я составил план примерно на 30 страницах и показал ему. При этом добавил, что выполнение этого плана возможно лишь силами института. Мы подробно обсудили этот план и пришли к выводу, что изложенные мной исследования необходимо быстрее внедрять в каждую экспедицию. Трудности их внедрения объяснялись тем, что все экспедиции испытывали острый недостаток микроскопов и бинокляров. В лаборатории работала петрографом Надя Нюндель, русская, вышедшая замуж на немца Стефана Нюнделя. Она в качестве переводчика сопровождала меня на предприятие «Карл Цейс», и за 1,5–2 года нам удалось закупить более 20 прекрасных микроскопов. Для всех экспедиций были составлены графики на производство химанализов, изготовление шлифов и аншлифов. Каждую неделю я проверял графики выполнения работ шлифовальной мастерской и химлаборатории. Примерно через год эти работы выполнялись строго по графику.

Под нашим руководством в Грюне, где находились здания ЦГП, в основном работали немецкие петрографы и минералоги. Мне приходилось выезжать во все экспедиции и совместно с геологами, минералогами и петрографами экспедиций намечать опорные скважинные разрезы, отбирать представительный каменный материал для достаточно полной геолого-минералогической характеристики месторождений, участвовать в написании петрографических разделов по всем важнейшим Объектам. Слаженная работа минералого-петрографических групп экспедиций обязана scrupulezной педантичности немецких специалистов. Для них мною составлялись подробные ежемесячные планы работ. Характерно то, что сколько напишешь пунктов в плане, столько они и выполнят. Ни больше ни меньше. В целом этот метод работы с немецкими специалистами себя полностью оправдал.

В 1967 г. мною в соавторстве с Г. Вильднером был составлен отчет «О результатах геологоразведочных работ на участке Тирперсдорф (Рудные горы)» и с В. Зайделем «Геологическое строение и рудоносность месторождения Рюккерсдорф» (Тюрингия).

После полутора лет пребывания в ГДР у меня сложилось более или менее определенное мнение о Советско-Германском акционерном обществе «Висмут». В сущности это был крупнейший производственный синдикат, пользующийся особым положением. В СГАО «Висмут» была интенсивно развита горнодобывающая промышлен-

ность, объединяющая десятки заводов, производящих горные и другие машины. СГАО «Висмут» принадлежало множество домов отдыха и санаториев по всей ГДР, включая и побережье Балтийского моря. В СГАО «Висмут» имелись: собственный обком СЕПГ, полиция и комитет госбезопасности. Количество трудящихся в то время составляло не менее 80 тыс. Было создано большое количество культурных центров, клубов, бассейнов, спортивных сооружений и большой симфонический оркестр для обслуживания трудящихся данной отрасли промышленности.

В 1968 г. в соавторстве с В. Мюллером я участвовал в составлении отчета «О поисковых работах в пределах Восточно-Тюрингской антиклинали». Для промежуточного отчета «Результаты поисково-разведочных работ в пределах Шмельнского грабена» мной был составлен раздел по минералого-петрографической характеристике диабазов и оруденения. В 1969 г. в соавторстве с В. Зайделем я участвовал в написании отчета «Геологическое строение и рудоносность месторождения Беервальде».

По заданию главного геолога ЦГП Ю. С. Данилова мною была написана статья «Изменение объемного веса диабазов месторождения Беервальде в зависимости от характера наложенных гидротермальных процессов». Результаты этих исследований имели важное практическое значение, так как при подсчете запасов принимался объемный вес, соответствующий неизменным диабазам. При этом более низкий объемный вес измененных диабазов не учитывался. Это приводило к явному завышению запасов металла. В результате было принято мое предложение — производить подсчет запасов отдельно по неизменным и гидротермально-изменным диабазам.

Летом 1971 г. в соавторстве с В. Зайделем и Р. Венке был закончен раздел по петрографии и вещественному составу руд месторождений Менсдорф и Райтцхайн для отчета «Геологическое строение и рудоносность юго-восточного фланга Роннебургского рудного поля».

За активную производственную работу в 1970–1971 гг. я был отмечен почетными знаками «Висмута» — «Активист труда» и «Мастер труда» (в серебре).

В июле 1971 г. за общественную и концертную деятельность я был отмечен почетным знаком «в золоте» Общества германо-советской дружбы. Вручал награду первый секретарь обкома СЕПГ «Висмута» Альфред Родэ.

Об Иване Семеновиче Крашкине

Иван Семенович КРАШКИН — горный инженер, доктор технических наук, профессор, действительный член Академии горных наук, лауреат Государственной премии СССР.

В 1950 г. окончил Московский горный институт им. И.В. Сталина и был направлен на работу в ГДР. В 1950–1954 гг. работал в САО/СГАО «Висмут» руководителем геологоразведочных партий, экспедиций, входивших в 1950–1953 гг. в состав Объектов 29, 30, 90.

С середины 1953 г. Роннебургская экспедиция подчинялась управлению СГАО «Висмут», были открыты месторождения урановых руд в 1950–1952 гг. в Тюрингии: Дитрихсхюте, Роннебург, Зорге-Кульмич, Шмирхау, Лихтенберг, Пайцдорф, Дрозен.

Главные геологи — Д. А. Филиппов, Н. Н. Кондратьева, Г. М. Данилов, М. П. Анцишкин. Главный геофизик — Т. М. Комарова. Главные инженеры — Г. Д. Ищенко, В. А. Симаков, В. И. Халатин.

Я руководил началом промышленной эксплуатации месторождения Зорге-Зе-

тендорф, проходкой первого ствола шахты на месторождении Пайцдорф и вынул символические лопаты земли при строительстве ствола шахты Шмирхау.

В 1969 г. по приглашению г. Роннебург и правления СГАО «Висмут» принял участие в праздновании 20-летия образования ГДР. Городским советом г. Роннебург мне было присвоено почетное звание «Активист социального труда». Советом округа Гера был награжден медалью Иоганна Гердера, а центральным советом германо-советского общества дружбы — Золотым Знаком отличия.

Аркадий Арамович Петросов

Аркадий Арамович ПЕТРОСОВ — горный инженер, работал в СГАО «Висмут» с 1955-го по 1960 г. и с 1963-го по 1968 г. Доктор технических наук, профессор МГТУ, действительный член Академии горных наук.

12 февраля 1955 г. Приехал: Германия! Когда-то, с июня 1941 г., одно из самых ненавистных слов — понятие, ассоциировавшееся с войной, отнявшей отца, детство, друзей. В прифронтовом Бологом — лай зениток, визг бомб, все сотрясающие взрывы, ощущение самоничтожества, вжимающего в землю, куда-то бежим, где-то прячемся. Кругом пожары, пожары, развалины. Потом эвакуация, голод... все помнится, хотя мне было всего 10 лет. Время, конечно, сглаживает. Как теперь будет?

Началось все в 1950 г. Тогда меня — студента второго курса горного факультета Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина — перевели на спецфак по подготовке специалистов в области редких и радиоактивных металлов.

Когда проводили набор, рассказывали много интересного (кстати, не обманули), да и повышенная стипендия дорогого стоила. Правда, пришлось проучиться в вузе на полгода дольше однокашников-горняков и защищать диплом в декабре вместо июня, но это как-то пролетело.

На спецфаке нас было много — горняки, геологи, обогатители. Сразу приучили к режиму: все записи на занятиях, включая лекции, только в пронумерованные и прошнурованные тетради, даже шпаргалки на экзамены предлагали писать на учтенной бумаге. Шутка. Теперь все позади. Распределение на урановые рудники в ГДР: п/я 1051 (СГАО «Висмут»). Как и где буду

работать? Опыт производственный у меня не очень, только на практиках. Месяц — скреперистом очистного забоя на Белоусовском руднике, три месяца — горным мастером на добычном участке Маслянского рудника в Зырянковке и три месяца — помощником начальника участка (горным мастером) по добыче жильного золота на дальневосточном руднике Токур. Правда, на практиках научился многому — организации и расстановке рабочих смены по рабочим местам, оформлению нарядов и приемке выполненных работ, руководству взрывными работами, включая массовые взрывы при скважинной отбойке и мн. др. С практиками у нас в МИЦМиЗ дело было поставлено хорошо: разрешали при отличной успеваемости досрочную сдачу весенней сессии, а это давало возможность к началу мая уже быть на предприятиях и занимать дефицитные места ИТР, уезжающих в летний отпуск.

Практика практикой, но как будет здесь?

Приехало нас, горняков одного выпуска, человек 18. От Бреста до Дрездена (в Бресте пересадка) заняли целый вагон, но какой! — шикарные сдвоенные двухместные купе с душем между ними и, пардон, персональным писсуаром. В каждом купе шикарное кресло, бронза, зеркала, бархат, красное дерево — таких вагонов ни до того, ни после я не видел. В общем, люкс.

Оформление на работу было долгим — беседы, инструктажи, подписки. Нас при-

нимали в организации под интересным названием ГУСИМЗ (а пошел бы ты в Гусизм!) — Государственное управление советским имуществом за границей, которое размещалось в правом крыле высотного здания Министерства иностранных дел на Смоленской площади.

Из Дрездена привезли в пригород Карл-Маркс-Штадта Зигмар и после очередного оформления (порядка трех дней) распределили по Объектам — предприятиям. Нас с Геней Коноплевым направили на первый Объект в г. Иоганнсгеоргенштадт (Рудные горы, на границе с Чехословакией). Его — на шахту № 35, расположенную на берегу реки Мульда, ниже железнодорожного вокзала, а меня — на шахту № 18 на самом гребне горы (а как же: альпинист), остальные ребята разъехались по другим Объектам в Саксонии и Тюрингии. В Саксонии горных Объектов было четыре — номер 1 — Иоганнсгеоргенштадт, номер 2 — Шнееберг, номер 6 — Цобес и номер 9 — Ауэ. Кроме того, был Объект 11 — строительное управление, а также перерабатывающие предприятия, но это не для меня.

В августе 1955 г. из нашего МИЦМиЗа прибыла еще одна большая группа выпускников, в том числе к нам на Объект направили троих. Саня Балдин (член сборной вуза по волейболу, потом он стал вратарем в нашей футбольной сборной «Висмута») прибыл к нам на шахту № 18 в отдел БВР, Саня Малыгин и Эрик Соседов (оба — хорошие спортсмены — стали защитниками в футбольной сборной) были направлены на другие шахты. Коля Барышников (взрелые годы — начальник сводного отдела Госплана СССР — распределял капвложения по отраслям народного хозяйства) — горняк, попал на Объект 6; Руслан Девликамов, геолог-уранщик, был направлен на перерабатывающий Объект 102; Виктор Романов, горняк, — на Объект 90, погиб в шахте в Шмирхау через два года, в 1957 г. У него остались сын и жена на седьмом месяце беременности (родилась дочь). Вообще Виктор был красавец, русский богатырь со светлыми волосами и голубыми глазами. Руслан тоже погиб в 1960 г. в экспедиции в Казахстане. Мы дружили, все годы в вузе успешно занимались борьбой самбо. В 1951–1953 гг. наша команда держала кубок Москвы по самбо среди вузов — впереди сильнейших команд МАИ, МГУ, МЭИ, института физкультуры, МФТИ и др. Подобрались крепкие, во всех отношениях хорошие ребята: Борис Власов — геолог-уранщик, наш тяж — старший брат Юрия Власова, известного спортсмена и общественного деятеля. В 1960-е гг. Борис работал в «Висмуте», в геологической экспедиции в г. Ауэ, доктор геолого-минералогических наук, сейчас

работает в РАН; Анатолий Аверкин — горняк; Анатолий Яковенко — геолог-уранщик, наш полутяж, в 1960-е гг. работал в геологической службе Объекта 90, затем в Чехословакии, в 8-м Управлении; Николай Лаверов — геолог-уранщик, известный ученый и общественный деятель, вице-президент РАН; Кахимбек Салыков — горняк, одно время был первым секретарем ЦК Кара-Калпакской АССР, народный поэт Казахстана — позже мы с ним пересекались по работе в Джезказгане; Миша Шумилин, геолог-уранщик, одно время был главным геологом 8-го Управления, доктор геолого-минералогических наук, по работе наши пути пересекались в Краснокаменске, сейчас он зам. директора ВИЭМС; Имаш Давлетов — геолог-уранщик, доктор геолого-минералогических наук — погиб у себя в Киргизии; Петр Бабкин — геолог, тоже погиб в Киргизии; Вася Петров — металлург; Виктор Романов и автор этих воспоминаний. Вообще у нас была крепкая дружная команда перворазрядников, только Руслан Девликамов был мастером спорта — звание присвоили после того, как он стал чемпионом Российской Федерации. Почти все в команде — однокашники приема 1949 г., пять лет вместе на борцовском ковре.

Вообще, увлечение самбо едва не поставило крест на моем распределении в ГУСИМЗ, не обошлось без курьезов. Собеседование с нами проводил всем нам хорошо теперь известный по совместной работе Иван Ефимович Холин — милейший человек, но тогда — сама строгость. И надо же так случиться, что на тренировке в спарринге я провел подхват, припечатав противника на ковер всей спиной — полное очко (в дзюдо — чистая победа). Спарринг-партнер был мне не знаком, пришел в секцию из вольников и неожиданно для меня во время полета плотно сгруппировался, в результате чего, припечатав его, я сам припечатался правым глазом о его макушку, да и коленку потянул. Ребята потом смеялись, что не надо таких чистых бросков. Результат — капитальная ссадина вокруг глаза и синяк на пол-лица. Марлевая повязка скрыть фингал не смогла, и Иван Ефимович несколько раз с интересом посматривал в мою сторону, пока староста нашей группы Женя Маряхин не сказал, что это на тренировке, что я отличник по успеваемости и, вообще, не пью. Потом разведка донесла, что Иван Ефимович проверял эти сведения в деканате — очень уж его впечатлил мой внешний вид.

Все горные Объекты Саксонии разрабатывали жильные месторождения урана, приуроченные к метаморфизованным сланцам на границах с материнским Айбеншток-

А. А. Петросов.

Молодой специалист
А. А. Петросов.

ским гранитным массивом, при остывании которого и сформировались урановые жилы. Были и другие рудопроявления кроме перечисленных месторождений — уже отработанные либо не имевшие промышленного значения.

Определили меня старшим контролером, затем и.о. начальника ОТК шахты № 18. По сути — заместителем главного инженера шахты по добыче. Обязанности — обеспечение качества добычи (минимальное разубоживание) и полноты извлечения урановой руды из очистных блоков при проходке жильных штреков и восстающих, на поверхностном радиометрическом рудосортировочном комплексе.

Месторождение в пределах шахтного поля представлено системой сближенных ветвящихся в основной массе крутопадающих тонких жил, осложненных апофизами. Вмещающие породы — устойчивые метаморфизованные серецитовые и амфиболитовые сланцы, окварцованные, с тонкими сернистыми и углистыми включениями и гематитом. Рудные минералы — в основном первичная урановая смолка и урановая чернь состава U_3O_8 , в тонких прожилках, образующих рудные линзы мощностью от миллиметровых проводников до нескольких сантиметров небольшой площади — от нескольких квадратных дециметров до первых квадратных метров. Только дважды в очистных блоках довелось встречаться с линзами, по мощности перекрывающими всю ширину очистного пространства (порядка 1 м). В богатых блоках радиометр на четвертой шкале пересчета вместо треска начинает пищать и захлебываться, а волосы под каской от эманации шевелятся, без всяких прикрас! Я это хорошо запомнил. Площадной коэффициент рудоносности в рабочих блоках от 0,15 до 0,35; редко больше. Повсеместно применяли потолкоуступную отдельную отбойку руды и вмещающих пород с магазинированием последних в выработанном пространстве.

Излишки замагазинированной вмещающей породы (коэффициент разрыхления пород при отбойке порядка 1,6) выпускают через специальные люки, оборудуемые в днище блока. Для выпуска бедной руды из призабойного пространства в замагазинированной породе по мере отработки блока на распорках выкрепляют специальные рудоспуски сечением $1 \text{ м} \times b$, где b — ширина очистного пространства. На стандартный очистной блок с линейными размерами $50 \times 30 \text{ м}^2$ — два фланговых восстающих в плоскости жилы по два отделения, ходовое и рудоспускное, и центральный восстающий в четыре отделения — ходовое, рядом с ним грузовое, оборудованное пневматической

лебедкой для подъема в блок крепежного леса, оборудования, пустых рудных ящиков, материалов и спуска ящиков с рудой. По краям центрального восстающего — два рудоспускных отделения. Один из восстающих при подготовке блока до начала очистных работ сбивали с жильным штреком вышележащего горизонта для обеспечения сквозного проветривания и запасного выхода, а два других выкрепляли в выработанном пространстве по ходу очистной выемки. Для избежания потерь в мелких апофизах и прожилках по мере отработки блока по паспорту лежащий и всякий бока должны обуриваться контрольными шпурами по сетке $2 \times 2 \text{ м}$. Однако при недостаточном геологическом и геофизическом контроле контрольное обуривание часто не выполняли.

Раздельную отбойку руды (рудного и жильного материала) после опережающей взрывной отбойки передовой щели по породе всячего бока выполняли отбойным молотком на настилы из досок и брезента. Настил укладывали на замагазинированную закладку. Раздельно отбитую богатую руду загружали в специальные запирающиеся железные ящики размером $25 \times 35 \times 70 \text{ см}^3$ и через грузовое отделение центрального блокового восстающего спускали на жильный штрек. Такая технология должна была не допустить утечку урановых минералов в отбитые для закладки пустые породы. Это по инструкции. На практике все было не так, не получалось, как бы мы ни требовали и как бы забойные рабочие ни старались. Причин несколько. Во-первых, жильный материал, как правило, был более неоднородным по составу, чем вмещающие породы, более трещиноватый, содержал глинистые включения. Поэтому при опережающей взрывной отбойке породной части уступа щелевым забоем жильный материал, как правило, также разрушался и частично попадал в закладку.

Во-вторых, ураниниты очень хрупкие, и при неправильно выполненном обуривании и взрывании шпуров дробились в мелкую пыль, разлетавшуюся по всему очистному блоку. Поэтому взрывная отбойка руды была категорически запрещена. Из-за избирательной дробимости рудных минералов инструкция не разрешала также при выемке руды отбойным молотком наносить удары пикой непосредственно в рудную линзу, а только по породам лежащего бока за линзу.

В-третьих, съемные настилы из досок и брезента не обеспечивали достаточную изоляцию закладочного материала от попадания рудных минералов. В результате всех этих нарушений технологии выемки закладочный материал часто обогащался ураном до кондиций бедной руды. Попытки

зачистить поверхность закладки вручную положительных результатов не приносили: мелкодробленые куски тяжелой урановой руды имели свойство проваливаться в нижние слои закладки и становились недосягаемыми для зачистки. Каждый очистной блок обслуживался участковым геофизиком, вооруженным полевым радиометром, позволяющим обнаружить и пометить краской обнаженные контуры рудных линз, а также определить наличие либо отсутствие потерь руды в закладке. За потери бригаду штрафovali: такие же радиометры были на вооружении службы ОТК.

Ящики заполняли богатой рудой также с помощью радиометров. Для стимулирования добычи богатой штучной руды в ящиках рабочим бригады выплачивали рудную премию. Величина премии зависела от количества урана в ящике (идентифицировали на поверхностной стационарной радиометрической станции по интенсивности излучения — радий — источник излучения, присутствующий в руде, с ураном находится в установившемся природном равновесии, а уран излучателем не является). Было выделено пять категорий по содержанию урана в ящиках. Начиная с первой категории (рудная премия — 3 немецких марки за ящик) с каждой последующей категорией величина премии удваивалась. Кроме того, приветствовалась добыча штучной урановой руды, которые рабочий сразу после смены мог принести и сдать в службу ОТК, за что получал в руки письменное распоряжение на получение рудной премии сразу в кассе шахты, где был образец подписи руководителя службы ОТК. Записка типа «В бухгалтерию шахты: выдать рабочему «имярек» рудную премию в количестве... нем. марок», далее число и подпись (правда, все кроме подписи на немецком языке), могла быть написана на любом листке бумаги. Я проверял. Исполнялось незамедлительно. Размер премии до 300 немецких марок одновременно зависел от количества (веса) сданной штучной руды и ее качества по радиометру. Сдавали много и с удовольствием, так что несколько сотен килограммов штучной руды своими руками я точно перебрал.

Все ящики богатой руды и все вагонетки с породой и бедной рудой, выпущенной из каждого конкретного блока либо погруженной проходчиком в любой забой, снабжались специальными бирками, где указывались место происхождения (номер забоя), исполнитель и смена (дата) исполнения. Весь рудопоток по пути к стволу проходил через стационарную участковую рудоконтролирующую станцию (РКС), где формировались раздельные составы с бедной рудой I, II сорта и пустой породой, раздельно

по стволу выдаваемой на поверхность: руда клетевым подъемом в вагонетках, порода — скиповым. Такой контроль был необходим для учета продуктивности каждого конкретного забоя, а также для расчета зарплаты закрепленным за забоями рабочим, поскольку расценки за отработанные рудные квадратные метры были существенно выше, чем за безрудные. Такая система учета действовала безотказно. Повторный контроль вагонов с бедной и рядовой рудой проводился на поверхностной РКС, после чего руда поступала на линии шахтной радиометрической рудосортировочной фабрики (РОФ), где проводилось первичное обогащение перед отправкой на последующую переработку. Богатую руду из ящиков без обогащения на шахтной РОФ сразу отправляли на последующую переработку в специальных запломбированных контейнерах.

Утвержденная инструкцией типовая технология добычи руды в очистных блоках была очень трудоемкой, но обязательной к исполнению...

Стремление к минимальному разубоживанию предписывало минимальную ширину очистного пространства в пределах 0,8–1,0 м, достаточную для работы людей, а также раздельную отбойку руды на съемные настилы, что исключало возможность механизации забойной доставки хотя бы малогабаритными скреперами. В результате производительность труда забойных рабочих и интенсивность очистной выемки были очень низкими, а потери урана в закладку — высокими. С этим надо было что-то делать. Для снижения общего уровня потерь металла закладку наиболее богатых блоков выпускали и в вагонетки направляли на шахтную РОФ. В результате незаложенные пустоты множились, а учитывая большое количество сближенных и пересекающихся жил, начинались массовые обрушения пород боков очистных блоков, жильных штреков и восстающих, сопровождавшиеся сдвигами и обрушениями поверхности.

К моему приезду в Иоганнгеоргенштадте действовало пять шахт — №№ 18, 1, 31, 31-бис и 35, дислоцировавшихся (кроме шахты № 35) вдоль границы с Чехословакией. Тропинка от нашего жилого поселка до шахты № 31-бис вообще проходила в метре от границы. За границей также находился Объект по добыче урана, но уже чехословацкий. Вообще Иоганнгеоргенштадт расположен в 35 км от Пршибрама — центра урановой добычи Чехословакии.

Долина реки Мульда, проходящей из Чехословакии по нижней части Иоганнгеоргенштадта (там расположен железнодорожный вокзал и пара улиц) носит историческое название Витвенталь —

в переводе «Долина вдов». Связано название с тем, что это старый горный район по подземной добыче самородного серебра, и все мужское население работало на его добыче. Серебряные жилы северо-восточного простирания под прямым углом пересекают урановые жилы северо-западного простирания. К пересечениям жил часто приурочены урановые рудные столбы с хорошим содержанием урана, совершенно не интересовавшего рабочих, занятых добычей серебра. Уран тогда никому был не нужен. Тонко дробленные в пыль силикатные породы, смолка и урановая чернь, сопутствующие высокие концентрации радона, продукты его распада в виде высокоактивных короткоживущих аэрозолей, присутствующие в больших концентрациях во вдыхаемом воздухе при недостаточном проветривании, являются очень сильными канцерогенами, вызывающими силикоз, осложняемый раком легких, так называемой шнебергской (иоахимстальской) болезнью. Кроме того, уран как таковой является сильным ядом для почек. Отсюда и Витвенталь — жены горняков рано становились вдовами. Поэтому на урановых рудниках, особенно жильных с высокими концентрациями урана, необходимо обязательное соблюдение ряда правил: во-первых, хорошая вентиляция, позволяющая снизить концентрацию радона в воздухе и рудничной пыли минимум до предельно допустимых норм (ПДК). Необходимо исключить повторное проветривание действующих забоев струей воздуха, уже проветривавшей рудные забои. Это сложная и дорогостоящая инженерная задача, которую мы к началу разработки жильных месторождений Саксонии еще не знали и решить не могли, хотя подавали в шахту технически максимально возможное количество воздуха для проветривания и активно использовали вентиляторы частичного проветривания; во-вторых, категорически нельзя в шахте принимать пищу и воду, особенно рабочим очистных забоев: пока не обработал руки горячей водой с мылом в бане, пока не прочистишь нос, велика вероятность проглотить определенное количество урана, а это сильный яд для почек. По этой же причине в урановой шахте нельзя курить. Последние два момента, несмотря на попытки вразумить коллег, положительного отклика не имели: работа работой, а «тормозок» по расписанию. А как после еды не закурить? Профсоюз немецких горнорабочих даже настаивал на открытии в урановых шахтах под землей специальных столовых для приема пищи, как это было общепринято на угольных шахтах и в соляных рудниках Германии. Так же должен отметить, что большинство советского инженерно-технического персонала, работавшего

на шахтах и в управлении, не прошедшего специальную подготовку в сфере разработки месторождений урана, этими вопросами также не были озабочены.

Кстати, немного об истории. Говорили, что районы Рудных гор и Тюрингии, в которых развернулись предприятия СГАО «Висмут», в конце войны были оккупированы американскими войсками. Все подземные выработки действовавших к этому времени и остановленных из-за истощения запасов серебряных рудников Рудных гор были проинспектированы американскими геологами на предмет наличия уранового оруденения, но ничего промышленного найдено не было, так, следы. Причина: серебро в Рудных горах дислоцировано в жилах северо-восточного простирания, и горные выработки, пройденные по ним, только пересекали урановые жилы, не давая правильного представления о запасах урана. В результате американцы с легким сердцем в соответствии с Ялтинским соглашением ушли, передав эти районы в зону оккупации советскими войсками. Советский Союз, также в соответствии с Ялтинскими соглашениями, вывел свои войска из Австрии, добившись при этом для нее статуса нейтралитета, и открыл союзникам доступ в Западный Берлин. Обмен, на мой взгляд, более чем выгодный, так как других источников добычи урана к тому времени у нас еще не было. Надо отметить, что наши советские геологи и шахтостроители выполнили титаническую работу, совершили трудовой подвиг, смогли в короткий срок обнаружить месторождения, осуществить разведку и построить уранодобывающие предприятия. Уже в 1949 г. было создано Советско-Германское акционерное общество «Висмут», добыча урана которым на долгие годы обеспечила нашу страну надежным ядерным щитом. Спасибо всем первооткрывателям. Из плеяды работников СГАО «Висмут» тех времен я был хорошо знаком и дружил с Николаем Ивановичем Чесноковым, Виктором Филипповичем Абрамовым, шахтостроителем Борисом Андреевичем Филимоновым. Их уже нет. Еще успешно трудится в Московском геологоразведочном институте профессор Владимир Васильевич Симанов; на пенсии — шахтостроитель, доцент Московского горного института, трудившийся в свое время на 11-м Объекте — Владимир Ильич Курносов. Дай бог им доброго здоровья и еще долгих лет жизни.

Рудничное поле 18-й шахты к моему приезду уже перевалило пик развития: в эксплуатации находилось 3 рабочих горизонта: 66-й, 78-й и 93-й. Вскрытие месторождения в пределах рудничного поля осуществлялось центральным вертикальным стволом, оборудованным клетевым подъемом с двумя

двухэтажными клетями и скиповым подъемом. Подъемные установки — системы Кепе со шкивом трения. На флангах — вентиляционные шурфы, оборудованные ходовым отделением. В центре на одной площадке с вертикальным стволом — старый наклонный ствол до 66-го горизонта, оборудованный действующим концевым подъемом и ходовым отделением. Шахтное поле 18-й шахты находилось в разработке с XVI века: как уже отмечалось, добывали самородное серебро. Мне приносили «волосы Вероники» (так называются нитевидные образования самородного серебра). На горизонте № 66 было несколько очистных блоков в стадии доработки. 78-й горизонт когда-то был очень богатым, и в его центральной части весь изрезан сетью сближенных отработанных блоков и погашенных штреков, что вызвало интенсивные обрушения. 93-й горизонт находился в интенсивной отработке. Общее уменьшение продуктивных жильных площадей в пределах освоеного рудничного поля шахты вызывало необходимость активных геологоразведочных работ разведочными выработками на флангах. В одном из направлений 93-го горизонта по согласованию с чехами мы на 2 км зашли под землей на территорию Чехословакии, вскрыв район «Потучки», но, к сожалению, ожидаемого прироста запасов не получили. Так что в Чехословакии я тогда тоже побывал, но только под землей, и впечатлениями поделиться не могу: «погреб» он и в Чехословакии «погреб». Кстати, на 78-м горизонте наши отработанные блоки и рудные штреки смыкались с чешскими по одним и тем же отработываемым жилам. Сквозные штреки мы перекрыли глухими перемычками, а вот отработанные рудные блоки с выпущенной закладкой, если они не обрушились, давали гипотетическую возможность прогуляться за границу. С чешской стороны эта часть месторождения была уже отработана и погашена, но система выработок, включая выходы на поверхность, еще оставалась. Этим, как было известно по «сарафанному радио», активно пользовались наиболее продвинутые из старослужащих «дедов» прикрепленного к шахте № 18 контингента военнослужащих Советской армии, бегавших на свиданку с чешскими паненками. Поясню по существу. Объект наш, включая шахту № 18, был закрытым. По периметру шахтного двора, включая все здания, сооружения, складские помещения, коммуникации, стоял забор с колючкой, регулярными вышками с автоматчиками, следовой полосой и воротами с проходной, оборудованной радиометрическим контролем. Так что вынести хоть кусочек урановой руды с территории шахты теоретически было невозможно.

Почему «теоретически» — поясню позднее. Ночью — прожекторы. Для обслуживания подземных раздаточных складов взрывчатых материалов, геофизической службы, службы ОТК и поверхностной РОФ ежемесячно выделялся контингент военнослужащих Советской армии дислоцировавшегося в Йоганнсбургштадте батальона инженерных войск. Вскоре (уже после моего отъезда) функции соответствующего обслуживания были переданы подготовленным специалистам из немецкого персонала.

Старые заброшенные выработки древнего серебряного рудника выше 66-го горизонта были заизолированы, но находились в прекрасном состоянии, как мне пришлось убедиться лично. Присутствовали и выходы на поверхность за периметром, загороженные колючкой и перекрытые мощными железными решетками.

Единожды летом во время обязательной проверки наличия военнослужащих в конце смены не досчитались одного из «дедов» (слава богу, не из числа прикрепленных к службе ОТК). Сразу началось дознание, и было установлено, что боец с утра в «самоволке», по предположениям, пошел на поверхность (за периметр) и не вернулся. Поиск на поверхности — дело не наше, а на шахте сразу были организованы 5 поисковых групп в составе: по одному ИТР с советской и немецкой стороны, одного из старых немецких горнорабочих, имевших представление о старых горизонтах, и трех военнослужащих. Погоризонтные планы верхних заброшенных горизонтов, как оказалось, отсутствовали. Советских специалистов на нашей шахте всего было 7: начальник шахты, главный инженер, главный геолог, главный маркшейдер, начальник буровзрывных работ, главный геофизик и начальник ОТК. С оперативным управлением горными работами на шахте успешно справлялся коллектив немецких специалистов во главе с оберштейгером Вернером Эбертом, с которым у меня сложились хорошие дружеские отношения. Позднее, после ликвидации 1-го Объекта, он стал начальником 9-го Объекта в Ауэ, но это уже во время моего повторного приезда на работу в СГАО «Висмут». Дружеские отношения у нас сохранялись и тогда. Контингент начальников участков, сменных штейгеров, руководителей служб, кроме вышеперечисленных советских, инженерный персонал отделов и служб был успешно представлен немецкими коллегами, с которыми у советских специалистов сложились хорошие деловые товарищеские отношения. У всех советских руководителей служб были немецкие заместители, часто пришедшие в горное дело со стороны, но успешно перенимающие специальные знания по своим направлениям

деятельности, что позволило в будущем передать им руководство соответствующими службами. Принцип единоначалия — основной в руководстве горным производством Советского Союза, на шахтах СГАО «Висмут» показал свое полное соответствие сложившимся условиям.

Поисковые группы, разбившись по секторам, прочесывали все возможные выработки, все дырки в течение трех суток дено и ночью (как понимаете, в шахте день от ночи не отличишь). Я познакомился с удивительными творениями человеческих рук прошлого. Представьте прекрасно сохранившиеся без крепления горизонтальные выработки шириной порядка одного метра и высотой в 2,2 м с идеальным арочным сводом и строго вертикальными стенками, пройденные вручную зубилом и молотком. В выработках идеальная чистота и свежий сухой воздух, обеспечиваемый естественной вентиляцией. В редких заполненных водой приямках — вода идеально бирюзового цвета. Мы прошли по такой, сооруженной вручную, штольне до ее устья на противоположном от Иоганнгеоргенштадта склоне горы с прекрасным видом на окрестности. Но это лирика: мощнейшая железная решетка, закрывающая устье штольни, была сломана, обеспечивая свободный доступ в шахту. Вот вам и «ни один кусочек урановой руды не пропадет...». Штольню эту, вернее ее устье, как ни жалко было наследия древних, на следующий день пришлось взорвать, так как новая решетка проблем несанкционированного доступа в шахту не решала. К началу третьих суток все уголки были обшарены, кроме нескольких небольших затопленных выработок. Но к ним необходимо было тащить электро-временки и насосы. Солдата нашли (не в мою смену) в затопленном зумпфе старого шурфа, выходящего на поверхность возле центрального торгового центра Иоганнгеоргенштадта, расположенного в самом центре города! Шурф был огорожен колючкой и перекрыт щитом из мощных деревянных плах. Одна из них, как оказалось, сдвигалась. Зумпф глубиной до 5 м также был перекрыт плахами, но была небольшая щель, через которую при большом старании можно было провалиться в воду. До поверхности от перекрытия зумпфа были установлены довольно дряхлые деревянные лестницы, часть перекалин которых была сломана. Полк были также достаточно дряхлыми, а шурф мокрый. Вероятно, солдат сорвался по пути обратно, так как был нетрезв — пошел за выпивкой и набрался раньше времени. Но как он проскочил в щель перекрытия? Судьба. Я с поисковой группой был около этого шурфа. У нас было единодушное мнение, что попасть в щель при падении сверху невозможно, и откачали зумпф только

от безысходности: укромных мест на шахте больше не оставалось, кроме старых блоков на границе с Чехословакией, но приказать участникам поисковых групп лезть туда не знаю куда и с большой вероятностью не вернуться живым мы не могли, и надеялись, что солдат туда тоже не полез.

Вообще у нас на шахте сложился крепкий, сильный коллектив сотрудников с хорошей трудовой дисциплиной, в основной массе квалифицированных рабочих и грамотных руководителей. Это удивительно, так как реально работы на уран были начаты с 1946 г. и в горнорабочие шли люди совсем не горняцких профессий — «токари-пекари», бауэры, бывшие служащие и т.д., приезжавшие на работу из всех уголков Саксонии и Рудных гор. Так, мой помощник по ОТК Хельмут Урхардт ежедневно уезжал домой в г. Лейпциг и утром к 8 утра как штык был на работе. Причина — в СГАО «Висмут» за аналогичную работу платили как минимум на 20 % больше, чем на любом другом производстве в ГДР, выдавали продовольственные карточки с повышенным содержанием (в то время в ГДР еще была карточная система), ежемесячные шнапс-талоны, льготные карточки с хорошим насыщением для приобретения товаров широкого потребления. Обеспечивался оплачиваемый продолжительный рабочий отпуск и хороший пакет социальных услуг, включая профилактории и квалифицированное медицинское обслуживание. Для доставки рабочих до места работы и обратно до дома было организовано специальное бесплатное автобусное и железнодорожное сообщение. Немудрено, что немецкие рабочие дорожили своей работой в СГАО «Висмут», и когда 17 июня 1953 г. в Берлине и в других городах начались народные волнения, рабочие СГАО «Висмут», а это 150 000 человек организованного рабочего класса, в основном поддержали действующий курс страны. В поддержку путчистов не выступило ни одно предприятие СГАО «Висмут», хотя несколько сотен бузотеров в Тюрингии нашлось.

Я уже отмечал в своих записках о случаях обрушений в районах жилых скоплений, о зонах сдвижения, распространившихся до поверхности. Поскольку месторождение находилось под городом, раскинувшимся на склоне горы от реки Мульда до самого гребня, многие дома и улицы попали в зону обрушения и разрушились. Дома были каменные и не обладали никакой устойчивостью. Для жителей города, пострадавших от разрушений жилищ, были построены дома и вся инфраструктура выше старого города за зоной обрушения — новый Иоганнгеоргенштадт — вдоль шоссе на Айбеншток — городок в нескольких километрах от Иоганна. Последний раз я посе-

щал эти места в 1987 г. во время месячной командировки во Фрайбергскую горную академию. Заодно посетил и Зигмар, где договорился с руководством СГАО, и мне предоставили на день легковую машину с шофером. По пути в Иоганнгеоргенштадт заехал к В. Эберту в Ауэ в управление 9-го Объекта. Обнялись, пообщались, рассказали о своей жизни, повспоминали прошлое. Со здоровьем у него было уже не очень, и больше мы с ним не встречались.

Иоганн мы проехали по дороге вдоль реки Мульда к железнодорожному вокзалу. Все это было узнаваемо, а дальше по дороге на гору — сплошное неизвестное: справа и слева, где раньше были дома, — густой еловый лес, ели высотой метров десять. Подъехали к бывшему местонахождению шахты № 18 — в густом еловом лесу, перерезанном прогулочными тропинками, большая поляна, в центре которой прямоугольный холм из песчаной глины высотой примерно 1 м, перекрывающей бывшее устье ствола. Как крышка гроба. И все. Мест, где был центральный торговый центр, жилые дома советских специалистов, здание клуба и другие знакомые строения я не нашел: кругом на расчищенной территории сплошной густой еловый лес. И следов не осталось от когда-то гремящего в «Висмуте» производственными успехами и спортивными достижениями Объекта 1. Интересная деталь — одно знакомое сооружение я все же увидел: во время работы Объекта в зону обрушения попала городская кирха. Главный маркшейдер шахты №31-бис с помощником регулярно приходил для инструментальной съемки поверхности: встречали его священнослужители как родного близкого человека, словно от него что-то зависело. Первоначально здание кирхи довольно значительно клонилось в сторону. Затем крен пошел в противоположную сторону, а в завершение здание встало вертикально как штык, да так и остановилось. Окружающие здания не сохранились. Чудо? Чудо! Каких только чудес не бывает.

Зоны влияния горных работ разрушили не только Иоганнгеоргенштадт. Такая же судьба постигла Шнееберг — известный до того красивейший курортный городок в отрогах Рудных гор. Месторождение находилось непосредственно под городом, причем одна из наиболее богатых жил подошла прямо под фундамент здания знаменитого курортного отеля, в котором останавливались и лечились в свое время известные личности. В частности, как утверждает «Узункулак», сюда на каталке был доставлен диктатор Румынии Антонеску, а обратно после цикла лечения, в основном радоновыми ваннами, ушел на своих ногах. В Шнееберге

на водах лечился царь Петр, бывал здесь и М. В. Ломоносов. Иоганнгеоргенштадт тоже был красивым курортным городком, правда, не таким известным. Вообще, когда разрушается красота, созданная прошлыми поколениями, очень горько. Когда 12 февраля 1955 г. я попал в Дрезден и нас провезли по центру города, я был потрясен увиденными разрушениями. Центр города после англо-американской ковровой бомбардировки 13–14 февраля 1945 г. представлял собой сплошные руины, хотя и видно было, что ведется разборка развалин. А в Берлине, куда я попал весной того же года (в Сталинграде я тоже бывал после войны), поразили массивы кварталов сплошных развалин справа и слева от аккуратно прибранной дороги (улицы). Здесь понятно: город разрушен во время ожесточенных боев в конце войны во время его взятия советскими войсками, но зачем было разрушать мирный Дрезден, сокровищницу человеческого созидания? Этот же вопрос мучил меня в 1988 г. во время недельной командировки в середине марта на конгресс атомщиков в г. Вюрцбург на Майне. Этот прекрасный город — жемчужина архитектуры, не представлявший никакого интереса с военной точки зрения, также был на 95% разрушен, так гласят хроники, варварской ковровой бомбардировкой англо-американской воздушной армадой в самом конце войны в ночь на 16 марта 1945 г. Зачем? Германия, немецкий народ к 1988 г. смогли все полностью восстановить в прежнем великолепии. Кроме двух близко расположенных зданий, на месте которых были возведены стены высотой в рост человека, облицованные полированными плитами лабрадора. Внутри этих прямоугольников, заполненных до кромки почвой, разбит зеленый газон. В общем, красивые саркофаги. На одном из этих сооружений прикреплена памятная доска с надписью: «Здесь был монастырь бенедиктинцев. Разрушен во время бомбардировки в ночь на 16 марта 1945 г.». На другом сооружении рядом памятная доска гласила: «Здесь была хоральная синагога. Разрушена и сожжена фашистами в 1937 г...» и дата (я ее не запомнил). Символично? И тут мне пришла мысль: все эти разрушительные ковровые бомбардировки культурных центров Германии, культурного наследия немецкой нации, не имевших никакого военного значения, в самом конце войны — все это месь немцам за холокост, за ковровые бомбардировки городов Англии в начале войны и «Фау-2» к ее окончанию. Вспомните предложение союзников на Ялтинской конференции — лишить Германию государственности, расчленив ее на несколько управляемых территорий, на которых разрешалось только

сельское хозяйство и никакой промышленности. И только противодействие генералиссимуса И. В. Сталина, подтвержденное на Потсдамской конференции, не позволило этому плану стать реальностью. А атомные бомбардировки японских городов Хиросимы и Нагасаки, в военном отношении не имевшие никакого смысла, бессмысленные и жестокие? Все это звенья одной цепи действий по возвеличиванию значимости англо-саксонского превосходства перед лицом побежденных и гипотетических противников в лице Советского Союза. Докажите, что я не прав. Низко это, недостойно и горько одновременно.

Теперь о главном. Нельзя работать в немецком коллективе, жить в Германии и не знать немецкий язык. К моменту приезда в Германию мои знания ограничивались двумя классическими фразами учебника немецкого языка за пятый класс: *Anna und Marta bahden* и *Wir fahren nach Апара*. В аттестате зрелости по окончании 10-го класса стояла твердая четверка, а в институте я изучал английский язык. Так что с полным основанием в анкетах мог писать: «владею немецким и английским языками: читаю и перевожу со словарем!» В этом плане я мало отличался от основной массы советских людей: теоретические знания, не подкрепленные практикой, мертвы. С первых дней работы на Объекте я стал посещать занятия обязательных трехлетних курсов немецкого языка в рабочее время в конце рабочего дня два раза в неделю. Для успешно выдержавших трехлетний срок обещали 15%-ную надбавку к зарплате. Но работать-то надо каждый день и сразу! На шахте у нас был переводчик с хорошим знанием русского языка — Мартин, так он представился. Позднее он работал в центральном бюро переводов в Зигмаре. Для рядовых советских ИТР шахты он был практически недоступен — был занят с начальником шахты А. В. Артемовым. В шахте меня первоначально сопровождал мой помощник Х. Урхардт. Русским языком он практически не владел, так что приходилось объясняться на пальцах. Позднее мы ходили раздельно по разным маршрутам, чтобы охватить больше забоев. Для изучения языка я использовал свою методику (успешно ее применить можно, только если тебе интересно и если действительно хочешь добиться результата): каждый день самостоятельные занятия минимум два часа кроме обязательных курсов. Слова заучивать следует только фразами в тексте, который пригодится в работе, например, акты нарушений технологии добычи, распоряжения на оплату рудных премий, инструктажи по работе, для бесед с рабочими и т. д., а также на бытовые темы.

На следующий день и далее заученные фразы надо обязательно применить. Фразы составляются сначала на русском и затем с помощью знающих язык переводятся на немецкий. Этой методикой трехлетнюю обязательную программу, включая экзамены, мне удалось изучить в течение шести месяцев. Кроме желания было много свободного времени: 8-часовая рабочая смена при шестидневке. В результате язык я освоил на достаточно приличном уровне.

Вообще, должен отметить, как это ни парадоксально звучит, я любил ходить в шахту, и так всю жизнь: здесь я чувствую себя на своем месте. Это «мое», хотя всякое, конечно, бывало. В Иоганне я два раза здорово «труса праздновал», это тогда, когда ходил уже без сопровождения.

Первый раз, когда шел по центральному квершлагу 78-го горизонта то ли к стволу, то ли от него, уже не помню, начались подвижки и квершлаг за мной пересыпало. Пока рассуждал, начало сыпать впереди, и я оказался в западне: назад квершлаг перекрыт полностью, а впереди завал с меня ростом с отдушиной, которая все время сокращалась. И грохот — камни бьют по металлическим трубам и какой-то глухой утробный гул. Страшно. Если бы верил — точно бы перекрестился. В момент, когда чуть-чуть притихло, рыбка метнулся в оставшееся окно и с перекатом вскопчил на ноги — ни одним камнем не задело, вовремя успел, а квершлаг пересыпало совсем. Я не стал дожидаться окончания подвижек, но мысль была, что в такие минуты седины прибавляется.

Первый случай — стечение обстоятельств, а второй — точно по моей дурости. Дело было так. Перед походом в шахту обязательно проверяешь по книге нарядов, в каком блоке какой вид работ и т. п. Общепринято: опустившись на горизонт, по восстающему поднимаешься в намеченный блок и затем, после выполнения своих контрольных функций, снова спускаешься на жильный штрек, уже по другому восстающему. И так далее — 5–6 очистных блоков и пара-тройка проходческих забоев за смену. Возникла мысль: «А зачем подниматься по восстающему в блок, иногда до 30 метров, и затем спускаться? Лучше по вентиляционному восстающему с вентиляционного штрека спуститься в блок и затем уже по другому восстающему спуститься на жильный откаточный штрек. Экономия сил и времени!» Шахту я уже знал хорошо, и казалось — ничто не мешает такому плану. Какое-то время я действовал по этой схеме, но однажды в ночную смену (смены я менял по своему выбору) с 78-го горизонта спустился в блок. Тишина первозданная — никого. Пошел

по блоку к другому восстающему, и вдруг закладка подо мной зашевелилась, как живая, скручиваясь в воронку. Подумать не успел, как уже висел враспор между стенками блока — спина упирается в одну стенку, ноги в другую, а закладка подо мной пляшет — я попал в блок в смену выпуска закладки, а это категорически запрещено правилами безопасности: засосет в закладку и только через какое-то время выпустят через рудоспуск, если вообще выпустят — никто же не знал, куда я пойду. После этого случая я всегда фиксировал свой маршрут в книге нарядов и всегда его придерживался.

Итак, вижу враспор, а закладка подо мной гуляет. Вот тут-то мне и пригодились приемы скалолазания, привитые на скальных занятиях в альплагере. Эта техника применяется при прохождении скальных трещин и узких кулуаров (там воспользоваться на восхождениях не пришлось, а здесь пригодились): не спеша, передвигая ноги вбок и ерзая спиной в положении распора, постепенно двигаешься в сторону восстающего. Нескольких минут — и все в порядке. Но видели бы вы физиономию кумпелей, когда я спустился на штрек, как черт из табакерки, — непомерное удивление и мысль в глазах: вот идиот. После я неоднократно демонстрировал этот трюк, но последователей в его исполнении как-то не нашлось. В общем, шахта есть шахта, и все мы там под богом.

Жизненные условия в городке для советских специалистов были нам обеспечены вполне приличные: семьи получали отдельные двух-трехкомнатные квартиры в специально построенных для советских специалистов деревянных двухэтажных восьмиквартирных домах, газифицированных и со всеми удобствами. Холостяки вроде меня заселялись в общежитие коридорного типа — у каждого своя комната метров 18–20, весьма приличная столовая, работавшая с раннего утра до позднего вечера. В городке хороший клуб, недалеко — оборудованный спортзал. Была хорошо поставлена художественная самодеятельность — многие пели в хоре, занимались в драмкружке. Летом все свободные от семейных забот гоняли по окрестностям на велосипедах, зимой для любителей — лыжи. На лыжах я гонял самозабвенно — любовь еще со школы. У нас в Бологом на Красной горке был построен 35-метровый трамплин, который мы освоили на простых беговых лыжах. Здесь у меня тоже были беговые, которые я на иоганновских спусках в конце концов сломал. В Иоганне было два прыжковых трамплина, один тренировочный 50-метровый и один — 90-метровый.

Стиль прыжка на этих трамплинах совсем другой, не тот, которым я владел, — легко не довернуть и приземлиться на шею. Беговые лыжи здесь для прыжков вовсе противопоказаны. Я долго примерялся, но так и не решился прыгнуть, хотя очень хотелось. По моему теперешнему разумению, правильно сделал. Зато по горе приземления большого трамплина спускаться — сплошное удовольствие: крутой спуск 100 м, пока по нему летишь, чувствуешь, что воздух тебя держит и не дает разогнаться. В самом низу, при выходе на противоположный склон, давление на двуглавые мышцы бедра до боли. После окончания спуска — ощущение сказочное, если не завалился — фирн сквозь одежду обжигает кожу до ссадин.

На велосипедные прогулки мы собирались по 2–3 человека. Гоняли по окрестным дорогам и дорожкам, в основном в сторону Айбенштока, к Тойфельштайну (каменный палец диаметром до 10 м и высотой до 50 м, внизу форелевый ручей, вдоль него тропинка, а кругом сказочный лес), к старым разведочным штольням, которых в окрестностях было предостаточно, по дороге на Пршибрам до границы с Чехословакией и по другим маршрутам. Гоняли по горам до 100 км в день, иногда заходили в лесные гаштетты выпить пивка. Хорошо! В воскресные дни часто выезжали на организованные экскурсии по примечательным местам ГДР. Кто-то занимался рыбалкой, охотой. На почве увлечения футболом познакомился с А. В. Кротковым — он играл за шестой Объект.

Спорт на Объекте был поставлен хорошо, коллектив в основном молодежный. На ежегодных висмутовских олимпиадах по легкой атлетике всегда занимали призовые места. Много играли в футбол между командами Объектов и с командами дислоцированных в Саксонии полков Советской армии. В общем, жизнь была насыщенная, работали, отдыхали — скучать было некогда. Но! На полсотни холостых ребят было всего три незамужние девушки из сотрудниц центральной бухгалтерии Объекта. Принцессы, которым такой мальчишка, как я, был не интересен, а немецкие фройляйн были под категорическим табу. Я запросился в отпуск. Мне его дали с конца декабря, и в двадцатых числах я уже был в Москве.

Но вернулся в «Висмут» уже не один, а со Светой — Светланой Зорковной, с которой мы вместе уже 54 года: нажили троих детей, шесть внуков, одного правнука. Вернулся не в Иоганнгеоргенштадт, а в Зигмар, куда меня перевели в горный отдел третьего (проектного) управления. Началась новая жизнь, новые проблемы и новые задачи.

С. З. Петросова

Аркадий Арамович Петросов — 90-летний юбилей

А. А. Петросов.

Отпраздновал свой 90-летний юбилей висмутянин — профессор Аркадий Арамович Петросов, посвятивший многие годы своей жизни научной и преподавательской работе в Горном институте. В СГАО «Висмут» работал с 1955-го по 1960 г. и с 1963-го по 1968 г.

Настоящий горняк

1949 году Аркадий Арамович поступил на горный факультет Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина, который и закончил через пять лет, получив квалификацию горного инженера. Окончив институт, по распределению работал в разных должностях на урановых рудниках знаменитой компании «Висмут» в ГДР.

В 1963 году защитил кандидатскую диссертацию, а в 1983-м — докторскую. С 1983 по 1988 годы был деканом факультета разработки угольных месторождений и подземного строительства Московского горного института. Профессор Петросов являлся членом трех ученых специализированных советов по защите докторских диссертаций при МГУ до 2014 года, в 2000–2010 гг. — был членом двух специализированных советов при СПбГИ (ТУ). Под руководством Аркадия Арамовича защитили кандидатские и докторские диссертации 33 человека, в том числе и иностранные граждане.

Главные направления его научной деятельности — исследование вопросов разработки урановых месторождений на больших глубинах, разработка месторождений золота в сложных условиях, теория и методы

управления, стратегическое планирование и прогнозирование, исследование операций в экономике, экономические риски горно-производства. Профессором Петросовым опубликовано более 200 научных работ, включая 22 монографии и учебных пособия, в том числе пять на немецком языке, два — на венгерском.

За многолетний труд А. Петросов удостоен многих почетных званий и наград, в частности, является почетным работником высшего профессионального образования РФ, награжден знаками «Шахтерская слава» II и III степени, двумя почетными знаками ГДР, медалью «В память 850-летия Москвы».

Коллеги и ученики от всей души поздравляют Аркадия Арамовича Петросова со знаменательным юбилеем, желают крепкого здоровья, благополучия, счастья, неиссякаемой жизненной энергии, душевной гармонии и бодрости!

Статья из газеты горного института НИТУ «МИСиС» «Горняцкая смена», № 5, октябрь 2021 г.

Идет защита докторской диссертации. Профессор А. А. Петросов — справа (фото из газеты «Горняцкая смена»).

Аркадий Арамович и Светлана Зорковна Петросовы на VI Съезде висмутян в окружении друзей (2015 год).

Макаров Вячеслав Николаевич

Макаров Вячеслав Николаевич, род. в 1931 г. Работал в «Висмуте» в 1961–1965 гг. Старший инженер-геолог партии. Объект 9.

Отец занимался разведкой урана

(Рассказывает сын Вячеслава Николаевича — Дмитрий Вячеславович)

Мои родители: Макаров Вячеслав Николаевич (06.03.1931 г. р.) и Макарова Валентина Гавриловна (02.03.1931 г. р., девичья фамилия также Макарова) окончили в 1955 году Северо-Кавказский горно-металлургический институт в г. Орджоникидзе (Владикавказ) и были распределены в Кольцовскую геологическую экспедицию (г. Эссентуки), которая занималась разведкой урана.

В 1961 году отца командировали на работу в ГДР в СГАО «Висмут», мама поехала с ним, как член семьи.

Жили они в основном в городах Ауэ и Пирна. 13.03.1962 г. в Ауэ родился я, Макаров Дмитрий Вячеславович.

Отец занимался разведкой урана и был одним из первооткрывателей Кенигштайнского месторождения. В 1963 году он получил разрешение на использование материалов по Кенигштайну для написания кандидатской диссертации. В 1965 году в Москве он защитил диссертацию и получил степень кандидата геолого-минералогических наук.

В 1965 году после возвращения в СССР родители продолжили работу в Кольцовской геологической экспедиции в Эссентуках.

Так получилось, что мама проработала в Кольцовской экспедиции всю жизнь. В 1984 году она умерла от онкологического заболевания.

Отец в 1972 году перешел на работу в Кавказский институт минерального сырья, который находился в городе Тбилиси, и возглавил отдельную Северо-Кавказскую геолого-методическую партию, базирующуюся в Эссентуках.

Отец проработал начальником этой партии до начала 1990-х годов, затем перешел на преподавательскую работу, читал курсы лекций по геологии, экологии, истории естествознания в различных вузах Северного Кавказа и Москвы. В 2008 году он написал и опубликовал книгу — учебное пособие «Концепции современного естествознания» (издательство МПСИ).

Отец продолжал преподавательскую деятельность вплоть до самой смерти в 2011 году.

Благодаря книге «Уран и люди. 1954–1990», сохранившимся письмам и по своим отрывочным воспоминаниям я восстановил имена нескольких папиных коллег и друзей,

с которыми родители общались и после возвращения в СССР:

— Васин Николай Афанасьевич, 1913 г. р.; работа в «Висмуте» — 1953–1957; 1961–1965. Главный гидрогеолог; старший инженер-гидрогеолог Саксонской ГРП. Упр. № 1; Объект 9; Саксонская ГРП.

— Василян Сергей Варданович, 1929 г. р.; работа в «Висмуте» — 1961–1965. Инженер по опробированию.

— Калинин Виктор Иванович, 1925 г. р.; работа в «Висмуте» — 1961–1965. Старший инженер-геолог. Объект 9.

— Пургин Борис Никифорович, 1921 г. р.; работа в «Висмуте» — 1962–1964. Старший горный инженер. ПТО. Объект 9.

— Богдан Александр Семенович, 1924 г. р.; работа в «Висмуте» — 1959–1963, 1973–1979. Старший горный инженер, инженер ПТО; главный инженер для шахты, начальник ПТО. Объект 9; рудник Пайцдорф.

Моя старшая сестра, Макарова Карина Вячеславовна, родилась 22.05.1957 г. в г. Орджоникидзе (Владикавказ). В ГДР она была в 1963 году несколько месяцев. В 1985 окончила Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков и аспирантуру этого института. Защитила сначала кандидатскую, а потом и докторскую диссертацию. В настоящее время преподает в Московском педагогическом государственном университете, профессор кафедры психологии младших школьников.

Я после окончания МФТИ в 1985 г. и аспирантуры в 1988 г. защитил диссертацию и получил степень кандидата физико-математических наук. Интересно, что я защитил диссертацию на кафедре квантовых оптических систем МФТИ — НИО «Астрофизика». Генеральным конструктором «Астрофизики» и заведующим кафедрой, с которым мне непосредственно приходилось много раз общаться, был Николай Дмитриевич Устинов, отец которого, министр обороны СССР Дмитрий Федорович Устинов, в 1950–1960 гг. возглавлял Комиссию Президиума Совета Министров СССР по военно-промышленным вопросам, в ведении которой находился «Висмут».

21 апреля 2018 г.

В. Н. Макаров

В. Н. Макаров и В. Г. Макарова. ГДР.

Иван Дегунин

Воспоминания о С. Н. Волощуке⁵

Как безвозвратно все-таки редуют ряды тех, кто созидал историческую эпоху конца 1940-х — начала 1950-х гг. Историческую, ибо в то время создавались многие отрасли отечественного высокотехнологичного производства. Прежде всего — атомная.

Создавала эту отрасль когорта «уникальных личностей», по выражению современника. От нее, увы, остались уже немногие. Но тем значимее поныне здравствующие. Среди них, здравствующих, Семен Волощук, один из руководителей предприятий знаменитого Средмаша — Министерства среднего машиностроения СССР. 16 апреля Семену Волощуку исполняется 90 лет⁶.

17-летним юношей в 1928 г. начал Волощук свою трудовую биографию — проходчиком угольной шахты в Кривом Роге. То было самое начало разворачивавшейся в стране индустриализации. «Уголь — хлеб индустриализации» — так тогда говорили. Имена тех, кто отбойными молотками давал для индустриализации этот «хлеб», гремели по стране. Меньше страна знала имена руководителей угольной отрасли. Семена Волощука в частности. После окончания в 1935 г. Днепропетровского горного института он работал в угольной промышленности — уже на руководящих должностях — вплоть до 1950 г.

В 1948–1949 гг. по предложению академика Игоря Курчатова в СССР начались работы по мирному использованию атомной энергии. Создавалась атомная отрасль. Одним из ее кадровых новобранцев руководителей и стал Семен Волощук.

Стал на одном из главных направлений — обеспечении атомной отрасли сырьем. Мало кто знает, что в то время важную роль в обеспечении нашей атомной отрасли сырьем играли страны Восточной и Центральной Европы. Добыча урана и других ядерных материалов велась в Болгарии, Венгрии, ГДР, Чехословакии. Ведало всем этим Главное управление советским имуществом за границей, в состав которого и откомандировали Семена Волощука.

В январе 1950 г. его назначили генеральным директором Советско-болгарского горного общества, а с мая 1950 г.

он одновременно являлся постоянным членом чехословацко-советской комиссии. «За время этой командировки, возглавляя большой коллектив советских специалистов, обеспечил непрерывное наращивание мощностей заграничных предприятий, в результате чего значительно расширилась урановая сырьевая база» — в таких словах охарактеризовал позднее роль и заслуги Волощука один из государственных документов.

В 1953 г. для руководства атомной промышленностью было создано Министерство среднего машиностроения СССР. С 1955 г. Семен Волощук — в центральной аппарате Средмаша. Однако уже вскоре кабинет на Ордынке пришлось сменить на...

Германию. Советский Союз был крупнейшим в мире производителем своего урана. Но не последнюю роль в этом играли и страны СЭВ. Среди них главным источником была ГДР. Одну из ведущих ролей в этом производстве играло Советско-Германское АО «Висмут». Вот им-то с 1961-го по 1986 г. и руководил Семен Волощук. Именно в этот период были открыты, разработаны и освоены многочисленные урановые месторождения Восточной Германии.

Заслуги Семена Николаевича Волощука за время работы в СГАО «Висмут», его вклад в развитие уранодобывающей промышленности, в укрепление обороноспособности нашей Родины отмечены высокими наградами — Золотой звездой Героя Социалистического Труда, тремя орденами Ленина, несколькими Государственными премиями. Есть у него награды стран бывшего социалистического содружества.

А их обладатель — что, возможно, едва ли не самое удивительное, — и в свои 90 лет сохраняет ясное сознание и творческий ум. И, как подтверждение всему сказанному, атомная отрасль способна к продолжению и развитию своего творческого потенциала, прежде всего благодаря надежному фундаменту, заложенному такими легендарными личностями, как Ефим Славский, Николай Доллежал, Семен Волощук.

Альберт Александрович Шишкин

Родился в 1939 г. Работал в СГАО «Висмут» с 1962-го по 1970 г. Генеральный директор ОАО «Техснабэкспорт» в 1988–1998 гг.

Воспоминания о генеральном директоре СГАО «ВИСМУТ» С. Н. Волощуке и не только

В 1962 г. после окончания 1-го МГПИИЯ им. Мориса Тореза с дипломом переводчика-референта по немецкому и английскому языкам я был направлен по распределению в Министерство среднего машиностроения. В то время я еще не знал, что представляет собой легендарный Минсредмаш. Оказалось, что это — крупнейшее в мире «атомное министерство», имеющее сотни предприятий, институтов, лабораторий, расположенных практически во всех республиках бывшего Советского Союза, с числом работающих более 1,5 млн чел., а вместе с семьями — около 5 млн чел. Как с гордостью говорили работники Минсредмаша: мы являемся государством в государстве. И на это были веские причины. Некоторые предприятия Минсредмаша работали в автономном режиме в так называемых «закрытых городах».

В августе 1962 г. я был направлен на одно из «закрытых» заграничных предприятий Минсредмаша, которое называлось Советско-Германское акционерное общество «Висмут» и было расположено в г. Зигмар в нескольких километрах от Карл-Маркс-Штадта (ныне г. Хемниц). В Зигмаре располагалась Генеральная дирекция и небольшой поселок, в котором проживали советские и немецкие сотрудники Генеральной дирекции и других подразделений вместе с семьями.

На следующий день после приезда я был направлен помощником старшего переводчика-референта генерального директора Игоря Петровича Городецкого. Он к тому времени отработал в ГДР уже около четырех лет и не только блестяще владел немецким языком, но и мог участвовать в синхронных переводах в предусмотренных для этих случаев кабинках с наушниками. При этом Ю. П. Городецкий изучил терминологию, связанную с производством и обогащением природного урана. Словом, он был асом в своем деле. Я понял, что тех знаний, которые я приобрел в инязе, будет явно недостаточно, и мне придется еще долго и упорно трудиться, чтобы сравняться с ним.

В конце дня состоялась встреча с генеральным директором Семеном Николаевичем Волощуком, с которым я до этого не был знаком. Беседа была короткой и носила чисто протокольный характер. Семен Николаевич, который к тому времени уже

больше года проработал в должности генерального директора, был очень дружелюбен и пожелал успехов в освоении, как оказалось, нелегкой работы референта-переводчика.

Я без промедления взялся за изучение терминологии, без которой невозможен грамотный перевод. Уже через полгода, сразу после отъезда Ю. П. Городецкого на Родину, я был утвержден старшим переводчиком-референтом генерального директора. Намного расширился круг моих обязанностей. Практически я повсюду сопровождал Семена Николаевича не только на работе, но и на досуге.

СГАО «Висмут» был одним из крупнейших комбинатов в ГДР с особым статусом. В «Висмуте» был свой обком Социалистической единой партии Германии (СЕПГ), первым секретарем которого был член ЦК СЕПГ Курт Кисе. Кроме того, был свой ЦК профсоюза. Предприятия «Висмута» находились в основном в двух землях — Саксонии и Тюрингии. Для того чтобы побывать на всех предприятиях «Висмута», требовалось не меньше месяца.

Руководить таким огромным комбинатом, каким был «Висмут», в то время казалось не по силам одному человеку. Но Семену Николаевичу это прекрасно удавалось. И в первую очередь, благодаря личному жесткому распорядку дня, которого он придерживался в течение всего срока работы на посту генерального директора в течение всех 25 лет. Вставал он ежедневно в 6 часов утра. Далее занимался утренней гимнастикой в специально оборудованной комнате со шведской стенкой, используя при этом эспандер, гантели и гири. После гимнастики совершал короткую 10-минутную пробежку (сейчас это называется «джоггинг»).

После пробежки ехал в бассейн — сам за рулем, благо бассейн был неподалеку. Ежедневно проплывал 1,5–2 км, затем возвращался, завтракал и в 8 часов утра был на работе. В офисе (или, как он называл Генеральную дирекцию, — «конторе») он с перерывом на обед работал до 8–9 часов вечера. Но в «конторе» он проводил от силы

Альберт Шишкин переводит выступление С. Н. Волощука (1963 г.).

С. Н. Волощук

⁵ Статья из газеты «Век» от 13.04. — 19.04.2001 г., посвященная 90-летию С. Н. Волощука.

⁶ С. Н. Волощук ушел из жизни 8 июня 2004 года. Похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

2–3 дня в неделю. Все остальное рабочее время он посвящал рабочим поездкам на предприятия, входившие в «маленькую империю «Висмут»». Чаще всего он выезжал на шахты, расположенные в районах Ауэ, Роннебург, Кенигштайн, а также на карьер в Шмирхау и на гидрометаллургический завод в районе г. Зелингштедт, где производился урановый концентрат. До начала работы генеральным директором СГАО «Висмут» Семен Николаевич работал более двух десятилетий в угольной промышленности, пройдя путь от рядового забойщика до директора угольного комбината в Советском Союзе. Так что

Справа налево: Курт Кисс с супругой, С. Н. Волощук и Зепп Вениг.

ему невозможно было «повесить лапшу на уши». Все штреки и восстающие на урановых шахтах «Висмута» он знал как свои пять пальцев. Мне приходилось следовать за ним по пятам, боясь отстать хоть на минуту. Находясь под землей («унтертаге», как говорят немцы), Семен Николаевич вначале предпочитал побеседовать с простыми рабочими, расспрашивая их о проблемах, с которыми они сталкиваются на работе или в быту. Главным образом он интересовался их здоровьем, положением в семье. Подземные рабочие редко на что-либо жаловались. Почти в каждой семье у них было по 2–3 ребенка. Кроме того, охрана здоровья трудящихся находилась у предприятия на первом месте. Существовала разветвленная сеть профилакториев, домов отдыха и санаториев, принадлежавших СГАО «Висмут» и расположенных в красивейших уголках ГДР.

В первые послевоенные годы на заработки в «Висмут» устремились люди разных специальностей, от безработных до конторских служащих, которых необходимо было обучать профессиям горнорабочих и рабочих

металлургических заводов. Среди этих людей был и Зепп Вениг, который до войны работал в цирке, поднимая гири и другие тяжести. Я его застал, когда ему было далеко за 60 лет. Это был человек очень крупного телосложения. В первые годы работы в «Висмуте» он побил все мыслимые и немыслимые рекорды. Был награжден массой орденов, медалей и даже автомобилем «Москвич», что по тем временам было очень престижно. После завершения своей деятельности на подземных работах он состоял в штате ЦК профсоюза «Висмут».

Каждый раз при встрече со мной он рассказывал одну и ту же историю о том, что его незаслуженно лишили звания немецкого «Стаханова» и все из-за фамилии. «Вениг» по-немецки означает «мало». По мнению тогдашних руководителей ГДР, «стахановское движение» в стране не мог возглавить человек по фамилии «Мало». В результате «стахановское движение» в стране возглавил другой шахтер-ударник по фамилии Хеннеке. И такое бывает. Фамилия подвела.

После бесед с рабочими Семен Николаевич проводил совещания с руководителями предприятий, которые он посещал, и устраивал «разбор полетов», не делая разницы между немецкими и советскими руководителями. При этом С.Н. Волощук всегда был строг, но справедлив, требуя от подчиненных выполнения поставленных задач. Он никогда не позволял себе грубости по отношению к нижестоящим.

Приведу один пример. Как-то Семен Николаевич был по служебным делам в Берлине. За время его отсутствия его личный водитель успел крепко выпить. С. Н. Волощук приказал ему сесть на заднее сиденье, сам сел за руль и доставил водителя домой в Зигмар. Расстояние от Берлина до Зигмара около 300 км. Сдав водителя на руки жене, Семен Николаевич попросил ее не беспокоить товарища до утра. Правда, водитель получил на другой день строгое предупреждение, но без оргвыводов.

Я думаю, что самым трудным для С. Н. Волощука было создать сплоченный коллектив из немецких и советских сотрудников. Это было бы невозможно без опоры на обком СЕПГ и особенно на его первого секретаря Курта Кисса. Между ними установились тесные деловые взаимоотношения. Самое главное — нужно было объяснить трудящимся СГАО «Висмут», ради чего они работают. Уран, который добывался в ГДР, отправлялся в Советский Союз и возвращался после обогащения и производства таблеток в виде тепловыделяющих элементов (ТВЭЛов) обратно для обеспечения работы АЭС ГДР. Другая часть урана, добытого в ГДР, использовалась для производства ядерного

оружия в целях обеспечения безопасности стран социалистического содружества. «Холодная война» была в самом разгаре.

Большое внимание в СГАО «Висмут» уделялось развитию физкультуры и спорта, как и во всей ГДР. Футбольная команда «Висмут Ауэ» в то время играла в премьер-лиге. Работало множество спортивных секций и кружков. Всемирно известная впоследствии фигуристка Габи Зайферт посещала в детстве одну из таких бесплатных секций в СГАО «Висмут».

Семен Николаевич Волощук, помимо ежедневных занятий физкультурой и плаванием, зимой катался на горных лыжах, а летом играл в большой теннис. «Висмут» имел свой дом отдыха на самом юге ГДР в Рудных горах в местечке Обервизенталь недалеко от границы с Чехословакией. Зимой практически каждую субботу и воскресенье мы выезжали на этот курорт. Вначале Семен Николаевич занимался с тренером по горным лыжам. Но уже через год катался как минимум по первому разряду. Мне было за ним не угнаться. Я предпочитал обычный скоростной бег по пересеченной местности.

Однажды летом он предложил мне заняться водными лыжами. В то время этот вид спорта только начинал развиваться и был в новинку. Мне не удалось найти подходящего тренера по водным лыжам и поэтому пришлось купить пособие для начинающих на немецком языке. Мы выбрали подходящее озеро недалеко от г. Гера и начали осваивать водные лыжи. Я волей-неволей оказался в роли инструктора и пытался на пальцах объяснить, как надо стартовать. Семен Николаевич, при его весе свыше 100 кг, так и не смог с нескольких попыток выйти на поверхность. Пришлось арендовать более мощный катер. Но и опять ничего не получилось. Тогда он предложил мне попробовать самому. У меня при моем тогдашнем весе чуть более 60 кг «всплытие» получилось с первого раза. Более того, я еще совершил круг почета! Как выяснилось, типичной ошибкой всех новичков был старт напрямую строго в сторону кормы лодки, а надо было после выхода на поверхность уходить в левую или правую сторону от лодки, следя за тем, чтобы канат был постоянно натянутым. У Семена Николаевича на этот раз получилось с первой попытки. Его радости не было предела. Впоследствии мы каждое лето в любую погоду выезжали на озеро покататься на водных лыжах по субботам и воскресеньям, если не были заняты на каких-либо протокольных мероприятиях. С. Н. Волощук каждый раз усложнял программу. Вскоре он освоил катание на одной лыже, а затем и на фигурных лыжах. А ему в то время было уже 53 года.

Государственные праздники ГДР и СССР

коллектив СГАО «Висмут» отмечал совместно. Как правило, это происходило во Дворце культуры г. Зигмар. В канун 7 октября — Дня образования ГДР, а также в канун Первомая и 7 ноября — годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции — передовикам производства вручали ведомственные награды и почетные грамоты. Потом проходили концерты силами художественной самодеятельности с приглашением популярных артистов ГДР и СССР. После окончания концерта начиналось застолье. На смешанном русско-немецком языке это называлось «цумволиться» от немецкой здравицы «Цум Воль», что значит «За здоровье». После застолья каких-либо крупных эксцессов не происходило.

Единственное, что в какой-то степени омрачало обстановку, это необходимость со стороны награжденных советских товарищей предложить немецким дру-

За праздничным столом. Слева направо: первый зам. генерального директора Вернер Рихтер, С. Н. Волощук и А. А. Шишкин.

С. Н. Волощук и Вернер Рихтер вручают сувенир писателю М. А. Шолохову.

зьям «обмыть» награду. Советские водители (шоферы), получавшие по местным меркам невысокую зарплату, вынуждены были кланчить немецкие марки у жен, так как все советские граждане должны были по инструкции ЦК КПСС сдавать денежное вознаграждение, причитавшееся к наградам, в советскую часть бухгалтерии. Лишь после тщательной проверки комиссией ЦК, приезжавшей по поводу жалобы советских водителей, половину денежного вознаграждения разрешалось оставлять себе. Соломоново решение!

В СГАО «Висмут» активно работало Общество германо-советской дружбы. Дружба носила неформальный характер. Многие советские и немецкие коллеги дружили семьями. У меня до сих пор хранится почетный знак Общества германо-советской дружбы

Михаил Александрович Шолохов в гостях у висмутян. Справа налево: супруга М. А. Шолохова — Мария Петровна, С. Н. Волощук, М. А. Шолохов, супруга С. Н. Волощука — Мария Николаевна.

в «золоте» и «серебре». По линии Общества германо-советской дружбы в гостях у висмутян побывали не только популярные артисты театра и кино ГДР и СССР, но и первые космонавты Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, великий русский писатель, лауреат Нобелевской премии Михаил Шолохов с семьей и многие другие.

Несколько раз посещали «Висмут» руководители СЕПГ и правительства ГДР Вальтер Ульбрихт, Эрих Хонеккер и Вилли Штоф. Частыми гостями СГАО «Висмут» были посол СССР в ГДР Петр Андреевич Абрахимов и торгпред СССР в ГДР Василий Иванович Ключек. Последний входил в состав правления СГАО «Висмут».

В соответствии с уставом СГАО «Висмут» каждые пять лет предполагалась ротация руководства СГАО «Висмут». Если председателем правления в течение 5 лет был гражданин ГДР, а генеральным директором — гражданин СССР, то в следующие 5 лет гражданин ГДР должен был быть назна-

чен генеральным директором, а советский гражданин — председателем правления. Однако в случае с С. Н. Волощуком сторона ГДР настояла на том, чтобы сохранить статус-кво и не производить никакой ротации. Таким образом, Семен Николаевич проработал на своем посту непрерывно в течение 25 лет. Это был рекорд для Советского Союза. Для сравнения — посол СССР в США А. Ф. Добрынин проработал в США непрерывно 24 года.

В 1964 г. «вражеские голоса», как называли в Советском Союзе в 1960–1970-е гг. «Голос Америки», Вашингтон, «Радио Свобода», Мюнхен и «ВВС», Лондон, сообщали о том, что в Советском Союзе практически не добывается природный уран, а весь уран за бесценно покупается в ГДР и Чехословакии. Кроме того, на тех немногих шахтах, которые расположены на территории Советского Союза, используется труд «политзаключенных». В 1965 г. для того чтобы развеять эти «мифы», для посещения уранодобывающих предприятий была приглашена делегация немецких руководителей во главе с председателем правления СГАО «Висмут» и первым вице-премьером правительства ГДР Эрихом Марковичем с супругой. С. Н. Волощук и я сопровождали эту делегацию.

В начале поездки по предприятиям министр среднего машиностроения Е. П. Славский принял у себя Эриха Марковича. За дружеской беседой Ефим Павлович предложил высокому гостю лично проехать по горнодобывающим предприятиям министерства. Для чего выделил свой самолет Ил-14. И мы отправились в путь. В программу поездки входило посещение Восточного горно-обогатительного предприятия «ВостГок» (г. Желтые Воды на Украине, директор — В. А. Мамилов), Ленинабадского горно-химического комбината (г. Чкаловск в Таджикистане, директор — В. А. Опланчук), Навоийского горно-металлургического комбината (г. Навои в Узбекистане, директор — З. П. Зарапетян) и Объединенного института ядерных исследований в Дубне в Подмоскowie. Члены немецкой делегации были ошеломлены всем увиденным. Предприятия были в образцовом состоянии как на земле, так и под землей. Гости имели возможность побеседовать не только с руководителями предприятий, каждое из которых представляло собой огромный комбинат, но и с простыми рабочими.

Наибольшее впечатление от гостей произвело посещение Навоийского горно-металлургического комбината. Сам г. Навои построен в 1950–1960-х гг. в центре пустыни, где летом жара за 50 градусов по Цельсию, а зимой столбик термометра опускается ниже отметки 20 градусов. Весь город утопает в зелени. За 200 км к городу Навои и на предприятия проложен трубопровод.

По качеству архитектуры г. Навои был признан самым красивым среди новых городов Советского Союза.

Члены делегации побывали также на предприятиях в Учкудуке и Зарафшане, где наряду с производством урана также добывается золото. Никаких политзаключенных за время поездки обнаружено не было.

По возвращении в Москву состоялась вторая встреча с Е. П. Славским и начальником Первого главка (отвечающего за производство уранового концентрата и других металлов и редких земель) Николаем Борисовичем Карповым. Ефим Павлович Славский в ходе состоявшейся беседы сообщил, что на долю Советского Союза приходится более 72 % всего урана, добываемого странами социалистического лагеря. Был развеян очередной «миф» о том, что в СССР урана крайне мало. Перед отъездом из Москвы посол ГДР в СССР устроил прием для руководителей Минсредмаша и членов немецкой делегации. Ефим Павлович Славский представил своего первого заместителя Андрея Михайловича Петросянца, который по совместительству был председателем Государственного комитета СССР по атомной энергии и заместителем министра Петра Яковлевича Антропова (бывшего министра геологии СССР, который в свое время открыл все крупнейшие месторождения урана не только в СССР, но и в «странах народной демократии»). Ефим Павлович сообщил, что ГКАЭ СССР, возглавляемый А. М. Петросянцем, призван представлять интересы Минсредмаша и по согласованию с Правительством СССР заключать международные соглашения и договоры в области атомной энергии. Стороны обсудили вопросы сотрудничества по линии СГАО «Висмут».

Между тем подходил к концу шестой год моей работы на «Висмуте». За это время я успел вместе с С. Н. Волощуким излазить все урановые шахты вдоль и поперек, побывать на большинстве предприятий СГАО «Висмут». Я порядком устал в должности помощника уважаемого мной генерального директора и собирался уезжать в Москву. Неожиданно для меня Семен Николаевич предложил мне поработать в Берлине представителем СГАО «Висмут» по связям с государственными организациями ГДР и советскими загранучреждениями — посольством, торгпредством и др. У меня в помощниках предполагалось двое немецких коллег. Итак, в 1968 г. я переехал в Берлин. В моем распоряжении в районе Карлсхорст было две виллы: одна для меня и членов моей семьи, а вторая — так называемая «гостевая» вилла, предназначенная для командированных из Москвы. В свое время

на гостевой вилле побывали заместители министра, начальники главков, руководители предприятий и другие гости. У меня на вилле был свой рабочий кабинет, немецкий водитель (он же по совместительству — истопник) и кастелянша. Новая работа разительно отличалась от моей прежней работы в качестве старшего помощника генерального директора, когда приходилось работать ежедневно утром, днем и вечером практически без выходных дней.

Семен Николаевич также останавливался на вилле — один или с женой Марией Николаевной. Она, однако, редко бывала в Зигмаре или Берлине, проводя большую часть времени в Москве, где в институтах учились их трое детей — Олег, Семен и Ольга. В Берлин Семен Николаевич приезжал на прием в посольство или по поводу других официальных мероприятий.

Как-то раз зимой должен был приехать начальник Первого главного управления Минсредмаша Н. Б. Карпов. Накануне мой истопник заболел и не сумел натопить «гостевую» виллу. Я, не зная об этом, поехал встречать Николая Борисовича в аэропорт Шенефельд. Вернувшись с гостем из аэропорта, я к своему стыду обнаружил, что вилла не протоплена, и ожидал неминуемого нагоняя от строгого начальника Первого главка. Однако Николай Борисович, к моему изумлению, спустился вместе со мной в подвал, скинул верхнюю одежду, засучил рукава и стал помогать мне растапливать печь угольными брикетами. Мы поднялись на первый этаж и, как принято у шахтеров, «остограммились» и обсудили программу пребывания Николая Борисовича в Берлине.

Ежегодно в Берлине проходили переговоры по согласованию цен на урановую продукцию. Летом 1968 г. из Москвы прибыла представительная делегация, в которую входили: первый зампред правительства СССР Владимир Николаевич Новиков, министр среднего машиностроения Ефим Павлович Славский, заместитель министра внешней торговли Николай Григорьевич Осипов, директор всесоюзной конторы «Техснабэкспорт» Сергей Григорьевич Арутюнов (в настоящее время — ОАО «Техснабэкспорт») и сопровождающие лица.

Переговоры по ценам проходили, как правило, в Берлине и продолжались 2–3 дня. Расчет цен осуществляла всесоюзная контора «Техснабэкспорт» по согласованию с 8-м Управлением Минсредмаша, в ведении которого были сырьевые предприятия (чаще всего в виде акционерных обществ) в социалистических странах. Начальниками 8-го Управления в разное время были: С. Н. Волощук (до своего отъезда в ГДР), Василий Алексеевич Собко и Николай Иванович Чес-

ноков (до закрытия СГАО «Висмут» в 1990 г.).

Расчет цен осуществлялся на базе мировых цен на урановую продукцию. При этом учитывались поставки из Советского Союза новейшего горно-шахтного и горно-металлургического оборудования, а также новейших технологий ведения горных работ в нашей стране (в частности подземного выщелачивания бедных руд), внедряемых на предприятиях Минсредмаша.

Для членов делегации обычно предоставлялись государственные дачи в закрытой части района Панков в Берлине. После переговоров и заседаний, если было свободное время, члены делегации собирались на ужин на одной из дач. На этот раз собрались на даче у Ефима Павловича Славского. Время проходило весело: шутили, рассказывали анекдоты. Е. П. Славский пел приятным баритоном, аккомпанировал ему на баяне первый зампред правительства В. Н. Новиков.

На другой день утром Ефим Павлович предложил мне прогуляться по территории поселка. Мы зашли в одну из пустовавших дач. Славский обошел все этажи. Было видно, что дача ему понравилась. Обращаясь ко мне, он сказал, что после выхода на пенсию он собирается построить себе личную дачу. На мой недоуменный вопрос, что он собирается делать с государственной дачей в Москве, он ответил, что никогда не пользовался госдачей или другими привилегиями, положенными ему как министру такого высокого ранга, по морально-этическим соображениям. Свой отпуск Ефим Павлович проводил на охоте или на рыбалке.

Перед самым отъездом делегации в Москву Славскому в номер немецкие товарищи принесли великолепное ружье, произведенное на всемирно известных заводах Зуля. Он пригласил меня к себе в номер и потребовал вернуть ружье обратно, пояснив, что советские граждане не имеют права принимать подарки стоимостью свыше 10 рублей. Больше мы к этому вопросу уже не возвращались.

К 1970 г. подходил к концу 8-й год работы в ГДР. Я решил ехать в Москву поступать во Всесоюзную академию внешней торговли. Семен Николаевич предложил мне остаться еще на один год, поясняя, что умному человеку «достаточно и одного высшего образования». Но я все-таки настоял на своем. Получив необходимые в таких случаях рекомендации от торгпредства и Минсредмаша, в апреле 1970 г. я успешно сдал вступительные экзамены на вечерний факультет ВАВТ. После возвращения из ГДР в августе 1970 г. я получил назначение в Центральный научно-исследовательский институт атомной информации. Так закончилась моя первая командировка за рубеж. Я с грустью рас-

ставался с Семеном Николаевичем. Он тоже очень сожалел, что я уезжаю. Но все имеет свое начало и конец. Меня ждала новая работа в Москве.

После окончания Академии внешней торговли я перешел на работу в уже знакомую мне всесоюзную контору «Техснабэкспорт» Министерства внешней торговли СССР.

Мы поддерживали связи с Семеном Николаевичем, обмениваясь поздравительными открытками по случаю семейных или государственных праздников.

В апреле 1986 г. случилась авария на Чернобыльской АЭС и, несмотря на то, что задолго до этого события ЧАЭС была передана из ведения Минсредмаша в ведение Министерства электрификации СССР, оргвыводы коснулись и руководящего состава Минсредмаша. Как говорится, «процесс пошел». Были отправлены на пенсию легендарный министр Е. П. Славский и председатель Государственного комитета по атомной энергии А. М. Петросянц. Ожидаемый преемник Е. П. Славского — его первый заместитель Александр Григорьевич Мешков — был переведен на работу директором машиностроительного завода в г. Электросталь Московской обл. Кроме того, были уволены или отправлены на пенсию более 20 директоров крупнейших предприятий Минсредмаша. Среди них оказался и генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук. Как мне показалось, он не унывал. По мере сил в свои 75 лет продолжал заниматься спортом. Как и прежде, никогда не пил и не курил. Много читал, особенно русскую классическую литературу.

В 2001 г. я с группой коллег, работавших ранее в СГАО «Висмут», был у него дома в гостях по случаю его 90-летия. К тому времени он был уже не совсем здоров, но очень обрадовался нашему приезду. Начались воспоминания о прекрасных годах, проведенных в «Висмуте». Несмотря на болезнь, у Семена Николаевича была отменная память. Он помнил фамилии практически всех руководителей подразделений СГАО «Висмут», причем не только советских, но и немецких товарищей. После встречи мы тепло распрощались с Семеном Николаевичем.

Однако болезнь взяла свое. 8 июля 2004 г. на 94-м году жизни Семена Николаевича не стало. Ушел из жизни замечательный руководитель и человек, один из легендарных государственных деятелей Минсредмаша.

С. Н. Волощук был Героем Социалистического Труда, кавалером всех высших наград СССР, ГДР и Чехословакии.

Придет время, когда имя Семена Николаевича будет вписано золотыми буквами в летопись Министерства среднего машиностроения СССР.

А. А. Шишкину — 60 лет

Генеральному директору АО «Техснабэкспорт» Альберту Александровичу Шишкину 3 января 1998 г. исполнилось 60 лет.

Свою трудовую деятельность Альберт Александрович начал в 17-летнем возрасте после окончания средней школы. В 1962 г. после окончания Московского государственного педагогического института иностранных языков был направлен по линии Минсредмаша СССР на работу в СГАО «Висмут» (ГДР), где в течение восьми лет прошел путь от инспектора-референта до начальника отдела заграничного предприятия. После непродолжительной работы в ЦНИИатоминформ Минсредмаша СССР и в Научно-исследовательском институте МВТ СССР в 1974 г. перешел на работу в «Техснабэкспорт», где в то время начиналось новое направление во внешнеэкономической политике государства, связанное с товарами и услугами ядерного топливного цикла. Во время работы в «Техснабэкспорте» Альберт Александрович постоянно совершенствовал свой профессионализм, без отрыва от производства окончил Академию внешней торговли.

В 1977 г. руководство МВТ направляло Альберта Александровича в Норвегию в качестве представителя «Техснабэкспорта» на совместной фирме «Конесто-Норге», где он работал до 1982 г. По окончании заграничной командировки до 1988 г. работал в В/О «Техснабэкспорт» директором фирмы «Урансервис», а в августе 1988 г. после переподчинения «Техснабэкспорта» Минсредмашу СССР был назначен на должность генерального директора.

В 1994 г. после акционирования организации Альберт Александрович на общем

собрании акционеров единогласно избирается генеральным директором внешнеэкономического акционерного общества открытого типа «Техснабэкспорт».

При непосредственном участии Шишкина А. А. были заключены крупные долгосрочные контракты с энергетическими компаниями Европы, Азии и США на поставку урановой продукции, что позволило превратить это направление в устойчивый источник валютных поступлений для страны.

Только за период с 1988-го по 1997 г. «Техснабэкспорт» заработал на поставках за рубеж урановой продукции и твэлов более 10 млрд американских долларов.

По итогам 1996 г. АО «Техснабэкспорт» вышел по товарообороту на третье место в стране среди предприятий-экспортеров. А. А. Шишкин имеет заслуженный авторитет среди партнеров в мировом урановом сообществе, регулярно участвует и выступает в международных семинарах и симпозиумах, посвященных экономическим аспектам развития ядерного энергетического топливного цикла.

Высокие профессиональные качества руководителя и большие организаторские способности были неоднократно отмечены наградами страны, в том числе медалями «За доблестный труд», «За заслуги перед Отечеством» II степени, «Ветеран труда», «В память 850-летия Москвы», как ветерану Минсредмаша СССР — Минатому РФ ему вручен отраслевой знак в связи с 50-летием атомной промышленности.

Руководство Министерства, коллектив «Техснабэкспорта», друзья и коллеги сердечно и горячо поздравляют юбиляра!

Сидоренко Владимир Петрович

Краткий очерк о яркой биографии, как иллюстрация нашей интересной эпохи

В. П. Сидоренко,
Карл-Маркс-Штадт,
1970 г.

Родился в Краснодарском крае в 1926 году, затем жил с родителями в г. Ставрополе. Владимир Петрович ушел на фронт добровольцем в 1944 г., даже не окончив 9 класс. После скоростного обучения в Ейском военно-морском авиационном училище (во время войны его перебазировали в село Борское Куйбышевской обл.) стал летчиком бомбардировочной авиации. Прослужил в армии 7 лет. Участвовал в боях по освобождению Крыма, награжден медалями. В армии экстерном закончил 9 и 10 классы.

Был демобилизован 1950 году. Почти все его сверстники уже заканчивали вузы, а он только поступил в 1951 г. в Северо-Кавказский горно-металлургический институт. После его окончания в 1956 году работал в Лениногорском полиметаллическом комбинате (Северный Казахстан), а с 1957 года уже работал на предприятии Минсредмаша СССР в ГХРУ города Лермонтова на руднике № 2. Пожалуй, самой главной особенностью рудника являлся метод выщелачивания солей урана из твердых скальных пород, который осуществлялся непосредственно на руднике, прямо под землей. Примечательно то, что раньше эта технология никогда и нигде не использовалась. Одним из первых начальников опытного участка, использующих эту технологию, был Владимир Петрович, который решил и свою диссертацию написать по этой теме, не отрываясь от производства. Для ознакомления с этой технологией на рудник приезжали гости и специалисты

различных предприятий Минсредмаша СССР, а также из ГДР, ЧССР и Болгарии.

В 1966 году Владимир Петрович, блестяще защитив кандидатскую диссертацию по использованию метода выщелачивания в Московском геолого-разведочном институте, был направлен на работу в СГАО «Висмут» в ГДР. Здесь он продолжил работать по этой же тематике в НТИЦ до конца 1971 года. В 1976 году Владимир Петрович направлен Главным консультантом по горным вопросам Минсредмаша на работу в объединение «Редкие металлы» Болгарии, где он занимался, в том числе, и вопросами внедрения метода выщелачивания на предприятиях объединения. В Болгарии проработал до 1982 года. Владимир Петрович всегда вспоминал время работы в Лермонтове, в ГДР, в Болгарии как одно из самых ярких, творческих, новаторских этапов своей биографии.

С 1982 года Владимир Петрович переходит в смежную, но все же новую отрасль — Нефтегазовое строительство, где так же ярко проявился его талант смелого новатора, инженера и ученого. Одновременно он закончил Высшие экономические курсы при Госплане СССР.

Владимир Петрович всегда с большим пиететом вспоминал работу на разных Объектах Минсредмаша и приводил ее в пример своим коллегам, как образец высокоэффективной организации труда.

В Миннефтегазстрой СССР Владимир Петрович занимался проблемами научной организации труда, опубликовал ряд научных работ, участвовал в строительстве знаменитого газопровода Уренгой — Помары — Ужгород. В это время организовывал школы передового опыта для внедрения новых технологий в нефтегазовом строительстве в Москве, Ленинграде, Киеве, Тюмени, Надыме и др. городах.

В 1992 году Миннефтегазстрой СССР реорганизовали в концерн РАО «Роснефтегазстрой», и в 1996 году Президент РАО «Роснефтегазстрой», зная Владимира Петровича лично и зная его блестящие организаторские способности, разносторонний опыт инженера и ученого, публикации и школы передового опыта пригласил Владимира Петровича возглавить федеральный журнал «Нефть и газ».

75-летний юбилей Владимир Петрович встретил на посту шеф-редактора журнала, полон как всегда, планов, идей, проектов. С удовольствием ездил в интересные командировки на объекты «Лукойла», «Газпрома»,

«Роснефти», вел свои репортажи, делал интервью с руководителями и специалистами перечисленных компаний, возглавлял президиумы форумов и конференций.

Владимир Петрович активно работал до 80 лет и далее уже занимался консультативной деятельностью.

Его трудовая жизнь — летчик, студент,

горняк, научный сотрудник, ученый, шеф-редактор журнала — яркий пример судьбы, как он бы сказал, СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА, каким он и был всю свою жизнь.

Скончался Владимир Петрович в 2013 г.

Е. Марцева (Сидоренко), дочь.

27 Января 2018.

На фото сверху слева:
Сидоренко В. П.
на совещании в Болгарии.
Справа: с горняками
в Болгарии.

Сидоренко В. П. (второй
слева) и Андреев Г. Г.
(в центре) с болгарскими
коллегам.

Сидоренко Владимир
Петрович, шеф-редактор
журнала «Нефть и газ».
На форуме «Газпрома».

На праздновании
80-летнего юбилея
В. П. Сидоренко на работе.
С дочерью Еленой Марцевой
(Сидоренко).

Г. Г. Андреев, В. Г. Иванов, В. В. Лопатин, Л. И. Скрипка, А. В. Жевлаков

Эти воспоминания написаны висмутянами, работавшими в шестидесятых — начале восьмидесятых годов и жившими в Зигмаре, поэтому какие-то события и фамилии могли быть упущены.

Воспоминания охотников и рыбаков

Ни пуха, ни пера, ни чешуйки, ни хвоста

В разные периоды деятельности «Висмута» на предприятиях работало советских специалистов от 3 тыс. в 1951 г. до нескольких сотен в 1980-е гг. Как правило, это были крепкие, полные сил мужчины, которым после напряженной работы требовались разрядка и отдых. В полной мере этому отвечал активный отдых на охоте и рыбалке. Длительное нахождение на свежем воздухе и на природе, активные движения, охотничий азарт и здоровые эмоции привлекали в свои ряды многих сторонников. Немалую роль в этом играла любовь мужчин к оружию. Учитывая все эти факторы, руководство «Висмута» в начале 1950-х гг. договорилось с командованием Группы советских войск в Германии (ГСВГ) о возможности использования нескольких охотничьих угодий, имеющих в их распоряжении по соглашению с Правительством ГДР, охотничьим коллективом «Висмута». Охотничий коллектив «Висмута» был зарегистрирован как коллектив военных охотников № 28 ГСВГ.

Каждый советский специалист, работавший на предприятиях СГАО «Висмут», имел возможность вступить в коллектив военных охотников № 28 Группы советских войск в Германии (ГСВГ), который состоял из трех секций:

- охотничьей;
- стендовой стрельбы;
- рыболовной.

Для вступления в охотколлектив требовалось сдать устный экзамен и ежегодный экзамен по стрельбе на стенде, где необходимо было поразить минимум три тарелочки из десяти возможных.

Для совершенствования стрелкового мастерства коллектив охотников имел свой современный траншейный стенд на шесть метательных машинок и круговой стенд на две машинки. Охотколлектив имел униформу для соревнования по стрельбе и отдельно — для охоты. Патроны приобретались в Центральном охотничьем клубе ГСВГ или в немецком охотхозяйстве.

Организация охоты была только коллективная, а не индивидуальная. Составлялись списки выезда на охоту, которые визируются врачом. Каждый участник вносил деньги на транспорт. Из группы охотников выбирался старший по охоте из числа наиболее опытных, который получал карту угодья в военной комендатуре г. Карл-Маркс-Штадт (Хемниц). По приезде в угодье перед началом охоты обязательно встречались со старшим немецким егерем, который объяснял особенности и условия проведения охоты в это время года, иногда сопровождал коллектив на охоте. Время охоты на тот или иной вид дичи устанавливалось в соответствии с немецкими правилами. Так, например, охота разрешалась: на козлов с сидок — с 1 мая, на коз — с 1 сентября и до 30 января; на кабанов и оленей — с 1 сентября до 30 января; на уток —

с августа по декабрь. Загонная охота на все виды дичи разрешалась с 1 сентября и до закрытия охотничьего сезона в конце января. Конечно, самая активная и эмоциональная — загонная охота, требующая высокой дисциплины, ответственности и внимания. Все должны были беспрекословно подчиняться старшему по охоте, который собирал информацию о следах дичи и конфигурации загона, расставлял стрелков на номерах и определял направление движения загонщиков в загоне. Промазавшие по дичи отправлялись в загон для приведения своих эмоций в порядок. Наибольшим авторитетом старшего пользовались В. М. Мельниченко, В. Л. Шмонин, В. Марцев, Б. П. Забелин, В. В. Лопатин, В. В. Кара, А. В. Жевлаков.

Большим уважением среди охотников пользовался главный врач советской поликлиники Вадим Игоревич Савицкий, особенно после того, как на «закрытии охоты» он весь день в заснеженном лесу бесстрашно, с одной только палкой, преследовал двухсоткилограммового кабана-подранка. А кабан-подранок очень опасен. Подрали его в самом начале охоты, причем успели выстрелить все, но, как оказалось после, попал и подранил только один, а остальные, как говорится, состригли шерсть. И вот весь день за ним гонялись. В последнем загоне этот гигант кинулся из-под елки на шедшего в шести метрах по его следу Володю Лопатина, который и завалил кабана из своего автомата МЦ-12 только последней, пятой пулей Бреннеке. Огромная туша кабана с разгона уткнулась своим пятакон в сапог слегка побледневшего охотника. Потом было «закрытие охоты» за товарищеским охотничьим ужином и традиционное поедание печени и свежежаренного мяса с луком под залихватские песни и гитару Анатолия Рудычева. Как говорится, вечер удался и затянулся до поздней ночи.

Поездки на охоту и рыбалку были только по субботам. Наиболее посещаемыми охотничьими угодьями были: Чопау — на коз,

Хайнекен — на коз и зайцев, Лангенау — на кабанов, Шварценберг — на оленей, Вердау — на зайцев; Коммерау и Баутцен — на уток.

Увлечение охотой позволило нам не только активно отдыхать, но и познакомиться с обычаями и традициями немецких охотников, которые преобразили охоту из банального отстрела дичи в торжественно-красивый ритуал с многими процедурами, от начала охоты до самого ее завершения. Со многими егерями у нас сложились хорошие дружеские отношения. Доброжелательно и внимательно к нам относился Вальтер Мюллер — старший егерь в Лангенау. Он всегда брал с собой породистых охотничьих собак, которые значительно содействовали успеху охоты на кабанов. Большим праздником для нас был выезд на утиную охоту в Баутцен (поселок Варта).

Поселок Варта находится в 25 км к северу от г. Баутцен, в верховье реки Шварце Эльстер. Этот район изобилует большим количеством каналов, озер, прудов. Местное население — сербы лужицкие (сорбы) — говорят как на старославянском, так и на немецком языке. Основное их занятие — карповое хозяйство, а там где много воды — много рыбы и диких уток. Поэтому другое такое место для утиной охоты в Германии трудно сыскать.

Главным егерем в тех местах был Вернер Петрик, который жил со своей семьей в Гросс Дубраве. Вернер Петрик определял места охоты, советовал, как лучше расставлять стрелков. Вернер Петрик был не только профессионалом охотничьего дела, но и развил свою очаровательную супругу Нани и сыновей любовью к охоте. Вся семья Петриков отлично стреляла и неоднократно занимала призовые места, соревнуясь с нами.

Шмонин, Оленев, Деев.

Главные охотоведы — Борис Забелин и Володя Лопатин.

Слева: на закрытии охотничьего сезона завалил кабана Володя Лопатин. Стоят: А. Казаков, Б. Забелин, В. Иванов, Арутюнов и егерь.

На снимке справа: Непочатых, Мельниченко, Мухин, Сорожкин, Деев встречают удачливого стрелка по уткам Шмонина.

На фото слева: Команда стрелков в гостях у Вернера и Нани Петрик.

Справа: Команде стрелков Вернера Петрика вручает грамоту Борис Забелин.

Шашлыки, шурпа и охотничьи байки после охоты у Вернера Петрика (Бауцен).

Борис Оленев получает награду после соревнований с немецким обществом «Динамо» (1965 г.).

Соревнования по стендовой стрельбе с командой Вернера Петрика (Бауцен).

Участники — Мельниченко, Шмонин, Подоляко, Смирнов, Петросов, Марцев, Мухин, Паленов, Радковский, Каменщиков.

Леонид Подоляко.

Коллектив охотников Геры перед загонами (1979 г.) (фото из архива Н. Грановского).

На охоте, слева направо: В. С. Семенов, А. Н. Золотин, В. И. Кочетков, В. Г. Эртнер, С. Коротков, крайний справа — Рогачев (фото из архива А. Н. Золотина, 1964–1971 гг.). Подпись к фотографии дополнена информацией от С. В. Эртнера (Кустанай, Казахстан).

Вадим Мельниченко.

После удачной охоты. Гера, 1979 г. (фото из архива Н. Грановского).

В рядах охотников общества «Гайер». Крайний справа — Виктор Кара, крайний слева — Александр Жевлаков (фото из архива А. В. Жевлакова).

Соревнования по стендовой стрельбе на траншейном стенде среди спортсменов КВО-900 и немецких охотников общества «Гайер», 1983 г. Справа налево: А. В. Жевлаков, Зигфрид Штолл, И. Карпунин, В. В. Кара (фото из архива А. В. Жевлакова).

Как правило, охота была результативной. По принятому условию 70% трофея (кроме уток) отдавалось немецкой стороне. Охота на уток в Коммеру и Баутцене всегда заканчивалась общей, совместно с немецкими егерями, традиционной шурпой из диких уток, шашлыками и рассказами охотничьих историй и баек.

В Зигмаре наши охотники вместе с немецкими охотколлективами проводили товарищеские вечера с выступлениями нашей самодеятельности, а также показ советских художественных фильмов. Особенно немецким коллегам нравился фильм «Пес Барбос и необыкновенный кросс», над которым они смеялись, как говорится, до упаду.

В охотколлективе Зигмара много внимания уделялось соревнованиям по стендовой и пулевой стрельбе между представителями предприятий Тюрингии, Ауэ, Кенигштайна, а также с немецкими командами. Кроме того, участвовали в соревновании на первенство ГСВГ, а также между нашим коллективом и немецким охотничьим обществом «Динамо». Наша команда и стрелки добивались хороших результатов, получали памятные медали и сувениры, наиболее успешным присваивали спортивные разряды.

Значительный вклад в развитие стрелкового спорта «Висмута» в шестидесятых годах внес мастер спорта СССР Вадим Михайлович Мельниченко, работавший начальником лаборатории вентиляции и кондиционирования НТЦ, и получивший в 1970 г. звание лауреата Государственной премии СССР за участие в создании системы охлаждения воздуха для отработки глубокого месторождения Нидершлема-Альберода.

Отличными стрелками и председателями коллектива военных охотников № 28 были работавшие в разные годы главными инженерами Проектного предприятия Владимир Леонидович Шмонин, Борис Павлович Забелин, Владимир Викторович Лопатин, начальник лаборатории НТЦ Виктор Викторович Кара. В период 1960–1970-х гг. активными участниками охот и стрелковых соревнований были Владимир Марцев, Борис Оленев, Игорь Ильичев, Илья Берегов, Феликс Булатов, Анатолий Кретинин, Александр Жевлаков, Анатолий Мухин, Аркадий Петросов, Леонид Подолько, Эдуард Саруханян, Виталий Радковский, Михаил Ищенко, Анатолий Макеенков,

А. Н. Золотин со своей ЩУКОЙ.

Арнольд Казаков, Евгений Башмаков, Феликс Ягодкин, Илья Карпунин, Леонид Скрипка, Борис Еремин, Евгений Иванов, Виктор Иванов, Виктор Кара, Николай Демин.

На других Объектах «Висмута» тоже были организованы коллективы охотников и рыбаков. Многочисленный дружный коллектив был в советской колонии в Гере, объединявший сотрудников горнодобывающих, перерабатывающих и геологических тюрингских предприятий «Висмута».

Следует вспомнить и наших немецких висмутских коллег, которые любили охоту и нередко приглашали нас к себе на охоту. Одним из таких был директор МГДП «Кенигштайн» Герхард Братфис. Он по совместительству работал главным егерем в охотугодье в горах Саксонской Швейцарии на границе с Чехословакией. Обычно мы получали приглашение охотиться на оленей с сидок или с подхода. Это были незабываемые времена, проведенные на охоте в изумительных по своей красоте осенних лесах Саксонской Швейцарии и на послеохотничьих посиделках с друзьями и рассказами охотничьих историй и баек.

Нашему коллективу советских охотников было чему научиться у немецких охотников: они приглашали нас не только на совместные соревнования по стендовой и пулевой стрельбе, на утиную и заячью охоту, охоту на кабанов и оленей, но и на общие собрания своих коллективов.

Необходимо отметить высокую дисциплину немецких охотников при ведении охоты и их заботу о сохранении дичи и природы. В качестве примера хотелось бы рассказать о коллективной заячьей охоте методом котла. Ответственный за ее проведение егерь был назидательно «выпорот» перед строем из-за того, что поздно давал сигналы «в котел не стрелять» и «отбой».

Центром котла была высотка, к которой со всех сторон по кругу подходили охотники и стреляли в выскакивающих вниз по склону или уходящих вверх зайцев. По линии охотников стрелять запрещено. Размер котла по диагонали должен быть не меньше 350–400 метров. Когда подавалась команда «в котел не стрелять», егерь, по-видимому, дал эту команду при меньшем размере котла, создав опасную обстановку для охотников. Кроме того, при подсчете трофеев добытых зайчих оказалось больше, чем зайцев, что также было поставлено в вину егерю. На одном из собраний охотников общества «Гайер» (1982 г.) довольно серьезно обсуждался вопрос подготовки молодой смены. Молодежь была обязана каждый год высаживать в лесу фруктовые деревья, заготавливать корм для зверей и птиц, оборудовать кормушки и т. п. Кроме того, они должны были фиксировать все выстрелы на

территории их хозяйства. Немецкие охотники материально отвечали за нанесенный ущерб сельскому хозяйству от кабанов и коз. Поэтому для пополнения бюджета основная часть добытой дичи сдавалась в рестораны и кафе.

Коллектив висмутских охотников имел довольно многочисленную рыболовную секцию. Кроме членства в КВО № 28 ГСВГ каждый рыбак должен был вступить в Немецкий рыболовный союз (DAV). DAV выдавал удостоверение (билет), где наклеивались ежегодные марки (членские взносы). Без этого билета ни на одном водоеме нельзя было рыбачить.

Кроме того, на каждый водоем коллективом покупались отловные рыболовные карты. Рыболовные карты приобретались через DAV, а на водоеме Морицбург (особенно популярный среди рыбаков Зигмара) — через коллектив военных охотников Дрезденского военного гарнизона.

Организация рыбалки была также только коллективной.

Коллектив рыбаков имел униформу, приобретаемую через DAV.

Составлялись списки на рыбалку. Из наиболее опытных рыбаков выбирался старший по рыбалке, который получал отловные карты от председателя рыболовной секции.

Наиболее посещаемыми водоемами летом, кроме Морицбурга, были Вердау, Ленмюлле, а также водохранилище Пель, где можно было отдохнуть два выходных дня в бунгало с семьей, порыбачить и покататься на байдарках.

Несколько слов об А. Н. Золотине — страстном охотнике и рыбаке, пользовавшемся непререкаемым авторитетом у остальной братии любителей природы. По свидетельству дочери Аркадия Николаевича, однажды он поймал такую здоровенную щуку, что сбегалось все мужское население колонии висмутян в Гере.

Все пытались сфотографироваться вместе со щукой. Потом даже владелица маленькой немецкой пекарни из дома напротив спрашивала у мамы о рыбе, которую поймал супруг. Увлечения советских специалистов были известны их немецким коллегам и они по-дружески подшучивали над ними.

Другие водоемы, на которые выезжали и зимой и летом, — это Зайденах, Цойленрода, Пирк и др.

В основном ловили карпа, щуку, окуня, леща, плотву. Зимой и летом проводились соревнования по рыбной ловле между советскими специалистами предприятий, а также мы соревновались со своими немецкими коллегами. Наши рыбаки не раз добивались хороших результатов и занимали первые места. Пользовались популярностью выезды на рыбалку советских специалистов по приглашению немецких коллег по рабо-

те. Справедливости ради надо сказать, что на летней рыбалке наши немецкие рыбаки-конкуренты умели, что показать и чем удивить.

Что касается зимней рыбалки — приводим воспоминания нашего висмутянина Анатолия Валентиновича Кретинина.

«Наиболее эффективными мероприятиями для духовного сближения советских и немецких специалистов были такие, как проведение совместных спортивных соревнований. Хочу рассказать о поучительных для нас соревнованиях по зимней рыбной ловле. Это было в 1960-х гг. Если для нас зимняя рыбалка была наиболее распространенным видом спорта и отдыха, то немецкие рыбаки об этом виде рыбалки ничего не знали.

В спортивных магазинах ГДР не продавалась снасть для этого вида рыбалки, и нам приходилось удочки и ледобуры привозить из Советского Союза.

Результатами нашей рыбалки заинтересовались немецкие товарищи, но сетовали на то, что у них нет зимних снастей. Эту проблему мы решили быстро, подарив каждому желающему по удочке. Некоторые, самые отчаянные, стали ездить с нами на рыбалку.

И вот не прошло и несколько лет, как в адрес нашего рыбацкого общества пришло письмо, в котором немецкие товарищи предлагали провести командные соревнования по зимней рыбалке. Соревнования намечалось провести на Хемницком водохранилище, и с немецкой стороны уже подали заявку три команды (в каждой команде по 5 рыбаков).

Руководство нашего общества не могло пропустить такое предложение. С нашей стороны были укомплектованы две команды. Мы самоуверенно не сомневались в своей победе, единственно — не могли точно определить, какая из наших команд займет первое место.

Рано утром все прибыли на водохранилище, поприветствовали друг друга, пожелали успеха и разошлись по своим местам. В команде, в которой был и я, начало было не очень успешным. Мы сменили место, но и на новом месте ловилась только мелочь. Мы считали, что такая ситуация и у остальных, но когда пришли на взвешивание, то были просто ошарашены результатами немецких команд.

Дружеский шарж немецких коллег на Аркадия Золотина.

Ю. С. Данилов.

Главный инженер Беервальде Петр Кузема (справа) обучает начальника горного участка зимней рыбалке.

Э. Балтцер.

Все три немецкие команды заняли весь пьедестал, а нам достались два последних места. Нам пришлось поздравлять призеров и смывать свой позор в ближайшем гашитетте.

Анализируя свою неудачу, мы вспомнили мудрую русскую поговорку о «шапкозакидательстве» соперников и поняли, что перед каждым соревнованием необходимо тщательно изучать водоем и применять ту насадку, которую любит рыба данного водоема, и, вообще, уважать соперника».

Нам остается добавить, что активными рыбаками были Ю. С. Данилов, В. В. Шаталов,

Небольшая история, связующая настоящее и прошлое

На фото слева: Фрау Анна Петрик с сыном Диттером.

Справа: Вернер Зобе, Анна Петрик и Ханс Рудольф вспоминают прежние времена (фото Эриха Балтцера).

В процессе подготовки этой книги мы связались с ветераном «Висмута», Героем Труда, бригадиром проходчиков Хансом Рудольфом. В настоящее время он на заслуженном отдыхе, занимается разведением кроликов для собственного удовольствия и увлекается рыбалкой. Помощь в нашем непосредственном с ним общении по Skype оказал его сосед по поселку Эрих Балтцер.

В ходе теплых воспоминаний о нашей прежней работе и встречах выяснилось, что Ханс тоже в свое время увлекался утиной охотой и был в Баутцене. Он с огромным энтузиазмом вместе со своим соседом Эрихом решил разыскать Вернера Петрика и передать от нас, советских висмутян, выражение чувства дружбы и доброй памяти о встречах с ним. И буквально на следующий день они уже были в районе Баутцена и нашли в деревне Гросс-Дубрава семейство Петрик.

На фото слева: Судьи Вадим Мельниченко и Митрофан Темников подводят итоги соревнований стрелков.

Справа: Аркадий Петросов, Нелля Шмонина, Зина Мельниченко и Анна Петрик наблюдают за соревнованиями (фото из архива А. Петрик).

И. Н. Берегов, В. И. Василенко, Анатолий Мухин, Василий Куриленко, Александр Артемов, Володя Шмонин и много, много других висмутян, работавших в разное время на многих Объектах «Висмута».

Ежегодно в советских клубах проводились тематические вечера «День охотника и рыбака», на которые приходили целыми семьями.

Разумно организованный активный отдых на природе для большинства работающих советских специалистов позволял им плодотворно трудиться над выполнением производственных задач.

Глава семейства Вернер, к сожалению, умер несколько лет назад. Эриха и Ханса встретила его супруга Анна (Нани — как называли ее друзья и близкие), которая здравствует, по-прежнему хорошо стреляет и ходит на охоту. Выросли и сыновья — Кнут и Диттер.

Семейство очень обрадовалось встрече, и, как рассказывали Эрих и Ханс, устроило маленький банкет с воспоминаниями об охоте и соревнованиях с советскими охотниками-висмутянами, показом фотографий. Во встрече принимал участие бывший заместитель Петрика — Вернер Зобе и егерь Берндт Вендлер.

Некоторые фотографии Анна передала нам, часть из них мы размещаем в книге.

Не правда ли, приятно слышать о том, что и через много лет о нас, советских специалистах, с теплотой вспоминают старые друзья?

Воспоминания Владимира Владимировича Марцева о немецких друзьях, охотниках-любителях (1990–2010 гг.)

Дополнить воспоминания ветеранов СГАО «Висмут» о незабываемых годах труда и отдыха, проведенных вместе с немецкими коллегами и друзьями на протяжении более 40 лет, непросто. Вероятно, этого и не требуется, тем более если речь вести об отрезке времени начиная с 1990 г., о таком специфическом «хобби», как охота, и о людях, которых она связала узами многолетней дружбы.

Впервые мне посчастливилось познакомиться с немецкими охотниками-любителями из коллектива «Барут» в 1967 г. на соревнованиях по стендовой стрельбе, которые проводил на стенде поселка Рабенштайн наш коллектив военных охотников. Сам я на этих соревнованиях был только зрителем-болельщиком. Из гостей запомнились В. Петрик, В. Зобе, Г. Вендлер, П. Каленбах. В последующие годы, вплоть до окончания школы в 1970 г., мне много раз доводилось встречаться с ними на соревнованиях по стендовой стрельбе, когда я на правах члена охотколлектива вносил свою лепту в результат нашей команды советских охотников, а также и у нас дома, куда после соревнований их приглашал мой папа Владимир Васильевич Марцев. За хорошо накрытым столом велись приятные разговоры о жизни, семье, охоте. (Понятно, что после главного блюда и до подачи на стол десерта и кофе я предпочитал удалиться, чтобы не мешать разговорам взрослых мужчин и не краснеть. Тем более что понимал — их шутки гораздо лучше, чем им это казалось.) Более других меня поражал и восхищал Вернер Петрик: настоящий гигант, красивый, излучающий доброе тепло и юмор человек, прекрасное понимающий по-русски, по-русски же и «принимающий», но никогда не терявший лица. После угощения и бесед, серьезных и шуточных, отец и Вернер порой затевали состязания: боролись на руках, приседали на одной ноге.

В те годы стараниями всех охотников коллектива «Барут» недалеко от стрелкового стенда был построен охотничий домик, где они устраивали по разным поводам праздники, и куда приглашали наших охотников после соревнований или после охоты для подведения итогов. В разгар подведения итогов, после определения лучшего стрелка, со стены снимался арбалет и каждому из присутствующих предлагалось вручную натянуть тетиву. Из упомянутых мною людей это удавалось сделать только моему отцу и Вернеру Петрику. (Впоследствии это удалось и мне.) Оба

ревностно следили за успехами друг друга, оба гордились этими достижениями и были настоящими друзьями. Когда мы встретились в 1984 г., Вернер попросил рассказать меня о последних днях моего отца, о маме. Слушал чутко, и я понимал, что он внутренне переживает рассказанное мною. С тех пор я всегда чувствовал его теплое отношение ко мне, даже просто в его обращении: «Марцев!»

В 1971 г. во время летних каникул, которые мне посчастливилось провести у родителей в ГДР, я впервые смог попасть на утиную охоту. Выезд был небольшим коллективом на «Баркасе» к нашим друзьям в «Барут». Это была чудесная охота! На зорьках утка летала так густо и долго, что с пустыми руками вернуться было просто невозможно. Только любовь к природе и чувство меры заставили меня остановить стрельбу...

Полтора десятка лет спустя охота стала другой. Уток стало гораздо меньше, и, чтобы удовлетворить свои охотничьи инстинкты, после коротких зорек нам приходилось «топтать» дичь, переходя от одного водоема к другому.

Опишу в моем повествовании короткую, но самую для меня яркую главу об охоте и охотниках в ГДР в 1984–1989 гг.

Ноябрь 1989 г. Сокрушение Берлинской стены. Для граждан ГДР дорога на Запад открыта. Бананы и электроника в магазинах Баварии. Begrüßungsgeld. Широко открытые от изумления глаза простого человека: «Вот это да! И никакого социализма! Невероятно!» Тема объединения двух немецких государств — невероятно актуальна.

Об этом говорим каждый день на работе (разумеется — не в ущерб производству). Об этом же ведем разговоры с друзьями по охоте, ведь каждый из них — работник предприятия народного хозяйства ГДР. Старшее поколение (те, кому за 60) чувствует себя относительно спокойно: «Сбережения обменяют. Стаж зачтут, пенсию выдадут на общих основаниях. Если до 65 лет потеряю рабочее место — выплатят пособие. А вот как будет детям?»

Ровесники не теряют оптимизма: «У большинства из нас высшее или специальное образование. А у них на Западе? Здоровье в порядке. Прорвемся!»

Мы, советские специалисты, разводим руками: «Дай Бог, чтоб так и было! А что нас ждет дома?»

Как бы мы ни пытались, желая другу другу лучшего, прогнозировать развитие ситуации в наших странах, жизнь продолжалась. И в 1990 г., как и прежде, мы продолжали

работать, а в свободное время встречались с друзьями на соревнованиях по стендовой стрельбе, на охотах и просто так. Кроме друзей из «Барута», среди которых в 1984 г. у меня появился замечательный друг Бернд Вендлер, мы рады были видеть у себя в гостях В. Ниче из Лангенау, З. Штолля, К. Зилаффа, Д. Мюллера из Гайера, З. Вольфа из Вильденау и других, как, впрочем, и они нас у себя. Кроме совместных охот мы дружески общались на праздниках, посвященных знаменательным датам коллективов немецких охотников, в числе которых особенно ярко запомнились праздники в Гайере, куда меня и В. Н. Воробьева пригласили с женами, а также в Лангенау, где Н. Т. Дундуков и я представляли наш КВО.

До объединения в октябре 1990 г. все охоты проводились, как и прежде, в соответствии с Законом об охоте Германской Демократической Республики, правда, кое-где стали проступать несущественные, на первый взгляд, детали недалекого будущего. Так, в районе Лангенау, кроме наличия карты военного коменданта для охоты в одном из участков лесных угодий, в 1990 г. стало необходимо спрашивать разрешения владельца этого участка. Это создавало некоторые неудобства, хотя Мартин (так звали собственника; фамилию, к сожалению, не помню) хорошо нас знал и ни разу не отказал.

После отъезда из ГДР в 1990 г. в следующий раз мне с семьей удалось побывать в гостях у Бернда Вендлера в г. Гросс Дубрау в 1992-м. Нам был оказан самый сердечный и дружеский прием. Бернд собрал всех наших лучших друзей из общества «Барут» у себя на даче в честь нашего приезда во главе с Вернером Петриком и своим отцом. Был там в первых рядах и Вернер Зобе, а также Нани Петрик и Дитер Петрик. Это было незабываемое событие. Богатое застолье, воспоминания, песни, тосты за советско-германскую дружбу (невзирая на новые политические реалии), охотничьи байки. Незаметно наступил рассвет... Мы пробыли в гостях шесть дней. В течение этого времени мы нанесли визиты каждому из друзей, всюду встречая самый радушный прием. Мы поблагодарили всех за их дружеское расположение и поддержку, оказанную нам в тяжелые 1991–1992 гг.

В беседах с друзьями я узнал, что в организации охоты многое изменилось. Теперь, чтобы заниматься охотой, необходимо каждому арендовать свои угодья. Если это нововведение не сильно отразилось на результатах охоты с сидок на косулю и даже кабана, то значительно усложнило загонную охоту и почти свело на нет утиную охоту: хитрая утка с испугу перелетает на чужие водо-

емы. С улыбкой узнал, что каждый из них обзавелся пистолетом или револьвером, а то и двумя. Поинтересовался: «Зачем?» «На случай самообороны! Да и вообще — разрешено...»

Не пойти по старой памяти на стенд пострелять по тарелочкам я не смог. С ружьями и пистолетами наша компания поехала на стенд. Если после двухлетнего перерыва я вполне достойно отстрелялся по тарелкам, то в стрельбе из пистолета и револьвера занял почетное предпоследнее место. Последнее место заняла моя дочь, которая просто выстрелила в воздух.

В этот период времени мои друзья в основном чувствовали себя неплохо. Вернер Петрик к тому времени уже вышел на пенсию, Бернд Вендлер прошел курсы переподготовки и получил новую работу, Вернер Зобе и другие еще работали по специальности. Невзирая на реалии жизни и видимое благополучие, окружавшее нас, собравшись вместе, мы вновь ощутили себя частицей той системы, которая нас воспитала, и с гордостью говорили о ГДР и об СССР, сожалея о его распаде.

Как-то вечером В. Зобе пригласил меня на охоту. Добирались мы недолго. Вернер указал сидку, на которой мне предстояло провести несколько часов. Я взобрался наверх и осмотрелся. Передо мной расстилось довольно обширное поле, окаймленное лесом. Боже, что это за поле! Я привык в ГДР к земле ухоженной, проросшей рожью и клевером под ней, а здесь после реформ была равнина, поросшая сорняками невиданной высоты, под которыми не только трава (если она была), но и косуля скрылась бы с головой! Собственно говоря, это и произошло. Кто-то в сумерках ходил по полю, раздавалось шуршание, но в прицел временами была видна неясная тень без определенных очертаний. Так без выстрела мы и вернулись по домам. Weidmannsheil! Расставание с друзьями было грустным. Мы обещали увидеться как можно скорее.

В следующем 1993 г. к нам приехали долгожданные гости — Бернд и Эрика Вендлеры. Стояла прекрасная летняя погода. До приезда гостей мы, как смогли, запаслись всем необходимым (многие помнят эти времена), за исключением достаточного запаса бензина для нашего автомобиля. Дорогих друзей мы познакомили с главными достопримечательностями Москвы и ближайшего Подмосковья. Побывали и попили на нашей недостроенной тогда даче и решили, что следующая экскурсия будет в Троице-Сергиеву лавру. С тем и вернулись обратно в Москву. Наутро я решил съездить на заправку. Бернд как истинный друг не оставил меня одного, и мы тронулись

на поиски топлива. Не вдаваясь в ненужные детали, скажу лишь, что заправка автомобиля заняла у нас почти семь часов. Напомню, мобильных телефонов тогда еще не было, а телефоны-автоматы на 99% находились в нерабочем состоянии. Когда мы вернулись домой, то обнаружили наших жен буквально в полуобморочном состоянии. Прошло уже 17 лет, но когда я разговариваю с Эрикой по телефону, либо, что значительно реже, при встрече и приглашаю в гости к нам в Москву, то слышу фразу из известного фильма: «Нет! Уж лучше вы к нам!»

Встреча не заставила себя долго ждать. Июль 1995 г. Перрон вокзала Франкфурта-на-Одере. Прибывает поезд из Москвы. На перроне стоит Бернд Вендлер. В руках у него флажки ГДР и СССР, на шее какой-то широкий плоский ящик, напоминающий мольберт. Наша семья выскакивает из поезда и попадает в объятия Бернда. Объятия, поцелуи, приветствия... Широко улыбаясь, Бернд с прищуром иллюзиониста снимает ящик, устанавливает его на складных ножках, открывает — и вот неожиданность! В ящике бутылка «Корна», пиво, лимонад, хлеб и сало, не говоря о необходимой посуде! Сюрприз! Это было так трогательно...

Этот наш визит был очень насыщенным впечатлениями. На следующий день на даче у Бернда в честь нашей встречи была приготовлена свинья на вертеле целиком. Управлял вертелом с электроприводом Вернер Зобе. К этому времени он, потеряв прежнюю работу, устроился охранником на военный склад и по вечерам не всегда был свободен, но именно в этот день нам всем повезло. Пришли все наши друзья с женами, хорошие знакомые с женами, их дети и родственники. Было очень весело и сердечно. Ели, произносили тосты и пили, разыгрывали аттракционы. Стендоло. Развели костер. Пели песни и русские, и немецкие. Постепенно стали расходиться по домам. Вернер Петрик присел на крыльцо, взял пиво, усадил меня рядом и долго-долго говорил со мною о пережитом, вспоминал о довоенных, послевоенных временах, об охоте, о семье, о том, что Нани тоже стала охотником и у нее хорошие трофеи. Вспомнили и наших, советских, друзей: Б. А. Забелина, В. Н. Смирнова, А. Е. Жевлакова, Г. Г. Андреева, Л. Г. Подо-

ляко, Н. Т. Дундукова, В. Г. Радковского, В. В. Марцева и других, которых я, возможно, и не знал лично. В разговоре Вернер пригласил нас на стенд, который под его руководством реконструировал коллектив старых товарищей и помощников. Я очень этим заинтересовался и с энтузиазмом согласился. Через день хозяева и приглашенные состязались в стрельбе. Должен признать, что новый стенд был очень хорош, но, как оказалось, не для меня. Результат я показал посредственный, но удовольствие получил огромное. День завершился праздником и жареным целиком на вертеле бараном...

Несколькими днями позднее мы навестили моего товарища по работе в Проектном предприятии СГАО «Висмут» Харальда Бюссера в г. Хемниц. Обошли всю округу, объездили все знакомые удаленные местечки и позвонили Бернду Вендлеру. Он с супругой приехал к нам на следующий день. Не сговариваясь, мы в полном составе направились в Рабенштайн посмотреть, что случилось с нашим стрелковым стендом, где мы познакомились и провели столько интересных дружеских встреч. Этот стенд был заново отстроен и оснащен в 1989 г., и выглядел тогда очень красиво и современно. К нашему разочарованию на его месте мы не обнаружили ничего, хотя бы отдаленно напоминавшего о его существовании. Все снесено, вывезено, рекультивировано, высаженные на его месте деревья вполне прижились и пошли в рост. Горько было видеть это запустение, хотя наш стенд последние годы был «бельмом в глазу» у местных садоводов. Конечно, это раздражает, когда хочется посидеть в тишине среди цветов и деревьев, а тут в выходной день над ухом два-три часа гремят ружейные залпы... Думаю, что первым висмутовским Объектом, подвергшимся такой образцовой скоростной ликвидации, стал наш стрелковый стенд.

Все хорошее рано или поздно заканчивается. Так подошли к концу и эти прекрасные дни гостеприимства и изобилия, благодаря которым всем было не до охоты. Правда, вечером накануне отъезда мы с Берндом улучили время и посидели с ружьишком неподалеку от его дачи, но безрезультатно.

Прошли три года, и вот мы снова у наших друзей!

Юрий Михайлович Горбачев

Ю. М. Горбачев.
Главный геолог ГДП-9 Ауэ.
1984 г.

Год рождения 1931-й. Окончил в 1954 г. Свердловский горный институт по специальности «горный инженер-геолог».

Работа в «Висмуте» (1958–1963, 1969–1975, 1981–1988) была связана с ГДП-9 в Ауэ. С 1984-го по 1988 г. — главный геолог ГДП-9 в Ауэ.

Семь раз был награжден медалью «Активист социалистического труда», четыре раза — знаком «Мастер труда», а также медалью «Ветеран труда», знаком «Шахтерская слава» III степени, орденом «Знамя труда» III степени Правительства ГДР. Впервые был направлен на работу в ГДР в 1958 г. Скончался 16.07.2021 г.

Мой путь

Я родился в марте 1931 года в г. Свердловске. Мои родители — мать и отец — были торговыми служащими. Город Свердловск был в то время мощным индустриальным центром. Гигант современных пятилеток — завод Уралмаш — выпускал большое количество уникальных машин, как то: шагающие экскаваторы, буровые установки глубокого бурения, уникальные станки и многое другое. Кроме того, работали Эльмаш завод, трубомоторный завод, много заводов военного назначения. Население города Свердловска составляло тогда 400 000 человек.

Из детских воспоминаний — помню детский сад, а также начало учебы в школе. В 1940 году, когда началась война с Финляндией, помню очереди за хлебом, когда мы всей семьей стояли в очереди, сменяя друг друга даже ночами.

Двухкомнатная квартира на втором этаже деревянного дома с удобствами на дворе. Помню некоторых соседей детей, с которыми играл.

Родители были коммунистами. Вспоминаю, что-какое-то время отца не было дома, а мама говорила, что нас должны выселить из квартиры, и я с большой радостью начинал собирать свои игрушки. Уже потом я узнал, что отец был под следствием, и поэтому его не было дома. Но все закончилось благополучно, его командировали в Пермскую область, где мы жили около полугода.

Когда мы вернулись, отца назначили на ответственную работу, утром за ним приезжала легковая машина (М-7) и вечером привозила домой. Это продолжалось около года, до начала войны с Германией. 15 июля 1941 года мы с мамой провожали отца на фронт, пройдя с колонной до железнодорожного вокзала. Я очень гордился, что папа вооружен автоматической винтовкой с ножевым штыком, который находился на поясе в ножнах. Это был последний день, когда я видел отца. Затем от него приходили открытки и письма.

Последнее письмо датировано 22 сентября 1941 года.

Он воевал под Москвой. И так начались годы ожиданий вестей с фронта от отца и моего дяди. Но все ожидания оказались напрасными. Ни отец, ни дядя с войны не вернулись. После отправки отца на фронт мы переехали с квартиры в частный дом около реки Исеть, где жили бабушка и бабушка со стороны мамы. Цель — присмотр за школьником 10 лет (за мной), т. к. мама работала очень много, а я начал учиться в 3-м классе.

Уже к осени 1941 года население города Свердловска увеличилось до 1 млн человек за счет эвакуированных из западных областей СССР. В город и в Свердловскую область, кроме того, было эвакуировано большое количество предприятий, которые быстро начинали работать на оборону.

В городе появилось много госпиталей для раненых бойцов. Мы, школьники, ходили к раненым, помогали, как могли, писали письма и читали ответы на них. Вспоминаю одного раненого — у него были ампутированы руки и ноги. Много мужчин были призваны в армию, на заводах и фабриках работало очень много женщин и даже подростков. Помню такую картину: у станка подставлен деревянный ящик, на котором стоит и работает подросток 13 или 14 лет.

Лозунг того времени: «Все для фронта, все для победы!»

Все семьи ждали вестей от родных с фронта. Кому-то не приходили письма солдатские, кому-то приходили печальные известия о гибели родного человека, а кто-то не получал за все время войны никаких вестей.

Очень трудно было с продуктами и промтоварами. Вскоре после начала войны на продукты и промтовары были введены карточки. Не помню, кому, сколько и каких выдавалось продуктов. В памяти остался только хлеб. Рабочий получал 800 граммов хлеба в день, служащий — 600, пенсионеры и дети — 400. Это в городе. В сельской местности население должно было обеспечивать себя само, да еще много продуктов сдавать государству. Так жили мы, так жил наш

большой город. Нужно сказать, что мы ни разу не испытали налетов немецких самолетов, бомбардировок и т. д.

В мае 1945 года война закончилась. Вспоминаю день окончания войны: мама и я, 14-летний подросток в то время, пошли в какую-то столовую, покушали там на карточки, я впервые в жизни выпил бокал шампанского за Победу.

В 1947 году были отменены карточки. Помню витрины магазинов, где было выставлено большое количество банок с красной икрой и с крабами.

В 1946–1947 годах наша семья получила два извещения:

— мой отец пропал без вести в 1942 году;

— мой дядя героически погиб в г. Брауншвейге (Германия).

Мама получила какую-то сумму денег за погибшего мужа, купила костюмный материал и сшила мне первый костюм в жизни к выпускному вечеру в школе в 1949 году. Бабушке за погибшего была назначена пенсия в 50 рублей в месяц. Подошло время оканчивать школу. Первый послевоенный выпуск в нашей школе состоял всего из 13 человек. 2-й послевоенный выпуск, где я учился, — 18 человек. Подготовка в школе была очень хорошая и все 18 человек поступили в высшие учебные заведения.

Мы с моим другом выбрали Свердловский горный институт имени В. В. Вахрушева. Поступили на геологоразведочный факультет на специальность «геология и разведка месторождений полезных ископаемых».

Пять лет интересной учебы пролетели очень быстро. В июне 1954 года я защитил на отлично дипломный проект «О поисково-разведочных работах на алмазы в одном из районов Западного склона Уральских гор». После защиты был оставлен на работу в должности ассистента на кафедре общей и динамической геологии и гидрогеологии геологоразведочного факультета.

В это время я уже был женатым человеком, в августе 1954 года родился сын Михаил. До сих пор с большой благодарностью вспоминаю прекрасных профессоров, доцентов и преподавателей института.

Было трудно первое время: проводил практические занятия со студентами, и даже пришлось читать курс лекций «Общая геология».

Летом 1958 года мне поступило предложение поехать в Германскую Демократическую Республику для работы рудничным геологом на подземных работах по эксплуатационной разведке и добыче одного из редких металлов.

Выдержал довольно сложные разговоры с бабушкой, дедушкой и мамой: как можно ехать в страну, с которой воевали, и на этой войне погибли самые близкие люди! В сентябре 1958-го мы всей семьей приехали в Москву и через несколько дней на поезде «Москва — Берлин» отбыли к месту работы, в организацию «Советско-Германское Акционерное общество "Висмут"». Общество называлось «Висмут», а редкий металл, который нужно добывать, оказался ураном.

В сентябре же 1958 г. я, жена и четырехлетний сын вышли на перрон вокзала в г. Франкфурт-на-Одере. Первые впечатления: в туннеле встретился отряд юных тельмановцев с песнями и барабанным боем, а также ощущался какой-то специфический запах, как я потом узнал, — запах бурого угля. В этот же вечер мы приехали в Зигмар, пригород Карл-Маркс-Штадта. Жили на вилле по улице Пельцмюллештрассе.

Управление тогда находилось за зеленым забором прямо в Зигмаре.

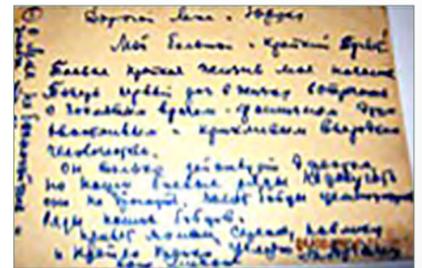
Через несколько дней из Генеральной дирекции, которая находилась также в Зигмаре, я был направлен на работу в маленький саксонский городок Ауэ. Получил назначение на Объект 9 старшим инженером-геологом на одну из новых шахт — шахту № 366.

В Ауэ находилось одно из крупнейших горнодобывающих предприятий СГАО «Висмут» (сокращенно — ГДП-9 Ауэ). И с того времени до выхода на пенсию в июле 1988 года вся моя трудовая деятельность, вся моя личная жизнь были связаны с городом Ауэ. В перерывах между тремя командировками я работал в проектных институтах города Свердловска.

На ГДП-9 Ауэ я начал работать сначала старшим инженером-геологом шахты, заместителем главного геолога предприятия, и с весны 1984 года — главным геологом предприятия.

Предприятие обрабатывало уникальное жильное месторождение урана Шнееберг-Шлема-Альберода. Оно было разведано до глубины 2 км, а последние очистные работы велись на горизонте — 1710 м.

На шахте № 366 тогда работало шесть советских специалистов — главный инженер, главный геолог, два старших инженера-геолога, главный геофизик и начальник ОТК. Главным геологом работал Владимир Николаевич Лало, киевлянин. Он был пере-

Учусь на геолога.

Общежитие в советском поселке в г. Ауэ.

веден с Объекта 6 (Цобес). Меня поразила его профессиональная подготовка и отличное знание немецкого языка. Я понял, что без знания языка не будет и успехов в работе. В течение 6 или 8 месяцев я успешно окончил курсы немецкого языка, привык к специфике работы геолога в условиях выполнения напряженного плана по добыче урановой руды и ведения разведочных горно-буровых работ.

Начальником шахты был Лео Риттель, тогда же я познакомился с Вернером Рихтером — первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут».

Планы шахта успешно выполняла, взаимоотношения с коллективом геологического отдела и с руководством шахты сложились хорошие.

Сразу же пришлось включиться в общественную работу коллектива, жена пела в хоре, я стал артистом драматического кружка. Также участвовал в спортивных соревнованиях на шахте с немецкими коллегами. И, конечно, ездил на экскурсии по достопримечательным местам ГДР в выходные дни, а также занимался рыбалкой и охотой.

В 1961 г. мне посчастливилось участвовать в первой экскурсии в соседнюю Чехо-словакию (Прага и Карловы Вары).

Вспоминается также 13 августа 1961 г. Наш коллектив должен был выехать на экскурсию в Берлин. Накануне экскурсия была отменена, и только утром 13 августа мы узнали причину: возведение защитной стены в Берлине.

Во время первых двух командировок я был переведен на работу в третий отдел Генеральной дирекции (геологический отдел). Там мне пришлось работать под руководством главных геологов СГАО «Висмут» — К. П. Лященко и Л. А. Данильянца. Работал я районным инженером-геологом, курировал ГДП-9 в Ауэ. Пришлось заниматься не только ураном, но и оловом.

Во время работы в СГАО «Висмут» мне довелось встречаться по работе с выпускниками Свердловского горного института: Б. К. Середой — главным инженером СГАО «Висмут»; Н. П. Костиным — начальником производственного отдела Генеральной дирекции, а затем секретарем парткома СГАО «Висмут»;

И. А. Лучиным — главным геофизиком Генеральной дирекции; В. В. Марченко —

главным геофизиком ЦГРП; В. В. Ивлиевым, В. М. Слукиным, Ю. С. Усолицевым, В. С. Волковым и мн. др. По моим грубым подсчетам, выпускников Свердловского горного института работало в СГАО «Висмут» порядка 100 специалистов.

В мою третью командировку (1981–1988) я работал главным геологом шахты, заместителем главного геолога, а с 1984-го по 1988 г. — главным геологом ГДП-9. Это был очень напряженный период работы как всего СГАО «Висмут», так и ГДП-9 в Ауэ. Горно-разведочные работы на основном месторождении велись на больших глубинах, продолжались добычные работы на месторождении Теллерхойзер. На месторождении Шлема-Альберода оценивалось рудопроявление серебряных руд. Составлялись бесчисленные варианты отработки урановых руд на последующий период. Также был проведен генеральный подсчет запасов по месторождению Шлема-Альберода. Главным геологом СГАО «Висмут» вначале был Ю. С. Данилов, а после его смерти — Е. И. Гусаков.

Вспоминаю, что в 1987 г. была проведена геологическая конференция по итогам работы ГДП-9 в Ауэ за большой период времени.

Очень плодотворным было сотрудничество со специалистами московских научно-исследовательских институтов, такими как Б. П. Власов, В. И. Величкин.

В результате, больше 18 лет я был связан по работе с уникальным месторождением урановых руд Шлема-Альберода. Считаю, что мне как геологу очень повезло в жизни работать на таком интересном месторождении с большим количеством советских и немецких специалистов.

Коллектив специалистов и рабочих был в некоторые годы расцвета очень большим. В первые годы работы предприятия все руководящие должности занимали советские специалисты, а к концу деятельности на многие должности приглашались немецкие сотрудники.

О производственной деятельности написано уже много в различных изданиях на немецком языке. За последние 3 года у нас в России вышли два издания книги «Уран и люди», одна книга «Уран для мира», с воспоминаниями советских специалистов.

Советские сотрудники и их немецкие коллеги работали в одном коллективе, решали одну задачу — добыть как можно больше урановой руды. Передавали друг другу свой опыт, обучали молодых сотрудников, получались самые настоящие дружеские отношения. Но не только на производстве, а также между советскими и немецкими семьями.

За время моей работы на ГДП-9 Ауэ с большой теплотой вспоминаю дружбу с семьями моих немецких коллег: Бойтнера Вернера, Майкснера Эриха, Линкерта Карл-Хайнца, Готсманна Иоахима. С 1986 года очень теплые отношения поддерживаются с семьей Гетца Готтхальда, заслуженного горняка ГДР, кавалера ордена Трудового Красного знамени и почетного знака «Шахтерская слава» 1-й степени. Встречаемся каждый год, в июле 2014 отпраздновали 80-летний юбилей моего друга.

В последние годы восстановились контакты с ветераном «Висмута» Хиллером Эрнестом.

У моей семьи были отличные отношения с семьей Вайса Гюнтера. Гюнтер — бывший почтовый служащий, тренировал мою внучку Дашу в большой теннис.

К сожалению, Гюнтера и Маргариты уже нет в живых. Во время работы я познакомился с большим количеством высококвалифицированных специалистов, с которыми пришлось вместе работать, а также с сотрудниками технической помощи, приезжавших из научных учреждений Советского Союза.

В заключение хочу сказать, что мне как специалисту-геологу очень повезло в жизни — работать на уникальном месторождении урана, выполняя задание руководства СССР по добыче урановых руд.

Довелось посетить достопримечательные места ГДР в таких городах, как Берлин, Потсдам, Дрезден, Веймар и многие другие.

И еще один вывод: люди, пережившие Вторую мировую войну, бывшие врагами, чьи отцы сражались друг против друга, могут прекрасно работать вместе и дружить!

Дополнение к воспоминаниям Ю. М. Горбачева

Прошло уже более 20 лет после моей последней командировки в ГДР, где я работал в советско-германском акционерном обществе «Висмут» более 18 лет. Я счастливый человек, счастливый геолог, которому довелось столько лет работать на уникальном, единственном в своем роде месторождении урана Шнегберг-Шлема-Альберода.

Как это было. 18 лет в СГАО «Висмут» (1958–1963; 1969–1975; 1981–1988)

Летом 1958 года я приехал с полевых работ в свой институт, там меня пригласили в деканат геологоразведочного факультета для встречи с московским представителем. После короткого знакомства он пригласил меня поехать на работу в подземных условиях, рудничным геологом для обеспечения добычи руд редких металлов в Германскую Демократическую Республику.

Я посоветовался с семьей и дал согласие. Заполнил анкеты, и через несколько месяцев в институт пришел вызов с указанием прибыть в Москву в начале сентября 1958 года. Через несколько дней мне выдали заграничные паспорта на всю семью (со мной была жена и 4-летний сын).

Вспоминаю теплый сентябрьский день, когда я впервые пересек границу СССР, проехал всю Польшу и в конце дня вышел на перрон железнодорожного вокзала в городе Франкфурт-на-Одере. В туннеле встретилась группа пионеров-тельмановцев, которые пели песню под барабанный бой. Запомнился также специфический запах, запах сгоревшего бурого угля.

На следующий день я был принят в 3-м отделе Генеральной Дирекции, находившейся в поселке Зигмар, пригороде Карл-Маркс-Штадта, и занимавшей целый квартал за зеленым забором.

Я получил направление на Объект № 9

города Ауэ на должность старшего инженера-геолога шахты № 366. Разместились в двух комнатах общежития, на первом этаже которого находились столовая и магазины промышленных и продуктовых товаров. Шахта в то время была на втором месте по добыче урана после шахты № 38. Работали также шахты №№ 66, 250 и 371, находившаяся на стадии подготовки к эксплуатации.

Начальником шахты был Риттель Лео. В это время советский коллектив был уже не такой большой, как раньше: главный инженер, геофизик, начальник отдела контроля выпускной продукции и 3 геолога.

Первые месяцы было довольно трудно: немецкий язык — в объеме средней школы; на таком сложном месторождении была своя специфика геологоразведочных, горнопроходческих и очистных работ, а также ведение геолого-геофизической документации.

Кроме того, был план и еще раз план по добыче урановой руды, который надо было ежедневно выполнять. Распределение уранового оруденения было крайне неравномерным в плоскости жилы. Большую помощь в первый период работы оказывал главный геолог Лало Владимир Николаевич, прекрасно знающий немецкий язык. И я думал: смогу ли я так же свободно владеть языком? Начал посещать языковые курсы и через полгода заговорил, участво-

Мое первое место работы — шахта 366.

Г. Ауэ, старая площадь.

И. А. Лучин (5-й слева) с руководителями Первого управления и научными работниками отделения специальных исследований ВИРГа, 1986 г.

вал в оперативных совещаниях и заседаниях. Меня хорошо встретили и немецкие сотрудники геологического отдела шахты — геологи Бойтнер Вернер и Майкснер Эрих, которые были квалифицированными специалистами с многолетним опытом работы на жильных месторождениях урана. Приходилось много работать с участковыми геологами, коллекторами, геофизиками, маркшейдерами при определении направления проходческих и очистных работ. На Объекте 9 на территории шахты 186 работала камеральная партия геологического отдела предприятия, в составе которой был прекрасный геологический музей с образцами горных пород и минералами жильных формаций, помогавший в непосредственной производственной работе.

В 1961 году я уже был главным геологом шахты. Неожиданно в августе того же года был переведен на работу в геологический отдел Генеральной дирекции на должность старшего районного инженера-геолога по жильным месторождениям Саксонии.

В это время я уже сносно говорил и писал на немецком языке. Даже выполнял поручение: один раз в неделю проводить в советском клубе перед киносеансом обзор прессы ГДР, с чем я довольно успешно справлялся.

Главным геологом СГАО «Висмут» в то время был Лященко К. П., а его заместите-

лем по немецкой линии — Файрер Карл, который закончил геологоразведочный факультет в Ленинграде и прекрасно говорил на русском языке.

Главным геофизиком СГАО «Висмут» был Игорь Александрович Лучин. В 1954 году мы оба закончили учебу, получили специальность горных инженеров — геофизика и геолога. И тут судьба нас разлучила. Игорь уехал на работу по распределению, а я остался на преподавательской работе в институте. В 1958 году я был направлен на работу в ГДР на предприятие, которое занималось подземной разработкой урановых руд. И тут я встречаю Игоря! Он уже 4 года работает в СГАО «Висмут», занимая руководящую должность.

Это была большая радость — встретить однокашника, который тут же поделился особенностями работы в ГДР. И. А. Лучин почти 30 лет работал в урановой промышленности. Главный геофизик Киргизского горнорудного комбината (1959–1972), главный геофизик СГАО «Висмут» (1972–1980), затем по 1983 год — снова на Киргизском комбинате. Вместе мы снова работали в ГДР в семидесятые годы.

В этому времени он уже стал кандидатом геолого-минералогических наук. И с 1983 года в г. Санкт-Петербурге был заведующим отделением специальных исследований и заместителем директора института «Рудгеофизика» им. А. А. Логачева.

Во время работы в СГАО «Висмут», а затем и в Петербурге занимался научно-исследовательской работой, результаты, которой он и его сотрудники активно внедряли в производство.

Разработал и внедрил ядерно-геофизические методы для повышения эффективности разведки, добычи и переработки нерадиоактивного сырья. Обосновал и предложил использовать изменение концентрации радона и других газов при прогнозе землетрясений, горных ударов и эндогенных пожаров. В этой области с группой специалистов было сделано научное открытие и ряд изобретений. И. А. Лучин награжден орденом и медалями СССР и ГДР, знаком «Шахтерской славы» II и III степени.

Мы встречались с Игорем в Москве, Петербурге, и всегда это были радостные встречи с воспоминаниями о работе, о людях, с которыми работали. Он всегда отличался большим стремлением помочь друзьям.

Во время работы в ГДР он прекрасно руководил коллективом советских и немецких геофизиков.

Главным геологом ГДП-9 Ауэ работал Токарев И. В.

Вспоминаю две очень интересные производственные экскурсии. Несколько советских геологов в сопровождении Карла Файрера познакомились с работой предприятия по добыче медных руд в г. Мансфельде. Очистные работы там велись по пологим залежам с высотой очистного пространства 55–60 см. До сих пор сохранился образец углистых сланцев с отпечатками древних рыб. По дороге обратно посетили памятник Фридриху Барбароссе Рыжебородому. Вторая экскурсия была по Тюрингии с посещением различных обнажений гранитов. Историю образования и состава различных гранитоидных рассказывал известный специалист — профессор Коптев-Дворников.

В апреле 1963 года закончилась моя первая командировка в ГДР.

Вернулся в Свердловск, где почти 6 лет работал главным специалистом — геологом в проектных организациях города.

В 1969 году был вызван снова в 8-е управление I-го главка министерства и началась моя вторая командировка в СГАО «Висмут». Как и в первый раз, был назначен главным геологом шахты ГДП-9 Ауэ.

На предприятии были упразднены производственные единицы добычных шахт. По вертикали рудного поля организованы горные районы. Горный район проводил работы на нескольких горизонтах, например горизонты –1035 и –1080 м относились к одному горному району, а –1125 и –1170 — к другому. Остались две эксплуатационные шахты — №№ 366 и 371. Работать стало

сложнее, так как оруденение было локализовано в крутопадающих жилах, которые, как правило, пересекали несколько горизонтов, а те часто относились к различным горным районам. Главным геологом ГДП 9 Ауэ работал в это время Непочатых В. П., прекрасно владеющий немецким языком и пользующийся большим авторитетом в коллективе предприятия. Он к этому времени защитил кандидатскую диссертацию по методике проведения подсчета запасов месторождения. Я начал работать на горном районе №1 (горизонты 1125, 1170, 1215). Еще одно изменение: высота эксплуатационного этажа изменилась, если раньше она была 30 м, то теперь — 45. Работать было уже легче, я хорошо знал методику проведения геологоразведочных, горнопроходческих и очистных работ. В работе обходился без переводчика.

В конце 1970 года снова был переведен в геологический отдел Генеральной дирекции на должность районного инженера-геолога. В это время начали готовиться к эксплуатации месторождение Хемерлайн-Телерхойзер, где кроме того проводились разведочные работы на рудопоявление олова. В предыдущие годы там была пройдена штольня длиной более 7 км, из которой две слепые шахты вскрывали урановое месторождение. Главным геологом «Висмута» в это время был Данильянц А. А.

Был очень сложный период в работе, когда вскрывалось новое урановое месторождение и разведывалось оловянное. Работал в тесном контакте с районным инженером производственного отдела (забыл его фамилию). Часто выезжали на месторождение в Ауэ. В 1974 году главным геологом Висмута стал В. К. Портнов.

В октябре 1975 года закончилась и вторая командировка. Возвратился в Свердловск на прежнюю работу, в проектный институт.

Должен отметить, что в коллективе советских специалистов проводилось в нерабочее время много общественных мероприятий, спортивные встречи по легкой атлетике, волейболу, шахматам, стрельбе, городкам, футболу. Работали кружки художественной самодеятельности. В выходные дни большой популярностью пользовались экскурсии по достопримечательным местам ГДР, выезды на охоту и рыбалку. Мы с женой и сыном встречались с семьями моих немецких коллег.

До сих пор с большой теплотой вспоминаю встречи с семьями Бойтнера Вернера,

Гетц Готтхольд, заслуженный горняк ГДР, работал бригадиром на шахте 371.

Минералы из музея на шахте 371.

Майкснера Эриха, Готсмана Йохима, Линкерта Карл-Хайнца. Некоторые из них уже нет в живых. В 1986 году в больнице г. Эрлабрун познакомился (лежал в одной палате) с Гетцем Готхольдом. Он работал в это время бригадиром очистной бригады на горизонте –1665 м шахты № 371. Это заслуженный горняк ГДР, награжден орденом Трудового Красного Знамени и знаком «Шахтерской славы» I степени (советские награды). Дружба с ним продолжается по настоящее время, мы встречаемся почти каждый год.

Третья командировка была наиболее длительной: с мая 1981 года по июль 1988 года. Вначале работал главным геологом шахты (горный район № 4), затем начальником геологического отдела предприятия, и с весны 1984 года — главным геологом ГДП-9 Ауэ. В это время горные районы располагались на шахтах 366 и 371, а также на Телерхойзере. На месторождении Шлема-Альберода разведочные и эксплуатационные работы велись уже практически

на глубине 2 км (горизонты 1620, 1665, 1710 м). Были подсчитаны запасы, но технология извлечения из-за высокого содержания мышьяка оказалась очень дорогой.

В это время из-за высокой стоимости урана были рассчитаны многочисленные варианты отработки запасов месторождения. Работой геологической службы «Висмута» руководил Данилов Ю. С., а после его смерти — Гусаков Е. И. В июле 1988 года закончилась моя последняя командировка, практически за два года до ликвидации СГАО «Висмут».

В течение 25 лет Генеральным директором предприятия работал С. Н. Волощук. Он пользовался большим авторитетом среди советских и немецких специалистов, а также в правительстве ГДР.

Интересные встречи произошли за последние два года. В 1958 году я работал на шахте 366 с инженером-горняком Хиллером Эрнстом (Hiller Ernst). В 1987 году на работу в отдел прибыл его сын Аксель, выпускник Московского геологоразведочного института. Впоследствии мы встречались с Акселем в 2010 году. Он занимался систематизацией геологической документации всех месторождений «Висмута» уже после закрытия пред-

приятия, там же был и геологический музей.

В 2011 и 2012 гг. я встречался с отцом Акселя — Эрнстом. Долго вспоминали 50–80 годы, людей, с которыми работали.

Во время первой командировки он помогал проводить уроки русского языка для немецких товарищей. В это время в Зигмаре существовал самостоятельный инструментальный оркестр, где я вел концеранс. Мы ездили с концертами на ближайшие немецкие предприятия.

Любимым местом прогулок в Ауэ была тропа, вдоль которой тек ручей Флоссграбен. Это искусственное сооружение было построено в XVI веке для сплава небольших полееньев из г. Чопау до Шлемы. Мы с женой часто гуляли вдоль ручья до Чопау, там находился небольшой ресторан, где мы иногда обедали.

В Ауэ около советского поселка на Флоссграбене находились два теннисных корта. Несколько раз нас навещали сын с внучкой Дашей (она занималась большим теннисом в Свердловске), там мы познакомились с владельцем кортов, Вайсом Гюнтером (Weiss Gunter). До пенсии он работал на почте. Он стал тренировать внучку во время ее пребывания в ГДР. Постепенно мы подружился с Гюнтером. Уже после окончания командировки, мы приезжали к нему в гости. К сожалению, в августе 2002 года Гюнтер скончался, не дожив до 80-летия несколько месяцев. Я и в настоящее время поддерживаю отношения с вдовой Гюнтера, а во время моих посещений Ауэ мои цветы всегда лежат на его могиле.

Памяти Юрия Михайловича Горбачева

18 июля мы получили из Екатеринбурга печальное известие о скоропостижной кончине Юрия Михайловича Горбачева, последовавшей сразу через несколько дней после заболевания коронавирусом. 16 июля 2021 года внезапная смерть оборвала жизнь прекрасного, светлого человека, сделавшего за свою жизнь много добрых дел, и память о нем останется в наших сердцах.

Совсем недавно, 24 марта 2021 года, мы поздравляли с 90-летием нашего друга и товарища, ветерана-висмутянина Юрия Михайловича Горбачева, отмечали 70-летие его славной трудовой деятельности, из которой 18 лет были отданы СГАО «Висмут» для разведки и отработки уникального уранового месторождения Нидершлема — Альберода на ведущем предприятии СГАО «Висмут» Объекте 9 Ауэ. Начав работать в 1958 году старшим инженером-геологом на рудниках № 366 и № 371, совершенствуя свои знания и опыт работы геологом, закончил свою деятельность в СГАО «Висмут» в 1988 году в должности главного геолога Объекта 9, когда геологические и горные работы велись уже на глубине 2 км при температуре горных пород 65 градусов Цельсия. Через два года, в 1990 г. СГАО «Висмут» прекратил свою деятельность.

Вернувшись на Родину в Екатеринбург, Юрий Михайлович работал в проектном институте, участвовал в организации репортажей с выставок на геологические темы «Минерал-Шоу», читал лекции по геологии, вызывавшие большой интерес публики. Принимал активное участие в организации и работе Общества «Висмутяне». Екатеринбургская киностудия «Мастер» сняла фильм «Свидетель эпохи», положив в его основу рассказ Юрия Михайловича о своем пребывании в ГДР, о его работе и жизни в Ауэ, он вспоминает друзей и коллег по работе в СГАО «Висмут». Друзей среди немецких коллег у него было много. Он переписывался с ними, приезжал к ним в гости. Он был многолетним почетным болельщиком футбольной команды «Висмут — Ауэ». Они в знак своей признательности присылали ему свои сувениры.

Он был полон планов и идей... Открыт для изучения и применения всего нового и современного. Добрый, умный, сердечный, отзывчивый и ценящий дружбу, служил опорой и был «маяком» для родных, друзей и коллег.

Светлая тебе память, дорогой Юрий Михайлович.

Друзья и товарищи, висмутяне.

Ю. М. Горбачев.

Юрий Михайлович дома, в Екатеринбурге, во время съемок фильма «Свидетель эпохи».

Вместе с немецкими коллегами мы участвовали в праздничных демонстрациях и митингах, Ауэ, 1969 г.

Елена Владимировна Демина

Елена Владимировна ДЕМИНА родилась 1 февраля 1932 года в г. Москве. Окончила в 1953 г. Московский архитектурно-строительный техникум. В «Висмуте» была с 1965 по 1971 г. по месту работы мужа Николая Владимировича Демина. Работала в НТЦ чертежницей.

Е. В. Демина.

Тетрадь воспоминаний ученицы класса пенсионеров, поклонницы школы геологов и горняков Деминой Елены Владимировны

Написать воспоминания о «Висмуте» и ГДР возникли у меня под впечатлением встречи висмутян, которая состоялась 22 ноября 2008 г. Организовала эту встречу инициативная группа во главе с Г. Г. Андреевым и Сашей Андреевым — сыном Александра Витальевича Андреева. Громадное им спасибо за это. Было очень здорово и интересно увидеться с людьми, с которыми жили и работали бок о бок, спустя почти 40 лет.

Свои воспоминания позволю себе начать со стихотворения, в котором я хотела выразить, как могла, суть общества СГАО «Висмут».

*Что такое «Висмут» — это дружба
Дружба и союз двух государств.
А в основе этой дружбы — тяжелейший труд,
Освоенье и добыча руд.
Что такое «Висмут» — это сила,
Сила, воля и талант людей.
Это сила напряжения работы мозга
И внедрение задуманных идей.
Что такое «Висмут» — это дружба,
Дружба поколений разных лет.
Пусть союз отцов, детей и внуков
Только крепнет,
А памяти предела просто нет.*

Что такое «Висмут» — это был яркий и незабываемый отрезок нашей жизни, когда мы были еще относительно молоды, полны энергии и жизненных сил. Представилась возможность увидеть Европу, увидеть другую жизнь и других людей. Все это стало возможным благодаря командировке наших мужей. Там они работали, отдавая свои силы и знания, получая опыт на практике.

Им было трудно, но в то же время интересно.

А мы, жены неработающие, занимались бытом. Мы с мужем приехали в «Висмут» в 1965 г. и жили в общежитии на окраине небольшого живописного городка Ауэ, расположенного на месте слияния пяти долин.

Утром первого дня своего пребывания я осталась одна на этаже (все ушли на работу). Выучив по разговорнику несколько фраз, пошла в магазин за продуктами и стала коряво объяснять, что мне надо. Продавщица-немка, улыбувшись, спросила меня по-русски, что я хочу купить. На этом мои трудности закончились. Вскоре по утрам я стала ходить на занятия по немецкому язы-

ку вместе с работающими. С удовольствием занималась. Кое-какие знания остались еще со школы, поэтому было легко.

Иногда по утрам я встречалась на общей кухне с немкой, уборщицей. Как-то умудрились объясняться, понимая друг друга. Она мне сказала, что ее муж погиб на русском фронте.

Вечерами все собирались на кухне после работы. Готовили еду, потом угощали друг друга.

На нашем этаже была мужская парикмахерская, и старичок-парикмахер, увидев меня, улыбался и произносил: «Guten morgen, meine liebe», — и посылал воздушный поцелуй.

Когда не было занятий, я ходила за грибами через дорогу от дома на холмы, покрытые лесом. Говорили, что это старые отвалы породы. И вот однажды в лесу я издали увидела немцев в военной форме и с овчарками. Точь-в-точь как в фильмах о войне. И я под этим впечатлением и в каком-то невероятном испуге понеслась во весь дух домой. Оказывается, это были полицейские, охранявшие рабочую зону Объекта.

С удовольствием занималась спортом. Два раза в неделю ходила на занятия по волейболу под руководством Васи Величкина (муж учился с ним в Московском цветмете, Величкин теперь — академик РАН). Выезжали на соревнования с другими коллективами.

Как-то вскоре после приезда немецкие коллеги устроили совместную экскурсию, сейчас уже не помню куда, а после заехали в гостиницу пообедать. Там был зал с кегельбаном. Решили поиграть. И я в первый раз в жизни сыграла, выбив все кегли сразу. Немцы были в восторге, а я горда и рада. Впоследствии у меня уже так не получалось. Иногда в какой-нибудь выходной коллеги устраивали экскурсии с завтраком, обедом и ужином.

Надо сказать, что русский коллектив в Ауэ был небольшой, но дружный. Меня однажды привлекли в самостоятельный танцевальный кружок. Разучили танец и приехали в Зигмар выступать на конкурсе. Первый раз на сцене, ноги как ватные, в зал смотреть страшно и волнительно. Такие у нас фестивали проводились часто. В Зигмар съезжались самодеятельные кол-

На выставке «Минерал-Шоу».

Юрий Михайлович дома, в Екатеринбурге.

В сквере, у центрального входа в Уральский государственный горный институт.

Стенд Юрия Михайловича на выставке «Минерал-Шоу». Осенью 2021 г. должна была открыться экспозиция «Рудные Горы» в новом минералогическом частном музее «Планета», которую Юрий Михайлович готовил вместе со своим другом В. И. Ермоленко. Очень хочется, чтобы эти планы осуществились в память о Юрии Михайловиче.

Женская команда по волейболу.

лективы со всех Объектов «Висмута». Это было очень интересно. Концерты продолжались почти до самого вечера. Успевали в перерывы сбегать перекусить и опять бежали в зал. Некоторые исполнители были по-настоящему талантливы, как например, Майя Евлюхина, которая прекрасно пела.

Посещала занятия по вязанию. Первый раз в жизни связала себе свитер, который и сейчас иногда надеваю. Все было очень здорово. Но через год мужа перевели работать в Зигмар. Для меня это был шок, и я очень болезненно это пережила. Уезжать из такого чудесного места до слез не хотелось. Уютный, живописный городок, горы, дружный коллектив, все как родные, но...

Я понимала, что в Зигмаре уже такого не будет. Много народа, большой коллектив, в котором многие знают друг друга только в лицо. Но постепенно привыкла и там. Дружили семьями в зависимости от мужей — кто с кем работал, так сказать, лабораториями. Эта жизнь и работа сплотили нас навсегда. Хочу перечислить несколько фа-

Коллектив отдела вентиляции Объекта 9. В центре — Гюнтер Дёпре и Иван Осипов, справа — Коля Демин и Гюнтер Шлотт (1966 г.).

милый наших замечательных друзей, с которыми мы дружили и дружим до сих пор. Это Жора Андреев, Алик Андреев, Вадим Мельниченко, Володя Шмонин, Анатолий Кретьнин, Леонид Подолько, Валентин Назаркин, Валерий Придорогин, Виталий Смирнов (к большому сожалению, некоторых из них уже нет с нами).

Отмечали вместе дни рождения и торжества. Большие праздники встречали в Советском клубе и приглашали немецких коллег. А какие праздники! — танцы, пляски, песни до утра. Меня всегда поражало то, что на каких-то совместных вечерах с коллегами за столиками вместе со служащими и руководством сидели уборщицы и другой обслуживающий персонал. Веселились все вместе, невзирая на ранги. Немцы — народ веселый, любит посмеяться и умеет это делать.

А праздник 8-го Марта! В клубе — выставки рукотворных работ женщин. Боже мой, чего только не было. На что способны руки наших женщин! Особенно отличались профессионально сшитые вещи моих подруг Ольги и Лины Андреевых. Платья, плащи и даже пальто. Кто-то делал цветы, которые не отличались от живых, пока не дотронешься. Вязаные кофты, свитера и многое другое.

Вспоминаю одну поездку за грибами в праздничный день. Это было еще в Ауэ. Ее организовал приехавший в командировку геолог — доктор технических наук. Вызвали машину, и, не поставив никого в известность, группа из 6 человек, в которую входили и я с мужем, уехала за грибами и заблудилась. Мы долго плутали по лесу и вышли к какому-то жилью уже в сумерках. Один из группы в совершенстве владел немецким языком, по телефону связался с нашим поселком и за нами прислали машину. Оказалось, что мы блуждали у самой границы с Чехией. Что было потом...

Было не до смеха. Нас ругали и стыдили, долго склоняли пофамильно в клубе, каждый раз перед началом кино. В конце концов все стали смеяться. Мы были готовы к худшему, но все обошлось и превратилось в забавную историю.

Наши поездки на экскурсии и за покупками сопровождалось пением наших любимых песен. Особенно отличались геологи. У них песни особые — походные и туристические, смешные и трагикомичные.

Конечно, мы скучали порой по дому. А чтобы мы, неработающие, не скучали, нас привлекали работать в женсовете, который занимался бытовыми и школьными делами.

А еще у нас был самодеятельный хор, в который нужно было ходить всем, и мужчинам в том числе. От каждой семьи должен был быть один человек. Мужская часть хора приходила на репетиции через буфет — на-

страивали голосовые связки. Был у нас такой Юра Богачев, который обладал отличным сильным и красивым голосом, но у него хромал слух. И он в веселом настроении всех сбивал, пел невпопад, чем развлекал народ. Смеялись до слез, а наш хормейстер приходил в отчаяние и долго не мог всех успокоить.

Акомпанировал нам на рояле немец (фамилию не помню) — уже немолодой и веселый человек, который днем убирал двор, мел метлой, подстригал кустарники, а уходил с работы красиво одетым, так что никогда не подумаешь, что этот человек работает дворником.

То же можно сказать и о женщинах. Идет себе в шляпке, в перчатках, опрятно одетая, с красивой прической — и не догадаться, что она уборщица.

Немцы уважают любой труд и умеют достойно держать себя, какую бы профессию не имели.

Наш хор из Зигмара на конкурсах занимал почетные места, мы получали грамоты.

Вспоминаю поездки зимой в выходные дни на горнолыжный курорт Обервизенталь, на гору Фихтельберг. Там я научилась кататься на горных лыжах. Первым учителем моим был не кто иной, как сам генеральный директор Семен Николаевич Волощук. Он же был основателем горнолыжного комплекса. Таким образом мы подружилось, и он всегда нас проводил с собой на подъемник. Это увлечение осталось у нас с мужем на всю жизнь. Через несколько лет после нашего возвращения в Союз мы приехали в Обервизенталь по приглашению. Семен Николаевич любезно предоставил нам возможность пожить в горном домике на склоне горы. Однажды после работы он сам приехал туда к нам, и мы чудесно катались вечером при свете прожекторов. В этот вечер были с нами и Жора с Олей (Андреевы).

Еще вспоминаю, как я работала два года чертежницей в лаборатории вентиляции у В. М. Мельниченко. Рабочий день начинался в 7 часов утра. В поселок приходили автобусы, и нас полусонных везли в Грюну, небольшую деревню недалеко от Зигмара. Дома стояли вдоль длинной улицы, и за домами сразу начинались зеленые поля, где паслись коровы.

Приходят немцы-коллеги, и начинается рабочий день. В коридорах слышится протяжное «Мо-о-рген». Идем завтракать — чашечка кофе, пара бутербродов из хрустящих булочек — бротшенов, а мужчины еще кое-что.

Я сидела рядом с немецким чертежником, который в свободные минуты занимался планированием летнего отдыха, выбирал маршруты поездок по интересным местам. Вообще я заметила, что немцы очень любят

путешествовать, жить на природе в палатках или бунгало. Но при этом ни внутри, ни вокруг таких палаточных городков не бывает мусора.

Обедали в столовой, где предлагали русское и немецкое меню. Немцы с удовольствием брали русские блюда, а мы — немецкие. В обеденное время обменивались приветствиями — «Mahlzeit». После обеда совершали прогулки по свежему воздуху и иногда опаздывали с перерыва — за нарушение дисциплины нам попадало от Мельниченко.

К сожалению, многое уже забылось, но никогда не забудутся шествия, посвященные Дню Победы. 8-го Мая — святое мероприятие возложения венков и цветов на могилы русских солдат на мемориальном кладбище. Для меня это мероприятие без слез не обходилось. Потрясающее впечатление — памятник Советским воинам в Берлине в Трептов-парке.

С удовольствием занималась спортом. Однажды на соревнованиях по слалому я упала. Кто-то переходил передо мной трассу, и, чтобы его не сбить, пришлось упасть. Повредила колено. В тот же день Слава Романов (а он — мастер спорта) тоже повредил ногу. Мы оба были освобождены от работы и ходили на процедуры. Слава продолжительное время ходил с палкой.

Один раз ездила в качестве помощницы пионервожатой в зимний лагерь на каникулы где-то в Тюрингии. Каждая

Праздник 8 Марта, 1967 г. Слева направо: Маша Герштбергер, Лена Демина, Ольга Андреева, в центре — Георгий Андреев, первый справа — Коля Демин.

Самодеятельный хор. Солируют Борис Оленев и Юра Чуриков.

В Трептов-парке. Николай Демин (слева), Георгий Андреев.

группа готовила какое-нибудь выступление к концерту. Мы приготовили номер на тему песни В. Высоцкого «Если друг оказался вдруг и не друг и не враг, а — так...». Поставили на сцене палатку, изобразили горы и пели эту песню, а с нами вместе пел весь зал. Было очень впечатляюще. В нашей группе были две девочки-сестренки Оля и Наташа Придородины. Теперь они уже давно взрослые, имеют своих детей и скоро будут бабушками.

Вспоминаю проводы семей в Союз в связи с отъездом в отпуск или с окончанием командировки. Сначала это застолье, а потом народ высыпал к автобусу, и на руках выносили отъезжающих. Прощания, слезы, смех, поцелуи и добрые напутствия.

Мы жили в Саксонии — это красивейшие места. Часто на праздники уезжали в Тюрингию или на север, в Росток, в дома отдыха. Были поездки на озера, жили в бунгало. Там я даже ловила рыбу и однажды неожиданно быстро поймала довольно крупную щуку. Сначала мне показалось, что крючок зацепился за водоросли. К счастью, это было не так, и меня ожидала удача.

У мужчин была своя интересная жизнь. После своей тяжелой и ответственной работы они в выходные дни успевали ездить на охоту и рыбалку.

Но это уже отдельная тема, весьма интересная и забавная. Это целые истории и рассказы, которые можно было слушать бесконечно. Мы их с удовольствием слушаем и сейчас.

Время шло, рождались дети, подрастали в детсадике те, которых привезли с собой родители. Это ныне уже женатые и замужние люди: Ирочка Мельниченко, Андрей и Ниночка Андреевы, Саша и Сережа Андреевы, Майя Подоляко, Виталий и Валерий Смирновы, Ира Берегова, Володя и Ира Булатовы, Саша и Витя Кретинины и многие другие. Большинство из них окончили МГРИ.

Все прошло, как сон. Мои воспоминания, наверное, далеко не полные. Другие женщины могут вспомнить что-нибудь другое, более важное и значимое. Много интересных могут вспомнить и написать мужчины о работе, если это не секрет, и всякие забавные истории.

Хотелось бы, чтобы молодое поколение тех, кто там учился в школе, и тех, кто там родился, продолжали крепить дружбу и традиции по примеру своих родителей и не теряли связь поколений.

Дай Бог нам еще не раз встречаться! На этом заканчиваю. Glück auf!

Охотники: Илья Берегов, Феликс Булатов, егерь, Костя Арутюнов, ?, Коля Дундуков, Боря Оленев, Паленов, Володя Шмонин.

Елена Демина с друзьями.

Борис Петрович Лашков

Борис Петрович ЛАШКОВ, 1937-го года рождения (Ленинград), выпускник Ленинградского горного института (геологоразведочный факультет, 1959 г.). Кандидат геолого-минералогических наук. Трижды находился в многолетних командировках, в том числе в СГАО «Висмут», занимаясь в основном геохимическими методами поиска урана. Скончался 4 ноября 2020 г.

В Центральном геологическом предприятии

В июне 1968 г. из ленинградского Всесоюзного научно-исследовательского института разведочной геофизики (ВИРГ) Министерства геологии я был откомандирован в Министерство среднего машиностроения, а оттуда в Центральное геологоразведочное предприятие Советско-Германского акционерного общества «Висмут» в ГДР. Там я получил направление в Саксонскую экспедицию в Ауэ. Главным геологом Саксонской экспедиции тогда был Валерий Иванович Ветров, а главным геофизиком — Геннадий Иванович Кузьмин, с которым мы вместе работали в ВИРГе. Его жена на первых порах помогала мне освоиться с непривычной обстановкой поселка советских специалистов. В Ауэ я познакомился и подружился со многими интересными людьми, и хотя начало работы не было очень простым, через некоторое время я вполне вписался в коллектив.

Во время частых работ экспедиции была направлена на только что разворачивающиеся поиски урана в области развития липаритовой формации в Эльбтальском линейном направлении. Основным идеологом этого направления был замечательный геолог и человек Борис Михайлович Сельцов. Конечно, мысль о возможности нахождения урановых месторождений в липаритах возникла не на пустом месте, а под впечатлением находок в Забайкалье и Казахстане. Уже первые рекогносцировочные работы в Северо-Западной Саксонии выявили перспективные радиометрические и геохимические аномалии в этой области и в частности в районе Вермсдорфа. Гамма-спектрометрические исследования в этом регионе были проведены ленинградским геофизиком, также из ВИРГа, Александром Николаевичем Болотниковым.

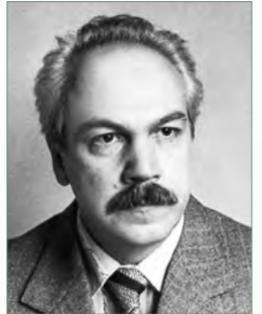
В результате перспективных начинаний была создана небольшая группа поисково-оценочных работ с буровыми станками на участке Вермсдорф. Около года наша группа — старший геолог Иван Степанович Казаков, я, немецкий коллега Эдгар Франц, немецкие коллекторы, — находясь в составе Саксонской экспедиции, работали вахтовым методом, то есть выезжали из Ауэ в понедельник и возвращались к концу недели обратно. Импровизированная камералка была поначалу в одном из помещений деревенской гостиницы

Zum Ochsen. Для ночлега же снимались у местных жителей комнаты, а первое время я жил в своего рода общежитии в старом охотничьем замке 1617–1625 гг. постройки и принадлежавшем с 1716 г. Августу Сильному. Комната находилась практически прямо под колоколами башенных часов, и ночью, просыпаясь от их боя, уставившись в высоченный потолок и приходя в себя, я постепенно осознавал, где же это я нахожусь. В общем, казалось бы, романтики много, но суровый быт был не столь романтичен — отопление скудное, холодный туалет находился двумя этажами ниже, и надо было еще брать ключ, лежащий отдельно, раковина с холодной водой находилась в общем коридоре, а старая соседка тщательно следила, чтобы никто не мылся под струей, а экономил бы воду, наполняя раковину с затычкой один раз на все мытье. Во дворе было что-то вроде конюшни, и лошадки часто паслись вокруг аккуратно расставленных керновых ящиков прямо около этого дерева.

Война затронула и этот тихий уголок. В этот двор в апреле 1944 г. нацисты, заметая следы своих преступлений, пригнали колонну пленных из концлагеря, которая была названа впоследствии Маршем смерти. Заключенные переночевали прямо под открытым небом, а наутро тех, кто не смог продолжить марш, конвоиры расстреляли. Местные жители похоронили их позже за стеной замка, там сейчас стоит памятник.

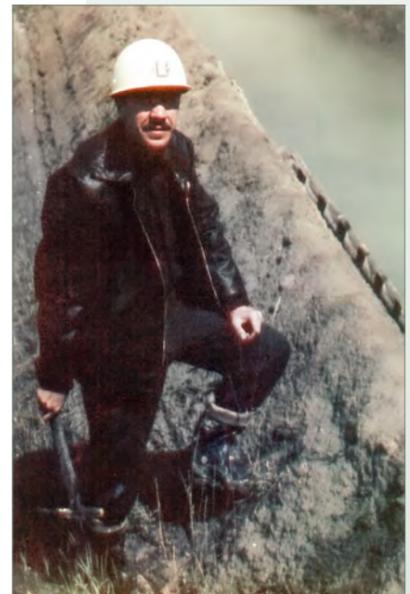
Как-то в один из первых своих приездов, когда я в этом дворе документировал керн, ко мне подошли двое мальчишек и спросили, что это я пишу. Я попытался было ответить, что записываю названия пород, на что они незамедлительно объявили: «Du sprichst ja so komisch!» — и пошли, весело прыгая на одной ножке. В настоящее время жилые квартиры в замке ликвидированы, и здесь расположена местная администрация.

О Вермсдорфе я могу писать бесконечно много не только потому, что провел там и в соседнем Ошаце много лет, но и потому, что это на самом деле исторически и в архи-

Б. П. Лашков.

На полевых работах в Саксонии.

Замок Хубертусбург.

тектурном отношении интереснейший поселок. Тот же Август Сильный, которому надоело жить в старом охотничьем замке (не думаю, что из-за вредной соседки), построил великолепнейший новый охотничий замок и ансамбль Хубертусбург. В крыльях этого ансамбля находились медицинские учреждения, с которыми у «Висмута» была договоренность по обслуживанию сотрудников нашего участка.

Обедать мы ходили чаще всего в ресторан Zum Ochsen, с которым «Висмут» заключил договор на обслуживание в обеденное время по специальным талонам. По преданию, его посетил Наполеон по пути в Лейпциг перед знаменитой Битвой народов 1813 г. На одной из деревянных колонн, на которую якобы опирался Наполеон, была прикреплена соответствующая табличка.

Поскольку с самого начала я оказался в полевых условиях в немецкой среде и без русских коллег, то пришлось усиленно осваивать язык. За 3–4 месяца интенсивного изучения я довольно сносно освоил разговорный немецкий методом сравнения с английским, которым владел более-менее прилично. Конечно, очень помогли также курсы немецкого языка, которые вел преподаватель Бем (Böhm). Он очень многое дал для понимания разговорной лексики и саксонского диалекта. И то, что я никогда ранее не изучал язык с русским преподавателем, и кроме «Хэнде хох» в детских играх в послеблокадном городе ничего не знал, помогло мне избежать русского акцента. Спрашивается, а почему же специалист, едущий за рубеж, не готовится заранее? Дело в том, что никогда не знаешь, чем закончится рассмотрение поданных на отъезд документов. Длится все это долго, и за повседневными делами и заботами начинаешь забывать о возможном отъезде. Поэтому свой первый урок немецкого языка, да и вообще знакомство с нормальным, а не пленным

немцем, каких в послевоенном Ленинграде даже на моей улице было много, я получил, уже сидя в купе поезда Москва — Берлин. Когда подошло время обеда, я по привычке нормального русского командированного достал большую палку салями, отрезал кусок, открыл русско-немецкий разговорник и произнес свою первую в жизни немецкую фразу: «Nehmen Sie, bitte, Wurst» На что мой визави ответил что-то вроде того, что он не против, после чего достал перочинный ножик и из моего куска нарезал еще серию пласточков. Ага! Вот она знаменитая немецкая аккуратность! Она действительно подтвердилась впоследствии в работе. Я считаю, что немецкие рабочие качества (аккуратность, исполнительность, настойчивость) и русские (активность, широта мышления, гибкость подходов) очень хорошо дополняют друг друга и могут быть основой для успешной деятельности любого предприятия.

Так как участок Вермсдорф был небольшим и новым, диспетчера не особенно раскошелялись на хорошие машины, и часто приходилось ездить на довольно изношенном транспорте. Однажды в стареньком микроавтобусе вырвался рычаг управления передачами и начал колотить нас с шофером по ногам. Он получил порядочно по ноге, тормоза машину, да и мне немного досталось, но в результате все обошлось. Правда, пришлось длительное время ожидать техпомощь. Позже мы пользовались новым микроавтобусом Barkas B1000.

Тем временем буровые работы разворачивались и принесли наконец первые ободряющие результаты. Последовала проходка глубокого шурфа с горизонтальными рассечками. Конечно, это было по висмутовским масштабам довольно скромное орудование, но основная идея поисков в вулканогенной формации подтверждалась. Решено было организовать самостоятельную Лейпцигскую геологоразведочную экспедицию (Betriebsabteilung Wermisdorf). Она была создана в 1971 г. с привлечением сотрудников бывшей Дрезденской (BA Dresden) и частично Саксонской (BA Schlema) экспедиций. Перед вновь создаваемой экспедицией ставились задачи тщательного исследования областей распространения липаритовой формации среднегерманской кристаллической зоны. В дальнейшем к этим направлениям были присоединены некоторые другие районы (Мейсенский массив, Гарц и др.). Несколько советских специалистов с семьями (в разное время от 3 до 6) и ряд немецких коллег переехали в Ошац, а в Вермсдорфе создали производственную базу.

Поиски урановых месторождений в Северо-Западной Саксонии представляли собой непростую задачу, поскольку коренные породы здесь перекрыты аллохтонными отложениями, и соответственно объект поисков и ореолы рассеяния находятся на глубине. В этих условиях большое значение приобретают геохимические методы поисков по целому комплексу сопутствующих элементов, чем я и занимался вплотную, как только был налажен массовый экспрессный спектральный анализ. Широкий круг анализируемых элементов позволил не только определить наиболее перспективные для последующей разведки на уран зоны, но и выявить ряд участков, перспективных на редкометалльное орудование.

В 1973 г. закончился мой первый срок пребывания в ГДР. За это время я не только участвовал в разведке Вермсдорфского рудопрооявления, но и написал отчеты по геохимическим поискам в большинстве районов Лейпцигской экспедиции. В Ошаце у нас родился сын, дочка уже заканчивала 5-й класс, и я возвращался в ВИРГ, обогащенный практическим опытом поисков и с расширенным семейством.

В конце 1975 г. я приехал в Центральное геологическое предприятие по линии технической помощи с целью внедрения изотопно-свинцового метода поисков и оценки урановых проявлений, который успешно развивался в ВИРГе благодаря экспрессному изотопно-свинцовому анализу, разработанному М.С. Каштаном. Собрал необходимый материал, в том числе образцы традиционных для Саксонии руд, отправил в Ленинград и, получив результаты анализов, написал отчет с рекомендациями по внедрению изотопно-свинцового метода в условиях ГДР.

Новый приезд в СГАО «Висмут» состоялся в ноябре 1977 г. и явился как бы непосредственным продолжением предыдущих работ в Лейпцигской экспедиции. Условия проживания и работы значительно улучшились, предприятие обзавелось всеми необходимыми атрибутами для налаженной работы. На базе даже появились ухоженные газоны и цветники. Для советских сотрудников и членов их семей (всего-то шесть-семь семей) арендовали пустующую виллу в Ошаце и обустроили уютное клубное помещение. В общем, «полевые условия» разительно отличались от привычных наших палаток и временных. Трудовой коллектив советских и немецких сотрудников сложился очень дружный, и поставленные задачи выполнялись в срок и качественно. Однако к концу 1980 г. стало ясно, что серьезных месторождений на участках деятельности Лейпцигской экспедиции ожидать не придется,

Борис Лашков, Стефан Кунце, Рольф Ланге, Герольф Знос, Франк Лангер на экскурсии в штольне «Доротея».

и экспедиция была ликвидирована в рамках программы рационализации производства. Я перешел на работу в ревизионную партию отдела перспективных исследований ЦГП и переехал в Зигмар. В это время советская часть отдела перспективных исследований была представлена в основном сотрудниками московских научно-исследовательских институтов. Сотрудником одного из московских НИИ был и руководитель отдела Павел Петрович Шиловский, погибший трагически по возвращении в Союз на полевых работах в Казахстане. В перспективном отделе приходилось заниматься разными направлениями исследований, появилась возможность участия в научных конференциях и публикации работ, хотя в силу специфики СГАО «Висмут» все они, к сожалению, имели закрытый характер.

Кроме отчетов по геохимическим поискам, я написал два отчета с результатами многолетнего применения изотопно-свинцового метода как для поисков, так и для уточнения пространственно-временных особенностей уранового орудования на юге ГДР. Интересные результаты были отражены и в отчете В. Д. Козырькова, Б. П. Лашкова «Минералогические особенности уранового орудования в зонах трещиноватости месторождения Кенигштайн».

К концу 1983 г. у меня накопилось достаточно материалов для кандидатской диссертации по использованию изотопно-свинцово-

Наши женщины на экскурсии в Лейпциге (крайняя справа — моя жена Ирина Розенцвит).

го метода поисков и оценки уранового оруденения на территории ГДР. С благожелательного согласия главного геолога ЦГП Валерия Ивановича Ветрова и одобрения главного геолога СГАО «Висмут» Юрия Сергеевича Данилова эти материалы были пересланы в ВИРГ. В 1984 г. я оформил эти материалы в виде кандидатской диссертации, которую и защитил успешно на ученом совете Всесоюзного геологического института (ВСЕГЕИ) в Ленинграде.

Конечно, было много спорта и охоты, художественной самодеятельности и бесконечное число экскурсий, которые я организовывал для всего коллектива, особенно для наших жен.

Станислав Петрович Левчик

С. П. Левчик.

Станислав Петрович ЛЕВЧИК родился 14 июня 1930 г. В 1954 г. окончил горный факультет Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина, затем аспирантуру АН СССР. Кандидат технических наук. В СГАО «Висмут» работал в НТЦ с 1975-го по 1981 г.

Еще до окончания школы я стал задумываться о выборе профессии. Вначале я хотел стать нейрохирургом и решил поступать в медицинский институт. Ходил на экскурсии в Дарвиновский музей, а также в Музей мозга, где я лицезрел экспонат № 1 — заспиртованный мозг В. И. Ленина в прозрачной банке. Но на следующий год я изменил свои намерения и решил попытаться попасть в ансамбль танца Игоря Моисеева...

В 1948 г. многие вузы Москвы стали приглашать будущих студентов на так называемые «дни открытых дверей». Я посетил некоторые из них, включая медицинский, но больше всего мне понравился Институт цветных металлов и золота им. М. И. Калинина. Под стать факультетам было оснащение институтских аудиторий и лабораторий, библиотека, геологический музей, литейка, химлаборатория, чертежка...

Одним словом, летом 1949 г. после окончания десятилетки я подал документы в МИЦМиЗ на горный факультет. Успешно сдал экзамены, и 1 сентября сидел на первой лекции в самой большой аудитории института — 212-й.

Следует сказать, что студенты горно-металлургических вузов имели ряд привилегий, в частности получали более высокую стипендию, чем студенты гуманитарных вузов. Так, у нас стипендия на первом курсе была 395 рублей, а в медицинском институте — 290 рублей в месяц.

Кроме того, что было весьма существенным, весной 1950 г. нам пошили новую форму — темно-синий френч из шевиота с эпо-

Не скрою, что работу в СГАО «Висмут» я до сих пор вспоминаю с огромным удовольствием как в личном плане, так и в связи с ощущением активного участия в важном, приносящем пользу нашему обществу деле. По существу это акционерное общество было одним из самых лучших примеров социалистического образа хозяйствования, да еще и на международном уровне. Оглядываясь назад с теперешних постсоветских позиций, стоит только пожалеть, что не все наше народное хозяйство относилось к числу таковых.

До сих пор храню многочисленные грамоты и особенно награды уже несуществующего предприятия «Висмут» и несуществующей страны ГДР.

летами, на которых был вензель МИЦМиЗ, и брюки из того же материала. За все это великолепие у нас в течение года удерживали небольшие деньги из стипендии.

В начале 1951 г. институтское начальство вдруг заинтересовалось нашим здоровьем, и мы стали проходить диспансеризацию в «закрытой» поликлинике Средмаша на Раушской набережной. Затем стали усиленно интересоваться нашими биографиями: нет ли у нас родственников за границей, не были ли мы на оккупированных территориях и тому подобными вопросами... В деканате нам как-то намекнули, что прошедших проверку студентов переведут на учебу в «закрытый» факультет на четвертом этаже. И действительно, в начале 3-го курса в 1952 г. после разделения нас, горняков, на «открытчиков» и «подземников», большую часть моих товарищей перевели «наверх», на кафедру Г. Н. Попова, где обучали разработке урановых руд (но это, естественно, были секретные сведения, и об этом не распространялись). Меня же вскоре спустили с небес на землю в прямом и переносном смысле. После нескольких дней занятий «наверху» я был вызван в спецотдел института, где мне сообщили, что мой отец репрессирован на Сахалине. И стали интересоваться, почему я им об этом не сообщаю... Напомню, что на дворе был 1952 г. (Ленинградское дело, дело врачей и другие подобные дела). Я тогда только что возвратился с производственной практики (с мая по октябрь) с Северного Урала, с Североуральских бокситовых рудников (СУБР).

Я работал горным мастером с июня до середины сентября 1952 г. с моим товарищем Николаем Деминим на III северном руднике, я «мастерил» на северном крыле, а он — на южном. По приезде в Москву мать сказала мне, что почти пять месяцев от отца нет писем, и он перестал присылать деньги (что раньше делал регулярно); на ее письма и телеграммы он не отвечал.

Тогда, в 1952-м, в 1-м отделе мне посоветовали обратиться за помощью к директору института Глеку. Он пообещал не отчислять меня из института, а лишь перевести в группу ГИ-49-3, где, как в Ноевом ковчеге, учились представители союзных и автономных республик и областей, включая Биробиджан, а также республик Румынии и Венгрии, два гражданина которых — Василе Дьердь и Золтан Чик — были моими соучениками. С последним из них я однажды встретился в горах Сванетии, на кавказском перевале Бечо в 1958 г.

Институт я окончил в июне 1954 г. По распределению меня направили в аспирантуру ИГД АН СССР (Институт горного дела Академии наук СССР), где после сдачи экзаменов я стал аспирантом лаборатории взрывных работ, которой командовал известный специалист в области взрывного дела Василий Андреевич Асонов. Он одновременно стал и моим научным руководителем.

В конце 1954 г. мои товарищи, которые учились на спецфакультете, окончили институт, и в 1955 г. часть из них была распределена на урановые рудники Германии, Чехословакии, Болгарии и Венгрии. А часть — в НИИ № 1119 на Каширском шоссе, к Нифонтову.

Так что 1955 г. стал для меня точкой отсчета, с которой я, как мои товарищи, должен был попасть на работу в «Висмут», в который я опоздал ровно на 20 лет.

Итак, в сентябре 1954 г. я сдал экзамены и поступил в аспирантуру ИГД АН СССР. Институт располагался тогда в роскошном особняке бывшего Общества инженеров и техников в Б. Харитоньевском переулке. Директором института был знаменитый академик А. А. Скочинский. Кстати в АН СССР было всего три «горных» академика: А. А. Скочинский, А. М. Терпигорьев и Л. Д. Шевяков (самый молодой из них — ему тогда было 70 лет). В первый же день моего зачисления в институт я пришел за стипендией (аспиранту платили тогда 900 рублей + 150 рублей «книжных»), и меня тут же нагрузили общественной работой — в комсомоле, а также назначили ученым секретарем каких-то комиссий. Но в лаборатории взрывных работ сказали, чтобы я в первую очередь ходил на лекции в институт фило-

софии АН СССР и на занятия по английскому языку, а также углубленно изучал литературу по спецпредмету, то есть готовился к сдаче кандидатского минимума. Надо сказать, что отношение к защите кандидатской степени у научных сотрудников в те времена было довольно легкомысленное. Считалось «нормой» участие в написании научного отчета за год — основы для диссертации, а главное — нужно было защититься на ученом совете института. Существовала даже шутка: «Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан!» Но буквально в ближайшие два года ВАК установил такие требования к защите на степень кандидата наук (публикации в печати, справки с предприятий о практическом использовании работы, защита в другом институте и т. п. и т. д.), что защитивших диссертации после трех лет пребывания в аспирантуре были единицы, да и то по математике и физике. Процент защитившихся аспирантов в положенный срок практически был нулевым. Но за 5–6 лет диссертацию можно было осилить. Это относилось и ко мне — я защитился через 6 лет, но тем не менее из нашего институтского выпуска горняков был первым!

В период учебы в аспирантуре и в первые годы работы в лаборатории в качестве м. н. с. (младшего научного сотрудника) в свободное время — в выходные, в отпуске — я занимался туризмом, потом альпинизмом, потом «заболел» горными лыжами. Исходил все Подмосковье с рюкзаком, зимой и летом. Затем поехал в горы, тем более по роду своей деятельности мне пришлось ездить на Урал, в Хибины, на Алтай, Тянь-Шань и, конечно же, на Кавказ. Был в альплагерях — Алибеке (Домбайская долина), Цейе, в Приэльбрусье (Иткол, Терскол, Азау). Работал в Тырны-Аузе на высокогорном молибденовом руднике (на высоте 3200 м). Взрывал лавины на Чегете, участвовал в проекте по образованию противоселевой плотины в Алма-Ате в урочище Медео направленным взрывом, где, кстати, катался на горных лыжах в альплагере Чимбулак. Однажды 10 дней жил в высокогорной хижине на Козьих озерах под горой Суллахат в Домбайской поляне, где вечерами Юра Визбор и Толя Копалин под гитару пели знаменитый вальс «Лыжи у печки стоят»...

Самое главное — там я познакомился со множеством интересных и талантливых людей. Побывал в разных передрагах. Часто ездил на Чегет, где мы жили в маленькой гостинице при кафе «Ай» («Луна»). Помните куплет из песни Визбора:

...Кафе «Луна» и чайники вокруг,
Слетают шляпы прямо в пропасть,
А горнолыжники приюта не найдут —
Опорожняют емкость!

Так что, естественно, жену я себе выбрал в альпинистской среде. Мы с ней почти одновременно проходили перевал Бечо в августе 1959 г. из долины Баксана в Сванетию.

*...А помнишь грозный перевал,
На том, где ты позабывал и маму
[...] и папу...*

Да, конечно, переход через «курунину грудку» (так назывался последний, самый крутой подъем по снежнику), где шли след в след на зеленый ледник в долину реки Юсенги, был незабываем. Пишу о самом дорогом, но жаль, что «телеграфным» языком. Просто нет времени на лирические отступления. С Нелей мы прожили более 40 лет. Последние годы она очень сильно болела и умерла после четвертого инфаркта.

Женившись на Аннеле Зеноновне Журбицкой (ее отец по пункту 5 был чистокровный поляк), я получил «в приданое» ее родственников: родную тетю, живущую в Варшаве, родную сестру Ирэну, которая вышла замуж за поляка — однокашника по институту и в 1959 г. уехала на постоянное место жительства в Польшу. И хотя на дворе была уже брежневская эпоха, но порядки были старые, и в анкете появился пункт «родственники за границей». Что значительно снижало вероятность моей работы (и это так и было на самом деле!) за рубежом.

После защиты диссертации я стал старшим научным сотрудником, заместителем заведующего лабораторией взрывных работ ИГД им. А. А. Скочинского⁷, в отделении разрушения горных пород, которое возглавлял доктор технических наук Э. О. Миндели. Это была колоритнейшая личность — мингрел, который по окончании шахтостроительного факультета в Тбилиси в начале 1930-х гг. был направлен в Москву на строительство метрополитена; сначала он работал сменным инженером, но после посещения шахты Кагановичем пошел в гору. Восстанавливал шахты Донбасса во время и после войны. Обладал хорошими организаторскими способностями, был заместителем министра угольной промышленности А. Ф. Засядько. В начале 1950-х гг. работал в Угольной академии и в институте ВУГИ. Был на хорошем счету у Сталина.

Описываю столь подробно личность Элизбара Миндели потому, что он сыграл не последнюю роль в моей карьере. И в частности, именно он — по партийной и по административной линии — не отпускал меня

на работу в ГДР. А запросы, как выяснилось впоследствии, — были!

Кстати, для тех, кто не знает о существовавшем в 1960–1970-х гг. порядке с переходом сотрудника на другую работу, «Юрьев день» наступал для работника только в том случае, когда разрешение для перехода на другую работу давал партком, то есть по сути дела — начальник.

Я, конечно, понимал, что он просто не хотел отпускать ценного работника. Тем более в это время я был редактором его книги «Разрушение горных пород взрывом». Маленьким штрихом к нашим отношениям может служить следующий диалог (я должен был поехать к нему в Тбилиси с корректурой его книги). Он спросил меня, каким транспортом я поеду в Тбилиси. Я ответил, что самолетом. А в это время случилось несколько авиакатастроф лайнеров, летевших в Тбилиси. Тогда он сказал: «Станислав, если ты разобьешься в самолете, я буду очень переживать! Но ведь ты полетишь с моей книгой! Очень прошу тебя — лети поездом!» В юморе ему было не отказать...

Это было в начале 70-х гг. прошлого века. Тогда волею судеб Элизбар, которому было под 70, уехал в Тбилиси директором Института горного дела Грузинской академии наук, «с прицелом» стать академиком (или, на худой конец, членкором). Хотя, как говорят злые языки, членкора дают тогда, когда ни то ни другое не работает («кор» — по-латыни «сердце»).

Элизбара сменил в отделении ИГД им. Скочинского Александр Балдин. Он и до командировки в ГДР работал в институте в отделе разработки месторождений. В «Висмуте» А. Балдин работал зам. генерального директора Общества. И когда в очередной раз в 1974 г. пришел запрос из Средмаша «по мою душу» относительно перевода на работу в ГДР, препятствий ни со стороны института, ни со стороны парткома, ни со стороны спецотдела уже не существовало.

Однако был ряд обстоятельств, которые ставили под вопрос целесообразность моей поездки в ГДР.

Во-первых, защита докторской диссертации. Стоит сказать, что за время моей научной деятельности я стал ведущим специалистом в области взрывных работ, в части применения новых ВВ, безопасности взрывных работ в угольных шахтах, опасных по газу и пыли, по вопросам применения гидрозабойки. Что касается последней, в этой области горной науки у меня были хорошие перспективы в плане защиты докторской диссертации: имелся ряд публикаций, были получены авторские свидетельства на новый вид гидрозабойки, в том числе патенты на нее в ведущих горнодобывающих организациях странах,

в Великобритании, Бельгии и ряде других. По этой теме у меня в соавторстве с Э. О. Миндели защитилось четыре аспиранта. А главное — я написал «кирпич», который необходимо было опробовать в лабораториях ведущих специалистов институтов Москвы, Ленинграда, Днепропетровска, Донбасса, Кузбасса и пр.

Во-вторых, жена была категорически против отъезда куда-либо из Москвы, ухода с интересной работы (она — ученый-агроном, работала по специальности в тресте «Мосзеленстрой» по озеленению Москвы). Сын учился в 8-м классе школы № 2 МГУ с физико-математическим уклоном (шел 1974 г.) и собирался поступать в МГУ на физфак. А меня предупредили, что жены в «Висмуте» не работают, а дети учатся в школе до 10 класса, а затем уезжают на Родину.

Но жизнь расставила все по местам... Перво-наперво я поехал докладывать свою работу в Ленинградский горный институт к своему давнему приятелю и единомышленнику, профессору, доктору технических наук А. Н. Ханукаеву. Но, к сожалению, он поставил мне условие: прежде чем он будет оппонировать мою защиту в ЛГИ, я должен повлиять на Э. О. Миндели, который якобы «тормозил» выпуск его (Ханукаева) книги!

Следующий визит я нанес профессору Днепропетровского горного института N, который тоже числился моим другом. Он посетовал на нехватку времени, но сказал, что если в московских горных кругах будет добро на мою работу, тогда он с удовольствием окажет мне помощь в этом деле!

В Москве я обратился к своему хорошему приятелю, доктору технических наук, профессору Московского горного института Борису Кутузову, с которым был знаком свыше 20 лет, со времени учебы в аспирантуре, и все это время поддерживал хорошие отношения. Однако и на этот раз «тень отца Гамлета» — Элизбара Миндели — сыграла со мной «злую шутку». Многие годы он (Миндели) возглавлял межведомственную комиссию по взрывному делу, а когда уезжал в Тбилиси, обещал Кутузову передать комиссию ему, но не выполнил своего обещания. Я же как «человек Миндели» вызывал у коллег по клану негативные эмоции. Рассказываю об этом, чтобы показать читателю изнанку советской науки. Боря даже сказал: «Почему ты не защитился до его отъезда?!»

Одним словом, в «докторский клан» меня не захотели «пускать»! Можно было, конечно, повоевать, пойти на компромиссы, но я был всем этим так обескуражен, так шокирован, что, как тов. Чацкий, сказал себе: «...Вон из Москвы... пойду искать по свету, где оскорбленному есть чувству уголок!»

Сломил сопротивление жены, сыну пообещал, что будет лучше, если мы уедем

за границу и т. д. и т. п. Одним словом, дал согласие поехать на работу в ГДР в общество «Висмут» или, как сказал однажды о нем наш знаменитый писатель М. Шолохов, — «Вермут».

В марте 1975 г. я впервые попал в здание Минсредмаша СССР — пригласили к В. П. Назаркину на собеседование. Надо сказать, что я уже в общих чертах знал об условиях работы в «Висмуте» от своих знакомых: Саша Балдина, моего старого знакомого и тогдашнего начальника; Виталия Хныкина, с которым вместе учился в 114-й школе; Леонида Подоляко, с которым вместе работали в ИГД им. Скочинского, и от других. Тем более я знал, что мне предстоит сменить заканчивающего срок пребывания в ГДР моего сослуживца Геннадия Черепанова, с которым вместе работали еще у Асонова в ИГД АН.

Валентин Павлович Назаркин был удовлетворен нашей беседой и дал добро на мое оформление в «Висмут». Мы с женой прошли медкомиссию, а я еще и побывал на собеседовании в ЦК КПСС на Новой площади. И... вечером 5 сентября 1975 г. я впервые пересек границу Польши и ГДР во Франкфурте-на-Одере!

Я поехал в ГДР сначала один, чтобы устроиться и подготовить все к приезду жены и сына. Они приехали через месяц.

По приезде в Зигмар (окраина Карл-Маркс-Штадта — Хемница) я получил трехкомнатную квартиру с обстановкой и всеми удобствами на Штерцельштрассе, д. 33 (на первом этаже). Меня определили на работу в НТЦ (Научно-технический центр) руководителем группы взрывных работ (по-немецки моя должность звучала почти как у Штирлица — группенлайтер, только с приставкой «форшунгс», то есть научный руководитель группы), в отдел горных работ, где начальником был Юрий Максимович Найденко, с которым мы дружим по сей день вот уже свыше 35 лет.

Управление отдела и входящих в него групп имело свои особенности — вплоть до Гендирекции. Это отвечало названию нашего предприятия — Советско-Германское акционерное общество «Висмут»⁸. Например, в то время генеральным директором СГАО «Висмут» был Семен Николаевич Волощук, а его заместителем по немецкой линии — Вернер Рихтер; директором НТЦ был немец Бернхард Конецки, а главным инженером НТЦ — Виталий Хныкин. Я был руководителем группы, а моим заместителем

⁸ Висмут — металл серебристого цвета с розовым оттенком, V группы Периодической таблицы Менделеева — ничем не примечательный элемент, имеющий крайне ограниченное промышленное применение. Скорее всего, свое название общество получило из соображений секретности — не называть же его прямо: «Уран»!

⁷ В 1957 г., после речи Хрущева, когда он посчитал, что в Москве слишком много горных институтов для Ленинских гор и океанологических — для Московского моря, ИГД АН СССР объединили со Всесоюзным угольным институтом (ВУГИ), назвали его ИГД им. академика А. А. Скочинского и отправили на периферию — в подмосковный город Люберцы, на ж/д станцию Панки.

Субботник 22 апреля 1978 г. Работа у дома № 33 по Штерцельштрассе.

лем — Карл-Хайнц Фаупель. Группа состояла из 8 человек — трое русских и пять немецких сотрудников. На каждом горном предприятии мы имели свои помещения.

В 1970-х — годах наивысшего развития «Висмута» — наблюдался бурный рост добычи урана, строительство крупных рудников Тюрингии (от Шмирхау до Дрозена) и Саксонии (Кенигштайн).

СГАО «Висмут» по сути дела было «государством в государстве». Оно имело ГДП (горнодобывающие предприятия), оснащенные новейшей техникой, выпускавшейся на собственных заводах, два крупных перерабатывающих предприятия с современным уровнем оборудования и техники. В состав «Висмута» входило свыше двух десятков промышленных предприятий, а также предприятий социальной инфраструктуры (магазины, больницы, клубы, спортивные сооружения, автопредприятия, санатории и дома отдыха, и др.). На предприятиях общества тогда трудилось порядка 150 000 человек, в том числе — около 3500 советских специалистов.

Как писал в те годы мой коллега по НТЦ Саша Артемов:

*...Были невзгоды; познали и взлет.
Опыт пришел, появилась и сила.
Сорок три года «Висмут» дает
Атом для дела защиты мира⁹.*

Между прочим могу заверить современных читателей (без всякого квасного патриотизма), что все советские специалисты, работавшие в разные годы в обществе «Висмут», трудились на совесть под этим лозунгом, «в поте лица своего»!

Первое время было чертовски трудно

⁹ Это удивительный подарок судьбы. В СССР в 1940-х гг. по сути дела не было ни одного промышленного месторождения урановых руд. Уран для Курчатова на первую атомную бомбу добывали буквально по грамму. И вдруг — открыли промышленные запасы урана в Саксонии!

из-за отсутствия языка. Я стал лихорадочно учить немецкий по собственной методе: решил, что каждый день должен выучить 10 слов (бытовку). Я записывал их на бумажке с одной стороны по-немецки, а с другой — их значение по-русски. Бумажку клал в верхний левый карман пиджака и, как только бывал «свободен», доставал бумажку и учил слова. Правда, для ускорения дела — без артиклей (так что потом я говорил по-немецки на манер «твоя-моя»!). Но тем не менее через месяц я спокойно ходил за покупками в магазин, а также мог общаться с коллегами на «висмут шпрахе». Этот разговор выглядел так: немец говорил на ломаном русском, а русский отвечал на ломаном немецком. Это был этикет, и все были довольны.

Первый месяц работы прошел в знакомстве с предприятиями, с людьми, с социальной инфраструктурой — я имею в виду магазины, сауну, спортзал, клуб... Одним словом — калейдоскоп. Но с приездом жены и сына все встало на свои места, и мы с трудом, но притирались к местным условиям и порядкам — то есть «к правилам игры». Полная же адаптация произошла значительно позднее, примерно через полгода.

Не буду утомлять читателя перечнем ограничений, многие из которых были вполне разумными. Скажу только, что каждый висмутянин и член семьи помимо работы должен был участвовать в общественной жизни. Наиболее популярным было участие в самодеятельности. В клубе работало множество кружков — хор, танцевальный, драматический, музыкальный и т. д. под руководством опытных преподавателей, в основном с «Ленинштрассе» (воинской части, которая базировалась в Карл-Маркс-Штадте на одноименной улице).

Второй «ипостась» были политзанятия — обязательно!!! Существовали также всевозможные университеты, в том числе и культуры, в который я тут же записался. Это означало, что раз в неделю группа из 15–20 человек после работы ездил на «Икарусе» в г. Дрезден, в знаменитую Дрезденскую галерею, где нам настоящий искусствовед на чистом русском языке объясняла особенности письма того или иного художника, в основном из старых мастеров. Это было великолепно!

В клубе был штатный директор — администратор-хозяйственник, но все вопросы творческого характера находились в руках совета клуба, что-то вроде «худсовета» в театре, но только это был выборный орган. Кандидатуру председателя совета клуба утверждали: генеральный директор, партком, профком и, конечно же, — режим.

И наконец, все работающие на предприятиях «Висмута» принимали участие

в субботниках, а также в социалистическом соревновании! Помню, как я был удивлен, когда в первый же день моего пребывания в «Висмуте» я попал на подведение итогов соцсоревнования между отделами НТЦ. Это происходило в Доме советско-германской дружбы. За столом, на котором стояли пиво и закуска, шла ожесточенная дискуссия между членами разных групп. На «полном серьезе» почтенные люди (я имею в виду коллегу) спорили — кто достоин занять первое место?! Когда вроде бы определились... вдруг поднялся один «партайгеноссе» и сказал, что эта группа не может быть первой, так как они нарушили режим секретности — оставили ключ в двери, когда уходили обедать! (Помните такой же эпизод со Штирлицем?) Тут все началось сначала, включая взаимные упреки. Я наблюдал эту картину с вытаращенными глазами — кстати, советским товарищам всю эту перепалку синхронно переводил переводчик. Наконец я не выдержал и спросил у Гены Черепанова: «У них что — крыша поехала?» Он философски ответил: «Смотри, что будет дальше...» Когда страсти улеглись, места были распределены — началось самое интересное. Откуда ни возьмись появился профсоюзный деятель с металлической коробкой, в которой были деньги. И он тут же стал выдавать хрустящие купюры участникам соцсоревнования, и причем деньги немалые! Тогда я понял — чем отличалась немецкая демократия от нашего развитого социализма.

Далее — участие в самодеятельности. Меня по сути дела уговорили вступить в драматический коллектив, так как моя «эрудиция» и «суетливость» понравились его руководителю. Мне дали главную роль в пьесе Алешина «Дипломат». Как я понял потом, это была самая трудная роль (много текста), и на нее не было желающих. В настоящих театрах — все наоборот.

Хочу поделиться еще одним наблюдением за жизнью висмутян. Дело в том, что материальное благополучие советских специалистов довольно существенно различалось. Новички, приехавшие из Союза, порой не могли себе позволить того, что их же товарищи, прожившие в ГДР пару лет. Вообще-то насыщение происходило примерно за год-полтора. При этом следует напомнить, что разница в зарплате рядовых висмутян и их начальников была незначительна! Вначале покупки состояли в основном из одежды и обуви, посуды и прочей мелочевки. А через несколько лет покупались мебель, автомобиль, шубы и прочие дорогие вещи. О еде я и не говорю — все было дешево. У нас на троих выходило марок 100–150 (без алкоголя). На работе нам давали талоны на обед практически бесплатно. Обеды — пальчики оближешь (русская кухня).

Еще нужно рассказать об особенностях висмутянского жития-бытия в свободное от работы время.

Во-первых, это частые поездки в двухдневные дома отдыха.

Во-вторых — многократные встречи с коллегами и их семьями, обычно это были выезды на экскурсии или в многочисленные гостиницы (деньги на эти мероприятия давал профсоюз, а также использовались деньги от полученных первых трех мест в соревнованиях). Программа таких встреч включала, как правило, застолье и различные спортивные мероприятия (кегли, шахматы и пр.).

В-третьих, это интереснейшие поездки. Экскурсии по красивейшим местам Германии (Штральзунд, Цинновитц, остров Рюген на Балтийском море), в Берлин (музеи и Дворец Республики), в Лейпциг на знаменитую выставку, в Дрезден — в крепость Кенигштайн, в Веймар к Гете и Шиллеру, в Обервизенталь — кататься на горных лыжах.

В-четвертых, это участие в спортивных соревнованиях и в смотрах художественной самодеятельности коллективов Зигмара, Геры, Ауэ, Пирны, Ошатца и др.

И наконец, все предприятия «Висмута» (ГД, ПП, НТЦ) по очереди принимали участие в подготовке к проведению «престольных» праздников (Новый год, 8 Марта, 1 Мая, 7 Ноября), которые проводились, например, в Зигмаре, в банкетном зале Советского

Субботник (на теннисном корте). Отчет Ильина о проделанной работе.

Ответственный за проведение субботника С. Левчик договаривается с немецким директором клуба Рудольфом Метчем насчет транспорта. Полицейский — для порядка.

На фото слева: Празднование 8 марта 1977 г. Банкетный зал Советского клуба. Организатор — НТЦ. Поют: С Левчик, В. Пащенко, З. Рябкина, Р. Твердовский. Баянист — Саша с Ленинстрассе.

Справа: Международный шахматный турнир. Мой немецкий соперник сделал ход e2 — e4.

клуба. Заранее готовилась программа, как правило, по тематике праздника, многочисленные игры, викторины, песни, пляски. Одним словом, все шло по накатанному сценарию, а талантливых людей на каждом предприятии было достаточно, и веселье лилось рекой!

О работе Советского клуба в Зигмаре я поведаю более подробно ниже. А сейчас — о спорте. Спорту в «Висмуте» уделялось особое внимание. Понятно, что это было связано с общим здоровьем советских специалистов и членов их семей. Но главное — в советских колониях Зигмара, Геры, Пирны, Ауэ были построены специальные спортивные сооружения. Вот в Зигмаре на Пельцмюлле был выстроен Дворец спорта с зимним бассейном, волейбольной площадкой и стадионом с футбольным полем.

В Советском клубе в Зигмаре имелся великолепный двухсветный спортзал, кегельбан, тир, а рядом было два прекрасных теннисных корта. Под спортзалом располагалась сауна с двумя бассейнами, душевыми и массажным кабинетом, где за 5 марок специалист делал такой массаж, что человек как будто заново рождался (нужно было только вовремя записаться в очередь). А после, скажем, волейбола или бадминтона, висутианин шел в сауну, где сначала прогревался, подвергался эвкалиптовой ингаляции, а затем нырял в холодный бассейн! А когда инфекция (если она была) снаружи тела пряталась вовнутрь, то в кантине (буфете) она тут же подвергалась воздействию соответствующей порции «Луникоффа» с закусью — сосисками «Хальберштадт» или сырым фаршем «Хакапета», что исчезало полностью! А человек после дополнительного приема лекарства в виде кружки «Вернесгрюнера» уходил домой здоровым и обновленным, и так — 3 раза... в неделю!!! А здоровый образ жизни соответственно способствовал и производительности труда, и творческому настроению!

А теперь вернусь в осень далекого 1975 г., когда я только что освоился со своими должностными обязанностями, как вдруг... Это случилось в середине ноября 1975 г. Однажды в три часа ночи меня разбудил телефонный звонок — звонил главный инженер Общества Леонид Михайлович Тормышев. Он сказал, чтобы я оделся — через пять минут он подъедет на машине к моему подъезду, и мы поедем на рудник Шмирхау, где произошел взрыв и в забое погибли три человека! Через 45 минут мы уже опускались в шахту... Картина в забое была ужасная: часть заряженного забоя была взорвана, на породе лежали убитые — два взрывника и подносчик ВВ. Из невзорвавшихся шпуров (скважин) свисали концевки электродетонаторов. После осмотра Тормышев спросил меня: «Что здесь произошло?» Я ответил, что однозначно сказать трудно, надо осмотреть прилегающие выработки... Но я был почти убежден, что причина — в блуждающих токах (токах утечки).

Когда мы оказались в кабинете главного штейгера, выяснилось, что немецкая сторона уже подготовила заключение по несчастному случаю, в котором обвинили самих взрывников. По мнению немецких специалистов, взрывники нарушили правила техники безопасности, сильно дернув за концевки электродетонаторов при зарядке, в результате чего и произошел преждевременный взрыв. Немецкие руководители рудника, представители Фрайбергской горной академии, также приглашенные на расследование этого несчастного случая, и все участники этого расследования, включая и советского специалиста (то есть меня) должны были просто подписать этот акт, и дело с концом! Но я через переводчика объяснил коллегам, что причина взрыва заключается в блуждающих токах, а не в механическом воздействии на провода электродетонаторов! В забое были признаки взрыва двух шпуров. Немецкие коллеги

возразили мне, что у взрывников был прибор, определяющий наличие блуждающих токов в забое, а взрыв других зарядов, по их мнению, произошел посредством передачи детонации от взрыва первого заряда. Я с ними не согласился, потому что по определению термин «блуждающие токи» предполагает, что в данный момент они присутствуют, а через секунду — их нет, а для подрыва электродетонатора достаточно 0,18 секунды. Во-вторых, передача детонации через породу на расстоянии 30 см просто невозможна (и это я могу тут же продемонстрировать опытным путем).

Одним словом, я отказался подписать этот акт, чем вызвал недовольство не только немецких товарищей, но и главного инженера Общества... Забегая вперед, отмечу, что, оказывается, на рудниках «Висмута» по данным отдела безопасности ГД при взрывных работах погибало до четырех человек в год, и что мои предшественники подписывали подобные акты, которые снимали ответственность с руководителей и обрекали семьи погибших горняков на голодное существование, так как пенсия им по потере кормильца не выплачивалась!

Ситуация возникла неприятная. Леонид Михайлович сказал, что если я не докажу свою правоту, со мной расстанутся!!! Я объяснил ему, что на шахтах и рудниках Союза каждый взрывник после получения электродетонаторов обязательно (!) «закорачивал» их, то есть создавал замкнутый контур, и никакие токи не могли проникнуть в электродетонатор — поэтому такой проблемы у нас на родине практически не существует! На рудниках же «Висмута» применяют электродетонаторы чехословацкого производства, в которых концевки обрезаны заподлицо, их нельзя закрутить после получения со склада. Что же касается доказательств моей правоты, то я попросил Л. М. Тормышева дать мне три месяца срока для проведения соответствующей научной работы. После чего руководству будет видно — как со мной поступать. Он согласился с моими доводами и даже обещал помочь!

В этот же день я раздобыл двенадцатишлейфный осциллограф. Мобилизовал работников своей группы Ганса Мюллера и Эдвина Кальфуса, проинструктировал их и своего зама Карла-Хайнца Фаупеля, что нам нужно делать. Договорился с руководителем рудника Шмирхау о проведении опытов в том же забое, где произошел преждевременный взрыв. И мы приступили к работе. Методика, разработанная мной, была простой, как «мычание». В 12 шпуров, оставшихся в забое, мы поместили буровые штанги, от которых шли провода к осциллографу, работающему в автоматическом режиме круглосуточно! Необходимо было только менять рулоны с лентой,

на которой шла запись в координатах «текущее время — сила тока в миллиамперах».

В то же время я исследовал породы этого забоя на электропроводимость. Это были углистые сланцы, включавшие пластины минералов, острых как бритва. Было установлено, что влажные углистые сланцы имеют незначительное электрическое сопротивление и отлично проводят ток. Кроме того, если протаскивать по шпuru, пробуренному в этих породах, патрон «Боевик», снаряженный электродетонатором, то с него в 70 % случаев снимается виниловая изоляция.

Наступили дни томительного ожидания... В это время я приехал во Фрайберг к своим конкурентам, которые моделировали свою версию преждевременного взрыва путем сбрасывания груза на концевки электродетонатора, зажатого в тисках. Они проделали тысячи опытов, но ни разу не зафиксировали взрыва детонатора!

И наконец... в начале февраля 1976 г. (через 2,5 месяца после того случая) меня пригласили к телефону — звонил Ханс Мюллер: «Станислав, мы победили!» Когда он привез рулончик ленты, на нем отчетливо были видны два пика с интервалом 2–3 секунды, амплитуда которых более чем в три раза превышала минимально допустимый ток для электродетонатора!

Все встало на свои места. Через неделю я нашел-таки источник этих токов — старый осевой вентилятор для частичного проветривания, который включали раз в 2–3 месяца для проветривания, расположенный на расстоянии 60–70 м по прямой от злополучного забоя.

А вскоре состоялась «дирекция» — собрание в Генеральной дирекции, которое вел непосредственно генеральный директор «Висмута» Семен Николаевич Волошук. Помимо других вопросов был заслушан доклад начальника отдела технической безопасности Генеральной дирекции Р. Мильде, который он начал с извинений в мой адрес. «Генерал» был доволен. Конечно, я не ожидал со стороны немцев такого благожелательства, но жизнь — сложная штука, она все расставляет на свои места...

Когда меня официально спросили, что теперь делать, — я предложил срочно заставить взрывников закорачивать концевки электродетонаторов, что и было принято¹⁰. Больше на рудниках преждевременных взрывов не было. Тут же меня по немецкой стороне наградили почетным знаком «Мастер труда» в золоте. Но более всего я был доволен отношением к себе со стороны немецких коллег, особенно горняков.

¹⁰ Немецкие умельцы мигом создали машинку для закручивания концевиков электродетонаторов.

Заседание смешанной советско-немецкой комиссии по культуре СГАО «Висмут» (март 1978 г.). За столом слева: Гюнтер Пальме (председатель), Николай Морозов; справа: Станислав Левчик, Николай Грановский (переводчик), Рольф Дюзюдау, Ханс Шааршмидт, Хильда (FDJ) и др.

Однажды, будучи на руднике «Вилли Агатц» под Дрезденом, мне нужно было позвонить в НТЦ. Я зашел в первый попавшийся кабинет и попросил у присутствующих разрешения позвонить по телефону. Когда я набирал номер, я услышал, как кто-то спрашивает: «Кто это такой?» И услышал ответ: «О, это геноссе Левчик, гроссе шпециалист!» Причем никого из этих людей я раньше не знал. Было приятно...

Работа в НТЦ мне нравилась — в отличие от Союза, здесь поощрялась творческая деятельность на деле, а не на словах... Практически от возникновения идеи до воплощения ее в «металл» проходило всего 2–3 месяца!

Моей группе приходилось порой решать весьма сложные задачи — от внедрения новых ВВ (динамонов) до отработки взрывными работами руды в горячих забоях, где за счет самовозгорания порода раскалялась, температура была 700–800 градусов Цельсия; от новых схем проходки штольни с помощью взрывных работ вблизи от постоянного склада ВВ до упрочнения буровых коронок в жидком азоте. При этом за оригинальность этих решений на многие из них нами были получены авторские свидетельства на изобретения. А моя творческая деятельность в 1980 г. завершилась присвоением мне почетного звания «Лучший изобретатель «Висмута»» с выдачей соответствующего диплома.

Удачно складывалась и моя общественная деятельность. На смотре весной 1976 г.

за исполнение главной роли в пьесе Алешина «Дипломат» я получил диплом первой степени с особой отметкой. А в том же 1976 г. меня выбрали председателем совета клуба (что-то вроде комиссара). Я, конечно, не мог себе представить, какой груз забот на меня свалился! Необходимо было наладить бесперебойную работу клуба, заключающуюся главным образом в синхронной работе кружков художественной самодеятельности (хора, танцевального, вокального, драматического и других коллективов), ибо подготовка (репетиции) к ежегодным выступлениям на смотрах художественных коллективов советских специалистов «Висмута» и членов их семей велась в клубе практически ежедневно!

Много времени занимали репетиции гала-концертов. Смотри — это отчет любого коллектива за год, а в условиях нашей специфики за год практически прекращали работу по истечению срока пребывания много специалистов, а главное — членов их семей, точнее жен, так как хор в основном состоял из женщин, как и танцевальный и другие коллективы. Вновь прибывших необходимо было учить! В мою работу в клубе входило практически все, и за все я был в ответе, а спрашивали с меня по полной программе.

Приведу небольшой пример: однажды в партком на меня пожаловался женсовет — за демонстрацию в клубе «аморальных» фильмов (в мои обязанности входил предварительный просмотр картин, прежде чем их показывали на публике). Поводом

Председатель совета клуба С. Левчик от имени зрителей благодарит Людмилу Зыкину и ансамбль «Россия» за незабываемый концерт.

После концерта Эдуард Хиль раздает автографы Автограф Э. Хилья.

Автограф Э. Хилья.

Поэт молодой Иосиф Кобзон.

На экскурсии в Берлине. Слева направо: Н. Аносова, А. Левчик, Ю. М. Аносов, Н. и В. Савицкие.

Встреча висмутян Зигмара с А. Пахмутовой и Н. Добронравовым.

Совместное заседание партийно-профсоюзных активистов СГАО «Висмут» по подведению итогов смотра творческих коллективов художественной самодеятельности, апрель 1979 г.

Сидят (справа налево): С. Левчик, Н. Морозов, Готтхард Бретшнайдер, Н. Попов, К. Арутюнов, Н. Аносова и представители творческих коллективов Зигмара, Геры, Ауэ, Пирны, Ошатца и Цвиккау.

На фото справа: Вручение грамоты немецкого профсоюза СГАО «Висмут» коллективу художественной самодеятельности Ауэ.

Вручение грамоты немецкого профсоюза СГАО «Висмут» творческому коллективу Зигмара. Слева направо: С. Левчик, Н. Аносова, Готтхард Бретшнайдер.

для жалобы послужил фильм знаменитого Феллини «Амаркорд». Сначала я подумал, что это шутки. Однако мне позвонил тогда наш секретарь парткома «Висмута» Г. Лисовский и на полном серьезе пригласил меня «на ковер». Пришлось в срочном порядке просмотреть центральные газеты — «Правду», «Известия», «Комсомолку», «Советскую культуру». Прослушав все обвинения в свой адрес, я в своем выступлении рассыпал кучу цитат в защиту великого итальянского режиссера Феллини и его шедевра — ленты «Амаркорд», назвав жалобщиков невежественными людьми, которые за формой не видят содержания. В результате никакого выговора я не получил, а партком поддержал мое предложение и дал поручение следить за репертуаром фильмов женсовету и персонально Ирине Зенковой, жене сотрудника режима в Зигмаре (как говорится в немецкой поговорке, «фрау с возу — пферду легче!»).

Помимо работы в клубе, меня включили также в состав смешанной советско-германской комиссии по культуре СГАО «Висмут», которой руководил Гюнтер Пальме (главный финансист Общества). Комиссия заседала один раз в квартал и рассматривала всевозможные вопросы культурной жизни, от финансирования мероприятий до вопросов идейного и патриотического воспитания. Особую помощь комиссия оказывала по развитию и поощрению художественной самодеятельности творческих коллективов Объектов «Висмута». Коллективы клуба Зигмара, как правило, получали возмож-

ность выезжать на отдых в Берлин, Цинновиц, Бад-Шандау и др. на выходные дни с семьями. Немецкий профсоюз по рекомендации комиссии обеспечивал эти поездки средствами.

В мои обязанности входила также организация концертов тех артистов, которые приезжали на гастроли в ГДР по приглашению военных или других организаций. Как только сообщали из Берлина, что в ГДР прибыл тот или иной музыкальный коллектив или известный певец, я тут же садился в «Волгу» и ехал в Берлин, в Геру или другой город, где они находились, встречался с ними и договаривался насчет концерта в нашем клубе в Зигмаре. Благодаря такой инициативности мне удалось побаловать висмутян-зигмарян выступлениями, например, солистов Большого театра СССР Рейзена, Райкова, Ворошило, театра «Современник» Олега Табакова и др., ансамбля скрипачей под управлением Юлия Реентовича, Пахмутовой и Добронравова, Кобзона, Зыкиной, Хиля и др. Эти поездки, конечно же, разрешались «высоким начальством», в том числе режимом.

Выступления художественной самодеятельности Зигмара были настолько популярны в ГДР, что нас несколько раз приглашали выступать в посольстве СССР в Берлине, а также в воинских частях. Что мы с удовольствием делали с неизменным успехом!

Надо сказать, что Москва направляла на работу в «Висмут» не просто классных специалистов, но, как правило, это были интеллигентные люди, каждый из которых был по-своему талантлив. Поэтому, чтобы никого не обидеть, я не буду перечислять наших знаменитостей, тем более что АО «Висмут» просуществовало более 40 лет, а я могу охватить взглядом лишь 1/8 часть этого времени. Но по свидетельству «рецидивистов», то есть специалистов, побывавших в «Висмуте» два и более раз (а были и такие!), то, что я описываю, существовало и в первый их приезд!

Заканчивая рассказ «о своих подвигах» на общественном фронте, могу лишь сообщить, что немецкая сторона наградила меня медалью за развитие культуры и булавкой Общества советско-германской дружбы в золоте, а советская сторона — почетным знаком ВЦСПС за развитие самодеятельного искусства. Вообще описывать полностью все аспекты работы Советского клуба просто невозможно. Ну, как например, в двух словах описать встречу зигмарян с Юттой Мюллер — тренером и мамой олимпийской чемпионки по фигурному катанию Габи Зайферт... Скажу только, что в течение нескольких лет я после основной работы, наскоро перекусив, бежал на вторую работу — в клуб, откуда приходил домой порой в двенадцатом часу ночи.

Летом, когда наступали каникулы в школе, женская половина с детьми, как правило, уезжала в Союз, ожидая там мужей, приехавших в отпуск. Так что с июня по сентябрь увеличивалось число посетитель клубной кантины, а на субботу и воскресенье мужики старались уехать в дом отдыха или на какую-нибудь экскурсию по городам и весям ГДР. В этот период я испытывал облегчение, так как до сентября в общественной работе был простой!

Зимой почти каждую неделю я с женой и сыном уезжал в Обервизенталь кататься на горных лыжах! Это райское место находится на границе с Чехословакией, в 18 км от Карлсбада. Гора Фихтельберг («еловая гора»), на которой мы катались, была прямо напротив горы Кленовой на чешской стороне. На вершину горы нас поднимала кабина подъемника, вмещавшая порядка 30 горнолыжников: очереди были приличные — народ ехал даже из Берлина на машинах, автобусах и по «игрушечной» железной дороге.

В Обервизентале было несколько санаториев, в том числе и висмутовский «Активист» с зимним бассейном, множество «кафешек»-прилавок, где можно было перекусить и выпить горячий грог, ароматный глинтвейн или чашку кофе.

Мы находились на горе с 10:00 до 15:00. Наши спортивные функционеры умудрялись даже проводить соревнования по слалому и скоростному спуску, в которых охотно принимал участие наш генеральный директор Семен Николаевич Волощук. Будучи в весьма почтенном возрасте (тогда ему было под 70), Семен Николаевич лихо мчался на своих «Фишерах» сквозь ворота трассы слалома!

Вот на этих трассах я познакомился с гендиректором в неофициальной обстановке. К тому же мне однажды пришлось обратиться к нему по личному вопросу. Дело в том, что я получил письмо от своих друзей и аспирантов из Тбилиси, в котором

они просили меня организовать адрес из «Висмута» с поздравлением Элизбара Миндели с 70-летием. Совершенно неожиданно для меня Семен Николаевич не только согласился подписать такой адрес, но и рассказал мне, почему он это делает. Оказывается, у С. Н. Волощука был друг по фамилии Панов, с которым они вместе учились в Днепропетровском горно-металлургическом институте в начале 1930-х гг. По окончании института Панов работал на шахтах в подмосковном угольном бассейне. По доносу его арестовали и уехали в лагеря как «вредителя» (был и такой термин в горном деле). А Элизбар тогда был замминистра угольной промышленности, и говорили, что он был вхож к самому Берии (жена Миндели была его родственницей). Тем не менее после общения Волощука с Миндели Панова освободили! Я знал этого человека — он в 1950-х гг. работал у нас в ИГД им. Скопинского заведующим отделом. Мир тесен! Семен Николаевич тут же пригласил своего референта, и вопрос с адресом был решен!

С тех пор я часто общался с С. Н. Волощуком не только в рабочей обстановке, а даже выполнял его личные поручения. Например, сопровождал его гостей (бывших висмутян) на шахты в Аннаберг, Буххольц или в Ауэ. Для поездок он давал свою «Татру», а сам развезал до Зигмара за рулем «Волги». Когда я бывал в Москве (в отпуске или в командировке), он иногда просил меня зайти к нему в квартиру на Фрунзенской набережной и взять что-то или передать. Иногда, отдыхая в «Активисте», он звонил и присылал за мной машину, мы беседовали или играли в шахматы. Я не сказал бы, что плохо играю в шахматы, но чаще всего он меня обыгрывал!

Пишу это для того, чтобы показать — каким он был человеком. А Семен Николаевич действительно был незаурядной личностью. Сам он говорил, что в отличие от других руководителей, любит окружать себя умными работниками, а не сверткать в окружении дураков. И действительно — это было его кредо. У него была прекрасная семья — Мария Николаевна души в нем не чаяла и была под стать мужу по части активности. Мать троих детей, она вечно что-то рисовала, вязала, шила и участвовала во многих конкурсах, которые проводились

Мы с сыном Андреем во время отдыха в Обервизентале. Слева — зимний бассейн дома отдыха «Активист». Малолудно — будний день. Март 1980 г.

Берлин, Унтер-ден-Линден, 24. 16 мая 1980 г. Обстановка в зале после вручения правительственных наград работникам СГАО «Висмут». Справа от меня — председатель профкома Павел Иванович Мариничев. Первый справа — мой однокашник Михаил Климов.

в нашем клубе. Семен Николаевич очень любил спорт: летом — теннис, зимой — горные лыжи; насчет охоты или рыбалки, по-моему, замечен не был. Руководитель он был старой школы «об исполненном — доложить», но его требовательность была не мелочной. Он всегда следил за последними достижениями науки и техники, и, как я уже говорил, все новое тут же внедрялось на многочисленных предприятиях «Висмута».

Небольшой штрих к портрету генерального директора. Его очень уважало высшее руководство ГДР — Эрих Хонеккер, Вилли Штоф, Вильгельм Пик и др. Я дважды сподобился быть приглашенным (с женой) на встречу Нового года в Обервизенталь — в 1979 и 1980 гг. На них присутствовало все руководство «Висмута» с советской и немецкой стороны, а также ряд членов Политбюро ЦК СЕПГ. Кстати, год 1979-й был юбилейным — отмечалось 30-летие образования ГДР, которое проводилось с большой помпой. И в этой связи художественная самодеятельность клуба Зигмара старалась изо всех сил. В коллективах был обновлен репертуар, а драматический кружок, например, поставил пьесу современного немецкого драматурга А. Матуше «Песня моего пути», посвященную этому событию. Я в ней играл роль полицейского, но с социал-демократической ориентацией. Спектакль прошел с большим успехом, особенно в немецкой аудитории.

Ну вот теперь я достаточно подробно осветил роль Советского клуба в Зигмаре в общественно-политической жизни «Висмута» периода 70-х — начала 80-х гг. прошлого века¹¹.

¹¹ Подробно о работе в НТЦ и о бытовой стороне жизни его сотрудников и членов их семей можно прочитать на сайте www.wismut.ru во второй части воспоминаний В. И. Василенко — «Адаптация».

1980 г. для меня был очень насыщен событиями, в основном личного плана. В мае 1980-го я с группой висмутян отправился в Берлин, в советское посольство (на Унтер-ден-Линден), где советский посол Петр Абраимов вручил нам правительственные награды СССР за доблестный труд — как говорили тогда, в деле укрепления мира и безопасности нашей страны.

Мне вручили орден Дружбы народов. Смешная деталь: сидевший со мной рядом немецкий коллега после вручения ему награды (папка с грамотой и коробочка с орденом) извертелся на стуле — тряс папку и разломал коробочку из-под ордена... Ничего не найдя, он спросил: «Who ist Geld?» («Где же деньги?») Немцы привыкли к тому, что если им вручают награду, то обязательно вместе с деньгой.

Вторым событием года был мой юбилей — в июне мне исполнилось 50 лет, отметили его по первому разряду. Это был выходной день, шашлыки подавались в окно (мангал стоял во дворе дома), вино лилось рекой, народ приходил-уходил, и так до позднего вечера. А разбудила меня в тот день в 8 утра громкая музыка с барабанами, которая раздавалась в моем подъезде. Я открыл дверь и обомлел: в подъезде стояли дети-музыканты, человек десять, а дирижировал ими мой коллега по смешанной комиссии по культуре Ханс Шааршмидт. Самое смешное было в том, что в подъезде стали открываться двери других квартир, и мои полусонные полуголые соседи никак не могли понять — к чему сдалась им вся эта самодеятельность?!

Последние годы моего пребывания в ГДР ознаменовались значительными послаблениями режима. Советским специалистам разрешили проводить свой отпуск в ГДР, разрешены были посещения висмутян родными из СССР, в том числе нашими детьми, которые уехали на учебу в Союз. Мы тут же воспользовались этими изменениями в законах, и в марте 1980 г. к нам приехал наш сын Андрей, который учился на третьем курсе МГРИ. Без труда приобрели путевки в дом отдыха «Активист» и втроем две недели отдыхали в Обервизентале, катались на лыжах, ездили на экскурсии в Аннаберг, Шварценберг и другие города, и при этом сэкономили кучу денег. Когда ездили на отдых в Союз, то, как только пересекали границу, сразу же переставали начисляться марки, которые по покупательной способности были гораздо выше рубля.

Кстати о заработках. Все висмутяне получали по немецкой стороне зарплату в валюте — марках. Курс — 1 марка = 0,34 рубля. Но фактически 1 марка = 1 рублю. К примеру, чайный сервиз «Мадонна» стоил в ГДР 97 марок, а в комиссионке в Союзе за него давали 120 рублей. И так во всем. Зарплата

в марках была почти у всех специалистов одинаковой, должностные вилки отличались на 20–30 марок. Разница в должностных окладах существовала в рублях (и весьма большая), но их перечисляли в спецсберкассу на Профсоюзной улице в Москве. И об этой разнице можно было только догадываться. Был еще один нюанс — кроме оклада советским специалистам не разрешено было получать ничего более. Даже премию, которую мы, естественно, получали в марках, должны были, расталкивая друг друга локтями, быстро-быстро сдавать в советскую кассу. Коллеги знали, конечно, об этом и посмеивались над нами, говорили, что за премию с нас причитается. Мы, конечно, бутылку-другую им выставляли, но премию — сдавали! В 1979 г. нам разрешили не сдавать деньги, которые мы получали за немецкие награды. Допустим, получил человек 100 марок с медалью «Активист социалистического труда», и он их уже не сдавал...

Каждые 4–5 лет в зависимости от инфляции зарплаты корректировались в большую сторону на 12–15 %. В ГДР в конце 1970-х гг. были открыты магазины, где продавали импорт из капстран, так называемые «Эксквизиты», правда, цены там почти не отличались от западногерманских, но зато были доступны всем без спекулятивных наценок. Так что жена иногда могла баловать себя приглянувшейся вещью. Хотя «дефицит» у нас два раза в год продавала наша торговая орга-

низация «Висмут Хандель». Так что по сравнению с Союзом мы, висмутяне, жили, как при коммунизме. Даже на ежеквартальных «беседах» с режимом нам говорили: «Видите, как живут немцы? Так будет у нас в Союзе в 1990 году!» По их подсчетам мы отставали от них на 10 лет. Но, к сожалению, этот прогноз не оправдался...

В сентябре 1981 г. заканчивался срок моего пребывания в ГДР, и, хотя мне предлагали его продлить, я по семейным причинам отказался. Семен Николаевич выполнил свое обещание — помог мне устроиться на работу в Москве.

Но ничто не вечно под луной бывает, и отъезд, конечно, все же наступает!

В середине 1981 г. я подал заявку на контейнер, который постепенно наполняли громоздкими вещами.

На прощание пришел весь Зигмар, столы были накрыты в трех комнатах и на кухне. Неля и ее подруги расстарались — закуски были отменные! Я, конечно, не рассчитал с выпивкой и оконфузился — не хватило водки. Выручил Валера Рогизный — принес несколько бутылок «Луникоффа» из кантины.

Так что когда мы распрощались и сели в «Баркас» — отходная продолжалась... А мне было грустно — здесь осталась, пожалуй, лучшая часть моей жизни!

Но, как говорится, в гостях — хорошо, а дома — лучше!

Виктор Георгиевич Иванов

Виктор Георгиевич ИВАНОВ. Главный научный сотрудник ОАО «ВНИПИПромтехнологии», доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

В СГАО «Висмут» работал с 7 августа 1972 г. по 1 декабря 1979 г. в должности начальника отдела технико-экономических обоснований Проектно-конструкторского управления.

Мои встречи с министром Е. П. Славским в СГАО «Висмут»

Готовясь к этим воспоминаниям, я обнаружил некоторую интересную информацию, которая позволяет сделать вывод о том, что корни развития сырьевой базы урана в Германии и создания СГАО «Висмут» исходят от Ялтинской конференции глав правительств трех союзных держав в 1945 г., на которой была установлена демаркационная линия раздела Германии между секторами стран — союзников Запада и СССР. При этом Саксонские Рудные горы отходили к нашей стране, но были в то время заняты войсками США, Англии и Франции. Зная о существовании урана в Рудных горах, вслед за войсками была послана американская комиссия по оценке его запасов. Немецкие геологи оценивали их скромно, едва насчитывая пятнадцать тонн, а перспективы открытия новых месторождений урана

в Саксонии практически отрицали. Эту цифру подтвердила и американская комиссия.

Сразу после отвода войск западной коалиции за демаркационную линию сюда с такой же целью направляется комиссия под руководством С. П. Александрова и Р. В. Нифонтова. В результате в 1946 г. и в последующие годы советскими геологами Саксонской промышленно-разведочной партии были открыты крупнейшие запасы урановых руд в Рудных горах. На этой сырьевой базе и были созданы мощные горно-металлургические предприятия, которые в 1953 г. получили статус: «Советско-Германское акционерное общество (СГАО) «Висмут»».

Моя первая встреча с нашим министром — Ефимом Павловичем Славским — состоялась летом 1974 г. по проблеме отра-

В. Г. Иванов.

ботки запасов месторождения Кенигштайн. Проблема состояла в том, что после отработки ролловых (наиболее мощных) частей залежей извлечение оставшихся запасов камерно-столбовыми системами разработки сопровождалось большими потерями и разубоживанием довольно бедной руды.

Зная, что этот острый вопрос будет обсуждаться у министра, генеральный директор СГАО «Висмут» Семен Николаевич Волощук пригласил на эту встречу главного инженера проектного института Виктора Андреевича Оплетина и меня — начальника отдела технико-экономических обоснований. Вызова на «ковер» мы ожидали в коридоре. Когда на совещании речь зашла о руднике Кенигштайн, Семен Николаевич вышел и пригласил почему-то только меня одного. Мы специально не готовились к докладу, поскольку все произошло спонтанно, но я несколько раз посещал рудник, был под землей, знал состояние производства, экономику и был в курсе проектирования по этому Объекту. Когда я вошел в кабинет, С. Н. Волощук хотел меня представить, но его опередил начальник 8-го Управления Минсредмаша Николай Иванович Чесноков, который напомнил министру, что уже ходатайствовал перед ним обо мне, поскольку директор ВНИПИпромтехнологии Олег Леонидович Кедровский задерживал мою командировку. Он сказал, что В. Г. Иванов по образованию горный инженер, но хорошо освоил экономику, и такое сочетание оказалось очень полезным.

Я впервые увидел так близко Ефима Павловича Славского — этого легендарного, выдающегося руководителя Минсредмаша и человека с большой буквы. Он мне показался крупным мужчиной с исключительно острыми, пронизательными глазами. Всем было известно, что он строг к подчиненным, особенно к руководителям, и более снисходителен к исполнителям. Поэтому я его не очень испугался, тем более что ожидал поддержку от С. Н. Волощука, который мне уже многое доверял, и от Н. И. Чеснокова, с которым было опубликовано совместно несколько журнальных статей.

Я доложил собравшимся, что Проектно-конструкторское управление в 1968–1969 гг. выполнило проекты на отработку опытных блоков способом подземного выщелачивания, а в 1972 г. разработало «Проектное задание комплексной разработки месторождения Кенигштайн вначале методами очистной выемки и подземного выщелачивания». Предполагалось, что подземное выщелачивание особенно эффективно будет там, где мощность продуктивной толщи снижается в 2,0–2,5 раза. Проектом планировалось к началу 1980 г. завершить все подгото-

вительные работы и полностью перейти на физико-химическую технологию. При этом предусматривалось вместо снижения объема производства, наоборот, увеличение выпуска металла на 6,2 %, снижение его себестоимости на 14,4 %, а численности трудящихся — на 8 %. Все это понравилось министру. Он спросил, помогает ли нам наука.

«Да, — ответил я. — На руднике в 1967 г. начаты широкомасштабные исследования по новой технологии под руководством ректора МГРИ Д. П. Лобанова и Л. И. Лунева. Результаты исследований использованы при проектировании».

Больше вопросов не было. Он поблагодарил и отпустил меня.

Забегая вперед, скажу, что показатели проекта впоследствии были значительно перекрыты. Рудник увеличил выпуск металла на 40 % и снизил его себестоимость на 29 %. Экономический эффект на Молодежном горнодобывающем предприятии (МГДП) «Кенигштайн» за первый пятилетний период внедрения подземного выщелачивания и комбинированных систем выщелачивания составил около 25 млн переводных рублей. До 1980 г. этой технологией отработано более 50 опытно-промышленных и промышленных блоков с общей рудной массой более 3,5 млн тонн. За счет вовлечения в добычу забалансовых руд продлен срок существования рудника на 5 лет. Новая технология позволила сохранить поверхностный ландшафт курортной зоны реки Эльба, а также исторические места в округе крепости Кенигштайн. Кроме того, было достигнуто существенно более полное извлечение урана, стабилизирована деятельность предприятия, получен значительный экономический и экологический эффект.

В мировой практике добычи урана руднику Кенигштайн нет аналогов. Найдены уникальные решения, получены новые закономерности процессов подземного и кучного выщелачивания, которые могут быть успешно использованы при разработке аналогичных отечественных и зарубежных месторождений.

Вторая встреча с министром состоялась у меня в поселке Пела-Глобенштайн при рассмотрении возможности промышленного освоения оловянного месторождения Хаммерляйн-Теллерхойзер, разведанного в свое время советскими геологами.

На совещании вначале выступил академик Борис Николаевич Ласкорин, который вместо фьюминг-процесса предложил для переработки руды хлоридную возгонку на основе результатов работы экспериментальной печи кипящего слоя, построенной на заводе в Цвиккау. Затем Ефим Павлович

попросил меня кратко рассказать о проектных проработках строительства предприятия и подробнее остановиться на его экономике. Проектом предполагалось выпускать 4 тыс. тонн в год оловянной продукции с паритетным распределением между советской и немецкой сторонами по 2 тыс. тонн в год. Когда я сообщил, что для строительства предприятия потребуется около 200 млн рублей¹² (точную цифру не помню), он надолго задумался, а затем сказал: «Нет у меня таких денег, а 100 миллионов рублей можно найти. За эти деньги можно получить 2 тысячи тонн олова для нас?»

Я сказал, что нет. Ефим Павлович довольно заметил: «У проектировщиков всегда все не так».

Я стал объяснять, что вне зависимости от мощности предприятия надо пройти восьмикilометровую штольню к месторождению, построить всю инфраструктуру и т. д. Министр меня прервал и сказал: «Я все это знаю».

И после долгой паузы предложил мне: «Бери геологов, оформляйте материал, защищайте запасы в ГКЗ ГДР», а С. Н. Волощук — «Переведите затраты, истраченные на разведку месторождения, в «Висмут» в счет финансирования советской стороной».

Для выполнения этого указания были созданы две группы: одна для технико-экономического обоснования кондиций, которую поручено было возглавить мне, вторая — для подсчета запасов, руководимая геологом Ф. К. Портновым. После выполнения всех работ попытка защитить запасы в Министерстве металлургии ГДР не увенчалась успехом из-за серьезных замечаний со стороны оппонентов из Фрайбергской горной академии. Мы с Фаустом Каллистратовичем были весьма огорчены таким оборотом дела, но Волощук успокоил нас и дал задание еще лучше подготовиться, и во второй раз защита прошла успешно. После всего этого профессор из Фрайберга пригласил меня прочитать цикл лекций в Академии, а министр металлургии ГДР Зингубер пригласил нас к себе и поздравил. Мы позвонили Волощук и поехали в Зигмар. Однако не утерпели, остановили в поле машину, достали бутылку, выпили по стаканчику шнапса и легли в траву наслаждаться своим успешным результатом.

После того как затраты были переведены на счет СГАО «Висмут», Волощук позвонил министру и доложил, что его поручение полностью выполнено. Ефим Павлович остался очень доволен, и я не знаю, с его подачи или по инициативе Семёна Николаевича меня представили к государственной награде ГДР,

и в здании Госсовета Председатель Госсовета Зиндерман вручил мне орден Banner der Arbeit — «Знамя труда» III степени.

После вручения наград в другом зале награжденных советских специалистов поздравлял Эрих Хонеккер. Подходил к каждому, чокался своим бокалом с собеседником и хорошо говорил по-русски. На меня он как человек произвел весьма благоприятное впечатление.

Дело прошлое: деньги, положенные к ордену (около 2 тыс. немецких марок), я, с согласия Волощука, в бухгалтерию не сдал (что было тогда не принято!), а купил на них самую современную фотоаппаратуру. Надо сказать, что это было серьезное нарушение, но все обошлось.

Третья встреча с министром оказалась для меня весьма серьезной и чрезвычайно ответственной.

В июне 1980 г. меня вызвал Н. И. Чесноков и сказал, что по личному распоряжению министра создается экспертная комиссия из трех членов: Л. М. Тормышева, бухгалтера министерства Криволапа и В. Г. Иванова для подготовки в течение месяца основных технико-экономических показателей предстоящей пятилетки по СГАО «Висмут». С немецкой стороны также были выделены три ведущих специалиста для этих целей. (Так что мы работали и питались совместно.) К сожалению, наш бухгалтер почему-то не приехал.

Первая дискуссия возникла по объему производства. Наши расчеты определили на пятилетку выпуск урана в количестве 35 тыс. тонн, то есть по 7 тыс. тонн в год. Немецкие эксперты предлагали эту цифру значительно снизить. Однако в конце концов они согласились. А вот относительно планируемой цены реализации металла у нас получились расхождения. Наши расчеты показывают, что цена на уран должна быть на уровне 35 руб./кг, а они предлагают увеличить ее минимум на 10–15 %.

Когда приехал Е. П. Славский, и мы доложили ему наши расчеты, он полностью согласился с такой ценой. Однако решить разногласия с немецкими экспертами в Гендирекции не удалось. Тогда министр решил ехать в Берлин к председателю правления СГАО «Висмут» Хорсту Камински. Вместе со Славским был первый зам. председателя Совета Министров СССР И. В. Архипов. Когда мы остановились в гостинице, то из нашего номера слышали вот какой разговор. Архипов (жалобно): «Ефимушка, уступи им, подними цену. Ты думаешь, мы сахар на Кубе по мировым ценам покупаем? Мы сознательно завышаем цену, чтобы поддержать их экономику». На что Ефим Павлович кричит: «Нет. Ни... не уступлю! Я верю нашим

¹² Здесь и далее имеется в виду инвалютный (переводной) рубль, равный в то время 1,7 внутреннего рубля.

экспертам и буду отстаивать их цифры!»

Так и получилось. После окончания пятилетки Н. И. Чесноков сообщил мне, что все параметры были выдержаны и «Висмут» получил ожидаемую прибыль. Вспоминая этот случай, невольно думаешь о том, чтобы и наши сегодняшние руководители вели бы себя подобным образом.

Мне и после работы в СГАО «Висмут» приходилось встречаться с министром, в том числе при докладе в г. Краснокаменске по развитию третьей очереди строительства Приаргунского горно-химического комбината. И всегда он производил на меня неизгладимое впечатление. Во время совещания он умел вовремя вставить поговорку, поговорку или рассказать к месту анекдот. Вот, к примеру, идет совещание у С. С. Покровского¹³. Министр просит доложить начальника капитального строительства Ю. Я. Васина. Но тот не был подготовлен к докладу. Министр спрашивает о строительстве конкретного здания, а Васин

не знает. Ему со всех сторон начинают подсказывать, но это еще больше осложняет его положение. Тогда Ефим Павлович говорит: «Ты, Васин, такой же, как у нас в сотне (имеется в виду гражданская война) был непутевый казак. Бывало, напнется у какой-нибудь вдовушки сивухи, а тут команда: «По коням!» А он никак на коня не залезет. И все причитает: «Помоги святой Павел, помоги святой Архангел». Когда всех апостолов упростили помочь, вдруг залезает на коня, но не удерживается в седле, падает в лужу и оттуда кричит: «Туды вашу мать! Не все сразу!» Так и тебе надо сказать, чтобы помогли не все сразу».

Хочется еще отметить то, что во всех случаях около нашего министра, кроме его помощников, я не видел никакой охраны. Наверное, ее и не было вовсе!

Вот таким был наш незабвенный министр — Ефим Павлович Славский. Вечная ему память!

Ирик Лютфиевич Юлдашев

Ирик Лютфиевич ЮЛДАШЕВ. Работал в геологической службе СГАО «Висмут» в период 1974–1980 гг. и в 1987–1990 гг. Скончался 18 января 2015 г.

И. Л. Юлдашев

Воспоминания о работе на рудниках Нидершлема-Альберода, Дрозен и в Генеральной дирекции

Я окончил Казанский государственный университет в 1957 г. по специальности «Поиски и разведка рудных месторождений». С 1960 г. работал в Казахстане по переоценке месторождения Жолымбет с целью реконструкции и модернизации рудника.

В 1966 г. получил приглашение в Степногорскую геологическую группу Министерства среднего машиностроения. Вел полевые работы, составлял прогнозную карту на уран и золото по Северному Казахстану. Заочно учился в аспирантуре в Институте геологии Академии наук СССР. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию.

В 1972–1974 гг., работая главным геологом партии, проводил переоценку урано-фосфатных месторождений Заозерное и Тастыкось, на которых добывалась урановая руда.

Под Тастыкольский карьер мы пробурили две вертикальные скважины 300 м глубиной. Месторождение считалось осадочно-метаморфогенным с мощностью рудного тела 8 м (данные Степной экспедиции Министерства геологии СССР). Одна из наших скважин пересекла рудное тело мощностью

260 м, что поставило под сомнение осадочно-метаморфогенный генезис месторождения и количество уранофосфатной руды на месторождении.

В Степногорске мне посчастливилось работать с замечательными людьми, талантливыми геологами: Виктором Ивановичем Пигульским — автором прогнозной карты на уран по Восточной Европе (Болгария, Венгрия, Чехословакия и Германия), Борисом Оскаровичем Андерсоном — первооткрывателем месторождений золота на Чукотке и урана в Болгарии, Леонидом Анисимовичем Баем — первооткрывателем месторождения Шан-Тюбе в Северном Казахстане.

С 1974 г. я работал на добыче урана старшим геологом 3-го горного района на месторождении Нидершлема-Альберода в СГАО «Висмут» Министерства среднего машиностроения СССР. На месторождении Нидершлема-Альберода, в связи с многочисленным количеством рудных жил и апофизов, а также в связи с тем, что добычу вели пять горных районов, располагаясь по вертикали до горизонта 1700 м, увязку рудных жил и апофизов на различных горизонтах производила тематическая партия ГДП-9, возглавляемая Леонидом Анисимовичем Баем.

В 1973–1974 гг. у советского руководства ГДП-9 (главный инженер — Вячеслав Дмитриевич Жильцов, начальник тематической партии — Леонид Анисимович Бай) возникла мысль о закрытии месторождения по причине нерентабельности. Данные, подтверждающие отсутствие перспектив месторождения, были обобщены в отчете, имеющем название «Дальнейшие перспективы развития месторождения Нидершлема-Альберода», где и был сделан вывод о необходимости прекращения добычных работ на месторождении. Этот вывод о закрытии месторождения подтверждали главные геологи Шмирхау и Ройста и доктор геолого-минералогических наук В. И. Величкин. Я тщательно проанализировал материалы, содержащиеся в отчете, и пришел к выводу, что предложение о необходимости его закрытия недостаточно обоснованно. На итоговом совещании, посвященном обсуждению этого вопроса, присутствовал главный геолог 8-го Управления Первого Главного управления Министерства среднего машиностроения СССР Юрий Анатольевич Кремчуков.

Протокол совещания, содержащий вывод о закрытии, был составлен заранее. В конце заседания Ю. А. Кремчуков спросил: «А что думает по этому поводу наш новый куратор Юлдашев?» Я вышел к развешанным по горизонтальным планам и разрезам и сказал: «Название отчета не соответствует его содержанию. Перспективы и дальнейшее развитие месторождения не рассматриваются. Не разведаны «пустые» промежутки между горными работами пяти горных районов по горизонтали и вертикали, не разведаны лежащий и висячий фланги рудной зоны и фланги месторождения». Выступление вызвало бурную реакцию, так как это было совсем не то, чего от меня ждали. Кремчуков предложил мне изложить свое особое мнение в приложении к протоколу совещания. Через месяц из Первого Главного управления министерства пришло распоряжение на доразведку месторождения. Доразведка проводилась Леонидом Анисимовичем Баем и Львом Васильевичем Матюшиным.

В этом же году главный геолог СГАО «Висмут» Портнов Фауст Каллистратович дал мне задание в срочном порядке в течение месяца подтвердить отрицательную оценку комплексного урано-оловянного месторождения Теллерхойзер. Отрицательную оценку месторождению дали доктор геолого-минералогических наук Д. М. Хазов и доктор наук В. И. Величкин.

Д. М. Хазов разведывал месторождение в течение пяти лет. Была пройдена шахта глубиной 600 м, из которой пройдены квершлаг и штреки. Из выработок пробу-

рены мелкие скважины глубиной по 25 м по сети 50 × 50 м. Шахта и пробуренные скважины не пересекли ни уранового, ни оловянного оруденения.

Проанализировав результаты проведенных исследований, я обратил внимание на две гидрогеологические скважины на этом районе, которые пересекали и оловянное, и урановое оруденение на глубине 700–750 м.

Через месяц Портнов со своим заместителем Карлом Файерером приехали на Теллерхойзер. Фауст Каллистратович спросил меня, готово ли подтверждение отрицательной оценки, данное Хазовым. Я ответил, что отрицательное заключение можно написать и в течение часа, но есть интересные данные гидрогеологических скважин. Портнов не стал меня слушать и сказал, что отрицательная оценка, данная месторождению Хазовым и Величкиным, сомнению не подлежит, и уехал.

А вот Карл Файерер задержался, посмотрел собранные мною материалы и поручил мне подготовить проект доразведки.

На первом этапе мною предлагалось пробурить две вертикальные скважины из шахты глубиной по 300 м. По положительным результатам, полученным бурением этих скважин, в дальнейшем составить проект разведки месторождения горными работами и с поверхности — буровыми скважинами. Пока бурились вертикальные скважины из шахты, Ф. К. Портнов уехал в Москву (в связи с окончанием срока командировки) и главным геологом СГАО «Висмут» стал Ю. С. Данилов. Юрий Сергеевич Данилов — обаятельный человек и талантливый геолог — чутко относился к моим положительным начинаниям и поддерживал их.

Скважины, пробуренные из шахты, пересекли урановую и оловянную руду на уровне 700–750 м от поверхности. Второй этап разведки предусматривал углубку шахты на 100 м и дальнейшую разведку месторождения горными выработками (горные работы проводило ГДП-9) и разведку с поверхности буровыми скважинами (бурение проводило Центральное геологическое предприятие). Проект рассматривался главным геологом СГАО «Висмут» Юрием Сергеевичем Даниловым и его заместителем Карлом Файерером. Методическое руководство разведки из шахты осуществлял я, а бурения с поверхности — Владлен Сергеевич Мирошниченко. Курировали все работы Данилов и Файерер. В течение трех лет разведочные работы были завершены и дали положительный результат. По результатам был составлен отчет с оценкой запасов урана и олова. Месторождение олова оказалось крупным, его границы уходили в Чехословакию. Подсчет запасов осуществляли И. Л. Юлда-

¹³ Покровский Сталь Сергеевич — с января 1968 г. по март 1997 г. являлся директором Приаргунского горно-химического комбината в г. Краснокаменске Читинской области.

шев, Зигфрид Кауфман, Е. Н. Кондрашев, В. С. Мирошниченко. Запасы оловянных руд рассматривались и утверждались в Государственной комиссии по запасам ГДР в Берлине, а запасы урана — в Первом Главном управлении Министерства среднего машиностроения в Москве. Добычу оловянных руд на месторождении Теллерхойзер планировалось проводить совместно Министерством среднего машиностроения СССР и Министерством цветной металлургии ГДР в конце 1980-х гг.

После завершения подсчета запасов мы были награждены генеральным директором СГАО «Висмут» С. Н. Волощуком большой денежной премией.

Награждение происходило следующим образом. Нашу группу из восьми человек пригласили в кабинет генерального директора для вручения премии: Ю. С. Данилова, меня, Зигфрида Кауфмана, Е. Н. Кондрашова и др. коллег. Настроение у меня было великодушное, и я не мог сдержать улыбки. Юрий Сергеевич меня спрашивает: «Что улыбаешься?» Я отвечаю: «Хорошую премию получим!» Тогда Юрий Сергеевич говорит: «Получим премию — положи ее в сейф, а завтра сдашь в кассу. А сейчас приятно будет ее получить и выпить коньяка с генеральным директором».

В 1987 г., будучи второй раз в заграничной командировке в СГАО «Висмут» по приглашению заместителя главного геолога ГДП-9 Карла Хайнца Линкерта, я побывал в Ауэ. Месторождения Нидершлема-Альберода и Теллерхойзер продолжали добычу урана и попутных компонентов до 1990 г. (вплоть до закрытия СГАО «Висмут»).

С 1975 г. я работал в Генеральной дирекции СГАО «Висмут», был куратором саксонских предприятий ГДП-9, Кенигштайн, Санта-Мария. На месторождении Санта-Мария, расположенном на окраине г. Дрезден, в течение двух веков добывали бурый уголь. И только с приходом советских геологов из СГАО «Висмут» была установлена ураноносность углей, и месторождение стало обрабатываться на уран.

В Генеральной дирекции «Висмута» тогда работали авторитетные высококвалифицированные специалисты с большим опытом работы: С. Н. Волощук — генеральный директор, Л. М. Тормышев — главный инженер, Ю. С. Данилов — главный геолог, И. А. Лучин — главный геофизик, Л. П. Бородин — начальник производственного отдела.

Под руководством Юрия Сергеевича Данилова и Карла Файерера мы с моим коллегой Зигфридом Кауфманом пересчитали запасы месторождений Кенигштайн и Санта-Мария по новым данным, появившимся в период производства добычи.

За успешную работу по развитию и укреплению минерально-сырьевой базы Общества я неоднократно отмечался благодарностями руководства.

За высокие достижения в производственной и общественной деятельности я был удостоен почетного звания «Активист социалистического труда», награжден почетными знаками «Мастер труда» в золоте и в серебре, почетным знаком Общества германо-советской дружбы в золоте, награжден почетной грамотой посольства СССР в ГДР «За активную работу в области идеологического воспитания в коллективах советских и немецких трудящихся».

Вот как, по словам немецких коллег, развивались разведка и добыча урана в Рудных горах Саксонии.

Первые довольно мелкие жильные месторождения находили в 1945–1946 гг. по старым рудным отвалам, где добывали серебро. Их было около 10 объектов. В войсковой части, расположенной около Шнееберга, был дозиметрист (майор), который узнал от местных жителей, что в старой штольне Шнееберга есть радоновый источник, который использовался для лечебных целей. Дозиметрист замерил забой в штольне — там была высокая радиоактивность. С помощью ломов, кирки и лопат солдаты с дозиметристом прошли в забое еще 1,5–2 м и вскрыли урановую смолку. В штольне начали добывать урановую руду ГДП-9. Урановая руда в жилах кварц-карбонатного состава с серебром, молибденом и висмутом простиралась вдоль долины реки Ауэ на 5 км. Месторождение назвали Нидершлема-Альберода (названия деревень) и осваивали постепенно. Сначала шахты прошли на глубину 500 м, а потом — на 900 и 1300 м. Месторождение оказалось уникальным по содержанию урана, а некоторые горизонты и части месторождения были богаты серебряной рудой. В 1974 г. уран добывали на глубине 1700 м силами пяти горных районов. Общая численность трудящихся составляла 35 тыс. человек. В связи с тем, что руда добывалась в многочисленных жилах и апофизах, среди работающих было большое количество геологов и радиометристов, которые пользовались большим авторитетом.

С 1980-го по 1987 г. я работал главным геологом шахты на урановом месторождении Смолино на Украине в Восточном горно-обогатительном комбинате.

В 1987 г. благодаря усилиям главного геолога Первого Главного управления Министерства среднего машиностроения Георгия Ражденовича Шушани я был вновь командирован в СГАО «Висмут».

По прибытии в Зигмар я направился

в Генеральную дирекцию, чтобы представиться моему непосредственному руководству. На проходной я с удивлением обнаружил, что мой пропуск выписан к главному инженеру СГАО «Висмут» Льву Павловичу Бородину, а не к главному геологу. Лев Павлович тепло приветствовал меня, а на мой вопрос, почему пропуск мне дали к нему, а не к главному геологу, он ответил, что я еще очень многому буду удивляться. Л. П. Бородин направил меня в г. Гера в Тюрингии на рудник Дрозен заместителем главного инженера по добыче. Судя по этому назначению, а также в процессе дальнейшей работы я понял, что советская часть геологической службы предприятия на тот момент, несмотря на полную укомплектованность кадрами, была чрезвычайно ослаблена. Располагался я в офисе наиболее крупного и богатого по содержанию 5-го горного района вместе с главным геологом района Хансом Юнгом. Работал в тесном сотрудничестве с немецкими коллегами — главным геологом района Хансом Юнгом, главным инженером Дрозена — оберштейгером, с советскими горняками Виктором Ивановичем Громадским, Михаилом Вадимовичем Мельниченко. Вместе с оберштейгером участвовал в ежемесячном планировании добычи при закрытии нарядов по качеству и объему добычи по горным районам.

Новый, 1988-й, год отмечали вместе с немцами советские и немецкие специалисты.

М. В. Мельниченко произнес тост за высокий профессионализм немецких горняков. Далее он отметил, что единицы советских специалистов способствуют добыче урана, а остальные, «блатные», отсиживаются. С сожалением могу отметить, что это была чистая правда. Профессионализм большей части советских специалистов, работавших в то время на Дрозене, оставлял желать лучшего.

В 1990-м советские специалисты встречали Новый год в прекрасном отеле в Оберхофе, в курортной зоне Тюрингии.

После объединения Германии в 1990 г. на горные предприятия Тюрингии приезжали канцлер ФРГ Гельмут Коль и министр промышленности ФРГ. Горняки Тюрингии провели суточную забастовку. После забастовки министр промышленности ФРГ уравнивал зарплату и пенсии горняков Тюрингии с зарплатой горняков ФРГ. Большинство предприятий СГАО «Висмут» готовились к закрытию. На руднике Дрозен, наиболее современном, компьютеризированном предприятии, предполагалось продолжить добычу и пересчитать запасы наиболее богатых руд урана по новым кондициям. К октябрю 1990 г. я завершил пересчет наиболее богатых руд, их было на 20 лет добычных работ. Однако Правительство ФРГ и руководство СГАО «Висмут» к соглашению не пришли, и рудник был законсервирован.

Владимир Викторович Чумаченко

Владимир Викторович ЧУМАЧЕНКО — главный инженер шахты № 4 рудника Пайцдорф (с 1.09.1984 по 1.06.1985 г.), куратор производственного отдела Генеральной дирекции по горным предприятиям Тюрингии (с 2.06.1985 по 1.09.1989 г.). Скончался 20.07.2014 г.

Из воспоминаний о жизни нашей семьи в Гере и Зигмаре

В ГДР я был дважды. Первый раз вместе с родителями мы жили с 1951-го по 1956 г. в г. Иоганнсгеоргенштадт, после этого остались яркие детские воспоминания. Мои сестры Юлия и Ира родились в 1952 г. в г. Хемниц (Карл-Маркс-Штадт). От той поры из архива моих родителей осталось всего несколько фотографий.

А в августе 1984 г., после длительного оформления, уже я со своей семьей был командирован в СГАО «Висмут».

На следующий день после приезда в Москву нам выдали загранпаспорта и сказали, чтобы мы приобрели билеты на поезд № 13 Москва — Берлин до Франкфурта-на-Одере на ближайший срок. Самым ближним сроком оказалось 31 августа. Нас проинструктировали, как себя вести в поездке, куда обратиться по приезде во Франкфурт, как вести себя в жизни в иностранном госу-

дарстве, что необходимо взять с собой, как вести себя с немецкими коллегами и т. д. и т. п. Сказали, что полная ответственность за поведение всех членов семьи возлагается на меня.

Поезд уходил с Белорусского вокзала, где-то часов в 5 вечера, а рано утром следующего дня мы уже были в Бресте. Там поезд стоял два часа, проводился таможенный досмотр, проверка документов пограничниками, смена колес вагонов на европейские. Таможенники проверяли все, брезгливо ворошили дешевые золотые украшения и наш скарб в чемоданах. Во время проверки спросили, куда и зачем мы едем, я замаялся, так как при инструктаже в Москве нас предупреждали, чтобы мы не называли пункта нашего назначения, а таможенница, увидев, что я замаялся, напрямую спросила: «В “Висмут” едете работать?» Я так опешил,

Вова Чумаченко.
Иоганнсгеоргенштадт,
1955 г.

Виктор Иванович и Диана Владимировна Чумаченко. Иоганнсгеоргенштадт, 1951 г.

что только кивнул головой. Вот тебе и секрет Полишинеля! А затем прозвучала команда никому не выходить и не высовываться из купе, забухали сапоги, и в вагон ворвались наши пограничники, двое заблокировали входы в вагон и целая группа пограничников пошла по купе проверять документы. Позже я смотрел фильм «Щит и меч», там есть кадры, где показывают проверку документов при переезде границы, когда солдаты стоят, как истуканы, с автоматами, надвинув на глаза каску. Так вот эти кадры как раз полностью соответствуют проверке документов нашими пограничниками, их не надо даже переодевать и гримировать — копия! Когда пограничники дошли до нашего купе, я подал оба загранпаспорта, свой и Ритин, меня резко оборвали — каждый обязан подавать только свой паспорт, и так подозрительно и цепко ощупали нас взглядом, что у меня создалось чувство какой-то неполноценности, совершения какого-то преступления. Неприятное ощущение. По Польше нам предстояло ехать целый день, до 5 часов вечера, когда по расписанию мы должны были прибыть во Франкфурт-на-Одере.

После Бреста вместо нашего вагона-ресторана к составу прицепили две немецкие кантины (немецкие рестораны). Где-то в час дня я пошел узнать, есть ли там свобод-

ные места, чтобы пойти пообедать. Кантины обслуживали немецкие официанты, и я на своем ломаном, скудном немецком языке (при том что изучал я его 6 лет в школе и 4 года в институте), а также с помощью телодвижений и жестов начал объяснять официанту, что мы хотим пообедать, на что он на чистом русском языке сказал мне, что мы можем заказать обед на час дня, два часа или три часа. Когда мы пришли в 2 часа дня в кантину, для нас был уже подготовлен стол. Пока мы кушали, за соседним столом какой-то мужчина громко сказал официанту-немцу: «Ja, jawohl!» Я ему позавидовал, что он так хорошо знает немецкий язык, хотя сейчас мне кажется, что он кроме этих двух слов ничего не знал. Во Франкфурт мы приехали в 5 часов вечера. Мы стояли в тамбуре, когда подбежал представитель «Висмута» и, назвав нас по фамилии, сказал, чтобы мы выставили свои вещи на другую сторону поезда, а сами ожидали около вагона. Мы волновались, что наши вещи оказались без присмотра, но проводница нам пояснила, что здесь с вещами ничего не случится (будь это в Союзе, их бы быстро увели). Через некоторое время подошел представитель и повел нас к вокзалу. Я никогда не думал, что вокзал и привокзальная площадь могут быть такими пустынными и чистыми. Нас подвели к автобусу «Икарус», где в него уже грузили наши чемоданы. В 50-местном автобусе ехало человек 25 специалистов «Висмута», возвращавшихся из отпуска. Всю дорогу мы с женой восхищались картинной чистотой немецких домиков, окруженных цветниками и газонами с подстриженной травкой. Часов в 11 вечера мы подъехали к Советскому клубу в Зигмаре, высадив несколько человек по пути у их домов. Дежурная по клубу, узнав наши фамилии, провела нас в номер гостиницы. Номер состоял из двух комнат. Мы перекусили остатками дорожной пищи и легли спать. Рано утром, часов в 7, нас разбудил телефонный звонок, женский голос спросил мою жену. Рита подошла к телефону, коротко переговорила и стала одеваться, объяснив, что звонила женщина, которую прикрепили к нашей семье от женсовета для оказания в первое время помощи в решении различных бытовых вопросов, и что сейчас она идет в магазины закупать продукты. Это была суббота, поэтому магазины работали до 11 часов утра и после этого закрывались до понедельника (во вторую половину субботы и в воскресенье в Германии магазины не работали, и невозможно было купить даже кусок хлеба). Часа через полтора Рита с четырьмя сумками пришла из магазина и на кухне принялась готовить обед. Кухня была оснащена различными кастрюлями, тарелками и другими столовыми принадлеж-

ностями. Утром в воскресенье, по совету дежурной, мы все (а в течение двух дней приехали еще три новых семьи) решили пойти в зоопарк, который располагался приблизительно в одном километре от домов советской колонии. Когда подошли к переходу через асфальтированную улицу, все столпились на тротуаре, пропуская транспорт, а один мужчина спустился с бордюра и стоял на краю проезжей части. К нему подъехал проезжавший мимо мотоциклист и что-то по-немецки крикнул ему. Нас предупреждали, что в Германии не принято ожидать перехода, стоя на проезжей части дороги, так как если при этом человека собьет машина, то вся вина лежит на пешеходе. Но русский есть русский и делает не то, что требуется, а то, что ему хочется.

Вообще, уклад жизни в Германии сильно отличался от советского. Рабочий день здесь начинался очень рано. В 6 утра начинали работать магазины, детские садики и предприятия, а в Гере, на руднике, рабочий день начинался без четверти пять утра. Зато заканчивался рабочий день в 13 часов дня. Нас очень удивляло, что в 8 часов вечера, когда еще солнце стояло чуть ли не в зените, на улицах не было видно никого из людей. Все очень рано ложились спать. За все 5 лет я так и не смог привыкнуть к такому распорядку. Еще когда мы собирались ехать туда, мне знакомые люди говорили — попрощайся с семьей на пять лет. Действительно, я ложился в 9 вечера и очень долго не мог уснуть, вставал в 3 утра, мечтая о том, чтобы быстрее пришли суббота и воскресенье. Дети ложились часов в 10 вечера, а жена допоздна смотрела телевизор, так как там интересные передачи начинались после 11 вечера. Зато в субботу и в воскресенье глаза у меня раскрывались в 6 утра, и я, как неприкаянный, бродил по квартире до подъема семейства.

В понедельник в 6 утра я уже был в управлении Генеральной дирекции СГАО «Висмут». Там у нас изъяли загранпаспорта, выдали немецкие аусвайсы и объявили, что я назначен на должность главного инженера 4-го рудника в рудоуправлении «Пайцдорф». Провели различные инструктажи, и в 11 часов в среду за нами пришла машина, чтобы отвезти в Геру на постоянное место проживания. Расстояние от Зигмара до Геры — 60 км по автобану, и уже в 12 часов мы приехали к домам советского поселка. Там к нам в машину подсел комендант (Николай Николаевич) и отвез нас к нашей квартире. Квартира была полностью меблированная, вплоть до постельного белья. Комендант сказал, что если есть необходимость, можно получить на складе обеденный и чайный сервизы, ложки-вилки и др. мелочи, и удалился.

Сразу же после этого позвонила наша знакомая Татьяна Коробкова и сказала, что ее прикрепили к нашей семье (по ее просьбе) от женсовета на время, пока моя жена освоится. Она собиралась зайти за Ритой, чтобы отправиться по магазинам (еще в Москве нам выдали подъемные — 2000 немецких марок) за продуктами и необходимыми для жизни мелочами. Татьяна пригласила нас на следующий день к себе в гости отметить наш приезд, так как в этот день она была занята стиркой белья. Мы, конечно, начали ей сочувствовать, так как представляли себе стирку белья, как у нас в СССР, когда в этом «мероприятии» участвовала вся семья. Грели воду (если не было горячей воды), стирали в машине, затем в ванне полоскали, затем отжимали белье вручную и после этого вывешивали его сушиться. Очень трудоемкий и длительный процесс. Оказывается, в Германии стирка — это совсем не то, что у нас. В подвале каждого подъезда стояла стиральная машина-автомат. Все квартиры подъезда стирали по графику. Стиралось только личное белье, остальное — постельное белье, полотенца, скатерти — сдавалось в прачечную, из которой получали чистое, выутюженное и накрахмаленное. Женщины закладывали белье в машину, задавали программу, засыпали моющие средства, включали кнопку и уходили по своим делам. Позже приходили и вытаскивали белье. Для нас это было верхом автоматизации и совершенства.

После приезда к нам долго присматривались и держали на расстоянии. Рита в первое время воспринимала это как оскорбление и даже один раз устроила мне скандал, требуя, чтобы я попросил отправить нас обратно, где у нас остались и друзья, и знакомые. В октябре нас с ней пригласили на общее собрание членов семей Геры, и там руководитель колонии — главный инженер Объекта — представил всем нашу семью и сказал, что мы начали активно вписываться в жизнь коллектива. После этого собрания отношение к нам кардинально изменилось, появились знакомые, нас стали активно втягивать в общественную жизнь. Начальник колонии, узнав, что я раньше занимался фотографией, поручил мне вести фотохронику жизни советского коллектива Геры, отдав в мое ведение всю фотолабораторию. Фотографии клеивались в специальные альбомы (один год жизни коллектива — один альбом). Не знаю, куда делись эти альбомы после ликвидации СГАО «Висмут», но в фотографиях была отражена вся жизнь коллектива. То, что у меня осталось, это мизерная часть фотоархива.

Скучать там не давали никому. Для всех членов колонии было обязательным участие

Отдых на природе. Коллектив геологов. Иоганнсгеоргенштадт, 1954 г.

в художественной самодеятельности. Если ты ничего не умел делать, пожалуйста, иди петь в хор. Кроме этого — ежедневные спортивные тренировки. Рита в Гере работала тренером в детской спортивной секции. Вообще, вовлечение советских специалистов и членов их семей в общественную жизнь, зачастую даже принудительно, раскрывало такие их таланты, о которых люди даже не подозревали, работая ранее в СССР.

Распорядок жизни в Гере был таков: после возвращения с работы два часа во всем поселке был сонный час для работающих мужчин (детей при этом, чтобы они не шумели, выводили на детскую площадку). Затем все шло в различные кружки художественной самодеятельности, после них сразу же бежали на спортивные тренировки, иногда даже в двух и более секциях, а вечером перед сном выполняли домашние задания по немецкому языку. Всех новичков сразу же после приезда зачисляли на двухгодичные курсы немецкого языка. Четыре раза в неделю, по два часа, мы обязаны были изучать немецкий язык. Руководитель колонии в Гере и он же главный инженер рудоуправления в одной из первых бесед сказал мне, что в первые два года за результаты моей работы спрашивать не будут, а вот после сдачи экзаменов по немецкому языку спрашивать будут по полной программе. В группах по изучению немецкого языка было не более двух человек. Преподавали наши переводчики, при такой интенсивности обучения 95 % советских специалистов успешно осваивали немецкий язык, тем более что на работе приходилось общаться с немецкими коллегами, многие из которых русского языка не знали, а если и знали, говорить на нем не всегда желали. Два раза на ознакомительных спусках в шахту со мной спускались переводчики, а потом довольно ясно дали понять, что у них много работы и постоянно сопровождать меня они не будут, чтобы я сам усиленно занимался и осваивал немецкий язык. Нам, кто работал на производстве, несколько легче было осваивать язык, чем работавшим в Генеральной дирекции, так как мы постоянно контактировали с немецкими коллегами. Нагрузки на занятиях по языку были очень и очень большими. Сначала мы заучивали по 20 слов, а затем дошли до сотни слов к каждому занятию. Наши жены не изучали немецкий язык, такие цели перед ними не стояли, но они тоже довольно быстро осваивали его на бытовом уровне, постоянно посещая магазины. Экзамены у нас принимала комиссия из наших и немецких коллег во главе с генеральным директором или главным инженером СГАО «Висмут» и после успешной сдачи экзаменов нам выдавались удостоверения. В мою бытность

двоим сотрудникам продлили срок обучения на год, а одного отправили в Союз, потому что он так и не смог освоить немецкий язык.

Женам разрешалось работать (получая деньги) не более одного года за все время пребывания в Германии. Рита же, когда мы переехали в Зигмар, отработала четыре года. Но об этом позже. Очень многое в плане освоения немецкого языка давали и совместные вечера с немецкими коллегами, на которые через четыре месяца после нашего приезда нас начали приглашать. Немцы очень любознательный народ и задавали массу вопросов про наш быт, про жизнь в СССР, про места, где мы жили и т. д. После того как выпивали по несколько рюмок, пропадало все стеснение от плохого немецкого и мы начинали тарыхтеть, как переводчики, да так, что немцы удивлялись, как мы хорошо владеем их языком. На вечерах, которые проводились совместно с немецкими коллегами, мы сидели вперемежку: пара немцев, пара наших. Сначала подавались закуски, горячие блюда и десерт. Затем все шло танцевать. Танцевали под маршевую музыку, как я говорил: «Дранг нах Остен». Танцевали по три танца с одним партнером, затем партнера можно было сменить или пропустить три танца. Когда все уходило танцевать, со столов убирались тарелки с пищей, даже если она была недоедена, и выставлялось спиртное, а к нему никаких закусок, можно было занюхивать только пальцем и сигаретой. А при таких раскладах много не выпьешь и не напьешься. Позже мы приспособились к такому повороту событий, а нашему примеру последовали и немцы. Мы оставляли за столом одну пару, которая караулила закуски и не позволяла официантам их убирать, это сразу же увеличило количество выпиваемых напитков и доставляло больше удовольствия.

В марте 1985 г. мне предложили перейти работать в управление Генеральной дирекции куратором горнодобывающих предприятий Тюрингии, с переездом нашей семьи в Зигмар. Мы съездили в наш первый отпуск в СССР и в июне переехали в Зигмар на постоянное место жительства. В Гере многие сожалели по поводу нашего отъезда.

Рита в Зигмаре очень быстро вписалась в коллектив, и уже в сентябре ее пригласили работать директором центрального Дома школьника (Дворца пионеров), где она проработала четыре года, до самого нашего отъезда из Германии. Ей ежегодно продлевали контракт по ходатайству женсовета и профкома СГАО «Висмут».

В сентябре или начале октября 1985 г. ко мне подошел Григорий Иванович Сижук, работавший председателем сектора проф-

кома СГАО «Висмут» по работе с детьми, и предложил войти в эту комиссию в качестве его заместителя. Это предложение было крайне неожиданно для меня, так как я до этого никогда с детьми не работал. Это была стихия моей жены, окончившей филфак университета и работавшей ранее завучем по воспитательной работе в школе и воспитателем в женском общежитии. Сижук предложил мне подумать над его предложением и в течение нескольких дней дать ответ. Я посоветовался дома с женой и после некоторых раздумий дал согласие на эту общественную работу. Вообще-то в СГАО «Висмут» не принято было отказываться от предложенной общественной работы — можно было только выбирать, что тебе больше по душе. Единственное, что меня смущало, что я фактически становился непосредственным руководителем своей жены, которая в это время уже работала директором Дома школьника, но мне объяснили, что это учреждение находится под контролем месткома Зигмара, которым руководил Владимир Николаевич Скобелев, женсовета Зигмара под руководством Валентины Ивановны Скобелевой, партийной и комсомольской организаций Зигмара. Уже на первом же заседании профкома меня утвердили его членом в качестве заместителя председателя детского сектора. Я вот почему останавливаюсь на работе с детьми более подробно. О встречах с немецкими коллегами, о спорте, об экскурсиях и других аспектах общественной жизни обязательно кто-то напишет, а о работе с детьми могут написать только те, кто вплотную этим занимался.

В ГДР советские специалисты с семьями жили в пяти городах. Самый большой коллектив был в Зигмаре, чуть меньше — в Гере и Ауэ, а самые маленькие (всего по несколько семейств) в Кенигштайне и Цвиккау. Но требования ко всем коллективам, и большим и маленьким, были практически одинаковы, невзирая на их количественный состав.

Это была очень ответственная и крайне интересная работа. Сначала мы с Г. И. Сижуким разделили обязанности таким образом: он отвечал за направления детской художественной самодеятельности, летнего отдыха детей в лагере «Цинновиц», встреч с немецкими детьми, я — за детские спортивные мероприятия, спортивные секции и кружки. Детские экскурсии — это было общее. Через два или три месяца Г. И. Сижук переверли работать в Цвиккау, куда они переехали на постоянное место жительства всей семьей. Хотя он довольно часто приезжал в Зигмар, но уже в полном объеме не мог участвовать в организации всех мероприятий. Мне пришлось заниматься организа-

цией и тех направлений, которые были закреплены за ним. При поддержке месткомов, женсоветов всех предприятий, профкома СГО «Висмут», партийной организации и руководства СГАО «Висмут» мы организовывали ежегодные детские смотры художественной самодеятельности, ежегодные спартакиады, поездки детей по местам боевой славы, работу детских спортивных секций, кружков художественной самодеятельности. Детская, как и взрослая художественная самодеятельность, была на самом высоком профессиональном уровне.

Смотры художественной самодеятельности проводились один раз в год в центральном клубе Зигмара, вмещающем более 400 человек. Свои концертные программы представлял каждый коллектив, продолжительность концерта составляла от 1 часа 30 минут до 1 часа 45 минут, независимо от количественного состава коллектива. Меня всегда поражало, какой богатой фантазией обладали наши женщины при составлении каждого номера программы. Какие красивые, на самом высоком профессиональном уровне, готовились и шились костюмы для детей. Как были профессионально отработаны номера, жесты и главное — непосредственность и огромная работоспособность детей. В концертах участвовали все дети. Особенно, конечно, доставалось маленьким коллективам. Например, в Цвиккау было всего лишь 14 детей всех возрастов, и они участвовали практически во всех номерах в течение полутора часов. В больших коллективах (Зигмар и Гера) было проще — там дети участвовали в одном или максимум двух номерах. Режиссерами номеров были жены наших сотрудников, они же сами придумывали и шили костюмы к каждому номеру. Все номера держались до выступления на концерте-смотре в строжайшей тайне. Когда мы сидели в жюри, оценивая выступления детей, очень тяжело было ставить оценки. И дети, и взрослые очень переживали за свои выступления. Сколько было обид, особенно со стороны взрослых, за якобы заниженные оценки, а оценивать приходилось все: и поведение детей, и режиссуру номера, и костюмы, и профессионализм выступления!!! Причем не делалось различий между возрастом детей, то есть хоть 3 года ребенку, хоть 15 лет — критерий оценок был один. Очень запомнились такие номера, как сценка Емели на движущейся печке, танец кукол, да вообще все номера были великолепны. По итогам этих концертов ежегодно отбирались 3–5 номеров для сводного взрослого и детского показательного концерта. Эти номера ежегодно вывозили в Берлин для выступлений перед правительством Германии и посольствами различных государств —

там отмечали очень высокий профессиональный уровень наших самодеятельных артистов. Очень тяжело было выбирать из десятков очень и очень хороших номеров 3–5 лучших номеров для показа в Берлине.

Примерно за два-три месяца до концертов (у меня не поднимается рука написать «художественной самодеятельности») от немецких коллег поступали заявки на бронирование мест для посещения наших концертов. Заявки намного превосходили количество мест в нашем клубе, поэтому, хотя наши немецкие коллеги и обижались, им на каждый концерт выделялось не более 20 билетов, 400-местный зал на всех пяти детских концертах был забит битком, приходилось ставить стулья в проходах. Поэтому по заявкам наших немецких коллег наши дети неоднократно выезжали для выступлений в различные немецкие клубы и учреждения.

В Доме школьника и детских организациях всех советских коллективов работало около 10–15 кружков и с десяток спортивных секций. Все наши дети посещали как минимум 4–5 различных кружков и секций. Детям там, как и взрослым, скучать не давали. Как они успевали делать при такой нагрузке домашние уроки, ума не приложу до сих пор. Поэтому и время там пролетело как одно мгновение.

Два или три раза в год старших детей вывозили на экскурсии по местам боевой славы. Основная экскурсия начиналась с Зееловских высот, затем в Потсдаме посещали музей Карлсхорста, где проходило подписание Договора о капитуляции, возлагали цветы и венки к памятнику Алеши в Трептов-парке, посещали Бранденбургские ворота, Рейхстаг и осматривали стену, разделявшую Восточный и Западный Берлин, посещали мемориал на месте бывшего концлагеря Заксенхаузен, музей Сан-Суси (резиденцию прусских королей). На эту экскурсию выезжали и взрослые специалисты с членами семей, некоторые бывали там даже по несколько раз.

В период летнего отдыха в Цинновце дети посещали бывший концлагерь на острове Узедом, откуда совершили побег на самолете 11 узников во главе с Героем Советского Союза летчиком Девятаевым.

Вообще немецкие коллеги много уделяли внимания и бережно поддерживали музей Боевой Славы, места захоронений наших воинов в Великой Отечественной войне.

В первые месяцы нашего пребывания в ГДР мы с Ритой обижались, что нас мало приглашают на различные, совместные с немцами мероприятия. А потом, когда нас загрузили по полной программе, мы стонали от этого бремени. Советско-немецкий коллектив производственного отдела Генеральной дирекции был очень дружным.

Совместные вечера позволили нам побывать в различных экзотических местах, получить от этого массу впечатлений, а также очень близко познакомиться друг с другом. Зачастую даже наши немецкие коллеги не подозревали о существовании таких мест, хотя они жили там постоянно. Эти встречи проводились как минимум два раза в месяц, и мы, то с Ритой, то всей семьей, обязаны были там присутствовать. Почти все эти мероприятия проводились под видом каких-либо экскурсий. Таким образом, мы побывали во многих интересных и исторических местах. Несколько раз были в Дрезденской галерее, в Берлине, в Лейпциге (в том числе и на знаменитой Лейпцигской ярмарке), в музеях-мемориалах, посвященных концлагерям Заксенхаузен и Бухенвальд, путешествовали по реке Эльба. Сейчас даже трудно все вспомнить.

Много еще можно написать, но тогда, я боюсь, придется издавать мои воспоминания отдельной книгой. Воспоминаются случаи из нашего быта: моя жена в магазине оставила кошелек с деньгами и хватилась только через 3 или 4 часа, пошли искать по всем магазинам, где она покупала, и в одном из магазинов нашли его в целостности и сохранности, лежащим на столе, где перекладывают продукты в сумки; жены после посещения магазина оставляли сумки на скамейке у подъезда, чтобы не подниматься в квартиру, и шли в другие магазины. Возвратившись, все сумки находили на месте. Все жильцы подъезда, в том числе и немецкие коллеги, дежурили по неделе, в обязанности дежурных входило закрывание подъезда и помещения для стирки белья вечером на ключ, подстрижка газона вокруг подъезда, уборка подстриженной травы и мусора около подъезда. Традицией «Висмута» являлись совместные празднования советским коллективом крупных праздников: встреча Нового года, 1 Мая, 7 Ноября. Женский коллектив накрывал праздничные столы в актовом или спортивном зале, и весь коллектив во главе с руководством весело и с большой выдумкой отмечал эти праздники. Готовили и показывали небольшие праздничные концерты. А как мы восторгались приездом к нам народных артистов СССР, которые выступали перед нашим коллективом, особенно запомнился своей работоспособностью и непосредственным, дружеским поведением Иосиф Кобзон. Он приезжал к нам ежегодно и давал по 2–3 концерта, так как зал не мог вместить всех желающих его послушать. Его концерты продолжались по 2–2,5 и более часов, нам со сцены он говорил, что петь не устает, что чем больше поет, тем больше ему хочется петь. Он говорил нам, что если мы в Москве

увидим его на улице, чтобы не стеснялись и подходили к нему с паролем «Висмут» и при этом мы будем ему дорогими гостями. В то же время довольно негативное впечатление произвел на весь наш коллектив своим поведением во время концерта Геннадий Хазанов. Произошел такой случай. Многие наши специалисты приходили на концерты с маленькими детьми, так как не всегда была возможность их оставить с кем-то. Так вот один из малышей заплакал во время выступления Хазанова. Тот остановил концерт и потребовал, чтобы этого ребенка удалили из зала, — аналогичные случаи происходили и раньше и позже, но никто из артистов не вел себя столь демонстративно и оскорбительно. В зале стояла полная тишина, пока Хазанов наблюдал, как выходят люди с ребенком. После этого концерт проходил под вежливые и равнодушные аплодисменты зрителей и закончился даже раньше срока. Большинство людей было возмущено нетактичным поведением Хазанова, мы и сейчас не смотрим по телевидению его выступления. Тот концерт Хазанова оставил гнетущее впечатление.

В последний год нашего пребывания в ГДР мне сказали, что через два года (перерыв между заездами в Германию должен был быть не менее двух лет) после нашего отъезда мне из СГАО «Висмут» пришлют вызов (это практиковалось, так как всем было выгодно не тратить время на обучение и адаптацию специалиста) на следующий цикл работы.

В день отъезда, за два часа до прихода автобуса, мы пригласили на наши проводы самых близких наших друзей и немецких коллег с моей работы (я не думал, что они придут, но долг вежливости этого требовал), в общем, человек 25–30. Ритины подруги помогли сделать закуски, напекли нам в дорогу пирожков. К назначенному времени собрались не только приглашенные, но и другие, в том числе и немецкие коллеги в полном

составе нашего производственно-технического отдела Генеральной дирекции. В квартире набилось человек 50. Когда подошел автобус, мы все вышли на улицу. И вот здесь я был шокирован, вся территория около дома была запружена людьми, которые пришли нас провожать. На проводы пришла вся советская колония, пришли и соседи-немцы. Наш отъезд задержался минут на 25–30, так как мы должны были попрощаться с каждым из пришедших персонально. Немцы — люди пунктуальные, но водитель автобуса терпеливо и благожелательно ждал нас.

Я несколько раз был свидетелем таких случаев: отправление автобуса на работу в 4 часа 25 минут, автобус трогается, а навстречу ему бежит опоздавший на несколько секунд советский специалист — так вот автобус, не останавливаясь, едет дальше, поскольку немцы опозданий не признавали. Другой случай: приходишь на остановку рейсового автобуса, в расписании написано, что отправление автобуса в 14 часов 11 минут, так вот если придешь в 14 часов 12 минут, автобус уже ушел, если придешь в 14 часов 10 минут, автобуса еще нет. От Зигмара до Карл-Маркс-Штадта добирались двумя видами транспорта: сначала автобусом, а затем трамваем. Происходило следующее — трамвай и автобус встречались на одной из остановок, открывались обе двери каждого транспорта, люди выходили из одного и пересаживались в другой. Двери закрывались, и каждый транспорт следовал по своему маршруту. И ни разу, ни я, ни другие люди не видели, чтобы происходили сбои в графиках движения. «Порядок, есть порядок!» — как говорят немцы. А наш случай оказался исключением из правил. Мы с Ритой и не подозревали, что уезжаем навсегда, так как через полтора месяца после нашего отъезда рухнет Берлинская стена, исчезнет с карты мира государство ГДР, прекратит существование СГАО «Висмут».

О работе на предприятиях «Висмута»

В структуру предприятий Тюрингии (г. Гера), куда меня направили работать, входили пять горнодобывающих предприятий: Шмирхау, Пайцдорф, Дрозен, Беервальде и Ройст. Меня направили работать на рудник Пайцдорф в качестве главного инженера шахты № 4. Кадровая структура советских специалистов, работавших на горных предприятиях, была однотипной: главный инженер рудника, главные инженеры шахт (от 2 до 4 специалистов на каждом руднике, в зависимости от количества шахт), геолого-геофизические группы советских специалистов на каждом руднике (из 2–5 человек),

заместители начальников производственного отдела на каждом руднике, маркшейдер рудника, заместители начальников режимно-секретной службы на каждом руднике, переводчики (1–2 человека на каждом руднике). В 1940–1950-х гг., по рассказам моего отца, Чумаченко Виктора Ивановича, работавшего на горнодобывающем предприятии СГАО «Висмут» в г. Иоганнсгеоргенштадт с 1951-го по 1956 г., в те времена на рудниках работали в основном советские специалисты — от рабочих и до руководства рудников. Затем постепенно происходило замещение советских специалистов — немецкими.

И уже в 1960–1980-х гг. на рудниках работали только группы советских специалистов (от 7 до 15 человек, включая и вспомогательный персонал техников-картографов, секретарей-референтов и переводчиков из числа советских специалистов).

О своей производственной деятельности в СГАО «Висмут» ни между специалистами (даже с друзьями), ни с женами распространяться было не принято. Поэтому я только мог догадываться, чем занимались мои коллеги по работе, и какие указания им давало советское руководство.

Передо мной главный инженер рудника Пайцдорф поставил следующую задачу: в период освоения немецкого языка (это в течение двух лет) знакомиться с коллективом шахты, ее руководством, организацией работ, направлениями горных работ, горными выработками шахты и т. д. И что самое главное — это не высказывать своих недуманных мнений немецким коллегам, что могло повредить репутации и авторитету советских специалистов. Еще в Москве, перед отъездом в ГДР, на инструктаже мне сказали, что немецкие коллеги стали очень высококлассными специалистами и существенно отличались от специалистов 10–15-летней давности, что любое ошибочное решение советских специалистов сразу же становится достоянием руководства, и затем восстанавливать свой статус-кво уже практически не представляется возможным. К сожалению, такие негативные факты были в действительности. Приведу небольшой пример: на совместных совещаниях (на любом уровне) обязательно работали переводчики (чаще всего один немецкий коллега, а второй — советский), которые переводили выступления специалистов обеих сторон, хотя часто в этом не было большой необходимости, так как наши специалисты довольно прилично, а многие и очень хорошо, владели немецким языком, а наши немецкие коллеги — русским. Это делалось в целях создания необходимого времени для подготовки ответа и, что главное — возможности сослаться на неточности перевода. Обо всех недочетах или ошибочных (по моему мнению) решениях немецких коллег, которые я обнаруживал в ходе работы, необходимо было сообщить главному инженеру рудника и, уже посоветовавшись с ним, что-либо предпринимать. Все как по пословицам: «Слово — серебро, а молчание — золото!» и «Язык мой — враг мой!» Не подумайте только, что мы постоянно молчали и бегали доносить на коллег, просто приходилось быть постоянно собранным и говорить только тщательно обдуманные слова, а это порой выматывало намного больше, чем сама работа.

Рабочий день на предприятиях начинался очень рано. На работу мы уезжали в 4

часа 25 минут утра, и в 4 часа 45 минут начинался наш рабочий день. Много позже я задал своим немецким друзьям вопрос — почему у них так рано начинается рабочий день. Они мне ответили, что когда-то кто-то решил, что утром у людей наибольшая активность и производительность, поэтому начало рабочего дня сделали очень рано. И что немцы, а не только мы, от этого мучаются, но изменить ничего не могут. Я вставал в 3 часа утра, делал зарядку, завтракал, брился, принимал душ, одевался и шел на остановку, к автобусу. Многие наши специалисты, судя по разговорам, вставали чуть ли не за пять минут до отъезда на работу. Наспех ополоснувшись, надевали верхнюю одежду и бежали к автобусу, а уже в автобусе натягивали носки, зашнуровывали туфли и приводили себя в порядок (не смейтесь, я был тому свидетелем). Главный инженер Объекта говорил, что разрешает одно или два опоздания каждого специалиста в год. А опоздание — это было уже непосещение работы, так как другого вида транспорта, кроме нашего заказного автобуса, на работу не было. Опозданий немецкие водители не признавали. Как я уже упоминал выше — трогались строго по графику и не останавливались, даже если видели, что навстречу бежит опоздавший специалист и машет рукой с просьбой остановиться. На каждое предприятие советских сотрудников вез отдельный автобус, и уходили они одновременно. Сотрудников возили на 48–50-местных автобусах «Икарус». В автобусе ехало 10–15 человек, но при этом каждому специалисту (по должности) было отведено строго определенное место, которое никто, кроме него, занимать не мог, как никто из нас не мог сесть на любое другое свободное место. Это место было зарезервировано и для вновь прибывающих сотрудников, заменивших уехавших в СССР. Это было сделано для того, чтобы сразу же определить — все ли на месте и никого ли не забыли, особенно на обратном пути, так как с работы уезжали только по команде, что все в сборе (иногда кто-то мог задержаться на совещаниях, проводимых нашими немецкими коллегами, и этого человека приходилось ждать), — команду давал старший по автобусу (у нас это был начальник режимного отдела).

Приехав на работу, все расходились по своим рабочим местам. Кабинет руководства шахты состоял из трех комнат: приемная секретаря шахты, направо — кабинет начальника шахты и налево — кабинет, где сидели мы с немецким коллегой Францем (имя точно не помню) — оберштейгером. Далее по коридору располагались кабинеты начальников участков, механика и энерге-

тика шахты. На шахте работало 160 человек, включая руководство. На нашей шахте было три участка, на каждом участке работали по четыре-пять бригад. Работа была двухсменной. Сразу же после прихода на рабочее место секретарь приносила в чашечка кофе (40 пфеннигов — черный кофе без сливок и 50 пфеннигов — со сливками). В 4:55 мы все шли в кабинет начальника шахты и начиналось утреннее совещание, где начальникам участков ставились задачи на смену. Для этого использовались специальным картами, сплетенные в книги 12-го формата (на каждый участок была своя книга), в нее был вшит снизу маркшейдерский план горных работ на месяц, а сверху — пластиковый лист с фактическими данными, нанесенными фломастерами. После этого начальники участков и мы, руководители шахты, если это было необходимо, шли переодеваться и спускались в шахту. Начальники участков шли в шахту выдавать наряды рабочим, а мы на обход горных работ шахты.

С такой организацией работ, которая практиковалась на рудниках СГАО «Висмут», я ни разу не сталкивался, хотя в СССР бывал на десятках рудников. Для того чтобы спуститься в шахту, необходимо было взять с табельной доски несколько цветных жетонов (в частности на нашей шахте — 3 черных и 3 белых) по количеству участков на шахте. Каждый участок имел от 2 до 4 выходов. Перед входом на участок висел щит, разделенный на 2 части (вход и выход), при входе мы вешали белый жетон со своим номером на часть щита входа, а если выходили через этот же выход, то белый жетон снимался, если выходили через другой выход, то вешали черный жетон на часть щита выхода. И так, если мы проходили все три участка, то расходовалось 6 жетонов обоих цветов. В конце смены специальные рабочие снимали эти жетоны и с каждого горизонта передавали данные в диспетчерскую службу на монитор, где была установлена специальная программа: сначала перечислялись номера белых жетонов, затем номера черных жетонов. Если номера совпадали, они исчезали с экрана. Если же хоть один номер не исчезал с экрана, сразу же начинались поиски этого человека. Мне рассказывали, что один раз был случай, кстати, с советским специалистом, что он забыл повесить черный жетон. И потом этого человека несколько часов искали, пока не обнаружили его дома — это был большой скандал. Если после доклада взрывников, что готовые к взрыву забои подключены к общей взрывной сети, монитор показывал 0, то диспетчер нажимал кнопку «Взрыв» на своем пульте и одновременно производилось взрывание всех забоев рудника.

Заряжание забоев и монтаж взрывной сети производились в любое время смены (у нас, в СССР, — только между рабочими сменами, либо в самом конце рабочей смены). После заряжания забоя и монтажа взрывной сети перед входом в забой вывешивался аншлаг «Gespergt!» — «Проход закрыт!». Вспоминается интересный момент. Мы в составе большой комиссии, в которой был и представитель Госгортехнадзора, начальник отдела техники безопасности, руководство рудника и шахты делали обход рабочих мест по технике безопасности. Подошли к одному из забоев. В пяти метрах от забоя был вывешен на проволочных растяжках аншлаг «Gespergt!», а забой был подготовлен к взрыву (заряжен взрывчаткой и смонтирована взрывная сеть) и ни одного человека на охране, кроме аншлага на растяжках. Вся комиссия остановилась у аншлага и рассматривала забой с помощью шахтерских фонарей, но никто, повторяю, никто не пошел к забоям. У нас бы все сразу же перепрыгнули через проволоку и устроили грандиозный скандал со всеми соответствующими отсюда последствиями (лишением премий, выговорами, вплоть до увольнения).

В первые мои спуски в шахту со мной спускался переводчик (два раза) — на нашей шахте никто из немецких коллег русским языком не владел, знали несколько слов типа «здравствуй» и «до свидания», а после мне сказали, что у переводчиков много работы и чтобы я быстрее сам осваивал немецкий язык. Поэтому изучение расположения горных выработок нашей шахты мне пришлось проводить самостоятельно. Для этого я брал в маркшейдерском отделе выкопировку из плана горных выработок и ходил изучать шахту. В первое время я спускался в шахту либо с начальником шахты, либо с оберштейгером, но это было неудобно, так как они ходили очень быстро и целенаправленно, и изучить все не было возможности. Единственное, что я получил, спускаясь вместе с ними, это правила поведения в шахте. Выход из шахты ранее установленного окончания смены (это в 10 часов, когда шла специальная рейсовая клеть для ИТР), производился только по пропускам зеленого цвета, который нужно было брать у секретаря шахты.

В самом начале моей работы в качестве главного инженера меня заинтересовало несколько моментов.

Первое — это освещение горных выработок. На рудниках СГАО «Висмут» освещались только сопряжения горных выработок, околоствольные двory, места входов на участок, где были установлены щиты для жетонов, и забои горных выработок, где в настоящий момент проводились

работы (они освещались прожекторами). Остальные горные выработки, даже основные — освещения никакого не имели, даже не было кабелей и арматуры. Я как-то спросил у своих немецких коллег, почему у них в шахте отсутствует освещение. Этот вопрос их очень удивил, и они меня спросили: «Володя (так меня звали немецкие коллеги), а что тебе не хватает света твоей шахтерской лампы?» Когда же я им объяснил, что по нашим правилам техники безопасности требуется круглосуточное освещение всех горных выработок стационарными светильниками, установленными через каждые 6 метров, кроме забоев горных выработок, которые освещаются прожекторами, это их просто поразило, зачем нужен такой расход электроэнергии. Я как-то подсчитал, сколько мы тратим на электроэнергию в шахте. Узнал у энергетика количество лампочек, их напряжение, умножил на 365 дней в году, умножил на стоимость электроэнергии для промышленных предприятий, прибавил стоимость самих лампочек (в среднем они меняются один раз в квартал), стоимость арматуры, кабелей и у меня получилась цифра более 10 млн рублей в год — это по ценам до 1991 г. Если не верите, посчитайте сами! В СССР тысячи, если не десятки тысяч рудников и шахт, и эти деньги выбрасываются просто на ветер. И никто из руководителей нашего государства об этом даже не думает. А ведь это почти 10–15 %, если не больше, всего годового бюджета России.

Другой интересный момент: документация по ведению горных работ. С самого начала меня удивило, что в кабинетах руководителей шахты и начальников участков очень мало служебных и технических документов. Оказывается, в каждой бригаде на рабочем месте имела папка с типовыми паспортами всех видов проходимых выработок, у нас же на рудниках СССР необходимо составлять на каждую, даже одинаковую по характеристикам горную выработку, отдельный именной паспорт. Такой паспорт содержит от 20 и более листов различных заполненных бланков, чертежей и схем. То есть если у нас на 10 проходимых горных выработок требуется 10 паспортов, то в СГАО «Висмут» всего один. А сколько же леса необходимо для изготовления такого количества ненужных бумаг?! Сразу же после приезда из ГДР мы в Степногорске со своими коллегами, которые работали ранее в СГАО «Висмут», пытались внедрить на наших горных предприятиях опыт работы «Висмута». Мы объясняли, приводили примеры, показывали экономию, а она достигала астрономических цифр! Некоторые руководители с нами соглашались, но беспомощно разводили руками, а в конце кон-

цов нам дали ясно понять, что Германия есть Германия, а СССР — это СССР, и это в самой передовой отрасли — Минсредмаше!

О том, что в СГАО «Висмут» уделялось большое внимание внедрению самых передовых технологий и техники, говорит следующий факт. Как-то в октябре 1984 г. нас, советских специалистов рудника Пайцдорф, пригласил на совещание главный инженер Объекта и поставил задачу на поездку советских специалистов на осеннюю Лейпцигскую ярмарку. Цель командировки — поиски новых горнодобывающих технологий и новых видов техники для внедрения на предприятиях СГАО «Висмут». Машина была заказана от предприятия. Утром следующего дня все советские специалисты выехали в г. Лейпциг. Сначала мы прошли в павильоны к стендам, где была выставлена горная техника различных стран мира, просмотрели образцы, взяли проспекты и разбежались по павильонам ярмарки. Конечно, одного рабочего дня для обхода всех экспозиций было недостаточно — я думаю, что не хватило бы даже и недели. Кто там был, со мной согласится. Кстати, на ярмарке мы встретили наших специалистов и с других предприятий. На следующий день мы составили отчет о поездке на ярмарку на основании образцов и проспектов, со своими предложениями о внедрении в производство. Этот отчет был представлен главному инженеру, а затем далее — руководству СГАО «Висмут». Такие поездки совершались регулярно, два раза в год (на весеннюю и осеннюю ярмарки) и ежегодно. Я был там раз семь или восемь.

Каждую неделю мы с немецкими коллегами, руководителями шахты, проводили осмотр рабочих мест для контроля выполнения требований технологии и техники безопасности. Как-то вместе с оберштейгером шахты мы пришли в забой, где рабочий производил бурение шпуров с помощью буровой каретки. При осмотре я обратил внимание, что рабочий производит бурение шпура в «стакан» (это остаток предыдущего, не полностью взорванного шпура), что категорически запрещалось и у нас в СССР, и в Германии. Я глазами указал на это оберштейгеру. Он кивнул в ответ, подошел к сопровождавшему нас звеньевому, что-то ему объяснил, тот подошел к рабочему и показал, чтобы он выключил буровую установку и покинул рабочее место. Рабочий молча взял самоспасатель и ушел в направлении выхода из забоя. После окончания обхода мы подошли к стволу шахты, чтобы выехать на итээрвской клетки на поверхность, и я увидел этого рабочего, ожидающего посадки на клеть. При посадке оберштейгер показал стволу своему свой зеленый пропуск

и показал на рабочего, после этого нас пропустили на клеть и подняли на поверхность. Когда мы помыслили в душе и пришли в кабинет, нас уже ожидал этот рабочий. Оберштейгер написал какую-то записку, отдал ее рабочему и тот ушел. Я спросил у коллеги, какое решение принято относительно нарушителя правил безопасности, и он мне ответил, что этот рабочий на месяц переведен на поверхностные работы. Что меня удивило — все это делалось молча, без всякой бумажной волокиты, объяснительных, приказов, распоряжений, пересдачи экзаменов по ТБ и т. д., а ведь при этом рабочий терял в зарплате более 500 марок. Я специально в календаре сделал пометку, и через месяц увидел этого рабочего, отдающего записку от начальника поверхностного комплекса оберштейгеру, который поставил пометку на записке и сказал, чтобы рабочий шел на участок в бригаду и продолжал работу.

Раз в месяц, в последнюю неделю, комиссия, с участием представителей профсоюза, руководства рудника, представителей охраны труда и др. проводилось обследование всех рабочих мест шахты. При осмотре учитывались: порядок в забое, чистота оборудования, отсутствие нарушений техники безопасности, внешний вид рабочих бригады и некоторые другие факторы. На основании опроса членов комиссии составлялась общая оценка по пятибалльной системе. При получении отличной оценки все рабочие бригады получали премию в размере 150 марок, звеньевые — по 200 марок и бригадир — 250 марок, также дополнительную премию получало и руководство участков и шахты. Так вот, у меня произошел небольшой казус. Мы осматривали один из забоев, я отвлекся, осматривая буровую установку, и вдруг слышу, что начальник шахты задает мне вопрос: «Володя, а как твое мнение по порядку в бригаде?» У меня замечаний не было, и поэтому я ответил, что все очень хорошо. После этого меня спросили, какую оценку я ставлю, на что я ответил, что ставлю пять. После моего ответа вдруг наступила тишина, я поднял глаза и увидел, что все изумленно смотрят на меня. Потом начальник шахты осторожно спросил, почему я ставлю 5, если сказал, что все очень хорошо. Я тут же сообразил, что у немцев ведь совсем другая система оценок: у них 5 — это очень плохая оценка, а 1 — это отлично. Я извинился и сказал, что ставлю 1, объяснив, что задумался и перепутал советскую систему оценок с немецкой! После этого минут пять все хохотали и обменивались мнениями, что тоже забыли, что у нас все наоборот. Мы с немецкими коллегами еще долго, по крайней мере, до моего отъезда в Зигмар, со смехом вспоминали этот казус.

Еще интересный случай. В СССР мы привыкли, приходя в забой, задавать вопросы встретившимся по пути рабочим, на которые они отвечали. В Германии же было все по-иному. Однажды кто-то из коллег обратился с вопросом к рабочему, который проходил мимо нас в забое, рабочий нам ответил, что ему разговаривать некогда, что на все вопросы ответит звеньевой, который находится дальше в забое. Как мне потом объяснили, у немцев не принято разговаривать, для этого есть звеньевой или бригадир, которые являются представителями бригады для общения с посторонними лицами.

Вообще вот на что я обратил внимание. Немецкие рабочие в забое вроде бы не торопились, а производительность труда у них была процентов на 40÷50 выше, чем на наших рудниках, — за счет очень четкой организации работы. Немцы занимались конкретным прямым делом. После окончания смены звеньевой записывал в наряде не только объем выполненной работы, но и перечень, и количество необходимых для следующей смены материалов. Специальные рабочие-доставщики в начале следующей смены доставляли в забой все необходимое оборудование и материалы, разгружали их и аккуратно укладывали. У нас процентов 40 рабочего времени люди тратят на то, чтобы получить и принести недостающие материалы, много тратится времени на ненужные разговоры и суетню в забое. Хотя нужно признать, что наши рабочие по своему профессионализму не только не уступают своим оппонентам из Германии, но и превосходят их.

О рациональном и бережном отношении немцев к работе можно судить по следующему факту. Отработка линзообразных рудных тел шириной несколько десятков метров, примерно такой же высоты и до 100 м длиной производилась слоевой системой разработки с заполнением отработанных камер твердеющей закладкой. Закладка подавалась по трубам с закладочного завода, находящегося как бы в центре от расположенных по дуге окружности (примерно на равных расстояниях друг от друга) ГДП (Шмирхау, Пайцдорф, Беервальде, Дрозен и Ройст). Расстояние доставки твердеющей закладки по горизонтали составляло примерно 1400–1500 м, а по вертикали — от 100 до 800 м.

Камеры размером 6 × 6 м и длиной 80–90 м с обеих сторон закрывались перемычками для формирования закладочного массива. Так вот, в качестве перемычек немцы использовали прочную синтетическую ткань неплотной вязки (примерно как марля) для пропуска жидкости, выделяющейся из твердеющей закладки. Ткань крепились к стойкам, установленным вплотную к бор-

там выработки. На одной, нижней стороне выработки монтировалась глухая перемышка, а на другой — под самой кровлей вырезался клапан (1 × 1 м) для ввода закладочной трубы и контроля заполнения камеры закладкой. Такие перемышки монтировались в течение одной смены и были очень дешевыми. На отечественных рудниках для этих целей (на сотнях рудников) возводились деревянные перемышки из досок толщиной 50–70 мм и круглого леса. Расход леса при этом составлял — 5 ÷ 10 куб. м (в зависимости от размера) на одну перемышку, и каждая перемышка возводилась в течение 2–3 смен. Так вот, представьте себе расход леса, времени и стоимости такой перемышки, которая включалась в себестоимость добываемой руды.

После заграничных командировок я пытался перенести этот опыт на несколько отечественных рудников, но это оказалось бесполезным делом, а ведь позволило бы снизить себестоимость тонны добываемой руды процентов на 5.

Очень интересно и оригинально немцы решили вопрос со льготным подземным стажем своих работников. Минимальное количество ежемесячных спусков в шахту должно было быть не менее 12 раз, это засчитывалось как месяц льготного стажа и не только для тех, кто официально работал на горных работах, а и для любых людей, которые по роду своей деятельности спускались в шахту. Если работник спускался в отчетный месяц, допустим, 9–11 раз, то ему этот месяц не учитывался как льготный. Но если он в последующие месяцы спускался еще 1–3 раза, то у него уже был 1 месяц льготного стажа, и таким образом, допустим, в течение нескольких лет, складывая по месяцам, человек зарабатывал себе 10 лет подземного льготного стажа для досрочного получения пенсии.

Обедали мы в советской столовой, которые были организованы почти на всех предприятиях, где работали наши специалисты. Поварами работали либо наши жены, либо женщины из близлежащих воинских частей. Готовили очень хорошо и разнообразно. Ассортимент блюд практически никогда не повторялся, готовили пельмени, отбивные, котлеты, окорочка, борщи, супы и т. д. Это была домашняя кухня. Многие немецкие руководители рудника ходили обедать в нашу столовую, им очень нравилось, как готовили наши женщины. Немецкая кухня была не очень аппетитной, немцы на пищу не обращали особого внимания.

Для всех работников рудников, кто был связан с добычей урана (рабочих и ИТР, в том числе и наших специалистов), в целях профилактики ежемесячно бесплатно выдавалось по несколько литровых бутылок водки. Я часто видел, как немецкие коллеги тащили полиэтиленовые упаковки с бутылками водки. Наши специалисты эту водку не брали; мне объяснили, что ее пить нельзя. Как-то мы взяли ради интереса одну бутылку такой водки, приехали с работы, зашли в кантину, налили в рюмки по 50 граммов и попытались выпить. Это было что-то невероятное — мы ее пихали в рот, а она лезла обратно, еле пропихнули, и то потому, что неудобно было выплевывать на пол в кантине. Горькая вода. После этого я понял, почему наши отказывались ее брать, но не мог понять, как ее могли пить немцы.

То, о чем я написал, думаю, будет интересно и многим висмутянам, так как об этом было известно только узкому кругу специалистов — главным инженерам рудников, шахт, начальникам производственных отделов и частично геологам, геофизикам и маркшейдерам рудников, а их было не так много в коллективе СГАО «Висмут».

В июне 1985 г. меня перевели работать в производственный отдел Генеральной дирекции СГАО «Висмут» на должность куратора горных предприятий Тюрингии (г. Гера). На этой должности я заменил Виктора Бедина, который уезжал в СССР в связи с окончанием срока заграничных командировок. Он мне передал стол, стул и сейф в кабинете. В сейфе лежала одна толстая папка, где было собрано около 700 анекдотов. Бедин мне объяснил, что тот, кто замещает эту должность, является ответственным за сбор новых анекдотов от наших специалистов и добавляет в эту папку, а при отъезде передает ее своему преемнику. Судя по датам, если мне память не изменяет, эту папку начали вести с начала 1960-х гг. За 4 года я добавил где-то около 10 новых анекдотов. Интересно, куда делась эта папка после закрытия СГАО «Висмут»? Кстати, о существовании этой папки знали

почти все сотрудники и руководство Генеральной дирекции, а также читали ее.

Руководили производственным отделом Эрвин Кринке — начальник отдела и его заместитель — Петр Ильич Балковой.

В одном кабинете со мной сидел Евгений Иванович Панов (вместе с ним мы работали в ПТО управления Целинного горно-химического комбината г. Степногорска в Казахстане), он занимал должность куратора горных предприятий Саксонии (города Ауэ и Цвиккау), а в соседнем кабинете располагался Виктор Фомич Саенко, занимающий должность куратора предприятия Кенигштайн и инженера по новой технике. Где-то в конце 1987 г. П. И. Балковой, уехавшего по окончании заграничных командировок в СССР, заменил на должности заместителя нашего отдела Юрий Григорьевич Мягкохлебов, работавший в СССР главным инженером Кировоградского комбината (на Украине), на котором производилась добыча урана.

Профиль работы отличался от профиля работы главного инженера шахты. В наши обязанности входило составление различного рода отчетов, в том числе и секретных для отправления в Москву, получение и обработка отчетов с горнодобывающих и перерабатывающих предприятий «Висмута», посещение горных предприятий СГАО «Висмут», обследование с главными инженерами рудников, мест в шахте, где могли возникнуть какие-либо опасные ситуации, передача главным инженерам горнодобывающих предприятий указаний руководства СГАО «Висмут», в том числе и по советской линии, которые не предназначались для озвучивания третьим лицам, дежурство по СГАО «Висмут», участие в различного рода совещаниях, проводимых как совместно с немецкими коллегами, так и среди советских специалистов и т. д. и т. п.

То, как пишутся бумажки, я думаю, не представляет ни для кого никакого интереса. Самый простой способ — это передрать с 2–3 бумажек на одну и выдать ее за свой опус. Более тяжелый труд, когда неоткуда сдирать, — приходится задумчиво смотреть в потолок, окно, на стены, пол, чесать ручкой затылок и в муках рожать подобие какого-то документа. Поэтому я хочу рассказать о том, что выходило за пределы рутинной работы.

Рабочий день в Генеральной дирекции начинался относительно поздно — в 6 часов утра, но и это была радость по сравнению с 4:45 на горнодобывающих предприятиях. От поселка, в котором жили советские специалисты, было 25–30 минут неспешной прогулки, которую мы совершали вместе с Е. И. Пановым и В. Ф. Саенко, частенько к нам присоединявшемуся. Рабочий день начинался с чашечки традиционного кофе, подаваемого секретаршей, коротенького

Коллектив производственного отдела ГД с женами, 1986 г.

совместного с немецкими коллегами совещания, и совещания в кругу советских специалистов, на которых докладывались последние новости за прошедшие сутки. Далее каждый занимался делами согласно полученным от руководства указаниям.

Так же, как и в Гере, два раза в год нас откомандировывали на Лейпцигскую ярмарку с той лишь разницей, что ездили мы вместе с немецкими коллегами.

Несколько раз в году (5 или 6 раз) все сотрудники нашего отдела (и немцы, и мы) должны были дежурить в качестве ответственных дежурных по СГАО «Висмут». Дежурство длилось неделю. Мы должны были в любое время суток по вызову диспетчера СГАО «Висмут» выезжать на расследования несчастных случаев, аварий и других различных происшествий. При уходе куда-либо хотя бы на некоторое время мы должны были оставлять диспетчеру телефон, по которому нас можно было найти. Не разрешалось во время дежурства выезжать на экскурсии, в дома отдыха, на соревнования в другие города, на встречи с немецкими коллегами, пить спиртное. В течение дня ни разу не было случаев (по крайней мере у меня), чтобы поступали вызовы, а вот ночью мне за все время моей работы в ГД пришлось выезжать раз 5 или 6. Один раз на аварию и несколько раз на расследование несчастных случаев, в том числе и на один со смертельным исходом. Мы входили в состав комиссии, в которой участвовали руководители предприятий, представители немецкого профсоюза, Госгортехнадзора, представители отделов техники безопасности и прокуратуры. Комиссия проводила предварительное расследование происшествия с составлением и подписанием акта. Последующее рассле-

Петр Балковой и Эрвин Кринке на бригадном вечере производственного отдела Генеральной дирекции, 1986 г.

дование, в зависимости от тяжести происшествия, велось созданной приказом комиссией, в которую мы уже не входили. После возвращения с расследования мы должны были утром доложить подробности происшествия руководству своего отдела и после этого — немедленно — главному инженеру СГАО «Висмут». Очень интересен момент системы наказаний за производственные несчастные случаи с немецкой стороны и с советской. Немцы очень тщательно проводили расследование несчастных случаев и аварий. И если обнаруживалось нарушение правил безопасности самим пострадавшим, то никто не наказывался, даже замечаниями и выговорами. Немцы считали, что пострадавший уже сам наказал себя, а непосредственные руководители (звеньевой, бригадир, горный мастер, начальник участка и т. д. и т. д. до руководства рудника) не могут постоянно контролировать всех рабочих в процессе работы и поэтому их обвинять не в чем. А вот по советской стороне, за несчастные случаи и аварии, произошедшие с немецкими рабочими, все советские специалисты (включая и машинисток), работающие по контракту, лишались премии, либо частично, либо полностью. Я думаю, об этом помнят все работники СГАО «Висмут». Как мы удивлялись и возмущались этой несправедливостью.

Выезжая на расследования происшествий, мне удалось побывать два раза на самой глубокой в Европе шахте — ГДП «Ауэ». Я спускался на предпоследний горизонт по комплексу слепых стволов и был в тех забоях, где температура воздуха достигала 30°C, несмотря на работу холодильных установок, и рабочие работали чуть ли не в трусах, а из шпуров текла горячая вода.

Очень интересно отношение к одежде. Немецкие коллеги, работавшие в Генеральной дирекции, кроме руководителей отделов и руководства комбината, относились к одежде очень вольно. У нас в отделе работали немецкие сотрудники, которые в летний период приходили на работу в драных шортах, майках, рубашках, полы которых не сходились на торсе, в домашних тапочках, что у нас вызывало, по крайней мере, удивление, но никто из немецких коллег не обращал на это внимания. Мне В. Ф. Саенко рассказывал случай, которому он был свидетелем. Как-то в доме отдыха «Активист» в Обервизентале один из советских сотрудников вышел на лыжную прогулку в костюме и при галстукке, а тут на его беду навстречу ему попался генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук, который, вежливо поздоровавшись, спросил: «Что, вы, видимо, мало зарабатываете, и вам не хватает денег на приобретение спортивного костюма?»

И предложил одолжить ему 500 марок на приобретение костюма. Этот сотрудник чуть не сгорел со стыда, бросил прогулку, забился в номер и не выходил до самого отъезда из дома отдыха. Я думаю, что многие специалисты слышали об этом курьезном случае. Мы с Саенко еще думали, как бы мы поступили, окажись на месте этого бодолаги, и пришли к мнению, что, скорее всего, одолжили бы у С. Н. Волощука эти 500 марок.

Однажды — то ли в конце августа, то ли в начале сентября — меня, В. Ф. Саенко и Е. И. Панова пригласил на совещание П. И. Балковой и поставил перед нами «производственную задачу». Немецкие коллеги из нашего отдела с женами собираются ехать на выходные дни на озеро в бунгало и изъявили желание полакомиться настоящей русской ухой. Балковой велел подготовиться к этой поездке (без жен) для того, чтобы наловить рыбы, сварить уху и угостить немецких коллег, так как укрепление дружбы является основной задачей нашего пребывания на земле Германии. Задача была поставлена и принята к исполнению. Ну ладно, Балковой, Саенко и Панов были фанатиками рыбалки, а я спиннинг видел только на картинках. Балковой сказал, что возьмет снасти и для меня, Панов должен был купить пуффрайс (наживку для рыбы), а Саенко — сварить кашу для кормушек. В пятницу вечером за нами подошла машина, и мы, одетые по-рыбацки (по крайней мере, Балковой, Саенко и Панов), покатали на озеро, где для нас было зарезервировано одно четырехместное бунгало. В половине четвертого утра нас растолкал Петр Ильич (оох... как тяжело было вставать). На улице темно, хоть глаз выколи. Хорошо, что с вечера мы подготовили лодку. Поплыли мы в залив, метрах в 300–400 от бунгало. Залив имел форму клина, длиной метров 80 и шириной у входа около 100 м. На противоположной стороне был устроен причал с пришвартованными к нему катерами и яхтами. И темнота... только один сиротливый огонек у входа на причал. Устроились мы в самой широкой части залива. Слева от меня, чуть впереди, метрах в 5–6 сидел Е. И. Панов. Справа, чуть сзади, на таком же расстоянии находился П. И. Балковой и далее, правее его, — В. Ф. Саенко. Я извлек из чехла спиннинг, наощупь в кормушку набил кашу, а затем, протыкая пальцы, из кульки, выданного мне, на крючки надел пуффрайс. Придерживая указательным пальцем катушку (как мне объясняли теоретически), размахнулся спиннингом и бросил кормушку вперед. Катушка начала раскручиваться, но всплеска упавшего грузила я не услышал, по-

думал самодовольно — ни фига себе, как я далеко бросил, видимо, к самому причалу на той стороне залива. Укрепил спиннинг, повесил на него колокольчик и устроился ждать, когда клюнет рыба. Прошло несколько минут... И тут раздается спокойный голос Петра Ильича: «Володя, ты свою кормушку с меня убери!» Оказывается, моя кормушка прилетела прямо на него, хорошо, что не повредила, а то бы была производственная травма. Короче, решением общего совета, на котором мне слова не давали, меня отстранили от рыбалки, пока я не научусь забрасывать спиннинг. Когда рассвело, меня отправили на лут, который находился за нашей спиной, учиться забрасывать спиннинг. Я тренировался примерно часа два, пока не научился бросать леску, чтобы она падала в секторе с углом примерно 60° передо мной. После моего обучения мы перешли рыбачить на мыс. Здесь меня поставили с краю, чуть в стороне от остальных, чтобы я не мешался. Но моя кормушка почти все время летела и падала между снастей Балкового, Саенко и Панова,

что вызывало нежелательные отзывы о моих способностях. В тот день мы поймали 44 рыбы на всех, и моих было 18 штук. Вот что значит, что новичкам везет! Где-то в половине одиннадцатого утра мы поплыли назад, пора было начинать готовить уху. Немецкие коллеги уже встали, и побритые, помытые, благоухающие парфюмерией вместе с женами вовсю катались по озеру на байдарках, а увидев нас, подплывали посмотреть наш улов. При этом мы чувствовали себя не очень уютно с синяками под глазами, небритыми, в рыбацкой одежде, пропахшей рыбой. Приведя себя в порядок, мы приступили к приготовлению ухи, руководил этим процессом Петр Ильич. А немцы в это время начали жарить боквурсты. Когда все сели за стол, всем немецким коллегам налили по миске русской ухи из немецкой рыбы и к этому — по полстакана водки. Немцы очень хвалили, правда, непонятно что, то ли водку, то ли уху, то ли боквурсты. Назад мы возвращались гордые, с чувством хорошо выполненного долга и «производственного задания».

Маргарита Эдуардовна Чумаченко

Находилась в «Висмуте» с 1984-го по 1989 г. с мужем В. В. Чумаченко.

Пять лет пролетели как одно мгновение...

Обязанностью жен советских специалистов, приехавших в ГДР, являлось обеспечение быта мужей, которые работали на предприятиях СГАО «Висмут». Это включало уход за детьми, покупку продуктов и приготовление пищи, стирку и глажку белья, уборку в квартире и другие домашние заботы. Кроме этого, женщины активно привлекались к общественной и политической жизни коллектива советских специалистов.

По приезду в г. Гера, куда направили на работу моего мужа, Чумаченко Владимира Викторовича, нам сразу же предоставили полностью меблированную трехкомнатную квартиру. С собой (об этом нам говорили на инструктажах в Москве) мы привезли целый чемодан мелких кухонных принадлежностей и три чемодана личных вещей для всей семьи, состоящей из четырех человек.

Что меня удивило в первый момент после входа в квартиру, это величина холодильника, который стоял на подставке в кухне. Величина его была сантиметров 60 в высоту и сантиметров 40 в ширину. Закупку продуктов для приготовления пищи женщины делали ежедневно. В продуктовых магазинах не принято было покупать килограммами, все измерялось в граммах: 50–100 граммов колбасы, столько же сыра, полкилограмма различных фруктов и т. д. Чтобы купить продукты на выходные дни, когда магазины были

закрыты, приходилось покупать в двух-трех магазинах. Например, мясо: брали полкилограмма в одном магазине, а затем шли в другой и брали еще полкилограмма такого же мяса. Продукты тоже по качеству отличались от наших, вначале все казалось безвкусным — синтетическим. Мясо было обезжиренным, в основном вырезки, а по типу — свинина. Сварить настоящий борщ — это была проблема. Мясо наваристого бульона не давало. Свинина, конечно, была превосходной, боквурсты, ротвурсты, у нас таких в то время не продавалось (вообще немцы понятия не имели, что такое борщ, пельмени, вареники, пирожки). Что удивляло и нравилось, так это уценка продуктов. В субботу магазины работали до 11 часов дня, утром привозили клубнику или черешню, 1 кг утром стоил 3,5 марки, а к 10 часам уценили до такой степени, что за 1 марку можно было купить целый ящик (3–3,5 кг), чем мы почти всегда пользовались.

Как-то произошла смешная история с сыром. Я решила побаловать семью и купила граммов 50–70 французского сыра «Рокфор», принесла домой и положила в холодильник. Затем ушла по делам. Когда пришла домой, увидела, что муж чистит канализацию на кухне, промывает трубы водой. Я спросила, зачем он это делает, на что он ответил, что когда зашел в квар-

Спектакль «Муха-Цокотуха». Дом школьника, 1986 г.

На фото справа: Детский новогодний утренник. Дом школьника, 1986 г.

тиру, в нос ударил запах канализации, проверил все и решил, что засорились трубы. Ну раз чистит, то чистит. Подошла к холодильнику, открыла его, и в нос ударило зловоние, я даже забыла про сыр, потом разобрались и долго смеялись. И муж, и дети отказались кушать этот очень дорогой деликатес. Видимо, для его употребления надо было быть очень крутым гурманом, не обладающим чувством обоняния. Проблема была с молочными продуктами, вернее выбор молочных продуктов различного характера в магазинах был богатейший, но не было сметаны и творога, немцы даже понятия не имели, что это из себя представляет. Сметану изредка покупали в военторговских магазинах, брали литровыми банками, которых хватало ненадолго. Военторговские магазины были очень далеко, и не всегда хватало времени до них добраться. Где-то года через полтора после нашего приезда кто-то нам дал рецепты приготовления творога и сметаны в домашних условиях. Для творога покупали 2 литра сливок и маленькую 250-граммовую бутылочку очень кислой закваски (типа нашего айрана), выливали все это в тазик, тщательно размешивали и ставили в тепло на 2–3 дня, получалась простокваша. Верхнюю часть мелко нарезали ножом и ставили на медленный огонь, простокваша сворачивалась, и получался творог. Главное, чтобы при варке не переварить и не доварить (чтобы творог был мягким, но не жидким и не твердым). Сметану делали тоже смесью различных ингредиентов, которые продавались во всех немецких магазинах. После того как научились делать творог и сметану, начали часто делать вареники с творогом, сырники, пирожки, борщи со сметаной и т. п.

После переезда в июне 1985 г. в поселок Зигмар я в первое время вела группу детского сада и оказывала помощь директору Дома школьника (типа Дворца пионеров в СССР) Волковой в организации работы. После отъезда Волковой в СССР, в октябре 1985 г., меня как педагога, имеющего высшее обра-

зование и опыт работы с детьми, утвердили в должности директора Дома школьника.

В Доме школьника работали женщины, которые за небольшую плату (150–200 марок) вели различные кружки и спортивные секции, также работали и мужчины, но уже в порядке общественной нагрузки — без оплаты.

Дом школьника работал с 15 до 21 часа. Мой муж возвращался с работы в 16 часов, когда я уже уходила на работу, а когда я возвращалась с работы, он уже готовился ко сну. Поэтому мы с ним практически не делились всю неделю, до выходных. Дети тоже уходили в различные кружки и спортивные секции до вечера. Со старшей дочерью Анжеликой муж еще встречался два раза в неделю по полтора часа (кроме выходных), так как он тренировал секцию волейбола у девочек, а Лика в нее ходила. А вот младшую Аню он иногда не видел целую неделю — она все время проводила в Доме школьника в различных кружках, даже иногда делала там уроки. Дети приходили в Дом школьника не только в кружки, но и пообщаться между собой, посмотреть телевизор, поиграть в различные игры.

Дом школьника организовывал всех детей поселка Зигмар. Там проводились различные мероприятия. К основным из них относились следующие: организация дружеских встреч с немецкими детьми, подготовка и проведение новогодних праздников, подготовка программы к смотру художественной самодеятельности, подготовка и проведение торжественных шествий в честь крупных праздников (1 Мая, День Победы, ноябрьских праздников), подготовка и проведение различных спортивных соревнований, в том числе и спартакиады среди школьников.

При организации встреч с немецкими детьми (примерно раз в месяц) в Доме школьника женщины готовили сладкий стол. На встречах давался небольшой концерт из 3–5 номеров, проводился обмен мн-

ениями и сувенирами, продолжительность такой встречи была 1,5–2 часа. Аналогично проходили встречи, когда наших детей приглашали немецкие дети, для поездки на них выделялся автобус, и дети ехали на встречу в сопровождении женщин.

Новогодние праздники для детей проходили следующим образом. Сначала дети шли на праздничный спектакль. Театральный кружок готовил новогодний спектакль-сказку, который ставили на сцене зала Советского клуба. Готовились декорации, шились театральные костюмы. Затем все дети шли в банкетный зал, где проводилось театрализованное представление с сурпризами (водили хороводы вокруг елки), во время представления появлялся Дед Мороз со Снегурочкой и вручал сладкие подарки. После этого все дети переходили в спортивный зал, где проводились различные аттракционы. Дети, участвуя в них, зарабатывали жетоны, которые в дальнейшем обменивали на сувениры. В этих праздниках участвовали дети всех возрастных категорий, а в качестве зрителей и помощников в организации праздника — женщины пос. Зигмар.

После новогодних праздников сразу же приступали к подготовке к общевисмутскому смотру художественной самодеятельности. Готовилась программа, я делала сценарий, составляла перечень номеров и затем их рассматривали на художественном совете, подбирали исполнителей из числа детей на сольные номера, в хор, чтецов и т. д. К отобранному к смотру художественной самодеятельности номерам предоставлялись эскизы костюмов и аксессуаров. Очень серьезно подходили к выбору фасонов и пошиву костюмов. В ГДР можно было приобрести различные ткани, пуговицы, ленты, мишуру, кружева и др. Женщины обладали до такой степени большой фантазией, что пошитые ими костюмы поражали своим богатством, отделкой, яркостью, и это постоянно вызывало восторг зрителей и наших немецких друзей (и детей, и взрослых).

Программа к смотру художественной самодеятельности делилась на две части:

1-я часть — литературно-музыкальная композиция с участием хора, которая посвящалась каким-то патриотическим событиям;

2-я часть — набор номеров, сценок, танцев, выступлений вокально-инструментального ансамбля и др. Все номера были каким-либо образом взаимосвязаны между собой. Подготовка велась в течение нескольких месяцев, в процессе которой отработывался практически каждый жест, движение, слово. В концерте были задействованы все дети, независимо от их возраста

и талантов. А возглавляли все это руководители кружков — женщины.

Во время смотра за каждое направление (подготовку детей к выходу на сцену, костюмы, музыкальное сопровождение, даже за ровность гольфиков по высоте) назначались ответственные лица из числа женщин. И это в конечном итоге приводило к успеху концерта, то есть безразличных не было, работали не только дети, но и почти весь женский коллектив. Концерт, разделенный на два отделения, продолжался 1 час 45 минут. Это был праздник, на который стремились попасть все проживающие в поселке Зигмар и немецкие гости, для которых приходилось выделять ограниченное количество входных билетов. Немцы подавали заявки за несколько месяцев и в большом количестве.

В течение года дети во время каникул уезжали в лагеря отдыха. На зимние каникулы старшие дети выезжали в лагерь «Розенталь». Летом в первую смену (июнь) выезжали в «Розенталь» младшие дети.

В июле и августе дети с 12-летнего возраста выезжали отдыхать в лагерь «Цинновиц», расположенный на Балтийском море (примерно 100–120 детей). Ехали до лагеря на автобусах в течение 9 часов, с часовым перерывом на обед в районе Берлина. В Цинновце немцы сдавали в аренду для детей советских специалистов молодежный лагерь, который состоял из двух барачков со спальнями, клуба, и небольшого административного здания. Столовая находилась в центре

Выступление детского хора на смотре художественной самодеятельности.

Коллектив воспитателей в детском лагере «Цинновиц», 1986 г.

Музей восковых фигур
Юрского периода, 1988 г.

На фото справа:
Карлхорст, «Музей полной
и безоговорочной
капитуляции фашистской
Германии в Великой
Отечественной войне
1941–1945 гг.», ГСВГ, 1985 г.

городка, в 15 минутах ходьбы от лагеря. Охрану лагеря осуществляли два немецких полицейских, которые также выполняли функции спасателей. Директором лагеря работал советский специалист, которого на это время освобождали от основной работы. Остальной коллектив состоял из женщин со всех поселков, где жили советские специалисты. Они работали воспитателями, медицинскими работниками (у кого было медицинское образование), поварами, руководителями кружков.

Женщины организовывали интересный досуг для отдыхающих детей. Кроме купания и игр на пляже, дискотек, посещения концертов, проводились различные экскурсии (в г. Росток, прогулки на теплоходе, посещение исторических мест в соседних городках и др. мероприятия).

Кроме корпоративных вечеринок с коллективом, в котором работал муж, мы с женским активом участвовали в различных встречах с немецкими женскими коллективами. То приглашали немецких женщин к себе, то выезжали на встречи к ним. Это были общества советско-германской дружбы в различных городах.

Когда немецких женщин приглашали к нам, наши женщины изощрялись в приготовлении различных блюд: пельменей, пирогов и пирожков и других блюд русской кухни.

Из Зигмара в школу в Карл-Маркс-Штадт наших детей возили на автобусах в сопровождении мам. Утром все дети выезжали одновременно, а назад привозили несколько раз, в зависимости от количества уроков. Рейсы были после 4-го урока, после 5-го и после 6-го. Родительский комитет составлял график дежурств мам для сопровождения детей. Вечером звонили домой и говорили, что завтра по графику мое дежурство. Утром мы с двумя

женщинами выходили к автобусу и сопровождали детей до самой школы. Когда они уходили в школу, автобус нас отвозил домой, перед окончанием 4-го урока за нами заезжал автобус, и мы ехали в школу, там смотрели расписание уроков, проверяли количество детей, которые должны были ехать домой, и если все было на месте, возвращались домой, сразу же после этого повторяли поездки в школу, пока не вывозили всех детей без исключения. Относились к этим обязанностям очень и очень серьезно. Как-то, вроде бы в 1986 г., произошел такой случай. Мне с работы позвонил муж и сказал, что сейчас привезут детей. И чтобы я вышла, их встретила и сопроводила домой. А потом чтобы никто, в том числе и я сама, не выходила из квартиры. Он обещал вскоре прийти с работы и все объяснить. Сразу же после этого телефонного звонка позвонили из женсовета и сказали то же самое. Я сразу же пошла к остановке автобуса, куда привезли всех детей, притом необычайно рано. Там из разговоров узнала, что в Берлине при посадке самолета Ту-154 произошла катастрофа, погибли немецкие школьники, возвращавшиеся с каникул из Москвы. В течение трех дней, пока был траур в ГДР, мы старались не выходить на улицу и не проводить никаких мероприятий, а также боялись каких-либо провокаций. В советском поселке в эти дни дежурили усиленные наряды немецкой полиции.

Отдельно для женщин в рабочие дни устраивали различные очень интересные экскурсии по историческим местам ГДР. Мы побывали в Тиргартене — самом большом парке Берлина, в открытом музее-парке восковых фигур Юрского периода, на Лейпцигской ярмарке, в Дрезденской галерее и др. местах, сейчас даже не вспомнишь всего.

В таком напряженном, очень насыщенном и интересном ритме пять лет жизни в ГДР пролетели как одно мгновение.

Герман Сергеевич БРОДОВ. Геолог, доктор технических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного горного университета.

Воспоминания о «Висмуте» (1977–1983)

Февральским хмурым утром 1977 г. мы прибыли во Франкфурт-на-Одере. Казалось, мало чем можно удивить человека, родившегося и многие годы прожившего в Ленинграде. И все же. С первого дня было что сравнивать. Это хорошие дороги, чистые улицы, нарядные витрины магазинов с обилием непустых полок и приветливые люди. Вот только их язык был непонятен. Немецкий я до этого не изучал, и знакомство с ним состоялось в магазине под названием «стекляшка» в Зигмаре, где я попросил взвесить *hundert drei* граммов колбасы, то есть сто три вместо трехсот. Было смешно и неловко. А приключения первого дня начались в клубной гостинице, где я собирался в Гендирекцию на оформление. Несмотря на уверенность в своей профессиональной подготовке, я испытывал некоторое волнение и от этого утюгом прожег кримпленовые брюки. Переодеть было нечего, а зашивать бесполезно. Так и пошел. Слегка поддувало, но в Гендирекции никто не заметил, что у меня под пиджаком сзади на брюках огромная дыра. Но было не до смеха. В ЦГП, куда я был направлен на должность начальника ПТО, меня встретили доброжелательные, отзывчивые люди. Я сразу ощутил, что попал в слаженный, высококвалифицированный коллектив. Об этом говорили и показатели работы ЦГП. За эти годы нашей работы месячный производственный план не был выполнен только один раз. Производственные задачи решались четко, с немецкой точностью и аккуратностью. Приятно был удивлен строгим распределением обязанностей между сотрудниками немецкого коллектива. Каждый знал свои действия и личную ответственность. Хороший мастер-класс!

Часто приходилось ездить по многочисленным участкам буровых работ, где вели разведку не только на уран, но и на вольфрам, олово, флюорит и бурый уголь. Сказочные ландшафты Саксонии и Тюрингии до сих пор стоят перед глазами. Дополнительным украшением были разбросанные по долинам городки с красивыми домиками под черепичной крышей и ухоженными палисадниками. Смотрелось это настолько мирно, что не верилось в прошедшую здесь войну.

В работе было чему поучиться у немецких коллег, но были основания передать и свой опыт. Совместный коллектив жил и работал одной дружной командой. Поэтому работать было легко и продуктивно.

Этому еще способствовали товарищеские и уважительные отношения среди советских коллег. С особой симпатией вспоминаю главного геолога В. Ветрова, начальника геологического отдела А. Щепетильникова, главного инженера Е. Абашина, главных инженеров полевых партий Ю. Постникова и А. Журкелеса. Особо теплые дружеские отношения установились с немецкими коллегами. Среди них мои личные друзья: Э. Харласс, директор ЦГП; Х. Вольфарт, зам. директора (ныне покойный); М. Стайнборн, инженер и секретарь Союза демократической молодежи ЦГП. Все они высококлассные специалисты, посвятившие много лет «Висмуту», и замечательные люди. Наши отношения переросли в семейную дружбу, и мы периодически встречаемся в Петербурге у нас дома и на даче. Есть о чем поговорить и вспомнить. Нашим друзьям нравится наш город на Неве, его дворцы и парки. И все же наши мысли и наши беседы часто посвящались жизни в Грюне, где располагалось ЦГП. Хорошие были времена.

Недаром говорят: кто хорошо работает, тот хорошо и отдыхает. «Висмут» для этого располагал широкими возможностями. Запомнились корпоративные и бригадные мероприятия, которые организовывали немецкие коллеги. Это регулярные экскурсии по историческим местам Германии, многочисленным музеям; праздничные встречи, поездки за грибами с дружескими «шпайзе унд гетренке» (причем «гетренке» начиналось рано утром, как только садились в автобус), различные спортивные соревнования. С гордостью за наших специалистов вспоминаю соревнования по пулевой стрельбе из пистолета Макарова с командой полицейских «Висмута», в которых мы занимали первое место.

Дружба и тесные отношения с немецкими коллегами в «Висмуте» породили добрые чувства ко всему немецкому народу. Я думаю, что это не только мое мнение. Я мальчишкой прожил в блокадном Ленинграде и знаю, что такое немецкие снаряды, бомбы и смертельный голод. Но жизнь все расставила в сознании на свои места — кто есть кто. Никакому народу никогда не нужна никакая война. Это подтвердила работа в «Висмуте» и наши взаимоотношения с немецкими коллегами.

Не работой единой мы жили в Зигмаре. Советский коллектив специалистов — это тоже была одна большая семья. Объеди-

Г. С. Бродов.

Рабочий момент. Г. С. Бродов и Ю. Н. Постников.

няли нас участие в художественной самодеятельности, спортивные мероприятия, коллективные поездки в дома отдыха, сауна с кантиной и даже экономическая учеба в клубе. Активно пользовались прекрасной библиотекой. В нашей маленькой полевой почте можно было подписаться на любую газету или книжное издание. И на все хватало времени и здоровья. Все чувствовали себя полными сил и энергии. Надо отдать

Валерий Павлович Степаненко

Заметки о работе, досуге и коллегах

Вместо предисловия

Летом 1979 г. с подачи Вячеслава Иосифовича Василенко, работавшего в то время в «Висмуте», и по рекомендации Михаила Александровича Котова — заведующего лабораторией рудничного транспорта института горного дела им. А. А. Скочинского, в которой я работал, мне поступило предложение выехать на три года в «Висмут».

Лаборатория рудничного транспорта ИГД им. А. А. Скочинского была образована в 1959 г. путем объединения двух транспортных лабораторий: Всесоюзного угольного института ВУГИ в Люберцах и ИГД АН СССР в Москве. Первым заведующим лабораторией был член-корреспондент АН СССР А. О. Спиваковский.

Я участвовал в обследованиях подземного транспорта угольных шахт, в испытаниях рудничных электровозов нового типажного ряда — К10, К14, КР-28, АРП14-900, мощных конвейеров 2ЛУ120, писал отчеты, предложил номограммы для расчетов подземной локомотивной откатки угольных шахт. В 1977 г. перешел в отделение электрификации гор-

должное бригаде наших врачей — работали они отлично и всегда были готовы прийти на помощь.

Взаимоотношения среди зигмарян складывались по интересам. Помню свое участие в технической группе художественной самодеятельности, поездки в Обервизенталь на горных лыжах, кегельбан и тир. А разве можно забыть наши олимпиады в Гере и Ауэ? Среди тех, с кем подружился в Зигмаре, многих вспоминаю с особым теплым чувством. Это В. Дроздов, И. Черкашин, А. Рудычев, Х. Тумаров, В. Желнов, В. Чекушкин, Ю. Постников и др.

Но главным моим «приобретением» в Зигмаре была дочь Анна, родившаяся в 1978 г. Она окончила институт, и у нее своя дружная семья. По наследству ей перешла любовь к горным лыжам. В нашей семье с Тamarой Бродовой Анна — вторая дочь. Старшая Юля окончила гарнизонную школу в Карл-Маркс-Штадте и, наверное, ее помнят одноклассники. Это была хорошая добрая девочка, но случилось несчастье, и на 31 году жизни она погибла в автокатастрофе вместе со своей дочуркой.

Многих висмутян старшего поколения уже нет с нами. Вечная и светлая о них память! И пусть живущие всегда помнят «Висмут»!

Glück auf! С.-Петербург, 2010 г.

ных предприятий, где продолжил работу по созданию комбинированных локомотивов для рудников и угольных шахт различных категорий по пыли и газу, а также участвовал в проектных работах по автоведению подземных поездов на шахтах ПО «Новомосковск-уголь» и треста «Ленинградсланец», в расширении объема применения контактной откатки на шахтах ПО «Южкзбассуголь», «Ворошиловградуголь», «Укрзападуголь».

Предложение поехать на работу в «Висмут» мы с женой приняли без колебаний. 22 сентября 1980 г. в ИГД пришло письмо за подписью заместителя начальника 8-го Управления Валентина Павловича Назаркина с уведомлением об окончании оформления и просьбой командировать нас с женой и двумя детьми в распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР.

Когда были получены загранпаспорта и железнодорожные билеты до Франкфурта-на-Одере, мы с женой устроили «отходные» в лаборатории рудничного транспорта, в отделениях электрификации и горной механики, в месткоме.

Наши коллеги и друзья нас тепло прово-

дили, пожелали счастливого пути, здоровья и удачи. Того же пожелали нам и Георгий Николаевич Кост, и Галина Дмитриевна Артемова, которые после окончания Московского горного института работали в «Висмуте» в пятидесятые годы.

Приезд и адаптация

В Карл-Маркс-Штадт прибыли глубокой ночью. Сонная дежурная проводила нас на второй этаж в две комнаты, оборудованные под гостиницу. Сказала, что утром члены женсовета познакомят жену с Зигмаром, помогут закупить продукты. Утомленные впечатлениями и переживаниями дети уснули очень быстро, а мы с женой практически в ту ночь не спали.

Рано утром меня отвезли в Генеральную дирекцию, а затем в Грюну, в НИИ. Когда вечером вернулся, увидев меня, Валя заплакала. Оказывается, из женсовета в течение дня никто не пришел. Оставшиеся продукты были съедены, а свежие не куплены. Валя причитала: «Ну зачем ты нас привез в эту Европу? Зачем?» Правда, сыновья были здоровы и весело скакали по комнатам. И я взялся решать возникшую продовольственную проблему.

На первом этаже Советского клуба был магазин. Взяв сумку побольше, спустился вниз. Я не понимал содержание надписей на упаковках и, разъезжая с коляской по магазину, складывал в нее понравившиеся мне по внешнему виду пакеты, пока не услышал за спиной шепот: «Да зачем вы берете этот сыр??? Он очень вонючий, вы его не сможете съесть». Я поблагодарил за подсказку, и вдвоем с моей спасительницей мы заменили вонючий сыр на курицу, йогурт, колбасу, хлеб, масло.

В субботу утром я повез учебное дело сына Кости в школу. Автобус был набит битком, кроме школьников в автобус сели наши зигмарские женщины. Как только автобус остановился в центре города у старого здания школы № 103 ГСВГ, женщины дружно отправились в видневшийся центральный городской универмаг «Центрум», школьники разошлись по классам, а я пошел искать директоршу школы. Передал ей документы, вышел из школы, но автобус уже ушел, а обратной дороги в Зигмар я еще не знал. Вернулся к директорше, и она объяснила, как выйти на трамвайную остановку и уехать в Зигмар. Немецких марок у меня не было, а ехать зайцем в трамвае я побоялся. Поэтому пошел по трамвайному пути пешком. Это было мое первое знакомство с древним городом Хемницем, в котором трудился Агрикола — автор «Металлики», первой в мире книги по добыче руды и получению металлов.

В Зигмаре наши сыновья адаптиро-

вались к новым условиям быстро. Здоровье Димы скоро улучшилось, он перестал болеть. Мы с ним стали регулярно посещать бассейн в Пельцмюлле, где он плавал с надувными кругом и нарукавниками. Позднее Дима начал учиться по классу фортепиано в детской музыкальной школе, которая размещалась в Советском клубе.

Костя также легко привык к новому 5 «А» классу, у него появились друзья: Саша Пучков, Игорь Пономаренко, Андрей Мельников, Алла Забелина, Галя Сокорева, Саша Зеленков, Женя Гриб и др. В Люберцах Костя учился в музыкальной школе по классу фортепиано, в Зигмаре начал играть на гитаре в школьном оркестре. В Люберцах Костя занимался плаванием и каратэ. Занятия со школьниками по этому виду спорта в спортивном зале Советского клуба вел переводчик Орлеанский.

Наша с Валею адаптация в Зигмаре была более длительной, чем у сыновей. Условия быта, отдыха и занятий спортом, оплата труда были значительно лучше, чем у нас на Родине. Организовывались автобусные экскурсии по ГДР, выезды в дома отдыха, на охоту и рыбалку, в Советском клубе выступали известные артисты: Кобзон, Зыкина, Толкунова и др.

Поощрений за хорошую работу было много, повышались зарплаты, присваивались звания, сотрудники и их жены награждались грамотами и денежными премиями. Например, моя жена Валя неоднократно была отмечена за активную работу в женсовете и в библиотечном совете, в Обществе германо-советской дружбы.

Валя и я к зигмарскому климату и немецкой пище привыкли быстро. Не хватало гречки, селедки и подсолнечного масла, но за ними ездили в советский гарнизон на Ленинштрассе.

По прибытии в Зигмар заместитель генерального директора по режиму направил меня в хор. В зигмарском хоре постоянно не хватало теноров и басов и всех вновь прибывших мужчин направляли в хор без проверки музыкального слуха. Хотя у меня отсутствует музыкальный слух, петь я любил. Дважды в неделю посещал репетиции. Первые два года пел в тенорах, последующие два года — в басах. Хор часто выступал на смотрах, по торжественным датам ездил с концертами в другие города. Изредка, перед особо важными концертами руководитель хора просила меня только открывать рот, но не петь. В одном из зигмарских стихотворений, очевидно, о таких, как я, участниках хора, говорится:

*В хор по вторникам хожу и по пятницам,
Не халтуру и тяну ноты жуткие.*

*Если где-то у меня и не тянется,
Помогают мне товарищи чуткие.*

По воле случая я оказался также и в драматическом коллективе. Перед постановкой пьесы М. Шатрова «Именем революции» заболел прибывший в Зигмар из МГРИ Володя Гойденко. И его роль молодого рабочего паренюка передали мне. Слов в этой роли было немного, но главное было в том, что мой герой мечтал жениться. А это на сцене выглядело несколько комично, мне шел тогда 42-й год. Так я оказался помимо хора в драматическом кружке. Роль 2-го пожарника в пьесе Маяковского «Клоп» мне надолго запомнилась, у меня в этой роли было всего три слова: «Горит! Хорошо горит!» В пьесе «Солдатская вдова» я был задействован в качестве осветителя сцены.

Через четыре года меня освободили от пения в хоре. В Доме школьника Зигмара начал вести физический кружок, мастерил с детьми светомузыку и электрические «мигалки» на новогоднюю елку. Готовил наших выпускников десятиклассников из 103-й школы ГСВГ к вступительным экзаменам в вузы по физике.

Быстрой нашей адаптации сильно препятствовал языковой барьер. Меня немецкому языку в составе советских специалистов, приехавших в НИИ в конце 1980 г., в течение двух лет обучала фрау Ванке.

Валя в Советском клубе записалась на женские курсы немецкого языка, но через четыре месяца их группа растаяла. Интерес к дальнейшим занятиям у большинства советских женщин падал по мере того, как рос их уровень владения немецким. Многие женщины, научившись объясняться в магазинах, на бригадных вечерах и на улице, переставали посещать языковые курсы.

Мы с Валею не имели опыта работы на режимных предприятиях и жизни за границей, и нам потребовалось время, чтобы такого опыта набраться, привыкнуть к тому, что личная жизнь и нерабочее время в значительной степени регламентированы «Правилами поведения советских граждан за границей» и характером деятельности «Висмута». Регулярно проводились беседы о бдительности, необходимо было согласовывать с руководством поездки из Зигмара на расстояние более 10 км, например, к портному в Хойенштайн или в автомастерскую в Лимбах.

После двухмесячного проживания в Советском клубе нас поселили в Зигмаре на улице Штерцельштрассе в трехэтажном доме № 33, на втором этаже, в трехкомнатной квартире № 3, в которой мы прожили более 6 лет. На первом этаже жил Станислав Петрович Левчик с женой, на втором этаже,

в квартире № 4, — переводчик Вадим Каракос с женой Галей и двумя дочками — старшей Ларисой и младшей Ульяной; на третьем этаже, в квартире № 5, — семья Максимовых, Алексей и Ирина из Селятино Московской области. У Максимовых была дочь Аня и сын Виталик, ровесник нашему Диме.

Постепенно мы с Валею привыкли к жизни в Зигмаре. Часто мы общались с семьями сотрудников ИГД О. И. Благова и В. А. Костина, с семьей переводчика Евгения Петровича Забелина, его женой Галей и сыном Димой. Дочь Алла училась в одном классе с нашим Костей. Подружились семьями с Боголюбовыми из Краснокаменска, Маньковыми из Иваново, Меньшиковыми из Желтых Вод.

Летом 1981 г. в период отпуска мы навестили родителей, а также отдохнули в санатории в Гудауте. В Люберцах встретились с коллегами в ИГД и отдохнувшие, вернулись в Зигмар. В течение второго года в Зигмаре наша адаптация закончилась. В своей квартире на Штерцельштрассе мы повесили на стену репродукцию картины «Шоколадница» Лиотара и начали копить деньги для покупки «Волги». По выходным дням стали посещать Пельцмюлле и Рабенштайн, зоопарк, кафе Шмидта, летом ходили в лес и на пляж на Штаузее. В лесу на Рабенштайне собирали грибы. Осенью особенно много было опят.

Доктор Вольфганг Венцлафф

Первой моей самостоятельной работой в НИИ было «Исследование целесообразности разработки комбинированных локомотивов» (отчет НИИ № К42/30/82, 1982).

Нашей первой совместной с Венцлаффом работой в 1981 г. было изучение целесообразности автовождения поездов на квершлага Беервальде-Корбуссен. Технико-экономические расчеты показали отсутствие экономического эффекта от внедрения автовождения грузовых поездов на квершлага Беервальде-Корбуссен по причине малого грузопотока (не более 1 млн тонн в год). Хотя МГДП «Беервальде» в то время было растущим, и его добыча быстро увеличивалась, но затраты на реализацию этого проекта в ближайшие годы не окупались, и начинать эту работу не было смысла. Доклаживал эту работу на техническом совете НИИ Вольфганг. Помню, перед докладом он очень волновался, раздумывал, как преподнести совету практически отрицательные результаты работы. Наконец, он сказал: «Валерий, будем действовать методом “пассивного саботажа”». Метод сработал, работу совет одобрил, но ее продолжение отложил.

Предложения для наших совместных работ (отчеты, статьи, заявки на патенты

и рационализаторские предложения) писал я на русском языке. Мы их обсуждали в нашей группе, немецкие коллеги вносили свои поправки и предложения, Вольфганг Венцлафф переводил согласованный текст на литературный технический немецкий язык, что значительно ускорило его дальнейшее прохождение.

Совместно с Вольфгангом Венцлаффом мы выполнили в НИИ три работы. В 1973 г. подготовили два технических задания: «Техническое задание на переоборудование шахтных аккумуляторных электровозов в комбинированные на напряжение 175 В для ГДП Пайцдорф» (отчет НИИ № К42/27/83, 1983). Второе ТЗ — «Техническое задание на переоборудование шахтных аккумуляторных электровозов в комбинированные на напряжение 220 В для горизонтов, имеющих контактную сеть» (отчет НИИ № К42/15/83, 1983). В 1984 г. мы выполнили последний заключительный отчет по тематике комбинированных электровозов, он назывался «Переоборудование шахтных аккумуляторных электровозов в комбинированные Фау 860» (отчет НИИ, 1984, с. 71, К42/7/84).

По моей просьбе Венцлафф передал мне методику расчета локомотивной откатки Фрайбергской горной академии и немецкий учебник по горным машинам, из которых я узнал много интересного. Особенно запомнилось, что в конце каждой главы приводились примеры технических и технико-экономических расчетов по рассмотренной в этой главе тематике.

Немецкие методики расчета локомотивной откатки Фрайбергской академии были похожи на методики, изложенные в учебнике С. А. Волотковского «Рудничная электровозная тяга» («Углетехиздат», 1950). Эти методики в целях упрощения не учитывали реальное состояние рельсового пути, его волнистость, реальный коэффициент сцепления колес локомотивов с рельсами и ряд других факторов. Проектирование локомотивной откатки по таким методикам расчета приводило к тому, что на вводимых в эксплуатацию новых горнодобывающих предприятиях и новых горизонтах фактические показатели подземного горизонтального транспорта были значительно хуже проектных.

Используя опыт работы в ИГД, полученный при разработке «Основных положений по проектированию подземного транспорта угольных и сланцевых шахт», мной был предложен метод ускоренного расчета локомотивной откатки горнодобывающих предприятий Общества с помощью номограмм. С помощью доктора Венцлаффа и Фолькера Андрееса методика

была доработана. Проведены измерения коэффициента сцепления контактных и аккумуляторных электровозов, применяемых в Обществе, при чистых головках рельсов и при загрязненных песком, тулонскими глинами, горными породами — силуром, ордовиком, углистыми и песчаными сланцами. Испытания проводились на Ферзухселенде в Ауэ и позднее на ГДП «Шмирхау».

Новый метод расчета локомотивной откатки был описан в совместной статье — Степаненко В. П., Венцлафф В., Андреес Ф. «Метод расчета локомотивной откатки с помощью номограмм» (Бюллетень научно-технической информации Общества. № 10, 1982 г., с. 19–31) и доложен на технических совещаниях в ГД и на ГДП Общества. Доктор Венцлафф рассказал о нашей с ним совместной работе профессору горной Фрайбергской академии Индерзи, и тот выразил желание встретиться со мной по поводу расчетов локомотивной откатки и перспективности использования комбинированных локомотивов. Но главный инженер НИИ Ю. Я. Евлюхин не разрешил мне выехать в Фрайбергскую горную академию на встречу с профессором Индерзи, ссылаясь на обострение в тот момент политической обстановки в соседней Польше.

Вольфганг Венцлафф рассказал историю своей первой женитьбы. С первой женой, студенткой медицинского факультета Дрезденского университета, познакомила его кузина. Она представила ей Вольфганга со словами: «Это твой будущий муж!» Долгое время детей у них не было, и они усыновили двух малышек, взяв их из роддома. В ГДР бюллетень по уходу за ребенком оплачивался в размере 50 % от заработка. Когда дети болели, бюллетень по уходу брал Вольфганг, потому что зарплата жены врача-психиатра была выше, чем у него. Мальчики росли, но скоро выяснилось, что они сильно отстают в своем развитии от сверстников. С первой женой Вольфганг развелся.

Второй женой Вольфганга Венцлаффа стала учительница школы им. Гете. Она приглашала меня в школу, где я рассказал немецким школьникам об участии советских студентов в уборке урожая на целине. Второй брак Вольфганга оборвался трагически, вторая жена покончила с собой весной 1984 г. После моего перевода из Грюны в 12-й отдел ГД с Венцлаффом, Андреесом и Рушером редко виделся. Знаю, что они занимались смазкой сцепок вагонеток, бурением скважин большого диаметра. Еще до моего отъезда из ГДР я узнал, что доктор Венцлафф уволился из «Висмута» и перешел на работу в Министерство геологии ГДР в Берлине.

Вольфганг Рушер

В Грюне в 42-м отделе НИИ рабочее место мне выделили в небольшой уютной комнате на втором этаже. Стены комнаты были обклеены светлыми обоями, одно большое окно выходило во двор. В той комнате мы работали вдвоем с Рушером. Общительный саксонец Вольфганг Рушер жил в Карл-Маркс-Штадте, много лет проработал в Обществе.

Из окон 42-го отдела была видна усадьба на противоположной стороне центральной улицы Грюны. В октябре 1980 г. на усадьбе были только канавы под фундамент дома и редкие столбики ограды. Летом следующего года появились блоки для фундамента и стен, бетономешалка, небольшой ленточный транспортер. Как-то незаметно выросли стены, затем стройка остановилась. Еще через год в июле очень быстро были установлены потолок первого, стойки и стропила второго мансардного этажа. К коньку крыши была приколочена развесистая ветка березы со свежими зелеными листьями и стройка в августе вновь замерла. Я спросил Рушера: «Почему дом не покрывают кровлей, ведь скоро могут пойти осенние дожди?» «Валерий, — ответил Вольфганг, — хозяин ждет, когда с ветки, что на коньке крыши, ветер унесет последний березовый лист». Действительно, как только ветка березы стала голой, началась установка шиферной кровли. Я проработал в Грюне почти четыре года, но стройка этого дома все еще продолжалась. Немцы строят медленно, но очень тщательно, добротнo и на века. В Грюне, недалеко от столовой, находился жилой дом, на фронтоне которого сохранился год его постройки — 1619-й.

В 1981 г. у меня начало ухудшаться зрение, но вначале я это не чувствовал. Только регулярно просил жену Валю купить для дома осветительные лампочки большей мощности. Однажды мы с Рушером в «Икарусе» на соседних креслах ехали в Тюрингию. Я читал какую-то книгу. Вольфганг снял свои очки и держал их в руках на коленях. Я попросил у него очки, надел их и поразился. Текст в книге я увидел гораздо четче. В Зигмаре я пошел к офтальмологу, и он выписал мне очки. Один раз в год изготовление очков и оправу к ним не дороже 20 марок оплачивало Общество.

Вольфганг охотно делился своими воспоминаниями и был интересным собеседником. От него я узнал много нового об Обществе, о Саксонии и некоторые его рассказы запомнил.

О войне

Вольфганг Рушер много рассказывал о своей жизни и о войне. С 1943 г. он ежедневно возил на автомобиле из Хемница (Хемница. — *Авт.-сост.*) какие-то детали и сдавал в Берлине на склад. В конце 1944 г. его призвали в армию, ему еще не исполнилось 17 лет. Роста он был высокого и попал в парашютно-десантные войска. Воевал на западе Польши. Рассказывал, как в начале марта 1945 г. ночью стоял на посту у ограды польского католического кладбища, но сильно замерз на холодном ветру. А поляки часто хоронят умерших в склепах. Укрылся в ближайшем склепе и там заснул. Проснулся от грохота. Вылез из склепа, огляделся. Танки, оказывается, были Т-34 из состава Войска Польского. Их было около десятка, и они на большой скорости удалились прочь. Вольфганг пошел на запад, в ближайший лес, где на случай прорыва их обороны было назначено место сбора. Потом он оказался в Баутцене. Их несколько дней не кормили, и они были очень голодны. Два молоденьких солдата из их части нашли на железнодорожной станции Баутцен товарный вагон, сорвали на дверях пломбы. В вагонах оказались галеты, шоколад и другие продукты. Солдаты набили шоколадом вещевые мешки и карманы и ели шоколад. За этим занятием их застал эсэсовский патруль и расстрелял их без суда у стены железнодорожного вокзала. Им не исполнилось и 17 лет.

Возвращение домой

Война окончилась. Надо было возвращаться домой. Он слышал, что в Дрездене и Хемнице разместились американские оккупационные войска. Добрался в поселок недалеко от Ауэ. Родителей не было дома, дверь заперта. Выдавил стеклянное окошко, проник в дом. Он был очень голоден. А в подвале нашел шпик, на кухне хлеб. Но не успел нарезать хлеб, как раздался громкий стук в дверь. Вошел советский офицер, с ним солдат с автоматом в руках. «Фашист, эсэсовец!» — закричал офицер и вытащил из кобуры пистолет. Вольфганг не знал, что американские войска уже покинули Тюрингию, и появление советского патруля его крайне озадачило и испугало. Вольфганг стал объяснять офицеру, что он местный житель, в войсках СС не состоял. Офицер ему не поверил и послал солдата за старостой. Пришел староста и подтвердил, что это есть Вольфганг Рушер, сын хозяина этого дома, местный. Офицер успокоился, увидел на столе шпик и сказал Вольфгангу: «У тебя есть сало, а у меня есть спирт!» Через полчаса они познакомились, а через некоторое время после проверки Вольфганг стал водителем у советского полковника.

О советских ракетах средней дальности

В начале 1983 г. умер тесть Вольфганга Рушера — рабочий-коммунист. При Гитлере он был заключен в концлагерь. В ГДР он пользовался большим почетом и уважением. Его имя носила молодежная проходческая бригада на МГДП им Э. Тельмана. Тесть умер и оставил дочери наследство — большой старый дом в Тюрингии. Жена Вольфганга в тот период болела, и он один на автомашине часто ездил в Тюрингию и приводил старый дом в порядок.

В 1983 г. СССР принял решение о размещении ракет средней дальности в Центральной Европе. Об этом решении сообщали советские и зарубежные СМИ. Но о том, что советские ракеты средней дальности размещены в ГДР, мы узнали от Вольфганга Рушера до сообщения об этом в СМИ.

Однажды в понедельник, вернувшись из очередной поездки в Тюрингию, он рассказал: «Еду и вдруг вижу, перед подъемом на гору в лесу дорожный знак новый появился, “кирпич”, — проезд запрещен. А на прошлой неделе я через этот лес проезжал, но этого знака не было. А мне через этот лес самый короткий путь. Вижу, пожилая женщина идет, спросил ее, не знает, почему этот знак здесь появился и кто его поставил. А она отвечает: “Там, в лесу, советские солдаты ракеты средней давности поставили”».

Фрау Рихтер

В период адаптации в ГДР я очень плохо понимал немецкий литературный язык «хохдойч», не говоря о диалектах. Однажды утром фрау Рихтер, наша старушка уборщица, остановила меня на первом этаже у туалетов и начала что-то рассказывать. Она показывала мне свои худые морщинистые руки и часто повторяла: «Хэнде капут! Хэнде капут!» Говорила она быстро, на фогтландском диалекте, и единственное, что я понял: у нее сильно болят руки. Я остановил проходившего мимо Вольфганга Рушера и сообщил ему, что я совсем не понимаю фрау Рихтер. «Вольфганг! Помоги мне понять фрау Рихтер!» — попросил я его. Вольфганг послушал фрау Рихтер и ответил: «Валерий, успокойся, я тоже ее не понимаю».

Преодоление языкового барьера

Немецким литературным языком является потсдамский диалект, который сильно отличается от других немецкие диалектов — саксонского, фогтландского, эрцгебургского, гамбургского, баварского и др. А в Баутцене, куда на одноименное озеро в районе Burg мы ездили на рыбалку, живут немецкие сербы (сорбы), говорящие на славянском диалекте немецкого языка.

В течение двух лет я занимался языком в одной группе с В. А. Костиным, О. И. Благовым и другими советским специалистами, прибывшими в «Висмут» в конце 1980 г. Занятия вела фрау Вольтрауд Ванке.

После окончания факультета славистики Дрезденского университета она много лет работала переводчицей в «Висмуте», была добросовестным и квалифицированным переводчиком и преподавателем, очень общительным человеком — о ней сохранились самые теплые воспоминания.

Переводчики НИИ — фрау Ванке, Лео Кюнце, Бригитта Спасова — были всегда очень заняты, поэтому задолго до поездки на предприятие надо было заказывать переводчика. После двухгодичного обучения немецкому языку я стал иногда выезжать без переводчика на предприятия Общества.

Общаться по телефону и различать немецкие диалекты научился гораздо позднее. На пятый год пребывания в ГДР в автобусе или трамвае я начал понимать говорившего за моей спиной, не видя его лица.

Понял также сложность синхронных переводов на немецком языке, и почему фрау Ванке перед совещаниями всегда просила дать ей текст выступления, или его тезисы, или хотя бы наиболее часто встречающиеся в тексте слова. Фрау Ванке говорила, что в связи с рамочной конструкцией немецкого разговорного языка при синхронном переводе может теряться до 30 % его содержания.

Запомнились некоторые рассказы фрау Ванке. «В первые годы работы в “Висмуте” один советский солдат принял меня за еврейку, — вспоминала она, — и предложил мне произнести по-русски “Кукуруза”!»

Вспоминала фрау Ванке бомбежку американской авиацией Дрездена, под которой она побывала: «Ужас!!! Море огня! Это было ужасно!!! Они бомбили исторический центр города, жилые кварталы, они не бомбили заводы! Были ужасные жертвы!»

Во время занятий немецким языком она как-то сказала: «Мой немецкий народ — это народ ремесленников. Хотя философы и поэты у нас тоже есть. Но мы, немцы, — нация ремесленников».

Переводчик Лео Кюнце

В бюро переводов НИИ в Грюне работал старый горняк пенсионер Лео Кюнце. Волосы Лео были седыми, лицо морщинистое, нос красноватый. По-русски говорил он хорошо, почти без акцента.

У Лео был сын, он тоже стал горняком. Сын женился, ушел из отчего дома. Жена умерла, Лео жил один.

В Саксонии в советской оккупационной зоне в сентябре 1945 г. было организовано

геологоразведочное управление, работы по разведке урана велись в Иоганнсгеоргенштадте, Шнееберге, Аннаберге, Обершлеме, Брайтенбурге, Лаутере, Мариенбурге. Обоганительное предприятие было построено в Пехтельсгруне. Начальником Саксонского горного управления был назначен генерал-майор М. М. Мальцев.

Хотя рабочей силы не хватало, Мальцев отверг предложения об использовании труда заключенных в Саксонском горном управлении. Для работы были набраны немецкие граждане. На один из рудников устроился горнорабочим Лео — голодный и молодой парень. Лео родился и вырос в Польше, вместе с родителями был депортирован в Германию. Его рассказы о тех временах я не записал и воспроизвожу по памяти.

Рудник, на котором работал Лео, был старый и глубокий. Издавна в нем добывали серебро. Серебра было много, из него чеканили монету, в том числе и в России. Часто попадались и другие металлы, например, олово. Встречался и более ценный минерал фиолетового цвета — урановая обманка, или смолка, как ее называли горняки. Урановую смолку немецкие и чешские стеклодувы сотни лет охотно добавляли в стекло для придания ему дымчатого фиолетового цвета. О том, что и дымчатое, цвета фиолетовой сирени стекло, и серебро, и монеты из этого серебра из этого рудника радиоактивны и вредны для здоровья в Средние века никто не догадывался. Об этом узнали было гораздо позже.

В период Веймарской республики рудник прекратил добычу серебра и был затоплен. В тридцатые годы прошлого века воду из рудника откачали и стали добывать олово. Начальником рудника был советский майор, бывший пулеметчик, окончивший в свое время военное кавалерийское училище. Инженерно-технический состав был советский, горные мастера, бригадиры, горнорабочие — немцы. Породу из терриконов увезли в Пехтельсгруну. Воду из заброшенных рудников откачали.

Лео добывал урановую смолку. Горняки спускались под землю в пять утра и поднимались на поверхность в восемь вечера. Работали под землей по две смены. Домой после окончания смены не возвращались, ночевали в общежитии при руднике, спали в битком набитой комнате по 6–7 часов. Почти неделю не видели солнечного света, уходили из ночлежки и возвращались затемно. Зарботки были очень большие.

Домой ездили только на выходные дни, чтобы отвезти заработанные деньги и повидать родных. Искали урановую смолку, с азартом работая киркой, молотком и

другим инструментом. Попадалось самородное серебро, а смолка в основном в трещинах горных пород встречалась. За нее-то и платили немедленно и очень щедро.

«Бывало, — говорит Лео, — найдешь где-нибудь в горной выработке заветный фиолетовый минерал. Проверишь у дозиметриста и бегом несешь к одному из горных мастеров — штейгеру. А у штейгера весы в руках и два кожаных мешка на поясе: один со смолкой, а другой с деньгами. Взвесит он принесенную тобой смолку и тут же под землей за нее деньги заплатит. А в конце смены на всех пятнадцати горизонтах рудника штейгеры сдают советским специалистам добытую за смену смолку, а специалисты ссыпают ее в деревянные ящики, которые стоят на всех горизонтах рудника в рудничных дворах у вертикального ствола. В них урановая руда — урановая смолка. На этих ящиках с урановой смолкой сидят советские солдатики с автоматами в руках. Охраняют. А на поверхности рудника — большой деревянный ящик. Этот ящик охраняют уже не один, а два, а иногда и три солдата с автоматами. В него собирают урановую руду со всего рудника. Много, много руды-смолки ежедневно увозили грузовики на электрометаллургический завод. А где теперь эти немецкие и советские горняки и солдатики? Сколько лет каждый из них успел прожить на белом свете, прежде чем опуститься на горизонт “минус два метра”?»

Ранний период становления «Висмута» отражен в советско-германском фильме «Ярче солнца», который шел по телевидению ГДР и ФРГ.

Большинство немецких коллег знали меру, но и среди них некоторые могли много выпить. Но, как говорят, единственный из немецких коллег, который был уволен за пьянку из «Висмута», — это Лео Кюнце — переводчик НИИ. В кантине Советского клуба за бокалом пива «Вернесгрунер» я слышал рассказ о том, что в один из понедельников переводчик НИИ Лео Кюнце не вышел на работу. Не появился он в Груне и во вторник, и в среду. Домашний его телефон не отвечал на звонки. Висмутские полицейские ездили к нему домой, но дом был заперт, и Лео нигде не могли найти.

Куда исчез Лео? Сбежал в ФРГ с секретными документами? Знал он ведь много о «Висмуте», много лет в его системе работал. Найти Лео висмутская полиция своими силами не могла.

Делать нечего: из «Висмута» позвонили в местное управление Штази и спросили, не знают ли там, куда запропастился их сотрудник Лео Кюнце, переводчик. Там ответили, что наведут справки и перезвонят.

Говорят, что ждали ответа на запрос недолго. Через два часа из Штази позвонили и сообщили, что Лео вечером в прошлую пятницу подался не в ФРГ, а к любовнице на дачу, и в настоящее время там находится. В субботу любовница уехала к своей внезапно заболевшей родственнице и оставила Лео одного. И Лео уже пятый день героически борется с крепкими спиртными напитками в одиночку.

Висмутские полицейские поехали по указанному Штази адресу и действительно нашли там Лео. После этой истории Лео уволили из «Висмута» за прогулы. В соответствии с гуманными законами, действовавшими тогда в ГДР, ему предложили на выбор четыре альтернативных места работы.

Больше я ничего не знаю о судьбе переводчика Лео Кюнце.

О пляжах ФКК и семейных саунах

В первый год работы в Груне кто-то из немецких коллег, по-моему, Георг, спросил меня, почему в СССР нет пляжей ФКК? Ведь в ГДР даже некоторые министры правительства посещают пляжи ФКК.

Подумав, я ответил, наверное, потому что у нас в СССР меньше, чем в ГДР, импотентов. Он помолчал и сказал, что в моих словах, возможно, есть доля истины.

В те годы нудистские пляжи — пляжи свободной культуры тела, или ФКК — *Frei Körper Kultur* в нашем Отечестве отсутствовали. От Рушера я узнал, что пляжи ФКК летом открываются и в Карл-Маркс-Штадте, ближайший ФКК находится в Рабенштайне на Штаузее, и некоторые немецкие коллеги из нашего отдела его посещают. Но этот ФКК не виден посторонним, потому что размещен за высоким забором.

Вольфганг Рушер рассказывал, что он с женой и 25-летней дочкой посещают два раза в неделю семейную сауну. Иногда Вольфганг делился со мной впечатлениями об очередном посещении: «Валерий, вчера в семейной сауне вместе с нами мылись еще две семьи. У 90 процентов женщин были прекрасные фигуры, прекрасные фигуры!!!» Как он определял процент прекрасных женских фигур, я так и не понял.

Манфред Ян, Вольфганг Венцлафф и Юрий Ильич Григорьев

В Груне, в том же здании, что и наш 42-й отдел автоматизации, размещался также отдел пластических масс и закладочных работ. Тематика этого отдела была очень актуальна, так как на ГДП Общества стоимость закладочных работ достигала 30 % стоимости всех затрат. Начальником этого отдела НИИ был кандидат технических наук Виктор Викторович Кара

из Донецка, где он работал начальником отдела ДонУГИ. В этом же отделе на третьем этаже работали также два советских специалиста — кандидат технических наук Валентин Петрович Гизай из Москвы и кандидат технических наук Виктор Петрович Фролов из Челябинска (времененно, до перехода в ГД). Валентин Петрович Гизай работал в одной комнате с немецким специалистом Манфредом Яном.

Манфред Ян был высокого роста и носил большие очки. Манфред, как и Вольфганг Венцлафф, окончил Фрайбергскую горную академию.

Однажды Манфред показал старые фотографии, на одной из которых был запечатлен выпускной праздник в академии. Под плакатом с надписью «Вир зинд кюнге» (мы — умные) среди других студентов я увидел и молодого Юру Григорьева. Оказалось, Манфред и Вольфганг учились в одной группе с Юрием Ильичем Григорьевым, с которым я много лет проработал в ИГД. Воистину мир тесен!

Манфред рассказал, что в студенческие годы Юра обладал необыкновенной прыгучестью и, несмотря на средний рост, прекрасно играл в волейбол в команде Фрайбергской горной академии. По случаю победы волейбольной команды в студенческих спортивных играх ГДР во Фрайбергской академии был организован праздничный банкет. На банкете ректор академии вручил каждому игроку команды кубок — хрустальный сапог. Емкость кубка-сапога превышала пол-литра. Юра налил в свой кубок водки и произнес тост за победу и дальнейшие спортивные успехи. На глазах у потрясенных преподавателей и студентов Юра осушил кубок до дна. По словам Манфреда, эта история вошла в анналы и студенческий фольклор Фрайбергской горной академии.

После возвращения в ИГД из заграникомандировки я расспросил Ю. И. Григорьева об этом случае из его студенческой жизни. Оказалось, что эту историю Юра помнил хорошо и добавил, что в тот памятный вечер он без посторонней помощи вернулся в студенческое общежитие.

Общество филателистов

В 42-м отделе НИИ я вступил в общество филателистов — коллекционеров почтовых марок и открыток. В обществе у меня был личный номер 23. Члены общества получали портфели с марками и старыми почтовыми открытками. Покупали понравившиеся, ставя в тетрадках личный штамп и опуская деньги на дно портфеля. Запомнилась одна из почтовых открыток времен франко-прусской войны. На лице-

вой стороне этой открытки был изображен бравый немецкий солдат в каске с шишаком и с лихо закрученными вверх усами. Он воткнул штык в грудь хилому трусливому французу. По поводу этой открытки сотрудник нашего отдела, бородатый отец пятерых детей Андреас Якоб сказал: «Годы идут, а сознание людей не меняется!»

Такой талантливый и недипломатичный Ларин

Валерий Ларин, советский специалист по обогащению, был очень знающий, но... ужасно недипломатичный. К несчастью, его уровень как специалиста оказался выше, чем у работавших с ним немецких коллег.

На одном важном совещании в Генеральной дирекции в присутствии руководства Общества Ларин резко раскритиковал предложение немецких коллег. Они предлагали срочно внедрить свое предложение и доказывали, но не очень грамотно, его высокую экономическую эффективность. Немцы — народ упрямый, но и Ларин был боец, и вопросом владел. В пылу полемики голую правду-матку по-русски врезал, дескать, кроме убытков, эта затея ничего путного не принесет. Мол, мы подобное в СССР пытались сотворить, успех ноль целых и ноль десятых. Немецкая сторона свою ошибку, конечно, поняла, но признавать публично не желала.

И могла бы возникнуть напряженность в советско-германских отношениях, но руководство советской стороны оперативно отреагировало. Ларина с семьей срочно отправили на родину. Этим предотвратили трещину в германо-советской дружбе.

После отъезда Ларина немецкая сторона свое предложение не стала внедрять, и о нем скоро забыли. А может, Ларин был все же прав?

Взрывное устройство

Станислав Петрович Левчик — советский специалист по взрывному делу, возвращался поздно ночью с заседания Общества германо-советской дружбы подшофе. В подъезде родного дома по адресу: Зигмар, Штерцельштрассе, 33, открывая дверь своей родной квартиры № 1, нечаянно толкнул привезенный днем деревянный ящик. Из ящика раздалось тиканье часового механизма. Станислав Петрович мигом протрезвел, позвонил Б. В. Зенкову. Тот поднял из теплой постели сапера и вдвоем с ним срочно прибыл на Штерцельштрассе, 33, в подъезд 1. Потом оба долго ругались, обнаружив в деревянном ящике новенькую, привезенную на замену стиральную машину, оснащенную часовым механизмом.

Рассказ немецкого водителя о советском полковнике

Эту историю я слышал от немца, водителя «Икаруса», во время поездки на МГДП «Кенигштайн». У водителя были вставные зубы из серебристого металла, и немецкие коллеги дали ему прозвище Серебряный Зуб. На автобанах было очень слабое движение. Серебряный Зуб был опытным водителем и хорошим рассказчиком и рассказал нам, сидевшим недалеко от его водительского кресла, следующую историю о советском полковнике.

«Служил я и в вермахте водителем. В советском плену пробыл пять лет, работал на стройках, научился немного говорить по-русски. В 1947 г. был расконвоирован и направлен водителем к советскому полковнику. Полковник командовал большим строительством в Белоруссии. Я возил его по различным стройкам, городам и деревням. И хочу сравнить его с немецкими офицерами.

Полковник всегда сажал меня за свой стол обедать. Я вначале пытался отказываться, но он сказал, что это его приказ. А у меня в легковушке должна быть всегда полная четверть самогона. Это тоже был его приказ, и он строго следил за его исполнением. Бывало, сидим мы с ним в избе за столом, беседуем, ждем обеда. Когда хозяйка к столу хлеб, суп или щи несет, он мне командует: «Тащи самогон!»

Принесу я самогон, а он требует у хозяйки два граненых стакана. Сам лично, не торопясь, торжественно наливает до краев в два стакана самогон — и себе, и мне. Выпьет он свой стакан и следит, чтобы и я тоже выпил. Выпью я, и мы вместе начинаем обедать.

А когда съедем первое блюдо, полковник во второй раз берет в руки четверть, не торопясь нальет самогон только в свой граненый стакан. Посмотрит на мой пустой стакан и объяснит: «А тебе второй стакан я не налью, не положено, потому что ты за рулем!»

Отобедаем, он рядом сядет в автомобиль и командует мне: «Хварен!»¹⁴.

Хайнц Зигель

На одном из бригадных вечеров технического 12-го отдела ГД в небольшом охотничьем ресторане Хайнц Зигель — помощник заместителя генерального директора Гепеля — хвастался тем, что перепил советского специалиста Александра Витальевича Балдина. Балдин в то время уже уехал на Родину, и в 12-м отделе ГД его сменил В. И. Василенко.

¹⁴ Fahren (нем.) — Поехали!

Леонид Петрович Пономаренко и я не смогли Хайнцу простить хвастовства. И в тот же вечер Хайнц был наказан. Мы обнаружили, что он начал пропускать тосты и выливать водку из своей стопки на пол. Дуэтом с Леонидом Петровичем мы начали скандировать: «Пей до дна!! Пей до дна!! Пей до дна!!!» — и заставили выпить Хайнца штрафной стакан водки «Примус» до дна. После этого стакана на следующий день Хайнц не вышел на работу.

Через месяц Хайнц пригласил меня и мою жену к себе в гости. Он с женой приехал за нами на своем «Вартбурге» в Зигмар. Хайнц познакомил нас с шахтерским городом Ауэ, провез мимо заброшенного обогатительного завода, привез к штольне, в которой размещался небольшой музей — рудник. Музей был закрыт, но Хайнц попросил смотрителя его открыть. Мы вчетвером осмотрели этот музей. Хайнц купил и подарил моей жене понравившийся ей местный сувенир — перстень с небольшим камешком. После обеда в ресторане пили кофе в трехкомнатной квартире, где он проживал с женой и сыном. Сын Хайнца отсутствовал, но в его комнате стояла на столе фотография девушки. Хайнц погрозил пальцем фотографии и сказал: «Это подруга сына. Чтоб не расставаться с ней, сын не поехал учиться в Берлин в университет имени Гумбольдта на экономический факультет, где для него было забронировано место, а пошел работать шахтером».

Те, кто встречался с Хайнцем Зигелем после объединения ГДР и ФРГ, говорят, что его доброжелательное отношение к нашим соотечественникам не изменилось.

Пауль и автомобиль «Волга»

В 1983 г. в Грюне (в Зигмаре) вместе с другими висмутянами я окончил водительские курсы. Одним из инструкторов был пожилой добродушный немец Пауль.

Пауль рассказал, что в советском плену в Киргизии он работал расконвоированным водителем. По дороге в Ош на Чуйском тракте у озера Иссык-Куль его сразил приступ гнойного аппендицита. С большой теплотой и благодарностью вспоминал, что в горном поселке русская женщина-врач его прооперировала и спасла от верной смерти. Медсестры и нянечки выходили его после тяжелой операции, а жители маленького поселка, затерянного высоко в горах Тянь-Шаня, были к нему очень внимательны.

«Вы где живете дома в СССР?» — спросил меня Пауль после сдачи экзамена по вождению. «В Люберцах, на окраине Москвы», — ответил я.

«Я был в Москве два раза, — сказал Пауль. — У вас в Москве водители плохо

соблюдают правила движения, особенно таксисты. Чтобы ездить по Москве, надо иметь голову на шарнирах. Будьте осторожны!»

После окончания водительских курсов я получил международные водительские права и купил подержанную «Волгу» ГАЗ-24-01, отремонтировал ее в автомастерской в Лимбахе. Съездил в Берлин, получил разрешение на беспрошлинный перегон в СССР.

Группе перегонщиков автомобилей, в которую я был включен, не повезло. Главный бухгалтер «Висмута» Манучаров в Белоруссии на трассе заснул за рулем. В результате попал больницу, а за неподлежащую ремонту «Волгу» получил страховку. Но меня в этой группе не было — перед самым ее отъездом в багажник моей машины въехал автобус. Хайнц Зигель помог мне приобрести запчасти и отремонтировать ее. Водителем я был неопытным, поэтому не стал рисковать. В составе следующей группы с водителем ГД Анатолием Косоговым мы благополучно прибыли в Брест, а через сутки я был дома в Люберцах.

Висмутовская поэзия

Многие из висмутян восьмидесятых годов прошлого века помнят и знают наизусть стихи Александра Васильевича Артемова о Зигмаре, его окрестностях, о Пельцмюлле и Лейпцигской ярмарке. Помнят громдого и веселого Алексея Махлая, энергичного Виктора Рогалиса с его присказкой «Блин горелый». Помнят, как на пороге Советского клуба в Зигмаре бывший директор угольной шахты в Донбассе Виктор Викторович Кара — отец известного режиссера Юрия Кары, с юмором и весело приветствовал прибывших в клуб из Тюрингии «советских бойцов невидимого фронта».

В Зигмаре некоторые наши соотечественники в шутку говорили на удивительно забавной смеси из русских и немецких слов, причем с шипящим саксонским акцентом:

— Ляйпцишь, пфенишь.

— Звоню по телефону, говорю: «Гестерн машину заказывал. Сегодня уже хойте, а машины ништ да!»

— Битте, блузку в рот полоску, размером погрросее.

— Была сегодня в «Центруме», купила хозы, хемды и анорак.

Большую популярность имели висмутянские пословицы, поговорки, шутки, прибаутки:

— Генуг подкрался незаметно.

— От подруги нету тайн, нынче еду в Хойенштайн!

— Вир хабен цвай бабен унд зухен пивнухен.

У висмутян были и свои названия некоторых немецких населенных пунктов. Например, поселок, у которого на полпути между Дрезденом и Франкфуртом-на-Одере всегда останавливались «Баркасы» с висмутянами, был назван Морозовкой в память о погибшем здесь в авткатастрофе советском офицере Морозове.

Среди висмутян были прекрасные рассказчики: Евгений Михайлович Корж из Харькова, Олег Мухарбекович Кастуев из Москвы, Виктор Викторович Кара из Донецка и многие другие.

В Зигмаре я, как и многие, пристрастился к рыбалке и охоте. Валентин Петрович Гизай был моим учителем, помогал мне разбираться в тонкостях рыбной ловли. Вступил я и в охотничье общество КВ-900. На рыбалку или охоту обычно выезжали в субботу ночью до рассвета или ранним утром, примерно так, как рассказал Александр Васильевич Артемов в стихотворении «Субботний Зигмар».

В период летних школьных каникул наши жены с детьми уезжали на Родину. Жизнь зигмарских мужчин в этот период описал Александр Васильевич в стихотворении «Пельцмюлле». Алексею Махлаю он посвятил стихотворение «А на дворе почти что май».

В одном из популярных в Зигмаре стихотворений описана актуальная процедура продления срока пребывания за границей. Точно не знаю, кто автор этого стихотворения, впервые я его услышал от Володи Ратникова.

Продление срока пребывания за границей

Ну что ж тут говорить?
Что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький —
Я с Нинулькой не гулял тетей Пашиной,
Ни в «Пекин» с ней не ходил, ни в Сокольники.

Я обычный инженер за границей
И жена при мне и двое голубчиков,
Я блюду права чужие и традиции.
Ну, к примеру, хлеб не ем, больше... с супчиком.

На работе все идет боле-менее,
Правда, разик опоздал, честно каюся.
С руководством не вступаю я в прения.
И в неделю раз под землю спускаюся.

Матерьялы все храню в личном сейфе я
И товарищам сдаю под расписочку.
Не узнать того, что знаю отлично я,
Ни врагу и ни... жене, моей кисочке.

За зарплатой прихожу своевременно.
И супруге отдаю все до марочки.
Ну, бывает, сотню-две спрячешь временно —
Все равно пойдет... родне... на подарочки.

Три нагрузки я несу, хоть из кожи вон.
А поручат — понесу и четвертую.
На собраниях не сплю — не положено.
Соблюдаю тишину... мертвую.

В хор по вторникам хожу и по пятницам.
Не халтуру и тяну ноты жуткие.
Если где-то у меня и не тянется,
Помогают мне товарищи чуткие.

Ну что ж тут говорить? Что ж тут спрашивать?
Вот стою я перед вами, словно голенький —
Жду решения... справедливого Вашего
...Срок продлите? ...Или ехать мне...
в Сокольники?

Из стихотворений Александра Васильевича Артемова

Лейпцигская ярмарка

Мы собирались целый год
На Лейпцигскую мессу,
Имелось множество забот
И масса интересов.

Полна заказов голова —
И близким, и знакомым.
Ну а на деле все пошло,
Как говорится, комом.

Нас подхватила вдруг волна
Воскресного народа
И понесла... и... понесла...
Я так не бегал сроду!

И все по кругу норовят
От лавки и до лавки.
Все «Битте!», «Данке!» — говорят,
И нет привычной давки.

Но и того, что нужно, нет,
Хоть шпарим третий круг.
И сердце изредка сожмет,
И на лице испуг.

Да... Надо что-нибудь купить...
Кругом родная речь...
Не потерять бы мысли нить,
Придется приналечь.

Бежал я быстро, как Гарун,
И потерял... жену...
Передо мной опять «Центрум»,
И я в него вхожу.

Хватал я кружки, шубы мял,
Смотрел кристалл на свет.
На «Нихт бирюллен» — наплевал.
Ну, дал бы кто совет?!

Я вышел вон, я был в «трансе»,
Я сбросил время уз...
Передо мной во все красе
Стоял «Варенхаус».

Страх обуял... я убежал,
Жену у ЗОО отыскал.
В автобус сел и пиво пил,
И песню пел, что сочинил.

Хорошо, что в понедельник и во вторник,
А по доброй воле, даже и в среду,
В Лейпциг, я скажу по совести, повторно:
«И с большой доплатой не поеду!!!!»

Субботний Зигмар

Посвящается зигмарянам —
рыбакам и охотникам

Поселок спал до петухов,
Заснул у клуба полицей.
Неутомимый спал Пучков
И утомленный Малацай.
А тишина и темнота
Не отступала до утра.

И сонную вдруг тишину
Нарушил мерный топот ног,
Как бы гитарную струну
Задеть случайно кто-то смог.
И силуэты на углу,
И спать я больше не могу.

А тени сбились тесной кучей,
Чехлы за спинами висят.
Чехлы оружие хранят.
Кого ж сегодня будут мучить?
О чем в той шайке говорят?
«Мормышка есть? В загон послать!»
Придется тайну открывать.

Как в старину, в прошедший век,
В давно минувшие года
Ты был охотник-человек,
Была крепка твоя рука.
Был быстр, хитер, вынослив, смел,
Сейчас таким бы быть хотел!

И потому в субботний день,
И в предрассветный ранний час

Бросаешь теплую постель
И ждешь, когда ж придет «Баркас».
Зов предков будоражит кровь,
Зов предков в бой бросает вновь!
И когда долгожданный приходит рассвет,
Настоящих мужчин уже в Зигмаре нет!

Пельцмюлле

Я про себя все расскажу,
Падений и грехов не скрою,
И все изъяны обнажу
От кутежей до геморроя.

Уехала домой жена,
Ты потерял покой и сон.
Тебе оставила она
Яиц бараньих перезвон.

Чтоб не пялить глаза на баб,
Чтоб перестали груди сниться.
Придется, если духом слаб,
Тебе в «Пельцмюлле» удалиться.

В «Пельцмюлле» пива насосался,
Раздулось пузо, слиплась ж...па...
Но ни один ты там старался,
Пила там пиво вся Европа.

Пришла хорошая пора,
Приятно летом за границей.
И можно пиво пить с утра,
Напиться и опохмелиться.

А на дворе почти что май

А на дворе почти что май,
Давно кальсоны снял Махлай.
И я хотел бы снять свои,
Но ж...па просит: «Не студи!!!»

Нет, на дворе совсем не май,
Хоть снял исподники Махлай.
Я хорошо — свои не снял,
А то бы ж...пу потерял.

А на дворе стоит апрель,
Звенит весенняя капель.
Махлай кальсоны не наденет.
А я ношу, как идиот.

Хочу открыть я вам секрет:
Махлай при жизни дал обет.
Кальсоны он и не носил —
Ему Миклухо запретил.

Евгений Николаевич Камнев

Байки из нашей жизни в «Висмуте» (1963–1968)

Е. Н. Камнев.

«Висмутовское» время в жизни если не всех, то большинства висмутян наверняка составляет один из ярчайших периодов существования каждого из побывавших в ГДР специалистов.

Все мы тогда были молодыми, делали нужное стране дело, хорошо трудились, хорошо отдыхали, занимались спортом и художественной самодеятельностью.

Мне довелось работать в СГАО «Висмут» с мая 1963-го по июнь 1968 г. И почти сразу я стал заниматься во главе небольшой лаборатории охраной окружающей среды уранодобывающих и перерабатывающих предприятий.

Каждое утро ко мне в Грюну приезжал специально закрепленный за лабораторией «Баркас» (типа мини-автобуса) с Роландом за рулем, и мы ехали колесить по всем окрестностям Тюрингии и Саксонии, отбирать пробы воды и почвы, следить за выбросами рудников и заниматься своим делом.

И конечно, наибольшая часть моих «приключений» той поры связана именно с наличием персональной машины и свободным графиком поездок.

Расскажу некоторые из них.

Каждое утро ко мне в лабораторию подходили советские друзья-приятели — коллеги и робко так интересовались: «Сегодня куда поедет-то?» И если планы наши совпадали, мы запрыгивали в мой «Баркас» и веселой компанией мчались на Объекты.

Помню, однажды промозглым осенним днем мы с Жорой Андреевым возвращались с Кенигштайна. Ужасно замерзли, промокли и вообще. Решили заехать в г. Пирна, чтобы согреться в каком-нибудь гаштетте. И вот такая «картина». Середина рабочего дня. Гаштетт пустой. Мы, дрожащие от холода, бросаемся за столик и подзываем к себе обер (официанта). «Wir sind russe, verstei?» — говорю я. «Да вижу по вашим физиономиям, что вы русские», — отвечает обер. «Wir Russe trinken nur 100 Gramm. Verstei?» — продолжаю я. (Дело в том, что немцы, как правило, пьют либо eins — 20 мл, либо doppelt — 40 мл). «Так вот, принеси-ка ты нам, друг, два раза по 100 грамм и чего-нибудь закусить, verstei...» «Jawohl», — отвечает обер, удаляется и приносит... «zwei Mal doppelt», то есть по 80 граммов каждому! Мы с Жорой чуть не взвыли — уж этот немецкий Ordnung! Пришлось заказывать еще...

Мой шофер Роланд долго донимал меня своими инсинуациями, что, мол, русские едят (жрут, лопают) гораздо больше, чем немцы. Мне все это надоело в конце концов, и я решил на «чистый» эксперимент.

Проехав как-то в обеденное время в рабочую столовую на Кенигштайне, мы с Роландом расположились со своими тарелками за столиком в уголке, и я предложил: «Давай незаметно выберем для наблюдения одного русского инженера и одного немца и посмотрим, кто же все-таки больше жрет!» Порешили. Здесь уместно сказать, что в то время в рабочих столовых «Висмута» каждому трудящемуся выдавали по бесплатным (!) талонам большую трехсекционную керамическую тарелку, куда посекционно клали обычно следующее: огромный мясной бифштекс, грудку отварного картофеля и так называемое gemuse — в жидком соусе кусочки морковки, свеклы и еще какой-то дряни. Именно по такой тарелке взяли наши два подопытных. Эксперимент начался.

Я с тревогой следил, как наш русский «молотобоец» быстро расправился с бифштексом, умял всю гору картошки (после смены все-таки!) и принялся за gemuse. Но тут он чего-то заковырялся, отодвинул тарелку и встал.

Немец сделал все то же самое с мясом и картошкой, слопал, подобрав ложкой, все gemuse и еще, взяв кусок хлеба, вылизал с его помощью все три секции тарелки.

Я торжествовал! Роланд сидел, поджав уши. «Международный» едальный эксперимент завершился в пользу России!

Но самое главное «приключение» висмутовской жизни разыгралось с нами на почве футбола...

Где-то глубокой осенью 1967 г. в ГДР должно было приехать московское «Торпедо», в составе которого тогда еще играл легендарный Эдуард Стрельцов.

Приезжало «Торпедо» на один-единственный матч с командой «Мотор-Цвиккау», и игра была назначена в рабочий день на 14:00.

Заместитель генерального директора по режиму СГАО «Висмут» А.Д. Зверев, прознав про такое дело, понимал, что половина советских в рабочее время будет торчать на стадионе, и издал специальный приказ, запрещающий под страхом смерти посещения матча «Торпедо» — «Мотор-Цвиккау».

Приказ приказом, страх страхом, но не увидеть Эдика Стрельцова?! Страсти раздирали наши грешные души... И конечно же, родился план...

Я подъехал к кассам стадиона в г. Цвиккау за несколько дней до матча и спросил, на какой же трибуне будет стоять телекамера, транслирующая игру. Мне сказали: «Вот

Ольга Андреева, Евгений и Людмила Камневы на съезде висмутян.

на этой!» И я, ужасно умный и ужасно хитрый, сказал: «Вот на этой трибуне, прямо за камерой, и дайте мне 4 билета».

Матч проходил на ужасном поле, в каком-то полуболоте, к тому же начался дождь. Мой шофер Роланд за неимением зонта принес нам солдатское одеяло, под которое мы и спрятались, продолжая неистово болеть за родную команду. Футболисты долго и безрезультативно возили мяч по этой грязи, пока наконец великий Стрельцов на последней минуте прямо из-под ноги защитника, в падении не выстрелил по немецким воротам, уложив мяч точнехонько в левый от вратаря нижний угол.

Один — ноль. Стадион взревел. Взревели и мы с Жорой Андреевым, раззявив свои немалые глотки и неистово потрясая одеялом над головой...

А в это время немецкий телеоператор развернул свою камеру на 180° и в поисках какого-нибудь интересного кадра, конечно же, наткнулся на две орущие русские глотки в столь экзотическом одеяловом обрамлении. Он и дал на несколько секунд это изображение крупным планом.

Ничего не подозревая, мы вернулись в свой поселок сразу же по окончании рабочего дня и на ухмыляющиеся вопросы друзей «где были, чего видели?» скромно отвечали, что были, мол, на Объекте и работали, не покладая рук.

«Ну-ну! — отвечали приятели. — Ваше счастье, если заместитель Волощука по режиму не смотрел этот телерепортаж...» И рассказали о знаменитом телекадре. А заместитель как раз и смотрел по телевизору этот матч, находясь в гостях у главного инженера МГДП «Кенигштайн» В. Д. Придорогина.

Мы ахнули: за нарушение приказа по режиму в то время существовала одна

кара — немедленные сборы и возвращение на Родину в 24 часа.

Спасло нашу футбольную братию, как ни парадоксально (а мало ли в нашей жизни непарадоксального?), еще одно, более «страшное режимное нарушение» одного из нас, а именно Вадима Мельниченко. Дело в том, что радостно собираясь на футбольную премьеру и потирая от предвкушения руки, Вадя (мир и покой его праху уже) перед посадкой в мое авто забыл... сдать свой секретный портфель в 1-й отдел (!).

И когда, вернувшись, он застал свою супругу Зину всю в слезах и услышал из ее заплаканных уст «и где тебя черти носят? и весь режим уже с ног сбился, тебя разыскивая...», Вадя моментально протрезвел и помчался в сопровождении начальника 1-го отдела Виктора Войцеховича в НТЦ-Грюна. Портфель спокойно лежал в запечатанном виде в его персональном сейфе!

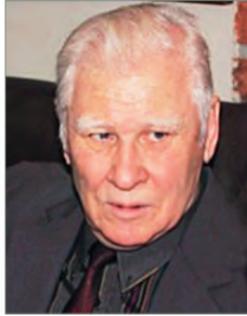
Семен Николаевич Волощук, после наверняка нескольких докладных в его адрес по этим секретно-футбольным инцидентам, очевидно, пожалел своего любимца В. Мельниченко, ну а заодно пришлось пожалеть и всех нас, остальных.

Справедливости ради нужно сказать, что на стадионе среди зрителей были ребята почти со всех Объектов, но им повезло больше — их не показали по телевизору.

Вот так мы и жили в те славные годы в поселке Зигмар, что прилепился на окраине Карл-Маркс-Штадта (ныне Хемница).

Ударно работали, увлеченно спортивничали, рожали и растили детей, иногда нарушали режим и никогда не забывали о своей далекой и любимой Родине, во славу и честь которой мы приехали служить в Советско-Германское акционерное общество «Висмут».

Сентябрь 2009 г.

А. В. Жевлаков.

Александр Валентинович Жевлаков

Александр Валентинович ЖЕВЛАКОВ родился в 1929 г., окончил Московский геологоразведочный институт в 1952 г. по специальности «Гидрогеология и инженерная геология».

В 1952 г. был направлен на работу гидрогеологом Советско-Чехословацкого предприятия «Яхимовские рудники».

С 1955-го по 1966 г. работал научным сотрудником отдела радиогидрогеологических исследований института ВСЕГИНГЕО. Участвовал в разработке изобретения «Радиогидрогеологический метод поисков урана».

Кандидатскую диссертацию защитил в 1961 г.

В 1966–1972 гг. был командирован на работу в СГАО «Висмут» главным гидрогеологом вновь организованного Центрального геологоразведочного предприятия (ЦГП).

По завершении заграничной командировки с сентября 1972-го по май 1978 г. работал главным гидрогеологом партии № 2 Центральной экспедиции института ВИМС.

В 1978–1980 гг. — главный гидрогеолог ЦГП СГАО «Висмут».

В 1981–1984 гг. — главный гидрогеолог СГАО «Висмут».

По окончании заграничной командировки с 1984-го по 1995 г. работал в Московском институте курортологии. В коллективе авторов составил справочник «Минеральные лечебные воды СССР», который издан в 1991 г.

С 1995 г. работал в МосНПО «Радон» по линии обеспечения радиационной безопасности Центрального региона России.

Скончался на 83-м году жизни 30.01.2012 г.

Воспоминания о работе в СГАО «Висмут»

В июле 1966 г. я был направлен на работу в СГАО «Висмут» в качестве главного гидрогеолога вновь организованного Центрального геологоразведочного предприятия (ЦГП).

Главным геологом ЦГП был назначен Юрий Сергеевич Данилов, который отличался глубокими знаниями проблемы поиска и разведки урана, исключительным трудолюбием и требовательностью к подчиненным.

В 1960-х гг. и в последующий период перед геологами ЦГП ставилась задача по расширению имеющихся запасов урана.

Нарастающий объем добычи урана должен был компенсироваться таким же объемом разведанных запасов урана.

В начальный период моей деятельности необходимо было систематизировать все имеющиеся данные за 1945–1966 гг. по радиогидрогеологическим съемкам территории Восточной Германии.

Активное участие в составлении сводной карты гидрогеологических аномалий принимал заместитель главного гидрогеолога доктор Р. Васковиак.

Контроль данной работы осуществляли: главный геолог СГАО «Висмут» А. А. Данильянц и главный гидрогеолог Генеральной дирекции Л. Н. Смирнов.

На необходимость использования радиоактивности вод в качестве критерия при поисках урановых руд впервые было указано В. И. Барановым и А. М. Овчинниковым в 1945 г.

В Восточной Германии к этому времени были известны высокорadioактивные воды Обершлема и Брамбах. На южном склоне Рудных гор в Чехословакии нахо-

дился радоновый курорт Яхимов с радиоактивными источниками Кюри и Беккерель. Имелись сведения о наличии радонового источника в г. Роннебург. Указанные выше радиоактивные источники, кроме Брамбаха и Роннебурга, были вскрыты горными выработками при добыче серебряных и урановых руд. В нашей стране с учетом наличия радоновых вод в районе Пятигорска были проведены поисковые работы на уран в 1946–1947 гг. и открыты месторождения Бештау и Бык.

Руководство геологической службы СГАО «Висмут» много внимания уделяло развитию радиогидрогеологических поисковых работ.

На многочисленных жильных месторождениях Рудных гор гидрогеологи исследовали на радиоактивность все источники и воды, вскрытые горными выработками, включая капели.

При проведении съемочных работ гидрогеологи Саксонской и Тюрингской экспедиций определяли радиоактивность воды в источниках, колодцах и скважинах.

На участках радиогидрогеологических аномалий проводились гамма- и эманионные съемки, осуществлялась проходка канав, шурфов и буровые работы.

В дальнейшем данные по радиогидрогеологии были использованы при выделении на территории Восточной Германии первоочередных районов поиска месторождений урана различных генетических типов.

Особо необходимо отметить проделанную нами работу по гидрогеологическому районированию территории Восточной Германии. На этой территории были выделены

артезианские бассейны с возможными типами урановых месторождений. Среди них отметим следующие:

- бассейны с перспективами поисков месторождений урано-угольного типа — это Деленский, с месторождением Фрайталь и Подрудногорский;
- бассейны инфильтрационного типа — например, Эльбтальский, с месторождением Кенигштайн, Субгерцинский и др.;
- бассейны элизионного типа — Тюрингский, Северо-Восточный с перспективами поисков урано-битумных месторождений;
- бассейны в палеоген-неогеновых впадинах среди кристаллических пород Лиузита (Циттау) и в Северной Саксонии с угленосными осадками.

С учетом вышеуказанных данных, совместно с Ф. К. Портновым, начальником геологического отдела Генеральной дирекции, оценивались перспективы дальнейших поисков урана на территории деятельности СГАО «Висмут». Эту работу нам поручил главный геолог СГАО «Висмут» А. А. Данильянц.

В задачу работы гидрогеологов ЦГП также входило:

- выявление основных горизонтов и комплексов пород, тектонических структур, влияющих на обводненность горных выработок;
- изучение инженерно-геологических свойств пород при проходке горных выработок, в особенности шахтных стволов;
- защита водозаборов питьевого и технического водоснабжения от дренажа горными выработками;
- внедрение метода подземного выщелачивания урана на руднике Кенигштайн и др.

Последнюю работу возглавил главный гидрогеолог ГД Л. И. Лунев.

Учитывая огромный объем геологоразведочных и горных работ, проводившихся на больших площадях Восточной Германии, гидрогеологи ЦГП вели постоянное наблюдение за состоянием водозаборов в городах Цвиккау, Дрезден, Пирна, водозаборами Роннебургского рудного поля, где значительная часть поселков оказалась без воды, и приходилось проектировать новую водопроводную систему.

Вблизи северного скважинного водозабора г. Цвиккау находился гидromеталлургический перерабатывающий завод № 101. Рядом с заводом большую площадь занимало шламоохранилище, в котором находились остаточные содержания урана и радия.

Если радий в приповерхностной зоне почти не мигрирует, то уран растворяется под воздействием атмосферных осадков и мигрирует на многие сотни метров, проникая в подземные воды. Вблизи Цвиккауского

водозабора по скважинам была зафиксирована «радиогидрогеологическая аномалия» с содержанием урана до $1 \cdot 10^{-5}$ г/л при естественном фоне $1 \cdot 10^{-6}$ г/л.

На месторождении Кенигштайн урановые руды добывались в песчаниках сеноманского горизонта, выше которого находился водообильный горизонт туронских отложений. Из этого горизонта осуществлялось водоснабжение многотысячного населения г. Пирна. Поэтому особые требования предъявлялись к тампонажу разведочных скважин на площади месторождения Кенигштайн. Кроме дренажного влияния на водозабор, такие скважины могли затопить горные выработки месторождения.

Много хлопот для гидрогеологов ЦГП доставляла разведка Роннебургского рудного поля.

Ежегодно ЦГП проводило разведку урана на площади 4–5 км². На 1 км² поля прирост запасов урана составлял примерно 1–1,5 тыс. тонн. Исключением было месторождение Шмирхау, где запасы на 1 км² были значительно больше.

На участке Дрозен верхние горизонты пород, сложенные известняками цехштейна, были закарстованы и сильно обводнены. Первые шахтные стволы при проходке были затоплены, и их приходилось длительное время откачивать. Однако и эта проблема была успешно решена.

Особое значение на месторождении Дрозен приобрел тампонаж разведочных скважин. Все пробуренные скважины, часто до глубины 900 м и более, тампонировались гелецементом. Большую работу по контролю за качеством тампонажа проводил мой заместитель доктор Р. Васковиак.

Общее руководство геологоразведочными работами по линии ЦГП в период 1966–1972 гг. осуществляли: главный геолог Ю. С. Данилов, главный инженер С. И. Голиков, главный геофизик В. В. Марченко, главный гидрогеолог А. В. Жевлаков и их немецкие коллеги: Г. Шульце, Х. Кауфман.

Высококвалифицированные советские и немецкие специалисты: геологи, геофизики и гидрогеологи работали в составе Тюрингской и Саксонской экспедиций, а также в отделе перспективной разведки в поселке Грюна вблизи Хемница (Карл-Маркс-Штадт).

Неоценимую помощь при прогнозировании поисков урана оказывали выдающиеся геологи, командированные в СГАО «Висмут». Среди них следует отметить Я. Н. Бельцева, А. Н. Еремеева, В. И. Величина, В. Е. Бойцова, В. М. Якшина и многие другие.

В 1978–1980 гг. я работал в СГАО «Висмут» в качестве главного гидрогеолога ЦГП (Грюна), а в 1981–1984 гг. — главным гидрогеологом Генеральной дирекции.

В этот период продолжалась буровая разведка на уран Роннебургского рудного поля, месторождения Кенигштайн, отдельных участков Эльбтальского грабена и месторождения Фрайталь, рудопроявлений Кина и Шенкенберга.

По линии отдела перспективной разведки осуществлялись геолого-съёмочные работы масштаба 1:25000 — 1:50000 отдельных листов территории Рудных гор, Тюрингского леса, Гарца, Субгерцинской впадины, Северо-Западной Саксонии.

Руководство работами проводили главный геолог Ветров В. И., главный инженер Абашин Е. В., главный гидрогеолог Жевлаков А. В. и их немецкие коллеги: Г. Фар, Р. Васковиак, М. Фиевег и др.

На первом этапе работы мы обратили внимание на сложность горно-геологических условий участка заложения нового шахтного ствола рудника Беервальде.

Точка заложения этого ствола была вынесена исходя из благоприятных топографических условий местности, но оказалась в зоне крупного тектонического нарушения — Тюрингского разлома.

При проходке такой шахты в сильно обводненных породах могли происходить обрушения стенок выработки, и их пришлось бы крепить дорогостоящими тубингами. Заместитель главного инженера СГАО «Висмут» Г. Г. Андреев поддержал наше предложение перенести запроектированный ствол шахты на десятки метров от зоны разлома. По расчетам горнопроходчиков, это позволило сэкономить не только время проходки ствола глубиной до 900 м, но и денежные средства в размере нескольких миллионов марок.

Важная работа была выполнена по заданию главного инженера СГАО «Висмут» В. П. Назаркина на участке месторождения Роннебург.

Валентин Павлович поручил мне установить причину просадки железнодорожного моста в г. Роннебург. При анализе погоризонтных планов по обработке рудных залежей на данном участке было установлено, что богатые руды телескопированно располагаются на четырех горизонтах месторождения как раз под мостом. Отработка урановых залежей велась с закладкой отработанного пространства с постоянным контролем качества работ. Однако 100-процентная закладка отработанного пространства при любых ее методах практически невозможна. Поэтому опоры моста пришли в движение.

По рекомендации главного инженера я был удостоен награды — знака «Шахтерская слава» III степени, которую вручил мне генеральный директор СГАО «Висмут» С. Н. Волощук. Семен Николаевич знал меня

с 1952 г. по работе на предприятии «Яхимовские рудники» в Чехословакии.

Это был выдающийся горный инженер с высоким уровнем знаний, довольно жесткий, но справедливый руководитель. В любое время дня и ночи он руководил производством и людьми, мог связаться со специалистом и направить его на выполнение задания. Однажды ночью он позвонил мне и, не стесняясь в выражениях, сказал, что на руднике Битиз в Пршибраме затопило два горизонта. Мне пришлось срочно из г. Яхимов за 200 км ехать на этот рудник, определять водоприток и с большими усилиями выбираться на поверхность по деревянным лестницам с горизонта на горизонт, так как подъемный механизм шахты в то время не работал. Благо, что Средмаш отбирал для работы на своих предприятиях не только грамотных специалистов, но и физически крепких людей.

Будучи главным гидрогеологом ГД, много времени приходилось уделять методам подземного и кучного выщелачивания, которые интенсивно внедрялись гидрогеологами: Л. И. Луневым, С. Ш. Агамировым, В. С. Ивановым, П. Капустинным, П. И. Дудкаловым и др. на месторождении Кенигштайн.

Поскольку это месторождение находилось в курортной местности Саксонской Швейцарии, вблизи старинной крепости Кенигштайн, особое внимание обращалось на охрану окружающей среды. Было установлено, что в процессе кучного выщелачивания в реку Эльба попадали растворы с повышенным содержанием урана.

Главный инженер рудника В. И. Дорожкин оперативно распорядился установить фильтры с ионообменными смолами, и металл стал поступать в копилку предприятия.

Продолжались гидрогеологические наблюдения по охране Пирненского водозабора.

Не оставалось без внимания гидрогеологов и месторождение Фрайталь в угольных пластах Деленской котловины. В течение более 400 лет на этом месторождении добывали уголь и только в середине XX в. установили, что в углях имеются высокие содержания урана. Когда это определили, оказалось, что более половины запасов урана в углях (многие сотни тонн) через котельные и печи уже сожжены и рассеяны в виде шлаков по дорогам и окрестностям округа Дрезден, повышая его естественную радиоактивность.

Оставшиеся урановые руды в углях обрабатывал рудник Фрайталь, а он находился вблизи скважин водоснабжения пивоваренного завода «Дрезднер брауэрай».

Дренаж водозабора пивоваренного завода мог принести предприятию большие убытки. По этому вопросу мною были даны

Вручение грамот и призов победителям соревнований, 1983 г. Стоят (справа налево): В. В. Лопатин, И. Карпухин, А. В. Жевлаков; сидят: Зигфрид Штолл, Б. Лашков, Б. Токарев и др.

Пулевая стрельба на стенде «Гайер».

Руководство КВО-900, общества «Гайер» и ГГ-29. А. В. Жевлаков (первый слева), Зигфрид Штолл, В. В. Кара.

Вручение грамот общества «Гайер» В. В. Каре и А. В. Жевлакову.

Чествование победителей на стенде «Гайер». Среди призеров: слева — А. В. Жевлаков, справа — А. Е. Толкачев.

Фройндшафт! Гайер, 1983 г.

После соревнований в обществе «Варта». Слева направо: В. В. Кара, немецкий охотник Вернер Петрик, А. В. Жевлаков (первый справа).

«Варта». Охотники на привале. В центре: супруга Вернера Петрика Нани — заядлая охотница.

Грамота почетного члена охотобщества «Гайер».

соответствующие рекомендации и поставлены режимные наблюдения за уровнем подземных вод.

Хотелось отметить хорошую организацию работы пункта водоснабжения со стороны предприятия «Дрезднер брауэрай» и заботу о людях, снабжающих завод чистой подземной водой. Каптаж водоснабженческой скважины представляет собой закрытый люком бетонный колодец глубиной не менее 6 метров. В этом колодце пробурена скважина глубиной в несколько десятков метров и установлено насосное оборудование. Там же находился пункт управления насосами, обслуживаемый специалистами. Что нас поразило, так это то, что в этом пункте имелось несколько ящиков свежего пива с производственной, а не торговой маркой «Дрезднер брауэрай». Таким образом, работники завода, находящиеся далеко за его пределами, не лишались возможности за обедом выпить свежего пива.

Радиогидрогеологические поисково-съёмочные работы продолжались в районах Тюрингского леса, Гарца, Лаузитца и Северо-Западной Саксонии, где был выявлен новый тип уранового оруденения в липаритовой формации и открыты рудопроявления Кина и Шенкенберг.

За обводненностью горных выработок на Роннебургском рудном поле и за состоянием питьевых водозаборов в это время наблюдали гидрогеологи Тюрингской экспедиции Г. Шульце, Зенгер, Кауфман и др.

В процессе оценки перспективы поисков новых месторождений урано-битумного типа в Тюрингской котловине мною были построены гидродинамические схемы

с напорами и движением подземных вод. Для этого использовались данные немецких специалистов, полученные при разведке нефтяных и газовых месторождений.

В этой котловине на глубинах от десятков до многих сотен метров залегают пласты солей цехштейнового возраста. Эти соли с давних времен разрабатывались в округе Галле, где в настоящее время существует развитая химическая промышленность.

Под соляным экраном на больших глубинах в структурных ловушках в виде куполов были обнаружены большие скопления углеводородов.

В отдельных скважинах установлены высококонцентрированные рассолы хлоридного и кальциево-натриевого состава с общей минерализацией 100–200 и более г/л.

На основе гидродинамической схемы удалось установить происхождение соляных минеральных источников на курортах Бад Зульце, Бад Зальцунген и др.

Эти источники имеют выход на поверхность по зонам разломов на контакте Тюрингской котловины с Тюрингским лесом.

Они формируются за счет смешения рассольных вод Тюрингской котловины с поступающими со стороны Тюрингского леса трещинными водами. Признаков сероводородного заражения подземных вод, а, следовательно, и процессов окисления углеводородов в битумах установлено не было. Таким образом, эта территория оценивалась как малопродуктивная на поиски урановых месторождений.

Оглядываясь на прошлые времена, с позиций нашей современной реальности хочется отметить, что в руководстве и на пред-

приятиях Средмаша был высокий уровень производственной дисциплины, который пронизывал сверху вниз все подразделения и участки этого ведомства. Все задания, большие и малые, выполнялись работниками четко и в срок или досрочно. Планы по приросту запасов и добыче урана на всех предприятиях СГАО «Висмут» выполнялись или перевыполнялись.

Со стороны службы безопасности и режима не было особого давления при работе и в быту. Для работников СГАО «Висмут» и членов их семей создавались благоприятные жилищные условия с проживанием в отдельных квартирах со всеми удобствами.

Большое внимание этим вопросам уделяли руководители служб: А. Д. Зверев, И. Т. Карташов, В. Н. Воробьев, В. Б. Зенков, В. М. Верхолашин, В. М. Лавнеев и другие.

Большую работу по организации работ и досуга осуществляли профсоюзные и партийные руководители: В. М. Щелкалин, Д. С. Горожанкин, П. И. Мариничев и др.

В выходные дни работники СГАО «Висмут» могли побывать в домах отдыха в горных районах: Обервизенталь, Нидердорф, Бад Бланкенбург или на море в районе Цинновиц-Узедом. Дети специалистов отдыхали в пионерских лагерях — в горах и на море.

Николай Владимирович Демин

Николай Владимирович ДЕМИН. Доктор технических наук, профессор Московского геолого-разведочного университета, работал в «Висмуте» с 1965-го по 1972 г.

Исследования по защите от радона в лаборатории вентиляции НТЦ

Свои воспоминания мне хотелось бы начать со студенческих лет, так как учеба в Московском институте цветных металлов и золота имела прямое отношение к развитию урановой промышленности СССР. Дело в том, что в институте со второго курса производился отбор на специальный факультет, который готовил специалистов по поискам, разведке, добыче урановых месторождений. Кроме основных предметов горной специальности на факультете, студенты изучали: радиометрию, медицинскую радиологию, специальные курсы по разведке, системам разработки урановых месторождений, обогащению руд и другие предметы, имеющие отношение к профилю специалиста. В 1955 г. состоялось распределение выпускников. Оно было уникально. Все иногородние были направлены в СГАО «Висмут», москвичи — в ПромНИИтехнологии. В этой организации началась моя научная деятельность. Она мало отличалась от научной работы в других научных организациях СССР. Несколько месяцев командировок на предприятия, где проводились экспериментальные работы, написание отчета и масса свободного времени для повышения своей научной квалификации. В институте я занимался проблемами горного давления, железобетонного крепления, а после организации лаборатории вентиляции — проблемой защиты от радона на рудниках, в частности противорадоновой изоляцией. В мировой практике этой проблемой никто не занимался. Было очень интересно, уже первые эксперименты показали высокую эффективность ряда минеральных и синтетических материалов, началось внедрение радоноизоляции на рудниках СССР.

Как я попал в «Висмут»? Бурное развитие урановой горной промышленности, естественно, сопровождалось нарушением экологической ситуации в районах добычи урана. Огромные площади земной поверхности изымались под отвалы добытой горной массы, под хвостохранилища и т. д. Выбросы вентиляторов сопровождался загрязнением атмосферы и почвенного слоя продуктами распада радона.

В то же время проблемой радона начали, по существу, заниматься только после 1950-х гг., а данные по радону стали доступны только после 1955 г. В 1957 г. в Соединенных Штатах Америки была разработана концепция опасности скрытой энергии дочерних продуктов распада радона (далее — ДПР) в воздухе, и введен термин «рабочий уровень» (WLM). Этот показатель стал фактически внесистемной оценкой облучения горнорабочих за счет ДПР. В Австралии величина предельно допустимой концентрации радона (ПДК) в рудниках — 3×10^{-10} кюри/м³, в СССР — в три раза меньше, 1×10^{-10} кюри/м³. В СГАО «Висмут» были приняты нормативы по аналогии с СССР, то есть ниже, чем в других странах.

В «Висмуте» вопросы охраны природы, здоровья горнорабочих и населения были приоритетными. Программа работ по нормализации радиационной обстановки на рудниках включала совершенствование вентиляции, применение противорадоновой изоляции, дегазацию радона, дренаж подземных вод, обогащенных радоном. Для оказания техпомощи по этой программе из ПромНИИтехнологии были командированы кандидат технических наук

Н. В. Демин.

М. И. Кузнецов и я. Общее руководство по программе было возложено на генерального директора СГАО «Висмут» кандидата технических наук С. Н. Волощука.

Основные исследования по защите от радона проводились в лаборатории вентиляции НТЦ. Все результаты исследований проходили экспериментальную проверку в шахтных условиях с участием специалистов рудников. Практически все разработки широко внедрялись на рудниках. Лаборатория вентиляции, руководимая кандидатом технических наук Вадимом Михайловичем Мельниченко и его заместителем Гюнтером Шлоттом, располагала высококвалифицированными специалистами с немецкой и советской стороны. Это был слаженный коллектив специалистов в области вентиляции, радиационной безопасности кондиционирования, пылеподавления. Три немецких специалиста прекрасно объяснялись на русском языке, что позволяло преодолеть языковой барьер. Особенно следует отметить группы техников, которые проводили эксперименты на рудниках. Мне пришлось работать с группой, которую возглавлял Герхард Келлер. Он не только выполнял тяжелую горняцкую работу при эксперименте вместе с рабочими-коллекторами, но и квалифицировано обрабатывал результаты испытаний, имея диплом техника. Несколько слов о советских специалистах лаборатории, работавших в то время. Вадим Мельниченко, заведующий лабораторией, обладал великолепными организаторскими способностями, был в курсе всех проблем производства, что позволяло лаборатории решать самые актуальные научные задачи. Г. Г. Андреев сочетал в себе теоретика и практика в области тепломассообмена. Его исследования способствовали более эффективной работе системы кондиционирования на Объекте 9. А. В. Кретиный — специалист в области вентиляции. Разработанная им система дренажа радона из горного массива была успешно внедрена на руднике Шмирхау. Основной состав лаборатории включал немецких специалистов. Их отношение к советским специалистам было основано на уважении, стремлении решать совместно крупные научные задачи.

В течение трех лет мне пришлось непосредственно на Объекте 9 заниматься проблемой радона. С целью уменьшения содержания радона за короткий промежуток времени были разработаны и внедрены: планомерная изоляция отработанных

пространств путем создания по всему горизонту искусственных горизонтальных целиков и перемычек, бетонные горизонтальные настилы в очистных блоках, противорадоновая изоляция в штреках на основе битумно-латексной эмульсии.

Отдел вентиляции на Объекте возглавлял Гюнтер Дебре, горный инженер, высококвалифицированный специалист в области вентиляции, кондиционирования рудничной атмосферы. Его отдел включал специалистов, квалификация и опыт которых были приобретены непосредственно на руднике. Они прекрасно разбирались в вентиляции, что позволяло оперативно решать сложные задачи управления проветриванием рудника, отработывающего уникальное месторождение Нидершлема-Альберода.

Сложная радиационная обстановка сложилась на руднике Кенигштайн. Проходка выработок на обводненных участках сопровождалась обильным выделением радона, что заставляло останавливать работы. В результате анализа гидрогеологических условий был получен прогноз выделения радона. Это позволило продолжить работы по проходке квершлага. Лаборатория вентиляции предложила метод ограничения выделения радона на обводненных участках путем деэманирования воды, поступающей в выработки.

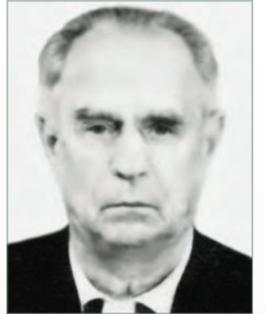
На месторождении Шмирхау впервые в мировой практике был разработан и внедрен метод деэманирования радона в очистных блоках, который позволил резко сократить выделение радона в очистное пространство. Метод был внедрен А. В. Кретиным и Эрхардом Кемпе.

К сожалению, за последние годы в западных публикациях появился ряд статей, в которых отмечается, что якобы шахты Восточной Германии являются местом экологической катастрофы, что добыча урана производилась ценой здоровья горнорабочих. На шахтах «Висмута» были введены самые низкие предельные нормативы по радону, оперативно внедрялись самые современные методы борьбы с радоном. Только в «Висмуте» применялась противорадоновая изоляция, дегазация радона из горных пород и деэманирование загрязненных шахтных вод. Ни в одной стране мира эти методы не применялись. Это дало возможность сохранить жизнь и здоровье многочисленному коллективу горнорабочих «Висмута».

Василий Петрович Новик-Качан

Василий Петрович НОВИК-КАЧАН родился в 1918 г. В 1941 г. окончил Государственный университет в г. Ростове-на-Дону. Кандидат геолого-минералогических наук (1956). В 1941–1949 гг. служил в Красной (с 1946 г. — Советской) армии, участвовал в партизанском движении во время Великой Отечественной войны, получил ранение, инвалидность. В 1949–1954 гг. работал в геологоразведочном управлении «Главспеццветмет» МВД СССР заместителем начальника отдела рудничной геологии. В 1954–1959 гг. — ассистент кафедры МИЦМиЗ. В 1959–1963 гг. — гидрогеолог «Висмута». В 1964–1991 гг. — старший научный сотрудник, начальник лаборатории в ПромНИИпроекте.

В 1975–1980 гг. — главный консультант по гидрогеологии подземного выщелачивания Чехословацкой урановой промышленности. Лауреат Государственной премии СССР (1978).

В. П. Новик-Качан.

Как я попал в урановую промышленность. Воспоминания ветерана урановой промышленности

До того как я попал в урановую промышленность, было пять лет службы в войсках МВД СССР по охране особо важных объектов промышленности и железных дорог в должности полкового инженера. Затем — пять лет в геологоразведочном управлении «Главспеццветмет» МВД СССР, где я прошел путь от районного инженера до заместителя начальника отдела рудничной геологии, занимаясь вопросами гидрогеологии, а также поиска, разведки и добычи алмазов из россыпных месторождений. Следующее место работы — кафедра общей и исторической геологии Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина (МИЦ-МиЗ). Однажды, во второй половине 1958 г., Дмитрий Иванович Щеголев, заведующий кафедрой общей и исторической геологии, профессор, доктор геолого-минералогических наук, декан геологоразведочного факультета этого института, встретив меня в коридоре, сказал: «Зайди ко мне».

Работая у него на кафедре в качестве ассистента с 1954 г., я под его научным руководством в 1956 г. защитил кандидатскую диссертацию по минеральным водам Балейского золоторудного поля в Забайкалье и подумывал о дальнейших перспективах. К сожалению, эти перспективы оказались разрушенными в 1957 г. Генсек ЦК КПСС Н. С. Хрущев решил перевести управление народным хозяйством страны на систему совнархозов с ликвидацией министерств. Ненароком эта «реформа» задела и наш институт. Рассказывают, что на одном из совещаний, на котором рассматривались вопросы, связанные с созданием совнархозов, Никита Сергеевич сказал: «А что, собственно, делает в Москве институт цветных металлов и золота? У нас что, золото под Москвой? Я что-то не слышал. Нечего ему тут делать — пусть едет туда, где есть золото. Ломако и заберет его к себе — он будет возглавлять Красноярский совнархоз».

А дело в том, что министр цветной металлургии П. Ф. Ломако, друг министра среднего машиностроения Е. П. Славского, еще

со времен гражданской войны опекал вместе с ним наш институт: выделял то квартиры или санаторные путевки профессорам, то делал кое-какой ремонт или передавал оборудование и материалы.

Институт же для этих министров готовил кадры геологоразведчиков, горняков, металлургов, обогатителей, экономистов.

Я тоже должен был ехать в Красноярск — так решило институтское начальство, правда, не спросив меня. Но я, зная это место по предыдущей работе — службе в войсках МВД, переезжать в Красноярск не собирался. Штаб моего полка находился в г. Кемерово, а его «владения» — мосты, крупные заводы, которые он охранял, были раскинута от Иркутска до Красноярска. В последнем по делам службы я бывал не раз. Приезжал сюда и тогда, когда работал в «Главспеццветмете», добирался от него до Туруханска, поднимался вверх по течению Нижней Тунгуски на сотни километров. Так что снова возвращаться в эти края у меня не было никакого желания. А супруга прямо сказала: «Не поеду. И детей не пущу, и тебя не пущу!»

Услышав приглашение Дмитрия Ивановича, я последовал за ним. Зашли в его кабинет, он усадил меня в кресло и говорит (а он, конечно же, хорошо знал мои проблемы, ибо и я, и моя супруга находились и с ним, и с его супругой Евгенией Петровной в очень близких отношениях):

— Ну как твои дела? Скоро ли поедешь в Красноярск? Там ведь люди нужны, почти никого нет.

— Да нет, Дмитрий Иванович, в Красноярск я не поеду. Там я бывал, и не раз. Да и Мария Адольфовна категорически против, сказала, что хватит и того, что мы пожили в Кемерово.

— Ну вот что. Не буду антимионии разводиться. Поезжай-ка ты в Германию, в ГДР, на урановые рудники. Разумеется, об урановых рудниках и ГДР я тебе не говорил, но ты подумай. С семьей, с Марией Адольфовной посоветуйся. А я тебе помогу.

— Хорошо, Дмитрий Иванович, большое спасибо. Я подумаю и завтра скажу.

— Ладно, только не тяни.

В отношении профессора Дмитрия Ивановича Щеголева я должен сказать, что не только я был таким «счастливчиком». Детей у него не было, и детьми для него были студенты, аспиранты, которым он давал путевку в жизнь. Очень многие люди считали его своим наставником, учителем, другом, который помогал им всем, чем мог, — советом, поддержкой, ходатайством, просьбой, а то и материально. Нередко он ссужал бедствующих студентов своими деньгами и забывал о них. А те тоже не всегда помнили о своем долге. Все они, кому Дмитрий Иванович помогал, я уверен, помнили, помнят и будут помнить его до гробовой доски.

Дмитрий Иванович, советуя мне поехать в ГДР, имел в виду не только мое трудоустройство, но и материальную сторону дела. Он хорошо ее знал. Как у большинства военных (а я был демобилизован перед приходом в институт), у меня не было ни угла, ни скарба, жили мы небогато, и такая командировка могла существенно поправить материальную сторону дела. И я в душе согласился.

Дома состоялся совет. Супруга сначала встретила мои слова в штыки: «Нет!» — и все. Она страшилась ехать с двумя детьми в страну, которая совсем недавно вела против нас смертельную войну и каратели которой загубили ее отца, замуравав заживо в штольне. Она представляла себе, что там сплошные фашисты, и жить среди них страшно и опасно. Мои доводы о том, что люди туда все же едут, там работают, живут и возвращаются целые и невредимые, что их труд хорошо оплачивается, мало действовали.

«Ну что ж, — сказал я. — Тогда нам неизбежно придется ехать в Красноярск». После этих слов она задумалась, помолчала, а потом согласилась.

Видимо, перед ее взором промелькнули картины наших скитаний по послевоенным углам, а то и вовсе без углов, как это было в Ереване, где некоторое время пришлось жить даже в офицерском общежитии для командированных.

Назавтра я зашел к Дмитрию Ивановичу и сказал:

— Мы, Мария Адольфовна и я, согласны. Огромное вам спасибо.

— Вот и хорошо. Тогда оформляй документы.

И рассказал, что и как надо делать. А нужно сказать, что Дмитрий Иванович был вхож в министерство, числился там консультантом, был в хороших отношениях с заместителем Е. П. Славского по геологии П. Я. Антроповым. Так что его слова о помощи не были пустым звуком.

И началась эпопея оформления документов. Не буду вспоминать всего, что при этом было. Остановлюсь лишь на одном моменте.

Среди необходимых документов нужна была характеристика с места работы за подписями руководителя организации и секретаря парткома. Содержание подготовленной характеристики было самое благоприятное, потому что в институте я считался и хорошим преподавателем, и хорошим общественником.

Иду с ней в партком за подписью секретаря. Секретарь парткома института — должность освобожденная. И в это время им был кандидат технических наук С. С. Кипарисов. «Сергей Сергеевич, здравствуйте! Я к вам, подпишите, пожалуйста, мне характеристику».

И кладу ее на стол. Он, конечно, меня знает, ведь я бессменный председатель профбюро геологоразведочного факультета. А это пять курсов по четыре группы на курсе, десятка полтора кафедр, деканат и т.д.

Сергей Сергеевич читает характеристику, поднимает на меня глаза и некоторое время молчит. Глаза его почти не мигают, холодные, как у змея. Ничто не отражается в них. Пустота. Казалось бы, должность секретаря парткома крупнейшего института с контингентом от беспомощного первокурсника из деревни до умудренного жизнью академика должна инициировать тепло, внимание, располагать к открытости, побуждать к готовности выслушать человека и, если можно, помочь ему. Ничего этого я не замечал никогда в нашем секретаре и позже понял, что таких людей к подобной работе нельзя подпускать на пушечный выстрел.

— А кто же поедет в Красноярск? Вы же должны, как я помню, ехать туда!

— Нет, Сергей Сергеевич, в Красноярск я не поеду. Я там бывал, и с меня этого достаточно.

— Это мы посмотрим, и характеристику я не подпишу.

Вижу, что дальнейший разговор с Кипарисовым бесполезен, молча беру характеристику и ухожу, не попрощавшись.

Несколько дней хожу сам не свой. Дома ничего не говорю, чтобы лишний раз не волновать супругу. Возникла даже мысль — а не написать ли заявление об уходе из института? Но подготовленной площадки у меня не было, уход из института дорогу в ГДР не открывал. Я любил свой институт. Я также знал, что наш шеф П.Ф. Ломако берет лишь часть института, и при этом меньшую. Остальная часть, в том числе и мой геологоразведочный факультет, остается здесь. Эта часть должна быть передана какому-то московскому вузу. И почему я должен ехать в Красноярск? Правда, сокращенный курс некоторых гео-

логических дисциплин читался на смежных факультетах, например, минералогия у обогащителей или технологов. В конце концов я решил пойти, минуя партком, к директору института.

Директор Тимофей Павлович Глек был личностью незаурядной. Всего лишь кандидат экономических наук, но жесткой рукой управляя многотысячным коллективом, он вывел институт на хорошие позиции и прочно удерживал их. Он имел поддержку со стороны Е. П. Славского и П. Ф. Ломако. В институте его признавали и даже побаивались не только доценты, профессора, но и академики. Для рядовых работников, для студентов это была недостижимая вершина, и они редко, видимо, в крайних случаях, приходили к нему. Нет, он не учинял разносов, не кричал и не стучал кулаком по столу. Но твердо требовал, чтобы сказанное им было выполнено безусловно. А побаивались потому, что стыдно было, не хотели выслушивать его сказанные с ироничной улыбкой слова: «Что же вы, батенька, не сделали так, как я вас просил?» И тут никто не клялся и не оправдывался, а извинялся и шел делать несделанное. Собравшись с духом, я с характеристикой в руках вхожу в просторную приемную директора. Справа от двери в его кабинет сидит за столом секретарь — пожилая женщина и просматривает какие-то бумаги. Я подхожу к столу, здороваюсь и говорю, что мне надо бы к Тимофею Павловичу по личному вопросу. И кладу перед ней характеристику. Она, посмотрев на характеристику, не стала говорить, что есть часы приема у директора, а просто сказала:

— Хорошо, вы посидите немного. У Тимофея Павловича посетитель. Как только он выйдет, вы и зайдете.

Я присел на стул. Конечно, волнуясь, сердце учащенно бьется, мысли вертятся вокруг вопроса «Как-то все обернется?» Ведь я иду к самому Глеку!

Но вот посетитель выходит и секретарь говорит:

— Заходите, пожалуйста.

Я поднимаюсь, иду к двери, открываю ее и вхожу в просторный кабинет. В дальнем конце напротив двери за большим столом сидит директор. Он в очках без оправы, перебирает лежащие перед ним бумаги.

— Здравствуйте, Тимофей Павлович! — говорю я дрожащим голосом.

— Здравствуйте, — поднимая голову, отвечает он. — Проходите, садитесь. Что у вас?

Я молча подхожу к массивному столу и кладу перед Тимофеем Павловичем свою характеристику. Он еще раз приглашает меня сесть, что я и делаю. Берет характеристику и читает. Потом поднимает голову и сквозь сильные очки смотрит на меня. Лицо у него

красноватое, худощавое, в глубоких морщинах. Волосы — рыжеватые, редкие, прямые, причесаны назад.

— Но ваша кандидатура, насколько я знаю, включена в список тех, кто должен ехать в Красноярск? Как я понимаю, Сергей Сергеевич вам характеристику не подписал, так?

Тимофей Павлович, конечно, меня знает — не раз встречались на совещаниях, в том числе и по такому важному и сложному вопросу, как распространение облигаций очередного займа. На факультете этим вопросом занимался я как председатель профбюро. Но в кабинете у него я никогда не был. И тут я собрался с духом и выпалил:

— Тимофей Павлович, не губите мою молодость! Мне доводилось бывать в Красноярске, служить в Сибири. Я знаю, что это такое. Да и супруга категорически против.

Тимофей Павлович как-то по-доброму усмехнулся и сказал: «Раз так, не буду губить вашу молодость», — взял ручку и подписал характеристику над фамилией Кипарисова. Как бы придавливая ее. Я встал, взял характеристику, поблагодарил Тимофея Павловича, сказал «до свидания» и вышел из кабинета. Визит длился не более пяти минут.

Из кабинета директора я пошел прямо в партком. Кипарисов был на месте. Я подошел к столу и молча положил бумагу перед ним. Он увидел подпись директора, не произнес ни слова и поставил свою подпись.

Итак, все документы собраны. Аналогичные документы собирала и Мария Адольфовна. Назавтра я их отнес в управление кадров Министерства среднего машиностроения и стал ждать результатов. Но прошло несколько месяцев мучительного ожидания, и в начале марта 1959 г. меня и Марию Адольфовну пригласили в ЦК на собеседование. Точно в назначенное время я и супруга получили пропуска. Вошли в здание ЦК, поднялись на соответствующий этаж и вошли в кабинет, указанный в пропусках. Это была небольшая комната, в ней рабочий стол, стулья, диван, шкаф с книгами, сейф, телефонный столик с несколькими аппаратами. На полу ковер. Единственное окно немного зашторено, так что в кабинете было темновато. Мы поздоровались. За столом сидел мужчина несколько старше нас. Пригласил сесть и начал беседовать с нами. Его интересовало все, хотя все, что касалось нас, содержалось в документах, лежащих перед ним. Спросив о составе семьи, он сказал:

— Ну куда вы с двумя детьми едете? Хорошо ли вы подумали?

Мы ответили, что все обдуманно, что по Союзу поездили достаточно, и теперь хотелось бы поработать на предприятиях этой дружественной страны. На этом и закончи-

лась наша беседа. Потом из управления кадров министерства нам сообщили день отъезда и сказали, когда прийти за паспортами и проездными билетами. Посоветовали также, что взять с собою, обратив внимание, что усердствовать особенно не нужно — не брать запасов сахара, консервов, печенья, посуду и т. д., как это иногда делают некоторые наши командируемые. Мы так и поступили.

В конце марта 1959 г., когда был назван день отъезда, кафедра Д. И. Щеголева в полном составе устроила прощальный ужин. Было хорошо и весело. На кафедре работал дружный коллектив, без интриг, склок и обид. У каждого, конечно, были какие-то недостатки, но на них не сосредотачивали внимание и воспринимали как неизбежное.

Потом я попрощался со всеми и поехал домой готовиться к отъезду в ГДР.

В апреле 1959 г. поезд Москва — Берлин с Белорусского вокзала увез нас: меня, супругу Марию Адольфовну, наших детей Юрия и Людмилу — в ГДР работать в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут» (СГАО «Висмут»). Через сутки нас встретил на вокзале во Франкфурте-на-Одере специальный представитель и пересадил с нашим небольшим багажом в автобус, который отвез нас в Зигмар, пригород Карл-Маркс-Штадта (теперь — Хемниц), в штаб-квартиру «Висмута». Встречавший нас представитель дал немного денег (марок ГДР) на дорогу, проинструктировал, как себя вести в пути, и сказал, что на месте нас встретят. Мы тронулись в путь, взглядываясь в чужую страну, не так давно жестоко воевавшую с нами. За окнами мелькали ухоженные поля, аккуратные деревни с кирпичными постройками, отдельные усадьбы, леса и перелески. Вскоре выехали на великолепную дорогу (автобан), ребята стали дремать на коленях у мамы и у меня. На середине пути шофер-немец сделал остановку и повел нас в закусочную при дороге (гастштетт) перекусить. В этой закусочной мы потом каждый раз останавливались, когда случалось ездить в Берлин. Мы называли ее Морозовкой. Перекусив, поехали дальше и во второй половине дня приехали в Зигмар. Поселили нас на вилле «Олень» (Hirsch), на втором этаже. Вилла была очень красива, стены ее почти до крыши покрыты зеленым ковром из плюща.

Назавтра к нам пришли из отдела кадров, и я с документами направился в управление СГАО «Висмут». Мария Адольфовна с детьми осталась на вилле. В управлении определили, что я поеду в г. Ауэ, в 30 км к югу от Зигмара, на рудник Нидершлема-Альберода в качестве рудничного гидрогеолога. Потом нас отвезли на машине в Ауэ, но временно поселили не в том городке, где было рудоуправление и жили в домах советские специалисты,

а в соседнем — Обершлеме, поскольку в Ауэ не было свободных квартир. В Обершлеме нашим обиталищем тоже оказалась вилла, но с печным отоплением. В качестве топлива использовали торфяные брикеты. Горели они хорошо, словно уголь, но было много золы, и печка иногда дымила, распространяя запах сернистого газа. Расположение же виллы, ее дворик, окрестности были очень красивы.

В Обершлеме мы прожили два или три месяца, а потом переехали в Ауэ, в трехкомнатную квартиру. Там уже было центральное отопление, канализация, в общем, все удобства. А пока из Обершлемы я пешком ходил на работу, благо расстояние было невелико. Коллеги-геологи ввели в курс дела, и с одним из них я через пару дней отправился на рудник. Шахта не была для меня новинкой. Я их видел немало, работая в «Главспеццветмете», и в меньшей мере, когда работал в МИЦМиЗе.

В Ауэ на руднике я проработал до ноября 1959 г. Важнейшим событием этого короткого промежутка времени является мое первое знакомство с процессом выщелачивания урановых руд, оставшихся (потерянных) в отработанных блоках. Выщелачивание в дальнейшем на Родине стало моим призванием.

На гидротермальном месторождении урана Нидершлема-Альберода рудные тела в форме простых и сложных жил имеют крутое падение — 70–80° при мощности до метра. На отдельных участках руда была представлена на 90–95 % настураном. Контакты рудных тел довольно четкие, приконтактное оруденение развито слабо. Отработка таких рудных тел велась слоевым обрушением.

Чтобы свести потери такой руды к минимуму и не разубоживать ее после выемки очередного слоя, обрушенная горная масса после выборки руды выравнивалась, и на выровненную поверхность укладывался крестнакрест настил, который покрывался мешковиной для предотвращения проваливания вниз рудной мелочи. Затем производилась отпалка очередного слоя. После проветривания обрушенная масса перебиралась вручную с радиометром. Куски настурана загружались в железные ящики, которые и выдавали на-гора. Такая руда называлась «ящичной» и без какого-либо обогащения в специальных контейнерах отправлялась в Союз. Куски породы с вкраплениями руды отбирались отдельно и направлялись на местные обогатительные фабрики. Пустая порода оставалась на месте в качестве закладки. Естественно, что при отпалке образовывалось большое количество мелочи, которую не удавалось собрать даже вручную. Она оставалась на месте или проваливалась вниз через неплотности и повреждения настила и мешковины. Были проведены специальные исследования такой своеобразной закладки блоков. Выяснилось,

что эта закладка представляет по существу бедную фабричную руду. Ставился вопрос о ее переработке, но выяснилось, что выпустить из блока такую «рудку» нельзя даже с помощью буровзрывных работ. Взрывы зарядов в массе, состоящей из переслаивания обломков пород и деревянных, покрытых мешковиной настилов, не давали никакого эффекта.

Периодически обследуя старые горные выработки, я обратил внимание, что из некоторых старых погашенных блоков выше-расположенного этажа наблюдается или постоянный капез, или небольшие струйки подземных вод. Они были опробованы. Оказалось, что вода имеет кислую реакцию, и в ней содержится растворенный уран, и в немалых количествах — до 80–100 мг/л. Неоднократные повторные опробования неизменно подтверждали эти результаты, свидетельствующие, что в старых блоках имеет место самопроизвольное выщелачивание урана. А как выяснилось в последующие годы, когда подземное выщелачивание получило широкое развитие, растворы с содержанием урана 80–100 мг/л относятся к числу весьма богатых.

Как протекал процесс выщелачивания? Как во вмещающих породах, так и в рудах в тех или иных количествах всегда присутствуют различные сульфиды. В условиях повышенной влажности, при свободном доступе кислорода, практически нормальной температуре со временем начинали развиваться процессы окисления сульфидов с образованием серной кислоты. Она вступала в реакцию с мелкодробленой урановой смолкой и растворяла ее, образуя хорошо растворимый в воде сульфат уранила. В процессе, безусловно, участвовали сероокисляющие бактерии. Замечу, что этот процесс — экзотермальный, что способствовало повышению температуры в массиве и интенсификации его. Вода, таким образом, приобретала кислую реакцию, насыщалась ураном и в виде капеза и струй поступала в водоотлив, сильно разбавляясь в общем объеме рудничных вод.

Поразмыслив над полученными результатами, я пришел к выводу, что если эти рудничные воды собирать, а не сбрасывать в общий поток, то можно из них извлекать значительное количество урана. Собирать же их сравнительно просто с помощью подвешенных под потолочину выработок желобов-поддонов. Процесс можно усилить, орошая с верхнего горизонта погашенный блок слабым раствором серной кислоты.

Обо всем этом я написал записку в виде рацпредложения в технический отдел Гендирекции. Предложение было рассмотрено и отвергнуто как якобы ошибочное. Мне посоветовали проверить представленные данные. Я проверил, получил те же резуль-

таты и снова написал записку. Но на этот раз с заключением приехавшего к тому времени в командировку в «Висмут» профессора Д. И. Щеголева. Но и это не помогло — оно было снова отвергнуто как ошибочное. Доводы? А доводы были такие — этого не может быть, потому что на фабрике руду дробят, мелют, окисляют, перемешивают, подогревают, обрабатывают концентрированным раствором реагента. А тут ничего этого нет, и тем не менее из кусков руды выщелачивается уран! Нет, этого не может быть! И долгие годы не было. Лишь потом, где-то в 1970-е гг., на некоторых рудниках (Кенигштайн, Шмирхау) начали проводить кучное выщелачивание бедных и забалансовых руд. А в Союзе в 1960–1963 гг. в Южном рудоуправлении (г. Лермонтов, рудник Бештау) стали развивать (С. Г. Вечеркин, В. В. Кротков, И. К. Луценко, В. Г. Бахуров) управляемое блочное выщелачивание, на которое в конце концов был полностью переведен этот рудник.

С фактами кондового консерватизма мне приходилось сталкиваться и в последующие годы, когда уже в Союзе подземное выщелачивание стало моей профессией. В 1967 г. моя группа в составе научно-исследовательской лаборатории № 5 ПромНИИпроекта, созданная для развития работ по ПВ, разработала ТЭО отработки месторождения Сабырсай Навойского горно-металлургического комбината способом подземного выщелачивания. Это было конкурирующее ТЭО, поскольку на месторождении уже работал рудник № 1 и закладывался рудник № 2. В группу входили: великолепный экономист, знаток своего дела Е. И. Дмитриевская, которую глубоко уважали и боялись все ГИПы и начальники отделов института, А. Алкснитис, Н. Ф. Гуркина, Е. М. Редькин. В разработанном ТЭО мы показали, что себестоимость металла при разработке месторождения Сабырсай способом ПВ в два раза ниже, чем при горном способе! Вопрос рассматривался на НС института, и нам не поверили. В 1968 г. мы повторили свои расчеты, но уже опираясь на данные лабораторных исследований и опытных работ на месторождении. И все-таки горняки не отдали нам это месторождение. Хотя горнотехнические условия его были тяжелейшие. Я сам наблюдал, как у забоя горняки работают по колено в глинистой жиже и как блокируют работу транспортеров глинистые валки. И слышал, как костерят начальство горнорабочие у забоя, утопающие в грязи. Потребовалось почти 15 лет, чтобы в конце концов Сабырсай перевели (1981 г.) на отработку способом подземного выщелачивания.

В ноябре 1959 г. я был переведен в Зигмар, в Научный центр СГАО «Висмут» (дислоцировался в поселке Грюна). Там я стал научным руководителем и ответственным

исполнителем совершенно новой для того времени темы «Влияние предприятий СГАО «Висмут» на окружающую среду». Три года (1960–1962) моя группа, состоявшая из инженеров Бориса Петровича Притчина, Юрия Михайловича Сускина, ст. лаборанта Роора, лаборанта Валтера и водителя Иоахима, работала по этой теме. Мы обследовали районы всех действующих и погашенных урановых предприятий от Кенигштайна на востоке до Геры на западе, от Десау на Эльбе на севере до границ с Чехословакией и ФРГ на юге. Объектами наших исследований и наблюдений были рудники, отвалы, карьеры, шахты, фабрики, хвостохранилища, сбросы, подземные и поверхностные воды, водные растения и животные, донные отложения рек и ручьев, почвы, культурные и дикие растения по частям (корни, стебли, листья, плоды), пыль, атмосферные осадки. Были также исследованы культурные почвы по разрезу. Всего было взято и проанализировано на уран и радий более 3000 проб. Для выполнения этой работы нам был предоставлен режим наибольшего благоприятствования: в нашем распоряжении были легковая машина и микроавтобус (от автомашины мы вскоре отказались), мы могли работать в любое время суток, выехать в любую точку названного региона (юг ГДР) и на любое время. От нас требовалось лишь

известить, куда мы едем и приблизительно на какое время. Огромный материал был обработан и обобщен. В этой работе нам помогала бригада Ленинградского филиала Института биофизики АМН СССР. Результаты обработки материалов изложены в отчете объемом более 500 страниц с несколькими томами приложений. Был также разработан комплекс мероприятий по улучшению, говоря теперешним языком, экологической обстановки, если это требовалось, вокруг наших предприятий. Защищенный отчет хранится в фондах Первого Главного управления бывшего Министерства среднего машиностроения СССР.

По небольшой части этих огромных материалов Б. П. Притчин потом защитил кандидатскую диссертацию, за которой последовала и докторская. Затем он стал деканом факультета, профессором и проректором Новочеркасского политехнического института. К великому сожалению, несколько лет назад этот талантливый ученый и организатор науки скончался от неизлечимой болезни, едва отметив свое шестидесятилетие.

Я проработал в СГАО «Висмут» до ноября 1963 г. А с января 1964 г. начал работать в институте ПромНИИпроект, сначала по тематике подземного захоронения радиоактивных отходов, а с 1966 г. — по тематике подземного выщелачивания.

Владимир Симхис

Иду выполнять боевую задачу!

В 1955 г. после окончания электромеханического техникума я был призван в армию. Попал в ГДР. При распределении небольшую группу привезли в Саксонию, в поселок Грюна (это рядом с г. Хемниц) — там обосновалась небольшая рота.

С нами провели собеседование о важной боевой государственной задаче по до-

быче стратегического сырья. Слово «уран» запрещалось произносить и писать.

Подъем, зарядка, завтрак и строем под команду: «С песней на выполнение боевой задачи — шагом марш!» В дальнейшем говорить — иду на работу, или работаю в ночную — запрещалось и наказывалось. Надо было говорить: «Иду выполнять боевую задачу».

Мы работали вместе.

Объект находился в 300 метрах и охранялся войсками МВД. У ворот показывали пропуск с фотографией. Внутри — трехэтажное здание, а с тыла — прилегающие небольшие цеха.

Меня направили на второй этаж. У входа каждого этажа или цеха часовой проверяет пропуск. В пропуске — штампик-рисунок: или верблюда, или самолета и т. д. Каждый штампик давал право только входа и только на конкретное рабочее место.

В отделе этого этажа работало несколько гражданских инженеров-химиков и солдаты-лаборанты. Начальница дала направление на получение спецодежды (противокислотные брюки, белый халат, чепчик). Почти отслуживший срок лаборант начал учить меня.

За годы, проведенные там, я примерно понял, что это был филиал НИИ и лаборатории шахтного хозяйства, дающие рекомендации по оптимальному отделению пустой породы от урана. А также по наличию процентного содержания урана в новых забоях в шахтах Тюрингии.

Продельвая не сотни, а десятки тысяч проб, меняя среду, температуру и т. д., работая в три смены и в праздники, используя дорогостоящее оборудование, я стал свидетелем тому, как тяжело проводятся исследования.

Как и все солдаты в ГДР, мы получали 30 марок в месяц, но в отличие от других воинских частей (ВЧ) на счет в банк СССР нам

переводилось 120 рублей. Сумма — менее месячной стипендии в техникуме.

Получали махорку. Кормили, в отличие других ВЧ, очень хорошо. А на рабочем месте — бачок с молоком.

Была традиция: в ночную смену, в отсутствие гражданского начальства, когда оставались солдаты-лаборанты, мы со склада ВЧ пронесли кусок комбижира и картошку, и в вытяжном шкафу, где производили анализы, связанные с высокой температурой, жарили ее, вспоминая отчий дом и Родину.

По нашей ментальности «употребляли» тройной одеколон, но уже в 1957 г. на наружной территории работали и немцы. Они были в СССР в плену примерно до 1953–1954 г., понимали русский. Мы в складчину давали им деньги, и они нам покупали в поселке водку, помню «Корн». Но главное, что врезалось в память, — во время ночного веселья один из солдатиков под хмельком кричал: «Нам ни-ни!»

Никто никогда не поверит, что мы ели жареный картофель в платиновом (!!!) противне! Но это правда. Ибо чистая платина выдерживает почти 2000 градусов, не выделяя окислов, не нарушая точности анализа¹⁵.

Что еще вспомнить? Любые записи, расчеты надо было делать в пронумерованном журнале с надписью: «НО WISMUT».

А по сей день в народе бытует убеждение-чувшь, что на урановых рудниках и фабриках работают приговоренные к смерти или уголовники...

ходимость выделения указанных материалов диктуется тем, что в условиях высокой радиоактивности материалов, исследуемых на предприятиях и в лабораториях Первого Главного управления, требуется высокоустойчивая против коррозии посуда, изготовленная из благородных и редких металлов (заменителей, равноценных им по свойствам коррозионной устойчивости, наша промышленность не имеет).

24 октября 1947 г. И. В. Сталин распорядился, чтобы платина, золото, серебро и другие металлы были выделены для «Атомного проекта». Впервые в истории посуда, где варился плутоний, стоила так дорого.

Коллектив химической лаборатории.

15 Писатель В. Губарев в своей книге «Белый архипелаг Сталина» (М.: Молодая гвардия, 2004) пишет о письме Б. Л. Ванникова на имя Сталина, в котором речь идет о выделении платины для изготовления лабораторной посуды: «Речь в письме шла о выделении 17 килограммов 779,5 грамма платины, 1 килограмма 106 граммов золота, 9 килограммов 759 граммов серебра, 120,4 грамма радия и 250 граммов палладия. Сталина удивила точность до граммов: за нею чувствовалась как скрупулезность подсчетов, так и абсолютная надежность тех цифр, что приводят ученые. А все материалы требовались для... лабораторной посуды! Ванников Б. Л. объяснял ситуацию в письме так: «Необ-

Сергей Шагенович Агамиров

С. Ш. Агамиров.

Сергей Шагенович АГАМИРОВ родился 19 июля 1936 г. в Москве. Окончил гидрогеологический факультет Московского геологоразведочного института им. С. Орджоникидзе (МГРИ), горный инженер-гидрогеолог (1959). Кандидат геолого-минералогических наук (1972). Специалист в области гидрогеологии, гидрогеохимии, гидрогеологического обеспечения отработки месторождений урана, подземного выщелачивания. Работал в Адлерской комплексной станции Лаборатории гидрогеологических проблем им. академика Ф. П. Саваренского АН СССР (г. Адлер Краснодарского края), Институте геологии и разработки горючих ископаемых АН СССР (Москва, 1959–1962). В Советско-Германском АО «Висмут» (1964–1969 и 1972–1978): инженер-гидрогеолог экспедиции, рудоуправления, главный гидрогеолог рудоуправления; главный гидрогеолог СГАО «Висмут» (1972–1978). Работал во МГРИ, ВНИПИгорцветмет (ранее — НИИ Золота), Государственном институте горно-химического сырья (ГИГХС) (Москва, 1978–1991).

Что же происходило в СГАО «Висмут» к моему приезду в начале 1964 г.?

На полную мощность работали рудник Шмирхау, карьер Лихтенберг (Объект 90), рудник Шлема (Объект 9). Тюрингская экспедиция проводила интенсивные поиски урана на флангах Роннебургского рудного поля. Эти изыскания были успешными, и вскоре здесь возникли рудники Пайцдорф, Ройст, Беервальде и Дрозен. Саксонская экспедиция совершенно неожиданно открыла месторождение Кенигштайн в меловых отложениях Эльбтальского грабена. Вскоре была создана Дрезденская экспедиция. В короткие сроки в городке Пирна, в двадцати километрах восточнее Дрездена, возник социалистический поселок горняков, среди которых существовал небольшой коллектив (говорили — «колония») советских специалистов. Сюда и попали мы с женой Таней.

Мне не хотелось бы останавливаться на бытовой стороне нашей жизни в ГДР. Но скажу прямо, в 1964 г. мы с Татьяной попали прямо в коммунизм! Не забывайте — мы приехали с одним чемоданчиком из глубокого московского подвала, населенного большими крысами и затопливаемого в сильные дожди и сверху, и из канализации снизу. Попали сразу в двухкомнатную квартиру, обставленную полностью всем необходимым. Телефон, телевизор, постельное белье, кухонная посуда, холодильник. Зарплата моя, как я узнал позже, была больше, чем у командующего 1-й танковой армией, расположенной в Дрездене.

Что еще надо? Мы были молоды! У нас еще вся жизнь впереди! Конечно, нам очень мешало состояние тревожной напряженности, связанной с «накаченностью» нашей вскими первыми, вторыми, протокольными и прочими отделами в Москве и здесь, в «Висмуте». Но, самое главное, что меня тревожило больше всего, так это моя профпригодность к ответственной работе на руднике и в экспедиции. Готов ли я к ней? Или мне придется вскорости упаковывать мой старенький чемоданчик... Успокаивал я себя тем, что я выпускник МГРИ, и, значит, должен справиться. Рядом со мной ведь мой однокашник — Борис

Григорьевич Самсонов, жена которого Лиля училась со мной на одном курсе. Они приехали сюда раньше. Должны помочь! Борис был и моим непосредственным начальником, будучи главным гидрогеологом комбината Кенигштайн.

Я обязан перечислить тех соотечественников, с которыми я начал свою трудовую деятельность за кордоном и с которыми я сохранил добрые отношения на всю жизнь. Многих уже нет, но ведь остались их дети и внуки! Вот они: Александр Степанович Ястребков, Борис Никифорович Пургин, Георгий Михайлович Утехин, Вячеслав Николаевич Макаров, Михаил Васильевич Кобелев, Эдуард Левонович Саруханян, Борис Григорьевич Самсонов, Станислав Васильевич Филиппов, Валерий Николаевич Рудой, Николай Сергеевич Никулин (переводчик), Елена Ивановна (машинистка). Вот с ними я и выпил первую рюмку на нашем с Таней новоселье в нашей квартире на улице Postweg в тихом городке Пирна — столице Саксонской Швейцарии. Красивейшее место в Германии! Находившуюся в непосредственной близости от месторождения крепость Кенигштайн посещало в год до 2 миллионов туристов! На крепостных стенах стояли мощные подзорные трубы, и каждый желающий за 20 пфеннигов мог лицезреть наши шахтные копры и считать вагонетки с рудой, перемещающиеся по канатной дороге. А вы говорите о секретности!

Немного истории. В 1963 г. геолог Саксонской экспедиции Фриц Деккер документировал керн (кусочки породы, доставляемые на поверхность специальной буровой трубой-колонкой) скважины, пробуренной народным предприятием ГДР в небольшом поселке Розенталь, у самой чешской границы. Полевой радиометр в его руках затрещал, как пулемет.

Все дальнейшее было делом техники. Прибывшие сюда геологи Центральной экспедиции, в том числе и наш геолог Слава Макаров, установили тесную связь урановой минерализации с песчано-глинистыми грубообломочными континентальными отложениями сеноманского возраста (извини-

те за обилие непонятных терминов). Участок Розенталь был срочно разбурен по самой строгой сети — 50 × 50 метров — и брошен. Всего лишь небольшое рудопроявление, вошедшее, правда, в кадастр открытий. Только один станок, буривший в ста метрах к западу так называемую структурную скважину, вдруг дал аж двенадцать метров керна с чистой и весьма концентрированной урановой минерализацией! Дальнейшее также оказалось делом техники. Десятки буровых станков, сотни рабочих и специалистов. Первые бараки. Суматоха и смятение в сонной среде бюргеров заброшенной деревеньки Леопольдсхайн, ставшей вдруг в одну минуту центром огромного муравейника под названием СГАО «Висмут» в лице нового горно-строительного комбината «Кенигштайн». Участок Саксонской экспедиции был повышен в разряде до Дрезденской экспедиции. Одновременно была создана и дирекция будущего рудника. Дрезденскую экспедицию возглавил К. Фрелих, директором комбината был К. Хопенц.

Тут настало время рассказать о генезисе (способе рождения) месторождения Кенигштайн, чтобы уже больше не возвращаться к заумным вопросам. Уран накапливался здесь в морских и лагунных отложениях сеноманского возраста. Эти породы были водоносными, и по ним двигались пластовые воды, содержащие уран в воднорастворимой форме. Содержание его (урана) было небольшим. Однако за геологическое время переместилось довольно большое количество урана. Вниз по падению пласта кислородсодержащие и урансодержащие воды «натянулись» на так называемый геохимический (восстановительный) барьер, и шестивалентный воднорастворимый уран переходил в четырехвалентное состояние и выпадал в осадок. Так образовывались урановые руды. Забегая несколько вперед, хочу сказать, что процесс этот идет постоянно уже 2 миллиона лет, а скорость перемещения барьера была около 0,2 мм в год. Почему я говорю все эти фразы в прошедшем времени? Месторождение Кенигштайн уже полностью «отработано». Добыто 20 000 тонн урана (в пересчете на металл).

Задачи гидрогеологической службы, созданной Б. Г. Самсоновым при Дрезденской экспедиции, были весьма многолики и «коварны». Надо было определить количество воды, которое встретят горняки под землей, и которое надо было откачать на-гора, чтобы они не утонули там, бедолаги. Надо было найти и разведать запасы питьевых вод для будущего многотысячного коллектива «кумпелей»¹⁶, выпивающих ежедневно по пять чашек кофе, да и технической

воды надо много. Надо было обезопасить водозаборы в городах Пирна, Кенигштайн, Штруппен, Штольпен, на уникальной фабрике фотобумаги Хюттен. Надо было дать воду в сотни крестьянских домов, где вышли из строя колодцы. И самое главное, дать воду в уникальный колодец крепости Кенигштайн, второй по глубине в Германии (152 метра). Еще надо было создать на комбинате уникальную гидрохимическую лабораторию, да такую, которых в «Висмуте» не было.

Борис Самсонов «сколотил» небольшой коллектив, который к моему приезду уже работал слаженно и дружно. Пожилой смешливый Хайнц Виттиг, молчаливый и исполнительный Ханс Швухов, старые шахтеры и ветераны «Висмута» Вернер Дитрих, Хорст Ледерер (они уже не имели права работать под землей). Были и три женщины — химикки Зиглинда Шивек и Инригид Кроль, коллектор Христина Готтард — писаная красавица по прозвищу Золотой Пупок. Настоящая арийка! На инженерных должностях работали Ерген Шрайер и Иоахим (для нас просто Яхим) Бехер. Чуть позже появились химик Клаус Хаман и я. С нами работали постоянно две-четыре буровых бригады, так как бурение гидрогеологических скважин требовало особого внимания и дисциплины.

В результате опытных откачек из скважины ГТ-1 и по данным опытных наливов в десятки скважин, были определены гидрогеологические параметры четырех водоносных горизонтов и подсчитаны ожидаемые водопотоки в первые две шахты. Они (водопотоки) оказались вполне доступны для проходческих насосов (100–150 кубометров в час). Это сняло все «страхи» и «страсти». Были также найдены запасы пресных подземных вод. А пробуравив в крепостной колодец подземную скважину, мы дали питьевую воду в крепость Кенигштайн. Исполнились и мечты о создании гидрохимической лаборатории. Тут мне во многом помогла Лилия Михайловна Самсонова, жена Бориса.

В 1965 г. чета Самсоновых убыла на Родину. В Москве Борису был предложен престижный пост в ВИМСе, и он, несмотря на уговоры генерального директора СГАО «Висмут» Семена Николаевича Волощука, уехал в Москву. Вся ответственность «по воде» легла на меня. К этому времени Дрезденская экспедиция закончила подсчет запасов месторождения Кенигштайн, успешно защитила их и перешла к поискам аналогов такового на всей площади распространения меловых отложений в Эльбале. Я решил перейти с комбината «Кенигштайн» в Дрезденскую экспедицию. В этом случае я лишился «горного стажа». Но кто же думает о пенсии в тридцать лет? Я и до сих пор не жалею, что сделал этот шаг, приведший

¹⁶ Kumpel (нем.) — шахтер.

меня к диссертации, к новым свершениям.

Однажды Таня сообщила мне, улыбаясь, что где-то в середине декабря она должна родить мне сына. Вот те на!!! В трудах праведных я и забыл, что мы — молодая пара, еще и молодые люди при том. В те времена нам не рекомендовалось рожать в ГДР. Только в Союзе! Сейчас был бы мой первенец гражданином Германии! Решили отправить Татьяну в Воронеж, к моим старикам. Они помогут! 13 декабря 1964 г. я получил поздравительную телеграмму о рождении сына. Моя мама дала своему внуку имя Аркадий, что было для нас неожиданностью. Чем она мотивировала этот выбор, я не знаю. Со временем мы привыкли. Поскольку мой первый отпуск совпал с рождением первенца в нашей семье, я покати на поезде в Москву — на Родину — к сыну!

Довольный, сытый, в меру выпивший и богатенький, вышел я на перрон Белорусского вокзала, поймал «левака» и помчался на Ордынку в «Большой Дом» — в наше министерство. Обменяв паспорт и одарив чиновников отдела кадров (многолетняя традиция), помчался на Профсоюзную улицу, в нашу специализированную сберкассу. Оттуда — прямо в Быково — на самолет — в Воронеж! Всего через четыре с половиной часа после прихода берлинского поезда в Москву я стучался в дверь родительского дома на Плехановской (у нас никогда не было звонка!) Вот они, родные лица! А вот и сын! Спит мирно в коляске. Как я узнал сразу же, у Татьяны были большие трудности при родах. Сильное послеродовое кровотечение. Благодаря врачам и моим старикам удалось победить напасти. Целый месяц отходила Таня от родов. Пора возвращаться. Прощаемся со всеми. Прощай, город моего отчества! Город, давший мне сына-первенца!

Приехали в Пирну поздно ночью. Обнаружили перед квартирной дверью новенькую блестящую и большую детскую коляску — подарок сослуживцев и коллег. А утром снова подъем в пять утра, автобус, получасовая поездка до рабочего места. Мой новый заместитель в гидрогеологическом отделе Дрезденской экспедиции — Вольф Рудигер Розе, выпускник Дрезденского политехнического института. Высокий и красивый парень. Спортсмен. Приглянулся мне сразу же. Очень понятливый. Хорошо переводит текст с русского на немецкий, довольно грамотно. Подсунул ему многостраничное руководство по определению гидрогеологических параметров, написанное Самсоновым в Москве. Перевел довольно быстро. Мы издали руководство небольшим тиражом и разослали на все рудники и во все экспедиции.

Вспоминается один случай, тесно связанный с именем Розе. Ехали мы в маршрут

на нашем стареньком «Баркасе». За рулем — Розе. И вот в Хайденау, недалеко от Пирны, дорогу неожиданно перебегают маленькая девчушка с большим ранцем за спиной. Она только что стояла с мамой на тротуаре, а тут вдруг — возьми и побеги! Как успел Вольф среагировать, не знаю. Но девочку он все-таки сбил по касательной. Она упала без сознания. Мы все выскочили и потащили бедолагу в школу. Туда она и шла. Вызвали скорую и полицию. Очнулась пострадавшая. Ни одной царапины! Полиция нас отпустила, составив надлежащий протокол. Потом еще долго обсуждали в машине все случившееся. Через пару недель к нам в экспедицию приезжает высокое полицейское начальство, и в торжественной обстановке вручают Розе денежную премию в 50 марок за то, что он **не убил** тогда школьницу! У нас бы по судам затаскали!

К концу 1968 г. нам удалось создать в Эльбтальском грабене весьма разветвленную сеть режимных гидрогеологических скважин — около 50, в которых проводились ежемесячные замеры уровня сеноманского водоносного горизонта и ежеквартальный отбор гидрохимических проб, анализ которых осуществлялся в нашей лаборатории по самым новейшим прописям, по передовым методикам. Мы же не теряли связи с нашими коллегами в Москве.

Наблюдения на сети режимных скважин позволяли нам не только прогнозировать изменения в режиме подземных вод, связанные с обширными горными и очистными работами на комбинате «Кенигштайн», но и следить за изменениями химизма подземных вод. Такие обширные наблюдения в районе начались планомерно в 1964 г. и велись непрерывно до самого закрытия рудника Кенигштайн в 1989 г. Столь долговременные гидрогеологические исследования влияния горных работ на природную обстановку региона осуществлялись впервые в мировой практике горного дела! Этот уникальный материал отчасти уже вошел в учебники по горной гидрогеологии. Здесь еще раз нужно вспомнить о заслугах Бориса Самсонова, стоявшего у истоков этого дела (малоизвестного большинству обыкновенных жителей).

В Генеральной дирекции СГАО «Висмут» появился новый главный гидрогеолог — Леонид Иванович Лунев. Очень живой и подвижный, полный идей и жаждущий непременно внедрить их на Объектах «Висмута». Лунев приехал к нам из Учкудука, где он уже несколько лет успешно занимался подземным выщелачиванием урана. И у нас он круто взялся за этот весьма прогрессивный способ добычи металла. Днями и ночами он проводил на руднике

Кенигштайн. Вместе с горняками и Яхимом Бехером они кумекали над схемами подземного выщелачивания в условиях «зажатой среды». Я не буду здесь останавливаться на технической стороне этого очень сложного и уникального дела. Впервые в Евразии Луневым со товарищи был введен в эксплуатацию первый подземный блок выщелачивания урана. Конечно же, и по прибытии в «Висмут» он, очень пробивной и энергичный инженер, через пару лет внедрил на комбинате «Кенигштайн» подземное выщелачивание металла в подземных блоках. В «зажатой среде». Это было достигнуто впервые во всей Евразии.

С Луневым мы подружились. Он часто бывал у меня в экспедиции. Интересовался моими прогнозами на дальнейшие перспективы поисков урана в долине Эльбы. Удивлялся моему свободному владению немецким языком. Уже будучи в Москве, я помогал ему в оформлении его диссертационной работы. Мне это было здесь сподручнее, чем ему отсюда, из Германии.

Нужно сказать, что и я начал задумываться о диссертационной работе. За пять лет работы собран солидный материал по гидрогеохимии меловых отложений Саксонии на площади в 1000 кв. км. Мои генетические воззрения на происхождение уранового оруденения в отложениях мелового возраста были неоднократно изложены в многочисленных отчетах и не вызывали у наших ученых открытых возражений, а в большинстве случаев и приветствовались. Я знал, что все наши отчеты обязательно отправляются в Москву, в наш главк. И я обязательно буду иметь доступ к ним.

Срок моего отъезда на Родину стал реальностью. Пора собираться домой.

*Все, кто стар и кто млад, что тут ныне живут,
Все равно одного за другим навсегда увезут.
Жизни здесь лишь пять лет; как до нас уходили,
Мы уйдем. И за нами придут и — уйдут.*

Уезжали мы 30 апреля 1969 г. На мое место прибыл Анатолий Левченко из Кировской экспедиции (г. Кировоград на Украине). Я успел довольно обстоятельно ввести его в курс дела.

Новое оформление для командирования в СГАО «Висмут» я проходил в 1972 г., чтобы заменить там на посту гидрогеолога Генеральной дирекции Леонида Ивановича Лунева.

12 декабря 1972 г. я и приступил к своим обязанностям там. Главный геолог Александр Абрамович Данильянц отmaterил меня за опоздание (как будто во мне дело было), но встретил радушно. Третий отдел, он же геологический, был третьим формаль-

но. Он был первым среди производственных отделов (1-й был секретным, 2-й — «режимным»). Заместителем Данильянца был Фауст Каллистратович Портнов. Колоритнейшая фигура — и не только по имени и отчеству. Немецкий заместитель Данильянца — Карл Файерер — тоже мне был знаком. Он говорил по-русски, ибо учился в Ленинградском горном институте. Главный геофизик Игорь Александрович Лучин был женат на моей воронежской землячке, дочери генерала Петрова, который жил в том же доме, что и мои родители. Окна наши выходили прямо на окна петровской квартиры.

У Лучина помощниками работали Стас Старцев и доктор Келлер. Геологическими запасами «заведовали» Шаукат Абдрахманович Губайдуллин и Искандер Исхакович Измайлов. К ним прикреплен был и Арнольд Райниш, знавший русский язык в совершенстве (самоучка, между прочим!). За экспедиционные работы отвечал Владимир Никитович Тютин, а Объект 9 курировал Юрий Михайлович Горбачев. Со мной в одном кабинете, напротив меня, сидел Сергей Александрович Архангельский. Он был куратором всех буровых работ в Обществе «Висмут». Были, конечно, и переводчики, но они очень часто менялись — всех не упомнишь. После отъезда Данильянца главным геологом назначили Фауста Портнова.

К моему второму приезду в СГАО «Висмут» здесь на полную мощность работали горнодобывающие предприятия Ройст, Пайцдорф, Лихтенберг (на бывшем Объекте 90). Там же, на Роннебургском рудном поле, началось строительство горнодобывающих предприятий Беервальде и Дрозен. В самом городе Роннебурге расположилась Тюрингская геологоразведочная экспедиция. Работал еще и старейший в СГАО Объект 9 в г. Ауэ. Он эксплуатировал глубочайшее в Европе урановое месторождение Нидершлема-Альберода, которое вдруг, на счастье всех, стало давать на глубинах 1500–1700 метров очень богатую руду. Образно говоря, представим строение этого месторождения в виде огромного баобаба. Начиная с 1945 г. горняки эксплуатировали крону и ствол этого «дерева», а в 1972 г., достигнув корней исполина, они обнаружили неожиданно весьма разветвленную корневую систему баобаба и «врезались» в эту густую сеть урановых жил и прожилков. В Ауэ располагалась и Саксонская экспедиция.

У подножия крепости продолжал работать мой родной МГДП «Кенигштайн» (буква «М» значит «молодежный»). В Ошаце, под Лейпцигом, существовала Лейпцигская экспедиция. Для Проектного предприятия было построено новое современное и просторное здание рядом с Генеральной

дирекцией. Тут же возник и Вычислительный центр. В Грюне, все там же, находилась Центральная геологоразведочная экспедиция с комплексной геофизической и химической лабораториями. В Зелингштедте на полную мощность работал завод по переработке урановых руд. По своей мощности он превосходил все американские.

Всего в СГАО «Висмут» в начале 1970-х гг. работало более 50 000 человек. Эта была «Республика в Республике» — со своими обкомами СЕПГ и профсоюза, входившими прямо в Правительство ГДР.

На всех рудниках и во всех экспедициях работали гидрогеологи, иногда целые службы. В Тюрингской экспедиции гидрогеологическую службу возглавлял старый мой знакомый Анатолий Баклажка. На МГДП «Кенигштайн» после Володи Мазина работал Юра Культин. Его сменил молодой Петр Дудукалов. В Саксонской экспедиции гидрогеологом был Евгений Иванов, в Лейпцигской — Толя Бурыкин, на Пайцдорфе — А. Н. Фисунов, на Шмирхау — Рупперт Ланг. На ГДП «Ройст» — Хорст Валлер, старый реабилитант, воевавший на Восточном фронте. Он относился ко мне, как к старшему офицеру, вставая при всякой встрече во фронт. На все мои советы и замечания он браво кричал хриплым голосом: «Jawohl!! Zu Befehl!»

Моей семье дали большую трехкомнатную квартиру в центре советского поселка Зигмар, рядом с Советским клубом. Аркашка ездил вместе со всеми детьми в советскую школу в Карл-Маркс-Штадте (ныне Хемниц) на большом «Икарусе». Рядом с поселком находились и наши медицинские учреждения — больница и поликлиника в Рабенштайне. Врачи всех специальностей приезжали из Союза по контракту на три года. Получали они, конечно, меньше нас, но вполне достаточно для одиноких.

Освоившись с новым креслом и «узакононившись» в первом отделе, я начал осваивать телефонные коды и пароли. Конечно же, мой первый звонок последовал на комбинат «Кенигштайн» — Яхиму Бехеру! Радости были полные штаны! Яхим стал, на мой искушенный глаз, классным специалистом-гидрогеологом. Настоящим профи по всем вопросам! Вот что значила школа Бориса Самсонова (да и моя тоже). Он до тонкостей владел вопросами шахтного водоотлива, подземного выщелачивания, водоснабжения. Здесь нельзя забывать и то, что с Яхимом несколько лет работал Юра Культин, глубокий теоретик — гидродинамик.

Свои обязанности в качестве главного гидрогеолога я воспринимал весьма серьезно. Большинство горных Объектов были обводнены и опасны по воде, и я, нахлебавшись в свое время вдоволь, первое время

не спал ночами, уставившись в пластмассовые черные коробки телефонов у моей кровати. Все ждал катастрофических ситуаций, из которых я, конечно, выйду героически. Действительность оказалась страшнее. Об этом позже.

Начал я с внесения в Горный Устав СГАО «Висмут» параграфа о непременном бурении опережающих скважин в любом новом забое под землей, на любом руднике независимо от гидрогеологической ситуации. Главный инженер Генеральной дирекции Николай Дмитриевич Иванов горячо меня поддержал. Он ведь был со мной на МГДП в суровые дни становления этого «водостроптивного» рудника. Вскоре добавления к Уставу были утверждены Госгортехнадзором ГДР, и я вздохнул было облегченно. Да не тут-то было! Однажды пронзительно зазвонил один из черных телефонов. Ну почему всегда ночью?! Сам Генеральный выслал за мной машину, и я помчался в Эренфридерсдорф, что в 25 км от нас. Здесь, на народном горном предприятии, шла скоростная проходка квершлага. Причем вела ее ударная бригада из «Висмута». Вот и позвонил наш горняк на-гора и сообщил, что один из шпуров, пробуренных на груди забоя для последующей отпалки (взрыва), «писал». Из дырки шла вода, причем под давлением. Струя уж больно далеко от забоя «стреляла», как из наполнившегося пивом любителя сего напитка.

Приехал я рано утром. Воскресенье. Рабочей смены нет. Это хорошо! Меньше жертв будет в случае прорыва. Со мной спустилась дежурный геолог — женщина по фамилии Манн (женщина по имени «мужчина»!) Мы спустились на горизонт –240 метров. Под нами были еще три горизонта. Но и там ничего не было. Только «стволовой» встретил нас радостно. Скучно ему одному смену коротать.

О том, что случился прорыв, я узнал по пульсирующей жаркой и тугой волне воздуха, почти опрокинувшей меня. Но я удержался на ногах, повернулся и стремглав побежал назад. Тяжелый аккумулятор больно бил по пояснице. Каска соскочила и с грохотом покатила по рельсам. «Хрен с ней!» — подумал я и не стал ее поднимать. Мелькнула мысль о фрау Манн — ведь я оставил ее у пикета 105. А вот и ее испуганное лицо! Хватаю за руку и тащу маленькую женскую фигурку за собой прочь. Заскочили в небольшую нишу с металлической оцинкованной дверью. Это помещение предназначено для подзарядки аккумуляторов тяговых электровозов-рудовозов. Тут есть стол, тоже оцинкованный, и шкаф с кислотными бутылками. И самое главное — тут есть телефон. Плотно закрыли за собой металлическую дверь, подсыпав немного грунта у порога и залезли на стол. Но вода все прибывала.

Вот она уже у стола и поднимается выше. Вот она уже и столешницы достигла и еще на десяток сантиметров поднялась — нам, сидячим, по пояс. Теплая грязная водица. Телефон молчит. Чертовы эти народные предприятия — никакого порядка. Диспетчер должен быть на службе! Гад!

Поднимаю фрау Манн на ноги. Она почти без сознания. От страха что ли? Я прекрасно понимаю, что случилось. Прорвались карстовые карстовые воды, столь характерные для этого геологического района. И их статические запасы и излились в горные выработки. И, поскольку их уровень остановился в нашей камере чуть выше стола, это означает, что все три нижних горизонта шахты затоплены, а наш, четвертый, затоплен наполовину, и мы будем живы. Если нам хватит воздуха. Я вспомнил, что на геологической карте этого района (лист «Гайер») был показан большой тектонический разлом — Гайерский, нанесенный и зарисованный здесь моим другом Василием Величкиным. Такая карта хранилась и в сейфе местного рудничного начальства. Они, однако, ни разу не взглянули на нее, и проложили трассу капитального квершлага прямо поперек этого мощного геологического нарушения.

А вода уже по шею женщине. Пришлось забраться на шкаф с кислотами. Еле разместилась тут «плашмя». Моя голова упокочилась на пышной женской груди. Конечно, катастрофично, плачевно, но мы живы! Вырубили лампы. Надо экономить аккумуляторы.

Вода остановилась у верхнего края кислотного шкафа. До кровли пласта всего 20 см. Насколько хватит воздуха? Я знал, что о прорыве, конечно, узнают. Ведь стволовой остался нас ждать у клетки. Он должен был поднять панику. На нижних горизонтах людей не было. Значит, и жертв не должно было быть. Воскресенье все же. Да и весь рудник работал всего в одну смену. Олова хватало Республике, а шахтеры шли неохотно на этот рудник работать — мало платили.

Пока с «Висмута» доставят насосы, смонтируют их и начнут откачивать прорвавшуюся воду — уйдет не менее суток или двое. Значит, нужно ждать. Ждать молча. Самое главное — это фрау Манн. У нее большая семья. Наверное, все уже стоят у рудного двора наверху, в деревне. Вся деревня стоит. Это точно. Стоят возле старинного памятника, что у самой шахты возведен был еще в XVII в. Давно (так гласит легенда), много лет тому назад, ушел под землю молодой и красивый парень. А домой не вернулся. Попал под завал и остался под землей. Ждала его дома молодая жена. Долго ждала. Всю жизнь! Уже собиралась и она покинуть этот мир, когда при раскопе и разборе старого завала обна-

ружили тело молодого горняка. Вынесли его на-гора. Понесли по поселку. А навстречу бежит, спотыкаясь, маленькая старушка — встречает свою любовь. Встречает свою любовь через много лет! А несут на руках молодого, красивого парня. Только лицо его бледно, да губы с синевой. Лицо восковое и руки тоже. Несут его на кладбище. И жена его, старушка, рядом. Обнимает его и все плачет. Молодой горняк и старая женщина. И хоронят его с почетом. И могила уже готова. А вот не дает его жена, не пускает. Так и угасла на его груди, и похоронили их вместе. И памятник поставили. Памятник любви и горняцкой верности.

Красивая легенда и памятник красивый. В глубокой нише в гранитном монолите, высотой в пять метров, высечены бюсты двух юных созданий, прижавшихся друг к другу в вечных объятиях. Рядом с памятником стоит черная чугунная доска с текстом легенды, высеченным готическим шрифтом. Мне было известно, что воды рудника Зауберг (именно так называлось это месторождение) содержат большое количество растворенного мышьяка. Это и послужило сохранности тела горняка. Мышьяк убивал все гнилостные бактерии. Все очень просто, но история «хватает» за душу и у памятника постоянно находятся туристы со всех концов света. Сам видел. И я думал сейчас, в этом тесном «гробике» подземной аккумуляторной, о моей преждевременной гибели в столь молодом возрасте. Было плаксиво. Если бы не фрау Манн, я бы всплакнул даже. Ей Богу, не вру! А тут я еще вспомнил на нашу беду, что мы могли бы совершенно просто спастись. Мы ведь пробегали по квершлагу мимо нескольких «восстающих» на верхние горизонты! Мы могли бы подняться по ним в сухие верхние горизонты и выйти к шахтному стволу беспрепятственно! О боже! Ведь фрау Манн знала все выработки на руднике как свои пять пальцев! Ох уж эти женщины под землей! Все равно что на корабле!

Я уснул незаметно. Сколько спал — не помню. Проснулся от удушья весь мокрый. Снял куртку-робу и зажег лампу. Вода ушла уже далеко вниз — почти до стола. Вот почему стало душно. Вакуум! Надо попробовать открыть дверь, иначе задохнемся.

Поднимаю фрау Манн. Оба стараемся приоткрыть разбухшую дверь. Вода стоит уже по щиколотку. Дверь приоткрывается. Уф! Дышать полной грудью можно! Звоню по телефону. Нас слышат! Ура! Тридцать один час, оказывается, пробыли мы с бедной фрау под землей, в воде. Героическая все же эта женщина. Ни слова упрека или нытья от нее не услышал. Только прижималась ко мне все время. Молодец! Теперь можно об этом сказать.

Побрили к стволу. Сигналим в рудный двор. Сразу же спускается клеть с людьми. Медики, начальство, наши из «Висмута». Объятия, поцелуи. Не надо нам памятник ставить! Лучше давайте выпьем скорее, да и пожрать не мешало бы!

Через пару дней посетил место прорыва. Действительно, напоролись на широкую трещину (больше 12 метров), заполненную мягким карстовым материалом и трещинными водами. Кроме того, эта трещина пересекала старые выработки — те самые, в которых нашли тело легендарного молодого горняка, а они, эти выработки, были заполнены шахтными водами. Пришлось мне еще целую неделю руководить здесь бурением опережающих водоспускающих скважин по всему вееру будущей трассы нового квершлага. Школа на всю жизнь!

А главного инженера и директора рудника того уволили. Фрау Манн я отстоял буквально грудью. Ее оставили. Я же получил от министра ГДР агатовые настольные часы в награду и внеочередной отпуск на Родину, в Москву.

Вдогонку могу сказать, что затраты на ликвидацию аварии и на приведение в порядок затопленных горных выработок оказались равными зарплате целой семьи гидрогеолога (вместе с домашним скотом и сельхозугодьями), которого надо было бы принять на работу еще при Агриколе в XV в. и содержать до сих пор, то есть 500 лет. Вот вам пример по учебнику горного дела!

Жизнь на новом месте и в новом качестве налаживалась. С подачи Юры Богачева, знавшего меня по Кенигштайну, я неожиданно был выбран председателем цехкома Генеральной дирекции — особой, приближенной уже к высшему руководству. Это мне вовсе не претило. Справимся! С моим общительным характером, коммуникабельностью, «легкостью» в обращении с алкоголем, любовью к пиву, к красивым женщинам, к преферансу и варварским отношением к семейным обязанностям — все это способствовало тому, что вскоре я оказался в гуще общественной жизни советской колонии СГАО «Висмут» (и в бильярдной тоже).

Надо правдиво сказать, что никогда ни до, ни после СГАО «Висмут» я не жил такой интересной и полноценной жизнью. Приличная зарплата (2000 марок) при мизерной квартплате (150 марок), вполне сносные жилищные условия (трехкомнатная квартира с мебелью, постельным бельем, радиоприемником, кухонной утварью и посудой, радио и телевизором). И все это при изобилии продуктов и шмоток в магазинах, расположенных рядом. Мы жили с Татьяной и детьми просто шикарно. Сюда надо прибавить постоянные выезды на экскурсии по

музеям и достопримечательностям Германии. Постоянные выезды на охоту и рыбалку в разрешенное для охоты время. Совместные с немцами бригадные вечера. Наши собственные спортивные праздники — три раза в году. Это был повод не только блеснуть спортивным мастерством, но и возможность встретить старых друзей-уранщиков.

Непременным условием пребывания советского специалиста за границей было участие хотя бы одного члена семьи в художественной самодеятельности. Я смог реализовать себя в драматическом коллективе, где на итоговом смотре самодеятельности получил почетную грамоту «Первой степени с особой отметкой» за роль руководящего лица в пьесе Н. Погодина «Темп».

19 июня 1976 г. я справил свое сорокалетие. Устроил дома мальчишник. Были только сотрудники третьего геологического отдела. Пришлось специально съездить на браконьерскую охоту и привезти тушку антилопы. Задумался немного. Половина жизни прошла... Чего достиг и что сделал? Не смог определиться в правильности оценки своей деятельности. В производственной деятельности — потолок! Выше только в министерство на место Н.В. Губкина. В общественной жизни — тоже не на последних ролях. Жена! Дети! Квартира в Москве! Гараж и машина в нем! Кандидат наук и по немецкой стороне тоже — доктор наук (автоматически присвоили, тогда такой договор между Ульбрихтом и Косыгиным существовал).

Мне не очень хотелось бы рассказывать о моей производственной работе в Генеральной дирекции в качестве специалиста-гидрогеолога. Слишком было бы «тоскливо» для читателя. Однако трудно удержаться, поэтому приведу здесь записи на отрывном календаре. Все шесть лет пребывания в должности главного гидрогеолога я пользовался этими отрывными настольными календарями и сумел вывезти их в Москву. Итак...

18 октября 1972. Выехал в Тюрингскую экспедицию. Просмотрел проект на 1973 г. Виделся с Рудди Лангом — помню его еще по работе с Кашковским на Объекте 90.

31 октября. Выезжал на Шмирхау. Старейшая гидрогеологическая служба в «Висмуте». Сейчас руководит здесь всем Ланг. Они обслуживают фактически все Роннебургское рудное поле, — а это ГДП «Ройст», «Шмирхау», «Лихтенберг», «Беервальде». Надо ставить вопрос о расширении группы, либо о создании отдельных групп на каждом руднике. (В дальнейшем мне это удалось.)

1 ноября. Выезжал в Дрезден, в Дирекцию водного хозяйства округа, — к Хойзлеру. Старые связи не ржавеют! Сколько же трений было с этой Дирекцией в процессе вскрытия

месторождения Кенигштайн! Все спорные вопросы были блестяще решены и улажены благодаря четкой работе гидрогеологов ГДП во главе с Борисом Самсоновым (и моей?).

9 ноября. Совещание в Обершонау по скарнованным рудам в Рудных горах на перспективных по олову участках. Совещание проводил В. Ф. Хныкин (НТЦ).

11 ноября. Был в гостях у доктора Прегеля, директора геологической службы округа Дрезден. Милая жена. Шикарная обстановка. У меня сложилось мнение, что он меня переоценивает. Я всего лишь гидрогеолог и в СГАО «Висмут» ...дцатый человек.

13 ноября. Был Лоренц с Объекта 9 (Нидершлема-Альберода) и Валлер с ГДП «Ройст». Вызывал их для знакомства.

16 ноября. Совещание в Проектном предприятии по вопросам закладки выработанного пространства на Роннебургских рудниках. Для меня этот вопрос новый. Предложил к глинисто-цементному раствору добавлять шлаки и золу с ТЭЦ — вызвал улыбку у присутствовавших. Изобрел велосипед!

17 ноября. Фисунов с Пайцдорфа прислал первые пробы на «химию». Срочно толкнуть их в лаборатории в Грюне у Лоозе.

20 ноября. Выехал в Ауэ. Спускался на «минус 700». Осмотрел каскад холодильных установок на входной струе воздуха. Впечатляет. За сооружение трех таких установок наш Генеральный и мой друг Вадим Мельниченко получили Государственную премию. А ведь на этом руднике на глубинах 1500–1700 метров температура породы достигает 60 градусов по Цельсию. Люди работают голышом. Постоянно обжигая бранные тела и дыша практически горячим паром.

22 ноября. Был на ГДП «Беервальде». Срочно надо прочистить скважину № 4753 — она здесь единственная наблюдательная и режимная. По ней, собственно, можно определить напор над капитальными выработками нового рудника. Пришлось снять с ГДП «Ройст» бригаду поверхностного бурения и насильно пригнать ее сюда. Стоял у станка до «посинения», пока не оттартали весь шлам из скважины. Тартание — это специфический вид работ по очистке скважины. В скважину на канате опускается желонка (ложка) и путем очень частого подъема этой ложки из скважины выкидывается всякий мусор и шлам.

26 и 27 ноября. Был у Фисунова на Пайцдорфе. Ночевал в Гере у него дома. Подробнейшим образом рассказал и нарисовал — как вести ему шахтную документацию. Ведь он до приезда сюда работал на янтарном карьере под Калининградом. И на шахте никогда не был. Кто его сюда прислал? Буду звонить Н. В. Губкину в Мо-

скову, чтобы такого больше не повторялось. Однако сейчас его надо «натаскивать». Он все-таки советский инженер — всем пионерам пример! Глаз с него спускать нельзя. На следующий день уже на руднике «выбил» для него коллектора, выделили ему отдельную комнатенку. Спускался с ним в забой. Наметили камеры для подземного опережающего бурения станком НКР-100. Завели с ним все необходимые журналы и блокноты. Заказали необходимое количество химической посуды и химреактивов.

29 ноября. Собрал у Анатолия Баклажки в Тюрингской экспедиции всех гидрогеологов Роннебургского района. Взял с собой Анкудинова. Засиделся он над металлогенической картой — пора и на производстве бывать — он ведь главный гидрогеолог ЦГРП. Идет разведка под стволы, ведутся опытные гидрогеологические работы по определению водопритоков в будущие стволы, а он и в ус не дует. Просиживает с Васковиакком штаны в Грюне. А у меня очень плохие предчувствия по стволам на Дрозене.

6 декабря. Проводил совещание с геологами Пайцдорфа о необходимости опережающего бурения на новых проходческих направлениях станками НКР-100. Слушали вяло. Это понятно. Но я помахал приказом главного инженера Общества, попугая прошлыми катастрофическими прорывами здесь карстовых вод (в 1953 г. здесь вскрыли полость объемом 15 000 куб. метров с водой и шламом — рудник тогда вышел из строя на полгода). Убедил. Занесли в протокол решение о таком бурении и о дежурстве в каждой смене не менее трех буровых станков.

8 декабря. Приезжала группа немецких специалистов из Эрфурта и Обершонау по вопросам бурения скважин большого диаметра (с обратной промывкой) на участке водоснабжения будущего ГДП «Дрозен» (участок Какау).

14 декабря. Партком.

15 декабря. Ездил в Лейпцигскую экспедицию к Анатолию Левченко. Привез ему новую методику опробования подземных вод на радиоактивные изотопы и на гелий. Взял с собой и новые кюветы (барбатыры).

16 декабря. Охота!!! Ездили недалеко. Сидка. Никого не видел. Только зайчишка молча нагадил прямо подо мной. Прохиндей! Но их стрелять — не сезон.

20 декабря. В 7 утра разнос у Данильянца за металлогеническую карту. Полдвятого — разнос у Дергача — «не докладывал тематики ваших разговоров с немцами на частных встречах» (узнал, гад, о моих встречах с Прегелем и Хойзлером).

25 декабря. Небольшой рождественский вечер среди геологов Третьего отдела. Пили водку «Луникофф».

27 декабря. В 10 часов у Данильянца — отчет о проделанной работе за три месяца. Получил отличную оценку. Составили план приемки полевых материалов.

30–31 декабря. Готовились к празднованию Нового года. По плану профкома этот праздник организовывала Генеральная дирекция. И конечно, я как председатель цехкома, «самый главный». В комиссию вошли Губайдуллин, Старцев, Климин, Кушаков. Составили программу. Оркестр был наш. Пели частушки. Строили комичные пирамиды. Говорят, было весело. Я ушел, конечно, последним. И фейерверк был отменным. Это было мое первое общественное мероприятие, и я был, конечно, «всякой бочке затычкой». С тех пор — нарасхват!

3 января. Лейпцигская экспедиция. Мейсен.

5 января. Роннебургское рудное поле. Генеральная дирекция.

8 января. Перспективный отдел ЦГРЭ. Север ГДР. Грюна.

12 января. Дальние фланги Роннебургского рудного поля. Грюна.

15 января. Перспективный отдел ЦГРЭ. Юг ГДР. Грюна.

17 января. Южное обрамление Рудных гор. Генеральная дирекция.

18 января. Листы Горлитц и Носсау. Грюна.

22 января. Перспективный отдел. Масовые поиски. Грюна.

23 января. Математическая группа. Генеральная дирекция.

25 января. Химическая лаборатория. Грюна.

Многие годы я мечтал показать своим немецким коллегам, как надо работать понастоящему. Чего можно достичь при определенных знаниях и при старании. Несколько раз писал заявки в наш главк. Составлял программу командировок немцев к нам в СССР. На этот раз мои старания увенчались успехом! Пришло добро из Москвы, и в начале сентября 1974 г. я в составе небольшой группы вылетел в Москву. Со мной полетели гидрогеологи из Роннебурга — Рудди Ланг, Гюнтер Шульце, Густав Дикомай. От «Кенигштайна» поехал Яхим Бехер (за него я был вдвойне рад — ведь я считал его своим учеником). Нас было всего пять человек. Полетели без переводчика. Дикомай переводил с русского на немецкий (он учился у нас в ленинградском горном институте), я же переводил с немецкого на русский. Наши «суточные» были баснословно велики — аж 20 рублей (сравните «наши» 2 рубля 60 копеек). А посмотрите, какой маршрут я выбрал: Дрезден — Москва — Ташкент — Самарканд — Бухара — Навои — Хива — Учкудук — Самарканд — Москва — Берлин!

В Домодедово просидели всю ночь — Ташкент «трясло» в 5,5 балла. Утром уставшие и невыспавшиеся прибыли в Ташкент прямо в руки Николая Николаевича Муромцева — главного геолога Краснохолмской региональной урановой экспедиции. Он не нашел ничего лучшего, как прочитать нам часовую лекцию о ураноносности меловых отложений Кызылкумов. Лекцию читала Чанышева. Мы откровенно спали. Добралась до гостиницы «Россия» и уснула мертвым сном.

Утром предстояла долгая и утомительная автомобильная поездка дальше — в Кызылкумы. Но утром случился еще один казус. Местные узбекские власти в лице органов КГБ посчитали нас шпионами крупной иностранной державы и не выдали нам загранпаспорта, которые были накануне сданы директору гостиницы. Нам с Муромцевым пришлось по «вертушке» звонить во Вторую главк в Москву. Узбекские гэбисты получили большую клизму и милостиво отпустили нас. День, однако, не был потерян. Мы провели его в благоухающем и благоуханном Ташкенте. Гуляли по бульварам и паркам осеннего города. Были на Алайском и Туркменском рынках. Я сиял от удовольствия при виде знакомых переулков и площадей. Далекое детство вспоминалось мне со слезами на глазах.

Наутро мы тронулись в путь на рафике. Весь «борт» был заставлен корзинами со снедью, фруктами и ягодами и, конечно, с коньяком. День предвещал быть жарким. Ехали вдоль долины реки Зарафшан. Бегло осмотрели Самарканд, столицу Тимуридов. Регистан, Биби-Ханум и так далее. Немцы в восторге. Не отрываются от окуляров фото- и киноаппаратуры. А далее длинная дорога с остановками для «пинкель паузы» и для «принятия вовнутрь». От коньяка и острой корейско-узбекской кухни остановки участились. Купались в прозрачных водах Зарафшана. Яхим Бехер лишился в этих быстрых и холодных водах своего обручального кольца. Очень переживал, но я его успокоил тем, что в Москве золото дешево и его можно купить в любом магазине. В ГДР тогда было с этим совсем не так. Очень сложно было купить золотые украшения. Только на обмен!

Измученные, еле-еле добрались до Кетменчуйской партии, где нас уже почти сутки ждали местные геологи у накрытых по-барски столов. Как они все это выдержали?! Вот что такое геологическая и горняцкая солидарность. Снова «нажрались», а наутро наступила страшная жара и мы при этом поехали на участок выщелачивания.

Этого мои немецкие коллеги никогда не видели. До самого горизонта сотни и тысячи скважинных оголовков, оборудованных

воздушными трубами (эрлифт), грохот мощных компрессоров, огромные сорбционные колонны под открытым небом и полное отсутствие персонала. Выяснилось, что здесь работало всего 12 человек, а по производительности этот Объект был равен руднику с пятью тысячами трудящихся!

Поздно вечером за нами пришел рафик с Навоийского горно-металлургического комбината и мы, тепло попрощавшись с геологами партии, выехали в город Навои. Главный геолог НИМК Матвей Иванович Минкин встретил нас у гостиницы. Этого замечательного геолога я знал давно. Еще работая во ВНИИХТе, я бывал часто на комбинате. Правился мне Матвей Иванович своей хваткой, умением выделить главное и сосредоточиться на нем до полного успеха Мы спускались в шахту в Заравшане (месторождение Суграль). Спускались и в Учкудуке в забой, где велась шнековая добыча ураноносных песков. Посетили мы и огромный карьер № 2 тут же — в Учкудуке. На местной молочной фабрике большегрудые бабы кормили нас с больших деревянных ложек густой сметаной и творогом. Поили молоком. И очень странное дело — все эти молочные продукты были произведены из масла, доставляемого самолетами из Ташкента! Обратный процесс какой-то! Парадоксы коммунизма! Ну а огромные гибриды лимонов с апельсинами, выращенные под жарким солнцем местным агрономом-умельцем, не имели ничего общего с коммунизмом, и поэтому вызвали у нас восторг и удивление! Не надо забывать только, что вода и в Заравшане, и здесь, в Учкудуке, поступала по водоводам из Сыр-Дарьи за триста километров! И в Заравшане, и в Учкудуке были созданы водохранилища с пляжами для купания, образовались озера, завелась рыба. Вот что такое значил для нас тогда УРАН. Огромные деньги, и деньги эти не считали!

В Москву вернулись довольные и загорелые до черноты. Выданные нам «суточные» нам не пришлось тратить. Радужные хозяйки не позволяли этого делать. На сэкономленные деньги немцы накупили всего-всего, а Яхим и золотое кольцо приобрел, вместо утерянного в водах Зарафшана. Я задержался в Москве на пару дней и, вернувшись в Карл-Маркс-Штадт, узнал, что он ушел от своей жены Доротеи. Вот что значит потеря обручального кольца католиком в далекой мусульманской стране!

Мне пришлось еще два раза сопроводить немцев в Союз. Это были уже «большие начальники». С ними было тяжелее. Больше водки приходилось пить. Обстановка не та была. Сплошной официоз. Путешествие же со своими молодыми коллегами останется в памяти на всю жизнь. Я уверен,

что все, кто еще жив среди немцев (знаю, что Дикомай умер), показывают своим внукам среднеазиатские цветные слайды, с восторгом рассказывая при этом о том далеком по времени и в пространстве вояже.

В декабре 1976 г. случилось то, чего я больше всего боялся. При проходке первого технологического интервала на шахте № 403 в Дрозене случился прорыв трещинных карстовых вод из доломитов серии «верра». И всего-то на глубине в 22 метра. Триста кубометров в час! Биво-насосы еле справляются!

И мы, не прекращая откачки из шахты (такое долгое!), «посадили» все местные водозаборы за одну ночь! Тысячи деревенских дворов остались без воды в своих колодцах. Без воды остались птице- и свинофермы, коровники, пожарные пруды. Я не был готов к таким событиям. Ведь предварительная разведка, проведенная гидрогеологами Тюрингской экспедиции, не предвещала ничего подобного. Но что означают данные, полученные по одной скважине диаметром в 127 мм, с действительностью, так четко представшей в стволе шахты диаметром в 6 метров! Мне, дураку, надо было дать команду о немедленной остановке откачки катастрофического водопритока в шахтный ствол и засыпки пройденных 20 метров гравием или щебенкой. Я, однако, растерялся. Да и слишком много начальства большого съехалось на беду (даже Генеральный приехал).

Два месяца все деревни в округе снабжались водой водовозками. Героическими усилиями, при уйме затраченных денег, за эти же два месяца нам удалось разведать и оборудовать новый водозабор у деревни Какау и подсоединить деревенские дома и фермы уже к настоящему водопроводу. Шахту № 403 мы все же с огромным трудом прошли при помощи эрлифтных установок, смонтированных прямо на забое шахты.

Я много думал об этой аварии и пришел к окончательному выводу, что это все не столько вина гидрогеологов, сколько вина горняков. Ведь первые двадцать метров ствола были уже зацементированы, а три метра, пройденные в верра-доломитах простояли открытыми целых ТРИ ДНЯ! Из трещин в доломитах потихоньку вымывался заполнитель — песок, супесь, суглинок, дресьва. Незащищенная поверхность увеличивалась в геометрической прогрессии и — прорыв! Кстати, в истории «Висмута» зафиксирован факт прорыва карстовых вод из тех же доломитов на руднике Шмирхау. В 1953 г. на этом руднике объем карстовой полости после ее осушения составил 500 000 кубометров!

Сейчас, конечно, после драки кулаками махать. Я не оправдываю себя. Ведь я даже выговора не получил!

Последний, шестой год я работал уже по инерции. Устал. Надо было уезжать. Пока еще на «белом коне»! Вот дочь Ирка пойдет тут в первый класс, и мы уедем. Отложили отъезд до октября. Уже и контейнер стали заполнять потихоньку, что у подъезда стоял. Но тут у моей жены случился конфуз вселен-

ский, и пришлось уезжать в 72 часа! Рядовой служащий уехал бы в 24 часа, а мне дали целых трое суток. Но все у меня уже было готово к «плановому» отъезду. Только теперь пришлось уезжать уже не на белом коне, а на коричневом верблюде!

Борис Петрович Власов

Месторождение Шлема-Альберода (геолого-биографический очерк)

История открытия месторождения Шлема-Альберода

Открытие крупнейшего в мире жильного уранового месторождения Шлема-Альберода приходится на первые послевоенные годы. Тогда, сразу после окончания войны, на юге Германии в советской оккупационной зоне были развернуты поисковые работы на уран. Особенно интересной представлялась территория Рудных гор, где уже давно были известны жильные месторождения Со и Ni с Bi и Ag, из руд которых попутно извлекался уран на радий и на изготовление желтых красок. В первую очередь обследовались все доступные для посещения старые горные выработки — штольни, шахтные отвалы, канавы, а также музейные коллекции. Особый интерес представляли рудные поля Яхимовского и Шнеебергского месторождений¹⁷, где в рудах на Со, Ni и Ag встречался настуран. Тем не менее изначальные перспективы Шнеебергского рудного поля были в известной степени неопределенными. Отработанные на Со и Ni жилы в целом были слабо ураноносны и, соответственно, прогнозные суммарные запасы урана в них оценивались невысоко. Позже выяснилось, что

кобальт-никелевая с серебром и висмутом рудная ассоциация сформировалась в тех же трещинах, в которых за 120 млн лет до этого уже образовывались кальцит-настурановые жилы. В результате оставшийся в «живых» и переотложенный настуран в этих «омоложенных» жилах сохранился в незначительных и, как правило, непригодных (нерентабельных) для добычи концентрациях, что объясняется в первую очередь интересом рудокопов прошлого исключительно к Со, Ni и Ag. Уран (настуран) при этом считался ненужным, и потому жилы, где его было сравнительно много, чаще всего исключались из добычи.

Тем не менее повсеместно в широком масштабе развернувшиеся поисковые и ревизионные работы быстро дали положительные результаты. Первые значимые признаки уранового оруденения и прямые находки ураноносных жил были сделаны в окрестностях г. Иоганнсгеоргенштадт в непосредственной близости от чешской границы, а также в старых отвалах и выработках вблизи г. Шнееберг и расположенного поблизости от него поселка Обершлема, известного радонового курорта.

В водоотливной штольне из Обершлема к реке Мульда, уже на территории поселка Нидершлема, были обнаружены скопления настурана в карбонатных жилах, одной из которых позже дали имя Альберода. На соседних шахтах, куда она была прослежена, ее назвали Бад-Эльстер. Со временем выяснилось, что это была крупнейшая урановорудная жила на месторождении. Ее отработывали практически от поверхности до глубины порядка 1 км. Таким образом, в 1946-м, а потом и в 1948 г. были открыты и сразу введены в эксплуатацию месторождения Обершлема и Нидершлема-Альберода. Скоро установили, что оба месторождения принадлежат единому очень крупному жильному полю, западная часть которого под названием Обершлема отработывалась Объектом 2, а восточная — Нидершлема-Альберода — принадлежала Объекту 9. Позже в геологических документах месторождение как единое целое именовалось Шлема-Альберода (в печатных изданиях встречаются названия Ауэ и Шнееберг).

Цифры подсчитанных и предполагаемых запасов урана на этом едином, по сути, месторождении от года к году быстро возрастали. В конце пятидесятых — начале шестидесятых годов здесь уже добывалось порядка 2000 тонн урана в год. А общие отработанные запасы за все время эксплуатации составили примерно 90 000 тонн урана. Это было крупнейшее жильное месторождение урана в мире. Глубина его отработки составила 1800 м (от уровня штольневого горизонта)¹⁸. Максимальные запасы были сосредоточены в средней по вертикали части месторождения, убывая кверху и вниз. На этом фоне, через каждые 300–400 м находилась пара горизонтов с экстремально высокими запасами, что было обусловлено очень высокими содержаниями металла в жилах при оставшейся в целом одинаковой геологической обстановке на сопредельных уровнях глубин.

Предыстория моего приезда в ГДР после окончания в Москве в 1957 г. Института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина, была такова. Первые два года я проработал в Киргизии, в Каменской экспедиции Первого Главного геологического управления Мингео СССР. Один год — на поисках в Киргизском хребте и Кунгей-Алатау (Северный берег Иссык-Куля), а другой — на разведке урановых рудопоявлений в Терской-Алатау, на противоположном, южном берегу. Потом поступил в аспирантуру ИГЕМа и в 1965 г. защитил кандидатскую диссертацию по геологии уранового месторождения Курдай. В 1962–1965 гг.

изучал месторождения Бота-Бурум и Кызыл-сай в Прибалхашье и Панфиловское — в предгорьях Джунгарского Алатау. В моем становлении как геолога-структурщика решающую роль сыграл Лавров Н. П., он сейчас академик и вице-президент РАН, ведущий специалист по геологии урана. А тогда, в пятидесятые годы, когда мы близко познакомились, он был аспирантом, а я студентом спецфака Цветмета. В 1954 г. он пригласил меня в свой отряд на полевые работы в Южном Казахстане. Очень быстро между нами, студентами, и им, аспирантом, сложились очень хорошие, дружеские отношения. Он же и позвал меня в 1959 г. в аспирантуру ИГЕМа, когда был научным секретарем геологической станции, базирующейся в Ленинадской области около г. Табошар. Базу моих знаний по геологии урана составили месторождения Прибалхашья, залегающие в вулканических породах и отличающиеся большой сложностью строения. Так что до работы в ГДР я уже хорошо знал, что и как нужно делать на вулканогенных месторождениях урана с прожилково-вкрапленными рудами, но практически не был знаком с месторождениями жильного типа, к каковым относилось Шлема-Альберода. Месторождение Шлема-Альберода и открытый в 1960-х гг. Теллерхойзер были единственными, на которых с 1966-го по 1990 г. мне пришлось проводить детальные структурные исследования в составе группы техпомощи от ИГЕМа АН СССР. К 1966 г. очистные работы на месторождении Шлема-Альберода опустились до горизонта –990 м (1 км от поверхности), завершилась разведка горизонта –1305 м, происходило вскрытие и начало очистных работ на горизонте –1080 м. Между горизонтами –1080 и –1305 м ни один из горизонтов еще не был вскрыт. Запасы, подсчитанные для этого интервала глубин, оказались ниже ожидаемых по «вине» горизонтов –1305 и –990 м, которые, как выяснилось позже, были «провальными», а учесть относительное богатство руд на горизонтах –1080 и –1125, –1350 и –1395 м было, конечно, невозможно, поскольку они еще не были разведаны.

В 1966 г. на горизонте –990 м завершилась разведка дальнего восточного фланга месторождения. Выработки — два параллельных полевых штрека большого сечения с соединительными квершлагами, удали-

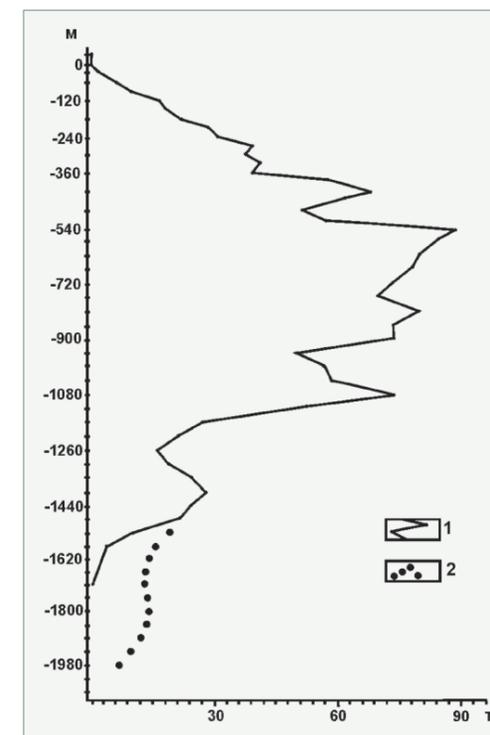
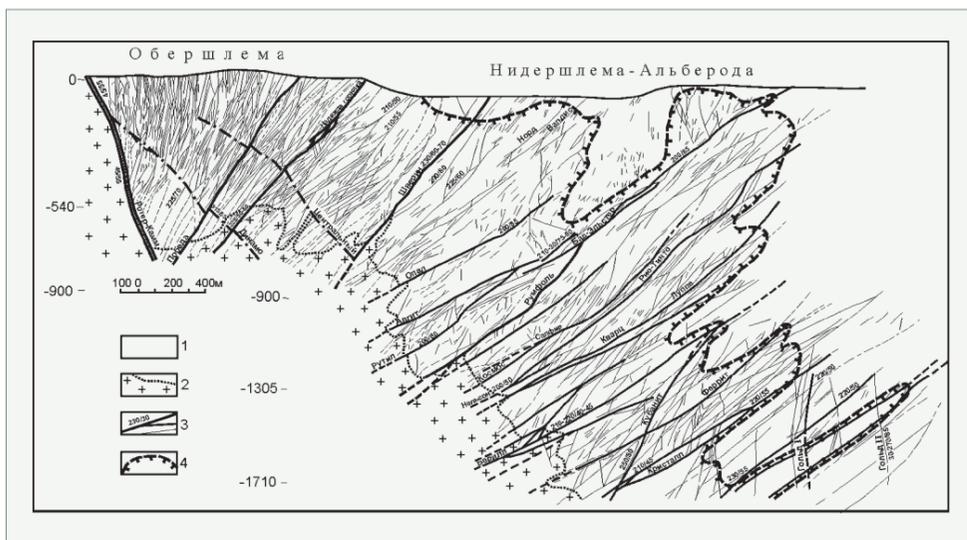

Рис. 7. Распределение запасов урана на глубину. 1 — отработанные запасы; 2 — предполагаемые, прогнозные запасы.

Рис. 6. Продольный наклонный разрез в лежачем боку разлома Унион под пачкой «продуктивных» пород. 1 — монотонные сланцы ордовика; 2 — граниты; 3 — урановорудные жилы, их азимут и угол падения; 4 — верхняя граница распространения уранового оруденения в жилах.

17 Серебряные руды в районе Шнееберга были отработаны к началу XVII в., а затем, вплоть до XX в., добывались только Со, Ni и Bi. В это время кобальтовое месторождение Шнееберга считалось одним из крупнейших в мире.

18 До горизонта –540 м через 30 м было нарезано 20 горизонтов; ниже, до горизонта –1800 м, отработка велась на 28 горизонтах, пройденных уже через 45 м.

лись примерно на 4 км от центра месторождения, и нигде в них не было встречено ни одной урановорудной жилы или даже прожилка. Проект выполненной разведки базировался на предположении, что на востоке в месте пересечения крупным разломом Аффальтер пачки пород, благоприятных для локализации настурана жилах, может находиться значительное число урановорудных жил. Но, к сожалению, смелый прогноз на выявление нового рудоносного участка на востоке месторождения не оправдался. Сложилась ситуация, при которой единственным источником прироста запасов и сохранения высокого уровня добычи являлись как можно более полная отработка скоплений настурана в известных жилах и выявление новых жил в огромном объеме пород центра месторождения. Проблема полноты разведки и отработки действующих и ожидающих своего вскрытия горизонтов выступила на передний план. Такова была ситуация, складывавшаяся к 1966 г. Следует, однако, подчеркнуть, что к этому времени работами советских специалистов-геологов, работающих как в структуре СГАО «Висмут», так и по линии техпомощи от ВНИИХТа были установлены главнейшие факторы, влияющие на локализацию жил и распределение скоплений настурана в них, изучена минералогия месторождения, характер преобразований состава жил в ходе послеурановорудного внутрижильного доломитового метасоматоза, особенности петрографии рудовмещающих пород и изменений их состава в зоне, околоранитного метаморфизма. В изучении минералогии, петрографии и геохимии, факторов локального рудоконтроля урановых линз и рудных столбов в жилах, большие успехи были достигнуты сотрудниками «Висмута» и отраслевого института Минсредмаша (ВНИИХТ) — Ю. М. Дымковым, А. В. Дьяконовым, Г. А. Пельмским, С. Н. Кашпировым, В. Д. Пампурой, М. С. Цыбульской, В. М. Ивановой и др., а также группой техпомощи от ГЕОХИ АН СССР — В. Л. Барсуковым, Г. Б. Намумовым, Т. Н. Соколовой. Под руководством и при участии А. И. Тугаринова по результатам исследований на жильных урановых месторождениях ГДР и вулканогенных — в СССР впервые были детально рассмотрены геохимические проблемы поведения урана в растворах и причины рудообразования, что было значительным шагом в учении о геохимии урана в гидротермальном рудообразовании.

Еще в Москве где-то в апреле 1966 г. я заполнил анкеты: кто я, кто мои родители и родные, чем занимались до и после, были или не были и т. д. Стал ждать, и только в середине июня меня пригласили в ЦК КПСС на Старую площадь. Имел непродолжитель-

ную беседу с одним из сотрудников ЦК. Меня предупредили, что обстановка в мире сложная, ГДР — форпост, и там есть недоброжелатели и вообще нужно высоко нести... Господи, потом за долгие годы работы в ГДР я не раз выслушивал от работников 2-го отдела предупреждения и постоянные оценки ситуации в стране как непростые, усложнившиеся. Но на самом предприятии, среди немецких коллег по непосредственной работе, и от горняков в шахтах и в забоях я нигде и никогда не встречал недоброжелательства. И вообще чувствовал себя спокойно.

В двадцатых числах июня 1966 г. мы были во Франкфурте-на-Одере: я с женой, два сына-школьника и дочь-детсадовка. Приехали поздно вечером, нас встретили, отвели в зал ожидания при комендатуре (а был там «русский дух», и им там пахло). Потом проводили в автобус, едущий в Карл-Маркс-Штадт (ныне опять это Хемниц). В Карл-Маркс-Штадте провели беседы о режиме поведения, объяснили что и как. Представили главному геологу «Висмута» А. А. Данильянцу. Очень приятный, простой в обращении человек. Беседа с ним была интересной и поучительной. Пояснил, какие трудности на руднике и чего от меня ждут.

Возили в консульство за получением немецких паспортов. Что еще осталось в памяти — так это еще не отстроенный после войны, местами в лесах, центр города. Через 2–3 дня отвезли нас в Ауэ. Это примерно в 40–50 км от Карл-Маркс-Штадта. По специальности я геолог-структурщик и был полностью нацелен на выяснение условий залегания руд, закономерностей их размещения в пространстве. Месторождение Шлема-Альберода по своей природе очень непростое. На нем сотни жил¹⁹, находящиеся в сложных соотношениях, и с очень неравномерным распределением в них уранового оруденения — от чрезвычайно богатого до умеренно-среднего и убогого. На этом мы и отбыли в Ауэ, где на окраине города находилось рудоуправление и недалеко от него — несколько жилых домов для семей советских специалистов.

Итак, 1966-й — год, когда я с семьей приехал в ГДР. Все здесь было внове и во многом непривычно — чистенькие города и поселки, вежливые и спокойные люди. И горы, красивые, живописные горы с сажеными еловыми лесами без чащоб и завалов, с массой всякой дичи, грибами и ягодами.

На предприятии нас встретили приветливо, меня — у главного инженера и главного геолога, жену — у председателя женсовета, побеседовали, пожелали успехов.

¹⁹ В некоторых отчетах приводятся цифры от 2 до 4 тыс. жил, но, думается, что в подсчет как самостоятельные попали смежные части одних и тех же жил, что было обычным явлением на месторождении.

Ну и конечно, была встреча с сотрудником режима. Было их, по моим наблюдениям, три категории: к первой, похоже, относились настоящие разведчики (я знал двоих). Дольше всего был у нас второй, уже в семидесятых годах — херр комендант, как его звали немцы (за официальную должность), или херр офицер (что его злило, за раскрытие его статуса). Он имел персональную машину, никому не докладывался, уезжал иногда куда-то далеко, может быть, в ФРГ (раз, когда у меня был болен сын, он предлагал из Берлина привезти заграничных лекарств)²⁰. Потом — сотрудник секретного отдела по работе с секретными документами. Обычно это были пожилые, серьезные люди, бывшие фронтовики. И наконец — «представитель» второго отдела, он следил за нравственным климатом в коллективе. Это, по виду, были обычные люди, один даже когда-то служил офицером-пограничником. Вникали в вопросы быта, личных и общественных взаимоотношений, в характер связей с немецкими коллегами по работе и встречам по линии германо-советской дружбы. Когда, например, кого-либо из нас приглашали к себе немецкие товарищи в гости или на какие-либо общественные мероприятия, от встреч охотников и рыболовов до совместных экскурсий и празднований знаменательных дат и событий, то назначался старший группы. Индивидуальные, в одиночку, выезды и посещения немецких коллег, мягко говоря, не приветствовались. Считалось, что должно быть не менее трех советских, встречающихся вне колонии с немецкими гражданами. Старший группы по возвращении в колонию должен был информировать сотрудника второго отдела о том, как прошло мероприятие. Большое внимание уделялось поведению детей, в том числе дошколят. Это я прочувствовал на примере «свободолюбивых» своих сыновей. Правда, со временем сознание того, что ты находишься под постоянным контролем, перестало как-то тяготить. Но нужно заметить, что гораздо позже, когда ГДР прекратила свое существование, присоединившись к ФРГ, и сотрудников «невидимого фронта» первыми отозвали на Родину, никто из наших специалистов «на деревья не полез», ничего безнравственного не совершил.

Я попал, о чем знал уже заранее, в камеральную партию. Ее задачей было создание обобщающих документов по геологии месторождения — карт и разрезов к ним, а также сложных по строению участков скоплений рудных жил на основе крупномасштабных

планов горизонтов с использованием первичной документации горно-капитальных выработок и жильных штреков. Строились сводные проекции крупных жил на вертикальную плоскость, на которых изображались рудные блоки, положение рудных столбов и т.п. Вторым направлением работы коллектива камеральной партии были научно-исследовательские, сугубо в прикладном плане исследования по структуре месторождения, особенно тех его частей, которые представляли собой последовательно, из года в год вводимые в разведку и эксплуатацию нижележащие горизонты.

Начальником камеральной партии был Борис Николаевич Ачеев, веселый, общительный осетин, знаток своего дела, знающий «в лицо» многие жилы (то есть по образцам определявший, откуда они были взяты). Структурщиком, уже вторично после нескольких лет работы в Чехии и ГДР вернувшимся в «Висмут», был Владимир Александрович Тихонов. Он во многом очень помогал мне вникнуть в существо геологии жильных месторождений Рудных гор, делился богатым опытом, своими наблюдениями и выводами, накопленными в предыдущие годы. Минералогией занимался Борис Иванович Рыжов, он попал в «Висмут» за несколько лет до меня, хорошо владел немецким языком и великолепно знал минералогию всех разновозрастных жил, встречающихся не только на месторождении, но и во всех Рудных горах. Современем Б. И. Рыжова сменили Б. И. Малышев и В. М. Иванова, а В. А. Тихонов сменил Б. Н. Ачеева и еще три года был начальником камералки, а на высвободившееся место структурщика из Союза приехал Б. П. Худяков. После В. А. Тихонова начальником камеральной партии стал Леонид Анисимович Бай, один из первооткрывателей крупного уранового месторождения в Северном Казахстане. Он запомнился исключительно доброжелательным, отзывчивым человеком, прекрасным, надежным товарищем. Л. А. Бая потом сменили В. Волков и Л. В. Матюшин. Нужно сразу сказать, что камералке на начальников очень везло. С ними было легко и на работе, и в совместных мероприятиях, проводимых с немецкими коллегами, и при решении проблем чисто житейского свойства.

По приезду, еще не зная, по сути, никого из более чем сотенного советского коллектива, я никуда не ходил и особенно ни с кем не общался. Да и с первых дней стремясь лучше узнать геологию месторождения, спустился чуть ли не каждый день в шахту вместе с О. В. Жарковой (она на три месяца приехала из ИГЕМа в командировку) и сопровождавшим нас немецким коллектором Йозефом Шмитом. Мы торопились до закрытия изучить

²⁰ Однажды, когда моя супруга вернулась из Союза, «херр комендант» заверил ее, что сведения о моей неверности супружескому долгу после проведенной проверки не подтвердились. Ну и ну! Вот уж было неприятно представить, как выглядела эта «проверка».

все выработки на дальнем восточном фланге месторождения, разведка которого удалась почти на 4 км от ствола главной шахты № 371. Потом это сослужило хорошую «службу» при выяснении зональности строения жил с удалением от гранита и по мере увеличения глубины, позволило сделать первые наброски прогноза на появление новых пучков жил, не выходящих на поверхность, но развивающихся вниз и наращивающих свою рудоносность на глубину. Эту работу мы делали вместе с В. А. Тихоновым, большим энтузиастом в такого рода исследованиях.

К 1966 г. ситуация на месторождении изменилась. Отчетливо проявилась тенденция к снижению запасов урана по мере нарастания глубины отработки. В 1965 г. был выполнен пересчет запасов, а поскольку опорный горизонт –1305 м не дал ожидаемых запасов из-за низкого в целом выхода металла в разведанных жилах, то оценка всего каскада от горизонта –990 до горизонта –1305 м не оправдала надежд геологов.

Но в основном разведочные работы позволили уточнить прогнозные критерии и на основе детальной документации восточного фланга и сопоставления поведения жил на глубину с приближением к гранитам между горизонтами –340 и –630 м и –810 и –990 м составить представление о появлении на востоке пучков рудоносных жил, развивающихся на глубину. Позже на этой основе был сделан прогноз вероятности встречи на глубине ниже горизонта –990 м новых, неизвестных урановорудных жил и было сказано о необходимости повторять разведку ближайшего восточного фланга месторождения по мере опускания очистных работ систематически через определенные интервалы глубины. С самого начала наши исследования получили поддержку главного геолога В.П. Долгова, который живо интересовался научными исследованиями и сам готовил кандидатскую диссертацию. Позже он с успехом защитил ее.

Забегая вперед, отмечу, что во второй половине шестидесятых годов предприятие фактически вступило в стадию сокращения объемов добычи, а в конце 1980-х гг. уже начали ощущаться признаки кризиса. Глубина отработки и одновременно стоимость извлеченной руды возрастали.

Дорого стоило поддержание действующих выработок, более или менее нормальной температуры в капитальных выработках и действующих блоках — без проветривания работать было абсолютно невозможно. Я специально температуру не измерял, но если отходил от проветриваемого штрека в тупиковую рассечку хотя бы на 5–10 м, то становилось нестерпимо душно и жарко, пот буквально заливал глаза. Уже на стадии раз-

ведки и отработки самых нижних горизонтов (от –1620 до –1800 м) было ясно, что мы находимся на уровне выклинивания оруденения, где добыча оставшихся запасов нерентабельна, а надежды на обнаружение новых богатых жил не оправданы. Начавшаяся разведка самого крупного из немногих оставшихся рудных узлов Феррит-Дюре-Хенне на горизонте –1800 м ничего обнадеживающего не дала. Там в жилах господствовали пострудные ассоциации карбонатов с баритом. По сути, к концу 1990 г. рудник изжил себя, и закрытие его было неизбежным.

Начало работы

В 1966 г. завершался период выполнения большого объема работ по оценке перспектив и корректировке запасов месторождения на глубину и фланги по данным разведки горизонта –1305 м. Заканчивалась разведка и бурение на горизонте –990 м, где на восток от шахтного поля была выполнена одновременная проходка двух параллельных штреков большого, около 9 м² сечения, и соединяющих их квершлага. Эта система была принята для обеспечения проветривания в силу того, что работать приходилось далеко, примерно на 3–4 км от хорошо вскрытой части горизонта –990 м. Выполненные объемы проходки и горизонтального бурения показали полное отсутствие уранового оруденения во вскрытой области, без всяких надежд на его встречу на доступных глубинах и тем более на вышележащих горизонтах. Здесь не было встречено ни одной жилы, выполненной минералами урановорудной стадии. Все ограничилось присутствием пустых мало-мощных, непротяженных карбонатных жил и прожилков. Получила подтверждение уже ранее установленная закономерность об отсутствии оруденения на расстоянии более 1 км от контакта гранитов.

Разведка горизонта –1305 м, как уже упоминалось, дала в целом малоутешительные результаты. Было выявлено ограниченное число урановорудных жил, как правило, с рядовым содержанием урана и небольшое, меньше обычного и ожидаемого, число жил с высокой продуктивностью. Со временем выяснилось, что этот горизонт по своим запасам был непредставительным, поскольку и ниже, и выше его содержание урана в жилах в среднем оказалось выше.

В 1966 г. на ГДП-9 работали три крупные шахты: №№ 38, 366 и 371. Последняя была пройдена до горизонта –990 м, две другие до –540 м. Все работы до горизонта –990 м из шахт №№ 38 и 366 проводились с горизонтами, вскрытых слепыми, не выходящими на поверхность стволами. К концу 1966 г. отработка жил выше горизонта –540 м была практически завершена. Шахта № 371 была

самой крупной, в ее трехэтажной клетке одновременно спускалось или поднималось сразу 60 горняков. Кроме названных, имелось еще несколько шахт, специально предназначенных для вентиляции. К ним «придавался» крупный, размером с завод, комплекс по охлаждению подаваемого вниз воздуха. Около этих шахт и тех, что были в Обери и Нидершлеме, но уже выведены из эксплуатации — везде были отвалы, ну а самые крупные около последних «гигантов» — №№ 38, 366 и 371. Отвалы рекультивировались — на них на специально созданных уступах высаживались деревья. Часть поверхности в Обершлеме попала в зону обрушения. Ее огородили колючей проволокой, за которой встречались воронки-провалы над отработанными блоками. На отвале шахты № 371 еще задолго до ее закрытия был выстроен камнедробильный комплекс. После ликвидации «Висмута» работы по рекультивации и вывозу отвалов из окрестностей поселков не только не прекратились, но продолжались в еще больших объемах.

Буквально через день-два, после знакомства с главным инженером, главным геологом, инспектором 1-го отдела и начальником камеральной партии я был уже на своем рабочем месте. Камеральная партия находилась в двухэтажном здании, когда-то выстроенном около вентиляционной шахты примерно в 800 м от шахты № 366. Здесь мне отвели очень большую комнату с огромным столом, привезенным из бывшего полицейского управления, что удостоверялось остатками выжженных на тумбах орлов со свастиками посередине распростертых крыльев.

В составе камеральной партии, кроме ее начальника Бориса Николаевича Ачеева, из советских сотрудников «Висмута» были: В. А. Тихонов (геолог-структурщик), Б. И. Рыжов (минералог), а также геологи из группы техпомощи: Г. Б. Наумов (геохимик), В. Л. Барсуков (минералог), Н. П. Ермолаев, Н. Т. Соколова (петрографы) — все из ГЕО-ХИ; О. В. Жаркова и я, Б. П. Власов — от ИГЕ-Ма. Все, кроме меня, были уже не новички в Рудных горах и в свое время плотно изучали Обершлему, посещали и другие урановые месторождения Рудных гор. И мне очень повезло, что свою работу я начал в тесном сотрудничестве с этими людьми, прекрасными специалистами, готовыми всегда поделиться своими знаниями и дать полезные, дельные советы. А второе «везение» связано с присутствием в это время в Ауэ Б. Л. Рыбалова и В. И. Величкина.

Борис Леонтьевич почти каждый выходной вытаскивал меня в окрестности месторождения, где рассказывал и показывал все, что знал, а знал он много по геологии рудного поля. Василий Иванович в это

время, будучи сотрудником Саксонской экспедиции, занимался документацией керн-на скважин на дальнем восточном фланге месторождения. Вдвоем мы просмотрели и задокументировали практически все пробуренные здесь скважины. Коллекция пород из их керн, разложенная на стеллажах в моей рабочей комнате, очень долго была подспорьем во всякого рода обобщениях и сопоставлениях состава пород и особенностей их преобразований на разном залегании от гранитов. Позже это все сослужило хорошую службу, поскольку позволило надежно сопоставлять фактически данные по геологии месторождения и вне его, на большом удалении от гранитов.

В камеральной партии был еще музей. В нем находились образцы жил и рудовмещающих пород, но все они не содержали урановых минералов. Существовал отдельный специальный рудный музей, более похожий на склад. Здесь можно было увидеть все разнообразие жил из Обершлеме, где они имели по сравнению с основной частью месторождения весьма специфический состав — содержали арсениды Ni, Co, самородное серебро и его сульфосоли, самородные висмут и мышьяк. В пятидесятые годы эти жилы относили к единой пятиядерной (Co, Ni, Bi, Ag и U) формации, пока не выяснилось, что их состав формировался в ходе двух этапов — позднелавозойского и мезозойского возраста. Рудный музей систематически пополнялся также образцами с вновь вводимых в строй горизонтов и тем более со всех впервые встреченных жил с урановыми минералами. Здесь же собирались красивые образцы с друзами, выросшими преимущественно в открытых полостях трещин. Часто эти образцы официально покупались на шахтах и шли на изготовление подарочных сувениров.

Но главным, чем мне пришлось заниматься первые годы, было изучение только что вскрытых и еще разведываемых горизонтов. На горизонте –1080 м всюду шла проходка, и регулярные спуски позволяли последовательно вести документацию забоев жильных штреков и стенок капитальных выработок. На горизонте –1305 м, как на самом нижнем, в то время важно было понять, что же изменилось с глубиной. Это первое. Второе главное направление — документация и просмотр всех выработок: двух полевых штреков (каждый длиной около 4 км) и квершлага на востоке горизонта –990 м. Нужно было уточнить немецкую документацию пестрых по своему составу пород, разрывных нарушений и найти разлом Аффальтер, с которым связывались надежды на появление новых урановорудных жил. Сразу скажу — разлом, по сути, оказался очень слабо выраженным, видимо, он был представлен плотно зажатым тектонически-

Геологическая экскурсия в Гарце, 1966 г.
Слева направо: А. Чегогидзе (шахта № 371), Н. П. Ермолаев (ГЕОХИ), Гуськов (шахта № 371), Б. П. Власов (ИГЕМ, камеральная партия), И. В. Ходаковский (ГЕОХИ), В. П. Долгов (гл. геолог ГДП-9), Г. В. Наумов (ГЕОХИ).

ми швами, относительно небольшой мощности и дайкой лампрофиров. Но жил, даже при самом тщательном просмотре стенок выработок, встречено не было. Документацию проводили В. Н. Тихонов, О. В. Жаркова и я. Она сопровождалась массовыми замерами трещин, в том числе и мелких, что потом оказалось полезным для прогнозирования «слепых» жил на нижележащих горизонтах.

Также было важным уточнение складчатой структуры рудовмещающих толщ сланцев, поскольку в расплюсненном замке крупной синклинали находились так называемые «продуктивные» породы. Преимущественно только в них и концентрировалось в жилах урановое оруденение. Для цельного понимания структуры жильной сети на месторождении пришлось от Обершлемы на западе до восточного фланга участка Нидершлема-Альберода строить продольные наклон-

ные разрезы. Мы впервые применили такую систему разрезов, располагая их плоскости между субширотными продольными по отношению к складке разломами, что позволяло увязать находящиеся между ними отрезки жил на больших интервалах глубин. Позже такие разрезы «прижились» и на горных районах. В условиях, когда жили, имеющие северо-западное простирание, почти постоянно упирались и смещались послойными разломами, этот вариант лучше всего позволял оценивать полноту разведки жил самого разного масштаба. В результате был получен также прекрасный материал выявления взаимоотношений жил и продольных нарушений на разном расстоянии от гранитов. С удалением от последних только крупнейший из продольных разломов Унион, проходящий в лежачем боку раздавленного замка синклинали, ограничивал жилы или смещал их, тогда как с другими продольными нарушениями взаимоотношения жил с глубиной менялись. На верхних горизонтах на удалении от гранитов жилы пересекались со смещением или вовсе ограничивались продольными разломами. А в пригранитной области наблюдались иные их взаимоотношения. Мощности жил нарастали, и они постепенно все чаще пересекали продольные разломы, теперь уже смещая их. Жилы делались устойчивыми по мощности, увеличивались их длина.

Важное место в ходе работы с документацией немецких геологов и при систематической документации, выполняемой нами, отводилось крупномасштабным зарисовкам жил в забоях и кровле выработок в зависимости от состава пород, степени пережесткости и мощности пакетов сланцев разного состава. Это делалось с разделением жил на группы в зависимости от их ориентировки и направлений перемещений по ним. По этому принципу выделялись жилы северо-западного (315–3300), северо-северо-западного, субмеридионального 340–00 и запад-северо-западного около 2900 простирания.

Работы дополнялись лабораторными исследованиями физико-механических (прочностных) свойств пород и их проницаемости (определялась эффективная пористость). Изменения трещинно-жильной сети относительно гранитов включали статистические подсчеты ее параметров на базе планов 1:2000 м и специальных массовых замеров трещин на локальных площадках. Изучение разрывных нарушений подкреплялось микроструктурным анализом для выяснения характера перемещений пород по ним и изменений геодинамических обстановок во времени. Пожалуй, главные результаты и выводы были получены после первых трех лет работы на месторождении Шлема-Альберода. Они были изложены в двух отчетах.

Первый из них носил чисто прикладной характер и готовился к подсчету запасов месторождения на 1 апреля 1968 г. Второй, за авторством Б. П. Власова, В. А. Тихонова и О. Жарковой, подводил итог трехлетних геолого-структурных исследований. Он получился довольно объемистым и, кроме текста, был проиллюстрирован разрезами, планами изученных горизонтов, многочисленными зарисовками, отображающими сложное залегание пород в замке складки и на ее крыльях, сопоставлялось строение разрывных нарушений и жил разной ориентировки в зависимости от расстояния до гранитов, состава вмещающих пород и пестроты их разреза и т. д. Были сделаны выводы, касающиеся взаимоотношения жил и вмещающих их разрывов в зависимости от их ориентировки, масштабов проявления, изменений трещинно-жильной сети в околосинклинном пространстве, причин возрастания мощностей жил и амплитуд разновозрастных перемещений по вмещающим их разрывам и др. Отдельно излагались прогнозы по перспективам восточного фланга месторождения, сделаны конкретные предложения по дальнейшей его разведке, а также по вскрытию перспективных участков в центральном поле месторождения.

В последний год работ на предприятии круг поставленных задач был дополнен изучением штольневого горизонта месторождения Теллерхойзер с целью уточнения перспектив и направлений его разведки на глубину. Отчет по результатам этих исследований совместно с В. И. Величкиным был написан уже в Москве в 1971–1972 гг. и передан в СГАО «Висмут». Несмотря на прогнозируемое увеличение числа и плотности урановородных жил с глубиной, общая оценка сводилась к тому, что здесь следует ожидать мелкое по суммарным запасам урана месторождение.

Теперь коротко не о работе, а о нашей жизни в ГДР вообще.

Что несколько удивило и порадовало, так это организация отдыха советских специалистов и их семей. Частыми были выезды на концерты, в музеи. Запомнились также экскурсии в Дрезденскую картинную галерею, музеи Берлина и т. п. Практиковались поездки к Балтийскому морю, в Обервизенталь, славящийся прекрасными условиями для занятий зимними видами лыжного спорта. По линии техучебы организовывались геологические экскурсии (это практиковалось в бытность главного геолога ГДП И. В. Токарева).

Так, мы посетили древний горнорудный район Иоганнсгеоргенштадта, соляные шахты в Гарце, удивившие размерами выработок и техники — «кряжистыми» самосвалами и бульдозерами с опрокидывающими-

ся для погрузки соли ковшами, уклонами, с высотой кровли до 2–3 м и шириной до 10 м, пройденными в соли. Горные мастера перемещались по ним с горизонта на горизонт на мопедах. И непривычно большие, в виде ранцев самоспасатели, предназначенные для подачи из них воздуха на случай прорыва из каверн в соли углекислого газа, который из-за высокого давления пород находился там иногда в жидком состоянии.

Попутно посетили старую крепость времен Фридриха Барбароссы и памятник ему — огромный, с «участием» самого Фридриха, сидящего на троне, и непонятно по какой причине воздвигнутой над ним (над троном Барбароссы) огромной конной статуи Вильгельма II. Тут и пояснить ничего не нужно было — настоящий символ немецкого милитаризма. А рядом краси-

Команда городошников ГДП-9, 1973 г.

Слева направо: Т. П. Юзленко (зам. гл. геолога ГДП-9), В. Д. Жильцов (гл. инженер ГДП-9), Л. А. Бай (камеральная партия), Н. Козлов (шахта № 371), В. Беляков (шахта № 371), Б. П. Власов (камеральная партия).

На соревновании по городкам, 1974 г.

Слева направо: Л. А. Бай (нач. камеральной партии), И. В. Токарев (гл. геолог ГДП-9), В. И. Ефимов (шахта № 371), Б. П. Власов (камеральная партия).

Коллектив камеральной партии на отдыхе. Первые четверо — чета Бергманов с сыном (И. Бергман, геолог камер. партии из ВИМСа) и Б. П. Власов.

В. Д. Жильцов.

вый, как из сказки, городок с черепичными крышами и уютными старинными домиками — Вернигероде. Это, пожалуй, уже выражение совсем иной, сентиментальной стороны немецкого характера. Не знаю, прав ли я в своих оценках, но тогда, да и сейчас, мое впечатление от виденного полностью сохранилось. И постоянно без ответа оставался вопрос, почему и как в немцах сочетались стремление захватывать, жестоко воевать и, по сути, грабить, с одной стороны, и сентиментальность, любовь к музыке, понимание прекрасного — с другой. Ведь они отбивались до последнего дня войны, когда до полного поражения и капитуляции оставались считанные дни. Совсем неда-

леко от наших домов в Ауэ, в лесу на горке, стояли памятники нашим военнопленным, расстрелянным в середине апреля 1945 г. Их гнали на юг, в Чехию, а тех, кто ослаб и не мог больше идти, — расстреляли. А ведь до падения Рейха и нашей победы они не жили 2–3 недели. Зачем это было сделано и чем оправдывалось?

Были, и не раз, во Фрайбергском геологическом музее, в местах зарождения рудничной геологии. Музей, конечно, хорош и интересен. Здесь не только полные коллекции руд и минералов богемских и рудногорских месторождений, но и красивейшие сами по себе друзы крупных кристаллов прозрачных и окрашенных минералов, опалов, яшм, малахита, рудных минералов и т. п. Побывали и на последней полиметаллической шахте недалеко от Фрайберга, на горизонте, нарезанном еще в первой половине XIX в., там же дорабатывался рудный блок. Темпы, конечно, по сравнению с урановыми рудниками, интенсивностью их отработки совершенно несопоставимые. Здесь же увидел жилы, по составу целиком отвечающие тем, что отрабатывались на уран на Шлеме. Но в них не было настурана, а внешне было стопроцентное сходство. Позже очень жалел, что не взял оттуда образцов для уточнения состава.

Ну а про охоту и рыбалку вспоминать без сожаления нельзя. Уж очень мне нравилось такое времяпрепровождения, а условия в «Висмуте» были для этого самые благоприятные. Все было хорошо, даже просто образцово организовано и подкреплялось внимательным, доброжелательным отношением со стороны немецких егерей и инспекторов

рыбоохраны. Нередко бывала и совместная охота с участием русских и немецких охотников, завершавшаяся чествованием отличившихся и дружескими беседами в уютных пивных.

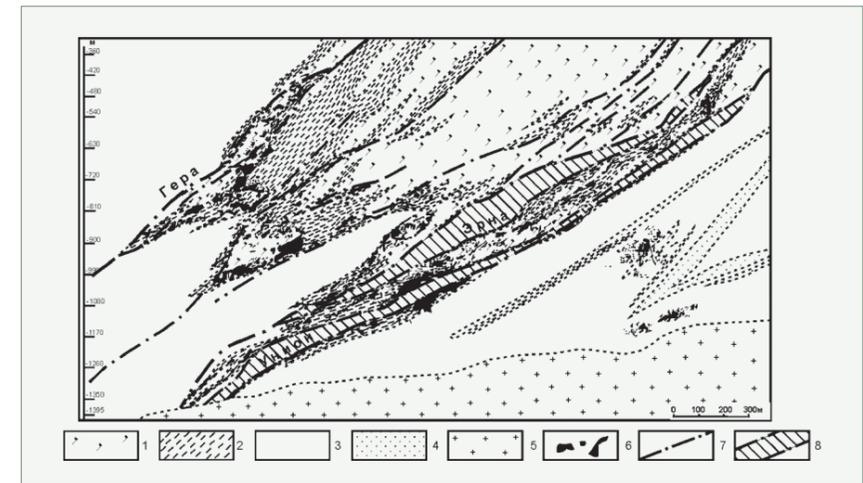
В коллективе колонии (так называли весь комплекс советских жилых зданий и их обитателей) весьма приветствовалось участие в спортивных мероприятиях и в художественной самодеятельности. Спортом занимались очень многие — по возрасту это были молодые, энергичные люди от 30 до 40–45 лет. Самыми популярными были волейбол, городки, шахматы. В волейбол играли и на вылет, иногда до ужина, зрителей всегда было в достатке. Волейбольная команда и шахматисты участвовали в районных соревнованиях немецких спортивных коллективов. Да и традиционные спартакиады сводили вместе участников команд советских специалистов из Геры, Ауэ, Зигмара, Кенигштайна и других городов, где были предприятия «Висмута». Большой популярностью пользовались выезды семьями на отдых на природу, которые летом практиковались довольно часто. У предприятия было несколько больших домиков-бунгалов на живописном водохранилище Пель, которые на выходные предоставлялись в распоряжение семей советских специалистов. Пель вообще был любимым местом наших рыболовов, там можно было отлично отдохнуть, предаваясь купанию, прогулкам и рыбалке. Но сыновей огорчал категорический запрет на их участие, когда предполагалась только рыбалка, особенно зимой. В первые два года этого запрета не было. В чем была причина и какова мотивация такого запрета — непонятно. Может, не хотели, чтобы ребята были свидетелями хотя и редких, но все-таки случившихся возлияний, которыми грешили некоторые из «рыболовов». Другого объяснения я не находил.

На каждом предприятии, и на нашем в частности, были коллективы художественной самодеятельности — сольного, хорового пения, танцев. Были и драмкружки, писались сценарии к праздникам и по ним ставились инсценировки. Ежегодно в рамках «Висмута» проходили смотры — выступления коллективов художественной самодеятельности. У нас было принято, что от каждой семьи в самодеятельности непременно должен был быть хотя бы один представитель. Я, например, «пел» в хоре, а жена позже сменила меня, записавшись в танцевальный ансамбль. Но были и истинные любители самодеятельности, которые неплохо сольно пели и танцевали. Хор мужской и женский, драмкружок занимались еженедельно под руководством советских профессионалов или полупрофессионалов. Ни один из праздников без концерта не обходился. Выступали и перед немецкими гражданами на совместных встречах по линии германо-советской дружбы. В общем, скучать было некогда. Не надо думать, что на семью и детей времени не оставалось. На шахту мы уезжали очень рано, в 4:20 (в 6:00 спускалась уже последняя клеть), а подъем начинался в 14:00. Обычно в итээрловский подъем я не выезжал, поскольку подходы к рабочему месту занимали много времени, не менее часа, зато дома уже был в 15:30, а ребята из школы приезжали поздно. В коллективе геологов всегда функционировала техучеба, где обычно обсуждались проблемы рудничной геологии. Ну и конечно, неперменной была «политучеба». Существовала также лекторская группа, задачей которой в основном являлось освещение общественной и хозяйственной жизни Союза; доклады на эту тему, как правило, делались перед немецкой аудиторией по линии Общества германо-советской дружбы.

У ребят и по школьной линии, и в рамках общественных мероприятий в колонии тоже много внимания уделялось спорту, участию в кружках и т. п. Например, мой старший сын с большим интересом и рвением ходил в кружок, руководимый немцем — мастером резьбы по дереву в традициях рудногорских умельцев-ремесленников. У нас и сейчас еще хранится вырезанные Петей поделки по дереву. Ну а любимым времяпровождением ребят был футбол. Особенно азартен был мой средний сын — Андрей. Вообще-то, за своих «разбойников» я неоднократно получал замечания и даже «последние» предупреждения от главного инженера. Но постепенно, привыкшие к самостоятельности и свободе на Родине (ведь там мы с женой весь день проводили на работе, а мальчишки были предоставлены сами себе), ребята стали осмотрительнее и дисциплинированнее. Так, за интересной работой и хорошо устроенной жизнью, быстро промелькнули 5 лет в ГДР.

Летом 1971 г. кончился срок моей первой длительной командировки (более пяти лет подряд сотрудникам техпомощи пребывать за границей не полагалось). Старший сын окончил школу, нужно было поступать в институт, а мне сказали, что на следующий год предполагают возобновление моей долговременной командировки в «Висмуте». Так оно и вышло: где-то в августе я уехал в ГДР, а через два месяца приехали жена с сыном и дочкой. Теперь я быстро вошел в привычную обстановку. С радостью встретился с друзьями-соотечественниками из камеральной партии. Из немецких коллег ближе всего я сдружился с чертежниками. Как и раньше, нередко заходил к ним за графическими материалами и задерживался за разговорами о нашем и их житье-бытье. Где-то в это время главного инженера И. В. Дорофеичева сменил В. Д. Жильцов,

очень порядочный человек, — он, по-моему, окончил Цветмет почти в одно время со мной. С ним было работать легко, хотя при определенных обстоятельствах он мог быть требовательным и настойчивым. Меня удивляло, как прекрасно он мог, без всяких «шпаргалок» выступать на собраниях, говорил очень грамотно и по существу. Даже тогда, когда в силу обстоятельств требовалось, прибегая к высоким словам о долге и преданности, говорить о соцсоревновании и т. п. Но в его исполнении эта набившая оскомину риторика не вызвала невольного отторжения. Сменился и главный геолог. Вместо В. П. Непочатых, инициатора проведения широких ревизионных работ по изысканию дополнительных запасов руд как на подготовляемых к закрытию, так и на новых, недавно введенных в эксплуатацию горизонтах, главным геологом был назначен И. В. Токарев. При нем ревизионные работы не прекращались. Характер работы остался прежним. Только мне в дополнение к Шлеме дали задание заняться изучением вскрываемых горизонтов из слепой шахты на Теллерхойзере и составлением крупномасштабного (1:5000) плана поверхности, штольневой и двух нижележащих горизонтов, на которых интенсивно шла проходка горных выработок. Теллерхойзер и Хаммерляйн были вскрыты штольней длиной 8,6 км и небольшим числом штреков из нее вдоль горизонта скарнов. На участке Хаммерляйн (третий километр штольни) в скарнах разведывали урановорудные жилы и оловянное оруденение. За пределами скарнового горизонта урановое оруденение в жилах исчезало. В итоге запасы урана по участку оказались невелики, составляя примерно 200 тонн, зато масштабы оловянного оруденения оценивались как очень значительные. Геологическое строение обоих участков сильно отличалось от того, что наблюдалось на Шлеме. Рудовмещающие породы были гораздо интенсивнее

очень порядочный человек, — он, по-моему, окончил Цветмет почти в одно время со мной.

С ним было работать легко, хотя при определенных обстоятельствах он мог быть требовательным и настойчивым. Меня удивляло, как прекрасно он мог, без всяких «шпаргалок» выступать на собраниях, говорил очень грамотно и по существу. Даже тогда, когда в силу обстоятельств требовалось, прибегая к высоким словам о долге и преданности, говорить о соцсоревновании и т. п. Но в его исполнении эта набившая оскомину риторика не вызвала невольного отторжения. Сменился и главный геолог. Вместо В. П. Непочатых, инициатора проведения широких ревизионных работ по изысканию дополнительных запасов руд как на подготовляемых к закрытию, так и на новых, недавно введенных в эксплуатацию горизонтах, главным геологом был назначен И. В. Токарев. При нем ревизионные работы не прекращались. Характер работы остался прежним. Только мне в дополнение к Шлеме дали задание заняться изучением вскрываемых горизонтов из слепой шахты на Теллерхойзере и составлением крупномасштабного (1:5000) плана поверхности, штольневой и двух нижележащих горизонтов, на которых интенсивно шла проходка горных выработок. Теллерхойзер и Хаммерляйн были вскрыты штольней длиной 8,6 км и небольшим числом штреков из нее вдоль горизонта скарнов. На участке Хаммерляйн (третий километр штольни) в скарнах разведывали урановорудные жилы и оловянное оруденение. За пределами скарнового горизонта урановое оруденение в жилах исчезало. В итоге запасы урана по участку оказались невелики, составляя примерно 200 тонн, зато масштабы оловянного оруденения оценивались как очень значительные. Геологическое строение обоих участков сильно отличалось от того, что наблюдалось на Шлеме. Рудовмещающие породы были гораздо интенсивнее

Рис. 8. Проекция на вертикальную плоскость жилы Нельсон-Нае-Тибр.
1 — амфиболовые, хлорит-амфиболовые сланцы и метадиабазы;
2 — углеродсодержащие сланцы силура;
3 — монотонные кварцевослюдяные сланцы ордовика;
4 — горизонт кварцитов и кварцитовидных сланцев;
5 — граниты;
6 — линзы урановых руд;
7 — продольные разломы;
8 — смещение жил по продольным разломам.

Коллектив камеральной партии, 1972 г.

В. А. Тихонов (начальник камеральной партии, 3-й слева),
Б. И. Малышев (6-й слева, ГЕОХИ),
А. А. Глаголев (8-й слева),
Б. П. Худяков (9-й слева),
Б. П. Власов (10-й слева),
А. Шинкарева (12-я слева),
А. А. Абросимов (6-й справа),
М. С. Цыбульская (2-я справа, ВНИИХТ).

Сотрудники группы техпомощи в музее камеральной партии ГДП-9, 1975 г.

Слева направо:
Б. П. Власов (ИГЕМ),
А. Шинкарева (ГДП-9),
Л. А. Бай (начальник камеральной партии),
Б. И. Малышев (ГЕОХИ).

изменены, превращены в кристаллические сланцы. Граниты, залегающие на глубине в несколько сотен метров ниже уровня горизонтов, в отличие от Шлемы имели уже не куполообразную форму контакта, а постепенно полого погружались на восток.

Самым удивительным для меня оказалось залегание сланцев, первоначально предполагавшееся как пологое, осложненное плавными складками. Но благодаря наблюдениям в выработках, а главное, просмотру кернамногочисленных вертикальных скважин и увязке горизонтов пород, выделявшихся своим составом в толще монотонных сланцев, удалось определенно установить, что все породы собраны в крупную, тесно сжатую, очень полого замещающую, почти лежащую складку. Этому соответствовала ориентировка сланцеватости, которую первоначально принимали за выражение слоистости. Складка имела длину более 10 км и форму, напоминающую в разрезе очень сильно сплюснутую букву Z. В местах схождения ее крыльев происходило увеличение мощности углеродосодержащих пород, в которых локализовались ураноносные жилы. Но отрисовывать в плане такую структуру залегания пород при их очень пологих — 15–200 — углах падения было сущим наказанием, требовало больших затрат времени и построения самых разных по своей ориентировке разрезов. Здесь я работал в тесном контакте с Алексеем Абросимовым, который в шестидесятые годы, будучи в Саксонской экспедиции, проводил мелкомасштабную съемку района Хаммерляйн и Теллерхойзер, а потом перешел на разведку в ГДП-9.

Где-то в середине 1970-х гг. работа по составлению планов и разрезов поверхности и штольневого горизонта в рамках рудного поля была завершена. Я передал все это Хайнсу Бауману, руководителю немецкой группы геологов, и вернулся к своей дорогой Шлеме.

Но и до этого

я постоянно спускался на горизонты –1620, –990 и –945 м, на которых решил просматреть, закартировать, а местами задокументировать все доступные наблюдениям выработки. Горизонт –1620 м сразу нарезали под горизонт –1305 м, минуя вскрытие промежуточных горизонтов. При документировании горизонта –1620 м очень хороший материал был получен для жил, находящихся вблизи гранитов и в них самих. Было прекрасно видно, насколько возросли здесь мощности жил, зародившихся на горизонтах –540, –595 и –1305 м. Выводы об околосланцевой зональности в строении трещинно-жильной сети получили здесь свое безоговорочное подтверждение. Увеличились не только мощности жил, но и амплитуды перемещения по ним рудовмещающих пород и большинства продольных разломов²¹.

В дальнейшем, в ходе разведки восточного фланга на горизонтах –1350 и –1395 м и на некотором удалении от крайних рудных жил были встречены неизвестные ранее урановорудные жилы. Они, кроме урановой минерализации, содержали арсениды никеля и кобальта, самородный мышьяк и сульфосоли серебра. Встреча серебряных руд на больших глубинах была большой новостью. До этого в Рудных горах серебряные руды встречались и отрабатывались только в приповерхностных частях арсенидных жил, так что встреча серебряной минерализации была неожиданностью. Но через несколько горизонтов серебро исчезло, не оправдав возникший был ажиотаж. Зато урановое оруденение было неплохого качества и неплохо прослеживалось на глубину.

Еще при В. П. Непочатых, во второй половине 1960-х гг., начались поиски и разведка жил на южном фланге месторождения, доселе считавшимся абсолютно бесперспективным. На Обершлеме и частично на Шлеме-Альбероде разведка этой части месторождения на верхних горизонтах показала присутствие руд низкого качества, да и то в весьма ограниченном количестве. Исключением являлся только сравнительно маломощный сульфидный горизонт, сложенный хлорит-амфиболовыми сланцами с большим количеством сульфидов. На средних горизонтах, где сульфидный горизонт был плохо выражен, в нем в жилах повсеместно отрабатывались руды с высоким содержанием урана. Настоячивое продвижение идеи разведочных работ на глубоких горизонтах на юге жильного поля, выдвинутой В. П. Непочатых и Б. П. Худяковым, дало неплохие

²¹ Продольными являлись разломы, ориентированные субпараллельно осевой поверхности складки, в «продуктивных» породах раздавленного замка которой концентрировалось более 90 % руд месторождения.

результаты. Главные жилы из центральной части месторождения, с высококачественными рудами в пачке «продуктивных» пород, после безрудного интервала в монотонных слюдястых сланцах делались ураноносными в пакете чередующихся прослоев кварцитов, слюдястых сланцев и амфиболитов. Позже работами Б. П. Худякова и Л. В. Матюшина удалось расшифровать условия залегания этих пород, причины увеличения мощности пакета, включавшего сланцы, кварциты и амфиболиты. Чередование их и общая довольно значительная мощность были связаны с усложнением складчатой структуры в замке складки Z-образной формы.

По сути, эти новые находки, так же как и оправдавшееся предположение о рудоносности ближайшего к разлому Румфоль блока «продуктивных» пород, выдвинутое В. А. Тихоновым еще в 1969 г., дало дополнительный прирост запасов на нижних горизонтах. Неплохим оказался прогноз о сохранении жил и богатых руд в них на западе, в пучке Нельсон-Рио-Тинто за апофизой гранитов. Тщательная увязка жил также позволила наметить участки для проведения локальной разведки в центральном поле.

В целом «ревизионные» работы, начавшиеся при В. П. Непочатых, методика их проведения и активный постоянный анализ меняющейся в пространстве жильной сети, остались главным направлением геолого-структурных исследований. В этой работе участвовали и главные геологи шахт (позже — горных районов) — М. А. Коротаяев, А. Бирюк, И. В. Пинчук, В. Беляков и др., которые по сложившейся традиции по сравнению с немецкими коллегами, главное внимание уделяя разведке жил и приросту запасов. Естественно, что начальники камеральной партии, особенно сменившие в семидесятых годах В. А. Тихонова — Л. А. Бай, а позже — Л. В. Митюшин — принимали самое активное непосредственное участие в работах по выявлению дополнительных ресурсов урановых руд в условиях неизбежного по объективным обстоятельствам сокращения на глубину сырьевой базы рудника.

Итогом этих работ, а также специальными исследованиями изменения геологического строения месторождения на глубоких горизонтах были посвящены итоговые отчеты 1972-го и 1974 г. В первом из них Л. А. Баем и Б. П. Власовым анализировалась рудоконтролирующая роль крупнейшего продольного разлома Унион, ограничивающего снизу падающую на северо-запад пачку «продуктивных» пород. Было показано, что большая часть добытых руд приходилась здесь на короткие интервалы жил в местах приращения к разлому Унион

снизу со стороны его лежачего бока. Протяженные урановорудные жилы локализовались и в самом разломе, преимущественно там, где его простирание приближалось к субширотному, а падение делалось круче, меняясь с 45–500 на 60–650. Таким образом, на глубоких горизонтах продольный разлом Унион контролировал большую часть запасов урана в жилах. В этом отношении ситуация заметно отличалась от той, что была на верхних и средних уровнях месторождения, где подавляющая часть запасов заключалась в жилах, залегающих в «продуктивных» породах в висячем боку разлома, над ним. Удалось также доказать, что однажды появившиеся в верхних частях северо-западных жил, причленяющихся к разлому Унион, рудные столбы уже без существенных перерывов прослеживаются до гранитов, прорывающих «продуктивные» породы на глубине. Это заставило проверить нескрытые в подобных геологических ситуациях жилы на всех без исключения горизонтах в нижней половине месторождения. Даже в случае отсутствия оруденения в жильных штреках рекомендовалось продолжать разведку такого рода жил с помощью восстающих и буровых скважин. Это позволило в ряде случаев получить весьма неплохие результаты. Указанное исследование получило положительную оценку, а его авторы были названы в числе победителей соцсоревнования в рамках советских коллективов геологов «Висмута».

В 1975 г. по результатам исследований был составлен отчет по теме № 2, авторами которого были Л. А. Бай, Б. П. Власов, У. Липп, Л. В. Матюшин, Н. Т. Соколова, И. В. Токарев, Т. П. Юзленко. В отчете всесторонне характеризовалось геологическое строение глубоких горизонтов, трещинно-жильная сеть, состав пачки продуктивных пород, главные тектонические нарушения, строение рудных узлов (пучков сближенных урановорудных жил), зональность ореола околосланцевых преобразований рудовмещающих пород. Отдельные разделы были посвящены результатам разведки и начавшейся отработке жил на нескольких самых нижних горизонтах. Изложены результаты изучения минералогии жил и их зональности в зависимости от состава и возраста. Пожалуй, это было одно из самых полных и всесторонних описаний глубин месторождения и изменения его строения и параметров оруденения от верхних горизонтов до самых нижних — –1605, –1710 и –1755 м²².

На этой базе был составлен конкретный план по доразведке горизонтов, нахо-

²² Горизонты, на которых проводились всеобъемлющее специальное геологическое картирование и выборочная документация наиболее интересных и важных в геологическом отношении участков.

Коллектив немецких специалистов камеральной партии ГДП-9 — составителей сводных геохимических документов.

Слева направо: К. Бранд, Х. Ирмиш, Э. Хербрихт, К. Хельмрих, 1983 г.

дющихся в эксплуатации. На прилагаемых геологических планах показывались предлагаемые к проходке горные выработки и скважины. Главные надежды возлагались на разведку восточной части жильного поля. Наши прогнозы получили подтверждение в самом начале восьмидесятых годов уже при новом главном геологе предприятия В. И. Ефимове, когда был встречен и немедленно передан в разведку и отработку неизвестный до этого пучок урановорудных жил. Необычным в них, как уже упоминалось, оказалось присутствие наряду с настураном поздних по возрасту промышленных концентраций серебра. Но это происходило уже после 1978 г., когда закончился срок моей второй долговременной командировки в «Висмут». После возвращения в Москву я в течение четырех лет изучал Ватутинское урановое месторождение, находящееся примерно в 80 км западнее Кировограда. Параллельно с этим возобновили исследования на ранее детально мною изучавшихся месторождениях в Западном Прибалхашье и Северной Бет-Пак-Дале. В 1982 г. мне предложили продолжить работу на Шлема-Альберода, сначала в виде ежегодных приездов в командировки по линии техпомощи, а с 1988 г. перейти в штат Минсредмаша для работы на постоянной основе.

В последние два года существования рудника геологические исследования постепенно сокращались и сходили на нет. Отработка самых нижних горизонтов стала нерентабельной, и каждый сверхплановый килограмм добытого урана приносил моей стране убыток. Теллерхойзер, конечно, никак не мог исправить сложившееся положение дел.

В восьмидесятые годы на Шлема-Альберода были выполнены важные исследования по определению изотопного возраста руд. Основным их исполнителем являлся сотрудник ИГЕМа В. Н. Голубев. Ранее определенных результатов в этом направлении не было, поскольку в отбираемых на анализы пробах не учитывался их минеральный состав. В. Н. Голубев на базе минералогических исследований Ю. М. Дымкова и В. Л. Барсукова с помощью минералога камеральной партии У. Липпа тщательно подобрал образцы, в которых настуран присутствовал в трех рудных по составу жильных формациях: кварц-кальцит-настурановой, более поздней доломит-настурановой с селенидами свинца и меди и самой последней — кальцитовой с минералами серебра и настураном. Изотопное уран-свинцовое датирование показало, что ранний настуран в кварц-кальцитовых жилах был пермским и имел возраст 270 млн лет, а более поздний, в доломитовых жилах с флюоритом и селенидами, — мезозойским (150–160 млн лет). Причем этот второй настуран был перетолженным, регенерированным или частично измененным в ходе доломитового метасоматоза первичных ураноносных жил. Эти результаты совпали с независимыми исследованиями сотрудников ВНИИХТа, выполненными на чешских жильных месторождениях, в частности в Яхимове и Пршибраме.

Значительные усилия камеральной партии были направлены на изучение вступившего в эксплуатацию месторождения Теллерхойзер. Петрографию и состав пород, как и везде в Рудных горах определявших концентрацию скоплений настурана в жилах, изучали Б. Ф. Никонов, М. С. Цыбульская, Х. Хашке, а минералогию жил — А. В. Бойцов и У. Липп. Основные закономерности и факторы, влияющие на локализацию уранового оруденения, оставались здесь в принципе такими же, как и на других жильных урановых месторождениях Рудных гор, а наши исследования носили, по существу, уже чисто прикладной характер.

В конце восьмидесятых годов началась разведка горизонта –1800 м, самого нижнего на месторождении. Полученные к концу 1990 г. результаты не обнадеживали. В районе предполагаемого самого крупного пучка жил, пересеченного кварцшлагом с непротяженными штреками из него, не было встречено сколь-нибудь значительных скоплений урановых руд. Везде на горизонте преобладали жилы постуранового, мезозойского этапа.

Зато в жизни ГДР, как и в СССР, настала пора знаменательных перемен. В этом отношении запомнился последний год существования республики, канун объединения ее с ФРГ.

Обстановка и умонастроения людей менялись очень быстро. Еще ранней весной во время приезда М. С. Горбачева в Берлин его, стоящего на трибуне рядом с Эрихом Хонеккером, встречали грандиозной по числу участников демонстрацией молодежи, отражавшей, как казалось, незыблемую приверженность масс социалистической идее. А летом, уже каждое воскресенье (или по субботам), в Ауэ и, видимо, в других городах проходили митинги в поддержку радикальных реформ. Стали быстро и открыто распространяться антисоциалистические настроения. «Nie wieder Socialismus» («Социализм больше никогда») — нередко можно было видеть такие лозунги.

А вот что происходило на шахте № 366, и чему я неоднократно был свидетелем. В огромном «фойе», где всегда в пересменок находились горняки, поднявшиеся снизу, или, наоборот, готовившиеся к спуску (отсюда можно было пройти в раздевалки, к помещениям, где получали самоспасатели и фонари с аккумуляторами к ним), — стоял на постаменте огромный бюст В. И. Ленина. Утром, когда я входил в зал и направлялся в раздевалку, Владимир Ильич смотрел в зал на находившихся там горняков. А после смены, помывшись и переодевшись, я заставал бюст повернутым лицом к стенке. Такое наблюдалось каждодневно и, как шутили горняки, свидетельствовало о примерном равенстве сил сторонников и противников социализма. Видимо, победили все-таки последние, поскольку бюст в конце концов убрали. Убрали и с нашего клуба атрибутику советской страны. В камеральной партии среди немецких коллег вдруг также наметилась неприязнь и иногда нескрываемое неприятие к отдельным товарищам по работе. Но в целом обстановка оставалась спокойной, и в наших взаимоотношениях ничего не изменилось. Коллеги живо интересовались тем, что происходит в нашей стране, и с одобрением относились к происходившим и назревавшим там переменам. Нормальными, спокойными и, как обычно, приветливыми оставались и горняки, с которыми неизбежно приходилось контактировать при спуске, в поездках в тесных подземных поездах, при посещениях действующих забоев и очистных блоков. Нужно отметить и энтузиазм, с которым многие граждане приветствовали приезжавших в большом количестве через открывшуюся границу граждан ФРГ. Завидев машину с федеральными номерами, нередко приветливо махали им руками. У нас продолжались

выезды на рыбалку, и здесь ни разу не было замечено даже признаков какой-либо неприязни к советским гражданам со стороны немцев.

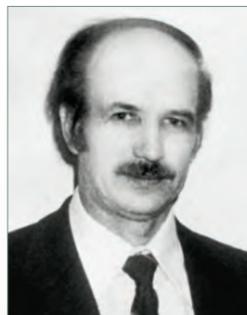
А в коллективе советских специалистов происходили перемены. Уже в начале 1990 г. стали уезжать в Союз наши специалисты с семьями. Сначала это были те, у кого приближался конец командировки и срока контракта с Минатомом. Одним из первых отбыл сотрудник 2-го (режимного) отдела. И ничего после этого не случилось! Никто, одичав, на деревья не полез. Такие, как я, уезжали в октябре и несколько позже, уже после воссоединения ГДР и ФРГ. За пару месяцев до моего отъезда в Союз наступил как бы завершающий этап многолетних всесторонних исследований по геологии месторождения. Мне поручили написать геологическую часть отчета к заключительному подсчету запасов урана, отработанных и оставшихся в недрах. По сути, месторождение к 1991 г. было уже почти полностью отработано. Да и количество оставшихся запасов в недрах было невелико. Отчет готовился для передачи службам ФРГ, правопреемникам «Висмута».

Шахты, как говорили, остановились на рубеже 1990–1991 гг. Вот так, неправдоподобно быстро, кончился, казалось бы, несокрушимый «Висмут», почти государство в государстве, оставив в памяти интересную работу и воспоминания о добрых товарищах — геологах, горняках, геофизиках, в том числе и о немецких коллегах из камеральной партии ГДП-9.

Вручение грамоты победителям соци соревнования (камеральная партия ГДП-9) среди коллективов советских работников СГАО «Висмут». Слева направо: П. С. Кадук, Л. А. Бай, Б. П. Власов, В. Кондрашова.

Юрий Григорьевич Исаков

Ю. Г. Исаков.

Юрий Григорьевич ИСАКОВ родился 22 сентября в Москве. Окончил в 1953 г. Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина. Инженер-металлург радиоактивных и редких металлов. После окончания института был направлен на работу в СГАО «Висмут», где работал с 1954-го по 1957 г. Во второй приезд работал в СГАО «Висмут» с 1976-го по 1982 г. По возвращении в Советский Союз работал в аппарате Минсредмаша.

Воспоминания о работе в «Висмуте»

1954–1957 гг.

Оформление на работу за границей

После окончания спецфакультета Московского института цветных металлов и золота им. М. И. Калинина в декабре 1953 г. мне была присвоена квалификация инженера-металлурга со специализацией в области радиоактивных и редких металлов.

В это время ГУСИМЗ (Главное управление советского имущества за границей), которое располагалось в жилом доме напротив Курского вокзала, проводило набор специалистов для работы в Болгарии, Чехословакии, Венгрии и ГДР. Многие мои конкуренты, в том числе и я, подали документы на оформление.

После проверки документов в марте 1954 г. мне было предложено поехать на работу в ГДР, и 18 марта поездом Москва — Брест я уехал из Москвы.

Поехал я один, так как моя жена еще училась в Московском экономическом институте и должна была окончить его в июле 1954 г.

Приезд в ГДР

19 марта поезд прибыл в Брест на московскую сторону вокзала. Нас с вещами высадили и направили на таможенный досмотр, после которого выпустили на варшавскую сторону вокзала, где стоял поезд Брест — Берлин.

После окончания посадки поезд отошел от вокзала и остановился для пограничного контроля, и только после его окончания пересек границу Польши. С этого момента начался мой трудовой стаж, который в итоге составил ровно 55 лет.

Из воспоминаний поездки по Польше осталось только предупреждение проводников об опасности провокаций со стороны местных жителей, поэтому предлагалось зашторить окна даже днем, через которые мы увидели бедноту и серость окружающих пейзажей и подбитые немецкие танки на поле в Восточной Польше недалеко от границы с ГДР.

Поезд пересек реку Одер, по которой шла граница между Польшей и ГДР, и мы въехали на немецкую землю, в город

Франкфурт-на-Одере. Паспортный контроль был практически формальным.

На перроне после высадки оказалось, что в поезде ехала целая группа товарищей на работу в «Висмут». Нас встретил уполномоченный представитель, который отвел приехавших в зал ожидания военной комендатуры и выдал по списку каждому по 20 немецких марок на мелкие расходы (мы приехали вообще без денег, так как советские деньги запрещалось вывозить), и мы стали ждать прибытия за нами автобуса.

Зигмар. Оформление на работу

На автобусе нас повезли в Зигмар, где была Генеральная дирекция СГАО «Висмут». Вновь прибывших поселили в гостинице, которая располагалась на одной из улиц Зигмара, названия которой я не помню, но помню, что она находилась недалеко от Пельцмюлле.

Гостиница представляла собой двухэтажный дом, на первом этаже были две большие комнаты для одиноких постояльцев (одна для мужчин, другая — для женщин), а на втором — отдельные комнаты для семейных.

Обстановка была спартанской. Рядом стояли кровати с белоснежным бельем, но тощими матрасами и подушками и тонкими одеялами, а на дворе был все-таки еще март.

Из Москвы мы уезжали в холодную погоду, поэтому были одеты по-зимнему, а в Зигмаре было уже достаточно тепло, поэтому можно было ходить без пальто и головного убора. На деревьях были зеленые листочки, на газонах — зеленая трава.

На следующее утро после приезда за нами пришел кадровик и повел в Генеральную дирекцию для заполнения различных документов, оформления пропусков и подбора места работы.

Пробыл я в Зигмаре несколько дней. За это время мы в свободное время знакомились с окрестностями. Особенно нас поразила продуктовый магазин, который был расположен напротив гостиницы. На прилавках — бананы, яблоки, различная зелень. В Москве в магазинах в марте месяце в свободной продаже ничего этого не было.

Цвиккау. Воскресная прогулка в городском парке. Сидят: 1-я — Тамара Дорофеева; 2-я — Шилина; 3-я — жена и сын одного из сотрудников; 4-й — Ю. Исаков; 5-я — Л. Исакова.

В таких автобусах советских специалистов возили на работу. У автобуса стоят: врач Ячущка, Исакова и Пахомова.

В ожидании автобуса на работу: начальник смены химцеха Юрий Куприянов, экономист планового отдела Люстина Исакова и сотрудницы ОТК.

В ожидании поездки по служебным делам. Слева направо: шофер, экономист Объекта Люстина Исакова.

На территории колонии в г. Цвиккау. Слева направо: нач. Объекта Семичев, зам. нач. по общим вопросам, нач. цеха С — Григорий Шведов, технолог цеха С — Юрий Исаков.

Приезд в Цвиккау

Наконец моя судьба была решена. Я должен был ехать в г. Цвиккау для работы на Объекте 101, который был расположен в небольшом городке Кроссен. Жили советские специалисты в Цвиккау, где недалеко от центра был выделен жилой массив, состоявший из части улиц (Райхштрассе, Вальтер-Ратенауштрассе, Клара-Цеткинштрассе) и огражденный забором. Назвалось это поселение колонией.

На территории колонии были столовая, промтоварный и продовольственный магазин, медицинский пункт, столовая (вечером — буфет, где можно было поужинать и выпить).

Вход на территорию был свободный. Однако на территорию заходил только обслуживающий немецкий персонал. Обычные немецкие граждане обходили колонию стороной.

Семейные сотрудники жили в виллах, переделанных под отдельные квартирки, состоящие, как правило, из двух комнат: спальня и гостиная.

Одиночек селили в общежитиях (мужском и женском) по одному или два человека в комнате. Поскольку я приехал один, меня тоже поселили сначала в общежитие.

Моим соседом был обогатитель с нашего потока (фамилию забыл), который работал на предприятии уже несколько месяцев (так как студенты обычных групп окончили институт на полгода раньше тех, кто учился на спецфакультете).

В августе 1954 г. после окончания Московского экономического института ко мне приехала жена и была назначена инженером-экономистом в плановое отделение фабрики, а в сентябре 1956 г. — на должность начальника планового отделения.

Советский коллектив Объекта

Коллектив советских специалистов в то время составлял порядка 120 человек. В основном это была молодежь, приехавшая после окончания институтов и техникумов.

На работу выезжали на двух автобусах с прицепами. На таких автобусах нас возили и на экскурсии.

Деловые поездки осуществлялись на легковых машинах БМВ, управляемых военными шоферами.

Начальником Объекта был Кизяев, горняк из Донбасса. Нам он казался пожилым — ему было 35 лет. Ходил он в горняцкой форме и курил трубку, за что получил от немцев прозвище «Голова-с-трубкой». Был он человеком требовательным, но ругал по делу. После окончания срока его командировки на должность начальника Объекта был назначен Семичев.

Кроме должности начальника Объекта советские специалисты занимали должности его заместителей, главного инженера, главного технолога, главного механика, начальников и сотрудников планового отдела и бухгалтерии, начальника ОТК. На производстве — начальников и технологов цехов, начальников и технологов смен, сотрудников контролеров ОТК.

Начало работы

Поскольку в момент моего приезда свободных вакансий в гидрометаллургическом цехе не было, мне предложили временно поработать начальником смены цеха гравитационного обогащения.

До вступления в должность начальника смены я неделю стажировался. За время стажировки знакомился не только с технологией цеха, где мне предстояло работать, но и с технологией других цехов.

Описание Объекта 101

Объект 101 представлял собой рудообогатительное и рудоперерабатывающее предприятие саксонских и тюрингских руд.

Объект был расположен в г. Кроссен на правом и левом берегу реки Мульда. На левом берегу находились железнодорожные пути, по которым поступали руды и химреагенты (сода, кислота, аммиак и др.), склад саксонских руд и цех по их предварительному измельчению, вспомогательные службы, а также казармы советского батальона технических войск, который обслуживал режимные отделения (фильтрацию и сушку готового химконцентрата, его подготовку к отправке его в Союз, приемку гравитационного концентрата).

На правом берегу были сосредоточены основные цеха по обогащению и переработке руд, склад саксонских руд и различные вспомогательные службы (механические мастерские, котельная и др.).

Основная территория Объекта была огорожена двойным забором, между заборами ночью выпускали служебных собак, по периметру были установлены вышки с прожекторами. Охрану Объекта, включая проходные, въезд и выезд транспорта, осуществляла специальная воинская часть, казармы которой были расположены в Цвиккау рядом с местом проживания советских специалистов.

Если солдаты, обслуживающие на предприятии режимные цеха, могли общаться с немцами и в выходные дни приходили строем из Кроссена в Цвиккау смотреть фильмы в Советском клубе, то солдаты, которые охраняли Объект, были изолированы от общения, и ежемесячно их состав менялся.

Через какое-то время (год или два) охрану Объекта передали немецкой полиции, а в режимных цехах стали работать немецкие коллеги. Воинские подразделения были убраны, казармы ликвидированы.

Управление Объектом находилось также на правом берегу, но за пределами охраняемой зоны.

Территория и здания на правом берегу принадлежавшие ранее «Целлюлоно» — бумажной фабрике («Цельштоффабрик»), были изъяты из ее собственности и приспособлены для нового производства.

Саксонские руды направлялись на переработку по транспортной галерее, а тюрингские руды и химикаты поступали в вагонах по железнодорожному мосту. Порожняк отправлялся через «Цельштоффабрик».

На Объекте было три основных цеха (в целях конспирации они имели названия А, В и С): цех А — радиометрическое обогащение саксонских руд; цех В — гравитационное обогащение саксонских руд; цех С — гидрометаллургическая переработка тюрингских руд. (Подробнее о технологии этих цехов будет сказано ниже.) Весь технологический и управленческий аппарат был представлен советскими специалистами. Немецкие коллеги занимали должности старших мастеров и механиков смен, мастеров отделений, бригадиров, аппаратчиков и рабочих вспомогательных служб. Единственным инженером был коллега Бахман, который отвечал за строительство на Объекте.

Работа в цехе гравитационного обогащения (цех В)

В начале апреля 1954 г. я приступил к работе в качестве начальника смены цеха В, так как свободных вакансий в цехе С на то время не было.

С освоением технологии и оборудования для меня особенно не было трудностей благодаря теоретическим знаниям, полученным в институте, и знаниям, приобретенным на практике на трех предприятиях цветной металлургии и одном предприятии Минсредмаша, где я работал в цехах в качестве аппаратчика.

На первых порах трудности были в общении с персоналом смены, который на 100 процентов состоял из немцев. Переводчика в смене не было, хотя некоторые немцы немного понимали русский язык. В «Висмут» охотно брали немцев, которые были во время войны в плену и после освобождения приехали в ГДР.

В школе я изучал немецкий, но это был литературный язык, а на производстве требовалось знать название процессов, технологий и оборудования на немецком языке. Пришлось срочно восстанавливать школь-

ные знания, но и составлять словарь технических терминов.

По установленным в «Висмуте» правилам вновь прибывшие на работу специалисты должны были окончить двухгодичные курсы немецкого языка. Однако работа в должности начальника смены, который лично отвечал за выполнение производственного плана, соблюдение технологического режима, выпуск продукции установленного качества, не позволяла ждать, когда ты научишься свободно говорить на немецком языке.

За выполнение производственных показателей спрашивали с первого дня работы, и скидок на то, что ты только начал работать, не было — поэтому приходилось вникать во все тонкости производства в ускоренном темпе, и в первую очередь, досконально изучить технологическую схему.

Технология производства гравитационного концентрата

Гравитационному обогащению подвергались саксонские первичные руды, содержащие уран в виде урановой смолки. Саксонская руда с рудного склада сначала поступала в цех радиометрического обогащения (цех А), где она отмывалась и разделялась по классам крупности на многодечном виброгрохоте.

Крупные и средние классы шли на радиометрическую сортировку, мелкие классы направлялись на гравитационное обогащение в цех В. Выделение уранового гравитационного концентрата происходило на отсадочных машинах. Полученный концентрат являлся готовой продукцией.

Сливы с отсадочных машин поступали на измельчение в шаровых мельницах. Образовавшаяся пульпа перекачивалась в отделение обогащения на концентрационных столах, где выделялся наименее мелкий по крупности, на наиболее богатый по содержанию урана концентрат, который тоже был готовой продукцией.

В конце смены весь полученный концентрат сдавали в хранилище готовой продукции ОТК, где он сушился, отбирались пробы, затаривался в специальные металлические ящики, которые пломбировались и, после составления партии, отправлялись в Советский Союз в спецвагонах с воинской охраной.

Приемка концентрата происходила следующим образом. Концентрат загружался в специальные емкости (типа больших алюминиевых кастрюль с ручками), в стене хранилища было отверстие, которое с двух сторон закрывалось дверцами. Между дверцами находилась футерованная свинцом камера с датчиками для замера излучения.

Через наружную дверцу в камеру поме-

шалась кастрюля с концентратом. После закрытия дверцы приемщику, находящемуся внутри хранилища, поступал сигнал о нахождении в камере концентрата. Приемщик по прибору определял степень радиоактивности и сличал ее по имеющейся у него таблице с установленным нормативом. Если показатели были равны или выше нормативных, концентрат принимался, если нет — возвращался обратно.

Все шламы, образующиеся при переработке саксонских руд, объединялись и направлялись на гидрометаллургическую переработку совместно с тюрингскими рудами.

Наводнение 1954 г.

Лето 1954 г. было дождливым. Река Мульда в обычное время мелководная. В некоторых местах ее можно перейти вброд, но в период дождей ее уровень быстро растет. Истоки реки находятся в Чехии, где она была перегорожена плотиной с целью создания водохранилища.

Летом 1954 г. уровень воды достиг критической отметки, и по сведениям, которые в то время были доложены, чехи решили сбросить лишнюю воду. Она устремилась вниз по руслу реки, сметая все на своем пути.

В районе г. Цвиккау и нашего Объекта начал стремительно повышаться уровень реки. На Объекте было организовано постоянное дежурство для наблюдения за уровнем. Основной подъем воды и разрушения произошли ночью, когда работала моя смена, и я стал свидетелем происходящих событий.

Когда вода появилась в подвалах цехов, руководством Объекта было принято решение остановить весь технологический процесс, начать демонтаж электромоторов, соединенных с насосами, и эвакуацию их на первый этаж цехов.

В это же время шла работа по укреплению правого высокого берега реки (где располагались основные производственные цеха), так как река начала подмывать берег, и он стал обрушаться. Обрушение берега остановили в 2–3 метрах от склада реагентов.

Утром я вышел на берег — картина была ужасной. Мимо несся поток мутной воды, в котором виднелись мебель, доски, деревья и всякий мусор.

Река проложила новое русло — поперек автодороги, ведущей на Объект. Часть дороги и автомост были полностью уничтожены. У железнодорожного моста была выбита одна из опор. Из воды торчала только нижняя часть опоры. Одна из опор транспортной галереи тоже была повреждена. Фактически связь с левым берегом была полностью прервана.

Утром на левый берег я выходил по разрушенному железнодорожному мосту. В той части моста, где не было опоры, фонарные столбы раскачивались в такт моим шагам. Потом было запрещено ходить по нему.

Уровень воды стал постепенно спадать, и начались восстановительные работы. Для восстановления автомобильной и железнодорожной связи были присланы советские военные саперы. Они привели в порядок разрушенную часть дороги и построили новый деревянный мост, установили временную опору деревянного моста и восстановили опору транспортной галереи.

Общий простой Объекта составил около 10 дней.

Пострадал от наводнения и г. Цвиккау. В низменных местах были затоплены первые этажи. Так как наводнение случилось ночью, многие товары не смогли убрать из подвалов, и они пришли в негодность.

Переход на работу в гидрометаллургический цех (цех С)

В августе 1954 г. освободилась должность начальника смены в цехе С, и я приступил к работе по своей основной специальности.

Сырьем для гидрометаллургической переработки были карбонатные руды, добываемые в Тюрингии на нескольких месторождениях (Роннебург, Пайцдорф, Шмирхау и др.). Руды каждого месторождения (далее — сорт руды) отличались друг от друга минералогическим и вещественным составом, что приводило к определенным трудностям при их переработке (о чем будет сказано ниже).

Руда прибывала на железнодорожных платформах и разгружалась на опрокиде. Одновременно можно было разгружать сразу два вагона.

Трудности с разгрузкой были в основном зимой при минусовой температуре. Влажная руда смерзалась в один монолит, который приходилось разбивать на куски отбойными молотками.

Разгруженная руда транспортерами шла на рудный склад или сразу на крупное дробление в щековой дробилке, потом на мелкое дробление в короткоконусных дробилках и далее на хранение в закрытом бункерном складе.

Каждый сорт руды складировался в отдельные бункера, оборудованные дозаторами для возможности их шихтовки. Далее по транспортерам руда поступала на измельчение в шаровых мельницах. Поскольку руды были карбонатные, в качестве выщелачивающего реагента использовался раствор технической соды. Раствор заливался вместе с поступающей рудой.

Каждая мельница работала в паре с речным классификатором. Классификаторы были отрегулированы так, что слив являлся готовым продуктом для дальнейшего выщелачивания в пачуках. Песковая часть возвращалась в мельницу на доизмельчение. В час нормально перерабатывалось 135–140 тонн.

Выщелачивание пульпы происходило в пачуках, представляющих собой деревянные цилиндрические емкости диаметром 3,5 метра и высотой 12 метров. Пульпа нагревалась открытым паром до температуры 85–87 градусов. Пачуки были соединены в секции, которые работали параллельно.

Количество пачуков в секции определялось тем, чтобы выщелачивание длилось порядка 8 часов. За это время соединения урана из твердой фазы должны были перейти в жидкую фазу.

Далее шел процесс фильтрации пульпы после выщелачивания на дисковых вакуумных фильтрах (около 90 штук), установленных в два ряда. Кек сваливался на транспортеры, затем распульповывался и перекачивался на хвостохранилище (в отвальном кеке оставалось до 30 % урано-содержащего раствора).

Раствор направлялся на контрольную фильтрацию на пресс-фильтрах, так как из-за прорывов фильтровальной ткани в раствор попадали твердые частицы пульпы.

Отделение фильтрации было самым узким местом во всей технологической цепочке. Из-за плохой фильтрации иногда останавливались процессы во всех предыдущих отделениях (выщелачивания, измельчения и дробления). Об этом необходимо было немедленно докладывать в Гендирекцию, после чего начинались разборы с поиском виновных.

А дело заключалось в следующем. Оценка работы смены определялась по количеству переработанной руды. Чем больше было переработано, тем больше премии и различные почетные награды. Но, как было отмечено выше, руды разных месторождений отличались по своим свойствам. Твердые руды при измельчении давали в пульпе достаточно песка для хорошей фильтрации, но производительность на измельчении была низкой. Мягкие руды (глинистые), наоборот, давали мало песка в пульпе и способствовали высокой производительности на измельчении.

В погоне за показателями некоторые смены нарушали установленные пропорции при шихтовке руд, перерабатывая больше мягких руд, что приводило к остановке фильтрации в следующей смене.

С такими явлениями стали бороться, установив жесткий контроль за шихтовкой руд. В феврале 1956 г. я был назначен технологом цеха С, и основная задача, которая

была поставлена передо мной, заключалась в стабилизации технологического процесса и повышении извлечения урана в готовую продукцию. За время с 1954-го по 1957 г. извлечение было повышено с 49 до 80–82 % за счет модернизации технологии, позволившей сократить безвозвратные потери металла с отвальными продуктами.

Однако коренное изменение в этом вопросе произошло в конце 1960-х и начале 1970-х гг., когда вместо фильтрации был внедрен процесс сорбции из пульпы. Извлечение урана из руды возросло с 80–82 до 98% и более.

Отфильтрованный раствор, содержащий уран в виде натрий-уранилтрикарбоната, поступал на осаждение аммиаком в реакторах с механическим перемешиванием. Уран выпадал в осадок в виде аммонийуранилтрикарбоната.

Раствор вместе с осадком перекачивался в отделение фильтрации и сушки, куда доступ был ограничен, так как высушенный концентрат являлся конечным продуктом. Первоначально отделение обслуживалось советскими военнослужащими, но позднее были задействованы немецкие аппаратчики.

Осадок отфильтровывался на пресс-фильтрах и представлял собой кек с содержанием влаги 30–35 %, поэтому концентрат поступал на сушку в муфельных печах. Печи и сам процесс были примитивными. Кек загружался на противни, которые помещались в муфельную печь. Печь топились брикетами, которые необходимо было периодически подбрасывать в топку.

Отсутствие технического контроля за температурой и временем сушки (контроль был визуальный и зависел от исполнительской дисциплины аппаратчика) приводило часто к пережогу продукта. При пережоге продукт сплавлялся, не годился для дальнейшей переработки и возвращался в технологическую цепочку на растворение.

Поэтому муфельные печи были оставлены и демонтированы, а вместо них закуплены электрические печи, применяемые в пищевой промышленности. Они позволяли автоматически поддерживать заданную температуру и время сушки — тем самым был исключен брак.

При сушке аммонийтрикарбонат разрушался. Образовавшиеся аммоний и двуокись углерода улетучивались вместе с влагой, а оставшийся продукт в виде комочков серого цвета представлял собой закись-окись урана.

У входа в посольство СССР в Берлине.
Слева направо:
третий — Николай Исаков;
пятый — Шилов;
шестой — Виктор Дорофеев.

На фото слева:
У Бранденбургских ворот.

Справа:
В Берлине на фоне Рейхстага.
Экскурсионная группа
сотрудников Объекта 101.

Готовый продукт измельчался и далее поступал на установку пробоотбора и затаривания в специальные герметичные емкости. Подготовленная партия в специальных вагонах под охраной советских военнослужащих отправлялась в Союз.

За пробоотбор, затаривание, подготовку документации на партию и отправку отвечал приемщик (советский сотрудник, подчиняющийся непосредственно главному приемщику, находящемуся в Генеральной дирекции СГАО «Висмут»). Первоначально приемщику помогали советские военнослужащие, которые потом были заменены немецкими рабочими.

Кроме указанных выше технологических отделений цеху С подчинялось также хвостохранилище, куда сбрасывались жидкие отходы производства, расположенного в 5 километрах от завода. Поскольку хвостохранилище находилось примерно на 500 метров выше завода, для перекачки было построено несколько промежуточных станций.

На хвостохранилище происходило естественное осветление растворов за счет оседания твердых частиц. На середине хранилища были размещены колодцы для слива осветленной воды и возвращения ее в цех технологического использования. Возврат воды, содержащей соду и уран, позволял уменьшить расход соды и чистой воды, увеличить извлечение урана.

Хвостохранилище представляло собой потенциальную опасность для расположенных ниже немецких поселений и сельскохозяйственных угодий. При прорыве дамбы они были бы залиты потоком радиоактивной воды, поэтому хранилище находилось под охраной и постоянным строгим контролем, особенно в период продолжительных дождей.

По периметру хранилище было ограничено забором и охранялось немецкой полицией. Доступ посторонним лицам на территорию хранилища был запрещен.

Особое внимание уделялось состоянию дамбы, так как приток был выше, чем возврат. Постоянное увеличение уровня воды требовало своевременного наращивания высоты дамбы.

Огражденная и охраняемая территория по площади была больше, чем собственно само хранилище, так как предполагалось, что по мере его заполнения будут созданы хранилища №№ 2, 3 и т. д. Временно неиспользованная территория представляла собой лесок, где развелось большое количество диких кроликов и росли грибы.

В то время немцам запрещено было иметь личное оружие, включая охотничьи ружья, что привело к неконтролируемому, массовому размножению кроликов, и они превратились во вредителей сельского хозяйства.

Советские специалисты могли приобретать охотничьи ружья и охотиться. Поэтому в выходные дни организовывались санкционированные поездки на охоту, а в будни, иногда в обеденный перерыв, который продолжался два часа, ездили на хвостохранилище и там охотились.

Организация досуга, отдыха и спорта в свободное от работы время

Как было отмечено выше, основу советского коллектива составляли молодые холостые люди, приехавшие на работу в «Висмут» после окончания институтов и техникумов. Необходимо было в свободное от работы время занять их каким-либо полезным делом.

В качестве общественной работы мне была поручена организация спорта в коллективе. Генеральная дирекция организовывала в Зигмаре спортивные мероприятия по различным видам спорта (футбол, волейбол — мужской и женский, городки, стрельба, настольный теннис), посещение концертов отечественных и зарубежных артистов, конкурсы самодеятельности, в которых мы принимали участие.

В Зигмаре был открыт университет марксизма-ленинизма с двухгодичным сроком обучения. Два раза в неделю мы посещали занятия.

В период немецких праздников в Зигмаре для советских специалистов проводилась учеба.

Но основная работа с молодежью велась силами руководства Объекта, партийными и комсомольскими активистами. Я отвечал за организацию спортивной работы в коллективе.

На территории колонии были созданы площадки для игры в волейбол и городки. В подвале одного из домов был организован тир. По договоренности с городскими властями нам было разрешено проводить тренировки по футболу и легкой атлетике на расположенном недалеко стадионе.

Кроме того, на территории были созданы условия для отдыха в свободное от работы время.

Коллектив имел свой клуб, представлявший собой одиноко стоящее двухэтажное здание, расположенное вне территории колонии на площади (раньше эта площадь называлась именем Сталина).

В клубе находился кинозал со сценой, где могли выступать и репетировать участники художественной самодеятельности. В зале был партер, где обычно сидели сотрудники Объекта, и балкон, где сидели солдаты из воинской части, работавшие на предприятии.

В здании клуба была хорошая библиотека, буфет и зал для проведения праздничных мероприятий, а также танцевальных вечеров.

На прилегающую площадь иногда приезжала яркая и шумная передвижная ярмарка с различными аттракционами и палатками по продаже сувениров, сладостей и боквурстов к пиву, которую мы охотно посещали.

Для выхода за покупками в город требовалось разрешение руководства, но иногда ходили и без разрешения в магазины, в немецкий кинотеатр и кафе.

Часто организовывались поездки в другие города, в том числе в Берлин.

Отъезд домой в Советский Союз

Сырой климат в Германии плохо повлиял на здоровье моей жены. Постоянные простуды привели к осложнению на сердце. В конце 1956 г. с сердечными приступами ее срочно приходилось везти в госпиталь в Зигмар. Даже новый, 1957-й, год жена встретила в госпитале, а я приехал в Зигмар и встречал его вместе с сотрудниками Гендирекции и ночевал у друзей.

После лечения в госпитале жене стало лучше, но мы приняли решение о возвраще-

нии домой. Я написал докладную с просьбой об откомандировании. В июне 1957 г. мы уехали из ГДР, и на этом закончилась наша первая поездка на работу в СГАО «Висмут».

За успешную производственную и общественную работу я был награжден Почетной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Второй раз мы приехали через 19 лет, но это — другие воспоминания.

1976–1982 гг.

Приезд в ГДР

Шел апрель 1976 г., когда после почти годовичного ожидания я получил предложение 8-го Управления Министерства среднего машиностроения поехать во второй раз на работу в СГАО «Висмут», с которым согласился.

На тот момент я работал в Научно-техническом управлении министерства в должности заместителя начальника отдела обогащения и гидрометаллургии.

К этому времени я имел уже солидный опыт работы на производстве (4 года), в научно-исследовательской лаборатории ВНИИХТа (12 лет) и Центральном аппарате министерства (6 лет).

Выехал из Москвы в ГДР 14 июля. Был этот отъезд сопряжен с большими волнениями. Билет на поезд Москва — Берлин покупал в железнодорожной кассе «Метрополя». На мою беду в день отъезда менялся график отправления поездов на один час раньше, а кассирша в билете проставила прежнее время.

Поэтому, когда я вместе с большой группой провожавших меня родственников вышел на перрон, то увидел вдали хвост уходящего поезда. Было решено на одной из машин ехать в железнодорожную кассу, продавшую мне билет.

Там признали свою вину, извинились и оформили билет на поезд Москва — Париж, который отправлялся на два часа позже.

Я знал, что меня будут встречать во Франкфурте-на-Одере, поэтому пытался через железнодорожников сообщить встречающему, что я приеду с поездом Москва — Париж.

Поезд прибыл во Франкфурт поздно вечером. Я вышел со своим багажом (четыре чемодана и сумка) на полутемный пустой перрон. Ни полицейских, ни железнодорожников, ни носильщиков — никого не было. Да и денег у меня тоже не было — ни советских, ни немецких. Даже за хранение багажа я не смог бы заплатить.

В памяти от первой поездки в ГДР у меня осталось, что на площади перед вокзалом стоит здание советской комендатуры с залом ожидания и билетными касса-

ми. Переноса по очереди багаж, я добрался до комендатуры и спросил у дежурного офицера, не знает ли он, где живет представитель «Висмута», который встречает приезжающих сотрудников. Он ответил, что не знает, но есть мужик, который встречает туристов, и сказал его адрес.

Я оставил свой багаж на попечение ожидающих поезда военных и пошел разыскивать этого мужика. Это оказался тот, кто мне был нужен. Как выяснилось, он выходил ко всем поездам, кроме моего, так как посчитал, что уже никто не приедет, и пошел смотреть по телевизору футбол.

Мы отнесли мой багаж в камеру хранения. Оплатив хранение из выданных мне денег, мы пошли к нему домой смотреть футбол, пить чай и ждать автобус из Зигмара с отъезжающими сотрудниками. Этим автобусом шофер должен был довезти меня до Зигмара.

Когда мы выехали из Франкфурта, была уже ночь. Не доезжая до Зигмара, шофер свернул к своему дому и ушел спать, сказав, что рано утром он должен опять ехать в рейс, и ему нужно выспаться. Мне он оставил несколько одеял, чтобы я устроился спать в автобусе.

Утром он пригласил меня в свой дом, чтобы я мог умыться, и предложил выпить кофе. Потом мы сели в автобус и поехали в Зигмар. Высадил меня шофер около здания, где находилось хозяйственное управление поселком.

Поскольку я приехал один, меня поселили в общежитие, в отдельную комнату на втором этаже. Оставив вещи, я пошел пешком в Гендирекцию (автобусы с сотрудниками ушли раньше) устраиваться на работу.

Работа в Гендирекции

Прибыв в Гендирекцию, я позвонил сотруднику отдела кадров, который вышел ко мне и провел внутрь здания. После заполнения всех необходимых документов и фотографирования на пропуск меня повели знакомиться с сотрудниками отдела технологии и обогащения, где мне предстояло работать.

В отделе работало три советских сотрудника: начальник отдела Анатолий Данилович Богатов, куратор завода № 102 (Гера) и куратор завода № 101 (Цвиккау) и четыре немецких: заместитель начальника отдела Ротер Хайнц, куратор хвостохранилищ, куратор подземного выщелачивания и секретарь-переводчица.

Мне было поручено курировать завод № 101, где я работал в прошлый заезд.

Обстановка в отделе была деловая и очень доброжелательная. На заводе встретили тоже хорошо. Со многими немцами я работал и раньше. С директором завода

Х. Йобсом и главным технологом Борисом Владимировым, с которым мы учились в одной группе, сложились хорошие деловые отношения.

Так как после первого заезда прошло 19 лет, перемены на заводе были разительные, и в первую очередь по кадровому составу. За прошедшие годы немецкой стороной были подготовлены собственные высококвалифицированные инженерные кадры, которые заняли почти все должности как в управлении, так и на производстве.

Советские специалисты работали на следующих должностях: главный инженер, главный технолог, технологи цехов, начальник и несколько сотрудников заводской лаборатории. Это были также высококвалифицированные специалисты, имевшие опыт работы на промышленных предприятиях и в исследовательских институтах Союза.

Всего таким образом на заводе было 9–10 семей (жены сотрудников не работали). Кроме того, был приемщик готовой продукции, который не являлся сотрудником завода и находился в подчинении главного приемщика, а также прикомандированная бригада научных сотрудников ВНИИ химической технологии, занимавшаяся разработкой технологии переработки оловянной руды для получения металлического олова (о самой установке и задачах, которые были поставлены перед заводом, будет сказано ниже).

Большие перемены произошли в технологии и оборудовании завода (об этом — дальше).

В цехе радиометрической сортировки (цех А) вместо рудосортировочных машин РАС были установлены более производительные радиометрические сортировочные установки РСУ. Помещение, где они были установлены, отделали хорошей звукоизоляцией. Управление и контроль за работой установок велись дистанционно со специального пульта.

В цехе гравитационного обогащения (цех В) вместо отсадочных машин и концентрационных столов были установлены концентрационные желоба — более производительные и энергосберегающие.

В гидрометаллургическом цехе (цех С) вместо крупного дробления использовалась мельница самоизмельчения, с внедрением сорбции из пульпы. Ликвидировали отделение фильтрации и закрытый бункерный склад руды.

Фактически на заводе были внедрены новейшие технологические и аппаратурные разработки, созданные для предприятий по переработке урановых руд в СССР и внедренные советскими и немецкими специалистами в «Висмуте».

Жизнь в Зигмаре

Так как я приехал летом, в период отпусков, начальник отдела и второй куратор уехали отдыхать, и вся работа по курированию предприятий, которую выполняли советские специалисты, легла на мои плечи.

В дополнение к этому в летний период обычно приезжали гости с советских родственных промышленных предприятий, а также из научно-исследовательских институтов для обмена опытом и консультациями. Делегации прибывали практически каждую неделю, и мне поручалось их сопровождать в поездках по заводам.

Уезжали рано утром и возвращались поздно вечером. Делегации менялись, а я оставался. Выдержал я такую нагрузку один месяц, после чего попросил генерального директора подключить сотрудников других отделов к сопровождению делегаций.

В июле месяце ко мне приехали жена и сын. Нас поселили в свежееотремонтированную двухкомнатную квартиру. Соседом из квартиры напротив был главный приемщик Василий Храпов, а этажом ниже жил сотрудник проектного института Виктор Иванов. Постепенно мы начали вливаться в жизнь коллектива.

Я познакомился с советскими и немецкими сотрудниками Гендирекции, жена — с женами, а сын — с детьми. Вечерами после работы мы ходили в кино или гуляли в парке. В выходные дни ездили на экскурсии, ходили в заповедник или на концерты советских артистов, приезжавших на гастроль в ГДР.

Коллективы технологического отдела и отдела главного приемщика по немецкой линии составляли одну профсоюзную группу, поэтому многие мероприятия мы проводили совместно с немецкими коллегами. Например, выезжали на экскурсии вместе с женами и детьми. Мы посетили Дрезден, Мейсен, Кенигштайн, музей Карла Мая, посвященный культуре индейцев Северной Америки, и ряд других интересных мест.

Кроме того, было проведено несколько, как теперь говорят, корпоративных встреч.

1 сентября 1976 г. сын пошел в 4-й класс школы при гарнизоне советских войск, а я — в группу по изучению немецкого языка, хотя к тому времени я уже во многом восстановил свои прежние знания. Так проходила наша жизнь до декабря месяца. В ноябре на заводе № 101 произошла смена главного инженера.

Бывший главный инженер уехал в Союз, а его место занял главный технолог Борис Владимиров. Должность главного технолога завода стала вакантной, и мне предложили занять ее. Приказом от 3 декабря я был назначен на эту должность.

Приезд в Цвиккау и начало работы

Советский коллектив по-прежнему жил на Райхштрассе в Цвиккау, но от прежнего поселка практически ничего не осталось. Улицы разгородили и они стали обычными городскими улицами, магазины и столовую ликвидировали, клуб на площади имени Сталина снесли. За советским коллективом оставили несколько домов (вилл), в которых жили сотрудники с семьями, а также прикомандированные сотрудники по линии техпомощи из институтов Союза.

В одной из вилл был организован мини-клуб. На первом этаже в большой комнате можно было проводить собрания коллектива, отмечать праздничные даты, а также два раза в неделю смотреть советские фильмы, которые привозил немецкий киномеханик. Кроме того, там была библиотека и комната, где стоял стол для бильярда.

На втором этаже находились две квартиры. Одна для главного инженера, которую занимал Владимиров, и вторая — для главного технолога, в которую поселили меня с семьей.

В подвале была комната для мужчин, оформленная в рыбацком стиле (на стенах развешаны рыбацкие сети, чучела разных рыб). Здесь можно было посидеть, поговорить, сыграть в шахматы или шашки, выпить пива или минеральной воды. Во дворе виллы была площадка для отдыха с беседкой и площадка для волейбола.

Работа на заводе № 101

За месяцы работы в Гендирекции и курирования завода я в общих чертах познакомился с технологическим процессом на заводе и теми изменениями, которые произошли за предыдущие годы.

Вступив в должность главного технолога, на котором лежала персональная ответственность за выполнение производственного плана по качественным и количественным показателям, необходимо было вникнуть в каждый процесс технологической цепочки.

По немецкой классификации моя должность называлась иначе — начальник производственного отдела, который состоял из начальника, заместителя начальника, трех кураторов цехов, переводчицы и русской машинистки для печатания документов на русском языке. Все последующие годы сотрудники отдела были моими помощниками и товарищами.

Особенно хотел бы отметить своего заместителя Д. Хитцига, с которым мы сидели в одном кабинете, и переводчицу Нину Ланге (Нина Васильевна Иванова — гражданка

СССР, окончила Ленинградский политехнический институт, вышла замуж за своего сокурсника и приехала с ним в ГДР).

За время, прошедшее после первого моего приезда на работу в «Висмуте», произошло изменение организации контроля за работой предприятия. Если раньше в ночную смену поочередно выходили дежурные из числа ведущих советских сотрудников (начальники и технологи цехов, начальники смен и т. д.), то потом была создана диспетчерская служба из немецких специалистов, обеспечивающих круглосуточный контроль за производством.

Если в ночную смену происходили чрезвычайные ситуации (аварийная остановка производства или несчастный случай), диспетчер немедленно ставил в известность директора, главного инженера и главного технолога.

Советские и немецкие специалисты завода № 101. Все работающие члены советского коллектива были членами Общества советско-немецкой дружбы и активно участвовали в его работе.

Каждое утро в 7:30 в кабинете главного инженера происходила планерка, на которой главный диспетчер докладывал о состоянии дел на производстве за прошедшие сутки. На планерке в обязательном порядке присутствовали главный технолог и его заместитель, главный механик, начальники цехов и начальник ОТК.

График работы завода претерпел изменения. Вместо непрерывной работы в течение всего года завод работал непрерывно только в будние дни. В выходные и праздничные дни производство останавливалось, и это время использовалось для планового и аварийного ремонта службами главного механика Х. Конрада. Эта служба насчитывала порядка 250 специалистов разного профиля: электрики, слесари и т. д.

Из технологического персонала выходили только дежурные в тех отделениях, где

имелось оборудование, требующее непрерывного контроля за нагревом и перемешиванием (пачуки, сгустители). Иногда приходилось приезжать на завод для проверки хода ремонтных работ, которые требуют обязательного исполнения к началу запуска производства.

На заводе имелась научно-исследовательская лаборатория, которая проводила химические анализы различных продуктов производства, а также исследования по повышению эффективности процессов обогащения и гидрометаллургической переработке поступающих руд.

Описание технологических процессов

После изменений в технологии, о которых сказано выше, цеха А и В работали надежно, выпуская в качестве конечной продукции штупный и гравитационный концентрат, который по железной дороге отправлялся в Советский Союз. Поэтому в 1976–1982 гг. существенных изменений в технологии и аппаратурном оформлении не было.

Однако в конце 1970-х гг. возникли затруднения на границах Польши и СССР из-за высокой радиоактивности указанной продукции, которая представляла собой чистейшую урановую смолку. Руководством СГАО «Висмут» было принято решение организовать на заводе № 101 их переработку в химический концентрат, который по активности значительно ниже, так как основная активность остается в хвостах. О том, как реализовалось это решение, будет сказано ниже.

Наибольшие изменения произошли в технологии цеха С, поэтому остановлюсь на них более подробно.

Руды из месторождений Тюрингии поступали (как и раньше) в железнодорожных вагонах для разгрузки на опрокидах. Часть руды поступала сразу на переработку, другая — на рудный склад. Рудный склад, вмещавший временами 60 и более тысяч тонн, позволял производству работать стабильно, если были перебои в поставке руды.

Руда, идущая на переработку, поступала в мельницу самоизмельчения «Каскад» объемом 80 куб. метров, где происходило самоизмельчение крупными кусками. Слив из мельниц поступал на трехдечный грохот. Крупный класс возвращался в мельницу, средний направлялся на додрабывание, объединялся с мелким классом и перекачивался для измельчения в шаровых мельницах.

Узким местом на этом участке был быстрый износ сеток грохота, что приводило к необходимости останавливать мельницу «Каскад» для замены сит. Нами были опробованы, а потом и приняты для эксплуатации сетки из прочного на истирание пласти-

ка, что позволило значительно увеличить срок службы таких сеток.

В отделении измельчения на 10 шаровых мельницах с классификаторами получали пульпу определенной плотности, содержащей 80% твердых частиц менее 0,074 мм. Это позволяло практически полностью вскрывать минеральные частицы, содержащие уран.

После измельчения пульпа направлялась на флотацию для выделения пирита, который был вреден для дальнейшего процесса выщелачивания, так как приводил к излишнему расходу соды. Флотация проводилась на трех параллельных линиях флотационных машин, пирит выделялся в виде пенного продукта, который перекачивался в сгуститель для осаждения, для ускорения осаждения добавлялся флокулянт. Полученный пиритный концентрат в цистернах направлялся на сернокислотный завод предприятия № 102.

Недостатками процесса флотации были быстрый механический износ ванн и мешалок флотационных машин, а также неэффективная подготовка и дозирование флокулянта, что приводило к попаданию пирита на выщелачивание.

Футеровка ванн и мешалок стойким на истирание пластиком позволила увеличить срок их службы, стабилизировать процесс флотации, увеличить извлечение пирита и вывести одну из флотационных линий в резерв.

Установка специальной емкости непосредственно рядом со сгустителем и установка специального дозатора позволили улучшить процесс сгущения, сократить расход флокулянта и увеличить извлечение пирита.

После флотации пульпа поступала на выщелачивание в пачуки. Аппаратурное оформление и технологические параметры процесса остались практически без изменения с 1957 г.

В 1975 г. для более эффективного извлечения урана из пульпы, образовавшейся при обогащении саксонских руд, был установлен горизонтальный автоклав емкостью 125 куб. м и габаритами 3,6 × 13 м. Перемешивание осуществлялось четырьмя двухступенчатными турбинными мешалками — аэраторами.

В 1980 г., когда руководством СГАО «Висмут» было принято решение о полной переработке концентратов саксонских руд на заводе № 101, специалистами завода были подготовлены исходные данные на проектирование автоклавного отделения.

В качестве аппарата для выщелачивания был принят вертикальный автоклав с пневматическим перемешиванием сжа-

тым воздухом, с помощью которого происходит перемешивание пульпы, а также окисление кислородом воздуха 4-валентного урана до 6-валентного, который в содовой пульпе образует растворимое соединение трикарбонат уранила.

Вертикальный автоклав имел емкость 100 куб. м и габариты 3 × 18 куб. м. Рабочая температура 140–150 °С.

По экономическим и технологическим показателям этот аппарат имел значительные преимущества по сравнению с горизонтальным аппаратом с механическим перемешиванием.

В 1978 г. по чертежам Проектного предприятия СГАО «Висмут» был изготовлен опытный образец автоклава из обычной стали, установлен и включен в технологическую цепочку цеха С.

В процессе эксплуатации он подтвердил надежность и хорошие технологические показатели, поэтому в 1979 г. был установлен второй автоклав и в 1980 г. — третий.

Образовалась цепочка из трех автоклавов, позволяющая перерабатывать концентраты.

Позже, в 1984–1985 гг., на заводе было установлено 10 вертикальных автоклавов с пневматическим перемешиванием (две цепочки по 5 автоклавов в каждой), изготовленных из нержавеющей стали.

Следующей за выщелачиванием следовала операция сорбции урана из пульпы в непрерывном режиме.

Суть этого процесса заключалась в том, что пульпа, содержащая растворенные карбонатные соединения урана, смешивалась с сорбентом (анионитная ионообменная смола в виде сферических гранул типа АМп). В результате контакта соединения урана сорбировались на смоле.

Процесс сорбции проводился в цепочке пачуков объемом примерно 125 куб. м каждый. Таких цепочек было несколько. Количество пачуков в цепочке и объем поступающей пульпы рассчитывался таким образом, чтобы время контакта смолы и пульпы позволяло максимально сорбировать уран.

Соотношение смолы и пульпы было регламентировано; по мере механического истирания смолы добавлялась новая порция.

В конце цепочки был установлен грохот с сеткой, размер ячеек которой позволял выдирать смолу из пульпы.

Команда волейболистов завода № 101.

Далее смола поступала на десорбцию соединений урана, а пульпа — на хвостохранилище. Десорбция проводилась раствором соляной кислоты: из солянокислого раствора уран осаждался аммиаком в виде диураната аммония, после фильтрации осадок сушился в электропечах и направлялся в отделение готовой продукции для формирования партии, направляемой в Союз.

**Отдых. Спорт. Самодеятельность.
Общественная работа**

Многие мероприятия, проводимые совместно с немецкими товарищами, не только на предприятии, но и в городе нашего проживания Цвиккау, осуществлялись по линии Общества советско-немецкой дружбы.

На заводе раз в месяц проходила встреча «За самоваром» с немецкими заводскими активистами общества, на которой обсуждались различные актуальные вопросы из жизни СССР и ГДР. Советские специалисты всегда приглашались на заводские праздничные мероприятия. Иногда с женами и детьми.

Советские специалисты с семьями участвовали в первомайских демонстрациях в Кроссене.

Городской совет Общества советско-немецкой дружбы г. Цвиккау часто приглашал представителей советского коллектива для участия в различных мероприятиях, в том числе для посещения различных городских организаций (учебные заведения, медицинские учреждения, производственные предприятия и т. д.).

Некоторые из советских сотрудников дружили семьями со своими коллегами по работе.

Почти сразу после моего приезда на завод я был избран профоргом советского коллектива, а затем вошел в состав советского профкома в Гендирекции в Зигмаре. Эту

общественную работу я выполнял вплоть до окончания срока работы в «Висмуте».

Советский коллектив в Цвиккау был малочисленным, поэтому отсутствовала художественная самодеятельность взрослых и детей, слабо была поставлена спортивная работа. Я часто слышал на заседаниях профкома упрек в свой адрес и в адрес руководителей советского коллектива в Цвиккау в том, что в других малых коллективах эта работа ведется, а у нас ее нет.

Наконец вместе с руководителем коллектива В. И. Дорофеевым было принято решение организовать хор для взрослых. Из гарнизона Карл-Маркс-Штадта была приглашена музыкальный работник, которая два раза в неделю приезжала к нам на занятия. Участвовать в хоре должны были все без исключения сотрудники и их жены. Мы с Дорофеевым личным примером поддерживали дисциплину и посещаемость.

Через год было первое выступление хора на смотре художественной самодеятельности. В дальнейшем хор участвовал во всех смотрах и был награжден грамотами за 1-е и 2-е места. Кроме хора, в смотре участвовал мужской вокальный квинтет.

Что касается детской самодеятельности, то на первом смотре от Цвиккау участвовал только Никита Исаков, который читал стихи. На последующих смотрах усилиями музыкального работника и сотрудницы коллектива, которая занималась в молодости балетом, были представлены танцевальные и вокальные номера, а также декламация.

Большое внимание уделялось спортивной подготовке к соревнованиям как взрослых, так и детей.

Советский коллектив занимал два подъезда шестизэтажного дома. На первом этаже был организован клуб, в котором имелась хорошая библиотека, комната для проведения различных мероприятий (собраний коллектива, празднования дней рождения и различных торжественных дат, просмотра советских фильмов два раза в неделю), комната со столом для настольного тенниса, бильярдная, детская комната и комната для игры в шахматы. В подвале был тир для стрельбы из духовых ружей.

Особое место занимал волейбол. Несмотря на небольшой мужской коллектив, была создана хорошая волейбольная команда, для которой специально была пошита форма с эмблемой завода № 101.

Команда успешно выступала среди малых советских коллективов «Висмута», завоевывая призовые места, а также на городских соревнованиях в Цвиккау.

По договоренности с ближайшей немецкой школой мы могли при желании тренироваться в ее спортзале в будни вечером или

в субботу и воскресенье днем. Кроме того, один раз в неделю после работы была совместная тренировка с заводской немецкой командой.

Раз в неделю взрослых и детей на заводском микроавтобусе возили в бассейн, где за нами была закреплена одна дорожка.

По четвергам после работы в спортзале завода для членов директората проводились реабилитационные занятия (из советских участвовали Дорофеев, Исаков и Федулов). Занятия проводились под наблюдением врача: полчаса — разминка, а остальное время — игра в футбол или ручной мяч.

Весной в зоне отдыха завода в Штангенгруне проводилась сдача спортивных нормативов (вроде нашего ГТО) — я получил документ о сдаче немецких нормативов в своей возрастной группе.

За советским коллективом был закреплена небольшой автобус «Икарус», который в будни возил школьников в школу ГСВГ в Карл-Маркс-Штадте и привозил обратно после уроков.

Летом в выходные дни ездили на автобусе на природу или на экскурсии в другие города (Берлин, Дрезден, Лейпциг и др.), а зимой — на экскурсии и зимние курорты (например, Обервизенталь).

Дорога в Оберхоф шла вдоль границы с Чехословакией, представлявшей собой канавку и столбики с надписью «граница». Достаточно было перейти эту «канавку», и ты оказывался в Чехословакии. Если подняться на фуникулере на вершину горы Фихтельберг, то открывалась чудесная панорама на заснеженную долину. Недалеко от подъемника находился свободный переход на чехословацкую территорию, где был ресторан с хорошим чешским пивом. Немцы свободно ходили туда пить пиво, а нам это запрещалось.

Мужская половина коллектива занималась рыбалкой. Все желающие вступили в немецкое рыболовное общество, платили членские взносы и имели удостоверения на право рыбачить на больших водоемах.

В выходные дни рано утром на заводском микроавтобусе рыбаки выезжали на рыбалку, а днем их привозили обратно домой. Летом ловили карпа, окуня, плотву. Кроме того, недалеко от дома находился кирпичный завод, на его территории был пруд, где нам разрешалось ловить карпов, которых по нашей просьбе разводил завод № 101.

Зимой также ездили на рыбалку, как только водоемы покрывались льдом. Ловили в основном окуня и плотву.

При желании можно было в субботу и воскресенье отдохнуть в заводской зоне отдыха. За советским коллективом было закреплено одно бунгало со всеми удобствами на две семьи.

Бунгало со всеми удобствами на две семьи.

Иногда для решения каких-то кардинальных вопросов (обычно это происходило в пятницу) в зоне отдыха проводилось заседание директората. После окончания заседания к нам присоединялись жены с детьми, и далее каждый отдыхал, как хотел.

Бывали случаи, когда в пятницу после работы или в праздничные дни директорат, в состав которого входили Дорофеев и Исаков, выезжали в какое-либо экзотическое место в Саксонии или Тюрингии. Так, например, неоднократно посещали ресторан в Оберхофе.

Особо памятна двухдневная поездка в Тюрингский лес в город Лауша. Выезжали из Цвиккау — светило солнце, была зеленая трава, а в Лауше — зима, шел снег, кругом сугробы. Поселились мы в пионерском лагере нашего завода. Город Лауша знаменит своими стеклодувами. В первый день мы посетили фабрику по производству стеклянных елочных украшений, которые пользовались большим спросом не только в ГДР, но поставлялись также в Западную Европу и СССР. Потом посетили частную мастерскую стеклодува, который при нас изготовил балерину из стекла. На следующий день нам предоставили возможность приобрести различные сувенирные изделия из стекла. После этого поехали в небольшой городок на границе с Западной Германией, где посетили музей детской игрушки.

Кроме общественной работы в профсоюзе я имел и партийное поручение, участвуя в работе методсовета при парткоме Генеральной дирекции. В ведение методсовета входила организация партийной учебы в советских коллективах «Висмута». Моя задача заключалась в составлении методичек к очередным занятиям и набор необходимой литературы для занятий.

На фото слева: Коллектив завода № 101 на зимней рыбалке.

Для этого пригодился многолетний опыт работы в методсовете парткома Минатома и методсовете Октябрьского райкома партии г. Москвы.

Несколько раз в году приходилось ездить в Берлин, в посольство СССР, в клубе которого проходили семинары пропагандистов. Лекторами выступали высокопоставленные руководители в области политики, экономики и дипломатии.

За хорошую работу в методсовете я был награжден почетной грамотой парткома.

У нас сложились дружеские отношения с военными советскими гарнизонами, расположенными вблизи завода, с транспортно-войсковой частью, расположенной в г. Альтенбург. Мы бывали в гостях друг у друга. В праздники военные приезжали к нам со своей художественной самодеятельностью.

Вместе с немецкими товарищами мы ездили поздравлять военных с 23 февраля в танковый полк, расположенный в небольшом городке недалеко от завода.

Часто военные приезжали на завод с просьбой помочь им различными материалами (краски, щебенка, сода и др.), и такая помощь им всегда оказывалась.

Уже упоминалось выше, что наши школьники учились в гарнизонной школе в Карл-Маркс-Штадте. Кроме того, мы имели пропуск на территорию гарнизона и могли посещать гарнизонный магазин. В гарнизоне был избирательный участок для голосования, к которому мы были приписаны, когда в СССР проходили выборы.

Раиса Алексеевна Воскобойникова

«Висмут» — моя судьба

Р. А. Воскобойникова,
1950-е гг.

Все началось в 1955 г., когда в числе пяти успешных выпускников Ленинградского финансово-экономического института меня, молодого специалиста, направили в распоряжение ГУСИМЗа. Там мы узнали, что нас командируют на работу в ГДР на советско-немецкое уранодобывающее предприятие, и получили подъемные в сумме, какой до сих пор не держали в руках, живя в общежитии почти на одну стипендию, хотя и повышенную. В августе 1955 г. нас встретили сопровождающие во Франкфурте-на-Одере и привезли в Зигмар, где находилось руководство СГАО «Висмут».

В то время молодые специалисты (горные инженеры, химики, переводчики и другие) приезжали целыми группами. Через несколько дней приехавших принимал генеральный директор «Висмута» В. Н. Богатов, и потом разъезжались все по разным Объектам.

Дружеские связи у завода сложились с родственными предприятиями в СССР, Чехословакии, Болгарии и Венгрии. Каждый год, в основном летом, приезжали различные делегации из этих стран по обмену опытом, и всегда советские специалисты участвовали в приеме этих делегаций.

Немецкие коллеги неоднократно посещали научно-исследовательские институты и рудоперерабатывающие комбинаты в СССР и особенно в Чехословакии, куда ездили на своих машинах без всяких виз. Не раз мне предлагали поехать вместе с ними в Чехословакию, но приходилось отказываться, так как для этого необходимо было оформлять разрешение в Москве по полной программе.

Только один раз я сопровождал группу немецких коллег в Москву с последующим посещением уранового комбината в Желтых Водах на Украине.

После окончания срока командировки в «Висмуте» я вернулся в Москву на прежнюю работу в Научно-техническое управление Минсредмаша.

Уже работая в министерстве, я дважды встречался со своим заместителем Д. Хитцигом и переводчицей Ниной Ланге, которые приезжали в Москву по линии Общества советско-германской дружбы. Но дальнейшая связь с немецкими коллегами по независимому от меня обстоятельствам прервалась, о чем я очень сожалею.

Годы моей работы в «Висмуте» оставили у меня на всю жизнь самые хорошие воспоминания.

Вспоминается очень доброжелательное отношение работников отдела кадров во главе с П. В. Щербаком, работников первого отдела, бухгалтерии, АХО, то есть всех, с кем приходилось общаться новичкам по прибытии. Поскольку я была специалистом по финансам и бухгалтеру, меня определили работать в плановый отдел Генеральной дирекции.

Генеральная дирекция находилась в то время на Гауссштрассе с двумя проходными: на Розмаринштрассе (с четырьмя магазинами на перекрестке) и на Цвиккауэрштрассе (с трамвайной линией). В Пельцмюлле работал Дворец культуры, где проводились все праздничные и торжественные мероприятия. В старом здании в парке размещался кинотеатр, кружки художественной самодеятельности, проводились занятия по изучению немецкого языка, спортивные занятия.

Было в те годы много свадеб, создавались семьи. И меня не обошло стороной это мероприятие. В 1957 г. в Проектное предприятие приехала группа специалистов по технической помощи. Один из них, горный инженер Виктор Сергеевич Воскобойников, стал моим мужем. Он тоже был молодым специалистом, окончил Московский институт цветных металлов и золота в 1954 г.

По окончании командировки в «Висмуте» была работа в Москве, в Китае, в Средней Азии, снова в Москве. В Узбекистане Виктор Сергеевич работал на урановом месторождении Учкудук, а затем на золоторудном месторождении Мурунтау в Зарафшане, с самого начала строительства комбината и города. За работу в Средней Азии В. С. Воскобойников был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

С 1972 г. нам снова посчастливилось работать в «Висмуте», где встретились знакомые по первому периоду работы в ГДР, но уже в другом качестве. Например, А. В. Балдин был заместителем главного инженера в Генеральной дирекции, В. С. Воскобойников приехал на должность начальника производственного отдела в Генеральной

дирекции и заместителя главного инженера.

Однако его работа там оказалась недолгой. В 1973 г. на 43-м году жизни мой муж умер от инфаркта. Я осталась вдовой с двумя мальчиками 8 и 14 лет. По грустной иронии судьбы свидетельство о браке и свидетельство о смерти мужа выдано одним и тем же консульством СССР в г. Карл-Маркс-Штадт...

Через год старший сын окончил 103-ю школу ГСВГ, а младший там же начал учиться в первом классе. Мне предоставили работу в СГАО в плановом отделе. А по окончании пятого класса младшим сыном мы уехали в Москву. Но, как оказалось, не навсегда.

В 1983 г. мне снова предложили работу в Генеральной дирекции «Висмута», то есть на прежнем месте работы, в плановом отделе. И это было мое последнее место работы перед уходом на пенсию. Таким образом, начало трудовой деятельности и конец ее были в «Висмуте».

Оба наших сына, Воскобойниковы Сергей и Алексей, окончили Московский геологоразведочный институт, один по горной специальности, другой — по разведке полезных ископаемых, — и продолжили династию горняков.

Георгий Георгиевич Андреев

Георгий Георгиевич АНДРЕЕВ родился в 1937 г. в Луганске. Окончил Харьковский горный институт в 1959 г. Горный инженер-механик. Работал во ВНИИОМШСе. Кандидат технических наук. В 1965 г. был командирован в СГАО «Висмут». Работал в НТЦ старшим инженером, начальником отдела. После окончания командировки в 1972 г. работал во ВНИИОМШСе. В 1974 г. снова командирован в СГАО «Висмут» и назначен на должность технического директора — зам. главного инженера Общества, работал до июля 1983 г. Лауреат Государственной премии СССР (1982).

Г. Г. Андреев.

Вспоминая «Висмут» и висмутян

Прохожу стандартные процедуры: собеседования в ЦК комсомола (мне было 27 лет, и мы с женой были комсомольцами), ознакомительные беседы со специалистами 8-го Управления. После всех этих процедур получаю проездные документы и загранпаспорта, слушаю последние наставления Ивана Ефимовича о поведении в пути (черного и белого не брать, «да» и «нет» не говорить), и вот я с женой Ольгой и трехлетней дочкой Ниной еду в поезде Москва — Берлин до станции Франкфурт-на-Одере. В поезде мы одни в купе. Знакомых лиц нет. В Бресте таможенный и пограничный контроль. Стандартные вопросы, заученные ответы, понятливые взгляды пограничников и таможенников. Первый раз пересекаю границу Союза и въезжаю в другую страну. Какое-то щемящее чувство и в то же время тревожно-любопытное ожидание будущего.

К вечеру прибыли на вокзал Франкфурта-на-Одере. Оказалось, что в поезде ехали еще несколько семей висмутян, возвращавшихся

1965 г. Минсредмаш. Оформление. Прибытие в «Висмут»

Август 1965 г. Москва. Большой дом на Ордынке. Легендарный Минсредмаш. Не без волнения захожу в здание. В бюро пропусков заявка на пропуск уже лежит. Поднимаюсь на второй этаж в отдел кадров. На каждом этаже серьезные молодые люди с пистолетами на поясе проверяют твой пропуск. В отделе кадров встречаются ироничный Ефим Павлович Холин, доброжелательные и приветливые Лидия Стефановна Ветрова и Лидия Ивановна Ульянова. Через их руки прошли тысячи специалистов и членов их семей, отъезжающих в «Висмут». А специалисты приезжали со всех концов Союза. Говорят, что театр начинается с вешалки. Я бы продолжил — организация начинается с отдела кадров. Ни в одной другой организации я не встречал такого внимательного и доброжелательного отношения к своим кадрам, как в 8-м Управлении Министерства среднего машиностроения.

Лаборатория вентиляции в здании старого банка. Справа: гаштетт «Гливия», в котором мы обедали (фото автора).

из отпуска. Встречаящий собрал нас всех, дал нам 20 марок на дорожные расходы, погрузил на ожидавший нас комфортабельный автобус и отправил в Зигмар. Старшим по поездке — так, видно, решили еще в отделе кадров в Москве — был Михаил Николаевич Цыгалов, возвращавшийся с се-

мейей из отпуска. Познакомившись, узнали, что он работает начальником горной лаборатории в НТЦ. Ехавшие с нами женщины тут же взяли Ольгу с Ниной под свою опеку, а меня — мужчины. Мы впервые почувствовали дух товарищества и взаимопомощи, который сопровождал нас потом в течение многих лет моей работы в «Висмуте» и был традиционен для коллектива «Висмута».

Первые незабываемые километры и часы на немецкой земле. Маленькие, аккуратные деревни и городишки. Опрятные дома, напомнившие мне дом, построенный Нуф-Нуфом из кирпича с черепичной крышей в сказке о трех поросятах. Двухполосный автобан и, конечно, заправочная «Морозовка» на полпути в Зигмар.

Поздно вечером приехали в Зигмар. Нас у автобуса встречали, кроме сотрудника отдела кадров «Висмута», Вадим Мельниченко, мой давнишний друг по работе во ВНИИ-ОМШСе в Харькове, и Валерий Придорогин из Донецка. Нас разместили в гостинице на третьем этаже Советского клуба. Мы немного посидели за ужином и расстались до утра. Утром пошел в Генеральную дирекцию и после оформления необходимых бумаг получил пропуск.

Лаборатория вентиляции

Работать я начал старшим инженером в лаборатории вентиляции научно-исследовательской части 3-го управления. В управление входили проектная часть и научно-исследовательская. Научно-технический центр стал самостоятельным предприятием в 1968 г. Лаборатория вентиляции размещалась в старом здании банка на Цвиккауэрштрассе напротив вокзала Зигмар-Шенау.

Начальником

лаборатории был Вадим Михайлович Мельниченко, его заместителем — Вилли Шлеингер, говоривший по-русски (был у нас в плену), педантичный и аккуратный человек. Его вскоре на этой должности сменил Гюнтер Шлотт, работавший до этого, после окончания Фрайбергской горной академии, в отделе вентиляции на Объекте 9.

В лаборатории работали еще три советских специалиста: В. Д. Придорогин, А. В. Кретинин и Н. В. Демин.

Валерий Дмитриевич Придорогин окончил в 1953 г. Ленинградский горный институт и прошел путь от горного мастера до руководителя шахты в Кадиевке (Донбасс), тогда же защитил кандидатскую диссертацию по методам борьбы с пылью. В 1967 г. был назначен главным инженером Кенигштайна.

Анатолий Валентинович Кретинин окончил политехнический институт в Алма-Ате, работал в Усть-Каменогорске в отделе вентиляции на Зырянском полиметаллическом руднике. В лаборатории «Висмута» занимался вопросами вентиляции в очистных блоках Объектов 9 и 90.

Николай Владимирович Демин окончил спецфак Московского института цветных металлов и золота, кандидат технических наук. В 1965 г. он приехал в «Висмут» по линии техпомощи из ПромНИИтехнологии. Работал вначале на Объекте 9 в отделе вентиляции у Гюнтера Депре. Затем перешел на постоянную работу в лабораторию вентиляции НТЦ. Занимался методами борьбы с радоном и продуктами его распада.

Все мы дружили не только между собой, но и семьями.

Руководителем научно-исследовательской части, затем Центра, был доктор Гюнтер Барт, позже он ушел на работу во Фрайбергскую горную академию. Его сменил доктор Эккельман. Главным инженером был Леонид Георгиевич Подоляко. В 1950-х гг. он работал в Чехословакии на предприятии «Яхимовские рудники». Курировал НТЦ заместитель главного инженера СГАО «Висмут» Виталий Николаевич Смирнов, который в 1956–1957 гг. работал по линии технической помощи от ПромНИИпроекта по выбору систем разработки для предприятий Роннебургского рудного поля.

Из немецких специалистов со мной вместе над проблемой охлаждения воздуха на глубоких горизонтах месторождения Нидершлема-Альберода работал Вольфганг Мюллер, примерно моего возраста, выпускник Фрайбергской горной академии. Настоящий исследователь, въедливый, критичный и трудолюбивый. Он разработал методики расчетов охлаждения воздуха при проходке тупиковых выработок с приме-

нием промежуточных воздухоохладителей для условий 4-го и 5-го каскадов месторождения Нидершлема-Альберода. По этой тематике им была подготовлена диссертационная работа, которую он успешно защитил во Фрайбергской горной академии. Я выступал на его защите.

С удовольствием вспоминаю инженера Георги, который также занимался тепловым режимом рудника Нидершлема-Альберода. Небольшого роста, спокойный, трудолюбивый и симпатичный молодой человек. Как оказалось, он был любителем рыбной ловли и несколько раз инициировал совместные рыбалки на различных водоемах.

К сожалению, не могу вспомнить по фамилии всех инженеров и коллекторов, с которыми работали и спускались в шахту для выполнения экспериментальных работ и снятия показателей приборов на глубоких горизонтах. Но некоторых припоминаю: Хольбик, Хайнц Ремер, Гюнтер Янек. Это были надежные, трудолюбивые и дружелюбные люди. Вообще, должен сказать, что за все время работы в «Висмуте» мне ни разу не приходилось слышать ядовитого шипения ни в свой адрес, ни в адрес своих товарищей. Споры, дискуссии были, но оскорблений или недружеского обращения — никогда.

Конечно, основную роль в создании творческой атмосферы в лаборатории играл Вадим Михайлович Мельниченко. Он обладал даром организатора, коммуникабельностью и отличным знанием немецкого языка, что помогало ему быстро решать возникающие проблемы. И за это его уважали и ценили как немцы, так и русские.

В 1966 г. наша лаборатория переехала в Грюне. Там мы разместились во внутреннем здании на втором этаже. В 2010 г. я с группой висмутян был в Грюне. На месте зданий НТЦ и ЦГП — большая лужайка. Все здания снесены.

Должен сказать, что проблема нормализации теплового режима на глубоких горизонтах (до 1800 м) захватывала не только требованием быстрого и эффективного ее практического решения, но и необходимостью решать научно-исследовательские задачи, которые еще не встречались в горной практике и горной теплофизике. Никто в мире не работал при таких температурах горных пород (более 65 градусов) и в таких больших объемах горных работ, не были изучены в реальных условиях вопросы тепло-массообмена, лучистого теплообмена между стенками выработок и рудничным воздухом и т. д. Все это было крайне интересно, и поэтому работа приносила мне истинное удовольствие. Даже специалисты из других областей знаний

принимали участие в наших работах. Геофизик Георгий Попков разработал методику и аппаратуру измерения влажности горных пород в массиве вокруг выработки в зависимости от температуры и влажности воздуха, продолжил работу по проветриванию.

Основную теоретическую и расчетную основу для выбора системы охлаждения воздуха для глубоких горизонтов рудника дал научный коллектив Института технической теплофизики АН УССР под руководством академика А.Н. Щербаня. Разработку рабочего проекта осуществило Проектное предприятие.

Огромную поддержку и заинтересованность в решении проблем охлаждения воздуха для глубоких горизонтов рудника Нидершлема-Альберода оказывал главный инженер Объекта 9 Иван Васильевич Дорофеичев.

Все вопросы нормализации тепловых и радиационных условий работы горняков решались в тесном взаимодействии с отделом вентиляции Объекта 9 и его начальником Гюнтером Депре, отличным специалистом и человеком, заряженным на взаимопонимание и контакт.

Для проверки своих результатов мы приглашали корифеев горной теплофизики. К нам приезжал из ПромНИИтехнологии профессор Александр Фролович Воропаев, который заинтересовался нашими результатами, и у нас были долгие дискуссии. Был доктор наук Вилен Павлович Черняк из института горной теплофизики АН УССР. С результатами наших работ сотрудники лаборатории выступали на международных конференциях. Вадим Мельниченко и Гюнтер Шлотт за свои доклады получили в 1968 г. серебряную медаль на международной конференции в Пршибраме. Я выступал в Ленинградском горном институте с докладом на Международной конференции по горной теплофизике.

Но самую высокую оценку работ по созданию системы охлаждения рудничного воздуха при отработ-

Здание НТЦ и проходная в Грюне. В нем размещались руководство и горная лаборатория (фото из архива Wismut GmbH).

И. В. Дорофеичев выступает после награждения его орденом Трудового Красного Знамени.

В этом здании НТЦ в Грюне на втором этаже была лаборатория вентиляции (фото из архива Wismut GmbH).

А. В. Кретинин.

Справа налево: Г. Барт, В. Н. Смирнов, Л. Г. Подоляко.

ке месторождения Нидершлема-Альберода получила группа специалистов «Висмута» при присуждении им Государственной премии СССР. Среди них был и Мельниченко Вадим Михайлович.

Нет уз святее товарищества

Не могу не сказать о тех добрых, товарищеских отношениях, которые сложились между нами, советскими специалистами лаборатории вентиляции, и нашими семьями. Конечно, в формировании таких отношений главную роль сыграл Вадим Мельниченко, обладавший личным обаянием и коммуникабельностью, прошедший во время войны воспитание духом коллективизма в интернатах для детей воевавших летчиков, комсомольскую школу молодых висмутян 1950-х гг.

Могу сказать, что дух товарищества и коллективизма составлял атмосферу жизни всего коллектива «Висмута». Есть тому множество примеров. Когда наш товарищ на стенде случайным выстрелом прострелил руку, и ему военные хирурги хотели ампутировать кисть, то только мумие, как они сказали, могло спасти ее от ампутации. Нужно было срочно его найти в горах Средней Азии, доставить в аэропорт и, передавая из самолета в самолет, привезти в ГДР. Весь коллектив висмутян стал срочно искать в Союзе знакомых альпинистов и геологов, которые знали, где в горах найти настоящее мумие. Ребята его нашли и через летные экипажи в течение двух дней доставили попутными самолетами в Берлин и передали в госпиталь. Руку удалось спасти.

Когда в 1968 г. у нас родился сын Андрей, то радость его появления была омрачена детским желудочным заболеванием (спазмами). Он погибал. Немецкий детский врач доктор Функе, применяя свою уникальную методику, выходил его. Вначале он сам проводил кормление, затем терпеливо объяснял матери, как и чем надо кормить. Выписывая малыша из больницы, он сказал, что только русская мать способна уделять столько внимания и любви своему ребенку. Настоятельно рекомендовал наваристый бульон из окуней. И когда поселок узнал, что

для питания Андрея нужен бульон из свежих окуней, то рыбаками был организован постоянный конвейер по снабжению окунями. Это помогло малышу преодолеть свой недуг, за что он и его любящая мама Оля выражают благодарность всем с этой фотографии.

Чувство товарищества сохраняется и после окончания работы в «Висмуте». Когда нашему заболевшему товарищу в Москве понадобился барсучий жир, то ребята-висмутяне прислали его с Алтая.

Кроме своих товарищей по лаборатории, я вспоминаю тех, с которыми мы вместе работали и проводили свободное время на спортивных площадках, охоте, рыбалке, экскурсиях. Не гнушались мы и праздничных застолий, где наши супруги соревновались в кулинарном искусстве.

В первый заезд мы подружились с семьей Подоляко — Леонидом Георгиевичем и Ниной Петровной, активной спортсменкой-волейболисткой. Первое время мою Ольгу хотели приобрести тоже к волейболу, но она отдала предпочтение плаванию, так как выросла у моря и плавала как рыба. Поэтому неоднократно участвовала в соревнованиях по плаванию, выступая за команду НТЦ.

Там же познакомилась с дружной семьей Назаркиных — Валентином Павловичем и энергичной Анной Матвеевной, активной волейболисткой, выступавшей за команду Зигмара.

Не могу не вспомнить Владимира Леонидовича Шмони́на и его супругу Нелли Максимовну. Володя был в 1949–1955 гг. начальником шахты № 26 на Объекте 3. А с 1963 г. работал в Проектном предприятии ГИПом по Тюрингии, а затем главным инженером Проектного предприятия. В свободное от работы время был азартным охотником и рыбаком.

Смирновы — обстоятельный и рассудительный Виталий Николаевич, заместитель главного инженера Общества, и хлебосольная Валентина Дмитриевна. Частенько собирались у них на квартире, куда иногда заезжал С. Н. Волощук поиграть в шахматы с кем-либо из присутствующих. Жертвой обычно был Ленья Подоляко.

Аркадий Арамович Петросов и его очаровательная супруга Светлана. Аркадий в первый заезд работал старшим инженером на руднике Объекта 9, второй раз с 1964 г. — заместителем начальника горной лаборатории НТЦ. Прекрасно стрелял на стенде, обучал меня искусству охотиться — и небезуспешно — с манком на козлов.

Александр Витальевич и Зинаида Ивановна Балдины были в «Висмуте» два раза. Первый раз с 1955-го по 1959 г., второй раз — с 1966-го по 1972 г. Александр Витальевич работал техническим директором, заместителем Вернера Рихтера. К охоте и рыбалке был равнодушен, но был фанатиком волейбола.

Такими же фанатиками волейбола были Евлюхины — Юрий Яковлевич и его супруга Майя. Юрий работал вначале на руднике на Объекте 9, потом в горной лаборатории НТЦ, а затем главным инженером НТЦ. Майя прекрасно пела и выступала в художественной самодеятельности.

Илья Николаевич и Лидия Ивановна Береговы. Илья работал ГИПом в Проектном предприятии. Специалист по открытым горным работам. Трудился и в Китае. Лауреат Государственной премии. Симпатичный, крепкий сибиряк. Любитель охоты и рыбалки. Супруга Лида — член сборной волейбольной команды Зигмара и активная участница художественной самодеятельности.

В 1970 г. в «Висмут» приехал мой институтский товарищ Александр Витальевич Андреев с супругой Линой Константиновной и сыном Александром. Мы с ними были очень дружны, тем более что наши жены в Союзе работали в одном институте и дружили еще с тех пор. Лина искусно пекла всякие вкусности. Особенно, мне кажется, удавались ей маленькие булочки с корицей (кнедлики) и заварные пирожные (эклеры). Объеденье!

Семья Даниловых, Юрий Сергеевич и обаятельная Евгения Ефимовна. Они вместе работали еще в первом заезде с 1951-го по 1957 г. Потом были в 1965–1972 гг. и в 1976–1984 гг. Евгения руководила детскими оздоровительными лагерями в летнее

время и пользовалась непрерываемым авторитетом и уважением у детей.

Из МГРИ приехал в горную лабораторию Олег Мухарбекович Кастуев. Начавший в молодости свою трудовую деятельность забойщиком, профессионально знающий горное дело, в конце своего командирования в «Висмут» он был назначен главным инженером нового современного рудника Дрозен и работал на нем до его закрытия.

Как кавказский человек, Олег прекрасно готовил шашлыки, но настоящим кулинарным талантом обладала его супруга Алла Николаевна. Когда она работала поварихой в столовой НТЦ, то к ней всегда выстраивалась очередь. Те, кому доставались блюда ее приготовления, получали истинное наслаждение.

Не могу не сказать доброго слова о страже нашего здоровья — главном враче советской поликлиники в Рабенштайне Вадиме Игоревиче Савицком. Любящие его пациенты нежно называли его «наш толстый Доктор». Он, как доктор Айболит, был добрым, внимателен и участлив. Это я испытал на собственной шкуре, то есть коже. Любил активный отдых, ходил загонщиком на охоте и ездил на рыбалку. Таким же внимательным и заботливым врачом была его супруга Наталья Петровна.

Почти земляк, окончивший, как и я, Харьковский горный институт, Вячеслав Иосифович Василенко и его супруга Галя были для нашей семьи образцом дружелюбия и чуткости.

Из Донецка приехал Виктор Викторович Кара. С ним я познакомился, когда был в командировке в ДонУГИ. Он успешно внедрял на шахтах Донбасса химические анкеры. «Висмут» заинтересовался его работами и пригласил для освоения технологии химических анкеров на своих рудниках. Виктор оправдал надежды, энергично взявшись за распространение новой технологии. Он вообще отличался энергией и целеустремленностью. Вспоминаю, как он, не умея стрелять из охотничьего ружья, занимаясь в течение нескольких месяцев по своей методике,

Слева на фото: Команда НТЦ по плаванию: О. Андреева, В. Мельниченко, Л. Подоляко, ?.

Справа: С. Н. Волощук и Л. Г. Подоляко играют в шахматы, А. А. Петросов не мешает.

В. Л. Шмони́н.

И. Н. Береговы.

На фото слева: Мама Оля и сыночек Андрюша.

Справа: Встреча Нового года: Ольга Андреева, Вадим Мельниченко, супруги Марковы, Зина Мельниченко.

Волейболистки: Нина Подолько, Майя Евлюхина, Лида Берегова, Сердюкова, Галя Булатова, Наташа Сиромолот, Аня Назаркина, Майя Дубинкина.

Евгения Данилова.

А. В. Андреев с женой Линой и сыном Сашей.

народов. А дух взаимопонимания и доброжелательности между людьми значительно сильнее любого, даже атомного оружия.

Отдел комплексной механизации

В конце 1960-х начинается бурное развитие механизации очистных и проходческих работ: внедрение самоходного погружно-доставочного оборудования, буровых кареток для проходки горизонтальных горных выработок, механизированных полков для проходки восстающих, бурение скважин большого диаметра. В НТЦ был организован новый отдел, который был призван заниматься механизацией проходческих работ. Мне предложили, учитывая мой опыт работы во ВНИИОМШСе, в нем работать начальником отдела. Я согласился. Определенную роль в этом сыграл разговор с Александром Витальевичем Балдиным, работавшим в то время техническим директором Общества, который был ярким сторонником внедрения самоходного горного оборудования и применения новой техники.

Отдел размещался на улице Цвиккауэрштрассе, напротив Гауссштрассе, в здании старой шпаркасси на третьем этаже.

Заместителем начальника отдела был Хайнрих Ридель, моего возраста, выдержанный, слегка ироничный, обладающий чувством юмора. Пользовался непререкаемым авторитетом в коллективе.

Группой вертикальной проходки руководил Вольфганг Капуста — автор механизированного полка для проходки восстающих в неустойчивых породах. У него в группе работал Маттиас, бывший проходчик вертикальных выработок, Герой труда. Крепкий мужик, рыжеволосый, с голубыми глазами и кулаками, как пивные кружки 0,5 л. Краем уха слышал, что в игривом настроении он мог зажечь фонарь под глазом неудачливого собеседника.

Еще были группы горизонтальной проходки, транспорта, бурения скважин большого диаметра. Помню Хайнца Зайферта (механизация очистных работ), доктора Клауса Дитцеля (горизонтальная проходка), Диттера Клюге (техника для бурения), Альфред Борковски (механизация вспомогательных работ). Был еще переводчик, вроде турок, Исмаил. Он много и тесно работал с Юрием Смирновым, занимающимся вращательным бурением, и с Анатолием Чувилиным, специалистом из ВНИИ твердых сплавов, работавшим по линии тепломощи по внедрению новых твердосплавных коронок. К сожалению, не все фамилии и имена остались в памяти. Но остались добрые, деловые и товарищеские отношения в коллективе и ко мне конкретно. Бывал с Ольгой в гостеприимном доме у Хайнриха Риделя и его супруги Бригитты.

Работа в отделе механизации в какой-то мере подготовила меня к следующему этапу моей работы в «Висмуте».

Второй приезд в «Висмут». Строительство рудника Дрозен

Второй раз в «Висмут» я был приглашен в 1974 г. на должность заместителя главного инженера Общества вместо уехавшего Александра Витальевича Балдина. Вначале я поехал один, а Ольга с детьми приехала позже.

Когда я перед своим вторым отъездом в «Висмут» проходил собеседование в оборонном отделе ЦК, то мне было сказано, что основная моя задача — строительство нового современного рудника Дрозен, который должен компенсировать выбывающие мощности старых рудников. Причем надо укладываться в нормативные сроки, то есть в 4 года. Меня в 8-м Управлении уже подробно информировали о намечающемся строительстве нового глубокого рудника. Рассказали, что проектирование находится в начальной стадии, место заложения стволов еще не выбрано, структурная скважина не пробурена и есть опасность встретить водоносные горизонты. И когда в ЦК я робко возразил, что еще не пробурена скважина, и как проходить стволы, мы еще не знаем, мне в ответ было сказано: как будете проходить стволы — ваше дело, но чтобы рудник был построен вовремя.

Прибыв в «Висмут», я был принят генеральным директором Общества Семеном Николаевичем Волощуком, который поставил мне задачу повысить эффективность ведения горных работ за счет применения новой техники и технологий. В пример ставил Александра Витальевича Балдина, на замену которого я приехал. И конечно, сказал о проектировании рудника Дрозен и о том, какие сложности могут встретиться при его строительстве. Должен сказать, что многолетние контакты с Семеном Николаевичем в рабочей обстановке и в свободное время показали мне, какой это уникальный и многогранный человек, пользовавшийся заслуженным авторитетом в коллективе Общества. Высокий профессионализм, цепкий ум и рассудительность были присущи ему при решении зачастую сложных проблем различного характера, возникавших в Обществе. Мне, молодому человеку, было приятно работать с ним, и было, чему у него поучиться, за что я ему благодарен.

Потом был разговор с первым замом генерального директора Общества Вернером Рихтером. Официально я был назначен техническим директором Общества (по советскому штатному расписанию моя должность была — зам. главного инженера Общества) и подчинялся непосредственно ему. Обая-

тельный, скромный человек и высокопрофессиональный специалист, досконально знающий производство, Вернер Рихтер с самого начала располагал к себе. И каждый, кто с ним работал, чувствовал себя комфортно. На протяжении многих лет, работая с ним, я всегда находился в его атмосфере делового сотрудничества, открытости, человеческой дружбы и товарищества.

Начались трудовые будни. Я курировал технический отдел, начальником которого был Фред Вайраух. Запом у него был Анатолий Алексеевич Степин, кандидат технических наук, прекрасный специалист. В отделе капитального строительства начальником был Хайнц Нойман, в 1950-е гг. занимавшийся проходкой стволов на Объекте 9. Его заместителем — Дмитрий Трофимов, опытный шахтостроитель из «Кривбассшахтопроходки». Технологический отдел — начальник Эрвин Кринке. Заместителем у него был Юрий Мягкохлебов, опытный горный инженер из Желтых Вод. В сферу моей деятельности входили: НТЦ (директор — Бернхард Конецки, главный инженер — Юрий Яковлевич Евлюхин) и Проектное предприятие (директор — Ханске, главный инженер — Владимир Викторович Лопатин). Руководитель проектов по предприятиям Гюрингии — Борис Забелин. Все знакомые товарищи еще по первому заезду.

Отдел механизации в здании шпаркасси, на третьем этаже (1993 г.).

На Белорусском вокзале Ольгу с детьми провожают моя мама и Петя Кобзев.

В. В. Лопатин.

Б. П. Забелин.

Владимир Викторович ЛОПАТИН родился 20 декабря 1933 г. в г. Ярославле. Окончил Московский горный институт, горный инженер-механик (1956). Специалист в области проектирования предприятий урановой и золоторудной промышленности. Вся его трудовая деятельность связана с урановой промышленностью. В 1956–1974 гг. работал в институте ПромНИИпроект Министерства среднего машиностроения СССР (ныне ВНИПИ-промтехнологии), г. Москва. С 1974-го по 1982 г. — в СГАО «Висмут»: начальник проектного отдела, главный инженер Проектного предприятия. С 1982 г. — первый заместитель директора института ВНИПИпромтехнологии. Директор института (1992). Лауреат Государственной премии СССР.

Борис Павлович ЗАБЕЛИН родился 22 мая 1928 г. в с. Кандалово Читинской обл. Окончил Свердловский горный институт, горный инженер (1951). Вся трудовая деятельность проходила на предприятиях Министерства среднего машиностроения СССР: начальник участка, горный инженер, старший горный инженер по эксплуатации рудника, начальник Объекта по перспективной разведке месторождений урана на предприятиях Советско-Болгарского горного общества (1951–1955); в 1955–1994 гг. — в институте ПромНИИпроект (ныне — ВНИПИпромтехнологии) — старший инженер (1955–1964), главный инженер проекта (1964–1973). С 1973-го по 1980 г. работал в СГАО «Висмут», — главный инженер проекта, главный инженер Проектного предприятия. В 1980–1994 гг. — главный инженер проекта института ПромНИИпроект. Награжден медалями СССР, орденом «Знамя труда» ГДР I степени, знаком «Шахтерская слава» II и III степеней.

Лопатин и Забелин рассказали о проектировании рудника Дрозен. Предполагалось, что это будет мощный рудник производительностью 1000 тонн урана в год, оснащенный современной техникой, который придет на замену выбывающим. Не буду приводить технические подробности, расскажу здесь только о некоторых эпизодах.

Место заложения стволов №№ 403 и 415 попало, к сожалению, на старый черешневый сад, прямо-таки чеховская история. Мы

Место заложения стволов №№ 403 и 415 «Черешневый сад» (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH).

с Володей Лопатиным и Борисом Забелиным были там, когда ягоды уже поспели. Крупные, темно-вишневого, почти черного цвета, очень сладкие ягоды. Деревья, наверное, нам это предательство не простили, что мы вскоре в полной мере и вкусили.

Первая сложность возникла после получения данных по структурным скважинам по осям стволов №№ 403 и 415. Проходчиков ожидали три водоносных горизонта на первых ста метрах. Нужны были спецспособы проходки. Цементация или замораживание? Проектировщики приняли решение — цементация. Для выполнения работ пригласили народное предприятие из Гоммерна, специализировавшееся на цементационных работах, которые оно вело на севере ГДР при поисковых работах на нефть. Прибыло оборудование — буровые установки, мощные цементационные насосы и бригада во главе с бригадиром. Бригадир — молодой голубоглазый симпатяга с русыми кудрявыми волосами — оптимистично заявил, что, мол, ребята, задавим воду, не такую давили. Цементационное оборудование может развивать давление до 200 атмосфер. Так что не беспокойтесь. И пошла машина в ход, и грохочет, и ревет.

Прошло некоторое время после начала цементации, мне звонит Володя Лопатин и говорит, что надо ехать на Дрозен и разбираться. Ему звонил маркшейдер из Дрозена и сообщил, что все маркшейдерские отметки на поверхности поползли вверх. Скорей всего, это результат цементационных работ. Мы приехали на площадку ствола № 415. Маркшейдер показывает результаты. Да, действительно отметки поползли вверх. Цементационные насосы работают и «давят» раствор. Ищем симпатягу-бригадира. Рабочие, улыбаясь, говорят, что скоро будет, он уехал по делам. Работы в дальнейшем остановили. Оборудование увезли, рабочие с бригадиром уехали. Но до нас дошли слухи, что в окрестностях Дрозена через несколько месяцев некоторые молодые мамы произвели на свет симпатяшек.

Однако неприятностей при проходке стволов №№ 415 и 403 после проведенной цементации избежать не удалось. Причем совершенно с неожиданной стороны. Для монтажа проходческого оборудования необходимо было на стволах пройти технологический отход. Вскрыв 15 февраля 1976 г. проходкой 22-й метр технологического отхода на стволе № 415, получили аварийный приток воды вначале порядка 100 м³/час, а затем, 20 марта, максимальный приток достиг 470 м³/час, после чего уменьшился и к 30 апреля практически прекратился. Водоприток был из пермотрисассовых доломитов, которые на структурной скважине были отмечены как «0,5 метра — потеря керна» и зацементированы не были. Для откачки воды использовались гирлянды шведских погружных насосов. Откачивая из ствола воду в течение трех месяцев, осушили все колодцы в округе. Пришлось срочно снабжать поселки привозной водой, искать новый водозабор

и тянуть постоянный трубопровод для снабжения населения водой.

Вместе с водой из водоносного горизонта выносило много грунта. В месте водопритока под нижней частью бетонной крепи ствола и подошвой забоя образовалась промоина высотой около метра. В эту промоину я и гидрогеолог Иванов пролезли, чтобы уточнить картину разрушения за крепью ствола. То, что мы увидели, — удручало. Образовалась большая полость высотой метров девять, шириной метров пять, в радиальном направлении — метра четыре, обнажив ряд цементационных труб. Для того чтобы не происходило дальнейшее обрушение полости вокруг ствола, надо было срочно ее забетонировать. Прорубили в крепи ствола отверстие и залили быстротвердеющим бетоном. В дальнейшем при проходке этих стволов осложнений не было. Но перед проходкой вентиляционного ствола № 416, гидрогеология которого была примерно такая же, применили замораживание для формирования ледопородного цилиндра глубиной 123 метра.

Потерю времени на цементацию и устранение аварий на стволах №№ 403 и 415 я предложил компенсировать сооружением постоянных копров одновременно с проходкой стволов с последующей надвижкой смонтированных копров на пройденные стволы. Копры монтировались в 50 метрах от стволов. Об опыте проведения таких работ мне стало известно во время командировок из ВНИИОМШСа на Норильский горно-металлургический комбинат им. А. Завенягина. Обсудил этот вопрос с Лопатиным и Забелиным. Решили реализовывать эту технологию.

Для копра ствола № 403, имеющего вес 478 тонн, был принят оригинальный способ передвижения копра, четыре ноги которого опирались через гидроцилиндры на кессонные воздушные подушки, перемещающиеся по плоским направляющим. После перемеще-

ния копра на нужное место гидроцилиндры опускают его на фундаменты. Технология была разработана СМП-17 совместно с народными предприятиями «Нордхаузен» и тяжелого автотранспорта. Операция по надвижке была успешно осуществлена 26 августа 1981 г.

Для башенного копра № 415, имеющего вес 4700 тонн, был применен метод перемещения по рольганговым звеньям, катящимся по четырем заранее смонтированным и отрихтованным направляющим. Тяговые усилия для перемещения копра создаются лебедками и системой полиспастов. Технология была разработана Проектным предприятием и СМП-17. На надвижке заранее смонтированного копра мы выиграли два года.

Неожиданной проблемой стала наладка подъемной машины МК 5 × 2 для ствола № 403. Ни группа наладки завода-изготовителя, ни специалисты из других уважаемых наладочных организаций не могли довести до ума эту прекрасную машину, с современной системой управления. Сроки сдачи подъемного комплекса поджимали.

Последней надеждой на спасение был главный инженер ПромНИИпроекта Леонид Андреевич Сергеев, работавший в 1965–1968 гг. в «Висмуте», профессионал высочайшего класса. К счастью, у него нашлось окно в рабочем графике, и он приехал в «Висмут» по линии технической помощи на пару недель.

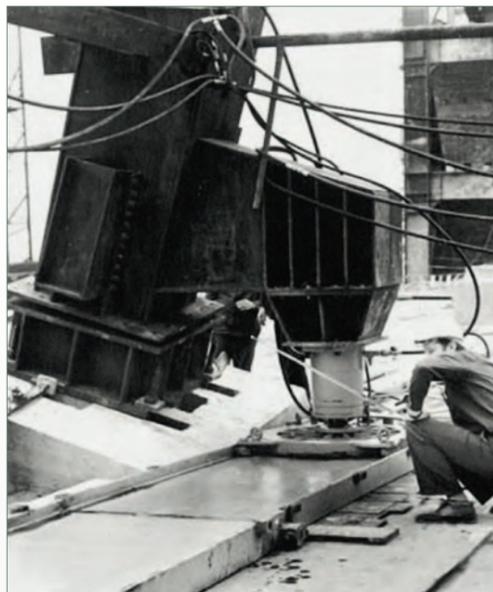
Леонид Андреевич СЕРГЕЕВ родился 9 марта 1938 г. в г. Вольске Саратовской обл. Специалист в области практической деятельности: проектирование горнодобывающих предприятий. Окончил в 1960 г. Московский горный институт по специальности «горный инженер-электромеханик». После окончания института, с 1960-го по 2000 г., — работал во ВНИПИпромтехнологии. Прошел путь от инженера, ст. инженера, начальника группы, начальника бюро, главного инженера отдела, начальника комплексного проектного отдела до главного инженера института.

Слева на фото: Цементационные работы на стволе № 415. Остатки черешневого сада (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH).

Справа: Баки для снабжения населения водой (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und sanierung», August 2004, Wismut GmbH).

Л. А. Сергеев.

Перемещение копра № 403 на кессонной воздушной подушке (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und Sanierung», August 2004, Wismut GmbH).

Этого времени оказалось достаточно, чтобы вдохнуть жизнь в эту мертвую груду металла и современной электроники. Как женщина, вытаскивая заколку из своих волос и встряхивая головой, распускает волосы и показывает их великолепие, так и Леонид Сергеев, найдя конкретную точку в схеме, дал машине заработать на всю мощность. Репутация советской подъемной машины была спасена.

В 1982 г. начались опытные очистные работы на блоке № 729. Рудник Дрозен стал наращивать добычу урана. Первым и последним директором рудника Дрозен был Роланд Штельциг.

С 1985 г. главным инженером рудника назначается Олег Мухарбекович Кастуев.

Командировка в «Донецкшахтопроходку» в 1977 г.

Для выбора технологии и оборудования для проходки стволов на Дрозене была организована ознакомительная поездка немецкой делегации на лучший в Союзе шахтопроходческий трест «Донецкшахтопроходка». Предварительно я съездил в Донецк и встретился с руководителем треста Рафиком Арминаковичем Туркян, лауреатом Ленинской премии, которой он был удостоен за скоростные проходки стволов, и договорился о времени и объекте посещения нашей делегации. Он предложил посмотреть

проходку глубокого ствола на строящейся шахте им. Засядько. Нас интересовали, в первую очередь, современные комплексы проходки стволов и технология ведения работ. В состав делегации вошли: Хайнц Нойман — руководитель 4-го (капитальное строительство) отдела Генеральной дирекции, Лотар Роннеберг — директор организованного шахтопроходческого предприятия, Петер Вайскер — главный инженер проекта рудника Дрозен, бригадир проходчиков (фамилию не помню), Коля Грановский — переводчик и я. Нойман в 1950-х гг. проходил глубокие стволы на Объекте 9 и работал вместе со специалистами из «Донецкшахтопроходки» Мустафиным и Бондаренко, приехавшими по технической помощи для внедрения грейферных погрузчиков и скоростных технологий проходки стволов. И он с большим нетерпением ждал встречи со своим бывшим коллегой — Мустафиным, о котором отзывался с большим уважением.

Товарищи из «Донецкшахтопроходки» встретили и организовали все с традиционным шахтерским хлебосольством и гостеприимством. Мы были на проходке ствола на шахте им. Засядько, посмотрели в работе проходческий комплекс КС-2М и БУКС, и другое оборудование.

Хозяева организовали в выходной день поездку на их базу отдыха на берегу Азовского моря. На обратном пути посетили заповедник «Хомутовские степи» с ковыльными волнами и перекасти-поле.

В конце поездки встречались с Р.А. Туркьяном, обменивались мнениями и обсуждали интересующие нас вопросы. В частности Туркян заинтересовался нашей технологией проходки сопряжений и приствольных выработок при помощи самоходных погрузочно-доставочных машин и буровых кареток вместо скреперных установок. Мы пригласили его в «Висмут» посмотреть эффективность этой технологии.

Ознакомление на шахте им. Засядько с работой стволового проходческого комплекса убедило членов нашей делегации в целесообразности закупки и применения его для проходки глубоких стволов Дрозена.

Ну и наконец, Хайнц Нойман и остальные члены делегации были приглашены в гости к его давнему знакомому и коллеге — Заядину Шариповичу Мустафину. Стол изобилует татарскими блюдами (пальчики оближешь), в приготовлении которых хозяин дома, татарин по национальности, знал толк. Застолье перемежалось воспоминаниями Мустафина о работе и жизни в «Висмуте» в далеких 1950-х гг. Один забавный случай, произошедший с ним и его напарником Бондаренко на Лейпцигской ярмарке, особенно нас развеселил. Бондаренко, один

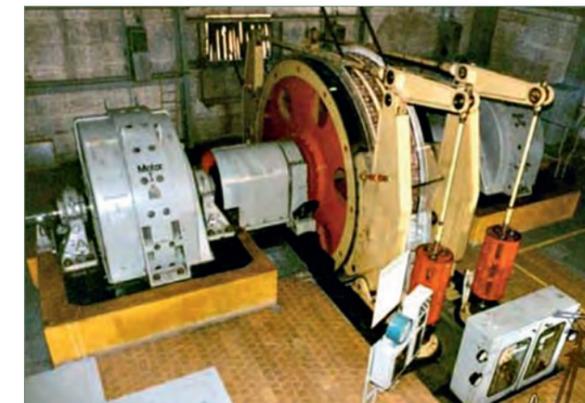
из лучших операторов треста, работающих на стволовых грейферах БЧ, обладал недюжинной силой. И вот, обходя павильоны на Лейпцигской ярмарке, они натолкнулись на стенд, хозяин которого демонстрировал свой гайковерт, заявляя, что никто не сможет открутить гайки, завернутые его инструментом. Бондаренко послушал его и попросил: «Дай попробую». Подошел, приложил к гайке своими «музыкальными пальчиками» и... раз — и открутил. Хозяин не поверил, закрутил снова гайку — пробуй. Но «музыкальные пальчики» Бондаренко открутили и эту гайку. На третьей гайке процесс повторился. Вокруг стала собираться любопытствующая публика. Хозяин, видя назревающую скандальную ситуацию, предложил сделать перерыв и зайти в его офис за стендом. Там он предложил выпить и закусить. Ребята согласились. Но когда он налил немецкий доппельт (40 граммов) водки, то ребята обиделись. Пришлось ему наливать в пивные стаканы. В общем, дело кончилось полубовно — Бондаренко сказал, что больше его гайки откручивать не будет. Ребята ушли довольные, оставив хозяина в раздумьях о путях совершенствования своего гайковерта.

В Москве делегацию встретил сотрудник 8-го Управления Минсредмаша Иван Алексеевич Бычков, который в 1950 г. работал в «Висмуте» начальником производственно-технического отдела Объекта 10. Он любезно согласился показать достопримечательности Москвы членам делегации.

А Рафик Арминакович Туркян потом приезжал в «Висмут» и убедился, что при нашей технологии проходки расчечек руддворов и околоствольных выработок с помощью самоходных погрузочно-доставочных машин и буровых кареток, можно давать производительность более 1000 м³/месяц. Посетовал только, что у них нет такого оборудования, которое производит «Висмут».

«Секретно» и «Совершенно секретно»

С первых дней своей деятельности «Висмут» был закрытой организацией, и сведения о его деятельности носили секретный характер. Это, в общем-то, в условиях конфронтации двух держав и ведения холодной войны, было понятно. Ведь добывали стратегически важный материал, имевший огромное военно-политическое значение. Поэтому все сведения о добыче, содержании и запасах урана в целом по «Висмуту», по его рудникам (производительность, размеры рудных полей, количество горизонтов, глубина работ и т. д.) и обогащательным предприятиям имели гриф «секретно» или «совершенно секретно». Материалы «секретно» печатались на лис-

Подъемная машина МК 5 × 2 ствола № 403 (Frank Wolf, Klaus Hinke. «Bergbaubetrieb Drosen Uranerzgewinnung und Sanierung», August 2004, Wismut GmbH).

Во временном здании подъемной машины МК 5 × 2. Почему не работает? Слева направо: П. Вайскер, Г. Г. Андреев, В. П. Назаркин, Б. Лобанов (фото из архива Г. Андреева).

Делегация (справа налево): Х. Нойман, Н. Грановский, Л. Роннеберг, второй слева — Г. Андреев, остальные — сотрудники треста.

М. М. Ошкин на экскурсии
в Берлине. 1977 г.

тах бумаги, имеющих диагональную зеленую полосу, материалы «совершенно секретно» — на листах с диагональной красной полосой. Перечень документов и различных форм, относящихся к тому или иному грифу секретности, ежегодно утверждался техническим директором Общества по представ-

лению секретного отдела Генеральной дирекции. Мне пришлось с этой процедурой лично столкнуться во втором моем заезде, когда я работал техническим директором, заместителем главного инженера Общества. Происходило это следующим образом. Начальник секретного отдела принесил мне целую пачку этих перечней и форм (высота стопки примерно 30 см), и каждый лист надо было посмотреть и подписать. Начальником секретного отдела в то время работал Михаил Максимович Ошкин. Очень интеллигентный, спокойный и доброжелательный человек. Он заранее со мной договаривался о дне и времени, когда

Х. Нойман, Н. Грановский,
И. А. Бычков, Л. Роннеберг
в Москве.

он может прийти с этой пачкой документов, чтобы в спокойной обстановке подписать их, так как процедура эта длилась часа три. Под конец процедуры рука отваливалась. В один из таких дней, когда пальцы уже деревенели от процесса подписания, я ему говорю: «Михаил Максимович! А ведь половину сведений из тех листов, что мы с тобой подписываем, легко определить безо всяких сложностей. Вот, например, любой грамотный горный инженер по конструкции шахтного копра может определить, на какую глубину он рассчитан. Засекая время начала и окончания вращения шкива на копре, можно определить глубину подъема, количество горизонтов, так как скорость движения клетей — международный стандарт. Опять же, по движению шкива при перестановке определим количество этажей в клетях. Рассматривая поверхность, видим вентиляционные стволы. Становится понятным размер рудного поля. Зная это, можно с определенной точностью определить производительность и все остальные параметры рудника. А содержание урана в добываемой руде можно определить по просыпям на железнодорожных путях или автодорогах».

Михаил Максимович помолчал, потом спросил меня, кому я об этом говорил. Я ответил: «Никому, вот с вами рассуждаю». Он попросил: «Тогда больше никому не говори». И я продолжил ставить свои каракули.

Второй случай на эту тему произошел во время приезда министра Е. П. Славского на празднование 25-летия «Висмута». Ефим Павлович должен был произнести речь на торжественном собрании висмутяне в Конгресс-халле Дрездена. Присутствовало несколько сотен немецких горняков в парадных мундирах и при наградах. Все ждали выступления министра. Для своего выступления он поручил Валентину Павловичу Назаркину (в то время он работал заместителем руководителя 8-го Управления) подготовить справку о деятельности «Висмута». Я помогал Валентину Павловичу в подготовке материалов. Чтобы придать яркость выступлению министра, решили дать оценку того, какое место среди уранодобывающих предприятий в мире занимает «Висмут». Сравнили цифру годовой добычи с другими производителями, оказалось третье место в мире, и эту фразу включили в справку. Сведения эти по тем временам были секретные. Ефим Павлович выступал как всегда энергично, почти не заглядывая в справку. Когда он громко назвал цифру и место в мире, сопровождая эту фразу энергичным взмахом руки, то зал восторженно загудел. А сидящий рядом со мной Михаил Максимович вжался в кресло и тихо меня спросил:

«Кто писал ему выступление?» Я так же тихо ему отвечаю: «Вы же видите, он сам говорит, без бумажки».

Успех выступления Е. П. Славского был впечатляющий. Висмутяне получили высокую оценку своему труду и заслуженно гордились этим. Министр прекрасно понимал, что это значительно лучше и важнее, чем поддерживать секрет Полишинеля.

Разработка и производство дизельной самоходной техники

Успех первого технического перевооружения рудников Роннебургского рудного поля, ликвидация эндогенных пожаров за счет внедрения высокоэффективной технологии отработки рудных тел слоями под твердеющей закладкой, создание мощной машиностроительной базы, выпускающей необходимое оборудование для предприятий Общества, создали предпосылки для дальнейшего совершенствования технологии и техники ведения горных работ. Этому способствовала работа Научно-технического центра и его лабораторий. Главный инженер НТЦ Юрий Евлюхин ознакомил меня с интересной работой, выполненной в горной лаборатории, по совершенствованию системы подготовки блоков с помощью наклонных съездов («рампентехнологи»). Однако с существующим пневматическим погрузочно-доставочным оборудованием, радиус действия которого был ограничен шлангом, эффект полностью не достигался. Требовалось оборудование с независимым, автономным приводом, которое могло бы преодолевать довольно крутые уклоны на съездах и обеспечивать высокую производительность работ, например, с дизельным приводом. Проанализировав выпускаемое в мире оборудование, мы пришли к выводу, что для наших специфических горнотехнических условий подходит однокубовая погрузочно-доставочная машина L-62 западногерманской фирмы.

НТЦ выполнило технико-экономическое обоснование области применения новой технологии применения «рампентехнологи», возможного увеличения производительности труда забойщика и снижения затрат на ведение работ. Исследования дали хорошие результаты при работе в горнотехнических и горно-геологических условиях, известных на то время. Но для реализации этой «рампентехнологи» требовалось принципиальное решение руководства «Висмута», так как кроме изменения самой горной технологии необходимо было изготавливать принципиально новое для «Висмута» оборудование (дизельное погрузочно-доставочное оборудование, буровые станки для бурения рудоспусков), решать вопросы его

обслуживания и ремонта, разработки новых сечений выработок под это оборудование и многие другие.

Я пошел на доклад к Генеральному. Семен Николаевич внимательно выслушал, задал вопросы и дал принципиальное согласие на продолжение работ, поручив доложить о нашем разговоре Вернеру Рихтеру и готовить доклад на НТС Общества. Разговор с Вернером был обстоятельный и долгий. Он сразу представил масштабность работ. Но в первую очередь надо было подготовить доклад на НТС. Он не будет легким. И Рихтер оказался прав. На НТС было много вопросов, как со стороны директоров рудников, так и со стороны геологов. Всех беспокоила наметившаяся тенденция к ухудшению горно-геологических условий при переходе к отработке флангов Роннебургского рудного поля. После активных обсуждений НТС было принято решение развивать это новое направление совершенствования технологии и техники с учетом конкретных горнотехнических и горно-геологических условий. И тут дело закрутилось. Была разработана программа «Развитие самоходной дизельной техники», охватившая практически все предприятия Общества. Первая задача — изготовление самой дизельной техники. Основное условие — все компоненты разрабатываемого оборудования должны производиться только в странах СЭВ. Изготовление первых образцов погрузочно-доставочных машин с емкостью ковша 1 куб. м было поручено заводу «Гормаш Ауэ». Для того чтобы учесть при разработке конструкции интересы и требования всех, кто будет работать с этим оборудованием, я организовал рабочую группу, состоящую из заинтересованных специалистов: конструкторов завода-изготовителя; горняков, которые будут работать на машинах; слесарей-ремонтников, которые будут ремонтировать; службы вентиляции, для учета требований санитарно-гигиенических условий; проектировщиков и сотрудников горной лаборатории НТЦ — для разработки технологии ведения горных работ, паспортов горных выработок и организации всей инфраструктуры обслуживания нового оборудования. Раз в неделю мы собирались в моем кабинете и решали возникающие проблемы. Это позволило в кратчайшие сроки (менее года) разработать и изготовить в 1976 г. первые образцы машин и приступить к их испытаниям. Не вдаваясь в подробности, могу сказать, что новое дизельное оборудование было создано в «Висмуте» в беспрецедентно короткое время. От начала разработки технического задания, конструирования, испытания опытных образцов до серийного производства прошло всего 1,5 года. В 1980 г. объемы

Михаил Максимович Ошкин,
начальник секретного
отдела Гендирекции.

Слева направо:
Юрий Найденко,
Вернер Рихтер,
бригадир проходчиков
Йохан Ботэ,
Георгий Андреев. 1980 г.

очистной выемки по технологии «рампентехнологи» с применением дизельной техники на ведущих рудниках Роннебургского рудного поля достигли 50 %.

Эта работа по созданию и освоению самоходной дизельной техники доставляла мне огромное удовлетворение от реализации задуманных планов и возможности видеть востребованность плодов своей деятельности. Кроме того, работа над этой проблемой позволила мне познакомиться с большим количеством людей, которые также были заинтересованы в успехе дела, увлеченно и творчески искали оптимальные варианты решения. И такие люди были на всех предприятиях, связанных с решением этой проблемы. На руднике Шмирхау технический директор Рудольф Дейнеке, понимая преимущества самоходного дизельного оборудования, предложил вскрыть нижние горизонты наклонным съездом с помощью этой техни-

Вспоминая о прошлом, думая о будущем

Какое место занимает «Висмут» в моей пятидесятилетней трудовой деятельности? В общей сложности 18 лет — не такой уж и большой срок. Но по своему воздействию на меня как на специалиста и человека имел решающее значение.

Как предприятие, «Висмут» органично сочетал в своей деятельности производство, науку и проектирование, считая это залогом успешных результатов своей работы. Начав работать в НТЦ, я почувствовал это в своей повседневной деятельности. Тематика научно-исследовательских работ формировалась

ки. На руднике Беервальде инициаторами вскрытия нижних горизонтов по этой технологии выступили технический директор Гюнтер Пич и главный инженер Петр Кузема.

На фото, приведенном выше, мы разговариваем с Йоханом Ботэ — одним из лучших бригадиров проходчиков рудника Пайцдорф, работавших в очистных блоках на дизельном самоходном оборудовании. Йохан Ботэ перешел в «Висмут» из угольной шахты в 1967 г. 24-летним парнем и успешно работал на руднике Пайцдорф до 1990 г.

Работа над изготовлением нового рудничного оборудования позволила близко познакомиться и подружиться с Хельмутом Бергнером — директором завода KRB. Он с энтузиазмом воспринял предложение о разработке и изготовлении этого самосвала и погрузочно-доставочной машины, так как это позволяло развивать завод и его конструкторский потенциал. Мы много ездили с ним по ГДР в поисках нужных компонентов для изготовления самосвала. Дружили мы и семьями. Встречались, как говорится, домами. Наши дружеские отношения сохранились у нас до сих пор.

Работа по развитию дизельной техники сдружила меня с бригадиром проходческой бригады Рудольфом Хайнцем. Его бригада проходила с помощью дизельных погрузчика и самосвала наклонный съезд для вскрытия нижних горизонтов рудника Беервальде. Оборудование было изготовлено на заводе KRB. Мы частенько посещали с Хельмутом Бергнером бригаду Рудольфа, чтобы знать мнения и замечания горняков и вовремя внести изменения в конструкцию оборудования. Рудольф Хайнц в этом нам здорово помогал, так как был профессионалом своего дела и давал дельные замечания. В жизни и общении это был компанейский товарищ, любивший и понимающий юмор. Неоднократно мы семьями встречались в домах отдыха. До сих пор переговариваемся по Skype. Один из эпизодов нашего общения приведен в воспоминаниях об охоте.

из конкретных запросов предприятий и перспективных планов развития «Висмута». Успешное решение правильно отобранных задач обеспечивало успешную работу Общества «Висмут». Это повышало ответственность и заинтересованность исполнителей в получении необходимых результатов. Полученный опыт в последующие годы я применял в процессе своей работы по организации и управлению НИОКР в системе высшей школы России.

Работая рядом с немецкими специалистами, учился у них тщательности в проведении экспериментов, рациональной осно-

вательности и аккуратности. Неоднократно был свидетелем того, как поставляемый образец техники, разработанный и изготовленный на союзных предприятиях, приобретал новые качества после осмысления и доработки их немецкими специалистами.

Строгое соблюдение немецкими рабочими технологии ведения работ — залог безопасного и производительного труда. Это качество отмечал не только я, но и многие наши специалисты.

И конечно, чувство коллективизма и товарищества, традиционно свойственное горнякам и горняцкому труду, было присуще всему коллективу «Висмута». Без всяких сомнений, это чувство особенно укрепилось и развилось в условиях социалистического общества ГДР.

Сейчас, после объединения Германии, предпринимаются широкомасштабные усилия по криминализации истории ГДР, по дискредитации ее успехов в построении общества социальной справедливости. Да, как и в Советском Союзе, так и в ГДР, были допущены ошибки. Как сказал Маркус Вольф в своей книге «Игра на чужом поле»: «Мы потерпели крах, но не потому, что внедряли слишком много социализма, а потому, что слишком мало.

...преступления, имевшие место при Сталине, — это не преступление коммунизма, а преступление против коммунизма.

Но это не означает, что целая эпоха и ее положительный опыт должны исчезнуть из памяти человечества. Право на оплачиваемый и гарантированный труд, на бесплатное образование и здравоохранение, на обеспеченность жильем — является неоспоримым достижением социализма. Это стало очевидным сейчас, когда в обществе потребления и власти денег эти права отбрали. Поиск модели справедливого общества продолжается. События последнего мирового экономического кризиса показывают, что этот поиск актуален как никогда.

Могут ли люди в перспективе быть удовлетворены такой моделью цивилизации, основной чертой которой является подчинение всего диктату собственности? Власть денег прибегает к насилию не меньше, чем власть государства. Она действует не так явно, но не менее жестко.

Неясный страх перед будущим чувствуется повсюду и происходит оттого, что наша современная общественная система не только не в состоянии решить большие проблемы, перед которыми стоит человечество, но и порождает новые и еще большие проблемы»²³.

Не избежал участи пересмотра истории «в связи с вновь открывшимися фактами»

²³ Маркус Вольф. Игра на чужом поле. 30 лет во главе разведки. М.: Международные отношения, 1998.

и «Висмут». Открытые в России для широкого доступа архивы дают для работы с ними широкое поле деятельности. И это хорошо. Но давайте теперь откроем архивы, и не только спецслужб, в Германии и США, которые касаются деятельности «Висмута». В противном случае история «Висмута» будет переосмыслена и переписана в угоду только одной точки зрения, точки зрения «победителя» в холодной войне.

Чем же все-таки был «Висмут»? Какой след он оставил в истории, и насколько история «Висмута» значима для двух народов, создававших это предприятие?

Безусловно, это история создания и деятельности уникального уранового предприятия, сыгравшего свою определенную роль в сохранении мира и баланса сил на планете.

С другой стороны, это история сближения и примирения двух народов, которые только что стреляли друг в друга. Процесс проходил постепенно, и не все было гладко. Но разум и стремление к спокойному миру восторжествовали.

В этой связи мне вспоминается эпизод, произошедший в 1965 г. в автобусе, развозившем немецких горняков после смены с шахты № 371 Объекта 9. Мне его рассказал Анатолий Кретинин, ехавший в нем. Как правило, через пять минут после отправления автобуса все его пассажиры — уставшие после смены горняки — засыпали и синхронно качались, повторяя повороты автобуса. Но в этот раз попался мужичок, который будоражил весь автобус разговорами, что, мол, нас, немцев обидели, нас унижают, надо восстановить справедливость. Народ гудел, кто-то поддерживал, кто-то нет. Это продолжалось до тех пор, пока один пожилой немец не сказал: «Вот мы в свое время одного оратора слушали и шли за ним. И что осталось от Великой Германии? Вот еще одного дурака послушаем — останется один только Ауэ». Автобус грохнул от смеха.

В 2009 г. наша делегация висмутян была в Мюнхене. Пили пиво во всемирно известной пивной, связанной со многими событиями, вздыбившими весь мир. С нами за столом сидела немецкая супружеская пара из-под Страсбурга. Мы разговорились и после продолжительной, очень дружеской беседы пришли к выводу, что ни немецкому, ни русскому народу ничего друг от друга не надо, кроме мирного труда и дружбы. И что если бы простые люди — труженики — больше общались между собой и сами бы решали свои судьбы, то не было бы ни войн, ни ненависти.

Вспоминая все это, понимаешь, что самое значимое место в истории «Висмута» — это формирование взаимопонимания, добрых человеческих отношений между простыми тружениками двух государств.

Д. С. Горожанкин.

Сергей Дмитриевич Горожанкин

Дмитрий Степанович ГОРОЖАНКИН (1932–2010). В 1951 г. окончил Старооскольский геологоразведочный техникум, а в 1963 г. — Криворожский горный институт. С 1951-го по 1966 г. работал на Криворожском предприятии п./я №30, прошел путь от старшего бурового мастера до заместителя главного инженера. С 1977-го по 1987 г. — заместитель начальника треста «Гидромонтаж». Работал в СГАО «Висмут» с 1966-го по 1972 г. и с 1975-го по 1977 г. Неоднократно избирался председателем профсоюзного комитета СГАО «Висмут».

Лауреат Ленинской премии, награжден медалями СССР, отмечен золотым и серебряным знаком Общества германо-советской дружбы, награжден почетными знаками «Висмута» — «Активист труда» и «Мастер труда» в серебре и золоте, удостоен знака «Ветеран атомной энергетики и промышленности».

Памяти отца посвящается

Многие советские сотрудники, работавшие в СГАО «Висмут», были людьми неординарными, талантливыми и высококвалифицированными специалистами. Горняки, геологи, ученые, переводчики посвятили «Висмуту» свои лучшие годы. Уверен, многие из них достойны отдельной книги, в том числе и мой отец. Рассказывая мне о своей жизни и судьбе, о своем детстве, он как будто знал, что болезнь не позволит ему написать книгу о себе и своих товарищах, хотя это была его самая большая мечта.

Сейчас 2011 г., мне, Горожанкину Сергею Дмитриевичу, 55 лет. Мы уехали в Германию в 1966 г., отцу было 34 года, маме — 29, мне — 10 лет, а брату Андрею — всего 6. О чем я буду писать?

Я не смогу описать рабочие будни коллектива СГАО «Висмут», не смогу рассказать о замечательной работе коллег моего отца. Я напишу о своих впечатлениях, размышлениях, основанных на рассказах отца и личном осмыслении прошлого.

Поезд тронулся, Белорусский вокзал поплыл мимо. Я забрался на верхнюю полку и с детским восторгом смотрел на мелькающую за окном Москву. Мне, мальчишке, родившемуся в небольшом горняцком городке на Украине, все происходящее казалось сказкой. Мы ехали в Германию. Какая она, Германия? От событий и впечатлений захватывало дух.

Жаль, что мои друзья, белобрысые и черные от загара, гоняющие босыми ногами штопаный-перештопаный мяч, не видели, как я здесь в Москве жил в гостинице, обедал в ресторане, а отец покупал мне все, что я захочу. Какая у меня армия оловянных солдатиков с пушкой, стреляющей спичками. Ух ты, сказали бы они, увидев, как эскалатор в метро сначала поднимает ступеньки и они плавно скользят вверх, а потом ступеньки специально опускаются под ногами и надо успеть спрыгнуть с них, а то можно и растянуться.

Москва — не город, а целый городище! Перед моими глазами, словно отражение в окне, вместе с Москвой проплывали кар-

тинки моей провинциальной, босоногой и вольной жизни.

Синяки и сбитые колени, самопалы, свинцовые кастеты, игра в пристенок на копейки, карьеры, терриконы, шахтные вышки — все это вместе с городком под названием Терны исчезало, растворяясь в закатном небе. Я и не думал, что прощаюсь с этим навсегда.

Плавно покачиваясь, поезд уносил меня в неизвестное мне будущее. Принесли чай. Я спустился вниз. Брат сидел рядом с мамой и, рассматривая картинки в детской книжке, постоянно обращался к ней со своими «почему». Андрюшка еще маленький, всего шесть лет. Моя обязанность — забирать его из детсада — вечно путала мои планы. Интересно, а в Германии будет детский сад? Наверное, воспитательницы там вредные немки, как в кино про партизан, а как я буду с ними разговаривать? А ладно, если что — я им не сдамся.

Мои размышления прервал голос отца.

— Я сейчас схожу в вагон-ресторан, а вечером пойдем туда ужинать.

— Я тоже пойду, — закричал я. — Я с тобой!

— И я хочу с тобой, — запищал Андрей.

— Нет, — сказал отец. — Вечером пойдем все вместе, а сейчас оставайтесь с мамой.

Когда он вернулся, я обиженно лежал на своей полке, не допив чай, ковыряя пальцем оконный шуруп. Горизонт темнел.

— Что, Федул, губы надул? — потрепав меня по стриженной голове, сказал отец.

Я одернул голову:

— Ничего. Ты меня не взял с собой, — буркнул я. — И сам могу сходить.

— Ого! Мать, ты слышишь? А не рано вато ли тебе? Маленьких одних туда не пускают.

Внезапно руки отца, обхватив мою шею, стащили меня на нижнюю полку. Перевернувшись, едва не сбив стаканы, я оказался у отца на коленях. Такая внезапность, вскрик мамы и смех брата мигом улетучили мои обиды.

— Я не Федул и я не маленький — по инерции сказал я. — Мне уже десять лет.

Вдруг отец перестал улыбаться. В его взгляде появилось что-то незнакомое. Мне показалось, мысли его унеслись, куда-то далеко, а в глазах мелькнула грусть. Он прислонился щекой к моей голове.

— Да! Десять. Ты старше меня на целый год, — словно в пустоту, сказал он.

Я ничего не понял...

...Гости под частушки уже пьяного гармониста высыпали на улицу. В доме воцарилась гнетущая тишина. Степан опустился на лавку и окинул взглядом свой дом. Все в нем, каждую щербинку, каждый гвоздь, помнили его крепкие мужицкие руки. Прожитые 36 лет прокручивались назад, словно киноплёнка. В гражданскую ему было 14 лет, голод, разруха, потом коллективизация, вот он — председатель сельсовета. Свадьба. Как быстро выросли дочери погодки — Марии уже 12, Алле 11 лет. Азучая в колыбели, возился с тряпичной куклой годовалый сын Николай. На Степана молча смотрели уже не плачущие глаза жены. Что с ними будет без него? Кулаки самопроизвольно сжались, и защемило сердце. У стены лежал собранный в дорогу вещмешок, а бегающие кошачьи глазки на ходиках, словно специально кивали на отрывной календарь, висевший рядом. На нем под нарисованным трактором черным отливом щетинилась дата — 25 июня 1941 г. Скрип двери рассек молчание и влетевший с криком «Папка, уже машина пришла» девятилетний сын взобрался на колени к отцу. Степан обнял Дмитрия и, прижавшись небритой щекой к его коротко стриженной головке, сказал:

— Митя, ты у меня старший сын, на тебя я оставляю нашу семью, дом. Береги мать, сестер и брата.

Спустив сына с колен, он зачем-то разгладил скатерть, переставил стакан, потом резко встал:

— Ну, пора. Давайте прощаться.

Грузовик, стреляя выхлопом, скрылся за поворотом. Димка, вытирая слезы и глотая обиду за то, что отец не взял его в Старый Оскол, еще долго стоял на краю села, глядя в горизонт.

Вот так, на четвертый день войны закончилось его детство. Он не мог себе даже представить, что судьба через 25 лет приведет его в ту страну, которая принесла его семье горе и страдания, отняла у него отца и заставила повзрослеть до срока.

А ведь сидя в поезде на коленях у отца, я был ровесником того Митьки, который в июне сорок первого стоял в слезах на проселочной дороге.

Степан Васильевич Горожанкин пропал без вести 24 октября 1941 г. под городом Венев Тульской области...

...Колеса по дорогам Германии, мой отец всегда останавливался у памятников советским воинам и внимательно читал фамилии. Он знал, что там ее не будет. А вдруг.

Только становясь взрослым, понимаешь, что детские воспоминания самые яркие и почти осязаемые. Поезд пронес нас рядом с родиной отца, потом мимо белорусских полей с картошкой. Это не украинские поля с подсолнухами от горизонта до горизонта, шляпы которых похожи на чугунные сковородки в обрамлении танцующего желтого пламени, на которых, потрескивая, жарятся черные крупные семечки. Набитые во все карманы, они еще долго согревают своим теплом, как жаркое украинское солнце.

Стакан с остывшим чаем позвякивал в такт раскачивающемуся вагону. Ужин в вагоне-ресторане с мороженым и переход по вагонам немного расширил тесноту пространства купе.

Брест расплылся в ночной полудреме со сменой колес, пограничниками и таможеней. А утром эти колеса уже отстукивали польские километры. Польша ассоциируется у меня с запахом паровозов. Остановка на станции, и в купе врывается запах сгоревшего угля. На перроне бегодня, паровозы устало пыхтят, пар, гудки и почти понятная пшекающая речь из хрипящего станционного динамика. Первая в моей жизни чужая земля. Люди за окном занимаются своими делами. Дядька в шляпе идет за плугом, лошадь могучая, коренастая, тяжеловоз, а коровы черно-белые пасутся за проволокой, натянутой между столбиками, — нашим рыжим коровам раздольней. Маленькие грузовики без капота впереди — похожи на жуков, все не наше, все незнакомое. Сколько раз потом я буду проезжать этим маршрутом уже без того чувства незнакомости, но тот запах паровозов останется со мной навсегда.

Потом была еще одна граница. Сначала польский пограничник в угловатой фуражке с орлом проверил наши пурпурные с золотым гербом паспорта и, пожелав счастливого пути, ловко козырнул двумя пальцами. Потом поезд, медленно проехав забор и какие-то проволочные заграждения и дернувшись, остановился.

— Гутентаг. Аусвайс биттэ.

Немецкий пограничник, проверяющий паспорт, пристально посмотрел на нас. Фуражка с высокой тульей, погоны из сплетенных серебряных веревочек, серый китель, серебристые пуговицы и бляшка ремня напомнили о военных черно-белых фильмах. Поставив штемпель в паспорта, сказав еще

что-то непонятное, он вышел из купе. В окно мне было видно, как люди в черной форме с молотками на длинной ручке что-то говорили сошедшему на перрон пограничнику. Поезд дернулся, и за окном поплыли станционные постройки из красного кирпича. Перемена была заметна сразу. Германия отличалась от Польши. Вроде бы те же поля и перелески, реки и озера — нет, что-то тут было по-другому. Только потом прожив в этой стране шесть лет, я пойму, в чем отличие. Германия — это порядок, переходящий в педантичность, а педантичность — основа порядка. Германия — стержень Европы.

Вспоминая свои детские первые впечатления, мне, сегодняшнему, объехавшему полмира, даже странно, как провинциальному мальчишке, смотрящему из окна вагона, пришло предчувствие любви к этому немецкому порядку и этой немецкой педантичности. Работая в Америке, я оценил американский порядок, он сделан на показ, для вывески, цветной, дизайнерский, оспоренный тысячей адвокатов и готовый измениться в любую минуту в угоду моде и имиджу. Немецкий — это «Алес ин орднунг». Полный порядок, заложенный в гены и не подлежащий коренному изменению.

Отец смотрел в окно и думал: поля ухоженные, распахан каждый свободный клочок земли, а деревень нет.

Хутора и поселки, похожие друг на друга, как близнецы. Кирпичные, добротные дома с крышами, покрытыми черепицей. На окнах цветы в горшочках, лужайки с беседками, никаких огородов и грядок, только клумбы, между которыми проложены засыпанные щебнем дорожки. Даже проселочные дороги, по которым изредка проедет грузовик или велосипедист, выложены булыжником...

...Пыль висела черным облаком, заслоняя собой яркое солнце лета 1942 г. По дороге во всю ее ширину, через их село, двое суток, днем и ночью шла отступающая армия. Сплошным потоком, постоянно выбрасывая в небо очередную порцию пыли, топтали сапогами красноармейцы в полной амуниции, грозно поблескивая штыками винтовок. Их обгоняли грузовики с пушками на прицепе, повозки с боеприпасами, штабами, медсанбатами и еще многим, что требуется целой армии. Все это живое и железное двигалось без суеты и паники, чувствовалась военная выправка и организованность. Одно лишь выдавало бесконечное напряжение: солдаты шли молча. Даже останавливаясь у колодца, кряхтя, обливаясь водой, никто не шутил и не смеялся, не заигрывал с женщинами, выходящим к околице, чтобы прикрикнуть на свою детвору. Эту гнетущую безсловесность под гул рычащей техники нарушали лишь возгла-

сы мальчишек, шныряющих между всем этим вооружением, людьми, лошадьми и пылью.

Митя, заметив похожую на отцовскую спину, вздрагивал и, догоняя колонну, гляделся в лица солдат. От отца с фронта не пришло ни одного письма.

«Рано утром 28 июня 1942 г. началось германское летнее наступление. В этот день группа Вейхса нанесла удар встык 13-й и 40-й армиям Брянского фронта. Главный удар наносила 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота южнее железной дороги Курск — Воронеж с задачей выйти к Дону. Южнее войска 2-й венгерской армии под командованием генерал-полковника Яны рвались к Старому Осколу. Севернее наступал 55-й армейский корпус»²⁴.

Вечером в их дворе было полно солдат, большинство спало вповалку, кто-то чинил амуницию, а один совсем молоденький красноармеец чистил свою винтовку. В тишине вечера раздался случайный выстрел. Митя, стоявший рядом и внимательно следивший за процессом разборки и сборки винтовки, вздрогнул и услышал короткий вскрик. Сестра Алла, сидевшая у окна в доме, повалилась на бок. Все пришло в движение. Солдаты, вскакивая, хватались за винтовки, лошадь, запряженная в повозку, прядя ушами, попятилась назад, фельдшер пробежал, на ходу расстегивая сумку с красным крестом, офицер орал на стоявшего по стойке смирно бледного и испуганного красноармейца. Влетев в комнату, на ходу отталкивая солдат, Димка почувствовал своеобразный медицинский запах, фельдшер торопливо разрывал пакеты с бинтами и смачивал вату каким-то раствором. Мать, сидя на полу, сжимала простреленное лицо дочери, а между ее пальцами, капая на пол, стекала темно-красная кровь. Фельдшер с трудом оторвал ее руки и начал перевязывать голову сестры. Через вату и бинты проступало красное пятно, которое с каждым новым витком бинта уменьшалось и светлело, становясь бледно-алым. Это была первая кровь, увиденная им на этой войне, и это была родная кровь. Дмитрий почувствовал тошноту и выбежал за околицу. Он уселся прямо на землю, и ему стало страшно. В голове постоянно крутились слова отца: «Ты у меня старший сын, на тебя я оставляю свою семью, береги мать, сестер и брата».

Как он объяснит отцу, что не уберет сестру. Если бы в нее стрелял немецкий солдат, он бы убил его, но ее ранил не немец, а наш боец. Бледно-алый закат выстреливал последние свои лучи в темнеющее небо и на каплю Димкиной слезы, стекающую по его грязной от пыли щеке.

Утром все ушли.

²⁴ Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru
Издание: Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». Мн.: Харвест, 2003.

В доме мерно тикали ходики. Мама, сильно постаревшая за ночь, сидела у кровати. Аллочка, стонавшая всю ночь, затихла. Старшая сестра Мария держала на руках годовалого брата, прислонившись к косяку двери. Дмитрий смотрел на них, таких родных и несчастных, которых некому было защитить...

...Мы приехали во Франкфурт-на-Одере поздно ночью. В темноте перрона, подсвеченного тусклыми лампочками, никого не было. Мы стояли среди чемоданов совершенно одни. Поезд, ставший на два дня нашим домом, свистнув, ушел. Было жутковато. Подобное ощущение возникало у меня всякий раз, когда я оставался один в шахте. Сырой полумрак, ни души. Тишина съедает время и пространство, и тебя всего начинает заполнять необъяснимая тревога.

Потом к нам подошел человек с носильщиком, и мы пошли по длинному подземному переходу, на стенах которого висели щиты с рекламой вина, духов с улыбающимися дамами в модных пальто. Нарисованные белой краской стрелки и указатели на немецком языке вывели нас на привокзальную площадь. Светящиеся сквозь моросящий дождь витрины закрытых магазинов и киосков придавали нашему вояжу за тележкой с чемоданами чуть загадочный и волнительный оттенок. Это были наши первые шаги по немецкой земле. Потом, погрузив чемоданы в маленький автобус «Баркас» с тупым носом и сиденьями в три ряда, мы поехали, как сказал сопровождающий, в Зигмар. Отец о чем-то говорил с ним, а я, не отрываясь, смотрел в темноту окна, которая изредка вспыхивала светом встречных машин. Радио, потрескивая, то говорило, то мело что-то непонятное, брат спал на коленях у мамы, а мои впечатления от пережитого за эти дни летели сквозь дремоту и усталость, как наш «Баркасик», сквозь время и дождь.

Следующие несколько дней в Зигмаре — пытка одиночеством и вечные запреты: сюда не ходи, туда нельзя. А столовая, в которой подавали странные супы, эти тарелки, как подносы с отделениями для разных салатов, гарниров и котлет, были просто наказанием, поскольку все это надо было переложить в центр, и только потом есть. Мне, привыкшему к вольной жизни, целыми днями гоняющему по двору с пацанами. Обедом которого был кусок черного хлеба, политого подсолнечным маслом и посыпанного солью, с красным мясистым помидором, с трудом помещавшимся в руке, а тут протертый супчик. Хотя многое было интересно. Отцу выдали деньги. Марки были совсем не похожи на рубли, особенно монеты. Толстые, большие, но легкие — такими не поиграешь

в пристенок. В клубном буфете под названием гаштетт отец пил пиво из большого бокала, а я в бокал поменьше наливал себе лимонад из бутылки с хитрой фарфоровой пробкой на проволоке, которая могла закрываться и открываться, сколько захочешь.

Соломка с крапинками соли мне не понравилась, а вот соленые орешки напоминали семечки. Бармен, открывая кран с пивом, все время улыбался. «Данке шон», «Битте шон» — это были первые понятные мне немецкие фразы. Потом был переезд в Ауэ и наша первая двухкомнатная квартира на первом этаже. Она была маленькая и темная, не то что у нас в Тернах. Наша — трехкомнатная, на пятом этаже в доме на центральной площади города, с круглым балконом, большими окнами и высокими потолками.

Ауэ — это несколько пятиэтажек, уютно примостившихся на изгибе горной дороги, на краю леса, который спускался к горной быстрой речке под названием Мульда. Крутая лестница поднималась к клубу, который был окружен старым садом с райскими яблоками, мелкими и кислыми. Мы любили детской ватагой, набегавшись друг за другом, играя в индейцев, усесться на перила в большой садовой беседке, шумно спорить, кто кого взял в плен первым. По субботам в клубе показывали советские фильмы. Конечно, мы не пропускали ни одного.

В Ауэ мы приехали в октябре, и я сразу пошел в школу, в четвертый класс. Мы учились в двух маленьких классах, соединенных между собой широким проемом. Детей было мало, и единственная учительница одновременно преподавала нам, переходя из одной комнаты в другую. Первоклашки и второклашки сидели в одной комнате, а мы с третьим классом — в другой. Учился я не очень. Знали бы мои учителя, что этот непоседа-троечник окончит институт, аспирантуру, Академию народного хозяйства, станет кандидатом технических наук. Впрочем, я и сам этого тогда знать не мог.

Пришла зима с мягким, как на Украине, морозцем. Здорово было кататься на больших деревянных санках с закрученными, как бублики, дугами. Мы неслись по крутой, укатанной дороге вниз, к реке. То поодиночке, то сцепившись в паровозик, рискуя расширяться или вылететь с крутого обрыва в бурную реку. Потихоньку я привык к непохожему на наш хлебу, к подсолнечному маслу, ничем не пахнущему. Лимонад оказался не хуже сиро, а жевательная резинка, о которой я даже не ведал раньше, стала привычна. Незнакомый праздник Вайннахт, отдаленно напоминавший наш Новый год, немецкая культура и традиции плавно входили в мою жизнь, как маленький дедушка гномик, сдувающий сонный песок с экрана телевизора. После

Сергей и Андрей Горожанкины с мамой, 1966 г.

Окончание четвертого класса. Ауэ, 1967 г.

Л. А. Горожанкина.

У дома А. М. Горького, 1967 г.

Андрей и Сергей с отцом. На Балтике, 1967 г.

заунывной песенки которого мой младший брат безропотно отправлялся спать.

Время шло со школьными заботами, играми, друзьями, поездками на экскурсии, вечерними рассказами отца о его детстве и войне.

К счастью, брата не надо было забирать из садика. И тети — фрау в магазине — были вполне приветливые. Летние каникулы как всегда быстро пролетели, и сентябрь отправил меня в пятый класс.

Пятый класс — это уже прощание с детством. Первые ростки самостоятельности начались с маленького автобуса «Робур», который увозил нас, ауэвцев, в Карл-Маркс-Штадт, в зигмаровскую школу. Час езды превращался в не надоедающую игру в машинки, когда на автобане ты должен первый заметить советскую машину и крикнуть: «Моя!» Кто первый придумал эту игру, уже не узнает никто. Она передавалась нам от предшественников, словно по наследству, впрочем, как и сам дух дружбы всех детей «Висмута».

Зигмаровская школа располагалась на высоком берегу протекающей через парк реки. Четырехэтажное здание, бывшее раньше то ли жандармерией, то ли гестапо, начиналось парадным входом с высокой дубовой дверью. За ней уходила вверх, по всем этажам, старинная чугунная с черными завитками лестница, на каждом этаже слева и справа от нее расходились длинные коридоры. Классы, наверное, раньше были кабинетами с высокими потолками и такими же высокими и широкими окнами.

Школьный буфет и раздевалки были в подвале, пол которого был выложен булыжником, как на мостовой.

«Здесь пытали подпольщиков», — пугали нас старшие ребята. И эта то ли правда, то ли выдумка передавалась, как тайна, новеньким. Наверное, тюрьма напротив придавала этому предположению неоспоримую правдивость.

При школе был большой, светлый спортзал, футбольное поле, большая застекленная теплица, столярная и слесарная мастерские, где нас на уроках труда учили работать с деревом и металлом. Там стояли токарные станки, и мы на них точили незамысловатые детали.

В 1968 г. моего отца избрали председателем профсоюзного комитета СГАО «Висмут», и мы переехали в Зигмар. Я немного поскучал по маленькому Ауэ. Но та же школа, те же школьные друзья закружили меня в водовороте новых событий и впечатлений, а эти первые годы в Германии навсегда остались там, в Ауэ, и умчались с бурным потоком речки Мульда...

...Утром все ушли.

Прощаясь, фельдшер оставил склянку с раствором, какую-то мазь, вату, бинты и велел матери промывать и перевязывать рану. Пуля прошла навывлет, через щеки, раздробив челюсть и выбив зубы. Аллочка сильно страдала, мама кормила ее бульоном и отварами через вырезанную в бинтах щелочку. Последние колонны солдат скрылись из виду в лесочке в километре от села. Армия словно растворилась в нем, а осевшая пыль скрыла и следы колес, и следы тысяч солдатских сапог. Димка с мальчишками бежал в лес, но там не разворачивалась оборона, не рылись окопы и блиндажи, командиры не отдавали приказов, ничто не предвещало скорого кровопролитного боя...

...Воспоминания прервали аплодисменты. Зал приветствовал очередного докладчика, покидавшего трибуну. Сидя в президиуме, председатель профсоюзного комитета СГАО «Висмут» Дмитрий Степанович Горожанкин привычно слушал немецкую речь. Торжества в честь 100-летия В. И. Ленина продолжались. Зал был полон. Уже выступил Семен Николаевич Волощук, генеральный директор СГАО «Висмут», Виктор Михайлович Щелкалин, председатель партийного комитета, геноссе Херберт Штриниц, улыбаясь, покидал трибуну, а его, Дмитрия, выступление еще впереди. Слушая выступления товарищей, он смотрел в зал и мысленно пытался представить немецких коллег на 25 лет моложе. Некоторые из них тогда наверняка были в гитлерюгенд. Это они, его ровесники, в кожаных шортах и в черных рубашках маршировали в факельных шествиях, вскидывая вытянутые руки. Сейчас он может их представить, смеющихся и сытых, как на кадрах кинохроники. А кто постарше? Вон там, ближе к краю, сидит бывший военный летчик, имевший все высшие награды рейха, он служил в бомбардировочной авиации и рассказывал, что участвовал в налетах на Москву. Возможно, кто-то из присутствовавших воевал в пехоте и стрелял в его отца. Может быть, отец или дядя вон того, в сером костюме, в июле 1942 г. въехал на мотоцикле в их село Верхнее-Атаманское Верхне-Чуфичевского сельского Совета Старооскольского района Курской области.

Воспоминания опять уносили его в прошлое...

...Ближе к вечеру на окраине села появились два мотоцикла с колясками. Димка с ребятами сидел у забора и ножом стругал рогатку, которой собирался достать соседского кота, повадившегося в их сарае давить

В президиуме. 1970 г.

Зигмар. У Советского клуба. Д. С. Горожанкин — в центре.

В посольстве СССР. Выступление посла П. А. Абраимова. С. Н. Волоцук (третий слева), В. М. Щелкалин (второй справа), Д. С. Горожанкин (первый справа).

После совещания с министром среднего машиностроения Е. П. Славским.

Чествование передовиков труда с вручением знамени.

Немецкие и советские коллеги.

В клубном гасштитетте.

За пивом. Слева направо: Горожанкин, Титов, Джангириянц.

Советские товарищи (первый справа — Д. С. Горожанкин).

Слева направо: Титов, Кудряшов, Горожанкин, Джангириянц. Ауэ, 1966 г.

Супруги Горожанкины на банкете.

цыплят. Немцы медленно поехали по селу. Вкасах, сзакатанными по локоть рукавами, с автоматами за плечом и очками, болтающимися на шее, здоровенные, — они, озираясь по сторонам, ехали молча. Проезжая мимо опеших мальчишек, сидевший в коляске мордатый немец, повернув в их сторону пулемет, сделал губами «пух-пух» и рассмеялся. Мотоциклы, стрекоча, проехали мимо и остановились на краю села.

Один, видимо, офицер, достал бинокль и стал рассматривать лесок, в котором утром расположились наши солдаты. Вдруг из леса раздался пушечный выстрел. Снаряд разорвался, не долетев до мотоциклистов. Громко крича что-то друг другу, они развернулись и помчались назад.

Ночью небо озаряли вспышки ракет, их запускали в сторону леса немцы, а из леса раздавались жидкие автоматные и винтовочные выстрелы. Где-то очень далеко сквозь шипение ракет пробивался негромкий рокот канонады.

«3 июля армия Паулюса своим левым флангом соединилась у Старого Оскола с прорвавшимися туда венгерскими частями из группы Вейхса. Часть соединений 40-й и 21-й армий, 13-го танкового корпуса оказались в окружении, в плен попали 40 тысяч красноармейцев»²⁵.

Никаких боев в районе их села не было. На следующий день из леса немцы начали выводить колонны безоружных пленных советских солдат. Целые сутки их вели по той же дороге, по которой еще вчера они проходили в полной амуниции. Конвойные с собаками, покрякивая «шинель-шинель», подгоняли колонну, растянувшуюся на несколько километров.

Димкин дом был самым большим и добротным в селе.

Немцы развернули в нем штаб, выгнав его с матерью и сестрами в сарай. Немецкая речь была ему неприятна. Даже их смех, громкий и лязгающий, пугал и настораживал. Мать Матрена Филипповна, в девичестве Чурсина, маленькая и хрупкая, с тоненькой косой, всегда спокойная и тихая, вдруг изменилась. В ее голосе появились железные нотки, взгляд стал по-мужски пристальным и суровым. Раньше от нее никто не слышал матерных слов. А сейчас даже здоровенный рыжий фельдфебель на ее окрик «Куда прешь, гад, мать твою...» — послушно вытирал сапоги у порога, когда она мыла полы в своем доме, ставшем теперь штабом этих... А что оставалось делать тридцатилетней женщине, оставшейся одной с раненой дочерью, годовалым сыном и девятилетним непоседой Митькой. Только старшая одиннадцатилетняя дочь Мария была ей единственной помощницей. Она ухаживала за сестрой, нянчилась с Коленкой, доила корову, стирала немцем белье, а ее огрубевшие от воды руки нет-нет, да и касались щеки матери, смахивая набезжавшую слезу.

Когда зимой сорок третьего отступающие немцы сожгли ее дом и все село, сидя в погребке и смотря на опухших от голода детей, держа на руках умирающего Коленку, наверное, тогда она пообещала Богу поверить в него, если он сохранит жизнь ее детям. И чудо свершилось. Она одна, без мужа, вырастила всех своих детей и выполнила свою клятву, данную Богу. Ее вера, доброта и смирение поражали меня. Она постоянно ходила в церковь, соблюдала все посты и была по-настоящему верующим человеком. Я никак не мог представить ее, ругающую немцев. Отец, будучи коммунистом и известным в городе человеком, часто отчитывал ее за посещение церкви, объяснял ей, что она как активная участница церковной общины подрывает его авторитет, но она смиренно принимала его недовольство и продолжала верить. От нее я впервые услышал про историю и традиции христианства, она научила меня читать на старославянском языке. В юности меня не обошла поэтическая лихорадка, и я посвящал ей одно из своих стихотворений.

Худенькие плечи,
Маленький росточек.
С поговоркой речи,
И в руках клубочек.

Годы, как метели, полосуют лица,
Сколько раз колола ты руками спицы.
Сколько прокатилось по щекам слезинки,
В поле сколько сбила на заре росинки.

В знойный полдень в поле
Жать, вязать снопы.
Где же столько силы
Собирала ты?!
Ну откуда сила?
Все дела бегом.
И ласкала сына,
И гнала кнутом
Горькую скотину —
Все бегом, бегом.
.....
Так и старость быстрая, заглянув в окно,
Превратила кружево в серое сукно.
Не печалься, милая, сядь и отдохни.
Расскажи любимую, как в былые дни.

Худенькие плечи,
Маленький росточек.
Мудрость тихой речи,
Божий голосочек...

* * *

...Слово предоставляется...

Дмитрий Степанович взял папку и пошел к трибуне. Свое выступление он писал сам, как и доклады для отчетно-выборных профсоюзных конференций. Писал он красивым ровным подчерком без единой ошибки.

«Товарищи, геноссе», — уверенно начал он. На лацкане пиджака отливала золотом медаль лауреата Ленинской премии. Он носил ее редко. Видел бы его сейчас отец. Молодого, стройного шахтера, выполнившего его наказ, забравшего всю семью из колхоза и ставшего для нее надежной защитой и опорой. Его выступление прерывалось аплодисментами, но он их не слышал. В голове, словно эхо, звучал тихий шепот отца: «Так, сынок. Так!»

Этот голос в его сознании появлялся в моменты напряжения. Он, как посох, вел его по жизни. И когда он тайком от матери (она не пускала его учиться) убежал на лыжах за пять километров в школу соседнего села. И когда замерзший, уставший от дел по хозяйству, ночью садился за уроки, догоняя отнятые войной годы. И когда единственный из села поступил в Старооскольский геологоразведочный техникум. И когда в первый день занятий он босиком пришел в аудиторию, а потом, сгорая от стыда, рыдая, бежал домой. И когда по ночам писал дипломную работу заочного горного института. И когда в шахте, преодолевая усталость, работал сутками, выполняя план. И когда в Кремле Курчатова, надевая ему на грудь лауреатскую медаль, спросил: «Сколько Вам лет, молодой человек?» «Мне 27». — «Да вы самый молодой лауреат Ленинской премии!»

А в голове звучал тихий голос: «Так, сынок. Так!»

* * *

...Наступала осень. Фронт, так и не развернувшийся рядом с ними, откатился на восток. Рыжий фельдфебель вместе со штабом укатил завоевывать Россию дальше. На смену ему в доме разместилась комендатура. Немецкие тыловики вперемешку с мадьярами заполонили село своими обозами, лошадьми и ремонтными командами. По ночам в сарае было уже холодно, Аллочке становилось все хуже и хуже, рана не заживала, и она, мучаясь, умирала.

В один из дней к дому подъехала красивая, с открытым верхом машина. Из нее вышли два немецких офицера. Войдя во двор, они закурили у крыльца, дожидаясь коменданта. Аллочку вынесли на чуть теплое солнышко, и она лежала на старом матрасе, безвольно раскинув руки. Один из немцев, бросив сигарету, подошел к ней и уверенными движениями снял с головы девочки повязку. Мотая головой и цокая языком, он приговаривал: «Руе, руе»²⁶.

Потом подошел второго немца, что-то сказал ему, но тот, махнув рукой, пошел прочь. Немец поднялся с колена и приказал часовому немедленно позвать коменданта. Потом он долго объяснял ему и матери, что без операции девочка умрет. Комендант бормотал, что это дочь коммуниста и председателя сельсовета, что эту семью нужно расстрелять. Димка видел, как мать старается собой прикрыть худенькое тельце сестры, повторяя: «Нет, нет. Пожалуйста, не надо!» Офицер сказал: «Шайзе», — и велел коменданту убираться, потом поднял на руки сестру и понес ее к машине.

Когда автомобиль уехал, мать бессильно опустилась на землю. Всю ночь мать с Марией оплакивали сестру, мысленно прощаясь с ней. Димка, сидя на отцовском тулупе и всхлипывая, клялся отомстить за сестру. Во дворе, словно что-то чувствуя, то вyla, то скулила собака. Оказалось, что этот немецкий офицер был врачом. В немецком госпитале Аллочке сделала операцию. Через несколько дней он привез ее домой и распорядился, чтобы в доме хозяевам вернули одну комнату. Несколько раз он приезжал делать ей перевязки, давал какие-то таблетки, и она поправилась. Ее лицо осталось обезображенным на всю жизнь, но мы, ее племянники, любили ее, и она отвечала нам тем же. Алла Степановна Горожанкина работала мастеров на городском хлебозаводе, получив за свой труд орден Трудового Красного Знамени. Вот такая судьба. Ранил ее, девочку, наш солдат, а спас от смерти немецкий офицер...

* * *

...Может быть, поэтому я никогда не слышал от отца что-то плохое в адрес немцев. Хотя он был жесткий и требовательный человек. Мне часто попадало от него за двойки и поведение. Самое крепкое его ругательство было «идиотизм», а в мой адрес — «идиота кусок».

За это выражение и его бескомпромиссный характер мы в семье называли его Итальяно.

Зачем я это пишу? Уже нет ГДР. Советский Союз распался. Подвиг наших дедов, освободивших мир от фашизма, вытаптывают марши эсэсовцев не в Германии, а в свободной Прибалтике и на самостийной Украине.

Героями становятся бандеровцы, убившие моего дядю Ивана Мурачева в сорок третьем, служившие полицаями и помогавшие эсэсовцам сжигать целые деревни, уничтожать миллионы людей в газовых камерах и крематориях, многочисленных концентрационных лагерях. Побывав в Бухенвальде, я понял, за что погиб мой дед

²⁵ Сайт «Военная литература»: militera.lib.ru
Издание: Бешанов В.В. Год 1942 — «учебный». Мн.: Харвест, 2003.

²⁶ Тише, спокойно (с нем.).

Степан в сорок первом. За что мой дед Андрей, трижды раненый, убежал из лагеря для военнопленных и дошел до Берлина, а потом еще год был комендантом небольшого немецкого городка.

Я помню, как отец, проезжая мимо памятников нашим солдатам, как бы он ни торопился, обязательно останавливался хотя бы на минуту, а при возможности возлагал купленные неподалеку цветы.

Я помню это. Каждый год я собираю всю свою семью 9 Мая, и мы вместе отмечаем этот праздник. И конечно, уже не в первый раз слушаем рассказы о военном детстве отца и мамы.

Мы с братом, как и отец, стали горняками, окончив Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе. Работали в шахте, Андрей в Норильске, а я в Заполярном. Собираясь вместе, мы всегда обсуждали наши шахтерские дела и гордились тем, что используем в своей работе систему, за внедрение которой отец удостоился звания лауреата Ленинской премии. Гордились его друзьями и коллегами, которые создавали и развивали ядерную энергетику. И пусть слово «коммунист» сейчас не в почете, но их труд и честность, их вера и самоотдача до сих пор вызывают у меня уважение. Они были талантливыми инженерами и настоящими патриотами своей страны.

Откуда же взялись эти косноязычные горбачевы, эти разрушающие все на своем пути к власти ельцины. Этот тандем «двое из ларца», с питерской ватагой мздоимцев. За десять лет их правления страна погрязла в коррупции и незаконии. Продажная «элита» уничтожила все, что составляло гордость России, что было создано трудом наших отцов и матерей. Мы с братом в августе 1991 г. стояли ночью на баррикадах у Белого дома. Родовались победе над ГКЧП. И только отец грустно сказал нам, что мы защитили проходимцев и предателей. Только теперь я понимаю, как он был прав. Мы — поколение, заткнувшее себе рот Биг Маком из Макдоналдса, позволили развалить свою страну и воспитали потомство равнодушных потребителей.

Я знаю — любовь к своей Родине острее чувствуется за ее пределами. Думаю, кто жил за границей, тот меня поймет. Чувство гордости за свою страну, которое я испытал, живя в Германии, я помню до сих пор.

* * *

Жизнь в Германии текла своим чередом.

1968 г. — шестой класс, 1969-й — седьмой, 1970-й — восьмой, 1971-й — девятый. Школьные годы! Пионерия. Потом комсомол. Жалко было прощаться с товарищами, уезжающими в Союз. С ними ты бегал по школе, танцевал в спектакле «Золотая рыб-

ка». С ними ты в летних лагерях, сдерживая смех, ходил по ночам к девочкам мазать их зубной пастой. А потом не спали, ожидая ответного визита. А наши школьные, весенние батальи с водяными пистолетами! Вся школа намокала уже на первой большой перемене. Бедные учителя не успевали отлавливать нас, складывая отобранные пистолеты в огромный ящик в кабинете у директора.

В сентябре на место уехавших за парту садились новенькие из Союза. В начале они были такие робкие, а мы, уже аборигены, глядя на них чуть-чуть свысока, передавали свой опыт еще не знакомой им заграничной жизни. Наш класс был дружный и веселый. Я и мои самые верные и преданные друзья — Женька Непомнящий, Лешка Крупкин, Женька Лебедев, Андрей Шиловский — играли в нем не последнюю роль. Отец в шутку называл нас мушкетерами. Сколько у нас было невероятных проделок и походов! Как говорится, есть что вспомнить, но неудобно об этом рассказывать. Мы специально опаздывали на автобус, а потом ехали в школу то на трамвае, то на велосипедах. Походы в кинотеатр на Цвиккауэрштрассе, где показывали американские, французские, итальянские фильмы с гангстерами и полицейскими, с откровенными любовными сценами — таких фильмов не показывали в наших кинотеатрах. А посещения дальних и ближних гаштеттов! Они проходили в стиле шпионских вылазок с соблюдением всех приемов конспирации. Разбитые окна в школе, вызовы к директору. А чего стоит проломленный в банкетном зале потолок в нашем родном зигмарском клубе. Мы делали из ружейных патронов пистолеты и стреляли по бутылкам за клубом, всякий раз опасаясь быть пойманными.

Постепенно сменяя наших старших товарищей, мы из юнцов превращались в юношей со всеми вытекающими из этого обстоятельства последствиями. По вечерам мы ходили в парк, где собиралась немецкая молодежь. Наши сверстники и чуть постарше в шлемах и без, закладывая виражи, лихо подкатывали на мопедах и мотоциклах, резко тормозя перед нами, пугая своих белокурых подружек, которые с визгом заскакивали на скамейки. Мы ничем не отличались от них. Попивали пиво, угощали девушек сигаретами, брэнчали на гитарах «Дом восходящего солнца», нашими именами становились Эндрю, Джон, Алекс, Серж. Музыка «Битлз» и «Роллинг Стоунз» становилась нашей музыкой. Журналы с фотографиями рок-групп, кассетные магнитофоны, записи рок-музыкантов, хиппи и сексуальная революция — все это было близко, рядом, и мы наслаждались всем этим и своей молодостью. Клеш входил в моду. А парикмахерская превращалась в символ борьбы за свободу.

Потом перед домом, судорожно заедая чем-нибудь эти запахи взрослости, мы говорили друг другу: «Гудбай», — чтобы утром с тоской смотреть на школьную доску и писать сочинение про «Отцов и детей».

«Он опять курил!» Мама, пытаюсь дать мне подзатыльник, звала: «Отец!»

Батя, отрываясь от газеты, кричал: «Иди сюда!»

Началось.

«Я? Я не курил». — «Не ври. Откуда у тебя деньги на сигареты?» Потом шла тирада о вреде курения, о том, что я идиота кусок. Нестриженный. Хиппи.

Пропуская хиппи, про себя я думал: «Господи! Деньги откуда?»

Каждый день мама дает мне две марки на завтраки. Нет, я не идиот, чтобы тратить их на сигареты. Зачем, если у тебя в шкафу целые блоки «Явы», и просто надо успеть стащить пачку, когда в комнате никого нет. А деньги я коплю на взрывспички и походы в гаштетт, куда ты тоже любишь заходить с друзьями. На слове «рано» я привычно ставлю точку в его тираде: «А ты сам во сколько начал курить? Вспомни!» Отец успокаивался и начинал рассказывать, что это была война, и за то, что они, мальчишки, чистили немцам сапоги, купали и водили на водопой их лошадей, они платили им. То куском мыла, то бутербродом, а чаще сигаретами...

* * *

...Торжественная часть закончилась. На шикарном банкете провозглашались тосты и здравицы. Русская речь смешивалась с немецкой, играл джаз-банд.

В небольшом кабинете за столом остался узкий круг товарищей и геноссе. Скинув пиджаки, в белых рубашках, со сдвинутыми набок галстуками, они, в неформальной обстановке, положили руки друг другу на плечи, покачиваясь, пытались что-то спеть вместе.

— Дима. Друг. Иди сюда! — Штриниц протянул ему сигару. — Давай покурим.

— Данке. Я сигары не курю.

— Попробуй!

— Нет.

— Дима! Тогда с тебя тост.

— Да, тост, — все перестали качаться и, подняв рюмки, улыбаясь, повернулись в его сторону.

Он встал и уже нетвердой рукой поднял рюмку:

— Друзья! В честь столетия... — пауза, и вдруг:

— В сорок втором году немцы научили меня курить. Мне было десять лет. Теперь здесь, в Германии, перед вами я обещаю, что с этого момента я не выкурю больше ни одной сигареты в своей жизни. И в честь столетия со дня рождения...

— Молодец! Ура! За тебя, Дима! — Рюмки со звоном сдвинулись над столом...

Отец уезжал на работу рано. Крепкий кофе бодрил, рука привычно потянулась за сигаретой и замерла: «Да, отметили мы крепко, и зачем я пообещал бросить курить? Идиот».

Положив пачку в карман, он уехал на работу. Едва закончилась непродолжительная планерка, зазвонил телефон. Штриниц приглашал к себе. У него в кабинете собрались почти все вчерашние товарищи. Улыбаясь и потирая, как принято в таких случаях, руки, они быстро, как заговорщики, достали из холодильника лимончик. Французский коньяк был хорош.

— Дима, закуривай, — кто-то протянул ему пачку «Мальборо».

— Спасибо. Я свои, — по привычке сказал он, вынимая из кармана любимую «Яву». Положив ее перед собой на стол, он сказал:

— Я же вчера обещал вам бросить.

— Дим, да ладно, мы же понимаем. Вчера ты пошутил, мы все вчера немного перебрали. Кури.

— Нет, я обещал. — С этого дня отец больше не выкурил ни одной сигареты.

Я начал курить в Германии и до сих пор не могу бросить курить.

К нам в гости часто приходили немецкие товарищи с женами. Но особенно теплые отношения сложились с Хербертом Штриницем и его супругой Элизабет. И каждый раз они подтрунивали над отцом, предлагая ему закурить.

Дмитрия Степановича Горожанкина переизбирали на должность председателя профсоюзного комитета несколько раз. Спустя годы он рассказывал мне о своей встрече в советском посольстве в Берлине с Л. И. Брежневым, на съездах СЕПГ — с Эрихом Хонеккером. С особым чувством он вспоминал о встречах с Ефимом Павловичем Славским — легендарным, выдающимся министром среднего машиностроения. Приезжая в «Висмут», этот человек-легенда, Большой Ефим, так его называли в атомной промышленности, вспоминал, как Лаврентий Павлович Берия, с которым у него были непростые отношения, создавал лагерь особого назначения (ЛОУ) для строительства секретных ядерных объектов.

Много позже, когда я, уже горный инженер и кандидат наук, работал в ПромНИИ-проекте, отец рассказывал, как Ефим Павлович после совещания на обеде наливал каждому полный фужер коньяку. И говорил, что они, молодые, должны помнить: «Висмут» начинался с шахты «Святой Урбан», и первые наши реакторы и бомбы были из немецкого урана. Я знаю, раньше считалось, что в СССР большого урана нет. Но Сталин

Слева: На открытии летнего пионерского лагеря «Крибштайн», 1970 г.

На правом фото: В пионерском лагере «Крибштайн». Слева направо: Д. С. Горожанкин, Элизабет Штриниц, М. С. Непомнящая, Херберт Штриниц, В. М. Шелкалин.

сказал: «Найти и разведать». И выросли новые города — Учкудук, Заравшан, Навои, Шевченко, Краснокаменск и мн. др., в которых ковалась ядерная мощь страны. Во многих из них я побывал и сам видел, какие грандиозные проекты осуществлялись там. И все это под руководством трижды героя, кавалера одиннадцати орденов Ленина, двух лауреатских премий и множества других наград, Ефима Павловича Славского.

Мой отец всю жизнь проработал в Минсредмаше, став заслуженным деятелем отрасли. Работая в шахте, а потом в строительном тресте, на любом посту он всего себя отдавал работе. Возглавив профсоюзный комитет СГАО «Висмут», он занимался работой, связанной с организацией повседневной жизни коллектива. Бытом, отдыхом, культурными, спортивными мероприятиями. Телефон его не умолкал ни днем, ни ночью. Я помню, как он организовывал концерты советских и немецких артистов. Все вопросы, начиная от переговоров по расписанию концертов и кончая размещением, питанием, гонорарами, согласовывались с ним. И недовольных не было.

Посол СССР в ГДР Петр Андреевич Абрахимов звонил ему и просил подготовить достойную встречу народной артистки СССР

Людмилы Зыкиной. Она всегда благодарила отца за прием и, гастролируя в ГДР, с удовольствием приезжала в «Висмут».

Иосиф Кобзон, Эдуард Хиль, Эдита Пьеха, Вероника Круглова, Вадим Мулерман, ансамбли «Березка», «Голубые гитары», «Поющие гитары», артисты Театра сатиры — всех не перечислишь. Со всеми он был в прекрасных отношениях, с некоторыми потом встречался и в Союзе.

Однажды в московском ресторане «Узбекистан» я со своими студенческими товарищами столкнулся со Спартаком Мишулиным. Отец в Зигмаре знакомил меня с ним. Он, конечно, меня не узнал, но, услышав фамилию, со свойственной ему манерой воскликнул: «С папой все в порядке? Слава богу! Дмитрию Степановичу огромный привет от всех артистов театра. Твой отец отличный мужик».

Спустя годы, собираясь вместе, семьи Шелкалиных, Зверевых, Митусовых, Степных часто вспоминали зигмаровские банкеты, вечера, концерты. Поездки в Саксонию, Тюрингию, экскурсии в Берлин, Дрезден, Сан-Суси, Цвингер, Мейсен. Дома Шиллера, Гете, Шумана. Парки, галереи, музеи. В этих местах я был по нескольку раз. Особенно мне нравилась Дрезденская галерея, и сейчас

На фото слева: Спектакль «Золотая рыбка».

Справа: Выпускной восьмой класс, 1971 г.

я сам могу провести по ней экскурсию и до сих пор помню, в каком зале находится «Сикстинская мадонна» или «Шоколадница».

Особенной заботой отца были мы — дети. Он постоянно помогал нашей школе № 103 ГСВГ. Нам выдавали тетради с зеленой обложкой, на которой была аббревиатура ГСВГ. Я ее расшифровывал как «Горожанкин Сергей в Германии». Директор нашей школы, а в его кабинете я частенько появлялся за свое поведение, грозил мне всяческими санкциями за эту «расшифровку».

Отец давал мне нагоняй за эту вольную трактовку, но я с постоянным упорством писал ее на своих тетрадях.

Большое внимание уделялось нашему отдыху. Иногда отец брал меня с собой в поездки по поиску мест для детских лагерей. Бессменным его водителем был уже немолодой, лет пятидесяти, немец, фамилию я его не помню, а имя было Фриц. За все годы он не произнес ни одного русского слова, хотя по-русски все понимал. Фриц...

— Фрицы идут! Шухер!

Мальчишки, быстро выпрыгивая из воды, уселись на перевернутую плоскодонку. Человек пять солдат из ремонтного взвода, сложив одежду, с криками и смехом прыгнули в воду. Димка заметил, что из одного сапога торчит ручка гранаты. Пока немцы, поднимая брызги, ныряли, он взял гранату и стал отворачивать крышку. Оттуда вывалился красивый перламутровый шарик на веревочке. Он начал его откусывать зубами, но веревочка была крепкая. Увидев немцев, выскакивающих из воды, Димка с гранатой кинулся наутек, на ходу дергая шарик. Долговязый фриц бросился за ним вдогонку, что-то крича. Вдруг шарик оказался в его кулаке, Димка бросил гранату и, спотыкаясь, скатился вниз по оврагу. За спиной раздался взрыв. Димке просто повезло, как и гнавшемуся за ним фрицу.

Потом они с мальчишками научились

обращаться с оружием. Отец рассказывал, как они стреляли, не только из винтовок, автоматов, минометов, но даже из пушки и танка. Правда, эти игры иногда оканчивались плачевно. Несколько Димкиных друзей подорвались и погибли в напичканном оружием лесу...

...А я не помню, чтобы мы, дети, в Германии играли в войну. Когда мы уезжали в Союз в 1972 г., прощаясь на вокзале, Фриц, обняв отца, единственный раз сказал по-русски: «Дима, ты еще сюда вернешься». И он вернулся.

А в 1975 г. я, будучи студентом 2-го курса Московского геологоразведочного института им С. Орджоникидзе, получил вызов в Германию от родителей на летние каникулы. Это было незабываемое путешествие. Я, уже взрослый, один проехал знакомым маршрутом. Во Франкфурте меня встречал отец. Морозовка с пивом и боквурстами. Зигмар. Все то, что я часто вспоминал, опять было наяву. Молодая и красивая мама, конечно, гордилась своим студентом, а друзья и коллеги отца уже воспринимали меня как мужчину, и я смело мог рассказывать о школьном прошлом и наших юношеских похождениях. Я наслаждался нахлынувшими воспоминаниями, знакомыми местами и ощущениями. Отец брал меня с собой в поездки по пионерским лагерям. Мы поехали в Цинновиц, там отдыхал мой брат. Андрей и его друзья были такими же, как и мы. Те же гитары, развлечения, первые влюбленности и мальчишеская дружба.

Выбирая место отдыха детей, как правило, в курортных местах, отец требовал комфортных условий проживания. Обязательным условием было наличие не только пищеблоков, столовых, спален, но и кинозалов, спортивных площадок. Лагеря обеспечивались всем необходимым, инвентарем для игр и спортивных мероприятий. Я думаю, любой из нас, детей, всегда с осо-

Сергей Горожанкин, студент 2-го курса МГРИ. Зигмар, 1975 г.

Брат с мамой. Зигмар, 1975 г.

На фото слева: Друзья. Алексей Крупкин, Евгений Непомнящий, Сергей Горожанкин, Евгений Лебедев. 1971 г.

Справа: Брат Андрей с друзьями, 1975 г.

Брат Андрей с классом
у школы № 103 ГСВГ, 1975 г.

бой радостью вспоминает эти незабываемые дни, проведенные в Кришштайне, Розентале, Штайнбахе, Табарце, Цинновце.

Не раз за сезон он приезжал в лагерь и на месте решал все возникающие проблемы вместе с персоналом лагеря, который состоял в основном из наших мам. Немалых усилий стоило договориться с немецким обслуживающим персоналом о кухне, меню, продуктах. А бессменным поваром многие годы у нас была Мария Семеновна Непомнящая, женщина удивительной доброты, которая с утра до вечера готовила для нас вкуснейшие блюда и всегда готова была подкормить нас прямо на кухне. Мы ловили рыбу, и она жарила ее для нас, несмотря на скорое время обеда.

Большую работу проводил женский комитет. Всех не перечислишь, но наши мамы — Данилова, Подоляко, Евлюхина, Горожанкина, Сиromолот, Зверева и др. — с любовью и терпением отдавали нам все свое тепло и заботу. Поэтому мы до сих пор вспоминаем время, проведенное в пионерских лагерях, как самые лучшие годы в своей жизни. Низкий им за это поклон.

Дмитрий Степанович большое внимание уделял нашему спортивному воспитанию, организовывал спартакиады школьников. Создавались команды, назначались тренеры, экипировка и спортивный инвентарь были предметом его забот.

Нас было немного, и поэтому приходилось заниматься всеми видами спорта: легкой атлетикой, плаванием, волейболом, футболом, стрельбой, теннисом, шахматами. Мы с энтузиазмом тренировались, и перед школой в шесть утра бегали в бассейн. Спортивные соревнования, особенно с немецкими сверстниками, воспитывали в нас те качества, которые формируют человека. На спортивных площадках мы по-насто-

ящему сражались не только за медали, но и за престиж своей страны.

Я со своими друзьями постоянно что-то просил у отца. Захотели заниматься дзюдо — нам выделили спортзал, и тренер Ральф два раза в неделю преподавал нам уроки рукопашного боя. Захотели свой ансамбль — и нам купили гитары, барабаны, усилители, микрофоны, прикрепили руководителя из воинской части, выделили помещение в клубе. С каким энтузиазмом мои друзья — Женя Лебедев, Коля Болотников, Андрей Шиловский, Андрей Зверев — репетировали и выступали! Мы с удовольствием танцевали под их музыку на школьных вечерах. Потом нам захотелось кататься на велосипедах, и был организован их прокат и ремонт в маленьком домике около клуба. Потом мы захотели научиться водить автомобиль — и опять к отцу. Нам переоборудовали «Волгу», получили разрешение, и военрук из школы учил нас устройству автомобиля и вождению. Мы даже сдали экзамены и получили юношеские права. Получается, что мой стаж вождения автомобиля — ровно сорок лет.

Я думаю, что все это требовало не только усилий всего профсоюзного комитета, но и финансовых средств, валюты. Отцу стоило немалых трудов в Москве добиваться увеличения финансирования деятельности профсоюза. За заслуги по укреплению дружбы между нашими странами Дмитрий Степанович Горожанкин был отмечен золотым и серебряным знаком Общества германо-советской дружбы. За активную работу он был награжден почетными знаками «Висмута» — «Активист труда» и «Мастер труда» в серебре и золоте, а также другими наградами и грамотами. Конечно, помимо хороших отношений с немцами бывали и неприятные моменты. Иногда мы встречались с озлобленностью в наш адрес, когда нам вслед шипели: «Русиш швайн». Обзывали оккупантами, мы понимали, что не всем нравится наше присутствие, и некоторым немцам хотелось бы жить в Западной Германии.

В 2006 г. я приехал в гости к своему двоюродному брату, сыну сестры отца. Той самой Марии, которая вместе со всей семьей чуть не погибла в те роковые военные годы. Мой брат Алик, с которым мы детьми лазали по чужим садам нашего украинского городка Терны, сейчас живет со своей семьей в маленьком, ухоженном городке Зинциг под Кельном. Мы с ним за кружкой пива и не только, до утра вспоминали мои прошлые рассказы о Германии, спорили о самостоятельности Украины, о политике. Алик говорил мне, что той Восточной Германии, где прошла моя юность, уже нет, но я не мог «туда» не съездить. Махнув на машине через всю Германию, мы приехали в Зигмар. Он снимал меня на видео,

Семья Горожанкиных. Стоят дети: Дмитрий, Лидия, Татьяна, Алексей. Сидят: супруга Татьяна, я и мама. 2011 г.

С. Д. Горожанкин.

Отец.

а я, рассказывая, показывал дом, где мы жили, свои любимые места, Советский клуб. За клубом, сидя на рельсах заросшей железной дороги, мы покурили, и я опять на мгновение вернулся в прошлое. Потом мы проехали к зоопарку и озеру, на берегу которого был наш спортзал с бассейном, где Ральф занимался с нами дзюдо. Он был наглухо заколочен и исписан граффити. Напротив — Дворец культуры с осыпающимися колоннами, на ступеньках которого выросли березки выше меня ростом. Проезжая по Цвиккауэрштрассе, мне казалось, что я еду по разгромленному, умирающему городу. Разбитая дорога без трамвайных путей, дома с выбитыми окнами, все поросло травой, запустение и редкие прохожие. В августе 2008 г., спустя месяц после грузинской агрессии, я с гуманитарной миссией ездил в Южную Осетию. В Цхинвале, видя разбитые окна и пустые улицы, я вспомнил эту Цвиккауэрштрассе. Война с прошлым в любом виде — страшна и неприглядна. Наша школа № 103, в которой мы учились, теперь муниципальная музыкальная школа, внутри поделена на музыкальные классы, и уже не кажущаяся большой чугунная лестница упирается в перегороженные коридоры. Наши школьные мастерские завалены мусором и по окнам заросли бурьяном.

Даже красивый особняк, на который выходили окна нашего класса, в котором располагалось советское консульство, стоял заброшенный и никому не нужный. Алик оказался прав. Все вокруг производило гнетущее впечатление. Я проклинал себя за то, что я его не послушался и приехал сюда. Яркие картинки детства навсегда сменились этой разрухой и тленом. В Зигмаре около нашего дома к нам подошел пьяненький немец моих лет и стал ругаясь, возмущаться, что мы тут снимаем. Но, узнав, что мы русские, заулыбался и сказал по-русски: «Дружба. Товарищ. Со-

циализм. Спасибо». Он жал мне руку и говорил, что при русских здесь было хорошо, что мы зря отсюда ушли. Ругал объединение и своих западных соплеменников вместе с капитализмом, демократией и НАТО. Обняв меня на прощание, он повторил все эти русские слова, а потом долго махал нам вслед, видимо, понимая, что я тоже прощаюсь с этим навсегда. Потом был Париж, Амстердам, Люксембург с их Эйфелевыми башнями, замками, дворцами, каналами и набережными. А мысли мои уносили меня в прошлое, жена с дочерью так и не поняли, что для меня этот Зигмар.

По возвращении из Европы, уютно расположившись в моем домашнем кинотеатре, я показал отснятый фильм родителям и брату. Мы смотрели его, попивая привезенный мной шерри-бренди, но даже он не смог подсластить увиденное.

Отец вздохнув, сказал: «Жаль. Запомните, запустение и забвение всегда начинаются с алчности и предательства». Потом мы вспоминали эпизоды нашей жизни в Германии. Выпили за тех, кто уже ушел от нас.

Прощаясь, отец обнял меня: «Так сынок, так», — услышал я шепот и вновь почувствовал, что мысли его унеслись куда-то далеко...

Воспоминания, воспоминания! Прошлое то кажется далеким, то вдруг оказывается совсем рядом. Шестидесятые, семидесятые, они останутся с нами под знаком «Висмута», когда наши родители были моложе нас, нынешних.

«Глюк ауф!» — словно стартовая команда, отправила нас в жизнь, в будущее. Команда, которая останется с нами навсегда.

Прошли уже не годы — десятилетия, наступил новый век, и уже наши дети и внуки напоминают нам нас самих, тех — детей «Висмута».

Москва, 22 июня 2011 г.

по плаванию). Очень музыкальный. Репертуар: народные песни и арии из опер. Добродушный, мы его звали «брат Си». Распределен на карьер (Объект 129).

Романов Виктор Сергеевич. Горный инженер. Из города Старый Оскол. Красавец мужчина. Рослый, мощный блондин с русыми кудрями. С юмором. Спортсмен — мастер спорта по самбо. Уже начал работу на шахте 356, Объект 90 (Шмирхау).

Прежде чем приступить к работе еще раз, уже в одиночестве, прошел инструктаж в отделе охраны и режима. После чего меня передали в руки старшего инженера-геолога шахты № 356 *Дзюбы Сергея Михайловича*. Он в течение более трех месяцев интенсивно готовил меня к своей замене, то есть к обязанностям шахтного геолога и соблюдению техники безопасности при работах в подземных выработках.

Оказалось, что мои обязанности довольно простые: бороздовое опробование пород на содержание урана при проходке горных выработок. Одновременно осваивался с четкой организацией труда, отдыха и культурно-воспитательной работой с советскими специалистами, а также с членами их семей.

На работу выезжали в 6 часов утра и сразу, после короткой разрядки, спускались в шахту. Поднимались из шахты в 14-00, смывали в душе радиоактивную пыль и ехали домой (в г. Геру). Там нас ожидала столовая, где готовили отличные блюда, спортивная площадка и последующий отдых. Ежедневно проходили собрания с обсуждением хода работ, различные мероприятия (вечера дружбы, экскурсии, спортивные соревнования, участие в хоре). Мне же посоветовали поступить в вечерний Университет марксизма-ленинизма при парткоме (полевая почта № 27304). Занятия были платные, проходили два раза в неделю в г. Карл-Маркс-Штадте. Учеба началась в сентябре 1955 года и завершилась в сентябре 1957 г. По всем изучаемым дисциплинам я получил отличные оценки, что и отражено в свидетельстве № 521, которым очень горжусь!

К октябрю 1955 г. мой наставник Сергей Дзюба полностью ввел меня в курс моих обязанностей, познакомил со всем коллективом советских и немецких специалистов, а в шахте я начал чувствовать себя как в родной квартире.

Знакомясь с результатами анализов на содержание урана в отобранных пробах, я обратил внимание на то, что среди большинства проб с низким промышленным содержанием урана наблюдаются пробы, в которых

содержание его больше в десятки, а иногда и в сотни раз. Я попросил у Сергея разъяснения, на что он ответил: «Не бери в голову, это скорее всего лабораторные ошибки».

Я, конечно, не стал возражать, но при первой возможности решил привязать «ураганные» пробы к месту взятия и выяснить, что там за геологическая ситуация.

При первой же проверке оказалось, что повышенные содержания урана в силурийских углисто-кремнистых сланцах и девонских карбонатных (известняки, доломиты) отложениях связаны с участками интенсивной трещиноватости, сформировавшимися в течение сотен миллионов лет. В результате действия водных потоков происходило постепенное перераспределение рассеянной урановой минерализации и образование жильной гидротермальной минерализации.

Напрашивались выводы:

При валовой добыче руды происходит ее разубоживание.

Необходимо заменить валовую разработку руды на секционнo-валовую. Своими наблюдениями я поделился с горным инженером, старшим контроллером ОТК шахты Виктором Сергеевичем Романовым, с которым у меня сложились дружеские отношения. Решили совместно заняться проблемой повышения эффективности разработки.

Пока мы с Виктором Романовым занимались проблемами увеличения добычи урана, у меня возникла довольно неприятная «напасть».

Начальник шахты на всех совещаниях подвергал меня жестокой критике за все реальные и воображаемые прегрешения. Создавалось впечатление, что я бываю у него на исповеди, где я докладываю ему все свои мысли, что ем, что пью и, вообще, чем дышу. А он соответственно реагирует.

Например, на одном из совещаний он возвестил (цитирую): «Мы не выполняем план по добыче урана, а товарищ Конев в свободное от работы время пьет коньяк и запивает его пивом, не каким-нибудь, а чешским. Позор ему!».

Да, действительно, я пил коньяк в гостях у немецкого геолога Фальке, и в тот же вечер пил чешское пиво у другого геолога, Тилле, причем с разрешения отдела по охране и режиму. Так что причем тут оказался невыполненный план по урану?

После нескольких месяцев измываний мое терпение лопнуло, я пришел к нему в кабинет и сообщил, что я решил завести «неделовую» связь с немкой, а принудил меня к этому именно он. Как он смеялся, хлопал

ладонями по ляжкам, и опять ржал. А потом сказал, что я дурачок и вполне приличный сотрудник. Что такой способ воспитания помогает дисциплинировать коллектив.

Потом начальник шахты со своим методом воспитания переключился на очень интеллигентного и застенчивого ленинградского геолога Чингиса Соболева, довел его до сердечного приступа и отъезда на Родину.

Мое бичевание закончилось, а Виктор Романов подготовил наше предложение по разработке залежей двумя способами к реализации, каковое и было доложено руководству Объекта. Получили одобрение, и шахта № 356 (Шмирхау) стала постоянно выполнять план по добыче урана.

У меня после этого неожиданно начался карьерный рост: 1955 г. — инженер-геолог шахты; 1956 г. — инженер-геолог рудника; 1957 г. — старший инженер-геолог геологического отдела рудоуправления.

В 1956 г. случилось на шахте печальное событие. Погиб Виктор Сергеевич Романов. Произошел прорыв пльвуна (вода, глина, песок в жидкостно-вязком состоянии) из 30-го горизонта в 60-й горизонт. Он накрыл Виктора в штреке, и он погиб мгновенно. Кремировали Романова в г. Гера. Жене с ребенком (только что приехала) оказали необходимую помощь и отправили в Москву.

Постигли неприятности и третьего члена нашего квартирного коллектива — Юрия Константиновича Сеницына (брат Си).

К празднованию годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции ему предложили в хоре спеть торжественную песню «Партия, слушай, родная, голос своих сыновей...» Не знаю, чего он взбеленился, но дома при мне и Геннадии Герасимове высказался, что петь эту песню будет только в коллективе с начальником Объекта.

Не знаю, как все это дошло до начальника, но наш «брат Си» загремел в распоряжение Министерства геологии СССР, затем — на Дальний Восток. Там, при перебазировании геологической партии, он упал с машины, получил травму головы и сошел с ума.

В 1960 г. Г. И. Герасимов, находясь проездом в г. Свердловске, навестил меня. В теплой беседе он вдруг сообщил, что был информатором, и часть неприятностей нашего маленького коллектива лежит на его совести. Привыработок. Одновременно осваивался с четкой организацией труда, отдыха и культурно-воспитательной работой с советскими специалистами, а также с членами их семей.

На работу выезжали в 6 часов утра и сразу, после короткой разрядки, спускались в шахту. Поднимались из шахты в 14-00, смывали в душе радиоактивную пыль и ехали домой (в г. Геру). Там нас ожидала столовая, где готовили отличные блюда, спортивная площадка и последующий отдых. Ежедневно проходили собрания с обсуждением хода работ, различные мероприятия (вечера дружбы, экскурсии, спортивные соревнования, участие в хоре). Мне же посоветовали поступить в вечерний Университет марксизма-ленинизма при парткоме (полевая почта № 27304). Занятия были платные, проходили два раза в неделю в г. Карл-Маркс-Штадте. Учеба началась в сентябре 1955 года и завершилась в сентябре 1957 г. По всем изучаемым дисциплинам я получил отличные оценки, что и отражено в свидетельстве № 521, которым очень горжусь!

К октябрю 1955 г. мой наставник Сергей Дзюба полностью ввел меня в курс моих обязанностей, познакомил со всем коллективом советских и немецких специалистов, а в шахте я начал чувствовать себя как в родной квартире.

Знакомясь с результатами анализов на содержание урана в отобранных пробах, я обратил внимание на то, что среди большинства проб с низким промышленным содержанием урана наблюдаются пробы, в которых содержание его больше в десятки, а иногда и в сотни раз. Я попросил у Сергея разъяснения, на что он ответил: «Не бери в голову, это скорее всего лабораторные ошибки».

Я, конечно, не стал возражать, но при первой возможности решил привязать «ураганные» пробы к месту взятия и выяснить, что там за геологическая ситуация.

При первой же проверке оказалось, что повышенные содержания урана в силурийских углисто-кремнистых сланцах и девонских карбонатных (известняки, доломиты) отложениях связаны с участками интенсивной трещиноватости, сформировавшимися в течение сотен миллионов лет. В результате действия водных потоков происходило постепенное перераспределение рассеянной урановой минерализации и образование жильной гидротермальной минерализации.

Напрашивались выводы:

При валовой добыче руды происходит ее разубоживание.

Необходимо заменить валовую разработку руды на секционнo-валовую. Своими наблюдениями я поделился с горным инженером, старшим контроллером ОТК шахты Виктором Сергеевичем Романовым, с кото-

рым у меня сложились дружеские отношения. Решили совместно заняться проблемой повышения эффективности разработки.

Пока мы с Виктором Романовым занимались проблемами увеличения добычи урана, у меня возникла довольно неприятная «напасть».

Начальник шахты на всех совещаниях подвергал меня жестокой критике за все реальные и воображаемые прегрешения. Создавалось впечатление, что я бываю у него на исповеди, где я докладываю ему все свои мысли, что ем, что пью и, вообще, чем дышу. А он соответственно реагирует.

Например, на одном из совещаний он возвестил (цитирую): «Мы не выполняем план по добыче урана, а товарищ Конев в свободное от работы время пьет коньяк и запивает его пивом, не каким-нибудь, а чешским. Позор ему!».

Да, действительно, я пил коньяк в гостях у немецкого геолога Фальке, и в тот же вечер пил чешское пиво у другого геолога, Тилле, причем с разрешения отдела по охране и режиму. Так что причем тут оказался невыполненный план по урану?

После нескольких месяцев измываний мое терпение лопнуло, я пришел к нему в кабинет и сообщил, что я решил завести «неделовую» связь с немкой, а принудил меня к этому именно он. Как он смеялся, хлопал ладонями по ляжкам, и опять ржал. А потом сказал, что я дурачок и вполне приличный сотрудник. Что такой способ воспитания помогает дисциплинировать коллектив.

Потом начальник шахты со своим методом воспитания переключился на очень интеллигентного и застенчивого ленинградского геолога Чингиса Соболева, довел его до сердечного приступа и отъезда на Родину.

Мое бичевание закончилось, а Виктор Романов подготовил наше предложение по разработке залежей двумя способами к реализации, каковое и было доложено руководству Объекта. Получили одобрение, и шахта № 356 (Шмирхау) стала постоянно выполнять план по добыче урана.

У меня после этого неожиданно начался карьерный рост: 1955 г. — инженер-геолог шахты; 1956 г. — инженер-геолог рудника; 1957 г. — старший инженер-геолог геологического отдела рудоуправления.

В 1956 г. случилось на шахте печальное событие. Погиб Виктор Сергеевич Романов. Произошел прорыв пльвуна (вода, глина, песок в жидкостно-вязком состоянии) из 30-го горизонта в 60-й горизонт. Он накрыл Вик-

тора в штреке, и он погиб мгновенно. Кремировали Романова в г. Гера. Жене с ребенком (только что приехала) оказали необходимую помощь и отправили в Москву.

Постигли неприятности и третьего члена нашего квартирного коллектива — Юрия Константиновича Сеницына (брат Си).

К празднованию годовщины Великой Октябрьской Социалистической революции ему предложили в хоре спеть торжественную песню «Партия, слушай, родная, голос своих сыновей...». Не знаю, чего он взбелен, но дома при мне и Геннадии Герасимове высказался, что петь эту песню будет только в коллективе с начальником Объекта.

Не знаю, как все это дошло до начальника, на наш «брат Си» загремел в распоряжение Министерства геологии СССР, затем на Дальний Восток. Там, при перебазировании геологической партии, он упал с машины, получил травму головы и сошел с ума.

В 1960 г. Г. И. Герасимов, находясь проездом в г. Свердловске, уведомил меня. В теплой беседе он вдруг сообщил, что был информатором, и часть неприятностей нашего маленького коллектива лежит на его совести. Пришлось это сообщение принять и пережить. Что поделаешь — человек слаб, правда, к счастью, не каждый!

Советские геологи в самое трудное послевоенное время нашли умение и силы открыть в Восточной Германии и соседней Чехословакии новые месторождения урана, обеспечив сырьевую базу предприятиям СГАО «Висмут». Горжусь, что я по мере сил и способностей в этом участвовал.

Открытие новых месторождений урана в Восточной Германии дало старт «золотому полувеку» российской геологии.

Появилась плеяда блестящих геологов мирового уровня, обеспечивших условия для открытия каскада новых месторождений нефти, угля, алмазов, золота и т. д. и быстрого развития экономики страны.

Естественно, что в обстановке всеобщего геологического подъема мои детские замыслы реализовались на 100%.

«Домик с окнами в сад» с маленьким огородиком и небольшим птичником я приобрел родителям в 1958 году, сразу после возвращения из ГДР. Спасибо СГАО «Висмут»: оно требовало много работать, но и достойно платило.

Кроме того, ежемесячно я родителям переводил деньги и писал письмо маме, чтобы она в тоске, как мать Сергея Есенина, не выходила на дорогу «в старомодном ветхом шушуне».

Поработать на поисках алмазов мне удалось в Ковло-Вишерском крае (1961–1970 гг.). Здесь я доказал алмазоносность такатинской свиты девона, установил направление поисков первоисточников алмазов (кимберлитов), а затем защитил по этой теме кандидатскую диссертацию. В 1969 г. женился на блондинке Гале, и у нас родился сын Вадим.

А с работой в тропиках решилось все просто. Республике Куба потребовалась подготовка геологов-литологов, и помочь ей в этом МИНГЕО СССР поручило мне. Я учил их в два периода (1977–1980; 1985–1988 гг.), учил, что в горной породе нужно видеть не только ее минеральный состав, содержащиеся в ней полезные компоненты, но и запечатленное время (географическую обстановку, среду осадконакопления, проявления вулканизма и т. д.).

Сбор коллекционных минералов и поделочных камней, начатый в 7-м классе, продолжается с разной интенсивностью до настоящего времени под девизом: «Кто чувствует красоту мира, тот не раб!».

Сборы образцов в основном осуществлялись во время отпусков, в поездках с соратниками в автофургоне по разным регионам (Урал, Казахстан, Карелия, Якутия, Крым, Армения, Поволжье и т. д.). Возвращались запыленные, отощавшие, но одухотворенные интересными находками. При этом «заражали» страстью к коллекционированию коллег по работе, работодателей и другой любознательный люд. Многие студенты, будущие геологи, изучали курсы минералогии и петрологии, работая с моей коллекцией у меня дома. Сейчас основная часть коллекции (около 2 тысяч образцов) передана в институт нефти и газа (Удмуртия).

Сейчас принято хулить советское время — все было плохо, неправильно! Но могу честно сказать, что к геологам в советское время относились с большим уважением, слагали песни, снимали кино, писали интересные книги. Считали, и это справедливо, что «по героизму работа геологов идет вслед за работой космонавтов!» (Слова эти принадлежат Е. А. Козловскому, министру геологии СССР, сказаны на Кубе в 1958 г.).

9. 12. 2020 г.

Моя жена Галина.

Леонид Васильевич Зворыгин

Л. В. Зворыгин.

Л. В. ЗВОРЫГИН. Род. 22 января 1931 г. Живет в Новосибирске. Образование — с отличием окончил Ленинградский ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горный институт им. Г. В. Плеханова (1948–1953 гг.) по специальности горный инженер.

Трудовой стаж: 1953–1957 – заграничное предприятие № 1051 (г. Ауэрбах, ГДР). 1957–1959 — шахта № 13 треста Кагановичголь (г. Киселевск Кемеровской обл.). 1959–1984 — Институт горного дела СО АН СССР (г. Новосибирск). 1984–1991 — СКБ прикладной геофизики СО АН СССР (г. Новосибирск). 1991–1995 — ООО «Флюид» (г. Новосибирск). 1995–2016 — Институт горного дела им. Н. А. Чинакала СО РАН (г. Новосибирск).

Кандидат технических наук (1968). Награжден медалями «За трудовую доблесть», «Трудовое отличие» в связи с 100-летием со дня рождения В. И. Ленина, «За труд на благо города» в связи с 115-летием основания г. Новосибирска, «Заслуженный работник ИГД СО РАН» за большой вклад в развитие отечественной горной науки, 60 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., отраслевым знаком «Горняцкая слава» II и III степени, серебряным знаком «Сигма» в связи с 50-летием СО РАН; почетными грамотами заграничного предприятия № 1051 (АО «Висмут»), Министерства угольной промышленности СССР, Новосибирского обкома профсоюза и Новосибирского обкома КПСС, Президиума ВЦСПС и Президиума АН СССР, Президиума СО РАН; благодарственными письмами мэрии г. Новосибирска и Творческого объединения «Новосибирск Телефильм».

Ветеран труда Сибирского отделения РАН и ветеран труда Российской Федерации.

Лауреат премии губернатора Кемеровской области А. Тулеева.

Автор (соавтор) более 200 печатных работ, в том числе 6-ти монографий и 32-х авторских свидетельств на изобретения.

Начало трудового пути

Волей судьбы, а в большей степени, конечно, решением руководства бывшего Советского Союза, я оказался в 1953 году на первом рабочем месте в своей трудовой деятельности. Это была ГДР – бывшая Германская Демократическая Республика. Место это было выбрано руководством СССР не только для меня лично. Это была большая политика, и решались большие, важные дела.

Была в разгаре холодная война. Советский Союз создавал ядерный щит против американской угрозы ядерной войны. Но еще ранее, перед окончанием Великой Отечественной войны, как гласит история, нашими геологами была дана высокая оценка предполагаемых запасов уранового месторождения в юго-западной части Германии на границе с Чехией. Американцы об этом месторождении тоже знали и оперативно, начав свое участие в антигитлеровской коалиции, этот участок территории заняли. Но наши войска в пылу победной эйфории в 1945 году американцев с этой территории «культурно» вытеснили.

При помощи нашего воинского контингента и рабочих из местного населения буквально после последней канонады начались на месторождении разведочные работы, и прогнозы геологов подтвердились.

К этому времени в Москве было организовано специализированное учреждение ГУСИМЗ — Государственное управление советским имуществом за границей, — которое занялось отбором и комплектацией для соответствующих предприятий инженерных и руководящих кадров. Первая большая

группа специалистов (в основном из Донбасса и Кузбасса) была направлена в ГДР в 1948–1949 годах. На месторождении развернулись горные работы по проходке стволов, горных выработок, обустройству промплощадок с возможной попутной добычей урановой руды.

Мое, Зворыгина Леонида Васильевича, личное участие в битве за металл в конечном итоге заключалось в следующем. Кратко мои персоналии таковы. Коренной вятч, уроженец 1931 года села Сырчан Кировской области. Детство и юность прошли в поселке (пристань на реке Вятке) Медведок. В 8–10 классах (1945–1948 гг.) учился в районном городе Нолинск, известном ранее как родовое гнездо В. М. Молотова.

В детстве, перед началом глубоких испытаний 1941–1945 годов, после испанских событий, посмотрев многократно кинофильм про Василия Чапаева, играли с друзьями в войну. Но честно признаться, эти игры не дали мне ни грамма антипозитива к немецкому народу, к их традициям, достижениям и заслугам. Вероятно в этом, как и для многих русских, прежде всего сказался наш менталитет, чтение книг и семейные традиции порядочности, уважения у другим нациям. Такая ситуация в большой степени была обусловлена еще тем, что немецкий язык в 5–7 классах преподавала учительница-немка, репатриированная с семьей из города Энгельса (Поволжье). Притом преподавала хорошо и интересно, так что я усвоил не только азы, но мог сносно разговаривать и читать на немецком. Это позволило в будущем легко сдавать «тысячи» за себя и «за

того парня» в институте; находиться достаточно комфортно в местной среде при работе в ГДР, досрочно сдать кандидатские экзамены по иностранному языку; многие годы выписывать и читать газету Neues Deutschland.

Хотя к фашистской Германии и современным идеологическим последователям у меня до сих пор есть счет. Мой отец, Зворыгин Василий Андреевич, рядовой, 44 лет, провоевав всего три месяца, погиб в январе 1944 года при разблокировании г. Ленинграда; захоронен в мемориале на станции Любань. Дядя Михаил по линии отца призван в Красную Армию в первые дни войны, рядовой, где и когда погиб — неизвестно. Двоюродный брат Афанасий по линии мамы после окончания десятилетки в 1940 году был призван в г. Свердловске (сейчас Екатеринбург) на воинскую службу. Предположительно, службу проходил в Брестской крепости и там погиб при ее защите. Двоюродный брат Николай, также по линии мамы, рядовой, в боях получил тяжелое ранение в руку и значился до кончины как участник Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. ...

И счет на этом не заканчиваю. Хотя дядя Александр фашистов не громил, но уход его из жизни связан напрямую с войной. Дядя Саня, отец Афанасия и Николая, будучи председателем колхоза, собрав с полей урожай, предназначенный в те времена по плану до грамма для сдачи государству, небольшую часть его раздал умирающим с голода колхозникам. А это были на 99,9 % женщины, старики, инвалиды, дети. Предстоял трибунал и расстрел, но дядя Саня совершил суицид.

Вот такой психологический багаж был у меня перед отправкой в Германскую Демократическую Республику. Но было не все так и мрачно, как я рассказывал выше.

Наконец, в июне 1953 год, наступил момент истины, когда после защиты дипломного проекта в Ленинградском ордена Ленина и ордена Трудового Красного Знамени горном институте имени Г. В. Плеханова и выдачи диплома с отличием по специальности горного инженера началось распределение и предложение предполагаемых мест работы. Съехались работодатели. Для меня уже был первый предложенный вариант — аспирантура в ЛГИ. Но активно работал со своими заманчивыми перспективами работодатель из ГУСИМЗа.

Решение было принято в пользу второго предложения: наука подождет, надо набраться практического опыта, да и материально укрепиться, поскольку личный гардероб состоял не более как из форменных шинели и кителя да матросских шкер, купленных на барахолке. Состоялись официальное подписание договора, знакомство с предварительной информацией об условиях работы:

предприятие высокой секретности, меры ответственности за аморальное и антигосударственное поведение и т. д. Высказалось также пожелание, чтобы отъезжающие специалисты по максимальной возможности были в паре с супругой. Для меня в личном плане такое пожелание было сигналом к активным действиям. Срочно написал открытку в город Киров Пустоваловой (в девичестве) Марианне (в быту Марина) Николаевне, что буду там через неделю, чтобы была не в отъезде, и что необходима встреча.

Досье о Марине. Родилась в Воронеже (1928 г). Ее мать закончила пансион благородных девиц в г. Орле, учительница. Отец студентом Варшавского госуниверситета был назначен в охрану Временного правительства, затем служил в Красной Армии, а после окончания службы уехал с семьей в Сибирь, обосновался в г. Купино Новосибирской области. И также занимался педагогической деятельностью. В 1937 году репрессирован, приговорен к расстрелу, позже реабилитирован. Марина в 1949 г. закончила в г. Томске техникум, была направлена на работу в поселок Медведок, где занимала должность заведующей лабораторией местного «Заготзерно». Приезжая на каникулы, я встречался с Мариной, проводил с ней время на прогулках, отдыхе, танцах. Она мне очень нравилась. Моя мама Марину хорошо знала также по работе.

Поэтому мое решение и остановка в г. Кирове не были случайными, и никогда в жизни, прожив с Мариной более 50 лет, я не жалел об этом. Мое предложение руки и сердца Марина приняла, но мы как дети того времени должны были получить согласие своих родителей (то есть мам) и созвониться после получения результата. Единственное — Марина высказала опасение: а что если ей из-за отца не разрешат выезд за границу. Я заверил ее, что прерву по семейным обстоятельствам свой договор.

Согласие обеих мам было получено. Моя мама, правда, высказала маленькое замечание: «Да, Марина — девка хорошая, но уж больно бойкая; а ты ведь совсем молодой, всего 22 года, погулял бы еще, ну уж ладно — ты давно у нас уже взрослый» (родители признали меня взрослым в 12 лет, когда я начал активно помогать по домашнему хозяйству: уход за скотом, заготовка сена и дров, и т. д.).

Предстоял важнейший момент в жизни моей и Марины — регистрация брака. Сложностей никаких больше не было, но...

Сейчас покажется многим нелепым, но даже по тем совсем еще недалеким временам транспортные вопросы были совершенно архаичными. Суть в том, что добраться из Медведка до областного центра можно

было тремя способами: вверх по Вятке на колесном пароходе или со времен Екатерины II по гравийно-грунтовому тракту Вятка — Казань на попутных машинах (около 180 км) и нерегулярно ходящих пазиках.

Для ускорения процесса регистрации брака решили со свояком Иваном Васильевичем (мужем моей старшей сестры) ехать в г. Киров на «ковровце». Для расшифровки — это двухколесный мотоцикл, на мой взгляд, имеющий тягу не более 1 л. с., с пружинными амортизаторами и жестким багажником. Разместив на багажнике детское одеяло (для мягкости) и плюнув через левое плечо, тронулись в путь.

Длинный путь и дорогу, объезжая колдобины, одолели благополучно. Но по приезде мои, как я уже говорил ранее, матросские шкеры были так пропитаны дорожной пылью, что и за два раза отстирать их не удалось. Свояк поехал искать по городу у своих знакомых-речников необходимые и приемлемые для меня брюки. Вопрос с брюками решился со второго захода благополучно. Купив подарок невесте (летнее платье — на деньги свояка, с обещанием в будущем их вернуть, приехав в первый рабочий отпуск), занялись главным мероприятием.

На мотоцикле, поочередно, — я и Марина — были доставлены в загс, о чем свидетельствует документальная запись от 11 июля 1953 года. Затем — домашняя вечеринка на 7 персон по случаю бракосочетания, и через сутки мы разъехались: Марина в командировку по работе, я — в Медведок, догуливать предрабочий отпуск. Позже Марина на неделю приезжала в Медведок, затем снова уехала по работе в командировку: отпуск ей не дали, началось, как тогда говорили колхозники, время хлебозаготовок, в котором она принимала участие, как специалист. А дальше был для нас обоим сильнейший удар от системы и темная полоса — мы встретились только почти через восемь месяцев.

Согласно имевшемуся на руках предписанию, за десять дней до отъезда в ГДР (в 20-х числах августа) прибыл в Москву и явился в ГУСИМЗ, располагавшийся недалеко от Белорусского вокзала. Как уже говорил ранее, расшифровка этой аббревиатуры такова — Государственное управление советским имуществом за границей. То есть уже с самого первичного начинала просматриваться высочайшая секретность. Убедиться в этом пришлось также, получив в разных отделах ГУСИМЗа соответствующие инструкции с весьма жесткими мерами ответственности за невыполнение таковых.

Команда для отправки за рубеж была собрана солидная: я, сокурсники Мельниченко Вадим с супругой Зиной, Бородин

Лева с супругой Ниной, Селиванов Володя с супругой Галей, Готовцев Борис с супругой, Сазонов Саша и геолог Слепков Валентин.

Куда нас повезут и чем мы будем конкретно каждый заниматься, нас в известность не поставили. Как специалисты будете создавать там для страны — Родины — атомный щит, место ваше именно там будет почетно и ответственно.

Дорога к месту назначения как в первый раз, так и в последующие поездки, всегда была одинакова. Поездом до Бреста и через Польшу — до приграничного города ГДР — Франкфурта-на-Майне, затем ведомственным автобусом до пос. Зигмар, спутника города Карл-Маркс-Штадт (ранее и теперь — город Хемниц). Чтобы мы в пути не потерялись и вели себя достойно, согласно инструкциям, нас всегда в поездке, да и в дальнейшем — в повседневной жизни, незаметно сопровождали «вежливые» люди.

В г. Зигмар располагался, как можно сказать для добывающих предприятий по тем временам, комбинат. Но он так официально не назывался. Это было предприятие почтового ящика № 1051.

На «почтовом ящике» нас встретили хорошо. Разместили в типовой гостинице, провели снова собеседования, выслушали наши пожелания и определили каждому место пребывания по договору на три года. На Объект № 6 направлялись я, Саша Сазонов, Борис Готовцев и Валентин Слепков. Остальные из группы разъезжались по другим местам. В условиях ГДР встретиться удалось позднее только с Селивановым Володей и Бородинымевой.

Управление Объекта № 6, название которого официально в открытых документах не значившегося и не рекомендованного к употреблению в неслужебных разговорах и письмах, находилось в километрах 80 от Зигмара. Это был небольшой, обустроенный, без особых признаков промышленных предприятий, можно сказать — провинциальный городок — Ауэрбах. Что сразу бросалось в глаза и потом практически подтвердилось — этот городок от войны пострадал не так основательно, как многие другие. Служебное помещение Объекта № 6, располагавшееся в каком-то старинном здании, небольшой жилой комплекс для сотрудников и воинская часть, несшая охрану всех подразделений Объекта и выполнявшая другие обязанности, располагались компактно на окраине города. Основу жилого комплекса составляло бюргерское поместье в парковом массиве, брошенное хозяином, бежавшим в западную зону. За высоким забором и шлагбаумом на въезде размещались: двухэтажный коттедж, здание, где ранее распо-

лагалась прислуга, а теперь — общежитие, столовая, гостиница; двухэтажное здание, приспособленное под клуб и кафе; два вновь построенных многоквартирных дома и сауна.

Производственная мощность Объекта № 6 состояла из трех шахт (рудников): шахта № 277 (шахта Zobis — Цобис), шахта № 241 (шахта Schneckenstein — Шнекенштайн), шахта № 183 и небольшой карьер. Меня определили на шахту № 241, и в трудовой книжке от 1 августа 1953 года начался мой непрерывный стаж с первой записью: зачислен на должность старшего инженера контроля ОТК шахты заграничного предприятия.

Структурно заграничное предприятие шахта № 241 было однотипно с обычной советской (российской) шахтой. Руководителями большинства структур на тот период были назначены наши специалисты. По памяти, начальником шахты № 241 был Котин, главным инженером — Вольхин Николай Александрович, главным геологом — Трунов Евгений, главным механиком — Таранец Виктор, главным геофизиком — Саяпин Анатолий. Мой непосредственный начальник, руководитель отдела ОТК шахты — Цымбал Василий. Руководителем маркшейдерского отдела был также российский специалист. Другими подразделениями на шахте, в том числе начальниками подготовительных и добычных участков, руководили специалистами из местного населения. Нам говорили, что это были специалисты из бывших военнопленных, прошедших определенную проверку, имеющих соответствующую мотивацию и вступивших в партию СЕПГ (Социалистическая единая партия Германии). Недостатка в рабочих кадрах на шахтах не наблюдалось, так как все трудящиеся заграничными предприятиями имели перед народными предприятиями большие преимущества в зарплате, льготах и продуктовых карточках. Естественно, такого же характера льготы за вредность на производстве имели и советские специалисты: двойной оклад в марках и рублях, двойной отпуск 48 рабочих дней.

На шахте № 241 трудились также инженеры и техники: в нашем отделе — Ладыгин Володя, в других отделах — Кечин Володя, Зырянов Георгий, Бессонов Володя и две молодые девушки. Заранее оговорюсь, обо всех, кого я назвал и кого не мог вспомнить, у меня остались очень добрые и теплые воспоминания. Все старались поделиться своим накопленным опытом, дать какие-либо полезные советы. Это было не только по производственным вопросам, но и на бытовом уровне, особенно когда уже у меня окончательно сложился семейный вопрос.

Названные мною сотрудники были из разных районов страны: Цымбал, Саяпин, Таранец, Трунов — с Украины; Вольхин,

Ладыгин, Зырянов — с Урала; Котин, Кечин — из Москвы; Бессонов — из Иркутска. Из разных мест нашей необъятной Родины были и другие специалисты, с которыми я общался за все время пребывания в Германии, но не вспоминаю каких-либо выходящих за рамки приличия скандалов, междоусобиц и прочего. Мы жили одной, единой советской «колонией».

Не могу сказать достоверно из-за бывшего тогда жесткого грифа секретности даже среди руководящего звена советских специалистов, но, по моему мнению, шахты № 277 и № 241 Объекта № 6 среди других заграничных предприятий по добыче урановой руды (концентрата смолки и менее богатой по содержанию, рассеянной во вмещающих породах) были доминирующими. Это было обусловлено прежде всего местом их заложения, находящимся в эпицентре этого месторождения. Шахтное поле шахты № 241 находилось в 15–20 км от г. Ауэрбаха на взгорье Судетских гор, буквально на границе с Чехословацкой Социалистической Республикой. В этом меня убедил Володя Ладыгин, вводя в курс старшего инженера ОТК и нарушая инструкции, проведя по тропинке до блокпоста с гэдээровскими и чешскими пограничниками, с которыми мы побеседовали. На этом участке с древних времен из штолен, сохранившихся с тех пор, добывали естественный материал для краски — киноварь.

Шахтное поле шахты № 277 находилось в равнинной местности в сторону большого города Плауэн, также в 10–15 км от Ауэрбаха и не очень далеко от границы с западной зоной Германии. Эти оба промышленных участка — месторождения жильного типа, обычно с крутым залеганием. Поэтапное вскрытие месторождения было произведено вертикальными стволами, подготовительные работы и очистная выемка запасов велись по типовым схемам. Система разработки — блок-этаж, с послонной шпуровой отбойкой, частичным или полным выпуском горной массы.

На всем сказанном я останавливаюсь достаточно подробно, для того чтобы дать понять — в официальном назначении меня на не очень внятную должность старшего инженера-контролера ОТК (отдел технического контроля) скрыты некоторые нюансы. Отдел ОТК на шахте заграничного предприятия выполнял очень важные, существенные и ответственные задачи. Это, можно сказать, была правая и левая рука начальника и главного инженера шахты. Главные задачи: контролировать, как выполняется технический и технологический регламент на всех подготовительных и очистных работах, участках. Отдел ОТК на шахте должен был (на Объекте — контролировал)

заниматься также учетом, хранением, своевременной выдачей из забоев (шахты) и отгрузкой в Советский Союз «готовой продукции»: ящиков с рудой высокого содержания радиоактивного урана, а бедносодержащую руду — самосвалами на обогатительную фабрику.

Каждый рабочий день для работников отдела ОТК шахты начинался с задания для спуска в шахту; знакомство и разборка ситуации с бригадирами, штайгерами, начальниками участка на местах; отчет и предложения начальнику отдела, главному инженеру или начальнику шахты. Такой порядок на шахте № 241 меня особенно сблизил меня по производственным делам и степени доверия с начальником отдела Василием Цымбалом и главным инженером Николаем Александровичем Вольхиным. Это дало мне при ответственном отношении промышленную зарплату и будущий должностной рост.

Решение моих семейных вопросов явно затягивалось. Я проживал пока в комнате общежития с Сашей Сазоновым и Георгием Зыряновым. Саша — мой земляк из села Архангельского, вместе заканчивали десятилетку в г. Нолинске и одновременно сделали выбор дальнейшей учебы в ЛГИ. Учились в одной группе и жили в одной комнате общежития на Малом проспекте, 40. С Георгием я тоже подружились. Он был очень спокойным и рассудительным товарищем. Оба они очень ценили мой выбор супруги и всегда по-мужски тепло относились к Марине.

Буквально каждую неделю я заходил в секретный отдел Объекта узнать, как решается вопрос приезда Марины. Ответ был один: «Не беспокойтесь, решается». Вел разговоры с руководством, что готов из-за задержки решения вопроса завершить досрочно свою заграничную командировку. Считаю, по большому счету, решить положительно мой индивидуальный семейный вопрос помогло глобальное историческое событие: кончина великого кормчего 5 марта 1953 года и хрущевская подготовка к XX съезду КПСС, развенчавшего культ личности в преддверии начавшегося процесса реабилитации «врагов народа».

И вот в 20-х числах марта 1954 года после долгой разлуки наступила долгожданная встреча. Мне выделили легковую машину, я выехал в г. Зигмар, куда Марина прибыла автобусом из Франкфурта-на-Майне. Нам дали для ночевки место в гостинице, а поутру, как всегда, ознакомились в определенных местах с секретными инструкциями, заполнили нужные анкеты и тронулись в путь до г. Ауэрбах. Уже в пути Марина ошарашила меня вопросом: чем она будет заниматься? Объясняю — отдыхать, как большинство жен советских сотрудников, приехавших

в чужую страну без контракта по необходимым специальностям заграничного предприятия на трудоустройство. Отсутствие в воспитании нашего поколения привычки не работать вызвало у Марины недоумение: «Зачем я сюда ехала?»

Нам выделили двухкомнатную полногабаритную квартиру в городском жилом комплексе недалеко от управления Объекта. Свободного жилья в «колонии» на данный момент не оказалось, мы его получили там после первого отпуска. Обустройство первого семейного гнезда было пуританским, начиная от казенной кровати и кончая казенной кастрюлей. Все это хозяйство заменялось постепено на приобретенное собственное. Во вторую комнату мы заходили редко, поскольку использовали ее только как кладовую.

Моей гордостью к приезду Марины были только две приобретенные вещи: широкополосный радиоприемник с громадным диапазоном приема станций передач и мотоцикл BMW (пока без коляски). Обе эти вещи по тем временам были технически уникальны и высоко котировались в Советском Союзе. Собственными передвижными средствами нам в зарубежье пользоваться было запрещено. Но возникло большое желание новый мотоцикл хотя бы опробовать. И в одну из ночей я и Володя Ладыгин произвели непродолжительную обкатку мотоцикла, проехав знакомым маршрутом от города до шахты и обратно. Все прошло благополучно, замечены не были и только один раз съехали в неглубокий кювет. «Зверь, однако же, не машина» — было наше заключение, и, запаковав его багажом, отправил на Родину.

Было не удивительно, когда буквально через полмесяца после приезда Марина записалась на прием к начальнику Объекта № 6. Потом сделала еще несколько посещений в управлении то ли секретаря партийной организации, то ли еще какого-то руководителя. И ее настойчивость дала результат: в трудовой книжке Зворыгиной Марианны Николаевны появилась запись: «19 апреля 1954 года зачислена на должность техника — вычислителя магнитометрической партии заграничного почтового ящика 1051».

И далее служебная деятельность Марины в заграничном предприятии продолжилась следующим образом:

— 1 июня 1954 года назначена на должность техника-учетчика отдела технического контроля;

— 2 января 1956 года освобождена от занимаемой должности по сокращению штатов.

По моей версии причиной ее увольне-

ния было в большей степени окончание декретного отпуска.

Энергии и темперамента у Марины хватало не только на обустройство первичного семейного очага и работу в своей отдаленной от ее специализации области. Это было у Марины в характере. Поэтому отвлекусь немного на будущее.

Вернувшись в Союз, работая с небольшими перерывами в различных организациях, чтобы быть востребованной на исполняемой ею работе, Марина окончила:

— Новосибирский радиотехнический техникум (1968 г.);

— Новосибирские курсы повышения квалификации руководящих и инженерно-технических работников Министерства станкостроительной и инструментальной промышленности СССР по единой конструкторской документации (1970 г.);

— Высшие государственные курсы повышения квалификации руководящих, инженерно-технических и научных работников по вопросам патентования (Москва, 1977 г.).

Освоила не менее десятка различных специальностей.

А потом Марина увлеклась еще и художественной самодеятельностью: читала стихи Есенина и Лорки; пела в хоре. Руководитель клуба был специально откомандирован из Союза, чтобы организовывать самодеятельность, показ кинофильмов и концертов из приезжающих в ГДР советских артистов. Если в какой-то момент в зале зрителей не хватало, давался сигнал в воинскую часть, и солдаты с великой радостью участвовали в мероприятии.

Больше других из организаторов самодеятельности мне запомнился Анатолий Саяпин, обаятельнейший молодой человек, любимец всех сотрудников Объекта, особенно молодых девушек-контрактниц, чьи мужья давали «стране угля». Приезжая с шахты, я направлялся в клуб, зная, что Марина там, играл в бильярд, если было желание и оставшиеся силы, заходил за кулисы и звал ее домой. И мог даже что-нибудь подпеть, если меня песня затронула. И тут вдруг случился грандиозный конфуз, после которого Марина искренне плакала и сказала, что больше в самодеятельности участвовать не будет. Суть в том, что руководитель клуба, или еще кто-то все перепутал и на одной из планерок у руководства Объекта мне вручили первую с начала моей трудовой деятельности, признаюсь, абсолютно незаслуженную и «незаработанную» грамоту. А в моей трудовой книжке за 1954 год в графе «Сведения о поощрениях и награждениях» появилась первая запись: «Благодарность за участие в художественной самодеятельности за-

гранпредприятия, занявшего 2-е место, и награжден грамотой».

Я для участия в конкурсе художественной самодеятельности заграничного предприятия никуда не выезжал, ездила Марина, и она до конца проявила свой характер. И больше в художественной самодеятельности Объекта не участвовала. В свободное от работы и семейных дел время стала больше читать (в клубе была неплохая библиотека), занялась, как многие женщины на Объекте, вязанием и чуть позже — настоящими женскими, материнскими обязанностями.

Однако перед завершением работы на шахте № 241 считаю, уже заслуженно, я получил вторую благодарность: «4 ноября 1954 года. Благодарность за обеспечение выполнения Госплана и производственные успехи, достигнутые к 37-й годовщине Октября».

И буквально следом приказом по управлению Объекта № 6 (п/я 1051) от 6 декабря 1954 года в трудовой книжке значится: «Назначен на должность начальника ОТК шахты там же».

Уточню. «Там же» и не «там же»: не шахта № 241, а шахта № 277. Влиться в новый коллектив шахты не представляло особых трудностей. По Объекту я уже всех сотрудников практически знал. Предстоящие обязанности тоже были уже знакомы. И в этом назначении на должность начальника ОТК шахты № 277, считаю, я во многом обязан Михаилу Ивановичу Устинову. В то время Михаил Иванович был уже начальником ОТК Объекта № 6. А до этого должность заместителя начальника того же отдела занимал товарищ под фамилией Киричек. Последний никаких положительных воспоминаний не оставил. И практически контакты по работе, начиная с должности инженера контролера ОТК шахты, с самого начала были установлены с Устиновым М. И. Тем более, когда занял должность начальника ОТК шахты, общение было практически ежедневным. Я отношусь к светлой памяти Михаила Ивановича с величайшим почтением. Это был деликатнейший, глубоко грамотный специалист-горняк, добрейший на все, не считая времени, чтобы рассказать, посоветовать, поделиться опытом.

Но мне вдвойне повезло, что на шахте № 277 также пришлось поработать в тесном контакте с главным инженером Владимиром Ивановым Владимировичем, имевшим, по сути, такие же человеческие качества, как и М. И. Устинов. Иван Владимирович был внешне строг только к некоторым подчиненным, вероятнее всего недостаточно ответственным к порученным обязанностям.

Забегая намного лет вперед, скажу, что оба моих близких знакомых по Объекту

№ 6 — Устинов М. И. и Владимиров И. В. — стали докторами технических наук, заведующими лабораториями и отделами Института горного дела им. А. А. Скочинского. Бывая в Москве, в командировке из Сибири, при имеющейся возможности я всегда старался поехать в г. Люберцы, чтобы в ИГД имени А. А. Скочинского повстречаться и пообщаться с Михаилом Ивановичем и Иваном Владимировичем. Наши встречи были всегда добрыми, душевными и заканчивались иногда даже в домашних условиях. И как прежде, от обоих я получал что-нибудь новое, полезное для моей работы, а иногда и поддержку как старших товарищей.

Естественно, работы и особенно ответственности в должности начальника ОТК шахты № 277 у меня намного прибавилось. Во-первых, шахта № 277 по габаритам, объему подготовительных и очистных работ, а также величине (кг, т, м³) конечного продукта, можно считать, была сверхгигантом. В работе находилось семь горизонтов, слепыми стволами вскрывались восьмой и девятый. Повышенная ответственность была, например, даже в том, что находящийся в моем подчинении склад готовой продукции обслуживался в каждую из трех смен четверть советскими солдатами. Сбой в приемке из шахты металлических ящиков с высококалорийной, высококалорийной рудой (вес ящика с рудой до 100 кг!) и отгрузке этой продукции грузовыми вагонами с пломбами и усиленной охраной был недопустим и грозил большими неприятностями. Завесь период руководства этим ответственным участком (слава Всевышнему!) никаких громких эксцессов не произошло, и солдаты меня не подвели.

Так проработал я в должности начальника ОТК шахты № 277 декабрь 1954 года и весь 1955 год. Помимо напряженной работы 1955 год был для меня и Марины знакомым по двум событиям.

Ранней весной в г. Зигмаре состоялось общее комсомольское собрание всех организаций заграничных предприятий управления урановой отрасли в ГДР, посвященное какому-то важному текущему моменту. Естественно, мы приехали на мероприятие ведомственным автобусом. После окончания собрания все собрались к установленному времени в автобусе, кроме Саши Сазонова, моего земляка, одноклассника, товарища. Он никого не предупредил, мне ничего не сказал, его ждали еще 20 минут, час — так и не появился. Таки уехали без него. Саша заявился в г. Ауэрбах на следующий день, на Объекте ему вручили приказ: «За недельную связь с местным населением договор с заграничным предприятием расторгнуть и отбыть в Союз в течение 24 часов».

Я добился разрешения, и мы с Мариной

проводили Сашу до Франкфурта-на-Майне, посадили в поезд. Это были наши последние рукопожатия и товарищеские объятия. После отъезда Саши писем я от него не получал, и по приезду в отпуск в ГУСИМЗе зашел в соответствующий отдел узнать, что с ним случилось дальше в пути или еще позднее. Мне ответили: «О Сазонове Александре Ивановиче просим вас вопросов не задавать!». Печально! В том же отпуске со свояком Иваном Васильевичем на мотоцикле БМВ съездили в село Архангельское (от Медведка километров 50) к родителям Саши, в надежде, что может у них есть какие-нибудь сведения о сыне. Ни от него и также от каких-либо организаций информации они не получали. И через несколько лет Сашины старики так ничего о его судьбе и не узнали. У меня было несколько версий, но ни одна документального подтверждения не получила.

Второе — в личном плане — событие 1955 года было, наоборот, весьма радостным. Числа 24–25 августа я отвез Марину по совету врача и наступившим признакам в роддом в г. Зигмаре. И вот наступило воскресенье 27 числа, последний выходной августа месяца, утвержденный правительством буквально недавно праздником — День шахтера. В клубе после торжественного собрания расселись в кафе за столиками. Я — с сотрудниками шахты № 277. И буквально после «первой» меня пригласили к телефону: «Поздравляем, Леонид Васильевич, у вас сын, вес 3600, рост 59 см, состояние супруги и малыша нормальное».

Передал врачам «спасибо», а супруге — скорейшего возвращения домой, вернулся в кафе. А там за всеми столиками уже все знали, без деталей, что случилось. Пришлось ради такого радостного события поставить на столы ящик шампанского.

Через несколько дней забрал из роддома Марину и сына, нареченным и записанным в свидетельстве о рождении как Игорь, место рождения — город Карл-Маркс-Штадт. Позже Марина заменила это свидетельство о рождении Игоря на другое свидетельство, заменив место рождения на г. Москва. Мотивацией ее поступка были незабываемая ею семейная трагедия 1937 года и опасения возможного повторения поиска «врагов народа», рожденных где-то и когда-то за пределами нашей Родины.

Жизнь обитателей «колонии» Объекта № 6 г. Ауэрбах не была ограничена из-за существующих обстоятельств только ее территорией. Организатором выездных мероприятий был комсорг Объекта Игорь Мяло. Тем более уже в те времена на заграничных предприятиях горного профиля был общий выходной в воскресенье, а в самом СССР общий вы-

ходной, имея в виду добывающие отрасли, ввели значительно позднее. В поездках посетили в городе Дрездене знаменитую картинную галерею. Галерея начала только функционировать после войны, а сам город был еще в громадных руинах после американской бомбежки в конце войны. Съездили на отдых на столбы Бастай у реки Эльба и озеро Эльсниц. В этой поездке у рыбаков мы купили форель и сварганили коллективную уху. Также побывали в музее Гете в городе Франкфурт-на-Майне; знакомились на экскурсиях с народными предприятиями и городом Карл-Маркс-Штадт, угольной шахтой и городом Цвиккау.

Комсорг Игорь Мяло как организатор запомнился еще вот чем. Обычно, начиная с понедельника, он составлял список желающих, кто в субботу настроен посетить сауну. Сауна всегда была отменной: уже на тот момент все услуги были высокосексными. Бильярд, дружеское застолье, рассказы, анекдоты. Но каждый раз после таких мероприятий почему-то по наличествующим ситуациям руководством Объекта вскрывалось, в нужное время и в нужном месте высказывалось, кто перебрал лишнего, кто сказал что-то не к месту. Поскольку на Объекте молодежи было достаточно, то случались даже и свадьбы. Комсорг Игорь начинал подготовку с виновниками торжества тоже со списка — приглашенных на свадьбу, который, кстати, согласовывался с руководством Объекта. Естественно, в списке оставались только наши надежные в застольях сотрудники; присутствие кого-либо из местных, кроме obsługi мероприятия, исключалось; приезды родственников из Союза не припомню. Обычно свадебное мероприятие после возвращения молодоженов и свидетелей из Зигмара, где им в отделе кадров управления вручали доставленное из Москвы брачное свидетельство, проводилось в клубе. Но особенно запомнилась впечатляющая свадьба с широким размахом при бракосочетании москвичей Володи Кечина и переводчицы Марты. Они организовали свадьбу в бургерском коттедже, который пустовал и не заселялся даже никем из руководителей Объекта из-за высоких коммунальных выплат. А вот Марта и Володя после внушительной по тем временам свадьбы остались в коттедже даже жить. Наверняка это были первые «российские олигархи», о чем, к сожалению, нигде не написано и фактов не зафиксировано. Собирались к ним на посиделки: громадная гостиная, зал, спальня, прочие апартаменты; раздвижные двери, раскрываемые нажатием кнопки с пульта. Вот это было для нас, как говорилось, простых советских людей, знакомство наяву с буржуазным бытом и капиталистической идеологи-

ей. Эффект усиливался еще тем, что обычно Марта и Володя гостей встречали в роскошных бархатных халатах и препровождали к столу в зал, освещенный хрустальной люстрой невероятных размеров.

Милые добрые, потешные молодые ребята!

Марина долго переписывалась с Мартой, когда они вернулись после командировки в Союз и обосновались в Москве. К сожалению, брачный союз Марты и Володи через определенное время распался.

К слову сказать, вот таких доверительных отношений у меня и Марины не сложилось с моими одноклассниками Борисом Готовцевым и его супругой. Они жили на Объекте очень замкнуто, абсолютно ни с кем не общались. Да и потом мои встречи с Борисом в Министерстве угольной промышленности СССР ограничивались только рукопожатием и одной-двумя банальными фразами. К тому же Борис Готовцев даже ни разу не приезжал в Ленинград (Санкт-Петербург) на торжественные встречи выпускников горного факультета ЛПИ 1953 года.

Зато студенческая приятельская дружба на долгие годы укреплялась разовыми встречами заграничных командированных пар: Володи Селиванова (будущего директора шахты в Караганде, которого я навещал, находясь в командировке из Новосибирска) и Леры Бородина в Ауэрбахе; Вадима Мельниченко (лауреата Государственной премии СССР в тот период за научное обоснование и разработку технических средств, обеспечивающих благоприятный тепловой режим глубоких рудников) на курорте в Сочи, а затем на всех юбилейных встречах в Ленинграде (Санкт-Петербурге).

Дед Мороз на Новый 1956 год принес мне очень большой, но ответственный подарок. В трудовой книжке от 1 января 1956 года (именно от 1-го января!) появилась запись: «Назначен на должность главного инженера шахты заграничного предприятия».

Почему «ответственный подарок» — скажу в двух словах сразу, а потом в повествовании уточню более детально: ведь мне было всего от роду 25 неполных лет, и на производстве я отработал всего три года. Конечно, это новое должностное назначение не было для меня неожиданностью. Все началось за несколько месяцев до этого с частного разговора со мной начальника Объекта № 6 Волынского, партийного секретаря Объекта и кого-то из управления о моем представлении дальнейшего карьерного роста. Я скромно ответил: «Как получится, так и буду на это реагировать». Мне было сказано, что они посоветовались с моими непосредственными руководителями, и продлевают срок заграничной командировки еще на три года,

а также предлагают занять пост главного инженера вновь создаваемой как структурная единица шахты № 362. Мне не хотелось, да и не было каких-либо причин отказаться от такого предложения. Правда, секретарь партбюро еще добавил: чтобы моя ответственность за порученный участок работы была не только административной, но и партийной, следует подать заявление о вступлении в КПСС. Так, с поручительством Владимирова И. В. и Устинова М. И. я стал в срочном порядке кандидатом в члены КПСС.

Итак, с 1 января 1956 года я приступил к работе в новой должности на создаваемой шахте № 362. Извините, не ошибаюсь в слове «создаваемой». Суть вот в чем. Дополнительный клетьевой ствол № 362 был пройден ранее на шахтном поле действующей шахты № 277, где я работал в то время. К этому же времени на промплощадке клетьевого ствола № 362 был пройден скиповой ствол и создана вся инфраструктура для действия самостоятельной шахтной единицы. Эксплуатационные и горные работы шахты № 362 на шахтном поле были определены до 4-го горизонта включительно, а шахты № 277 — с 5-го по 9-й горизонт. Смысл раздела шахты № 277 на две самостоятельные единицы вполне ясен. Требовалась более эффективная по времени отработка данного богатого запасами месторождения. Ситуация для меня облегчалась тем, что я, в принципе, был уже знаком с горной, геологической, технологической и технической особенностями шахты № 362.

Директором шахты № 362 был назначен Тимофеев Алексей Михайлович: бывший донбасовец, а на Объекте до перехода он был директором шахты № 183, готовящейся к закрытию. Алексей Михайлович был на несколько лет старше меня; плотный, спокойный, с железной выдержкой, умением выслушать собеседника и дать нужные советы, указания, задания или без надрыва в чем-то отказать. В хорошем и добром понятии — типичный хохол. Кстати, буквально такой же была и его супруга, бывшая по женской части в контакте с Мариной и безмерно баловавшая нашего первенца Игоря.

По служебной части с обоюдного согласия я и Алексей Михайлович придерживались каждый своих служебных полномочий, но при производственной необходимости не отказывались помочь друг другу. Полная правда в том, что за все время совместной работы у нас не было не только ни одной конфликтной ситуации, но даже намек на такое событие.

Списочный состав рабочих и ИТР на шахте № 362 находился в пределах 3200 человек. В основном инженерно-техни-

ческий персонал шахты проживал в городе Плауэн. В работе было до 10–15 добычных и подготовительных участков. Основной объем работ велся на 3-м и 4-м горизонтах, а на 1-м и 2-м горизонтах, можно сказать, велась доработка единичных продуктивных залежей.

Основные вопросы деятельности коллектива решались через начальников, руководителей вспомогательных служб и советских «завов» главных административных отделов. Надо сказать, с немецким руководящим составом шахты у Алексея Михайловича и у меня сложились ответственные, и доверительные рабочие отношения. Они называли его «Михалыч», меня — «Алекс». Поскольку за нами был закреплен легковой автомобиль, мы позволяли себе, не ставя в известность соответствующий орган и избегая «хвоста», побывать в Плауэне. Например, в гостях, дома на дне рождения у начальников участка Отто Галибаха и Шмита; отметить в ресторане при ограниченном круге участвующих какое-нибудь важное шахтное или местное событие, а также съездить на оперетту в местный театр. Но излишняя доверительность иногда и подводила. Стало известно, что радиостанция «Голос Америки», находящаяся в западной зоне, стала очень часто и подробно рассказывать о нашей шахте (о чем должны знать не все). Соответствующие органы Союза и ГДР начали копаться, а тут и выявился «жучок» — заместитель Тимофеева по общим вопросам Швабе скоропалительно сбегал на Запад.

Сказать, что работа была легкой прогулкой — лучше промолчать. Были бессонные ночи, пребывание на шахте сутками, постоянное моральное и физические напряжение. Два оклада платили не за туристическую поездку. Забойщикам, штайгерам и начальникам участков было положено даже по литру спирта в месяц.

Расскажу только про одно неординарное событие. Вероятность его возникновения в большой степени связана с ошибкой геологов. При проходке квершлага с очередной заходкой случился громадный водоприток: врезались, по всей видимости, в солидную естественную полость, заполненную водой. Авария высшей категории: насосные установки на четвертом горизонте нашей шахты не справлялись с откачкой воды, и она пошла по стволам шахты № 277. Началось ее затопление.

По плану ликвидации аварий начальник шахты руководит мероприятием на поверхности, главный инженер находится на месте аварии. Около двух суток потребовалось, чтобы, во-первых, выложить, может, уже десятую по счету, не смываемую пото-

ком воды высотой до одного метра надежную перемычку в квершлага (элементарно стену из мешков с песком, бетонных блоков и нескольких слоев кирпичной кладки), а во-вторых, не допустить попадания воды в электрические установки, трансформаторные. Работали горноспасатели, шахтные специалисты, добровольцы. Поднимешься на-гора, сменишь мокрую спецодежду, выпьешь 100 граммов спирта, перехватишь «Bockwurst» (сосиску) — и снова вниз. Вероятность выхода из строя двух действующих шахт была наивысшая. Вот и ответственность была реальной, по самым высоким меркам.

Необходимо сказать о весьма, на мой взгляд, положительном моменте обеспечения стабильной и устойчивой работы шахт заграничного предприятия в существующем нормальном режиме, а особенно для оперативной ликвидации любых аварий. На каждой шахте имелся постоянно по номенклатуре и объему необходимый запас материалов, запчастей, оборудования, что я практически никогда не встречал на шахтах и рудниках позднее в бывшем СССР. Руководители отрасли определенно понимали: так надо, на спичках не сэкономишь.

К данному времени между правительствами Советского Союза и ГДР на государственном уровне возникло решение о переходе заграничного предприятия на новый статус, а именно — акционерного общества. Так было сформировано совместное АО «Висмут». Конечный продукт в полном объеме оставался за Союзом, а издержки недр пришлось чем-то оплачивать. Начали проводиться и организационные мероприятия, например, советскими специалистами замещали подготовленными техническими работниками из местного, немецкого населения. Это было определенным шагом по снятию сверхвысокой секретности с наших заграничных предприятий.

По случаю нам даже было рекомендовано поучаствовать в международном празднике трудового народа 1 мая 1956 года вместе со всем коллективом шахты. Для чего все наши сотрудники прошли под знаменами обеих государств в первых шеренгах коллектива шахты № 362 перед трибунами на главной площади города Плауэн. А потом уж без рекомендации мы определились, что делать дальше.

В эти же весенние дни я получил с малой родины, из поселка Медведок, известие, что на моем мотоцикле BMW свояк Иван и сестра Людмила попали в серьезную аварию. Срочно велел им продать этого дурного зверя, непригодного к нашим дорогам. Задумка, чтобы не рисковать больше, была такова: собираемся в отпуск и купим что-нибудь

более безопасное, типа четырехколесного. В отпуске, не откладывая дела в долгий ящик, так и начали действовать. В те не очень давние времена единственный автомобильный салон, называемый тогда повсеместно «магазин», находился в областном центре в г. Кирове. Заявившись туда, получили в ответ: «В настоящий момент ничего в продаже нет. Буквально на днях продали последнюю «Победу» с брезентовым верхом. Новых поступлений пока не ожидается».

Что делать? Продавцы разводят руками, но советуют: «Может съездите за Вятку, там есть магазин сельхозкооперации, и вдруг вам повезет».

Да, повезло! Во дворе абсолютно условно называемого так торгового центра за деревянным забором стоял одиноко «Москвич-401». Радость была не сверхмерной, но начались переговоры: за машину нужно на 700 рублей сдать сельхозпродукции — яиц, масла, шерсти, мяса. Где нам взять эту продукцию, когда у нас на худой конец даже ни одного петуха не имеется.

После традиционной утряски вопроса с заведующим торговой точки, платим 900 рублей, получаем паспорт на машину и едем в областную автоинспекцию. Ставим машину, как положено, на учет и получаем рекомендацию (хотя в областном городе был, пожалуй, всего один семафор на площади Ленина, а в поселке мой «Москвич-401» — первой и единственной легковой автомашиной) приехать на получение водительских прав.

Экзамены на получение водительских прав по вождению автомобилем принимались тогда тоже только в г. Киров. Простудировав еще малопараграфный «Справочник дорожного движения» и заполучив медсправку у знакомого врача (я с детства дальтоник), дней через 15 поехали со свояком Иваном на сдачу экзаменов. Для меня все прошло удачно, права без всяких пометок до сих пор хранятся, а свояк Иван на первый раз завалил теорию.

Машина для нашего семейного отдыха оказалась очень кстати. В поселке у моей мамы на отдых собиралось до 23 человек, считая и детей. Грибы, ягоды, рыбалка, песчаный плес на берегу реки Вятки — все нам было подручно, приятно и полезно.

Но особенно об одной поездке на «Москвиче» хочу рассказать особо. Поездка состоялась в мое родословное село Сырчан, чтобы повидаться с дедушкой Андреем Агафоновичем и передать ему подарки. Деду, бывшему успешному землепашцу и крестьянину, участнику русско-японской войны 1905 года, было уже 83 года, и он окончательно ослеп. Подъехали к двухэтажному дому (сейчас, к сожалению, растащенному на дрова новыми сельчанами), тетя открыла ворота, и мы

заехали во двор. Дедушка спустился по лестнице вниз, обнялись, поцеловались, спросил на чем приехали, обошли с ним машину. Он похлопал ладонью по капоту и спрашивает:

— Леня, а сколько тут лошадей?

— Говорю: «Двадцать три».

— Да, Леня, пора тебя раскулачивать.

Так вот, такая фраза на начало моей трудовой деятельности в последней встрече была сказана моим дорогим дедушкой, прожившим нелегкие времена войн, репрессий, коллективизации, отдавшим добровольно-принудительно в колхозный табун 11 лошадей и все нажитое своим трудом хозяйство.

Один молодой сосунок-жеребенок был предназначен в наследство специально для меня.

В 1953 году руководителем Объекта № 6 был Сорокин. Говорили, что в Союзе он был начальником глиняного карьера, и здесь особым авторитетом не пользовался. Больше разговоров было о его предшественнике, Жаркове, оставшемся в воспоминаниях сотрудников, как опытный, высшей квалификации горняк, проработавший на Объекте солидный срок, но не сработавшийся с представителем спецоргана Давлатяном и закончивший заграникомандировку по его кляузе.

Удивительно то, что в 1959 году я встретил Михаила Матвеевича Жаркова в Институте горного дела СО АН СССР, где мы проработали до его кончины в одной лаборатории. По возрасту Михаил Матвеевич был старше меня вдвое, я рад, что он стал моим наставником, доброжелательным и чутким товарищем, организатором наших общих натуральных экспериментов. Его глубокие и всесторонние знания, оценки и решения шахтерских проблем, подкрепленные богатым опытом руководителя горных предприятий в Великую Отечественную войну и после ее окончания, оказали большую помощь мне на научном поприще.

Начальник Объекта № 6 Волынский, с которым мне больше пришлось общаться, когда я работал главным инженером шахты № 362, запомнился, как знающий и волевой руководитель, шахтер-донбасовец. Мог и посоветовать, и жестко спросить. Это всегда наблюдалось на планерках и отчетах. Мелочных придирок и недопониманий Ти-

мофеев и я не заслужили, пожалуй, ни разу.

Помощь Волынского всегда была предметной, и поблажек, как мне кажется, своим помощникам он не давал. Поэтому не исключено, что мое и Алексея Михайловича усердие с подачи руководства Объекта № 6 обеспечили в трудовой книжке такие записи:

«6 ноября 1956 г. Благодарность за добросовестное отношение к порученной работе и активное участие в общественной жизни заграничного предприятия».

«20 ноября 1956 г. Благодарность за успешное и досрочное выполнение Госплана за 1956 год и принятые обязательства в честь XX съезда КПСС».

В начале 1957 года настал черед отъезда в Союз Тимофеева А. М. К этому времени Отто Галибах закончил успешно организованные АО «Висмут» курсы, наподобие союзных послевоенных ВИК — высших инженерных курсов. Срабатываться с Отто времени не потребовалось, поскольку я знал его хорошо раньше. Даже по внешнему виду это была фигура и натура солидная, основательная, габаритная. С постоянной сигарой во рту. В общем, хозяин, который может с полуслова поставить зарвавшегося и неупутевого работника на место. Поэтому в оставшееся до окончания моей заграникомандировки время (в мае месяце 1957 года) я и Отто Галибах трудился так же усердно и успешно. На прощание он организовал в г. Плауэн солидный товарищеский банкет, на котором мне вручили чудесный презент — антикварные шахматы с гравировкой на шахматной доске такого текста: «Zur erienierung gewidmet von dein kollektiv des Schaht — komb. 362», что в переводе означает: «На добрую память от вашего коллектива шахты — ком. 362».

На этом, можно сказать, и закончилось мое начало трудовой деятельности. Ни я, ни бывшие ГУСИМЗ и заграничное предприятие № 1051, ни настоящее АО «Висмут» никаких обязательств друг перед другом не имели. Поэтому моим решением продолжить наработку подземного стажа был выбран Кузбасс. Но это уже будет другая история.

К сказанному ранее хочу только добавить: из-за прошедших долгих лет в тексте могут быть небольшие огрехи — прошу искренне извинить меня за это.

Владимир Владимирович Марцев

Родился в 1953 году. Окончил МГРИ. Работал в СГАО «Висмут» с 1984 по 1989 начальником горного отдела Проектного предприятия.

Пионерская правда о ГДР 1966–1970 годов

Когда собираешься написать воспоминания, пусть самые краткие, невольно ловишь себя на мысли, что передать читателю увлекательно и точно когда-то пережитое — практически невозможно. Попробуйте-ка из бесконечной череды повседневных событий выделить яркие сцены маленьких побед или неудач, или же просто смешные случаи, интересные не только автору! Тем более, что речь идет, как правило, о событиях заурядных и о людях, пусть и замечательных, но не знаменитых...

Родился я в 1953 году в семье горных инженеров. Мама — Токарчук Мария Ефимовна, и папа — Марцев Владимир Васильевич, познакомились в г. Ленинабаде, там же и «расписались». Я увидел свет спустя год в Кривом Роге (оттого, что, по словам папы, родильного дома на Желтой Речке тогда еще не было), где мама и папа работали в составе проектной бригады.

Первые сведения о существовании Германии связаны в моей памяти с рассказами бабушки о том, что мама и папа находятся там в командировке. Последнее слово было для меня совершенно непонятным: не командиры (уже тогда играл с мальчишками «в войну»), а какие-то «инженеры», и не командуют никем, и нет их никогда дома... Впрочем, факт существования родителей подтверждался фотографиями и периодическими посылками от них. После их возвращения «оттуда» я на протяжении долгого времени слышал теплые воспоминания о работе в ГДР, а также видел кадры снятых любительской камерой отрывочных сюжетов о том времени.

Шли годы. Периодически друзья и знакомые моих родителей уезжали в заграникомандировки: кто в ГДР, кто в Чехословакию, некоторые — даже в Китай. Мой папа тоже постоянно выезжал в командировки, но в Казахстан и Среднюю Азию. Я, будучи младшим школьником, очень интересовался этими регионами, в особенности — их природой, и папа охотно и подробно рассказывал мне о своих наблюдениях и впечатлениях. Особенно меня потряс сделанный им коротенький фильм о зимней рыбалке на озере Балхаш. Как-то папа обмолвился, что хочет перевестись туда на работу. Моему восторгу не было границ! Я с упорством, достойным лучшего применения, периодически приставал к нему с вопросом: «Когда же?!» В один

прекрасный день в разговоре с мамой папа произнес: «Скоро едем!». Я закричал «Ура!» и запрыгал козлом, а мама с широкой улыбкой на лице спросила: «Ты знаешь, куда мы едем?». Я закивал головой, не забывая подпрыгивать. «В ГДР! Только пока никому не говори» — сказала мама. Я так и сел... А как же Балхаш и здоровенные окуни?

Своим чередом прошли сборы в дорогу и прощания. 22 марта 1966 года мы сели в поезд и отправились в путь. Впервые я ехал так далеко в незнакомые края. В Брест мы прибыли ночью. Никого из поезда не высаживали, пока меняли колесные тележки. Было душно и тревожно. В голове непрерывно крутилась модная песня: «Моряк вразвалочку сошел на берег...». Заснуть я так и не смог.

Во Франкфурте нас встретили, как и полагалось. Потом мы сели в микроавтобус «Баркас» и в сумерках двинулись на запад. Еще на вокзале, а потом и в «Морозовке» меня удивили незнакомые запахи. Пахло Германией.

В Зигмаре нас поселили в советском клубе, как и многие семьи, приехавшие в этот период. Все было для меня чужим и непривычным: тот же немецкий запах моющих средств и мастики, небольшие трехэтажные дома, виллы, неширокие улицы, даже одежда детей советских специалистов. Вновь прибывшие по сравнению со старожилами выглядели аккуратно одетыми выходцами из глухой провинции. Мне перед отъездом сшили новое пальто из старого папиного, а для занятий в школе купили новый костюм. Правда, впопыхах мама оставила дома пиджак от него, так что учебный год я закончил без пиджака. Мои давние московские друзья — местные старожилы Костя Докучаев, Валера Смирнов и другие были одеты в модные куртки-аноракки, джинсы и вязаные шапочки, невольно подчеркивающие их «заграничность». Впрочем, для меня это особого значения не имело, хотя, конечно, каждый ребенок хочет быть таким, как все.

На следующий после приезда день мама решила порадовать нас с братом легким обедом из немецких (а каких теперь еще!) продуктов. Она принесла из магазина (так называемого «подвала») сосиски, булочки, спагетти, лимонад и жевательную резинку. Все было нами одобрено. Особенно сосиски,

В. В. Марцев.

но не за какой-то необыкновенный вкус, а за искусственную в полосу несъедобную оболочку, показавшуюся нам вершиной прогресса по сравнению с отечественной натуральной. Как мы жестоко ошибались!

Через некоторое время, осмотревшись, я пришел к неоригинальному выводу о том, что здесь очень даже неплохо. Помимо старых друзей я обзавелся новыми друзьями и подругами, стал посещать бассейн, тир, баскетбольную площадку, библиотеку (очень хорошую!), даже танцы в Доме школьника. В школу нас возили на прекрасных комфортабельных автобусах. Чем не жизнь! На первых порах, пока мы проживали в гостинице советского клуба, окна нашего номера выходили на железную дорогу, по которой практически не ездили поезда, и на поля, лежавшие за ней. Для меня было странно глядеть на разгуливающих по полям зайцев и куропаток. Это в городской-то черте! Потом привык. Лис, зайцев, рябчиков и вальдшнепов я видел и под Москвой, когда папа брал меня на охоту, но для этого надо было выезжать за город глубоко в лес, а тут!.. Удивляло и то, что в непосредственной близости к поселку находился большой пруд, скромный зоопарк, бассейн и Дворец культуры СГАО «Висмут», а дальше шли леса, разнообразные и незнакомые.

В то, уже далекое время, численность советских специалистов, проживающих в Зигмаре, была весьма велика, и для их размещения, с учетом перспектив развития СГАО «Висмут», велось строительство новых жилых домов. Не претендуя на особенную точность, думаю, что с учетом детей, средний возраст советского человека — жителя Зигмара — составлял тогда около 30 лет. Настроение в обществе, как я его тогда ощущал, было оптимистическое, бодрое. Казалось, что впереди нас ожидают только великие свершения и победы. В душе царил радостная приподнятость. Среди советских специалистов было много взрослых, молодых, активных и сильных мужчин и женщин, поэтому в коллективе процветали занятия спортом, художественной самодеятельностью, а также рыбалкой и охотой. Мой папа — Владимир Васильевич Марцев — был заядлым охотником и свободное время посвящал общению с природой, невзирая на ворчание мамы. Но это — только в свободное от работы время!

Будучи всего-навсего несовершеннолетним членом семьи советского специалиста, я не понимал, да и не пытался вникнуть в суть работы моего отца. Гордился его наградами, особенно грамотой, врученной коллективом Проектного предприятия по случаю ввода в эксплуатацию ГДП Беервальде: даже в Средние Века такой документ, написанный

каллиграфически старонемецким готическим шрифтом на пергаменте, получал не каждый Правитель!

Все мероприятия в СГАО «Висмут» тогда и позднее были прекрасно организованы. Каждую субботу по заявкам коллектива военных охотников и рыболовов выделялся транспорт для охотников и любителей рыбалки. Понятно, что в эти дни наши с папой дорожки расходились. Он отправлялся на охоту, а я — на рыбалку. Поскольку детей без надзора на рыбалку не отпускали, папа попросил взять надо мною шефство Николая Тихоновича Дундукова — своего коллегу и товарища. Благодаря этому я стал его подопечным и подружился с его старшим сыном Колей, как выяснилось, навсегда.

Все выезды на рыбалку в то время сопровождалась «железным» ритуалом: поездкой за мальком! Искусственные водохранилища тогда были очень «молоды» и плотно заселены щукой и окунем. В пятницу энтузиасты в сопровождении своих сыновей выезжали на близлежащие карьеры для добычи наживки. Выезжал и я. Труднее всего было сохранить пойманных мальков живыми. Для этого в квартирах наполнялись ванны свежей водой, устраивалась проточная «вентиляция», но потери были все же велики. Ранним утром все это делилось в автобусе между рыбаками. Главной рыбалкой германского детства стал выезд с папой и братом на озеро Пёль. С удочками и мальком в ведерке мы спустились по крутому, заросшему малиной, ежевикой и мелким березняком склону главной плотины. Забросы давались с трудом: все подступы к воде перекрывали нависающие ветви кустарника и деревьев. Счастье нам улыбнулось — мы поймали несколько довольно крупных щурят и окуньков! Я по сей день помню улыбающиеся лица брата, папы, вкус береговой малины и счастье, царившее тогда в душе!

Еще одно рыбацкое воспоминание связано с Виталием Николаевичем Смирновым, пригласившим меня персонально на ловлю крупного окуня в озере на краю поселения Бранд Эрбисдорф (окраина все того же Лангенау). Погода выдалась пасмурная, неласково-ветренная. По озеру шла волна. С понтона на зимние блесны окунь не клевал, поэтому был развернут подъемник для поимки малька... Несчастливая полосатая жертва была воздета на крючок, последовал заброс вглубь озера. Из-за волны поплавок (обычной пробки) видно не было, и я, расхаживая по набережной, наблюдал за тем, как Виталий Николаевич забрасывает раз за разом в серые волны блесну. Вдруг леска моего спиннинга натянулась и зазвенела! Подсечка! Верхняя половина моего удилица

отломилась и соскользнула к невидимому поплавку. Кручу катушку, чувствую мощное сопротивление! Виталий Николаевич уже наготове с подсачком! Еще несколько минут — и щука на набережной! Рыба оказалась довольно крупной: примерно 85 сантиметров в длину и более трех килограммов весом! Двадцать минут спустя В. Н. Смирнов выудил еще более крупный трофей! Это было незабываемо.

Лучшие друзья моего папы — Виталий Николаевич Смирнов и Аркадий Арамович Петросов были заядлыми и умелыми охотниками. Все трое держались дружно. Виталий Николаевич в шутку говорил, что они — «санитары природы». Надо сказать, что «санитары» не ограничивались выездами на охоту по субботам, а старались и в будни подышать лесной свежестью. Такие возможности были. У Виталия Николаевича была прикрепленная персональная служебная «Волга», у папы, после назначения его главным инженером проекта — служебный микроавтобус. Так что мне выпало немало вечеров, когда я, наравне с мамой, не ложился спать, взволнованно дожидаясь возвращения отца домой. Порой эта дружная тройка обходилась и без транспорта: ходили на стенд «пристрелять ружья». Тогда в округе почти не было садово-дачных участков, и дичь, и охотники чувствовали себя вполне комфортно. Один раз даже мне разрешили там поохотиться. К сожалению, я дал промах... Возвращались друзья после удачных «пристрелок оружия» под покровом сумерек, строго придерживаясь высоких кустов на газонах. Одна тень (В. Н. Смирнов) неслышно заходила в подъезд верхнего дома по Штерцельштрассе, через пару минут открывалось окошко подвала прачечной и туда спускалась добытая косуля, ружья и сумки. После чего два других человека-тени входили в подъезд и спускались в подвал, где и происходили все последующие манипуляции с дичью, включая поздравления Weidmannsheil! Впрочем, тем же путем шла и дичь, добытая в будни в более отдаленных охотничьих угодьях.

Я сознательно опускаю на этих страницах подробности всего, что связано с моей учебой, участием в спорте и самодеятельности, экскурсиями по историческим и культурным местам ГДР, отдыхом в летних и зимних оздоровительных лагерях, поскольку эти блага были предоставлены безо всяких ограничений всем детям советских специалистов СГАО «Висмут». Конечно и теперь в памяти сохранились многие детали, связанные с отдыхом в летних и зимних лагерях Крибштайн, Криспендорф, Штайнбах, Шмидеберг. Сколько впечатлений, сколько приключений с друзьями, жившими на раз-

ных Объектах! Невозможно описать, с каким нетерпением все мы ждали выезда на Балтику в Цинновитц и как к этому готовились! К сожалению, по достоинству мы смогли оценить эту заботу только после возвращения на Родину...

Как я уже упоминал выше, в нашей семье охота, как спорт и хобби, занимала особое место. Чтобы не остаться в стороне от увлечений папы, я в 1967 году вступил в члены КВО и получил право тренироваться и участвовать в соревнованиях по стрельбе на нашем стенде. Мне это очень нравилось, да и неплохо получалось. Кроме того, на соревнования приезжали и немецкие охотники, и наши, из Ауэ и Геры. С отцами приезжали и их сыновья — мои друзья, чтобы обменяться новостями, построить планы на предстоящие каникулы. После соревнований — всегда «подведение итогов». Для нас — сосиски и лимонад, для взрослых — что-нибудь повкуснее, но в меру. Один лишь раз я был свидетелем того, как пресловутая «мера» была превышена. Это было в августе 1967 года. Тогда в Советском Союзе и странах народной демократии широко отмечалась пятидесятилетняя годовщина Великой Октябрьской революции. На открытие утиной охоты наш коллектив всегда стремился почти в полном составе, и поэтому были выделены два автобуса для желающих. Ехали к старинным друзьям — немецкому охотколлективу «Барут» в Нидергуриг. Я, естественно, по малолетству остался дома. Выезд, как всегда, состоялся в ночь с пятницы на субботу. После обеда в воскресенье мы с мамой и братом с нетерпением ожидали возвращения отца, поглядывая в окно. Прошли все сроки, хотя и было еще светло, как показались автобусы. Мама стала разогревать обед, а я крутился у двери, чтоб первым увидеть папины трофеи. Прошло еще некоторое время, а папы все не было. Я бросился к окну и увидел, как от автобусов нетвердой походкой, волоча по тротуару амуницию, разбредаются по домам несколько человек. В это время загремела дверь квартиры и на пороге показался папа. Помимо собственного ружья, рюкзака и связки уток он принес и притащил еще чужих два ружья, один рюкзак, две связки уток и резиновый костюм. Учитывая, что речь и движения его были неверными, — до сих пор не могу понять, как он все это дотащил. На вопрос: «Чьи это вещи?» папа пожал плечами и сказал, что через пару часов хозяева отыщутся сами. Так и произошло. Вечером начались звонки и визиты «потерпевших». Мой папа был не одинок: еще несколько охотников покрепче телом принесли домой вещи, забытые их коллегами в автобусах. Этот праздник хорошо помнят

и охотники «Барута», до сих пор со смехом вспоминая отдельные детали более чем дружеской встречи. Мнения расходятся только по вопросу: сколько раз Вернер Петрик ездил на мопеде в магазин за «добавкой». Вот, что делает классовая солидарность! «Пролетарии двух стран» соединились!

Следующий, 1968 год, был довольно тревожным из-за назревающих событий в Чехословакии, до которой было, как говорится, «рукой подать». Время от времени руководство СГАО «Висмут» по рекомендации «компетентных органов» вводило различные ограничения на перемещение советских сотрудников за пределы и в пределах города Карл-Маркс-Штадт. С июля эти ограничения коснулись выездов на рыбалку и охоту. Конечно, в отношении массовых выездов эти директивы исполнялись неукоснительно. Однако некоторые товарищи, располагающие транспортом и вынужденные по долгу службы периодически выезжать в служебные командировки на горнодобывающие предприятия Саксонии и Тюрингии, неминуемо к вечеру оказывались в любимых охотничьих угодьях, будто нарочно расположенных вблизи упомянутых объектов. Некоторые руководители также время от времени осуществляли выездные проверки исполнения своих же распоряжений. Мы, их дети, конечно знали об этом, но держали язык за зубами. «Твердые ленинцы!» — с гордостью говорил про нас В. Н. Смирнов. Однажды папа позвонил с работы домой и шифром намекнул, чтобы я к 16 часам ждал его в условленном месте «подготовленным». Ствол я засунул в чехол спиннинга, а приклад положил в спортивную сумку. В условленное время мы выехали в направлении Дрездена — в Хайнихен. Мне доводилось там бывать и даже выстрелить по самцу косули, которого я контузил, задев пулей ухо. Завысил прицел! В этот раз папа сел на сидку вместе со мной. Место было удобным: сидка была оборудована на крепком одиноком дереве, а пейзаж — живописным. Позади нас тянулось поле ржи, слева стоял высокий лес, впереди простирался, уходя в низину, обширный зеленый луг, поросший редкими кустиками. Время шло незаметно. В летнее время в ожидании дичи всегда увидишь и суету птичек, и петляющую в поисках поживы, отбившуюся от рук кошку; мелькнет на опушке лисица, а из-за куста, вдалеке, вдруг поднимется привязанная к колышку овца...

Из раздумий меня вывел неизвестно откуда возникший козлик, типичный Abschussbock: небольшие кривоватые рожки без отростков. Он неспешно шел по лугу, пощипывая травку, метрах в сорока от нас. «Давай!» — услышал я папин шепот. Поднял

ружье, прицелился. Выстрел! Козлик вытянулся в струнку, завертел ушами, потянул носом вслед пролетевшей пуле, мгновенно развернулся на месте и бросился наутек к спасительному лесу. Папа поднял свое ружье... «У меня еще один выстрел» — пролепетал я. «Давай!» — прорычал папа, не опуская ружья. Недаром говорил мудрый В. Н. Смирнов: «Пуля дура, картечь — молодец!». Картечь остановила беглеца...

На обратном пути мы долго в сумерках стояли на перекрестке местной дороги с автобаном, пропуская тянувшуюся на запад бесконечную, как казалось, колонну войск. День 20 августа 1968 года, незаметно войдя в историю, тихо угасал...

Единственная в моем школьном возрасте серия утиных охот 1969 года оставила у меня незабываемые впечатления. К открытию охоты шла основательная семейная подготовка. Папа пообещал, а мама не возражала, чтобы и я смог поехать на охоту, наравне со взрослыми охотниками. Начитавшись специальной литературы, я приобрел во время отпуска в Союзе несколько чучел диких уток. Более того, после определения даты выезда я все больше и больше думал о том, что именно утиная охота потребует большого запаса патронов. Накануне выезда я попросил папу дать мне 150 патронов. Он усмехнулся в усы и — разрешил! Теперь я думаю, что это был наш совместный «арсенал». Беспокоясь о нехватке боеприпасов, я уложил в персональную противогазную сумку две пачки по двадцать патронов каждая и набил патронташ емкостью 40 зарядов. На первый раз хватит! Бессонно ожидал время выезда, не сомкнув глаз и лежа рядом со сладко посапывающим отцом. Ура! Поехали! Серые сумерки сменились сереньким рассветом. Мы на месте... Думаю, что пунктом назначения было Коммеррау. Вышли и вынесли почти все из автобуса. Пиво и «усилитель вкуса» оставили внутри. Барутовские друзья, встретив нас, повели по местам предстоящей утренней зорьки. Я шествовал в арьергарде, провожая завистливым взглядом группы отходящих в разные стороны наших товарищей. В условиях мало лесистой местности с относительно частыми пятнами водоемов найти хорошее место было не просто. Меня оставили на голом взлобке, окруженным со всех сторон прудиками или озерцами, размером не более чем пруд в нашем парке Пельцмюле. Несколько березовых гривок, клочкастый кустарник, отдаленные кромки рожиц посреди полей и «лужиц», — вот пейзаж, на фоне которого должен был состояться мой дебют! Первым делом я установил три чучела в луже, лежащей у моих ног, затаился среди кустов и замер в ожидании... Тишину внезапно разорвал громкий «дублет» почти над моим ухом. Все три чучела содрог-

нулись, накренились и стали издевательски медленно погружаться в мутную воду. Ничего не понимая, я выскочил из укрытия и увидел довольное лицо А. А. Петросова, правда, с уже понимающе-угасающей улыбкой... «Дядя Аркадий! Это ж чучела!!! — «Ну-ну! Не лодка... почишишь... Выстрел-то, а!? Пойдем-ка дальше!» И мы пошли...

Аркадий Арамович оставил меня на очередном взгорке под купой сорных деревьев. Слева впереди лежало овальное озерцо, справа — плотинка, отделяющая его от небольшого мутного пруда с болотистыми неясными границами. Мой пыл уже практически угас. Бесцельно и безнадежно осматривал я свои «новые владения», как вдруг из-под дальнего бережка «овала» вспорхнула пара уток и, по периметру набирая высоту, пошла вдоль берега ко мне. Стендовая подготовка не подвела. Выстрел! Утка падает почти в ту же точку под дальним берегом, откуда и поднялась! Вторая скрылась в неизвестном направлении... Я выждал около десяти минут и направился к добыче, не забыв перезарядить ружье. От папы я много раз слышал о коварстве дичи. Особенно он любил говорить об утках, нахально спасающих свою жизнь, притворяясь мертвыми, либо скрывающимися под водой, уцепившись клювом за камыш... В двух шагах от трофея, который колыхался на мелкой ряби в метре от берега, я стоял и думал, что же дальше делать? Инстинктивно я надавил спуск... Нога и без того уже холодной птички повисла на чем-то вроде сухожилия или кишки. А утка была очень красива! Никогда больше таких я не добывал! Мне стала понятна моя ошибка: я повел себя как «догматик», по выражению того же Виталия Николаевича Смирнова! Что ж! Привел себя в порядок, подтянул амуницию и через плотинку пошел навстречу нашим «основным силам». Вдруг справа от запруды я увидел изо всех сил улывающую вдаль лысуху. Выстрел! Лысуха замерла. Только крыло дрожало... Недолго думая и забыв уроки недавнего прошлого, я всадил еще один заряд в чернушку... Тело стало погружаться. Решительно спустился в пруд, увязнув в иле, и направился к добыче. Она с каждым шагом была все ближе и ближе, но также все выше и выше поднимался уровень гадкой воды пруда, почти достигнув краев резинового костюма... Когда оказалось, что ружьями не дотянуться, я пригнал тушку к себе стволами ружья. Это была «Пиррова победа!» Нашим современным политикам иной раз не мешало бы и такой опыт учесть! Когда я, очень довольный трофеями, выполз на твердую землю, мне послышалось журчание прохладных струй, омывающих тело триумфатора... Через секунду я вспомнил

о противогазной сумке с сорока патронами, которые вместе со мною «побывали» в грязном пруду ради какой-то лысухи! Я был в отчаянии!.. Только половину запаса я смог обсушить рубашкой и свитером до нужной кондиции. Целую пачку (20 патронов) я вернул внутрь резинового костюма, рассчитывая на фильтрационные свойства штанов и портянок... Нетрудно представить, в каком виде я предстал перед отцом после короткого марш-броска, держа в руке «пернатых калек» и хромая на все ноги из-за патронов в сапогах!

Вечерняя зорька лично для меня вышла неудачной. Утки было много, лет был хорошим, насколько я мог об этом судить. В то время утка стойко держалась рыбозаводных водоемов, потому что рыбу кормили кукурузой! Отсюда и «массовый утиный патриотизм!» (После перехода 20 лет спустя на комбикорм куда только что и подевалось!) Для меня стала неожиданностью собственная неспособность вовремя обнаружить на закате стремительно и близко вылетающих из темноты птиц. Я опаздывал со вскидкой ружья и выстрелом. Не тот опыт, не та реакция!

Слева направо: Смирнов В. Н., Рихтер Вернер, Марцев В. В., Волощук М. Н., Шмонин В. Л.

Утро предвещало солнечный и теплый день! Облака превратились в уходящую высь серую марь, восток зазолотел... В утренних сумерках мы направились к местам охоты. Нам с папой выпало стоять по пояс в воде внутри небольшого камышового островка посреди круглого озера. За нашей спиной к берегу подступал лес, впереди там и сям на суше были разбросаны отдельные кусты, среди которых укрывались несколько наших коллег. Утренний лет был великолепен! Утка летела невысоко, по одиночке или мелкими стайками. Моя позиция на этом озере (не без помощи папы!) оказалась самой выгодной. За неполный час только я один добыл 16 разных уток! Папе досталось чуть меньшее количество. Наши коллеги с берега минут через 30 после начала лета крикнули в шутку папе: «Володя! Скажи сыну, пусть отдохнет! До нас ничего не долетает!»

После утренней зорьки и чашки чая на берегу все направились «топтать» утку. В этом случае я почти бессменно выполнял работу «собаки». Однако и тут я смог «взять» еще двух или трех уток. Потом в компании с немецкими друзьями каждый делал свое дело. Лично я удалял у трофеев внутренности и, как мог, беседовал с Дитером Петриком, которому через месяц предстояло идти в армию. Было солнечно, сухо и тепло. Таким все и осталось в памяти.

Ярким и незабываемым воспоминанием остался выпускной вечер, прощание с Зигмаром, с друзьями, отъезд домой в июне 1970 года. Тогда я не мог знать, что приобрел благодаря моим родителям (и немного себе) множество друзей, будущую жену, будущих учителей и наставников, определивших во многом мою дальнейшую жизнь. Впереди были 14 лет учебы и работы, которые привели к новой встрече с ГДР и СГАО «Висмут»...

Последняя пятилетка. 1984–1990 гг.

В начале марта 1984 г. раздался звонок. Звонили из отдела кадров 8-го Управления Министерства. Оказалось, что решение о моем командировании в ГДР для работы в СГАО «Висмут» принято, и необходимо срочно предоставить необходимые для оформления выезда документы и фотографии. В течение дня мы с женой и дочкой все подготовили, и я передал бумаги по назначению, робко поинтересовавшись: сколько времени займет процедура оформления и когда предполагается отъезд? «Вас своевременно известят!» — был ответ.

Время, по обыкновению, не стояло на месте: прошел март, за ним апрель и май. В душе все как-то понемногу улеглось. Надежда умирала...

В начале июня телефон содрогнулся от звонка: «Почему Вы не приходите за паспортами и билетами? Разве Вы не знаете, что через 5 дней Ваш отъезд?!». Не раздумывая и, тем более, не задавая никаких вопросов, я помчался в Министерство. Неласковые сотрудники отдела кадров, сдерживая чувство законного негодования, вручили мне дорожные чеки, билеты и загранпаспорта (один — для меня, другой — для жены и дочери). «Проверьте, пожалуйста. Все ли правильно?». У жены с ребенком документы были в полном порядке. Молодцы! Заглянув в свой загранпаспорт, и, для верности, перечитав его раза четыре, чем, вероятно, усилил подспудно существовавшие ранее подозрения кадровиков в моей малограмотности, я робко заметил: «Меня зовут Владимир Владимирович». «Ну да! А там что написано?». — «А там написано: Марцев Виктор Владимирович».

Немая сцена.

Я был искренне растерян, но попытался исправить положение и не усугублять и без того неприятно сложившуюся ситуацию. В конце концов, я уезжаю за границу, никто (или почти никто) меня там не знает, так что три года командировки в ГДР я могу побыть и Виктором. От этого никто не пострадает! Выслушав в ответ, что от меня одни только неприятности, я, несолоно хлебавши, отправился домой. Отъезд свершился через две недели, 24 июня 1984 года.

О, это путешествие! Эта чистота и уют спального вагона, это предвкушение интересной и ответственной работы и, чем черт не шутит, карьерного роста! Когда тебе всего 31 год, а ты уже (в собственных мыслях, конечно) ого-го! И кажется, что именно твои идеи и опыт выведут на новый уровень и производство, и тебя самого. В тебя поверили! Стучат колеса, входят и выходят пограничники и таможенники, а ты чист: у тебя только разрешенные 20 пачек сигарет и 2 бутылки крепких напитков для своих, там...

В приятных мечтаниях путь до Франкфурта-на-Одере пролетел незаметно. Поезд замер у перрона, и я с невеликим багажом ступил на немецкую землю. Показалось странным, что никто меня не встречал, но за 14 лет могло многое измениться. Помявшись, и покулив на перроне в ожидании встречи (все-таки я же не нелегал!), я отправился на привокзальную площадь, где, по традиции, должны были стоять висмутовские «Баркасы», ожидающие прибывающих советских сотрудников. Ищущий, да обрящет! «Баркас» с соответствующими номерными знаками и выпелами за стеклами салона недвусмысленно указывал на его ведомственную принадлежность. Короткий разговор с водителем на понятном сторонам сленге, однако вызвал волну вопросов. Короче, меня не ждали, и машина встречала не меня. Мудрый водитель отправился за разъяснениями к представителю советской стороны, в чьи обязанности входили встреча и направление к месту назначения прибывающих из СССР сотрудников СГАО «Висмут». Из любой ситуации выход найдется. Поэтому, попив чаю и наговорившись о международном положении, мы дождались прибытия «правильных» пассажиров. Это была семья начальника первого отдела ГДП 09, возвращавшаяся из отпуска. После знакомства, предъявления «верительных грамот» и телефонных переговоров с ответственными работниками Генеральной Дирекции СГАО «Висмут», меня дружелюбно подвезли в п. Зигмар прямо к Клубу советско-германской Дружбы (все-таки за 14 лет кое-что изменилось:

ранее это был просто советский клуб!). Чувства буквально захлестнули меня: и было от чего! Всего-то 14 лет назад я, выпускник 103-й школы ГСВГ после торжественного вечера покинул любимый Зигмар, и вот, спустя столько лет, подъезжаю к Клубу, в котором идет прощальный вечер выпускников той же школы! Не скрою, я не спал всю ночь... Когда в 6-20 раздался звонок из Генеральной Дирекции с предложением прислать машину для доставки моей персоны в отдел кадров, я, поблагодарив, отказался, сославшись на хорошее знание местности. Освеженный бритьем и душем я, не чуя ног, спустился на крыльцо гостиницы и поздоровался с уборщицей (все той же!) почему-то: «Гуд монинг!».

По знакомым переулкам и улицам, как мне показалось, мгновенно, я добрался до ГД. Проверка документов — и я в кабинете начальника Первого отдела ГД СГАО «Висмут» Валерия Николаевича Воробьева! (Тогда я еще не знал, что мы подружился на всю жизнь!). Суровый вид этого человека, вкупе с занимаемой им должностью, произвели на меня неизгладимое впечатление! Представьте: ранее утро (7-00), понедельник, задорно взлохмаченная полулысына, запах свежепринятого душа и ощущение, что этот субъект спал не более 4-х часов! Где он был накануне? На рыбалке? Едва ли... На охоте? Скорее всего. Это говорит в его пользу! Такие нехитрые мысли неожиданно посетили мою голову, не имея, впрочем, никаких практических последствий.

Представившись, я выслушал ряд вопросов, которые поставили бы в тупик и более искушенного, чем я человека. Почему не поставили в известность о моем прибытии ГД? Почему не выслали транспорт для встречи? Почему согласились сотрудники ГДП 09 меня подвезти? Кто меня отправлял из Москвы? На последний вопрос я дал ясный и вразумительный ответ, который не менее вразумительно и был прокомментирован: «А... этот...!». Лед в отношениях стал потихоньку таять...

Мои производственные планы — я мечтал поработать на руднике, как обещали мне в Москве, — были предопределены Николаем Тихоновичем Дундуковым — старым другом нашей семьи и моим воспитателем и учителем рыболовного спорта в 60-х годах, а ныне — главным инженером Проектного предприятия, который справедливо считал, что под землей рано или поздно окажется всякий ныне живущий, даже не имеющий диплома горного инженера. Работа же проектировщика — это квинтэссенция научных поисков, обобщения личного производственного опыта и опыта специалистов горнодобывающих предприятий, а также инженерного

творчества в рамках действующих норм и нормативов, помноженных на высочайшую ответственность. Словом — элита! Доверие к Николаю Тихоновичу у меня было полным и безоговорочным, поскольку он и мой отец были близкими друзьями и оба — замечательными инженерами. Я с удовольствием принял предложение Николая Тихоновича о работе в Проектном предприятии СГАО «Висмут».

Минуя ненужные подробности первых недель адаптации в ГДР-84, хочу все же вспомнить ряд забавных для меня моментов. В первый же рабочий день, когда я был принят на работу в горный отдел, представлен руководству Проектного предприятия и советскому коллективу работников, Н. Т. Дундуков поручил одному из наших специалистов взять надо мною временное шефство: то есть ввести в орбиту повседневной жизни. Первый урок — это привитие навыка ведения международного телефонного разговора из обыкновенного городского телефона-автомата за 20 пфеннигов. Причем после окончания разговора любой продолжительности автомат эти 20 пфеннигов возвращал! Забегая вперед, скажу, что многие советские женщины, не считаясь со своим и чужим временем, беззастенчиво пользовались услугами «бесплатной» связи. Это переполнило чашу терпения добропорядочных немецких граждан и, как и следовало ожидать, через некоторое время «халява» закончилась. Второй урок — это ориентирование в центре города: магазины «Центрум», книжный и охотничий. Третий урок — это обязательное участие в спортивных мероприятиях и в самодеятельности! Остальное — на твое усмотрение! Все это относилось только к т. н. «свободному времени». Работа и ее результаты ставились превыше всего. К концу года я уже был участником драмкружка, ВИА, членом профкома по спортивной работе, пом. нач. КВО 900 по стендовой стрельбе и др. Огорчало одно: не имея ружья, я не был полноценным охотником.

В отличие от 60-х годов, средний возраст советского населения п. Зигмар 1984 года явно превышал сорокапятилетний рубеж. В Проектном предприятии у меня было много ровесников из числа немецких сотрудников. Среди советских, поначалу, — несколько специалистов из Генеральной Дирекции, НТЦ и Геологического предприятия. Год спустя картина стала меняться в «нашу сторону».

На работе дела складывались вполне успешно. Я участвовал в разработке проекта пятилетнего плана развития МГДП «Кенигштайн» с учетом его перевода на добычу металла химическим способом. Дело для меня было новым, а поэтому особенно интересным. Моим непосредственным

напарником и наставником стал руководитель проектной группы Харальд Бюссер, высоко эрудированный и опытный специалист, к тому же в совершенстве владеющий русским языком! Мы работали вдвоем в одной комнате, что очень сильно помогло мне в совершенствовании знаний, как в немецком языке, так и в понимании особенностей технологии подземного и кучного выщелачивания. Огромной радостью для меня было узнать, что на МГДП «Кенигштайн» главным гидрогеологом работает мой школьный друг А. Складар! Регулярные командировки на МГДП «Кенигштайн», ознакомление с производством, с коллективом ведущих сотрудников довольно быстро позволили мне войти в курс дела. Вопросов, связанных с полным переходом предприятия на добычу металла химическим способом, начиная с 1985 года, было много, а времени на разработку проекта оставалось все меньше. В напряженной совместной работе сотрудников МГДП «Кенигштайн», Проектного предприятия, НТЦ, Генеральной Дирекции рождалась концепция развития производства до конца 1990 года. В это время я познакомился, а в последствии и подружился, с такими замечательными людьми, как Хуго Цаам и Герхард Нидермайер, — замечательными специалистами в вопросах капитального строительства и знатоками горного дела. Главные инженеры предприятия — В. И. Дорожкин и Ю. М. Гаврилов «открыли мне глаза» на многие особенности рудника. Директор — Герхард Братфиш, отнесся ко мне, как к младшему товарищу, с доверием. Я познакомился и работал со всеми основными подразделениями предприятия. Главными для меня лично являлись контакты с отделом капстроительства, с производственным отделом, с плановым отделом и со службой главного геолога, в особенности, с заместителем главного геолога Эрихом Майснером. Эрих говорил по-русски настолько чисто, что, закрыв глаза, казалось, что ты разговариваешь с кем-то из украинских коллег. Центром дискуссий было обсуждение и расчет вариантов развития производства на предстоящую пятилетку. Было разработано 11 вариантов. Учитывая директивные сроки завершения технико-экономических расчетов для выбора окончательного варианта, мы с Х. Бюссером приняли решение в инициативном порядке разработать электронно-математическую модель расчетов развития горных работ и добычи металла. Эта работа заняла только у меня почти полтора месяца (помимо основной работы я разрабатывал алгоритм расчетов). На проверку логических связей мы с Х. Бюссером потратили еще недели три. После чего обратились к руководству пред-

приятия с просьбой передать нашу разработку программистам для перевода на «машинный язык» и апробации. После неоднократных усовершенствований программа заработала. Проектное предприятие в установленные Генеральной Дирекцией сроки смогло просчитать и предъявить к рассмотрению 11 вариантов. Что особенно приятно, разработчиков премировали и объявили благодарностью!

Не обошлось и без неприятных издержек. После апробации программы расчетов и накануне бригадного вечера по случаю очередной годовщины Советской власти, я имел удовольствие беседовать с заместителем начальника технико-экономического отдела, которому предстояло произвести расчеты и анализ всех вариантов развития производства МГДП «Кенигштайн». Времени было в обрез. На вопрос: «Что будет, если не успеем?», я прямодушно ответил, что поубиваю виновных... Наутро после гулянки, без пяти минут семь утра, я поднял трубку служебного телефона и с удивлением от Главного инженера ПП узнал, что наговорил чего-то такого, за что меня ожидает суровая кара. Не сразу стало ясным, что я крамольно высказался не за праздничным столом. Неожиданно на мою защиту встали столько советских и немецких специалистов, что вопрос как-то мгновенно заглох... (Спасибо Н. Т. Дундукову, Л. Г. Пузанову, Н. В. Кузину, В. А. Сапрыкину, Х. Ханске, Р. Гребнеру, Д. Гетце!).

В августе 1985 года меня назначили на должность главного инженера проекта Саксонского региона. Работа была для меня новой, и я в первые недели не чувствовал себя уверенно. Однако поддержка директора и главного инженера, а также моих новых коллег: Маргиты Ильген, Герхарда Унгера и Уты Вайзе вскоре придали мне уверенности в силах и обогатили опытом новой для меня работы. Работы у меня, конечно, прибавилось. В дополнение к уже знакомому мне МГДП «Кенигштайн» надо было организовывать и вести проектирование таких непростых Объектов, как ГДП 09 (месторождения Нидершлема – Альберода и Теллерхойзер) и ГДП им. Вилли Агаца.

Немного юмора. Наша секретарь и делопроизводитель Ута для установления контакта между коллегами с утра умудрялась подавать кофе церемониально: пяťясь за дом, она ставила чашечку на стол Герхарда, а затем — на мой, непременно задевая бедром краешек стола. Кофе расплескивался, а Ута, счастливо смеясь, убегала в свое дело-производительное логово...

Кроме того, если я раньше занимался только подземной частью рудников, то теперь мне, как ГИПу, пришлось заняться

и вопросами проектирования технологических комплексов на поверхности. Первые планерки давались нелегко... Я и по сей день сердечно благодарен своему заместителю (во многом и учителю!) Герхарду Унгеру и нашему плановику Маргите Ильген за их неоценимую помощь в работе. В начале моей деятельности как ГИПа тенденция развития предприятий СГАО «Висмут» предполагалась позитивной. На предприятиях Саксонского региона планировалось стабильное долговременное поддержание достигнутого уровня добычи за счет вскрытия новых горизонтов или участков шахтных полей. С этой целью предусматривалась реконструкция или новое строительство ряда объектов под землей и на поверхности. Требовалось актуализировать для каждого горнодобывающего предприятия планы развития, выпустить значительное количество проектной и рабочей документации. Как всегда, в проектом деле казалось, что не хватает ресурсов, особенно — времени. Из-за этого планерки проходили напряженно. Каждый из отделов по разным, иногда и вполне обоснованным, причинам просил перенести сроки на более поздние, ГИПы настаивали на директивных сроках... В общем, шла работа. Раза три меня, как новичка, начальники отделов пробова-ли «на вшивость», специально вступая друг с другом в дискуссии о полной невозможности в установленные нами же на предыдущей планерке сроки выдачи заданий смежникам, искоса поглядывая в мою сторону: как я буду реагировать? В душе я был неспокоен, но с каменным лицом благожелательно призывал коллег обеспечить запланированные ранее сроки. Однажды меня довели просто до нервного срыва, но я сдержал себя, спокойно завершил планерку, отпустил всех участников, запер дверь, закурил и заплакал. (Об этом я рассказал только жене, да и то год спустя). Вскоре попытки тестировать мою нервную систему, а заодно и компетентность, прекратились, и взаимодействие наладилось.

Все, кому сегодня за 30, помнят, чем был отмечен 1985 год. В СССР была объявлена «перестройка», предполагающая гласность, ускорение и трезвость, как нормы жизни. Первоначально эти тезисы нашли живейший отклик в сердцах трудящихся СГАО «Висмут», как советских, так и немецких граждан (за исключением, пожалуй, третьего тезиса). Тогдашняя расхожая шутка: «Мы живем во времена перемен: евреи воюют, немцы торгуют, а русские борются с пьянством». Ближе к концу года среди советских специалистов вдруг осторожно стал распространяться слух о том, что СГАО «Висмут» нерентабельно, и должно произойти постепенное сокраще-

ние штатов и производства. В Проектном предприятии в это время полным ходом разрабатывали проектно-сметную документацию в соответствии с утвержденными правлением Общества показателями на 1986–1990 годы. Слух, как известно, впоследствии подтвердился...

Проверка экономической целесообразности основной производственной деятельности началась с ГДП «Вилли Агац». Для оценки всех аспектов возможности и необходимости существования шахты — а это была именно бывшая угольная шахта — подключили Проектное предприятие. Всем было известно, что и в более благоприятные, с точки зрения экономики, годы это предприятие должно было быть ликвидировано.

Анализ технико-экономических показателей деятельности ГДП «Вилли Агац» все же подтвердил возможность кратковременного существования предприятия с необходимостью в текущую пятилетку его ликвидации. В 1987 году последовало задание на разработку проекта ликвидации ГДП «Вилли Агац».

Это было (с моей точки зрения) совершенно новое поручение для специалистов, работающих в СГАО «Висмут». Все предыдущие Объекты (1946–1959 гг.) ликвидировались и уничтожались, используя «подручные материалы» и технику. Не сохранилось ни клочка соответствующей проектной документации! Где искать?

Многое подсказали специалисты ГДП 09. Директор по технике Х. Кристофф, начальник отдела капстроительства Р. Фишер, главный геолог Карл — Хайнц Линкерт и особенно главный маркшейдер — господин Вагнер — рассказали, показали и объяснили мне так много, что я впервые за несколько лет почувствовал себя причастным к великим свершениям этого необыкновенного, уникального горнодобывающего предприятия. Мы много работали над возможностью краткосрочной перспективы поддержания рентабельного уровня производства, не забывая и грядущие необратимые перемены.

Первые мысли о «новом подходе» родились у меня и у моих коллег, когда мы проезжали мимо отработанных угольных шахт в районе г. Ольснитц, где был организован музей горного искусства. Неоднократно осматривали мы музей. Если кто-то проехал мимо — он непременно ошибся! С большой любовью и тщанием там собраны уникальные экспонаты горного искусства. Более впечатляющую экспозицию мне довелось увидеть шесть лет спустя в Мюнхене, в Германском Музее. Экспозицией в Ольснитце заведовали бывшие шахтеры и их потомки,

поэтому мы быстро нашли общий язык и узнали от «угольщиков», что стволы шахт были заложены золой. Но зола-то была от сжигания каменного угля!!! В момент планируемой ликвидации горных выработок ГДП «Вилли Агатц» угольная зола от сжигания «торфяного» угля (зола от фильтроуловителей) была пылевидной и не обеспечивала, как закладочный материал, в полной мере защиту от усадки и развития деформаций земной поверхности. В итоге, была принята следующая технология закладки стволов. Все рудворы шахт № № 1, 2, 3 и Мариеншахт должны быть заполнены классифицированным щебнем из скипов с донной разгрузкой. Остальные пустоты — золой. Много вопросов вызвало восстановление уровня подземных вод и защита водозаборов. Особенно беспокоили водозаборы города и пивоварен. Из-за Кайцбаха я надолго испортил отношения с Манфредом Чайле. Он был директором по технике ГДП «Вилли Агатц» и моим добрым товарищем и консультантом по всем вопросам.

В 1989 году подобные вопросы навалились со всех сторон. Руководство Общества поставило перед нами задачу подсчитать, как и в какие сроки (сроки были обозначены в 2 или 3 года и, на мой взгляд, являлись предательскими для нашей страны), с наименьшими экономическими потерями можно ликвидировать предприятия СГАО «Висмут». В считанные недели наши силы были мобилизованы для оценки ущерба (?) и его компенсации. Наш интернациональный коллектив путем творческих поисков все же смог в течение полутора месяцев представить предварительные расчеты объемов и стоимости работ. Практически дело обстояло так: не имея возможности глубокого анализа текущего состояния дел, я как ГИП собирал на совещания самые «причастные» к концепции будущей ликвидации технологических комплексов ГДП подразделения нашего Проектного предприятия (ПП) и проводил «мозговой штурм». Не успев воплотить многое, что мы (наш коллектив) вложили в проекты развития предприятий, я своей волей, а порою и наивностью, в установленные сроки создал технически правомерную, но календарно нереальную, соответствующую установкам «сверху» картину ликвидации действующих горнодобывающих предприятий Саксонского региона.

Как и следовало ожидать, работы по ликвидации и санации предприятий продолжаются и по сей день...

Нечто, льстящее самолюбию, я узнал из позднейших сообщений о том, что конусовидные бетонные пробки на стволы шахт ГДП 09, разработанные нами по стадии «проект», стали сооружать. Думаю, что основные

технические решения по ликвидации предприятий, впервые принятые специалистами ПП, ГДП и НТЦ нашли применение и на других Объектах СГАО «Висмут».

Грустным был для большинства советских сотрудников 1990 год. Решение о ликвидации СГАО «Висмут» было принято и доведено до «народных масс» еще в прошедшем году. Каждая семья в свой срок готовилась к отъезду. К весне 1990 года в поселке Зигмар улица Штерцельштрассе превратилась в «Контейнерштрассе». Все было уставлено этими символами предстоящей встречи с Родиной. Тем, кому предстоял отъезд в июне и позднее, не давала покоя мысль о грядущем 1 июля обмене «восточных» марок на «западные». Условия обмена денег были доведены до всех граждан ГДР. Для советских специалистов это не было секретной информацией. Мы призадумались... Как и всегда в советском обществе, все началось с запретов на открытие личных вкладов наших людей. Русский человек тем и силен, что неадекватно (с точки зрения властей) реагирует на все попытки ограничения свободы своих действий. Мы с друзьями, естественно, открыли небогатые вклады в немецкой сберкассе. Позднее всем это было разрешено. Незабываемым событием жизни в ГДР для нас было 30 июня 1990 года. Воспитанные в традициях всеобщего дефицита и нехватки личных возможностей, мы, в своем кругу друзей, договорились, что встретимся 1 июля в 7 часов утра у сберкассы, чтобы не толпиться в «хвосте» очереди.

Вечер 30 июня 1990 года удался. До 24 (00) часов все уцелевшие от встречи с Родиной мужчины проехали и пропивали в Клубе советско-германской дружбы всю сохранившуюся наличность. Выгрabalась последняя мелочь... Те, у кого запасы были больше, угощали не только близких друзей!

Как известно — утро добрым не бывает! Наш маленький коллектив из четырех человек образовал живую очередь перед отделением сберкассы на Цвиккауерштрассе в назначенное время. Кроме нас, за все время до нашего ухода оттуда, не появилось ни одного человека! Стало так обидно за собственную глупость, что все разом невольно рассмеялись.

Помимо этого, многие хотели вернуться домой на автомобилях «Волга», которые понемногу стали списывать с баланса Общества и недорого продавать. Продавали «Волги» и немецкие граждане. В обеденный перерыв наши сотрудники встречались не только в столовой, но и на автобусной стоянке, где самоорганизовался рынок подержанных автомобилей, а также всякой всячины, на которую сегодня никто бы

и мельком не взглянул. Все ходили, рассматривали, приценивались. Для меня это было непривычно, но, в итоге, благодаря помощи В. Н. Воробьева, бывшего руководителем советского коллектива, мне посчастливилось приобрести списанную «висмутовскую» «Волгу» без особых хлопот.

До покупки машины мне казалось, что главная задача — заполучить автомобиль, и тогда супруга успокоится и меня оставит в покое. (Мне и так было не по себе от мысли, что до Москвы не машина меня, а я ее должен доставить. Для человека, сидевшего за рулем «пару раз» в жизни, это было нелегким испытанием). Не тут-то было! Если у фасадов домов выстроились шеренги железнодорожных контейнеров, то во дворах позади домов стояли купленные нашими специалистами подержанные «Волги» и «УАЗы». Сразу было видно, кто из счастливых обладателей авто «is who». Если у машины сняты двери, откручены передние крылья, хотя бы частично снята обивка салона, что-то снаружи заклеено несколькими слоями клейкой ленты, а доступные обзорению неокрашенные элементы конструкции щедро покрыты антикоррозийной смазкой и не хватает колеса, знай — ее владелец не новичок. Он — корифей в вопросах сборки и эксплуатации отечественного автотранспорта. Он — идеал настоящего мужчины! Напротив — если внешний вид машины (хотя бы по ее комплектности) неотличим от заводского образца, значит ее хозяин просто безрукий неуч и бездельник! Вот в эту категорию я, в глазах моей жены и некоторых друзей, и попал! Своего автомобиля у меня никогда не было, и я не знал, что и для чего нужно делать. Недели две мне не хотелось и близко подходить к машине. Ну, не тянет... Приближался сезон охоты на козулю. Одним прекрасным днем дома мне вручили «черную метку», которую супруга зачитала вслух. Дух и смысл ультиматума не допускали двояких толкований: либо, как «все нормальные мужики», я занимаюсь ремонтом и ТО автомобиля, либо... (см. выше). Я сделал выбор, которого у меня, по совести, говоря, и не было. Впервые за всю прожитую тогда мною жизнь я стал на путь саботажа. Купил комплект гаечных ключей, несколько банок антикоррозионного покрытия (впоследствии я им открыл ворота на даче), лампочки, эпоксидку, наждачную бумагу, скребочки и в свободное от работы время приступил к делу. Скрутил переднее крыло и утащил его в подвал рядом с прачечной. Все инструменты и материалы я разложил там же, добавив к этому несколько бутылок пива и детектив из библиотеки. Работа закипела! Через пару недель туда же попало и второе переднее крыло. Когда уста-

новилась совсем теплая погода, я на некоторое время забирался под машину с гаечными ключами: подышать свежим воздухом. Торчащие из-под машины ноги были хорошо видны из окна гостиной и детской, так что вся семья была очень довольна. Кстати, благодаря машине наша семья познакомилась и подружилась с прекрасной немецкой семьей Ланг из Мюнхена: наши будущие друзья в сопровождении их знакомого подошли поинтересоваться как выглядят русские и их автомобили. В это самое время я как раз дышал свежим воздухом, разглядывая карданный вал моей «Волги»...

Нечего и говорить, что накануне открытия сезона охоты все заявленные мною регламентные работы были завершены.

Охота и рыбалка. 1984–1990 гг.

Первые выходные дни лета 1984 года были сопряжены с искренними, почти полными безысходности переживаниями. Пятница. 16-30. От Клуба отходит автобус, переполненный твоими коллегами, но только одетыми в защитную форму, с рюкзаками, полными бутербродов, с термосами, флягами с водой, с ружьями, наконец!!! А ты, как никчемный нищий, бредешь в сторону дома или библиотеки, прекрасно зная, куда они и зачем едут! Эти полные значимости и надежды лица! Как я им завидовал!

Охотничий билет у меня был, но ружье отобрали еще три года назад в Москве из-за задержки в перерегистрации. Будь инспектор хоть чуточку человечнее — ничего бы не произошло. Но тут наложились и смерть отца, и задержка (почти на год!) передачи из Краснокаменска моего охотбилета. Форс-мажор.

В итоге я решил начать с рыбалки (все-таки тоже охота!).

Записавшись на очередной выезд на рыбную ловлю, я, по старой памяти, решил сходить на старый карьер за мальком (раньше, в 60–70-х гг. выезжали на хищника!). Правдами — неправдами добыл подъемник, взял ведерко, черпак и пошел... От карьера сохранились две неглубокие лужи. Малек весь был недорослым окунем, то есть совершенно никудышным. Главным трофеем оказался хороший карась граммов на 250, которого я и преподнес в качестве подарка владельцу подъемника...

Опытные товарищи-рыболовы (а это были мастера своего дела!) отсмеявшись, глядя на малька, объяснили, что водоемы за долгое время созрели и главной рыбой в них стали не хищники, а вегетарианцы: карп, плотва, лещ, белый амур и их молодежь. Так что готовь растительную приманку и правильную оснастку удочек! На мое счастье, мой тесть В. П. Сидоренко подарил мне

в дорогу хорошую катушку «Рилле Рекс» и удилице «Конго» производства ГДР 60-х годов. Это в корне (качественно) отличалось от местных поделок 80-х годов! С помощью моих новых друзей дело постепенно пошло на лад.

Так, по выходным дням я стал осваивать близлежащие водоемы и навыки рыбалки на них. Незаметно подступил август. Перед предстоящими выездами на утиную охоту наш коллектив военных охотников провел соревнования по стендовой стрельбе между коллективами предприятий п. Зигмар. Наш коллектив Проектного предприятия отличился, заняв первое место. Неожиданно для себя отличился и я, заняв третье место в личном первенстве. Это помогло мне претендовать на выезды на охоту, вначале в должности кашевара, позднее — загонщика.

Не имеет смысла описывать все рыбалки и охоты, в которых мне довелось участвовать за 6 лет, проведенных в ГДР: это заняло бы слишком много места в воспоминаниях и было бы утомительным чтением для людей, не интересующихся этими благородными видами спорта. Приведу лишь несколько случаев, запомнившихся мне особенно.

В начале сентября 1984 г. состоялся мой второй выезд на утиную охоту в качестве кашевара. Однако, учитывая мои «достижения» в стендовой стрельбе, В. В. Кара (в то время — наш главный охотник и председатель гарнизонного совета) дал мне возможность пострелять из своего ружья. Мы стояли лагерем в Коммерау на голом берегу большого озера, с трех остальных сторон заросшего камышом. Утренняя зорька быстро закончилась. Топтание по камышам дало незначительные результаты, однако какое-то количество уток было добыто, и я под руководством О. М. Кастуева поддерживал огонь, ощипывал и потрошил дичь для приготовления шурпы. Коллектив отдыхал и сушил на солнышке снаряжение и одежду. Ружье, до сей поры невооруженное, лежало неподалеку. Внезапно подняв голову, я увидел, как с противоположного конца озера поднялась стайка уток и на полном ходу направилась прямо к нашему костру. (Охотнику известен свист крыльев кряквы!). Отложив нож и лысуху в сторону, я (как в замедленном кино) протянул руку за ружьем, вставил в патронник откуда-то появившиеся в другой руке патроны, спокойно прицелился и сделал дублет. Первая кряква ударилась о землю в полуметре от моей ноги, другая — метрах в двух позади. Обе лежали на сжатом поле, как на картинке. Больше выстрелов не было. В. В. Кара, оказавшийся рядом, поздравил меня с красивым дублетом, похвалив, конечно, свое ружье. Забегая вперед, замечу, что это был

мой самый красивый дублет на утиной охоте. Может быть, дело и правда, в ружье?

После поездки в отпуск и обретения ружья в 1985 году я почувствовал себя полноправным охотником и старался, по возможности, не пропускать выездов на охоту. Однако мои успехи на протяжении довольно длительного времени были более чем скромными. В то время как мои более опытные и старшие коллеги время от времени добывали то косуль, то кабанов, а то и оленей, я за год добыл только одного скромного самца косули! Ну не идет дичь, да и только! Это касалось и загонных охот, и охот с сидки. Со временем я все же докопался до главной причины «невезения», а с опытом — раскрыл и остальные.

Главной причиной была система организации охот. На подъезде к охотничьему району (если речь шла об охоте с сидок) старший по выезду проводил среди участников жеребьевку, которая устанавливала очередность выхода стрелка из автобуса к той или иной сидке. Лесных дорог в ГДР было немало, так что с какого конца заезжать к сидкам и какую считать первой, решал старший, имея на руках результаты жеребьевки. Естественно, наименее опытным охотникам выпадали наименее перспективные места засад. Примерно так же дело обстояло и на загонных охотах. Причем у старшего по охоте всегда имелся дополнительный шанс направить «лишнего» новичка в загон. В общем, никакой несправедливости в этом не было. Новички, благодаря такому подходу, со временем изучали уголья, приобретали опыт, постигали «азы» дисциплины и охотничьей этики. Что и говорить — опыт значит многое! Когда район охоты достаточно хорошо изучен, никакие жеребьевки (кроме загонной охоты!) не имеют значения. Помню в 1989 году под влиянием свежих ветров перестройки и гласности многие члены нашего охотничьего коллектива стали критиковать меня, как председателя КВО, за то, что им не дают возможности участвовать в охоте в угольях Лангенау. Только начальство туда ездит, а район-то как бы для всех нас! Те, кто помнит, те знают, что для большого числа охотников там просто нет места. Но что поделаешь с гласностью! Я высказал свои соображения о возможности выездов небольшими группами (разумеется, заранее согласовав эту возможность с руководством). Состоялись два выезда по 7 человек. Без жеребьевки я добросовестно рассаживал по сидкам (знакомым и хорошим!) шестерых, а сам, руководствуясь чутьем, шел отыскивать новые для себя места. Оба раза я возвращался с добычей, прочие же оставались без выстрела.

Охота... Как много в этом слове! До сих

пор охота на оленя в окрестностях Кенигштайна вызывает в моем сердце прилив дружеских чувств и душевного тепла и искреннего уважения к ее организатору: директору МГДП «Кенигштайн» Г. Братфишу. Шел 1988 год. Дело было так... Согласно инвестиционному проекту пятилетнего плана развития производства МГДП «Кенигштайн», в этом году должны были начаться работы по дренажу третьего водоносного горизонта для подземного выщелачивания металла т. н. «Южного поля» месторождения. Опыт эксплуатации месторождения указывал на обоснованность превентивного дренажа третьего водоносного горизонта, иначе из-за практически гарантированного прорыва маломощного водоупора на нормальный режим работы рудника рассчитывать было невозможно. По каким-то соображениям руководство предприятия, не отвергая, в принципе, идею дренажа, решило пойти на эксперимент. Был подготовлен и нарезан блок, произведены буровые работы для его магазинирования. Н. Т. Дундуков и я были приглашены на совещание, которое должно было «благословить» начало работ по выщелачиванию первого блока на «Южном поле». Главным аргументом был тезис о возможности пойти на «оправданный риск». Мы заявили о своем категорическом несогласии с таким решением, отказались от подписания протокола совещания и участия в обеде. Блок взорвали, вода хлынула, рециркуляторы «захлебнулись», правительство ГДР получило «теплую» телеграмму из ФРГ о превышении в стоке реки Эльба концентрации радиоактивных материалов. Далее все пошло в соответствии с утвержденным проектом...

После этого случая Г. Братфиш, как благодарный человек, из уважения и чувства давней дружбы к Н. Т. Дундукову пригласил нас на оленью охоту. Надо сказать, что и впоследствии он приглашал нас в уголья своего охотничьего коллектива.

В этот раз, видимо из расположения ко мне, он усадил меня на сидку, к которой (я уверен — это была не случайность!) подошли два оленя. Одною я взял. Это была победа во многих смыслах этого слова и мой самый главный охотничий праздник!

Об охоте и рыбалке можно рассказывать бесконечно. К сожалению, если это делать подробно и обстоятельно, то надо писать отдельную книгу, которая будет интересна только узкому кругу поклонников данного вида спорта. Главное, что объединяет всех рыболовов и охотников, включая грибников, это чувство спайки с товарищами, чутко подмечающими безмерность оттенков красоты природы и обладающими чувством меры в присвоении ее даров. Любоваться ландшафтами (особенно в Саксонии!) можно

бесконечно. Это обогащает душу охотника, не нанося урона флоре и фауне. Чрезмерность же потребления унижает или делает охотника смешным в глазах окружающих, да и в своей душе тоже.

Как-то раз наш коллектив выехал на рыбалку в Моритцбург. Все соскучились по этому водоему, поскольку на два сезона он был закрыт для рыбалки. От автобуса все в приподнятом настроении разбежались по своим заветным местам ловли. Я к тому времени уже стал председателем КВО и старался придерживаться правил ловли и норм вылова, предусмотренных законодательством ГДР. Клев был такой, что через 10 минут я свернул вторую удочку, а на оставшейся заменил кормушку на обычное грузило. Карп шел отборный — от полутора килограммов и выше. Через 15 минут после начала рыбалки мы с моим другом Леней Задориным стали выпускать из садков ранее пойманную рыбу, чтобы не превысить установленную норму вылова (три штуки!). Клев не утихает! Мне стало казаться, что вновь пойманная рыба мельче той, что в садке! Стали отпускать «новеньких». Аклев не утихает! Прошло всего-то часа полтора, а мы уже основательно запутались в вопросе: «старенькие» или «новенькие» крупнее? Переглянувшись с Леной, мы раскрыли рюкзаки и переложили из садка рыбу в непромокаемые мешки, пообещав друг другу, что больше восьмью штук никто из нас домой не будет брать. Тут клев понемногу стал утихать, карп пошел помельче, и мы успели поймать еще по две рыбки. Собрали снасти, увязали рюкзаки. Вдруг из-за соседних кустов до нас донеслись какие-то странные звуки: не то кряхтенье, не то стон. Я на всякий случай поспешил туда и вижу, как один наш коллега из НТЦ силится вдеть руки в лямки рюкзака, который он взгромоздил на гранитный столбик, предназначенный для привязывания лошадей в давние времена. Попытка удалась. Казалось бы — вес взят! Но, отшатнувшись от столба и сделав неверный шаг, бедняга повалился спиной навзничь под весом рюкзака. Мы с Леной не могли остановиться от смеха! Отсмеявшись, подняли парня на ноги и сопроводили до автобуса. К этому времени почти все наши рыболовы собрались и оживленно обменивались мнениями о небывало удачной рыбалке. Мимо проходили немецкие туристы, охотно в любое время года посещающие этот чудесный замковый и парковый комплекс. Некоторые из них подходили, интересовались нашими успехами, другие, поглядывая в нашу сторону, проходили мимо. Вот у автобуса показался еще один из наших рыбаков. Назову его в данном случае N. N., — высокий, крепкий мужчина, уважаемый член коллектива. За спиной его

горбился соответствующий его габаритам здоровенный рюкзак. По походке было видно, что ноша его нелегка. Я не успел даже вшутку задать вопрос: «Ну что, сегодня опять впусую?», как дно рюкзака с легким треском расплзлось и на асфальт хлынула рыбная лавина! Трудно передать выражение лиц немцев, увидевших такое! Да что там немцы, даже мы были смущены таким «изобилием». Смешно все это было видеть, но все-таки в итоге смех сменился стыдом.

Этот случай произошел в декабре 1988 года на охоте в округе Шварценберг у поселка Пела (рядом с промплощадкой ГДП 09 месторождений Пела — Глобенштайн — Теллерхойзер). Наш дружный коллектив проводил загонную охоту. Сложилась она как-то необычно, хотя зачастую охоты там бывали успешными. Традиционно (как и в Клингентале) на загонных охотах в этих угодьях мы добывали оленей. Как правило, за день успевали пройти четыре загона и в половине случаев приезжали домой не с пустыми руками. На этот раз сразу после первого загона (выстрелов было немного) выяснилось, что взяли четырех оленей! Я, как старший по охоте, оставил «кормильцев» свежевать дичь и погрузить одного оленя в «Волгу» на всякий случай. С остальными охотниками двинулся ко второму загону, который был неподалеку. После второго загона (выстрелов было довольно много), в котором иядобылолениху,произвелиподсчетдобытого. Как оказалось, никто из охотников, на которых вышла дичь, не промахнулся. В этом загоне взяли девять оленей! Таких результатов не видел никто из участников этой охоты! Добытых оленей спустили с горы вниз — к дороге, попутно доставив одного из них к стоянке «Волги» для немедленной разделки и погрузки. Остальных одиннадцать оленей, уже освежеванных, аккуратно в шеренгу разложили на обочине. Егеря не пришлось ждать долго. Услышав такую небывалую канонаду, он оперативно подъехал к нам, степенно вылез из своего «Вартбург». Я шел ему навстречу. Мы встретились у крайнего оленя, протягивая друг другу руку. Охотничье приветствие прозвучало как: «Weidma.....» и стихло. Наш друг все увидел и остолбенел... Признаться, большинству из нас было не по себе. Во-первых, мы подорвали себе и немецким друзьям возможность последующих охот, так как добытого количества хватило и для выполнения плана, и для закрытия потребностей коллективов. Во-вторых, жалко было и самих

зверей. Зачем же столько! Посокрушались искренне все вместе, да сделанного не в рот ишь... Конечно, не за горами новый год и новый план, и вроде бы без вины виноваты. На охоте в горной местности ведь видишь, как правило, только свой сектор обстрела, да чуть-чуть соседний... Кто стрелял, кто попал, кто промахнулся? Может, надо было бы остановиться после первого загона?

Прекрасным сентябрьским утром мы, коллектив активистов общества германо-советской дружбы Проектного предприятия, выехали на отдых в район озера Пель. Было тепло и умеренно пасмурно. После завершения официальной и неофициальной программ, когда люди группками распределились по интересам, я отправился в близлежащий лес по грибы. Сезон охот был в разгаре. Со мною был любимый охотничий прорезиненный мешок, емкостью литров пятнадцать. Желаящих пойти со мной не нашлось, и я медленно шел по лесу в одиночестве, наталкиваясь, время от времени на кипы охот. Мешок медленно наполнялся и незаметно тяжелел. Неожиданно лес раздался в стороны, и я вышел на очень большую поляну длиной около 200 и шириной порядка 80 метров. Поляна оказалась красивой старой вырубкой. Пни были идеальными: диаметром не менее 70 сантиметров с мощными, разбегающимися во все стороны корнями. Пни выглядели как близнецы и сплошь были покрыты близнецами — опятами — высотой около 5 сантиметров, розоватыми и туго-скрипучими, плотно разбегающимися по корням. Я остановился в восхищении от их красоты. Чтобы заполнить до отказа мешок, оказалось достаточно одного пня. Грибов на поляне, вероятно, хватило бы для заполнения железнодорожного вагона. При виде такой тихой осенней красоты и такого сказочного грибного богатства меня охватило необъяснимое чувство сосущей жадности. Захотелось упасть на поляну, охватить всю ее руками и закричать: «Это все мое!» Мгновение спустя наваждение прошло, но где-то в глубине души мне вдруг стало стыдно, как будто кто-то подсматривал за мной и слышал мои мысли. Это неизлечимый атавизм?

После возвращения из ГДР на Родину прошло немало лет. Но нет-нет, да и признается мне что-то «висмутовское». Во сне вдруг отчетливо понимаешь, что на дворе не 1990 год, что ты уже давно не в ГДР. Пройдет время, и вновь все повторяется. Не отпускает «Висмут». Хорошее не забывается.

Вячеслав Николаевич Платонов

Родился в марте 1941 года на станции Платоновка Платоновского района Тамбовской области. Окончил Московский горный институт по профессии горный инженер — механик. Кандидат технических наук. Изобретатель СССР. Ветеран атомной энергетики и промышленности. В НТЦ СГАО «ВИСМУТ» работал в качестве руководителя группы с 1985 по 1989 годы. Работы Вячеслава Платонова экспонировались на торгово-выставочной Лейпцигской ярмарке. Награды: Почетная премия Президента Академии наук ГДР, почетный знак «Золотая Игла» Общества германо-советской дружбы 1988 г.

Прозаик и публицист. Значительная часть его произведений посвящена истории страны и семьи в период с XVIII века и до наших дней. Чаще всего обращается к жанру рассказа, но есть в его творческом багаже и повести, и сказки, и иронические миниатюры. Номинант национальной литературной премии «Писатель года».

В. Н. Платонов.

Моя работа в СГАО «Висмут»

08.05.1985 года я был уволен из филиала № 2 института Промниипроект (г. Желтые Воды) или, как было сказано в приказе, «освобожден от занимаемой должности и откомандирован, в порядке перевода, в распоряжение Восьмого управления Минсредмаша для направления на работу за границу». 13 мая на Ордынке в Министерстве я был зачислен в штат сотрудников заграничного предприятия, получил билеты на себя, жену и дочь с отбытием в ГДР 15.05.1985 года.

На следующий день в Бресте, когда меняли колесные пары на узкую колею, купил я свою любимую газету «Известия» и был ошарашен, прочитав Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством и алкоголизмом, искоренением самогонарения», и подумалось «Что-то не ладно в нашем государстве», и кто бы мог подумать, что это было спусковым крючком для развала великой страны. Было видно, что она больна, и ее надо было лечить, но то, что сделали меченые и беспалые, привело страну к развалу, обрушились окраины — захотели быть князьками руководители малых народов, благо Союз сделал все для их просвещения и могущества в ущерб своему большому народу, на который в XX веке много чего свалилось — русско-японская война, брожение умов и две привнесенные революции 1917 года, грабеж России «доброжелателями», гражданская война, репрессии против своего народа, Вторая мировая война, разруха, голод, восстановление народного хозяйства, ядерный шантаж ... и вот еще одна напасть. Россия — кость в горле у «просвещенного» Запада, и как только Россия начинает восстанавливаться, «доброжелатели» предлагают ей провести «демократические» реформы (подсылая агентов влияния), а кто против «реформ», то они сами приходят навредить «порядок». Примеров тому не счесть

по всему свету, а из последних — Ирак, Ливия, Сирия и т. д.

Во Франкфурте-на-Одере нас встретил представитель Общества (оказывается, в поезде ехало еще несколько человек по нашему маршруту), усадил в «Икарус», и по ночной ГДР поехали проселочными дорогами в Карл-Маркс-Штадт (Зигмар), где нас ожидали встречающие — Богачевы, Колтуновы, Зорины и др. — и трехкомнатная квартира, а впереди — два выходных дня. В понедельник в Гендирекции я был оформлен руководителем группы в горно-механический отдел Проектного института. С советской стороны в отделе работал Луканин Анатолий Павлович, с немецкой — начальник отдела Глезер, а по работе я общался с Хорстом Беккером и Дитером Песлером. Спустя какое-то время из Союза поступили наши вибропитатели, а мы еще не определились с местами их установки: на каких предприятиях и под какие рудоспуски или бункера. Эти вопросы тщательно прорабатывались у технического директора Общества Вернера Гепеля. Установка под рудоспуски была описана в статье «Размещение вибропитателя относительно откаточной выработки и рудоспуска», авторы — кандидаты технических наук Платонов В. Н., Поддубный И. К., Авдеев О. К., опубликованной в «Горном журнале», а для установки под бункера была написана статья в соавторстве с Луканиным, Беккером и Песлером и опубликована (на немецком языке) в висмутовском «Научно-техническом вестнике». И теперь, поскольку коллегам было понятно, что и как делать, за мной оставался авторский надзор за монтажом. Кроме того, передо мной было поставлено несколько других задач — попытаться решить вопрос ликвидации завесаний в рудоспусках на шахте «Дрозен», очистка вагонеток от налипшей горной массы, которая достигала в среднем по предприятиям до 15–20 %. Это значит,

чтобы выполнить заданный объем перевозок, нужно было на каждые 5–6 вагонеток дополнительно покупать еще одну и, кроме того, учесть дополнительные энергозатраты на транспортировку, очистку и т. д., а также к работам по проходческому комбайну ГПКС в помощь Борису Ивановичу Федунцу и Сереже Калашникову.

Да, отвлекаясь от работы, в 1/32 финала Кубка УЕФА сошлись по жребию «Висмут» (Ауэ) и «Днепр» (Днепропетровск), и первая встреча происходила на висмутовском стадионе 18.09.1985 г. Мы с Песлером заключили пари на чашку кофе — кто победит и с каким счетом. Мой прогноз 2:0 в пользу «Днепра», его — выигрывает «Висмут», с каким счетом — не помню, и мы смотрели эту встречу, победил «Днепр» со счетом 3:1. Во второй встрече в Союзе 02.10. я дал тот же прогноз, «Днепр» выиграл 2:1.

Со 02.01.1986 года меня переводят руководителем группы в горную лабораторию научно-исследовательского института.

В это время я близко познакомился с доброжелательными Скрипкой Петром Ивановичем и Дорожкиным Василием Ивановичем, которые предлагали места установки вибропитателей, и однажды они ознакомили меня с одной очень актуальной и интересной проблемой. Под городом Роннебург развели богатую залежь урана на глубине 30–35 метров, и очень желательно было бы взять эту руду, но чтобы дома не оседали, нужно было подать в выработанное пространство закладку (бетон). В практике для улучшения текучести закладки в нее добавляют большее количество воды, чем требуется по рецепту, а чтобы получить необходимую прочность закладочного массива, необходимо увеличение расхода вяжущего (цемента, золы и т. д.), что в значительной степени сказывается на себестоимости закладки. Закладку подавали через специально пробуренные скважины, и она самотеком растекалась только на 5–6 высот, то есть в данном случае не более чем на 200 метров, а нужно было, по крайней мере, на порядок дальше. И вопрос — нельзя ли увеличить длину доставки закладки по горизонту с помощью вибрации? Насколько мне было известно, что-то похожее пытались делать на Норильском комбинате, но у них не получилось. А в это время наша лаборатория во втором рудоуправлении ВостГОКа в Кировограде начала проводить подобные опытные работы. В Гендирекции «Висмута» тоже заинтересовались (было доложено главному инженеру Общества Бородину Льву Павловичу и первому заместителю генерального директора по науке Вернеру Рихтеру) и, в конечном счете, решили отправить меня в командировку в Желтые Воды, чтобы я

на месте разобрался, что к чему, и если результаты опытных работ положительные, то выяснить возможность заключения контракта на поставку элементов установки (вибровозбудителей, амортизаторов, упругих соединителей и т. д.).

28.04.1986 года в понедельник над Зигмаром (Карл-Маркс-Штадт) стал бороздить небо вертолет с подвешенной на тросе какой-то болванкой, а после обеда пришел из дома Герт Нойберт и сказал: «Слава, у Вас в Союзе взорвалась атомная электростанция». Оказывается, вертолет проводил замеры радиационного фона. Не знаю, насколько фон повысился над Зигмаром, но когда я 12 мая выехал в командировку в Союз и купил по дороге газету «Berliner Zeitung», то в ней увидел табличку превышения фона над Берлином — в первые три дня после аварии максимум (превышение естественного фона примерно в восемь раз), а потом в течение последующих десяти почти пришло в норму. А Желтые Воды привели меня в смятение — я уезжал год назад из цветущего города, на нашей улице цвели катальпы, распространяя свой дурманяще-медовый запах; цвели абрикосы, вишни, черешни; цвело все и радовалось жизни, на улицах веселые люди, а теперь все в сером цвете — и деревья, и люди, и дома. На улицах почти нет людей, а если встречаются, то в масках — респираторах, нет распахнутых окон, задраены форточки. До Чернобыля всего четыреста километров, и, мне кажется, это был переломный момент для города, народ потихоньку стал оттуда мигрировать.

Испытания виброустановки во втором рудоуправлении шли в вялотекущем режиме, но результаты обнадеживали. Провели предварительные переговоры и в нашем институте, и в ВостГОКе о заключении контракта на поставку комплектующих, и что особенно интересовало оба местных предприятия — оказание техпомощи, то есть поездки специалистов — желтоводцев в «Висмут». Были решены и другие не менее важные сопутствующие дела и в Желтых Водах, и в Днепропетровске, и в Москве, а уже 24 мая в субботу я вернулся в Зигмар.

И вот примерно в это время встречаю я случайно в Гендирекции моего давнего знакомого профессора А. Я. Тишкова — официального оппонента моей диссертационной работы. Коротко обменялись приветствиями, и, поскольку у каждого были свои дела, разошлись до вечера — я пригласил его на «рюмку чая». Вечером был какой-то нейтральный разговор об общих знакомых вибрационщиках и проводимых ими работами. Позже я узнал, что он был приглашен для экспертизы нашего проекта и выразил сомнение в его реализации.

В конце концов, после всесторонних обсуждений на разных уровнях, был разработан другой проект — более актуальным оказалась закладка отработанных блоков 826, 1026, 1126 на шахте «Шмирхау». Контракт на поставку комплектующих из Союза был заключен, и тема «Вибротранспорт закладки» была зарегистрирована 09.09.86 г. в плановом отделе, а 14.10. утверждена Вернером Рихтером для исполнения. Ответственными исполнителями этой работы были назначены Dr. Daenecke и Dr. Platonow, срок окончания работ — 30.06.1989 года.

Вскоре смонтировали виброустановку, и были проведены испытания, которые показали, что закладочная смесь устойчиво транспортировалась при конусе 9, а в отдельные периоды и с конусом 8,5 (вместо 11 при самотечном режиме), то есть виброустановка успешно обеспечивала доставку жестких смесей, практически невозможную любыми другими способами, тем самым достигалась значительная экономия дорожных расходов составляющих закладки, улучшалась культура производства — не было лишней воды или цементного молочка в выработках и т. д.

Деятельное участие в работах в это время принимал коллега Герт Нойберт, с которым все эти годы, после моего отъезда из ГДР, мы переписывались и четырежды встречались — два раза в России (он со своей женой Зиглиндой и ее братом Хансом приезжали по турпутевкам) и два раза в Германии. Первый раз в 2010 году мы с женой отдыхали в Карловых Варах и Герт на своей машине приехал за нами и привез к себе домой, где нас ожидали Эрик Грушвиц с женой Соней, Ханс Шайбе, Ханс Гломп с Кристель и, конечно, хлебосольная Зиглинда, Хорст Тауберт был в отпуске. Второй раз мы с ними встречались в Вайсенфельсе и на обратном пути снова заезжали ненадолго к Нойбертам.

Коллеги изготовили модель нашей виброустановки для доставки закладки в выработанное пространство с описанием технологии и достигнутого экономического эффекта и выставили в 1988 году на Лейпцигскую ярмарку «Мастера будущего». В газете «Junge Welt» от 15 ноября 1988 года на странице «Доска Почета» было отмечено, что наша работа «Транспорт закладки с помощью вибрации» награждена почетной премией Президента Академии наук ГДР; Обществом германо-советской дружбы наградило нас почетным знаком «Золотая Игла» с вручением почетной грамоты, а первый секретарь Центрального совета Союза свободной немецкой молодежи (FDJ) Эберхард Аурих — дипломом. Наша виброустановка, как мне сказал Герт при встрече в 2017 году,

работала до самых последних дней существования рудника.

В этой же газете также было напечатано, что награждается золотой медалью Артура Беккера Вернер Гепель — заместитель Генерального директора СГАО «Висмут» по технике, и это тоже было приятно.

Хотелось бы немного коснуться культурной жизни в Обществе. Прежде всего это совместные с коллегами вечера по случаю Нового года, государственных дней того или другого государства, вечер горняка в городском Клубе Геры, бригадные вечера, летом — выезды на природу на выходные. Иногда коллеги приглашали к себе на дачу на шашлыки. По советской линии — приезды с концертами звезд эстрады. Например, в 1986 году — 5-го января выступал Иосиф Кобзон: «Не нужно мне аплодировать после каждой песни» и работал почти четыре часа без перерыва. «Будете в Москве, заходите ко мне в гости, ключевое слово «Висмут». Правда, адреса не назвал, его, наверно, нетрудно было найти. Больше никто к себе в гости не приглашал. Потом были Винокур, Лещенко со «Спектром». Очень приятное впечатление оставила о себе Алиса Фрейндлих в противоположность Хазанову и Гурченко, фантастическая игра «Виртуозов Москвы» и другие, всех не упомяну. Кроме того, экскурсии по стране, собственная художественная самодетельность с выездами на другие предприятия и в другие города. Сначала меня определили в хор, но после того, как я взял какую-то «терцию», предложили поработать звукорежиссером при театральной мастерской. Хочется думать, что я ушел на повышение.

Однажды во время рабочего дня вышел я на улицу покурить, и почти следом за мной вышел экономист — седой крепкий пенсионер, герой труда ГДР — это еще когда он работал проходчиком. Помолчали. Не знаю почему, вдруг он стал рассказывать на неплохом русском о своей жизни: «В восемнадцать лет в 45-м году в составе Гитлерюгенда попал я под Берлином к русским в плен — это было в январе, и примерно целый месяц мы ехали эшелонами в Сибирь, полураздетые и полуголодные. Наконец остановились на какой-то глухой станции, мороз был минус тридцать, и нас погнали дальше пешком, а когда через две недели мы дошли до прииска, осталось четверть пленных от изначального количества. Я был здоровый и крепкий от рождения, но тут стал чувствовать упадок сил и духовный упадок, и понял, что долго я не выдержу. И когда казалось — все, приходит конец, — меня вызвали в контору, накормили, тепло одели и отправили, как потом оказалось,

в Москву. Я ничего не понимал, и все происходящее со мной казалось сном. Спустя какое-то время, наверное, когда я принял человеческий облик, мне вручили документы и отправили в ГДР. Только там, у родственников, я узнал, что за меня хлопотал мой дядя — генерал, и меня разыскали и обменяли на кого-то. Дядя жил в западной зоне и туда тогда еще можно было уехать, но я не стал этого делать, почему — не знаю, а пошел в только организовывающийся тогда «Висмут». Кругом безработица, холодно и голодно, а там тарелка горячего супа была обеспечена, кроме того — талоны на еду, одежду, обувь. Да, еще, если у тебя в месяц были все выходы на работу, то ты получал пять литров «Кумпельшнапса» — горняцкую немецкую водку, а на нее можно было много чего выменять. Работы я не боялся, стал даже перевыполнять норму, и за это еще давали «Сталинпакет» — дополнительный продуктовый набор. А русских я стал, как мне кажется, понимать...

И в это время его позвали к телефону. Больше к этому разговору он не возвращался.

По зарплате и социальным льготам это было самое привилегированное предприятие в ГДР. Профилактории и санатории «Висмута» были расположены в красивейших местах. Знаменитая фигуристка Габи Зайферт тренировалась на стадионе «Висмута».

Многие немецкие инженеры «Висмута» получали образование в советских вузах. В «Висмут» из СССР приезжали самые высокие гости — космонавты Юрий Гагарин и Валентина Терешкова, нобелевский лауреат, писатель Михаил Шолохов. Здесь часто бывали руководители ГДР — Вальтер Ульбрихт, Эрих Хонеккер, Вилли Штоф.

Со временем уран, который добывался в Восточной Германии, стал использоваться не только в военных целях, но и для производства топлива для мирных АЭС. Атомные станции по советским проектам были построены во всех странах, откуда СССР вывозил добытый уран — в ГДР, Болгарии, Венгрии, Чехословакии. АЭС соорудались, как тогда говорили, на взаимовыгодных условиях, что в переводе на сухой язык экономики означало, что СССР через Совет экономической взаимопомощи (СЭВ) предоставлял партнерам кредит на льготных условиях. Для этой цели при СЭВ было создано объ-

единение «Интератомэнерго». В некотором смысле можно сказать, что СССР возвращал долги за пользование недрами братских стран в годы ядерной гонки.

В 1966 году первая атомная электростанция «Райнсберг» в Восточной Европе была построена именно в ГДР. В 1974 году на АЭС «Грайфсвальд (Норд)» было запущено еще 5 реакторов. Кроме того, было начато строительство АЭС «Штендаль» с двумя мощными реакторами по 1000 МВт. Ни один из немецких реакторов не повторял чернобыльскую конструкцию, все они принадлежали к безопасному семейству ВВЭР. Доля атомной энергии в общем энергобалансе ГДР составляла около 30%, что соответствовало уровню высокотехнологичных стран и превышало показатель СССР.

Всего «Висмутом» было добыто 230 тыс. тонн урана. На первом этапе Атомного проекта, когда необходимо было разрушить монополию США на атомную бомбу, «Висмут» обеспечил более 50% поставок урана.

Сегодня в объединившейся Германии от прежнего «Висмута» ничего не осталось. Германия решила отказаться от атомной энергетики, постепенно закрывает АЭС.

С 1990 года на месте урановых месторождений начата рекультивация земель. Рекультивация крупных урановых разработок производилась впервые в мире и дала бесценный опыт. В этих работах деятельное участие принимал Герт Нойберт и в Германии на памятной стеле среди других фамилий спонсоров рекультивации есть и его имя.

Все экологические проблемы удалось решить, выполнив программу канцлера Гельмута Коля «Цветущие ландшафты» для Восточной Германии. Идиллический тюрингский городок Роннебург, где до конца 1980-х годов велись крупнейшие разработки урановой руды, стал центром ежегодной общенациональной выставки садоводства «Бундесгартеншау-2007».

И напоминает о прошлом только огромная горняцкая лампа, установленная на самой высокой части рекультивированного отвала («Schmirchauer Hohe» +373 м), и видна за несколько километров вокруг днем и ночью, а вокруг лампы выложены камнями границы шахтных полей рудников Роннебургского месторождения.

Олег Сергеевич Чапкович

Олег Сергеевич ЧАПКОВИЧ родился 14 октября 1940 г. в г. Якутске. Окончил Ленинградский горный институт им. Г. В. Плеханова, горный инженер-геофизик (1963). Кандидат технических наук (1999). Геофизик, старший геофизик партии Приленской экспедиции (1963–1967). Работа в СГАО «Висмут»: главный геофизик рудника, рудоуправления (1967–1972); главный геофизик рудоуправления Пайцдорф (1982–1984); главный геофизик СГАО «Висмут» (1984–1989).

О. С. Чапкович.

От старшего геофизика до главного — мой путь в СГАО «Висмут»

Родился я в октябре 1940 года в многодетной семье рабочего.

Отец после окончания Института журналистики был направлен на работу на Север в редакцию газеты. И вся его дальнейшая трудовая деятельность была связана только с Северным морским пароходством. Он поднялся по служебной лестнице до больших высот! На пенсию вышел со званием «Почетный полярник» — для профессионала это очень значимо!

В 1957 году я поступил в Ленинградский орден Ленина, Трудового Красного Знамени и Октябрьской Революции Горный институт имени Г. В. Плеханова на геофизический факультет.

Ныне он называется *Санкт-Петербургский горный университет* — один из крупнейших вузов по горному делу и первое высшее техническое учебное заведение России. Входит в категорию «Национальный исследовательский университет России».

Торжественное открытие Горного училища (начальное название Горного института) состоялось 9 (20) июля 1774 года. Его воспитанники, принимавшиеся преимущественно из дворян и офицерских детей, подготавливались к службе в Берг-коллегии по горной части.

В структуру Санкт-Петербургского горного университета входят 9 факультетов, военная кафедра и 1 филиал.

Срок обучения на моем факультете — 6 лет.

Все мои учебно-производственные практики проходил во ВСЕГЕИ — Всесоюзном Научно-исследовательском институте — «в местах не столь отдаленных» (для геологии): Крым, Полярный Урал, Читинская область, Центральный Казахстан (преддипломная практика).

Окончил я институт в 1963 году, как горный инженер — геофизик. Специализация — геофизические методы поисков, разведки и отработки рудных месторождений.

По окончании института был распределен на геологическое предприятие, действующее в горно-таежной области в Восточной

Сибири, где проработал по 1967 год геофизиком, старшим геофизиком подразделения.

По завершении поставленного задания был откомандирован в СГАО «Висмут».

В «Висмуте» меня направили на рудник Пайцдорф в городе Гера — наиболее современное, молодое предприятие среди первых рудников на Роннебургском рудном поле.

Все прекрасно: сложившийся геофизический коллектив профессионалов, внимательный, обходительный, все условия. Режим работы — с 6 утра до 14 часов. Привезут на работу, накормят после работы, отвезут домой прямо к подъезду!

Интересная оперативная работа на местах, постоянные деловые обсуждения текущих вопросов, принятие решений — и все это на немецком языке.

Есть где-то общий для всего предприятия переводчик, но у него много своих неотложных дел.

Что меня настораживало и заставляло усиленно работать круглосуточно с полной отдачей сил — это необходимость хорошего владения немецким языком, самостоятельного, без переводчика, общения с немецкими коллегами по всем производственным вопросам, как минимум. Для этого необходимо было окунуться с головой в немецкую языковую среду.

Не выпускал из рук карманные словари и разговорники, смотрел днем и ночью телевизор, слушая внимательно каждое слово, переводил всякие надписи, витрины вокруг, какие-то названия, все, что попадалось на глаза — все записывал, составляя для себя «справочники». Словарный запас быстро расширялся! Но, как всегда, хотелось больше и сейчас!

Бывали и казусы! Идем с женой по центру г. Геры, увидели вывеску «RENDEZVOUS»: нет такого слова в нашем словаре! Пришли домой, посмотрели в другом словаре — нет! Потом нам подсказали — «рандеву», слово пришло из Франции.

Все элементарно просто!

Конечно, были и усиленные курсы немецкого языка, но самое основное — это внимание и поддержка окружающих немецких коллег.

Главный помощник — мой напарник, сосед по кабинету Рольф Эбелинг. Ему доставалось от меня больше всех! У нас не было каких-либо перерывов, отвлечений.

Была договоренность — мы натаскиваем взаимно друг друга в *производственном* разговорном русско-немецком языке.

Повезло нам еще и с появлением вскорее на нашем предприятии молодого специалиста — геофизика, выпускника Фрайбергской горной академии, хорошо владеющего английским языком. Назвали его подпольно «студентом». Он не возражал!

Мы посадили его в свой кабинет и создали русско-немецко-английский коллектив, всех взаимно заинтересованных в освоении языков. Иногда были разногласия — на каком языке ведем разговор! У меня всегда было преимущество — на немецком. Я разговариваю на английском со «студентом», он — переводчик с английского на немецкий.

Мне было проще — за 6 лет учебы в институте я достаточно хорошо освоил английский, входя в специальную группу, которая дополнительно изучала английский, принимала участие в международных конференциях, симпозиумах по геологической тематике, проводимых в нашем институте. Там всегда мы много общались только на английском с носителями английского языка.

Процесс освоения немецкого языка для меня резко ускорился! Вскоре необходимость в услугах «переводчика» в постоянных деловых общениях отпала.

Но на курсы ходить продолжал — углубление и расширение своих познаний всегда полезно. И это приносило свои положительные результаты — проверено на деле.

Как-то приехали на автобусе на экскурсию, но переводчика не оказалось на месте. Тема — архитектура. Группа стала меня уговаривать переводить, но я категорически отказывался. С терминологией этой я плохо знаком и совершенно не готов для синхронного перевода!

Они приняли это за мои капризы. И все-таки заставили! Тогда я предупредил, что буду переводить только общую часть, без деталей. Об этом сказал и девушке — экскурсоводу, попросил ее обойтись без терминологии по возможности. Добавил, что я не «Dolmetscher» — переводчик, а любитель — «Amateur», dilettantisch».

Она с пониманием отнеслась к моей просьбе, пообещала учесть, но не всегда помнила об этом! Иногда извинялась. Каково же мне было!

Но я это запомнил навсегда! И в подобную ловушку больше не попадал. Хотя не-

однократно потом принимал участие в переводах при обсуждении специальных тем по физике, математике, статистике и т. п., что мне близко и хорошо знакомо. Сталкивался в повседневной работе.

Советские специалисты всех предприятий «Висмута» проживают в одном микрорайоне Геры единым коллективом с семьями, в хороших условиях.

Во дворе — детские группы, хорошо оформленные площадки, клуб, спортивный зал, сауна, буфет, стандартная спортивная площадка, волейбольное, баскетбольное поля. Обязательно — городки. Рядом магазины, можно рано утром купить у частника свежую выпечку. Парковая зона отдыха, липовая аллея.

В коллективе постоянно проводятся спортивные мероприятия, олимпиады, встречи с соседями. Городки, волейбол, теннис настольный, шахматы, шашки, стендовая стрельба, горные лыжи, рыбалка, охота. Художественная самодеятельность, танцы, пляски хор и др. Отдыхать некогда!

Прогулки всей семьей по городу Гера со словарями в кармане всегда были в фаворе. Знакомились с достопримечательностями, музеями. Не боялись заходить и в торговые центры, везде могли свободно объясниться.

Жена моя, Алла, тоже геофизик, всегда меня понимала и поддерживала, хотя прекрасно знала, что главная ее забота — это дети. Маленькие дошколята заслуживали и всегда получали должное внимание, заботу, воспитание и все, что требуется этим главным членам нашей семьи! На жену я всегда и во всем мог положиться.

Познакомились мы с ней в начале совместной производственной деятельности в далекой таежной Сибири. В свободное от работы время она была активисткой, спортсменкой. Всегда принимала участие в спортивных мероприятиях коллектива.

В одной из летних спартакиад, проводимой в спортивном комплексе г. Томмоте на берегу реки Алдан, она, «холостая», еще незамужняя девушка, отличилась в нескольких дисциплинах: шахматы, волейбол, стрельба, плавание.

Когда все успешно закончилось, все участники собрались на берегу реки на причале парома, чтобы переправится на другой берег и на своем автобусе ехать домой. На переправе был обеденный перерыв, и нам нужно было ждать более 30 минут. В разговоре появилось в шутку предложение — на следующий раз плавание проводить в открытой воде в реке Алдан! Конечно, желающих не нашлось: широкая река

(последний речной порт — далее только малотоннажные лодки), быстрое течение, холодная вода, организация защиты и сопровождения и др. Разгорелись бурные обсуждения, споры.

Вдруг одна из участниц, Алла — пловчиха наша — мы тогда еще не были женаты, пошла по берегу вверх против течения, оставив своей подруге сумку спортивную. Подруга сообщила, что она решила переплыть Алдан. Поздно заметили мы это. Заставить ее вернуться уже не могли. Осталось только наблюдать и переживать за нее. Видели, как она энергично входит воду и мощно начинает плыть.

Ее сильно сносило, но она безостановочно выгребала, продвигаясь вперед.

Достигла противоположного берега почти напротив нас. Прибыли мы на пароме позже с большим желанием высказаться. Конечно, сказали ей все, что о ней думали!

Была она и моим первым учителем немецкого языка, по крайней мере, дома, или когда мы были где-то все вместе. Изначально у нее в первые дни пребывания в ГДР немецкий словарный запас был как минимум в 100 раз больше моего. При этом я прекрасно знал целых три слова — здравствуйте, спасибо, до свидания. Но и она особенно не отставала — пополняла и свой запас.

Постоянно выезжали на организованные экскурсии в Берлин, Потсдам, Дрезден, Лейпциг и многие другие города.

Принимали участие и в мероприятиях, проводимых на предприятии — государственные и производственные праздники, спортивные встречи. Все на немецком. Была хорошая практика для повышения уровня владения языком.

Иногда могли организовать семейные встречи с немецкими товарищами. В частности, встречались с семьей Рольфа Эбелинга сначала у нас дома, потом собрались на семейное мероприятие у Рольфа. Это был юбилей образования ГДР.

Познакомились со своеобразием подхода к вопросам организации подобных встреч. Различия есть.

Мы к встрече гостей накрываем заранее богатые праздничные столы, сами дома готовим разнообразные холодные закуски, гарниры, фрукты, сладости, пироги или что-то из теста. Обязательно — легкие и крепкие напитки, соки, воду. Горячее блюдо, возможно и не одно, подается позже.

Они — дома ничего не готовят, все закупают на стороне. Застолье начинается с кофе с пирожным, легкая закуска, нарезка, затем выпивон.

Пять лет пролетели быстро и почти незаметно! Закончился срок пятилетнего до-

говора, и пора возвращаться на любимую Родину. В сентябре 1972 года мы отбыли из ГДР, из «Висмута».

В коллективе организовали теплые прощания, надарили сувениры, подарки, я услышал много добрых слов.

Остались очень, очень приятные воспоминания на очень долгие годы. Спасибо большое всем за теплый прием, внимание, уважение, за все, что вы нам сделали!

Коллеги Пайцдорфа преподнесли прекрасный подарок — шахтерский набор: старинный горняцкий молоток с дарственной надписью и росписями на рукоятке, каску с росписями с фонарем, блоком питания, плюс самоспасатель. В приложении — забойный геофизический прибор контроля.

В заключительном слове коллеги поблагодарили за прекрасную совместную работу и выразили уверенность, что я еще вернусь. Официальное приглашение обещали обязательно прислать после необходимых каникул.

Дома меня уже ждало новое место работы на новом объекте.

Хотя бы частично использовать отпуск в идущие праздничные дни не дали! Ничего страшного, можно отдохнуть и потом! Билеты были заранее уже приобретены, встреча на месте гарантирована, необходимые справки подготовлены! Вперед!

Теперь все по плану, известному на несколько лет вперед!

Отработать один объект по графику в срок, далее намечается еще один! А там посмотрим...

Так все и шло.

Работа полностью поглощала, увлекала. Было много серьезных вопросов. Решалось все своевременно, профессионально. Не игнорировали мы и семейные дела, которые в тесном семейном кругу и в общении с друзьями трудностей не вызывали. Дети учились, и мы с ними. Не забывали спорт, культурные программы и др. Росли, крепились и мужали!

Мне стало известно, что приглашение (вызов) от немецких коллег поступило. Теперь все в моих руках — обеспечить выполнение плановых заданий на текущей работе в установленные сроки! А они были, и серьезные.

Прилагал все усилия и старания. Причин для волнений не было. Было все исполнено качественно и в срок!

Наступил октябрь 1982 года. Из Главка поступило распоряжение откомандировать меня в ГДР.

В ноябре 1982 года мы снова прибыли с семьей в «Висмут».

Ровно через 10 лет вернулись в хорошо знакомый мне родной коллектив — ГДП Пайцдорф.

Прекрасная теплая встреча со многими, давно знакомыми товарищами.

Кто-то ушел, появились новые. Встретил меня Рольф Эбелинг, мой давнишний соратник и друг, искренне, тепло и сердечно.

Все это очень приятно! Было что вспомнить. Надо работать, все знакомо, но много и нового.

Начали намечать планы на ближайшую перспективу.

Рудник Пайцдорф укрепил свои позиции, вышел на проектные мощности. Стал самым современным предприятием. Внедрялись новые передовые технологии, все производства оснащались современными машинами и механизмами.

Коллектив немецких и советских специалистов дружно и самоотверженно решал все поставленные перед ним задачи! Процесс активно развивался, работа кипела.

В сентябре 1984 года меня перевели в Генеральную Дирекцию на должность главного геофизика СГАО «Висмут», в город Карл-Маркс-Штадт (ныне — город Хемниц).

Теперь ситуация несколько иная, надо менять стиль работы.

Рядом был доктор Карл Келлер, прекрасный геофизик, с большим стажем, профессионал в самом широком смысле.

Знакомы с ним мы были уже давно. С его помощью, вниманием и поддержкой адаптация к новым условиям прошла легко и быстро!

Обстановка была деловая и очень доброжелательная. Все работали дружно, активно, с полным пониманием ситуации. Расширился круг решаемых задач, появлялись новые предприятия. Научно-технический центр активно разрабатывает и внедряет новую аппаратуру, методики. Широко внедряется компьютеризация, электронная обработка данных.

Это все благодаря самоотверженному труду большого высокопрофессионального сплоченного коллектива немецких и советских специалистов.

Личными делами и семьей занимались в основном в выходные и праздничные дни. Все тонкости и особенности освоили еще во время первого заезда. И этот опыт старались использовать с полной отдачей!

Женщины с детьми целыми днями занимались самостоятельно в коллективных кружках. Учеба, спорт, рукоделие, общие мероприятия, самодеятельность.

Регулярно организовывались семейные выезды в санатории и дома отдыха в уни-

кальные природные уголки. Просто восторг!

В зимний период почти никогда не пропускали горные лыжи в Обервизентале, Шнееберге — прекрасный воздух, прекрасный отдых. Сколько впечатлений от подъемов на фуникулерах, спусках по трассам любой сложности! Прогулки пешие по прилегающим красотам! А потом — шикарное застолье без крепких напитков.

Запоминающиеся выезды в бунгало с немецкими коллегами на рыбалку: вокруг озера, кишасщие стаи рыбы — карпы — но не ловятся. Рядом — мангалы, братвурсты, карпы — в любом виде! Пиво — на любой вкус! Обстановка — лучше не бывает!

Охота с немецкими коллегами — древние ритуалы, горны, собаки. Форма одежды — парадная. Зеленый костюм, рубашка, галстук! Одна шляпа чего стоит — перья, кисточка, украшения — по рангу участника! Подведение итогов — музыка (горны), речи, награды — по заслугам.

Как-то егеря пригласил нас на загонную охоту — помочь в выполнении плана. Да, мы постарались. Это мы знаем, умеем, это нам хорошо знакомо! Опыт еще с прошлого заезда. Поставленную задачу выполнили в нужном объеме и в установленный срок!

А потом он завез нас к себе домой. Встречает нас жена его в национальном наряде с охотничьим акцентом. Большой пирог лежал в центре стола! Кругом различная закуска из дичи в основном. Красота! Прошло все очень интересно, весело. Показали несколько фото, охотничьи трофеи, изготовленные на высоком профессиональном уровне. Договорились о поддержании наших контактов. И это была не последняя встреча. Мы к ним еще вернулись с нашим подарком.

Стендовая стрельба занимала в наших контактах особое место. Практически ежегодно встречались с егерями на нашем стенде, который отвечал всем европейским стандартам. Оснащение было на высоком уровне. Немецкие коллеги приезжали обычно со своим оружием. Но при необходимости мы их обеспечивали всем.

Соревновались в основном на траншейном стенде, где мы обычно превалировали, но иногда проводили встречи и на круглом. Там чаще наши коллеги выходили вперед!

Финал — подведение итогов, иногда фуршет. Все на должном уровне!

Самые массовые и зрелищные игры — волейбол. Всегда много болельщиков, не всегда хватало места в спортивном зале. Большая конкуренция. Встречи проходили не только у нас, но были и выезды в немецкие коллективы. В основном, в рамках Общества советско-германской дружбы. Бывали и приглашения от производственных коллективов. Побеждала всегда дружба!

Художественная самодеятельность, танцы, пляски хор и др. — это совсем другое направление. Там свои правила, своя конкуренция, свой круг участников! Отдыхать некогда!

Большой интерес в коллективе вызывали встречи с известными артистами театра и кино, эстрадными артистами.

Несколько раз посещали нас «Виртуозы Москвы» — оркестр под управлением В. Спивакова. Это не просто концерт, а концерт — лекция или концерт — беседа. Нам рассказали о творчестве композиторов Моцарта и Бетховена, произведения которых исполнялись, о наиболее знаменитых исполнителях и много чего другого, что трудно встретить в литературных источниках.

Были интересные беседы, неоднократно исполнялись дополнительные заявки зрителей. Встреча затянулась далеко за согласованное ранее время.

Особой популярностью пользовались выезды по «культурной программе». Постоянно принимали участие в организованных экскурсиях в Берлин, Потсдам, Дрезден, Лейпциг и многие другие города. Посещали исторические памятные места, многочисленные природные заповедники.

Во время нашего первого заезда в ГДР все достопримечательности, музеи выставки приходилось осматривать быстро, фрагментарно, едва поспевая за экскурсоводом.

Теперь мы более подготовленные и знаем, что, где и как смотреть, на что обратить внимание! Начинается знакомство, как и должно быть, со столицы, с центра ее. Главный символ Берлина — Бранденбургские ворота, единственные сохранившиеся городские ворота. Далее проходим в Трептов-парк к памятнику «Воину — освободителю».

Монумент на советском военном мемориале павшим в боях за Берлин, символ победы советского народа в Великой Отечественной и Второй мировой войне, и освобождения народов Европы от нацизма. Скульптор В. Вучетич. Открыт 8 мая 1949 года. Скульптура является неофициальным символом Группы советских войск в Германии.

У подножья мемориала возлагаются цветы, там можно встретить и немецких коллег с цветами, и гостей других национальностей.

В Берлине очень много достопримечательностей: мемориал павшим советским воинам в Тиргартене, Рейхстаг, Берлинская стена, Берлинская картинная галерея, Берлинские государственные музеи, античная коллекция Пергамский алтарь, который уже в древности считался одним из чудес света. Здесь отображен миф о борьбе олимпийских богов с гигантами.

Все здесь, конечно, не описать. Надо приехать и посмотреть!

Вызывает большой интерес галерея старых мастеров, которая входит в состав государственных художественных собраний Дрездена. Обязательно надо посетить Цвингер — роскошное архитектурное сооружение, Фрауенкирхе и другое.

Красивейшим местом Германии по праву признан дворцово-парковый ансамбль Сан-Суси в Потсдаме. В парке Сан-Суси расположены картинная галерея, Новый дворец, чайный домик и другие интереснейшие памятные места.

На исторической экскурсии вам могут предложить исследовать славянские, советские и русские черты города.

Для горняков большой интерес представляет Майнинген в Тюрингии. Это музей горного дела, пещеры, водопады, церкви, дворцы, соборы, парк скульптур.

Для путешествия, культурных, исторических экскурсий в ГДР мест предостаточно.

Закончился мой договор со СГАО «Висмут» 15.09.1989 года. 7 лет пролетели.

Много что сделано, хотелось, может, и еще сколько-то. Тепло простились с немецкими коллегами, пожелали здоровья, счастья, благополучия.

Пора возвращаться на любимую Родину! Поступила информация о возможных дальнейших назначениях. Дома ждут!

Перед отъездом попросил у Рольфа сообщить возможную систему связи. Получил от него адрес и телефон. Какое-то время переписывались. Писала чаще его жена, она достаточно хорошо владела русским. Потом они сменили адрес, и почтовая связь прервалась. А телефон был недоступен. Хотя первое время был ответ — falsch Verbindung! Потом — не отвечали.

Очень хотелось бы еще побывать в этих прекрасных местах.

Но все это ушло, ГДР уже нет, «Висмута» — нет. Остались только очень хорошие воспоминания!

Прошли годы, домашние дела пошли на поправку. Работа, семья, дача занимали все время. Летом иногда выезжали на Балтику к родственникам, или в Турцию на пляжи. Пару раз встречались с немецкими туристами.

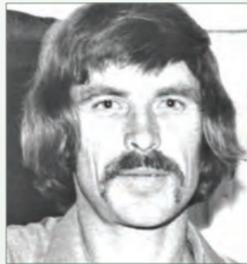
Разговорились, вспомнили «Висмут». Одни там работали, а другие жили на востоке. Обменялись мнениями. Они негативно оценили захват ГДР! Согласились, что объединение необходимо. Я напомнил, что СССР неоднократно ранее предлагал американцам варианты объединения Германии, но они категорически отказались!

3 октября 1990 года ГДР вошла в состав ФРГ, и Германия вновь стала «цельным государством». Советские войска покинули свою территорию оккупации, а американские войска полностью оккупировали всю Германию! Установили свою власть, «демократический диктат».

Произошло не объединение двух частей в одно государство, а произошло поглощение восточной соседки ГДР. Таким образом, по факту произошло не создание единой Германии, но создание большой ФРГ, которую сейчас называют «Германия». С таким энтузиазмом сломавшие стену и распахнувшие объятия своим «капиталистическим братьям». Они и представить себе не могли, что их страна исчезнет уже через год, что не будет *никакого равноправного договора* об объединении, что они утратят большую часть своих гражданских прав. Произойдет

Владимир Иванович Мазуров

Моим друзьям, немецким коллегам и советским товарищам посвящаю

В. И. Мазуров.

Владимир Иванович МАЗУРОВ родился 17 сентября 1944 года на острове Сахалин в городе Оха. В 1977 году закончил Томский политехнический институт. С 1982 по 1988 — в СГАО «Висмут», работал главным геологом шахты № 366 Объекта 9 в городе Ауэ.

Урановая песня Нидершлемы-Альбероды, или Здравствуй, «Висмут», это — я!

Весной 1982-го года, когда я работал в Казахстане на урановом руднике в городе Степногорске, меня вызвала к себе в кабинет главная геолог рудоуправления Вера Антоновна Карпенко, прекрасная женщина и специалист, и спросила, не желаю ли я поехать в командировку за границу? И предложила три страны: Монголию, Болгарию и ГДР. Я долго не раздумывал и выбрал ГДР. Хотя зарплату там платили меньше всех из этих стран. Но я летел не за деньгами — я летел за культурой! За мировой культурой! Вечером я рассказал обо всем этом моей жене Наде. Она одобрила мой выбор и мы скоро об этом забыли...

И вот мы легим всей семьей. Наша семья небольшая, самая обычная, из четырех человек. Двое детишек: Таня, наша дочка 8 лет, и сын Сережка, чаще — Серенький, 12 месяцев от роду. Ну, естественно, и мы с Надей, женой. Из пожитков — два обыкновенных чемодана: маленький и большой, которые перед отъездом подарили нам родственники, и в которых, собственно, кроме одежды, ничего и не было. В аэропорту нашего города в те «застойные» времена было пиво, нехитрые бутерброды, а если хорошо попросить, то и сто грамм могли налить. Все это было здесь, в небольшом буфете, с тремя

обыкновенный аншлюс: захват Западной Германией Восточной, и полное поглощение последней.

Никакого опроса жителей или голосования, как должно быть в «демократической западной стране», не было! Все решили «хозяева»!

По сей день на территории бывшей ГДР наблюдается высокий уровень безработицы. Это негативно сказывается на инфраструктуре. Уничтожили промышленность, сельское хозяйство. Работы нет. Зарплата значительно ниже, чем в западной части. Считают выходцев из ГДР людьми «второго сорта»!

Но, несмотря на это, в Германии до сих пор живет множество людей, ностальгирующих по ГДР. В восточных городах есть тематические музеи, а мода на вещи, сделанные в Германской Демократической Республике, так и не угасла.

маленькими столиками. Перелет на Ан-24 до Целинограда занимал ровно тридцать минут и стоил всего три рубля. Так как самолет в Москву летел на следующий день рано утром, то нам предложили места в гостинице.

Ровно в 5-00 самолет взял курс на Москву. В нашем «Ту» почти не слышно шума. Внизу оставался наш Казахстан, наша Россия, наша Родина. Я еду в командировку на три года и вернусь. В общем-то, я ничего не боялся, а немецкий язык меня вообще не пугал, потому что и в школе, и в техникуме, и в институте я изучал его, и, можно сказать, неплохо (так мне казалось) знал. Пугала разве что неизвестность.

Через три часа мы были в Москве — столице нашего, тогда еще мощного, государства. В Москве приходилось мне и до этого нечасто бывать, но вот так, со всей семьей, — в первый раз. Перегрузившись в такси, мы из аэропорта покатали в центр Москвы.

Наше Министерство среднего машиностроения мы нашли почти в самом центре Москвы (недалеко от Красной площади), в многоэтажном здании. Бюрократической волокиты, как ни странно, в министерстве не было. Просто на первом этаже в окошечко сдаешь паспорт, получаешь пропуск, и можно шагать в открывшуюся для тебя дверь.

Что мы с Надей и сделали. В конце концов мы пришли в кабинет № 27. Там сидели два степенных товарища преклонного возраста с солидными лицами и, как говорится, сразу взяли быка за рога. Через пять минут я знал, что еду в город Ауэ, на должность главного геолога шахты № 366. Меня это устраивало. Жену и детей тоже. И 22 июня на поезде мы должны пересечь государственную границу с Польшей.

Поезд «Москва — Берлин» довез нас до Бреста без приключений. В Бресте мы задержались не более двух часов. И снова мы на колесах. Первые шаги, первые метры по польской земле. Необычное какое-то волнение. Чужая земля, даже воздух кажется не таким. Давно стоят на столике рюмки, наполненные коньяком, но мы, кажется, об этом забыли. И когда в купе зашли польские пограничники, мы немного успокоились. Они буднично поздоровались, посмотрели документы, что-то поставили в паспортах, потрепали детей по макушкам и удалились. Польша! И вот Варшава. Поезд петляет по подземному метро и, наконец, «выныривает», на вокзале. Стоим недолго. На перроне много иностранцев и военных. Через некоторое время трогаемся дальше.

Вечером — граница с Германской Демократической Республикой. Мы уже в вагоне немного обжились. На 90 процентов едут советские граждане. Много среди нас солдат. В общем-то приятные, нормальные люди. Безобразий нет, пьяных тоже. На границе с ГДР та же процедура, что и на границе с Польшей. Никаких проблем. Уже поздно. Дети спят, а мы с Надей всматриваемся в темноту за окном.

Город Франкфурт-на-Одере. Здесь наша конечная остановка, а дальше нас повезет автобус. Какой-то добрый, расторопный русский дядька с листком бумаги в руке деловито вызывал нас по фамилиям. Когда мы все вышли из вагона под стеклянный купол огромного вокзала, я окончательно убедился, что это не сон, что это Германия, даже пусть и демократическая. Везде чистота и порядок. Потом, позднее, я увидел, что есть, оказывается, еще лучше и чистота и порядок. Сережка спал на руках у мамочки, а мы с Татьянкой сидели на чемоданах и ждали автобус.

Комфортабельный «Икарус», сверкая глянцевыми боками, подъехал к нашей группе. Оказывается мы все, сидящие в одном вагоне, а теперь все сидящие в одном автобусе, ехали в один и тот же город: Карл-Маркс-Штадт. Езды туда порядка 4-х часов с остановкой в «Морозовке». Надо сказать, что попробовав впервые немецкого пива на немецкой земле на вокзале, я отнюдь не пришел в восторг, а вот почему-то мне

сильно захотелось спать. Устроившись с семьей на передних сидениях, я задремал. Проснулся я оттого, что мы стояли. Жены с детьми не было, да и половины пассажиров тоже. Водитель оказался на месте. «Was ist das?», — спросил я. «Морозовка», — ответил шофер. Я вышел из «Икаруса». Несколько домишек и домов, столики прямо на свежем воздухе, много машин и людей, и изумрудная зелень вокруг. Подбежала дочка. Оказывается, они купили сосиски с булочками, лимонад, и сидят за столиком, ждут меня. Это летний ресторанчик, гаштет, где можно и выпить, и закусить. О немецких сосисках надо говорить отдельно. Вкуснее их я не пробовал и, наверное, не попробую ничего другого. Остановка в Морозовке заняла не более часа. Особыми достопримечательностями она не выделяется. Это место под Дрезденом, прямо на автобане, где останавливаются отдохнуть, размять ноги, перекусить и, наверное, даже переночевать. Морозовка — где-то посередине между Франкфуртом-на-Одере и Карл-Маркс-Штадтом.

Наш советский коллектив (г. Фрайберг. 1988 г.).

Автобаны — прекрасные дороги, и жалую до сих пор, что я за рулем автомобиля по ним очень мало ездил. Водитель нашего «Икаруса» приветствует рукой мчащиеся навстречу автобусы. Те отвечают взаимностью. До самого Карл-Маркс-Штадта я не увидел на автобане ни одного(!) велосипедиста, ни одного взрослого человека и ребенка, ни одного домашнего животного. Дорога только для автотранспортных средств и ни для кого больше. Ошибиться путешествующему на автомобиле или попасть не в тот город практически невозможно. Указатели и надписи на щитах приведут Вас туда, куда надо.

Мелькают городки и деревни. И вот — Карл-Маркс-Штадт. Нас подвезли к 3-этажному зданию, так не похожее на гостиницу. Мы выгрузились, и автобус ушел. Все, дорога

г. Торгау. Место встречи советских и американских войск. 1987 г.

закончилась. Нас встретила очаровательная хозяйка гостиницы (а это оказалась и впрямь гостиница). Русская. Поселили нас на 2 этаже, в комнате номер 3. Коротко объяснила — что? где? — и ушла. Телефона, правда, в номере не было. Не успели как следует расположиться, как дежурная пригласила меня к телефону на первом этаже. Мужской голос предложил мне завтра прийти в кабинет номер 20 управления. Завтра начинался мой первый рабочий день.

Два дня, проведенные в гостинице после приезда, — просто рай. Первое, что мы сделали — пошли в магазин. Купить

продукты — проблем никаких. Они лежат тут же, на прилавке, с проставленной ценой. Бери, плати и уходи. Проблема с промтоварными вещами. Мы долго не могли купить будильник. Пальцами тыкать неудобно, а как будильник на немецком, я, увы, не знал. Купили и небольшой немецкий магнитофон. Вечером с сыном гуляли. Этот район Карл-Маркс-Штадта называется Зигмар. Здесь центр или главный мозг СГАО «Висмут». Вокруг клуба целый городок «хрущевок» для семей советских специалистов, живущих и работающих здесь. После разговора в управлении (которое я не без труда нашел), я был направлен в город Ауэ на должность главного геолога шахты № 366, как мне и говорили в Москве.

Ну, здравствуй, Ауэ! Ауэ в переводе с немецкого — «яма, долина». Вот в эту «яму» мы и прибыли с семьей в июне 1982-го, далекого и такого близкого нам года, и, как оказалось, на таких долгих и таких коротких 6 лет. Этот городок стал нашим домом, нашей болью и печалью, нашим горем и радостью. Мы полюбили тебя с первых минут и полюбили навсегда. Выгрузившись из «Баркаса» (чем-то напоминающим нашу «таблетку» — УАЗик), мы оказались в секторе, насчитывающем четыре дома, где жили советские специалисты со своими семьями. Нас поселили в двухкомнатной квартире, на самом берегу шумной речушки Мулды, бегущей с гор. Квартира была полностью обставлена мебелью (телевизор, ковры и т. д.). Неожиданно заболел сын. Где-то простыл.

Утром иду уже в местное управление к главному геологу товарищу Ефимову Владимиру Ильичу. Он фронтовик, который, по его словам, в 1945-ом году въехал на белом коне в город Хемниц (ныне Карл-Маркс-Штадт). Это был человек, который прекрасно владел немецким языком, да и языком

вообще. Придирчиво осмотрев меня, он сказал, чтобы я сменил советскую куртку на немецкую, приходил на работу в костюме, белоснежной рубашке и галстук (сам он галстук почти не носил). Кроме того, чтобы я был в начищенной до блеска обуви. Еще Ефимов поинтересовался: занимаюсь ли я спортом или нет, участвовал ли в художественной самодеятельности. Узнав, что болел сын, отпустил, сказав, что завтра едет со мной знакомить коллектив шахты, на которой мне предстоит работать, возглавляя геологический отдел. На том мы и расстались.

Сделаю небольшое отступление. Спортом, кроме футбола, ну и, пожалуй, гимнастики, я не занимался. Давным-давно, в юношестве, играл в городки. В художественной самодеятельности тоже не участвовал (избегал, как мог), а вот на гитаре играю и пою до сих пор. Попадают обычно с корабля на бал. Я же, наоборот, попал с бала на корабль. Едва познакомив с руководством шахты, меня усадили в кресло главного геолога (в собственном кабинете) и, можно сказать, оставили в покое.

Итак, господа присяжные заседатели, лед тронулся! В должности главного геолога шахты я сменил Юрия Горбачева. Горбачев был толковый геолог, даже с научными задатками и с прекрасными знаниями немецкого языка, трижды побывавший в командировках в ГДР, общей протяженностью в 18 лет. Надо ли говорить о его познаниях в шахтной геологии! Кроме меня, на шахте работал главный инженер по технике безопасности Куценко Володя. Тоже с отличным знанием немецкого языка. В окружении таких вот «акул», горящих и уже живущих «по-немецки», я выглядел желторотым птенцом. И это среди 1000 шахтеров-немцев. Да, большой корабль. А вот и первая неувязка. Первая «ласточка». Зашел какой-то парень, заговорил со мной по-немецки, стал показывать на ноги и на шкаф. От всего пережитого с утра я совсем обалдел и перестал вообще ображать. Но слова Stiefel и Schrank (сапоги и шкаф) уловил сразу. Ничего не понимая, я дал парню ключ от шкафа. Он открыл его, достал какую-то книжку с листочками, взял ручку и стал что-то писать. Потом подал ручку и книжку мне. Оказывается этот коллектор (техник-геолог) продырявил сапоги в шахте, а я, как его непосредственный начальник, должен выписать ему новые. Через шесть лет, когда я уезжал навсегда в Союз, мы с ним с улыбкой вспоминали эту историю.

Рабочие будни начались. Прошло более 20 лет после жизни в ГДР. Но до сих пор я не могу утром поздно вставать, а вечером поздно ложиться. Это останется у меня, наверное, до конца жизни. Впилось в кровь вместе

с радиацией, впиталось, как в губку. А вставать в четыре утра, когда вставал на Родине в семь, — нелегко. По неписаному (или писаному) закону рабочий день на шахте начинался с планерки. На ней присутствовали все: начальник шахты, начальники участков, главный инженер и главный геолог, а также главный механик и главный маркшейдер. Планерка обычно длилась 15–20 минут, но иногда затягивалась до полутора часов. Здесь обсуждалась техника безопасности, другие вопросы, но главным была добыча урана. Кстати, о технике безопасности. Когда я первый раз спустился в шахту (для знакомства), то был страшно поражен. Техника безопасности по сравнению с техникой безопасности на моей Родине, в СССР, отставала. Отсюда и травматизм, и несчастные случаи со смертельным исходом на горных предприятиях «Висмута». Конечно, надо отдать должное и большим глубинам, и сложным условиям месторождения. Итак, начали пролетать мои рабочие дни. Именно пролетать. Собственно говоря, я работал (да и не только я, но и все советские специалисты) с утра до позднего вечера. Шахта, дом, клуб. Клуб, дом, шахта. Каждый день, кроме некоторых суббот, воскресений и праздничных дней. И все-таки главный упор я делал на изучение немецкого языка. Изучению немецкого языка здесь уделялось большое внимание. Два года — три раза, затем — два раза в неделю, проходили 2- и 3-часовые занятия (в том числе и в рабочие дни). Преподавал нам великолепный учитель Отто Оттович Бем (Bhom). Его познания в русском языке были воистину ошеломляющими. Он знал и понимал массу русских анекдотов, даже блатной русский жаргон был ему знаком. Кроме русского языка он знал английский, болгарский, польский и, по-моему, понимал все языки народов Европы (к слову сказать, почти все немцы, как правило, знают английский язык). В группе нас занималось не более десяти человек. Учеба каждому из нас давалась по-разному. Здесь все играло роль: и возраст, и изучение иностранного языка в школе и в других учебных заведениях, и даже национальность. Самый «умный» из нас (в смысле знания немецкого языка) был Кафтаранов Марат. Он буквально на лету схватывал слова и уже на первом году учебы сносно говорил по-немецки. И надо же было такому случиться, что на сдаче «выпускных» экзаменов он забыл как на немецком языке обыкновенный сыр. Бывает... А вот Сергею Кудряшову (тоже из нашей группы) язык давался с трудом, и для него было камнем преткновения ответить на вопрос нашего Отто Оттовича: «Wie sprat ist es?» (Который час?). Однажды Отто Оттович рассказал нам интересную историю. Когда он

учился в заведении, где изучал английский язык и попал один(!) из всей группы на берег «Туманного Альбиона» для прохождения первой практики, то очень боялся, что не поймет английский язык настоящих жителей острова. Но только он ступил с корабля на землю, не успев пройти и десяти шагов, как к нему тут же подошла молодая красавица и начала что-то негромко говорить. Студент Отто виновато сказал ей, что он ничего не понимает. Что-то пробормотав в ответ, женщина тут же исчезла. Практикант Бем соврал ей. На этом месте рассказа Отто Оттович остановился и обратился к Сереже Кудряшову (ну конечно же на русском языке): «Как ты думаешь, Сергей, что она мне сказала?» Сергей думал одно мгновение: «Она предложила Вам любовь!» Наш учитель был сражен наповал: «Ставлю Вам, Сергей, отлично!» К слову сказать, наш Сережа был начальником первого отдела. Так оно и было. Студент Бем соврал ей. Он прекрасно понял — она предлагала свою любовь за весьма скромные деньги. Он даже понял, что она пробормотала в ответ. Но что — Отто Оттович нам не сказал.

Следует еще сказать о специфике немецкого языка. Тот язык, который мы изучали в школе, техникуме или институте, совсем другой, совсем не такой, как здесь.

Я тоже думал, что у меня проблем с немецким никаких не будет. Но... они появились. Немцы почти не говорят артикли, пропускают букву «р» (она у них только в алфавите), много-много говорят и только в конце предложения ставят сказуемое или глагол. Не зная этого глагола или сказуемого — не поймешь, что он тебе сказал. Впрочем, у работающих в «Висмуте» советских специалистов был как бы «свой» язык общения с немцами, тем более, что многие из них довольно неплохо знали русский язык. Тем не менее, мы интенсивно изучали немецкий язык и после окончания двухгодичных курсов сдавали государственные экзамены, и нам выдавали корочки, которые я храню до сих пор. Сегодня среда. Ровно в полдень в городе раздадутся всевозможные гудки и сирены разных предприятий, возвещающие о том, что прошла половина недели. С утра спускаюсь в шахту на самый глубокий горизонт (–1350 м). На шахте принято говорить наименование горизонта сокращенно. Горизонт –1350 м — «тринадцать/пятьдесят», гор. –1305 м, как «тринадцать/ноль пять»

1983 г. С сыном на экскурсии в Бухенвальд. Место убийства Э. Тельмана.

и так далее. Спуск в клетки занимает не более 40 минут (с двумя переходами до слепых стволов на гор. –540 м и гор. –990 м). Это совсем не страшно. Это работа. Я знал советских специалистов, которые боялись шахту, как «черт ладана». Я ее не боялся, я ее уважал. Как всегда, не доходя до забоя, я, мои геологи, геофизики и маркшейдеры заходили на горизонте в выработку, специально оборудованную для обеда, и завтракали. Здесь стоял длинный стол, такие же длинные деревянные скамейки и, как правило, был телефон. Мы доставали свои «тормозки» и завтракали. «Тормозок» был всегда обалденно вкусным. Он состоит из нескольких бутербродов с колбасой или, в худшем случае, с сыром. Как правило, здесь был огурец, помидор, яблоко или

Дом отдыха. Bad-Schandau.
1988 г.

банан. Дополнялось все это пакетом молока. И фляжкой на полтора литра, где перед спуском в шахту можно было из шести кранов набрать напиток, который тебе нравится: чай, кофе и так далее. Запивали «тормозок» молоком. Тоже вкусным. Во время завтрака при желании можно было позвонить жене, а при сильном желании — и на Родину, в Казахстан. Связь работала безукоризненно и безотказно. После завтрака мы расходились по забоям. Вдвоем, с главным инженером шахты Володей Куценко, мы делали все возможное, чтобы сберечь людей. Володя был грамотный и строгий по характеру человек, настоящий горняк. Болезненно относился к креплению выработок и почти всегда находил и видел висящие над головами проходчиков заколы, сам обирал их и, естественно, снижал оценку бригаде за технику безопасности. Не всем это нравилось. Шахтеры додумались ему на день рождения подарить оборочный ломик. Но Володя не обиделся. Ведь главным была добыча руды и техника безопасности. Каждую пятницу в наше управление, здесь же в Ауэ (или иначе Объект 9), я докладывал

по телефону главному инженеру предприятия Мурзину Эрику Александровичу, о работе шахты за истекшую неделю, обстановку сегодняшнюю и перспективы на будущее. Разговор был почти всегда тяжелый. План шахта выполняла не всегда, и мне здорово влетало за это. Главный инженер интересовался всем, этот человек хотел знать все и вся. Он знал по фамилиям всех бригадиров проходческих и очистных бригад на всех горизонтах и выработках шахты. И хотя я спускался от 8 до 13 раз в месяц «под землю» и, казалось бы, все знал, разговор у нас почти всегда получался «крутой». Я как-то после доклада спросил его: «Эрик Александрович, мы поговорим когда-нибудь о чем-то другом, кроме плана?» Он, то ли шутя, то ли серьезно ответил: «Будешь выполнять план — будем говорить только о бабах». Как будто только от меня одного зависело выполнение плана. Мурзин был большой практик. Не зная немецкого языка (главный инженер работал только с переводчиком), он умело управлял огромной горной отраслью. Был награжден орденом «Дружба народов» и другими медалями, в том числе и немецкими. Коллеги его очень уважали и, мне кажется, даже немного боялись. Ко мне он относился хорошо, по-товарищески. И у него была еще одна удивительная особенность — он не терпел матерщины. Был такой случай. Раз в квартал главный инженер приезжал на шахту рассматривать квартальный план. Рассказывая о добычных работах, я показывал ему блочные карточки и разрезы к ним. Попался какой-то невзрачный, безрудный разрез по блоку, совершенно не относящийся к рассматриваемому вопросу. Я замешкался. «Ну что там?», — спросил Мурзин. «Да ни х...я», — ответил я. Все замерли. Эрик Александрович строго посмотрел на меня и... рассмеялся. Подобных вещей я в будущем никогда не допускал. Кроме того, по долгу службы, после того как с шахты уехал по окончании командировки Володя Куценко, и я остался один как главный геолог и главный инженер, я докладывал Эрику Александровичу и о состоянии техники безопасности на шахте. На одном из горизонтов произошел страшный обвал. Завалило много техники. Слава Богу, без человеческих жертв. Каким-то образом до Мурзина это сразу не дошло. А когда он узнал об этом позже, то, естественно, весь свой гнев обрушил на меня. И вот через неделю — новое ЧП. «Ушел» восстающий в очистном блоке. Иначе говоря, обрушился. Немцы опять промолчали, а я, как положено, доложил из шахты по телефону Мурзину. Он, не долго думая, врезал начальнику шахты по имени Manfred Hamann. Тот собрал всех нас (ИТР) и сурово обведя всех глазами, сказал: «Кто-то из вас позвонил главному инженеру Объекта об обрушении блока. Кто?» —

и устался на меня. В обед я поехал в управление и сразу пошел к Эрику Александровичу. Дверь в его кабинет всегда была открыта и по делу он принимал без разговоров. Короче, я сказал ему, что если он за этот случай накажет немцев в виде лишения премии или еще чего-нибудь, то я не знаю, что с собой сделаю. Он никого не наказал. И к этому разговору мы больше не возвращались.

Колоссальные нагрузки давали о себе знать. Особенно в этом году. Тут и смертельные случаи на шахтах, и 40-летие Победы в Великой Отечественной войне, и масса в связи с этим собраний и совещаний. После одного такого немецко-советского совещания в клубе «Активист», мы вышли на улицу с главным инженером и направились домой, но вдруг Эрик Александрович остановился, побледнел и сказал: «Володя, не могу дальше идти, ноги не идут, давай постоим». Только через несколько минут мы пошли дальше. Как главный инженер управления и прежде всего как человек, Мурзин мне нравился. Это был здоровый, красивый, полный сил и энергии человек. Ему было всего 55 лет. Между собой мы Мурзина называли шефом. Как я уже говорил, ко мне у него отношение было каким-то особенным. Наверное потому, что он страшно уважал горняков и геологов, которые часто спускались в шахту. Когда случался смертельный случай на шахте, он собирал всех советских специалистов, обсуждал во всех деталях этот случай, делал выводы, предупреждал о недопустимости подобного и... если случай происходил на моей шахте, лишал меня премии. Впрочем, за смертельный случай лишали премии всех ИТР. Но было и другое. Как-то после очередного выполнения месячного плана шахтой по руде Эрик Александрович вызвал меня в свой кабинет и сообщил, что ходатайствовал о повышении мне оклада по советской линии. Он был страстным рыболовом, любил играть в домино (почти всегда в паре со мной), от пива тоже не отказывался. Эрик Александрович не дожил до своего 8-летнего пребывания в ГДР всего один месяц. Он умер 22 октября 1985 года от сердечного приступа, здесь же, в своей квартире, смотря телевизор, вскоре после дня рождения. Много, очень много хорошего сделал этот человек в своей жизни, да и в моей тоже. После смерти Мурзина Эрика Александровича главным инженером с 15 января 1986 года у нас стал Жильцов Вячеслав Дмитриевич.

Но возвратимся на время к не менее серьезным событиям. Второй сменой (рабочей сменой!) дня я считаю художественную самодеятельность. Я участвовал во всем: в хоре, в танцах, в драме, в декламировании стихов и в сольном пении. То есть «прошел

Крым, Рим и медные трубы». Ответственность за художественную самодеятельность была очень большой. Такое исключалось: я не хочу петь, я не хочу танцевать и так далее. Каждый год, весной, в Зигмаре, в прекрасном советском клубе, все подразделения «Висмута», — а это Пирна, Цвиккау, Гера, Ауэ и Зигмар, — давали заключительные концерты на смотре художественной самодеятельности всех коллективов. Готовились серьезно, всю зиму. Мурзин Эрик Александрович лично сам благословлял нас на победу и непременно присутствовал на каждом смотре. По его распоряжению перед выступлением нашего хора за кулисы приносили огромную корзину сырых яиц. Пей и пой! Да, это были прекрасные мгновения. Теперь только фотографии напоминают об этом. Великими тружениками в художественной самодеятельности, как впрочем и во всем, были наши жены и дети. Я не хочу выделять ни одну семью, как самую лучшую. Все «сражались» одинаково. О наших женах, которые делили с нами все (как жены декабристов), можно написать отдельную книгу. В основном только на женах держались наши дети. Мы, главы семейств, могли уделить детям внимание лишь по субботам и воскресеньям. А приготовление пищи, уборка квартир, стирка? А спорт, а всевозможные кружки, которые вели наши жены? А вечера, организованные и подготовленные ими? Все было на женских плечах. И при всем при этом надо было выглядеть привлекательно и мило. А еще ходить в магазины, практически не зная немецкого языка. И оставаться при этом безработной, имея специальность. А рабочих рук ох как не хватало в ГДР! Справедливости ради надо сказать, что в последний год командировки нашим женам давали поработать (читай: подработать) прачкой, уборщицей и так далее. Неотделимые от наших жен дети, начальное образование (до 3 класса) получали по месту жительства, в советском секторе, где их обучала одна учительница. А начиная с 3-го класса уже учились в советской школе города Карл-Маркс-Штадта и каждый день (кроме воскресенья) их сопровождали наши жены. Туда и назад.

Художественная самодеятельность — это еще не все. Наши женщины — это встречи с немецкими женщинами, с немецкими детьми. А у нас, у мужей, неприятности на работе, а значит — неприятности в семье. А неприятностей на работе хватало. Но нас милые женщины не покидали нигде. В хоре, в драме, в танцах мы были вместе. На протяжении шести лет нашей самодеятельностью командовали многие. И мужчины, и женщины. В основном это были военные или жены военных из города Карл-Маркс-Штадта.

В общем, талантливые люди, хотя и нередко без специального на то образования.

В отпуск мы старались уходить только летом, и нам всем это удавалось. Как правило, в отпуск ездили всей семьей. Иногда отправляли детей с женами на все лето, а сами продолжали работать. Меня, честно говоря, не очень тянуло в отпуск. Да и жену тоже. Поэтому мы решили после первого года командировки остаться здесь, то есть я все так же продолжал трудиться.

Ноябрь 1982-го. Утром рано — подъем, автобус и... родная шахта. Иногда на работу я ходил пешком. Это нам не запрещалось. Рядом с моей шахтой господствовала и шахта № 371. Но она была значительно глубже, свыше 2000 метров.

Сегодня у нас zwischen dekade, то есть контрольный замер, середина месяца. Ходим по всем бригадам: очистным и проходческим, ставим оценки за ведение работ и технику безопасности, замеряем длину и объемы выработок, пройденные и отработанные за половину месяца. После замеров еще одно мероприятие. Идем (все ИТР) вытаскивать медный контактный провод (его похоронило в штреке на горизонте -1305 м упавшей кровлей). Длина выработки — 500 метров, значит длина провода не меньше. Воды же в выработке — почти в рост человека. Попробовали вытащить электропроводом, потом двумя, но не получилось. Тогда мы полуголые, в одних трусах, ныряли в вонючую воду и пилили провод ножовкой по металлу в местах, где он не был завален. Удалось вытащить где-то 400 метров. Сто метров остались под завалами навсегда похороненными. Утром Manfred Hamann (начальник шахты) зашел в мой кабинет, положил на стол 100 марок, поблагодарил и сказал, что это мне за участие в спасении контактного провода. И нигде, ни в какой ведомости, не надо за это расписываться. За-

работанные нелегким трудом деньги я честно потратил на пиво. А вообще-то, когда мы получали со стороны немецкой линии зарплату, премию или какие-то другие суммы денег и расписывались за это в ведомости, то эти деньги тут же шли и сдавали в нашу советскую кассу.

Ноябрь. 1982 год. Умер Леонид Ильич Брежнев. Когда я выехал из шахты, то прямо у ствола уперся взглядом в портрет нашего генсека, почему-то с траурной лентой в нижнем углу.

«Что-то серьезное», — подумал я. На второй день мы по телевизору в советском клубе смотрели похороны нашего Генерального секретаря. Смерть Леонида Брежнева — начало распада Советского Союза, начало падения Берлинской стены, начало краха социалистической системы.

А мы все равно любили Родину и бесконечно по ней скучали. Это необъяснимо, но это так. Ждали писем от родных, ждали газеты и журналы. В советском клубе была прекрасная библиотека, где можно было брать редкие книги и журналы послевоенного времени. Мы буквально зачитывались ими. Ежегодно у нас проходила подписка на периодическую литературу. Не было среди нас семьи, которая не подписалась бы, хотя мы и жили в Германии. Но это был наш дом. Пусть и временный.

Наступал 1983 год. Новый год в Германии, да и вообще во всей Европе, — это своеобразный праздник. Пожалуй, один из самых ярких и незабываемых. И, наверное, самый почитаемый. Елки наряжаются в городах задолго до Нового года. В частных же домах живые елки наряжаются прямо во дворах. В нашем Ауэ, как впрочем, и в других шахтерских городках и поселках Рудных гор, в домах зажигаются многочисленные лампочки, обрамляющие стоящие в окнах работы из дерева и металла, наполненные горной тематикой. Это фигурки шахтеров, трудовые сценки, сценки из семейной жизни, терриконы шахт и виды горнорудных предприятий. Предпочтение, конечно же, отдается тематике раннего горного мастерства XVIII-го, XIX-го, начала XX-го вв. Все это создает своеобразный колорит и подчеркивает особенную прелесть Нового года. Уже с вечера под Новый год вокруг начинается настоящая канонада. Взрывается все и вся: ракеты, взрывпакеты и другие гремящие, летящие, свистящие, дымящие и шипящие устройства. У нас, в нашем советском клубе, готовится большой праздничный стол, вернее два: днем — для наших детей, вечером, естественно, на всю ночь, — для взрослых. Денег, которые выделял нам на этот праздник наш «богатый» профсоюз, нам всегда не хватало и мы добавляли, сбрасываясь по-

немногу с каждой семьи. При всем при этом каждый тащил из дому что-нибудь вкусненькое. Ну, например: грибочки, другие соленья, варенье и так далее. И еще мы брали в театре города Карл-Маркс-Штадт (Stadthalle) костюмы разных времен и народов и передевались в них. Было очень здорово и романтично.

Встреча Нового года проходила в советском клубе всем нашим маленьким, но очень дружным коллективом. Сначала было недолгое торжественное выступление нашего замечательного руководителя Мурзина Эрика Александровича, затем небольшой концерт, а потом (самое главное) — проводы старого года. Ну а после Нового года начиналось веселье до утра. Полная свобода! Музыка, танцы и другие мероприятия.

Где-то среди разгара веселья мы всем коллективом выходили в город. Боже мой, что там творилось!!! Стоял невероятный грохот от взрывов фейерверков, небо полностью освещалось летящими со всех сторон ракетами. Было светло, как днем. Незнакомые люди поздравляли друг друга с Новым годом, обнимались, целовались. Угощали горячим вином, чего-то желали... Кругом бенгальские огни, многие люди в масках.

Тем не менее, рабочие будни продолжались. Работа в шахте продолжалась. Я все так же работал. Дома (после работы) увлекался спортом, организовывал экскурсии в музеи и... самое главное — стал уделять больше внимания жене и детям. Но пролетали дни за днями, месяцы за месяцами.

Сегодня пятница. Утро такое красивое, воздух такой свежий, что я захотел пойти на работу пешком. До сих пор не могу привыкнуть, что в такую рань не только я, а уже многие спешат на работу. Летом куда еще ни шло, а зимой? Я и в Казахстане до сих пор не могу допоздна спать, даже в выходной день. Привычка. Из Германии. Наверное, на всю оставшуюся жизнь. До своей шахты я иду через весь город. На проходной меня ошарашивают: «Schwerunfall mit Tod» (тяжелый случай со смертельным исходом). В составе комиссии срочно передеваюсь и бегу вниз. Мне к этому не привыкать. Хорошее настроение моментально улетучивается. Жалко молодую жизнь. Погиб парень, которому едва перевалило за 25 лет. О последствиях смертельных случаев я уже писал. Домой в этот день я возвращался тоже пешком.

Дома меня тоже ждали неприятности. Пришло письмо с Родины, в котором сообщалось, что умер Леонид Анисимович Бай, геолог, мой старший товарищ и просто хороший человек. Он тоже дважды побывал в ГДР, помогал мне в изучении немецкого языка (перед моей командировкой в Германию). Мы очень долгое время работали

с ним вместе в одном геологическом отряде. У нас, русских, отношение к смерти ближнего или просто знакомого человека ужасно болезненное, переживаем, иногда доходит до истерики. У немцев же, мне кажется, отношение к смерти несколько иное. А все потому, что их к тому готовят с детства и великую роль в этом играет церковь, в которую они ходят, наверное, все, от мала до велика. И к смерти они относятся как к selbstverständlich (само собой разумеющемуся). У каждого из них есть траурный костюм. В нем они приходят на похороны, чтобы проводить в последний путь близкого или знакомого им человека.

Заканчивалось лето 1987 года. В середине августа мне неожиданно позвонили

Спартакиада, г. Ауэ. Наша «городошная» команда. 1973 г.

из Зигмара, из профсоюзного комитета, и сообщили, что моей семье выделена путевка в Цинновиц (курорт на Балтийском море) на две недели. Этой путевкой «награждалась» семья, которая зарекомендовала себя хорошо во всех отношениях: в семейной жизни, в работе, в спорте, в художественной самодеятельности, в дисциплине и вообще во всем-во всем. Такой семьей мы как раз и являлись. Начались сборы на море. Тут и доча приехала из пионерского лагеря. А я и наша мамочка, как пионеры, всегда были готовы. Садиться на поезд надо было с железнодорожной станции Цвиккау, а туда от Ауэ порядка 25 километров. Наши друзья Зюсы вызвались нам помочь, хотя в этом не было абсолютно никакой необходимости. За нами с утра пришел «Баркас», и в него поместились бы и вещи, и вся наша семья. Но Хайнс Зюс решил иначе. Он загрузил нас всех в свой «Ситроен», а вещи (чемоданы и сумки) повез «Баркас». От Цвиккау до Цинновца у нас уже были куплены заранее люксовые купейные билеты, но Хайнс взял и поменял их на какие-то суперлюкс, то есть на еще лучшие места. Не знаю уж,

Торжественное заседание в советском клубе в честь годовщины советской Армии. В очках — главный инженер В. Жильцов, слева от него — В. И. Мазуров. Ауэ, 1986 г.

чем они отличались от наших люксовых купейных мест, но взял — так взял. Мы не возражали. Посадив нас в вагон и дождавшись, когда поезд тронулся, Хайнс попрощался и покинул нас, предупредив, что из Цинновца обязательно здесь нас встретит. Мы были очень благодарны ему. Итак, мы едем. Суперлюкс представлял собой обыкновенное купе, даже без спальных мест. Просто удобные сиденья, но они раскладывались и делались похожими на что-то вроде диван-кроватей. А так — обычное купе. Мы быстро освоились. Татьяна достала магнитофон, я начал возиться с фотоаппаратом, мамочка стала готовить ранний ужин. Сын собирал какую-то машинку из «конструктора». Чуть позже я сбегал в вагон-ресторан, принес лимонад и пиво. Нам предстояло проехать всю ночь, чтобы утром быть в Цинновце. Так мы и ехали. Одни в вагоне. В суперкупе.

Где-то около Лейпцига, среди ночи, на какой-то станции, в наш вагон сели двое молодых ребят, с магнитофоном, орущим на всю «катушку». Они были навеселе, с торчащими из всех карманов бутылками пива, и заселились в купе рядом с нами. Но ненадолго. Через несколько минут они уже уходили к нам. Мы, в принципе, ничего против не имели. Вели они себя не агрессивно. Ехали со свадьбы. Всего два часа — и им выходить. Узнав, что мы русские, притащили в наше купе пиво, принесли магнитофон. Мамочка сделала нехитрую закуску. Через некоторое время, когда наши гости вышли в коридор покурить, послышался громкий разговор. Я вышел и увидел ребят в перепалке с проводницей вагона. Они упрекали ее в том, что она посадила русских в такой дорогой вагон и содрала с нас страшные деньги за билеты. Более того, они требовали от нее вернуть эти деньги нам. Я вмешался в спор и сказал, что эти билеты мы купили сами, и проводница здесь совершенно даже не причем. Кое-как международный конфликт был улажен. После Лейпцига молодые люди действительно вышли, оставив нам все бутылки не выпитого пива, дочери — несколько касет к магнитофону, а сыну — кучу конфет. Мы с ними тепло попрощались.

Ночь проспала на мягких диван-кроватях. Утром приехали к конечной остановке. Все стали выходить из вагонов, ставить свои чемоданы и сумки в кузов стоящего на перроне автомобиля, и садиться в вагончики с прицепленным маленьким паровозиком. К сумкам и чемоданам мы привязали бирки с номером дома отдыха и комнаты, в которой должны были жить (все было указано в путевке), и дальше покатили по узкоколейке. Ехали недолго. И вот, наконец, мы в доме отдыха. Номер наш, вернее комната из двух маленьких половинок, располагал-

ся на первом этаже. Окна выходили к морю. А море было в 30–40 метрах от замка. Багаж наш, когда мы зашли в дом отдыха, уже стоял в коридоре, возле дверей номера. В наших апартаментах стояла прекрасная мебель, телевизор и холодильник. Телефон был в коридоре, на тумбочке, на каждом этаже. Этажей было три. Дети сразу побежали к морю, а мы стали распаковывать свои чемоданы и сумки. Накрыли стол. С улицы, через открытое окно, пахло рыбой и морем. Я вышел позвать детей. Они бегали по берегу и собирали ракушки. Набрали целую кучу. Совсем недавно прошел дождь. На траве, на кустах и просто на земле было великое множество улиток. Все утонуло в изумрудной зелени и в цветах. Кроме нашей семьи в каменном замке поселилось еще несколько семей. И самое удивительное, что мы здесь встретились с бригадиром проходческой бригады Рональдом Динельтом (Ronald Dienelt). Он работал на моей шахте. Рональд с женой заняли комнату на втором этаже, как раз над нашим номером. Они были постарше нас и поэтому были одни, без детей. Людей на пляже я не видел. Рано. Только в высокой будке спасателей (или наблюдателей), с развевающимся на ветру флагом, маячила фигурка человека с биноклем в руках. С морем до этого я уже встречался: несколько раз купался в Черном море. А вот жена и дети — первый раз. Поэтому Серенького и Танюшку я еле утащил с пляжа. Ради такого случая мы открыли бутылку Kirschlikor (вишневым ликер), а детям — большую бутылку колы. Потом все пошло на море. Знакомиться. На пляже уже было несколько человек. Наверное, русских, тоже из только что приехавших. Обедали мы уже в доме под названием «Glückauf», в огромном зале, где со своими детьми уместились за одним столом. Самое главное, что на столе был хлеб! Обычно на обед у немцев хлеба днем с огнем не сыщешь. Зато на ужин и завтрак бутербродов хоть пруд пруди. С помидорами, огурцами, луком, яйцами и еще черт знает с чем. Чуть позже мы узнали, что если намечаешь с семьей куда-нибудь отправиться на целый день, то утром или вечером можешь набрать сколько угодно бутербродов совершенно бесплатно. Кроме всего прочего, за обедом и ужином можно было заказать пиво и даже более крепкие напитки. Но за свой счет. Кормили хорошо. Нашей семье нравились и завтраки, и обеды, и ужины. Часто устраивались здесь вечера с музыкой и танцами. С сыном мы ходили в кинотеатр на мультитики. Экскурсий не было. А может и были. Не знаю. На пляже всей семьей мы загорали и купались обычно после завтрака и до обеда. Путешествовали. То в окрестностях города, то по побережью моря. С бутербродами

и фотоаппаратом. Впервые мы увидели в море медуз. А еще в море небольшие «моторки» ловили рыбу. Прямо на пляже, поздно вечером, когда купающихся уже никого не было, рыбаки вытаскивали полные сети камбалы.

С Рональдом Динельтом и его женой мы встречались почти каждый день. Она предупредила меня, что ему пить нельзя, ну разве чуть-чуть пива. А мы с ним всего-то раза два прилично и выпили. И ничего. По крайней мере, его жена никаких претензий ко мне не предъявила. Вот так и проходили наши дни в доме отдыха. Погода стояла просто чудесная. Солнце, воздух и вода! И вот наступил последний день. Стало грустно. Последний вечер в «Glückauf». А утром — на поезд, и домой. Уже на следующий день мы были в Цвиккау. Хайнс сдержал слово. Как и обещал, он нас ждал на своем «Ситроене». Особых новостей он нам не рассказал. Все было по-старому. Как всегда. Мы благополучно доехали до дома. В квартире был такой же порядок, каким мы его оставили две недели назад, разве что через открытую дверь балкона нанесло немного пыли. Мы, честно сказать, успели соскучиться по дому. Сережка бросился к своим игрушкам, Татьяна — к учебникам, мать — на кухню, я — к телефону. Коллеги по работе, как всегда, были рады моему звонку. «У нас все нормально», — сообщили они. Кто-то, правда, ушел в отпуск, кто-то пришел. Но самое главное — есть план по руде. Это уже успокаивало и обнадеживало: может быть выполним «месяц» (!?). Дочери завтра в школу. Девочка взрослая. Уже 14 лет. Тогда я не мог даже и представить, что она будет жить в Германии и родит там внука нам с Надей. И назовут его Патриком. Но это потом. А пока... Пока мы хотели есть. И мамочка готовила обед. Я побежал в наш клуб. В рабочее время там никого из советских специалистов не было. Только кантинщики-немцы. Все — бывшие шахтеры. Ныне — пенсионеры. Сегодня дежурил Вальтер. Мы тепло поздоровались. Вальтер открыл мне бутылку пива. Нашего родного «Wernesgrüner». Спросил, как отдохнули? Какая на море погода и вода? Сообщи, что здесь ничего особенного не произошло, разве что Володя Миклушевский на рыбалке поймал огромного карпа. Прихватив с собой пива, я убежал из клуба. Чтобы меньше видели (в рабочее время). Хотя я, в общем-то, был еще в отпуске. Как писали раньше в центральных газетах про обеды на уровне правительства, так и у нас дома с детьми «обед прошел в дружественной и теплой обстановке». Потом мы начали распаковывать свои чемоданы и сумки. В первую очередь достали сувениры и расставили их на длинной, во всю стену, полке. Затем

все остальное. К концу командировки мы жили уже в трехкомнатной квартире. Квартира была большая, с высокими «сталинскими» потолками, с громадной мебельной «стенкой» с четырьмя такими же громадными шкапами (для каждого из нас). Не говоря уже о холодильнике, пылесосе, телефоне и так далее. Стены и потолок легко пробивались гвоздями, прибить можно было что угодно и где угодно. На стенах у нас не было пустого пространства, впрочем, как и на потолке. Я увлекался резьбой по дереву. Кроме этого выжигал, выпиливал лобзиком и уже готовые работы (в основном картины) прибивал к стенам. Поэтому стены представляли собой выставочный зал, как, например, картинная галерея. На потолке же висели десятки моделей вертолетов и самолетов со всех стран мира. Мы занимались этим с сынишкой. Просто покупали модели этих машин (а были и летающие тарелки), собирали их, клеили и готовую «продукцию» подвешивали к потолку. Командант нашего советского сектора Хайнс Хоффманн попросил нас, чтобы мы, когда будем совсем уезжать в Союз, когда закончится командировка, оставили на потолке все как есть, и что он из нашей квартиры сделает музей. С потолка мы ничего с собой в Союз не забрали. Существенным и единственным недостатком в нашей квартире был маленький, узенький балкончик. Да в нем, по сути, мы особенно и не нуждались. Приспособили его под домик-кормушку для пернатых друзей. Места вполне достаточно. Этажом выше, там, где находилась гостиница, в отдельной комнате стояли стиральные машины и любая хозяйка из нашего дома в удобное для нее время могла постирать белье. Машины были ультрасовременными, с многочисленными программами и почти все делали сами, вплоть до выжимания и сушки. А вот постельное белье наши женщины не стирали, его нам меняли своевременно и выдавали чистым и уже выглаженным. В квартире было всегда тепло, был централизованный газ. Ремонт делали раз в два года, а если семья уезжала совсем на Родину, то ремонт делали сразу после отъезда. Иногда доходило до смешного. Вдруг кому-то летом становилось холодно и, представьте себе, этой семье включали отопление. Но это случалось крайне редко, один-два раза за всю мою командировку. Кухня и туалет были оборудованы по последнему слову техники. И всегда были горячая и холодная вода. Не помню, чтобы хотя бы раз отключали газ или воду.

Утром, после двухнедельного отпуска, загорелый, пахнувший морем и солью, я приехал на работу. В шахту не иду. Сегодня у меня день «открытых дверей»! Хотя двери у меня в кабинете для всех всегда открыты,

а окно вообще не закрывается. Ни зимой, ни летом. Первым ко мне зашел Гюнтер Шикаде. Мы тепло поздоровались. Оказывается, за две недели у него дома произошло столько событий, что он почти два часа сидел у меня и рассказывал все без остановки. Гюнтер успел побывать у матери, которая жила у него в Западной Германии. Выслушав, как он живет и где работает, а главное, как и сколько зарабатывает и на какой машине ездит (а Шикаде ездил на «Трабанте»), старушка дала ему денег и сказала: «Сынок, купи себе приличную машину, стыдно за тебя».

Еще к нему на той неделе приезжали школьные товарищи. Гюнтер работал у себя на даче, когда к домику подъехала какая-то крутая иномарка с номерами ФРГ, и из нее вышли двое крепких мужиков, примерно его возраста (Шикаде тоже выглядел неслабо). Они открыли калитку и направились прямо к нему. «Ты Гюнтер Шикаде?», — спросили его. «Да, я», — с тревогой ответил Гюнтер. «Ты не узнаешь нас?» «Нет, не знаю». «Посмотри внимательнее». Но сколько Гюнтер не смотрел, — нет, это были совершенно незнакомые ему люди. «Ладно, — сказал один из них, что пониже ростом, — видно социалистическая Германия здорово вышибла память из твоей башки. Забыл напроць друзей». И он назвал фамилии. Шикаде вспомнил. Они после войны учились в одном классе. Даже с кем-то из них вместе сидели за одной партой. Друзья обменялись рукопожатиями. «Поехали ко мне домой», — Гюнтер начал собирать садовые инструменты, разбросанные по всей даче. «Зачем домой? А что, здесь разве плохо?» «Да надо же что-нибудь организовать...» «Мы уже все организовали, не беспокойся». Они подошли к автомашине, открыли багажник, и когда Шикаде увидел то, что они «организовали», он испугался. Багажник до самого верха был набит «организованной» закуской. Но его поразило не это. Его поразило другое. Целый ящик водки! Русской водки! «Stolitschnaуа!» «Что? Удивлен?, — спросил его кто-то из школьных товарищей, — мы взяли настоящую водку, а не вашего дерьма». «Но ведь здесь на целую неделю хватит», — возразил Гюнтер. «А мы и приехали на неделю. Ты что, против?»

На неделю хватило. Если не считать еще трех ящиков пива.

Гюнтер проводил вчера своих друзей и чувствовал себя отвратительно. «Ich habe keine Gesund. Es ist krank. Scheiße!» (Я не здоров. Больной. Дерьмо.), — бормотал он. Я с ним согласился. Не успели мы поговорить с Гюнтером, как зашел Вольфганг Вайгель. Он пожаловался на сына, который приехал со своими товарищами из университета

на короткие каникулы и выпил все его запасы вина и шнапса (сам Вольфганг почти не пил). Потом пришла Эльке (наша чертежница) с заявлением на отпуск. Я с удовольствием подписал его. Вскоре весь геолого-геофизический отдел был у меня в кабинете. Вдруг я почувствовал: что-то назревает и понял что. Подошел к сейфу, стоящему у углу, и открыл его. У меня всегда в нем стояли 1–2 бутылки водки. Достал и поставил их на стол под апплодисменты моих коллег. Кто-то организовал рюмки, кто-то высыпал на стол горсть конфет, кто-то закрыл дверь от посторонних глаз, хотя все знали: посторонний сюда никогда не зайдет. Как и у русских, двумя бутылками дело не кончилось. Всей компанией мы пошли в столовую на обед и там продолжили. Домой я приехал поздно вечером.

Осенью у нас начиналась художественная самодеятельность. Весь коллектив, как я уже говорил, был задействован в этом. После основной работы на шахте продолжалась вторая смена в советском клубе. Пора отпусков закончилась. Впереди всевозможные собрания, конференции, партийная учеба, лекции и множество нужных и ненужных (в основном) мероприятий. И осенью же проводилась традиционная Лейпцигская ярмарка. В общем-то она проходила два раза в год: весной и осенью. А мне иногда удавалось на ней побывать целых четыре раза. Вот и в этом году весной я съездил два раза: один раз со своими советскими специалистами, а чуть позже меня пригласили немецкие товарищи. Ярмарка продолжалась ровно неделю. Ритуал посещения был довольно простой. Составлялся список (только работающих), заказывался автобус, назначался старший (бывал им и я), и мы дружно ехали в Лейпциг. Раз в год и наши жены удостоивались такой «честь». По дороге раздавали заранее приобретенные билеты на посещение ярмарки. Стоимость билета — 6 марок. Дорога в Лейпциг занимала не так уж много времени. Да разве это расстояние (каких-то несчастных сто с небольшим километром) по сравнению с моим Казахстаном. На моей Родине, как в песне «степь да степь кругом...», а здесь — то деревня, то поселок, то город. И так до самого «города ярмарок». В Лейпциг мы всегда приезжали почему-то рано. И до открытия ярмарки успевали выпить по кружке пива, а то и по две. Но не завтракали. Завтракали мы уже в советском павильоне. Среди всех павильонов ярмарки наш выделялся особо. Его было видно издалека. Здание с высоченным остроконечным шпилем, чем-то отдаленно напоминающим кремлевскую башню с пятиконечной звездой наверху. К слову сказать, наш павильон пользовался большим успехом у посетите-

лей ярмарки еще и тем, что в нем раньше всех открывался буфет, где можно было выпить русской водки или вина (причем хорошей водки и хорошего вина) и закусить красной или черной, по желанию, икрой. И при этом сравнительно недорого. Достаточно сказать, что посетителей в буфете всегда было полно, а по всему нашему павильону (и в буфете тоже) стояли телевизоры, где на экранах мелькал наш мультик «Ну, погоди!». Он всем нравился, и взрослые люди с удовольствием его смотрели. Детей на ярмарке я не видел.

Кроме Лейпцигской ярмарки у нас в «Висмуте» существовала своя мини-ярмарка, где выставлялась горная техника не всяких там стран, а своя, доморошенная, всех горных предприятий нашего объединения. Техника была разная, довольно скромная, но изготовленная руками самих работников шахт. Это были в основном горные машины, работающие под землей и непосредственно в забоях. Мне особенно запомнилась одна машина, типа «дрезинь», которая приводилась в движение чисто механическим путем и могла перевозить двух человек по рельсам на любое расстояние. При этом была небольшого размера и очень легкой. Эти выставки-ярмарки устраивались ежегодно, и приносили огромную пользу. Последняя, насколько я помню, проходила в Гере.

О художественной самодеятельности я много уже писал. Честно говоря, за лето, особенно когда съездишь в отпуск на Родину, успеваешь жуть как соскучиться по коллективу, по работе, и, как ни странно, по этой самой художественной самодеятельности. Я до сих пор вспоминаю наш мужской хор (а у нас были еще женский и смешанный), который завоевал звание «лауреата смотра «Висмута» и нас, каждого участника хора, наградили грамотами и хрустальными вазами! Наш хор даже выступал в клубе «Активист» перед огромной немецкой аудиторией. Солистом у нас в хоре был Костин Николай Ефимович. Он страшно заикался, но когда пел, то даже и близко не было этого заметно! Хоть бы раз заикнулся! И пел, надо отдать ему должное, прекрасно!

Я бы с удовольствием посмотрел сейчас искрометные танцы наших девчат (да, да, девчат, я не ошибся, ведь наши жены были такие молодые...) и послушал бы пение солистов из нашего коллектива. Вот ведь странно: люди, которые до ГДР, работая в Советском Союзе, пели песни ну разве что в компаниях, за столом, здесь становились солистами; никогда не игравшие раньше в театре — артистами; а многие, вообще никогда не певшие ребята — участниками мужского хора. То же самое можно сказать и о спортсменах. В этом году я участвовал

и в хоре, и в танцах, и в сольном номере. В хоре, как всегда, мы пели песни о Родине, о нашей шахтерской славе и какую-нибудь шуточную. В танцах исполняли вместе с женщинами кадрили. Сольный номер я исполнял под собственный аккомпанемент на гитаре и пел песню на немецком языке. Был одет как «тиролец»: шляпа с пером, шортики, гетры с ботинками и короткая куртка-распашонка. А в руках — трость. Песня не совсем на немецком языке. Она на эрцгебиргском (это особый диалект). Суть песни была в том, как парень с юга Германии (точнее — из Саксонии) приехал в Берлин, и какие впечатления у него от этого города.

Берлин. Александерплац.
Мазуров — в центре. 1982 г.

Мелодия красивая, наши советские солдаты мне подыгрывали, и я усиленно тренировался. Слова трудно запоминались, текст песни был из нескольких куплетов и, как ни трудно было, я все-таки выучил ее и спел.

С этими общественными и личными делами я совсем забыл о работе. Скоро квартальный подсчет запасов. Обычно мы его проводим после Нового года, подбиваем результаты за прошедший год. Работа не сложная, но занимает много времени. Вот уж сколько лет прошло после Германии, а я до сих пор помню каждый блок, каждую выработку и каждую жилу в шахте. Как в армии — после службы прошло более 40 лет, а я до сих пор не забыл работу не только свою, но и всех «номеров» моего отделения и готов хоть сейчас к запуску ракеты.

Что-то с утра мне было не по себе. Ныло

под сердцем. Только я собрался на обед, как позвонила наша девочка-секретарша с Объекта 9 и сказала, что с моим папой плохо, пришла телеграмма из Союза — мне надо срочно выезжать к родителям. Через десять минут я был в управлении. В телеграмме сообщалось, что отец умер. Я прибежал домой, сообщил жене и детям. Все вместе решили, что на похороны поеду я один. Начались сборы в дорогу. Через час билет на самолет был у меня на руках. Небольшие проблемы возникли с водкой и колбасой. Дурацкий «сухой» закон действовал и на Украине, где жили мои родители. Я взял с собой две большие бутылки (по 1,5 л) Gold-

kopf (немецкая водка). С колбасой (салами) было тоже непросто. Я знал, что на Украине колбасы тоже не будет. Но разве кому это объяснишь? Когда я брал 5 кг колбасы, на меня покупатели, да и кассирша, как-то странно смотрели, как на динозавра. Они видели такое, наверное, впервые в жизни. Еще одна проблема была с советскими деньгами. Но кое-как со всех семей нашего сектора наскребли где-то около 50-ти рублей. Лететь я должен был из Лейпцига. В сопровождение (уж не знаю и зачем) мне дали нашего специалиста Володю Миклушевского. И вот на «Вартбурге» мы мчимся в Лейпциг. Но... закавыка: в Лейп-

циге два аэропорта, и из какого лететь — мы не знали. Наш водитель быстро решил эту проблему. Он нашел(!) недалеко от города «ярмарок» (возле автобана) пост ГАИ и вот уже в сопровождении полицейской машины с мигалками мы мчимся в Лейпциг. Быстро приехали в аэропорт. Полицейский попросил у меня билет, протянул его в кассу и убедился, что мы попали точно в нужный аэропорт. До вылета самолета оставалось еще где-то около часа. Я поблагодарил полицию, и мы с Володей зашли в кафе выпить на пососок. Заказав по 100 грамм, мы посидели, покурили (я неожиданно начал курить) и стали прощаться. С собой в сумку я положил две бутылки пива. Через полчаса наш «Ту» взлетел в небо и взял курс на Москву.

Проснулся я от подрагивания колес по бетонной полосе. Таможенные заморочки я прошел без проблем. Пять килограммов колбасы и две огромные бутылки водки на таможенников не произвели особого впечатления. Они даже не спросили зачем

и куда я это везу. От аэропорта до Москвы мне чуть-чуть не хватало советских рублей, собранных нашим народом в городе Ауэ, заплатить за такси. Хорошо, что я не забыл о двух бутылках пива в сумке, которые купил еще в Лейпцигском аэропорту. Предложил его водителю дополнительно к недостающим рублям — он немедленно согласился. Мне показалось, что до Курского вокзала я ехал целую вечность. Расплатившись с таксистом, опрометью бросился к железнодорожным кассам. Но билетов не было. Никуда. Даже по телеграмме, которую я предъявил. Что делать? И вдруг я неожиданно вспомнил. Иногда наши ребята пользовались кассой для военнослужащих. То есть предъявляли военный билет и, случалось, им выдавали проездные билеты. Благо военные кассы были тут же, рядом. Мне повезло. Билет до маминого дома был у меня в руках. Да еще на скорый поезд. Но... На похороны папы я не успел. Его уже похоронили. Оставив матери денег, я уехал опять в Германию к семье. Горсть земли с могилы отца я взял с собой. Решил оставить на немецкой земле. Ведь отец у меня тоже воевал.

И вот я в Ауэ. Ребята в секторе выражали соболезнование. Руководство предложило мне отдохнуть несколько дней, но я отказался. На следующий день в четыре утра я уже на ногах. За шесть лет я привык к этому. Редко завтракаю. Кофе почти не пью. Иногда чай. А завтракаю обычно на работе. Какой-нибудь маленький бутербродик и стакан молока. Сегодня иду в шахту. Когда неделю не бываешь под землей, то кажется, что не был в ней целую вечность. Зашли ребята из отдела, выразили соболезнование, а начальник шахты сам лично пришел в кабинет. В обед, когда я уже вышел на «гора», позвонил Володя Миклушевский. Опять рыбалка. В воскресенье. Честно говоря, я уже не был настроен на это. И отказался. А вот в бунгало на Пельское водохранилище записался — на выходные всей семьей, может быть, последний раз.

Заканчивался шестой год моей жизни в ГДР. Мыслями, душой и телом я был на своей Родине, в Казахстане. Рабочие дни бешено мчались вперед. Контейнер я уже полностью загрузил. Квартира опустела. Мне было давно ясно, что сюда я больше никогда не вернусь, и было горько при мысли, что я покину эту прекрасную страну, этот хороший народ, и, что самое главное, больше не увижу своих друзей: русских и немецких, которых приобрел здесь. Как ни длинны летние дни, но и они быстро пролетают. Вскоре наступил момент, когда мне пришлось отправить контейнер. В начале июня я сделал «Abschied» — прощание с коллективом. Пригласил и своих коллег с шахты, а еще че-

рез две недели наступил наш день отъезда. На «теннисплатце» с утра уже стоял блестящий чистотой и свежестью «Икарус». Было раннее утро 20 июня 1988 года. Пахло летом, цветами и деревьями. Собирался народ. Нас пришел провожать весь сектор и все мои коллеги с шахты. Предстояло расставание на всю жизнь. Навсегда. Навертывались слезы. Пришли рядом живущие с нашим сектором соседи, кантинщики из клуба. Пришли все. Последние прощания, последние поцелуи, последние слезы. Особенно тяжело детям. Нам, взрослым, понятно: срок командировки кончился и привет — надо ехать на Родину, продолжать там работать. А детям кажется, что они должны всегда, всю жизнь играть здесь, дружить, учиться в одной школе. Справедливая несправедливость! И вот автобус наконец тронулся. Кроме нас, никто из советских специалистов из Ауэ больше не уезжал. Только наша семья. Мы, проезжая по городу, прощаемся с ним, потом со Шлемой и примчались (иначе не выражусь) в Зигмар. Отсюда тоже несколько семей уезжали на Родину. Я их почти не знал. Да и важно ли это. Мы едем дальше, до Франкfurта-на-Одере, а оттуда поездом «Берлин — Москва». Сначала до столицы, а потом в Казахстан. Проезжаем несчастную Польшу, все в каком-то сером цвете. Границу с СССР пересекаем ровно утром 22 июня. Как, впрочем, и когда ехали в ГДР, в 1982 году. Тогда, в этот же день, мы пересекали границу с Польшей. В обратном направлении. Прошло ровно шесть лет. Шесть долгих и таких ужасно коротких лет! Прощай Германия! Мы не кидались к окнам. Просто провожали взглядом все, что мелькало и проплывало за окном. Молча сидели. Рюмки с налитым коньяком так и стояли на столике. Полные. Дети почти плакали. Шел дождь. До самой границы с СССР. И только в Бресте, когда наши вагоны поставили на нашу, уже советскую колею и поезд поехал по Белоруссии, мы очнулись и даже заулыбались. Дождь кончился. Родина! Наша Родина! Наш Дом! Мы так ждали этого часа и дождались. Мечтали о будущей жизни, о новой работе, о встрече со старыми друзьями. Мечтали о многом.

Вот и «белокаменная». Москва! Наш поход в Министерство занял всего полдня. Вечером, так и не посвятив столице ни одного дня (побывали только на Красной площади), мы уже сядились в поезд на Казахстан. Домой! Всего двое с половиной суток нас отделяет от дома! Соскучились. И мы, и дети. Тогда еще, слава Богу, границ между республиками не было. Могущественному Советскому Союзу до развала оставалось совсем немного. В Макинке, на маленькой, захолустной станции, нас встретили родственники, и мы, счаст-

ливые и довольные, сели в ожидавшую нас автомашину. Старенький «Москвич» за каких-то три часа довез всех аж до самого нашего дома, где нас ждала моя любимая теща (тестя я никогда не видел, он умер давным-давно). В квартире пахло цветами и уютом. Черт возьми! Ведь стоял июнь! Утром я вышел в город. Он мало изменился внешне. А «внутренне» молодой город сильно постарел. Дороги были разбиты. Многие деревья засохли и погибли. Появилось много безобразных, формой напоминающих собачью конуру, ларьков, стоящих как попало и разбросанных по всему городу, торгующих в основном разбавленным спиртом. Работу найти оказалось не так просто. Ну, во-первых, работы, как таковой, вообще не было, а во-вторых, нас, приехавших из ГДР, просто, мягко говоря, не очень любили и не сильно приветствовали. А может нам завидовали? Первым делом я пошел в управление ЦГХК (Целинный горно-химический комбинат), откуда я уехал в эту длительную командировку. Но здесь меня никто не ждал и... никому я был не нужен. В отделе кадров мне почти указали на дверь — работы никакой не было.

Кое-как, с грехом пополам, я устроился в ЦНИЛ — Центральную научно-исследовательскую лабораторию при комбинате. Работа была несложная, в основном поездки в командировки. Это мне нравилось. Командировки были на 3–4 дня, но иногда и на неделю. В этих поездках я отдыхал и душой и телом. Жена еще не работала. Мы приехали в самое смутное время. Творилось что-то непонятное. И внутри страны, и в душах народа. Безработица захлестнула города и села, работающие же почти не получали зарплату, магазины ошметинились пустыми прилавками и полками. Улицы заполнились нищими, бомжами, «бичами» и «синяками». Завод «Прогресс», не иначе как для издевки, начал выпускать спирт. Непонятно какого качества и из чего, но его пили. Еще как! Спиртом заполнили весь город. Его даже вместо зарплаты стали выдавать. Впервые в нашем городе появилась «биржа» труда для безработных. Ввели и пособие для них. Но как бы то ни было, но наши дети, слава Богу, пошли в школу. Из своих командировок я привозил книги, гостинцы (продукты) и деньги, которые оставались(!) у меня. Командировочные все-таки платили, а услуги гостиниц, в которых я жил, были копеечные. С голода я тоже не пропадал — столовые были сравнительно дешевыми. Через месяц после нашего приезда пришла бумага с железнодорожной станции, в которой говорилось, что я могу получить контейнер, прибывший из ГДР. На рейсовом автобусе я добрался до станции, на удивление быстро оформил какие-то нужные и ненужные бумаги,

Берлин. Трентов-парк. 1975 г.

и на тракторе с прицепом привез контейнер домой. На двери этого огромного железного ящика висел тот же маленький замочек, которым я закрыл его на товарной станции в Карл-Маркс-Штадте. «Золотой ключик» от контейнера, вернее от двери, я уже давно потерял, поэтому просто-напросто сломал замочек руками. Открыв железные двери-ворота, я увидел двадцать бутылок пива, которые стояли внизу у двери, как по шеренге, в ряд: целые и невредимые. Все остальное тоже было в полной сохранности. Разборка контейнера заняла немного времени. А вот с пианино вышла заминка. Такое тяжелое на четвертый этаж, трудно будет поднять. К сожалению, в лифт оно не помещалось. И дюжих мужиков тоже не было — я еще на работе не нашел новых друзей, а со старыми ни разу не встретился. Бюро услуг в нашем городе пока не организовалось. Правда, стоял один мужик возле подъезда, я его, между прочим, попросил помочь затащить пианино в квартиру, но он сказал, что бесплатно не будет тащить. Я вежливо отказался от такой помощи, мысленно послав его к черту. Сбежались соседи (в основном женщины), и мы восьмером(!) занесли музыкальный инструмент в квартиру. То есть с четвертого этажа в ГДР на четвертый этаж в Казахстане. Кстати, среди женщин одна была в интересном положении и впоследствии родила мальчика, может быть будущего очень талантливого и выдающегося музыканта. Деревянный ящик, в котором лежало стекло, я увез на дачу. Книги и все остальное я перенес практически сам. Все комнаты в квартире были забиты пакетами, книгами, ящиками и всякими другими уже забытыми вещами. Все это еще раз напомнило нам Германию, которую мы навсегда покинули. С гордостью говорю: нашу вторую Родину! Ведь все, что стояло сейчас в нашей квартире, все шесть лет было с нами в ГДР. А может быть это все длинный, предлинный сон! И мы не можем никак проснуться. К сожалению нет, не сон. А жаль... Наш город, который встретил нас разбитыми дорогами и тротуарами, безработицей, унылыми лицами людей, нам все равно нравился. Это наш город! И когда-то он будет опять прекрасным, таким, каким был раньше. Нужно только время! А время бежало. Скоро и моя супруга устроилась на работу.

Неожиданно быстро пришла бумага из Москвы, что мне, Мазурову Владимиру Ивановичу, надлежало приехать за моей машиной «четверкой» в магазин, а точнее в Подмосковье. В городок под названием Дубна. Здесь надо было заплатить за нее, получить и ехать своим ходом назад, в Казахстан. Этот автомобиль, как я уже говорил, мне выделили в ГДР по решению нашего кол-

лектива. До Москвы мы добрались на поезде почти без приключений, не считая пассажира, молодого человека, который сел к нам в купе в автомобильном городе Тольятти. Тогда этот город «Жигулей» был известен, как нормальный молодежный центр нашего ведущего автомобилестроения. Севший к нам парень работал на лучшем в СССР автозаводе. Был классным токарем. Но работу делал только «левую». То есть те запчасти, которые продавались на «черном» рынке по спекулятивным ценам. Платили ему хорошо, он не жаловался. Хотел сбежать — не получилось. Пригрозили. Вот так и работает. Вырвался в отпуск. Почему рассказал нам? Да так, просто душу излил. Вот и все. Это было прелюдией и увертюрой к криминальному и ставшему потом преступному городу. Дай Бог, чтобы наш попутчик выжил в будущей мясорубке. Москва встретила нас проливным дождем. От столицы до местечка Дубна мы добрались на электричке. Из сотен машин, стоящих во дворе магазина, мы выбрали самую-самую лучшую и продавец, севший за руль моей «четверки», вывез ее за ворота и оставил нам, радостным и растерянным одновременно. Дальше предстояло ехать за рулем мне самому. Жена, как всегда, была рядом. Я завел двигатель. Включил первую передачу, медленно поехал, оглядываясь по сторонам, как ученик курсов по подготовке автолюбителей. В машине пахло лаком и свежей краской. «Четверку» — синюю красавицу, мы с женой прозвали «Валентиной». За ее цвет. Вернее, за краску, которой была покрашена машина. Цвет краски так и назывался: «Валентина».

Стояла чудная осень. Домой мы доехали без приключений. Сразу спать. Сутки пролетели в крепком сне. За окном был сентябрь. Лето закончилось. Великая Германия стала отступать на задний план. Начались повседневные заботы. Катастрофически не хватало денег. «Деревянные» рубли, которые мы получали, быстро обесценивались. Дети учились и росли. За квартиру нечем было платить. Надо было как-то выживать. Любой ценой! Я бросил работу, за которую ничего не платили или (в лучшем случае) рассчитывались вонючим спиртом, и занялся частным извозом на своей «четверке».

Я «таксовал» и разбивал свою новую машину до тех пор, пока мой друг по «таксовке» не предложил мне место диспетчера на шахте в объединении «Казахалтын». Он там работал в отделе техники безопасности, а вечерами и в выходные дни подрабатывал частным извозом. Ужасно не хотелось, но когда безденежье — это единственный выход. Я согласился, но с одним условием: никому на шахте не говорить, что я геолог. Работа диспетчера была может и не сложная,

но мне не шибко нравилась. Сутки работаешь, трое дома. Ночь для меня — пытка, ночью я не любил работать. Ночью нормальный человек должен спать. А если уж он работал, то должен хорошо и зарабатывать. Здесь же на шахте не было ни того, ни другого. Но и моя диспетчерская служба, увы, продолжалась недолго. Кто-то кому-то доложил, что я по специальности геолог, и меня все-таки сделали геологом шахты. Однако и в должности геолога я не успел как следует поработать. Нашу шахту и вообще все шахты закрыли. На консервацию, как нам объяснили. Это, к сожалению, не было вынужденной мерой, это была большая ошибка руководства или, мягко говоря, позорнейшее решение. Тысячи людей вынуждены были сидеть без работы, а семьи — без средств к существованию. Золото, оказывается, стало никому не нужным. Я опять сел за руль своей машины. Извозчиком... Прошло неполных два года. За это время умерла Вера Антоновна Карпенко, с подачи которой я поехал в Германию. Хоронило ее много народа. Этому заслуженному, замечательному человеку поставили на могиле простой деревянный крест и в утешение похоронили в одной оградке с сыном, которого зарезали малолетние пассажиры, когда он таксовал, как и я, в безденежное, ненадежное время, чтобы выжить самому и прокормить семью. На каменную глыбу-памятник вместо креста у богатого комбината не нашлось ни времени, ни денег.

Как-то в городе я встретил бывшего начальника участка шахты, где я работал. Он мне сообщил приятную весть: шахты будут заново открывать. Можно приходить и устраиваться на работу. Он уже работает. «Возьмешь рабочим?» — спросил я его. «Возьму, приезжай», — улыбнулся он. Утром я был на шахте. С заявлением зашел к начальнику рудника. Он пригласил меня сесть: «Пойдешь главным геологом?» «Пойду», — не раздумывая, согласился я.

И вот я снова геолог, но главный, и не шахты, а всего рудника. А шахты требовалось опять капитально приводить в порядок, то есть начинать с нуля. За два долгих года шахты напрочь развалились. Новоиспеченный главный инженер рудника (забыл его фамилию) приехал ко мне и предложил спуститься в одну из шахт, дабы оценить обстановку. Я согласился. Я вообще на все соглашался. Ведь шахты все равно придется запустать и шахт много, а я, главный геолог, один. Утром мы приехали на шахту. Со мной вместе вызвался идти один из шахтеров. Главный инженер остался на поверхности. Впрочем, он и в дальнейшем редко ходил в шахту, а вскоре и вовсе уволился. Подъемная машина не работала. Пришлось

спускаться по лестницам вниз почти 100 метров. Кроме фонаря на каске — никакого освещения. В шахте мертвая тишина. Ни малейшего дуновения. Проветривание начисто отсутствует. Холодно и сыро. Как в могиле. Даже чуть жутковато. Два года не быть в шахте — громадный срок. Вдвоем мы направились к запасному стволу шахты. Ровно 800 метров по верхнему горизонту в кромешной тьме. За сто метров до ствола стало совсем холодно, а потом появился и лед. «Ископаемый», так сказать. И для того, чтобы он растаял, надо немало времени. Последние десятки метров до запасного ствола мы пробирались лежа на спинах, цепляясь лицом, руками и ногами за кровлю выработок. Лед почти полностью забил их. Добравшись до ствола, обнаружили, что он начисто «закован» в тот же «ископаемый». Как в панцирь. Такого я еще никогда не видывал. Мой напарник тоже. «Пошли назад», — сказал он мне, — «здесь жутко». «Пошли», — ответил я, и мы быстро, на спинах, полезли обратно. В шахте делать было больше нечего. На другие горизонты мы не пошли. Там было, наверное, еще хуже. Ведь они глубже. Становилось ясно: такое положение везде, на всех шахтах рудника. После выхода из шахты (опять пешком, вверх по ступеням) мы зашли к поджидавшему нас главному инженеру, и я доложил обстановку в шахте. Как на войне, после рейда в тыл противника. На столе появилась, откуда ни возьмись, бутылка водки. «Можно пить?», — спросил я. «Не можно, а нужно». Мы выпили «пальной» водки, заели какой-то вонючей колбасой. «Страшно было?» — спросил главный. «Страшно», — честно признался я. Начинаясь эра восстановления шахт. Не хотелось — я всю свою сознательную жизнь работал на уране, а здесь надо было работать на золоторудном месторождении. На золоте я никогда не работал.

И все надо было начинать с нуля. Выражаясь по-шахтерски — с нулевого цикла. Прежде всего — должна появиться рабочая сила. Здесь без проблем. Местное население давно соскучилось по работе. Но специалистов все равно не хватало. Кто подался на заработки в Россию, кто нашел здесь другую работу, кто состарился и ушел на пенсию, а кто и умер. И тех, и других, и третьих, и четвертых не в чем было обвинить, поэтому принимали всех желающих. Работы хватало всем. Через два года простоя началось время и трудовым подвигам. Но работать было нечем. Не было всего, или проще сказать, ничего не было. Даже гвоздей. Люди из дома приносили лампочки, молотки, лопаты. Моя «четверка» превратилась в рабочую лошадку. В самую настоящую, самую взаправдашнюю. С раннего утра

до позднего вечера я возил из магазинов, баз и мастерских ведра, кувалды, ломы, рукавицы и другую дребедень. В конце концов заработали стволы шахт, которые два года бездействовали. Началось восстановление шахтных рельсовых путей. Электровозов не было. Перед закрытием шахт за два года всю технику, от электровозов до перфораторов, варварски вытащили из подземных выработок. Поэтому приходилось в ржавых, латаных и восстановленных вагонетках вручную катать по рельсам, утопающим в воде и грязи, породу, а затем и руду, к стволу шахты и выдавать ее на поверхность. Но постепенно все приводилось в порядок. На территориях шахт восстановили здания с душевыми, банями, саунами, раздевалками, складами, помещениями и кабинетами для механиков, горняков, геологов и маркшейдеров. Были обновлены столовые и медпункты. Территории шахт огородили металлическими сетками, поставили охрану. Всем работающим на шахтах выделили фирменную спецодежду с надписью во всю спину «Казахалтын». И мы все гордились и дорожили этой формой! Вскоре на шахтах заработали насосы. Началась откачка воды. Но лед в шахтах таял еще долго. А потом, постепенно, сделали наконец и проветривание в подземных «катакомбах». А потом... Потом нас «купили» китайцы. Но ненадолго. Где-то всего на несколько месяцев. Китайцев сменили англичане. Просто часть акций приобрела английская компания и стала иметь свои права на добычу золота. В пределах этих самых акций. Ну, скажем на 25 процентов. Они нам и помогали техникой и оборудованием не более этой доли. Естественно были и их представители: геологи, горняки и другие специалисты, которые работали на наших предприятиях. И они что-то, но делали, не особо влияя на нашу работу.

Затем настало время участия в добыче и дележе золота россиянами. Эти начали сразу круто. Оценив перспективу растущих и увеличивающихся после будущей разведки запасов золота, они рьяно взялись за дело. Ну, конечно, в первую очередь отпала необходимость в переводчиках, что сэкономило очень много времени и денег. Переводчиков при китайцах и англичанах было хоть «пруд пруди», и им платили хорошие деньги. Русские были отличными специалистами. К тому же они тратили огромные средства (как, впрочем, и англичане) на покупку но-

вого оборудования и материалов. Рассматривали вместе с нами ежемесячные планы горных и геологоразведочных работ, делились опытом, присутствовали на всех наших собраниях и совещаниях. С приходом русской компании увеличилась зарплата горняков, увеличилась и добыча золота.

Все было хорошо. Но... Я стал подумывать об уходе на пенсию. Стремительно приближалась старость, подкрадывались преклонные годы. Мне исполнилось уже 66 лет. Стали пошаливать нервы. В шахте же я чувствовал себя, как дома. Это было плохо. Тяжелые и смертельные случаи в большинстве своем происходят под землей именно с такими людьми. Хотя «фору» молодым я еще мог дать. И все-таки я ушел. Написал в заявлении: «в связи с уходом на пенсию» и не пожалел. Правда, в душе стучало: «еще не старый, еще можешь работать. Наверное это оттого, что я еще не знал и не понимал, что это такое — быть на пенсии и как быть без работы на пенсии. Н-да... Но на пенсии я был как на работе. Утром рано вставал. Шел в гараж, заводил машину и ехал на дачу, совсем рядом с домом, всего каких-то семь километров. Погода на даче с самой весны (а она была очень ранняя) стояла теплая, ну, примерно, как на курорте, или почти как на курорте. Дожди шли тоже как по заказу. Выросло все, что могло и что посадили. Урожай, как в лучшем советском совхозе. Все довольны.

* * *

А я нет! Целых семь месяцев на пенсии. Соскучился по работе. Главную «добрую» роль в этом сыграли сотрудники с моей бывшей работы. Ребята уже два раза навещали ко мне на дачу. Звали назад, на шахту. Дабы уважить меня, обещали, что спускаться под землю не буду, и моя работа будет заключаться только в указаниях, где искать руду, то бишь золото. Грешно, смешно и страшно. Без шахты я себя на работе не представляю. В этом случае моя работа — ноль!

Тем не менее я согласился, но попросил две недели для окончательного решения. Решать, собственно, было нечего. Надо закончить с дачей и сломя голову, кинуться опять в шахту. Дача и все остальное уйдет на второй план. Главное — я опять ГЕОЛОГ! Перефразируя Максима Горького, можно сказать: «Геолог — это звучит гордо!»

Я познакомился с ней совершенно случайно, на берегу Пельского водохранилища, естественно, на рыбалке.

Было раннее утро, еще не совсем рассвело, и я спешил на свое любимое место под мостом, по которому проходил автобан.

Стояла такая тишина, что было слышно, как на противоположном берегу с высоких яблонь падают тяжелые плоды. Иногда из воды выплескивались большие рыбины, и после этого долго расходились круги, почти доходящие до берега.

Я спустился под мост и обомлел: на моем месте сидела под навесом-зонтиком на стульчике незнакомая мне женщина с папиросой (!) во рту и смотрела на меня. На берегу возле воды стояли два заброшенных спиннинга, а на белом песке лежал открытый незамысловатый рыбацкий сундук.

Мы поздоровались, но не познакомились (это произойдет чуть позднее). Я хотел было уже уйти, но она сказала:

— Пожалуйста, устраивайтесь рядом. Места всем хватит.

Подумав, я согласился.

Встав рядом, я забросил спиннинги и сел на стул, уставившись на них.

Воцарилось молчание.

Рыбачка, казалось, не обращала на меня никакого внимания. Но так продолжалось недолго.

Видимо, чтобы как-то скрыть неловкость, она подошла ко мне: «Wie spat ist es?» (Сколько времени?) — спросила она. Я ответил. И удивился, заметив на руке у нее часы.

«А может, встали? — подумал я. — Или, еще хуже, вдруг неожиданно сломались».

— Danke schon! (Спасибо!) — поблагодарила она. — Что-то мои часы отстают.

После этого мы разговорились.

Фрау Хэнэн (так она мне представилась) живет здесь давно. Переехала сюда в начале 50-х годов из Карл-Маркс-Штадта (ныне город Хемниц). Там она жила вместе с родителями и в военное лихолетье, и в послевоенные годы.

Курить она начала, когда познакомилась с советским офицером одного из воинских гарнизонов, расквартированных в оккупированной Германии. Он курил папиросы, и она, балуясь, пристрастилась к ним.

С лейтенантом их знакомство зашло далеко. Слишком далеко. Забеременев, девушка уехала от родителей. Приехала сюда, родила сына, да так и осталась здесь. От ее возлюбленного не осталось даже фотогра-

Владимир Иванович Мазуров

«Рыбачка»

фии на память, а вот курить она не бросила. Я заметил, что она курит «Беломорканал».

— Все хорошо, — сказала она, — да только папиросы трудно доставать. Их нигде почти не продают. А сигареты я не курю.

Я вообще не курил, но вспомнил, что в нашем «Военторге» видел пачки этих папирос на витрине.

— А как назвали сына? — спросил я, чтобы что-то сказать.

— Александр, Алекс, в честь его отца.

— И больше Вы со своим любимым не виделись?

— Нет. Никогда. Я даже не пыталась его найти. Зачем? У него была своя семья...

— А откуда он сам?

— Говорил, что из Москвы.

Рыбачка фрау Хэнэн.

Я нелестным словом отозвался о лейтенанте. Про себя. Но вслух ничего не сказал.

Собственно, на этом наш разговор и закончился. Мы каждый занялись своей рыбалкой. До вечера время пролетело, как один миг. Скоро мне надо было и собираться. В садке у меня было пять крупных лещей и две плотвички. В общем, нормальный улов.

У фрау Хэнэн садок был пуст. Нет-нет, она подсекала лещей, но отпускала их обратно в воду, так как немцы считают эту рыбу сорной и не берут ее. А вот карпа ей, как и мне, не удалось поймать. Просто не случились эти поклевки.

Через неделю я опять приехал сюда, под мост. Фрау Хэнэн сидела на том же месте, и было такое ощущение, что она никуда

и не уходила с того самого момента, когда мы попрощались с ней. С той же «беломоринной» во рту и под тем же зонтиком.

Даже спиннинги, казалось, не трогались, а так и простояли без дела семь дней.

Но вдруг один из них неожиданно ожил, резко задергавшись.

Я не успел поздороваться. Однако поклевка так же быстро закончилась, как и началась. Фрау Хэнэн даже не успела подойти к своим удочкам. Зато, увидев меня, улыбнулась, подала руку¹: «Guten Morgen! (Доброе утро!)».

Ответив на приветствие, я снял со спины нетяжелый рюкзак, отыскал в нем пакет и протянул его фрау Хэнэн.

— Was ist das? (Что это?) — спросила она.

— Папиросы², — по-русски ответил я.

Фрау Хэнэн развернула пакет, посмотрела на меня, и мне показалось, что у нее в глазах появились слезы.

— O mein Gott! (О, Бог мой!). Сколько я Вам должна? — спохватилась она.

— Нисколько, просто это мой подарок.

— Geschenk? (Подарок?)

— Да.

— Danke! Viele dank! (Спасибо! Большое спасибо!).

На устройство своих спиннингов мне хватило пяти минут. Я сел на стульчик и открыл бутылку пива.

Положив пакет с папиросами на рыбацкий сундучок, фрау Хэнэн пошла перекидывать свои спиннинги. «Поколдовав» с удочками, она села рядом со мной и закурила.

Подул легкий, свежий ветерок. На воде появилась рябь. Я поежился. Закрыв бутылку пива и поставил возле стульчика, на котором сидел. Поклевку мы увидели почти

одновременно. На спиннинге у фрау Хэнэн поднялось провисающее на леске ярко-желтое пластмассовое кольцо. При хорошей поклевке оно слетает с лески и его можно и не найти в прибрежных кустах или камнях. Но при таком ярком цвете оно легко отыскивается. Фрау Хэнэн оставила папиросу на стульчике, подошла к спиннингу, сняла цветное кольцо, взяла спиннинг в руки и начала медленно крутить катушку.

Судя по поклевке и по поведению лески, было видно, что это не лещ и не плотва, и ничто другое, а карп. Скорее всего, не слишком голодный. Словно читая мои мысли, фрау Хэнэн тихо сказала, почти нареспев:

— Karpfen (Карп).

Я взял подсак и зайдя почти по пояс в воду, стал искать глазами попавшуюся на крючок рыбу. Странно, еще неделю назад мы рыбачили каждый отдельно, теперь же стали рыбачить вместе.

Очутившись в подсаке, пойманный карп почему-то обмяк и только жадно дышал, раздувая жабры.

Фрау Хэнэн даже умудрилась измерить его.

— Ein und vierzig zentimeter³, — сказала она, пряча в сундучок складной деревянный метр.

«Брать можно»⁴, — вспомнил я, но ничего не сказал.

Фрау Хэнэн знала об этом не хуже меня.

Спустя некоторое время опять наступила тишина. Потом послышался шум подъезжающего к нам автомобиля.

Это был «Трабант». Пластмассовое изделие гдээрзовского автомобилестроения. Из машины вышел приятный молодой человек с малышом на руках и направился к нам.

Подойдя, опустил ребенка на землю, поздоровался.

— Это мой сын, Александр, — сказала просто фрау Хэнэн.

Я понял это еще до того, как она нас познакомила.

Малыш уже оказался в объятиях счастливой бабушки, а Александр спросил у меня, как успехи в рыбалке. Я показал на садок. Он одобрительно кивнул. Затем подошел к фрау Хэнэн, о чем-то поговорил с ней и попрощался.

После отъезда Александра мы опять расселись по своим стульчикам.

Фрау Хэнэн закурила, а я стал потягивать пиво из початой бутылки.

— Фрау Хэнэн, а Вы давно рыбачите? — задал я вопрос, мучивший меня с первого дня нашего знакомства.

Она улыбнулась: «Давно, сразу, как только приехала, вернее — убежала от родителей сюда, из Хемница. Здесь тогда тоже недалеко стояла воинская советская часть. А рыбачить меня научил пожилой русский солдат, который постоянно приходил с удочками на это самое место, где мы сейчас с Вами рыбачим».

«Так, так, значит это не мое место, и оно по праву принадлежит фрау Хэнэн» — подумал я и смутился. Фрау Хэнэн я не решился этого сказать.

— Вот мы с ним и рыбачили вместе. А он не только приходил рыбачить, а приносил еще и свой солдатский паек, который делил со мной, как с товарищем. Но это продолжалось не долго, — фрау Хэнэн закурила новую «беломорину», — часть расформировали, и он уехал.

— А как звали его? — спросил я.

— Его звали дядя Миша, и он откуда-то из Сибири.

Мы помолчали.

— Был у нас здесь и еще один «рыбак» из советских офицеров, — что-то вспомнив, продолжила фрау Хэнэн. — Правда он на озеро не приезжал, а «рыбачил», не выходя из дома. Он жил на «постое» в доме, на втором этаже. Говоря, был большим командиром. Но много пил. А внизу дома, в подвале, была пивная. Чтобы не спуститься каждый раз вниз, он прорубил отверстие в полу этажей до самого подвала и опускал корзину, в которую хозяин пивной клал вино, пиво и закуски. Вот такой «рыбак» — добавила фрау Хэнэн. — Но с расформированием части и он исчез. А вот фамилии его я не помню.

— А вы откуда? — вдруг спросила она меня.

— Я из Казахстана.

— Наверное, прекрасная страна?

— Очень, — сказал я.

— Жаль, мне не судьба, видно, побывать в России, а тем более в Казахстане. А так хотелось бы.

Фрау Хэнэн хотела еще что-то сказать, но не успела. Резкая поклевка случилась опять на ее левом спиннинге. Желтое кольцо улетело далеко в прибрежные кусты, а удилище интенсивно задергалось. Леска натянулась, как струна, до предела. Фрау Хэнэн подошла к спиннингу, но не успела его взять.

Леска возле катушки со звоном лопнула, и стало тихо. Тишину нарушила упавшая на песок пустая бутылка из-под пива, неудачно поставленная мною у стульчика.

— Словно живая, — сказала фрау Хэнэн. Мы рассмеялись.

На этом наша сегодняшняя рыбалка и закончилась.

В следующий выходной я не смог приехать. А еще через неделю сумел-таки выехать, но теперь уже не было фрау Хэнэн.

Мне стало грустно. Тем более что наступала осень. Под ногами на берегу появились желтые листья. Пиво я уже с собой не брал. Вместо него у меня был термос с чаем.

А еще через неделю мы все-таки встретились. Было совсем уже прохладно. Фрау Хэнэн также сидела под зонтом, но теперь, спасаясь не от палящего солнца, а от моросящего дождя. Она встала со стульчика и протянула руку:

— Я думала, что больше не увижу Вас. Решила, что Вы изменили этому водоему и выбрали другой.

Фрау Хэнэн отошла к спиннингам, поправила прищепки. Странно, но она не курила.

«Наверное, папиросы кончились, надо будет не забыть спросить» — подумал я и стал распаковывать удочки.

Поставив спиннинги, я сел на стульчик. Время бежало быстро, но рыбалка явно не получалась. Не было ни одной поклевки. Ни у меня, ни у фрау Хэнэн. Я достал термос. Предложил чаю. Фрау Хэнэн не отказалась, подошла со своей кружкой.

— А знаете, почему не клюет? — спросила она.

— Да, интересно. И почему? — я удивленно посмотрел на нее.

— Потому что я бросила курить!

Я даже сначала не понял, что она сказала. Потом до меня дошло сказанное ею.

— Поздравляю. Это очень мужественное решение. А я думал — у Вас папиросы закончились, хотел опять привезти.

— Спасибо, наверное, уже не надо.

В этот день мы ничего не поймали. Я уехал ни с чем. Ушла без рыбы и фрау Хэнэн.

Потом я долго не приезжал. До становления льда.

В ноябре лед уже полностью покрыл водоем и по нему можно было ходить без опаски. Я приехал на рыбалку и пошел к своему любимому месту. Но там было пустынно, и не было видно никаких следов. Напрасно я, прорубив лунку в тонком льду, вглядывался вдаль и кого-то ждал. Фрау Хэнэн не пришла. Скорее всего, зимой она не рыбачила. Немцы, в большинстве своем, зимой плохие рыбаки. Не пришла фрау Хэнэн и через неделю. И через две. Больше я ее не видел. А весной я уехал на Родину. Навсегда.

1 ... «подала руку» — в Германии все, независимо от возраста и пола, здороваются за руку.

2 ... «папиросы» — в немецком языке нет слова «папироса».

3 «Ein und vierzig zentimeter» — сорок один сантиметр.

4 «Брать можно» — по немецким правилам карпа можно брать, если он не менее 36 см в длину.

Владимир Иванович Мазуров

Особенности национальной рыбалки и охоты в ГДР

Летом в ГДР прекрасно. В лесах малина, грибы. В озерах рыба.

Мест в дома отдыха на субботу и воскресенье всегда было предостаточно, и мы всей семьей каждые выходные выезжали куда-нибудь отдыхать. И обязательно с рыбалкой. И все потому, что я был заядлым рыбаком. С детства еще мальчишкой начинал рыбачить на Северском Донце, на Украине. Еще там, рядом с рекой, помню, было озеро с интересным названием «Клешня», хотя раков в нем никогда не было. Зато водились огромные окуни. Иной раз я приносил домой столько, что их, в буквальном смысле слова, девать было некуда. Ведь о холодильниках тогда и не слышали. Приходилось раздавать соседям мою «добычу».

Удочки в те времена были наивные, в лучшем случае из орешника. Леска и крючки — на вес золота. О бамбуковых удилищах только мечталось... Какие уж там спиннинги...

А здесь, в Германии, даже если ты никогда не рыбачил, становился отчаянным рыбаком.

Рыболовные снасти в магазинах были превосходные, а наживка (личинки, черви) — круглый год в лесу, под листьями. Ну это для зимней рыбалки. Для летней же использовался кусочек сухарика, который перевязывался крест-накрест ниткой и цеплялся за нее на крючок.

Со снастями, как я уже сказал выше, проблем не было, а вот для того, чтобы рыбачить, нужен был билет рыболовного общества. Без него не моги! А чтобы стать обладателем этого бумажного документа, необходимо было сдать экзамен по рыболовству. И за все за это надо платить.

При поездке на рыбалку кроме билета нужна была карточка-разрешение на тот водоем, где вы собираетесь рыбачить. Зимой ли, летом — все равно.

По прибытии на место рыбалки, записываешься в специальную книгу, где указываешь дату и время своего приезда и отъезда. И обязательно расписываешься.

Все это настолько серьезно, как будто ты прибываешь на какой-то секретный Объект (разве что только отпечатков с пальцев не берут).

На каждом водоеме — небольшой щит, на котором размещены фотографии самых удачливых рыболовов и «рыболовок» (женщин) и их «трофеев». Иной раз даже не верилось, что такие экземпляры водятся в этом водоеме. И еще. Рыба рыбой, но есть и жесткие правила: допустим, карпа менее

35-ти сантиметров длиной надо отпускать обратно в воду, «белого амура» брать можно, но не менее 97 см длиной. Ну и так далее. Да и в количестве существовали ограничения. Например: карпов брать можно, но не более двух. А вот «сорную» рыбу — леща, окуня — можно ловить и брать безо всяких ограничений. Хоть мешок!

Излюбленным моим (и нашим) водоемом было Пельское водохранилище (Talsperre Pöhl). Его я исходил и изъездил почти вдоль и поперек, и зимой, и летом. Рыбачил только на спиннинги. О сетях не могло быть и речи.

Здесь летом, как ни странно, везде ловят рыбу на спиннинги. По крайней мере я не видел ни разу, чтобы рыбачили на простые удочки. Правилами разрешается иметь два спиннинга на человека, по одному крючку на каждом.

В Германии от рыбалки получаешь такое удовольствие, что заряжаешься буквально на всю следующую рабочую неделю. Особенно, когда отдыхаешь всей семьей (о чем я расскажу чуть ниже). Ну не прекрасно ли, когда сидишь рыбачишь, а жена приносит (если близко) или привозит на лодке (если далеко) смачный бутерброд, бутылку пива и «наркомовские» сто грамм¹.

О браконьерстве на водоемах я не слышал, но видел сам лично, как браконьерничал наш советский военнослужащий на озере Moritzburg под Дрезденом.

Это был старшина сверхсрочной службы. Ни грамма не стеснясь нас, между прочим, рыбаков, он подошел к заросшему кустами берегу и начал «выбирать» из воды запрещенную рыболовную снасть. Это была «резинка». Примитивное, дошедшее до нас из каменного века приспособление, но востребованное и сейчас. То есть, определенный кусок лески с крючками, привязан к нескольким метрам резиновой полоски (шириной до 1 см). Пустой конец этой резинки привязывается к грузу (камень, кирпич, железяка и т. д.) и опускается на дно водоема. А свободный конец лески с крючками закрепляется и прячется на берегу (в данном случае — в кустах). Все. Можно цеплять наживку и время от времени проверять снасть, не перебрасывая ее.

Резинка растягивается, и сняв рыбу, цепляешь новую наживку, опускаешь все обратно в воду и можешь... уходить. Отдыхать.

¹ «наркомовские» сто грамм — во время Отечественной войны каждому солдату было положено в день 100 грамм водки.

И так до бесконечности. Эта снасть почти вечная. Никаких проблем, и всегда с рыбой!

Видел я, как по мелочам браконьерничали наши гражданские лица. Вместо разрешенного одного крючка на спиннинг они привязывали два. Как говорится: мелочь, но приятно. И несколько раз приходилось наблюдать скорее за развлечением, чем за браконьерством, немецких ребятишек.

Один раз их «браконьерство» заключалось в том, что они сачком для ловли бабочек пытались поймать лещей (и весьма крупных) возле берега (весной, при икромете). И надо сказать, им это прекрасно удавалось.

В другой раз это было тоже на Пельском водохранилище, вернее и точнее — на плотине водоема.

Возле плотины (внизу, в воде) водились огромные карпы, ну просто гигантских размеров рыбы. И когда смотришь на них сверху, с плотины, по которой, кстати, проходит автострада, то казалось, что это не карпы, а какой-то неизвестный науке вид морских (речных, водоемных) животных. К тому же они были ужасно медлительные, неповоротливые, седые (до синевы) от старости и с толстыми, длинными усами. Да их еще и собиралось настолько много, что они буквально терлись друг о друга и плавали прямо на поверхности.

Когда бросаешь им сверху (с плотины) булочку, купленную в гаштштетте, то она просто исчезает, как крошка хлеба, в его раскрытой пасти (иначе и не назовешь).

Некоторые отдыхающие и туристы даже не разворачивали золотистую бумажку, в которую была завернута булочка и кидали вниз вместе с ней. Но булочка с оберткой несколько не влияла на алчный аппетит этих пельских «крокодилов» и также мгновенно проглатывалась.

Когда поток «гостей» на плотине рсасывался и иссякал, на «арену» выходили местные мальчишки. Один кидал сверху булочку, крепко привязанную к толстой леске, в воду, а другие (несколько пацанов) стояли на берегу, внизу, возле фундамента плотины, и держали в руках конец этой лески-каната. Как только булочка-наживка исчезала во рту рыбины, они с криками и визгом начинали тащить за леску. Но... тщетно. Она со звоном лопалась и со свистом исчезала в воде. Вот и все браконьерство. По нашим, по российским меркам, это не иначе как баловством и не назовешь.

Выходные дни мы проводили (в основном) на Пельском водохранилище или (реже) на Цойленроде. Там на субботу и воскресенье мы селились в маленьком домике-бунгало, где было все для отдыха и проживания: свет, газ, вода, туалет, телевизор, две двухъярусные кровати и целый набор кухонной

посуды. И все это умещалось в двух малюсеньких комнатках. Иногда такие же, как мы, предыдущие (до нас) сердобольные хозяева оставляли сахар, крупы и другие сыпучие и не очень продукты. По телевизору можно было свободно смотреть передачи из ФРГ (чего в Ауэ не было), которая была совсем рядом. Ничего криминального (и развратного тоже) я в этих передачах не усмотрел, нападков на СССР не слышал, а наши дети были просто без ума от их мультиков и сказок (кстати, и мультики советского производства импералисты тоже показывали).

Вообще с устройством в бунгало проблем не было. Никогда. И никаких.

Рядом с домиком «притулились» лодка, катамаран и байдарка. Они входили в стоимость бунгало (8 марок за 2 дня), и ими можно было пользоваться так же, как и всем тем, что было в домике.

Совершенно недалеко от бунгало располагались гаштштетт, магазины, кегельбан и кинотеатр, которые работали по-моему, если не всю ночь, то допоздна точно. А озеро было всего в 10–15 шагах от домика. В общем, Сочи, да и только!

В частых поездках на водоемы мне приходилось рыбачить и рядом с немецкими коллегами, и с нашими соотечественниками.

Немцы-рыбаки приезжают, как правило, на своих машинах. Не слишком рано, но и не слишком поздно. Но до обеда.

Филонов Саша вернулся с рыбалки. Пельское водохранилище. Отдых в бунгало. 1985 год.

Пельское водохранилище. Моя супруга и дети. 1985 год.

Ритуал подготовки к рыбной ловле у коллег в корне отличается от нашего русского.

День Нептуна. Пельское водохранилище. 1987 год.

Рыбак-немец медленно достает снасти, раскладывает на берегу. Термос и бутербродница тоже извлекаются. Достается специальный молоток для убийства рыбы (есть такой) и нож для разделки (потрошения) ее же. Потом забрасываются спиннинги, не спеша, аккуратно. Стульчик для сиденья (раскладной) тоже уже стоит на берегу.

Наши же рыбаки приезжают на рыбалку на автобусе еще затемно (чем раньше, тем лучше) и бегом спешат на свои любимые места (у каждого оно обязательно есть).

На берегу из рюкзака извлекается бутылка пива (в лучшем случае — чай или кофе). Сделав два-три глотка, достаются спиннинги, которые тут же забрасываются. Потом уже (постепенно, по ходу рыбалки) раскладывается все остальное. А может так и остаться лежать в рюкзаке. О молотке для убийства рыбы, а тем более о ноже для разделки ее не может быть и речи. Однако, вернемся к домику.

Мы приезжали отдыхать аж на целых два дня. Море времени. Для рыбалки и для «необдуманных» поступков.

И вот если я Вам не расскажу про широкую и добрую русскую натуру, то я просто не буду русским. Во все стороны от бунга-

День Нептуна. Пельское водохранилище. 1987 год.

ловской деревушки, не знаю уж частные ли, государственные, были поля, засеянные кукурузой и засаженные картофелем.

В домике у нас среди посуды была здоровенная кастрюля, эдак литров на 10–15. И вот мы под покровом ночи, в крошечной тьме (по нашему великому сатирику Аркадию Райкину), чтобы не дай Бог кто увидел, накопили картошки, наварили и целых два дня ели молодой, ранний картофель, да еще и домой привезли.

В другой раз, уже совсем ближе к осени, отдыхая, наломали почти полмешка початков кукурузы и тоже сварили. Запах стоял по всему озеру обалденный. Вы даже представить себе не можете, какой это был аппетитный, соблазнительный запах.

К нашему бунгалу потянулись сначала немецкие детишки, потом взрослые. Мы никому не отказывали. Не хватило! Пришлось уже днем ломать «царицу полей». От желающих попробовать не было отбоя. Все хвалят: «Schmeckt gut!» — но сообразить пойти набрать початков и сварить их немцы просто не могли. Им даже в голову такое не приходило.

...Ах, а какая рябина в бунгало...

В конце лета на Пельском водохранилище устраивался праздник Нептуна. Это своего рода прощание с летом. На берегу выстраивалась огромная толпа (в основном мужчины), и все ждали Бога морей (в данном случае — Бога этого водоема), который плыл во главе «флотилии» из нескольких плотов в сопровождении каких-то страшных чудовищ, чертей и русалок. Больше всех мне (и не только) нравились русалки, которые совершенно голые, с большими, как бидоны, сиськами (где только нашли таких), прятались в настоящих рыбацких сетях. Но даже не это прельщало сильно часть человечества. Их взоры были обращены на последний плот, где стояла огромная бочка с пивом. Пиво! И совершенно бесплатно! Такое бывает, но не часто. Наконец «флотилия» причаливала. «Добры молодцы» с берега помогают выгрузить бочку, но... Слово имеет Нептун с вилами в руках, и его всем приходится выслушивать. Справедливости ради надо сказать, что он произносил свою речь не более пяти минут.

Но его мало кто слушал. Взгляды женщин и детей были устремлены на большой, как матрас, мешок с подарками, который стоял рядом с Богом морей, а глаза мужчин — на бочку. Наконец речь закончена, и Нептун развязывает мешок. Черти с плотов и мужики с берега открывают бочку с пивом.

А вот для того, чтобы получить подарок, да еще из рук Нептуна, надо ребенку спеть песню, рассказать стишок или, на худой конец, станцевать, потом выпить протянутый

водяным царем Пельского водохранилища стакан молочного киселя и только после всего этого получить подарок. Наш Серенький² ужасно хотел получить его, мог рассказать стишок (на русском языке), но молочный кисель он не переваривал ни физически, ни органически. Однако стихотворение он рассказал, кисель не пил, но подарок все-таки получил, который так хотел — гармошку.

Мужчины на берегу трапезничали до утра. Я в их числе.

А еще у моих немецких коллег есть пляжи, которые называются ФКК.³ То есть, на этом пляже все должны быть раздетыми, ну, без одежды, голыми. У них на телевидении даже такой рекламный ролик есть: стоит какой-то музыкальный ансамбль с инструментами по пояс в воде, все одетые, исполняют песню про ФКК (типа: «...fahren, fahren ФКК»), а потом съёмочная камера опускается в воду и музыканты оказываются ниже пояса совершенно нагие, простите, голые.

Я случайно попал на этот пляж где-то в начале мая, а может, и в конце апреля. Не помню точно. На этот берег я вообще не обращал внимания (пустынно, мелководье и почти всегда ветер и волна) и никогда там не рыбачил, но тут был на лодке, волны не было, и я поплыл туда. Быстро забросил спиннинги и сразу (!), моментально вытащил огромного леща. А потом начались поклевки одна за другой.

Я даже не заметил, как ко мне сзади подошли люди и стали наблюдать за мной. Спусти некоторое время я оглянулся. О Боже! На песке лежали четыре красавицы, одна одной краше, абсолютно обнаженные, в чем мать родила. А я в фуфайке, в резиновых сапогах и... слава Богу, не в зимней шапке. Как-то даже неудобно стало.

Потом я этому не удивлялся. У них, у ФКК-шников так принято: только чуть-чуть солнце начинает пригревать после зимы, как они уже выезжают на такой пляж (такие пляжи существуют на всех водоемах ГДР и даже на Северном море). Приезжают семьями (!), загорают, играют в волейбол и другие спортивные игры. Самое интересное (я так хотел этот момент сфотографировать), когда магазин на колесах привозит им минеральную воду, кофе и так далее. Выстраивается длинная цепочка из голых тел: стар и млад,

2 Наш Серенький... — наш сын, Сережка.

3 *Freikörperkultur* (перевод: культура свободного тела) или сокращенно *ФКК* — движение в Германии, зародившееся в начале XX века. Первопроходцами были Генрих Пудор и Рихард Унгевиттер. Его можно рассматривать как начало современного натурализма. Первоначально называлось *Nacktkultur* (перевод: обнаженная культура), но поскольку это слово шокировало немецкую буржуазию, вскоре она была переименована.

Пельское водохранилище. Рыбалка на ФКК. 1985 год.

женщины и мужчины, все вперемешку, в одной извивающейся, как змейка, очереди. Но как бы там ни было, а клюет на этом «диком» пляже хорошо.

Еще на этом водохранилище разводят мальков самых разнообразных рыб.

Длинный настил из досок уходил с берега почти до середины залива. По обе стороны от него были прикреплены ящики-коробки с мельчайшей, как в сите, сеткой, а в них и находились эти самые мальки.

Когда наступало время кормления, и везли тележку с кормом, то в сетках-домиках (ящиках) вода как бы начинала «закипать», а когда корм из совка попадал к ним, то вода уже вовсю бурлила (как вулкан при извержении).

Как только мальки подрастали, их тут же выпускали на свободу в этом же водоеме.

Вот поэтому летом на одном месте, а зимой — с одной лунки можно было поймать самую непредсказуемую рыбу: от окуня и форели до карпа и плотвы.

На 7 и 8 ноября (это были тогда наши государственные праздники) в домиках на Пельском водохранилище (и на других водоемах) освобождалось много мест (было уже холодно), и мы буквально половиной коллектива выезжали отдыхать. Да, вода ледяная, но мы, представьте себе, купались.

Немцы (местные жители и редкие отдыхающие) стояли на берегу, дрожали от холода и бормотали: «unmöglich» (невозможно). А что невозможного, если после хорошей, доброй рюмки с закуской и кружки горячего чая хоть к «черту на рога» полезешь!

Но оказывается — холодной воды даже немецкие дети не боятся. Как-то в апреле или в начале мая, весной, рыбачил я на этом же водохранилище. Недалеко от моста, по которому проходил автобан. Кстати, там у меня было самое «клевое» место. Ловились, в основном, лещи. Не совру, но 80–85 см длиной. Не меньше.

«Трофеи». Зимняя рыбалка. Озеро Цойленрода. 1987 год.

Глубина под мостом порядочная, и наживка с грузом почти сразу уходит вертикально вниз. Поклевки начинались сразу же, когда под мостом проходил паровозик с отдыхающими и туристами и создавал волну.

Как всегда, я был одет тепло. На сей раз даже в спортивной шапочке. Вижу: к берегу с дороги спускается «Трабант», а за ним целая «армия» детишек на велосипедах. Ну примерно человек где-то около ста. «Трабант» же — с прицепом и с открытой крышей. В нем три человека — взрослые.

«Наверное, учителя», — подумал я и не ошибся.

В прицепе стояли три больших термоса. Взрослые их выгрузили и начали готовить или обед или чай, или все вместе. Естественно, не на костре, а на небольших газовых плитках. А дети, побросав велосипеды, стали раздеваться.

«Неужели полезут в воду?» — ужаснулся я.

Точно, полезли. Один какой-то мальчуган, одетый, стоял в сторонке. Полуголая детвора быстро сняла с него одежду и потащила к воде. Он истошно кричал и отчаянно сопротивлялся. Одна из преподавательниц все-таки подбежала к ним:

— «Was ist los?» («Что случилось?») — строго спросила она, — почему он кричит?

— Он не умеет плавать, — объяснили ей дети.

— Хорошо, тогда вы не кидайте его далеко от берега, чтобы он не утонул, — сказала учительница и пошла опять к кухне.

Дети-моржи продолжали веселье.

Лед зимой в Германии на водоемах не толще пяти сантиметров, и рыбачить на нем без мотка веревки с палкой на конце запрещено. Это на тот случай, что если провалишься под лед, то товарищи или соседи-рыбаки могут спасти тебя, если ты им бросишь конец веревки с палкой. Ну, или они тебе.

Зимняя рыбалка — удивительная рыбалка! На что только не пойдет настоящий рыболлов ради нее!

У нас один чудак зимой, чтобы привлечь рыбу к своей лунке, привязал рядом с крючком свое золотое кольцо, которое снял с пальца.

Сидит, подергивая удочкой, а оно возьми и зацепись за что-то. Как не пытался его вытащить горе-рыболлов, но оно все-таки оторвалось и до сих пор, наверное, лежит надне, привлекая любопытных рыбешек, совсем недалеко от берега.

А впрочем, немцы зимой практически не рыбачат. У них даже зимних удочек в продаже нет.

Мормышки, однако, продают, и они так и называются: mormischka.

Как-то под Новый год с моим другом

геофизиком Сашей Зайцевым мы рыбачили на Пельском водохранилище. Было не холодно, где-то 5–6 градусов мороза. Типичная зимняя погода для ГДР. Смотрим — идут три молодых немца: в распахнутых куртках, без шапок, в туфельках. У одного в руках длинный спиннинг, у второго — топорик, у третьего вообще ничего не было (он просто болтался со своими товарищами совершенно без дела). Как я понял — рыбаки.

У меня, в принципе, тоже было все нараспашку, но я был в шапке, в сапогах и в (почти по Н. А. Некрасову) полушубке овчинном. В нетолстом льду я сделал пешней⁴ очередную маленькую лунку, насадил на мормышку червя и очень удобно устроился на маленьком раскладном стульчике. Сижку. Удочка у меня зимняя, пластмассовая, и на ней черным по белому было написано крупными буквами «МОСКВА». А в удочке внутри спрятана батарейка, чтобы крючок с наживкой подергивался, привлекая внимание рыбы.

В этот момент подходит один (у которого в руках ничего не было) из троицы ко мне, посмотрел на меня, потом на удочку, затем опять на меня, и снова на удочку. Спрашивает:

— Ты откуда?

Я ему:

— Из Москвы.

— Из Москвы?, — переспросил он, — а что, в Москве рыба не ловится?, — и закричал своим спутникам:

— Эй парни, идите сюда. Смотрите, вот дурак, из Москвы приехал сюда рыбачить.

Парни подбежали и уставились на «дурака». Я не стал им ничего объяснять. А разговор завязался сам собой.

Они, оказывается, просто делали вид, что рыбачат, а на самом деле вырвались из дома от своих жен, чтобы здесь в гостинице поиграть в скат (карточная игра типа нашего преферанса) и попить шнапса. А на лед выходят проветриваться. Топориком делают (вырубают) квадратную полынь и опускают на спиннинге крючок с червяком. В подтверждение слов они показали лежащие на льду спиннинг, топорик и банку с червями.

У каждого из игроков оттопыривались спрятанные за пазухой наверняка початые бутылки (в одиночку или в тесной компании из нескольких человек немцы пьют прямо из горлышка).

В общем, дело кончилось тем, что мы выпили не только их шнапс, но и мой и Сашин коньяк с чаем и дружно расстались. На прощанье сфотографировались, предложили им рыбы, но они наотрез отказались, сказав, что рыбы полно в магазинах.

На стеклянных огромных как футболь-

4 ...сделал пешней. Пешня — специальный ломик для пробивания льда.

ное поле витринах немецких зоологических магазинов нарисовано множество рыб, в частности — окуня. А окунь по-немецки Barsch. Дети и в Африке дети! Они стирают букву «B» в начале слова и остается «Artsch», что значит «задница».

И вот идут прохожие мимо этого магазина, увидят надпись и со смеху чуть ли не помирают. Ну и что же тут, извините, такого? Да у нас в Советском Союзе дети такое напишут, что не только со смеха, со стыда можно умереть!

Да это что! Был случай, когда человек чуть не умер — не от смеха, а от страха. На рыбалке одному нашему советскому специалисту приспичило в туалет. Ну, он пошел в лес (благо рядом было), сел по-человечески, закурил и... вдруг земля под ним зашевелилась! Оказывается, он очень удобно устроился на кабане. Обезумевший от ужаса специалист, с опущенными штанами пулей примчался к своим удочкам, часа два дрожал и только потом, заикаясь, рассказал нам об этом.

Еще мы часто устраивали совместные рыбалки с коллегами, но нам с ними не везло, почему-то всегда мешал дождь и получалась дружная мужская пьянка, но до беспредела никогда не доходило.

А когда я рыбачил один, без семьи (она была в отпуске на Родине, в Казахстане), мне становилось одиноко и грустно. Я цеплял наживку на крючок, забрасывал в воду, оставлял удочки на берегу и шел осматривать с неизменным спутником — фотоаппаратом — окрестности озера или собирать опять в лесу. Под Дрезденом, бросив спиннинги, я уходил в музей (замок Моритцбург) или в гостиницу, где было великолепное чешское пиво.

Где рыбалка, там и охота, а охота еще пушнее рыбалки.

Я — крайний справа, впереди слева — Саша Филонов. На охоте. «Собаки». 1984 год.

Совместная рыбалка с немецкими коллегами. 1987 год.

Окрестности (леса) Шварцбурга. 1986 год.

Окрестности (леса) Шварцбургга. 1986 год.

На охоте я был не охотником, а «собакой». Человеческая роль «собаки» в охоте просто огромна. Это люди, облаченные в водо-, пыле-, влагонепроницаемые костюмы, с палками в руках, выгоняющие под громкое «улюлюканье» несчастную дичь из зарослей леса. А охотники, стоя по периметру, ведут отстрел этих пока живых еще животных. И этих самых зверей и зверушек в этих самых лесах Германии было видимо-невидимо. Разных.

Диких животных в Германии можно встретить повсюду, и даже рядом с домом, в котором ты живешь. Особенно, если живешь возле леса. На рыбалке я встретил великолепного павлина с распущенным хвостом прямо на берегу озера. На Эльбе в Дрездене и на Шпрее в Берлине мы кормили лебедей (черных и белых) прямо из рук. В лесу, когда гуляли с сынишкой, угощали сахаром оленьей, выходящих на тропинку из зеленой чащи.

Часто на дорогах Германии я встречал знаки «Осторожно, животные!» с нарисованным диким оленем, и видел этих несчастных, сбитых автомобилями.

Но эти потери, если можно так выразиться, с лихвой компенсируются самими же немцами. В лесах встречается множество кормушек для диких животных: с сеном, зерном, даже сухари можно найти в качестве корма.

Наверняка не голодающих, самых настоящих зайцев можно было увидеть возле автозаправок, почти в центре города. Впрочем, зайцы у нас жили прямо возле ствола шахты, на которой я работал. А дикие кабаны встречаются в лесу где угодно. Лучше

всего (и безопасней) их наблюдать с сидок на деревьях, которые специально делаются для охоты.

Лисиц немцы считают заразными и почему-то уничтожают. Во всяком случае, не лечат...

Еще больше зверя в Чехословакии. Там пасутся целые стада диких оленей и коз. Особенно в районе Обервизенталя.

Мы жили возле леса. Возле нашего дома, во дворе, тоже стоял дом, но только очень маленький. В нем находились контейнеры для мусора. Естественно, мы выносили туда и остатки пищи. Однажды ночью жена будит меня и говорит, что во дворе что-то или кто-то хрюкает, вроде, как свинья.

Я оделся, взял фонарик и вышел во двор. Точно: кабаниха и трое маленьких поросят. В маленьком домике. Для мусора.

На следующую ночь это повторилось. Я позвонил в полицию. Не знаю уж, что они там с ними сделали, но кабаниха (дикая свинья) с выводком больше не приходила.

Но вернемся в леса Германии. Я побывал на двух охотах. И... больше не поехал. Ненавижу, когда добивают животных в упор. Особенно, когда вижу у смертельно раненного зверя слезы на глазах, как у человека.

Охота в Германии несколько отличается от нашей. Здесь ты должен обязательно о предстоящей охоте договориться с егерем. Он тебе покажет участок леса, где можно охотиться, и на кого охотиться, хотя ты и обязан это знать. И убитого зверя себе не забираешь. В лучшем случае, убив оленя, получаешь рога (если это самец) и некоторые внутренности: печень, сердце, легкие. Остальное забирает егерь, сделав тебе

отметку в охотничьем билете, что ты убил то-то, там-то и тогда-то.

Мясо же убитого зверя идет в больницы, в детские сады, школы или дома престарелых. А перед Новым годом нашим охотникам егерь выдавал одну тушу оленя и небольшого кабанчика.

И вот в конце года весь мужской коллектив нашего предприятия, а именно охотники и рыболовы, собирались в «домике охотника» как раз на самой границе с Чехословакией. Этот обыкновенный необыкновенный домик одновременно служил нашим пристанищем на целых два дня (суббота и воскресенье) обычно перед Новым годом. Без слабого пола. Приглашались (кроме нас) егерь и некоторые военные (и советские, и немецкие) с ближайших знакомых нам воинских гарнизонов. Два дня райского наслаждения.

В двухэтажном домике был камин, телевизор, бильярд и несколько комнат отдыха, то есть всем все по вкусу. Мы заранее (за один день до) выслали бригаду из ребят, умеющих готовить мясо из самими же ими разделанных туш (оленя и кабана). Завозились крупа, овощи и фрукты. Из спиртного — красное вино и пиво. Почему красное — до сих пор не знаю. Пиво обычно бутылочное. Водку никогда не брали.

Торжественное начало было в первый день. Мясо, шурпа — до отвала! Подарки лучшему охотнику, лучшему рыболову, лучшей «собаке» и т. д. Короче, всем. Без подарка никто не оставался. Ну а потом, после официальной части, начиналась неофициальная, иными словами — кто куда! Кто — есть мясо, запивая вином, кто — пить пиво, кто — телевизор смотреть, кто — в домино играть, кто — греться у камина, а кто, простите, спать.

От охотничьего домика, в котором мы отдыхали, вела тропинка прямо в Чехословакию. Граница условная. Ни солдат тебе, ни собак, ни пограничной полосы. Только столбики с табличками, призывающие, чтобы ты остановился, так как это все-таки государственная граница. Скажу честно: искушение было великое: вот она, Чехословакия, рядом. Ночь, иди и пей пиво чешского разлива! Но никто и никогда из нас не нарушал границу двух государств.

После двух дней и ночей опять наступали суровые трудовые будни. Покидали мы домик всегда с каким-то чувством сожаления, но с надеждой, что через год опять приедем сюда.

05.03.2013 г.

Граница с Чехословакией. Пограничный столб. У «столбика» — мой сын Сережка. 1983 год.

Домик охотника. Одна из комнат. 1987 год.

Домик охотника. Я поздравляю лучшего рыболова Белякова. 1987 год.

Владимир Иванович Мазуров

Здравствуй, «Висмут», или 30 лет спустя

В гостинице «Активист» — в фуражке горняка.

Утром, попрощавшись с гостеприимным и прекрасным Дрезденом, мы взяли курс на Ауэ. Мы — это моя дочь Татьяна, ее муж Рольф (за рулем), сын Сережка с женой Тоней, ну и наконец, я, ваш покорный слуга. Наше немногочисленное семейство свободно умещалось в «железном коне» под кодовым названием «К1А». В багажнике автомобиля лежал наш «скарб», состоящий из нескольких небольших сумок. Начиная с Маннхайма, мы уже проехали более 2000 километров, оставив позади Францию, Бельгию, Голландию и Люксембург, побродили по ночному Парижу, побывали в Кельне, Берлине и Дрездене. Наше путешествие длилось уже почти десять дней. Ауэ был нашим последним городом, после которого мы отправились к дочери, в ее город, где она жила (с него мы и начали путешествие), а отсюда (из Франкфурта-на-Майне) уже должны были улететь на свою Родину, в наш Казахстан. От Дрездена до Ауэ было рукой подать, каких-то двести или двести с небольшим километров. По этой дороге я много наездил, организовывая и сопровождая экскурсии в Дрезден, или «мотал» километры с рыбацкой «дружиной» в Моритцбург, на озеро. Номера в двухэтажной гостинице нас уже ждали.

Дочь, как и везде, заранее позаботилась об этом. Хозяином гостиницы оказался бывший шахтер «Висмута», который был очень рад нашему приезду и непременно хотел поговорить со мной, узнав, что я работал на шахте № 366 в Ауэ. Устроившись в гостинице, мы сразу же поехали в Ауэ. До него было совсем недалеко. За окнами автомобиля я видел знакомые до боли места. И через 30 прошедших лет тут практически ничего не изменилось. На мгновение мне даже показалось, что я отсюда никогда и никуда и не уезжал вовсе... Но сын вернул меня к действительности, сказав: «Пап, приехали». Мы притормозили у волейбольной площадки (это место у нас называлось «теннис-платц»¹), и взглянув на нее, я испытал такое ощущение, что был здесь не ранее, чем вчера. Она не преобразилась ни внешне, ни внутренне. Площадка по-прежнему была обнесена сеткой от проходящей рядом дороги, и как мы позднее узнали, на ней иногда даже играли в волейбол и футбол. Спустившись

¹ «теннис-платц» — а еще отсюда комфортабельные «Икарусы» отвозили семьи специалистов, у которых заканчивались их сроки командировки в «Висмуте» в Ауэ, во Франкфурт-на-Одере, на поезд «Берлин — Москва». В 1988 году отсюда уехал и я с семьей...

вниз от «теннис-платц», мы оказались в центре «советского сектора». Но... как такового его уже не было. Из четырех домов, в которых жили советские специалисты с семьями, и я в том числе, остался (или выжил?) всего лишь один дом, стоящий (и стоявший) в самом низу, на левом берегу речки Мульды.

На месте остальных трех домов² была насыпана земля, уже заросшая травой. В виде невысоких холмиков. Это напоминало захоронения той советской эпохи, детьми которой мы были, эпохи, в которой мы жили и работали. Из всего прошлого здесь осталась вишня, росшая у подъезда нашего бывшего дома, да домик с контейнерами, куда мы выносили мусор... И... больше ничего... От детской и городошной площадок остались одни воспоминания. Мы с трудом поднялись по заросшей кустами и деревьями лестнице в бывший советский клуб. От него остались только стены и державшиеся на честном слове потолок и крыша. В него было страшно заходить. Но мы все же зашли. Да... Здесь словно Мамай прошел... И не один, а сразу несколько Мамаев! В потолке, стенах и полу зияли дыры. Я пытался пройти в свою фотолaborаторию на втором этаже, но мне это не удалось. В библиотеку тоже нельзя было проникнуть. Невозможно было спуститься и в бывшую сауну. В комнате, в которой мы наслаждались пивом и стучали костяшками домино по огромному круглому столу с мощными креслами вокруг, в окружении оленьих рогов — трофеев неизвестных нам охотников, гуляла пустота... В кинозале стоял полумрак. На сцене белел разорванный экран. После нашествия Мамаи (или мамайцев) мы были, наверное, первыми, кто посетил наш бывший советский клуб. На нетронутой, а потому и не разгромленной цветочной клумбе возле клуба я набрал горсть земли, чтобы отвезти и положить своей супруге на могилу... Потрясенные и ошарашенные одновременно всем увиденным в клубе, мы поднялись на флос-грабен. Это название обязано ручью (или, наоборот, ручей обязан названию), который протекал выше нашего советского сектора вдоль гор.

² трех домов — один из трех исчезнувших домов вообще был огромен. Он стоял как раз посередине сектора. У него было 4 этажа. На третьем этаже жил в этом доме в 3-комнатной квартире и я со своей семьей. В доме была большая столовая на первом этаже и два магазина. На самом верхнем этаже была гостиница для приезжающих на непродолжительное время советских специалистов. В этом же здании располагалась и начальная (до 3-го класса) школа для наших детей.

Рядом с ним шла широкая тропа. Говорили, что по этому ручью когда-то сплавляли лес, но так ли это, я точно не знаю. Здесь, в лесу, возле ручья, мы просто гуляли, собирали малину и грибы, а иногда устраивали семьями пикники с пивом. Вода в ручье была прозрачная, как стекло, и вкусная. В знойный день мы пили из него холодную воду. А еще в ручье водилась рыба. Местные жители использовали его воду для полива своих миниатюрных участков — дач, огороженных невысокими колышками. Раньше отсюда было хорошо видно мою шахту и ее террикон-исполин. Сейчас, как и тогда, все утопало в зелени, в тени которой мы когда-то ходили... Сам ручей, как и 30 лет назад, был бесконечно чистым. Но чувствовались и новые веяния.

Так, на самой тропе добавилось несколько новых скамеек. На дачных участках вместо нескольких домиков-скворечников «выросли» дома с добротными гаражами и бассейнами с декоративными рыбками. «Исчезла» и моя шахта с «горой». Как будто ее никогда и не было. Куда делось это все — даже не представляю! Впрочем, на такие дела немцы — великие мастера! Ума им для этого не занимать! Конечным пунктом на флос-грабене у нас был памятник расстрелянным фашистами в апреле 1945 года, группе военнопленных, из которых 18 были советскими солдатами (Рис. 2). Этих захваченных в плен людей разных национальностей сопровождали немецкие солдаты. Узники решили совершить побег. Но он не удался. Да и как далеко могли убежать эти люди? Их всех поймали и расстреляли здесь же, в лесу, а потом сбросили в шурф. Памятник не изменился, его только дополнили табличкой с двумя фамилиями людей, найденными среди казненных. Недалеко, под стеклом, на столбиках, появился и напечатанный текст описания этой страшной трагедии. Здесь, на интернациональном мемориале, сохранилась вечная тишина, и царила строгая торжественность. Мы постояли, почтив память погибших, и пошли обратно к советскому сектору.

Уже перед спуском с флос-грабена мы заметили объявление, прикрепленное в виде овальной таблички к дереву, которое гласило, что надо непременно посетить гостштетт, где вкусно и почти бесплатно кормят. И указывалось смешное расстояние до него — всего каких-то 300 метров. Оставив «железного коня» в советском секторе, мы пошли в город, решив, как и предписывалось в объявлении, непременно зайти в заведение и поесть. Кстати сказать, у нас не было и маковой росинки во рту с самого Дрездена. Гостштетт мы нашли сразу же на выходе в город. Он располагался как раз напротив бывшего

управления ГДП-9, в котором сейчас располагался античный музей, на что указывали стоящие каменные изваяния у его входа. К нашему великому сожалению музей был закрыт. Мы не обманулись! Нас действительно вкусно и недорого покормили, угостив несколькими сортами бочкового пива, но моего любимого «Wernesgrüner» среди них не было. Тогда я спросил бармена, есть ли это пиво в наличии. Он утвердительно кивнул головой и достал бутылку пива, пива, которое нам в советский клуб привозили прямо с пивзавода. Но... то ли я отвык за столько лет от этого пива, то ли пиво стало другое, но это было совсем не то. Его, безусловно, можно было пить, но сделав несколько глотков, я поставил бутылку на стол. Даже этикетка на бутылке с пивом и близко не напоминала прежнюю.

Бармен ничего не сказал и не спросил. Он, наверное, тоже все понял. В гостштетте нам понравилось все. На стенах и на полках было много сувениров, предметов народного творчества на горную тематику, разная шахтерская атрибутика, даже живая собака на полу лежала (хозяин собаки сидел за соседним столиком). Такое распространено по всей Германии и не только. Подобные заведения без этого просто не существуют! Я уже писал об этом. Но здесь был особенный колорит. Здесь был горный край. Край шахтеров и горняков. После гостеприимного гостштетта мы, наконец, спустились в Ауэ и основательно осмотрелись. Ничего из ряда вон выходящего с городом не произошло. Те же улицы, дома, магазины, все то же, на прежних местах. Даже жители, казалось, не состарились, а были те же. Правда, в старые добрые времена я бы не встретил здесь так запросто, как сейчас, седовласый «Кадиллак». А сейчас — пожалуйста, любуйся! Можешь даже попрыгать на нем. Такой броне, в которую «закован» этот автомобиль, ничего не будет. Даже следов не останется. Да! Выражаясь по-ленински, можно сказать: «Какая машинище, а! Глыба, а не машина!»

После возвращения из Ауэ, уже в гостинице, я встретился с приехавшим ко мне из Грюны ветераном «Висмута» Док-инж. Гюнтером Дуке, переводчиком, который приложил неимоверно много усилий для перевода и издания в Германии книги воспоминаний о «Висмуте». В этой книге были и мои заметки. Гюнтер приехал на своей машине, работающей и на бензине, и на электричестве (Рис. 3). Он только недавно ее купил и проехал всего 1000 километров. Я первый раз видел вблизи такую машину. Мы тепло поздоровались, и Гюнтер торжественно вручил мне книгу с моими воспоминаниями. Я попросил его расписаться в книге. Кроме всего прочего, Гюнтер подарил мне

Мемориал расстрелянным.

Сын Сергей и «теннис-платц» 30 лет назад.

авторучку под названием «Дипломат» и еще несколько сувениров. Я в долгу не остался, наградив его более чем скромно: шапочкой с большим козырьком от солнца и с вышитым на ней казахским орнаментом. Мы оба были рады нашей встрече. Гюнтер познакомился и с моими детьми. Они сразу нашли общий язык. Потом мы поговорили о планах на будущее и начали прощаться. Гюнтер спешил к больной жене, и к тому же, у его сына был день рождения — юбилей, ему исполнилось 50 лет. Сфотографировавшись на память и пожав друг другу руки, мы расстались, договорившись непременно переписываться и, конечно же, встретиться. Я долго смотрел вслед отъезжающей машине... Гюнтер был постарше меня, а ведь мне уже 74 года. Да... Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. Рядом стоял сын: «Пап, ты как?» — «Нормально, малыш». — «Ну, тогда поехали».

Володя Мазуров
и Гюнтер Дукэ.

Меня уже ждали. Клуб «Активист» был тоже почти рядом. Здесь вообще все было недалеко. При желании можно было все обойти пешком. Но Его Величество «время» не позволяло этого сделать. Когда подъехали к клубу, нам опять в очередной раз не повезло: он был уже закрыт. Собственно, это был уже не клуб, а музей «Висмута» или, как он теперь назывался, «Museum Uranbergbau»

что в переводе звучит как «Музей разработки урановых месторождений». Когда-то здесь проходили торжественные собрания с концертами, посвященные праздничным датам или каким-либо юбилеям. Выступала здесь и художественная самодеятельность нашего советского коллектива. Блистала и наша Роза Рымбаева, которая приезжала сюда с концертом. Немцы были восхищены ее голосом и когда заходили ко мне в кабинет, восклицали: «Такая маленькая, а такой голос!» Да уж, это точно. Честное слово, мне было приятно это слышать. Очнувшись от воспоминаний и еще немного постояв перед закрытой дверью музея, я пошел догонять своих детей, которые облюбовали горную технику, наверняка принадлежащую музею, но стоящую под открытым небом. Здесь же, рядом с клубом, была огорожена площадка для стрельбы из лука, но и она была закрыта. Очень жаль. У меня даже в этот момент появилась шальная мысль, идея — сфотографироваться с луком в руках на подземном электровозе. А что? Седой как лунь Амур с

луком и стрелами на железном чудовище! Круто? Еще как! Но интересного кадра не получилось... Зато в музее, внизу, был открыт гаштштетт, куда мы и зашли с превеликим удовольствием. Было такое ощущение, что мы попали в огромную горную выработку, закрепленную «всплошную» деревянными окладами или, грубо говоря, круглыми деревянными стойками. Столик нам любезно предоставила очаровательная официантка. Мы заказали пива и позволили себе оглянуться. Народу было много, но никто не шумел, и места всем хватало. Как везде и как всегда. Вскоре принесли и заказанное нами пиво. Оно было великолепное, как, впрочем, и все остальное, нами заказанное к пиву. Немного осмелев, я решил обойти и осмотреть развешанные на стенках и прибитые к ним шахтерские предметы, плакаты, утварь, одежду и так далее. Здесь были и одноразовые «шахтерские» часы³, распятые гвоздями на деревянных стойках, и таблицы предупредительных сигналов, и чего еще только здесь не было. Все то, что непосредственно относилось и соприкасалось с горным трудом и производством. И этого всего было в избытке. Я даже примерил шахтерскую фуражку, висевшую с парадными костюмами горняков, и дети сказали, что она очень мне идет.

Выйдя из гаштштетта и еще раз пожалев, что музей закрыт, мы отправились в гостиницу. Так уж получилось, что с хозяином гостиницы мы поговорили только утром, перед самым отъездом, после завтрака. Из общих знакомых у нас было всего несколько человек. Где они, что с ними — он не знает. Он с уважением вспоминал советских специалистов, с кем приходилось ему работать, и добрым словом упомянул русскую кухню, особенно пельмени, которые однажды ему пришлось где-то попробовать. В знак благодарности я ему оставил несколько казахских монет, а он мне вручил набор открыток с видами Шлемы. Попрощавшись с хозяином и хозяйкой гостиницы и поблагодарив их за гостеприимство, мы медленно выехали из Шлемы. Я не говорю: «Прощай, Ауэ!», я говорю: «До свидания, Ауэ!». Мы еще встретимся! Хотелось бы встретиться. Я еще не все здесь сделал. Не обо всех и ни обо всем написал. Пока, Ауэ! До встречи!

2020 г.

³ «шахтерские» часы — это действительно карманные механические одноразовые часы. Они ходят до первой остановки. Если останавливались, то ремонту не подлежали. Поэтому и стоили копейки. Шахтеры безжалостно расправлялись с ними, и в случае их остановки прибывали гвоздями к стойкам. В шахте, в темноте, при попадании на них света, они блистали, отражаясь всеми цветами радуги.

Алексей Натаров

В лучах Рудных гор Скасони

В начале апреля 1954 г. я окончил Староскольский геологоразведочный техникум и получил диплом, где в графе «присвоенная квалификация» вписано: «техник — геологоразведчик». В период написания дипломной работы двадцать двух студентов, в том числе и меня, не объяснив, для каких целей, направили на медицинскую комиссию.

В отделе кадров выдали бланки анкет со множеством вопросов, на которые без помощи преподавателей было трудно ответить. Когда инспектор отдела кадров прочитал, что я во время войны полтора года жил на оккупированной немцами территории, спросил у меня, с кем я в этот период жил и где был мой отец. Я ему рассказал, что отец был на фронте, а мы с мамой жили в деревне, расположенной в 5 км от железнодорожной станции Поныри и находились в этом районе во время битвы на Курской дуге.

«Компетентные органы», проверив, вероятно, мои анкетные данные, убедились, что, в это время мне было всего 8–10 лет, я не учился в школе, у меня нет родственников за границей, не был интернирован, а безграмотные крестьяне — бабушка с бабушкой — похоронены на местном кладбище.

После месячного отпуска, проведенного в деревне, я приехал в техникум и узнал, что на меня и моих сокурсников: П. Дюльдева, Н. Бородина, Е. Долотцева, Е. Кондаурова, В. Митрофанова, В. Кадулина и В. Дмитриева оформлены документы на командировку в Германию, и мне назвали адрес и число приезда в Москву.

Двубортный костюм и рубль на память ...

В первых числах июня я приехал в столицу, нашел дом, в котором располагалось Главное управление советским имуществом за границей (ГУСИМЗ), где мне и моему товарищу Е. Кондаурову сообщили, что нас направляют на работу в АО «Висмут» (ГДР), но надо пройти еще собеседование в одном из отделов ЦК КПСС.

За день до отъезда молодой сотрудник этого управления привел нас в магазин «Людмила» и предложил примерить двубортные темно-серого цвета костюмы, белые рубашки и галстуки. Из магазина мы вышли с большими свертками. В этот же день нам выдали билеты на поезд «Москва — Франкфурт-на-Одере».

Детали поездки до Бреста я не помню, но пограничный контроль с улыбкой вспоминаю до сих пор.

При проверке документов на посту таможенного контроля один из пограничников, глядя пристально мне в глаза, спросил: «Деньги везешь?». Я ответил, что везу, и достал дрожащей рукой из нагрудного кармана костюма один рубль. Он улыбнулся и сказал: «Вези на память!».

Такой же вопрос был задан стоящему за мной мужчине, увидев, что у него в кошельке имеются советские деньги. Он быстро пересчитал их и потребовал на эту сумму купить продукты и чеки показать ему.

На перроне вокзала г. Франкфурт-на-Одере меня и моего товарища встретил молодой человек, который на машине отвез нас в гостиницу. На следующий день на этой же машине мы доехали до Карл-Маркс-Штадта. Во время поездки по широкому автобану я обратил внимание на фруктовые деревья, посаженные на разделительных полосах проезжих частей дорог, а также на поток велосипедов, на которых в потертых кожаных шортах ехали даже пожилые женщины.

Металл номер один

После краткой беседы в отделе кадров АО «Висмут» меня на автомашине привезли в г. Ауэ. Услышав название этого города, я сразу вспомнил мою бабушку, которая в детстве пугала нас злым дедом Аукой, который, по ее словам, жил в лесу и крапивой наказывал непослушных детей.

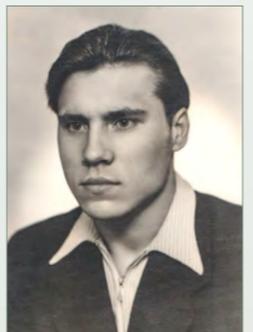
Меня поселили в небольшом двухэтажном домике с фруктовым садом во дворе. Я обрадовался, что буду жить в одной квартире с моим товарищем по учебе в техникуме Юрой Зубковым, который уже год работал геологом на одной из шахт. От него я узнал, что слово «уран» здесь произносить запрещено, а надо говорить: «металл номер один» или «висмут». Он также рассказал, что в прошлом году во многих городах ГДР проходили протестные демонстрации и митинги, и они могут повториться и в этом году. На всякий случай Юра поставил у окна малокалиберную винтовку. Позже я узнал, что эти волнения начались 17 июня 1953 г. в Берлине и охватили 270 населенных пунктов Восточной Германии.

Целебные источники ...

Главным геологом Объекта № 9 в это время был А. В. Дьяконов, а начальником камеральной партии, куда меня зачислили на работу, — В. П. Колесова. В это время группа сотрудников готовила отчет о работах

А. Г. Натаров, студент
Староскольского ГРТ, 1951.

А. Г. Натаров, г. Ауэ, 1954.

За мольбертом. ГДР, 1954.

за пять минувших лет на месторождениях рудного поля Нидершлема — Альберода.

Примерно через неделю А. В. Дьяконов пригласил меня в поездку по району работ. Из его рассказа я узнал, что АО «Висмут» является одним из крупнейших в мире уранодобывающих предприятий, которое работает не только в Рудных горах Саксонии, но

и в Восточной Тюрингии.

Оставив машину на каменной дороге, мы поднялись на невысокую гору, и перед нами открылась панорама гигантских терриконов, которые мне напоминали в общих чертах египетские пирамиды.

Из рассказа Альберта Валерьевича я узнал, что до войны в этом районе было несколько целебных радоновых источников мирового значения, куда приезжали на лечение многие известные люди, в том числе и А. М. Горький. В связи с началом поисковых и разведочных работ курорт Обершлема в августе 1946 г. был закрыт. Он мне показал место, где стояло красивое здание отеля, под фундаментом которого при его сносе были обнаружены богатые урановые руды.

А. Мулик (слева), И. Вяткин. Ауэ, 1954

Об этом мне рассказывал также Н. Н. Биндеман, с которым я много лет работал в одном отделе ЦНИГРИ. Николай Николаевич в этом районе работал в 1953 году и опубликовал в 2003 г. статью «Уран для первой советской бомбы...», в которой писал: «При сносе зданий, просевших в результате отработки недр,

я своими глазами видел, что фундаменты многих из них покоились на зачищенных ураноносных жилах».

Импрессионисты и чардаш Монти

Примерно через два месяца после моего приезда в Ауэ Юру Зубкова за какие-то «провинности» отправили в Союз, и я остался в этой уютной квартире один. В магазине купил набор хороших масляных красок и пытался копировать из журналов «Огонек» репродукции картин русских и зарубежных художников.

Рядом с моей комнатой жили молодые геофизики Лев Музюкин и Анатолий Мулик. Лев иногда приходил ко мне, и увидев пло-

ды моего «творчества», начинал говорить о французских импрессионистах, русских авангардистах, о которых у меня в это время были самые смутные представления, и его критические замечания мне приходилось терпеливо выслушивать.

Мне больше нравилось общаться с добрым, интеллигентным Анатолием, который хорошо играл на мандолине и в выходные дни подолгу по нотам разучивал классические музыкальные произведения, в том числе и венгерский танец — чардаш Монти.

Техник-геолог, инженер-картограф...

В камеральной партии я работал около семи месяцев — с июня по декабрь 1954 г. в должности техника-геолога, инженера-картографа.

В мои обязанности входила подготовка с картографами и чертежниками графических материалов к отчету: геологических карт и разрезов, различных схем, графиков, таблиц...

В начале каждого рабочего дня из первого отдела я приносил в нашу рабочую комнату тяжелую папку секретных материалов. При их получении и сдаче начальник этого отдела П. М. Глухов постоянно делал мне замечания, давал читать инструкции, наставления и подписывать какие-то бумаги о неразглашении секретных сведений и т. д. Иногда он подходил к моему рабочему столу, что-то искал в ящиках и, если находил на листе бумаги мои «каракули», требовал объяснить написанное.

Об одном курьезном случае, который произошел с педантичным работником спецотдела, мне рассказали сотрудники нашей камеральной группы. Однажды Глухов пошел в котельную, чтобы сжечь в печке секретные документы. Когда он бросил их в топку, поток воздуха мгновенно через высокую трубу выбросил их в атмосферу и обугленные бумаги закружились над территорией, огороженной бетонным забором. Узнав об этом, я от души смеялся, представляя, как мой «воспитатель» бегал по двору и собирал падающую с неба секретную «кашу манную».

Мне всегда было приятно общаться с главным маркшейдером Объекта Каузовым В. К. Когда я приходил в его кабинет, Виталий Константинович, внимательно выслушав меня, бережно вынимал из большой папки маркшейдерские планшеты (листы ватмана) и показывал на них интересующие меня подземные горные выработки, скважины и т. д. Казалось, что в этой папке хранятся не планы шахтных горизонтов, а гравюры великих художников:

каждая линия, каждое написанное слово у меня вызывало восхищение.

Мне запомнился его рассказ о случае, свидетелем которого он был во время учебы в Ленинградском горном институте. По его словам, группу студентов маркшейдерского факультета привели на показательный суд над известным ленинградским маркшейдером. Ему инкриминировали «умышленное вредительство», приведшее на одном подземном руднике к нестыковке двух горизонтальных горных выработок.

Когда обвиняемому было предоставлено слово, он предъявил суду книгу известного математика В. М. Брадиса «Четырехзначные математические таблицы», которыми пользуются в качестве справочника многие годы маркшейдеры и топографы при камеральной обработке инструментальных наблюдений. Находясь несколько месяцев под следствием, опытный маркшейдер вручную пересчитал табличные данные и обнаружил на одной из страниц ошибку автора, которая, по утверждению подсудимого, была главной причиной нестыковки горных выработок.

В результате проверки этих данных дело о «вредительской деятельности» маркшейдера было пересмотрено и он, по словам В. Каузова, был реабилитирован.

В начале декабря 1954 г. первый вариант отчета был завершен, и наша небольшая группа выехала в Карл-Маркс-Штадт для представления этого труда рецензентам и руководству АО «Висмут».

Напряженная работа по устранению замечаний продолжалась до конца года. В это время к приезду в ГДР Советской Правительственной делегации о главе с В. М. Молотовым нашу группу подключили к подготовке большого красочного альбома о работе АО «Висмут». По одним сведениям, подарочный экземпляр альбома в новом году был вручен В. М. Молотову, а по другим — Н. С. Потоличеву.

Текст отчета с графическими приложениями я увидел, когда сотрудники первого отдела несли его в «секретную» комнату. У меня было желание взглянуть хотя бы на первую страницу этого труда, но их начальник не разрешил приблизиться к нему, как говорится, даже «на пушечный выстрел».

О моем участии в этой работе напоминает лаконичная запись в трудовой книжке: «Благодарность за активное участие в подсчете запасов и оформление материалов отчета (Пр. 0267 от 27.V.55)», а также составленный нами геологический разрез рудного поля Нидершлема — Альберода, который опубликован в книге Ю. М. Дымкова «Урановая минерализация Рудных гор» (1960).

Истина в «Правде»!

Однажды я сидел за столом своей уютной комнаты и рассматривал журнал «Огонек» с репродукциями картин известных русских художников. Неожиданно вошел парторг Объекта Г. Г. Стогов и, увидев на столе журнал, спросил: «А ты читаешь центральные газеты и в первую очередь передовые статьи «Правды»?». Я ответил, что читаю в основном два журнала — «Огонек» и «Наука и жизнь».

Парторг долго объяснял мне роль передовых статей «Правды» в повышении политического уровня молодежи, цитируя при этом какие-то мудрые изречения М. И. Калинина. О нашем разговоре партийный босс сообщил секретарю комсомольской организации, который на общем собрании упрекнул меня и других моих товарищей в нежелании читать передовые статьи центральных газет. Вскоре меня записали слушателем вечернего Университета марксизма-ленинизма, первый курс которого я закончил до отъезда в Йоганнсгеоргенштадт.

Здесь идут проливные дожди...

Летом 1954 г. в Ауэ несколько дней шли проливные дожди, и река Мульда вышла из берегов и превратилась в бурный ревущий поток, несущий ящики, бревна, автомобильные покрышки. Около металлических опор моста образовался большой затор, и он лихорадочно дрожал, а на асфальте в проезжей части зияла поперечная трещина. Вечером немецкие рабочие одну часть моста привязали к толстым липам стальными тросами, но ночью водная стихия вместе с деревьями оторвала ее от этого места и стащила вниз по течению на несколько десятков метров.

В один из дождливых дней минералог камеральной партии В. Иванова попросила меня упаковать образцы урановых руд для отправки Р. В. Гецевой — автору известной книги «Руководство по определению урановых минералов» (1956). Радиоактивные камни находились на чердаке административного здания нашего Объекта.

Я поднялся на захламленный чердак, быстро переложил из картонной коробки в деревянный ящик эти образцы руд и подошел к окну, чтобы взглянуть с «птичьего полета» на город и бушующий речной поток.

Рядом с окном я увидел сваленные в небольшую кучу старые, на немецком языке, книги, журналы, газеты. В этой «макулатуре» мое внимание привлекла обложка одной из книг, на которой была фотография старика с пронизывающим острым взглядом глубоко посаженных глаз... Мне показалось, что на меня с презрением смотрит призрак бывшего хозяина этого старого дома.

Страхнув с книги пыль, я прочитал: «*Rene Fulop-Milltr. Der heilige Teufel — Rasputin und Frauen*», Leipzig, 1927». («Святой демон, Распутин и женщины...»).

Я шел туда, где Солнца нет ...

В январе 1955 г. из камеральной партии меня в должности инженера-геолога перевели на шахту № 250, которая в это время отработывала крупное месторождение урановых руд Нидершлема — Альберода. В первый день моего прихода на новое место старший геолог шахты рассказал, что наши геологи (техники, инженеры) занимаются в основном производственными делами: следят за полной отработкой рудных жил, помогают горнякам находить смещенные по разломам их фрагменты, документируют выявленные при поисково-разведочных подземных работах новые рудоносные жилы, участвуют в подсчете запасов радиоактивных руд.

Перед первым спуском в шахту участковый геолог Владимир показал на маркшейдерских планах места, где ведется отработка богатых ураном жил и назвал номера блоков, которые мы в этот раз должны посмотреть. Я даже не мог поверить, что в этой паутине подземных лабиринтов что-то можно найти.

В бытовом помещении шахты я надел на себя темного цвета костюм, куртку и брюки из прорезиненной ткани, тяжелые резиновые сапоги, широкий ремень с аккумулятором и пластмассовую каску с фонарем, а геологический молоток с железной ручкой мы взяли один на двоих.

До этого я никогда не спускаться в глубокие шахты, и мне казалось, что мы вместе с немецкими горняками погружаемся в царство Аида, где меня поджарят на радиоактивных лучах. Кабина при движении качивалась, вздрагивала и я со страхом думал: «А что будет с нами, если стальной канат оборвется и мы полетим с известным ускорением до забоя шахтного ствола?»

Выйдя из клетки в рудничный двор, я спросил у Владимира: «А были ли случаи обрывы троса?» Он ответил, что над клетью есть специальное устройство «парашют», ко-

торое в таких случаях ее падение мгновенно остановит.

С включенными на касках лампами Владимир повел меня по темному тоннелю и просил внимательно смотреть под ноги. В первые минуты мне казалось, что мы идем по подземной дороге к библейскому аду: на стенках квершлага висели вентиляционные трубы, шипящие шланги и толстые кабели, над головой — оголенные троллейные провода, и я с опаской смотрел на них, боясь коснуться пластиковой каской.

Из темноты доносился грохот отбойных молотков, скрежет погрузочных машин. Увидев впереди движущийся яркий луч света, мы прижимались к холодной стенке квершлага, чтобы пропустить идущий на большой скорости электровоз с вагонетками, наполненными горной породой. Несколько раз я ударялся каской о выступы труб и спотыкался о деревянные шпалы и ржавые рельсы. Мне казалось, что этой дороге нет конца, и со страхом думал о том, что мне придется по ней ходить каждый день.

Немецкие горнорабочие при встрече с нами произносили всего одну фразу — «Gluk auf!». Мне рассказали, что оно означает пожелание невредимым выйти на поверхность. По легенде, ее впервые произнесла жена короля Саксонии Генриха IV (1056–1106) при его спуске в одну из шахт.

— Вот и наш штрек, — сказал Владимир, показывая лучом света на узкую выработку, отходившую от квершлага. Пройдя несколько метров, мы остановились. Откуда-то сверху доносились отрывистые звуки работающего отбойного молотка.

— Посмотрим, что делают наши друзья в этом блоке, — сказал Владимир и показал на мокрую лестницу, по которой нам предстояло подниматься. Он меня предупредил, что скользкие ступеньки могут быть сломаны, и нужно не забывать об этом при подъеме и спуске. Хватаясь голыми руками за грязные перекладки, я старался при подъеме вверх не отстать от моего товарища.

Вскоре Володя резко повернул направо и я, стараясь не отстать от него, дошел по узкому лазу до места, откуда слышалось ритмичное урчание отбойного пневматического молотка. Увидев нас, рабочие, отключив шипящие буровые агрегаты, поздоровались: «Gluk auf!».

Я обратил внимание на железные ящики, наполненные темной «сажистой» массой и блестящими мелкими обломками, похожими на антрацит.

Володя рассказал, что в ящике находится очень богатая руда, состоящая преимущественно из «урановой смолки» и «урановых черней».

На следующий день мы вновь спусти-

лись в шахту, но уже на более глубокий горизонт, где велась отработка нескольких ураноносных жил. При выходе из клетки я почувствовал какой-то «печной» запах теплого воздуха. На этот раз квершлаг, по которому мы шли, практически был сухим, и мне казалось, что где-то стоит большой калорифер и просушивает эту выработку.

Нам навстречу шли шахтеры с распахнутыми полами курток, в кожаных промасленных шортах и в резиновых сапогах.

У меня было желание сбросить с себя всю одежду и бежать босиком к прохладному «оазису». Позже я узнал, что на этой глубине температура достигала + 65 °С.

Володя мне рассказал, что такая температура в шахтах связана с высоким содержанием в породах серного колчедана (пирита), который при поступлении в шахту свежего воздуха окисляется с выделением тепла.

За относительно короткое время я привык к «подземелью»: спускался в шахту в легком костюме и без прежнего страха поднимался по крутым скользким лестницам в работающие блоки. Меня не пугали даже опасные места, которые приходилось переползать на четвереньках. В основном это были участки выработок, закрепленные когда-то сплошной деревянной крепью и раздавленной проседавшими горными породами.

Печальная весть...

В конце июля 1955 г. я вернулся из отпуска и узнал печальную весть: на соседней шахте № 208 был пожар, погибли 33 немецких горняка и наш товарищ М. А. Малявка, которого я хорошо знал. Он был высокого роста, общителен, эlegantен и всегда с улыбкой выслушивал в свой адрес шутки Юры Зубкова, который ему иногда говорил: «Марк, ты перерос свою фамилию!».

Мои товарищи говорили, что в шахте погибли в основном горноспасатели, которые во время последних тренировок удалили из противогазов (респираторов) резиновые клапаны и без них в первые минуты пожара отравились угарным газом, а Марк спустился в шахту даже без противогаса.

В город Йоганна Георга I ...

В начале октября 1955 г. меня вызвали в отдел кадров АО «Висмут» и после короткой беседы направили работать в Йоганнгергенштадт. Я до сих пор не могу найти для себя объяснения причины такого неожиданного перевода на новое место. Не исключено, что для приехавшего в Ауэ с молодой женой и маленьким ребенком геофизика Г. А. Недоступа нужно было освободить квартиру, в которой я жил один после отъезда в Союз Ю. В. Зубкова.

Сотрудник отдела кадров Объекта № 9

на автомашине довез меня до Управления Объекта № 1, начальником которого в это время был Панов И. А., главным геологом — Горшков Г. В., главным инженером — Попов В. И. Из краткого разговора с Горшковым Г. В. я узнал, что меня направляют работать на шахту № 279 в должности инженера — геолога.

В трехкомнатной квартире общежития, куда меня поселили, жили И. Л. Овчаренко, работавший в ОТК шахты № 1, и Е. И. Карасев — инженер отдела буровых работ. В этом общежитии жили также мои сокурсники: Е. А. Кондауров, Н. В. Глухоедов, Н. М. Бородин, В. М. Митрофанов, М. В. Дмитриев, Е. Н. Долотцев, а также ребята, с которыми я общался в Ауэ при их приезде на соревнования по волейболу, футболу, настольному теннису — И. В. Вяткин, Г. Ф. Шумков, Рождественский В. Н., Б. П. Худяков, В. Н. Вязовой, И. Л. Лукьянчиков, В. Е. Кнапп и др.

Wer wird bezahlen?

От Г. А. Каргополова я узнал, что шахта № 279 находится в горной местности, на границе с Чехословакией, и туда каждый день вместе с немецкими горняками придется добираться на служебном автобусе.

Он также сообщил, что в ближайшее время шахту планируется закрыть, и для этого уже готовятся соответствующие обоснования, в том числе разрешение на отработку жил в охранном целике ее ствола.

Зимой автобус с трудом поднимался на крутые склоны, и нам иногда приходилось его толкать вверх, глотая едкий запах выхлопных газов. Как правило, его подталкивали в основном советские сотрудники, а немецкие в это время доставали из портфелей бутерброды и, как говорится, уплетали их с треском за ушами... Кто-то из нас призывал немцев к совести, но они с ухмылкой спрашивали: «Wer wird bezahlen?» («Кто будет платить?»).

Однажды один горный мастер (штайгер) спросил, почему я не беру в шахту «frühstück» (завтрак). Я ответил, что перед уходом на работу я завтракаю, а после возвращения — обедаю. Он улыбнулся и сказал: «Wie das Pferd» («Как лошадь...»). Я знал, что на это ответить, но не хотел его обидеть.

Граница без замка

В этом месте граница между ГДР и Чехословакией проходила в нескольких метрах от территории шахты. Иногда во время игры в волейбол мяч от наших ребят залетал на чешскую сторону, а пограничники его быстро возвращали нашим игрокам.

В праздничные дни меня, как правило, отправляли на шахту дежурить.

Однажды ночью, сидя в мягком кресле

в дремотном состоянии, я услышал звуки автоматной очереди и немедленно сообщил об этом по телефону дежурному по Объекту. Вскоре на машине с собакой приехали немецкие полицейские, прошли вокруг огороженной колючей проволокой территорию шахты, но ничего подозрительного не нашли, а стрелять, по их словам, могли чешские пограничники.

Были случаи, когда мы приезжали на работу, и нам дежурный немецкий полицейский клал на стол большую пачку листовок, которые он утром собрал на территории шахты. В них были фотографии наших соотечественников, перебежавших в ФРГ и рассказывающих о «райской» жизни в этой стране.

Шахта № 1 Объекта № 1.
1957 год.

Первая на первом ...

После нескольких месяцев работы на этом небольшом руднике меня направили трудиться на шахту № 1 («Фришглюк»), которая была одной из крупных на первом Объекте. Как известно, американцы вывели свои войска из этого района в июле 1945 г., а советские, согласно договору, вошли в него, и уже в сентябре была создана геологоразведочная партия с адресом: «Полевая почта № 27304», на который нам писали из Союза письма родители и знакомые.

Шахта находилась недалеко от общежития, и все ее постройки и терриконы были хорошо видны из окна нашей квартиры. Начальником шахты в это время работал Мягков А. А., старшим геологом — Широков Ю. Ф. Вместе с нашими специалистами (геологами, геофизиками, контролерами ОТК) здесь работали также и немецкие геологи; некоторые из них учились заочно во Фрайбергской горной академии и понимали русский язык.

Я до сих пор вспоминаю одного из них — Хайнца Шлыка, который до войны был «летающим лыжником» и помнил фамилии советских спортсменов, с которыми ему приходилось соревноваться по прыжкам с трамплина, а во время войны — летал на бомбардировщике и сбрасывал бомбы на Смоленск.

Вам руда, а нам — деньги!

В период моей работы в АО «Висмут» на рудниках трудились только наемные немецкие рабочие. Большинство из них в погоне за большой зарплатой предпочитали трудиться даже в забоях, где радиоактивность достигала очень высоких уровней. В этих местах у меня, как правило, начинала болеть голова, и казалось, что ее пронизывают тонкие серебряные нити. Такое ощущение, вероятно, было связано не только с радиацией, но и с моим психологическим настроением при виде похожих на уголь урановых руд.

В таких блоках шахтеры, отработав два часа, спускались по восстающим в штрек, курили и ели бутерброды, запивая из термосов кофейной водой, а им на смену поднимались «отдохнувшие» их товарищи и продолжали также два часа «пиковать» богатую ураном руду.

Кто-то из наших геологов рассказывал, что до моего прихода на шахту из одной жилы был вырублен большой штупф урановой смолки и отправлен на ВДНХ в павильон «Геология».

Оплата за добытую в блоках руду производилась после ее доставки в железных ящиках на поверхность и оценки качества и количества нашими специалистами. По их запискам, которые немцы называли «zettel», горняки в этот же день в кассе получали немецкие марки.

Как правило, радиоактивную руду низкого качества в ОТК приносили также рабочие, не имеющие прямого отношения к работам в рудных забоях. Они выносили ее в карманах одежды, пробных мешочках и даже в грязных рукавицах. При этом приемщики из ОТК не спрашивали, где они взяли этот радиоактивный мусор. Были случаи, когда сотрудники горного надзора в охранных целиках стволов шахт обнаруживали узкие щели — следы «первобытных» способов добычи радиоактивной руды.

Шахтерская горькая доля...

Однажды я возвращался из шахты по штольне, которая на небольшой глубине проходила под нашим домом. Пол в квартирах от грохота работающих механизмов постоянно дрожал. В нескольких метрах от меня из штолека в штольню вышел человек с рельсом на плече и направился к ее выходу. Услышав за спиной грохот электроваза, я прижался к стенке выработки. Когда состав из нагруженных породой вагонеток с грохотом промчался мимо меня, я не увидел на последней красного сигнального огня... Но не успел я сойти на рельсы, как услышал стук колес и еще плотнее прижался к холодной стенке штольни. Через

несколько секунд мимо меня прокатилась с красным фонарем тяжелая вагонетка. Я начал громко кричать, стучать по трубам молотком, рассчитывая, что идущий по рельсам рабочий услышит и сойдет с них в безопасное место...

При выходе из штольни, я увидел лежащего на тележке с включенной на каске лампой мертвого шахтера. Стоявшие около него рабочие рассказали, что их товарищ шел по штольне, и его настигла отцепившаяся от состава вагонетка. Он погиб, прижатый к стенке рельсом, который нес на плече.

На шахтах нашего Объекта работали в основном немецкие радиометристы. Приборы им выдавали под расписку утром и принимали в конце рабочего дня, обращая внимание, в первую очередь, на сохранность свинцовых пломб. Геофизики об этих строгостях знали и во всех случаях старались их оберегать.

Был случай, когда в блоке под ногами молодого геофизика неожиданно обрушилась отбитая горня масса, и он оказался затянутым в каменную воронку.

Услышав крик о помощи, работавшие в забое горняки быстро спустились в штрек, открыли задвижки люков рудоспусков и руками начали выгребать каменную массу. Когда они извлекли из люка полуживого геофизика, он открыл глаза и спросил: «А где мой радиометр?»

Лучи на память

Однажды в ночное время мне пришлось дежурить на шахте. Я сидел в кабинете начальника и дремал. Неожиданно с контрольно-пропускного пункта (КПП) зазвонил телефон, я поднял трубку и услышал:

— Докладывает сержант Грибов. Нами задержан немецкий рабочий Людвиг Хуго. Он пытался в кармане куртки пронести кусок радиоактивной руды. Прошу поставить в известность об этом руководство Объекта.

В соответствии с существующей инструкцией, я позвонил главному инженеру нашего Объекта В. И. Попову. Он, судя по голосу, в это время спал. Я перед ним извинился и передал сообщение дежурного сержанта с КПП и спросил, что мне в этом случае делать.

— А сколько тонн руды этот немец хотел пронести? — спросил с юмором Василий Иванович. Я ответил, что у него радиометристы обнаружили в кармане куртки только небольшой кусок.

— Скажи от моего имени сержанту, чтобы не задерживал немца. Пусть несет этот сувенир себе на память, — сказал главный инженер и положил трубку.

Эхо венгерских событий

О начале вооруженного восстания в Венгрии, которое, как известно, продолжалось с 23 октября по 9 ноября 1956 г., мы узнали утром перед выходом на работу. Обычно в это время с территории шахты из репродуктора слышалась легкая музыка, но в этот день до нас доносился только грохот работающего транспортера, а дежуривший у проходной немецкий полицейский поприветствовал нас кивком головы. Если бы мы до этого не знали о мятеже, то можно было бы думать, что в ГДР объявлен траур по случаю кончины видного партийного или государственного деятеля.

В одной из рабочих комнат я увидел группу немецких геологов, которые листали толстую газету и молча рассматривали фотографии. Я обратил внимание, что на их пиджаках и куртках не было значков, на которых указывался год вступления в Социалистическую единую партию Германии (SED) или в Союз свободной немецкой молодежи (FDJ).

Кто-то из моих товарищей после работы в городе купил несколько толстых немецких газет, страницы которых были переполнены фотографиями обгоревших советских танков; толпы обезумевших венгерских мятежников, пинавших ногами подвешенного за ноги мужчину; лежавшего на асфальте мертвого человека, на груди которого был журнал «Коммунист», пронзенный штыком русской винтовки...

До нас доходили слухи, что в нашем городе в эти дни в школах учителя и учащиеся жгли на кострах учебники по русскому языку и книги русских и советских писателей, а в некоторых городах и поселках Германии в поддержку венгерских мятежников проходили многотысячные митинги.

В один из таких дней, когда «в воздухе запахло грозой», в нашей квартире собралась небольшая компания ребят, которая до полуночи за веселым дружеским ужином горячо обсуждала только венгерские события. При этом фантазия участников этой встречи доходила до самых абсурдных планов самообороны в случае нападения на нас «нечистой силы». Я говорил, что буду на головы нападающих бросать запасные части к мотоциклу, которые Иван Овчаренко собирает во время очередного отпуска увезти в Киев. В ответ владелец этого «металлолома» схватил мой баян и продемонстрировал захмелевшим друзьям, как он будет выбрасывать его из окна. Я ему в шутку подсказал, чтобы он еще не забыл про мой мольберт с красками.

О нашем веселом ужине и «прожектах» самообороны стало известно руководству

Памятник Э. Тельману
в Бухенвальде.

Объекта, и на следующий день нашу компанию вызвали в кабинет его начальника И. В. Панова, который, не стесняясь в выражениях, говорил:

— Чертовы перестарки, жениться не хотите, много пьете, и от этого у вас появляются бредовые мысли о самообороне. Вы думаете, что мы не предпримем никаких мер в этом направлении? Зарубите себе на носу: в случае малейшей опасности все советские сотрудники Объекта будут немедленно переправлены в Чехословакию! А если вы будете устраивать подобные сборища, я вас всех в 24 часа отправлю в Союз!

По дороге в общежитие кто-то из наших ребят сказал: «Нашел, чем пугать — Союзом!»

Я до сих пор помню забавный эпизод, который произошел во время венгерского мятежа на одной из шахт нашего Объекта. О нем знали и рассказывали в разных вариантах не только советские сотрудники, но и немецкие горняки. Я этот случай записал, и он в моих архивах хранится с названием «Портрет фюрера», который в сокращенном виде приводится ниже.

«... Полковнику отдела режима и порядка Объекта В. И. Пугачеву позвонил немецкий горноспасатель Гюнтер и сообщил, что в шахте №... он видел группу горняков, которые не работают, а обсуждают венгерские события, а на стенке квершлага висит большой портрет Гитлера.

В шахту спустились Пугачев, Гюнтер и переводчик Вилли, который в последние годы активно сотрудничал с руководством отдела режима и порядка.

— Gluck auf! — поприветствовал Пугачев горняков, сидевших на камнях и евших бутерброды при тусклом свете шахтерских ламп.

— Gluck auf! — ответили лениво шахтеры.

— Где портрет Гитлера? — спросил гром-

ко Пугачев. Вилли перевел на немецкий...

— Гитлер капут! — пошутил кто-то из горняков.

— Вилли, переведи этим «комрадам»: если они не отдадут портрет фюрера, им будет капут! — сказал Пугачев.

Машинист включил фару электровоза, и яркий луч осветил забой и стенку квершлага, на которой висел портрет... Гюнтер быстро снял его с металлического штыря и передал полковнику.

— Это портрет не Гитлера, а Вальтера Ульбрихта! Вот читайте внизу, где немецкими буквами четко написано. Надо же, стервец Гюнтер перепутал Гитлера с товарищем Ульбрихтом! — сказал раздраженно Пугачев и, не сказав на прощание «Gluck auf!», быстро пошел по темному квершлагоу к подъемному стволу шахты».

В первых числах ноября 1956 г. всем военнообязанным мужчинам нашего Объекта было приказано явиться в назначенное время в воинскую часть, которая находилась недалеко от нашего общежития. В этот день моросил мелкий со снегом дождь, я себя чувствовал не очень хорошо — врачи выявили у меня поясничный радикулит. Группу вывели на полигон... Сержант объявил, что мы будем по очереди стрелять из автомата Калашникова по мишеням, которые стояли в нескольких метрах от «огневого рубежа»...

Когда подошла моя очередь стрелять из положения лежа, я с трудом лег на грубый коврик, прицелился и три раза нажал на спусковой крючок. Корчась от боли в спине, я поднялся и стал около бетонного забора. Сержант подошел ко мне и в грубой форме приказал бежать к моей мишени и доложить о результатах стрельбы.

Превозмогая боль, я медленно пошел к дрожащему от ветра листу фанеры, на котором был изображен «потенциальный» противник. Увидев мою медлительность, сержант начал в мой адрес выкрикивать грубые слова. Вернувшись на «исходную позицию», я отрапортовал: «Товарищ сержант, все три пули попали в молоко!»

«Поди-ка, старуха, по коробу поскреби...»

Однажды начальник шахты А. А. Мягков пригласил в рабочий кабинет геологов, геофизиков и сказал, что план добычи шахтой руды в этом квартале находится под угрозой невыполнения, в связи с чем принято решение провести «субботник», а геологам и геофизикам — подготовить материалы с указанием мест, где могут быть не добытые в прошлом богатые «балансовые» руды.

Я до сих пор не могу забыть, как мы карабкались по скользким лестницам в восста-

ющих, по деревянным распоркам в пустых блоках, ходили по верхнему шахтному горизонту, где в былые времена в старых выработках геофизики находили ржавые ящики, наполненные урановой рудой. Но в этот раз мы не нашли ни одного такого клада. Я не помню, где мы в этот раз наковыряли несколько килограммов радиоактивной массы, но удалось ли в результате этого аврального патристического порыва улучшить плановые показатели работы шахты — для нас осталось «глубокой тайною».

Дрезден — Лейпциг — Бухенвальд...

За время работы в ГДР мне удалось побывать с экскурсиями в Дрездене, Лейпциге, Веймаре, Бухенвальде и на отдыхе в Обервизентале. В Дрездене экскурсия была организована в основном для посещения Дрезденской галереи, куда из Москвы после реставрации привезли картины Рафаэля, Тициана, Рубенса, Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рембрандта и др. Здесь в архитектурном комплексе «Цвингер» я впервые увидел «Сикстинскую мадонну» Рафаэля...

С тех пор пошло много лет, но в моей памяти всплывают не только шедевры живописи великих мастеров прошлого в архитектурном комплексе «Цвингер», но и руины «старого Дрездена» — результат варварских бомбардировок этого города англо-американскими союзниками в феврале 1945 года. Там, по имеющимся сведениям, за три дня погибло не менее 25 тысяч немецких жителей.

В Лейпциге экскурсовод нам напомнил, что «Битва народов» произошла около этого города в октябре 1813 г., и относится к числу крупнейших сражений в мировой истории. В битве Наполеон потерпел сокрушительное поражение. В этом сражении погибло около 110 тыс. солдат России, Австрии, Пруссии, Швеции. Воздвигнутый погибшим через столетий памятник многих из нас поразила своей монументальностью.

В этом городе мы побывали в доме, где в 1933 г. проходил так называемый Лейпцигский судебный процесс над Георгием Димитровым, которого нацисты обвиняли в организации коммунистами поджога рейхстага. В большом зале сотрудники музея включили фонограмму его речи на суде и дали каждому из нас напечатанный на русском языке ее текст. В предисловии было сказано, что Г. Димитров выступал в свою защиту на немецком языке, который он выучил, находясь в одиночной камере, всего за три месяца.

По дороге в Бухенвальд мы заехали в г. Веймар, где, как известно, жили И. Бах, И. Гете, Ф. Шиллер, Ф. Лист, Ф. Ницше. За короткое время нам удалось посетить дом-музей Ф. Шиллера и постоять у памятника И. Гете и Ф. Шиллеру.

В этот же день мы приехали в Бухенвальд, где во время войны находился концентрационный лагерь. На меня это место произвело ужасное впечатление, и нет никакого желания об этом вспоминать и тем более писать...

При выходе из одного барака экскурсовод остановился и показал место, где Э. Тельман выбросил свои именные часы, когда его вели на казнь. По ним было установлено место его гибели и впоследствии поставлен бронзовый бюст.

В один из зимних дней была организована поездка в г. Обервизенталь, который, как известно, с давних пор был одним из лучших зимних курортов Германии. В этот день на заснеженных склонах было много лыжников. Мы с восхищением смотрели на молодых парней и девушек, которые на горных лыжах, бороздя на крутых виражах пушистый снег, стремительно мчались к подножью склона.

Наша группа с беговыми лыжами на плечах медленно друг за другом поднималась на вершину невысокого холма, и потом спускались, стараясь не упасть или не наехать на отдыхающих. Мне нравилось смотреть на покрытые пушистым снегом невысокие сосны. Они, как куклы, стояли на сцене театра в ожидании первых чарующих звуков мелодий П. И. Чайковского, чтобы закружиться в веселом хороводе.

«Если соседа нет...»

У меня было желание хотя бы один раз посмотреть Берлин и взглянуть на автографы советских солдат, оставленные на колоннах рейхстага. Как-то в то время, когда я приехал в деревню в отпуск, мой отец, дошедший во время войны до Гамбурга, спросил: «А ты был в Берлине?» Я ответил, что туда пока не было экскурсии, но обещают ее организовать...

Слева направо (стоят):
А. Г. Натаров, И. Н. Яловенко,
Н. В. Широкова.
Обервизенталь, 1957.

Однажды нам объявили, что поездка в это город состоится, а записавшихся просили в назначенное время прийти в клуб, чтобы послушать информацию о правилах поведении участников во время экскурсии по этому городу.

Клуб советских сотрудников на Объекте № 1.

На этом собрании пожилой сотрудник отдела режима и порядка Объекта И. Зорин говорил, что за советскими специалистами охотятся спецслужбы иностранных разведок и стараются разными способами заманить в свои сети... «При отъезде из Берлина следует убедиться, что в автобусе твой сосед находится рядом, и ты чувствуешь его локоть», — говорил Иван Зорин.

Мне запомнились, ставшими «крылатыми» для нас его слова: «Если соседа нет — значит его нет!».

Но в этот раз по каким-то причинам поехать в Берлин я не смог. После возвращения из поездки мои товарищи говорили, что эта экскурсия им не понравилась.

По их рассказам, в назначенное время отъезда из Берлина все сотрудники зашли в автобус и сели на свои места и только одно сиденье рядом с шофером было свободным...

Время шло, шофер нервно поглядывал на часы, а блюститель режима и порядка не появлялся. Никто не знал, где его в этом городе искать. Кто-то даже пошутил: «Если соседа нет — значит его нет!»

На другой день мы узнали, что руководитель поездки, передав группу экскурсоводу, навестил работающего в Берлине своего друга, но после этой встречи не смог найти стоянку экскурсионного автобуса. До нашего города его на машине довезли работники берлинской военной комендатуры.

Каждый раз, когда мы садились в служебный автобус, кто-то из наших юмористов громко произносил: «Если соседа нет — значит его нет!»

Во саду ли, в огороде...

В праздничные дни в нашем клубе выступали, в основном, самодеятельные артисты из воинской части. Вместе с ними на сцене демонстрировали свое мастерство и наши сотрудники. Я всегда с удовольствием слушал игру на аккордеоне нашего товарища В. И. Заварзина, который виртуозно исполнял карело-финскую польку композитора Б. Тихонова.

В школьные годы я научился играть на балалайке несколько песен военных лет, используя при этом все пальцы левой руки и весь гриф этого инструмента.

Узнав о моем «таланте», руководитель струнного кружка предложил мне играть в нем на балалайке.

Когда я пришел на первое для меня занятие, он мне сказал, что они уже несколько дней разучивают народную песню «Во саду ли, в огороде», и показал на моей балалайке всего два аккорда — «ниста — ниста», которые я должен поочередно повторять... Когда завибрировал медиатор домры, забренчала шестиструнная гитара и включились в эту какофонию мои аккорды, у меня уже больше не было желания приходить на эти репетиции.

Работники клуба старались приобщить меня также к участию в самодеятельном хоре, но я от этого отрекся обеими руками, вспоминая мое «пение» в хоре во время работы в Ауэ.

В нашем клубе мы репетировали около двух месяцев одну и ту же песню, где были слова: «Партия наша, слава столетий, клятвой великой клянемся тебе...»

Руководитель хора — геофизик Леонид Хомчик — постоянно упрекал меня в том, что я во время пения слушаю только себя и пою то первым, то вторым голосом. Мне надоело слушать эти упреки, обиделся и не пошел на генеральную репетицию, а хор в Карл-Маркс-Штадте без меня славил «руководящую и направляющую силу советского народа». Прошло много лет, но в моей голове иногда звучат слова ее припева:

«Партия, народ всегда с тобой...»

Велосипед и граната...

На первом Объекте многие наши сотрудники хорошо играли в волейбол, футбол, настольный теннис, городки, занимались ездой на велосипедах и нередко выезжали на другие Объекты. Я не помню, какие командные места они занимали на соревнованиях по четырем перечисленным видам, но вспоминаю случай, когда мой сокурсник по техникуму Василий Митрофанов неожиданно занял первое место по велосипедным гонкам.

Соревнования проходили в районе г. Карл-Маркс-Штадт, куда приехали спортсмены со многих предприятий АО «Висмут» на легких спортивных велосипедах, и только Василий — на тяжелом «внедорожнике» фирмы «Diamant». Трасса проходила по асфальтированной дороге с многими подъемами и спусками. По рассказам Василия, на понижениях (уклонах) он так раскручивал массивные колеса своего «железного коня», что он выносил его по инерции на подъемы, оставляя позади группу соперников, едущих на изящных машинах. (После возвращения в Советский Союз Василий Митрофанов работал геологом на одном из урановых рудников Казахстана, и в 70-е годы погиб от рук уголовников).

В один из праздничных дней на стадионе нашего Объекта проводились соревнования по бегу, прыжкам в длину и высоту, городкам и метанию гранаты.

Рядом со мной на деревянной скамейке дремал инженер отдела нормирования работ Л. Г. Ткачев. Услышав объявляемые диктором результаты по метанию гранаты, он встал со своего места, подошел к организаторам соревнований и попросил «вне конкурса» разрешить ему хотя бы один раз метнуть эту «болванку». Получив согласие, нормировщик швырнул этот железный цилиндр так далеко, что судьям пришлось его в траве долго искать. На трибунах раздались громкие аплодисменты, а Леонид Георгиевич вернулся на свое место и, надвинув на глаза шляпу, продолжил дремать.

Вечер дружбы — «Freundschaft»

На наших Объектах часто организовывались вечера дружбы советских специалистов с немецкими партийными, комсомольскими и профсоюзными работниками. Эти встречи для краткости называли «Freundschaft». При разговорах можно было слышать: «А ты был вчера на Freundschaft?».

В больших залах клубов заранее ставили круглые столы, за которые организаторы этих мероприятий старались посадить вместе советских и немецких сотрудников. Как правило, на эти встречи немецкие мужчины приходили с женами и взрослыми детьми.

В конце зала работал буфет, где продавались немецкое пиво и «коньяк» марки «Weinbrandt», русская водка «Столичная», минеральная вода «Brombach», сосиски и бутерброды. Немецкие официантки от каждого стола брали заказы и быстро обслуживали. Мне запомнился один из таких вечеров, который проходил в нашем клубе в г. Ауэ.

На эту дружескую встречу я пришел вместе с Юрой Хилем, который уже год работал геологом на одной из шахт и прилично говорил на немецком языке. В этот вечер он

был одет в кожаную с погонами куртку и был похож на типичного немца.

Мы сели за свободный стол и решали, с каких напитков начать это мероприятие. В это время к нашему столу подошла немецкая семья из трех человек, главу которого я знал по работе на шахте. Он неплохо говорил по-русски. Юра решил, что за небольшим столом нам всем будет тесно и пошел к другому, где сидел средних лет мужчина, приехавший недавно работать на наш Объект.

Когда Юра подошел к столу, солидный мужчина в черном двубортном костюме с широким галстуком встал и первым протянул ему пухлую руку и представился:

«Коротков Сергей Федорович». В ответ он услышал: «Юрий Хиль!» Коротков подумал, что к нему подошел немецкий товарищ, и сразу попытался что-то заказать из буфета, но официантка только пожимала плечами, просительно поглядывая на улыбающегося «немца». Юрий на немецком языке пояснил девушке, что хотел сказать этот «комрад». Коротков за помощь пожал «немцу» руку и сказал: «Спасибо, товарищ Хиль!». И каждый раз, поднимая рюмку с коньяком, он повторял: «Будь здоров, товарищ Хиль!». В ответ «немец» произносил: «Zum Wohl, genosse Korotkov, Freundschaft!». Коротков попытался повторить это слово, но так и не смог правильно его произнести.

Зал вскоре наполнился звоном пивных кружек, дымом сигарет, громким смехом немецких друзей и тостами: «Дружба!», «Freundschaft!».

На сцене клуба появлялись какие-то комические персонажи, о чем-то болтали, кувыркались, пинали друг друга по мягким местам ногами, вызывая у захмелевшей публики хохот. Неожиданно из-за занавеса в зал выбежала в шляпах с перьями группа мужчин, и бегая в проходах между столами, громко выкрикивала какие-то смешные слова, что у немцев вызывало хохот до слез. А когда они построились в одну шеренгу и обнажили по команде до колен кривые волосатые ноги, зал взорвался от этого номера.

Веселый вечер дружбы близился к концу, буфет готовился к закрытию. Когда захмелевший Сергей Федорович собрался выйти из зала, к нему подошел сотрудник отдела режима и порядка и спросил:

— Вам понравился вечер дружбы, товарищ Коротков?

— Мне очень приятно было общаться с молодым немецким другом, который хорошо говорит по-русски, — ответил Сергей Федорович, показывая на Юру Хила. Сотрудник секретной службы улыбнулся и сказал:

— Да, Юрий Хиль — хороший парень и чувства юмора у него не отнять, ведь он

В. М. Митрофанов. Иоганнсбургштадт, 1957.

земляк писателя Гоголя и работает на шахте геологом...

«Нужен глаз да глаз...»

В годы моей работы в Рудных горах мне никогда не приходило в голову желание знать, как организована охрана горнодобывающих и перерабатывающих предприятий на наших Объектах. Всем было известно, что в Иоганнгеоргенштадте располагалась воинская часть, солдаты которой работали на радиометрических контрольных станциях (РКС) и на проходных на территорию шахт. В праздничные дни в клуб приходили офицеры с женами и вместе с нами смотрели концерты самодеятельных или приехавших из Союза профессиональных артистов. Я никогда не видел, чтобы наши военнослужащие патрулировали городские улицы, ходили по территории шахты, или около нашего общежития.

Перед каждой поездкой в отпуск в отделе кадров нам выдавали справки о том, что мы находимся на службе в войсковой части № 58157 и напоминали о необходимости регистрации в военкоматах по месту проведения отдыха.

За нами, молодыми специалистами, пристально следили сотрудники отдела режима и порядка, а также партийные и комсомольские функционеры. Нам постоянно напоминали, что в город разрешается ходить в светлое время дня и только втроем, не посещать рестораны, кинотеатры и другие увеселительные заведения, не обращать внимание на слова молодых девушек «komm mit mir» («пойдем со мной»).

Блюстители порядка не только угрожали высылкой в Союз, но, как правило, их выполняли.

Однажды до нас дошли слухи, что в этот отдел вызвали Мишу Зукоева и спросили, куда он ездит на велосипеде и с кем встречается. Темпераментный осетин ответил, что он тренируется и ничего, кроме дороги, не видит. Сотрудник отдела, которого я хорошо знал, достал из ящика стола несколько фотографий и спросил: «А это вы, товарищ Зукоев, тоже тренируетесь?» На следующий

день любитель велосипедных прогулок был отправлен в солнечную Осетию.

Как уже упоминалось выше, возвратившись однажды с работы в нашу квартиру, я увидел своего товарища Юру Зубкова, укладывающего вещи в чемоданы.

— Тебя переводят на другой Объект? — спросил я.

— Если бы на другой, срочно отправляют в Союз, — ответил он.

Утром со слезами на глазах я провожал его до машины, которая повезла его в Карл-Маркс-Штадт...

Цветы в безмолвной тишине...

За три или четыре месяца до окончания моей командировки в ГДР главный геолог Объекта № 1 М. И. Минькин пригласил геологов в свой кабинет и объявил, что пришло время приступить к составлению геологических карт верхних горизонтов шахтных полей, где в прошлые годы по разным причинам такие работы не проводились. Когда речь зашла о методике работ, то он сказал, что из каждой выработки надо через 10–15 метров отбирать образцы пород, раскладывать их в пустующих помещениях в соответствии с маркшейдерскими планами и при дневном освещении с помощью петрографов делать их описание и строить по этим данным геологические карты, планы и т. д.

Уже в первые дни стало понятно, что эту задачу решить практически невозможно. На горизонтах, где работы не проводились уже несколько лет, не было вентиляции, в квершлагах и штреках в безмолвной тишине стояли покрытые серой пылью и плесенью электровозы и нагруженные породой вагонетки, лежали детали больших вентиляторов, ржавые железные ящики, обрывки вентиляционных труб. Сплошная деревянная крепь была смята, и пробираться сквозь эти места приходилось с большим трудом, а, тем более, отбирать образцы горных пород.

В одном из штреков я обратил внимание на сквозные вертикальные отверстия, «просверленные» в ржавых рельсах падающими из люка рудоспуска каплями воды с неприятным сероводородным запахом. Гидрогеологи говорили, что эти воды содержат свободную серную кислоту и очень агрессивны по отношению к металлическим конструкциям.

В старых выработках мне всегда нравилось смотреть на так называемые «никелевые и кобальтовые цветы», которые в луче шахтерской лампы казались смелыми мазками художников — модернистов. Такие нерукотворные «букеты», как известно, образуются в результате окисления содержащихся в жилах минералов никеля, кобальта,

висмута и др. Немецкие геологи такие жилы называли жилами «бикони» (Bi-Co-Ni), которые отличались от ураноносных не только по минеральному составу, но и по ориентировке в пространстве.

За короткое время пустующие помещения шахты были заполнены образцами горных пород, но до отъезда многих геологов в Союз к ним по разным причинам так и «не дошли руки».

Лучи, кругом лучи!

В период моей работы в АО «Висмут» наши и приезжие пропагандисты читали лекции о ведущей роли КПСС при строительстве светлого будущего, о международном коммунистическом движении и так далее, но при этом я никогда не слышал ни одного слова о вреде радиации на здоровье человека и способах от нее защиты.

Как известно, основными источниками радиации в Рудных горах были урановые руды в недрах и в складских помещениях, концентраты на обогажительных фабриках, отстойники вод этих предприятий, отвалы «пустых» горных пород и т. д.

Выше отмечалось, что в шахты мы спустились в обычной хлопчатобумажной одежде, резиновых сапогах, в пластмассовой каске на голове, которые, естественно, не могли защитить организм от жесткого гамма-излучения.

Я никогда не забуду экскурсию на обогажительную фабрику в г. Ауэ. До этого я никогда не был на таких предприятиях и не представлял процесс обогащения урановых руд.

Когда мы пришли на эту фабрику, я увидел несколько агрегатов и механизмов, которые крутились, дергались и грохотали. Нас подвели к одному из них и сказали, что этот механизм называется вибрационным столом. Из бункера на качающуюся площадку сыпался темно-серый песок, и какие-то непонятные для меня силы заставляли темные песчинки двигаться в одну коробку, а светлые — в другую. Нам объяснили, что темный песок — это концентрат, состоящий преимущественно из урановой смолки.

Около этого стола в платках и марлевых повязках сустились русские женщины. Черный порошок они сыпали в небольшие картонные бочки, закрывали крышками и грузили в товарные вагоны, стенки которых были пробитыми с внутренней стороны длинными гвоздями, и они из-за этого были похожи на огромных ежей. Составы из таких «ежиков» отправлялись в сопровождении наших солдат в Советский Союз.

Рядом с обогажительной фабрикой находился пруд-отстойник, в котором в жаркие дни нам нравилось плавать на бревнах

и даже купаться. В то время о последствиях таких процедур никто из нас, к сожалению, не задумывался.

Во время очередного отпуска старшего геолога шахты Ю. Широкова мне пришлось выполнять его производственные обязанности. Утром в рабочий кабинет я приходил в бодром состоянии, но уже к середине дня у меня начинала болеть голова, и клонило ко сну. Об этом я рассказал старшему геофизику шахты, он пришел в кабинет с радиометром и обнаружил, что «снотворные» лучи исходили от железного сейфа, стоящего за моей спиной. Открыв этот железный ящик, мы увидели полку, на которой лежали цветные образцы окисленных урановых руд. Когда геофизик поднес к ним датчик радиометра, в наушниках послышался такой сильный треск, что он быстро отключил прибор.

Эту каменную «экзотику» мы передали работникам ОТК шахты. Вернувшись из отпуска, Юра Широков долго упрекал меня за выброс из сейфа музейных образцов урановых руд.

Когда я своим знакомым говорил, что три года в Германии работал на урановых рудниках, многие из них этому не очень-то и верили. Ведь в сознании простых людей сложилось представление, что в этом «пекле дьявола» работают только осужденные на большие сроки преступники.

«А за какие уголовные преступления тебя, Алексей, упекли на три года на эти рудники?» — спрашивали они.

Мне и моим коллегам из разных источников было известно, что в Чехословакии на урановых рудниках г. Яхимова работало несколько тысяч немецких пленных, уголовных и политических заключенных, в том числе осужденных по «делу Рудольфа Сланского».

До нас доходили слухи, что в районе этого города есть место, которое называется «Долина вдов», где работающие на урановых предприятиях мужчины умирали в раннем возрасте, и молодые женщины оставались вдовами. Об этом мне рассказывал также мой земляк и товарищ по учебе в техникуме Борис Котельников, который четыре года работал геологом в этой стране.

Иоганн Георг I переезжает...

В начале июня 1957 г. меня вызвали в отдел кадров Объекта и объявили, что срок

За подсчетом запасов «металла номер один», 1957 год.

Памятник Иоганну Георгу I.

моей командировки закончился, и надо готовиться к отъезду в Союз.

Возвращаясь в общежитие через разрушенный центр города, я увидел, как к трактору рабочие привязывают стальным тросом лежащую около постаamenta бронзовую фигуру курфюрста Саксонии Иоганна Георга I (1585–1656).

Не прошло и нескольких минут, как трактор потащил ее по каменистой дороге куда-то на новое место.

В результате подземных работ многие старинные постройки других городов (Шнееберга, Обершлемы) были практически разрушены. Попытка сохранить от полного разрушения эти города методом закладки пустых пространств не дали положительных результатов. Не сохранил свой первоначальный архитектурный вид и наш клуб. За несколько месяцев до моего отъезда начал вспучиваться красивый паркетный пол, на стенах появились большие трещины, начала осыпаться с потолка штукатурка и вскоре его закрыли как аварийный Объект.

Накануне отъезда в Москву мне выдали трудовую книжку, в которой, как уже отмечалось выше, была всего одна запись за трехлетнюю работу в АО «Висмут»: «Благодарность за активное участие в подсчете запасов и оформление материалов отчета».

Но для меня самым ценным подарком до сих пор является маленькая деревянная скульптура оленя, подаренная перед отъездом заведующей нашим клубом. Она стоит на моем письменном столе и напоминает о безвозвратно ушедших молодых годах, проведенных в лучах Рудных гор.

А. Натаров (третий слева) с товарищами накануне отъезда в Москву, июнь 1957.

В 1962 г. я окончил Московский геологоразведочный институт им. С. Орджоникидзе (МГРИ) по специальности «разведка месторождений радиоактивных элементов» (РМРЭ). Лекции нам читали и проводили практические занятия известные в стране ученые: А. А. Якшин, А. И. Тугаринов, А. С. Сердюкова, В. М. Григорьев, Л. В. Горбушина, Д. Ф. Зимин, П. С. Саакян, В. Н. Павлинов, Д. С. Соколов, В. М. Муратов, Е. В. Шанцер, В. А. Галюк и др. Мне было известно, что доцент кафедры ядерно-радиометрических методов нашего института Даниил Федорович Зимин работал в «Висмуте», но я не знал, что он — лауреат Сталинской премии, присвоенной ему в 1949 г. за разведку первых урановых месторождений в Рудных горах.

После окончания вуза мной пройдено немало дорог в горах Приморья, Кавказа, Болгарии, Югославии, в таежных джунглях Иркутской области, в степях Казахстана и Монголии, в джунглях Венесуэлы, в стране дымящихся вулканов — Никарагуа.

Вспоминая пройденный геологический путь, я благодарю судьбу за то, что она в самом его начале подарила мне Рудные горы и дала возможность увидеть в трехмерном пространстве геологическое строение уникальных урановых месторождений, а также организацию всех видов подземных горных работ при их освоении.

Полученный в АО «Висмут» опыт стал прочным фундаментом для моей многолетней научной работы не только на территории России, но и в перечисленных выше зарубежных странах.

А. Г. Натаров, кандидат геолого-минералогических наук, 2017.

Олег Мухарбекович Кастуев

Олег Мухарбекович КАСТУЕВ родился 1 июня 1936 г. в г. Орджоникидзе (Северная Осетия). В 1956 г. начал работать забойщиком-проходчиком на урановом руднике г. Лермонтова. В 1967 г. окончил МГРИ, горный инженер. В 1971 г. защитил кандидатскую диссертацию. В «Висмуте» с 1975-го по 1981 г. работал начальником лаборатории НТЦ, второй раз (с 1984 г.) — в горной лаборатории НТЦ, с 1985-го по 1990 г. — главный инженер рудника Дрозен. Умер 16.11.2014 г.

О. М. Кастуев.

Причина того, почему я стал горняком, довольно банальна: мне не хотелось служить в армии. А так как шахтерам предоставлялась бронь, я поступил на работу забойщиком на урановый рудник в г. Лермонтове, тогда п/я № 1 Минсредмаша. К тому же горняцкий труд в то время хорошо оплачивался, и для нашей большой семьи это было существенное подспорье. Мне было двадцать лет, кровь играла, а вокруг было много соблазнов, которые могли увести на кривые дорожки. И в это время мне очень повезло. Из ГДР, после работы в «Висмуте», приехал человек, который сыграл важную роль в становлении меня как человека и специалиста. Это был Юрий Михайлович Гаврилов. Некоторое время, пока он не получил квартиру, мы прожили с ним в одной комнате общежития. Благодаря его настойчивой «обработке» я поступил на заочное отделение Северо-Кавказского горно-металлургического института, который вскоре открыл учебно-консультационный пункт (УКП) в г. Пятигорске, где я в то время проживал.

Так как в то время я был единственным забойщиком на предприятии, который заочно учился в вузе, мне была предоставлена возможность работать только в первую смену. Электричка из Пятигорска отправлялась в 6 час 01 мин, а возвращался я с работы после 16 часов.

Четыре раза в неделю с 18 часов в УКП проводились занятия по 3–4 часа, плюс контрольные задания по общеобразовательным (например, по начертательной геометрии) и специальным предметам. Ясно, что времени катастрофически не хватало, тем более что рабочая неделя была шестидневная. Кроме этого, я уже женился, и у нас появился сын Юра, который тоже требовал время. Несмотря на все эти трудности, мне удалось закончить два курса. Хочу еще раз подчеркнуть огромную помощь Ю. М. Гаврилова, вплоть до помощи при выполнении контрольных заданий.

К этому периоду относится моя встреча с Дмитрием Петровичем Лобановым. В бригаде, где я тогда работал на руднике Быкогорка, проходили практику два студента-дипломника факультета «Редкие металлы» (Редмет) Московского института стали и сплавов. Руководителями дипломных проектов были профессор Георгий Николаевич Попов и доцент Дмитрий Петрович Лобанов.

Во время их посещения рудника в конце июля 1962 г. я познакомился с ними. Встреча состоялась на моем рабочем месте забойщика в блоке «Дальний 19/1», во время которой я завел разговор о возможности перевода на очное обучение к ним в институт. По тогдашним законам с заочного на очное отделение можно было перейти только после окончания двух курсов. Поэтому было решено вернуться к этому разговору через год, когда я закончу второй курс.

За этот год Д. П. Лобанов написал мне несколько писем с рекомендациями, на что обратить особое внимание.

В конце сентября 1963 г. меня зачислили на 2-й курс Московского института стали и сплавов на факультет «Редкие металлы». Все это происходило на фоне тогдашней политики Н. С. Хрущева приближения вузов к соответствующим производствам. Так, Московский институт цветных металлов и золота был переведен в Красноярск, а его корпуса переданы институту стали и сплавов. Факультет «Редмет», который готовил геологов и горняков для разведки и разработки руд редких и радиоактивных металлов, остался вначале в этом институте, а в конце 1963 г. был переведен в МГРИ. Все эти мероприятия не могли не сказаться на судьбах профессорско-преподавательского состава многих вузов. К их числу можно отнести члена-корреспондента АН СССР М. И. Агошкова, профессоров Г. Н. Попова, В. И. Киселева, В. А. Симакова, Н. В. Тихонова, по учебникам которых учились студенты ведущих горных вузов страны.

В начале 1964 г. ректором МГРИ был назначен Д. П. Лобанов. К счастью, моя судьба на многие годы оказалась связана с этим прекрасным человеком и талантливым педагогом. Он был руководителем моей дипломной работы, а затем научным руководителем кандидатской диссертации.

Начиная с третьего курса, меня привлекли к научной работе под руководством Д. П. Лобанова. Учился я по индивидуальной программе со свободным посещением лекций и лабораторных занятий с возможностью в течение всего года выезжать в научные командировки на горно-металлургические (ГМК) комбинаты Минсредмаша, в основном в Навоийский.

Кстати, материалы для дипломной работы и кандидатской диссертации были

Ю. М. Гаврилов.

собраны на предприятиях этого комбината, оснащенных к тому времени самыми передовыми в мире техникой и технологиями. Мне также представилась возможность познакомиться со специалистами, под руководством которых были построены крупные города и предприятия по добыче и переработке урановых руд и золота. В центре пустыни Кызылкум за 10 лет выросли такие города, как Учкудук и Заравшан, а на границе с полупустыней — город Навои.

Важную роль в моем становлении как горного инженера сыграли ведущие работники Навоийского ГМК: Антон Петрович Щепетков, Павел Васильевич Смирнов, Виктор Сергеевич Кременчуцкий, Юрий Михайлович Копылов, Олег Николаевич Мальчин. Приобретенный опыт значительно мне помог во время моей работы в СГАО «Висмут».

Калмыкия, лето 1964 г.
Слева направо:
В. И. Дорожкин, Бычков,
В. А. Симаков, О. М. Кастуев,
Д. П. Лобанов у походного
костра.

В 1971 г. я защитил кандидатскую диссертацию и до весны 1975 г. работал в НИСЭ МГРИ старшим научным сотрудником. В апреле 1975 г. был направлен в «Висмут», где проработал в горной лаборатории Научно-технического центра до апреля 1981 г. Перед отъездом из Москвы работник отдела кадров 8-го Управления Минсредмаша Иван Ефимович Холин пригласил меня с женой Аллой и провел с нами инструктаж, прямо по Высоцкому — «что там можно, а что нельзя». «Отвальную» не рекомендовал проводить в ресторане, хотя в то время у меня и средств таких и не было. Квартиру в то время я снимал в Матвеевском, вблизи «ближней Кунцевской дачи» И. В. Сталина. Вот недалеко около ограды этой дачи я и организовал проводы на природе с шашлыками.

Дав еще несколько дельных советов, Иван Ефимович сказал моей жене, что после

приезда в «Висмут» меня утром отвезут в Генеральную дирекцию. И вот вечером, когда муж вернется, продолжал он, с этого момента жена должна будет к нему обращаться только на «Вы». Алла недоуменно переспросила: «Почему?» «Потому», — ответил Холин, — что он привезет вам 400 марок аванса».

На 9 апреля у меня было три билета в купейный вагон на поезд № 3 Москва — Берлин до Франкфурта-на-Одере. На этом поезде я с женой и старшеклассником сыном Юрой уехал с Белорусского вокзала в ГДР, в «Висмут». Вечером 10-го апреля в Зигмаре у Советского клуба нас встретил Юрий Максимович Найдено и помог разместиться в двухкомнатном номере.

Видимо, любой нормальный человек, впервые покинувший свою страну, первые дни находится в возбужденном состоянии, что, наверное, послужило причиной моей бессонницы. Помню, что наутро я проснулся очень рано, с рассветом. Сгорая от любопытства, я выглянул в окно с третьего этажа и был потрясен увиденным. На небольшой лужайке перед домом резвились зайцы!

Около 7 часов утра в номере раздался телефонный звонок, и незнакомый голос сообщил, что за мной поехала машина, на которой меня доставят в Генеральную дирекцию. Минут через 10 немец-водитель остановился у какого-то по внешнему виду административного здания, где меня уже ждал начальник отдела кадров.

В первый день меня представили руководству «Висмута»: начальнику колонии Григорию Андреевичу Дубенко, секретарю парткома Олегу Семеновичу Докукину, председателю профкома Дмитрию Степановичу Горожанкину, начальникам ведущих отделов ГД. Еще пара дней понадобилась для знакомства с разнообразными инструкциями и режимными документами. С 10-го апреля меня назначили руководителем лаборатории твердеющей закладки в отделе подземной разработки под началом Ю. М. Найдено. В «Висмуте» я познакомился с такими специалистами, как Г. Г. Андреев, В. Ф. Слепых, В. Ф. Хныкин, А. А. Степин, Ю. Я. Евлюхин, Вернер Рихтер, Бернхард Конецки, Эрвин Кринке, Ханс Бэр, Ханс Лорманн, Гюнтер Куммер, Лотар Штарк, Ян Манфред, у которых я многому научился.

За время работы в этой должности в поисках вяжущих материалов для твердеющей закладки я посетил практически все цементные заводы и ТЭЦ в ГДР, применявшие в качестве топлива бурый уголь. Был проведен комплекс лабораторных, экспериментальных исследований с целью выявления вяжущих свойств золы с электрофильтров печей ТЭЦ.

Результаты этих работ позволили значительно сократить использование цемента

для твердеющей закладки, заменив его золой. Другим, не менее важным фактором, явилось высвобождение площадей под отвалы, хранение в которых кубометра золы обходилось в тот период около 6 марок. Прямая доставка золы на предприятия «Висмута» позволила существенно улучшить экологическую обстановку в районах, где располагались огромные карьеры по добыче бурого угля. Весь комплекс перечисленных работ позволил высвободить значительные трудовые и материальные ресурсы и использовать их в других отраслях народного хозяйства ГДР.

Результаты научных разработок и критический анализ мирового опыта применения твердеющей закладки легли в основу при проектировании и строительстве закладочного завода на руднике Беервальде с проектной мощностью более 2 млн кубометров в год. На тот период это был один из самых современных предприятий подобного типа.

Место строительства завода было выбрано таким образом, что весь объем закладки должен был подаваться в выработанное пространство только через скважины. С учетом того, что завод должен был обеспечить закладкой рудники Беервальде, Дрозен и Корбуссен, возникла необходимость бурения многих скважин глубиной до 600 метров и использовать целый парк автомобилей-бетономешалок. Для этого нужно было у сельхозоператоров брать в аренду землю под буровые площадки и дороги, с которых плодородный слой почвы нужно было сохранить и после окончания эксплуатации скважин использовать для рекультивации. Все это, а также отсутствие соответствующей техники и опыта бурения таких скважин значительно повышала затраты. Конечная стоимость кубометра уложенной в выработанное пространство закладки в немалой степени зависит от качества скважин. Чем больше объем закладки за время эксплуатации скважин, тем выше экономический эффект. Основоплагающим фактором при этом является строгая вертикальность и по возможности максимальное заполнение скважины закладочной смесью по высоте, что на практике трудно осуществить.

В начале апреля 1981-го я вернулся в Москву и до лета 1984 г. проработал старшим научным сотрудником НИСА в МГРИ. В июле 1984 г. был вновь приглашен в «Висмут» и в декабре назначен на должность начальника горной лаборатории НТЦ. Мною вместе с Максимовым была впервые для тюрингских месторождений разработана методика расчета нормативов подготовленных и готовых к выемке запасов на примере рудника Беервальде. Это позволило планировать экономически целесообразные объемы капитальных, подготовительных

и нарезных выработок, оптимизировать затраты на проведение, крепление и поддержание выработок указанных категорий.

В начале апреля 1985 г., вечером, мне домой позвонил Евгений Синев, референт В. П. Назаркина, и сообщил, чтобы завтра к 7 часам утра я явился к нему в приемную. Когда я прибыл к назначенному времени, Синев предложил мне подождать, так как Валентин Павлович на время вышел. Однако через некоторое время зазвонил телефон в приемной и меня пригласили в кабинет заместителя генерального директора СГАО «Висмут» по кадрам и режиму Валерия Николаевича Бурлова. Когда я вошел в кабинет, то увидел, что там сидели В. П. Назаркин, секретарь парткома Владимир Николаевич Кузин, председатель профкома Василий Иванович Сапрыкин. Бурлов сообщил, что по инициативе Назаркина мне предлагается занять должность главного инженера рудника Дрозен, на что я возразил, что не являюсь членом КПСС, что всех развеселило. В общем, в Москву послали на утверждение мои документы.

На 13 часов 5 мая В. П. Назаркин назначил собрание инженерно-технического персонала рудника Дрозен, на котором предполагалось представить меня коллективу в должности главного инженера.

Но в 4 часа утра мы с ним были вынуждены выехать на предприятие, так как там случилась крупная авария. Около 6 утра мы уже были на месте аварии на каскаде рудоспусков на горизонте –600 метров. Перед нами предстала довольно мрачная картина. Каскад предназначался для выдачи основных объемов руды и пустых пород через шахту № 415, оснащенную двумя скипами вместимостью 23,5 тонны каждый, автоматическая загрузка которых осуществлялась на горизонте –720 м. Каскад представлял собой три вертикальные параллельные выработки круглого сечения диаметром 2 м. Этот комплекс был сооружен таким образом, что загрузка могла осуществляться поочередно с трех горизонтов: –540, –600 и –660 м. Напротив рудоспусков в камерах были смонтированы по два круговых опрокида на две шахтных вагонетки каждый. Один — для разгрузки горной массы, другой — для мойки вагонеток напорными струями воды.

И вот в заполненном горной массой рудоспуске до уровня –540 м на высоте около 15 метров от горизонта –600 м висела «пробка». Попытка ее посадить мощной струей воды сверху результата не дала. При пробивке снизу струей воды пробку удалось посадить. Но так как ниже уровня –600 м восстающий был заполнен горной массой, защитная стена не выдержала такого удара горной массы, и камера опрокида была

заполнена горной массой практически до кровли, а опрокиды смяты и сдвинуты к противоположной стене. Удар был такой силы, что не выдержали даже двутавры кранбалок. Посадкой пробки руководил опытный oberштейгер Дитер Настула, с ним были еще три или четыре горняка. К большому счастью, никто не пострадал, в чем решающую роль сыграли огромный опыт и умелые действия в сложнейшей обстановке oberштейгера.

Там же, на месте аварии, Назаркин представил меня директору предприятия Роланду Штельцигу и всем остальным работникам, кто присутствовал на аварии. Таким был мой первый день на руднике Дрозен в должности главного инженера.

Авария вынудила полностью пересмотреть производственные планы. Горные работы на горизонте –540 м и выше пришлось сократить до минимума. А для бесперебойной выдачи всей горной массы на поверхность в 1986 г. была предложена и внедрена технология с компьютерным управлением

О. М. Кастуев
и М. В. Мельниченко.

процессом. В разработке технической части этого проекта самое активное участие приняли опытные специалисты: Клаус Хинке, Дитер Настула, Дитер Вагнер, Вольфганг Баух, Йохан Аланд, Гюнтер Хофманн, Хемпель, Вадим Борисович Седов, Михаил Вадимович Мельниченко, Юрий Иосифович Шоматайлов.

Основной системой разработки на предприятии была система нисходящими слоями под твердеющей закладкой, зарекомендовавшая себя наиболее эффективной и безопасной в условиях слабой устойчивости руды и вмещающих пород и их высокой пожароопасности.

На руднике Дрозен значительные проблемы возникли в связи с увеличением глубины разработки до 600 м и глубже, а также необходимостью бурения на эти глубины большого количества скважин стоимостью до нескольких тысяч марок каждая. Удельные затраты на кубометр заложеной в выработанное пространство твердеющей закладки можно было снизить за счет увеличения срока эксплуатации каждой скважины, который зависел от ее строгой вертикальности, непрерывной подачи смеси, соблюдения рецептуры и поддержания максимального уровня их заполнения. Нарушение любого из этих требований влекло за собой резкое снижение этого срока. Были случаи, когда после подачи пары тысячи

кубометров скважины выходили из строя. В этой связи технически и экономически наиболее приемлемым является «прямая» подача, то есть из смесителя на закладочном заводе непосредственно через вертикальный став в выработанное пространство. Когда весной 1981 г. на совещании на только что созданном руднике Дрозен с участием Проектного предприятия и НТЦ обсуждался важнейший вопрос обеспечения рудника твердеющей закладкой, мной от НТЦ был предложен вариант «прямой» подачи. Однако он не был принят. Практика показала правоту отвергнутого варианта, но об этом позже.

Вернемся к аварии на рудоспусках. Проектным предприятием был разработан проект реконструкции, который был реализован в течение четырех месяцев. За это время все три рудоспуска были армированы кольцами из высокопрочной стали толщиной 20 мм. Контроль за степенью износа армировки осуществлялся регулярно с помощью ультразвуковых толщиномеров. Такой же контроль был внедрен на закладочных трубопроводах для своевременной замены изношенных участков, что позволило до минимума снизить аварийные выходы закладочной смеси в выработку.

Необходимо отметить, что все производственные задания на время проведения ремонтных работ оставались без изменения, и их нужно было выполнять. И только благодаря самоотверженной работе молодого коллектива удалось с достоинством преодолеть возникшие трудности. К этому нужно добавить, что процесс строительства рудника продолжался как под землей, так и на поверхности, и предприятию нужно было выводить на проектную мощность.

Большие трудности были вызваны неподтвердившимися объемами разведанных запасов. При таком положении возникла необходимость в пересмотре проектных показателей в сторону увеличения протяженности капитальных, и особенно геологоразведочных выработок, и соответствующему повышению их стоимости.

Уровень затрат на единицу добываемой продукции в первую очередь зависит от содержания в ней металла. К описываемому периоду этот показатель на руднике Дрозен был в шесть с лишним раз ниже, чем у ведущих уранодобывающих стран. В таком же соотношении находилась, соответственно, себестоимость готовой продукции. Оказавшись в водовороте описываемых событий, достойно решить поставленные задачи стало возможным только благодаря слаженной работе специалистов ГДР и СССР. Можно ерничать по отношению к некоторым аспектам тогдашних взаимоотношений, но толь-

ко теснейшее сотрудничество в производственной сфере позволило запроектировать и построить самое современное в мире горнодобывающее предприятие.

В качестве примера можно привести технологию для выдачи горной массы на поверхность. Участие людей в этом процессе было сведено до минимума. В руддворах на каждом горизонте были сооружены радиометрические сортировочные пункты, которыми управляли операторы. Автоматическая сцепка и расцепка вагонеток и магнитная маркировка позволяли операторам направлять их в соответствующий рудо- или породоспуск. Участие человека на этом до загрузки в железнодорожные вагоны заканчивалось, и лишь для доставки пустой породы в отвалы использовался автотранспорт.

Вся крепь заготавливалась на поверхности. Широко (> 85 % горизонтальных выработок) применялся набрызг-бетон. Более 80 % восстающих выработок сооружали буровыми машинами. Крупногабаритные и длинномерные материалы спускали в специальных контейнерах, для чего их подвешивали под клетки.

В этот период были реализованы два очень крупных технических проекта. Во-первых, это плановая замена канатов скипового подъема, во-вторых, разработка и внедрение технологии «прямой» подачи твердеющей закладки в рудник.

По разработанной службой главного механика программе для замены канатов требовалось 9 календарных суток. В этом случае производственный процесс нужно останавливать на 5–6 рабочих дней. Принятие этого варианта означало неминуемый срыв выполнения годового производственного плана.

Технологическое оборудование ствола № 415 было принято по аналогии со скиповыми подъемами предприятий ГМК Желтые Воды, на которых уже менялись канаты в более короткие сроки. Тогда, по моему предложению, для обмена опытом на время замены канатов на одной из шахт в Желтые Воды были командированы специалисты из Дрозена, которые приняли участие в замене канатов. Работы там были проведены менее чем за 4 суток. После их возвращения было принято решение разработать новую программу с учетом приобретенного опыта. Для оказания технической помощи при выполнении этих работ я пригласил главного механика и бригадира слесарей из ГМК г. Желтые Воды. Канаты были заменены за 4 дня: два октябрьских праздничных и следовавшие за ними два выходных дня. К началу следующей рабочей недели в 6 часов утра в понедельник скипы снова были приведены в рабочее состояние. За оказанную помощь

в выполнении этих работ оба приглашенных из Желтых Вод были отмечены знаками «Мастер труда» и денежными премиями.

Экономические расчеты показали, что затраты на мероприятия по «прямой» подаче закладки окупались за один год. Это явилось аргументацией для осуществления данного проекта за счет себестоимости. Из корпуса закладочного завода была пробурена скважина до –540 м. К ее основанию был пройден штрек протяженностью около 1500 м для прокладки трубопроводов. Главным преимуществом «прямой» подачи закладки является возможность сократить в несколько раз износ трубопроводов за счет постоянного заполнения до верхней кромки вертикального става и создания условий для ламинарного движения смеси в трубах. Такая технология позво-

Главный инженер
О. М. Кастуев с супругой
Аллоей Николаевной
(в центре) и советские
сотрудники с женами
на праздничном вечере.

ляла подавать закладку более чем в 80 % объемов отработанного пространства.

Несмотря на все трудности, работа доставляла мне удовольствие, и я до сих пор горжусь тем, что несколько лет был главным инженером самого современного в мире на тот период предприятия по добыче урана. И я горжусь, что именно в тот период меня награждали знаком «Шахтерская слава» всех трех степеней. Я с удовольствием вспоминаю нашу совместную, творческую работу советских и немецких специалистов по решению зачастую трудных технических и производственных проблем. Вспоминаю директора Роланда Штельцига, штейгеров Дитера Настулу, Дитера Вегнера, Клауса Хинке и мн. др., с которыми мы вместе работали.

Однако, в силу сложившейся международной обстановки, рудник Дрозен 31 декабря 1990 г. прекратил добычные работы, хотя и развивался в соответствии с заложенными в проекте показателями.

На профсоюзной конференции советских специалистов 4 февраля 1990 г. меня избирают председателем профсоюзного комитета. В этой должности я работал до 31 декабря 1990 г. Период этот был очень напряженным, что было связано с массовым отъездом советских специалистов на Родину. Несмотря на это, в СССР удалось отправить всю художественную и техническую литературу, реквизит для детской и взрослой самодеятельности, инструменты для ВИА, которые были переданы Московскому геолого-разведочному институту и подшефному детскому дому в Рузе Московской области.

Всем желающим за счет средств профкома были приобретены картонные коробки, а немецкая сторона предоставила каждой семье десятикубовые контейнеры. По согла-

Анатолий Степин с супругой и Олегом Кастуевым.

санию с ЦК профсоюзов Минсредмаша, остаток финансовых средств профкома был выдан поровну нашим семьям в качестве материальной помощи.

Несколько слов о работе профсоюза в «Висмуте». Создание условий для отдыха и досуга были всегда в центре внимания руководства и профсоюзной организации.

Для этих целей была построена сеть санаториев, домов отдыха, спортивных центров и пионерских лагерей, где могли провести свои отпуска практически все семьи трудящихся. Дети проводили школьные каникулы в пионерских лагерях «Цинновиц» (Балтика), «Табарц» (Тюрингия), «Розенталь» и «Митвайда» (Саксония). В санаториях Цинновца, Бад-Бланкенбурга, Бад-Шандау, Розенталя, Табарца и др.правляли свое здоровье трудящиеся. Каждое предприятие имело свою базу отдыха с небольшим водоемом и бунгало на одну семью, где круглый год могли проводить свой

отпуск трудящиеся. В последние годы в этих санаториях отдыхали и советские специалисты. В пионерские лагеря, кроме детей советских специалистов «Висмута», приглашались дети из посольств в Берлине и Бонне, всех консульств в ГДР и ФРГ.

Немецкие передовики производства широко поощрялись семейными туристическими путевками, а также путевками в санатории и дома отдыха стран социалистического содружества.

В состав большинства сборных команд ГДР входили спортсмены «Висмута». Футбольная команда «Висмут-Ауэ» играла в оберлиге ГДР и встречалась в товарищеском матче с московской командой «Торпедо».

В строительстве известных на весь мир лыжных центров в Обервизентале и Тюрингии, ставших кузницей кадров спортсменов для сборных ГДР, самое деятельное участие принимали машиностроительные заводы и Строительно-монтажное предприятие «Висмута».

Команды советских специалистов по шахматам и волейболу занимали призовые места в зональных соревнованиях первенства ГДР. По инициативе и при активном участии Тамары Евгеньевны Гусаковой, Станислава Петровича Левчика, Валентина Павловича Кондрашова, Веры Федоровны Гавриловой и других энтузиастов, на всех Объектах была создана, и на довольно высоком уровне, целая сеть художественной самодеятельности. С их участием в Зигмаре проводились ежегодные фестивали, в ходе которых определялись лучшие драматические, танцевальные и хоровые коллективы и индивидуальные участники в различных жанрах.

Для знакомства с историческими и культурными достопримечательностями были организованы регулярные автобусные экскурсии, в Дрезденской картинной галерее — цикл научно-популярных лекций.

После объединения товары из Западной Германии хлынули в ГДР. Практически любая площадь использовалась для их размещения и реализации, для чего восточногерманские склады и магазины освобождались. Товары восточного производства распродавались по бросовым ценам. К примеру, ликеры ГДР продавали за 2–3 марки за бутылку, за 10 марок можно было купить целый бумажный мешок чая. Любую свободную площадь владельцы частных домов сдавали для размещения подержанных автомобилей, предназначенных для продажи. За полгода после введения в оборот западной марки в восточных землях было реализовано более 300 тысяч западных автомобилей.

По субботним и воскресным дням центральная автобусная остановка у Проектного предприятия превращалась в авто-

мобильный рынок. На въезде за 20 марок приобретались место и две трафаретки, в которые вписывались год выпуска, пробег и другие характеристики автомобиля. Процесс купли-продажи, снятия и постановки на учет в транспортной полиции было максимально упрощено. Покупка мной «Ауди-100» прошла так. Договорились о цене, хозяин от руки на обычной бумаге заполнил два экземпляра купчей в произвольной форме, указав в них основные данные об автомобиле, свои и мои паспортные данные. Он расписался за продавца, я за покупателя. Один экземпляр хозяин забрал и по нему в Нюрнберге снял авто с учета, а я в понедельник, купив в ларьке два транзитных номерных знака, за 20–30 минут оформил автостраховку на свое имя по рукописной купчей. Страховка действовала 30 дней до Москвы.

Несколько слов об охоте, рыбалке и сборе грибов. Охотники могли оттачивать свое мастерство на траншейном и круглом стендах, оборудованных в соответствии с требованиями, предъявляемыми к таким сооружениям. На них проводились соревнования, как висмутовские, так и совместные с немецкими коллективами.

Белые грибы, мароны (польский гриб), лисички и шампиньоны немцы собирают в небольших количествах. Впрямь практически не заготавливают, а свинушки, чернушки и опята вообще не трогают. Наши грибники этим пользовались в полной мере. В грибной сезон организовывались коллективные поездки за грибами на автобусах.

В первое время после объединения

некоторые молодые люди позволяли себе враждебные выходки. На контейнере для отправки моих домашних вещей крупными буквами краской из баллончика написали: «Russen raus!» («Русские — вон!»). В Советском клубе демонстративно шумно разгуливали молодые люди, курили, пили спиртное, на кладбище советским воинам в Гере были разрушены несколько надгробий. Это вызвало взрыв возмущения местного населения. К примеру, в Гере в районе кладбища нашим воинам в знак протеста было организовано многотысячное факельное шествие. После проведения в нескольких городах подобных мероприятий всякие безобразия были прекращены.

В конце 1990 г. профком перестал функционировать, и с 1 января я стал работать заместителем начальника производственного отдела по науке и технике уже нового «Висмута».

Свои воспоминания я начал с поступления на работу забойщиком на руднике. С тех пор прошло много времени. И сейчас, находясь на пенсии, я могу сказать, что я горжусь выбранной профессией, которая позволила мне не только достичь определенных успехов в становлении меня как инженера и исследователя, но и познать радость знакомства с интересными людьми. Особое место в моей жизни занимает «Висмут», с интересной и динамичной работой в совместном советско-немецком коллективе. Память об этой работе и людях, с которыми я трудился и дружил, останется в моем сердце.

Федор Григорьевич Дороненко

Федор Григорьевич ДОРОНЕНКО родился 13 января 1930 г., горный инженер, кандидат технических наук. Работал в «Висмуте» на Объекте 9: старшим инженером ОТК шахты, гл. инженером шахты, старшим инженером по горным работам рудоуправления (с августа 1953-го по май 1958 г.); старшим инженером ПТО рудоуправления (с сентября 1962-го по июль 1968 г.); начальником технического отдела рудоуправления (с октября 1986-го по февраль 1991 г.).

Пятнадцать лет в СГАО «Висмут»

В общей сложности мне пришлось поработать в «Висмуте» (Ауэ) около 15 лет. За это время я был награжден тремя немецкими знаками «Мастер труда» и советским знаком «Шахтерская слава».

Это были годы усиленного развития горных работ (1953–1958), достижения максимальных результатов (1962–1968) и прекращения горных работ (1986–1991).

На этом уникальном по своим характеристикам месторождении (Объект 9) применялась самая современная и новейшая (по тому времени) техника и технология до-

бычи и обогащения добываемых руд. Постепенно горные работы ушли на глубину около 2 км. Температура пород достигла 65 градусов (воздух был, как в парной бане). Борьба с этой жарой требовала проведения кардинальных мероприятий и введения в работу специальных холодильных мощностей в большом количестве.

Быт был устроен таким образом, что свободного времени практически не оставалось, — каждый советский сотрудник выполнял какую-либо общественную работу.

Остановка во время
экскурсии, май 1957 г.

В первый период работы в «Висмуте» в г. Ауэ мне довелось быть руководителем радиокружка и председателем коллектива охотников и рыбаков наших сотрудников Объекта 9.

В этот период весь район Рудных гор был засыпан антидемократическими листовками, во множестве сбрасываемыми с воздушных шаров. Выходить за пределы советского сектора в одиночестве нам запрещалось. В первые годы работы на предприятии мне пришлось неоднократно убеждаться в справедливости основной мысли инструктажей в ЦК комсомола и в ЦК КПСС: моральный облик и честь советского гражданина должны быть примечательны; западные разведки не дремлют; у стен есть глаза и уши. Для конспирации в объявлениях на дверях Советского клуба и в наших разговорах комсомольское собрание называлось физкультурным.

Все советские сотрудники проходили интенсивный курс изучения немецкого языка по три раза в неделю в течение двух лет с помощью советских преподавателей.

Во второй период моей работы происходило широкое внедрение в производство новых технологий добычи руды и обеспечивающих эти технологии машин и механизмов. В общественной работе мне снова пришлось стать председателем коллектива охотников и рыбаков. Выезжали на охоту и рыбалку практически еженедельно: в субботу — охота, в воскресенье — рыбалка. В это же время я был избран заместителем председателя местного комитета профсоюза.

Отношения с немецкими людьми были простыми и взаимно дружескими. Нередко поступали приглашения принять участие

в каком-либо мероприятии, проводимом немецкими коллегами Объекта 9. По линии Общества германо-советской дружбы мне поступали приглашения и из других городов ГДР для участия в торжественном мероприятии по поводу какой-либо знаменательной даты. Три раза в разные годы мои фотографии (два раза вместе с женой) появлялись в немецких газетах с соответствующими эпизоду заметками или статьями.

Дружественные отношения с немецким населением широко развивались. Нередко проводились выезды на охоту совместно с немецкими охотниками. Иногда коллективы немецких охотников просили оказать им помощь в отстреле слишком расплодившихся зайцев и кроликов, наносящих вред сельхозпосевам.

Однажды по причине внезапной болезни скорая помощь увезла меня в соседний город, в немецкий госпиталь, где без промедления была сделана (удачно) операция на кишечнике. Мне и сейчас приятно вспомнить ту заботу и внимание хирургов, начальника госпиталя и медсестер, особенно медсестер (их было пятеро) — они ежедневно выполняли с удовольствием каждая свою работу, облегчая мое состояние и приближая к выздоровлению.

Однажды ко мне в палату пришли мои немецкие сослуживцы. Они приехали в другой город, чтобы навестить меня. Это было так трогательно, и очень обрадовало и взволновало меня.

В спортивной жизни советского коллектива шла усиленная работа. Регулярно устраивались тренировки и соревнования по волейболу, по городкам, по стрельбе

из пневматической винтовки, по стрельбе на траншейном и круглом стрелковых спортивных стендах.

Все вновь прибывшие сотрудники проходили обучение немецкому языку, но уже немецкими преподавателями. В Советском клубе продолжались репетиции самодельного хора, подготовка литературно-художественных композиций для выступлений на олимпиадах, проводимых в СГАО «Висмут».

Практиковались поездки сотрудников и членов их семей в другие города для ознакомления с достопримечательностями и культурным наследием ГДР.

В это же время, когда я был в отпуске в Москве, мне был вручен в качестве поощрения пропуск в Кремль. Можно представить, какие чувства и волнение мне пришлось пережить, вступая через Спасские ворота на территорию Кремля. Меня поразила полная тишина и какое-то величавое спокойствие колоссального колокола, гигантской пушки и великолепных соборов, как будто только вчера построенных. Нигде не было видно ни одного человека.

Ну а об Оружейной палате простыми словами рассказать невозможно. Все возвышенные слова, самые горячие эпитеты покажутся недостаточными для шедевров, хранящихся в залах палаты.

В третьем периоде работы в «Висмуте» (1986–1991) продолжалось внедрение новейшей техники. Большее внимание по-прежнему уделялось борьбе с высокой температурой на глубоких горизонтах. Осуществлялось бурение вентиляционных стволов и запасных выходов комбайнами на полное сечение. Вводились в строй огромные кондиционеры (фабрики холода) на поверхности и в подземных залах. Кроме общего охлаждения поступающего воздуха, каждый забой имел свой кондиционер на рельсовом ходу. Все это создавало допустимые по правилам эксплуатации условия труда на горячих горизонтах. На обогатительной фабрике применялось новейшее оборудование и методы обогащения руд.

Будучи начальником технического отдела, мне приходилось также осуществлять техническую учебу советских специалистов ежемесячно с сентября по май месяц. В состав техучебы входила и организация посещений передовых горных предприятий ГДР и международных ярмарок (выставок) в Лейпциге. По линии общественной работы я был председателем местного комитета, участником спектаклей драмкружка, «смотрителем» телеприемной станции «Москва» спутникового телевидения, смонтированной в Советском клубе.

По линии Общества германо-советской дружбы я продолжал вести лекционную работу на предприятиях и организациях в разных городах ГДР. Немецкие граждане с интересом слушали и воспринимали сведения о Советском Союзе. Всегда было много вопросов. Например, после лекции для профессорско-преподавательского состава технического университета г. Хемниц было задано 62 вопроса, ответы на которые заняли несколько часов. Было приятно отметить, что никто из слушателей не торопился покинуть зал.

После объединения Германии закрылись многие предприятия ГДР. Бесперебойным потоком туда шли большие автофургоны с западной продукцией, возникали стихийные базары. На улицах во множестве появились западные автомобили. Начались факельные шествия — большие длинные колонны людей в черных одеждах с факелами в руках в ночное время в жутковатом молчании двигались по улицам города. Но дружеские отношения с немецким населением не изменились. Теперь мы могли свободно ездить в Западную Германию. Началось закрытие нашего предприятия. В Советском клубе мы устраивали прощальные проводы группам специалистов, отъезжающих на Родину. Каждому вручалась белая шахтерская каска с росписями советских сотрудников. Из советских специалистов в мой день отъезда меня провожал единственный сотрудник, еще оставшийся там, главный инженер «Висмута» (Ауэ).

Анатолий Андреевич Рудычев

Анатолий Андреевич РУДЫЧЕВ родился в г. Харькове 20 марта 1936 г., доктор наук, профессор, академик РАЕН, первый проректор Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова

Воспоминание о «Висмуте» (1976–1982 гг.)

Мой путь в горняцкую профессию начался с момента поступления на учебу в Харьковский горный техникум в 1951 году, хотя это было не совсем просто, так как конкурс в то время был довольно высоким, составлял 11 человек на место. Мой вы-

бор основывался на том, что, во-первых, все учащиеся обеспечивались почти бесплатно прекрасной горняцкой формой, во-вторых, более высокой стипендией по сравнению с другими техникумами и, в третьих, этой профессией гордились, о ней слагали стихи

А. А. Рудычев/

Первомайская демонстрация. А. А. Рудычев (в центре) с немецкими коллегами Карл Маркс Штадт. 1974 г.

и песни, она была на слуху. Это было важно и с материальной точки зрения, так как отец мой погиб на фронте, а я остался с мамой.

Окончив техникум с отличием, я в счет пяти процентов был направлен для продолжения учебы в институт. После окончания института, который закончил также с отличием, работал в Донбассе на шахтах трестов «Горловскуголь», «Кадиевуголь», «Лисичанскуголь» в должностях в начале помощника, а затем — заместителя главного инженера шахты.

* * *

Во второй половине прошлого столетия горнометаллургическая отрасль СССР подошла к необходимости освоения новых, более сложных месторождений руд черных и цветных металлов. К этому времени страна начала ощущать рост дефицита железорудного сырья для черной металлургии.

Одна из первоочередных проблем состояла в освоении железорудных богатств КМА, находящихся в сложных горно- и гидрогеологических условиях, и тем самым создания самодостаточной металлургической базы страны. Именно для решения этой проблемы был образован в составе Госстроя СССР в г. Белгороде научно-исследовательский и проектно-конструкторский институт по осущению месторождений полезных ископаемых — «ЦНИИгоросушение» в последствии ВИОГЕМ. Здесь началась научная деятельность в должности ученого секретаря института и руководителя научно-исследовательской лаборатории. Некоторое время работал в учебном институте БТИСМ в должности заведующего кафедрой и одновременно де-

каном строительно-технологического факультета.

Осенью 1974 г. с подачи Бориса Петровича Карпенко, работавшего в то время в «Висмуте», и по рекомендации Льва Васильевича Крупкина, работавшего там же и в то время, находящегося в г. Белгороде в отпуске, мне поступило предложение выехать на работу в «Висмут» на три года. Некоторое время мы с женой раздумывали, но потом уже предложение поехать на работу в «Висмут» мы приняли без колебаний.

В начале марта 1976 г. в БТИСМ пришло письмо за подписью заместителя начальника 8-го Управления Валентина Павловича Назаркина с уведомлением об окончании оформления и просьбой командировать меня с женой и дочерью в распоряжение Министерства среднего машиностроения СССР.

19 апреля 1976 г. я с женой пересекли границу ГДР и прибыли во Франкфурт-на-Одере. Дочь пока оставалась в г. Белгороде заканчивать восьмой класс средней школы. Нас любезно встретили и отправили в Зигмар, куда мы прибыли глубокой ночью. Там нас разместили в советском клубе в комнатах, оборудованных под гостиницу.

Как говорится, все познается в сравнении. И все же. С первого и последующих дней пребывания было что сравнить. Это прекрасные дороги; чистота улиц, дворов, подъездов; чистота до блеска стекол оконных рам; свисающие с балконов жилых домов прекрасные цветы; с немецкой четкостью, точностью и аккуратностью выполнения правил дорожного движения автомобильным транспортом и пешеходами; законов и предписаний; нарядные витрины магазинов с обилием непустых полок и приветливые люди.

Утром за мной заехала машина и я отправился в Гендирекцию. После соответствующих бесед со мной я был направлен в отдел ГД по разработке норм расхода материалов на должность старшего инженера, меня встретили доброжелательные, отзывчивые люди. Для меня эта работа была уже знакома по Донбассу. Я сразу ощутил, что попал, хотя и в небольшой (2 советских и 3 немецких специалиста), но слаженный высококвалифицированный коллектив. Возглавлял отдел Н. Е. Быканов. Курировал его непосредственно главный инженер СГАО «Висмут» Л. М. Тормышев.

Мы составили план наших работ и первоначально начали основательно знакомиться с материально-техническими и социально-экономическими условиями производства на горнорудных предприятиях общества.

Поэтому мы побывали на всех пред-

приятиях в Гере, а также Объектах № 9 АУЭ и Кенигштайне. Все это позволило нам разработать методику расчета норм расхода материалов и осуществлять сам расчет на ЭВМ. «Висмут» располагал современным по тому времени ЭВМ типа ЕС.

В работе было чему поучиться у немецких коллег, но были основания передать и свой опыт. Совместный коллектив жил и работал одной дружной командой, поэтому работать было легко и эффективно.

Результаты работы несколько раз докладывались на всевозможных совещаниях при главном инженере общества и получили одобрение.

Проработал год с небольшим в этом отделе, работа мне нравилась, но в отпуск на Родину я не поехал. К тому времени дочь заканчивала в Союзе восемь классов, жена привезла ее в Зигмар и они отправились в пионерский лагерь в Цинновиц. Дочь в качестве отдыхающей, а жена — воспитателем.

Спустя некоторое время, меня пригласили зайти в Гендирекцию к начальству. Наш отдел находился в другом здании.

Там мне сообщили, что есть мнение назначить меня начальником отдела организации производства в ОВЦ ГД. Сформулировали задачи, которые должен решать отдел. Я дал согласие, мне пожелали успехов в работе.

Я не задавал вопроса «чье мнение?» Ибо уже был научен на своем горьком опыте, то есть имел неосторожность задать такой вопрос.

Это было в свое время в Донбассе. Там бытовала практика перевода с одной шахты на другую, не спрашивая твоего согласия, а сообщалось: «Для усиления руководства шахтой» или «для повышения добычи», или «повышения уровня механизации очистных и подготовительных работ» и т. д., «есть мнение перевести тебя на такую-то шахту». И вот однажды на шахту, куда я недавно был переведен и не успел еще как следует навести порядок в своем хозяйстве, поступил сигнал прибыть в трест к управляющему. Я прибыл, в кабинете кроме управляющего сидел еще и секретарь райкома партии. И я услышал из его уст «есть мнение...» Я опрометчиво, видимо, по-молодости, задал вопрос: «Чье мнение?» В ответ я услышал весь набор шахтерских выражений, каких я еще и не слышал. А в довершение всего было сказано: «Иди и думай положительно. Завтра утром ответ». Я тут же дал согласие на перевод и зарекся впредь никогда не задавать такой неуместный вопрос.

На следующий день в ОВЦ ГД, куда я был переведен на должность начальника отдела,

Бад-Шандау (немецкая Швейцария). Прогулка возле дома отдыха. А. А. Рудычев, Г. А. Рудычева.

меня встретили не настороженные люди, а радушный доброжелательный коллектив, где даже выступили двое коллег, заверив, что наш дружный работоспособный коллектив, живущий и работающий одной командой, справится с поставленными задачами. Это ободрило меня и придало уверенность в успехе дела. И, как показал в последствии опыт работы в этом коллективе, те слова были сказаны не напрасно и не на ветер.

Нам предстояло, по сути дела, разработать техпромфинплан предприятия, программу его расчета на ЭВМ, а также процедуру контроля его выполнения в годовом, квартальном, месячном и декадном разрезе.

Особую трудность в этой работе составляла организация информационного обеспечения, так как большая часть технико-экономических показателей была засекречена. Выполнению поставленной задачи способствовали наряду с другими факторами, еще товарищеские и уважительные отношения среди советских коллег как в самой ГД, а также и на Объектах. С особой симпатией вспоминаю В. Борисовского, А. Виноградова, В. Суворова, С. Алипова. Неоценимую помощь в работе оказывали Л. Бородин, Ю. Ширшов со своими коллективами, Г. Лисовский, Е. Лезгинцев. Особо теплые дружеские отношения устанавливались

Баутцен. Удачная охота. А. А. Рудычев с трофеями.

с немецкими коллегами. Среди них мои личные друзья: Г. Меш, зам. начальника отдела; З. Майер, проф. организатор ОВЦ; Д. Майер, зам. руководителя ОВЦ; П. Мюллер, инженер. Все они высококвалифицированные специалисты, посвятившие много лет «Висмуту». Часто мы семьями посещали друг друга. Как говорили тогда, укрепляли советско-германскую дружбу.

Наряду с основной работой выполнялась большая общественная работа. В 1977 г. я был избран заместителем председателя профкома СГАО «Висмут» и исполнял эту общественную нагрузку в течение пяти лет. Создание условий отдыха и досуга были всегда в центре внимания руководства и профсоюзной организации.

Для этих целей была построена сеть санаториев, домов отдыха, спортивных центров и пионерских лагерей. Организация их работы входила в функции профкома.

А. А. Рудычев за рабочим столом. Зигмар. 1970-е гг.

Кроме того, в деятельность профкома входила организация и проведение в каникулярное время отдыха в пионерских лагерях «Цинновиц» (Балтика), «Табарц» (Тюрингия), «Розенталь» и «Митвайда» (Саксония). Организовывались и проводились постоянно двухдневные выезды в дома отдыха Бад-Бланкербурга, Бад-Шандау, Розенталь, Табарца и др. Для знакомства с историческими и культурными достопримечательностями организовывались регулярные автобусные экскурсии, в Дрезденской картинной галерее для женщин работал институт культуры.

Работники «Висмута» через профком обеспечивались санаторно-курортными путевками в СССР, а также легковыми автомобилями. Проводились ежегодные грандиозные спортивные праздники по многим видам спорта в АУЭ и Гере. Не менее интересно и с большим размахом проводились смотры художественной самодеятельности пообъектные, а лучшие из лучших принимали участие в галаконцерте в Зигмаре. Выступления художественной самодеятельности были настолько популярны, что ее участников приглашали выступать в Посольстве СССР в Берлине, а также в воинских частях. Организовывались и выполнялись и другие мероприятия, перечислить все их практически невозможно.

Несколько слов об охоте. Многие работники Общества, в том числе и я увлекались охотой и стендовой стрельбой. Охотились на зайцев, уток, кабанов, оленей, косуль. Правилась, конечно, загонная охота. Вообще охота проводилась по субботам круглый год в зависимости от вида дичи и способа охоты: с сидок или загонная. На загонную охоту назначался старший. Наибольшим авторитетом старшего пользовался, в мое время пребывания в ГДР, Б. П. Забелин и В. В. Лопатин. Охота, как правило, была успешной, так как дичи в этих местах было предостаточно. По окончании охотничьего сезона в советском клубе устраивался праздничный вечер охотника и рыболова.

Не работой единой мы жили в Зигмаре. Советский коллектив специалистов — это тоже была одна большая семья. И на все хватало времени и здоровья. Все чувствовали себя полными сил и энергии. Особо хочется отметить группу наших врачей, работавших под руководством В. И. Савицкого, всегда были готовы прийти на помощь.

В заключение хотел бы отметить тех, с кем подружился в Зигмаре, многих вспоминаю с особым теплым чувством. Это В. Савицкий, Г. Андреев, М. Якушенко, В. Кара, В. Храпов, Г. Бродов, Г. Лисовский, Г. Балашов, О. Кастуев, В. Василенко, В. Дорожкин.

«Висмут» — самое светлое пятно в моей жизни. Это время интересной динамичной работы, дружба и тесные отношения с коллегами породили добрые чувства ко всему немецкому народу.

Светлая память об этой работе и людях с которыми я трудился и дружил навсегда останется в моем сердце.

Glück auf!

г. Белгород, 2012 г.

О Николае Емельяновиче Быканове

Уран был любовью всей его жизни

В 1974 папа получил направление в «Висмут», где проработал до 1980 г. начальником нормативно-исследовательского отдела Генеральной дирекции.

Годы, проведенные в ГДР, наши родители вспоминали, как годы второй молодости. Интересная работа, хорошие друзья, активная культурная программа, а потом и годовалый внук Игорек сделали эти годы незабываемыми.

Уран был любовью всей жизни папы. Он всегда интересовался новыми разработками и технологиями, придумывал новые способы обогащения, основанные на новых научных открытиях. Однажды мы чуть не пропустили Новый год, т. к. вместо шампанского и тостов поспорили о валентности урана, открыли энциклопедию, начали искать устойчивые соединения урана при разных условиях.

Таких людей, отдавших всю жизнь своей профессии, сейчас немного осталось. До конца своих дней папа живо интересовался вопросами политики, этики, будущим России.

Мы всегда будем помнить нашего папу, любящего, строгого, честного и порядочного человека, заботливого мужа, отца, деда и прадеда.

Ольга Николаевна Азарова
(дочь Н. Е. Быканова).

Н. Е. Быканов.

Проводы в Союз. Зигмар.

Из семейного фотоархива Быкановых

Встреча с радистом Рихарда Зорге
Максом Клаузенем.

Дочь и внук Н. Е. Быканова около ведомственной поликлиники в Зигмаре.

На выборах.
Н. Е. Быканов — слева.

На фото внизу:
Н. Е. Быканов в Мюнхене.

Александр Александрович Андреев

Александр Александрович АНДРЕЕВ родился в 1960 г. Находился в ГДР вместе с родителями в 1970–1977 гг. в Зигмаре. Окончил МГРИ, горный инженер.

За 35 лет выросли деревья...

Я долго не мог приступить к этим запискам, так как на фоне воспоминаний наших отцов мои казались мне неинтересными и малозначительными. Наверное, так оно и есть. Но та неповторимая атмосфера счастливого детства, которая окружала меня во время пребывания в ГДР, обязывает меня вспомнить те времена глазами ребенка и подростка. Главное, что дали мне Германия и «Висмут» — это друзья на всю жизнь. Я обратился к своим друзьям по ГДР с просьбой помочь мне вспомнить те жизненные ситуации, обстоятельства и взаимоотношения, из которых сложилось наше счастливое детство. И хотя пишу я от первого лица, но участие в этих записках приняли многие мои товарищи.

За 35 лет выросли деревья. Наш маленький городишко превратился в ботанический оазис. Некогда казавшиеся большими дома укрылись зарослями разнообразнейших деревьев и кустарников и погрузились в волшебные звуки птичьего перепева. И очень тихо. Какая-то музейная тишина, которую не хочется нарушать даже своими шагами. Ничего нового не появилось, но все преобразилось, оставив только маленькие цитаты из прошлого. Бетонные скамейки, бетонная плитка на дорожках, остатки неутепленных стен, паркет в банкетном зале клуба... Названия улиц... Запахи...

Приезд. Первые впечатления от ГДР

В 1970 году, когда родители сказали мне, что скоро мы уедем в Германию на несколько лет, я чувствовал себя самым несчастным 10-летним пацаном на свете. А как же мои друзья-одноклассники и дворовая компания? Как я могу изменить нашей дружбе и уехать в какую-то мифическую Германию? А мой любимый Харьков? Бабушки и дедушки? В общем — трагедия. Но кто меня будет спрашивать? И вот в мае мы с папой и мамой едем в Москву с нескончаемым количеством чемоданов, именуемых в народе «окупантами».

В Москве запомнилось удачное поселение в гостиницу «Мир» (по благу, естественно), пятичасовое сидение у Средмаша на Ордынке в ожидании папы, проходившего собеседование и оформлявшего документы. Белорусский вокзал, поезд Москва — Берлин, в нем не оказалось 9-го вагона, в который у нас были куплены билеты в Харькове

(как объяснил начальник поезда, по четвергам этот вагон ездил в Стокгольм?!). До Смоленска мы ехали в тамбуре на горе чемоданов, а потом как-то все устроилось. В Бресте вагонам меняли колеса, и дальше по Польше наш состав потянул паровоз (за все годы поездок в Германию этот неистребимый паровозно-вокзальный запах стал неотъемлемой частью воспоминаний). Во Франкфурт-на-Одере мы приехали поздним вечером. Нас встретили, погрузили чемоданы на огромные железные громыхающие телеги и повели на привокзальную площадь, где нас ждал автобус. Пожалуй, именно с автобуса появилось первое ощущение заграницы, которое укрепилось на остановке в «Морозовке», где все было совершенно «по-заграничному».

Автобус сначала вез нас по каким-то местным дорогам. В одном месте мы достаточно долго ехали по дороге, с обеих сторон окруженной высокими деревьями, ветви которых наверху переплетались и образовывали арку-тоннель: очень красиво и необычно. Потом мы ехали по полям, и в темноте ничего не было видно. Как-то много лет спустя кто-то рассказывал, что этот маршрут был проложен еще в сороковые годы, когда приезд советских специалистов был засекречен от западных спецслужб. Вторую часть пути мы ехали по автобану, который после российских дорог казался чудом цивилизации. Особенно поражали четкие, хорошо читаемые указатели, разметка дороги и указатели о местонахождении телефонов. В конце концов мы въехали в город, за окнами стало светло от городского освещения. По сторонам улицы мимо окон побежали домики чудесной архитектуры, какие я видел только на иллюстрациях к сказкам братьев Grimm. Город назывался Карл-Маркс-Штадт, а наш маленький пригородный район — Зигмар.

Город Карл-Маркс-Штадт, до 1953 г. — Хемниц, расположен на территории Саксонии. Своим названием он обязан небольшой речке Кемниц, притоку реки Цвиккауэр-Мульда. Само слово chemnitz происходит из языка лужицких сербов и означает «каменистый ручей». В чешском языке город известен как SaskáKamenice, что переводится как Саксонский Каменец. В Саксонии находятся знаменитые исторические города Дрезден, Мейсен и Лейпциг. В Саксонии красивейшая природа, это горная земля.

А. А. Андреев.

Сквер перед зданием библиотеки.

Здесь расположены Рудные горы, Лужицкие горы и Саксонская Швейцария. Поражают своей красотой и величием скалы Бастая и долина реки Эльба со множеством замков по берегам. 25 апреля 1945 г. на земле Саксонии, на берегах Эльбы, у города Торгау, впервые встретились советские и американские войска — заканчивалась Вторая мировая война.

Встречал в Зигмаре Георгий Георгиевич Андреев. Поселили нас в гостинице, которая располагалась на втором и третьем этажах Советского клуба, но сказали, что это ненадолго. Утром папа уехал на работу, а мы с мамой пошли к тете Оле Андреевой и стали проходить первые уроки обучения жизни в ГДР и в «Висмуте».

Из рассказа Леша Запольского (Зигмар)

По приезду в ГДР всех обучали общению с немцами. Если к вам обращается местный житель с какой-то тирадой с негативно-претенциозными интонациями, нужно внимательно выслушать его до конца, после чего спросить: «Вибите?» И после повторного спича, ни черта не поняв, уважительно протянуть: «Ахзоооо!» В большинстве случаев немец остается полностью удовлетворенным и отстает от вас надолго. Вообще, с овладением немецким языком было много казусов, особенно с женами. Был случай, когда вместо слова «шпайзе» (блюдо) кто-то попросил «шайзе» (дерьмо). Помню и другой случай: показывая в магазине на парик, недавно приехавшая в ГДР женщина попросила: «Битте дизе — швайн» («пожалуйста, этот, свинья», вместо «шварц» — черный). Частенько взрослые изъяснялись на смеси языков — «битте кофточку в рот полосочку».

Зандман.

Приехали мы в начале мая, из-за адаптационного карантина в школу я не пошел. Вскоре мы переселились из клуба в двухкомнатную квартиру на первом этаже трехэтажного дома. В квартире меня поразила маленькая, узкая, но удобная кухня-пенал и пол из мягкого линолеума. Напротив нас жила семья Жуковых, и я познакомился с Сашей Жуковым, который был старше меня на пару лет. Он ввел меня в мир гэдээровских игрушек и развлечений. Впервые я увидел резиновых индейцев и «ковбойцев». Саша был неординарным человеком. Он сидел в своей комнате за письменным столом, расположенным точно в центре помещения, и писал на бумаге крупным почерком какие-то мысли и изречения. Потом он комкал листы и с баскетбольной точностью бросал их в большой пластиковый контейнер из холодильника, расположенный в дальнем углу, и начинал все заново. Это очень впечатляло. Еще он был мастеровитый и щедрый. Однажды, когда одноклассницы взяли у меня прокатный велосипед и сломали его, Саша за 15 минут поменял фару, выправил погнутое колесо, настроил динамо-машину, и все задаром. Вот такой был хороший сосед.

В один из первых дней пребывания в ГДР мама послала меня в магазин купить продуктов на борщ. Я пришел в наш клубный магазин, где торговали всем самым необходимым, и продавцом работала жена, кажется, кого-то из военных. Я взял картофель, морковь, лук и спросил, где мне найти бурак. Продавщица удивилась и спросила, а что это такое. Тут уже удивился я — как это взрослая тетя не знает, что такое бурак. Я объяснил, что это овощ, необходимый для борща, из-за которого тот и становится красным. «Наверное, тебе нужна свекла?» — предположила продавщица. «Нет, — ответил я, — никакая такая свекла мне не нужна, мне нужен только бурак...» По возвращении домой мама долго смеялась и сама сходилась в магазин за свеклобуряком.

Германия удивляла совсем другим порядком и укладом жизни, чем был в Союзе. После восьми вечера улицы вымирали. Немцы досматривали вечерние новости и ложились спать. Зато просыпался городишко в пять утра. Наши отцы уезжали на работу по немецкому графику — в 6–7 утра. Немецкие дети шли в школу тоже между 6 и 7 утра. Все окна и балконы в немецких домах были похожи на нарядные витрины магазинов, как будто жители постоянно соревновались друг с другом в оформлении. На этом фоне многоэтажка на Ленинштрассе, где располагалась советская воинская часть, с балконами, заваленными всякой рухлядью и завешенными бельем, казалась инородным телом. Чистота

и порядок, тот самый «орднунг» во многом определял и нашу жизнь. Как ни странно, русские очень быстро привыкали к немецким правилам. Разве что не научились покупать колбасу по «граммам» — брали по привычке «палками».

С первых дней с интересом смотрел немецкое телевидение, особенно фильмы про индейцев совместного югославско-гэдээровского производства с брутальным Гойко Митичем в роли Чингангчука Большого Змея и романтическим Дином Ридом. По вечерам все дети смотрели немецкий аналог «Спокойной ночи, малыши» — с песочным человечком Зандманом, который каждый раз приезжал на каком-нибудь новом средстве передвижения и в завершение бросал детям в глаза песок, отправляя их ко сну. Еще запомнился еженеделный, как сейчас говорят, гала-концерт «Пестрый котел», в котором принимали участие все звезды Восточной Европы — Карел Готт, Бисер Киров, Хелена Вондрачкова, Жужа Конц, группы «Пудис», «Вир», кордебалет Фридрихштадтпаласта. Позже любимой стала молодежная музыкальная передача «Рунд» («Круг»), на которую часто приглашали запрещенные в СССР западные рок-группы. Благодаря телевидению советские дети быстро начинали понимать немецкий язык, а вот разговаривали по-немецки немного.

В начале июня 1970 г. я был отправлен в пионерский лагерь «Крибштайн». Лагерь располагался на берегу красивейшего озера. Мы жили в деревянных бараках. Помимо висмутовских детей в лагерь приехали «берлинские» — дети работников посольства и торгпредств, журналистов. Жизнь лагеря была наполнена таким количеством событий, что смена длинной в месяц пролетала как один день. Сплошные спортивные мероприятия, смотры художественной самодеятельности, экскурсии, походы, фильмы. Конечно, самое главное — это знакомство со сверстниками, которое потом переросло в дружбу на многие годы. Оказалось, что не все живут в Зигмаре. Были еще города, которые назывались «Объектами»: Гера, Ауэ, Цвиккау, Пирна, Ошатц. Здесь я подружился с Володей Булатовым, который жил с родителями в Гере.

На одной из утренних линеек подъем флага доверили Леше Крупкину, здоровяку и весельчаку из старшего отряда. При первом же звуке гимна СССР флаг взметнулся к макушке флагштока, и Леша, широко улыбаясь, отдал салют. Инцидент не остался незамеченным, и уже на вечерней линейке пионеру Крупкину был объявлен выговор за неуважительное отношение к советскому флагу. Впредь флаг поднимали медленно и печально...

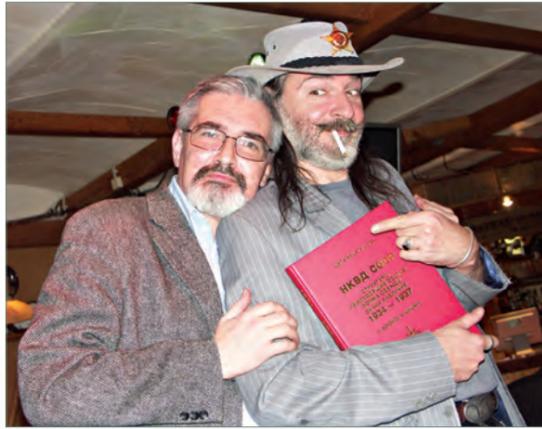
Вообще, вся наша жизнь в ГДР протекала под постоянным присмотром так называемого режима. Сразу по приезду родители проходили инструктаж о правилах пребывания в ГДР, и все постоянно находилось под неусыпным надзором режимников и угрозой отъезда из страны в 24 часа в случае серьезного правонарушения. Несмотря на инструктажи, такие правонарушения периодически совершались, и семьи безжалостно изгонялись на Родину в назидание остальным. Режим следил даже за внешним видом советских специалистов и членов их семей. Такой эпизод: в один из дней жаркого лета кто-то из советских специалистов, глядя на коллег-немцев, пришел на работу в шортах. Тут же последовал звонок из соответствующих органов, и ему было предложено срочно переодеться и не позорить своим видом высокое звание советского специали-

Футбольная команда 2-го отряда пионерского лагеря «Цинновиц», 1975 г.

ста. Помимо режима, за советскими специалистами и членами их семей наблюдали партийная и профсоюзная организации.

Потом было еще много лагерей и домов отдыха. Цинновиц на Балтийском море, Розенталь, Штайнбах, Табарц, горнолыжный Обервизенталь, озеро Пель. О пребывании в лагерях, о родившейся там дружбе и влюбленности, о похождениях можно написать столько... Одним из любимых лагерей был «Цинновиц» — лагерь на берегу Балтийского моря на полуострове Узедом. Жили в бараках, в пяти минутах ходьбы от берега моря. Песок, сосны, маленький уютный немецкий городишко. Море, пляж с кибитками. Безумно вкусное мороженое со сливками и ликером. Игровые автоматы («одноручные бандиты»). Сувенирные парусники, которые считалось долгом привезти домой «на память», и которые до сих пор пылятся на «вивенах». Вечером — каждодневные тан-

Братья Валентин и Сергей Вороновы.

цы, на которых выпрашивали у воспитателей «ну еще один — последний» медленный танец и ставили «Капельки» Pink Floyd на 23 минуты или запрещенную в то время Je t'aime. Соревнования на местном стадионе, особенно первенство лагеря по футболу. Однажды случайно выиграли у старшего отряда, за что потом подверглись репрессиям в виде отпуска ния «тюль», «лычек» и «сачек». Недалеко от нашего пляжа, примерно в километре, располагался пляж ФКК (культура свободного тела), куда мы тайком бегали поглазеть на обнаженку. Были интересные экскурсии, особенно на остров Пенемюнде, где фашисты разрабатывали снаряды «Фау», и откуда из концлагеря совершили побег на самолете наши военнопленные во главе слетчиком Полетаевым.

Лагеря были особенно ценны тем, что там удавалось повстречаться с друзьями со всех Объектов, которые учились в других школах, и с которыми редко виделись в течение учебного года. В том числе и с детьми работников посольства и представительств советских организаций в Берлине. Со многими из них сложилась дружба на многие годы. У меня — с Валеи и Сергеем, детьми собкора «Правды» в Берлине и поэта Юрия Воронова. Валя стал писателем и военным историком, коллекционером армейской атрибутики, Сергей — известный блюзовый композитор и музыкант, лидер группы «Кроссрудз».

В Зигмаре детям было чем заняться. Был замечательный Дом школьника, расположенный в особняке с большой игровой территорией. В Доме школьника работало несколько кружков на любой вкус: от кройки и шитья до авиамоделлизма. Были музыкальные инструменты. Планировка особняка была сложная и запутанная. Среди детей ходили легенды, что в доме живет привидение старого сторожа, и есть одна таинственная комната, в которую нет входа, но есть окно; а в нише под домом раньше была клетка, в которой жила пантера. На третий этаж вела узкая спиральная лестница, и был еще чердак. В Доме школьника была фотолаборатория со всеми атрибутами пленочной фотоэпохи: красной лампой, фотоувеличителем, фотованночками с проявителем, водой и закрепителем, глянецвателем. Фотолаборатория это не просто комната для печати фотографий — это место таинства рождения образа и чуда общения. В темноте несколько человек колдуют над растворами и пленками, обмениваясь таинственными фра-

зами и проникаясь чувством сопричастности к чему-то волшебному. Здесь правил бал мой друг и одноклассник, заядлый фотограф Андрюха Студеникин.

Когда директором Дома школьника была мама моего одноклассника Андрея Сергеева, она предоставила этот чердак в мое распоряжение, и мы с ребятами собирали там пульт космического звездолета. В старших классах мы с ребятами по существующей традиции организовали бит-группу и по вечерам долго репетировали композиции собственного сочинения, которые так и не услышал мир. Музыка занимала в нашей жизни особое место.

* * *

Из рассказа Андрея Каценова (Цвиккау)

Нам повезло расти и взрослеть на самом стыке двух культур, двух разных идеологий. Мы жили в прекрасной стране и были чуточку свободней большей части наших соотечественников. Конечно, как и любые современные молодые люди, мы увлекались современной музыкой. И здесь нам тоже повезло: родись мы немного раньше, и быть нам битломанами, немного позже — металлистами, но нам выпала hard-rock культура. Это и есть наша музыка, музыка нашего детства.

Мое увлечение музыкой происходило при непосредственном участии Ленчика Зубынина. Он прибыл в Цвиккау из продвинутой Геры и легко идентифицировал почти любую музыку, звучащую из магнитофона. Он знал все, знал даже Grand Funk, группу, которая никогда ничего мелодичного не выдавала, да простят меня любители этой команды. Сам Ленчик особо сильно по музыке не фанател, есть — хорошо, нет — ну и ладно, а вот я подсел основательно. И надо сказать, на этом поприще я оказался хорошим учеником. Несколько уроков и я уже отличал Deep Purple от Uriah Heep или Black Sabbath. Однажды Ленчик небрежно обронил: «Sweet, самая лучшая группа Sweet, угу». Такая характеристика авторитетного товарища подвигла меня на срочные поиски каких-нибудь записей группы. Тщетно. В то время основным источником новой музыки было радио. Радиоприемник ловил некоторые фээргзшские станции, но из-за отсутствия опыта и программы передач поймать там что-нибудь было проблематично. И вот однажды, когда я уже почти отчаялся когда-нибудь услышать The Sweet, мне удалось записать The Ballroom Blitz, их супермегахит. Я был поражен, поражен и убит наповал.

Sweet стала любимой группой на долгие годы, и период их расцвета как раз совпал с нашей учебой в 8–10-м классах.

27 Пул — (от англ., жарг. — pool) — общий котел.

В этот период бурное развитие получили рок-группы. Кроме упомянутых выше, это Led Zeppelin, Alice Cooper, Pink Floyd, Slade, Nazareth. Они и составили, говоря современным языком, пул²⁷ групп, который звучал на наших тогдашних танцполах, безжалостно сметая собой мелодичные, но не хардовые Shocking Blue, Middle of the Road и др. Странно, но мы никогда не танцевали под The Beatles, а у Rolling Stones пользовалась популярностью только одна композиция («медляк») — Angie.

Кстати, о танцах. В основном такие мероприятия проводились в летних и зимних лагерях. Одним из основных критериев «крутости» танцев была яркость освещения танцплощадки. По нашему мнению, она должна была быть близкой к минимуму, но взрослые, которые обязаны были следить за тем, что творится в гуце танцующих, ратовали за полное освещение. В конечном итоге компромисс всегда находился, никто ведь не собирался хулиганить. Максимум, что мы позволяли себе, так это подпевать Полу Маккартни, слегка переиначивая Mrs. Vanderbilt, ну помните «Хоп, хей хопс!», да еще замуровать, выхватывая созвучное с русским слово в хите Get Down And Get With It группы Slade.

Немного о технике тех времен. Сначала, помню, у меня был катушечный магнитофон Tesla. Это был вполне современный аппарат — четырехдорожечный, трехскоростной. Главное — он был легкий; оставшуюся у меня в Москве «Комету» я не всегда мог даже поднять. Один знакомый немец показал мне коробку от катушки, со всех сторон исписанную названиями групп и песен. Я сказал ему, что невозможно уместить все это на одну ленту, на что он хитро заметил, что записывал на четыре дорожки, на самую медленную скорость. О качестве тогда речи не шло. О стерео тоже.

Затем появились кассетные магнитофоны. Это был настоящий прорыв! Когда я первый раз увидел кассету, я подумал, что это какой-то самостоятельный девайс²⁸, портативный шпионский магнитофон что ли. Настолько необычно и самодостаточно выглядела кассета. Потом уже мне купили гэдээровский «кассетник». Назывался Sonet. Суперстильный по тем временам: пластиковый корпус красного цвета с черными тугими клавишами управления. Кнопка записи record была ярко-зеленая; для того чтобы сделать запись, надо было нажать кнопку play и кнопку record одновременно. Делалось это большим пальцем левой руки и указательным пальцем правой. Ерунда. Ничто не могло омрачить радость обладания этим агрегатом. Но и это чудо техники тоже временами подкладывало подлянки своим об-

28 Девайс — (англ. device) — устройство, приспособление; механизм; аппарат, машина, прибор.

ладателям. Речь идет о так называемом зажевывании пленки. Магнитофон себе играл, а правый валик блокировался, к полному неведению слушателя, и пленка из кассеты спокойно, превращаясь в гармошку, разматывалась куда-то внутрь магнитофона. После этого музыка самопроизвольно останавливалась, и приходилось «долго и нудно» (заметьте — сленг 70-х) заниматься извлечением пленки. Кассета, в зависимости от тяжести случая, была либо безнадежно испорчена, либо служила дальше, проигрывая зажеванное место с характерным дребезжанием.

Давно ушли в прошлое катушечные и кассетные магнитофоны. Теперь другие носители информации. Другие звезды музыкального мира, успевшие неоднократно смениться за прошедшие года. Время не стоит на месте. Наши постаревшие кумиры, те, что еще в строю, часто заглядывают в нашу страну. Кто бы мог подумать в те годы, что будешь подпевать из партера Suzi Quatro или Ozzy Osbourne...

* * *

Кроме Дома школьника был еще Клуб. Клуб — это место, к которому подъезжал автобус, привозивший новых специалистов и членов их семей в ГДР. Отсюда и уезжали «в Союз насовсем». От клуба автобусы отправлялись на экскурсии и в пионерские лагеря. Здесь проходили все основные мероприятия: конференции, банкеты и вечера (дружбы и танцевальные), смотры художественной самодеятельности, встречи с актерами и знаменитостями. В клубе размещался хороший волейбольный зал, кегельбан, теннисные и бильярдные столы, киноконцертный и банкетный залы. В клубе можно было взять шикарное духовое ружье (не такое, как в советских тирах, — складывающееся, где каждую

Андрей Каценов и Леша Владимиров с магнитофоном.

Александр Витальевич Андреев (папа) с сыном Серёжей (братом), 1976 г.

пульку нужно аккуратно вставлять в казенную часть дула, а с настоящим магазином на 5–10 пуль-дробинок), пойти в подвал — и одному (!!!) пострелять в тире. Еще в клубе располагалась легендарная кантина — любимое место времяпрепровождения наших отцов — с бесменным кантинщиком Хайнсом. Детям путь туда был заказан. Рядом с клубом находился пункт проката велосипедов. Здесь все дети могли на сезон взять хороший «аппарат», с фарой, динамо-машиной, багажником, и гонять по поселку в свое удовольствие.

Из рассказа Андрея Левчика (Зигмар)

Велосипед давал чувство свободы. Дело в том, что мы, школьники, не могли свободно передвигаться без взрослых вне улиц проживания советских специалистов. А велосипед позволял с минимальным риском расширить эти границы. Движение по разрешенным для нас улицам быстро надоедало. Я был достаточно примерным ребенком и не принимал участия в пешеходных вылазках в компании других сверстников за положенные границы. А вот рассказы о «нелегальных» велосипедных путешествиях по окрестностям Зигмара я слушал с замиранием сердца.

Самым запретным и увлекательным велосипедным путешествием у нас считалась поездка до школы. Ездили не по маршруту школьных автобусов, а чуть выше — по специальной велосипедной дорожке. Если дорога до школы на автобусе занимала около 20 минут, то на «велосипедное» мероприятие нужно было потратить более одного часа, с учетом еще каких-то приключений у школы. И приходилось даже придумывать соответствующее алиби на случай, если дома хватятся родители.

И вот однажды (это было между 8-м и 9-м классом — поздней весной 1976 г.) мой друг и одноклассник Вова Попов подбил меня на такую поездку. Это было ни с чем не сравнимое чувство свободы, когда ты оказываешься с чужой страной один на один. Когда ты можешь ехать куда хочешь, остановиться и рассматривать что-то заинтересовавшее именно тебя, а не твоих родителей, и сколько хочешь.

Впоследствии мы совершили несколько таких путешествий, и ездили совершенно расслабившись. То рядом друг с другом, болтая обо всем, что интересует подростков нашего возраста, только-только отрывающих окно во взрослый мир; то устраивали езду наперегонки. И вот однажды нам впереди попался немец на велосипеде. Собственно говоря, велосипедистов (естественно, немцев) нам попадалось много — дорожка-то была велосипедной, и никакого подвоха мы не заподозрили. Вова обогнал его первым, а у меня обогнать его не получилось! Когда я попытался обехать его слева, немец отклонился влево. Нясно было — специально он это делал или случайно — к тому моменту я понял, что он был весьма пьян. Вова уехал уже далеко за поворот, и я, сделав обманный маневр, что собираюсь повторить попытку обгона слева, со всей силы рванул справа. Немцу это явно не понравилось, он закричал мне вслед какие-то ругательства. Но я на него уже не обращал внимания и быстро догнал друга. Мы продолжили езду в обычном темпе. И вдруг из-за поворота выскочил тот немец, буквально встал поперек моего движения и начал опять что-то орать. Я-то ничего не понимал, так как изучал в школе английский. А Вова в совершенстве знал немецкий разговорный. И он понял, чего от нас хочет этот тип. Во-первых, он заявил, что знает, что мы — русские, и что нам запрещено уезжать так далеко от нашего поселка. И что я страшно нарушил правила вождения велосипеда, обогнав его справа. Поэтому он сейчас нас поведет к нашему руководству, и что нам мало не покажется. Меня всего трясло от страха — я понимал, в какую передрагу попал, — из ничего возникла такая нелепая история. И я тут ничего не мог сделать — все переговоры с немцем вел Вова Попов. Договориться по-хорошему ему не удалось, нам пришлось разворачиваться обратно и ехать не спеша впереди немца. И ведь охота ему была?! Ехал-то он изначально в другую сторону! Какое-то время мы проехали смирно, но перебрасываясь короткими фразами. Мы решили рвануть от этого немца — хуже бы нам уже не было. Тем более явно догнать меня ему тогда сразу не удалось. Поэтому, как только появился достаточно прямой участок, мы рванули во всю прыть. Немец сначала пытался нас догнать, но потом быстро отстал. Но мы гнали до самого Зигмара.

После этого случая мы надолго прекратили наши дальние поездки. Но это был первый мой опыт, говоривший о том, что расслабляться никогда нельзя.

Для меня клуб, в первую очередь, это детский драмкружок, в который мы начали

ходить с 5-го класса. Первый спектакль, в котором я принимал участие, — «Снежная королева». Потом была «Чертова мельница» Исидора Штока — мы с Саней Якушенко играли чертенят, а наш одноклассник Игорь Калинин гениально сыграл отшельника. С этим спектаклем мы ездили «на гастроли» в Геру. Спектакль прошел на ура, закончился поздно и нас стали торопить, чтобы мы успели пораньше вернуться в Зигмар. Не снимая костюмов, мы стали грузить декорации и реквизит в маленький автобус и совершенно измотанные плюхнулись на свободные места. Наш руководитель Елена Владимировна Петренко, раздала всем по бутылке сладкой газировки и по бутерброду с боквурстом. Было уже темно, автобус ритмично постукивал шинами по стыкам бетонных плит автобана, и все скоро уже спали на своих местах, уткнувшись друг в друга заgrimированными лицами. А я смотрел в окно и понимал, что это может быть самые счастливые минуты в моей жизни: ночь, дорога, друзья, театр...

Потом мы ставили «Короля Пиф-Паф, но не в этом дело...», где я играл короля и принцессу Пиф-Паф-пифочку. А роль Чудовища исполнил молодой переводчик Александр Андронов, который немного волновался и путал слова, сказав про изгоняемых из леса соловьев вместо «пусть научатся каркать как вороны — тогда оставлю», «пусть научатся какать как соловьи, тогда оставлю» (он картавил и плохо выговаривал «р», что не мешало быть ему превосходным синхронным переводчиком с немецкого).

В начале учебного 1976 г. труппа нашего драмкружка собралась в Доме школьника, чтобы обсудить планы. Помимо нашего замечательного руководителя Елены Владимировны, на собрании присутствовала новый директор Дома школьника. Когда мы обсуждали репертуар на следующий год, директор предложила: «А поставьте что-нибудь про пионеров или комсомольцев». Я тут же отмахнулся: «Да ну их, этих пионеров. Лучше сказку какую-нибудь». Фраза эта мне дорого обошлась. Как раз в этот период мой папа шел на повышение на должность, которая предполагала членство в КПСС, и проходил кандидатский стаж. Его тут же пригласили на собеседование, а на ближайшем партсобрании с высокой трибуны сказали, что некоторые специалисты плохо следят за воспитанием детей, и те высказываются против пионерской организации Советского Союза. Отец побеседовал со мной «по-серьезному» на кухне, смысл беседы сводился к тому, что я достаточно взрослый, чтобы понимать — не везде нужно говорить первое, что приходит в голову, особенно в отношении «священных коров». Позднее, когда мы репетировали с нашей бит-группой песню на мои сенти-

ментальные любовные стихи, папа попросил текст и отнес нашему соседу Олегу Докукину, секретарю парторганизации «Висмута». Стихи были возвращены с высочайшим благословением и саркастическим комментарием в отношении художественного уровня произведения.

В 1976–1977 гг. мы ставили «Обыкновенное чудо». Это был наш последний спектакль.

Еще в Зигмаре, а вернее в Пельцмюлле, был спортивный зал с бассейном. Туда мы ходили практически ежедневно: утром в бассейн, а вечером — на секции — то футбольную, то борцовскую. Классе в 6-м меня по утрам брал с собой в бассейн старшеклассник Андрей Матюшенко, который проныривал 25-метровый бассейн туда и обратно, чем приводил меня в восторг. Еще он играл на гитаре в ансамбле старшеклассников, что поднимало планку его авторитета на недостижимую высоту. За спортзалом был большой пруд, населенный карпами и утками, — излюбленное место прогулки зигмарян. Здесь же был небольшой зоопарк и площадка с пивным павильоном и летней площадкой. Напротив спортзала располагалось здание бывшего висмутовского клуба, которое было построено в рекордные сроки (полгода) к очередной годовщине Октябрьской революции, а еще дальше — больница и поликлиника «Рабенштайн», куда мы ходили лечиться, и где в 1972 г. родился мой младший брат Сергей.

Еще была почта. Сюда полевой военной почтой приходила вся корреспонденция: письма, газеты, журналы. Привозил их молодой солдатик (в 1975–1976 гг. — Володя), которому мы помогали раскладывать прессу по деревянным ящикам. Сюда приходили все жители поселка за письмами, отсюда отправляли телеграммы в Союз.

Трудно вспомнить и описать все места обитания. Это и знаменитые четыре магазина на одном перекрестке, прозванном «четыре угла», библиотека, и магазин «стекляшка», где все покупали продукты, и железная дорога — одноколейка, проходившая за клубом (место курения), и городской сквер у Цвиккауэрштрассе, в котором встречались с девушками-немками в старших классах.

У ребят с других Объектов тоже сохранились самые теплые воспоминания о своих «местах обитания».

Саша Якушенко и Саша Андреев в роли чертенят.

* * *

**Из рассказа Ирины Шараповой
(Тумановой) (Гера)**

Возможность попасть в прошлое дает иллюзорную возможность обрести свое настоящее. У кого как... Совсем другое, когда твое детство, твоя квартира, дом, где ты жил долгие пятнадцать лет, находятся далеко за границей. Там, где сейчас течет совсем иная жизнь.

...Еду по городам Германии, в которых мама и папа провели молодость, свои счастливые годы. Много смешного и грустного, того, что уже никогда не повторится... Нет той секретности, нет ГДР и СССР, нет того воздуха, той эпохи.

В наше время г. Гера, с которым связано так много воспоминаний, возрождается. Иначе и быть не может. Там сходятся поезда различных направлений. После объединения Германии г. Гера стал частью федеральной земли Тюрингия, одним из трех основных центров (Oberzentren) наряду с Йеной и Эрфуртом. Самое большое лесное хозяйство Тюрингии расположено на территории нашей бывшей школы. Школа состояла из трех особняков. Младшие классы занимались в «малом» доме, там же проходили уроки домоводства для всех девочек. Учили всему: шить, готовить, вязать. Все навыки хозяйки у меня с той поры. В «большом» доме (бывший немецкий госпиталь) находились учительская и все остальные классы. У мальчишек уроки труда проходили в бывшем немецком морге. Они порой нарушали дисциплину, курили, таскали у отцов журналы с фотографиями голеньких дев, в Союзе ведь такого не было.

С закрытыми глазами могу пройти по всем улицам, аллеям, переулкам и дворикам детства. Помню красную аллею (красные клены, высаженные когда-то по указу Гитлера), красивую чугунную ограду. За Домом школьника был целый мир: карусели, турник, две качели-качалки, скамеечка. Через горку и сады можно выйти к стадиону и немецким четырехэтажкам. Здесь я каталась на санках с друзьями, гуляла с младшим братом Сережкой. Тут дети и взрослые, русские и немцы, играли в футбол. Часто семьями выезжали на природу, папа ловил рыбу, женщины готовили много разной еды, чтобы ублажить немцев. Жарили боквурсты. Играла музыка.

Мы жили в пятиэтажке, на втором этаже. Окна почти соприкасались с открытой площадкой и солярием на крыше. В подвале — комнаты для стирки, сушки и глажки белья. Теперь в нашей квартире живет немецкая семья. Каждый свой новый приезд в Геру я фотографирую это родное для меня место. Кажется, ничего с тех пор не изменилось. Наша пятиэтажка выходила фасадом на бу-

лочную-пекарню. По утрам мама посылала меня туда, я брала пять молочных булочек и половину серого хлеба. Потомственный пекарь, трудятся все родственники, тесто по особой рецептуре, печь где-то внизу... У каждого в очереди спрашивают, что хотите... И через пятнадцать минут на лифте поднимают свежеспеченный хлеб. Горячие булочки, запах, корочка... Такое объедение...

Многие висмутяне, взрослые и дети, занимались творчеством. Были свои герои, художники, артисты. Мой папа, Геннадий Александрович Шарапов, обладая шикарным тенором, пел. Ему даже присвоили звание народного артиста ГДР (и грамота есть). Мое творческое начало сформировалось тоже там. Училась музыке и вокалу у фрау Фридрих, ходила в театральный кружок, музыкальную школу; создавала картинку из соломки... Все было рядом, не надо было никуда ехать.

Россыть воспоминаний... Моя Гера, наша Гера. Город снился, и будет сниться. С закрытыми глазами могу пройти по всем улицам, аллеям, переулкам и дворикам. Прочитала воспоминания наших висмутянок и поняла: «У нас это теперь в крови, навсегда». Любовь и преданность друзей, пятнадцать лет детства...

* * *

В восьмом классе мы начали ходить по гаштеттам.

Гаштетт — это пивная. Не пивной ресторан, не пивной бар и не пивнушка. А именно — пивная. Аналогов в России нет. Располагается гаштетт в первом этаже жилого дома. Поэтому хозяином гаштетта, как правило, бывает владелец дома. В гаштетте работают только члены семьи, редко наемные работники. Основные посетители гаштетта — жители близлежащих домов. Гаштетты существуют десятилетия и столетия, новые не открываются — сменился стиль жизни. Все это определяет неповторимую семейную атмосферу заведения, украшенного как часть жилого дома и пропитанного духом традиций и гостеприимства. Интерьер неизменен и не стремится за бегом времени. Туалеты сохранились в том виде, в каком они закладывались при постройке дома: унитаза и писсуаров, как правило, нет. Их заменяет корытце вдоль стены, похожее на коровью кормушку, и подиум с отверстием вместо унитаза. В общем, как до войны (второй или первой?), прошло-то всего 25 лет. Недалеко от входа стоит большой деревянный стол без скатерти, за которым собираются завсегдатаи и друзья хозяев. Они приходят каждый вечер и просят часами, неспешно обмениваясь последними новостями и перекидываясь картишками. Всякий входящий, проходя мимо стола завсегдатаев, в знак приветствия

стукнет костяшками пальцев по деревянной столешнице. Прийти в гаштетт и не выпить пива все равно, что поехать на море и не искупаться. Пиво подают в кружках или бокалах, которые ставят на маленькие картонные кружочки с эмблемой пивной марки. Официант спрашивает, кто будет расплачиваться, и на картонном кружочке отмечает шариковой ручкой количество поданных кружек просто палочкой. Для шнапса и закусок существуют свои условные обозначения. К концу застолья кружок превращается в манускрипт с таинственными египетскими иероглифами. Если в гаштетте стоит музыкальный аппарат, то можно за 20 пфеннигов поставить танцевальную пластинку. Но немцы не любят платить за всех, поэтому автомат большую часть времени безмолвствует, пока не придут бесшабашные русские. Тут и немцы поплясать не прочь. Все гаштетты пахнут как-то особенно. У каждого заведения свои оттенки, но все равно запах узнаваемый и общий для всех гаштеттов. И атмосфера гаштеттов одинаковая, как будто существует какой-то негласный стандарт, который все свято соблюдают. Наверняка, нигде этот стандарт не прописан и не озвучен, а живет в подсознании хозяина или хозяйки и впитывается, как говорится, с молоком матери. В общем, гаштетт — это место, где тебе всегда рады, где уютно и тепло, где сытно и весело. А что еще надо человеку для полного счастья? Вот и проводят немцы половину своей жизни в гаштетте.

Не помню точно наше первое посещение гаштетта, но одно из первых состоялось в зимнем лагере «Табарц». Наш отряд поехал на экскурсию на трамвае из Табарца в курортный городок Фридрихрода. Там все разбрелись по улицам, а я с Леней Зубыниным и Андреем Кацеповым отправился на поиски гаштетта. На центральной улице быстро отыскалось кафе-кондитерская (а пиво у немцев продавалось во всех учреждениях питания), и мы, раздевшись у входа, заняли столик в глубине зала (подальше от больших окон, во избежание попадания на глаза воспитателям). К нам сразу подошла пожилая породная официантка и я, пользуясь небогатым запасом немецких слов, заказал «драй бир». Надо сказать, что я был достаточно высокого роста и вел себя «по-взрослому», а Ленчик с Андрюхой были в то время невысокого роста и сильно опасались. Официантка скептически посмотрела на нас и произнесла уничтожающую фразу, закончив ее жестом в сторону двери и рычащим «аусвайс». Я вжался в стул и спросил у Лени, неплохо владевшего немецким: «Что, уже выгоняют?» — так как перепутал аусвайс с аусганг. «Еще не выгоняют, спрашивает, есть ли у нас с собой документы». После нескольких минут притворства

в непонимании, официантка удалилась. Мы не знали, что делать: убежать или ждать. Пока мы сомневались и советовались, наша немка вернулась с подносом, поставила передо мной полулитровую кружку пива, а Ленчику с Андрюхой — по креманке с мороженым...

В девятом классе, в сентябре, сразу после возвращения из Союза и из пионерских лагерей, Андрей Сергеев, Игорь Найденко и ваш покорный слуга после школы отправились прогуляться за пределы компактного проживания, что не очень приветствовалось родителями и режимом. На троих нам удалось собрать около пятидесяти марок, что было несметным богатством. Мы вышли на Оберфранерштрассе и зашагали в сторону Рабенштайна, опасливо поглядывая на номера проезжающих автомобилей: не дай бог, попадетсЯ висмутовский XS или XR. Первым по дороге попался гаштетт «Гольденлеве». Игорь сказал, что наверняка здесь бывают предки, поэтому решили идти дальше. Следующим по курсу, уже на подходе к замку Рабенштайн, оказалось «Шмидт-Кафе».

В него-то мы и зашли. Первый от входа зал был кофейно-кондитерский, а следующий — пивной, с традиционным столом завсегдатаев, без скатерти, у входа. Мы расположились за столом и стали советоваться — сколько заказать пива. Свежие воспоминания от пребывания в Союзе говорили о том, что пива надо брать много и сразу — пока не закончилось. К нам подошла хозяйка (впоследствии получившая у нас прозвище «тетушка»), которой мы заказали «цвельфбир». Она недоуменно посмотрела на нас и спросила, не ждем ли мы еще друзей. Мы гордо сказали, что нет. Тетушка пожала плечами и ушла за стойку. Через несколько минут она появилась с подносом, на котором стояли 12 запотевших полулитровых бокалов пива. Немцы за соседними столами зашептали: «грузинише». А мы приступили к уничтожению пива. Тетушка подошла к нашему столу и стала расспрашивать, кто мы такие и откуда. Мы, не моргнув глазом, ввали, что мы молодые советские специалисты, приехавшие на работу в «Висмут». Впоследствии кафе «Шмидта» стало одним из наших любимых пивных заведений. Посещаемых нами заведений в окрестностях Зигмара насчитывалось около 30. Все они были в пределах пешеходной доступности. До самого дальнего — ресторана «Славия» — было около часу хода. Мы нарисовали карту гаштеттов, которую, уезжая после десятого класса «навсегда»,

Вид на Оберфранерштрассе в Рабенштайне (открытка).

Фирменная картонная пивная подставка «Вернесгрюннер»

передали по наследству Лехе Запольскому. Где эта карта? Где эти гаштеты? Большинство из них прекратили свое существование. От некоторых остались брошенные здания с обветшалыми вывесками, другие снесены...

Пиво. Это отдельная история. Попробовав пиво однажды... А немецкое пиво! Но, стоп! Немецкое пиво бывает очень разным. Нам повезло, что жили мы в Саксонии и Тюрингии. Саксония граничит с Чехией. Раньше эти места были заселены славянами, от них и остались названия городов: Хемниц — Каменец, Дрезден — Дрезна, Глаухау — Глухов и т. д. Наверное, географическая близость и историческая общность сделали саксонское пиво близким по вкусу к лучшим в мире общепризнанным сортам чешского пива. Неповторимая фирменная горчинка лучших сортов чешского пива («Пилзнер Урквел», «Будвайзер», «Крушовице») присутствует в «Вернесгрюнере», «Брауштольце» и «Рейхенбрандере». Все сорта знаменитого баварского пива — «Левенбрау», «Шпатен», «Пауланер», «Августинер» — рядом не стояли с саксонским и тюрингским пивом. Ни один настоящий висмутянин не признает лучшим пиво, кроме как «Вернесгрюнер». В гэдэровские времена «берлинские» (сотрудники посольства и торгпредств) приезжали в Дрезден и Лейпциг попить местного пива (ну и, конечно, посетить Цвингер и «Старых мастеров»). Да и сейчас мои берлинские друзья, спустя много лет, признают первенство «Вернесгрюнера». Пользовались популярностью и другие местные сорта: «Радебергер», «Брауштольц», «Пилс» и пр.

Семь лет по 9 месяцев в году (за вычетом болезней и каникул) я садился в автобус к окну (по мере взросления продвигаясь к галерке) и смотрел на городской пейзаж: сначала Коперникштрассе, затем Цвиккауэрштрассе по дороге в школу, и потом, в обратном порядке, по дороге из школы. За эти семь лет детский мозг, как губка, впитал визуальный ряд домов, церквей, мостов, скверов, магазинов, гаштетов, гаражей, фабрик и оставил его глубоко в подсознании. Много я повидал с тех пор городов и мест, несомненно,

превосходящих по красоте наш пригород промышленного города. Но при первой же возможности я еду в Зигмар и проделываю пешком этот школьно-автобусный маршрут, каждый раз наполняясь трепетными ностальгическими чувствами. И какая удача, что всегда у меня находится попутчик из моих школьных товарищей. И какое же это счастье почувствовать рядом человека, способного относиться к каким-то вещам с такими же чувствами и эмоциями, как и ты сам, и без лишних слов понимать друг друга. Для меня эта дорога, как лакмусовая бумажка, по которой определяется родственность душ. Пройди по этому маршруту человек несведущий, он счел бы меня за сумасшедшего.

Школа № 103 ГСВГ (Группы советских войск в Германии) располагалась почти в центре Карл-Маркс-Штадта. Чтобы добраться до школы, по утрам на Штерцельштрассе к 8:00 подавали три красных «Икаруса». Задние сиденья занимали старшеклассники, девочки сидели впереди. От родителей каждый день ездили сопровождающие. Водители были немецкие. Один из них был по кличке «кайне дисциплин». К нему в автобус старались не садиться, так как он был крутого нрава и не давал никому спуска, требуя железной дисциплины на вверенном ему транспортном средстве. Другой водитель курил страшно вонючие сигары, от которых слезились глаза у всех в автобусе. Несмотря на жалобы и обращения родителей, никто не мог его заставить отказаться от курения за рулем. Автобусы загружались детьми быстро и, плавно покачиваясь, отправлялись караваном, виртуозно проходя повороты на узких зигмаровских улицах. По дороге в школу кто-то дучивал уроки, кто-то досыпал, кто-то доедал завтрак, но большинство бузили и играли во всякие игры. Например, кто больше насчитает «Трабантов» или кто больше увидит машин с номерами XS. Дорога занимала 20–25 минут. Автобусы ехали сначала по Штерцельштрассе, потом сворачивали на Кирхоффштрассе и через «четыре угла» спускались к Цвиккауэрштрассе, по которой и доезжали до центра города.

По легенде, передававшейся из поколения в поколение, школа располагалась в бывшем здании гестапо. Прямо через дорогу за высоким забором с колючей проволокой находилась действующая тюрьма, что внушало доверие легенде о гестаповском происхождении здания школы. С другой стороны, тоже через дорогу, в красивом особняке размещалось советское консульство.

Четырехэтажное здание школы своей архитектурой внушало безусловное уважение к среднему образованию. Оно было строго, лаконично и величественно, как

8 «А» класс после сдачи выпускного экзамена по русскому языку, 1975 г.

директриса школы Нина Капитоновна Дегтева. Начиналась школа, как и театр, с гардероба. Он находился в сводчатом, но высоком подвале, который, естественно, «раньше был гестаповскими застенками». В 1972 г. из-за нехватки помещений для учебных классов, в подвал перевели буфет с первого этажа. Буфет — одна из радостей школьника. Во-первых, родители каждый день дают марку на обед (которую можно сэкономить на пиво), во-вторых, в буфете бесконечно вкусная «вредная» еда: булочки по 5 пфеннигов с сосиской, которую можно обильно намазать сладкой немецкой горчицей, и сладкая газировка «Квик-Кола» или «Вита-Кола». Еще рядом с буфетом раздевалка, в которой мы успевали на большой перемене поиграть в прятки.

Самая главная достопримечательность школы — центральная лестница из художественного литья. Чугунные кружева. На каждом этаже от лестничного холла в стороны убегали по два коридора, вдоль которых располагались классы и учебные кабинеты. На втором этаже был актовый зал. Был чердак, на который ходить запрещалось, но в старших классах мы все-таки проникли туда и в горах исторического хлама нашли много следов пребывания предыдущих поколений школьников. Один из раритетов — гипсовый бюст Шиллера с отломанным носом общим весом килограммов на пятнадцать — я привез из Германии в Союз. Еще был спортзал, соединенный переходом с главным зданием школы. Здесь (помимо основного предназначения) проводились все основные школьные мероприятия — первый и последний звонки, прием в пионеры, фестивали «15 друж-

ных», школьные вечера и пр. и пр. К школе примыкала довольно большая территория с мастерскими, где проходили уроки труда, теплицами, огородом и кроличьими клетками, спортивной площадкой. За спортивной площадкой рос густой кустарник, в котором прятались школьные курильщики и коротали время сачкующие (за что этот глухой угол школьного двора получил у нас название «уголок сачкования»).

Школьные мастерские были отлично оборудованы: мальчиков-младшеклассников обучали столярному делу. Уже в 4-м классе мы целую четверть трудились над табуретом, который удался далеко не всем. Мальчики-старшеклассники обучались слесарному и токарному делу. Помню, уроков десять осваивали обработку металлического стержня напильником. На токарных станках мы вытачивали стержни, валы и болты; нарезали резьбу, делали гайки и еще много всякой всячины. К сожалению, забыл фамилию, имя и отчество нашего трудовика, но на всю жизнь я благодарен ему за полученные навыки и умения. Однажды, уже в 9-м классе мама Андрея Студеникина дала ему 25 марок, чтобы он купил ей подарок на день рождения. Это была приличная сумма — примерно на три похода в гаштет с компанией, и Андрей предложил мне, как продвинутому деревообработчику, сделать подарок своими руками. Я договорился с трудовиком, он подобрал мне хорошее березовое поленце, и я выточил на токарном станке трехэтажный шаровой подсвечник. Трудовик помог отделить подсвечник от бобышек и поделился со мной воском из своих запасов. Подсвечник получился прекрас-

Ирина Ошкина (Квасникова) около здания средней школы № 103 ГСВГ. Карл-Маркс-Штадт, 2008 г.

ный, мама была бесконечно довольна, а мы получили средства для своих походов.

По утрам к школе съезжались автобусы со всех наших висмутовских Объектов и военных гарнизонов. Часть ребят, детей военных из отдаленных гарнизонов, жили неподалеку от школы в интернате. У нас в школе кроме сигмарян учились ребята из Ауэ и Цвиккау (в Гере и Пирне были свои школы). Висмутяне приезжали в школу на «Икарусах», «Робурах» и «Баркасах». Военные приезжали на видавших виды военных «Прогрессах». В А-классах учились в основном висмутяне; в Б-классах — дети военных. Военных было больше, поэтому в А-классы тоже попадали дети военных. Несмотря на такое деление, дружили все между собой, и противостояния по принципу «ведомственной принадлежности» никогда не возникало.

Школа была укомплектована отличными учителями (по-видимому, в Союзе проводился тщательный отбор, и в ГДР направлялись только самые лучшие учителя). Нашему классу особенно везло на классных руководителей. Одно время у нас был классным руководителем заслуженный учитель истории из Киева, ветеран войны Андрей Герасимович Калинин (?). Помимо школьной программы, он рассказывал нам очень много интересного, о чем невозможно было прочитать в учебниках. Запомнился его интереснейший рассказ о роли православной церкви в Великой Отечественной войне. Много интересного он рассказывал из биографий наших полководцев. Уроки проходили на одном дыхании в форме дискуссии. Андрей Герасимович никогда никого не вызывал к доске и ставил оценки за активность на уроке.

Отдельное спасибо нашей классной, учительнице русского языка и литературы Елене Стефановне Вадакария. Она привила нам любовь к классической русской литературе и научила читать ее. Часто она заставляла нас писать сочинения на свободные темы, разрешала дописывать их дома, а потом рассказывала на уроках, что ей понравилось или не понравилось в отдельных «произведениях». Помню, как в конце одного из моих таких опусов, она написала: «Саша, спасибо тебе. Читала и перечитывала, а потом долго раздумывала над твоими мыслями и не могла заснуть...» Дорогого стоит такая рецензия (мне кажется, что в детстве я был мудрее и содержательнее, а потом все растерял постепенно). На уроках Елена Стефановна часто читала нам на память стихи и прозу, ненавязчиво заставляя нас вслушиваться в русскую поэзию. При этом было такое ощущение, что читала она для себя. Она хорошо понимала каждого из нас и имела к каждому индиви-

дуальный подход, никогда не причисляя всех под одну гребенку.

Я могу вспомнить еще очень многих учителей. У нас прекрасно преподавали математику, химию, физику, биологию. Всем учителям огромное спасибо и низкий поклон!

В пятом классе у нас начиналось преподавание иностранного языка. Из двадцати одного ученика восемнадцать выбрали английский язык, руководствуясь общим лозунгом — «Немецкий выучим и так, а язык «Битлз» и «Роллинг Стоунз» не учить нельзя». К концу школы результат оказался плачевным: естественно, немецким языком никто из нас так и не овладел, а уж английским и подавно. Те, кто приезжал из Союза из спецшкол с хорошим знанием английского, к десятому классу утрачивали свои знания, мешая его с немецким. Хвала тем родителям, кто не пошел на поводу у несмышленных подростков и заставил своих детей учить в школе немецкий язык: для многих из них язык стал профессией.

Несмотря на то, что школа была в ГДР, она все-таки была советской. Нас принимали в пионеры и в комсомол. Патриотическое воспитание было на высоте. Часто в школу приезжали знаменитые люди, которые проводили открытые уроки. Наша школа носила имя Рихарда Зорге. Однажды у нас выступал немец, который был связным Зорге. Еще запомнилось посещение Мариэтты Шагинян, которая лично встречалась с Лениным. Один раз (кажется, в пятом классе), к нам посреди урока пришел человек «в штатском» и, пристально взглядевшись в наши глаза, выбрал меня и Юлю Луневу и велел на завтра прийти в парадной форме. На следующий день перед уроками за нами приехал микроавтобус, и нас отвезли на военный аэродром. Там нам вручили по букету и проинструктировали, кому мы их должны преподнести. Юле достался генерал, главнокомандующий Группой советских войск в Германии, а мне какой-то штатский, чем я был несколько огорчен. Вскоре прилетел вертолет, и из него высадилась небольшая группа людей. Мы вручили букеты и были «оцелованы», после чего нас вернули в школу. Как выяснилось позже, моим «штатским» оказался генерал КГБ Ю. В. Андропов.

В школе царил довольно демократический дух, сквозь пальцы смотрели на длину волос у мальчиков и длину юбок у девочек. Однако перед проверками «из Союза» приводили всех в порядок. Мальчиков выводили посреди урока в коридор и, выстроив в шеренгу, проверяли длину волос, а девочек оставляли в классе и измеряли линейкой расстояние от юбки до колена. Здесь непревзойденной в искусстве введения в заблуждение проверяющих была Ира Саруханян. Она носила самую короткую юбку на высоко поднятой талии с поясом-резинкой, кото-

рую при проверках одним движением спускала на бедра, опуская подол ниже колена.

На переменах в школьных коридорах стоял дикий гвалт. Пацаны носились друг за другом по этажам, девчонки тоже от них не отставали. Кто-то курил в туалетах, кто-то стоял на атасе, вслушиваясь в удаленный зычный голос завуча Евгения Никитовича Капустина. Голос Никитича был слышен на любом этаже, где бы тот ни находился. Его фраза «Ученик имярек, мне не понятно!!!», произносимая в нос, но на всю школу, стала нарицательной и не передразнивалась только ленивым.

Одним из самых радостных событий было начало учебного года. Возвращались все из отпусков, из лагерей. Встречались наконец-то все после трехмесячной разлуки. Приезжали новенькие, менялись учителя. Обменивались новыми пленками с записями рок-групп, делились впечатлениями.

В старших классах часто убегали с уроков, ходили гулять в «город», умудрялись выпить пива или чего покрепче. Еще в Зигмаре «опаздывали» на автобус и добирались в школу на трамвае или пешком, что являлось грубейшим нарушением режима. Пронесило...

Сейчас в здании находится городская музыкальная школа. Здания мастерских существовали до 2009 г., потом их снесли. На месте тюрьмы построили современный комплекс — дворец юстиции. Остались нетронутыми «капитанский мостик» и угол сачкования, заросший неимоверным кустарником.

Из рассказа Сони Бородиной (Зигмар)

Как уже было написано моими друзьями, для детей в «Висмуте» были созданы безграничные условия для физического и творческого развития. Мы этому совершенно не противились и с удовольствием, приезжая впервые в эту страну, с головой окунались в бурную интересную внешкольную жизнь, пробовали себя в разных ролях, и в прямом, и в переносном смысле. Были заняты все свободное время, помимо школы, на 100%. Я не припоминаю — когда мы по вечерам возвращались домой, потому что постоянно были задействованы в разных мероприятиях, кружках, соревнованиях. Дом школьника, как и спортзал, и Советский клуб — были нам родными. Многому нас учили и талантливые висмутяне, и преподаватели «со стороны».

Помню, что для постановки танцев для нас, девочек-семиклассниц, был нанят хореограф Сухи Руди, кажется, чех по национальности, в то время еще неизвестный. Впоследствии он стал хореографом чемпионки

ГДР и мира по фигурному катанию (Аннет Петч или Катарини Витт), и, видя его по телевизору рядом со звездами спорта, поневоле испытывала гордость — ведь он и нас учил!

Еще запомнились занятия чеканкой, преподавателем у нас был висмутянин родом из Дагестана — к сожалению, не помню его фамилии. Но он со всей душой отдавал нам свои знания, и было это очень интересно и необычно — чеканка! — вряд ли кто из нас в своей жизни в Союзе смог бы научиться этому ремеслу. Я очень увлеклась чеканкой, сделала много работ, и одна из них даже получила 3-е место и медаль на детском конкурсе декоративно-прикладного искусства в г. Карл-Маркс-Штадт.

Занятия спортом — отдельная история. Возникшая в «Висмуте» любовь к волейболу и настольному теннису прошла и по моей дальнейшей взрослой жизни. Тренером по волейболу в Зигмаре у девчонок был Вячеслав Термосесов (работал в Проект-

«Танец регулировщиц». Смотри художественной самодеятельности. Зигмар, 1976 г.

Русалки. День Нептуна в лагере «Цинновци», 1976 г.

ном предприятии), все девчонки были в него тайно влюблены, и готовы были терпеть все трудности долгих тренировок, чтобы заслужить его одобрение и не ударить лицом в грязь на соревнованиях. В Цинновце были очень популярны у всех детей турниры по настольному теннису, и мы бесконечно с увлечением соревновались.

Каждый год на висмутовских «Объектах» (чаще — в Гере и Зигмаре) проводилась детская спартакиада, в которой участвовал буквально каждый ребенок от мала до велика. Особенно привлекательно было оказаться на пьедестале среди призеров и получить золотую, серебряную или бронзовую медаль на черно-красно-желтой (цветов флага ГДР) шелковой ленточке. И хоть медали были «игрушечные», но все равно

В. Булатов и А. Андреев обсуждают содержание книги «Уран и люди».

на них по-немецки были отчеканены номинации (золото, серебро, бронза), и они были соответствующего цвета. Наверняка у всех сохранилось на память большое количество медалей и красивых грамот, как и у меня. Эта крепкая спортивная закалка пригодилась мне уже после окончания института, в Краснокаменске, где я работала в ПромНИИпроекте, и до вполне зрелого возраста проводила все свободное время на волейбольной площадке и за теннисным столом, сначала сама, а потом и вместе с детьми. Выступала в командах за свое предприятие.

В последнем, 10-м, классе (1977–1978 гг.) учителем истории и обществоведения у нас был Вячеслав Александрович Лучко — необыкновенный человек и преподаватель, который многое дал нашему выпуску и в личном плане, и в плане образования. Он читал историю настолько интересно, что для большинства этот урок стал

любимым. В Союзе он работал не в школе, а в институте, и он первый из преподавателей общался с нами не как со школярами, а как со взрослыми людьми, называл нас на «вы», и мы чувствовали себя уже почти студентами. Уроки проходили очень демократично, обсуждали самые разные темы, каждый мог высказать свое мнение, поспорить. И хоть за глаза учителя (любя) называли Вячиком, авторитет его был непрекаем. И еще более возмущал оттого, что Вячеслав Александрович профессионально играл в волейбол, с удовольствием сражался с нами в спортзале, и там тоже мы многому у него научились.

Несмотря на строгие режимные условия, мы все же были в том свободололюбивом возрасте, когда хотелось нарушать предписанные правила поведения, хотя вполне представляли неприятности, которыми грозили наши поступки родителям. Ведь у нас на глазах были случаи «высылки» семей в 24 часа из-за поведения детей. Частенько бывало, что мы сбегали с уроков и шли гулять в город (в центр Карл-Маркс-Штадта), развлекались как могли на те маленькие средства, которые выделялись на школьные завтраки. Каждый год в Карл-Маркс-Штадт приезжал польский Луна-парк. Это был восторг, феерия, праздник! В Союзе тогда таких вещей не было, и для нас вновь были многочисленными невиданные аттракционы, карусели, палатки с игрушками и разными необычными сладостями. А сама ярмарочная атмосфера в этом парке так и манила своими красками, музыкой и весельем. При всяком удобном случае мы норавли правдами и неправдами хоть на пару часов маленькой компанией ускользнуть из школы и попасть в эту сказку.

Учась в старших классах, любили собираться с одноклассниками на вечеринки в неформальной обстановке у кого-нибудь на квартире, когда родители на выходные уезжали в дома отдыха. Все было пристойно, «по-пионерски», без спиртного и сигарет, разве что шампанское в таких случаях позволяли, торт, чай, танцевали, играли в какие-то игры типа ручейка (и «бутылочка»). Словом, общались без надзора взрослых. Сходились, чтобы не вызвать подозрений, по одному; расходились тоже втихую. Сладость запретного плода добавляла таинственности этим посиделкам. Конечно, потом мы узнали, что родители были в курсе всех наших «сходок» — все передвижения контролировались, и «кто надо» докладывал «кому надо» всю информацию. Но надо отдать должное родителям, никогда нарекавший по этому поводу мы не слышали от них.

Что говорить, школьные годы наши были счастливейшими. Мы попали из страны Советов в другую реальность, в парниковые

идеальные условия. Но это ни в коем случае не повлияло на наше отношение к своей стране — мы ею гордились, любили, мы были пионерами и комсомольцами, мы искренне пели на смотрах художественной самодеятельности: «Наш адрес — не дом и не улица, наш адрес — Советский Союз!» Мы с радостью ехали с родителями в отпуск на Родину. Щемило где-то в душе, и глаза были на мокром месте от избытка чувств, когда поезд подъезжал к советской границе, к Бресту, когда окунались в вокзальную белорусско-советскую суету, видели бабушек в платочках, торопившихся на платформах с баулами и авоськами.

Ну а потом — что ж греха таить, тоже совсем другое дело — мы. Мы ехали в Германию с родителями не по своей воле и без всяких конкретных намерений и целей. Не спрашивая нас, наши родители переносили нас в другую, стерильную среду обитания, совершенно отличавшуюся от привычной советской действительности. После десятого класса мы возвращались в Союз и не понимали, что фактически являемся в этой стране эмигрантами, а наша родина осталась там. Нам приходилось заново понимать правила поведения в этом новом для нас обществе, вписываться в несвойственные для нас взаимоотношения, биться об стену непонимания и бесконечно ностальгировать о прошедшем детстве. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что большинство из нас так и не адаптировалось до конца в этом обществе, так и не научилось следовать его жестким правилам. И соответственно, добиваясь каких-то высот, ценных для этого общества, мы все время сверяем свои действия и поступки с теми нравственными принципами, которые были заложены в нас в «Висмуте», поднимаем свою планку до тех высот, которые раз и навсегда для себя тогда установили. Так мы и остались белыми воронами, которые при первой возможности стремятся вернуться в родные пенаты, где все так мило и понятно... Но ни один из нас, ни на одну секунду не согласится променять все блага сегодняшней жизни на те годы счастливого детства, которые нам подарила судьба. Я говорю это от имени моих друзей — Володи Булатова, Андрея Сергеева, Алексея Запольского и многих других, с кем меня связал «Висмут» на всю жизнь — для которых создание этой книги стало долгом и делом чести.

* * *

В нашем клубе в Зигмаре теперь гостиница «Рабенштайнерхофф». Все жилые дома сохранились, но большинство из них обновлены. Дом школьника стал офисом какой-то частной компании. Библиотека и общежитие превратились в обыкновенный жилой дом. Здание бассейна в Пельцмюлле давно закрыто и медленно ветшает. Больница процветает. «Стекляшка» по-прежнему остается главным магазином в поселке.

В Гере все дома стоят на месте. Сохранились клуб и кантина. Новая школа работает как прежде. Старая разрушается. Полностью реконструировали все здания бывшей воинской части, превратив улицу в элитный квартал.

Ауэ, пожалуй, самый красивый из всех Объектов. Город расположен в долине реки, на склонах гор. С Ауэ начинался «Висмут», здесь была первая Генеральная дирекция предприятия. Колония висмутян находилась в уютном отдаленном уголке города и была окружена лесом. Из четырех домов, в которых жили наши специалисты, остались два.

В Пирне все на своих местах. Сохранились названия улиц, сохранились дома. Не переименовали улицу имени Юрия Гагарина, на которой стоял один из домов советских специалистов.

В Цвиккау наши одноклассники первое время жили в старинном районе города в роскошных особняках. Позднее всех переселили в новый район. Висмутовские особняки превратились в архитектурные шедевры.

За 35 лет выросли деревья. И нам, висмутовским детям, стукнуло по полтиннику. Для тех, кто уехал из Германии в раннем детском возрасте, или для тех, кто приехал в ГДР в девятом-десятом классах уже сформировавшимся подростком, пребывание в «Висмуте»

не стало определяющим жизненным эпизодом. На тех же, кто провел в командировке с родителями 5–7 лет в самом «пластилинном» возрасте, Германия отложила свой отпечаток на все последующие годы. Наши родители приезжали туда уже зрелыми, сложившимися личностями. Они ехали с конкретными целями: посмотреть на мир, поработать на передовом производстве, подняться по служебной лестнице, подзаработать денег. Они получали бесценный опыт, они повышали свое благосостояние, они прекрасно проводили свободное время и находили новых друзей. Для них «Висмут» тоже становился чем-то большим, чем новое место работы. Но совсем другое дело — мы. Мы ехали в Германию с родителями не по своей воле и без всяких конкретных намерений и целей. Не спрашивая нас, наши родители переносили нас в другую, стерильную среду обитания, совершенно отличавшуюся от привычной советской действительности. После десятого класса мы возвращались в Союз и не понимали, что фактически являемся в этой стране эмигрантами, а наша родина осталась там. Нам приходилось заново понимать правила поведения в этом новом для нас обществе, вписываться в несвойственные для нас взаимоотношения, биться об стену непонимания и бесконечно ностальгировать о прошедшем детстве. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что большинство из нас так и не адаптировалось до конца в этом обществе, так и не научилось следовать его жестким правилам. И соответственно, добиваясь каких-то высот, ценных для этого общества, мы все время сверяем свои действия и поступки с теми нравственными принципами, которые были заложены в нас в «Висмуте», поднимаем свою планку до тех высот, которые раз и навсегда для себя тогда установили. Так мы и остались белыми воронами, которые при первой возможности стремятся вернуться в родные пенаты, где все так мило и понятно... Но ни один из нас, ни на одну секунду не согласится променять все блага сегодняшней жизни на те годы счастливого детства, которые нам подарила судьба. Я говорю это от имени моих друзей — Володи Булатова, Андрея Сергеева, Алексея Запольского и многих других, с кем меня связал «Висмут» на всю жизнь — для которых создание этой книги стало долгом и делом чести.

Благодарю за помощь в написании этой статьи моих друзей: Андрея Сергеева, Володю Булатова, Алексея Запольского, Андрея Левчика, Соню Бородину, Галю Власову, Андрея Каценова, Ирину Саруханян и других.

«Наш» Зигмар

1 — клуб, кантина; 2 — кинозал; 3 — спортзал; 4 — Дом школьника; 5 — почта; 6 — библиотека; 7 — афиша

Дома, где жили в Зигмаре советские специалисты.

Гера

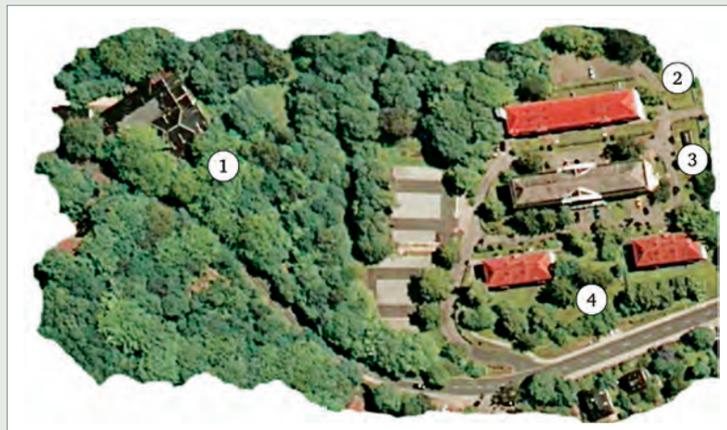
1 — музыкальная школа, почта; 2 — Дом школьника; 3 — клуб, кантина; 4 — фельдшерский пункт; 5 — спортзал.

Влад Старостин, Лена Бугрова, Ирина Шарапова, Леня Зубынин, Наташа, Володя Булатов. Гера, апрель 2008 г.

Володя Булатов у входа в клуб. Гера, 2004 г.

Ауэ.

1 — Советский клуб;
2, 3, 4 — дома, где жили
с семьями советские
специалисты.

Ауэ. Дом, в котором находились:
столовая, магазины, начальная школа,
общежитие и квартиры для вистмутян.

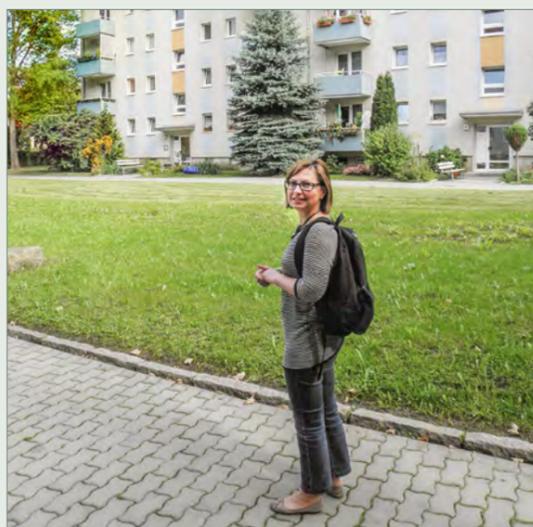
Ауэ. Жилой дом советских специалистов.

Сохранились названия улиц с тех времен. Пирна.

Указатель на улице Лессингштрассе. Цвиккау.

Вика Дорожжина в октябре 2011 г.,
во время ностальгического посещения Германии,
стоит на фоне своего подъезда. Пирна.

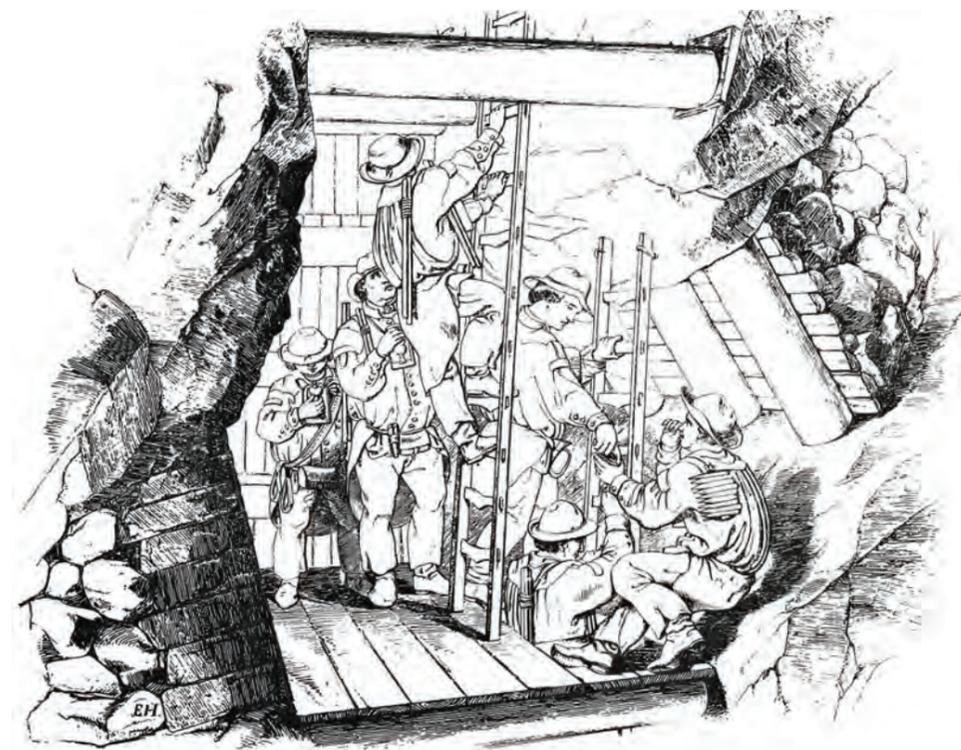

Бывший вистмутровский особняк на улице Лессингштрассе
(фото 2008 г.). Цвиккау.

ЧАСТЬ III

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ СГАО «ВИСМУТ»

1945—1990

ГЛАВА 3 ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ

Вернер Рихтер

В. Рихтер.

РИХТЕР Вернер. Родился 21 июля 1930 г. в Роллинсхайне близ Миттвайде. Отец был каменщиком, мать — крестьянкой. В 1949 г. поступил во Фрайбергскую горную академию. В 1955 г. начал трудовую деятельность в «Висмуте» на Объекте 9 в Ауэ, прошел путь от рядового инженера до заместителя главного инженера Объекта. В 1961 г. был назначен первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут». За успешную деятельность отмечен высокими правительственными наградами СССР и ГДР.

На встрече с представителями некоммерческого партнерства «Висмутяне» в клубе «Активист» г. Ауэ 3 июня 2009 г.

Бурное развитие урановых предприятий «Висмута», а также привлекательность горного дела, его многогранность и постоянный поиск чего-то нового стали для меня решающим фактором в выборе профессии горняка в 1949 г. После успешного прохождения практики на предприятиях угольной, калийной и рудной промышленности и окончания обучения во Фрайбергской горной академии я начал свою трудовую деятельность в СГАО «Висмут» в апреле 1955 г. на шахте № 250 Объекта 9. Моей основной обязанностью с первых дней работы стало обеспечение техники безопасности и производительности труда горняков. Нужно напомнить, что Нидершлема — это большое уникальное гидротермальное месторождение, уходящее вглубь на 2000 метров, поэтому естественно, что большое внимание уделялось научно-техническому обеспечению горных работ, а к безопасности их ведения предъявлялись высокие требования.

В 1957 г. в связи с тем, что на руководящие должности в «Висмуте» стали все чаще выдвигаться немецкие специалисты, я был назначен заместителем главного инженера Объекта 9.

С удовольствием вспоминаю наше тесное, дружеское сотрудничество с тогдашними советскими главными инженерами — Боровиковым, Потетюриным и Дзасоховым, которые при выполнении напряженных производственных заданий делали все для того, чтобы условия труда горняков были как можно лучше. В те годы на Объекте 9 работало около 24 000 человек, были построены современные производственные установки, такие как шахты №№ 38, 366 и 371.

Особенно важной проблемой было обеспечение горняков в забоях необходимым количеством воздуха и допустимой температурой и влажностью, потому что геотермическая ступень составляла 1 градус на 30 метров, а температура пород на глубоких горизонтах достигала 65 градусов. Для этого была построена уникальная система кондиционирования рудничного воздуха, пройдены глубокие вентиляционные шахты,

на поверхности и под землей были смонтированы мощные стационарные холодильные установки, а в проходческих и очистных забоях задействованы более сотни передвижных холодильных установок. Температура воздуха в забоях гарантировалась в пределах 18–26 градусов. В решение этой проблемы были вовлечены научно-технические силы ГДР (предприятие «Индустрикулунг») и СССР (Московский горный институт и лично профессор Комаров, Академия наук Украины и лично академик А. Н. Щербань, а также доктор Константин Гербут, с которым у меня до сих пор сохранились хорошие, дружеские отношения).

В 1961 г. мне, еще молодому человеку, была доверена новая, очень важная и ответственная должность — первого заместителя генерального директора. С самого начала моей работы мне оказал дружескую помощь и горячую поддержку тогдашний генеральный директор СГАО «Висмут» Василий Алексеевич Собко. В октябре 1961 г. его сменил на этом посту С. Н. Волощук. Он обладал огромным опытом и знаниями, приобретенными во время работы в угольной и урановой промышленности, которыми он щедро делился со мной. За 21 год совместной работы в атмосфере искренности, открытости и честности между нами сложились дружеские, сердечные отношения, когда каждый из нас мог полагаться на другого. Решение всех важных рабочих проблем, которых было достаточно, обсуждалось коллегиально. На протяжении этих лет СГАО «Висмут», успешно выполняя задания правительств СССР и ГДР, стал третьим в мире производителем урановой продукции. В 1967 г. уровень добычи урана достиг своего максимума — более 7000 тонн. В том же году я в составе делегации «Висмута» принимал участие в работе V Международного горного конгресса в Москве.

В это же время началась отработка месторождений с низким содержанием урана и сложными условиями ведения горных работ (Роннебург и Кенигштайн).

Роннебургское месторождение характеризовалось невысокой прочностью горных

пород, относительно высоким содержанием серы и повышенной пожароопасностью, поэтому мы были вынуждены использовать технологии заливания и твердеющей закладки, что привело к повышению затрат. Для преодоления этих негативных последствий мы использовали советский опыт, при этом особенно большой вклад внесли главный инженер Б. К. Середя и В. Н. Смирнов.

Внедрение гидрометаллургической переработки очень бедных руд на заводе Зеллингштедт и Кроссен позволило повысить извлечение металла до 90 %. Этот технологический процесс был передан «Висмуту» одним из советских научно-исследовательских институтов. Обычно перенос даже хороших лабораторных результатов непосредственно на промышленное производство сопряжен с проблемами. Тем не менее интенсивное совершенствование технологии позволило нам за короткий период достичь очень хороших, наиболее возможных в этой ситуации технологических результатов. В связи с этим я с удовольствием вспоминаю хорошую работу главных инженеров перерабатывающих предприятий Корейши и Шаропова и главного инженера проекта В. П. Шулику.

Выполнение производственных заданий, разработка и внедрение высокопроизводительной техники и технологии, а также улучшение условий труда работников стало возможно благодаря компактной структуре «Висмута». Здесь были созданы хорошие возможности не только для рудников и перерабатывающих предприятий, но и для геологоразведки, научных исследований, проектирования, строительства, машиностроения и транспорта; руководство всегда оперативно реагировало на возникающие проблемы и обеспечивало работникам хорошие условия труда. Созданная система здравоохранения также оказывала свое положительное действие. В руководстве «Висмута» было налажено четкое взаимодействие между основными подразделениями. У меня были постоянные дружеские контакты с главными инженерами, ответственными за производство, — Б. К. Середой, Н. Д. Ивановым, Л. М. Тормышевым и В. П. Назаркиным.

Особенно тесные контакты я, конечно, поддерживал с подчиненным мне директором по науке и технике. При мне в разные годы эту должность занимали

В. Н. Смирнов, А. В. Балдин и Г. Г. Андреев. Они проделали огромную работу: при их непосредственном участии решались и реализовывались многие научно-технические проблемы рудников, перерабатывающих предприятий, машиностроительных заводов и других предприятий. Работать с ними было очень приятно, мы открыто обсуждали все вопросы, отношения между нами были добрые, мы дружили семьями. С Г. Г. Андреевым я до сих пор поддерживаю постоянные контакты, которые приносят радость нам обоим.

По настоянию генерального директора С. Н. Волощука мы, немецкие специалисты, неоднократно посещали советские урановые предприятия в России, на Украине, в Казахстане, Узбекистане, Таджикистане и Киргизии. Это были очень интересные, познавательные поездки, которые значительно расширили наши знания и связи. Мы познакомились с этими республиками, ставшими теперь самостоятельными государствами, и их народами. Кроме того, мы сотрудничали с нашими коллегами на урановых предприятиях в ЧССР, Венгрии и Болгарии, выезжали туда по обмену опытом и по вопросам взаимных поставок горного оборудования.

В заключение скажу, что за время моей 35-летней работы горным инженером в СГАО «Висмут» я познакомился со многими квалифицированными людьми, от которых я многому научился. Я буду всегда с удовольствием вспоминать обстановку дружбы, взаимного доверия и открытости во время нашей совместной работы с советскими специалистами.

V Международный горный конгресс. Слева — представители делегации ГДР (Вернер Рихтер, Хайнц Кристоф, Хорст Левандовски), крайний справа — Леонид Подолько, рядом с ним — С. Н. Волощук.

Перевод Г. Г. Андреева

Вернер Рихтер

Беседа с Вернером Рихтером записана в Хемнице 4 июня 2009 г. во время его встречи с представителями общества «Висмутяне» — Г. Г. Андреевым, А. А. Андреевым, А. Г. Андреевым и А. Сергеевым.

Работа в «Висмуте» обогатила и сделала ярче мою жизнь

Вопрос: Вернер, каков был твой жизненный путь до того, как ты поступил на работу в «Висмут»?

Рихтер: Я родился 21 июля 1930 года в небольшой деревушке в 15 км от Хемница. Отец был каменщиком (он погиб в 1944 г. в Литве), мать — крестьянкой, занималась сельским хозяйством. После окончания 4-го класса школы поступил по совету учителя в гимназию. Учеба в гимназии была платная — 20 марок в месяц. Я любил химию, проводил разные эксперименты. После окончания гимназии мне предлагали посвятить себя химии, строительству или металлургии, но я решил заниматься горным делом.

В 1949 г. я поступил во Фрайбергскую горную академию. Но вначале нужно было один год поработать на рабочих местах по три месяца в горных предприятиях: на медных рудниках Мансфельда, калийной, каменноугольной и бурого угольной промышленности. После этого давали пять тем и вопросник, на которые ты должен ответить и описать эти предприятия. Везде я честно работал рабочим по три месяца. Выполнив все эти задания, 15 октября 1950 г. я начал свой первый семестр во Фрайбергской горной академии.

Окончив учебу в академии 26 марта 1955 г., стал дипломированным горным инженером. Темой моей дипломной работы была технология горных работ на Мансфельдском комбинате, который добывал медь из пласта толщиной 15–20 см.

Вопрос: Тебя направили по распределению на работу в «Висмут»?

Рихтер: Выпускников, как правило, отправляли на работу на народные предприятия. Но мне хотелось работать в «Висмуте». Я уже знал о больших рудниках в Ауэ. Мне было известно, что во Фрайбергской горной академии находится представитель «Висмута» Олейников и набирает желающих работать в «Висмуте». Я пришел к нему. Он сидел в отдельной комнате. Поговорил со мной, оформил бумаги и направил работать на Объект 9, который находился в закрытой зоне. Я оформил пропуск и прибыл в отдел кадров Объекта. Я хотел начать свою работу горного инженера в

качестве участкового штейгера с тем, чтобы познать горное производство с самого основного его звена — проходческих и очистных работ. Но начальник отдела кадров Рихард Фишер, старый коммунист, направил меня работать на шахту № 250 инженером по технике безопасности. Я не ожидал такого назначения, так как полагал, что тут должен работать опытный горняк. Но работавший на этом месте человек заболел, и место освободилось. На мои сомнения Рихард Фишер мне сказал: «Ты окончил Фрайбергскую академию — должен справиться». С 18 апреля 1955 г. я начал работать в СГАО «Висмут». На шахте меня принял начальник шахты (фамилии не помню) и главный инженер шахты Степанов, который говорил по-немецки. С главным инженером мы в дальнейшем тесно работали. Вначале я плохо говорил по-русски, но потом, шаг за шагом, освоил русский язык, что мне очень помогло в работе.

Вопрос: Что представлял собой Объект 9 тогда, в 1955 году?

Рихтер: Объект 9 (Нидершлема) становился ведущим Объектом «Висмута». На нем работало 25 тыс. человек. На соседнем Объекте 2 (Обершлема) работало немного меньше — 15 тыс. человек. Это примерно по тысяче человек на каждой шахте.

Вопрос: Что ты делал, работая инженером по технике безопасности? Какие существуют причины несчастных случаев?

Рихтер: К сожалению, несчастные и смертельные случаи были. Причины были разные. Ведь горная профессия всегда была и еще остается связанной с риском и опасностями. Например, на проходке наряду с устойчивыми и крепкими породами встречаются слабые и неустойчивые. Поэтому надо грамотно обобрать кровлю, чтобы не было обрушений. Или — на выпуске горной массы из рудоспусков бывает, что горная масса в них зависает. И в момент, когда рудоспуск пробивают, не соблюдая техники безопасности, происходит внезапный, аварийный вывал массы.

Или — переход на мокрое бурение. Еще в 1951 г. вышел приказ о запрете «сухого» бурения и переходе на «мокрое» (с промывкой шпуров водой). А мне и в 1955 г. приходилось заставлять некоторых горняков работать с промывкой шпуров. Когда работали «всухую», стоял страшный туман от пыли. Особенно трудно горняки переходили

на «мокрое» бурение на проходке восстающих и в очистных забоях при потолкоуступной выемке. Потому что вода после промывки стекала из шпуров прямо на плечи горняков, и это им, мягко говоря, не нравилось. Мы им в забоях кричали: «Смерть уже видна! Силикоз уже виден! Переходите на мокрое бурение!» Приходилось даже перекрывать шланги подачи сжатого воздуха.

Но самым страшным испытанием для меня был пожар на шахте № 250. В ночь с 15 на 16 июня в слепом стволе № 208бис загорелась кабель. Никто до сих пор не знает, почему он загорелся. Но потом загорелся не только кабель. Загорелась деревянная крепь в рудворе и в стволе, хотя она всегда была мокрой от шахтной воды. Тогда еще не было четкой системы аварийных планов ликвидации аварий, оповещения персонала во время аварий. Руководство пожаром было нескоординированным и неквалифицированным. Не хватало кислородных дыхательных аппаратов. Эта авария многому нас научила.

Когда я на автобусе в 5:30 утра приехал из Шнееберга, где я тогда жил, на шахту, то услышал крики: «На шахте пожар!» Прибежал на шахту, там работами руководил оберштейгер Альфред Бергер. Надо было спустаться в шахту спасать людей. Я хорошо знал план выработки и схему проветривания. Спустился в шахту. Не хватало кислородных дыхательных аппаратов. Опустившись на горизонт –360 м, я вместе с другими горняками подбежал к слепому стволу № 208бис. Ствол уже горел, это мы услышали по гулу за закрытой пожарной дверью. Оберштейгер Торндорфер и инспектор по безопасности Шмидт хотели ее открыть, но я закричал: «Ни в коем случае не открывайте! Это усилит пожар!» Еще во Фрайбергской горной академии, на учениях в Центральной горноспасательной службе в Лейпциге нас предупреждали об опасностях в таких ситуациях. К сожалению, когда мы ушли, они открыли дверь и погибли.

Потом мы подошли к слепому стволу № 38бис на горизонте –240 м. Машиниста подъемной машины и стволового сигналиста на месте нет. Убежали. И тут раздаются сигналы с горизонта –480 м — «Подъем людей наверх». Я спрашиваю горноспасателя, который был с нами: «Ты можешь работать на машине?» Он сел за пульт подъемной машины, а я встал на место стволового сигналиста. Подняли клеть с горизонта –480 м, полную горняков. Один уже без сознания. Там был и начальник участка Клаус Шреер. У него почти закончился кислород в дыхательном аппарате. Лицо красное (признак отравления угарным газом). К счастью, остался жив. Я с ним потом встречался.

Мы потом еще поднимали горняков наверх, вытаскивали их на свежий воздух. Но, к сожалению, не всех удалось спасти. Погибло 33 немецких горняка и один советский инженер, работавший главным маркшейдером на шахте № 208. Страшная трагедия. После этого случая радикально улучшили организацию работ по разработке планов ликвидации аварий, проведению аварийно-спасательных учений, работе диспетчерских и горноспасательных служб «Висмута».

Вопрос: Когда ты стал заместителем главного инженера Объекта 9?

Рихтер: Я еще работал инженером по технике безопасности, когда в начале 1956 г. на Объекте возникла проблема с нехваткой «порожняка» (вагонов для погрузки горной массы). Напряженный план, бригады прилагают все силы, чтобы его выполнить, а тут нет порожняка. Бригады кричат — давай порожняка! На Объекте организовали рабочую группу из инженеров шахт №№ 13, 66 и 250 для ре-

Шахта № 250 Объекта 9.

шения комплексной проблемы транспорта (горизонтального и вертикального). Меня назначили руководителем этой группы. Мы сделали анализ состояния и дали организационные и технические предложения по улучшению работы транспорта. Это позволило кардинально решить проблему.

После этого меня в апреле 1956 г. переводят в производственный отдел Объекта старшим инженером по транспорту. В июне 1956 г. мне и моей семье (я был женат с 10 апреля 1954 г., и у нас были дети) дают двухкомнатную квартиру в Ауэ, в районе Теллерберг. До этого я снимал квартиру в Шнееберге.

Через полгода, в октябре 1956-го, меня назначают заместителем главного инженера Объекта 9. В то время начальником Объекта был Валентин Алексеевич Дзасохов, главным инженером — Николай Николаевич Боровиков из Днепропетровска. После него стал Анатолий Васильевич Потетюрин. Оберштейгером Объекта был Феликс Гер-

Вернер Рихтер, 1947 г.

В. Рихтер (в центре), студент Фрайбергской академии.

В. Я. Опланчук (справа) и Хорст Левандовски, 1966 г.

хард (позже он работал начальником 13-го отдела в Генеральной дирекции). Вскоре к Объекту 9 присоединили Объект 2. В то время начальником Объекта 2 был Владимир Яковлевич Опланчук, а заместителем главного инженера — Хорст Левандовски. По возвращении в Советский Союз Опланчук многие годы руководил Ленинадским горно-химическим комбинатом в Таджикистане.

С Валентином Алексеевичем мне было интересно работать. Это был образованный горный инженер и интеллигентный человек. Вспоминаю, что когда он готовился выступать перед коллективом немецких специалистов, то советовался со мной о содержании своего доклада, интересовался, какой может быть резонанс в коллективе. И только после этого отдавал выступление на перевод. Много внимания он уделял вентиляции горных работ и борьбе с радоном. На Объекте глубина ведения горных работ быстро увеличивалась. Это вызвало сложности в организации проветривания проходческих и очистных работ, борьбе с радоном. Он был одним из инициаторов проходки вентиляционных подгоризонтов на Объекте. Дзасохов был последним советским начальником Объекта. После него в 1958 г. первым немецким начальником Объекта 9 стал Рольф Зеeman, хороший организатор и практик.

Одним из первых мероприятий, которое я провел в должности заместителя главного инженера, была организация диспетчерской службы на Объекте. Были свежи в памяти впечатления и боль от пожара на шахте № 250. Еще во время своей учебы во Фрайбергской горной академии я выполнил курсовой проект «Развитие диспетчерской службы в Калииндустрии (VERRA)». Теперь он мне помог в моей практической деятельности. В 1957 г. служба горного диспетчера появилась на Объекте 9. Потом такие же службы появились и на других Объектах.

Вопрос: Когда ты перешел на работу в Генеральную дирекцию?

Рихтер: В конце марта 1961 г. меня перевели на работу в Генеральную дирекцию руководителем технического отдела. Генеральная дирекция размещалась еще в здании бывшей городской ратуши городка Зигмар-Шенау на улице Гауссштрассе, 5.

И во вторую неделю моей работы на новом месте, 7 апреля, на шламоохранилище завода

№ 101 случается авария. В 8 часов утра мне звонит главный горный диспетчер и сообщает, что из сливной бетонной трубы (6 кв. метров), проходящей по дну шламоохранилища и выходящей из основания дамбы, стал внезапно вырваться шлам в реку Мульда. Всего за время аварии ушло примерно около миллиона тонн шлама.

Генеральный директор В. А. Собко был в командировке в Москве. Приказом и. о. главного инженера Общества Владимира Васильевича Михайлова меня назначают начальником ликвидации аварии. Дают все полномочия и для развозов — автомобиль «ЗиМ». Мы не знали, где внутри шламоохранилища прорвало трубу. Вначале пытались перекрыть выходное отверстие трубы. Но напор был такой силы, что сносил, как пушинки все наши сооружения. Тогда решили определить расположение дырки в трубе по месту образования воронки в плотном слое пульпы шламоохранилища. Ее нашли и сразу стали засыпать каменными и бетонными блоками. Для этого построили понтонный мост. В этом решающую помощь нам оказали солдаты и офицеры советского инженерно-саперного батальона из Глаухау. Они пригнали 10 «амфибий». Сотни человек из СМП-17, ПП-101, Транспортного предприятия, Проектного предприятия три дня работали, как черти, днем и ночью. Я сам постоянно находился на дамбе в маленьком домике смотрителя, куда срочно провели связь. Надо было оперативно решать множество вопросов относительно бесперебойной поставки материалов, обеспечения транспортом, контроля за водной средой, размещения работающих и их питания и мн. др.

Об этой аварии сразу стало известно в Берлине. Звонит Председатель Правительства ГДР Отто Гротеволь, а с ним никто не хочет говорить. Боятся. Пришлось говорить мне из домика на дамбе. Докладывая, что я такой-то, ответственный за ликвидацию аварии, произошло то-то, делается то-то. Я с ним встречался еще в Ауэ, когда он приезжал на Объект 9.

Было заседание Политбюро. Вальтер Ульбрихт назначил Миттага, секретаря ЦК СЕПГ, руководителем Правительственной комиссии. Начальник водного хозяйства ГДР Рохлитц следил за состоянием водной среды Эльбы. Когда приехал Миттаг для проверки работ по ликвидации аварии, мы уже все сделали и закрыли дыру на трубе. Утечка была ликвидирована. Это было для меня второе такое тяжелое испытание после пожара на шахте № 250.

В мае 1961 г. меня утвердили на правлении Общества первым заместителем генерального директора СГАО «Висмут». Мне

еще было только 30 лет. В общем-то мало для руководителя такого ранга. Генеральным директором был Василий Алексеевич Собко, работали мы с ним дружно и хорошо. У меня остались о нем теплые воспоминания. Я бывал у него в гостях дома в Москве после его отъезда домой.

В октябре 1961 г. на должность Генерального директора назначили Семена Николаевича Волощука. Ему тогда было 50 лет. Он понимал, что я молодой и не очень опытный человек, но очень тактично делился со мной своим жизненным и производственным опытом. Сейчас я могу сказать, что очень рад тому, что на своем жизненном пути встретил этого талантливого человека.

Вспоминаю такой эпизод начала нашей совместной деятельности. Семен Николаевич понимал, что «Висмут» остро нуждается в квалифицированных немецких инженерных кадрах. Горных инженеров для «Висмута» начала готовить Фрайбергская горная академия. Но профессора академии не бывали у нас на предприятиях, и им нечего было рассказывать своим студентам о производственных сторонах деятельности «Висмута». Поэтому он пригласил несколько ведущих профессоров академии и поручил мне ознакомить их с основными сторонами нашей работы и в дальнейшем поддерживать с академией постоянные контакты.

В один из приездов министра Ефима Павловича Славского мы вместе с ним посетили выдающегося ученого фон Арденне²⁹ и его институт в районе Вайсер Хирш в Дрездене. Это была интересная и незабываемая встреча с такой яркой личностью, как фон Арденне. В 1945 г. он добровольно изъявил желание работать в Советском Союзе по атомной проблеме и написал об этом письмо Сталину. Ему организовали научно-исследовательский институт в Сухуми. Он автор многочисленных крупных изобретений, получивших мировую известность, в их числе электронный микроскоп и подушки безопасности для автомобиля. За свои достижения он был отмечен высокими правительственными наградами Советского Союза.

Вопрос: Какие еще важные события и люди тех лет в «Висмуте» тебе вспоминаются?

Рихтер: Мы в то время (1962 г.) интенсивно занимались перерабатывающим заводом № 102 в Зелингштеде. Он был построен, но еще не достиг своей проектной мощности и показателей. Проект делало наше Проектное предприятие по техноло-

гии, разработанной институтом Советского Союза. Главным инженером проекта был Валерий Петрович Шулика. Строили завод наше СМП-17 и народные предприятия ГДР. Председателем правления Общества тогда был Курт Грегор. Когда я обращался к нему с просьбой ускорить поставки материалов и оборудования, он меня ругал, что я хочу все очень быстро получить. Завод нам вскоре удалось вывести на проектную мощность и достичь высоких показателей извлечения урана из бедных руд. Большой вклад в эту работу внесли советские специалисты А. И. Антосиков, Ю. А. Корейша, В. С. Семенов и бригада сотрудников из ВНИИХТа и ПромНИИпроекта.

Главным инженером завода № 102 в то время был Юрий Александрович Корейшо — грамотный, творческий инженер, имевший авторитет в коллективе. Спустя несколько лет я встречался с ним в Прика-

спийском комбинате (г. Шевченко), где он работал его руководителем. Наша делегация приезжала для ознакомления с опытом подземного выщелачивания.

Еще была борьба с эндогенными пожарами пиритосодержащих урановых руд на Роннебургском рудном поле. У нас было по несколько десятков пожаров в год на рудниках Шмирхау, Пайцдорф и Ройст. Для борьбы с ними применяли технологию заиливания, которую помогали внедрять специалисты уральского института «Унипромедь» и особенно главный инженер Общества Борис Константинович Середа. Очень знающий, деловой и спокойный человек.

Помню Виталия Николаевича Смирно-

новый мощный источник ионов для масс-спектрометра для анализа смесей изотопов урана. В 1955 г. фон Арденне разрешили вернуться в ГДР. С этого года он директор научно-исследовательского института в Дрездене.

В. Рихтер и специалисты 9-го отдела ГД и перерабатывающего завода № 102 на проводах Ю. А. Корейшо (внизу в центре) 29 января 1966 г.

Вернер Рихтер и Валентин Никанорович Богатов (1965 г.).

²⁹ Манфред фон Арденне (Manfred von Ardenne; 1907–1997) — нем. физик, исследователь и изобретатель. Во время Второй мировой войны возглавлял частную исследовательскую лабораторию в Лихтерфельде. В 1945 г. по предложению НКВД уехал работать в Советский Союз. Здесь им был создан

Б. К. Середя и В. Рихтер, только что награжденный орденом Ленина (на праздновании 20-летия СГАО «Висмут», 1966 г.).

ва, Александра Витальевича Балдина, которые помогали разрабатывать и внедрять систему отработки рудных тел слоями под твердеющей закладкой, которая радикально решила проблему с эндогенными пожарами.

На Объекте 9 я много работал с Дзасоховым по вопросам организации вентиляции и борьбы с радоном.

Потом на месторождении Нидершлема-Альберода, в условиях увеличения глубины ведения горных работ и повышения температуры горных пород до 65 градусов по Цельсию, работали с академиком А. Н. Щербанем и его сотрудниками: Виленом Черняком и Константином Гербутом из института теплофизики в Киеве. Совместно с Проектным предприятием и НТЦ разработали уникальную систему кондиционирования воздуха для глубоких горизонтов, состоящую из поверхностных и подземных стационарных холодильных комплексов и сотен передвижных холодильных установок в забоях.

По роду своей деятельности в Генеральной дирекции мне приходилось участвовать в официальных встречах разного уровня.

Так, например, наша делегация «Висмута» на съезде СЕПГ, на котором в качестве гостя присутствовал Никита Хрущев, попросила встретиться с ним. Он встретился с нами, поговорил и, когда забойщики попросили автограф, охотно дал его каждому из нас.

На одном из торжественных приемов в посольстве СССР посол П. А. Абрахимов познакомил С. Н. Волощука и меня с Л. И. Брежневым. Это было буквально за пару недель до того, как он стал Генеральным секретарем КПСС.

Ну и конечно я встречался с руководством ГДР — Вальтером Ульбрихтом, Отто Гротеволем, Эрихом Хонеккером, Альфредом Нойманном и другими руководителями, которые имели отношение к деятельности «Висмута».

Среди неофициальных встреч вспоминаю приезд в «Висмут» советского писателя, лауреата Нобелевской премии Михаила Шолохова с супругой. Его тепло приветствовали трудящиеся во Дворце культуры «Висмут» в Зигмаре (Пельцмюлле). Вечером М. А. Шолохова с супругой принимал С. Н. Волощук. Как память о той встрече у меня хранится двухтомник «Тихого Дона» с дарственной надписью автора.

Кроме таких встреч с известными политическими и общественными деятелями, мне посчастливилось встретиться во время моей деятельности в «Висмуте» со многими прекрасными людьми, работа и общение с которыми доставляли мне большое удовольствие. И я благодарен судьбе за это.

Вопрос: Что тебе нравилось, а чем ты был недоволен, работая в «Висмуте»?

Рихтер: Для меня, тогда молодого человека, избравшего профессию горного инженера, работа и жизнь в «Висмуте» была очень интересной и содержательной. Коллективу «Висмута» пришлось столкнуться со многими сложными инженерно-техническими проблемами, в решении которых я также принимал участие. И это мне нравилось. Я встретил много интересных и хороших людей, как немецких, так и советских. Это значительно обогатило и сделало ярче мою жизнь.

Чем я был недоволен? Конечно тем, что случались аварии и трагические случаи. Теми неудобствами, которые приносила населению деятельность предприятий. Но это горное дело. И оно всегда, во всем мире, к сожалению, сопряжено с опасностью и риском. И даже с развитием науки и техники избежать этого не удастся.

Но больше всего мне нравится то, что в нашем Обществе «Висмут» между людьми утвердилось чувство коллективизма, товарищеской взаимопомощи и поддержки, уважения к честному труду. Что мы, представители двух народов, которые пережили страшную войну, смогли понять друг друга, уйти от взаимной вражды и перейти к сотрудничеству и доверию.

И я очень рад, что молодое поколение советских висмутян, объединенное в организацию «Висмутяне», продолжает традицию своих отцов и дедов.

1950–1957 гг. — учеба в Ленинградском горном институте. 1957 г. — начало работы в СГАО «Висмут» (участ. геологом на шахте № 207 в Ауэ). Зам. гл. геолога СГАО «Висмут».

(Беседа с К. Файерером проведена Г. Г. и А. Г. Андреевыми в Зигмаре в июне 2009 г., разговор происходил на русском языке.)

Андреев Г. Г. (далее — А. Г. Г.): Карл, расскажи о начале своей трудовой деятельности.

Карл Файерер (далее — К. Ф.): Работать я начал в еще 1942 г. 15-летним парнем в забое угольной шахты, сразу после окончания 8-летней школы. Но вскоре меня призвали в армию и направили на Восточный фронт, где я был тяжело ранен в ногу и попал в плен. В плену меня вылечили и, как инвалида, в 1945 г. отправили домой.

Дома опять начал работать на шахте. Но уже в забое работать не мог, так как плохо работала нога. Я переквалифицировался в слесари. В 1947 г. в ГДР был объявлен призыв — «молодежь должна учиться». Я пошел учиться на рабфак и проучился два года. По его окончании получил аттестат зрелости и смог поступать в высшее учебное заведение. В 1949 г. поступил на учебу во Фрайбергскую горную академию. После первого семестра меня включили в группу, которую направляли на учебу в Советский Союз. Я, конечно, согласился, так как хотел учиться на машиностроителя горных машин. Но когда мы приехали в Москву, мне вдруг объявили, что я буду учиться на геолога. Я отказался и хотел было уехать, но меня вызвали в посольство, пропесочили и объяснили, что я должен учиться на геолога в Ленинградском горном институте.

Было интересное время и много событий. Умер Сталин. Была амнистия. Выпустили много уголовников. Первыми лицами стали Маленков и Булганин. Потом появился Хрущев-кукурузник. В институт вернулись несколько профессоров, которых отправляли в ссылку на Север, в Норильск. Их встречали с триумфом. Потом читали нам закрытое письмо о докладе Хрущева на съезде. Я присутствовал, меня пропустили туда, и я все видел и слышал. Была очень бурная реакция на это письмо. Бюст Сталина, стоявший на втором этаже главного входа, сбросили с пьедестала.

А. Г. Г.: Карл, когда ты начал работать в «Висмуте»?

К. Ф.: По возвращении в ГДР после окончания в 1957 г. Ленинградского горного института по специальности «Геология и разведка рудных месторождений» я должен был приехать в Геологический

комитет в Берлине. Они не очень доброжелательно встретили, так как хотели направить меня на побережье Балтийского моря для подсчета запасов россыпных месторождений, а я хотел работать на рудниках. Я поехал в Хемниц, где пошел в «Висмут» к генеральному директору Василию Алексеевичу Собко и сказал, что я геолог, окончил ЛГИ, и хочу работать в «Висмуте». Он мне ответил: «Добро пожаловать в «Висмут»», — снял телефонную трубку и позвонил в отдел кадров, чтобы меня оформили на работу. Правда, мне еще по почте приходили из Геологического комитета запросы, почему я не поехал работать на Балтику. Но наш отдел кадров их успокоил, что я работаю в «Висмуте».

Я начал работать участковым геологом в Ауэ на шахте № 207. Там геологом работал кандидат наук Юрий Константинович Речкин. Потом меня перевели в камеральную группу, откуда через год забрали в Хемниц, в Генеральную дирекцию. Работая в Ауэ, я встречался с Кремчуковым. Потом и в ГД я беседовал с ним о перспективах разведки. Он мне говорил, что мы уже в основном в ГДР все разведали, знаем, где что лежит и дал указание, чтобы поисковые работы сократить.

Шахта № 207 Объекта 9.

А. Г. Г.: Получается, что Кремчуков ошибся?

К. Ф.: Да. И крепко. Но потом он мне при встречах говорил: «А что, я тебе уже давно говорил, что и где нужно делать». Правда, Волощук его поставил на место.

Ну так вот. Средства на поисковую геологоразведку уменьшили. А у меня работал геолог Зигфрид Ойльшлегель. И мы в начале 1962 г. предложили ревизовать все кернох-

К. Файерер.

В. П. и А. М. Назаркины
в гостях у Карла Файерера.

ранилища, которые находились на территории ГДР. Начали работу с севера, со Шверина. Там были кернохранилища нефтедобывающих предприятий. Керны с больших глубин, и мы в мезозое нашли активные горизонты в фосфоритах. Это была первая ласточка. Потом мы ревизовали Мансфельд. Последнее кернохранилище было во Фрайберге, которое размещалось в каком-то старом замке. И вот оттуда мне звонит Зигфрид и говорит: «Карл! Я нашел активную аномалию». «Где?» — «Отто Мюлле, район Кенигштайн». Я пошел к Кириллу Петровичу Яценко, главному геологу «Висмута», и говорю: «Кирилл! Мы нашли активную зону под Кенигштайном». Он говорит: «Не верю». На следующий день Кирилл Горшков, главный геофизик, и я поехали на Оттомюлле. И действительно, на глубине 37,2 метра, как задокументировано, нашли интервал с содержанием 0,25 %. После этого все буровые станки перебросили туда и стали бурить по сетке 50 на 100 метров. Набросились, как волки на добычу. Потом приехал Зонтов, посмотрел материалы и сказал, что так бессистемно нельзя работать. Давайте делать доскональную разведку. Начали от Бад-Шандау и окончили около Мейсена. Проложили профили, которые прошли через 3,2 км перпендикулярно к Эльбе и вдоль нее на расстоянии 800 метров между собой. Таким образом, создали обширную геологическую сеть. Но хороших результатов не было. То есть аномалия, то ее нет. Подходило время закружаться. И вот предпоследняя скважина № 1501, она была в районе питомников, попадает в руду с несколькими процентами содержания. Оказалось, что в этой ячейке 3,2 км на 800 метров как раз и лежит месторождение Кенигштайн, а мы зацепили только его маленький край. Ну потом, конечно: «Ура!» Там все оказались первооткрывателями, а нас двоих (К. Файерер и З. Ойшлегель) забыли. Другие получили ордена и премии. Но Волощук С. Н. и Кирилл Яценко нас поддержали, они были просто в восторге от нашей работы.

Потом мы начали детальную разведку. И в это время поступает жалоба на «Висмут» в Совет Министров ГДР. В районе Кенигштайна есть источник воды, который снабжает небольшую фабрику по производству фотобумаги высокого качества. И если «Висмут» засорит эту воду, то эта бумага по-

теряет свое качество и превратится в туалетную. Пришлось доказывать, что мы эту воду не изменили, и она такая же, как и десятки лет назад. Потом пришлось проходить шахту № 387. И ее надо было так заложить, чтобы ее не было видно с крепости Кенигштайн, и она не отпугивала туристов. Там нам много чего пришлось сделать для сохранения экологии. Тогда председателем правления был К. Грегор из Плановой комиссии ГДР, который мне грозил пальцем и требовал, чтобы на Кенигштайне не было никаких экологических нарушений. Но все обошлось.

Потом мы восстанавливали Фрайталь. Фрайталь вначале был в «Висмуте», но потом, в связи с тем, что извлекать уран из этих бурых углей было тяжело, его передали народному буроугольному предприятию, поставляющему уголь как топливо ТЭЦ. Но вскоре пришло письмо из Совета Министров ГДР, где говорилось о том, что окрестности вокруг ТЭЦ, потреблявших этот уголь, засоряются радиоактивной золой, вылетающей из труб ТЭЦ. «Висмут» послал геологов и геофизиков ревизовать запасы Фрайталя. Выяснилось, что на пятом горизонте угольный пласт имеет хорошее содержание урана. Поэтому Фрайталь снова передали «Висмуту», который отрабатывал его до своего закрытия в 1990 г.

А. Г. Г.: Тебе пришлось поработать со многими главными геологами «Висмута»?

К. Ф.: Я начал работать с Кремчуковым, потом были Яценко, Данильянц, Портнов, Данилов и в заключение — Гусаков.

Я припоминаю, как ты пикировался с Юрой Даниловым по поводу одного документа и не хотел его подписывать. Я пришел к тебе с компромиссным предложением, и ты согласился с ним, мы подписали с тобой этот документ и тут же его «обмыли». Я пошел к Юре и сказал, что инцидент исчерпан.

А. Г. Г.: Но, честно говоря, мы с Юрой дружили, семьями дружили. Он очень порядочный человек. А спорили мы с ним из-за запасов и их неподтверждения, которые стали все чаще проявляться в последнее время. Вы, геологи, рисуете рудные тела, а мы, горняки, пробиваемся к ним выработками, а там дуля.

К. Ф.: Юра Данилов был очень честный человек. Переживал за геологоразведку. В свое время была сделана ошибка, когда с каждым годом уменьшали финансирование геологоразведки. Если раньше, допустим, на определенный разведываемый участок давали финансирование на десять скважин, и можно четко было сказать, где и что лежит, то потом стали давать наполовину меньше. Отсюда — какая точность? Вот он и переживал.

Знаешь, что очень жалко? Это то, что вам (советским) официально не разрешали иметь тесные связи с немцами.

А. Г. Г.: Но мы все равно имели дружеские отношения со своими товарищами по работе, с их семьями. Ну как ты можешь работать, если не знаешь своего коллеги, не имеешь с ним нормальных человеческих отношений?

К. Ф.: Я со своими советскими и немецкими сотрудниками устраивал у себя даче в Рабенштайне совместные посиделки. Жарили шашлык, варили плов, рассказывали разные истории, выпивали, конечно. В общем, весело было и душевно. А потом спокойно шли домой, каждый своей дорогой.

Еще жаль, что нашим детям (советским и немецким) не разрешали расти в совместных детских садах. Мы не раз ставили этот вопрос, но, к сожалению, не получили добро.

А. Г. Г.: Карл, а ты помнишь первые годы истории «Висмута»?

К. Ф.: Я помню, как все стремились работать в «Висмуте». Потому, что ты получал литр густого горячего супа в день, получал дополнительные продуктовые карточки, талоны на обувь и одежду. В те послевоенные годы все хотели работать. Этому способствовала система прогрессивного премирования, которая щедро оплачивала добросовестный труд. Были еще дополнительные продовольственные пайки («сталин-пакеты») тем горнякам, которые перевыполняли свои нормы. Была еще одна премия — давали ежемесячно 5 литров водки («висмут шнапс»). Горняки, смеясь, называли ее «кумпель тод» («смерть горняка»). Это была очень ценная штука, так как за нее можно было поменять другие вещи (например, краску или одеяло, или что-либо другое).

А. Г. Г.: Карл, а тебе не приходилось встречаться с геологической группой Александры С. П.?

К. Ф.: Я его не видел, но я читал его заключительный отчет.

Потом во Фрайбергскую горную академию пришли русские специалисты, собрали группу немецких геологов — Шумахера, Эльснера и других, которые в 1945 г. написали 12-томный труд «Металлические ресурсы Германии». Этот труд находится в архивах «Висмута». Одна часть (три тома) была у меня. После 1990 г. я передал ее в архив «Висмута». Написан отчет на очень плохой газетной бумаге. В отчете говорится, что кое-какие запасы урана есть в Иоганнсгеоргенштадте и Шнеберге. То есть они ничего толком не знали о будущих урановых находках.

Несколько слов о том, как открывали Нидершлему.

Мы начинали разведку в Обершлеме.

Потом развернули работы на Нидершлему. И это был очень большой риск, потому что никто ничего не знал. Академия наук и Дударин со своей группой сказали, что уран уходит на глубину только до 400 метров, учитывая эрозию Рудных гор. Глубже урана нет. Но все-таки прошли один ствол и один советский геолог, не помню его фамилию, предложил пройти выработку из нижнего горизонта дальше на север. Он сильно рисковал, так как тогда просчеты не прощали.

Но он оказался прав. Вначале пошли нарушения Унион, Леонард, потом Эрла, потом прошли еще дальше — пусто. Но он настоял, чтобы прошли еще дальше. Потом пересекли мощную жилу, назвали ее «Глинная», потому что там глина была. Прошли еще 20–25 метров и появилась мощная урановая смолка. Так открыли Нидершлему. А потом пошли горизонты –360, –540 метров. По идее надо было пройти сразу вниз и провести разведку, а затем подниматься вверх. Но тогда нужен был уран. Поэтому, как только геолог обнаруживал активность, то рядом за его спиной уже стоял горняк, чтобы добывать руду.

Несколько слов в продолжение истории с находкой месторождения Кенигштайн. К нам в «Висмут» приехали чехи — Ружечка, Брандашов. Я им показал геологию Кенигштайна. После этого они начали поиски у себя. Потом мы еще год встречались, то у них, то у нас. Обменивались результатами по геологии, по специфике ведения геологоразведки. И вот вдруг звонит мне Брандашов и говорит мне: «Все, что у тебя в Кенигштайне, — это ерунда. У тебя лежит пуговица, а пальто находится у нас». Так они открыли Гамр.

А. Г. Г.: Но пуговица оказалась золотая. Если бы вы не нашли эту пуговицу, не нашли бы пальто.

К. Ф.: Да, действительно, Гамр был раз в десять больше Кенигштайна.

А. Г. Г.: А как вы организовали производство алмазных коронок?

Производство коронок организовывали я и Вольфганг Шликке из ЦГП. Мы сделали небольшой участок по производству алмазных коронок в Шлеме. Дело в том, что алмазные коронки, которые мы получали из Союза, плохо держали алмазы и не отрабатывали нужное время. Мы электролитическим путем извлекли остатки алмазов и хотели сдать их обратно в Союз. Но обратно сдать не удалось; как сказал Кремчуков — что продано, то продано. Поэтому мы решили использовать их для изготовления алмазных буровых коронок у себя в «Висмуте». Получили окольным путем документацию американской фирмы на тех-

нологию производства алмазных буровых коронок.

Организовав производство наших алмазных коронок в Шлеме, мы обеспечивали не только полностью потребность «Висмута», но и продавали в Венгрию. Для производства использовали рекуперированные алмазы из отработанных алмазных коронок. Потом закупили алмазы через фирму «Де Бирс» в Амстердаме и внешнеторговую организацию «Интрак» в Берлине. Через фирму «Интрак» мы сделали заявку на алмазы от «Висмута». Торговцы фирмы «Де

Бирс» были приглашены в Берлин, они показали нам свои образцы алмазной продукции. Мы посмотрели их, какие у них кристаллические формы, свойства и определили, какие образцы нам нужны и их объемы поставки. Фонды на приобретение мы получили от Хорста Камински (председателя правления Общества и президента Банка ГДР). По просьбе машиностроительной промышленности мы сделали правильный инструмент для шлифовальных дисков. Мы его изготовили и продавали, так что «Висмут» еще получил деньги обратно.

Д-р Рольф Гребнер

Начальник технико-экономического отдела Проектного предприятия СГАО «Висмут».

Р. Гребнер.

Воспоминания о моем почти сорокалетнем времени в «Висмуте»³¹

Мне, как и другим выпускникам вузов и университетов в 1958 г., не удалось начать работу в выбранном месте, каковым была бы должность ассистента одного из признанных представителей ученого мира в области горных наук. Было сказано, что мне государство годами платило стипендию, а теперь пришла моя очередь ответить взаимностью и пойти работать туда, где я был нужен государству. В данном случае на один год в СГАО «Висмут».

1 сентября 1958 г. я приступил к работе в качестве ассистента/помощника заведующего производством на шахте № 366 в Альбероде Объекта 9 в Ауэ. Меня приставили к начальнику шахты Лео Риттеру; пришлось пройти практически через все отделы на шахте и поработать, в частности, у советского главного инженера. При этом произошла первая стычка — он считал, что мы должны объясняться по-русски, поскольку

я почти десять лет учил русский язык. Так оно и было, однако, к сожалению, говорить по-русски я не мог.

После года работы в качестве ассистента на шахте № 366 меня вызвали в отдел кадров, где было сказано, что СГАО «Висмут» по-прежнему во мне заинтересовано, а посему не даст своего согласия на уход с предприятия.

Меня перевели в управление Объекта 9, где я вновь заступил на место ассистента сначала в отделе капстроительства, затем в плановом отделе и наконец в производственном отделе. Всеми отделами руководили советские сотрудники. Многие немецкие коллеги говорили или, по крайней мере, могли объясняться по-русски. Так начался и для меня нелегкий путь освоения русского языка.

Первый небольшой прогресс в этом направлении был отмечен моим тогдашним руководителем, начальником отдела капстроительства Соколовым, и начальником технического отдела Фроловым, который впоследствии стал главным инженером 3-го управления. Работа непосредственно в техническом отделе требовала умения объясняться между собой, так как в то время в отдел пришли новые советские сотрудники, в частности Слава Жильцов, ставший затем главным инженером ГДП-9, и Саша Богдан. Им тоже пришлось изучать язык, в данном случае немецкий, при этом мы помогали друг другу и сдружились между собой. Со Славой Жильцовым дружеские узы связывали нас вплоть до 1990 г., когда он завершил работу в «Висмуте».

Сотрудничество с советскими коллегами на Объекте 9 в период до 1965 г. носило преимущественно деловой характер. Хотя

порой мы и придерживались различных взглядов на отдельные вопросы и пути их решения, тем не менее в целом мы стремились к нахождению единых точек зрения.

В 1965 г. я перешел в 3-е управление СГАО «Висмут» в Зигмаре, дабы иметь больше времени для подготовки диссертации, которую я писал в Горной академии Фрайберга во внеплановом порядке.

На этом предприятии начался совершенно новый этап моей работы. Я был направлен в специальный отдел, задачей которого было составление технико-экономических оценок освоения новых месторождений, участков и каскадов, а также новых технологий и комплексов на перерабатывающих предприятиях. Начальником отдела был Герой Советского Союза Аникин, человек, который был вхож повсюду. Я был единственным немецким сотрудником отдела.

Для меня это было нелегкое время, но тогда я многому учился не только в профессиональном плане, но и в плане сотрудничества с советскими коллегами.

После проведенной реорганизации на базе 3-го управления были созданы Проектное предприятие и НТЦ, а наш 313-й отдел (технико-экономический отдел) вошел в Проектное предприятие с подчинением советскому главному инженеру. В этом подразделении я проработал вплоть до 1989 г. заместителем начальника (должность начальника отдела была советской штатной единицей) с перерывом на работу в Генеральной дирекции в 1968–1969 гг.

В это время я работал со многими советскими сотрудниками различной национальности, некоторые из которых были моими непосредственными коллегами дважды по 3–4 года и дольше. Вспоминаются А. Д. Козлов, д-р³² А. А. Громыко, д-р В. Г. Иванов, д-р Я. П. Ильченко из отдела, а также междисциплинарное сотрудничество с главными инженерами предприятия Дундуковым и Лопатиным, главными инженерами проектов Марцевым-старшим и Марцевым-младшим.

Сотрудничество с советскими коллегами в отделе привело с годами к дружеским, даже семейным отношениям, хотя это и не нравилось органам безопасности.

Высокий уровень образования сотрудников отдела способствовал постоянному совершенствованию профессиональной деятельности. Первоначально простые оценки предмета рассмотрения становились во все большей мере развернутым анализом технико-экономических обоснований и проектных заданий по целым горнодобыва-

ющим предприятиям, в частности по ГДП «Кенигштайн», ГДП «Беервальде», ГДП «Ауэ» и ГДП «Дрозен», технологическим комплексам, например на ПП-102.

Решение таких комплексных задач требовало не только тесного взаимодействия немецких и советских сотрудников отдела, но и сотрудничества со специалистами смежных структур.

Весьма масштабные работы, занимавшие порой значительные периоды времени, выявляли, разумеется, и различные представления о решении поставленных задач. При этом нередко находили выражение различные точки зрения и замыслы, касающиеся глубины прорабатываемых документов, количества и качества значимых технико-экономических показателей.

По мере совершенствования плановой работы в СГАО «Висмут» более развернуто проводились многочисленные варианты исследования по отдельным горнопромышленным участкам и каскадам в пределах месторождений.

Все исследования и расчеты, касавшиеся основного продукта — «металла» (синоним урана) — квалифицировались как секретные, поэтому к этим работам привлекался лишь весьма узкий круг немецких сотрудников. При этом нередко находили свое проявление различия в подходах немецких и советских специалистов — структурированных, плановых, оптимальных и быстрых, нацеленных на результат.

В ходе этих работ было немало расхождений между немецкими и советскими коллегами, но в конечном итоге руководству представлялся совместный «продукт», поэтому споры и дискуссии в деловой и профессионально здоровой атмосфере шли до тех пор, пока не выработывалась единая точка зрения.

Такой характер сотрудничества в течение многих лет способствовал формированию у меня уважения и доверия к советским коллегам, и я полагаю, что это было взаимно.

Но жизнь определялась не только

У меня дома. Слева направо: моя жена Хельга, г-жа Козлова, г-жа Громыко, А. Д. Козлов, А. А. Громыко.

Слева направо: А. Д. Козлов, М. Михайлович, Г. Вайсфлог, Р. Гребнер, А. А. Громыко, Г. Пельц, Г. Шпиндлер, Г. Гюннель.

Проводы Я. П. Ильченко и его супруги Нины.

³¹ Перевод с нем. Е. Субботина.

³² Слово «доктор» в немецком языке применимо как к кандидату, так и к доктору наук (прим. переводчика).

работой. Немецкие и советские сотрудники проводили множество совместных мероприятий. Вспоминаются праздники 1 Мая, День республики ГДР — 7 Октября, день Октябрьской революции (7 Ноября). Отмечали все круглые и полукруглые даты дней рождения.

Праздники по случаю убоя свиньи, ежегодно проводимые в течение многих лет совместно с 302-м отделом, были яркими событиями, в ходе которых каждый мог продемонстрировать свои способности (нарезка мяса, набивка колбасных батонов, порционирование и т. д.). При этом много пели и танцевали, и не делалось различий между немецкими и советскими семьями.

Слева направо: Р. Гребнер, Э. Кринке, Г. Г. Андреев, С. П. Левчик на встрече в 2008 г.

Одному своему советскому коллеге я благодарен в особенности — д-ру В. Мельниченко, начальнику отдела проветривания и кондиционирования в НТЦ СГАО «Висмут». Он был моим научным руководителем при защите диссертации в Горной академии Фрайберга в 1969 г. и членом аттестационной комиссии. Тема диссертации с самого начала была квалифицирована как по меньшей мере секретная, а посему лишь немногие профессора Горной академии были допущены к защите, там больше было специалистов СГАО «Висмут» с допуском к секретной информации.

Радикальный поворот в нашей совместной работе произошел в 1987–1988 гг., когда была поставлена задача рассмотреть варианты выделения нерентабельных подразделений «Висмута». Эти задачи становились все объемнее и настоятельнее, и впервые за все время в «Висмуте» я, как и многие немец-

кие и советские коллеги, задался вопросом, что будет с предприятием далее.

Обстановка в бывшей ГДР характеризовалась стремительным развитием событий, а когда СССР, будучи получателем конечной продукции, прекратил ее приемку, конец добычи урана был предрешен.

В заключенных летом 1990 г. политических и экономических соглашениях между ФРГ и СССР были определены дальнейшие задачи СГАО «Висмут».

В конце 1989-го — начале 1990 г. акционерное общество «Висмут» было реорганизовано, на базе предприятий были созданы подотраслевые сектора. Горнодобывающие и перерабатывающие предприятия, а также железнодорожный цех были объединены в горнопромышленный сектор. Меня назначили одним из четырех директоров этого сектора, основная задача которого в то время состояла в разработке концепции сокращения и завершения производства для каждого предприятия, переводе многих безработных горняков в общество содействия трудоустройству, представлении федеральному правительству обоснованной оценки положительных затрат средств и времени на свертывание работ и последующую ликвидацию комплексов и установок.

Более чем за 40 лет деятельности в СГАО «Висмут» было расформировано немало предприятий и Объектов, накоплен определенный опыт в этой области, тем не менее новые задачи в качественном и количественном отношении превосходили все работы, выполненные до сих пор.

В этот период мы еженедельно проводили уезжавших советских коллег на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях, в научных учреждениях и Генеральной дирекции. Многие из них даже не знали, какими будут их профессиональные перспективы на родине.

У тех, кто — как я — долгие годы проработал вместе с советскими коллегами, на проводах щемило душу.

Под руководством горнопромышленного сектора СГАО «Висмут» в тесном междисциплинарном взаимодействии с остатками НТЦ, Геологического предприятия, Проектного предприятия и нарастающего числа консультационных фирм нам удалось уже летом 1991 г. представить в Министерство экономики ФРГ развернутую концепцию завершения производства всех горнодобывающих и перерабатывающих предприятий с оценкой требуемых затрат в размере 13 млрд немецких марок. Концепция насчитывала более 2000 страниц.

Эти комплексные разработки послу-

жили основой подписанного 16 мая 1991 г. соглашения между правительствами ФРГ и СССР о прекращении деятельности СГАО «Висмут», где было отмечено, что советская сторона передает свою долю, составляющую 50 процентов движимого и недвижимого имущества Общества «Висмут», безвозмездно германской стороне по состоянию на 31 декабря 1990 г. (статья 1).

В статье 3 было отмечено, что с завершением деятельности СГАО «Висмут» СССР освобождается от компенсации всех возникающих расходов на рекультивацию земельных участков и их реабилитацию в связи с прекращением геологоразведочных работ, а также закрытием горнодобывающих и перерабатывающих предприятий.

В декабре 1991 г. соответствующим законом ФРГ СГАО «Висмут» было преобразовано в общество с ограниченной ответственностью (ГmbH) по германскому законодательству, таковым оно и продолжает свою работу сейчас.

Федеративная Республика Германии, будучи владельцем общества, взяла на себя обязательство о выделении средств в размере 13 млрд марок на работы по закрытию производств, создав тем самым предпосылки государственного финансирования «Висмут GmbH» как организации на бюджетной дотации.

В «новый» «Висмут» меня взяли начальником одного из главных отделов в управлении фирмы, где вплоть до ухода на пенсию мне довелось участвовать в решении многих новых интересных задач.

6 октября 1993 г. в Хемнице состоялось учредительное собрание «Объединения по содействию, сохранению и изучению традиций саксонско-тюрингской урановой промышленности». Цель и назначение объединения состояли не только в сохранении, изучении и наглядном представлении культуры и традиций саксонско-тюрингской урановой промышленности, но и в более тесном приобщении многих бывших висмутян, которые с прошедшими преобразованиями уже не работали на фирме, к новым задачам их бывшего предприятия.

Известные висмутяне были выбраны в правление объединения, в частности бывший директор ГДП-9 Кристоф Рудольф, заместитель директора ГДП «Шмирхау» по техническим вопросам д-р Рудольф Дейнеке. Выбрали в правление и меня.

В прошедшее с тех пор время под руководством правления были созданы четыре региональные группы объединения в г. Ауэ, Восточной Тюрингии, Хемнице и Банневице.

В 1994 г. был поднят вопрос о составлении летописи СГАО «Висмут», что связано с федеральным законом о горной промышленности, предписывающим в статье 53 (2) составление хроники каждого горного предприятия в рамках плана закрытия производства.

Перед «Висмут GmbH» встала колоссальная задача. Под руководством Роланда Проккопа, бывшего директора ГДП «Шмирхау» и нынешнего руководителя региональной группы объединения в Восточной Тюрингии, к работе были привлечены многие бывшие сотрудники СГАО «Висмут» и члены объединения висмутян. В 1999 г. летопись, написанная при участии 116 авторов, была представлена общественности.

И для меня было само собой разумеющимся внести свою лепту в этот масштабный труд.

После политических преобразований в стране мы, члены правления объединения бывших горняков, стремились к представлению имиджа СГАО «Висмут» на конструктивной основе.

В 1996 г. был открыт мемориал в память о горняках «Висмута» в г. Бад-Шлема. Актуальными были и остаются коллоквиумы по горнопромышленной тематике и прежде всего по вопросам деятельности «Висмут GmbH».

Проработав около 40 лет на предприятии, я ушел на пенсию 1 июля 1997 г. Всего один год я собирался поработать на этом предприятии. Ныне храню память о многих решенных, порой непростых задачах и в особенности о сотрудничестве между немецкими и советскими коллегами.

Сейчас, в 2010 г., меня связывают с «Висмут GmbH» лишь немногие контакты в связи с участием в работе объединения бывших висмутян.

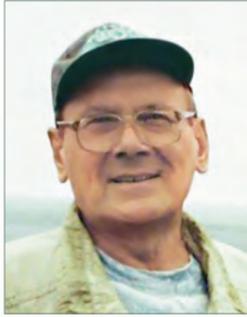
Однако и в течение этих десяти лет я поддерживал связь не только с бывшими немецкими, но и — по телефону — с российскими коллегами по работе.

Примечательной в этом плане была встреча с российскими горняками в 2008 г. в гостинице «Висмут-Хаус», бывшем Советском клубе.

Глюк ауф!
Д-р Рольф Гребнер

Р. С. В феврале 2012 г. из Германии пришла скорбная весть — наш друг, ветеран «Висмута» Рольф Гребнер (Rolf Grübner) скоропостижно скончался. Для всех, кто работал с ним и знал его, он останется в памяти как отзывчивый и добрый товарищ, высококлассный специалист-проектант и пылкий ученый-исследователь. (От сост.)

Рудольф Васковиак

Р. Васковиак.

Горный техникум г. Фрайберг в 1948–1952 гг. или кузница кадров в Рудных горах

Пролог

Лессингштрассе, 45. По этому адресу в г. Фрайберг, известном во всем мире у горняков и специалистов, занимающихся науками о Земле, как горная столица Саксонии, находится большое здание, в котором сегодня располагается Горная академия, в частности ее экономический факультет, лингвистический центр, институты электротехники и техники автоматизации производства.

Ранним утром в один из дней прошлого года я вновь вошел в это здание, которое стало для меня родным в годы моей юности, и остановился под высокой аркой, совсем не изменившейся за прошедшие 58 лет. Отсюда можно попасть в большой внутренний двор, по которому я, учась когда-то в школе вождения при спортклубе ССНМ, неумело ездил на БМВ-350.

По обеим сторонам дома широкие каменные лестницы ведут на первый этаж. Поскольку на меня никто не обращал внимания, я повернул налево и, преодолев 15 темных бетонных ступенек, вошел в северное крыло здания. На второй двери я прочитал: «Языковой центр», с замиранием сердца постучал и вошел в комнату, обставленную конторской мебелью.

Работавшая за столом молодая женщина вопросительно посмотрела на меня.

— Извините, пожалуйста, — произнес я. — Можно мне тут немного побыть? Почти 60 лет тому назад здесь была жилая комната, и я тут спал.

На лице женщины — удивление. С легким волнением я осматривал комнату, в которой когда-то мне была выделена последняя свободная койка, потому что все другие были заняты, и вспоминал Арндта и Бруно из группы «С» — маркшейдеров, Франца из группы «D» — штейгеров, Хильмара и Зигфрида — будущих горных механиков.

Я вновь увидел себя первого ноября 1948 г. Мне нет еще 19 лет. Фасад Горного техникума уже был украшен к 31-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, а я с соломенным мешком под мышкой захожу в эту комнату вслед за ковеляющим завхозом Фрицем Шлоссером, получившем увечье на войне. Тогда я и подумать не мог, что с поступлением в Горный техникум определится ход всей моей жизни. Мне просто очень хотелось

успешно закончить учебу. А о том, что когда-нибудь я сам, будучи молодым доцентом, стану читать здесь лекции и после защиты диссертации готовить инженеров-геологов для ГДР, а затем возглавлю гидрогеологическую службу в геологическом предприятии СГАО «Висмут», мне и во сне не могло присниться. Зато пришла в голову поговорка «терпенье и труд все перетрут».

Заинтересованного читателя я ознакомлю с историей возникновения, деятельностью и угасанием этого великолепного учреждения под названием «Горный техникум АО «Висмут»», известного еще как Объект 105, о котором через много лет после его расформирования во времена холодной войны наилестнейшим образом отозвался один из ведущих журналов Германии³².

Создание и оснащение Горного техникума (ГТ)

До сих пор не найден какой-либо учредительный документ — приказ генерального директора или надежная ссылка на иную деловую бумагу. Но есть все основания считать 1 апреля 1948 г. датой основания Горного техникума, поскольку именно с этого дня правительство земли Саксония за 52 910 рейхсмарок сдало в аренду на неопределенный срок фирме АО «Висмут» «главное здание бывшего налогового-финансового управления (ранее отданное под казарму горнострелковой части) по адресу: г. Фрайберг, Лессингштрассе, 45 — для организации и работы горного техникума и интерната, включая внутренний двор и палисадники»³³. В газете «Зэксише цайтунг» от 4 марта 1948 г. было опубликовано объявление о том, что Горный техникум акционерного общества «Висмут» «ищет преподавателей по следующим специальностям...»

Уже с конца 1947 г. АО «Висмут» проявляло заинтересованность в данном объекте, обращаясь в Германское центральное управление промышленности в советской оккупационной зоне, к правительству земли Саксония в Дрездене и непосредственно к обер-бургомистру г. Фрайберг и его заместителям. Руководство города находилось в незавидном положении и металось между двух огней. С одной стороны, послевоенный город был забит беженцами и большим количеством бездомных, с другой — оккупационные власти и развива-

ющееся предприятие «Висмут» требовали предоставления им зданий и жилых помещений. Городские власти планировали перестроить имеющиеся казармы в жилые дома и уже выдавали ордера на проживание в «Хаузен-казерне» — здании бывшей пехотной казармы на Аусфальштрассе — улицы, ведущей в Хемниц. Хотя к переоборудованию казармы горнострелковой части еще не приступали, там по состоянию на 15 ноября 1946 г. проживало 77 семей из 305 человек, в том числе 145 детей. Предусмотренное размещение этих бездомных людей по всему административному району продвигалось с трудом. На 6 февраля 1948 г. там оставалось еще 47 семей численностью 179 человек. В 1945 г. это здание, построенное в 1874 г. и использовавшееся до 1920 г. для военных нужд, было конфисковано оккупационными властями. И хотя оно формально было вновь передано в распоряжение города, советский комендант в ультимативной форме потребовал вырезать из подковообразного здания две секции и сломать манеж, чтобы это сооружение в будущем не могло использоваться в военных целях.

Перед лицом жесткого требования советского коменданта по разрушению целостности здания городским властям очень кстати пришлось предложение АО «Висмут» о передаче ему бывшей горнострелковой казармы и перестройке ее местными фирмами под руководством градостроительного управления. Таким образом, в южной части здания были размещены аудитории и лаборатории, в северном крыле — интернат, а в полуподвале — хозблок с кухней и столовой. Само здание при этом практически не претерпело изменений,

Когда в техникум прибыли его первые слушатели, строительные работы шли еще полным ходом. С 23 мая по 6 октября 1948 г. прошли обучение первые маркшейдеры; помощники топографов учились с июня по сентябрь; с 28 июня по 22 декабря прослушали курс первые штейгеры. Автору этих строк удалось найти двоих из них, которые сидели за одной партой и единственные закончили учебу на отлично. Один из них — Отто Ледерер 28 декабря 2010 г. отметил свое девяностолетие. Он дослужился до старшего горного мастера горизонта, а затем и старшего горного мастера крупнейшей уранодобывающей шахты № 4 (штольня Галлюс, Объект 2), где в то время работали 6 тыс. человек. Его сосед по школьной скамье — доктор-инженер Вольфганг Экельманн работал старшим горным мастером на шахте Нидершлаг-3 Объекта 7 в Беренштайне.

В 1968–1971 гг. он руководил научно-техническим центром в Грюне, а позднее занимался исследовательской деятельностью в НИИ топливных материалов во Фрайберге. Несколько учебных групп маркшейдеров, горных механиков и штейгеров приступили к учебе в июле и августе 1948 г., завершив ее 20 сентября 1949 г. Учебный процесс шел полным ходом.

Руководство и структура техникума. Открытие филиала в Цвиккау. Создание учебного участка

Поскольку Объект входил в состав Советского государственного акционерного общества «Висмут», то директором Горного техникума и его заместителями были советские специалисты, принимавшие решения по важнейшим вопросам и отдававшие соответствующие приказы и распоряжения. Официальным представителем техникума был его директор. Этот пост занимал майор Инчеревский, которого позднее сменили сначала подполковник Худяков, а затем — инженер И. А. Новиков. Их подписи стояли рядом с подписью члена государственной экзаменационной комиссии в аттестатах, выдававшихся выпускникам по окончании годичных курсов. Исключением составлял только подполковник, передав право подписи своему заместителю по кадрам Н. И. Татарину. В подчинении директора были также заместитель по политической части, заведующий учебной частью, офицер-заместитель по экономическим вопросам и главный бухгалтер. Их фамилии можно найти в полученных выпускниками документах. Самым учебным процессом руководил, однако, ректор-немец, будучи при этом заместителем советского директора. Ниже приводится перечень лиц, поочередно занимавших этот пост:

1. Горный инженер Вольфганг Пинквос (Wolfgang Pinckvos, 1911–1985) из г. Кирхберг, Саксония — с 1 сентября 1948 по октябрь 1949 г. и вновь, после продолжительной болезни, с 26 сентября 1950 по 28 февраля 1951 г.

2. Инженер по технике высокого напряжения Вальтер Хайде (Walther Heyde, 1893–1961) из г. Блазевитц под Дрезденом — с октября 1949 по сентябрь 1950 г.

3. Инженер-геодезист, профессор Карл Людemann (Karl Lüdemann, 1882–1957) из г. Зальцведель — с 1 марта по 31 мая 1951 г. 19 мая 1954 г. ему было присвоено

Так сегодня выглядит здание Академии по адресу: Лессингштрассе, 45.

Замок в Цвиккау-Планице, вид со стороны двора.

³² Bergbau №15, 1964. Н 11, S. 345–352. Gelsenkirchen.

³³ Согласно архивным материалам г. Фрайберг.

звание почетного доктора-инженера.

4. Профессор Эмиль Фунек (Emil Funesk, 1902–1962) из чешского г. Кржемуш, входившего ранее в состав Австро-Венгрии — с 1 июня 1951 г.

С 15 июня 1950 г. в замке в Цвиккау-Планице, построенном в 1730 г., приступил к работе филиал Горного техникума. В этом здании, находившемся в собственности г. Цвиккау, в то время размещалось общежитие горняков Объекта 2. Ниже приводится выдержка из протокола заседания городского совета г. Цвиккау от 24 апреля 1950 г. относительно запроса «Висмута»: «Господин советник по вопросам строительства Бартошек сообщил, что в прошедшую субботу здесь была комиссия из Берлина. Представители городских властей заверили членов комиссии, что в Планицком замке будет размещено горное училище АО «Висмут» на 500 слушателей. Все затраты на восстановление требующего ремонта здания берет на себя АО «Висмут». Уже в среду прибудет первый отряд строителей численностью в 40 человек. Городской совет заявляет о своем согласии. При заключении договоров на аренду помещений со стороны городского совета надлежит указать, что данные мероприятия не должны отрицательно сказаться на финансовом положении города».

Собственно размещение слушателей Горного техникума в замке не было похоже на триумфальное шествие: во Фрайберге три новых класса техников-взрывников (10-й, 11-й и 12-й) были до начала занятий на две недели откомандированы на строительство спортивной площадки общежития им. Эрнста Тельмана (бывшей «Хаузен-казерне»). Против строительства спортплощадки, ставшей действующим и по сей день стадионом «Глюк ауф», никто не возражал, но посылать сюда слушателей Горного техникума было мерой вынужденной — не хватало классных комнат. Когда учеба все же началась, пришла просьба об экстренной помощи из Планица. Занятия техников-взрывников тут же прекратились, и 90 человек были направлены в Цвиккау. Как вспоминает один из участников тех событий, слушатели прибыли во внутренний двор замка, пройти по которому было невозможно. Им пришлось начать с того, что в течение целой недели они убрали кучи старого кровельного материала и прочего строительного мусора. Поэтому запланированный на три месяца курс был завершен с опозданием на месяц. Однако учебный план был при этом полностью выполнен. Руководителем филиала стал горный инженер Пауль Дитч (Paul Dietzsch, 1893–1960) — известный специалист в области техники безопасности горных работ.

Одновременно он был и заместителем ректора Горного техникума.

Обучение в техникуме проходило на трех возглавляемых деканами факультетах — техники горнорудного производства (руководитель — старший горный советник, дипломированный инженер Вернер Хельд); механики и горной техники (руководитель — дипломированный инженер Вальтер Хайде, затем — дипломированный инженер Оскар Шик); маркшейдерского дела (руководитель — дипломированный инженер Шмидт, позднее — дипломированный инженер-маркшейдер Фриц Шене), а также на факультете минералогии и геологии (руководитель — дипломированный инженер-маркшейдер Райнхольд Йенихен, а затем — штудиенрат Вальтер Энгельманн). В быту все называлось несколько проще — отделы и их начальники. Специалисты в области общественных наук были объединены в отдел обществоведения (начальник — Хайнц Хорбах), а преподаватели математики, физики, химии и русского языка — в отдел общих наук под руководством доктора филологии Эриха Фойгта. Кроме того, по всем предметам, касающимся горного дела и общественных наук, имелись должности специальных инструкторов, которые занимали соответствующую должность доктор-инженер Оскар Эльснер (по совместительству) и Ханс Кюнрих.

Руководителями машинной, электротехнической, физической и химической лабораторий, коллекцией моделей горнотехнического оборудования, минералогической и петрографической музейно-учебной коллекцией и скромной шлифовальной мастерской были представители технического персонала (лаборанты), которые де-факто обладали статусом учителя-наставника. Шеф-лаборант Вернер Лингке возглавлял физическую лабораторию.

С 7 августа 1950 г. Народно-хозяйственное предприятие «Фрайбергская разведочная шахта Химмельфарт» предоставило на договорной основе в распоряжение Горного техникума учебный участок на 40 человек в смену, расположенный между 11-м и 8-м коренными штреками на жилах Турмхоф, Бейст и Готтхольд-штеендер. Тем самым была решена парадоксальная проблема: с 8 июля 1948 г. АО «Висмут» (Объект 15) взял эту разведочную шахту в аренду первоначально на три года, а вот объекту 105 того же «Висмута» не удалось получить здесь учебный участок. Договор смогли заключить только после того, как 1 марта 1950 г. рудник был досрочно возвращен Объединению народных предприятий цветной металлургии ГДР. С этого момента слушатели Горного техникума получили возможность после полутора месяцев

теоретических занятий под присмотром своих преподавателей отработать 6 смен на учебном участке. Его руководителем был старший горный мастер Хайнрих Крайе (Heinrich Kreye), в распоряжении которого находились два участковых штейгера и другие специалисты, приставленные кураторами для слушателей.

Профессорско-преподавательский состав техникума

Читатель должен с пониманием отнестись к тому, что некоторые использованные здесь названия профессий по своей сути не всегда полностью соответствуют их значению. Считалось, что маркшейдером можно называть лишь того, кто закончил обучение в Горной академии и имеет соответствующий допуск или разрешение на работу. Но в первые годы существования «Висмута» мало кто подходил к этому столь строго. Для непосвященного любой сотрудник горно-геодезической службы был маркшейдером, поэтому даже в Горном техникуме было сразу несколько маркшейдерских классов.

В общей сложности в Горном техникуме, с учетом филиала в Цвиккау, инженерно-технического персонала на учебном участке и текучести кадров, работало свыше 125 преподавателей. В основном это были пожилые люди с большим опытом практической работы и высшим образованием, либо пришедшие из известных горных училищ и других вузов. Многие поработали в свое время (до Второй, а то и до Первой мировой войны) за океаном. Преподавателей из числа собственных выпускников с соответствующими знаниями или опытом работы на урановых предприятиях было крайне мало, правда, к ним за советом иногда обращались доценты учебных заведений из других отраслей горнодобывающей промышленности.

Основной оклад преподавателя Горного техникума составлял 600 марок, а после всеобщего для ГДР пятипроцентного повышения зарплаты — 630 марок плюс 20-процентная «висмутовская» надбавка. Ассистенты преподавателя получали по 400–500 марок. Выходило, что до реформы стипендий доценты зарабатывали меньше большинства своих слушателей. Каждый преподаватель должен был отработать 24 урока в неделю по 45–50 минут, у начальников отделов педагогическая нагрузка была меньше. Некоторые доценты подрабатывали за счет дополнительных учебных часов, которые можно было взять в связи с нехваткой специалистов в горнотехнической и геологической областях. За это они получали по 15 марок за урок, ассистентам платили по 10 марок.

Большинство педагогов были из Саксо-

нии и Саксонии-Анхальт и не только потому, что в этих землях было распространено горное дело, но и в связи с тем, что подполковник Худяков до своего назначения в Горный техникум работал в Советской военной администрации Саксонии-Анхальт. Используя свои связи в Министерстве народного образования г. Галле, он весной 1950 г. смог заполнить для Горного техникума 25 преподавателей. Этот шаг, который для каждого из них, казалось, стал неожиданным счастливым билетом, на самом деле был результатом временного раздувания штатов училища. В то время «Висмут» расширил поиски урановых руд на всю южную часть ГДР и в сочетании с экстенсивным производством стремились установить рекорд по численности трудящихся. По опубликованным в 1996 г. данным Р. Шмидта, в середине 1950-х гг. на «Висмуте» был достигнут пик занятости: там работало более 210 тыс. человек. Это отразилось и на количестве учащихся. В течение полугодия в аудиториях и семинарских классах занятия шли в две смены, был открыт филиал в Цвиккау-Планице, возросло также количество койко-мест в интернате. Первая смена училась с 6 до 13 часов, вторая — с половины второго до половины девятого.

Уже в конце учебного 1950/1951 г. количество слушателей Горного техникума вновь пошло на убыль, что повлекло за собой и первые увольнения преподавателей.

Некоторые из тех, кто в 1948–1950 гг. был взят на должность преподавателя, потеряли свою работу в результате войны и послевоенной разрухи или членства в НСДАП и ее подразделениях. К неактивным членам национал-социалистической партии советские руководители предприятий, в том числе и Горного техникума, проявляли великодушие, в то время как в сфере народного образования в советской оккупационной зоне учителя с таким прошлым к работе не допускались. Поэтому если преподаватели, уволенные по сокращению штатов или позднее — в результате закрытия Горного техникума, могли представить положительные характеристики с советских предприятий, то проблем с дальнейшим трудоустройством у них не возникало.

Выгоду от этого получила прежде всего Фрайбергская горная академия, в частности рабоче-крестьянский факультет им. Вильгельма Пика и факультет заочного обучения. Сюда на должности младших и старших научных сотрудников, преподавателей иностранных языков и других предметов перешли как минимум 25 преподавателей из Горного техникума. Новые люди были назначены на должности начальников отдела кадров, экономического и других отделов или стали руководителями других подразделений.

одних и тех же слушателей различных форм обучения вызывает сомнения. В частности, выпускникам трех- и шестимесячных курсов, посогласованию с их головным предприятием и с учетом кадровой политики, по прошествии определенного времени, когда они применяли свои знания на практике, предоставлялась возможность получить высшую степень образования, возможную в рамках фабрично-заводского обучения, и вдобавок поучиться на годичных курсах. И только совсем немногим, проявившим особое усердие в изучении наук или покорении сердец симпатичных жительниц г. Фрайберг, удалось сделать своеобразный хет-трик — оказаться в третий раз на студенческой скамье Горного техникума. И если вначале такая форма повышения квалификации носила спорадический и спонтанный характер (когда в каждом классе было по несколько выпускников кратких курсов), то с момента создания класса штейгеров «А» в июле 1950 г. она стала нормой. На этот поток (буква «А» в переводе на современ-

ный язык означает «продвинутое») набирались исключительно студенты, окончившие в свое время полугодовые курсы и хорошо зарекомендовавшие себя в суровой трудовой практике, отработав от нескольких месяцев до двух лет. По итогам всех трех семестров теоретической подготовки, включая высококлассный годичный курс, практику на учебном участке Горного техникума и горняцкую деятельность до и между курсами, получался хорошо образованный горный мастер, готовый к жесткой производственной действительности. К сожалению, потоков «Б», «В» и т. д. не последовало. Одним из тех, кто прошел такую школу переподготовки кадров, был Ульрих Липп (1930–1996) из Шнеберга, ставший позднее дипломированным минералогом. Он далеко не единственный, кто сделал великолепную карьеру в урановой промышленности. Начав свою трудовую деятельность 1 октября 1946 г. с должности откатчика на шахте Объекта 3, он быстро дорос до проходчика. Затем, окончив во втором полугодии 1948 г. первые курсы штейгеров при Горном техникуме, работал горным мастером на Объектах 8 и 1. Пройдя курсы повышения квалификации (штейгер «А»), начавшиеся 25 июля 1950 г., он вновь продолжил свою работу горным мастером в Иоганнгеоргенштадте. В сентябре он поступил на заочное отделение Фрайбергской горной академии, в 1952 г. перевелся на очное отделение геологического факультета, а по окончании первого семестра — на минералогический факультет. По окончании академии в октябре 1957 г. он до 1989 г. работал научным сотрудником камеральной партии горнодобывающего предприятия в Ауэ.

По несколько иному пути шло повышение квалификации на геологическом отделении. К тому времени, когда начальнику 1-го управления АО «Висмут» удалось наконец пробить свое предложение о подготовке специалистов в области рудничной геологии на одногодичных курсах, в Горном техникуме уже началось обучение коллекторов на шестимесячных курсах (коллекторы I–IV). Обычно работники геологической службы учились три месяца, а количество учеников-коллекторов в классах 1–17 достигало 500 человек. К началу проведения годичных курсов предприятия были не в состоянии оголить свою геологическую службу, отправив на учебу 120 опытных коллекторов, старших коллекторов и участковых геологов. Поэтому было принято решение взять на годичные курсы для групп «А» — «Г» большую часть слушателей указанных

классов коллекторов. В соответствии с этим были изменены и учебные планы. Таким образом, выпускники-геологи группы «А» закончили обучение за три семестра, а геологи групп «Б» и «В» — за два с половиной. В годовом отчете АО «Висмут» за 1951 г. указывается, что обучение прошли 111 геологов.

Среди геологов группы «А» следует назвать доктора Герхарда Циндлера (1925–2001). По окончании учебы в июле 1951 г. ему был вручен аттестат, оценки которого говорят сами за себя.

Поработав в составе геологической службы на Объектах 6 и 30, он поступил на заочное отделение Фрайбергской горной академии, а после учебы с 1953-го по 1958 г. в Московском геологоразведочном институте (МГРИ) получил диплом горного инженера-геолога. В ГДР он возглавлял важные геологоразведочные объекты и работал на ответственных постах геологической службы, а в 1976 г. защитил диссертацию во Фрайбергской горной академии.

В течение всего обучения в техникуме много внимания уделялось основным дисциплинам: горному делу и технике безопасности на отделении горных мастеров, обществоведению и русскому языку — на остальных курсах. Другие предметы — физика, электротехника, общая геология, рудничная геология — отрабатывались последовательно, один за другим. По каждому предмету слушателю в аттестате выставлялась итоговая отметка, рассчитывавшаяся на базе предварительных и экзаменационных оценок (экзамены могли быть устными или письменными). Устные экзамены принимались доцентом-предметником и опытным членом экзаменационной комиссии. На выпускные экзамены годичных курсов приглашался член государственной экзаменационной комиссии, который в 1949–1950 гг. назначался Министерством народного образования правительства Саксонии, а в последующие годы — Министерством тяжелой промышленности ГДР и отделом среднего специального образования при Статс-секретариате высшего образования. По окончании экзаменов представителю правительства приходилось работать еще и сверхурочно, особенно в первые недели августа 1952 г., когда нужно было поставить подпись и служебную печать на 525 аттестатах, разложенных по учебным специальностям и количеству классов: горная техника — 5, маркшейдерское дело — 4, рудничное дело — 10, подрывное дело — 2.

Регулярный контроль за успеваемостью осуществляли доценты, выставлявшие каждый месяц отметки для обеспечения нормальной работы комиссий по оценкам (см. выше). Оценки выставлялись по шкале

Аттестат выпускника М. Бохманна (титульная страница).

от 1 (отлично) до 5 (неудовлетворительно). В течение месяца еще можно было получить 4 и 5. Но в итоговых аттестатах вы не найдете ни одной четверки (недостаточные знания). Такая промежуточная оценка была позором не только для учащегося, но и для преподавателя, который, набравшись мужества, поставил столь низкий балл. Пятерки практически не ставились, поскольку это означало бы не только очень низкий уровень контроля за успеваемостью, но и бесполезность дальнейшей учебы или же безрассудное уклонение от обучения и влекло за собой исключение из техникума.

Читателю, конечно, понятно, что педагогическая работа в Горном техникуме строилась на основе «прогрессивной советской науки» в духе А. С. Макаренко, главная цель которой заключалась в воспитании нового человека, повышении готовности к труду и коллективизме.

Согласно последним данным, занятия в Горном техникуме проводились на следующих курсах (см. таблицу).

По данным Ф. Цумпе (1967), количество слушателей по состоянию на первое декабря каждого года составляло: в 1948 г. — 210, в 1949-м — 1669, в 1950-м — 1773, в 1951-м — 651 и 1 июня 1952 г. — 651 человек.

В 1950–1952 гг. в Горном техникуме можно было сдать экзамены экстерном. Сюда в большом количестве шли люди с опытом работы, нередко представители инженерно-технического персонала, не имевшие соответствующего документа, но которые хотели бы подняться по слу-

Рис. 17. Курсы, по которым проводились занятия в Горном техникуме.

Специальность	Количество курсов
Горный мастер	40 (12)*; 65 (6)**
Штейгер-механик	14 (12)
Механик	16 (6)
Маркшейдер	13 (12); 14 (6)**
Топограф	1 (12)
Штейгер на взрывных работах	2 (12)
Техник на взрывных работах	17 (3)
Бурильщик	9 (3)
Рудничный геолог	4 (12); 17 (3)**
Коллектор	4 (12)
Нормировщик	14 (3)
Бухгалтер	5 (3)
Переводчик	1 (6)
Старший инженер	1 (2)
Начальник шахты	1 (2)
Электромонтер	3 (3)
Электрик-высоковольтник	2 (2)
Сварщик	3 (3)
Телефонный мастер	1 (3)
Прораб	1 (3)
Горноспасатель	3 (3)
Поисковик	1 (2)
Чертежник	1 (2)

* В скобках указана продолжительность обучения в месяцах.
** По этой специальности были предусмотрены разные сроки обучения.

34 В Германии принята следующая система оценок знаний учащихся: 1 — «отлично», 2 — «хорошо», 3 — «удовлетворительно», 4 — «недостаточные знания», 5 — «неудовлетворительно» (прим. пер.).

жебной лестнице, как например, так называемые помощники штейгеров. С предприятия их не отпускали, да и сами они по личным мотивам не были заинтересованы в обучении с отрывом от производства. Они посещали вечерние подготовительные курсы при Объектах или готовились к экзаменам самостоятельно. Потом на автобусах ЗИЛ в сопровождении директора подготовительных курсов они ехали во Фрайберг на экзамен. В случае его успешной сдачи им выдавался аттестат, разрешавший проведение горных, механических, маркшейдерских или нормировочных работ. Всего, по предварительным данным Цумпе, сдали экзамен экстерном 807 человек, а 233 (с первой попытки) провалились. Столь

Ректор Фрайбергской академии Ф. Лейтвайн приветствует президента ГДР Вильгельма Пика. 14 мая 1952 г. (фото медиацентра Технического университета Фрайбергской горной академии).

большое количество неудачников бросает тень на качество и организацию подготовки специалистов на Объектах. Ведь известны случаи, когда от результатов экзаменов зависело, продолжит ли тот или иной специалист свою работу или нет. В исторической перспективе Горный техникум во Фрайберге был лишь небольшим эпизодом на фоне общей деятельности общества «Висмут» по подготовке и переподготовке кадров, но эпизодом очень ярким и имевшем далеко идущие последствия. Ему в первые годы существования «Висмута» принадлежала ключевая роль в подготовке инженерного административно-технического персонала или специалистов среднего руководящего звена. По воспоминаниям старых висмутян, техникум пользовался заслуженной славой, был для многих честолюбивых людей своего рода трамплином в их успешной карьере и отправной точкой на пути достижения наивысших результатов в деле повышения своей квалификации.

Когда в 1991 г. СГАО «Висмут» прекратило свое существование, превратилось в «Висмут ГмбХ» и было передано в собственность ФРГ, там еще работали сотни выпускников Горного техникума, причем многие — на руководящих должностях: директора или замдиректора предприятия, старшего горного мастера, начальников отделов, референтов. А о техникуме шла такая добрая слава, что его бывших выпускников, ушедших из фирмы в разные годы, везде и с удовольствием брали на новую работу.

Позволю себе привести лишь два при-

мера необыкновенной карьеры людей, окончивших Горный техникум. Профессор, доктор филологии Курт Буттке (1927–2002) первого сентября 1980 г. был удостоен звания профессора украинистики и русистики Лейпцигского университета. После вводного курса переводчиков по изучению русской горной терминологии с 7 сентября 1949-го по 10 марта 1950 г. он остался в техникуме на должности преподавателя русского языка, а позднее поступил на учебу в языковой вуз и остался в науке. В свою очередь занимавший продолжительное время должность статс-секретаря (с 1967 г.) и ставший впоследствии министром геологии ГДР (с 1974 г.) доктор экономических наук Манфред Бохманн дважды был на курсах Горного техникума (с октября 1948-го по апрель 1949 г. — учеба на механика, а также годичный курс с августа 1951 г. — на механика горного участка).

О внеклассных мероприятиях, проводившихся в Горном техникуме

Потенциал столь большого количества общительных и хорошо организованных слушателей техникума находил выход в различных общественных мероприятиях. Например, они участвовали в строительстве общежития им. Эрнста Тельмана, а на территории бывшей казармы построили стадион «Глюк ауф», открытие которого состоялось 16 сентября 1950 г. в присутствии Генерального секретаря СЕПГ Вальтера Ульбрихта. В Ауэ они принимали участие в возведении стадиона им. Отто Гротевольа, а в Зигмаре, вошедшем в 1950 г. в состав г. Хемниц, — в строительстве Дворца трудящихся. Работали они в основном по выходным дням и после учебы, причем от слушателей не отставали и молодые преподаватели. Иногда руководство техникума направляло на эту работу (продолжительностью от одной до четырех недель) целые классы. Ударные бригады, созданные из восьми классов будущих штейгеров, с первого октября и до середины ноября 1950 г. помогали шахтам № 1 и 31-бис Объекта 1 наверстать отставание в соревновании, развернувшимся в честь 32-й годовщины Октябрьской революции.

В Горном техникуме действовало свое спортивное общество, которое не только проводило соревнования, но и организовывало работу различных секций: футбольной и волейбольной, бокса и шахмат.

Группа фанфаристов и хор обратили на себя внимание уже летом 1949 г. На базе хора был создан ансамбль культуры, куда были привлечены капелла и танцевальная группа. Вместе они выступали на таких центральных молодежных мероприятиях, как 3-й съезд ССНМ³⁵, летний слет молодежи в 1949 г. в Лейпциге и общегерманский слет

ССНМ в 1950 г. в Берлине. Позднее ансамбль был подчинен Дворцу культуры в Хемнице-Зигмаре. Крупные мероприятия в рамках техникума проходили также в Доме культуры «Вороной конь».

Расформирование Горного техникума и его последствия

В 1952 г. Горный техникум достиг такого уровня развития и такого признания, что, учитывая благоприятные перспективы здешнего уранового производства, никто не сомневался в его будущем. Уже осенью 1949 г. существовали планы по подготовке на базе техникума горных инженеров. Лучшим выпускникам, и автору этих строк в их числе, было сказано, что их ждут на новом, двухлетнем курсе, закончив который можно было стать горным инженером. Однако этому проекту не суждено было осуществиться.

Сообщение о прекращении работы Горного техникума с 15 августа 1952 г. для большинства сотрудников было полнейшей неожиданностью. Первоначально, по желанию тех, кто извлек из данного события пользу, техникум должен был быть закрыт ко Дню шахтера — 5 июля 1952 г. Однако сделать это так рано оказалось невозможным, потому что учебный план не позволял завершить плановые занятия и подготовить выпускников, прежде всего годичных курсов обучения, ранее первой декады августа.

То обстоятельство, что Горный техникум был просто-напросто вытеснен из Фрайберга, имело свои объективные причины, вытекавшие из экономической политики того времени. Главенствующее положение производства средств производства (подразделение I) над производством потребительских товаров (подразделение II) — этой священной коровы политэкономии социализма — предусматривало ускоренное развитие горных и металлургических предприятий. Для выполнения высоких требований пятилетнего плана Фрайбергской горной академии для нужд рабоче-крестьянского факультета, учебно-исследовательского института, под интернат для студентов и жилье для преподавательского состава требовалось большое здание, а такового в перенаселенном Фрайберге не было. Ректор — профессор, доктор филологических наук, член ЦК СЕПГ Ф. Лейтвайн (Leutwein) — обратился в Центральный комитет партии к Президенту ГДР Вильгельму Пикку (1876–1960) за помощью. Тот ответил готовностью посетить Фрайберг и на месте ознакомиться со «сложностями роста». Пик приехал во Фрайберг с однодневным визитом 14 мая 1952 г. В его программу, рассчитанную статс-секретарем Максом Опцем (Max Opitz) с точностью до метра и минуты, входили в частности вы-

ступления перед гражданами и встречи.

В эту программу входила и поездка по Фрайбергу с 15:00 до 16:00, в ходе которой Ф. Лейтвайн собирался показать президенту важнейшие Объекты и рассказать о планах и проблемах Горной академии. Была, в частности, намечена короткая остановка на Хемницерштрассе, перед так называемой школой им. Герхарда Эльдродта, в которой в то время размещалась районная партийная школа висмутовского отделения СЕПГ, а сегодня находится отделение Федеральной биржи труда. За это здание уже давно шла борьба. Партийную школу собирались перевести в Тюрингию, а ее помещения передать Горной академии под интернат для студентов рабоче-крестьянского факультета. Но подвижек в этом деле не было.

Что касается самой Фрайбергской горной академии, то в ее планы не входило прибрать к рукам Горный техникум и его интернат (общежитие им. Э. Тельмана в бывшей горнострелковой казарме на Хемницерштрассе) на предмет расширения собственных помещений, поскольку это было недостижимо, а потому — нереально.

Руководство Горного техникума собралось утром 14 мая и попыталось прояснить для себя ситуацию по телефону. Потом была предпринята попытка немного изменить и без того полностью расписанную программу пребывания президента. Попытка оказалась удачной. Из программы вычеркнули 20-минутную остановку у школы им. Эльдродта, а вместо нее внесли посещение расположенного в 300 метрах от школы Горного техникума. Как только дозорные издали увидели черный «ЗиМ» главы государства, по радио в здании техникума раздалась команда на построение группы встречающих. Директор Новиков, ректор Фунек и преподаватель русского языка Буттке встретили Президента ГДР у его лимузина и пригласили в здание. Группа прошла под высокой аркой входных ворот и вошла во внутренний двор. Я шел следом за ними. По школьному двору ездил рудничный локомотив, восстановленный руками слушателей. Пикку показали занимавшую почти весь двор деревянную шахтную подъемную клеть, доставленную в разобранном виде с участка в Шнееберге и вновь собранную здесь студентами. Президенту понравилось.

«Очень хорошо, очень хорошо», — отозвался он звонким голосом, когда его подвели к двум треножным установкам КАМ-300, служившим в качестве учебных буровых вышек. Затем вместе с Пиком все зашли в северное крыло здания, в полуподвале которого размещалась машинно-техническая лаборатория. Здесь они увидели компрессорные

35 Союз свободной немецкой молодежи.

и насосные станции и слушателей, возившихся с контактно-аккумуляторным электровозом. Кто-то занимался проверкой материалов и заносил результаты в протокол.

«Очень хорошо, очень хорошо», — вновь произнес президент. Потом в большой угловой комнате на первом этаже ему была продемонстрирована гордость Горного техникума — уникальная, заново оборудованная электрическая лаборатория. И вновь Пик одобрил увиденное. А тут и время его визита подошло к концу. По длинному коридору и лестнице вся группа покинула здание. На улице общительный президент завел было беседу с ожидавшими его слушателями техникума, одевшимися по такому случаю в парадную униформу. Но для сопровождавших его лиц протокол был превыше всего, и двое из них подошли с обеих сторон к президенту и увели его к лимузину. Визит был окончен. Пик уехал. И никто из нас не подозревал, что за всем этим последует.

Некоторое время спустя в берлинских правительственных кругах стали курсировать слухи, что якобы СКК (Советская контрольная комиссия) передает Горный техникум в дар Германской Демократической Республике. Служащие Госсекретариата по углю и энергетике и сотрудники Министерства горнорудной и металлургической промышленности сцепились в борьбе за этот лакомый кусок. После череды ярких, почти детективных событий, посвящать читателей в которые я не буду, Горная академия, находившаяся в подчинении Министерства горнорудной и металлургической промышленности, за спиной руководства Горного техникума, этого страстно желаемого всеми объекта, добилась успеха благодаря наличию лучших аргументов и их бескомпромиссному использованию.

В течение нескольких дней, предшествовавших передаче Горного техникума в ведение Фрайбергской академии, во дворе техникума горели костры. Сжигались все документы немецкой стороны — переписка ректората, личные дела, сведения по зарплате, хозяйственная документация, классные журналы и т. д. Это обстоятельство привело к тому, что в архивах компании «Висмут ГмБХ» на сегодняшний день отсутствуют материалы по Объекту 105. Автор этих строк надеется, что когда-нибудь ему позволят взглянуть на документы советского руководства Объекта, хранящиеся в московских архивах. Остается только отметить, что последние курсы были доведены до конца, и все выпускники нашли себе работу по специальности, в частности на предприятиях «Висмута», расположенных на западе Рудных гор. Большинство

из них было принято на работу непосредственно в Горную академию или получили место с ее помощью, как например, ректор Фунек, который был назначен руководителем известного горного инженерно-технического училища в Цвиккау.

Ликвидация Горного техникума во Фрайберге нанесла АО «Висмут» глубокую рану, на залечивание которой ушли годы. В результате этой потери пришлось расширять и доукомплектовывать горные подготовительные школы на Объектах. Так, на базе классов для семинарских занятий в Иоганнсгеоргенштадте было организовано училище для горняков. Децентрализованным образом на курсах продолжительностью до 6 месяцев проходило обучение штейгеров, техников бурения, техников-геофизиков и старших коллекторов. В качестве нового учебного заведения на Зоймештрассе в Карл-Маркс-Штадте было создано Центральное училище горной техники и экономики горного дела. Курсы велись один за другим. После успешной сдачи экзаменов, которые принимала экзаменационная комиссия инженерно-технического училища в Айслебене, выпускникам выдавался государственный аттестат мастеров горного цеха (старшего забойной группы), горных машин, буровой техники, нормирования или геологической службы (старшего коллектора), маркшейдеров. Почти всему инженерно-техническому персоналу пришлось с 1953 по 1956 г. выдержать такие экзамены, несмотря на то, что у выпускников годичных курсов Фрайбергского горного техникума уже был в кармане государственный аттестат. Это обстоятельство было обусловлено требованием государственного ведомства по надзору за ведением горных работ, считавшего, что высокий травматизм 1950-х гг. объясняется недостаточной квалификацией сотрудников.

Осенью 1956 г. «Висмут» наконец-то получил собственное среднетехническое учебное заведение в лице Института разработки жильных руд в г. Брайтенбрунн (Рудные горы), в котором были представлены следующие факультеты: техника горного дела, горные машины и электротехника, экономика горного дела, а с 1957 г. еще и геофизика. Для выпускников Фрайбергского горного техникума тут были созданы специальные классы. Окончившие годичные курсы могли сразу поступить на третий курс и учиться всего 9 месяцев. Выпускникам шестимесячных курсов засчитывался целый учебный год. Благодаря этим мероприятиям были удовлетворены потребности СГАО «Висмут» в квалифицированном инженерно-техническом персонале и положен конец спецстатусу Института разработки жильных руд. В 1962 г. его переименовали

в Горно-инженерное училище Брайтенбрунна, где стали готовить специалистов для всех отраслей народного хозяйства ГДР.

Резюме

В первые годы существования АО «Висмут» Горный техникум во Фрайберге внес решающий вклад в подготовку необходимых ему специалистов среднего звена управления и определенных профессий. За короткое время техникум превратился в Научно-технический центр предприятия. И даже после его расформирования в августе 1952 г. АО, а позднее и СГАО «Висмут», прибегали в основном к услугам его выпускников. Многие из них потом шли учиться в другие средние и высшие учебные заведения и по их окончании назначались на руководящие должности в «Висмуте», на народные предприятия и в госаппарат.

В 1956 г. был создан институт в Брайтенбрунне. В том же году в «Висмут» пришло много выпускников других средних специальных и высших учебных заведений. Временные училища, созданные после роспуска Горного техникума во Фрайберге, были закрыты. Решающее значение для решения кадрового вопроса имело доведение численности трудящихся в течение 1950-х гг. до 45 тыс. человек и создание костяка кадровых работников.

За последние пять лет я установил контакт более чем с 500 выпускниками Горного техникума, разбросанными по всей территории ФРГ. Их информация и документы не в последнюю очередь способствовали написанию данной статьи, за что всем им хочу выразить свою благодарность. Все они надеются, что Горный техникум г. Фрайберг, учеба в котором послужила для них хорошей путевкой в жизнь, не канет в лету.

Перевод Е. Синева.

Рудольф Васковиак

От откатчика до ученого-геолога

Я, Рудольф Альфредович Васковиак, родился 8 февраля 1930 г. в Лейпциге. Имя города ярмарок было знакомо каждому человеку в России, по крайней мере, уже лет двести тому назад. С 16 по 19 октября 1813 г. здесь состоялось решающее сражение, в ходе которого войска коалиции (Россия, Пруссия, Австрия и Швеция) нанесли Франции сокрушительное поражение в осенней кампании Наполеона I. Наряду с памятными местами меньшего масштаба и названиями улиц об этом событии напоминают русская церковь и монументальный памятник «Битва народов».

В Лейпциге я 10 лет ходил в школу. К сожалению, мне не удалось стать лесником, как я хотел, или выбрать себе другую специальность, связанную с природой. Время было трудное, жизнь сложная, Германия разрушена. Медленно шла нормализация жизни и экономики. Не хватало всего — продуктов, одежды, жилья. Без специального разрешения нельзя было даже проехать на поезде. Биржа труда направила меня на работу в Государственные железные дороги, поскольку она должна была их обеспечивать рабочей силой в первую очередь. Однако работа мне не нравилась. До этого за пределы Лейпцига я выезжал лишь один раз, да и то это была принудительная доставка в американский лагерь для военнопленных в Бад-Кройцбахе на западе Германии. Дело в том, что в марте 1945 г. меня, 15-лет-

него мальчишку, не прошедшего никакой военной подготовки, призвали в армию, вооружили гранатометом «панцерфауст» и трофейным карабином, чтобы я участвовал в обороне родного города от приближающихся американских войск. Так, 18 апреля я попал в американский плен, в печально известный лагерь Бретценхайм-на-Наэ, где от меня остались лишь кожа да кости и откуда я возвратился в конце июня.

К лету 1948 г. я немного поправился. Нужно было устраиваться на работу, но возможностей найти ее было немного. Предприятия могли брать персонал на работу только по согласованию с биржей труда, которой правительством земли Саксония были даны строгие указания: в первую очередь обеспечить потребность АО «Висмут» в рабочей силе и направлять на урановые предприятия любого, кто подходил по состоянию здоровья, собирался сменить работу или возвратился из советского плена. А так как я как раз искал другую работу, то биржа труда не оставила мне выбора, и меня вместе со многими другими 13 июля 1948 г. отправили эшеленом в направлении Рудных гор. Такие железнодорожные составы шли в Ауэ со всей Восточной Германии, а точнее «зоны», как называли советскую зону оккупации. Никто из нас толком не знал, куда мы ехали. На вокзале в Ауэ поезд сделал остановку, несколько человек вышли, но большинство пассажиров поехали дальше,

до Иоганнгеоргенштадта. Там работники «Висмута», сопровождавшие состав, разбили нас на группы по рудникам. Проходившая в этот момент пересменка произвела на нас, новичков, неизгладимое впечатление. По всей вокзальной площади и примыкавших к ней улицам шли тысячи горняков в грязной спецодежде, резиновых сапогах и с карбидными лампами на груди. Сквозь этот людской муравейник, то и дело сторонясь от груженных породой составов, ведомых по узкоколейке небольшими локомотивами, возвещавшими о себе пронзительными свистками, мы с трудом пробились к цели назначения — шахте № 30 Объекта 1 в поселке Виттигсталь. По обе стороны дороги стояли высокие дощатые заборы с колючей проволокой, сторожевые вышки с советскими солдатами, копры и устья штолен, бункера для породной массы, погрузочные платформы, подстанции, компрессорные, мастерские, склады, амбулаторные отделения, столовые и жилые дома, в которых были размещены рудничные управления и тому подобные учреждения. То там,

Портал здания Горного техникума во Фрайберге (фото 1951 г.).

то здесь водяной пар выбрасывался в атмосферу. Вокруг нас были сплошные грязь, шум, суета и, главное, беспорядок. Удастся ли мне когда-нибудь привыкнуть ко всей этой агрессивной обстановке? Теперь мне стало понятно, почему Иоганнгеоргенштадт пользовался в то время репутацией, сравнимой с диким Западом.

На месте назначения наши документы были сверены с висмутовскими списками, нам выдали пропуска (при этом немецкие паспорта пришлось сдать) и талон на питание в день приезда. На вещевом складе мы получили спецодежду, резиновые сапоги и карбидные лампы. После этого нас распределили по участкам и сменам. Мне нужно было уже сегодня выходить в ночную смену, в 22 часа. Помещение для сна нам отвели примерно в 25 километрах от шахты, в Байерфельде. В бесконечно длинном, аккуратно побеленном фабричном цеху стояло 40 деревянных кроватей с тумбочками между ними. Путь от работы до общежития занимал по нашим представлениям световые годы. По окончании ночной смены в 6 часов мы ехали в Шварценберг на одном из трех поездов, отъезжавших между 6:45 и 7:15. В то время это был одноколейный перегон, и поездка со многими остановками и неоднократными разъездами занимала немало

времени. От вокзала в Шварценберге нужно было идти еще час пешком по крутой горе в Байерфельд, куда мы попадали около 9:30 и сразу замертво падали в кровати.

Шахта № 30, известная с периода разработок на серебро как Новогодняя штольня (Neujahr-Stolln), отрабатывала горизонт 16 метров шахтного поля в Иоганнгеоргенштадте. После сдачи контрольных жетонов нас, новичков, повели в комнату горного мастера в глубине штольни для получения наряда на работу. Там мы выстроились в ожидании того, что нам предстоит. Среди нас не было никого, кто раньше уже бывал в шахте. Все вокруг: теснота выработки, темнота, холод, вода, капающая с кровли, стоящая или текущая в водоотливных канавках, странные шумы, своеобразный запах рудничного воздуха — наполняли душу ощущением страха. Каждый по-своему старался справиться с этими впечатлениями. Немного легче нам было от зазорных шуток и шахтерских светильников, которыми мы не умели пользоваться, как, впрочем, и карбидными лампами. С ними постоянно приходилось возиться: то регулировать подачу воды, то прочищать форсунку. Некоторые из нас так и не научились регулировать форсунку таким образом, чтобы лампа не выбрасывала пламя.

Наконец пришел горный мастер Пауль Царсе со штейгерским молотком в руках — исполин богатырского сложения. Я сравнил его могучую фигуру со своею и подумал про себя с облегчением, что этот горный мастер, наверняка, следит за обеспечением надлежащей высоты штреков. Он осмотрел нас критическим взглядом и осведомился у каждого, какую работу тот хотел бы выполнять. Разумеется, все хотели быть учениками забойщика, что давало возможность больше заработать. У меня не было ни опыта горных работ, ни навыков работы руками, а потому меня определили в бригаду откатки, оснастив тотчас же лопатой — основным инструментом откатчика.

Работа откатчика была несложной, но требовала больших физических усилий, что для меня было непривычно. Порой казалось, что загрузка вагонетки в тесноте забоя длится целую вечность. Чтобы выполнить норму и заработать деньги, я научился рациональным движениям, проводя загрузенную лопату над плечом, что непривычно для людей, незнакомых с горными работами. Нужно было провести лопату таким образом, чтобы она не задела стенок забоя, кровли и крепления и при этом даже не смотреть, попало содержимое лопаты в вагонетку или нет. Загруженные вагонетки нужно было сразу же толкать к устью штольни Нойдойчланд на разгрузку в бункер. Поворотные плиты

или, за отсутствием таковых, просто листы металла на пересечении штреков должны были давать возможность смены направления в движении вагонеток, но те катились по инерции дальше, поэтому надо было в нужный момент, используя все усилия и сноровку, завернуть вагонетку на другие рельсы. Если это не получалось, вагонетка сходила с рельсов, и установить ее обратно в одиночку было невозможно.

Спустя примерно полтора месяца, когда я уже считал, что более или менее профессионально справляюсь со своей работой, горный мастер обратился ко мне с вопросом, не хочу ли я пойти в ученики к забойщику. Собственно, это был не вопрос: меня действительно определили учеником к пожилому забойщику, которого звали... Карл Маркс. Правда, за глаза его называли Мурксом². Коверкание имени не означало, что он плохо делал свою работу. Скорее это было выражением обычая здешних горняков, которым доставляло несказанное удовольствие придумывать как можно более курьезные и все же меткие клички. В любом случае у Муркса я получил достаточно опыта, чтобы уже спустя немного времени самому стать забойщиком в очистном блоке, и тогда уже мне самому помогал ученик. Теперь я мог наконец заработать приличные деньги и когда-нибудь получить в виде премии столь желанный «сталинский паек». Такая возможность была у забойщиков, получавших сдельно-прогрессивную зарплату при хорошей организации труда. Однако профессия забойщика в горнорудной промышленности была тогда очень тяжелым физическим трудом. Лишь позднее стали создаваться комплексы бригады. А до механизации проходки штреков с помощью буровых кареток и ковшовых погрузочных машин было еще очень далеко.

Однако все вышло иначе. Спустя несколько недель работы забойщиком меня назначили помощником опытного горного мастера по организации производства на крупном участке. Горнодобывающие предприятия и цеха работали тогда в три смены. В неделю приходилось отрабатывать 6 смен по восемь часов, причем в последовательной очередности — ночная смена, дневная смена, утренняя смена. Большая пересменка была между концом первой смены в 14 часов в субботу и началом ночной смены в понедельник в 22 часа. Горняки, жившие вдали от места работы или за пределами зоны «Висмута», могли выезжать к своим семьям только в большую пересменку в конце недели, само собой разумеется, с разрешения висмутовской полиции.

В послевоенное время ни у кого, за редким исключением, не было машин и мото-

² Murks (нем.) — халтура, стряпня.

Rudolf Waskowiak aus Leipzig.
Alter: 19 Jahre u. 8 Monate.
Absolvent der „Steiger G“
Persönliches Schreiben des Direktors des Bergtechnikums Freiberg/Sachs.
Major Iatscherewski, an den Hauptingenieur des Objektes 01, Gen.
Martschenko A. P.:
Schicke Ihnen den Waskowiak, Rudolf, Kott.-Nr. 4824, der einen Jahres-
Lehrgang für Steiger mit vorzüglicher Note abgeschlossen hat.
Er ist einer der besten Absolventen. Wir bitten darum, ihn als Steiger zu
einsetzen, dass er sich zum Obersteiger entwickeln kann.
4. 10. 49
Unterschrift
Der Hauptingenieur schrieb später über die linke obere Ecke: „An den Leiter der
Kaderabteilung: Im Schacht 31-bis als Reviersteiger einsetzen.“

циклов, поэтому добраться куда-либо можно было только поездом. Поезда регулярно контролировались висмутовской полицией, и горняков без соответствующего отпускного свидетельства, выдаваемого полицией, снимали с поезда.

Первая смена для горняков и горных мастеров проходила всегда немного хаотично. Если в другие смены проверки на рабочих местах проводил лишь сменный горный мастер, то в первую смену в шахту спускались целые полчища руководящих работников: участковый горный мастер, старший горный мастер, маркшейдеры, геологи, наладчики, проектировщики, главный инженер, начальник шахты, сотрудники администрации Объекта и даже иногда — Генеральной дирекции. Они отмечались в штейгерской, дабы соблюсти свои обязанности по контролю за ведением работ. Ко мне не раз навещался по производственным вопросам советский главный инженер, а однажды он велел мне после окончания смены прийти к начальнику шахты. В голове я перебрал все свои грехи, но толком не мог понять, что могло означать это приглашение. Мне было не по себе, когда я постучал в дверь начальника шахты. Кроме главного инженера в кабинете был старший горный мастер и еще четверо молодых горняков с нашей шахты. Старший горный мастер разъяснил нам намерение шахтного руководства: нас выбрали для прохождения полугодовой подготовки на горных мастерах во Фрайберге (Земля Саксония). Все мы не раздумывая приняли это предложение.

1 апреля 1948 г. АО «Висмут» организовало во Фрайберге Горный техникум³ (Объект 105) — учебный комбинат для подготовки технического и надзорного персонала

Письмо заместителя
директора техникума Б.
Ф. Голубенко на имя
А. П. Марченко
с портретом автора этих
строк (октябрь 1949 г.).

Лестное предложение руководства Горного техникума.

среднего звена и горных специалистов, которых явно не хватало из-за постоянно растущих темпов добычи урана. Когда мы прибыли туда на следующее утро в понедельник, нам устроили приемный экзамен, а на следующий день велели прийти на занятия. Прошел месяц полугодных курсов, и дирекция предложила мне перейти на годовичные курсы, позволявшие обрести более высокую квалификацию и получить свидетельство с государственной аттестацией.

Так я попал на курсы горных мастеров, где впервые соприкоснулся с горными и геологическими науками и открыл для себя множество интересных вещей. Фрайберг, вокруг которого в 1162 г. началась добыча серебра, быстро стал ведущим горнопромышленным центром Саксонии. В 1765 г. здесь была создана Горная академия — первое в мире горнотехническое высшее учебное заведение, а ее профессора оказали огромное влияние на развитие геологии, горного дела и металлургии во всем мире. Решение о размещении Горного техникума во Фрайберге было, несомненно, разумным.

Фрайбергские горнопромышленные традиции очень заинтересовали меня. Прежде всего я понял, что здесь определяется направление моего дальнейшего профессионального развития. Поэтому я очень старался, добился успехов в учебе, и мне было присвоено звание активиста.

В октябре 1949 г. я завершил учебу на горного мастера с оценкой отлично, получив свидетельство и грамоту, а также аттестацию со стороны представителя правительства земли Саксония в экзаменационной комиссии. После чего меня ожидал небольшой сюрприз. Директор Горного техникума майор Павел Казимирович Инчеревский вызвал меня и вручил мне письмо главному инженеру Объекта 1 А. П. Марченко с просьбой передать его лично. Я готов был сделать ему это маленькое одолжение и в качестве курьера передать, как я полагал, письмо частного характера. Адресат раскрыл конверт, поинтересовался результатами моей учебы, быстро переговорил по телефону и написал несколько слов по диагонали в левом углу письма, возвратив его мне с поручением передать начальнику шахты № 31-бис.

Это письмо я сохранил и привожу здесь его факсимиле.

Меня назначили сменным горным мастером на перспективном участке, который, к сожалению, не справлялся с поставленными задачами, и который планировалось разделить. Вероятно, позднее я мог бы стать начальником участка, организовать на нем бесперебойное производство, обеспечить решение всех технических и хозяйственных проблем, руководить, удерживая бразды правления, 180-ю неустранимыми горняками, из которых почти каждый был старше меня по возрасту, — все это требовало полной отдачи. Я нашел отклик среди горняков и сумел в течение нескольких недель добиться регулярного выполнения месячных планов на 120—125 %, что обеспечивало не только получение денежных премий. Горняки на подземной работе получали при выполнении норм и отсутствии прогулов по 2 литра безакцизного шнапса в месяц, а при перевыполнении норм и плана — еще больше. А я получал тогда 6 литров в месяц, благодаря чему в подвале накопились запасы на десятилетия вперед, позволявшие впредь без забот отмечать семейные торжества.

Незаметно пролетело несколько месяцев, когда мне сообщили, что я должен зайти к офицеру — политработнику в управлении Объекта. Меня это беспокоило, и мне снова пришлось перебирать все свои грехи. Однако опасения оказались напрасными. Напротив, меня ожидало весьма радостное известие. Заместитель директора Горного техникума Б. Ф. Голубенко спросил меня, не хочу ли я вернуться в техникум в качестве помощника доцента.

Мне было немного жаль расставаться с успешно начатой работой, с моими горняками. Однако новый профессиональный вызов, заманчивая атмосфера города, являющегося центром культуры и горной промышленности, и, главное, любовь к местной девушке — все это неодолимо тянуло меня во Фрайберг, поэтому отказаться от этого предложения я просто не имел права.

Таким образом, 10 мая 1950 г. в возрасте 20 лет я стал помощником доцента, а позднее — штатным доцентом Горного техникума во Фрайберге, оставаясь им в течение 30 месяцев вплоть до расформирования этого учебного заведения 15 августа 1952 г.⁴ Я работал на геолого-минералогическом факультете и преподавал на курсах горных мастеров, маркшейдеров и геологов, попутно совершенствуя свои знания в таких предметах, как общая геология, рудничная геология, учение о месторождениях полезных ископаемых и опробование.

Бурное развитие АО «Висмут» в конце сороковых — начале пятидесятых годов вызвало громадный спрос на квалифици-

рованных работников всех уровней и специальностей. Вторая мировая война унесла жизни лучших представителей молодежи и интеллигенции — ее цвета. В военные годы и последующий период лишений масштабы подготовки специалистов в средних и высших учебных заведениях сошли до минимума. Поэтому молодому предприятию «Висмут» пришлось смириться с тем, что потребуются многие годы, прежде чем пришедшая в упадок подготовка кадров со средним специальным и высшим образованием будет в состоянии покрыть его возрастающие потребности. Кроме того, необходимо было учитывать интересы народных предприятий, и в первую очередь, тяжелой промышленности. Критическое положение с кадрами удалось преодолеть только за счет подготовки квалифицированного персонала и руководящего состава нижнего и среднего звена собственными силами.

Первые курсы подготовки рабочих геологической службы (коллекторов) были проведены с 10 июня по 15 сентября 1947 г. на бывшей туристской базе для молодежи на горе Хайдельберг в Ауэ. Организация и проведение курса были возложены на майора Ларина и капитана Вайнштейна из отдела подготовки кадров Генеральной дирекции, которая в то время находилась в Ауэ⁵.

И вот молодые горняки из уже действующих и заново создаваемых эксплуатационных Объектов — 1 (Иоганнгергенштадт), 2 (Обершлема), 3 (Шнееберг), 4 (Аннаберг-Буххольц), 5 (Мариенберг), 6 (Ауэрбах-Фогтланд), а также разведочного Объекта 21 в Обершлеме были направлены на учебу: в среднем по 10 человек от каждого Объекта. После завершения учебы 67 выпускников вновь приступили к работе на Объектах, пославших их на курсы. Усилия, предпринятые в области подготовки и переподготовки кадров, привели в конечном итоге к созданию крупного среднего специального учебного заведения — Горного техникума. В его состав вошел учебный участок на рудниках во Фрайберге, а кроме того, был организован филиал техникума в Цвиккау. На полугодных и годовичных курсах велась подготовка горных мастеров, мастеров-взрывников, машинистов, горных механиков, маркшейдеров, топографов, геологов. На трехмесячных курсах в основном шла подготовка буровых мастеров, взрывников, коллекторов.

Приведу несколько цифр для иллюстрации масштабов этого учебного заведения: 67 полугодных и 40 годовичных курсов было проведено только для подготовки рудничных штейгеров (горных мастеров). На четырех курсах продолжительностью в 1¼ и 1½ года было подготовлено 112 рудничных геологов. На каждом из этих курсов училось по 30 слушателей. В целом Горный техникум выпустил около 9400 выпускников различных горных профессий и специальностей⁶. Они составили костяк ИТП и геологической службы шахт. Многие из них позднее получили инженерное образование и дипломы вузов, в частности — автор этих строк, окончивший Горную академию во Фрайберге и заведовавший затем подготовкой инженеров-геологов в ГДР, будучи доцентом и руководителем кафедры Горного техникума им. Георгиуса Агриколы в Цвиккау.

По истечении соответствующих контрактов 1 сентября 1966 г. я возвратился в СГАО «Висмут», где работал заместителем главного гидрогеолога в Центральном геологическом предприятии в Грюне (Грюна была включена в состав Хемница в 1999 г.).

С удовольствием вспоминаю доброе сотрудничество и дружеские отношения со специалистами из СССР, работавшими в ЦГП, и прежде всего с непосредственными руководителями, главными гидрогеологами — Александром Жевлаковым, Евгением Анкудиновым и Евгением Ивановым, которым я в значительной мере обязан своим дальнейшим профессиональным развитием в таких областях, как радиогидрогеология, рудничная гидрогеология и инженерная геология. С 1980 г. я руководил гидрогеологической службой в Центральном геологическом предприятии, обеспечив завершение радиогидрогеологической съемки южной части ГДР и горно-гидрогеологического исследования ее урановых месторождения. 1 октября 1990 г. я вышел на пенсию.

Перевод Евгения Синева

Трое из четырех главных гидрогеологов Центрального геологического предприятия. Слева направо: Е. В. Анкудинов, Е. С. Иванов, Р. Васковиак (Загорск, лето 1983 г.).

Геологическая экскурсия на Гавайские острова в сентябре 2002 г. В центре — кратер и озеро Галемауау, покрытое слоем застывшей лавы.

3 Статью Р. Васковиака о Фрайбергском горном техникуме см. выше (стр.).

4 Р. Васковиак. Как после Второй мировой войны урановая промышленность в Восточной Германии готовила свои кадры и костяк опытных рудничных геологов. Geohistor. Blätter. Berlin № 12, 2009, Т. 2, S. 105—126 (на нем. языке).

5 Р. Васковиак. Первые курсы. Erzgebirgische Heimatblätter. Marienberg № 33, S. 201 (на нем. языке, готовится к печати).

6 Г. Рошлау. Из истории горного техникума во Фрайберге. Карл-Маркс-Штадт, 1990. Архив Горной академии во Фрайберге, № 412, 2а (на нем. языке).

Д-р Рудольф Васковиак

Рудольф Альфредович ВАСКОВИАК, родился 8 февраля 1930 г. в Лейпциге. В октябре 1949 г. закончил Фрайбергский горный техникум. Начиная работу в «Висмуте» сменным горным мастером. В 1950–1952 гг. работал помощником доцента, а позднее — штатным доцентом Горного техникума во Фрайберге. 1 сентября 1966 г. возвратился в СГАО «Висмут», где работал заместителем главного гидрогеолога в Центральном геологическом предприятии в Грюне.

С 1980 г. руководил гидрогеологической службой в Центральном геологическом предприятии. 1 октября 1990 г. вышел на пенсию. Кандидат геологических наук.

Заманчивый зов грибов, или Обучение теоретика³³

За рамкой всяких философских дискуссий об отношениях теории и практики, теоретиками называют людей, скорых на добрые советы, но на практике довольно неуклюже действующих и иногда немножко отвлеченных от мира сего. В таком использовании этой характеристики скрыто критическое и до некоторой степени неблагоприятное отношение к данному человеку. О таком случае, правда, менее обидном, хочу здесь рассказать. Он, чтобы было ясно с начала, не оставил у меня ран, поэтому я с улыбкой и без горечи вспоминаю, как я был охарактеризован как «теоретик» в грибных делах и что я сделал в результате с этой «обидой».

Это случилось на одном из таких бригадных вечеров, на которых немецкие и советские сотрудники в рамках профсоюзных групп собирались накануне государственных праздников СССР и ГДР, чтобы после месяцев напряженного труда отметить достигнутые успехи и отличившихся коллег.

Особенность трудового коллектива, в котором я работал, состояла в том, что в нем советские и немецкие специалисты совместно работали в области поиска и разведки урановорудных месторождений. Главными критериями соцсоревнования нашего коллектива, за которое отчитывались на таких праздниках, были — прирост запасов, выявление новых поисковых площадей, рост продуктивности и качества поискового и разведочного бурения, а также повышение научных результатов по новым перспективным площадям.

В подходящей для таких праздников комнате собирали все письменные столы, накрывали их и ставили напитки и закуски. Их неотъемлемыми частями обязательно были фрукты и маринованные овощи. Кроме того, двое советских коллег приносили соленые грибы собственного производства, которые были очень популярными и отлично подходили к алкогольным напиткам как закуска.

В воздухе уже стоял очень заманчивый запах укропа, чеснока и других пряностей, использованных при мариновании грибов, когда мы все около трех часов после обеда собрались вокруг стола. Первый тост шефа был произнесен, первый стакан был выпит

до дна и начинался штурм грибов.

Между торжественными тостами застольные разговоры как бы между прочим концентрировались на закусках вообще и, в особенности, на приготовлении соленых грибов. Во время оживленного разговора, как гром среди ясного неба, наш шеф Эдуард Легонович Саруханян, обратился ко мне: «Рудольф, ты теоретик!» И пока я искал причину для такой атаки, он дал объяснение: «Ты много можешь рассказывать о твоих успехах в грибном деле. Но соленые грибы твоего производства еще никогда не стояли на этом столе, не так ли?» Он ехидно улыбнулся мне, сверкнув золотыми зубами, и хитринка появилась в его глазах.

Наш советский главный геолог, который уже второй раз работал в ГДР и немецким языком владел в совершенстве, был доволен своей остротой и забавлялся удачной шуткой. Насмешникам ничего не свято, они быстро что-то говорят, но и так же быстро забывают.

Это, конечно, не было оскорблением, но все же меня задело. Я задумался, чем могло быть вызвано насмешливое замечание моего начальника. Ну да, конечно! Я тут понял, в чем дело. У меня как будто пелена упала с глаз, стало ясно, что никто из немцев не ставил ни разу соленые грибы на стол. Да мы просто не умели готовить их, и буквально бросались на очень вкусные грибы, приготовленные нашими советскими друзьями.

Или другими словами, мы считали приготовление соленых грибов их делом или их «монопольным рецептом». Но мы не могли так этого оставить.

Мое решение было спонтанно. Я уже несколько раз подумывал о том, чтобы самому приготовить соленые грибы. Но какие-то препятствия меня сдерживали. Поэтому я решил после этой шутки преодолеть свою инерцию. Пару способов приготовления соленых грибов я уже слышал. Я знал, что не все грибы для этого годятся. Молодые и здоровые грибы предварительно обрабатывают холодной или горячей водой, потом кладут в маринад с солью и пряностями и подвергают молочно-кислотной ферментации. Среди пряностей главную роль игра-

Слева:
Уголок нашего подвала.

В центре:
На этом буке 10 лет
росли великолепные грибы
(Austernseitlinge),
пока его не спилили.

Справа:
Урожай с этого бука
до переработки.

ли чеснок, укроп и листья черной смородины. Но сколько длится этот процесс, какие грибы надо взять, и как их в конце ферментации подготовить для употребления — все эти вопросы стали вдруг для меня актуальными. Ведь стояла осень с изобилием грибов и возможностью сразу начать эксперимент, чтобы поставить собственные грибы уже на пред Рождественских встречах «Меттеншихт» и похвалиться ими.

Грибы росли в лесу и ждали, когда их соберут. Воля для совершения этого действия тоже была. Чего не хватало — так это подходящего рецепта. Невjeroятно, но в немецких книгах о грибах было достаточно много рецептов для приготовления грибов, маринования, но ничего — о солении грибов. Но это не проблема. Наши советские друзья всегда собирали большие количества грибов для соления. Они организовывали экскурсии в наиболее богатые грибные районы на юге ГДР, как например, в район Шлайц в Восточной Тюрингии или в Нижний Лаузиц.

Что могло быть лучше, чем попросить поддержку у моего русского начальника и друга, Евгения, ведь сам он страстный грибник. Через два дня он мне диктовал по своим запискам рецепты. Наконец-то я все узнал — какие грибы самые пригодные для соления, как их предварительно обрабатывают, какое количество соли надо добавить и какие пряности, в какой посуде грибы должны созревать.

Этот рецепт скоро получил свое испытание на практике, а именно в конце следующей недели, после возвращения с богатым урожаем грибов. И введенное тогда разделение труда на кухне сохранилось по сегодняшний день. За соление грибов ответственен я, за все другие виды приготовления грибов, включая маринование, отвечает моя жена Кристина.

Наши первые соленые грибы зрели от середины октября до 20-го декабря

в глиняной посуде под весом большого камня. Было задумано поставить их на стол на пред Рождественском празднике нашего коллектива.

Чтобы сократить мой рассказ, скажу, что я не смог отличиться, и соленые маленькие марончики моей жены не стали украшением трапезы. Мои соленые грибы действительно были солеными, даже пересоленными, и были вовсе несравнимы с тем лакомством, приготовленным нашими советскими друзьями, к которому мы привыкли. Короче, мои грибы — это была катастрофа.

Сегодня я рад, что я тогда не пал духом. А ведь поиск ошибки тогда прошел безуспешно. Но когда я своего друга, грибного эксперта Евгения, более подробно расспросил о возможных ошибках в рецепте или при переводе, он оказался неуверенным и недостаточно компетентным (во всяком случае, без записной книжки). Выяснилось, что знаток грибов всю работу по солению грибов поручал своей жене Ларисе.

Ну что ж, не удалось на этот раз, попробуем еще раз. До следующего грибного сезона было достаточно времени, чтобы найти рецепты. На этот раз я не доверялся устным сообщениям, а хотел все сам увидеть, что написано черным по белому. По «Международной книге» я заказал русские книги о грибах. Книгу «Грибы, чудо природы» В. Федяева (Москва, 1973) я выбрал, чтобы некоторые главы перевести на немецкий язык. В первую очередь я заинтересовался рецептами по маринованию и солению грибов, кроме того — рецептом приготовления очень вкусной грибной икры.

Вооружившись этими рецептами и имея небольшой практический опыт первого неудачного эксперимента, мне удалось в следующем грибном сезоне обработать довольно большое количество грибов.

После прошлогоднего разочарования я хотел всем показать, на что я спо-

Э. Л. Саруханян, главный геолог Геологического предприятия на бригадном вечере, ноябрь 1973 г.

³³ Перевод с нем. М. Фивега.

Буровые установки УКВ 650М при бурении специальных скважин для замораживания воротника ствола шахты № 416 на месторождении Дрозен (фото из архива Wismut GmbH).

собен. В конце каждой недели я ходил за грибами. При этом мне удалось собрать большое количество разных грибов, чтобы я смог их засолить и попробовать пригодность разных сортов. При этом мне удалось и самому дальше развивать рецептуру. Например, я не держу грибы в открытом сосуде под давлением. Я хотел избежать образования пленки на соленом растворе. Поэтому мы заполняем консервные банки с грибами и пряностями, доливаем воду до 1 см под крышкой и варим их. Из-за добавления воды количество соли надо повысить до 40–45 г на кг свежих грибов.

Практика — это критерий правды, как мы в одно время учились у Л. Фейербаха и К. Маркса. Это отнесится и к реализации грибных рецептов. Маринованные и соленые грибы были с энтузиазмом приняты нашими гостями. Теперь они стоят всегда в центре семейного праздничного стола, если мужская часть (в том числе три зятя) собирается пить пиво и более крепкие напитки. Скорость исчезновения грибов пропорциональна развитию общего хорошего настроения.

В нашем рабочем коллективе соленые грибы моего домашнего производства

пользовались таким же признанием, как и грибы из русских кухонь. Поэтому они должны были быть на каждом бригадном празднике (если грибной сезон был удачен). Даже директор нашего предприятия, когда речь шла о рецептах этих грибов, попросил оставить ему мои карточки с рецептами для копирования. Он мне подарил за это книгу В. Солоухина «Третья охота, взгляд одного охотника за грибами».

После этого на предприятии уже не было секрета, как приготовить «русские соленые грибы», и нашлись последователи.

Редакция немецкого грибного журнала «Дер Тинтлинг» пять лет тому назад попросила меня просветить читателей о секретах моей русской грибной кухни в серии статей (с публикацией моего портрета). Я даже получил премию читателей за статью «С пряностями соленые грибы станут настоящими деликатесами. О мариновании грибов в соли и травяном уксусе» (12 (2007), Н. 4, 65–69). Признание получили мои русские соленые грибы и в кружке микологов г. Цвиккау. Здесь несколько лет тому назад я читал «легендарную» лекцию о консервировании грибов с практическим опробованием опят.

А на бригадных вечерах и экскурсиях можно было слышать: «Халлимаш (опята), глюк ауф!»

г. Цвиккау, ФРГ, Земля Саксония
9 января 2011 г.

Создание, значение, структура и задачи Геологического предприятия³⁴

Создание геологического предприятия (ГП) СГАО «Висмут» никоим образом нельзя отнести к первоапрельским шуткам, хотя оно и произошло (с обратной силой действия) 1-го апреля 1966 г. Автор этих строк пришел туда на работу пять месяцев спустя — 1-го сентября, поэтому наряду с собственными архивными материалами и информацией сотрудников, с которыми проработал многие годы, он располагает также и личными воспоминаниями. Но за основу статьи взято прежде всего подробное изложение данной темы в монографии «Висмут» — «Хронике».

В качестве главных задач нового предприятия приказом генерального директора № 36/1966 от 13 апреля 1966 г. определялись поиск и разведка новых урановых месторождений на предмет их вскрытия и отработки рудниками. Ожидалось, что в результате разведки в качественном отношении будут компенсированы снижающиеся объемы обрабатываемых запасов, что позволит Обществу их расширить или

по крайней мере обеспечить относительную стабильность на длительную перспективу. Это удавалось делать на протяжении 13 лет, когда ежегодный прирост запасов урана составлял в среднем 5,5 тыс. тонн, однако после 1978 г. этим планам не суждено было сбыться. Вследствие возрастания с середины семидесятых годов затрат на добычу урановой руды из года в год сокращались плановые задания на разведку.

Первоначальное название «Центральное геолого-разведочное предприятие» продержалось не более полугода, и большинством бывших сотрудников давно забыто. Затем в течение многих лет оно именовалось «Центральным геологическим предприятием» (ЦГП). В семидесятые годы потерялось прилагательное «центрально». Однако многие ветераны до сих пор называют его «наше ЦГП», ведь с изменением названия предприятия основные направления его работы оставались теми же. Поэтому во избежание недоразумений и без учета временного фактора в дальнейшем мы будем говорить о Геологическом предприятии, или ГП. Ведь что

такое — название? Как гласит поговорка, это всего лишь пустой звук. Еще наши предки знали — сущность господина не меняется, меняется лишь вывеска.

Наряду с приведенными выше основными задачами, ГП отвечало за бурение с поверхности всех геологических и гидрогеологических скважин в СГАО «Висмут». С 1980 г. — за проходку подающих скважин для закладки для горнодобывающих предприятий, проведение всех контрольных и специальных технических буровых работ, например, при замораживании воротника ствола шахты № 416 на месторождении Дрозен, проходимой с предварительным замораживанием.

В связи с нехваткой мощностей на народно-хозяйственных буровых предприятиях или по заказу различных ведомств ГДР Геологическим предприятием с помощью скважин изучались и исследовались залежи нерадиоактивных полезных ископаемых, обнаруженных в ходе поисковых работ ГП. В центральной лаборатории производился анализ пород и проб воды для акционерного общества. И только рудные пробы изучались в так называемой товарной лаборатории Научно-технического центра (НТЦ). На ГП производились даже алмазные инструменты, и не только для собственных нужд.

ГП работало с 13 апреля 1966 г. по 31 декабря 1990 г. Средняя численность полностью занятых составляла 2088 человек. Причем в 1970 г. был достигнут пик в 2706 человек, а минимальное количество работающих отмечалось в 1989 г. — 1237. В отличие от горнодобывающих предприятий, на ГП работало большое количество советских специалистов. Должности главного геолога и главного инженера занимали исключительно советские сотрудники. Граждане СССР работали на ГП и в его подразделениях начальниками геологического, геофизического, гидрогеологического (до 1980 г.) отделов и перспективной геологии. Но не только. Так, до второй половины семидесятых годов на ГП трудилось намного больше сотни советских специалистов. В период пиковой численности трудящихся (1970 г.) 120 из 660 рабочих мест были заняты советскими сотрудниками. В 1989 г. их количество сократилась до 41 (из 385 штатных единиц), из которых 34 человека были заняты в геологии и геофизике, 4 — на буровой технике. Кроме этого, был один советский заместитель главного бухгалтера, один — начальник планового отдела и еще один — начальник режимно-секретного отдела.

Основным видом деятельности предприятия было проведение буровых работ. Всего было пробурено 7 954 146 погонных

метров, из которых 6 554 544 м (= 82,4 %) — для поиска и разведки урана. Среднегодовой объем товарной продукции составлял 93,6 млн марок ГДР, при колебаниях от минимальных 49,1 млн марок ГДР в течение (неполного) первого года (1966 г.) до максимальных 114,7 млн марок ГДР в 1981 г.

В результате деятельности ГП на баланс СГАО «Висмут» были взяты 78,6 тыс. тонн запасов урана категории С₂ и 22,3 тыс. тонн категории С₁.

Прирост запасов происходил преимущественно за счет Роннебургского рудного поля на месторождениях Беервальде, Дрозен, Хазельбах, Корбуссен, Меннсдорф, Постерштайн, Рюккерсдорф и Унчен-Молис, а также участков Лихтенберг и северо-западный Роннебург. Разведкой некоторых из данных месторождений еще до создания ГП занималась Тюрингская геологоразведочная партия (ТГРП). Прирост обуренных запасов на месторождениях Фрайтааль и Кенигштайн (Тюрмсдорф и Вальдбах) (расположенных в Саксонии. — Прим. переводчика) по сравнению с большим Роннебургским «пирогом» был скорее скромным.

Условия залегания месторождения в центральной части Роннебургского рудного поля позволили только за счет уплотнения разведочной буровой сетки, без задействования подземных выработок, до 1977 г. перевести 22,3 тыс. тонн запасов из категории С₂ в более высокий класс С₁. Однако для проектирования подземных подготовительных и капитальных выработок на глубоких флангах сетки в 50 × 50 м было уже недостаточно. Слишком сложными были здесь геологические структуры и их интерпретация, чересчур беспорядочным распределение оруденения и очень уж большим — отклонения многих скважин от цели. В результате разведка запасов категории С₁ проводилась с этого времени силами самих горнодобывающих предприятий.

Структура предприятия претерпевала неоднократные изменения вследствие новых требований научно-технического прогресса, подвергалась давлению со стороны процесса рационализации производства и, в конечном итоге, страдала от сокращавшихся объемов работ на уран. Так, следствием первой из вышеперечисленных причин стало создание в рамках предприятия вычислительного центра, преобразованного впоследствии в отдел организации производства и обработки данных, а также производственного участка — алмазной мастерской — внутри центральной мастерской. Это относится и к присоединенной к геологическому отделу математической группы, в задачу которой входили подготовка и применение математических

34 Перевод с нем. Е. Синева.

и статистических методов обработки геологических, геофизических и геохимических данных. Она также активно участвовала в анализе результатов радиометрических измерений при расчетах запасов для горнодобывающих предприятий с применением вычислительной техники. К мероприятиям по рационализации производства относятся создание на базе расформированных отделов предприятия геологических подразделений и буровых участков № 1 и № 2 (1981 г.) и объединение последних в один буровой участок.

Здесь хотелось бы сделать небольшой исторический экскурс: когда в 1985-м и 1986 г. американский президент Р. Рейган и глава советского государства М. Горбачев встречались на переговорах по сокращению стратегических вооружений ОСВ (START), никто из висмутян не мог себе представить последствия советско-американских договоренностей для своей профессиональной деятельности. Вскоре, однако, стало ясно, что начиная с этого момента Советскому Союзу больше не понадобится дорогостоящий уран из ГДР, производимый в Саксонии и Тюрингии по ценам, намного превышающим мировые. Первые последствия в СГАО «Висмут» почувствовало на себе ГП, которому пришлось резко сократить объемы поисковых работ, поскольку денег на них от акционеров больше не поступало. Поначалу поиск на флангах действующих горнодобывающих предприятий был продолжен. Потом стало окончательно ясно, что ни СССР, ни ГДР не собираются больше вкладывать средства в новые эксплуатационные Объекты. Поэтому с тем, чтобы в этих условиях сдержать необходимое сокращение объемов работы геологического предприятия и обеспечить его дальнейшее существование, в конце восьмидесятых годов руководству предприятия пришлось за пределами «Висмута» заняться поиском заказов для народного хозяйства ГДР.

В лице ГП СГАО «Висмут» создало *универсальное крупное предприятие* для поиска и разведки урана на *всей территории ГДР*. Тем самым акционеры надеялись на унификацию, модернизацию и участие в разработке методов и технологий разведки в соответствии с новейшими достижениями в области науки, техники и экономики. Прежние работы по поиску и разведке урана, начиная с Саксонской геологоразведочной партии под руководством С. П. Александрова и А. Н. Аросенко в 1945–1946 г. вплоть до создания ГП в 1966 г., заслуживают подробного описания, однако в данной статье мы остановимся только на отдельных моментах.

Первые разведывательные предприятия, как например, созданный 1-го марта

1947 г. в бывшем бальнеологическом курорте Обершлема и размещенный в «Доме барабанщика» (Haus Trommler) Объект 21, вели разведку только на определенной территории. По окончании работ их либо преобразовывали в добывающий Объект, либо перемещали на другой участок, либо ликвидировали. Так, 1-го января 1949 г. на базе упомянутого Объекта 21, которому была передана шахта № 13 (входившая ранее в состав Объекта 2), был создан горнодобывающий Объект 9, ставший позднее ГДП-9 в Ауэ. 1-го января 1950 г. из Объекта 9 был выделен разведывательный Объект 29 с местонахождением в соседнем г. Лаутер (Саксония). Позднее — 1 сентября 1953 г. — он уже как экспедиция № 1 Объекта 30 был переведен в Тюрингию.

Объект 21 выполнял работы в районе городов Нидершлема, Обершлема и Шнееберг. Другие разведывательные Объекты, созданные в первые месяцы 1947 г., занимались поиском в среднем и верхнем поясах Рудных гор (Объекты 22, 23, 24 и 26). Объект 25 искал урановые рудопроявления на саксонских каменноугольных месторождениях в районе городов Цвиккау, Лугау, Эльсниц и в Деленском бассейне.

Геологическое предприятие было создано в результате слияния/образования следующих новых структурных подразделений, которые на протяжении многих лет являлись основой его структуры.

Тюрингская геологоразведочная партия (ТГРП) в Роннебурге (взята из Объекта 90 в Гере).

Саксонская поисково-разведочная экспедиция (СПРЭ) в Шлеме (выделена из Объекта 9 Ауэ).

Дрезденская буровая партия, ранее — поисково-разведочный участок СПРЭ в Лейпольдисхайне, переведена затем в города Штруппен и Пирна.

Отдел перспективной геологии — или (коротко) перспективный отдел — и центральная лаборатория на территории и в помещениях НТЦ при 3-м управлении в Грюне и Карл-Маркс-Штадте (Зигмаре).

Центральная мастерская в Шлеме, основной персонал и оборудование которой были переданы электромеханической службой СПРЭ.

Отдел камеральных работ при ГДП «Ройст» с местоположением в Гере по адресу: Амторштрассе, 12. Отделы камеральных работ тюрингских горнодобывающих предприятий, созданные первоначально на Объекте 90, были переданы Геологическому предприятию 1-го января 1984 г. согласно приказу генерального директора № 57 от 1983 г.

В 1969 г. экспедиции были преобразованы в отделения ГП (ОГП): ОГП Роннебург

(ОГП Р), ОГП Шлема (ОГП Ш), ОГП Штруппен (ОГП Шт), что явилось следствием централизации ряда управленческих задач в отдельных функциональных подразделениях в Грюне. В русской системе наименований — с учетом трудовых и социально-правовых основ СССР — осталось старое название этих отделений предприятия — «экспедиция».

Три указанных отделения ГП («экспедиции») находились в подчинении директора ГП. Профессионально-методическим куратором выступали соответствующие подразделения ГП в Грюне, например, главный геолог и геологический отдел, главный геофизик, главный гидрогеолог, главный инженер, главный маркшейдер и т. д. Отдел перспективной разведки, центральная лаборатория и камеральная партия подчинялись главному геологу, центральная мастерская — главному инженеру.

Структура бывших экспедиций была раздробленной. Если работы не производились в непосредственной близости от предприятия, то необходимо было создавать опорные пункты на участках. А ведь геологическое предприятие (и его предшественники) охватывало своими поисковыми и разведочными работами территорию в 42 000 кв. км. На удаленных опорных пунктах имелись и возможности для размещения персонала в течение рабочей недели. Всего в ГП было до восьми одновременных «внешних участков», что предъявляло высокие требования к решению социальных вопросов. В распоряжении ГП находилось 118 мобильных помещений (жилые вагончики, передвижные «красные уголки», автомобили-мастерские), а также мобильные бараки и современные блок-квартиры (всего 22 шт.).

Особенно крупными и долгоживущими были опорные пункты в городах: Котбус, Кроттендорф, Делич, Ноймарк, Ниски, Ильменау, Роттлебероде, Зуль, Торгау, Ветшау и Вальсмюле под Шмидеберг-Нидерпелль на востоке Рудных гор.

До середины семидесятых годов в состав экспедиций Роннебурга и Шлемы входило по одному так называемому горному участку для проходки разведочных канав, шахт и штолен.

Лагерь полевой геофизики ТГРП представлял собой поселок из вагончиков. Дирекция самой разведывательной партии располагалась в Роннебурге по адресу: Брунненштрассе, 14, в массивном трехэтажном здании, бывшем гостиничном корпусе бальнеологического курорта Роннебург. Пройдя через большой двор, отсюда можно было попасть в одноэтажные здания, где находились геологическая и геофизическая службы, отделы: технический, технологический и маркшейдерский. В 1974 г. партии

были переданы участки на другой стороне улицы (Брунненштрассе, 7 и 8) со зданиями, в которых в свое время располагались относившиеся к бывшему курорту трактир и зал для променадов. Позднее в ведение ТГРП поступила и расположенная выше них вилла по Брунненштрассе, 9.

В свое время склад буровых кернов ТГРП в Гробсдорфе под Роннебургом представлял собой площадку с тремя деревянными строениями, которые в 1980 г. уступили место современному хранилищу со стеллажами и штабелерами. Кроме того, в Гробсдорфе находились мастерские и склад строительного-монтажного участка, полевой геофизики, каротажа и геофизическая мастерская. Сюда же в семидесятые годы из Гера-Цветцен был переведен аварийный склад.

Первоначально мастерская электромеханической службы (ЭМС) ТГРП располагалась к юго-западу от Роннебурга, по границе карьера Лихтенберг. Ее техническое оснащение было устаревшим, да и помещения были небольшими. Кроме того, персонал подвергался воздействию шума и пыли, исходившими от карьера. Поэтому в 1972–1973 гг. рядом с удачно расположенным в транспортном отношении горнодобывающим предприятием Беервальде был построен новый опорный пункт электромеханической службы.

С этого момента в современном, оснащенном порталным краном и металлообрабатывающими станками цеху началось изготовление и восстановление бурового оборудования, а также техническое обслуживание и ремонт тяжелой техники и транспортных средств. Складом служило расположенное по соседству строение. В состав ТГРП входила центральная служба приготовления бурового раствора в Унтчен. Здесь, сначала в надувном цеху, а затем в массивном здании, находились один резервный и один смешительный резервуары для приготовления всевозможных буровых промывочных жидкостей. Завершали этот комплекс склад под открытым небом и здания социально-культурного назначения.

Верховное горное ведомство поручило буровому подразделению ТГРП проходку поисковых и сервисных скважин в случае каких-либо аварий на территории всей ГДР. Отобранный для этого персонал и техника подлежали регулярному контролю и проведению аварийного тренинга.

Подразделения СПРЭ были разбросаны по обширной территории, созданной в 1958 г. на базе двух населенных пунктов — Обершлема и Нидершлема — общины, к которой в 1984 г. присоединился еще и соседний городок Вильдбах. В рамках данной

статьи мы остановимся только на местах расположения этой экспедиции. К моменту создания геологического предприятия дирекция СПРЭ использовала для своих нужд здания на территории шахт № 6 и 6-бис, расположенных вдоль границы деформированной горными работами зоны г. Обершлема. В 1976 г. вследствие опасности оседания и обрушения грунта экспедиция была переведена в район Брюнласберг, на промплощадку остановленного цеха № 50. В 1984 г. она вновь переехала — в помещения центральной мастерской и автобусного вокзала г. Шлемы.

Кстати, в результате успешного проведения компанией «Висмут ГмбХ» работ по реабилитации «наследия» горного производства, 29 октября 2004 г. вновь построенная купальня «Актинон» получила признание в качестве радоновой водолечебницы, а общине Шлема правительством Саксонии 18-го января 2005 г. был присвоен статус курорта (город стал называться Бад-Шлема).

Первоначально **поисково-разведочный участок Штруппен** (Дрезденская буровая партия) находился вместе со штабом стройки молодежного горнодобывающего предприятия Кенигштайн в г. Леопольдсхайн. Вскоре после создания геологического предприятия дирекция, геологический и маркшейдерский отделы буровой партии переехали в соседний г. Штруппен, а отдел буровой техники — в г. Пирна, на Донаэрштрассе. В 1971 г. Штруппенский участок преобразовали в **Вермсдорфский** (см. ниже). В г. Вермсдорф (округ Ошатц) уже в 1968 г. был создан поисковый участок. В качестве склада и места проведения ремонтных работ служило небольшое паровозное депо 750-миллиметровой (частично заброшенной) узкоколейки, соединявшей между собой города Мюгельн, Вермсдорф и Найхен. Кроме того, использовались помещения в замке Хубертусбург. «Резиденция» главного геолога находилась в исторической, построенной еще в 1738 г., гостинице «У красного быка». Под мастерскую и склад для Вермсдорфской экспедиции геологическим предприятием были возведены два массивных здания, ее дирекция — размещена в трех блок-квартирах, построены необходимые открытые площадки и социально-бытовые помещения. В 1981 г. экспедиция по адресу: Вермсдорф, Грюнер Вег, 2а, перестала существовать (см. ниже).

С начала своего существования геологическое предприятие было разбросано по нескольким точкам: дирекция и отдел кадров находились в Карл-Маркс-Штадте и Грюне; СПРЭ и центральная мастерская — в Шлеме под Ауэ (все — в округе Карл-Маркс-Штадт); ТГРП — в Роннебур-

ге (округ Гера); Дрезденская буровая партия — в одноименном округе.

1 октября 1980 г. ознаменовалось серьезнейшими изменениями в структуре предприятия: были упразднены экспедиции, созданы по два геологических и буровых участка, а также электромеханическая служба (в непосредственном подчинении главного геолога или главного инженера в г. Грюна).

Первый адрес предприятия звучал следующим образом: Карл-Маркс-Штадт (район Зигмар), Розмаринштрассе, 23. Здание по Розмаринштрассе, 19/21 было сначала тоже отдано Центральному геологическому предприятию (первоначально с отделом перспективной геологии). Как только появилась возможность, руководство ГП в 1968 г. переехало в городок Грюна (расположенный к западу от окружного города), на Карл-Марксштрассе, 13-23 (сегодня Хемницштрассе). Здесь же находилось и 3-е управление «Висмута» (занимавшееся проектированием, конструкторскими и научно-исследовательскими работами), на базе которого несколько позже (1-го мая 1968 г.) возникли две юридически совершенно самостоятельных структуры: Проектное предприятие (новостройка по Ягдшенкенштрассе, 52 в Карл-Маркс-Штадте) и Научно-технический центр (НТЦ), чье руководство осталось в Грюне. На другой стороне улицы (Карл-Марксштрассе, 28а) геологическим предприятием в 1969 г. было построено три административных корпуса. Один из них — для НТЦ, два других — для перспективного отдела и технической службы ГП. В 1980-е гг. здесь еще появилось двухэтажное здание для вычислительной станции ГП. В 1990-е гг. все здания, где размещались ГП и НТЦ, были полностью снесены, площадки зачищены и превращены в зеленую лужайку. Стоять осталось только здание бывшей вычислительной станции.

Геологическому предприятию был также передан расположенный неподалеку дом культуры СГАО «Висмут». В нем располагались: столовая для сотрудников НТЦ и ГП, ресторан для всех желающих и публичная библиотека. В большом зале проводились различные общественные и культурные мероприятия. Клуб был центром народного творчества, тут находили уют различные кружки художественной самодеятельности.

1-го января 1999 г. Грюна вошла в состав г. Хемниц, став его самым большим по площади районом.

К перспективному отделу была подключена служба документации и информации, постоянно находившаяся на Розмаринштрассе, 19/21. В нее входили: архив, фотолаборатория и специализированная

библиотека, интегрированная в межбиблиотечный абонемент и удовлетворявшая требованиям пользователя в поиске научно-технической литературы. Также на Розмаринштрассе, 19/21 располагались отдел кадров и отдел материально-технического снабжения предприятий.

Первого директора геологического предприятия звали Клаус Шнайдер, второго — Георг Йордан. С августа 1969 г. предприятие возглавил Эберхард Харлас. В течение одного года (с августа 1975 г.) его замещал Франк Мюллер. Главными геологами и (одновременно) заместителями директора были по очереди: Ю. С. Данилов, Э. Л. Саруханиян, В. И. Ветров, В. Л. Лысаков и В. С. Мирошниченко. В 1988 г. весь производственно-технический сектор ГП, находившийся до этого момента в подчинении главного инженера, был разбит на производственное и техническое подразделения, а оба буровых сектора — объединены в один.

В подчинении заместителя директора ГП по производственным вопросам (которого, как и прежде, называли главным инженером) находились следующие отделы: маркшейдерский, подготовки производства, буровых работ, соцсоревнования и диспетчерская служба.

Маркшейдерским отделом выполнялись все необходимые измерения, например, для определения места заложения буровых скважин, разведочных шахт и канав, подготовки геофизических разрезов и точек проведения замеров; составлялись маркшейдерские чертежи подземных разработок и дневной поверхности, замерялись объемы разведочных и горных работ, рассчитывались азимут и зенит отклонения буровых скважин, по которым готовились соответствующие чертежи. Главный маркшейдер ГП отвечал за планирование и предоставление рабочих площадок под поисковые и разведочные работы, их согласование с советами округов, районов, общин и пользователями, экологическими ведомствами, а также службами, отвечающими за надлежащее использование водных, энергетических и сельскохозяйственных ресурсов. Сюда же относились и вопросы заключения и расторжения с субъектами права договоров на временную передачу права пользования земельными участками (включая сроки и условия возврата), оценки имущественного вреда, нанесенного дневной поверхности, и подготовки возмещения финансового ущерба.

Работавшая в три смены диспетчерская служба обеспечивала согласованность действий различных служб и подразделений при штормовых предупреждениях, особых происшествиях, авариях, несчастных случаях и вообще всех нарушениях производ-

ственного процесса, а также прием и передачу необходимой информации, в том числе ежедневный учет проходки скважин. Контакт со всеми начальниками участков, пунктов технической помощи и большинства буровых бригад в местах наибольшей интенсивности работ (в районе Роннебурга или в Западных Рудных горах) поддерживался по внутренней радиосвязи. С этой целью на башне «Ройстер турм» под Роннебургом и на горе Брюнласберг в Ауэ были установлены мощные передающие устройства.

Заместителю директора по технике были подчинены: отдел техники и технологии, электромеханическая служба, конструкторская группа и группа стандартизации/рационализации производства, а также сектор экономики основных средств. После происшедших в конце восьмидесятых годов структурных изменений в подчинение главному геологу ГП были переданы: геологический отдел № 1 (поиск) в Грюне, геологический отдел № 2 (разведка) в Роннебурге, отдел камеральных работ в Гере и лаборатория в Грюне. Геологическим предприятием проводились обширные поисково-разведочные работы на уран прежде всего на юге ГДР, на территории сегодняшних федеральных земель Саксония, Тюрингия, Саксония-Ангальт и частично Бранденбурга. Уже в семидесятые и во все большей степени в восьмидесятые годы (см. выше) геологическим предприятием выполнялись заказы министерства геологии по расширению сырьевой базы ГДР (разведка месторождений олова и вольфрама, оценка редкоземельных проявлений), а также заявки народно-хозяйственных комбинатов и других учреждений на разведку залежей бурого угля и месторождений плавленого шпата, возве-

Буровая установка URB 2,5 A на понтоне во время разведки залежей бурого угля на участке Клиттен (Оберлауцицкий озерно-луговой ландшафт) (фото из архива Wismut GmbH).

дение водомерных постов для грунтовых вод, установку артезианских колодцев для питьевой воды и дренаж карьеров. В небольших объемах производилась разведка минералов сурьмы и мрамора.

Существенная поддержка оказывалась геологическим предприятием энергетическому сектору ГДР. Так, с помощью выполненных объемов предварительной, детальной и эксплуатационной разведки бурого угля и первичного дренажа было ликвидировано отставание в данной отрасли народного хозяйства. Нередко приходилось решать особенно трудные задачи, к которым относилась, в частности, предварительная разведка участка Клиттен, расположенного по границе бурого угольного карьера Беервальде в Лаузицком бассейне.

Характерной чертой здешней местности является Оберлаузицкий озерно-луговой ландшафт, ставший сегодня биосферным заповедником. Значительную часть контрактованных на 1990 г. буровых работ планировалось выполнить на заводненных территориях. На прилагаемой фотографии видно, как геологическое предприятие справилось с этой задачей. После воссоединения Германии карьер Беервальде был заброшен, продолжение программы буровых работ стало бессмысленным, и было сторнировано заказчиком.

После того, как французской супружеской парой Пьером и Марией Кюри удалось в 1898 г. в минерале урановой смолки (UO_2 до U_3O_8) и в отходах ее выщелачивания при производстве урановых красок открыть элементы радий и полоний, уранинит стал пользоваться большим спросом, что дало новый импульс пришедшему было в упадок горнорудному делу в Санкт-Иоахимстале (Богемия, коронная земля австро-венгерской монархии Габсбургов). В течение многих лет это государство обладало всемирной монополией на радий, извлекая урановую смоляную руду из жильных месторождений Иоахимстала и перерабатывая радийсодержащие хвосты. Но вот на передний план выходят заокеанские горнодобывающие концерны, которые порой отрабатывают месторождения абсолютно другого типа и поставляют продукт по более низким ценам. И на старых серебряных и кобальтовых рудниках, отработавших жильные участки Рудных гор Саксонии и Богемии, сначала никак не восприняли сообщение о том, что Иоахимстальская монополия в 1914 г. в результате добычи радия из уран- и ванадийсодержащих песчаников в Колорадо, Юте и Вайоминге была ликвидирована, — в условиях бушевавшей мировой войны этому событию не было придано серьезного значения. Начиная с 1921–1922 гг. на первое

место по объемам добычи выходят чрезвычайно богатые урановые шахты тогдашнего Бельгийского Конго (Шинколобве).

С этого момента известно, что в генетическом и морфологическом плане уран встречается в месторождениях различного типа. Но только после того, как в конце сороковых — начале пятидесятих годов прошлого века были начаты поиски урановых месторождений по всему миру, стало постепенно проявляться разнообразие геологических сред, в которых по мере старения Земли шло образование урановых месторождений. Минералогическим и геохимическим фоном этого явления была хорошая растворимость шестивалентного урана в водной среде и плохая растворимость четырехвалентного. Отсюда вытекает чрезвычайно важное значение воды в качестве растворителя и транспортного средства при образовании, преобразовании и разрушении месторождений урана.

В начале добычи урановой руды в Рудных горах никто не мог и предположить, что около четверти всех известных на сегодняшний день мировых запасов урана придутся на руды, расположенные в песчаниках, а урановая смолка в россыпях, как например, в золотосодержащих конгломератах в Витвотерсранде (Южная Африка) и районе Блайнд-Ривер в провинции Онтарио (Канада) приобретет столь большое значение, или что ураноносные пегматиты и пегматитные граниты могут образовывать такие крупные месторождения, как Банкрофт в Онтарио и Рессинг в Намибии.

В своей работе геологическому предприятию нужно было с самого начала учитывать указанные разнообразные формы проявления урановых месторождений. Отделу перспективной геологии приходилось, беря за основу наработки 3-го управления и его предшественников — разведочных предприятий «Висмута», заново проверять геологические единицы ГДР на предмет перспективности их урановых оруденений.

С этой целью в перспективном отделе работала ревизионная группа, занимавшаяся поиском признаков урановых месторождений в подземных выработках и на складах буровых кернов народно-хозяйственных горнодобывающих и разведывательных предприятий. На основе договоров с народно-хозяйственными предприятиями брались и передавались на исследование пробы пород и воды, которые представляли интерес в процессе поиска урана. Если гамма-картаж какой-нибудь скважины на территории ГДР давал величину измерения в 25 микро-рентген в час и выше, то в адрес ГП направлялась копия кривой измерений скважины и все необходимые данные.

СГАО «Висмут» выдавало также заказы на проведение исследовательских работ. Например, Центральный геологический институт (ЦГИ) в Берлине в период с 1969-го по 1973 г. занимался «региональной геологией и металлогенезом третичных отложений на юге ГДР с упором на наличие радиоактивных веществ». В это же время для нужд «Висмута» в качестве важной составной части научного задания секцией геонаук Фрайбергской горной академии проводилось гидрогеологическое исследование Тюрингского бассейна, с 1970-го по 1973 г. народно-хозяйственным гидрогеологическим предприятием Нордхаузен и геологическими отделениями местных округов изучалась Северогерманская низменность.

Инициатором выдачи всех заказов выступало геологическое предприятие при поддержке 3-го отдела Генеральной дирекции, руководство осуществлялось функциональным отделом геологии ГП.

В 1975–1981 гг. три сотрудника перспективного отдела ГП в рамках рабочей группы «Интеркосмос» Центрального института физики Земли (ЦИФЗ в г. Потсдам) принимали участие в подготовке и проведении научного анализа полета Зигмунда Йена (который тот совершил вместе с В. Ф. Быковским на советском космическом корабле «Салют-6») и в изучении результатов спутниковых фотосъемок. Наша заинтересованность заключалась в учете крупных долгоживущих тектонических структур и возможном уточнении их залегания.

Особую роль в определении новых мест разведки территорий геологическим предприятием играла деятельность сотрудников московских научно-исследовательских институтов, которые ежегодно по несколько недель и месяцев работали в рамках «технической помощи» над изучением определенных тем. Сотрудничество с такими советскими организациями, как ВИМС (Всесоюзный научно-исследовательский институт минерального сырья Министерства геологии), ГЕОХИМ (Институт геохимии и аналитической химии при Академии наук), ИГЕМ (Институт геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии Академии наук) и МГРИ (Московский геологоразведочный институт) строилось на базе заключенных генеральным директором договоров.

Помимо указанных учреждений хорошие научно-технические контакты и кооперационные связи существовали с многочисленными организациями ГДР, как например, ЦИПЕ (ZIPE), Потсдам; ЦГИ (ZGI), Берлин; народно-хозяйственное гидрогеологическое предприятие Нордхаузен и Фрайбергская академия. Но самыми главными в этом списке были комби-

нат геологических исследований и разведки (GFE) в г. Галле с предприятиями и филиалами во Фрайберге, Йене, Дрездене, Стендале, Гриммене, Готе и Нордхаузене, народно-хозяйственный комбинат нефти и газа (EEG) в городах Гоммерн, Стендаль, Гриммен и Гота, геофизическое народно-хозяйственное предприятие VEB Geophysik в Лейпциге и институт сырьевого хозяйства (IFR) в Дрездене.

В конечном итоге опережающие направления исследований, например, геологическое картирование и ревизионные работы, геофизика (в том числе и аэрометоды), геохимия, ландшафтная геохимия, радио- и палеогидрогеология — все они служили целенаправленному вычленению перспективных районов, дальнейшей геологической разработкой которых в виде конкретных проектов занимались отделения геологического предприятия. Главными направлениями их работы были следующие.

Отделение ГП («экспедиция») Шлема работало в Саксонии, в частности практически непрерывно в Западных и Средних Рудных горах и несколько лет в области Фогтланд. Вне данных территорий были реализованы поисковые программы в Рудногорском бассейне, гранулитном горном массиве и в прилегающих районах (в частности, г. Альтмербитц), на флангах урано-лигнитного месторождения Деленского бассейна и в Оберлаузице. После создания отделения («экспедиции») в Вермсдорфе были продолжены начатые СПРЭ поисковые работы (в липаритовых формациях и в среднегерманской тектонической зоне).

Отделение ГП («экспедиция») Штруппен занималось изучением геологических структурных единиц на востоке Средней Саксонии на предмет их ураноносности. Основное внимание при этом уделялось меловым отложениям и палеозойским сланцеватым породам долины реки Эльба, а также кристаллическим массивам восточных Рудных гор. Небольшие объемы были реализованы в сланцеватых породах в районе городов Носсен и Вильсдруфф, Мейсенском массиве, Тарандском лесу, в Мюгельнской синклинали и сланцеватых породах в районе г. Герлиц.

В 1971 г. под Ошатцем, в Лейпцигском округе, было образовано **отделение ГП Вермсдорф** (см. выше), именовавшееся в русских документах как «Лейпцигская геологоразведочная экспедиция». В ее задачу входило тщательное изучение липаритовых формаций и среднегерманской тектонической зоны в северо-западной части Саксонии и прилегающих областях. Сначала работы были продолжены в долине реки Эльба и на востоке Рудных гор, позднее они были перенесены в район городов

Херцберг, Торгау, Доберлуг, в горы Гарца и на массив Флехтинген-Росслау.

Отделение ГП («экспедиция») Роннебург продолжила буровую предварительную разведку месторождений Роннебургского рудного поля и приступила к интенсивным поискам на флангах и переднем крае этого крупного рудного пирога (в частности, в Цайтц-Бальденхайн). Обширные поисковые работы в сланцевых породах Тюрингии, Тюрингском лесу, Тюрингском бассейне и Франконском предгорье не дали промышленных запасов уранового оруденения, как не были они обнаружены и на многочисленных поисковых объектах, например, в кристаллических массивах Рулы-Бротероде в Тюрингском лесу, на западе Рудногорского бассейна и в районе городов Фробург, Борна, Гайтхайн.

В задачу геолого-геофизической службы отделений геологического предприятия (ставших позднее геологическими отделами), а также перспективного отдела входили полевые и измерительные работы, забор проб, картирование и подготовка документации, курирование и контроль горных и буровых работ на предмет установления радиоактивных аномалий, их дальнейшая обработка до получения конечного результата; добыча, анализ и документирование важных геологических, гидрогеологических, геофизических и геохимических данных с целью их интерпретации и оценки урановых запасов, а также выполнения их морфологической и вещественной характеристик.

Задачей участкового геолога являлось также определение трудовых и экономических критериев, как например, твердость или буримость горных пород, возможности применения качественной оценки и анализа бурового керна при оплате труда и их влияния на качество работ. В начале семидесятых годов гидрогеологической службой была разработана действенная нормировочно-контрольная система для защиты поверхностных и грунтовых вод и водозаборов от качественного и количественного отрицательного воздействия, оказываемого буровыми работами.

С этого момента все проекты буровых работ подлежали проверке со стороны уполномоченного по водному хозяйству и гидрогеологической службы на предмет соблюдения водоохранных требований. Например, при бурении скважин в гидрогеологических заповедниках резко сокращались объемы используемых химикатов, горючего материала и применяемых для промывки скважин смазывающих добавок. Особое значение для горнодобывающих предприятий приобрели мероприятия по обеспечению качественного заполнения скважин в районах со сложны-

ми гидрогеологическими условиями, таких как долина реки Эльба (ГДП «Кенигштайн») и Цайтц-Шмелленская впадина (ГДП «Дрозен»).

Разведка любого месторождения считалась завершённой только после защиты заключительного отчета (включая расчет запасов) на заседании Комиссии по запасам СГАО «Висмут». Соответствующее количество урана записывалось на баланс запасов Общества. Защита заключительных отчетов по другим полезным ископаемым, таким как плавиковый шпат, олово или вольфрам проводилась в Государственной комиссии по запасам ГДР, на Техническом совете ГП заслушивались отчеты по результатам поисковых работ.

Германо-советская экспертная комиссия по оценке движения запасов и определению главных направлений поисковых геологических работ в июне 1985 г. констатировала, что за прошедшие с момента основания СГАО «Висмут» 38 лет были исследованы все проявляющиеся на дневной поверхности признаки уранового оруденения на территориях, в структурах и комплексах пород. При этом было обнаружено 45 промышленных урановых месторождений, 217 нерентабельных с экономической точки зрения залежей урана и тысячи и тысячи радиометрических и гидрогеологических аномалий. Исходя из геологических прогнозов, дальнейшее изучение было признано целесообразным только в случаях, скрытых или заканчивающихся слепым участком месторождений на больших глубинах, и поэтому — в условиях существенного сокращения затрат — следовало сконцентрировать свое внимание на разведке только таких площадей, которые представляли интерес по результатам целенаправленных ревизионно-тематических работ.

Поставленная перед геологическим предприятием задача по оценке территории ГДР на наличие перспективных месторождений была выполнена. Большая площадь Северогерманской низменности в целом получила отрицательную оценку. Такая же оценка была дана и многочисленным структурным единицам на юге бывшей ГДР.

Вхождение ГДР в состав Федеративной Республики Германии 3-го октября 1990 г. ознаменовало собой также и принципиальные изменения для Общества «Висмут». Приказом № 4 от 1991 г. генеральным директором было принято решение о прекращении деятельности геологического предприятия с 31-го декабря 1990 г. и его ликвидации. Так, за три месяца до своего 25-летнего юбилея завершилась столь богатая на большие события и успехи история предприятия.

Бернхард Конецки

Бернхард КОНЕЦКИ родился 15 ноября 1932 г., в «Висмуте» работал с 1959-го по 1990 г. С 1971 по 1990 г. — директор Научно-технического центра (НТЦ).

Краткий биографический очерк³⁰

После окончания Фрайбергской горной академии я работал на горнодобывающем предприятии Шмирхау в период с 1959-го по 1962 г. на должностях штейгера (горного мастера), начальника участка, старшего штейгера и главного инженера.

В 1971 г. я был переведен на должность начальника вновь образованного отдела технологий в Генеральной дирекции в г. Карл-Маркс-Штадт (Зигмар). С 1971-го по 1990 г. я работал на должности директора Научно-технического центра (НТЦ) Научно-исследовательского института СГАО «Висмут» в пос. Грюна.

В 1990–1991 гг. НТЦ был расформирован, и в то время по поручению последнего генерального директора АО «Висмут» я был назначен руководителем ликвидационной группы предприятия.

Будучи директором НТЦ, я до самого закрытия тесно работал совместно с советскими коллегами. Большинство начальников отделов и некоторые руководители групп были советские специалисты. На предприятиях СГАО «Висмут» они работали в среднем по пять лет. Поэтому в течение моей деятельности в НТЦ я работал совместно с четырьмя советскими главными инженерами по принципу открытых дверей. Это были коллеги: Леонид Титов, Виталий Хныкин, Юрий Евлюхин и Константин Гербут.

Мне приятно вспоминать производственные совещания и дискуссии по различным научно-техническим проблемам, которые решались нашими немецко-советскими коллективами. Деловитость, взаимопонимание и дружеская совместная работа были существенными предпосылками общей успешной работы НТЦ.

1970-е и 1980-е гг. были годами большого технического прогресса в СГАО «Висмут»

Арнольд Райниш (геолог геологического отдела Генеральной дирекции)

Беседа с Арнольдом Райнишем началась в «Айскафе» и продолжилась в его гостеприимном доме, где к нам присоединилась его супруга Урсула.

В «Висмуте» я начал работать с января 1948 г. техником-геологом на Глюк-шахт (Объект 27). Этому предшествовали следующие события.

Я родился, рос и учился по другую сторону Рудных гор в городке Белина (ныне Чехия). До войны я начал учиться в школе.

в области механизации и автоматизации производственных процессов и управления на горнодобывающих и перерабатывающих предприятиях, развития технологий добычных работ на различных типах месторождений, в области охраны окружающей среды, охраны труда и здоровья, а также изготовления современного горного оборудования и применения микроэлектроники для производства геофизических аппаратов. Во всем этом есть существенный вклад немецко-советских коллективов НТЦ.

Когда сегодня я листаю мою книгу памятных записей, я вспоминаю многочисленные культурные события в Доме культуры в Грюне, поездки в особо интересные центры культуры ГДР для лучшего знакомства по теме «Страна и люди», нередко веселые бригадные вечера с собственными культурными выступлениями и совместные торжества в Советском клубе в Зигмаре. Об этом я беседовал также с советскими друзьями перед их возвращением на Родину, об их впечатлениях о жизни и работе в ГДР, и особенно в НТЦ СГАО «Висмут». Некоторые из них оставили в моей книге свои короткие записи.

В течение моей 32-летней деятельности в СГАО «Висмут» я много раз участвовал в командировках на предприятия и в институты бывшего Советского Союза в порядке обмена опытом, и при этом познакомился с особым человеческим гостеприимством в различных советских республиках. С удовольствием вспоминаются мои прекрасные и интересные дни отпуска на Кавказе и незабываемое лечение в санатории в Крыму.

*По старой дружбе с сердечным Glück auf
Б. Конецки. Хемниц, 12 июня 2009 г.*

Обычно при выборе профессии дети слушали отцов. У меня отца не было. Когда я оканчивал школу, к нам домой пришел ее директор и сказал, что я должен стать учителем. Я поступил в институт. Но началась война, и нас, 15–16-летних мальчишек, стали забирать в рабочие батальоны (арбайтсдинст). Мы должны были делать противотанковые завалы из стволов деревьев на дорогах в Руд-

³⁰ Перевод с нем. Ю. М. Найденко.

А. Райниш

ных горах. В апреле 1945 г. в районе г. Теплиц (ныне Теплице) скопились отступавшие от русских немецкие войска, которые получили приказ идти сдаваться в плен американцам. Над ними летали английские самолеты и сбрасывали бомбы.

Наш батальон размещался в каком-то небольшом поселке возле Теплица. Кроме нас там были отряды фольксштурма — последнего резерва Гитлера, состоящего из стариков и мальчишек. Они сделали завал на дороге перед поселком. В это время подъехал танк Т-34 с белым флагом на башне и высунувшийся оттуда танкист сказал, чтобы мы очистили дорогу, иначе он применит оружие. Но какой-то фанатик из противотанкового ружья выстрелил по танку. Танкист убрал белый флаг, развернул башню и выстрелил по завалу. Я в первый раз в жизни увидел убитого. Его разнесло на куски. Война — жестокая штука.

Потом советский офицер сказал, чтобы мы шли в такой-то поселок в лагерь для военнопленных. Но до моего дома было всего 6 км. И я пошел домой. Дома я пробыл 15 дней, после этого нас, немцев, чехи выгнали и направили в район Фрайберга. Мы искали работу, а пока, чтобы спастись от голода, работали у местных крестьян.

Мне удалось поступить на полугодовые курсы геологов во Фрайбергской академии, которые организовал и оплачивал «Висмут». И вот в январе 1948 г., окончив курсы и получив специальность техника-геолога, я пришел туда и начал работать на Глюк-шахт Объекта 27, из которой в то время откачивали воду. Одновременно геологи, геофизики и радиометристы проводили картирование выработок и поиск урана. Приходилось работать в воде и носить приборы над головой, чтобы не замочить их.

Помню, как я получил первую вещевую премию. Мы сделали отчет, главный геолог шахты вызвал нас, сказал, что за хороший отчет нас премируют, и дал нам список товаров, один из которых мы можем получить в магазине. Я выбрал себе радиоприемник, а мой товарищ — плащ-дождевик.

После Глюк-шахт я некоторое время работал на шахтах Фрайталя. Как-то, отдыхая со своим другом Цандлером в доме отдыха в городке Пинц, я встретил Урсулу, которая стала вскоре моей женой, и мы с ней живем счастливо по сей день.

Потом я работал участковым геологом на Объекте 6 (Цобес). Он отрабатывал жильное месторождение, на котором встречалась урановая смолка. Там мне впервые пришлось испытать на деле не только свои геологические знания и удачу, но и ответственность за принимаемые решения. Дело в том, что участковым геологом в случае обнаружения перспективной жилы должен был докла-

дывать оберштейгеру и главному инженеру, которые решают вопрос о целесообразности делать или нет засечку, как правило, длиной 5 метров. Но когда я обнаружил во второй смене перспективную, как я считал, жилу, то решил, не теряя времени, дать команду бригадире забойщиков в ночную смену сделать засечку. Утром об этом стало известно оберштейгеру и главному инженеру, которые вызвали меня, и мы все вместе поехали на место «преступления». Подходим к засечке и видим, что ее сделали не на положенные 5 метров, а на все 10, и что на отбитом отвале горной массы сидит радиометрист, отбирает урановую смолку — богатую руду. Мои прогнозы и взятая на себя ответственность оправдались.

Из советских специалистов, работавших на Объекте 6, помню главного геолога шахты — украинца Михаила Григорьевича Масленного. В Советском Союзе он работал на руднике «Гигант» в Кривом Роге.

Еще мне запомнился начальник шахты № 277 — тоже украинец (к сожалению, не помню его фамилию), колоритная фигура. Для меня он в то время был образцом начальника. Мог орать при разговоре, а мог совершенно спокойно и доходчиво объяснить, что нужно делать.

В 1959 г. я поступил институт в г. Цвиккау, который окончил в 1962 г., и стал инженером. В том же году я начал работать в горном отделе Проектного предприятия, где я стал первым немецким геологом.

В 1968 г. я перешел на работу в Центральное геологическое предприятие (ЦГП). Главным инженером ЦГП был Юрий Сергеевич Данилов. Там я занимался пересчетом запасов Фрайталя. Я работал вместе с Анатолием Михайловичем Поповым, с которым мы дружили семьями. Его супруга Роза готовила очень вкусные казахские пельмени — манты.

Через некоторое время Карл Файерер забрал меня к себе в 3-й отдел генеральной дирекции, где я вначале курировал Фрайталь и южную часть Роннебургского рудного поля (Шмирхау, Ройст, Пайцдорф) и делал расчет запасов вместе с Сергеем Стороженко. Затем мне поручили заниматься движением запасов всего «Висмута». В то время у нас появился компьютер, и мы разработали программу учета движения запасов, что в значительной мере облегчало нашу работу. Помню, как мы в первый раз запустили программу подсчета запасов «Висмута» и пошли в буфет выпить кофе. Возвращаемся — а расчет уже закончен.

В этом отделе я работал вплоть до окончания деятельности СГАО «Висмут». Воспоминания о своей работе, могу сказать, что иногда мне было очень тяжело, но я до сих пор уверен, что «Висмут» и его деятельность были необходимы.

Рудольф Дейнеке (технический директор рудника Шмирхау)

Я начал работать в «Висмуте», на Объекте 6 (Цобес), в 1957 г., после окончания Фрайбергской горной академии. Затем в связи с выработкой запасов на месторождении Цобес перешел на работу на предприятия, отрабатывающие Роннебургское рудное поле. Работал на шахтах Ройст и Шмирхау, занимался внедрением новой техники и технологии: очистной выемкой слоями под твердеющей закладкой, самоходным пневматическим и дизельным погрузочно-доставочным оборудованием, подготовкой блоков, бурением рудоспусков и многими другими проблемами. Работа была очень интересной, и я имел возможность проявить свои творческие способности. С самым добрым чувством я вспоминаю советских главных инженеров, с которыми мне пришлось работать: Авраменко, Скрипку, Шевченко. В последние годы деятельности «Висмута» я работал техническим директором шахты Шмирхау. После закрытия «Висмута» в составе коллектива авторов я участвовал в написании «Хроники «Висмута»». В настоящее время я вхожу в руководящий орган традиционного объединения работников «Висмута» и участвую в работах по санированию, ведущихся «Висмут ГмБХ».

В нашей беседе мы упомянули Олега Кедровского¹, который приехал на работу в «Висмут» в 1947 г. из Метростроя. Работая в архиве «Висмута» при написании «Хроники», мы узнали, что бригады проходчиков из Метростроя проходили в Обершлеме стволы на новых шахтах №№ 5, 6 и 8.

Хочется рассказать одну интересную историю первых лет становления «Висмута». Во время командировки в США по обмену опытом по санации кислотных отвалов старых золото- и частично уранодобывающих предприятий я был 14.04.1998 г. в Ричмонд Хилл (юг Дакоты). При посещении рудника Wharf-Mine мне повстречались местные пенсионеры Иван и Урсула Поляковы.

Они меня спросили, действительно ли я работал в «Висмуте». Когда я это подтвердил, они сказали, что тоже там работали.

Поляков прибыл из Советского Союза в «Висмут», по его словам, в 1946 (или в 1947-м)

году после окончания Горного техникума в качестве горного инженера и в звании офицера. Командировка в Восточную Германию была чистой случайностью; будь он старше примерно на 2 недели, и ему было бы уже 20 лет, то его командировали бы в Китай.

Он работал сначала на шахте № 4 (первая шахта «Висмута» в Обершлеме — известная из истории горного дела как штольня Галлус), потом на шахтах № 13 и № 13-бис, стал руководителем шахты. Будучи начальником шахты, Поляков близко познакомился со своей немецкой секретаршей Урсолой Хендель, которая была направлена в «Висмут» с работы на железнодорожном вокзале в г. Ауэ. У молодых людей сложились близкие отношения, Урсула забеременела. А так как связи с немецкими женщинами советским специалистам запрещались, и Ивану грозила отправка в Союз, они, чтобы иметь возможность создать семью, решили в декабре 1948 г. вместе перейти в Западную Германию в районе Хофф-Ивана сначала арестовали, а Урсула попала в сборный лагерь беженцев. Примерно через год, по ее данным, они уехали в США, где муж стал работать горным инженером на золотодобывающем руднике в Южной Дакоте.

В связи с этим случаем генерал-майор М. Мальцев получил в 1948 г. единственный выговор с занесением в свое личное дело.

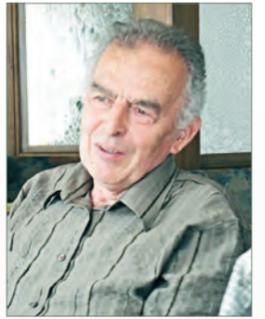
Госпожа Урсула Хендель была зарегистрирована в личном деле «Висмута» под служебным номером 4872 15.04.1947 г. и принята на работу в организацию «полевая почта 27304/Б» на Объект 2 в качестве подсобной рабочей на вентиляционном вспомогательном стволе 13, позже — в качестве канцелярской работницы. 17.12.1948 г. отмечено, что она исчезла в неизвестном направлении.

В конце моей командировки на просьбу написать свои воспоминания о работе в «Висмуте» Поляковы ответили, к сожалению, отказом.

Гюнтер Пальме (заместитель генерального директора СГАО «Висмут»)

Осенью 1948 г. меня выслали из Польши. В САО «Висмут» я начал работать с 29 октября 1948 г. на шахте «Цепелин» № 19 Объекта 13 вначале забойщиком, а после организации первой молодежной бригады был назначен бригадиром. Затем, с сен-

тября 1949-го по сентябрь 1950 г., я учился во Фрайбергском горном техникуме. Во время учебы я дважды был направлен на работу. Первый раз это было в ноябре 1949 г.: я 8 дней укладывал кабель энергоснабжения в районе Нидершлага. Там я впервые увидел генерала Мальцева. Второй раз, также 8 дней, я работал в Хемнице (Карл-

Р. Дейнеке.

Шахта № 13-бис (слева) и шахта № 13 (фото из архива Wismut GmbH).

Г. Пальме.

¹ Воспоминания О. Кедровского см. выше, стр. 191.

Маркс-Штадт) на строительстве спортивного комплекса и Дворца культуры трудящихся «Висмута» в Пельмюле.

После окончания техникума я работал на Объектах 13, 12 и 9, на шахтах № 133 и 166 в Нидершлаге и на шахте № 82 в Иоганнсгеоргенштадте. После организации СГАО «Висмут» я в течение 4 лет учился в Высшей школе экономики в Берлине. После ее окончания в 1958 г. я стал работать в генеральной дирекции «Висмута», в отделе планирования и финансирования материального снабжения производства. В 1960 г. генеральный директор В. А. Собко назначил меня первым немецким

руководителем 4-го управления, в задачи которого входили материально-техническое снабжение производства, торговые контакты с предприятиями ГДР и импорт из СССР. Ежегодно я вел переговоры в Москве с 8-м Управлением и Техснабэкспортом.

Из моих первых ответственных заданий отмечу обеспечение материалами и техникой укрепления дамбы на шламохранилище Объекта 101 в Оберротенбахе, строительство рудника Кенигштайн, потребовавшее моего постоянного присутствия на Объекте в течение нескольких недель, а также строи-

тельство перерабатывающего предприятия № 102 в Зелингштедте.

Интенсивное капитальное строительство новых Объектов, ведущееся, как правило, параллельно с их проектированием, требовало соответствующей интенсивности по части материально-технического снабжения Объектов, что в значительной мере обеспечивалось ответственной и деловой атмосферой сотрудничества немецких и советских работников и приносило хорошие результаты.

После структурных преобразований 1964–1965 гг. в рамках 4-го управления Генеральной дирекции был организован новый отдел.

В апреле 1969 г. я был назначен заместителем генерального директора по вопросам материально-технического и рабочего снабжения и работал в этой должности до 1990 г.

Подразделения материально-технического снабжения играли важную роль в производстве, строительстве рудников Беервальде и Дрозен и применении новой техники и технологии. Почетным заданием для «Висмута» было строительство опытно-промышленной установки для переработки оловосодержащих руд месторождения Хаммерляйн, и наша служба также внесла свой вклад в его успешное выполнение.

Другой нашей важной задачей было обеспечение социального обслуживания трудящихся и постоянное улучшение их условий жизни, особенно в области культуры и спорта. Эти вопросы мы, разумеется, решали совместно с советскими специалистами и их семьями, постоянно поддерживая тесные контакты с руководителями советского профсоюза «Висмута».

Перевод Г. Г. Андреева

Диплом об окончании Гюнтером Пальме Высшей школы экономики.

Гюнтер Пальме и председатель советского профкома Михаил Якушенко.

Во время учебы в Горном техникуме.

Ханс Рудольф (проходчик, бригадир)

Некоторые воспоминания о моей работе на урановых рудниках САО (СГАО) «Висмут»

Это было в начале 1952 г. на шахте №336 Объекта 8 (Брайтенбрунн) в Рудных горах, рядом с границей с ЧССР, где мы проходили из штольни жильные штреки. Бурили ручными перфораторами и подачу их также делали вручную, с помощью досок. Вскоре мы начали работать с пневмоподдержками, а как только закончили углубку главного ствола, начали проходку выработок полевых штреков и квершлагов. Для погрузки нам сразу дали машину с опрокидным ковшем. Но какую? Мы сразу назвали ее «дикий кабан». Посередине у нее была фара с питанием от сжатого воздуха, которая гасла, когда начиналась разгрузка ковша. При этом мотор машины издавал громкие звуки, похожие на хрюканье свиньи, а ковш опрокидывался так быстро, что часть горной массы пролетала рядом с вагонеткой. К тому же на ковше в течение смены могли порваться канаты. В общем, неудобная была машина и быстро сломалась. Через несколько дней мы получили новую машину, которую мы прозвали «железный Густав». Официальное ее название было ПМЛ-4.

Прошло некоторое время, пока мы срабатывались. Но в горы пришла зима, а вместе с ней — много снега, и откатка остановилась. На отвале работал аккумуляторный электровоз с опрокидными вагонетками. Мы должны были постоянно чистить снег, чему явно не способствовал ледяной ветер. Мы стояли и грелись около огня кузницы и ждали улучшения погоды, которое наступило только через 2–3 дня. Для нас это было катастрофой, ибо нет проходки — нет денег. В этом случае штейгер выписывал нам листок о простое. Его мы должны были утвердить у руководителя шахты, который вместе с управлением помещались в одном большом бараке. В кабинете руководителя стояла пепельница в виде пушки, куда он складывал наши справки. Спустя пару часов штейгер нам рассказывал: «Советский руководитель все время спрашивал: “Ну почему, почему?”» И у наших ребят, пока я работал на шахте, за ним сохранялась кличка Почему. Я ее до сих пор помню.

В конце 1954 г. после окончания работ на шахте № 336 наша бригада была направлена на шахту № 54 в Иоганнсгеоргенштадт. Там мы проходили только жильные штреки, так как у шахты не было перспектив для развития. Выработки, пройденные в неустойчивых породах и ранее закрепленные сплошным деревянным креплением, горное давление со временем так сдавливало, что аккумуляторный локомотив с трудом

проходил под верхняком. Эта шахта была самой опасной за весь период моей горняцкой деятельности. Оберштейгером на ней был старый горняк из Обершляйзена. Его звали Телберт. Из-за своего диалекта среди нас он имел кличку Хорчман. Он употреблял это слово в каждом втором предложении.

В начале 1956-го меня, молодого бригадира, пригласили к оберштейгеру. У него был инструктор FDJ³¹, который предложил нам организовать скоростную проходку в Шлеме, на Объекте 11, где шахты №№ 38, 366 и 371 были подготовлены к вскрытию горизонтов. Мы охотно согласились. Со всех этих трех пройденных стволов нашей бригаде нужно было пройти капитальные выработки, чтобы затем передать их Объекту 9 для обеспечения дальнейшего ведения очистных работ.

Подготовку мы начали со стороны старой шахты № 186 в Шлеме, двигаясь в сторону шахты № 371 в Хартенштайне. Под руководством заместителя главного инженера шахты Кристофа Хайнца и советских геологов мы обосновали, подготовили и сделали сбойку глубокого горизонта с вентиляционным стволом в течение одного месяца. Мы работали в три смены, и это было экономически выгодно для нашего предприятия. Поставленная цель была достигнута, да еще с высоким качеством работы. И сейчас я могу сказать, что это была выдающаяся работа маркшейдеров, которые вывели нас точно на вентиляционный ствол и не допустили даже минимальных отклонений. На праздновании сбойки заместитель генерального директора общества поблагодарил нас за проведенную работу, которая позволила на несколько месяцев раньше начать очистные работы.

В 1961 г. на Объекте 9 было решено подготовить скоростную проходку выработки, соединяющую слепую шахту № 371b со слепой шахтой № 366b на горизонте 765 метров. Мы решили попытаться установить новый мировой рекорд на проходке горизонтальных горных выработок. Из бригад Пшибулы, Урбана, Мархулы

Х. Рудольф.

В забое.

Пресса сообщает о нашем успехе.

31 Freie Deutsche Jugend (нем.) – Союз свободной немецкой молодежи.

Бригадир Ханс Рудольф
(в центре в первом
ряду) с бригадой после
установления мирового
рекорда проходки на
горизонте 720 м шахты
№ 371 Объекта 9.

и моей была сформирована одна комплексная бригада. Важнейшим этапом при подготовке была разработка новой буровой схемы расположения шпуров и определение для них лучшей глубины. Для опробования каждая из четырех бригад выделяла на несколько недель по одному проходчику.

Мы работали в 6-часовом ритме, меняя проходчиков прямо в забое. При ширине забоя 3,6 метра в нем работало 11 бурильщиков, причем каждый бурил два шпура одновременно. Перфораторы у нас были ВН-59 с пневмоподдержкой. При обуривании забоя мы стояли тесно, как сельди в бочке.

Две погрузочные машины ПМЛ-63 с увеличенными ковшами должны были как можно быстрее освободить забой от горной массы, перебросив ее к промежуточному отвалу и тем самым, не теряя ни минуты, быстрее приступить к обуриванию следующего забоя. Одновременно с обуриванием шла погрузка промежуточного отвала в вагонетки. Вентиляция и борьба с пылью всегда были у нас на высшем уровне. Как только звучал последний взрыв шпура, вентиляция тут же включалась, и после проветривания сразу начиналась погрузка горной массы. За 31 рабочий день мы прошли 1035,5 метра. Это был новый мировой рекорд скоростной проходки двухпутевых выработок.

Дальнейшая работа на нижних горизонтах при проходке жильных штреков даже для нас, молодых людей, из-за увеличивающейся температуры горных пород была крепким орешком. За те месяцы, пока установки охлаждения воздуха не набрали своей полной мощности, работа была невыносимой. Сейчас это трудно себе представить, а тогда мы были вынуждены были через 2–3 часа работы снимать с себя трусы, мокрые от пота, и работать голышом.

Если приходила геологиня, то мы отворачивались к стене. От жары не было никакого спасения. Мы вынуждены были менять рабочую одежду после каждой смены. Еще хуже было с питьем. Если человек начинал пить, то он уже не мог остановиться, пока фляга не становилась пустой, а работать нужно было еще много часов. В этих условиях я проработал много лет.

В 1967 г. моя бригада получила задание проходить штольню на Пелу. Это было зимой, которая в тот год была морозной, и из перфораторов даже вылетала ледяная пыль. Механики в лесу запрудили маленький ручей и гарантировали подачу воды для наших перфораторов. Для всех рабочих был построен барак с душевыми и раздевалкой.

Профиль штольни был 8,8 и 10 кв. метров. После проходки 50 метров мы перешли на многомашинное обслуживание. Для этого требовались хорошие пневмоподдержки для перфораторов. На 6 перфораторах работали 3 проходчика. По моим расчетам, мы должны были проходить по 500 метров. На протяжении 8000 метров проходки проводились постоянные геологические исследования. На отметке 600 метров для проведения геологических исследований поверхности выработки мы прошли ее сечением 11 кв. метров.

Для обмена проходческим опытом меня вместе с двумя инженерами послали на Мансфельдский комбинат. О результатах мы докладывали нашему руководителю Кристофу Хайнцу. Мы убедились, что проходка с двумя погрузочными машинами лучше, чем мансфельдский вариант со скреперным погрузчиком. В Мансфельде мы нашли гусеничную погрузочную машину, которая была разобрана и лежала для отправки в металлолом. Мы ее забрали, отремонтировали и организовали с ее помощью скоростную проходку. После вскрытия месторождения Беервальде я с частью моей бригады перешел на рудник Эрнст Тельман, на котором мы проходили горные выработки. В 1982 г. мы проходили два больших уклона на нижние горизонты для подготовки запасов для очистной выемки.

Здесь мы впервые применили новую дизельную самоходную технику — погрузчики и самосвалы, а для контроля направления проходки выработки использовали лазерный визир.

И уже сейчас, в преклонном возрасте, проработав проходчиком 38 лет, я с удовольствием вспоминаю наших советских коллег и друзей, с которыми мы трудились вместе.

Глюк ауф!

Перевод Г. Г. Андреева.

Х. Рудольф работает
на самосвале.

В. Ульбрихт вручает Х. Рудольфу орден
«Герой труда» (1961 г.)

Короткий перерыв в работе

Посол СССР П. А. Абрахимов вручает Х. Рудольфу
орден Октябрьской Революции (13 июля 1981 г.).

Рыбалка — мое хобби

Хельмут Бергнер (директор авторемонтного завода)

Х. Бергнер.

С советскими людьми и ремонтом автомобилей, ставшим впоследствии делом всей моей жизни, я столкнулся сразу после окончания войны. Рядом с нами разместилась советская авторемонтная воинская часть. Однажды один советский техник спрашивает меня:

— Ты можешь отремонтировать машины?

А машины и их ремонт уже тогда были моим любимым делом. Я, конечно, ответил утвердительно. Он спрашивает меня дальше:

— А «студебеккер», «додж», «форд», «бьюик»?

Я сказал, что все могу.

Так начался мой трудовой путь, который был связан с заводом, называвшимся KRB (авторемонтный и производства средств рационализации), в последние годы деятельности СГАО «Висмут».

Завод KRB до его передачи в 1948 г. в САО «Висмут» имел богатую историю. В 1916 г. этот участок земли в Зигмаре приобретает фирма «Вандлер АГ» и начинает выпускать автомобили, потом его купил «Авто-Унион». Во время войны 11 сентября 1944 г. англо-американская бомбардировка уничтожила завод почти полностью, но он был частично восстановлен в январе 1945 г. и начал выпускать танковые моторы. Позднее он снова был разрушен, но после окончания войны постепенно возродился и начал выпускать мирную продукцию.

16 сентября 1948 г. завод получает наименование «САО «Висмут» — завод «Двигатель»». Его директором в 1949–1950 гг. был Борис Леонидович Иванов. В первое время завод ремонтировал автомобили более 40 марок, как грузовые («форд», «шевроле», «студебеккер», ГАЗ, ЗИС, «додж»), так и легковые (БМВ, «хадсон», «бьюик», «крайслер»). Кроме ремонта автомобилей завод изготавливал самосвалы и специальные автомобили, в том числе санитарные, заправочные, холодильники, хлебовозки и киперомобили.

С 1 января 1950 г. завод стал называться «САО «Висмут» — Объект 37». В это время рудники и предприятия испытывали большие трудности — не хватало транспорта для доставки рабочих от мест их проживания к месту работы и обратно. В связи с этим завод получил заказ на производство большого числа автобусов на базе грузовиков ЗИС-150. Кузовы изготавливали в основном из дерева. Для этого был значительно расширен столярный цех. Работали в три смены и в отдельные месяцы изготавливали до 48 автобусов.

С ростом производства мы совершенствовали технологию и расширяли цеха, уничтоженные в сентябре 1944 г. англо-американской бомбардировкой. Это позволило наладить выпуск новых типов автобусов и

их ремонт. В суровые зимние месяцы 1952–1953 гг. были организованы передвижные бригады для обслуживания и ремонта техники на карьерах в Тюрингии, что обеспечивало их бесперебойную работу.

С 1 января 1954 г. завод получает новое название — «СГАО «Висмут» — Объект 37». На рудниках и предприятиях начинает применяться новая техника: появляются экскаваторы с дизельным и электрическим приводом, скреперы, бульдозеры. Для проведения их ремонта отдельные запчасти приходилось изготавливать на заводе.

С появлением свободных мощностей завод брал заказы народных предприятий ГДР. К примеру, по заказу автомобильного завода «Заксенринг» в Цвиккау был выпущен внедорожник Р-3 для Народной армии ГДР: начали с нулевой серии 80 штук в августе 1961 г. и до декабря 1962 г. выпустили 675 штук. В 1963 г. производство Р-3 было передано на народное предприятие «Людвигсфельд». Это была моя любимая модель автомобиля.

Очередное переименование завода произошло в январе 1968 г. — «СГАО «Висмут» — КРБ» (выпуск и ремонт грузового транспорта). Программа выпуска специальных автомобилей и транспортируемого оборудования была значительно расширена. Мы стали выпускать передвижную установку для бурения геолого-разведочных скважин на глубину до 650 метров. Кроме машин для транспортировки руды мы изготавливали средства для механизации горных работ — цепные пилы, лебедки, воздухоохладители и оборудование для борьбы с пылью. Используя свободные мощности, завод выпускал передвижные библиотеки для Берлина, Дрездена, Лейпцига и других городов. Для нужд немецкой почты и телевидения мы выпускали передвижные ретрансляционные установки.

Следующим большим шагом в развитии завода стала разработка и изготовление дизельной техники для горных работ — самосвалов, погрузочно-доставочных машин и вспомогательного оборудования. Нам была поставлена задача выпускать эту технику, используя только компоненты, изготавливаемые в странах СЭВ. В поисках гидропривода мы с Георгием Андреевым (заместителем Вернера Рихтера по науке и технике) поехали на крупнейшее предприятие по производству зерноуборочных комбайнов, известное во всем мире, — комбинат «Фортшритт». Там нас принял директор комбината — доктор Тимме, с которым мы обсудили нашу проблему и быстро нашли ее решение.

Наш конструктор Фальке и его бюро в кратчайшие сроки изготовили чертежи по техническому заданию генеральной дирек-

ции, согласованному с проектным предприятием и НТЦ. От начала проектирования до изготовления первого образца прошло всего 16 месяцев. В июле 1979 г. первый самосвал был изготовлен и направлен на проходку рампы на Беервальде в бригаду Героя труда ГДР Рудольфа Хайнца. Работа дизельной техники показала ее высокую надежность при вскры-

тии рампой нескольких нижних горизонтов рудника Беервальде. Наше самоходное дизельное оборудование мы продавали в ЧССР, Венгрии, Болгарию и Советский Союз. Работа в «Висмуте» была для меня престижной и увлекательной. Я работал с дружным коллективом и встретил много интересных людей, в том числе и среди советских товарищей.

Фриц Фишер (зам. председателя ОГСД)

Я происхожу из рабочей семьи. После окончания учебы на слесаря-механика я захотел сделать что-то конкретное для поддержания и сохранения мира. Поэтому в 1947 г. 17-летним парнем я поступил на работу в «Висмут», работавший в той отрасли промышленности, которая помогла разрушить атомную монополию США и тем самым сохранить мир. И в течение своей более чем 35-летней деятельности, работая последовательно откатчиком, забойщиком, машинистом электроваза и позже функционером Союза свободной немецкой молодежи (FDJ) и Общества германо-советской дружбы (DSF), выполняя свою производственную и общественно-политическую работу, я гордился своим предприятием — СГАО «Висмут».

Определенное, а для меня — решающее значение, имело растущее убеждение в необходимости развития и укрепления дружеских связей между нашими народами.

Отделение Общества DSF в «Висмуте» было организовано в начале 1950-х гг. Главной задачей нашего отделения было развитие в коллективе трудящихся «Висмута» дружбы и взаимопонимания между народами СССР и ГДР. Работа проводилась в тесном контакте с советскими специалистами. Членами Общества DSF были 98,2% трудящихся рудников и предприятий «Висмута», организации «Висмут Хандель» и здравоохранения. Среди коллективов проводилось соревнование за почетное звание бригады или коллектива DSF. В соревнованиях участвовало 82% всех бригад и коллективов.

На выставках МММ («Молодые мастера завтрашнего дня») представлялись достижения в области науки, техники и технологии, полученные в результате совместных немецко-советских разработок.

Советские специалисты выступали с лекциями и концертами художественной самодеятельности перед немецкими коллективами. Для этого правлением DSF, советским профсоюзом и партийным комитетом разрабатывались общие планы проведения мероприятий, устраивались коллективные вечера и экскурсионные поездки по историческим местам ГДР, работали общие культурные группы.

Долгое время председателем правления DSF был первый заместитель генерального директора «Висмута» Вернер Рихтер, а в последние годы — генеральный директор Хорст Бельманн.

Ф. Фишер.

Хайнрих Ридель (зам. начальника отдела механизации горных работ НТЦ)

Мой путь в горняцкую профессию начался после окончания в 1957 г. Государственной школы горных инженеров в Айслебене. Я начал работать технологом, а затем — штейгером на горном предприятии по добыче плавикового шпата. В 1958 г. я вернулся на работу в школу горных инженеров. В 1959 г. я перешел в СГАО «Висмут» и начал работать в отделе развития и опробования новой техники руководителем темы. Одновременно я учился во Фрайбергской горной академии, а в 1967 г. окончил ее и получил квалификацию дипломированного горного инженера-шахтостроителя. Спустя год я стал руководителем исследовательской группы горнопроходческой технологии, с 1970 г. — заместителем начальника отдела горной механизации, а позже — заместителем начальника отдела горнопроходческой технологии научно-исследовательского центра (НТЦ). Стараясь расширить свои знания в области

горного дела, я окончил аспирантуру послеузовского обучения во Фрайбергской горной академии, получил академическую степень доктора-инженера и занимался вопросами механизации проходческих, очистных и вспомогательных работ на рудниках «Висмута». С 1990-го по 1998 г. я был сотрудником отдела технического планирования СГАО «Висмут» и занимался решением важных проблем санирования последствий деятельности урановых предприятий.

За время работы в СГАО «Висмут» я работал со многими советскими товарищами в отделе механизации НТЦ — Георгием Андреевым, Олегом Докукиным, Александром Андреевым, Михаилом Запольским, Виталием Хныкиным, Борисом Федунцом, Сашей Бреховым, Володей Пашенко. У нас был хороший дружный коллектив, выполнявший интересные и важные задачи для горных предприятий «Висмута».

Х. Ридель

Гюнтер Шлотт (зам. начальника отдела вентиляции НТЦ)

Родился 23 марта 1934 г. в Клингентале. Познакомился с «Висмутом» мальчишкой, в 1947 г., а свою профессиональную деятельность начал с 1959 г. на Объекте 9.

Г. Шлотт.

Я родился и вырос в музыкальном уголке на вершинах Фогтланда — в Клингентале. Здесь спустя два года после войны я впервые познакомился с «Висмутом», который заложил недалеко от Клингентала свои первые разведочные шурфы и с 1948 г. начал активную горнодобывающую деятельность. Мои многочисленные родственники и знакомые использовали любой шанс, чтобы улучшить свое тяжелое послевоенное материальное положение за счет улучшенного продовольственного снабжения. И нас совершенно не интересовало, что добывает «Висмут»: уран или другое полезное ископаемое. Мы, молодые мальчишки, были больше озабочены тем, как получить в подарок от знакомого горняка продуктовый талон усиленного питания (Untertage).

После учебы в средней школе в Ауэрбахе с 1949-го по 1953 г. я решил поступать во Фрайбергскую горную академию на факультет «Горное дело», где была предусмотрена предварительная годичная горная практика, на которой также можно было заработать деньги. Успешно пройдя практику на угольной шахте в Цвиккау, оловянно-руднике в Альтенбурге, на карьере по добыче бурого угля и на калийном руднике, в сентябре 1954 г. я был принят на учебу во Фрайбергскую горную академию. Я учился хорошо и основательно освоил естественно-научные дисциплины. В 1959 г. я окончил академию и получил диплом горного инженера-шахтостроителя.

Теперь надо было выбирать свой дальнейший профессиональный и жизненный путь. И я охотно принял предложение работать в СГАО «Висмут» на Объекте 9 в Ауэ, тем более что до этого один учебный семестр я работал в Иоганнгеоргенштадте на шахте № 18, где оберштейгером был Вернер Эберт. Меня привлекала также заработная плата и хорошие социальные условия.

Некоторое время я работал ассистентом в различных отделах управления Объектом, а затем, по совету заместителя главного инженера Объекта Вернера Рихтера, решил специализироваться на вентиляции, а заодно и на проблемах охлаждения воздуха на глубоких горизонтах. Я перешел в отдел вентиляции Объекта, начальником которого был Гюнтер Депре, и был назначен руководителем направления климатизации. С быстрым понижением глубины ведения

горных работ все больше возникала необходимость охлаждения рудничного воздуха. Это был для меня хороший шанс проверить теоретические знания, полученные мной у профессора Кристиана и углубить их при разработке средств эффективной системы охлаждения рудничного воздуха.

В 1963 г. я получил предложение Генеральной дирекции перейти на работу в НТЦ, в отдел вентиляции и средств рабочей гигиены на должность заместителя начальника отдела. Начальниками отделов в НТЦ были советские специалисты, которые сменялись через каждые три-пять лет. Но для меня это не составляло никаких проблем, так как я хорошо владел русским языком, и совместная работа с советскими начальниками отдела всегда была на высоком уровне. Первым начальником отдела вентиляции, с которым я начал работать в НТЦ, был Вадим Михайлович Мельниченко, который прекрасно владел немецким языком и был знающим специалистом. Кроме него в то время в отделе работали советские специалисты: Николай Демин, Анатолий Кретьинин, Георгий Андреев и Валерий Придорогин. В 1976 г. я докладывал в Пршибраме на международном конгрессе о наших работах по кондиционированию рудничного воздуха на глубоких горизонтах месторождения Нидершлема-Альберода, которые получили высокую оценку участников конгресса.

По прошествии десятилетий я могу выделить наиболее значительные результаты исследований, реализованных на практике, некоторые из них я привожу ниже:

1. Совершенствование системы охлаждения в Ауэ с центральной подземной холодильной установкой и децентрализованными воздушными охладителями в районе очистных работ и получение значительной экономии энергии и улучшения горноклиматических условий работы горняков.
2. Внедрение запатентованного способа нагнетательного проветривания в районах, близких к карьере, для снижения вероятности возникновения эндогенных пожаров и безопасной отработки богатых участков урановых руд.
3. Определение для горных предприятий необходимого количества воздуха в зависимости от специфических особенностей радоновыделения из горных пород различных месторождений.

6 Г. Рошлай. Из истории горного техникума во Фрайберге. Карл-Маркс-Штадт, 1990. Архив Горной академии во Фрайберге, № 412, 2а (на нем. языке).

4. Реализация многочисленных технических мероприятий по снижению вибрационной нагрузки на организм горняков.

В рамках этих и других многочисленных исследовательских тем осуществлялась плодотворная совместная работа с Центром рабочей гигиены и здравоохранения, что было полезно для работников медицины, а также для инженеров и техников. Так, например, регулярно для Центра рабочей гигиены проводились исследования с целью разработки более совершенных норм рабочей гигиены. Это позволило в 1970-е и 1980-е гг. достигать

систематического улучшения санитарно-гигиенических условий труда горняков в СГАО «Висмут». С прекращением деятельности «Висмута» в 1991 г. работа в этом направлении потеряла всякий смысл.

В заключение я хотел бы сказать, что, по моему глубокому убеждению, горняки и инженеры «Висмута» внесли большой вклад в сохранение равновесия двух держав в гонке ядерного вооружения в период холодной войны и предотвратили как минимум войну в Европе.

Перевод Г. Г. Андреева

Альфред Фильмут (руководитель группы отдела капстроительства ГД)**45 лет в горнодобывающей промышленности, из них 34 года в «Висмуте»**

Моя жизнь, сына сельскохозяйственного рабочего, началась в 1931 году в Требсдорфе под Юнструт. После окончания войны с 8-ю классами народной школы я начал в 1947 году обучение на слесаря на буровом карьере Ноймарк, закончив его досрочно в марте 1950 года. После короткого ученичества мне предложили в сентябре 1950 года поступить на подготовительные курсы рабоче-крестьянского факультета Фрайбергской горной академии. Получив право поступления в высшее учебное заведение, я смог в 1953 году начать учебу по специальности «Разработка месторождений открытым способом». Разработка именно открытым способом я выбрал потому, что во время подготовительных курсов нас опекало соответствующее горное управление, летние практики проходили на калийных, каменноугольных и горнорудных предприятиях, и мне подземные горные работы, особенно на медных и каменноугольных шахтах, совершенно не понравились. Мне очень понравился карьер Мюхельн, кроме того, поскольку я уже работал в карьере Ноймарк, при выборе специальности мне было бы легче работать с техникой разработок открытым способом. Руководство Института разработок открытым способом с его основания в 1952 году было поручено профессору Хэртигу, его заботливое и отеческое отношение к нам, студентам я никогда не забуду. В период учебы на рабоче-крестьянском факультете я занялся боксом, при этом выступал также и за команду горного техникума «Висмута» во Фрайберге. Там всегда было хорошее продовольственное снабжение, что было важно тогда для нас, молодых студентов. Во Фрайберге я познакомился с моей будущей женой, и так получилось, что мы в 1959 году покинули ее родительский дом с 4-мя маленькими «проказниками» в направлении Геры.

Когда я в 1958 году на выпускной комиссии Фрайбергской горной академии, будучи дипломированным инженером по технике разработок открытым способом, получил предложение от СГАО «Висмут», то сначала никакой радости или воодушевления у меня не было. Так как о «Висмуте» мы были неоднократно слышаны только про его «дикие годы», а так же, будучи специалистом по открытым горным работам, я совершенно ничего не знал о горнодобывающей деятельности «Висмута». Опекавший нас доцент Харро Ульман, родом из Аннаберга, располагая некоторыми сведениями, сказал мне, что в «Висмуте» теперь нормальные отношения и там лучшие заработки, чем в буровугольной промышленности.

Вопреки сомнениям моей жены — браке ее родителей не выдержал спокойной жизни висмутовского горняка — я отправился в Геру и был принят на работу 15.07.1958 г. в качестве помощника на «Карьере имени

Альфред Фильмут. 1958 г.

Сотрудники технического отдела Генеральной дирекции. Слева направо, верхний ряд: П. Гольбик, В. Е. Казаринов, Карла Линке, В. Дельпорт, Тешауэр, Шуберт, И. К. Ходаков, Бётчер, Вайснер, Гартнер, Клауберт, П. П. Романов; нижний ряд: П. В. Коноплёв, Латан, Люся Кондачкова, Хайек, Кристина Дамрмт, А. Фильмут. 1957 г.

Награжденные в день горняка. Слева направо: А. Фильмут, П. В. Коноплев, четвертый — Х. Нойман, пятый — В. М. Мельниченко.

IV съезда СЕПП» в Кульмиче. Буровзрывные работы на так называемом капитальном участке с глубиной скважин примерно 10 м и их диаметром 110 мм были тогда для нас, молодых инженеров, интересным полем деятельности. Скоро я перешел в буровзрывной отдел Объекта 90. При вскрытии карьера Лихтенберг в 1959 году меня назначили руководителем буровзрывного отдела.

Из-за туберкулеза легких мне пришлось в мае 1960 года уволиться на довольно длительное время. Почти 2 года меня лечили в клинике г. Йена и приняли с документами инвалида обратно на работу в марте 1962 года в качестве доцента на курсах повышения квалификации «Висмута» в Гере. В отделе капитального строительства Объекта 90 в Гере я начал работу в 1963 г., а в 1964 г. перешел старшим инженером, руководителем группы в 12-й отдел науки и техники Генеральной дирекции в Зигмаре. Работа с планами развития науки и техники являлась определяющим фактором для всего 12-го отдела, но для меня она стала особенно интересной тогда, когда П. В. Коноплев и я были приобщены в 1966 году к созданию и работе Технического совета Генеральной дирекции

С изменением структуры отделов и участков Генеральной дирекции в 1969–70 гг. наша группа была подчинена 4-му отделу капитального строительства Генеральной

дирекции, и с тех пор существовавшая для нас независимость от инвестиционных планов закончилась. Мы были теперь ответственны за экономическую деятельность Проектного предприятия, одновременно должны были проверять и подготавливать для утверждения годовые и квартальные планы, а также балансовые заключения к ежегодным совещаниям.

В итоге мы стали ответственными за экспертизу и утверждение разработанных предприятиями технико-экономических обоснований по внедрению новой техники и технологий, отдельно за разработанные для Проектного предприятия технико-экономических заданий и обоснований капиталовложений, а позднее, и за постановку задач и принципиальных решений по инвестициям, то есть, за строительство или реконструкцию шахт, перерабатывающих и других предприятий «Висмута». В начале нашей деятельности эти задания было сформулировано лишь в общих чертах. К тому же не было ни четких правил инвестиций, ни порядка проектирования, в лучшем случае распоряжения генерального директора или одного из его заместителей по решаемой проблеме.

Но так как согласно государственному договору СССР и ГДР 1954 года было установлено, что деятельность СГАО «Висмут» на территории ГДР подчиняется законам ГДР, то соответствующие правила были разработаны и для «Висмута». Разработка инвестиционного порядка осуществлялась более или менее только отделами генеральной дирекции, напротив, основная часть порядка проектирования еще только разрабатывалась Проектным предприятием; их нужно было еще согласовывать с отделами Генеральной дирекции и утверждать у генерального директора.

Наша группа постоянно участвовала в выдаче заданий Проектному предприятию, их утверждению и организации экспертизы подготовленных документов с составлением протоколов совещаний.

В нашей группе было 4 инженера (3 немецких и 1 советский сотрудник), двое для горных работ, один для перерабатывающих и один для всех остальных предприятий. В то время как немецкая группа с Альфредом Фильмутом (руководитель группы), Хайнцем Фишером, Хорстом Бернером и Михаэлем Мелхорном оставалось постоянной, советские сотрудники менялись в большинстве случаев раз в 5 лет. С новыми у нас бывали вначале языковые проблемы, но в остальном всегда хорошие дружеские отношения на работе, в свободное время в семьях, а также на бригадных вечерах. Среди них были П. В. Коноплев, В. Б. Седов, А. В. Князьков, М. П. Яковлев и И. М. Шемякин.

Ниже назову некоторые решения из протоколов Технического совета Генеральной дирекции, чтобы напомнить спустя 40–50 лет отдельные эпизоды развития горнодобывающих и перерабатывающих предприятий СГАО «Висмут».

— В протоколе Технического совета от 03.02.1976 г. по ГДП 09 было решено быстро ввести в эксплуатацию слепой шахты 383b для своевременной подготовки и охлаждения воздуха на глубоких горизонтах V каскада.

— 23.10.1980 г. Технический совет утвердил подготовленные документы проекта «Разведка, вскрытие и отработка месторождения Теллерхойзер».

— 28.10.1986 г. Технический совет поручил ГДП 09:

- осуществлять ведение горных работ на нижних горизонтах при непрерывном контроле и оценке опасности горных ударов;
- определять вместе с Проектным предприятием экономически наиболее благоприятный вариант для охлаждения воздуха при отработке месторождения ниже горизонта –1485 м;
- проверить экономическую целесообразность отработки месторождения ниже горизонта –1710 м.

— Для МГДП Кенигштайн определяющим фактором явились решения 1973–74 гг. о переходе рудника с традиционной горной отработки на выщелачивание. Технический совет 16 декабря 1981 года, на основании концепции выщелачивания, решил перевести МГДП Кенигштайн с 01.01.1984 г. полностью на химическую добычу урана.

— При широком внедрении с 1964 г. технологии очистной выемки слоями под твердеющей закладкой в Тюрингском регионе необходимо было построить закладочные заводы в Шмирхау, Ройсте, Пайцдорфе и позднее также в Дрозене.

— Для карьера Лихтенберг были созданы инструкции по охране труда и здоровья, по вентиляции и борьбе с пыленностью при использовании грузового транспорта на более глубоких горизонтах, а также в городах Роннебурге/Фридрихсхайде.

— 24.01.1972 г. была обсуждена и утверждена для ПП № 102 в Зеллингштедте технологическая схема измельчения при использовании мельниц «Каскад».

К списку важных решений Технического совета, которые считались образцом получения разрешений на строительство и осуществление проектов «Висмута» в ГДР, относится также получение разрешений окружных советов. Положение о сотрудничестве с окружными советами было передано после распоряжения Генеральной

дирекции № 36/83 Проектному предприятию, которое с большим успехом использовалось специалистами при решении всех технических и экономических вопросов в населенных территориях и показало хорошие результаты при подготовке проектов.

На Техническом совете генеральный директор С. Н. Волощук всегда был внимательным слушателем главных инженеров проектов и приводил иногда докладчиков в смущение, если в их докладах обнаруживалась неточность. Так например, в середине доклада директора НТЦ по проектным решениям охлаждения воздуха на глубоких горизонтах ГДП 09, генеральный директор поставил ему вопрос, знает ли он геотермический градиент на месторождении Нидершлема — Альберода. Докладчик назвал известный общий градиент в Рудных горах примерно 32 м/1°С, но Семен Николаевич его поправил, что по

последним данным установлено значение на месторождении, равное 29,6 м/1°С. Иногда нового советского сотрудника, стремившегося применить специальный опыт и знания из Советского Союза, С. Н. Волощук поточески сдерживал замечанием: «Знаете, в чужой монастырь со своим уставом не ходят. Вы находитесь на территории ГДР и надо считаться с законами ГДР». Он также принципиально обходился с членами экспертной группы, требовал коррекции в экспертизе или протоколе, если закрадывались какие-нибудь ошибки в переводе на русский или в инвестиционных суммах.

Нами было однажды замечено, что дымовая труба для котельной на МГДП оказалась слишком высокой по сравнению с другими предприятиями ГДП. Обоснование проектировщика, что эта установка находится в ландшафтном заповеднике «Саксонская Швейцария», была принята всеми участниками совещания без возражений. Позднее, когда встала задача переходить на жидкое топливо, высота дымовой трубы на котельной в Беервальде также достигла почти 80 м.

Незабываема командировка в Москву, а также неоднократные с 1975 по 1978 гг. по поручению заместителя технического директора СГАО «Висмут» Г. Г. Андреева работы с советскими специалистами по проходкам шахтных стволов из криворожского «Кривбасшахтопроходки» Клыковым, И. А. Винко-

Вадим Седов с дочерью в Доме культуры г. Гера.

На бригадном вечере четвертого отдела ГД: Ю. М. Шемякин и Х. Кресснер.

ватовым, Б. И. Аблецом и В. Д. Качурой. Для этого мы с Хорстом Рошлай из отдела образования и переподготовки и с переводческим бюро организовали перевод инструкций по стволопроходческому грейферному погрузчику с кабиной управления KS-2U/40 и по буровой установке BUKS-1M, которые были опубликованы в 1972 г. в виде брошюр. Эта стволопроходческая установка была применена на Дрозене при проходке ствола.

Райнхильда и Альфред Фильмут. Гера. 2008 г.

С объединением Германии в 1990 году произошло образование земель Саксонии и Тюрингии, на территории которых находилось большинство предприятий «Висмута». Работа «Висмута» по добыче урана прекратилась и началась подготовка к работам по рекультивации и санации. Земельные правительства хотели получить от СГАО «Висмут» прежде всего документы о до-

быче урана. У нас было соглашение между Государственным ведомством по атомной безопасности и радиационной защите (SAAS) и генеральным директором от 14.03.1985 г., по которому генеральный директор СГАО «Висмут» — при соблюдении «предписаний ГДР об обеспечении атомной безопасности и радиационной защите» от 11.10.1984 — имел право выдавать разрешения на работу. Итак, мы взяли из первого отдела заверенные генеральным директором протоколы по строительству и работе рудников и перерабатывающих предприятий, сделали копии и дополнили их документами главного ответственного по радиационной безопасности СГАО «Висмут» и передали в Земельные правительства. При последующих подачах разрешительных документов 13.09.1990 г. вице-президентом SAAS, профессором доктором Реншем и генеральным директором СГАО «Висмут» доктором Рихтером были подписаны первые протокольные соглашения.

После того, как производство урана с 01.01.1991 г. прекратилось, наша группа была ликвидирована. Я был присоединен к директорату по координации, хранению и рекультивации части горнодобывающей промышленности. Мы получили задание составить проектные документации и калькуляцию издержек

для консервации горных и перерабатывающих предприятий, рассчитать средства на необходимые оборудования для ликвидации производственных установок, а также организовать с предприятиями транспортировку и размещение отходов. Теперь мы могли представляться повсюду как сотрудники «Висмута», подписались о сохранении тайны на десятки лет и получили визитную карточку СГАО «Висмут». Но, самым важным и самым сложным заданием было выработать для ликвидируемых предприятий «концепцию санации, ликвидации и консервации урановых рудников, перерабатывающих предприятий и восстановления нарушенных территорий». Отправив федеральному правительству эту концепцию на сумму около 13 млрд. марок в августе 1991 г., мы разослали части концепции в соответствии с законами «Висмута» правительственным органам Саксонии и Тюрингии. Как известно, федеральные правительства приняли и запланировали объемы санационных работ. Для выполнения запланированных ежегодных санационных проектов нужно было еще получить разрешения административных органов земель, что частично могло быть очень растянуто во времени.

В целом это было странное, беспокойное время для меня. Если мои знания, как проверять планы и проекты, подготавливать решения, создавать рабочие места и сдавать в эксплуатацию производственные оборудования, были востребованы в ГДР, то в ФРГ добыча урана больше была не нужна, хотя цена урана на мировом рынке поднялась в 2007 году через 17 лет после ликвидации «Висмута» до > 200 \$/кг. Теперь в Германии после аварии на Фукусиме стремятся полностью отказаться от атомной энергии. В век повсюду восхваляемой «глобализации» следовало бы понимать, что недостаточно создать безопасность в отдельной стране, — необходимо, чтобы возникло глобальное понимание безопасности во всех странах Земли. И руководителям электростанций уже давно ясно, что Чернобыль был ошибкой обслуживания, которую можно было предотвратить, а Фукусима — очевидная ошибка планирования.

Для бывших работников «Висмута» не так-то просто было стать безработным. Какое предприятие примет 40- или 50-летних горнорабочих? К счастью, имелась также социальная программа обществ содействия, в которых была организована переквалификация горняков.

После выработки санационной концепции в августе 1991 года рационализация полным ходом дошла и до нас, 60-летних, и таким образом я вышел на досрочную пенсию в 1992 году. Затем я сопровождал более 10 лет санационные работы в экологической

группе «Висмута ГмбХ» и написал необходимые заключения. С 2001 по 2005 я стал от Культурбунда Эрфурта членом «Регионального совета общества планирования Восточной Тюрингии».

В настоящее время в свои более чем 80 лет я — участник Традиционного союза горнодобывающей промышленности, где нужны старые горняки со знаниями компьютера и интернета.

Из наших шести детей двое во времена ГДР учились в институте и трое — в техникуме, младший погиб в катастрофе, работал последнее время мастером. Его очень не хватает нам. Но теперь радости и заботы 16 внуков и 7 правнуков не оставляют нам, 80-летним

времени для печали или скуки. В мой 80-й день рождения мы пригласили 100 гостей и на круглый день рождения моей жены — более 50 гостей в «Охотничий двор» в Гере. Всем встреча доставила радость и удовольствие, а дискета с фотографиями, сделанная одним из моих внуков и переданная всем гостям, задокументировала наши семейные узы.

Я никогда не забуду открытое, честное и многолетнее доброе сотрудничество с советскими инженерами в «Висмуте» и встречи с членами их семей. Без этого мне многого бы не хватало в жизни. В оставшейся жизни я всегда буду хранить испытанную в течение десятилетий нашу взаимную дружбу горняков.

Альфред Фильмут

Выступление передано на встрече с представителями НП «Висмутяне» в 2009 г.

Продолжающаяся дружба

По опыту моей 25-летней деятельности в качестве руководителя темы и группы в 4-м отделе Генеральной дирекции СГАО «Висмут» я могу, собственно, сообщить только о хорошем профессиональном сотрудничестве, а также о замечательных встречах с нашими бывшими советскими сотрудниками. Незабываемы наши общие бригадные вечера, выезды с ночлегами, где наряду с кулинарными изысками и напитками всегда происходили дружеские беседы с членами семей во время танцев, игр, спортивных и других соревнований.

В нашей семье мы всегда принимали все-речь слово «дружба» и пользовались таким же отношением во время поездки на Кавказ и остановки в Москве, чтобы снова посетить живущего там М. П. Яковлева. Его подарок, геологический молоток из Украины, вызвал небольшое замешательство авиаперсонала, тем не менее сегодня его можно увидеть в моей маленькой традиционной горняцкой коллекции.

Особенно замечательная дружба сложилась с Вадимом Седовым и его семьей, которая сохраняется и теперь, по прошествии уже более 30 лет. Когда Вадим из Карл-Маркс-Штадта перешел в качестве руководителя инвестиционного отдела в Беервальде, он жил со своей семьей, как и я, в Гере. Там и установился непосредственный контакт между нашими семьями, тем более что моя жена работала в магазине для многодетных семей и могла помочь супруге Вадима Нелли с покупкой предметов домашнего обихода или одежды.

Мы могли бы вспомнить о многих общих семейных встречах в «Ягдхоффе» в Гере,

в доме культуры на кегельбане или о выездах в Йену.

Незабываемо, когда при отъезде домой Нелли и Райнхильда просто обменялись обручальными кольцами в знак дружбы. После отъезда Вадима в 1987 г. мы никогда не разрывали контакта и всегда обменивались поздравительными приветами и новогодними пожеланиями.

В июне 2008 г. Вадим удивил меня просьбой: не мог бы я организовать ночлег для четырех человек в Гере. Его внучка сочетается браком недалеко от Дюссельдорфа, и он хотел бы посетить во время этой поездки еще раз Геру, свое прежнее местожительство и места работы в «Висмуте». Также он хотел бы встретиться с бывшими коллегами в Гере, хотя СГАО «Висмут» и не существует с 1991 г. В качестве гостиницы мы выбрали с его согласия отель «Гальгенберг», который находится там, где когда-то стоял Советский клуб в Гере.

С Вадимом на Украине я установил по мобильному телефону связь, и таким образом 2 июля 2008 г. после примерно 400 километров езды по автобану состоялась наша радостная встреча в отеле «Гальгенберг» в Гере.

И здесь мы смогли увидеть, как Нелли и Райнхильда показали друг другу безымянные пальцы с кольцами как символ их дружбы, которая сохранялась вопреки годам и языковым трудностям.

Сын Вадима «поработал» шофером, он успешно справился с поездками туда и обратно на арендованном автомобиле Skoda-Superb.

На встрече были, кроме моей жены, главный механик Клаус Павловский и геолог Оттомар Буссе с бывшего горнорудного предприятия Беервальде, который пригласил

А. Фильмут.

также по этому поводу редактора восточно-тюрингской газеты OTZ господина Франка Каллу.

После первых бесед Вадим и его сын с Клаусом и Оттомаром поехали к неработающим и по большей степени санированным участкам горнорудного предприятия Беервальде и в Дрозен, а также к «Новому ландшафту Роннебурга» и музею «Висмута» «Объект 90». С ними был также Франк Калла, который сам работал много лет в геологическом отделе Беервальде квалифицированным геологическим рабочим.

Конечно, разочарование Вадима было велико, потому что новейшего горно-шахтного оборудования на Беервальде уже не было — оно было по большей части ликвидировано в ходе санации. Только бывшее административное здание еще стояло, заросшее кустарником. На почти заросшей подъемной лестнице было сделано несколько фотографий на память.

После этого отправились в Дрозен, где он должен был сначала сориентироваться на санированной территории шахты, потому что здесь стояли лишь копер шахты № 403, современная «Красная башня», бывшее сооружение шахты № 415 и более ничего.

В длительных беседах Вадим говорил, что не может понять, почему такие современные технические устройства превратились в металлолом. Особенной неожиданностью для Вадима стал «Новый ландшафт Роннебурга» на бывшей территории карьера Лихтенберг. Он оценил как примечательное достижение этот огромный объем санации — перемещение всех отвалов вокруг Роннебурга в карьер Лихтенберг и рекультивацию с новым оформлением ландшафта.

Только в музее «Объект 90» при рассмотрении исторических картин и свидетельств вокруг Роннебурга можно было снова вспомнить старый ландшафт горнодобывающей промышленности. Здесь Вадим встретил бывшего коллегу Фридриха Ти, с которым тесно сотрудничал несколько лет при техническом проектировании горнодобывающей промышленности в Беервальде.

Быстро пролетели эти немногие часы. Мне досталось во второй половине дня особое задание поехать вместе с женщинами — с Нелли, дочерью Ириной и внучкой — через Геру, чтобы побывать дома с кофе и пирогом у нашей дочери Илоны, причем Нелли подарила герским женщинам чудесные золотые ожерелья — амулеты с соответствующими знаками Зодиака.

Бывшая больница «Висмута» была следящей целью нашей поездки. Здесь ведь родился 35 лет назад сын Нелли Вадим-младший.

Затем последовал короткий визит в строящийся новый центр города и еще более поспешное посещение торгового дома. Между тем Вадим вернулся и показал на вечерней прогулке своей семье все изменения в районе бывших казарм Советской армии и возникшие там магазины.

На следующий день рано утром надо было снова ехать в Дюссельдорф, и там, в ЗАГСе Геры, было быстро организовано получение копии свидетельства о рождении «младшего Вадима».

Еще несколько достойных упоминания деталей, которые вызвали воспоминания о Гере у Седовых. Так, «Вадим-юниор» узнал свою детскую площадку и имевшуюся там карусель, на которой прокатился разок. Естественно, я должен был показать ему также его бывшую советскую школу, в здании которой находится сегодня гимназия «Остерланд». «Младший Вадим» хотел еще обязательно купить хлеб у местного пекаря, который содержал булочную непосредственно напротив бывшего советского поселка.

Дома на Украине или в его командировках в Америку и Азию он никогда не ел такого хорошего и вкусного хлеба, как во время его учебы в Гере. К сожалению, булочная эта больше не существует. Поэтому мы выбрали известного и хорошего пекаря на улице Лаазенер. Покупки, естественно, потребовали некоторого времени, и я заметил, как стоящие в очереди покупатели несколько беспокоились. Это стало для меня поводом объяснить присутствующим, что, по мнению «младшего Вадима», много путешествующего по свету, хлеб из пекарни Геры самый вкусный во всем мире. Стоящие в очереди покупатели сразу успокоились, согласились с этим мнением, а булочница, естественно, услышав такую похвалу, покраснела от смущения. Я думал, теперь булочница даст хлеб как сувенир бесплатно едущим в далекие края гостям, но какое там, — они должны были оплатить все.

Перед отъездом семьи Седова я снова должен был ехать в магазин Альди, и женщины купили здесь, к моему удивлению, яичный ликер. Об этом типично немецком женском напитке, который мы делали во времена ГДР даже из «висмутовского шнапса», Нелли сохранила хорошие воспоминания. Но вопреки хорошей упаковке при возвращении домой стекло разбилось, так как обратный путь был полон неприятностей. Позже Вадим позвонил мне однажды и сообщил, что вылившийся яичный ликер «заклеил» все в чемоданах, и он нуждается в замене компакт-дисков, DVD и книг.

Я собрал все важное из документов «Висмута» еще раз и отослал их к 70-летию Вадима, и надеюсь, что они были в ком-

плекте. Большую бутылку яичного ликера, как возмещение, смогла предоставить ко дню рождения Нелли внучка Алина.

Оба наших семейства со временем увеличивались. У нас уже два правнука. Недавно мы смогли приветствовать посредством e-mail также первого правнука Вадима,

Никласа, который родился уже в Германии. Мы из Геры желаем маленькому Никласу и его родителям, естественно, всего наилучшего, крепкого здоровья, счастья и успеха в будущем и, надо надеяться, всегда мирной жизни в этом мире!

Последняя вагонетка Дрозена.

Ханна Штёрмер

89-летняя Ханна Штёрмер из Роннебурга о своем женском участии в горном деле

Роннебург

Я провела почти мою всю рабочую жизнь в «Висмуте». Женщины не были там чем-то необычным, в том числе и под землей. Я, например, работала в течение долгих лет в шахте.

Я начала работать в «Висмуте» в 1950 году и оставалась там до пенсии, до 1982 года. Я родом из Ильменау и начала работать там в одной лаборатории. В то время вокруг Диттрихсхютте искали уран. Наличие урана проявляется также и в воде, и мы исследовали ее. Когда немцам не разрешили более работать в лаборатории, я перешла в Зеттендорф. Официально моя профессия называлась «помощник штейгера в рудном бункере». Мы брали пробы из карьера одновременно с происходившей там отработкой. Это была тяжелая работа, но наши коллеги были вежливы. Они забирали наши тяжелые из-за проб деревянные ящики на локомотивы и увозили их.

Вообще взаимоотношения с горняками были дружескими, также и с советскими коллегами. Они были ведущим персоналом, и все — хорошими женщинами и мужчинами. Они приглашали нас часто на свои праздники.

Не помню теперь, когда я спустилась впервые в шахту, и как это было — первый раз под землей. Ежедневный спуск в шахту входил в мой рабочий распорядок дня. Меня заинтересовали рабочие процессы, появившиеся в процессе постоянной механизации шахт, и завершив среднее образование и окончив непроизводственные учебные курсы, я стала с 1962 года работать рукоятчицей на околоствольном дворе. Там не всегда дела идут тихо. В околоствольном дворе происходит все, что касается спуска и подъема в шахте: сюда приходит материал для крепи, транспортируется наверх руда, здесь происходит спуск и подъем горняков. Для координации существовала связь с машинным отделением. Околоствольный двор — это душа шахты.

Приходилось ли мне пробиваться среди мужчин? Утверждать подобное было бы ложью. У нас было равноправие. То, что женщины работали в «Висмуте», было само собой разумеющимся. И сознаюсь, что спускаться в шахту было для меня честью.

Записала: Катя Шмидтке.
Перевод: Б. П. Лашков.

Х. Штёрмер.

Клаус Бинненхай (руководитель отдела капстроительства ПП-101)**От технолога-обогапителя до проектировщика-строителя**

Клаус Бинненхай

Я, Клаус Бинненхай, родился в 1935 году. У меня и мысли не было стать обогапителем в урановой промышленности. После окончания 8-го класса школы я обучался профессии слесаря-производственника на сталепрокатном заводе в Ризе. Я смог сдать квалификационный экзамен досрочно и сразу начал работать на заводе слесарем. После короткого периода приобретения мною трудовых навыков в трубопрокатном цехе завод делегировал меня в инженерную школу «Металлургии и обогащения» в Унтервелленборне. Так, с 1 сентября 1952 года я стал студентом в классе металлургической техники, хотя моим желанием было начать зарабатывать много денег, так как я происходил из бедной рабочей семьи. Мой отец был литейщиком на сталеплавильном комбинате в Гредице, а моя мать работала в угольной торговле.

* * *

При формировании классов в инженерной школе оказалось, что преобладающее большинство студентов зарегистрировалось в класс металлургии. Руководство школы непременно хотело, чтобы был класс техники переработки (об отмене и не думали) и поэтому осуществили перевод студентов с металлургической профессии на технику обогащения (переработки). И я стал студентом техники переработки в инженерной школе Унтервелленборна около Заальфельда. Я получал стипендии от государства и от сталеплавильного комбината в Ризе. Время обучения по этой специальности составляло 3 года. 7 октября 1953 года я познакомился с моей женой. После двух лет учебы нам, молодым студентам, предложили прервать обучение на год и пойти работать на производство. После долгих переговоров с руководством школы мне, восемнадцатилетнему, повезло, и я смог дальше продолжить обучение. По окончании курса (25.06.1955 г.) я выдержал экзамены на квалификацию инженера и получил аттестат инженера по технике переработки железных руд. Мне полагался отпуск на 2 месяца, так как с 01.09.1955 г. я хотел пойти в Народную армию. Незадолго до экзаменов производился набор в армию, и у меня было 2 предложения:

— посещение инженерной школы судостроения, и после сданного экзамена — на 13 лет на службу в морской флот;

— на 3 года в Народную армию пограничником.

Я решил на последнее предложение. Но через 1,5 месяца у меня созрела идея —

в Народную армию не идти, а работать по моей новой профессии.

Благодаря личному посещению в Берлине Министерства тяжелой промышленности (было необходимо) я получил согласие командования военного округа Заальфельда приступить к моей новой профессии в качестве ассистента. Я был распределен на Народное предприятие «Железомарганцевый рудник в Шмалькальдене». Как ассистент я начал работу 01.09.1955 г. по переработке барита на горном предприятии «Айнхайт» в Трузетале.

* * *

Через 6 месяцев я стал руководителем переработки на всем карьере. В 1956 году моя младшая сестра совершила побег из республики, а у меня в это время было подано заявление в СГАО «Висмут» на предприятие Кроссен. К сожалению, моему заявлению на должность руководителя цеха было отказано. Я слишком молод — по заявлению советского директора предприятия. Я остался в Трузетале и там же перешел из «Айнхайта» на новое обогапительное предприятие и купил себе ко Дню шахтера Яву-350. На новой обогапительной установке я был руководителем смены.

* * *

В 1957 году мы с моей невестой сочетались браком, и во время свадебного путешествия я и Рудольф Сикерт (позже был руководителем производства на ПП-102) посетили завод в Лауххаммере с целью поисков нового места работы. Предприятие еще только строилось, и поэтому работы нам не нашлось. По пути домой мы запланировали короткое пребывание в Карл-Маркс-Штадте. Мы посетили отдел кадров в Зигмаре и осведомились насчет работы. Места технолога-обогапителя в это время не было, но в распоряжении имелись места инженеров-проектировщиков. Мы дали себя уговорить, и начали 23.09.1957 года нашу новую деятельность в 3-м управлении (в Проектном предприятии). В отделе переработки я должен был подготовить чертежи для находящегося в процессе строительства в Зелингштедте самого большого и самого современного гидрометаллургического перерабатывающего предприятия.

Моим первым заданием вместе с Рудольфом Зикертом было перепроектирование советской сушильной установки для молока и крови на нормы немецкого промышленного стандарта. Этой установкой попытались

высушивать уран в Зелингштедте. В конце концов нас постигла неудача в создании чертежей и позже, на испытаниях на ПП-101 в Кроссене.

После этой неудачи наш бригадир Хайнц Фридрих стал моим попечителем. Мы вместе спроектировали цех 4а в Зелингштедте. Главную боль нам доставил новый разработанный нами передаточный механизм, но он выдержал контрольный запуск. На проектировании я должен был еще проработать до 30.04.1960 г., так было решено Зеппом Венигом на общем совещании. Мы неоднократно просили перевести нас на производство в Кроссен или Зелингштедт.

* * *

Моя квартира в Зигмаре (на Кауфманштрассе) в 1957–1959 гг. была похожа на холостяцкую, и позже я получил квартиру в центре города Карл-Маркс-Штадта. Во время моей 3-летней работы в Проектном предприятии СГАО «Висмут» родился мой первый ребенок в Кенице около Заальфельда, и двумя годами позже — близнецы в Карл-Маркс-Штадте. Советские специалисты из технологической группы (господа Шулика и Финокин) подарили мне большую куклу из Московского торгового дома «ГУМ», а при рождении близнецов директор предприятия господин Еланцев сразу же отправил меня на служебной легковой машине в роддом.

* * *

30 апреля 1960 г. был мой последний рабочий день в 3-м управлении СГАО «Висмут» в Карл-Маркс-Штадте. 2 мая 1960 г. я был представлен в отделе кадров ПП-102 в Зелингштедте. Временно я жил в бараке «Висмута». Моя новая должность — технолог в цехе шаровых мельниц и в общем цехе (цеха 4 и 4а). В течение следующих недель переработка потребовала всего моего внимания. В октябре 1960 г. в присутствии высокой делегации был дан старт эксплуатации 11-ти шаровых мельниц. Но это было только шоу, так как после отбытия делегации все снова было остановлено. Затем каждый день постепенно и непрерывно предпринимались попытки запустить установку. У нас было много неудач и ошибок, пока установка не заработала. Мы начали с одной шаровой мельницы и постепенно подключали следующие. И, наконец, получили похвалу от первого директора предприятия Хорста Бройтигама.

Ситуация требовала новой управленческой структуры, и тогда дополнительно были приняты два старших мастера. Так я стал старшим мастером цеха шаровых мельниц, а Рудольф Тиле — старшим мастером общего цеха. Постепенно производство ста-

билизировалось, и теперь мы могли чаще общаться о выполнении плана. 1 января 1964 г. я стал одним из трех руководителей смен в новом цеху.

Другими руководителями смен были Йохен Бухманн (позднее — руководитель центральной диспетчерской) и Петер Тамошат. Моими мастерами были: на погрузке руды — Роланд Херолд, на дробилке — Гюнтер Ланг и в общем цехе — Дитер Лайхгауер.

* * *

01.09.1965 я был делегирован в партийную школу в Миттвайде. Когда в 1966 учеба была закончена, я был назначен руководителем организации производства на ПП-102. Здесь мне досталась деятельность, которая мне никак не подходила, и мои мысли и мои устремления были направлены на получение нового задания на Проектном предприятии. Я смог закончить не подходящее для меня задание 30.11.1967. В это время отдел капитального строительства стоял перед сложной задачей создания нового силикатного выщелачивания. При экспертизе проекта было отвергнуто много деталей, и потребовалась переработка всех проектов. Под руководством Герхарда Клайнерта было решено назначить двух инженеров для решения проблем. Ими стали Йохен Хайниг и я. С этой минуты мы были подотчетны главному инженеру В. С. Семенову. Мы вместе в течение нескольких месяцев справились с заданием, и руководитель отдела капитального строительства Вернер Петер смог назначить меня с 01.12.1967 г. уполномоченным в области капитального строительства. После короткого периода приобретения мною опыта прежний уполномоченный господин Дюбель ушел на пенсию, и я занял эту должность.

Мое заочное обучение в университете им. Мартина Лютера в Галле на экономиста подошло к концу, и в 1971 г. я стал дипломированным экономистом. В этом же году на ПП-102 была построена новая установка карбонатного выщелачивания: 24 бетонных резервуара высотой 25 м и внутренним диаметром 5,42 м и еще здание такой же высоты.

Уже в 1970 году началось расширение электростанции. Были сооружены два больших котла производительностью каждый 64 т пара с дымовой трубой высотой 140 м. Для финансирования этого огромного проекта в отдел капитального строительства был переведен главный энергетик Хельмут Леге, а за общую координацию в СМП-17 отвечал Вальдемар Райтмайер. Дальнейшим огромным инвестиционным проектом было комплексное строительство польской фирмой фабрики серной кислоты на южной

территории нашего предприятия. Польские специалисты жили в ночном санатории Берга. В обработку шла чистая элементарная сера, которая доставлялась в цистернах из Польской народной республики.

В 1974 г. мы начали строительство третьей линии погрузки карбонатных руд с бункером на 1000 т и двумя мельницами «Каскад». Многочисленные и ультрасовременные капитальные стройки требовали постоянного сотрудничества с главным инженером проекта Гунтером Кирхнером, с коллегами 4-го отдела Генеральной дирекции, а также со строительно-монтажным предприятием СМП-17. Было принято решение назначить меня с 01.01.1977 г. руководителем отдела капитального строительства. Из-за уменьшения содержаний урана в руде увеличивались капиталовложения на нашем предприятии.

В 1982 г. последовало строительство комплекса флотационных установок. Ввод в эксплуатацию сопровождался большим торжественным собранием. Также торжественно было, когда мы передавали эксплуатацию систему автоклавного выщелачивания в марте 1984 г. Наружный диаметр 6-ти автоклавов составлял 3,4 м и высота — 18 м. Внутренние стены автоклавов были защищены листами высококачественной стали толщиной 4 мм. Транспортировка автоклавов из Карл-Маркс-Штадта в Зелингштедт представляла собой впечатляющее зрелище.

К системе автоклавного выщелачивания относилось также фабричное здание с измерительной метеорологической станцией, санитарными сооружениями и насосной станцией. Коллектив, в том числе и я, получили за эту систему почетный знак «Знамя труда» II степени. Дальнейшим большим проектом было расширение осушителя в цехе конечной продукции. В качестве дополнительного капитального строительства были изготовлены 4 ротационных испарителя в Рудислебене около Арнштадта, перевезены и затем установлены монтажниками СМП-17. Если уж я описываю многие большие капитальные стройки, естественно, нельзя забыть автоматизацию, фабрику-кухню со столовой и шламовые отстойники. 6–8 млн марок ежегодных капиталовложений на шламовые отстойники в Трюнциге и Кульмиче. Повышение глинистого экрана перед южной и северной дамбами. Обновление и продление гидравлической линии. Хорошие воспоминания оставило строительство плавающей насосной станции в Кульмиче. Здесь мы сначала транспортировали советскими вертолетами в озеро бетон-

ные глыбы (крепеж для плавающей насосной станции). Потом нас поддержал Интерфлюг (авиакомпания). В качестве благодарности мы всегда совершали круговой облет вокруг шламового отстойника.

Следующим заданием были работы на территории, и официальные, и как побочные работы на заказ. При этом я хотел бы напомнить о строительстве морга на кладбище в Зелингштедте. Одно только название придало руководство СМП-17 в ужас. Мы придумали тогда с Дитером Райманном (техническим директором СМП-17) название «Зал многоцелевого назначения», изменили проекты, и строительство было утверждено. После завершения строительства передача его в общину и пасторат Зелингштедта происходила в «Клубе трудящихся», как маленький праздник. Священник после праздника даже нуждался в поддержке, уходя из гостиницы. Эта стройка еще и сегодня находит большое признание в общине Зелингштедта.

01.05.1989 я получил награду «Знамя труда» III степени. Сразу после этого произошло объединение ГДР и ФРГ, и все изменилось. Инвестиций больше не было, производство завершилось, начались процессы ликвидации и санации.

Мой отдел стал называться консалтингом и отвечал за создание документов (проектов, заявлений согласий, разрешений и т. п.) для ликвидации оборудования, зданий, трубопроводов и стальных лесов. Дополнительно еще были заказы оборудования для сноса конструкций, выемки и транспортировки. Разногласия с директором предприятия привели к тому, что я в 1991 году ушел на досрочную пенсию. Разлука с коллективом и моей работой побудили меня организовать с 1992 года встречи «бывших участников капитального строительства». Обращение было единогласно поддержано, и высказано пожелание проводить его ежегодно. Теперь мы встречаемся раз в год в следующем составе: сотрудники отдела капитального строительства, Генеральной дирекции, Проектного предприятия, ПП 101, ПП 102, СМП 17. В 2013 произошла уже 21-я встреча с 39-ю сотрудниками «Висмута».

Мы проводим с 2010 года в «Вульфштайгерштубе» в Зелингштедте каждые два года технический «Коллоквиум горной добычи и переработки» примерно с 40 обогатителями и шахтерами. Будем надеяться, что здоровье позволит нам проводить эти мероприятия еще довольно долго.

Оттомар Буссе

Дипломированный инженер-геолог Оттомар БУССЕ родился 30.04.1931 г. в Дройсиге недалеко от Цайтца (земля Саксония — Анхальт). Основные вехи: 8-летняя начальная школа, трехгодичное обучение специальности по сбыту промышленных товаров, трехлетняя работа бухгалтером на фабрике металлических изделий, в 1956 г. завершил работу бухгалтером по балансам, с 1956 по 1990 гг. — деятельность на урановом руднике в Тюрингии в качестве грузчика крепежного леса, откатчика, отборщика проб, коллектора, участкового геолога, геолога в камеральном отделе, в геологическом отделе объекта, на руднике, на участке, руководителя группы подсчета запасов и заместителя главного геолога. Окончил институт горнорудной промышленности в Брайтенбрунне с квалификацией техника-геолога, а в 1961 году институт горных инженеров в Цвиккау с квалификацией инженера-геолога. С 1990 года — пенсионер.

Моя жизнь в «Висмуте»

Оттомар Буссе

Работу в СГАО «Висмут» я начал 03.07.1956 года. В том году я поставил себе цель стать геологом. Из разговоров с висмутянами я знал, что на этих добывающих предприятиях были созданы все предпосылки и возможности для того, чтобы стать хорошим специалистом. Это подтвердил мне также во время собеседования при приеме на работу в «Висмут» геолог Клаус Шнайдер, который работал в то время консультантом отдела кадров Объекта 90.

Для меня началась физически очень жесткая жизнь в «Висмуте» — автобус в Дройсиг уезжал на утреннюю смену уже в 3 ч. 45 мин. утра. Первый раз в своей жизни я спустился в шахту 352 в Лихтенберге. Я впервые увидел этот мир — темный, мокрый и грязный — и начал работу в три смены в качестве грузчика крепежного леса под землей. Работа была тяжелая, так как транспортировка крепежного леса производилась вручную, еще не было даже локомотивов для леса. В этот начальный период моей деятельности на руднике я познакомился со всеми видами крепежного леса. Теперь я знал, что такое крепежные стойки, верхняки (немецкие и польские крепежные рамы), шахтные лестницы и другой крепежный материал — они были важными предпосылками для всех последующих подземных работ.

Со временем я привык к тяжелой физической работе, так что через 2–3 месяца смог работать как откатчик на горизонтальной и вертикальной проходках, на углубке слепого шахтного ствола № 1 (от горизонта 180 м до 240 м) и на отработке. В это время я познакомился с производственными приемами бригад на забое, с технологией и организацией работы в бригадах. Иногда было тяжело; сыпались ругательства, если производительность смены не выполнялась, если вагонетки не были во время на месте или отсутствовал крепежный материал, поскольку целью всегда было, соблюдая ежедневный ритм работы, выполнять план смены. В течение этого времени я редко контактировал с советскими специалистами. Но если в рудничном возду-

хе пахло махоркой, я знал, что они в шахте.

Через 7 месяцев горняцкой деятельности в различных бригадах я перешел в геологическое отделение шахты и начал с 01.02.1957 г. работать на опробовании. Нас было двое, и мы получали задания от главного геолога. В то время рудные пробы еще были необходимы для химического анализа. Образец отбирался из горной породы с помощью молотка и зубила по сетке 1,00 x 0,10 м на глубине 0,05 м и укладывался в пробные мешки. Пробный материал поставлялся еженедельно в выходные на мельницу для измельчения руды в Роннебурге на Райтцхайнерштрассе. Во время этой работы я познакомился с горными породами и с их особенностями (твердость, цвет, расщепляемость), с геологией месторождения и урановой рудой.

Между тем я уже решил, что останусь работать в «Висмуте». Поэтому в марте 1957 года стал членом рабочего жилищно-строительного кооператива «Глюкауф», основанного в Гере в июне 1956 года. Чтобы отработать необходимые часы для получения кооператива и одновременно повысить свою квалификацию, я занял весной 1957 жилую квартиру «Висмута» на Хандверкерштрассе (теперь это ремесленная палата). Осенью 1959 года получил новую квартиру в Гере, на Гагаринштрассе, 85, в которой я живу еще и сегодня.

В то время я учился на коллектора на спецкурсах института горнорудной промышленности в Брайтенбрунне. Через 4 месяца я был назначен коллектором геологической службы на одном из участков рудника Лихтенберг. Это была работа с геологическими и рудничными картами и планами. Например, нанесение ежедневной геологической документации на планы горизонтов и на разрезы. Моя деятельность в качестве старшего коллектора создавала важные предпосылки для горных (подготовительных и добычных) работ. Главным геологом на шахте 352 Лихтенберга был в то время Геннадий И. Герасимов, а его немецким заместителем — Пауль Шпацир. Здесь я впервые начал сотрудни-

чать с советскими геологами. Я помню, например, геолога Семена Ф. Козлова, который выполнял на Объекте 90 с 1957 по 1962 гг. научные работы по линии технической помощи. Наше сотрудничество было всегда плодотворным и коллегиальным. Вместе мы оценивали геологическую документацию и исправляли геологические разрезы и планы горизонтов. Позже, по окончании моей учебы, я снова встретил Семена Ф. Козлова в камеральной группе Объекта 90.

По моей просьбе предприятие отправило меня на дневное обучение в школу горных инженеров «Георгий Агрикола» (сегодня это специальное высшее учебное заведение) в Цвиккау. С 01.09.1958 г. до 30.06.1961 г. я обучался геологической специальности. Мой горнорудный опыт и опыт геологических работ в качестве лектора на производственной практике были важными основами во все время обучения, особенно во время практик на разных предприятиях горнодобывающей промышленности и во время экскурсий.

После завершения обучения меня назначили геологом участка шахты 352 Лихтенберга. Геологическим отделом там руководил геолог Хельмут Линке. В то время горнопромышленная ситуация в Лихтенберге была крайне сложна, так как отработка происходила на верхних горизонтах по системе словесного обрушения. В большом объеме обрушенных масс, которые накапливались вместе с отстреленным деревянным креплением и равномерно распределенным в породе пиритом, возникали обширные пожары.

Эти эндогенные пожары в очистных блоках верхних горизонтов препятствовали планомерным добычным и всем другим горным работам. Приходилось постоянно герметизировать очистные блоки, в которых возникали пожары. Пожары тушили главным образом пульпой (густой смесью песка и глины), которая закачивалась с поверхности через обсаженные скважины. Планомерная и непрерывная добыча руды стала невозможной, так что моя функция как геолога состояла в том, чтобы постоянно и оперативно вмешиваться в ежедневное осуществление плана.

В то время горноспасательная команда находилась постоянно на дежурстве. Поэтому я был занят примерно на 50 % моего рабочего времени как проводник горноспасательной

команды, знающий расположении выработок. В конце концов комбинат Лихтенберг 01.01.1962 г. пришлось закрыть. В качестве рудного поля он был присоединен к ГДП Ройст. Появившийся в 1958 году карьер Лихтенберг был до этого времени участком Лихтенберг. Временами он подчинялся руднику Шмирхау. Начиная с 01.01.1962 г. он был встроен как самостоятельное горнодобывающее предприятие «карьер Лихтенберг» в структуру Объекта 90. Надземная территория шахты 352 была занята отвалами карьера. Здания шахты 375 использовались управлением карьера. Большинство сотрудников геологического отдела перешло в соответствующие отделы ГДП Ройст или карьера Лихтенберг.

Так как в то время круг задач камерального отдела на Объекте 90 расширился, я нашел и там, начиная с 01.01.1962 года, интересную работу. Работы в камеральном отделе сильно отличались от работ на руднике Лихтенберг. Было меньше оперативных заданий, а преимущественно графические и письменные. Отделом руководил дипломированный геолог Лотар Хартманн. В камеральном отделе у нас было тесное сотрудничество с советскими геологами. Я помню в числе прочих геологов Владимира К. Павлова, Юрия Б. Попова, Ивана Н. Баранова и Николая (Колю) И. Волкова. Кроме того, мы часто сотрудничали с геологами, которые оказывали техническую помощь — с Борисом Л. Рыбаловым, Семеном Ф. Козловым и Ростиславом М. Булыгиным.

Дружескими были не только рабочие отношения, проводились также и совместные конференции и заседания. При этом речь шла преимущественно о темах по улучшению нашей работы и повышению производительной эффективности. Общие экскурсии и другие мероприятия тоже всегда происходили в дружеской атмосфере. На ведомственные праздники и культурные мероприятия часто приглашались и жены.

Кроме научных тем о происхождении Тюрингских урановых месторождений, которые разрабатывались на протяжении длительного периода времени многими геологами, для камерального отдела было два главных вопроса добычи урана и обогащения руды.

1. Добыча урана открытым способом на карьере Лихтенберг приобретала все большее значение. В 1962 г. Проектным предприятием по поручению Объекта 90 был разработан генеральный проект карьера Лихтенберг до горизонта 210 м (90 м NN). Камеральный отдел в сотрудничестве с геологами карьера получил заказ подготовить для этого необходимые геологические разрезы и планы горизонтов.

2. В 1961 г. началось производство на обогатительном предприятии 102. Была

поставлена задача в кратчайшее время добиться спроектированной производительности с запланированными параметрами добычи.

Эти оба задания определили мою работу в камеральном отделе до 1964 года.

Эффективный выход урана на обогатительном предприятии 102 существенно зависел от технологических параметров обрабатываемой руды. Обогащение руды на Объекте 102 происходило двумя технологическими процессами:

1. Содо-щелочной процесс для руд с высоким содержанием извести и низким содержанием урана.

2. Кислый процесс для руд с низким содержанием извести, однако, с высоким содержанием урана.

Распределение различных литологических разновидностей по процессам подготовки происходило в зависимости от содержания карбонатных или силикатных компонентов в руде, от содержания урана, а также от присутствия различных вредных химических и минеральных примесей.

Для процесса переработки руд использовалось большое количество химикалий. Чтобы их лучше спланировать и рационально использовать, на Объекте 90 было проведено геолого-химическое опробование. Были опробованы все подготовительные блоки и блоки с подсчитанными Тюрингской экспедицией запасами по категории С1. Моим заданием было создание обзорного плана Тюрингского рудного поля с географическим положением рудных блоков.

Главный геолог Объекта 90 Глеб А. Глухих идентифицировал рудные блоки по объему поставки. Опробование производилось геологами рудника или Тюрингской геологоразведочной экспедиции. Документация к пробам содержала данные по литологии (также и их особенностям, как например, границы оруденения, степень выветривания, оруденение по трещинам и пр.) и содержание урана в пробе, а также объем и среднее содержание руды. Эти указания регистрировались мной и документировались на планах. Пробный материал после подготовки в цехе опробования Ройста отправлялся на химический анализ в центральную лабораторию перерабатывающего предприятия 102. Вся данные документировались на подготовленных мною бланках.

Главный геолог периодически проводил оценку всех зарегистрированных графических и табличных результатов опробования. Результаты подтвердили, что текущий контроль поставок руды, особенно из карьера Лихтенберг, был необходим.

Большой объем силурийской известковой руды (S2) был сильно разложен.

Измененная процессом окисления руда алюмосиликаты, потребовала нового варианта обработки, т. е. эти руды перерабатывались по силикатной схеме. Поэтому руководство объекта решило организовать кислотную лабораторию на карьере Лихтенберг. Мне был поручен контроль работ лаборатории. Здесь несколько лаборанток были заняты в лаборатории проверкой силурийских известковых руд (S2) карьера Лихтенберг до их поставки на перерабатывающее предприятие 102. По этим лабораторным результатам устанавливалась схема обработки. Производилось постоянное опробование поставляемой известковой руды. Тем самым лаборатория принимала существенное участие в достижении высокой экономической эффективности при обогащении руды.

В Тюрингском регионе перерабатывались следующие рудосодержащие породы:

- глинистые сланцы девона;
- известково-глинистые сланцы девона;
- известняки силура (S2) — (кроме алюмосиликатов) по карбонатной схеме;
- углисто-кремнистые сланцы силура (S1 + S3) и алюмосиликат по силикатной схеме.

Переработка кожистого сланца (Og3) и диабазов происходила в зависимости от содержания углисто-кремнистых сланцев и урана по карбонатному либо по силикатному процессу.

4-го октября 1963 года камеральный отдел был награжден почетным званием «Коллектив социалистического труда».

С 1964 года я работал в геологическом отделе Объекта 90. Переход в геологическое отделение потребовал от меня опять больше оперативной работы. Как «куратор» я отвечал по поручению главного геолога прежде всего за геологические проблемы при подземной разведке и добычных работах в ГДП «Ройст» и «Пайтцдорф». В ГДП «Ройст» Олег Л. Алексеев работал в то время главным геологом, он был в 1977–1985 гг. в той же самой должности на ГДП Беервальде.

Геологи Виталий А. Ильченко и Анатолий Яковенко были в это время главными геологами Объекта 90. Заместителем главного геолога работал до 1970 года Рюдигер Рудольф. В то время я постоянно сотрудничал с советскими геологами, к примеру, с Юрием Ермаковым, Иваном М. Морозовым, гидрогеологом Александром А. Чайкиным и геофизиками Владимиром И. Захаровым и В. Ф. Паниным.

Участие в производственных совещаниях и планерках ГДП и исполнение производственных планов снова стало непосредственной частью моей ежедневной работы.

Управление объекта распорядилось, чтобы ежемесячно проводились проверки безо-

Геолог Николай Волков.

Геолог Ростислав Булыгин.

пасности рудников. Я, как геолог, был вместе с горными инженерами постоянным членом комиссии, которая контролировала, главным образом, забой подготовительных и очистных выработок ГДП Ройст и Пайтцдорф.

Предпосылкой для большей надежности и экономии горных работ была разработка наилучших технологий. С горными инженерами и техниками управления объекта и предприятий я был включен в комиссию «Горизонтальная проходка», которая поставила цель увеличить проходку применением новой техники для специфических геологических условий Тюрингских месторождений. В результате этих работ был выработан стандарт «Висмута» для горизонтальной проходки.

В 1967 году Объект 90 был переименован в горнодобывающее предприятие 90. К предприятию Пайтцдорф была добавлена добыча руды на месторождении Гауерн (Гера — Юг), шахта 385. Отрабатываемые здесь подземным способом руды цехштейна были сильно выветрены, и поэтому было сложно проводить горные работы. Главный геолог ГДП 90 поручил мне в 1967–68 гг. руководство и контроль за экспериментальными работами в блоке 24. Моим заданием были постоянный контроль и документация пород и оруденения на забое с целью достижения хороших результатов отработки с соблюдением горнотехнической безопасности.

Из-за высокой степени разложения горной породы обычная рамная крепь не подходила для поэтажной выемки с закладкой. Часто взрывные работы были не возможны. Вследствие давления пород кровли и поднятия подошвы высота выработки в течение короткого времени снижалась, так что можно было отрабатывать только маленькие отрезки, и сразу же необходима была закладка. Вследствие этого производительность труда получалась незначительной с высокой стоимостью добычных работ. Работы были прекращены в 1968 году.

С роспуском ГДП 90 в 1969 году участок Гера — Юг был передан руднику Ройст (шахта 385). В 1971 году шахтные сооружения были герметично изолированы и демонтированы. Попытки гидродинамической добычи с поверхности из скважин были прекращены из-за отрицательных результатов.

С 1968 года методика подготовки и проведения ежегодных планирований на предприятиях (с внедрением вычислительной техники и электронной обработки данных) изменилась. В феврале — марте 1968 г. я принял участие в 4-недельном учебном курсе по «внедрению устройства обработки данных R300». Как представитель геологического отдела я был членом рабочей группы «Планирование добычи» для подготовки

к эксплуатации электронной обработки данных. Целью было своевременное завершение отдельных этапов внедрения вычислительной техники при планировании и подсчете продукции на Тюрингских ГДП.

С роспуском ГДП 90 сотрудники геологического отдела были распределены по вновь образованным ГДП. Уже во втором полугодии 1969 года произошел подбор кадров и их назначение на Тюрингских ГДП. На руднике Пайтцдорф 01.01.1970 г. был образован отдел перспективных инвестиций с заданием подготовки предприятия Беервальде. Ответственным руководителем участка предприятия был назначен руководитель капитального строительства ГДП 90 Карл Маттес. В этой вновь образованной отрасли на меня была возложена функция участкового геолога.

В 1967 г. началась проходка первого шахтного ствола 397. В 1969 году мне было поручено геологическое обслуживание проходки для пополнения геологической документации и оценки состояния пород. Шахтный ствол углублялся до марта 1971 г. и был сдан в эксплуатацию 14.02.1972 г. До этого времени весь подземный осмотр горизонта 180 м рудного поля Райцхайн производился через шахту 396.

Руководство вновь образованного участка занимало маленькое административное здание в Беервальде, в котором ранее находился участок углубки. В этом здании были размещены, кроме руководства участка капитального строительства, электромеханическая служба, экономический отдел, маркшейдерский и геологический отделы. Как участковый геолог я был ответственен за правильное и планомерное проведение всех геологических работ в рамках капитального строительства Беервальде. К моим постоянным оперативным работам относился контроль проходки штрека на горизонте 180 м в шахтном поле Райцхайн и углубки шахты, а также регулярный контроль всех точек измерения уровня грунтовых вод на рудном поле Беервальде.

Главным геологом на предприятии Пайтцдорф работал в конце 1969 — начале 1970 гг. Семен Н. Сосунов, заместителем был геолог Хельмут Линке. Сначала работа для меня как участкового геолога была очень сложна, так как кроме рабочего кабинета на Беервальде, у меня был второй в первом отделе в Пайтцдорфе. Так как геологический рабочий материал должен был храниться, в основном, в первом отделе — были неизбежны постоянные поездки между Беервальде и Пайтцдорфом. Это состояние улучшилось, когда я в 1970 г. получил дополнительно второй кабинет в Беервальде. Тем самым я стал ответственным за надлежащее

хранение и использование служебных и секретных документов всего участка.

Вскрышные и разведочные горные работы до 1972 г. проводились из ГДП Пайтцдорф. Геологические соотношения были сложными из-за зон нарушений и выветренных пород. Еще при проходке горизонта 180 м в шахтном поле Райцхайна полевым штреком 697 постоянно возникали трудности из-за разрушенных пород и притоков воды. Большие отрезки штрека в сильно выветренных породах необходимо было проходить сплошной срубовой крепью.

В последующие годы началось создание самостоятельного управления; объем горных работ потребовал собственной структуры руководства, так что уже с 1972 г. началось создание ГДП Беервальде. Руководство предприятием было поручено горному инженеру Винфриду Брауеру.

* * *

Руководство геологическим отделом принял после переподготовки бывший заместитель главного геолога ГДП 90 Рюдигер Рудольф. 01.01.1974 г. образовалось независимое предприятие Беервальде, а с октября 1975 года оно было переименовано в молодежное горнодобывающее предприятие имени Эрнста Тельмана (МГДП).

Деятельность предприятия МГДП до 1990 года охватывала участки:

— Райцхайн — от горизонта 180 м до горизонта 360 м;

— Беервальде — от горизонта 45 м (штольня) до горизонта 600 м;

— Корбуссен — от горизонта 360 м до горизонта 720 м.

Я работал в течение последующих лет руководителем группы подсчета запасов и заместителем главного геолога. Мои задачи заключались в постоянном сборе и контроле всех запасов руды и урана, оказании влияния на геологическую разведку запасов в пределах различных категорий (например, детально разведанные и готовые к отработке запасы), а также выяснения степени разведанности и подтверждения запасов. Для этого была необходима связь перспективного и годового планирования добычных и разведочных работ и развития сырьевой базы.

Кроме того, моя группа должна была готовить документы для проектирования добычи и обработки данных, а также статистические сведения о добычных работах, о состоянии запасов, о разубоживании руды и потерях урана в отдельных очистных блоках. В моей рабочей группе работали советские коллеги: Владимир А. Иванов с 1977 по 1981 гг., Евгений П. Кузнецов с 1978 по 1981 гг. и Александр Р. Цуппингер с 1974 по 1979 гг. С А. Р. Цуппингером у меня были

особенно дружеские отношения. Мы встречались неоднократно после работы вместе с нашими женами дома или на моей даче. Всегда находились темы для рассказов, часто это были веселые встречи. Он смог с моей помощью купить б/у «Волгу» и увезти ее после ремонта на родину.

В молодежном горнодобывающем предприятии имени Эрнста Тельмана (МГДП) до 1990 года главными геологами работали следующие советские коллеги: Владимир Н. Кузин — с 1973 по 1977 гг., Олег И. Алексеев — с 1977 по 1985 гг. и Юрий Черноусов — с 1985 по 1990 гг. Со всеми тремя главными геологами была всегда дружественная рабочая атмосфера. В 1980 году на Олимпийских играх наш сын смог в Москве встретиться с В. Н. Кузиным.

С В. Н. Кузиным мне удалось по прошествии многих лет установить контакт, чему мы особенно рады — моя жена Зигрид и я. Также и с О. И. Алексеевым и Юрием Черноусовым мы встречались неоднократно в частном порядке на наших квартирах. С Юрием Черноусовым мы вместе купили «Волгу» у моих знакомых в Грейфсвальде (на Балтийском море). Это было особое событие для нас обоих, когда мы проехали обратно 450 км — я в моем «Траби», и Юрий в «Волге». Мы хорошо сотрудничали также с гидрогеологом Юрием И. Абрамовым, который работал с 1974 по 1980 гг. в Беервальде.

Кроме ежедневных заданий по выполнению разработанных положений эффективной добычи руды, у меня были еще три рабочих задания на молодежном горнодобывающем предприятии имени Эрнста Тельмана, которые требовали от меня особенных усилий и которые я с удовольствием вспоминаю.

Начало производства на предприятии было в высшей степени затруднено сложными особенностями геологической ситуации и оруденения. Проходки подземных выработок часто создавали большие проблемы при пересечении зон нарушения в рудном поле Корбуссена, а также и проходки штреков из Беервальде в направлении «гримми-чаусской зоны нарушений». Проходческим работам довольно долгое время препятствовали прорывы шлама и воды. У нас были крупные прорывы шлама и воды в рудном поле Беервальде на горизонте 180 м. Горные работы проходили в течение начальных лет не всегда планомерно, что приводило к трудностям добычи и поставок руды.

Исходя из этой ситуации я пришел к мысли, что расположенный непосредственно на поверхности и сильно выветренный блок диабазов к западу от Танненфельда с очень хорошим содержанием руды может быть отработан небольшим карьером. Взрывные работы не были необходимы благодаря

О. Буссе с Ю. Абрамовым и В. Кузиным.

высокой степени выветривания. В новаторском предложении мы обосновали, что посредством этого метода добыча разложившейся руды диабазов с высоким содержанием урана может принести большую экономическую выгоду. Я подал предложение вместе с горным инженером Юргеном Фойгтом из производственного отдела МГДП Беервальде.

Однако, законы тогдашнего лейпцигского округа и географическое положение непосредственно к западу от курорта Танненфельд не допускали проведения надземных добычных работ в соответствии с нашим новаторским предложением, так что этот проект не был реализован.

Хотя эффективность добычи была существенно меньше, тем не менее было принято наше второе новаторское предложение проходки штольни через рудное поле, которое и было реализовано позже в 1974 году молодежным объектом «Штольня германо-советской дружбы». Геологические отношения вблизи от поверхности были крайне сложны, так как все коренные породы были сильно выветрены. Уже в самом начале пришлось проходить штольню местами со сплошной срубовой крепью через каждые 0,5 м.

Работы в обоих блоках диабаза 318 и 320 на горизонте 45 м, которые начались в 1975 г., были возможны только с применением самых сложных горных методов с соблюдением технических условий безопасности. Отрабатывались большие поверхности на расстоянии 0,5 м.

Особые мероприятия требовались при отработке части блока 318-3, близкой к поверхности, который лежал непосредственно под шоссе на дороге 7. Чтобы гарантировать устойчивость кровли, части блока должны были отрабатываться сплошной срубовой крепью; закладка потребовала особых мероприятий и контроля. Добыча урановой руды и другие горные работы осуществлялись до середины 1981 года. В 1983 году была осуществлена герметизация всей области отработки; в 1984 закончена герметизация штольни и горизонт был закрыт.

«Блоки К» (Og3) создавали геологические трудности для добычи руды на МГДП «Эрнст Тельман» на участке Райцхайн. Этот маломощный тип оруденения предъявлял особо большие требования к геологам и горнякам, так что и я был приобщен к проектированию и планированию отработки, а также к оперативной работе и контролю горных работ.

Еще в 1965 году Борис Л. Рыбалов указывал на эти геолого-тектонические особенности в работе «Структурные особенности и вопросы происхождения месторождений урана в черных сланцах и карбонатных породах». При этом речь идет о надвиговой тектонике с чешуйчатыми структурами на гра-

нице Og 3/S 1 (верхних кожистых сланцев и нижних граптолитовых сланцев). При этом типичны маломощные (от немногих сантиметров до редко более 2 м) слои кожистых сланцев в висячем и лежащем слоях нижних граптолитовых сланцев с содержанием урана выше среднего.

Для геологического профиля характерны многократно перекрывающиеся надвижки длиной до 100 м и более с площадями до 10000 м² и больше. Эти обширные рудные линзы распространялись часто по нескольким горизонтам, так что приходилось отрабатывать такие блоки по нескольким горизонтам с разным типом закладки — полной либо частичной.

Чтобы эффективно отрабатывать эту руду, потребовалась новая система отработки. С разрешения горного надзора 312/77 (B) был введен стандарт МГДП 7200/01 — камерно-столбовая выемка с закладкой (Kpfb) — на части рудного поля Райцхайн. Отработка проводилась так, чтобы между отработанными полосами шириной от > 4,00 м до < 6,00 м оставалась в зависимости от рудной ситуации колонна шириной примерно 5,00 м. После того как отработанные полосы были заложены и окрепли, происходила отработка рудных целиков. Высота отработки могла быть соотнесена с рудным телом с целью снижения степени разбавления и потерь руды. Другая большая экономия получалась в результате подгонки профиля отработки к рудному телу. Использование частичной закладки достигали дополнительных экономических преимуществ. На основании хороших показателей добычи «блоки К» на нескольких горизонтах были интенсивно отработаны с 1975 до примерно 1985 гг.

В 1985–86 гг. Генеральная дирекция поручила Проектному предприятию разработку принципиального решения для МГДП «Эрнст Тельман». В то время по поручению генеральной дирекции потребовалась концепция отработки на МГДП «Эрнст Тельман» на период с 1988 до 2000 гг. Директор МГДП «Эрнст Тельман» Винфред Брауер поручил разработку этой концепции оберштайгеру Рольфу Бетчеру и мне в качестве руководителя геологической группы.

Эта концепция отработки на 1988–2000 гг. была закончена в апреле 1988 г. и отправлена 27.04.1988 первому заместителю генерального директора тов. Назаркину. Она была выработана на базе первичных данных надземной буровой разведки 1963–1976 гг. и аналитической оценки результатов горных работ на территории ГДП с 1969 до 1988 гг. У этой концепции не было иной связи с более ранними инвестиционными предварительными решениями 1979 г. или принципиальными решениями 1982 г., кроме их сопоставления.

В качестве исходных данных было использовано следующее:

1.0. Были охвачены все поверхностные скважины, рассчитаны и нанесены их фактические точки пересечений на 18 планов горизонтов в масштабе 1: 2000 и 1: 5000. Были указаны породы и рудные интервалы с их положением, мощностью и содержанием урана.

1.2. На основе запасов руды и запасов отработки с учетом технико-технологических условий производился расчет коэффициента подтверждения отработки отдельно для месторождений Беервальде, Райцхайна и Корбуссена.

1.3. Для расчета объемов добычи послужил анализ потерь добычи, разубоживания руды и выхода руды.

1.4. Производственная экспертная группа произвела классификацию очистных блоков по соответствующим типам оруденения; были установлены границы блоков и средняя площадь отработки.

1.5. По так установленным данным были определены индексы блоков и степень механизации.

По этим данным мы рассчитали ожидаемый объем добычи и календарный план вскрытия на всех горизонтах. На этом расчетном базисе был составлен обширный геологический и горнотехнический графический материал всех еще работающих и готовых к вскрытию горизонтов. На обширном табличном материале были обоснованы последовательности горных работ, разделенные по времени вскрытия горизонтов на отдельных частях рудного поля, подземная геологическая разведка, подготовка и добыча. Другие разделы касались закладки, суточной добычи, проветривания, взрывного хозяйства, водообеспечения и эвакуационных путей. Эта концепция отработки была задумана в помощь долгосрочному планированию самых важных горных процессов на МГДП «Эрнст Тельман» и для продолжения работ на ГДП Дрозен.

Моя работа на СДАГ «Висмут» кончилась, как и для многих горняков, политическим поворотом в Германии. Будучи одним из старейших сотрудников в геологическом отделе я ушел в 60 лет в 1990 году на досрочную пенсию по возрасту.

Первые месяцы после этой богатой событиями горняцкой жизни я проводил перестройку моего садового участка и ремонт дачи. Одновременно мы использовали новые возможности путешествовать и познакомиться с западными федеральными землями в Германии и нашими соседями в Европе.

Но уже скоро новые задания поджидали меня. Пенсионное и медицинское страхование горняков — Горное общество социально-

го обеспечения — срочно искало сотрудников на общественных началах для обслуживания еще работающих и уже находящихся на пенсии горняков. Я был старейшим в обществе и в ноябре 1991 г. учился на первом курсе техникума по управлению обязательным пенсионным страхованием. В это время у меня была возможность поддержать многих вистмутян по правовым вопросам и помочь им в составлении необходимых бланков заявлений. Через 15 лет — мне исполнилось 75 лет — и я закончил эту общественную деятельность.

Так как меня всегда интересовала история горнодобывающей промышленности, само собой разумеется, что я вскоре после основания нашего «Общества содействия сохранению и изучению традиций горного дела «Висмут»» стал его членом. С докладами шахтеров и ученых на исторические, технические и геологические темы, а также с экскурсиями в исторические и современные горнодобывающие предприятия для меня в Обществе складывается интересная жизнь.

В музее Объекта 90 в Роннебурге наше Общество может показать многим заинтересованным посетителям развитие «Висмута», начиная с истоков после Второй мировой войны вплоть до санации всех загрязнений от горной промышленности в Тюрингском регионе. С горняцкой гордостью рассказывает географическая пешеходная карта «Шмирхауерская высота», воссозданная при поддержке нашего Общества, о бывшем карьере Лихтенберг, со светящейся лампой высотой 20 м, видной издали.

Я познакомился со многими сотрудниками, прежде всего, с Альфредом Фильмутом, которому я обязан многими новыми друзьями. Я нашел также новые связи с бывшими советскими сотрудниками, такими, как кандидат наук Георгий Г. Андреев, кандидат наук Вадим Б. Седов и Владимир Н. Кузин.

* * *

В конце моей личной вистмутовской истории «Моя жизнь в «Висмуте» я могу сказать: «Да, годы в Висмуте были для меня лично испытанной немецко-советской дружбой».

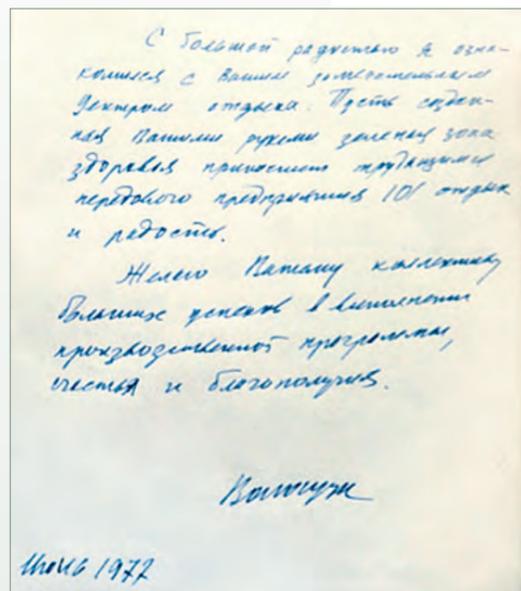
Последний в истории ПП № 101 поезд с рудой был разгружен 20.12.1989 г.

Хельмут Вайнль (руководитель отдела капстроительства ПП-102)

О моей деятельности на ПП № 101 СГАО «Висмут»

Я родился 19 апреля 1949 года в Рудольштадте в Тюрингии. В 1955 году началось мое школьное образование, которое я окончил и получил аттестат зрелости. В те времена получение аттестата требовало 8 лет учебы в базовой школе и затем четырехлетнего посещения расширенной средней школы. После приобретения аттестата зрелости в 1967 году я был призван на 18-месячную военную службу в Национальной народной армии. Там я исполнял обязанности разведчика в подразделении ракетной пусковой установки в городе Эрфурте. После увольнения из армии начал учебу во Фрайбергской горной академии по специальности «металлургия». Закончил учебу в 1973 году дипломированным инженером,

Первая запись в книге отзывов посетителей центра отдыха в Штангенроне генерального директора С. Н. Волощука.

защитив диплом с оценкой «хорошо». За несколько месяцев до окончания учебы правительство ГДР приняло новое постановление, по которому выпускники института должны были отработать по найму без возможности увольнения в течение 3-х лет там, где имелись наибольшие народнохозяйственные потребности.

Моя профессиональная деятельность началась на алюминиевом заводе химического комбината в Биттерфельде. Из-за значительного вреда окружающей среде и исключительно трудной ситуации с жильем здесь был особенно большой недостаток молодых инженеров. В 1974 году я сочетался браком; моя жена была в то время еще студенткой во Фрайбергской горной академии. Хотя работа на алюминиевом заводе в качестве технолога и заместителя заведующего электролизом нравились мне, и рабочая обстановка была хорошая, я вскоре начал подыскивать новую работу. Будучи молодым супругом, я не хотел ждать 7 лет квартиру. От моей жены я узнал в 1975 году, что СГАО «Висмут» срочно ищет инженеров-металлургов для создания и деятельности исследовательского предприятия по добыче олова. При этом наряду с хорошими возможностями заработка туда привлекали еще и получением жилья в течение одного года. Я подал заявление и смог в сентябре 1975 года получить работу технолога на вышеупомянутом перерабатывающем предприятии № 101 в Кроссене.

Увольнение с алюминиевого завода в Биттерфельде после всего лишь 2-летней деятельности оказалось возможным, так как согласно тогдашнему закону время в армии засчитывалось как первая работа по найму (плюс время в Биттерфельде).

Тогда в 1975 году я еще не думал, что проведу всю последующую трудовую жизнь в СГАО «Висмут» или в «Висмуте ГмбХ». Я хорошо помню, как прибыл с чемоданом на вокзал в Цвиккау, далее автобусом доехал до Кроссена (первую машину «Трабант» мы должны были получить лишь через 5 лет) и сообщил о себе тогдашнему начальнику отдела кадров Мюглеру. Сначала я получил комнату в общежитии для холостяков, которую я делил с инженером НТЦ. Однако «Висмут» сдержал слово, и в августе 1976 года мы с женой получили собственную маленькую квартиру в новом доме.

Здесь следует сказать, что после работы на народном предприятии с тамошними ограниченными возможностями на меня произвели большое впечатление как техническое состояние предприятий «Висмута», так и социальные условия. Какое народное предприятие с численностью 1300 человек могло бы располагать собственной амбулаторией с несколькими врачами, большим домом культуры для улучшения условий труда и жизненных условий? Надо упомянуть и введенный в эксплуатацию в 1977 году близкорасположенный центр отдыха в Штангенроне.

С самого начала работы в ПП № 101 мне пришлось привыкать к новым заданиям. Ведь новая установка извлечения олова неслала капитальные затраты в размере примерно 32 млн. марок ГДР и требовала около 150 работников. Установка состояла из подготовительной и металлургической частей, причем металлургическая часть подразделялась на пирометаллургию и гидрометаллургию.

В соответствии с моей квалификацией я работал в металлургической части. Сооружение опытной установки стало следствием открытия большой оловянной рудной залежи в Западных Рудных горах в районе Шварценберга — Обервизенталя. Тогдашняя цена на олово на мировом рынке оккупала разведку этого месторождения и добычу олова. Благоприятствовало еще и то, что месторождение содержало и другие ценные компоненты, например, вольфрам, цинк, медь и магнетит. Пилотную установку возглавляли два опытных инженера — М. Майкснер и Г. Герлах. Советские граж-

дане также входили в состав инженерного персонала. Подлежавший изучению процесс был разработан Московским институтом ВНИИХТ. Поэтому наряду с постоянным советским персоналом работала и так называемая «московская помощь». Специалисты из Москвы сменялись примерно каждые 3 месяца. Так как эти исследователи, в противоположность советским висмутянам, не говорили, как правило, на немецком языке, а нам необходимо было общаться по рабочим вопросам, — я смог во время этого сотрудничества улучшить мои познания в русском языке.

По моей оценке, сотрудничество между всеми участниками проекта было образцовым. Тем не менее, исследования в части металлургии были отмечены множеством проблем. Сюда относились, прежде всего, проблемы коррозии при обращении с горячими хлористоводородными растворами и негерметичности в системе, которые вели к поступлению кислорода, снижая этим крайне необходимую для процесса восстановительную атмосферу.

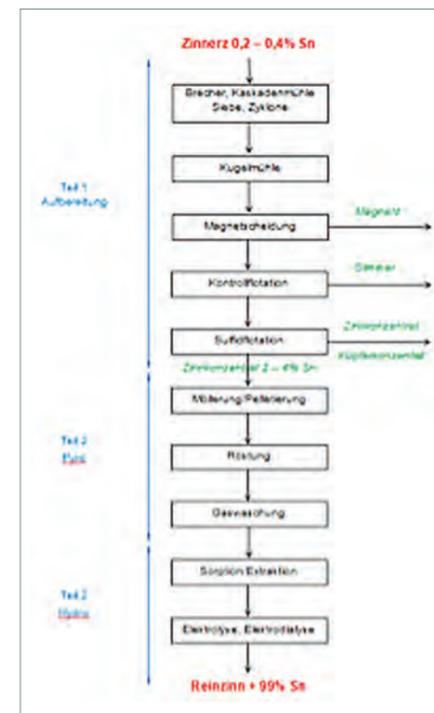
В части подготовки, наоборот, удалось создать относительно непрерывное инвестиционное производство, причем, однако, и в этой части не удалось достичь желаемого уровня производственных издержек. Тем не менее, исследования по переработке продолжались еще до 1988 года (с 1982 г. они были дополнены вольфрамными рудами). Но металлургическая часть была закрыта еще в 1979 г.

Годом раньше закончилась моя деятельность на пилотной установке по извлечению олова. В технической дирекции я принял новую функцию уполномоченного в области инвестиций. Мой новый шеф был руководителем технического отдела, позже — отраслевой технической директор К. Х. Винниг. Под его руководством я проработал почти 15 лет. В нем я ценил, прежде всего, решительность и поддержку сотрудников, выполнявших задания. К сожалению, в течение более поздних лет, работая с другими начальниками, я получил в этом отношении и другой опыт. Теперь, естественно, надо было опять привыкать к своим обязанностям в новой должности. Во время деятельности с пилотной установкой у меня не было особых представлений о подлинной цели Общества, а именно о переработке урановых руд. Причиной тому было строгое сохранение тайны, поэтому любой инженер мог знать только то, что требовалось для исполнения его непосредственной деятельности. Ничего не менял также и тот факт, что я был допущен к высшей степени секретности — к «совершенно секретным документам».

Немного подробностей о перерабатывающем предприятии № 101. ПП № 101 создавалось с 1950 года на территории бывшей бумажной фабрики, и было запущено в производство в 1951 году. С пропускной способностью более чем 3,1 млн т. руды в середине 50-х годов оно было в то время во всем мире самым большим предприятием переработки. После ввода в эксплуатацию ПП № 102 его значение несколько уменьшилось. Тем не менее, пропускная способность в начале моей деятельности там в середине 70-х годов составляла еще более 2,1 млн т. руды. В качестве сравнения укажу на данные из западногерманского специального журнала «Ерцметалл» 1978 года, где на установках западного мира средняя ежегодная пропускная способность составляла примерно 0,5 млн т. ПП № 101 просуществовало с 1951 по 1989 гг., то есть почти 40 лет. За этот период было переработано почти 75 млн т. руды, из них извлечено примерно 77 000 тонн урана. Это составляло примерно одну треть общей продукции СГАО «Висмут».

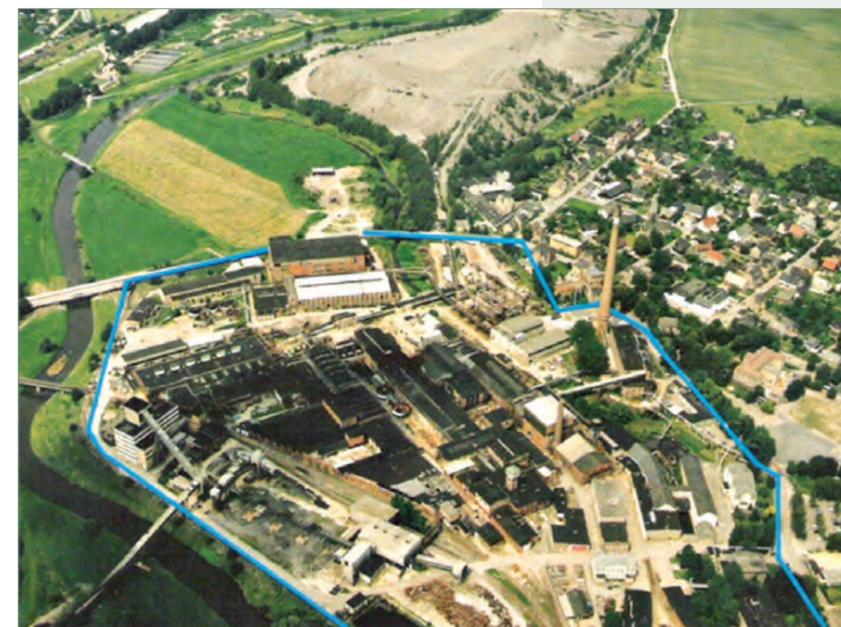
С самого начала переработка происходила по двум отдельным технологическим линиям:

- переработка жильных руд Рудных гор с содержанием урана 1000–4000 г/т охватывала по существу степени измельчения,

Грубая схема извлечения олова.

Территория предприятия и отвалы на заднем плане.

сортировку, а также радиометрическое и гравитационное обогащения. Пустые породы отгружались к северу от территории завода в отвалы.

- карбонатные руды из Восточной Тюрингии с содержанием урана примерно 800 г/т после измельчения, истирания и сортировки подлежали содово-щелочному выщелачиванию. С 1965 года подключили сорбцию суспензий с последующей регенерацией. Последними технологическими ступенями процесса в схеме Тюрингских руд были осаждение с нашатырным спиртом, а также последующие фильтрация и высушивание.

Полученный таким способом химический концентрат содержал примерно 70 % урана. Осажденную суспензию откачивали в промышленный отстойник Хельмсдорф, который находился в нескольких километрах к западу от территории предприятия. До ввода в эксплуатацию отстойника Хельмсдорф в 1958 году существовали 2 небольших сооружения

в той же самой области (Дэнкритц 1 и Дэнкритц 2).

Наряду с обоями сортами руд из Рудных гор и Восточной Тюрингии в ПП № 101 стали временами поступать также руды из ГДП Кенигштайн, и из ГДП «Вилли Агатц» (Фрайтальские рудоносные угли).

Ниже указан краткий сводный баланс поставляемых количеств:

- Тюрингская руда: 46,3 млн т
- Саксонская руда: 22,4 млн т
- Кенигштайн: 5,0 млн т
- Фрайтальские угли: 1,0 млн т

Естественно, что процессы переработки при таком долгом периоде эксплуатации претерпели в зависимости от состояния науки и техники множество изменений. Упомяну внедрение автогенного дробления в 1971 году, внедрение пиритной флотации в 1967 году, постепенное внедрение с 1972 года (полностью — в 1981 г.) автоклавного выщелачивания для Саксонских руд, а также внедрение автоклавного выщелачивания Тюрингских руд в 1984 году. Следующая схема переработки урановых руд показывает ее состояние к концу периода эксплуатации во второй половине 80-х годов:

— в результате описанных технологий на территории ПП № 101 находились:

- территория завода с площадью примерно 20 га;
- отвал пустых пород в Кроссене с площадью примерно 22 га;
- промышленные отстойники площадью в целом примерно 300 га;
- прочие площади для различных вспомогательных и прочих установок, а также социальные учреждения общей площадью примерно 5 га.

На этом предприятии мое задание состояло преимущественно в том, чтобы срочно довести необходимые инвестиции до проектной зрелости и для подтверждения необходимого финансирования. Исключением составляли такие крупные инвестиции как внедрение автоклавного выщелачивания и, позднее, добыча серебра, где для подготовки и реализации были созданы центральные строительные штабы.

Упомяну некоторые из подготовленных мной инвестиций:

- ✓ улучшение просеивания и сортировки в цехе 10;
- ✓ реконструкция осаждения в цехе 8;
- ✓ улучшение постфильтрации в цехе 11;
- ✓ реконструкция парогенераторов в котельном помещении;
- ✓ перевод снабжения сжатым воздухом на центральный компрессор;
- ✓ реконструкция системы углеподачи;
- ✓ реконструкция оборудования по снабжению электроэнергией;
- ✓ реконструкция дома культуры в Кроссене;
- ✓ модернизация амбулатории на предприятии.

К этому добавлялись работы на отстойнике Хельмсдорф, где ежегодно требовались инвестиции в размере 2–3 млн марок ГДР. Вышеупомянутый список показывает, что необходимые работы требовали сотрудничества почти со всеми структурами предприятия. Партнером было, прежде всего, проектное предприятие, но также и научно-технический центр, строительско-монтажное предприятие № 17 и принимающая решения и дающая кредиты Генеральная дирекция «Висмута». Естественно, осуществлялось также множество контактов с поставщиками и строительными предприятиями народного хозяйства ГДР.

В моем трудовом договоре была также указана деятельность в качестве посредника предприятия с отделом по делам «Висмута» районного совета Карл-Маркс-Штадта. Этот отдел был ответственен за ведение дел, связанных с деятельностью «Висмута». Партнерами при этом были, прежде всего, коммуны, государственные учреждения,

земельные предприятия и лесные хозяйства, а также народные предприятия и жители. Участие в соответствующих встречах давало мне возможность, также как и вышеописанное внутривисмутское сотрудничество, широкого обзора процессов и взаимоотношений.

Начиная с начала 80-х годов, начался отчетливый спад переработки, связанный со снижающимися содержаниями урана. Об этих проблемах официально не говорилось, однако, внимательному наблюдателю они не оставались скрытыми. Причиной было снижение горных работ в Рудных горах и в Восточной Тюрингии к югу от автобана А4. Вскрытые новые месторождения к северу от автобана не отвечали ожиданиям. Как уже упоминалось, официальной информации об этом не было. Автор считает, что советская сторона скорее была готова обсуждать эти проблемы и их последствия. В то время я принял участие на проходящих ежегодно в «Висмуте» учебных курсах по переработке. По все еще находящимся у меня записям, на этих учебных курсах тогдашним руководителем 9-го отделения Генеральной дирекции доктором Шаталовым были названы цифры, которые отчетливо показывали спад. Такое развитие в то время касалось и меня, но не принесло мне особых забот о моем будущем. Хотя можно было рассчитывать, что при запланированном сокращении объемов переработки сначала будет поставлено под сомнение существование ПП № 101 как меньшего и более старого из обоих предприятий, однако, с другой стороны, все еще обсуждалось преобразование ПП № 101 в предприятие по добыче олова и вольфрама. К тому же в 1984 году были предприняты самые большие в истории ПП № 101 инвестиции при внедрении автоклавного выщелачивания для Тюрингских руд. Нормативный срок возмещения этих инвестиций составлял более 7 лет, так что, с моей точки зрения, уже лишь по этой причине не нужно было опасаться никакого краткосрочного свертывания производства.

В 1986 году существующее устройство даже было еще и расширено. Кроме того, я видел шансы включения предприятия переработки Кроссен после его закрытия в ПП № 102. В то время возможность полной ликвидации «Висмута», которая случилась после 1990 года, трудно было себе представить. То, что события Чернобыля, окончание гонки вооружений при Горбачеве и связанное с ними тотальное падение на мировых рынках цен на уран должно было ускорить спад производства предприятий «Висмута», лишь постепенно станови-

лось ясным. Сегодня я знаю по архивным документам «Висмута», что свертывание ПП №101 было запланировано на 1995 год. Событие, которое отражено ниже, даже ускорило этот срок.

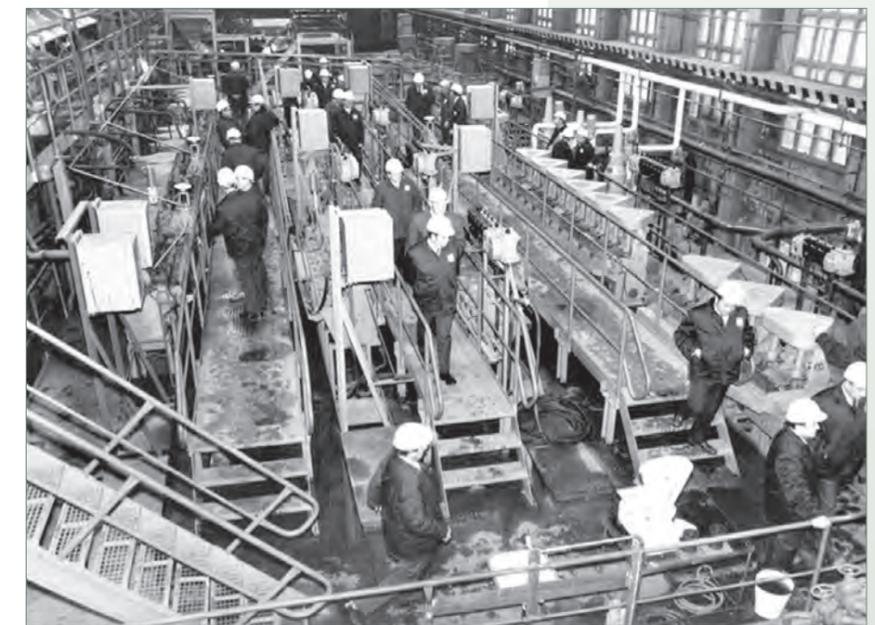
В 1983 году при разведке уранового месторождения Нидершлема — Альберода было встречено рудопоявление серебра. Органы власти ГДР поручили «Висмуту» начать все необходимые мероприятия к эксплуатации серебра. Была срочно разработана технология, которая предусматривала добычу серебра на ПП № 101 из ураносодержащих серебряных руд. Намеченное устройство с пропускной способностью 2 тонны серебра в год было введено в эксплуатацию несколькими строительными этапами в период в 1987–88 гг. Также и я видел здесь возможность улучшения перспектив ПП № 101. Однако, при внедрении процесса были недостаточно учтены высокие содержания мышьяка — в среднем 9 % и до максимальных величин — более чем 50 %. При содово-щелочном вскрытии мышьяк попадал в раствор и с массой в отстойник Хельмсдорф. Это вело к повышению содержания мышьяка в воде бассейна вплоть до содержаний более чем 100 мг/л. В результате это привело к гибели диких уток и другой водной птицы, что осложнило отношения в регионе.

При оценке этого события следует учитывать ситуацию в ГДР 1989 года. Возникла срочная необходимость действий, в результате которых закрытыми решениями на 1989 год была запланирована консервация ПП № 101.

Посещение советско-немецкой правительственной делегацией пилотной установки для извлечения олова.

Отстойник Хельмсдорф на съемке 90-х годов. На заднем плане Дэнкритц 1.

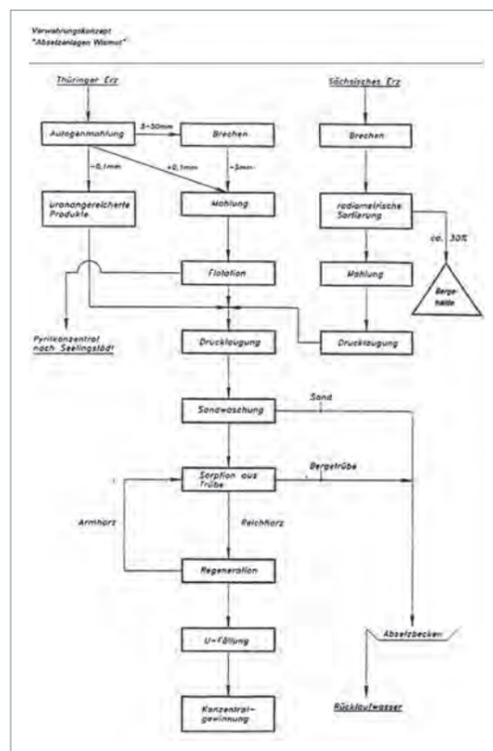

Схема переработки урановой руды на ПП № 101.

Заинтересованным лицам, а именно сотрудникам, сообщили эти решения только в мае 1989 года. Такая манера поведения, естественно, привела к значительному недовольству в коллективе. В течение кратчайшего времени многим пришлось окончить прежнюю деятельность и приниматься частично за абсолютно иную работу на государственных предприятиях. Большинство из бывших сотрудников проработали на новых предприятиях лишь несколько месяцев. Из-за перемен в ГДР многие из этих предприятий также закрылись, или количество их работников были резко сокращено. Новые сотрудники были, естественно, уволены первыми.

Все же удивительно, как упорядоченно проходило свертывание предприятия в этих трудных условиях 1989 года. При этом нужно учитывать, что часто постановления уже через несколько дней перекрывались свежими событиями. При этом поддержка Генеральной дирекцией «Висмута», с моей точки зрения, была недостаточной. Тамошние руководящие работники стояли, самое позднее, с 1990 г. перед абсолютно новой ситуацией, когда они должны были сворачивать не только 3 предприятия, а все Общество, включая самих себя. Руководство Общества вынуждено было нести основную тяжесть решений 1989 и 1990 гг. и их последствий.

Для тех, кто оставался в Обществе, что-бы выполнять сворачивание и санационные

работы, началось волнительное время. Я также относился к предусмотренным для этого работникам. Некоторое время я обдумывал поиск новой деятельности, так как по тогдашним представлениям для санационных работ было предусмотрено лишь примерно 5 лет. И тогда я должен был бы искать все равно новую работу, что было бы точно тяжелее в 46 лет, чем в возрасте 41 года. Однако, в конце концов, я решил, что останусь, тем более что в связи с политическими событиями и взятием под свой контроль и управление «Висмутом» законодательством Федеративной Республики Германии проявилось, что санация продолжится существенно дольше, чем было запланировано. Было ли это решение правильным — сложно теперь оценить. Санационные работы требовали профессионального подхода. Будучи полной целиной в этом плане, мы оказались перед лицом многих противоречий и проблем. Для тех, кто отважился на новое начало, из-за краха большей части народной экономики сложностей было, вероятно, еще больше.

Думаю, с сегодняшней точки зрения можно дать оценку, что вопреки первоначальному большому сомнению, поставленные задачи на территории мы весьма успешно выполнили.

Мой профессиональный рост в это время начался с должности заместителя руководителя санационного отдела в Кроссене и руководителя инженерного отдела. Оставшиеся установки бывшего ПП Кроссен были присоединены в 1990 году к ПП Зелингштедт. Руководителем санационного отдела Кроссена был уже упомянутый К. Х. Винниг. После его ухода на пенсию в 1992 году я принял его дела. Примерно с 1998 г. начался переход от относящейся к санации структуры к определенной исключительно для санирования структуре. В этой связи я был назначен руководителем отдела санирования промышленных отстойников, включая водоочистительные установки санационного предприятия Зелингштедт. При присоединении Зелингштедта к санационному предприятию Роннебург я стал руководителем проекта гидроустановок в Кроссене, Зелингштедте и Роннебурге.

Уже вскоре после объединения Германии я начал интересоваться также вещами, которые в ГДР были строго засекречены. Частично это даже требовалось и с профессиональной точки зрения. Возникло желание после окончания моей профессиональной деятельности изложить историю ПП № 101 в письменном виде. С этим предприятием я чувствовал себя все еще сильно связанным.

После выхода на пенсию я начал в 2008 году осуществлять свои намерения по написанию книги. Это потребовало необходимости обширных поисков в архивах «Висмута» и переговоров со многими бывшими работниками предприятий. В 2010 году я смог представить часть I (период 1950–1970 гг.) и в 2013 году — часть II (период 1971–1989 гг.) истории ПП № 101. Интерес общественности к публикациям подтвердил мою точку зрения, как важно сохранить эту весомую часть промышленной истории региона для будущих поколений.

Руководящие работники предприятия последних лет. Фотосъемка по поводу 60-летия со дня рождения советского главного инженера Семенова.

Гюнтер Дукке

Гюнтер ДУКЕ, родился в 1934 году в Дрездене. Окончил восьмилетнюю школу, прошел трехлетнее обучение по специальности «точная оптика». Получил аттестат зрелости на рабоче-крестьянском факультете в 1953 году. В 1958 году с отличием окончил Московский институт цветных металлов и золота им. М.И. Калинина и получил диплом горного инженера. С 1958 по 1991 год работал в СГАО Висмут. Затем — руководителем отдела профзаболеваний и защиты от вредных веществ в страховом обществе горной промышленности. С 1999 года — пенсионер.

Судьба позвала меня в неведомую даль

моя малая родина. После окончания школы 8-летки и 3-х летнего обучения специальности точного оптика я совершенно неожиданно (а родом я был из рабочей семьи) получил возможность в течение 2-х лет учиться на рабоче-крестьянском факультете, чтобы получить аттестат о полном среднем образовании. Уже в феврале 1953 г. я был предварительно зачислен на факультет физики технического университета Дрездена.

17 июня 1953 года — день, имеющий особое значение для истории ГДР — мне предложили в директорате учиться за границей¹. Специальная комиссия распределила по учебным заведениям. К моему удивлению я узнал, что буду учиться в Московском институте цветных металлов и золота им. Калинина МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых».

Среди возможных специальностей физики, однако, не было. Поскольку в 19 лет еще

Гюнтер Дукке.

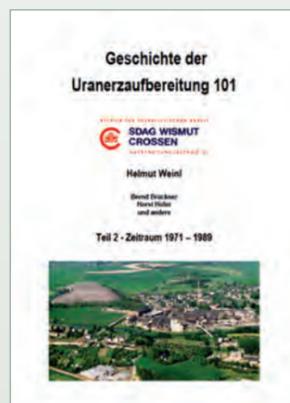
WISMUT

*Wer einmal bei der Wismut war
im Berg und über Tage,
dem wird erst jetzt bewußt und klar:
Es waren schöne Jahre.
Gewiß, die Arbeit, die war schwer
und oftmals voll Gefahren.
Wir denken aber gern zurück
An diese Wismut-Jahre.
Der Wismut-Geist steckt in uns drin.
Er drang in uns're Herzen ein.
Drum macht es auch noch heute Sinn,
als Wismut-Kumpel stolz zu sein.*

*Gefunden im Museum der Geschichte
des Objektes 90 der ehemaligen SDAG Wismut*

Дрезден — мой родной город. Здесь я прожил 19 лет, здесь жили мои родители, это

¹ События 17 июня 1953 года в ГДР (также известны под названием «Народное восстание 17 июня») — массовые антиправительственные выступления в ГДР (прим. пер.)

Документы к истории ПП № 101 в 2-х томах.

Выпускники 1958 г. МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых». В их числе (внизу, второй слева) — Гюнтер Дукке.

очень сложно окончательно определиться с будущей профессией, я выбрал специальность «Разведка месторождений полезных ископаемых» в одном советском ВУЗе, рассудив, что, во всяком случае, геологи и минералоги имеют дело с оптическими приборами.

Я был бесконечно счастлив, но и взволнован ожиданием предстоящего. От этого просто захватывало дух: вдали от родительского дома, самостоятельно, изнутри узнавать новую страну, ее географию, познакомиться с новыми людьми, языком и культурой, и все это — лишь 8 лет спустя после окончания ужасной войны, основную тяжесть которой вынес на своих плечах народ Советского Союза. Я вспомнил тогда, что мой отец в 1926–27 гг. отправился на заработки в Италию и там приобрел бесценный опыт и знания, которые пригодились ему в жизни. Жизнь в чужой стране сформировала его как человека. А я буду получать стипендию и смогу полностью сконцентрироваться на учебе. Невероятно заманчивая перспектива!

Прошло несколько недель подготовительного обучения в местечке Бургшайдунген (филиал университета имени Мартина Лютера в Халле-Виттенберге). Я был в третьей группе студентов, отправлявшейся в Советский Союз. В конце августа мы поехали в Москву. «Новеньких» специальная комиссия распределила по учебным заведениям. К моему удивлению я узнал, что буду учиться в

московском институте цветных металлов и золота им. Калинина МИЦМиЗ (Цветметзолото) по специальности «Разработка месторождений полезных ископаемых».

Нас, восьмерых немецких студентов, вместе с багажом повезли на открытом грузовике на Крымский вал к нашему институту Цветметзолото. А затем, к месту нашего проживания — «Дому Коммуны», который находился на 2-ом Донском проезде, дом 9. Это весьма интересное здание с точки зрения архитектуры, которое в шутку мы называли «сороконожкой». К достоинствам этого общежития, кроме многочисленных услуг, относились также маленькие двухместные комнатки, называвшиеся «кабинами». Как правило, там жили русский и иностранный студент, которым приходилось весьма тесно общаться, пусть даже сначала только с помощью жестов.

С октября мы приступили к занятиям в семинарских группах и поточным лекциям. На нашем потоке «ГИ-53 — Горные инженеры 1953» было 120 человек, которые были поделены на 4 семинарских группы. Проблемы в понимании, конечно, существовали и лишь постепенно сходили на нет.

Учеба доставляла мне много радости. Я относился к ней серьезно, но на всякий случай утешал себя в глубине души тем, что, если не справлюсь, то, может быть, получу все-таки шанс продолжить учебу в ГДР. Я старался быть последовательным, заниматься постоянно и сразу закреплять пройденное. Поэтому в сессию мне не нужно было особенно углубляться в детали, а только систематизировать материал.

Учебный год заканчивался практикой. Геолого-геодезическую практику 1954 г. мы проходили в Коломенском. В те годы это был пригород Москвы, куда добираться нужно было на трамвае. В 1955 г. мы были на Урале и знакомились с добычей золота и платины на россыпных месторождениях. Мы жили вместе со студентами из других областей и Союза в общежитии.

В 1956 г. мы с Вернером Хоппом работали в бригаде забойщиков на горнометаллургическом комбинате в Лениногорске на Алтае. Там мы познакомились с одной немецкой семьей из Поволжья, которую во время войны принудительно переселили на Алтай. Господин Фрай работал на шахте в ламповой. Мы часто заходили к нему в гости, разговаривали на русском и немецком, вместе пели немецкие народные песни и играли на губной гармошке. Заработав за время практики денег, мы смогли на обратном пути в Москву задержаться в Алма-Ате. Изюминкой этого зеленого города, вызвавший наш особый интерес, был высокогорный ледовый каток Медео.

В 1957 г. мы знакомились с добычей железной руды в Кривом Роге. Здесь существовал непривычный для нас порядок переодевания в раздевалке из обычной одежды в рабочие комбинезоны, который нам пришлось долго осваивать. Кроме того, удавалось с большим трудом отмывать красную рудную пыль с лица. Преддипломную практику я проходил опять на Алтае в месторождении Белоусовское. Прежде всего мне выдали ватник и валенки вместо моего черного «зимнего» пальтишки и ботинок, так как температура там достигала — 60 °С. Вот где я прочувствовал настоящую зиму — континентальную, морозную, с метелями и снегопадами, иногда в полной изоляции от внешнего мира.

После возвращения в Москву я занялся написанием дипломной работы, которую успешно защитил в июне. На этом закончились мои студенческие годы в Москве.

Вместе с радостью по поводу успешного завершения учебы и того, что ждало меня дома в ГДР, — невеста, родители, друзья и новая работа в уранодобывающей промышленности, я испытывал грусть от расставания с любимой Москвой, институтом и верными друзьями.

«Московские годы» являются важной частью моей жизни, я горд и счастлив ими. Они научили меня больше, чем просто профессиональным знаниям, и я всегда был благодарен моему государству, ГДР, и Советскому Союзу за то, что мне, мальчику из рабочей семьи (сегодня это называется «выходец из малообразованных слоев») была предоставлена такая возможность. Я мог бы без проблем между 1958 и 1961 гг. эмигрировать в ФРГ, но это не соответствовало моим представлениям о чести и совести.

Даже с распадом Советского Союза не прервалась переписка с моим товарищем, однокурсником, к. т. н. Е. И. Суловым. В 2006 г. мы с женой на 7 дней приехали туристами в Москву и были в гостях у него в семье. Город изменился до неузнаваемости. Многие отремонтированы, реконструированы и построены заново. Но, честно говоря, эта новая Москва больше не та Москва, которую я знал и любил...

Здание нашего старого института все еще узнаваемо снаружи, хотя минуло уже 50 (!) лет, но внутри все стало чужим, и я не смог ничего узнать. Однако я ощущаю живое родство с русской столицей. В 2008 г. мы отправились в водное путешествие из Санкт-Петербурга (бывшего Ленинграда) в Москву. На нашей встрече мы отпраздновали с Женей Суловым наш «золотой диплом». Как же быстро пролетело столетие...

В 1958 г. началась моя деятельность в Советско-Германском акционерном обществе «Висмут» (СГАО «ВИСМУТ») в каче-

стве ассистента по производству, подобно тому, как в Союзе многие новоиспеченные горные инженеры начинали свой путь десятниками вентиляции. У меня был диплом с отличием, но я был «гол как сокол». Чтобы жениться, мне нужно было сначала заработать денег. Я наверстал это в 1959 г.

Начал я работать на шахте № 66 Объекта 9 в Нидершлема на гор. –330 м на участке № 4. Руководил участком Курт Стельцнер. Начальником шахты был Хорст Хоппенц, оберштайгером — Эрнст Урбут. Субботы были рабочими днями. Работал в три смены. Первая смена начиналась в 6 утра, поэтому приходилось рано вставать, чтобы в 5.30 быть у ствола для спуска в шахту. Работа была разнообразная и интересная. Развитие горных работ ставили перед инженерами новые задачи, которые нам надо было квалифицировано решать.

Таким новым для меня направлением стала борьба с пылью при ведении горных работ. Кто длительное время вдыхает пыль, содержащую свободную двуокись кремния, может заболеть силикозом. Поэтому необходимо подавлять такую пыль по возможности уже при ее появлении и предотвращать попадание ее в рудничную атмосферу и перемешивание с потоком воздуха.

Силикоз — древнейшее профзаболевание. Явные признаки силикоза были обнаружены еще у строителей египетских пирамид. Со времен Георгия Агриколы болезнь описывалась и исследовалась как «болезнь горняков» или «болезнь легких». Эту давнюю угрозу шахтеров уже в 1924 году включили в первый официальный список профессиональных заболеваний Германии. Заболевания легких от кварцевой пыли чаще всего встречаются среди горняков и литейщиков, при добыче камня и редких земель. Так что это не является особенностью «Висмута», как распространяют в настоящее время средства информации в ФРГ. Широкое развитие силикоза было и среди шахтеров, работавших в каменноугольных районах Саксонии, в Рурском и Саарском бассейнах.

В так называемые «дикие» послевоенные годы, разведку и добычу урановых руд в советской оккупационной зоне Германии начинало предприятие «Висмут», которое было Советским акционерным обществом

На практике в Лениногорске. 1956 год.

На Красной площади с другом Эльмаром Ильгербаевым. Студенческие годы.

и секретной военизированной режимной организацией (поэтому люди говорили, что «Висмут» — это «государство в государстве»). Законодательство по безопасности труда бывшей Германии уже не действовало, поэтому руководствовались переведенными с русского языка в 1947 и 1949 годах правилами безопасности труда для горных предприятий Советского Союза. Уже до 1950 года начали внедрять мокрое бурение, назначать десятников вентиляции и стимулировать новаторство (рационализаторские предложения по технике безопасности). Разумеется, сразу не удалось все сделать. Не везде соблюдали дисциплину труда, не хватало специалистов-горняков.

Врачи предприятия первыми столкнулись с увеличением числа больных силикозом. Поэтому в 1959 году генеральная дирекция «Висмут» создала на объектах № 9 и № 90 службы по борьбе с пылью (лаборатории по борьбе с пылью с лаборантами и пробоотборщиками, рабочими и инженерами), аналог дозиметрическим службам, созданным в 1956 году.

Мне и моим коллегам была поставлена задача организовать работу этой службы, которая бы занималась измерением уровня запыленности в рудниках и реализацией мероприятий по защите горняков от давней угрозы — силикоза. Для выполнения задач по обеспечению технической гигиены труда (пограничная область между техникой и медициной) требовались инициатива и творческий подход, эта область была абсолютно новой. Надо было время для подготовки и обучения специалистов. Поэтому службы начали работать регулярно с июня 1960 года.

Большинство пробоотборщиков — пожилые и освобожденные от тяжелых работ горняки, лаборантки — женщины без всякого опыта в лабораторных работах. К счастью появился у нас в АУе Манфред Ротенбергер, опытный лаборант-химик из горноспасательной команды. Мы, руководители (Эрхард Тюммлер в Гере и я в Шлеме) были молодые, еще малоопытные горные инженеры. Большую помощь получили в самом начале от специалистов знаменитого Московского исследовательского института ЦНИГРИ/НИГРИзолота (Центральный научно-исследовательский геологоразведочный институт цветных и благородных металлов) (к. т. н.) А. Ф. Сачкова и Е. И. Чернова.

Основные сведения получил из книги «Обеспыливание атмосферы рудников. Практическое руководство», авторы доц. В. А. Сипягин (к. т. н.) и А. Ф. Сачков (к. т. н.), (Москва, металлургиздат 1958 г.). Первая наша командировка в 1965ом году привела меня с инж. Вилли Шлезингером в Москву к проф. Е. И. Воронцову в Научно-исследо-

вательский институт гигиены труда и профзаболеваний Академии медицинских наук СССР.

Наша противопоылевая служба старалась поставленные задачи творчески, с энтузиазмом и усердием решать и реализовывать на практике. Концентрации запыленности рудничного воздуха определяли главным образом счетным (при помощи кониметров народного предприятия Цейсс, модели 1 и 10, частицы/см³) и весовым методами (при помощи гравиметров общей запыленности, миллиграммы/м³). Содержание свободной двуокиси кремния в рудничной пыли определяли под микроскопом методом фазового контраста и химическим способом.

Благодаря систематическому измерительному контролю и мероприятиям пылеподавления удалось снизить запыленность в атмосфере рабочих мест и на стационарных измерительных точках. Первой целью гендирекция поставила нам снизить на Объекте 9 среднюю концентрацию пыли с 1500 ч/см³ до 500 ч/см³. Это нам казалось тогда очень смелым. Мы конечно понимали, чтобы достигнуть видимые, доказуемые успехи при предупреждении силикоза необходимо большие усилия и много времени, возможны трудности и неудачи.

Нашу уверенность подтверждали годовые статистические данные силикозной комиссии. Они показали, что числа новых случаев силикозов и подозреваемых силикозов не зависели от стажа работы во вредных условиях — как это ожидалось — а от даты поступления на работу в «Висмут» в начальный период создания предприятия. Теперь нам, по данным научного исследования, известно (см. «Анализ прошедших нагрузок на урановых рудниках бывшего СГАО «Висмут» за исключением радиоактивной экспозиции с 1946 по 1990 гг.», выполненный по поручению союза товариществ промышленных страховщиков, Санкт Аугустин 2000 г.), что в ГДП Ауэ уже в 1966 году концентрация тонкой пыли составляла меньше 2 мг/м³. Такая концентрация занимало бы в те годы одно из передовых мест среди горнорудных предприятий ФРГ. Значит, наша работа помогала снизить ежегодную заболеваемость силикозом до минимума и процесс развития болезни смягчить (вероятная продолжительность жизни больных достигает норму).

В январе 1964 года меня пригласили в 7 отдел (производственный) гендирекции «Висмут» с заданием развивать работы по пылеподавлению. Ближайший мой коллега был дипломированный физик Вальтер Будник — уполномоченный за радиационную безопасность, с которым и сегодня сохраняю дружеские связи. Валентин Павлович Назаркин, Вернер Эберт, Слава Жильцов, Карл Глюк,

Эрнст Эгерер, Рональд Бауманн и другие сотрудники производственного отдела сразу приняли нас в свой коллектив, несмотря на то обстоятельство, что наши задачи несколько отличались от них. Коллектив был дружный и я с удовольствием вспоминаю веселые и интересные вечера и поездки того времени.

В 1967 году 13 отдел гендирекции перестроили заново в отдел охраны здоровья и труда. В составе его вошли 3 группы. Руководителем отдела был горный техник Ганс Мильде. Начальник группы охрана труда, техники безопасности и горноспасательной службы — горный техник Герхард Феликс. Начальник группы охраны здоровья и реабилитации — Эдгар Ширмер Кэн. Начальник группы технической гигиены труда — дипломированный физик Вальтер Будник. Наша группа технической гигиены труда состояла из специалистов — радиационная защита/уполномоченный атомной безопасности — дипломированный физик Вальтер Будник, дипломированный инженер Зигмар Рихтер, борьба с пылью и охрана атмосферы/уполномоченный за охрану окружающей среды — Гюнтер Дуке (к. т. н.) и защита от шума и вибрации — Хардмут Фогель кестн.

Область моих задач постоянно увеличивалась. К силикозоопасной пыли прибавились асбестовая пыль, мышьяк, токсикология и охрана внешней среды (охрана атмосферы, борьба с эмиссиями и иммиссиями). Эта группа задач находилась близко к медицине труда и охране окружающей среды, загружала меня постоянно заново, требовала творчества и инициативы. Профессия моя стала судьбой моей.

В 1960 году организовали специальную комиссию для борьбы с пылью и по охране окружающей среды в рамках Палаты техники (добровольная организация инженеров в ГДР), которую я возглавлял все 30 лет ее существования. В состав ее входили представители всех предприятий «Висмута», НТЦ, ПП, здравоохранения, инспекции охраны труда и горного надзора Карл-Маркс-Штадта. Комиссия собиралась регулярно и подготовила много решений и новшеств.

Тесная рабочая связь установилась со здравоохранением «Висмута», особенно с инспекцией промсанитарии и гигиены труда (Arbeitssanitätsinspektion), врач Круглова (к. м. н.), мр Тило Винклер (к. м. н.), Мартин Йенссон (к.м.н.) и с центром по гигиене труда (Arbeitshygieneinspektion) Вольфганг Мерлейн (к. м. н.), Клаус Фридрих (к. м. н.).

После заочной аспирантуры в горной академии я защитил в 1969 г. диссертацию.

На протяжении 25 лет я был инженером-консультантом в медицинской комиссии

по силикозу горнорудной промышленности в Нидердорфе.

Профессиональные связи по специальности существовали у меня с 22-м отделом НТЦ. Так как в нашем отделе гендирекции советских специалистов не было, я находил здесь возможность иногда говорить по-русски. Однако нельзя забывать, что многие из советских специалистов по один—два раза и по несколько лет уже бывали в ГДР и говорили лучше по-немецки, чем мы по-русски. С Вадимом Мельниченко и Валерием Придорогиным существовали тесные деловые контакты, К сожалению, способ пылеподавления (к. т. н.) В. Д. Придорогина на практике в наших условиях не оправдал наших ожиданий.

Мне дали возможность побывать в командировках в Москве, на Урале и в Средней Азии. Обнаруживал там интересные новинки и большое гостеприимство людей. Ученые в Москве в то время интенсивно занимались пылеподавлением на каменноугольных шахтах. Но так как пыль на урановых рудниках не особенно гидрофобные, мы не были в состоянии им помочь.

Возможности опять говорить по-русски получил при таких обстоятельствах:

- в 1983 году по поводу 25-летия нашего окончания ВУЗа;
- в конце 1980-х годов в советском клубе в Зигмаре (доклад по своей специальности перед советскими сотрудниками всех предприятий «Висмута»);
- во время своего пребывания в Москве 2006 и 2008 гг. у своего однокашника Е. И. Сулова.

Благодаря постоянному отслеживанию немецких, советских и чехословацких журналов по специальности (Staub — Reinhaltung der Luft, Гигиена труда, Промсанитария и др.) мне удавалось знакомиться с новейшими знаниями и опытом, что позволяло мне вводить уточнения в указатель трактуемых терминов в информационную систему «Висмута» и переводить отдельные статьи на немецкий язык.

С воспитательной целью повлиять на нашу молодежь, однажды составил брошюру с переводами статей, описывающих пагубные привычки советских подростков курить и употреблять алкоголь, их влияние на здоровье и необходимые мероприятия для защиты их здоровья. Мр Юген Мельхорн (к. м. н.) написал обоснованное послесловие, а я предисловие. Председатель организации Немецкого красного креста в «Висмуте» Мартин Йенссон (к. м. н.) приветствовал эту идею, дал приказ на печатание и передал членам правления на заседании первые, только что напечатанные экземпляры.

На этом заседании участвовал секретарь обкома партии по здравоохранению. Вместо

того, чтобы приветствовать этот труд, он приказал немедленное уничтожить напечатанное произведения. По его мнению, нам конечно надо учиться у Советского Союза, но запрещается говорить нашим гражданам, что там тоже существуют такие проблемы со злоупотреблением табака и алкоголя (о наркотиках тогда еще не говорили). Как далеко от действительности и диалектики! Мне удалось один экземпляр брошюры спасти (он лежит теперь в архиве предприятия «Висмут» ГмбХ).

В 1980-х годах я занимался асбестовой пылью, угрозой мышьяка при добыче и обогащении смешанных сереброносных руд, снижением выброса в атмосферу вредных газов и пыли наших теплоэлектроцентралей, сооружениями для регенерации твердых сплавов, находящихся на территории центрального склада в Гера-Цветцене, а также созданием нового, расширенного файла с промсанитарными данными всех наших трудящихся, хранящихся в организационно-вычислительном центре.

Как-то мне сказали, что придет по техпомощи проф. М. И. Феськов, доктор технических наук из Донбасса (Коммунарский горно-металлургический институт), и познакомил меня с изобретенной им форсункой с двойным диспергированием воды. Действие таково, что разбрызгиваемые капли центробежной форсунки раздробляются на поставленной плоскости. Этим самым образуются направленная струя более мелких капелек повышенной плотности. Полезное изобретение, особенно для подавления водоотталкивающей

пыли на каменноугольных шахтах, угольных складах и т. п. Пыль в наших рудниках связывается эффективно при помощи простых центробежных форсунок. Разговаривали с ним на эту узкоспециальную тему, разрабатывали планы для конструкций новых форсунок с двойным диспергированием воды (их опробовали на Украине и регистрировали в Москве в качестве авторского свидетельства 1990 г.), опубликовали сообщение в спецжурнале ФРГ и наметили монографию. Прекратили наши планы в 2002 году вследствие моей болезни.

Защита секретов и безопасность играли в нашей отрасли большую роль. Тем не менее имелись легальные возможности и вне «Висмута» обмениваться мнениями и реализовывать совместные проекты. Тесные связи существовали с Центральным

институтом медицины труда ГДР в Берлине, Горной академией во Фрайберге, особенно с Институтом безопасности труда и горной безопасности, у которого защитил свою диссертацию, Институтом горной безопасности при Верховном горном надзоре ГДР в Лейпциге и органами Палаты техники (как например с спецкомитетом пыль в рамках Горно-металлургического общества или Центральным кружком защиты окружающей среды при президиума Палаты техники или координированными мероприятиями для защиты трудящихся от асбестовой пыли).

Народному шахтостроительному предприятию в г. Нордхаузен было поручено штольни в районе Гарца восстановить, расширить, проходить и провести крепление. При проведении горных работ в этих породах оказались высокая запыленность и пыль с высоким содержанием свободной двуокиси кремния. Поэтому попросили у «Висмута» оказать социалистическую помощь. Это было необыкновенная, но интересная задача для меня, потому что там применялись громоздкие механизмы, самоходная техника с дизельным приводом и мощное оборудование для торкретирования.

В настоящее время средства информации ФРГ о «Висмуте» говорят и пишут, что условия труда горняков с первых, начальных лет все оставались такие же неудовлетворительные на протяжении всех 45 лет. Так поступать нельзя — протестую. Нужна объективность, правдивость, дифференциация. Во-первых, как минимум различать между периодами советского акционерного общества «Висмут» до 1953 года и СГАО «Висмут» начиная с 1954 года, когда действовали законы ГДР. Во-вторых, необходимо учесть, что ВИСМУТ представляет не только одно исключительно горное предприятие.

К предприятию СГАО «Висмут» относились генеральная дирекция (ГД), 8 горно-добывающих предприятий (ГДП № 9, ГДП Пайтцдорф, ГДП Шмирхау, ГДП Ройст, МГДП им. «Эрнста тельманна» Беервальде, ГДП Дрозен, МГДП Кенигштейн, ГДП им. «Вилли Агатца» Дрезден), 2 горно-обогажительных/перерабатывающих предприятия (ПП № 101 и ПП № 102), центральное геологоразведочное предприятие, проектное предприятие, транспортное предприятие, строительно-монтажное предприятие № 17, 3 машиностроительных предприятий, научно-технический центр, организационно-вычислительный центр, предприятие для снабжения рабочих, заводские академии и 2 профучилища в Шлема и Гера.

К отрасли «Висмут», помимо предприятий СГАО «Висмут», относились: здравоохранение «Висмута» с дирекцией, районами

медицинского снабжения, шахтными амбулаториями, больницами, реабилитационными и лечебными клиниками, центрами гигиены труда и общей гигиены а также центральной патологией, областной комитет «Висмута» СЕПП (обком партии), центральное правление отраслевого профсоюза «Висмут» со соцстрахованием, инспекцией охраны труда и службой по организации отдыха в период отпуска, областная команда «Висмут» Немецкой народной полиции (заводская охрана), областные правления или руководства Министерства госбезопасности, Палаты техники с шахтными секциями и спецкомитетами, обществ для распространении научных знаний (Урания), для немецко-советской дружбы и для спорта и техники, Немецкого красного креста «Висмут» и Свободной немецкой молодежи. В связи с этим можно еще указать на органы Гражданской обороны, Боевых дружин рабочего класса, спорта (Немецкий союз гимнастики и спорта с заводскими секциями, Общій союз мотоспорта с мотоклубами) и культуры (Культурбунд ГДР с филателистами). Все эти организации были подчинены своим соответствующим министерствам или центральным управлениям в Берлине. Они имели статус областей, однако обслуживали не определенную территорию, а трудящихся «Висмута». Здравоохранение «Висмута» возглавлял областной врач (Gebietsarzt), но он был таким же образом подчинен министру здравоохранения ГДР, как и все остальные областные врачи.

Мы обратили большое внимание на защиту трудящихся от асбестовой пыли, так как вдыхание ее может вызывать асбестоз и злокачественные новообразования (карциномы) бронхиальной системы (рак легких) и мезотелиомы (асбестовые раки). В 1977 году мы составили свою брошюру «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут», в которой обсудили вопросы повреждения организма человека и технической охраны исходя из тогдашнего уровня знаний и опыта в нашей урановой промышленности.

Существовало тесное согласование всей нашей деятельности со здравоохранением (технические мероприятия, выяснения, обучения, контроль и т. д.); втайне кое-где называли меня «фетишистом волокон». Однако, в конце концов оправдывалось это старание, это упорство. Более подробно я выразился в неопубликованной статье «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут» — ретроспективный взгляд». Мышьякосоудержающие минералы (в мышьяковистых жилах BiCoNi-формации часто встречаются как леллингит так и самородный мышьяк) играли в гидротермальных месторождениях Рудных гор уже давно большую роль. Первый шаг защиты здоро-

вья горняков заключался в том, что геологам пришлось отдельные очистные выработки декларировать в качестве «мышьяковистого рабочего места». В этих забоях необходимо было соблюдать следующие правила: запрещено курить, кушать и пить, специальное умывальное место, личное полотенце и крем для защиты кожи, а также ежедневная смена защитной одежды. Во время добычи смешанных сереброносных руд (в 1980 годах) эти профилактические мероприятия одни показались недостаточными. В Центре гигиены труда провели интенсивные исследования по этой проблематике мышьяка и тяжелых металлов. В ходе научно-практических исследований появились не только окончательные сводки, а также экзаменационная работа для врача-специалиста по гигиене труда и в 1988 году — медицинская диссертация г-жи Кармен Фритше (к. м. н.). На основании этих исследований районы очистных работ классифицировались, методы пробоотбора и их анализы, пути внедрения мышьяка в организм уточнялись (ингаляция при вдыхании, пенетрация через кожи, ингестия через рот/проглатывание), выяснились сложные биологические процессы в организме человека.

Перед службой охраны и гигиены труда постоянно появлялись новые вызовы в связи с изменением условий отработки месторождений и введением новой техники. Укажу некоторые примеры:

* мокрое пылеподавление в горных выработках 4 каскада и кондиционирование воздуха в связи с ростом температур и влажности рудничного воздуха на глубоком месторождении Нидершлема-Альберода;

* вдыхание нитрогликолевых паров при проходке глубоких стволов шахт;

* работа проходчиков в обыкновенных резиновых сапогах при температуре пород до 64 °С в нетронутым массиве;

* вентиляция, борьба с пылью, пожарами и газами в глубоком карьере Лихтенберг (применение реактивного двигателя самолета для ликвидации застойных зон в атмосфере карьера);

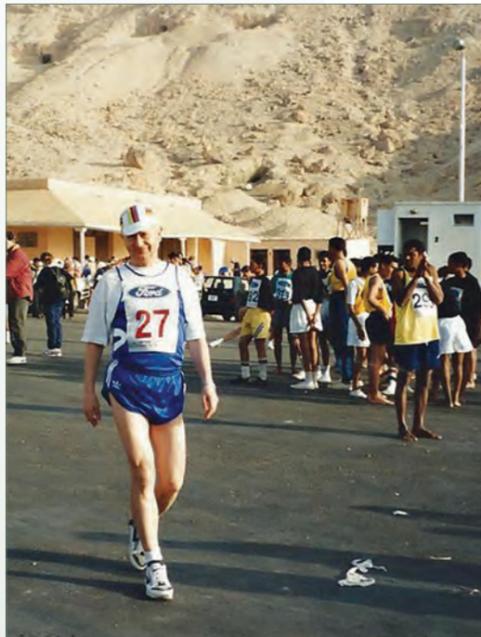
* внедрение горнопроходческих комбайнов и пылеподавление при их работе;

* внедрение самоходной дизельной техники и борьба с явным загрязнением рудничного воздуха дизельной сажой и дизельными газами;

* загрязнение обогатительного предприятия при переработке углистой руды из ГДП им. «Вилли Агатца» Дрезден;

* повышенный износ деталей горных машин в МГДП Кенигштайн из-за высокого содержания кварца в горной массе.

Хочу напоминать еще о следующих ме-

Гюнтер Дуке перед стартом марафона в Египте.

роприятях, которые помогли улучшить условия на рабочих местах:

Разработка комбинатских стандартов «Висмута» (здесь ряд KSW 109–9014/... гигиена труда, вредные вещества в воздухе на рабочем месте), индексирование статей из журналов и включение их в информационную систему «Висмута» (27-й отдел Гендирекции), производство учебного фильма по охране труда «Человек и пыль» (киностудия «Актуелл» СГАО «Висмута» в Шлеме 1968 г., заведующий: Рихард Бюшель), выпуск книги «Пыль в атмосфере рабочих мест» (издательство «Трибуна» Берлин 1980 г.) и брошюры «Асбестовая проблема в СГАО «Висмут», Карл-Маркс-Штадт 1977 г., публикация разных статей, правил и инструкций.

С целью обучения и повышения квалификации специалистов проводились регулярно самые разные семинары, коллоквиумы и курсы. В период с 1971 по 1990 гг. организовались ежегодно пылеизмерительные курсы в интернатах. Длительность обучения до недели, участники — проботорборщики, пылевые лаборантки, рабочие и инженеры по борьбе с пылью, врачи.

Начиная с 1965 года организовывались множество недельных курсов по радиационной защите. Участники - ИТП всех горных и обогащательных предприятий. Темы курсов — биологические эффекты и опасности, дозиметрия, контрольный режим, защитные мероприятия от радиоактивных излучений. Курсы вели: дипломированный физик Вальтер Будник, дипломированный инженер Зигмар Рихтер, дипломированный биолог Лотар Шелленберг. Каждому участнику вручалась курсовая брошюра «Защита от радиоактивных излучений при добыче и переработке радиоактивных руд», сопровождающий материал во время курса и для использования на практике. Цель заключалась в том, чтобы знания по этой важной теме распространить и перенести в ежедневную практику. Лудвиг Хамбек (д. т. н.) разработал новый метод вычисления необходимого количества воздуха для обеспечения радиационной безопасности.

Социальное соревнование в области охраны труда (предупреждение несчастных случаев, защита от пыли, шума и излучения) в СГАО «Висмут» вели под названием метод Басова. (Басов — это бригадир в строительной промышленности Советского Союза, который мероприятия охраны труда предложил материально стимулировать и при этом строго их контролировать). Статьи, переведенные мною, давали нам ценный опыт. Движение Басова помогало нам, улучшить уровень защиты труда при помощи привлечения как трудящихся так и ИТП. В прочем после политического поворота в Германии подобные соревнования по охране труда между руд-

никами, организованные страховом обществом горной промышленности, показали аналогичные результаты. Важное место занимали: ежедневная оценка всех рабочих мест горными мастерами (штейгерами) и всеми ИТП (оценки влияли на высоту надбавок бригадира), объявленные и необъявленные контроли на предприятиях, составление плана контрольных работ на год и т. д.

Несколько слов к моей общественной деятельности. С начало стал членом, а потом председателем профкома среди технических отделов гендирекции. В общей сложности общественная работа требовала значительную часть свободного времени. В первый понедельник месяца встречалась после рабочего дня партгруппа отдела, во второй понедельник проходили партсобрания среди технических отделов гендирекции, в третий понедельник встречались в кружках партийного учебного года. К этому присоединились профсоюзные собрания и заседания правления, учения и тревоги Боевых групп рабочего класса, заседания областного правления Палаты техники, историческая комиссия огородников, секция туристов — автомобилистов, группа бегунов в спортивной организации и т. п.

После школы я не занимался специальной дисциплиной спорта. В середине 1960 годов мне пришлось участвовать в одном учебном социальном проекте. Небольшой круг добровольцев сотрудников гендирекции освобождали еженедельно на один час от работы и тренировали по специальной программе. В начале, а затем спустя полгода снимали физические параметры и способности каждого участника. Научные сотрудники вуза по физкультуре и спорту ГДР в Лейпциге анализировали данные и использовали их для своих дипломных и кандидатских работ.

Вдохновленный положительными результатами этого проекта и лозунгом социальное соревнования «спешите с милей», я с тех пор стал заниматься физкультурой. Так я пришел к бегу трусцой, к спорту. Сначала бегал только свои круги на стадионе им. «Хейнца Фидлера». Потом вовлек Рабенштайнский лес в свои спортивные занятия, участвовал в небольших соревнованиях бегунов в окрестности и конце концов «приземлялся» в больших соревнованиях как реннштейглауф, кернберглауф в Йене, штаузеелауф в Рабенштейне и др. Для бегуна, по сравнению с другими видами спорта, требуются небольшие материальные и денежные расходы и затраты времени. Два часа бегать по лесу (после рабочего дня) великолепное средство, чтобы накопленный стресс снизить, ход своих мыслей привести в порядок, укрепить систему кровообращения, мускулатуру и иммунный аппарат. Чудесно, в тишине преддрожественского времени, вечером с 20.00 до 22.00 часов одиноким бегуном пересекать заснежен-

ные предместья и деревни с домами с иллюминированными окнами и садами. Так как в то время не существовало специальной функциональной одежды, против мороза и ветра засовывал газету под верхний слой одежды.

В рамках массового спорта каждый год выполнял условия спортивного знака ГДР. Поставил себе личную цель, в среднем за месяц бегать 100 км или за год не меньше 1200 км. В периоде с 1983 по 1999 год набегал 21 492 км, в том числе 2 681 км при организованных бегах. Кроме того преодолел не меньше 70 км плаванием, 1 300 км велосипедом и около 700 км на лыжах. Существовали «любимые беги» как например реннштейглауф (14 раз), Йенаер кернберглауф (18 раз), а на других, более экзотических бегах, таких как «Бильские лауфтаге» (Швейцария) или «Египетский марафонский бег» участвовал только один раз. Частые прогулки в горах Малой фатры, Высокой татры (Словакия) или Ретикона (Альпы в Австрии/Швейцарии) доставляли для нас радость.

Большое внимание уделяли в нашей семье участию в культурной жизни. Читать, посещать спектакли в театрах, концерты, оперы, цирки и кино считались нормальным делом. Плата за вход каждый мог себе позволить, в противоположность настоящим условиям. Иногда с удовольствием играл на скрипке, несмотря на ограниченный объем свободного времени как отца семьи. Любил в церквях неоднократно слушать рождественскую ораторию, страсть Иоганна и Матвея композитора Иоганна Себастьяна Баха и другие концерты сакральной музыки. Мы с женой открыты для всех жанров музыки (от оперы, оперетты, мюзикла и симфонии до народной, духовой и карнавальской музыки). После инсульта ощущаю эмоций от музыки более интенсивно, чем раньше (лабильность аффекта).

Моя многолетняя деятельность в уранодобывающей промышленности доставляла мне большое удовлетворение благодаря своей гуманистической направленности. Быстрых результатов в виде снижения уровня профессиональных заболеваний ожидать не приходилось. Но как в медицинской статистике времен ГДР, так и в научном анализе ситуации по запыленности, проведенном под руководством специалистов из ФРГ, были приведены доказательства эффективной системы охраны здоровья и техники безопасности в СГАО «Висмут». Начиная с 1966 г., ситуация с запыленностью на предприятиях «Висмута» ни в коей мере не была хуже, чем на аналогичных предприятиях ФРГ в тот же период времени.

После завершения 57 лет жизни мне предложили с июня 1991 года перейти в так называемый «переход по старости». Мне казалось, что это еще не пенсионный возраст,

поэтому просил о приеме на работу в Технической службе страхового общества горной промышленности. С 33-летним стажем я ушел из урановой промышленности и работал до 65 лет начальником района профзаболеваний и защиты от вредных веществ. Это была весьма интересная, разнообразная и ответственная задача, которая мне также приносила много радости при решении вопросов борьбы с пылью, газами, ядами, шумом, вибрацией, тяжелого физического труда, освещения и т. д. на всех оставшихся горных предприятиях и предприятиях санирования новых федеральных земель (бывшей ГДР). Здесь мне дали возможность использовать и расширить все мои прежние профессиональные знания и опыт.

В период моей деятельности у страховщика горной промышленности мне пришлось дважды посетить северную Америку. В США и других странах исследовали, воз-

Гюнтер Дукке с супругой Розой и сыновьями. 70-е годы.

можно ли, что пыль двуокиси кремния помимо силикозоопасности в состоянии вызывать рак легких. Под руководством Барбары Дакетмен дмн (тогда паталог в Национальном институте безопасности труда и профзаболеваний — NIOSH — в г. Моргантаун/Западная Вирджиния, сейчас профессор Моргантаунского университета) группа исследователей занималась работой по теме «Кварцевая пыль, ионизирующее излучение и рак легких — этюд осуществимости в урановой промышленности восточной Германии». Это глубоко затронуло меня. Два года спустя мне дали возможность, посетить международную конференцию в г. Питтсбург/Пеннсилвания и сделать сообщение с плакатом о кониметрическом методе пылеизмерения, который применялся раньше в ГДР. (Пыли двуокиси кремния сегодня приписывают

«Серебряная» пара — Гюнтер и Роза. 2009 год.

некоторый канцерогенный потенциал. Однако необходимо учесть, что свойство вызывать рак сильно различается между веществами. Это значит, что канцерогенность крокидолита/синего асбеста, кризотила/белого асбеста, твердой древесины и кварца не одинаковы).

В июне 1999 года я стал пенсионером; после 5 месяцев случился апоплексический инсульт. Я его

13 лет пережил, паралич половины тела, могу ходить на небольшие дистанции с палкой, водить автомашину с оговорками и обслуживать компьютер одной левой рукой.

Несколько слов в заключение: в начальном периоде «Висмута» по поручению биржи труда люди обязаны были отработать в урановых рудниках срок 6 месяцев. Многие оставались добровольно дольше или даже на всю свою профессиональную жизнь. В качестве примера можно указать на «ветеранов «Висмута», которые опубликовали свои воспоминания в первых двух томах книги «УРАН И ЛЮДИ».

Еще могу вспомнить молодежного бригадира Александр Цотцманн с шахтой № 66 в Шлеме или технолога, потом научного сотрудника директора ГДП № 09 дипломированного инженера Клауса Байера (смотри: К. Байер «Вообще хотел остаться только на один год...» — воспоминания, эпизоды, мысли из 40-летней профессиональной жизни в уранорудной промышленности западных Рудных гор — САО/СГАО «Висмут», общество для печати и издания Мариенберг 2006 г., ISBN 3-931770-66-4, ISBN 978-3-931770-66-2).

В начальные годы коллектив «Висмута» представлял собой пеструю массу людей самых разных профессий, жизненных судеб, политических, религиозных и культурных взглядов — маленький Вавилон. Некоторые ехидничали — «сапожники, портные и парикмахеры становились в «Висмуте» инженерами». Да, найти горняков с профессиональным опытом из Саксонии, Силезии и Судетской области (Чехия) в то время было трудно. Но в течение четырех с половиной десятилетий из этого пестрого сборища обучили и создали коллектив «Висмута» с квалифицированными, высо-

копрофессиональными специалистами и высококлассными рабочими. Это и выражает маленькое стихотворение, которое я предпослал моей статье и которое нашел при посещении федеральной выставки садоводства (BUGA) в Роннебурге и в музее истории Объекта № 90. Оказалось, есть причина с гордостью смотреть на свои годы, проработанные в «Висмуте».

Когда сегодня, в свои 78 лет, я оглядываюсь на прожитую жизнь, мысли мои обращаются к книге Николая Островского «Как закалялась сталь», с которой я познакомился в возрасте 13 лет, когда вступал в Союз свободной немецкой молодежи. Вся моя жизнь имела смысл. Я помогал защищать людей от болезней и смерти. Я смог повлиять на то, чтобы гуманизм отчасти стал реальностью. Моя профессия стала моим призванием. Я выполнял свою работу честно, с любовью и вдохновением. Совесть моя чиста, пусть даже средства массовой информации с настойчивой предвзятостью хотят представить ГДР современной молодежи как несправедливое государство, состоящее исключительно из «штази», и лживо говорят, что в СГАО «Висмут» техника безопасности оставалась на протяжении 45 лет такой же, как и в «дикие» 40-е годы.

* * *

Разрешите повторить слова В. П. Назаркина, сказанные им на прощальной встрече с коллегами в 1993 году.

«Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производился уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться!»

Лучше по моему никто не мог эти мысли выразить словами.

Леонхард Гюнтер (гл. маркшейдер СГАО «Висмут», доктор, профессор)

Как я пришел в «Висмут», какие задачи стояли передо мной и почему я охотно вспоминаю те времена

В 1949 году мы с моими родителями переехали из Клингенталя (в то время центра зимних видов спорта) в Нидершлему в Рудные горы, а в 1952 году — в Обершлему. К тому времени от всемирно известного курорта с радоновыми источниками почти ничего не осталось, так как был вытеснен «дикими» висмутовскими горными работами. Центр города вместе со школой, курортным домом, церковью и жилыми домами был снесен и объявлен запретной зоной, ручей Шлема перенесен с долины ближе к горному склону, и там заканчивалась железнодорожная ветка, а железнодорожная ветка Шнееберг — Нойштедтель демонтирована. Ландшафт полностью изменился, повсюду шахты, породные отвалы, поезда и автобусы, перевозившие рабочих смены, груженные самосвалы, горняки в рабочих спецовках.

Наряду с этими малоприятными обстоятельствами, были и положительные стороны. После дефицита и голода, возникших во время войны и первые послевоенные годы. Появилась возможность хорошо зарабатывать горнякам и иметь надежное обеспечение их семей продовольствием и другими товарами, что привлекло на работу местное население и перемещенные лица.

От появления большого количества горняков и их семей жилой фонд долины Шлемы затрещал по швам. Надо было за короткое время построить жилье для стремительно растущего числа жителей. Так был построен большой восточный жилой комплекс и несколько меньший — западный. Растущее количество переселившихся детей школьного возраста вынудило значительно расширить маленькое школьное здание в Нидершлеме.

До 6-го класса я учился в Клингенталя, а в 7-м классе с семью другими учениками мы перешли из западного жилого комплекса в Нидершлему. Повсюду было видно, что небольшие поселки до таких изменений не выросли. Так как расширение школы в Нидершлеме не было закончено, мы сидели в классах чуть ли не на друг друге. Для учителей, число которых постоянно росло, работа усложнялась еще и тем, что учащиеся приходили из разных населенных пунктов, с разным уровнем начального образования.

После окончания 8-го класса я учился в средней школе Шнееберга. Разница в уровне знаний была не так ощутима, но возникла другая проблема. С 11-го класса в учебном плане вторым иностранным языком после русского был английский. Но большая часть старых учителей сами никогда не изучали английский, а изучали латинский. Поэтому в качестве «запасного варианта» мы учили латынь, а не английский. Для дальнейшего образования, особенно в области естественных наук, это будет положительным фактором, компенсирующим отрицательное влияние.

В 11 классе к нам пришел учитель математики, который много лет проработал в маркшейдерском отделе «Висмута». По сравнению со своими коллегами по работе, он умел работать с числами, таблицами логарифмов, тригонометрическими функциями. По его оценке, я стал хорошим учеником, особенно в математике. Он рекомендовал мне после окончания средней школы осваивать маркшейдерскую профессию. Но я не очень четко представлял себе, что скрывается за этим направлением. В то же время его рассказы о профессии, и возможность работать в «Висмуте» мне нравились. Кроме того, мне, как и многим моим школьным товарищам, у которых не было родителей, некому было подсказать пути моего дальнейшего образования, и я не представлял себе, кем хочу в конце концов стать.

После окончания средней школы я получил право на место в вузе. Но я не знал, что маркшейдерскому делу обучали только во Фрайбергской горной академии. Как и некоторые мои одноклассники, я подал документы в Высшее техническое училище в Дрездене и поступил на геодезию. В то время исключалась возможность перехода из одного вуза в другой.

В учебных планах было много известных мне терминов. К сожалению, я был не один, ошибившись в выборе направления дальнейшей учебы. Так, один из моих коллег хотел изучать географию, другой — геологию, но из-за ошибки при выборе будущей специальности попали в маркшейдерскую профессию. Только позже, по прошествии лет, я понял, что «ошибочный выбор» был для меня «счастливым случаем» в моей дальнейшей профессиональной жизни.

Участие в антарктических экспедициях СССР

После окончания учебы и защиты диплома «Тарирование советского гравиметра ГАК-3М», я обрабатывал данные геодезических сетей в Дрезденском институте, работал в геодезической службе ГДР, где заведовал кафедрой высшей геодезии.

От заведующего кафедрой — профессора, доктора наук Пешеля — я получил предложение занять должность научного ассистента по геодезии и прикладной геофизике.

Наряду с заведованием кафедрой доктор Пешель исполнял обязанности директора института в Потсдаме, а также президента инженерной организации «Камер дер Техник», избирался президентом национального комитета по геодезии и геофизике при академии наук ГДР. На этой должности, кроме прочего, был представителем в международных научных организациях и ответственным за участие ГДР в полярных экспедициях Советского Союза.

Л. Гюнтер.

С 1956 года СССР организовывал много научно-исследовательских полярных станций, расположенных на Антарктическом континенте, и имел большой положительный научный и логистический опыт от их деятельности на этой территории.

Наряду с научным, высоко было их политическое значение в рамках ЮНЕСКО. Организация объединенных наций заключила всеобъемлющий международный договор, по которому запрещено в Антарктике проводить военные акции и размещать любые вооружения. Подписавшие этот договор консультативные государства обязывались без каких-либо предварительных условий оказывать работающим там полярным станциям, в случаях необходимости, помощь и поддержку друг другу и обмениваться полученными результатами.

Дух этого договора показал, что континент, враждебный к человеку по климатическим условиям, может стать для него континентом мира, и что страны, вне зависимости от общественного строя, могут успешно сотрудничать. Я сам был свидетелем такой работы на прибрежной станции «Мирный» и континентальной станции «Восток». Ученые из разных союзных республик СССР работали вместе с американцами, чехами, англичанами, французами и венграми. Хотя из-за языкового барьера это было не так просто. Я и сегодня с благодарностью вспоминаю случаи, когда помощь электронщика чеха Богослава Славика помогла нам на станции «Восток» согласовать наши астрономические наблюдения с данными радиостанции на гавайских островах.

Положительный опыт получен от совместной работы на Тянь-Шане при ведущей роли СССР со специалистами из ГДР. С 1959 года на станции «Мирный» работали специалисты — метеорологи ГДР. Были получены данные о скорости смещения материковых ледников в долины. Не разрешенным оставался важный вопрос для климата на земле — смещаются ли антарктические льды, и если да, то с какой скоростью и в каком направлении. Так как советская станция «Восток» находилась в 1500 км от суши, и с ней не было непосредственного соприкосновения, то ответ на этот вопрос представлял большой международный научный интерес. До середины 60-х годов XX века ответ на этот вопрос не был получен.

Когда доктор Першель спросил меня, готов ли я принять участие в Антарктической экспедиции для регистрации астрономических координат станции «Восток», я подумал, что это шутка. Почему вопрос ко мне? Но это было серьезно, и он ожидал, что я с восторгом приму его, а мой скепсис воспринял плохо. Естественно, я был горд тем, что он мне доверил исключительно важную задачу, и после прохождения основательного медицинского обследования на моем пути не осталось преград.

Но во второй раз я усомнился в моей профессиональной пригодности. На одном совещании я узнал, что на континентальной Антарктиде, где располагалась станция «Восток», должны быть

максимально точно определены ее координаты. Станция располагалась примерно в 1100 км от Южного полюса на высоте 3500 м над уровнем моря. В научной литературе это место названо «полусом холода». При среднегодовой температуре — 57 °С там была зафиксирована самая низкая температура — 89,3 °С при разреженном воздухе (в районе станции «Восток»). Наиболее «теплая» температура была зафиксирована, как 21,3 °С.

По заключению специалистов — метеорологов на континентальной станции господствуют особые климатические условия. Высота над уровнем моря, атмосферное давление и содержание кислорода ниже, чем на континенте и соответствуют условиям на высоте 4500-5000 метров, такие, как на Монблане.

С помощью полученной в Ленинграде спецодежды и при поддержке опытного полярного врача станции, мы приспособились к низким температурам. Сложнее было приспособиться к низкому содержанию кислорода во вдыхаемом воздухе. Поэтому находиться на открытом воздухе можно было только при строгом контроле врача и максимально ограничено.

После первых наблюдений в 1963–64 гг. за движениями ледников понадобились повторные замеры, которые проведены в 1971–72 гг. Ленинградский арктический институт обратился в Академию наук и в ГДР с поручением провести эту работу по возможности теми же специалистами и тем же инструментарием. Мой партнер по работе в полярной экспедиции из Академии наук в Потсдаме мог поехать без проблем, но поставил условие, чтобы вместе с ним работал я. К этому времени я уже работал в Генеральной дирекции «Висмута» и не был уверен в возможности моего откомандирования, так как был носителем секретной информации о «Висмуте». Но мне посчастливилось. Генеральный директор и его первый заместитель поддерживали научные исследования в Антарктиде, верили мне, поэтому спокойно освободили меня от должности для поездки в экспедицию.

Проведенные нами повторные измерения координат на станции «Восток» позволили получить надежные результаты скорости и направления движения ледника внутри континента. Эти работы и полученные результаты не имели в мире аналогов, и нам пришлось много лет ждать подтверждения наших данных.

После возвращения я стал опять работать в «Висмуте» в маркшейдерских службах горного предприятия в Тюрингии, исполнял обязанности главного маркшейдера СГАО «Висмут». Мне «Висмут» предоставил квартиру в Шнееберге, что дало мне возможность больше бывать с семьей.

В 1985 я закончил работу в «Висмуте» и, получив приглашение из института физики земли АН ГДР, переехал в Потсдам.

Горные работы в охранном целике города Роннебург

В центре тюрингских месторождений расположен город Роннебург с целым рядом про-

мышленных объектов и старинных жилых построек. Для сохранения этих строений были определены охранные целики. Такое решение было принято по заявкам Рудников и утверждено соответствующими государственными службами. Разведочные и горные работы допускались только в исключительных случаях и с разрешения высших госорганов. Строгое соблюдение и контроль выполнения этих решений выполнял Горный надзор г. Хемниц Высшего горного ведомства ГДР, институт безопасности ведения горных работ.

Отработка запасов богатой руды на верхних горизонтах обуславливала необходимость добычи более бедной руды на нижних горизонтах, а это вело к существенному повышению затрат по сравнению с центральной частью в районе г. Роннебург. Горные работы предприятий Шмирхау и Пайцдорф достигли охранных целика. «Висмут» попросил разрешения на разведочные и опытные очистные работы. Процесс получения разрешения превратился в в долговременные мероприятия и большой объем подготовительных работ.

Под городом добыча руды велась, как и по всей Тюрингии, системами горизонтальных слоев с твердеющей закладкой в нисходящем порядке. В зависимости от конкретных условий применялись несколько ее вариантов. Это касалось, кроме прочего, сокращения шага крепи, увеличение угла наклона очистных заходок с целью наибольшего заполнения (до 100 %) отработанного пространства. В случае необходимости разрабатывались дополнительные мероприятия. Для ведения горных работ и осуществления надзора за ними отбирали наиболее квалифицированные кадры.

Для разработки необходимых положений и их контроля Генеральный директор утвердил рабочую группу, в которую вошли представители различных отделов Генеральной дирекции и Научно-технического центра, а также представители рудников Шмирхау и Пайцдорф. Группа активно взаимодействовала с институтом безопасного ведения горных работ Горного ведомства.

Кроме того, были проложены новые водогазотранспортные системы вместо столетней давности трубопроводов.

Совместно со Стройнадзором округа Гера «Висмут» разработал методику оценки состояния зданий и сооружений до начала горных работ. Насколько важен был такой анализ, мы увидели в г. Роннебург, когда меховая фабрика потребовала возмещения ущерба, который показал, что горная деятельность не имела к нанесенному ущербу никакого отношения, а возник вследствие ошибок самого предприятия.

Отработка богатых запасов в охранных целиках способствовала в значительной мере выполнению плановых заданий тюрингских горных предприятий. Несмотря на большой объем горных работ, выполненных в охранном целике, к отрицательным последствиям для города они не привели.

Глубокие горизонты месторождения Нидершлема-Альберода

На месторождении Нидершлема — Альберода, по мере отработки запасов верхних горизонтов, горные работы опускались на нижние горизонты, что приводило к появлению новых трудностей.

С глубиной повышалась температура пород и температура рудничного воздуха в рабочих забоях. Температура пород на глубине 1600 метров составляла 62–65 °С. Для охлаждения воздуха применяли стационарные и передвижные холодильные установки. По гигиеническим нормам, принятым в «Висмуте», длительность рабочей смены 8 часов (с момента получения лампы) допускалась при максимальной температуре воздуха 26 °С.

Еще одно появившееся опасное явление (горные удары), к счастью не приведшее к травмам горняков, требовало проведения специальных мероприятий при ведении горных работ на глубоких горизонтах. Было известно, что различные процессы горообразования и сдвижения плоскогорий еще не закончились.

Многочисленные исследования института безопасности ведения горных работ Высшего горного ведомства ГДР и НТЦ «Висмут» позволили разработать технологические предписания по снятию напряжений горных пород, особенно при ведении буровзрывных работ. Были получены прогнозы ожидаемых трудностей при работе на нижних горизонтах.

Для своевременной регистрации возникающих в массиве напряжений и разработке защитных мер в районе ведения горных работ устанавливали сенсорные датчики в привязке к определенным выработкам. Такие датчики были разработаны в НТЦ «Висмут», которые были не хуже импортных, но значительно дешевле.

Для исследования возникающих явлений и обеспечения безопасности горных работ Генеральный директор С. Н. Волощук сформировал рабочую группу и назначил меня ее руководителем. В состав группы вошли ответственные работники Объекта 9, НТЦ и института безопасности горных работ.

Разработанные меры и постоянный контроль опасных районов позволили обеспечить безопасные условия ведения работ на глубине в зоне опасности горных ударов путем предварительного снятия напряженного состояния горного массива.

Заключение

Все периоды моей профессиональной деятельности в техническом университете Дрездена, в антарктической экспедиции, в СГАО «Висмут», в институте физики земли АН ГДР были интересны и познавательны. Мне удалось познакомиться с различными научными и практическими областями, и я благодарен всем немецким и советским коллегам, с которыми я работал, и обязан им за то, что они поддержали меня в сложных ситуациях.

Д-р Рольф Штоль (зам. начальника геофизического отдела НТЦ)**Воспоминания о сотрудничестве с советскими коллегами Московского горного института и СГАО "Висмут"**

Д-р Рольф Штоль.

Мои контакты с советскими коллегами начались во время моей деятельности во Фрайбергской Горной академии. В 1968 году я впервые поехал в Москву по поручению Фрайбергской Горной академии. Мое задание состояло в том, чтобы познакомиться в Московском геологоразведочном институте с методами по определению местоположения подземных пустот. Здесь я познакомился с Николаем В. Деминым. Позже мы проводили с ним на территории Мансфельдского комбината в Айслебене геофизические измерения с целью разведки пустот в связи с опусканием почв. В 1978 году мы опубликовали некоторые результаты в Журнале геологических наук. Москва сразу понравилась мне, меня очень впечатлили здания, люди и чистота в этом городе.

У Фрайбергской Горной академии был договор о сотрудничестве с Горным институтом в Москве. Коллоквиум по вторникам в Институте геофизики Фрайбергской Горной академии имел давние традиции. Ученые разных геофизических учреждений в 1968 году делали доклады, в том числе и профессор Копьев из МГИ. Между профессором Милицером и профессором Копьевым в рамках договора между Фрайбергской горной академией и МГИ (Московским горным институтом) состоялось соглашение об обмене молодыми учеными. Время пребывания кандидата наук Г. В. Сергеева во Фрайберге и мое в Москве составляло 10 месяцев. На основе этого договора кандидат наук Г. В. Сергеев из МГИ работал в 1970 году во Фрайбергской Горной академии в области геофизики как инженер-электронщик. Между Георгием, его женой и моей семьей сложились доверительные отношения. Мы разработали основы цифрового сейсмометра и получили патент № 89 730.

Моя семья и мои родители согласились на мое 10-месячное пребывание в Москве, и я им очень обязан тем, что сумел реализовать эту поездку. Она началась в январе 1971 года. Я проехал поездом до Москвы, подождал с чемоданом на вокзале в Москве, меня забрали

и отвезли в институт. Отныне я работал на кафедре акустики и ультразвуковой техники Горного института. Во время этой деятельности я познакомился со многими советскими учеными и коллегами, например, с Ильшатом Г. Абдумановым, которого я встретил позже в СГАО «Висмут». День защиты его диссертации в Московском горном институте остается незабываемым для меня.

Во время работы в Московском горном институте я смог войти в курс проблем геоакустики и физики горных пород. Я познакомился с сотрудниками кафедры, с некоторыми из них у меня сложились дружеские отношения. Я узнал многое о традициях и образе жизни страны, моих коллег и др. Я смог бы узнать еще гораздо больше, но относительно языка у меня все же были проблемы.

Результаты исследований Московского горного института были опубликованы вместе с заведующим кафедрой профессором Валерием С. Ямщиковым и Александром М. Солодовым в геологических журналах. В разговоре с моими коллегами сформировалась потребность сменить мое рабочее место, т. е. перейти на работу в горнодобывающую промышленность ГДР. Эта мысль возникла, исходя из характера работы кафедры, определявшейся интенсивным сотрудничеством с промышленностью. Прошло еще 5 лет после моего возвращения из Москвы во Фрайберг, прежде чем я смог осуществить эту мысль. Работа со студентами очень нравилась мне, и каждый учебный год я начинал лекции по прикладной геофизике для специалистов в горнодобывающей промышленности и геотехнике. Некоторые из этих студентов работали после окончания учебы в «Висмуте». В 1976 году я закончил работу в Фрайбергской Горной академии.

С началом работы в СГАО «Висмут» в 1976 году моя жизнь и жизнь моей семьи изменилась. Мне требовалось некоторое время, чтобы освоиться в совершенно неизвестных мне производственных условиях. В то время геофизическим отделом НТЦ «Висмута» в Грюне руководил Л. Зернов. Сначала у меня не было прочных отношений с советскими коллегами. Но вскоре стало известно, что я работал в Московском горном институте, и это стало основой для будущих хороших отношений.

Мое задание состояло в том, чтобы проверить и найти применение геофизических методов для рационализации добычных работ, а также для повышения надежности горных работ. Оно стало основой для

создания горной геофизики в Обществе «Висмут». Позже я узнал, что группа горной геофизики была образована по настоянию советской стороны.

Однажды я встретил д-ра Абдульманова в НТЦ «Висмута». Мы были уже знакомы по Московскому горному институту и смогли начать интенсивное сотрудничество в области методического и технического контроля закладки и выяснения состояния напряжения в целиках (см. «Геофизика в горнодобывающей промышленности» — статья о контроле закладки и устойчивости горных пустот, «Neue Bergbautechnik», 11 (1981) 1, стр. 3–6).

Для того, чтобы успешно внедрить геофизических методы, необходимы были базовые знания горной технологии. Для этого потребовалось сотрудничество с отделением технологии горных работ НТЦ. Развернулось продолжительное сотрудничество, к примеру, с Р. Твердовским. После окончания его деятельности я смог через несколько лет во время командировки посетить Романа в Ленинграде. Накопилось много событий, о которых необходимо было рассказать.

Время проходило. В 1985 году я был заместителем руководителя геофизического отдела. Руководителем отделения был в то время Эдуард Пашенко. Мы доверительно поговорили о проблемах отдела и поделили работу таким образом, чтобы в отделе создавался благоприятный климат между советскими и немецкими сотрудниками. Я сделал одно предложение, которое своей неожиданностью удивило Эдуарда — удалить перегородку между нашими кабинетами. Эта перегородка была установлена давно, так как кабинеты НТЦ находились на бывшей крупной фабрике. В итоге мы сидели больше не отдельно, а вместе в большой комнате. В отделе работали 4 советских и 29 немецких сотрудников.

Деятельность Эдуарда окончилась в середине 80-х годов. У меня были раздумья, будет ли сотрудничество с его «наследником» таким же доверительным. Сотрудничество с его преемником Михаилом Изюмовым сформировалось без каких-либо проблем. Руководство отделом находилось в наших руках. Михаил руководил, по существу, работой советских коллег, которая частично выполнялась в сотрудничестве с немецкими коллегами. В качестве примера: Ф. И. Морозов непосредственно участвовал как инженер-электронщик в создании зонда для геофизической разведки Центрального геологического предприятия СГАО «Висмут».

В. П. Аполлонов спросил меня однажды, не прочту ли я его статью о политическом развитии в Советском Союзе. Статья критически рассматривала внутреннюю струк-

туру Советского Союза и была сложно написана. В. П. Аполлонов искал возможность опубликовать эту статью, так как в советском журнале «Коммунист» отказались бы опубликовать. Я пытался добиться публикации через партийное руководство НТЦ, но безуспешно. В. П. Аполлонов очень хорошо владел немецким языком. В соответствии с его специальными знаниями он участвовал в составлении русско-немецкого словаря геофизических терминов. Словарь содержит 276 страниц примерно с двадцатью профессиональными терминами на странице.

Мы концентрировали нашу деятельность не только на развитии новых измерительных приборов для радиометрической разведки на поверхности и под землей, но и на обеспечении потока информации между НТЦ и геофизиками ГДР. «День геофизика», который проходил как минимум дважды в год, также служил этому. Мы приглашали на это мероприятие всех советских и немецких геофизиков, включая руководителей геофизических цехов предприятий ГДР. Мы обсуждали актуальные проблемы и состояние проектно-конструкторских работ отдела геофизики. Развитие измерительных приборов происходило на базе обязательных планов. Мы работали поэтапно с целью приспособить измерительную технику оптимально к условиям подземных работ. В апреле 1988 года мы отмечали 30-ю годовщину геофизического отдела. В этот день мы представили результаты отдела. Они включали развитие радиометрических методов и приборов для подземных горных работ, для радиометрической подготовки, а также для горной геофизики. Окончание этого дня мы отпраздновали в ресторане «Рубин».

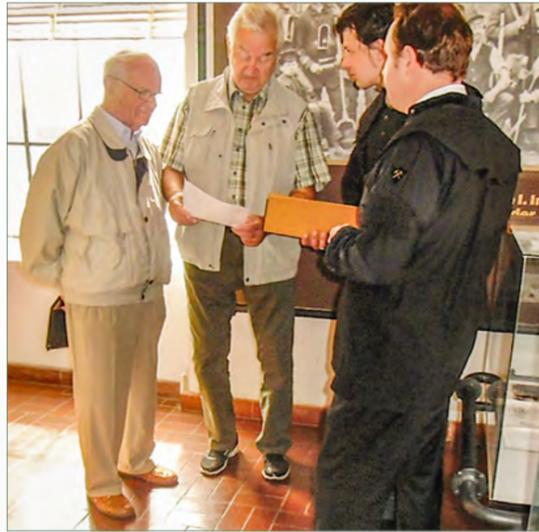
Незабываемым для моей жены и меня осталось посещение Михаила Изюмова и его жены в Зигмаре. Вечер начался с рассказов о наших семьях. В течение вечера к этой беседе присоединялись все новые советские коллеги, и это был веселый праздник. К со-

Отдел геофизики НТЦ СГАО «Висмут» в середине 80-х годов.

1 ряд, слева направо: В. П. Аполлонов, М. Изюмов и д-р Р. Штоль.
2 ряд: А. П. Витко (2-й слева) и В. И. Морозов (крайний справа).

Поздравление лучших сотрудников геофизического отдела (в центре — М. Изюмов).

Передача копий писем в музей горнодобывающей промышленности в Ольснице в Рудных горах (слева направо: В. Рихтер, Г. Г. Андреев, И. Фэрбер (руководитель музея) и Х. Нойбер).

жалению, не удалось, вопреки попыткам, пригласить Михаила и его жену к нам.

В результате политических событий 1989 и 1990 гг. НТЦ и, соответственно, геофизический отдел были распущены. Пребывание советских коллег закончилось. Стало трудно поддерживать контакты, и они восстановились лишь со временем. В 2013 году сотрудники музея горнодобывающей промышленности спросили меня в Ольснице в Рудных горах, есть ли у меня еще

контакты с моими бывшими советскими, теперь русскими коллегами. Этот вопрос возник из того обстоятельства, что музей горнодобывающей промышленности располагает копией переписки между горнорабочими

бывшего каменного угольного бассейна Люгау-Ольсниц с Карлом Марксом и Фридрихом Энгельсом. Эти копии были не очень в хорошем состоянии. Копии — это составная часть выставки музея горнодобывающей промышленности Ольсниц в Рудных горах. Так возникла мысль установить контакты с Москвой, с государственным архивом для поиска этих писем. Через моего бывшего руководителя В. Рихтера этот вопрос переслали в Москву Г. Г. Андрееву. Г. Г. Андреев был заместителем технического директора СГАО «Висмут» и теперь является членом правления общества «СГАО «Висмут» в Москве. Он занялся этой проблемой и летом 2013 года смог передать новые копии музею горнодобывающей промышленности.

В итоге мне хотелось бы искренно поблагодарить всех бывших советских и немецких коллег геофизического отдела НТЦ СГАО «Висмут» за сотрудничество, тем более что в «Хронике СГАО «Висмут» отведено отделу мало места.

Хорст Йобс (директор перерабатывающего предприятия)

Выступление на встрече с представителями НП «Висмутяне» в 2009 г.

Хорошо, что мы встретились после стольких лет перерыва. После поворота (объединение Германии) сложность ситуации состояла в том, что было много разговоров о «Висмуте», об участии определенных персон в его работе, что они должны были упрекать себя за это и извиниться за то, что работали в «Висмуте», что мы должны были осудить германо-советскую дружбу. Эти суждения тяжело было переносить. Особенно мне. И у меня даже пропала надежда, что я поделюсь своими переживаниями с кем-нибудь. Это прекрасно, что мы сегодня встретились и увидели друг друга, и я надеюсь — не в последний раз. Нужно понимать, что тот, кто так же как и я, проработал всю свою жизнь в «Висмуте» и сформировался как личность, не может в течение нескольких дней, недель и даже лет пересмотреть свою жизнь и отречься от всего этого.

Телеграфным стилем я расскажу о начале своего трудового пути. Я завершал учебу в инженерной школе. Моя инженерная выпускная работа была посвящена переработке шпатов. В министерстве в Берлине прочитали мою работу и предложили поехать через год после окончания учебы на строящееся предприятие Беренфельс по переработке шпатов на границе с Чехией. Там якобы обнаружили большие запасы

шпата и собирались построить рудник и обогатительную фабрику, на которой мне предлагали работать. Но год после окончания учебы (1956-й), мне надо было где-то работать. Представители «Висмута» были в школе и приглашали поехать к ним на работу. Многие, как и я, приняли это предложение. С 15 августа 1956 г. я начал работать в «Висмуте» на обогатительной фабрике № 59 (Гиттерзее, Объект 96). В течение года я работал на этой фабрике, занимая разные должности. Начальником Объекта был Владимир. На фабрике был еще один Владимир — начальник цеха.

К концу годичного срока начальник Объекта пригласил меня и спросил о моих дальнейших планах. В связи с тем, что запасы месторождения шпатов не подтвердились, и геологи, проводившие разведку, сбежали на Запад, рудник и обогатительная фабрика не были построены. Поэтому я еще на год остался в «Висмуте» на фабрике Гиттерзее.

В это время начиналась подготовка к строительству нового завода в Зеллингштедте. В Гиттерзее для этого завода были построены для опробования технологические установки, за работу которых я был ответственен. В это время Владимир уезжает в Союз, и начальником Объекта становится первый немецкий руководитель —

Зигфрид Бройдигам. Меня назначают заместителем главного технолога, а напротив меня за столом сидел главный технолог — Юрий Кулешов, который окончил Московский институт, и меня, новичка в урановой технологии, знакомил с основами технологии обогащения урановых руд. Мы с Юрием еще долгое время после завершения работы в «Висмуте» находились друг с другом в тесном контакте.

Вскоре Бройдигама переводят первым руководителем строящегося завода Зеллингштедт. На фабрике Гиттерзее вместо Бройдигама назначают Руди Мюллера. Но вскоре и он уходит, и в 1960 г. встает вопрос о назначении нового директора фабрики Гиттерзее. Выбор пал на меня. Я был приглашен в Генеральную дирекцию. Генеральным директором тогда был Василий Алексеевич Собко, а его первым замом — Фриц Кролл. После разговора с ними я был назначен директором фабрики Гиттерзее. Мне тогда было всего 24 года, и я перенес уже первый инфаркт. Я был самым молодым директором предприятия в «Висмуте».

В 1972 г. фабрику Гиттерзее закрывают, и меня переводят в 9-й отдел Генеральной дирекции, куратором завода в Зеллингштедте.

В рождественские дни 1981 г., когда случились сильнейшие морозы, бункерное рудоприемное хозяйство Зеллингштедта полностью замерзло. Предприятие встало. Катастрофа! И вот меня перед новогодними праздниками вызывает к себе генеральный директор С. Н. Волощук. Я захожу. В кабинете сидит еще Вернер Рихтер. Поговорили о положении на Зеллингштедте и предложили мне занять должность его директора. Я попросил время подумать. Они согласились и назначили встречу в первый рабочий день после Нового года. Я понимал ту огромную ответственность, которая должна была лечь на меня в качестве директора завода. Завод уже несколько месяцев лихорадило с выполнением плана. Когда мы встретились, я высказал им свои сомнения. Они ответили, что будут со мной обсуждать проблемы до тех пор, пока я не дам своего согласия. В целях экономии драгоценного времени я дал согласие. Сразу же был подписан приказ о моем назначении на должность директора завода Зеллингштедт.

В первое время было очень трудно. Завод не мог выполнить план ни в первый, ни во второй месяц после Нового года. И вот в марте наступает перелом. Завод впервые выполняет план. Мне сообщают, что к нам на завод едет генеральный директор. Приезжает Волощук с огромным букетом гвоздики поздравляет меня с выполнением плана. С того месяца завод всегда выполнял план. В чем я вижу и свою заслугу и этим очень горжусь.

В своей дальнейшей деятельности в «Висмуте» мне приходилось работать и на заводе № 102 и на заводе № 101. Это было время пуска и наладки новых технологических линий и оборудования для переработки урановых руд. Но особенно интересное время было, когда на заводе № 101 строили и опробовали опытно-промышленную установку по переработке скарных оловосодержащих руд. На фото запечатлен момент посещения этой установки министром Минсредмаша СССР Е. П. Славским и руководством СГАО «Висмут».

Если сегодня говорить о германо-советской дружбе, как не о политической акции, а о сердечных, человеческих отношениях, то я думаю, что было бы прекрасно, если бы эти действительно сердечные взаимоотношения продолжились и надолго сохранились. Будет хорошо, если наша товарищеская встреча послужит передаче будущим поколениям идей дружбы и взаимопонимания. К сожалению, у меня такое чувство, что это не так легко. Если вдруг в Москве на улицах появляется какой-то человек с плакатом, то у нас эту новость подхватывают сразу все газеты, а если речь идет о тех временах и наших хороших взаимоотношениях, то средства информации набирают в рот воды и молчат.

Большое спасибо за эту встречу и большой привет всем висмутянам, с которыми мы вместе работали.

Министр Е. П. Славский (в центре), Н. И. Чесноков, С. Н. Волощук, А. Н. Богатов посещают завод № 101, справа от министра — Хорст Йобс (фото из архива Г. Пальме).

Хорст Йобс (справа) прекрасно играл на аккордеоне в оркестре.

Воспоминания о советских специалистах

(по материалам сайта «Аннаберг — Буххольц» подготовил Франк Лангер)³⁹

Начальник шахты Голованов
(из доклада Вальтера Бергнера,
участкового штейгера шахты № 189)

Начальнику шахты Голованову доверили руководство шахтоуправлением № 34 в Беренштайне. Он был маленького роста и производил впечатление довольно жесткого человека. Голованов постоянно носил кобуру с пистолетом, которую не снимал даже в шахте. Жил он вместе с женой и местным котом, которого называл Фрицем, в бывшей вилле Гесснера в Беренштайне, где также находилось шахтоуправление.

Настоящим командиром в их семье была жена, которая держала мужа в ежовых рукавицах. В свою очередь кот был ее любимцем, и Голованов его терпеть не мог. При каждом удобном случае (если жена не видела) кот получал от него пинка. Во время одного планового совещания на вилле мы наблюдали за стараниями Фрица добыть для себя большой пакет колбасы, лежащий на подоконнике. Голованов заметил это, громко заорал: «Фашист», — и пнул кота ногой. Тот в панике убежал, и больше его никто никогда не видел.

Голованов много курил, однако жена вела строгий контроль над всеми его расходами на табачные изделия. При этом сама она энергично занималась покупкой дорогих вещей. В то время, в 1947 г., во многих садах Беренштайна возделывался табак и зрел хороший урожай, но однажды прошел сильный град, и почти весь урожай погиб. Остатки табака пробовали сушить в духовке. Так возник новый табачный сорт под названием «удар града».

Неудивительно, что некоторые запасы «удара града» вскоре нашли дорогу на Титусгезенк и достигли носа начальника шахты. Ему как-то предложили самокрутку, и измученный без курева Голованов с удовольствием покурил, сидя с шахтерами в гезенке. При этом он становился добрее, постепенно исчезали его придирки к немцам. К его своеобразным привычкам относилось закрытие стволовых ляд для воспрепятствования преждевременному выходу горняков из шахты. Он персонально следил за этим.

В течение многих месяцев Голованов вводил в курс дела одного советского специалиста. Однажды он представил его как нового начальника шахты и неожиданно распрощался с нами. Многие немецкие руководители ставили этот поступок Голова-

нова в пример, считая его образцовым и добросовестным.

После Голованова на шахте были другие начальники. Все они были малохаризматичны и, более того, некомпетентны. Затем, правда, прибыл начальник шахты Слободяник.

Начальник шахты
Тихон Петрович Слободяник

В то время, когда начальником шахты был Голованов, считалось, что он — бывший воин Красной армии и поседел на Второй мировой войне, что, естественно, наложило отпечаток на его характер. Начальник шахты Тихон Петрович Слободяник оказался другим. Мы предполагали, что он происходит из следующего поколения образованных горняков, которые в Советском Союзе были специально отобраны для этого задания и были обязаны полностью его выполнить. Он пользовался большой популярностью среди горняков шахты Нидершлаг.

Я цитирую горняка Вальтера Бергнера: «Это было непонятно, просто невероятно, как этот человек заботился обо всем. К каждой пересменке он был на шахте. При этом, давая новые наряды, он был информирован о состоянии всех работ. Ни один план по добыче не был для него невыполним, не было ни одного обводненного или грязного штрека. Слободяник повсюду ходил и, если нужно, вползал, даже если это было опасно. Под землей он проверял все мастерские, склады, контролировал нормировочный отдел и финансовую бухгалтерию, — ничто не ускользало от его глаз. «Тихонь» он не терпел, и у нас создавалось впечатление, что он хотел испытать наше поведение. Если штейгер настойчиво защищал свою точку зрения, то он мог согласиться с ним. Зигфрид Шмидель однажды здорово поспорил с ним и вышел, хлопнув дверью. Тогда Слободяник, смеясь, вышел вслед за ним, задержал его, похлопал одобрителем по плечу и сказал: «Порядок». В отличие от многих других советских руководителей и специалистов, он не избегал контактов с немцами и их семьями. Он приходил, чтобы встречаться с коллективом рабочих, и этим приобрел у них высокое уважение. Сегодня-то мы знаем, что со стороны администрации такие встречи были нежелательны. Именно так простые люди быстро находят общий язык».

Под сильным впечатлением и с глубоким почтением перед героями того времени я заканчиваю этими словами газетное сообщение о начальнике шахты Слободянике.

Перевод А. М. Солодова

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВЕТЕРАНОВ «ВИСМУТА» НА ВСТРЕЧЕ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НЕКОММЕРЧЕСКОГО ПАРТНЕРСТВА «ВИСМУТЯНЕ» В КЛУБЕ «АКТИВИСТ» г. АУЭ 3 июня 2009 г.

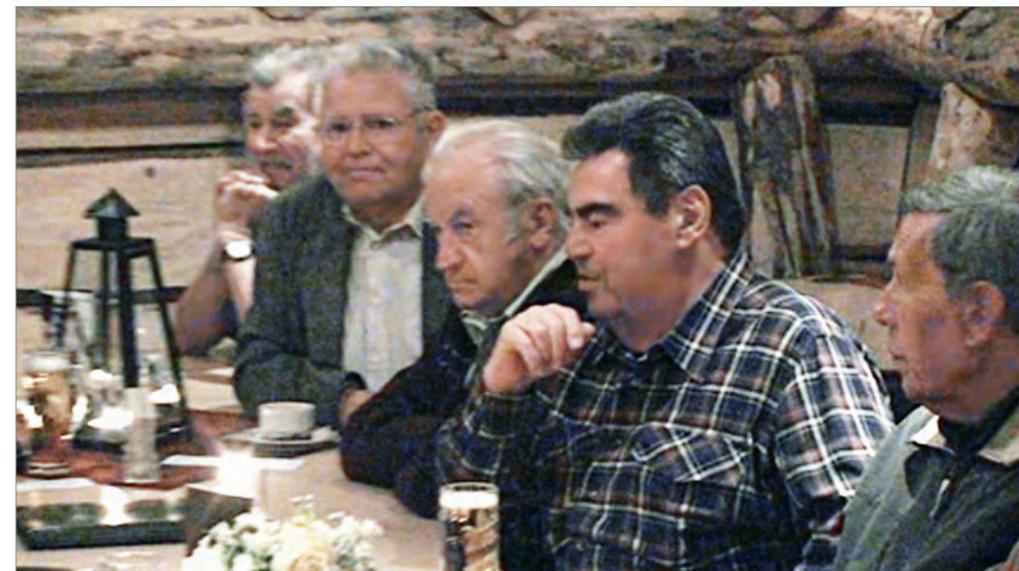
ВО ВСТРЕЧЕ ПРИНИМАЛИ УЧАСТИЕ:

Георгий Андреев, Андрей Андреев, Вернер Рихтер, Конрад Барт, Адольф Ватер, Гюнтер Депре, Манфред Хаманн, Рудольф Дитель, Готтхард Бретшнайдер, Эрхард Вильд, Лотар Эльснер, Карл-Хайнц Гроссер, Вернер Нойберт, Рудольф Киришат, Эрих Вишт, Готтхард Гетц.

Воспоминания немецких висмутян были записаны на диктофон и переведены
О. М. Кастуевым.

«Бойцы» вспоминают
минувшие дни.
Обмен мнениями.

Гюнтер Депре делится
своими воспоминаниями.
Сидят (слева направо):
Рудольф Киришат,
Адольф Ватер,
Вернер Нойберт,
Гюнтер Депре,
Карл-Хайнц Гроссер.

39 <http://forum.undertage.com/viewtopic.php?f=1&t=3524>

Приветствие Конрада Барта

К. Барт.

БАРТ Конрад. После окончания службы в Народной армии ГДР 19 ноября 1959 г. поступил на работу на шахту № 371 Объекта 9. Прошел трудовой путь от мастера до заместителя руководителя системы охлаждения рудничного воздуха рудника, которая обеспечивала безопасные условия работы горняков на горизонтах глубины до 2000 метров. С января 1979 г. — член Городского совета, а с июня 1979-го по 2004 г. — бургомистр г. Бад-Шлема. В настоящее время — заместитель председателя совета Традиционного союза ветеранов «Висмута».

Уважаемые ветераны!

С 1957 по 1979 г. я работал горняком в «Висмуте», а затем до 2004 г. был бургомистром в Шлеме. Все, чему я научился, я обязан «Висмуту». Большинство присутствующих здесь помогли мне и принимали участие в моем становлении как человека и горняка. Я горжусь тем, что многие годы работал в атмосфере товарищества, единственной в своем роде, и она сохранилась у нас до сих пор. Я желаю успеха вашей встрече. Глюк ауф!

Адолф Ватер

А. Ватер.

Я рад, что эта встреча состоялась. Я часто вспоминаю те трудные, но прекрасные времена, когда мы с советскими горняками работали под землей и как мы вместе проводили свободное время.

Также я очень рад, что советские представители висмутян выступили с инициативой написать книгу, у которой будет не один, а сразу много авторов. Книги о «Висмуте», которые я читал до сих пор, всегда принадлежали перу одного автора, он давал свою оценку событиям и много размышлял о них. Но у других может быть своя, немного другая точка зрения.

Гюнтер Дебре

Г. Дебре.

На сегодняшний день у нас есть большая хроника «Висмута», где расписана вся техническая сторона производства с графиками, планами и т. д. Кроме того, выходили отдельные книги, авторы которых излагали свою точку зрения на те или иные события, но их собственное отношение к этим событиям изложено довольно скупо, особенно с эмоциональной точки зрения.

На мой взгляд, важно понимать, в каких условиях рос и развивался человек, кто были его родители, были ли они богатые или бедные, какое воспитание он получил, и в каком направлении формировались его жизненные принципы, взгляды.

Вот почему нам очень нужно знать, что из себя будет представлять будущая книга о «Висмуте».

39 Воспоминания В. Рихтера о своей работе в «Висмуте» см. на стр. 232 данного издания.

Затем слово было предоставлено Вернеру Рихтеру, который представил присутствующим немецким ветеранам «Висмута» членов российского общества «Висмутяне», вкратце рассказал о цели их визита — написании книги воспоминаний ветеранов «Висмута», о своей работе¹ на предприятии и призвал всех присутствующих поделиться своими воспоминаниями, материалами и мыслями о будущей книге.

В книге, которую готовят наши друзья из общества «Висмутяне», должны найти отражение мнения широкого круга ветеранов «Висмута», и тогда будет вырисовываться более объективная картина нашего предприятия. В этой книге должны быть воспоминания висмутян, оценка ими прошедших событий, в ней обязательно нужно рассказать о нашей дружбе, о наших общих радостях и бедах, в которых мы никогда не бросали наших советских друзей. И конечно, нужно написать обо всем хорошем, что было за эти годы.

Расскажу о себе. Я вырос под бомбежками в Дрездене. Мои родители были бедные и разведены. У меня ничего не было, даже собственных штанов. Дядя дал мне свои, но они были мне велики. В гитлерюгенде, в котором состояли все, родившиеся в период с 1925 по 1932 г., мы были так воспитаны, что даже входя в магазин, были вынуждены орать «Хайль Гитлер», по-другому было нельзя. Про советских солдат нам говорили, что все они беспощадные, злые и убивают всех подряд.

И вот 9 мая 1945 г. в наш двор вошел советский солдат с автоматом ПППШ на плече. Я наблюдал за ним из-за угла дома. Он увидел меня, поманил к себе пальцем и сказал: «Принеси кусок хлеба». Я открыл свою коробку-бутербродницу, там была четвертушка хлеба. Солдат повел меня в сад, сказал: «Садись!» От страха я на него не смотрел

и ни слова не проронил. А он в это время положил автомат, снял рюкзак, достал нож, вскрыл банку мясных консервов, намазал ее содержимое на мой хлеб и отдал мне. В этот момент у меня в голове промелькнула мысль: «Так это ж никакие не убийцы! Это же отличные ребята. Он мне дал кусок мяса, а мы в то время были все голодные». С этого момента внушаемая нам пропаганда была подорвана окончательно. В дальнейшем это мнение только укрепилось во время будущих встреч с советскими людьми.

В 1948 г. я пришел на работу в «Висмут» на Объект 5 (Мариенберг). Мне пришлось работать в тяжелейших условиях на шахте № 48 (впоследствии № 131), а кроме того, нужно было каждый день идти пешком 5 километров на смену и столько же ночью со смены.

ВэтомвремяявстретилсгенераломМальцевым. Мы проходили слепую шахту № 139 и параллельно — разведочный шурф. Я был взрывником. Со мной был рабочий, с которым мы проводили замеры на шурфе. В это время подъехал лимузин «бьюик», и оттуда вышел военный в фуражке с красным околышем и лампасами на брюках. Это и был генерал Мальцев. Я тогда еще почти не говорил по-русски. Он подозвал меня и спросил: «Что ты здесь делаешь?» Я ему объяснил. Он выслушал и похвалил: «Хорошо». Попрощался со мной за руку, сел в машину и уехал.

В 1955 г. меня направили на учебу в Горный техникум. В сентябре того же года я начал работать на Объекте 9 в отделе вентиляции. Надо сказать, что в то время работа в этом подразделении была неспокойной. Дело в том, что я пришел туда спустя всего месяц после большого пожара на шахте 250, во время которого погибли горняки. И тогда, и сегодня я ответственно заявляю, что причинами гибели горняков были недостаточный контроль за содержанием СО и нарушение правил техники безопасности.

С советскими специалистами у меня с самого начала сложились деловые и дружеские отношения и на работе, и в свободное время. С некоторыми из них мы дружили семьями, а во время приезда в Москву мы созванивались и встречались. Особенно хорошие отношения у меня сложились с моим заместителем Иваном Семеновичем Осиповым.

В декабре 1946 г. я 16-летним пареньком начал работать в Шнееберге у оберштейгера (зам. главного инженера) Йоханнеса Шмидта на Объекте 3. Позже начальником этой шахты стал Николай Иванович Чесноков.

Потом я работал на Объектах 2 и 9, соответственно — в Обершлеме и Нидершлеме,

С его семьей я также был хорошо знаком. Я с удовольствием вспоминаю нашу совместную работу с советскими учеными, приезжавшими к нам на Объект для решения сложных проблем вентиляции и кондиционирования на нашем глубоком руднике. Это профессор Комаров (у меня до сих пор сохранилась его книга по рудничной вентиляции с его дарственной надписью), академик Щербань (он помогал нам делать расчеты для системы охлаждения воздуха на глубоких горизонтах), доктор Дзасохов, профессор Воропаев и многие другие.

Хорошие взаимоотношения развивались у нас и с отделом вентиляции и кондиционирования воздуха НТЦ СГАО «Висмут», в котором работали советские специалисты Вадим Мельниченко, Николай Демин, Георгий Андреев, Анатолий Кретинин, Константин Гербут.

На Объекте я проработал почти 36 лет. Если в будущей книге о «Висмуте» удастся отразить все эмоциональные восприятия авторов, как хорошие, так и плохие — это будет прекрасно. В качестве примера приведу один случай из собственной практики, когда при обсуждении должностных инструкций у главного инженера Объекта Ивана Ивановича Белова, он говорил нам о том, что если мы являемся руководителями, то и наш внешний вид должен быть соответствующий. И когда я вскоре появился перед ним при галстуке, то он с удовольствием мне сказал: «Ну вот! Это другое дело».

Манфред Хаманн

а последние годы — на шахте № 371 вплоть до ее закрытия в 1991 г.

Если я начну перечислять всех советских друзей (начальников шахт и Объектов, главных инженеров, геологов, геофизиков и др.), с которыми мы тесно работали, то их число перевалит за тысячу. Это и мой

М. Хаманн в юности.

заместитель Кудряшов, у которого я был в гостях в Донецке в 1980 г., и Виталий Константинович Гаузов — первый секретарь посольства СССР в ГДР, и Анатолий Максимович Чумаченко из Москвы, и Кучеров из Киева и много других моих друзей и товарищей по работе.

И еще об одном. В 1977 г. я получил задание от тогдашнего директора ГДП 9 Вернера Эберта, к сожалению уже скончавшегося, написать историю развития «Висмута»

в районе Ауэ. Я собрал команду примерно из десяти человек (геологов, горняков), и мы стали собирать материал для книги. Все эти материалы я обобщил. Часть из них была опубликована в книге «Зайльфарт», которая была выпущена в 1990 г. в издательстве Doris Bode Verlag GmbH. Кроме того, моя статья об истории урановых предприятий опубликована в сборнике, который издает Wismut GmbH. Передаю их вам для использования при написании книги.

Урановые предприятия в Шнееберге-Нойштедтеле. Объект 3¹

Состояние шнеебергских рудников в 1945–1946 гг. до передачи их «Висмуту»

На Шнеебергском рудном поле в 1946 г. находилось 4 действующих рудника — Вайсер Хирш (глубина — 397,5 метра), Нойяр-шахт (373,8 м), Шрот-шахт (212 м) и Бейст-шахт (404,4 м).

Этот горный район охватывал около 21,5 кв. километра. Всего около 100 горняков выполняли горный надзор, обслуживали насосную станцию на 110-м опорном горизонте и добывали небольшое количество никеле-кобальтово-висмутовой руды. (Летом 1946 г. часть этих горняков ушла в Обершлему и Иоганнгеоргенштадт восстанавливать старые рудники.) Главный водоотлив находился на 110-м основном горизонте шахты Вайсер Хирш. Через штольню «Маркус Земмлер» вода шнеебергских рудников попадала в Нидершлему, а затем — в речку Цвиккауэр Мульду. Рудники южной части месторождения — Адам Хебер, Даниель, Зибеншлеен, Вольфангмассен и Тюрк не работали: на них не было системы снабжения сжатым воздухом.

Начало разведочных и добычных работ «Висмутом» с 1945 г.

Подготовительные работы

В это время состояние геологического картирования и радиометрических измерений приобретает огромный интерес. Шнеебергский оберштейгер Эрнст Фогт, многие десятилетия проработавший на здешних рудниках, вспоминает сейчас об осеннем дне 1945 г.: «Мы тогда жили около Нойяр-шахта, когда к нам пришли три советских офицера. Моя жена пришла в ужас, когда посмотрела в окно и увидела посторонних людей в незнакомой униформе. Они были вежливы, пожали нам руки и спросили меня, могу ли я как знающий здешние рудники быть их проводником. Я согласился, и следующие три месяца мы обследовали известные мне в округе рудники: Вайсер Хирш, Петер и Пауль, Риттер-шахт, Бейст-шахт, Зибеншлеен и другие. Зачастую это было довольно рискованно — крутиться в выработках старых рудников. Хотя я знал в них каждый уголок, но встречая в выработках обрушения, порой бывает трудно найти безопасный проход.

Мы заползали в каждую дырку, замеряли радиометром поверхности, документировали трещины и жилы, место отбора проб.

¹ Здесь приведен перевод нескольких отрывков и фотографии из статьи М. Хаманна Bergmannische Tage in Bad Schlema 30. Juni bis 1. Juli 2007. Tagungsband, опубликованной в сборнике IMPRESSUM. Herausgeber: Verein zur Förderung, Bewahrung und Erforschung der Traditionen des sachsische/thüringen Uranbergbau. V. Druck: Wismut GmbH.

На переднем плане на фото слева — отвалы Риттер-шахта, на заднем плане — шахта № 76 (1950 г.).

На фото справа — штольня в районе Грундштрассе-Штоленхоф (1948–1949).

Офицеры брали меня с собой в гарнизон в Шнееберг, где они обобщали результаты подземных изысканий и подводили итоги. Летом 1946 г. они появились снова, и на шахте Вайсер Хирш, как и на других шнеебергских рудниках, начались горные работы.

За первый год совместной работы советские геологи и радиометристы вместе с немецкими горняками запрофилировали 21,115 и задокументировали 10,83 километра старых выработок. Одновременно были детально обследованы и опробованы 18 отвалов. На отвалах рудников Вольфангмасен, Заушwart, Нойяр-шахт, Даниель, Шиндлер-шахт, Бейст-шахт, Зибеншлеен-шахт и Гезельшафт урановую смолку не нашли или ее было там очень мало. В то же время на отвалах рудника Адам Хебер уже в первом пройденном шурфе в ноябре и декабре 1946 г. была обнаружена руда и немедленно начата разборка отвала простейшим способом. Рабочие лопатами перебрасывали отвал на движущийся ленточный транспортер. Как только радиометр фиксировал ураносодержащий кусок, транспортер останавливали, а радиоактивные куски отсортировывали и грузили в ящики. Советские солдаты работали наравне с немецкими рабочими. Ледянящий ветер, снег и промерзшая земля, а в ночную смену температура до минус 20 градусов, значительно осложняли работу. Для обогрева жгли много костров. В гаштете «Вальдшлесхен», находящейся непосредственно около пруда Фильцтайх, была организована первая столовая. Там давали овощи, сладкую кашу, гороховый или фасолевый суп.

В «Хронике «Висмута»» написано, что в 1946–1947 гг. из 4 отвалов добыли около 100 кг урана, причем основная часть — из отвала шахты Адам Хебер.

Хорошие результаты ревизионных работ на поверхности и под землей послужили веским основанием для запуска в работу бездействующих рудников № 47 (Шрот-шахт) и Бейст-шахт. К их числу присоединили

Риттер-шахт (№ 9), Нойяр-шахт (№ 11), Зибеншлеен (№ 10) и Адам Хебер (№ 43). Для увеличения подъемных мощностей рудников начали проходку шахт №№ 25, 26 и 50.

Для управления старыми и строящимися рудниками был организован Объект 2. После того как количество рудников в районе Шнееберга увеличилось, они были переданы в распоряжение Объекта 3, управление которого располагалось в здании Песталоцци-Шуле.

Трудностей было немало. Приведу два примера.

Суровая зима 1947 г. принесла на Риттер-шахт большую проблему. Главный подъемный копер полностью обмерз, толстые сосульки висели в стволе и не давали проходить подъемной клетки. Стоя в ней, горняки кайлами сбивали лед. К счастью, были резиновые костюмы и шлемы для моряков.

Запуск в работу рудника Зибеншлеен тоже сопровождался большими трудностями. Рудник представлял собой зарешеченное на поверхности отверстие ствола с единственным деревянным лестничным отделением. Оно было единственным в грузовом стволе, однако нуждалось в ремонте. Первый полук находился на расстоянии 90 метров от штольни Грайфер, а до него через каждые 10 метров были промежуточные площадки (Fahrtendeckel). В расположенном рядом жилом доме были помещения для штейгеров, геологов и маркшейдеров.

А теперь — несколько случаев, связанных с работами по освоению месторождения, в которых я сам участвовал.

Транспорт материалов

Транспорт материалов в руднике осуществлялся так, что каждую стойку, верхнюю или что-то другое ты должен был взять в руки и сам спустить в рудник. Один бывший солдат, вернувшийся с войны целым и невредимым, сказал: «Нет, никогда! В эту дыру я больше не спущусь», — и ушел, посмотрев свысока

Копер Тюрк-шахта (фото 2007 г.).

На фото справа: поверхность шахты Вайсер Хирш (1938–1940).

На фото слева: основное здание Нойяр-шахта (1940).

на оставшихся. Больше его никто не видел. Очень трудоемким мероприятием была транспортировка резинового кабеля длиной несколько сотен метров с поверхности на горизонт «Маркус Земмлер». Происходило это так: через каждые 5–6 метров стояли горняки и, взяв кабель на плечо, тянули его на спине к стволу, образуя длинную людскую цепь. При этом не у всех были карбидные лампы, а у тех, у кого они были, горела далеко не каждая. Такой мерцающий и коптящий свет сопровождал этих людей под землей.

Отбор проб на Нойглюк-Флахен

В районе жилы Фляйшер Моргенганг мы обследовали поверхность и должны были взять пробу жилы. Она имела мощность до 30 сантиметров. Радиометр показывал наличие урановой смолки. Долотом и обушком (1 кг) отбили пробу руды. Сильно мешал неприятный запах мышьяка. Бурение шпуров производили вручную. Обушком или кувалдой (5 кг) забивали буровое долото в горный массив. В зависимости от его твердости один человек пробуривал за смену 1–2 шпура глубиной 1 метр.

Желатин-донарит служил взрывчаткой, а карбидная лампа — запалом. Руду несли на поверхность в рюкзаке или запакованном жестяном ящике. Вначале мы затачивали буровой инструмент на стороне, но вскоре «Висмут» организовал собственную мастерскую на Бейст-шахт.

Строительство шахтных установок на поверхности

Зимой 1947 г. началось переоснащение рудника Зибеншлеен для транспорта материалов и грузового подъема. Поставили мачты для подвода электроэнергии, столбы для деревянного забора. Еще надо было возвести фундаменты для подъемных машин, деревянного подъемного копра и компрессорной станции, но копать каменистую поверхность зимой было очень тяжело, к тому же не хватало воды. Большие смерзшиеся куски песка разбивали на железном листе, грели его на костре, и только после этого песок принимал свой обычный сыпучий вид. Воду получали из растапливаемого снега, которого той зимой было достаточно. На залитых фундаментах постоянно горели костры, чтобы бетон хорошо схватился. Позже поставили подъемную машину и подъемный копер, появился сжатый воздух, и дальнейшее развитие рудника было обеспечено.

Для транспорта материалов приспособили усиленный стальными ребрами деревянный ящик с двумя деревянными 4-метровыми полозьями, со срезанными под углом концами. С помощью этих «саней» нужные материалы спускали в рудник. Некоторые храбрецы садились в деревянный ящик и спускались, управляя руками и отталкиваясь от стенок. Эти деревянные сани еще в 1947 г. заменили на два скипа. Но горняки по-прежнему были вынуждены пользоваться лестничным отделением.

Подготовительные и очистные работы

На старых горных работах пройденные выработки в руднике Зибеншлеен были тупиковые. Но для проведения разведки из горизонтальных выработок требовалось хорошее проветривание. К тому же нужно было проходить штреки и квершлагы с сечением 3–4 кв. метра. Проходчики бурили всухую, для защиты от пыли применяли маски. Бурили перфораторами ВН-16 весом 16 килограммов. Пневмоподдержек не было, и на перфоратор давили вручную. Взорванный забой освобождали лопатами от горной массы и снова бурили. Отбитая горная масса повсюду лежала в штреке, и откатчики с лопатами не успевали. Для откатки использовали опрокидывающиеся вагонетки объемом 0,25 кубометра.

В 1948 г. в забой была проложена сеть трубопроводов для подачи воды, и на проходке началось мокрое бурение (с промывкой водой). Однако трудности со снабжением необходимыми материалами отложили повсеместное внедрение мокрого бурения на 1–2 года.

В шнеебергском районе на очистной выемке применялась потолкоуступная система. Длина блока достигала 50 метров, активную часть жилы отбивали взрывом, а богатую руду — пневматическими отбойными молотками, затем руду грузили в ящики и транспортировали на поверхность. Вначале радиометристами работали советские солдаты, так как немецких радиометристов надо было еще научить. Для закладки очистного пространства использовали оставшуюся пустую породу.

Оборудование старых рудников, простая техника и примитивная технология не позволяли достичь высокой производительности труда.

Проходка новых шурфов главных стволов

Для проходки новых стволов в районе Шнееберга в 1947 г. был создан Объект 14. Вначале проходку осуществляли вручную. Основными инструментами были перфоратор ВН-16, кирка, лопата, молоток, долото, пила и топор.

Ответственным моментом при проходке стволов было поджигание бикфордова шнура полностью заряженного забоя. Вначале взрывали центральную часть забоя, а затем остальные шпуры. Поджигали шнур карбидной лампой. После этого взрывник должен был тут же впрыгнуть в стоящую наготове бадью емкостью 0,6 кубометра и срочно подниматься. При этом очень важно четкое взаимодействие с людьми на поверхности: после получения сигнала надо было срочно поднимать бадью, при этом как можно быстрее и не останавливаясь. Были случаи, когда бадья еще поднималась, а в забое уже взрывались первые шпуры. Поэтому уже в 1948 г. перешли на электрическое взрывание.

Проходческий копер был обшит досками и не имел направляющих. Подъем бадей без канатных проводников проводили с помощью проходческих лебедок типа ОК-1 и подъемных лебедок 23. Стационарный деревянный проходческий полок в соответствии с технологией проходки постепенно опускали ниже, разбирая его и вновь собирая. Устье ствола под копром закрывали полком из толстых досок. Сечения стволов были прямоугольные (12–16 кв. м), с двумя типами подъемных копров: один для материалов, второй — для спуска и подъема людей. Крепление стволов было деревянным, его тип зависел от крепости горных пород. Спуск и подъем людей осуществлялся на старых вертикальных стволах рудников Бейст и Шиндлер, а также на больших скипах переоборудованных рудников Тюрк и Вайсер Хирш.

Создание коллектива

Вскоре после окончания Второй мировой войны в Рудных горах была создана воинская часть Красной армии, которой понадобились специалисты — горняки, механики, геологи, геофизики. Строительство и руководство Объектами и рудниками осуществляли офицеры этой воинской части. Вместе с ними работали гражданские специалисты, в основном геологи и геофизики. Им помогали опытные немецкие горняки Рудных гор (предприятие «Саксен АГ»), угольных шахт Силезии и угольных районов Судет. Пополняли этот коллектив жители близлежащих районов, приходившие добровольно или по трудовой повинности, на основании решения Союзнического кон-

Эти годы характеризовались интенсивными очистными работами на всех старых рудных полях, увеличением интенсивности разведки с помощью проходки квершлагов, жильных штреков и новых стволов. На рудниках начали внедрять новую технику и более

трольного совета. К ним присоединялись возвращавшиеся из плена солдаты и бывшие узники фашистских концлагерей.

О том, как трудно было из этой пестрой массы людей создать работоспособный горняцкий коллектив, можно судить, прочитав выдержки из приказа тогдашнего генерального директора «Висмута» М. М. Мальцева от 20 октября 1947 г.:

1. До 1 декабря перевести всех рабочих на сдельную и аккордную оплату труда согласно приказу от 17 января 1947 г.

2. Для каждой бригады и каждого рабочего должно быть обеспечено постоянное рабочее место.

3. Все рабочие должны быть обеспечены хорошим инструментом и лампами.

4. Пневматический инструмент (буровые коронки и пневматические молотки) закрепить за бригадами.

5. Штреки и рельсовые пути до 15 ноября привести в порядок.

6. Вновь принимаемые на работу должны быть проинструктированы.

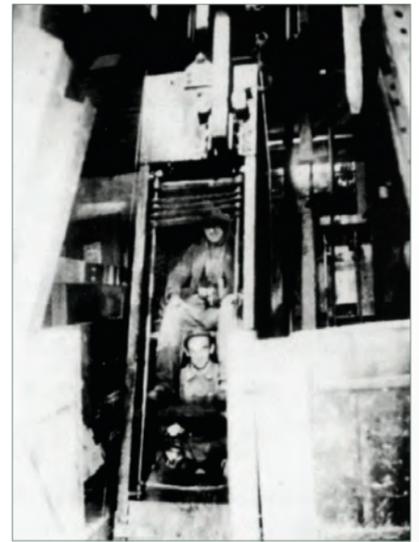
7. До 1 декабря обеспечить работу профессиональной образовательной школы со сроком обучения 2–3 месяца для получения рабочей профессии.

8. Женский труд на подземных работах запретить.

Трудно было обеспечить созданные бригады материалами и инструментом. Дело доходило до того, что руководитель рудника хранил буровые коронки и буровую сталь у себя в кабинете или сейфе и сам их распределял.

Первые курсы для подготовки геологов открылись летом 1947 г. в Ауэ, точнее в Хайдельберге. Фрайбергские профессора Эльснер и Вацнауэр давали студентам первые знания по геологии, минералогии и маркшейдерии. Вскоре в 1948 г. в Шлеме открыли горную школу, начали читать основные курсы для штейгеров, проходчиков, крепильщиков, слесарей и взрывников.

Сложнее всего было с исполнением пункта 8 приказа о запрете труда женщин под землей. Лишь много лет спустя шахты покинули последние сигнальщицы.

Подъем людей в скипе на шахтах Тюрк и Вайсер Хирш (1950–1951).

Проходка с молотком и буровым долотом (фото 1930 г.).

Руддвор шахты Зибеншлеен со скипом (1948–1949).

1949–1950 гг.

современный горный инструмент. Успешно прошли опробование и начали широко использоваться:

- а) перфораторы АТ-18 и «Геркулес»;
- б) пневматические поддержки перфораторов;

- в) повсеместное внедрение мокрого бурения;
- г) электрическое зажигание для взрывания на проходке и очистной выемке;
- д) вагонетки емкостью 0,65 куб. м и шириной колеи 600 мм;
- е) погрузочные машины ПМЛ-3, ПМЛ-4 и ПМЛ-63.

При этом ленточные перегружатели на проходке не прижились, а горизонтальные разведочные работы на шахтах №№ 73, 75, 77, 131 и 150 не дали существенных результатов и поэтому дальнейшие работы на них были прекращены.

Случаи нарушения горными работами дневной поверхности и в районе старых рудников

Нарушения происходили в тех случаях, когда не учитывался столетний опыт ведения горных работ. Иногда происходили нарушения поверхности в районах неизвестных горных выработок. Через один из таких прорывов в 1949 г. в районе шахты Зибеншлеен стала поступать вода в пройденный штрек «Швальбенаер Флюгель», затем через боковой восстающий — на штольню «Маркус Земмлер» и поднялась на 0,5 метра. Изломанный и всплывший дощатый настил в выработках осложнил эвакуацию горняков, покидавших затопливаемую выработку. Через несколько смен воду из выработки откачали, настилы привели в порядок, и работа в шахте продолжилась.

В 1948–1949 гг. происходили аварийные обрушения поверхности в районе Грундштрассе и Редерштрассе в Шнееберге, а также в районе церкви Святого Вольфганга, где под землей велись очистные работы. Поэтому под городом были установлены границы ведения горных работ (охранный целик).

Рудольф Дитель

С 1947 по 1990 г. работал в «Висмуте», прошел путь от рабочего на породных отвалах, проходчика, штейгера, начальника вентиляции и начальника горного района до главного горного диспетчера «Висмута».

Я тоже приветствую предложение наших российских коллег-висмутян, чтобы мы — ветераны «Висмута» — поделились своими воспоминаниями для книги. У меня есть опубликованные материалы (интервью, брошюры), личные документы и фото, которые я передаю обществу «Висмутяне».

В течение многих лет я работал главным горным диспетчером СГАО «Висмут», знал многих советских специалистов в Генеральной дирекции, на Объектах и предприятиях. Отношения с ними всегда были

В Чорлау, на шурфе №18, были начаты разведка и очистные работы на жиле Дальняя, а также на штольне Магнет и шахте Херманн, которые показали незначительные запасы руды, преимущественно урановой слюды (Uranglimmer). Эти шахты были присоединены к Тюрк-шахт и не имели большого значения.

Из-за незначительных объемов добыча на месторождении Шнееберг осенью 1950 г. была прекращена. Объект 3 закрыли, оставшиеся шахты и шахтоуправления №№ 3 и 10 передали Объекту 9, а освободившиеся горняки были переведены на работу в шахтах Обер- и Нидершлемы.

Охранный целик был установлен и под Фильцтайхом. Когда очистная выемка подошла к нему на 30 метров, горные работы были остановлены. Для безопасности вода из пруда была спущена через плотину, а сам пруд позднее снова был наполнен водой.

Но даже совсем недавно немецкая газета «Цайт» в номере 26 от 23 июня 2005 г. напечатала статью: «Смерть за бомбу», где в частности было написано следующее: «В мае 1949 года вода пруда Фильцзее затопила рудник. Была прорвана перемычка, и 180 горняков погибли».

Автор этих воспоминаний в это время работал на шахте в непосредственной близости от пруда Фильцтайх и может судить об этом на основе собственных впечатлений. 23 гектара водной поверхности не могут незаметно исчезнуть. Так что описанная в газете трагедия — ложь. Горный пруд Фильцтайх и сегодня радует тех, кто приходит туда на прогулку.

деловыми, корректными и дружескими. Должен сказать, что в «Висмуте» были созданы все условия для воспитания собственных (немецких) научных и инженерных кадров геологов, горняков, экономистов, творческой интеллигенции и спортсменов: были открыты школы, техникумы, организовано систематическое очное и заочное обучение во Фрайбергской горной академии.

Мы чтим память погибших и умерших горняков и ежегодно на шахте № 250 в День горняка воздаем им почести.

Интервью Зигфрида Войтке с Рудольфом Дителем²

— Рудольф, ты родился и вырос в Зозе³, расскажи, как ты, 14-летний мальчик, пережил конец войны?

— Я до сих пор с болью вспоминаю войну и послевоенное время. Мой отец и два брата моей матери погибли. Я помню реакцию мамы и бабушки на их похоронки «...за Фюрера, Народ и Отечество». В нацистское время нам всем день за днем вдальбливали ненависть к русским. Но наше мнение изменилось, когда на наших глазах в апреле 1945-го немецкие солдаты на краю лесной просеки расстреляли русских военнопленных. После окончания войны других несчастий, кроме голода, мы не встречали.

— Твоя трудовая деятельность началась в 1947 году в качестве рабочего на породных отвалах рудника Химмельфарт, а затем забойщиком на подземных работах на Гюнтершахт, затем — на шахте № 2 и шахте № 39 (Хоффунг-шахт). Что ты можешь сказать о русских партнерах и о начальном процессе развития САО «Висмут»?

— С приходом в «Висмут» начинается мое широкое знакомство с русскими — и на рабочем месте, и во время обеда в столовой. Здесь я должен сказать, что мне не раз приходилось встречаться с ними: от солдат военной охраны до начальников шахт, генеральных директоров и руководителей различного уровня. Вообще-то, спрашивать о русских — не совсем корректно, так как советские специалисты приезжали из всех регионов Советского Союза, в частности был у нас один чеченец⁴, с которым я познакомился в 1990 г. В «Висмуте» советские специалисты всегда были для нас друзьями. Совместная работа с этими людьми была всегда открытой и честной. При дискуссиях они, так же как и мы, горячо высказывали свои критические замечания, но никогда не обижали и не оскорбляли нас. «Висмут» для меня — это в первую очередь люди. В процессе работы мы все становились единым организмом, воспитывались на солидарности, товариществе, взаимопомощи и поддержке. Естественно, как и повсюду, в «Висмуте» тоже были свои паршивые овцы. Эти люди сами себя изолировали. Необходимо, впрочем, отметить, что и у нас были тяжелые времена. Я вспоминаю, как в 1947 г. нам, подземным транспортным рабочим, платили 7,2 марки в смену без каких либо доплат. Но с середины 1948 г. нам стали платить уже 8,8 марки плюс 50 % за подземные работы. В это же время были введены висмутовские карточки на продо-

вольственные товары. В 1950-е гг. я как штейгер зарабатывал 450 марок. Хорошие забойщики получали в 3–4 раза больше. В первые годы работа выполнялась аккордно (по индивидуальным нарядам). Это означало, что каждая из трех смен в сутки оплачивалась отдельно за выполненный объем работ. С этой целью в штат предприятия были включены хронометристы. В начале 1950-х гг. эта методика была изменена. Были созданы бригады, которые работали в три смены в одном или нескольких районах. Началось развитие новой категории рабочих — бригадиров. Это были отличные горняки с высокой производительностью труда.

— Как реагировало руководство на несчастные случаи на шахтах?

— К сожалению, у нас были несчастные случаи с травмами и даже со смертельным исходом. Будучи молодым горняком, я был свидетелем одного из них. Впоследствии, когда я уже был горным диспетчером, я всегда помнил о нем, и это помогло мне воспитать повышенное чувство ответственности при принятии решений. Могу сказать, что руководство «Висмута» рассматривало все несчастные случаи на самом высоком уровне, вплоть до генерального директора. Причины пожаров и других аварий очень внимательно анализировались и делались соответствующие выводы. С середины 1950-х гг. все возможные происшествия устранялись на основании планов ликвидации аварий.

— Что входило в твои задачи как главного горного диспетчера?

— В течение всех 45 лет моей работы в «Висмуте» я упорно трудился и всегда был востребован. Как и у других молодых людей, у меня были свои представления о специальности, но, как это часто случается, жизнь вносила свои коррективы. Вначале было несколько месяцев работы на поверхности, потом — под землей, в забое. После учебы во Фрайбергском горном техникуме началась моя работа в горном надзоре. Дальнейшее повышение квалификации и выполнение сложных и ответственных задач позволило мне стать руководителем отдела горных диспетчеров Генеральной дирекции.

ОТПУСКНОЙ БИЛЕТ
Der Urlaub

Предъявитель сего Рудольф Дитель
(Фамилия, имя и отчество)
Dem Vorzeiger dieses Dietel Rudolf
Zusatz, Vorname, Vatersname
представлен краткосрочный отпуск в Миссисса
(сущ. назначенная)
ist kurzfristiger Urlaub nach Misissauga
(gehört zu Or.)
сроком на 8 суток
auf „8“ vierundzwanzig Stunden gewährt worden.
U. „10.“ 1947 г. по „10.“ 1947 г.
Und zwar vom „10.“ 11. 1947 bis „18.“ 11. 1947
По окончании срока отпуска Дитель Рудольф
Nach abgelaufenem Urlaub muss Dietel
обязан явиться „18.“ 11. 1947 г. к месту службы,
am „18.“ 11. 1947 zur Dienststelle Feldpost-Einheit 27304
воинской части 27304 „ „
zurückkehren.
НАЧАЛЬНИК ВОИНСКОЙ ЧАСТИ
III № 27304
Chief Feldpost-Nr. 27304
1947 г.
10. 11. 1947
As 31. 4. 61. 000

Отпускной билет.

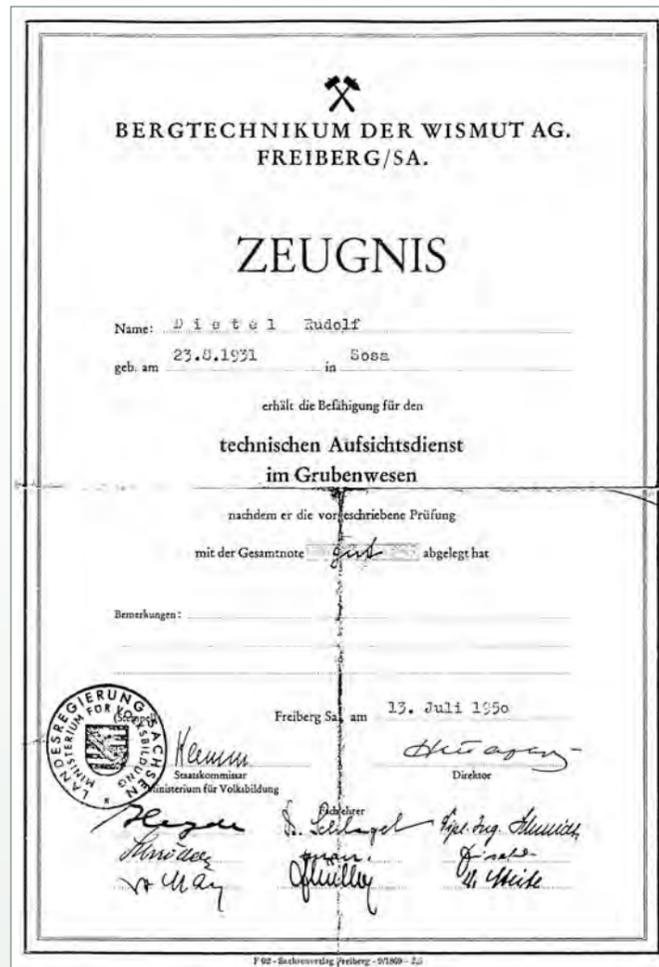

Р. Дитель.

² Siegfried Witke. Der Berg ist frei. 3 Band.

³ Зоза (Sosa) — коммуна в земле Саксония. В 1947–1956 гг. здесь шла интенсивная добыча урана СГАО «Висмут». С 1 января 2011 г. Зоза стала частью соседнего городка Айбенштот (прим. ред.).

⁴ Речь идет об Олере Мухарбековиче Кастуеве — переводчике этого интервью, осетине по национальности (прим. Г. Г. Андреева).

Свидетельство
об окончании
Рудольфом
Дителем
Фрайбергского
горного
техникума.

Будучи главным диспетчером, я был начальником оперативной горной службы «Висмута». Несчастные случаи, аварии, оперативный контроль выполнения плана, совместная работа с руководством Райхсбана по всем вопросам железнодорожного транспорта, обрушения закладки, выход из заложеного пространства, обеспечение бесперебойной производственной деятельности в экстремальных зимних условиях — все это и многое другое входило в мои обязанности. Могу сказать со всей ответственностью: я всегда относился с большим уважением к горнякам и их тяжелому труду, мне были известны все производственные процессы, от добычи руды до реализации экспортной продукции. Я постоянно был в тесном контакте с научно-техническими и проектными предприятиями, а также со службой здравоохранения «Висмута». Для реализации лозунга «Работай с нами, планируй с нами, управляй с нами» существенную роль играла изобретательская деятельность. В моем паспорте социалистического рационализатора есть личные и коллективные предложения для улучшения хозяйственной деятельности, охраны здоровья и труда, которые оцениваются примерно в миллион марок.

— «Висмут» был самым мощным предприятием не только в Саксонии и Тюрингии, но и во всей ГДР?

— «Висмуту» была поставлена задача как можно быстрее найти урановую руду и приступить к ее добыче. Все начиналось с простых и примитивных средств, и вся успешная деятельность общества в его начальный период была достигнута лишь за счет большого количества рабочей силы.

Благодаря организации Научно-технического центра и Проектного предприятия, а также творческой инициативе трудящихся и руководителей отрасли, были созданы современные предприятия, оснащенные самой передовой аппаратурой. Быстрыми темпами развивалась транспортная система, появился вычислительный центр. Все это способствовало значительному росту производительности труда. Особое внимание уделялось охране здоровья и культуре производства. Руководителей, которые этим пренебрегали, наказывали вплоть до отстранения от должности. Для обеспечения безопасных условий труда и охраны здоровья трудящихся, организации их досуга и отдыха, жилищного строительства и других социальных нужд были затрачены многие миллионы марок.

Трудящиеся всех крупных предприятий «Висмута» (а их было 21) обеспечивались на месте достойным медицинским обслуживанием: в их полном распоряжении были амбулатории при предприятиях, поликлиники, больницы и санатории. Специально созданное ведомство обеспечивало регулярный медицинский осмотр работников и уход за их здоровьем.

Когда говорят о десятках тысяч трудящихся «Висмута», нужно иметь в виду, что в последние 20 лет число забойщиков, непосредственно ведущих добычу урановой руды, составляло 4500–5000 человек. Остальные обеспечивали вспомогательные процессы добычи и переработки урановой руды.

— Рудольф, в последнее время в СМИ сплошным потоком идут сообщения, в которых приводятся якобы неопровержимые доказательства ужасных несчастных случаев в первые годы работы «Висмута». Но, после моих многочисленных разговоров со свидетелями тех времен, я пришел к выводу, что все было совсем иначе. Так, например, приводится якобы имевший место в мае 1949 г. массовый несчастный случай, произошедший в результате прорыва воды. В моей статье я говорил, что это не соответствует действительности. Недавно одна газета утверждала, что на Объекте 1 в Иоганнсгеоргенштадте на шахте № 14 на глубине 200 метров погибли около 800 человек, и их тела до сих пор находятся под землей. Ты работал там в это время. Что же произошло на самом деле?

— Я читал эту статью в газете «Ди Цайт» № 26 от 23.06.2005. К этому и другим подобным сообщениям я отношусь спокойно, тем более что это ложь. В Иоганнсгеоргенштадте не было шахты № 14. Не было также шахты с уровнем воды в 200 метров. Правда же состоит в том, что 24 ноября 1949 г. в устье слепого ствола № 31 на глубине 25 метров произошел пожар. Это происшествие документально зарегистрировано пожарным подразделением. В непосредственной близости, на глубине 78 метров, находился склад взрывчатки. Вся взрывчатка и средства взрывания были своевременно эвакуированы. К сожалению, машинист насосной станции был смертельно отравлен продуктами горения. Постыдность этой статьи состоит в том, что горняк, если прочтет ее, будет думать, что его погибшие товарищи были оставлены под землей. Между тем каждый погибший в «Висмуте» горняк был поднят на поверхность и похоронен в соответствии с принятым ритуалом.

Самый массовый несчастный случай произошел 15 июня 1955 г., когда на шахте № 250 в Шлеме погибло 33 горняка. Каждый год в День горняка погибшим на этой и других шахтах «Висмута» общественность воздает полагающиеся в таких случаях почести.

— Давай оглянемся в прошлое и подведем итоги и твоей работы, и деятельности «Висмута» в целом.

— Любой общественный строй имеет свои экономические и социальные законы. Это я начал понимать еще в молодые годы во время учебы. Это было время, когда я полностью посвятил себя претворению в жизнь лозунга: «Нет войне! Руда — для мира». Иметь определенную цель в жизни и делать для ее осуществления все, что в моих силах, было моим принципом в те годы, и останется таковым на всю оставшуюся жизнь.

Нужно раз и навсегда определить свои возможности, чтобы начатые и запланированные работы выполнить аккуратно и прилежно, не боясь при этом ставить перед собой новые цели и задачи. Для этого нужно использовать опыт предыдущих поколений, бережно относиться к нему и применять в современных условиях, а самое главное, всегда вести себя честно и порядочно.

О своем отношении к войне я уже говорил, но добавлю: войну ведут самые обыкновенные люди. Вторая мировая война была исчадием ада, и мы до сих пор помним атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки. «Висмут» тоже был продуктом этой войны. Но я всегда считал и считаю, что при всех заботах и проблемах, имеющихся у каждого человека, в каждой семье, в каждом обществе, во всем мире должна звучать основная мысль: «Война не должна повториться!»

Перевод О. М. Кастуева.

Отрывки из брошюры Рудольфа Дителя⁵

Тяжело быть горняком

...В это время (1945–1946) быстро и без всяких бюрократических проволочек начинается развитие висмутовских горных предприятий. Для трудоспособного населения Шварценберга и его окрестностей работы не было. Следует напомнить, что в то время многие предприятия демонтировались и отправлялись в Советский Союз в счет репараций.

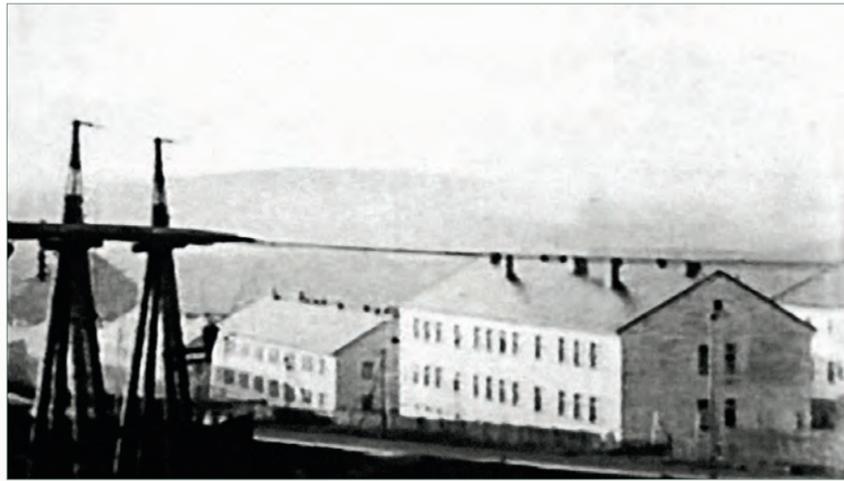
Однажды в начале апреля 1947 г. моя мать сказала мне: «Рудольф, я разговаривала с Куртом, он возьмет тебя на шахту». Три дня спустя Курт пришел к нам. Он работал оберштейгером и являлся одним из старейших горняков прежнего АО «Саксенэрц». И вот 15 апреля 1947 г. с флягой чая и куском хлеба в кармане я на своем старом велосипеде поехал на свою первую смену. Мы встретились у церкви в 4:30 утра. Дорога шла вверх, и в 5:45 мы приехали к шахте № 2 (Химмельфарт и Гюнтер).

Тут надо сделать небольшое отступление и рассказать, как шахта Гюнтер получила свое название. Это было в 1939 г. Бри-

гада проходчиков стволов с соседней шахты Химмельфарт, находясь на отдыхе в Штайнбахе, встретила подвыпившего отпускника из Цвиккау по имени Гюнтер. Горняки, имея большое желание утолить свою жажду, предложили ему за бочку пива назвать шахту его именем, и сделка состоялась.

Шахта № 2 имела простую конструкцию: ее ствол имел отделения для подъемной клетки, противовеса и лестницы. Ствол был пройден в устойчивых гранитах и не имел крепления. На поверхности располагались деревянный копер, здание подъемной машины, компрессорная станция, барак управления, ремонтная мастерская и больничная амбулатория. Для подразделения охраны (это были солдаты Красной армии) был отведен самостоятельный барак. Когда мы с Куртом приехали к шахте, я остался ждать у ворот. Вход охранялся и контролировался солдатами. У меня не было пропуска и разрешения на проход. Через некоторое время Курт вынес мне записку и сказал: «Поезжай в Иоганнсгеоргенштадт, в "Немецкий дом", и передай письмо для приема на работу. Жди, пока тебе выпишут пропуск, и постарайся по возможности вернуться до обеда».

⁵ Иоганнсгеоргенштадт. Краткая история добычи урана на Объекте 1 СГАО «Висмут» с 1946 по 1958. Музей урановых горных предприятий в доме культуры «Активист» (Бад-Шлема). Тетрадь 11, 2004.

Крупные общежития, построенные для горняков (фото из архива Wismut GmbH).

Я отправился в путь. Посетив все инстанции, я получил висмутовский пропуск. Теперь я принадлежал к организации «полевая почта 27304», само название которой сразу говорило о ее военном характере.

Исчерпывающую информацию о существующих в то время условиях работы и жизни трудящихся на предприятиях «Висмута» дает письмо Союза свободных немецких профсоюзов (ССНП) в адрес советских профсоюзов⁶.

О начале работ и характере деятельности Объекта 1 «Висмута»

В сентябре 1945 г. советская воинская часть (полевая почта 27304) приступила к поиску и разведке урана в районе городов Иоганнгеоргенштадт и Шнееберг. Руководителем поисковой группы был советский офицер С. П. Александров, а главным геологом — А. Н. Ярошенко. Начатые работы послужили основанием для создания предприятия по добыче урановой руды и последующего его расширения. К этим работам был привлечен профессор Шумахер из Фрайбергской горной академии. С образованием САО «Висмут» 1 января 1946 г. первое уранодобывающее предприятие получило обозначение Объект 1.

Руководство Объекта разместилось в здании бывшей гостиницы «Немецкий дом» напротив железнодорожного вокзала. В 1948 г. было реконструировано здание соседней фабрики, которое стало вторым административным зданием. Всего на момент начала работ в 1945 г. на Объекте насчитывалось 22 старых шахтных ствола и 40 штолен общей протяженностью горизонтальных выработок около 3,2 км, в том числе Фрицглюк-шахт (шахта № 1), Гюнтершахт (шахта № 2), Шаар-шахт (шахта № 18) и Хофнунг-шахт (шахта № 39). Глубина

горизонтов на шахте Фришглюк составляла 350 метров, на шахте Глюк Ауф — 370 метров. В течение 1945–1946 гг. большинство выработок было реконструировано и задокументировано.

Добыча урана в этом районе велась с 1827-го по 1943 гг. По сведениям профессора Шумахера, до 1938 г. было добыто 29 698 тонны руды, содержащей 6,1 тонны U_3O_8 .

В течение первого же года работы на шахте № 1 было добыто 6,4 тонны урановой руды. За год было пройдено 18 385 метров горизонтальных и вертикальных выработок и реконструировано 4658 метров. Прорядку новых стволов проводил Объект 12. В 1948–1949 гг. в эксплуатации находились 26 шахт. По состоянию на 17 апреля 1947 г. численность рабочих на Объектах «Висмута» составляла 63,6 тыс. человек, из которых как минимум 20 тыс. были задействованы на Объекте 1. К концу 1947 г. Объект 1 стал ведущим предприятием «Висмута».

Для размещения горняков в Иоганнгеоргенштадте и его окрестностях строились жилые блоки. К юго-востоку от вокзала на арендованной земле были построены 38 крупных общежитий, к северо-востоку — 16, а в Штейгердорфе в начале Димитровштрассе — 6. Много жилья было построено и в новых районах, например, 130 жилых блоков на севере и юге Айбенштокштрассе и Антонское. В крупных общежитиях было по 40 комнат, в каждой из которых размещалось по 4 человека. В общей сложности в них было размещено 14,4 тыс. человек.

Вспоминает один из горняков, живший в таком общежитии: «В Мюльберге были построены коммунальные квартиры как временное жилье. Жильцы каждой из комнат по-разному уживались друг с другом. Что касается моих соседей по комнате, то мы вчетвером работали забойщиками в разных сменах на 51-й шахте и жили дружно. Мы ничего не прятали друг от друга. Обедали в специально отведенной для этого комнате».

* * *

Тысячи сотрудников Объекта жили в частных квартирах в Иоганнгеоргенштадте и его окрестностях и добирались на работу самыми разными способами. В 1949 г. Райхсбан Ауэ перевозил ежедневно около 30 тыс. рабочих.

В 1950–1951 гг. советским специалистам были переданы 50 жилых домов с 220 квартирами, которые в 1957–1958 гг. были возвращены городу. В 1949–1950 гг. были проведены масштабные мероприятия по улучшению условий отдыха трудящихся. В каждом жилом районе были построены клубы. За здоровьем горняков тщательно следил медицинский персонал амбулатории,

поликлиник и больниц. В Эрлабрунне была построена большая больница для горнорабочих.

Производственный травматизм

Статистика по этому вопросу ведется по крайней мере начиная с 1955 г. До этого времени несколько раз издавались отчеты рабочей инспекции г. Ауэ, которая начала свою деятельность 2 января 1948 г.

Отсутствие квалифицированных специалистов горного надзора вызвало необходимость их срочной подготовки. С этой целью с 1949 г. при Фрайбергской горной академии был создан Горный техникум (Объект 105).

Среди документов того времени порой можно найти сообщения о травматизме горняков и даже смертельных случаях. Так, например, известно, что за период с октября по декабрь 1947 г. их было 18.

24 ноября 1949 г. в камере подъемной машины слепого ствола шахты № 31 произошел пожар, который распространился в штольню Нойяр. При этом один человек погиб и 40 получили отравление продуктами горения. Это был единственный подземный пожар со смертельным исходом на Объекте 1.

По свидетельству многолетнего руководителя горнотехнической инспекции «Висмута» и горнотехнического надзора г. Карл-Маркс-Штадт, с начала 1949-го по 1964 г. было зафиксировано 376 смертельных случаев. На основе опросов среди тогдашних работников «Висмута» с 1946-го по 1948 г. в среднем таких случаев было по 60–70 в год.

На основе анализа фактических данных и устных свидетельств можно установить трагический итог: за время всего периода деятельности «Висмута» в результате несчастных случаев погибло около 800 человек.

Я начал работать в «Висмуте» в маркшейдерской службе в 1948 г., на два года лет позже Манфреда Хаманна. Но потом я понял, что забойщики зарабатывают больше, и проработал им до 1963 г. В эти годы меня направили на профсоюзную работу и избрали председателем профсоюза шахты № 10/72. И мне, конечно, приходилось много контактировать с советскими специалистами и участвовать в решении трудовых споров. У меня сложились с ними очень хорошие деловые контакты.

В 1963 г. я стал членом Центрального правления профсоюза «Висмута», переехал в Хемниц и начал работать в отделе культуры.

Эпилог

За 12 лет на Объекте 1 «Висмута» в Иоганнгеоргенштадте было добыто 3585 тонн урана. На площади почти 12 кв. километров рудного поля было пройдено 13 основных и 11 вспомогательных горизонтов общей протяженностью около 1000 км. В 1958 г. добыча урана была прекращена в связи с отработкой его промышленных балансовых запасов, а 24 сентября того же года началось затопление отработанного пространства.

Горняки, работавшие в тот момент на нижнем горизонте 400 метров, заложили там медную капсулу. В ней было письмо следующего содержания: «Сегодня мы спустились на горизонт 180 м (Лакхтер) и демонтировали 5 стационарных насосов. Теперь этот горизонт будет затоплен. В далеком 1958 году здесь работали горняки, которые в тяжелые послевоенные годы, после уничтожения гитлеровского фашизма, заложили фундамент для мира во всем мире...»

Работы по рекультивации были начаты уже в 1959 г. На породные отвалы доставлялась плодородная почва, на которой высаживались саженцы хвойных деревьев. На 29-ти Объектах были приведены в первоначальный вид отвалы площадью 181 гектар.

После окончания производственной деятельности на всех шахтах Объекта 1 (Иоганнгеоргенштадт) всем работникам была предоставлена возможность получения новых рабочих мест. Большинство из них были переведены в районы Ауэ-Шлема, Карл-Маркс-Штадт — Зигмар, а также в Тюрингию. Сотрудники «Висмута», оставшиеся в Иоганнгеоргенштадте, были без промедления переведены на вновь созданные предприятия. Никто из них не остался без работы и хлеба.

Перевод О. М. Кастуева.

Готтхард Бретшнайдер

В это время здесь была организована совместная смешанная комиссия по культурным связям, где мне также довелось часто работать вместе с советскими товарищами.

Говоря о творческой и культурной жизни «Висмута», следует отметить, что здесь создавались настоящие произведения искусства — картины, эстампы, графика — всего свыше 3300 художественных работ.

Я опубликовал несколько брошюр, посвященных истории и деятельности «Висмута», созданию профсоюза трудящихся, политической атмосфере вокруг общества и его культурной жизни.

Г. Бретшнайдер.

⁶ С полным текстом письма можно ознакомиться в главе 3 части I настоящего издания.

Члены смешанной культурной комиссии Г. Бретшнайдер и С. П. Левчик.

Г. Бретшнайдер: «Я передаю эти брошюры вам, обществу «Висмутяне», для их использования при написании книги о «Висмуте»».⁷

Материалы из брошюры Готтхарда Бретшнайдера «О некоторых последних результатах исследований по истории «Висмута»»⁸

Кто знал в 1945/1946 гг. о размерах урановых месторождений в западной части Рудных гор?

После того как в 1990 г. прекратила свое существование ГДР, на Западе появилось множество публикаций (и не только на страницах бульварной прессы) на тему «Почему США на переговорах о границах оккупационных зон послевоенной Германии отдали Советам богатейшие урановые месторождения Европы».

Такой вопрос задает Клаус Байер в своей книге «Висмут — руда для мира?», изданной в 1995 г. в Мариенберге: «Как так получилось, что американские войска, оккупировавшие до июля 1945 г. Тюрингию и Фрайбергскую долину, упустили из рук и оставили Советам богатейшие урановые месторождения Европы — это трудно понять, и это говорит об абсолютном невежестве западных переговорщиков при распределении зон оккупации, на которых Советы сразу начали теоретические и практические работы на урановых месторождениях в Рудных горах и на старых серебряных рудниках».

Получается, что западные переговорщики должны были знать о существовании этих месторождений, которые просто «уплыли» у них из рук.

Такой же вопрос Байер задает на страницах «Саксишен Хайматблаттер» в № 5 за 1995 год: «Существовали ли советские и немецкие геологи, знавшие хотя бы отдаленно о существующих в Рудных горах

месторождениях?» Вопрос об этом остается у него без ответа.

Ниже статью Байера комментирует Марион Каден: «Об этих месторождениях и их масштабах хорошо знали русские и советские горные инженеры и геологи, обучавшиеся во Фрайбергской горной академии до 1933 г.».

Сегодня можно сказать, что ни русские, ни американские, ни немецкие геологи даже приблизительно не догадывались о масштабе урановых месторождений не только в западной части Рудных гор, но и в Восточной Тюрингии. Доказательства этому мы находим в сборнике «Излучающее прошлое»⁹. Как показано в статье Райнхарда Шмидта — президента горного округа Фрайберг, о месторождениях и их запасах ничего не было известно даже во Фрайбергской горной академии. В своей статье Шмидт цитирует профессора Фриденсбурга — руководителя этого учебного заведения после Второй мировой войны и авторитетного специалиста в области геологоразведки месторождений, который в 1948 г. писал: «Не следует ожидать, что саксонские месторождения будут даже отдаленно напоминать крупные урановые месторождения Северной Америки и Канады».

Профессор Стэнфордского университета в США Норман Наймарк в свою очередь ссылается на мнение специалиста, который точно знал все о положении дел в этой области, — руководителя Манхэттенского проекта, генерала Лесли Гровса, еще в 1946 г. заявившего, что США знают 95 % всех урановых месторождений мира. Далее Наймарк пишет: «Он [Гровс]

подсчитал, что чешские и русские запасы урана составляют не более пяти процентов его мировых запасов».

Американский журнал «Ньюсуик» 25 ноября 1946 г. опубликовал доклад о том, что Советский Союз начал поиски урановой руды в Рудных горах, но найденные залежи урановой смолки в Шнееберге и Обершле-

ме еще ни о чем не говорят. (Сравните с докладом Шмидта в сборнике «Излучающее прошлое»).

Короче говоря, сегодня можно четко сказать, что размеры и масштабность урановых месторождений в Рудных горах и в Тюрингии определялись на основании их разведки и в процессе их отработки.

Материалы из брошюры Готтхарда Бретшнайдера «Почему возник САО/СГАО «Висмут»? Начало и конец феномена холодной войны»¹⁰

Предисловие

Не ослабевают интерес к причинам возникновения самого крупного в Европе производителя урановой руды САО (СГАО) «Висмут» и его деятельности. Прежде всего нужно сказать о первых годах его существования (1945–1954), которые некоторые авторы называют дикими. Чтобы понять причины возникновения «Висмута» и начало поставки урановой руды с 1946 г. из районов Рудных гор и Тюрингии исключительно Советскому Союзу, надо проанализировать то давно ушедшее время.

Словосочетание «холодная война» возникло практически сразу после окончания Второй мировой войны и считалось, вплоть до крушения восточного блока, синонимом международных отношений между государствами антигитлеровской коалиции, а также между Советским Союзом и зоной его влияния с государствами так называемого западного мира под руководством США.

Парадоксы в мировой истории случались всегда. Случились они и в послевоенное время. С одной стороны, международное сообщество государств, объединившись в Организацию Объединенных Наций и организовав Совет Безопасности, стремились извлечь уроки из Второй мировой войны и не допустить решение международных конфликтов военным путем. С другой стороны, было достаточно много случаев, когда для достижения собственных целей государства применяли военные средства.

Для того чтобы понять, какую роль сыграл «Висмут» в холодной войне и почему именно это предприятие, особенно в пятидесятые годы, оказалось в центре внимания западных средств массовой информации, надо назвать причины, почему уранодобывающее предприятие возникло после Второй мировой войны на землях Рудных гор, находящихся в тогдашней советской зоне оккупации.

Причины возникновения «Висмута»

В октябре 1941 г. Ф. Рузвельт отдает распоряжение Службе научных исследований

и развития на разработку атомной бомбы, и уже 2 декабря 1942 г. под руководством Э. Ферми в Чикаго осуществляется управляемая цепная реакция. От этой отправной точки в течение последующих 18 месяцев университетское исследование, которым занимались 45 сотрудников, превращается в американский проект атомной бомбы («Манхэттенский проект») с огромным промышленным потенциалом, контролируемый армией. До конца войны на него работали три специально построенных города с общим населением 150 000 человек, заводы и исследовательские институты по всей стране, более чем 40 000 сотрудников и практически весь государственный бюджет США в размере около 2,2 миллиарда долларов.

Принимая решение о начале своего атомного проекта, Советский Союз только приблизительно представлял себе огромные трудности, которые ожидали при его реализации, и совершенно новые военные и политические возможности государства — обладателя атомной бомбы. Так продолжалось вплоть до атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки в августе 1945 г. Но превосходство, которое получали США после реализации своего атомного проекта, заставило советское руководство думать и действовать совершенно по-другому.

Министр Андерсон — ответственный в британском кабинете за атомные исследования после конференции в Квебеке, на которой, как известно, было заключено соглашение между США и Великобританией о разработке атомной бомбы, в августе 1943 г. говорил: «Страна, которая первой овладеет атомной бомбой, будет иметь контроль над миром».

Но тогда никакой бомбы в общем-то не было. Нужно было еще приложить огромные усилия, чтобы разбить Германию. Но характерно, что о мировом господстве с помощью атомной бомбы кое-кто размышлял уже в 1943 г.

За несколько дней до смерти Рузвельта Объединенный генеральный штаб армии США получил меморандум из своей военной миссии в Москве. Его автором был Джон Р. Дин — тот самый генерал, который в августе 1943-го передал первый важный меморандум о послевоенном планировании

⁷ К сожалению, Г. Бретшнайдер скончался в январе 2010 г.

⁸ Gotthard Bretschneider. Zu einigen neueren Ergebnissen in Erforschung der Geschichte der «Wismut». Heft 3. 1999. Schriftenreihe der Traditionsstätte für den sächsisch-thüringischen Uranbergbau im Kulturhaus «Aktivist» (Schlema).

⁹ Karlsch R., Schröter H. Strahlende Vergangenheit. Studien zur Geschichte des Uranbergbaus der Wismut. St. Katharinen, 1996. S. 154.

¹⁰ Gotthard Bretschneider. Warum entstand die SAG/SDAG «Wismut»? Beginn und Ende eines Phänomens des Kalten Krieges. Heft 4. 1999. Schriftenreihe der Traditionsstätte für den sächsisch-thüringischen Uranbergbau im Kulturhaus «Aktivist» (Schlema).

отношений с Советским Союзом. Этот меморандум JCS 1313 «Пересмотр политики в отношениях с Россией» содержал рекомендацию о том, что дальнейшее сотрудничество с СССР больше не нужно и настало время дистанцироваться от него на всех уровнях. Юрген Брюн¹¹ полагает, что именно этот «меморандум ревизии» положил начало холодной войне.

16 июля 1945 г. президент Г. Трумэн подписывает распоряжение о том, что испытание атомной бомбы должно произойти до начала Потсдамской конференции, а уже 24 июля 1945 г. в Потсдаме информирует И. В. Сталина об удачном испытании ядерного оружия. Трумэн пишет в своих мемуарах, что «русский премьер не проявил особого интереса».

Только шок Хиросимы и Нагасаки заставляет Советы круто повернуть руль. Поэтому Сталин поручает общее руководство атомным проектом шефу НКВД Л. Берии. Создание атомного равновесия считалось теперь важнейшим военно-политическим принципом Советов.

Что же в действительности заставило США сбросить бомбы на два японских города? Была ли в этом необходимость для скорейшего окончания войны с Японией? Историки подвергают сомнению эту необходимость. В исследовании «Бомбовая стратегия Соединенных Штатов», которое проводилось после Второй мировой войны, говорится: «Япония капитулировала бы, даже если атомная бомба не была бы сброшена, даже если бы русские не вступили в войну... Поэтому бомбу сбросили на Японию для воздействия на Россию... Американцы применили “машину Страшного Суда” в то время, когда никакой военной необходимости в ней больше не существовало, и это понимал Сталин».

И далее: «Никто не хочет смотреть в глаза этим фактам, но из бесед и событий на Потсдамской конференции становится ясным: использование атомных бомб против Хиросимы и Нагасаки было самым обычным убийством».

За несколько секунд взрыва атомной бомбы в Хиросиме 86 100 человек сгорело, 72 000 тяжело пострадали, 6820 домов превратились в пепел, смертельное нейтронное и гамма-излучение убило все живое на многие километры вокруг.

Тем не менее вскоре было запланировано другое убийство. 3 ноября 1945 г. военным ведомством США была разработана директива JCS 329 «Цели атомных бомбардировок Советского Союза». По этому сценарию 20 самых важных государственных и промышленных центров СССР указывались как цели для атомных бомбардировок и должны быть разрушены «превентивным ядерным ударом»

для предотвращения советской агрессии. И далее сообщается: «Самая важная особенность ядерного оружия — это возможность уничтожения больших людских масс. И эту особенность нужно использовать».

В декабре 1949 г. возникает новый сценарий атомной войны «Дропшот», который предусматривал использование против СССР 300 атомных и 20 000 тонн обычных бомб с одновременными действиями оккупационных войск. И это несмотря на то, что вплоть до 1960 г. СССР не мог успешно вести атомную войну. В 1961 г. разведывательный спутник США «Дискавери» установил, что Советский Союз владел в то время всего четырьмя ракетами дальнего действия SS-6, готовыми к применению.

Подведем итоги. В то время как СССР еще только искал так нужный ему уран, США успешно испытали первую атомную бомбу и применили ее. Ядерное оружие планировалось использовать именно против Советского Союза, и это не было утопией. Совсем не нужно было быть другом СССР, а лишь трезво и реально оценить, что произошло: русские смогли отвести от себя смертельную угрозу. Больше 62 миллионов человек стали жертвами безумной войны, в том числе 27 миллионов советских граждан. Европейская часть СССР была опустошена, разрушены 1700 городов, 70 000 деревень и 32 000 предприятий, население истощено и устало от войны. И вдруг такая катастрофическая новость: среди найденных полезных ископаемых, в такой богатой природными ресурсами стране, не хватает урана, который стал важнейшим стратегическим сырьем. Так нужно ли удивляться тому, что Советы, используя всю власть победителя в стране, которая только недавно была ее смертельным врагом, пытались как можно быстрее получить так необходимое им сырье?

Реальность, пожалуй, требует признать за СССР право использования такой возможности в интересах собственной безопасности. Гитлеровская Германия безоговорочно капитулировала, мирного договора не было. В свою очередь, в итоговых документах Ялтинского и Потсдамского (Берлинского) соглашений стран-победительниц было сказано: «В соответствии с согласованным планом вооруженные силы трех держав будут занимать в Германии особые зоны. Планом предусмотрены координированные административная и контроль, осуществляемые через Центральную контрольную комиссию, состоящую из Главнокомандующих трех держав, с местом пребывания в Берлине».

А также: «Убедить немецкий народ, что он понес тотальное военное поражение и что он не может избежать ответственности за то, что он навлек на себя, поскольку его

собственное безжалостное ведение войны и фанатичное сопротивление нацистов разрушили германскую экономику и сделали неизбежными хаос и страдания».

И как ни крути, но после того как Советский Союз овладел в 1949 г. атомной бомбой, горячая война с применением ядерного оружия перестала быть возможной. В конце концов атомное равновесие гарантировало 40 лет мира.

В заключение приведем слова Эрика Хобсбаума из его книги «Эпоха крайностей»: «Если и существует на свете кто-либо, кто ввел идеологию крестовых походов в современную реальную политику международной конфронтации и сохранил ее там — то это Вашингтон»¹².

Урановая лихорадка на Западе

Спустя два дня после бомбардировки Хиросимы многие американские газеты поместили предостерегающие сообщения о том, что вызванная атомными бомбами радиация делает город мертвым на 70 лет.

Генерал Гровс — военный руководитель «Манхэттенского проекта» — немедленно посылает в Хиросиму и Нагасаки команду врачей и техников для доказательства того, что бомба совсем не опасна. И вот в газете «Нью Йорк Таймс» в сентябре 1945 г. появляется сообщение: «В руинах Хиросимы нет никакой радиоактивности».

Ощущение опасности от воздействия радиоактивного излучения при атомной бомбардировке в американском обществе не возникло. Почти каждый полагал, что атомные бомбы, обладая огромной разрушительной силой, являются просто версией обычных бомб; это, как говорил Трумэн, «только другое артиллерийское оружие».

И так же, как и американцы, Советы в «Висмуте» игнорировали причины, которые уже в течение столетий вызывали так называемую «шнеебергскую болезнь», бывшую бичом горняков еще в саксонских серебряных рудниках.

Эйфория по поводу возможностей использования урана не только в военных, но и в мирных целях, позволила отодвинуть опасность этого материала на задний план. Даже известные ученые отвергали опасность использования атомной энергии. Американский физик Алвин Вайнберг, выступая в сенате США в декабре 1945 г., говорил, что атомная энергия так же плодотворно созидает, как и разрушает, а Джон О'Нил — научный обозреватель газеты «Нью Йорк Геральд Трибюн» — предлагал сбросить несколько атомных бомб на Ан-

тарктиду, чтобы, растопив лед полярных шапок, сделать климат на Земле более теплым и влажным. Точно такое же мнение об использовании атома в мирных целях господствовало и в странах социализма, поэтому неудивительно, что таким же беззаботным там был подход и к добыче урана. И это касается не только «Висмута».

Один американский источник — сотрудник «Манхэттенского проекта», сообщал: «Я расскажу вам, какие условия труда были в Лос-Аламосе. Мы регулярно ездили на машине скорой помощи в Форт Дуглас в штате Юта и перевозили уран и плутоний. Мы носили все это в карманах брюк, так как их никто не должен был видеть — это было запрещено. Если бы, въезжая на производственную территорию, их бы обнаружил лейтенант охраны, он бы их отобрал. Затем мы выгружали плутоний и уран голыми руками. Пар и пыль постоянно витали в воздухе. Вентиляции не было, и пыль покрывала всю землю. Частицы урана были на наших ботинках, которые нельзя было менять. В этой же одежде и обуви мы шли в столовую, в бараки и даже садились на свои кровати».

А как в это время работали американские шахтеры? «Во время урановой лихорадки шахтеры ничего не слышали о радоне и продуктах его распада, об альфа-частицах и гамма-излучении. Они работали в шахтах, полных радиоактивной пыли, которая образовывалась при бурении и взрывных работах при добыче урана из массива. Они съедали свои “тормозки” в запыленных, плохо вентилируемых выработках, пили воду из подземных источников и приходили домой в одежде, покрытой радиоактивной пылью, где ее трогали женщины и дети...»

В 1960 г. американскому эпидемиологу — доктору Йозефу Вагонеру — поручили провести анализ данных, которые собрала Служба народного здравоохранения США (PHS) у 3400 шахтеров, работающих на урановых рудниках. Это были первые исследования такого рода в американской урановой промышленности, и их результаты шокировали. В 1962 г. впервые был подтвержден повышенный риск заболеванием раком легких у наших шахтеров.

Эти свидетельства приводятся здесь не для того, чтобы оправдывать аналогичную ситуацию в «Висмуте» в те годы. Однако и сегодня нет оснований предъявлять обвинения тогдашнему руководству общества. Можно лишь констатировать, что наука, так же как и политика, никогда еще так не ошибалась, как в случае практического использования результатов атомной физики.

Для многих людей работа в «Висмуте» была не только средством для получения куска хлеба, но и образом жизни. Лентия

11 Jürgen Brühn. Der kalte Krieg. Focus Verlag GmbH, 1995.

12 Э. Хобсбаум. Эпоха крайностей: Короткий двадцатый век (1914–1991). История великих цивилизаций. Пер. с англ. М. Независимая газета. 2004.

не задерживались там надолго. Деньги, которые зарабатывали горняки, работая под землей, доставались им тяжелейшим трудом. Но они работали не по принуждению или с отвращением, как хотели заставить в это поверить многочисленные публикации после политических событий 1990 г., а с честью и даже с удовольствием.

Действительно, после 1955 г. никто не работал в «Висмуте» по трудовой повинности; и даже раньше, несмотря на определенные ограничения, желающие всегда имели возможность уйти из «Висмута».

Также надо сказать, что больше половины членов коллектива «Висмута» были патриотами ГДР. На многих его предпри-

Эрхард Вильд

Э. Вильд.

Я — патриот «Висмута». Я пришел туда еще в 1947 г., окончив до этого горную школу, и работал там вплоть до его закрытия. «Висмут» для меня — первое и единственное рабочее место. Он дал мне возможность заочно учиться по специальности «горное машиностроение» во Фрайбергской горной академии.

Должен откровенно сказать, что в это время я получал от моих висмутских коллег всестороннюю поддержку как при выполнении моих прямых производственных обязанностей, так и в моей учебе в академии (поездки на экзаменационные сессии, консультации и т. д.).

Нашему заводу «Гормаш Ауэ» помогали совершенствовать производство и выпускаемую продукцию советские специалисты, приезжавшие по линии технической помощи. Я вспоминаю инженера Адольфа Боровкова с ленинградского завода «Пневматика», давшего рекомендации по совершенствованию

Карл-Хайнц Гроссер

К.-Х. Гроссер.

Из 44 лет работы в «Висмуте» 43 года я проработал вместе с советскими специалистами. В это время развивались мои профессиональные навыки. В конце 1946 г., когда я еще работал откатчиком, в Шлему прибыли первые советские специалисты, которые часто спускались в шахту, и я постоянно общался с ними. В мае 1947 г. меня направили на учебные курсы по геологии, организованные майором Лариным, который объяснял, в чем состоит наша задача. На этих курсах преподавал доцент Д. Ф. Зимин — геофизик. Были и другие, в том числе немецкие преподаватели, например, доктор Венцлав. После окончания курсов я вернулся на рудник, где работал один советский специалист, который обрадовал-

вятиях от 30 до 40 % работников были членами СЕПГ и минимум 90 % — членами профсоюза «Висмут» или Свободных немецких профсоюзов. Можно с уверенностью сказать, что в производственных коллективах наибольшее количество государственных наград и поощрений правительств ГДР и СССР получали рядовые горняки «Висмута», а не его руководители. Так что «Висмут» и его коллектив отнюдь не были оплотом сопротивления режиму ГДР, несмотря на тысячи отдельных трагических судеб в начальный период его деятельности.

Перевод Г. Г. Андреева.

технологии производства буровых молотков; Анатолия Чувиллина — специалиста по твердым сплавам, наладившего совместно с комбинатом Шмалькайден производство новой конструкции буровых коронок для перфораторов, и многих других.

Хотел бы рассказать одну историю о работе с советским специалистом Осиповским — талантливым разработчиком буровых машин. Он изобрел перфоратор ударно-вращательного действия, который по своей производительности значительно превосходил существовавшие аналоги. В процессе изготовления машины возникли проблемы с точностью изготовления и чистой обработкой деталей. Но на «Гормаш Ауэ» такого станочного оборудования не существовало. Мы получили необходимое оборудование из Швейцарии и казалось, что проблема решена, но неожиданно скоропостижно умирает Осиповский, и от этой замечательной идеи нам пришлось отказаться.

ся тому, что я мог с ним обмениваться русскими фразами. Я был оформлен геофизиком. На курсах нам давали теоретические знания, но никто не объяснял, как применять их на практике, а советский геолог все мне объяснил и показал.

В первые годы работы «Висмута» геологические сведения были секретными, и мы были допущены только к отбору бороздовых проб, геологическому картированию разведочных выработок и составлению графических данных по этим работам. Тогда работы было еще не так много, и мы справлялись с заданиями. Но в дальнейшем, со стремительным ростом объемов горных работ, к ним стали привлекать новых рабочих. К этому времени геология в «Висмуте»

вышла на передовые позиции в ГДР, и за это мы должны быть благодарны советским геологам, которые приезжали к нам со всех концов СССР.

С образованием Советско-Германского акционерного общества «Висмут» немецкие геологи были допущены к работам по подсчету запасов и ко всем совершенно секретным

Я начал работать в «Висмуте» в 1946 г. на шахте № 12 в Иоганнгеоргенштадте. Потом был Аннаберг, цех № 450, и Брайтенбрунн, цех № 58. Когда радиометрическое оборудование стало постоянно совершенствоваться, я начал строить первую в «Висмуте» радиометрическую обогатительную фабрику на шахте № 371. Все это время я работал с советскими товарищами. Советских специалистов-приемщиков интересовал в первую очередь уран, и от нас они требовали того же.

У меня сейчас с собой около ста фотографий, на которых запечатлено, как мы проводили свободное время. За время моей работы я имел дело с 16–18 советскими приемщиками и работниками, которые контролировали технологический процесс и отправку на склад готовой продукции.

Я пришел в «Висмут» в июле 1948 г. У меня было три возможности начала трудового пути: первый — судоверфь в Ростоке, второй — химическая индустрия, третий — «Висмут». По совету моих родственников и прежде всего матери, я пошел именно в «Висмут», потому что он хорошо обеспечивал продовольствием своих работников, а я с самой войны хорошо не питался. Мне повезло, что по дороге я встретил русского сержанта, направившего меня в комендатуру. Там спросили, какая у меня профессия. Я ответил, что я электрик, и меня направили в Иоганнгеоргенштадт на шахту № 31. Потом я учился во Фрайбергском горном техникуме, где получил квалификацию штейгера по машинам и механизмам. После этого стал работать механиком в Брайтенбрунне.

Первое впечатление о советском человеке у меня связано с горестным событием в моей семье. Комендант сообщил мне, что я должен ехать домой, потому что в Вайсенберге умер мой тесть, но у меня не было денег. Мне надо было получить аванс, и я пошел к советскому руководителю школы. Он выслушал меня и, не спрашивая в каком я классе, молча вытащил из кармана свой бумажник, дал мне 50 марок, даже не поинтересовавшись, когда я их верну. Естественно, я вернул

данным по геологии. К этому времени произошли изменения и в расстановке немецких и советских специалистов по должностям (начальник — заместитель) в соответствии с духом совместного акционерного общества. Мы, немецкие и советские специалисты, с самого начала и до конца тесно сотрудничали и работали вместе.

Вернер Нойберт

Потом я стал заведовать клубом и стал чаще общаться с советскими сотрудниками. Со многими из них у меня сохранились дружеские отношения, и я встречался с ними после их возвращения в Советский Союз. В Москве я встретился с Андреем Поповским, который работал в министерстве, три раза был в Сибири, в Новосибирске, где живут несколько висмутян, работавших со мной. Один из них — Шагинов. Встречался в Чехословакии и на Кенигштайне с Куприным и Михайловым.

У меня собран архив по истории «Висмута», начиная с Иоганнгеоргенштадта. В нем более 1600 страниц, повествующих о нашей производственной деятельности и совместном отдыхе.

Рудольф Киршат

ему деньги. Эти и другие добрые впечатления от контактов с советскими специалистами и руководителями надолго остались в моей памяти со времени работы на шахте № 31 (Иоганнгеоргенштадт).

Не забываю я и хорошие отношения с главным механиком Мясниковым. С ним у меня никогда не было конфликтов.

Вспоминаю, как вместе с солдатами, сидя у рудного склада на деревянных ящиках для штупфной руды, мы крутили сигарки из газеты «Нойес Дойчланд», набивая их советской махоркой. Так укреплялись и развивались наши взаимоотношения.

Я до сих пор не могу припомнить другого такого человека, который сыграл бы столь значимую роль в моей жизни, как Иван Васильевич Дорофеичев.

Остались в моей памяти главные инженеры шахты № 371 — Ватутин, Боровиков, Мурзин, Дзасохов. Мы не только работали вместе, но и проводили свободное время. Тогда я серьезно занимался кеглями, и мы в советском клубе проводили по ним командные соревнования. Возможно, мне удастся еще когда-нибудь изложить на бумаге свои воспоминания о наших человеческих взаимоотношениях.

Мне повезло, что за месяц до пожара

В. Нойберт.

Р. Киршат.

И. В. Дорофеев.

в ноябре 1949 г. на шахте № 31 меня направили учиться во Фрайберг. В тогдашней печати (орган СДПГ и одна из швейцарских газет) появились провокационные сообщения о гибели то ли 300, то ли 3000 горняков. А я работал электриком как раз в том месте, где произошел очаг возгорания. И я достовер-

Что на самом деле произошло 28.11.1949 г. на слепом стволе Нойяр-шахт. Свидетельства ветеранов «Висмута»¹³

Сообщение от 28 ноября 1949 г., появившееся в берлинской ежедневной газете «Телеграф ам Монтаг», о гигантском катастрофическом пожаре в урановой шахте, в которой примерно 400 горняков нашли смерть, и сообщения газеты «Телеграф ам абенд», будто бы количество смертей в те же дни увеличилось с 2300 до 2500, относятся, мягко говоря, к области басен.

Такие данные, сообщенные бывшими работниками «Висмута», которые бежали из ГДР в ФРГ и, согласно протоколу, хранятся в архиве социал-демократической партии Германии в Бонне под № 53170, не соответствуют фактам. Что же произошло на самом деле?

* * *

В утренние часы 21 ноября 1949 г., в понедельник, вследствие короткого замыкания в камере подъемной машины слепого ствола шахты №31 (Нойяр-шахт) на Объекте 1 (Иоганнгеоргенштадт) произошел пожар. Этот пожар охватил также подшивную площадку и часть загрузочного бункера.

Инспектор по безопасности Объекта 1 Рудольф Эльснер¹⁴ отдал приказ местной горноспасательной команде немедленно прибыть на тушение пожара. Все станции на перегоне Ауэ — Иоганнгеоргенштадт оповестили через громкоговорители пассажиров поездов, едущих на шахтную смену, о том, чтобы они не выходили на работу. К полудню на шахту прибыл генеральный директор

но знаю, что погиб только один человек. Он работал на водоотливе и остался ждать своего сменщика. И когда возник пожар, то он не ушел и отравился угарным газом. Я передаю вам для книги наше свидетельство о том, что произошло 28 ноября 1949 г. на слепом стволе Нойяр-шахт.

АО «Висмут» генерал-майор Мальцев и распорядился выполнять предписание горноспасательной службы угольного бассейна Цвиккау об эвакуации склада взрывчатых веществ в качестве меры предосторожности на горизонте 78 лахтера¹⁵. Эвакуация была успешно проведена солдатами Советской армии под руководством Рудольфа Эльснера, знающего шахту и местные условия. Но угарный газ уже проник в горные выработки, где находился склад взрывчатых веществ, некоторые солдаты получили газовое отравление, и их, а также некоторых горноспасателей вынесли на поверхность. Все эти отравления не имели последствий для здоровья.

Однако камеронщик (машинист насосной станции) по фамилии Райфенрад из Айбенштока, который работал недалеко от места пожара и должен был, согласно требованиям безопасности, ждать на своем месте сдачи смены, получил слишком большую дозу угарного газа, потерял сознание и упал лицом вниз в водоотводную канавку штрека, ведущего к насосной станции. Этот горняк, к сожалению, погиб. Это была единственная смерть на рудничном пожаре и единственный рудничный пожар, происшедший на висмутовской шахте Объекта 1.

Март 1996 г.

Перевод М. А. Солодова.

Готтхард Гетц

ГЕТЦ Готтхард. Почетный горняк ГДР. Награжден советским орденом Трудового Красного Знамени, нагрудным знаком «Шахтерская Слава» I степени, другими медалями и знаками (фотография предоставлена другом Г. Гетца — Ю. М. Горбачевым).

Я родился в 1934 г. в небольшом поселке Верда, недалеко от Эльсница и Плауэна.

В 1951 г. семнадцатилетним парнем начал работать в «Висмуте» проходчиком на шахте № 241 в Шнекенштайне, потом перешел на работу на шахту № 254 в Берген. В связи с началом работ на месторождении Цобес работал забойщиком на шахте № 277

Объекта 6. В 1962 г. перешел на Объект 9 в новую глубокую шахту № 371, где проработал до выхода на пенсию.

Я с гордостью вспоминаю свои трудовые годы в «Висмуте», своих немецких и советских товарищей, с которыми мне пришлось работать и с которыми я с удовольствием встречаюсь сейчас.

¹³ Этот материал получен Г. Г. Андреевым от Рудольфа Киршата (в то время — электрика на шахте № 31) и Рудольфа Диттеля (в то время — горного диспетчера).

¹⁴ Р. Эльснер в то время был инспектором по безопасности.

¹⁵ Ляхтер — горная сажень, равная в Саксонии 2 м (прим. пер.).

Херманн Майнель (руководитель горного музея в клубе «Активист», Ауэ)

50 лет урановой промышленности в Шнееберге.

Влияние урановой промышленности на социальные условия Шнееберга³⁶

Западные Рудные горы были известны более чем 800 лет назад благодаря развернувшемуся здесь горному производству. Их ландшафт с цепью отвалов, узнаваемой и сегодня, дудками (круглая вертикальная горная выработка без крепления), устьями штолен — формировался в основном в результате деятельности горняков и металлургов. Хвойный лес, так характерный сегодня для нашей Родины, является результатом ведения интенсивного лесного хозяйства, которое удовлетворяло потребности горного производства и металлургии. Важным свидетельством того времени является Шнеебергская дренажная траншея, существующая уже более 450 лет: она начинается в Альбернау и заканчивается в сегодняшнем лечебном парке Бад-Шлемы. Это гидротехническое сооружение длиной более 15 км свидетельствует о творческих возможностях и техническом мастерстве наших предков. Множество подобных сохранившихся памятников инженерной мысли позволяет нам сегодня читать, как по книге, и порой реконструировать некоторые исторические события почти детально, как будто мы сами присутствовали при этом.

Горняцкое приветствие «Глюк ауф!» («Счастливо подняться!») значит для нас сегодня больше, чем обычное «Добрый день» или привнесенное «Слава богу». Именно выражение «Глюк ауф!» объясняет, насколько глубоко горняцкое духовное богатство укоренилось в течение столетий в образе жизни людей, и сегодня, после прекращения горной деятельности, все еще имеет для них огромное значение, так же как и выражение «Шахта дает нам все». Сегодня становится ясно, что добыча серебра, висмута, кобальта, никеля и олова оказала решающее влияние на хозяйственное развитие Саксонии. При этом изменения ландшафта являются следствием технического уровня развития горного дела. Никто не отрицает, что добыча, например, олова в россыпных месторождениях с ее характерными повсюду воздействиями на ландшафт, является, строго говоря, горным делом.

Картина Ханса Хессе на внутренней стороне горного алтаря собора Святой Анны в Аннаберг-Буххольце показывает горное дело в начале XVI столетия и дает ясное представление о его огромном влиянии на ландшафт с почти необозримым количеством шахтных подъемных стволов, горного оборудования и отвалов.

На выставке «Домашний сервис» фарфоровой мануфактуры Мейсена 1835 г. представлены, между прочим, важнейшие металлургические заводы XIX века. Наряду с заводами для производства темно-фиолетовой смальты в Шлеме и Альбернау, на тарелках сервиса есть также изображения металлургических заводов в Шенхайде и Моргенрете. На драгоценном столовом сервисе изображены фабричные установки, которые мы, в нашем сегодняшнем понимании, отнесли бы прежде всего к наносящим урон окружающей среде. Однако для своего времени они представляли современные производственные предприятия и имели значение для хозяйственного развития Саксонии. Многие из этих установок рассматриваются сегодня как важные технические памятники.

Со свидетельствами прошлого уранодобывающей промышленности дело обстоит несколько иначе. При оценке воздействий уранодобывающего горного производства не всегда давался ответ на важный вопрос: существовали ли в то время другие системы разработки этих месторождений?

С существующими еще сегодня материальными доказательствами в форме зданий, производственных сооружений и площадей под отвалами имеются свои трудности. Желание получить подробные доказательства об их происхождении часто не находит отклика, а порой и вовсе вызывает в ответ усмешку ввиду опасности радиоактивного заражения.

Вряд ли мы готовы признать, что добыча урана в последние годы существования СГАО «Висмут» относилось к самым современным горным производствам мира. В других странах урановые рудники также производили разрушительное воздействие на окружающую среду. Мне вспоминаются посетители нашего региона середины 1990-х гг., особенно горняки из каменноугольного бассейна земли Северный Рейн-Вестфалия, которые перед спуском в рудник № 371 недвусмысленно высказывались о «советском господстве» в горном деле. После подъема из шахты они вынуждены были констатировать, что увидели едва ли не самый приличный и аккуратный рудник.

Сегодня можно утверждать, что никакая другая эра горного дела не оставляла когда-либо раньше столь сильный отпечаток в Западных Рудных горах, как это произошло вследствие добычи урана, произво-

Херманн Майнель.

Г. Гетц.

Ханс Хессе.
Горный алтарь собора
Святой Анны
в Аннаберге — Буххольце
(1521).

димой СГАО (СГАО) «Висмут». Тысячи людей из прежних восточногерманских поселений, например из Трансильвании, нашли в Рудных горах после 1945 г. новую Родину. По прибытии сюда их багаж зачастую состоял лишь из того, что было на них надето. Они приобретали шанс получить для себя и своей семьи новое жилье, выполняя тяжелую работу на руднике. И многие из них навсегда поселились здесь. Они воспринимали обычаи и привычки местного населения и развивали новые традиции в культурных и музыкальных группах горного предприятия «Висмут».

Требуются рабочие

Разработка урановых руд СГАО «Висмут» в Западных Рудных горах была вначале рассчитана только на короткое время. Это было

связано с некоторыми особенностями, которые были вызваны прежде всего гонкой вооружений сверхдержав — США и Советского Союза, начатой сразу после Второй мировой войны.

Во-первых, запасы месторождений Западных Рудных гор в середине 1940-х гг. оценивались всего лишь в несколько тонн. Это небольшое количество урана должны были быстро добыть, после чего прекратить работу.

Во-вторых, советские оккупационные власти в то время просто не могли знать, как долго они могут разрабатывать эти месторождения.

И в-третьих, они должны были добыть уран для своего проекта атомной бомбы не только как можно быстрее, но и как можно больше, для чего было привлечено огром-

ное количество рабочей силы. На стадии разведки с 1945-го до весны 1947 г. потребность в ней могла покрываться за счет местного населения, в сознании которого было твердо закреплено горняцкое ремесло, поэтому набор рабочей силы проблемы не представлял.

Так, в сообщении биржи труда г. Ауэ от 31 января 1946 г. требовался персонал для шнеебергских шахт в количестве 92 человек. При этом речь шла о 79 рабочих и 13 служащих (11 мужчин и 2 женщины).

Пять месяцев спустя, 26 июня 1946 г., биржа труда сообщила, что Саксонский рудник снова начал работать. Горняки, которые прежде были обязаны принудительно работать в Цвиккау на добыче каменного угля или в Борне на разработке бурого угля, находили теперь постоянную работу в горной промышленности Рудных гор. Потребность в рабочей силе была настолько велика, что даже многие безработные женщины находили для себя должность на руднике.

В сентябре 1946 г., как свидетельствуют документы, Шнеебергскому руднику требовалось 272 рабочих, а также 27 служащих мужчин и 5 женщин. Но уже в ноябре, восемь недель спустя, требовалось 2212 рабочих (в том числе 34 женщины) и 94 служащих (в том числе 12 женщин). Даже если здесь речь шла о рабочих и служащих будущего Объекта Обершлема, видно, как резко увеличилось число работников «Висмута»³⁷.

На основании приказа № 3 Союзнического контрольного совета от 17 января 1946 г. и приказа № 153 главы Советской военной администрации от 25 ноября 1945 г. рабочую силу можно было использовать в принудительном порядке на период от 6 месяцев до 2 лет. Оккупационная власть на территории советской оккупационной зоны от Балтийского моря до Тюрингского леса и Рудных гор имела неограниченный источник рабочей силы для «рудника в Ауэ». Она могла даже снимать рабочих с других репарационных предприятий и направлять их на урановые рудники.

Поначалу проблема нехватки рабочей силы решалась с помощью ее привлечения по трудовой повинности. Однако уже с начала 1948 г. значительные материальные льготы привлекали на рудники все большее количество добровольцев. В феврале 1947 г. жилищное управление Шнееберга сообщает о 13 910 жителях и всего о 2600 привлеченных по трудовой повинности горняках. Кроме того, было зарегистрировано 1420 переселенцев. С апреля того же года потребность в рабочей силе резко возросла, и тогда, согласно международным соглашениям между биржами труда, рабочая сила для рудников Ауэ снова была привлечена по трудовой повинности. Еще перед регистрацией СГАО

«Висмут» в торговом реестре суда первой инстанции г. Ауэ на административных землях советской оккупационной зоны должны были быть рекрутированы 30 000 человек.

В 1948 г. на Объекте 3 (Шнееберг) было зарегистрировано 7000 человек, и сразу же возникла проблема: все эти горняки хотели жить непосредственно в Шнееберге, так как иначе им пришлось бы добираться до работы больше часа. Для городского правления, как и для местных жителей, ситуация стала критической: жилищному управлению нужно было постоянно строить новое жилье, а населению — еще теснее уплотниться. Беженцы и переселенцы, которые не были заняты в горной промышленности, и вовсе должны были покинуть город или устроиться работать на шахте. В итоге общее число жителей Шнееберга в 1949 г. составило 23 112 человек, что означало увеличение населения только за 4 года почти на 10 000.

Строительство квартир и оборудование рабочих общежитий

Для многих шнеебергских обывателей, которые воспринимали ужасы войны часто только из кинохроники и рассказов военных отпускников, привлечение по трудовой мобилизации горняков и их семей означало сначала только некую нагрузку. Переселенцы были для них конкурентами в сфере питания, а также причиной ограничения жилого пространства. Быстро развивающаяся горная промышленность приносила значительные трудности жителям города, прежде всего предпринимателям и крестьянам. В 1947 г. пришла в негодность городская водопроводная сеть, так как интенсивное ведение горных работ привело к просадке земной поверхности, обрушениям и поломке водопровода. Большое количество питьевой воды для охлаждения компрессоров и работы водяных насосов горных предприятий забиралось из городской водопроводной сети без разрешения и оплаты. В результате жители должны были ведрами носить воду. Разведочные траншеи тянулись по полям, которые уже были засеяны. Площади под отвалы покрывали пашню. Шахтные сооружения, депо, склады и другое горное оборудование и площади изымали безотказно. Только начиная с 1949 г. пострадавшим стали возмещать убытки за потери урожая и другие понесенные ими неоплаченные расходы.

1946 г. был особенно трудным как для горняков, так и для местного населения. Все больше шахтеров из Верхней и Нижней Силезии, Судет и Трансильвании прибывало в Шнееберг, и их размещение стало для города острой проблемой. Предоставление жилья для переселенцев и их семей происхо-

дило по указанию оккупационных властей. Неналаженное взаимодействие городского жилищного управления со строителями жилья из АО «Висмут» могло привести к конфискации жилого дома и высылке из района горных работ. Так случилось на Рихтерштрассе в городском районе АО «Висмут» Нойштедтель и на Гюмназиальштрассе в Шнееберге, где дома были конфискованы в пользу советского персонала и должны были быть оставлены жителями, которые могли взять с собой только личные вещи, а например мебель были вынуждены оставить. Многие предприятия были полностью или частично конфискованы, и в цехах оборудовались рабочие общежития. Так произошло на пробковой и корсетной фабриках.

В 1949 г. Объект 3 в Шнееберге имел в своем распоряжении семь рабочих общежитий. Для Объекта 14 также было оборудовано семь так называемых домов горняков.

Уже с конца 1946 г. существовал запрет на приток переселенцев с территорий, освобожденных от немецкой оккупации. Вопросы размещения в городе решал только его комендант. Один горняк из Вальденбурга³⁸ описывал это так: «До 1946 года я работал в Вальденбурге. Я знал, что мне и моей семье рано или поздно придется покинуть эти места, которые являются ныне польской территорией. В лагере переселенцев во Франкфурте-на-Одере я завербовался горняком для работы в Шнееберге. Спустя много дней мы прибыли поездом в полдень на вокзал Нойштедтеля. Там я должен был вместе с моей семьей терпеливо ждать до 22 часов, так как городской комендант отсутствовал. Когда он приехал, я показал ему справку о том, что я горняк, и мне была предоставлена квартира. Спустя два дня я уже работал под землей в шахте № 5».

Как и кем было организовано жилище для его семьи, до сих пор остается для него тайной.

Городское управление и жилищный отдел проводили в жизнь каждое требование шахтоуправления. Жалобы в Министерство социального обеспечения или в земельное правительство не рассматривались. В задачи управления помимо жилья входило еще и оборудование освобождаемых фабричных цехов и танцзалов. Размещение мужской рабочей силы было при этом еще относительно несложным, но для размещения женщин-работниц горных предприятий было установлено, что они должны жить не в рабочих общежитиях, а в частных домовладениях на правах субаренды. Это указание принесло много проблем коммунальному управлению и местной полиции.

В конце концов женские общежития также были разрешены. В поселке Вольфгангмассен это был дом 10, который горняки называли «дом радости».

С 1948 г. горняки Объекта 3 должны были также размещаться вне города. Долгая поездка к месту работы приносила им дополнительные нагрузки. Из жилого поселения Бернбах, до которого сегодня можно добраться на легковой машине примерно за 15 минут, в то время нужно было ехать на работу около 3 часов. То, что летом было еще терпимо, зимой было весьма затруднительно при неудовлетворительной работе дорожной службы и ограниченной пропускной способности дорог. К тому же добраться непосредственно до работы тоже было не так-то просто. Многие горняки прибывали на вокзал Нойштедтеля и затем должны были подниматься в гору, к пруду Фильцтайх.

Возникновение висмутовских столовых, магазинов и первых культурных организаций

Чтобы гарантировать беспрепятственную работу горного предприятия и для обеспечения снабжения горняков, около общежитий были оборудованы многочисленные продовольственные магазины. Пекарни были обязаны работать на горные предприятия, а рестораны стали висмутовскими столовыми для обеспечения горняков горячими обедами после рабочей смены. По мере того как увеличивались заработки горняков и улучшалось их снабжение продуктами питания, изменилось и отношение к ним местного населения. Дело в том, что продукты были валютой, которой горняки оплачивали все возможные предоставляемые им услуги. Даже наем квартиры часто оплачивался продуктами, не говоря уже о том, что хозяева порой шли в магазины за покупками в течение дня, чтобы горняки не стояли в очереди после рабочей смены. Естественно, подобная любезность, а также стирка белья и т. п. также оплачивались продуктами.

Так как горняки были почти единственными клиентами, обладающими финансами, в гостиницах стали внимательно учитывать их интересы. В «Подводной лодке», сегодняшнем городском кафе на Риттерштрассе, встречались бывшие подводники немецкого военно-морского флота. После каждого пятого бокала пива исполнялась их любимая музыка. Выступления танцевальной группы «Девушки Альберти» обеспечивали во всем горняцком районе полные залы. Многочисленные танцзалы давали горнякам гарантию того, что хороший вечер им обеспечен. Число тогдашних танцевальных ресторанов и висмутовских пивных только

в Шнееберге не поддается исчислению.

Чтобы дать горнякам возможность проводить свое свободное время не только в кабаках, оборудовались культурные учреждения. В Шнееберге это были дом культуры «Золотое солнце», бывшее казино Шнееберга «Единство», «Карлсбадский дом» в Нойштедтеле, дом культуры «Дружба» в поселке Мира, дом культуры в рабочем поселке горняков Вольфгангмассен. Кроме того, до 1953 г. существовал советский клуб в Нойштедтеле на Блеебергштрассе.

В Шнееберге был организован Городской культурный союз. Он в частности проводил многочисленные экскурсии. Для этой цели была даже создана специальная группа «Исследование родины». Сведения об истории и традициях Рудных гор были особенно полезны переселенцам, чтобы они наконец-то почувствовали себя как дома. Нужно учесть, что многие горняки, которые были размещены вне рабочих общежитий, даже не знали точно, как назывался населенный пункт, где они работали.

Эти культурные мероприятия были очень популярны. Иной горняк приходил после рабочей смены прямо в спецодежде на лекции в «Золотом солнце», которые порой приносили дому культуры столь большую прибыль, что для кассира была организована специальная охрана, чтобы тот беспрепятственно мог донести деньги до сберкасс. САО «Висмут» также не оставался в стороне и в начале пятидесятых годов организовал собственный цикл лекций, посвященных труду современного горняка. С 1953 г. «Висмут» стал принимать участие в праздничных парадах во время проведения в Шнееберге Дня горняка.

Строительство нового жилья для горняков САО «Висмут»

Жизнь в горняцком г. Шнееберг, благодаря деятельности «Висмута», становилась все привлекательнее. Как грибы росли новые жилые районы с домами культуры, торговыми учреждениями, яслями и детскими садами. Была построена больница для горняков, где работал квалифицированный персонал. Спортивное общество «Висмут» материально поддерживалось культурными и спортивными фондами горного предприятия. Ранней весной 1948 г. начались строительные работы во всем районе Западных Рудных гор. «Венские дома» для горняков и «берлинские дома» для горных инженеров и руководящего персонала возводились специализированными строительными подразделениями в новых горняцких поселках. К этому времени советские оккупационные власти уже знали, что урана в Западных Рудных горах имеется гораздо больше, чем это

считалось ранее. Кроме того, было очевидно, что область советской оккупационной зоны в будущем также останется в сфере влияния СССР, а значит «Висмут» — это всерьез и надолго. На окраине Шнееберга начал сооружаться горняцкий поселок Вольфгангмассен, в котором дома для штейгеров, рабочие общежития, магазины, врачебный пункт, рестораны и церковь принадлежали непосредственно поселку. Позже, в декабре 1953 г., здесь был построен дом культуры. Все жители Вольфгангмассена работали в САО «Висмут», их дети посещали новые детские учреждения в городе или учились в школах поселка.

Поселок Клара Цеткин, который также был построен в то время, сегодня является частью Бад-Шлемы. Здесь прежде всего были оборудованы рабочие общежития. «Берлинские дома» для управленческого персонала шахты № 67 существуют и сегодня. Местное население было в курсе, что у рабочих «Висмута» хорошая зарплата, дополнительное снабжение продуктами и потребительскими товарами, а также хорошо организованное здравоохранение. Все это способствовало тому, что «Висмут» пользовался большим уважением местных жителей.

Поселок Мира

В 1958 г. началось строительство горняцкого «Поселка Мира» в одном из районов Шнееберга — Клаусберге. Деньги на строительство этого жилого района выделялись из особого фонда рудной промышленности госбюджета ГДР. В нем было предусмотрено большое количество магазинов и предприятий сферы обслуживания, которые должны были находиться в непосредственной близости от жилья. Кроме того, в новом горняцком поселке возводилось здание клуба «Дружба» с залом для культурных мероприятий, библиотекой и висмутовской столовой. Дом «Филипп Мюллер» в городском парке, а также дом «Альберт Швейцер» были сооружены для детей горняков и должны были представлять собой что-то вроде яслей продленного дня. На углу Готтлиб-Хайнрихштрассе и Дитцштрассе была построена большая прачечная. На той же Дитцштрассе был также построен жилой дом, на первом этаже которого размещались почтовое отделение, мясной и молочный магазины, овощная лавка и магазин товаров повседневного спроса. Чуть дальше, еще на одном перекрестке, строился жилой дом с торговым центром, в котором были предусмотрены хозяйственный и продовольственный магазины. В доме напротив были оборудованы мясная лавка и овощной магазин. К поселку проложили автостраду, и каждое утро на Дитцштрассе на остановках стояли горняки в ожидании специального висму-

³⁸ Вальденбург — немецкое название польского города Валбжих (прим. ред.).

товского автобуса. Сюда же, на Дитцштрассе, они приезжали после рабочей смены, многие из них питались в столовой в клубе «Дружба».

Дети посещали школы «Йоханнес Р. Бергер», «Дистервег» или расширенную среднюю школу на Шиллерштрассе, расстояние до которых было максимум два километра от самого дальнего жилья, что не создавало для детей неудобств независимо от погоды.

В то время сам я был еще ребенком, и для меня стало настоящим чудом, когда в декабре 1967 г. мои родители, братья, сестры и я переехали на новую квартиру в поселок Мира. В нашей деревне, где я жил раньше, не было таких высоких и таких невероятно длинных домов. Так много уличных фонарей я также раньше не видел. Впервые в жизни я попробовал кокосовый орех и ананас: эти неизвестные мне прежде экзотические плоды подарила нам на Рождество торговая организация «Висмут». Я на всю жизнь запомнил, как отец принес домой кокосовый орех и с каким трудом расколот его.

Несмотря на все старания САО «Висмут» обеспечить квартирами своих сотрудников, жилищный кризис все еще не был преодолен. Поэтому 10 мая 1954 г. в клубе «Активист» в тогдашнем районе Шнееберг-7 (ныне — курорт Шлема), был организован жилищно-строительный кооператив «Солидарность». Строительные материалы для первой очереди домов на углу улиц Золидаритет и Карл-Либкнехтштрассе добывались из домов, обрушившихся вследствие деформаций почвы при проведении горных работ, а также из обломков ветхих зданий бывшего курорта Раддиумбад-Обершлема. Многие горняки после смены в шахте продолжали работать киркой и лопатой, строя собственные дома. Позднее «Висмут» стал бесплатно предоставлять технику для этих целей. 16 мая 1954 г. началось официальное строительство, а уже 28 января 1955 г. члены жилищно-строительного кооператива праздновали его окончание в клубе «Дружба».

Сегодня, спустя более чем 50 лет, поселок Мира, который все больше людей называют Старым поселком, все еще является достаточно привлекательным жилым районом. Многие шахтеры, бывшие тогда молодыми, проводят здесь свой закат жизни. Если сегодня посмотреть на тогдашнюю концепцию ар-

хитекторов и градостроителей, можно констатировать, что в то время жилые районы вряд ли могли быть лучше обустроены, чем это было сделано в Шнееберге и остальных районах урановой горнодобывающей промышленности.

После политических перемен жилища в поселке Мира также были модернизированы. Похвальным является тот факт, что многочисленные элементы оформления фасадов были реставрированы. К сожалению, фреска на доме «Альберт Швейцер» из-за проблем с теплоизоляцией исчезла.

Подводя итоги, можно сказать, что горняцкие поселки в Шнееберге и Вольфганг-массене имели большое значение для развития образцовой социальной среды. Горняки САО (СГАО) «Висмут», благодаря этим отличным условиям, должны были и чувствовали себя как дома, что, безусловно, служило им стимулом для длительной и добросовестной работы на горных предприятиях. Многие люди, прежде бездомные, которые были приняты на работу в «Висмут», обрели в нашем городе свою новую родину. Фамилии многих его жителей говорят нам о том, где у них были корни. На почтовых ящиках наших домов можно увидеть такие фамилии, как например, Храмовски, Гуттовски, Пшибельски или Немец. Внуки этих горняков уже являются коренными жителями Рудных гор. Бывшие горняки украшают окна своих жилищ рождественскими световыми украшениями, они едят рождественский пирог в святой сочельник и 25 декабря, в 4 часа утра, под колокольный звон идут со своими семьями в собор Санкт-Вольфганг или Хайдельзинген в Нойштедтеле. Каждый год они надевают костюмы и принимают участие в праздничных парадах в День горняка.

Для многих юных жителей Шнееберга рассказы их дедушек и бабушек о том, как они начинали тогда свою новую жизнь в Рудных горах, уже являются лишь историей из давних времен. Но только эти рассказы, а также немногие оставшиеся с того времени сооружения могут дать нам хоть какое-то представление о том, как жили и работали люди в районах, где добывался уран.

Перевод А. М. Солодова.

Кристоф Хайнц

«Висмут» — зло и благо Рудных гор

С аттестатом зрелости в кармане, я, 19-летний уроженец города Иоганнгеоргенштадт, поступил в 1949 году на работу в САО «Висмут». Начиная работу откатчиком и проходчиком на шахте № 87 Объекта 8. Затем, после окончания Фрайбергского техникума, моя судьба направилась в Нойеберхауз, район города Иоганнгеоргенштадта, на шахту № 125/126. Здесь я с 1950 по 1953 год работал штайгером, районным штайгером и короткое время оберштайгером шахты. После я пошел учиться во Фрайбергскую горную академию, которую окончил в 1958 году.

После окончания учебы я продолжил свою горняцкую деятельность в «Висмуте» на Объекте 9 на шахтах № 207 и № 371 до 1963 года. Потом работал руководителем производственного отдела и заместителем главного инженера Объекта. С 1968 года назначен техническим директором и вошел в коллектив управления горнодобывающего предприятия 9 (Объект 9).

Если современные писаки, не знающие труд горняков, или другие глупцы, пишут о «диком времени» первых лет деятельности «Висмута», то им следует знать и хочу особо это подчеркнуть, что при работе под землей Порядок и Дисциплина царь и бог.

За все годы моей работы штайгером, оберштайгером я не разу не встречал случая, чтобы горняк, спускаясь на смену в шахту, был выпивши.

Сведения в статьях и в газетах о нашем незнании о вреде радиоактивности и кварцевой пыли не всегда правдивы. Так, например, «шнеебергская болезнь» (рак гортани и легких) была давно известна в Рудных горах.

Радон и кварц — ужасные спутники горняков с давних времен. И если с кварцевой пылью можно успешно бороться водой («мокрое бурение»), то против радона вода не поможет. «Сухое бурение» шпуров было повсеместно запрещено.

Переход на «мокрое бурение» шпуров было решающим фактором борьбы с пылью, но не все проходчики сразу приняли его. Если проходчики горизонтальных выработок применяли такое бурение, то проходчики, бурившие вертикальные шпуровы, не хотели, как они говорили, стоять смену под дождем. Понадобились энергичные меры руководства рудников всех уровней и опытных горняков для решения этой проблемы.

Немало проблем доставляла бурлившая в молодых горняках энергия, получавшая неожиданный выход после смены на вокзалах, поездах, пивных и доставлявшая полиции большие хлопоты. Вспоминаю такой случай с

бригадой Курта Каспара (15 человек и я в том числе), когда выездная полицейская команда города Иоганнгеоргенштадта скрутила нас и доставила в суд для разбирательства. По тогдашним законам ГДР нам грозили крупные неприятности. Выручил нас начальник шахты А.К.Качура, объяснивший, что эта бригада — лучшая и от нее зависит выполнение плана.

До сих пор вспоминаю имена проходчиков и бригадиров: Эрих Бандико, Альфред Хорнауэр, Хайнц Эрнст, Йозеф Зильхенгост, Франц Старингер и много других.

Среди переселенцев из Польши и Чехословакии были опытные кадры горняков. Но большинство переселенцев имели другие профессии — пекари, парикмахеры, сапожники, мясники, продавцы. Но после обучения на курсах по горному делу, организованных «Висмут» становились настоящими горняками.

Мне, еще молодому начинающему штайгеру, не приходилось испытывать больших трудностей в работе. Поддержку я получал от опытных горняков. К тому же, возвращающиеся домой с этой проклятой войны военные показывали свою высокую дисциплину. У меня никогда не было проблем с бывшими унтер-офицерами, фельдфебелями или офицерами различных рангов (например, с Герхардом Фидлером, бригадиром на очистной выемке).

Высокую ответственность в работе показывали женатые мужчины и отцы семейства, так как за свою высокую производительность они получали дополнительно товары и денежные премии. И это были не только талоны на шнапс, на обувь и одежду или товары первой необходимости. Они получали еще так называемые «Талоны 4» для дополнительного обеспечения всей семьи, что играло большую роль для них.

Население Иоганнгеоргенштадта стремительно увеличивалось с 7000 до свыше 30000 жителей в пятидесятые годы. Общий объем урановой продукции, добытый рудниками в Иоганнгеоргенштадте к концу их деятельности к 1958–59 гг. достиг 12000 тонн. Последний немецкий начальник шахты Карл Вайгель был переведен на Объект 9 на шахту № 207, на которой я тоже стал работать заместителем оберштайгера шахты.

С уходом «Висмута» из верхних Рудных Гор, значительная часть горняков перешла на работу в район

Кристоф Хайнц — технический директор Объекта 9.

День горняка в Ауэ. Слева — Эберт В., директор Объекта 9, справа — Рихтер В. — 1-й зам. генерального директора СГАО «Висмут».

Ауэ/Нидершлема, а другая — в Роннебург/Гера. Многие молодые люди осели в Иоганн-георгенштадте и его окрестностях у молодых женщин, ставших после войны вдовами. Они получили работу и хлеб и освежили кровь населения верхних Рудных гор.

Несколько слов о женщинах работавших в Висмуте. Не только из районов Рудных Гор приезжали они, но и из северных округов, вплоть до Мекленбурга. Были и такие женщины, которые зная о высоких зарплатах висмутян, продавали им свою любовь. Но основная часть женщин имели хорошо оплачиваемую работу и не только поварами, продавцами в кафетериях и магазинах. Они работали на откатке вагонеток на поверхности у породных отвалов на ветру и в непогоду, в жару и холод, дождь и снег. Они были радиометристами, сигнаристами, машинистами подъемных машин и лебедок.

Это было тяжелое время, когда оно не только ломало человека, но и его формировало. На мою личную судьбу, так же как и у многих других, на выбор моей профессии горняка повлияли не только хорошая оплата труда и продовольственное снабжение, но и любовь к горному делу. И, конечно, учеба во Фрайбергской горной академии имела решающее значение. Для некоторых моих коллег по работе на горном районе работа на «Висмуте» также повлияло на их дальнейшую судьбу.

Так например, проходчик Лео Гросс стал руководителем отдела кадров в генеральной дирекции «Висмут», бригадир проходчиков Курт Шуманн стал руководителем школы профессионального обучения в Нидершлеме, машинист электровоза Эрнст Хельцель в течение многих лет возглавлял службу безо-

пасности на Объекте 9, бригадир Хайнц Беме позже работал инженером в Горном надзоре ГДР, бывший начальник откатки горного района Вернер Хаймердингер стал научным сотрудником генеральной дирекции в Зигмаре.

Жители Иоганнгеоргенштадта от деятельности горных предприятий «Висмут» получили определенные выгоды. Если раньше горняки в поисках работы были вынуждены покидать свои семьи, то теперь они обеспечивали свои семьи продовольствием, сыром, молочными продуктами и всем необходимым. Но с другой стороны эта деятельность принесла городу беду. Город, построенный в 1653 году как крепость, был, из-за влияния горных работ, частично разрушен и ликвидирован. Многие жители были вынуждены принудительно покинуть свои родные места, другие получили жилье в новом построенном пригороде Нойштадт. Те, кто потерял свои дома, получили соответствующую денежную компенсацию. Среди жителей были протестующие против этих мероприятий во главе с братством Ягер. К счастью, из них никого в Сибирь не сослали.

Вся эта спешка, ведение горных работ по добыче урана даже вблизи дневной поверхности под городом, были нацелены на скорейшее достижение военного паритета с США. Рудные жилы извлекались, а пустые пространства оставались не заложеными. И хотя некоторые старые горняки знали о технологиях закладки, опытом их не воспользовались. Современными техникой и знаниями эти неприятности можно было избежать.

Время лечит раны. Нидершлема, как водолечебница снова заработала, Иоганн-георгенштадт, после резкого сокращения населения и роста безработицы, стал все больше терять свое значение для Рудных Гор. Во время моего посещения своего родного города я стал все меньше встречать своих товарищей-горняков моего поколения. Все больше явление «Висмут» уходит в прошлое, исчезают следы остатков его присутствия на поверхности города.

В крикливых выступлениях прессы после объединения Германии очень часто деятельность «Висмута» оценивалась крайне односторонне. Совсем забыли об его огромных усилиях в сфере социального сектора. Так, например, больницу в Эрлабрунн, дома культуры во многих городах и поселках, дома отдыха, стадион в Ауэ, построенный горняками своими силами после смены и многое другое, которое до сих пор являются свидетельством этому.

«Висмут» активно занимался строительством автомобильных и железных дорог, энергообеспечением районов. Огромный накопленный материал по результатам гео-

логоразведочных работ «Висмута» по всей территории ГДР будет иметь и в перспективе большое значение.

Последовательная работа позволяет постепенно улучшать впечатление от первых «диких» годах САО Висмут. Но до сих пор нет фильмов, которые бы правдиво рассказывали о «Висмуте».

Горняки сами создавали своим трудом свидетельства, вызывающие уважение к ним и их предприятию:

— проходка 155 м/месяц круглого ствола (бригадир Зигфрид Науманн), проходка восстающих полком Алимас со скоростью 200 м/месяц (бригада Вольф Хелиг), скоростные проходки выработок по 500 и 1035 м/месяц (бригады Рудольфа, Маргулы, Кирш, Коплин и других) — имели международное признание.

Во время моей работы в районе Нидершлема/Хартенштайн в 70-ые годы мои учителя из Фрайбергской горной академии (профессор доктор Гимм и профессор доктор Йендерси) и профессор доктор Баранов (АН КиргССР, Фрунзе) дали высокую оценку работе нашего предприятия.

Большие исследования были проведены под руководством профессора Фрайбергской горной академии доктором Тома по предупреждению горных ударов при ведении горных работ на большой глубине.

Подтверждение высокой оценки этих работ я получил в 1990 году от западногерманских специалистов во время их спуска на нижние горизонты рудника. На глубине почти 2000 метров они убедились, что «Висмут» собственными силами, от исследований, проектирования и до реализации создал систему кондиционирования рудничного воздуха, обеспечившую нормальные климатические и безопасные условия работы горняков при температуре горных пород 64–68 градусов Цельсия на этих глубинах.

С полным правом можно сказать, что «Висмут» по всем направлениям добычи урана развивался успешно. От машиниста подъемной машины до начальника шахты он растил собственные кадры, которые сам обучал и воспитывал. Часть руководящих кадров были делегированы для работы на ответственные должности в народные предприятия ГДР. Так, например, работавшего со мной оберштайгера Альфреда Прейшхофа, делегированного в народное хозяйство, я встретил позже директором шахты Винтерсхалл/Бернбург.

Многие руководящие кадры очень часто сохраняли верность своему предприятию до выхода на пенсию. Я сам проработал на Объекте 9 (позже горнодобывающее предприятие 9) с 1958 по 1990 год. После исторического поворота и объединения

Германии я, так называемый «Активист первого часа», был освобожден от работы без большой помпы, благодарности и вознаграждения.

Да, время моей работы в «Висмуте» не было для меня потерей. Были и взлеты и падения, были успехи, но были и неудачи. Но больше вспоминается дух коллективизма, сплоченность, товарищество и уважение к работе, которые были в «Висмуте». Смысл слов, сказанные сейчас президентом США: «Да, мы можем», были для нас уже тогда в «Висмуте» девизом: «Мы все можем, нет ничего невозможного!»

В этой связи несколько замечаний к лозунгу «План есть закон» и к совместной работе немецких и русских руководящих кадров. В первые годы лежала большая дистанция между нами. Не было доверчивости и искренней дружбы. Мой первый начальник шахты А. К. Качура сидел за своим письменным столом в военной форме, подпоясанный ремнем. Но с русскими, работавшими под землей, иногда носивших военную форму, такими как радиометристы, геологи, взрывники, были хорошие контакты. За исключением постовых на входе и выходе из шахты.

С течением времени это положение стало улучшаться. С начальником Объекта 9 А. В. Потетюриным мы уже совместно праздновали праздники ГДР и Советского Союза. На встречах Нового Года мы дважды поднимали бокалы (по московскому времени и по европейскому).

В 60-е годы СГАО Висмут достиг своего высшего уровня производства урана. И в моей памяти возникают хорошие воспоминания о главных инженерах Объекта — И. И. Белове, В. Д. Жильцове, И. В. Дорофеевичеве, Э. А. Мурзин. Особенно тепло вспоминаю главного инженера Объекта 9, позже ставшего главным инженером Общества Л. М. Тормышева. Однажды мы были с ним вместе с Гертом Штеммлером на ликвидации аварии (обрушение кровли) на слепой шахте № 1 на руднике Пела, где он оценивал ситуацию и руководил ходом работ.

Во время моей деятельности на Объекте 9 мне пришлось работать со многими советскими товарищами, которые были моими заместителями, так например, А. Н. Романюта, А. С. Ястребков, Васин и другие. У нас была хорошая дружеская совместная работа с целью успешного выполнения плановых заданий. И мы были не только товарищами по работе, но и поддерживали теплые отношения между нашими семьями.

Сегодня «Висмут» уже в прошлом. Но для меня он с самого начала моей деятельности и до последней смены и спуска в рудник останется в моей памяти. Глюк Ауф!

Слева направо: Л. М. Тормышев — главный инженер СГАО «Висмут», переводчик и Хайнц Кристоф.

Производственный отдел Объекта 9. В нижнем ряду справа — Эберт В., зади стоит Хайнц Кристоф.

Кристоф Хайнц в наши дни.

ВОСПОМИНАНИЯ НЕМЕЦКИХ ВЕТЕРАНОВ-ВИСМУТЯН, ЧЛЕНОВ ОБЪЕДИНЕНИЯ «ТРАДИЦИИ “ВИСМУТА”», РАБОТАВШИХ НА ПРЕДПРИЯТИИ КЕНИГШТАЙН

4 июня 2009 г. на санационном предприятии Кенигштайн прошла встреча представителей российского объединения «СГАО “Висмут”»: Отцы и дети» Г. Г. и А. Г. Андреевых с немецкими ветеранами «Висмута». Встреча была проведена под руководством бывшего заместителя генерального директора СГАО «Висмут» В. Рихтера и бывшего директора по технике Молодежного горнодобывающего предприятия Кенигштайн Г. Альтманна, ныне — членов объединения «Традиции “Висмута”». Во встрече также принимали участие бывшие сотрудники предприятия: К.-Х. Боммхардт — заместитель начальника отдела управления произ-

водством, Х. Фидлер — руководитель группы по испытаниям технического отдела; Э. Мархула — бригадир забойщиков, позднее — техник по испытаниям; Х. Майзель — заместитель начальника электромеханической службы; Э. Майснер — заместитель главного геолога; Э. Мюллер — начальник филиала НТЦ в Кенигштайне; Ф. Штробель — бригадир забойщиков; Й. Зюс — заместитель начальника маркшейдерской службы; А. Унгер — директор по технике и руководитель по заказам; У. Унгер — руководитель бюро по новаторству.

Перевод записанных выступлений — В. И. Вышняк.

*Слева направо:
Э. Майснер, У. Унгер,
А. Унгер, Э. Мюллер,
Х. Фидлер.*

*Справа налево:
Э. Мархула,
Х. Майзель, Й. Зюс,
Ф. Штробель,
К.-Х. Боммхардт.*

Франк Штробель

Моя работа в СГАО «Висмут» началась вскоре после того, как я в еще юном возрасте женился и искал работу, которая обеспечила бы моей семье достаточный доход. Мы жили в Рудных горах, и ближайшей целью стало устройство на работу в СГАО «Висмут». Основанием для разработки урановых месторождений в восточногерманских Рудных горах стали результаты Второй мировой войны и события в Хиросиме и Нагасаки.

Я сменил свою прежнюю, также рабочую, специальность на профессию горняка. Открытие месторождения Кенигштайн дало мне возможность обзавестись собственной квартирой по месту работы. Так понемногу начало осуществляться мое желание. Своим прилежным трудом я старался вернуть обществу свой долг за мое благополучие. За время работы меня не раз награждали высокими государственными наградами. Среди них есть советский орден «Знак Почета», который мне вручал по поручению советского правительства посол П. А. Абрахимов. По достижении мной пенсионного возраста в 2001 г. моя состоявшаяся и весьма успешная трудовая жизнь, 44 года из которой я отдал предприятию, закончилась.

Встречи с советскими специалистами, работавшими в «Висмуте», пробудили во мне интерес к СССР и населявшим его народам. Будучи в отпуске, я часто совершал поездки

в Советский Союз. И неважно, ехали ли мы на машине, например, до Тбилиси, или летали самолетом — нам всегда встречались люди с большим сердцем и постоянно предоставлялась возможность заглянуть в русскую душу. Это был факт, столкнуться с которым даже я, немец, не очень ожидал. Ведь немцы во время войны принесли этим народам смерть и разорение. Но они дали нам возможность почувствовать их природное добросердечие и бескорыстие. Я научился любить эту страну и ее людей.

Тесные, вплоть до семейного круга, контакты до сих пор связывают меня с моим другом Виктором Гусейновым, с которым мы переписываемся. По завершении очистных работ в «Висмуте» судьба забросила его на Узбекский горно-металлургический комбинат в г. Навои. В 2000–2002 гг. я воспользовался приглашением моего друга и его директора посетить Республику Узбекистан.

В Германию мы с женой возвращались полные впечатлений. И на этот раз все наши встречи с друзьями сопровождало сердечное гостеприимство.

«Висмуту» я должен быть благодарен за все. Он предоставил мне шанс для личностного развития, стал мне, образно говоря, отцом и матерью. Он научил меня товариществу, коллективизму, настойчивости, усердию и показал, что такое дружба народов.

Ф. Штробель.

Франк в узбекском халате.

Йоханнес Зюс

Мой путь в «Висмут» начался 18 ноября 1948 г., когда один приятель из нашего городка пришел к моему отцу и сказал, что в спортивном зале, примыкавшем к кафе отца, нужно будет оборудовать общежитие для горнорабочих. Этот человек был квартирмейстером в «Висмуте». Поговорив с отцом, он спросил меня, не возьмусь ли я руководить этим общежитием. Я ответил согласием. На следующий день мы пошли в отдел кадров Объекта 8 в соседнем местечке Брайтенбрунн. Начальник отдела отклонил предложение о моем трудоустройстве со словами: «Это могут делать и старики». Перед зданием управления навстречу мне попался другой знакомый. Я рассказал ему о том, что только что произошло. Он стал слушать меня внимательнее, а потом сказал: «Ты хочешь в “Висмут”, а я хочу уйти оттуда. Но они дадут мне уйти, только если я приведу им кого-нибудь вместо себя».

Он работал в маркшейдерской службе шахты Маргарете. Что такое маркшейдерская служба, я до той поры не знал и спро-

сил, не потребуются ли от меня какие-то знания для этого. На это он сказал: «Главное, чтобы ты мог обращаться с рулеткой».

В «кадрах» меня приняли на работу так же быстро, как до этого отказали. Естественно, меня привлекал хороший заработок, и прежде всего — привилегированное снабжение продуктами, тем более что вскоре я собрался жениться.

В мае 1949 г. в нашей деревне в районе Эренципфель была открыта новая шахта. Меня перевели туда. На работу в «Висмут» были приняты два новых участковых маркшейдера прямо по окончании ими курсов по специальности «Маркшейдерское дело» в Горном техникуме во Фрайберге. Такая профессиональная подготовка меня тоже заинтересовала. Я поговорил в отделе кадров, и в начале 1950 г. меня вызвали на Объект. Советский главный маркшейдер предложил мне работать на новой шахте №306. На мой вопрос о курсах он ответил: «Попозже». Уже на следующий день я за-

Й. Зюс.

нялся съемкой при разбивке места заложения новой штольни. Потом, в мае, я получил разрешение на учебу во Фрайбергском горном техникуме. По окончании курсов я стал участковым маркшейдером на шахте № 235 в Антонстале. Мое место работы менялось довольно часто, и в начале 1952 г. я очутился на шахте Готтес Зеген («Божья благодать»), по висмутовской нумерации — № 206, которая была всего в километре от моей квартиры. Начальником маркшейдерской службы там был Рудольф Ланге. Он был моим первым шефом, занимавшимся маркшейдерским делом с самого начала своей профессиональной деятельности. В горнотехническом училище в Цвиккау он получил квалификацию штейгера-геодезиста. Ему я обязан моим дальнейшим профессиональным ростом. Он записал меня на экзамен экстерном на квалифицированного рабочего и уговорил учиться заочно в этом же училище. Это было тяжелое время, когда наряду с работой приходилось еще и прорабатывать дома учебные задания. Рабочий день был длинный, к тому же у нас с женой было уже двое детей, которым нужно было уделять много внимания. Но, несмотря ни на что, через шесть лет, в 1959 г., я успешно завершил учебу и стал горным техником-геодезистом.

Из-за малой перспективности шахт в ближайших окрестностях Риттерсгруна уже в 1954 г. я подал заявление о переводе меня на Объект 9 в г. Ауэ. В отделе деформации предпринимались попытки устранить накопившиеся за долгие годы упущения в части изучения смещений земной поверхности, вызываемых горными работами. Однако данных дневной геодезической съемки со времен, предшествовавших началу горных работ, не было.

С заменой советских шахтных маркшейдеров на немецкий персонал я стал участковым маркшейдером на шахте № 66. Мой участок на горизонте — 540 метров — позднее был переподчинен шахте № 296, а потом — шахте № 366 по завершении ее строительства.

В 1963 г., разговаривая в отделе кадров с главным маркшейдером, я попросил помочь мне с получением квартиры в Ауэ. Ничего конкретного мне пока пообещать не смогли, но позже, в январе 1964 г., мне предложили временно взять на себя руководство маркшейдерской службой нового горнодобывающего предприятия Кенигштайн, и таким образом решить мой жилищный во-

прос, так как в Пирне должны были строить жилье специально для горняков.

3 февраля 1964 г. примерно с сотней других горняков с Объекта 9 я в первый раз поехал на работу из Ауэ в Леопольдсхайн. Это был «день первой лопаты» на строительстве шахты № 387.

С созданием нового предприятия в «Висмуте» стали утверждаться и новые отношения. Горный закон ГДР и последующие постановления к нему, например «Положение о маркшейдерской службе», вошли в обиход, и этим был положен конец «временкам» из первых лет существования «Висмута». Для меня это означало, что без диплома¹⁶ долго оставаться начальником маркшейдерской службы мне не удастся. Моей основной задачей стал контроль над горными работами как подземными, так и на поверхности. Кроме того, в мои обязанности входило создание сети геодезических пунктов для выявления подвижек на дневной поверхности¹⁷ как следствия подземных очистных работ. Делать это еще до начала работ для «Висмута» было в новинку. Первая съемка высот расположения пунктов стала составной частью дипломной работы следующего главного маркшейдера. Это дало возможность контролировать будущие воздействия горных работ по всему затрагиваемому ими району. С помощью директора по технике нашего предприятия мы установили контакт с Институтом безопасности горных работ Высшего горного ведомства. В институте была разработана и изготовлена модель нашего месторождения в разрезе, что дало нам возможность имитировать и предсказывать воздействия горных работ на покровные породы вплоть до дневной поверхности. С помощью этой модели мы смогли так направлять очистные работы, чтобы повреждения на поверхности были лишь минимальными, а также решать критические вопросы, связанные с водоносными горизонтами.

В ходе дальнейшей совместной работы с упомянутым институтом и НТЦ (Научно-техническим центром) «Висмута» определялись все более точные данные для прогнозных расчетов. Ко всему прочему, они легли в основу экспертных заключений по двум вариантам проекта строительства автобана до Праги.

По достижении пенсионного возраста в марте 1988 г. я покинул «Висмут».

Первое знакомство с гражданами Советского Союза случилось у меня в 1943 г., когда я стал военнопленным. Хотя мы и напали на Россию как вероломные враги, обращались с нами не «по заслугам». Жизнь, конечно, была не сахар, но тот, кто подчинился правилам, был в порядке. Когда в октябре 1949 г. меня освободили, мой тогдашний русский начальник по работе сказал мне: «Ну, Ганс, давай домой, в Рудные горы, в «Висмут» пойдешь!» К тому времени я еще ничего не знал о начинавшейся добыче урана в только что образованной ГДР, а слово «висмут» вообще никогда не слышал.

Прибыл я домой, и так оно и вышло! Когда я искал работу, мне не раз указывали на Объект 6 в Цобесе. Прежде чем идти туда, я поспрашивал у знакомых, что там за заработки, и все говорили, что большинство там зарабатывает хорошо!

Меня спросили, что же я могу. И так как я сказал, что до сих пор имел дело только с профессиями, связанными с металлом, меня откомандировали в электромеханическую службу. В этих работах я кое-что понимал, но когда увидел свою первую платежку, сразу подумал, что расчетная контора допустила ошибку. Мне были выплачены аж 360 марок, притом что тогда еще существовала висмутовская надбавка в размере 55 % за подземные работы! Дело в том, что как раз рабочим забоя я и не был. И все-таки работа была мне в радость, тем более что я получил возможность снова жить на Родине со своей семьей. Со временем я приобрел несколько профессий, набрался опыта практической работы и стал руководителем коллектива.

И вот в начале 1960-х гг. Карл Демлер, который позже на некоторое время стал первым директором самого восточного предприятия «Висмута», спросил меня, не хочу ли я поработать с ним в Кенигштайне. Так, в апреле 1964 г. я отправился в Саксонскую Швейцарию, получил квартиру в поселке Пирна-Копитц и стал работать заместителем начальника электромеханической службы. Я продолжал повышать свою квалификацию и стал экспертом по подъемно-транспортному оборудованию и канатам — этой деятельности на горнодобывающих предприятиях с незапамятных времен придается большое значение. Год от года такой работы было все больше, при этом возрастало значение ее электромеханической составляющей.

Надо сказать, что многие агрегаты,

впоследствии применявшиеся в «Висмуте», проходили первую обкатку именно в Кенигштайне. В качестве примера можно назвать бурсобоечные машины, с помощью которых появилась возможность бурить на дневной поверхности скважины сечением сначала 1200, а потом и 2400 миллиметров.

Впервые одна из таких машин была применена в 1968 г. в полевом штреке 94-6 в Кенигштайне, где были пробурены две скважины. Мы одолжили ее у Народного каменноугольного предприятия в Цвиккау, а поскольку она хорошо себя зарекомендовала, и это было подтверждено письменным заключением, на нее обратили внимание тюрингские предприятия, и тогда за разработку и изготовление таких машин взялся завод горного и обогатительного оборудования в Кайнсдорфе. Также в Кенигштайне были испытаны бункерные погрузчики. Так как они оказались не только значительно более производительными, чем скреперы, но и обеспечивали лучшую охрану здоровья и труда горняков, после Кенигштайна на заводе горного оборудования в Ауэ была разработана новая концепция и конструкция такой техники, а также организовано ее серийное производство.

Большое значение электромеханической службе придавалось во время строительно-монтажных работ. Здесь особенно требовались не только высокая эффективность, но и прежде всего качество, так как эти работы были направлены на обеспечение длительной эксплуатации нового оборудования. Так как я был инициатором создания нашего горнодобывающего предприятия, я особенно горжусь его участием в работе. В 1981–1983 гг. с полным переводом предприятия на химическую добычу масштабы этих работ возросли. Для обеспечения транспортировки раствора надо было прежде всего установить кислотоупорные трубопроводы, а также построить новые и реконструировать существующие насосные станции.

Хотя в электромеханической службе Молодежного горнодобывающего предприятия Кенигштайн не было советских специалистов, у нас всегда были хорошие отношения с теми из них, кто в тот или иной период был главным инженером, а также с сотрудниками производственного управления.

В одной из командировок, когда я был в Запорожье и Кривом Роге, мы воспользовались возможностью прямого обмена опытом между советскими и немецкими горняками.

Х. Майзель.

16 Речь идет о дипломе о высшем образовании (прим. пер.).

17 Дневная поверхность на геологическом сленге означает поверхность рельефа или попросту земную поверхность (прим. ред.).

Эрхард Мархула

Э. Мархула.

Вся моя трудовая жизнь была тяжелой, но я никогда не жаловался на судьбу и всегда работал честно.

В 1945 г. я впервые увидел советских солдат, когда в районе городка Земмерд принимал участие в перегрузке частей ракет Фау-1 и Фау-2. Отношения у нас были хорошие, мы работали без всяких предубеждений, и мне удалось у них кое-чему научиться.

В 1950 г. началась моя работа в «Висмуте» на шахте № 15. В то время некоторые мои коллеги пытались жить за счет новичков. Я же с этим мириться не хотел и сам взялся за перфоратор.

У меня была довольно высокая производительность труда, что кое-кому из забойщиков не нравилось. Некоторые говорили даже, что я со своим излишним старанием действую вразрез с их интересами. А вот руководство шахты обратило на меня внимание и назначило руководить вновь образованной 52-й бригадой.

В 1956 г. на шахте № 64 я принимал активное участие в скоростной проходке, результат которой составил 516 метров. Есть моя доля и в других скоростных проходках — на шахте № 38.

В 1959 г. от Объединения народных предприятий по добыче калия поступила просьба об оказании социалистической помощи калийному предприятию «Меркерс». Уже через два месяца в условиях незнакомой мне до той поры разработки соляных месторождений мне удалось достичь выработки в 120 метров при профиле 9 на 3 кв. м. До той поры в районе калийного бассейна Верра такого высокого результата еще никто не добивался.

Когда я вернулся в «Висмут», меня поставили на скоростную проходку на шахте

№ 371, где мы в составе комплексной бригады достигли месячной выработки в 1035 метров. Особенно тяжелыми были условия на шахте № 99, где температура породы доходила до 43 градусов Цельсия. Еще раз меня делегировали для оказания помощи на каменноугольное предприятие «Вилли Агатц» в районе Дрезден-Гиттерзее, которое позже, в 1968 г., вошло в состав «Висмута». Там я познакомился с обычной для угольщиков стальной шагающей крепью, и мне снова удалось стать одним из лучших. За мои достижения меня неоднократно награждали, в частности присвоили мне звание заслуженного горняка ГДР, а также вручили орден Ленина.

Когда в 1964 г. я попал на горнодобывающее предприятие Кенигштайн, меня сразу же назначили бригадиром. Задачей нашей бригады было завершить проходку ствола первой шахты № 387, а потом околоствольного двора на горизонте 94 метра. Другая бригада проходчиков, которая уже достаточно углубила эту шахту, была переведена на проходку шахты № 388, находившейся в 1,8 километра от 387-й. Пока они углубляли шахту, мы проходили квершлаг 94-3. Поскольку эта горная выработка имела решающее значение для связи двух шахт, нам надо было особенно тщательно следить за качеством и точностью проходки. Дело осложнялось тем, что немалая часть выработки проходила в туронских глинах. Эти мягкие, легко деформируемые породы не отличались хорошей устойчивостью, что налагало особенно высокие требования по крепости. Возникали проблемы также при погрузке и откатке отбитой породы. И все-таки мы добились высокой точности при сбойке. Отклонение по оси при сбойке двух выработок, проходка которых велась встречными курсами, составило всего 3 сантиметра!

В последующие годы я с бригадой работал на проходке основных штреков. Поначалу нашим важнейшим рабочим агрегатом был погрузчик с опрокидным ковшом типа ПМЛ-63. В отличие от горнодобывающего предприятия в Ауэ, у нас, в Кенигштайне, как и на тюрингских предприятиях, применялись вагонетки емкостью в 1,5 кубометра.

Благодаря росту механизации буровых и погрузочных работ в сочетании с целенаправленными мероприятиями по охране здоровья и труда, прежде всего, по борьбе с запыленностью и шумом, а также по уменьшению вибрации, работа забойщиков становилась не только более производительной, но и менее трудоемкой. Позднее я повысил свою квалификацию до уровня горного техника и стал в составе технического отдела прини-

мать участие в испытаниях новой техники. Многим бригадам забойщиков я давал конкретные, увязанные с практикой рекомендации, особенно при внедрении новой буровой техники, нацеленной на отделение забойщика от перфоратора, в том числе на очистной выемке и безрельсовой проходке. Потом я занимался разработкой и изготовлением специальных буровых коронок, которые были нужны при прокладке трубопроводов сквозь целики или при бурении опережающих скважин в вертикальном и горизонтальном направлении. Кроме того, в моем ведении находились работы по сбору вторичного сырья.

Через бюро по трудоустройству выпускников Технического университета в Дрездене в феврале 1965 г. я попал в СГАО «Висмут» на горнодобывающее предприятие Кенигштайн.

О специфике «Висмута» мне до той поры не было известно почти ничего. И вот я, свежеспеченный дипломированный инженер-машинистроитель, начал свою деятельность на этом предприятии, принадлежавшем двум странам. В принципе положительный настрой по отношению к советским гражданам основывался у меня уже на первых впечатлениях детства, что я постараюсь пояснить на двух примерах.

Когда мы в конце войны бежали с моей силезской родины, нашу семью разместили в г. Форст. Весной 1945 г. этот город долгое время был фронтовым, так как Красная армия перед штурмом Берлина временно заняла плацдарм на линии Одер-Нейсе. Наше пристанище было на маленькой вилле, расположенной к востоку от реки Нейсе. В самой гуще ожесточенных боев между германским вермахтом и Советской армией мы спасались от немецких минометных обстрелов в подвале, оборудованном под временное бомбоубежище. Перед самым началом одного из обстрелов в спасительный люк подвала едва успел пролезть какой-то красноармеец и стал вместе с нами, немецкими детьми и женщинами, ждать конца налета. Уже к вечеру, во время одного из периодов затишья, моя мама собрала для детей кое-какую еду и сказала мне: «Гансик, ешь, ешь!» — что по-немецки звучит как «iß, iß». Советский солдат, услышав эти многочисленные «s», видимо, подумал, что здесь поблизости эс-совцы, и решил, что ему угрожает опасность. Он сдернул с плеча свой автомат, снял его с предохранителя и стал прятаться за скудной мебелью. Возникло огромное напряжение, и все, кто там был, перепугались до смерти. Это языковое недоразумение в итоге скоро удалось прояснить, несмо-

Вся эта работа доставляла мне огромную радость, и потому я принимал участие во многих усовершенствованиях, проводившихся в рамках новаторской деятельности.

Бригаду Э. Мархулы поздравляют с окончанием скоростной проходки.

Ханс Фидлер

Х. Фидлер.

тря на то, что никто не знал чужого языка. То есть получилось мирное сосуществование на крохотном пятнышке!

Когда война закончилась, мы получили возможность вернуться домой. Со скудными пожитками мы отправились за сто пятьдесят километров пешком. Во время одного из ночлегов в набитом беженцами помещении рядом с постоялым двором мы, дети, устроили себе игровую площадку на бильярдном столе. Мы собрали довольно много свинцовых солдатиков, рассыпанных по полу постоялого двора, выстроили их на бильярдном столе и стали играть в войну. Длилось это недолго, так как в помещение вошел советский офицер, увидел это и одним движением руки со словами «Война капут — Гитлер капут!» положил нашей игре конец. Нам, детям, естественно, не было никакого наказания.

На кенигштайнском предприятии «Висмута» я сначала попал в подчинение к главному механику, у которого не было подготовки даже мастера, не то что инженера. Он поручил мне первое «большое задание»: «Сделай красную звезду так, чтобы она светила и вертелась!»

На других висмутовских предприятиях такого не было, были только звезды выполнения плана, которые светились, но не вращались. На пару с коллегой, тоже свежеспеченным дипломированным инженером-электротехником, мы получили все полномочия, включая служебную машину, чтобы в кратчайший срок доставить нужные материалы и узлы (электромотор, червячную передачу и т. д.). Стекло красного цвета такого размера (2 × 1,5 м) было специально разработано и изготовлено на одной зеркальной фабрике. В моем распоряжении на предприятии были лучшие рабочие-профессионалы. Когда через несколько недель звезда была готова, светила и вращалась на крыше здания управления, настал звездный час моего шефа, пригласившего на торжественное открытие руководство предпри-

Посол СССР П. А. Абраимов вручает Э. Мархуле орден Ленина.

тия. Кое-кто из присутствовавших качал головой от такого ребячества, и, мне кажется, я видел, что и некоторые советские специалисты этого цирка не поняли. Я рассказал о своем успехе жене, и она сказала: «Так вот для чего ты учился одиннадцать семестров!» Потом главный механик стал начальником по транспорту, а я — не шефом по подъемно-транспортному оборудованию, как договаривались, а начальником канатной дороги, то есть опять оказался в подчинении того же человека! Однако эта грузовая подвесная канатная дорога только изредка работала так, как мечтали заказчики и задумали конструкторы. На ней постоянно происходили аварии и как раз тогда, когда надо было справляться с самыми большими объемами транспортировки. Никакие усилия специалистов «Висмута», включая Генеральную дирекцию, Проектное предприятие и завод горнодобывающего и обогащающего оборудования, не помогали, хотя были использованы все возможности, даже за пределами «Висмута». Кроме того, несколько недель в Лейпцигской области работали специалисты по канатным дорогам из СССР. А кончилось все тем, что в результате перехода на химическую технологию добычи руды объемы откатки резко сократились, канатная дорога стала не нужна и задолго до истечения планового срока эксплуатации была демонтирована и пошла на металлолом.

В 1970 г. я предпринял поиски новой работы, которая бы соответствовала моему образованию. В техническом отделе я стал отвечать за рационализацию производства, внедрение и испытание новой техники и технологии.

Начальником технического отдела был тогда Яков Махин, весьма обходительный

инженер-машиностроитель. Он постоянно указывал на то, что инструкции по эксплуатации должны быть как можно проще и понятнее. Это относилось, например, к кислотоупорным погружным насосам и перфораторам, которые делал завод горного оборудования в Ауэ, а также к разработанным нами усовершенствованиям по эксплуатации скреперов (канатные блоки, ковши и т. д.), вспомогательным средствам для крепления выработок и другим средствам для облегчения труда забойщиков. У меня в испытательском коллективе работали опытные слесари, сварщики, гидравлики и электрики. Среди них были поистине выдающиеся профессионалы, как например, Эрхард Мархула.

Мои советские руководители редко строили из себя больших начальников, их оценка в наших глазах становилась еще выше, когда мы вместе принимались за решение различных задач и на поверхности, и под землей. Они, кстати, часто выбирали себе рабочие места именно под землей, видимо, чувствовали себя там лучше, чем в своих конторах, и охотно выполняли вместе с нами конкретную инженерную работу. При этом случались любопытные диалоги, как например, с доктором Олегом Смирновым, позже ставшим моим шефом, у которого я как-то спросил совета по определенной проблеме, а у него решения тоже не было. Он ответил мне: «Знаешь, Ханс, в моей голове — мрак!» С моим последним шефом Юрием Васильчиковым также было значительно приятнее сотрудничать, чем с понаехавшими после 1990 г. западногерманскими шефами, которые не имели никакого понятия о горном деле, зато завалили нас бюрократической казуистикой.

торству. Это учреждение давало трудящимся возможность непосредственно влиять на эффективность всей работы предприятия. Благодаря предложениям новаторов было внедрено немало усовершенствований в технику и технологию. В этом движении активно участвовали и советские сотрудники. Лучших новаторов чествовали на ежегодно устраиваемом для них балу.

Наш тогдашний шеф Юрий Васильчиков, который одновременно был и заместителем директора по технике, был для нас приятным руководителем. Он помогал мне в работе. За его милые и скромные манеры он нравился всем!

Политические перемены 1989 г. смели в числе прочих и бюро по новаторству. Вследствие этого я сначала перешла в отдел

кадров, а последние два года снова стала работать в отделе материально-технического обеспечения. В 2002 г. я достигла пенсион-

ного возраста, и на этом моя трудовая жизнь завершилась.

По окончании Фрайбергской горной академии, где мне была присвоена квалификация инженера по горному делу и строительству подземных сооружений, я стал работать на шахте № 9 в Ауэ сначала штейгером, а затем — начальником участка и заместителем оберштейгера.

В 1965 г. меня попросили перейти в Кенигштайн на должность директора по технике. Было трудно, но я справился со своей задачей, о чем свидетельствуют следующие примеры.

Из-за того, что водопритоки у нас были выше средних, при углублении шахты стали возникать проблемы. В случае применения метода замораживания задержка во времени составила бы два года. Я добился приема у тогдашнего генерального директора СГАО «Висмут» С. Н. Волощук и убедил его применить насосы марки Vibo шведской фирмы Fligt. В результате он дал добро на покупку, и проблема была решена.

Поначалу у нас, по аналогии с техникой, применявшейся в Ауэ, на безрельсовой проходке штреков и очистных работах были заняты скреперы типа KS-700. Для профилей большого сечения это было неэффективно. На ярмарке в Брно в ЧССР я увидел бункерный погрузчик известной во всем мире фирмы Atlas Сорсо, снова обратился к генеральному директору, и он одобрил покупку двух агрегатов. Сначала это были погрузчики типа TG 2H с емкостью бункера в 0,75 кубометра, а поскольку они себя хорошо зарекомендовали, к ним позже добавились еще 6 агрегатов типа Savo 310. На их основе заводом горного оборудования в Ауэ был разработан висмутовский погрузчик LB 125/1000.

Если на других рудниках главные шахтные вентиляторы устанавливались на поверхности, то я, скооперировавшись с НТЦ, и по согласованию с Генеральной дирекцией стал выступать за то, чтобы в районе, который называется Саксонской Швейцарией, такие агрегаты устанавливались под землей. Благодаря этому уровень шума, производимого таким оборудованием, был существенно снижен. Всего два вентилятора шахты №398, которая находилась на большом удалении от жилых районов, были смонтированы на поверхности. Кроме того, на основе использования международного опыта, и в частности, результатов исследования радиоактивных излучений в СССР и ГДР, с 1968 г. общешахтная вентиляция была перестро-

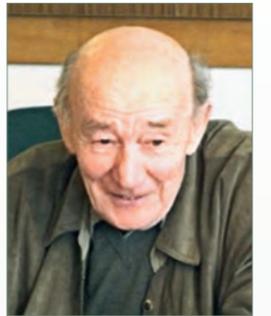
ена с обычной на нагнетательную. Благодаря этому удалось понизить содержание радона в шахте до двух третей от прежнего уровня. Эти меры сыграли решающую роль в том, чтобы с самого начала общешахтное проветривание в Кенигштайне осуществлялось по общепринятым стандартам защиты от облучения.

Большой проблемой для нас была канатная дорога. Один профессор из Дрезденского технического университета рассчитал оптимальное количество гондол для нее. После этого количество поломок уменьшилось. Кроме того, с помощью технического отдела была разработана запорная муфта для ремонта разрывов канатов и начато ее изготовление. Советские специалисты из Харькова внесли свой вклад в решение проблемы устойчивости опор дороги.

Позднее я некоторое время работал на первом участке шахты, а затем, с 1981 г., занялся ответственным поручением руководства — заказами на большие объемы капитального строительства. В мои обязанности входила координация этих работ по прямому согласованию с техническим управлением. Помимо различных подразделений «Висмута» в них принимали участие большое число предприятий-поставщиков из Советского Союза и народно-хозяйственного комплекса ГДР. После успешного перевода всего предприятия на химическую технологию добычи я стал заниматься вопросами, связанными с ней. Вскоре у нас появились пакеры (заглушки скважин для нагнетания раствора) — очень эффективные в работе. В сотрудничестве с управлением по технике и заводом горнодобывающего и обогащающего оборудования в Кайнсдорфе была разработана и передана в эксплуатацию бетономешалка, которая до такой степени измельчала цемент, что полученный бетон при его затвердевании становился водонепроницаемым и кислотоупорным.

В заключение могу сказать, что на Кенигштайне было решено очень много технических проблем, которые на первый взгляд казались неразрешимыми, но мы с ними все-таки справлялись. Мне очень помогли мои коллеги по техническому отделу — гг. Альтманн и Фидлер, нам оказывали действенную поддержку советские главные инженеры и специалисты НТЦ. И, конечно, наши успехи были бы невозможны без идей наших изобретателей-новаторов.

Армин Унгер

А. Унгер.

У. Унгер.

Урсула Унгер

Я работала в «Висмуте» на горнодобывающем предприятии Кенигштайн, ставшем с января 1964 г. молодежным. Моей первой обязанностью в отделе материально-технического обеспечения стала заготовка дров и строительных материалов. Позже мне поручили снабжение электроматериалами. Я проработала в материально-техническом обеспечении 19 лет, за это время я окончила Горное профессионально-техническое училище в Айслебене и стала техником-экономистом. Запомнилось, как к Международному женскому дню 8 марта 1964 г. мы, женщины, получили в подарок из рук тогдашнего главного инженера товарища Ястребкова духи «Ландыш».

В 1983 г. я перешла в технический отдел и стала там руководителем бюро по нова-

Эрих Майснер

Э. Майснер.

Оглядываясь назад, на мою более чем сорокалетнюю трудовую жизнь, я с полным правом могу сказать, что всю ее я посвятил урану. Моя работа проходила в постоянном контакте с рудничными специалистами — геологами из Советского Союза — русскими, украинцами, грузинами, осетинами и представителями многих других национальностей.

Семнадцатилетним пареньком, оторванным от семьи, не сказать чтобы по доброй воле, и притопавшим из Силезии в поисках заработка, я попал на работу в АО «Висмут». Чисто случайным образом, ничего не ведая и ничтоже сумняшеся, меня вместе с несколькими другими соучениками выбрал для своей геологической работы русский геолог, чье собственное геологическое образование пришлось еще на царское время. Его звали Юрий Дмитриевич Калошин, и я никогда его не забуду, ведь это была моя первая встреча с русской элитой. Весьма умело он привил мне необходимые основы знаний о геологии и горном деле. Только благодаря его настойчивой работе со мной я в конце концов, шаг за шагом серьезно взялся за учебу, необходимую для работы рудничного геолога, и окончил академию. Он был первым из русских, кто познакомил меня со своей семьей и между прочим с первым блюдом вкусной русской кухни. Это был мой первый опыт культурного сближения, и мое понимание русского человека все больше стало связываться с сердечностью.

Из той поры в моей памяти сохранился такой эпизод. В первые месяцы работы нам часто приходилось слышать возгласы начальника шахты (его фамилия была Чесноков). Своим низким голосом он говорил: «Ребята! План по добыче горит! Нам нужно еще пару ящиков руды!» Для нас это означало проведение по субботам и воскресеньям так называемых ревизионных работ в штреках участков шахты, в которых задолго до нас вели горные работы наши предки. Вместе с начальником шахты, геологами и работавшими с нами тогда солдатами со счетчиками Гейгера в руках мы выбирали из крепи, состоявшей из отбитой раньше рыхлой массы, оставленную урановую смолку (U_3O_8) с ее срастаниями, укладывали в ящики и откатывали наверх. Такого рода работы объединяли нас, но дружбы в первое время почти не получалось. Слишком разным для нас, как я теперь понимаю, было восприятие послевоенных событий и глубокие, еще свежие семейные переживания. Время расставило все на свои места. Большую пользу принесло мне то, что благодаря

вечерним курсам и ежедневному общению с русскими людьми я быстро и сравнительно хорошо выучил русский язык. Это всегда помогало мне в течение всех последующих лет моей работы на этом громадном предприятии.

В то время рудничная геология переживала бурный прогресс: все, что было известно, — совершенствовалось, а на свет появлялись все новые и новые изобретения. В работу постепенно включилось новое поколение советских и немецких специалистов с высшим профессионально-техническим образованием. К сожалению, уже невозможно вспомнить имена всех тех, с кем вместе мы решали наши общие проблемы, в частности структурной геологии и формирования минеральных комплексов в жилах гидротермальных месторождений в районе Шнееберг-Шлема-Альтенбург. На основе широких исследований рудоконтролирующих факторов целенаправленные усовершенствования были внесены в подсчет запасов, и их результаты последовательно применялись в поисковых, разведочных и очистных работах на месторождениях этого типа. И это привело как к рационализации горных работ, так и к мощному приросту новых запасов. Наше сотрудничество с советскими специалистами было плодотворным и всегда проходило в атмосфере дружбы и добросердечности.

Не забуду одну экскурсию, в которой мне довелось принять участие вместе с видными учеными — геологами из Советского Союза. Это было, наверное, в конце 1950-х гг. Мы плыли по Эльбе, любовались горными пейзажами и сделали остановку на известном скальном массиве Бастай, впечатленные открывающейся панорамой. Профессор Вольфсон — довольно известный в России ученый, сказал нам: «Жаль, что в таком прекрасном ландшафте, как этот песчаниковый массив в долине Эльбы, у нашего металла слишком мало перспектив, чтобы привлечь наше профессиональное внимание». С этим высказыванием из уст столь известного человека согласились все без исключения. Однако спустя всего несколько лет, благодаря нашим работам, в песчанике мелового периода было открыто богатое месторождение и притом такого генетического типа, который до того времени в Германии был неизвестен. Началась интенсивная совместная работа немецких и советских рудничных геологов, гидрогеологов, геофизиков, обогащателей и других специалистов. За эти последние двадцать лет существования нашего предприятия мы изучили условия формирования эпигенетических месторождений с неизвестными в то время свойствами относительно

молодых урановых руд, с их сообществами минералов, радиологическими равновесиями, возникновением микро- и макробарьеров с геохимической точки зрения и в конечном счете дали оценку промышленной рентабельности месторождения и рудопроявления.

Это была незабываемая совместная работа, результаты которой показали, что добывая химическим способом не только уран, но и ряд других металлов, можно добиваться значительно более эффективной эксплуатации их месторождений. Именно этот пример напоминает мне о высказывании Альберта Эйнштейна: «Не логическое

В 1955 г. в четырнадцатилетнем возрасте я пошел учиться на забойщика на каменноугольное предприятие в Цвикау. Обучение рабочей профессии продолжалось три года.

До начала учебы в тамошнем горнотехническом училище (1960 г.) я работал в качестве рабочего забоя на разных участках подземных работ, причем приобрел обширный практический опыт, очень пригодившийся мне позднее.

Ввиду слабых перспектив каменноугольной промышленности ГДР по окончании учебы в 1963 г. я перешел в СГАО «Висмут». Там я работал в 3-м управлении в Карл-Маркс-Штадте (ныне Хемниц). После полугодовой стажировки в 3-м управлении и НТЦ в 1964 г. я ушел во вновь образованный на руднике Шмирхау филиал НТЦ. Моей основной задачей было совершенствование таких способов ведения очистных работ, как поэтажная разработка с обрушением и разработка наклонными подэтажными выработками с закладкой. Позже, после появления первых результатов разведки месторождения Кенигштайн, к ней добавился выбор способа его разработки, чем я главным образом и занимался до 1966 г.

С образованием филиала НТЦ в Кенигштайне мне предложили перейти туда на работу. Решение далось мне нелегко. Причиной моей нерешительности стал футбол. Команда «Висмут — Гера», за которую я выступал, добились права играть в высшей футбольной лиге, и клуб не хотел отпускать меня в Кенигштайн.

Так как в 1964 г. я женился, и мы, молодая супружеская пара с двухлетней дочкой, жили у матери моей жены в Фогтланде, условием принятия решения о моей работе на новом месте стало предоставление нам собственной квартиры. Перспектива ее получения была как в Гере, так и в Кенигштайне, но, поскольку я не очень-то верил в свою спортивную карьеру, мы приняли решение в пользу Кенигштайна.

мышление ведет нас к познанию реального мира, нет, все познание действительности начинается с проделанного опыта и им же заканчивается».

И в заключение я хотел бы выразить пожелание, чтобы в будущем такая работа в международном и межнаучном плане, какая была у нас в годы существования «Висмута», продолжалась на благо объединения народов. Не могу себе представить, как иначе можно в глобальном масштабе удовлетворить необходимый спрос на сырье, и надеюсь, что мировое сообщество вовремя осознает и осуществит это на практике.

Эберхард Мюллер

С мая 1966 г. я стал работать в местном филиале НТЦ. Моя семья все еще жила в Фогтланде, и там я тоже играл в футбол, а после того как было образовано спортивное общество предприятия Пирна-Копитце, от меня потребовали, чтобы я играл и за Пирну. В сентябре 1966 г. ко мне обратился тогдашний директор предприятия с вопросом, когда я, наконец, начну играть в футбол в Копитце. Я ответил, что это произойдет только тогда, когда мне, как было договорено, будет предоставлена квартира для моей семьи! Директор мгновенно принял решение, и через несколько минут я смог зайти к сотруднице, ведавшей этими делами, за ордером на двухкомнатную квартиру! Это было настоящее чудо по тем временам абсолютного дефицита жилья. Чуть позже, в октябре 1966 г., мы, переполненные радостью, смогли въехать в дом по улице Гагарина, 36.

В новом филиале НТЦ в Кенигштайне поначалу было всего два сотрудника. Нам была поставлена задача спроектировать подготовительные выработки на очистном горизонте (по простиранию — штрек VS, по падению — штрек VF и восстающие). После проходки этих выработок и дополнительной разведки появилась возможность уточнить проектирование очистных выработок. В 1968 г. была запущена первая экспериментальная очистная выработка на горизонте 94 м в первом ЕН¹⁹ южнее полевого штрека 94-1. В результате эксперимента была выработана камерно-столбовая система выемки с закладкой, сначала с применением скреперов, а позже — бункерных погрузчиков.

Эта система в разных модификациях, например, с разными вариантами крепи, способами ведения буровзрывных работ и вариантами механизации, такими как комбайны с буровой фрезерной головкой

Э. Мюллер.

¹⁹ ЕН — аббревиатура от Erzhorizont — рудный горизонт (прим. пер.).

и бункерные погрузчики, была определяющей системой выемки до 1984 г.

В 1968 г. была создана рабочая группа, которая занялась проектированием экспериментального блока для выщелачивания руды в рудном массиве. Основой для этого стали данные анализа шахтных вод (рН 2–3, содержание урана < 10 мг/л) и коррозионные повреждения стальной крепи, рудничных рельсов и других стальных деталей. Выявленное позже наличие марказита и пирита (FeS₂) в песчанике в соединении с водой и кислородом вело к естественному выщелачиванию руды в массиве.

С помощью экспериментального блока в хорошо проницаемом кварцевом песчанике, выделенного в блоке 010 восточного полевого штрека 94-1 восточнее кваршлага 94-3, естественный процесс выщелачивания был интенсифицирован. Через закачные скважины висячем и дренажные скважины в лежащем боках кварцевого песчаника на геологической границе со слоем вюрмского песчаника в качестве водоупора были проведены закачки и дренаж раствора.

Раствор представлял собой шахтную воду, которая перекачивалась из водоотливной канавы в задаточные скважины. Дренажный раствор из скважин перекачивался в заполненные смолой вагонетки, в которых и происходил процесс сорбции. Потом обогащенная ураном смола отправлялась на обогатительное предприятие 102 в Зелингштедт и подвергалась там регенерации. После первых положительных результатов с экспериментальных блоков восточная часть горизонта 94 метра была поблочно спроектирована на выщелачивание, пройдена выработками и сдана в эксплуатацию.

Поначалу выщелачивание проводилось под давлением в массиве (магазинированные задаточные траншеи в центре и магазинированные или скважинные дренажные системы на флангах блока). Этот метод был пригоден только для оруденений в кварцевом песчанике и не работал с оруденениями в песчаниках с прожилками и вюрмских песчаниках в перемежающемся залегании. Ввиду этого были проведены дополнительные экспериментальные работы с применением (в зависимости от свойств оруденения) методов выщелачивания под давлением в камерах и гидродинамической инфильтрации (закачка висячем боку через скважины, магазинирование вюрмского песчаника и перемежающихся слоев). Впоследствии эти методы выщелачивания стали основными для кенигштайнского месторождения.

Одновременно с очистными работами камерно-столбовым способом с закладкой, продвигавшимися от горизонта 94 метра как

на юг, в направлении горизонта 135 метров, так и на север, в направлении горизонтов 50 и 25 метров, росла доля выщелачивания. По некоторым участкам блоков, находившимся, как правило, на флангах горизонтов с бедным оруденением, пришлось проводить исследования в отношении характера оруденения, тектоники (трещины), геомеханических и гидрогеологических условий, чтобы выработать концепции соответствующих систем выщелачивания.

К 1984 г. доля выщелачивания возросла до 30 %. Переход к полному выщелачиванию потребовал бы большого объема работ в подземных блоках, а также расширения либо переделки поверхностных. Только на стадии проектирования нам было необходимо провести большие и детальные расчеты, например, таблиц разбуривания для отпалки массивов глинистых пород.

В это время моя мать привезла мне из ФРГ карманный калькулятор Texas Instruments с поистине уникальными возможностями. У нас таких было не найти. Этот калькулятор принес мне массу хлопот. У меня дотошно выспрашивали, откуда он взялся и как попал ко мне из Западной Германии. В ответ на это я выдвигал, в том числе и такой аргумент, что он нужен нам всем для дела и повышает нашу производительность труда. Тем самым мы бьем по капитализму его же оружием. Ответа на это я не получил. В 1990 г. я обнаружил в моем личном деле документ о наличии у меня этого калькулятора.

После перехода на полное выщелачивание работа филиала НТЦ была сконцентрирована на повышении эффективности блоков, эксплуатация которых либо уже велась, либо еще только планировалась, например, за счет ревизии блоков и проведения экспериментальных работ в северной части месторождения Тюрмсдорф. В конце 1980-х гг. были проведены первые исследования по санации месторождения Кенигштайн по окончании процесса выщелачивания, о чем в то время по-настоящему никто и не задумывался. Однако в связи с переменами 1989–1990 гг. и выходом постановления о прекращении добычи урана этот вопрос стал одним из первоочередных.

Из многочисленных вариантов решения вопроса санации, сопровождавшихся иногда противоречивыми друг другу экспертными заключениями, было выбрано управляемое затопление месторождения Кенигштайн через систему контрольных штреков. Для уточнения параметров процесса в северной части месторождения было подготовлено и осуществлено экспериментальное затопление в районе бывших блоков выщелачивания.

Сформированный в 1995 г. менеджмент проекта «Затопление», основываясь на данных дополнительного моделирования и расширения эксперимента, в 2000 г. разработал уточненное предложение по затоплению рудника Кенигштайн. После того как было одобрено предложение провести его до уровня в 140 м над уровнем моря, в январе 2001 г. затопление началось.

Моя профессиональная деятельность завершилась в 2004 г. с наступлением пенсионного возраста. По прошествии времени могу сказать, что я охотно ходил на работу в СГАО «Висмут», и мне никогда не было скучно, поскольку постоянно приходилось

Свою дорогу к горному делу я нашел благодаря минералогии, которой я был увлечен еще ребенком. Первый опыт работы под землей я получил на каменноугольном предприятии «Вилли Агатц», где впервые встретился с горняками «Висмута», которые вели там разведочные горные работы. В начале 1967 г. после окончания Фрайбергской горной академии я стал работать в Кенигштайне. Главным инженером в то время был Н. Д. Иванов. Уже через год я стал руководителем группы по технике, а значит, и ответственным за разработку плана по науке и технике. В мои обязанности также входило внедрение рационализаторских предложений и испытание новых изобретений. В этом мне помогали советские товарищи Зябрев и Придорогин, ставший вскоре главным инженером, а позднее и товарищ Машин, с которым я поддерживал и личные контакты.

Особый упор я делал на применение новой техники. По согласованию с производственным управлением мы составляли комбинации агрегатов, необходимых для оптимального технологического процесса. На проходке длинных штреков применялись прежде всего бункерные погрузчики, а в коротких очистных забоях — мощные советские скреперы серии LS-2S. Более крупногабаритные модели 55 LS-2S были эффективны чаще всего в режиме групповой эксплуатации. Другим основным направлением работы было проектирование и оснащение горизонта 50 метров. За подготовку взялся коллектив новаторов, в который входили рабочие участка шахты и молодые инженеры из всех специализированных отделов. Особо следует упомянуть инженеров Боммхардта и Альбрехта. Последний позже стал оберштейгером предприятия. Помогал нам советский технолог Галемин. Мне удалось добиться экономии затрат на подготовку основного горизонта

решать новые интересные и разнообразные задачи.

В процессах подготовки, разработки концепций и проектирования я тесно сотрудничал с советскими специалистами, часть из которых работала в филиале НТЦ. У них я многому научился, в особенности по части проектирования буровзрывных работ и расчета технических параметров для выщелачивания. Особо я хотел бы отметить товарища Тимофеева — отличного специалиста по выщелачиванию и буровзрывным работам. Контакты с советскими специалистами я поддерживал и вне работы, особенно в области спорта.

Герхард Альтманн

и центральной трассы на очистном уровне. Одновременно была проведена типизация очистных блоков. За счет применения длинных транспортеров в комбинации с дизельными тракторами получилась эффективная система транспортировки руды. Такие трассы стали позднее действовать по всему руднику от горизонта 25 до горизонтов 135 и 165 метров. Впоследствии главные инженеры Джангирьянц и Афанасьев поддержали это начинание. Третьим основным направлением стало применение буровой техники.

В 1975 г. я стал техническим директором, что означало расширение круга моих задач и прежде всего в направлении обеспечения эффективности капитальных вложений. Большое значение я придавал сотрудничеству с Проектным предприятием, механическими заводами и Научно-техническим центром. Со временем сеть горных выработок значительно расширилась. Это привело к возникновению новых проблем, особенно на начальной и конечной стадиях технологического процесса. Так, например, пришлось расширять системы подачи сжатого воздуха, закладочное хозяйство и водоочистку. Особенно тесное сотрудничество с советскими специалистами было у нас в области гидрогеологии. Большую помощь мне оказывал товарищ Дудукалов.

По мере углубления шахт росла потребность в свежем воздухе, а значит, нужно было создавать новые вентиляционные выработки. Для этого была применена буровая техника большого диаметра с возможностью бурения до дневной поверхности. Скважины диаметром в 2,4 метра были обнесены трубами, а специалисты технического управления запрессовали в кольцевые пустоты до целика колькрет-бетон (цементно-песчаный раствор). Это позволило воспрепятствовать притоку воды в сеть подземных выработок. В это время моими заместителями были советские

Г. Альтманн.

товарищи Смирнов, Спиридонов и Васильченков, с которыми у меня сложились хорошие отношения.

В 1981 г. на основании экономических расчетов было принято решение полностью перевести предприятие на химический способ добычи руды. С самого начала я был привлечен в рабочую группу, собранную для подготовки этих работ. Моей задачей было обеспечить транспортировку существенно возросших объемов раствора, а также расширение обогащения при условии минимизации затрат. Важные советы по этим вопросам давал мне главный инженер Василий Дорожкин.

В осуществлении этих капитальных работ в 1981–1983 гг. в условиях непрерывного производства участвовали проектное предприятие, машиностроительные заводы Ауэ и Кайнсдорф, а также предприятия ГДР и СССР. Ежемесячно под руководством заместителя генерального директора товарища Гепеля, а в его отсутствие — доктора Андрева проводились оперативные совещания, на которых мне поручалось ведение протокола и осуществление контроля за выполнением принимавшихся решений. Переход на полное выщелачивание произошел 1 января 1984 г. в полном соответствии с планом.

При таком резком изменении производственных процессов естественно не обошлось и без проблем. Например, выяснилось, что технические агрегаты, повсеместно применяемые в то время в ГДР, не в состоянии проводить взрывы мощностью в 180 тонн. Я дал указания специалистам из технического отдела, и они разработали устройство задержки иницирования взрывов, после чего взрывные работы пошли без сучка и задоринки.

Еще одна проблема заключалась в том, что головные части сорбционных колонн старой конструкции имели слишком малую пропускную способность. Для ее решения наш главный инженер Гаврилов, с которым у меня были очень хорошие отношения, так как помимо работы нас объединял большой интерес к русской истории, посоветовал мне съездить в командировку в узбекский г. Навои. Там я познакомился с товарищем Опланчуком, который помог придать моим мыслям нужное направление, и мы с проектным предприятием разработали соответствующее конструктивное решение.

Растущие объемы отработанного шлама потребовали применения советских фильтр-прессов, благодаря чему стало возможным направлять остатки с фильтров непосредственно в отвалы пустой породы.

Параллельно с выполнением плана необходимо было соблюдать качество чистой воды, сбрасывавшейся в водосборные колодцы. Между тем в случае попадания, напри-

мер, при прорыве трубы, выщелачивающего раствора в шахтную воду существующая на тот момент система очистки не смогла бы справиться с ситуацией. Благодаря тесному сотрудничеству отдела выщелачивания и Водного ведомства удалось установить две действовавшие независимо одна от другой системы контроля, которые давали возможность немедленно обнаруживать нарушения и принимать контрмеры.

Несмотря на политические перемены 1989–1990 гг., мои знания и опыт в области горного дела по-прежнему были востребованы. Я остался членом руководства предприятия и был назначен начальником отдела охраны окружающей среды, а также уполномоченным по аварийным ситуациям. По мере постепенного перехода к санации я вместе с К.-Х. Боммхардтом и Э. Мюллером в 1991–1993 гг. принимал активное участие в разработке документации этого процесса, которая в общих чертах действует и по сей день.

Мне хотелось бы здесь сказать несколько добрых слов о нашем директоре предприятия Герхарде Братфише. Во время моей работы на Молодежном горнодобывающем предприятии Кенигштайн он всегда служил для меня примером и принимал участие в становлении моей профессиональной карьеры. Его умение направить в нужное русло силы всего коллектива предприятия на решение важнейших вопросов сыграло важную роль в том, что именно Кенигштайн внес решающий вклад в выполнение общих задач СГАО «Висмут».

Мальчиком он пережил ужасы войны и с тех пор стал активным борцом за мир, вступив в только что образовавшийся Союз свободной немецкой молодежи.

В профессиональном отношении Герхард начал свой жизненный путь учеником на предприятии по добыче каменного угля, где получил необходимые знания и опыт для того, чтобы справляться с тяжелой работой горняка. В профессиональном училище в Цвиккау он получил специальность горного техника, и уже в 1962 г. был назначен директором предприятия по добыче каменного угля «Вилли Агатц».

В 1968 г. на это предприятие обратило внимание СГАО «Висмут» по причине обнаружения там уранового оруденения и приняло рудник в свой состав. Годом позже Г. Братфишу было поручено руководство горнодобывающим предприятием Кенигштайн, и он стал его бессменным руководителем вплоть до ухода на пенсию. Постепенно он сумел сплотить вокруг себя коллективединомышленников, способных решать не только текущие, но и перспективные задачи. За многочисленные трудовые заслуги

сам Братфиш неоднократно был отмечен высокими наградами, в том числе званием «Заслуженный горняк ГДР», а руководимому им предприятию была вручена высшая награда ГДР — орден Карла Маркса.

В 1980 г. Герхард Братфиш одним из первых понял, что горнодобывающее предприятие Кенигштайн могло удержаться на плаву только путем полного перехода на химический способ добычи руды. Свою позицию он решительно отстаивал, несмотря на сопро-

тивление с разных сторон. В результате введения в Кенигштайне новой технологии уран стал добываться более эффективно, хотя его среднее содержание (530 г на тонну руды) было существенно ниже, чем в среднем по «Висмуту».

В 1991 г. Герхард Братфиш вышел на пенсию. Вскоре он тяжело заболел и в апреле 2009 г. скончался. Многие из его бывших сотрудников навсегда сохраняют память о нем в своих сердцах.

Карл-Хайнц Боммхардт

Карл-Хайнц Боммхардт. Родился в 1936 г. В 1955–1991 гг. работал в «Висмуте»: сначала окатчиком, потом — учеником забойщика, а позже стал геофизиком. После окончания горнотехнического училища в Брайтенбрунне был штейгером, проектировщиком, технологом и управляющим производством на предприятиях Шмирхау, НТЦ и Кенигштайн.

Воспоминания о работе в «Висмуте»²⁰

Я и сейчас умею пользоваться мини-счетами, правда, со значительно меньшей скоростью. Этот способ вычисления понравился мне до такой степени, что на одном из базаров в Советском Союзе я выторговал себе один экземпляр счетов.

Встреча с товарищем Горбачевым. 1959 г.²²

Помню несколько эпизодов с моим участием, произошедших во время стажировки.

Свое первое задание я получил вместе со стажером Гюнтером. В первую неделю сентября мы встретились с товарищем Горбачевым. Тогда эта фамилия еще не была так известна. К тому же, звали его Николай, а не Михаил. По натуре это был борец, добивавшийся всего. Его только что назначили главным инженером, и, пока он входил в курс дела, то прежде всего хотел разобраться с важным блоком 31. В этом вопросе наши цели полностью совпадали. Руда в этом блоке залегала в бывшем охранном целике только что ликвидированной шахты № 356, а остававшиеся в нем запасы блокировали разработку более крупных запасов нижележащих горизонтов. Как всегда в жизни: где поджигает, там жди все новых и новых неприятностей. Так и здесь: плановые сроки завершения работы уже давно прошли, а мы еще пытались спасти то, что еще было возможно. Надо сказать, что удалось это нам лишь частично, несмотря на активную поддержку со стороны товарища Горбачева, уже тогда располагавшего широкими полномочиями, да такими, о которых мы, мальчишки, даже мечтать-то не отваживались.

К.-Х. Боммхардт.

Сержант со счетами. 1955 г.²¹

С большим удовольствием я вспоминаю случай с одним сержантом из отдела подсчета запасов руды. В СГАО «Висмут» для всех расчетов применялись ручные арифмометры типа «Триумфатор». Видимо, фирма «Рейнметалл-Земмерда» — бывшее предприятие СГАО «Висмут» — поставило своему головному предприятию свою продукцию на год вперед. Многие сотрудники в отделе нормирования и в маркшейдерской службе владели ими виртуозно и применяли разные маленькие хитрости, например, на цифрах больше семерки десятичный разряд сдвигался вперед, а ручка арифмометра проворачивалась назад. Но у сержанта арифмометра не было, да он и не хотел им обзаводиться. Он предпочитал пользоваться «сталинской арфой». Это было чудооружие для ликвидации безграмотности в первые годы существования Советского Союза, называлось оно «счеты» и вычисления с его помощью входило в учебные планы. Вплоть до 1980-х гг. ни одно торговое предприятие в Советском Союзе не обходилось без них. Они очень походили на счетные доски с шариками, какими я пользовался еще первоклассником. Но, в отличие от них, на счетах можно было не только складывать и вычитать, но и умножать и делить. Окраска передвигавшихся костяшек в разные цвета облегчала обзор. Эксперты, работая на счетах, делали вычисления с невероятной скоростью и пользовались для перекидывания костяшек всеми десятью пальцами. Сержант растолковал мне, как обращаться со счетами, и я очень быстро этому научился.

²⁰ Karl-Heinz Bommhardt. Im Schatten der Heidecksburg. Greifenverlag. © Karl-Heinz Bommhardt, 2010.

²¹ Из книги 2 («Приговоренная деревня»).

²² Karl-Heinz Bommhardt. Im Schatten der Heidecksburg. Greifenverlag. © Karl-Heinz Bommhardt, 2010.

**Главный инженер товарищ Ильиных.
1965 г.²³**

Преемником Горбачева был товарищ Ильиных. Он был крупный, сильный и уже в солидном возрасте. У него была массивная голова, которая то и дело багровела, когда он приходил в ярость. Эта багровость проявлялась особенно ярко, потому что у него была внушительная лысина, которую украшали по краям редкие, едва заметные волосинки. За нее он получил кличку Lockenkopf. Как-то раз он обратился к начальнику заводского завода, хорошо говорившему по-русски и бывшему с ним в хороших отношениях, а для еще юных дипломированных инженеров он был, как отец. Так вот, однажды он спросил: «Ганс, а что такое Lockenkopf?» В русском языке нет дыхательного звука [h]²⁴, чаще всего он заменяется в русском звуком и буквой «г» — и поэтому из Ханса получается Ганс. Милый Ханс сильно засмутился, его лицо тоже приобрело красноватый оттенок, но в итоге он все же вынул голову из петли. Он ответил: «Lockenkopf — это когда у человека вьются волосы». Товарищ Ильиных сказал на это: «Ох, а я думал, что это какое-то ругательство в мой адрес».

**Этот трудный немецкий язык.
1978 г.²⁵**

На советско-германских совещаниях, проводившихся без переводчика, я постоянно замечал, что мой заместитель записывает приводившиеся числа в своеобразном порядке. Например, цифры в числе 343 он записывал в последовательности 3-3-4, то есть 3 сотни, 3 единицы, а потом между этими двумя тройками ставил четверку как обозначение десятков. Все дело было в особенностях немецкого счета. В русском и английском языках цифры произносятся в порядке значимости: триста сорок три, и только в немецком языке сначала идут сотни, затем — единицы и лишь потом — десятки. Смешно было и тогда, когда Анатолий называл соединения водорода. H₂S звучало у него как «аш²⁶-два-эс». Причина, как я уже говорил, в отсутствии в русском алфавите дыхательного звука h. А поскольку химическая формула сероводорода на всех языках одинакова — H₂S, то решено было пользоваться английским названием буквы H, то есть — «эйч». Сотрудникам, не знакомым с английским языком, понять это было трудно.

23 Из книги 2 («Приговоренная деревня»).

24 Такой звук издается при согласии выполнить требование «А ну, дыхни!» (прим. пер.).

25 Из книги 3 («В жерновах планового хозяйства»).

26 В русской традиции принято пользоваться французским названием этой буквы — «аш» (прим. пер.).

**Пятьдесят лет советской власти
и влияние ислама²⁷**

В должности руководителя группы проектирования в отделе работал Юнус. Как и все советские сотрудники в то время, он был членом КПСС. Происходил он с Северного Кавказа, из окрестностей Пятигорска. У него были своеобразные предпочтения при выборе еды. Бросалось в глаза, что он избегал любой пищи, для приготовления которой использовалось свиное мясо. Сардельки — основное немецкое блюдо (боквурст) в перерыве на завтрак — он съедал только после того, как его заверяли, что они изготовлены из телятины. Но так полагалось по установленной рецептуре. На практике же использовалась свинина. История с сардельками показала нам, насколько Юнус был пропитан идеями пророка Мухаммеда. И это, несмотря на 50 лет советской власти и партбилет КПСС. Мухаммед запрещал своим последователям есть свинину. Это было не какой-нибудь каверзой, а всего лишь заповедью гигиенического благоразумия в жарких странах Востока.

Не соответствовала социалистическим отношениям у сотрудников с Северного Кавказа и роль женщины. Анатолий, будучи чеченцем и правоверным мусульманином, в своем доме был господином. Его жене приходилось безропотно вести очень сдержанный образ жизни. На людях она показывалась очень редко.

**Советский бургомистр Копитца.
1980 г.²⁸**

Советские сотрудники горнодобывающего предприятия Кенигштайн жили в районе-новостройке Пирна — Копитца. Их распределяли по разным секциям, и они жили в тех же подъездах, что и немцы. Свое свободное время они проводили преимущественно в советском клубе на окраине поселка. Там были помещения для собраний, комнаты для занятий художественной самодеятельностью и спортом и сауна. Буфет отвечал за специальное снабжение (например, экспортные марки пива, дефицит). Советские сотрудники из некоторых отделов включались в жизнь бригад. Были у них, правда, и строгие обязанности. На участие в мероприятиях бригады надо было спрашивать разрешение бургомистра (на это обычно сосватывали главного инженера — он был самым старшим по рангу советским сотрудником). Разрешения, однако, ограничивались по времени. Выход с мероприятия для наших советских друзей прихо-

27 Из книги 4 («Жить и работать в ГДР»).

28 Из книги 4 («Жить и работать в ГДР»).

29 Из книги 5 («Что стало потом»).

дился чаще всего на 22:00, реже — на 23:00. Перед выходом из здания уже стояла машина предприятия, и сотрудники задолго до этого начинали проявлять нервозность. Это был знак, что время их присутствия истекает. Ни при каких условиях они не собирались превышать установленный для выхода лимит времени. У нас же это всегда вызывало некоторое недопонимание. Но существовал строгий кодекс поведения, который соблюдался неукоснительно.

**Германо-советское сотрудничество.
Оценка 2009 г.²⁹**

Вспоминая события более чем двадцатилетней давности, могу сказать, что в отношениях немецких сотрудников между собой

и с советскими коллегами различия были несущественные. Соблюдение служебной иерархии я никогда не считал проблемой. Шеф он и есть шеф, и неважно, кто он — германский гражданин или советский. Нюансы различий проявлялись в менталитете: советские сотрудники зачастую отличались большим упорством. Хотя иногда это могло действовать на нервы, но не всегда было чем-то негативным. Своим открытием месторождение Кенигштайн, к примеру, обязано именно упорству одного советского геолога, который буквально бился за эту разведочную скважину, когда уже последнюю буровую бригаду должны были снять с нее.

ВОСПОМИНАНИЯ. ИНТЕРВЬЮ. ПУБЛИКАЦИИ**Харри Деннерт и Арнольд Райниш****Самый важный опыт старшего поколения**

Уважаемые ветераны общества «Висмут», дорогие коллеги и друзья!

Сердечный привет вам от немецких ветеранов «Висмута»!

Особый привет нам хочется передать обществу сохранения висмутовских традиций в Москве³⁰.

Здравствуйте, ветераны-висмутяне, все бывшие коллеги и друзья из России, Украины, Белоруссии, автономных республик Кавказа, стран Средней Азии и автономных областей бывшего Советского Союза, с которыми мы жили в дружбе, и вместе, конструктивно и успешно, работали в течение более четырех десятилетий.

Нам особенно приятно отметить, что в вашу книгу, наряду с производственно-техническими успехами САО (СГАО) «Висмут», включена глава о дружественных связях и совместно прожитых годах немецких и советских сотрудников наших предприятий, поскольку таким образом сегодняшней молодежи будет передан важный жизненный опыт нашего поколения.

* * *

На предприятиях САО (СГАО) «Висмут» в течение свыше 45 лет работали многие советские геологи, геофизики, горняки, технологи, химики, экономисты, проектировщики и другие ученые из различных институтов и академий, часто по несколько раз. Без этих специалистов было бы невозможно достичь столь успешного развития той отрасли промышленности, в состав которой входил «Висмут».

В первые послевоенные годы особенно чувствовалась серьезная нехватка немецкого персонала. Большинство из нас пришли работать в «Висмут», будучи новичками. Нам требовалось сначала ознакомиться с азами профессии горняка, а затем, получив среднее специальное или высшее образование, постепенно становиться специалистами в своем деле.

И именно в эти трудные первые годы советские сотрудники помогали нам словом и делом. Те из нас, кто пережил это время, навсегда сохраняют в памяти бескорыстные помощь и поддержку, которые они нам оказывали. Это послужило важной предпосылкой того, что «Висмут» стал крупнейшим горнодобывающим предприятием Европы.

Совместные усилия немецких и советских сотрудников САО (СГАО) «Висмут» по выполнению планов предприятия и обеспечению научно-технического прогресса в отрасли позволили развиться прочной дружбе, которая может служить примером сотрудничества представителей разных народов.

Учиться у лучших и помогать друг другу — это были не просто прописные истины.

30 Речь идет о некоммерческом партнерстве «Висмутяне» (прим. Г. Г. Андреева).

Шахта Глюк Ауф в Бранд-Эрбисдорфе под Фрайбергом (1949 г.).

Для нас дружба с нашими коллегами из СССР остается кровным делом в прямом смысле этого слова, это чувство следует уважать и его нельзя дискредитировать.

Конечно, с нынешней точки зрения некоторых аналитиков, развитие Советско-Германского общества «Висмут» в первые годы после войны, протекавшее в условиях послевоенной разрухи и сложной внешнеполитической обстановки, было далеко не всегда безупречным. Это были трудные годы. Однако, благодаря воле и усилиям большинства сотрудников, мы всегда двигались вперед, что и привело в конечном итоге к успеху.

Кривить сегодня нос, говоря о событиях тех лет, очень просто. Но решать в те времена столь серьезные вопросы становления огромного предприятия, располагая весьма ограниченными возможностями, — это была поистине гигантская задача! Исходя из накопленного опыта, было бы интересно узнать, как бы критики «Висмута» и всезнайки, появившиеся после перестройки, справились бы с этими проблемами?

И тем приятнее сознавать, что в последние годы в Германии множатся голоса людей, признающих вклад СГАО (СГАО) «Висмут» в обеспечение ядерного равновесия и сохранения мира на земле.

Эта тема, а также высокая оценка научно-технических достижений СГАО «Висмут» прозвучали в частности в выступлении пастора г. Шлемы при возложении венков погибшим горнякам-висмутянам в ходе празднования Дня шахтера в 2006 г. в Шлеме. Два года спустя в том же городе бургомистр г. Шнееберг в своей благодарственной речи отметил самоотверженность работников «Висмута» в создании рабочих мест для многих сотен немцев, потерявших во время войны свои дома и семьи, а также в строительстве жилья и улучшении социального положения горняков.

Доброе сотрудничество немецких и советских специалистов было бы невозможно представить себе без дружественных контактов между конкретными людьми. И как раз этому нам и хотелось бы посвятить несколько строк.

Встречи и мероприятия трудовых коллективов (бригад или отделов) всегда были общими праздниками. Нам нравились совместные вылазки в любое время года, когда мы устраивали пикники на природе. Некоторые специалисты вместе ездили на охоту, отправлялись в лес за грибами. Мы вместе ходили на первомайские демонстрации, вместе встречали высоких гостей.

Кульминацией общественной жизни были вечера, подготовка и проведение которых также требовали совместных усилий советских и немецких коллег. Мы играли

в командные игры, танцевали и, конечно, поднимали тосты. Каждый из нас, даже совсем не владевший русским языком, мог произнести: «За здоровье, товарищи!»

Нередкими были и спонтанные мероприятия. Так, однажды, горный отдел Проектного предприятия организовал убой свиньи для пикника. Когда же в более поздний час у всех появилось желание поесть пельмени, то на кухне вместе с поваром оказались и сотрудники с обеих сторон. Вечер прошел на ура.

Настоящим событием становились празднества по поводу завершения своего пребывания в «Висмуте» и отъезда домой кого-либо из советских специалистов. Тут и отъезжавшая семья, и соседи готовили, пекли, жарили. В конечном счете в квартире за празднично накрытым столом могло разместиться несколько десятков гостей.

Во время проводов в коротких выступлениях коллег отъезжающему давалась оценка и как специалисту, и как человеку, затем пели песни, происходил обмен памятными подарками и, конечно же, выражались пожелания здоровья и благополучия на будущее. У многих в памяти оставались не только сами проводы, но и большая голова на следующий день.

Во время своего пребывания в ГДР наши советские коллеги жили с нами по соседству, и между нашими семьями быстро устанавливались хорошие отношения. В Гере-Библахе — районе, который строился в основном для работников «Висмута», в соседних домах вместе с немецкими горняками с Объекта 90, специалистами Объекта 17 и перерабатывающего предприятия 102 проживали и специалисты из СССР. Многие немецкие и советские семьи приглашали друг друга в гости по торжественным случаям или на экскурсии. Например, в школе горняков в Гере мы вместе отмечали Новый год. При этом существовал особый ритуал: в 22 часа мы поздравляли советских сотрудников, а в 24 часа — они нас с наступившим Новым годом.

Жены сотрудников перерабатывающего завода 102 собирались в Гере-Библахе на совместные посиделки за чаем или кофе с пирогами. При этом руководила всем жена Виктора Дородного — сотрудника, работавшего в то время в плановом отделе Объекта 102, и, поскольку она преподавала немецкий язык советским женщинам, языковых проблем на таких вечеринках не возникало.

В лаборатории завода 102 в то время работали молодые химики из СССР. Когда в семье одного из них родился ребенок, наши женщины во время встречи за чашкой кофе тут же принялись обмениваться мнениями и советами по поводу питания и одежды для новорожденных.

Незабываемыми остаются и совместные встречи в семейном кругу после возвращения кого-нибудь из отпуска. Мы обменивались впечатлениями и сувенирами. Часто доводилось попробовать что-нибудь необычное, например, фрукты, специи, блюда и напитки из страны, где проводился отпуск. При этом случались веселые казусы. Однажды наш советский коллега решил для угощения гостей самостоятельно изготовить квас. Однако избыточное давление в кастрюле на плите досрочно завершило все его приготовления.

Вместе мы не только праздновали, но и в случае необходимости были опорой друг для друга в трудных жизненных ситуациях. Как-то серьезно заболел один немецкий сотрудник 102-го завода, и его прооперировали в больнице Геры. Шли дни, недели, а улучшения не наступало. Тогда его коллега и друг Григорий Безуглый, узнав об этом, позвонил Борису Карпенко — начальнику планового отдела Генеральной дирекции — и добился, чтобы этой больнице была оказана помощь со стороны медперсонала советского военного госпиталя в Карл-Маркс-Штадте. Благодаря совместным усилиям врачей пациент вскоре выздоровел.

На 102-м заводе в г. Зелингштедт длительное время работал Н. Акопчян — армянин, также проживавший со своей женой в Гере-Библахе. У своих коллег он пользовался уважением за умение организовать поездки на природу и за свой южный темперамент. Долгое время его мучили боли в груди. Когда в один из выходных дней его на скорой помощи увезли в больницу, то весь поселок тут же узнал об этом. Соседи и коллеги переживали, не инфаркт ли у него. Однако в начале следующей недели все успокоилось, узнав, что у него удален аппендицит, и он поправляется.

Таких событий не перечислить, просто эти — произвольно выхвачены из жизни, и воспоминания о них можно было бы продолжать бесконечно. Множество аналогичных примеров могут привести и другие наши сотрудники со всех Объектов «Висмута» — а Объектов было много!

Чтобы почувствовать размах предприятия, достаточно взглянуть на его структуру, на перечень действовавших в Саксонии и Тюрингии разведочных и эксплуатационных Объектов, которые в свою очередь подразделялись на шахты и шахтоуправления.

Надеюсь, что эти воспоминания помогут в вашей работе над книгой, в которой молодежи наших стран будет рассказано, может быть, о самом важном опыте старшего поколения. Если наши народы будут тесно сотрудничать на благо обеих стран, уважая друг друга, то будут обеспечены мир и благополучие для всех!

*Die Wismut hat uns einst ernährt,
war unser Brötchengeber.
Nun sind wir auf dem Altenteil
und reden nur noch drüber.
Bei Ronneburg war einst ein tiefes Loch,
und vier hohe Kegelhalden
prägten die Gegend, doch
nichts davon bleibt erhalten
Warum auch?
Wir wollen mit unsrer Verwandtschaft,
mit guten Freunden und lieben Gästen
spazieren durch blühende Landschaft.
Der Weg führt von Gera durchs Gessental,
das ist zu jeder Jahreszeit schön.
Sind wir in Ronneburg angekommen,
gibt es viel Neues zu sehn.
Das Tagebaurestloch — seht euch nur um —
gibt es nicht mehr, statt dessen ein Atrium
mit 10 m hohen seltenen Bäumen,
dort können unsere Enkel noch träumen.
Die Kanten der Halden fügen sich
natürlich ein, es gibt keine Lücken,
dafür eine Bogenbrücke und einen Aussichtsturm,
um alles zu überblicken.
Seid unsere Gäste im Jahr 2007
dann seht ihr es ganz genau:
Treffen wir uns wieder in Gera und Ronneburg
zur Bundesgartenschau.*

*Когда-то «Висмут» дал нам хлеб,
другое пропитание.
На старческой скамье взахлеб
живем одним воспоминанием.
Близ Роннебурга был глубокий лаз
и четыре высоких вершины —
привлекательной делали местность для глаз,
но ничто не осталось в помине.
Да и зачем?
Мы ведь хотим с родными и близкими,
с хорошими друзьями и туристами
наслаждаться цветущим ландшафтом.
Мы из Геры идем через весь Гессенталь,
здесь это чудесно в любой сезон.
Придя в Роннебург, если ты не устал,
увидишь, как он обновлен.
От глубокой дыры — кинь ты взор наобум —
ничего не осталось, только центр Атриум.
Среди редких деревьев 10 м высотой
там еще помечтать смогут внуки порой.
Терриконы теперь постепенно сближаются,
не остается меж ними пробелов,
зато арочный мост и смотровая вышка
позволяют увидеть все смело.
Если вы наши гости в 2007 году,
то смотрите внимательно:
в Роннебурге и Гере мы встретимся вновь
на выставке сада весьма занимательной.*

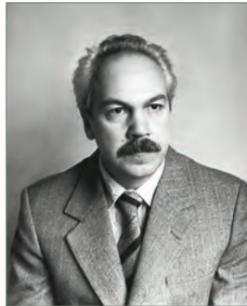
8 марта 2010 г., Хемниц, район Грюна.
Перевод Б. Лашкова.

В. Казаков и Н. Овчинников — сотрудники из г. Нидерпелель (1951 г.).

Борис Петрович Лашков

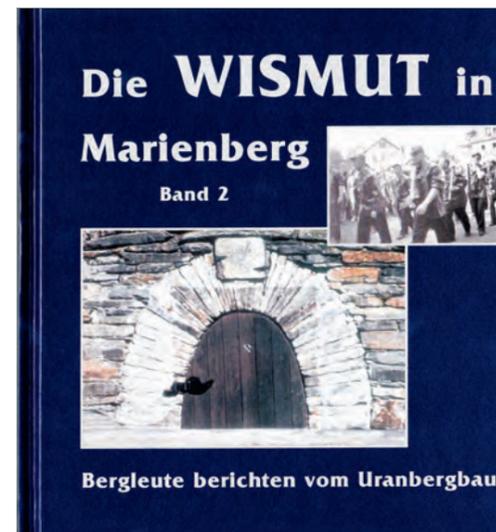
О книге Рольфа Ланге «Висмут» в Мариенберге» и о судьбах двух горняков⁴⁰

Б. П. Лашков.

В последние годы появилось немало публикаций на немецком языке о добыче урана и деятельности «Висмута» в ГДР. В то же время, как ни странно, на русском языке о «Висмуте» практически ничего нет до сих пор. В Германии издаются книги, собираются конференции, как например, в 2011 г. в Хемнице, молодые историки пишут диссертации. В некоторых публикациях объективность иногда страдает от смещения акцентов в негативную сторону. На мой взгляд, книга Рольфа Ланге «„Висмут“ в Мариенберге» справедливо и объективно, на примере небольшого месторождения, оценивает вклад советских и немецких сотрудников в сложный, тяжелый, поначалу даже опасный, но необходимый процесс становления уранового горного дела в Рудных горах после окончания войны.

Знакомясь с этой книгой, любезно подаренной мне автором, я обнаружил помещенные во втором томе интересные и подробные биографии и воспоминания пяти немецких сотрудников «Висмута», относящиеся к первым послевоенным годам. Только что закончилась война; те, кому повезло, возвращаются домой, чаще из плена, и вот теперь они нанимаются на работу к своим бывшим противникам. Стало ясно, что хотя бы два из этих воспоминаний должны быть представлены и в нашей книге с тем, чтобы историческая картина была более объективной и полной.

Книга Рольфа Ланге «Висмут» в Мариенберге», том 2.

Немного о самой книге «„Висмут“ в Мариенберге» и ее авторе. Рольф Ланге, будучи местным жителем, уже много лет занимается историей Мариенбергского горного дела, опубликовав ранее исследование

«Горнорудные работы на флюорит в Мариенберге в Рудных горах». Его следующее фундаментальное исследование добычи урана в районе Мариенберга, касающееся деятельности «Висмута» в регионе, состоит из двух томов. В первом томе «Горное дело и геология», написанном совместно с профессиональным геологом Акселем Хиллером, хорошо ориентирующемся в русских архивах благодаря знанию языка, рассматриваются вопросы геологии, разведки и добычи урана в Мариенберге. Там также нашли свое место и социальные аспекты, интересные для раннего этапа уранового горного дела, а также особые обстоятельства урановой горнодобывающей промышленности, такие как секретность, безопасность, значение урана для Советского Союза в атомном вооружении.

Во втором томе «Горняки рассказывают о добыче урана» приводятся воспоминания немецких горняков. В предисловии ко второму тому автор Рольф Ланге пишет: «Урановый рудник СГАО (СГАО) „Висмут“ в районе Мариенберга-Волькенштайна существовал лишь короткое время. В феврале 1947 г. горняки начали подготовительные работы, и в конце 1954 г. в шахту № 45/139 в Лауте спустилась последняя смена. Урановая руда в этом регионе была отработана, то есть полностью изъята из земли.

В конечном итоге Мариенбергские горные предприятия поставили 121 тонну урана. По сравнению с 231 тысячей тонн урана, которые огромный концерн горнодобывающей промышленности «Висмут» добыл до 1990 г. на юге ГДР, Мариенберг представляется мелким месторождением. Если же рассматривать это с исторической точки зрения, то в сороковые годы, когда богатые месторождения в Тюрингии еще не были известны, каждая отдельная тонна урана имела для Советского Союза большое военное значение».

Поэтому придавая большое значение этому Объекту и признавая, что в силу строжайшей секретности осталось мало документов и фотографий из того раннего этапа «Висмута», Рольф Ланге во втором томе предоставляет место воспоминаниям бывших сотрудников Объекта 5. Среди них — воспоминания Вернера Дителя, Мартина Тоста, Петера Петраша, Вальтера Богша и почти документальные экспрессивные рисунки с текстами Хайнца Тапперта — взрывника, погиб-

⁴⁰ Rolf Lange. Die Wismut in Marienberg. Band 1: Bergbau und Geologie. Band 2: Bergleute berichten vom Uranbergbau. Venusberg-Spinnerei, 2006.

шего в шахте результате несчастного случая.

Вернер Дитель по праву может считаться одним из первых немецких специалистов «Висмута» в Фогтланде и Рудных горах: на его рабочем удостоверении стоит номер 141. Он поместил во втором томе свои воспоминания о работе в СГАО «Висмут» в Лауте с 1947-го по 1954 г. А в составе специальных частей Советской армии он начал работу в урановой отрасли еще раньше — с 11 ноября 1946 г.

Рольф Ланге приводит его краткую биографию: «Родившийся 17 сентября 1923 г. в Ауэрбахе (Фогтланд) в семье шахтного мастера, он принадлежит к тому поколению молодых людей 1923 года рождения, многие из которых не вернулись домой со Второй мировой войны. Ему повезло, он остался жив. После начальной школы Вернер Дитель с 1938 по 1941 г. посещает техникум в Плауэне и выдерживает экзамен на техника-геодезиста. Конечно, при выборе профессии пожелания отца и его работа сыграли свою роль. Получивший хорошую профессию и подготовленный к жизни молодой специалист-геодезист получает свое первое место работы в Брюксе (Богемия). Несмотря на свою юность, он становится начальником строительства. Призванный на военную службу, он воевал в Советском Союзе и Франции и попал в плен, где находился до 1946 г.

Возвратившись домой в Фогтланд, он уже осенью 1946 г. отправляется в руководимое советскими специалистами Саксонское горное управление — предшественник «Висмута». После безуспешных поисков работы в Фогтланде он в феврале 1947 г. командирован в Мариенберг. Солидная профессиональная подготовка дала ему здесь серьезное преимущество. Лавинообразно расширяющаяся горнодобывающая промышленность нуждалась как раз в таких специалистах. Вернер Дитель добивается положения старшего маркшейдера на участке Рудольф, который позднее станет шахтоуправлением № 45/139. Он входит в круг руководящих специалистов шахты, который непосредственно подчинен советскому начальнику. За исключением полугодового периода работы в должности оберштейгера, он вплоть до закрытия шахты в конце 1954 г. остается старшим маркшейдером этого значительного шахтоуправления. После закрытия Мариенбергского уранового рудника Вернер Дитель по предложению СГАО «Висмут» отправляется в Фогтланд. До 1960 г. он работает участковым маркшейдером на шахте № 277 в Цобесе. С 1960 г. и вплоть до пенсии Вернер Дитель работает в гидротехническом комбинате Веймара на ведущих позициях геодезической службы и получает еще и квалификацию инженера-геодезиста».

Прежде чем обратиться к собственно воспоминаниям старейшего маркшейдера «Висмута», следует еще раз вернуться к предисловию ко второму тому, где Рольф Ланге находит точную и прочувствованную характеристику этих воспоминаний: «Пусть читатель задумается над тем, что сообщения, основанные на фактических данных, писались горняками. Язык ориентируется на правдивую передачу их работы и переживаний, а не на литературную стилистику. Их описания передают нам ни с чем не сравнимые свидетельства трудного начала после Второй мировой войны, тяжелого горняцкого труда и его опасностей, свободы и произвола, солидарности, характера общения с советским руководящим персоналом и охраной, радости по поводу даже маленького социального улучшения и много другого».

Воспоминания Вернера Дителя о работе на горнорудных Объектах «Висмута» с 1947-го по 1954 г. написаны в 2001 г. и сопровождаются историческими документами и техническими рисунками. Воспоминания подразделяются на несколько частей: «В Мариенберг», «Маркшейдерская деятельность», «Несчастные случаи», «О снабжении», «О восстании рабочих 17 июня 1953 года» и «О новом костюме Передругина».

Первая глава «В Мариенберг» приводится здесь практически без сокращений, поскольку она в наибольшей степени отвечает цели нашего сборника — осветить все этапы развития «Висмута», и в том числе самый тяжелый ранний этап глазами немецкого техника.

«11 ноября 1946 года первые примерно 200 человек всех специальностей были отправлены биржей труда в Иоганнгеоргенштадт около Клингентала на так называемое «производство купороса». По прибытии мы были приняты советским офицером, геологом Чирковым, и переводчиком Киришайном. Мы получили заводские номера и удостоверения. Я получил номер 141, а мой коллега Фишер — номер 142. Мы оба начинали в геодезическом бюро в Ауэрбахе, в Фогтланде, и теперь обязывались работать маркшейдерами. Приятной неожиданностью

Борис Лашков и Рольф Ланге осматривают старую штольню.

Старший маркшейдер Вернер Дитель с участковыми маркшейдерами шахтоуправления № 45/139 (фото из книги «Висмут» в Мариенберге»).

стал горячий суп и полбуханки белого хлеба. Нас распределили по квартирам. На следующий день геолог распределил нас по рабочим местам.

Мне, принятому маркшейдером, досталось задание разведать штольни, для этого мне были приданы советские солдаты и два помощника. Одна из первых штолен находилась слева от главной дороги из Ауэрбаха в Клингенталь, недалеко от тогдашней спортивной гостиницы «Бушхауз». Штольня была шириной всего лишь около 0,6 метра и только примерно 1,8 метра высотой. Прежде всего надо было установить с помощью компаса и рулетки направление и длину. Так как мы едва могли передвигаться, один из помощников приобрел примерно после 50 метров боязнь пространства. С большим трудом я привел его в себя. На следующий день он исчез навсегда. В течение следующих двух месяцев были обнаружены и освобождены еще несколько входов в штольни. Вряд ли там была найдена урановая руда. Вероятно поэтому примерно через 3 месяца мы переехали с руководством в Танненбергсталь. Нашим начальством была советская военная часть в Фалькенштайне. Но и там мы были только короткое время под названием «производство купороса». К собственно окончательному району работ мы прибыли в феврале 1947 г.

В конце зимы 1946 г., вечером, наша команда примерно из 15 рабочих, 2 маркшейдеров и переводчика взобралась на советский грузовик. В бельевой корзине находился маршевый провиант — булки, масло и колбаса в консервах. Куда мы направлялись, не знал никто, кроме переводчика Кирштайна. Во время поездки росли неизвестность и догадки. Мы проехали через несколько деревень и примерно через три часа остановились на рынке в Мариенберге. На месте нас встречал советский офицер. Переводчик распределил нас на квартиры. Моя была непосредственно у рынка. «Забронировано для советского офицера» — стояло над дверями семьи Риделя. На следующий день советские гражданские служащие проинструктировали нас о нашей деятельности. У моих новых начальников были фотокопии горнодобывающего района Мариенберга и Волькенштайна. Были нанесены все шахты и выработки, которые надо было найти на местности. Ежедневно я перемещался между Мариенбергом и Волькенштайном со своей геодезической командой, поддерживаемый тремя советскими солдатами. В нашем распоряжении имелся теодолит марки «Харьков». Солдаты были снабжены кирками и лопатами.

Первым большим делом была шахта Рудольф в Лауте. На приемной площадке шахтного ствола была смонтирована лебедка,

и с ее помощью я был спущен на глубину. Спуск по большей части сохранился, но вследствие многолетнего воздействия воды и гниения перекладины не выдерживали. Можно сказать, что я весь путь вниз «обнял» руками. Первой остановкой был горизонт на 150-метровой глубине с расположенной там насосной станцией. Огромное 12-метровое водяное колесо с втулкой диаметром 1 метр были моими первыми сенсационными открытиями доселе неизвестного мне подземного мира. Таким же способом шахта Рудольф позднее была разведана до 5 горизонта. В период дальнейших поисков и обнаружений горных выработок это первое открытие стало началом опасной, но интересной работы.

В качестве первой важной подземной работы я вместе с двумя помощниками маркшейдера получил заказ разведать штольню Вайстаубен. Мы были вооружены карбидными лампами, канатом, чтобы обвязаться, палками для продвижения на ощупь, геологическим компасом и рулеткой. Штольня была высотой около 1,8 и шириной примерно 0,7 метра. На 50-сантиметровой высоте были сооружены железные конструкции, на которых были воздвигнуты деревянные опоры. Стоять прямо было невозможно. Дерево по большей части прогнило, даже распорки зачастую были очень испорчены. Из-за сквозняка лампы часто гасли. Чтобы сэкономить на пятикилометровой дороге домой, что означало бы для нас двойную нагрузку, мы пытались успевать каждую смену как можно больше и тем самым увеличили наш рабочий день вплоть до 12 часов. В это время советские солдаты снабжали нас булками с маслом и горячим чаем. Для этой работы, которую я отношу к самой тяжелой в моей жизни, нам потребовалось более недели. К тому же, после частичной реконструкции штольни мы повторили всю работу с теодолитом, так как точность измерений с компасом оказалась недостаточной.

Центр будущей горнодобывающей промышленности в области Мариенберга образовывали сначала шахта Рудольф (номер 45) и позднее шахта № 139. Шахта Рудольф была реконструирована, то есть был обновлен спуск до 5-го горизонта и позже установлен скип. В каждый из двух скипов помещалось по 6 человек. Старые штреки были освобождены для прохода. При этом впервые была найдена урановая руда. Ее тянули в деревянных ящиках по мокрым доскам. В первое время еще невозможно было создать более надежный способ транспортировки. Я думаю, лишь в середине 1948 г. для этого возникли первые предпосылки, когда были проложены пути, и имелся в наличии сжатый воздух. В большом количестве прибыла рабочая сила из всех частей советской

зоны. Их рабочая одежда была неудовлетворительна, система безопасности недостаточна. Параллельно с работами в шахте были перелопачены отвалы шахты № 45. Около 50 000 кубических метров были переброшены женщинами, в том числе и уголовницами из всей бывшей оккупационной зоны, на деревянные платформы площадью примерно 2 кв. метра и высотой около 0,3 метра. После того как советские солдаты с гейгеровскими счетчиками проверяли содержимое насыпанного и извлекали оттуда урановую руду, отбракованная масса сбрасывалась и перемещалась старыми ленточными транспортерами.

Ввиду тогдашних послевоенных обстоятельств, под советским руководством и при участии немецкого инженерно-технического персонала довольно быстро выросла новая большая отрасль промышленности. Посланные советской властью руководящие кадровые работники и специалисты были отличные профессионалы в соответствующей области и хорошо мотивированы. С нами, немецким техническим персоналом, они, как правило, устанавливали хорошие отношения. В этой связи я хочу привести несколько примеров.

В штольне Хильфе Готтес у вокзала Волькенштайна двое горняков, работавших в восстание, оказались в завале. Получивший известие наш тогдашний начальник шахты Чекмазов прибыл в хорошем костюме (кстати, он всегда хорошо одевался) с шахты Рудольф (там находилось руководство шахты). Он потребовал, чтобы все ушли с места завала, и в одиночку орудовал несколько часов лопатой, стоя в полуботинках в шлеме, поскольку места хватало только для одного. На следующий день горняки были освобождены из-под завала.

Еще один эпизод с участием этого начальника шахты. На еженедельных заседаниях руководства шахты часто случались жесткие разногласия. Чекмазов был основательно информирован о происходящем в шахте. Его невозможно было обмануть. Каждый из нас, присутствовавших, должен был доложить о своей работе: начальник участка, геологи, главный маркшейдер, энергетик и главный механик. Последнего звали Ганс Вюстнек, это был настоящий сорвиголова. Однажды во время особо жесткого спора между ним и начальником шахты разгорелся следующий диалог.

Чекмазов: «Я был партизаном во время войны, радуйся, что я тебя не встретил!»

Вюстнек: «А если бы я вас встретил, то убил бы!»

Чекмазов выдерживал подобные всплески темперамента Вюстнека, и они его совершенно не трогали. В подтверждение

этому Вюстнек позднее стал заместителем начальника шахты.

В это время я был старшим маркшейдером, а немного позже, около полугода — оберштейгером. Когда партия СЕПГ набрала достаточно влияния, в нее начался определенный отбор трудящихся, особенно среди инженерно-технического персонала (ИТР). Поскольку я ни тогда, ни позже в партии не состоял, мое имя на повышение всегда стояло в черных списках. Когда начальник шахты читал имя Дитель, он всегда вычеркивал его или просто отрывал. В этой связи мне хочется заметить, что чем меньше становилось влияние советского руководства, тем большее значение приобретала партия. При этом страдали межличностные отношения. В качестве маркшейдера я ежедневно контактировал с советским руководством. У меня не было никаких проблем, я смог работать с ними, учитывая их особенности. Не все немцы так смогли. Русские, с которыми я работал, оказались опытными профессионалами в вопросах горного дела.

В памяти особенно отчетливо сохранились следующие имена:

Папикян — начальник Объекта 5, горный инженер, судя по фамилии, видимо, армянин;

Чекмазов — начальник участка шахты Рудольф, бывший партизанский командир, внушительной внешности и крепкого сложения. Это можно было видеть уже по одному только объему его бицепсов. Его жена работала врачом в «Висмуте»;

Чирков и Аксельрод — геологи;

Передругин — мой шеф в руководстве шахты;

Филиппов — сотрудник маркшейдерской службы Объекта.

Наиболее образованные среди них были сама вежливость. Часто случалось, что они передавали привет жене и спрашивали о детях. Но не стоило обманываться — на службе, в производственных вопросах они были последовательно тверды как сталь и холодны как лед. Кто не добивался заданной производительности и не заслуживал доверия, мог увольняться, причем сразу, без всяких «если бы да кабы». Деловые переговоры были ясны и тверды. Один пример. В конце 1953 г. я был назначен оберштейгером и нес большую ответственность. Кое-что не заладилось в шахте. На следующей планерке начальник шахты спросил, когда же, наконец, будет приведено все в порядок, и, не дожидаясь ответа и изучая меня краем глаза, добавил: «Я смотрю, сколько ты еще будешь оберштейгер».

У кого не хватило бы воли, — мог уволиться. Я не уволился.

Однажды у немецкого начальника от-

дела кадров наступил черный день, когда он пришел на совещание в коротких кожаных шортах (и что ему пришло в голову?). Русский начальник шахты саркастически заметил, что здесь не баварский народный праздник, и что он дает ему 30 минут, чтобы переодеться и снова появиться на совещании. Эти несколько слов для начальника отдела кадров были хоть и унижительными, но вполне заслуженными».

В рамках этой публикации придется лишь упомянуть большой раздел «Маркшейдерская деятельность», касающийся технических сторон профессиональной работы В. Дителя как маркшейдера. Раздел этот снабжен документами и эскизами измерений, выполнявшихся в шахтах № 139 и 45, начерченных им по памяти. В нем он упоминает об одной своей очень ответственной маркшейдерской задаче по сбойке двух

встречных квершлагов между шахтами № 139 и 145. Последние 3 метра проходки он стоял в выработке с бьющимся сердцем, прислушиваясь, не раздастся ли скрежет пилотной штанги. Все успешно закончилось, измерения показали высокую точность маркшейдерской проработки, последовали поздравления и, конечно, премии. В другом месте он описывает, как они застряли в подвешенной корзине,

попав в очень опасную ситуацию. Примечательны его мысли по этому поводу: «И мы, и люди вокруг нас мало думали о ежедневной опасности, которой подвергались. Но мы любили нашу профессию и горное дело».

То, что эта опасность действительно была реальной, подтверждается драматическими фактами следующего раздела — «Несчастные случаи».

Вернер Дитель вспоминает: «В начальный период САО «Висмут» происходили нередкие и тяжелые несчастные случаи, иногда со смертельным исходом. Трагический случай произошел при проходке слепой шахты № 300. Два брата, оба плотники, были заняты на строительстве шахтного ствола. Для того чтобы подвесить тяжелые деревянные балки, один из братьев занял место на верхнем околоствольном дворе 50-го горизонта, в то время как другой расположился внизу, чтобы принять балки. Тут все и случилось. С верхнего околоствольного двора соскользнула балка из клетки и всей тяжестью рухнула вниз. У его брата внизу не было ни малейшей возможности уклониться, и его раздавило».

Далее он пишет, что несчастные случаи происходили также, когда в спешке, из-за невнимательности, легкомыслию или по каким-

то другим причинам бурильщик наткнулся на оставшийся в скважине заряд.

Касаясь быта немецких работников «Висмута», Дитель подтверждает сведения из более ранних источников о том, что снабжение продуктами, промышленными товарами, социальное обеспечение, предоставление путевок для отдыха было значительно выше среднего уровня. И без того высокие оклады дополнялись существенными надбавками за перевыполнение рабочих норм.

Упомянув в разделе «О восстании рабочих 17 июня 1953 года» солидарное участие горняков шахт № 45/139, выразившееся в отказе первой смены спуститься в шахту, Дитель заканчивает следующей фразой: «Собственно говоря, у трудящихся «Висмута» не было настоящих причин для забастовки».

Заканчиваются воспоминания историей с пошивом костюма для его непосредственного начальника — советского офицера, руководителя маркшейдерской службы. В частной этой истории Дитель правдиво и психологически верно передает быт и дух того послевоенного времени. Становится ясно, что кроме официальных деловых отношений между советским, в том числе и военным, руководством и немецкими сотрудниками, да и просто жителями налаживались нормальные отношения и в быту.

Подводя итоги, Дитель пишет: «Оглядываясь назад, с сегодняшней точки зрения я уверен, что моя работа удовлетворяла русское руководство. Я всегда стремился работать прилежно и ответственно, что для маркшейдера в любых условиях является безусловным требованием».

Не менее интересны и другие воспоминания, воспроизведенные во втором томе книги «Висмут» в Мариенберге». Но особенного внимания заслуживает трагическая история молодого взрывника Хайнца Тапперта, успевшего запечатлеть свою короткую жизнь в рисунках и искренних стихах.

Хайнц Тапперт родился в апреле 1923 г. в Волькенштайне. После окончания школы обучался художественному ремеслу. Вскоре, после получения свидетельства помощника мастера, он вынужден был служить в одном из танковых соединений. После окончания войны начать работу в «Висмуте» ему посоветовал отец, который к тому времени уже был помощником руководителя шахты. Хайнц проработал взрывником в «Висмуте» до 14 апреля 1949 г. В этот день в глубоком шурфе по неизвестным причинам заложенный им заряд взорвался прежде, чем он добрался до безопасного места. После него остался альбом с его рисунками, пояснениями и стихами.

Вот как Хайнц Тапперт описывает 10 марта 1948 г. в альбоме с рисунками свой путь в «Висмут»: «С 1945 года наше обеспечение стало катастрофическим. Я сказал себе: лучше плохая работа и лучшая жизнь, чем хорошая работа и нечего есть. С этим намерением я пошел в горное предприятие, так как там давали за подземные работы 1 карточку за тяжелый труд, 1 дополнительную карточку и карточку № 4. Кроме того, была ежедневная горячая еда, 100 граммов сыра и четверть литра молока. Единственный недостаток этой работы заключался в том, что все было нормировано, так как если не выполняешь 100 %, дополнительная карточка изымается. Для меня это была большая перемена — от кисти к горной машине. Главное, что и это когда-нибудь изменится, так как я не хочу всю жизнь быть горняком».

И далее следуют его чрезвычайно выразительные рисунки.

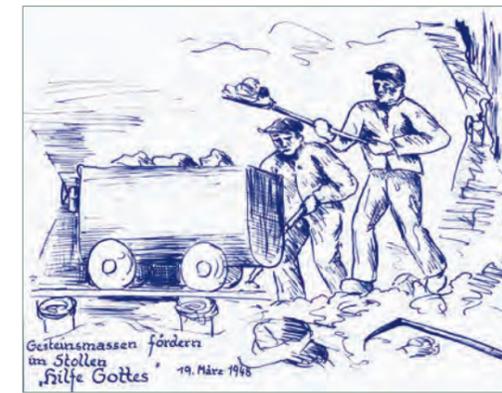

На рисунке X. Тапперта: Крушение Германии 8 мая 1945 г.

Германия лежит вся в разрухе на земле, это работа жалких идиотов. Они нам обещали рай на Земле и никогда не думали о великой гибели народов. Голод, нищета и смерть, вот, что нам приходится терпеть.

Шенбрунн, 10 марта 1948 г.

Моделью последнего рисунка мог бы быть сам Хайнц Тапперт. Погибший после своего 26-летия, он оставил двухлетнего сына Дитхельма и беременную жену Хильду, которая родила в сентябре второго сына Фолькера. Дитхельм Тапперт помог Рольфу Ланге в подготовке материалов для книги.

Рисунки Хайнца Тапперта:

Транспортировка породы в штольне Хильфе Готтес (19 марта 1948 г.).

У входа в штольню Хильфе Готтес (11 марта 1948 г.).

Забойщик (бурильщик).

Взрывник на закладке зарядов в очистном забое ба (1948 г.).

Хайнц Тапперт с семьей.

Из газеты «Freie Presse» (06.07.2009 г.)

«Горняки – ветераны снимают шляпы перед Бад-Шлемой»⁴⁰

XIII съезд горняков в Бад-Шлеме в этом году привлек внимание многочисленных гостей и членов традиционного объединения горняков «Висмута». Его кульминацией стало собрание в Доме культуры «Активист». В память о жертвах рудничной катастрофы 1955 г. была открыта памятная стена. Об этом должны помнить гости и жители курорта, так как коммуна в 2008 г. получила государственную премию за культуру строительства.

Йозеф Янчик из Шнееберга, 79 лет:

— Я приехал в Бад-Шлему в 1951 году и жил здесь по 1959 год. Затем учился, позднее работал в Научно-техническом центре. Воспоминания об этом времени сплошь положительные. Солидарность между горняками была образцовой. Нам были предоставлены все возможности для профессионального роста. То, что произошло за эти годы здесь, в Шлеме, — прекрасно и грандиозно.

Манфред Хаманн из Шнееберга, 79 лет:

— Я знаю почти все шахты в этом регионе. Я работал на шахтах в Шнееберге и Обершлеме. В течение ряда лет руководил шахтой в Альбероде. Если воспоминания не были бы положительными, то я бы не гарантировал там свое пребывание в течение 44 лет. Если бы я хотел перечислить все прекрасное, то я должен бы написать книгу. Под землей ты ежедневно встречаешь что-то новое, видишь необычные минералы, испыты-

ваешь новые переживания. Конечно, мне известно, что бывает, когда ты должен передать жене и семье горняка плохие известия.

Георг Ватцик из Хемница, 78 лет:

— Съезд горняков стал для меня любимой традицией. Мы все становимся старше, поэтому все труднее приводить в порядок наши лица. Я всегда следил за развитием событий здесь, в Шлеме. Все горное оборудование уже отключено, а санация отвалов очень дорогая. О времени моей работы в «Висмуте» могу лишь сказать, что всегда с удовольствием вспоминаю его. Я дважды имел возможность учиться, и у каждого из нас всегда был шанс сделать себе карьеру.

Рудольф Мухе из Хемница, 70 лет:

— Я проработал 34 года под землей, в общем — стреляный воробей. О Бад-Шлеме я могу сказать только то, что каждый человек должен снять свою шляпу в знак уважения к тяжелому труду горняков и к тому подвигу, который они совершали все это время. Съезд горняков имеет ко мне прямое отношение: я хотел бы встретиться здесь старых товарищей, с которыми я когда-то делил свой хлеб.

Съезд горняков в Бад-Шлеме завершился торжественным маршем, участники которого в праздничных мундирах представляли собой незабываемое зрелище.

Перевод А. М. Солодова.

⁴⁰ Einstige Kumpel ziehen Hut vor Bad Schlema. Freie Presse. 6.07.2009.

Стефан Кунце, Франк Лангер

Об авторах

Биографии Стефана Кунце и Франка Лангера — авторов тщательно изученной истории урановой горнодобывающей промышленности на месторождении Аннаберг во многом похожи. Они оба родились в Аннаберге-Буххольце, получили в «Висмуте» в конце 80-х гг. профессиональное образование техников-геофизиков и успели поработать два-три года на Объектах СГАО «Висмут» до его ликвидации. Далее пути их расходятся: Стефан Кунце с 1994 г. — на службе в полиции, а Франк Лангер после работы в торговых организациях получает образование в области информационных технологий и работает системным администратором. Но горные работы, уран, «Висмут» продолжают оставаться в кругу их интересов. Стефан Кунце в 1993 г. принимает участие в оборудовании штольни «Доротея» для экскурсий, с 1998 г. занимается поисками архивного материала по истории месторождения Аннаберг. Франк Лангер в 1999 г. как актер-любитель снимается в художественном фильме «Урановая гора» о работе «Висмута» в Аннаберге-Буххольце.

С 2008 г. они вдвоем работают над историей «Висмута» на Аннабергском месторождении и создают свой интернет-сайт: www.untertage.com

Стефан Кунце.

Франк Лангер.

Развитие урановой горнодобывающей промышленности СГАО/СГАО «Висмут» на месторождении Аннаберг³⁵

Введение

В первой половине XVI в. ведущее место на месторождении Аннаберг в Саксонии занимала добыча серебра. Более 1000 выработок, разбросанных на площадях сегодняшнего Аннаберга, создавали источники богатства, которые естественно быстро иссякли уже во второй половине XVI в. В горной добывающей промышленности следующих трех столетий расширилась палитра полезного сырья, например, рудами кобальта, мышьяка и никеля. Тем не менее в долгосрочной перспективе ничто не могло сравниться по значению с добычей серебра в XVI в. Лишь открытый в 1789 г. уран стал в конце концов элементом, способным на короткое время оживить интенсивность горнодобывающей промышленности в Аннаберге, что в какой-то степени напомнило бум XVI столетия.

Здесь горняки очень рано соприкоснулись с ураном. Следуя по открытой в 1491 г. Каспаром Нитцельтом серебросодержащей жиле в направлении к вершине горы, они наткнулись, вероятно, еще в уходящем XV в. на богатое урановое рудопоявление. Найденные здесь³⁶, на глубине 5–8 метров, в коренных породах вторичные урановые минералы должны были удивить тогдашних горняков уже только из-за их интенсивной окраски (оранжевой, желтой, зеленой). Хотя еще в античные времена оксид урана использовался иногда как красящее вещество для кафельной мозаики³⁷, в XV столетии уран, встреченный при добыче серебра, явно не на-

ходил никакого применения. Только в XIX в. уран приобрел вновь определенное значение для окраски стекла и керамики. Первичная урановая руда — урановая смолка (уранинит) снова стала добываться в незначительных количествах как побочный продукт из аннабергских шахт. Благодаря открытию в 1898 г. радия и использованию его для различных медицинских и технических целей возобновились поиски уранинита. Но к этому времени в Аннаберге уже не было действующего горнодобывающего предприятия, и ревизионные работы на урановую руду и радиоактивные воды³⁸ смогли дать лишь незначительные результаты. Сброс атомных бомб США летом 1945 г. на Японию привел глобальное равновесие сил к опасному смещению. В то время не было само собой разумеющимся, что начинающаяся холодная война между западными союзниками и Советским Союзом в конце концов останется холодной. Поэтому быстрее создание собственного ядерного вооружения было для Советского Союза безальтернативным. Наибольшая часть необходимого для этого урана была добыта из месторождений Саксонских Рудных гор, которые находи-

Урановая смолка (шахта № 20).

³⁵ Авторизованный перевод с нем. Б. П. Лашкова.

³⁶ Годовой отчет (ГО) 1947 г. Объект 4. С. 109.

³⁷ CALEY (1948): The Earliest Known Use of a Material Containing Uranium. Isis, Vol. 38, No. 3/4 (Feb. 1948), S. 190–193, University of Chicago.

³⁸ SCHIFFNER; WEIDIG; FRIEDRICH (1908–1912): Radioaktive Wässer in Sachsen. Teil I–IV, Freiberg. SCHIFFNER, C. (1911): Uranmineralien in Sachsen. Freiberg.

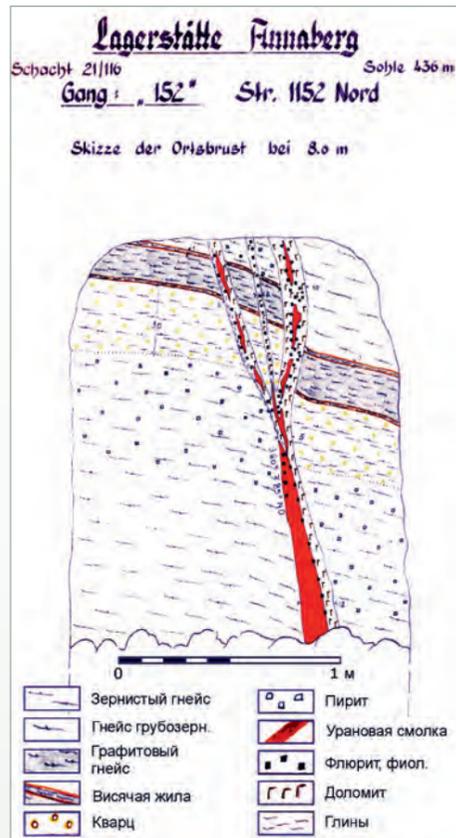

Рис. 9. Геологическая документация шторка (забой).

Геология уранового месторождения Аннаберг

Урановое месторождение Аннаберг простирается на площади около 20 кв. км от Кунерсдорфа на юге вплоть до Шенфельд-Визы на севере. Морфологически этот район представлен долиной Земи с грядями гор. Во время вариссийского горообразования благодаря складчатости и разрывной тектонике здесь образовался гнейсовый купол, вытянутый с СВЗ на ЗЮЗ. Он состоит главным образом из двуслюдяных гнейсов. Мусковитовые гнейсы, серые очковые гнейсы и амфиболиты ограничиваются в основном изолированными включениями.

Месторождение Аннаберг

Шахта 21/116. Горизонт 436 м. Жила 152. Штрек 1152. Север.

Большое значение для осаждения низкотермального жильного оруденения (U, Co, Ag) имели два «продуктивных» комплекса пород мощностью 50–150 м, состоящие из тесно перемежаемых зернистых гнейсов и обогащенных слюдой рассланцованных гнейсов. При этом рассланцо-

лись в советской оккупационной зоне. Поиски, начавшиеся уже в 1946 г. с месторождений Иоганнгеоргенштадт и Обершлема, перешли вскоре и на Аннаберг. Советское предприятие называлось тогда «Саксонское горное управление»³⁹ с номером полевой почты 27304⁴⁰, что отражало военный характер и стиль руководства. Только в середине 1947 г. стало употребительным наименование АО «Висмут»⁴¹, условное название, которое было позаимствовано у элемента — спутника урана и служило для прикрытия истинного целевого сырья. Таким образом, в геологических документах уран наряду с другими условными описаниями называется «висмут I», в то время как в анализах собственно висмут называется «висмут II».

Сегодня нет недостатка в оценках необходимости этого горного предприятия. Но в рамках нейтрального рассмотрения следует видеть происходившее в контексте тогдашней исторической ситуации.

ванные гнейсы содержат от сантиметровых до метровых включений акцессорного графита и сульфидов железа. Эти по большей части тектонически разрушенные включения на основе вышеназванных акцессориев, а также их геохимических особенностей (следы элементов, изотопные взаимоотношения) следует отнести к метасапропелитам. С ними тесно связан горняцкий термин «швебенде»⁴², хотя он применяется также и для других полого падающих структур⁴³. В верхнем карбоне в конце вариссийского горообразования Аннабергский купол внедряются граниты среднерудногогорской части плутона. Пневматолитовое до высокотермального оруденение в ВСВ — СВ жилах надостывающим гранитным плутоном создали основу олово-медных горных разработок. Для промышленного уранового оруденения месторождения Аннаберг значение имели 60 рудных жил с простиранием от СЗ до ССВ. В них руда проявлялась только в узких, до нескольких сантиметров, обломках и образовывала неправильной формы линзы размерами до нескольких метров (рис. 9). Рудные линзы в пределах контролируемых оруденение вмещающих пород группировались в богатые участки, так называемые рудные столбы (см. также рис. 17). Руда состояла главным образом из уранинита многочисленных гидротермальных минерализаций. Вместе с колломорфно-компактной урановой смолкой частично появлялась и урановая чернь. Вторичные образования, такие как гуммит, урановая охра и урановая слюдка, играли независимо от их локального значения подчиненную роль.

Для первичного привноса урана имели значение поздневариссийские гидротермальные процессы, минерализация которых обозначается как формация kku (кварц-кальцит уран)⁴⁴. Наряду с кристаллическим кварцем в качестве характерного минерала прежде всего надо назвать скаленоидный кальцит. В большинстве случаев он псевдоморфно замещен доломитом поздней генерации, причем внутри скаленоидов часто сохранились пустые пространства от растворенных реликтов кальцита (рис. 10). Различные геохронологические исследования уран-свинцовым методом показали для Западных Рудных гор относительно убедительную датировку kku-формации, по которой можно ограничить время их формирования нижней пермью (около 270–275 млн лет)⁴⁵. Для более молодых гидротермальных отложений радиологические данные возраста расходятся довольно сильно

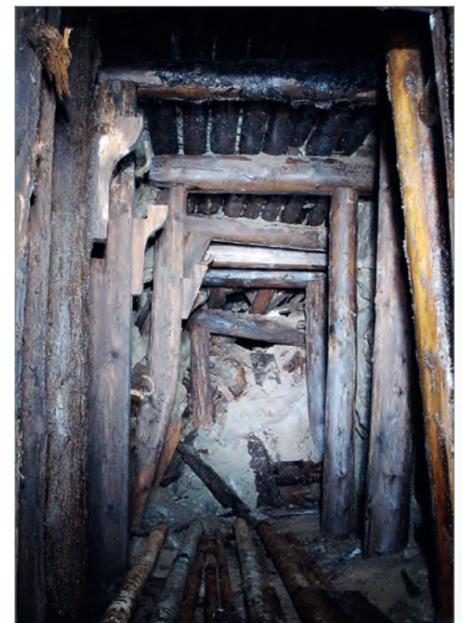
и указывают на мезозойское время образования (юрское, меловое). Можно достаточно точно определить, по крайней мере, время первого переотложения урана на Аннабергском месторождении. Оно отвечает распространенной в Западных Рудных горах тгу-формации (карбонат магния-флюорит-уран)⁴⁶. В основном эта минерализация состоит из доломита, который вблизи урановой руды имеет розовую окраску, фиолетового флюорита и переотложенной урановой смолки. Редки, но очень характерны для тгу-формации селениды, существование которых для месторождения Аннаберг было подтверждено. Относительное время образования тгу-формации между флюорит-баритовой и висопи-формациями подчеркивает ее принадлежность к саксонскому этапу минерализации. Во время образования висопи-формации наряду с серебро-кобальтовым оруденением, имевшим значительное историческое горнопромышленное значение, происходило незначительное переотложение урана.

Ревизия и разведка (1946–1947 гг.)

Поисковые работы на месторождении Аннаберг, несмотря на типичные для послевоенного времени сложности, характеризуются вполне последовательными и продуманными решениями. Советские геологи сначала по литературным источникам⁴⁷ и архивным материалам⁴⁸ идентифицировали различные выработки, в которых добывалась или встречалась урановая руда. Менее значимым показалось им сделанное параллельно по их заказу за-

ключение фрайбергского специалиста по месторождениям профессора Шумахера. Он пришел к заключению, что Аннабергское урановое рудопроявление не имеет промышленного характера. На первые поисковые работы в период с октября по начало декабря 1946 г. по приказу генерал-майора Мальцева⁴⁹ на месторождение Аннаберг был послан старший геолог Новиков⁵⁰. Проверка местной обстановки показала, что большая часть выработок разрушена и недоступна для быстрого обследования. Тогда работы были ограничены на выбранных старых отвалах и в частично сохранившейся и доступной штольне «Доротей» в Кунерсдорфе. На некоторых отвалах с помощью геигеровских счетчиков были обнаружены радиоактивные участки. Также и в штольне «Доротей» нашли радиоактивные аномалии. На основе этих положительных результатов 18 декабря 1946 г. в Аннаберг было послано геологическое поисковое отделение. Оно состояло вначале только из одного старшего геолога Вторушина, радиометриста Карпунова и немецкого горного мастера Унгера. Одновременно последовал приказ в Бюро по трудоустройству найти персонал для отработки руды в Кунерсдорфе⁵¹.

В январе 1947 г. было предоставлено достаточно персонала, чтобы подготовить сле-

В этом месте в январе 1947 г. началась добыча урана на месторождении Аннаберг (шахта № 20, штрек № 7).

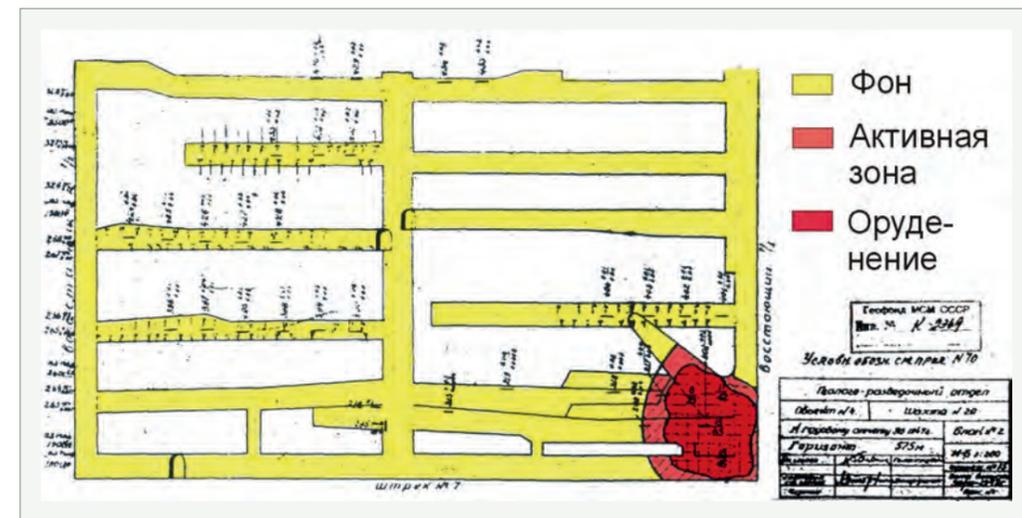

Рис. 10. Блок-схема участка первой добычи 1947 г.

Рис. 12. Доломитовые псевдоморфозы по скаленоидному кальциту формации kku (шахта № 20, ширина штофа — 10 см).

39 Chronik der Wismut (1999), разделы 1.1.1. С. 3.
40 Употреблялось в русскоязычных документах с 1945-го по 1951 г.
41 Советское акционерное общество (САО); с 1954 г. — Советско-Германское акционерное общество (СГАО).

42 «Висячий», «наклонный» (нем.).
43 KUNZE (2005): Die Schwebenden im Südteil der Ganglagerstätte Annaberg. Weisbachiana-Hefte Nr. 19 u. 20, Verlag Bernd Schreiter, Arnfeld.

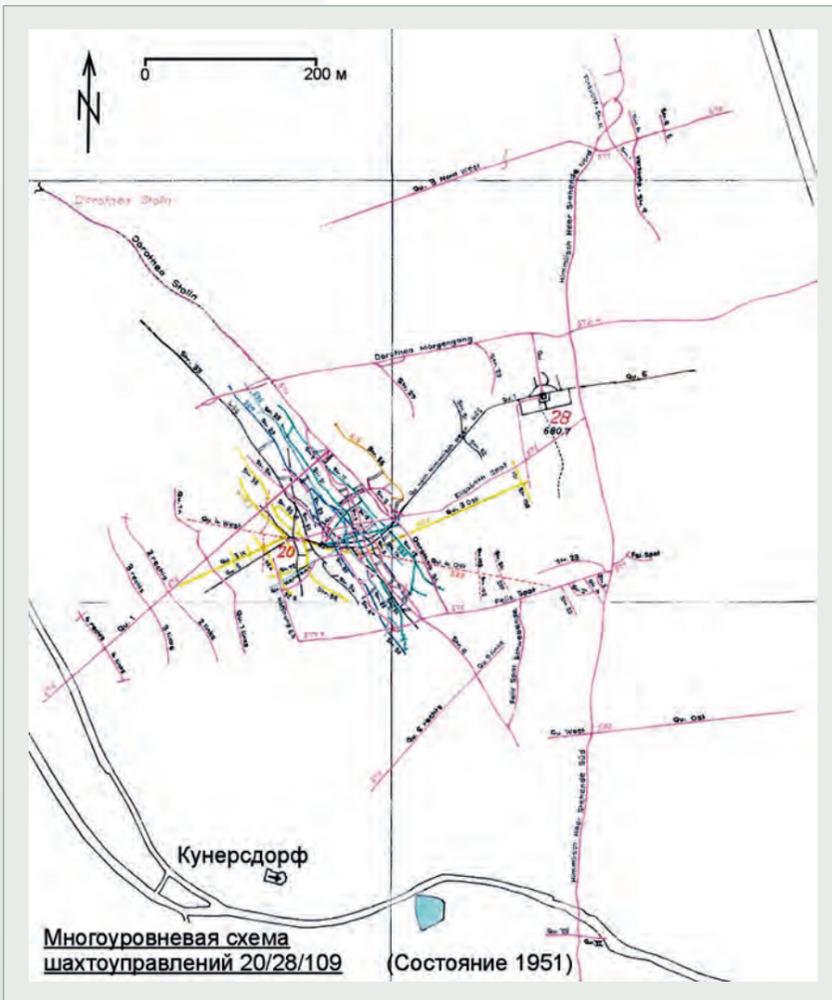
44 HARLASS; SCHÜTZEL (1965): Zur paragenetischen Stellung der Uranpechblende in den hydrothermalen Lagerstätten des westlichen Erzgebirges. — Z. angew. Geol., 11, Berlin.
45 HILLER; SCHUPP AN (2008): Geologie und Uranbergbau im Revier Schlema-Alberoda. Hrsg.: Sächsisches Landesamt für Umwelt und Geologie, Sachs. Oberbergamt, Freiberg, S. 60.

46 Там же, С. 49.
47 SCHIFFNER, C. (1911): Uranminerale in Sachsen. Freiberg.
48 Годовой отчет (ГО) 1947 г. Объект 4. С. 16.
49 Руководитель Саксонского горного управления.
50 Годовой отчет (ГО) 1947 г. Объект 4. С. 14 и 122.

Шахта № 132 (рисунок Феликса Кубе).

Рис. 13. Горизонтальные проходки на участке Кунерсдорф.

Многоуровневая схема шахтоуправлений 20/28/109 (Состояние 1951)

фронтом. Уже в конце 1947 г. на участке Фронау перешли к закладке разведочных канав длиной более 100 м и глубиной до 4 метров. Участки радиоактивных аномалий углублялись как вертикальными, так и наклонными мелкими и глубокими шурфами с сечением около 5,5 кв. м. Всего здесь наряду со старыми выработками-шурфами было пройдено 19 новых шурфов глубиной от 27 до 74 метров. Из глубоких шурфов проходили разведочные выработки. В отдельных случаях доходило также до передачи соседним эксплуатационным шахтам для заложения регулярных выемочных блоков. Разработанная в течение 1948 г. эманиционная съемка⁵⁷ проявила себя как уточняющий поисковый метод, который позволил благодаря более точной локализации сократить длину разведочных канав. Так, с небольшими затратами был обследован почти весь рабочий район Объекта 4. По различным причинам для месторождения Аннаберг не удалось достичь таких же успехов. Разведка глубокими скважинами началась относительно поздно. В сравнении с ранее проводившимися поисково-разведочными работами она была довольно затратной из-за необходимости использования специального технического оборудования. Кроме того, определение урана по керну или каротажу⁵⁸ было недостаточно надежным по причине специфической морфологии уранового оруденения. Поэтому неудивительно, что применение глубокого бурения стояло на втором месте. В период с 1948-го по 1950 г. как с поверхности, так и из подземных камер было пробурено 15 скважин. Эти так называемые структурные скважины преследовали главным образом цель достижения контакта с гранитом, чтобы спрогнозировать нижнюю границу оруденения. В 8-ми скважинах она была достигнута на отметках между +262 м NN (Буххольц) и -85 м NN (Фронау). Тем самым определилась максимально возможная глубина отработки месторождения — 400–600 м.

Важный шаг для определения простираения месторождения заключался в создании эффективной сети выработок, пройденных с поверхности. Из старых рудных выработок можно было использовать лишь некоторые. От старого горного производства остались лишь три вертикальные «разведочные» шахты: «Большая Мальвина», «Константин» и «Химмелиш Херр». В некоторых случаях удалось применить реконструкцию и углубление наклонных шахт старого горного производства («Цеппелин», «Уранус», «Малая Мальвина»). Чтобы закрыть про-

56 Эксплуатация — плановая добыча руды.

57 Измерения содержания (эманиции) радона в почвенном воздухе.

58 Каротаж — радиометрические измерения в скважинах.

белы, в 1947–1948 гг. начались новые проходки. Так, например, шахта «Новая» № 78 на Шоттенберге, № 79 «Релинг» на Шрекенберге, № 80 «Андреас» в Аннаберге, № 116 в Буххольце, а также № 132 «Яблонева» (рис. 14) рядом с «ФронАуэр Хаммер». Вновь пройденные шахты имели сечение (профиль) ~10 м² (спуск-подъем, транспортировка клетки, с тремя отделениями) и ~16 м² (спуск-подъем, транспортировка клетки и скипа, с пятью отделениями). Копер сооружался из сплошного дерева высотой до 18 м, что вместе с плоскими и коническими отвалами создавало впечатляющую картину тогдашнего ландшафта. Горизонты в старых шахтах располагались в их верхней части, в то время как под ними из каждого окоlostвольного двора стремились создать новые горизонты с сетью выработок с расстояниями между ними 60 м. На больших глубинах проходили либо отдельные горизонты, либо создавали только окоlostвольный двор (рис. 14).

Всего было углублено или реконструировано 25 капитальных шахт, заложенных с дневной поверхности, с общей длиной шахтных стволов 5,5 км. Часть старого реконструированного горного наследия составила 39 %. При разведке на глубину капитальные слепые шахтные стволы имели подчиненное значение. Проходка капитальных шахт с дневной поверхности завершилась на Аннаберге в 1950 г.

Горизонтальные вскрытия закладывались вкрест простираения известных на верхних горизонтах урановородных жил. Кроме того, преимущественно на главных горизонтах закладывалась растровая сетка дальнейших разведочных квершлагов в неисследованном поле. Для дополнения горизонтальных вскрытий на уровне долины Зема благоприятными оказались оптимально заложенные поперечные штольни. Так, в период с 1947-го по 1949 г. были пройдены штольни № 81 «Маркус»⁵⁹, № 134 «Фриш глюк», № 141 «Александр», № 142 «Парковая», № 143 «Рыцарская» и № 156 «Госпиталь» около 1 км длиной. В конце 1949 г. по этому образцу вскрытия было открыто всего около 20 жил промышленного оруденения.

После проходки проводилась подготовка, которая служила целям нарезки и отработки жильных площадей.

При этом следует указать на особенность 1947–1949 гг., которую можно определить как «опережающую подготовку». При проходке более глубоких горизонтов из капитальной/слепой шахты или из квершлагов создавалась вынужденная задержка в непрерывном процессе горных работ. Часто капитальная шахта находилась, несмотря на достижение глубо-

59 Штольня «Маркус» является входом в экскурсионную выработку «Маркус Релинг».

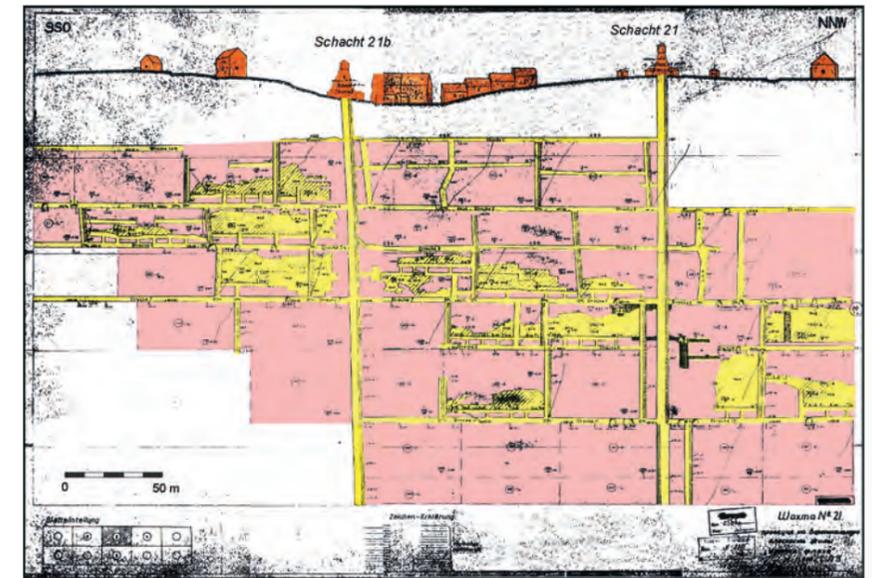

Рис. 14. Вертикальный разрез жили «Урания Фляхе» с подготовленными блоками запасов (розовым), состояние на апрель 1950 г.

кого горизонта, в дальнейшем углублении и не могла быть использована для транспортировки руды. Запасы руды могли быть надежно сбалансированы и отработаны лишь после проходки восстающих и штреков по жилам. Чтобы ликвидировать потерю времени, рудная жила отрабатывалась гезенками из оборудованных транспортными средствами штреков. Из упорядоченных по блокам гезенков децентрализованно развивали жильные штреки на нижеследующих горизонтах. Таким образом, эти гезенки заменяли стандартные восстающие для нарезки блоков. Они несли также и подготовительные функции по причине их опережающего характера,

Рис. 15. Развитие шахтоуправлений.

Панорама Аннабергского горного производства в 1952 г.

- 1 — шахта 29-бис «Малая Мальвина»;
- 2 — терриконы шахт №№ 19 и 19-бис «Цеппелин I и II»;
- 3 — оставшийся неиспользованным транспортно-отвалный мост к шахте «Яблонева»;
- 4 — шахта № 182;
- 5 — копер шахты 19-бис «Цеппелин II»;
- 6 — шахта № 29 «Большая Мальвина» с террикоником;
- 7 — шахта № 270 «Михаэлис»;
- 8 — комплекс отвалов шахты №№ 21 и 21-бис «Уранус I и II», рядом справа — шахта «Уранус III» с небольшим отвалом.

Рис. 16. Приспособленная к месторождению нарезка горизонтальных проходок в 1953 г.

по крайней мере краткосрочно. Регулярная отработка начиналась часто до встречи транспортного квершлага капитальной шахты. Частично этой системой каскадной отработки обслуживались до трех горизонтов на расстоянии 20–30 м. Многократная перегрузка массы из бадей в вагонетки и обратно кажется на первый взгляд крайне неэкономичным делом. Но затраты на персонал и энергию при разведке перспективных жил имели тогда скорее подчиненное значение. Важнее было выиграть время для отработки. Она длилась от нескольких месяцев до года. Из-за геополитической необходимости быстрого извлечения руды для ликвидации монопольного владения США атомным оружием такая прагматическая технология вполне была оправданной. Высказываемая задним числом критика «неуместных затрат», будучи рассмотренной на фоне конкретной исторической ситуации, является беспредметной.

После внешних подготовительных горных работ (коренных штреков с 30-метровым полуинтервалом между горизонтами, восстающих для нарезки блоков) в качестве предварительной стадии развивались горные работы «внутренней подготовки» (нулевые линии, центральные восстающие, рудоспускные восстаю-

щие). В качестве выемочной технологии была применена потолкоуступная выемка с проходкой по простиранию (отчасти по восстанию). При отсутствии оруденения проходку этажных штреков или забоев по восстанию вели с интервалом ~7 м из восстающих (рис. 16). Жильные площади между этажными штреками обследовались каротажем.

Первые проблемы при **отработке месторождения** возникли во время стремительного роста объема горных работ в 1949 г. Из-за неравномерности оруденения доведенная до совершенства нормировочная система была нацелена на стимулирование выполнения хорошо рассчитанного объема горных работ. Считалось, что увеличение объемов выработки автоматически обеспечивает прирост запасов и добычу. Существенные слабые места этой стратегии заключались в слишком малой стимуляции добычи руды и недостаточном оперативном контроле. К тому же необходимо заметить, что поступление новых, хорошо обученных сотрудников геологической и геофизической службы ни в коей мере не шло в ногу с ростом числа общего персонала. Стремление к перевыполнению норм горных объемов приводило часто к слишком рано начатым технологическим прорывам. Потери добычи из-за этих факторов были относительно высоки. Точные данные за период с 1947-го по 1950 г. свидетельствуют о 20–50 % потерь металла между запасами in-situ и поднятой рудой. Более серьезным было то, что именно в период интенсивных вскрышных работ с 1948-го по 1950 г. из-за недостатка профессионалов не были достаточно изучены рудоконтролирующие факторы. Тогдашняя общепринятая модель месторождения представляла урановое оруденение в виде глубинно-зонального, исходящего от контакта с гранитом. Участки относительно близких к поверхности богатых жил рассматривались как пространственно ограниченные восходящие части оруденения. Объем уранового оруденения по этим

60 Количество урана на поверхности жилы в кг/м².
 61 Годовой отчет (ГО) 1950 г. АО. С. 205.

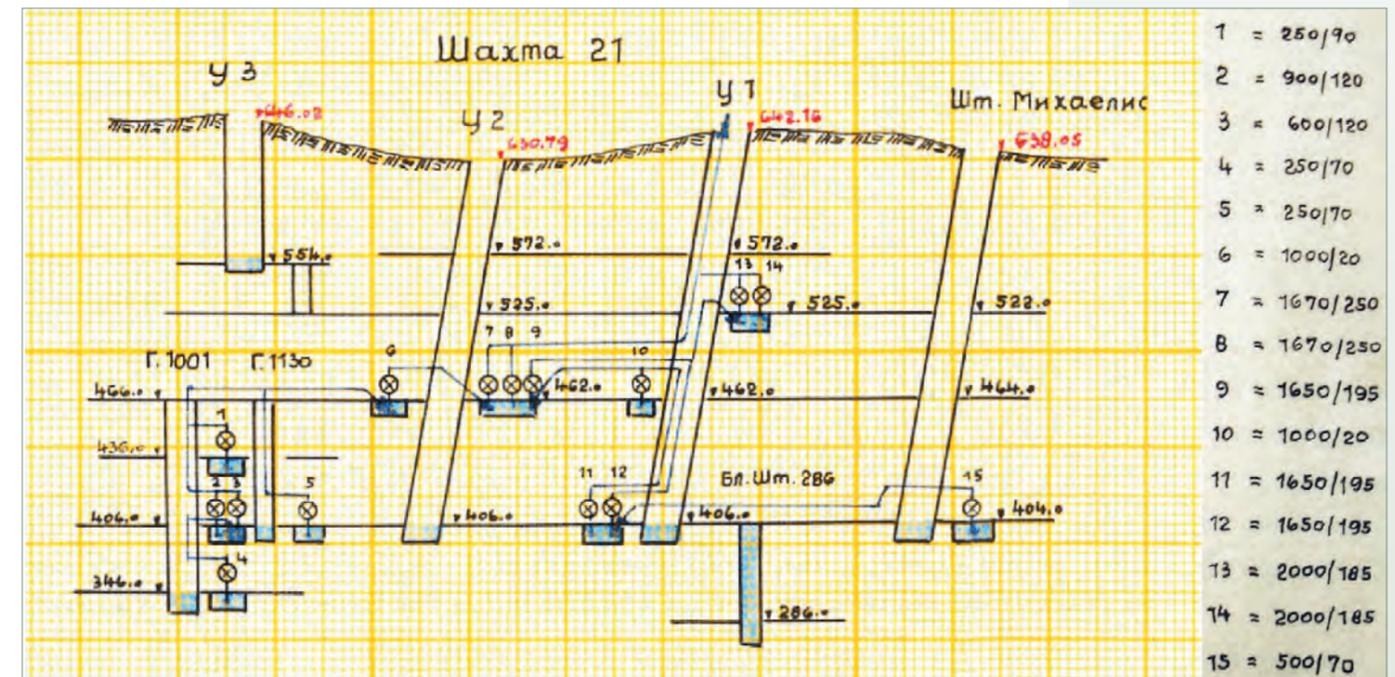
представлениям должен был бы более или менее вертикально сохраняться до контакта с гранитом. Однако уже в конце 1949 г. на новых глубоких горизонтах наметилось уменьшение выхода руды⁶⁰. В следующем году эта тенденция явно усилилась. Интенсивная отработка верхних горизонтов и отсутствие балансовых площадей на глубине привели во второй половине 1950 г. к явным потерям объемов подготовки и отработки. Вследствие этого были остановлены большие объемы запланированных капитальных вскрышных работ на глубину⁶¹. Однако до контакта с гранитом оставалось еще значительное расстояние. Поэтому пришлось пройти глубже шахту «Яблонева» и слепой шахтный ствол № 285/21 («Уранус»), чтобы подтвердить сомнительное прогнозирование второй рудной зоны. Завершенная в 1951 г. разведка до горизонтов +90 м NN («Яблонева») и +285 м NN (№ 285/21) дала отрицательный результат. В противоположность более объемной добыче в Иоганнгеоргенштадте и Обершлеме месторождение Аннаберг всегда имело относительно меньшее значение. Под впечатлением дефицита запасов его дальнейшее существование как самостоятельного Объекта стояло, естественно, под вопросом. В сентябре 1950 г. объединение Объекта 4 (Аннаберг) произошло с растущим по добыче Объектом 7 (Беренштайн-Нидершлаг). С целью централизации управление Объек-

том и большинством функциональных отделов (цех опробования, транспортный парк) осталось в окружном г. Аннаберг-Бухгольц. В документах на немецком языке сохранялось название Объекта 7 до передачи рудника Объекту 1 в середине 1955 г. В документах на русском языке (самое позднее — в начале 1951 г.) переименовали все существовавшие до тех пор номера в трехзначные комбинации. Таким образом, в советском прочтении возникло «из старых Объектов 4 и 7 в новый Объект 111»⁶². В конце октября 1950 г. шахтостроительный Объект 13, который проводил главным образом углубку шахт и проходку штреков, был расформирован⁶³. Созданные в 1948–1949 г. шахтные управления сохранились до конца 1950 г., причем из-за полного отсутствия балансовых запасов находились в стадии доразведки.

Ограничение масштабов производства в 1951–1952 гг.

Радикальная ликвидационная волна «смыла» к 1 января 1951 г. шахтоуправления №№ 20, 29, 117/79, 80 и 116. В результате последующей консолидации остались только два шахтоуправления. Шахтоуправлению № 21 («Уранус») были подчинены управления №№ 19 и 49. Шахтоуправление № 78 переняло шахтоуправление № 33, а также участки уже списанного управления

Рис. 17. Схема водоотлива шахты «Уранус», 1954 г. (вне масштаба, с производительностью насосов и величиной давления).

62 Годовой отчет (ГО) 1953 г. Объект 111. С. 3.

63 KADEN (1994): Wismut — die wilde Zeit. Herausgeber. Landratsamt Annaberg, с. 18.

64 Годовой отчет (ГО) 1950 г. АО «Висмут». Таб. 14.

65 Приказ САО «Висмут» № 69 (1951): «...с целью уменьшения потерь при добыче руды и для стимулирования интереса рабочих к увеличению добычи руды... дополнить приказ № 161».

66 Механизированное радиометрическое выделение руды из массы отвала.

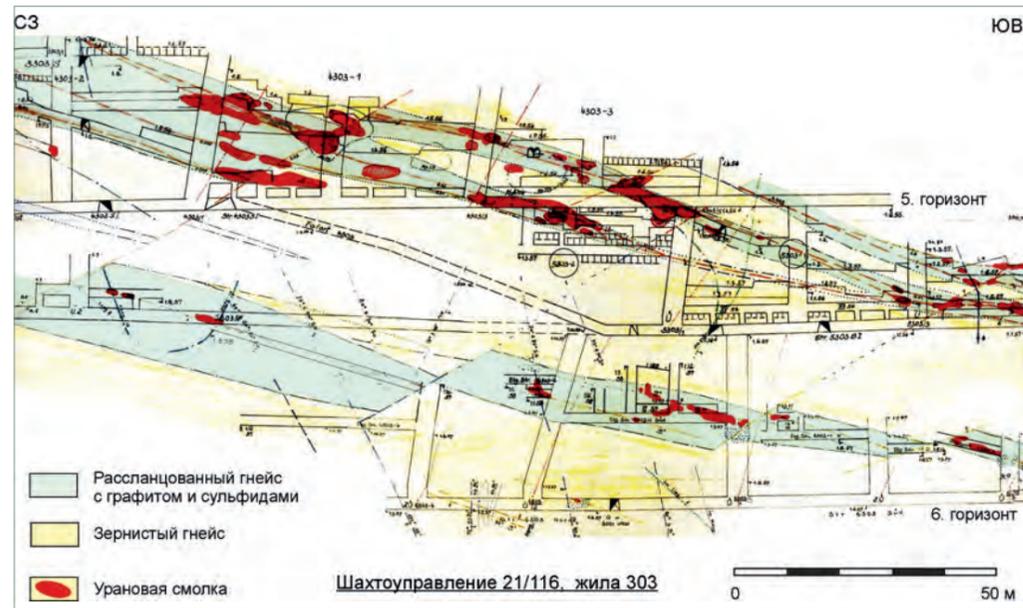

Рис. 18. Оптимизированные для месторождения подготовительные и добычные выработки 1956–1958 гг.

шахтой № 29 (рис. 17). На 1 января 1951 г. основные балансовые запасы в количестве 52 тонн находились на Объекте 111 на месторождении Нидершлаг, в то время как месторождение Аннаберг обладало только 14 тоннами⁶⁴. Сократившиеся с 1949-го по 1951 г. на 70% объемы горных работ выразились, естественно, в массивном сокращении персонала, что было компенсировано рационализаторскими мероприятиями (позтапная механизация погрузочных и транспортных процессов). В 1951 г. началась структурная и технологическая реорганизация, которая сопровождалась в «Висмуте» улучшениями в организации, контроле и оплате непосредственно рудодобывающих работ⁶⁵. В качестве значительного технологического компонента следует назвать установки РАС⁶⁶ в добывающих шахтах, которые помогли существенно уменьшить потери металла в отвалах. Но даже снижение общих потерь на 8,39 % не смогло предотвратить того, что годовая добыча 1952 г. — 16,87 тонны — составила только половину показателя 1949 г. Временами вся добыча покрывалась только за счет шахты № 78, поскольку шахта № 21 с 1951-го по 1952 г. находилась в весьма затруднительном в отношении запасов положении. Однако хорошо скоординированные геологические работы на Объекте 111 принесли первые успехи.

Главная проблема дальнейшего существования горного предприятия — контур месторождения — была, по крайней мере,

67 Годовой отчет (ГО) 1952 г. Объект 111. С. 10.

68 HILLER; SCHUPPAN (2008): Geologie und Uranbergbau im Revier Schlema-Alberoda. Hrsg.: Sächsisches Landesamt für Umwelt und Geologie, Sächs. Oberbergamt, Freiberg.

LEONHARDT (1998): Erläuterungen zu Blatt 5443 Annaberg-Buchholz West. Geologische Karte des Freistaats Sachsen 1:25000; Sächsisches Landesamt für Umwelt und Geologie, Freiberg.

частично разрешена, как об этом свидетельствует следующее предложение в годовом отчете 1952 г.: «За отчетный год окончательно установлено, что промышленные скопления руды, в виде отдельных линз в плоскостях жил этих направлений, имеются только на пересечениях их с межпластовыми нарушениями типа «швебенде», или же в 5–10 м выше и ниже от этих пересечений. Межпластовые нарушения типа „швебенде“ развиты в определенной пачке гнейсов, расположенной в 300 м выше гранитного ложа, в количестве 5–6 штук с расстояниями между ними 10–15 м и представлены в виде пологопадающей зоны мощностью 50–70 м»⁶⁷.

После того как получили негативный прогноз в отношении более глубоко залегающих частей месторождения Аннаберг, открылись новые перспективы. Не центральная часть Аннабергского купола, исследованная вначале, а его фланги должны стать интересными для глубокой разведки.

Второй период добычи (1953–1958 гг.)

Наибольшая трудность освоения нового контура месторождения заключалась в значительном горизонтальном сдвиге с увеличивающейся глубиной участков добычи. Заложение новой шахты не могло рассматриваться, поскольку месторождение Аннаберг по масштабам «Висмута» имело относительно небольшое значение. Шахтоуправление № 78 могло рассчитывать на благоприятно расположенные шахты №№ 33-бис и 29, из которых уже с 1951 г.

69 Гор. 4 +405 м NN, гор. 5 +345 м NN; см. на рис. 17 слева «Г 1001» — слепая шахта № 1001.

успешно производилась подготовка квершлагами рудного поля горизонта +450 м. Для подготовки простирающегося далее на север рудного поля горизонта +390 м, кроме шахты № 33-бис служил еще пройденный из горизонта +450 м слепой шахтный ствол № 285/78. С такой подготовкой рудное поле было отработано вплоть до его списания в середине 1956 г. Добыча 92,5 тонны⁶⁸ урана поставила шахтоуправление № 78 только на 2-е место в Аннаберге после шахтоуправления № 21 «Уранус», но оно заметно отличалось своей стабильностью. На шахте № 21 в начале 1953 г. наступило облегчение ситуации по запасам после того, как смогли обнаружить фланг месторождения, полого падающий на юг. В качестве базового горизонта для дальнейшей подготовки выбрали находящийся ниже уровня Земы 3-й горизонт +465 м NN. Новая модель месторождения выявила сразу две возможности развития вначале еще слабо развитого фланга напротив шахты № 78. Во-первых, концентрация разведки и подготовки квершлагами предположительно рудоносной продуктивной толщи пород. При этом были встречены новые жилы с промышленным оруденением к западу («Надежда», «Зина») и к востоку («Меркур», «Мокрая») от старого шахтного поля.

До осени 1956 г. удалось исследовать продуктивные толщи квершлагами № 17 (запад) и 17А (восток) на 4 км по простирающую. Вторая возможность развития состояла в прослеживании с наклоном 10–20 ° падающих на юг руд новыми более глубокими горизонтами. Таким образом, фронт работ двигался в район еще полностью неподключенного южного фланга и все более отдалялся от пройденных с поверхности шахт «Уранус I и II». Поэтому на крайней южной части 3-го горизонта была пройдена слепая шахта № 1001 к горизонтам 4 и 5⁶⁹. Для запланированного 6-го горизонта фронт работ должен был приблизиться вплоть до 300 м к шахте № 28 «Химмелиш Херр», которая была остановлена в 1951 г. Расстояние до имеющегося выдачного шахтного ствола № 21-II увеличилось, напротив, до 1,2 км. Из соображений общей перспективы месторождения и транспортно-технических задач в 1954 г. была реконструирована и соединена с помощью 700-метрового полевого штрека⁷⁰ со слепой шахтой № 1001 шахта № 28 в качестве будущего главного выдачного шахтного ствола. Немного восточнее этого полевого штрека прошли слепую шахту № 5, которая в конце концов достигла самого глубокого здесь 6-го горизонта (+292 м NN). С про-

70 Обозначен как квершлаг № 28.

71 Короткие поперечные поисковые штреки.

72 Производственный план ликвидации шахтного поля № 21/116 Аннаберг. С. 6.

ходкой квершлага № 17 (запад) к Буххольцу в 1955 г. к шахтному полю «Уранус» была подсоединена брошенная четыре года тому назад шахта №116 как еще одна выборочная шахта. Терриконники отвалов шахты № 116 являются важными памятниками новейшей горнорудной истории и после санации 2007–2008 гг. в значительной мере сохранились. В 1955 г. на этой шахте произошли значительные функциональные перемещения (душевые, спуск и подъем персонала, управление). Транспортировка персонала в поле отработки, расположенное восточнее Земы, производилась с помощью вагонов. Новая модель месторождения принесла изменения также и в подготовку и отработку. Подготовительные подземные горные выработки, такие как жильные штреки и восстающие, были в значительной степени ограничены областью продуктивных пород с тем, чтобы их объем был как можно меньше. Так, нарезка очистных площадей подгонялась под толщину пород, чтобы избежать ненужных выемок. Внутреннюю подготовку реализовали преимущественно полого падающими выработками, такими как забои по восстанию или падению. Короткие контрольные скважины и рассечки⁷¹ служили поиску рудных обломков по обе стороны от главной жилы. Все эти мероприятия примерно с 1954 г. привели к явному повышению эффективности. В результате отчетливого уменьшения Объекта 111 из-за списания месторождений Нидершлаг и Мариенбург в середине 1955 г. произошло приращение к Объекту 1 Иоганн-георгенштадт. Добыча руды на Аннабергском месторождении достигла в 1956 г. наивысшего показателя в 104 тонны металла. Но при этом было невозможно не видеть, что ситуация с запасами на глубоких горизонтах показала тенденцию к сокращению. Это было связано главным образом с непрерывным уменьшением мощности продуктивной толщи пород. Тем не менее до самого глубокого горизонта не было установлено полного исчезновения оруденения. «Дальнейшее вскрытие месторождения было остановлено, поскольку проходка подготовительных выработок экономически ни в коем случае не будет соответствовать продукции»⁷².

В плане начавшихся в 1957 г. в СГАО «Висмут» исследований сопутствующих элементов были обнаружены три жилы с небольшим выходом кобальтовых и никелевых руд. В конце 1957 г. был ликвидирован Объект 1 Иоганн-георгенштадт, а оставшиеся части, как например, Аннаберг, были подчинены шахтоуправлению № 235 Антонсталь. В Аннаберге в первом квартале 1958 г. еще имели место незначительные остаточные добычные работы, которыми на различных горизонтах подчищались рудные анома-

лии. Рудные линзы, которые простирались на глубину ниже 6-го горизонта, обрабатывались забоями по падению. Затем вплоть до 1959 г. проводились работы по демонтажу и консервации.

Заключение

Горнодобывающая деятельность на месторождении Аннаберг на протяжении 11 лет смогла обеспечить отработку 991 500 кв. м жилых площадей, из руды которых было извлечено 438 тонн урана. С количеством персонала временами до 20 000 трудящихся СГАО «Висмут» являлось, без сомнения, крупнейшим работодателем региона. Поэтому и на сегодняшний день время «Висмута» в Аннаберге остается незабываемым в коллективной памяти населения, хотя большей части ветеранов уже нет в живых. Предметные свидетельства горного производства «Висмута» на дневной поверхности обнаруживаются сегодня в форме многих частично измененных отвалов. Соответствующие подземные свидетельства сохраняются для потомков благодаря Обществам экскурсионных горнопромышленных предприятий «Маркус Релинг Фронау» и «Штольня Доротея в Кунерсдорфе».

Источники, использованные при написании статьи:

Литература

HAGEN; SCHEID [Hrsg.] (1999): Chronik der Wismut. CD-ROM, Wismut GmbH, Chemnitz.
HARLASS; SCHÜTZEL (1965): Zur paragenetischen Stellung der Uranpechblende in den hydrothermalen Lagerstätten des westlichen Erzgebirges. — Z. angew. Geol., 11, Berlin.
HILLER; SCHUPP AN (2008): Geologie und Uranbergbau im Revier Schlema-Alberoda. Hrsg.: Sächsisches Landesamt für Umwelt und Geologie, Sachs. Oberbergamt, Freiberg.
KADEN (1994): Wismut — die wilde Zeit. Herausgeber Landratsamt Annaberg.
KUNZE (2005): Die Schwebenden im Südteil der Ganglagerstätte Annaberg. Weisbachiana-Hefte Nr. 19 u. 20, Verlag Bernd Schreiter, Arnshfeld.
LANGE; HILLER (2006): Die Wismut in Marienberg. Eigenverlag R. Lange, Venusberg.
LEONHARDT (1998): Erläuterungen zu Blatt 5443 Annaberg-Buchholz West. Geologische Karte des Freistaats Sachsen 1:25000; Sächsisches Landesamt für Umwelt und Geologie, Freiberg.
PÄLCHEN; WALTER (2008): Geologie

von Sachsen. E. Schweizerbart' sehe Verlagsbuchhandlung, Stuttgart.
SCHIFFNER; WEIDIG; FRIEDRICH (1908–1912): Radioaktive Wässer in Sachsen. Teil I–IV, Freiberg.
SCHIFFNER, C. (1911): Uranmineralien in Sachsen. Freiberg.
SCHNEIDER (1938): Die Kobalt-Wismut-Silbererzgänge des Annaberger Reviers. Freiberg.
WAGENBRETH; WÄCHTLER; LAHL (1990): Bergbau im Erzgebirge. Deutscher Verlag für Grundstoffindustrie, Leipzig.

Приказы АО «Висмут» (Генеральная дирекция)

Мальцев (15.3.1951): Приказ № 69.
Богатов (27.5.1952): Приказ № 161.

Wismut GmbH. Geologisches Archiv

Годовые отчеты СГАО (АО) «Висмут» или Объектов (Об. 4), (Об. 111).
КАЩЕЕВ; ТОЛМАЧЕВ: Материалы к геологии урановых месторождений в центральной части Рудных гор Саксонии (1955), Инв. № М-310.

Документы о запасах и добыче урана на предприятии АО «Висмут» в 1945–1954 гг. (1955), Инв. № М-423.

ЗАСТЕЖКО. Гидрогеологический отчет по Объекту 111 за 1950–1954 гг. Инв. G-10.

SCHÖNHERR (1958). Bericht über die Lagerstätte Annaberg.

SDAG Wismut; Inv.-Nr. 55195.

Betriebsplan zur Liquidierung des Schachtgebietes 21/116.

Аннаберг

Гидрогеологические материалы по Объекту 7. Геологический графический материал по месторождению Аннаберг.

Интернет.

Публикации и форум авторов на сайте www.untertage.com.

Рисунки

Рис. 11, 12, 15, фото «Урановая смолка (шахта № 20)» — С. Кунце.

Шахта № 132 (рисунок Феликса Кубе) — Архив государственного музея Аннаберг-Буххольц.

Панорама Аннабергского горного производства в 1952 г. — Общество «Старые горные разработки Маркус Релинг Штолльн» Фронау; переработано Ф. Лангером.

Рис. 9, 10, 13, 14, 16, 17, 18 — Геологический архив «Висмута ГмбХ»; дополнения С. Кунце, Ф. Лангера.

Манфред Хоффман (директор рудника Пайцдорф)

Выступление на встрече с представителями НП «Висмутяне» в 2009 г.

Я начал работать в «Висмуте» в 1960 г. на руднике Шмирхау. Это было время, когда еженедельно нужно было бороться с эндогенными подземными пожарами. В то время в «Висмуте» не было соответствующего опыта таких работ. Я был назначен ассистентом (секретарем) комиссии по борьбе с пожарами. Комиссия вела всю документацию по каждому случаю и проведенным противопожарным мероприятиям. Мне приходилось собирать эту комиссию и вести документацию.

Оберштейгером на Шмирхау был Кремпель, директором — Мюллер. Для борьбы с пожарами мы стали применять заиливание — способ, разработанный уральским институтом «Унипромедь». Для приготовления закачиваемого под землю глинистого раствора на поверхности была построена установка, которая успешно стала работать.

Затем меня перевели в 13-й отдел, где я руководил группой по борьбе с пожарами. В частности, проверял наличие на складах запасов необходимых аварийных материалов. Распоряжение об этом дал Вернер Рихтер. Я посещал в связи с этим рудники. Был на Ройсте. Тогда директором был Гюнтер Хюбнер.

В 1971 г. меня назначили оберштейгером на Пайцдорфе. В 1981 г. в марте получаю звонок из Генеральной дирекции — быть к 11:00 в приемной у С. Н. Волощука. Помню, был туман по дороге, но приехал в Генеральную дирекцию вовремя, а не знаю, где сидит генеральный директор. Вольфганг Шенхер показал, где кабинет Волощука. Семен Николаевич сказал, что меня назначают директором Пайцдорфа, и он хотел со мной поближе

познакомиться. Мы с ним разговаривали полчаса. Он выразил надежду, что я помогу Пайцдорфу стать передовым современным предприятием. Думаю, что коллектив Пайцдорфа оправдал его надежды. Вместе со мной работали главные инженеры Ким Лазаревич Петр Скрипка, Борис Шевченко.

В 1987–1988 гг. решался вопрос о том, какие участки вывести из эксплуатации для удешевления продукции. Чтобы выйти на уровень мировых цен, необходимо было пересмотреть параметры содержания металла в добываемой руде и коэффициент извлечения.

Однако события 1989 г. внесли свои коррективы в деятельность «Висмута». Для оценки возможности «Висмута» вести добычу урана в охранных целиках до конца 1991 г. из Рура прибыли специалисты, из которых только один имел опыт ведения подземных горных работ по добыче угля.

Они убедились в том, что предприятие «Висмут» современное, что твердеющая закладка имеет высокое качество, что поверхностные комплексы на Беервальде и Дрозене также самые современные. Параллельно обсуждались вопросы санации с учетом требований по охране окружающей среды и законодательства ФРГ.

После 1990 г., в связи с закрытием СГАО «Висмут», все должны были уволиться и снова наниматься на работу, но уже в другую организацию. До 1 марта 2002 г. я работал в новой организации — АО «Висмут». После того как в январе 2002 г. я заболел, то вышел на пенсию.

Я проработал в «Висмуте» 42 года, из них проболел всего 96 дней.

М. Хоффман.

Вид на деревню Пайцдорф (Тюрингия). Фото 2011 года.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот Вы, уважаемый читатель, перевернув последние страницы, прочитали нашу книгу. Эта книга — лишь первая попытка в России объяснить и описать историю возникновения, становления и деятельности САО/СГАО «Висмут», крупнейшего уранодобывающего предприятия мира, сыгравшего значительную роль в ликвидации американской монополии на атомное оружие и сохранении мира на Земле. Мы, написавшие эту книгу, не профессиональные историки. Мы — висмутяне и Wismut-Kumpel, которые работали в «Висмуте» и своим трудом вместе со всем коллективом писали его историю.

* * *

Ветеран «Висмута» В. П. Назаркин, начавший свою работу в 1951 году горным инженером на рудниках Аннаберга, и окончивший трудовой путь в должности первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут», сказал на прощальной встрече с товарищами по работе и друзьями:

— Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производили уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться.

* * *

Приводим здесь мнение о предприятии СГАО «Висмут», высказанное в письме канадской фирмы «BEAK CONSULTANTS LIMITED» за подписью доктора Donald L. Lush (от 19 июня 1991 года). Эта фирма состоит членом Canadian Environmental Group, пользующейся авторитетом у профессионалов канадской и мировой горной общественности. Письмо адресовано профессору, доктору G. Leonhardt, в Правление консалтинговой

и инженеринговой службы СГАО «Висмут». Письмо написано по результатам обследования предприятий СГАО «Висмут».

«Мы находимся под впечатлением тех достижений, которых достиг Ваш коллектив в области горной техники, которую он разработал и применял. Особо впечатляют Ваши решения в области механики горных пород и предотвращения горных ударов. Члены нашей группы на встречах с канадской горной общественностью расскажут о Вашем положительном опыте.

Западная пресса дает очень негативную картину прежней ГДР и Вашей фирме (СГАО «Висмут» — прим. ред.). Но что касается Вашего предприятия — СГАО «Висмут», то мы считаем такое утверждение несправедливо преувеличенным. То, что мы увидели, — это, в основном, технически высоко совершенные рудники и перерабатывающие предприятия, соответствующие международному уровню.

* * *

Но не только добыча урана была результатом деятельности «Висмута». Не менее важным было и создание атмосферы сотрудничества и дружбы между представителями двух народов, вчера еще — смертельных врагов. Тяжело и медленно забываются обиды и несправедливости, но дух товарищества и уважения, ясность и понятность поставленных целей перед коллективом, хорошо оплачиваемый труд и нормальные социальные условия жизни создали сплоченный советско-германский коллектив общества «Висмут».

Некоторые критики, ерничая по поводу советско-германской дружбы, называли советских специалистов чужаками среди «друзей» (Fremd bei «Freunden»). Но добрые товарищеские отношения, возникавшие между советскими и немецкими специалистами во время их работы в «Висмуте», не только сохранились, но даже укрепились по прошествии времени. Вот почему мы всегда рады встречам, рады крепким дружеским рукопожатиям и воспоминаниям.

Но время неумолимо. Все больше наших товарищей-друзей уходят от нас. Поэтому мы посвятили эту книгу памяти живых и ушедших висмутян. И хотели бы, чтобы лица, ответственные за принятие судьбоносных решений, не бредили старые раны и обиды, а использовали опыт формирования делового сотрудничества и дружеских отношений между людьми, который был выстрадан нашим коллективом на протяжении многих лет после кровавой катастрофы Второй мировой войны.

Огромная горняцкая лампа установлена на самой высокой части культивированного отвала («Schmirchauer Hohe» +373 м) и видна за несколько километров вокруг, а ночью ее свет виден издалека. (Из архива А. Г. Андреева, 2013 г.)

Карьер (начало рекультивации).

Зеленый ландшафт на месте бывшего карьера.

Вокруг лампы на культурном отвале выложены памятными камнями границы шахтных полей рудников, обрабатывавших Роннебургское рудное поле.

Памятные камни, которыми выложены границы Роннебургского рудного поля (с фамилиями специалистов, работавших на предприятиях «Висмута»).

На камне написано: "Не зная прошлое, не познаешь будущее". Это понимают Надя и Нина Андреевы — потомки висмутянина.

Вот ради мирной жизни таких мальцов трудились висмутяне (Из архива А. Г. Андреева).

Висмутяне продолжают дружить: Альфред Фильмут, Вернер Рихтер, Клаус Хинке, Георгий Андреев с внуком Георгием. (Из архива Г. Г. Андреева, июнь 2013 г.).

Альфред Фильмут с супругой, Оттомар Бусе с супругой, Гюнтер Дукс с супругой, Вернер Рихтер, Георгий Андреев, Нина и Андрей Андреевы. (Из архива Г. Г. Андреева, июнь 2013 г.).

Встреча представителей Некоммерческого Партнерства содействия развитию деловых, культурных и социальных связей «Висмутяне» с председателем Общества сохранения горных традиций «Висмута» Б. Крамером и руководством ГмБХ «Висмут».

Г. Г. Андреев и председатель Общества горняков «Висмута» профессор Б. Крамер (г. Фрайберг, 2013).

Встреча в архиве ГмБХ «Висмут»: Е. Синёв, Вернер Рихтер, руководитель архива Томас Хайнике, Г. Г. Андреев, руководитель ГмБХ «Висмут» Харди Мессинг (январь 2013).

Встреча советских и немецких ветеранов СГАО «Висмут» в Хемнице (бывший Карл-Маркс-Штадт). Январь 2013 г.

И. В. Мельниченко, А. А. Андреев, Г. Г. Андреев, Бернхард Крамер, В. А. Булатов, В. Рихтер (г. Фрайберг, 2013 г.).

Председатель общества горняков «Висмут» округа Хемниц Гунтер Шликке (слева) и Вернер Рихтер (справа).

Горный диспетчер «Висмут» Жорж Ендрук.

Горный диспетчер «Висмут» Жорж Ендрук (90 лет) рассказывает о прошлом Г. Г. Андрееву.

V-й конгресс «отцов» и «детей» – висмутян; на фото – участники Некоммерческого Партнерства содействия развитию деловых, культурных и социальных связей «Висмутяне». 12.12.2013 г.

Рогизный В. Ф., Дёмин Н. В., Петросов А. А., Найденко Ю. М.

Лопатин В. В., Назаркина А. М., Андреев Г. Г.

Кастуев О. М., Рудычев А. А., Савицкий В. И.

Волощук С. С., Андреев А. А.

Здание Генеральной дирекции СГАО «Висмут» . Зигмар.

ЧАСТЬ IV

СОВЕТСКИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ, РАБОТАВШИЕ В СГАО «ВИСМУТ»

1945–1990

ОБРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЯМ

При подготовке издания книги «Уран и люди» редколлегия собрала данные более чем о десяти тысячах работниках АО и СГАО «Висмут». Источником послужили архивы корпорации «Росатом». Мы считаем, что публикация этих данных повысит интерес к книге, обеспечит документальное значение издания и позволит упомянуть по возможности всех висмутян — ради этого и задумывался наш проект.

К сожалению, собранные нами материалы не являются исчерпывающими. Поэтому редколлегия обращается к вам с просьбой дополнить списки фамилиями и известными вам данными о специалистах, отсутствующих в данных списках.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

а/база	автобаза	охр.	охрана
англ.	английский	п/п	полевая почта
адм.-хоз.	административно-хозяйственный	ПГУ	Первое Главное управление при Совете Министров СССР
АО	акционерное общество	ПГРЭ	поисковая геолого-разведочная экспедиция
АХО	административно-хозяйственный отдел	планов.	плановый
АХЧ	административно-хозяйственная часть	п./отдел	политотдел
БВР	буроварзные работы	пож.	пожарный
бух.	бухгалтер	политраб.	политработник
вент.	вентиляция	пом.	помощник
ВГСЧ	военизированная горноспасательная часть	ППР	планово-предупредительный ремонт
ВВ	взрывчатые вещества	пр-во	производство
ВМ	взрывчатые материалы	препод.	преподаватель
Ген. дир.	Генеральная дирекция	Проект. Упр.	Проектное Управление
ГПП	гидрогеологическая партия	произв.	производственный
геол. упр.	геологическое управление	пром.	промышленный
геоф.	геофизик, геофизический	ПТО	производственно-технический отдел
гл.	главный	ПФО	планово-финансовый отдел
горн.	горный	ПЭО	планово-экономический отдел
ГП	готовая продукция	реж.	режим
г/рудный	горнорудный	РУ	рудоуправление
ГРП	геологоразведочная партия	руков.	руководитель
ГСМ	горюче-смазочные материалы	САО	Советское акционерное общество
ГУ	геологическое управление	сан.	санитар, санитарный
ГУЛГМП	главное управление лагерей горнометаллургической промышленности	сл.	служба
делопр.	делопроизводство, делопроизводитель	см.	сменный
дроб.	дробильный	снабж.	снабжение
д/с	детский сад	сов.	советский
жил.	жилищный	сотр.	сотрудник
зав.	заведующий	спецч.	спецчасть
зам.	заместитель	ст.	старший
ЗП	зарплата	строит.	строительный
инж.	инженер	СППП	Саксонская промышленно-поисковая партия
инсп.	инспектор	СУПП	Саксонская ураново-поисковая партия
инстр.	инструктор	СПРП	Саксонская промышленно-разведочная партия
инф.	информация	СГУ	Саксонское горное управление
канализ.	канализационный	ТБ	техника безопасности
кап.	капитальный	телеф.	телефонист
КБ	конструкторское бюро	техн.	техник
констр.	конструктор, конструкторское	технич.	технический
КУБ	контрольно-учетное бюро	трансп.	транспортный
лаб.	лаборатория, лаборант	УКС	управление капитального строительства
маркш.	маркшейдер	УМТО	управление материально-технического обеспечения
мед.	медицинский	УПВС	управление продовольственного и вещевого снабжения
мех.	механик	Упр.	Управление
минералог.	минералогический	уч.	участок, участковый
МТБ	материально-техническая база	ф-ка	фабрика
нач.	начальник	фин.	финансовый
нем.	немецкий	хим.	химик, химический
норм.	нормировщик, нормирование	хоз.	хозяйство
Об.	Объект	ЦА	центральный аппарат АО «Висмут»
оборуд.	оборудование	ЦБ	центральная больница
ОГМ	отдел главного механика	ЦГРЭ	центральная геологоразведочная экспедиция
ОК	отдел кадров	центр.	центральный
ОКС	отдел капитального строительства	ш.	шахта
ОНТЗ	отдел нормирования труда и заработной платы	шахтостр.	шахтостроитель
ОПВС	отдел продовольственно-вещевого снабжения	шахтоупр.	шахтоуправление
ОРС	отдел рабочего снабжения	шт.	штольня
ОТИЗ	организация труда и заработной платы	экон.	экономист, экономический
отд.	отдел	экспл.	эксплуатация
ОТК	отдел технического контроля	эл.-мех.	электромеханик, электромеханический
ОТС	отдел технического снабжения	юр.	юридический
ОФ	обогащительная фабрика	яз.	язык

А

Фамилия Имя Отчество/ Год рождения/ Годы работы в «Висмуте» /Должность/ Место работы (предприятие)

Абакаров Юнус Гаджиевич, 1929¹; 1969–1974; 1978–1984. Ст. инж. ПТО; ст. инсп. по горным работам. Об. 90.

Абакумов Сергей Николаевич, 1929; 1955–1957. Зав. складом гот. прод.; сменный контролер ОТК; зав. цехом дробления. Об. 60.

Абакумов Борис Николаевич, 1932; 1959–1961. Нач. смены завода; см. инж. хим. цеха; ст. инж.-исследователь. Об. 102.

Абалакин Владимир Георгиевич, 1936; 1963–1967. Оказание технич. помощи (дело уничтожено в 1976 г.).

Абальян Георгий Меликович, 1921; 1960–1963. Ст. инж.-геол. по подсчету запасов геол. отд. Об. 90.

Абальян Элла Трдатовна, 1923; 1960–1963.

Врач-терапевт медсанчасти. Об. 90. **Абашин Евгений Васильевич**, 1937; 1977–1982. Горн. инж.

Абдульманов Ильшат Гаязович, 1941; 1971–1975. Ст. инж. горн. лаб. НИИ.

Абидин Станислав Илларионович, 1929; 1972–1979. Ст. инж.-экон.; нач. план. отд.; зам. нач. план. отд. Рудник Ройст; рудник Пайцдорф; Ген. дир.

Абрамкина Мария Васильевна, 1927; 1956–1959. Машинистка спецотд.; ст. инсп. спецотд.; нач. спецотд. Об. 9.

Абрамов Виктор Васильевич, 1912; 1955–1957. Нач. план. отд. Об. 17.

Абрамов Владимир Захарович, 1925; 1958–1962. Зам. гл. инж. Шмирхау, гл. инж. Ройст, ОКС; инж. ПТО. Об. 90.

Абрамов Юрий Иванович, 1932; 1974–1980. Ст. инж.-гидрогеол., рудник Беервальде. УКС.

Абрамов Виталий Васильевич, 1933; 1974–1980. Ст. инж.-геоф. геол. отд. Ген. дир. **Абрамов Юрий Александрович**, 1938; 1984–1987. Горн. инж.-геол.

Абрамов Василий Васильевич, 1921; 1958–1961; 1965–1968. Инсп., инж. отд. фельдсвязи; ст. инсп. фельдсвязи. ЦУ.

Абросимов Александр Иванович, 1912; 1956–1959; 1969–1975. Нач. спецотд. по реж.; ст. инсп. секретн. отд.; Шмирхау. Об. 9; ЦУ. **Абросимов Прокофий Степанович**, 1922; 1956–1961; 1976–1982. Ст. инсп. ОК, охраны и режима, фельдсвязи, пож. инспекции; нач. секретн. отд. Об. 102; Пайцдорф.

Абросимов Алексей Александрович, 1939; 1966–1971; 1982–1987. Горн. инж.-геол.

Абросимова Вера Леонтьевна, 1916; 1956–1959; 1969–1975. Ст. машинистка спецч., секретн. отд.; Пайцдорф. ЦУ.

Абросимова Лидия Ивановна, 1927; 1956–1961; 1976–1982. Приемщик-отправитель АХО; инсп. спецч. Саксонская ПРЭ.

Авакимов Владимир Анатольевич, 1933; 1968–1974. Ст. горн. инж.; гл. инж. ш. № 366; гл. инж. ш. № 38. РУ № 9.

Августовский Владимир Иосифович, 1907; 1962–1965. Гл. врач — зав. отделом ЦБ. ЦБ.

Авдеев Владимир Иванович, 1933; 1954–1955. Ст. техник-геоф. Об. 129.

Авдеев Олег Константинович, 1937; 1967–1973.

Ст. инж. ПКУ; ст. инж.; нач. горн. лаб. НИИ.

Авдусин Евгений Николаевич, 1919;

1962–1967. Ст. инсп. ОНТЗ; ст. инж.-экон.; нач. отд. ЦУ.

Авершин Степан Гаврилович, 1901;

1967–1971. Горн. инж.

Авраменко Александр Васильевич, 1926; 1972–1981. Ст. инж., нач. произв. отд.; гл. инж. рудника. Рудник Шмирхау; рудник Ройст.

Агаев Алексей Васильевич, 1925; 1951–1957; 1972–1977. Ст. инж. по горн. работам отд. № 7, гл. инж.; ст. инж.-экон. план. отд.

Об. 129; рудник Кенигштайн.

Агаева Татьяна Петровна, 1925; 1951–1957; 1972–1977. Врач-эпидемиолог, Врач-терапевт, врач-педиатр — зав. д/с; врач медпункта. Об. 129; рудник Кенигштайн.

Агамиров Сергей Шагенович, 1936;

1964–1969; 1972–1978. Ст. инж.-гидрогеол.; гл. гидрогеол. Дрезденская ГРЭ; Ген. дир.

Агапов Василий Григорьевич, 1932; 1955–1957. Нач. цеха по рем. электрооборудования, нач. энергорайона. Об. 54; Об. 2.

Агапов Валерий Васильевич, 1931; 1977–1982. Инж.-обогатитель.

Агафонова Таисия Яковлевна, 1925;

1963–1968. Медсестра, ст. медсестра. ЦБ.

Агеев Александр Тимофеевич, 1933;

1956–1959. Инж.-геол. ГРП № 2. Роннебург.

Агеева Мария Ивановна, 1927; 1960–1964. Ст. лаборант хим. лаб. Об. 102; Об. 36.

Агеева (Капусткина) Ираида Алексеевна, 1931; 1955–1959. Препод. курсов нем. яз.; переводчик; ст. инсп. по кадрам. Об. 38; Роннебург.

Агишев Мурдан Харисович, 1913; 1961–1961; 1965–1971. Гл. геол.; нач. геол. отд.;

ст. инж. по подсчету запасов. ЦУ.

Анстова Людмила Михайловна, 1955 — главный маркшейдер шахты 16, Объект 1.

Акимкин Николай Васильевич, 1928;

1956–1959. Нач. шифровального пункта.

Акимкина Нина Леонтьевна, 1930; 1956–1959. Секретарь-делопроизводитель.

Акимов Владимир Иванович. 1985–1990; переводчик, рудник Дрозен.

Акинин Виталий Васильевич, 1928;

1955–1957. Нач. участка колонкового бурения партии № 2; нач. смены центр. участка отдел. гот. прод. Экспедиция № 2; Упр.

Акинина Раиса Алексеевна, 1927; 1955–1957.

Медсестра д/с; контролер-приемщик отдела гот. прод. Об. 90; Упр.

Акишкин Иван Васильевич, 1916; 1962–1965. Ст. инсп. секретн. отд. ЦУ.

Акопджаян Вагаршак Степанович, 1925;

1962–1965. Ст. инсп., нач. секретн. отд., спецч. Об. 90; Об. 102; ЦУ.

Аксем Дмитрий Максимович, 1926;

1966–1971. Ст. инж.-геоф., гл. геоф. ЦГРЭ; Дрезденская ГРП.

Аксенов Борис Николаевич, 1929; 1968–1972. Ст. инж. горн. отд. ПКУ.

Акулов Федор Иванович, 1928; 1961–1966. Ст. горн. инж., ст. инж. по горн. раб. ПТО. Об. 90.

Алашева Нонна Викторовна, 1915; 1961–1964. Машинистка геол. отд. ЦУ.

Александров Алексей Александрович, ????; 1954–1957. Гл. инж. СГАО «Висмут»

Александров Павел Константинович, 1931; 1973–1978. Ст. инж. — руков. группы;

нач. электротехнич. отд. ПКУ.

Александрова Галина Ивановна, 1923;

1962–1965. Ст. машинистка секретн. отд. ЦУ.

Алексеев Иван Федорович, 1912; 1954–1955.

Горный инженер.

Алексеев Владислав Алексеевич, 1929; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты; гл. геоф. шахты № 12; ст. инж. ОТК. Об. 129.

Алексеев Виталий Васильевич, 1934;

1954–1957. См. техник-мех. цеха опроб.;

см. контролер ОТК фабрики. Об. 111.

Алексеев Юрий Сергеевич, 1932; 1956–1960.

Инж.-геол. ГРП, шахты, камер. группы; гл. геол. рудника Шмирхау. Об. 90.

Алексеев Владимир Васильевич, 1925;

1965–1970. Ст. инж.-экон. план.-экон. отд. ЦУ.

Алексеев Олег Иванович, 1933; 1968–1974; 1977–1985. Ст. инж.-геол. рудника Ройст; инж.-геол. Об. 90.

Алексеева Валентина Васильевна, 1932;

1956–1960. Инж., ст. инж.-гидрогеолог

Тюрингенской ГРП, инж. камер. партии. Об. 90.

Алексеева Клавдия Федоровна, 1927;

1962–1966. Ст. машинистка секретн. отд. Об. 90.

Алексеева Валентина Викторовна, 1929;

1975–1980. Нач. хим. лаб. (кандидат наук).

Алексеева Наталия Евгеньевна, 1935; 1968–1974; 1977–1985. Зав. клубом.

РУ Пайцдорф.

Алексейченко Евгений Георгиевич, 1930;

1958–1963; 1971–1978. Ст. инж.-геол. камер. группы Тюрингенской ГРП. Об. 90; ЦГРЭ.

Алипов Степан Павлович, 1931; 1974–1977.

Горн. инж.-экон., нач. технич. отд. ЭВЧ.

Аллилуев Анатолий Степанович, 1920;

1956–1961. Нач. 4-го энергорайона; зам. нач. отд. к. 11 — гл. энергетик;

нач. эл.-мех. отд. Об. 6; Об. 177.

Алтунин Владимир Ефимович, 1920;

1956–1959. Нач. электро-механо-монтажного района; нач. цеха опроб.; зам. гл. приемщика.

Об. 34; Об. 9.

Алтунина Альдона Яновна, 1919; 1956–1959. Воспитатель д/с; машинистка спецотд. Об. 9.

Алямский Юлий Александрович, 1932; 1973–1978. Руков. группы; ст. инженер горного отдела. ПКУ.

Алямский Вячеслав Иванович, 1935; 1978–1985. Нач. горн. отд. ПКУ.

Ананченко Николай Павлович, 1915; 1954–1956. Нач. вечернего университета марксизма-ленинизма. ЦУ.

Ананьев Юрий Сергеевич, 1938; 1979–1982. Горн. инж.

Ананьев Владимир Васильевич, 1929;

1964–1969; 1978–1983. Гл. технолог; ст. инж.-технолог хим. цеха; ст. инж.-технолог-гидролог.

Об. 102; Об. 101; завод № 101.

Ананьевский Георгий Иосифович, 1946;

1983–1988. Горн. инж.-геоф.

Ананьин Константин Павлович, 1924;

1957–1963; 1966–1971. Ст. инж.-проектировщик; ст. инж. горного отд.; нач. горного отдела

Упр. № 3; ПКУ.

Анашкин Валентин Васильевич, 1926; 1963–1966. Инж.-строитель; оказ. технич. помощи.

Андерсон Евгений Борисович, 1947; 1977–1979. Инж.-геол.

Андреев Сергей Валентинович, 1931;

1954–1957. Инж.-геоф. ш. № 207; гл. геоф. Об. 21; Об. 94.

Андреев Николай Иванович, 1927;

1958–1963. Гл. инж. шахты; ст. горн. инж. горн. отдела, руков. темы горн. лаб. Об. 36; ПКУ.

Андреев Александр Витальевич, 1937;

1970–1977. Ст. инж. технич. отд.; нач. отд. механизации и автоматизации. НИИ; ЦУ.

Андреев Георгий Георгиевич, 1937;

1965–1972; 1974–1982. Нач. отд. механизации

^[1] Первая цифра после ФИО означает год рождения, далее следуют годы работы в «Висмуте», должность и место работы.

горнопроходческих работ; ст. инженер — руков. темы лаб. рудничной вентиляции; зам. гл. инж. НТПЦ; ПКУ; Ген. дир. **Андреева Елена Александровна**, 1934; 1954–1957. Лаборант цеха ОТК. Об. 9. **Андрианов Везуий Тимофеевич**, 1928; 1956–1958. Инсп.-переводчик; ст. референт. Об. 90. **Андрианов Александр Андреевич**, 1914; 1961–1965. Нач. отд. кадров. ЦУ. **Андрионков Владимир Филиппович**, 1936; 1970–1975. Ст. инж.-геоф. Саксонская ГРП. **Андронов Николай Никандрович**, 1912; 1957–1960. Шофер-механик; приемщик-отправитель отд. гот. продукции; помощник нач. склада; нач. смены. ЦУ. **Андронов Александр Михайлович**, 1950; 1972–1978. Инсп.-переводчик произв. отд.; ст. инсп.-референт. Ген. дир. **Андрюхин Владимир Григорьевич**, 1922; 1958–1963. Ст. инж.-геол. шахты, группы по подсчету запасов; минералог камер. партии; ст. инж.-геол. Об. 9; Саксонская ГРП. **Андрюхина Раиса Ивановна**, 1927; 1958–1963. Машинистка спецотд., секретарь. Об. 9. **Аникеев Михаил Гаврилович**, 1932; 1959–1964. Переводчик секретариата, бюро переводов; ст. инсп. секретн. отд. ЦУ. **Аникин Сергей Петрович**, 1946; 1977–1982. Инж.-металлург. **Аникин Николай Александрович**, 1919; 1949–1952; 1963–1966. Нач. отд. нормирования труда и зарплаты. Об. 9; ПКУ. **Аникина Римма Витальевна**, 1921; 1949–1952; 1963–1966. Врач-стоматолог; врач-хирург. ЦБ. **Анисимов Сергей Клавдиевич**, 1953; 1981–1987. Переводчик-референт. **Анкудинов Евгений Викторович**, 1937; 1971–1977. Ст. инж.-гидрогеолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Анненков Геннадий Григорьевич**, 1930; 1969–1970. Ст. инж. по буровым работам Саксонской ГРП. ЦГРЭ. **Аносов Анатолий Александрович**, 1933; 1956–1958. Переводчик; инсп. пункта фельдсвязи отд. № 2. ЦУ. **Аносов Анатолий Васильевич**, 1926; 1967–1973. Шофер-мех. автотрансп. отд. ЦУ. **Аносов Юрий Михайлович**, 1932; 1976–1981. Горн. инж. **Антоненко Александр Иванович**, 1913; 1954–1960; 1962–1965. Зам. нач. шахтоупр.; гл. инж. — зам. нач. рудника; гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО. Об. 118; Об. 6; Об. 9. **Антоненко Анна Яковлевна**, 1915; 1954–1960; 1962–1965. Инж.-экон. шахты; ст. инж.-экон. план. отд. Об. 118. **Антонов Юрий Николаевич**, 1935; 1954–1955. Автотехник; нач. автобазы. Транспортная контора; Экспедиция № 2. **Антонов Валентин Филиппович**, 1932; 1956–1960. Инж.-геол. шахты; гл. геол. ш. № 207. Об. 2; Об. 9. **Антонов Яков Константинович**, 1908; 1957–1958. Зам. гл. бух.; гл. бух. Об. 2. **Антонова Валентина Петровна**, 1927; 1966–1969. Врач-педиатр ЦБ; главврач — зав. отделением. ЦБ; ЦУ. **Антонова Галина Михайловна**, 1943; 1974–1977. Ст. врач-терапевт. **Антоновская Раиса Стефановна**, 1941; 1973–1976. Ст. машинистка. ПКУ; рудник Пайцдорф. **Антосов Аркадий Исидорович**, 1917; 1962–1967. Нач. отд. технологии и обогащения. ЦУ. **Апанасевич Евгений Фомич**, 1912; 1954–1958. Гл. инж. шахты; ст. инж. по горн. работам; ст. районный инж. ПТО. Об. 129; Упр.

Апенько Валерий Иванович, 1931; 1961–1966. Инж. по опроб.; ст. инж.-исследователь хим.-технич. лаб. Об. 102; Об. 101. **Аполлонов Вадим Павлович**, 1929; 1951–1957; 1983–1988. Ст. инж.-геоф.; нач. отд. — гл. геоф. объекта. Об. 131. **Арефьева Светлана Михайловна**, 1932; 1956–1960. Ст. лаборант хим.-аналит. лаб. Об. 36. **Аристов Игорь Иванович**, 1926; 1981–1987. Горн. инж., инж. по опроб. **Артамонова Марина Николаевна**, 1962; 1986–1988. Техник-плановик, инсп. **Артемов Александр Васильевич**, 1912; 1955–1960; 1968–1974. Нач. шахты; гл. инж. проекта; нач. объекта; зам. нач. объекта по научной и горно-геол. части. Об. 131; Проект. Упр.; Об. 36. **Артемова Римма Васильевна**, 1933; 1972–1977. Машинистка; ст. машинистка план. отд. Ген. дир. **Артемьев Владимир Владимирович**, 1931; 1955–1960. Инж. хим.-технолог; ст. инж. по опроб. ОТК; нач. ОТК; гл. инж. ф-ки № 93. Об. 49; Об. 96. **Арутюнов Константин Григорьевич**, 1931; 1974–1980. Горн. инж., ст. инж. технич. отд. Ген. дир. **Архангельская Раиса Прокофьевна**, 1916; 1955–1959. Ст. лаборант цеха опроб. ОТК; лаборант цеха № 51; библиотекарь дома культуры; зав. технич. библиотекой ПТО. Об. 94; Упр. **Архангельский Николай Алексеевич**, 1912; 1955–1959. Гл. инж. шахты; нач. куста шахт; нач. ПТО — зам. гл. инж. Об. 83; Упр. № 2. **Архангельский Сергей Александрович**, 1914; 1971–1978. Ст. инж.-буровик геол. отд. Ген. дир. **Архипов Виктор Никитович**, 1912; 1958–1960. Нач. отдел. по контролю за отправкой прод. ЦУ. **Архипова (Сулименко) Тамара Даниловна**, 1914; 1958–1960. Телефонистка отдел. связи. ЦУ. **Астанин Петр Петрович**, 1936; 1974–1979. Ст. инж.-геол. геол. лаб. ЦГРЭ. **Астахов Евгений Сергеевич**, 1933; 1978–1983. Ст. инж.; зав. лабораторией. Зав. № 102. **Асташкин Юрий Алексеевич**, 1932; 1962–1969. Ст. инж.-геоф. рудника Ройст; ст. инж. по дозиметрии; гл. геоф. Тюрингенской ГРП. Об. 90; ЦГРЭ. **Асфандияров Загит Бикбулатович**, 1928; 1954–1957. Горн. инж.; ст. инж. по нормированию ш. № 13; инж. по горн. работам отдел. № 10. Об. 94; ЦУ. **Асфандиярова Фаузия Фаткуловна**, 1930; 1956–1957. Инсп.-переводчик гл. бух.; секретарь-переводчик план. отд. ЦУ. **Атамасов Василий Антонович**, 1926; 1958–1963. Нач. ОТК шахты; ст. инж. сантехнич. отд.; ст. инж. горн. отд. шахтоупр.; Проект. Упр. **Аторин Владимир Михайлович**, 1935; 1954–1956. Инж.-геол. шахты. Об. 118. **Аунапу Анзель Виллемович**, 1927; 1971–1976. Ст. инж. ПТО; ст. инж. по горн. работам; зам. гл. инж. Рудник Ройст. **Афанасьев Михаил Михайлович**, 1932; 1954–1958. Гл. мех. шахты; ст. инж. горн. отд.; ст. инж.-мех. технологич. отд. Об. 131; Упр. № 3. **Афанасьев Вадим Дмитриевич**, 1926; 1956–1959. Нач. спецотд. Упр. № 1. **Афанасьев Александр Григорьевич**, 1946; 1976–1979. Инж.-физик. **Афанасьев Георгий Афанасьевич**, 1927; 1981–1984. Ст. инж. по горн. работам. Рудник Ройст. **Афанасьева Валентина Александровна**, 1932; 1954–1958. Чертежник-копировщик горн. отд. Об. 131; Упр. № 3. **Афанасьева Нинель Павловна**, 1926; 1956–1959. Врач-педиатр поликлиники;

ординатор детского отдел. ЦБ; ст. медсестра приемного покоя поликлиники. ЦУ. **Афанасьева Нина Александровна**, 1926; 1965–1969. Ст. машинистка секретн. отд. Проектная контора. **Афонин Всеволод Михайлович**, 1905; 1955–1958. Гл. бух. ЦУ. **Афонин Юрий Александрович**, 1936; 1977–1983. Инж.-геол. **Афонин Владимир Константинович**, 1953; 1982–1987. Инж.-геодезист. **Афонькин Юрий Николаевич**, 1923; 1964–1968. Инсп.-переводчик; ст. инсп., референт. ЦУ; Ген. дир.; ПКУ. **Ахматов Иосиф Иванович**, 1907; 1957–1962. Гл. маркш. Объекта; нач. маркш. отдела — гл. маркш.; гл. маркш. ПТО. ЦУ. **Ачеве Борис Николаевич**, 1930; 1954–1958; 1962–1968. Гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. отд.; нач. камер. партии. Об. 94; Об. 9. **Ачевеа (Мануйлова) Галина Валентиновна**, 1931; 1954–1958; 1962–1968. Инж.-геолог по учету геол. отд., инж.-геол. шахты; зав. клубом. Об. 94; Об. 9. **Ашмарин Василий Константинович**, 1930; 1954–1957. Горн. инж.; ст. контролер ОТК ш. № 206; инж. БВР ПТО. Об. 111; Об. 131. **Ашмарина Надежда Федоровна**, 1936; 1954–1957. Медстатистик. ЦБ.

Бабак Дмитрий Владимирович, 1931; 1954–1956; 1963–1968. Ст. инж.-геоф. геол. отд.; гл. геоф. карьера, рудника Лихтенберг. Об. 129; Об. 90.

Бабенко Неонила Григорьевна, 1931; 1969–1972. Врач-педиатр. ЦБ. **Бабенко Владимир Иванович**, 1938; 1973–1979. Ст. инж.-технолог; ст. инж. отд. технологии и обогащения. Ген. дир. **Бабенко Диана Герасимовна**, 1926; 1946–1950. Врач-терапевт поликлиники. Об. 3. **Бабошин Борис Алексеевич**, 1923; 1959–1965. Техник-лаборант перевалочной базы; ст. диспетчер. Представительство № 20. **Бабушинов Михаил Прокофьевич**, 1914; 1956–1957. Ст. инж.-инсп., нач. отд. кадров; ст. инсп. отд. охраны и режима. Об. 90. **Багров Виталий Григорьевич**, 1934; 1963–1968. Ст. инж.-геол. группы по подсчету запасов; ст. инж.-геол. рудника Ройст. Об. 90. **Бадаев Яков Арсеньевич**, 1915; 1956–1959. Гл. инж. шахты; нач. ш. № 207; зам. нач. ПТО. Об. 9.

Бадюлин Михаил Сергеевич, 1907; 1954–1960. Нач. куста шахт; нач. строительной конторы; гл. инж. — зам. нач. объекта. Об. 83; Об. 11. **Бадюлина Вера Ивановна**, 1914; 1954–1960. Воспитатель д/с; библиотекарь комнаты культпросветработы; зав. клубом; инсп.-машинистка спецотд. Об. 83; Об. 11. **Баев Николай Андреевич**, 1926; 1954–1956. Инсп. пункта фельдсвязи. ЦУ. **Баева Капитолина Васильевна**, 1929; 1954–1956. Секретарь-машинистка. ЦУ. **Базжин-Новиков Иван Иванович**, 1910; 1954–1959. Нач. куста шахт; старший инженер-сметчик ОКСа; начальник сметно-контр. отд. Об. 118; УКС. **Базякин Николай Георгиевич**, 1918; 1954–1957. Нач. автобазы; нач. отд. по охране и режиму. Об. 118; Об. 83; Об. 49. **Бай Людмила Анисимовна**, 1925; 1956–1958. Инж.-геол. ГРП. Об. 9. **Бай Валентина Филипповна**, 1929; 1958–1963;

1972–1978. Врач-терапевт; Врач санчасти. Об. 9; РУ № 9. **Бай Леонид Анисимович**, 1930; 1958–1963; 1972–1978. Гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. по подсчету запасов, камер. партии; нач. камер. партии. Об. 9; РУ № 9. **Байдн Владимир Иванович**, 1934; 1976–1982. Гл. инж. ш. № 367. Рудник Шмирхау. **Байков Владимир Григорьевич**, 1909; 1956–1960. Ст. инж.-маркш. отд. № 12; ст. инж.-маркш. маркш. отд. Об. 118; Об. 6; ЦУ. **Баклажка Анатолий Николаевич**, 1927; 1961–1967; 1972–1978. Ст. инж.-гидрогеол. камер. партии, лаб., геол. отд. ЦГРЭ; Тюрингенская ГРП; рудник Пайцдорф. **Баклаков Александр Максимович**, 1927; 1956–1959. Ст. инсп. по режиму; инсп. отд. № 2; ст. инсп. отд. кадров. Об. 60; ЦУ. **Бакулин Михаил Федорович**, 1915; 1954–1958; 1964–1970. Гл. геоф., директор завода; нач. Объекта; гл. приемщик отд. приемки готовой продукции. Об. 80. **Бакуров Александр Петрович**, 1922; 1964–1965; 1969–1975. Инж.-геол. **Балабанов Василий Иванович**, 1928; 1974–1979. Инж. по опроб.; ст. инж.-геофизик ЦГРЭ; Саксонская ГРП. **Балан Владимир Иванович**, 1926; 1950–1955; 1958–1962. Нач. хим. цеха; гл. инж. ф-ки; нач. отд. приемки. Об. 38; Об. 49. **Баладин Евгений Кузьмич**, 1926; 1954–1956. Инсп. отд. окр. и реж.; инсп. отд. № 3. Об. 111; ЦУ. **Баладин Николай Иванович**, 1925; 1958–1959. Юрист, инсп. отд. № 2. ЦУ. **Баладин Борис Анатольевич**, 1931; 1961–1961. Зав. домом культуры. ЦУ. **Балашов Геннадий Дмитриевич**, 1929; 1977–1983. Ст. инж. по опроб.; гл. приемщик. **Балдин Борис Андреевич**, 1911; 1962–1966. Зам. ген. директора по кадрам, охране и режиму. ЦУ. **Балдин Александр Витальевич**, 1932; 1955–1959; 1966–1974. Зав. БВР шахты; ст. контролер ОТК шахты; ст. инж. горн. лаб.; зам. нач. ПТО; нач. ПТО; зам. гл. инж. Об. 131; ПКУ; ЦУ. **Балдина (Куренкова) Зинаида Ивановна**, 1934; 1955–1959; 1966–1974. Делопроизводитель-машинистка юр. отд.; стенографистка-машинистка. ЦУ. **Балковая Мальвина Николаевна**, 1928; 1953–1957; 1968–1974; 1979–1987. Врач-невропатолог поликли.; врач-педиатр; врач-терапевт; зав. отделением. Об. 131; Об. 94; Ген. дир. **Балковой Петр Ильич**, 1929; 1953–1957; 1968–1974; 1979–1987. Ст. инж.-контролер ОТК; гл. инж. шахты; нач. ш. № 336; инж. ПТО; нач. ПТО. Об. 131; Об. 94; Ген. дир. **Баласова Екатерина Григорьевна**, 1922; 1957–1961. Телефонистка, телеграфистка; уборщица спецотд. ЦУ. **Бандыск Екатерина Андреевна**, 1927; 1954–1956. Учетчик отд. обогащения; зав. карточным бюро; лаборант цеха. Об. 131. **Бандыск Павел Анатольевич**, 1928; 1954–1956. Техник телефонной станции; инж.-геоф. обогатительной фабрики; нач. службы — инженер связи. Об. 131. **Барабаш Виктор Иванович**, 1934; 1972–1978. Ст. инж.-исследователь лаб. Хим. зав. № 101. **Барабашина Галина Ивановна**, 1917; 1956–1957. Ст. инж.-геол. Упр. № 1. **Баранов Федор Федорович**, 1916; 1956–1959. Ст. инсп. по охране и режиму; ст. инспектор спецотд. Объект 90.

Баранов Дмитрий Филиппович, 1905; 1957–1961. Нач. ПТО; зам. нач. ПТО. Об. 9; ЦУ. **Баранов Юрий Иванович**, 1928; 1959–1963. Ст. инж. ПТО; ст. инж. проектной группы; ст. инж. рудника. Об. 90; рудник Шмирхау. **Баранов Михаил Иванович**, 1922; 1962–1966. Ст. инсп. секретн. отд. ПКУ. **Баранов Иван Никифорович**, 1926; 1960–1965; 1974–1979. Инж.-геол. поиск. партии; ст. инж. по подсч. запасов. Об. 90; Ген. дир. **Баранова Вера Андреевна**, 1907; 1957–1961. Ст. инж. ОТК; ст. горн. инж. лаб. горн. отд. Об. 9; Об. 36; ПКУ. **Баранова Лидия Ивановна**, 1940; 1970–1975; 1981–1986. Ст. бух. расчетного отдел.; экон. ЦУ. **Баранова (Шарапова) Надежда Ивановна**, 1928–1966; 1962–1966. Бух. по кассовым операциям. ЦУ. **Баранцева Валентина Николаевна**, 1924; 1961–1964. Ст. машинистка спецотд. Об. 90. **Баранчиков Владимир Борисович**, 1927; 1962–1965; 1975–1978. Ст. инсп. геол. отд.; нач. секретн. отд. ЦУ; Об. 9. **Барбаева Римма Васильевна**, 1931; 1971–1973. Машинистка-стенографистка; ст. машинистка спецц. Рудник Кенигштайн. **Барбаш Валентин Семенович**, 1934; 1973–1979; 1982–1988. Ст. инж. технич. отд.; руков. группы лабораторных исследований; ст. инж.-экон. Рудник Беервальде. **Бардин Юрий Григорьевич**, 1933; 1973–1977. Ст. геоф.; гл. геоф. рудника. Рудник Кенигштайн. **Баркалова Татьяна Ивановна**, 1950; 1982–1986. Техник-хим.-аналитик. **Барсуков Виктор Леонидович**, 1926; 1957–1959; 1963–1964; 1966–1967. Мл. науч. сотрудник института геохимии и аналит. химии — оказание тех. помощи. **Барыкин Валериан Леонидович**, 1930; 1967–1972. Ст. инж.-геол. ш. № 377; гл. геол. шахты. Рудник Пайцдорф. **Барышева Клавдия Ивановна**, 1914; 1959–1963. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки гот. прод. **Барышников Николай Николаевич**, 1932; 1955–1957. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты; ст. инж. по горн. работам отд. № 7; гл. инж. ш. № 254. Об. 118. **Барышникова Нонна Аркадьевна**, 1932; 1955–1957. Зав. д/с. Об. 6. **Барышникова Раиса Петровна**, 1933; 1959–1962. Машинистка камер. партии; машинистка секретн. отд. Об. 9. **Басалкевич Василий Дмитриевич**, 1925; 1971–1976. Инж. по опроб. **Батищев Александр Романович**, 1927; 1954–1957. Ст. контролер ОТК; нач. ОТК шахты. Об. 131. **Батищева Нина Васильевна**, 1927; 1954–1957. Воспитатель д/с. **Батурин Анатолий Кириллович**, 1932; 1958–1963. Переводчик отд. № 2; инсп.-референт; ст. инж. отд. охраны и режима. Об. 9; Ген. дир. **Батурин Константин Иванович**, 1914; 1961–1964. Шофер; ст. инсп. отд. кадров; шофер-мех. автотранспортного отд. ЦУ. **Батурин Михаил Федорович**, 1943; 1976–1984. Горн. инж. — регулярные командировки. **Бахарев Владимир Павлович**, 1934; 1954–1957. Техник-геоф. геоф. отд.; зам. нач. цеха опроб. Об. 131. **Бахарев Александр Степанович**, 1912; 1957–1959. Инж. по опроб. и приемке аппарата приемки гот. прод. **Бахарева Наталья Васильевна**, 1920; 1957–1959. Ст. инж. хим.-аналитик отд. приемки гот. прод.

Бачурин Юрий Александрович, 1939; 1970–1977. Ст. инж.-экон. план. отд.; ст. инж. электронно-вычислительного центра. ЦУ; ЭВЦ. **Башаркин Наль Григорьевич**, 1932; 1981–1986. Инж.-физик. **Башмаков Евгений Георгиевич**, 1940; 1970–1975; 1978–1985. Ст. инж.-расчетчик строительного отд.; руков. группы строительного отд. ПКУ. **Беденков Николай Захарович**, 1931; 1961–1966. Гл. инж. ГРП; нач. Тюрингенской ГРП. Об. 90; Тюрингенская ГРП. **Бедин Виктор Федорович**, 1943; 1979–1985. Горн. инж. **Безгубов Анатолий Иванович**, 1929; 1954–1958; 1971–1977. Инж.-геол.-петрограф шахты; нач. партии камер. обработки; ст. инж.-геол. Тюринген. ГРП. Об. 118; ЦГРЭ. **Безрученко Михаил Кириллович**, 1928; 1975–1978. Бух., экон. **Безуглый Григорий Иванович**, 1930; 1958–1962. Ст. инж.-экон. план. отд.; нач. ОТК; нач. план. отд. Об. 31; ЦУ; Об. 102. **Белавенцев Владимир Григорьевич**, 1929; 1956–1961. Инж.-геол. рудника; ст. инж.-геол. геол. отд. Об. 90. **Беликов Виктор Алексеевич**, 1925; 1954–1955. См. контролер ОТК. Об. 49. **Белобородов Алексей Андреевич**, 1913; 1954–1955. Горн. инж.; ст. инж. по технике. Об. 131. **Белобрагин Александр Иванович**, 1927; 1961–1966. Ст. инж.-технолог хим. цеха; нач. исследовательской лаб. Об. 101. **Белов Леонид Иванович**, 1933; 1954–1956. См. контролер ОТК хим. цеха; см. технолог цеха декаптации. Об. 25; Об. 19; Об. 49. **Белов Юрий Александрович**, 1934; 1958–1959. Переводчик. ЦУ. **Белов Евгений Иванович**, 1928; 1972–1979. Ст. инж. по горн. работам произв. отд.; нач. произв. отд. Рудники Ройст; Шмирхау. **Белов Юрий Васильевич**, 1941; 1979–1985. Инж.-хим. **Белов Иван Иванович**, 1919; 1949–1955; 1962–1966. Ст. инж. по горн. работам ПТО; нач. объекта; гл. инж. объекта. Об. 6; Об. 118; Об. 9. **Белова Галина Матвеевна**, 1935; 1955–1956. Техник-технолог; ст. контролер хим. цеха. Об. 49. **Белова Мария Петровна**, 1930; 1964–1966. Инж.-экон. **Белова Лидия Константиновна**, 1921; 1949–1955; 1962–1966. Инсп. спецц. ГРП; врач-терапевт медсанчасти. Об. 118; Об. 6; Об. 9. **Белокуров Олег Васильевич**, 1930; 1954–1957. Инж.-геоф.; зав. мастерской по ремонту геоф. аппаратуры. Об. 129. **Белоносов Виктор Егорович**, 1931; 1954–1957. Ст. инж.-эл.мех.; гл. мех. Об. 75; Об. 31. **Белосельский Дмитрий Борисович**, 1952; 1974–1980. Инсп.-переводчик ОКСа; инсп. Лейпцигской ГРП; инсп.-переводчик спецц. Ген. дир.; ЦГРЭ. **Белоусов Геннадий Иванович**, 1946; 1979–1984. Инж.-технолог. **Бельх Евгений Леонидович**, 1936; 1959–1964. Инсп.-переводчик. Об. 96; Об. 102. **Бельков Игорь Михайлович**, 1930; 1954–1955; 1976–1982. Нач. смены цеха; ст. инж. по опроб. ОТК; нач. отд. компл. проектир. Об. 19; ПКУ. **Бельский Георгий Григорьевич**, 1930; 1965–1973. Ст. инж.-геол. по перспективной разведке геологического отд.; ст. инж.-геолог Тюрингенской ГРП; нач. камер. партии; нач. геол. лаб. ЦУ; ЦГРЭ.

Бельцев Евгений Алексеевич, 1920; 1951–1956; 1968–1972. Работник спецчасти; нач. учетного отд.; нач. отд. охраны и режима. ЦУ; рудник Кенигштайн.

Беляев Борис Михайлович, 1930; 1955–1959. См. контролер ОТК; нач. смены цеха № 2; инж. по опроб. отд. приемки товара. Об. 49.

Беляев Алексей Иванович, 1919; 1977–1983. Нач. отд. кадров.

Белков В. А. 1973–1977. Гл. геолог шахты. Объект 9.

Бердников Иван Филиппович, 1915; 1955–1958. Ст. инж.-контролер ОТК; гл. инж. Об. 19.
Бердникова Любовь Ивановна, 1915; 1955–1958. Промышленный санитарный врач медсанчасти; врач-педиатр. ЦУ.

Берегов Илья Николаевич, 1931; 1956–1957; 1962–1970. Инж.-строитель.

Берегова Елизавета Захаровна, 1912; 1960–1961. Ст. инж.-экон. план.-экон. отд. ЦУ.
Бережнов Георгий Данилович, 1939; 1968–1973. Инж.-геол.

Березин Владимир Александрович, 1931; 1954–1957. Ст. инж.-обогатитель; нач. отд. обогащения. ЦУ; проектная контора.
Березин Алефтин Алексеевич, 1941; 1972–1979. Ст. инж.; нач. технич. отд. ЦГРЭ.
Березина Антонина Арсеньевна, 1928; 1954–1957. Инж.-экон.; инж.-проектировщик; инж. по рудничной экспл. отд. № 6; ст. инж. по подсобно-вспомогательному производству план.-экон. отд. ЦУ.
Березина Ирина Алексеевна, 1949; 1980–1983. Техник-организатор.
Береснев Григорий Аристархович, 1899; 1955–1956. Нач. транспортной конторы; директор зав. № 39. Об. 39.

Бершов Николай Николаевич, 1917. Инж.-маркш.

Беседина Эльвира Александровна, 1940; 1978–1981. Ст. медсестра. ЦБ.

Бекрестнов Николай Васильевич, 1931; 1954–1957. Инж.-геоф.; ст. контролер шахты. Об. 94; Об. 129.

Бекрестнова Роза Михайловна, 1929; 1955–1957. Инж.-обогатитель; нач. смены дробильно-гравит. цеха фабрики; нач. смены хим. цеха фабрики. Об. 129.
Беспалов Радислав Григорьевич, 1937; 1978–1984. Гл. геол. ш. № 384-бис. РУ Пайцдорф.

Беспалов Виктор Федорович, 1919; 1949–1956; 1958–1961. Ст. инж. отд. обогащ.; гл. инж.; нач. произв.-технич. отд. — главный технолог — зам. гл. инж. ЦУ; Об. 100; Об. 102.
Беспалова Евгения Кирилловна, 1920; 1956–1958. Ст. инж.-экон.; нач. план. отдела. Об. 100; Об. 96.

Беспалова (Чесновская) Зоя Анатольевна, 1922; 1949–1956; 1958–1961.

Ст. лаборант хим. лаб.; секретарь-машинистка; кассир-счетовод. Об. 100; ЦУ.

Бессараб Анатолий Афанасьевич, 1933; 1956–1958. Инж.-геол. шахты; ст. инж. по рудничной геол. геол. отд. Об. 9.
Бессонов Павел Гаврилович, 1902; 1956–1957. Ст. бух.; нач. контрольно-ревизионного отд.; нач. бюджетного отд. ЦУ.

Бессонов Владимир Иванович, 1931; 1954–1959; 1962–1967. Ст. инж.-геоф.; нач. геоф. отд. — гл. геоф. Об. 118; Об. 9.
Бессонова Владилена Михайловна, 1932; 1956–1959; 1962–1967. См. контролер ОТК хим. цеха; нач. смены хим. цеха. Об. 118; Об. 31.
Бикчентаев Мухамед-Галей Камалетдинович, 1912; 1955–1960. Зам. нач., нач. отд. № 7;

гл. инж. объекта; нач. ПТО — зам. гл. инж. Об. 118; ЦУ.

Бирюк Александр Александрович, 1931; 1956–1960; 1963–1969. Инж.-геол. шахты; ст. инж.-геол. группы по подсчету запасов; ст. инж.-геол. геол. отд.; гл. геол. ш. № 371. Об. 9.

Бирюков Виктор Иванович, 1911; 1962–1965. Ст. инж.-геолог геол. отдела; гл. геолог Тюрингенской ГРП. ЦУ; Об. 90.

Бирюков Владимир Леонидович, 1948; 1981–1986. Металлург цветных металлов.
Бирюкова Мария Ермолаевна, 1916; 1955–1958. Отв. исполнитель по оформлению пенсионных документов. ЦУ.

Биошкин Николай Васильевич, 1907; 1954–1957. Гл. инж.; нач. конструкторского бюро; нач. технич. отд.; нач. управления заводами. Об. 63.

Благов Олег Игоревич, 1945; 1980–1987. Радиотехник.

Благовидов Анатолий Алексеевич, 1906; 1955–1958. Гл. инж. шахты; ст. инсп. отд. кадров; нач. отд. рудничной вентиляции; нач. сметного отд. ЦУ; Упр. № 3.

Блинов Александр Александрович, 1941; 1985–1988. Горн. инж.

Блудилин Игорь Михайлович, 1946; 1980–1984. Горн. инж.

Блюденов Валерий Филимонович, 1945; 1983–1988. Инж.-хим.-технолог.

Бобин Арсений Сергеевич, 1931; 1955–1956. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты; инж. отд. рудничн. трансп. и диспетчеризации. Об. 118.
Бобовский А.И., 1971–1977 — нач. ОТК, Об. 9.
Бобриков Анатолий Михайлович, 1935; 1954–1857. См. техник-контролер; зав. БВР шахты; зав. базисным складом ВВ; ст. контролер ОТК шахты. Об. 129.
Богатов Валентин Никанорович, 1909; 1954-1957. Ген. директор СГАО «Висмут».
Богатов Лев Николаевич, 1946; 1977–1982. Ст. инсп. секретн. отд.

Богатов Анатолий Данилович, 1912; 1954–1959; 1968–1977. Нач., гл. инженер обогатительной фабрики; зам. нач., нач. отд. обогащения. Об. 75; Об. 36; ЦУ.
Богачев Юрий Борисович, 1931; 1968–1973. Ст. инж. — руков. темы горн. лаб. ПКУ; ЦУ.
Богачев Олег Михайлович, 1938; 1979–1986. Ст. инж. отд. компл. проектир. Проек. институт.
Богдан Александр Семенович, 1924; 1959–1963; 1973–1979. Ст. горн. инж., инж. ПТО; гл. инж. шахты; нач. ПТО. Об. 9; рудник Пайцдорф.

Богданов Михаил Федорович, 1929; 1954–1958. См. контролер ОТК цеха; нач. смены хим. цеха; технолог-хим. цеха фабрики № 25; нач., ст. инж.-хим. отд. № 8. Об. 129; Об. 60; ЦУ.

Богданов Ариан Константинович, 1931; 1954–1958. См. контролер ОТК; нач. ОТК фабрики; инж.-обогатитель, контролер; ст. инж.-обогатитель ОТК. Об. 129; ЦУ.
Богданов Леонид Леонидович, 1931; 1956–1959. Секретарь-переводчик Упр. делами; референт референтуры Ген. дир. ЦУ.
Богданов Николай Прокофьевич, 1924; 1972–1977. Ст. инж. ПТО; гл. инж. шахты. Рудник Пайцдорф.

Богданова Татьяна Павловна, 1929; 1955–1958. Воспитатель д/с. Об. 2.

Богданович Вера Владимировна, 1923; 1954–1959; 1963–1968. Ст. диспетчер по вывозке руды. Об. 94.

Богданович Евгений Александрович, 1923; 1954–1959; 1963–1968. Зав. мастерской по ремонту; ст. инж. радиотехнич. лаб.;

ст. инж.-геоф. геол. отд. Об. 94; Об. 80; ЦУ.
Боголюбов Юрий Григорьевич, 1938; 1980–1985. Инж.-геоф.

Богомолов Александр Михайлович, 1911; 1958–1961. Ст. инж. по ТБ экспл. шахты; зам. гл. инж. ш. № 366. Об. 9.

Богомолов Александр Дмитриевич, 1952; 1975–1981. Инсп.-переводчик ОКСа ГД; ст. инсп.-референт НИИ. Ген. дир.; НИИ.
Бодрикова Вера Степановна, 1928; 1958–1962. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки.

Боев Алексей Алексеевич, 1925; 1970–1975.

Ст. инж.-геол. Дрезденской ГРП;

ст. инж.-геол. геол. отд. ЦГРЭ.

Боженко Ефрем Тимофеевич, 1927;

1979–1984. Горн. инж.-геоф.

Божко Ким Федорович, 1927; 1968–1969.

Ст. инж. — руков. темы лаб. ПКУ.

Бойко Нина Николаевна, 1925; 1964–1970. Инж.-хим.-аналитик.

Бойко Юрий Николаевич, 1916; 1965–1967. Нач. отд. охраны и режима. РУ № 9.

Бойков Николай Семенович, 1918; 1957–1960. Шофер-мех. транспортной конторы. ЦУ.

Бойцов Александр Владимирович, 1955; 1986–1990. Старший геолог, Объект 9.

Бойцова Октябрина Александровна, 1932; 1954–1956. Инженер-геофизик шахты; инж.-геоф. отд. Об. 94.

Бойченко Галина Ивановна, 1944; 1978–1980. Машинистка-стенограф. секретн. отд. ГД.

Бокарева Зинаида Георгиевна, 1917; 1959–1962. Инсп.-переводчик гл. бух. ЦУ.

Боков Владимир Егорович, 1930; 1969–1976. Зам. нач. техн. отд. ПКУ; гл. инж. проекта. ПКУ.

Боков Юрий Алексеевич, 1936; 1979–1982. Горн. инж.-геоф.

Болдырев Сергей Евгеньевич, 1911;

1957–1960. Ст. инж. ПТО; зам. нач. ОНТЗ. Об. 9.

Болотников Александр Николаевич, 1929; 1967–1972. Ст. инж.-геоф. геол. лаб. ЦГРЭ.

Болховских Лев Васильевич, 1930; 1963–1966. Инж. по опроб. отд. приемки; ст. инж.-технолог цеха № 4. Об. 102.

Большаков Александр Николаевич, 1944; 1976–1981. Гл. геол. ш. № 384. РУ Пайцдорф.

Большакова Лилия Тимофеевна, 1937;

1966–1970. Ст. врач акушер-гинеколог. ЦБ.

Большакова Ольга Геннадьевна, 1956; 1980–1983. Стенографистка.

Бондалетова Елена Петровна, 1931; 1959–1960. Чертежник; инсп. спецотд.; чертежник камер. партии. Об. 96; Об. 9.
Бондарев Александр Борисович, 1935; 1954–1957. Ст. контролер ОТК шахты; нач. ОТК шахты. Об. 94.

Бондарев Анатолий Петрович, 1932; 1955–1959. См. контролер ОТК хим. цеха, цеха опроб.; нач. дробильного цеха. Об. 19; Об. 9.
Бондарев Григорий Александрович, 1929; 1956–1958. Инж.-строитель (из п/я 1119). Упр. № 1.
Бондарева Людмила Дмитриевна, 1931; 1955–1959. См. контролер ОТК хим. цеха; ст. техник-контролер цеха опроб. Об. 19; Об. 9.
Бондарева Светлана Николаевна, 1937; 1958–1961. Машинистка отдела технической информации при гл. инж.; машинистка спецотд. Упр. № 3; ЦУ; Об. 102.

Бондаренко Николай Ильич, 1935; 1954–1957. См. техник-контролер ОТК. Об. 94.

Бондаренко Василий Петрович, 1928; 1956–1958. Инж.-инструктор ПТО. Упр. № 2.

Бондаренко Сергей Иванович, 1924; 1958–1962. Ст. инж. ПТО; зам. гл. инж. шахтоупр. горно-капит. строительства; нач. ПТО шахты; ст. инж. ОКСа. Об. 9.

Бондаренко Вячеслав Гаврилович, 1937; 1978–1984. Руков. группы лаб. комплексной механизации горн. работ. НИИ.

Бондаренко Евгения Петровна, 1928;

1955–1957; 1962–1964. Библиотекарь дома культуры; восп. д/с; инсп. торг. инспекции. ЦУ.

Бондаренко Юрий Васильевич, 1931; 1955–1957; 1962–1964. Референт отдела информации; переводчик. ЦУ; Об. 9.

Бодрикова Владимир Иванович, 1928; 1963–1968; 1976–1983. Гл. инж. Саксонской ГРП; ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.

Бондарь Владимир Григорьевич, 1927; 1961–1961. Ст. инж.-геол. — руков. геол. группы камер. партии. ЦУ.

Бонявичус Маргарита Геннадиевна, 1958; 1981–1983. Ст. машинистка секретн. отд. РУ Пайцдорф.

Борзяк Игорь Павлович, 1937; 1967–1974.

Инж.-геоф.; ст. инж., нач. геоф. лаб. ПКУ; НИИ.

Борисов Иван Васильевич, 1927; 1955–1956. Инж.-геоф. карьера Зорге. Об. 90.

Борисов Геннадий Сергеевич, 1933; 1968–1973. Ст. инж.-геол. объекта;

гл. геол. рудника Лихтенберг. РУ № 90.

Борисов Юрий Алексеевич, 1930;

1981–1984. Руков. группы отд. комплексного проектирования. Проектный институт.
Борисов Юрий Алексеевич, 1903; 1957–1960; 1981–1987. Ст. инж.; инж.-электрик.

Борисова Наталия Николаевна, 1945; 1973–1976. Врач-терапевт медсанчасти.

Рудник Пайцдорф.

Борисова Марина Вениаминовна, 1953; 1976–1978. Ст. машинистка секретн. отд.

Рудник Пайцдорф.

Борисова Тамара Алексеевна, 1947;

1982–1986. Нач. спецц.

Борисовский Анатолий Григорьевич, 1913; 1958–1961. Ст. инж.-геол. отд. разведки;

ст. инж.-геол. геол. отд. ЦУ; Упр. № 1.

Борисовский Валерий Федорович, 1942; 1971–1978. Ст. инж. ЭВЦ; нач. вычислительного

отд. ЭВЦ; зам. директора ЭВЦ, ЭВЦ.

Боровиков Николай Николаевич, 1912; 1955–1958. Нач. ПТО; нач. шахты; нач. отдела № 7; гл. инж. — зам. нач. Объекта. Об. 131; Об. 94; Об. 9.

Боровикова Антонина Петровна, 1913; 1955–1958. Инж.-экон. ш. № 13; ст. инж.-экон. план. отд. Об. 131; Об. 94; Об. 9.

Бородин Николай Максимович, 1934; 1954–1957. Инж.-геол. шахты. Об. 129.

Бородин Павел Яковлевич, 1929; 1958–1963. Ст. горн. инж.-геоф. отд.; ст. инж. по дозиметрии;

ст. инж. по горн. работам. Об. 90.

Бородин Лев Павлович, 1930; 1953–1956; Ком. взвода ВГСЧ, нач. ОТК ш. Вилли Агатца;

зав. БВР ш. № 269; нач. РГСС-3 ЦГСС. ЦУ.

1973–1979; Нач. произв. отдела ГД. 1986–1991.

Главный инженер СГАО «Висмут».

Бородин Николай Федорович, 1929; 1958–1963; 1968–1975. Гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО;

зам. нач. ПТО; гл. инж. рудника Лихтенберг. Об. 90; РУ № 90.

Бородулин Борис Нестерович, 1924; 1954–1955. Инсп. охраны и режима; ст. инсп. отд. № 10. ЦУ.

Бородулин Геннадий Васильевич, 1938; 1978–1980. Ст. инж. по опроб.

Бородулина Мария Иосифовна, 1915;

1954–1955. Бух. полевого учреждения Госбанка;

кассир-счетовод. ЦУ. № 4.

Бородулина Елизавета Федоровна, 1930; 1956–1958. Машинистка отд. № 1; Секретарь-машинистка парткома; инсп.-машинистка спецц. ЦУ; Об. 101.

Борская Инна Андреевна, 1934; 1955–1956. См. контролер ОТК гравит. цеха. Об. 131.

Борченко Анатолий Алексеевич, 1936; 1978–1984. Ст. инж. ЭВЦ, ЭВЦ.

Босенко Борис Никифорович, 1916; 1958–1960. Ст. инж. ПТО; зам. гл. инж. ПТО;

ст. горн. инж. горн. отд. Об. 90; ПКУ.
Боткин Леонид Алексеевич, 1930;

1970–1975. Инж.-геоф.; ст. инж.-геофизик Лейпшигской ГРП. ЦГРЭ.

Бочаров Владимир Федорович, 1930; 1956–1960. Ст. инж. строит. отд. Упр. № 3.

Бочарова Людмила Михайловна, 1933;

1956–1960. Инсп. отд. кадров. ЦУ.

Бочкарев Валерий Михайлович, 1939; 1975–1977. Инж.-технолог.

Брагин Анатолий Иванович, 1934; 1977–1983. Ст. инж.-геоф. камер. партии. ЦГРЭ.

Брамбалов Николай Александрович, 1929; 1950–1955; 1965–1971. Техник-геол.; гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. рудника Шмирхау. Об. 131; Об. 54; РУ № 90.

Брамбалова (Смородина) Вера Федоровна, 1929; 1950–1955; 1951–1955. Экон. Об. 131.

Бредихин Борис Алексеевич, 1922; 1955–1958. Фельдгегерь; нач. пункта фельдсвязи. ЦУ.

Бредихина Валентина Кузьминична, 1926;

1955–1958. Кассир-инкассатор финансового

отд.; ст. бух. расчетного отдел. ЦУ.

Брехов Александр Сергеевич, 1928; 1970–1975. Ст. инж. отд. механизации

и автоматизации НТЦ, НИИ.

Бреховских Феодосий Максимович, 1903;

1946–1946; 1949–1952. Инж.-металлург.

Бритаев Мамсур Дмитриевич, 1906;

1956–1960. Ст. инж.-геол.; нач. отд. по камер.

обработке. Упр. № 1.

Брицко Александра Петровна, 1909;

1956–1960. Ст. инж.-геол. комплексной

геол. партии; ст. инж.-петрограф ГРП. Об. 9.

Бродецкая Нина Андреевна, 1925; 1958–1960;

1978–1984. Инж.-металлург, нач. лаб. цеха опроб.;

руков. исследовательской группы. Об. 9; Об. 102.

Бродов Герман Сергеевич, 1929; 1977–1983.

Нач. технич. отд.; зам. произв. отд. ЦГРЭ.

Брусникина Инна Всеволодовна, 1933; 1956–1958. Машинистка спецотд. Об. 90.

Брусов Владимир Иванович, 1935; 1959–1964. Переводчик бюро переводов отд. № 1;

инсп.-переводчик план.-экон. отд. ЦУ

Быканов Николай Емельянович, 1929; 1974–1980. Нач. нормативно-исследовательского отд. Ген. дир. **Быков Алексей Иванович**, 1921; 1955–1960. Гл. мех. шахты; нач. отд. № 11; нач. отд. гл. мех. — гл. мех.; зам. нач. по ремонту, эксплуатации и автоматизации производства. Об. 131; Об. 94; ЦУ. **Быков Виталий Михайлович**, 1928; 1962–1964; 1973–1979. Инж.-технолог отд. приемки; ст. инж.-технолог. ЦУ. **Быкова Ирина Ивановна**, 1927; 1955–1960. Воспитатель, зав. д/с; лаборант цеха опроб. ОТК; отправитель гот. прод. цеха опроб. ОТК. Об. 131; Об. 94; Об. 9. **Быкова Валентина Федосеевна**, 1928; 1967–1971. Ст. машинистка спецц. ЦГРЭ. **Быкова Регина Николаевна**, 1938; 1981–1985. Ст. машинистка спецц. ЦГРЭ. **Былинкина Светлана Григорьевна**, 1959; 1982–1984. Машинистка. **Бычков Василий Михайлович**, 1929; 1980–1985. Горн. инж.-геол.

Вавилов Сергей Сергеевич, 1905; 1956–1960. Ст. инсп. отд. кадров; нач. спецц. Об. 96. **Вавилов Николай Григорьевич**, 1920; 1956–1960. Инж.-геол. шахты; гл. геол. шахты; зам. нач. геол. отд.; гл. геол. Об. 9. **Вавилова Галина Степановна**, 1924; 1956–1960. Инж.-геол. геол. отд.; инж.-геол. по подсчету запасов геол. отд. Об. 9. **Вагин Юрий Васильевич**, 1931; 1955–1956. Инж.-электрик; инж. службы релейной защиты и автоматики. Об. 54. **Вагин Анатолий Федорович**, 1938; 1978–1983. Нач. план. отд. зав. № 102. Зав. № 102. **Вайло Надежда Игнатьевна**, 1926; 1958–1960. Хим.-аналитик аппарата приемки товарной прод. **Вакин Евгений Александрович**, 1931; 1954–1958. Ст. инж.-гидрогеол. геол. отд. Об. 129; Об. 94; Об. 9. **Валов Леонид Михайлович**, 1935; 1954–1957. Ст. техник-геоф. по экспресс-анализам ш. № 51; см. техник-контролер ОТК; зам. нач. цеха опроб. ОТК № 58. Об. 131. **Вальков Владимир Константинович**, 1928; 1958–1962. Инж.-геоф. рудника; гл. геоф. шахты; гл. геоф. рудника. Упр. № 1; Об. 9; Об. 90. **Ванев Николай Иванович**, 1907; 1957–1960. Зам. нач. отд. технологии и обогащения; нач. технологич. отд.; нач. технологической лаб. ЦУ; Об. 36. **Варавка Анатолий Иванович**, 1931; 1956–1956. Инж.-геол. ГРП. **Варакута Валентин Витальевич**, 1938; 1982–1987. Инж.-электрик. **Варгасов Владимир Иванович**, 1935; 1979–1986. Горн. инж. **Васильевский Юрий Александрович**, 1934; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты; гл. геофизик шахты. Об. 129. **Василенко Михаил Иванович**, 1906; 1956–1961. Зам. гл. инж.; нач. хим.-аналит. лаб. Об. 49; Об. 96; Об. 36. **Василенко Вячеслав Иосифович**, 1931; 1978–1985. Начальник лаб. автоматизации горн. работ НИИ. **Васильев Юрий Александрович**, 1928; 1955–1958. Ст. преподаватель вечернего университета марксизма-ленинизма. ЦУ.

Васильев Борис Иванович, 1931; 1955–1957. Диспетчер автобазы; фельдгегерь фельдсвязи; завхоз объекта. Транспортная контора; Об. 21. **Васильев Георгий Александрович**, 1925; 1956–1960. Нач. смены хим. цеха; зав. хим. лабораторией. Об. 101. **Васильев Андрей Петрович**, 1909; 1962–1965. Ст. инж.-геоф. геол. отд. ЦУ. **Васильев Владимир Иванович**, 1927; 1962–1966. Ст. инсп. секр. отд. Об. 9; Об. 90. **Васильев Арнольд Иванович**, 1936; 1968–1973. Ст. инж.-геол. Рудник Кенигштайн. **Васильев Юрий Алексеевич**, 1939; 1968–1974. Инсп.-переводчик Ген. дир.; ст. инсп.-референт. ЦУ; ПКУ. **Васильев Александр Васильевич**, 1939; 1975–1981. Нач. произв. отд. РУ № 9. **Васильев Леонид Иванович**, 1920; 1978–1982. Нач. секретн. отд. Ген. дир. **Васильев Алексей Викторович**, 1954; 1978–1983. Переводчик-референт. **Васильев Альберт Григорьевич**, 1938; 1979–1985. Горн. инж. **Васильев Виталий Александрович**, 1937; 1980–1985. Инж.-строитель. **Васильева Нина Карповна**, 1925; 1955–1958. Инж. отд. промышленных и гражданских сооружений; ст. инж. строительного отд. Упр. № 3. **Васильева Лидия Алексеевна**, 1927; 1955–1958. Воспитатель д/с. ЦУ. **Васильева Нина Константиновна**, 1931; 1955–1957. Ст. инж.-геоф.; зав. геоф. лабораторией. Об. 118. **Васильков Александр Григорьевич**, 1927; 1963–1967. Ст. инж. по экспл. и ремонту автотранспорта ПТО. Об. 90. **Васильцев Геннадий Никанорович**, 1938. 1974-1975; 1975-1980; 1983-1989. Горный инженер ПТО. Гл. инж. шахты. Рудник Ройст. Рудник Шмирхау. Гл. инж. Беервальде. **Василян Сергей Варданович**, 1929; 1961–1965. Инж. по опроб. **Васин Дмитрий Панфилович**, 1907; 1955–1957. Нач. отд. советс. кадров. Об. 118. **Васин Владислав Иванович**, 1928; 1951–1956; 1973–1979. Горн. инж.; нач. ЦГСС; ст. инж. ОКС; гл. инж. ОКС; нач. строительного отд. ЦУ; РУ № 9. **Васин Николай Афанасьевич**, 1913; 1953–1957; 1961–1965. Гл. гидрогеол.; ст. инж.-гидрогеол. Саксонской ГРП. Упр. № 1; Об. 9; Саксонская ГРП. **Васина Ольга Ивановна**, 1944; 1976–1980. Хим.-технолог. **Васяева Любовь Никитична**, 1929; 1961–1965. Секр.-машинистка ПТО; секретарь-делопроизв.; инсп. парткома. ЦУ. **Вахромеев Михаил Васильевич**, 1918; 1965–1969. Нач. расчетн. отд.; гл. бух. Об. 9. **Вахрушев Степан Иванович**, 1921; 1968–1972. Инж. по опроб. **Вачнадзе Юрий Николаевич**, 1915; 1949–1952; 1956–1957. Нач. маркш. отдела и службы деформации — гл. маркшейдер. Об. 9; Об. 129. **Вашанов Владимир Сергеевич**, 1935; 1954–1955. Ст. контролер шахты. Об. 118. **Вдовченко Василий Федорович**, 1923; 1962–1967. Ст. инж.-геол.; гл. геол. рудника Ройст. Об. 90. **Ведерников Василий Андреевич**, 1905; 1957–1959. Зам. директора завода; инж.-геоф. ОТК; нач. цеха опроб. ОТК фабрики. Об. 80; Об. 96. **Ведешкин-Рибов Генрих Александрович**, 1930; 1958–1962. Ст. геол. ГРП; гл. геолог

ш. № 371; ст. инж.-геол. камер. партии и по подсчету запасов. Роннебург; Об. 9; Об. 90. **Великанова Наталья Львовна**, 1945; 1969–1970. Машинистка секретн. отд. РУ № 90. **Величкин Василий Иванович**, 1931; 1964–1970. Ст. инж.-геол. **Величко Петр Кузьмич**, 1931; 1954–1958. Гл. инж. шахты; зав. БВР; ст. инж. по механизации; нач. ПТО. Об. 129; Об. 2; Об. 11. **Венин Виктор Михайлович**, 1943; 1975–1980. Переводчик англ. и нем. яз. **Вергелес Анатолий Кириллович**, 1925; 1954–1956. Ст. техник-контролер; нач. участка колонкового бурения № 3 ГРП № 2; ст. инж. отд. БВР. Об. 131; Экспедиция № 2; Об. 90. **Вергелес Галина Михайловна**, 1932; 1954–1956. Ст. техник-геоф. шахты; чертежник камер. партии; техник-оператор отряда. ЦУ; Об. 131; Экспедиция № 2. **Веретенников Владимир Владиславович**, 1932; 1955–1957. Инж.-геол. ш. № 207; инж.-геол. карьера. Об. 94; Об. 90. **Веригин Михаил Иванович**, 1930; 1956–1959. Инж.-геол. шахты; гл. геол. шахты. Об. 9. **Веригина Раиса Семеновна**, 1931; 1956–1959. Инж.-геол. ГРП. Об. 9. **Верхолашин Владимир Кузьмич**, 1925; 1971–1975. Нач. отд. охраны и режима. РУ № 9. **Веселицкий Юрий Иванович**, 1934; 1960–1963. Инж. отд. приемки гот. прод. **Веселков Валерий Иванович**, 1933; 1979–1982. Ст. инж.-гидрогеол. Рудник Дрозен. **Веселов Юрий Николаевич**, 1935; 1954–1957. Ст. техник-геоф. шахты; инж.-геоф. Об. 111; Об. 90. **Ветров Виталий Леонидович**, 1933; 1964–1969. Ст. инж. ОКС, ПТО, геоф. отд., горн. отд. РУ № 9; ПКУ. **Ветров Валерий Иванович**, 1932; 1964–1970; 1977–1984. Ст. инж.-геол. по дозиметрии; гл. инж.-геол. Саксонской ГРП. Об. 9; ЦУ; ЦГРЭ. **Вешнякова Александра Петровна**, 1925; 1972–1977. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки гот. прод. **Викторов Борис Зиновьевич**, 1908; 1957–1959. Гл. инж. шахты; ст. инж. по горн. работам ПТО. Об. 9; Об. 6. **Викторов Леонид Васильевич**, 1923; 1963–1970. Горный инженер-эл-мех.; ст. инж. ПТО. Об. 9. **Вильмис Александр Леонидович**, 1904; 1962–1965. Гл. инж. проект. Упр. № 3. **Виниченко Петр Васильевич**, 1927; 1970–1975. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ Саксонской ГРП, Лейпцигской ГРП. ЦГРЭ. **Винников Василий Савельевич**, 1929; 1958–1960. Гл. инж. шахты; зам. гл. инж. рудника Шмирхау; ст. инж. ПТО. Об. 90; ЦУ. **Винникова Раиса Егоровна**, 1925; 1958–1960. Ст. инж.-экон. план. отд. Об. 90; УКС; ЦУ. **Виноградов Александр Петрович**, 1930; 1954–1955. Ст. техник-геофизик геофизической лаб. Об. 118. **Виноградов Владимир Васильевич**, 1914; 1959–1960. Ст. инж. по автотранспорту; зам. нач. автотранспортного отд. ЦУ. **Виноградов Александр Викторович**, 1936; 1971–1973. Ст. инж.; нач. технического отд.; нач. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Виноградов Александр Александрович**, 1933; 1978–1982. Ст. инж.-технолог гидрометаллургического цеха № 1. Гидрометаллургический зав. № 102. **Виноградов Анатолий Арсеньевич**, 1936; 1965–1971; 1978–1982. Ст. инж. — руков. темы ПКУ; ст. горн. инж. рудника Шмирхау, ПТО;

нач. горн. лаб.; нач. технич. отд. ЭВЦ; зам. директора ЭВЦ. ПКУ; РУ № 90; НИИ; Ген. дир. **Винокуров Валентин Александрович**, 1931; 1956–1957. Инж.-эл-мех. (из п/я № 119); Командированный. **Винокуров Станислав Федорович**, 1937; 1974–1980. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП; ст. инж.-геол. камер. партии. ЦГРЭ; ст. инж.-геол. камер. партии. ЦГРЭ; рудник Ройст. **Витальский Генрих Михайлович**, 1913; 1965–1969. Ст. инсп. секретн. отд.; нач. секретн. отд.; нач. спецц. ЦУ; рудник Кенигштайн. **Витковская Любовь Васильевна**, 1929; 1954–1958. Техник по учету ОТК; техник-геоф. геоф. отд.; лаборант цеха, лаб.; См. отправитель гот. прод. цеха опроб. Об. 111; Об. 131; ЦУ. **Витковский Иван Андреевич**, 1929; 1954–1958. Зав. БВР шахты; ст. контролер ОТК шахты; ст. инж. ПТО, горн. отд. Об. 111; Об. 131; ЦУ. **Вихров Юрий Яковлевич**, 1925; 1962–1966. Ст. горн. инж.-эл-мех.; ст. инж. ПТО. ЦУ. **Вишератин Семен Алексеевич**, 1912; 1955–1956. Зам. нач. Геол. упр. Упр. № 1. **Вишератина (Бешенковская) Елена Яковлевна**, 1915; 1955–1956. Сменный лаборант-минералог-петрограф лаб. Упр. № 1. **Владимиров Александр Николаевич**, 1909; 1954–1959. Гл. инж. объекта; нач. Об. 49; нач. отд. обогащения. Об. 19; Об. 49; ЦУ. **Владимиров Олег Константинович**, 1911; 1958–1961. Ст. инж.-геоф. геоф. отд. Геол. упр. **Владимиров Михаил Леонидович**, 1912; 1958–1963. Гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО; нач. ПТО. Об. 90; ЦУ. **Владимиров Борис Николаевич**, 1930; 1954–1959; 1973–1978. Гл. технолог, нач. хим. цеха; ст. инж.-технолог завода; ст. инж. по организации производства; ст. инж. отд. обогащения. Об. 96; хим. зав. № 102; Ген. дир. **Владимирова Татьяна Григорьевна**, 1930; 1954–1959; 1973–1978. Ст. контролер ОТК; нач. цеха опроб.; технолог-хим. цеха фабрики. Об. 49; Об. 96. **Власенко Юрий Яковлевич**, 1938; 1981–1988. Горн. инж. **Власов Борис Петрович**, ????, 1966-1990. Геолог ш. № 366; геолог кам. партии. Об. 9. **Власов Евгений Илларионович**, 1930; 1954–1959. Ст. контролер ОТК шахты; нач. ОТК рудника; ст. горн. инж. лаб. горн. дела. Об. 90; Об. 36. **Власов Иван Павлович**, 1932; 1955–1956. См. техник-контролер ОТК хим. цеха; нач. смены дробильно-гравит. цеха фабрики; ст. инж.-обогачитель лаб. радиометрического обогащения. Об. 129; Об. 80. **Власов Николай Васильевич**, 1927; 1964–1966; 1974–1979. Ст. инсп. фельдсвязи. ЦУ; Ген. дир. **Власова Агния Дмитриевна**, 1929; 1954–1956. Ст. медсестра-хозяйка; врач-педиатр. ЦУ; Об. 118. **Власова Галина Николаевна**, 1938; 1971–1974. Машинистка спецц. ЦГРЭ. **Власова Евгения Сергеевна**, 1939; 1971–1974. Инсп.-переводчик. Рудник Пайцдорф. **Влязю Нила Леонидовна**, 1935; 1954–1957. Лаборант хим. лаб. Об. 38; Об. 101. **Вовк Наталья Митрофановна**, 1931; 1977–1980. Бухгалтер. **Водолазов Лев Иванович**, 1929; 1956–1960. Инж.-технолог; командированный; специалист-консультант при руков. предпр. **Водопьянов Сергей Алексеевич**, 1905; 1965–1968. Зам. нач. ПТО; ст. инж. по буровым работам ПТО. Об. 90.

Вознок Владимир Ефимович, 1937; 1976–1981. Горн. инж.-электрик. **Воинова Лидия Григорьевна**, 1936; 1982–1985. Медсестра. **Войтенко Афанасий Антонович**, 1930; 1961–1963. Ст. инж.-геоф.; гл. геоф. карьера Лихтенберг. Об. 90. **Войцехович Виктор Игнатьевич**, 1918; 1956–1959; 1965–1970. Нач. спецц.; нач. спецотд.; ст. инсп., нач. секретн. отд. Упр. № 3; ПКУ. **Волков Николай Иванович**, 1934; 1969–1975. Горн. инж.-геол. **Волков Виктор Кузьмич**, 1919; 1975–1980. Работник делопроизводства, режима и охраны. **Волков Валентин Кузьмич**, 1933; 1979–1984. Инж.-технолог. **Волков Борис Александрович**, 1937; 1980–1986. Переводчик нем. и англ. языков. **Волков Валерий Анатольевич**, 1944; 1980–1986. Инж.-геолог. **Волков Олег Владимирович**, 1930; 1986–1988. Инж.-шахтостроитель. **Волков Валентин Андреевич**, 1930; 1954–1959; 1980–1985. Технолог-хим. цеха; нач. экспериментального цеха; инж.-металлург. Об. 38; Об. 21. **Волков Валентин Семенович**, 1928; 1958–1963; 1969–1974. Ст. инж. ПТО, ОТК, отд. вентиляции, горн. отд.; ст. инж. — руков. темы лаб. рудничной вентиляции. Об. 9; ПКУ. **Волкова Роза Николаевна**, 1933; 1954–1957. См. контролер ОТК цеха; см. лаборант лаб. Об. 49. **Волкова Зинаида Леонтьевна**, 1930; 1955–1956. Инсп. торговой инспекции; техник тарифно-экон. и штатной группы отд. № 10. ЦУ. **Воловик Виктор Иванович**, 1929; 1958–1960; 1978–1984. Зам. гл. инж. рудника; ст. инж. ПТО; гл. инж. шахты; ст. районный инж. произв. отд. Об. 90. **Воловикова Ирина Марковна**, 1922; 1966–1971. Инж.-геол. — оказание тех. помощи. **Володин Климентий Ипполитович**, 1936; 1959–1963; 1968–1969. Ст. инж.-геоф. геоф. отд.; гл. геоф. рудников Лихтенберг; Шмирхау. Об. 90. **Волочков Владимир Дмитриевич**, 1928; 1954–1958. Нач. отд. связи; ст. инж. связи. Об. 118; Об. 83; Об. 9. **Волощук Семен Николаевич**, 1911; 1961–1986. Ген. директор ЦГАО «Висмут». ЦУ. **Волхонский Михаил Васильевич**, 1918; 1956–1959. Ст. инж. картограф, топограф; ст. инж.-маркш. Роннебург. **Вольнский Андрей Константинович**, 1913; 1955–1959. Нач. шахты; ст. районный инж. ПТО. Об. 118; ЦУ. **Воробьев Евгений Михайлович**, 1907; 1958–1963. Ст. экон.-финансист; зам. нач., нач. финансового отд. ЦУ. **Воробьев Павел Александрович**, 1928; 1961–1967. Ст. инж.-технолог цеха, отд. технологии и обогащения; зам. гл. технолога. Об. 102; ЦУ. **Воробьев Николай Павлович**, 1938; 1978–1981. Ст. инсп. охраны и режима. РУ № 9. **Воробьев Валерий Николаевич**, 1940; 1980–1987. Техник-плановик. **Воробьева Анна Васильевна**, 1924; 1954–1958. Ст. инсп. спецотд., спецц., протокольного отд. Об. 131; ЦУ. **Воронин Василий Яковлевич**, 1902; 1954–1957. Нач. ПТО; гл. инж. карьера; ст. инж. по горн. работам отд. № 7. Об. 90. **Воронина Мария Михайловна**, 1918; 1955–1957. Бух. Об. 90. **Воронцов Виктор Валентинович**, 1950; 1984–1987. Горн. инж.-геол.

Воропай Николай Петрович, 1936; 1974–1979. Техник-эл-мех. **Воротынцев Владимир Тихонович**, 1913; 1958–1960. Нач. ГРП Объекта; нач. Саксонской экспедиции; гл. инж. Тюрингенской ГРП. Об. 90; Саксонская ГРЭ; Тюрингенская ГРП. **Ворохов Генрих Павлович**, 1934; 1953–1957; 1967–1972. См. техник-контролер ОТК; нач. смены хим. цеха; инж. по опроб. отд. приемки гот. прод. Об. 19; Об. 100. **Ворохов Нина Павловна**, 1935; 1955–1957; 1967–1972. См. контролер ОТК; лаборант хим. лаборатории. Об. 100. **Воскобойников Виктор Сергеевич**, 1931; 1957-1962; 1972-1973. Горн. инж. Проектного предпр., нач. произв. отд. ГД. **Воскобойникова Раиса Алексеевна**, 1933; 1955–1962, 1972–1973, 1983–1988. Инж.-финансист план. отдела ГД. **Востриков Геннадий Владимирович**, 1929; 1954–1958. Ст. контролер ОТК шахты; зав. БВР шахты; ст. инж. по ТБ; инж. отд. вентиляции; нач. ОТК шахты. Об. 94; Об. 131; Об. 9. **Востров Виктор Михайлович**, 1906; 1956–1957. Нач. строительной конторы № 4; гл. инж. Об. 17. **Вохмянин Михаил Семенович**, 1925; 1956–1958. Инж.-металлург; нач. смены хим. цеха № 2 ф-ки № 95; технолог цеха. Об. 49; Об. 96. **Всехвальных Вадим Васильевич**, 1935; 1954–1958. Техник-геоф.; инж.-геоф. шахты; гл. геоф. шахты. Об. 94. **Вчерашняя Александра Онуфриевна**, 1935; 1954–1956. См. контролер ОТК. Об. 49. **Выгузов Николай Иванович**, 1931; 1954–1958. Техник-геоф. цеха № 3; нач. цеха; ст. инж., помощник нач. ГКП; инж. по опроб. Об. 129; ЦУ. **Вьлгезенин Борис Николаевич**, 1914; 1954–1957. Инж. узла связи; ст. инсп. связи службы связи. ЦУ. **Вылцан Иван Августович**, 1922; 1958–1960. Гл. геол. Объекта; нач. камер. группы; руков. геол. группы горн. лаб. Об. 90; Об. 36. **Вылцан Нина Феофановна**, 1928; 1958–1960. Зав. технич. библиотекой отдела технич. информации. ЦУ. **Вьшняк Валерий Иванович**, 1940; 1966–1971. Инсп.-переводчик; ст. инсп.-референт геол. отд.; ст. инж. ЭВЦ. ЦУ. **Вьзмин Иван Стефанович**, 1935; 1954–1957. См. контролер ОТК цеха; нач. смены хим. цеха. Об. 38. **Вязников Константин Михайлович**, 1900; 1954–1957. Ст. бух.-ревизор отд. ревизий; ст. бух. ЦУ; Об. 36. **Вязникова Софья Ароновна**, 1909; 1954–1957. Бух. ЦБ; ст. бух. расчетного отдела главной бухгалтерии. ЦУ. **Вяткин Иван Васильевич**, 1931; 1954–1955. Инж.-геоф. Об. 131.

Габолаев Владимир Мурадиевич, 1925; 1954–1955. Ст. контролер ОТК шахты. Об. 118. **Гаврилина Людмила Павловна**, 1925; 1973–1976. Инсп.-переводчик план. отд.; ст. инсп. секретн. отд. Ген. дир. **Гаврилов Всеволод Сергеевич**, 1928; 1954–1958. Инж.-геоф.; гл. геоф. карьера; нач. геоф. отд. Об. 90. **Гаврилов Игорь Павлович**, 1914; 1962–1968. Ст. горн. инж.-строитель ОКСа. ЦУ. **Гаврилов Юрий Михайлович**, 1937; 1963–1968. Инж.-строитель.

Гаврилов Евгений Михайлович, 1932; 1968–1973. Ст. инж.-геоф.; гл. геоф. ш. № 366; нач. ОТК. РУ № 9.

Гаврилов Юрий Михайлович, 1929; 1953–1958, 1965–1971, 1983–1989. Ст. инж. произв. отд. ГД, с 1983 — гл. инж. рудника Кенигштайн. **Гаврилова (Герасимова) Ираида** Викторовна, 1924; 1954–1958. Нач. отдел. связи. Об. 90. **Гаврин Юрий Михайлович**, 1931; 1955–1957. Инж.-обогатитель; см. контролер ОТК; нач. смены цеха ф-ки; ст. инж.-гидрометаллург. Об. 49; ЦУ. **Галемин Владимир Николаевич**, 1931; 1958–1963; 1968–1973. Ст. инж. проектной группы; нач. ОТК ш. № 371; ст. горн. инж.; ст. инж. по горным раб. Об. 9; р-к Кенигштайн. **Галикеев Равиль Гадиевич**, 1931; 1963–1968. Инж. по опроб.

Галкин Георгий Васильевич, 1911; 1958–1961. Ст. инж.-исследователь; гл. инж. проекта. Упр. № 3.

Галкин Василий Федорович, 1928; 1963–1965. Ст. инж.-техник цеха гравит. Об. 101.

Галченко Юрий Павлович, 1938; 1969–1973. Ст. инж. ПТО.

Галапин Лев Алексеевич, 1934; 1971–1976. Ст. инж.-геол. Саксонской ГРП. ЦГРЭ.

Гамаюнов Вениамин Васильевич, 1925; 1968–1973. Нач. секретн. отд.; ст. инсп. секретн. отд.; нач. спец. Об. 102 (зав.); ЦУ; ПКУ. **Гамаюнова Евгения Федоровна**, 1925; 1968–1973. Ст. медсестра ЦБ. ЦУ.

Гамаюнова Тамара Никифоровна, 1919; 1948–1954; 1963–1968. Об. 36. Нач. хим. лаб.; старший химик-аналитик хим. лаб. ОФ № 99. Об. 9; Об. 2; Об. 94.

Ганжа Геннадий Иванович, 1938–1978; 1977–1978. Зам. гл. инж. рудника; ст. инж. по горн. работам. Рудник Ройст.

Ганин Василий Васильевич, 1913; 1966–1970. Ст. инж.-экон.; нач. отд. технико-экон.

обоснования; зам. нач. план.-экон. отд. ПКУ; ЦУ. **Ганьков Анатолий Иванович**, 1925; 1956–1957. Ст. контролер ОТК; нач. ОТК шахты. Об. 9. **Гапонова Алевтина Константиновна**, 1927; 1956–1957. Инж.-минералог минералого-петрографической лаб. Об. 36.

Гаранин Семен Александрович, 1921; 1950–1955; 1967–1972. Ст. инж. по горным работам ПТО; ст. горн. инж. горно-механич. отд. ЦУ; ПКУ.

Гаранина (Ивченко) Мария Васильевна, 1924; 1950–1955; 1967–1972. Инж.-проектировщик; ст. инж.-экон. ЦУ.

Гарашенко Иван Семенович, 1925; 1954–1958. Ст. контролер ОТК; ст. инж. по радиации ПТО; ст. инж.-диспетчер. Об. 131; ЦУ.

Гарашенко Надежда Тихоновна, 1927; 1954–1958. Воспитатель д/с. Об. 131.

Гарбарский Борис Александрович, 1935; 1973–1979. Ст. инж. шахты; гл. инж. шахты. РУ № 9.

Гарина Раиса Николаевна, 1933; 1955–1958. Инж.-экон. карьера Зорге; ст. инж.-нормировщик-экон. рудника; инж.-экон. план. отд. Об. 36; Об. 90.

Гаценко Василий Васильевич, 1929; 1954–1957. Горн. инж. отд. № 10; нач. ОТК рудника. Об. 90.

Гвинерия Борис Федорович, 1912; 1962–1966. Зам. нач. ПТО; нач. ОТК. Об. 90.

Генке Александр Вячеславович, 1909; 1963–1967. Ст. инж. ПКУ; ст. инж.-экон. сметно-экон. отд.; нач. отд. технико-экон. обоснования. ПКУ.

Герасименко Раиса Степановна, 1938; 1978–1984. Врач акушер-гинеколог ЦБ. ЦУ. **Герасимов Иннокентий Павлович**, 1928;

1954–1957. Инж.-геоф.; гл. геоф. шахты. Об. 129.

Герасимов Геннадий Иванович, 1932; 1955–1959. Инж.-геол. ш. № 352; гл. геол. участка. Об. 90.

Герасимова Галина Васильевна, 1933; 1954–1956. Секретарь-машинистка; лаборант цеха опроб.; ст. диспетчер участка; техник-мех. цеха опроб.; техник-учетчик. Об. 131. **Герасимова Татьяна Ивановна**, 1929; 1958–1959. Техник-хим.-аналитик; ст. лаборант товарной лаб. Об. 36.

Герасимук Петр Родионович, 1924; 1972–1977. Ст. инж.-геол.; гл. геол. ш. № 381. РУ Шмирхау.

Гербут Константин Константинович, ????; нач. лаб. вент. и кондиционирования НТП. **Гергель Михаил Яковлевич**, 1911; 1958–1962. Ст. инж. — зам. нач. ПТО. Об. 9; ЦУ.

Герц Алексей Ильич, 1923; 1969–1972. Инж.-эл.-мех. НИИ.

Гизай Владимир Петрович, 1943; 1979–1982. Руков. группы лаб. синтетических материалов и закладки. НИИ.

Глаголев Александр Андреевич, 1927; 1968–1971. Ст. инж.-геол.; ст. инж.-петрограф камер. партии. РУ № 9.

Глаголев Николай Андреевич, 1930; 1970–1976. Инж.-геол.

Глазов Евгений Федорович, 1908; 1954–1956. Ст. инж. научно-исследовательской лаб.; инж.-радиотехник, геоф. Об. 90; Об. 80; Об. 21. **Глазов Юрий Нилович**, 1920; 1958–1960. Ст. инж.-геол. Саксонская ГРЭ.

Глазунов Игорь Сергеевич, 1931; 1976–1979. Инж.-гидротехник.

Глазштейн Владимир Савельевич, 1939; 1974–1978. Горн. инж. по технич. разведке.

Глебов Павел Никифорович, 1917; 1954–1957. Гл. инж. завода «Двигатель». Об. 39.

Глебов Юрий Николаевич, 1938; 1976–1982. Нач. технич. отд. РУ Шмирхау.

Глимаков Петр Дмитриевич, 1930; 1954–1955. Инсп. пункта фельдсвязи. ЦУ.

Глютов Лев Михайлович, 1934; 1966–1972. Инж.-переводчик план.-экон. отд.;

ст. инсп.-рефернт; инж. УМТО. ЦУ.

Глухих Глеб Александрович, 1923; 1958–1963. Ст. инж.-геол. горн. отд.; главный геолог — нач. геол. отд. Об. 90; Упр. № 3.

Глушков Василий Осипович, 1922; 1954–1956. Ст. референт отд. информации завода; ст. рефернт по информации. Об. 63; Об. 38.

Глыжо Лариса Николаевна, 1924; 1954–1955. Врач-дерматолог. ЦУ.

Гнездилов Александр Васильевич, 1906; 1955–1960. Нач. шахты; гл. инж. шахты; нач. отд. эл.-мех. оборудования. Об. 118; УМТО; ЦУ.

Гнездилова Екатерина Михайловна, 1910; 1955–1960. Воспитатель д/с. Об. 118.

Говор Алексей Яковлевич, 1929; 1955–1957. Инж.-технолог; нач. смены хим. цеха. Об. 49.

Говорков Юрий Алексеевич, 1942–1977; 1974–1977. Инж.-геол.

Говоркова Людмила Александровна, 1940; 1974–1979. Инж. отд. приемки.

Говоров Александр Сергеевич, 1930; 1963–1967. Ст. инж.-геол. шахты; гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. Саксонской ГРП. Об. 9; ЦГРЭ. **Гогунова Лидия Ивановна**, 1938; 1978–1982. Инж.-строитель; руков. группы отд. автоматизация. ПКУ.

Година Антонина Васильевна, 1934; 1954–1957. Техник-маркш. шахты; зав. БВР шахты; техник-картограф. Об. 118; Упр. № 1.

Гойденко Владимир Николаевич, 1951; 1980–1987. Геол., к. т. н.

Голиков Станислав Иванович, 1928; 1963–1969. Ст. инж. по технике разведки, по буровым работам; гл. инж. ЦГРЭ. ЦУ; ЦГРЭ. **Голиков Валерий Владимирович**, 1946; 1980–1986. Инж.-обогадатель.

Голиков Борис Иванович, 1951; 1983–1988. Водитель а/м.

Голиков Александр Андреевич, 1932; 1967–1973; 1978–1981. Ст. инж.-геол.

Тюрингенской ГРП; ст. инж. по перспективной разведке геол. отд. ЦГРЭ; Ген. дир.

Голикова Клавдия Тарасовна, 1912; 1954–1956. Рентгентехник. ЦБ.

Голикова Алла Григорьевна, 1934; 1954–1957. Ст. лаборант хим. лаб., товарной лаб. Об. 38; Об. 36.

Голисуов Виталий Семенович, 1929; 1979–1983. Горн. инж.-геол.

Голобородко Евгений Иванович, 1938; 1971–1976. Ст. инж. — руков. группы строительного отд. ПКУ.

Голованов Николай Александрович, 1925; 1950–1954; 1961–1968; 1972–1980. Инструктор по работе среди немецких рабочих, лейтенант; переводчик, инсп.-рефернт, юриконсулт; нач. отд. УМТО. Об. 111; ЦУ; УМТО.

Голованова (Быкова) Ангелина Михайловна, 1928; 1950–1955; 1961–1968; 1972–1980.

Машинистка; ст. инсп. спецотд. Об. 41; Об. 131.

Головачев Алексей Иванович, 1935; 1959–1964. Инж. по опроб. отд. приемки.

Головенкова Зинаида Никифоровна, 1919; 1962–1966. Ст. инж. хим.-аналитик.

Головин Евгений Никитович, 1931; 1955–1957.

Инж.-обогадатель; см. техник-контролер ОТК; технолог дробильно-гравит. цеха. Об. 129.

Головин Владимир Анатольевич, 1935; 1968–1973. Инж.-геол.

Головин Леонид Викторович, 1944; 1970–1975. Инж.-физик.

Головина Галина Игнатьевна, 1932; 1956–1957. Воспитатель д/с. Об. 2.

Головлев Юрий Федорович, 1931; 1956–1959.

Переводчик; ст. инсп. отд. охраны и режима. Об. 9.

Голуб Антонина Сергеевна, ????; 1963–1966. Инсп.-переводчик Геол. отд. ЦУ.

Голубенкова Антонина Сергеевна, 1923; 1953–1957; 1971–1975. Переводчик секретариата; инсп. отд. кадров; машинистка секретн. отд.; ст. машинистка спец. ЦУ; НИИ.

Голубин Виктор Александрович, 1925; 1956–1960. Нач. спецц.; ст. инсп., нач. отд. по работе с советс. кадрами. Об. 2; Экспед. № 2.

Голубкова Наталья Федоровна, 1953; 1984–1986. Врач-педиатр.

Голубовский Анатолий Витальевич, 1917; 1963–1966. Ст. инж. ПКУ; ст. инженер-геофизик геофизического отд., ш. № 371. Об. 90; Об. 9.

Голякова Валентина Харитоновна, 1935; 1954–1958. См. контролер ОТК хим. цеха; нач. смены хим. цеха; лаборант лаб.; инж.-геол., ст. контролер ОТК шахты. Об. 9; Об. 49.

Гоменюк (Пыркина) Нина Клавдиевна, 1930; 1955–1957; 1962–1964. Стенографистка, инсп.-делопроизводитель секретн. отдела. Об. 111; Об. 90; ЦУ.

Гончаренко Петр Филиппович, 1924; 1971–1974. Зам. гл. бух.; нач. расчетного отд.; гл. бух. ЦУ; ЦГРЭ.

Гончаров Иван Васильевич, 1924; 1967–1972.

Ст. инж.-технолог заводской лаб.; нач. исследов. лаб. Зав. № 102; зав. № 101. **Гончаров Борис Николаевич**, 1940; 1981–1987. Инж.-технолог.

Гончарук Михаил Никитович, 1930; 1972–1977. Нач. расчетного отд. Ген. дир.

Горбань Владимир Николаевич, 1941; 1976–1982. Ст. инж.-технолог; зав. заводской лабораторией. Зав. № 102.

Горбачев Виталий Михайлович, 1932; 1956–1959. См. контролер ОТК хим. цеха; технолог; нач. ОТК; гл. инж. — зам. нач. объекта. Об. 75; Об. 31.

Горбачев Виталий Иванович, 1928; 1958–1962. Ст. инж. ОТК; ст. инж. ПТО; гл. инж. рудника Шмирхау. Об. 90.

Горбачев Юрий Михайлович, 1931; 1958–1963; 1969–1975; 1981–1988.

Ст. инж.-геол.; гл. геол. ш. № 366, 371; ст. инж. по рудничной геол. геол. отд. РУ № 9; ЦУ.

Горбенко Василий Иванович, 1928; 1951–1957; 1971–1976. Ст. инж. отд. № 14; нач. отд. БВР; ст. инж. ПТО. Об. 129; ЦУ.

Горбенко Маргарит Сергеевна, 1930; 1951–1957; 1971–1976. Инж.-плановик; ст. инж.-экон. Об. 129.

Горбунов Андрей Николаевич, 1908; 1955–1960. Нач. ПТО; нач. отд. № 7; секретарь парторганизации. Об. 94; ЦУ.

Горбунова Елена Станиславовна, 1917; 1955–1960. Ст. бух.; зав. карточным бюро. Об. 94; ЦУ.

Горбунова Тамара Александровна, 1929; 1958–1961. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки.

Гордеев Семен Григорьевич, 1934; 1959–1963. Инж.-геоф. шахты; гл. геоф. ш. № 207; ст. инж.-геоф. Саксонской ГРП. Об. 9.

Гордиенко Евгений Трофимович, 1920; 1958–1960. Зам. гл. инж.; ст. инж. ПТО;

ст. инж. проектной группы, горн. отд., сантехнич. отд. Об. 90; ПКУ.

Гордиенко Владимир Васильевич, 1946; 1973–1979. Инж.-математик.

Гореленок Николай Михайлович, 1914; 1961–1964. Ст. горн. инж. отд. капит.

строительства; гл. инж. ОКС. Об. 90.

Горлов Эдуард Евгеньевич, 1931; 1956–1960. См. контролер ОТК хим. цеха; нач. ОТК фабрики. Об. 49; Об. 96; Об. 101.

Горлова Мария Николаевна, 1932; 1956–1960. См. контролер ОТК хим. цеха; нач. хим. лаб.

Об. 49; Об. 96; Об. 101.

Горн Игорь Владимирович, 1932; 1954–1961. Инж. промышленного транспорта; ст. инж.

Об. 131; Упр. № 2; Упр. № 3.

Горн (Евграфова) Нина Владимировна, 1932; 1952–1957; 1960–1961. Машинистка спецотд.

Об. 131; Упр. № 2; Упр. № 3.

Горнев Станислав Устинович, 1912; 1955–1956. Нач. объекта; ст. инж.-технолог. Об. 21.

Горобец Иван Матвеевич, 1917; 1953–1955; 1967–1971. Зам. гл. геолога геол. отд.; гл. геолог шахты; ст. инж.-геол. отд.; ст. инженер — руков.

группы горного отдела. Об. 49; Об. 94; ПКУ.

Городецкий Игорь Петрович, 1935; 1958–1963. Инсп.-переводчик; ст. инсп. ПТО;

ст. инсп. Ген. дир. Об. 9; ЦУ.

Городова Майя Семеновна, 1930; 1955–1956. Стенографистка, машинистка, инсп. спецотд.

Упр. № 1.

Горожанкин Дмитрий Степанович, 1932; 1966–1972; 1975–1977. Ст. инж. ПТО;

ст. инж. шахты; зам. нач. технич. отд.;

председатель профкома. РУ. № 9; Ген. дир.

Горохов Николай Петрович, 1931; 1954–1957. Нач. цеха опроб. ОТК; технолог цеха № 5;

гл. технолог объекта; гл. инж. Об. 75; Об. 31.

Горохов Владимир Сергеевич, 1924; 1955–1958. Фельдгегерь; инспектор пункта фельдсвязи. Об. 21; ЦУ.

Горохов Владимир Сергеевич, 1909;

1956–1959. Нач. горн. отд. ПКУ; гл. инж. проекта; ст. инж. горн. отд. Упр. № 3; Об. 36.

Горохов Николай Семенович, 1915; 1961–1965. Ст. инж.-технолог, гидрометаллург.

отд. обогащения; ст. инж.-технолог ПТО. ЦУ.

Горохов Анатолий Васильевич, 1923; 1962–1965. Нач. секретн. отд. ЦУ.

Горохова Зинаида Павловна, 1931; 1955–1958. Делопроизводитель секретариата; инсп. отд. № 1. ЦУ.

Горшков Алексей Ильич, 1918; 1964–1972. Гл. геоф. ЦУ.

Горюнов Юрий Александрович, 1931; 1955–1957. Инж. энергорайона № 2;

нач. энергорайона; ст. инж. по экслп. Об. 54.

Горяев Юрий Петрович, 1935; 1967–1971.

Ст. инж.-геол. Саксонской ГРП. ЦГРЭ.

Горяистов Валентин Яковлевич, 1911; 1956–1959. Нач. строительной конторы;

нач. ш. № 5; гл. инж. шахты; гл. инж. шахтоупр. Ройст. Об. 17; Об. 90.

Горячев Виктор Дмитриевич, 1951; 1978–1983. Шофер-мех. Ген. дир.

Горячева Любовь Александровна, ???? Машинистка НТП.

Горячева Пелагея Георгиевна, 1912; 1955–1958. Ст. инсп. спецотд., спецц. Об. 90; Об. 31.

Горячева Людмила Николаевна, 1939; 1967–1969. Машинистка Дрезд. ГРП. ЦГРЭ.

Гостев Николай Иванович, 1913; 1958–1961. Нач. цеха ОФ; нач. цеха опроб.

ОТК; ст. технолог цеха гравит. Об. 96; Об. 101.

Грановский Николай Олегович, 1949; 1977–1982. Инсп.-переводчик произв. отд. ГД.

Графов Геннадий Борисович, 1950; 1978–1981. Ст. инж.-геол. Рудник Ройст.

Грачев Борис Кузьмич, 1899; 1956–1960. Зам. гл. бух. Упр. № 2; гл. бух. Об. 9; Упр. № 2; ЦУ.

Гребеник Петр Павлович, 1936; 1979–1983. Геол.-геоф.

Гребеник Василий Федорович, 1925; 1958–1962. Гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО;

гл. геол. РУ; нач. геол. отд. Ген. дир. **Губарев Павел Иванович**, 1916; 1955–1960. Инж.-экспедитор по ж/д перевозкам; нач. ОГП. Упр. № 4; ЦУ. **Губарева Галина Алексеевна**, 1921; 1955–1959. Чертежник-копировщик горн. отд.; учетчик цеха опроб. Упр. № 3; ЦУ. **Губский Евгений Михайлович**, 1922; 1956–1960. Ст. инж. по механизации ПТО; гл. инж. шахты; ст. инж. ОНТЗ. Об. 6; ЦУ. **Гудимов Владимир Андреевич**, 1926; 1962–1967; 1974–1980. Гл. геоф. рудников Лихтенберг, Шмирхау; ст. инж.-технолог рудосортировочного цеха; нач. геоф. отд. — гл. геоф. Об. 90; РУ № 9. **Гузеев Игорь Дмитриевич**, 1925; 1958–1960. Ст. инж.-геоф. геоф. лаб. Руков. группы конструирования, аппаратной группы геоф. лаб. Об. 36. **Гузеева Клара Борисовна**, 1924; 1958–1960. Лаборант хим. лаб.; ст. лаборант группы анализа товаров. Об. 36. **Гузенко Владимир Яковлевич**, 1946; 1981–1985. Экономист. **Гуляев Николай Николаевич**, 1914; 1963–1965. Ст. инсп. секретн. отд. Об. 9; Дрезденская ГРП. **Гудобин Геральд Михайлович**, 1929; 1957–1959. Ст. инж.-геол. шахты; ст. инж.-геол. группы подсчета запасов камер. партии. Об. 9. **Гунько Николай Иванович**, 1937; 1979–1985. Ст. инж.-гидрогеол. РУ Пайцдорф. **Гурина Галина Сергеевна**, ????; 1962–1966. Переводчик Гл. бух. ЦУ. **Гурьянов Владимир Михайлович**, 1939; 1980–1987. Инж.-мех.

Гусаков Эдуард Григорьевич, 1929; 1956–1959. Нач. хим. цеха; ст. инж. лаб.; ст. инж. отд. технологии и обогащения. Об. 96. **Гусаков Евгений Иванович**, 1933. 1956-1960; 1969-1974; 1984-1991. Инж.-геолог шахты; гл. геол. шахты (р-к Ройст.); гл. геолог СГАО. **Гусаров Николай Александрович**, 1916; 1957–1960. Шофер-мех. а/транспортной конторы. ЦУ. **Гусев Владимир Александрович**, 1924; 1967–1972. Ст. инж.-гидрогеолог Тюрингенской ГРП. ЦГПРЭ. **Гусев Евгений Николаевич**, 1949; 1981–1986. Экон. **Гусляева Нина Михайловна**, 1950; 1984–1988. Техник-плановик. **Гуськов Леонид Петрович**, 1928; 1957–1961; 1964–1970. Ст. инж.-геол. геол. отд., шахты; гл. геол. рудн. Об. 6; Об. 9; рудн.Кенигштайн. **Гутовский Иван Моисеевич**, 1924; 1963–1969. Ст. инж. по горн. работам ПТО. Об. 90.

Давидович Надежда Климентьевна, 1926; 1963–1968. Ст. инж.-хим. хим. лаб.; зав. хим. лабораторией отд. приемки гот. прод. **Давыдов Владимир Николаевич**, 1949; 1976–1985. Технолог. **Давыдов Михаил Аскольдович**, 1950; 1979–1985. Геол. **Давыдов Иван Михайлович**, 1912; 1947–1951; 1953–1955. Ст. инженер-эл.-механик отдела главного мех. Об. 8; Упр. № 1. **Давыдова Лариса Ивановна**, 1925; 1976–1979. Инж.-геол.; инж.-минералог. **Давыдова Елена Геннадиевна**, 1955; 1980–1982. Ст. машинистка секретн. отд. Проектный институт. **Давыдова Надежда Тимофеевна**, 1922; 1947–1951; 1953–1955. Учетчик отд. учета немецких кадров. ЦУ.

Даниленко Евгений Николаевич, 1951; 1981–1986. Горн. инж. **Даниличев Владимир Иванович**, 1947; 1970–1976. Инсп.-переводчик; ст. юрисконс. ГД. **Данилов Геральд Никитович**, 1930; 1955–1957. См. контролер ОТК; нач. смены гравит. цеха; зав. цехом. Об. 60. **Данилов Александр Иванович**, 1928; 1958–1962. Гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. Об. 90. **Данилов Юрий Сергеевич**, 1928; 1951–1957; 1965–1972; 1976–1983. Нач. ПГРП; ст. инж.-геол. рудника Шмирхау; гл. геол. Тюрингенской ГРП; гл. геол. Об. 47; Упр. № 1; Об. 129; Об. 90; ЦГПРЭ; Ген. дир. **Данилова Елизавета Викторовна**, 1910; 1957–1960. Лаборант цеха опроб.; техник по подсчету запасов геол. отд. Об. 9. **Данилова Валентина Максимовна**, 1926; 1959–1961. Ст. инж. — руков. темы лаб. рудничной вентиляции; хим.-аналитик, руков. лаб. Об. 102. **Данилова (Еремеева) Евгения Ефимовна**, 1932; 1951–1957; 1965–1972; 1976–1983. Техник-вычислитель геоф. партии; инж. по нормированию. Упр. № 1; Экспед. № 2. **Данилушкин Александр Георгиевич**, 1908; 1954–1957. Инж.-электрик; нач. службы связи; инж. службы связи. Об. 94; ЦУ. **Данильянц Александр Абрамович**, 1910; 1965–1974. Гл. геол. ЦУ. **Данько Евгений Тарасович**, 1914; 1947–1952; 1964–1967. Гл. геол. шахты; ст. рудничный геол. — зам. нач. геол.-геоф. отд. ПКУ; Об. 9; Об. 2; Упр. № 1. **Девигун Анатолий Александрович**, 1931; 1970–1976. Нач. план. отд. РУ Пайцдорф. **Дворцов Сергей Сергеевич**, 1932; 1954–1957. Ст. техник-геоф. шахты; см. контролер ОТК цеха. Об. 94; Об. 1. **Дворцова Мария Константиновна**, 1928; 1962–1965. Машинистка секретн. отд. Об. 9. **Девликамов Рустам Ахмедович**, 1931; 1956–1957. Инж.-геол. ГРП; инж.-петрограф. Об. 129; Экспедиция № 2. **Дегтева Валентина Семеновна**, 1937; 1983–1987. Ст. инсп. **Дедешко Мария Петровна**, 1918. 1949–1954. Инж.-химик лаборатории полевых и геол. анализов. Объект 36 – НИИ; Объект 21. **Дедков Евгений Сергеевич**, 1918; 1955–1957. Главный маркшейдер шахты; нач. маркш. отд. — гл. маркш. Об. 118; Об. 129; Об. 9. **Дедов Владимир Иванович**, 1923; 1955–1957. Нач. отд. информации; нач. референтуры при ГД. ЦУ. **Дедов Виктор Семенович**, 1936; 1964–1968. Инж. по опроб. **Дедюк Виктор Аркадьевич**, 1939; 1981–1985. Юрист; сотрудник КГБ. **Декань Роза Васильевна**, 1926; 1960–1965. Зав. клубом, библиотекарь. Об. 9. **Декань Виталий Иосифович**, 1927; 1960–1965. Ст. инж. ОКСа. Об. 9. **Дементьев Анатолий Николаевич**, 1929; 1963–1968. Инж.-мех. **Демидов Николай Петрович**, 1908; 1956–1957. Нач. энергорайона № 6. Об. 177. **Демидова Антонина Ивановна**, 1924; 1955–1957. Инж. узла связи; техник отдел. связи; нач. служб связи. Об. 129. **Демидова Людмила Федоровна**, 1911; 1956–1957. Ст. бух. Об. 9. **Демин Александр Павлович**, 1918; 1958–1959. Инсп. отд. № 2. ЦУ.

Демин Николай Владимирович, 1931; 1965–1971; 1977–1983. Ст. инж. — руков. темы лаб. рудничной вентиляции; нач. лаб. ПКУ; НИИ. **Демина Валентина Васильевна**, 1928; 1958–1960. Ст. инж.-хим.-аналитик технологического отд.; руков. группы анализа товаров. Об. 36. **Демьяненко Николай Федорович**, 1934; 1966–1971. Ст. инж.-геол. геол. отд. РУ. № 90. **Демьянов Николай Васильевич**, 1910; 1948–1948; 1951–1955. Зам. ген. директора по геол. Центральное отделение. **Демьянчик Иосиф Филиппович**, 1911; 1956–1958. Ст. инж.-маркш. маркш. отд.; ст. контролер шахты; зам. нач. ОГП. Об. 90; ЦУ. **Денисенко Виктор Иванович**, 1929; 1968–1973. Нач. план. отд. РУ. № 9; ЦУ. **Денисов Александр Иванович**, 1927; 1960–1965. Руководитель геологич. группы геолого-минералогической лаб.; нач. камер. партии; нач. геол. лаб. Об. 36; ЦУ; ПКУ. **Денисова Валентина Федоровна**, 1921; 1954–1956. Ст. техник отдел. связи. Об. 129. **Денисова Екатерина Алексеевна**, 1920; 1959–1961; 1964–1966. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки гот. прод.; ст. инж.-хим. лаб. **Дергачев Василий Андреевич**, 1920; 1954–1958. Инсп. отд. по работе с советскими кадрами; нач. склада гот. прод. Об. 38; ЦУ. **Дергачев Виталий Андреевич**, 1918; 1955–1959. Инж.-геол. шахты, карьера; гл. геол. шахты; гл. геол. рудника. Об. 90; ЦУ. **Дергачева Лидия Александровна**, 1928; 1954–1958. Воспитатель д/с. ЦУ. **Дергунов Константин Максимович**, 1921; 1955–1958. Гл. маркш. ш. № 6; нач. маркш. отд. Об. 129; Об. 17. **Деревяннина Клавдия Михайловна**, 1933; 1966–1971. Инж.-хим. анализ. отд. приемки. **Державин Владислав Михайлович**, 1927; 1958–1961. Переводчик; нач. отд. в Берлине. УМТО. **Дериземля Надежда Григорьевна**, 1918. 1955, геолог шахты 18, Объект 1. **Деркач Алексей Васильевич**, 1914; 1970–1976. Нач. отд. охраны; ст. инсп. секретн. отд.; нач. секретн. отд. ЦУ. **Дехтяренко Владимир Александрович**, 1940; 1971–1977. Отладчик ЭВМ; ст. инж.-электротехник. ПКУ. **Дехтяренко Михаил Родионович**, 1936; 1976–1981. Ст. инж.-геоф. Лейпц. ГРП. ЦГПРЭ. **Дешиц Леонид Александрович**, 1931; 1972–1978. Ст. инж.-технолог; зав. исследов. лабораторией. Зав. № 102; зав. № 103. **Джангирьянц Михаил Аркадьевич**, 1929; 1967–1973. Ст. горн. инж.; гл. инж. шахты; гл. инж. рудника. РУ № 9; Рудник Кенигштайн. **Дзасохов Валентин Алексеевич**, 1912; 1956–1958. Нач. ПГО; нач. Объекта. Об. 9. **Дзасохова Алла Львовна**, 1915; 1956–1958. Ст. инж. план. отд. Об. 11. **Дзучкоев Михаил Михайлович**, 1924; 1954–1959. Ст. контролер ш. № 1; заведующий базисным складом. Об. 131. **Дзюба Николай Андреевич**, 1908; 1956–1959. Ст. инсп. по охране и режиму; нач. склада гот. прод. ЦУ. **Дивисенко Иван Петрович**, 1927; 1960–1961. Ст. горн. инж.; горн. инж.-строитель ОКСа. УКС. **Дмитренко Алексей Леонтьевич**, 1923; 1970–1976. Техник-эл-мех. **Дмитренко Григорий Иванович**, 1943; 1976–1983. Ст. инж. по горн. работам; гл. инж. Рудник Ройст.

Дмитриев Валентин Ильич, 1933; 1954–1958. Инж.-геол. ш. № 31-бис; нач. склада гот. прод. отд. № 20. Об. 131; ЦУ; Об. 9. **Дмитриев Сергей Михайлович**, 1910; 1965–1968. Зам. нач. технич. отд.; гл. инж. проекта. ПКУ. **Дмитриев Анатолий Николаевич**, 1923; 1973–1976. Ст. инж.; гл. инж. шахты. ПКУ; рудник Шмирхау. **Дмитриев Валерий Владимирович**, 1946; 1979–1986. Переводчик-референт. **Дмитриенко Алексей Поликарпович**, 1929; 1956–1962; 1974–1976. Ст. инж. по электрооборудованию. **Добрянский Борис Ильич**, 1935; 1976–1979. Инж.-электрик. **Довгаль Николай Абрамович**, 1917; 1968–1971. Нач. геол. отд. ЦУ. **Довольнова Валентина Петровна**, 1930; 1970–1975. Инж.-хим.-аналитик отд. приемки. **Догадина Надежда Петровна**, 1925; 1971–1972. Ст. инж. хим. лаб. отд. приемки. **Докукин Олег Семенович**, 1930; 1970–1978. Ст. инж. горн. лаб.; нач. отд. механизации и автоматизации. НИИ. **Докучаев Григорий Владимирович**, 1928; 1962–1973. Горн. инж.; ст. инж. горн. отд. ПКУ. **Докучаев Евгений Степанович**, 1937; 1970–1976. Ст. инж.-геоф. Сакс. ГРП. ЦГПРЭ. **Долбян Виталий Васильевич**, 1928; 1959–1964. Инж. по опроб. отд. приемки. **Долгачев Георгий Степанович**, 1921; 1955–1956. Техн.-руков. автобазы; нач. транспортного отд.; гл. инженер транспортной конторы. Об. 90. **Долгов Виктор Павлович**, 1927; 1950–1955; 1961–1968. Ст. инж.-геол. геол. отд.; гл. геол. РУ. Об. 131; Упр. № 1; Об. 9. **Долгова Лидия Васильевна**, 1926; 1952–1955; 1961–1968. Переводчик секретариата; преподаватель курсов нем. яз. Об. 131; ЦУ; Об. 9. **Долгополова Софья Антониновна**, 1933; 1956–1960. Секретарь-переводчик; инсп.-переводчик центральной бух., спецотд. Об. 9. **Долнин Константин Александрович**, 1909; 1955–1957. Гл. инж. объекта; нач. РУ. Об. 129. **Долнин Виктор Алексеевич**, 1946; 1978–1983. Ст. инсп. отд. кадров. Ген. дир. **Долотцев Евгений Николаевич**, 1934; 1954–1957. Техник-геол. геол. партии; инж.-геол. шахты. Об. 131. **Доманов Василий Ефимович**, 1933; 1976–1982. Ст. инж., нач. сметного отд. ПКУ. **Домашевич Михаил Михайлович**, 1936; 1972–1975. Ст. инсп. секретн. отд. ЦУ; ПКУ. **Домнин Семен Иванович**, 1914; 1959–1962. Инженер-металлург; главный технолог — нач. технологического отдела; гл. инженер; зам. гл. технолога отд. технологии и обогащения. Об. 96; Об. 102; ЦУ. **Домрачев Михаил Михайлович**, 1910; 1956–1958. Инж.-электрик; профработник. **Дондик Александр Григорьевич**, 1928; 1962–1966. Ст. горн. инж. по горн. работам ПТО; ст. инж.-маркш. Об. 90. **Донских Зинаида Ивановна**, 1919; 1950–1955; 1972–1976. Нач. гидрохим. лаб.; инж.-хим.-аналитик отд. приемки. Об. 36 — НИИ; Об. 21. **Дороднов Виктор Васильевич**, 1924; 1954–1959; 1961–1965. Ст. инж.-экон.; нач. план. отд. Об. 102; ЦУ. **Дорожкин Василий Иванович**, 1930; 1974–1981. Гл. инж. Рудник Кенигштайн. **Дорожкина Антонина Филипповна**, 1935; 1955–1956. Техник-технолог; см. контролер ОТК

хим. цеха; техник-обогачитель. Об. 49; Об. 21. **Доронин Олег Иванович**, 1934; 1956–1958. Гл. геол. шахты. Об. 9. **Доронин Валентин Фадеевич**, 1926; 1958–1961. Ст. инж. ОТК; ст. инж. цеха опроб.; зам. нач. цеха. Об. 9. **Дорофеев Владимир Ильич**, 1926; 1954–1957. См. контролер ОТК цеха; нач. смены хим. цеха; инж.-технолог. Об. 75; Об. 21. **Дорофеев Ананий Кузьмич**, 1904; 1955–1960. Нач. объекта; нач. ОКСа; нач. УКСа. Об. 83. **Дорофеев Виктор Иванович**, 1932; 1955–1960; 1966–1971; 1978–1986. Инж.-обогачитель; ст. инж.-технолог хим. цеха; зам. гл. технолога; гл. инж. Об. 38; Об. 101; зав. № 101. **Дорофеичев Иван Васильевич**, ???? Гл. инж. ш. № 371, гл. инж. Об. 9 **Дорохов Леонид Иванович**, 1927; 1956–1960. Ст. контролер ОТК; инж. ПТО; зам. гл. инж. по противопожарным мероприятиям. Об. 90. **Дорохов Михаил Степанович**, 1907; 1959–1960. Нач. отд. охр. и реж.; зам. ген. дир. по охране, режиму и кадрам. Об. 9; ЦУ. **Дорохова Людмила Сергеевна**, 1929; 1956–1960. Бух., счетовод; чертеж. геол. отд. Об. 90. **Дорошенко Владимир Максимович**, 1917; 1957–1962. Ст. инж. по подземным работам ПТО; на. проектной группы; зам. нач. ПТО. Об. 90. **Дорошенко Вера Ивановна**, 1940; 1976–1981. Ст. машинистка спецц. ЦГПРЭ. **Драгунова Тамара Михайловна**, 1931; 1954–1957. Инж.-геоф. Об. 118. **Дракин Василий Николаевич**, 1948; 1982–1988. Инж. путей сообщения. **Дробков Никита Алексеевич**, 1917; 1956–1960. Ст. инж.-мех. отд. гл. мех.; нач. механического цеха; нач. цеха геоф. аппаратуры. Об. 80; Об. 36. **Дробышева Марина Павловна**, 1924; 1963–1967. Машинистка-стенографистка секретн. отд. ЦУ. **Дроздов Виктор Николаевич**, 1931; 1976–1983. Нач. ОКСа; гл. инж. шахты. УКС; Ген. дир. **Дрочнев Геннадий Сергеевич**, 1936; 1966–1969. Ст. инсп. отд. охраны и режима. РУ № 90; ЦУ. **Дружинин Григорий Константинович**, 1913; 1961–1966. Зам. нач. ПТО; зам. гл. инж. Об. 90. **Дубенко Григорий Андреевич**, 1924; 1971–1977. Нач. отд. охраны и режима. ЦУ. **Дубинкина Майя Алексеевна**, 1931; 1960–1963. Машинистка-стеногр. спецотд. ЦУ. **Дубовик Марина Ильинична**, 1931; 1954–1957. См. техник-контролер ОТК цеха опроб. Об. 2. **Дубровин Алексей Владимирович**, 1921; 1954–1956. Ст. инсп. отд. кадров; ст. инсп. по охране и режиму. ЦУ; Об. 80. **Дубровина Татьяна Харлампиевна**, 1923; 1954–1956. Секретарь-машинистка; диспетчер отд. гот. прод.; инсп.-машинистка спецц. ЦУ; Об. 80; Об. 63. **Дубровский Иван Павлович**, 1905; 1959–1963. Гл. инж. фабрики; нач. научно-исследовательской лаб.; нач. ПТО. Об. 36; ЦУ. **Дубровский Николай Иванович**, 1934; 1978–1979. Шахтостроитель. **Дударов Игорь Павлович**, 1923; 1974–1979. Ст. инж.-технолог-хим. цеха. Зав. № 102. **Дудкин Николай Гаврилович**, 1936; 1980–1986. Горн. инж.-геол. **Дудников Борис Дмитриевич**, 1928; 1955–1959. Инж.-эл-мех. **Думнова Антонина Григорьевна**, 1925; 1959–1962. Врач-педиатр. ЦБ. **Дунаев Николай Иванович**, 1911; 1954–1956. Нач. отд. кадров; инж.-экон. куста шахт; нач. отд. советских кадров. Об. 90.

Дунаева Александра Павловна, 1907; 1954–1956. Врач-хирург; промышленный санитарный врач. Об. 90. **Дундуков Николай Николаевич**, ???? Гл. инж. Проектн. предпр. **Дундукова Римма Алексеевна**, 1931; 1955–1958. Инж.-геоф. 21 отд., ст. инж.-геоф. партии. Камер. партия. **Дурандин Александр Семенович**, 1930; 1954–1955. Нач. хим. цеха. Об. 38. **Дуров Алексей Алексеевич**, 1949; 1981–1987. Горн. инж. **Дыдалин Иван Васильевич**, 1926; 1958–1962; 1966–1968. Шофер; приемщик-отправитель отд. гот. прод.; зам. нач. автотранспортного отд.; ст. инсп. АХО. Об. 9; ЦУ. **Дьяконов Альберт Валерьевич**, 1926; 1949–1955; 1964–1970. Инж.-геол.; гл. геол. объекта. Об. 94. **Дьяконова (Кузьмина) Лидия Федоровна**, 1927; 1949–1955; 1964–1970. Товаровед по пром. товарам; инж.-экон. отд. № 6. Об. 94. **Дьячков Николай Иванович**, 1930; 1954–1957. Ст. контролер ОТК ш. № 250; ст. инж. отд. БВР. Об. 131; Об. 9. **Дьячков Борис Владимирович**, 1931; 1954–1957; 1971–1976. Гл. геоф. шахты; нач. геоф. отряда; ст. инж.-геоф. геоф. лаб. Об. 111; Экспедиция № 2; НИИ. **Дюжий Петр Иванович**, 1936; 1966–1972; 1977–1984. Инсп.-переводчик секретн. отд.; переводчик нем. яз. ЦУ; РУ. № 9. **Дюльдев Петр Александрович**, 1934; 1954–1958. Инж.-геол. ш. № 12; ст. инж.-геол. геол. отд. Об. 129. **Дячок Петр Сергеевич**, 1937; 1977–1981. Горн. инж.-геол.

Евдокимов Александр Викторович, 1948; 1978–1982. Ст. инж.-геоф. лаб. НИИ. **Евдокимов Лев Николаевич**, 1941; 1980–1983. Зам. гл. инж. Рудник Ройст. **Евлюхин Юрий Яковлевич**, 1932; 1976–1982. Главный инженер НИИ. **Евникеева Лариса Равильевна**, 1945; 1974–1978. Врач-терапевт. **Евтеев Валерий Петрович**, 1939; 1976–1981. Ст. инж. строительного отд. Проект. институт. **Егоров Юрий Петрович**, 1929; 1976–1981. Ст. инж. по горн. работам. Рудник Кенигштайн. **Егоров Виктор Карбович**, 1921; 1955–1956. Командир д/п. Об. 4. **Ежов Александр Иванович**, 1937. 1970–1976. Руководитель математического отдела ЦГРП. **Ежов Виктор Алексеевич**, 1909. 1949–1954. Старший инж.-геофизик, зам. начальника геолого-геофизического отдела Объекта 1. **Еланцев Юрий Владимирович**, 1908; 1956–1960. Нач. Проект. управл. Проект. Упр. **Еломанов Сергей Иванович**, 1907; 1955–1958. Нач. отд. охраны и реж.; нач. спецотд. Об. 118. **Енин Виктор Кириллович**, 1926; 1954–1958. Ст. инсп. отд. кадров; ст. инструктор ОТК шахты; инж. отдела тов. прод. Об. 9. **Енина Лидия Евстихиевна**, 1926; 1954–1958. Бух. по бюджету. Об. 118. **Епифанов Валерий Иванович**, ????; 1987–1987. **Еремеев Александр Николаевич**, 1920. 1953–1959. Гл. геофизик СГАО Висмут. **Еременко Александр Николаевич**, 1937; 1977–1981. Зам. нач. геол. отд. Ген. дир. **Еремин Борис Федорович**, 1924; 1971–1978. Гл. инж. проекта. **Еремина Лидия Федоровна**, 1932; 1971–1977. Ст. медсестра.

Ермаков Георгий Васильевич, 1922; ???-1948. Дипетчер.
Ермаков Олег Андреевич, 1932; 1974–1978. Гл. инж. шахты. РУ № 9.
Ерошенко Иван Дмитриевич, 1926; 1954–1957. Ст. контролер ОТК шахты; ст. инж. по нормир. Об. 101.
Ерошенко Татьяна Ивановна, 1926; 1954–1957. Смотритель лаб. цеха ОТК; зав. клубом. Об. 101.
Ерошенков Гавриил Ильич, 1909; 1956–1957. Нач. спецц.; нач. цеха. Об. 1.
Ершов Иван Иванович, 1926; 1979–1982. Зам. нач. отд. связи — нач. центр. узла связи. Ген. дир.
Ершов Иван Семенович, 1914; 1948–1955; 1963–1968. Ст. инж. ОГМ; начальник горно-механического отдела.
Ершова Анна Александровна, 1921; 1954–1956. Об. 49.
Ершова Наталья Вениаминовна, 1940; 1980–1983. Ст. врач-терапевт. ЦБ.
Ефанов Леонид Данилович, 1929; 1979–1982. Зам. нач. технич. отд. Ген. дир.
Ефименко Михаил Михайлович, 1902; 1955–1958. Ст. инструктор политотд.; нач. отд. сов. кадров. Упр.
Ефимов Михаил Андреевич, 1907; 1959–1961. Зам. нач. отд. охраны и режима. Упр.
Ефимов Юрий Григорьевич, 1934; 1968–1973. Ст. инж.-геоф.; гл. геоф. РУ № 90.
Ефимов Владимир Вячеславович, 1937; 1968–1972. Врач-терапевт; зав. отделением. ЦБ.
Ефимов Владимир Ильич, 1924; 1976–1982. Нач. геол. отд. — гл. геол. РУ № 9.
Ефремова Надежда Борисовна, 1934; 1979–1983. Инсп.-машинистка секретн. отд. (при сов. члене правления). Ген. дир.

Ж

Жаденов Николай Никитич, 1933; 1974–1977. Гл. геоф. Лихтенберг.
Жажин Виктор Васильевич, 1925; 1975–1980.
Жакишев Аусекан, 1929; 1954–1957. Об. 38.
Жариков Игорь Васильевич, 1941; 1970–1975. Оказание технич. помощи.
Жаркова Ольга Владимировна, 1925; 1959–1960; 1966–1970. Оказание тех. помощи.
Жаркова Анна Афанасьевна, 1932; 1969–1973; 1977–1981. Машинистка; секретарь отдел. ГД.
Жаровская Зинаида Михайловна, 1902; 1955–1958. Лор-отдел.; зам. главврача; зав. терап. отделением; Лор-отдел. Упр.
Жбаников Анатолий Петрович, 1922; 1958–1959. Зам. нач. отдел. ЦУ.
Жбанов Виктор Борисович, 1941. 1984–1989. Нач. группы Проектного предприятия.
Жданенко Василий Иванович, 1905; 1961–1961; 1972–1973. Оказание тех. помощи.
Жданов Николай Иванович, 1901; 1956–1960. Инж.-геол. Упр № 2.
Жданов Игорь Николаевич, 1936; 1959–1961. Инженер.
Жданов Георгий Владимирович, 1919; 1970–1971. Нач. отд. ПКУ. ПКУ.
Жданов Виктор Иванович, 1907; 1949–1953; 1958–1959. Ст. инж. проектн. упр.; ст. инж. ОТК; зам. нач. отд. гол. прод.-натур. склада; горн. инж. ЦУ. Об. 94.
Жеванов Виктор Семенович, 1928; 1956–1958. Нач. стройконторы; инж. строитель. Упр № 2.
Жеванова Аэлита Александровна, 1928; 1956–1958. Ст. инж. горн. отд. проекта конторы; горн. инж.-проектировщик. Упр. № 3.
Жевлаков Александр Валентинович, 1929; 1966–1978; 1978–1983. Ст. инж.-гидрогеол.

Тюрингенской ГРП; гл. гидрогеол. ЦГРЭ; спец. по технич. помощи.
Желанов Юрий Петрович, 1925; 1970–1970. Оказание технич. помощи.
Железнов Михаил Иванович, 1926; 1958–1962. Инж.-геоф.; ст. инж.-геоф. шахты; ст. руков. шахты. Упр.
Железняк Николай Карпович, 1947; 1981–1983.
Желнин Борис Васильевич, 1933; 1954–1955. Ст. техник-геоф. шахты.
Желнов Виктор Петрович, 1937; 1982–1988.
Желнова Наталья Сергеевна, 1929; 1954–1955. Ст. экспедитор. Упр. № 3.
Желобанова Людмила Дмитриевна, 1933; 1954–1956. Ст. техник. Об. 2.
Желтыгнев Михаил Иванович, 1930; 1954–1956. Инсп. спецотд.; инженер-геофизик карьера. Об. 90.
Жеребецкий Андрей Михайлович, 1916; 1955–1958. Гл. инж. куста шахт; нач. ПТО Объекта. Об. 11.
Жерновой Анатолий Петрович, 1940; 1978–1982. Ст. инж.; гл. геоф.
Жженных Ирина Владимировна, 1931; 1954–1958. Инж. ОК; воспитатель в Доме школьника; переводчик англ. яз. Об. 131.
Жженных Валерий Григорьевич, 1930; 1954–1958; 1974–1974. Оказание технич. помощи; ст. инж.-контролер ОТК шахты; ст. горн. инж. Об. 36.
Жигалов Михаил Леонидович, 1932; 1952–1964; 1972–1972. Оказание технич. помощи; ст. инж. руков.
Жигулев Степан Филлипович, 1919;1973.
Жидков Леонид Александрович, 1929; 1954–1955. Инж.-мех. хим. цеха. Об. 49.
Жилин Сергей Абрамович, 1917; 1954–1957. Инж.-геоф.; зав. мастерской по ремонту геоф. аппаратуры. Об. 111.
Жилина Надежда Ильинична, 1924; 1954–1956. Врач-хирург, ординатор хирургического отделения. ЦБ.
Жильцов Вячеслав Дмитриевич, 1935. 1968–???, 1985–1990 — главный инж. Объекта 9.
Жильцова Галина Александровна. 1985-1990. Препод. школы № 103 ГСВГ.
Жиляев Алексей Павлович, 1929; 1967–1971. Ст. инж. ПТО. РУ № 90.
Жирков Михаил Сергеевич, 1935; 1976–1983. Оказание технич. помощи; ст. инж. исслед. лаб.
Жирова Валерия Валентиновна, 1919; 1956–1956.
Житкова Мария Юрьевна, 1911; 1955–1957. Инж.-геол. 1-е Упр.
Жутин Александр Васильевич, 1925; 1973–1978. Нач. ПО; гл. инж. ОКСа.
Жук Валентин Кузьмич, 1927; 1985–1985.
Жуков Борис Георгиевич, 1930; 1954–1956. Инж.-гидрогеол. Об. 90.
Жуков Альберт Маркович, 1934; 1958–1961. Инж.-переводчик; переводчик. Об. 90.
Жуков Феликс Александрович, 1932; 1969–1974. Оказание технич. помощи. ЦГРЭ.
Жуков Джон Петрович, 1939; 1976–1980. Ген. дирекция.
Жуков Георгий Константинович, 1921. Оказание технич. помощи; инж.-геол. 1-е Упр.
Жукова Тамара Павловна, 1929; 1954–1958. См. контролер цеха. Об. 101.
Жукова Валентина Ивановна, 1925; 1949–1953; 1955–1955; 1963–1963. Инж.-геол.; ст. инж.-минералог. 1-е Упр.
Журавлев Александр Павлович, 1913.
Журавлева Римма Ивановна, 1930; 1953–1955; 1956–1957. Ст. инж.-маркш.; инж. маркш.; ст. инж.-маркш. по учету и отчетности. Упр.

Журавленко Виктор Яковлевич, 1925; 1975–1975; 1977–1977. Оказание тех. помощи.
Журкелис Анатолий Иванович, 1928; 1977–1984. Нач. технич. отд. ЦГРЭ. ЦГРЭ.
Журовлев Юрий Николаевич, 1926; 1958–1962. Ст. инж. металлург; ст. инж. по опроб. ОТК; нач. ОТК и технолог цеха. Об. 102.

З

Забелин Борис Павлович, 1928; 1959–1962; 1973–1980. Гл. инж. проекта; ст. групповой инж. по разработке рудных месторождений; гл. инж. Проектн. предпр. ПКВ.
Забелин Анатолий Егорович, 1933; 1967–1968; 1969–1972. Ст. инж.-геоф. лаб.; оказание технич. помощи.
Забелин Евгений Петрович, 1943; 1968–1973; 1981–1986. Гл. бух.; инж.-переводчик; ст. инж.-переводчик геол. отдел. ЦУ.
Забелина Валентина Петровна, 1939; 1968–1972. Ст. медсестра. ЦБ.
Забокрицкий Михаил Тимофеевич, 1931; 1955–1957. Инж.-геол. шахты; гл. геол. шахты. Об. 94.
Заболотный Иван Михайлович, 1933; 1968–1972. Ст. инж.-геоф.; гл. геоф. шахты. РУ № 9.
Заболотный Сергей Дмитриевич, 1954; 1987–1987.
Заборицкая Татьяна Даниловна, 1932; 1955–1957. Об. 94.
Заборов Борис Михайлович, 1932; 1963–1965. Переводчик; инсп.-переводчик план.-экон. отд.; инсп.-референт инж. инспекции; ст. инсп. ЦУ.
Завадская Зинаида Михайловна, 1920; 1956–1960. 4-е Упр.
Завадский Вячеслав Вячеславович, 1912; 1956–1960. Ст. инж. строительного отд.; зам. нач. технич. отд. информации. ЦУ; Упр. № 3.
Заварзин Алексей Владимирович, 1927; 1969–1969.
Заварзин Василий Иванович, 1928; 1951–1951; 1978–1983. Ст. инж.-геол.; техник-геол.; уч. геол.; инж.-геол. ш. № 31. Об. 131.
Завьялов Федор Петрович, 1906; 1954–1954.
Завьялов Михаил Дмитриевич, 1906; 1956–1958. Нач. куста шахты; ст. инж.-строитель по подготовке производства ППО; гл. инж. стройконторы № 3. Об. 17. Упр. № 2.
Завьялов Леонард Михайлович, 1941; 1957–1958.
Завьяльский Петр Петрович, 1901; 1959–1962. Гл. бух.; зам. гл. бух. ЦУ.
Загатин Павел Федорович, 1917; 1971–1971.
Заговорина Валентина Тимофеевна, 1927; 1972–1975. Ст. бух. расчетного отдел.
Загорец Лев Павлович, 1940; 1978–1983. Ст. инж.-технолог производ. лаб.
Заграчев Николай Иванович, 1920; 1959–1961. Ст. инсп. спецотд.; нач. спецц. Об. 36.
Задорин Олег Андреевич, 1924; 1964–1970. Ст. инж.-экон. ПЭО; ст. инж.-экон. планово-эконом. отд.; нач. план. отд. Об. 90.
Зазулина Муза Андреевна, 1929; 1958–1960. Инж. хим.-аналитик отд. приемки прод.
Заикин Николай Семенович, 1944; 1976–1981.
Заикина Алла Григорьевна, 1946; 1976–1981.
Зайков Гурий Иванович, 1924; 1958–1960. Гл. инж. по опроб. отд. приемки.
Зайцев Евгений Ильич, 1917; 1955–1958. Гл. геол. шахты; ст. инж. по горн. работе; ст. инж. отд. рудной геол. 1-е Упр.
Зайцев Виталий Федорович, 1938; 1974–1978. Гл. инж. шахты. РУ.
Зайцев Виктор Константинович, 1933;

1969–1975; 1981–1987. Ст. инж.-геоф. лаб.; ст. инж.-геоф. отд.; нач. геоф. отд. РУ № 9.
Зайцева Елена Александровна, 1937; 1964–1966. Машинистка; инсп.-переводчик секретн. отд.
Зайцева Валентина Тимофеевна, 1928; 1962–1965; 1970–1975. Ст. машинистка секретн. отд.; инсп.-машинистка; ст. стеногр.-машинистка; стенограф.-секретарь. ГД; ЦУ.
Зайцевская Зинаида Николаевна, 1933; 1955–1958. Ст. бух. шахты. Об. 80. Об. 9.
Залесский Василий Тимофеевич, 1939; 1980–1982. Нач. Тюрингенской ГРП.
Залогина Любовь Ивановна, 1914; 1958–1959; 1961–1962.
Заломаев Юрий Леонидович, 1930; 1969–1969. Оказание технич. помощи.
Залыгаев Павел Алексеевич, 1929; 1954–1956. Ст. инж.-контролер ОТК шахты; инженер-контролер. Об. 131.
Замесов Николай Федорович, 1930; 1982–1982.
Замятин Иван Степанович, 1927; 1950–1955; 1976–1976. Инж.-эл-мех.; зам. нач. отд. техн. снабжения; гл. мех. ш. № 18. Об. 131.
Запара Виктор Павлович, 1939; 1978–1985.
Запезалов Игорь Алексеевич, 1938; 1982–1982.
Запольский Василий Михайлович, 1910; 1963–1968. Ст. инж.-маркш. ППО; гл. маркш. ПТО. РУ № 90.
Запольский Михаил Алексеевич, 1936; 1970–1978. Начальник отдела механизации НТПЦ.
Запольский Михаил Васильевич. Работа в СГАО “Висмут”: 1972 — руков. группы буровой техники; 1975–1978 — начальник отдела совершенствования горной техники; 1984–1990 — начальник отдела совершенствования горной техники.
Запрягаев Лев Валерьевич, 1929; 1959–1961. Нач. смены; ст. инж. гидро-металлургической шахты; ст. инж.-исследователь инж.-технич. лаборатории. Об. 102.
Зарапетян Зараб Петросович, 1914; 1969–1969.
Заржицкий Григорий Феофанович, 1913; 1957–1958. Ст. инж.-геол. 1-е Упр.
Зарубина Анна Александровна, 1944; 1971–1973. Машинистка спецц.; машинистка. Зав. № 102.
Зарубкин Валерий Петрович, 1958; 1983–1983.
Засецкий Евгений Георгиевич, 1926; 1954–1955; 1974–1974; 1978–1978. Оказание технич. помощи; временно командированный.
Засимова Анна Васильевна, 1935; 1972–1975. Ст. машинистка. ПКУ.
Засухин Игорь Николаевич, 1937. Тех. помощь.
Загока Анатолий Ефимович, 1952; 1982–1983.
Захарес Валентина Антоновна, 1924; 1954–1956. Зав. сектором по работе среди детей; инсп. 4-го отдел. Упр.
Захариков Геннадий Михайлович, 1938; 1970–1970. Оказание технич. помощи.
Захаров Александр Михайлович, 1932; 1955–1955. Инж.-геол. шахты. Об. 118.
Захаров Иван Иванович, 1915; 1959–1961. Ст. инсп. спецотд.; ст. инсп. отдел.; нач. отд. охраны и режима. Об. 90.
Захаров Владимир Иванович, 1927; 1962–1967. Ст. инж.-геоф. геоф. отдел.; нач. геоф. отдел. Об. 90.
Захаров Василий Максимович, 1951; 1982–1987.
Збористый Игорь Феофилович, 1941; 1971–1973; 1974–1975; 1975–1976.

Оказание технич. помощи.
Звеков Владимир Афанасьевич, 1931; 1970–1970. Оказание технич. помощи.
Зверев Георгий Никитич, 1900; 1957–1959. Ст. юрист отдел. Об. 36.
Зверев Анатолий Дмитриевич, 1917; 1967–1974. Зам. ген. директора по режиму охраны и по кадрам.
Зверева Анна Федоровна, 1911; 1957–1959. Ответств. инсп. док. бух.; ст. бух. по оформлению пенсий и премий; центр. бух. Упр.
Зворыгина Марианна Николаевна, 1928; 1954–1957. Техник-учетчик ОТК. Об. 118.
Звягин Владислав Васильевич, 1939; 1978–1984. Ст. инж.-экон. Нач. план. отд.; ст. инж.-экон. Рудник Дрозен. РУКС.
Зеленев Геннадий Михайлович, 1928; 1980–1985. Руков. группы отд. комплексного проектирования. Проектный институт.
Зеленок Леонид Григорьевич, ????. 1976–1981. Нач. отд. кадров ГД.
Зеленова Александра Васильевна, 1921; 1954–1958. Библиотекарь-кассир клуба; техник-учетчик 8-го отдел. Об. 2.
Зеленская Галина Андреевна, 1931; 1954–1956. Инж. четвертого отд.; см. лаборант цеха. Об. 131.
Зеленцев Лев Георгиевич, 1925; 1954–1954. Переводчик; препод. нем. яз. ЦУ.
Зеленцев Вячеслав Иванович, 1941; 1984–1984; 1986–1986.
Зенин Михаил Федорович, 1900; 1955–1958. Нач. ГРП; гл. геол.; ст. инж.-геол. отдел.; нач. отдел. разведки. 1-е Упр.
Зенин Леонард Михайлович, 1932; 1962–1966. Инженер-технолог; зав. экспериментальной хим.-техн. лаб.; ст. инж.-исслед. хим.-техн. лаб.; ст. инж. технич. цеха № 2. Об. 102.
Зенков Владимир Борисович, 1926; 1977–1982. Нач. отд. охраны и режима ГД.
Зернов Леонид Васильевич, 1931; 1973–1977. Нач. геоф. лаб.; нач. группы геоф. лаб. НИИ.
Зима Андрей Федотович, 1946; 1981–1987.
Зимина Раиса Павловна, 1929; 1954–1957. См. приемщик сырой прод. Об. 94.
Зимина Тамара Борисовна, 1925; 1948–1950; 1957–1957. Сб. инж. объекта.
Зимокое Георгий Николаевич, 1932; 1954–1957. Инж.-электроэнергетик; ст. инж.-эл-мех. ОТМ; гл. мех. Об. 96. Об. 49.
Зиновкин Александр Дмитриевич, 1913; 1954–1954; 1961–1964; 1964–1967.
Зиновьев Алексей Михайлович, 1924; 1959–1962. Ст. инсп. спецц.; ст. инсп. 1-го отдела; начальник спецотдела; нач. секретного отдела; ст. инсп. по охране и режиму. Об. 102.
Зиновьев Геннадий Михайлович, 1934; 1963–1969. Оказание технич. помощи; ст. горн. инж. горн. отд.; ст. горн. инж. рудника. Проектная контора. Упр.
Зиновьев Георгий Давидович, 1910; 1961–1963; 1954–1957. Оказание технич. помощи; гл. инж.
Зиновьева Мария Андреевна, 1918; 1956–1958. Нач. здрав. отд.; нач. 18-го отд.; нач. промышленной сан. инспекции. ЦУ.
Златоустова Нина Борисовна, 1922; 1956–1959; 1967–1972. Машинистка-стенографистка; ст. машинистка секретн. отд.; инсп. секретн. отд. парткома; инсп.-машинистка спецц.; делопроизводитель, зав. учетом парткома; инсп. спецц. парткома. ЦУ.
Злотин Александр Михайлович, 1935; 1963–1967. Ст. инж.-геофизик геоф. отдела; нач. геоф. отдела.; руков. группы геофической лаборатории. ПКУ.
Золотарева Владимир Александрович,

1928; 1958–1959. Ст. инж.-геол.; ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. Об. 90; Упр.
Золотин Аркадий Николаевич, 1928; 1964–1971. Ст. инж.-технолог; ст. инж.-исслед. хим. лаб.; зам. гл. технолога; гл. технолог завода; ст. инж.-технолог. Об. 102.
Золотухин Андрей Сергеевич, 1903; 1958–1963. Ст. геол.; зам. нач. экспед.; нач. Тюрингенской ГРП; ст. горн. инж. отд. партии разведки; ст. инж.-геол. ЦУ. Геол. упр.
Золотухина Ольга Александровна, 1953; 1979–1982.

Золочевский Владислав Константинович, 1936; 1973–1973. Оказание технич. помощи.
Зонтов Николай Степанович, 1939.
Зордунов Абдулла Нуриевич, 1927; 1968–1969. Оказание технич. помощи.
Зорин Николай Васильевич, 1924; 1962–1965. Ст. инж.-технолог; ст. инж. цеха. Об. 102.
Зорюков Иван Петрович, 1945; 1984–1987.
Зубанов Игорь Николаевич, 1951; 1981–1986.
Зубенко Иван Антонович, 1906; 1955–1957. Зам. нач. объекта; гл. инсп. объекта. Об. 17.
Зубков Иван Федорович, 1935; 1954–1957. Инж.-геол. шахты. Об. 129.
Зубков Поликарп Федорович, 1912; 1955–1956. Ст. горн. инж.; нач. отд.; проектный контролер.
Зубков Петр Борисович, 1912; 1960–1962. Зам. нач. отд. охраны и режима; нач. отд. охраны и режима. Об. 9.
Зубков Римар Владимирович, 1929; 1967–1967. Оказание технич. помощи.
Зубрев Константин Николаевич, 1911; 1957–1957; 1968–1971. Ст. инж.-геол. рудной геол. геол. отдел. ЦУ.
Зубрева Вина Владиславовна, 1921; 1968–1971. Инсп.-переводчик; гл. бух. ЦУ.
Зубынин Юрий Леонидович, 1931; 1954–1959; 1969–1976. Ст. инж. отдел. техн. и обог.; нач. зав. лаб.; нач. исслед. лаб.; нач. сменного цеха; нач. гравит. цеха; нач. цеха; ст. инж. ОТК. Об. 10. Об. 31.
Зубынина Кира Борисовна, 1932; 1954–1959; 1969–1976. Ст. инж. исследовательской лаб.; инж.-хим.-аналитик; ст. инж.-хим.-аналитик; инж.-хим. лаборат. Хим. зав. № 101. Об. 36.
Зув Николай Петрович, 1933; 1981–1987.
Зуйков Владимир Илларионович, 1934; 1966–1972. Ст. инж. по техн. и разведке; нач. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Зуйков Александр Захарович, 1912; 1954–1954; 1956–1956.
Зунтов Борис Михайлович, 1929; 1963–1963. Оказание технич. помощи.
Зыбин Михаил Максимович, 1912; 1971–1975; 1976–1977. Нач. КО. ЦУ.
Зыбрев Борис Николаевич, 1921; 1958–1962; 1967–1972. Ст. инж. по горн. работе; ст. инж. горн. лаб.; нач. отд. новой техники шт.; нач. ППО; зам. гл. инж.; зам. нач. ПТО. Об. 9.
Зыкова Марианна Николаевна, 1937; 1982–1985.
Зыряков Евгений Андреевич, 1930; 1970–1975. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.
Зятков Виктор Михайлович, 1948; 1975–1975. Оказание технич. помощи.

И

Иваненкова Елена Николаевна, 1934; 1967–1969. Машинистка; ст. машинистка спецц. Рудник Кенгигштайн.
Иванников Виталий Иванович, 1938; 1979–1983.
Иванов Николай Павлович, 1913; 1954–1956. Инж.-лаборант. ЦУ.

Иванов Александр Васильевич, 1921; 1954–1955. Гл. геоф. шахты. Об. 118.
Иванов Анатолий Александровч, 1926; 1954–1956. Ст. техник связи отд. обогащ. проектной конторы. Об. 4.
Иванов Павел Владимирович, 1930; 1954–1957. Нач. смены гравит. цеха; инж.-технолог. Об. 21; Об. 131.
Иванов Константин Ефимович, 1928; 1959–1966. Ст. инж.; технич. помощь.
Иванов Алексей Петрович, 1913; 1961–1963. Зам. нач. ОКСа; старший горн. инж.-строитель. ОКС. ЦУ.
Иванов Михаил Павлович, 1921; 1963–1964. Оказание технич. помощи.
Иванов Рудольф Иванович, 1936; 1965–1971. Переводчик; инсп.-переводчик план.-эконом. отдела; ст. инсп. ЦУ.
Иванов Игорь Борисович, 1932; 1969–1973. Оказание технич. помощи.
Иванов Анатолий Константинович, 1936; 1971–1980. Диспетчер; ст. бух. и ст. инж. делопроизв. представительства перевал. базы.
Иванов Константин Иванович, 1912; 1972–1973. Технич. помощь.
Иванов Михаил Власович, 1936; 1972–1977. Ст. инсп. отд. охраны и режима.
Иванов Иван Иванович, 1941; 1973–1973. Оказание технич. помощи.
Иванов Григорий Федорович, 1926; 1975–1976.
Иванов Владимир Артемьевич, 1951; 1977–1981. Ст. инж.-геол. Рудник Беервальде.
Иванов Кирилл Тимофеевич, 1926; 1980–1983. Ст. инж.-геоф. Тюрингенская ГРП.
Иванов Вадим Михайлович, 1933; 1986–1986.
Иванов Григорий Михайлович, 1949; 1987–1987.
Иванов Федор Степанович, 1906.
Иванов Николай Дмитриевич, 1920; 1949–1956; 1965–1973; 1983–1983. Зам. нач. ПТО; гл. инж. руд.; гл. инж. ЦУ; нач. план. отд.; горн. инж.
Иванов Кирилл Тимофеевич, 1928; 1967–1971; 1980–1985. Ст. инж.-геоф. Тюринг. ГРП. ЦЭРЭ.
Иванов Владимир Александрович, 1926; 1969–1970; 1973–1975. Оказ. технич. помощи. ПКУ.
Иванов Виктор Георгиевич, 1932; 1972–1975; 1984–1984. Нач. отдел. технич. контр. ПКУ.
Иванов Федор Борисович, 1939; 1981–1981; 1983–1983.
Иванова Клавдия Васильевна, 1905; 1955–1957. Машинистка руководства. Об. 80.
Иванова Лидия Ивановна, 1927; 1955–1957. Инж.-экон. стройконторы; инж.-экон. шестого отд. Об. 118.
Иванова Людмила Павловна, 1932; 1955–1956. Инж.-гидрогеол. гидрогеол. партии. Эксп. № 2.
Иванова Галина Ивановна, 1938; 1958–1959. Машинистка. 1-е Упр.
Иванова Валентина Степановна, 1922; 1963–1967. Машинистка. Об. 102.
Иванова Устинья Карповна, 1923; 1965–1973.
Иванова Валентина Михайловна, 1928; 1953–1958; 1969–1972. Ст. инж.-геол. ГРП; инж. минералогической партии; ст. инж.-геолог камер. партии. Об. 94.
Иванова Галина Николаевна. 1951–1957 — инженер-экономист, Объект 9.
Иванцев Сергей Яковлевич, 1926; 1967–1971. Нач. отд. охраны и режима. РУ № 9.
Ивахин Владислав Андреевич, 1931; 1961–1962. Переводчик; инсп.-переводчик; переводчик ОТК. Об. 9.
Ивачев Виктор Данилович, 1943; 1978–1978.
Ивачев Иван Фролович, 1930; 1955–1955. Ст. инж.; горн. техник; нач. отд. БВР. Об. 90.

Ивашин Юрий Валентинович, 1927; 1966–1971. Ст. инж.-геолог геологич. отдела; ст. инж. группы. ЦУ.
Иващенко Александра Ивановна, 1923; 1955–1957. Инсп. спецотд.; ст. инсп. спецц. Об. 21.
Иващенко Галина Григорьевна, 1926; 1955–1957. Врач-терапевт. ЦБ.
Ивлев Александр Иванович, 1930; 1951–1956; 1970–1975. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ; ст. инж.-геол. партии; гл. геол. шахты; техник-геол. Об. 129.
Ивлиев Евгений Архипович, 1911; 1955–1958. Инструктор-метод. Упр.
Ивлиев Николай Яковлевич, 1903; 1956–1959. Нач. электромонтажных работ; гл. диспетчер энергоснабжения. Упр.
Ивлиев Владимир Васильевич, 1928; 1962–1966. Председатель МК; руков. исслед. группы геол. лаб.; ст. инж.-геол.; ст. инж. по радиометрии и дозиметрии. ЦУ; Упр.
Ивлиева Ольга Дмитриевна, 1914; 1956–1958. Инсп. по кадрам; делопроизводитель секретариата. Упр.
Игнатенко Галина Денисовна, 1928; 1954–1957. Нач. хим. цеха. Об. 31.
Игнатенко Петр Иванович, 1936; 1972–1977. Оказание технич. помощи. ПКУ.
Игнатова Нина Кузьминична, 1931; 1975–1979; 1983–1987. Ст. бух. по расчету; нач. расчетного отдела. Ген. дир.
Игошин Владимир Федорович, 1905; 1962–1965. Гл. инж.; зам. нач. ПТО. ЦУ.
Игумнова Ирина Прокопьевна, 1932; 1955–1958. Инж.-обогадатель; см. контролер хим. цеха; инж. ОТК. Об. 36.
Иевлев Иван Степанович, 1913; ?????-?????. Оказание технич. помощи.
Ижинов Виктор Сергеевич, 1926; 1955–1956. Мастер оборон. цеха; ст. инж. ОТК. Об. 80.
Изволин Андрей Васильевич, 1910; 1957–1960. Ст. инж. ПТО; ст. инж. по горн. раб. ПТО. Упр.
Изгарышев Николай Сергеевич, 1924; 1956–1959. Нач. клуба; зав. клубом; начальник Дома культуры. Упр.
Изгарышева Зоя Андреевна, 1926; 1956–1959. Врач медсанчасти. Упр. Об. 36.
Измайлов Искандр Исакович, 1923; 1960–1965; 1969–1974. Ст. инж.-геол.; старший инженер-геолог камеральной партии; ст. инж.-геол. шахты. ЦУ.
Изотова Раиса Михайловна, 1924; 1954–1956. Инж.-экон. шахты. Об. 48.
Изюмова Лилия Михайловна, 1937; 1968–1969. Зав. клубом.
Илшшаева Галина Романовна, 1936; 1980–1987. Бух. расчетного отдела (при совете членов правления). Ген. дир.
Илларионов Евгений Васильевич, 1926; 1968–1968. Член бригады.
Ильин Борис Андреевич, 1938; 1976–1982. Руков. группы геоф. лаб. НИИ.
Ильинский Вячеслав Васильевич, 1933.
Ильиных Александр Иванович, 1913; 1961–1967. Ст. горн. инж.; гл. инж. рудн.; гл. инж. РУ. Об. 90.
Ильиных Алевтина Александровна, 1945; 1965–1965.
Ильиных Татьяна Евгеньевна, 1952; 1984–1984.
Ильичев Игорь Валентинович, 1931; 1956–1966. Ст. групповой инж.; командировка.
Ильченко Виталий Александрович, 1929; 1951–1955; 1956–1957; 1961–1966. Ст. инж.-геол.; нач. ГРП. Об. 90.
Ильченко Владимир Александрович, 1928; 1951–1956; 1961–1966. Ст. инж.-геол.; нач. геол. отд.; гл. геол. карьера. Упр. № 3.

Ильченко Лия Михайловна, 1929; 1952–1956; 1961–1966. Переводчик. Экспедиция № 2.
Илюшин Лев Михайлович, 1926; 1973–1974.
Именитов Владимир Рафаилович, 1913; 1972–1972. Оказание технич. помощи.
Ионисиани Павел Григорьевич, 1921; 1956–1956; 1956–1961.
Ионова Полина Илларионовна, 1913; 1955–1958. Инсп. спецц.; инсп. счетного отдел.; ст. инсп. центр. отдел. Упр. В/ч.
Ионова Инесса Георгиевна, 1928; 1958–1960. Хим.-анал.; ст. инж.-анал.; технолог отд. Об. 36.
Ионон Андрей Алексеевич, 1921; 1955–1956. Ст. инж.-констр. Об. 80.
Ипатов Борис Семенович, 1935; 1968–1973. Оказание тех. помощи; ст. геоф. геол. лаб. ЦГРЭ.
Исаев Николай Семенович, 1925; 1970–1973. Ст. инсп. секретн. отд. ЦУ.
Исаева Александра Георгиевна, 1936; 1958–1960. Ст. машинистка спецц.; машинистка. Об. 36.
Исаева Ольга Федоровна, 1941; 1967–1970. Машинистка спецц.; машинистка. ЦГРЭ.
Исаенков Владимир Семенович, 1919; 1955–1956. Ст. инсп. отдела охраны произв.-ва. Упр. ЦУ.
Исаков Андрей Петрович, 1937; 1976–1983.
Исаков Юрий Григорьевич, 1930; 1954–1957; 1976–1982. Инж. отд. технологии и обогащ.; нач. смены цеха; технолог-хим. цеха. Об. 38. ГД.
Исакова Люстина Васильевна, 1930; 1954–1957. Инж.-экон. цеха; ст. инж.-экон. план. отдел.; нач. план. отдел. Об. 38.
Исакова Нина Ивановна, 1931; 1958–1959. Хим.-аналитик лаб.
Исакова Римма Ильинична, 1940; 1971–1974. Врач-терапевт санчасти. ЦГРЭ.
Исаченко Александр Макарович, 1934; 1970–1971; 1979–1979. Оказание тех. помощи.
Истомин Владимир Спиридонович, 1931; 1976–1981. Ст. инж.-геол. ГРП; ст. инж.-геол. отд.
Ицков Аркадий Иванович, 1932; 1962–1962. Ст. инж.-геол. Об. 90.
Ишин Владимир Петрович, 1910; 1965–1969. Оказание тех. помощи. Многократные выезды.
Ишков Иван Федорович, 1910; 1956–1959. Ст. инсп. ОК; ст. инж.-инсп. по работе с кадрами; зам. нач. АХО. Упр.
Ищкова Нина Павловна, 1915; 1956–1958. Ст. медсестра участка; медсестра-воспитательница. Упр.
Ищенко Зоя Григорьевна, 1925; 1955–1958. Нач. лаб.; врач-радиолог. Упр.
Ищенко Михаил Григорьевич, 1929; 1971–1976. Ст. инж. ПТО; гл. инж. РУ.
Ищукова Лидия Дмитриевна, 1925; 1969–1969. Оказание технич. помощи.

Кабанов Юрий Дмитриевич, 1931; 1955–1957. Горн. инж. 3-е Упр.
Кабанова Мария Федоровна, 1933; 1955–1957. Хим.-лаборант. Об. 36.
Кабат Лидия Марковна, 1935; 1956–1957. Техник по опроб. Об. 1.
Кабельков Владимир Васильевич, 1926; 1966–1972; 1955–1959. Инж. по опроб. ЦУ.
Кабицкая Наталья Викентьевна, 1905; 1958–1960. Ст. бух. по расчетам. ЦУ.
Кабицкий Вадим Валерианович, 1904; 1958–1960; 1953–1954. Нач. финансов. отд. ЦУ.
Каблуков Анатолий Демьянович, 1923; 1970–1972.
Кадаков Александр Николаевич, 1948; 1980–1986.
Кадигроб Федор Емельянович, 1921; 1971–1976; 1951–1952. Ст. инж. горн. лаб. НТПЦ.

Кадинский Анатолий Павлович, 1911; 1956–1959. Ст. бух. ЦУ.
Кадников Федор Стафеевич, 1938; 1978–1985. Гл. инж. ш. № 410. РУ Пайндорф.
Кадров Владимир Иванович, 1912; 1955–1960. Гл. геол. Объекта; нач. партии. Об. 36.
Кадулин Виктор Алексеевич, 1935; 1954–1957. Техник-геол. партии. Экспедиция № 2.
Кадух Петр Сергеевич, 1936; 1977–1977. Ст. инж.-геоф. РУ № 9.
Кадыров Ирк Набиевич, 1924; 1966–1967. Оказание технич. помощи.
Казаков Григорий Еремеевич, 1925; 1956–1957.
Казаков Николай Иванович, 1907; 1963–1967. Гл. бухгалтер.
Казаков Иван Степанович, 1926; 1968–1974. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ.
Казаков Алексей Трофимович, 1929; 1969–1969.
Казаков Анатолий Иванович, 1934; 1969–1973. Ст. инж.-экон. Об. 102.
Казаков Арнольд Александрович, 1942; 1969–1974. Оказание технич. помощи.
Казаков Александр Алексеевич, 1937; 1976–1976. Оказание технич. помощи.
Казаковцев Анатолий Васильевич, 1935; 1967–1982. Ст. инж. техн. Руков. группы лаб. подземного и кучного выщелачивания. НИИ.
Казанцев Константин Георгиевич, 1908; 1955–1957. Гл. энергетик Объекта. Об. 54.
Казанцев Павел Александрович, 1931; 1967–1975. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ.
Казанцев Николай Андреевич, 1927; 1972–1978. Гл. геол. Объекта.
Казанцева Валентина Степановна, 1931; 1967–1975. Врач санчасти. РУ № 9.
Казаринов Валерий Евгеньевич, 1912; 1966–1968. Ст. инж.-технолог завода. ЦУ.
Казарович Генрих Поликарпович, 1935; 1954–1957. Техн.-геоф.; гл. геоф. шахты. Об. 129.
Казинцев Евгений Андреевич, 1931; 1970–1972; 1954–1956. Ст. инж.-гидрогеол. РУ.
Каинов Василий Иванович, 1904; 1958–1962. Зам. гл. инж. ЦУ.
Какоишвили Акакий Михайлович. В 1955 — главный инженер шахты 78, Объект 7.
Калашников Василий Петрович, 1932; 1982–1986.
Калашникова Людмила Ивановна, 1933; 1955–1957. Медсестра. Упр.
Калекина Антонина Васильевна, 1916; 1958–1960. Инсп.-маркш. спецц. Об. 10.
Калинин Владимир Николаевич, 1931; 1956–1957. Инж.-геоф. Об. 21.
Калинин Николай Наумович, 1907; 1965–1967; 1956–1959. Нач. отд. охраны и режима. ЦУ.
Калиничев Николай Алексеевич, 1920; 1956–1961; 1969–1973. Ст. инж. ПКУ.
Калинкин Борис Алексеевич, 1926; 1954–1957. Зав. складом гот. прод. ОТК. Об. 131.
Калинкин Виктор Иванович, 1925; 1961–1965. Ст. инж.-геол. Об. 9.
Калинкина Анна Гавриловна, 1927; 1954–1956. Отпр. гот. прод. цеха; лаборант цеха опроб. Об. 131.
Калиновский Владимир Георгиевич, 1933; 1976–1979. Ст. инж.-экон.
Каллистов Петр Леонидович, 1906; 1963–1965. Оказание технич. помощи.
Калмыков Виктор Дмитриевич, 1935; 1968–1974; 1959–1964. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.
Калмыкова Мария Тимофеевна, 1915; 1955–1957. Зав. кинобазой. Упр.
Калутин Георгий Борисович, 1931; 1954–1957. Референт отд. информации. Об. 101.

Калярская Анна Андреевна, 1914; 1958–1961. Машинистка-стенографистка. УКС.
Камадеев Владимир Иванович, 1937; 1968–1973. Ст. инж.-технолог. Об. 102.
Каменский Владимир Георгиевич, 1946; 1972–1975. Переводчик — ст. инсп.-референт. ГД.
Каменищев Борис Иванович, 1919; 1957–1969.
Камнев Евгений Николаевич, 1934; 1963–1968. Ст. инж.-геоф.
Канаев Александр Константинович, 1900; 1957–1958. Нач. план. отд. шахты. Об. 90.
Канашина Татьяна Ивановна, 1936; 1973–1976. Машинистка секретн. отд. ЦГРЭ.
Кандалов Юрий Иванович, 1925; 1954–1955. Инсп. отд. охраны и режима. Упр.
Канищев Михаил Михайлович, 1914; 1969–1974. Гл. бух. ЦГРЭ.
Каночкин Анатолий Николаевич, 1929; 1966–1971. Ст. инсп. АХО. ЦУ.
Канюк Антон Антонович, 1909; 1955–1956. Нач. Объекта; гл. инж. Об. 90.
Капланец Раиса Константиновна, 1930; 1955–1956. Телеф. УТС. Об. 83.
Капустин Виктор Семенович, 1937; 1977–1983. Оказание технич. помощи. Ст. инж.-гидрогеол. Рудник Кенигштайн.
Капустин Федор Михайлович, 1922; ?????–1950. Политработник. Упр.
Кара Виктор Викторович, 1933; 1976–1985. Руков. грав. лаб. Нач. лаб. синтетических материалов и закладки. НИИ.
Карабаш Дмитрий Ильич, 1941; 1975–1982.
Карабашева Валентина Александровна, 1929; 1959–1964. Врач акушер-гинеколог. ЦУ.
Караков Вадим Семенович, 1936; 1967–1973; 1976–1983. Ст. инсп.-референт. Проектный институт. ПКУ.
Карасев Евгений Иванович, 1928; 1955–1956. Инж.-буровик. Об. 131.
Карасев Евгений Викторович, 1935; 1959–1960. Инж.-геоф. Об. 90.
Карасева Лидия Андреевна, 1935; 1954–1957. См. контролер ОТК цеха. Об. 49.
Каратанов Аркадий Иванович, 1924; 1964–1968. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.
Карашенко Иван Артемович, 1911; 1955–1957. Гл. инж.; нач. шахты. Об. 94.
Карвелис Генрих Антонович, 1937; 1966–1984. Гл. геоф. Комплексная ГРП. Оказание технич. помощи. ЦГРЭ.
Карев Вячеслав Иванович, 1929; 1959–1965. Оказание технич. помощи. Об. 90.
Карлов Михаил Семенович, 1911; 1958–1962. Гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО. ЦУ.
Карманова Антонина Николаевна, 1930; 1955–1957. Библиотекарь. Об. 32.
Карнаузов Игорь Борисович, 1931; 1958–1962. Ст. инж.-геол. Об. 9.
Карпенко Нина Владимировна, 1953; 1973–1975. Машинистка спецц. Об. 102.
Карпенко Борис Петрович, 1926; 1968–1972; 1958–1963. Нач. план. отд.; ст. инж.-экон. планового отдела. ЦУ.
Карпенко Кирилл Мефодьевич, 1907; 1954–1957. Зам. нач. по кадрам. ЦУ.
Карпич Вилен Семенович, 1931; 1954–1956. Референт отд. информ. Об. 49.
Карпов Михаил Федорович, 1922; 1958–1959. Зав. хирург. отд.; гл. врач. ЦБ.
Карпов Николай Борисович, 1909; 1968–1969. Многократные выезды.
Карпов Николай Фролович, 1917; 1968–1968; 1980–1980; 1983–1970. Техпомощь.
Карпова Мария Яковлевна, 1929; 1954–1957.

Инж.-геоф. Об. 90.
Карпова Елена Александровна, 1936; 1973–1977. Машинистка спецц. ЦГРЭ.
Карпухин Иван Михайлович, 1929; 1972–1977. Инж. по опроб.
Карпухин Илья Иванович, 1935; 1976–1982. Руков. группы электро-технич. отд. Проектный институт.
Карпушин Дмитрий Матвеевич, 1913; 1955–1956. Нач. 21-го отд., гл. геоф. Об. 129.
Карпушин Антон Петрович, 1900; 1956–1957. Нач. дома культуры. Упр.
Карпушин Валерий Михайлович, 1930; 1981–1984. Ст. инж. по перспективной разведке геол. отд. Ген. дир.
Карпушина Елена Федоровна, 1916; 1954–1955. Оказание технич. помощи.
Карпушкин Александр Филиппович, 1927; 1954–1956. Ст. инж. спецц. Об. 90.
Карпычев Аркадий Михайлович, 1911; 1955–1955.
Карташев Евгений Ростиславович, 1936; 1959–1964. Инж.-геоф. Об. 38.
Карташов Игорь Тимофеевич, 1933; 1979–1982. Зам. ген. директора по режиму, охране и кадрам. Ген. дир.
Карцев Евгений Петрович, 1926; 1972–1974. Оказание технич. помощи.
Карчинская Вера Степановна, 1918; 1955–1958. Воспитатель д/с. Об. 90.
Карчинский Венедикт Терентьевич, 1914; 1955–1958. Зам. гл. инж. рудника; нач. ПТО Объекта. Об. 90.
Касимовцев Вадим Андреевич, 1931; 1979–1979.
Каспрук Людмила Ивановна, 1932; 1955–1957. Врач-стоматолог. Поликлиника.
Кастуев Олег Мухарбекович, 1936; 1975–1981; 1984–1990. Нач. лаборатории НТПЦ, главный инженер рудника Дрозен.
Касьян Евгений Максимович, 1912; 1971–1976. Гл. бух. ЦУ.
Касьянова Марина Сергеевна, 1955; 1982–1984.
Касюкова Татьяна Ивановна, 1919; 1954–1956. Бух. Об. 80.
Катаргина Алевтина Петровна, 1923; 1964–1964. Оказание технич. помощи.
Катков Александр Владимирович, 1932; 1956–1959. Переводчик-секретарь руков.; референт Ген. дир. ЦУ.
Катунин Михаил Михайлович, 1919; 1962–1968. Ст. инж.-геол. Об. 90.
Каузов Виталий Константинович, 1931; 1954–1958. Инж.-маркш.; гл. маркш. Об. 9.
Каузова Любовь Ивановна, 1924; 1954–1958. Инж.-маркш. Об. 9.
Кафтаранов Марат Фазылович, 1944; 1984–1985.
Кацелов Олег Валентиновна, 1930; 1972–1978. Ст. инж.-технолог.
Качалов Игорь Яковлевич, 1944; 1982–1985.
Качур Виталий Давыдович, 1942; 1977–1979.
Кашаров Валерий Садридинович, 1944; 1977–1980.
Каширин Константин Федорович, 1939; 1980–1984. Ст. инж.-геол. Комплексная ГРП.
Кашканов Юрий Иванович, 1926; 1967–1969. Ст. инж. УМТО.
Кашковский Геннадий Николаевич, 1931; 1959–1965. Инж.-гидрогеолог. Об. 90.
Кашпиров Серафим Николаевич, 1930; 1970–1975. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ.
Каюдинова Нина Николаевна, 1925; 1958–1960. Инж.-хим.-анал. аппарата. Об. 36.

Кедрова Евгения Яковлевна, 1912; 1962–1965. Машинистка секретн. отд. 3-е Упр. **Кейян Амаяк Оганесович**, 1910; 1 962–1967. Нач. ПТО. ЦУ. **Кейян Алеко Амаякович**, 1938; 1981–1987. Ст. инж.-экон. Рудник Кенигштайн. **Кемарская Конкордия Михайловна**, 1929; 1955–1957. Машинистка. Об. 90. **Кемарский Вадим Владимирович**, 1931; 1955–1957. Ст. референт. Об. 90. **Киженцев Николай Григорьевич**, 1931; 1971–1975. Ст. инж. РУ № 9. **Кизилев Василий Устинович**, 1937; 1974–1979. Инж.-переводчик. **Кляяков Виктор Яковлевич**, 1932; 1977–1982. Ст. инж.-технолог производственной лаб. Гидрометаллургический зав. № 102. **Кляяков Виктор Яковлевич**, 1932; 1977–1982. Ст. инж.-технолог. Зав. № 102. **Киндеев Тимофей Тихонович**, 1914; 1954–1959. Нач. рудника. 1-е Упр. **Кирдин Вениамин Васильевич**, 1908; 1956–1960; 1947–1950. Нач. отд. сантехн.; ст. инж.-теплотехник. Проект. Упр. **Киреев Яков Потапович**, 1915; 1974–1981. Нач. фин. отд. ЦУ. **Киреева Тамара Георгиевна**, 1913; 1954–1959. Делопроизводитель-машинистка. Упр. в/ч. **Киреева Луиза Ивановна**, 1933; 1956–1960; 1963–1969. См. контролер ОТК хим. цеха; библиотекарь; зав. клубом. Об. 9. **Кириллов Евгений Аркадьевич**, 1932; 1972–1977. Ст. инж.-геол. Ген. дир. **Кирин Геннадий Владимирович**, 1932; 1955–1957. Инж.-хим.-аналитик аппарат. Об. 36. **Киричек Иван Семенович**, 1910; 1957–1957. Горн. инж.; зам. нач. отд. Об. 118. **Кириченко Михаил Григорьевич**, 1903; 1954–1956. Бух. ЦУ. **Кирсанов Аркадий Иванович**, 1931; 1971–1975. Ст. инж. по техн. разведки. ЦГРЭ. **Кирсанова Лидия Ильинична**, 1912; 1954–1955. **Кирюхин Валерий Константинович**, 1932; 1957–1961. Хим.-аналитик. Об. 96. **Киселев В.И.**, 1928; 1970–1974. **Киселев Игорь Васильевич**, 1947; 1972–1974. Переводчик. Рудник Ройст. **Киселев Андрей Тимофеевич**, 1933; 1973–1978. Оказание технич. помощи. **Киселев Виталий Иванович**, 1928; 1969–1974. Ст. инж. ПТО; ст. инж. шахты. РУ № 9. **Киселева Людмила Авдеевна**, 1927; 1954–1956. Секретарь-машинистка. Об. 94. **Киселева Вера Александровна**, 1931; 1954–1957. Техн.-геоф. Упр. в/ч. **Киселева Лидия Васильевна**, 1937; 1955–1956. Технич. химик-аналитик. Об. 38. **Кисилев Александр Васильевич**, 1928; 1954–1955. Гл. инж. стройки. Об. 83. **Кислова Владилена Николаевна**, 1925; 1954–1955. Ст. инж. отд. рудн. экспл. Упр. **Кислых Александр Сергеевич**, 1930; 1973–1979. Гл. инж. проекта. **Кистень Анатолий Федорович**, 1937; 1978–1985. Ст. инж.-геол. **Кистень Анатолий Федорович**, 1937; 1979–1982. Гл. геол. Рудник Кенигштайн. **Кичигин Леонид Федорович**, 1927; 1961–1962. Переводчик. Об. 90. **Клавдиенко Константин Иванович**, 1925; 1956–1960. Инж.-геол. Об. 9. **Клавдиенко Нинель Ивановна**, 1931; 1957–1960. Учетчик запасов. Об. 9. **Кладов Виталий Александрович**, 1941; 1974–1980. Оказание технич. помощи.

Клапцов Алексей Григорьевич, 1918; 1960–1962. Ст. инж.-технолог. **Клеменов Виктор Александрович**, 1941; 1965–1967. Переводчик; инж.-переводч. ПТО. ЦУ. **Клименко Василий Леонтьевич**, 1927; 1955–1957. Ст. инсп. ОТК. Упр. **Клименко Нина Дмитриевна**, 1936; 1955–1957. Секретарь-машинистка. Об. 21. **Клименко Анна Андреевна**, 1927; 1958–1961. Ст. инж.-хим.-аналитик. Об. 102. **Климентовская Марина Антоновна**, 1932; 1955–1957. Инж.-геоф. Об. 90. **Климентьев Иван Георгиевич**, 1903; 1954–1956. Нач. 6-го отд. Упр. **Климин Валерий Федорович**, 1940; 1970–1976. Ст. инж. эл.-выч. центра. ЭВЦ. **Климов Анатолий Артамонович**, 1922; 1955–1956. Радиотехник; ст. контр. ОТК. Об. 94. **Климов Юрий Иванович**, 1926; 1961–1966. Ст. инж.-техник. Об. 102. **Климов Михаил Федорович**, 1926; 1975–1981. Нач. произв. отд. Зам. гл. инж. РУ. Пайцдорф. Упр. **Климова Маргарита Александровна**, 1926; 1961–1965. Врач-терапевт. Об. 90. **Климук Петр Антонович**, 1903; 1956–1958. Инж.-гидрометаллург. Упр. **Кльков Михаил Иванович**, 1906; 1948–1952; 1954–1956. **Клюев Василий Андреевич**, 1949; 1981–1986. Нач. спецц. Рудник Ройст. **Ключников Владимир Михайлович**, 1927; 1954–1956; 1978–1983. Руков. группы отд. комплексного проектирования. Проектный институт. ПКУ. **Клюшин Михаил Павлович**, 1904; 1958–1959. Ст. инж.-электрик. ЦУ. **Кнанп Валентин Евгеньевич**, 1936; 1954–1957. Инж.-геоф. Об. 131. **Кнышев Гарольд Владимирович**, 1930; 1958–1960. Ст. инж. **Князев Николай Данилович**, 1928; 1958–1961. Инсп. отд. фельдсвязи. ЦУ. **Князев Анатолий Иванович**, 1925; 1962–1964. Ст. инж.-технолог. Об. 101. **Князев Вадим Михайлович**, 1929; 1975–1977. Ст. инж.-геоф. Об. 9. **Князьков Анатолий Васильевич**, 1938; 1976–1982. Ст. инж. отд. капит. строительства. Ген. дир. **Кобелев Михаил Васильевич**, 1924; 1963–1967. Ст. инж.-геол. отд. № 9. ЦГРЭ. **Кобзарь Эдуард Иванович**, 1935; 1958–1961. Переводчик-инж. ЦУ. **Кобзев Петр Макарович**, 1938; 1971–1976. Ст. инж. отд. НИИ. **Кобченко Георгий Емельянович**, 1923; 1957–1960; 1976–1976. Нач. план. отд.; ст. инж.-экон. ЦГРЭ. **Ковалев Игорь Георгиевич**, 1928; 1954–1956. Учетчик оборудования; см. мех. цеха опроб. Об. 131. **Ковалев Василий Иванович**, 1910; 1957–1961. Ст. инж. ПТО. Об. 9. **Ковалев Юрий Иванович**, 1939; 1972–1978. Ст. инж. ОКСа. **Ковалев Тимофей Акимович**, 1912; 1956–1957. Экон.; зам. нач. 10-го отд. ЦУ. **Ковалева Лидия Николаевна**, 1931; 1954–1956. Воспитатель; лаборант цеха опроб. Об. 131. **Ковалева Ольга Пафнутьевна**, 1910; 1955–1957. Зам. др. работ. ЦУ. **Ковалева Валентина Петровна**, 1912; 1957–1961. Лаборант цеха опроб. Об. 9. **Ковалева Нина Степановна**, 1940; 1979–1982. Ст. инсп. секретн. отд. Ген. дир. **Ковалевская Татьяна Назарьевна**, 1918;

1955–1957. Врач-хирург. ЦБ. **Ковалевский Вадим Николаевич**, 1917; 1962–1966. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 90. **Коваленко Иван Степанович**, 1931; 1954–1957. Ст. инж.-шифровальщик; ст. контролер ОТК. Об. 118. **Коваленко Иван Степанович**. В 1955 — зав. БВР шахты 21, Объект 7. **Коваленко Евгения Александровна**, 1932; 1954–1957. Чертежник. Об. 118. **Коваленко Полина Львовна**, 1921; 1955–1957. Врач-терапевт. ЦБ. **Коваленко Виктор Федорович**, 1929; 1966–1967. Оказание технич. помощи. **Коваленко Геннадий Гаврилович**, 1928; 1973–1976. Оказание технич. помощи. **Коваленко Наталья Даниловна**, 1929; 1965–1967. Оказание технич. помощи. **Коваленкова Валентина Всеволодовна**, 1913; 1956–1961. Зав. техн. арх. 1-е Упр. **Ковшар Юрий Борисович**, 1931; 1955–1957. Горн. инж.; зав. БВР. Об. 131. **Кожевников Иван Степанович**. Главный геофизик шахты 78, Объект 7. **Кожевников Николай Васильевич**, 1928; 1974–1979. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Кожевников Леонид Дмитриевич**, 1921; 1978–1981. Гл. инж. Гидрометаллургический завод № 102. **Кожевников Леонид Дмитриевич**, 1921; 1978–1983. Зам. нач.; инж.-хим.-технолог. Упр. **Кожемякин Константин Георгиевич**, 1909; 1958–1962. Руков. группы НИО. **Кожина Галина Анатольевна**, 1934; 1954–1957. Техник-оператор мех. Об. 118. **Кожухов Пантелеймон Пантелеймонович**, 1921; 1954–1955. Нач. отд., гл. мех. **Козаков Валентин Давыдович**, 1937; 1977–1981. Гл. инж. ш. № 384. РУ Пайцдорф. **Козаков Валентин Давыдович**, 1937; 1977–1983. **Козлов Борис Александрович**, 1935; 1954–1957. Инж.-геол. ш. № 18. Об. 131. **Козлов Алексей Демьянович**, 1929; 1955–1982. Ст. инж. **Козлов Евгений Антонович**, 1916; 1963–1967. Нач. отд.; гл. бух. ЦУ. **Козлов Сергей Генрихович**, 1935; 1964–1982. Оказание технич. помощи. **Козлов Константин Васильевич**, 1936; 1972–1977. Ст. инж.-геол. Объекта. РУ № 9. **Козлов Сергей Генрихович**, 1935; 1977–1982. Нач. обогатительного отд. Проектный институт. **Козлов Алексей Демьянович**, 1929; 1979–1982. Нач. отд. техн.-экон. обоснований. Проектный институт. **Козлов Семен Федорович**, 1916; 1957–1962; 1971–1976. Ст. инж. по технич. разведке. ЦГРЭ. **Козлова Антонина Петровна**, 1926; 1955–1956. Ст. контр. ОТК. Об. 94. **Козлова Клавдия Егоровна**, 1929; 1967–1972. Бух. отд. ЦУ. **Козловцев Валентин Алексеевич**, 1926; 1956–1959. Инсп.-переводчик. Упр. **Козловцева Валентина Андреевна**, 1922; 1956–1959. Ст. бух. Упр. **Козырев Анатолий Викторович**, 1937; 1972–1979. Ст. инж.-геоф. РУ № 9. **Козырев Олег Иванович**, 1943; 1980–1983. Ст. инж.-геол. геол. отд. РУ Пайцдорф. **Козырьков Василий Дмитриевич**, 1941; 1977–1981. Гл. геол. камер. партии. Компл. ГРП. **Кокин Сергей Андрианович**, 1932; 1978–1981. Ст. инж.-геол. Рудник Кенигштайн.

Кокорин Виларий Игнатьевич, 1930; 1961–1964. Ст. инж.-геоф. Об. 9. **Кокорин Дмитрий Ильич**, 1924; 1965–1969. Шофер-мех. ЦУ. **Коддатов Владимир Иванович**, 1928; 1964–1967. Ст. инсп. фельдсвязи. ЦУ. **Колесников Николай Павлович**, 1923; 1957–1961. Ст. инж.-геоф. шахты; нач. геоф. отдел.; ст. инж.-геоф. отдел. Об. 80. **Колесников Николай Павлович**, 1923; 1957–1961. Ст. инж.-геоф. шахты; нач. геоф. отдел.; ст. инж.-геоф. отдел. Об. 80. **Колесников Виктор Фролович**, 1927; 1957–1959. Гл. мех. РУ Об. 34. **Колесников Евгений Николаевич**, 1951; 1973–1976. Переводчик; ст. инсп.-переводчик; ст. инсп.-референт. **Колесников Владимир Иванович**, 1935; 1978–1982. Руков. группы отд. комплексного проектирования. Проектный институт. **Колесников Василий Иванович**, 1891; 1951–1954; 1956–1958. Бух. Упр. **Колесников Павел Михайлович**, 1924; 1967–1973; 1977–1982. Ст. инж.-геол. шахты. РУ № 90. **Колесникова Елена Станиславовна**, 1923; 1956–1958. Чертежник горн. отд. 3-е Упр. **Колесов Николай Никитович**, 1910; 1954–1957. Нач. 5-го Упр.; зам. нач. по АХО. Упр. в/ч. **Колесова Вера Григорьевна**, 1912; 1954–1957. Воспитатель д/с Упр. **Коленинко Владислав Афанасьевич**, 1941; 1985–1990. Оказание технич. помощи. **Колмогоров Николай Михайлович**, 1926; 1957–1960. Ст. инж.-геол.; ст. инж. Тюрингенской ГРП. Об. 90. **Колмогоров Николай Михайлович**, 1926; 1957–1960. Ст. инж.-геол.; ст. инж. Тюрингенской ГРП. Об. 90. **Колодов Олег Михайлович**, 1933; 1970–1974. Ст. инж. горн. лаб.; руков. группы. НИИ. **Коломеец Сергей Михайлович**, 1940; 1981–1987. **Коломин Петр Павлович**, 1924; 1963–1966. Ст. горн. инж.; ст. горн. инж. ПТО. Об. 9. **Колосков Владимир Васильевич**, 1927; 1956–1960. Технолог-хим. цеха ф-ки; нач. смены хим. цеха. Об. 96. **Колосков Анатолий Александрович**, 1937; 1977–1982. Ст. инж.-геоф.; гл. геоф. шахты. РУ № 9. **Колосков Юрий Васильевич**, 1932; 1956–1960; 1970–1975. Ст. инж.-технолог завода; ст. контролер ОТК хим. цеха; нач. хим. лаб. Зав. № 102. Об. 36. **Колоскова Валентина Францевна**, 1933; 1970–1975. Врач-лаб.; зав. лаб. Завод № 102. **Колоскова Тамара Ивановна**, 1930; 1972–1976. Ст. машинистка секретн. отд.; ст. инсп. делопроизводства. ЦУ. **Колосов Петр Никитович**, 1912; 1961–1965. Ст. инж. секретарь; инсп. геол. отдел. ЦУ. **Колосов Иван Александрович**, 1939; 1971–1976. Ст. инж. НТЦ; ОБЦ, ЭВЦ. **Колосова Галина Михайловна**, 1930; 1958–1959. Мл. научн. сотр. ин-та биохимии. **Колотушкин Виктор Васильевич**, 1927; 1976–1982. Нач. лаб. внедр. нов. техники. НИИ. **Коллаков Александр Борисович**, 1939; 1978–1978; 1981–1981. **Коллакова Валентина Дмитриевна**, 1929; 1959–1963; 1967–1971. Машинистка-стенограф. секр. отд.; инсп.-машинистка. ЦУ. **Колчин Лев Николаевич**, 1941; 1986–1986. **Комаков Семен Спиридонович**, 1929;

1964–1966. Нач. отдела центр. бухгалтерии; зам. гл. бухгалтера. ЦУ. **Комар Игорь Иванович**, 1941; 1978–1983. **Комаров Михаил Павлович**, 1911; 1955–1956. Нач. шахты. Об. 90. **Комаров Олимпий Константинович**, 1931; 1956–1960. Инж.-технолог технич. лаб.; зам. нач. технич. лаб.; руков. по группам. Об. 36. **Комаров Владимир Борисович**, 1890; 1957–1959. Командировка. **Комарова Анна Дмитриевна**, 1922; 1955–1957. Инсп. спецц.; инсп. спецотд. Об. 2. **Комарова Галина Федоровна**, 1932; 1955–1960. Бух.; инж.-экон. по рудной экспл.; техник ОТК; инж.-экон. план.-эконом. отд. Упр. в/ч. **Комарова Галина Васильевна**, 1926; 1970–1984. Многоокр. выезды по тех. помощи. **Комиссаров Иван Николаевич**, 1905; 1956–1959. Гл. инж. проект. бюро; нач. горн. отд. 3-е Упр. **Комлев Евгений Борисович**, 1946; 1954–1959. Многоокр. выезды по тех. помощи. **Коммисаров Анатолий Петрович**, 1937; 1981–1981. **Компанцева Галина Михайловна**, 1940; 1975–1975. Многоокр. выезды по тех. помощи. **Комракова Раиса Сергеевна**, 1925; 1964–1968. Машинистка; инсп.-машинистка ОК. ЦУ. **Конаков Александр Иванович**, 1930; 1980–1986. Многоокр. выезды по тех. помощи. **Кондаков Игорь Петрович**, 1940; 1978–1978. **Кондауров Евграф Александрович**, 1935; 1954–1957. Зав. цехом; техник геол. цеха; ст. техник геоф. лаб.; инж.-геол. геол. отдел. Об. 131. **Кондачкова Людмила Николаевна**, 1938; 1965–1965. Машинистка-секретарь. ЦУ. **Кондратенко Георгий Иванович**, 1907; 1955–1959. Гл. мех. шахты; гл. инж. Об. 512. Об. 34. **Кондратьев Лев Иванович**, 1927; 1979–1979; 1983–1983. **Кондратюк Надежда Лукинична**, 1908; 1955–1956. Инж.-хим. Об. 31. **Кондрашкина Наталья Григорьевна**, 1949; 1980–1982. Инсп.-машинистка отд. кадров. Ген. дир. **Кондрашов Валентин Павлович**, 1937; 1975–1982. Гл. геол. ш. № 366. РУ № 9. **Конев Петр Николаевич**, 1932; 1955–1957. Инж.-геол. шахты; ст. инж.-геол. отд. **Коник Михаил Иванович**, 1932; 1975–1979. Оказание тех. помощи. Многократные выезды. **Конкин Михаил Фролович**, 1918; 1960–1964. Шофер-мех. а/трансп. отдела. ЦУ. **Коновалов Виктор Алексеевич**, 1917; 1956–1960. Нач. шахты; ст. инж.-инспектор четвертого отд.; старший инспектор ОК; инж. камеральной партии. Об. 9. **Коновалов Иван Мефодьевич**, 1917; 1977–1977. **Коновалова Ольга Георгиевна**, 1917; 1956–1958. Техник партии по камер. обраб. Упр. **Коновалова Валентина Федоровна**, 1922; 1967–1972. Ст. бух. расчетного отдела. ЦУ. **Коновальчикова Елена Васильевна**, 1916; 1966–1972. Машинистка; ст. машинистка секретн. отд. РУ № 90. **Кононенко Георгий Александрович**, 1917; 1958–1960. Ст. инж.; нач. цеха опроб.; нач. отд. внедрения новой техники. Упр. **Кононенко Виталий Федорович**, 1928; 1975–1980. **Кононов Василий Андреевич**, 1908;

1955–1959. Нач. отд. кадров. Упр. **Кононов Юрий Сергеевич**, 1931; 1955–1958. Инж.-металлург; ст. контролер ОТК. Об. 96. **Кононов Юрий Михайлович**, 1932; 1962–1967. Ст. инж.-экон. план. отд. **Кононова Галина Владимировна**, 1931; 1955–1958. Инж.-радиометрист; ст. техник геоф.; смотритель-лаборант. Об. 96. **Коноплев Геннадий Ильич**, 1930; 1955–1958. Ст. контролер ОТК; горн. инж. шахты. Об. 1. **Коноплев Павел Васильевич**, 1920; 1965–1970. Оказание технич. помощи. ЦУ. **Коноплев Михаил Федорович**, 1928; 1969–1972. Старший инженер отд. технич. и обогат. Об. 101. **Конарашкина Наталья Григорьевна**, 1949; 1980–1985. **Константинов Владимир Михайлович**, 1931; 1955–1958. Инж.-геол. шахты; партии; ГРП. Об. 1. **Константинова Ира Тихиновна (Тихоновна?)**, 1931; 1955–958. Ст. лаборант геоф.; ст. лаборант ОТК; зам. нач. цеха опроб. Об. 1. **Конторович Анатолий Исаакович**, 1927; 1978–1978. **Концевой Владимир Терентьевич**, 1915; 1955–1958; 1963–1966. Ст. инж.-геол. отдел.; зам. гл. геол. объекта. 1-е Упр. ЦУ. **Копасов Владимир Константинович**, 1928; 1963–1966. Ст. инж. горн. отдел. **Копасов Александр Николаевич**, 1949; 1979–1983. **Копылов Анатолий Александрович**, 1932; 1963–1968. Ст. инж.-гидрометаллург отдел. Об. 10. **Копылова Нина Михайловна**, 1924; 1955–1956. Ст. кассир. Упр. **Копылова Нина Васильевна**, 1937; 1958–1961. Машинистка. Упр. **Копылова Лариса Сергеевна**, 1926; 1979–1985. **Копырин Виктор Никитович**, 1935; 1973–1979. Ст. инж. план. отд.; ст. инженер технологич. отд. НИИ. **Копытков Николай Семенович**, 1928; 1958–1959. Ст. инж.-геол. шахты; партии. Об. 9. **Копьев Василий Яковлевич**, 1908; 1963–1968. Ст. инж. горн. отд. **Копьева Анна Ивановна**, 1921; 1963–1968. Вр. библиотекарь клуба. ЦУ. **Кораблева Мария Петровна**, 1934; 1955–1956. Техник-технолог; ст. контролер ОТК хим. цеха. Об. 49. **Корейшо Юрий Александрович**, 1932; 1958–1965. Гл. технолог, гл. инженер ПП 102. **Корнева Софья Леонидовна**, 1932; 1956–1959. Инж.-гидрогеол. партии. Об. 90. **Корж Евгений Михайлович**, 1939; 1973–1979. Оказание технич. помощи. НИИ. **Коржавин Геннадий Андреевич**, 1934; 1954–1957. См. контролер ОТК цеха. Об. 38. **Коржев Алексей Анисимович**, 1907; 1954–1955. Ст. инж.; нач. лаб.; зам. дир. завода. Об. 80. **Корженкова Валентина Сергеевна**, 1939; 1958–1960. Инсп.-машинистка спецц. Об. 17. **Коркешкин Владимир Георгиевич**, 1935; 1954–1957. Техник геол. партии; инж.-геол. шахты. Экспедиция № 2. **Корнаушенко Виктор Иванович**, 1940; 1977–1983. **Корнеев Евгений Степанович**, 1929; 1976–1976. **Корнеев Владимир Петрович**, 1941; 1977–1981. **Корнеев Евгений Степанович**, 1929; 1958–1960; ст. групповой инж. **Корнилов Никита Иванович**, 1929; 1972–1972. Технич. помощь.

Коробко Лидия Ивановна, 1929; 1955–1956. **Коробко Василий Григорьевич**, 1921; 1958–1963. Ст. инж.; и.о. зам. нач. управления по инж. работам. Об. 36. **Коробко Леонид Андреевич**, 1927; 1955–1956. Ст. бух. Объекта. Об. 37. **Коробков Евгений Георгиевич**, 1947; 1980–1985. Ст. инж.-геол. Рудник Ройст. **Коровин Павел Алексеевич**, 1919; 1955–1955. Ст. инж. по кадрам. **Коровин Сергей Дмитриевич**, 1899; 1956–1959. Нач. план. отд. Об. 96. **Королев Леонид Фролович**, 1925; 1954–1955. Ст. ординатор; врач-хирург. ЦУ. **Королев Иван Дмитриевич**, 1915; 1955–1958. Нач. отд. режима. Об. 90. **Королев Виктор Иванович**, 1925; 1965–1969. Директор ДК; зав. клубом. **Королев Борис Николаевич**, 1930; 1972–1976. Ст. инж.-геол. Объекта. **Королев Олег Николаевич**, 1941; 1972–1977. Переводчик; ст. инсп.-референт. ЦГРЭ. **Королев Николай Иванович**, 1931; 1986–1986. **Королева Елена Степановна**, 1914; 1954–1958. Лаборант; нач. проборазделки технологической лаборатории. Об. 36. **Королева Луиза Сергеевна**, 1927; 1955–1955. Ординатор. ЦУ. **Королева Вера Ивановна**, 1927; 1973–1976. Машинистка спецц. Ген. дир. **Кортаев Георгий Васильевич**, 1925; 1955–1958. Горн. инж.; нач. отд. технического контроля. Об. 90. **Кортаев Анатолий Дмитриевич**, 1935; 1981–1981. **Кортаев Михаил Андреевич**, 1934; 1979–1980; 1968–1974. Техник-геолог; ст. инж.-геол. РУ № 9. **Короткин Иван Федорович**, 1926; 1955–1959. Горн. техник; ст. техник-контролер ОТК; нач. смены отд. гот. прод.; инж. по опроб. отд. приемки тов. прод. Упр. **Короткина Венера Петровна**, 1932; 1955–1959. Отпр. гот. прод. цеха; контролер-приемщица отд. гот. прод. Об. 2. **Коротков Владимир Иванович**, 1927; 1954–1957. Ст. техник отд. связи; зав. клубом Объекта; инж. связи. Об. 17. **Коротков Леонид Иванович**, 1929; 1964–1966. Оказание технич. помощи. **Коротков Серафим Иванович**, 1931; 1966–1970. Оказание тех. помощи. 1980–1984. Ст. инж.-геол. Рудник Кенигштайн. **Короткова Людмила Александровна**, 1924; 1954–1957. Библиотекарь; кассир клуба. Упр. в/ч. **Корсак Анатолий Васильевич**, 1937; 1968–1972. Оказание технич. помощи. ПКВ. **Корсакова Татьяна Васильевна**, 1929; 1969–1972. Врач-стоматолог. ЦБ. **Корчагин Урван Алексеевич**, 1913; 1958–1962. Нач. ГРП. Об. 90. **Коршиков Леонид Аркадьевич**, 1939; 1980–1980. **Корышева Зоя Сергеевна**, 1930; 1962–1966. Лаборант хим. отд. **Корягин Владимир Михайлович**, 1927; 1977–1982. Ст. инж. по опроб. гот. прод. Отдел приемки гот. прод. **Коряка Николай Иосифович**, 1930; 1954–1956. Сменный контролер ОТК; нач. смены цеха. Об. 49. **Космынина Тамара Григорьевна**, 1932; 1954–1956. Инж.-геол. шахты. Об. 94. **Косова Лариса Григорьевна**, 1948; 1970–1974. Машинистка спецц. ЦГРЭ. **Косогонов Анатолий Михайлович**, 1939;

1981–1985. Шофер-мех. автотранспортного отд.; ст. инж.-экон. УКС. Ген. дир. **Коссова Пелагея Михайловна**, 1913; 1955–1958. Ст. инж.-экон. УКС. **Костенич Валерий Николаевич**, 1927; 1954–1955. Ст. юрисконсулт. Об. 131. **Костенко Наталья Евгеньевна**, 1914; 1954–1954. Референт отделения предпр. Отд. инф. ЦУ. **Костенко Анна Митрофановна**, 1929; 1955–1955. Ст. бух. Об. 129. **Костин Евгений Михайлович**, 1913; 1960–1964. Гл. бух. ЦУ. **Костин Николай Павлович**, 1909; 1961–1965. Зам. нач. ПГО. ЦУ. **Костин Николай Ефимович**, 1925; 1979–1982. Ст. инж.-геол. камер. партии. РУ № 9. **Костин Валентин Александрович**, 1939; 1980–1986. Руков. группы лаб. рудничной вентиляции. НИИ. **Костин Владимир Иванович**, 1936; 1981–1988. **Костин Юрий Сергеевич**, 1938; 1982–1983. **Костин Николай Ефимович**, 1925; 1979–1984; 1966–1971. Ст. инж-геол. ЦГРЭ. **Кострикин Дмитрий Максимович**, 1909; 1956–1961. Ст. инженер по сопутствующим компонентам. 1-е Упр. **Костылев Доннадий Семенович**, 1934; 1972–1978. Нач. исследов. лабор.; ст. инженер. Зав. № 102. **Костычев Иван Васильевич**, 1915. Инж-мех.; технич. помощь. **Костюченко Владимир Федорович**, 1926; 1975–1980. Д/преб. **Костяев Борис Иванович**, 1921; 1955–1956. Ст. инж.-техн. отд.; зам. нач. 7-го отделен. Упр. **Косых Александра Афанасьевна**, 1930; 1955–1956. Инж.-машинист. Об. 17. **Кот Антонина Спиридоновна**, 1927; 1957–1960. Чертежник. Об. 9. **Кот Василий Кузьмич**, 1927; 1957–1960. Ст. контролер ОТК шахты. Об. 9. **Кот Владимир Иванович**, 1926; 1983–1983. **Котельников Владимир Николаевич**, 1920; 1958–1960. Гл. инж. Об. 6. **Котенко Евгений Александрович**, 1930; 1954–1957. Оказание техн. помощи. **Котельщик Аркадий Иванович**. 1953–1956 — геофизик, Объект 1. **Котляр Борис Александрович**, 1937; 1974–1974. Оказание технич. помощи. **Котляревский Владимир Александрович**, 1935; 1964–1964. Оказание технич. помощи. **Котляров Валерий Гаврилович**, 1938; 1980–1980. **Котов Сергей Герасимович**, 1929; 1961–1964. Ст. инж.-геол. Об. 90. **Кофанов Анатолий Филиппович**, 1930; 1958–1962. Нач. ОТК шахты; гл. инж. рудника; ст. инж. ПТО. Об. 90. **Кочегура Виктор Иванович**, 1949; 1984–1984. **Коченов Владимир Петрович**, 1921; 1965–1965. Ст. инж. фельдсвязи. ЦУ. **Кочетков Василий Иванович**, 1928; 1973–1987. Оказание технич. помощи. **Кочетов Алексей Васильевич**, 1948; 1978–1984. Ст. инж. Гл. геоф. Рудн. Беервальде. **Кочетова Валентина Александровна**, 1951; 1981–1983. **Кочина Надежда Васильевна**, 1941; 1967–1971. Машинистка. Зав. № 102. **Кочнева Клавдия Михайловна**, 1935; 1954–1956. Техник-геоф. **Кочуренко Виталий Дмитриевич**, 1931; 1954–1956. Зав. БВР шахты, ст. контролер ОТК

шахты; нач. ОТК шахты. Об. 131. **Кошелев Александр Александрович**, 1959; 1984–1987. **Кошелева Тамара Николаевна**, 1935; 1957–1959. Машинистка сметного отд.; ст. машинистка спецотд. Упр. № 3. **Кошколда Николай Константинович**, 1919; 1955–1958. Нач. ОТК. Упр. в/ч. **Кравцов Борис Феоктистович**, 1928; 1965–1971. Ст. инж. ПТО, ОКСа. РУ № 9. **Кравцов Борис Федорович**, 1930; 1969–1976. Гл. инж. ЦГРЭ. ЦГРЭ. **Кравцов Игорь Борисович**, 1952; 1980–1983. Ст. инж. ш. № 371. РУ № 9. **Крапивин Сергей Васильевич**, 1920; 1968–1971. Ст. горн. инж. ПТО. ЦУ. **Красавин Александр Павлович**, 1931; 1954–1958. Горн. инж. Об. 9. **Крашкин Иван Семенович**, 1928; 1968–1969. Оказание технич. помощи. **Кретинин Анатолий Валентинович**, 1934; 1964-1970, 1974-1981. Старший инженер лаб. вентиляции НТЦ. **Криволап Владислав Николаевич**, 1923; 1962–1967. Гл. бух. ЦУ. **Кривоногов Борис Николаевич**, 1927; 1964–1968. Гл. инж. ОКС; нач. строит. отд. Упр. **Кривохин Иван Иванович**, 1929; 1976–1982. Руков. группы горн. отд. Проектный институт. **Кривошей Григорий Тимофеевич**, 1915; 1963–1964. Оказание технич. помощи. **Кривцов Адольф Иванович**, 1930; 1978–1982. Гл. геоф. ш. № 366. РУ № 9. **Кривченко Таисия Ивановна**, 1927; 1954–1954. См. техник-контролер. Об. 129. **Кривчиков Петр Федорович**, 1913; 1969–1972. Зам. главного инженера. ЦУ. **Крищенко Любовь Николаевна**, 1924; 1954–1957. Ст. бух. Об. 94. **Кромский Алексей Иванович**, 1911; 1960–1963. Ст. инж.-технолог. ЦУ. **Кропачев Борис Игнатьевич**, 1930; 1981–1984. Зам. нач. отд. технплана и транспорта. Проектный институт. **Крошенинникова Анна Сергеевна**, 1931; 1954–1957. Лаборант. Об. 129. **Круглова Августа Алексеевна**, 1909; 1956–1965. Оказание технич. помощи; заведующая минералого-петрограф. лабор. **Крупин Борис Михайлович**, 1928; 1970–1976. Ст. инж. ЦГРЭ. **Крупин Герман Никанорович**, 1937; 1971–1977. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ. **Крысенко Борис Карпович**, 1916; 1956–1959. Зам. нач. план. отд. Об. 101. **Крючков Геннадий Николаевич**, 1929; 1964–1967. Переводчик. Об. 102. **Куваева Евгения Гавриловна**, 1926; 1947–1949. Машинистка. **Кудинов Андрей Игнатьевич**, 1906; 1954–1957. Нач. отдел. связи. Об. 9. **Кудинова Вера Григорьевна**, 1912; 1954–1957. См. лаборант. Об. 9. **Кудрявцев Михаил Васильевич**, 1930; 1954–1957. Горн. инж., контролер ОТК. Об. 94. **Кудрявцев Герман Георгиевич**, 1923; 1958–1962; 1968–1973. Ст. инж.-геоф. шахты. РУ № 9. Об. 90. **Кудряшев Георгий Васильевич**, 1924; 1963–1968. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9. **Кузема Петр Михайлович**, 1931; 1976–1981. Гл. инж. Рудник Беервальде. **Кузин Владимир Николаевич**, 1935. 1973–1977; 1984-1988. Гл. геолог Беервальде. Гл. геолог р-ка Дрозен. Секретарь парткома “Висмута”.

Кузнецов Гарри Иванович, 1933; 1955–1959. Инж.-геоф. ш. № 236. Об. 9. **Кузнецов Владимир Иванович**, 1924; 1961–1965. Переводчик. ЦУ. **Кузнецов Иван Кузьмич**, (1899 – 1972); 1946–1949. Нач. геолого-разв. отдела СГУ; зам. дир. СГАО «Висмут», руководство разведкой и освоением рудной базы. 1949 г. — звание Героя соцтруда и Сталинская премия I степени. **Кузнецов Станислав Трофимович**, 1940; 1974–1980. Оказание технич. помощи. **Кузнецов Валерий Николаевич**, 1938; 1978–1982. Гл. инж. Рудник Дрозен. **Кузнецов Евгений Петрович**, 1944; 1978–1981. Ст. инж.-геол. Рудник Беервальде. **Кузнецов Виктор Михайлович**, 1956; 1978–1981. Инсп.-переводчик спецц. Гидрометаллургический зав. № 102. **Кузнецова Александра Васильевна**, 1922; 1955–1957. Воспитатель. Об. 131. **Кузнецова Галина Палладиевна**, 1924; 1955–1957. Инж.-обога титель. Об. 2. **Кузнецова Нина Андреевна**, 1927; 1956–1957. Инж.-геол. **Кузьмин Борис Николаевич**, 1912; 1957–1960. Ст. инж. отд. Об. 9. **Кузьмин Леонид Никанорович**, 1913; 1959–1963. Инсп. спецотд. ЦУ. **Кузьмин Вячеслав Петрович**, 1935; 1976–1981. Ст. инж.-технолог. Гидрометаллургический зав. № 102. **Кузьмин Анатолий Никитич**, 1929; 1957–1958; 1967–1972. Ст. инж.-технолог эксп. цеха. Об. 36. ЦУ. **Кузьмина Марта Наумовна**, 1932; 1955–1960. Инж.-геол. шахты; ст. контролер ОТК шахты. Об. 2. **Кузьминов Александр Иванович**, 1924; 1954–1955. Ст. инсп. пункта фельдсвязи. **Кузьмич Игорь Антонович**, 1932; 1982–1983. **Кузьмичев Виктор Иванович**, 1938; 1967–1970. Инж. по опроб. **Кузьмичев Владимир Иванович**, 1948; 1983–1983. **Кузнев Сергей Иванович**, 1911; 1954–1955. Гл. инж. шахты. Об. 129. **Куклина Эльвира Николаевна**, 1935; 1955–1956. Техн.-хим.-аналит.; см. лаборант. Об. 21. **Кукса Иван Маркович**, 1937; 1977–1984. Ст. инсп.-референт геол. отд. Ген. дир. Переводчик. ЦУ. **Кулаков Юрий Николаевич**, 1929; 1977–1977. **Кулаченко Борис Георгиевич**, 1920; 1954–1957. Инсп. отд. охраны и режима. ЦУ. **Кулаченко Анна Яковлевна**, 1921; 1954–1957. Воспитатель д/с. ЦУ. **Кулевникова Валентина Васильевна**, 1928; 1954–1956. Инж.-геоф. Об. 131. **Куленюк Анатолий Петрович**, 1935; 1971–1977. Ст. инж. произв. отд. ЦУ. **Кулешов Николай Михайлович**, 1926; 1959–1963. Инсп. спецотд. ЦУ. **Куликов Евгений Григорьевич**, 1935; 1970–1975. Оказание технич. помощи. **Куликов Юрий Валентинович**, 1931; 1955–1955. Горный инж.; инспектор отдела нем. кадров. Об. 94. **Куликова Августа Николаевна**, 1926; 1955–1955. Зав. д/с. Об. 118. **Кулистиков Михаил Федорович**, 1927; 1954–1955. Техник эл-мех. связи. ЦУ. **Куличкин Гелий Анатольевич**, 1932; 1964–1969; 1955–1960. Ст. инж-геол. ЦГРЭ. **Кулыгин Юрий Владимирович**, 1936;

1971–1975. Ст. инж.-гидрогеол. **Кулябичева Раиса Васильевна**, 1928; 1968–1972. Машинистка; ст. машинистка секретн. отд. ПКУ. **Кунаев Вячеслав Петрович**, 1930; 1962–1969. Ст. инж.-геоф. Об. 90. **Куницкий Владимир Васильевич**, 1935; 1971–1976. Оказание технич. помощи. **Куницкий Николай Иванович**, 1935; 1976–1982. Ст. инж.-геол. Комплексная ГРП. **Куниченко Виктор Валентинович**, 1927; 1960–1965. Ст. инж. ОТК. Об. 9. **Купенко Иван Андреевич**, 1937; 1974–1979. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ. **Купреев Иван Александрович**, 1930; 1983–1983. **Куприевский Николай Александрович**, 1925; 1959–1961. Технолог цеха; инж.-технолог фабрики. Об. 102. **Куприянов Павел Константинович**, 1925; 1954–1957. Инсп. учетного отд. Упр. **Куприянов Юрий Николаевич**, 1930; 1954–1957. Лаборант хим. цеха; инж.-технолог. Об. 38. **Куприянов Юрий Авраамович**, 1926; 958–1960. Ст. инсп. 2-го отд. ЦУ. **Куприянова Анна Алексеевна**, 1928; 1954–1957. Нач. смены хим. цеха; ст. инженер-химик-аналитик; нач. гидрогеол. лаб. Об. 36. **Куприянова Антонина Михайловна**, 1934; 1954–3957. Воспитатель д/с. Упр. **Кураев Иван Петрович**, 1917; 1954–1957. Нач. уч. буровой партии, и.о. нач. буровой партии № 2; нач. ГРП № 2. Экспедиция № 2. **Кураков Юрий Иванович**, 1931; 1955–1956. Инж.-экон. шахты. Об. 90. **Курбацкая Марина Валерьевна**, 1961; 1987–1987. **Курдюков Алексей Алексеевич**, 1922; 1961–1965. Нач. геолог. отд. ЦУ. **Куриленко Василий Петрович**, 1940; 1970–1975. Ст. инж. отд.; ст. инж. АПЦ. **Куринин Рем Григорьевич**, 1932; 1955–1957. Инж. геоф. шахты. Экспедиция № 2. **Куралев Виктор Иванович**, 1913; 1956–1960. Ст. инж. ГРК по бурению; зам. главного геолога экспедиции. Об. 90. **Кураева Нина Петровна**, 1915; 1956–1960. Врач-терапевт. Об. 90. **Курочкин Владимир Иванович**, 1925; 1963–1969. Ст. инж. по техн. разведки; ст. инж. — техн. руков. бур. работ. ЦГРЭ. **Куртин Виктор Захарович**, 1935; 1970–1982. Оказание технич. помощи. **Курченко Алексей Дмитриевич**, 1919; 1954–1956. Ст. инсп. отд. охраны и режима. Упр. **Курченко Всеволод Дмитриевич**, 1922; 1959–1959. Командировка. **Кусткова Ирина Михайловна**, 1927; 1972–1978. Инсп. секретн. отд. **Кутенков Михаил Васильевич**, 1919; 1971–1975. Оказание технич. помощи. **Кутилин Сергей Алексеевич**, 1947; 1977–1979. **Кутырев Георгий Яковлевич**, 1912; 1961–1964. Нач. отд. охраны и режима. Об. 90. **Куфман Александр Зальманович**, 1937; 1979–1980. **Кухаренко Иван Константинович**, 1927; 1958–1962. Гл. инж. шахты; нач. эксп. ПГО. ЦУ. **Куценко Владимир Федорович**, 1931; 1969–1974. 1977–1982; ст. инж. проекта; Гл. инж. ш. № 366. РУ № 9. **Кучеренко Василий Сергеевич**, 1932; 1978–1981. **Кучернюк Николай Александрович**, 1943; 1971–1975. Инсп.-переводчик. **Кучевский Виталий Николаевич**, 1927;

1950–1956. Заместитель начальника ПТО, Объект 9, ЦА «Висмут». **Кучевская Анна Михайловна**, 1924; 1951–1956. Геолог шахты, Объект 9. **Кучерский Николай Иванович**, 1937; работа в «Висмуте» — 1987–1987. **Кучерук Юрий Лаврентьевич**, 1929; 1970–1976; 1951–1956. Ст. инж.; техник-геол. РУ № 9. **Кушаков Олег Константинович**, 1940; 1971–1975. Ст. инж. ЭВЦ, ЭВЦ. **Кушнер Наталья Юрьевна**, 1941; 1969–1967. Машинистка. ЦУ. **Кушнеренко Владимир Константинович**, 1938; 1971–1976. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ. **Кушнеров Николай Петрович**, 1930; 1955–1958. Горн. инж.; инсп. отд. нем. кадров; ст. инж. по противооп. мероприятиям. Об. 90.

Л

Лавнеев Виктор Михайлович, 1926; 1979–1985. **Лавренова Клавдия Михайловна**, 1916; 1955–1957. Медсестра. ЦБ. **Лаврентьев Владимир Илларионович**, 1918; 1958–1960. Гл. геол. шахты; ст. инж.-геол. ГРЭ. **Лаврова Лариса Алексеевна**, 1928; 1956–1959. Ст. инж. хим. лаб. Объекта. Об. 36. **Лаврушин Владимир Васильевич**, 1939; 1975–1982. Гл. геол. ревизионной партии. Комплексная ГРП. **Лаврушкин Владимир Васильевич**, 1939; 1975–1982. Гл. геол. Саксонской ГРП. **Лагерный Александр Андреевич**, 1924; 1963–1966. Ст. инж. ПТО; гл. инж. ш-ты. Об. 90. **Лагунов Евгений Иванович**, 1925; 1958–1962. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9. **Ладыгин Юрий Михайлович**, 1931; 1955–1958. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 118. **Ладыженский Михаил Матвеевич**, 1931; 1986–1987. **Лазарев Юрий Васильевич**, 1932; 1954–1955. Автотехник; ст. диспетчер учета. Об. 131. **Лазарев Павел Григорьевич**, 1929; 1958–1962. Гл. инж. шахты; нач. ОТК шахты. ЦУ. **Лазаревич Ним Георгиевич**, ????. ???-1970. Гл. инженер рудника Пайцдорф. **Лазукин Николай Яковлевич**, 1925; 1977–1977; 1982–1982. **Лало Юлия Михайловна**, 1933; 1955–1960. Инж.-геол. шахты; техник по учету. Об. 9. **Лало Владимир Николаевич**, 1931; 1955–1960; 1963–1966. Гл. геол. шахты; ст. инж.-геол.; геол. участка. Об. 9. **Ланин Александр Александрович**, 1941; 1970–1973. Ст. инж. ЭВЦ. ЦУ. **Ланков Анатолий Петрович**, 1936; 1982–1982. **Ланский Виталий Юрьевич**, 1937; 1970–1974. Оказание технич. помощи. **Ланской Игорь Геннадьевич**, 1930; 1954–1958. Ст. инж.-геоф. Об. 9. **Лапина Гертруда Константиновна**, 1931; 1954–1957. Инж.-гидрогеол. Об. 1. **Лапина Алла Ивановна**, 1928; 1981–1981. **Лашкина Людмила Васильевна**, 1932; 1956–1958. Инж.-геол. партии. Об. 9. **Лаптев Виктор Федорович**, 1931; 1954–1957. Инж.-геол. шахты; техник по учету. Об. 94. **Лаптев Юрий Аркадьевич**, 1935; 1954–1955. Ст. контролер ОТК. Об. 131. **Лаптев Леонид Степанович**, 1933; 1974–1979. Ст. инж.-геол. **Ларин Константин Прокофьевич**, 1928; 1958–1961. Гл. инж. шахты; ст. инж. ПТО. ЦУ. **Ларин Василий Дмитриевич**, 1916; 1966–1971. Нач. расчет. отдела. ЦУ.

Ларин Валерий Константинович, 1947; 1978–1982. Ст. инж.; зав. лаб. **Ларина Антонина Дмитриевна**, 1931; 1958–1961. Учетчик ОТК. ЦУ. **Ларионов Дмитрий Иванович**, 1913; 1955–1958. Нач. шахты, Объекта. Об. 17. **Ларионов Александр Алексеевич**, 1913; 1956–1958. Рефер. по кадрам; ст. инсп. ОК. Упр. **Ларионова Лия Васильевна**, 1919; 1956–1958. Лаборант цеха опроб. ОТК. Об. 9. **Ларкин Эдвиг Дмитриевич**, 1931; 1972–1977. Ст. инж.-геол. рудн. группы. ЦГРЭ. **Ласкорин Борис Николаевич**, 1915; 1969–1969; 1983–1983. **Ласнов Георгий Павлович**, 1911; 1955–1958. Гл. инж. шахты; ст. инж. по техн. контр. ПТО; ст. горн. инж. Об. 11. **Ласнова Анна Федоровна**, 1915; 1955–1957. Воспитатель д/с. Об. 131. **Ластушкин Николай Иванович**, 1933; 1959–1963. Инж. отд. приемки; инж. по опроб. **Ластушкина Татьяна Родионовна**, 1932; 1959–1963. Ст. лаборант хим.-техн. лаб. **Лачинян Леонид Артемьевич**, 1930; 1973–1973. Оказание технич. помощи. **Лачугин Сергей Сергеевич**, 1941; 1982–1983. **Лашко Олег Николаевич**, 1947; 1975–1980. Ст. инж.-технолог. Об. 102. **Лашков Борий Петрович**, 1937; 1977–1983. Ст. инж.-геол. ревизионной партии Саксонской ГРП. Комплексная ГРП. ЦГРЭ. **Лебедев Михаил Алексеевич**, 1911; 1954–1957. Инж. по подземному транспорту. Об. 19. **Лебедев Евгений Дмитриевич**, 1931; 1954–1958. Нач. смены цеха; ст. инж. по нормированию; нач. ОТК. Об. 31. **Лебедев Владимир Валентинович**, 1932; 1955–1959. Инж.-геол. шахты; техник по учету. Об. 9. **Лебедев Николай Александрович**, 1927; 1955–1958. Инж. фельдсвязи. ЦУ. **Лебедев Юрий Анатольевич**, 1924; 1969–1974. Ст. инж. секретн. отд.; нач. спецц. ЦГРЭ ЦУ. **Лебедев Леонид Алексеевич**, 1936; 1971–1975. Оказание технич. помощи. Об. 102. **Лебедев Анатолий Михайлович**, 1932; 1973–1977. Оказание технич. помощи. **Лебедев Вадим Константинович**, 1939; 1975–1980. **Лебедев Юрий Борисович**, 1933; 1977–1982. Нач. партии. Комплексная ГРП. **Лебедев Николай Александрович**, 1950; 1978–1981. Ст. инж. лаб. геомеханики и крепления. НИИ. **Лебедев Алексей Андреевич**, 1946; 1982–1985. Переводчик-инсп. РУ № 9. **Лебедев Владимир Васильевич**, 1923; 1951–1955; 1964–1969. Референт-переводч. ЦУ. **Лебедева Анна Александровна**, 1919; 1954–1957. Медсестра и воспит. д/с. Об. 129. **Лебедева Римма Михайловна**, 1931; 1954–1957. Ст. бух. базы снабжения. Упр. в/ч. **Лебедева Антонина Николаевна**, 1932; 1954–1959. Инж.-хим.-аналитик. Об. 36. **Лебедева Нина Александровна**, 1924; 1956–1958. Ст. бух. расчетного отд. Упр. **Лебедева Альбина Петровна**, 1932; 1954–1958. Инж.-хим.-аналитик; ст. лаборант цеха. Об. 3. **Лебедь Игорь Леонидович**, 1933; 1963–1965. Ст. инж.-геоф. Упр. **Лебедь Николай Александрович**, 1950; 1978–1984. **Лебедьков ??.** В 1951–1953 — начальник БВР, шахта Нидершлаг, Объект 7. **Левин Владимир Николаевич**, 1926;

1966–1971. Оказание технич. помощи. **Левин Аркадий Антонович**, 1939; 1968–1971. Переводчик-инсп. **Левин Петр Никифорович**, 1927; 1977–1982. Ст. инж. планового отд. **Левина Анна Ивановна**, 1931; 1955–1957. Инж.-обогадатель; ст. контролер ОТК цеха гравит. Об. 60 ЦУ. **Левицкий Дмитрий Иванович**, 1928; 1956–1961. Ст. инж.-гидрогеол. отд. перспективной разведки. Об. 90. **Левкин Иван Киреевич**, 1914; 1954–1954. Ответ. исполнитель; нач. смены. Упр. Об. 49. **Левтеров Владимир Христофорович**, 1941; 1972–1972. Оказание технич. помощи. **Левхин Семен Максимович**, 1932; 1976–1978. **Левченко Анатолий Семенович**, 1937; 1969–1974. Ст. инж.-гидрогеол. ЦГРЭ. **Левчик Станислав Петрович**, 1930; 1975–1981. Руков. группы взрывных работ отдела систем разработки. НТПЦ (Зигмар). **Легоньков Владимир Михайлович**, 1939; 1977–1977. **Легченко Владимир Филиппович**, 1929; 1969–1971. Оказание технич. помощи; ст. инженер-геофизик Саксонской ГРП; инж. по опроб. ЦГРЭ. **Ледовских Виктор Егорович**, 1942; 975–1978. Шофер. Ген. дир. **Лезгинцев Евгений Георгиевич**, 1938; 1978–1982. Зам. нач. технич. отд. Ген. дир. **Лейтан Иван Иосифович**, 1922; 1962–1965. Нач. секретн. отд. ЦУ. **Лекомцев Феофан Андреевич**, 1917; 1960–1963. Ст. инж. второго отд.; ст. инж.-инспектор ОК. Об. 90. **Лекомцев Юрий Аркадьевич**, 1937; 1974–1980. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Лемякин Сергей Александрович**, 1929; 1954–1959. Ст. контролер ОТК. Об. 129. **Леонова Вера Васильевна**, 1930; 1955–1956. Инж.-экон. Об. 2. **Лепесин Всеволод Иванович**, 1935; 1972–1974. Ст. инж. по техн. разв.; начальник Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Лепехин Александр Илларионович**, 1937; 1975–1981. **Лепнева Александра Ивановна**, 1917; 1954–1955. Нач. первого отдел.; ст. инспектор по кадрам. Упр. **Лепский Владимир Васильевич**, 1934; 1969–1970. Оказание технич. помощи. **Леринман Вадим Семенович**, 1933; 1956–1958. Гл. геоф. Об. 9. **Леринман (Толконова) Людмила Николаевна**, 1933; 1956–1958. Инж.-геоф. шахты; ст. инж.-геоф. ГРП. Об. 9. **Летанин Валерий Павлович**, 1943; 1972–1977. Ст. инж.-технолог по опроб. **Леутин Александр Михайлович**, 19??; 1985–1986. **Леханов Василий Власович**, 1914; 1956–1958. Нач. цеха; гл. инж.; нач. цеха опроб.; гл. технолог. Об. 31. **Лехтимяки Эйно Вернерович**, 1922; 1954–1955. Инж.-гидрогеол. шахты; инж.-геол. ГРП. **Лещенко Михаил Илларионович**, 1945; 1985–1986. **Лизунова Валентина Степановна**, 1937; 1965–1967. Машинистка-инсп. ЦУ. **Лилеев Вадим Александрович**, 1936; 1980–1980. Оказание тех. помощи. **Лимитовский Александр Михайлович**, 1933; 1975–1975. Оказание технич. помощи. **Лимонов Михаил Наумович**, 1926; 1978–1985. Ст. районный инж. отд.

Линчевский Георгий Александрович, 1908; 1980–1980. **Линьков Владимир Алексеевич**, 1931; 1963–1964. **Липченко Василий Васильевич**, 1950; 1983–1988. **Лисневский Анатолий Евгеньевич**, 1917; 1963–1963. Гл. инж. проекта. Упр. **Лисовенко Николай Платонович**, 1934; 1954–1957. См. контролер ОТК. Об. 32. **Лисовский Георгий Дмитриевич**, 1929; 1953–1957; 1974–1983. Ст. инж. ПТО; зам. нач. техн. отд. Ген. дир. **Литвин Григорий Дороеевич**, 1938; 1972–1976. Гл. врач; зав. отдел. ЦБ. **Литвина Татьяна Алексеевна**, 1945; 1972–1976. Ст. врач-гинеколог. ЦБ. **Литвиненко Анна Александровна**, 1914; 1960–1964. Ст. инж.-хим. лаб. Об. 102. **Литвиненко Николай Григорьевич**, 1932; 1971–1976. Ст. инж.-геоф. ГРП. ЦГРЭ. **Литвиненко Евгений Евгеньевич**, 1945; 1982–1988. **Литвинов Михаил Леонтъевич**, 1936; 1979–1982. Гл. инж. шахты. **Литвинова Эльвира Григорьевна**, 1932; 1955–1957. Инж.-геоф.; техник-оператор партии. Об. 9. **Лиханов Иван Иванович**, 1931; 1970–1976. Инж. по опроб.; ст. инж.-технолог рудника. **Лобанов Дмитрий Петрович**, 1924; оказание технической помощи — 1969; 1973; 1978. **Лобанов Ростислав Николаевич**, 1930; 1975–1981. Нач. отд. автоматизации. **Лобанов Борис Никонович**, 1936; 1970–1977; 1986–1988. Ст. инж. ПТО Объекта по горн. работам. РУ. **Лобастов Юрий Федорович**, 1931; 1955–1960. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. ЦУ. **Лобачев Михаил Григорьевич**, 1917; 1956–1961. Ст. инж. центра; ст. инж. по контр. УКСа. **Лобачева Антонина Андреевна**, 1929; 1956–1960. Машинистка спецц. Упр. **Лобов Глеб Прокопьевич**, 1928; 1954–1956. Техник-геол. шахты. Об. 94. **Лобода Семен Илларионович**, 1928; 1954–1957. Горн. инж.; ст. геолог по нормир. отдела техн. нормир. труда. Об. 131. **Лобода Раиса Григорьевна**, 1928; 1956–1957. Контролер-приемщик готовой прод. двадцатого отд. Упр. **Логвиненко Изабелла Алексеевна**, 1930; 1976–1978. **Логинов Михаил Егорович**, 1927; 1954–1956. Сменный техник механического цеха; зав. мастерской. Об. 21. **Логинов Геннадий Николаевич**, 1929; 1963–1968. Ст. инж.-технолог ОТК. ЦУ. **Логинов Рудольф Михайлович**, 1937; 1970–1974. Ст. инж. горн. лаб. ПКУ. НИИ. **Логинов Александр Иванович**, 1957; 1982–1986. **Логунов Владимир Степанович**, 1937; 1976–1980. **Локтев Виктор Иванович**, 1914; 1955–1957. Нач. шахты, Объекта. Об. 94. **Локтева Надежда Павловна**, 1914; 1955–1957. Техник-мех. цеха опроб.; инж.-экон. план. отд. Об. 9. **Локтионов Иван Давыдович**, 1914; 1949–1954; 1958–1960. Гл. инж. шахты; гл. инж.-контролер; горн. инж. Об. 83. Об. 9. **Ломтева Галина Петровна**, 1932; 1970–1970. Оказание технич. помощи. **Лопатин Владимир Викторович**, 1933;

1974–1981. Гл. инж. Проектного института — первый зам. директора. Проектный институт. **Лопатин Виктор Александрович**, 1939; 1978–1982. Начальник секретного отдела. Проектный институт. **Лопашин Владимир Викторович**, 1933; 1970–1971; 1974–1981. Начальник горно-механического отд. ПКУ. **Лошаков ??.** С 1955 по ???? — районный инженер ПТО, ЦА «Висмут». **Лугов Сергей Филиппович**, 1912; 1971–1975. Оказание технич. помощи. **Лужнов Евгений Иванович**, 1911; 1955–1956. Нач. шахты, Объекта. Об. 131. **Луканин Анатолий Павлович**, 1932; 1980–1986. Оказание технич. помощи; ст. инж. горно.-мех. отдела. ПКУ. **Лукин Петр Иванович**, 1919; 1958–1960. Ст. инсп. спецотд. Об. 90. **Лукин Юрий Нилович**, 1932; 1966–1972. Ст. инж.-геоф. шахты. ЦГРЭ. Об. 9. **Лукин Василий Иванович**, 1933; 1972–1978. Ст. инж.-лаб. завода. Об. 102. **Лукьянчиков Борис Михайлович**, 1928; 1954–1958. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 9. **Лукьянчикова Людмила Михайловна**, 1930; 1954–1958. Лаборант цеха ОТК. Об. 9. **Лунев Андрей Алексеевич**, 1918; 1955–1957. Ст. техник отд. связи. Об. 90. **Лунев Леонид Иванович**, 1930; 1967–1972. Ст. инж.-гидрогеол. ЦУ. **Лунева Антонина Николаевна**, 1919; 1955–1956. Медсестра, воспит. д/с. Об. 90. **Лупач Борис Васильевич**, 1931; 1971–1974. Оказание технич. помощи. **Лутовинова Людмила Ивановна**, 1939; 1975–1981. **Лутченко Андрей Валерьянович**, 1935; 1975–1979. **Лученкина Людмила Николаевна**, 1949; 1980–1984. **Лучин Игорь Александрович**, 1931; 1954–1959; 1971–1980. Гл. геоф. шахты, гл. геоф. СГАО. 1-е Упр., Ген. дир. **Лучинкина Людмила Николаевна**, 1949; 1980–1982. Ст. машинистка секретн. отд. Проектный институт. **Лыгалов Владимир Вениаминович**, 1929; 1958–1961. Ст. горн. инж. горн. отд. Об. 36. **Лыгалова (Миронова) Маргарита Николаевна**, 1927; 1958–1961. Инж.-технолог лаб. Об. 36. **Лысков Александр Акимович**, 1926; 1967–1972. Ст. инж.-технолог. ПКУ. **Лысаков Владимир Лукьянович**, 1929; 1980–1988. **Лысанов Юрий Валерианович**, 1931; 1955–1959. Инж.-геоф. шахты; нач. ОТК шахты. Об. 118. **Лысанова Диана Васильевна**, 1934; 1958–1959. Инж.-геоф. лаб. Об. 36. **Лысков Василий Никитович**, 1922; 1969–1974. Шофер-механик авто. отд. ЦУ. **Лыскова Маргарита Николаевна**, 1930; 1965–1967. Ст. врач терапевт. ЦУ. **Лыхин Алексей Григорьевич**, 1934; 1975–1981. Ст. геол. камер. партии. ЦГРЭ. **Львов Владимир Иванович**, 1929; 1955–1957. Инж.-хим.; нач. смены. Об. 60. **Любая Тамара Васильевна**, 1923; 1956–1959. Вр. учетчик ОТК. Об. 9. **Любченко Владимир (Владислав?) Семенович**, 1946; 1981–1987. Ст. инж.-геол. Рудник Беервальде. **Любый Трофим Иванович**, 1920;

1956–1960. Гл. инж.; нач. план. отд. Об. 11. **Лямцева Анна Борисовна**, 1921; 1959–1961. Машинистка спецотд. Об. 90. **Ляпунов Юрий Александрович**, 1922; 1958–1961. Гл. инж. шахты; ст. инж. ОКСа. Об. 90. **Ляпунов Игорь Павлович**, 1951; 1978–1983. Геол. Тюрингенской ГРП. **Ляпунова Эмилия Васильевна**, 1924; 1958–1961. Чертежник проекта. Об. 90. **Ляшко Светлана Дмитриевна**, 1927; 1954–1958. Врач-гинеколог. ЦУ. **Лященко Кирилл Петрович**, 1913; 1959–1965. Гл. геолог. Геол. Упр.

Маврин Ефим Иванович, 1913. Оказание технич. помощи. ЦУ. **Маглакелидзе Лили Евтихievна**, 1930; 1955–1957. Лаборант цеха ОТК. Об. 2. **Магланлидзе Иван Прохорович**. В 1950–1954 — инженер ОТК, Объект 2. **Магнитский Борис Аполлонович**, 1930; 1972–1978. Гл. геол. ш. № 367, рудника. Об. 90. **Маевский Георгий Александрович**, 1919; 1962–1965. Ст. инж.-экон. план. отд. ЦУ. **Мазанов Борис Иванович**, 1917; 1958–1961. Гл. инж. шахты. ЦУ. **Мазепа Валентин Васильевич**, 1931; 1978–1984. Нач. лаб. техн. экон.; нач. план. отд. **Мазин Владимир Макарович**, 1925; 1966–1971. Ст. инж.-гидрогеол. **Мазуров Владимир Иванович**, 1944; 1982–1987. **Майдан Дмитрий Семенович**, 1909; 1955–1957. Гл. инж. шахты. **Майоров Владимир Григорьевич**, 1934; 1973–1978. Ст. инж. проектного упр. ПКУ. **Макаревич Валентин Владимирович**, 1933; 1970–1976. Инж.-геоф. Саксонской ГРП. ЦГРЭ. **Макаревич Владимир Юрьевич**, 1950; 1980–1987. **Макаренко Петр Павлович**, 1931; 1977–1983. Руков. группы. **Макаров Андрей Федорович**, 1910; 1958–1963. Ст. геол. отдел. **Макаров Владимир Иванович**, 1923; 1959–1963. Инж.-геоф. лаб. Упр. **Макаров Вячеслав Николаевич**, 1931; 1961–1965. Ст. инж.-геол. партии. Об. 9. **Макаров Юрий Александрович**, 1934; 1969–1975. Оказание технич. помощи. ПКУ. **Макарова Анна Дмитриевна**, 1926; 1956–1957. Инсп.-машинистка спецц. УКС. **Макарова Галина Александровна**, 1929; 1956–1957. Инж.-экон. авт. конт. Об. 90. **Макарцева Алла Владимировна**, 1950; 1973–1977. Машинистка спецц. **Макатровский Олег Иванович**, 1927; 1958–1962. Ст. инж. ПТО, ОТК. ЦУ. **Макеев Алексей Андреевич**, 1916; 1954–1957. Нач. протокольного отд. Упр. **Макеев Виктор Иванович**, 1923; 1955–1958. Инж.-геол. 1-е Упр. **Макеев Александр Михайлович**, 1932; 1976–1981. Науч.-исслед. лаб., нач. лаб. **Макеенков Анатолий Борисович**, 1938; 1971–1978. Ст. инж. горн. отд. ПУ. ПКУ. **Маковий Иван Михайлович**, 1928; 1969–1967. Шофер трансп. отд. ЦУ. **Максимов Дмитрий Васильевич**, 1931; 1955–1957. Инж.-обогадатель, см. контролер ОТК. Об. 60. **Максимов Николай Платонович**, 1907; 1962–1968. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9.

Максимов Юрий Георгиевич, 1929; 1967–1974. Ст. инж.-технолог. Зав. № 102. **Максимов Леонид Михайлович**, 1938; 1972–1977. Ст. инж.-технолог. Об. 102. **Максимов Игорь Владимирович**, 1947; 1972–1977. Переводчик, инсп., гл. бух. Ген. дир. **Максимов Олег Васильевич**, 1930; 1973–1974. Оказание технич. помощи. **Максимов Алексей Гаврилович**, 1940; 1981–1987. **Максуров Николай Апполонович**, 1920; 1964–1969; 1974–1978. Нач. план. отд. РУ № 9. **Макурин Иван Андрианович**, 1926; 1954–1955. Нач. АХО, работник режима и охраны. Об. 21. **Макушкин Александр Васильевич**, 1926; 1961–1964. Переводчик, инсп. **Малахов Юрий Георгиевич**, 1930; 1956–1960. Ст. геол. карьера. Упр. **Малахов Николай Алексеевич**, 1923; 1963–1967. Ст. инж.-геол. группы. Об. 90. **Малахов Сергей Сергеевич**, 1938; 1970–1976. Ст. инж.-геоф. лаб. НИИ. **Малахова Евдокия Васильевна**, 1928; 1956–1960. Инж.-геол. отдел. Геол. Упр. **Маладай Анатолий Васильевич**, 1936; 1976–1982. Ст. группов. инж. горн. отдела. ПКУ. **Малашкин Василий Кузьмич**, 1921; 1963–1965. Ст. инсп. отд. охраны и режима. ЦУ. **Малеев Георгий Андреевич**, 1923; 1955–1955. Нач. производ. отд. Об. 94. **Малинин Виталий Алексеевич**, 1922; 1966–1971. Ст. инж. ПТО. РУ № 90. **Малов Владимир Дмитриевич**, 1932; 1978–1983. Ст. инж.-геол. **Мальгин Александр Александрович**, 1930; 1955–1960; 1966–?????. Оказание технич. помощи, горн. инж., зав. БВР шахты; ст. контролер ОТК шахты. 3-е Упр. **Мальшев Юрий Николаевич**, 1932; 1955–1955. Инж.-геоф. карьера. Об. 90. **Мальшев Николай Иосифович**, 1913; 1958–1968. Ст. инж.-проектировщик. Упр. **Мальшев Валентин Иванович**, 1925; 1969–1975. **Мальшев Борис Иванович**, 1934; 1969–1976. Оказание технич. помощи. **Мальцев Сергей Иванович**, 1919; 1958–1961. Зам. нач. отдел. ЦУ. **Мальцев Василий Дмитриевич**, 1924; 1958–1959. Ст. инж. ПТО. Об. 90. **Мальцев Анатолий Петрович**, 1941; 1979–1984. **Мальцева Елена Адамовна**, 1924; 1958–1961. Делопроизводитель, телефонистка шахты. **Маляр Мария Афанасьевна**, 1931; 1955–1955. Лаборант цеха № 50. Об. 94. **Маляров Юрий Александрович**, 1945; 1987–1987. **Мамаладзе Эдуард Германович**, 1931; 1969–1979. Гл. инж. ОКСа. РУ № 9. **Мамонтов Николай Алексеевич**, 1929; 1954–1955. Нач. смены гравит. цеха. **Мамонтов Виктор Дмитриевич**, 1935; 1954–1957. Автомех., нач. автобазы. Об. 90. **Мамсуров Анатолий Константинович**, 1927; 1980–1986. **Манацкова Лилия Стефановна**, 1931; 1982–1986. **Манучаров Эдуард Агоджанович**, 1929; 1976–1981; 1984–1988. Тех.пом. Гл. бух. ГД. **Маньков Александр Сергеевич**, 1942; 1978–1985. Гл. геол. ш. № 369, рудника. **Маракушева Галина Александровна**, 1928; 1955–1957. Инсп. спецотд. Об. 21. **Мареев Николай Иванович**, 1916; 1971–1976. Ст. инсп. секретн. отд. ЦУ. **Маренич Нина Сергеевна**, 1930;

1959–1960. Машинистка спецотд. ЦУ. **Марин Николай Иванович**, 1910; 1958–1961. Гл. мех. РУ. Об. 102. **Мариничев Павел Иванович**, 1924; 1968–1975; 1978–1984. Ст. инж.-технолог ГМЗ; зам. гл. приемщика. **Маркелов Сергей Владимирович**, 1938; 1976–1982. **Маркина Вера Васильевна**, 1937; 1961–1963. Машинистка спецотд. Об. 102. **Марков Константин Давыдович**, 1923; 1956–1960. Нач. ОНТЗ; ст. инж. по горн. работам ПТО. Об. 17. **Марков Борис Иванович**, 1936; 1965–1969. Оказание технич. помощи. ЦГРЭ. **Марков Владимир Васильевич**, 1925; 1970–1972. Ст. инж. план. отд. **Марков Анатолий Михайлович**, 1919; 1949–1955; 1965–1968. Ст. инж.-экон., инж.-исследоват. ЦЗЛ, инж.-хим. Об. 49. ЦУ. **Мартынин Василий Павлович**, 1933; 1969–1972. Ст. инж.-хим. Зав. № 102. **Мартынов Станислав Николаевич**, 1928; 1960–1965. Ст. инж.-технолог. Об. 102. **Мартынов Борис Михайлович**, 1932; 1968–1973. Ст. инсп. отд. охраны и реж. ЦУ. **Мартынов Геннадий Николаевич**, 1939; 1977–1981. **Мартьянов Вениамин Никифорович**, 1924; 1957–1967. Ст. горн. инж. ЦУ. **Мартьянов Василий Григорьевич**, 1912; 1960–1965. Нач. методол. отд., зам. гл. бух., нач. сводно-аналит. отд. ЦУ. **Марусенко Вячеслав Петрович**, 1940; 1971–1972. Оказание технич. помощи. **Марцев Владимир Васильевич**, 1928; 1954–1977. Нач. горн. отд. Упр. **Марцев Владимир Владимирович**, 1953; 1984–1989. Начальник горного отдела Проектного предприятия. **Марченко Андрей Прокофьевич**, ????; 1949–???? — главный инженер Объекта1. **Марченко Петр Клементьевич**, 1902; 1958–1961. Гл. бух. расчетного отдел. ЦУ. **Марченко Вера Михайловна**, 1930; 1958–1962. Инж.-геоф. лаб., геоф. Тюрингенской ГРП, отд., инж.-геол. по подсчету запасов отдел. Об. 9. **Марченко Тамара Артемьевна**, 1914; 1966–1970. Инж.-хим.-аналитик хим.лаб. **Марченко Дмитрий Иванович**, 1927; 1952–1957; 1963–1968. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 9. **Марченко Вячеслав Васильевич**, 1930; 1958–1962; 1965–1971. Гл. геофиз. Об.90, гл.геофиз. комбината Об.9, главный геофизик ЦГП. **Марьчева Гера Назарьевна**, 1930; 1971–1971. Оказание технич. помощи. **Марьянко Михаил Никитович**, 1907; 1958–1961. Старший инж.-экон., нач. план. отд. Об. 17. **Маряхин Евгений Михайлович**, 1931; 1955–1959. Горн. инж., зав. бур. работ, нач. геол. развед. шахты. Об. 90. **Маслов Анатолий Антонович**, 1918; 1954–1958. Инженер отделения связи, нач. службы связи. ЦУ. **Маслов Тихон Демьянович**, 1918; 1975–1980. Ст. инж. нач. секретн. части. **Маслова Мария Михайловна**, 1924; 1954–1958. Техник связи, техник АТС и МТС службы связи. ЦУ. **Масляков Вячеслав Александрович**, 1943; 1980–1984. **Масляний Михаил Григорьевич**, 1928; 1957–1967. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 6. Об. 90. **Массов Георгий Мануйлович**, 1929;

1968–1968. Ст. геол. Саксонской ГРП. ЦГРЭ. **Маталасов Михаил Евгеньевич**, 1937; 1971–1976. Ст. инж. НТУ. Ген. дир. **Матвеев Дмитрий Дмитриевич**, 1911; 1954–1958. Старший инж.-экономист, нач. планового отдела. Об. 90. **Матвеев Василий Григорьевич**, 1927; 1961–1966. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 9. **Матвеев Леонид Григорьевич**, 1933; 1968–1972. Оказание технич. помощи. **Матвеев Виктор Васильевич**, 1930; 1975–1985. **Матвеева Нина Дмитриевна**, 1927; 1955–1956. Бух. Об. 63. **Матвеева Нэлли Николаевна**, 1935; 1980–1983. Зав. технич. библиотекой. Ген. дир. **Матвеенко Анна Ивановна**, 1927; 1958–1962. Ст. лаборант цеха. Об. 9. **Матвеенко Василий Никитович**, 1928; 1958–1962. Ст. инж. второго отд. Об. 90. **Матовых Виктор Григорьевич**, 1935; 1954–1955. Зав. складом гот. прод.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 131. **Маторина Валентина Николаевна**, 1953; 1980–1982. Машинистка-стенографистка секретн. отд. Ген. дир. **Матюшенко Валерий Яковлевич**, 1930; 1970–1976. Нач. технолог. отд., зам. нач. КИПа. Об. 102 НППИ. **Матюшин Амос Тимофеевич**, 1923; 1954–1955. Нач. бюро изобретательства, инж.-эл-мех. 2-е Упр. **Матюшин Лев Васильевич**, 1937; 1974–1981. Нач. камер. партии. РУ № 9. **Матян Николай Макарович**, 1910; 1956–1959. Гл. мех. шахты, инж. эл-мех. ОГМ. Упр. **Махалов Алексей Иванович**, 1919; 1965–1969. Нач. ОКСа. ЦУ. **Махлай Алексей Михайлович**, 1942; 1978–1983. Ст. инж.-технолог. ПКУ. **Машин Яков Филиппович**, 1918; 1966–1971. Ст. горн. инж. эл-мех., зам. нач. ПТО. ЦУ. **Медведев Алексей Яковлевич**, 1930; 1959–1961. Нач. смены завода. Об. 102. **Медведев Вячеслав Михайлович**, 1930; 1962–1972. Ст. инж.-геол. шахты. ЦУ. **Мезенцев Николай Архипович**, 1918; 1962–1967. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 9. **Мезенцев Александр Михайлович**, 1949; 1981–1984. Ст. инж.-геоф. Комплексная ГРП. **Мелихов Юрий Иванович**, 1938; 1980–1984. **Мельник Иван Григорьевич**, 1921; 1966–1970. **Мельников Владимир Викторович**, 1946; 1975–1980. **Мельниченко Анатолий Григорьевич**, 1935; 1980–1988. **Мельников Сергей Иванович**, 1945; 1980–1987. **Мельниченко Вадим Михайлович**, 1930; 1953–1958; 1963–71. Зав. БВР, зав. вентиляцией ШУ; ст. инж. рук. темы лабор. рудничной вент., нач. лабор. вентиляции. Об. 13. Об. 49. НИИ. **Мельниченко Зинаида Николаевна**, 1929; 1953–1958. Нач. смены, технолог цеха; ст. инж. ОТК. Об. 19. Об.49. **Мельничук Матрена Тихоновна**, 1920; 1965–1969. Врач-терапевт. РУ № 9. **Меньшиков Александр Григорьевич**, 1944; 1981–1986. **Мерзляков Иван Никандрович**, 1926; 1959–1961. Технолог-хим. цеха. Об. 102. **Мерионов Георгий Петрович**, 1925; 1963–1968. Оказание технич. помощи. Упр. **Меринов Николай Федорович**, 1935; 1954–1957. См. контролер ОТК, нач. смены гравит. цеха. Об. 75, 31. **Меркулов Сергей Федорович**, 1927; 1963–1963. Ст. инж.-технолог. Об. 102.

Метлин Виктор Арсеньевич, 1900; 1958–1963. Гл. бух. Упр., ЦУ. **Мешканов Александр Федорович**, 1910; 1955–1957. Нач. шахты ОТК. Упр. **Мешков Петр Иванович**, 1949; 1978–1983. Ст. инж.-технолог. Об. 102. **Мещеряков Николай Карпович**, 1911; 1960–1962. Нач. отд. охраны и режима. ЦУ. **Мещеряков Николай Алексеевич**, 1928; 1968–1973. Оказание технич. помощи. **Мизгирев Юрий Васильевич**, 1940; 1980–1985. **Мизяк Александр Сергеевич**, 1941; 1972–1977. Ст. инж. отд. механиз. и автоматиз. НИИ. **Микляев Евгений Иванович**, 1934; 1977–1982. Ст. инж. НИИ. **Миклушевский Владимир**. В 1983–1988 — главный геофизик шахты 78, Объект 7. **Микулевич Анатолий Петрович**, ???? 1953–???? — Районный инж. ПТО, ЦА «Висмут». **Милаев Вячеслав Юрьевич**, 1952; 1985–1988. **Милкоков Эдуард Анатольевич**, 1957; 1980–1981. Инсп.-переводчик. Компл. ГРП. **Миллохин Федор Федорович**, 1923; 1967–1970. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 90. **Минаева Екатерина Андреевна**, 1922; 1956–1959. Бух. отд. гот. прод. Упр. **Миненко Нина Александровна**, 1910; 1954–1955. Ст. инж. десятого отд., горн. инж. Об. 94. Об. 49. **Минин Александр Иванович**, 1924; 1956–1961. Инж.-строитель ПТО. Об. 11, 17. **Миняйко Юрий Наумович**, 1911; 1958–1961. Инж. Объекта; ст. горн. инж. ПТО. Об. 9. **Мироненко Римма Александровна**, 1940; 1963–1966. Машинистка секретн. отд. Упр. **Миронов Василий Яковлевич**, 1923; 1954–1958. Инж.-геоф. шахты. Об. 36. **Миронов Виталий Витальевич**, 1935; 1954–1956. Контролер ОТК шахты. Об. 38. **Миронов Игорь Иванович**, 1940; 1975–1984. **Миронов Анатолий Васильевич**, 1939; 1977–1977. Оказание технич. помощи. **Миронов Лев Николаевич**, 1919; 1979–1983. **Миронов Владимир Сергеевич**, 1951; 1982–1987. **Миронова Анна Тимофеевна**, 1935; 1954–1956. Лаборант гидрогеол. Об. 21. **Миронова Александра Ивановна**, 1923; 1955–1956. Секретарь машинистка. Упр. в/ч. **Миронова Руслана Петровна**, 1931; 1955–1958. Инж.-экон. по обогащению. Упр. **Мирошин Михаил Алексеевич**, 1927; 1959–1962. Инж.-геоф. шахты. Об. 36. **Мирошников Владислав Николаевич**, 1930; 1967–1969. Ст. инж.-геол. шахты, лаборант минералог. 1-е Упр. ЦГРЭ. **Мирошниченко Владлен Сергеевич**, 1929; 1975–1982. Гл. геол. Комплексная ГРП. **Мисюркеев Иван Андреевич**, 1929; 1958–1963; 1966–1969. Ст. инж.-геол. шахты, рудника. РУ № 9. **Митин Александр Алексеевич**, 1909; 1955–1961. Гл. инж. геол. стройконторы, инж.-строитель. Об. 17. **Митин Анатолий Павлович**, 1932; 1955–1955. Горн. инж.; ст. контролер ОТК. Об. 118. **Митрофанов Василий Максимович**, 1935; 1954–1957. Техник-геол. партии. Об. 131. **Митусов Валентин Николаевич**, 1935; 1968–1972. Оказание технич. помощи; ст. инж. электротехник. отд. ПКУ. **Митяев Виктор Иванович**, 1922; 1972–1977. Старший контролер геолог; ст. инж.-геолог шахты № 371. Об. 9. **Михайлов Виктор Васильевич**, ????; ????–1953 — гл. инженер шахты, Объект 7. **Михайлов Владимир Васильевич**, 1912;

1956–1962. ЦУ. **Михайлов Валентин Сергеевич**, 1926; 1956–1960. Техник-технолог, инж. мех. Упр. **Михайлов Валентин Васильевич**, 1932; 1969–1975. Старший инженер ЦГРЭ, геоф. Саксонской ГРП. ЦГРЭ. **Михайлов Олег Евгеньевич**, 1937; 1977–1983. **Михайлов Вячеслав Николаевич**, 1954; 1981–1985. **Михайлов Анатолий Владимирович**, 1950; 1982–1987. **Михайлов Михаил Николаевич**, 1938; 1983–1988. **Михайлова Раиса Алексеевна**, 1933; 1955–1959. Бух. центр. расчет. отдел. Упр. в/ч. **Михайлова Елизавета Иосифовна**, 1926; 1956–1960. Горн. инж.-экон.; ст. инж. по рудн. экспл. 6-е отдел. 1-е Упр. **Михайлова Татьяна Спиридоновна**, 1929; 1981–1984. Бух. расчетного отдела. (при сов. члене правления). Ген. дир. **Михайловский Михаил Дмитриевич**, 1921; 1965–1969. Оказание технич. помощи. **Михайловский Олег Васильевич**, 1938; 1976–1980. Оказание технич. помощи. **Михалев Михаил Николаевич**, 1923; 1968–1973. Оказание технич. помощи. **Михалевский Владимир Иванович**, 1921; 1958–1963. Гл. геол. шахты. ЦУ. **Михеев Виктор Михайлович**, 1932; 1966–1973; 1979–1984. Руков. группы отд. автом. ПКУ; нач. отд. ПКУ. Упр. **Мишин Виктор Алексеевич**, 1932; 1970–1976. Ст. инж.-геоф. **Мишина Марфа Александровна**, 1928; 1960–1961. Ст. лаборант цеха. Об. 102. **Мишуков Игорь Васильевич**, 1935; 1970–1970. Оказание технич. помощи. **Мишустин Евгений Андреевич**, 1930; 1974–1980. Гл. инж. ОКСа, зам. гл. инж. рудн. **Мищенко Иосиф Иванович**, 1910; 1961–1963. Нач. лаб.; инж.-технолог; инж.-обогачитель. Об. 129. Об. 101. **Мовчан Николай Макарович**, 1926; 1973–1978. Ст. инж.-геол. рудника. **Модников Иван Семенович**, 1930; 1976–1978. **Можав Иван Захарович**, 1938; 1977–1985. Переводчик, инж. ОКСа; ст. референт. Об. 9. **Моисеев Вадим Николаевич**, 1930; 1954–1955. Инж.-геоф. шахты. Об. 131. **Молдаванцев Николай Степанович**, 1910; 1955–1958. Зам. нач. 15-го отд., нач. финансового отд. Упр. в/ч. **Молитвословов Борис Александрович**, 1925; 1975–1979. Зам. ген. дир. по режиму и кадрам. **Молов Евгений Давидович**, 1951; 1983–1988. **Молоканов Борис Дмитриевич**, 1930; 1954–1956. Шофер центр. базы. А/трансп. контора. **Молокоедов Анатолий Михайлович**, 1933; 1968–1974. Ст. геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Молукалов Дмитрий Петрович**, 1929; 1968–1971. Ст. инж.-геол. Сакс. ГРП. ЦГРЭ. **Молчанов Алексей Павлович**, 1930; 1954–1956. Инж. четвертого отдел. Упр. в/ч. **Молчанов Валентин Иннокентьевич**, 1937; 1971–1977. Ст. инж. Лейпцигской ГРП. ЦГРЭ. **Мордвинцева Зинаида Михайловна**, 1931; 1955–1958. Машинистка спецотд. Упр. **Морев Геннадий Александрович**, 1945; 1979–1983. **Морозов Владимир Григорьевич**, 1928; 1959–1961. Нач. пункта; старший шифровальщик. ЦУ. **Морозов Николай Павлович**, 1939; 1975–1981. Оказание технич. помощи. **Морозов Иван Моисеевич**, 1931; 1955–1960; 1963–1969. Ст. инж.-геол. ПТО. Об. 90, 6.

Морякова Луиза Федоровна, 1944; 1978–1985. Инсп.-переводчик. **Москаева Антонина Николаевна**, 1950; 1979–1982. Ст. машинистка. НИИ. **Мосомов Виктор Тарасович**, 1927; 1958–1963. Гл. геол. шахты. Об. 9. **Мосоха Николай Александрович**, 1914; 1955–1957. Нач. автобазы Объекта. Упр. **Мостакова Людмила Александровна**, 1934; 1954–1958. Машинистка бюро. Об. 6. **Мостовой Владимир Александрович**, 1937; 1972–1977. Ст. инж.-геоф. РУ. **Моторин Рэмир Владимирович**, 1930; 1954–1957; 1963–1970. Ст. инж.-геоф. ш. № 371. Об. 94. Об. 9. **Моторина Зоя Михайловна**, 1919; 1968–1973. Оказание технич. помощи. **Мочалин Андрей Дмитриевич**, 1932; 1954–1958. Инж.-геоф. карьера. Об. 90. **Мочалов Иван Михайлович**, 1911; 1958–1961. Нач. товарн. лаб. **Моциль Валерий Иванович**, 1948; 1984–1984. **Музыченко Аркадий Спиридонович**, 1911; 1955–1958. Нач. комплексн. ГРП. Об. 9. **Музыченко Александра Ивановна**, 1915; 1955–1958. Инж.-геол. ГРП, инж.-минералог партии. Об. 9. **Музюкин Лев Викторович**, 1930; 1954–1957. Инж.-геоф. Об. 80. **Музюкина Нина Николаевна**, 1933; 1955–1957. Техник-геол. Об. 80. **Муленков Виктор Андреевич**, 1921; 1968–1971. Ст. инж. горн. отд. ПКУ. **Мулик Анатолий Никанорович**, 1930; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 94. **Мулкахайнен Георгий Петрович**, 1937; 1976–1981. Ст. инж.-геоф. Тюринген. ГРП. ЦГРЭ. **Муллин Валентин Васильевич**, 1925; 1954–1955. Ст. инж.-констр.; инж.-автодорожн. Об. 80. **Муничев Николай Павлович**, 1927; 1955–1956. Ст. инсп. спецотд. Об. 19. **Муравенко Владимир Сергеевич**, 1929; 1959–1960. Зам. нач. отд. ЦУ. **Муравицкий Сергей Александрович**, 1924; 1967–1971. Оказание технич. помощи. **Муравьев Александр Михайлович**, 1907; 1957–1961. Главный технолог, нач. отдела обогащения. ЦУ. **Муратов Ноберт Григорьевич**, 1928; 1973–1976. Директор ДК. Ген. дир. **Муратова Светлана Алексеевна**, 1933; 1964–1965. Врач-гинеколог. ЦБ. **Мурашев Юрий Васильевич**, 1931; 1954–1957. Инж. маркш. шахты. Об. 94. **Мурашев Алексей Павлович**, 1925; 1958–1962; 1969–1975. Гл. инж. ред. ст.; инж. ПТО. РУ. **Мурашева Валентина Ивановна**, 1931; 1954–1957. Ст. бух. шахты. Упр. в/ч. **Мурашова Нина Сергеевна**, 1924; 1949–1953; 1955–1958. Инж. производ. отд., горн. инж. Об. 129. Проект. Упр. **Мурзин Эрик Александрович**, 1930; 1968–1972. Ст. горн. инж. ПТО. РУ № 9. **Мурзин Александр Ильич**, 1937; 1976–1980. Ст. инж. по горн. работе. **Муромцев Александр Николаевич**, 1948; 1979–1988. **Мустафин Зядин Шатрипович**, 1929; 1956–1957. Ст. инж. горн. отд. Об. 9, 11. **Мухин Александр Гордеевич**, 1947. Инженер ОК ГД. **Мухина Любовь Анатольевна**, 1948. 1986–1990. Машинистка НТПЦ. **Мухия Анатолий Петрович**, 1934; 1963–1977. Оказание технич. помощи. Ген. дирекция.

Мухин Николай Федорович, 1915; 1964–1968. Нач. отд. охраны и режима. ЦУ. **Мухина Людмила Борисовна**, 1938; 1958–1961. Машинистка, стенографистка. ЦУ. **Мухина Татьяна Николаевна**, 1951; 1973–1977. Инсп.-переводчик, глав. бух. Ген. дир. **Мушко Леонид Павлович**, 1916; 1971–1974. Ст. инж. УМТО. ЦУ. **Мягкохлебов Юрий Григорьевич**, ????; 1968–1974; 1987–1990, нач. тех. отдела; нач. произв. отдела ГД.

Назаренко Виктор Викторович, 1927; 1969–1971. Зав. ДК. ЦУ. **Назаркин Валентин Павлович**, 1929; 1951–1957; 1981–1991. Инж. по механизации; гл. инж. ш. № 78; нач. ш. № 52; ст. районный инж. ПТУ ГД; 1982–1986 — гл. инженер СГАО «Висмут»; 1986–1991 — первый зам. генер. директора и член правления СГАО «Висмут». **Назаркина Анна Матвеевна**, 1929; 1951–1957. Ст. инспектор ОК ЦА. **Назаров Сергей Васильевич**, 1922; 1954–1958. Лаборант; техник геоф. цеха. Об. 9. **Назаров Гаральд Николаевич**, 1927; 1956–1959. Инж.-геоф. рудника. Об. 90. **Назаров Юрий Сергеевич**, 1933; 1958–1961. Переводчик; инсп. ЦУ. **Назаров Василий Николаевич**, 1923; 1959–1961. Зав. домом культуры. ЦУ. **Назаров Вячеслав Георгиевич**, 1931; 1974–1980. Ст. инж.-геол. Саксонс. ГРП. ЦГРЭ. **Назаров Юрий Леонидович**, 1932; 1976–1981. Инж.-геол. ШГРЭ. **Назарова Вера Николаевна**, 1958; 1984–1986.

Назарюк Анатолий Степанович, 1934; 1959–1964. Инж.-геоф. рудника. Об. 9. **Назарюк Ангелина Георгиевна**, 1935; 1959–1964. Чертежник. Об. 9. **Найденко Юрий Максимович**, 1936; 1974–1981. Нач. горн. лаб. НИИ. **Налетов Иван Дмитриевич**, 1913; 1961–1964. Ст. инсп. первого отдел. ЦУ. **Налетова Зинаида Ивановна**, 1924; 1961–1964. Машинистка. ЦУ. **Насонова Тамара Васильевна**, 1930; 1961–1953. Медсестра. **Натаров Алексей Гаврилович**, 1933; 1954–1957. Инж.-картограф камер. партии Объекта 9 (Ауэ), инженер-геолог, шахта 254 Объект 9 (Ауэ); инженер-геолог шахта 279, шахта 1, Объект 1. **Наумец Александр Федорович**, 1927; 1972–1978. Ст. инж. Проект. Упр. ПКУ. **Наумов Георгий Борисович**, 1929; 1958–1969. Науч. сотрудник. **Наумов Павел Сергеевич**, 1911; 1960–1963. Ст. бух.; нач. сводн.-аналит. отд. ЦУ. **Наумов Вячеслав Петрович**, 1941; 1981–1986. **Наумова Вера Кирилловна**, 1908; 1956–1960. Машинистка спецчасти Упр. **Начинкина Лидия Сергеевна**, 1949; 1970–1973. Машинистка рудника. **Неверов Игорь Александр**, 1935; 1954–1957. Нач. смены цеха опроб. Об. 111. **Невинный Лев Александрович**, 1924; 1968–1972. Ст. горн. инж. ПТО. РУ № 90. **Недоступ Георгий Анатольевич**, 1930; 1954–1956. Инж.-геоф. Об. 94. **Нежелская Тамара Ивановна**, 1927; 1971–1974. Врач-терапевт. ЦБ. **Нежинская Таисия Андреевна**, 1926; 1955–1958. Инж.-экон. Об. 36.

Нейжмаков Константин Яковлевич, 1927; 1964–1969. Переводчик; инсп. ЦУ.
Некористов Василий Матвеевич, 1925; 1961–1965. Инспектор по опроб. Об. 9.
Некрасова Зинаида Александровна, 1913; 1964–1972.
Ненароклов Юрий Викторович, 1925; 1958–1960. Ст. инж.-геол. Об. 9.
Непомнящий Геннадий Залманович, 1935; 1966–1971. Оказание технич. помощи.
Непомнящий Николай Александрович, 1925; 1956–1960; 1967–1972. Ст. инж.-геол. ш. № 38. ЦУ.
Нерушева Елена Афанасьевна, 1928; 1956–1958. Нач. товарн. лаб. Об. 36.
Нестеров Петр Андреевич, 1926; 1964–1967. Оказание технич. помощи. Упр.
Нестеров Михаил Павлович, 1931; 1964–1969. Ст. инж. горн. лаб. Упр.
Нестерова Вера Николаевна, 1914; 1958–1962. Библиотекарь. Об. 9.
Нестеровский Петр Николаевич, 1917; 1954–1955. Нач. секретариата. Упр.
Нетунаева Тамара Дмитриевна, 1947; 1954–1956. Ст. контролер ОТК цеха. Об. 49.
Нечаев Сергей Валентинович, 1932; 1962–1966. Ст. инж.-геол. Саксонск. ГРП. Об. 9.
Нечаев Владимир Валентинович, 1936; 1968–1972. Ст. инж.-геол. Саксонск. ГРП. ЦГРЭ.
Нечаев Евгений Васильевич, 1932; 1974–1980. Ст. инж.-геоф. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Нечитайко Геннадий Дорофеевич, 1928; 1958–1960. Инж. по опроб.
Нижегородцева Евстолия Фоковна, 1927; 1960–1962. Ст. инж.-хим.-аналитик. Об. 101.
Никанорова Таисия Алексеевровна, 1923; 1958–1960. Секретарь-машинистка. ЦУ.
Никитин Леонид Анатольевич, 1932; 1954–1956. Ст. техник-геоф. ш. № 18. Об. 131.
Никитин Николай Григорьевич, 1911; 1956–1959. Зам. нач. отд. охраны и реж. Упр.
Никитин Григорий Михайлович, 1918; 1962–1962. Ст. инж. ОТК. Об. 90.
Никитин Николай Иванович, 1910; 1959–1963. Зам. гл. директора. Упр.
Никитина Лидия Максимовна, 1926; 1954–1957. Ст. техник отдела связи; нач. службы. Об. 1.
Никитина Зинаида Ивановна, 1932; 1954–1955. Инж.-геоф. шахты. Об. 94.
Никитина Милета Ивановна, 1939; 1958–1959. Машинистка. Об. 101.
Никифорова Зинаида Васильевна, 1932; 1968–1972. Машинистка-секретарь. ЦУ.
Никишова Александра Артемьевна, 1914; 1956–1957. Воспитатель д/с. Об. 90.
Николаев Игорь Васильевич, 1931; 1974–1982. Гл. инж. ш. № 38. РУ № 9.
Николаев Сергей Иванович, 1935; 1976–1982. Ст. инж. отд. ПКУ.
Николаев Всеволод Сергеевич, 1936; 1979–1984.
Николаев Юрий Ильич, 1937; 1980–1984.
Никонов Виктор Николаевич, 1925; 1956–1958. Технолог-хим. цеха. Об. 96.
Никонов Вячеслав Петрович, 1929; 1968–1970. Оказание технич. помощи. ЦГРЭ.
Никонова Таисия Александровна, 1923; 1977–1981. Машинистка. ЦГРЭ.
Никулин Николай Михайлович, 1935; 1964–1965. Переводчик. Об. 9.
Никульшин Алексей Иванович, 1922; 1955–1957. Ст. инсп. отд. охр. и реж. Об. 118.
Ниллов Валентин Михайлович, 1929; 1954–1958; 1968–1974. Ст. инж.-геоф. Об. 80.
Новак Николай Михайлович, 1938; 1973–1979. Ст. инж. ПО.

Новгородцев Николай Алексеевич, 1927; 1954–1955. Ст. фельдшер. ЦУ.
Новик-Качан Василий Петрович, 1918; 1959–1963. Ст. инж.-гидрогеол. ЦУ.
Новиков Николай Леонидович, 1935; 1954–1955. См. техник-контролер. Об. 75.
Новиков Константин Петрович, 1908; 1955–1960. Гл. инж. ПТО. Упр.
Новиков Борис Лаврентьевич, 1897; 1956–1958. Ст. бух. ЦУ.
Новиков Григорий Порфирьевич, 1911; 1958–1967. Ст. инж. ОТК. Об. 90.
Новиков Виктор Иванович, 1941; 1973–1976. Инж.-переводчик ГРП. ЦГРЭ.
Новиков И. А. ????; 1949 — учебный комбинат, директор горного техникума во Фрайберге.
Новиков Юрий Николаевич, 1952; 1974–1980. Инсп.-переводчик. Ген. дирекция.
Новикова Надежда Борисовна, 1913; 1955–1960. Инсп. отдел. Упр.
Новикова Аида Филипповна, 1932; 1956–1958. Инж.-переводчик. Об. 9.
Новикова Антонина Яковлевна, 1929; 1976–1980. Ст. инж. секретн. отд. Ген. дирекция.
Новичков Василий Васильевич, 1927; 1959–1954. Работник реж. и охраны. Об. 131.
Новичков Михаил Алексеевич, 1926; 1960–1963. Ст. инсп. второго отдел. ЦУ.
Новожилов Анатолий Алексеевич, 1924; 1961–1966. Ст. инж. по бур. работам. Об. 90.
Новокрещенов Петр Михайлович, 1904; 1955–1959. Инж.-экон. 4-е Упр.
Новоселов Сергей Васильевич, 1931; 1954–1955. Геоф. шахты. Об. 118.
Новоселова Марина Ростиславовна, 1931; 1954–1955. Инж.-геоф. Об. 118.
Носков Алексей Алексеевич, 1919; 1958–1961. Инсп. отдел. ЦУ.
Носкова Татьяна Васильевна, 1919; 1958–1961. Лаборант. ЦУ.
Носкова Софья Александровна, 1935; 1962–1964. Инж.-хим.-аналитик.
Ночевкина Инна Николаевна, 1952; 1984–1987.
Нуждин Павел Андреевич, 1926; 1961–1967; 1971–1977. Ст. инж. по горн. работам. Об. 90.
Нургалеев Шагинур Нургайевич, 1933; 1963–1968; 1974–1977. Ст. инж. по опроб.
Нуромская Ольга Алфеевна, 1931; 1954–1955. Промсанврач. Об. 118.

Ободов Василий Иванович, 1909; 1958–1963. Ст. инж.-геол. отдел. Об. 90.
Обухов Николай Федорович, 1923; 1951–1957; 1967–1973. Гл. инженер шахты Объекта; зам. нач. ПТО. ЦУ.

Обухова Василиса Кузьминична, 1927; 1967–1973. Врач санчасти; врач-педиатр; зав. д/с. ЦБ.

Овечников Виктор Тихонович, 1927; 1951–1955; 1963–1968. Ст. инж. проекта; горн. инж. Об. 129. Упр.

Овешников Зосим Васильевич, 1919; 1971–1976. Нач. тех. отд.; гл. инж. рудника.

Овсянников Павел Алексеевич, 1928; 1984–1984.

Овсянникова Ирина Ивановна, 1927; 1965–1966. Машинистка секретн. отдел. Об. 9.

Овчаренко Владимир Андреевич, 1933; 1974–1979. Ст. инж.-технолог бурения Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.

Овчинников Леонид Иванович, 1919; 1964–1969. Ст. инженер-геофизик Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.

Овчинников Николай Михалович, 1923;

1976–1981. Нач. секретн. отд. ПКУ.
Овчинникова Елена Юльевна, 1954; 1984–1988.
Огирейко Григорий Дмитриевич, 1924; 1956–1958. Командир.
Огирейко Лидия Семеновна, 1929; 1956–1958. Ст. лаборант тов. лаб; инж.-аналитик. Об. 36.
Огнев Владимир Измаилович, 1932; 1954–1958. Инж.-маркш. шахты; ст. контролер ОТК. Об. 129.
Ознобихин Виталий Александрович, 1932; 1955–1958. Инж.-геол. участка.
Окороклов Виктор Серафимович, 1934; 1954–1957. Ст. техник-геоф. шахты; руков. цеха, комплекса. Об. 90.
Округин Павел Федорович, 1923; 1981–1986.
Олейников Михаил Александрович, 1924; 1954–1956. Нач. смены цеха. Об. 21.
Олейников Иван Степанович, 1923; 1955–1956. Хим.-лаборант; мед. фельдшер. Упр.
Олейников Вадим Дмитриевич, 1939; 1970–1976. Ст. инж. центра. ЭВЦ.
Оленев Борис Семенович, 1930; 1961–1967. Ст. инж.-гидрогеол. Упр.
Оленин Вячеслав Владимирович, 1935; 1969–1974; 1977–1981. Ст. инж.-геол.
Олонов Борис Алексеевич, 1942; 1976–1979.
Олофинский Леонид Николаевич, 1928; 1977–1982. Инж.-геоф.
Ольха Владимир Васильевич, 1921; 1967–1972. Оказание технич. помощи.
Ольхов Алексей Алексеевич, 1911; 1960–1963. Ст. инж. второго отдел.; ст. инсп. отдел. ЦУ.
Ольховская Галина Андреевна, 1947; 1978–1981. Врач МСЧ.
Ольховский Геральд Петрович, 1929; 1961–1966. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 9,129.
Омельченко Евгений Сергеевич, 1927; 1959–1963. Секретарь комс. организации; председатель МК. ЦУ.
Омельченко Юрий Васильевич, 1955; 1978–1983. Инспектор-переводчик секретного отдела. РУ № 9.
Омельянченко Борис Иванович, 1929; 1968–1971. Оказание технич. помощи.
Ометов Анатолий Павлович, 1933; 1976–1980. Нач. отд. охраны и режима. РУ № 9.
Оношко Инна Сафоновна, 1931; 1954–1957. Ст. техник геол. участка партии. Эксп. № 2.
Оношко Юрий Анатольевич, 1931; 1954–1957. Нач. бур. партии; ст. инж. по бур. ГРП. Об. 90.
Онушко Василий Назарович, 1930; 1954–1958. См. контролер ОТК цеха. Об. 36.
Онушко Раиса Степановна, 1932; 1955–1958. Инж.-экон.; ст. бух. объекта. Упр.
Опланчук Владимир Яковлевич, 1917; 1949–1956; 1965–1965; 1978–1978. Нач. рудного управления; горн. инж. Об. 129.
Оплетин Виктор Андреевич, 1917; 1956–1961; 1969–1973. Гл. инж. ПКУ; зам. нач. ПТО; гл. инж. проекта. ПКУ.
Орехова Клавдия Игнатьевна, 1908; 1962–1966. Ст. инж. хим. Об. 36.
Орлеанский Олег Валентинович, 1950; 1977–1985. Переводчик-референт; ст. юрисконсульт. Ген. дир.
Орлов Борис Алексеевич, 1906; 1955–1957. Нач. ОКС проектной конторы. 3-е Упр.
Орлов Виктор Васильевич, 1929; 1956–1957. Ст. контролер ОТК шахты. Об. 129.
Орлов Геннадий Павлович, 1931; 1978–1984. Ст. инж.-геол.
Орлов Владимир Николаевич, 1937; 1979–1982. Гл. геоф. шахты Пела. РУ № 9.
Орлова Анастасия Андреевна, 1907; 1956–1960. Телефонистка службы связи отд. ЦУ.

Орлова Лия Николаевна, 1930; 1956–1957. Ст. лаборант хим. ОТК. Об. 9.
Орманский Олег Валентинович, 1950; 1977–1984. Переводчик-инсп.
Осипов Виктор Васильевич, 1930; 1954–1956. Гл. геоф. ш. № 362. Об. 118.
Осипов Алексей Александрович, 1909; 1955–1956. Командир.
Осипов Анатолий Ефимович, 1934; 1956–1958. Инж.-геол. ГРП № 2.
Осипов Иван Семенович, 1925; 1955–1959; 1964–1969. Ст. инж. лаборант рудн. вент.; гл. инж. шахты. Об. 9.
Осипова Наталья Сергеевна, 1934; 1957–1958. Техник-геоф.
Осипова Надежда Петровна, 1928; 1975–1980. Оказание технич. помощи.
Осиповский Лев Федорович, 1918; 1972–1976. Оказание технич. помощи.
Осипков Николай Тарасович, 1942; 1971–1978. Оказание технич. помощи.
Осколков Глеб Николаевич, 1926; 1974–1974. Ст. инж. горн. отдела. ПКУ.
Осмоловский Игорь Семенович, 1980; 1987-????
Осокин Борис Павлович, 1931; 1964–1970. Ст. инж. отдел. Упр.
Осоков Гарри Петрович, 1930; 1975–1981.
Остапенко Анатолий Иванович, 1935; 1978–1980. Ст. инж. по горн. работе.
Отрошко Александр Николаевич, 1949; 1980–1983. Гл. инж. ш. № 369. РУ Шмирхау.
Охрименко Владимир Емельянович, 1939; 1970–1976. Оказание технич. помощи.
Ошкин Михаил Максимович, 1923; 1973–1979. Нач. секретного отд. Ген. дир.

Павленко Иван Григорьевич, 1906; 1966–1967. Зам. директора по охране и режиму, работе с кадрами. ЦУ.
Павлов Василий Никитович, 1918; 1956–1959. Инсп. ОК, инструктор ПО. ЦУ.
Павлов Александр Иванович, 1929; 1958–1964. Ст. инж. ПТО; ст. горн. инж. Об. 90.
Павлов Николай Николаевич, 1929; 1958–1959. Инж.-геоф. Об. 90.
Павлов Владимир Константинович, 1933; 1958–1963. Инж.-геол. камер. группы. Об. 90.
Павлов Николай Васильевич, 1929; 1965–1968. Ст. инж.-технолог цеха гравит. Об. 101.
Павлов Павел Николаевич, 1943; 1981–1987.
Павлова Валентина Яковлевна, 1934; 1955–1956. Техник-технолог, см. контролер. Об. 49.
Павлова Клавдия Афанасьевна, 1924; 1956–1959. Регистратор поликлиники, инсп. пункта спецсвязи. Упр.
Павлова Лидия Михайловна, 1933; 1958–1959. Переводчик, гл. бух. ЦУ.
Павлокевич Александр Николаевич, 1963; 1985–1988.
Павоицкая Маргарита Симоновна, 1937; 1970–1971. Врач-гинеколог. ЦБ.
Пайвина Нина Арсеньевна, 1933; 1954–1956. Техник-вычислитель партии, геоф. Об. 90.
Пакульнис Геннадий Викторович, 1931; 1971–1976. Ст. инж.-геол. камер. партии. ЦГРЭ.
Пакутин Геннадий Дмитриевич, 1935; 1965–1968. Переводчик, инсп. геол. отд. ЦУ.
Палагин Анатолий Васильевич, 1929; 1976–1980. Оказание технич. помощи.
Паланич Вячеслав Владимирович, 1947;

1978–1979.
Паленов Вячеслав Михайлович, 1938; 1964–1970. Оказание технич. помощи.
Пальчиков Евгений Павлович, 1932; 1956–1968. Ст. инженер горного отдела, руков. темы лаб. рудн. вент. Упр.
Пампура Виктор Дмитриевич, 1932; 1956–1960. Инж.-геол. шахты, инж.-минералог партии. Об. 9.
Панин Иван Дмитриевич, 1921; 1961–1963. Зам. нач. ЦУ.
Панин Николай Александрович, 1948; 1977–1977.
Паничев Валерий Алексеевич, 1946; 1978–1983. Геолог.
Панков Владимир Борисович, 1936; 1959–1964. Инж.-геоф. Тюрингенской ГРП. Упр.
Панкратов Иван Михайлович, 1923; 1956–1959. Гл. инж. ш. № 4; ст. инж. отд. вент.
Панкратов Игорь Дмитриевич, 1933; 1956–1957. Инж.-геол. шахты.
Панкратов Евгений Львович, 1929; 1958–1962; 1965–1970. Ст. инж.-геол. по подсчету запасов, геол. Тюрингенской ГРП. Об. 90. ЦГРЭ.
Панкратова Алвентина Александровна, 1923; 1956–1966. Врач-терапевт, нач. медсанч. Об. 9.
Панов Михаил Юрьевич, 1905; 1958–1961. Нач. план. отд. ЦУ.
Панова Нина Ивановна, 1935; 1954–1957. Техн.-опер. магнит. партии, учетч. ОТК. Об. 118.
Панова Муза Николаевна, 1929; 1981–1986.
Пантелеев Анатолий Николаевич, 1922; 1972–1976. Ст. инсп. секретн. отд. Ген. дир.
Пантелеева Мария Федоровна, 1916; 1972–1977. Ст. инсп. АХО.
Пантйлеев Геннадий Анатольевич, 1932; 1962–1967; 1969–1974. Гл. инж. горн. отд.; ст. инж. технич. отд.; ст. горн. инж. Об. 90. Ген. дир.
Панфилов Евгений Иванович, 1931; 1970–1971. Оказание технич. помощи.
Панфилов Евгений Павлович, 1916; 1946–1948; 1971–1973. Ст. инж.-геол. рудника.
Паншин Михаил Алексеевич, 1914; 1968–1971.
Панюшкин Владимир Иванович, 1933; 1956–1958. Инсп.-переводчик спецотд., секретарь технич. сов. ПТО. Упр.
Панюшкин Николай Семенович, 1901; 1959–1964. Ст. инж. ОГМ. ЦУ.
Панюшкин Юрий Николаевич, 1938; 1956–1971. Ст. инж. проектн. конторы; ст. инж. по БВР Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Паподейкин Валерий Иванович, 1949; 1984–1987.
Парицкий Дмитрий Аркадьевич, 1938; 1969–1974. Переводчик-инсп.
Пархоменко Григорий Иванович, 1925; 1954–1955. Техник-геоф. Упр.
Паршенков Александр Сергеевич, 1900; 1959–1961. Ст. инж.; нач. УМТО, ОТК. ЦУ.
Паршин Сергей Александрович, 1929; 1962–1967. Ст. инж. горн. отдел. Упр.
Парьгин Лев Николаевич, 1936; 1978–1985. Ст. инж. горн. отд. ПКУ.
Пасечник Фадей Иванович, 1930; 1954–1959. Инж.-геоф. отд.; ст. инж.-геоф. Тюрингенской ГРП. Об. 90.
Пасечников Виктор Григорьевич, 1950 (51?); 1978–1983. Нач. спецц. ЭВЦ, техн.-мех. Ген. дир.
Пасешная Эмилия Ивановна, 1931; 1967–1972. Зам. клубом. РУ № 9.
Пасешный Евгений Николаевич, 1932; 1967–1972; 1979–1982. Ст. инж. охраны и режима. РУ № 9.
Паступенко Иван Никитович, 1929;

1955–1958.
Пасхин Николай Павлович, 1930; 1982–1987.
Патокин Василий Васильевич, 1909; 1956–1960. Нач. гидроцеха; нач. ОТК. ЦУ.
Патрикеева Нина Прокофьевна, 1932; 1955–1956. Машинистка машбюро. Упр. в/ч.
Патрушев Владимир Георгиевич, 1923; 1962–1966. Ст. инсп. охраны и режима. Об. 90.
Патрушев Николай Федорович, 1927; 1970–1975. Нач. спецц.
Пахомов Владимир Григорьевич, 1934; 1977–1983.
Пахомов Сергей Иванович, 1929; 1954–1959; 1962–1970; 1973–1978. Оказание технич. помощи, ст. инж.-технолог цеха № 3, нач. смены технологич. гравит. хим. цеха. Об. 101.
Пахомова Клавдия Семеновна, 1911; 1969–1972. Оказание технич. помощи.
Пацапаев Виктор Дмитриевич, 1938; 1979–1984.
Пашкевич Екатерина Александровна, 1954; 1978–1980. Переводчик-инсп., гл. бух.
Пашенко Владимир Кузьмич, 1932; 1973–1978. Ст. инж. техн. и автоматики. Отдел. НИИ.
Пашенко Эдуард Николаевич, 1928; 1951–1956; 1980–1987. Инженер-геофизик. 1-е Упр. Об. 94.
Педан Николай Александрович, 1948; 1979–1985.
Пекин Вадим Николаевич, 1941; 1982–1988.
Пекшуев Владимир Валерьянович, 1949; 1982–1987.
Пелеганчук Юрий Иванович, 1943; 1976–1979. Оказание технич. помощи.
Пелехов Анатолий, ????; в 1955-???? — инженер ПГО, ЦА «Висмут».
Пензиков Владимир Сергеевич, 1925; 1971–1976.
Пепелев Георгий Иванович, 1923; 1958–1961. Зам. нач. Объекта; ст. район. инж. ПТО; зам. нач. Объекта. Об. 90.
Перушкин Николай Владимирович, 1944; 1980–1986.
Перегуда Светлана Иосифовна, 1930; 1955–1957. Инж.-геол. шахты. Об. 131.
Перегудов Федор Тимофеевич, 1907; 1956–1958. Главный механик ОФ, гл. инженер Объекта. Об. 34.
Перегудов Валерий Васильевич, 1946; 1981–1987.
Пересыпкин Михаил Петрович, 1924; 1955–1959. Техник узла связи; ст. техник АТС и МТС. Упр.
Пересыпкина Юлия Дмитриевна, 1929; 1955–1959. Диспетчер центр. автобазы, сменный лаборант товарной лаб. Упр.
Перешеин Евгений Васильевич, 1921; 1958–1960. Ст. инж. ПТО; ст. горн. инж. ЦУ.
Пермяков Геннадий Алексеевич, 1928; 1954–1957. Нач. шахты; зам. нач. цеха. Об. 9.
Пермякова Нина Федоровна, 1926; 1954–1957. Медсестра медсанчасти. Об. 9.
Перов Сергей Федорович, 1913; 1956–1958. Гл. энергетик, мех., нач. отд. Об. 17.
Перов Юрий Михайлович, 1927; 1967–1967. Оказание технич. помощи.
Пестерев Анатолий Петрович, 1933; 1954–1957. Ст. мастер по разделке проб, см. контролер ОТК цеха. Об. 60.
Петренко Инна Евграфовна, 1933; 1956–1958. Инж. интер., инж.-геоф. лаб. Об. 36.
Петренко Юрий Андреевич, 1927; 1971–1975. Оказание технич. помощи.
Петренко Ефим Афанасьевич, 1916; 1948–1953; 1963–1968. Ст. инж.-экон. план.-экон. отд. Нач. план.-эконом. отд. Об. 94. ЦУ.

Петров Валентин Константинович, 1934; 1954–1956. См. контролер ОТК. Об. 131.
Петров Алексей Иванович, 1928; 1955–1957. Ст. фельдшер, инсп. фельдсвязи. Об. 21.
Петров Василий Владимирович, 1909; 1957–1960. Нач. цеха; гл. инж. Об. 102.
Петров Иван Павлович, 1910; 1959–1962. Зав. парткабинетом. ЦУ.
Петров Владимир Макарович, 1926; 1962–1966. Ст. горн. инж. ПТО; ст. инж. — руков. горн. лаб. Об. 36.
Петров Виктор Александрович, 1932; 1962–1968. Ст. инженер-геолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Петров Владимир Ильич, 1924; 1963–1968. Оказание технич. помощи.
Петров Виктор Алексеевич, 1925; 1967–1972. Ст. инж. ПТО; ст. горн. инж. Об. 90.
Петров Юрий Владимирович, 1937; 1968–1973. Ст. геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Петров Игорь Константинович, 1936; 1978–1985. Ст. инж. зав. лаб. Зав. № 102.
Петров Юрий Петрович, 1936; 1962–1968; 1972–1978. Переводчик; ст. инж.-референт. Ген. дир. ЦУ.
Петрова Мария Яковлевна, 1921; 1956–1957. Ст. инж. отдела рудн. эксп. Упр. в/ч.
Петрова Наталья Николаевна, 1937; 1956–1959. Машинистка 1-го отдел., инсп.-машинистка. Об. 36.
Петрова Майя Александровна, 1930; 1976–1978.
Петрова Зоя Николаевна, 1946; 1985–1987.
Петровская Софья Глебовна, 1929; 1957–1959. Инж.-геол. ГРП. Об. 9.
Петропавловская Галина Павловна, 1930; 1955–1958. Ст. бух. расчетного центра, по выездам. Упр.
Петросов Владимир Валентинович, 1956; 1978–1981. Инсп.-переводчик РУКС.
Петросов Аркадий Арамович, 1931; 1955–1958; 1964–1970; 1972–1988. Оказание технич. помощи; ст. руков. темы лаб., зам. нач. горн. лаб.; ст. контр. ОТК шахты; горн. инж. Об. 9. Упр.
Петросова Светлана Зорковна, 1937; 1956–1958. Бух., секретарь центр. бух., делопроизводитель гл. бух. ЦУ.
Петросян Райк Суренович, 1938; 1966–1971. Оказ. тех. помощи; ст. горн. инж. ПТО. РУ № 90.
Петросян Эдуард Варданович, 1934; 1970–1973. Оказание технич. помощи.
Петрухин Иван Иванович, 1928; 1950–1955; 1959–1962. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП; нач. геол. отд. Об. 129. Об. 90.
Петунин (Петухин?) Иван Степанович, 1925; 1976–1982. Нач. план. отд. ЦГРЭ.
Петухов Владимир Александрович, 1938; 1976–1982. Нач. исслед. института.
Петухов Игнатий Макарович, 1921; 1980–1985.
Печенкин Гертруд Алексеевич, 1929; 1963–1969. Ст. инж.-геол. Отд. ЦГРЭ.
Пивিশев Виктор Семенович, 1937; 1976–1981. Зам. гл. инж. Рудник Беервальде.
Пигульский Виктор Иванович, 1927; 1959–1964. Зам. нач. геол. отдела; ст. инж.-геолог партии. Упр.
Пилецкий Василий Михайлович, 1928; 1952–1957; 1972–1976. Инж. по опроб. отд. приемки; гл. технолог-хим. зав. № 101; инж.-обогадитель; начальник Объекта. хим. зав. № 101. Об. 21.
Пилюпенко Галина Федоровна, 1931; 1954–1958. Инж.-гидрогеол. ш. № 366; ст. инж. по подсч. запасов геол. отд. Об. 94; Об. 9.
Пименов Петр Ильич, 1918; 1956–1959. Ст. инж. автобазы, зам. нач. центр. автобазы. Автотрансп. предпр.

Пименов Валерий Николаевич, 1939; 1980–1986.
Пининг Юрий Григорьевич, 1935; 1959–1963. Инж.-геоф. геоф. отд., рудн. Об. 90.
Пинчук Иван Васильевич, 1930; 1953–1957; 1968–1974. Ст. инж.-геол. ш. № 371, инж.-геол. ш. № 51. Об. 118. Об. 131. РУ № 9.
Пирожков Николай Васильевич, 1918; 1958–1960. Зам. нач. отдел. второго отдела, ст. инж. отд. охраны и режима. ЦУ.
Писарев Виталий Георгиевич, 1931; 1956–1957. Ст. техник-геоф. шахты. Об. 129.
Писарев Денисий Георгиевич, 1905; 1966–1966. Оказание технич. помощи.
Писарева Галина Саввовна, 1931; 1954–1957. Ст. техник-геоф. шахты. Об. 129.
Писарева Нина Васильевна, 1922; 1958–1960. Инсп.-машинистка участка. 1-е Упр.
Писковец Людмила Андреевна, 1949; 1981–1982.
Пискович Григорий Елисеевич, 1931; 1964–1969. Ст. инж.-геоф. рудника. Об. 90.
Письменнов Михаил Васильевич, 1915. Оказание технич. помощи; начальник компрессорного цеха. Об. 83.
Питиримов Николай Александрович, 1917; 1961–1967. Инж. по опроб. отд.
Пичугин Василий Степанович, 1907; 1954–1957. Гл. мех. шахты; ст. инж.-эл-мех. Об. 129.
Пластида Константин Максимилианович, 1931; 1955–1959; 1961–1970. Ст. инж.-геол.; ст. инж.-геоф. ш. № 241. Об. 90.
Платонов Владимир Иванович, 1914; 1956–1960. Нач. ПТО, зам. гл. инж. Об. 9.
Платонова Валентина Александровна, 1921; 1956–1960. Ст. инж. ОТК; ст. лаборант цеха опробования. Об. 9.
Платошкин Александр Михайлович, 1930; 1963–1967. Ст. горн. инж. по опроб. Отд. горн. продукции.
Плавов Александр Васильевич, 1930; 1954–1957. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 118.
Плетнев Владимир Геннадьевич, 1946; 1979–1982.
Плетнев Станислав Геннадьевич, 1946; 1979–1982. Ст. инж. ЭВЦ; горн. инж.-элект. ГД.
Плеханова Людмила Сергеевна, 1941; 1975–1980. Ст. машинистка-секретарь отд.
Плис Владислав Иванович, 1940; 1972–1972. Оказание технич. помощи.
Плотников Владимир Николаевич, 1918; 1954–1958. Зам. нач. маркш отд. Упр.
Плотников Эдуард Петрович, 1932; 1963–1964. Оказание технич. помощи.
Плотникова Нонна Владимировна, 1924; 1954–1958. Чертежник камер. партии. 1-е Упр.
Плужников Александр Лукьянович, 1922; 1958–1963. Гл. инж. шахты, нач. ОТК; ст. инж.— нач. ОТК ш. № 366. Об. 9.
Плющев Евгений Васильевич, 1927; 1978–1981. ПКУ.
Плят Анатолий Леонтьевич, 1910; 1955–1960. Гл. инж.-монтажник; эл-мех. УКС.
Погонышев Роман Сергеевич, 1924; 1966–1968. Нач. секретн. отд. Об. 90.
Подкин Владимир Андреевич, 1932; 1966–1967; 1980–1986. Инж. по опроб.
Подливаева Елизавета Мироновна, 1937; 1972–1977. Ст. медреста. ЦБ.
Подolyако Леонид Георгиевич, 1928; 1963–1970. Старший горный инж.; главный инженер НИИ. ПГО. Упр.
Подпорин Александр Васильевич, 1923; 1956–1959. Гл. геол. Объекта, инж.-геол.; ст. районный инж. отд. рудной геол. 1-е Упр. Об. 90.

Подрезов Аркадий Яковлевич, 1925; 1977–1983. Ст. инж.-геоф. отд. рудника.
Подстрешный Александр Терентьевич, 1935; 1954–1955. См. техник-контролер ОТК. Об. 131.
Подчайнова Татьяна Сергеевна, 1940; 1976–1979. Оказание технич. помощи.
Подшибекина Нелля Алексеевна, 1951; 1984–1987.
Пожарицкая Зинаида Николаевна, 1927; 1965–1967. Врач-терапевт поликлиники. РУ № 9.
Пожаров Эдуард Владимирович, 1936; 1968–1970. Ст. инж. ПКУ; инж.-руков. темы горн. лаб. ПКУ.
Пожидаев Виктор Григорьевич, 1931; 1955–1956. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 118.
Поздновская Клавдия Яковлевна, 1919; 1958–1960. Вр. телефонистка. ЦУ.
Поздновский Владимир Андреевич, 1921; 1958–1961. Ст. инсп. спецотд., инсп. отд. охраны и режима. 1-е Упр.
Поздняков Юрий Яковлевич, 1928; 1968–1971. Инж. по опроб.
Позднякова Римма Алексеевна, 1931; 1966–1971. Зав. клубом. РУ № 90.
Поздняков-Фегус Валерий Тимович, 1933; 1955–1959; 1966–1971. Ст. инж.-геол. камер. партии, уч. № 1 бур. партии. ЦГРЭ.
Поландов Николай Дмитриевич, 1929; 1966–1973; 1976–1981. Ст. инж. по горным работам ПТО, технич. отд. РУ № 90.
Поландова Нина Георгиевна, 1930; 1966–1973. Врач-терапевт, врач санчасти.
Полевщников Владимир Васильевич, 1931; 1977–1984.
Полжаева Валентина Евгеньевна, 1934; 1955–1957. Техник-технолог, см. контролер ОТК хим. цеха. Об. 38.
Полетаев Петр Дмитриевич, 1931; 1966–1972; 1978–1984. Ст. инж. отд. ЦУ.
Полетаева Галина Васильевна, 1930; 1955–1957. Техник; химик-технолог, см. контролер ОТК хим. цеха. Об. 38.
Поликарпов Валерий Иванович, 1934; 1961–1965. Ст. инженер-петрограф камеральной партии. Об. 9.
Поликарпова Августа Григорьевна, 1924; 1966–1967. Ст. бух. расчетного отд. ЦУ.
Поликрапова (Поликарпова?) Тамара Федоровна, 1937; 1961–1965. Врач-терапевт медсанчасти. Об. 9.
Полтгорьхин Алексей Петрович, 1921; 1971–1976. Ст. инж.-экон. план. отд. РУ. Об. 9.
Полуаршинов Геннадий Петрович, 1926; 1961–1987.
Полухин Владимир Иванович, 1941; 1972–1977. Шофер мех.; ст. инсп. адм.-хоз. отд.
Полухин Игорь Федорович, 1938; 1974–1979. Зам. нач. отд. связи. Ген. дир.
Поляков Николай Николаевич, 1923; 1967–1972. Ст. инж.-технолог, нач. исслед. лаб. Зав. 101.
Поляков Борис Иванович, 1931; 1968–1973. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Поляков Серафим Николаевич, 1933; 1982–1982.
Полякова Любовь Михайловна, 1937; 1956–1957. Инж.-маркш. спецотд. Об. 96.
Полянский Альберт Николаевич, 1938; 1968–1974. Ст. инж.-геол. Тюринг. ГРП. ЦГРЭ.
Полянцев Валентин Васильевич, 1927; 1950–1955; 1977–1983. Ст. инж.-геол., гл. геол. ш. № 38, инж.-геол. шахты. Об. 94. РУ № 9.
Помомарев Борис Николаевич, 1933; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 94.
Помомарев Виктор Георгиевич, 1909;

1955–1958. Нач. автобазы № 2.
Пономарев Вячеслав Федорович, 1938; 1982–1987.
Пономарева Нина Тимофеевна, 1934; 1954–1957. Техник-геол. шахты. Об. 94.
Пономаренко Леонид Петрович, 1935; 1978–1985. Нач. лаб. НИИ. НИИ.
Пономарчук Анатолий Федосеевич, 1925; 1970–1970. Оказание технич. помощи.
Попков Георгий Константинович, 1934; 1960–1967. Ст. инж.-геоф. лаб. Упр.
Попов Борис Леонидович, 1920; 1955–1955.
Попов Виталий Иванович, ????; 1955–1958. Начальник рудника на Объекте 1.
Попов Игорь Владимирович, 1929; 1955–1956. Инж.-диспетчер. 4-е Упр.
Попов Андрей Михайлович, 1932; 1955–1957. Инж.-геоф. шахты, лабор. радиомех. обогащ. Об. 80.
Попов Георгий Николаевич, 1902; 1956–1957.
Попов Петр Иванович, 1916; 1958–1962. Гл. бухгалтер, руководитель группы; начальник сводно-аналитического отд. ЦУ.
Попов Борис Александрович, 1920; 1958–1959. Гл. инж. руд.; ст. инж. ПТО; ст. инж. ОТК. Об. 9.
Попов Николай Григорьевич, 1935; 1978–1974. Оказание тех. помощи. Шмирхау (Гера). 1974–1978. НТЦ (Зигмар).
Попов Петр Алексеевич, 1922; 1958–1961. Инж. ЦУ.
Попов Юрий Васильевич, 1924; 1963–1965. Ст. инж.-геол. отд. Об. 90.
Попов Сергей Александрович, 1935; 1964–1969. Ст. инженер-гидрогеолог Саксонской ГРП. ЦГРЭ.
Попов Виктор Евгеньевич, 1935; 1968–1970. Оказание технич. помощи.
Попов Всеволод Григорьевич, 1929; 1977–1978.
Попов Владимир Николаевич, 1931; 1978–1986.
Попов Юрий Александрович, 1937; 1978–1981. Ст. инж.-геол. РУ. Руд.
Попов Анатолий Дмитриевич, 1927; 1969–1972; 1977–1982. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ.
Попова Ольга Михайловна, 1923; 1955–1959. Инж.-маркш.; ст. контр. ОТК рудника. Об. 90.
Попова Мария Михайловна, 1922; 1958–1961. Врем. учетчик цеха опроб., ОТК. ЦУ.
Попова Розалия Николаевна, 1928; 1967–1972. Библиотекарь. ЦУ.
Порокова Вера Яковлевна, 1903; 1955–1956. Врач-невропатолог, физиотерапевт. ЦУ.
Портнов Фауст Калистратович, 1927; 1968–1974. Гл. геол. Объекта, Тюрингенской ГРП. ЦУ, ЦГРЭ.
Посохов Валентин Семенович, 1934; 1977–1983.
Постников Виктор Денисович, 1945; 1971–1974. Оказание технич. помощи.
Постников Юрий Николаевич, 1941; 1977–1982. Сакс. ГРП. ЦГРЭ.
Постникова Тамара Пименовна, 1934; 1973–1977. Машинистка-секретарь 1-го отдела рудника.
Потанин Михаил Николаевич, 1945; 1982–1988.
Потапов Николай Геннадьевич, 1934; 1954–1957. См. технолог цеха; см. контролер ОТК. Об. 96.
Потеттирин Анатолий Васильевич, 1916; 1957–1962. Ст. инж. отдел. по технич. учету ПТО. Об. 9.
Потетюрина Надежда Александровна, 1922;

1958–1962. Учетчик группы по подсчету запасов. Об. 9.
Похвалин Рихард Владимирович, 1930 (1940?); 1978–1984. Гл. геоф. ш. № 396. Рудник Ройст.
Похиленко Николай Иванович, 1927; 1957–1960. Ст. инж. по открытым работам; гл. геол. отд. Об. 90.
Почапаев Геннадий Никитович, 1925; 1954–1957. Нач. участка. Упр.
Почапаева Надежда Семеновна, 1928; 1956–1957. См. контролер гот. прод. Об. 1.
Почечуев Анатолий Петрович, 1940; 1970–1975. Ст. инж. ПКУ; инж.-расчетчик. ПКУ.
Поярков Петр Гаврилович, 1928; 1962–1967. Ст. горн. инж. нач. ПТО. Упр.
Прибытков Петр Васильевич, 1916. Инж.-геол.
Привалов Леонид Тимофеевич, 1926; 1959–1960; 1973–1974. Ст. инж. горн. раб. ПКУ.
Придорогин Валерий Дмитриевич, 1930; 1965–1970. Ст. инж.; руков. темы лаборатории вент. НИИ; гл. инж. рудника Кенигштайн.
Примак Павел Корнеевич, 1923; 1955–1955. Нач. клуба. Об. 118.
Припоров Вячеслав Иванович, 1933; 1960–1960; 1968–1970. Ст. групп. инж. констр.
Пritchин Борис Петрович, 1936; 1959–1964. Инж.-геоф. лаб.; руков. темы партии. Упр.
Пritchина Алла Ивановна, 1934; 1959–1964. Врач-лаборант хим.-аналит. лаб. Об. 36.
Прищета Андрей Филиппович, 1910; 1955–1958. Нач. шахты, карьера, ОТК. Об. 90.
Прищета Алексей Варламович, 1901; 1956–1958. Ст. инж. отд. по нормиров. Упр.
Проваторова Лидия Степановна, 1926; 1966–1969. Машинистка-секретарь отдела РУ № 90.
Продувалова Мария Дмитриевна, 1932; 1955–1958. Машинистка спецц., первого отд. бюро. Экспедиция № 2.
Прокопенко Николай Филиппович, 1925; 1958–1960. Ст. инж.-геол. ш. № 186. Сакс.ПРЭ.
Прокопьев Александр Александрович, 1918; 1975–1980. Зам. гл. приемщика.
Прокопьев Борис Иванович, 1931; 1954–1957. Нач. смены гравит. цеха; ст. инж. ОТК, нач. ОТК. Об. 31. Об. 75.
Прокопьев Петр Сидорович, 1924; 1957–1952. Ст. инж.-энергетик ОГМ. 1-е Упр.
Прокудин Алексей Александрович, 1929; 1956–1961. Инж. строй. отд.; начальник производ.-технич.отд.; гл. инж. УКСа. 3-е Упр.
Пронина Нина Тихоновна, 1927; 1955–1957. Инсп.-машинистка спецчасти.
Проскураков Владимир Максимович, 1948; 1984–1987.
Простов Сергей Сергеевич, 1920; 1949–1953; 1956–1961. Инж.-эл-мех.; ст. инж.-мех. Упр.
Протопопов Дмитрий Дмитриевич, 1912; 1955–1968. Многократные выезды.
Протопопов Вадим Федорович, 1914; 1956–1961. Ст. инж. сан.-технич. отд. Упр. № 3.
Протопопова Елена Ивановна, 1923; 1956–1961. Машинистка спецц. отд. Упр. № 3.
Прохорова Тамара Александровна, 1935; 1955–1958. Инсп.-машинистка спецчасти. 1-е Упр.
Прохорова Глафира Кузьминична, 1926; 1965–1968. Врач-терапевт. ЦУ, ЦБ.
Пруссов Михаил Тимофеевич, 1906; 1955–1957. Ст. инсп. ОК. Об. 129.
Прытков Сергей Викторович, 1956; 1980–1984.
Прытков Борис Александрович, 1958; 1980–1983.
Прямилов Виктор Михайлович, 1926;

1958–1958. Секретарь. Упр.
Прямилова Антонина Евгеньевна, 1930; 1958–1958. Воспитатель. Упр.
Птицын Виталий Сергеевич, 1931; 1969–1973. Оказание технич. помощи. ПКУ.
Пугаченко Николай Федорович, 1923; 1972–1977; 1982–1987. Ст. инсп. ОК. Ген. дир.
Пузанов Иван Сергеевич, 1925; 1961–1964. Ст. инж. фельдсвязи спецотд. ЦУ.
Пузанов Лев Сергеевич, 1919; 1973–1976. Оказание технич. помощи.
Пузанов Лев Гаврилович, 1938; 1982–1987.
Пуздренко Яков Васильович, 1923; 1951–1957; 1973–1978. Ст. инж.-техник; инж.-обогадитель. Зав. № 102. Об. 49.
Пуздренко Я.В., 1923; 1951–1957; 1973–1978.
Пузик Галина Порфирьевна, 1935; 1954–1955. Лаборант. Об. 60.
Пур Евфалия Семеновна, 1921; 1956–1957. Врач-лаборант скорой помощи; зав. лаб. поликлиники. ЦБ.
Пургин Геннадий Степанович, 1932; 1955–1957. Инж.-геол. ш. № 250. Об. 94.
Пургин Борис Никифорович, 1921; 1962–1964. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9.
Пурденко Василий Петрович, 1932; 1976–1980. Ген. дир., зам. нач. план. отд.
Пустовойтов Виктор Николаевич, 1939; 1983–1987.
Пучков Валентин Дмитриевич, 1931; 1962–1965. Ст. инж.-геофизик, исслед. группы геоф. Об. 101.
Пчельников Алексей Георгиевич, 1924; 1956–1957. Старший инспектор-учетчик отдел. спецотд. Упр.
Пчельникова Раиса Андреевна, 1922; 1956–1957. См. лаборант товарной лаб. Об. 36.
Пшеницын Владимир Федорович, 1935; 1954–1957. Лаборант; старший техник-геофизик ш. № 207. Об. 80.
Пшеничная Вера Михайловна, 1934; 1954–1957. См. лаборант хим. лаб. Об. 49.
Пшеников Владлен Андреевич, 1932; 1963–1967. Инж.-геол. Саксонской ГРП. ЦГРЭ.
Пыряев Николай Кузьмич, 1932; 1972–1977. Ст. инж.-хим. Объекта. ЦГРЭ.
Пыхтин Григорий Филиппович, 1922; 1957–1961. Ст. инж. ПТО. Об. 9.
Пятилетов Василий Васильевич, 1934; 1959–1964. Инж.-геоф., руков. темы лаб. Об. 90.

Разин Евгений Егорович, 1941; 1976–1982. Оказание технич. помощи.
Разин Владимир Дмитриевич, 1944; 1979–1985.
Райков Кирилл Валерианович, 1941; 1976–1981. Ст. инж.-геоф. Комплексная ГРП.
Ракитина Александра Михайловна, 1918; 1958–1961. Инсп.-машинистка. ЦУ.
Рассадников Виктор Андронович, 1930; 1959–1962. Нач. смены завода. Об. 102.
Рассадников Михаил Иванович, 1924; 1973–1979. Ст. инж. ПО. Ген. дир.
Расказов Николай Алексеевич, 1927; 1955–1957. Инсп. отдел. Об. 129.
Расказов Иван Александрович, 1922; 1956–1959; 1962–1963. Переводчик ПГО. ЦУ.
Расказова Анна Владимировна, 1923; 1956–1959. Переводчик ПГО. ЦУ.
Расторгуев Николай Васильевич, 1930; 1958–1963. Ст. геол. объекта, шахты. Об. 9.
Ратников Владимир Михайлович, 1938; 1981–1987.
Рафаилов Валерьян Константинович, 1921; 1963–1965. Ст. инсп. отд. охраны и реж. Об. 102.

Рахвалов К. Н. В 1974–1977 — начальник производственного отдела, Объект 9.
Рахманин Григорий Павлович, 1918; 1977–1982. Ст. инсп.-шифровальщик.
Рванцев Александр Дмитриевич, 1932;1982–1987.
Ревякин Виктор Михайлович, 1924; 1950–1953; 1963–1965. Переводчик-инсп. ЦУ.
Редкокаша Иван Васильевич, 1924; 1975–1981. Гл. бух.
Редчиц Александр Романович, 1936; 1976–1981. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.
Репин Владимир Иванович, 1924; 1956–1959. Ст. инсп. по охране и режиму. ЦУ.
Репина Зинаида Гавриловна, 1929; 1956–1959. Библиотекарь. Об. 31.
Репина Валентина Ивановна, 1932; 1960–1964. Машинистка спецотд. ЦУ.
Решетников Виктор Степанович, 1920; 1955–1957. Гл. мех.; нач. службы снабж. Об. 17.
Решетников Виталий Петрович, 1935; 1954–1956; 1977–1981. Ст. инж.-геоф.
Решетняк Анна Александровна, 1924; 1955–1956. Горн. техник-мех. 11-го отд. Об. 49.
Решетнян Виталий Васильевич, 1939; 1970–1975. Ст. инж. по горн. работам.
Рогалис Виктор Станиславович, 1937; 1981–1984. Руков. группы горн. лаб. НИИ.
Рогачев Алексей Аркадьевич, 1919; 1964–1968. Ст. инсп. секретн. отд. Зав. № 102.
Рогизный Валерий Федорович, 1937; 1979–1983. Ст. науч. сотр.
Рогилас Виктор Станиславович, 1937; 1982–1986.
Рогова Лидия Ефимовна, 1941; 1973–1976. Врач-педиатр. ЦБ.
Рогожин Александр Петрович, 1935; 1954–1957. Нач. смены цеха опроб.; ст. контролер ОТК шахты. ЦУ.
Рогожина Раиса Ивановна, 1934; 1954–1957. См. лаборант цеха опроб. ОТК. Об. 131.
Рогозин Дмитрий Иванович, 1950; 1979–1985.
Родионова Нина Федоровна, 1933; 1955–1959. Техник-технолог; см. контролер ОТК гравит. цеха. Об. 9.
Рождественский Вадим Николаевич, 1930; 1954–1958. Инж.-геоф. ш. № 31; радиотехник. Об. 36.
Рождественский Олег Сергеевич, 1929; 1958–1963. Гл. инж. шахты; нач. ОТК шахты. Об. 9.
Рожева Нина Михайловна, 1932; 1956–1957. Инж.-картограф. 1-е Упр.
Рожков Виктор Петрович, 1946; 1982–1988.
Рожкова Елена Дмитриевна, 1921; 1954–1956. Руков. худ. самодеят. Упр.
Рожкова Тамара Сергеевна, 1948; 1976–1979. Машинистка спецотд. ЦГРЭ.
Розе Владислав Петрович, 1930; 1978–1983. Руков. лаб. ЦГРЭ.
Романенко Георгий Михайлович, 1918; 1954–1958. Ст. инж. 12-го отд.; нач. партии.
Романенко Нонна Андреевна, 1919; 1954–1958. Зав. дет. площадкой. Упр.
Романов Виктор Сергеевич, 1931; 1955–1956. Горн. инж.; ст. контролер ОТК ш. № 356. Об. 90.
Романов Николай Федорович, 1909; 1957–1962. Инж.-геол. Об. 90.
Романов Михаил Евдокимович, 1915; 1958–1962. Гл. инж. горн. отд. Упр. № 3.
Романов Павел Петрович, 1926; 1963–1968. Ст. горн. инж. ПТО. ЦУ.
Романов Юрий Петрович, 1929; 1963–1968. Ст. инж.-геоф. шахты. Об. 9.

Романов Алексей Григорьевич, 1921; 1965–1969. Ст. инсп. геол. отд. ЦУ.
Романов Станислав Владимирович, 1935; 1970–1974. Ст. инж. лаб. вент. ПКУ. НИИ.
Романова Ирина Афиногеновна, 1927; 1955–1957. Экон. план. отд. Об. 90.
Романовский Виктор Сергеевич, 1941; 1976–1981. Ст. инж. отд.
Романченко Анатолий Семенович, 1937; 1977–1983. Нач. лаб. НИИ.
Романюта Леонид Николаевич, 1927; 1963–1967. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9.
Рослый Андрей Иванович, 1932; 1956–1961. Инж.-геол., петрограф. Об. 36.
Росляков Валерий Семенович, 1950; 1985–1987.
Россохин Борис Гаврилович, 1922; 1955–1960. Геофизик Тюрингской ГРП.
Роцин Юрий Васильевич, 1932; 1959–1961. Ст. инж.-геоф. ГРП. Об. 90.
Рубина Лидия Андреевна, 1931; 1965–1967. Машинистка спецотд. ЦУ.
Рубинов Игорь Михайлович, 1937; 1980–1987.
Рублев Юрий Степанович, 1928; 1958–1961. Ст. инж.-геоф. ш. № 66. Упр.
Рубцова Александра Михайловна, 1925; 1968–1972. Машинистка спецотд. НИИ.
Рудаков Марк Александрович, 1937; 1967–1972. Старший инженер-геолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Рудаков Игорь Ефимович, 1937; 1969–1973. Ст. инж. ПТО. ПКУ.
Рудаков Виктор Матвеевич, 1937; 1977–1982.
Рудина Надежда Михайловна, 1929; 1954–1955. Воспитатель. Об. 94.
Рудченко Василий Семенович, 1931; 1955–1959. Горн. инж.; ст. контролер ОТК шахты. Об. 9.
Рудычев Анатолий Андреевич, 1936; 1976–1988. Ст. инж. отд. Ген. дир.
Рудь Ольга Федоровна, 1924; 1958–1963. Инж.-хим. лаб. Упр.
Рудь Василий Ануфриевич, 1928; 1958–1963. Ст. инсп.-обогадатель. ЦУ.
Румянов Василий Иванович, 1911; 1957–1959. Партработник. ЦУ.
Румянцева Наталья Николаевна, 1931; 1954–1957. Ст. инж. по опроб. ОТК. Об. 1.
Русakov Николай Иванович, 1913; 1965–1969. Нач. секретн. отд. РУ № 9.
Русин Петр Михайлович, 1920; 1956–1957. Инсп. первого отд. 1-е Упр.
Русова Галина Николаевна, 1931; 1955–1960. Инж.-экон. строит. конторы. Об. 96.
Рыбалов Борис Леонтьевич, 1926; 1958–1971. Гл. инж.
Рыжиков Геннадий Васильевич, 1941; 1975–1981. Ст. инсп. отд. охраны.
Рыжков Александр Алексеевич, 1916; 1958–1962; 1968–1974. Нач. план. отд.; ст. инж.-экон. РУ № 9.
Рыжов Валентин Михайлович, 1931; 1955–1956. Нач. участка № 2 буровой партии. Экспедиция № 2.
Рыжов Борис Иванович, 1930; 1962–1967; 1969–1975. Оказание технич. помощи; ст. инж.-минералог партии. Об. 9.
Рыков Виктор Николаевич, 1932; 1954–1955. Ст. контролер ОТК. Об. 131.
Рыков Олег Васильевич, 1937; 1970–1976. Нач. отдела; зам. дир. ОБЦ.
Рылова Валентина Сергеевна, 1928; 1972–1975. Инсп. 1-го отд. ЦГРЭ.
Рябкин Виктор Константинович, 1938; 1975–1981. Руков. группы геоф. лаб. НИИ.
Рябова Екатерина Григорьевна, 1929; 1966–1970. Хим.-аналитик.

Рябова Валерия Александровна, 1930; 1968–1971. Ст. инж. хим.-аналитик.
Рязанов Павел Алексеевич, 1922; 1967–1971. Ст. инж.-геол. Об. 90.

Сабинин Виктор Михайлович, 1923; 1958–1963. Ст. инж. по промышленному строительству. 3-е Упр.
Саванович Олег Андреевич, 1931; 1970–1973. Ст. инж.-эл-мех. ПКУ.
Савва Петр Петрович, 1944; 1980–1983. Нач. геоф. отд. — гл. геоф. РУ № 9.
Саввина Антонина Никитична, 1932; 1955–1958. Инж.-геол. шахты. Об. 118.
Савельев Павел Егорович, 1909; 1959–1963. Ст. инсп. спецотдел., инсп. АХО. ЦУ.
Савельев Юрий Яковлевич, 1937; 1967–1975. Оказание технич. помощи.
Савельев Всеволод Борисович, 1929; 1977–1981. Ст. инж.-геоф. Тюрингенская ГРП.
Савин Николай Дмитриевич, 1912; 1954–1957. Ст. инсп. второго отдел. Упр.
Савина Вера Ивановна, 1924; 1954–1957. Приемщик сырой прод. Об. 94.
Савинков Валерий Сергеевич, 1919; 1962–1965. Ст. горн. инж.-эл-мех. ЦУ. Об. 90.
Сависько Василий Ефимович, 1927; 1971–1977. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ. ЦГРЭ.
Савицкий Вадим Игоревич, 1941; 1976–1982. Главврач Центральной советской больницы. ЦБ.
Савкина Римма Григорьевна, 1935; 1958–1962. Инж.-машинистка. ЦУ.
Савостьянов Павел Владимирович, 1915; 1962–1965. Ст. инж., нач. отд. охр. и реж. Об. 9.
Савченко Геннадий Аркадьевич, 1945; 1976–1980. Инж.-геол. ш. № 381. РУ.
Савченко Валерий Аркадьевич, 1942; 1980–1986.
Савчук Анатолий Павлович, 1930; 1961–1966. Инж. по опроб.
Сагайдак Борис Александрович, 1931; 1956–1960. Нач. смены хим. цеха. Химик-аналитик. Об. 36.
Сагайдак Клара Тимофеевна, 1931; 1956–1968. См. контролер ОТК хим. цеха фабрики № 99. Об. 36.
Садов Николай Степанович, 1925; 1958–1962; 1968–1972. Нач. первого отд. РУ № 90 ЦУ.
Садьков Ракоша Хабирович, 1927; 1962–1964. Зам. нач. лаб. Об. 102.
Саенко Григорий Тимофеевич, 1930; 1954–1958. Ст. контролер шахты. Упр.
Сажина Татьяна Александровна, 1925; 1972–1977. Машинистка спецц. ЦГРЭ.
Сайкин Николай Егорович, 1946; 1976–1981. Шофер-механик. Ген. дир.
Салтыков Василий Никитич, 1911; 1957–1960. Шофер-мех.
Сальцевич Владислав Борисович, 1933; 1955–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 90.
Самочкин Владимир Александрович, 1953; 1980–1985.
Самсонов Борис Григорьевич, 1931; 1963–1965. Ст. инж.-гидрогеол. Об. 9.
Самсонова Татьяна Ивановна, 1946; 1981–1984.
Сангайло Наталия Львовна, 1930; 1954–1957. Инж.-интерпретатор ГРП № 3. Экспедиция № 2.
Сапронова Галина Ивановна, 1948; 1978–1981.
Сапрыкин Иван Яковлевич, 1933; 1954–1957. См. техник-контролер ОТК. Об. 129.
Сарухаян Эдуард Леонович, 1928; 1962–1967; 1970–1976. Старший геолог ЦГРЭ,

партии. ЦГРЭ.
Сафронова Мария Степановна, 1926; 1960–1964. Ст. лаборант хим.-аналитик, техник ОТК. ЦУ.
Сахаров Сергей Демьянович, 1920; 1961–1964. Зам. нач. ПО. Об. 90.
Сашин Николай Иванович, 1920; 1954–1957. Ст. инсп. отдел. охраны и режима. Об. 94.
Сбитнев Михаил Тихонович, 1936; 1974–1976. Ст. инж. по горн. работе. рудника.
Сбруйкин Владимир Федорович, 1924; 1968–1969. Нач. секретн. отд., нач. спецц. Зав. № 102.
Свайкин Николай Алексеевич, 1894; 1956–1958. Гл. бух. Объекта. Об. 80.
Сверчков Павел Михайлович, 1935; 1979–1982. Ст. инж.-исслед.
Обогатитель по олов. рудам.
Светлаков Николай Гаврилович, 1901; 1962–1965. Гл. инж. проекта. 3-е Упр.
Свирин Анатолий Иванович, 1937; 1976–1976.
Сгадлева Клавдия Васильевна, 1925; 1956–1959. Машинистка спецотд. 1-е Упр.
Севастьянов Юрий Алексеевич, 1946; 1970–1974. Переводчик, инсп.-переводчик. ЦУ.
Северин Борис Михайлович, 1936; 1979–1985.
Севириюева Нина Ильинична, 1936; 1976–1980. Ст. инсп. секретн. отд. Ген. дир.
Севрюков Борис Павлович, 1918; 1963–1968. Ст. инж.-геол. ЦУ.
Седельников Эртель Сергеевич, 1932; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 131.
Седельникова Нина Ивановна, 1931; 1954–1957. Инж.-геоф., зав. геоф. лаб. Об. 131.
Седина Лучмира Ивановна, 1930; 1961–1965. Зав. товар. лаб.
Седов Вадим Борисович, 1939; 1981–1987. Ст. инж. ПТО, ОКСа. ЦУ.
Седых Лилия Николаевна, 1930; 1954–1955. Ст. бух. автобазы. Об. 90.
Селедков Николай Терентьевич, 1912; 1955–1959. Нач. сантех. отд. Проект. контора.
Селедков Юрий Васильевич, 1915; 1961–1965. Нач. техотд. ПТО. Упр.
Селезнев Николай Ильич, 1932; 1967–1972. Оказание технич. помощи. ПКУ.
Селенкова Елена Федоровна, 1932; 1954–1956. Инж.-хим.-аналитик. Об. 21.
Селиванов Владимир Алексеевич, 1932; 1954–1957. Нач. электро-развед. партии. Об. 94.
Селиванов Рудольф Дмитриевич, 1928; 1955–1956. Секретарь орган. ВЛКСМ. Упр. в/ч.
Селиванов Виктор Васильевич, 1940; 1982–1987.
Селиванова Ирина Анатольевна, 1956; 1980–1982. Машинистка спецц. Рудник Ройст.
Селиверстов Александр Георгиевич, 1910; 1959–1963; 1969–1971. Ст. инж. АХО; инсп. ОК. ЦУ. Об. 102.
Селин Георгий Иванович, 1929; 1959–1961. Ст. инж.-технолог; см. инж.-хим. цеха; ст. инж. ПТО; технолог пятого цеха. Об. 102.
Сельвесьюк Борис Федорович, 1929; 1968–1971. Ст. инж.-геол. ГРП. ЦГРЭ.
Сельцева Азалия Григорьевна, 1932; 1959–1969. Врач-терапевт, зав. клубом. Объект 9.
Сельцов Борис Михайлович, ????.; 1957–1969; 1967–1987. Оказание технич. помощи; инж.-геол. ГРП; шахты. Об. 9.
Семакина Елена Яковлевна, 1927; 1969–1970. Врач медпункта, врач санчасти. Руд.
Семенков Руслан Филиппович, 1949; 1981–1984.
Семенов Владимир Дмитриевич, 1924; 1954–1956. Зав. складом гот. прод. ЦУ.

Семенов Георгий Сергеевич, 1930; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 94.
Семенов Никодим Петрович, 1934; 1954–1957. Ст. техник-контролер ОТК. Об. 131.
Семенов Владимир Федорович, 1918; 1970–1970. Оказание технич. помощи.
Семенов Олег Дмитриевич, 1919; 1976–1976. Оказание технич. помощи.
Семенова Галина Михайловна, 1931; 1954–1956. Музыкальный руков. д/с. Об. 131.
Семенова Валентина Владимировна, 1925; 1966–1969. Машинистка, инсп. секретн. делопроизводства. ЦУ.
Семенова Ольга Георгиевна, 1931; 1954–1957; 1970–1971. Зав. геоф. лаб. Об. 129.
Семенюк Иван Михайлович, 1921; 1958–1961. Ст. инсп. первого отдел. Об. 9.
Семигорелов Николай Сафронович, 1927; 1954–1957. Нач. отдел. Упр.
Семиков Валерий Федорович, 1938; 1969–1974. Ст. инж.-технолог третьего отдела. Зав. № 102.
Семина Галина Ивановна, 1951; 1976–1977. Ген. дирекция.
Семичев Павел Степанович, 1909; 1955–1957. Гл. инженер-обогадатель, нач. ф-ки № 24. Об. 101.
Семкин Мартиан Петрович, 1909; 1955–1957. Ст. инсп. ОК. Об. 54.
Сенекин Владимир Андреевич, 1908; 1963–1971. Зам. гл. бух. ЦУ.
Сенин Владимир Дмитриевич, 1928; 1950–1955; 1963–1968. Ст. инж. ПТО; нач. ш. № 21. Об. 111. Упр.
Сеничкин Иван Петрович, 1924; 1955–1959; 1965–1968. Ст. инж.-геол. уч. № 3, партии. Об. 90.
Сенько Антонина Сафонова, 1931; 1980–1982. Ст. врач-педиатр. ЦБ.
Сепанов Михаил Александрович, 1927; 1977–1977.
Сепитый Дмитрий Ильич, 1911; 1955–1959. Нач. объекта. Об. 11.
Сергеев Павел Васильевич, 1912; 1957–1960. Ст. инж.-геол. отдел. Об. 90.
Сергеев Юрий Георгиевич, 1935; 1962–1967. Ст. горн. инж. ПТО; инж. по опроб.
Сергеев Леонид Андреевич, 1938; 1966–1983. Многократные выезды, оказание тех. помощи.
Сергеев Александр Захарович, 1935; 1973–1977. Нач. отдел. рудника.
Сергеев Игорь Павлович, 1929; 1963–1968; 1971–1977. Ст. инж.-геоф. Объекта, геофизик ш. № 377. Об. 90. ЦГРЭ.
Сергеева Валерия Сергеевна, 1926; 1958–1960. Геол., инженер группы по подсчету запасов камер. партии. Об. 9.
Сергиенко Владимир Яковлевич, 1912; 1956–1959. Гл. бух. Об. 80.
Сергинко Игорь Леонидович, 1920; 1954–1959. Оказание технич. помощи.
Сердюк Николай Трофимович, 1913; 1959–1962. Ст. горный инженер-электро-механик, инж. ОГМ. ЦУ.
Сердюков Александр Михайлович, 1912; 1956–1957. Нач. отдел. по работе с полицией — отд. охраны и режима. ЦУ.
Сердюков Анатолий Сергеевич, 1927; 1963–1964. Оказание технич. помощи.
Серебrenников Владимир Сергеевич, 1930; 1965–1977. Ст. инж.-гидрогеол.
Серебrenников Игорь Дмитриевич, 1942; 1975–1975. Оказание технич. помощи.
Серебряков Василий Алексеевич, 1914; 1956–1957. Нач. отдел. по учету 4-го отдел., нач. отдел. сов. кадров. Об. 94. Упр.

Середа Лидия Сергеевна, 1927; 1955–1958. Контролер-приемщик 20-го отд., инж.-хим.-аналитик. Об. 36.
Середа Радомир Степанович, 1928; 1955–1958. Гл. мех. шахты; ст. инж. ПТО. Упр. в/ч.
Середа Борис Константинович, 1912; 1956–1967. Зам. гл. инж. ЦУ.
Сериков Игнатий Владимирович, 1935; 1973–1985. Многократные выезды; оказание технич. помощи.
Серов Борис Павлович, 1930; 1955–1958. Гл. маркш. ПТО, отдел. Об. 2.
Серов Борис Сергеевич, 1923; 1970–1971. Оказание технич. помощи.
Серянкина Ольга Васильевна, 1927; 1954–1957. Медсестра-регистратор. Об. 94.
Сескутов Иван Степанович, 1906; 1957–1961. Зам. нач. геол. отд., гл. геол. шахты. ЦУ.
Сечков Николай Григорьевич, 1936; 1972–1973. Оказание технич. помощи.
Сивков Виктор Иванович, 1923; 1960–1966. Гл. инж. завода. Об. 102.
Сидоранов Вадим Сергеевич, 1932; 1956–1951. Нач. первого отд.
Сидоренко Порфирий Петрович, 1915; 1955–1957. Референт отдл. информации. Упр.
Сидоренко Владимир Петрович, 1926; 1966–1971. Ст. инж. ПТО, горн. отд. Об. 90.
Сидоров Николай Иванович, 1928; 1967–1972. Ст. горн. инж. ПТО. РУ № 90.
Сидоров Иван Иванович, 1930; 1977–1981. Ст. инж.-экон.
Сидоров Анатолий Алексеевич, 1943; 1978–1982. Ст. инж. ЭВЦ, экон. Ген. дир.
Сидоров Анатолий Алексеевич, 1978; 1983–?????. Ст. инж. ЭВЦ.
Сизов Михаил Николаевич, 1907; 1955–1957. Зам. директора по режиму. ЦУ.
Сизых Николай Георгиевич, 1935; 1977–1980.
Силин Евгений Михайлович, 1926; 1972–1972. Оказание технич. помощи.
Сильченко Виталий Иванович, 1928; 1958–1960. Ст. инж. горн. отд. Об. 36.
Сильченко Зинаида Назаровна, 1931; 1958–1960. Практикант, чертежник. Об. 36.
Симаков Ростислав Витальевич, 1927; 1964–1966. Ст. инж.-технолог. Об. 102.
Симаков Владимир Алексеевич, 1927; 1950–1954; 1968–1985. Оказание технич. помощи, инж. по вентиляции. 1-е Упр.
Симонов Андрей Григорьевич, 1915; 1958–1962. Гл. бух. ЦУ.
Симонов Игорь Иванович, 1926; 1963–1964. Оказание технич. помощи.
Симрнов Всеволод Васильевич, 1916; 1958–1960. Ст. инсп. спецотд. ЦУ.
Симченко Михаил Васильевич, 1911; 1955–1956. Нач. шахты куста. Об. 83.
Синещын Анатолий Алексеевич, 1927; 1955–1956. Нач. отд. автобазы. Упр. в/ч.
Синицын Сергей Николаевич, 1911; 1954–1955. Зам. нач. ПТО Объекта. Об. 94.
Синицын Иван Григорьевич, 1942; 1976–1978. Гл. геол. ш. № 384. РУ.
Синицын Юрий Константинович, 1932; 1955–1956. Инж.-геол. Об. 129.
Синицына Зинаида Лаврентьевна, 1927; 1959–1961. Инж.-геоф. группы, отд. 1-е Упр.
Синюгин Иван Климентьевич, 1924; 1974–1979. Ст. инж. АХО. Ген. дир.
Сиромолот Юрий Евгеньевич, 1929; 1959–1964; 1968–1972. Инсп.-переводчик ЦГРЭ, инсп.-референт, зав. парт. кабинетом, инспектор секретариата. ЦУ.
Сироткина Лариса Александровна, 1928; 1954–1958. Инж.-геоф. ш. № 5; ст. инж. цеха.

Об. 131, Об. 9.
Сиротченков Георгий Данилович, 1932; 1952–1957; 1964–1968. Зам. нач. отд. связи, техник связи АТС и МТС. ЦУ.
Ситников Георгий Михайлович, 1915; 1965–1968. Нач. секретного отдела, начальник отд. режима. ЦУ.
Ситников Федор Михайлович, 1952; 1982–1986.
Скаун Анатолий Павлович, 1947; 1984–1987.
Скакунов Виктор Иванович, 1933; 1974–1981. Нач. камер. партии. Комплексная ГРП.
Скворцов Андрей Николаевич, 1931; 1976–1976.
Скворцов Анатолий Михайлович, 1937; 1978–1978.
Скворцов Станислав Анатольевич, 1955; 1988–1987.
Скибин Лев Александрович, 1926; 1955–1957. Нач. отд. гот. прод., зам. нач. отд. гот. прод. Упр.
Скибина Вера Фоковна, 1931; 1954–1957. Чертежник геол. отд. Об. 9.
Скидалов Виталий Иосифович, 1941; 1979–1983.
Скиданенко Антонина Михайловна, 1925; 1958–1961. Ст. инж.-аналитик аппар. приемки.
Скляров Александр Андреевич, 1929; 1962–1970; 1973–1979. Гл. геол. Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Скоков Алексей Александрович, 1904; 1955–1959. Нач. шахты, куста шахт, зам. нач. ПТО. Об. 9.
Скорняков Юрий Михайлович, 1938; 1974–1974. Оказание технич. помощи.
Сорова Ирина Дмитриевна, 1932; 1979–1985. Многоокр. выезды; оказание технич. помощи.
Скороваров Джон Иванович, 1928; 1982–1982; 1986–1986.
Скосырев Владислав Николаевич, 1933; 1967–1972. Ст. инж. геоф. Тюринг. ГРП. ЦТР.
Скотников Юрий Иванович, 1931; 1956–1957. Переводчик, инсп. отд. по раб. с полицией. Упр.
Скригина Ларта Елисеевна, 1941; 1971–1976. Машинистка рудника.
Скриньченко Михаил Лаврентьевич, 1917; 1946–1947; 1967–1967; 1970–1975.
Скрипка Леонид Иванович, 1940; 1979–1985.
Скрипка Петр Иванович, 1925; 1970–1976; 1981–1987. Ст. инж. ПТО, гл. инж. РУ.
Скурихин Николай Алексеевич, 1947; 1982–1987.
Славин Игорь Маркович, 1923; 1954–1955. Ст. инж. отдел. охраны и режима. Упр.
Славина Валентина Васильевна, 1930; 1954–1955. Комендант АХО.
Славягин Дмитрий Павлович, 1918; 1958–1961. Ст. инж.-геол. ГРЭ; зам. нач. экспедиции. Об. 9.
Славягина Ирина Ильинична, 1922; 1958–1961. Ст. инж.-геоф. Об. 9, ПРЭ.
Слемзин Николай Сергеевич, 1904; 1962–1964. Нач. план. отд. ЦУ.
Слепкова Нелли Валентиновна, 1930; 1954–1957. Инж.-оператор партии. Об. 118.
Слепых Владимир Филиппович, 1932; 1979–1981.
Сливин Михаил Александрович, 1910; 1956–1959. Гл. мех. шахты, ОГМ. Об. 9.
Сливин Анатолий Сергеевич, 1931; 1958–1963. Ст. инж. ПТО, отдел. приемки.
Сливинский Вячеслав Александрович, 1933; 1977–1977.
Служин Всеволод Михайлович, 1936; 1959–1963. Инж.-геоф. ш. № 360, рук.ов. аппаратуры. Упр.
Смачный Геннадий Константинович, 1930; 1974–1976. Ст. инж., руководитель группы

горн. отдела. ПКУ.
Смекалин Юрий Васильевич, 1954; 1981–1987.
Смекалов Иван Петрович, 1910; 1955–1960. Гл. геол. Объекта, ГРП. Об. 9.
Сметанина Эмма Васильевна, 1945; 1976–1979. Врач-терапевт. ЦБ.
Смиренин Владимир Владимирович, 1919; 1962–1968. Ст. инж.-геол. отдел. Упр.
Смирнов Павел Фадеевич, 1916; 1954–1955. Гл. инж. карьера.
Смирнов Василий Филиппович, 1934; 1954–1957. Ст. инж., техник-мех. цеха. Об. 129.
Смирнов Алексей Михайлович, 1924; 1956–1957. Инсп. спецотд., ст. инж. спецотд., нач. отд. Об. 9.
Смирнов Вячеслав Георгиевич, 1931; 1959–1964. Нач. смены завода, инж. хим. цеха ф-ки № 95, цеха № 4. Об. 102.
Смирнов Тимофей Ефимович, 1907; 1960–1961. Зам. нач.; зам. ген. дир.
Смирнов Леонид Николаевич, 1906; 1963–1968. Гл. гидрогеолог отдела, инженер проекта. ЦУ.
Смирнов Юрий Николаевич, 1932; 1966–1971. Оказание технич. помощи. Упр.
Смирнов Андрей Сергеевич, 1940; 1971–1977. Ст. инж. ПУ. ПКУ.
Смирнов Владимир Алексеевич, 1946; 1971–1976. Переводчик, инсп. секретн. отд., референт. ПКУ.
Смирнов Анатолий Михайлович, 1937; 1972–1977. Ст. инж. Проект. упр., отдела компл. проектирования. ПКУ.
Смирнов Анатолий Николаевич, 1929; 1973–1976. Ст. инж. отд. Объекта, по горн. работам. РУ.
Смирнов Виктор Николаевич, 1949; 1975–1985.
Смирнов Николай Афанасьевич, 1939; 1977–1981. Ст. инсп. секретн. отд. (при сов. члене правления). Ген. дир.
Смирнов Михаил Иванович, 1927; 1978–1972. Горн. инж. ПТО; ст. инж. по буровым работам ПТО. РУ № 90.
Смирнов Федор Михайлович (Иванович?), 1928; 1978–1982. Гл. инж. проекта ПКУ. Гл. инж. ш. № 381. РУ Шмирхау.
Смирнов Виктор Васильевич, 1940; 1979–1982. Ст. инж.-геол. Тюрингенская ГРП.
Смирнов Константин Михайлович, 1949; 1980–1987.
Смирнов Владимир Юрьевич, 1944; 1981–1987.
Смирнов Виталий Александрович, 1930; 1983–1985.
Смирнов Валентин Григорьевич, 1928; 1951–1956; 1961–1968. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 90, 129.
Смирнов Виталий Николаевич, 1928; 1955–1957; 1962–1969. Командировка по линии технич. помощи, зам. нач. горного отдела, гл. инж. по науч. исслед., зам. гл. инж. ЦУ.
Смирнов Олег Валентинович, 1926; 1956–1959; 1971–1976; 1980–1986. Ст. инж. горн. лаб.; зам. гл. инж. рудника; зам. нач. ПГО; гл. инж. шахты; нач. ОКСа; нач. службы вентиляции. Об. 90.
Смирнов Игорь Петрович, 1929; 1968–1968; 1980–1980; 1985–1985. Оказание тех. помощи.
Смирнова Валентина Дмитриевна, 1927; 1956–1969. Чертежник. 1-е Упр.
Смирнова Лидия Дмитриевна, 1930; 1956–1957. Отправитель гот. прод. Об. 9.
Смирнова Инна Николаевна, 1934; 1957–1958. Машинистка спецц., инсп. 2-го Упр.
Смирнова Виктор Васильевич, 1940; 1979–1985. Ст. инж.-геол. Тюрингенской ГРП.

Смирнова Тамара Алексеевна, 1931; ????-1959. Ст. бух. ЦБ, профком. Об. 2.
Смольный Владимир Михайлович, 1929; 1954–1975. Оказание тех. помощи, командиров.
Смолянинова Инна Леонидовна, 1922; 1974–1974. Оказание технич. помощи.
Смолянинова Людмила Александровна, 1937; 1984–1987. Оказание технич. помощи.
Смоляева Нина Александровна, 1920; 1963–1966. Врач-стоматолог. ЦУ.
Смотров Николай Иванович, 1934; 1954–1957. См. отправ. гот. прод. цеха; ст. лаб. цеха опроб. ОТК. Об. 94.
Суриков Афанасий Михайлович, ????. 1958–1963. Ст. инж. проекта, ПТО. ЦУ.
Собачкин Борис Кириллович, 1929; 1957–1960. Ст. инж.-геоф. Тюрингенской ГРП. Об. 90.
Собачкина Эмилия Павловна, 1930; 1957–1958. Техник-вычислитель.
Собин Олег Степанович, 1936; 1982–1987.
Собко Василий Алексеевич, 1911; 1955–1961. Многоокр. выезды; оказ. тех. помощи, нач. 8-го Упр.; постоянный секретарь пр. 41, гл. инж. Об. 90; генеральный директор СГАО «Висмут».
Соболев Чингис Сергеевич, 1931; 1956–1957. Инж.-геол. рудник. Об. 90.
Соболев Игорь Андреевич, 1932; 1956–1960. Инсп.-геоф. партии; гл. инж. ЭКП; ст. инж.-геоф. шахты. Саксонская ПРЭ.
Соболев Алексей Васильевич, 1941; 1971–1971. Оказание технич. помощи.
Соколов Лев Борисович, 1929; 1956–1958. Инж.-хим. аналитик. Об. 96.
Соколов Николай Петрович, 1920; 1968–1973. Ст. инж. ОКСа. ЦУ.
Соколов Аркадий Викторович, 1924; 1969–1976.
Соколова Нина Александровна, 1933; 1955–1957. Техник-технолог, см. контр. ОТК. Об. 21.
Соколова Валентина Васильевна, 1936; 1955–1956. Машинистка-инсп. спецц., переводчик руководства. Об. 38.
Соколова Дина Федоровна, 1928; 1956–1957. Ст. инж.-хим. аналитик. Об. 49.
Соколова Нинель Тимофеевна, 1928; 1958–1986. Многократные выезды; оказание технич. помощи.
Соколова Людмила Федоровна, 1922; 1968–1973. Врач-гинеколог. ЦБ.
Соколова Надежда Васильевна, 1941; 1979–1982. Ст. машинистка секретн. отд. РУ № 9.
Соколова Евгения Александровна, 1917; 1949–1952; 1960–1962. Руков. группы, химик-аналитик. Упр.
Соколовский Анатолий Константинович, 1938; 1969–1977. Оказание технич. помощи.
Сокорев Анатолий Васильевич, 1939; 1978–1986.
Сокуренко Иван Гаврилович, 1926; 1968–1973. Ст. инж.-геол. рудника.
Соловов Михаил Антонович, 1912; 1958–1960. Нач. пункта, фельдшер связи. ЦУ.
Соловьев Арсен Григорьевич, 1924; 1954–1958. Инженер-геолог ш. № 12, инженер-геолог сменного отряда ГРП. Об. 9.
Соловьев Олег Васильевич, 1924; 1961–1964. Ст. инсп.; фельдшер. ЦУ.
Соловьев Михаил Иванович, 1913; 1964–1969. Нач. отдел. расчетов; зам. гл. бух. ЦУ.
Соловьев Владимир Сергеевич, 1931; 1969–1972. Оказание технич. помощи.
Соловьев Георгий Михайлович, 1913; 1971–1974. Ст. инсп. отд. приемки.
Соловьев Павел Александрович, 1924; 1972–1980. Зам. гл. бух. Ген. дир.
Соловьев Иван Дмитриевич, 1934;

1973–1978. Инж.-мех. авт. отд. Ген. дир.
Соловьев Михаил Александрович, 1942; 1978–1982. Ст. инсп. ОТК.
Соловьева Софья Степановна, 1924; 1954–1958. Контролер-приемщик 20-го отд., инсп.-переводчик первого отд. ЦУ.
Соловьева Анна Васильевна, 1939; 1958–1976. Машинистка, упр. делами спецц. Упр.
Соловьева Людмила Владимировна, 1949; 1975–1979. Машинистка.
Сологринова Альфия Нюрхамедовна, 1963; 1984–1986.
Солодов Александр Михайлович, 1930; 1954–1959.
Соломатин Анатолий Федорович, 1944; 1968–1971. Переводчик-инсп. спецц. Зав. № 102.
Соломатин Геннадий Борисович, 1942; 1979–1985.
Соломахина Александра Алексеевна, 1926; 1954–1957. Зав. отд. фельдшер. Упр.
Соломенцев Михаил Николаевич, 1931; 1975–1975. Оказание технич. помощи.
Соломин Владимир Николаевич, 1936; 1975–1979. Ст. инж.; секретарь отд.; нач. спецц.
Солонько Петр Матвеевич, 1930; 1977–1974. Зам. гл. бух. по геол. разведке. ЦУ.
Солопий Тамара Федоровна, 1942; 1980–1983.
Сорин Павел Алексеевич, 1905; 1954–1957. Нач. ревиз. отд.; ст. бух. Объекта. Об. 131.
Сорожкин Алексей Иванович, 1916; 1954–1960; 1965–1970. Оказание тех. помощи.
Сорока Николай Антонович, 1928; 1971–1971. Ст. горн. инж. ПТО, главный инженер ш. № 377, рудника. Об. 90.
Сорокин Борис Иванович, 1934; 1954–1955. Ст. техник-геоф. шахты.
Сорокин Вячеслав Алексеевич, 1935; 1954–1957. Ст. техник-геофизик по экспресс-анализам шахты, инсп. отдел. по учету. Упр.
Сорокин Борис Борисович, 1935; 1979–1984.
Сорокин Леонид Николаевич, 1931; 1981–1983.
Сороко Николай Николаевич, 1940; 1968–1974. Оказание технич. помощи. ПКУ.
Соседов Орест Орестович, 1931; 1955–1958. Горн. инж., зав. БВР шахты; ст. контролер ОТК; инж. по горн. работам ПТО. Об. 131.
Соседова Ирина Аветисовна, 1932; 1956–1958. Экономист планового отд., экон., переводчик франц. яз. Упр.
Сосунов Семен Николаевич, 1928; 1955–1958; 1963–1969. Ст. инж.-геол. отдел. ш. № 377, инж.-геол. шахты. Об. 129. Об. 90.
Сошнева Вера Дмитриевна, 1929; 1966–1970; 1977–1982. Врач-стоматолог. ЦБ.
Спасибко Пелагея Ивановна, ????. 1957–1959. Ст. инж.-геол. партии, руд.
Спешков Аркадий Федорович, 1912; 1961–1967. Ст. инж.-геол. карьера. Об. 90.
Спирионов Виктор Иванович, 1924; 1951–1957; 1976–1981. Гл. инж. ш. № 366. Об. 94, 90.
Спирин Павел Петрович, 1927; 1968–1973. Ст. инж.-технолог; зав. лаб. Об. 102.
Спирин Аркадий Иванович, 1929; 1970–1975. Ст. инж.-эл-мех. Зав. № 102.
Спринджук Александр Михайлович, 1931; 1954–1956. Гл. маркш.; ст. инж. службы деформации матер. Об. 129.
Стадниченко Прасковья Георгиевна, 1913; 1955–1957. Ст. инж. по рац. 7-е отд. Об. 9.
Стадниченко Николай Васильевич, 1909; 1954–1957; 1966–1967. Гл. инж. проекта; нач. объекта. Упр.
Стариков Ленин Алексеевич, 1918; 1972–1974. Ст. инж. план. отд. Ген. дир.

Стариков Александр Михайлович, 1923; 1980–1986.
Староверова Галина Петровна, 1947; 1978–1978. Машинистка спецц. ЦГРЭ.
Стародубов Михаил Тимофеевич, 1922; 1956–1963. Нач. свод. аналит. отд.; зам. гл. бух. ЦУ.
Старосельцева Клавдия Яковлевна, 1918; 1970–1974. Машинистка спецц. ЦГРЭ.
Старостин Алексей Никитович, 1928; 1973–1977. Оказание технич. помощи. Руд.
Старцев Станислав Сергеевич, 1933; 1968–1969. Оказание технич. помощи. ЦУ.
Статкун Лидия Александровна, 1938; 1971–1971. Оказание технич. помощи.
Стафеев Ким Григорьевич, 1934; 1969–1974. Оказание технич. помощи.
Стагалин Владимир Семенович, 1944; 1983–1988.
Степаненко Валерий Павлович, 1939; 1980–1987.
Степанкина Нина Денисовна, 1935; 1958–1960. Машинистка спецотд. Об. 90.
Степанов Юрий Афанасьевич, 1934; 1954–1957. Ст. техник-геоф. шахты. Эксп. № 2.
Степанов Леонид Васильевич, 1935; 1954–1957. См. контр. ОТК хим. цеха. Об. 19.
Степанов Юрий Сергеевич, 1931; 1955–1957. Инж.-геоф. ГРП; ст. инж. ЭКП. Об. 9.
Степанов Сергей Сергеевич, 1930; 1978–1982. Нач. отд. охраны и режима.
Степанов Лев Александрович, 1935; 1981–1985.
Степанова Лариса Михайловна, 1929; 1957–1960. Ст. инж.
Степанова Нина Максимовна, 1925; 1965–1968. Машинистка-стенографистка. Об. 9.
Степанова Лариса Григорьевна, 1961; 1983–1985.
Степанок Василий Иванович, 1910; 1954–1955; 1968–1973. Ст. инж. ОКСа, инж. тоннелестроения. РУ № 90. Об. 111.
Степченко Николай Георгиевич, 1929; 1958–1962; 1975–1978. Ст. инж.-технолог цеха, технолог завода, руков. гидротехнич. лаб. Об. 102. Об. 101.
Степченкова Ольга Владимировна, 1928; 1958–1962. Технолог-конструктор; ст. инж.-технолог. ЦУ.
Степанюк Василий Иванович, ????. 1952–1957 — начальник Объекта 7.
Стогов Георгий Георгиевич, 1928; 1965–1971. Ст. инж.-геол. шахты. 1-е Упр. ЦУ.
Столбова Нина Павловна, 1947; 1978–1979. Врач-терапевт. Лейпц. ГРП.
Столетняя Нинель Андреевна, 1929; 1977–1983. Ст. инж. отд. ПКУ; руков. группы сметного отд. ПКУ.
Столяренко Николай Николаевич, 1928; 1961–1963. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 90.
Столярова Анна Павловна, 1930; 1981–1984.
Стороженко Сергей Алексеевич, 1927; 1957–1960; 1972–1977. Ст. инж.-геол. рудника, гл. геол. партии, нач. камер. группы, группы по подсчету запасов. Об. 9.
Страбыкин Игорь Николаевич, 1928; 1973–1978. Оказание технич. помощи.
Стражевич Анатолий Иванович, 1938; 1968–1972. Стенографистка, машинистка-секретарь план.-эконом. отд. ЦУ.
Стрелкина Елена Михайловна, 1936; 1981–1984. Ст. инж.-геол. Рудник Кенигштайн.
Страхова Галина Михайловна, 1939; 1968–1972. Стенографистка, машинистка-секретарь план.-эконом. отд. ЦУ.
Стрелкина Елена Михайловна, 1936; 1981–1984. Ст. инж.-геол. Рудник Кенигштайн.
Стрелков Лев Ананьевич, 1934; 1972–1978. Ст. инж.-технолог, нач. исслед. лаб. Зав. № 102.
Стариков Борис Федорович, 1929; 1954–1957. Нач. смены гравит. цеха;

ст. инж. девятого отд. Упр.
Стрельников Николай Павлович, 1919; 1969–1970; 1982–1985. Оказание тех. помощи.
Стржегоцкая Тамара Константиновна, 1926; 1954–1955. Медсестра, регистратор поликлиники. ЦБ.
Стрижак Николай Петрович, 1918; 1956–1957. Ст. инж.-экон. план. отд. 1-е Упр.
Стрижак Ольга Яковлевна, 1922; 1956–1957. Инж. по тарифам и штат. распис. ОНТЗ. Упр.
Стрижевский Владимир Семенович, 1946; 1978–1984. Ст. инж. ЭВЦ.
Стрижков Владимир Иванович, 1924; 1981–1986.
Струков Николай Григорьевич, 1931; 1963–1968. Ст. инж.-геол. отдел., шахты, рудн.
Студеникин Борис Федорович, 1936; 1959–1959. Инж.-геоф. отдел. Об. 9.
Студеникина Маргарита Романовна, 1930; 1973–1977. Отд. бух. отчетн. Ген. дир.
Суворов Василий Владимирович, 1934; 1954–1957. Ст. техник-геоф. ш. № 54. Об. 90.
Суворов Альберт Николаевич, 1933; 1955–1956. Ст. контролер ОТК ш. № 186. Об. 94.
Суворов Станислав Васильевич, 1936; 1979–1982.
Судакова Александра Ивановна, 1927; 1981–1986.
Суманеев Николай Николаевич, 1932; 1974–1976. Оказание технич. помощи.
Сумарокова Виолетта Александровн, 1940; 1980–1982. Инж.-хим.-аналитик. Отдел приемки гот. прод.
Сумарокова Виолетта Александровна, 1940; 1981–1983.
Суназов Виктор Андреевич, 1921; 1959–1964. Ст. инж.-констр. Упр.
Сурикова Галина Ивановна, 1931; 1968–1965. Инж.-хим. аналитик отд. приемки.
Сурлье Андрей Фадеевич, 1930; 1955–1958. Техник-технолог хим. лаб. Об. 36.
Сурлье Любовь Алексеевна, 1932; 1955–1958. Инж.-обогадатель, контр. ОТК хим. цеха. Об. 36.
Суслов Михаил Сергеевич, 1933; 1971–1972. Оказание технич. помощи.
Суханов Александр Иванович, 1925; 1958–1962. Ст. инж. по горн. работам. Об. 90.
Суханов Виктор Григорьевич, 1940; 1980–1987.
Сухаруких Вадим Петрович, 1944; 1979–1985.
Сухозузов Виктор Матвеевич, 1940; 1979–1984.
Сучков Иван Сергеевич, 1915; 1965–1967. Ст. инсп.-шифровальщик. ЦУ.
Сушков Алексей Иванович, 1935; 1974–1981. Ст. инж.-геол. шахты. РУ № 9.
Сушкова Светлана Николаевна, 1945; 1983–1986.
Сыпрыкин Федор Устинович, 1935; 1954–1957. Техник-геол. партии.
Сыромятников Валентин Яковлевич, 1930; 1954–1957. Горн. инж.; ст. контролер ОТК. Об. 131.
Сыромятникова Елена Ильинична, 1929; 1954–1957. Воспитатель д/с. Об. 131.
Сысков Сергей Сергеевич, 1935; 1954–1956. Ст. техник-геоф. по экспресс-анализам. Об. 129.
Сысоев Василий Павлович, 1911; 1954–1957. Ст. инж. мех. ф-ки.
Сысоев Павел Михайлович, 1947; 1982–1986.
Сысоева Лидия Ивановна, 1917; 1954–1957. Воспитатель д/с. Об. 49.
Сысоева Галина Дмитриевна, 1945; 1986–1988.
Сычев Игорь Васильевич, 1931; 1977–1981.

Т

Тагильцев Юрий Семенович, 1924; 1958–1962. Ст. инсп. отдел. охраны и режима. ЦУ.

Тагильцева Елена Ивановна, 1926; 1958–1962. Учетчик ОТК. ЦУ.

Такорев Борис Дмитриевич, 1930; 1977–1982.

Такорев Николай Никитович, 1939; 1979–1985.

Таран Георгий Петрович, 1932; 1962–1968; 1973–1981. Ст. инж.-геол. рудника; инж. Саксонской ГРП. Об. 90.

Таранда Вера Иосифовна, 1923; 1959–1963. Медсестра. ЦБ.

Тарасов Сергей Иванович, 1912; 1958–1961. Нач. МТО. УМТО.

Тарасов Николай Иванович, 1915; 1959–1963. Ст. инсп. ОК, нач. ОК. ЦУ.

Тарасов Николай Николаевич, 1952; 1984–1987.

Таратынов Григорий Михайлович, 1930; 1979–1984.

Тарханов Алексей Владимирович, 1936; 1983–1987.

Тасиц Евгений Федорович, 1925; 1955–1958. Гл. мех. шахты; инж. 13-го отд. 2-е Упр.

Тасиц Полина Борисовна, 1926;

1955–1958. Инж.-геолог ш. № 13. Об. 36.

Татаринов Николай Иванович, 1913; 1955–1957. Ст. инсп. ОК. Об. 2.

Тафеев Георгий Павлович, 1918; 1959–1963; 1969–1975. Гл. геоф. отд. 1-е Упр.

Телегин Владимир Васильевич, 1925; 1956–1960. Ст. инсп. 1-го отд.; нач. спецотд. ЦУ.

Телегина Тамара Васильевна, 1928; 1956–1960. Инсп. протокольного отд. ЦУ.

Телеников Митрофан Андреевич, 1929; 1963–1966. Нач. геофиз. лаб. Упр.

Телкова Зоя Ивановна, 1931; 1954–1957. Техник-маркш. шахты; техник геоф. Об. 129, 9.

Теляковская Галина Степановна, 1931; 1955–1959. Чертежник геол. отд. Об. 90.

Теляковский Александр Евгеньевич, 1931; 1955–1959. Инж.-геоф. ш. № 336, карьера. Об. 90.

Телятников Валерий Валентинович, 1923; 1976–1979. Зав. клубом.

Темников Митрофан, ???? . Нач. геоф. лаб. НПЦ.

Темный Феликс Львович, 1930; 1974–1979. Ст. инж.-геол.

Тепляков Петр Степанович, 1914; 1955–1957. Нач. узла связи; ст. инж. связи. Об. 118.

Тепляков Иван Михайлович, 1927; 1971–1976. Ст. инж.-геол. Саксонской ГРП. ЦГРЭ.

Терехов Алексей Александрович, 1924; 1954–1956. Инсп. спецотд. Об. 118.

Терехов Дмитрий Гаврилович, 1923; 1972–1977. Ст. инсп. секр. отд.; нач. спецц. ЭВЦ.

Терехова Мария Дмитриевна, 1926;

1954–1956. Приемщик концентрата. Об. 49.

Терешина Ирина Дмитриевна, 1946; 1978–1981. Машинистка.

Терещенко Владимир Федорович, 1925; 1956–1960. Ст. инж. ПТО. Об. 9.

Терещенко Нина Никитична, 1935;

1956–1959. Приемщик-отправитель. ЦУ.

Терещенко Валерий Николаевич, 1946; 1979–1983.

Терихов Юрий Иванович, 1939;

1973–1977. Ст. инж. технич. отд. Ген. дир.

Терихова Капитолина Петровна, 1936; 1973–1978. Врач-терапевт. ЦБ.

Термосесов Вячеслав Михайлович, 1946; 1976–1982. Ст. инж. ПКУ.

Терновский Виктор Викторович, 1942; 1981–1987.

Теряев Юрий Васильевич, 1929; 1962–1966. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 9.

Тимофеев Николай Константинович, 1905; 1956–1960. Гл. мех. шахты. Об. 36.

Тимофеев Владимир Иванович, 1921; 1956–1958. Инсп. отд. Об. 2.

Тимофеев Анатолий Александрович, 1931; 1959–1964. Инж.-технолог цеха; инженер пятого цеха. Об. 102.

Тимофеев Михаил Николаевич, 1914;

1961–1964. Ст. инж. ПТО, ОКСа. Об. 9.

Тимофеев Николай Семенович, 1932; 1972–1978. Ст. горн. инж. НИИ.

Тимофеев Иван Яковлевич, 1920; 1977–1982. Ст. инсп. отд. кадров.

Тимофеев Николай Иванович, 1927; 1980–1986.

Тимофеева Мария Григорьевна, 1916; 1956–1958. Отправитель цеха.

Тимофеева Лидия Ефимовна, 1927;

1980–1982. Нач. расчетного отдела

(при сов. члене правления). Ген. дир.

Тимошевский Павел Николаевич, 1943;

1976–1978. Ст. инсп. отд. кадров. Ген. дир.

Тимухин Михаил Иванович, 1928;

1964–1968. Ст. инсп. отд. ЦУ.

Типашев Валентин Петрович, 1926;

1972–1976. Ст. инсп. секретн. отд. Ген. дир.

Титков Владимир Иосифович, 1920;

1958–1960. Шофер-мех. ЦУ.

Титков Анатолий Николаевич, 1948; 1979–1985.

Титкова Антонина Павловна, 1922; 1958–1960. Ст. бух. ЦУ.

Титов Олег Иванович, 1927;

1959–1962. Ст. инж.-гидрогеол. Об. 9.

Титов Григорий Матвеевич, 1925;

1964–1966. Ст. инж. ПТО.

Титов Владимир Иванович, 1931;

1965–1968. Ст. инсп. секретн. отд. ЦУ.

Титов Леонид Михайлович, 1936;

1966–1973. Ст. инж. ПТО. НИИ.

Титова Антонина Станиславовна, 1927;

1959–1962. Учетчик; зав. клубом. Об. 9.

Тихомиров Юрий Иванович, 1929;

1962–1965. Ст. инсп. фельдсвязи. ЦУ.

Тихоненко Виктор Анатольевич, 1956; 1981–1983.

Тихонов Николай Михайлович, 1917; 1956–1960. Нач. смены хим. цеха, цеха опроб., ОТК цеха. Об. 102.

Тихонов Владимир Юрьевич, 1949; 1981–1987.

Тихонов Владимир Александрович, 1923;

1948–1954; 1966–1972. Ст. инж.-геол. отд. РУ № 9.

Тихонова Алевтина Алексеевна, 1941;

1987–1981. Врач санчасти РУ Пайцдорф.

Тишукوف Михаил Николаевич, 1924;

1971–1976. Ст. инж.-геол. Саксонс. ГРП. ЦГРЭ.

Тищенко Александр Георгиевич, 1932;

1954–1957. См. контролер ОТК;

нач. цеха гравит. Об. 129.

Ткаченко Георгий Викентьевич, 1911;

1954–1956. Нач. Объекта. Об. 94.

Ткаченко Неонила Сергеевна, 1929;

1954–1955. Зав. д/с; врач-терапевт. Об. 94.

Ткаченко Евгений Павлович, 1928;

1968–1972. Ст. инж.-геол. ш. № 367. РУ.

Токарев Борис Дмитриевич, 1930;

1977–1981. Ст. инж.-геол. Тюрингенская ГРП.

Токарев Николай Никитович, 1939;

1979–1982. Ст. инж. по горн. раб. Рудник Ройст.

Токарев Иван Васильевич, 1929;

1952–1957; 1960–1965; 1971–1976. Гл. инж.-геол., зам. нач. 22-го отд. РУ № 9. Об. 94.

Токарева Елена Федоровна, 1930;

1958–1963. Ст. бух. ЦУ.

Токарь Юрий Гаврилович, 1929;

1958–1963. Инж. по опроб. отд. приемки;

технолог ф-ки № 93.

Толкачев Иван Игорьевич, 1918;

1955–1959. Ст. инж. строитель 7-го отдел.; нач. ОКСа. Об. 17.

Толкачев Вячеслав Иванович, 1939; 1973–1978. Ст. инж. обогат. отд.; ст. инж.-руков. ПКУ.

Толкачев Анатолий Евгеньевич, 1944; 1982–1987.

Толмачев Игорь Иннокентьевич, 1927;

1951–1955; 1971–1976. Ст. инж.-геол. объекта. Об. 111 ЦГРЭ.

Толокчко Майя Николаевна, 1933; 1956–1958.

Техн.-учетчик гот. прод. цеха опроб. ОТК. Об. 9.

Толочко Михаил Кириллович, 1929;

1955–1958; 1967–1972. Ст. инж. ПТО; горн.

инж.; ст. контролер ОТК ш. № 38. Об. 9 ЦУ.

Томельгас Виктор Александрович, 1936;

1976–1980. Ст. инж. ЭВЦ. Ген. дир.

Томилов Николай Макарович, 1932;

1970–1976. Ст. инж.-строитель ПКУ. ПКУ.

Тонких Леонид Александрович, 1927;

1956–1958. Нач. горн. отд. Об. 90.

Торгашев Михаил Васильевич, 1917;

1958–1962. Зав. терап. отдел. ЦБ.

Торгашева Вера Сергеевна, 1925;

1959–1961. Инсп. спецотд.; бух. ЦУ.

Тормышев Леонид Михайлович, 1926;

1971–1982. Гл. инж. Ген. дир.

Травкина Лидия Ивановна, 1933;

1966–1970. Машинистка секретн. отдел. ЦУ.

Трапезников Татьяна Николаевна, 1936;

1960–1962. Хим.-аналитик.

Трапенок Николай Михайлович, 1929;

1958–1963. Главный инж. шахты;

старший инженер ПТО. Об. 90.

Третьяков Михаил Федосеевич, 1911;

1955–1957. Зам. нач. план. отд. Упр.

Третьяков Александр Васильевич, 1930;

1967–1968. Ст. инж. по технич. разведке. ЦГРЭ.

Трефилов Юрий Васильевич, 1929;

1958–1962. Ст. инж. проекта группы. Упр.

Тронза Иван Семенович, 1909; 1956–1960.

Нач. конструкторского бюро. Упр.

Трофимов Дмитрий Петрович, 1929;

1971–1977. Нач. ОКСа. ЦУ.

Троценко Анатолий Константинович, 1929;

1969–1973. Ст. инж. ПТО. РУ № 90.

Трошин Владимир Степанович, 1933;

1964–1968. Переводчик-инсп. Об. 90.

Трошичев Борис Анатольевич, 1934;

1963–1967. Ст. инженер-геолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.

Трошков Георгий Алексеевич, 1931;

1955–1957. Инж.-геоф. ш. № 241. Об. 9.

Трунов Владимир Ефимович, 1916;

1954–1953. Ст. инж. кабельной группы. Упр.

Трунов Семен Зиновьевич, 1911;

1956–1961. Нач. геол. отд. ЦУ.

Трунова Евгения Евгеньевна, 1917;

1954–1957. Секретарь-машинистка. Упр.

Трунов Евгений Васильевич, 1923;

1954–1957. Инж.-геол. шахты. Об. 118.

Трусов Виктор Данилович, 1938; 1969–1974;

1978–1984. Руков. отд. ПКУ; ст. инж. технич.отд.

Трутько Валентина Васильевна, 1932;

1955–1957. Инж.-геол. Экспедиция № 2.

Труш Иван Артемьевич, 1928;

1958–1961. Ст. инж.-технолог. Об. 101.

Тугов Станислав Сергеевич, 1925;

1954–1957. Нач. смены хим. цеха. 4-е Упр.

Тузик Александр Николаевич, 1933;

1971–1979. Оказание технич. помощи.

Тузов Алексей Николаевич, 1924;

1975–1975. Оказание технич. помощи.

Тулинова Майя Алексеевна, 1937;

1958–1960. Машинистка-стенографистка. ЦУ.

Тулисов Николай Владимирович, 1934; 1970–1976. Ст. инж. ПКУ.

Тумаров Хасян Ибрагимович, 1932; 1976–1982. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.

Туралина Галина Михайловна, 1946;

1969–1975. Переводчица ПТО;

инспектор секретного отдела. ЦУ.

Туркин Леонид Андреевич, 1935;

1974–1979. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ.

Турковская Зоя Семеновна, 1938; 1977–1981.

Туров Александр Павлович, 1936; 1979–1984.

Турусов Владимир Михайлович, 1941;

1956–1981. Ст. инж.-геол. ш. № 366. РУ № 9.

Тыква Григорий Григорьевич, 1919;

1955–1957. Гл. маркш. Объекта. Об. 1.

Тыква Клавдия Михайловна, 1924;

1955–1957. Секретарь-машинистка. Об. 1.

Тычинин Евгений Степанович, 1930;

1954–1957. Ст. радиотехник мастерской. Об. 129.

Тюленев Вячеслав Михайлович, 1933; 1976–1982.

Тюлотин Юрий Васильевич, 1949;

1981–1988.

Тюпа Николай Петрович, 1928;

1963–1967. Ст. инж.-экон. ЦУ.

Тюренков Николай Тимофеевич, 1924;

1958–1961; 1969–1973. Инспектор отдела фельдсвязи. ЦУ.

Тюренкова Мария Ильинична, 1923;

ст. инсп. ПТО. **Фоминых Валерий Дмитриевич**, 1927; 1969–1976. Нач. план. отд. ЦУ. **Фомицкая Клавдия Лукьяновна**, 1930; 1955–1956. Инж.-геол. Об. 94. **Фомичев Леонид Хрисанфович**, 1914; 1961–1963. Гл. маркш. ПТО. ЦУ. **Фомичев Николай Григорьевич**, 1920; 1961–1964. Директор ДК. ЦУ. **Фомушкин Михаил Петрович**, 1919; 1960–1962. Ст. инсп. ОК. ЦУ. **Фролов Виктор Васильевич**, 1924; 1955–1959. Ст. экон.-финансист. ЦУ. **Фролов Рудольф Андреевич**, 1926; 1963–1965. Ст. инсп. отд. режима и охраны. Об. 90. **Фролов Юрий Михайлович**, 1927; 1973–1977. Ст. инж. горн. мех. отд. ПКУ. **Фролов Федор Филиппович**, 1938; 1977–1982. **Фролова Тамара Серафимовна**, 1934; 1966–1968. Машинистка. Об. 9. **Фролова Лидия Анисимовна**, 1927; 1973–1978. Врач-педиатр. РУ № 9. **Фундерат Алла Петровна**, 1934; 1954–1957. Лаборант. Об. 21. **Фыгин Алексей Гаврилович**, 1908; 1964–1967. Ст. инж. горн. отдел. Об. 90.

Х

Хабаров Юрий Александрович, 1923; 1978–1978; 1986–1986. **Хабулиана Акакий Терентьевич**, 1916; 1966–1968. **Хаваев Василий Никитович**, 1914; 1960–1964. Шофер-мех. автобазы. ЦУ. **Хазов Руф Андреевич**, 1930; 1971–1974. Ст. инж.-геол. шахты. РУ № 9. **Хальнов Виктор Васильевич**, 1912; 1949–1954; 1956–1960; 1964–1965. Гл. инж. ф-ки. Об. 38. **Харичков Юрий Николаевич**, 1928; 1963–1968. Гл. технолог, инж. по опроб.; ст. инж. отд. **Харламов Евгений Игнатьевич**, 1930; 1954–1958. Технолог цеха гравит.; нач. Объекта; нач. ОТК. Об. 32. Об. 49. **Харьковченко Виктор Прокофьевич**, 1909; 1955–1958. Ст. инж. рудной геол.; инж. минералог. отд. 1-е Упр. **Харьковченко (Ткаченко) Екатерина Андреевна**, 1911; 1956–1958. Ст. инж.-технолог лаб. Об. 36. **Харюткин Александр Леонидович**, 1914; 1969–1974. Нач. секретн. отд. РУ № 9. **Хахонина Н.В.**, 1926; 1962–1965. **Хвалин Николай Георгиевич**, 1922; 1958–1963. Ст. инсп. ПТО; нач. ОТК. Упр. **Хвостов Иван Тимофеевич**, 1905; 1958–1961. Ст. инж. экон. отд. Об. 36. **Хлебников Борис Николаевич**, 1943; 1966–1976. Переводчик-инсп.; гл. бух. ЦУ. **Хмелевских Владимир Павлович**, 1928; 1954–1957. Нач. службы водоснабж.; ст. инж. по рационализ. ПТО. Об. 96. **Хныкин Виталий Федорович**, 1932; 1970–1976. Оказание технич. помощи; ст. инж.-геоф. НИИ. **Ходаков Игорь Константинович**, 1932; 1966–1971; 1976–1981. Ст. инж. ОКСа; инж. технич. отд.; зам. нач. технич. отд. Ген. дир. **Ходяков Виктор Петрович**, 1927; 1955–1959. Горн. техник; ст. контролер ОТК шахты. Об. 9. **Холин Иван Ефимович**, 1923; 1976–1981. Ст. инсп.; нач. ОК. ЦУ. **Холмецкий Николай Васильевич**, 1931;

1962–1964. Ст. геоф. отд. ЦУ. Об. 9. **Холмогорский Леонард Николаевич**, 1925; 1963–1968. Ст. горн. инж. ПТО. Об. 90. **Хоменко Валерий Андреевич**, 1939; 1982–1986. **Хомчик Леонид Михайлович**, 1929; 1954–1959. Инж.-геоф. шахты. Об. 9. **Хомчик Людмила Михайловна**, 1932; 1955–1959. Горн. инж. ГРП. Об. 9. **Хомяков Николай Андрианович**, 1928; 1982–1988. **Хорева Александра Павловна**, 1928; 1962–1966. Машинистка секретн. отд.; инж. секретн. делопроизводства. ЦУ. **Хорошаев Игорь Васильевич**, 1930; 1955–1954. Референт по информации; переводчик-секретарь. Об. 6. **Хорошев Василий Алексеевич**, 1929; 1978–1979. **Хорошилов Алексей Иванович**, 1931; 1951–1955; 1977–1984. Горн. инж.; техник-геол. Ген. дир. Об. 118. **Хорунжая Людмила Петровна**, 1931; 1955–1958. Инж.-геол. шахты. Упр. **Хосанов Шамиль Хаусаинович**, 1926; 1966–1971. Ст. инсп. первого отд. Упр. **Хосроев Батрадз Тотрадзович**, 1922; 1963–1968. Инж. по опроб. Отд. приемки. **Хохлов Владимир Владимирович**, 1920; 1974–1976. Оказание технич. помощи. **Хочинков Владимир Алексеевич**, 1930; 1976–1976. **Храбров Николай Александрович**, 1926; 1963–1968; 1973–1979. Ст. инженер-геолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Храпов Василий Алексеевич**, 1930; 1973–1979. Инж. по опроб. ОТК. Об. 102. **Хренов Николай Арсеньевич**, 1912; 1956–1959. Ст. инж. охраны и режима. ЦУ. Об. 90. **Христьяновская Вера Сергеевна**, 1920; 1956–1958. Машинистка отдела новой техники. 3-е Упр. **Христюк Сергей Васильевич**, 1942; 1980–1986. **Хромченко Зинаида Васильевна**, 1934; 1966–1969. Инж.-хим.-аналитик хим. лаб. **Хропова Людмила Васильевна**, 1927; 1954–1955. Сан. врач. Об. 83. **Хрыкова Елена Викторовна**, 1954; 1978–1979. Машинистка-стенографистка секретн. отд. **Хрычев Анатолий Николаевич**, 1937; 1975–1976. Оказание технич. помощи. **Хрящев Евгений Владимирович**, 1946; 1974–1975. **Худаков Виктор Алексеевич**, 1931; 1971–1977. Ст. геоф. проекта; ст. инж.-технолог. ПКУ. **Худяков Евгений Иванович**, 1934; 1980–1980. **Худяков Борис Платонович**, 1932; 1955–1957; 1967–1972. Ст. инж.-геол. партии. РУ № 9. **Хухлаев Владимир Леонидович**, 1923; 1949–1955; 1968–1968. Оказание технич. помощи; инж.-экон. отд. Упр. **Хухлаева Лидия Михайловна**, 1945; 1976–1979. Врач-педиатр. ЦБ. **Хухрев Юрий Гаврилович**, 1939; 1968–1972. Шофер-мех. автобазы. ЦУ.

Ц

Цалок Юрий Павлович, 1933; 1955–1968. Инж.-геол. шахты. ПРЭ. **Царюк Леонид Васильевич**, 1930; 1969–1975. Ст. инж.-геол. завода. **Цветков Владимир Михайлович**, 1932; 1958–1960. Инж. **Цветкова Елизавета Михайловна**, 1925; 1954–1957. Медсестра-акушер; ст. медсестра. Упр. в/ч. ЦБ. **Цвирова Любовь Алексеевна**, 1958; 1984–1986.

Цейтер Александр Александрович, 1930; 1954–1957. Гл. мех. шахты; инж.-электр.; ст. инж.-мех. шахты. Об. 131. **Целугин Александр Иванович**, 1929; 1960–1963. Инж.-техник; ст. инж. ОТК. Об. 102. **Цикаленко Николай Иванович**, 1928; 1965–1970. Ст. инж. командир партии. ЦГРЭ. **Цуппингер Александр Ростиславович**, 1930; 1974–1979. Ст. инж. по рудн. геол. **Цурка Владимир Филлипович**, 1963; 1972–1975. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ. **Цыбайкин Александр Григорьевич**, 1913; 1967–1972. Ст. командир секретн. отд.; нач. секретн. отд. ЦУ. **Цыбиков Дмитрий Намсараевич**, 1926; 1956–1961. Главный геолог шахты; инж.-геол. шахты. Упр. **Цыбульская Мария Станиславовна**, 1915; 1958–1973. Многократные выезды. **Цыгалов Михаил Николаевич**, 1924; 1962–1966. Горн. инж. ПТО; нач. горной лаборатории. Упр. № 3. **Цырульников Валентин Михайлович**, 1929; 1974–1979. Ст. инж.-геол. РУ.

Ч

Чайкин Александр Алексеевич, 1930; 1964–1970. Ст. инж.-гидрогеол. отд. Об. 90. **Чапкович Олег Сергеевич**, 1940; 1984–1989; 1967–1972, гл геофизик; 1982–84, глав. геоф. рудоупр. Пайддорф; 1984–1989, главный геофизик СГАО «Висмут». **Чебочакова Мария Ивановна**, 1929; 1954–1956. Медсестра; зам. др. работ. Упр. **Чевашова Галина Леонидовна**, 1915; 1958–1961. Ст. инж.-исследователь; ст. инж.-технолог технологического отдела, лаборатории. Об. 36. **Чевордаев Юрий Петрович**, 1931; 1954–1957. Инж. гидрогеол. партии. Об. 129. **Чекмезов Борис Яковлевич**, 1922; 1952–1956; 1960–2962. Ст. инж.-геол. по подсчету запасов; инж.-методист. Об. 102. **Чекушкин Владимир Дмитриевич**, 1937; 1972–1976. Оказание технич. помощи. **Челнокова Раида Дмитриевна**, 1926; 1964–1967. Ст. бух. ЦУ. **Челюскина Нина Алексеевна**, 1927; 1976–1980. Ст. машинистка-секретарь. РУ № 9. **Чепурик Алексей Георгиевич**, 1930; 1954–1955. Инж.-геол. шахты. Об. 131. **Чередник Александра Григорьевна**, 1935; 1954–1956. Лаборант. Об. 21. **Чередниченко Николай Иосифович**, 1987; 1976–1981. **Черепанов Владимир Михайлович**, 1932; 1968–1972. Инж. по опроб. **Черепанов Геннадий Степанович**, 1927; 1951–1952; 1969–1975. Ст. инженер; руков. горн. лаборатории НИИ. **Черепенко Анна Трофимовна**, 1925; 1956–1961. Товарн. лаб.; хим.-аналитик. Об. 36. **Черепков Федор Иванович**, 1925; 1956–1961. Инж.-экон. по рудн. экспл. Упр. **Черкасский Иван Петрович**, 1901; 1954–1955. Мех. хим. цеха. **Черкашин Игорь Александрович**, 1938; 1974–1982. Оказание технич. помощи. **Черненко Екатерина Александровна**, 1904; 1954–1955. Хим.-аналитик; техник-конструктор. Об. 80. **Чернов Михаил Павлович**, 1920; 1961–1966. Зам. нач. технич. отд.; ст. инж. ПТО. Об. 90. **Чернов Михаил Львович**, 1943; 1970–1977. Оказание технич. помощи.

Чернов Михаил Васильевич, 1950; 1978–1983. **Чернов Анатолий Петрович**, 1939; 1971–1971; 1981–1982. Оказание технич. помощи. **Чернова Екатерина Ивановна**, 1920; 1971–1973. Оказание технич. помощи. **Черноусов Григорий Петрович**, 1939; ????-1990. Гл. геолог рудника Беервальде. **Черноусов Николай Петрович**, 1921; 1958–1960. Ст. инж. хим. лаб. Об. 102. **Чернуха Феликс Петрович**, 1934; 1977–1982. Ст. инж.-исслед. произв. лаб. **Черный Владимир Кириллович**, 1911; 1955–1956. Нач. шахты ПТО. Об. 17. **Черных Иван Тимофеевич**, 1916; 1957–1959. Зам. нач. план. отд. Об. 9. **Черных Леонид Васильевич**, 1941; 1979–1984. **Чернышев Николай Аркадьевич**, 1928; 1955–1956. Ст. инсп. отд. кадров. Эксп. № 2. **Чернышев Альберт Иванович**, 1939; 1967–1972. Переводчик ПТО. ЦУ. **Чернышев Валентин Егорович**, 1928; 1968–1973. Ст. горн. инж. ПТО. **Чернышева Валентина Васильевна**, 1928; 1955–1956. Экон.-инж. Об. 90. **Чернышева Елизавета Павловна**, 1918; 1967–1971. Инсп.-машинистка отд. кадров Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ. **Чернышевич Евгений Викторович**, 1933; 1978–1984. Ст. инж. ГРП; инж.-геол. **Черныхов Виктор Васильевич**, 1929; 1966–1969. Оказание технич. помощи. **Чертова Глафира Степановна**, 1930; 1970–1972. Машинистка. РУ № 9. **Черток Владимир Васильевич**, 1940; 1971–1974. Оказание технич. помощи. **Чеснов Юрий Александрович**, 1930; 1971–1971. Оказание технич. помощи. **Чесноков Иван Степанович**, 1911; 1966–1971. Ст. инженер ОКСа; гл. инженер РУ; начальник ОКСа. ЦУ. **Чесноков Леонид Вячеславович**, 1938; 1974–1981. Оказание технич. помощи. **Чеснокова Антонина Кузьминична**, 1925; 1954–1958. Переводчик нем. яз.; руков. отд. самостоятельности. Упр. **Чечеткин Петр Васильевич**, 1930; 1966–1973; 1979–1986. Инж.-геол.; гл. инж.-геол. отдел.; шахты. Об. 90. **Чечеткина Эмилия Яковлевна**, 1932; 1967–1973. Врач санчасти; врач-терапевт. РУ № 90.

Чибисова Светлана Николаевна, 1931; 1954–1957. Инж.-маркш.; ст. инж. службы информации. Об. 94. **Чибисова Нина Сергеевна**, 1955; 1981–1983. **Чигогидзе Александр Сильвестрович**, 1928; 1951–1957; 1963–1969. Инж.-геол. отдел. Об. 9. Об. 129. **Чижова Мария Григорьевна**, 1908; 1957–1961. Машинистка; инсп. ОК. ЦУ. **Чикаев Алексей Федорович**, 1919; 1966–1973. Нач. сметного отд. проектн. конторы. Упр. **Чикина Анастасия Никифоровна**, 1914; 1956–1957. См. инж. технологической лаборатории. Об. 36. **Чикул Юрий Иванович**, 1933; 1963–1969. Оказание технич. помощи. **Чиненков Сергей Финиестович**, 1910; 1956–1960. Нач. геол. отд. Об. 9. **Чиненкова Раиса Павловна**, 1916; 1956–1960. Ст. бух.; ст. экон. план. отд. Об. 9. **Чирук Георгий Николаевич**, 1926; 1956–1963. Инж.-геол. шахты. Об. 9. **Чирук (Землянова) Анастасия Дмитриевна**,

1922; 1958–1963. Учетч. ОТК; техн. по уч. Об. 9. **Чистов Леонид Борисович**, 1934; 1972–1972. Оказание технич. помощи. **Чистов Юрий Николаевич**, 1931; 1975–1980. **Чистяков Михаил Ефимович**, 1911; 1963–1966. Ст. горн. инж. ПТО. ЦУ. **Чихладзе Владимир Вахтангович**, 1942; 1979–1982. Ст. инж.-технолог. **Чуб Иван Ильич**, 1909; 1963–1966. Ст. инж. проектной конторы; ст. инж. ОКСа; ПТО; по горн. работе рудника. **Чубанова Геннадий Егорович**, 1931; 1963–1966. Ст. инженер-технолог химического цеха. Об. 101. **Чубанова Лариса Николаевна**, 1953; 1986–1987. **Чувилин Анатолий Максимович**, 1938; 1971–1987. Оказание технич. помощи. **Чугунов Петр Константинович**, 1922; 1958–1961. Ст. бух. РУ. Об. 9. **Чуджемов Георгий Леонидович**, 1929; 1953–1957; 1963–1968. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 131. Об. 9. **Чудиновский (Чудиновских ?) Виталий Николаевич**, 1938; 1978–1984. Ст. инж.-геолог Саксонской партии. Комплексная ГРП. **Чуева Пелагея Александровна**, 1936; 1955–1957. Техник-хим.-аналитик; ст. лаборант Объекта. Об. 21 Об. 36. **Чуманов Виктор Игнатьевич**, 1923; 1963–1968. Ст. инж.-геол. отд. ЦГРЭ. **Чумаченко Владимир Викторович**, ????. 1984-1989. Гл. инж. ш. № 4 рудника Пайддорф; ст. инж. произв. отд. ГД. **Чумаченко Маргарита Эдуардовна**, ????. 1984-1989. Директор Дома школьника. **Чумаченко Борис Алексеевич**, 1937; 1969–1975. Оказание технич. помощи. **Чумаченко Анатолий Максимович**, 1927; 1971–1977. Оказание технич. помощи. РУ № 9. **Чумаченко Зоя Николаевна**, 1927; 1971–1977. Зав. парт. кабинетом. Ген. дирекция. **Чунин Михаил Поликарпович**. В 1949–1954 — капитан, админ. Объект 2. **Чупкунов Рашид Насирович**, 1919; 1966–1967. Оказание технич. помощи. **Чуприн Владимир Петрович**, 1950; 1979–1984. **Чуриков Юрий Александрович**, 1933; 1963–1967. Ст. инженер, начальник санитарно-гигиен. отдела. ГД. **Чурин Александр Иванович**, 1907; 1965–1965. **Чутриков Юрий Дмитриевич**, 1932; 1956–1967. Оказание технич. помощи.

Ш

Шабадахов Валентин Николаевич, 1933; 1981–1987. **Шабадахов Игорь Александрович**, 1935; 1985–1987. **Шабанов Игорь Николаевич**, 1951; 1983–1987. **Шабалин Валентин Николаевич**, 1933; 1981–1984. Ст. инж.-геоф. Комплексная ГРП. **Шалдов Иван Григорьевич**, 1909; 1955–1959. Нач. обогат ф-ки. Упр. Об. 36. **Шальнов Николай Алексеевич**, 1930; 1955–1975. Оказание технич. помощи. **Шамов Алексей Иванович**, 1936; 1974–1979. Оказание технич. помощи. **Шандьба Владимир Иванович**, 1950; 1982–1988. **Шанин Геннадий Алексеевич**, 1938; 1982–1986. **Шанина Валентина Ивановна**, 1928; 1955–1956. Секретарь-машинистка;

чертежник. Упр. **Шапалов Виталий Васильевич**, 1934; 1977–1984. Нач. отд. **Шапенко Владимир Васильевич**, 1948; 1983–1988. **Шапилов Станислав Васильевич**, 1931; 1954–1957. Инж.-геоф. шахты. Об. 90. **Шапилова Наталья Васильевна**, 1954; 1978–1981. **Шаповалов Владимир Алексеевич**, 1943; 1973–1979. Переводчик-инсп. РУ. **Шапошников Митрофан Климович**, 1911; 1968–1973. Ст. инсп.-геол. РУ № 90. **Шаранов Виктор Матвеевич**, 1933; 1965–1971. Ст. инсп. отд. охраны и режима. ЦУ. **Шаранов Александр Федорович**, 1950; 1982–1988. **Шарапов Геннадий Александрович**, ????. Гл. технолог завода № 102. **Шарапов Петр Федорович**, 1917; 1956–1959. Гл. инж. шахты; ст. инж.-дисп. Об. 90. **Шарапов Александр Григорьевич**, 1911; 1962–1964. Нач. секретн. отд. Об. 36. **Шарапова Варвара Михайловна**, 1916; 1962–1964. Бух. расчгн. отд. ЦУ. **Шаров Александр Васильевич**, 1925; 1954–1959. Референт отдела; начальник отдела в Берлине. Упр. **Шаров Евгений Александрович**, 1936; 1969–1975. Ст. инж. отдела. ЦУ. **Шарова Людмила Александровна**, 1926; 1956–1959. Врач-терапевт. **Шарова Тамара Яковлевна**, 1923; 1958–1961. Ст. машинистка спецотд. ЦУ. **Шаталов Валентин Васильевич**, 1938; 1963–1967. Инж. по опроб.; ст. инж.-исслед. Об. 102. **Шаталов Виталий Васильевич**, 1934; 1977–1981. Нач. технолог. отд. Ген. дир. **Шаталова Зинаида Георгиевна**, 1931; 1983–1985. **Шатохин Алексей Максимович**, 1940; 1981–1987. **Шатров Геннадий Дмитриевич**, 1921; 1954–1954. Гл. нач. производ. отд.; зам. нач. управления. 4-е Упр. **Шатров Вячеслав Павлович**, 1930; 1954–1956. Референт отдела. **Шатрова Валентина Михайловна**, 1927; 1954–1956. Ст. лаборант цеха. Упр. в/ч. **Шафранов Николай Константинович**, 1915; 1975–1975. **Шахворостов Леонид Алексеевич**, 1939; 1973–1974. Оказание технич. помощи. **Шахнович Юрий Леонидович**, 1922; 1965–1968. Оказание технич. помощи. **Шведов Виктор Николаевич**, 1916; 1969–1972. Нач. секретн. отд.; ст. инж. **Шведов Григорий Иванович**, 1927; 1975–1978. Нач. смены гравит. цеха; нач. хим. цеха. Об. 60. **Шведова Зоя Сергеевна**, 1929; 1954–1956. Ст. контролер ОТК. Об. 38. **Швец Владимир Михайлович**, 1929; 1983–1986. **Швец-Шуст Федор Митрофанович**, 1916; 1955–1957. Гл. геол. шахты. 1-е Упр. **Шебашев Владимир Дмитриевич**, 1926; 1955–1956. Горн. инж.; зав. шахтой. Об. 94. **Шевкунов Иван Иванович**, 1935; 1975–1980. **Шевченко Надежда Ивановна**, 1931; 1955–1957. Техник-строитель. **Шевченко Леонид Данилович**, 1928; 1963–1966. Оказание технич. помощи. **Шевченко Игорь Захарович**, 1942; 1974–1979. Ст. инж.-технолог. Об. 102. **Шевченко Борис Федорович**, 1929;

1978–1981. Гл. инж. РУ Пайцдорф.
Шевченко Михаил Максимович, 1926; 1979–1985.
Шевырев Иван Андреевич, 1936; 1973–1979. Оказание технич. помощи.
Шевяков Федор Николаевич, 1919; 1956–1957. Ст. референт Объекта. Об. 17.
Шевякова Валентина Ефимовна, 1932; 1955–1959. Инж.-экон.; нач. план. отд. Об. 6.
Шенякова Галина Михайловна, 1920; 1956–1957. Секретарь-переводчик. Об. 17.
Шеин Владимир Николаевич, 1927; 1964–1967. Шофер-мех. ЦУ.
Шелякина Пелагея Дмитриевна, 1923; 1958–1959. Медсестра; зав. хим. лаб. ЦБ.
Шеляпин Алексей Павлович, 1909; 1960–1963. Ст. инж.-маркш.; руков. лаб. Об. 90.
Шемякин Юрий Михайлович, 1929; 1979–1984.
Шемякина Валентина Семеновна, 1929; 1959–1961. Врач-стоматолог. ЦУ.
Шенгор Юрий Анатольевич, 1932; 1958–1963; 1965–1971. Ст. инж.-геол. шахты. РУ № 9.
Шепелев Василий Дмитриевич, 1930; 1954–1956. Нач. смены; нач. ОТК объекта. Об. 32.
Шепелев Сергей Дмитриевич, 1912; 1955–1957. Ст. инсп. отд. охраны и режима. Проект. Упр.
Шепелев Геннадий Иванович, 1941; 1970–1972. Оказание технич. помощи.
Шепелев-Мальшев Тимофей Васильевич, 1907; 1958–1961. Ст. инж. спецотд. Об. 9.
Шереметьев Борис Владимирович, 1933; 1956–1958. Инсп. спецц. В. Упр.
Шереметьев Михаил Федорович, 1936; 1976–1977.
Шеретнев Андрей Васильевич, 1907; 1957–1961. Зам. нач. ОНТЗ. ЦУ.
Шерстнева Елизавета Васильевна, 1908; 1957–1961. Ст. бух. баланса. ЦУ.
Шерченков Анатолий Алексеевич, 1925; 1958–1962. Инж. по опроб.
Шестакова Вера Петровна, 1926; 1954–1955. Инсп. спецотд. Об. 94.
Шилин Алексей Иванович, 1933; 1955–1959. Инж.-обогадатель. Об. 101.
Шилин Дмитрий Александрович, 1917; 1977–1985.
Шилина Римма Петровна, 1934; 1955–1959. Ст. лаборант.
Шилов Александр Семенович, 1921; 1957–1962; 1966–1971. Ст. инженер-геолог; инж.-геофизик. Упр.
Шиловский Павел Петрович, 1931; 1967–1972; 1975–1986. Оказание технич. помощи.
Шильников Василий Андреевич, 1914; 1963–1968. Ст. инж. ПТО. Об. 9.
Шиляева Вера Павловна, 1912; 1955–1957. Инж.-экон. отд. Об. 129.
Шиляева Алевтина Сергеевна, 1949; 1980–1083.
Шинкарев Егор Степанович, 1928; 1968–1973. Ст. инж.-геол. шахты. РУ № 9.
Шипов Виталий Владимирович, 1925; 1959–1963. Переводчик-инсп. ЦУ.
Шипов Stanisлав Валерьянович, 1937; 1971–1975. Оказание технич. помощи.
Широбокова Тамара Ивановна, 1933; 1955–1957. Инж.-геол. Об. 90.
Широких Леонид Дмитриевич, 1926; 1959–1962. Технолог цеха. Об. 102.
Широких Вячеслав Алексеевич, 1927; 1966–1968. Ст. инж.-строитель. ПКУ.
Широков Юрий Федорович, 1933; 1955–1958. Инж.-геол. шахты. 1-е Упр.

Широкова Нина Васильевна, 1932; 1955–1958. Инж.-чертежник партии. 1-е Упр.
Широковских Геннадий Ильич, 1935; 1959–1964. Инж.-геоф. шахты. ЦУ; Об. 9.
Ширшакова Нина Кузьминична, 1929; 1980–1983. Ст. машинистка секретн. отд. ГД.
Ширшов Юрий Александрович, 1930; 1951–1955; 1973–1980. Ст. инж. план. отд.; инж.-экон. Об. 131. ГД.
Ширяев Николай Михайлович, 1934; 1954–1958. Ст. техник-контролер ОТК. Об. 131.
Ширяев Виктор Евдокимович, 1923; 1963–1968. Ст. инж.-геол. шахты. ЦУ.
Ширяев Герман Алексеевич, 1938; 1973–1975. Оказание технич. помощи.
Шитарев Вадим Георгиевич, 1928; 1955–1959. Горн. инж.; ст. контролер ОТК. Об. 90.
Шитиков Василий Денисович, 1918; 1965–1968. Ст. инсп. отд. охраны и режима.
Шитов Андрей Сергеевич, 1923; 1979–1985. Ст. инж. ПТО. РУ № 90.
Шишкин Альберт Александрович, 1938; 1962–1970. Переводчик-инсп. ЦУ.
Шишкин Илья Иванович, 1928; 1965–1970. Ст. инж.-геол. ЦГРЭ. Об. 131.
Шишкин Александр Александрович, 1938; 1977–1982. Шофер-мех. автотрансп. отд. ГД.
Шишкин Виктор Николаевич, 1935; 1978–1984. Руков. группы.
Шишкин Александр Николаевич, 1938; 1977–1982. Шофер-мех.
Шिशков Василий Иванович, 1913; 1956–1958. Ст. инсп. отдел. производ. Об. 9.
Шишков Эдуард Константинович, 1929; 1965–1968. Гл. инж. ОКСа. ЦУ.
Шишкова Тамара Алексеевна, 1930; 1954–1958. Ст. лаборант-химик; учетчик ОТК. Об. 9.
Шишкова Анна Ивановна, 1906; 1956–1958. Ст. бух. Об. 9.
Шищенко Анатолий Роменович, 1938; 1965–1969; 1983–1988. Переводчик-инсп. ЦУ.
Шкакин Петр Георгиевич, 1908; 1957–1958. Ст. инсп. ПТО. Упр. № 2.
Шкильный Иван Георгиевич, 1901; 1956–1959. Гл. бух. ЦУ. Об. 90.
Шмаль Анатолий Григорьевич, 1949; 1975–1980.
Шмалько Валентин Андреевич, 1931; 1971–1971. Оказание технич. помощи.
Шматков Олег Петрович, 1944; 1968–1973. Переводчик-инж. план. отд. ЦУ.
Шматков Виктор Семенович, 1939; 1979–1968. Ст. инж.-геол.
Шматов Виктор Семенович, 1939; 1979–1982. Гл. геол. ш. № 410. РУ Пайцдорф.
Шмонин Владимир Леонидович, 1927; 1949–1955; 1963–1972. Нач. шахты; гл. инж. проекта; гл. инж. Об.3. ПКУ.
Шмонов Геннадий Александрович, 1940; 1972–1978. Ст. инж.-геол. РУ.
Шмонов Анатолий Сергеевич, 1932; 1978–1983. Ст. инж. по горн. работам.
Шокина Тамара Алексеевна, 1928; 1954–1956. Инж. отдел. рудн. эксп.; ст. инж.-экон.; инж.-экон. Об. 49.
Шокин Николай Михайлович, 1919; 1962–1963. Зам. нач. втор. ЦУ.
Шопин Савелий Гаврилович, 1916; 1955–1956. Ст. инсп. отд. охраны и режима. Об. 118.
Шпитонков Виктор Петрович, 1929; 1958–1965. Инж. ОТК; горн. инж. Об. 36.
Шрубченко Василий Михайлович, 1935; 1954–1957. Инж.-геол. шахты. Об. 129.

Штепко Дмитрий Дмитриевич, 1909; 1956–1959. Нач. план. отд. Об. 9.
Штро Евгений Константинович, 1929; 1955–1959. Инж.-эл-мех. цеха. Об. 9.
Штыменко Алексей Васильевич, 1907; 1956–1959. Гл. инж. Объекта.
Шуклин Алексей Васильевич, 1936; 1967–1971. Ст. инж.-технолог. Об. 102.
Шуленина Татьяна Владимировна, 1958; 1981–1983. Машинистка секретн. отд. РУ Шмирхау.
Шулика Валерий Петрович, 1914; 1958–1962. Главный инженер проекта перерабатывающих предприятий. 3-е Упр.
Шульгина Лидия Калининковна, 1930; 1954–1957. Нач. смены цеха; ст. инженер по опроб. Об. 75.
Шумейко Октябринна Васильевна, 1937; 1978–1981. Ст. бух. расчетного отдел. (при сов. члене правления). Ген. дир.
Шумилин Игорь Петрович, 1918; 1964–1971.
Шумилин Михаил Владимирович, 1931; 1976–1976. Оказ. технич. помощи.
Шумков Геннадий Федорович, 1932; 1954–1959. Инж.-геоф. Об. 131.
Шунин Иван Константинович, 1913; 1954–1958. Политотд. нач. Упр.
Шунина Екатерина Николаевна, 1912; 1954–1958. Зав. библиотекой. Упр.
Шуринов Виктор Иванович, 1913; 1954–1957. Техник участка; начальник телеграфической станции. Упр.
Шуринова Тамара Михайловна, 1918; 1954–1957. Воспитательница д/с. Упр.
Шуткин Николай Павлович, 1917; 1958–1961. Гл. инж. шахты. Об. 9.
Шутов Николай Михайлович, 1922; 1969–1972. Ст. инсп. связи. ЦУ.

Щ

Щеглова Анна Степановна, 1917; 1954–1958. Зав. бюро выдачи карточек; врач-стоматолог. ЦБ ЦУ.
Щелупинин Георгий Терентьевич, 1922; 1959–1961; 1967–1971. Нач. ОК; ст. инж.-металлург; технолог цеха. ЦУ.
Щелчков Адольф Георгиевич, 1935; 1954–1956. Инж.-геоф. шахты. Об. 94.
Щемелев Сергей Алексеевич, 1932; 1954–1956. Техник-геол. Об. 94.
Щепетильников Алексей Гаврилович, 1923; 1950–1957; 1972–1980. Старший инженер-геолог отдела; инженер-геолог; старший районный инженер; начальник отдела. Об. 118. ЦГРЭ.
Щербак Валентина Тимофеевна, 1919; 1956–1960. Медсестра; хирург. ЦБ.
Щербак Петр Степанович, 1922; 1956–1960. Нач. отдел. кадров. Упр.
Щербаков Владимир Михайлович, 1924; 1962–1967. Старший горный инженер; нач. ОТК. Об. 9.
Щербаков Алексей Семенович, 1932; 1974–1980. Старший инженер-геолог отдела. ЦГРЭ.
Щербакова Сарра Николаевна, 1931; 1975–1975. Оказание технич. помощи.
Щербилин Борис Васильевич, 1935; 1979–1985.
Щетников Леонид Семенович, 1909; 1964–1967. Ст. инж. горн. отдел.; ст. инж. ПТО. Упр.
Щибря Петр Васильевич, 1928; 1959–1962. Ст. горн. инж. ЦУ.

Щуров Вячеслав Прокопьевич, 1929; 1951–1956; 1957–1957. Нач. отд. камер. работ; инж.-геолог. 1-е Упр.

Э

Эртнер Василий Григорьевич, 1930; 1967–1972. Ст. инж.-геоф. ЦГРЭ.

Ю

Юдаков Александр Иванович, 1923; 1974–1978. Старший инженер-геолог Тюрингенской ГРП. ЦГРЭ.
Юдаков Александр Назарович, 1929; 1968–1970; 1972–1975; 1978–1985. Гл. геоф. ревиз. партии. ЦГРЭ.
Юдик Виктор Васильевич, 1923; 1955–1956. Инж.-эл-мех.; гл. мех. куста шахт; ст. инж. отд. Упр. Об. 83.
Юдин Лев Васильевич, 1937; 1973–1977. Ст. инсп. отд. охраны и режима. РУ № 9.
Юдина Татьяна Борисовна, 1947; 1976–1978.
Юзленко Ольга Владимировна, 1926; 1957–1961. Зав. клубом. Об. 9.
Юзленко Терентий Петрович, 1924; 1957–1961; 1969–1974. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 9 РУ № 9.
Юлдашев Ирик Лютфиевич, 1934; 1974-1980, 1987-1990. Ст. геолог горного района ш. № 371 Об. 9, ст. геол. геологического отдела ГД.
Юпатов Владимир Астафьевич, 1932; 1955–1959; 1973–1978. Ст. инж.-геол. шахты. Об. 118.
Юрин Stanisлав Константинович, 1932; 1963–1967; 1971–1976. Ст. инж. отд. охраны и режима. Об. 9 ЦУ.
Юркова Нина Ивановна, 1924; 1956–1960. Инж.-хим. аналитик; хим.-лаборант. Об. 36.

Юркова Вячеслав Сергеевич, 1941; 1973–1978. Ст. инж. проекта ПКУ; ст. инж. строит. отдела.
Юртайкин Юрий Семенович, 1931; 1963–1969; 1971–1972. Оказание тех. помощи; ст. инж.-геол. геол. отд. ЦГРЭ.
Юртов Владимир Иванович, 1925; 1958–1961. Инсп. спецотд.; ОК. ЦУ.
Юрченко Анатолий Тимофеевич, 1930; 1959–1963. Инж.-технолог; см. инж.; нач. иссл. лаб. Об. 101.
Юрченко Анатолий Иванович, 1929; 1971–1973. Оказание технич. помощи.
Юскович Юрий Алексеевич, 1922; 1958–1961. Переводчик-референт; нач. референтуры. ЦУ.
Юскович Нелли Иосифовна, 1933; 1958–1961. Переводчик-секретарь. ЦУ.

Я

Яблоков Валентина Александрович, 1934; 1954–1957. См. контролер ОТК; инж.-технолог. Об. 49.
Ябломенко Мария Игнатъевна, 1930; 1956–1960. Инж.-экон. план. отд. Упр. № 2.
Ягодкин Андрей Николаевич, 1931; 1976–1976. Оказание технич. помощи.
Ягодкин Феликс Игнатъевич, 1935; 1976–1083. Гл. инж. проекта. ПКУ.
Якимов Валентин Александрович, 1932; 1969–1980. Оказание технич. помощи. ПКУ.
Якимов Петр Семенович, 1929; 1971–1979. Оказание тех. пом.; зам. нач. технич. отд. ГД.
Яковлев Владимир Васильевич, 1935; 1954–1957. См. техник-контролер ОТК шахты. Об. 129.
Яковлев Николай Михайлович, 1928; 1962–1966. Инж.-технолог отдел. приемки; зам нач. приемки.
Яковлев Валентина Андреевич, 1944; 1968–1972. Переводчик; инсп.-переводчик секретн. отд. РУ № 90.

Яковлев Михаил Петрович, 1930; 1981–1987. Ст. инж.-шахтостроитель. ЦУ.
Якуткин Вячеслав Николаевич, 1923; 1977–1977.
Якушенко Михаил Владимирович, 1935; 1972-1979; 1985-1991. Ст. инж. горн. отдела; председ. профкома; гл. инж. проекта; гл. инж. Проектн. предпр.
Якушенко Борис Иванович, 1912; 1962–1964. Инж.-технол. предпр. Упр.
Якшин Вадим Михайлович, 1929; 1980–1983.
Яловенко Игорь Петрович, 1933; 1956–1958. Инж.-геол. шахты; петрограф обработки. Об. 1.
Ямщиков Василий Петрович, 1940; 1974–1979. Гл. геоф. шахты.
Янаков Михаил Тимофеевич, 1929; 1968–1973. Ст. инж.-геол. Об. 102.
Янбухтин Темир Кнамльевич, 1935; 1968–1988. Инж.-геоф. Тюринг. ГРП. Об. 90.
Янин Виктор Николаевич, 1946; 1978–1981.
Яншевский Юрий Петрович, 1934; 1975–1975. Оказание технич. помощи.
Яншевский Евгений Михайлович, 1903; 1955–1958. Командировка. Упр.
Янькин Александр Федорович, 1930; 1968–1973; 1979–1983. Ст. инж.-геоф. геол. отд.
Янок Иван Федорович, 1907; 1959–1964. Инж.-хим. Об. 101.
Яременко Евгений Александрович, 1929; 1963–1968. Ст. инж. горн. отд.
Ярославцев Владимир Иванович, 1942; 1978–1984. Ст. инж.-технолог.
Ясноги Светлана Михайловна, 1922; 1955–1956. Инж.-геол. петрограф партии. Экспедиция № 2.
Ястребов Александр Степанович, 1909; 1962–1965. Нач. ПТО. Об. 9.
Ястребов Евгений Александрович, 1931; 1954–1956.
Ястребов Дмитрий Анатольевич, 1941; 1976–1977. Оказание технич. помощи.
Яхно Ярослав Петрович, 1943; 1983–1988.
Яшунин Петр Васильевич, 1913; 1955–1958. Врач. ЦБ.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот Вы, уважаемый читатель, перевернув последние страницы, прочитали нашу книгу. Эта книга — лишь первая попытка в России объяснить и описать историю возникновения, становления и деятельности САО/СГАО «Висмут», крупнейшего уранодобывающего предприятия мира, сыгравшего значительную роль в ликвидации американской монополии на атомное оружие и сохранении мира на Земле. Мы, написавшие эту книгу, не профессиональные историки. Мы — висмутяне и Wismut-Kumpfel, которые работали в «Висмуте» и своим трудом вместе со всем коллективом писали его историю.

* * *

Ветеран «Висмута» В. П. Назаркин, начавший свою работу в 1951 году горным инженером на рудниках Аннаберга, и окончивший трудовой путь в должности первого заместителя генерального директора СГАО «Висмут», сказал на прощальной встрече с товарищами по работе и друзьями:

— Вспоминая прошлое, я хотел бы сказать, что не испытываю сожаления или угрызений совести. Напротив, чувствую моральное удовлетворение. Работали мы дружно, активно исполняли свой гражданский долг в тех условиях. Мы выполняли задания своих правительств.

И выполняли хорошо!

Конечно, были трудности. Были и ошибки при решении производственных и технических проблем. Но эти ошибки происходили чаще всего из-за новизны и сложности самих проблем, из-за отсутствия опыта и аналогов.

Во многом мы были пионерами. Целый ряд проблем впервые был решен в «Висмуте».

Нигде в мире с такой эффективностью, какая была в «Висмуте», не производили уран из столь бедного сырья.

Опыт СГАО «Висмут» в целом ряде случаев является ценным достоянием мировой горной науки и практики. Это не раз отмечалось крупными учеными.

Короче, нам есть чем гордиться.

* * *

Приводим здесь мнение о предприятии СГАО «Висмут», высказанное в письме канадской фирмы «BEAK CONSULTANTS LIMITED» за подписью доктора Donald L. Lush (от 19 июня 1991 года). Эта фирма состоит членом Canadian Environmental Group, пользующейся авторитетом у профессионалов канадской и мировой горной общественности. Письмо адресовано профессору, доктору G. Leonhardt, в Правление консалтинговой

и инженеринговой службы СГАО «Висмут». Письмо написано по результатам обследования предприятий СГАО «Висмут».

«Мы находимся под впечатлением тех достижений, которых достиг Ваш коллектив в области горной техники, которую он разработал и применял. Особо впечатляют Ваши решения в области механики горных пород и предотвращения горных ударов. Члены нашей группы на встречах с канадской горной общественностью расскажут о Вашем положительном опыте.

Западная пресса дает очень негативную картину прежней ГДР и Вашей фирме (СГАО «Висмут» — прим. ред.). Но что касается Вашего предприятия — СГАО «Висмут», то мы считаем такое утверждение несправедливо преувеличенным. То, что мы увидели, — это, в основном, технически высоко совершенные рудники и перерабатывающие предприятия, соответствующие международному уровню.

* * *

Но не только добыча урана была результатом деятельности «Висмута». Не менее важным было и создание атмосферы сотрудничества и дружбы между представителями двух народов, вчера еще — смертельных врагов. Тяжело и медленно забываются обиды и несправедливости, но дух товарищества и уважения, ясность и понятность поставленных целей перед коллективом, хорошо оплачиваемый труд и нормальные социальные условия жизни создали сплоченный советско-германский коллектив общества «Висмут».

Некоторые критики, ерничая по поводу советско-германской дружбы, называли советских специалистов чужаками среди «друзей» (Fremd bei «Freunden»). Но добрые товарищеские отношения, возникавшие между советскими и немецкими специалистами во время их работы в «Висмуте», не только сохранились, но даже укрепились по прошествии времени. Вот почему мы всегда рады встречам, рады крепким дружеским рукопожатиям и воспоминаниям.

Но время неумолимо. Все больше наших товарищей-друзей уходят от нас. Поэтому мы посвятили эту книгу памяти живых и ушедших висмутян. И хотели бы, чтобы лица, ответственные за принятие судьбоносных решений, не бредили старые раны и обиды, а использовали опыт формирования делового сотрудничества и дружеских отношений между людьми, который был выстрадан нашим коллективом на протяжении многих лет после кровавой катастрофы Второй мировой войны.

Огромная горняцкая лампа установлена на самой высокой части культивированного отвала («Schmirchauer Hohe» +373 м) и видна за несколько километров вокруг, а ночью ее свет виден издалека. (Из архива А. Г. Андреева, 2013).

**УРАН И ЛЮДИ.
ИСТОРИЯ СГАО «ВИСМУТ».
1945–1990**

Автор текста и составитель: Андреев Г.Г.

Редакторы: Бородина С.Л., Андреев А.А.

Дизайн и вёрстка: Бородина С.Л.

Подписано в печать XX.XX.22.
Формат 60x90/8. Гарнитура Charter. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Объём 253 п.л.
Тираж XX экз.